

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

V (XXI) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Сборник научных трудов

Барнаул 2017

© ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017

сведения об издании

УДК 902(08)
ББК 63.48я43
П 998

Ответственные редакторы:
академик РАН *А.П. Деревянко*;
доктор исторических наук, профессор *А.А. Тишкин*

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.А. Чиндина;
доктор исторических наук А.Д. Цыбиктаров

П 998

V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул : ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

Научное электронное издание

В сборнике научных трудов отражены материалы докладов, заявленных в программу V (XXI) Всероссийского археологического съезда, который посвящен 180-летию со дня рождения В.В. Радлова и состоится 2–7 октября 2017 г. в Барнауле и Белокурихе.

В нем представлены основные результаты научных исследований по актуальным направлениям развития археологии России и других стран.

*Сборник научных трудов подготовлен и издан при поддержке проекта
Российского фонда фундаментальных исследований №17-01-14048
«Организация и проведение V (XXI) Всероссийского археологического съезда»*

ISBN 978-5-7904-2196-9

© ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017

производственно-технические сведения

Редакторы: Тесленко С.И., Федяева Е.М.

Верстка: Кузеванова М.Ю.

Дата подписания к использованию:

01.08.2017 г.

Объем издания: 36,739 Мб

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)

Тираж 30 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
656049, Барнаул, ул. Ленина, 61

СОДЕРЖАНИЕ

Абакумова О.С. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КНЯЖЕСТВА КОДА.

Абдуллин Х.М. КЛАДЫ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (по материалам отчетов о находках для казанских губернаторов).

Авдусина С.А. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛЫХ СООРУЖЕНИЙ ГНЁЗДОВА (на материалах пойменной части поселения).

Автушкова А.Л. ПРОЕКТ ПО СОЗДАНИЮ ОБОБЩАЮЩЕГО ТРУДА ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ И ЕЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ.

Автушкова А.Л. СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ТРУДЕ И.Г. ГМЕЛИНА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИБИРИ В 1733–1743 гг.».

Агаркова А.Б., Сеянина М.Ю. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ФОНДОВОЙ РАБОТЫ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ И КОЛЛЕКЦИЙ (из опыта работы Сургутского краеведческого музея).

Адамов А.А. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ В XII–XIV вв.

Акимов Д.В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ.

Акимова Е.В. МНОВОВАРИАНТНОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ.

Аксянова Г.А. АНТРОПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ГОРНОГО АЛТАЯ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССАМИ ТЮРКИЗАЦИИ РЕГИОНОВ.

Алаева И.П. ПРОБЛЕМА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.

Алтынбеков К., Досаева Д. КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ (по материалам могильника Туйетас в Восточном Казахстане).

Андреев К.М. РАННИЙ НЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ (елшанская культура).

Андреанова Л.С., Васильева Н.Б. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧАРОНДЫ.

Андрienко А.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСКРЕСЕНСКОЙ СЛОБОДЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА.

Аникеева О.В. ЕГИПЕТСКИЙ ИМПОРТ В КУРГАНАХ ФИЛИППОВСКОГО МОГИЛЬНИКА.

Анойкин А.А. ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА.

Аношко О.М., Берлина С.В., Цембалюк С.И. ОТ ДРЕВНИХ КРЕПОСТЕЙ ДО ПЕРВОЙ СТОЛИЦЫ СИБИРИ: УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ.

Артемяева Н.Г. КАЙЮАНЬ – ВЕРХНЯЯ СТОЛИЦА ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ (1215–1233 гг.).

Асташенкова Е.В., Гельман Е.И. ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА БОХАЯ.

Ахмедов И.Р. ВОИНСКАЯ КУЛЬТУРА РЯЗАНСКИХ ФИННОВ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Ахметгалеева Н.Б. ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА СТОЯНОК ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БЫКИ В ПОСЕЙМЬЕ.

Бабенко В.А. ЗИМНИЕ ПАСТБИЩА КОЧЕВНИКОВ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Бадеев Д.Ю. ПЛАНИРОВКА СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА: НОВЫЕ ДАННЫЕ (по материалам археологических исследований 2011–2016 гг.).

Бакшеева С.Е. ЧЕРЕПИЦА КОНДУЙСКОГО ГОРОДКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ.
Барсуков Е.В. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ КЕТСКОГО ОСТРОГА: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.

Басова Н.В. ЭКСПЕРТИЗА ОТЧЕТОВ ПО ПОЛЕВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В РАМКАХ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ – ОПЫТ ИАЭТ СО РАН.

Батаршев С.В., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. ЗАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЗАЛИВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ (по материалам поселения Воевода-2).

Батаршев С.В., Морева О.Л., Моисеев В.Г., Зубова А.В., Громов А.В., Малков С.С., Кудряшов Д.Г. ПОГРЕБЕНИЯ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ЧЕРЕПАХА-13 В ПРИМОРЬЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Батаршев С.В., Шиповалов А.М., Бондаренко Е.А. МОНИТОРИНГ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ ПО ПРОГРАММЕ ФЦП «КУЛЬТУРА РОССИИ (2012–2018 годы)» в 2015–2016 гг.

Батченко В.С., Клемешов А.С., Малышев А.А. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА.

Бедельбаева М.В. АЛТАЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ В КОЛЛЕКЦИИ А.И. ШРЕНКА.

Белавин А.М. ПРИКАМСКИЙ ЮВЕЛИРНЫЙ ЦЕНТР ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

Белорыбкин Г.Н. ЗОЛОТАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ XI–XIII вв.

Белоусов Р.В., Оборин Ю.В. ФРАГМЕНТ КИТАЙСКОГО ЗЕРКАЛА ЭПОХИ ВОЮЮЩИХ ЦАРСТВ ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ.

Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Рыбин Е.П. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНИКИ ПИКЕТАЖА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ЗОНЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ НУКЛЕУСОВ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОРНОГО АЛТАЯ.

Беляев Л.А., Седов В.В., Чёрная М.П. МОСКВА – СИБИРЬ: АРХЕОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА ОТ ЦАРСТВА ДО ИМПЕРИИ (XVI–XIX вв.).

Бердников И.М., Соколова Н.Б., Уланов И.В. ДРЕВНЕЕ ГОНЧАРСТВО БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. СПЕЦИФИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ГОНЧАРСТВА БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ.

Березина Н.Я., Бужилова А.П., Добровольская М.В., Калмыков А.А., Gresky J. МАСТЕР-ЛИТЕЙЩИК ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ (по антропологическим материалам эпохи бронзы).

Беркович В.А., Егоров К.А. МОСКОВСКИЕ БЕЛОКАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.

Берлина С.В., Костомаров В.М., Новиков И.К., Рафикова Т.Н., Ткачев А.А. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ ИСЕТСКОЕ-2.

Берлина С.В., Цембалюк С.И. ГОРОДИЩЕ ДИКАЯ ЯМА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ.

Берсенева Н.А. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТРАМУРАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА.

Бессонова Е.А., Апарина К.А. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК АНТРОПОГЕННЫХ КАРБОНАТНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Бессонова Е.А., Крадин Н.Н. ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНГОЛЬСКОГО ГОРОДА (Кондуйский городок, Забайкальский край России).

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Родионов А.М. ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДИВНОГОРЬЕ.

Бессуднова М.А. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А.А. СПИЦЫНА (переписка с В.Н. Ястребовым).

Блинова Д.С. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВХОДОИЕРУСАЛИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (Йошкар-Ола).

Бобров В.В. ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК СВАЯТИЛИЩ.

Бобров В.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА ЭПОХИ КАМНЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ.

Боброва А.И. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ В СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ.

Боброва Л.Ю., Умеренкова О.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА ЭПОХИ БРОНЗЫ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Богданов Е.С. ЖЕРТВЕННЫЕ АЛТАРИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ (РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Бойко А.Л. АРХЕОЛОГИЯ ДОНА В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ (1914–1922 гг.).

Боковенко Н.А. ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕРНОУСОВО-3 (6–1 тыс. до н.э.) В ЗАПАДНОМ САЯНЕ В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ.

Болдырева Е.М. ИНВЕНТАРЬ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРНОВ В КЕРАМИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ ГОРОДАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (по материалам Исторического музея).

Борисенко А.Ю. ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ И.Г. ГРАНЭ НА АЛТАЕ.

Борисов А.В., Идрисов И.А., Бакушев М.А. ТЕРРАСНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ.

Борисов В.А. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЛАИРЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА.

Бородовская Е.Л. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В НОВОСИБИРСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Бородовский А.П., Олещак Л. МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ.

Бочаров С.Г., Иожица Д.В. ВЕНЕЦИАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И КРЫМ В XIII–XV вв. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА.

Бочарова Е.Н., Зоткина Л.В. ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ИЗ ГРАФИТА С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАЗАЧКА-1.

Бродянский Д.Л. «ЧАШЕЧНЫЕ» ПЕТРОГЛИФЫ В НЕОЛИТЕ И ПАЛЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ.

Бужилова А.П., Березина Н.Я. МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: АНАЛИЗ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА.

Бужилова А.П., Харитонов В.М., Васильев А.Ю. ВОЗРАСТНЫЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕБЕНКА ТЕШИК-ТАШ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЕГО ДЕФИНИЦИИ В РЯДУ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ НАХОДОК.

Букатов А.А., Дюженко Т.В. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ХЕРСОНЕСА В VIII–IX вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Буланкина Е.В. ЮВЕЛИРНЫЕ МАТРИЦЫ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ В КОЛЛЕКЦИИ РЯЗАНСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.

Бурков С.Б. АМУЛЕТЫ И ТАЛИСМАНЫ ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА» В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО И ПОДВИЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ.

Бурцев И.Г. КОМПЛЕКСНОЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УКРЕПЛЕНИЙ ТУЛЫ XV–XVI ВЕКОВ.

Бусова В.С. КОНСТРУКЦИЯ КОЖАНОГО ПОЯСА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ В I ТЫС. ДО Н.Э.

Бутягин А.М. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УСАДЬБЫ РАННЕГО РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ГОРОДИЩЕ МИРМЕКИЙ.

Бухтоярова И.М. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АРХЕОЛОГА С.Н. ЗАМЯТНИНА.

Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю. ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ НА АЛТАЕ.

Валиев Р.Р., Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г. ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИЗРАЗЦОВ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (по материалам раскопок 2007–2009 гг.).

Валиулина С.И. ТОРЕЦКОЕ: ХРОНОЛОГИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА.

Валиулина С.И., Грешников Э.А., Нуретдинова А.Р. ИССЛЕДОВАНИЕ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ ИЗ МАСТЕРСКОЙ АЛХИМИКА, ЮВЕЛИРА И СТЕКЛОДУВА В БИЛЯРЕ.

Варенов А.В. БРОНЗОВЫЕ НОЖИ С ТРЕХКНОПОЧНЫМ КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ.

Варенов А.В. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ КИТАЕ.

Варенов А.В. СЯОТУНЬ, ХОУГАН, ХОУЦЗЯЧЖУАН – КЛЮЧЕВЫЕ ПАМЯТНИКИ В ДОВОЕННОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕЙ СТОЛИЦЫ ДИНАСТИИ ШАН (XIV–XI вв. до н.э.).

Василевский А.А. РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ, ОБМЕН И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ОСТРОВНОМ МИРЕ СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ АЗИИ. САХАЛИН, ХОККАЙДО.

Василевский А.А., Грищенко В.А., Можав А.В., Перегудов А.С., Пашенцев П.А. ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРОЕКТАХ. ЗАЩИТА И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ. САХАЛИН, КУРИЛЬСКИЕ О-ВА И ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ (1996–2017 гг.).

Василиненко Д.Э. ГАЗАРИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГАЗАРИИ: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТОРГОВЫХ КОНТАКТОВ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С ИТАЛИЙСКИМИ ТОРГОВЦАМИ.

Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЙ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ», «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ» №1 и №2» XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края).

Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ XIII–XV вв. ПОСЕЛЕНИЙ И МОГИЛЬНИКА В КРЫМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Мотченко М.В. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам могильника Черновая-VIII).

Васильева Е.Е. КЛАДБИЩЕ ПРИ ЦЕРКВИ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В г. ЯРОСЛАВЛЕ: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ.

Васильева Е.Е. ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ФОТОГРАММЕТРИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ.

Васильева И.Н. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ РАННЕ-НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ПОДОНЬЯ.

Васильева Т.А. НАЗНАЧЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ГОРОДОВ ЕКАТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА (Приморский край).

Вдовин А.С. Н.К. АУЭРБАХ И АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Визгалова М.Ю. О ЗАБЫТОМ МАТЕРИАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК «БАЛБЕРА» И БАЛБЕРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В XVI–XVIII ВЕКАХ (по раскопкам татарской (деревянной) слободки острова-града Свяжска).

Викторова В.Д. МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ГРАНИТНОГО МАССИВА.

Викторова В.Д., Кокшаров С.Ф. АРХАИЧНЫЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ СО СРЕДНЕГО УРАЛА И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Виноградова Е.А. МИКРОИНВЕНТАРЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КАМЕННОБАЛКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам стоянки Каменная Балка-II).

Волкова Е.В. ГАЛАНКИНА ГОРА – ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ.

Волкодав Н.В. СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (из опыта организации охранно-спасательных исследований ЗАО «Таманьнефтегаз»).

Волокитин А.В., Волокитина Н.А. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В МЕЗОЛИТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА.

Воробьева Е.Е. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ ИЗ ФАНАГОРИИ.

Ворошилов А.Н., Фирсов К.Б. ОРУЖИЕ СКИФСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (обзор памятников).

Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., Зарецкая Н.Е., Очередной А.К., Панин А.В., Сальная Н.В. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ХОТЫЛЕВСКИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК.

Вострецов Ю.Е. ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.

Вртанесян Г.С. КАЛЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ НА КУЛАЙСКИХ БРОНЗАХ.

Выборнов А.А. ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В НЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ.

Выборнов А.В. ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ МАТЕРИАЛОВ КРУПНЫХ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ.

Выборнов А.В., Скобелев С.Г., Грачев И.А., Чертыков В.А. ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ ЮГА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ.

Гаврилов Д.А., Лошакова Т.Н. МИКРОБИОМОРФНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТОКСАНБАЙ (плато Устюрт).

Гаврилов Д.А., Хабдулина М.К. К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОМ ОРОШАЕМОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ.

Гаврилов К.Н. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАССЕЙНА ДЕСНЫ.

Гавритухин И.О. ГУННСКАЯ «ДЕРЖАВА» И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Гайбов В.А. ЦАРИ И БОГИ ПАРФИИ (буллы из раскопок Гёбеклы-депе, Туркменистан).

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТОВАРНЫХ СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ.

Гак Е.И., Ивашов М.В., Кайзер Э. ПОСЕЛЕНИЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КСИЗОВО-1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Гельман Е.И. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ БОХАЙСКИХ ГОРОДИЩ.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А., Тишкин А.А. БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ КУРГАНА №21 МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ (технологический анализ).

Герман П.В. К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭТАП И ТИП.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Румянцев М.М. РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МНОГОСЛОЙНОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ В ПЕЩЕРЕ ИМАНАЙ-1 НА ЮЖНОМ УРАЛЕ.

Гирченко Е.А. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ОБИТАНИЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ ЯНЦЗЫ.

Глазунова О.Н. ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ИЗРАЗЦОВ В XVII В. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ.

Глызин И.П., Марков С.О. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАМКАХ ПРОЕКТНО-ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ.

Гнездилова И.С. КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ НА КУРГАНАХ ПЕРИОДА КОФУН (Япония).

Гнездилова И.С., Соловьева Е.А. ТРАДИЦИЯ УКРАШЕНИЯ ТЕЛА В ПЕРИОД ДЗЁМОН В ЯПОНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ.

Голованова Л.В. МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНЫХ НОВАЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА.

Головченко Н.Н. ПРОГРАММА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА.

Голотвин А.Н. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФАС БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (некоторые итоги и проблемы археологического изучения).

Гоняный М.И. ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДЕТЕКТОРОВ МЕТАЛЛА НА УСТЬИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ.

Гоняный М.И., Фатьков А.М., Шебанин Г.А. ДЕТАЛИЗАЦИЯ ГРАНИЦ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА ЛЬВОВСКИЙ-1 В ПОДМОСКОВЬЕ ПО МЕТОДИКЕ ПЛАНШЕТНОГО БУРЕНИЯ.

Горбунов В.В. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В I ТЫС. Н.Э.

Горбунова Т.А. КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ.

Горохов С.В. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ XVIII В., ПРОИСХОДЯЩИХ С ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО НЕОЛИТА ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ.

Гребенникова Т.Г. АРХЕОЛОГИЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРЕПОДАВАНИЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Гречкина Т.Ю., Васильева И.Н., Выборнов А.А., Иванов И.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Яниш Е.Ю.: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАЙБЕК В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ.

Гринченко С.Н. ЧЕЛОВЕК В АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ: АРЕАЛЫ, КРУГОЗОР, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СУБСТРАТ ПСИХИКИ (числовое моделирование трендов).

Гринченко С.Н., Шапова Ю.Л. ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕР В АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (числовое моделирование).

Гришин А.Е., Марченко Ж.В. ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ «КРОХАЛЁВСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ТИП» И «КРОХАЛЁВСКАЯ КУЛЬТУРА» В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ (могильник Крохалёвка-5, Верхнее Приобье).

Грищенко В.А., Фукуда М. КУЛЬТУРА НАКОНЕЧНИКОВ НА ПЛАСТИНАХ – РАННИЙ НЕОЛИТ ОСТРОВНОГО МИРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (Сахалин, Курильские острова, Хоккайдо).

Громова М.В. НАХОДКИ СОСУДОВ ИЗ КАМЕННОЙ МАССЫ XVII–XIX ВВ. ИЗ РАСКОПОК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

Грушин С.П. КОЭФФИЦИЕНТЫ СОХРАННОСТИ И УТИЛИЗАЦИИ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ С ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ.

Губайдуллин А.М. О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Губайдуллина А.В., Шакиров З.Г. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОДЕЛОЧНЫХ КАМНЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА (по материалам работ 2015–2016 гг.).

Гук Д.Ю., Румянцев М.В., Пиков Н.О., Рудов И.Н. ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ.

Гурьянов В.Н. О ТОПОГРАФИИ БРЯНСКА В XIII–XIV вв.

Гусев Ал.В. КОТЛЫ И ТОПОРЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ (средневековье и новое время).

Гусев Ан.В., Подосёнова Ю.А. БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО УСТЬ-ПОЛУЯ (север Западной Сибири, ранний железный век).

Данилов П.Г. ТОПОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ТОБОЛЬСКА В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Данилов П.С. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И РАЗВИТИЕ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2008–2015 гг.

Дашковский П.К. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II (Северо-Западный Алтай).

Деев Е.В., Бородовский А.П., Корженков А.М., Лужанский Д.В. НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОСЕЙСМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Демешенко С.А. К ВОПРОСУ О «РЕАЛИЗМЕ» ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТАТУЭТОК МАЛЬТЫ.

Демин М.А. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И РУБЕЖИ В ИСТОРИИ АЛТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Дзаттиаты Р.Г., Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С. ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ДАРГАВС В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ (по материалам поясных наборов).

Добровольская Е.В. ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ СТАДА ФАНАГОРИИ.

Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Мастыкова А.В. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ УРНОВЫХ КРЕМАЦИЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ.

Добровольская М.В., Решетова И.К., Чагаров О.С. СТАБИЛЬНЫЕ ИЗОТОПЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИЙ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ.

Дога Н.С., Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С. ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА ОРОШАЕМОЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ.

Доде З.В. СКАЛЬНЫЕ МОГИЛЬНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ.

Дороничев В.Б. ИНДУСТРИИ С ЛИСТОВИДНЫМИ БИФАСИАЛЬНЫМИ НАКОНЕЧНИКАМИ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И КАВКАЗА.

Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Кулькова М.А. ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЙ СТРАТИФИЦИРОВАННОЙ СТОЯНКИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ (Центральный Кавказ – контактная зона неандертальцев Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа).

Дроздов Д.Н., Донхек Сон. МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА «КАМЕННЫЙ ЛОГ» В КУРТАКСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЙОНЕ.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Чеха В.П., Цянькунь Цюань. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ТУВЫ.

Дружинина И.А., Малышев А.А., Медникова М.Б., Лысанов В.Л. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАСЕЛЕНИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

Дрыга Д.О., Жеребятьев Д.И., Моор В.В., Малышев А.А., Требелева Г.В. АНТРОПОГЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА.

Дубова Н.А. ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ МОЗАИЧНЫХ КОМПОЗИЦИЙ ИЗ ГРОБНИЦ ГОНУР-ДЕПЕ, ТУРКМЕНИСТАН.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА МАРГИАНЫ (ТУРКМЕНИСТАН) ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ.

Дураков И.А. МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ (ЧЕРНООЗЕРСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ.

Дьякова О.В., Дьяков В.И. КУРГАННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИМОРЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА.

Дьяконов В.М. СТОЯНКА ФЕРМЕННОЕ ОЗЕРО – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК СУМНАГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Тимофеева А.С., Пахунов А.С. ТРЕХМЕРНОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ – ИНСТРУМЕНТ ПЕРЕДАЧИ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧИН СИКАЧИ-АЛЯНА.

Евгеньев А.А. К ИСТОРИИ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: 40 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Егоров А.В. ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ И ПОСТАНОВКИ НА КАДАСТРОВЫЙ УЧЕТ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В АФАНАСЬЕВСКОМ РАЙОНЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Едовин А.Г. КАЙНВОЖСКИЙ КЛАД КУЛЬТОВЫХ ПЛАКЕТОК. НОВЫЕ ДАННЫЕ О СЮЖЕТАХ ПЕЧОРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.

Елкина И.И. ДЕКОР СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ XVI–XVII вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: ОРНАМЕНТ, МАТЕРИАЛЫ, ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ.

Ельцов М.В. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ В V–IV вв. до н.э.

Еньшин Д.Н. НЕОЛИТ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. ОРУДИЯ ИЗ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ОЗЕРЕ МЕРГЕНЬ.

Епимахов А.В. ФРОНТИРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА.

Ермоленко Л.Н. ИЗВАЯНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ КАХАХСТАНА.

Еськова Д.К. ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА СТОЯНКАХ ИЕНЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Ефремова Н.С. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В КУЛЬТОВЫХ ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА.

Желтова М.Н., Лисицын С.Н. ШЛИФОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ В ПАЛЕОЛИТЕ КОСТЕНОК.

Жилин М.Г., Косинская Л.Л., Савченко С.Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ.

Журавлев А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. ГЕНОФОНД мтДНК И Y-ХРОМОСОМЫ АНДРОНОВСКОГО И ПОСТАНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ.

[Журбин И.В. \(Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск\). ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ И ГЕОФИЗИКА ПРИ ИССЛЕДОВАНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ \(бассейн р. Чепцы\).](#)

[Завойкин А.А., Завойкина Н.В. ИЛЬИЧЕВСКАЯ КРЕПОСТЬ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ В I–II вв. н.э.](#)

[Завьялов В.И., Терехова Н.Н. КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ В СКИФИИ.](#)

[Загваздин Е.П. ГРАНИЦА АБАЛАКСКОГО ПОГОСТА В XVII в.](#)

[Загородняя О.Н. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРУДИЙ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА БЕРЕЖНОВСКО-МАЕВСКОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ.](#)

[Заика А.Л. АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.](#)

[Зайков В.В., Гергова Д., Зайкова Е.В. СОСТАВ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ \(Западная Фракия и Фанагория\).](#)

[Зайков В.В., Таиров А.Д. ЗОЛОТО И ПЛАТИНОИДЫ В ИЗДЕЛИЯХ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И РУД ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ.](#)

[Зайцева О.В., Чугунов К.В., Вавулин М.В., Волясов Е.В., Пушкарев А.А. ЧИНГЕТЭЙСКОЕ КУРГАННОЕ ПОЛЕ: АЭРОФОТОСЪЕМКА, ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, 3D ФИКСАЦИЯ ПРОЦЕССА РАСКОПОК \(предварительные результаты работ 2016 г.\).](#)

[Застрожнава Е.Г. ФАНАГОРИЯ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ... \(гипотезы ученых XIX столетия, нашедшие подтверждение в ходе современных исследований\).](#)

[Зах В.А. ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И ПРОДУКТИВНОСТЬ АНДРЕЕВСКОЙ И МЕРГЕНСКОЙ ОЗЕРНЫХ СИСТЕМ.](#)

[Зах В.А., Рябогина Н.Е., Зимина О.Ю., Сизов О.С. ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ \(на примере Андреевской озерной системы\).](#)

[Захаров С.Д., Зозуля С.С. ТИМЕРЕВО. ИТОГИ НОВОГО ЭТАПА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.](#)

[Захарова Е.Ю. К ВОПРОСУ О ДИЛЕТАНТСТВЕ В НАУКЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ АННЫ МИХАЙЛОВНЫ РАЕВСКОЙ \(1819–1883\).](#)

[Здор М.Ю., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. СОЗДАНИЕ ГИС «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА Г. ОМСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.](#)

[Зейналов А.А., Кулаков С.А. ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КУРУЧАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ.](#)

[Зейфер В.А. НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО В 2015–2016 гг.](#)

[Зейфер В.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «СЕЛИЩА X–XIII вв.» НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ «БОТИК ПЕТРА I» В 2016 г.](#)

[Зеленева Ю.А. ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА \(САРАЙ БАТУ\) В 2011–2016 гг.](#)

[Зеленков А.С. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ПОДТАЕЖНОЙ ЗОН ЗАУРАЛЬЯ.](#)

[Зеленская А.Ю. АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ СО СТОЯНКИ УСТЬ-БЕЛАЯ, КУРГАН 15, И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.](#)

[Зеленцова О.В. «ВЕНГЕРСКИЙ СЛЕД» ИЛИ СЛЕД ВЕНГРОВ В СРЕДНЕЦЕННИНСКИХ МОГИЛЬНИКАХ МОРДВЫ.](#)

[Зенин В.Н. ИЗМЕРЕНИЯ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ВОЗРАСТА НАТУРАЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ НА УСКОРИТЕЛЬНОМ МАСС-СПЕКТРОМЕТРЕ В ЦКП «ГЕОХРОНОЛОГИЯ КАЙНОЗОЯ».](#)

[Зенин В.Н., Лещинский С.В. НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ВОЛЧЬЯ ГРИВА \(Западная Сибирь\).](#)

[Зиливинская Э.Д. КАРАВАН-САРАИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ.](#)

[Зимина О.Ю. НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ.](#)

Зоткина Л.В. ИСКУССТВО ПЕЩЕРЫ ЛЯ ГРЭЗ (ДОРДОНЬ, ФРАНЦИЯ): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Зубков В.С., Васильев С.А. ПАЛЕОЛИТ БАСЕЙНА ВЕРХНЕГО АБАКАНА (ХАКАСИЯ): НОВЫЕ ДАННЫЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ.

Зубов С.Э. РАННИЕ ПАМЯТНИКИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. БЕЛОЙ.

Иванищева М.В. ДРЕВНЕЙШИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Иванов С.В. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС НА ПАМЯТНИКЕ КОМ-ТУМАН (Мемфис, Египет).

Иванова Д.А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИКИ ЭПОХИ ДЗЁ:МОН, ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ.

Иващенко С.Н. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СТЕРЕОФОТОГРАММЕТРИИ В ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.

Ильюков Л.С. ПОСЕЛЕНИЕ У ХУТ. ВЕСЕЛЫЙ В БАСЕЙНЕ МАНЫЧ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Илюшина В.В. ОСОБЕННОСТИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ.

Кадиева А.А., Биркина Н.А. ЖЕНСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ УБОР ЗАПАДНОЙ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ VIII–VII вв. до н.э. (по материалам могильника Заюково-3 в Кабардино-Балкарской Республике).

Казаков А.А. МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СУПЕРРЕГИОНЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ.

Казаков Е.П. О МИГРАЦИЯХ ЕВРАЗИЙСКИХ САРМАТОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (по археологическим материалам Урало-Поволжья).

Казанцева О.А. ЭКИПИРОВКА ВОИНОВ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ (по материалам могильников I–V вв. бассейна Тулвы).

Калечиц Е.Г. БЕРДЫЖСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ.

Калинина И.В. ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РАЗВИТОГО НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ.

Калыгина Ж.С. ТИХВИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ – ПЕРВОЕ ОБЩЕГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (XVIII – начало XX в.).

Канторович А.Р. ОБРАЗ ОЛЕНЯ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ.

Каравашкина Е.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (на примере поселений Подгоры-I и Ош-Пандо-Нерь).

Карпухин А.А. ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: АНАЛИЗ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕНДРОДАТ.

Кашаев С.В. НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2. ИССЛЕДОВАНИЯ 2015–2016 гг.

Керцева (Вольная) Г.Н. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ.

Килуновская М.Е., Чадамба Л.Д. ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА ГРАНИЦЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ (Убсунурская котловина).

Киреев С.М. БЫСТРЯНСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ СЕРЕДИНЫ VI–II вв. до н.э. И ЕЕ МЕСТО В КРУГУ КУЛЬТУР СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ.

Кирчо Л.Б. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ АЛТЫН-ДЕПЕ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ.

Кириянов Н.С. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В XXI в. (2002–2017 гг.).

Кирюшин К.Ю. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. РАННЯЯ ГРУППА КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ КИ-ПРИНО-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности).

Китова Л.Ю. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ В.В. РАДЛОВА В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛО-ГИИ.

Кичигин Д.Е. ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОБЕРЕЖЬЯ БАЙКА-ЛА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. РАННИЙ НЕОЛИТ БАССЕЙНА КОНДЫ.

Клещенко А.А. КУРГАННАЯ ГРУППА «КЁНДЕЛЕНСКАЯ-I»: ЭТАЛОННЫЙ ПА-МЯТНИК СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Клюев Н.А. ГОРОДИЩЕ КОКШАРОВКА-1 И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КОК-ШАРОВКА-8 В ПРИМОРЬЕ: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Книппер К., Райнхольд С., Березина Н., Грески Ю., Ханзен С., Пихлер С., Герлинг К., Белинский А.Б. ДИЕТА И ПОКАЗАТЕЛИ МОБИЛЬНОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Кобелева Л.С. КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ.

Ковалев А.А. РОЛЬ ЧЕМУРЧЕКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА СИБИРИ И КАЗАХСТАНА.

Ковалевская В.Б. ГИС-МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ПУТЕЙ ИМПОРТА БУС НА КАВКАЗ И В ЮГО-ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс.

Ковалевская Л.А. ХЕРСОНЕС И ЕГО ХОРА В I в. н.э.

Ковалевский С.А. О РОЛИ А.П. УМАНСКОГО В ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ АЛТАЯ.

Коваль В.Ю. МАЛЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ОСОБЕННОСТИ МАТЕ-РИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАЗАР ГОРОДА БОЛГАРА (итоги изуче-ния в 2011–2016 гг.)

Ковтун И.В. СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЕ КИНЖАЛЫ, ПОЛНОЛУНИЕ И АШВА-МЕДХА.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. КОРРЕЛЯЦИЯ ХРОНОЛОГИИ СЕЙМИН-СКО-ТУРБИНСКИХ, КРОХАЛЁВСКИХ И САМУСЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ.

Козликин М.Б. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СРЕДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ АЛТАЯ (по матери-алам Денисовой пещеры).

Кокуркина О.В. ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ РАННИХ ДИАГОНАЛЬНЫХ ПОГРЕ-БЕНИЙ И ПУТИ МИГРАЦИЙ НОМАДОВ, ПРАКТИКОВАВШИХ ДАННЫЙ ОБРЯД.

Колобова К.А., Чабай В.П., Маркин С.В. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВА-НИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (Горный Алтай).

Колонцов С.В. НОРМАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ НАРАБОТКИ ИАЭТ СО РАН В ОБЛАСТИ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Колосницын П.П. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ БИРКИ ИЗ РАСКОПОК СТА-РОЙ РУССЫ И НОВГОРОДА. ТИПОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ФУНКЦИИ.

Колосов В.П. ДИНАМИКА ПОСТУПЛЕНИЯ АМФОРНОЙ ТАРЫ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ В VI–III вв. до н.э., ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МИРМЕКИЯ 2008–2016 гг.

Кондрашев Л.В. ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЛИ ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОСТИ?

Конигов Б.А ИЗ ОПЫТА ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА ПО СОХРАНЕНИЮ, ИСПОЛЬЗОВАНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (на примере комплекса памятников «Омская стоянка»).

Коноваленко М.В., Балужева Ю.В., Сериков Ю.Б. ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА р. БОЛЬШОЙ САЛЫМ.

Константинов М.В. ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ТЕРРАСОВОГО РЯДА БАССЕЙНА РЕКИ СЕЛЕНГИ.

Константинов Н.А. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КУРАЙСКОЙ КОТЛОВИНЫ (АЛТАЙ).

Константинова Т.А., Константинов М.В. ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ И ЛИТЕРАТОРЫ О ДРЕВНОСТЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ.

Корневский С.Н. ДРЕВНЕЙШИЕ КАТАКОМБЫ И СИМВОЛИКА ОРУДИЙ УДАРНОГО ДЕЙСТВИЯ У ПЛЕМЕН НАЧАЛА МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОНТО-ПРЕДКАВКАЗСКИХ СТЕПЕЙ.

Корниенко Т.В. ПИЩЕВЫЕ РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА К НЕОЛИТУ.

Коробейников И.Н. НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ.

Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н. КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛЕДОВ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО СКОТОВОДСТВА В ОКРЕСТНОСТЯХ г. КИСЛОВОДСКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЕКАТЕРИНСКИЙ МЫС ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ИТОГИ РАБОТ 2013–2016 гг.

Король Г.Г., Наумова О.Б., Грешников Э.А., Наумов Н.Н., Пузакова Г.С. К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ СНАБЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ УКРАШЕНИЯМИ АМУНИЦИИ ВСАДНИКА.

Корочкова О.Н. (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ (Среднее Зауралье и Западная Сибирь).

Корякова Л.Н. К ВОПРОСУ О ЖИЛОЙ СРЕДЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (по материалам раскопок в бассейне р. Карагайлы-Аят).

Корякова Л.Н. ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ.

Косинцев П.А., Бачура О.П., Рассадников А.Ю., Кисагулов А.В., Лаптева Е.Г., Корона О.М., Корякова Л.Н. ЭКОНОМИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ.

Косинцев П.А., Бачура О.П., Чаиркин С.Е., Мурыгин А.М. МЕДВЕДЬ В ПЕЩЕРНЫХ СВЯТИЛИЩАХ УРАЛА.

Косорукова Н.В., Жилин М.Г. КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЦЕ-15 В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ.

Костомаров В.М., Полеводов А.В. К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПАХОМОВСКОГО И СУЗУГУНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ.

Костомарова Ю.В. К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИХ ОРУДИЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ.

Костылёва Е.Л., Храмцова А.А., Кашина Е.А., Уткин А.В. РИТУАЛЬНЫЕ «КЛАДЫ» ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЫХ КОЛЛЕКЦИЙ.

Котов В.Г., Румянцев М.М. СТОЯНКА НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА АКБУЛАТОВО-3 В ГОРАХ ЮЖНОГО УРАЛА.

Кочкина А.Ф. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ БИЛЯРСКОГО III СЕЛИЩА (по материалам VI раскопа).

Кочкина Е.И. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ СИБИРСКОГО СЕВЕРА НА ЛЕЙПЦИГСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1930 г.

Крадин Н.Н. УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ.

Крафт И., Толксдорф Й-Ф., Шмидт И.В. РАСКРАШЕННЫЕ ГАЛЬКИ ИЗ МАС д'АЗИЛЬ (ДЕПАРТАМЕНТ АРЪЕЖ, ФРАНЦИЯ) В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ АРХИВЕ САКСОНИИ: ПОДДЕЛКА ИЛИ ОРИГИНАЛ?

Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т. ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПЕЩЕРЫ СЕЛЬУНГУР (Киргизия).

Крийска А., Норджквист К., Герасимов Д.В. ЭСТОНСКИЙ ВАРИАНТ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ.

Крыласова Н.Б. ЖИЛИЩА И ПЛАНИРОВКА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.

Кряжевских А.Л. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ХЛЫНОВСКОГО КРЕМЛЯ.

Кубанкин Д.А. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА.

Кудряшов А.В. МОГИЛЬНИК КОНЦА I тыс. н.э. КОМПЛЕКСА «УСТЬ-СОЙДА В ЗАПАДНОМ БЕЛОЗЕРЬЕ.

Кузина А.В., Собольникова Т.Н. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (по материалам исследований 2014–2016 гг.).

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. ДРЕВНЕЙШИЕ ЗУБЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТОЯНКИ ВЕРХОЛЕНСКАЯ ГОРА-I: ХРОНОЛОГИЯ, МОРФОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Кузнецов Н.А. НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ.

Кузнецова Т.М. СИСТЕМА СКИФСКОЙ ХРОНОЛОГИИ ПЕРИОДА АРХАИКИ.

Кузьмин Я.В. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ОБСИДИАНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ОБМЕНА СЫРЬЕМ И ДРЕВНИХ МИГРАЦИЙ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ.

Кузьмин Я.В., Панов В.С., Гасилин В.В., Батаршев С.В., Малков С.С. РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ (ПАЛЕОДИЕТЫ) НАСЕЛЕНИЯ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМОРЬЯ С ПОМОЩЬЮ АНАЛИЗА СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ.

Кузьминых С.В. А.М. ТАЛЫГРЕН И АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. О КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: В.А. ГОРОДЦОВ И А.М. ТАЛЫГРЕН.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. МОГИЛЬНИК КАРАЖАРТАС. ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ «ЗНАТИ».

Кукушкин И.П., Калинина Н.И. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕНИВОЙ ПЛОЩАДКИ НА ВОЛОГОДСКОМ ГОРОДИЩЕ.

Кулаков С.А. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НОВЫХ РАБОТ НА РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ БОГАТЫРИ/СИНЯЯ БАЛКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.

Кулаков С.А. ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО ВЕКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ.

Купцов Е.А. ДЕРЕВЯННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ И ЦЕЛЬНОДЕРЕВЯННЫЕ СТРЕЛЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА.

Купцов И.В., Костыльёва Е.Л. ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ГОРОДЕ ЮРЬЕВЦЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014–2015 гг.

Купцова Л.В. КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРЕНБУРГСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ (по материалам погребальных памятников).

Курлаев Е.А. ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

Кутузова Д.О. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере деятельности археологического музея МАРГУ).

Куфтерин В.В., Дубова Н.А. МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ «ЭФТАЛИТОВ»: МОГИЛЬНИК ШАХИДОН, ТАДЖИКИСТАН.

Кызласов И.Л. ХРАМОВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР НА р. АБАКАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VIII – НАЧАЛО XIII в.). РАСКОПКИ Л.Р. И И.Л. КЫЗЛАСОВЫХ (МГУ, ИА АН СССР/РАН).

Лазаретов И.П. ОБЩНОСТЬ КУЛЬТУР САЯНО-АЛТАЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ.

Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Ульянов А.А. РЕПЕРТУАР ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ.

Лбова Л.В., Волков П.В., Панкина А.И. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА МОБИЛЬНОЙ ПЛАСТИКИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (зооморфная скульптура Мальты).

Лбова Л.В., Губар Ю.С. ПИГМЕНТЫ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ ЕВРАЗИИ (методические подходы и гипотезы).

Лев С.Ю. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ.

Левко О.Н. ОТКРЫТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КОРДОН НА ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ В ВИТЕБСКОМ ПОДВИНЬЕ.

Левкова К.С., Саттаров Р.Р. ФИГУРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (к определению путей поступления бус пьяноборской культуры).

Леонова Е.В., Александрова О.И. ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ РАСКОПОК ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: К ВОПРОСУ О ФАЦИАЛЬНОСТИ.

Леонтьев А.Е. ГОРОДИЩЕ ВЫЖЕГША. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

Лесаж К., Постнов А.В., Жобер Ж. ПЕРЕСМОТР СРЕДНЕ- И ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ УСТЬ-КАНСКОЙ ПЕЩЕРЫ (Республика Алтай).

Лещенко Н.В. МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИМОРЬЯ.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ.

Лисицын С.Н. ГРАВЕТТИЙСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СО СТОЯНКИ БОРЩЕВО-5.

Лифанов Н.А. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРАЗА ДРАКОНОВ НА ПЛАСТИНЕ ИЗ ШИЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА.

Лихачева О.С. ТИПОЛОГИЯ КИНЖАЛОВ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Лихтер Ю.А. СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В МОСКВЕ – НАХОДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МОСКВЫ (1989–2015 гг.).

Ломов П.К. МЕТОДИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.

Лукьяшко С.И. О СКИФСКИХ ЩИТАХ.

Лыганов А.В. ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГОКАМЬЯ (территория, хронология, материальная культура).

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Митрошин Е.Н. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ КАМСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Мазуркевич А.Н., Киттель П., Казаков Э.Э., Фассбиндер Й. СВАЙНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

В III ТЫС. ДО Н.Э. СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЛАНДШАФТОВ И ТЕРРИТОРИЙ.

Мазуркевич А.Н., Мэгро Й., Долбунова Е.В., Готье Э., Саблин М.В., Мэшер С., Режер М., Мазуй А. ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ХОЗЯЙСТВА СТРОИТЕЛЕЙ СВАЙНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В III ТЫС. ДО Н.Э. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ.

Мазурок О.И. МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПЕРЕСЛАВСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Майко В.В. ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ГОРЕ АЙ-ГЕОРГИЙ БЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ.

Макаров Л.Д. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е. КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ С ЧЕРНЬЮ ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ.

Макаров Н.П. ПЕЩЕРА ЕЛЕНЕВА КАК ОСНОВА ПЕРИОДИЗАЦИИ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ.

Макулов В.И. ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЧАМБИНСКОГО УЧАСТКА ДОЛИНЫ РЕКИ ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА.

Макулов В.И., Дроздов Н.И., Чеха В.П. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА.

Макурова М.Р. МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ЗАПОВЕДНИКЕ «АРКАИМ».

Малков С.С., Морева О.Л., Кудряшов Д.Г., Батаршев С.В., Буянова Е.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Рольгейзер Е.В. СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЧЕРЕПАХА-13 НА ПОБЕРЕЖЬЕ УССУРИЙСКОГО ЗАЛИВА В ПРИМОРЬЕ.

Мандрыка П.В. КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В ТАГАРОТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ.

Марковский Г.И., Васильев С.К., Сердюк Н.В., Рудая Н.А., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кулик Н.А., Кривошапкин А.И. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНОЙ.

Мартынов А.И. АРХЕОЛОГИЯ И ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Марченко Ж.В., Святко С.В., Гришин А.Е., Рыкун М.П. РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ И ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА РОСТОВКА (Омское Прииртышье).

Масловский А.Н. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА И ЕГО ОКРУГИ.

Маслодудо С.В., Константинов М.В. НЕОЛИТ И БРОНЗА ТАЕЖНОГО ЧИКОЯ: ПРИРОДНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В. ИЗУЧЕНИЕ КРЕМАЦИЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА САМБИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (Калининградская область).

Матвеева Н.П. ВАРИАНТЫ ОБРЯДНОСТИ «ЗАХОРОНЕНИЕ С КОНЕМ» ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ.

Матренин С.С., Тишкин А.А. ХРОНОЛОГИЯ ДЕТАЛЕЙ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ КУРГАНОВ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (Центральный Алтай).

Мацане А., Костылёва Е.Л. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЗВЕРЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ И ЦЕНТРЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ В НЕОЛИТЕ.

Медведев В.Е. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (Нижнее Приамурье).

Медведева П.С. ТКАНИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ЮЖНОГО УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ.

Медникова М.Б. ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ КАВКАЗА, БАЛКАН И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.

Мельникова Е.Е. ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ПУТИ ИХ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТУРИЗМЕ НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА.

Мельникова О.М. (Удмуртский государственный университет, Ижевск). СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ 1917–1930-х гг. В ЛИЧНОСТНОМ ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ (по материалам дневников, писем, мемуаров).

Меньшиков М.Ю. ТАМГИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ БАССЕЙНА р. МЗЫМТА (среднее и верхнее течение).

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ НА БЕРЕГОВЫХ СКАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА (методика поиска и проблемы документирования).

Мимоход Р.А. ПОСТКАТАКОМБНЫЙ МИР: КОНЦЕПЦИЯ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ.

Мингалева (Юкова) М.К. МОРФО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУС МОКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (III–VI вв. н.э.) В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ.

Митько О.А. ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ В КУЛЬТУРЕ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ (тенденция и динамика развития).

Михайлов А.В. ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ВИКИНГОВ НА ЮГЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ (к вопросу о системе торговых коммуникаций X в.).

Михайлова Е.Р. ДРЕВНОСТИ V–VIII вв. НА ТЕРРИТОРИЯХ ВОКРУГ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Миягашев Д.А., Базаров Б.А., Именохоев Н.В. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ УДИНСКОГО ОСТРОГА.

Могаричев Ю.М. ПЕЩЕРНЫЕ МОНАСТЫРИ КРЫМА: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Модин Р.Н., Иванова М.Г. ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУШМАНСКОГО КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (IX–XIII вв.) в 2011–2017 гг.

Модин Р.Н., Чирков М.В. ПЛОЩАДНЫЕ ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АГЛОМЕРАЦИИ. ОПЫТ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОЙ МОСКВЫ.

Мокробородов В.В. СТРУКТУРА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (клад бронзовых серпов).

Молодин В.И., Комиссаров С.А., Ван Пэн. БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА ИЗ КИТАЯ.

Молодин В.И., Мельникова Л.Н., Нестерова М.С. ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (правобережное Прииртышье).

Молодин В.И., Парцингер Г., Кобелева Л.С., Гасс А., Фассбиндер Й. ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕЖКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА МОГИЛЬНИКОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. ТУРГАНИКСКАЯ СТОЯНКА И ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ.

Мороз П.В. ИСТОЧНИКИ КАМНЕСАМОЦВЕТНОГО СЫРЬЯ И ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ.

Морозов П.М. ОПЫТ СОЗДАНИЯ 3D МОДЕЛИ КУРГАНА.

Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. «СКАЛЬНОЕ» ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ.

Мурашева В.В. НАХОДКИ ДЕРЕВЯННЫХ КОРАБЕЛЬНЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ ГНЕЗДОВА.

Мухарева А.Н. НОВЫЕ ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ НА СКАЛАХ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ.

Мыльников В.П. ИЗУЧЕНИЕ ДЕРЕВЯННЫХ АРТЕФАКТОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ.

Мыльникова Л.Н. ТЕРМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ КАЧЕСТВА ОБЖИГА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ (на материалах памятников Барабинской лесостепи: Западная Сибирь).

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. СОСУДЫ ОДНОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (по материалам андроновской (федоровской) культуры памятника Гартас-1).

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА.

Недомолкин А.Г. ПЛАСТИНЧАТОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА.

Недомолкина Н.Г. ПОГРЕБЕНИЯ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА С НАРУШЕННОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТЬЮ КОСТЯКА НА ПОСЕЛЕНИЯХ ВЁКСА-1, ВЁКСА-3 В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ.

Недомолкина Н.Г., Пицонка Х., Кирлейс В., Лоренс С., Вицковска-Льют М. МНОГОСЛОЙНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВЁКСА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ ОТ КАМЕННОГО ВЕКА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Несмиян О.А., Несмиян В.Г. ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПЛЕСА СКЛОНА ПРАВОГО БЕРЕГА РЕКИ ШОХОНКИ (по материалам археологических исследований).

Нестеркина А.Л., Гнездилова И.С. КВАДРАТНО-КРУГЛЫЕ КУРГАНЫ ВОЛЬГЕДОН НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Нестеров С.П. ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по материалам памятника Озеро Долгое).

Нечвалода А.И. ОТ ЛАИМБЕРДЫ ДО СИНЬЦЗЯНА: К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БАШКИРСКОГО ЗАУРАЛЬЯ

Никитина А.В. НЕТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ В ГОНЧАРСТВЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ.

Николаев Н.Н., Гук Д.Ю. ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ НА 3D МОДЕЛИ НАХОДОК ИЗ ПЯТОГО ПАЗЫРЫКСКОГО КУРГАНА.

Николаев Н.Н., Миняев С.С. ИССЛЕДОВАНИЕ КНЯЖЕСКОГО КУРГАНА ХУННУ В ПАДИ ОРГОЙТОН В ЗАБАЙКАЛЬЕ.

Новиков А.В., Новикова О.И. РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА УСТЬВОЙКАРСКОЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ.

Новиков И.К., Петров М.С. ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА.

Новожинов В.А., Фрибус А.В. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ – МАРКЕРЫ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ.

Новоселов Н.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И СПЕЦИФИКА АРХЕОЛОГИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ.

Новосельцева В.М. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Иркутск). К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ АНСАМБЛЕЙ ЭКСПОНИРОВАННЫХ АРТЕФАКТОВ (Ангарские «Горы»).

Нуретдинова А.Р., Яцишина Е.Б., Грешников Э.А. ОБ ОПЫТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖИМОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО СФЕРОКОНИЧЕСКОГО СОСУДА.

Огородников А.Д. КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ ТИХВИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ г. ЙОШКАР-ОЛЫ (по результатам археологических раскопок 2012 г.).

Ожередов Ю.И. РИТУАЛЬНОЕ ДЕРЕВО В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПАЛЕОСЕЛЬКУПОВ (по данным археологии).

Ожерельев Д.В. КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТОЯНКЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА МУХКАЙ-ПА.

Олейник Т.В. ДРЕВНЯЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ К.Э. ГРИНЕВИЧА.

Олейников О.М. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ НОВГОРОДСКОГО ДЕТИНЦА.

Омельченко А.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЙКЕНДА (БУХАРСКИЙ ОАЗИС): К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ СОГДИЙСКОГО ГОРОДА.

Омельченко А.В., Андрющенко В.В. ГЕОРАДАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЫРЦОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА ГОРОДИЩЕ ПАЙКЕНД (Бухарская область Узбекистана).

Онгарулы А. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ НА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ КАРКАРА.

Онищенко С.С., Илюшин А.М. НЕОРДИНАРНЫЕ АРТЕФАКТЫ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – НАЧАЛА ПЕРЕХОДА К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НА ТОРОПОВО-7 В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ.

Осипов Д.О. ОБУВЬ И ДРУГИЕ КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, НАЙДЕННЫЕ ПРИ РАСКОПКАХ 2015–2017 гг. НА МЕСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПАРКА В ЗАРЯДЬЕ.

Очередной А.К., Вишняцкий Л.Б., Воскресенская Е.В., Зарецкая Н.Е., Колесник А.В., Ларионова А.В., Нехорошев П.Е., Степанова К.Н. ХРОНОСТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОРЕЛЛЯЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА РУССКОЙ РАВНИНЫ.

Павленок Г.Д. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ФИНАЛЬНОГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАССЕЙНА РЕКИ СЕЛЕНГИ.

Павленок К.К. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ

Павленок К.К. НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ АДРИАТИКИ.

Пантелеева С.Е. КЕРАМИКА ПЕТРОВСКОГО ТИПА С УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР.

Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПРИМОРЬЕ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ КРАХМАЛА.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Федорук А.С. СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (по материалам керамических комплексов).

Паршикова Т.С. ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯМИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 1970-Е гг.

Патрушев В.С. К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФИННОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ РОССИИ.

Пахунов А.С., Дэвлет Е.Г. СПЛОШНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ СТЕН КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Пашенцев П.А. КОМПЛЕКСЫ НАБИЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Северный Сахалин, эпоха палеометалла).

Первухина А.А. КЕРАМИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ Г. КУРГАНА XIX – НАЧАЛА XX В.» (предварительные итоги).

Перескоков М.Л. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ.

Петров Ф.Н. ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ (СИНТАШТА II): МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ.

- Петрова Н.Ю. РАННЯЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОЙ ДЖЕЗИРЫ (Северный Ирак).
- Пигарев Е.М. ДЕЛЬТА ВОЛГИ В XIII–XV вв.
- Пилипенко А.С., Пилипенко И.В., Папин Д.В., Черданцев С.В., Молодин В.И., Трапезов Р.О. РАЗНООБРАЗИЕ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК ОВЕЦ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА СИБИРИ ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.
- Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Полосьямак Н.В., Молодин В.И., Трапезов Р.О., Балабанова М.А., Журавлев А.А., Поздняков Д.В. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ (скифское и гунно-сарматское время).
- Пискарева Я.Е. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО МОХЭСКИХ ПЛЕМЕН ПРИМОРЬЯ.
- Питулько В.В. ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ СИБИРИ (заключительный этап начальной фазы MIS 3).
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Базилян А.Э. МАМОНТОВЫЕ «КЛАДБИЩА» СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.
- Платонова Н.И. ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
- Плетнева Л.М. КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШЕЛОМОК-II – ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ.
- Плеханов А.В. КЕРАМИКА КАК МАРКЕР ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛЬСКОЙ ТУНДРЫ (V–XII вв. н.э.).
- Плеханова Л.Н., Каширская Н.Н. МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛЕДОВ ПЕРЕВЫПАСА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОЛИННЫХ ЛАНДШАФТАХ ГОРНЫХ СИСТЕМ.
- Полеводов А.В., Грачев М.А. ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО (АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО) НАСЛЕДИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ – ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.
- Поляков А.В. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КУРГАНОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.
- Поляков А.В., Амзараков П.Б., Васильев С.А., Рыжов Ю.В., Корнева Т.В., Сапелко Т.В., Барышников Г.Ф., Бурова Н.Д., Гирия Е.Ю., Ямских Г.Ю. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (Стоянка Ирба-2).
- Поляков А.В., Есин Ю.Н. РАННЕОКУНЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КУРИЛЬНИЦЕЙ МОГИЛЬНИКА ИТКОЛЬ-II.
- Понкратова И.Ю. КРИТЕРИИ РАННЕГО НЕОЛИТА КАМЧАТКИ (по данным исследования стоянки Ушки-V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка).
- Пономарева И.А. НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.
- Поплевко Г.Н. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ.
- Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАЙБЕК ПО ДАННЫМ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ.
- Постнов А.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ЗОНЕ АКТИВНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.
- Прилепская Н.Е., Кузнецова Т.В., Бессуднов А.Н., Чижикова Е.А., Бессуднов А.А. ИЗУЧЕНИЕ МИКРОСТРУКТУРЫ ЗУБОВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОЗРАСТА И СЕЗОНА ГИБЕЛИ ПОЗДНЕНЕОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ЛОШАДЕЙ *Equus ferus* (Voddaert, 1785) ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ДИВНОГОРЬЕ-9 (Воронежская область).
- Приходько В.Е. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ.

- Проценко А.С. СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ.
- Пряхин А.Д. АРХЕОЛОГИЯ В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.
- Радюш О.А. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ.
- Радюш О.А., Шведчикова Т.Ю. ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ ОРЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ XVI–XVII вв.
- Раев Б.А. ОСОБЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ ПРИКУБАНЬЯ.
- Райнхольд С., Белинский А.Б., Коробов Д.С. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (результаты двенадцатилетнего российско-германского проекта по ландшафтной археологии).
- Рафикова Я.В. АНДРОНОВСКИЕ МИГРАЦИИ НА ЮГ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ.
- Рахматуллин Н.Р. ПОСТРОЕНИЕ РАКОВИНЫ УХА ПРИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ.
- Рахматуллин Н.Р., Рахматуллина Г.А. СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ИСТОРИКОВ И СУДЕБНЫХ МЕДИКОВ ТАТАРСТАНА В ИССЛЕДОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК.
- Реброва Р.В. ТИПЫ РОСПИСЕЙ ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ РАСКОПОК ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.
- Резепкин А.Д. ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.
- Роговской Е.О., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., Воробьева Г.А., Бердников И.М., Кузнецов А.М., Лохов Д.Н. ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЫ.
- Родинкова В.Е., Сычева С.А., Киселев Д.И., Шумиловских Л.С., Ершова Е.Г. РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (по результатам комплексных исследований в Суджанском районе Курской области).
- Рослякова Н.В. РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ МЯСНОГО РАЦИОНА НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ (по археозоологическим материалам Турганикского поселения).
- Руденко К.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЭКСПОЗИЦИЯХ МУЗЕЕВ ТАТАРСТАНА НАЧАЛА XXI в.: НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ.
- Руденко К.А. ПАМЯТНИКИ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ В БУЛГАРСКОМ УЛУСЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.
- Руденко К.А. ПЕРЕПИСКА А.П. СМЕРНОВА И А.М. ЕФИМОВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (источниковедческий аспект).
- Рудковский И.В. АНДРОНОВСКИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ.
- Рукавишников И.В. АРЖАН-5 – ПАМЯТНИК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ДРЕВНЕЙ ТУВЫ.
- Русланов Е.В. ПОСТРОЙКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮМАКОВСКОГО-IV ПОСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ.
- Рыбаков Д.Ю. КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА КЕТИ.
- Рыбалко А.Г. РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ С БИФАСАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА.
- Рыбин Е.П., Славинский В.С. РАЗНООБРАЗИЕ РЕДУКЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ – РАННЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (к постановке вопроса).

Рыкун М.П., Южакова А.В. РЕШЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПО РАБОТЕ С ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ.

Рябкова Т.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКУБАНЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗМЕННЫХ КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЯ ТАРАСОВА БАЛКА.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С. СРЕДА ОБИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПИ ПРИТОБОЛЬЯ И ПРИИШИМЬЯ НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ.

Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. ПРИРОДНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РУБЕЖЕ ЭР В ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (по данным городища Акбердино-II).

Савинов Д.Г. ВОЛЧЬИ ЗНАМЕНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ.

Садриев Н.Р. ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (археологическое изучение и типология).

Садыков Т.Р. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОКЭЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВЫ.

Салмин С.А., Салмина Е.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗЕМЛЯНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ XVIII в. В ПСКОВЕ.

Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г. НОВЫЙ ТОРГ ПСКОВА XVI–XVIII вв. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕХЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Салугина Н.П. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ.

Сальникова И.В. РОЛЬ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ (из опыта музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН).

Сарапулов А.Н. НОВЫЕ РАСКОПКИ ОПОРНОГО ПАМЯТНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ – РОДАНОВА ГОРОДИЩА.

Сатаев Р.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАК В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ (бронзовый век, Туркменистан).

Сатаев Р.М., Дубова Н.А., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В. СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ (бронзовый век, Туркменистан).

Сатаева Л.В. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ГОНУРСКОГО ОАЗИСА (бронзовый век, Туркменистан).

Сафонов И.Е. К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ.

Свиркина Н.Г. ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ФАНАГОРИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ (по палеоантропологическим материалам из восточного некрополя).

Святко С.В., Папин Д.В., Пошехонова О. ИЗОТОПНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ И СИБИРИ: КРАТКИЙ ОБЗОР И НОВЫЕ ДАННЫЕ.

Святко С.В., Реймер П.Дж. ПРЕСНОВОДНЫЕ РЕЗЕРВУАРНЫЕ ЭФФЕКТЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ.

Святко С.В., Степанова Н.Ф., Поляков А.В. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ.

Седикова Л.В. ИСТОРИЯ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ».

Сеидов А.Г., Фазлуллин С.М. РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА ТЕРРИТОРИИ НАХЧЫВАНА.

Семенов А.В. ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛУЧНИКОВ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЯНО-АЛТАЙСКОГО НАГОРЬЯ.

Семенов Вл.А. ОЗЕН-АЛА-БЕЛИГСКИЙ ЭТАП УЮКСКО-САГЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВЕ.

Сергушева Е.А. КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КАРПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ VI–X вв. В ПРИМОРЬЕ.

Сердюк Н.В., Ульянов В.А. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В ГОЛОЦЕНЕ ПО ДАННЫМ МИКРОТЕРИОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК В ПЕЩЕРНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ.

Серегин Н.Н. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ.

Сериков Ю.Б. БИКОНИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ПЕЩЕРНОГО СВАТЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ (р. Чусовая, Средний Урал).

Сидорова М.О., Омурова Г.Т., Кардаш О.В., Мыглан В.С. ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БУХТА НАХОДКА (п-ов Ямал).

Синицын А.А. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА.

Синицына Г.В. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЯ (БЁЛЛИНГ – ПРЕБОРЕАЛ) НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ.

Сиротин С.В. ПАМЯТНИКИ V–IV вв. до н.э. ЗАУРАЛЬСКОЙ БАШКИРИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА.

Ситдигов А.Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ.

Скобелев С.Г. «САПОЖКИ» НА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ У УРОЧИЩА АЛБАНЫ В ХАКАСИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СВЯЗИ С ЛОКАЛИЗАЦИЕЙ.

Славинский В.С. КЛЮЧЕВЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИАЭТ СО РАН.

Смирнов Н.Ю. КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА АРЖАН-1: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?

Смокотина А.В. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ г. БОСПОРА В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам амфор и краснолаковой керамики).

Смольянинов Р.В. ВОЛОСОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ?

Смоляк А.Р. ОСТРОВ ПОРЕЧНЫЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.

Соболев В.Ю. ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР XIII–XIV вв. ИСТОКИ И СЛОЖЕНИЕ.

Советова О.С., Шишкина О.О. НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ТЕПСЕЙСКОГО МИКРОРАЙОНА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.

Соенов В.И., Трифанова С.В. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ПРЕДКУДЫРГИНСКОГО ВРЕМЕНИ ВЕРХ-УЙМОН НА АЛТАЕ.

Соколова Л.А. БЛОК КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА САЯНО-АЛТАЯ.

Соловьев А.И., Гнездилова И.С., Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. КУРГАННАЯ ТРАДИЦИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П. АФАНАСЬЕВЦЫ РЕКИ УРСУЛ ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ.

Сомов А.В., Андреев К.М. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (на основе анализа комплекса поселения Калмыковка-I).

Сорокин А.Н. ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ МЕЩЁРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ.

Сотникова С.В. О ФОРМИРОВАНИИ АЛАКУЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.

Сперанская Н.Ю., Чухина И.Г., Григорьева Н.В., Соломонова М.Ю. ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ФИТОЛИТОВ ПОГРЕБЕННОЙ ПОЧВЫ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ.

- Степанова Е.В. РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОЛОВНОГО УБОРА ВОЖДЯ ИЗ 2-го ПАЗЫРЬКСКОГО КУРГАНА.
- Степанова К.Н., Очередной А.К., Ларионова А.В. КАМЕННЫЕ ОТБОЙНИКИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ РАВНИНЫ.
- Столяров Е.В. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ОКСКО-ДОНСКОМ ВОДОРАЗДЕЛЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.
- Столярова Е.К. СТЕКЛЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НОВОСЕЛКИ-2.
- Стоянова А.А. БУСЫ В КОСТЮМЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам могильника опушки).
- Строгова Е.А. ГОРОД ЯКУТСК: АРХЕОЛОГИЯ КАТАСТРОФ.
- Струкова Е.В., Ушаков С.В. СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С ЧЕРНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ ХЕРСОНЕСА: КУВШИНЫ.
- Сумманен И.М., Светов С.А. ПРЕЦИЗИОННЫЕ МЕТОДЫ ГЕОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ICP-MS, LA-ICP-MS) КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ: АПРОБАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ.
- Сутягина Н.А., Чугунов К.В. ЭЛИТНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ (предварительные итоги исследований кургана 1 могильника Бугры).
- Сыроватко А.С., Панин А.В., Трошина А.А., Зарецкая Н.Е., Гольева А.А., Семеняк Н.С. ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛАНДШАФТОВ И КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЩУРОВО: СТАРЫЕ ИДЕИ И НОВЫЕ ДАННЫЕ.
- Сыроватко А.С., Свиркина Н.Г., Клещенко Е.А. ГРУНТОВЫЕ КРЕМАЦИИ НА «ВЯТИЧСКОМ» КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА.
- Сыроватко А.С., Тавлинцева Е.Ю., Лопатина О.А., Жеребцова Н.С. КЕРАМИКА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕГИОНА.
- Табарев А.В., Попов А.Н. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ НЕОЛИТИЗАЦИИ В ТИХООКЕАНСКОМ БАССЕЙНЕ.
- Тарасова А.А. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЯРОСЛАВЛЬ И ТВЕРЬ ПО МАТЕРИАЛАМ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ.
- Татауров С.Ф. ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ В ГОРОДЕ ТАРЕ В XVII–XVIII ВЕКАХ.
- Татауров Ф.С. РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ.
- Татаурова Л.В. АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ СИБИРИ В XXI ВЕКЕ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ.
- Ташак В.И. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (новые данные).
- Тетькин А.В. ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВИТИМА В МАТЕРИАЛАХ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КОВРИЖКА-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь).
- Тетерин Ю.В. СТРАТИГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (по материалам могильника Староозначенская Переправа-I).
- Титова Ю.А., Титов Е.В. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ГОНЧАРСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УДАЧНЫЙ-14 В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ.
- Тишкин А.А. «ОЛЕННЫЕ» КАМНИ МОНГОЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АРХАИЧНОЙ КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ (к постановке вопроса).

Тишкин А.А., Матренин С.С. КОРРЕЛЯЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО И АБСОЛЮТНОГО ДАТИРОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ СТЕПУШКА-I (Центральный Алтай).

Тишкина Т.В. ПОПОЛНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ В БАРНАУЛЕ ЕГО СОТРУДНИКАМИ В XX В.

Ткачев А.Н. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Н.А. ЗАХАРОВА В 1920–1930 гг. И ИХ МЕСТО В СТАНОВЛЕНИИ КУБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Толмачева Е.Г. ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО – РАННЕИСЛАМСКОГО ВРЕМЕНИ НЕКРОПОЛЯ ДЕЙР АЛЬ-БАНАТ (Файумский оазис).

Толпеко И.В. АРТЫНСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ.

Торощин А.Г., Торощина Н.В., Чернова И.В. ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ СЕЛЬКУПСКОГО КЛАДБИЩА ВАРГАНАНЖИНО С АРХИВНЫМИ И ЭКСПЕДИЦИОННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ, МЕТОДИКА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю., Юрков Г.Ю. МАРКУЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ.

Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ: К ВОПРОСУ ГРАНИЦ.

Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Й. ван дер Плихт, Фернандес Р., Хоммель Р. РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДОЛЬМЕНОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ У СТ. ЦАРСКАЯ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ, 1898 г.

Тропин Н.А. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ЕЛЕЦКОГО КНЯЖЕСТВА.

Трубникова В.Б. К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ РАННИХ СЯНЬБЭЙ.

Труфанов А.Я. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В УРАЛО-СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Тулущ Д.К. К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ГОРОДИЩ ЭПОХИ ХУННУ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА (по материалам изучения фортификационных сооружений).

Тункина И.В. НЕИЗДАННАЯ «РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ» (1914–1921) С.Н. КОНДАКОВА.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭНЕОЛИТЕ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЕЛ-1.

Уваркин С.В., Чалых Н.Е. ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА СОРОКИНО-1 В «ЗЕМЛЕ ВЯТИЧЕЙ».

Ушаков С.В. ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (IV–VI вв.).

Фазлуллин С.М. ПОДВОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ.

Файзуллин А.А. РОЛЬ НЕОРДИНАРНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ В ОБЩЕСТВЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ.

Файзуллин И.А. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.

Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. УЛИЦЫ ТРОИЦКОГО РАСКОПА (топография, стратиграфия, хронология).

Федорина А.Н., Красникова А.М. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ КЛАДБИЩА В ОКРУГЕ СУЗДАЛЯ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Федорова Н.В. СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ ЕВРАЗИИ (рубеж эр).

Федорук А.С. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО АЛТАЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ.

Федорук О.А. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ И УКРАШЕНИЙ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАЛА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ (по материалам полевых работ 2016 г.).

Федотова И.В. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Федотова М.М. ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ В 20-х гг. XX в.

Фомин К.Н. ЗАСТРОЙКА г. ТУЛЫ XVI–XVII вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ.

Фрибус А.В., Грушин С.П. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ (проблемы хронологической и культурной интерпретации).

Фролов Я.В. АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА ОБЪ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А., Стасюк И.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА (по материалам стоянки Бюза-II).

Харинский А.В. ГОРОДИЩА-СВЯТИЛИЩА В СТРУКТУРЕ САКРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.

Хаценович А.М. ГЕНЕЗИС КОМПЛЕКСОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ.

Холкина М.А. КЕРАМИКА ТИПА УСКЕЛА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ФИНСКОГО ЗАЛИВА.

Хомякова О.А. К ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (по данным самбийско-натангийской/доллькайм-коврово культуры).

Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Мухаметшин Д.Г., Бугарчев А.И., Ситдинов А.Г., Петров П.Н., Федорова Е.А. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОНЕТ ДИНАСТИИ ДЖУЧИДОВ ГОРОДОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ.

Хрусталева И.Ю. ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВЫХ НАХОДОК С ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА СЕРТЕЯ-XIV.

Хубанова А.М., Новосельцева В.М., Клементьев А.М., Соколова Н.Б., Хубанов В.Б., Посохов В.Ф. СЛОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ C-N ИЗОТОПНОГО СОСТАВА КОСТНЫХ ОСТАТКОВ *ALCES AMERICANUS* ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-КЕУЛЬ-I (Северное Приангарье).

Худяков Ю.С. ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ.

Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА БИЛЯРА: К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА (по материалам раскопа XLIV 2015–2016 гг.).

Цветкова Н.А. МИКРОПЛАСТИНЧАТАЯ ТЕХНИКА РУБЕЖА МЕЗОЛИТА – НЕОЛИТА НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ.

Цембалюк С.И. НАЧАЛО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИИШИМЬЕ.

Цетлин Ю.Б., Холошин П.Р. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ СОСУДОВ ПОДБОЛОТЪЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Цыбанков А.А. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Саблин М.В., Медоус Д., Мотузаите Г. Матузевичиуте. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА РАКУШЕЧНЫЙ ЯР И ВОПРОСЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Чаплыгин М.С. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХРОНОЛОГИЯ.

Чаплыгин М.С., Стародубцев М.В., Приходько В.Е. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СРУБНОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.

Чаукин С.Н. ИЕРАРХИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ. ЛОКАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ.

Чаукин С.Н., Красильникова Н.А. ГИС КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. НА ПРИМЕРЕ БАЗЫ ДАННЫХ ОКН МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Чемякин Ю.П. ПРЕДКУЛАЙСКИЙ ЭТАП В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Чен А., Конг Д., Серегин Н.Н. ДРЕВНЯЯ КАМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА И ГЕОГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЗАПАДНОМ ТЯНЬ-ШАНЕ.

Черкасов А.Н., Веретюшкин Р.С., Лейбова Н.А. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЗАЩИТНИКОВ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА КОНЦА XVII в.

Черкасов А.Н., Забияко А.П., Хоменкер В.Р. АНГАЙСКИЙ МОГИЛЬНИК – УНИКАЛЬНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ВЕРХНЕМ АМУРЕ.

Чернецов А.В. К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗНАКОВ СОБСТВЕННОСТИ.

Черных Е.М. О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ГОРОДИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОЛГО-КАМЬЯ.

Четверкина Е.В. ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ ПОСУДЫ МИРМЕКИЯ.

Чеха А.М. К ПРОБЛЕМЕ ПУТЕЙ ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМИ ПОПУЛЯЦИЯМИ ТЕРРИТОРИИ АРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (Западный Казахстан).

Чеха А.Н. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА–БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (материалы 3 слоя стоянки Устье Реки Кутарей).

Чеха В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ЕНИСЕЯ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Чикунова И.Ю. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНО-ТАЕЖНОМ ПРИТОБОЛЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по материалам Ипкульского АМР).

Чикунова И.Ю., Скочина С.Н., Илюшина В.В. ВЕЩЕВОЙ И КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВАСЬЁГАН-1 (Северное Приобье).

Чубур А.А. АНТРОПОМОРФНАЯ КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА ПАЛЕОЛИТА.

Чубур А.А. АРХЕОЗООЛОГИЯ КОМПЛЕКСА ЧАШИН КУРГАН (летописный Дебрянск).

Чугунов К.В. ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЧИНГЕ-ТЭЙ-1 В ТУВЕ.

Шаймуратова Д.Н., Шакиров З.Г. КОСТНЫЕ ОСТАТКИ РЫБ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОРОДА (по материалам средневекового Биляра).

Шайхутдинова Е.Ф., Касимов А.В., Азизов Т.Р., Кугуракова В.В., Ситдииков А.Г. ОПЫТ СОЗДАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УЧЕТА РЕЗУЛЬТАТОВ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ УСПЕНСКОГО СОБОРА ОСТРОВА-ГРАДА СВИЯЖСК С ЭЛЕМЕНТАМИ МОНИТОРИНГА ЕГО СОСТОЯНИЯ.

Шайхутдинова Е.Ф., Ситдииков А.Г., Храмченкова Р.Х., Беляев А.В., Янбаев Р.М., Набиуллин Н.Г. АРХЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ ЧУГУНА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД.

Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Беляев А.В., Ситдииков А.Г., Янбаев Р.М. АРХЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ ЧУГУНА БУЛГАРСКОГО УЛУСА XIII–XV вв.

[Шалахов Е.Г. КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС ЮРИНСКОЙ СТОЯНКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ.](#)

[Шапран И.Г. СОСТАВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В МАТЕРИАЛАХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЯТСКИХ МАРИЙЦЕВ XVI–XVIII вв.](#)

[Шарапова С.В., Булакова Е.А., Луайе Ж., Солдаткин Н.В., Якимов А.С. БИОАРХЕОЛОГИЯ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА \(по материалам курганов №5 и 9 могильника Неплюевский в Южном Зауралье\).](#)

[Шарко Ф.С., Булыгина Е.С., Цыганкова С.В., Резепкин А.Д., Недолужко А.В. АНАЛИЗ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК, ВЫДЕЛЕННОЙ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ДОЛЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА ШУШУК.](#)

[Шаров О.В. ГОРНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И СВЯТИЛИЩЕ ТАРАКТАШ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ: КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТРУКТУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РИМСКОЙ ЭПОХИ.](#)

[Шведчикова Т.Ю. МАССОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ: СТРАТЕГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.](#)

[Шевцов А.О. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА.](#)

[Ширин Ю.В. О ХАРАКТЕРЕ ОСВОЕНИЯ ГОРНОЙ ШОРИИ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА.](#)

[Шишлина Н.И., Й. ван дер Плихт. РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КЕРАМИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ.](#)

[Шмелев К.В., Тарасов И.И., Кузьмин С.Л. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА КРОНВЕРКЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ: ОТ ЭПОХИ КАМНЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ.](#)

[Шмидт А.В., Кардаш О.В., Липс С.А. К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КАМНЕОБРАБОТКЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА \(на примере поселения Балинское-73\).](#)

[Шмидт И.В., Крафт И. ОРНАМЕНТОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА.](#)

[Шнайдер С.В. ОБИШИРСКАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ.](#)

[Шнеевайсс Йенс, Виднер Катя. АНТРОПОГЕННАЯ ПОЧВА КАК АРХИВ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ. «NORDIC DARK EARTH» КАК ПРИМЕР ЗНАЧИТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЙ.](#)

[Шорин А.Ф., Шорина А.А. СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «СВЯТИЛИЩЕ КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ И ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ» \(Среднее Зауралье\)](#)

[Шполянский С.В. СУЗДАЛЬСКОЕ ОПОЛЬЕ ДО И ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ во 2-й пол. XII – 1-й пол. XV в.](#)

[Шульга П.И. К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ И КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО СИНЬЦЗЯНА \(КИТАЙ\) В VIII–III вв. до н.э.](#)

[Шумкин В.Я., Колпаков Е.М. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗДНЕМ КАМЕННОМ ВЕКЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ.](#)

[Шутелева И.А. БРИТАНСКИЙ БРОСОК В БУДУЩЕЕ: БРИТАНСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРИОДА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ.](#)

[Щавелёв С.П. БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «АРХЕОЛОГИ РОССИИ»: СООБРАЖЕНИЯ К ПРОЕКТУ.](#)

[Щапова Ю.Л. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКАЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ \(числовая модель\).](#)

[Щекотилов В.Г. СОЗДАНИЕ КОМПЛЕКСА БАЗ ДАННЫХ ПО КРУПНОМАСШТАБНЫМ ТОПОГРАФИЧЕСКИМ МЕЖЕВЫМ И ВОЕННЫМ КАРТАМ РОССИИ XIX в. КАК КОМПОНЕНТЫ ГИС И ГЕОПОРТАЛОВ.](#)

Щелинский В.Е. КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ.

Щербачков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Леонов Т.А. МОДЕЛИ СТЕПНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ.

Энговатова А.В. ЯРОСЛАВЛЬ НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ БАТУ-ХАНА: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Эпов М.И., Молодин В.И., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Савлук А.В., Позднякова О.А. ПРИМЕНЕНИЕ ВЫСОКОЧАСТОТНОГО АЭРОМАГНИТНОГО КОМПЛЕКСА НА БАЗЕ БПЛА ДЛЯ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИЙ НА ПОИСКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Барацков А.В. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АЛГАЙ В СТЕПНОМ ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ.

Ютина Т.К. КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ УДМУРТИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Яворская Л.В. АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.

Яранцева Н.С. КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (по археологическим материалам г. Йошкар-Ола в 2015 г.).

Ярмолевич В.И. РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГА БЭСА (по материалам археологических раскопок ЦЕИ РАН в Мемфисе).

О.С. Абакумова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КНЯЖЕСТВА КОДА

Нижнеобское княжество Кода, о котором имеется достаточно много сведений в русских письменных источниках, представляет наибольший интерес в археологическом отношении. В настоящее время его территория входит в состав Октябрьского района ХМАО – Югры Тюменской области. На рубеже XX–XXI вв. там велись активные исследования археологов, проводивших не только раскопки, но и поисковые работы.

Кодское княжество из всех остяко-вогульских княжеств является наиболее изученным. Сведения о нем сохранились в русских источниках, в данном регионе были проведены исследования на наличие археологических памятников, большая часть из них не изучена раскопками, а из числа раскопанных в полной мере опубликованы лишь материалы городка Эмдер и двух связанных с ним могильников.

Археологические памятники княжества Кода, отличающиеся выразительностью, неизменно привлекают внимание археологов. Одной из первых к ним обратилась И.А. Талицкая, составившая археологическую карту Нижнего Приобья. В ее сводке фигурируют такие городки, как Вежакарское, Малоатлымское, Низямское и Шеркалинское городища [Талицкая, 1953, с. 243]. В конце 70-х гг. XX в. к средневековым древностям этого региона Западной Сибири проявили интерес археологи Уральского государственного университета В.М. Морозов, С.Г. Пархимович и А.Е. Курлаев. Они проводили археологические разведки и первые раскопки. Раскопками изучены городища Перегребное и Шеркалы-I, материалы которых частично опубликованы [Морозов, Пархимович, 1985, с. 89–98; Морозов, 1998]. В 90-е гг. XX – начале XXI в. к исследованиям подключились археологи Института истории и археологии УрО РАН А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров [2001], сосредоточившиеся на раскопках городка Эмдер и связанных с ним могильников и на поисково-разведочных работах, в ходе которых сверялись сведения письменных источников.

В настоящее время археологическими исследованиями изучены девять городков княжества Коды: Кармыкарский городок, Кодский городок, Большой и Малый Атлым, Вежакары, городище Перегребное-I (городок Полн-суге-вош, либо Нарн-вош?), Шеркалы (Шоркарские юрты), Эмдер, Низянский городок (рис.). Всего по письменным данным известны 13 городков [Бахрушин, 1935, с. 41].

Анализируя письменные и археологические источники, можно сказать, что в первой половине II тыс. н.э. происходили изменения в архитектуре, в погребальном обряде, а следовательно менялись и образ жизни, и миропонимание. Это время сложения элитарной культуры, которая проявляется в наличии нового типа городищ с глубоко эшелонированной системой обороны. Были возведены оборонные стены, внутри городков располагалась цитадель. Что примечательно, в отличие от более раннего времени, средневековые городища всегда отстраивались на том же самом месте и существовали, как, например, городок Эмдер, около 500 лет.

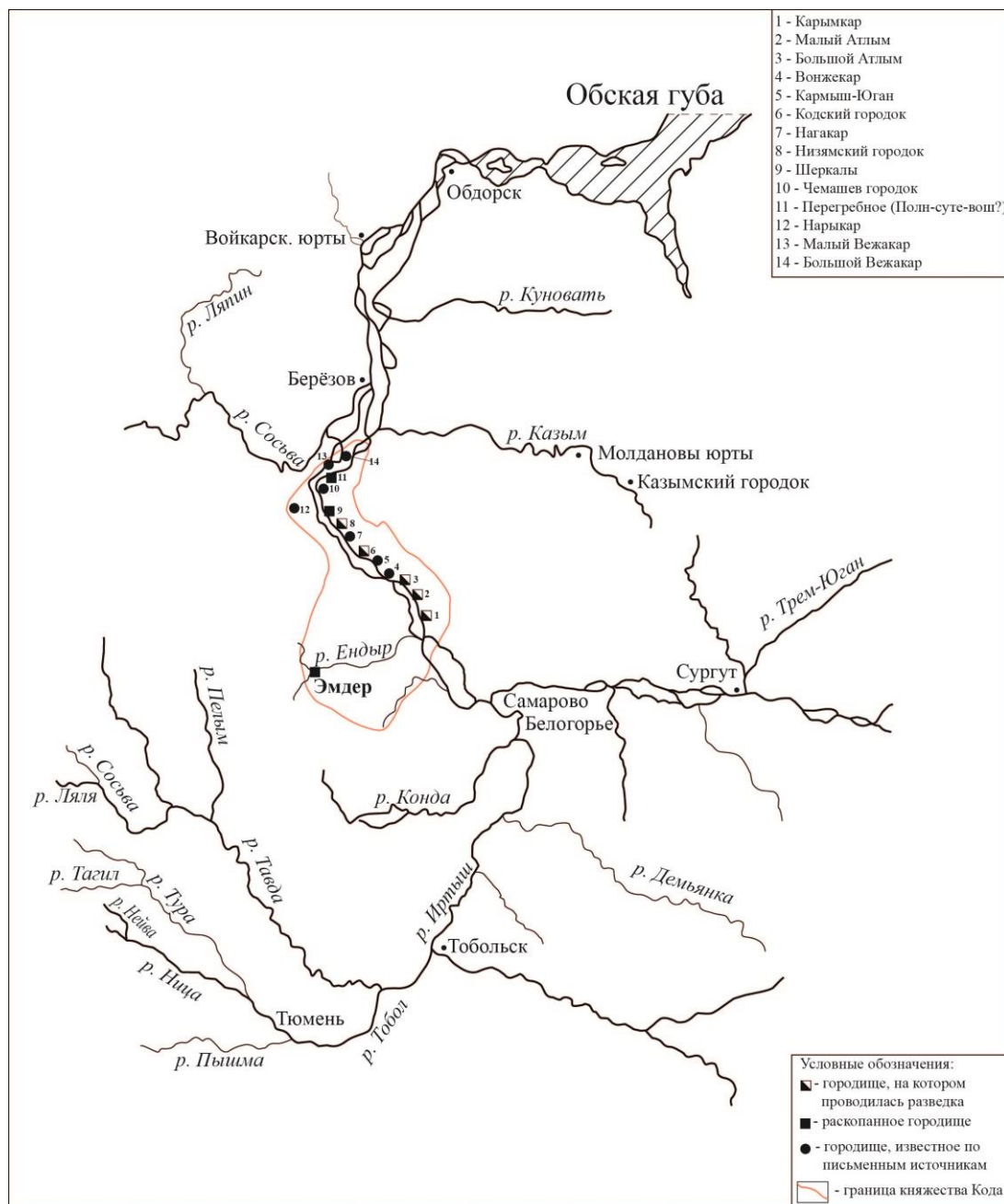
Подобные городки были важны как с политической, так и с социальной стороны. Так, городок Эмдер занимал доминирующие позиции в княжестве, пока его не захватили кодичи, но даже и после этого он не был уничтожен и продолжал какое-то время свое существование.

Городки выполняли не только политические, но и экономические функции. Там проводились торгово-обменные операции, которые полностью подчинялись элите в виде вождей, именуемых в источниках князьками. Княжество Кода полностью контролировало большую часть Нижней Оби, так как занимало в этом плане достаточно выгодную позицию.

Широкие обменные отношения, установленные правителями Коды, нашли отражение в археологическом материале, происходящем из раскопанных источников. Они свидетельствуют о контактах с населением европейского северо-востока и государством сибирских татар.

Исследование археологических источников Коды нельзя назвать завершенным, так как часть городков, известных по письменным источникам, еще не исследовалась, а раскопочные работы проводились крайне неравномерно и нередко на невысоком научном уровне.

Карта городков Кодского княжества (по данным письменных и археологических источников)

Библиографический список

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – Л., 1935.
 Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург, 2001.
 Морозов В.М. Отчет об исследовании городища Шеркалы-I. Екатеринбург, 1998 // УНИЦ. – 1998. – Д №3.
 Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное I (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень, 1985.
 Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – №35.

Х.М. Абдуллин
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
КЛАДЫ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(по материалам отчетов о находках для казанских губернаторов)

Находки кладов и предметов материальной культуры во все времена привлекали внимание государственных органов. В России еще в 1834 г. в правилах, разработанных для Керченского музея, закрепилась норма, гласящая, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древности на землях казенных и общественных» [Свод..., 1857, с. 82]. В 1837 г. законодательно закреплялся порядок представления и рассмотрения найденных кладов старинных монет и прочих древностей, а также вводилась обязательная норма о вознаграждении находчиков по весу и стоимости металла найденных предметов [Свод..., 1857, с. 468]. С 1869 г. через уездных исправников находки переправлялись в канцелярию Казанских губернаторов, а оттуда – в Императорскую Археологическую комиссию.

Всего в фонде Казанского губернатора Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) имелась 61 ед. хранения, связанных с находками древностей на территории губернии. Данные дела хронологически охватывают период с 1869 по 1915 г. Характеры находок, согласно этим делам, разнообразны: монетные клады, захоронения с вещами, серебряные слитки, ювелирные предметы и посуда. Большинство монетных кладов были легко датированы 2-й половиной XIX – началом XX в., предметные клады в своем большинстве оставались неатрибутированными, и отнести их к какому-либо периоду на основании скудных описаний затруднительно. Исключением являются только совместные клады монет и предметов. Всего удалось обнаружить 19 таких сообщений о кладах периода Золотой Орды и Казанского ханства. Из них наибольшее количество находок было сделано в Спасском уезде – восемь, далее в Чистопольском – пять, городе Казани и уезде – три, по одному в Лаишевском, Мамадышском и Тетюшском уездах. Из территорий, входящих ныне в Республику Татарстан, находки, отвечающие поставленным требованиям в тот период, отсутствовали только в Свияжском уезде.

Так, в 1873 г. крестьянин деревни Измери Спасского уезда, распахивая землю в трех верстах от данного населенного пункта, вырыл сохой медный полуистлевший кувшин, заполненный серебряными монетами. Находка, высланная в Императорскую Археологическую комиссию, была определена как клад, который «... заключал в себе обрезанные, и за малыми исключениями, совершенно негодные монеты джучидских ханов Узбека, Джанибека, Бирдибека, Хызра, Науруза, Хайр Пулада, цельные монеты Тохтамыша, Тимур-Кутлу, Шадибека и Пулад-Хана. Кроме того джагатайские монеты Сююргатмыша, Махмуда, Тимура и Саида и подражания татарским монетам» [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3088. Л. 1–1об., 3–3об.].

В 1887 г. крестьянами с. Балахчина Лаишевского уезда Василием Борисовым и Василием Мешкачевым при рытье могилы на кладбище обнаружены 350 татарских старинных монет. В Императорской Археологической комиссии определили, что клад содержал «... золотоордынские серебряные монеты, весом 1 фунт 26 золотников 90 долей» [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7100. Л. 16, 28–28об.].

В 1892 г. крестьянка Пелагея Титова и солдатка Кокордия Яшкова, собирая грибы в лесу, близ деревни Николаевки Чистопольского уезда «... нашли в земле в посудине старинного серебра весом двадцать фунтов и одна осьмая, в том числе один золотой и одна палочка» [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8729. Л. 1–1об.]. В Императорской Археологической комиссии данный клад был описан следующим образом: «Медный кувшин, содержащий 1 золотую монету патанскую и 19 фунтов 81 золотник 90 долей серебра монет золотоордынских, синеордынских, хулагуидских и османских XII–XIV вв.». Из этих

предметов кувшин был передан на хранение в Музей Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете, 25 серебряных монет – в Эрмитаж, а остальные сплавлены [Отчет за 1892, 1894, с. 96, 160–161].

В 1893 г. во время земляных работ около Кизической дамбы за рекой Казанкой в городе Казани крестьянами Романом и Даниилом Клешиниковыми и Семеном Баевым найдены 597 серебряных монет малого формата [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9133. Л. 2]. В Императорской Археологической комиссии находки были определены как «джучидские и гиреевские монеты 1402–1462 гг., чеканенных в Болгаре, Хаджи-Терхани, Орду-Базаре, Бек-Базаре и Крыме». Монеты были распределены по следующим музеям: Императорский Эрмитаж, Азиатский музей Академии наук и Казанский университет [Отчет за 1893, 1895, с. 41, 112–113].

В 1895 г. крестьянин деревни Большой Шикши-Олуяз Мамадышского уезда Гилязетдин Галиакберов во время посева озимого хлеба в поле нашел 325 серебряных монет с надписями на татарском языке [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9756. Л. 1]. Позже клад был пожертвован Императорской Археологической комиссией в Музей ОАИЭ. При передаче их на хранение было составлено такое описание: «2 экз. Девлет-бирди, чеканенные в Хаджи-тархане (древней Астрахани) 831 г. гиджры – 1427/8; 116 экз. Мухаммеда б. Тимура, чеканенные в Хаджи-тархане, Бек-базаре и Орду-базаре; 17 экз. Мухаммед-хана, чеканенные в Орду-базаре; 102 экз. Махмуда, чеканенные в Хаджи-тархане, Укеке и Орду-базаре; 46 экз. Мустафы, чеканенные в Хаджи-тархане; 42 экз. Сейид-Ахмеда, чеканенные в Орду-базаре. На многих монетах года и места чекана стерты или не обозначены. Монеты эти относятся к 831–884 годам гиджры – 1427–1479 гг. по Р.Хр.» [ИОАИЭ, 1895, с. 239].

В 1907 г. канцелярским служителем Тетюшского уездного казначейства Владимиром Тенилиным и крестьянином первого общества Пролейкашинской волости Тетюшского уезда Михаилом Зубрилиным в двух-трех верстах выше города Тетюш были найдены зарытыми в земле, приблизительно на один аршин глубины, серебряные старинные мусульманские монеты, всего в количестве 1476 шт. [НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2878. Л. 11]. В Археологической комиссии присланный клад был определен как «... клад из 1476 экз. монет XIV в., преимущественно татарских, а также восточных и русских. Большинство монет принадлежит чекану Тохтамыша (1263 экз.), остальные – джагатаидам (1383 и 1388 гг.), нефендиарам, джелараидам, османидам и джучидам (от Узбека до Шадибека). В том же кладе находилось: 16 подражаний джучидам с русскими надчеканами и две неизданные удельные монеты (рязанская и городецкая)». В итоге 198 экз. монет из этого клада были переданы на хранение в Эрмитаж, а остальные приобретены частным лицом [Отчет за 1907, 1910, с. 119, 137].

Таким образом, представленные материалы о случайных находках и кладах во 2-й половине XIX – начале XX в. свидетельствуют о широком распространении на территории Казанской губернии в границах современного Татарстана, за исключением Свияжского уезда, материальных свидетельств периода Золотой Орды и Казанского ханства и показывают механизм фиксации, анализа и распределения находок, представляющих исторические ценности, по научным и музейным учреждениям Российской империи.

Библиографический список

Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Т. XIII, Вып. 3. – Казань, 1895.

НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3088, 7100, 8729, 9133. 9756.

НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2878.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 г. – СПб., 1894.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 г. – СПб., 1895.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1907 г. – СПб., 1910.

Свод законов Российской империи. – Т. 10. – Ч. 1. – Кн. II : О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще. – СПб., 1857.

С.А. Авдусина
Государственный исторический музей, Москва
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛЫХ СООРУЖЕНИЙ ГНЁЗДОВА
(на материалах пойменной части поселения)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ №16-06-00380
«Ландшафтный фактор в формировании раннегородских центров Древней Руси
(на примере Гнёздовского археологического комплекса конца IX – начала XI вв.)»

Материал, касающийся жилищ Гнёздова, практически не издан. Здесь речь пойдет о двух постройках, исследованных Смоленской экспедицией Государственного исторического музея (ГИМ) в центре пойменной части поселения.

Одна из них – округлая в плане яма 2,2 × 2 м. Стенки ямы практически отвесные. Глубина котлована относительно поверхности материка – 80–85 см. На дне котлована зафиксировано несколько гумусированных слоев, связанных с функционированием постройки. В самом нижнем из них «читаются» горелые деревянные плашки и камни, возможно, остатки очага. Выше лежит пожарный слой, который может быть верхним уровнем пола постройки. Еще выше находятся слои, предположительно представляющие собой завал стен и потолка сооружения. Они состоят из слоев обожженной глины и слоев гумусированной супеси с включениями обожженной глины. С восточной стороны в яме «читается» ступенька – предположительно вход в постройку. В самой постройке очага не зафиксировано, но рядом прослежена синхронная сооружению, прилегавшая к нему яма с очагом. В заполнении постройки обнаружено 47 предметов, 19 из них – это бусы, остальное – предметы бытового назначения. Также в сооружении была найдена медная бляшка круглой формы с серебряной инкрустацией в виде звезды. Такие бляшки В.В. Мурашева [2000, с. 117] датирует 2-й половиной X в. Кроме того, в заполнении постройки абсолютно преобладали фрагменты круговых сосудов. По мнению Е.В. Каменецкой [1977, с. 114–115], гончарный круг появляется в Гнёздове не ранее конца 1-й четверти X в. Таким образом, функционирование постройки, по-видимому, началось не ранее середины X в.

В 5 м к востоку от вышеописанной постройки было открыто сооружение длиной не менее 8 м, вытянутое с севера на юг. Ширина его нам пока не известна, поскольку все западная сторона постройки оказалась за пределами раскопанной площади. Постройка была углублена в землю на глубину до 1 м и прилегала к склону холма, который был подрезан. Конструкция прослеженного жилища была, по-видимому, столбовая и держалась на нескольких опорных столбах, ямы от которых обнаружены у восточного края постройки. Вплотную к этим столбам проходило два ряда частокольных ям – скорее всего, остатки частокола, окружавшего усадьбу. Постройка имела два угольных и один серый слой в заполнении, каждый из которых был перекрыт слоем желтой или серой супесчаной засыпки. Эти слои могут быть интерпретированы как три последовательно сменяющих друг друга уровня пола. В среднем слое читаются остатки сгоревших досок. Остатков стен не зафиксировано. В нем и нижележащем слое засыпки постройки найдены 49 заклепок и их фрагментов. Нужно сказать, что слои постройки были насыщены разнообразными бытовыми находками. Всего в сооружении найдено 330 находок, из них 185 бисерин. Очаг также на данный момент не обнаружен. Строительство постройки может быть отнесено ко времени не ранее 930-х гг. X в., но так как в слоях постройки содержится только 13% круговой и 87% лепной керамики, постройка может быть отнесена к 930–950 гг.

Рассмотрение вышеописанных построек показывает наличие в Гнёздове в X в. как минимум двух отличных друг от друга типов жилищ, что может быть объяснено неодновременностью их существования.

Библиографический список

- Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья : дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997.
- Мурашева В.В. Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). – М., 2000.

А.Л. Автушкова

Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск
ПРОЕКТ ПО СОЗДАНИЮ ОБОБЩАЮЩЕГО ТРУДА ПО ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ И ЕЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Необходимость создания обобщающего труда по истории научно-исследовательской организации – Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), о которой пойдет речь в данной статье, назрела достаточно давно. Авторы, обращающиеся к данной теме, писали либо об отдельных аспектах деятельности Общества, либо давали краткую его характеристику. Автором настоящей работы предлагается проект по созданию обобщающего труда по истории этой уникальной организации. В данной статье пойдет речь только об одной стороне деятельности ОИС – о ее археологической составляющей.

В 1925 г. в г. Новониколаевске было образовано Общество изучения Сибири и ее производительных сил, которое явилось созидающей и объединяющей силой для местных исследователей. Особую роль ему придавало то, что оно имело связи с крупнейшими научными учреждениями столицы – Государственной Академией Истории материальной культуры, Русским музеем и Эрмитажем. Создавалось оно практически с нуля. В Новониколаевске не существовало никаких обществ и кружков, занимавшихся научно-исследовательской работой. Вся научная жизнь кипела в соседних городах. Общество смогло сплотить вокруг себя ученых, краеведов, всех, кто интересовался историей огромного края, и тех, кому была небезразлична его судьба. В разное время с ним сотрудничали как представители нового советского государства, так и старая дореволюционная интеллигенция, по сути ставшая во главе его. Наряду с коммунистами (А.А. Азлецкий, А.А. Ансон, В.Д. Вегман и др.) общество включало в себя и видных деятелей антибольшевистского движения (генерал В.Г. Болдырев, занимавшие высокие посты в «белых» правительствах Г.А. Краснов, проф. Н.Я. Новомбергский и др.). В условиях второй половины 1920-х гг. это являлось реальным воплощением определенного компромисса во взаимоотношениях коммунистического режима с недавними противниками в интересах развития страны. Среди активных членов Общества можно назвать такие знакомые всем имена, как В. Арсеньев, Б. Петри, Г. Сосновский, Н. Ауэрбах, В. Вегман, М. Кравков, В. Болдырев, С. Сергеев. П. Драверт и др. ОИС с первых лет своего существования развернуло широкую научно-исследовательскую деятельность, затронув в рамках изучения экономического потенциала сибирского региона не только собственно экономическую, но и культурную сторону жизни народов Сибири, а также их прошлое. Так, в ОИС имелся Отдел изучения человека, в котором имела антрополого-историческая секция. В соответствии с Уставом ОИС совмещало в себе черты научного и краеведческого обществ, что позволяло строить и планировать работу путем сочетания как научной деятельности членов ОИС, осуществлявших ее профессионально в вузах, научно-исследовательских учреждениях, музеях и т.д., так и работы по развертыванию и поддержке массового краеведения в Сибири. Соответственно этому основными структурными рабочими единицами ОИС, помимо секций, являлись Бюро экспедиций и Бюро краеведения.

Одним из важных направлений деятельности ОИС явилась экспедиционная деятельность, в ходе которой сотрудники ОИС изучали археологические памятники, этнографию, геологию, экономико-сырьевую базу региона. Именно в годы существования ОИС на территории Новосибирской области было открыто множество археологических памятников. Благодаря привозимым собираемым материалам были заложены основы археологической коллекции единого Музея производительных сил в Новониколаевске. Сотрудничество с ОИС пошло на пользу молодому музею и в плане организации экспедиций по ближайшим окрестностям. Многие из сотрудников музея были и членами Общества. После ликвидации Общества в 1931 г. и репрессии многих ее членов исследовательская работа в Сибирском крае надолго замерла.

За шесть лет своего существования ОИС провело более 200 экспедиций различного уровня в Сибирском регионе, среди них ряд археологических, таких как рекогносци-

рочные работы И. Мягкова в окрестностях Новосибирска в 1926 г., завершение раскопок под Красноярском Н.К. Ауэрбаха в 1926 г., сборы М.А. Кравкова на Чертовом городище в 1925–1926 гг. и на берегах Убинского озера в 1926 г., раскопки С.М. Сергеева у д. Курбес в 1927 г. и в Алтайском крае в 1930 г.

Обществом была разработана инструкция окружным комиссиям в части охраны археологических памятников, опубликованная Н.К. Ауэрбахом в 1929 г., собирались сведения о состоянии археологических отделов окружных музеев, а также об археологических экспедициях от Урала до Владивостока. Кроме того, планировался созыв Первого Всесоюзного археологического съезда в 1930 г.

Материалы экспедиций ОИС хранятся в музеях Сибири и в Санкт-Петербурге, а также за рубежом. К сожалению, вещественных материалов сохранилось гораздо больше, чем письменных. Меньше всего имеется археологических отчетов и дневников.

Краткосрочность существования Общества (1925–1931 гг.), а также тот факт, что члены его подверглись политическим репрессиям в ходе партийных чисток, привели к тому, что многие документы, связанные с его научной и культурной деятельностью, были уничтожены, либо утеряны, а также в виде личных дел сотрудников Общества находятся в малодоступных архивах УФСБ. Поэтому каждый сохранившийся документ, каждый сохранившийся предмет, найденный в экспедиции или принадлежавший сотруднику ОИС, содержит в себе недостающую крупицу информации о существовании этой научной организации.

Цели и задачи проекта. Цель данного проекта состоит в создании обобщающего труда по истории образования и деятельности Общества изучения Сибири и ее производительных сил, в котором будут собраны все имеющиеся сведения о нем, о его многогранной и разнонаправленной деятельности.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Собрать и систематизировать письменный и вещественный материал, относящийся к данной организации: отчеты, дневники экспедиций, коллекции музеев, отчеты оргсобраний и т.д., личные дела членов ОИС.

2. Охарактеризовать деятельность ОИС в целом, а также отметить роль отдельных, наиболее значимых членов организации, сделавших наиболее ощутимый вклад в исследования Сибири.

3. Итог работы: написание монографии и справочника – путеводителя по фондам госархивов, архивов научных организаций, где хранится письменная документация ОИС; по фондам музеев, где хранятся коллекции, добытые в экспедициях ОИС.

Источники

Алтайский край: КУ республики Алтай «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай»: Ф. Р-64. Ф.Р-288. Оп. 1, 2; Ф.Р-140. Оп. 1; Алтайский краевой краеведческий музей.

Архив УФСБ НСО и др. отделений УФСБ Сибири.

Государственный архив РФ по истории РСФСР: Ф. А-2306, Ф. А-2307.

Иркутск: ОГУ «Государственный архив Иркутской области» (ОГУ ГАИО).

Красноярск: КГКУ «Государственный архив Красноярского края».

Новосибирск: «Старые поступления» ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей»; ГКУ НСО «Государственный архив Новосибирской области»: Ф. Р-217 (265 дд.); Научный архив ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН»: личный фонд Н.К. Ауэрбаха.

Омск: КУ Иса «Исторический архив Омской области»: Ф. Р-1074, Ф. Р-1076; ГУ Омский государственный историко-краеведческий музей.

Санкт-Петербург: Научный архив Института истории материальной культуры РАН: Ф. 2.

Томск: ОГКУ «Государственный архив Томской области»; Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова.

А.Л. Автушкова

Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск
СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ
СОВРЕМЕННОЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ТРУДЕ И.Г. ГМЕЛИНА
«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИБИРИ В 1733–1743 гг.»

Присоединение огромной территории Сибири в XVI в. ознаменовало собой новую эру в истории Российского государства. Последовавшие за этим петровские преобразования обусловили потребность к разностороннему познанию окружающей действительности. В полной мере этой выразилось в создании Академии наук и академических путешествиях.

В ходе Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., а именно в 1741 г., территорию современной Новосибирской области посетил участник одного из отрядов экспедиции Иоганн Георг Гмелин – немецкий ученый, ботаник, врач, написавший по итогам путешествия пространный труд «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743», изданный в Геттингене в 1751–1752 гг., который и был взят за основу исследования.

В своих записях И.Г. Гмелин в мельчайших деталях описывает свой путь. Он указывает название каждого населенного пункта, каждого водоема, через которые проезжал. Благодаря этому мы можем проследить его путь. И.Г. Гмелин как пылкий исследователь останавливал свое внимание на каждом объекте, который, по мнению ученого, мог осветить историю местности, по которой двигался отряд экспедиции. Таковыми объектами, например, стали археологические памятники – курганы и городища, описанные И.Г. Гмелиным в дневнике.

3 июня 1741 г. И.Г. Гмелин останавливался в Абачанском Зимовье, которое представляло собой небольшое поселение из нескольких домов, расположенных на Абачанской протоке (по-татарски – Абачан Ису). Кроме того, там протекают небольшая река Уень и ручей Ик-Карагай в пяти верстах ниже Зимовья. Судя по всему, Ик-Карагай – это одна из стариц Оби. По дороге к зимовью исследователь заметил расположенные по обе стороны от дороги курганы в виде поднятых над землей холмов, которые он обозначил гробницами древних татар. Некоторые из них были раскопаны, другие – частично. В нижнем течении Ик-Карагая также были отмечены остатки древних укреплений, по мнению И.Г. Гмелина, самые крупные из которых он встречал на севере.

Одно из поселений И.Г. Гмелин пожелал увидеть собственными глазами. Его проводник в тех местах объяснил, что эта «крепость» похожа на те, которые расположены много ниже по течению ручья. В тот же вечер исследователь отправился к указанному объекту. От зимовья «крепость» располагалась в 4,77 км, если ехать в обход лесного массива. В плане «крепость» представляла собой длинный прямоугольник, короткие стороны которого параллельны Оби. Размеры объекта – 43,2 × 28,08 м, площадь – 561,6 м². Южная сторона представляла собой крутой обрыв, спускавшийся к реке. С трех сторон памятник имел укрепления в виде вала и двух рвов, один из которых составлял 0,71 м глубиной. Между рвами расстояние не превышало четырех сажень. Внутреннее пространство «крепости» занимали жилищные западины, выстроенные в линию, – всего их было восемь. С северной стороны обнаружены еще две западины. Надо полагать, что ученым было описано городище на берегу Оби. Основными ориентирами при определении местоположения памятника служат озеро Ик-Сианин в 648 м и еще одно безымянное озеро в 216 м, расположенные к западу от памятника. От этого места до реки Уень 2,65 км, до устья Абачанской протоки (Абачан-су) – 648 м, до Орского Бора, или Ор-Карагая, – примерно 12,72 км¹. И.Г. Гмелин составил план городища непосредственно на месте, причем в целях экономии бумаги расстояния между объектами соблюдены не были.

К сожалению, месторасположение городищ и курганов у Абачанского зимовья неизвестно. Можно предположить, что они находились где-то в районе между современными

---

¹ Указаны современные единицы измерения.

селами Пристань-Почта и Юрт-Оры, ближе к селу Пристань-Почта. На это указывает тот факт, что исследователь уже проехал Таловые Острова на Оби, но еще не доехал до Юрт-Ор, двигаясь вверх по течению реки Уень, которая имеет в своем течении много проток, образовавших многочисленные озера. Поэтому связать названия Ик-Карагай, Абачан-су и Ик-Сианин с какой-нибудь из протоков или с каким-либо озером сейчас практически невозможно.

С названными курганами определенно можно соотнести открытый В.Ю. Дубининым в 1988 г. курганный могильник Почта-3, расположенный на западной окраине с. Почта Колыванского района Новосибирской области, на правом берегу р. Уени. В 1989 г. могильник был обследован А.А. Адамовым. Им зафиксированы 12 курганов диаметром от 3,5 до 16 м, высотой от 0,4 до 2,5 м. Могильник относился к эпохе раннего железа (IV–III вв. до н.э.), находится на территории контактной зоны большебереченской и кижировской культур. В ходе инвентаризации и мониторинга объектов археологического наследия Новосибирской области 2008 г. сотрудники ГАУ «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области» констатировали полное разрушение памятника.

Кроме того, в конце сентября 2011 г. при осмотре территории дачного поселка в с. Пристань-Почта Колыванского района сотрудниками ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей» А.Л. Автушковой и С.Г. Росляковым на огороде одного из собственников дачного участка Ю.А. Фабрики зафиксированы остатки поселения ирменской культуры, расположенного на краю высокой пятиметровой надпойменной террасы р. Уень. Край террасы круто спускается к пойме р. Уень, протекающей к северу от территории поселка с запада на восток. Участок террасы, на котором находится памятник, огорожен сплошным железным забором. К северу от дачного участка Ю.А. Фабрики, в районе поймы р. Уень, проложена дорога, ведущая из с. Пристань-Почта в с. Черный Мыс и с. Стародубовино. Территория памятника, занимаемая дачным участком, активно используется. Границы памятника не установлены из-за сильного повреждения исследуемой поверхности. В ходе обследования дачного участка обнаружены фрагменты керамики ирменской культуры, зафиксировано место нахождения бронзового наконечника копья.

Судя по сохранности обнаруженного памятника, можно говорить о том, что в районе поселка могли существовать и другие археологические объекты, ныне уничтоженные.

Продвигаясь вглубь Барабинской лесостепи, в конце июня И.Г. Гмелин на подъезде к Усть-Тартасскому форпосту на берегу р. Оми отметил ряд курганов. Главное отличие их от окружающих природных образований, по мнению исследователя, в том, что погребенная земля – чистая супесь без солонцов, которые достаточно распространены в данной местности. Идентифицировать указанные курганы в настоящее время также очень сложно. С долей вероятности к описанным курганам можно отнести курганные могильники Старый Тартас-3 и Старый Тартас-4, находящиеся в 1,4–1,7 км к юго-востоку от с. Старый Тартас на террасе левого берега р. Оми, у полевой дороги, ведущей из села по террасе.

В целом исследования, произведенные И.Г. Гмелиным на территории Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи, представляют большую ценность для ученых. Для нас же особенно важны сведения об археологических памятниках, так как они являются первыми наиболее ранними подробными данными о местонахождении упомянутых памятников.

Библиографический список

Автушкова А.Л. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Каргатском, Убинском, Колыванском и Мошковском районах Новосибирской области в 2011 г. – Новосибирск, 2011.

Перечень объектов культурного наследия, расположенных в районах Новосибирской области. Ч. 2 : Объекты археологического наследия. – Новосибирск, 2011.

D. Johann Georg Gmelins Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. – Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1751–1752. – Т. III. – 1752.

А.Б. Агаркова, М.Ю. Селянина
Сургутский краеведческий музей, Сургут
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ФОНДОВОЙ РАБОТЫ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ И КОЛЛЕКЦИЙ
(из опыта работы Сургутского краеведческого музея)

Современное законодательство в области комплектования и хранения государственной части Музейного фонда Российской Федерации налагает особые требования к муниципальным музеям. При условии заключения трехстороннего договора на право оперативного управления коллекциями музеев, которые имеют возможность обеспечить качественную сохранность археологического наследия, являются хранителями государственной части Музейного фонда Российской Федерации, наряду с федеральными и региональными учреждениями.

Сургутский краеведческий музей более 40 лет хранит и экспонирует археологические коллекции. С начала 90-х гг. XX в. археология становится одним из приоритетных направлений в комплектовании коллекций музея. К 2016 г. фонд археологии насчитывает более 30 тыс. предметов. Это дает возможность полноценно иллюстрировать историю Среднего Приобья от эпохи неолита (V–IV тыс. до н.э.) до начала XX в.

Несмотря на то, что основным нормативным документом в сфере учета, хранения и комплектования в музеях Российской Федерации до сих пор остается Инструкция 1985 г., музейные учреждения поставлены в условия необходимости создания электронных баз данных, электронных версий инвентарных книг, каталогов и представления музейных собраний в региональные и всероссийские реестры. Особенность этой процедуры заключается в том, что для каждого предмета основного фонда необходимо создание отдельной карточки. При заполнении электронной учетной карточки на один предмет требуется максимально полная информация об этом предмете, коллекции, памятнике, авторе исследования, публикациях предмета. Известная фрагментарность всех археологических коллекций не только не освобождает эти предметы от общих музейных требований, а в значительной степени усложняет обработку и введение в оборот переданных в музей материалов. Коллекционные описи, составленные авторами в соответствии с современными требованиями ОПИ, не содержат необходимой информации, за исключением номера полевой описи и наименования предмета. Как правило, при передаче коллекций в музей авторами исследований памятников описи не корректируются. Это приводит к необходимости полной повторной обработки коллекции, но уже сотрудниками музеев, что при выполнении требований к реализации «дорожной карты» снижает процентные показатели учреждения культуры.

В последнее десятилетие сотрудники отдела археологии и этнографии музея после проведения сверки собрания перешли от простого накопления фондов к систематизации и подробному описанию коллекций. В первую очередь это коснулось научного аннотирования предметов из поступлений 2-й половины XX в. В ходе работ иначе предстали коллекции из памятников урочища Барсова Гора как в количественном пососудном составе, так и с точки зрения культурных характеристик керамических комплексов. Это связано и с корректировкой археологической периодизации региона.

Другой аспект научно-фондовой работы в Сургутском краеведческом музее – повышение степени аттрактивности коллекций и увеличение доли привлекаемых материалов в различных видах музейных публикаций. В 2006–2008 гг. был реализован проект «Глиняные образы Югры» по реставрации керамического комплекса. Значительное внимание уделяется мониторингу сохранности предметов из металлов и сплавов. За последние семь лет отреставрировано более 420 предметов IX–XIX вв. н.э. Консервация и реставрация предметов из органических материалов производит в музее реставратор старший научный сотрудник О.В. Стародубова.

Экспонирование предметов археологии как основной метод музейной публикации предметов было и остается вопросом дискуссионным. Восприятие археологических выставок напрямую зависит от степени подготовленности аудитории и понимания авторами выставок целей и задач для различных групп посетителей. В сфере популяризации историко-культурного наследия направленность Сургутского краеведческого музея определяется его исторической спецификой, а его посетители проявляют устойчивый интерес к прошлому этой территории. Так, в 2013 г. в рамках празднования 50-летия музея была открыта историческая экспозиция «Перекресток времен», снискавшая высокую оценку профессионального сообщества. Эта выставка и сегодня является самой востребованной среди жителей и гостей города. В пространстве выставки впервые масштабно представлен фонд археологии – экспонируется более 1 000 предметов от каменных неолитических орудий до материалов XVII–XIX вв. (из раскопок культурного слоя г. Сургута, проводимых музеем в 2008, 2012 гг.).

На площадке выставки регулярно проводятся интерактивные и мультимедийные занятия («Каменный век на экране», «Первый сургутской городок») и мастер-классы по лепке из глины (например, «Загадки Средневековья»). Одним из новейших стал мастер-класс «Камень о камень», посвященный традициям камнеобработки эпохи неолита – энеолита, где дети не только узнают, как делали орудия из камня и с помощью камня, но и пробуют работать некоторыми из них.

Неугасающий интерес посетителей к выставке «Перекресток времен», на наш взгляд, обусловлен не только обширным историческим материалом, но и периодическими обновлениями разделов экспозиции. Так, в марте 2016 г. на церемонии «Экспонатариум» были представлены новые поступления музея: клад элитных украшений городища Барсова Гора-1/20 и так называемый серебряный «сервиз» из Сайгатинского археологического комплекса. Проведенная в 2015 г. работа по научному описанию и реставрации предметов позволила впервые экспонировать эти уникальные предметы в Сургутском регионе.

Также в выставочном пространстве «Перекресток времен» родился проект «Авторский четверг». Это цикл эксклюзивных встреч с объявленной музейной тематикой, некоторые из них были посвящены археологии Среднего Приобья.

Отдельного внимания заслуживают выставки, созданные сотрудниками музея, демонстрирующие древности Сургутского Приобья в рамках Международного Северного археологического конгресса (г. Ханты-Мансийск). В 2010 г. совместно с центрами «Барсова Гора» и «Гиперборея» в рамках работы конгресса была открыта выставка «Хроники поиска: Сургутское Приобье», где впервые подробно представили историю исследования урочища Барсовой Горы и деятельность по сохранению наследия вышеуказанных организаций. Вслед за г. Ханты-Мансийском эта выставка экспонировалась в Музее истории и этнографии г. Югорска, а в 2011 г. и в Сургутском краеведческом музее, где тогда же стартовал виртуальный просветительский проект «Ученые о Югре».

В 2015 г. на следующем Международном Северном археологическом конгрессе совместно с НПО «Северная археология-1» сотрудниками музея создана выставка «Сквозь грани эпох». В историю археологических проектов музея эта выставка вошла как одна из самых сложных с точки зрения технической подготовки и самых ярких с точки зрения представления новейших археологических исследований Сургутского Приобья посредством музейного дизайна. Значительная часть предметов экспонировалась впервые и была привезена с раскопок за месяц до начала выставки. Экспериментальной оказалась и сама демонстрация на площадке Музея геологии, нефти и газа (г. Ханты-Мансийск). На выставке экспонировалось более 700 предметов из коллекций селища Большой Салым, Кинтусовского комплекса, городища Стрелка, могильника Частухинский урий, урочища Бала, а также из исторических слоев Сургута и Березово.

А. А. Адамов
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск
**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ В XII–XIV вв.**

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России
в рамках темы ФНИ №0408-2015-0003 «Изучение культуры населения
северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)»

Еще совсем недавно (10 лет назад) археологические памятники золотоордынского времени в Тобольском Прииртышье были представлены крайне ограничено и связывались с материальной культурой сибирских татар [Адамов, 1998; Могильников, 2002]. Новые находки последних лет позволили полностью пересмотреть этнокультурную ситуацию в Тобольском Прииртышье в XII–XIV вв.

На сегодняшний день известны 29 археологических памятников XII–XIV вв., расположенных в Тобольском и Вагайском районах Тюменской области. Это восемь хорошо укрепленных городищ (Сузгэ-Тура, Искер, Ивановское, Ярковское-1, Долговское-1, Бегишевское-1, Тобол-Тура-1, Старый Погост), а также как минимум 13 грунтовых могильников и одно культовое место.

Исследования на двух могильниках – Ивановском-10 и Абалакском-1 – позволило охарактеризовать погребальный обряд населения Тобольского Прииртышья. Погребения совершались в неглубоких могилах. Несмотря на то, что могильники грунтовые, все погребения разграблены. Сопроводительный инвентарь намеренно выбрасывался из могильных ям, в заполнении оставались лишь отдельные кости человека. Отсутствие костей можно объяснить только их преднамеренным изъятием из могил через определенное время после похорон. Возможно, кости скелета хоронили уже без инвентаря на отдельном кладбище, как показали раскопки могильника близ Искера, где были выявлены средневековые вторичные безынвентарные погребения [Адамов, 2015]. Данный погребальный обряд принципиально отличается от погребального обряда одновременных могильников тюркоязычного населения Западной Сибири.

Раскопки на городищах Долговское-1, Ярковское-1 и Тобол-Тура-1 показали, что жилища были наземные срубные, с деревянным полом, под которым обязательно устраивался небольшой погреб. Жилища отапливались чувалом с трубой из жердей, обмазанных глиной. Множество мелких фрагментов обожженной глины от чувалов – яркий индикатор культурного слоя XII–XIV вв.

На культовом месте были обнаружены железные наконечники стрел (около 200 экз.), четыре железные сабли (одна с надписью), железная втульчатая секира, аналогичная варяжским, восемь наконечников копий, медные диски, зеркало раннего железного века с граффити в виде аиста, серебряное блюдо с прочерченными антропоморфными фигурами. По всей видимости, святилище было связано с воинским культом одного из местных почитаемых богатырей [Адамов, 2011].

Материальная культура представлена широким набором вещей. Выделяются костяные кочедыки, глиняные пряслица, шумящие подвески, имеющие аналогии в родановской культуре, железные проушные топоры, медные котлы и ковшики с железной или медной втульчатой рукояткой, железные цилиндрические навесные замки. Среди керамической посуды выделяются сосуды, по форме и орнаментации близкие к посуде из Пермского Предуралья. Как в могильниках, так и на городищах частой находкой являются серебряные украшения [Адамов, 2017]. Это разнообразные типы круглых подвесок (часто с изображением всадника), лунницы, подвески-пуговицы, бусины, перстни, височные подвески, витые браслеты, гривны, обкладки ручек ножей, поясные накладки. При их изготовлении применяли зернь, скань, чернение и золочение. Ближайшие аналогии – это изделия «булгарского» типа из Пермского Предуралья [Белавин, 2000, рис. 30–41; Брюхова, Подосёнова, Крыласова, 2015]. Предварительный анализ некоторых категорий изделий позволил высказать обоснованное предположение

о том, что в Тобольском Прииртышье развивался самостоятельный ювелирный центр, унаследовавший традиции болгарских мастеров [Адамов, 2017].

Хозяйственные занятия населения основывались на животноводстве, пашенном земледелии [Адамов, Корона, Рябогина, 2016], охоте и рыболовстве. Развивались ремесла, изготавливался широкий спектр предметов из железа, бронзы, меди и серебра. С помощью кочедыков делали изделия из коры и бересты – лапти, коробки, с помощью ложкорезов – деревянные ковши и ложки. Имеющиеся находки позволяют охарактеризовать торговые связи с Русью. Здесь обнаружены серебряные платежные новгородские гривны, остатки серебряного сосуда с русской надписью, фрагменты русских глиняных горшков, возможно, говорящие о непосредственном присутствии в Тобольском Прииртышье русских людей [Могильников, 2000, с. 79]. Развивалась торговля и с Золотой Ордой, со Средней, а возможно, и с Передней Азией.

Анализ особенностей материальной культуры населения XII–XIV вв. позволяет утверждать, что в Тобольское Прииртышье пришла значительная группа переселенцев из Предуралья («родановцев»). Здесь в результате смешения с местным угорским населением сложилось новое культурное образование. Строительство на Иртыше и Тоболе, близ устья последнего, целого ряда хорошо укрепленных городищ свидетельствует о продуманной общественной организации нового культурного образования. Вполне возможно, что здесь возникло небольшое (2–3 тыс. человек) угорское княжество, контролировавшее торговлю с таежной частью Западной Сибири.

Библиографический список

Адамов А.А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары : материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск, 1998.

Адамов А.А. Новые данные о культовых местах в Нижнем Приоболье // Тобольск научный – 2011 : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, 11–12 ноября 2011 г.). – Тобольск, 2011.

Адамов А.А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. – 2015. – №4 (14).

Адамов А.А. Серебряные украшения из Тобольского Прииртышья (по материалам могильника Ивановский 10) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №414.

Адамов А.А., Корона О.М., Рябогина Н.Е. Палеоэтноботанические и археологические данные о пашенном земледелии на памятниках XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Международной научной конференции (г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). – Вып. 5. Ч. 2. – Тюмень, 2016.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000.

Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – №1 (28).

Могильников В.А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI–XV вв. // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск ; Омск, 2000.

Могильников В.А. Археологические памятники сибирских татар XIV–XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск ; Омск, 2002.

Д.В. Акимов
Воронежский государственный университет, Воронеж
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ
В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В эпоху Великого переселения народов в Подонье определенно фиксируются несколько волн миграций. Наиболее интенсивная из них «накрыла» регион в гуннское время (конец IV – V в. н.э.). В результате в бассейне Дона формируются памятники типа Чертовицкого-Замятино, состав их носителей полиэтничный.

Вопрос об этнических составляющих рассматриваемого населения требует поэтапного решения. Первым этапом является выделение в верхнедонском материальном комплексе элементов известных археологических общностей. Соотношение этих элементов, количественное и качественное, не одинаково в разных группах памятников.

1. Киевский (а конкретнее – сейминско-донецкий вариант этой общности) – представлен во всех элементах материальной культуры без исключения (под вопросом только погребальный обряд) [Обломский, 2005, с. 111; Акимов, 2007, с. 47].

2. Черняховский – представлен некоторыми формами лепной посуды и ткацкого инвентаря (грузила, прясла), набором престижных вещей (костяные гребни, типы фибул) и некоторыми формами гончарной посуды, которые изготавливались в том числе и на Дону. Не массово прослеживаются домостроительная традиция и следы хозяйственной деятельности [Острая Лука Дона, 2004, с. 156; Акимов, 2007, с. 47].

3. Северный «лесной» (связанный с мощинской, дьяковской и рязано-окской культурами) – зафиксирован в формах лепной и лощеной керамики, некоторых типах украшений и ткацкого инвентаря. Есть свидетельства местного изготовления металлических украшений (городище Крутогорье). Компонент распространен географически неравномерно (тяготеет к центральной части ареала) и массово представлен не во всех локальных группах [Обломский, 2005, с. 111].

4. Северопричерноморский (уже – Танаис и его округа) – представлен разнообразно: в керамическом комплексе, лепном и гончарном, в наборе предметов личного убора и украшений, в погребальном обряде и, возможно, в домостроительстве, а также в гончарном и черно-металлургическом производствах. Тем не менее процентная доля свидетельств наличия данного компонента в верхнедонском археологическом комплексе незначительна, его следы решительно концентрируются в районе Острой Луки Дона (близ г. Задонска современной Липецкой области) [Обломский, 2011].

5. Степной кочевнический – по мнению авторов раскопок, фиксируется наличием юртообразных построек, открытых по одной на Ксизово-19 и Мухино-2 на Острой Луке Дона [Обломский, 2006, с. 240].

6. Местный позднесарматский – проявляется в сходстве ряда типов лепных горшков, а также в традициях возведения фортификационных сооружений [Акимов, 2007, с. 48–49; Бирюков, Акимов, 2008, с. 133].

Вторым этапом исследования становится этническая атрибуция выделенных компонентов.

I. Славянский. Сравнивается с материалами сейминско-донецкого варианта киевской культуры, население которого испытало значительное черняховское влияние (пп. 1 и 2). По географическому распространению в масштабах региона, охвату производственных традиций и хозяйственно-культурных сфер жизни представляет собой основу населения Верхнего Подонья в гуннское время [Обломский, 2008, с. 223; Акимов, 2007, с. 48].

II. Финно-угорский. Определяется соответствующими находками (п. 3) [Обломский, 2008, с. 223]. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что из обширнейшего археологического комплекса огромных по территории мощинской, дьяковской и рязано-окской культур на Верхний Дон попали только элементы, связанные с бытом и трудом

женщины. Ни оружия, ни характерных вещей мужского убора, ни домостроительной традиции, ни иных составляющих выделить пока не удалось.

III. Германский (готский). Среди этнически определимых (насколько это вообще возможно для эпохи Великого переселения народов) черняховских составляющих, пожалуй, читается наиболее ясно (п. 2). Он включает в себе не только названные выше наборы керамических форм и статусных вещей, но и, в частности, детали погребального обряда и нюансы сочетания элементов костюма. Последние находят также аналогии в Причерноморье, Крыму и на Северном Кавказе (п. 4) [Обломский, 2008].

IV. Аланский. Представлен предметами, связанными с убором всадника, знатной женщины, упряжью боевого коня – металлическими зеркалами, некоторыми типами фибул и пряжек, псалями, иными предметами (п. 4) [Акимов, 2007, с. 50].

III/IVa. Позднеантичное население Танаиса (п. 4). Происхождение германских и аланских элементов верхнедонского археологического комплекса (пп. III и IV) отражает преимущественно общеевропейские тенденции моды в костюме знати и убранстве коня [Mastykova, Kazanski, 2006, p. 289]. Их появление в бассейне верхнего течения реки может быть связано с перемещением носителей названных этнокультурных традиций из района нижнего течения.

V (?). Позднесарматский. Бесспорных индикаторов в гуннское время на Верхнем Дону не имеет. Прослеживается, как уже говорилось, в некоторых типах лепной керамики, которым оппоненты (см., например: [Акимов, 2007, с. 44]) приписывают возможность иного происхождения. Кроме того, все бытовые памятники гуннского времени в регионе занимают поселки автохтонов I–III вв., в том числе городища [Бирюков, Акимов, 2008]. Исключения единичны и требуют обоснования.

VI (?). Тюркский. Материальные следы представлены лишь остатками упомянутых выше двух юрт [Обломский, 2006]. Других бесспорных индикаторов не приводится.

Очевидно, заселение бассейна Верхнего Дона в IV–V вв. происходило в несколько этапов и по разным географическим направлениям.

Библиографический список

Акимов Д.В. Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // Российская археология. – 2007. – №3.

Бирюков И.Е., Акимов Д.В. Оборонительные сооружения городищ гуннского времени на Верхнем Дону // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Вып. 1. – Тула, 2008.

Обломский А.М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 2005. – Вып. 219.

Обломский А.М. Верхнее Подонье в V в. н.э. как часть гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России : тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк, 2006.

Обломский А.М. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время // *The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and Migration Period.* – Lublin, 2008.

Обломский А.М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // *Stratum plus.* Петербургский апокриф. Послание от Марка. Памяти М.Б. Щукина. – СПб. ; Кишинев, 2011.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). – М., 2004.

Mastykova A., Kazanski M. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or // *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII). Balance y Perspectivas.* Actas de la Mesa Redonda hispano-francesca celebrada en la Universidad Autónoma de Madrid (UAM) y Museo Arqueológico Regional de la Comunidad de Madrid (MAR). – Oxford, 2006.

Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Красноярск

МНОГОВАРИАНТНОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №14-50-00036

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии
Северной и Центральной Азии»

Многолетние исследования позднего палеолита Среднего Енисея показали, что выделение в 1960-е гг. двух параллельно развивавшихся археологических культур – афонтовской и кокоревской (даже с учетом их внутренней локально-территориальной вариабельности [Абрамова, 1979а–б; Васильев, 1996]) не охватывает и уже не объясняет всего многообразия проявлений каменных индустрий в указанном регионе.

Этим же временем – второй половиной сартанского похолодания – датирована также целая серия памятников с каменной индустрией, ориентированной на получение пластинок средних и мелких размеров. В рамках стадияльной концепции подобные «мелко-пластинчатые» индустрии традиционно имеют определенное хронологическое положение в пределах гыданской стадии сартанского похолодания [Лисицын, 2000]. Однако работы в северной части Красноярского водохранилища, в частности в Дербинском археологическом районе, показали, что раннесартанские «мелкопластинчатые» индустрии (Афанасьева гора, Тарачиха, Шленка, Новоселово-ХIII и др.), сформировавшись около 22–20 тыс. л.н., продолжали существовать до рубежа плейстоцена – голоцена параллельно афонтовской и кокоревской культурам. Об этом свидетельствуют, в частности, стоянки Дербинского залива Малтат, Конжул, Ближний Лог с датами в пределах 13–11 тыс. л.н. [Акимова, 2011]. При этом памятники, достоверно датированные возрастом 16–14 тыс. л.н., на Красноярском водохранилище неизвестны. Это может быть связано с тем, что в периоды относительных потеплений стоянки размещались предпочтительно на уровне низких террас, позже затопленных водохранилищем.

В свою очередь, сами «мелкопластинчатые» индустрии на начальной и заключительной стадиях своего развития представляют собой достаточно аморфное и пестрое образование с неясной природой и генезисом. Главными объединяющими чертами являются параметры основной заготовки и стандарты ее получения, в то время как по комбинации типологических признаков орудий и нуклеусов, статистическому соотношению категорий и типов изделий можно выделить не менее четырех локальных вариантов: «афанасьевский», «шлэнкинский», «абрашихский» и, возможно, «каштанковский».

Характерными признаками «афанасьевской» группы (ранний этап: Афанасьева гора, 19-й культурный слой Лиственки, Тарачиха, 2-й культурный слой Новоселово-ХIII; поздний этап: Малтат; спорная датировка: Волчиха-I и II, Трифоновка) являются: преобладание одноплощадочных монофронтальных нуклеусов на небольших целых или расколотых гальках с плоским или близким к концентрическому фронтом; наличие торцовых нуклеусов как результат переоформления плоскостных одноплощадочных монофронтов; присутствие в орудийном наборе резцов; преобладание пластинок с ретушью по проксимальному концу, по концу и одному краю, по обоим концам и одному краю.

Особенностями «шлэнкинской» группы (ранний этап: Шленка, Приморская стоянка; поздний этап: верхний культурный слой Конжула) являются: сочетание одноплощадочных монофронтальных и двухплощадочных бифронтальных (кубовидных) нуклеусов со встречным или перекрестным расположением фронтов; почти полное отсутствие резцов, острий и долотовидных орудий при абсолютном преобладании скребков; минимальное количество пластинок с ретушью по одному концу, преобладание пластинок с ретушью по одному краю и сильно скошенному (100–110°) усеченному концу («приморский тип»).

«Абрашихская» группа (ранний этап: Усть-Ижюль-II, Малый Ижюль-III; поздний этап: Абрашиха; спорная датировка: Сухашка-I-II, возможно, Дербина-IVA и Дербина-IX) характеризуется отсутствием (минимумом) маркирующих культуру ретушированных мелких пластин при наличии традиционных нуклеусов с сильно выпуклым фронтом, резцов с широкой кромкой и микродолотовидных орудий на мелких сколах и вторичных заготовках (сработанных скребках и микронуклеусах).

Дискуссионным остается вопрос об индустриях стоянок Каштанка-I и Сажены (ранний сартан) и Ближнего Лога и нижний культурный слой Конжула (финальный сартан) с миниатюрными ретушированными пластинками.

Таким образом, памятники Среднего Енисея, обладающие набором определенных признаков в системе расщепления и каменном инвентаре, датированные в диапазоне 22–11 тыс. л.н., могут рассматриваться как археологическая культура. Предпочтительное название для нее «тарачихская» – по названию первого памятника «мелкопластинчатой» индустрии, открытого на Енисее. В отличие от классических локальных культур, тарачихская культура представляет собой, видимо, переплетение нескольких «пунктирных» линий, существовавших как на всем протяжении сартанского времени, так и на отдельных его отрезках.

Можно отметить, что памятники раннесартанского времени концентрируются вдоль русла Енисея, а позднесартанского времени – по его малым притокам, но в обоих случаях тяготеют к определенным ландшафтными нишам – понижениям в системе древнего рельефа [Стасюк и др., 2014].

Изучение всего массива данных по индустрии мелких пластин, даже учитывая характерную для археологии водохранилищ ущербность информации, позволяет утверждать, что плотность населения данной общности была низкой и во много раз уступала плотности кокоревского – афонтовского населения. В то же время представляется перспективной гипотеза о вытеснении носителей индустрии «мелких пластин» кокоревско-афонтовским населением в долины мелких притоков. Возможно, именно это привело к формированию рефугиумов, подобных Дербинскому археологическому району, и доживанию раннесартанской индустрии до конца плейстоцена.

Таким образом, ситуация в позднем палеолите Енисея характеризуется многообразием культурных проявлений, когда параллельно афонтовской и кокоревской археологическим культурам существует культура «мелких пластин» во всей своей вариативности. В то же время наличие памятников типа Лысого Лога-I и II, Банного Лога и других в Дербинском заливе, стоянок Частоостровская, Серебряковка, Уртен, 14Б культурный слой многослойной стоянки Лиственка в окрестностях Красноярска свидетельствует о возможном существовании в сартанское время и других археологических культур, еще не описанных исследователями.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск, 1979а.
Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск, 1979б.
Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7.
Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб., 1996.
Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Труды ИИМК РАН. – СПб., 2000.
Стасюк И.В., Акимова Е.В., Харевич В.М., Томилова Е.А., Кукса Е.Н. Закономерности размещения памятников мелкопластинчатых индустрий // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Ч. 1. – Кызыл, 2014.

Г.А. Аксянова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
АНТРОПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
И ГОРНОГО АЛТАЯ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССАМИ ТЮРКИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00284,
«Этническая антропология тюркских групп Республики Татарстан: комплексное исследование»)

Две анализируемые в докладе области Северной Евразии – территориально удаленные, существенно различающиеся по физической географии – имеют некоторые черты, общие в историческом плане. Равнинные районы Среднего Поволжья и горно-предгорные районы Алтая были ареной значимых внешних миграций в последние тысячелетия. Здесь сложились популяции смешанного европеоидно-монголоидного генезиса при участии носителей тюркских языков. В расовом аспекте это переходные зоны от европеоидного среднеевропейского (восточноевропейского) типа к промежуточному субуральскому в европейской части и от уральского (западносибирского) к монголоидному центрально-азиатскому типу в азиатской части. Наконец, это территории компактного проживания нескольких тюркоязычных историко-культурных общностей средневековья и современности. Массив тюркских языков неоднороден в современном этническом поле и представлен следующими группами: болгарской (язык чувашей), кыпчакской (язык татар – кыпчакско-болгарская подгруппа; язык казахов – кыпчакско-ногайская подгруппа), уйгурской (язык шорцев, кумандинцев, челканцев и тубаларов – хакасская подгруппа), киргизско-кыпчакской (язык алтай-кижи, теленгитов и телеутов). Языки башкир и сибирских татар, близкородственные татарскому, а также казахов Казахстана образуют своего рода мост, соединивший Волго-Камье и Горный Алтай [Баскаков, 1952]. Без учета славянского населения, этнически преимущественно русского, тюркские народы Поволжья живут по соседству с финно-уграми (марийцами, мордвой, удмуртами) и тюрками (башкирами), алтайские народы – в основном с тюркскими народами (хакасами, тувинцами, казахами, уйгурами, а также монголами, китайцами, дунганями и пр.).

Антропология тюркских народов Поволжья и Алтайско-Саянской горной страны изучена по всем современным методикам, включая палеоантропологическую летопись. Краткий обзор этих исследований представлен в антропологических разделах коллективных монографий многотомной серии «Народы и культуры» [Газимзянов, 2001; Лебедева, Аксянова, 2006; 2008; 2017]. Все выводы основаны на изучении выборок сельского населения, потомков моноэтнических браков. Антропологический состав населения Среднего Поволжья соответствует его географическому положению на восточной периферии Европы, а также его археологической истории разновременных миграций с юга и востока. Территория входит в третичный приуральский очаг расообразования, по В.П. Алексееву. Общим положением является смешанный характер антропологических комплексов со значительным преобладанием европейских элементов у всех этносов. Различия между финно-угорскими и тюркскими этносами наиболее выражены по пигментации глаз, волос (более темные у тюрков), соотношению форм спинки носа (чаще встречаются выпуклые профили у тюрков). Характерна региональная специфичность комплексов вследствие присутствия субуральских (уралоидных), южных европеоидных (понтийских), южносибирских и среднеазиатских европеоидно-монголоидных черт. Выделяются волго-камский и волго-камско-степной типы, или комплексы, у чувашей и татар. К востоку – у башкир – в среднем отмечается усиление монголоидности. Несмотря на мозаичность этнотерриториальных соотношений (особенно по разным системам признаков), этнические границы в Поволжье, определяемые языком, культурой, самосознанием, выполняют функцию генетических барьеров. Отмечено снижение уровня монголоидности у народов Среднего Поволжья в последние столетия и десятилетия. Антропологический вклад финно-угорских народов в тюркские этносы сильнее выражен у чувашей по сравнению с татарами, у крышен по сравнению с татарами-мусульманами, а проявления вклада тюркских народов – у бесермян и удмуртов.

Предгорные и горные районы Алтая включаются в южносибирский очаг расообразования, где в разнообразных переходных расовых композициях ясно преобладают азиатские монголоидные черты. В.А. Дремов пришел к выводу, что процесс тюркизации привел к снижению антропологического разнообразия популяций в Алтае-Саянах. В этом эпохальном тренде именно алтайские популяции остаются наиболее дифференцированными по сравнению с этнотерриториальными группами Хакасии и Тувы. В Горном Алтае значимая расовая граница проходит между северными и южными алтайцами и определяется усилением центральноазиатских монголоидных элементов у алтай-кижи, в меньшей степени – у теленгитов.

Шорцы – один из наименее монголоидных народов, который, вслед за А.И. Ярхо, обычно относят к уральской группе типов/расе (в терминологии Ярхо «североазиатский, или урало-алтайский, тип»). В наиболее выраженной форме этот тип представлен у южных шорцев, которые особенно сближаются с населением юго-западной части Хакасии и нижними кумандинцами Солтонского района Алтайского края. Северные шорцы близки к телеутам и тубаларам. Здесь проступают явные черты южносибирского и центральноазиатского комплексов. По краниологическому набору признаков шорцы и телеуты своеобразны, включаются А.Р. Кимом в североалтайский антропологический тип. Однородный в расовом отношении массив представляют три северные этнические группы Горного Алтая (тубалары, челканцы, кумандинцы). Эти районы являются переходной зоной от уральского, или западносибирского, расового комплекса к южносибирскому; антропологические особенности аборигенного населения представляют результат их взаимодействия с преобладающим уже южносибирским компонентом. Характерно отсутствие четкой расовой границы на территории Северного Алтая. Это свидетельствует о взаимных контактах между автохтонными разноэтничными группами, а также об их формировании на общей антропологической основе. В настоящее время все более заметно влияние метисации с пришлым европейским населением, особенно у кумандинцев и шорцев.

Южноалтайские группы (алтай-кижи и теленгиты) по внешнему облику близки друг другу и характеризуются более или менее выраженной спецификой по отношению ко всем соседним коренным народам региона. С антропологической точки зрения они заполняют таксономическое пространство между казахами и киргизами, к которым ближе теленгиты, и степными тувинцами, к которым ближе алтай-кижи. Оба этноса ясно отделяются от северных алтайцев и еще сильнее от западных монголов. В настоящее время комплекс расовых особенностей теленгитов антропологи согласованно включают в круг форм промежуточного южносибирского типа. Более дискуссионным является систематическое положение физического типа алтай-кижи – его относят к южносибирскому типу либо к саянскому варианту центральноазиатского типа. Очевидно, именно южносибирский антропологический компонент связан с домонгольским периодом истории Южного Алтая. У теленгитов этот пласт сохранился в более чистом виде. Граница между центральноазиатским и южносибирским типами выражена нечетко.

Библиографический список

Аксянова Г.А. Антропология тюркских народов Сибири // Тюркские народы Сибири. – М., 2006. – (Серия «Народы и культуры»).

Аксянова Г.А. Антропологическое изучение тюркских народов Восточной Сибири – тувинцев, тофаларов и долган // Тюркские народы Восточной Сибири. – М., 2008. – (Серия «Народы и культуры»).

Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1952. – Т. XI, вып. 2.

Газимзянов И.Р. Антропологический облик татар // Татары. – М., 2001. – (Серия «Народы и культуры»).

Лебедева Е.Г., Аксянова Г.А. Антропологические данные // Чуваши. – М., 2017 (в печати). – (Серия «Народы и культуры»).

И.П. Алаева

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

ПРОБЛЕМА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

На территории Южного Зауралья раскопками исследовано около 45 поселений бронзового века. Большая часть из них представлена масштабными раскопками в степной зоне. Значительное количество поселений этого времени отмечалось многими исследователями, что связывалось с высокой плотностью населения [Епимахов, 2009]. В то же время проблеме долговременности существования данных поселений, как и одно-временности их функционирования, практически не было уделено внимание ученых. Среди обсуждаемых критериев в определении долговременности существования памятника (площадь памятника, мощность культурных отложений, количество и виды построек, сооружений) [Гак, 2011, с. 11] одним из показателей является степень насыщенности культурного слоя находками. В качестве источниковой базы исследования были выбраны данные 16 поселений степной и лесостепной зоны Зауралья (табл.). Степень насыщенности поселений бронзового века Южного Зауралья варьировалась от 2 до 17 фрагментов керамики на 1 кв. м, еще больший диапазон отмечен для насыщенности костями животных от 2 до 58 единиц на 1 кв. м. Примечательно, что данные степных и лесостепных поселений, принадлежащие сходным археологическим культурам, имели некоторое различие. Поселения степной зоны чаще всего имели насыщенность в 2–5 фрагментов керамики на 1 кв. м, в то время как лесостепные (часто, озерные памятники) в своей насыщенности находками достигали 15–17 фрагментов керамики на 1 кв. м. Вероятно, отмеченное различие можно объяснить возможностями разных природных зон. Для степной зоны Е.Е. Кузьмина [2010, с. 67], основываясь на материалах поселений Еленовского микрорайона, предполагала кратковременность существования степных поселков (в 20–25 лет) в связи с истощением пастбищ, чем и объяснялась небольшая мощность культурного слоя, как и малочисленность погребений в могильниках. Поселения лесостепной зоны могут претендовать на большую длительность существования. Возможно, и будущее картографирование памятников бронзового века лесостепной зоны должно продемонстрировать меньшее, в сравнении со степной зоной, количество памятников, но больший масштаб в площади поселений, количестве погребальных сооружений.

Насыщенность находками поселений бронзового века Зауралья

Название поселения	Археологическая культура	Площадь раскопа в кв. метрах	Общее количество фрагментов керамики	Количество фрагментов керамики на 1 кв. м	Количество костей животных на 1 кв. м
<i>Степное Зауралье</i>					
Мирный-II	А, Ср	1140	2550	2	?
Мирный-III	А, Ср	625	1091	2	?
Кулевчи-II	П, А	3000	10000	3	?
Елизаветпольское-7	П, Ср	200	540	3	2
Большая Березовая-2	А	756	2937	4	1,5
Тавлыкаевское	Ср, А, Ч, М	700	3056	4	?
У Спасского моста	Ср, А, С-А	640	2400	4	?
Кизильское	С, Ср, А, Ч, М	812	3865	5	?
Новониколаевка-I	А, С-А	456	2425	5	9,5
Алексадро-Невское-II	А, Ср, Ч, С-А	100	690	7	2
Малая Березовая-4	А, Ср, Ч, С-А	945	8702	9	11
Лебяжье-VI	А, Ср	387	3350	9	?

Название поселения	Археологическая культура	Площадь раскопа в кв. метрах	Общее количество фрагментов керамики	Количество фрагментов керамики на 1 кв. м	Количество костей животных на 1 кв. м
<i>Лесостепное Зауралье</i>					
Мочище	П, А, Ч, М, С-А	4000	9000	2	1,25
Шибаетово	С, П, А, Ф, С-А	489	1500 (?)	3	?
Кипель	А, Ф, Фл	406	6000	15	19,5
Чебаркуль-III	А, Ч, М, С-А	1731	30000	17	58

Примечание к таблице. Археологическая культура: С – синташтинская; П – петровская; А – алакульская; Ср – срубная; Ф – федоровская; Ч – черкаскульская; М – межовская; С-А – саргаринско-алексеевская; Фл – финал бронзового века. Данные представлены по материалам авторов исследований поселений: Мирный-II, III [Стефанов, 1996], Кулевчи-III [Виноградов, 1982], Елизаветпольское-7 [Алаева, 2009], Большая Березовая-2 [Алаева, 2014а], Малая Березовая-4 [Алаева, 2014б], Тавлыкаевское [Морозов, 1983], У Спасского моста [Фомина, 1964], Кизильское [Стоколос, 2004], Новониколаевка-I, Александро-Невское-II [материалы раскопок автора], Лебяжье-VI [Петрова, 2004], Малоюлдашево [Евгеньев и др., 2016], Боголюбово, Петровка-IV, Петровка-II, Новоникольское-I [Зданович, 1988], Мочище [Григорьев и др., 2007], Шибаетово [Нелин, 2004], Лужки [Стоколос, 1972], Кипель [Сальников, 1957], Чебаркуль-III [Алаева, 2015].

Библиографический список

- Алаева И.П. Поселение бронзового века Елизаветпольское-7 // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск, 2009.
- Алаева И.П. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // Краткие сообщения Института археологии. – 2014а. – Вып. 233.
- Алаева И.П. Поселение бронзового века Малая Березовая-4 // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана, 2014б.
- Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль-III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. – Костанай; Алматы, 2015.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи-III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // Краткие сообщения Института археологии. – 1982. – Вып. 169.
- Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М., 2011.
- Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище-I в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. – 2007. – Вып. 2 (36).
- Епимахов А.В. От археологии памятника к археологии социума: эпоха бронзы Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – Вып. 25.
- Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия. – М., 2010.
- Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983.
- Нелин Д.В. Шибаетово-1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2004. – Вып. 2.
- Петрова Л.Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье-VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2004. – Вып. 2.
- Сальников К.В. Кипельское селище // Советская археология. – 1957. – Вып. XXVII.
- Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996.
- Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2004. – Вып. 2.
- Фомина В.И. Селище у Спасского моста // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1964.

К. Алтынбеков¹, Д. Досаева²

¹Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы;

²Национальный музей Республики Казахстан, Астана

КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ (по материалам могильника Туйетас в Восточном Казахстане)

Работа выполнена при финансовой поддержке
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

Достоверность реконструкции конского снаряжения напрямую зависит от исходного археологического материала – полноты комплектации, сохранности находок, их местонахождения. Комплект амуниции верхового коня IX–XI вв. из могильника Туйетас, найденный Алтайской археологической экспедицией под руководством Г.К. Омарова, находился отдельно от костных останков лошади и состоял из фрагментов ремней с металлическими украшениями, дерева, металла, текстиля [Омаров, Сапатаев, 2015; Омаров, Алтынбеков, Сапатаев, 2016]. Скопления фрагментов в раскопе предварительно определены как уздечный набор, содержащий удила и псалии, и седельный комплект, обозначенный стремениами. В процессе камерального разбора артефактов обнаружен и ряд других предметов.

Несомненной удачей стал тот факт, что большая часть металлических украшений, прикрепленных к кожаной основе при помощи выступающих шпеньков с медными шайбами, сохранилась на ремнях. Подвесные бляхи крепились к основным ремням короткими вспомогательными, нижние концы которых держатся закрывающими бляхи пластинами, а верхние, заходящие под бляхи-накладки, – шпеньками накладок.

Украшения изготовлены из серебра, контакт которого с медными и железными элементами усилил почвенную коррозию за счет образования гальванических пар. Серебро было так плотно покрыто коррозионными наслоениями зеленого цвета, что визуально определялось как бронза. На меди образовались мощные наросты из продуктов коррозии железа. Железо полностью минерализовано, предметы сохранили какую-то форму за счет вторичной коррозионной корки.

Кожа, пропитанная продуктами коррозии металлов, оказалась твердая и в то же время хрупкая, местами истончена или уже рассыпалась. Ремни имели значительные деформации, иногда они были перекручены на 180°, и украшения повернуты обратной стороной (рис. 1).

Ремни с украшениями содержали разнородные материалы неорганического и органического происхождения, для консервации которых требуются различные методы обработки и в связи с этим демонтаж предметов. Первичная консервация их, заключавшаяся в укреплении и пластификации кожи, продолжалась около года, в результате чего материалы были подготовлены к разделению. Демонтаж ремней с украшениями дал возможность допропитки кожи, находившейся под металлом. Выполнена очистка, устранены деформации ремней. В процессе консервации и реставрации украшений выявлено хаотичное сочетание в них различных металлов. Налобная бляха, изготовленная из серебряного листа, с оборотной стороны была перекрыта железной пластиной. Остальные украшения отлиты из серебра, за исключением нескольких ремонтных. Подвесные бляхи оказались снизу закрыты бронзовыми или железными пластинами, внутри них находятся металлические шарики или камешки для создания бубенцового эффекта. Оси серебряных шарнирных наконечников ремней железные. Лицевая часть серебряных изделий, декорированная рельефным орнаментом, покрыта золотом методом амальгамирования. После выправления деформаций ремней снятые металлические украшения смонтированы на первоначальное место. Для их крепления вместо разрушенных бронзовых шайбочек изготовлены новые миниатюрные фиксаторы, которые защищают сохранившиеся подлинники шпеньки, а при их отсутствии заменяют крепежные элементы.

На ремнях по следам на коже найдены места для отделившихся украшений. Проведена сборка узды и седельных ремней из отдельных фрагментов и деталей. Истонченный материал дублирован новой кожей, воссозданы утраченные ремни нескольких подвесок. Реставрационная кожа тонирована в цвет старой, но легко отличима специалистами.

После консервации фрагментов дерева собраны сохранившиеся детали седла, которые смонтированы на каркасе-подставке, объединившем разрозненные части. Луки седла были украшены тонкой серебряной фольгой, почти полностью разрушенной. Края седла окантованы полосками кожи, прибитой серебряными гвоздиками.

Для выявления формы железных предметов (удила, псаии, стремяна, наконечник стрелы) с поверхности укрепленного металла частично удалены почвенно-коррозионные наслоения.

Настоящим кладом в комплекте конского снаряжения из могильника Туйетас являются разнообразные ткани (хлопок, шелк, шерсть) в сочетании с войлоком, кожей, мехом, которые могут быть остатками чепрака, потника и т.п. Пока проведены их технологическое исследование и консервация, реставрация не закончена.

Тщательно выполненная реставрация и исследование комплекта конского снаряжения кимакского времени позволят выполнить его достоверную реконструкцию (рис. 2), основанную на реальном археологическом материале.

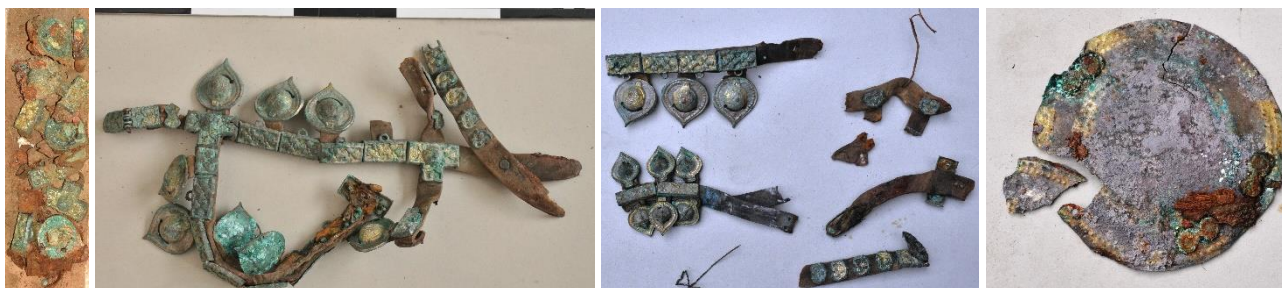

Рис. 1. Фрагменты узды до реставрации

Рис. 2. Предварительный эскиз реконструкции конского снаряжения и узды после реставрации

Библиографический список

Омаров Ғ.Қ., Алтынбеков Қ.Қ., Сапатаев С.А. Шығыс Қазақстаннан табылған қимақ ат әбзелі // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. – Усть-Каменогорск, 2016.

Омаров Ғ.Қ., Сапатаев С.А. Қара Ертіс жағалауынан табылған ортағасырлық ат әбзеле // Хабаршы вестник. Казахский национальный университет им. Абая. Серия: Исторические и политические науки. – 2015. – №2 (45).

К.М. Андреев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
РАННИЙ НЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ (елшанская культура)

Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Минобрнауки РФ
(проект №33.1907.2017/ПЧ)

Ранний неолит лесостепного Поволжья по времени совпадает с началом атлантического периода. В то время происходило достаточно резкое изменение климатических условий в сторону потепления и увеличения влажности. Во 2-й половине VII тыс. до н.э. в Поволжье, как и на многих сопредельных территориях, устанавливается достаточно аридная обстановка. После достижения своего пика, в конце VII тыс. до н.э., аридизация постепенно ослабевает, происходит некоторое увлажнение и похолодание [Спиридонова, Лаврушин, 1997, с. 155–156].

Ранний неолит лесостепного Поволжья связан с развитием елшанской археологической культуры. Ранненеолитические керамические комплексы можно разделить на два варианта: западный и восточный. Керамика восточного варианта характеризуется относительной тонкостенностью, внешняя поверхность заглажена или залощена, фактура черепка плотная. Преобладают прямостенные и профилированные сосуды яйцевидной и баночной формы, с плоским или коническим дном, единично представлены округлодонные чаши. Весьма характерным является полное отсутствие орнамента или присутствие лишь рядов ямок или жемчужин под срезом, ограниченное количество керамики орнаментировано прочерченными линиями и наколами-тычками. Орнамент приурочен к верхней трети сосуда. Мотивы: косая решетка, горизонтальный зигзаг, висячие треугольники, двойной ряд прочерченных линий с точечным заполнением, диагональные прочерченные линии. По технологии изготовления и формам посуда западного варианта близка восточному. В то же время для керамики западной группы менее характерно нанесение ямок или жемчужин под срезом венчика, а в качестве элементов орнамента широко представлены наколы (треугольные, округлые, тычковые, спаренные и др.), реже – прочерченные линии, образующие разнообразные горизонтальные и диагональные линии, а также их сочетания. Различия в орнаментации посуды западной и восточной групп имеют, видимо, культурно-хронологический характер [Андреев, 2015а].

Характеристика кремневой индустрии ранненеолитического населения может быть обозначена лишь в общих чертах. Показатель пластинчатости комплекса и процент орудий, изготовленных на пластинах, является наиболее низким на ранних памятниках и постепенно увеличивается на поздних. Нуклеусы в основном торцевые и аморфные, реже – фронтальные, пирамидальные, уплощенные и конические. Скребки демонстрируют значительное типологическое разнообразие (концевые, скошенные, угловые, нуклевидные, с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра и боковые). Скобели невыразительны и представлены изделиями на отщепах с узкими и широкими выемками. Среди рубящих орудий преобладают топоры, изготовленные в технике двусторонней обивки, значительно уступают им в количественном плане долота и тесла. Сверла и проколки представлены в ограниченном количестве срединными формами на отщепах, пластинах и продольных сколах. Наконечники являются изделиями листовидной формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада; также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники, имеющие аналогичную обработку. Так называемые ножи прямолезвийные и саблевидные, менее распространены овальные. Резцы демонстрируют значительную типологическую вариативность [Андреев, 2015б].

Для ранненеолитического населения лесостепного Поволжья характерна модель комплексного присваивающего хозяйства. Эксплуатация различных экологических ниш, вероятно, происходила в сезонном ритме. С одной стороны, это обстоятельство предполагает наличие у населения сезонного планирования хозяйственной деятельности, с другой – в значительной мере объясняет существование особой поселенческой модели, не предусматривающей долговременного проживания на одном месте [Мамонов, 2000, с. 159].

Согласно значительному массиву абсолютных датировок лесостепное Поволжье является одним из самых ранних центров неолитизации в Восточной Европе. Наиболее приемлемой выглядит гипотеза формирования елшанской культуры на рубеже VIII и VII тыс. до н.э. Она находит подтверждение в значительной серии радиоуглеродных определений ряда памятников, полученных в нескольких лабораториях по различным материалам. С концом VII тыс. до н.э. может быть связано начало освоения елшанским населением западных регионов – формирование западного варианта елшанской культуры. Согласно радиоуглеродной хронологии елшанская культура существует в лесостепном Поволжье до середины, а возможно, и до 3-й четверти VI тыс. до н.э. С началом VI тыс. до н.э. связано возникновение и развитие второго типа елшанской керамики [Выборнов, 2008; Андреев и др., 2012].

На наш взгляд, наиболее аргументированной является гипотеза юго-восточной ориентации связей раннего неолита лесостепного Поволжья. Можно констатировать высокую степень сходства керамики Средней Азии и посуды елшанской культуры на уровне как формообразования, так и декорирования сосудов [Szymczak, Khudzhazarov, 2006; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981]. Взаимодействию обитателей лесостепного Поволжья и среднеазиатского междуречья способствовала близость природно-климатической обстановки, установившейся в регионах в начале атлантического периода. На заключительном этапе развития население елшанской культуры вступает во взаимодействие с носителями накольчато-прочерченной керамической традиции Нижней Волги [Васильев, Выборнов, 1988, с. 26–36], которые мигрируют на территорию лесостепного Поволжья в связи с усиливающейся аридизацией 2-й половины VII тыс. до н.э. В результате контактов с пришлым населением в елшанском керамическом производстве получают распространение такие черты, как плоскодонность, примесь ракушки в керамическом тесте, использование илов в качестве формовочных масс и накольчатая система орнаментации. В кремневой индустрии увеличиваются пластинчатость комплексов и количество орудий, изготовленных на пластинах. В свою очередь, елшанская культура оказала значительное влияние на неолитизацию регионов, расположенных к западу, северо-западу и северу от лесостепного Поволжья [Андреев, 2016].

Библиографический список

- Андреев К.М. О двух вариантах елшанской культуры // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. – СПб., 2015а.
- Андреев К.М. Характеристика раннеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. – Самара, 2015б. – Т. 17. – №3.
- Андреев К.М. Ранний неолит лесостепного Поволжья в системе культур сопредельных территорий // XX Уральское археологическое совещание. – Ижевск, 2016.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. – Самара, 2012. – Т. 14. – №3.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. – Куйбышев, 1988.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М., 1981.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. – М., 1975.
- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.
- Мамонов А.Е. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара, 2000.
- Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А. Корреляция геолого-палеоэкологических событий голоцена арктической, бореальной и аридной зон Восточной Европы // Четвертичная геология и палеогеография России. – М., 1997.
- Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagitma “The site” and other collections. – Warsaw, 2006.

Л.С. Андрианова, Н.Б. Васильева
Региональный центр дополнительного образования детей, Вологда
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧАРОНДЫ

Ныне необитаемое с. Чаронда – единственный населенный пункт на западном берегу оз. Воже (Кирилловский район Вологодской области). Берега Воже низкие, как правило, болотистые, плавно переходящие в водную гладь, за исключением небольшой части западного берега, где расположилась Чаронда, возникновение которой в XIII в. на водно-волоковых торговых путях связано с процессом экономического освоения Европейского Севера [Макаров, 1997, с. 47, рис. 10]. В середине XV в. Чаронда принадлежала одному из княжеских служилых людей, который в 1474 г. пожаловал ее Кирилло-Белозерскому монастырю. При Иване Грозном Чаронда вместе с деревнями, входившими в Чарондскую округу, попала в опричнину, а при царе Федоре была пожалована Дмитрию Годунову вместе с правом собирать торговые пошлыны. В этот период Чаронда из промежуточной торгово-промышленной базы превращается в крупный торговый центр края. В Чаронде были возведены административные сооружения, многочисленные торговые склады, построен большой Гостиный двор. В XVII в. Чарондская округа являла собой самостоятельную область с воеводой и приказным аппаратом, местным самоуправлением с выборными старостами из крестьян, имелись земские судьи. В округе насчитывалось более 1700 дворов, в которых проживало около 11 тыс. человек. Смутное время сильно ударило по городу, более половины населения были «мучены и граблены», много домов сгорело при налетах, в том числе Гостиный двор. Последний расцвет Чаронды, на короткий срок получившей статус города, приходится на XVIII в., затем она вновь превращается в село.

Археологическое изучение Чаронды началось в 1985 г. В ходе разведочных работ Н.А. Макаровым заложено 10 шурфов, зафиксированы культурные отложения XV–XVII вв. В 2015 г. эколого-археологической экспедицией под руководством Н.Б. Васильевой предпринято комплексное изучение Чаронды и ее окрестностей. Проведены небольшие раскопки (22 кв. м), в ходе которых выявлены 1,7–2-метровые культурные напластования. Верхние отложения XIX–XX вв. содержали керамику, обломки стекла, кресальные кремни, фрагменты шаровидных грузил, подковы, кованые гвозди. Примерно на глубине 70 см от поверхности залегал увлажненный серо-коричневый суглинок, в котором обнаружена органика в виде истлевших досок и плотного слоя щепы. Находки – крупные обломки керамики с линейным и волнистым орнаментом, чернолощенная посуда, фрагменты красноглиняного изразца, донце с клеймом, костяной гребень – позволяют датировать горизонт XVII–XVIII вв. Нижние культурные напластования в виде темно-серого суглинка с прослойками белого крупнозернистого песка содержали наибольшее количество находок, в том числе из органических материалов: многочисленные изделия из бересты, фрагменты кожаной обуви, кожаный мячик, куски мездры со шкуры животных, обрывки кожаных деталей, берестяной туесок, резные деревянные детали. Значительная часть предметов из нижнего горизонта связана с рыболовным промыслом: грузила различных типов, берестяные поплавки, а также остатки рыболовной конструкции в центре раскопа (заостренные жерди-вешки, детали верши и др.). Характерная кожаная обувь с загнутыми и вшитыми в головку носками сопоставима с вологодской обувью 1-й половины XVI в. [Андрианова, Фёдоров, 2012, с. 82–91]. Датировка нижних культурных отложений подтверждается находками хорошо профилированной посуды конца XV–XVI вв., аналогии которой обнаружены при раскопках Вологды [В глубину веков..., 2016, с. 88–89].

Библиографический список

- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII. – М., 1997.
Андрианова Л.С., Фёдоров А.С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде // Археология Севера. – Вып. 4. – Череповец, 2012.
В глубину веков: очерки вологодской археологии / Л.С. Андрианова, М.Г. Васенина, Н.Б. Васильева и др. – Вологда, 2016.

А.В. Андриенко

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСКРЕСЕНСКОЙ СЛОБОДЕ:
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Рост строительной-хозяйственной активности в современных административных границах Великого Новгорода, в особенности малоэтажной индивидуальной жилой застройки, актуализировал изучение периферийных участков средневекового города, в том числе находящихся за пределами вала и рва Окольного города.

Одной из наиболее перспективных с точки зрения археологических исследований является территория, расположенная к югу от оборонительных сооружений Софийской стороны, включенная в границы объекта культурного наследия «Воскресенская слобода, XII–XV вв.». В большинстве сохранившаяся застройка 2-й половины XX в. на мелкозаглубленных фундаментах и отсутствие разветвленных инженерных сетей поспособствовали удовлетворительной сохранности культурных отложений.

Средневековый слой на рассматриваемом участке впервые зафиксирован в 2006 г. в стенках строительного котлована в южной части Троицкой улицы (ул. Троицкая, 17). Уже в 2007 г. были проведены работы на Алексеевском раскопе площадью 320 кв. м, где мощность анаэробных напластований достигала 0,4 м. В их толще выделены четыре строительных яруса. Благодаря полученным образцам древесины установлена дата появления постоянной застройки – 1167 г. С уровня второго яруса в западной части раскопа зафиксирована межусадебная частокольная граница. Немногочисленные находки позволили, тем не менее, датировать вскрытые на раскопе стратифицированные слои 2-й половиной XII – XIII в. [Степанов, 2009, с. 520–531]. Участок исследований расположен в пойме ручья Осоковец, в период паводков мог быть подвержен подтоплениям, культурный слой здесь переувлажнен. Этот факт, скорее всего, является причиной более позднего освоения по сравнению с удаленными от береговой линии сопредельными участками.

В 2012 г. археологические исследования проведены на Алексеевском II раскопе (ул. Троицкая, 19), площадь которого составила 256 кв. м. В раскопе также был зафиксирован анаэробный культурный слой толщиной 0,03–0,4 м (мощность увеличивалась с понижением древнего рельефа к северу), при разборке которого зафиксировано два яруса застройки, датированных 1140-ми и 1120-ми гг. соответственно. В пределы раскопа частично попали территории трех усадеб. На восточной усадьбе выявлены фрагменты большого пятистенного сруба площадью около 80 кв. м, относящегося к первому ярусу. В западной части раскопа фрагменты сооружений нижнего яруса перекрывали ряд хозяйственных ям и следы от плетня, что вкупе с анализом вещевого материала позволяет отнести начальный этап освоения участка к рубежу XI–XII вв. Вещевая коллекция насчитывает 380 индивидуальных находок, большая часть которых датирована XII–XIII вв. Среди них можно выделить актовую вислую печать князя Ростислава Мстиславича (30-е гг. XIII в.), 13 свинцовых товарных пломб, ряд украшений из свинцово-оловянистого сплава и бронзы (колт, шейная гривна, булавки, пронизки, перстни, браслеты, привески и др.), фрагменты амфоры и цветных стеклянных сосудов. Коллекция массового материала включает более 35000 предметов, в основном представленных фрагментами гончарной керамики [Андриенко, 2012, с. 40–45].

В 2013 г. в 150–170 м к востоку от трассы Троицкой улицы, по направлению к Воскресенскому на Мячине монастырю, заложены два небольших раскопа площадью 18 кв. м каждый (Алексеевский-III, Алексеевский-IV). На Алексеевском-III раскопе общая мощность культурного слоя достигала 1 м. В непотревоженном поздней хозяйственной деятельностью аэробном культурном слое, датированном XII – началом XIII в., прослежены фрагменты срубных построек, относящиеся к двум усадьбам, выгороженным частоколом. Вещевой материал датирован XII–XX вв., среди индивидуальных находок выделяются золотое трехбусинное височное кольцо, четыре вислых свинцовых печати XIII–XV вв., фрагменты

амфор. Алексеевский-IV раскоп располагался в глубине участка, на удалении от трасс известных средневековых улиц. Культурный слой в пятне исследований был сильно перемешан. Предматериковые напластования и впущенные в материк хозяйственные и столбовые ямы датированы XIV–XV вв. В западной части раскопа прослежена частокольная канавка. Среди находок большое количество керамического материала, в верхнем огородном слое найдено две вислых печати XIV–XV вв. [Гайдуков, Кудрявцев, Олейников, 2013, с. 62–71].

В 2014 г. выполнены исследования на Алексеевском V раскопе площадью 256 кв. м, расположенном в 50 м к западу от Алексеевского IV раскопа. Культурные отложения мощностью 0,2–0,4 м были представлены перемешанным темно-серым суглинком (огородный слой). Коллекция индивидуальных находок из 30 предметов и серия фрагментов керамики датированы XIII–XX вв. В восточной части раскопа при зачистке материкового основания зафиксирована частокольная канавка, имеющая ориентировку, характерную для средневековой застройки, прослеженной на площади Алексеевских-I–IV раскопов.

Анализ полученных во время раскопок материалов дает основание рассматривать исследованный участок, начиная с XII в., как часть городской территории, южную оконечность Людина конца. При этом целый ряд находок говорит о достаточно высоком социальном статусе владельцев части расположенных здесь усадеб. Импульсом к активному заселению новых территорий могли послужить демографический и экономический факторы – этот процесс в XII в. характерен для Новгорода в целом [Петров, Тарабардина, 2011, с. 141–145]. Немаловажным видится и прохождение здесь древнего пути, связывавшего Новгород с Псковом и Руссой, локализация которого (с некоторой погрешностью) может быть увязана с трассой современной Троицкой улицы. Недостаточность данных пока не дает возможности очертить границы распространения культурного слоя, а также установить взаимосвязь с территорией Воскресенского монастыря, известного по летописным источникам с 1136 г. [Новгородская первая летопись, с. 24, 209]. Археологические шурфы, заложенные в 2005 г. у принадлежавших ранее монастырю церковей Иоанна Милостивого и Воскресения Христова, показали наличие следов поселения X в., а также подтвердили непрерывность существования обители со 2-й половины XII в. [Плохов, 2006, с. 46–52].

Вероятно, сильный голод 1230–1231 гг. привел к серьезному запустению участка. С XIV в. начинает формироваться новая структура застройки, меняется социальный состав населения, а с появлением городских оборонительных укреплений окончательно оформляется слобода.

Ближайшей приоритетной задачей видится планомерное археологическое обследование объекта культурного наследия «Воскресенская слобода, XII–XV вв.» и прилегающих участков, способное значительно расширить знания о топографии и динамике развития территории Новгорода в средневековый период.

Библиографический список

Андриенко А.В. Исследования на Алексеевском II раскопе в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 27. – В. Новгород, 2013.

Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М. Исследования на территории Воскресенской слободы Великого Новгорода в 2013 году (раскопы Алексеевский III и Алексеевский IV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 28. – В. Новгород, 2014.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л., 1950.

Петров М.И., Тарабардина О.А. Новгород X–XIV вв.: динамика изменений городской территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. – М. ; Псков, 2011.

Плохов А.В. Исследования в 2005 г. на территории Воскресенского на Мячине монастыря // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 20. – В. Новгород, 2006.

Степанов А.М. Исследования на Алексеевском раскопе в Великом Новгороде // Хорошие дни. – В. Новгород ; СПб. ; М., 2009.

О.В. Аникеева

Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва
ЕГИПЕТСКИЙ ИМПОРТ В КУРГАНАХ ФИЛИППОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Высокая информативность предметов импорта в курганах кочевников определяет неослабевающий интерес к этой категории находок, изучение которых позволяет реконструировать культурно-экономические связи и дает новые материалы о формировании культур сарматского типа, в становлении которых ключевую роль сыграли кочевники Южно-Уральского региона.

Работа посвящена изучению предметов египетского круга в погребениях всемирно известного курганного могильника Филипповка в Оренбургской области (раскопки Приуральской экспедиции Института археологии РАН под руководством Л.Т. Яблонского 2004–2014 гг.).

Алабастры из мраморного оникса. Два филипповских алабастра имеют удлиненное прямостороннее и мешковатое тулово, плавно сужающееся к небольшому отчетливо выраженному плечу, округлое дно, короткое цилиндрическое или конусовидное горло, дисковидный венчик и две ручки, симметрично расположенные в верхней части тулова. По данным рентгеноструктурного анализа, минералогическо-кристаллографические характеристики камня четко ложатся в поле магнезиальных кальцитов, добывавшихся в Древнем Египте в месторождениях Вади Геррави, Хатнубе, Вади-Ассиут. Характерная форма сосудов и происхождение камня позволяют предположить, что они изготовлялись в Египте из местного декоративного камня, широко известного в египтологии и археологии под названием «египетский алебастр». Сравнительный анализ распространения синхронных сосудов в Египте, Средиземноморье, Передней Азии и древнем Иране показал, что прототип формы алабастра с ушками появляется в Египте в конце Среднего Царства и используется в течение Нового Царства. Одновременно с Египтом во II тыс. до н.э. каменные сосуды, подобные алабастру, начинают производиться в Месопотамии и раннединастической Шумерской Ассирии и изготавливаются как из «египетского алабастра», так и из местных декоративных пород. В Восточном Средиземноморье аналогичные каменные алабастры широко распространены в западной Анатолии в VI–IV вв. до н.э. Анализ технологических приемов изготовления и распространения формы таких сосудов показывает, что алабастры из Филипповки производились в анатолийских ремесленных центрах из египетского сырья. В их форме отчетливо «читаются» как египетские, так и ассирийские традиции изготовления [Аникеева, 2016, с. 79–85].

Бусы. Бусы из золотой фольги на рифленой органической основе сферической формы с центральным сквозным отверстием. Характерны для птолемеевского Египта, а начинают производиться, вероятно, раньше. Форма появляется в Египте во II тыс. до н.э. и изначально воплощается в фаянсе и камне [Литвинский, 1973, с. 162].

Округлые стеклянные глазчатые бусы с основой белого цвета и синими глазками, оконтуренными серыми и коричневыми кольцами. По классификации Г. Эйзена, относятся к бусам со слоистыми глазками, которые производились в Египте с VIII–VII вв. до последней трети IV в. до н.э., когда распространилась совершенно иная технология изготовления глазков, вытеснившая предыдущие [Eisen, 1916, p. 15–16].

Округлые стеклянные пастовые бусины с основой зеленовато-серого цвета и светлыми плоскими глазками с точечным или спиральным орнаментом. Данная технология изготовления глазков возникает в Египте во 2-й половине IV в. до н.э. и превалирует в птолемеевском Египте [Eisen, 1916, p. 5–6].

Амулеты. Фаянсовая подвеска светло-бирюзового цвета с двусторонним симметричным линейным изображением глаза. В египтологии данный тип иконографического изображения известен как Уаджет, или глаз Хора. По классификации Ф. Петри, подобный тип изображения ока Хора формируется в конце периода Древнего царства и существует до

конца птолемеевского Египта [Petrie, 1914, p. 32–33]. По технологии изготовления относится к типичному египетскому фаянсу (кремнистая основа с глазурированным покрытием). Анализ изучения микроструктур и состава египетского фаянса амулета показывает, что процесс глазурования производился в технике «цементации», которая в I тыс. до н.э. распространяется на территории Малой Азии и Месопотамии. Этот факт, наряду с проведенным анализом пространственного проявления ареалов синхронных амулетов с идентичной иконографией, позволяет предположить, что такие амулеты либо попадали на территорию Ахеменидского Ирана из Египта через восточное Средиземноморье, либо начинают производиться в малоазийских мастерских ахеменидского времени [Аникеева, Яблонский, 2016].

Стеклянные сосуды. Один из сосудов имеет форму миниатюрного горшочка с цилиндрическим горлом и вычлененными кольцевидными поддоном и венчиком, имеет прозрачную основу фиолетового цвета, в верхней части тулова нанесен зигзагообразный линейный орнамент из глухого желтого и белого стекла, оконтуренный радиальными линиями глухого белого, желтого и голубого стекла. Дно по краю и венчик моделированы валиками из перекрученных нитей желтого и фиолетового цвета. Изготовлен в технике сердечника. Способ изготовления сосудов, декор в виде зигзагов из желтых, белых и голубых нитей на прозрачной фиолетовой или синей основе, оформление венчиков и днища кольцевидными двуцветными валиками из переплетенных нитей цвета основы и желтого цвета – характерные черты египетских сосудов эпохи XVIII–XIX династий Нового Царства [Трейстер, 2012, с. 106–114]. Однако особенности состава стекла основы и орнамента, распространение техники песчаного сердечника в середине I тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье не исключают вероятности финишной доработки и формования таких сосудов в мастерских Леванта или Финикии по египетским рецептам.

Стеклянная чашечка из прозрачного стекла с внутренней росписью эмалевыми красками. Основа орнамента представлена фризом из чередующихся пальметт и остроконечных листьев. Такие сосуды были чрезвычайно редкими. По данным М.Ю. Трейстера [2012, с. 112], стеклянные сосуды с росписью эмалевыми красками появляются в Египте в середине II тыс. до н.э., в Средиземноморье они до эллинистического времени неизвестны. Вышесказанное позволяет предположить, что чашечка из Филипповки была изготовлена в Египте.

Насильственное «открытие» Египта в конце правления XXVI династии обусловило широкий приток египетских товаров в Средиземноморье. Это способствовало интенсивному распространению египетских технологий обработки камня, производства фаянса и стеклянных сосудов в странах Восточного Средиземноморья, где с середины I тыс. до н.э. они начинают производиться, распространяясь в Ахеменидский Иран и попадая далее через Среднюю Азию на Южный Урал.

Библиографический список

Аникеева О.В. Происхождение и время изготовления алабастров из филипповских курганов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Элиста, 2016.

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Подвески-амулеты в форме глаза Хора из раскопок в Южном Приуралье // Вестник древней истории. – 2016 (в печати).

Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. – Вып. III. – М., 1973.

Трейстер М.Ю. Стеклянные сосуды ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М., 2012.

Eisen G. The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Times to the Present // American Journal of Archaeology. – 1916. – Vol. 20/1.

Petrie F. Amulets. The Egyptian Collection in University College. – London, 1914.

А.А. Анойкин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск*
ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА

Комплексная экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Института археологии РАН под руководством А.П. Деревянко начала свои работы на Северном Кавказе в 2003 г. За два года интенсивных разведок в Кабардино-Балкарии и Дагестане сотрудниками экспедиции обнаружено более десятка местонахождений с артефактами каменного века и определены наиболее перспективные территории в плане изучения палеолита [Деревянко и др., 2004, с. 65–69; Амирханов, Деревянко, 2005, с. 18–32]. В последующие годы оформились два основных района, где проводились масштабные раскопочные и разведочные работы: береговая и предгорная зоны Южного Дагестана, долины рек Рубас и Дарвагчай. За последнее десятилетие на этой территории было открыто несколько многослойных стратифицированных палеолитических стоянок (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив-1, Рубас-1, Тинит-1 и др.) и более 20 местонахождений с поверхностным залеганием артефактов. Параллельно с археологическими работами велись также комплексные геохронологические исследования как на самих памятниках, так и на естественных обнажениях четвертичных отложений [Деревянко и др., 2012].

В результате комплексных исследований была создана подробная культурно-хронологическая схема изменений древнейших культур в Приморском Дагестане, позволяющая проследить все основные этапы и специфику их развития в палеолитическое время, имеющая точные хронологические реперы и привязку к основным палеоэкологическим обстановкам плейстоцена региона. Это особенно показательно в контексте того, что до этих работ территория Дагестана являлась своеобразным «белым пятном» на палеолитической карте России, а в его приморских районах были известны только несколько пунктов подъемного археологического материала, относимых к каменному веку [Котович, 1964; Амирханов, 1986, с. 5–26].

Наиболее древние археологические материалы, маркирующие начальный этап заселения человеком территории Западного Прикаспия, фиксируются на местонахождении Рубас-1. Этот раннепалеолитический комплекс характеризуется малыми размерами изделий (примерно 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Широко применялась техника дробления сырья, системные нуклеусы единичны. Количество функциональных типов орудий невелико: предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и мелкие скребловидные изделия. Имеющийся свод естественно-научных данных позволяет предположить возраст индустрии как соответствующий финалу акчагыльской трансгрессии, в интервале 2,3–1,9 млн л.н., и отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита, что является наиболее древним свидетельством присутствия подобных технокомплексов на территории Евразии [Деревянко и др., 2012; Деревянко и др., 2015, с. 78–83].

Дальнейшее развитие традиции мелкоорудийного производства прослеживается на материалах многослойной стоянки Дарвагчай-1, которые датируются временем бакинской трансгрессии – в пределах 750–400 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2012].

Материалы финального раннего палеолита (Дарвагчай-залив-1, Дарвагчай-залив-4 и др.) демонстрируют появление на территории Дагестана комплексов с крупными бифасиальными орудиями. Основу первичного расщепления составляют плоскостные параллельные и радиальные ядрища. Техника дробления практически не используется. В орудийных наборах преобладают скребла, орудия зубчато-выемчатой группы, шиповидные изделия и атипичных скребки. Галечные орудия представлены в основном чопперами. Доля мелкоорудийного компонента незначительна [Деревянко и др., 2012].

Развитые среднепалеолитические индустрии (Рубас-1 (средний комплекс), Дарвагчай-залив-1 (комплекс 2) и др.) появляются в хазарское время и характеризуются наличием различных вариантов леваллуазской техники, на фоне преимущественного использования плоскостных ядрищ параллельного принципа скалывания, в том числе с несколькими фронтами и площадками. Используются и торцовые формы нуклеусов. Исчезает мелкоорудийный компонент, также отсутствуют изделия с бифасиальной обработкой. Происходит постепенный отказ от производства галечных орудий. Увеличивается типологическое разнообразие орудийного ряда, появляются острийные среднепалеолитические формы (остроконечники леваллуа и мустье, конвергентные скребла) и изделия верхнепалеолитической группы [Деревянко и др., 2012].

Последующие изменения древних культур в регионе демонстрируют каменные индустрии многослойных стоянок Тинит-1 и Рубас-1 (верхний комплекс), соответствующие финалу среднего – рубежу верхнего палеолита (50–35 тыс. л.н., раннее хвалынское время). Они демонстрируют постепенный отказ от леваллуазских техник расщепления и преимущественное использование подпризматической и плоскостной параллельной техник получения пластинчатых заготовок с редуцированием ударной площадки подтеской и шлифовкой. Также происходит частичная смена орудийного набора, выражающаяся в исчезновении среднепалеолитических острийных форм, упрощении обработки скребел, увеличении количества и разнообразия верхнепалеолитических типов, а также в появлении единичных «руководящих» орудий (скребки с плечиками и высокой формы многогранные резцы) [Анойкин, 2016, с. 5–9].

Материалы верхнего палеолита в археологической летописи Приморского Дагестана пока не представлены, что, видимо, объясняется как все еще недостаточной изученностью региона в плане палеолитоведения, так и плохой сохранностью здесь позднеплейстоценовых отложений. Последнее может быть связано в прибрежных районах с частыми и значительными колебаниями Каспийского моря в хвалынское и более позднее новокаспийское время, а также неотектонической деятельностью, оказывавшей значительное влияние на палеогеоморфологическую ситуацию в горных и предгорных районах. На настоящий момент единственная находка, свидетельствующая о заселении данной территории в верхнем палеолите, – чаша из бедренной кости мамонта, обнаруженная около станции Белиджи [Котович, 1964].

В целом же проведенные в последние десятилетия исследования показывают, что береговая зона Каспийского моря была интенсивно заселена практически на всем протяжении плейстоцена, с момента первого появления там древних человеческих коллективов.

Библиографический список

Амирханов Х.А. Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспийском Дагестане // Новое в археологии Северного Кавказа. – М., 1986.

Амирханов Х.А., Деревянко А.П. Разведки памятников каменного века в Дагестане в 2003 году // Древности Кавказа и Ближнего Востока. – Махачкала, 2005.

Анойкин А.А. Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Дагестана // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – №2.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск, 2012.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Т. X. – Новосибирск, 2004.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Казанский А.Ю., Матасова Г.Г. Новые данные по обоснованию возраста раннепалеолитического комплекса артефактов местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №3/2.

О.М. Аношко, С.В. Берлина, С.И. Цембалюк
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
ОТ ДРЕВНИХ КРЕПОСТЕЙ ДО ПЕРВОЙ СТОЛИЦЫ СИБИРИ:
УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В исторической науке утвердилось мнение, что до прихода русских зауральское население не знало таких форм поселений, как города. Однако накопленный археологический материал свидетельствует о том, что начало урбанизации следует связывать с формированием укрепленных поселков (крепостей) в Зауралье еще в бронзовом веке. Протогорода и города в древних и средневековых обществах являлись центрами возникновения и трансляции культурных инноваций и определяли развитие региона в целом. Безусловно, они не имели больших размеров, так как плотность населения на этой территории традиционно была низкой. Тем не менее фиксируются другие признаки городского поселения, а именно: наличие ремесла, торговли, власти, предметы военного оснащения, элементы городской застройки, наличие фортификаций.

В лесостепном Зауралье причину возникновения первых укрепленных поселков в конце бронзового века большинство исследователей соотносят с климатическими изменениями – повышением уровня воды в реках, следствием чего стала миграция на юг таежного населения – носителей крестовой керамики, что привело к возникновению здесь социальной напряженности и строительству местным бархатовским населением фортификаций с целью защиты от чужеземцев [Матвеев, Аношко, 2009, с. 338–339]. В период поздней бронзы их было немного. Укрепления примитивные, состояли из рва и изгороди, возведенных на естественно защищенных местах – высоких мысах коренных речных террас.

В переходное от бронзового к раннему железному веку время получили распространение поселения, защищенные фортификациями круговой планировки. Они были оставлены носителями иткульской и байтовской культур, соорудившими, судя по небольшим параметрам валов и рвов, деревянные заборы, с канавкой у основания [Зиминая, Зах, 2009, с. 184; Цембалюк, 2009, с. 58]. На городищах, помимо обычной хозяйственной деятельности (гончарство, обработка шкур и дерева), зародилось металлообрабатывающее ремесло. Но уже в начале раннего железного века, на позднем этапе функционирования байтовской культуры, мощность оборонительных линий резко возросла, появились привратные башни [Цембалюк, 2009, с. 58]. Это связано, во-первых, с развитием экономики и скотоводства, что вызвало социальную стратификацию общества, а, во-вторых, с возникновением в лесостепь степного населения и формированием саргатской общности.

В зауральской лесостепи на начальном этапе эпохи раннего железа одновременно проживали носители байтовской, гороховской и саргатской культур, что привело к росту плотности обитателей и, как следствие, к увеличению количества укрепленных поселков в 10 раз по сравнению с бронзовым веком. Ряд городищ были оставлены смешанным населением, что свидетельствует о контактах и ассимиляции в среде древнего общества. В то время фиксировалась эволюция в устройстве фортификаций, ведущими факторами были безопасность и пригодность рельефа для устройства укреплений, а также экологическая емкость территории, наличие природных богатств. Основная функция укрепленных поселков состояла в сохранении жизни и имущества. Полагаем, что со временем отдельные городища постепенно трансформировались в политические и экономические центры.

В III в. до н.э. – I в. н.э. основным населением Зауралья стали представители гороховской и саргатской культур, имевшие торговые связи с Приуральем, сакским степным миром, Китаем и Передней Азией [Матвеева, 2000, с. 291–300]. В этот период наблюдаем своеобразный «расцвет» конструкций и вариаций фортификаций: укрепления в плане округло-овальных, трапециевидных, подтреугольных форм, с выступами-башнями, округлые и мысовые городища, часто двух- и трехплощадочные. Следует отметить эскарпирование склонов и разнообразие в использовании сооружений из дерева и земли, применение пазово-шиповой техники (заплота), создание сложных входов и выступов в оборонительных линиях

[Берлина, 2010, с. 16]. При исследовании памятников выделены элитарная военизированная верхушка общества, слой рядовых воинов и простых жителей. В лесостепной зоне известно около 40 крепостей данного периода, среди них только шесть городков имеют признаки крупных социально-политических центров. На их цитадели прослежены следы ремесла, упорядоченная застройка, наличие элитных жилищ, свидетельства международной торговли/обмена, а за пределами укреплений – неукрепленные посады.

На рубеже веков на процесс урбанизации в лесостепном Зауралье повлияло Великое переселение народов, торговые связи были нарушены, а большая часть населения ушла с завоевателями на запад. В эпоху раннего и развитого средневековья количество городищ, как и в целом поселений, сократилось, но увеличились параметры фортификаций, отличавшихся большой площадью и мощностью оборонительных конструкций, а их схема стала относительно унифицированной (укрепление тела вала с помощью тарас, клетей, установление поверх дополнительных заборов, частоколов, плетней) [Рафикова и др., 2013, с. 49–50]. Археологические материалы свидетельствуют, что в средневековое время значительно вырос социально-экономический статус укрепленных поселений, не только выполнявших оборонительную функцию, но и имевших административно-политическое и религиозное значение.

Мощным толчком к преобразованию Зауральского региона послужил процесс продвижения русских землепроходцев на восток в конце XVI–XIX вв., связанный с основанием и развитием городов и острогов. Археологические раскопки культурного слоя Тобольска открыли новые горизонты в изучении первой российской столицы Сибири, являвшейся ее административным, культурным и торгово-ремесленным центром вплоть до 2-й четверти XIX в. [Аношко, Игнатов, 2014, с. 78–80].

Таким образом, на археологических материалах лесостепной зоны Зауралья можно проследить зарождение укрепленных поселений и трансформацию их в протогорода. Они появились в период поздней бронзы, количество их возросло в раннем железном веке. В этот же период наблюдалось большое разнообразие форм и схем фортификаций – шел поиск оптимальных решений, выделялись крупные социально-экономические центры. Городское поселение приобретало в ходе исторического развития самые различные формы, последовательно сменявшие друг друга, – от крепостей до военного, политического и административного центра Сибирского края.

Библиографический список

Аношко О.М., Игнатов С.В. Особенности ранней застройки Тобольска по археологическим данным // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. – Вып. 6. – Тюмень, 2014.

Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010.

Зимица О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск, 2009.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. – Тюмень, 2009.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск, 2000.

Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – №4 (23).

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – №10.

Н.Г. Артемьева
*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
КАЙЮАНЬ – ВЕРХНЯЯ СТОЛИЦА
ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ
(1215–1233 гг.)

Непременным атрибутом любого государства являлась столица, которая была его политическим, а нередко религиозный центром (местопребывание властей и резиденция правителя). При создании политической власти во всех государствах Дальнего Востока учреждалось несколько столиц, для которых в соответствии со стороной света подбиралось удобное место, становившееся политическим и военным центром данного района. Дополнительные столицы обычно получали название по сторонам света, главную называли Верхней, или Центральной.

Известно, что в государстве Восточное Ся существовало три столицы: Верхняя, Южная и Северная. Местонахождение Северной столицы пока точно не установлено. Южная столица отождествляется с горным городищем Чэнцзышань, расположенным в 10 км на восток от города Яньцзи на юго-востоке провинции Цзилинь. Верхней столицей государства Восточное Ся являлся г. Кайюань, который идентифицируется с Красноярским городищем, расположенным в 5 км к югу от г. Уссурийска Приморского края, на высоком утесе правого берега р. Раздольной [Артемьева, Ивлиев, 2000, с. 165–172; Чжао Минци, 1985, с. 203–212]. Крепость была построена на горном отроге, который контролировал прилегающую долину, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защиты с юга расположенного на противоположном берегу р. Раздольной центра губернии Сюйпинь. С трех сторон городище защищено крутыми горными склонами. Местность выбрана с учетом военной топографии – поля и река, омывающая с трех сторон городище, являются важными коммуникационными элементами.

По типу памятников Красноярское укрепление относится к горным городищам, хотя его можно причислить и к системе горно-равнинных укреплений. Оно имело площадь 180 га, обнесенную по периметру земляными валами высотой 2–6 м, протяженностью более 7 км, охватывающими горный утес, на территории которого расположено несколько довольно ровных плато, пересеченных оврагами. В плане городище близко к треугольнику, острый угол которого направлен на юг. Сложная система фортификационных сооружений сделала укрепление практически неприступным.

Судя по оборонительным сооружениям Красноярского городища, при строительстве столичного города были применены лучшие отработанные фортификационные приемы, впитавшие в себя национальные традиции, которые формировались, как нам кажется, под когурёским влиянием строительства горных крепостей. Но здесь следует подчеркнуть, что при строительстве крепостей когурёсцы рядом с долинной крепостью возводили горную на случай обороны. У чжурчжэней же мы видим, что большинство городищ не имеют долинных городов-спутников, за исключением Красноярского городища. Рядом с ним, на расстоянии 3 км, находится Южно-Уссурийское долинное городище, на котором сейчас обнаружен слой, относящийся к государству Восточное Ся. И, скорее всего, эти городища представляли собой единый мегаполис, в котором Красноярское городище могло исполнять функции горной крепости, как это применяли в Когурё и Корё.

Внутренняя топография Красноярского городища полностью подчинена рельефу местности. В юго-восточной части памятника расположен обвалованный участок – Внутренний город, площадью 35 га. Вся территория Внутреннего города небольшими земляными валами разделена на социально значимые участки. В центральной части находился Запретный город – императорская ставка, где располагались дворцовые сооружения, государственные хранилища и квартал чиновников.

В юго-западном направлении от центральной части Внутреннего города находились административные строения, в том числе ведомство Шаофудцзянь [Артемьева, 2001, с. 91–100]. Рядом с ними располагался редут – это усадьба должностного лица, ставка военачальника или коменданта города [Артемьева, 2003, с. 139–146].

Исследования Внутреннего города показали, что первоначально на этом месте был построен город-крепость, существовавший до образования государства Восточное Ся. Это хорошо фиксируется археологически. Нами выделено три строительных горизонта в центральной части Внутреннего города, а также обнаружена достройка валов Внутреннего города и редута.

Один строительный горизонт отмечается только на территории Внешнего города. В северо-восточной части памятника вскрыты остатки 26 жилищ, хозяйственные дворы, производственные объекты. Здесь было обнаружено четыре улицы, выявлены расстояния между домами, прослежена внутренняя топография этого участка. Практически во всех жилищах найдены следы перестроек канов.

Таким образом, Внешний город является однослойным памятником. Заселение этого района идет явно на втором этапе жизнедеятельности городища.

Первоначально на месте, где сейчас располагается Внутренний город, был построен город-крепость, прикрывавший доступ в долину, где находились два чжурчжэньских долинных городища – Южно-Уссурийское и Западно-Уссурийское. Причем крепость существовала до 1215 г., т.е. до образования государства Восточное Ся. После прихода Пусяня Ваньну и учреждения на этом месте нового города старый перестраивается. Его территория превращается в императорскую резиденцию, вокруг которой строится новый столичный город, по размерам значительно больше других средневековых памятников. В нем были сосредоточены политическая власть и военно-административный аппарат. Он являлся узловым очагом торгово-ремесленной активности и духовной жизни государства, а также крупным центром, которому подчинялись и были с ним экономически связаны другие города.

На Красноярском городище прослежены все признаки восточного средневекового города. Но хотелось бы отметить, что в первую очередь чжурчжэньские города XIII в. были административными центрами, в которых находились представители центральной власти, управляющие соответствующими территориями. В тех военных условиях, в которых было образовано и существовало государство Восточное Ся, необходимы были исключительно сильная государственная власть и строжайшая централизация. Несмотря на то, что товарно-денежные отношения в этот период были довольно развитые, ремесло носило преимущественно государственный характер, торговля также находилась под строгим контролем государства, поэтому города не могли играть заметной социально-экономической роли, а являлись преимущественно административно-политическими центрами с военными, общественными и экономическими функциями, которыми были наделены военизированные общины мэнъянь (тысячедворки) и моукэ (стодворки).

Библиографический список

Артемьева Н.Г. Столичное ведомство Шаофудцзянь Восточного Ся // Вестник ДВО РАН. – 2001. – №3.

Артемьева Н.Г. Редут Красноярского городища в Приморье // Российская археология. – 2003. – №4.

Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые эпиграфические находки из Уссурийска // Российская археология. – 2000. – №2.

Чжао Минци. Исследование о Верхней столице Кайюань государства Восточное Ся // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. – 1982. – №3.

Е.В. Асташенкова, Е.И. Гельман
*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА БОХАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Средоточием экономической, политической и духовной жизни средневекового бохайского населения были укрепленные крупные и среднего размера городища. Здесь находились административные, а в крупных городах религиозные центры, развивались торговля и ремесленное производство. Города имели более развитую по сравнению с сельскими поселениями социальную, транспортную и инженерную инфраструктуру. В городах проживало разное по своему общественному положению и статусу и этнической принадлежности население. Через города осуществлялись политические, экономические и культурные связи с соседними населенными пунктами, государствами, народами и территориями. По мере роста и развития государства Бохай складывался городской быт, формировалась культура элиты и простого населения. О складывании и развитии городской культуры в Бохаве говорят размеры городищ, их географическое положение, внутренняя топография памятников, особенности фортификации, светской и религиозной архитектуры, следы специализированного ремесленного производства и торговых процессов.

В середине VIII в. в Бохаве появилась строгая планировка, соответствующая китайскому архитектурному стилю [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 96]. Столичные города и окружные центры Бохая строились с соблюдением китайских строительных канонических правил того времени, когда за архитектурный эталон была принята столица Тан – г. Чанъянь. Так, Верхняя столица Лунъюаньфу в г. Дунцинчен, Восточная столица Лунъюаньфу в г. Балянчен, Средняя столица Сяньдэфу в г. Сигучэн, городища Дачэнцзы, Чхонхэ имеют прямоугольную в плане или близкую к ней форму [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 85; Стоякин, 2012, с. 176]. На территории ряда бохайских городищ конструктивно выделяется «внутренний» город, который располагался, как правило, в северной части внешнего города. Внутренний (или «царский») город зафиксирован на территории Верхней, Восточной и Средней столиц Бохая. Этот же принцип положен в основу планировки бохайских городищ, расположенных на территории Приморья. Дороги и площади выполняли в городе важную практическую и социокультурную функцию.

Государственная элита была сосредоточена преимущественно в городах, поэтому именно там в первую очередь и стал распространяться буддизм, способствующий развитию городской культуры. Археологические раскопки, проведенные на бохайских памятниках, показывают, что крупные буддийские храмы сосредоточены в столичных и областных центрах Бохая. Остатки как минимум девяти храмов выявлены на территории городища Дунцинчен и его окрестностях [Бохай каогу, 2008, с. 117], следы храмовых построек обнаружены в Восточной столице – городище Балянчен [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 89; Чжань Цзюнь, 1994, с. 65], храмовый комплекс исследован в северо-западной части Краскинского городища [Болдин, 1992, с. 60]. Отдельные небольшие буддийские храмы были сосредоточены на тех территориях, которые имели важное стратегическое значение для развития Бохая. Так, в пределах бохайской области Шуайбинь (бассейн р. Раздольной) обнаружены следы четырех культовых построек. Высокая плотность археологических памятников и, соответственно, плотность населения в этом районе позволяют рассматривать его как полупериферию, которая имела шансы со временем стать центром [Гельман, 2006, с. 41].

На территории бохайских городищ отмечены следы специализированных производств: гончарного, черепичного, железодельного, бронзолитейного [Конькова, 1989; Гельман, 2006; Гельман, Кодзима, 2013]. Археологические данные свидетельствуют о налаженных внутреннем и внешнем торговых обменных процессах как в разных регионах государства,

так и с другими странами. Важную роль в этом играли городские центры разного уровня [Гельман, 2006, с. 46–47]. Своя денежная система в Бохае, тем не менее, не сложилась.

Именно города были центрами образования. Исследователи отмечают высокий уровень грамотности в Бохае. Письменность была иероглифическая. Ее использовали как бохайская аристократия в переписке, на погребальных стелах, так и простые ремесленники [Ивлиев, 2014].

Обнаруженные при раскопках бохайских памятников артефакты указывают на то, что городское бохайское население было знакомо с азартными играми. Многолетний анализ артефактов на Краскинском городище показывает, что в верхних строительных горизонтах игральные фишки встречаются гораздо чаще, чем в нижних. Вероятно, по мере становления и развития городища его статус постепенно менялся (что прослеживается и на другом археологическом материале), увеличивалась плотность населения, а быт и досуг жителей все более приближались по уровню к жизни населения столичных центров. Игра го-ну постепенно приобретала все большую популярность, пик которой пришелся на IX – начало X в.

В городах была более выражена дифференциация населения. Несмотря на то, что набор украшений, которым пользовалось бохайское население, был стандартен (однотипные элементы наременной гарнитуры, декоративные гвоздики и накладки, шпильки, подвески в виде птичек и др.), материал и технологии изготовления этих изделий позволяют говорить об имущественной стратификации бохайского населения в городах. Как правило, для производства статусных вещей для аристократии использовали бронзу (в том числе позолоченную), золото, серебро, нефрит, глазурованную керамику. Очевидно, что большей ценностью, а соответственно, и большим престижем, обладали привозные вещи (стекло, лаковые изделия). По распространению подобных вещей на территории города можно выделить элитные кварталы.

В целом в городской культуре Бохая можно выделить два пласта: культуры элиты и простого населения. Первая развивалась под сильным влиянием танского стиля и моды и буддийской идеологии. Особенно ярко это проявилось в живописи, храмовой архитектуре, монументально-декоративной скульптуре. Вторая унаследовала традиции мохэских племен – основателей государства. Свидетельством этого выступает в первую очередь декоративно-прикладное искусство. Но поскольку эти два пласта не могли существовать отдельно друг от друга, в Бохае сложились свое самобытное искусство и узнаваемый стиль. При этом такие направления, как музыка и литература, стали заметным культурным явлением в средневековом обществе Дальневосточного региона.

Библиографический список

- Болдин В.И. Бохайские городища в Приморье // Россия и АТР. – 1992. – №2.
Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Столичные города Бохая // Россия и АТР. – 1997. – №3.
Бохай каогу (Археология Бохая) / Вэй Цуньчэн. – Пекин, 2008.
Гельман Е.И. Центр и периферия северо-восточной части государства Бохай // Россия и АТР. – 2006. – №3.
Гельман Е.И., Кодзима Ё. Производство бронзы бохайским населением долины р. Илистой // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – №5.
Ивлиев А.Л. Эпиграфические материалы Бохая и бохайского времени из Приморья // Россия и АТР. – 2014. – №4.
Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н.э. – XIII век н.э.). – Л., 1989.
Стоякин М.А. Бохайские городища на территории Китая // Россия и АТР. – 2012. – №4.
Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. – Владивосток, 1994.

И.Р. Ахмедов
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ВОИНСКАЯ КУЛЬТУРА РЯЗАНСКИХ ФИННОВ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В постгуннское время окончательно оформился стандарт воинской культуры рязанских финнов. Инвентарь захоронений вождей и военных предводителей содержал устойчивый набор «статусного» инвентаря: ременные гарнитуры с деталями, украшенными изображениями стилизованных головок птиц, массивные шейные гривны, крупные крестовидные местные и отдельные привозные фибулы, браслеты, поясные наборы, длинные двулезвийные (в том числе и изготовленные из дамаска) и короткие однолезвийные мечи, в наиболее репрезентативных погребениях встреченные вместе, древковое оружие, уздечные наборы, плети и шпоры. Наборы характерные для представителей разных социальных ступеней предметы были рассмотрены на материалах Никитинского могильника и наиболее репрезентативных комплексов из могильника Борок-2. Анализ состава инвентаря захоронений из могильника Борок-2 позволил автору выдвинуть предположение о максимально высоком статусе погребенных. Значительная часть «статусных» вещей поступила на Среднюю Оку в результате контактов с группами бывших гуннских федератов, появившихся в Поднепровье после распада «державы» Аттилы. Сейчас они дополнились двумя средиземноморскими шлемами (могильник Царицыно). Такие находки известны также в Поднепровье и Подесенье. Отдельные формы вещей центральноевропейского происхождения получают развитие в местной среде. Сложившийся воинский комплекс рязанских финнов в это время стал в некотором смысле «эталонным» для родственного «безводнинско-ахмыловского» населения на Нижней Оке и в нижегородско-марийском Поволжье [Ахмедов, 2007; 2010; 2014а]. На протяжении VI в. набор воинских аксессуаров становится скромнее. Развиваются лишь отдельные формы, такие как крупные проволочные кольцевые застежки, однолезвийные мечи, изредка используются гривны, поясные наборы, в основном изготавливаются из железа.

Новый этап в развитии воинской культуры рязанских финнов начинается на рубеже VI–VII вв. Появляются отдельные поясные наборы «геральдического» стиля. Они находят параллели в первую очередь в крымских памятниках (пп. 111, 129 – Никитино; п. 7 – Шатрищи (раскопки И.Р. Ахмедова). Единичны находки степных гарнитур горизонта Иловатки (п. 154 – Заречье-4) и длинных однолезвийных мечей (п. 129 – Никитино, п. 47 – Ундрих), появляются новые типы наконечников копий и дротиков. Из местных форм используются крупные воинские кольцевые застежки, новой формой являются кольцевые застежки с рамкой треугольного сечения и иглой с расширением у основания. Они стали прототипами одного из специфических статусных украшений поволжских финнов в VII – начале IX в.

К середине VII в. комплекс воинских категорий становится максимально разнообразным. Выделяется группа захоронений с престижным инвентарем, сосредоточенная в могильниках «лидирующей» группы рязанских финнов у поселка Шилово. Состав престижного инвентаря включал в себя поясные уборы «геральдического» стиля, соотносимые с поволжско-уральскими гарнитурами второй группы, по И.О. Гавритухину, и степными находками горизонта «Сивашовка – Макуховка», по А.В. Комару. Известно уже более 50 находок. Состав литых украшений этих привозных поясов дополнялся тиснеными бляшками, наконечниками, имитациями псевдопряжек, часть из которых изготавливалась в местной среде, о чем свидетельствуют находки матриц для тиснения и бракованных оттисков в шиловской группе памятников [Ахмедов, Гаврилов, 2017]. Наиболее поздние гарнитуры и матрицы для тиснения близки степным находкам горизонта «Уч-Тепе – Келегеи», по А.В. Комару, и ранним образцам поволжско-уральских гарнитур третьей группы, по И.О. Гавритухину. Состав поясов свидетельствует о знакомстве местного населения с представлениями степняков

о «ранговом» значением поясов в системе иерархических признаков. Найдено более двух десятков мечей. Они включают в себя двулезвийные клинки, в том числе и изготовленные из «дамасковой» стали, однолезвийные двух типов: с закругленным лезвием и срезанным под углом. Значительная часть этих мечей снабжена серебряными деталями декора рукоятей и деталей ножен. Известен боевой нож с таким оформлением ножен [Ахмедов, 2014б]. Уникальной является находка в Шокшинском могильнике центральноазиатского меча с кольцевым навершием, параллели которому известны в монументальной живописи Согда и Восточного Туркестана, а также среди парадных мечей аварской и восточно-европейской степной знати (Кунбабонь, Боца, Перещепина). В наиболее богатых погребениях известны уздечные наборы с железными или костяными псалями, украшенные литыми или тиснеными бляшками. В одном случае уздечный набор дополнялся находкой железного стремени с выгнутой петлей, близкого степным находкам (Вознесенка, Глодосы). На использование рязанскими финнами жестких седел указывают и находки тисненых зооморфных и антропоморфных фигурок, украшавших переднюю луку седла, аналоги которым встречены на Северном Кавказе (Преградная, Кугуль, Дагом). Известны и находки рукояти плети, обернутой по спирали бронзовой лентой, а также костяного навершия плети (?) в виде головы птицы. Такие вещи, видимо, следует рассматривать также среди категорий, подчеркивающих высокий статус их обладателя. Как возрождение традиций гуннского и постгуннского времени следует расценивать использование знатными воинами наиболее поздних рязанских крестовидных и привозных византийских фибул. Фибулы и другие вещи византийского происхождения поступали сюда через население «пеньковско-колочинского» облика верховьев р. Воронеж [Ахмедов, 2016а, б]. В качестве статусных украшений более низкого уровня использовались застежки с «крылатой» иглой. Сохраняется и обычай ношения воинского браслета. Захоронения с наиболее репрезентативным инвентарем найдены в могильнике Борок-2, они, видимо, принадлежали представителям «элиты» общества рязанских финнов. Набор престижных категорий свидетельствует о синтезе местных и «степных» элементов.

Таким образом, «воинская» культура рязанских финнов развивалась в общем контексте формирования военного дела и «воинской» моды «тюрко-хазарского» населения Восточной Европы в эпоху сложения Хазарского каганата.

Библиографический список

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. – Вып. 9. – М., 2007.

Ахмедов И.Р. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. – Тула, 2010.

Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. – Вып. 15. – М., 2014а.

Ахмедов И.Р. Клинковое оружие рязанских финнов во II–VII вв. // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани. – Т. II. – Казань, 2014б.

Ахмедов И.Р. Поздние рязано-окские крестовидные фибулы и их роль в системе социально иерархических маркеров // Краткие сообщения Института археологии. – 2016а. – Вып. 244.

Ахмедов И.Р. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья : сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова. – Рязань, 2016а.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов. – Stratum plus. – 2017 (в печати).

Н.Б. Ахметгалева
Курчатовский государственный краеведческий музей, Курчатов
ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА
СТОЯНОК ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БЫКИ В ПОСЕЙМЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
(проект №17-11-46601"а(р)")

Расположение комплекса стоянок Быки на стыке разных палеолитических регионов (Костёнковско-Борщевского, Десны, и степных стоянок Левобережья Украины) отразилось в своеобразии существовавшего здесь природного комплекса и материальных культур. Определенная уникальность стоянок Пены, Быки-1, Быки-2, Быки-3 и Быки-7 (слои I и Ia) заключается в серийном присутствии геометрических треугольников в составе их кремневых артефактов во время 18000–16000 некалиброванных лет назад и фауне бореального подкомплекса мамонтового териокомплекса Позднего Валдая [Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалева, 2015]. Выделяются они и на фоне других памятников Быки с эпиграветтскими чертами. Встал вопрос: не может ли быть их присутствие не более чем отражением разной функциональной направленности вскрытых участков или особенностями используемого сырья?

Материалы наиболее показательных каменных и костяных коллекций со стоянок Быки-1 и Быки-7 были исследованы с применением методик Экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН. Несмотря на достаточно длительное исследование, не все еще определено. Но выявлены критерии, по которым представленные индустрии можно объединить в одно культурное целое не только на основании типологии орудийного набора, но и по трасологическим показателям.

Технологические приемы при производстве каменных и костяных изделий одного подтипа едины для этих стоянок [Ахметгалева, 2015].

Каменные индустрии с треугольниками не обладают такой эпиграветтской характеристикой, как целенаправленное нуклеусное расщепление пластинок и/или микропластин [Ахметгалева, Демиденко, 2015]. Налицо технико-типологическая связка первичного производства узких и недлинных пластин и их вторичная трансформация в треугольные микролиты. Оставшийся после производства треугольников дебитаж, включая небольших размеров отщепы и сколы подготовки / переоформления нуклеусов, шел на производство остальных орудий. Это важно, поскольку в типологическом отношении имеющиеся в коллекции резцы, скребки и даже проколки с длинным жалом имеют свои аналоги в самых различных кремнёвых индустриях. Присутствует единая вторичная обработка каждого типа кремнёвого орудия по разным стоянкам Быки, включающая технику резцового скола, мелкую притупливающую ретушь, при формировании длинных лезвий проколок – крупную вертикальную ретушь. Особое внимание было уделено производству треугольников [Ахметгалева, Демиденко, 2015], тем более что в двух комплексах Быки-7 они являются основным типом орудий. В Быках-1 треугольники имеют косо тронкированное основание, а в двух комплексах Быки-7 присутствуют как изделия с косо тронкированным, так и прямо тронкированным основанием. После оформления основания будущего треугольника простой притупливающей ретушью происходило ретуширование одной всегда более длинной латерали. Это выделяет данные треугольники от хронологически близких треугольников других памятников.

Основными видами заготовок для *костяной индустрии* являются пластины, серийно вырезанные из стенок длинных костей копытных млекопитающих и животных мелкого размерного класса, а также пластины, полученные путем **распила** ребер копытных животных. При поперечном членении пластин и целых трубчатых костей используется только **техника пиления**. Продольное расщепление ребер производилось с помощью разрывания по надпилам или надрезам с применением клина. В качестве основного приема формообразования разного вида острий, основной серийной категории костяных изделий,

следует отметить строгание/скобление. Отличительным моментом является обработка их основания. Отсутствуют шилья из локтевых и берцовых костей мелких животных.

Функциональные особенности. Трасологические наблюдения показали полную идентичность использования разных типов и подтипов как каменных, так и костяных орудий Быковских стоянок с микролитами [Ахметгалеева, 2015, с. 89–97, табл. 1, 3, 4].

Подробно выделенные «макроследы» на *кремнёвых треугольниках* [Ахметгалеева, Демиденко, 2015] рассматриваются нами как следствие не просто их метательного износа в качестве компонентов охотничьего метательного вооружения, а именно как наконечников древков стрел для лука, что также выделяет эти изделия от хронологически близких им треугольников мадлена. Была отмечена **полифункциональность** остальных категорий каменных орудий. К самой универсальной категории относятся резцы. Тем не менее можно предположить основную функцию орудия, соответствующую особенностям формы. Скребки выполняют функцию скобления разных материалов, характерно максимальное использование угла между скребковым и продольным лезвием или шипа, поэтому типологически выделяется большое количество скошенных лезвий. Зафиксирована большая доля проколов и изделий с выемками радиусом около 0,5 см на пластинах, предназначенных/получившихся в результате скобления твердого материала. Серийно присутствующие комбинированные изделия и их переходные формы с несколькими противоположащими выемками и острием показывают, что данное сочетание объясняется *технологической необходимостью* и возникает для быстрой смены деятельности за короткое время. Следы резания мягких материалов преимущественно читаются на углах проксимальных частей пластинок и пластин, а следы пиления/резания твердых материалов фиксируются на боковых лезвиях пластин и пластинок.

Для *костяных* острий также характерны варибельность производимых остриями работ и, как правило, соответствие определенного подтипа острия выполняемой функции [Ахметгалеева, 2015, с. 179–180, табл. 5]. Так, острия без рукояточной части и округлые в сечении выполняют функцию проколов с прокалывающее-проворачивающей кинематикой (небольшой поворот на $\frac{1}{2}$ диаметра при продавливании отверстия). Среди типичных шильев и проколов без плечиков преобладающая кинематика – прокалывание. На иглах были отмечены следы утилизации, свидетельствующие о прокалывании шкур в целях их скрепления. Что касается индивидуальных утилитарных изделий, то все они имеют различные функции. Но при этом аналогичные изделия с разных стоянок имеют сходные, и, что важно, не всегда традиционные следы утилизации.

Таким образом, трасологическое изучение материалов обозначенных стоянок позволило определить позиции, по которым данная материальная культура отличается от других хронологически близких эпиграветтских памятников Русской равнины. Кроме того, выделены критерии, по которым можно искать сходные в культурно-хронологическом отношении памятники.

Библиографический список

Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. – Курск, 2015.

Ахметгалеева Н.Б., Демиденко Ю.Э. Роль костяных и кремневых наконечников в охотничьем метательном вооружении стоянок позднего верхнего палеолита Быки (центр Восточной Европы) // STRATUM+. – 2015. – №1.

Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка // Советская археология. – 1978. – №4.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск, 2001.

В.А. Бабенко

ООО «Наследие», Ставрополь

ЗИМНИЕ ПАСТБИЩА КОЧЕВНИКОВ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

С конца XIX в. по начало 2000-х гг. территория Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность, предгорья Северного Кавказа и прилегающие степные районы) благодаря проведению научных и охранных раскопок стала относительно равномерно изученной. Отсюда происходит значительная серия погребений и случайных находок золотоордынской эпохи. Закономерности их локализации в регионе связаны с особенностями размещения здесь летних и зимних пастбищ средневековых кочевников.

Ибн-ал-Асир, описывая поход Джэбэ и Субэдэя против алан и половцев в 1222–1223 гг., подчеркивает удобства степей Предкавказья для ведения кочевого хозяйства: «Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом, и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т.е. низменных мест на берегу моря» [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. Разделение пастбищ в регионе на летние и зимние можно проследить на основе археологических материалов, сведений письменных источников и этнографических материалов Нового времени.

В отличие от Нижнего Поволжья, где практиковались перекочевки по меридиональным маршрутам [Плано Карпини, 1997, с. 116], Центральное Предкавказье удалено от побережий Азовского, Черного и Каспийского морей, а крупнейшие реки региона (Бол. Егорлык, Калаус и Кума) текут в меридиональном направлении только в своих средних течениях. Остальные реки и балки отличаются широтным характером течения. Однако в силу многообразия рельефа территория Центрального Предкавказья пригодна для ведения кочевого хозяйства и размещения особо ценных для кочевников зимних пастбищ. В эпоху Золотой Орды климат в регионе мог отличаться от современного в лучшую сторону, а границы климатических зон могли проходить значительно южнее нынешних, как это установлено для территорий Нижнего Поволжья и Ергенинской возвышенности [Демкин и др., 2005, с. 117].

Вероятно, что татаро-монголы унаследовали на Северном Кавказе систему кочевания, сложившуюся в хазарскую и половецкую эпохи. В долинах правых притоков р. Бол. Егорлык (западные склоны Ставропольской возвышенности) А.В. Гадло [2004, с. 228] выявил большое количество зимних кочевий хазарской эпохи. Подкурганые захоронения хазарской эпохи были обнаружены в междуречье рек Бол. Егорлык и Калаус на севере Ставропольской возвышенности [Бабенко, 2010, с. 10–14; Ляхов, 2007, с. 218–224]. В домонгольский период территория Центрального Предкавказья была освоена половцами [Минаева, 1964, вклейка, рис. 4].

Письменные источники содержат противоречивую информацию о расположении зимних пастбищ на этой территории в эпоху Золотой Орды. Хамдаллах Казвини сообщает о вторжении в 1264 г. армии Хулагу через Дербенд и степи в зимовья Берке, располагавшиеся за Тереком. Оно закончилось отступлением и гибелью в Тереке части войска [Тизенгаузен, 1941, с. 92]. Направление этого неудачного похода нуждается в уточнении. На территории Терско-Кумского междуречья естественные преграды для армии Хулагу отсутствовали. Обойдя открытые пески в древних дельтах Куры, Горькой Балки и Кумы, она могла пройти дальше на север. Согласно сведениям арабского географа Ибн Са'ида армия Хулагу вторглась во владения Берке и переправилась через реки Малый Атил (Терек) и ал-Ганам (Куму). На обратном пути одна часть его воинов утонула в Куме, а оставшаяся – в Тереке, провалившись под лед [Коновалова, 2009, с. 32].

Согласно Шереф-ад-дину Йезди армия Тимура, покорив область Бешкенд и разорив область Чутур-Казак, провела зиму 1396/1397 гг. в местности Бугаз-Кум. Тимур прервал зимовку и совершил поход на Нижнюю Волгу. Возвратившись, его армия с трудом перенесла холода и дефицит продуктов, после чего совершила поход в район Дербенда [Тизенгаузен, 1941, с. 183–185]. Очевидно, что местность Бугаз-Кум была выбрана для

зимовки именно как район зимних пастбищ. Ее можно локализовать на территории Кумо-Манычской впадины, что подтверждается материалами Нового времени [Курбанов, 1995, с. 87–88].

Наибольшая концентрация позднекочевнических погребений зафиксирована в приманычской зоне [Бабенко, 2016, с. 211]. Здесь же, в окрестностях с. Рагули, локализуются элитные комплексы, включая комплекс из урочища Гашун-Уста. Есть основания для выделения здесь крупного кочевого владения [Бабенко, 2016, с. 213]. Но элитные позднекочевнические комплексы выявлены и в других местах расположения зимних кочевий раннего средневековья: в междуречье Кубани и Бол. Егорлыка [Горелик, Отюцкий, Охонько, 2010, с. 97], а также в междуречье Терека и Кумы [Нарожный, Охонько, 2007].

Таким образом, места расположения зимних пастбищ на территории Центрального Предкавказья в эпохи раннего средневековья и Золотой Орды примерно совпадают. Это можно объяснить сходными природно-климатическими условиями в указанные эпохи. Имеющиеся в письменных источниках сведения свидетельствуют о расположении зимних пастбищ в районе, откуда открывалась дорога в Нижнее Поволжье и в Дербенд. Есть основания для их локализации на территории Кумо-Манычской впадины и в прилегающих к ней районах Ставропольской возвышенности.

Библиографический список

Бабенко В.А. Раннесредневековые комплексы из памятников долины р. Айгурки на Ставрополье // XII Донские археологические чтения 15 марта 2010 года «Нижний Дон в древности: этногенез, природа, человек»: сборник тезисов. – Ростов на/Д, 2010.

Бабенко В.А. Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Ялта; Кишинев, 2016.

Гадло А.В. Предыстория Киевской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004.

Горелик М.В., Отюцкий И.В., Охонько Н.А. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр: традиционная военная культура народов Евразии. – №1. – Казань, 2010.

Демкин В.А., Алексеев А.О., Борисов А.В., Демкина Т.С., Якимов А.С. Палеопочвы и природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 7. – Волгоград, 2005.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. / текст, пер., коммент. И.Г. Коновалова. – М., 2009.

Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. – СПб., 1995.

Ляхов С.В. Костяные накладки сложносоставного лука из погребений хазарского времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VII: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. – М., 2007.

Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. – Вып. 11. – Ставрополь, 1964.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. – Армавир; Ставрополь, 2007.

Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов. Путешествие в восточные страны Г. де Рубрука. Книга Марко Поло / вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М., 1997.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 2. – М.; Л., 1941.

Д.Ю. Бадеев

Институт археологии РАН, Москва

ПЛАНИРОВКА СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА: НОВЫЕ ДАННЫЕ

(по материалам археологических исследований 2011–2016 гг.)

Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации №НШ-7170.2016.6.

«Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)»

В ходе археологических работ 2011–2016 гг., проводимых в рамках комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар», был выявлен и исследован целый ряд объектов, связанных с планировкой средневекового Болгара. Обследованные в раскопах CLXXII и СХСІХ фрагменты домонгольских оборонительных сооружений (рвов) заставляют не только по-новому взглянуть на развитие оборонительной системы раннего Болгара, но и уточнить его размеры, принципы, на которых основывалось развитие городской планировки. В раскопе СХСІХ (2014–2015 гг.) зафиксирован проход в южной части городских укреплений домонгольского времени (X в.). Ров шириной 4,5–5 м следовал очертаниям Большого Иерусалимского оврага (северо-восток – юго-запад) и был разделен материковой перемычкой шириной около 2 м [Ситдииков и др., 2015, с. 17]. Проход пересекал ров по оси северо-запад – юго-восток, с внутренней стороны городища улица была ограничена частокольными оградами. Остатков какого-либо настила не зафиксировано. По предварительным данным улица могла просуществовать вплоть до середины XIII в., когда этот участок «плотно застраивается усадьбами с жилыми и хозяйственными помещениями» [Ситдииков и др., 2016, с. 15], хотя стоит отметить, что сам ров, исходя из характера его заполнения, просуществовал непродолжительное время и прекратил свое существование еще до XI в., о чем свидетельствует его заполнение. В момент своего существования улица располагалась на южной оконечности укрепленной части города и вела от его окраины к центру. Ландшафт местности, в который оказались вписаны цитадель и городской посад домонгольского Болгара – мыс, образованный краем надпойменной террасы и Большим Иерусалимским оврагом, а также остатки выявленных улиц позволяют говорить о секторном типе планировки (по типологии раннего города с линейной системой улиц, в основном ориентированных в направлении запад – восток и северо-восток – юго-запад. К концу XII – началу XIII в. с возведением новой линии укреплений по западной границе раннего посада («замошный вал») можно утверждать о существовании трехчастной схемы устройства города, где к западу от защищенной цитадели располагается защищенный посад, а за его пределами вдоль линии надпойменной террасы, по краям овражисто-балочной системы, в «подгорной» и пойменной частях р. Меленки на основе отдельных поселений X–XII вв. формируется новый незащищенный посад. Тем самым городская планировка приобретает веерную схему, которая получает свое дальнейшее развитие в золотоордынский период.

После разгрома города в 1236 г. во время монгольского нашествия Болгар в течение короткого времени быстро восстанавливается, при этом изменяется его планировочная структура: ликвидируются укрепления цитадели, но в той или иной степени сохраняются элементы «замошного вала» [Краснов, 1987, с. 108], которые теперь выступают западной границей центральной части города, сформированной вокруг Соборной мечети и «Ханского дворца». Кроме того, развиваются районы в «подгорной» и пойменной частях, а также к югу от Большого Иерусалимского оврага. Данные территории продемонстрировали наиболее динамичную картину изменений характера городской застройки. Как показали исследования 2011–2016 гг., в южной части городища уже в конце XIII – 1-й половине XIV в. кратковременное существование жилой усадебной застройки сменяется, а на определенных участках и сосуществует с выявленными здесь мавзолеями и связанными с ними могильниками [Бадеев, 2016, с. 102].

С конца XIII в. по середину XIV в. происходит активное развитие уличной сети. В центральной части городища появляются магистральные улицы, которые имеют схожую с Соборной мечетью ориентировку. Так, в раскопах CLXXVI (2012 г.) и CLXXIX (2012,

2014, 2016) была зафиксирована улица, просуществовавшая с начала XIV по 60–70-е гг. XIV в., была ориентирована по оси запад – северо-запад – восток – юго-восток шириной около 4 м. Данная улица соединяла «подгорную» и «заовражную» части города. Не случайно, именно на ней появилось монументальное сооружение городского базара середины XIV – 60–70-х гг. XIV в. От Соборной мечети к зданию городского базара с северо-востока подходила еще одна улица, которая, проходя через сооружение, имела свое продолжение в сторону ремесленного района в юго-западной части города [Бадеев, 2016, с. 206, рис. 1, 2]. Можно предположить, что данные улицы, проходившие через городской базар, имели своих «дублеров» – подобную ситуацию можно наблюдать в городах исламского востока, где базары также располагались на перекрестках улиц. Само существование улиц, пересекающихся под прямым углом, позволяет говорить о формировании улично-квартальной застройки центральной части золотоордынского города. Улицы и проселочные дороги на окраинах города не превышали 2–2,5 м, имели грунтовое покрытие. Фрагмент такой «полевой дороги» был зафиксирован в раскопе ССVI (2015 г.) под насыпью городского вала середины XIV в., проходил «с севера (с территории городища) на юг по гребню водораздела» [Русаков, Коваль, 2015, с. 20].

В ходе исследований 2011–2016 гг. в центральной части Болгарского городища (раскопы CLXXIX, СХСII) благодаря выявленным и зафиксированным остаткам оград из сырцовых кирпичей, а также выделению дополнительных стратиграфических субгоризонтов в напластованиях IV – позднего золотоордынского слоя были установлены границы и планировка как минимум пяти усадеб 20–40-х гг. XIV в., которые предшествовали строительству городского базара и располагались вдоль уже упомянутой улицы, соединяющей «подгорный» и «заовражный» районы города. Впервые удалось выяснить точные размеры городской усадьбы для периода золотоордынского Болгара. Усадьба Б прямоугольной формы имела размеры 32 × 20 м (площадь 640 кв. м) [Бадеев, Валиев, 2016, с. 106, 107, рис. 1].

К началу XV в., после разрушительных событий периода «замятни» в Золотой Орде, происходит значительное сокращение городской площади – Болгар возвращается к границам домонгольского периода. Южные периферийные районы превращаются в обширные могильники. Подгорный, «заречный», западный и юго-западный ремесленные районы прекращают свое существование.

Библиографический список

Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-х гг. XIV в. // Краткие сообщения Института археологии. – 2015. – Вып. 237.

Бадеев Д.Ю. Динамика развития городской территории средневекового Болгара // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинёв, 2016.

Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р. Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинёв, 2016.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. – М., 1987.

Русаков П.Е., Коваль В.Ю. Раскоп ССVI // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. – Казань, 2016.

Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. – Казань, 2015.

Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. – Казань, 2016.

С.Е. Бакшеева
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
ЧЕРЕПИЦА КОНДУЙСКОГО ГОРОДКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Кондуйский городок – памятник культуры средневековых монголов, расположен на территории российского Забайкалья. Длительная история его исследования насчитывает более двухсот лет. Огромную роль в его изучении сыграли горные русские инженеры XVII–XIX вв. П.К. Фролов, А. Таскин и А. Павлуцкий. Ими были сняты первые планы городка, сделаны первые, довольно подробные описания, проведены раскопки. Большой вклад в обследование памятника внес А.К. Кузнецов – ссыльный каторжанин, сосланный в Забайкалье за политические взгляды, впоследствии общественный деятель, археолог и музеевед. В 1889 г. он выполнил глазомерный план городка, произвел раскопки, оставил описания. В 60-е гг. XX в. на городке работала археологическая экспедиция под руководством С.В. Киселева. Исследователи, интересовавшиеся памятником, в той или иной степени обращали внимание на находки керамических строительных материалов в виде кирпича, половых плит, черепицы, кровельной скульптуры, в большом количестве встречающихся на Кондуйском городке. В частности, А. Павлуцким в середине XIX в. было произведено первое исследование глазури на черепице с помощью газовой трубки [Павлуцкий, 1867]. А.К. Кузнецов предложил первую классификацию кровельных изделий: выделил несколько ее видов, дал подробную характеристику и предпринял попытки определить местонахождение черепицы на крыше. Исследователь утверждал, что для производства строительной керамики и глазури есть все необходимые условия, оно происходило здесь же, в окрестностях памятника [Кузнецов, 1925]. Результаты изучения кондуйской черепицы С.В. Киселевым вошли в фундаментальный труд «Древнемонгольские города» [Киселев, 1965].

В настоящее время на территории памятника собрана представительная коллекция черепицы, которая в последние годы пополняется. Также в 4 км от Кондуйского городка, в приустьевой части распадка Сухой Арбулак обнаружен производственный комплекс для производства строительной керамики. Он представляет собой остатки печей для обжига.

Черепицей были покрыты крыши построек: центрального дворца, беседки, центральных ворот, а также кровля большого павильона, расположенного в северо-западной части памятника. К сожалению, черепичные изделия хрупки и, как правило, находятся в сильно фрагментированном состоянии, в результате чего образцы, представляющие основную часть черепичного комплекса, не позволяют дать им типовое определение. Однако, несмотря на это, можно выделить более десятка типов, относящихся к двум категориям изделий – плоской и полуцилиндрической.

По оформлению внешней поверхности черепица неполированная, т.е. сероглиняная, и полированная – покрытая разноцветными глазурями. Визуально определяется, что тесто изделий однородное, хорошо промешанное, без видимых крупных включений. Черепок пористый. На поверхностях, не покрытых глазурью, и в изломах отмечаются включения частиц биотита. Черепица, имеющая полированные поверхности, имеет бледно-оранжевый цвет, что обусловлено особенностями техники ее изготовления. В основе деления лежит техника ее изготовления на шаблонах: плоская черепица изготавливалась на болванке, имевшей форму усеченного конуса, а полуцилиндрическая – цилиндра. Внутри каждой из категорий по конструктивным особенностям изделий выделяются несколько типов, каждый из которых имел свое назначение в кровле.

Плоская черепица памятника представлена шестью типами: плоской простой, плоской черепицей с подтреугольным завершением, плоской черепицей с отливом, плоской черепицей с выступом отгибом, а также плоской прямой и плоской трапециевидной. Плоская простая черепица наиболее многочисленная. Она, как правило, не имеет цветного покрытия. Иногда встречаются лишь зеленые потеки на ее внешней поверхности. Изделия, как правило, имеют длину 30–32 см, ширину широкого края 19–20,5 см, узкого – 15,5–17,7, толщину – 1–2,2 см, хотя

на некоторых постройках выявлены и более крупные изделия – с шириной до 24,7 см. Остальные типы плоских черепиц собраны во фрагментарном виде, за исключением плоской прямой. Эти изделия в коллекции представлены всего двумя экземплярами и имеют длину 22,5 и 24,3 см, ширину 8 и 9 см, толщину 1,8–1,9 см, они отчасти покрыты глазурью зеленого цвета. Черепица с отливом собрана на памятнике с двумя разновидностями орнаментами на поверхности, поливного покрытия не имеет.

Нижняя часть плоской черепицы с подтреугольным завершением покрыта глазурью зеленого цвета. Завершение черепицы имеет на лицевой поверхности рельефное украшение в виде извивающегося дракона в облаках, покрытое желтой глазурью. Рамка завершения покрыта зеленой глазурью.

Полуцилиндрическая черепица Кондуйского городка также представлена несколькими типами: полуцилиндрической простой черепицей с хвостовиком, с боковыми и нижними закроями, полуцилиндрической простой черепицей с отверстием, черепицей с хвостовиком и концевым диском и отверстием, а также полуцилиндрической полукруглой и фигурной черепицами. Полуцилиндрическая простая черепица с хвостовиком имела поливу зеленого цвета. Длина черепиц этого типа – 26–27,2 см, ширина – 12,5–13 см, толщина – 1,8–2,1 см. Некоторые черепицы вместо закроев имеют «стески» – нижний и боковые края, подработанные уже после обжига. Размеры черепицы относятся, вероятно, к разным стандартам: длина – 22 и 26–27 см, ширина – 10 и 12–14 см, толщина – 1,7–2,1 см. У черепицы со «стесками» отсутствует глазурь на поверхности. Полуцилиндрическая черепица с хвостовиком и отверстием сохранилась фрагментарно, имеет боковые и нижний закрои, покрыта глазурью зеленого цвета. Черепица с хвостовиком и концевым диском также имеет отверстие в своем теле для прикрепления к обрешетке крыши. Концевой диск крепился к нижнему торцу черепицы, на его лицевой поверхности располагалось рельефное изображение дракона. Тело черепицы покрыто глазурью зеленого цвета, диск – зеленой и желтой глазурью. Черепица этого типа также двух размерных стандартов: длина – 26,5 и 34 см, ширина – 11,8 и 12,5 см, толщина – 1,8 см. Полуцилиндрическая полукруглая черепица покрыта глазурью желтого цвета, имеет боковой и нижний закрои. Она длиной 25 см, шириной 10,5–11,5 см, толщиной 1,6–2 см. Полуцилиндрическая фигурная черепица найдена на памятнике во фрагментарном состоянии, покрыта глазурью зеленого цвета. Толщина единственного изделия – 0,5 см.

Формовка черепицы осуществлялась при помощи составления и уплотнения глиняных лент, их составляли с помощью спирально-жгутового налета, обворачивая шаблон вокруг. Глазури, покрывавшие черепицу, сохранились хорошо. Они свинцовые (в глазури 30–50% Pb) полупрозрачные, имеют блеск и очень прочно держатся на черепке. Не все черепицы глазурировались. После первого обжига на черепицу на слой ангоба наносили глазурь. Вид ангобной массы светлый, она имела жидкий однородный глинистый состав. Затем следовал второй обжиг, который плотно закреплял глазурь на черепке.

Каждый тип найденной черепицы имел свое назначение в кровле. Глазурью покрывались полностью или частично только те образцы, которые располагались на крыше на виду. На Кондуйском городке найдены типы изделий, не имеющие аналогов среди находок других памятников, функции в кровле которых не ясны. Многообразие типов черепицы свидетельствует в пользу устройства сложных кровель. Ассортимент найденной при раскопках центрального дворца черепицы отличается от найденного при исследовании павильона в юго-западной части памятника, что указывает на разное назначение этих построек у монголов.

Библиографический список

- Киселев С.В. Дворец в Кондуде // Древнемонгольские города. – М., 1965.
Кузнецов С.В. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. – Владивосток, 1925.
Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей // Записки Сибирского отдела Императорского РГО. – Кн. IX и X. – Иркутск, 1867.

Е.В. Барсуков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Томск*

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ КЕТСКОГО ОСТРОГА:
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

«Русская археология» – направление, завоевывающее в Сибири все большую популярность среди специалистов. Особый интерес представляет период начального русского освоения, а именно события, связанные с организацией и строительством первых острогов. Эти укрепленные пункты являлись русским форпостами, выступая одновременно своеобразными маркерами продвижения на восток. В Среднем Приобье по сведениям письменных источников известно более десятка острогов, основанных в XVII в. На историко-культурной карте размещения русских укрепленных пунктов совершенно уникально представлен бассейн р. Кети, соединявший в XVII–XVIII вв. Западную и Восточную Сибирь. Именно на берегах этой реки (в границах современной Томской области) были основаны первые русские остроги: Нарымский, Кетский, Кунгопский. Более того, бассейн Кети – один из немногих в Сибири, где русские остроги не просто меняли свое местоположение, а неоднократно переносились на большие расстояния, что обусловлено природно-географической спецификой района. В число острогов, значительно изменивших свою локализацию, входит и Кетский. Его местоположение, при неизменном размещении на берегах Кети, за 1-ю половину XVII в. изменилось более чем на 500 км. Причины переноса острога указываются разные: отдаленность от Нарыма, дороговизна доставки хлеба, отсутствие земель, пригодных для пашни, разрушение берега боковой эрозией реки и т.д. Не менее примечательной историко-культурной особенностью Прикетья является существование здесь в XVII в., кроме русских острогов, инородческих «остяцких» городков. Некоторые из них упоминаются в письменных источниках XVII в., а также в записях путешественников XVIII в. В Чертежной книге С.У. Ремезова [1701] из «остяцких» городков указаны «Урлюково городище» и «Лелькиной волости острог». Известны случаи, когда населенный пункт менял своих хозяев. В Прикетье это Кунгопский острог, который после запустения предположительно мог использоваться местным населением в качестве «городка» [Добжанский, 2005, с. 47]. Сосуществование в Прикетье в XVII в. инородческих и русских поселений отражает важный процесс этнокультурного взаимодействия, изучать который необходимо, по крайней мере, в двух аспектах: чтобы проследить характер взаимоотношений (взаимовлияний) полиэтничного населения и выявить локализацию поселенческих комплексов.

Проблема локализации объектов, известных по документам, не может быть решена без археологии [Чёрная, 2013]. Это хорошо иллюстрирует история Кетского острога. Несмотря на то, что совокупный период функционирования острогов с названием «Кетский» превышает столетие, местонахождение ни одного из них, даже самого позднего, не установлено. Не предпринималось и разведок, нацеленных на поиск и идентификацию этих объектов. На сегодняшний день отсутствуют обобщающие исследования, посвященные Кетскому острогу, где бы анализировались природно-географические особенности Кети, сведения письменных источников и данные археологии. Очевидно, что в решении проблемы локализации Кетского острога на первом месте стоит задача пополнения источниковой базы. Процесс сбора данных имеет свои сложности.

1. Труднодоступность полевых исследований в силу природно-географических особенностей Прикетья. Кеть – извилистая река, часто меняющая свое русло. Она богата старицами, труднопроходимыми пойменными сегментами, которые разделяют и изолируют фрагменты высоких террас, часто почти идеально подходящих для обустройства укрепленного пункта.

2. Места, удобные для поселений на р. Кети, практически сплошь осваивались и заселялись в период организации там спецпереселенческих поселков. Непрерывная

с XVII в. до XX в. антропогенная нагрузка на подходящие для заселения участки затрудняет вычленение в культурном слое напластований, связанных непосредственно с Кетским острогом, тем более, что он менял свое местоположение несколько раз. Потребуется большой объем разведочных шурфовочных работ. Наиболее перспективен поиск фрагментов берега, не застроенных поздними поселками.

Имеющиеся на сегодня письменные сведения позволяют выделить три таких района предполагаемого расположения острога в разные периоды его функционирования.

1. Район брошенной деревни Урлюково (граница Томской области и Красноярского края), где предположительно располагался Кунгопский острог – первый на Верхней Кети [Добжанский, 2005, с. 47]. По мнению В.Н. Добжанского, это могло быть городище, известное как «КАРА-ЛООЗИ-СОК», открытое в середине XX в. А.П. Дульзоном [1956, с. 195]. В начале XXI в. на Верхней Кети в ходе археологической разведки обнаружено семь городищ [Барсуков, Боброва, 2015]. Предварительные шурфовочные работы на городище КАРА-ЛООЗИ-СОК не выявили объектов, связанных с русским населением. Однако, учитывая своеобразную природно-географическую обстановку и труднодоступность некоторых перспективных участков, окончательные выводы делать преждевременно. Работы в этом районе требуют продолжения.

2. Согласно сведениям путешественников XVII–XVIII вв. один из «старых» Кетских острогов находился между устьями рек Лисицы и Орловки, на правом берегу Кети [Сибирь XVII века..., 1996, с. 189–191; Милеску Спафарий, 1997, с. 249; Крашенинников, 1966, с. 123; Messerschmitt, 1968, с. 233]. Эту информацию подтверждают современная топо-нимика, а также показания местных жителей, которые рассказывают о «старой Кетской деревне» в этом месте. Район не обследован археологами, но представляет несомненный интерес в плане обнаружения Кетского острога, функционировавшего в 1-й половине XVII в.

3. Современное с. Кетское как предполагаемый район местонахождения наиболее позднего Кетского острога. В этом районе острог отмечен на имеющихся в нашем распоряжении картах. Эта информация подтверждается сведениями путешественников, проследовавших по Кети и посетивших острог в XVII–XVIII вв.

Необходимость поиска первых русских острогов в Нарымском Приобье и Прикетье диктуется временем, так как начальная страница освоения русскими этого региона совершенно не представлена археологическими источниками.

Библиографический список

Барсуков Е.В., Боброва А.И. Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – №4 (31).

Добжанский В.Н. К вопросу о местонахождении Кунгопского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (Материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. – Томск, 1956. – Т. 5.

Милеску Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году (фрагмент) // Земля Верхнекетская. – Томск, 1997.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – 1701.

Сибирь XVIII века в описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск, 1996. – Вып. 6.

Черная М.П. Методика – источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №3 (23).

Messerschmitt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1968. – Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725.

Н.В. Басова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ЭКСПЕРТИЗА ОТЧЕТОВ ПО ПОЛЕВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В РАМКАХ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ – ОПЫТ ИАЭТ СО РАН

В целях повышения качества подготовки научной отчетной документации и оптимизации порядка рассмотрения научных отчетов 01.04.2016 г. при ИАЭТ СО РАН была создана группа экспертизы отчетов полевых исследований. Функциями и задачами группы является содействие научному совету по полевым исследованиям ИА РАН при рецензировании и проведении научной экспертизы отчетов о выполненных полевых работах. Подготовленные материалы далее представляются в отдел полевых исследований ИА РАН для утверждения и возможности принятия научного отчета на постоянное хранение. Группа выполняет рецензирование и научную экспертизу научных отчетов, представляемых по результатам полевых археологических работ держателями Открытых листов, работающими в штате ИАЭТ СО РАН. Рецензенты обладают следующими критериями: наличие ученой степени кандидата или доктора исторических наук; опыт работы в районе исследований; опыт исследования памятников данного типа и культурно-хронологических атрибуций.

Подавляющее большинство отчетов, прошедших рецензирование в группе, – это результаты исследований археологических объектов, попадавших в зону хозяйственного освоения, а также результаты рекогносцировочных работ в зонах строительства, реконструкции или иной хозяйственной деятельности. Специфика работы с материалами, полученными в ходе охранно-спасательных археологических исследований, заключается в том, что материал проходит несколько стадий проработки. Как правило, сразу же после полевых археологических исследований готовится научно-технический отчет, выполняемый для заказчика археологических исследований. Часто одним из требований заказчика является составление Акта государственной историко-культурной экспертизы. На завершающем этапе идет подготовка и составление научного отчета в отдел полевых исследований ИА РАН. Таким образом, материалы охранно-спасательных работ получают довольно тщательное изучение. Несмотря на это, в каждой из полученных рецензий на отчеты имеется ряд замечаний. Остановимся на самых характерных из них. Первое – это несоблюдение требований к оформлению научных отчетов о результатах проведения археологических полевых работ. Очень часто недочеты обнаруживаются уже на титульном листе. В самих текстах встречается много опечаток, грамматических и орфографических ошибок. Иногда авторы забывают подписывать отчет, прикладывая к нему Открытые листы, справки о передаче находок на хранение. В иллюстративной части отчетов качество фотографий оставляет желать лучшего. Более существенные замечания относятся к содержанию и методической части. К характерным замечаниям относятся: отсутствие масштабов на прорисовках артефактов, планы объектов выполнены в неверных масштабах, стратиграфия и планы подготовлены в разных масштабах, нет обоснования маршрутов археологических разведок, мест закладки рекогносцировочных раскопов и т.д. Замечания к научной составляющей отчета возникают крайне редко, и в основном они связаны с вопросами хронологии и типологической характеристики материала.

Основным нормативным документом, регламентирующим методику археологических полевых работ и составления научного отчета, является «Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации», утвержденного постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27.11.2013 №85. Результаты экспертизы полевых отчетов показали, что авторы отчетов редко обращаются к данному документу. Поэтому на стадии становления группы научные отчеты проходили многоступенчатую доработку. В настоящее время наблюдается тенденция к улучшению качества научных отчетов. Это отражается в том, что отчеты уже в первом варианте рецензии рекомендуются к представлению в группе и последующей отправке в отдел полевых исследований ИА РАН.

С.В. Батаршев¹, О.Л. Морева¹, Н.А. Дорофеева², Е.Б. Крутых¹
¹ Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы,
² Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
ЗАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЗАЛИВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО
В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ (по материалам поселения Воевода-2)

До недавнего времени считалось, что заселение человеком островных территорий залива Петра Великого (Японское море) началось сравнительно недавно – в раннем железном веке. Исследования последних лет позволили выявить и изучить более ранние памятники (периода неолита), в том числе раскопанное авторами в 2016 г. поселение Воевода-2.

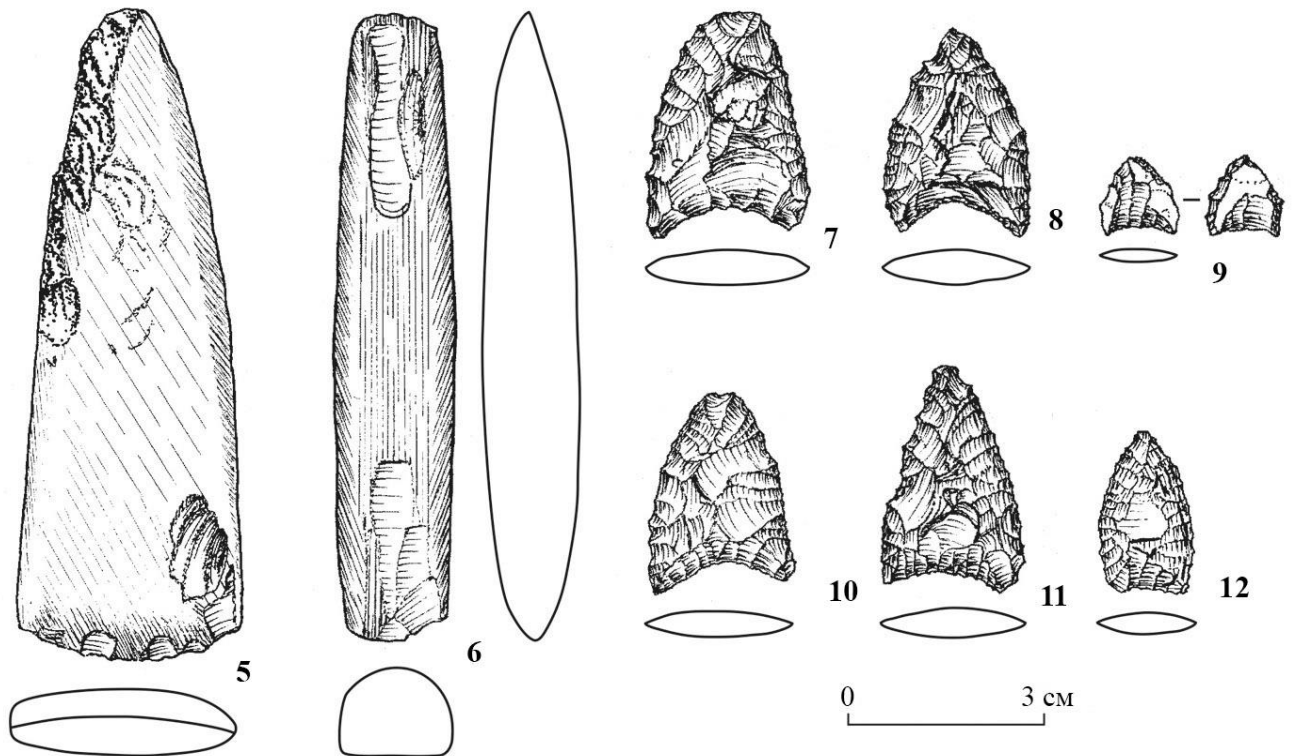
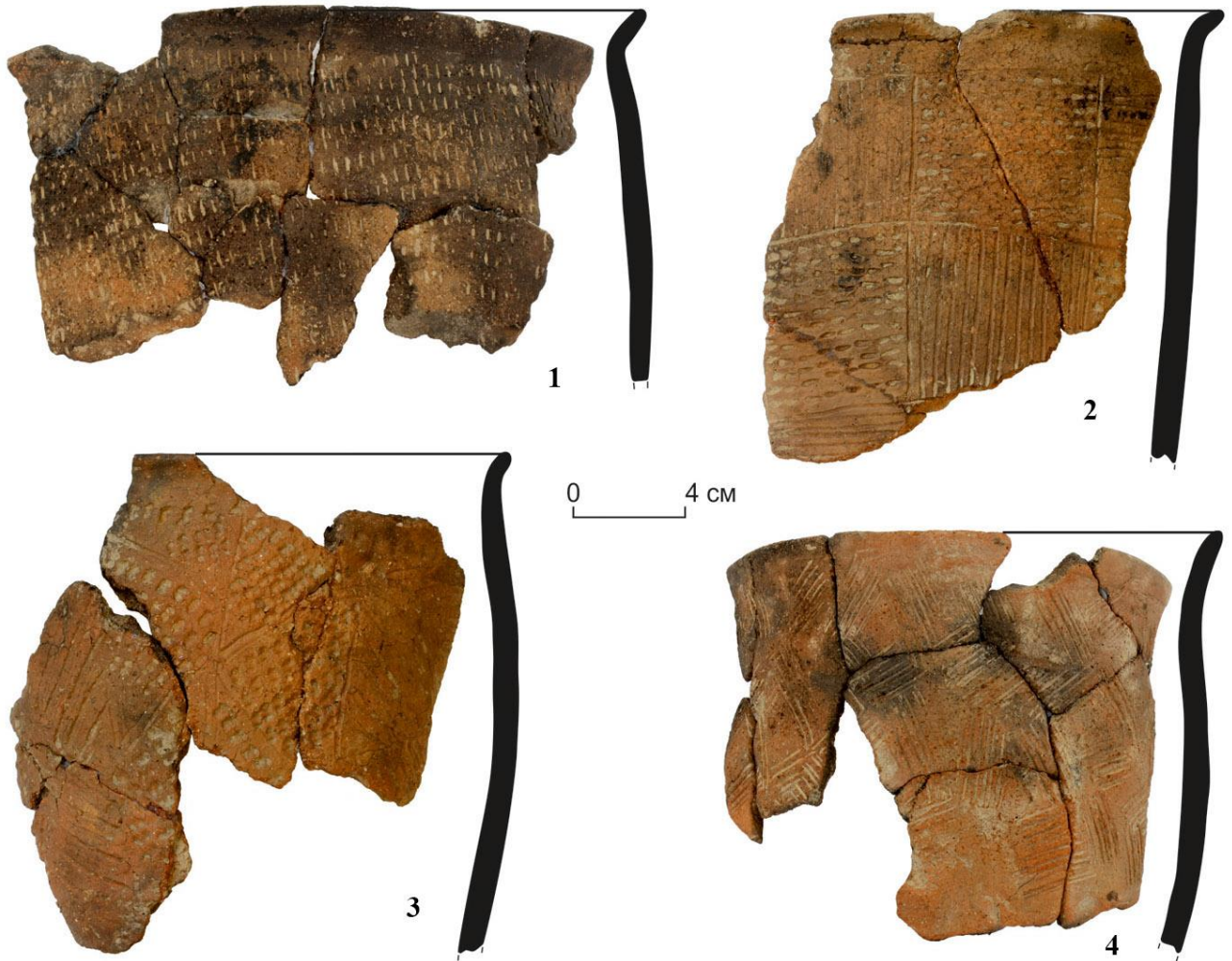
Поселение Воевода-2 расположено на острове Русский, в бухте Воевода, занимает слабонаклонную поверхность на террасовидной оконечности прибрежной сопки. В результате раскопок было вскрыто 40,5 кв. м площади памятника. Стратиграфия раскопа представлена толщей отложений, сформировавшихся в результате элювиально-делювиальных процессов. *Слой 1.* Современная почва темно-коричневого цвета, гумусированная, рыхлая, в кровле слабо развит дерновый покров (15–25 см). *Слой 2.* Желто-коричневая тяжелая супесь с пятнами почвенных затеков, мешанная рыхлая пылеватая (10–29 см). *Слой 3.* Желто-коричневый суглинок, сероватый при высыхании, комковатый (4–20 см). *Слой 4.* Серо-коричневый тяжелый суглинок, насыщенный щебнем, плотный комковатый увлажненный (8–35 см). *Слой 5.* Серо-коричневая тяжелая глина, насыщенная щебнем, плотная комковатая увлажненная (10–47 см). *Слой 6.* Кора выветривания – продукты разложения коренных пород (материк). В этих отложениях встречены находки двух этапов заселения: раннего железного века (янковская культура) и позднего неолита (зайсановская культура). Ранний железный век представлен отдельными фрагментами керамической посуды янковской культуры, обнаруженными в слоях 1, 3 и 4. По древесному углю получена ¹⁴C дата 2875 ± 125 л.н. (СОАН-9604), но остатков каких-либо сооружений этого времени в раскопе не выявлено.

Комплекс позднего неолита включает остатки двух жилищ, каменный и керамический материал зайсановской культуры. Оба жилища имеют выраженные основания (котлованы), врезанные в склон террасы. Первоначально на поселении было сооружено жилище округлой формы (площадь – 5,5 кв. м). Позднее поверх него было построено более крупное жилище с прямоугольным основанием (площадь – 12,4 кв. м). По его центру расположен очаг с каменной обкладкой. Стратиграфически описанные сооружения связаны со слоями 4 и 5. По горелым остаткам деревянных конструкций жилищ получены ¹⁴C даты: нижнее жилище – 4110 ± 125 л.н. (СОАН-9607); верхнее жилище – 3930 ± 135 л.н. (СОАН-9605).

В каменной индустрии позднего неолита выделяются несколько культурно-значимых типов орудий: ретушированные наконечники стрел треугольной и усеченно-листовидной в плане формы с вогнутым основанием и выделенными жальцами, шлифованные тесла трапециевидной в плане формы с уплощенным поперечным сечением, долота с усеченно-округлым поперечным сечением и др. Керамическая посуда зайсановской культуры представлена емкостями простой формы без выделенной горловины и со слабо расходящимися от дна стенками. В незначительном объеме присутствуют чаши и миски. Практически все сосуды орнаментированы наколами и прочерченными линиями. Наколы образуют поля из горизонтальных, вертикальных или разнонаклонных (горизонтальный зигзаг) рядов оттисков, почерчиванием выполнен вертикальный зигзаг, крупные заштрихованные треугольники, квадраты и ромбы.

Описанный комплекс археологического материала (рис.) соответствует ранее выделенному авторами хасанскому варианту зайсановской культуры позднего неолита Приморья (4,1–3,7 C¹⁴ л.н.). Исследования последних лет позволили четко ограничить ареал распространения памятников данного варианта – морское побережье и острова залива Петра Великого.

Поселение Воевода-2. Каменный и керамический материал позднего неолита

С.В. Батаршев¹, О.Л. Морева¹, В.Г. Моисеев²,
А.В. Зубова^{2,3}, А.В. Громов², С.С. Малков¹, Д.Г. Кудряшов¹

¹Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы, Владивосток;

²Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург;

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПОГРЕБЕНИЯ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ПОСЕЛЕНИИ ЧЕРЕПАХА-13 В ПРИМОРЬЕ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В 2015 г. экспедицией ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы» проведены спасательные раскопки на поселении Черепаха-13 в Приморье. В результате работ памятник изучен полностью: вскрыто 7616 кв. м культуросодержащих отложений; раскопаны 52 жилища с углубленными в грунт котлованами, одна наземная постройка и 114 хозяйственных ям; в жилищах и межжилищном пространстве обнаружены 26 погребений людей. Большая часть жилищ (49) и хозяйственных ям (109), а также все захоронения относятся к янковской археологической культуре раннего железного века [Малков, 2017].

Уникальным результатом исследований поселения Черепаха-13 является обнаружение погребений янковской культуры. На сегодняшний день это самое крупное место захоронения людей раннего железного века в Приморье. В 26 погребениях содержатся костные останки 37 индивидуумов. Кроме того, вне погребений встречено одно скопление разрозненных человеческих костей и не менее 24 отдельных костных фрагментов.

Сохранность костей скелетов различная, у большинства она неудовлетворительная (в виде трухи). Какой-либо зависимости между сохранностью костей и местоположением костяка (на полу или в заполнении котлована жилища, в межжилищном пространстве) не прослеживается. По-видимому, важными факторами разложения костной ткани послужили кислотность почвы, доступ кислорода, естественная влажность грунта, постдепозиционные процессы (например, нарушение мест захоронений домашними или дикими животными).

Большинство погребений расположены в котлованах жилищ (на полу или в заполнении), два погребения находятся в межжилищном пространстве (костяки №1, 10). К моменту захоронения людей жилища не функционировали в прямом назначении, а использовались в качестве свалок мусора – золы, пищевых отходов (костей животных и птиц, рыб), битой керамической посуды и т.д. Следы могильных ям в погребениях не прослеживаются, только в одном случае для детского костяка четко зафиксирован контур ямы, впущенной в материковую поверхность (костяк №21). Тела погребенных помещались на дневную поверхность, а сверху засыпались грунтом, взятым недалеко от мест захоронений (часто вместе с содержащимся в нем мусором). Учитывая одновременность большей части захоронений в рамках янковского этапа заселения памятника, можно констатировать, что единого могильного комплекса погребения не составляют.

В пределах жилищ практически все погребения располагаются вдоль стенок котлована, реже – на плечах котлована или ближе к его центру. Для погребального обряда характерно трупоположение, лишь в одном случае зафиксировано вторичное захоронение (костяк №7). Большинство тел погребено на спине в вытянутом горизонтальном положении, небольшая часть – на боку (у пяти костяков – на левом, у одного – на правом) с подогнутыми ногами. Сопроводительный инвентарь в погребениях скуден, представлен в основном украшениями (подвесками из клыков животных).

Несмотря на плохую сохранность костяков, для 41 индивидуума удалось определить пол и/или возраст, исследовать зубы, а также измерить несколько черепов.

Всего в погребениях и за их пределами содержатся остатки 6 мужчин, 11 женщин, 2 взрослых неопределимого пола и 22 детей разного возраста. Фиксируется значительная диспропорция в распределении взрослых по полу и очень большое количество детских погребений – 53,7%. Последний показатель, видимо, занижен, так как в погребениях

отсутствуют дети до года, которых, скорее всего, хоронили вне поселения. Средний возраст смерти у мужчин и женщин практически одинаков (34,2 и 34,3 года), пожилых мужчин в погребениях не обнаружено. Такие половозрастные особенности могут свидетельствовать о тяжелых условиях существования прибрежной популяции, для которой была характерна высокая вероятность смерти мужчин вне поселения (например, во время морского промысла).

К сожалению, плохая сохранность черепов не позволила сформировать серию, пригодную для полноценного анализа краниометрических особенностей. Всего для измерений оказались доступны два целых и один фрагментированный мужские черепа. Морфологически мужские черепа характеризуются короткой узкой и высокой черепной коробкой, мезокранной по черепному указателю. Лоб узкий, лицо средней ширины, высокое мезогнатное. Орбиты средней ширины и высоты. Нос также средней ширины и высоты, очень слабо выступающий. Лицо слабо профилировано в горизонтальной плоскости.

Вышеописанный комплекс признаков имеет прямые аналогии среди различных близких к современности тунгусо-маньчжурских групп бассейна р. Амура, которые также характеризуются высокой степенью уплощенности лицевого скелета. Сходные показатели наблюдаются и в неолитической серии из могильника Бойсмана-2 (Приморье), что говорит о достаточно большом уровне преемственности населения данного региона на протяжении длительного времени.

Результаты морфологических наблюдений в целом подтверждаются сравнительным статистическим анализом, который демонстрирует достаточно высокий уровень сходства индивидуумов из Черепихи-13 с неолитической серией из Бойсмана-2, а также с рядом современных тунгусо-маньчжурских популяций бассейна Амура. Это позволяет предположить, что формирование указанных групп происходило на сходной антропологической основе. Отметим также наличие умеренного сходства вышеуказанных групп с сериями охотской культуры раннего средневековья (острова Сахалин, Хоккайдо), с серией мохэской культуры раннего средневековья из Троицкого могильника (Среднее Приамурье), а также с некоторыми сериями эпох неолита – раннего железного века из Забайкалья.

Одонтологические характеристики серии из Черепихи-13 в равной степени сближают ее с современными группами коренного населения Приморья и Приамурья – нанайцами, ульчами, орочами, южными эвенками. Сходство с неолитической серией из могильника Бойсман-2 выражено слабее, хотя, безусловно, присутствует. В серии из Черепихи-13 повышена частота коленчатой складки метаконида, отсутствующей в бойсманской серии, и ниже процент дистального гребня тригонида, но эти различия можно отнести на счет малой численности неолитической выборки.

В серии Черепихи-13 наблюдается повышенный процент ямочной формы гипоплазии эмали, являющейся проявлением наследуемых генетических нарушений в формировании матрикса эмали. Это может косвенно свидетельствовать о повышенном количестве близкородственных браков в популяции.

Состав набора патологий зубной системы, относящихся к категории маркеров палеодиеты, позволяет предположить, что рацион питания населения Черепихи-13 соответствует наблюдаемому в группах охотников – рыболовов – собирателей. Он подразумевает высокую роль животных протеинов, жесткую консистенцию употребляемой пищи и низкий процент растительного белка. Повышенный процент прижизненных сколов эмали на фронтальных зубах и премолярах может свидетельствовать об употреблении в пищу корней, орехов или мелких костей.

Библиографический список

Малков С.С. Структура многокомпонентного поселения Черепиха-13 в Приморье (к проблеме заселения человеком побережья залива Петра Великого в древности и средневековье) // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №2.

С.В. Батаршев¹, А.М. Шиповалов², Е.А. Бондаренко¹

¹Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы, Владивосток;

²Управление государственной охраны объектов культурного наследия

Правительства Хабаровского края, Хабаровск

МОНИТОРИНГ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ ПО ПРОГРАММЕ ФЦП «КУЛЬТУРА РОССИИ (2012–2018 ГОДЫ)» в 2015–2016 гг.

В 2015–2016 гг. на территории Хабаровского края проводились работы по мониторингу объектов археологического наследия (далее – ОАН) в рамках выполнения ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)». Цель мониторинга состояла в уточнении сведений о памятниках археологии, в том числе об их современном техническом состоянии, а также в формировании первичной учетной документации и разработке рекомендаций по их сохранению.

Актуальность проведения мониторинга обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» разделяет все археологические памятники на две категории: выявленные и включенные в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (далее – Реестр) в качестве объектов федерального значения. Этим же законом предусмотрено проведение обязательного обследования (мониторинга) включенных в Реестр объектов с периодичностью один раз в пять лет. Однако данная категория памятников в региональных списках занимает незначительную часть. К примеру, на территории Хабаровского края к настоящему времени зафиксированы 869 памятников археологии, из них только 112 включены в Реестр, а 757 находятся в категории выявленных. Согласно все тому же закону выявленные объекты должны быть включены в Реестр в течение одного года, однако на практике «своей очереди» памятники могут ждать очень долго. Основная причина такого положения – отсутствие финансирования на проведение всех необходимых мероприятий, в том числе полевых исследований. В данной связи проведение мониторинга по ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)» позволяет не только контролировать изменение сохранности ОАН, но и собрать необходимые данные (географические координаты поворотных точек границ территорий, уточненные топографические планы, актуальные фотоматериалы и т.д.) для последующего включения выявленных памятников в Реестр. Следует указать, что заказчиком таких исследований, как правило, выступает региональный госорган, уполномоченный в сфере охраны объектов культурного наследия. Однако, следуя требованиям закона, региональному госоргану весьма проблематично обосновать необходимость проведения мониторинга в отношении выявленных объектов. Поэтому приходится с сожалением констатировать, что многие памятники археологии уже утрачены или будут утрачены в ближайшее время, так и не «дождавшись» своего включения в Реестр.

Во-вторых, летом и осенью 2013 г. территория Приамурья подверглась крупнейшему за все годы гидрологических наблюдений наводнению. На всем протяжении Среднего и Нижнего Амура уровень затопления на 2–6 м превысил уровень поймы, а продолжительность стояния воды над этой отметкой достигала трех месяцев. Особенно высокий подъем воды наблюдался в районе городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, а также у с. Нижнетамбовское. Возле г. Хабаровска при максимальной ширине поймы Амура уровень воды поднялся до 8,04 м. В целом в период амурского наводнения 2013 г. вода не только затопила пойму на глубину 2–6 м, но и местами вышла за ее пределы, разлившись на обширные понижения Средне-Амурской и Удиль-Кизинской низменностей. Кроме того, были затоплены понижения вокруг припойменных озер и долины рек, впадающих в них [Махинов, Ким, Воронов, 2014]. В результате на территории Хабаровского края в зоне затопления оказалось 428 памятников археологии (из них 355 – выявленные), что составило 49,9% от общего числа зарегистрированных к 2013 г. в крае ОАН. С 2014 г. в рамках исполнения двух поручений, данных Президентом РФ (от 02.10.2013 №ПР-2699) и Правительством РФ (от 16.04.2014 №ОГ-П44-2617), в Хабаровском крае проводится планомерное

обследование всех археологических объектов, попавших в зону затопления. Таким образом, катастрофическое наводнение 2013 г. открыло дополнительные возможности в обследовании современного состояния памятников археологии, причем как включенных в Реестр, так и выявленных.

В Хабаровском (2015 г.) и Комсомольском (2016 г.) районах отрядами ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы» произведен мониторинг на 54 ОАН. Все памятники приурочены к берегам Амура или его левых притоков (реки Кур, Биракан и Урми). В результате работ выявлена следующая степень сохранности ОАН: состояние 32 объектов признано удовлетворительным; на семи объектах выявлены локальные разрушения; семь объектов к настоящему времени утрачены; состояние пяти объектов определить не удалось из-за их недоступности или отсутствия достоверной информации об их местоположении.

Если говорить об итогах проведенных работ, то хотелось бы остановиться на нескольких аспектах [Батаршев, Шиповалов, Бондаренко, 2016]. Во-первых, это выяснение характера влияния деятельности рек, в том числе разливов и наводнений, на сохранность археологических памятников. Как показали результаты мониторинга памятников, расположенных на краях речных террас (как пойменных, так и надпойменных), реальное негативное воздействие на сохранность ОАН оказывает эрозия кромки берегов, вызванная волновой деятельностью рек с последующим обрушением подмытого карниза. В то же время затопление территории ОАН паводковыми водами не приводит к каким-то значительным негативным последствиям. Даже сильное течение воды не влечет за собой размывание дерново-гумусного горизонта и разрушения нижележащих отложений. Важным фактором, защищающим культурный/культуросодержащий слой от размывания паводковыми водами, является наличие развитого дернового покрова и древесно-кустарниковой растительности. Кроме того, наносы плавника, образовавшиеся после наводнения, являются дополнительным консервирующим слоем, нивелирующим со временем рельефные признаки объекта, но защищающим его от воздействия последующих наводнений. Во-вторых, это формирование необходимой информации для включения обследованных объектов в Реестр. Подавляющая часть ОАН (80%), на которых был проведен мониторинг, являются выявленными памятниками археологии, и, следовательно, конечной целью работ должно стать включение этих объектов в Реестр. Полученные материалы используются региональным органом власти как основа при подготовке приказов об утверждении границ территорий памятников, приказов об утверждении предметов охраны, при подготовке документов для постановки территорий этих объектов на кадастровый учет, при организации проведения историко-культурной экспертизы, обосновывающей целесообразность включения обследованных памятников в Реестр.

При обобщении результатов мониторингов, проведенных в пяти районах Хабаровского края в 2014, 2015, 2016 гг., можно констатировать, что из 213 исследованных памятников археологии утрачено 11 объектов, на 54 объектах зафиксированы локальные нарушения, связанные с разрушениями речных берегов в границах территорий ОАН. Интересно, что из 65 указанных памятников 48 располагаются в пределах населенных пунктов, и полное или частичное разрушение объектов стало следствием антропогенного изменения ландшафта – уничтожения растительности и дерново-гумусного горизонта в ходе хозяйственной деятельности.

Библиографический список

Батаршев С.В., Шиповалов А.М., Бондаренко Е.А. Мониторинг объектов археологического наследия в Хабаровском крае в 2015 году по программе ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)» // Россия и Китай: итоги и перспективы сотрудничества. – Вып. 6. – Благовещенск, 2016.

Махинов А.Н., Ким В.И., Воронов Б.А. Наводнение в бассейне Амура 2013 года: причины и последствия // Вестник ДВО РАН. – 2014. – №2.

В.С. Батченко¹, А.С. Клемешов², А.А. Малышев³
¹*Институт российской истории РАН,*
²*Московский государственный областной университет,*
³*Институт археологии РАН, Москва*
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ
АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-06-00564а «Реконструкция антропогенного ландшафта
периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам
и данным GPS-картирования археологических памятников»)

Юго-восточная граница Боспорского государства впервые была очерчена В.Ф. Гайдукевичем [1949, с. 220]. Широкое исследование памятников юго-восточной периферии Боспора начато Н.А. Онайко [1980] в 70-е гг. XX в.

Экономическая привлекательность указанной территории – это плодородные почвы пространств, примыкающих к побережью (Анапская равнина, вероятно, хлебородная Синдика (Strabo. VII, IV, 6)). На побережье в центре контактной зоны в классическое время возникает и успешно развивается на протяжении шести с лишним веков политический и экономический центр, греческий полис – Горгиппия [Алексеева, 1997]. Расположение впоследствии на этом же месте генуэзской колонии Мапы и турецкой Анапы свидетельствует о стратегической и экономической востребованности этого центра – своеобразных морских ворот в Северо-Восточное Причерноморье для кораблей каботажного плавания. Здесь начиналась сухопутная, аробная магистраль в глубинные регионы Северного Кавказа.

Сооружение крупного монументального эллинского сооружения под черепичной крышей на значительном удалении от побережья: в Анапской долине, на левом высоком берегу р. Маскаги, в среднем ее течении, – свидетельствует о расширении античного влияния и возникновении на Раевском городище боспорского политического центра. Исследования памятника, известного как Ногай-Кале, были начаты В.И. Сизовым в 80-х гг. XIX в. Его культурные слои охватывают промежуток с эпохи энеолита до развитого средневековья и свидетельствуют о востребованности данной локации: по-видимому, издревле через него проходил кратчайший путь, связывающий побережье с Цемесской долиной. Связанная с монументальным эллинистическим зданием организация системы фортификации до сих пор не установлена. Сохранившийся до наших дней комплекс мощных крепостных сооружений Раевского городища датируется эпохой позднего эллинизма – раннеримским временем.

Цитадель крепости (общей площадью не менее 700 кв. м) сооружена на мысообразной площадке в северо-восточной части городища, на высоком берегу р. Маскаги. В ее основе – монументальное многоуровневое здание. Цитадель была изолирована от остальной части городища каменной стеной. На обрывистом краю возведены дозорная башня размером 4,5 × 4,5 м и стена метровой ширины. В ходе исследований выявлены и расчищены остатки фундамента. Данные об организации доступа на цитадель отсутствуют.

Внешний оборонительный контур – стена и башни, построенные в позднеэллинистическое – раннеримское время, – возведен на валообразной земляной насыпи высотой до 5 м. Крепость представляла собой неправильный четырехугольник, вытянутый с севера на юг площадью почти 9 га.

Валообразная насыпь крепости была возведена с учетом особенностей ландшафта. Внутреннее пространство сnivelировано и использовалось для хозяйственных нужд. Раскопки показали, что наиболее востребованными для обитания были пространства, прилегающие к цитадели и расположенные вдоль восточной части валообразной насыпи. В наиболее низком по рельефу юго-западном углу городища, вероятно, находился важный для снабжения населения и гарнизона крепости источник воды.

Ключевую роль в обороне укрепления играли девять башен прямоугольной в плане формы, соединенных высокой сырцово-каменной стеной на каменном основании (ширина – до 1,5 м). Об этом свидетельствует соотношение высоты валообразной насыпи к количеству башенных сооружений. Доступ в крепость возможен с четырех сторон, везде он был под контролем боевых башен.

В труднодоступной, удаленной от побережья местности, на перевале, соединяющем верховья Анапской долины и долину р. Гостагайки, в 2013 г. обнаружено городище, получившее соответствующее название «Верхнегостагаевское». Возведение и бытование памятника – поздняя античность – ранее средневековье (IV–VI вв. н.э.). В каменных кладках широко применялись детали из разобранных где-то античных общественных зданий из ракушечника (блоки, барабаны и базы колонн).

Обращает внимание также двухступенчатая, как на Раевском городище, система мощных оборонительных сооружений укрепления. На верхней площадке городища – цитадели – обнаружены руины большого здания. О своеобразии назначения этого монументального сооружения свидетельствуют его размеры – 10 × 20 м, черепичное перекрытие кровли и наличие шести дверных проемов, расположенных попарно.

Цитадель отделена от остальной территории крепости (с запада и севера) валообразной насыпью, которая представляет собой эскарпированный склон возвышенности в юго-восточной части естественного мыса. Современная высота насыпи с запада и северо-запада – более 3 м, с севера – около 2 м. В северной части насыпи отчетливо видны остатки проездного сооружения, к которому ведет дорога, проходящая вдоль восточного края внешнего оборонительного периметра.

Значительный естественный уклон поверхности пространства между внешним и внутренним оборонительными кольцами не позволял использовать его для хозяйственных нужд. Таким образом, весь комплекс крепости подчинен задаче усиления неприступности цитадели.

В отличие от боспорских крепостей, укрепления данного памятника имеют неправильные, негеометрические очертания, увязанные с микрорельефом местности. Несмотря на бесспорно высокий уровень фортификационного искусства строителей городища, не прослеживаются важные элементы боспорских крепостей – башни.

В данном обзоре рассмотрено три крупных укрепленных поселения юго-восточной периферии азиатского Боспора. Только один из них – Горгиппия – вне всякого сомнения, являлся крупным административным и экономическим центром, связывающим отдаленные регионы Причерноморья и Северного Кавказа. По мере удаления от побережья значимость городищ как экономических центров резко снижается в пользу их соответствующей военной функции.

Крепости Верхнегостагаевского и Раевского городищ расположены на мысообразных выступах, цитадели защищал внешний оборонительный контур с проездными сооружениями. Тесная связь с боспорскими традициями фортификации прослеживается в широком распространении сырцово-каменной архитектуры.

Исследование укрепленных городищ Анапской долины позволяет проследить этапы хозяйственного и военно-политического освоения данной территории Боспорским государством. В эллинистический и римский периоды здесь формируется система коммуникации и защиты поселений, ориентированных на земледелие и торговлю с коренным населением соседних регионов.

Библиографический список

- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. – М., 1997.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М. ; Л., 1949.
Онайко Н.А. Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта. – М., 1980.

М.В. Бедельбаева

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
АЛТАЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ В КОЛЛЕКЦИИ А.И. ШРЕНКА

Необходимость планомерной работы по систематическому мониторингу археологических коллекций и случайных находок в музейных фондах является важной исследовательской задачей, имея своей первоочередной целью создание содержательных каталогов и комплексное исследование артефактов на основе междисциплинарных методов и качественно нового уровня развития науки. Так, сведения об археологических находках и истории их поступления в государственные, муниципальные, вузовские и другие музеи стали предметом специального изучения в Алтайском крае [Тишкин и др., 2016, с. 277–285].

Несомненный интерес в этом плане имеет коллекция артефактов, полученная в ходе экспедиций академика А.И. Шренка в 1840–1843 гг. Опытный путешественник, приват-доцент геологии и минералогии Дерптского университета, 200-летие со дня рождения которого исполнилось в 2016 г., провел основательные зоогеографические и метеорологические исследования в Зоонгорских и Киргизских степях, собирая и археологические находки. Эта коллекция была передана им в 1856 г. в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (г. Санкт-Петербург) и включает представительную серию каменных и бронзовых орудий труда, бытовой утвари и других предметов старины¹.

Археологические находки были частично описаны и первично интерпретированы академиком, что свидетельствует об его интересе к истории. Сохранившаяся рукопись из архива А.И. Шренка «Коллекция древностей с Алтая и Зоонгорских, Киргизских степей» написана на немецком языке и составляет 11 листов текста. Эти записи читаются с трудом из-за особенностей «бисерного» почерка автора и плохой сохранности документа, поскольку прошло уже более 170 лет со времени написания. Документы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [ф. 317, оп. 1, ед. хр. 27]. Археологические находки дополняет альбом с профессионально выполненными рисунками артефактов.

В 1900 г. Н. Могилянский проводил регистрацию коллекции №35. На обложке инвентарной книги указано: «По местонахождению предметы принадлежат Киргизской степи, Алтайскому округу и Джунгарии». С.С. Черников целиком относил их к Восточному Казахстану. А.Х. Маргулан [1979, с. 13] считал, что пребывание А.И. Шренка на Верхнем Иртыше нигде не зафиксировано, поскольку тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков разрешил ему проезд лишь до оз. Алакуль. Анализ записей книги позволяет утверждать, что из 112 зарегистрированных предметов около 30 артефактов достоверно имеют происхождение из памятников древностей Алтая. К сожалению, отсутствует точное указание местонахождения этих объектов и условий обнаружения находок, что, несомненно, снижает научную значимость. Судя по материалам коллекции, в поле зрения академика попали не только «чудские» курганы, но и стоянки эпохи камня, горные выработки, городища. Значительное количество металлических изделий, представленных в коллекции, не могло быть собрано путешественником и его спутниками только с поверхности земли – очевидно, что А.И. Шренк производил археологические раскопки, о чем в ряде случаев свидетельствует указание глубины залегания находки в описании. Так, в 1843 г. в окрестностях города Змеиногорска в отрогах Мельничной горы исследователь раскопал «чудскую могилу 4 аршин глубины», в которой были найдены бронзовые удила, подпружные пряжки и другие предметы, датируемые «раннескифским» временем [Кунгуров, Тишкин, 2003, с. 396–398], а череп от хорошо сохранившегося скелета погребенного был передан для исследования академику К.М. Бэру [Коллекция..., 1856, с. 16]. Вероятно, часть находок была сделана им в древних горных выработках

---

¹ Автор выражает благодарность к.и.н., научному сотруднику отдела археологии МАЭ им. Петра Великого РАН С.В. Бельскому за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией №35.

Змеиногорского рудника, отмеченных на картах начала XVIII в. как «старая копь чудская» и описанных в 1771 г. академиком П.С. Палласом [Контев, 2013, с. 441–443]. Например, №104 – «бронзовый клин, вероятно, употреблялся при рытье чудских копий. Найден у деревни Шамонаихи близ Змеиногорска» [Коллекция..., 1856, с. 19] или №34 – «бронзовое кайло из старой ямы» [Коллекция..., 1856, с. 8].

Часть коллекции, собранная на Алтае, включает археологические артефакты, относящиеся к андроновской, карасукской, тагарской, майемирской, сrostкинской культурам. Это орудия труда и оружие из бронзы – наконечники стрел, долота, ножи, секиры, кайло, тесла, кельт; предметы конского снаряжения – удила, «У-видные» двудырчатые псалии, элементы декора; украшения из бронзы – бляхи, амулеты, подвески.

Особую важность имеет фрагментарно сохранившаяся «серебряная... покрытая рельефными арабесками рукоять ножа или меча» (№80), обнаруженная «в крутом берегу Оби, близ деревни Малышево» [Коллекция..., 1856, с. 15]. Оригинальна бронзовая подвеска, изображающая, по мнению А.И. Шренка, «стража из чудской могилы», найденная в Нижне-Кулундинской волости Барнаульского округа (№81). Это антропоморфная подвеска с изображением в профиль воина с «нимбом» в доспехе и с луком, которая соотносится со сrostкинской культурой и может быть датирована, как и рукоять ножа, тюркским временем (IX–X вв.). В «чудской могиле близ Бухтарминска» найдены железные бляхи (№84, 85), которые использовались как украшение седла: одна – со следами позолоты и покрыта «арабесками»; вторая – бляха-запонка [Коллекция..., 1856, с. 16]. Эти предметы имеют аналогии в памятниках VI–V вв. до н.э.

Сохранность артефактов удовлетворительная, однако несколько предметов коллекции к настоящему времени утеряны. «Секира бронзовая» (№14), имеющая прямые аналогии в инвентаре карасукской культуры, была разбита при переноске, что отмечал В.И. Каменский, работавший с археологическими находками в 1909–1911 гг. [Коллекция..., 1856, с. 4]. Отсутствуют десять бронзовых наконечников стрел (№27–36), найденных в «чудской могиле близ деревни Кирпинской, Кулундинской волости в 35 верстах от плавильни», а также «три бронзовые бляшки с седла в виде четырехсторонних выпуклых вздутий на 4-х ножках» (№53–55) [Коллекция..., 1856, с. 16, 17].

Хотя найденные А.И. Шренком артефакты недостаточно документированы, а сведения исторического характера фрагментарны и лишь частично введены в научный оборот, все же собранные и сохраненные академиком материалы являются ценным источником, требуют издания полноценного каталога, проведения спектрального анализа и применения других современных методов исследования. Комплексное изучение находок вкупе с переведенными архивами академика А.И. Шренка позволит сформировать существенный потенциал для научной деятельности в сфере археологии, исторической географии, этнографии.

Библиографический список

- Коллекция А.И. Шренка. №35. – МАЭ. – СПб., 1856.
- Контев А.В. Змеиногорск на планах 1745–1772 годов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XVIII–XIX. – Барнаул, 2013.
- Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Находки раннескифского времени из окрестностей Змеиногорска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX, ч. 1. – Новосибирск, 2003.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Фролов Я.В., Филиппова О.Г. Археологические коллекции и отдельные находки в государственных, муниципальных и вузовских музеях Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – №4 (92). – Барнаул, 2016.
- Шренк А.И. Коллекция древностей с Алтая и Зоонгорских, Киргизских степей // Архив РАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 27. – СПб., 1840–1843.

А.М. Белавин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
**ПРИКАМСКИЙ ЮВЕЛИРНЫЙ ЦЕНТР ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-46-590325 р_а,
«Средневековая Венгрия и Урал (по материалам металлических украшений)»)

Результаты научных исследований пермских археологов последних лет позволили поставить вопрос о выделении самостоятельного прикамского ювелирного центра на территории Евразии в период IX–XIII вв.

В период X–XIV вв. на территории Пермского Предуралья активно развивалось ювелирное ремесло. Продукция местных мастеров-ювелиров выходила далеко за пределы Пермского Предуралья – северные территории, Западную Сибирь. Появление и развитие ювелирного ремесла на территории Пермского Предуралья в период X–XII вв. связано с влиянием соседнего государства – Волжской Болгарии. На территории Пермского Предуралья выделяются болгарские ремесленные фактории, куда входили мастера не только из Волжской Болгарии, но и из обученного ювелирному мастерству местного населения. В этот период времени мы можем говорить о возникновении прикамского ювелирного центра. В XII–XIV вв. прикамский ювелирный центр уже функционирует самостоятельно, возможно, заимствуя некоторые приемы у мастеров Древней Руси. О высоком уровне развития прикамского ювелирного центра свидетельствует применение в изготовлении ювелирных изделий таких техник, как зернь, скань, чернь, чеканка, гравировка, золочение (амальгамирование). Изделия были изготовлены из высокопробного серебра, которое поступало на территорию Пермского Предуралья в виде куфических монет, предметов восточной торевтики, древнерусских и китайских слитков. Изделия Прикамского ювелирного центра изготовлены в особом «урало-венгерском» стиле и поэтому легко опознаются на фоне импортных болгарских и древнерусских изделий.

Наиболее полно комплекс орудий труда ювелиров, а также серебряные слитки, литейные формы, заготовки и полуфабрикаты (серебряная проволока, прутки, обрезки серебряных пластин, зернь) представлены в материалах Рождественского археологического комплекса (городище и могильник). На городище из орудий, которые можно было бы связывать с ювелирным производством, массово представлены небольшие зубила и бородки. Встречены также ювелирные щипчики и предметы, которые можно определить как чеканы, железные ювелирные и кузнечные молоточки и роговая киянка, предназначенная для выколотки рельефа на тонком листе металла, для рихтовки плоскости изделий и подгонки друг к другу деталей изделия.

При раскопках Рождественского могильника обнаружены слесарные ножницы, предназначенные для резки цветного листового и полосового металла. Найдены шабер (слесарный инструмент для отделочной операции по выравниванию металлических поверхностей путем соскабливания тонкого слоя металла, для подготовки изделия к полировке) и тигельные щипцы или клещи (ручные тиски для сжимания поковки или какого-нибудь предмета, в данном случае – тигля). Наличие в Рождественском могильнике нескольких погребений мастеров может свидетельствовать о том, что в пределах Рождественского городища (касаба Афкула) существовало уже налаженное изготовление изделий из цветных и драгоценных металлов (слитков, украшений), выходившее, возможно, за пределы Пермского Предуралья.

Таким образом, складывается представление о том, что к специализированным орудиям ремесленники относились очень бережно и, оставляя по тем или иным причинам мастерскую, тщательно собирали и уносили с собой все инструменты. В могилы этот инструментарий клали относительно редко, вероятно, предпочитая передавать его по наследству. Факты косвенно свидетельствуют о том, что прикамское средневековое производство было кланово-семейным делом.

Г.Н. Белорыбкин
Пензенский государственный университет, Пенза
ЗОЛОТАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ XI–XIII вв.

Наиболее ярким памятником на территории Поволжья является Золотаревское городище, в котором, как в зеркале, отразилась средневековая история всего евразийского пространства. Особенно интенсивно это поселение функционировало в XI–XIII вв. Там переплелись этнокультурные традиции финского и тюркского населения, территориальные особенности жителей Алтая и Дальнего Востока, Причерноморья и Западной Европы. При этом наблюдается как взаимопроникновение отдельных элементов, так и стойкое сохранение определенных приемов и традиций. Так, на городище встречаются и подлинно болгарские или мордовские изделия, и подражания им, а также многочисленные инновации. В то же время часть пришлых элементов стала доминирующей на данном поселении, вытеснив местные, о чем свидетельствуют многочисленные изделия, характерные для аскизской культуры, бытовавшей в средние века на территории Южной Сибири. Довольно широко на поселении представлены и элементы древнерусской культуры. При этом найдено множество единичных предметов, имеющих истоки в дальних странах Азии (Китай, Иран) и Европы (Византия, Болгария, Венгрия). Наряду с этим на городище встречаются изделия, не имеющие аналогий в других местах [Белорыбкин, 2001, 2003].

Сильнейшее влияние на Золотаревское городище оказывал сухопутный путь из Булгара в Киев, соединявший напрямую столицы двух восточноевропейских государств и пересекавший Волгу и Суру [Моця, Халиков, 1997]. Если с X в. переправы через Днепр и Дон контролировали славяне, через Волгу – болгары, что подтверждается большим количеством археологических памятников на них, то в районе переправы через Суру на рубеже X–XI вв. возникают поселения буртас [Полесских, 1970], которые держали брод под контролем и использовали путь для развития собственной торговли.

Расположенное у переправы Золотаревское поселение состояло из городища и трех селищ [Белорыбкин, 2001]. Имеющиеся материалы свидетельствуют о единой торгово-денежной и весовой системе в Посурье и Примокшанье, которая была характерна для Волжской Булгарии. Это, прежде всего, детали торговых весов, гирьки, грузики, а также многочисленные слитки из серебра, взвешивание которых показало, что они ориентированы на мискаль. В то же время встречаются фрагменты киевских и новгородских гривен. Довольно часто в качестве платежного средства использовались кусочки свинца, которые также ориентированы на мискаль [Винничек, 2000].

Помимо торгового инструментария на Золотаревском поселении найдено множество привозных вещей, в основном украшений из золота, серебра. Среди них можно выделить вещи, характерные для болгар, мордвы, русских, половцев, аскизской культуры, а также привезенные из Китая и Ирана. В то же время среди предметов из разных стран есть своя специфика. Украшения из Руси представлены в основном культовыми предметами, связанными с христианством, часть из которых сделана из драгоценных металлов, а часть – из бронзы и олово-свинца. Украшения из Волжской Булгарии, как правило, сломаны или отремонтированы. Особенно большую и специфическую группу предметов составляют вещи из Южной Сибири, представленные в основном деталями конской сбруи и оружия, характерных для аскизской культуры [Кызласов, 1983]. Большинство накладок конской узды сделаны из железа и сверху украшены золотом. Оружие же представлено как специфическими наконечниками стрел, деталями защитного доспеха, так и своеобразными боевыми ножами – пальмами.

Такое обилие вещей на Золотаревском комплексе, характерных для болгар, мордвы и «аскизов», позволяет предполагать, что там бывали не только купцы и путешественники, но и постоянно жили представители этих народов. Судя по оружию и конскому снаряжению, вероятно, на поселении располагался военный отряд «аскизов», который обеспечивал безопасность торговых караванов на всем протяжении пути, о чем свидетельствуют накладки

с позолотой золотаревского типа, встречающиеся изредка на близлежащих поселениях Руси и Волжской Булгарии.

Помимо всего Золотаревское городище резко выделяется по количественным и видовым характеристикам среди других ремесленных центров Восточной Европы. Например, такого обилия матриц и ювелирных молоточков, пожалуй, нет нигде, что явно свидетельствует о существовании у стен Золотаревской крепости крупного ремесленного центра. И хотя основа производства была болгарская, местные ремесленники внесли множество своих новшеств и особенностей как в сами изделия, так и в технологию их изготовления. Причем, судя по кладам и матрицам, производство дешевых подделок было поставлено на поток. В то же время встречается множество уникальных изделий, что позволяет сделать вывод о высоком уровне мастерства местных ремесленников.

Население Золотаревского городища было многонациональным и разных конфессий. Особенно наглядно этот тезис подтверждается материалами сражения с монгольским войском хана Батая, состоявшегося у стен Золотаревской крепости в 1237 г. Так, среди защитников крепости были буртасы, мордва, болгары, половцы, «аскизы», русские, т.е. представители разных культур и религий, которые оказали ожесточенное сопротивление. Об этом свидетельствует тот факт, что монголы полностью и с особой жестокостью уничтожили Золотаревскую крепость и ее население. Кости незахороненных людей до сих пор лежат по всему полю боя и ждут своего воскрешения из забвения.

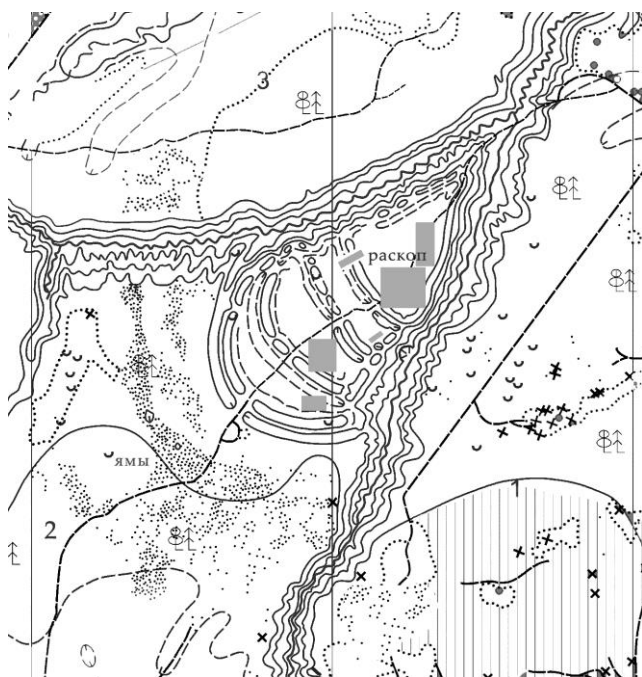

Рис. 1. Золотаревское городище. План

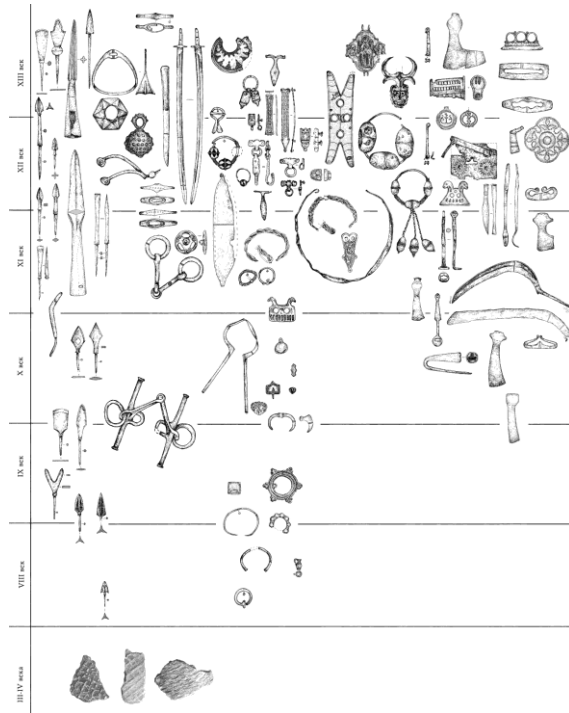

Рис. 2. Золотаревское городище. Вещи

Библиографический список

- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – Пенза ; СПб., 2001.
 Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. – Пенза, 2003.
 Винничек В.А. Свинцово-оловянные грузики и слитки на поселениях с коричнево-красной гончарной посудой болгарского типа X–XIII веков // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. – Казань, 2000.
 Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М., 1983. – (САИ. Вып. ЕЗ-18).
 Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. – Киев, 1997.
 Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области : путеводитель. – Пенза, 1970.

Р.В. Белоусов, Ю.В. Оборин
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
ФРАГМЕНТ КИТАЙСКОГО ЗЕРКАЛА ЭПОХИ ВОЮЮЩИХ ЦАРСТВ
ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Летом 2000 г. при проведении разведочных изысканий на городище Раздумье-I в Каменском районе Алтайского края среди разнородного и разновременного археологического материала был обнаружен осколок импортного (китайского) зеркала [Белоусов, 2001, с. 202].

Найденный фрагмент зеркала (рис. 1) был отлит из медно-оловянистого сплава белого цвета, покрыт слоем темной патины и небольшими пятнами коррозии. Размеры фрагмента – 5,5 × 4,0 см, толщина – 1 мм. Зашлифованные края осколка указывают на его длительное вторичное употребление и, следовательно, на ценность этого предмета в среде древнего населения лесостепного Алтая. Небольшие размеры фрагмента не позволяют абсолютно точно определить, каким было это зеркало, однако даже имеющиеся его особенности – декор, особенности сюжета – позволяют сделать культурно-хронологические выводы.

Первое – орнамент фона, выполненный в невысоком рельефе, имеющий плотное заполнение и типичные элементы декора – спиральные завитки и ромбовидные фигуры. Такой вид орнамента называется рисунком с облачными завитками на фоне тонко прочерченных фигур и точек (рис. 2.-1), тип С по К. Миямото [1990, рис. 2] и характерен для эпохи Воюющих Царств. Спиралевидные завитки («облачные завитки») – элемент орнамента, который восходит к древнейшему рисуночному письму, по сути, это пиктографическое изображение «несущих дождь кучевых облаков».

Второе – обрамление центральной части зеркала, которое хотя и представлено фрагментарно, но все же дает понимание того, что это изображение стилизованной четырехлепестковой цветочной розетки (четырёхлистник). Такое оформление пространства вокруг основания петли-державки впервые появляется на зеркалах в эпоху Воюющих царств [Миямото, 1990, рис. 3].

Последнее и главное – изображение феникса. Графическая реконструкция изображения найденного осколка показывает, что это только четвертая часть декора, т.е. на целом зеркале были изображены четыре фигуры мифических животных. Это либо два дракона и два феникса, либо четыре феникса. Стилль изображения фениксов на бронзовых зеркалах во времена Чжаньго достаточно специфичный и имеет четкие хронологические рамки (рис. 2.-2). Несмотря на их большое разнообразие, это всегда плоские стилизованные фигуры, украшенные многочисленными изящными завитками.

Подводя итог и суммируя все три характерных признака, можно определить только два типа китайских зеркал, к которым подошел бы найденный фрагмент. Вариант I: зеркало с изображением фениксов, драконов, с четырехлепестковой цветочной розеткой и арочным оформлением периметра зеркала (рис. 3.-1) (连弧螭凤纹镜). Вариант II: зеркало с изображением четырех фениксов, которое имело четырехлепестковую цветочную розетку и бортик в виде неширокой вогнутой ленты (рис. 3.-2) (四凤纹镜). Для обоих типов характерны круглое основание петли с окантовкой в виде вогнутой ленты и петля-державка, по форме напоминающая мостик. Симметрия в композиции практически идеальна; для украшения центрального поля в декоре использован прием бинарного символизма – «удвоение образа», когда в качестве каждого символа выступает пара, в данном случае характерные для декоративного искусства Поднебесной два феникса и два дракона или две пары фениксов (во втором варианте). Отсутствие бортика и петли-державки не позволяет точно датировать найденный фрагмент. Тем не менее наиболее вероятной датировкой создание предмета можно считать время конца эпохи Чжаньго – династия Цинь (221–206 гг. до н.э.). Зеркала этого типа редко встречаются в Китае. В России известно лишь одно подобное зеркало (фрагмент) с изображением четырех фениксов, найденное на Иволгинском комплексе, в яме 57 [Давыдова, 1985, рис. X.-19].

Находка осколка зеркала с Раздумье-I расширяет ареал распространения китайской бронзы среди племен Южной Сибири в III-II вв. до н.э.

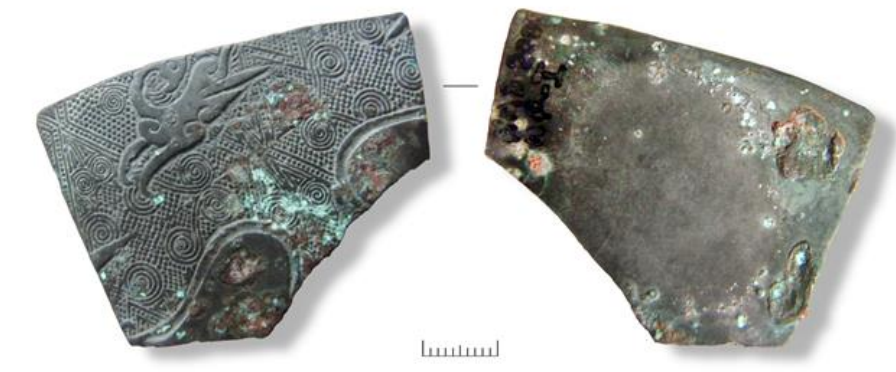

Рис. 1. Фрагмент бронзового зеркала с памятника Раздумье-I

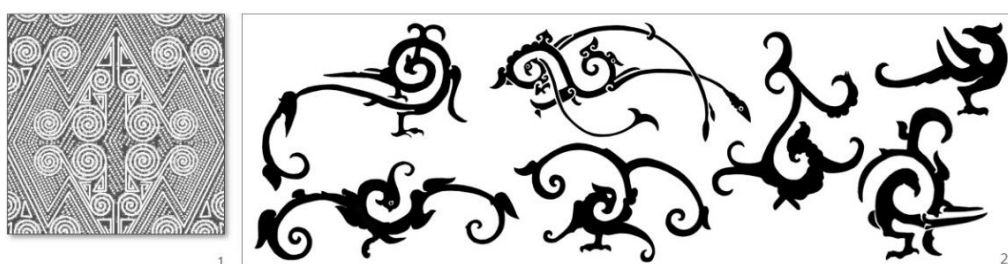

Рис. 2. Орнамент фона и изображения фениксов на зеркалах эпохи Воюющих царств

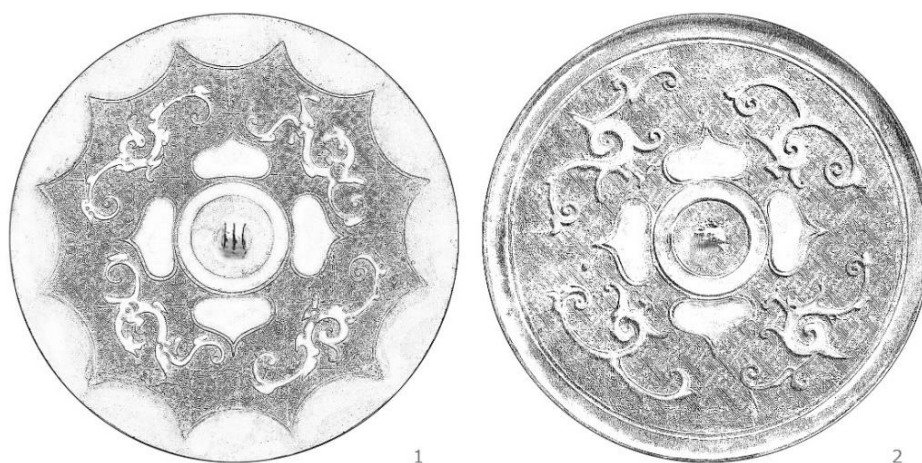

Рис. 3. Китайские зеркала эпохи Воюющих царств с изображением фениксов и драконов

Библиографический список

Белоусов Р.В. Разведка в Каменском районе Алтайского края // Археологические открытия 2000 г. – М., 2001.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л., 1985.

Масумото Т. К вопросу о китайских зеркалах из Сибири периода Чжаньго // Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации и II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул, 2012.

Миямото Кадзуо 戦国鏡の編年 Сэнгоку кё но хэнъэнэн. Дзё, гэ. // Кодай бунка. 1990, 42 кан, 4, 6 го (Хронология зеркал эпохи Чжаньго. 1, 2) // Cultura Antiqua. – 1990. – Т. 42, №4, 6.

Н.Е. Белоусова^{1,2}, А.Ю. Федорченко^{1,2}, Е.П. Рыбин^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНИКИ ПИКЕТАЖА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ЗОНЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ НУКЛЕУСОВ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОРНОГО АЛТАЯ

Появление индустрий начала верхнего палеолита на территории Горного Алтая сопровождается значительными изменениями в технологиях обработки каменного сырья. На смену типично среднепалеолитическим технологиям утилизации плоскостных нуклеусов приходит подпризматическая пластинчатая технология расщепления. Серийное производство нового типа скола-заготовки – крупных, массивных пластин стандартной морфологии обеспечивалось оптимальными способами подготовки ударных площадок и зоны расщепления нуклеусов. Словосочетание «зона расщепления» в данном случае определяет часть поверхности площадки предмета расщепления и проксимальная часть поверхности скалывания, подготавливаемые к снятию [Васильев и др., 2007].

Цель данного исследования состояла в реконструкции способов подготовки зоны расщепления нуклеусов в контексте пластинчатого расщепления каменных индустрий начала верхнего палеолита Алтая. К изучению были привлечены археологические материалы памятников Кара-Бом (раскоп 4, 1992–1993 гг., культурный горизонт ВП2), Усть-Каракол-1 (раскоп 1, 1986 г., уровень обитания 5.4–5.5; раскоп 2, 1993–1997 гг., культурный горизонт 8–11), Кара-Тенеш (слой 3), Денисова пещера (центральный зал, 11 слой). Исследование базировалось на данных технологического анализа каменных индустрий, отдельное внимание было уделено экспериментально-трасологическому изучению предметов со следами пикетажа – техники точечного ударного воздействия каменным инструментом для дробления и удаления мелких частиц породы.

Проведенный трасологический анализ и изучение морфологии площадок позволили проследить на пластинах следы нескольких приемов подготовки зоны расщепления: редуцирование карниза прямым ударом отбойника или заглаживанием неспециализированным каменным инструментом, обратное редуцирование зоны расщепления и точечное ударное воздействие – пикетаж. Следы редуцирования карниза прослежены на участке дорсальной плоскости, примыкающей к кромке пересечения площадки и дорсала, большинства изученных пластин. Негативы коротких мелких многоуровневых снятий редуцирования обладают ступенчатыми окончаниями и направлены со стороны площадки на дорсальную поверхность. На кромке между ударной площадкой и дорсалом проанализированных пластин отмечен иной комплекс следов обработки. Здесь было прослежено сочетание признаков двух типов микродеформаций – заглаженности и забитости. Формирование на кромке следов матовой заглаженной поверхности, по всей видимости, было связано с плавным истиранием плоскости выкрашивания за счет давления / заглаживания. Возникновение следов забитости в зоне сопряжения дорсала и площадки являлось, вероятно, прямым следствием процесса выкрашивания мельчайших осколков и разноуровневых микрофасеток сколов под воздействием удара.

Более сложная картина была прослежена на участках остаточных ударных площадок, примыкающих к дорсальной плоскости сколов. Нами зафиксированы следы обратного редуцирования – негативы коротких заломов, направленных со стороны дорсала на площадку. Большая часть ударных площадок изученных сколов имеет шероховатый, ячеистый вид, вызванный выполаживанием за счет выкрошенности и смятости. Площадки также имеют следы наложения многочисленных конических или полуконических трещин, прямых межконусных трещин и более крупных грубых выбоин. Фасетки микровыкрошенности обладают заглаженными и смятыми контурами, облик которых связан с проседанием поверхности площадки при формировании ударных конусов. Облик подобных следов может быть вызван достаточно частым несильным

точечным ударным воздействием на поверхность нуклеусов каменным инструментом с целью изменения рельефа и морфологии его площадки. Примеры использования схожего приема обработки зернистых пород камня для материалов эпохи палеолита и неолита описаны С.А. Семеновым. По мнению исследователя, основная цель ударно-точечной обработки (пикетирования) состояла в удалении с поверхности заготовки мелких частиц породы, раздробленных легким ударом. В результате подобного воздействия поверхность камня приобретала ямочно-бугорчатый, сильно шероховатый вид, напоминающий губку или пористый туф [Семенов, 1968, с. 80, 87]. Подготовка места приложения усилия пикетажем определена Е.Ю. Гирей [1997, с. 68] в качестве одного из основных способов подготовки зоны расщепления наряду с ударом, отжимом, обработкой абразивом и шлифованием. Пикетаж применялся и как вспомогательный прием контролируемого понижения рельефа позади места приложения усилия при реализации подготовки зоны расщепления [Гиря, Брэдли, 1996].

В качестве инструментов для подготовки зоны расщепления (редуцирование и точечно-ударное воздействие) вторично применялись сработанные комбинаторные и подпризматические нуклеусы и массивные технические сколы. Следы износа в виде сплошных участков забитости локализованы на торцевых частях фронтов ядрищ и дорсалах технических снятий.

Таким образом, проведенный анализ позволил проследить на пластинах каменных индустрий следы комбинирования нескольких приемов подготовки зоны расщепления. За счет обратного редуцирования и пикетажа формировался слабовыпуклый рельеф ударной площадки. Вероятно, созданная при помощи этих приемов относительно ровная и шероховатая поверхность обеспечивала лучшее сцепление отбойника с площадкой в момент приложения силового импульса, что являлось важным условием для получения исключительно длинных (более 200 мм) и широких пластинчатых сколов, распространенных в анализируемых каменных индустриях. Использование приема редуцирования карниза позволяло убирать непрочные остатки негативов бугорковых частей предыдущих сколов, выравнивать рельеф плоскости расщепления и регулировать угол между фронтом и площадкой [Гиря, 1997]. Тщательная подготовка зоны расщепления значительно увеличивала степень контроля скалывающей, позволяя стандартизировать процесс получения крупных удлиненных массивных пластин и снизить процент ошибок расщепления.

Комбинирование приема пикетажа с иными способами подготовки зоны расщепления нуклеусов отмечалось в контексте пластинчатого расщепления комплексов начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии [Славинский и др., 2017]. На территории Алтая данный технологический прием достоверно фиксируется в контексте наиболее ранних индустриальных комплексов, главным образом, входящих в круг кара-бумовской культурной традиции.

Библиографический список

Васильев С.А., Бозински Г., Брэдли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб., 2007.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро- и макроанализа древних орудий труда. – СПб., 1997. – Ч. 2.

Гиря Е.Ю., Брэдли Б.А. Словарь Кроу Каньон: концепция технологического анализа каменных индустрий // Археологический альманах. – 1996. – №5.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л., 1968.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2017. – №1.

Л.А. Беляев¹, В.В. Седов¹, М.П. Чёрная²

¹*Институт археологии РАН, Москва;*

²*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск;*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Томск

МОСКВА – СИБИРЬ: АРХЕОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА

ОТ ЦАРСТВА ДО ИМПЕРИИ (XVI–XIX вв.)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ
(проект № 14-50-00036, «Мультидисциплинарные исследования
в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Авторы данного исследования предлагают систематизацию современных работ, ведущихся в области исторической археологии Московской Руси и ранней Российской империи. Речь идет о периоде, в течение которого было освоено и открыто для включения в пространство всемирной истории огромное пространство от Днепра до Амура и берегов Тихого океана. Работы эти (в их полевой части) ведутся с исключительной интенсивностью, несмотря на то, что они находятся практически вне традиционного поля археологии, в лучшем случае затрагивая его край – время возвышения Московского княжества (с XIII в.), и в силу стремления к изучению генезиса государствообразующего центра уходя в древнерусский период, к середине XII и даже более ранним векам. Основной массив работ, однако, лежит не здесь, но сосредоточен в эпохе становления Московского царства начиная с конца XV в. и в еще большей степени в последующих столетиях, т.е. именно вне пределов Средних веков. Причина достаточно проста: это интерес к национальной истории и потребность в национальной археологии.

Эту потребность лишь отчасти удовлетворяет развитие таких областей, как классическая археология (на огромной карте России античные древности появляются достаточно поздно, с присоединением Крыма и побережья Северного Кавказа), исследование культур в поясе степей (поскольку ядро территорий, из которых сложится страна, лежит вне степных пределов, в пространстве между верховьями Днепра и Волги, и Окой). Древнерусские памятники, безусловно, уже с XIX в. осознавались как основа национальной археологии, и они остаются своего рода нервными узлами национально-исторического дискурса. Это в течение XX – начала XXI столетия не раз демонстрировалось на Западе (в Смоленске); Северо-Западе (в Пскове и Великом Новгороде), Северо-Востоке с его Опольем и на Русском Севере. Однако это именно корни, существенно поврежденные при вторжении середины XIII в., хотя и оказавшиеся достаточно сильными, чтобы дать новую поросль, энергично двинувшуюся из колыбели своего междуречья по всем географическим направлениям. При всей абсолютной пространственной огромности этого первого этапа его относительная территориальная ограниченность не позволяет Древней Руси полностью заполнить зону национальной археологии – слишком много земли остается вне ее границ.

И только с XVI в., с эпохи Ивана IV, когда начнется эффективное расширение владений Москвы, прежде всего на восток, начнет формироваться и запас тех памятников русской археологии, которые можно обнаружить практически повсюду в современной России – за полтора столетия, к концу XVII в., городки первопроходцев окажутся уже на границе с Маньчжурией. Можно ли называть столь молодые следы прошлого, по аналогии с другими объектами материальной культуры, древностями – риторический и вполне абстрактный вопрос. Жители сегодняшней «Московии» их воспринимают именно так, и – как ни удивителен этот факт – такое восприятие закреплено в РФ законодательно. В силу этого поздние памятники стало необходимым не только изучать – их охраняют как объекты культурного наследия, а значит, превентивно исследуют при строительных работах. Поскольку эти памятники есть практически везде, где живут современные россияне – объемы получаемого материала оказались поистине огромными. На наших всероссийских съездах после их возобновления представлены десятки раскопанных некрополей с сотнями (а сегодня уже и тысячами) погребений, множество

остатков разрушенных в XX в. церквей и монастырей, тысячи находок, полученных при раскопках достаточно содержательных городских слоев.

В то же время метод преобразования всего этого богатства в научное знание до сих пор не разработан – как, впрочем, не разработан он для исторической археологии и на Западе, где она имеет огромное распространение, включая и европейские страны, где древностей в их классическом понимании гораздо больше. Выработка этой проблематики давно стала нашей заботой, и недаром. Существенную роль в ней должна, на наш взгляд, сыграть тема освоения пространства, и не только одного освоения – открытия его для познания наукой и культурой своего времени, времени становления европейского научного прогресса и формирования комплекса идей, сохраняющего главенствующее положение и в современном мире.

Говоря проще, с помощью археологии Нового времени (в общемировом значении этого слова) в России нам кажется возможным внести вклад в представления об историческом процессе открытия мира. Этот истинно великий процесс представляется с точки зрения западной культуры однонаправленным и исходящим из единого центра: он движется от европейских портов (прежде всего, Португалии, Испании, Италии и Англии), через мировой океан, к новым континентам, где живут открываемые мореплавателями туземцы – иногда ожидаемые (как жители Индии и Китая), но часто появляющиеся достаточно внезапно, подобно индейцам обеих Америк или австралийским аборигенам. Им суждено быть открытыми и включенными в общий новый мир, т.е. в той или иной степени «переработанными» – другого варианта история для них не предусмотрела. Так что все жители Земли с XVI в. делятся на «открывающих» и «открываемых».

Куда относятся русские – большой вопрос, и решать его нужно, в том числе, с помощью археологии. На него нет прямого ответа в современной культуре. В Европе уже в XVI в. было написано о Московии как о предмете географии и об экзотической стране достаточно для того, чтобы отнести ее к числу открываемых и осваиваемых. В то же время наше участие в освоении пространства современного мира достаточно очевидно, особенно если в него включить и этап XVIII–XIX вв., и в этом плане Московская Русь оказывается в числе открывателей и эксплуатирующих (без отрицательных коннотаций – освоение Земли невозможно без использования пространства, но совсем не обязательно предполагает «колонизацию» населения). Западная культура выходит из положения, привычно не глядя в эту сторону: на знаменитой выставке «Вокруг 1492 года» и в соответствующем каталоге [Circa 1492..., 1991] Московии, как и неосвоенной тогда никем Сибири, просто нет – хотя на карте выставки есть масса мест, гораздо более отдаленных.

Очевидно, что процесс освоения пространства современной России, ее участие в общем ходе открытия мира для дальнейшего прогрессивного (к добру или к худу – другой вопрос) развития включал массу особых черт, часть которых можно уловить и путем археологических исследований. Для этого нам будет необходимо выработать подходы, часть которых очевидна – так, чрезвычайно важно вести исследование русской материальной культуры одновременно в пространстве Европейской и Азиатской России, постоянно сравнивая результаты и вырабатывая представление о формах движения, видах поселений и их внутренней организации, способах взаимодействия с окружающим миром (природным и социальным), формах познания (донаучным и научным) этого мира.

Работа во время проведения V (XXI) Всероссийского археологического съезда секции «Москва – Сибирь: археология пространства от Царства до Империи (XVI–XIX вв.)» направлена именно на обсуждение вопросов, подходов и перспектив изучения российской истории на объединенном евразийском пространстве.

Библиографический список

Circa 1492: Art in the Age of Exploration. – Yale, 1991.

И.М. Бердников^{1,2}, Н.Б. Соколова^{1,2}, И.В. Уланов¹

¹*Иркутский государственный университет, Иркутск;*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Иркутск*

ДРЕВНЕЕ ГОНЧАРСТВО БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект №16-18-10169)

Долгое время в широком кругу археологов неолит Байкало-Енисейской Сибири был известен преимущественно по выделенным на материалах погребальных комплексов культурам – китойской, серовской и исаковской (включая локальный вариант верхоленской традиции) [Окладников, 1950; 1978]. Культурно-хронологические концепции, учитывающие разнообразие керамических комплексов, были разработаны по материалам многослойных местонахождений [Горюнова, 1984; Савельев, 1989; Хлобыстин, 1996]. Опираясь на эти базовые схемы и современные данные по неолиту Байкало-Енисейской Сибири, можно выделить три основных события, маркирующих изменения культурной ситуации в регионе.

1. В начале атлантического периода голоцена в Байкало-Енисейской Сибири появляются охотники-собиратели, которые владели техникой изготовления сетчатых и шнуровых (хайтинский тип) керамических сосудов [Бердников, 2013]. Древнейшие комплексы, обеспеченные достоверными радиоуглеродными датами (~7600 л.н.¹), зафиксированы в Южном Приангарье в процессе раскопок местонахождения Холмушино-3 в 2016 г. В погребениях раннего неолита сосуды встречаются редко, но имеющиеся данные [Витковский, 1882; Базалийский, 2012] позволяют уверенно связывать сетчатую и хайтинскую керамику с ранненеолитическим населением Приангарья, в том числе с китойской культурой. С данным событием связана неолитизация Байкало-Енисейской Сибири. Учитывая, что традиция декорирования сосудов отгисками шнура – типичное для Восточной Азии явление, можно предположить, что хайтинская керамика генетически связана с этой территорией. Изготовление сосудов с сетчатым техническим декором, судя по всему, – автохтонный феномен.

2. В промежутке ~6900–6500 л.н. фиксируются первые свидетельства появления в Байкало-Енисейской Сибири иного населения, которое владело техникой изготовления посольской (шнуровой) керамики [Макаров, 2012], которая, как и хайтинская, имеет, по всей вероятности, восточные корни. Она распространилась по всей территории региона и существовала здесь до финала неолита – ~4100 л.н. Близкие хронометрические рамки имеет и усть-бельский тип керамики – ~6600–4100 л.н. [Бердников, 2013], который также получил широкое распространение. Генезис его, скорее всего, связан с юго-западными (?) территориями Евразии, откуда в Восточную Европу распространилась гребенчато-ямочная керамическая традиция. Волна очередного заселения Байкало-Енисейской Сибири, связанная с охарактеризованным событием, вынудила охотников-собирателей раннего неолита искать новые территории для проживания. После ~6000 л.н. погребальные комплексы, близкие ранненеолитическим захоронениям юга региона, как и сетчатая керамика ранне-неолитического облика, фиксируются в Северном Приангарье [Деревянко и др., 2015]. В то же время керамика с сетчатым декором появляется на территории Якутии, где сформировался самостоятельный тип керамики сылахской культуры ~6200(6000)–5200(4900) л.н. [Алексеев, Дьяконов, 2009]. После ~4000 л.н., когда в регион проникло население, изготовлявшее рубчатую керамику (глазковская культура и др.), посольская керамика получила распространение в Забайкалье [Ветров, 2011], а усть-бельская (в новых вариациях) – в Западной Сибири, где в период раннего металла получила распространение традиция изготовления гребенчато-ямочных керамических сосудов.

3. В позднем неолите в Приангарье, Прибайкалье и на Верхней Лене появляются локальные общности: исаковская, архаическая и серовская культуры, которые хроноло-

---

¹ Здесь и далее данные приводятся в соответствие с радиоуглеродным датированием без калибровки.

гически синхронны между собой и датируются периодом ~5200–4500 л.н. [Базалийский, 2012]. В погребениях указанных культур сосуды встречаются намного чаще, чем в раннем неолите. Примерно этим же периодом (~5200–4300 л.н.) датируется пунктирно-гребенчатая керамика, которая, вероятно, связана с серовскими комплексами [Бердников, 2013]. Недавно нами выделен еще один тип сетчатой керамики – аплинский, который локализован исключительно в Северном Приангарье и в соответствии со стратиграфической ситуацией ряда местонахождений датирован поздним этапом неолита – ~5500(5000)–4000 л.н. [Бердников, Лохов, 2013]. Формирование его, по нашему мнению, произошло на основе традиций изготовления сетчатой и усть-бельской керамики. Это событие в целом не имело серьезного влияния на расстановку сил в Байкало-Енисейской Сибири на этапе позднего неолита. Происхождение исаковско-серовского населения нам неизвестно. Оно оставило яркий след в истории региона, однако после ~4500–4300 л.н. его следы теряются. То же самое относится и охотникам-собираателям Северного Приангарья, которые изготавливали аплинскую керамику.

Подводя итог, можно обозначить основные выводы. Благодаря своему особому географическому положению неолитические культуры Байкало-Енисейской Сибири существовали несколько обособленно от соседних территорий. При этом характерной чертой для неолита региона является постепенная смена культурных ситуаций, фиксирующихся по материалам керамических комплексов, где выделяются три события. Позднее многие культуры оказали существенное влияние на заселение древним человеком других территорий Евразии – севера Средней Сибири, Западной Сибири и Забайкалья.

Библиографический список

- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №3(39).
- Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып. 9.
- Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия ИрГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – №1(2).
- Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия ИрГУ университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – №2 (3).
- Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л.н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Вып. 2. – Иркутск, 2011.
- Витковский Н.И. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. // Известия ВСОИРГО. – 1882. – Т. 13, №1–2.
- Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984.
- Деревянко А.П. и др. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). – Новосибирск, 2015.
- Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Вып. 3.– Улан-Батор, 2012.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Часть I и II. – М.; Л., 1950.
- Окладников А.П. Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1978.
- Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: история основных идей и современное состояние проблемы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989.
- Хлобыстин Л.П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. – М., 1996.

И.М. Бердников^{1,2}, И.В. Уланов¹, Н.Б. Соколова^{1,2}
¹*Иркутский государственный университет, Иркутск;*
²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*
СПЕЦИФИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НЕОЛИТИЧЕСКОГО
ГОНЧАРСТВА БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект №16-18-10169)

На современном этапе изучения древнего гончарства наиболее востребованным является технологическое направление. Для Байкало-Енисейской Сибири эта тема сегодня актуальна вследствие отсутствия серьезных разработок. На раннем этапе (~7800–7600 л.н.¹) в регионе появляется сетчатая и хайтинская керамика, чуть позже (~6900–6600 л.н.) – керамика посольского и усть-бельского типов, а в финале неолита (~5200–5100 тыс. л.н.) – исаковская, серовская (включая пунктирно-гребенчатую) и аплинская керамика² [Бердников, 2013; Berdnikov, Sokolova, 2014]. Нами проведен микроскопический анализ образцов ранней сетчатой, хайтинской, посольской и усть-бельской керамики, происходящих из раскопок местонахождений Южного и Северного Приангарья, а также Тункинской долины.

При конструировании ранненеолитических сосудов использовался емкостный начин и зональный лоскутный налеп. На их внешней поверхности фиксируется технический декор (на сетчатых – оттиски плетеной сетки, на хайтинских – шнура), который является результатом выбивки, и проведенные нами эксперименты это подтверждают. Выбивка лопаткой со шнуром из растительных волокон, расположенная при ударе горизонтально, дает вертикально направленные оттиски, характерные для хайтинской керамики. Выбивка лопаткой с плетеной сеткой оставляет на сосуде локальные зоны ячеистых оттисков или хаотичные «рябчатые» следы. При изготовлении сетчатых сосудов плетенка могла использоваться и в качестве прокладки между телом сосуда и инструментом [Бердников, 2014]. В местах соединения строительных элементов хайтинских сосудов нередко фиксируются оттиски шнура [Бердников, Уланов, Соколова, 2016], что указывает на последовательный, непрерывный характер выбивания глиняного тела при конструировании. В ряде случаев на внутренней поверхности доньев отмечены негативы декора других сосудов, указывающие на использование форм-основ. Следы на других внутренних участках сосудов в виде горизонтально ориентированных коротких борозд фиксируются только у хайтинской керамики. В качестве основной рабочей версии мы отработывали вариант, который подразумевает, что они образовывались в результате использования фрагментов керамики с прочерченным орнаментом в качестве наковаленок [Бердников, Уланов, Соколова, 2015].

В рамках проверки версии о наличии тесной связи между ранненеолитической сетчатой и хайтинской керамикой нами проведен микроскопический анализ их фрагментов из раскопок местонахождения Еловка-Нуган-I (Тункинская рифтовая долина). Несмотря на наличие некоторого сходства исходного сырья (использование как минимум в трех случаях илестых глин) и состава формовочных масс, мы пришли к выводу, что на данном этапе исследования у нас нет веских оснований считать сетчатую и хайтинскую керамику стоянки Еловка-Нуган-I монокультурным комплексом [Бердников, Уланов, Соколова, 2016]. Анализ нескольких хайтинских сосудов из раскопок местонахождений в Северном Приангарье показал значительную их близость по составу формовочных масс керамике Тункинской долины. Отличительной чертой является бóльшая концентрация крупноразмерных фракций кварцевых пород (судя по всему, естественных включений в составе исходного сырья) во фрагментах керамики стоянки Остров Лиственничный [Бердников, Уланов, Соколова, 2017].

В отношении посольской керамики сделаны наблюдения, касающиеся особенностей техники формовки и морфологии. Судя по всему, при конструировании посольских сосудов

¹ Даты, указывающие на возраст ~7800 л.н., требуют верификации (в тексте приводятся данные радиоуглеродного датирования без калибровки).

² Предположение о возрасте аплинской керамики основано пока только на данных стратиграфии.

также использовался зональный лоскутный налеп. Как и у хайтинских сосудов, в продольных разломах, в местах соединения строительных элементов обнаружены оттиски шнура [Berdnikov, Ulanov, 2015]. Помимо сосудов с шнуровым техническим декором мы выявили экземпляры с гладкими стенками, а также выбитые при помощи рубчатой и ячеистой лопаток. Проведен сравнительный анализ двух вариантов керамики посольского типа со стоянки Генералова – с налепным валиком в устьевой части и без него [Абрашина, 2016]. Установлено, что они отличаются лишь наличием или отсутствием самого валика, а по остальным параметрам – аналогичны. Вероятно, это объясняется практическим назначением валика, который мог служить в качестве выступа для удобства перемещения и подвешивания сосуда.

Анализ усть-бельской керамики показал, что зональный лоскутный налеп характерен и для нее. Наряду с гладкостенными сосудами встречаются экземпляры с оттисками сетки на внешней поверхности. Внутри одного из сетчатых сосудов (Деревня Мартынова) зафиксированы следы плетеной мягкой формы-основы или прокладки между основой и сосудом. На внутренней поверхности доньев в ряде случаев нами отмечены негативы орнамента сосудов, использовавшихся в качестве форм-основ.

Наши исследования позволяют по-новому интерпретировать некоторые технологические аспекты древнего гончарства Байкало-Енисейской Сибири. Характерной чертой для неолитических сосудов региона является их конструирование по емкостной программе (нередко на формах-основах) с использованием зонального лоскутного налепа. Конструктивные особенности посольской керамики могут быть связаны с функцией сосудов. Использование древними гончарами при формовке и выбивке сосудов сетки, шнура и плетеных основ говорит о распространении в их среде производства примитивного текстиля. Первые результаты по изучению исходного сырья и состава формовочных масс демонстрируют некоторые отличия раннеолитической сетчатой и хайтинской керамики Тункинской долины, что может быть обусловлено культурным фактором.

Библиографический список

Абрашина М.Е. Посольская керамика стоянки им. Генералова: сравнительный анализ двух вариантов // *Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых.* – Чита, 2016.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология.* – 2013. – №1(2).

Бердников И.М. К вопросу о типологии сетчатой керамики юга Средней Сибири // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая.* – Т. 1. – Кызыл, 2014.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Интерпретация следов в микрорельефе поверхности шнуровой керамики (юг Средней Сибири) // *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири.* – Т. 1. – Хух-Хото, 2015.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Сравнительный анализ раннеолитической сетчатой и хайтинской керамики многослойного местонахождения Еловка-Нуган-I // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая.* – Т. 1. – Красноярск, 2016.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratumplus. Археология и культурная антропология.* – 2017. – №2.

Berdnikov I.M., Sokolova N.B. Cultural Dynamics of Southern Part Middle Siberia in the Neolithic based on the Pottery Study // *Virtual Multidisciplinary Conference QUAESTI.* – 2014.

Berdnikov I. M., Ulanov I. V. Some aspects of molding technology of Posolskaya pottery in the South of Central Siberia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* – 2015. – Vol. 4, Is. 8.

Н.Я. Березина¹, А.П. Бужилова¹, М.В. Добровольская², А.А. Калмыков³, J. Gresky⁴

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

²Институт археологии РАН, Москва;

³«Наследие», Ставрополь;

⁴Немецкий археологический институт, Берлин, Германия

МАСТЕР-ЛИТЕЙЩИК ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

(по антропологическим материалам эпохи бронзы)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект №16-01-00489 «Мобильность, миграции и демографическая изменчивость населения в эпоху Бронзы на Северном Кавказе»)

Погребение мастера-литейщика было обнаружено в 2012 г. в ходе раскопок курганного могильника Невинномысский-3 в степной зоне Центрального Предкавказья археологической экспедицией «Наследие» [Мячин, 2013]. Возникновение кургана 6, в котором был обнаружен исследуемый индивид, относится к эпохе ранней бронзы и связано с племенами ямной культурно-исторической общности. Погребенный был похоронен на левом боку в сильно скорченном положении, головой на восток – юго-восток (рис.). Сопровождавший покойного инвентарь был сосредоточен около левого локтя мужчины, на подстилке. Предметы располагались в линию, один возле другого. В центре лежало керамическое сопло, с западной от него стороны – керамический тигель-ляльчка, с восточной – абразивный камень. Погребение атрибутируется как принадлежащее к Лолинской культуре и датируется концом III – рубежом III / II тыс. до н.э.

Погребение литейщика (Невинномысский-3 6/5)
после расчистки. Вид с северо-запада

Антропологические материалы были изучены в рамках международного проекта ERA.Net RUS Plus, объединяющего ученых России, Германии и Швейцарии. Исследования велись с применением антропологических стандартов и биоархеологических подходов.

Погребенный – мужчина 35–45 лет, отличается признаками мощно выраженной мускульной активности, причем на костях верхних конечностей эти маркеры выражены сильнее слева. На скелете фиксируется ряд патологических особенностей: сращение тел последних шейных позвонков, старый перелом ребра, заживший перелом дистальной части диафиза второй пястной кости левой руки, обширная оссификация на правой бедренной кости без признаков перелома бедра и консолидированные переломы диафизов правых большой и малой берцовых костей в области дистальных эпифизов со сращением двух

костей вместе. Исследования состояния суставных поверхностей выявили артроз в области локтевых суставов (сильнее выраженный слева), артроз мелких суставных поверхностей левой кисти (возможно, связан с травмой пястной кости) и голеностопных суставов, особенно выраженных справа (в области травмы). Анализ соотношения Sr 87/86 в образцах из первого верхнего моляра, третьего верхнего моляра и ребра показал, что перемещения индивида в течение детства носили внутри региональный характер.

Были предприняты исследования качественного и количественного состава костной ткани двух участков скелета (медиальные фаланги кисти и стопы). Анализ проводился в лаборатории ИПЭЭ им. А.Н. Северцова на TXRF-анализаторе S2 PICOFOX (PicoTax) (Bruker) Л.А. Пельгуновой. Определены повышенные концентрации меди и свинца в обоих образцах, наличие мышьяка и ртути в костях кисти и стопы соответственно. Полученные данные указывают на различную степень длительности и интенсивности контактов с медью и тяжелыми металлами данного индивида. Вероятность посмертного загрязнения невелика, так как поверхностные слои костной ткани стирались.

К настоящему моменту среди всех описанных археологами погребений литейщиков эпохи бронзы лишь несколько были изучены с применением комплекса методов археологии, антропологии и изотопных исследований. Таково погребение мальчика-подростка 11–12,5 года из курганного могильника Першино (Каргалы), связанного с древнейшей общностью и датированного III тыс. до н.э. (раскопки Е.Н. Черных) [Черных, 2005; с. 31–33]; молодого мужчины 20–24 лет абашевской культуры, датированного вторым тысячелетием до н.э. и погребенного в кургане Пепкино в Поволжье (раскопки А.Х. Халикова) [Добровольская, Медникова, 2011]; и мужчины 32–35 лет кротовской культуры, погребенного в могильнике Сопка-2, Новосибирской области [Молодин, 1983].

Всех исследованных индивидов объединяет в первую очередь погребальный инвентарь, содержащий литейные принадлежности; все они молодые мужчины с мощным развитием мускулатуры, в особенности костей предплечья и кисти. Нередко фиксируются признаки элеваторной нагрузки на позвоночник [Бужилова и др., 2005, с. 166], переломы/травмы дистальных отделов конечностей [Бужилова, Добровольская, Медникова, 2006] и разрастания или оссификации мягких тканей в области пояса нижних конечностей и проксимального отдела ноги [Добровольская, Медникова, 2011]. Данные микроэлементного анализа для всех мастеров-литейщиков показывают как завышение уровня меди в целом по сравнению с другими индивидуумами в группе, так и локальное накопление элементов меди в верхних конечностях металлургов [Добровольская, 2005; Добровольская, Медникова, 2011].

Библиографический список

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Куликов Е.Е., Полтараус А.Б., Хохлов А.А., Черных Е.Н. Каргалы. Т. IV. Часть вторая: Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – М., 2005.

Добровольская М.В. Химический состав минеральной части скелета // Некрополи на Каргалах. – М., 2005.

Добровольская М.В., Медникова М.Б. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №2(46).

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул, 1983.

Мячин С.В. Отчет. Охранно-спасательные раскопки курганных могильников «Тоннельный-4», «Тоннельный-5», «Тоннельный-7», «Невинномысский-4», «Невинномысский-3», «Невинномысский-2», «Невинномысский-1», «Надзорный-1» в Кочубеевском районе Ставропольского края в 2012 году // Архив Института археологии. – Ставрополь, 2013. – Раздел I. Без номера.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. IV. Часть вторая: Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – М., 2005.

В.А. Беркович, К.А. Егоров
ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва
**МОСКОВСКИЕ БЕЛОКАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Работа выполнена при финансовой поддержке ООО «Археологические изыскания в строительстве»
(Генеральный директор – Ю.А. Пипко)

На протяжении ряда лет нами проводилась работа по каталогизации белокаменных надгробий, обнаруженных в Москве в 1989–2016 гг. Всего было исследовано 669 находок XIV – начала XIX в. Среди них – 630 надгробий, 16 саркофагов, 14 крышек от саркофагов, четыре креста, две плиты со строительными надписями, одна плита с поминальной надписью, одна крышка от «закладного камня», один декоративный элемент с иноземного кладбища [Беркович, Егоров, 2017].

Одной из актуальных тем в деле изучения средневековых надгробий остается вопрос о времени их появления в Москве и окрестностях. Новый материал для исследований в этом направлении дают 23 находки первого (по Л.А. Беляеву) периода [Беляев, 1996, с. 35] из трех рассмотренных нами памятников: церковь Троицы в Старых Полях, церковь Воскресения Христова в Кадашах, кладбище у селища Каменная плотина-1.

В распоряжении исследователей есть большой набор датирующих признаков, с помощью которых можно достаточно точно установить время изготовления как целых, так и фрагментированных анэпиграфных надгробий. Датирование в ходе каталогизации находок создало базу для выводов хронологического порядка по целому ряду московских некрополей и связанных с ними памятниками [Егоров, 2015; 2016].

Интересные результаты принесло детальное исследование поверхностей надгробий, плит, саркофагов. Были обнаружены неизвестные или редко встречающиеся элементы резного орнамента, зафиксированы разнообразные комбинации распространенных элементов, выявлены прочерченные знаки и символы, прослежены следы изготовления, обновления, вторичного использования, намеренной порчи и воздействия огня (пожары). На отдельных надгробиях и саркофагах, в основном 2-й половины XVII – XVIII вв., сохранились следы первоначальной (т.е. времени изготовления и установки) покраски. Прежде всего цветом выделялись резные (или рельефные) части памятников: буквы надписи, элементы орнамента, профилированные рамки. Также с помощью красок могли создаваться полностью живописные (т.е. плоские) изображения религиозных символов, орнаменты и надписи. Цветовая гамма не отличалась большим разнообразием. Роспись, как правило, была одно- или двухцветная. Наиболее употреблявшиеся цвета – черный, синий, красный. Нами зафиксировано 30 памятников, в оформлении которых были использованы краски. Это составляет 28,3% от общего числа находок 2-й половины XVII – XVIII вв., что при учете физической недолговечности красок свидетельствует о широком использовании росписи в оформлении надгробий и саркофагов как минимум с середины XVII столетия.

Более трети исследованных нами находок (227 экз.) снабжены надписями (224 – русскими, три – немецкими). Статистический анализ крупных серий надгробий выявил достаточно большой процент эпиграфической составляющей: 48% – Рождественский монастырь; 38,1% – церковь Михаила и Федора Черниговских чудотворцев; 33,3% – церковь Николая Чудотворца Большой Крест; 32,7% – церковь Всех Святых на Кулишках; 26,3% – церковь Троицы в Старых Полях.

Значительное число надписей (89 экз.) имеет точные даты. Самая ранняя из них относится к 1497/1498 г. (ц. Николая Чудотворца Большой Крест). В ряду обронных важное значение имеет надпись, датированная 1519 г. (Народная ул.). В настоящее время это – наиболее ранний точно датированный пример использования обронной резьбы в московских надгробных надписях.

Среди различных по своему назначению надписей-граффити (маркировочные, надгробные) выделяются два протографа, сохранившихся на боковых гранях плит XVI в. (ц. Николая Чудотворца Большой Крест, ц. Михаила и Федора Черниговских чудотворцев).

В обоих случаях это – «черновики» надгробных надписей, в которых опущены элементы устойчивой формулы и переданы информативные части текстов (год, месяц, день смерти, имя погребенного).

В исследованных надписях зафиксированы имена 177 человек (154 – в надгробных надписях, 24 – в строительной и поминальной). Общее число погребенных составляет 133 человека. Среди них 68 лиц мужского и 63 – женского пола (пол двух младенцев не определен из-за фрагментарности надписей).

В надписях представлены основные возрастные группы горожан: младенцы – 18, дети и отроки – 12, взрослые – 94. Точный возраст умерших (от 1 месяца до 100 лет) указан на русскоязычных надгробиях, датированных временем не ранее 2-й половины XVII в. Основная же часть «возрастных» данных относится к XVIII в.

Как показало исследование текстов, белокаменные надгробия были доступны представителям различных групп городского населения. Среди них – члены царской и княжеских фамилий; дворяне; купцы; чиновники; военные; монашествующие; священнослужители; слобожане; господские служители; представители различных специальностей (садовник, орешник, серебряных дел мастер). Из пяти «подписных» саркофагов четыре предназначались для представителей княжеских родов, а один – для отпрыска сибирского царского рода.

В надгробных текстах отмечены семейно-родственные связи погребенных в их различных вариантах: *муж-жена, муж-жены, муж-вдова, отец-сын, отец-дочь, отец-дети, мать-сын, мать-дочь, мать-дети, дед-внук, дед-внучка*. На надгробии 1739 г. упоминается второй брак, а на семейном надгробии 1720-х гг. – третий. Наиболее часто встречаемые в надписях женские имена: *Анна* (13), *Акилина* (6); мужские имена: *Иван* (15), *Василий* (9).

Исследованные надгробия и саркофаги в большинстве своем принадлежали москвичам. Этническое разнообразие жителей города нашло свое отражение в целом ряде надписей: немцы (1588, 1638, 1653 гг.); грузины (1759, 1785 гг.); представители тюркских народов Сибири (сер. XVII в.); «гречин» (1630 г.). Общую картину дополняют надгробия выходцев из Ярославля (2-я ч. XVII в.; 1633 г.), Переславля-Залесского (1634 г.), Белоозера (1653 г.), Новгорода (1740-е – 1750-е гг.). Кроме того, в надписях на московских надгробиях встречены фамилии архангельского происхождения: *Матокин, Обухов (Абухов), Каратаев*; новгородского происхождения: *Коробейников, Кудрин, Лопухина, Некрасов, Шиловцов, Шишкин*; рязанского (смоленского) происхождения: *Лутовинин*. Также в надписях прослеживаются диалектные черты, связанные с особенностями произношений самих резчиков – выходцев из других регионов России.

Жизнь горожан была неразрывно связана с существовавшими в Москве различными структурами – слободы, купеческие корпорации, учебные заведения, дворцовые, государственные и муниципальные учреждения, воинские части и пр. В надгробных надписях отмечены: *Кадашевская* (н. XVIII в.), *Садовая* (1718 г.) и *Донская* (2-я тр. XVIII в.) слободы, *Суконная* (1675 г.) и *Гостинная* (1739 г.) сотни, *Славяно-греко-латинская академия* (1761 г.), *Хлебный дворец* (1644 г.), *Государевы сады* (1720 г.), *Разрядный* (1706 г.) и *Преображенский* (1710 г.) приказы, *Ратуша* (1713 г.), *Лейб-гвардии Московский батальон* (2-я тр. XVIII в.) и *Московская 8 ротная команда* (1806 г.).

Библиографический список

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. – М., 1996.

Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие каталог. – М., 2017.

Егоров К.А. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах : каталог. – М., 2015.

Егоров К.А. Белокаменные надгробия храма Всех Святых на Кулишках : каталог. – М., 2016.

С.В. Берлина¹, В.М. Костомаров¹, И.К. Новиков², Т.Н. Рафикова¹, А.А. Ткачев¹

¹*Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень;*

²*Курганский государственный университет, Курган*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ ИСЕТСКОЕ-2

История средневековых культур лесостепной зоны Зауралья благодаря исследованиям последних двух десятилетий освещена достаточно хорошо. Раскопки и анализ материалов ряда городищ позволили осветить основные аспекты материальной культуры и этнических процессов, особенностей хозяйства носителей бакальской, юдинской культур эпохи средневековья. Тем не менее остаются и белые пятна в изучении зауральского лесостепного средневековья. Так, решение вопросов хронологии изученных комплексов осложняется многослойностью объектов. Домостроительная традиция изучена преимущественно на материалах городищ, типы жилищ на неукрепленных поселках практически не исследованы. Осветить на некоторые вопросы позволяют материалы поселения Исетское-2, оставленного носителями бакальской культуры.

Поселение Исетское-2 расположено в глубине второй надпойменной террасы правого берега р. Исеть, южнее районного поселка Исетское нижнего Приисетья. Характер местности – дюнный, что обусловило неравномерное бессистемное расположение жилищ группами, на более высоких местах. Площадь поселения – 36,06 га, насчитывается 61 западина.

В юго-западной части поселения исследованы 15 сооружений эпохи средневековья. Характер жилищ и находок, насыщенность культурного слоя свидетельствуют о сезонном использовании поселка, но на протяжении длительного периода (получено 12 дат, укладываемых в диапазон III–IV–XII вв. н.э.). Установлено, что постройки были практически не углублены в материк (за исключением сооружений №5 и 6), контуры зафиксированных котлованов образовались, скорее всего, из-за промывания в грунт органики с верхних слоев. Говорить об этом позволяет и тот факт, что в предматериковом слое практически не было зафиксировано находок – только в отдельных ямах и понижениях.

Сооружение №1 фиксировалось в виде полосы темно-коричневой супеси, ограничивающей площадку размерами 3,5 × 4,15 м. На уровне материка выявились канавы и ряд ям. Полагаем, нижняя часть постройки была срубной, отмеченные ямки – следы стоек-подпорок стен, так называемых стульев, или стоек от конструкции кровли, элементов внутреннего интерьера. Сооружения №2 и 3 отмечены как пятна черной супеси в поддерновом горизонте, проявившиеся на уровне материка в виде небольших мелких подпрямоугольных котлованов размерами 4,6 × 3 м (жилище №2) и 3 × 3,1 м (жилище №3). Восточнее сооружений также фиксировались черные пятна меньших размеров – возможно, они являлись следами пристроев, навесов.

К сооружению №4 нами отнесены глубокая яма подпрямоугольной формы (размерами 2,25 × 1,55 м, глубиной 0,78 м) и ямки от столбов-стоек, расположенных за пределами ямы, которые ограничивали площадку трапециевидной формы размерами 4 × 3,7 × 2 м. Полагаем, постройка имела каркасно-столбовое строение.

Сооружение №5 фиксировалось в виде пятен черной углистой и коричневой супеси, а также канавок серой углистой супеси. Данные пятна образовались от разрушения и археологизации деревянных конструкций постройки, в пользу этого свидетельствуют и остатки от двух бревен, лежащих относительно друг друга под прямым углом. Размеры жилища составляли около 5 × 2,8(4?) м.

Сооружение №6 имело котлован размерами 3,6–4 × 4 м, глубиной 0,6–0,7 м, выход фиксировался в виде выступа размерами 1 × 1,3–1,4 м. От следов конструкции отмечены пятна углистого грунта в привходовой части – возможно, от деталей входа. В 1,5 м к северо-западу от входа зафиксирована канава длиной 4 м, шириной 0,5–0,7–1 м, глубиной 0,75 м. Возможно, канава имела дренажную функцию, в ней найдены обломки сосудов, кости. За пределами котлована зафиксированы ямки от столбов привходовой части постройки.

Сооружение №7 локализуется западнее сооружения 1, имеет аморфную форму, размерами около 4–5 × 6 м, внутри понижения зафиксированы ряд ям. Угол сооружения 7а отмечен юго-восточнее сооружения №2. В данном месте зафиксированы две перекрещивающиеся канавки от угла сруба, северо-восточнее зафиксирован ряд ям, образующих подпрямоугольный контур размерами около 5 × 3 м.

Сооружения №8, 9 и 10 локализованы восточнее основной группы, располагались цепочкой по линии Ю–С, размеры их составляли 4,2 × 3,4; 3,7 × 3,4; 3,15 × 3 м соответственно. Форма в основном округлая, в северо-западной части построек фиксировался выход-выступ, размером 1–1,25 × 0,75–1,25 м. Сооружение №10, возможно, соединялось коридором-переходом с сооружением №9. В котловане сооружения №10 и на межжилищном пространстве зафиксированы несколько ямок от столбов.

Сооружение №11 располагалось в 20 м восточнее основной группы. Внешне оно представляло собой небольшую западину (диаметром 4–5 м, глубиной 0,1–0,12 м). Установлено, что в центре западины фиксировалось небольшое понижение подтреугольной формы (размерами 4,2 × 3,3 м, глубиной 0,2–0,5 м). За пределами углубления фиксировались ямы аморфной формы, размерами от 1,4–1,2 × 0,65–0,6 м до 0,3–0,4 м. Они оконтуривали подпрямоугольную площадку размерами около 7,5 × 8,5 м и, полагаем, маркировали границы постройки.

Сооружения №12–14 отмечены восточнее основной группы как отдельные объекты на расстоянии 20–30 м друг от друга. По строению они схожи: на уровне материка фиксировался небольшой котлован округлой формы размерами около 3–4 м, глубиной до 0,3 м, рядом – несколько ям различной конфигурации.

Важной особенностью построек является отсутствие в них очагов, они зафиксированы снаружи, юго-восточнее постройки №2, сооружения №12, северо-западнее жилища №1. Наличие очагов за пределами жилищ, керамики и костей в жилищах позволяет высказать предположение о сезонном характере построек.

Из исследованных построек как минимум две (№1 и 5) следует отнести к срубным (срубно-каркасным): о подобной технике возведения нижней части жилища свидетельствуют канавки более темного грунта по периметру построек и зафиксированные остатки сгоревших бревен, расположенных перпендикулярно друг к другу. Отсутствие столбовых ямок, подпрямоугольные очертания контуров построек позволяют высказать гипотезу об аналогичной технике строительства и сооружений №2, 3, и 7а (?). Остальные постройки представляли собой легкие каркасные сооружения, с округлым или подпрямоугольным основанием, типа юрт или чума. Исключение составляет сооружение №6 – подпрямоугольной формы с углубленным основанием – оно, вероятно, было каркасно-столбовым – в пользу этого свидетельствуют линзы углистой супеси у пола жилища, однако основной каркас располагался, вероятно, за пределами котлована, у его краев – в данном месте также зафиксировано понижение поверхности, большая часть следов, видимо, не сохранилась.

Таким образом, на данном поселении зафиксировано как минимум три типа построек: наземные со срубными стенами, наземные с легкими каркасными стенами типа чума и углубленные с каркасными стенами. Исследованные строения схожи с постройками, изученными на других памятниках эпохи средневековья лесостепной зоны [Рафикова, 2011, с. 9]. На поселении Исетское-2 преобладают (как и на других памятниках бакальской культуры) практически наземные сооружения облегченной конструкции. Это может объясняться домостроительными традициями населения эпохи средневековья, а может указывать и на преимущественно сезонное их использование.

Библиографический список

Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2011.

С.В. Берлина, С.И. Цембалюк

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

ГОРОДИЩЕ ДИКАЯ ЯМА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Городище Дикая яма расположено на левом берегу Тобола, в среднем его течении. Укрепления вписаны в мыс, при этом они имеют оригинальную, не имеющую прямых аналогов форму. Первая площадка городища расположена на стрелке мыса, отделена от остальных: вал – ров – вал линией в виде полукруга. Въезд представлял собой перемычку во рву и понижение в валу шириной 3,0 м. Такая система обороны широко распространена в зодчестве населения Западной Сибири как раннего железного века, так и эпохи поздней бронзы и средневековья. Наличие двух валов и рва между ними более характерно для зодчества гороховской культуры, бытовавшей в Притоболье в VII–II вв. до н.э., подобное строение фортификаций имеется на городище Чудаки, Марьино ущелье-IV, Павлиново, Мало-Казахбаевское.

Однако наличие за первой площадкой еще двух, при этом расположенных не одна за другой, а вписанных в мыс рядом, делает укрепления городища оригинальными, не имеющими аналогов. Вторая и третья площадки расположены по краям мыса и по строению фортификаций являются зеркальными – укрепления в виде вала – рва – вала идут от входа на первую площадку, имеют перемычки во рву и понижения в валу – входы на вторую и третью площадку. Далее фортификации немного расходятся в стороны, затем вдаются небольшим треугольным выступом в напольную сторону и примыкают к склонам мыса. В плане городище напоминает бабочку-мотылька.

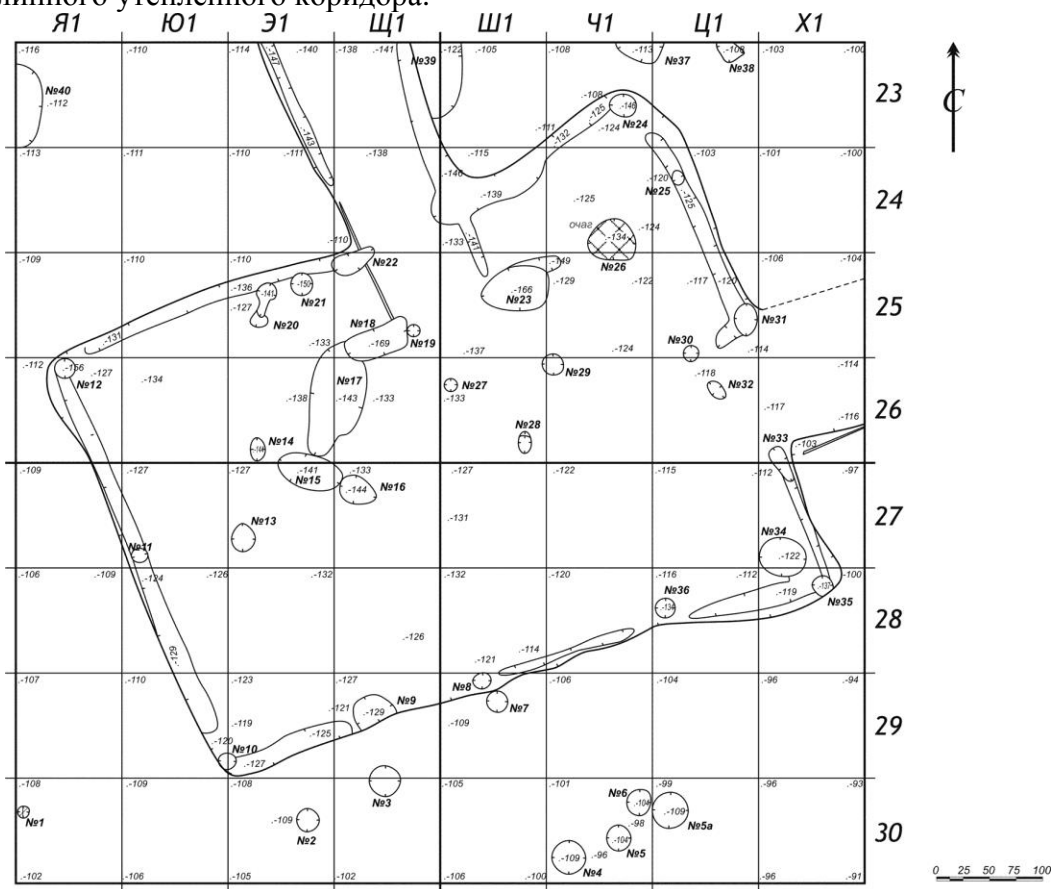
На территории площадок зафиксированы жилищные западины, над одной из них на второй площадке и был заложен раскоп. В результате исследована камера 1 жилища 1 (рис.). Постройка имела трапециевидные очертания, размеры ее составляли 6,2 × 4,2–5,1 м. Из камеры 1 фиксировалось два выхода: один – в северо-западной стенке, оформлен в виде коридора-перехода на одном уровне с полом камеры, ширина его 1,1–1,2 м, с канавками вдоль стен толщиной от 2 до 10 см. Конструкция коридора вдаётся вглубь камеры на 0,8–1,0 м, у основания стен и у основания коридора зафиксированы глубокие овальные ямы от опорных столбов-стоек. Подобные конструкции характерны для домостроительной традиции гороховской культуры и зафиксированы на городище Чудаки (жил. 4, 6), на Павлиновом городище у саргатского жилища 3 [Среда, культура..., 2009, с. 38, 164].

Выход из постройки на территорию площадки зафиксирован в северо-восточной стене в виде перемычки в конструкции стен шириной 1,1–1,2 м.

Форма и строение стен жилища реконструируется по системе ям и соединяющих их канавок, отмеченных вдоль материковой границы постройки. Диаметр ям составлял 16–20 см, толщина канавок, соединяющих ямки, составляла 6–10, реже 16 см. То есть в основании жилища располагались жерди и тонкие бревна. В центре жилища зафиксирован ряд ям от стоек, поддерживающих кровлю. Полагаем, кровля была двухскатной, на северо-западную и юго-восточную стороны, при этом коньковая балка одним концом опиралась на столб у выхода. Очаг в постройке фиксировался в северо-восточном углу, отмечен в виде пятна прокаленной глины размерами 44 × 40 см.

В целом процесс постройки и общее строение жилища представляется следующим. Первоначально была размечена территория, затем выкопан котлован жилища, при этом грунт при выкапывании складировался преимущественно в юго-западную и юго-восточную сторону, за «глухие» стены постройки – так как именно в этих частях раскопа фиксировался мощный слой выброса желто-коричневой глины. Затем в котлован были установлены каркасные элементы конструкции – вертикальные стойки и скрепляющие их горизонтальные бревна. Данные следы указывают на строение стен в технике заплота, широко распространенной у носителей саргатской и гороховской культур. Однако наличие в основном нешироких канавок в основании стен позволяет предположить либо облегченную конструкцию стен из тонких жердей, либо создание каркаса, который затем был допол-

нен/утеплен вертикальными жердями-бревнами, дерном. Кровля жилища реконструируется как двухскатная, ориентированная по длинной оси постройки. Выход из жилища оформлен в виде проема в стене – в данном месте не наблюдалось канавок вдоль стены и фиксировалось небольшое повышение материка. Переход во вторую камеру оформлен в виде длинного утепленного коридора.

Городище Дикая яма. План жилища 1, камера 1

В слое памятника зафиксированы керамика саргатской культуры, несколько фрагментов от среднеазиатских станковых сосудов, из вещевого комплекса – дисковидные и сферические пряслица, костяная рукоять орудия, скребок, фрагмент железного орудия и позолоченная бисерина.

Проба угля из жилища, датированная радиоуглеродным методом, определяет время существования постройки III в. до н.э. – I в. н.э. (калиброванное значение).

Таким образом, памятник функционировал ближе к позднему этапу существования саргатской культуры, является однослойным, и в то же время в архитектурных чертах присутствуют и гороховские традиции, памятники которой встречаются только до II в. до н.э. Полагаем, в материалах памятника отражается этап симбиоза саргатских и гороховских традиций, а также включение последних в культурные традиции саргатцев. Если в Приисетье на материалах Павлинова городища мы видим смену гороховского населения саргатским, то на данном памятнике мы фиксируем включение гороховских традиций в саргатские.

Библиографический список

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, О.А. Сахарова. – Екатеринбург: Сургут, 2009.

Н.А. Берсенева
*Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский филиал, Челябинск*
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТРАМУРАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ
ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Погребения на поселениях бронзового века Северной Евразии – отнюдь не редкость [Молодин и др., 2004; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Гарустович, Котов, 2007; Виноградов, Берсенева, 2013; Моргунова, Евгенийев, Купцова, 2015 и т.д.]. Невозможно указать точное количество поселений на Южном Урале, где были обнаружены захоронения, так как материалы ряда памятников до сих пор не опубликованы, но, по подсчетам автора, их число должно быть не менее 50. Количество индивидов, разумеется, намного превышает эту цифру, но также не может быть установлено с уверенностью, поскольку далеко не все останки были обработаны антропологами и должным образом документированы.

Большинство погребений относятся к поздней бронзе (срубно-андроновское время), и лишь несколько (на трех памятниках) – к абашевско-синташтинскому периоду. К настоящему времени накоплен достаточно большой корпус источников, однако интерпретация это феномена остается совершенно неудовлетворительной: в подавляющем большинстве публикаций она не предлагается совсем. В других случаях все захоронения (или находки человеческих останков) трактуются как «жертвенные» без достаточных оснований. Однако интрамуральные захоронения являются далеко не однотипными. На поселениях эпохи бронзы Южного Урала можно увидеть минимум три типа. К первому могут быть отнесены погребения, устроенные в соответствии с правилами, диктуемыми погребальными канонами соответствующей культуры. Второй тип – погребения, не соответствующие канонам обрядности, расчлененные, изувеченные тела в нестандартной позиции. И, наконец, третий тип – находки отдельных костей или частей скелета. Очевидно, что мы имеем дело со следами *различных* действий, которые были предприняты с *различными* намерениями, соответственно, они не должны рассматриваться в совокупности.

По нашему мнению, контекстуальный подход к каждому такому захоронению, использование, где возможно, антропологической и другой естественно-научной информации и одновременно рассмотрение интрамуральных захоронений на широком историческом фоне позволит нашим интерпретациям стать более успешными и точными.

Библиографический список

Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. (в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №3.

Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское I поселение // Уфимский археологический вестник. – 2007. – Вып. 6–7.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Т. 1. – Барнаул, 2005.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулин Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Т. 2. – Новосибирск, 2004.

Моргунова Н.Л., Евгенийев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – №2.

Е.А. Бессонова, К.А. Апарина

Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН, Владивосток

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
АНТРОПОГЕННЫХ КАРБОНАТНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ
ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Для получения целостной картины структурной организации культурного слоя многослойного археологического памятника Реаль-Альто (п-ов Санта Елена, Эквадор) использован междисциплинарный подход. Полученные результаты позволили не только оконтурить границы поселений древних собирателей раковин, но и разделить разновозрастные раковинные отложения, оставленные людьми различных культурных сообществ. Впервые с использованием георадиолокации выявлена планиграфия раковинной кучи бескерамического периода культуры Вальдивия и вычислен объем антропогенных карбонатных отложений.

В основе применения георадиолокации для исследования культурного слоя археологического памятника Реаль-Альто лежит представление об объекте исследования как о составной части современных геологических отложений. Учитывались два взаимосвязанных фактора формирования отложений верхней части геологической среды: природные явления и результаты деятельности человека в древности и в настоящее время. Корректность исследований археологического памятника Реаль-Альто с использованием георадиолокации оценена исходя из физико-археологической модели культурного слоя. Двумерная горизонтально-слоистая модель верхней части геологического разреза археологического памятника Реаль-Альто, состоящая из конечного числа слоев, представляющих собой аллювиальные отложения и отложения антропогенного происхождения, составлена с использованием результатов исследования культурного слоя раскопками, вертикальных профилей каппаметрии грунта и георадиолокации.

В основании культурного слоя на глубине около 1 м уверенно выделены карбонатные антропогенные отложения бескерамического комплекса культуры Вальдивия, представляющие собой горизонтальный пласт неоднородной мощности. Локальные неоднородности повышенной мощности (15–55 см) характеризуются округлой формой и расположены в основном на периферии пласта. Размеры локальных объектов в центре участка невелики – от 3×2 до 5×4 м. Большинство объектов образует группы подковообразной формы. В северной части и на юге локальные объекты повышенной мощности характеризуются изометричной формой, их площадь в 2–3 раза больше. Скорее всего, такие неоднородности представляют собой группы из 2–3 локальных объектов. Объем раковин (с учетом процентного содержания раковин в слое, выявленном по результатам исследований раскопками), на одном участке повышенной мощности составляет 0,5–2 м³. Общий объем раковин в этом слое – около 360 м³.

Выделенный по результатам раскопок слой раковин на глубине 50–60 см от поверхности почвы располагается внутри вальдивийского культурного горизонта (1–2 фазы). Мощность отложений, содержащих раковины, не превышает 15 см. Общая площадь поверхности слоя – 1896 м². Локальные неоднородности рельефа, характеризующиеся положительными значениями, имеют округлую или овальную форму. Диаметр таких объектов – 2–4 м. В большинстве случаев локальные неоднородности сгруппированы в форме подковы или сектора круга. Такие группы расположены во внутренней части дугообразной поверхности раковинных отложений.

Выделение, оценка и оконтуривание границ археологических объектов, представляющих собой скопления раковин моллюсков, оставленных древними собирателями, оценка объема карбонатного материала и особенностей его размещения в грунте позволит не только дополнить существующее представление о планиграфии археологического памятника Реаль-Альто, но воссоздать целостную картину планировки поселения, необходимую для понимания характерных черт социальной топографии.

Е.А. Бессонова¹, Н.Н. Крадин²

¹Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН,

² Институт истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНГОЛЬСКОГО ГОРОДА
(Кондуйский городок, Забайкальский край России)

Кондуйский городок – уникальный археологический памятник монгольского времени, расположен на юго-востоке Забайкальского края России. Центральное здание представляет собой дворец в форме креста, расположенный на двухметровой платформе, имевшей два уровня террас. Террасы украшали деревянные, покрытые красным лаком балюстрады. Конструкцию балюстрады нижней террасы украшали вмонтированные в нее изваяния драконов, а углы здания – изваяния чудовищ, сочетавших черты дракона и черепахи. Пол был выложен плитами и кирпичами. К платформе вели пять пандусов из кирпича. Внутри здания были расположены колонны, которые были обернуты материей и покрыты лаком. Стены дворца украшены фресками с изображениями животных и фантастических существ. Крыша была покрыта черепицей. К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания. На юге были расположены главные ворота. Никаких других сооружений к югу от дворца не строилось. К северу, западу и востоку от дворцового комплекса располагались другие здания, возможно, жилища лиц высокого статуса. Наверное, за ними могли быть наземные жилища или переносные юрты лиц, обеспечивавших жизнедеятельность дворца [Древнемонгольские..., 1965, с. 325–369].

Возможно, первым из европейцев городок увидел в 1692 г. И. Идес – посол русских царей Ивана и Петра, направленный в Пекин для выяснения ситуации с ратификацией Нерчинского договора [Кузнецов, 1925, с. 60–61]. Первая достоверная информация о памятнике опубликована в «Сибирском вестнике» в 1818 г. Г.И. Спасским. Позднее памятник изучался А. Таскиным, А. Павлуцким. Небольшие раскопки дворцового здания проводили А. Павлуцкий и А.К. Кузнецов. Последний, бывший длительное время директором Читинского краеведческого музея, написал небольшую по объему книгу, в которой тщательно и скрупулезно была систематизирована вся информация по истории изучения памятника и описаны коллекции артефактов [Кузнецов, 1925]. Под руководством выдающегося советского археолога С.В. Киселева в 1957–1958 гг. были проведены широкомасштабные археологические раскопки памятника [Древнемонгольские..., 1965]. Начиная с 2015 г. на памятнике ведутся работы под руководством Н.Н. Крадина [Крадин и др., 2016].

Известные картографические материалы представляют собой планиграфические схемы расположения на местности невысоких плосковершинных курганов: первый карандашный план археологического памятника, составленный в 1798 г. П.К. Фроловым [Уманский, 1962], план задернованных развалин Кондуйского городка Г.И. Спасского [1818, с. 118]; план Кондуйского городка А.К. Кузнецова [1925, с. 31]; глазомерный план памятника [Древнемонгольские..., 1965, с. 327] и подробный план раскопок дворца в 1957–1958 гг. масштабом 1 : 3000 [Древнемонгольские..., 1965, с. 328–329 вкладка].

На схеме А.К. Кузнецова нанесены угловые участки кирпичной кладки внешних стен зданий, располагавшихся на насыпных платформах. На плане показана широтная и меридиональная ориентация стен строительных конструкций. Наиболее достоверно взаимное расположение задернованных развалин приведено С.В. Киселевым: на схеме показано положение в плане 25 локальных объектов овальной и округлой формы. Следует отметить, что различия планов Кондуйского городка А.К. Кузнецова и С.В. Киселева существенно повышают информативность этих картографических материалов.

Цель нашего исследования – выявление закономерностей разделения пространственной среды археологического памятника на основе формализации границ объектов различных уровней значимости и выделения алгоритма пропорциональности планировочного

формообразования. Основные задачи исследования: выделение границ, размеров, ориентации, точного местоположения фундаментов строительных конструкций; выявление геометрических приемов и методов разделения и внутренней организации пространства Кондуйского городка; создание пространственной модели антропогенной структуры археологического памятника.

Основой работы являются авторские результаты, полученные с использованием неразрушающих методов исследования. Геомагнитные измерения М 1 : 100 и 1 : 200 выполнены на 135 экспериментальных полигонах. Общая площадь микромагнитной съемки – 126500 м². Для повышения достоверности геомагнитных исследований на отдельных участках выполнена площадная георадиолокация М 1 : 100. Результаты геофизических исследований показали высокую сходимость. Информация о размере и особенностях внутреннего устройства центрального здания получена на основании опубликованных материалов [Древнемонгольские..., 1965, с. 330–341]. Составлена карта-схема расположения задернованных фундаментов строительных конструкций Кондуйского городка М 1 : 100. Размеры строительных конструкций и расстояния между ними отражают реальную ситуацию в масштабе карты.

Центральная ось симметрии, проложенная через центр самого большого здания в направлении истинного севера, смещена к востоку. Это отчетливо прослеживается по смещению положения в плане обрамляющих построек: на востоке – к югу, на западе – к северу. Выявлены угловые смещения стен зданий: положение в плане строений на востоке смещено к северу, на западе – к югу. Угол смещения на восток составляет 5,8°. Таким образом, геометрически правильное разделение пространства археологического памятника вдоль центральной меридиональной оси может быть получено при повороте относительно истинного севера к западу на вычисленный угол. Рассматривая ориентацию центральной оси объекта исследования как направление Ю–С, можно сделать два предположения: небрежность выбора этого направления проектировщиками застройки или использование компаса для выполнения данных работ. Во втором случае можно выполнить количественную оценку магнитного склонения на момент застройки Кондуйского городка.

Для планировочного разделения пространства была использована самая простая геометрическая фигура, которую можно нанести на ровную поверхность степи, зафиксировав в точке конец веревки – окружность, а также вписанный в окружность равносторонний треугольник. Окружность легко делится на три одинаковые части с помощью веревки, имеющей длину радиуса окружности. Равносторонний треугольник может быть получен также с использованием трех веревок одинаковой длины и трех человек. Такая фигура является самой простой замкнутой прямолинейной фигурой, обладающей максимальной жесткостью. Свойство жесткости треугольника всегда широко применялось в строительстве. Расстояния между зданиями, группами зданий, так же как и размеры строительных конструкций, кратны стороне и высоте равностороннего треугольника, использованного как единица планировочного решения. Применен принцип подобия планов, позволивший органично соединить разномасштабные композиции в градостроительном ансамбле.

Таким образом, в размещении зданий Кондуйского городка прослеживаются определенные закономерности разделения пространства: осевая симметрия, дирекционные направления линейных форм по странам света, формализация границ объектов различных уровней значимости, пропорциональность архитектурного формообразования.

Библиографический список

- Древнемонгольские города / отв. ред. С.В. Киселев. – М., 1965.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // *Stratum Plus*. – 2016. – №6.
- Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. – Владивосток, 1925.

А.Н. Бессуднов¹, А.А. Бессуднов², А.М. Родионов³

¹*Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк;*

²*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;*

³*Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж*

ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДИВНОГОРЬЕ

К настоящему моменту у хутора Дивногорье (Воронежская обл., Россия) известны два палеолитических памятника (Дивногорье-1 и Дивногорье-9) и ряд местонахождений расщепленного кремня. Дивногорье-1 представляет собой недолговременную стоянку со слабонасыщенным культурным слоем, состав которого позволяет заключить, что на месте стоянки происходила деятельность по вторичной разделке туш копытных животных (дикой лошади и северного оленя). Памятник Дивногорье-9 содержит семь культуросодержащих слоев, в каждом из которых преобладают фаунистические остатки лошадей, залегающие в анатомическом порядке или близком к таковому; а каменный инвентарь представлен небольшим числом предметов. Относительно механизма и длительности образования памятника существуют различные точки зрения [Бессуднов и др., 2013, 2014; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2016], однако наиболее предпочтительной остается версия, согласно которой Дивногорье-9 представляет собой неоднократное место забоя/загона диких лошадей и их первичной разделки [Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н., 2011; Бессуднов и др., 2012]. Сходные технико-типологические характеристики коллекций каменного инвентаря, преобладание в фаунистическом наборе костей дикой лошади и близкие радиоуглеродные даты позволяют считать Дивногорье-1 и Дивногорье-9 синхронными однокультурными памятниками с различной функциональной направленностью.

Коллекция каменного инвентаря стоянки Дивногорье-1 насчитывает немногим более 1300 предметов (коллекции 2009–2013 гг.). Основным сырьем служил черный меловой высококачественный кремень. Техника первичного раскалывания была направлена на получение удлиненных пластинчатых заготовок шириной 0,9–2,2 см. Все имеющиеся в коллекции нуклеусы имеют небольшие пропорции (длина фронта скалывания не более 7 см), представляя собой заключительный этап использования.

Орудийный набор составляет около 10% от общего числа находок. Количественно преобладают скребки, которые представлены несколькими разновидностями орудий: с вентральной ретушью краев заготовки, с «шипами» и «носиками», с ретушью $\frac{3}{4}$ периметра, миниатюрными ногтевидными и двойными короткими на пластинах.

Большая часть резцов изготовлена на пластинах или их обломках. Преобладают одинарные косоретушные, среди которых примечательны орудия на узких длинных пластинах (до 7,8 см в длину) с ретушированными краями.

Изделия с притупленным краем подразделяются на микропластинки и микроострия. Чаще всего у них притуплен один край, второй оставался без обработки. Выразительными орудиями являются косоусеченные острия на пластинах. Небольшим числом представлены тронкированные пластины, хотя, в отличие от коллекции Дивногорья-9, они малочисленны и невыразительны.

Каменный инвентарь Дивногорья-9 представлен небольшим числом предметов – 186 экз. (коллекции 2007–2016 гг.), наибольшее количество которых происходит из слоев 2, 4 и 6. Из-за малого количества изделий, а также исходя из предположения, что неоднократное посещение костяка происходило в короткий промежуток времени и, возможно, одним и тем же или родственным коллективом, характеристика инвентаря приводится суммарно для всех слоев.

Техника первичного расщепления была направлена на производство пластинчатых заготовок. Целевым сколом являлась пластина с параллельными краями шириной 1,0–1,8 см. При их производстве активно использовались приемы подготовки зоны расщепления –

редуцирование карниза и шлифовка. Судя по огранке целевых пластин, расщепление происходило с одноплощадочных нуклеусов параллельного скалывания.

Для вторичной обработки изделий преимущественно применялась мелкая полукрутая и очень редко крутая вертикальная ретушь; в нескольких случаях отмечена плоская подтеска. Главной особенностью изготовления орудий является поперечное прямое или косое усечение заготовки, что выражается в серии тронкированных пластин, острий и единично на других изделиях. Наибольшее распространение имеет косое усечение заготовки под углом 60–70°. Реже использовался прием резцового скола.

Обращает на себя внимание относительно высокий процент изделий со вторичной обработкой как суммарно для всего памятника (~22%), так и отдельно по каждому слою (50% для слоя 3; >60% для слоев 5 и 6).

Наиболее многочисленной категорией изделий со вторичной обработкой являются тронкированные пластины (~27,5%). Усекались как узкие тонкие пластинки с параллельными краями, так и асимметричные пластины, в том числе с массивными дистальными концами. Категории усеченных пластин морфологически близки косоусеченные острия с оформленным усекающей крутой ретушью острием.

Микропластинки с притупленным краем представлены четырьмя фрагментами. На всех отмечен разного рода макроизнос, который обычно интерпретируется как метательный.

Среди остальных орудий присутствуют скребки на отщепках и пластинах и резцы различных вариаций. Особо выделяются два изделия – иволистное острие на пластине и унифас. Унифас округлой формы, изготовленный на плоской плитке валунного кремня, контекстуально выбивается из типично пластинчатой индустрии памятника Дивногорье-9, однако такие «ситуационные» орудия не являются редкостью на памятниках типа «килл-сайт».

Коллекции обоих рассмотренных комплексов близки по технологическим особенностям и типологическому составу, могут быть отнесены к кругу стоянок восточного эпиграветта. Различия в процентном соотношении орудий может объясняться различной функциональной направленностью памятников. Сходство технико-типологических характеристик каменного инвентаря Дивногорья-1 и Дивногорья-9 подтверждает высказанное ранее предположение об их однокультурности и синхронности функционирования.

Библиографический список

Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Характер связи Дивногорских стоянок на Среднем Дону // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011.

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А. Направления комплексных исследований палеолитических памятников в Дивногорье // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология. – 2016. – Вып. 37. – №1(222).

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007–2011 гг.) // Краткие сообщения Института археологии. – 2012. – Вып. 227.

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Зарецкая Н.Е., Кузнецова Т.В., Нечушкин Р.И., Тиунов А.В. Некоторые результаты естественно-научных исследований памятников Дивногорской группы поздней поры верхнего палеолита // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. IV. – Казань, 2014.

Бессуднов А.Н., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Кузнецова Т.В., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д. Особенности и хронология формирования тафоценоза лошадей в Дивногорье (бассейн Среднего Дона) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.). – Ростов н/Д, 2013.

М.А. Бессуднова
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Школа №123», Санкт-Петербург
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А.А. СПИЦЫНА
(переписка с В.Н. Ястребовым)

Реализуемый в настоящее время проект издания эпистолярного наследия Александра Андреевича Спицына включает и переписку с деятелями археологии и краеведения на местах, которую ученый вел на протяжении значительной части жизни [Бильвина, Тихонов, 2008, с. 12–20]. Этот раздел может быть дополнен серией писем, обнаруженной в деле «О древностях, найденных на Саратово-Тамбовской железной дороге», хранящемся в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН [НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 20. 1869 г. 282 л.].

Речь идет о переписке А.А. Спицына с Владимиром Николаевичем Ястребовым (преподавателем Елисаветградского реального училища), которая включает 18 писем (8 – написаны А.А. Спицыным) и охватывает период времени с мая по декабрь 1892 г. Переписка носит деловой характер, поводом для нее послужила подготовка к публикации В.Н. Ястребовым древностей Тамбовской губернии.

Оба исследователя были заинтересованы в скорейшем издании прежде всего репрезентативных материалов, происходящих из древнемордовских Лядинского и Томниковского могильников, научная значимость которых уже тогда не ставилась под сомнение.

В силу служебных обязанностей, возложенных на него Императорской Археологической комиссией, А.А. Спицын последовательно настаивал на соблюдении всех правил научного оформления готовящейся публикации: печать текста статьи, месторасположение иллюстраций, сроки выполнения эскизов находок, нумерация страниц. В.Н. Ястребов ревностно относился к наработанному им материалу, в связи с чем расценивал такую регламентацию со стороны недавно назначенного куратора редакционной деятельности А.А. Спицына временами как излишнюю, а временами, напротив, указывал на его недоработки. Насколько различались у них представления о важности составляющих научного издания, можно судить по последним письмам. 25 ноября 1892 г. А.А. Спицын сообщил, что «ожидает с некоторым нетерпением» конца подготовки издания [НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 20. 1869 г. Л. 269], на что В.Н. Ястребов в письме от 2 декабря 1892 г. ответил: «Что касается терпения, на недостаточность которого Вы так жалуетесь мне, то от души желаю Вам побольше этой добродетели, столь необходимой Вам в трудном для Вас, но добровольно принятом на себя, деле. «За терпение Бог дает спасение!»» [НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 20. 1869 г. Л. 271].

К концу 1892 г. работа по подготовке издания была успешно завершена, и на следующий год в серии «Материалы по археологии России» увидела свет публикация «Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. Исследование В.Н. Ястребова» [Ястребов, 1893].

Библиографический список

Бильвина О.Л., Тихонов И.Л. Эпистолярное наследие Александра Андреевича Спицына (проект издания) // История и практика археологических исследований : материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына, 26–30 ноября 2008 г. – СПб., 2008.

Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России. – 1893. – №10.

Д.С. Блинова
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВХОДОИЕРУСАЛИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА
(Йошкар-Ола)

Входоиерусалимский некрополь был обнаружен в 2010 г. при охранных раскопках на территории восстановительного строительства Входоиерусалимской церкви и Богородице-Сергиевского монастыря.

Некрополь расположен в квартале, ограниченном бульваром Чавайна, улицами Советская, Вознесенская и Чернышевского. Непосредственно территория раскопа перед началом работ представляла собой площадку, оставшуюся после сноса здания Государственного архива и нивелирования прилегающей территории.

Входоиерусалимский некрополь является ранее не изученным объектом археологического наследия. В результате археологических исследований было обнаружено и зафиксировано 554 погребения, помимо которых прослежено большое количество разрушенных погребений. В дальнейшем исследования некрополя продолжались в 2014 г., когда найдено еще 191 погребение. На территории некрополя культурный слой, предшествующий могильнику, не прослежен, так как некрополь возник на ранее не заселенном месте. После прекращения существования некрополя на данной территории в 1759 г. был достроен каменный Входоиерусалимский храм. Затем, в конце XIX в., на территории был заложен Богородице-Сергиевский монастырь. В 1930 г. здание Входоиерусалимской церкви снесли. В 1930-х гг. было построено кирпичное здание архива, которое ликвидировано в 2009 г. для очистки площадки под восстановительное строительство Входоиерусалимской церкви и Богородице-Сергиевского монастыря. В результате активной хозяйственной деятельности на этом участке культурный слой периода существования Входоиерусалимской церкви полностью нарушен и фиксируется лишь фрагментарно.

Наиболее древние погребения датируются начальным периодом существования Царева города на Кокшаге – концом XVI – началом XVII в. Это подтверждается как нумизматическим материалом, так и выделением на этом кладбище категории погребений, в которой присутствует погребальный инвентарь, обладающий яркой этнической принадлежностью. Это украшения, перстни с прорезным орнаментом, наконечники стрел и ножи. Монеты с пробитыми отверстиями, использовавшиеся в марийских украшениях, были найдены как в этом могильнике, так и на территории посада и базарной площади. Все такие вещи находятся в том же пласте материальной культуры, к которому относится и инвентарь языческих марийских погребений XVI–XVII вв.

По нашему мнению, погребения с инвентарем принадлежат так называемым новокрещенам, т.е. марийцам, которые были обращены в православие после присоединения Марийского края к Русскому государству. Это мнение подтверждает тот факт, что собственно прихожанами Входоиерусалимской церкви были по большей части люди, проживающие в деревнях, расположенных в черте городской округи Царевококшайска, в том числе и в Новокрещенской слободе, где компактно проживали марийцы-новокрещены. Однако большая часть погребений относится к периоду, предшествующему строительству Входоиерусалимской церкви, а именно к XVII – 1-й половине XVIII в. Можно предположить, что Рождественская церковь, существовавшая на данной территории до строительства Входоиерусалимской, также обслуживала население близлежащих слобод, и в дальнейшем новопостроенная церковь приняла на себя функции церкви предшествующей.

Основная категория погребального инвентаря, находящегося на территории Входоиерусалимского некрополя, – это нумизматический материал. Самые ранние монеты, обнаруженные в погребениях некрополя, – это серебряные копейки Ивана IV и Лжедмит-

рия I (1605–1606 гг.). Большинство монет пробиты, что свидетельствует об использовании их в составных марийских украшениях. Интересно то, что подавляющее количество монет одиночные, т.е. не являются частью украшения погребенного и не имеют привязки к какой-либо части погребения. По всей вероятности, это проявление традиции посмертного дара погребенному, который давался ему в загробный мир. Пробитые монеты, которые находились в засыпи погребения либо на погребенном, по всей вероятности, отрывались от украшения и также клались в качестве посмертного дара от родных и близких покойного во время погребальной церемонии.

Одним из наиболее характерных предметов украшений, распространенных в погребальном инвентаре новокрещенов – это сьюльгамы. Сьюльгамы погребений Входоиерусалимского некрополя относятся к типу I, подтипу 2. Они пластинчатые и выполняют роль застежки с прорезным геометрическим орнаментом [Никитина, 1992, с. 54, 55].

Височные кольца, встреченные на территории некрополя, относятся к типу 1, подтипу 2 (по Т.Б. Никитиной) и наиболее распространены в других марийских позднесредневековых могильниках. Они изготовлены из круглой в сечении бронзовой или серебряной проволоки, имеют форму вопросительного знака с украшенным опускающимся вниз стержнем, который является продолжением кольца и крепится к нему неподвижно. Данный тип украшений был распространен среди финно-угорских народов Поволжья и Прикамья [Шапран, Сенников, 2014, с. 30].

Самой распространенной категорией погребального инвентаря, относящейся к этно-маркирующей, являются перстни. Перстни, обнаруженные в могилах Входоиерусалимского некрополя, относятся к типу I, подтипу 1 (по классификации Т.Б. Никитиной [1992, с. 57]). Ближайшие аналогии перстням Входоиерусалимского некрополя обнаружены в Мало-Кугунурском могильнике XVII–XVIII вв., который исследовался Т.Б. Никитиной в 1982 г.

Характерными для марийцев позднего средневековья украшениями, выполняющими роль оберега, являются юпинэ. «Юпинэ состояли из кожаной основы, на которую крепились 3, 5, 7, 9, 13 шнуров с нанизанными медными цилиндрическими обоймочками и бусами. Шнуры завершаются колокольчатыми привесками, из которых опускаются кисти шерстяных витых нитей... Украшение обычно крепилось к поясу со стороны спины таким образом, что прикрывало поясицу женщины и конец косы, заткнутой за пояс». На территории Входоиерусалимского некрополя всего было найдено 12 экземпляров такого рода украшений.

Согласно архивным данным, непосредственно у фундамента Входоиерусалимской церкви захоронения продолжались вплоть до начала XX в. Там располагались погребения священников, которые служили в этом храме. Это подтверждается данными археологических исследований 2010 г. Непосредственно у фундамента церкви были обнаружены несколько погребений достаточно хорошей сохранности. Тем не менее основная, не прихрамовая территория Входоиерусалимского некрополя содержит погребения более раннего периода, датируемые по нумизматическому материалу началом XVII – серединой XVIII в.

Таким образом, в результате археологических исследований 2010 и 2014 гг. был открыт и исследован ранее не известный исторический некрополь конца XVI – 1–2-й половины XVIII в., основной особенностью которого было выявление на территории некрополя категории погребений, принадлежащих первому поколению марийцев-новокрещенов, соединивших в погребальном обряде черты языческого марийского и русского христианского погребального обряда.

Библиографический список

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. – Йошкар-Ола, 1992.

Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. по материалам Кадочниковского могильника. – Ижевск, 2014.

В.В. Бобров
*Кемеровский государственный университет,
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Кемерово*
**ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК СВЯТИЛИЩ**

Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ №33.2598.2017/ПЧ

Памятники наскального искусства – явление универсальное. Они известны практически на всех континентах нашей планеты. Если первоначально их изучение определялось как научное направление, то на современном этапе его можно представлять как субдисциплину, имеющую предмет и методы исследования. Для ее обозначения используют такие термины, как петроглифоведение, петроглифика. Подчеркивает некоторую «автономность» специалистов и объединение их в Международную ассоциацию исследователей наскального искусства.

Несмотря на планетарный характер распространения памятников наскального искусства, известны регионы, где их концентрация наиболее значительна. К одному из таких регионов относится Южная Сибирь. В этой горной экосистеме четко выражены области, насыщенные памятниками наскального искусства: Алтай, Западные Саяны и Средний Енисей. Внутри каждого этого географического пространства также можно выделить районы, которые будут отличаться друг от друга количеством памятников как по общему, так и по хронологическому показателю. Данное, вероятно, общеизвестное заключение имеет отношение к следующему сюжету.

В отечественной археологии широкое признание получила идея о том, что петроглифы и писаницы в представлении их творцов являлись святилищами [М.Д. и Е.Г. Дэвлет, В.И. Молодин, А.И. Мазин, А.И. Мартынов и др.]. А.П. Деревянко [2010] отмечает, что «... особую группу в числе петроглифов представляют памятники явно сакрального характера – наскальные рисунки, обнаруживающие следы несомненного почитания, выраженные в остатках жертвоприношений и отправлений обрядов». Дополняет эту мысль распространенное среди специалистов мнение, удачно сформулированное Е.Г. Дэвлет и Чжан Со Хо [2014] о том, что «... одни и те же места на протяжении столетий и даже тысячелетий использовались разными народами для создания изображений на скалах. Это были, согласно представлениям коренного населения, зоны обитания или сферы деятельности предков или духов, воплощения героев, особо почитаемые намоленные места...».

В теоретической археологии достаточно аргументированно обосновано значение и приоритетное место такого принципа, как археолого-этнографические сопоставления. Этнография реликтовых этносов и обществ, сохранивших пережитки первобытности, свидетельствует о существовании у них святилищ, которые, несмотря на различия по форме в разных условиях жизнеобитания, составляли ранжированную систему. Особенно хорошо представлена эта система в духовной культуре современных коренных народов Западной Сибири. Ее структуру формировали семейные, родовые, фратриальные и племенные святилища. Не исключено, что существовали святилища общезнаменного назначения. Вполне допустимо, что такая же или близкая к ней система была в древности и средневековье, которая усложнялась по мере развития социума.

В качестве подтверждения жизнеспособности данной гипотезы приведем памятники изобразительного творчества Хакасско-Минусинской котловины. Анализ ландшафтной характеристики местонахождения памятников петроглифики Среднего Енисея, их содержания и хронологической атрибуции позволяют предположить, что одним из крупных сакральных центров межгорной котловины может являться Тепсейский петроглифический микрорайон (термин предложен Д.Г. Савиновым). Своеобразие сакральному центру древности и средневековья придает расположение господствующих высот со скальными выходами по кругу. «Вход» по реке на широкую пойму Енисея и Тубы оформлен природными «воротами» в виде отвесных скал гор Куныя и Потрошилово. Доминирующее положение в этом ландшафте

занимает Тепсей. Все горы этого микрорайона являются петроглифическими памятниками. Проверка гипотезы о ранге горы Тепсей как святилища в разные историко-хронологические периоды – процесс длительный и трудоемкий, так как петроглифические памятники микрорайона насчитывают многие тысячи изображений и открытие новых плоскостей явление нередкое даже в настоящее время. Тем не менее О.С. Советовой удалось выявить пласт изображений карасукского стиля на горе Тепсей (в разных пунктах), внутри которого наблюдалось незначительное своеобразие в характере изображения образов. На этом основании она предложила выделить как минимум три самостоятельных группы, возможно представляющих отдельные изобразительные «школы» [Советова, 2016]. Эти группы можно отождествлять с особенностями изобразительного творчества, свойственными конкретному племени карасукского этнокультурного объединения. Правомерность или ошибочность этого вывода могут подтвердить дальнейшие исследования памятников наскального творчества древности и средневековья на территории Среднего Енисея.

Эффективность реализации подхода в аспекте ранжирования святилищ в виде петроглифов и писаниц на стадии его апробации зависит от некоторых условий. На наш взгляд, наиболее существенным является выбор региона, на территории которого проживают этносы, сохранившие традиционную культуру и виды хозяйственной деятельности, и находится значительное количество памятников наскального искусства. К таким регионам можно отнести бассейн р. Лены (Республика Саха). По сведениям Н.Н. Кочмара [1994], в Якутии было известно 115 писаниц, значительная часть которых исследована на достаточно высоком профессиональном уровне. Другим таким регионом является Среднее Приамурье, также представленное большим количеством древних святилищ [Мазин, 1994]. Важно то, что многие памятники наскального искусства этих двух обширных территорий сопровождали жертвенники, раскопки которых произведены и найденные материалы позволили датировать изображения. Причем на них нет такого обилия изображений и их разновременности, как на южно-сибирских петроглифах. Поэтому можно проследить различие памятников наскального искусства одного историко-хронологического периода по количеству изображений и составу образов, а также по возможности выявить их иконографические особенности.

В Южной Сибири жертвенники в основании скал с изображениями – явление редкое. Таким комплексом является грот Куйлю на Алтае, полностью исследованный экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В.И. Молодина [Молодин, Ефремова, 2010]. О принадлежности памятника наскального искусства к святилищу свидетельствуют связанные с ним находки древних предметов. Но подобные ситуации также редки в практике изучения наскального искусства на территории Южной Сибири. Наконец, в этих географических пределах были более сложные и динамичные процессы историко-культурного развития, чем в районах Восточной Сибири. Но в южно-сибирской археологии возможен иной путь изучения ранга святилища в виде недвижимого памятника искусства. Это использование метода ретроспекции, широко обсуждаемого в отечественной археологии, для решения проблемы этногенеза в прошлом столетии. Основанием являются граффити коренных народов Южной Сибири. Эти источники могут стать полигоном для отработки методики определения рангов древних и средневековых святилищ.

Библиографический список

- Деревянко А.П. От редактора // Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерла (Горный Алтай). – Новосибирск, 2010.
- Дэвлет Е.Г., Чжан Со Хо. Каменная летопись Алтая. – М., 2014.
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск, 1994.
- Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск, 1994.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск, 2010.
- Советова О.С. Проблемы и перспективы исследования петроглифов Тепсея // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. – Кемерово, 2016.

В.В. Бобров
*Кемеровский государственный университет,
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Кемерово*
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА
ЭПОХИ КАМНЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания №33.2597.2017/пч

Реалии познания новокаменного века Южной Сибири таковы, что неоднократно приходится обращаться к историографии данной проблематики [Бобров, 2015; 2016]. Наиболее злободневной она является для лесостепного Приобья и близлежащих сопредельных территорий, в частности северо-западных районов Алтая, Кулундинской степи и Кузнецко-Салаирской горной области. К сожалению, объем работы не позволяет дать развитие идей о культурной принадлежности археологических комплексов в виде модели. Сравнительно недавно (в 70-е–80-е гг. прошлого столетия) неолит Приобья был представлен двумя культурами: верхнеобской [Матющенко, 1969; 1973] и кузнецко-алтайской [Окладников, Молодин, 1978]. Но в те же годы позиция немногочисленных оппонентов формировала тенденцию на опровержение объективности выделения и существования названных культур. Первоначально М.Ф. Косарев [1974; 1996] подверг сомнению неолитическую принадлежность Самусьского могильника и погребений на Старом Мусульманском кладбище (СМК), а затем ряд поселений верхнеобской неолитической культуры (по В.И. Матющенко) отнес к новокузнецкому этапу. Одним из главных аргументов принадлежности СМК к ранней бронзе для Ю.Ф. Кирюшина [1988, с. 59–63] явились абсолютные даты, которые совпадают с ранними датами афанасьевской культуры Алтая. Если следовать концепции этих авторитетных специалистов, то от верхнеобской неолитической культуры остается только завьяловский этап (неясно только – этап чего?), характеризующий комплексы Новосибирского Приобья [Молодин, 1977]. Более решительно была опровергнута кузнецко-алтайская культура. В 1986 г. Ю.Ф. Кирюшин выделил большемысскую культуру и отнес ее к энеолиту. Характеристика культуры основана на керамических комплексах поселений. Но к ней исследователь отнес и могильник, расположенный на берегу оз. Иткуль [Кирюшин, 2002], который входил в реестр памятников кузнецко-алтайской культуры. Следует иметь в виду, что эта культура была представлена исключительно материалами погребальных комплексов. Хронологическая принадлежность включенных в нее Турочакской писаницы и ранних изображений Томской писаницы позже была пересмотрена [Молодин, 1993; Ковтун, 1993]. Таким образом, позиция Ю.Ф. Кирюшина в отношении кузнецко-алтайской культуры достаточно ясна. Она подтверждена и другими его публикациями, в том числе в соавторстве с А.В. Шмидтом.

Более сложный процесс историко-культурного развития в IV тыс. до н.э. был, по мнению Н.Ю. Кунгуровой [2005], в ареале кузнецко-алтайской культуры. Она поставила под сомнение принадлежность к большемысской культуре ряд погребений, по Ю.Ф. Кирюшину и А.В. Шмидту, в частности в Нижнететюскенской пещере и на Большом Мысу (могильник Иткуль), на основании абсолютных дат, анализа материалов и данных погребального обряда и практики. Н.Ю. Кунгурова [2005] приводит заключение об их принадлежности к кузнецко-алтайской культуре, а, усматривая отличие могильника на Большом Мысу от погребений кузнецко-алтайской культуры, предполагает, что данные памятники принадлежали разным группам населения, которые могли составлять этническую общность.

Своеобразна научная концепция В.А. Заха [2003, с. 9], который объединяет все памятники Томского и Новосибирского Приобья, включая погребальные, в верхнеобскую неолитическую культуру, но указывает при этом, что ареал ее на юге ограничен северными предгорьями Алтая. По его логике, в культуру должны входить и алтайские неолитические могильники, но все же допускает возможность относить к кузнецко-алтайской культуре только могильник Усть-Иша. Достаточно очевидна позиция автора, согласно которой

в лесостепном Приобье существовала одна культура с двумя этапами: изылинским и кипринским. Наконец, оригинальное видение неолитической эпохи в лесостепи Приобья изложил А.В. Шмидт [2005], который предложил отказаться от понятия «верхнеобская неолитическая культура» и рассматривать неолитические памятники в рамках общности, группируя их в локальные варианты. В развитии неолита на территории Приобского плато он видит ранние комплексы в виде рубцовской культуры и поздние.

Современное состояние знаний о неолите верхнеобского региона позволяет обозначить решение первоочередных задач: 1) ревизия всего фонда известных комплексов, их коллегиальная критика и формирование качественно новых источников; 2) теоретическое обоснование принципов соотношения погребальных и поселенческих комплексов (по этой проблеме автор готовит публикацию); 3) методическое обеспечение и мультидисциплинарные исследования, которые позволят расширить информационное поле археологических источников; 4) подготовка специализированных кадров. Решение этих и других задач возможно на консолидированной основе всех заинтересованных специалистов в изучении неолита, как Южной Сибири, так и соседних регионов.

Библиографический список

Бобров В.В. Каменные орудия разрушенных погребений из северных предгорий Кузнецкого Алатау // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул, 2015.

Бобров В.В. Современное состояние знаний о новокаменном веке контактной зоны Северной и Центральной Азии (Южная Сибирь) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. – Кемерово, 2016.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень, 2003.

Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002.

Ковтун И.В. Петроглифы висящего камня и хронология Томских писаниц. – Кемерово, 1993.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М., 1974.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. – М., 1996.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул, 2005.

Матющенко В.И. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. – Новосибирск, 1969.

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч. 1 : Верхнеобская неолитическая культура // Из истории Сибири. – Вып. 9. – Томск, 1973.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977.

Молодин В.И. Еще раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.

Шмидт А.В. Неолит Приобского плато : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005.

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ В СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ

В Среднем Приобье в VI–IX вв. на основе кулайских традиций сформировалась рёлкинская культура. Историко-культурные процессы этого периода исследованы Л.А. Чиндиной. Ею предложена концепция об истоках самодийской общности и формировании в Урало-Сибирском регионе этносов, говорящих на самодийском языке, о взаимоотношении их с тюркскими и угорскими народами [Чиндина, 1991]. Рёлкинская культура прекратила существование в середине IX в. под давлением тюрков. В.А. Могильников [1987] допускал возможность прямого их вторжения по долине Иртыша в VIII–IX вв. Часть самодийского населения была ими истреблена или ассимилирована, часть отступила на север. С конца IX в. начинается формирование новой (нарымской) культуры, генетически связанной с рёлкинской. На ее основе шло становление этноса южных селькупов, что подтверждается антропологически [Багашев, 2001, с. 159–174; 2002, с. 18–29]. В этногенезе южных селькупов прослежены три основных компонента – автохтонный, тюркский и обско-угорский [Боброва, 2016, с. 115].

Автохтонный – древний культурный пласт субстратного происхождения, который связан с носителями кулайской и рёлкинской культур, фиксируется в погребальном обряде населения Обь-Чайнского междуречья. Свое воплощение нашел в обском типе обряда. Характеризуется многоактными захоронениями под общей насыпью; наземным способом погребения; сосуществованием ингумации и кремации на месте погребения, с сохранением останков в непотревоженном состоянии; круглодонными сосудами шаровидной формы с гребенчатой орнаментацией; присутствием керамики с рёлкинской орнаментации I и II типов; ладьевидными сосудами и пр. В обрядовой практике обнаруживает близость с материалами из курганных могильников Нижнего Чулыма и Кети. Общие черты объясняются миграциями отдельных групп селькупов левобережья Оби в низовья Чулыма и Кети, в связи с появлением на их территории угорского населения, теснимого тюрками с запада и северо-запада, и продвижением русских.

Тюркский компонент. Инфильтрация южного населения и смешение его с местным нашли отражение в обряде погребения – в распространении, типичного для степняков, подкурганного одноактного типа захоронений; парциальных захоронений лошади с человеком; погребений человека и отдельных частей и/или шкуры лошади; в присутствии предметов конского снаряжения; использовании огня для обжигания погребальной площадки; кремации на стороне и на месте погребения при сохранении останков в непотревоженном состоянии. Парциальные захоронения в Нарымском Приобье зафиксированы в могильнике Рёлка. Их присутствие отражает проникновение отдельных тюркских групп с Верхней Оби [Чиндина, 1977, с. 131–134]. Иная погребальная традиция (сопогребение человека и лошади, Еловский I могильник) связана с новыми волнами тюркизации Обь-Томского междуречья в X–XIV вв. и последующее время [Басандайка, 1947; Матющенко, Старцева, 1970; Плетнева, 1997]. По р. Чулыму примерно в то же время имело место продвижение енисейских кыргызов [Беликова, 1996]. Преобладание в XII–XIV вв. в погребальном обряде населения Томского Приобья кимако-кыпчакских черт свидетельствует о значительной тюркской прослойке, что в дальнейшем привело к усвоению языка пришельцев аборигенным населением и к изменениям в антропологическом типе [Плетнёва, 1997, с. 130; Багашев, 1993, с. 142].

Обско-угорский компонент. Тесные контакты прослеживаются у носителей нарымской культуры с населением потчевашской и усть-ишимской культур. На это указывает ряд общих признаков обряда в формах и орнаментации части посуды – сосудов с налепами по верхней трети емкостей, орнаментированных гребенчатым штампом; в типичных украшениях – спиралевидных пронизях, бочонковидных

бронзовых бусах, близость предметов звериного стиля. На протяжении XII–XIV вв. давление на нарымское население со стороны северных и северо-западных соседей усиливалось. О тесных культурных и обменных связях, о подвижках угорского населения и возможном проникновении отдельных групп угорского населения на территорию Нарымского Приобья свидетельствует появление грунтовых могил под курганами (Кустовский, Иготкинский могильники), расширение ареала распространения грунтовых могильников (р. Тым), устройство жердевых перекрытий над могильными ямами, появление предметов, типичных для памятников кинтусовского этапа – колоколовидных полых подвесок, крестовидных и дуговидных накладок с петлями наоборот, лапчатых подвесок и плоскоконических пуговиц, браслетов «обского типа» [Боброва, 1982, рис. 5.-3, 6, 8–13].

В сложении нарымских селькупов, вероятно, приняли участие еще два компонента – кетский и тунгусский. С этногенезом кетов Л.А. Чиндина и В.А. Могильников связывают материалы Плехановского городища 2 в верховьях р. Кети [Чиндина, 1974, с. 139–148; Могильников, 1987, с. 234]. Тунгусский компонент, по мнению Л.А. Чиндиной, представлен валиковой керамикой (тип III рёлкинской керамики), появление которой в Среднем Приобье относится к VII в. Этот тип рёлкинской посуды своими истоками уходит в районы Восточной Сибири. Исследователи идентифицируют его с носителями тунгусо-маньчжурских языков [Чиндина, 1991, с. 130]. Однако отсутствие исследованных археологических памятников, идентифицируемых с носителями данных этносов, пока не позволяет выделить в культуре нарымских селькупов кетский или тунгусский компоненты.

В качестве суперстрата пришельцы были поглощены автохтонным населением, о чем можно судить по преобладанию в эпоху позднего средневековья традиционных рёлкинских черт в обряде погребения, керамике, сопроводительном инвентаре. Наблюдаемая специфика в их погребальном обряде (четыре типа) в XVII в. отражала у них различия на уровне диалектно-локальных групп, сформировавшихся к моменту прихода русских.

Библиографический список

- Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск, 1993.
- Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 3. – Тюмень, 2001.
- Багашев А.Н. Сложение уральских народов в свете антропологических данных // Северный археологический конгресс. – Ханты-Мансийск, 2002.
- Басандайка : сборник материалов и исследований по археологии Томской области // Труды Томского государственного университета. – Т. 98. – Томск, 1948.
- Беликова О.Б. Средневековье // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. – Томск, 2001.
- Боброва А.И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. – Томск, 1982.
- Матющенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник I эпохи железа // Труды Томского государственного университета. – Т. 206, вып. 5. – Томск, 1970.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987.
- Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.): монография / А.И. Боброва, М.П. Рыкун, А.Г. Тучков, И.В. Чернова. – Томск, 2016.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997.
- Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск, 1977.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск, 1991.

Л.Ю. Боброва, О.В. Умеренкова
Кемеровский государственный университет, Кемерово
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА
ЭПОХИ БРОНЗЫ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №17-11-42006 «Историческая реконструкция элементов костюма
народов Сибири на археологических и этнографических материалах музейных коллекций»)

Реконструкция украшений одежды и головных уборов в археологической литературе, посвященной эпохе бронзы, является одной из малоизученных тем, поскольку речь идет об археологических материалах, отстоящих на несколько тысячелетий от наших дней. Археологические источники обладают рядом специфических черт, важнейшей из которых является фрагментированность остатков. Специалистам приходится оперировать сохранившимися фрагментами, достаточными для некоторой реконструкции, которая всегда будет иметь гипотетический характер.

Эпоха бронзы характеризуется прежде всего наличием изделий, являющихся образцами бронзолитейного декоративного искусства. Как правило, анализу подвергается комплекс металлических артефактов, при которых сохранились следы органических элементов, положение *in situ*, фрагменты кожи, жгута и пр.

Главным условием для реконструкции в данном случае является тщательная фиксация местоположения этих артефактов в погребении. Важным моментом в процессе реконструкции декорирования одежды и головного убора представляется их принадлежность к погребальному обряду, так как 99% всех металлических украшений найдено в процессе исследования захоронений. Поэтому применительно к эпохе бронзы необходимо вести речь о реконструкции убранства именно погребального костюма. Следует полагать, что в данном случае изучаемые артефакты являются важными элементами погребальной обрядности, регламентированной определенными ритуальными правилами и нормами, характерными для изучаемого древнего социума эпохи бронзы. При отсутствии письменных источников специалистам эти правила неизвестны и потеряны во времени. Ввиду этого крайне затруднительно определять соотношение структуры и элементов погребального костюма с повседневным или праздничным/обрядовым костюмом.

Обращаясь к этнографическим наблюдениям за коренными народами Сибири, можно проследить неоднозначное отношение к одежде, «участвующей» в погребальном обряде. Поэтому правомерно допустить существование в эпоху бронзы определенных канонов в использовании одежды и ее декорирования: украшения свадебного наряда, одежды вдовы либо девушки, прошедшей обряд инициации и пр.; наряду с этим могла существовать и погребальная одежда со своим покроем, тканями и сопутствующими изделиями (украшениями). Так или иначе, но все реконструктивные положения в бесписьменную эпоху основываются главным образом на личном опыте и наблюдениях исследователя.

Состояние источниковой базы по металлическим украшениям бронзового века Западной Сибири не позволяет в полной мере осуществлять исследования в области реконструкции украшения одежды, несмотря на то, что за последние десятилетия был накоплен представительный комплекс этих изделий. Нами была сформирована источниковая база, которая включила в себя материалы 67 могильников и девяти поселений. Практически все изделия хранятся в фондах музеев Сибири разного уровня. Сохранность металла различная, многие изделия представлены фрагментарно, поэтому выявить морфологические особенности уже не представляется возможным. На сегодняшний день помимо формирования музейных коллекций и их сохранения работа в фондах музеев дает дополнительные возможности представления музейного наследия с использованием археологических реконструкций.

В последнее десятилетие деятельность музеев внесла качественно новые изменения в понимание экспозиции, создание которых в современном мире требуют новаторского подхода, эксперимента, переоценки многих прежних положений. Эта область знаний

является важным элементом и в педагогике. Воссоздание облика прошедших эпох для посетителей невозможно без предметного ряда – орудия труда, гончарное дело, элементы одежды и пр. Изучение истории древнего костюма является источником для современных модельеров, кино- и театральных художников, ювелиров, искусствоведов, вызывает большой интерес у широкой публики.

Значимую нишу в области практической культурно-образовательной деятельности музеев занимает музейная педагогика, важной социально-педагогической задачей которой является привитие вкуса к «общению» с музеем, его экспозициям, реанимация культуры музейного посещения, почти утраченной современниками.

Музейная деятельность более чем когда-либо нуждается в тесной связи с наукой и тем многообразием творческих концепций и авторских подходов, которые она предоставляет в рамках исследований. Главная роль отводится зрелищно развернутой к посетителю музей экспозиции. Возможность увидеть, ощутить, услышать создает дополнительные эмоции от восприятия выставочных элементов. Для создания экспозиции используются уникальные и имеющие определенную значимость предметы из основного фонда.

Представление «археологического костюма» в музейном пространстве традиционно экспонируется в виде отдельных украшений, закрепленных на контур тела и головы; демонстрации элементов костюма и украшений в сопровождении графических реконструкций; собственно реконструкция костюма на отдельно стоящем манекене; реконструкция на манекене в историческом интерьере или как часть реконструируемого обрядового действия.

Проведенная научно-исследовательская работа в фондах Музея археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета (КемГУ) способствовала созданию реконструкции женского сложносоставного украшения погребального костюма, долгое время экспонировавшегося в зале «Скифская эпоха» [Боброва, Умеренкова, 2015]. Были уточнены памятник, культурная принадлежность и датировка пастового гарнитура Новый Белоаярск-I (карасукская культура, эпоха бронзы). Экспонирование реконструкции этого головного убора выставлено в одной из витрин зала «Эпоха бронзы».

На данный момент в музее КемГУ в зале «Эпоха бронзы» предоставлены для культурно-образовательного и научно-просветительского процесса реконструкции женских головных уборов эпохи бронзы из памятников Танай-XII и Новый Белоаярск-I [Боброва, Умеренкова, 2016, с. 289, цв. вклейка]. Элементы гарнитура из могильника Танай-XII в неудовлетворительном состоянии, поэтому реконструкция представлена новоделом.

В настоящее время проводится работа по дополнительному оформлению витрины в экспозиции зала «Эпоха бронзы», содержащие металлические и аргиллитовые украшения женского погребального костюма. Представленные реконструкции украшений головных уборов, выполненные благодаря научно-исследовательской деятельности в фондах музея, позволит получить представление о быте женского населения древности, его особенностях в разные периоды жизни, раскроет интересные факты об одежде и головных уборах в прошлом. Подобная наглядная подача материала предоставит возможность посетителям расширить знания о древней истории и активизировать интерес к культурному наследию Сибири.

Библиографический список

Боброва Л.Ю., Умеренкова О.В. К проблеме реконструкции украшений головного убора эпохи бронзы (по материалам памятника Новый Белоаярск-I) // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул, 2015.

Боброва Л.Ю., Умеренкова О.В. К проблеме археологической реконструкции в музейном пространстве // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово, 2016.

Е.С. Богданов
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ЖЕРТВЕННЫЕ АЛТАРИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ
(РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В 1983 г. Л.Л. Галкиным был открыт удивительный храмовый комплекс Байте-III на Устюрте (Северо-Восточный Прикаспий), включающий в себя храмовое куполообразное строение с алтарем в центральной части, прерывающийся ров с кольцевыми выкладками и алтарными площадками, а также ряды каменных скульптурных изображений воинов. Раскопкам и интерпретации памятника, а также его отдельным элементам посвящено много публикаций [Ольховский, Галкин, 1990; 1997; и др.]. Как считают казахстанские исследователи, в Западном Казахстане располагается серия подобных святилищ байтинского типа, но несколько упрощенного вида [Самашев и др., 2011, с. 23–24]. Если относительно хронологии сооружения подобных ритуальных комплексов (V–III вв. до н.э.) у большинства археологов практически нет разногласий (здесь мы не касаемся тамгообразных знаков на стенах святилища Байте и каменных скульптур), то относительно истоков и дальнейшей судьбы традиции возведения подобных сооружений до сих пор существует ряд вопросов. Особенно интересна ситуация с алтарной конструкцией, которая была вмонтирована в каменный пол храма Байте в виде четырехугольника с невысоким бортиком и лунками по углам. Два похожих «столика» (из цельных известняковых плит) в разбитом состоянии найдены рядом с храмовым комплексом [Ольховский, Галкин, 1990]. Учитывая то, что еще несколько «жертвенных столиков» (алтарей) найдено рядом с курганами (Байте-I, Байте-III), то можно действительно говорить о существовании в регионе традиции проведения ритуалов, не связанных с погребениями. Форма байтинских алтарей («жертвенных столиков») довольно специфична и до последнего времени аналоги были неизвестны.

В 2014–2015 гг. российско-казахстанской экспедицией под руководством А.Е. Астафьева и Е.С. Богданова проведены исследования на п-ове Мангышлак. На памятнике Алтынказган осуществлены раскопки двух каменных оград, в центре которых обнаружены два алтаря, изготовленные из цельных меловых блоков [Астафьев, Богданов, 2017]. Основания алтарей в виде плит имели четырехугольную форму 60 × 61,5 (50 × 37) см и толщину 12 (7) см. Углы оформлены трехчетверными колонками с чашевидными углублениями в верхней части. На поверхности изделий не зафиксировано никаких следов использования огня, поэтому сложно сказать о том, как они использовались в ритуале. По своим конструктивным особенностям эти алтари чрезвычайно близки к алтарям Байте, только алтынказганские находки датируются гораздо более поздним временем – началом V в. н.э. Таким образом, наблюдается сохранение традиции ритуальных действий с использованием алтарей в Северо-Восточном Прикаспии. Остаются открытыми такие вопросы: какие ритуалы проводились в Байте и Алтынказгане и кем построены монументальные сооружения, характерные только для этой территории? Ответы могут быть получены в результате новых полевых исследований и с учетом письменных источников.

Библиографический список

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. «И пусть боги наслаждаются этой жертвой!» (жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана, на восточном берегу Каспийского моря) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017 (в печати).

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // Советская археология. – 1990. – №4.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // Российская археология. – 1997. – №4.

Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуик. – Астана, 2011.

А.Л. Бойко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

АРХЕОЛОГИЯ ДОНА В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ (1914–1922 гг.)

События Первой мировой войны противоречиво отразились на общественной и научной жизни Дона. На рубеже XX в. Область войска Донского, серьезно запаздывавшая в культурном развитии от центральных районов Российской империи и даже близлежащих казачьих территорий (Кубанская область), к 1914 г. преодолела ряд проблем административного и финансово-организационного характера. Количество музеев постепенно увеличивалось, после открытия в 1899 г. Донского музея (г. Новочеркасск) было создано полноценное научное общество в крупнейшем городе Дона – Ростовское-на-Дону общество истории древностей и природы (1909 г.) и открыт музей (ныне Областной музей краеведения). За первые годы существования общество выпустило два тома «Записок», причем выход второго тома совпал с началом войны и открывался царскими манифестами об ее объявлении.

Иная картина сложилась в г. Таганроге. В конце января 1896 г. Городская дума постановила «устроить при библиотеке музей на частные пожертвования» в честь Петра I, как основателя города и инициатора музейного дела в стране. Отсутствие научного общества, курировавшего деятельность музея, значительно осложнило его работу. Музей не имел своего устава, коллекции были без должного надзора. 17 января 1914 г. он был открыт в новом здании. Археологическая коллекция была представлена находками, поступавшими от местных жителей и переданными из Археологической комиссии. Эти предметы составили небольшую, но представительную коллекцию древностей эпохи эллинизма (III–II вв. до н.э.).

При музее было создано Общество изучения местного края и местной старины, обратившееся с просьбой в Археологическую комиссию о предоставлении права проведения раскопок. Разрешение было предоставлено, но с оговоркой о необходимости участия в раскопках А.А. Миллера. Это условие было практически невыполнимо, поскольку сам А.А. Миллер, хотя и был почетным членом общества, но резко протестовал против проведения им раскопок. Наиболее эффективной формой археологической работы стало анкетирование местного населения. Была разработана «Схема обращения к народным учителям о собирании на месте их служения коллекций для музея». На основе собранных данных, уже при Советской власти, были проведены масштабные археологические раскопки.

События военного времени противоречиво сказались на деятельности организаций, осуществлявших сбор, хранение, исследование и популяризацию археологических находок. Деятельность научных обществ на волне патриотического подъема в начале военных действий приобрела несколько иные формы: от заседаний клубного типа – к чтению публичных лекций исторического характера. Было расширено время работы экспозиций, не были отменены запланированные археологические раскопки. Так, именно в сентябре 1914 г. был раскопан значительный по размерам Земский курган в г. Ростове-на-Дону. И это при том, что центральные научные организации постепенно сворачивали свою работу. Не был реализован проект раскопок А.А. Миллера на Недвиговском городище. Местные же археологи в 1915 г. планировали расширить ареал собственных исследований за счет раскопок курганов на территории трех округов войска Донского (Ростовского, Донецкого и Черкасского). Для производства этих работ был выдан оформленный по всей форме Открытый лист за №952 от 30 мая 1915 г. Возможно, что неудачи русской армии лета 1915 г. и эпопея Великого отступления не позволили реализоваться этим планам. С другой стороны, члены Ростовского общества истории, древностей и природы были вовлечены в процесс перевода на Дон Варшавского университета, справедливо связывая с ним возможности развития науки о древностях, поскольку в состав приехавших в Ростов-на-Дону ученых входили успевшие составить себе имя в науке А.И. Яцимирский и др.

Не отставали от ростовских коллег и члены Комиссии по устройству Донского музея. По традиции, не вступая в переговоры со столичными инстанциями, было выдано

несколько «внутренних» открытых листов на производство значительных по объему работ. В июне 1916 г. члену этой Комиссии П.П. Сахарову было разрешено проводить раскопки «в окрестностях Азова, по р[еке] Кагальнику и в других местах, где надобность прикажет». 23 февраля 1917 г. (начало Февральской революции, арест царской семьи – !) Археологическая комиссия, уже в который раз, вступает в бесперспективную переписку с Новочеркасском и самим П.П. Сахаровым относительно раскопок Серафимовского кургана близ Ростова-на-Дону (узнав об этих работах из периодики), но вряд ли получает ответ. Письма в Санкт-Петербург или первичная полевая документация пока не выявлены.

1917 – начало 1918 г. оказывается переломным во всех отношениях: во-первых, в марте 1917 г. в «посаде Азов» было образовано общество «Народное просвещение» под председательством М.А. Макаровского. Первая экспозиция музея была открыта в помещении женской гимназии. После трагической смерти М.А. Макаровского 27 июля 1918 г. общество «Народное Просвещение» практически прекратило свою деятельность, но музей продолжал существовать и в годы Гражданской войны (до весны 1920 г.); во-вторых, 5 мая 1918 г. принято окончательное решение об окончательном расформировании Варшавского университета и создании Донского. Ученые, принявшие решение окончательно остаться на Дону, постепенно включились в изучение региональных достопримечательностей.

Политическая эмиграция на Дон из столичных городов и стремительно национализирующейся Украины в конце 1917 – начале 1918 г. привела к значительному пополнению рядов не только набирающего силу белого движения, сделавшего столицу казачества «Донской Вандеей», но и интеллигенции. Центром ее притяжения стал основанный в мае 1918 г. Донской археологический институт. Согласно Уставу, институт имел два отделения: истории искусств и археологии. К началу занятий на 1-й курс было зачислено 365 слушателей. Силами студентов проводились показательные раскопки на территории античных городищ на территории г. Ростова-на-Дону и его окрестностей.

Начало активной фазы Гражданской войны лишь временно приостановило организацию полевых исследований. Но именно в 1918–1919 гг. были опубликованы «Очерки географии Всевеликого Войска Донского», написанные В.В. Богачевым, геологом по образованию и археологом-любителем, проводившим раскопки еще с начала века. Появилась и «Древняя история казачества» Е.П. Савельева – масштабный труд историка-дилетанта, написанная в традициях если даже не XIX, то XVIII в., но с опорой на некоторые археологические данные.

Успехи белого движения в 1918–1919 гг. привели и к восстановлению полевых археологических работ на Дону, на основе «внутренних» Открытых листов, выданных полковнику Л.В. Богаевскому, ставшему заместителем директора Донского музея Х.И. Попова. К сожалению, материалы, связанные с этими работами, еще не выявлены, обнаружены лишь распоряжения по атаманской канцелярии. Более известна деятельность Л.В. Богаевского, которому было доверено вывезти с Дона войсковые реликвии и часть наиболее значимых находок вслед отступающей в декабре 1919 г. белой армии сначала на Кубань, далее в Крым и дальше зарубежье. Значительная часть вывезенных коллекций была возвращена из Праги только в 1946 г. Директор Донского музея Х.И. Попов остался в музее, сохраняя коллекции перед наступающими красными войсками.

Существовавшие в г. Ростове-на-Дону Археологический институт, научное общество и музей попали в орбиту влияния советской власти в январе 1920 г. Новая власть постепенно включала их в новые структуры, прежде всего в систему народного образования. Составной частью этого процесса явилось образование 17 января 1920 г. Комитета по охране памятников искусств и старины (КОПИС). Логика «советизации» привела к закрытию Донского археологического института и полному реформированию деятельности сохранивших свои коллекции музеев. Восстановление полноценных археологических раскопок стало возможно лишь с ликвидацией политического бандитизма на Дону в 1922 г.

Н.А. Боковенко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕРНОУСОВО-3 (6–1 тыс. до н.э.) В ЗАПАДНОМ САЯНЕ
В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Исследования на поселении Черноусово-3 велись 2-м отрядом Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012–2014 гг. Поселение находится на северном (правом) берегу р. Иджим в Западном Саяне. В результате раскопок была полностью исследована площадь 5559 кв. м, в результате чего выявлен значительный археологический материал (9500 артефактов), важный для древней истории Центральной Азии, но требующий тщательного анализа в будущем.

Выявлены следующие культурные комплексы: несколько десятков кострищ, 62 хозяйственные ямы, скопления камней и наковальни, вокруг которых концентрировалось большое количество остатков кремневой индустрии (нуклеусы, скребки, наконечники стрел, пластинчатые ножи, пластины), бронзовые и костяные предметы, скопления фрагментов орнаментированной и неорнаментированной глиняной посуды разных исторических периодов. Керамика весьма разнообразна. Посуда представлена баночными плоскодонными и слабопрофилированными формами. В некоторых случаях удается реконструировать диаметр сосудов, который колеблется от 15 до 40 см. Поверхность части сосудов полностью орнаментирована различными вариациями отпечатков зубчатых штампов или фигурными оттисками палочки. Иногда украшенными оказывались дно и верхний срез венчика сосудов. Основные орнаментальные мотивы весьма разнообразны: елочка, выполненная глубокими прорезанными линиями; елочка, выполненная продавленными линиями; тычковый орнамент елочка; элементы в виде овсяных зерен; гребенчатый орнамент частый пунктир; тычковый серповидный орнамент; трубочный орнамент жемчужинки; мелкий зигзаг; ромбовидная сетка; ромбовидные вдавления и др. Выявлены орнаменты трех типов для создания различных орнаментов: роговой, каменный заточенный стержень и ромбовидный. Начаты исследования керамических материалов различными методами естественных наук. Для этих целей применен комплексный подход, основанный на изучении формы, орнаментации, вещественного состава керамических сосудов с применением современных аналитических методов исследования: петрография, рентгенофазовый дифракционный анализ, термический анализ, спектральный анализ, метод ядерного гамма-резонанса. Такой подход даст возможность проследить особенности керамического производства отдельных древних сообществ. Археологические и радиоуглеродные методы позволят систематизировать изучаемые археологические источники во времени и выявить различные культурно-хронологические комплексы. Весьма разнообразны по форме кремневые скребки и наконечники стрел. По совокупности всего археологического материала ясно, что заселение на исследуемом объекте было сезонным в разные исторические периоды, начиная с эпохи неолита и до средневековья. Долговременных жилищ (типа землянок) здесь не обнаружено. Скорее всего, устанавливались легкие наземные жилища в виде чумов и шалашей, столбовые ямки от которых прослеживаются на площади поселения в разных местах. Обнаружены коптильни и ямы с прокаленными камнями, которые служили для запекания мяса. В древности здесь также производилось изготовление каменных орудий и оружия. Важно, что значительная часть материала (определенные типы наконечников стрел, нуклеусов, скребков, орнаментированной посуды) аналогична материалу из слоев стратифицированной стоянки Тоора-Даш в Тыве и ряда поселений Минусинской котловины и Алтая.

Примечательно, что на поселении среди многочисленных костей животных (маралы, косули, овцы, коровы, лошади и т.п.) обнаружены кости верблюда, что является важным свидетельством о прохождении караванов через Западный Саян по Усинскому тракту, соединявшим культуры Минусинской котловины и Тывы, с глубокой древности.

Е.М. Болдырева
Государственный исторический музей, Москва
**ИНВЕНТАРЬ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРНОВ
В КЕРАМИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(по материалам Исторического музея)**

В золотоордынских ремеслах Нижнего Поволжья массовым считается керамическое ремесло. Поволжской археологической экспедицией во 2-й половине XX в. исследовались огромные площади на территории столицы Золотой Орды – городища Селитренное. На этом археологическом памятнике раскопано большое количество производственных комплексов. Они представлены как ремесленными кварталами, так и приусадебными полудомашними производствами. В данных кварталах изготавливались все типы керамики, кроме керамики с росписью люстром [Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 133].

В данной статье делается попытка ввести в научный оборот соответствующие материалы, поступившие в археологические фонды Исторического музея в начале 2000-х гг. Часть из этих материалов уже была опубликована в работе Г.А. Федорова-Давыдова и Н.М. Булатова [1989, с. 133–249].

Ассортимент исследуемого инвентаря разделяется на три большие группы в соответствии с принятой в историографии традицией: заранее заготовленный инвентарь, изготовленный непосредственно перед обжигом и керамические пробы.

В число заранее заготовленного инвентаря входят глиняные подставки-треноги – «сепая» (или «сипая»). Термин пришел из этнографии Средней Азии и переводится буквально как «три ноги» [Пещерева, 1969, с. 162; Сайко, 1966, с. 181–182]. По размерам и внешнему виду сепая довольно разнообразны: от крупных до небольших и совсем миниатюрных, но общая форма у них однотипна. В хранении Исторического музея находится 31 сепая (ГИМ. Инв. №110998, оп. 2664/№60, 61 (дно сосуда с прилипшей сепая), №102–110; ГИМ. Инв. №111000, оп. 2667/№69–80; ГИМ. Инв. №111002, оп. 2670/№61–67; ГИМ. Инв. №111009, оп. 2679/№87 (дно сосуда с прилипшей сепая)) из раскопок Селитренного городища, причем три из них остались склеены с обожженной чашей (две с кашинной, а одна с красноглиняной). Размеры ножек золотоордынских сепая колеблются от 3 до 26 см, но наиболее широко используемыми были сепая 10–13 см [Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 231; Fyodorov-Davydov, 1984, p. 152]. На одной из сепая прослежены отпечатки золотоордынской монеты. На ножках сепая встречаются процарапанные знаки, видимо, это знаки принадлежности, которые могли быть отличительным символом при установке в одну печь изделий разных мастеров или мастерских. Употребление сепая не повсеместно. Иногда чаши расставлялись в печи без них.

Еще один предмет печного инвентаря – это глиняные штыри. Штыри вставлялись в стенки обжигательной камеры. Поэтому в числе находок при раскопках производственных комплексов встречаются кирпичи с отверстиями, в которые вставлялись эти штыри. Находки таких штырей есть в керамических мастерских Селитренного городища. В хранении Исторического музея находится всего один штырь (ГИМ. Инв. №111000, оп. 2667/№98). Штыри закреплялись в обмазанных глиной стенках обжигательных камер или в кирпичях, в которых были заранее просверлены отверстия. На штырях закреплялись полки с посудой. Их размеры были различными. Длина штырей, обнаруженных при раскопках средневековых печей в Средней Азии, достигает 30–35 см [Сайко, 1966, с. 182; Terressecrètesde Samarcande, 1992–1993, p. 36, 38, 76], а золотоордынских – 60 см [Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 231]. Подсушенная посуда или посуда, требующая повторного обжига, могла подвешиваться на штырях в горне при помощи коромыслиц или крючков. В ремесленных комплексах Самарканда XI – начала XIII вв. встречены С- и S-образные крючки [Шишкина, 1986, с. 43]. Кроме штырей при археологических раскопках среднеазиатских комплексов обнаруживаются глиняные кольца, пирамидки, конусы, на которые устанавливались высокие сосуды большего размера [Сайко, 1966, с. 183].

Кроме основного печного инвентаря существует и дополнительный, он представлен изделиями разового использования. Такие предметы изготавливались непосредственно перед расстановкой посуды в печь и обжигались вместе с ней. Эти предметы сложно четко классифицировать, так как их форма зависит от конкретной потребности мастера скрепить конструкцию или отделить одно изделие от другого в печи. После обжига такие изделия обычно выбрасывались в связи с тем, что теряли пластичность, и необходимость в них отпадала. Разделение их форм произведено в связи с приближенным сходством с какой-либо геометрической фигурой. В хранении Исторического музея находится 55 глиняных «столбиков» (ГИМ. Инв. №111000, оп. 2667/№1–25, 30–48, 81–90), выполненных вручную из жирной глины с большим количеством отпечатков рук мастера. Встречаются «кольца» из глины (13 предметов – ГИМ. Инв. №111000, оп. 2667/№49–60; ГИМ. Инв. №111001, оп. 2668/№106), бесформенные «комки» глины (18 предметов – ГИМ. Инв. №111000, оп. 2667/№27–29, 61–68, 91–97), «пирамидки» (один предмет – ГИМ. Инв. №111000, оп. 2667/№26).

Пробы представляют собой отдельную категорию печного инвентаря в технологическом процессе. Они связаны с процессом обжига, а не расстановки сосудов в горне. Внутри данной категории можно выделить три вида изделий. Во-первых, пробы в виде стенок различных типов поливной посуды (семь проб – ГИМ. Инв. №111009, оп. 2679/№50–56), во-вторых, глиняные шарики, использовавшиеся в качестве проб для изучения степени усадки состава глины (четыре шарика – ГИМ. Инв. №111016, оп. 2680/№215–216; ГИМ. Инв. №111012, оп. 2694/№69, 70), и, в-третьих, пробы в виде миниатюрных сосудиков (два сосуда – ГИМ. Инв. №110998, оп. 2664/№76, 101). В золотоордынских коллекциях хранится семь проб для обжига. Четыре из них предназначены для обжига псевдоселадоновой посуды, две – для штампованной керамики и одна – для обжига белоглиняной посуды с бирюзовой поливой. Они представляют собой комки глины, в который «вмонтирован» фрагмент стенки сосуда, размером 3–5 см, с глазурью и отверстием в центре. Все пробы происходят из раскопа XI, 1982 г. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, отверстие необходимо для быстрого вытягивания сосуда из горна при помощи проволоки для проверки хода обжига посуды [Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 236].

Вопрос о назначении глиняных шариков является спорным. Они обнаруживаются внутри полых керамических шаров, которые иногда называют погремушками или сосудами для проведения химических реакций [Волков, 1993, с. 145–155]. Их находки в непосредственной близости от керамических мастерских наталкивают на мысль об их использовании и в качестве печного инвентаря.

Назначение миниатюрных сосудиков может иметь варианты интерпретации как в качестве пробы для обжига, так и в качестве «детской посуды».

Библиографический список

Волков И.В. О назначении керамических шаров с золотоордынских городищ // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. – Азов, 1993.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. – М.; Л., 1969.

Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. – Душанбе, 1966.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989.

Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII – начало XIII в. – Ташкент, 1986.

Terressecrètes de Samarcande. Ceramiques du VIII au XIII siècle. – Paris : Institut du Monde Arabe ; Caen : Musee de Normandie ; Toulouse, 1992–1993.

Fedorov-Davydov G.A. The culture of the Golden Horde cities. – Oxford, 1984.

А.Ю. Борисенко
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ И.Г. ГРАНЭ НА АЛТАЕ

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания
в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/БЧ)

Памятники древности на территории Алтая привлекают к себе внимание исследователей и путешественников уже более двухсот лет. По его территории пролегли маршруты известных научных экспедиций, результатом которых стали описания его природных и историко-культурных богатств. По этим материалам имеется возможность в настоящее время достаточно точно восстановить пути следования экспедиционных отрядов с целью развития научно-популярного туризма. Эти маршруты могут представлять определенный интерес для современных туристов и путешественников, которые интересуются историей и культурой народов Саяно-Алтая.

Одним из известных исследователей, кто проехал по Алтаю в начале XX в., был ученый из Финляндии И.Г. Гранэ, который совершил несколько научных путешествий по Центральной Азии, в том числе по Российскому и Монгольскому Алтаю. Результатом этих поездок стали не только собранные им научные сведения по истории, археологии и географии этих регионов, но и популярная монография, написанная на основе дневниковых записей ученого. Описанные им географические, культурологические и исторические материалы из этой книги могли бы стать основой для разработки научно-популярного маршрута по Алтайским горам. Маршруты, пройденные И.Г. Гранэ, охватили районы от г. Бийска по рекам Чарыш, Катунь, Чуя, Бия, включая районы Телецкого озера и горы Белуха, а на территории Монгольского Алтая – от Кош-Агачского района до Урги (современного Улан-Батора), включая рр. Цаган-гол, Кобдо (современный Ховд), оз. Кобдо. Среди осмотренных и описанных им археологических объектов большая часть отмечена исследователем в долине р. Кобдо. Среди них были херексуры, каменные стелы и изваяния, каменные оградки, наскальные рисунки. Исследовательские работы, проводившиеся российскими, монгольскими, французскими и немецкими учеными в течение последних лет, показывают, что ряд археологических памятников остался на тех же местах, что и во времена экспедиции И.Г. Гранэ. Это должно повысить интерес к ним со стороны современных путешественников. В ходе своих поездок по российской территории Алтая ученый упоминает о пещерах в районе р. Чарыш, где в 30-е гг. XIX в. проводились раскопки. В своей книге И.Г. Гранэ писал, что на территории Алтая должно быть довольно много пещер, которые не входили в ледниковый пояс и могут содержать кости древних животных и другие следы обитания человека.

Во время путешествия по южной части Горного Алтая И.Г. Гранэ обратил внимание на древние сооружения в районе плато Укок, представляющие собой цепочку каменных оградок квадратной формы, соединенные между собой, а также отдельно стоящие каменные стелы. По его мнению, они были сооружены в местах поклонения древних жителей этих мест своим божествам.

Опыт разработки туристических маршрутов уже предпринимался ранее российскими специалистами. В предшествующие годы в уральском регионе было организовано несколько поездок совместно с обществом друзей Московского университета из Германии по следам экспедиции А. фон Гумбольдта. В настоящее время там действуют туристические маршруты с посещением памятных мест, связанных с именем этого выдающегося ученого.

В течение последних лет учеными из Института археологии и этнографии СО РАН также был накоплен опыт по разработке и реализации туристических программ в Горном Алтае.

Ознакомление широкого круга людей, интересующихся историческим прошлым Алтая, должно способствовать развитию научно-популярного туризма и, как следствие, сохранению историко-культурного наследия региона.

А.В. Борисов¹, И.А. Идрисов², М.А. Бакушев³

¹Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино;

²Институт геологии ДНЦ РАН, Махачкала;

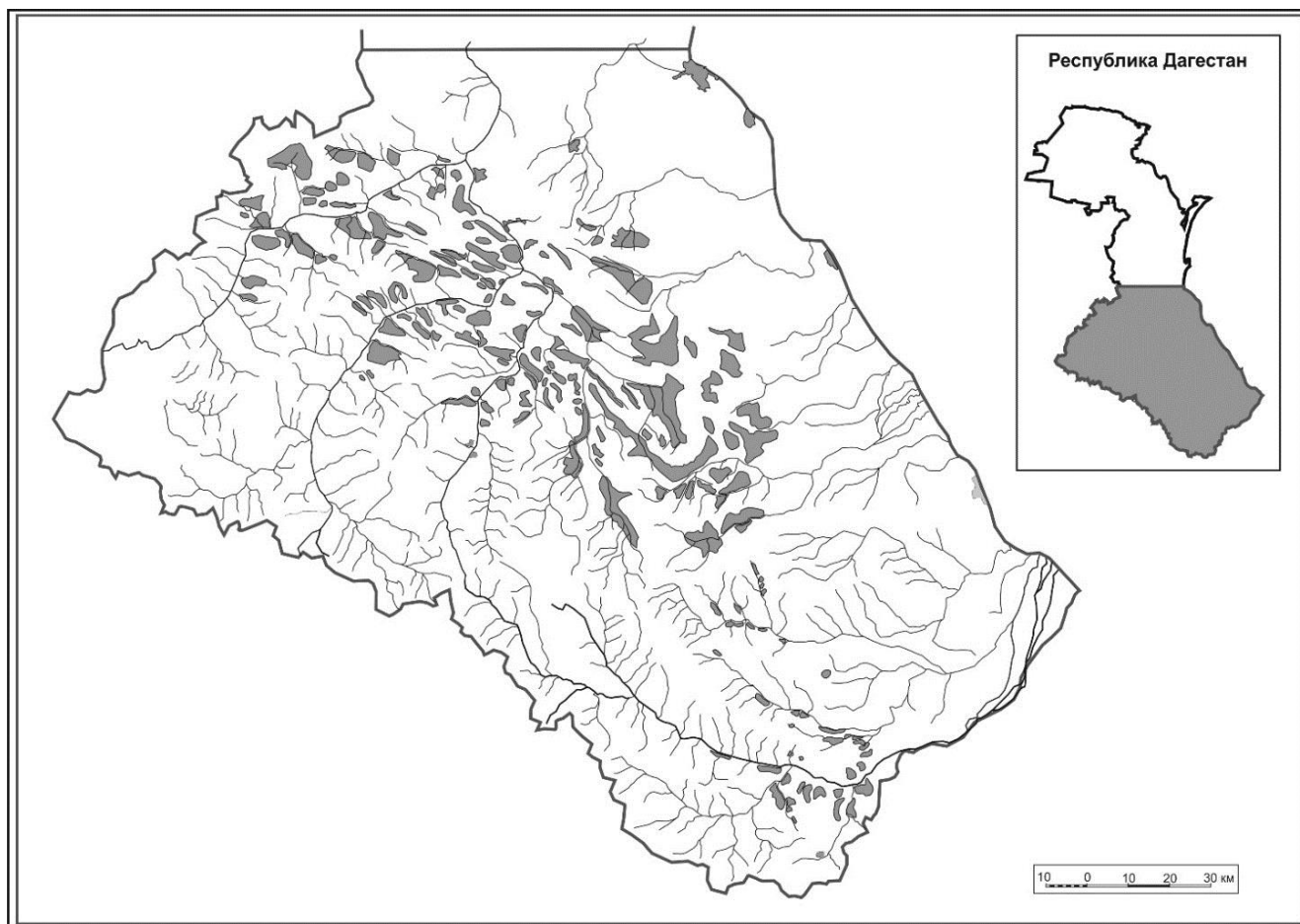
³ООО «Археологическое общество Кубани», Ростов-на-Дону

ТЕРРАСНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке

РФФИ (проект №15-06-05763 «Террасное земледелие в горном Дагестане: возникновение, развитие и современное состояние») и РНФ (проект №17-18-01406 «Экологический детерминизм развития древних обществ: хозяйственные модели населения эпохи бронзы Кавказа и степи в условиях меняющегося климата»)

Проведены исследования земледельческих террас в Ботлихском, Гунибском, Левашинском, Унцукульском, Ахтинском, Хунзахском районах Республики Дагестан с использованием методов почвоведения, археологии, географии, геохимии ландшафтов и геоинформационных технологий. Впервые получены общие представления о масштабах и истории земледельческого освоения горной зоны. Составлена карта распространения земледельческих террас (рис.). Установлено, что общая площадь террасных полей достигает 1500 км². Нижняя граница зоны террасирования располагается на уровне 900 м; верхняя граница в отдельных районах достигает 2400 м. В некоторых районах фактическая площадь террасирования может на 40–50% превышать площадь террас, рассчитанную по дешифровке аэрофотоснимков. В первую очередь, это характерно для территорий с наименее благоприятными условиями для земледелия – верхних участков склонов южной экспозиции с маломощным или фрагментарным почвенным покровом и засушливыми условиями. Представляется, что эти участки могли осваиваться лишь очень непродолжительное время, в периоды максимального демографического давления.

Карта распространения земледельческих террас в горном Дагестане

Разработаны методические подходы к созданию типологии террас и террасных комплексов. Выделены основные типы террас. Установлено, что морфологические признаки террас напрямую зависят от способов их создания. На первом этапе в наиболее благоприятных для земледелия участках склонов (западинах, потяжинах, древних оползневых формах) устраивались насыпные террасы. Для этого срезался верхний слой почвы до материка, и из такого материала формировалась горизонтальная ступенька. Этим объясняется довольно значительное расстояние между террасами на склоне: для создания изначальной горизонтальной террасы оптимальной площади было необходимо срезать грунт на довольно большом участке, до 10 м и более, в направлении вдоль склона. Таким образом, на момент создания терраса представляла собой горизонтальную ступеньку, к которой сверху прилегал обширный участок, лишенный плодородного слоя. В результате активного размыва и распашки материка в верхней части террасы поверхность террасного полотна приближалась к горизонтальной, а сама терраса приобретала равновесное состояние. Так создавалась «насыпная» часть террасы. В дальнейшем увеличение площади террасы происходило за счет припахивания прилегающего к террасе участка целины. Таким образом формировалась «напашная» часть террасного полотна. На более позднем этапе создавались уже исключительно напашные террасы, но при этом продолжали развиваться и первые насыпные террасы с напашными краями.

Проведен анализ распространения археологических памятников разных эпох в пределах зоны террасирования. Установлено, что в эпоху ранней бронзы в зоне террасирования присутствуют лишь единичные памятники. Их численность резко возрастает в эпоху средней бронзы, что позволяет считать началом земледельческого освоения горной зоны эпоху средней бронзы. В эпоху поздней бронзы количество памятников сокращается; в раннем железном веке поселений в зоне террасирования не обнаружено. Очередной этап заселения зоны террасирования пришелся на албано-сарматский период. Полное повсеместное заселение произошло в период раннего средневековья. Таким образом, в истории террасного земледелия горного Дагестана можно выделить два периода – средняя бронза и средневековье. С раннего средневековья использование террас не прерывалось до конца XX в.

Представленный вывод подтверждается и наличием керамики в почвах террас. По результатам изучения керамики в почвах террас в окрестностях Верхнегунибского поселения установлено, что первый этап террасного земледелия связан с функционированием этого поселения и может быть датирован III–II тыс. до н.э. При изучении террас в окрестностях памятника выявлены слои, содержащие керамику, аналогичную обнаруженной среди подъемного материала в окрестностях поселения. Подобные слои выявлены не только в нижней, относительно пологой части склонов, где наиболее благоприятные условия для земледелия, но и на склонах крутизной до 30 градусов. Это позволяет сделать заключение, что в период средней бронзы были террасированы все прилегавшие к поселению горные склоны.

Исследованы химические и микробиологические свойства почв террас. Разработаны почвенно-микробиологические подходы к реконструкции внесения удобрений в почвы. Проведен анализ содержания термофильных микроорганизмов в почвах террас в окрестностях Верхнегунибского поселения. Термофильные микроорганизмы практически отсутствуют в почвах и в значительных количествах развиваются при компостировании навоза, когда температура достигает 60–70°C. Установлено, что максимальная численность термофильных микроорганизмов наблюдается в слое, который соответствует уровню погребенной почвы эпохи средней бронзы. В данный период функционирования почвы вносились наиболее высокие нормы органических удобрений, что привело к значительному накоплению термофильных бактерий.

В.А. Борисов

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЛАИРЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

В 1993 г. силами Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции было открыто, а в 2003 г. полностью исследовано многослойное поселение Усть-Канда-2, расположенное на территории Гурьевского района Кемеровской области. Фрагменты керамической посуды, относящейся ко времени палеометалла, в количестве 125 экз., находились преимущественно в нижнем горизонте раскопа [Борисов, Илюшин, 1987]. В южной части Восточного Присалаирья подобные памятники ранее не были известны. Этим и определяется актуальность данного исследования, позволяющего заглянуть в истоки гончарных традиций населения бронзового века, проживавшего в долине р. Ур [Борисов, 2013, с. 58–62].

Изучение усть-кандинской керамики периода энеолита позволило выделить три орнаментально-технологические традиции (ОТТ), имеющие как общие признаки, так и существенные различия. Всю керамическую серию объединяет: морфологически – баночный тип сосудов с прямыми венчиками и округлым или яйцевидным доньшком, орнаментально – господство отступающе-накольчатой техники, технологически – сходное глинистое естественно-запесоченное, хорошо ожелезненное сырье, жгутовой (валиковый) налеп, низкотемпературный, неравномерный, костровой, окислительный обжиг. Видимо, эти признаки являются эпохальным явлением, характерным для раннего гончарства.

К первой ОТТ относится 94% всех образцов усть-кандинской посуды, являющихся частями шести сосудов. Они характеризуются наличием в формовочных массах дробленого кварца молочно-белого цвета с зернами размером 0,5–6 мм (преобладают 2–3 мм) в количестве от 8–12 до 30–35%. В трех образцах, наряду с дресвой, присутствует шамот в количестве 1–4%. Сосуды отличаются грубой обработкой поверхностей узким «шпателем», щепой, гребенкой или другими твердыми инструментами с неровным рабочим краем без последующей затирки, а также выбивкой стенок. В орнаменте присутствуют отступающая вертикальная лопатка, прямые и волнистые желобки, разнообразные уголковые оттиски отступающей лопатки, ногтевые вдавления, валики и ребра-защипы, шагающая и печатная гребенка, отступающая палочка, «псевдотекстиль», гребенчатая качалка. Физико-механические показатели керамики: плотность – 1,96 г/см³, пористость – 24,2%, степень водопоглощения – 12,3%, твердость – 84,7 НВ, температура обжига – 550–600° С. По нашей классификации это удовлетворительное качество.

Ко второй ОТТ относятся пять фрагментов (4% от общего количества), представляющих три сосуда. Они характеризуются наличием в формовочных массах очень крупного кварцевого песка аллювиального происхождения, а также, дробленого кварца с зернами размером 1–3 мм, в количестве 30–40%. Стенки сосудов ровные, гладко затерты мягким сырым материалом. Принципиально отличается орнамент данной керамической серии. Это сочетание глубоких ямок округлой формы и мелких овальных ямок, представляющих собой наколы, выполненные округлой палочкой. Такие же мелкие ямки нанесены на срез венчика. На одном фрагменте ямочный орнамент сочетается с уголковыми оттисками лопатки. Физико-механические показатели: плотность – 1,95 г/см³, пористость – 19,5%, степень водопоглощения – 10,9%, твердость – 87,8 НВ, температура обжига – 550–600° С. Качество керамики 2 ОТТ удовлетворительное, хотя и несколько более высокое, чем керамики 1 ОТТ.

К третьей ОТТ относится фрагмент венчика одного сосуда. Основной искусственной примесью в формовочной массе данного изделия является шамот. Размеры зерен составляют 0,8–5 мм (преобладают 2–4 мм), количество – 15–17%. По особенностям обработки поверхностей сосуд не отличается от керамики 1 ОТТ. Сосуд орнаментирован отступающей вертикальной лопаткой и горизонтальными прямыми желобками в сочетании с насечками. Этот орнамент также близок орнаменту керамики 1 ОТТ. Физико-механические показатели

демонстрируют низкое качество керамики: плотность – 1,81 г/см³, пористость – 34,0%, степень водопоглощения – 18,4%, твердость – 54,6 НВ, температура обжига – 350–400° С.

На уровне отдельных элементов орнамент 1 ОТТ соотносится с самусьской культурой [Кирюшин, 2004, с. 140–144, рис. 31.-1, 32.-1–6, 33.-1–4, 34.-1, 2, 35.-1]. Усть-кандинский орнамент более архаичен и, вероятно, был той древней основой, на которой впоследствии сформировался самусьский орнамент. Исследования И.Г. Глушкова и В.И. Молодина показывают, что по составу формовочных масс, способам конструирования емкостей [Глушков, 1996, с. 95, 104–105], а также по физико-механическим показателям усть-кандинская посуда 1 ОТТ очень близка самусьской посуде Томско-Новосибирского Приобья и Присалаирья [Молодин, Глушков, 1989, с. 76].

Часть элементов орнамента усть-кандинских сосудов 1 ОТТ ассоциируется с керамикой крохалевского типа [Кирюшин, 2002, с. 91–92]. Это «псевдотекстиль», ногтевые оттиски, косые насечки, шагающая гребенка и т.п. Но и усть-кандинские элементы данного типа более архаичны. Крохалевская посуда также содержит в формовочных массах песчано-древянные примеси, как и усть-кандинская керамика 1 ОТТ [Зах, 1997, с. 23].

Отдаленное сходство с керамикой 2 ОТТ поселения Усть-Канда-2 имеет позднее-неолитическая посуда могильника Иштан в Томской области [Матющенко, 1985, с. 47–53]. Она орнаментирована глубокими округлыми и мелкими овальными ямками. В формовочных массах содержится песок. Керамика с подобным ямочным орнаментом, содержащая большое количество песка, была распространена и в энеолите Тюменского Приобья [Косарев, 1987, с. 260–261]. Появление такой керамики в Восточном Присалаирье, вероятно, следует связывать с проникновением сюда первых носителей ямочно-гребенчатых традиций.

Вопрос о возможном происхождении сосуда с шамотом в керамике остается открытым. Можно лишь предположить сохранение в усть-кандинской керамике древних неолитических гончарных традиций местного населения [Борисов, 2005, с. 165–173].

Утверждение Ю.Ф. Кирюшина [2002, с. 94] о том, что в энеолите в Новосибирском Приобье проживало многокомпонентное по своему составу население, видимо, следует распространить и на Присалаирье. Это подтверждается существованием разных орнаментальных и технологических гончарных традиций на поселении Усть-Канда-2. Вероятно, на основе данного этнокультурного субстрата в Восточном Присалаирье формировались культуры ранней бронзы: самусьская и большеларьякская, а также крохалевский тип керамики.

Библиографический список

Борисов В.А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья). – Кемерово, 2013.

Борисов В.А. Технологические особенности глиняной посуды поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. – Барнаул, 2005.

Борисов В.А., Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на поселении Усть-Канда-2 в 2003 году. – Кемерово, 2004.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск, 1996.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск, 1997.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул, 2004.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.

Матющенко В.И. Позднее-неолитический могильник у д. Иштан на Оби // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989.

Е.Л. Бородовская

МБУДО Дом детского и юношеского творчества им В. Дубинина, Новосибирск
ОСНОВНЫЕ ТЕДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
КОЛЛЕКТИВОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В НОВОСИБИРСКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Многие города Сибири имеют свою историю развития профильных археологических коллективов обучающихся, внесших существенный вклад в выявление и изучение историко-культурного наследия своего региона. Новосибирск в этом контексте не является исключением. Процесс появления, существования и развития таких коллективов в нашем городе характеризуется определенным своеобразием. Отрывочные сведения о существовании археологического кружка в г. Новосибирске можно отнести к 30-м гг. XX в., тогда как в других городах Западной Сибири детские археологические коллективы уже существовали в 1920-е гг. [Бородовская, 1999, с. 18–22]. Более того, присутствие одного из первых профессиональных археологов – Н.К. Ауэрбаха – в г. Новосибирске, начиная с осени 1927 г., практически никак не отразилось на начальном процессе формирования археологических коллективов школьников. Примечателен факт: выпущенная в г. Новосибирске программа-инструкция для краеведов [Ауэрбах, 1929, с. 1–21] не оказала никакого влияния на процесс становления археологических коллективов школьников и, судя по ссылкам в публикациях специалистов, не использовалась на практике.

С полным основанием можно говорить о формировании полноценной системы археологических коллективов учащихся в г. Новосибирске после приезда в город Татьяны Николаевны Троицкой в конце 50-х гг. XX в. Деятельность таких коллективов, включая археологические кружки Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ, ныне университет – НГПУ), Домов пионеров, средних школ города и области, успешно продолжалась в 1960–1970-е гг. [Бородовская, 1999, с. 58–60] и вплоть до конца 80-х гг. XX столетия [Вопросы..., 1990, с. 4–7, 42–45]. Хотя масштабы образовательной деятельности в области археологии в г. Новосибирске вряд ли сопоставимы с подобного рода деятельностью в таких городах, как Красноярск и Иркутск [Вопросы..., 1990, с. 26–31, 46–53].

Конец XX в. был отмечен новым этапом развития археологической деятельности с учащимися г. Новосибирска, что проявилось в существенном увеличении количества профильных коллективов в городе, в стремлении развивать, совершенствовать направление, публиковать методические разработки и сборники научно-практических работ учащихся по археологии. Причиной подъема археологического движения стал целый ряд факторов. Во-первых, в активную исследовательскую «фазу» вступило поколение выпускников НГПИ-НГПУ, активно занимающихся археологией и полевыми исследованиями, для которых на определенном периоде дополнительное образование детей создало возможности для профессиональной реализации. Такой феномен во многом был сходен с ситуацией второй половины 20-х гг. прошлого столетия, когда профессиональные археологи, такие как Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский, могли реализовать свои исследовательские планы, используя ресурс добровольчества среди учащихся г. Красноярска [Бородовская, 1999, с. 22–26]. Для г. Новосибирска начала 1990-х гг. подобная ситуация тоже была актуальной, но количество археологов-«энтузиастов» было значительно больше, чем в 20-е гг. прошлого века. Во-вторых, именно к концу XX столетия в системе дополнительного образования детей г. Новосибирска, как и во всей стране в целом, сложились благоприятные условия для реализации инициатив и творчества педагогов, создавших детские археологические коллективы. Это выражалось в возможностях административного ресурса каждого конкретного учреждения, в том числе обеспечение транспортом и продуктами в период полевой экспедиционной деятельности, специальными помещениями для стационарных занятий и камеральной

деятельности, а также возможностью комплектования фондов археологических музеев, существующих в системе дополнительного образования детей.

Таким образом, к началу нового тысячелетия уровень деятельности археологических коллективов г. Новосибирска можно охарактеризовать как максимально возможный. Это получило отражение в интенсивности экспедиционной деятельности археологических коллективов школьников, в разнообразии регионов исследований, в публикациях серии тематических сборников докладов учащихся по археологии Сибири, а также создании первого справочника по археологическим коллективам обучающихся г. Новосибирска [Юношеский..., 1995, 2000; Дорогами..., 2001; Археологические..., 2002].

Спустя всего 10 лет в нашем городе с археологическими кружками, клубами, объединениями в школах и системе дополнительного образования детей сложилась принципиально иная ситуация. Количество коллективов существенно сократилось, что отразилось на всех направлениях деятельности этого профиля. Причинами таких процессов стали субъективные и объективные факторы. С одной стороны, большинство тех, кто создавал археологические коллективы учащихся в 90-е гг. XX в., смогли обрести свою реализацию в профессиональной археологической сфере (академические институты, музеи, вузы, другие учреждения). С другой стороны, нарастание общих негативных тенденций в сфере образования, в том числе формализация, стандартизация учебного процесса, не миновало и систему дополнительного образования детей, оставив не так много места для энтузиазма и творческой инициативы, значительно осложнив процедуры выходов в музеи, на выставки, выездов на экскурсии и в экспедиции в связи с огромным количеством новых документов по организации выездных практических занятий и безопасному пространству при перевозках детей.

Между тем на принципах добровольности, самостоятельной инициативы и энтузиазма «держались» многие археологические коллективы учащихся как Новосибирска, так и других городов Сибири. Результатом этого стало существенное сокращение детских профильных коллективов по археологии, как следствие – снижение темпов развития научно-практической и исследовательской деятельности школьников по археологии, отсутствие секций «Археология» на городских, региональных научно-практических конференциях школьников при общем увеличении научно-практических мероприятий и сборников конференций различного уровня.

Подводя итоги, можно заметить, что на протяжении рассматриваемого периода образовательная деятельность с обучающимися г. Новосибирска в области археологии была несколько раз подвержена как «восходящим», так и «нисходящим» тенденциям своего развития, отражающих как общие, так и локальные тренды современного образования, в том числе возможности интеграции профессиональной археологии в образовательную сферу.

Библиографический список

Археологические коллективы системы дополнительного образования г. Новосибирска на рубеже тысячелетий. – Новосибирск, 2002.

Ауэрбах Н.К. Археология : программа-инструкция для краеведов. – Новосибирск, 1929.

Бородовская Е.Л. Археолого-краеведческие экскурсии и экспедиции с учащимися в Западной Сибири. – Новосибирск, 1999.

Вопросы методики работы школьных археологических кружков. – Новосибирск, 1990.

Дорогами тысячелетий : сборник научных работ юных археологов города Новосибирска. – Новосибирск, 2001.

Юношеский полевой семинар : материалы. – Вып. 1. – Новосибирск, 1995.

Юношеский полевой археологический семинар : материалы. – Вып. 2. – Новосибирск, 2000.

А.П. Бородовский¹, Л. Олещак²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;*

²*Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша*

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»), естественнонаучные анализы выполнены по гранту №2014/13/NS3/04630 «Северный Алтай в эпоху раннего железа» (Польша)

Выявление археологических памятников гунно-сарматского времени на территории Северного Алтая является одним из актуальных направлений современных полевых исследований. Одна из таких территорий – горная долина нижней Катунь, представляющая важнейшую часть Северного Алтая. Именно там в конце прошлого столетия была выделена майминская археологическая культура [Абдулганеев, 1993, с. 3–5]. В настоящее время к этому культурному образованию на катунском правобережье относится еще целый ряд археологических памятников – Долина Свободы-2, Майма-1, VII, XIII, XIV, Черемшанка, Чултуков Лог-1г, Чултуков Лог-9, Манжерок-5, 12, 13, 14, Муны-1, Усть-Муны-1, часть культурного слоя на городищах Манжерок-3 и Барангол-5 [Borodovskiy, Olechak, 2012, Бородовский, Бородовская, 2013, с. 137]. При этом интерпретации материалов данных памятников, основанные исключительно на традиционных археологических методах, часто грешат своей односторонностью. В качестве одного из таких примеров можно привести исключительную атрибуцию гунно-сарматским временем нескольких городищ (Барангол-5, Манжерок-3) горной долины нижней Катунь [Соёнов В.И., Константинов, Соёнов Д.В., 2011]. В первом случае (Барангол-5) культурный слой, кроме предметного комплекса, может быть датирован на основании радиоуглеродного метода вплоть до середины I тыс. н.э., что не дает оснований для определения времени возведения его оборонительных сооружений (рвов и валов). Во втором (Манжерок-3) – радиоуглеродная датировка рва из наиболее мощных оборонительных сооружений городища однозначно дает более раннюю дату [Бородовский и др., 2013], хорошо коррелирующуюся с предметным комплексом эпохи раннего железа этого памятника. Таким образом, обоснованная культурно-хронологическая атрибуция археологических памятников гунно-сарматского времени должна проводиться не только на современном уровне исследований, но и по возможности независимой проверяемости полученных данных. В рамках решения этих задач в настоящее время начинается формирование серии радиоуглеродных дат для целого ряда археологических памятников (Чулуков Лог-1 и 9, Манжерок-3 и 12, Барангол-5). Полученные результаты позволяют предложить следующую хронологию поселения: большинство образцов датировано в пределах II–V вв. н.э. Кроме вопросов хронологии археологических памятников гунно-сарматского времени горной долины нижней Катунь мультидисциплинарные методы были активно задействованы для уточнения характера проводимой на них хозяйственной деятельности. По данным трасологического анализа, многочисленные галечные орудия для обработки кожи с поселений Чултуков Лог-9, Манжерок-13, Манжерок-14 близки к инструментам, экспериментально использованным для обработки краевых участков шкур животных [Семенов, Коробкова, 1983, с. 154, рис. 34.-1, 14, 15]. Изотопный анализ костей животных из поселения Чултуков Лог-9 дает возможность представить различие палеодиеты лошадей и овец. Эти животные выпасались отдельно. По данным изотопного анализа, овцы гунно-сарматского времени горной долины нижней Катунь отличались достаточно грубой шерстью. Интересно, что по данным остеологических исследований материалов из пазырыкских погребений Барангола-1, проведенных А.В. Гальченко, можно было говорить о наличии тонкорунных овец, дававших шерсть высокого качества, не уступавших шерсти овец-мериносов. Таким образом, возможно, что в гунно-сарматское время по сравнению со скифской эпохой на Северном Алтае могла произойти деградация

овцеводства. По сравнению с овцами лошади гунно-сарматского времени с поселения Чултуков Лог-9 паслись на других лугах. Эти пастбища находились в непосредственной близости от воды, очевидно около Катуня. Геофизические исследования позволили выявить многие конструкции и структуры на поселении Чултуков Лог-9 и курганной группе Манжерок-12, существование которых в дальнейшем было подтверждено археологическими раскопками. Не менее любопытно сравнение данных изотопного анализа как представителей гунно-сарматского времени (майминская культура), так и носителей культурных традиций (быстрянской, кара-кобинской, пазырыкской) предшествующей скифской эпохи. Изотопный анализ костей, погребенных из захоронений майминской культуры Чултукова Лога-1г, позволяет считать население гунно-сарматского времени более тесно связанным со скотоводческим хозяйством, чем предшествующее население скифской эпохи. Главными элементами палеодиеты «майминцев» являлось молоко и молочные продукты, а также мясо коней и овец. Растительный белок в их рационе играл гораздо меньшую роль, чем у населения скифской эпохи, и особенно носителей пазырыкской культуры. Данные, полученные при изучении материалов из барангольского некрополя, показывают, что эпицентром распространения зубного кариеса в эпоху раннего железа являлась горная долина нижней Катуня (Барангол-1, 2, 4) [Бородовский, Тур, 2015]. Тем не менее уровень потребления мясомолочных продуктов, по данным изотопного анализа майминской археологической культуры гунно-сарматского времени, более близок «кара-кобинцам» скифской эпохи. Все это в целом позволяет проследить определенные тенденции и тренды палеоэкономики гунно-сарматского времени Северного Алтая. Не менее результативным является использование современных ГИС-технологий. Это позволило получить трехмерную модель поселенческого комплекса Чултуков Лог-9. Использование фотограмметрии для 3D-моделирования (рендеринг) позволило создать виртуальную модель наиболее характерного для майминской культуры подквадратного очага с обкладкой из плитняка (Чултуков Лог-9).

В целом, в современных условиях существенное расширение источниковой базы по гунно-сарматскому времени Северного Алтая для своей корректной интерпретации требует использования мультидисциплинарных методов.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Майминская культура. Предварительные итоги и перспективы изучения // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1993.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуня в эпоху палеометалла. – Новосибирск, 2013.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Олешак Л., Щепаник П. Российско-польские археологические исследования в горной долине нижней Катуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIX. – Новосибирск, 2013.

Бородовский А.П., Тур С.С. Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине нижней Катуня (антропологический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43. – №3.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит. Энеолит. – Л., 1983.

Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В. Особенности топографии и хронологии городищ Алтая и северных предгорий // Материалы Международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск, 2011.

Тур С.С., Рыкун М.П. Заболеваемость зубным кариесом среди населения Алтая скифского времени // Экология древних и традиционных обществ. – Вып. 4. – Тюмень, 2011.

Borodovskiy A.P., Olechak L. Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time // Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie. – Vol. 4. – Krakow, 2012.

С.Г. Бочаров, Д.В. Иोजица
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
ВЕНЕЦИАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И КРЫМ В XIII–XV вв.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» – «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007)

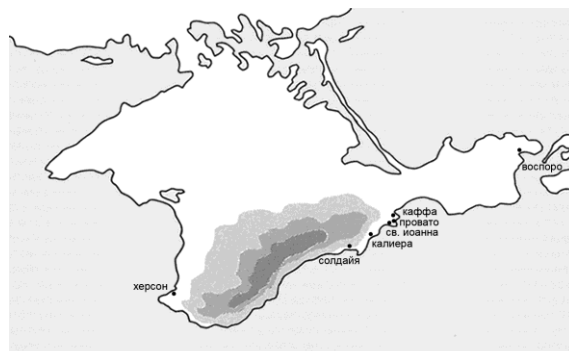
В истории итальянских морских республик XIII–XV вв. регион Северного Причерноморья занимает ключевое место. Позиции Венеции были сильнее в Приазовском регионе, здесь их основным торговым пунктом была Тана – часть золотоордынского города Азака [Карпов, 2001, с. 24]. Генуя доминировала на Крымском полуострове, где располагался ее основной форпост – город Каффа. К концу XIV в. Генуэзская республика создаст целую сеть городов, замков, селений в Крыму и Северном Причерноморье, которая в современной литературе получила наименование Генуэзская Газария, в то время как венецианское присутствие в регионе так и будет связано с единственным местом – Таной. Но это не значит, что республика Св. Марка не пыталась расширить зону своего влияния в Северном Причерноморье и в дополнение к Танае получить во владение новые пункты на Крымском побережье. Таких попыток было три. Данный доклад посвящен материальным следам венецианского присутствия на Крымском полуострове.

Первая попытка связана со старым византийским центром в Восточном Крыму городом Сугдея (Солдайя, Судак) (рис.) и относится к последней трети XIII в. Территория венецианского квартала в городе еще археологически не определена. Венецианцам удалось основать свою первую факторию на Крымском полуострове в этом городе, который находился под властью монгольских ханов. Солдайю пришлось покинуть в первом десятилетии XIV в. во время конфликта с Золотой Ордой [Nystazopoulou Pélékidis, 1970, p. 18–20].

Вторая попытка приходится на 1347 г. Правительство Венеции обращается к золотоордынскому хану Джанибеку с просьбой предоставить место под устройство торгового поселения в Воспоро (Боспор, Керчь) (рис.) [Martin, 1993, p. 230]. Судя по отсутствию каких-либо дальнейших и письменных, и материальных свидетельств, Джанибек не позволил венецианцам обосноваться на берегу Керченского пролива.

Третья попытка закрепиться на полуострове была предпринята Венецией в середине 50-х – начале 80-х гг. XIV в. Как и во втором случае, она была связана с временной потерей венецианцами Таны. Республика Св. Марка попыталась перенести центр торговой активности из дельты Дона в Восточный Крым. Первым действием в этом направлении стало получение от хана Джанибека весной 1356 г. разрешения на устройство торгового поселения у бухты Провато (современное название – Двухъякорная) в Восточном Крыму, 10 км западнее Каффы (рис.). Провато становится конечной точкой венецианской торговой навигации. Именно сюда в 1356, 1357 гг. заходят галеи линии на сроки продолжительностью 9–10 дней [Карпов, 1994, с. 55, 64]. Затем в 1358 г. венецианцы еще более расширили свое присутствие в Крыму. Хан Бердибек подтвердил их право на владение портом Провато и разрешил использовать гавани Солдайи и Калиеры [Diplomatarium, 1899, p. 25–26, 51–52].

В 2000–2007 гг. было проведено сплошное археологическое исследование побережья шурфами 2 × 2 м и раскопами 3 × 3 м. Сделано 37 шурфов и два раскопа. Ощутимые результаты принес лишь один раскоп 3 (по единой нумерации зондажей), где удалось зафиксировать искомые культурные напластования [Бочаров, 2015а, с. 306–312]. Эти результаты показывают,

Пункты, связанные с венецианским присутствием на Крымском полуострове в XIII–XV вв. и упоминаемые в тексте доклада

что в восточной части Двухъякорной бухты Венецианская республика не создала стационарного поселения. Провато использовалась как сезонная якорная стоянка. В этом месте в условленный срок встречались венецианские суда и караваны из Солхата, и в течение десяти дней совершался торг, после чего суда брали курс на Венецию, а ордынские торговцы отправлялись в обратный путь. В любом случае, даже если венецианцы и планировали здесь создать стационарное торговое поселение, их планам не удалось реализоваться. В 1365 г. Генуэзская республика через свой главный форпост в Причерноморье – город Каффу – захватывает эти земли и после двадцатилетнего конфликта с крымским улусом Золотой Орды окончательно закрепляет их за собой в 1397 г. После казуса с Провато Венецианская республика уже не пыталась основать свою факторию на Крымском побережье.

Тем не менее галеи линии Таны продолжали совершать краткие 1–3-дневные остановки с целью пополнения запасов воды и провизии в Каффе, Херсоне (Херсонесе) и в пункте, именуемом мысом Св. Иоанна [Карпов, 1994, с. 55, 72]. Если нахождение Каффы в Восточном Крыму и Херсона в Юго-Западном Крыму понятно (рис.), то место расположения стоянки у мыса Св. Иоанна было неизвестно.

С целью поиска места расположения венецианской якорной стоянки у мыса Св. Иоанна археологической экспедицией «Каффа» была проведена программа натуральных археологических исследований и раскопок на побережье Тихой бухты (рис.), которая была подкреплена архивными изысканиями и выполнялась с перерывами с 1998 по 2001 г. Материальные следы венецианской якорной стоянки у мыса Св. Иоанна нашли отражение в культурном слое небольшого поселения в Тихой бухте, где галеи линии Таны могли пополнять запасы воды и продовольствия и делали краткие стоянки в 1396, 1397, 1399 и 1433 гг. [Карпов, 1994, с. 55]. Поселение площадью около 40 × 100 м располагалось в Кучук-Янышарской долине, вблизи береговой линии Тихой бухты (рис.) у северного склона прибрежного безымянного холма с высотной отметкой 19,0 м. На поселении были заложены два разведочных раскопа 4 и 5 (по общей нумерации) размером 3 × 3 м. Глубина культурных напластований составила от 0,32 до 0,56 м [Бочаров, 2015б, с. 705–709].

Таким образом, в конце XIII – XIV в. правительство Венецианской республики трижды пыталось организовать торговые фактории на Крымском полуострове. Для этой цели на разных этапах использовались как старые византийские города, например Сугдея, Боспор, так и незаселенные бухты, такие как Провато. Все эти попытки не увенчались успехом. В конце XIV – XV в. венецианское присутствие в Крыму ограничивается краткими 1–3-дневными стоянками судов линии Таны в тех пунктах – Херсоне, Каффе и у мыса Св. Иоанна.

Библиографический список

Бочаров С.Г. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356–1382 гг. // Стратум Плюс. – 2015а. – Вып. 6.

Бочаров С.Г. Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV – первая половина XV вв. // Исторический журнал: научные исследования. – 2015б. – Вып. 6 (30). DOI: 10.7256/2222-1972.2015.6.17435.

Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360 гг.) // Причерноморье в средние века. – Вып. 5. – СПб., 2001.

Карпов С.П. Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. – М., 1994.

Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. By R. Predelli. – P. 2. – Venetiis, 1899.

Martin M. The Venetians in the Black Sea: a general sarvey // Rivista di Bizantinistica 3. – Т. 2. – 1993.

Nystazopoulou Pélékidis M. Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle // Thesaurismata. – 1970. – Vol. 7.

Е.Н. Бочарова¹, Л.В. Зоткина^{1,2}
¹Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТА
ИЗ ГРАФИТА С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАЗАЧКА-I

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Доклад посвящен описанию уникального предмета из коллекции XIX горизонта местонахождения Казачка-I – изделию из графита с просверленными биконическими отверстиями.

Местонахождение находится в нижнем течении правого притока Енисея – реки Кан, в устьевом участке ее правого притока – р. Казачка. Территориально – это Канский район Красноярского края. Приурочено к отложениям 7–8-метровой I-й надпойменной террасы. По географическому и геолого-морфологическому районированию Канской лесостепи данная местность относится к северо-западному подрайону Присяянского подгорного района и является контактной зоной Канско-Рыбинской котловины и Енисейского кряжа [Сергеев, 1962, с. 213].

Всего на местонахождении выявлены 20 культуросодержащих горизонтов в диапазоне от 11,5 до 1,5 тысячи лет назад [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984]. По палеомагнитным данным, датировка XIX горизонта укладывается в интервал 11004–11080 л.н. [Бураков, Начасова, Генералов, 1996], дата по ¹⁴C 10800 ± 520 л.н. (ЛЕ, кость без номера) (некалиброванные).

Общая площадь вскрытия XIX горизонта – 180 кв. м, общее количество находок в слое – 30499 предмета, из которых 27046 экз. костей животных и 3453 экз. каменных предметов. Находки располагаются скоплениями вокруг сильноразмытых (или развезенных) кострищ. Орудийный набор состоит из вкладышей, резцов, резчиков, скобелей, скребков; комбинированные орудия (скребки-ножи и орудия, сочетающие в себе признаки нуклеусов и скребков) – из бокового скребла, обломка концевое скребла, чоппера, отбойников. Орудия из кости представлены двухпазовым вкладышевым орудием иволистной формы; остриями из кости и рога, овальными в сечении; фрагментами костяных игл [Бочарова, Савельев, Тимощенко, 2013].

Основным сырьем для изготовления служили кремний, халцедон, диабаз, кварцит. В слое зафиксировано лишь шесть находок из графита, одна из которых со следами обработки. Последний представляет собой подчетыреугольный в плане предмет, оформленный шлифовкой и двумя отверстиями: одно обломано на дистальном конце предмета, второе – сквозное (рис.). Подобных предметов, которые можно было бы отнести к категории мелкой пластики на местонахождении и ближайших объектах, обнаружено не было. Анализ археологической литературы также не дал результатов в поисках аналогий для соседних территорий.

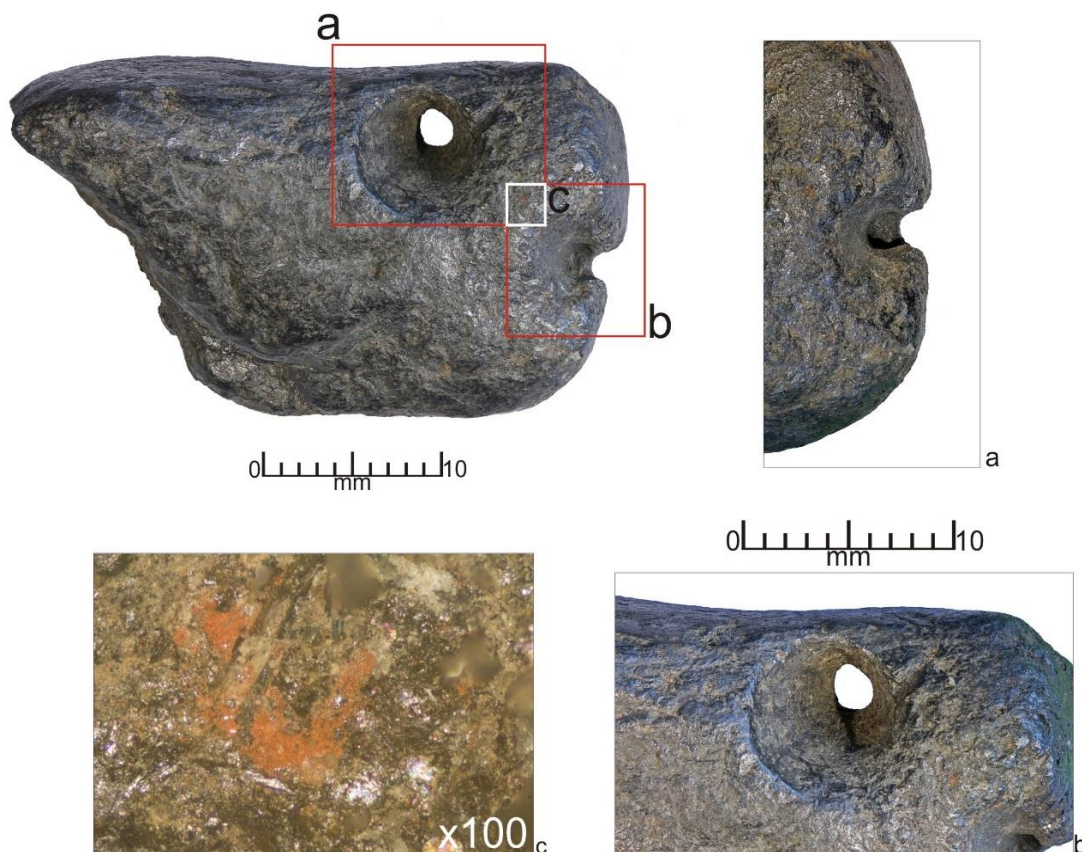
С целью установить функциональную принадлежность данного предмета было проведено трасологическое исследование, в задачи которого входили следующие определения:

- характер сверления и наличие/отсутствие признаков подвешивания предмета;
- наличие/отсутствие других свидетельств искусственной обработки материала, кроме сверления.

При проведении микроскопического анализа было выявлено следующее:

- в обоих случаях отверстия сквозные, биконические, предположительно выполнены лучковым сверлением (рис.-а); нецелое отверстие было обломано в процессе сверления, разомкнутые края которого обнаруживают ярко выраженную сглаженность (рис.-б);
- специфических следов, указывающих на истирание, сглаживание поверхности вокруг отверстия, не обнаружено.

Помимо этого, в результате исследования на многих участках предмета выявлены линейные следы, которые по ряду признаков носят искусственный характер. На нескольких участках на лицевой стороне зафиксированы фрагменты красного красителя (предположительно охры) (рис.-с). Возможно, изучаемый предмет использовался для получения или смешивания пигментов черного и красного цвета. Также стоит отметить, что А.Г. Генералов [2001, с. 195] среди большого количества фрагментов кости описывает два эпифиза со следами охры. Однако можно предположить, что данные следы появились в процессе тафономизации и связаны, например, с окрашиванием оксидом железа, содержащимся в почве.

Изделие из графита: *a, b* – макроснимки отверстий (фото обработаны в программе Helicon Focus);
c – макроснимок отверстия (фото обработано в программе Helicon Focus)

Из вышесказанного можно сделать вывод, что исследуемый предмет не использовался в качестве подвески или пуговицы. Однако выявленные многочисленные линейные следы, царапины, которые фиксируются невооруженным взглядом, могут указывать на иные функции данного предмета.

Библиографический список

Бочарова Е.Н., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. Комплекс раннего голоцена местонахождения Казачка I в Канско-Рыбинской котловине // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Ч. 1. – Чита, 2013.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона : дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2001.

Сергеев Г.М. Физико-географическое районирование Канской лесостепи // Известия Красноярского отдела ВГО. – 1962. – Вып. 2.

Д.Л. Бродянский

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

«ЧАШЕЧНЫЕ» ПЕТРОГЛИФЫ В НЕОЛИТЕ И ПАЛЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ

«Чашечные» камни, не менее 150, найдены на 20 памятниках на юге Приморья. Они обнаружены в бойсманской, веткинской, зайсановской неолитических культурах, в синегайской, янковской, кроуновской культурах палеометалла. Многие годы их назначение объясняли как упоры при добывании огня, для колки орехов – абсолютно абсурдные, но широко распространенные трактовки.

Не избежал их и автор. В 1992 г. при раскопках Бойсмана-II в первом могильнике были найдены 10 «чашечных» камней с антропоморфными личинами (рис. 1, 2), среди них – криворотный персонаж – бог ветра в дальневосточной мифологии (рис. 3). В двух бойсманских могильниках 6 тыс. лет назад погребены арктические монголоиды, среди петроглифов – персонажи из цикла мифов о Вороне (рис. 4).

В четырех памятниках найдены шесть камней с изображениями созвездий: Плеяды, Большая Медведица, Лебедь, Рак, Орион, Ткачиха и Пастух, Персей, Овен.

Самая распространенная категория «чашечных» камней – алтари умерших родственников (рис. 6), аналоги забайкальских наскальных оградок.

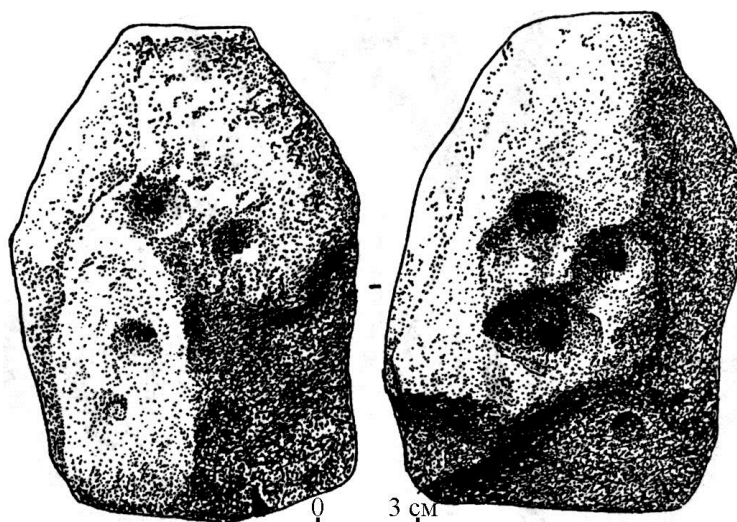

Рис. 1. Бойсмана-II, камень №5 (песчаник)

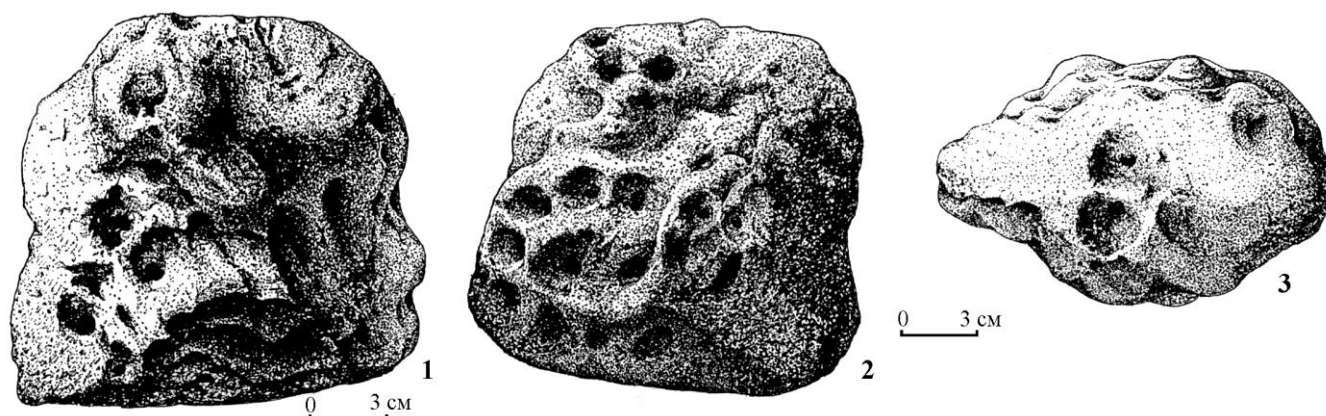

Рис. 2. Бойсмана-II, камень №11 (песчаник)

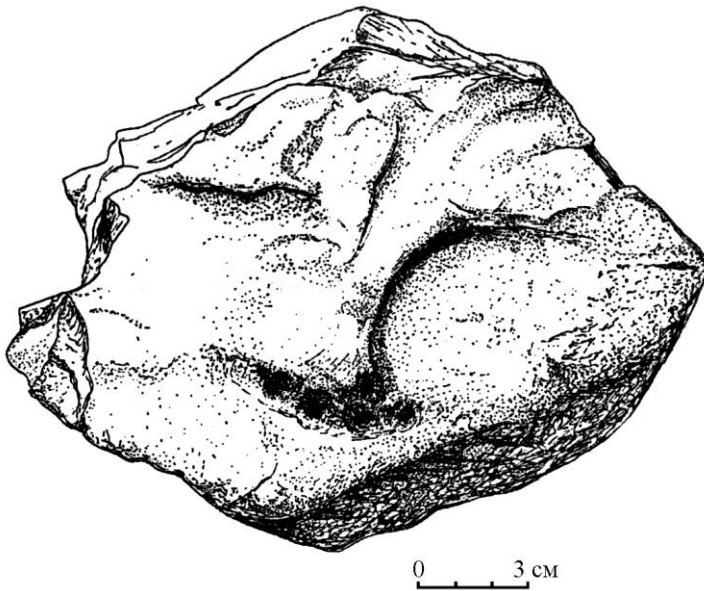

Рис. 3. Бойсмана-II, камень №13
(пермский песчаник)

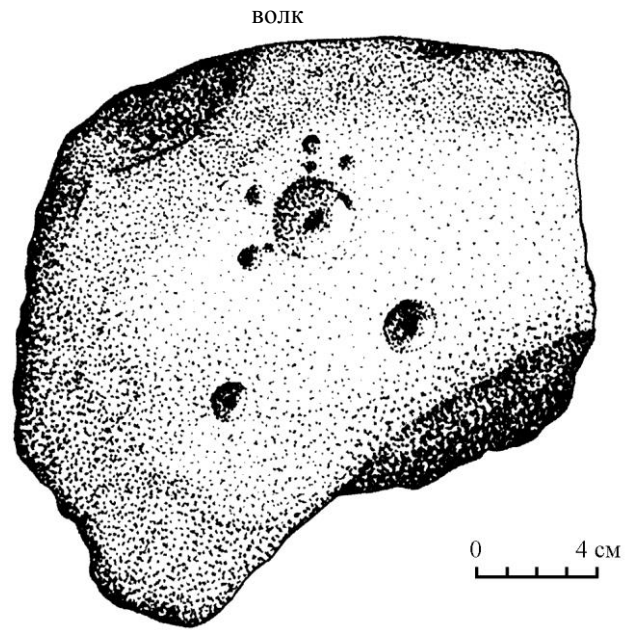

Рис. 5. Майхэ-I, янковский слой.
Терочник с рисунком созвездия Рака

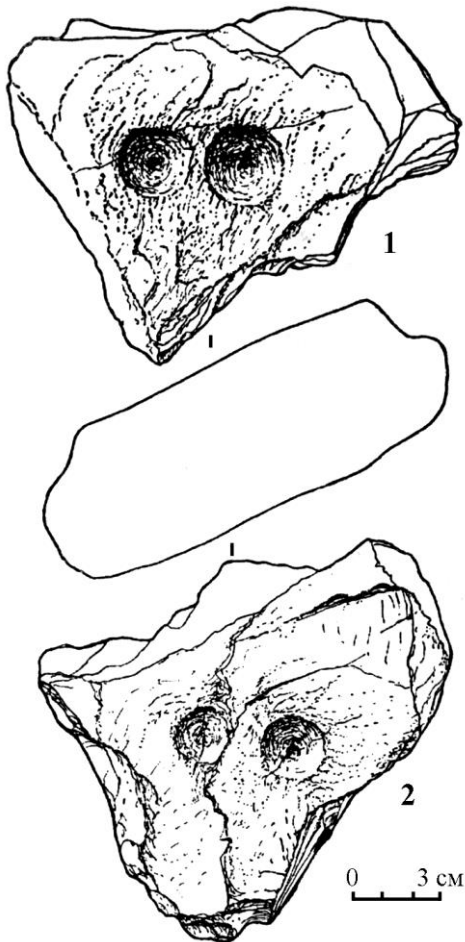

Рис. 4. Бойсмана-II, камень №15 (пермский
песчаник): Ворон, рассеченный

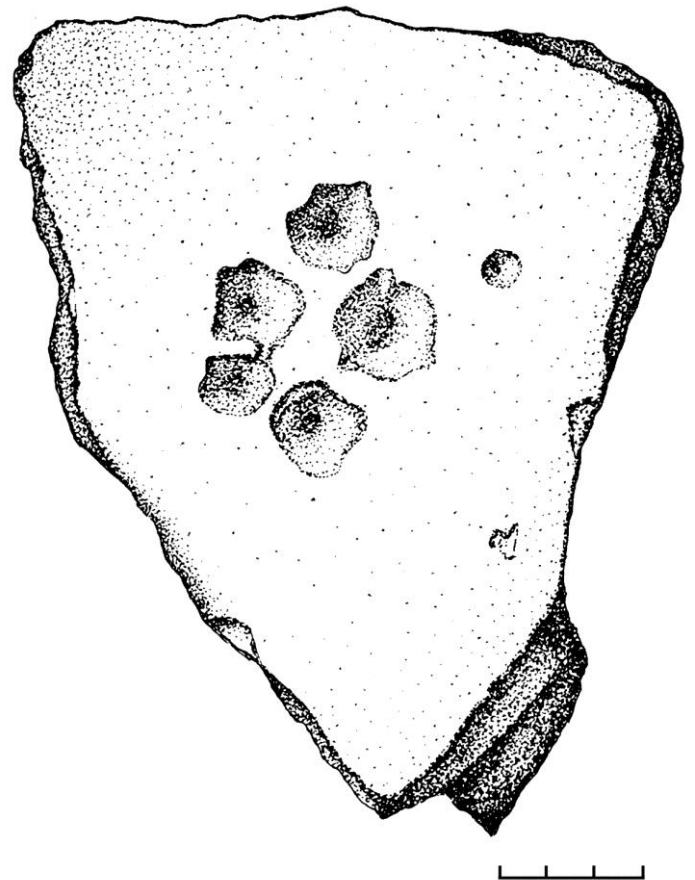

Рис. 6. Бухта Аякс, зайсановская культура
(песчаник)

А.П. Бужилова, Н.Я. Березина
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
**МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
АНАЛИЗ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00420 «Охотники-собиратели на финальных этапах палеолита и мезолита: анализ истории повседневной жизни методами естественных наук»)

Интенсивная двигательная активность человека каменного века, долгие пешие переходы, связанные с охотой и собирательством, интерактивное освоение среды и ее агрессивность – все это не могло не сказаться на уровне травматизма. Некоторые палеопатологи обращают внимание на увеличение числа черепных травм к эпохе мезолита по сравнению с предшествующими периодами. Так, в мезолитических сериях Скандинавии черепные травмы встречаются у каждого второго-третьего индивида (43,8%) [Bennike, 1985]. Травмы характерны в первую очередь для мужской части группы и отмечаются преимущественно у подростков и людей пожилого возраста. Многие исследователи объясняют выявленную тенденцию изменением уровня агрессивности, который повышается в популяциях с высокой плотностью населения. Однако это предположение не дает полного объяснения. Так, среди ранних земледельцев черепные травмы встречаются крайне редко, хотя плотность населения, как известно из разных изысканий, в этот период заметно увеличивается. Пытаясь объяснить подобное противоречие, некоторые ученые склоняются к мнению, что эффект оседлости играет положительную роль для нормализации внутриобщественных отношений [Meiklejohn et al., 1984].

В данном сообщении приводятся результаты сравнительного анализа распространения черепных травм среди населения северо-востока и юго-востока Европы (Южный Олений остров, Манино-1, Попово, памятники мезолита Украины) на фоне групп Западной Европы. По сравнению с синхронными группами Западной Европы в восточных сериях не отмечается завышения уровня травматизма. Причем на севере Восточной Европы число травм ощутимо меньше, чем на юге Восточной Европы. Выявленные в ходе исследования травмы рассматриваются в контексте особенностей погребального обряда. Специальный интерес вызывает одновременное распространение нескольких погребальных традиций внутри одного археологического комплекса. Отметим наряду с обычными ингумациями присутствие так называемых вертикальных одиночных погребений на Южном Оленьем острове (четыре случая). Аналогов им до сих пор не обнаружено. Особое внимание привлекают совместные погребения (двойные, тройные и коллективные). Они отмечены не только на Южном Оленьем острове, но и в синхронном ему Манино (Вологодская обл.), в Звениках (Латвия) и северо-западных памятниках Западной Европы. Нередко травмы черепа, приведшие к летальному исходу, отмечаются у индивидов из совместных парных и непарных погребений [Бужилова, 2005].

Сравнительный анализ с более поздними материалами с территории Юго-Восточной Европы показал, что разнообразие в погребальных традициях в рамках единого археологического комплекса практикуется еще долгое время. Показательными считаются памятники так называемого мариупольского типа. Как правило, это массовые, коллективные захоронения. Погребенных клали главным образом на спину лицом вверх. В обряд входило обязательное использование охры и специфического набора инвентаря при отсутствии сосудов [Телегин, 1991]. В отдельных могильниках фиксировались расчлененные скелеты (Осиповка, Сакаровка), в других – ритуальные трепанации черепов (Вовниги-2, Васильевка-2 и 3, Ясиноватка) [Телегин, 1991; Гойхман, 1966; Гохман, 1966; Потехина, 1999; Бужилова, 2005]. Смертельные травмы наиболее часто отмечаются у индивидов, чей погребальный обряд заметно отличается от погребений остальных членов общины [Бужилова, Березина, 2016].

Практическое отсутствие черепных травм в северо-восточных группах по сравнению с синхронными группами северо-западной Европы позволяет реконструировать несколько средовых параметров. Во-первых, не исключено, что враждебные стычки, приводящие, как правило, к черепным травмам, отражают условия высокой плотности населения. Во-вторых,

нельзя исключить при этом факторе (или вне зависимости от него) недостаток пищевых ресурсов в районе проживания западных групп [Walker, 1989; Янкаускас, 1993]. Если принять последнюю причину как основную гипотезу, то очевидно, что в отличие от западных северо-восточные территории Европы характеризуются наличием полноценных и достаточных пищевых ресурсов.

При анализе повседневной жизни охотников-собирателей методами археологии и естественных наук важно отметить несомненное разнообразие различных орудий труда и охоты на севере Восточной Европы: использование так называемого дистанционного оружия (лука и стрел), широкое распространение рыболовных снастей (гарпуны, крючки), появление лыж. На этапах мезолита при производстве орудий применяются более мягкие, чем прежде, породы камня, широко используется дерево, кость и олений рог, что значительно расширяет методы обработки материала, в том числе с использованием полировки и сверления [Ошибкина, 1989]. Данные палеозоологических исследований дают представление об охоте людей на северного оленя, лося, медведя, кабана, косули, бобра, уток, лебедя и гагары. На поздних этапах культурного развития немаловажное значение приобретает еще и рыбная ловля.

Таким образом, опосредованно определяется достаточный уровень пищевых ресурсов в регионах, относительно меньшая плотность жителей северо-востока Восточной Европы по сравнению с северо-западной частью континента, а также вектор возможных перемещений населения с запада на восток. На юго-востоке Европы эти показатели демонстрируют средние значения. Не исключено, что на это промежуточное положение Юго-Восточной Европы влияют другие факторы социально-экономической природы. Во всех регионах Восточной Европы отмечается дифференциация погребальных обрядов внутри одних археологических комплексов, нередко это обособление связано с присутствием смертельных травм у захороненных индивидов. Представленные результаты позволяют предположить, что в мезолите намечается географическая неравномерность биологического и социального развития популяций, которая адекватно согласуется со спецификой окружающей среды.

Библиографический список

- Бужилова А.П. Homo sapiens. История болезни. – М., 2005.
- Бужилова А.П., Березина Н.Я. Биоархеологические подходы к анализу населения эпиграветтской культуры (по материалам Волошского могильника, Украина) // Известия Института антропологии МГУ. – 2016. – Вып. 1.
- Гойхман В.А. О трепанации черепа в эпоху мезолита // Вопросы антропологии. – 1966. – Вып. 23.
- Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. – М., 1966.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. – 1956. – Вып. 47.
- Ошибкина С.В. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части // Мезолит СССР. – М., 1989. – (Археология СССР).
- Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита (по антропологическим данным). – Киев, 1999.
- Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. – Киев, 1991.
- Янкаускас Р. К антропоэкологии средневекового города (на литовских палео-osteологических материалах) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. – М., 1993.
- Bennike P. Palaeopathology of Danish skeletons: a comparative study of demography, disease and injury. – Copenhagen, 1985.
- Meiklejohn C., Schentag C. and Venema A. Socioeconomic change and patterns of pathology and variation in the Mesolithic and Neolithic of Western Europe: some suggestions // Paleopathology at the origins of agriculture. – London-Orlando, 1984.
- Walker P.L. Cranial injuries as evidence of violence in prehistoric Southern California // American Journal of Physical Anthropology. – 1989. – №80.

А.П. Бужилова¹, В.М. Харитонов¹, А.Ю. Васильев²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

²Московский государственный медико-стоматологический университет, Москва

ВОЗРАСТНЫЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕБЕНКА ТЕШИК-ТАШ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЕГО ДЕФИНИЦИИ В РЯДУ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ НАХОДОК

Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФ №14-50-00036

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»

Первая публикация Г.Ф. Дебеца [1940], посвященная анализу основных морфологических характеристик черепа ребенка из грота Тешик-Таш (раскопки А.П. Окладникова, Гиссарский хребет, Южный Узбекистан), положила начало многолетней дискуссии о положении этой находки в ряду известных антропологических останков среднепалеолитических индивидов. Морфологические особенности сохранившегося черепа и фрагментов скелета получили противоречивую оценку известных палеоантропологов того времени: Ф. Вайденрейха, М.А. Гремяцкого, М.М. Герасимова, В.В. Бунака, В.П. Якимова, Ф. Хоуэлла, Х. Ульриха, Я.Я. Рогинского, Р. Граманна, Ж. Пивто, У. Хауэллза, В. Гизелера, С.И. Успенского, А. Тома и К. Куна [Алексеев, 1973]. Сам В.П. Алексеев [1973, 1978], помимо историографического анализа находки, делал попытки дефиниции Тешик-Таш, применяя неординарные подходы и методы. По его мнению, эту находку можно уверенно отнести к неандертальцам, при этом учитывать наличие прогрессивных черт, отличающих его от «классических» неандертальцев. Комбинация морфологических особенностей сближает Тешик-Таш с европейской группой Эрингсдорф либо переднеазиатской Схул.

Следуя хронологической последовательности работ, посвященных Тешик-Таш, отметим краткую публикацию А. Хаеусслер [Haеussler, 1997], которая по результатам одонтологического анализа постоянных зубов пришла к заключению, что выявленные морфометрические особенности поддерживают идею о существовании в среднем палеолите потока генов между Европой и Средней Азией. Кроме того, автор подчеркивает, что нельзя исключить влияние генофонда ближневосточных *Homo* на формирование особенностей ребенка Тешик-Таш. Подчеркивая сходство этой находки с европейскими и ближневосточными материалами, исследователь не отвергает идеи о причинах близости вследствие «генетического вливания» западного генофонда в местный субстрат населения Северо-Восточной Азии, имевшего свою «параллельную» биологическую историю. Неоднозначное положение Тешик-Таш в ряду неполовозрелых индивидов среднего и верхнего палеолита, по данным краниологии, была переоценена группой исследователей [Glantz et al., 2009]. Они пришли к заключению, что нет достаточных данных для уверенного отнесения останков Тешик-Таш к неандертальцам вследствие противоречивых комбинаций в морфологии черепа.

В работе приводятся результаты сравнительного антропологического анализа с новыми антропологическими находками, полученными благодаря интенсивной работе археологов под руководством академика А.П. Деревянко [Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко, 2011]. Они твердо определены как неандертальские по данным археологии, антропологии и палеогенетики [Krause et al., 2007; Glantz et al., 2008; Viola, 2009; Reich et al., 2010; Buzhilova, 2013; Mednikova, 2013]. Это останки неполовозрелых и молодых индивидов из Оби-Рахмат, пещеры Окладникова и Чагырской пещеры. В анализе учитываются фрагментарные материалы из Денисовой пещеры, которые в настоящее время рассматриваются как представители кузенного подвида неандертальцев и людей современного анатомического вида. Помимо классического сравнения данных антропологии, приводятся результаты филогенетического анализа ростовых процессов ювенильных форм неандертальцев, верхнепалеолитических сапиенсов и современных представителей *Homo sapiens* для оценки таксономического положения ребенка Тешик-Таш. Этот метод подчеркивает быстрое онтогенетическое становление дефинитивной морфологии у Тешик-Таш, что приближает его к западноевропейским формам

неандертальцев. Однако некоторые признаки лицевого скелета Тешик-Таш отличаются рядом недифференцирующих архаичных особенностей. Последнее может свидетельствовать о более древнем генетическом субстрате Тешик-Таш. Методами компьютерной томографии (КТ), включая конусно-лучевую КТ, проведен анализ внутренних структур черепа. Показано, что у индивида отсутствует фронтальный синус. Как показали итальянские исследователи, в группах неандертальцев у взрослых особей фронтальные синусы в среднем относительно больше, чем у представителей современного анатомического типа, и соответствуют современным жителям тропического пояса. Для современных детей соответствующего возраста этот синус должен присутствовать. Отсутствие фронтального синуса у Тешик-Таш может рассматриваться как редкая аномалия, влияющая на морфологические особенности надорбитальной области. Сравнительный анализ одонтологических материалов показал относительно большие диаметры молочных моляров нижней челюсти, близкие аналогичным показателям группы Схул-Кавзах. Постоянный второй верхний моляр близок по своим показателям к «денисовцам». В целом, физические особенности Тешик-Таш позволяют выдвинуть гипотезу о наличии в генетическом субстрате не только генов неандертальцев, выявленных по данным мтДНК, но и генов *Homo sp.* с отчетливой архаичной подосновой. Последнее, в свою очередь, не исключает также и генетической близости Тешик-Таш к «денисовцам».

Библиографический список

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. – М., 1978.

Алексеев В.П. Положение тешик-ташской находки в системе гоминид // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. – М., 1973.

Дебец Г.Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // Труды Узбекского филиала АН СССР. Серия «История, археология». – Вып. 1. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. – Ташкент, 1940.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск, 2011.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск, 1992.

Buzhilova A. Dental remains from the Middle Paleolithic layers of Altai cave sites // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2013. – Vol. 41(1).

Glantz M., Viola B., Wrinn P., Chikisheva T., Derevianko A., Krivoshapkin A., Islamov U., Suleimanov R., Ritzman T. New hominin remains from Uzbekistan // *Journal of Human Evolution*. – 2008. – 55.

Glantz M., Athreya S. and Ritzman T. Central Asia the Eastern Outpost of the Neandertal Range? A Reassessment of the Teshik-Tash Child // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2009. – 138.

Haussler A.M. The Middle Paleolithic child from Teshik-Tash: Morphometric analysis of the permanent dentition // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1997. – SUPPL 24.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hanni C., Derevianko A.P., Paabo S. Neandertals in Central Asia and Siberia // *Nature*. – 2007. – Vol. 449.

Mednikova M.B. An archaic human ulna from Chagyrskaya cave, Altai: morphology and taxonomy // *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2013. – 41 (1).

Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson Ph.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., and Paabo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. – 2010. – Vol. 468.

Viola T.B. New Hominid Remains from Central Asia and Siberia: the Easternmost Neanderthals? Dissertation. Dr.-Studium der Naturwissenschaften Anthropologie (Stzw). – Vienna, 2009.

А.А. Букатов, Т.В. Дюженко
*Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь*
ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ХЕРСОНЕСА В VIII–IX вв.
ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВОДНЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Херсонес Таврический – крупный центр транзитной черноморской торговли, занимавший выгодное положение на судоходных путях. Подводные находки в бухтах Гераклеяского полуострова, и особенно в Карантинной бухте, примыкающей к Херсонесу, несут информацию обо всех периодах существования города, отражая спектр его экономических связей. Гавани составляли единую структуру с сельскохозяйственной территорией Гераклеяского полуострова, обеспечивая лучшую систему эксплуатации сельскохозяйственных ресурсов [Туровский, 2015, с. 336]. Также можно предположить, что через порт в Карантинной бухте, примыкавшей к городу, где непосредственно располагалась городская администрация, проходил основной поток импортно-экспортных операций. В результате современной трансгрессии под водой оказалась часть городской территории и прибрежных сельскохозяйственных наделов, что проявляется в составе подводного археологического материала [Букатов, 2015, с. 253–257]. Это касается и портовых сооружений Херсонеса, точная локализация которых является одной из задач подводных исследований.

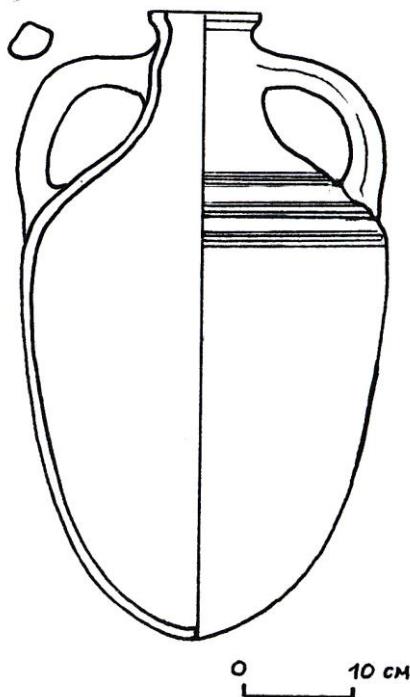
Период VIII–IX вв. в истории Таврики характеризуется экономическим подъемом, чему способствовал ряд социально-экономических и политических факторов. В VIII в. Таврика попадает под власть Хазарского каганата. Вплоть до середины IX в. византийско-хазарские взаимоотношения строились, вероятно, на взаимовыгодных условиях, способствовавших развитию мирных экономических связей. В этот же период состав населения значительно пополнился переселенцами с Подонья, Предкавказья, Малой Азии [Айбабин, 1999, с. 202–204]. На территории Южного побережья возникает большое количество сельских поселений. Наступившая в конце VIII в. политическая стабильность способствовала развитию их экономики [Айбабин, 1999, с. 212].

Возросший спрос на вино, выгодные условия торговли способствовали развитию виноделия в южных регионах Таврики. Потребность в таре, в строительной и бытовой керамике удовлетворяли крупные гончарные центры, возникавшие вблизи населенных пунктов у источников сырья и воды [Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 52]. На Южном побережье начиная с Восточного Крыма (район Коктебеля) до Херсонеса открыто более 30 гончарных центров VIII–IX вв. [Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 53].

Импорт товаров в так называемых «причерноморских амфорах» происходил в районы Тамани, Подонья и Приазовья, отдельные экземпляры крымской тары известны на приднепровских памятниках. Транспортировка амфор, скорее всего, происходила на судах морским путем через Керченский пролив и Меотиду, затем по Дону [Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 77].

В этом отношении средневековый Херсонес (Херсон) играл значительную роль. В VIII–IX вв. вблизи города функционировало несколько крупных керамических центров. В 1957 г. В.В. Борисовой на берегу Песочной бухты неподалеку от западных оборонительных стен города была раскопана гончарная печь. В 1965 г. в ходе производимых исследований, а затем в 1979 г. во время наблюдения за дноуглубительными работами в Карантинной бухте М.И. Золотарёвым [1982, с. 145] были открыты остатки керамического комплекса в виде фрагментов, а также целых причерноморских амфор с зональным рифлением (рис.), многочисленный керамический брак. Разведками в начале 50-х гг. в Карантинной бухте, но уже в районе восточного берега А.Л. Якобсон [1979, с. 31] обнаружил мощные напластования того же материала.

К сожалению, по сей день эти комплексы археологически не исследованы. По обилию материала можно предположить здесь наличие нескольких печей. Близость воды, наличие материковой глины способствовали созданию керамического комплекса.

Причерноморская амфора с зональным рифлением

В 1974 г. на северном берегу Севастопольской бухты была открыта еще одна мастерская с фрагментами амфор VIII–IX вв., а также остатками черепичного производства [Рыжова, 1982, с. 153–155].

По наблюдениям М.И. Золотарёва [1982, с. 148], остатки гончарной мастерской у западного берега Карантинной бухты и керамическая печь на берегу Песочной бухты оказались притопленными в связи с поднятием уровня Черного моря.

Новейшие исследования последних лет, привлечение данных подводной археологии позволяют уточнить и дополнить не только сведения о гончарных мастерских Херсона, его экономических связях VIII–IX вв., а также способны оценить границы затопленных участков древнего побережья, активность функционирования городского порта.

Библиографический список

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Букатов А.А. Проблема абразии и сокращение прибрежной территории Херсонеса // Проблемы изучения и сохранения морского наследия : материалы Международной научно-практической конференции. – Калининград, 2015.
- Золотарёв М.И. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // АДСВ. – Вып. 19. – 1982.
- Туровский Е.Я. К вопросу о херсонесских гаванях на Гераклеяском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум : материалы XVI Боспорских чтений. – Керчь, 2015.
- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорноморі. – Київ, 2001.
- Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсонеса (в районе Радиогорки) // АДСВ. – 1982. – Вып. 19.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979.

Е.В. Буланкина

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань

ЮВЕЛИРНЫЕ МАТРИЦЫ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ В КОЛЛЕКЦИИ РЯЗАНСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Городище Старая Рязань расположено в 65 км к юго-востоку от современной Рязани на высоком правом берегу р. Оки. Исследования городища начались в 1822 г., поводом стала находка ныне хранящегося в Оружейной палате Московского кремля клада золотых ювелирных изделий. После этого в Старой Рязани было найдено еще 16 кладов ювелирных изделий, спрятанных горожанами накануне падения Рязани.

Большинство кладов (14 из 17) хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике. В музейном собрании и подавляющая часть старорязанских находок археологов. Отдельную группу предметов составляют бронзовые матрицы для тиснения украшений или их деталей. Подобные находки были сделаны и в других древнерусских городах. До 2013 г. в собрании музея было не более полутора десятков матриц [Монгайт, 1955, с. 140, рис. 103; с. 180, рис. 139; Даркевич, 1995, с. 190–191]. В 2013 г. во время работы экспедиции в Старой Рязани был найден 17-й по счету клад. Это первый клад, найденный на Северном городище, ставший ремесленным кварталом. Клад, в отличие от прочих, был спрятан не хозяевами сокровищ, а ювелиром. Об этом говорят не только украшения разной степени готовности и сохранности, но и наличие сырья – трех серебряных и золотого слитков, рулончика золотой фольги. Вещи, лежавшие в верхней части клада, были повреждены распашкой. Среди них были и наиболее ценные для мастера инструменты – матрицы. Таких матриц за 2013–2016 гг. найдено около сотни. Все матрицы этой коллекции можно разделить по изготовленному материалу на две категории: из бронзы и из мягкого оловянистого сплава. Первые из них – вполне полноценные инструменты, вторые – видимо, пробные отливки. Среди бронзовых имеются матрицы, которые можно описать как полуфабрикаты – на них имеются легкоустраняемые дефекты литья, такие как заусенцы, гребешки, пузырьки.

Ювелирные матрицы из Старорязанской коллекции РИАМЗ

Если разделить матрицы на группы по их назначению, то самая значительная группа – это матрицы для производства колодочек, составлявших цепочки для подвешивания колтов. Всего их 17, из них 4 изготовлены из мягкого сплава, 4 имеют дефекты литья. Формы матриц одинаковы – полуцилиндр с закругленными концами, размер разнится незначительно, отличаются они деталями оформления.

Следующую группу составляют матрицы для изготовления бус. Их 17, из них три – из мягкого сплава. Размеры и формы разнообразны – от самых простых миндалевидных до граненых, усложненных выпуклыми мелкими полусферами, имеющих разметку для нанесения декора на готовое изделие.

Матриц для изготовления нашивных бляшек девять, четыре – из мягкого сплава, одна – матрица в абсолютном значении, т.е. форма ее не повторяет готовое изделие, а как бы оттиснута в бронзовой пластине.

Довольно большое количество матриц представляют собой полусферы, эллипсоидные фигуры, конусы с округлыми поверхностями, которые использовались для изготовления деталей колтов. Для тиснения лунницы-основания дужки использовались матрицы в форме трапеции с вогнутыми параллельными сторонами. Полусферические матрицы пригодны не только для изготовления шариков обниси чечевицевидных колтов, завершения лучей звездчатых колтов, но и бусин трехбусинных колец и полуколец.

Достаточно полно представлены матрицы для тиснения деталей колоколовидных подвесок-рясен. Это дисковидные и каплевидные матрицы для изготовления привесок и матрица в форме половины конуса для тиснения колоколовидного основания. Это пока единственная из матриц, имеющая на плоской нерабочей стороне углубленную метку в форме «N».

Две матрицы из этой коллекции предназначены для изготовления оправ для вставок.

Наиболее красивыми являются матрицы для изготовления подвесок криновидной формы, одна из них – сильно деформированная, из мягкого сплава. Матрицы незначительно отличаются размерами и мелкими подробностями.

Среди матриц, хранящихся не только в музее, есть матрицы красивой сложной формы, но изделий, при изготовлении которых они использовались, пока не найдено. Среди них 3 матрицы с головой зверя, а также с изображением птиц и с изображением святых.

Библиографический список

- Гончаров В.К. Райковецкое городище. – Киев, 1950.
- Даркевич В.П., Борисевич В.Г. Древняя столица Рязанской земли. – М., 1995
- Зайцева И.Е. К вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. – СПб., 2010
- Коваленко В.П. Вотчинные мастера-ювелиры в городах Чернигово-Северской земли // VI Международный конгресс славянской археологии : тезисы докладов советской делегации. – М., 1990.
- Коваленко В.П. Майстерня ювеліра XIII ст. на дитинці Любеча // Старожитності Русі-України. – Київ, 1994.
- Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985.
- Королева Э.В. К вопросу о ювелирных мастерских в средневековом Пскове (по материалам археологических раскопок в Среднем городе) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы научного симпозиума. – Псков, 1992.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М. ; Л., 1954.
- Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. – М., 1955.
- Моця О.П., Казаков А.Л. Давньоруський Чернігів / науч. ред. Г.Ю. Івакін. – Київ, 2011.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948.
- Седова М.В. Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X–XV вв. (по данным археологии) // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. – М., 1996.
- Старая Рязань. Клад 2005 года / отв. ред. А.В. Чернецов. – СПб., 2014.

С.Б. Бурков

Институт истории и археологии, Владикавказ

АМУЛЕТЫ И ТАЛИСМАНЫ ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА»
В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО
И ПОДВИЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» не раз становились объектом изучения, но исследований функционального назначения и смыслового сопровождения амулетов из фаянса в среде оседлого и кочевого населения немного (С.В. Воронятов, О.Н. Мошеева). В основном эти вопросы освещаются, исходя из магической роли фигурных форм из фаянса, свойственной египетским культам, с учетом причерноморских погребальных традиций. По поводу изучения находок с территории Северного Кавказа некоторые мнения содержатся в трудах Б.Б. Пиотровского. В дальнейшем их развивал В.Б. Виноградов, но исходя исключительно из этнографических данных. Роль амулетов из «египетского фаянса» в ритуальных церемониях местных и кочевнических племен осталась вне сферы его внимания. М.Г. Гаджиев отметил, что они маркируют имущественное положение и социальный статус погребенного. Это учитывает социальный, но не идеологический и обрядово-церемониальный фактор. Авторские работы исследуют идеологическую нагрузку амулетов с учетом их морфологии, половозрастных характеристик погребенных и индивидуальные особенности погребального обряда для подвижно-скотоводческого и оседло-земледельческого населения предгорий Центрального Предкавказья. При этом погребальные ритуалы оцениваются исходя не из этнокультурного приоритета, а из типа и формы хозяйственно-экономической модели общества. Установлено, что фигурные подвески из «египетского фаянса» часто встречаются с костяками детей, реже – со взрослыми, в основном – с женскими. Их обилие в погребениях детей свидетельствует об особом к ним отношении: считали, что дети осуществляли связь между небом и землей (В.М. Косяненко). Это амулеты – апотропеи, призванные оберегать от опасностей потустороннего мира (Е.М. Алексеева) или связанные с культом плодородия (А.К. Коровина). По мнению И.А. Тульпе, умерший ребенок являлся важным элементом связи с потусторонним миром и выполнял роль «живого антропоморфа». Пограничность некрополя между двумя зонами (земной и подземной) подчеркивает промежуточное положение младенца, не прошедшего обряда «инициации» и не принятого в мир живых. Возможно, что длительное существование или вторичное использование подобных предметов было связано с сохранявшимися религиозными представлениями и обрядовыми действиями, имеющими надэтнический характер и развивавшимися в зависимости от исторических условий существования. Их формирование происходило в условиях образования новых сообществ раннежелезного века, когда складывались общие для большинства из них элементы материальной и духовной культуры. Эти процессы продолжались и в последующие эпохи, что отражалось на эволюции изображений и форм, производных от подвесок из «египетского фаянса», что было прослежено на материалах Центрального Предкавказья. При этом учитывался комплекс признаков: их встречаемость в погребениях оседло-земледельческого и кочевого населения, типология, условия обнаружения, цветовая гамма. Исследование произведено на материалах Дагестана, Чечни, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Ставрополья. Находки из Ингушетии и Карачаево-Черкесии не учитывались в связи с их малочисленностью.

В Северной Осетии найдено более 77 амулетов: 60 – в горной зоне, 17 – в курганах. Для ранних находок отмечено 10 различных видов, для последующего времени – 8, при полном отсутствии растительных мотивов. Антропоморфные формы присутствуют в горах и подкурганых погребениях, растительные мотивы – только в горах. В КБР 40 амулетов были найдены в конце XIX в. и 30 – в XX в., 53 – в горах, 16 – на плоскости. Дореволюционные находки – восемь форм, современные – пять, нет растительных мотивов, так называемых «алтари-ков», «фаллических привесок», «кукишей» и «двоенных цилиндров».

Из 69 предметов 16 – в погребениях, один – на поселении. В погребении №128 Чегемского кургана-кладбища найдены четыре «скарабеоида». Подобных находок нет в Северной Осетии и Чечне, но они присутствуют на Ставрополье. В горной зоне Чечни найдено 25, на плоскости – 22 амулета, там же больше и типологического разнообразия форм – семь категорий против трех. В Чечне нет находок антропоморфного типа и предметов с растительными мотивами. Из 47 находок шесть предметов – в составе коллекций или из поселений, 20 – из разрушенных погребений или найдены случайно, 21 – с установленным обрядом и погребальными сооружениями, 16 внекомплексных, 31 – в комплексах, некоторые из них потревожены. Отмечено два случая вторичного использования. Для Дагестана нами учтен 41 предмет из «египетского фаянса», всего – 10 категорий этих предметов. Только три «амфориска» и один скарабей найдены в курганных погребениях, остальные – в захоронениях предгорно-горной зоны. Случайно обнаружен один и также один найден в культурном слое городища. Особенность Дагестана: более всего найдено «амфорисков», полностью отсутствуют антропоморфы. Отмечено некоторое «запаздывание» и так называемое «вторичное» использование 16 амулетов. С учетом «переживания» многих категорий предметов материальной культуры в быту местных племен и их вторичного применения при последующих захоронениях данный факт соответствует подобным же тенденциям в погребальной практике соседних территорий. На Ставрополье обнаружено 37 амулетов из фаянса, все – в бескурганых погребениях, в одном погребении №1 кургана №11 могильника Айгурский-2 найдены 13 «скарабеоидов» из фаянса. В бытовых памятниках края амулетов нет, хотя здесь отмечены торговые контакты с населением Причерноморья, значительное влияние погребальных культов, распространенных в бассейне Азиатского Боспора. Известно о 5 типах изделий, отмечено их нахождение среди раннесредневековых материалов, многочисленность скарабеоидных подвесок, в том числе из стекла, расположение отверстий поперек предмета (Подкумский могильник), а не вдоль, их отсутствие в сарматских и раннеаланских подкурганых и впускных погребениях Ставрополья. В кочевнических комплексах более удаленных территорий найдены фаянсовые привески самых разнообразных типов. Цвета амулетов: на Ставрополье – песочный, голубой, темно-синий, сиреневый, зеленый, желтый, бирюзовый, белый; в РСО-А – серый, синий, голубой, бирюзовый, желтоватый, грязно-белый; в КБР – зеленый, желто-зеленый, серо-голубой, светло-голубой, сине-зеленый, синий, зеленый, темно-фиолетовый, коричневый, черный; в ЧР – синий, голубой, зеленый, лимонный, бирюзовый. Датировки подобных находок из горно-предгорных не выходят за рамки их изготовления и наиболее интенсивного использования, с учетом времени на перемещение при транзитной торговле, либо иных событий (военные походы, данничество, брачные отношения). Но их применение в качестве датирующих предметов в горных условиях ограничено в связи с традицией длительного существования многих типовых предметов предшествующих эпох. Это особенно характерно для тех этнических сообществ, погребальные памятники которых формировались долгое время и на одной территории. Вопрос о так называемом «вторичном» использовании амулетов, установленном для ряда памятников Дагестана, Чечни и Ставрополья, нуждается в объяснении. Необходимо учитывать не только возможность применения этих предметов, принадлежавших ранее умершим представителям большесемейных общин, в ходе обрядовых церемоний их последующих поколений. Было бы ошибочным оценивать место в идеологической доктрине подобных вещей в отрыве от половозрастных характеристик погребенных с ними и той роли, которую они могли играть в обряде захоронения. Возможно, что «переживание» или повторное использование подобных предметов было связано с сохранявшимися религиозными представлениями и обрядовыми действиями, имеющими надэтнический характер и развивавшимися в зависимости от исторических условий существования. Их формирование происходило в условиях образования этнических сообществ ранне-железного века, когда складывались общие для большинства из них элементы материальной и духовной культуры. Эти процессы продолжались и последующие эпохи.

И.Г. Бурцев
*Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тула*
КОМПЛЕКСНОЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
УКРЕПЛЕНИЙ ТУЛЫ XV–XVI вв.

500 лет назад на левом берегу р. Упы при впадении в нее р. Тулы (ныне Тулицы) был возведен каменный кремль. По распространенной летописной версии, в 1509 г. была построена деревянная крепость, а в 1514–1520 гг. – каменная. К настоящему времени сложилось несколько версий данной истории.

1. Автор описания Тульской губернии В.А. Лёвшин в начале XIX в. был уверен, что деревянную крепость построили на левом берегу Упы и внутри нее возвели каменный кремль. Но он и его последователи принимали за крепость 1509 г. острог конца XVI в., на что указывали В.В. Косточкин и А.В. Шевчук [Косточкин, 1960, с. 45].

2. В.В. Косточкин, ссылаясь на Кирилло-Белозерский летописчик (где, видимо, ошибочно указан год закладки кремля – 1507), решил, что кремль заложен в 1507 г. из камня, в 1509 г. продолжен из дерева (так как в 1508 г. артель ушла достраивать Нижегородский кремль), в 1514 г. – вновь из камня и завершен в 1520 г. (артель из Н. Новгорода перешла в Тулу) [Косточкин, 1960, с. 4–47; Шевчук, 2003, с. 34–35].

3. Некоторые исследователи предположили, что деревянный город был построен на правом берегу Упы, на так называемом Старом Тульском городище [Екимов, 2006, с. 8]. О нем писал В.А. Лёвшин: «В настоящей окружности города есть место, дондсье называемое городищем, котораго, впрочем, не осталось признаков, кроме названия. Место сие находится на правой стороне Упы-реки, при устье речки Тулицы, где ныне Оружейный завод. При названии заводской церкви всегда прилагают слово: на городище. Жители Тулы, по преданиям, уверяют, что в старину был город на етом месте» [Лёвшин, 2006, с. 61].

4. Археологи связывают деревянную крепость «на Туле» с городищем у д. Торхово. Зная о наличии в округе городища нескольких синхронных ему селищ и могильников, его связывают обычно с Тулой XIV–XV вв. [Гриценко, Наумов, 2003, с. 8–9; Заидов, 1997, с. 21–23]. Археологические исследования показали, что поздние укрепления Торховского городища были возведены в начале XVI в., а слой, связанный с ними, синхронен времени строительства кремля [Воронцов и др., 2011, с. 55–57]. В связи с этим и возникло предположение, что крепость 1509 г. была построена именно там, на обжитом месте. В пользу последней версии говорит летопись: «Того же лета совршиша град камен на Туле и именоваша его по прежнему его имени град Тула, а река под ним Тула же» [Иоасафовская летопись..., 1957, с. 181]. Хотя в XVI–XVII вв. упоминается церковь на «Старом городище» рядом с Тулой и на нем отмеряют землю под дворы причта и под монастырь, следов городища не осталось (как пишет Лёвшин). Но если от городища не осталось следов, то либо его не было, либо оно разрушено.

Из других документов следует, что на «Старом городище» под стенами Тулы располагалось и с. Чулково (расположенное на плане XVII в. более чем в 2 км от церкви выше по Тулице), и еще 27 деревень, сел и пустошей, два погоста, сотни четвертей поместной земли и Веневский монастырь. Таким образом, Старое городище должно занимать приличный участок левобережья Тулицы. Видимо, термин «Старое Городище» относился не только к городищу. Действительно, в Тульском уезде существовал стан «Старое городище», протянувшийся от Упы вдоль левого берега Тулицы до ее верховий. Он охватывал небольшой участок берега Упы напротив кремля. Село Старое Городище (к 1587 г. пустошь), центр стана, названо в честь городища у д. Торхово. Церковь же из старого города перенесли на территорию новой административной единицы – стана «Старое Городище». Для тульских писцов ситуация с начинавшимся от стен Тулы станом была понятной, поэтому они часто описывали объекты без упоминания слова «стан». В результате позднее создалась путаница между Старым городищем и станом «Старое городище».

В историческом ядре современной Тулы городские культурные слои начинаются со строительством кремля [Фомин, 2004, с. 5]. Следовательно, деревянная крепость была выстроена на Старом городище возле Торхово. Но так как крепость не смогла выполнить функцию защиты территории, на Упе, на современном месте, был поставлен каменный кремль.

Самое старое известное изображение тульского кремля сделано на плане стана Старое Городище XVII в. Там нарисован город Тула с восемью башнями. Но сейчас в кремле девять башен! В росписи Тулы 1629 г. значится пять ворот, четыре воротные башни, четыре угловые башни, всего – восемь [Росписи, 1915, с. 185–187]. Над Никитскими (сейчас Ивановскими) воротами раскат, т.е. «бревенчатый помост для пушек на крепостной стене» [Плужников, 1995, с. 108]. Автор росписи строго различает раскат и башню, т.е. «включенный в крепостную, монастырскую или усадебную ограду и выступающий за ее поверхность объем» [Плужников, 1995, с. 24]. Итак, в 1629 г. на Никитских воротах башни не было. Но в описи Тулы 1676 г. упомянута «башня Ивановская, проезжих ворот по мере длина сажень, поперег 5 сажень», а «на верху тое башни раскат рубленой...» [ДАИ. 1875. №13, с. 27]. В 1685 г. упомянута башня Ивановская, «на башне раскат деревянной рубленой...» [Тула. Материалы, 1884, с. 38]. Из описаний следует, что, вероятно, их авторы автоматически записывали любые ворота в «башни».

Профессор А.П. Рудаков отмечал: «Ввиду того, что в писцовой книге 1685-го года глубина Никитских ворот показана на 4 сажени больше, следует думать что оне имели впереди отводную башню... Раскопки, которыя следовало бы предпринять спереди Никитских ворот, может быть выяснили бы наличность фундамента этой сломанной отводной стрельницы...» [Рудаков, 1995, с. 33]. А.П. Рудаков прав отчасти – перед Никитскими воротами была пристроена не «стрельница», а выдвинутая вперед опора раската (наподобие Никольских ворот в Зарайске). Вполне вероятно, что во время глобальной перестройки кремля в 1780-х гг. сломали часть раската и надстроили башню.

Библиографический список

Воронцов А.М., Гриценко В.П., Фомин К.Н., Шеков А.В. Позднесредневековые слои Торховского городища // Позднесредневековый город III: Археология и история. – Тула, 2011.

Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. – 2003. – Вып. 1.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб., 1875. – Т. 9.

Екимов Ю.Г. «Старое тульское городище»: новая версия // Тульский краеведческий альманах. – Тула, 2006. – Вып. 4.

Заидов О.Н. Грунтовые могильники Старотулицкого городища // Тула историческая: прошлое и настоящее. – Тула, 1997.

Иоасафовская летопись. – М., 1957.

Косточкин В.В. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. – Вып. 2. – М., 1960.

Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. – Тула, 2006.

Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. – М., 1995.

Росписи городов Тулы и Крапивны. 7137 г. // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. – Кн. 1. – Тула, 1915.

Рудаков А.П. Тульский кремль (страничка из тульской археологии). – Тула, 1995 (репринт издания 1916).

Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. – М., 1884.

Фомин К.Н. Старая Тула (XVI – начало XVII в.). По материалам археологических исследований // Тульский краеведческий альманах. – 2004. – Вып. 2.

Шевчук А.[В.] Из истории Тульского кремля // Тульский краеведческий альманах. – 2003. – Вып. 1.

В.С. Бусова

*Всероссийский художественный научно-реставрационный центр
им. И.Э. Грабаря, Санкт-Петербург*

КОНСТРУКЦИЯ КОЖАНОГО ПОЯСА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ В I ТЫС. ДО Н.Э.

Находки, сделанные за последние 25 лет на территории Центральной части Тувы, создали обширную базу для накопления знаний о кожевенном производстве древних кочевников-скотоводов. Безусловно, полная сохранность изделий из органических материалов не была бы возможной по причине отсутствия специальных условий сохранности. Но вероятный информативный потенциал фрагментов изделий из кожи, сохранившихся благодаря контакту с изделиями из медного сплава, все же дает разнообразные пути для исторических интерпретаций.

С начала I тыс. до н.э. пояс развивается как постоянный утилитарный и символичный комплекс изделий, который впоследствии становится чем-то вроде культурного кода. Помимо кожаной основы (в случае с женским костюмом – текстильной) присутствуют пряжки, которые делают его ремнем, утилитарные предметы (кинжал, нож, оселок, чекан, колчан) и декоративные подвески, нашивки, бляшки. Сам образ пояса увязывается с круговым опоясыванием, где, с одной стороны, перекрывается доступ злым силам, а с другой – подчеркивается цикличность процессов мироустройства. В эпоху перехода к кочевому образу жизни людям, в основном мужскому населению, требовалось довольно много предметов как бытового назначения, так и оружия. Среди находок из Пазырыкских курганов известны сумки, фляги и кошельки, но, скорее всего, они использовались в повседневной жизни для транспортировки пищи, бытовых предметов и амулетов. У верхней одежды (шуб, кафтанов, штанов, юбок, рубашек) скифского времени отсутствуют карманы. К крупногабаритным предметам, необходимым воину и охотнику, нужен достаточно оперативный доступ, поэтому эти предметы оказываются на поясе, и вся система, связанная с ним и португеей, становится совершенно незаменимой в повседневной жизни древнегономада.

В.Д. Кубарев и П.И. Шульга [2007, с. 100–111] на основе материалов из пазырыкских курганов с берегов рек Чуи и Урсула делят кожаные наборные пояса на повседневные ремешковые (которые, скорее всего, носились под шубой) и боевые, которые отличаются по технологическому исполнению. Но в целом эта вариативность, выявляемая на основе разных креплений пряжек, блях, подвесок и оружия, не выпадает из рамок традиции, но может быть индивидуальной в каждом случае для разных провинций одной скифо-сибирской общности.

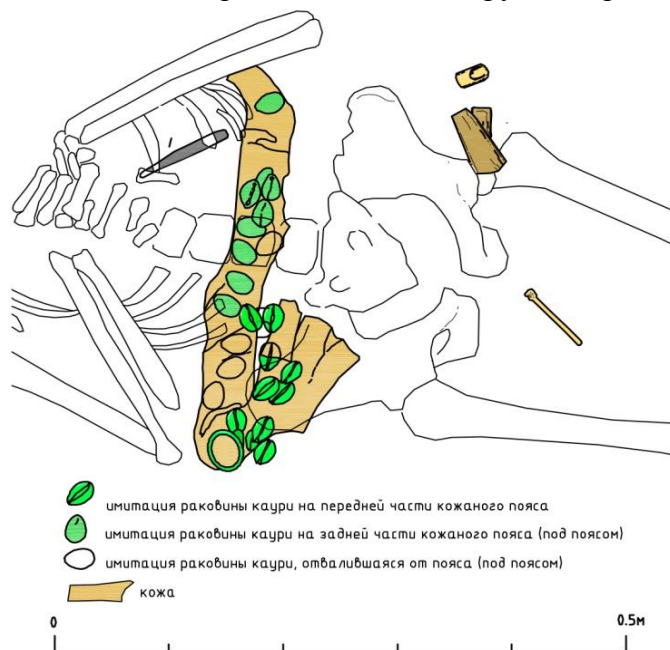
Н.В. Полосьмак и Л.Л. Баркова [2005, с. 47–49] описывают замшевые пояса с аппликациями из тонкой кожи по материалам 2-го Пазырыкского кургана и 3-го кургана могильника Верх-Калджин-2 в качестве элемента одежды, удерживающего распашную шубу. На стрелковом поясе носится горит, а на основном – чекан и кинжал. Сохранились фрагменты дополнительных ремней, служивших для фиксации ножен или чекана. С.А. Яценко [2006] дает общую характеристику поясной одежде и поясу в рамках реконструкции облика основных элементов костюма каждого этноса в ахменидо-скифское время, которая безусловно важна и играет не последнюю роль в данном исследовании.

Фрагменты кожаных поясов и элементов декора (блях, подвесок), а также способов крепления конструктивных деталей ножен, чехлов с зеркалами, чеканов, ворворок, пряжек, встреченных в курганах VIII–II вв. до н.э., расположенных по берегам реки Ээрбек (авторы раскопок – Вл.А. Семенов, М.Е. Килуновская, И.В. Рукавишникова), в целом, скорее относятся к боевым, но отличаются по ряду признаков от материалов из курганов с сопредельных территорий Алтая. К сожалению, почти все курганы скифского времени были ограблены. Поэтому интерпретация может быть лишь приблизительной, основанной на сопоставлении материалов органического и неорганического происхождения и антропологических определений.

Среди находок из могильников Эки-Оттуг (1, 2), Саускен (2, 3, 5, 7) и Бай-Даг-7 встречаются бронзовые фигурные накладки с полусферами и обоймы с фрагментами тонких

кожаных ремешков до 2 см в диаметре. Они, скорее всего, относились к украшениям ремешкового пояса, который мог идти под шубой и удерживать штаны [«Дорога длиной в тысячелетия...», 2015, с. 126, 176]. Пятикольчатые пряжки с фрагментами кожаных ремешков из могильника Саускен-3 могли выступать в роли распределителей. Фигурная обойма, достигающая в ширину до 5 см из кургана 1, могильника Эки-Оттуг-1 крепилась на основу кожаного пояса. Основной особенностью кожаных поясов в VI–III вв. до н.э. здесь являются полосы кожи, сложенные в два слоя, прошитые сухожильными нитями либо широкие полосы толстой однослойной кожи. Процедура «простегивания» изделий придает им эластичность и в целом укрепляет всю конструкцию. Очень частой находкой является пара кинжала и ножа в деревянных ножнах, обтянутых кожей, причем сам обычай крепить ножны дополнительными ремнями под коленом отсутствует, в отличие от находок из курганов с территории Алтая. В ряде случаев сырье для создания пояса поддается микроскопическому исследованию. Преобладают кожи крупного рогатого скота и лошадей.

Остатки пояса в погребении 25 на могильнике Ала-Тей-1

Декоративные элементы претерпевают свое локальное развитие. Нашивные раковины каури со временем превращаются в имитации из медного сплава и с помощью кожаных шнурков крепятся на пояс (Ала-Тей-1). Обилие изделий из медного сплава замещается костяными и деревянными пряжками (или нашивками), покрытыми красным лаком (курган №10, могильник Саускен-1).

В целом, стоит подчеркнуть, что внешний облик кожаных поясов в скифское время един для территории всего Саяно-Алтая в рамках традиции. Существуют некоторые локальные вариации кожевенного производства, которые стоит осветить подробнее в самом докладе.

Библиографический список

«Дорога длиной в тысячелетия...» / отв. ред. Н.Ф. Соловьева ; колл. авт.: Н.Ф. Соловьева, С.В. Александров, Н.А. Боковенко, К.В. Горлов, А.Ю. Городилов, М.Е. Килуновская, Н.С. Курганов, И.П. Лазаретов, А.В. Поляков, Т.Р. Садыков, Вл.А. Семенов, Н.Ю. Смирнов, С.Б. Шапиро. – СПб., 2015.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск, 2005.

Яценко С.А. Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006.

А.М. Бутягин
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УСАДЬБЫ РАННЕГО РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ГОРОДИЩЕ МИРМЕКИЙ

Античное городище Мирмекий, расположенное на северной стороне Керченской бухты, существовало на всем протяжении античного времени вплоть до рубежа III–IV вв. н.э. Несмотря на многолетние масштабные работы на территории памятника, до сих пор не удалось разяснить целый ряд моментов существования поселения в римское время.

В ходе работ экспедиции В.Ф. Гайдукевича в 1950–1960 гг. удалось выяснить, что после разрушения в середине I в. до н.э. Мирмекий больше не восстанавливается как город с плотной застройкой (каким он был с начала V в. до н.э.). Для первых веков нашей эры постройки расположены разрозненно, отсутствует уличная сеть, хотя и найдены крупные рыбозасолочные и винодельческие комплексы. Предполагается, что в это время городище застраивается отдельными крупными усадьбами, превращаясь в сельское поселение. Кроме того, на мысу во второй половине II в. н.э. строится монументальная царская гробница.

В целом, такая картина соответствует действительности. В 2000–2009 гг. Мирмекийская экспедиция Государственного Эрмитажа провела масштабные работы непосредственно возле современного края скалы. В ходе этих раскопок удалось уточнить некоторые детали развития этого важного участка. Видимо, уже в самом начале I в. н.э. на скале восстанавливается святилище, существовавшее там ранее. Во второй половине столетия к северу от скалы на основе террасы эллинистического периода строится усадьба, существовавшая до начала II в. н.э. Эта усадьба гибнет в пожаре, не исключено, что причиной этого было крупное землетрясение. После на скале возводится царская гробница. В конце столетия к востоку от скалы возникает новая усадьба, которая существует вплоть до полного разрушения античного поселения.

За последние годы раскопки позволили уточнить существенный ряд моментов относительно развития усадьбы I–II вв. н.э. Изначально предполагалось, что 1–2-этажные постройки прилегали к южной террасе, а южнее располагался частично мощеный двор. Возможно, усадьба продолжалась на юг еще на несколько десятков метров, вплоть до внушительной башни, служившей центром оборонительной системы. Раскопки показали, что к югу от первой линии построек находится вторая шириной около 5 м. В целом, открытый участок покрыт рядами помещений размером около 20 кв. м, между которыми расположены небольшие дворы, один из которых покрыт каменной вымосткой. В одном из помещений обнаружено два целых и один разрушенный пифос. Они служили для хранения пресной воды.

Уровень полов помещений понижается в северном направлении, сообразно древнему рельефу городища. Видимо, усадьба представляла собой систему соединенных террас, на которых располагались ряды помещений. В ходе раскопок было открыто множество фрагментов римской керамики и пара бронзовых фрагментов замков в виде герм. Обломки каменных архитектурных деталей, скорее всего, относятся не к усадьбе, а к разрушенному святилищу.

Также удалось уточнить и некоторые другие моменты, связанные с дальнейшим функционированием территории. После разрушения усадьбы ее развалины снова стали использоваться в конце II в. н.э. Одно из помещений ранней усадьбы было расчищено и использовано как подвал для хранения и, вероятно, сушки рыбы. Также были произведены достройки некоторых стен (вероятно, видневшихся на уровне земли). В целом, эта территория становится периферийной хозяйственной зоной усадьбы II–III вв. н.э.

Таким образом, современные данные позволяют трактовать усадьбу возле скалы карантинного мыса как крупную многокамерную постройку, в которой проживало значительное количество населения, обслуживавшего ближайшие сельскохозяйственные угодья и различные связанные с ними производственные комплексы.

И.М. Бухтоярова

Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АРХЕОЛОГА С.Н. ЗАМЯТНИНА

Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958) был уникальным человеком и незаурядной личностью, у которого талант исследователя проявлялся не только в археологии. Среди его интересов – петроглифы СССР, каменные лабиринты древности, нумизматика, геральдика и даже шахматы.

Немногим известно, что С.Н. Замятнин изучал воронежские книжные знаки – экслибрисы. За время своей работы в обществе Сергею Николаевичу удалось проанализировать и продемонстрировать в докладах более 90 книжных знаков из своей коллекции (М.Ю. Вельгорского, М.А. Веневитинова, Салтыковых, Потаповых и др.) [Замятнин, 1925, с. 12].

Люди, которые были с ним знакомы, отмечали, что С.Н. Замятнин был страстным коллекционером, библиофилом и шахматистом [Праслов, 1999, с. 10]. В 1951 г. вышла небольшая заметка о старинных русских шахматах 1-й четверти XVII в. [Замятнин, 1951]. В ней он кратко описал историю возникновения шахматной игры, сконцентрировав внимание на проблеме проникновения ее на север Азии и в Верховья Енисея, а также поднял вопрос о взаимоотношениях русской культуры и культуры народов Северной Азии.

Еще одна сфера интересов С.Н. Замятнина – нумизматика. Он собрал коллекцию из 440 русских монет 1699–1915 гг. и составил альбом с зарисовками и описанием каждой, указав, при каком императоре они выпускались [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 69. Д. 60. Л. 1–6]. В каталоге С.Н. Замятнина есть общий список достоинств и материала монет. Кроме русских, в коллекцию входили греческие, китайские, румынские, финские и нидерландские монеты конца XIX – начала XX вв.

Личность Сергея Николаевича Замятнина раскрывается не только в его публикациях, но и в воспоминаниях коллег. Из воспоминаний А.Д. Столяра: «...Замятнинское утверждение личной свободы творчества, к тому отягченное (к большому ущербу для науки) его нелюбовью к письменной фиксации достигнутых мыслью заключений, приводило к исключительным ситуациям» [Столяр, 1999, с. 41]. Не было случая, когда он представил бы в плановый срок отчет или рукопись. П.П. Ефименко в отзывах о работе своего аспиранта не раз отмечал его «исключительно медленные темпы литературной работы», что не раз обсуждалось на кафедре дородового общества ГАИМК АН СССР, поскольку «создавало угрозу невыполнения производственных планов» [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 3]. Сам С.Н. Замятнин признавал свою медлительность и не раз отмечал в письмах друзьям и коллегам: «...Моей особенностью, с которой я, к сожалению, ничего не могу поделать, является то, что я очень медленно и трудно пишу. Литературное оформление является для меня всегда наиболее трудоемкой и мучительной работой, требующей много времени» [ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 19].

Между тем внешняя неорганизованность С.Н. Замятнина совмещалась с безотказной помощью своим коллегам. У С.Н. Замятнина учились десятки и начинающих, и вполне зрелых исследователей. В ходе своей научной и педагогической деятельности он никогда не отказывал в помощи талантливым ученым и друзьям: Т.М. Минаевой, Т.С. Пассек, А.Ф. Шоккову, А.Н. Рогачеву. С.Н. Замятнин был чрезвычайно требователен к себе и другим во всех случаях, когда речь шла о научной истине. Он обладал необыкновенным искусством привить любовь к изучению истории и археологии своего края и всегда учил преодолевать трудности, которые встречаются на пути исследователя.

Сергей Николаевич владел несколькими иностранными языками. Среди изученных им лучших периодических изданий по археологии и антропологии Англии, Германии, Франции, такие как «Quaternaria», «Revue anthropologique», «Man», «American Journal of Archaeology». Известно, что в послевоенный период С.Н. Замятнин передал на хранение в Воронежский областной краеведческий музей свою личную библиотеку, в которой насчитывается около 4000 книг и журналов на русском и иностранных языках.

Кроме того, С.Н. Замятнин был замечательным педагогом. Он разработал такие учебные вузовские курсы, как «Первобытная археология», «История первобытного искусства» и «Основы археологии». Наряду с М.И. Артамоновым С.Н. Замятнин был одним из первых педагогов, преподававших историю археологии в довоенный период в ЛГУ (1937–1941; 1944–1945 гг.) [НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1925. Д. 113. Л. 38; Тихонов, 2003, с. 215]. Не лишним будет отметить, что С.Н. Замятнин никогда не замыкался в тесных рамках кабинетной деятельности. Он всегда был активным участником научно-общественной жизни, прежде всего в области музейной работы, много сделал для развития МАЭ и его археологического отдела.

В 1943 г. С.Н. Замятнин был избран почетным членом Антропологического института Великобритании и Ирландии, что во многом свидетельствует о признании его открытий за рубежом [Фонды ВОКМ, №4533-150]. В Советском Союзе вклад С.Н. Замятнина в отечественную археологию был отмечен правительственными наградами – в 1949 г. орденом Трудового Красного Знамени за работы в области науки, орденом В.И. Ленина в 1952 г. [НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 4. Л. 83].

В последние годы жизни С.Н. Замятнин не имел возможности по состоянию здоровья длительно участвовать в археологических экспедициях, читать лекции и проводить экскурсии для посетителей музея. В целях продолжения работы по специальности С.Н. Замятнину с 1958 г. предоставлялось свободное расписание, и значительная часть научной работы им выполнялась дома (г. Ленинград, ул. Союза Печатников, д. 18/20, кв. 26).

В ноябре 1958 г. С.Н. Замятнина не стало... Но имя этого великого ученого останется в науке как пример будущим поколениям.

Библиографический список

Дело аспиранта С.Н. Замятнина (07.02.1925–22.02.1936) // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220.

Замятнин С.Н. Книжные знаки Воронежского края // Труды Ленинградского общества экслибрисистов. – Т. V. – Л., 1925.

Замятнин С.Н. О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М., 1951.

Личное дело С.Н. Замятнина // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1925. Д. 113.

Личные дела, карточки, характеристики бывших сотрудников института этнографии с фамилиями от Дол до КАР. Личное дело С.Н. Замятнина // НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 4.

Нумизматика // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 69. Д. 60.

Переписка с Замятниним Сергеем Николаевичем (профессор этнографического факультета Ленинградского университета, с.н.с. ИА и Э АН СССР). Письма-подлинники и копии, письма Илларионова (12.06.1938–09.09.1951) // ЦАНО. Ф. 6161, оп. 1, ед. хр. 318.

Письмо из Лондонского королевского антропологического института от 29.07.1943 г. // Фонды ВОКМ, №4533-150.

Праслов Н.Д. Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899–05.11.1958) // Локальные различия в каменном веке : тезисы докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. – СПб., 1999.

Столяр А.Д. Сергей Николаевич Замятнин как личность // Локальные различия в каменном веке : тезисы докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. – СПб., 1999.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб., 2003.

Н.И. Быков¹, И.Ю. Слюсаренко²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул;*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ НА АЛТАЕ

На Алтае, в историко-географическом его понимании, формирование кочевого типа хозяйства произошло еще в эпоху бронзы. Оно было главным фактором развития культурных ландшафтов вплоть до русской колонизации. Основными хозяйственными угодьями в это время являлись пастбища. Вместе с тем немалую роль в жизни кочевников играли и леса. Иногда их также использовали под пастбище, но чаще для собирательства, охоты и заготовки древесины. Однако до настоящего времени особенностям лесопользования древних и средневековых кочевников Алтая уделялось крайне мало внимания. В данном случае акцент будет сделан на изучении особенностей заготовки древесины населением Алтая до его освоения российским государством.

Для изучения особенностей лесозаготовки древними и средневековыми кочевниками Алтая был осуществлен дендрохронологический и ксилотомический анализ археологической древесины. Дендрохронологическое исследование образцов заключалось в измерении ширины годичных колец, а ксилотомическое – в установлении анатомических признаков древесины на поперечном, радиальном и тангенциальном срезах.

Образцы археологической древесины были изучены из памятников пазырыкской (VI–III вв. н.э.), каменной (VI–I вв. до н.э.), булан-кобинской (II в. до н.э. – V в. н.э.) и сrostкинской (VIII–XII вв. н.э.) культур. Из памятников пазырыкской культуры непосредственно авторами изучалась древесина из могильников Уландрык-1 (курганы №1–9, 11–15), Яломан-III (курганы №1, 2), Чинета-II (курганы №19, 23), Инской дол (№1, 10, 12) и Ханкаринский дол (курганы №7, 10, 13, 15, 16), Олин-Курин-Гол-10 (курган №10), Ак-Алаха-1 (курганы №1, 2), Ак-Алаха-3 (курган №1), Ак-Алаха-5 (курган №1), Верх-Кальджин-2 (курган №1). Кроме того, привлекались результаты работ других авторов [Феномен..., с. 258–264]. Из памятников каменной культуры была изучена древесина из кургана №4 могильника Бугры. В число исследованных памятников булан-кобинской культуры вошли могильники Яломан-II (курганы №20, 23а, 29, 31, 33, 47, 49, 51, 57, 60а, 62), и Курайка (курганы №27, 48, 49, 100). Среди сrostкинских памятников исследованы могильники Грань (одиночный курган), Поповская дача (одиночный курган), Яровское-V (курганы №1, 2, 4), Прудской (курганы №1, 3, 4, 6), Иня-1, (курганы №23, 27, 28), Филин-I (курган №2), Чинета-II (курган №8).

Древние и средневековые кочевники Алтая использовали широкий спектр древесных пород, в том числе лесобразующих. За редким исключением они имели местное происхождение. Их выбор определялся технологическими свойствами древесины. В исследованных памятниках пазырыкской культуры обнаружены береза, лиственница, сосна кедровая и сосна обыкновенная, можжевельник, ольха, ива, курильский чай, таволга, черемуха, барбарис. Лиственница применялась, в первую очередь, как конструкционный материал для изготовления срубов, накатов, настилов, колод. Имеются примеры ее использования для изготовления щитов, рукоятей плети, шпилек для фиксации войлока и ножек блюдец, застежек для пут и ножен кинжалов. Применение древесины лиственницы в качестве конструкционного материала характерно для Юго-Восточного, Центрального и Восточного Алтая. В Северо-Западном Алтае ее в этом отношении заменяет сосна обыкновенная. При этом в некоторых памятниках отмечено специализированное использование: сосна применяется как деловая древесина, а лиственница – как топливо. Это в какой-то мере напоминает хозяйства.

Из сосны кедровой пазырыкское население получало ножны кинжалов и рукояти чеканов, пуговицы и поясные пластины, детали головного убора и упряжи, в том числе украшения упряжи, седельные накладки и прочее. Береза употреблялась для производства, стрел, пластин жесткости колчанов и рукоятей чеканов. Можжевельник служил для

изготовления поясных и седельных накладок, колчаных застежек, пуговиц и вставных ножек блюд. Ольха среди изученных нами деревянных предметов пазырыкских памятников была отмечена трижды: для изготовления стрелы и втулок чеканов. Из ивы древние кочевники получали детали лука и модели стрел. Барбарис, таволга и черемуха использовались как детали составного лука. Курильский чай применялся в качестве подстилки.

Сезон заготовки древесины в том или ином древостое осуществлялся в зависимости от цикла кочевания. В Юго-Восточном Алтае в теплый сезон года древесина заготавливалась в верхних частях лесного пояса, в период зимнего кочевания – на нижнем пределе лесного пояса. Возраст заготавливаемых «пазырыкцами» деревьев значительно варьировал в зависимости от района и целей заготовки и был обусловлен достижением деревьями необходимой кондиции: в Юго-Восточном Алтае для сооружения срубов использовались деревья возрастом от 140 до 400 лет, в Центральном Алтае – 100–140 лет, в Северо-Западном Алтае – 40–70 лет. Большинство деревьев заготавливались в условиях нормального древостоя, на что указывает характер возрастных кривых радиального роста (убывание по экспоненте). Вероятно, это было связано с тем, что получить прямоствольную древесину на периферии плотного древостоя, особенно в районе верхней границы леса, было достаточно проблематично. Заготовка деревьев осуществлялась на северных склонах в диапазоне абсолютных высот от 1800 до 2400 м. Расстояние транспортировки могло достигать 20–30 км.

Исследованная древесина из кургана каменной культуры принадлежала сосне обыкновенной. Возраст использованных деревьев составлял 32–45 лет. Характер возрастной кривой в древесно-кольцевых хронологиях свидетельствует о том, что деревья заготовлены в нормальных лесорастительных условиях.

Анализ древесины из памятников булан-кобинской культуры показал, что для погребального обряда в «гунно-сарматское» время кочевники Алтая использовали также преимущественно местные древесные породы. Среди местных древесных пород отмечены лиственница, сосна кедровая, можжевельник, береза, пихта, ива и тополь. Лиственница использовалась для внутримогильных конструкций и изготовления посуды. Из сосны кедровой заготавливались детали колчанов и пеналы. Береза служила для изготовления посуды, стрел, деталей лука, седел, пеналов, деревянных гвоздей. Было обнаружено по одному образцу из пихты, из которой был изготовлен музыкальный инструмент, и можжевельника, который был представлен деталью огнива. Тополь был использован для изготовления кружки, а ива – для модели ножа.

Заготовка лиственниц конструкционного назначения для памятников булан-кобинской культуры проводилась в возрасте 40–120 лет, а березы – от 11 до 30 лет. Лиственница, с которой была получена самая продолжительная хронология, была заготовлена в разреженном древостое. Заготовка древесины для исследованных памятников в целом осуществлялась в нижних частях горно-лесного пояса, в березово-лиственничных лесах.

В памятниках сrostкинской культуры также отмечены местные древесные породы: сосна обыкновенная и береза. Обе породы использованы как конструкционный материал. В большинстве случаев применялась сосна обыкновенная и лишь в могильниках Поповская дача и Яровское-V присутствовала береза. Вероятно, это связано с удаленностью данных объектов от сосновых лесов до 40–45 км. Анализ индивидуальных древесно-кольцевых хронологий показал, что в погребальном обряде сrostкинской культуры использовались деревья возрастом от 11 до 84 лет, но преимущественно 30–60-летние деревья. Характер возрастных кривых индивидуальных хронологий свидетельствует о том, что деревья заготавливались в нормальных лесорастительных условиях.

Р.Р. Валиев, Р.Х. Храмченкова, А.Г. Ситдиков
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИЗРАЗЦОВ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА
(по материалам раскопок 2007–2009 гг.)

Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации №НШ-7170.2016.6.

«Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)»

В 2007–2009 гг. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан совместно с Марийским государственным университетом, Казанским федеральным университетом и Астраханским государственным объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником провели раскопки на территории Селитренного городища. Раскопы располагались у западного подножия «Больничного бугра», на краю берегового обрыва р. Ахтуба. В процессе изысканий на раскопе ХЛII выявлены объекты (горны, производственные ямы для хранения извести и т.д.), предположительно интерпретированные исследователями как постройки мастерской, где, возможно, производили поливные изразцы. Судя по нумизматическому материалу, мастерская функционировала во 2–3-й четверти XIV в. Кроме производственных построек, на данное предположение указывали следующие свидетельства: наличие в заполнении рабочего помещения построек, в прослойке, образовавшейся в период функционирования и разрушения мастерских, а также на участках, прилегающих к ним, трех керамических тиглей, сплошь покрытых застывшей накипью глазури; наличие глиняных шариков, штыря и матрицы, используемых в рабочем процессе керамического производства; в заполнениях сооружений, присутствие заполнения сооружений и на остальной площадке усадьбы большого количества поливных изразцов; образование прослоек на уровне пола внутри помещений и на площадке с внешней стороны с большим содержанием извести и золы, связанных с функционированием мастерских; наличие фрагментов и целых форм хумов, стенки которых сплошь покрыты известково-золистой коркой, которые, вероятно, служили тарой для хранения сырья.

На раскопе обнаружено более 150 фрагментов поливных изразцов на кашинной основе. Они представлены поливным кирпичом, мозаикой, майоликой с подглазурной и надглазурной росписью и рельефная поливная терракота.

В работе исследован химический состав 27 фрагментов, отличающихся по морфологическим признакам. Для определения особенностей рецептурного состава от каждого фрагмента были отобраны аналитические навески глазури и керамического теста. Химический состав определялся методом эмиссионного спектрального анализа на дифракционном спектрографе с решеткой 1800 шт/мм. Аналитические изыскания показали, что большинство образцов имеет схожий химический состав. Вся глазурь изготовлена по рецептуре так называемого исламского стекла и относится к натриевому типу. Красящими реагентами глазури выступили традиционные добавки соединений меди, олова, кобальта и свинца. Глазурь образцов можно условно разделить на две группы, одна из которых содержит в поливе свинцово-оловянную компоненту. Присутствие этой комбинации металлов также характеризует определенный источник. Выявлена корреляция между кобальтом и мышьяком, что может свидетельствовать об определенном сырьевом источнике синего красителя.

Интересные данные были получены для керамического теста. В пяти образцах основа изготовлена из глины, содержащей заметные концентрации кальция от 2,37 до 5,19%, тогда как в остальных образцах содержание этого элемента не превышает 1,3%. Один из образцов существенно отличается составом керамики, отличающейся повышенным содержанием магния и калия, что доказывает особый источник глинистого сырья.

С.И. Валиулина
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
ТОРЕЦКОЕ: ХРОНОЛОГИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественно-научных методов»)

Появление нового городского центра на позднесредневековой карте Среднего Поволжья и Прикамья обострило несколько проблем в археологии и истории региона, пожалуй, самыми главными из них являются проблемы хронологии и этнического состава населения города. Опираясь на широкий круг аналогий памятников позднего средневековья от Западной Сибири до Западной Европы в материалах Торецкого поселения, выявили круг изделий, которые выступают датирующими для времени конца XIV–XV вв. Важно, что эти категории вещей насчитывают около 20 наименований (оружие, бытовые предметы, украшения, инструменты и др.), и большая часть из них представлена серийно.

Особое значение имеет нумизматическая коллекция – 445 монет, три четверти которой – уникальное собрание последнего чекана в золотоордынской традиции 20–30-х гг. XV в., в основном от имени Улу-Мухаммада, из низкопробного серебра, средний вес монет составляет 0,48 г, при этом нумизматы отмечают, что ни на одной монете этой оригинальной группы «не зафиксировано ни одной цифры года». Местом производства монет было Торецкое, на что указывает концентрация находок, наличие заготовок и другие свидетельства.

Город Торецкое существовал, очевидно, недолго – в XV в. или в самом конце XIV– в XV в. и погиб в результате военного нападения в конце XV в. На верхнюю дату указывают единичные фрагменты белоглиняной и чернолощеной керамики – обе группы получают распространение в самом конце XV в., т.е. выступают хроноиндикаторами, как и поздние типы отдельных бытовых изделий. Косвенно некоторые сведения о последнем этапе жизни городского поселения сообщают позднейшие письменные источники.

Материальная культура памятника представляет его как болгаро-татарский город с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения [Валиулина, 2017].

О присутствии в городе не только мусульман, но и населения, исповедующего христианство, преимущественно русского, свидетельствуют находки культовых предметов (нательные крестики, энколпион, каменная иконка), украшения, русская керамика, достигая 30, а иногда более 50% в отдельных объектах, кости свиньи в составе остеологических материалов и некоторые обряды. Внутри одной из русских построек, фактически перед порогом, было обнаружено погребение младенца возрастом до одного года. Местному населению такой обряд несвойственен. Обычай захоронения под порогом детей мертворожденных или умерших без крещения хорошо известен у восточных славян, зафиксирован этнографически и отражен в литературе [Байбурин, 1983, с. 138, 182; 1993, с. 41; Зеленин, 1995, с. 72–73, 308].

С целью определения места изготовления торецких сосудов древнерусского и так называемого славяноидного типов методом мёсбауэровской спектроскопии выполнен сравнительный анализ сырьевой глины [Пятаев и др., 2015, с. 1196–1199], глиняной обмазки из межвенцового шва сгоревшей бревенчатой постройки, образцов кухонной посуды, массово представленной на Торецком, и репрезентативной выборки керамики тех же морфологических типов из вятских памятников¹. В результате были получены следующие выводы: 1) установлена идентичность глины из межвенцового шва сооружения и глиняного сырья, использовавшегося при изготовлении горшечной древнерусской и славяноидной посуды Торецкого поселения [Пятаев и др., 2016, с. 163], таким образом, было достигнуто

---

¹ Выражаем благодарность д.и.н. Л.Д. Макарову за предоставленную возможность работы с керамическим материалом позднесредневековых городищ Вятской земли.

еще одно подтверждение местного производства керамики рассмотренных типов; 2) обнаружены принципиальные отличия сырьевых характеристик керамики всех трех памятников; Торецкого, Хлынова (Вятки), Котельнича. При этом образцы трех сосудов из раскопок Хлынова имели сырьевые характеристики торецкой посуды, а один сосуд из торецкой коллекции соответствовал сырью из Котельнича. Кроме того, еще один древнерусский сосуд, найденный на Торецком, как показал анализ, был произведен и не на Торецком, и не на одном из вятских памятников, т.е. обозначил более широкую географию контактов.

В конце XV в. в городе могли проживать выходцы из разных русских княжеств, в том числе и из близкой территориально Вятской земли. В.О. Ключевский отмечал, что в середине XV в. вятчане мало слушались московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и, далее, обращал особое внимание на независимое положение Вятской земли и от «чужого иноземного ига» [Ключевский, 1988, с. 101]. В условиях сложившейся в XV в. геополитической ситуации Вятская земля могла свободно торговать и осуществлять другие контакты с Казанским ханством.

Особенностью памятника является минимальное количество предметов материальной культуры финно-угорского населения края [Valiulina, 2015, p. 180–181], впервые керамика прикамско-приуральского населения количественно уступает древнерусской, составляя примерно треть от всей посуды древнерусских форм.

Торецкое расположено на границе лесостепи, на территории одной из административных провинций Казанского ханства – Ногайской даруги, и в нем, как и вообще в государстве, могли жить и, вероятно, жили степняки-соседи – ногаи. В настоящее время не выделяется археологический комплекс, характеризующий собственно ногайскую материальную культуру, чтобы сказать на этот счет более определенно.

Богатый археологический памятник вплетаясь в историческую канву региона, делает более живым и реальным историческое полотно Волго-Камья XV в.

Библиографический список

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993.

Валиулина С.И. Русские в татарском городе XV века и ногаи у его стен: проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое // *Rus' and the World of the Nomads (the second half of 9th–16th centuries). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, November 23th–26th, 2016, Colloquia Russica. Series I, vol. 7.* – Krakow, 2017 (в печати).

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М., 1995.

Ключевский В.О. Курс русской истории : сочинения в 9 т. Ч. II, т. 2. – М., 1988.

Пятаев А.В., Валиулина С.И., Иванова А.Г., Манапов Р.А., Воронина Е.В. Сырьевые ресурсы традиционного гончарного производства Билярской моноцентрической агломерации // *Известия Российской академии наук. Серия физическая.* – Т. 79. – №8. – 2015.

Пятаев А.В., Валиулина С.И., Иванова А.Г., Воронина Е.В. Мёссбауэровское исследование глины стыкового соединения бревенчатого сооружения Торецкого поселения // *Мёссбауэровская спектроскопия и ее применения : сборник материалов XIV Международной конференции.* – Казань, 2016.

Valiulina S.I. Finnish component in the material culture of Toretzkoe settlement (town Bulumer) of the early Kazan Khanate (Финский компонент в материальной культуре Торецкого поселения [город Булумер] раннего Казанского ханства) // *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum.* – Oulu, 2015.

С.И. Валиулина¹, Э.А. Грешников², А.Р. Нуретдинова¹
¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
²НИЦ «Курчатовский институт», Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ ИЗ МАСТЕРСКОЙ АЛХИМИКА, ЮВЕЛИРА И СТЕКЛОДУВА В БИЛЯРЕ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №16-06-00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественнонаучных методов»)

Археологические исследования экспедиции Казанского университета в 1990–1994, 1998 гг. выявили в центральной части внутреннего города Билярского городища остатки производственного комплекса – мастерской алхимика, ювелира и стеклодува (Раскоп ХLI). Общая площадь раскопа составила 208 кв. м. Культурный слой на раскопе представлен одним стратиграфическим горизонтом предмонгольского времени (конец XII – начало XIII в.). Наибольший интерес представляют остатки объектов, большинство из которых имело производственный характер – небольшие печи-горны в центральной части (ямы №2 и 3) и у западной стенки раскопа (яма №1). Характер теплотехнических сооружений, весь набор инструментов, материалов и приспособлений позволил определить весь комплекс как мастерскую алхимика, ювелира и стеклодува [Valiulina, 2016].

В составе разнообразного лабораторного оборудования отмечена специальная стеклянная посуда. Всего на раскопе найдено более 300 осколков различных стеклянных изделий, в том числе химических – аламбиков (35 экз.). В связи с концентрацией аламбиков особый интерес среди ремесленной посуды билярской мастерской представляют найденные сфероконысы (один целый и 83 осколка).

Находки сфероколических сосудов и стеклянных аламбиков в билярской мастерской указывают на использование их в комплекте в качестве перегонной установки. В рамках задачи определения функционального назначения сфероколических сосудов в продолжение исследования внутренней поверхности сосудов [Пожидаев и др., 2016; Pozhidaev and et., 2017] в НИЦ «Курчатовский институт» для определения следов содержимого из билярской мастерской были отобраны четыре образца. Все сфероконысы относятся ко второй группе – сероглиняные сфероконысы с плотным черепком и хорошо отмученным замесом теста (импортные для территории Волжской Булгарии).

Предварительные результаты анализа поверхности внутренних стенок сфероколических сосудов из данной мастерской методом оптической электронной микроскопии указывают на присутствие следов киновари.

Полученные аналитические результаты и ранее проведенный эксперимент [Нуретдинова, Валиулина, 2015] по перегонке вещества согласуются с гипотезой о возможности использования в комплекте сфероколического сосуда и аламбика для процедуры дистилляции, в частности получения ртути перегонкой из киновари.

Библиографический список

Нуретдинова А.Р., Валиулина С.И. Экспериментальное моделирование одной алхимической процедуры: к вопросу о назначении сфероколических сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования : материалы III Международной конференции молодых ученых. – М., 2015.

Пожидаев В.М., Камаев А., Грешников Э.А., Дэвлет Е.Г., Нуретдинова А., Сивицкий М. Хроматографическое исследование остатков содержимого средневекового сфероколического сосуда // Журнал аналитической химии. – 2016. – Т. 71. – №11.

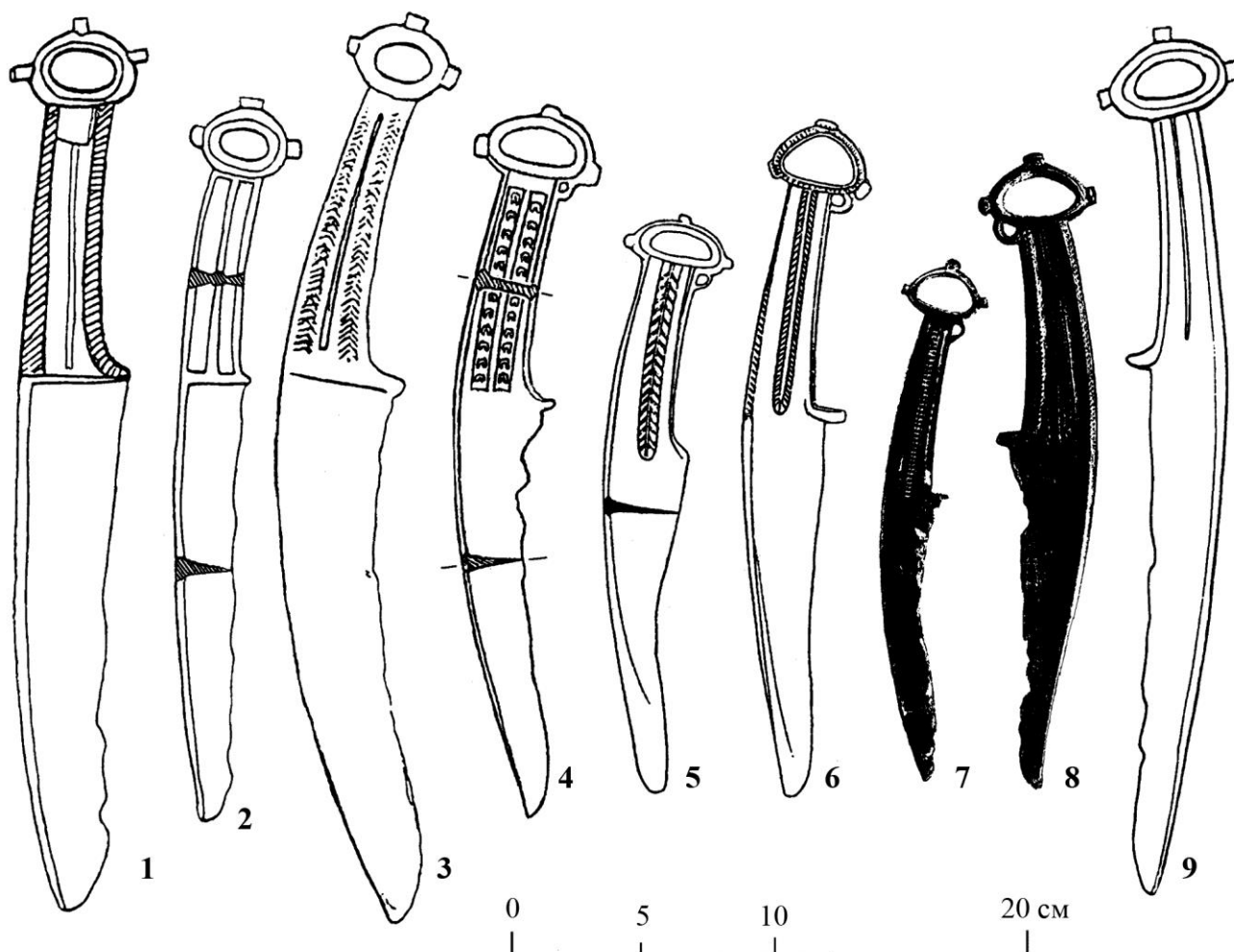
Pozhidaev V., Kamaev A., Nuretdinova A., Kovalchuk M., Yatsishina E., Greshnikov E., Devlet E., Sivitskiy M. Identification of the residue in the bolgar medieval sphero-conical vessel by gas chromatography-mass spectrometry // Archeometry. – 2017 (в печати).

Valiulina S.I. Medieval Workshop of an alchemist, jeweler and glassmaker in Bilyar // Památky archeologické. – №CVII. – 2016. – P. 237–278.

А.В. Варенов
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
БРОНЗОВЫЕ НОЖИ С ТРЕХКНОПОЧНЫМ КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ
В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Ножи с трехкнопочным кольцевым навершием на территории Китая найдены при раскопках в Аньяне: в так называемой могиле слона (рис.-3), в погребениях М539 из Дасыкунцуня (рис.-4) [Варенов, 2003, с. 2890–293] и М164 из сектора «С» Сяотуня (рис.-2) [Варенов, 2005а, с. 247–252]. Встречены они и в комплексах Эрланпо (рис.-1) и Хоулань-цзягоу (рис.-9), оба из уезда Шилоу пров. Шаньси [Варенов, 2005б, с. 80–84]. Различия этих изделий не кажутся существенными при анализе столь малочисленной выборки. Однако при учете аналогичных образцов, хранящихся в частных собраниях и музейных коллекциях мира, ситуация меняется. Ножи со схожим оформлением деталей навершия и близкими схемами орнамента рукояти образуют компактные группы, видимо, обязанные своим появлением общности территории и времени происхождения. Приведем пример.

В сентябре 1975 г., при раскопках стоянки Ванхуа на западной окраине г. Фушунь в пров. Ляонин, на глубине 1,4 м от поверхности земли был обнаружен бронзовый нож с кольцевым навершием с тремя выступами [В городе Фушунь..., 1981, с. 190]. Рукоять оказалась плоской, с ее внутренней стороны и по центру отлиты два ряда шашечного орнамента (рис.-8). На внутренней стороне рукояти под навершием расположена маленькая круглая петелька. Острие клинка слегка загнуто вверх, лезвие выщерблено.

Бронзовые ножи с кольцевым навершием с тремя выступами

Нож из города Фушунь очень близко напоминает ножи, хранящиеся в музейных собраниях Японии. Нож из коллекции Токийского национального музея практически идентичен фушуньскому образцу [Дайсо:гэнно, 1997, с. 17, 158]. Вдоль по центру его рукояти отлит двойной ряд шашечек (рис.-7). Весьма похож на фушуньский экземпляр нож из коллекции Киотского императорского университета [Эгами, Мицуно, 1935, Pl. XLI.-10]. Он украшен по центру рукояти двойным рядом косых насечек, образующих елочный орнамент (рис.-6). Нож из коллекции Токийского императорского университета [Эгами, Мицуно, 1935, Pl. XLI.-9] в отличие от вышеописанных экземпляров без шипа в районе перехода клинка в рукоять, но тоже с полосой елочного орнамента, отлитой вдоль по центру рукояти (рис.-5).

Надежную хронологическую привязку для всей серии ножей из японских коллекций дает изделие из погребения M539 могильника Дасыкунцунь в Аньяне [Ян Сичжан, 1992, с. 514]. Его рукоять украшена двумя рядами квадратных скобок (рис.-4). Погребение M539 из Дасыкунцунь датируется II периодом существования Иньского городища близ Аньяна (1238–1140 гг. до н.э.) и, скорее всего, относится к 1-й половине XII в. до н.э. [Варенов, 2003, с. 292–293]. Термолюминесцентный анализ фрагментов керамики со стоянки Ванхуа, сделанный в Шанхайском музее в 1980 г., дал относительную дату 3090 ± 100 лет назад, т.е. 1110 ± 100 лет до н.э. [Ван Сюянь, 1983, с. 61, 65].

Ножи из M539 в Дасыкунцуне, со стоянки Ванхуа и из японских коллекций отличает от остальных рассмотренных здесь образцов то, что они близки по абсолютным размерам, степени изогнутости обушка, наличию петельки под навершием и полосе орнамента, идущей по центру рукояти. Нам уже приходилось писать о проблеме выделения локальных вариантов традиции изготовления «карасукских» ножей и кинжалов в Северном Китае и Центральной Азии [Варенов, 2008, с. 384]. Проанализированная серия ножей, происходящих, в основном, из южной части Дунбэя и датирующихся XII в. до н.э., служит лишним подтверждением правомочности постановки этой проблемы.

Библиографический список

В городе Фушунь провинции Ляонин найден иньский бронзовый нож с кольцевым навершием // Каогу. – 1981. – №2 (на кит. яз.).

Ван Сюянь. Памятники двух типов культур эпохи бронзы – раннего и позднего – в районе города Фушунь // Вэньу. – 1983. – №9 (на кит. яз.).

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX. – Новосибирск, 2003.

Варенов А.В. Шанское погребение с конем и «карасукским» ножом на могильнике Сяотунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XI, ч. 1. – Новосибирск, 2005а.

Варенов А.В. К датировке северокаитайских памятников шилоуского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 1. – Барнаул, 2005б.

Варенов А.В. О разных вариантах традиции изготовления козлиноголовых наверший ножей в Северном Китае // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. – Т. I. – М., 2008.

Дайсо:гэнно кибаминдзоку – Тю:гоку хокухо:носэйдо:ки [Всадники Великой степи – Бронзовые изделия Северного Китая] : каталог выставки. – Токио, 1997 (на яп. яз.).

Эгами Намё, Мицуно Сэйити. Наймо:ко то Те:дзе: титай [Внутренняя Монголия и район Великой Китайской стены]. – Токио, 1935 (на яп. яз.).

Ян Сичжан. Краткий отчет о раскопках погребения M539 в Дасыкунцуне в Аньяне, пров. Хэнань, в 1980 г. // Каогу. – 1992. – №6 (на кит. яз.).

А.В. Варенов
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ
В СЕВЕРНОМ КИТАЕ

В Северном Китае в скифо-сакское время (в эпоху Чуньцю-Чжаньго по традиционной хронологической шкале) выделяется пять «варварских» археологических культур: Юйхуанмяо на южном склоне гор Яньшань (чуть севернее Пекина), Маоцингоу в районе Дайхай (северо-восточнее Ордоса), Таохунбала в Ордосе, Янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе и Шацзин в центральной части провинции Ганьсу.

Юйхуанмяо. Культура представлена только могильниками. Наиболее крупные из них – Юйхуанмяо (порядка 400 погребений) и Хулугоу (около 150 погребений). Погребения совершены в вертикальных грунтовых ямах с одним умершим, лежащим на спине с вытянутыми конечностями, лицом вверх, головой на восток (большинство – в 91% случаев, в остальных – на север). В погребениях присутствуют кости жертвенных животных, среди которых в большинстве случаев черепа и конечности лошадей, собак, крупного и мелкого рогатого скота. В погребальном инвентаре обнаружены красная песчанистая и серая глинистая керамика, из форм сосудов преобладают горшки *гуань* и кувшины *ху*. Широко представлены бронзовые изделия: оружие (в первую очередь – кинжалы, а также наконечники стрел и клевцы), орудия труда (ножи, топоры-кельты, тесла, долота, шилья, иглы с игольниками), предметы конской упряжи (удила, псалии) и колесничного снаряжения, украшения. Встречаются как котлы «скифского» типа на поддоне, так и китайские бронзовые сосуды. Распространены украшения и предметы, орнаментированные в зверином стиле, в особенности фигурки животных. Встречены золотые кольца-спирали [Варенов, 2011, с. 27–30].

Маоцингоу. На самом крупном могильнике Маоцингоу исследованы 79 захоронений в прямоугольных в плане грунтовых ямах с вертикальными стенками. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, головой на восток (одном случае – на запад). В четырех захоронениях в головах покойных, в торцевой стенке могилы устроена ниша. В нишу помещался керамический сосуд. Керамика встречается двух видов: серая станковая и красно-бурая ручной лепки. Помимо керамики, есть бронзовые кинжалы, по одному клевцу и копыю, наконечники стрел, железные кинжалы и чеканы. Найдены бронзовые поясные пряжки, поясные крючки, накладки на пояс, пуговицы, бляшки с «гармошкой», трубочки, бронзовая печать. Встречены бронзовые ножи, удила, перекрестья ремней и колокольчики, а также костяные псалии [Варенов, 2010, с. 39–41].

Таохунбала. Наиболее известные памятники – Алучайдэн, Сигоупань, Налиньгаоту. Культура представлена в основном инвентарем разрушенных (развезенных) погребений, среди которого значительную долю составляют золотые и серебряные украшения. Так, в Алучайдэн собрано 218 золотых вещей общим весом примерно 4 кг, в том числе объемное украшение в виде сокола, стоящего на макушке головного убора; диадема (гривна?), на фронтальной части которой отлиты тигр, лошадь и баран; прямоугольная пластина с изображением четырех тигров, терзающих быка (буйвола?); накладки на пояс, инкрустированные драгоценными камнями; украшения в виде ехидны (ежа?); поясные пластинки с изображением птиц [Варенов, 2010, с. 42–44].

Янлан. В уезде Гуюань на юге Нинся-Хуэйского автономного района и в соседних уездах Чжунвэй и Чжуннин обнаружено большое количество так называемых «северных бронз», датируемых скифо-сакским временем. Однако могильников, на которых проводились систематические археологические раскопки, крайне мало. Характерными являются могильники Мачжуан и Юйцзячжуан [Варенов, 2011, с. 31–32].

На могильнике Мачжуан насчитывается до 49 погребений, из них 20 разрушены вследствие грабительских раскопок и размыва дождевой водой. Из 29 уцелевших погребений 28 являются катакомбными могилами с вертикальной входной шахтой (27 могил с одной

катакомбой и одна с двумя). Погребенные лежали лицом вверх на спине, головой к задней стенке катакомбы, на север или на восток, но преимущественно на север. Следов гробов нет. Конечности и черепа жертвенных животных (овец, лошадей, коров) помещали во входной шахте, в засыпке могилы. На могильнике Юйцзячжуан раскопано 28 погребений. Из них шесть выполнено в виде прямоугольных грунтовых ям с вертикальными стенками и 18 могил – с катакомбами, остальные сохранились плохо. Практически во всех могилах можно обнаружить конечности и черепа овец, лошадей, коров, помещенных либо в погребальную камеру, либо во входную шахту.

Что касается погребального инвентаря, то керамику клали и в катакомбу, и во входную шахту. Находят в основном горшки *гуань* с одной или с двумя ручками. Из бронзового оружия встречаются кинжалы, ножи, клевцы, наконечники стрел, чеканы, копья; из бронзовых украшений есть поясные крючки, пряжки и орнаментированные в зверином стиле пластины; из конской упряжи и колесничного снаряжения – удила, наосники, колокольчики, украшения дышла. Среди железных находок есть биметаллические кинжалы с железным лезвием и бронзовой рукоятью, ножи, удила, копья. Из кости и рога изготовлены распределители ремней и псалии.

Шацзин. На данный момент известно много памятников культуры Шацзин, но систематически исследованы и хорошо изданы только два из них: могильники Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан в центральной части пров. Ганьсу (в так называемом Ганьсуском коридоре). Они расположены поблизости друг от друга, в волости Шуаньвань, к северо-востоку от г. Цзиньчан [Варенов, 2011, с. 33–34].

На могильнике Сиган раскопано 452 могилы. Умершие похоронены в вытянутом положении на спине, головой на север или северо-восток. Большинство погребений совершено в могилах подбойно-катакомбного типа (281 случай), но немало и погребений, выполненных в грунтовых ямах с вертикальными стенками (173 случая). Катакомбы вырыты ниже дна входной шахты, в ее восточной стенке. Вход в катакомбы нередко перекрывал ряд вертикально установленных бревен. В могилах с вертикальными стенками близ дна встречается уступ, на уровне которого погребение иногда перекрыто поперечным рядом коротких бревен. Могильник Чайваньган расположен в 380 м восточнее могильника Сиган, там раскопано 113 могил. Преобладали погребения в вытянутом положении на спине, с северной или северо-восточной ориентацией (107 случаев). Погребения в могилах подбойно-катакомбного типа и захоронения, совершенные в грунтовых ямах с вертикальными стенками (часто с уступом), представлены практически поровну (45 и 46 случаев соответственно).

Погребальный инвентарь включал керамику (67 сосудов в Сиган и 33 в Чайваньган). Вся посуда ручной лепки, встречаются горшки *гуань* с двумя ручками, кувшины *ху* с двумя ушками, бокалы *бэй* с одной ручкой. Бронзовые изделия представлены двумя кинжалами-акинаками с кольцевым навершием, ножами (некоторые в кожаных ножнах), шильями (некоторые с деревянными рукоятями), подпружными, поясными или портупейными пряжками со шпеньком, игольниками, накосниками, копоушками, пуговицами, поясными накладками в виде ярусных бляшек или бляшек «с гармошкой», обоймочками, пластинками в зверином стиле. Есть бронзовый гребень, зеркала с центральной петелькой и медалевидные зеркала. Железные изделия включали фрагменты нескольких ножей и один лемех плуга. Есть каменные оселки, костяные иглы, деревянные гребни, раковины каури, бирюзовые, каменные и костяные бусины.

Библиографический список

Варенов А.В. Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 4: Востоковедение.

Варенов А.В. Погребальные памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яньшань, в Нинся и Ганьсу // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 4: Востоковедение.

А.В. Варенов
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
СЯОТУНЬ, ХОУГАН, ХОУЦЗЯЧЖУАН – КЛЮЧЕВЫЕ ПАМЯТНИКИ
В ДОВОЕННОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕЙ СТОЛИЦЫ
ДИНАСТИИ ШАН (XIV–XI вв. до н.э.)

С 2006 г. территории в окрестностях г. Аньян, уездного центра на севере провинции Хэнань Китайской Народной Республики (КНР), внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе памятника Иньсюй (кит. «Иньские руины [развалины]» или «Иньское городище»). Научные раскопки в том районе были начаты Китайской Академией Наук (Academia Sinica) в 1928 г. под руководством Ли Цзи и прерваны в 1937 г. начавшейся японо-китайской войной [Li Chi, 1977].

Сяотунь – деревня в нескольких километрах к северо-западу от г. Аньян. Открытие и изучение надписей на гадательных костях (*цзя-гу вэнь*) в конце XIX – начале XX вв. Ван Говэем и другими учеными позволило идентифицировать деревню Сяотунь как источник их происхождения. В 1928 г. весь район к северу от деревни был разбит на девять секторов (А-И), обозначаемых в китайских публикациях циклическими знаками, и раскапывавшихся в течение 15 сезонов. Обнаружены остатки дворцовых или храмовых зданий каркасно-столбовой конструкции, построенных на платформах (стилобатах) из трамбованной земли (*хан-ту*) [Ши Чжанжу, 1959]. Здания в секторах В и С сопровождалась расположенными правильными рядами многочисленных погребений с принесенными в жертву людьми и/или животными, в том числе впервые исследованными *чэ-ма кэнами* (кит. «ямы с колесницами и лошадьми»), что позволило впоследствии реконструировать внешний вид иньского колесного транспорта [Chang Kwang-chih, 1980, p. 90–97]. Подавляющая часть надписей на гадательных костях также найдена при раскопках в Сяотуни (в частности, в яме Н127 в 1936 г. обнаружен так называемый архив оракула, состоящий из более чем 17 тыс. уложенных слоями черепаших панцирей с надписями) [Chang Kwang-chih, 1977, p. 210].

Исследования в Сяотуни возобновились в 1950 г. Самым выдающимся послевоенным открытием следует признать раскопанную в 1976 г. примерно в 100 м к северо-западу от деревни так называемую могилу Фу-хао (погребение М5) – наиболее богатое нетронутое грабителями захоронение в окрестностях Аньяна [Иньсюй Фу-хао му, 1980]. Знаки, отлитые на многих бронзовых сосудах из М5, читались как «Фу-хао» – имя одной из жен вана У-дина, известное по 100 с лишним надписям на гадательных костях (в исторических текстах Фу-хао ни разу не упомянуто).

Хоуган – один из пунктов раскопок во время довоенного исследования Иньского городища (Иньсюй) в районе Аньяна. Изучался также археологами КНР в 50–90-х гг. XX в. Расположен к северо-западу от г. Аньяна, на южном берегу р. Хуаньхэ, близ Пекин-Ханькоуской железной дороги. В ходе четвертого сезона раскопок Аньяна (1931 г.) в Хоугване под шанским культурным слоем с серой керамикой открыты слои с остатками культур черной (Луншань) и красной крашеной (Яншао) керамики. Таким образом установлена стратиграфическая, а значит и хронологическая последовательность культур среднего и позднего (Яншао), финального (Луншань) неолита и эпохи бронзы (Шан) [Чжунго каогусюэ: Синьшици шидай, 2010, с. 546–556]. Позднее был выделен особый тип Хоуган в рамках культуры (культурной общности) Яншао. В ходе восьмого сезона раскопок (1933 г.) в Хоугане открыты крупное («царского» ранга, с двумя дромосами – впервые для Аньяна) и несколько рядовых шанских погребений, все разграбленные в еще древности [Иньсюй дэ фасянь, 1990, с. 129–132]. В 1971 и в 1991 гг. в Хоугане исследованы еще четыре «царских» и несколько рядовых шанских погребений, также разграбленных в древности.

Хоуцзячжуан – район расположения «царского» некрополя и один из основных пунктов раскопок во время довоенного исследования Иньского городища (Иньсюй)

в районе Аньяна (десятый-двенадцатый сезоны, 1934–1935 гг.). Изучался также археологами КНР в 1950, 1959, 1976–1978, 1984 гг. Находится к северо-западу от г. Аньяна, на северном берегу р. Хуаньхэ, между деревнями Хоуцзячжуан и Угуаньцунь (другое название восточной части данного памятника). Известен также как Сибэйган – «Северо-западный холм», поскольку расположен примерно в 2 км в этом направлении от центра довоенных исследований – дворцово-храмового комплекса близ деревни Сяотунь. Занимает участок размерами 450 × 250 м, разделенный на две части – западную и восточную. На этой территории обнаружено 8 крупнейших шанских могил, с 4 дромосами каждая, 3 могилы с двумя дромосами, 2 – с одним дромосом, одна недостроенная гробница «царского» размера, «вписанная» среди основной массы «царских» захоронений, и около 1500 «обычных» небольших погребений, как отдельных индивидуумов со сравнительно богатым сопроводительным инвентарем, так и безынвентарные коллективные захоронения обезглавленных человеческих жертв [Чжунго каогусюэ: Ся-Шан, 2003, с. 300–303]. Почти все «царские» могилы и большинство «рядовых» захоронений раскопаны в 1934–1935 гг. После войны археологами КНР в 1950 г. исследована крупная могила с двумя дромосами на восточном участке (близ дер. Угуаньцунь), а в последующие годы – пара могил с одним дромосом и некоторое количество «рядовых» захоронений. В сообщениях о послевоенных раскопках вместо «Хоуцзячжуан» везде использован топоним «Угуаньцунь». Погребальные камеры «царских» могил (макс. размеры по устью 19 на 14 м и глубиной до 10–12 м) вскрыты грабителями по всей площади до самого дна еще в древности и почти полностью опустошены. Сопроводительный инвентарь сохранился в основном в дромосах: бронзовые сосуды, оружие, каменная скульптура, белая каолиновая керамика, остатки колесниц и пр. С самого момента обнаружения в середине 30-х гг. XX в. крупные могилы Хоуцзячжуана считали захоронениями позднешанских правителей, во многом благодаря тому, что их количество примерно соответствовало числу иньских *ванов* (11 или 12), известных по данным летописей и по надписям на гадательных костях из Аньяна. Однако никаких прямых свидетельств, кому именно принадлежали крупные могилы Хоуцзячжуана, нет.

Библиографический список

Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. – New Haven & London, 1977.

Chang Kwang-chih. Shang Civilization. – New Haven & London, 1980.

Li Chi. Anyang: A Chronicle of the Discovery, Excavation, and Reconstruction of the Ancient Capital of the Shang Dynasty. – Seattle, 1977.

Иньсюй дэ фасянь юй яньцзю 殷墟的发现与研究 (Открытие и исследование Иньского городища). – Пекин, 1994.

Иньсюй Фу-хао му 殷墟妇好墓 (Могила Фу-хао на Иньском городище). – Пекин, 1980.

Чжунго каогусюэ: Синьшици шидай [Археология Китая: Эпоха неолита]. – Пекин, 2010 (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ: Ся-Шан [Археология Китая: Эпохи Ся и Шан]. – Пекин, 2003 (на кит. яз.).

Ши Чжанжу 石璋如. Сяотунь, ди и бэнь. Ичжи дэ фасянь юй фацзюэ и пянь. Иньсюй цзяньчжу ицунь. 小屯第一本. 遗址的发现与发掘乙编. 殷墟建筑遗存 (Сяотунь. Т. 1. Открытие и раскопки стоянки. – Вып. 2. Остатки зданий на Иньском городище). – Наньган, 1959.

А.А. Василевский
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск
РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ, ОБМЕН И ПЕРИОДИЗАЦИЯ
ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ОСТРОВНОМ МИРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.
САХАЛИН, ХОККАЙДО

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Тихоокеанские побережья Евразии отличаются исключительной расчлененностью и обилием островов. Выделяются континентальные, прибрежные, переходные и островные территории. Это обуславливает географическую обособленность крупных историко-культурных общностей с их характерными хозяйственно-культурными типами и, при всем культурном многообразии, единством базовых принципов жизнеобеспечения, сохраняющимися тысячелетними связями и направлениями исторического движения. Для островного региона **максимум вюрмского оледенения** (МВО) определяется в границах t.cal. 27–22, в других случаях – 30–19 тыс. лет. Сценарии плейстоцена определялись цикловыми колебаниями среды, и важнейший фактор – это Охотское море, большая часть поверхности которого в течение года в пик холода была покрыта льдом. Незамерзавший пролив Буссоль ограничивал распределение биоты между п-овами Сахалин, Хоккайдо-Кунашир (СХК) и Камчатка [Pietsch et al., 2003]. Холод и течения затрудняли, но падение уровня океана на 140 м и лед Охотского моря создавали новые возможности для прохождения человека с п-ова СХК на Камчатку.

На 2017 г. на Сахалине выделены: нижний палеолит 230–140 т.л., далее в календарном исчислении (t.cal), поздний палеолит 22–12 и переходный период 12–7 т.л. до н.э. Проблема мезолита не рассматривается в связи с отсутствием критериев его вычленения на востоке Евразии. Ранний этап позднего палеолита Японских островов к югу от пролива Цугару имеет возраст около (t.cal) 34–30 тыс. лет [Ono et al., 2002]. На Хоккайдо, по материалам стоянок Вакабаномори, К. Симаки, Кикё, Оку Сиратаки-1, выделен ранний этап позднего палеолита в рамках дат от 34300 до 28800 лет (t.cal). Для этапа характерна «индустрия на мелких отщепках»: скребки, трапезоиды и клювовидные орудия на отщепках с дисковидных нуклеусов [Buvit et al, 2014]. Есть AMS дата 31130 ± 440 из основания раскопа на стоянке Огоньки-5. Однако этот этап на Сахалине для нас еще гипотетичен. Аналогично высказывалась М.-L. Inizan [2010] относительно Хоккайдо.

После 28 тысяч лет возможен перерыв развития до начала второго этапа – 23 тыс. лет до н.э. Твердо установлено, что техника пластин на втором этапе позднего палеолита (23–20 тыс. л. до н.э.) пришла на Японский архипелаг с севера [Ono et al., 2002; Василевский, 2008]. Наиболее близкие друг другу памятники второго этапа – Тарукиси, Касивадай-1 и Огоньки-5 – взаимно сопоставимы по комплексу признаков и радиоуглеродному возрасту в рамках финала МВО t.cal. 22830 ± 260 – 19480 ± 374 л. до н.э. а также 2-го и 3-го этапов позднего палеолита региона. На третьем этапе (20–18 тыс. лет до н.э.) происходит технологический скачок в рамках технокомплекса *хорока – юбецу*: отжимная техника, микропластины, клиновидные нуклеусы. В этот период основные типы заготовок каменных орудий – это макро-, длинные, средние, малые пластины, а также игольчатые и микропластинки. Распространены напоминающие нуклеусы *хорока* тесловидно-скребловидные орудия и тесла с частичной шлифовкой лезвия. Четвертый этап позднего палеолита (t.cal.) 18–12 тыс. лет до н.э. связан с постепенным потеплением климата и сопутствующим ему расцветом микропластинчатого расщепления клиновидных нуклеусов, изготовленных на пластинах и сколах (*тогэсита, хиросато и др.*).

Выделяем шесть культурных и ресурсных центров позднего палеолита на полуострове: восточно-сахалинский; сусуйский на юге Сахалина; Юбецу и Токорона востоке Хоккайдо; межгорная котловина в районе реки Исикари; равнина Токачина берегу океана и горный район крайнего юга о-ва Хоккайдо. Интересен район Восточно-

Сахалинских гор, необычай-но богатый яшмой, где обнаружены стоянки-мастерские Восьи-5, Кривун, Скальный ручей, а также одновременные им пещеры – охотничьи лагеря, засады, площадки разделки и хранения туш. Есть места, связанные с культом медведя, датированные (t.cal.) 17500–7000 лет до н.э. Стоянки третьего и четвертого этапа группируются в предгорьях и горных долинах, сопряженных с Сусунайской измененностью или с Тымь-Поронайской депрессией. На юге Сахалина на смену характерного ранее базальта приходят изделия из обсидиана и местного кремня, сланца, реже яшмоидов. На Хоккайдо очевидно господство индустрий, развивающихся на основе эксплуатации 4 основных месторождений обсидиана, в том числе Сиратаки, Окето, Акайгава и Энгару [Izuho and Hirose, 2010]. Хотя обсидиановый обмен отмечается, начиная со 2-го этапа позднего палеолита – Огоньки-5, расцвет его приходится на 4-й этап, характеризующийся такими стоянками как Олимпия-5, Сокол, Огоньки-7 и др.

Представления о начале раннего неолита на всех трех территориях в основном совпадают в рамках 8000–7000–6500 лет до н.э., соответственно, для Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. Однако эта стройная схема распадается в связи с необычайно ранним эпизодом изначального дзедмона на океанском побережье Хоккайдо: Тайсё 3 – $12,220 \pm 40$ – t cal. 14000–12000 до н.э. [Omoto et al., 2010] и ее возвратным замещением культурой черешковых острий Тачикава переходного периода в промежутке 11000–8000 до н.э. В это же время на о. Хонсю, равно как и в зоне осиповской культуры на Нижнем Амуре, развитие неолитической линии происходило достаточно широко и непрерывно, что может объясняться устойчивостью ресурсной базы рыболовства. Одним из возможных объяснений описанного парадокса может быть недостаточная изученность региона. Было бы заманчиво найти объяснение в вулканических явлениях и цунами. Пример – два плинианских извержения стратовулкана Львиная Пасть на о-ве Итуруп, происходившие ~13000 и ~12300 л.н. Глубина образовавшейся кальдеры превысила 500 метров. Объем изверженной тефры – 20–80 куб. км [Дегтерев и др., 2014]. Однако подобные же извержения в Центральной Японии не остановили развития общества. Описанная проблемная ситуация провала t cal. 11000–8000 до н.э. скрывает большой потенциал, но еще глубже проблема раннего этапа позднего палеолита, связанная с вопросом о первоначальном появлении человека позднего палеолита на островах Северо-Восточной Азии.

Библиографический список

- Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2008.
- Дегтерев А.В., Рыбин А.В., Арсланов Х.А., Коротеев И.Г., Чибисова М.В., Романюк Ф.А. Кальдерообразующее извержение Львиной Пасты (о. Итуруп, Южные Курильские острова): стратиграфия и возраст : доклад // Материалы VII Сибирской научно-практической конференции молодых ученых по наукам о Земле. – Новосибирск, 2014.
- Buvit I., Izuho M., Terry K., Shitaoka Y. Late Pleistocene Geology and Paleolithic Archaeology of the Shimaki site, Hokkaido, Japan // *Geoarchaeology: An International Journal* 29 (2014).
- Inizan M.-L. Pressure Debitage in the Old World: forerunners, researches, geopolitics-handing on the baton// *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. Ed. Pierre M. Desrosiers. – Springer. – New York, Dordrecht, Heidelberg, London, 2010.
- Izuho M., Hirose W.A. Review of Archaeological Obsidian Studies on Hokkaido Island (Japan) // *Crossing the straits: prehistoric obsidian source exploitation in the North Pacific Rim* / ed. by Y.V. Kuzmin, M.D. Glascock. – Oxford, 2010 (BAR international series; 2152).
- Pietsch T.W., Bogatov V.V., Amaoka K., Zhuravlev Y.N., Barkalov V.Y., Gage S., Takahashi H., Lelej A.S., Storozhenko S.Y., Minakawa N., Bennett D.J., Anderson T.R., O ^ha-ra M., Prozorova L.A., Kuwahara Y., Kholin S.K., Yabe M., Stevenson D.E., MacDonald E.L. Biodiversity and biogeography of the islands of the Kuril Archipelago *Journal of Biogeography*, 30, no. 9 (2003).

А.А. Василевский, В.А. Грищенко, А.В. Можаяев, А.С. Перегудов, П.А. Пашенцев
*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск*
ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРОЕКТАХ. ЗАЩИТА И ИЗУЧЕНИЕ
ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ. САХАЛИН,
КУРИЛЬСКИЕ О-ВА И ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ (1996–2017 гг.)

В течение последних десятилетий Сахалинской лабораторией археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ и малым инновационным предприятием «Изыскатель СахГУ» проводились работы по археологическому сопровождению международных нефтегазовых проектов: «Сахалин 1, 2, 3», восточной части трубопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» и ряда других в труднодоступных районах на Сахалине, в том числе на островах Курильского архипелага, в бассейне Амура и на япономорском побережье Хабаровского края. Заказчиками исследований выступали операторы проектов – компании «Эксон НЛ», «Сахалин Энерджи Инв. Ко ЛТД», ОАО «Газпром», ОАО «Роснефть», «Ниппон Стил», «Флуор Дэниэл», а также российские и зарубежные проектные институты, строительные и добывающие компании, муниципалитеты, дирекции по реализации программ развития. Работа с иностранными компаниями, обслуживающими операторов сахалинских мегапроектов, потребовала изучения зарубежного и отечественного опыта, разработки и внедрения в непрерывные круглогодичные производственные циклы новых процедур и стандартов. Кроме традиционных методов разведки, мониторинга и охранных раскопок оказалось возможным вместе со строителями участвовать в разработке нетрадиционных для РФ на тот период мероприятий по сохранению и защите объектов археологического наследия (ОАН) на всех этапах: от выбора участка и изысканий до этапа эксплуатации объектов, построенных в зоне повышенной чувствительности, т.е. вблизи ОАН.

В качестве альтернативы раскопкам использовалось наклонно-направленное бурение для прохождения ствола трубопровода под землей на 10–20 м ниже культурного слоя. Для защиты культурного слоя в зимний период применялся метод намораживания многослойной подушки из снега, дорожного текстиля и георешетки. Это позволяло в зимние месяцы проводить санные поезда над объектом, не причиняя ему вреда. За последние 20 лет внесено в список и опубликовано в виде нормативно-правового акта государственного органа охраны памятников более 1700 ОАН, но лишь на 10% из них определены границы и установлены информационные надписи. Впервые для Сахалина выделены курганы, чжурчжэньские городища, палеолитические стоянки и охотничьи лагеря, места добычи каменного сырья, площадки разделки и хранения туш и др. Охранными раскопками изучено более 60 объектов на площади более 20 тыс. кв. м. Впервые внедрены в практику спасательные раскопки широкой площадью и процедура ГИКЭ на Курильских о-вах. Собрано, обработано и размещено на государственное хранение более 80 тысяч находок.

Вызовы, тем не менее, весьма значительны. Обескураживают сложности организации работ по охране ОАН на территории области в условиях противоречий федерального законодательства – прямой отмены процедуры ГИКЭ для земель «дальневосточного гектара» (119-ФЗ). Удивляют противоречия, заложенные законодателем в «Закон о дальневосточном гектаре», впрочем, найден некий выход – в базу данных ФИС «На Дальний Восток» через Министерство земельных отношений введена информация о границах известных памятников археологии со статусом «Зона нельзя». В связи с нейтральной позицией правоохранительных органов проблемным представляется противодействие незаконной археологической деятельности, некачественным полевым работам некоторых археологов и безответственным экспертизам, которые причиняют несомненный вред самим фундаментальным основам охранной деятельности и духу Закона. Но тем не менее отметим, что за последние два десятилетия, особенно в результате обслуживания международных мегапроектов, сложились условия для организации охранной деятельности современного уровня.

Д.Э. Василенко

Общество с ограниченной ответственностью «Кубаньархеология», Краснодар

ГАЗАРИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГАЗАРИИ:
К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТОРГОВЫХ КОНТАКТОВ
МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
С ИТАЛИЙСКИМИ ТОРГОВЦАМИ

Корпус письменных источников о торговой активности генуэзских и венецианских торговых организаций в Северо-Восточном Причерноморье включает не более четырех документов. Археологические находки, которые можно приписать деятельности итальянских торговцев, столь же немногочисленны. Более информативны данные компасных карт и письменных портоланов о географическом расположении портовых пунктов на территории Северо-Восточного Причерноморья и номенклатура их названий. Между точно локализованными пунктами «Матарха» («Матрега») и «Себастополис» на компасных картах располагается от 16 до 22 географических названий, при этом среди них – до 10 обозначений мысов и семь топонимов гаваней [Фоменко, 2011, с. 116, 256–304].

К настоящему времени в южной части Северо-Восточного Причерноморья, в административных границах Краснодарского края сохранились и частично были исследованы три прибрежные крепости: крепость Дузу-Кале на мысе Бескровного на территории пос. Новомихайловка Туапсинского района, крепость в устье реки Годлик (Лазаревский район г. Сочи), крепость Мамай-Кале в приустьевой части долины р. Мамайка (Псахе) в центральном районе г. Сочи и укрепленное поселение на мысе Малый Утриш.

Верхние строительные горизонты и последние этапы функционирования крепостей отнесены к XIII–XV вв. [Армарчук, 2003, с. 209–211. Время существования поселения на мысе Малый Утриш относится к XII–XIII вв. [Армарчук, 2003, с. 214].

В свете накопления археологических материалов из вновь открытых памятников подобные в достаточно степени «узкие» датировки, привязанные к периоду лигурийской активности в Северо-Восточном Причерноморье, представляются не бесспорными.

Говоря об архитектурных особенностях крепостей, следует обратить внимание на стены «цитадели» крепости в устье р. Годлик, при строительстве которой была использована кладка типа «opus spicatum», что согласно крымским и таманским аналогиям датирует возведение этого фортификационного сооружения временем не позднее X в.

Панцирная кладка из сколотого булыжника, использованная здесь, аналогична кладке культовых и фортификационных сооружений горной части Северо-Восточного Причерноморья, также возведенных не позднее X в.

Крепость объединяет общность строительных приемов. Панцири стен крепостей в устье р. Годлик и Мамай-Кала сложены в технике двухслойной кладки из хорошо обработанных квадр песчаника (кордонная кладка) с забутовкой на известковом растворе. В них прослежены одинаковые пояса из удлиненных плит песчаника, отбивающие верхние трети сооружений – на Мамай-Кале – по всему периметру сохранившегося участка крепостной стены, на Годликской крепости – на северо-восточной башне, что свидетельствует об определенной синхронности возведения сооружений.

Верхнюю дату функционирования крепостей определяют архитектурные элементы, указывающие на приспособление части сооружений крепостей для использования огневой артиллерии.

В керамическом материале из культурных слоев крепостей преобладают фрагменты пифосов: 83% – в крепости в устье р. Годлик и 78% – в крепости Мамай-Кала.

В работе, посвященной анализу форм и орнаментации пифосов из крепости в устье р. Годлик, были использованы исключительно крымские аналогии пифосов, хотя и было отмечено, что часть их имеет местное происхождение [Иванова, 1997, с. 58–68]. Эти исследования впоследствии были положены в основу датировок аналогичного материала из крепости Мамай-Кала. В то же время более очевидные аналоги пифосной керамики из

культурных слоев этих памятников происходят из памятников сопредельной Абхазии, где они датированы VII–XII вв. [Грапш, 1975, с. 131, рис. 46, 47; с. 132, рис. 48, 49] либо VII–X вв. [Бгажба, 1977, с. 10, рис. VII.-20, 21, с. 12, рис. VII.-17, 19].

В «складе пифосов» из поселения на мысе Малый Утриш были найдены пифосы по крайней мере трех видов. По всей вероятности, все они крымского производства или представляют подражания крымским образцам. Большая часть из них относится к типам II и III, выделенным И.Б. Тесленко [2015, с. 145, 146] и датированным, соответственно, XII–XIII вв. и XIV – концом 3-й четверти XV в. Третий вид представлен пифосами, известными в единственных образцах на территории Крыма [Тесленко, 2015, с. 137, рис. 4] и Тамани. Близкие пифосы обнаружены при раскопках дворца в с. Лыхны в Абхазии в слое X–XI вв. [Хрушкова, 1998, с. 42, рис. 29, 30].

В культурных слоях крепости Мама-Кала и поселения на мысе Малый Утриш также были обнаружены фрагменты поливных сосудов византийского круга 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в.

Приведенные данные, по мнению автора, позволяют с определенной уверенностью утверждать о функционировании прибрежных крепостей и укрепленного поселения в Северо-Восточном Причерноморье синхронно, в период времени, установленный с определенной долей условности в рамках X–XV вв.

Наличие в границах гомогенных культурных слоев крепостей фрагментов пифосов, время производства которых отнесено к V–X (XII) вв., и поливной керамики объясняется длительностью использования пифосов, достигающей 500–600 лет [Тесленко, 2015, с. 125].

Малая мощность слоев может быть свидетельством функционирования крепостей как портовых пунктов только в благоприятные для навигации сезоны либо в определенные даты швартовки каботажных судов. Поскольку в XIII и в конце XVI – первой половине XVII в. уровень Черного моря снижался на 3–4 м, якорные стоянки в бухтах и устьях рек, защищенные указанными крепостями, могли использоваться только в ослабленных волновых условиях, т.е. в годы с малым уровнем штормовой активности, которых в 10–11-летнем солнечном цикле таковых набиралось не более 4–5 [Артюхин, 2014, с. 96].

Несомненно, что в период лигурийской активности в Причерноморье часть подобных портовых пунктов могла быть отмечена на компасных картах, и они могли посещаться генуэзскими торговцами, однако начало их строительства и эксплуатации относятся к более раннему периоду. Учитывая исторический контекст, явные крымские аналогии ранней группы материалов из крепости в устье р. Годлик и технике строительства ее «цитадели» сооружения следует поставить вопрос о возможности возведения ее в рамках византийской активности в Причерноморье. Строительство же других крепостей уместно связать расцветом Абхазского царства и расширением его территории.

Библиографический список

Армарчук Е.А. Памятники Северо-Кавказского Причерноморья X–XII веков. Каменные крепости и храмы // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. – М., 2003.

Артюхин Ю.В. Некоторые черты природных условий средневековой колонизации побережья Черного моря // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 14. – Армавир, 2014.

Иванова С.Н. Керамический комплекс крепости «Годлик» // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. – Екатеринбург, 1997.

Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев : Stratum Plus, 2015. (Серия «Археологические источники Восточной Европы»).

Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Конец XIII – XVII в. – Изд-е 2. – М., 2011.

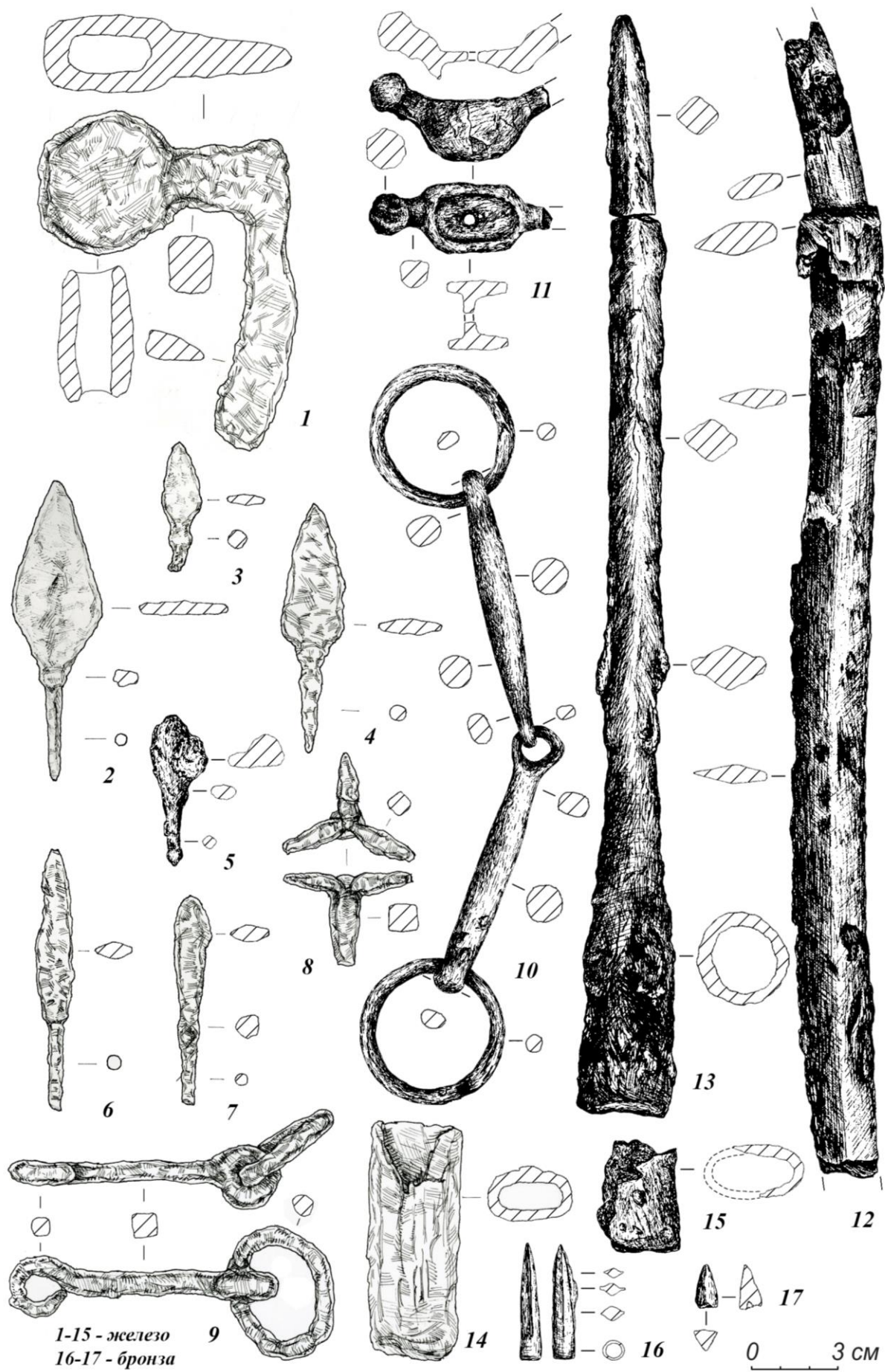
Хрушкова Л.Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. – М., 1998.

Д.Э. Василенко, Е.И. Нарожный, П.В. Соков
Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», Краснодар
КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЙ
«ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ», «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ» №1 и №2» XIII–XV вв.
(Крымский район Краснодарского края)

В раскопном материале 2012 г. было несколько единичных наконечников стрел из кремня, связанных с подстилающим памятником поселением раннего железного века. Основная масса других находок – золотоордынского времени; предметы конского снаряжения представлены целыми и фрагментированными двусоставными удилами (рис.-9–10), аналогичные удилам из кочевнических памятников среди кочевнических памятников [Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 89, рис. 37.-1–3]. Наконечники стрел в основном черешковые (рис.-2–8), втульчатые – единичны (рис.-16–17); отдельные их типы характерны для погребальных памятников западных районов региона [Нарожный, 2005, с. 112, рис. 47; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 110, рис. 43 и др.]. Значительное количество в культурном слое памятников составляют находки черешковых ножей, в том числе крупных размеров («боевые» ножи). Отметим и находку центральноазиатской пальмы, предназначенной для «колющих или рубяще-режущих ударов» [Худяков, с. 136]. На поселениях обнаружено несколько втульчатых наконечников копий-«пик» (рис.-13), хорошо известны у кочевников Южной Руси (Поросье) и на Северном Кавказе. Многочисленны находки втулок-втоков от других копий (рис.-15), а также фрагменты и разные детали от сабель, включая разнотипные перекрестья (рис.-11), разнообразных скоб, креплений и нижних частей ножен (рис.-14), также характерных для Северо-Западного Кавказа. Интересна и находка (п/м) «детской» сабли или кинжала из сабельного клинка (рис.-12). С поселений №1 и №2 происходит коллекция так называемых «вислообушных» топоров (рис.-1), тип которых встречается широко: Причерноморье, Чечня, Поволжье и Приуралье и др. По материалам А.В. Дмитриева (курганский могильник «Молоканова щель» под г. Геленджиком), такой топор встречен в закрытом комплексе со щитом XIII–XV вв., разновидности которых М.В. Стрельченко, М.В. Горелик, Р.Б. Схатум, Д.Э. Василенко, Л.С. Ильюков, Л.Э. Голубев, М.Ю. Федосов, Ю.Н. Федосова и др.), ныне увязываемых с «черкесским» этнокультурным массивом, в том числе якобы называют сугубо «черкесскими»; также атрибутируют и кочевническое захоронение с щитом из-под исторического г. Юрьева в Поросье [Горелик, 2004, с. 293–300; 2008, с. 158–189, 2014, с. 73–88; Схатум, 2003, с. 223–254], что не согласуется с оценкой комплекса его исследователями [Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 30–62]. Существует еще один комплекс с остатками щита из [Dąbrowska, 1958, s. 164, tabl. V.-1]. Эти материалы, вероятно, были привнесены на Северо-Западный Кавказ [Нарожный, 2010, с. 93–96], как и сабли «черноклобуцкого» типа [Армарчук, Малышев, 1997, с. 107–110], в ходе предполагаемой миграции на Северный Кавказ кочевников, включая и черных клобуков Поросья, увезенных сюда Ногаем (по пути к Дербенту еще в 60-е гг. XIII в.) [Нарожный, 2003, с. 212–223]. Несмотря на существование у версии оппонентов [Блохин, Петров, 2013, с. 37–50], статистическая обработка кочевнических материалов Поволжья – Приуралья и Северного Кавказа, показывает, что северокавказские материалы хорошо «согласуются с концепцией ... о переселении ... кочевников южнорусского пограничья – черных клобуков – на северный Кавказ. Их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» [Иванов, 2015, с. 61].

Завершает наш обзор находок предметов вооружений эксклюзивный предмет – железный «чеснок» (рис.-8), являющийся разновидностью вооружения, использовавшегося, как правило, против лошадей и боевого порядка конницы. Интересно, что территориально близкие аналоги таковым предметам известны из «Крыма XIV–XV вв.».

Рассматриваемые предметы – лишь небольшая по численности выборка предметов вооружения из культурного слоя поселений золотоордынского времени, раскопанных в 2012 г. в Крымском районе Краснодарского края.

Предметы вооружения с территории поселения «Железнодорожное» №1

Д.Э. Василенко, Е.И. Нарожный, П.В. Соков
Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», Краснодар
КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ XIII–XV вв. ПОСЕЛЕНИЙ И МОГИЛЬНИКА
В КРЫМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Охранно-спасательные археологические исследования 2012 г. дали выразительный археологический материал сразу с трех синхронных поселений: «Железнодорожное», «Железнодорожное» №1 и №2. Предварительный анализ керамического комплекса указанных памятников показал довольно разные его оценки, что определило и разные датировки отмеченных памятников.

Поселение «Железнодорожное», предварительно датированное XIII–XVIII вв., ныне отнесено к XII–XIV вв. [Соловьёв, Городилов, Садыков, 2013, с. 223–232]; два других «Железнодорожных» поселения – №1 и №2¹ – ко 2-й половине XIII – рубежу XIV–XV вв. [Василенко, Нарожный, Соков, 2014, с. 327–328, Василенко, Жеребилов, Тищенко, 2014, с. 330]. Анализ неполированного керамического комплекса южной части поселения «Железнодорожное-2» позволил предложить его более дробную хронологическую шкалу [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 10–15], верхняя грань которой не выходит за пределы XIV в. Тем не менее наличие на поселении «Железнодорожное-2» немногочисленной посуды, по крымским аналогиям «заходящим» в пределы XV в. [Барагамян, Василенко, Тищенко, 2014, с. 29–38], позволяет речь вести о следующем. Поселение «Железнодорожное» №1, как и №2, могло возникнуть, скорее всего, в районе летников, использовавшимися тюркоязычными кочевниками из района современного Геленджика и его округа, что документирует сходство лепной керамики в нижних горизонтах поселений и в курганах под Геленджиком [Мокрушин, Нарожный, Соков, 2016, с. 221–224]. Ныне из того же причерноморского ареала «выводят» и зафиксированный «выплеск» части населения, осевшего в районе современной Анапы и в Нижнем Закубанье [Дружинина, 2016, с. 215–217]. Преимущественно сельскохозяйственный характер населения, осевшего вокруг кочевнических летников (это подтверждает и характер сельскохозяйственного инвентаря, а также наличие значительного количества керамической тары), возможно, был связан с производством зерна, через Крым шедшего в Европу [Мокрушин, Нарожный, Соков, 2016, с. 221–224]. Часть красноглиняной керамики поселения «Железнодорожное-1» находит аналогии не только в Золотой Орде XIV в., есть они и среди керамики причерноморских курганных некрополей (могильники Молоканова щель, Лобанова щель и др.). Тарная керамика представлена фрагментами и целыми формами кругло- и плоскодонных амфор так называемой «трапезундской группы», «клейма SSS», в том числе со штампованными – 8-лучевым и сетчатым клеймами на ручках, немногочисленные фрагменты «амфор Трилии». В двух ямах (№234 поселения №1 и №203 поселения №2) были зафиксированы амфора и амфорный фрагмент с плоско-вогнутым дном середины – конца XIII в. В заполнении других хозяйственных ям – №5 и №11 поселения «Железнодорожное-2» были обнаружены амфоровидные кувшины с дуговидными ручками на плоском дне, вероятно, такие же крымские импорты. Морфологически подобные кувшины – середины – 3-й четверти XIII в. [Майко и др., 2014, с. 331, 343]. Вызывают интерес находки фрагментов пифосов («Железнодорожное-1»), по крымским аналогиям XIV–XV вв. – тип 1 и 2 группы 1 [Тесленко, 2015а, с. 132, рис. 4.-1–3, с. 133, рис. 5.-4–5], а также типов 2 группы 3 [Тесленко, 2015а, с. 140–141, рис. 12.-2–10, рис. 13.-2 и др.]. Отметим единичную находку в одном из объектов на поселения №2 кувшина группы ЮЗК, вариант Б, по крымским аналогам – 1-й четвертью XIV в. – 3-й четвертью XV в. Здесь же, как и в культурном слое поселения №1, были обнаружены стенки красноглиняных сосудов, расписанные полосами белого ангоба, что считается характерным для орнаментики кувшинов ЮЗК только XV в. [Тесленко, 2010,

---

¹ С.Е. Жеребилов и А.Н. Масловский при этом неверно указывают название своего поселения – «Железнодорожный-II», хотя по итогам разведочных работ 2010 г. в отчетной документации оно было обозначено как «Железнодорожное-2».

с. 107, 111, рис. 4.-112–113]. Укажем и на фрагменты сосудов со своеобразным декором, полные аналогии которому есть среди декора кувшинов и двуручных горшков «группы ГРВ». Нижний хронологический рубеж кувшинов относят ко 2-й половине – концу XV – началу XVI вв.; время бытования отсеченных горшков – ко 2-й половине XV – началу XVI вв. [Тесленко, 2015б, с. 430, рис. 3.-1, 3–6].

Поливная керамика представлена небольшим количеством небольших фрагментов. Все – от сосудов с красным черепком, покрыты желтоватой или зеленой прозрачной поливой по ангобу – монохромные. Часть декорирована простым геометрическим орнаментом в технике «сграффито», апогей распространения украшенной подобным образом поливной керамики, как считается, приходится на 2-ю половину XIII – 1-ю половину XIV в. Значительное количество типов кружальных сосудов находит аналогии среди материалов золотоордынского времени в Азаке и приволжских городищах. Лишь отдельные фрагменты поливной красноглиняной керамики имеют прямые и точные аналогии на поселениях Золотой Орды [Булатов, 1976, табл. III.-3, табл. VI.-1, 10 и др.; Лисова, 2012, рис. 71], включая и территории ее северокавказских владений [Нарожный, 2004, с. 274, рис. 2; Голованова, Нарожный, 2005, рис. 4–6; Нарожный, 2017, рис. 5.-16, рис. 6.-6–7, 13, 16 и др.; Волков, 2016, рис. 41.-6–7]. Отдельные фрагменты красноглиняной керамики со следами зеленой, синей и бирюзовой поливы в 2010 г. были подняты на поселении «Усенков» и «Железнодорожное». Весьма заметно почти полное отсутствие в раскопном материале кашинной поливной керамики, за исключением п/м фрагмента кашинной плоской пуговицы с бирюзовой поливой и фрагмент круглой поливной бусины с поселения «Усенков». На поселении «Железнодорожное» в 2010 г. во время его шурфовок был поднят небольшой фрагмент сосцевидного налепа из кашина (тип: [Лисова, 2012, табл. 33.-2]) с раскраской под прозрачной поливой черной и синей красителями по неглубоким вдавлениям. Еще несколько фрагментов поливной керамики могут быть отнесены к раннеосманскому периоду.

К локальным особенностям керамики поселений следует отнести лощение внешней поверхности сосудов, подобное северокавказской керамической традиции раннего средневековья. Отметим и значительное сходство лепных орнаментированных горшков, с такой же кухонной керамикой из закрытых комплексов поселения «Жуково» (Крымский район Краснодарского края), конца XII – начала XIV в. [Ларенок, 2013, с. 89].

Отмеченные материалы дают вполне определенные перспективы для дальнейшего и более детального изучения керамического комплекса всего «куста» синхронных поселений крымского района Краснодарского края. Расширение верхней хронологической грани времени возможного бытования поселений до XV в. имеет важное значение. В первую очередь, такой керамики не очень много, и она «покрывает» собой лишь отдельные участки памятников, что, в принципе, отмечается и на ряде других золотоордынских памятников Северного Кавказа, переживших трагические события 1395–1396 гг. Сохранение здесь жизни и в XV в., интенсивность и ее протяженность на этом этапе требуют дальнейших уточнений. Однако подобная ситуация делает реальной возможность существования отмеченной группы памятников Крымского района не только на всем протяжении Золотой Орды, но и в ранне-османское время, что, в свою очередь, предполагает и возможность активного их сосуществования и с другими близко расположенными бытовыми объектами (Черный Ерик, область «Lo-Coro – Копарио и др.) [Мокрушин, Нарожный, Соков, 2016, рис. 1].

Сегодня важно и другое. При анализе тех или иных групп керамики всех поселений, исследовавшихся в 2010 и 2012 гг. («Железнодорожное», «Железнодорожное» №1 и №2 и соседнего с ним поселения «Усенков»), необходимо сопровождение выводов со стратиграфическим средоточением выделяемых групп, планиграфическое их распределение по ямам, объектам и пр. Только в таком контексте удастся разобраться с массовым археологическим материалом всех этих памятников, одновременно уяснив и их индивидуальные и специфические особенности.

С.В. Васильев¹, С.Б. Боруцкая², М.В. Мотченко²

¹*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,*

²*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АНТРОПОЛОГИИ
НАСЕЛЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам могильника Черновая-VIII)

Население, оставившее могильники Черновая-IV, VI и VIII, относится к окуневской археологической культуре эпохи бронзы Южной Сибири (II тыс. до н.э.). Территориально могильники находились на юге Красноярского края и Хакасии, в зоне затопления Красноярского водохранилища. Окуневская культура отличалась сочетанием хозяйственного уклада и верований как древних неолитических охотников, так и скотоводов эпохи бронзы. Синкретизм отражен в ярких и разнообразных памятниках искусства, насыщенных религиозной символикой. Окуневская посуда плоскодонная, баночной формы. Есть конические банки, а также банки со слабоизогнутым профилем. Единичные сосуды – шести-гранные, четырехгранные и на поддоне.

Могильники обычно состояли из одного, реже из четырех курганов. Известен один большой могильник из 14 оград (Черновая-VIII). Хоронили чаще всего одного человека, реже – женщину с ребенком, разнополую пару или пару с ребенком. Иногда в ту же могилу позже клали еще по одному человеку либо новую пару. Значительное число парных погребений свидетельствует о постепенном укреплении индивидуальной парной семьи. Половину населения составляли дети; стариков было мало.

По мнению А.В. Громова [1995, с. 73], главной особенностью черепов является искусственная деформация, выраженная в скошенности и уплощенности затылочно-теменного отдела. Деформация, скорее всего, связана с особой конструкцией колыбели у «окуневцев».

Большая часть мужских черепов в серии брахикранны (60%). Также присутствуют мезокранные (15%) черепа, два черепа с гипербрахикранией и долихокранией и один – с ультрабрахикранией (показатель 93). В среднем черепа брахикранные. Дуги имеют средние значения. Лобная и теменная хорды средние – 111,1 и 112,6 мм соответственно, затылочная – малая (90,8 мм). Горизонтальная окружность и поперечная дуга очень большие – 546,6 и 330,1 мм соответственно. Высотно-поперечный указатель очень малый (86).

Абсолютные размеры наименьшей ширины лба – средние (97,6 мм), наибольшей – очень большие (127,6 мм). По лобно-поперечному указателю черепа стенометопные. Лобно-скуловой указатель малый (69). Ширина затылка большая (115,9 мм). Верхняя и полная высоты лица имеют средние значения – 71,6 и 117,7 мм. Скуловой диаметр – большой (141,4 мм). Верхняя ширина лица – очень большая (111,5 мм), средняя ширина лица – большая (100,1 мм). По верхнелицевому указателю лицо – мезенное, т.е. средневысокое. Зигомаксиллярный угол – малый (129,7°), назомалярный – средний (141,8°). Лицевой скелет хорошо профилирован. Указатель выступления лица (указатель Флоуэра) имеет среднее значение (99), черепа относятся к ортогнатным (ортогнатизм – тип лица, при котором нет сильного выступления вперед лицевого отдела черепа, в частности, челюстей). Кранио-фациальный вертикальный указатель имеет среднее значение (54). Краниофациальный поперечный указатель – малый (90), что говорит о сочетании относительно узкого лица с относительно широкой черепной коробкой. Глубина клыковой ямки малая (3,5 мм). Орбиты очень широкие и средневысокие, орбитный указатель очень малый (73) – хамэконхия (низкие глазницы, с показателем до 80,0). В абсолютных размерах нос средней высоты (51,4 мм) и ширины (24,7 мм) – лепториния (узконосость: носовой указатель – до 69,9). Угол выступления носа – средний (26,5°). Общий и средний лицевые углы очень большие (87,3° и 91,4°), угол альвеолярной

части – большой (76,8°). Симотический указатель большой (55). Средние квадратичные отклонения многих параметров у мужчин превышают пределы средних величин для однородной выборки. Следовательно, серия неоднородна.

Также был проведен сравнительный межгрупповой краниологический анализ с близкими по времени и территории группами – представителями афанасьевской и андроновской археологических культур – по основным краниометрическим признакам, представленным в таблице на слайде. Материалы по «афанасьевцам» и «андроновцам» взяты из работ К.Н. Солодовникова [2006, 2009]. Было выявлено, что «окуневцы» по ряду признаков (поперечный и высотный диаметры, черепной указатель, верхняя высота лица, угол выпячивания лица и назомалярный угол) резко отличаются от «афанасьевцев» и «андроновцев». Схожесть с ними наблюдается по продольному диаметру и высоте носа. Схожесть с «афанасьевцами» наблюдается еще и по скуловому диаметру, а с «андроновцами» – по ширине носа и верхней ширине лица.

По остеометрической программе были исследованы девять мужских и семь женских скелетов. Сохранность посткраниальных скелетов в ряде случаев не позволила провести полноценный остеометрический анализ. Интермембральный индекс показывает относительное соотношение длин рук и ног. Его значение соответствует несколько укороченным верхним конечностям, особенно у мужчин. Анализ плечебедренного указателя не обнаружил каких-либо тенденций. Лучеплечевой индекс средний или ниже среднего у всех скелетов, что говорит о встречаемости как среднего соотношения длин предплечья и плеча, так и соотношения в пользу несколько укороченного предплечья. Для всех скелетов берцово-бедренный индекс оказался ниже среднего, что говорит об относительно укороченной голени.

Прижизненная ширина плеч высчитывалась по формулам Ражева. Для мужчин оказались характерными среднеширокие и широкие плечи. Женщинам были присущи только узкие плечи. У большинства индивидов были выявлены платихеричные (выраженно широкие) крестцы. Прижизненная длина тела, рассчитанная по формулам Дюпертюи и Хеддена, Бунака, Пирсона и Ли, для мужчин оказалась выше среднего, в редких случаях – средней и в одном случае – высокой. Размах вариаций составляет 167,2–183,0 см. У женщин исследованной группы размах вариаций соответствовал 154,7–163,5 см. Таким образом, можно говорить о росте среднем и ниже среднего.

Мы получили следующие выводы. Черепа характеризуются брахикранностью, очень малым высотно-поперечным указателем, мезенным лицом, ортогнатизмом, хамэконхными орбитами, лепторинным (узким) носом, достаточно сильной профилировкой лицевого скелета. Все это подтверждает, что население было в основном европеоидного типа. Статистический анализ выявил неоднородность группы.

Остеометрическое исследование выявило, что население характеризовалось несколько укороченными верхними конечностями, относительно укороченными голеними, платихеричными крестцами, ультрамассивными лучевыми костями (женщины – также и локтевыми), высокой степенью массивности бедренных костей и средней прочностью большеберцовых костей – у мужчин и вариабельной массивностью этих костей – у женщин. По пропорциям конечностей индивиды демонстрируют принадлежность к континентальному адаптивному типу телосложения.

Библиографический список

Громов А.В. Антропологические особенности населения окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры : тезисы докладов конференции. – СПб., 1995.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово-XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – №6.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. – 2009. – Вып. 17.

Е.Е. Васильева

Институт археологии РАН, Москва

КЛАДБИЩЕ ПРИ ЦЕРКВИ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В г. ЯРОСЛАВЛЕ: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

В ходе охранных раскопок на территории исторического центра г. Ярославля на площади порядка 200 кв. м была исследована часть кладбища при каменной церкви Иоанна Златоуста и более ранней деревянной. Работы проводились силами Ярославской археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой [2008, 2009, 2011].

Выявлен фундаментный ров северо-западной стенки каменной церкви Иоанна Златоуста, свайное поле колокольни при ней, а также часть приходского кладбища. Следов деревянной церкви обнаружено не было.

Первоначально была построена деревянная церковь Иоанна Златоуста, первое упоминание о которой можно встретить в Переписной книге Ярославля 1646 г. [Ярославские писцовые..., 1913, стлб. 91]. Сведений о периоде функционирования деревянной церкви в источниках нет. Строительство каменного здания относится к 1690 г.

Раскопками вскрыто 224 погребения. В большинстве случаев сохранились остатки деревянных гробов, в 60% случаев сохранность деревянных гробов позволяет достоверно реконструировать их форму. Таким образом, выборка насчитывает 123 гроба. В условиях так называемого мокрого слоя комплекс кладбища конца XV – начала XIX в. имел относительно хорошую сохранность. Важно также, что данный комплекс на исследованной площади практически не нарушен позднейшими строительными работами. Следует отметить высокую плотность захоронений, вследствие чего не было выявлено контуров могильных ям. Погребальный инвентарь в захоронениях практически отсутствует, за исключением нескольких крестов и их фрагментов. Также в отдельных погребениях были зафиксированы остатки обуви, в том числе – ритуальной обуви XVI в. [Осипов, 2006, с. 82, 84].

В ходе исследования некрополя было выполнено разделение погребений на четыре хронологических яруса: ярус 1 (XVIII – начало XIX в.), ярус 2 (XVII в.), ярус 3 (XVI в.), ярус 4 (конец XV в.). Разделение погребений по хронологическим ярусам было выполнено с применением традиционных методик – с учетом стратиграфии и планиграфии погребений, наличия погребального инвентаря в отдельных погребениях, аналогий и дендрохронологии.

Сохранность деревянных гробов позволяет достоверно реконструировать их форму и для составных гробов – их способ сложения. Все гробы были распределены по типам, видам и подвидам в соответствии с типологией Т.Д. Пановой [2004, с. 70–76]. Типология была дополнена материалами XVII–XIX вв. – так, был добавлен тип 2, вид 2, подвида Б деревянных гробов.

Тип 1. Деревянные долбленые колоды. Гробы данного типа встречены во всех ярусах некрополя, больше всего их встречено в ярусе 3 XVI в., в XVII в. количество их резко снижается, а в XVIII в. вновь возрастает.

Вид 1. Колоды прямоугольной формы.

Вид 2. Колоды трапецевидной формы.

Вид 3. Колоды антропоморфной формы.

Вид 4. Колоды ладьевидной формы. Данный вид гробов Т.Д. Панова относит к узкому периоду 2-й половины XVI в. На ярославском некрополе колоды ладьевидной формы встречены с конца XV до XVII в.

Подвид А. Колода ладьевидной формы с плавным расширением в центральной части.

Подвид Б. Колода ладьевидной формы с расширением в верхней половине.

Подвид В. Колода ладьевидной формы с плавным расширением в центральной части и значительным сужением в ножной.

Тип 2. Деревянные гробы-ящики из досок. Гробы данного типа также встречены во всех хронологических ярусах, причем такие гробы на протяжении всего периода бытования некрополя количественно преобладают над долблеными колодами. Следует отметить, что

большинство деревянных гробов типа 2 являются составными, т.е. доски гробов крепятся друг с другом с помощью пазов.

Вид 1. Деревянные гробы-ящики прямоугольной формы.

Подвид А. Гробы, доски которых скреплены гвоздями.

Подвид Б. Гробы-ящики прямоугольной формы, скрепленные при помощи пазов в досках.

Вид 2. Деревянные гробы-ящики трапецевидной формы.

Подвид А. Гробы, доски которых скреплены гвоздями.

Подвид Б. Гробы-ящики трапецевидной формы, скрепленные при помощи пазов в досках.

У гробов типа 2, видов 1, 2, подвидов Б для крепления досок гроба используются крепления на прямой паз и гребень, в сквозной ласточкин хвост, а также используется крепление при помощи деревянных шипов. В большинстве случаев крышки гробов типов 1, 2 накладывались, также встречены случаи, когда верх боковых досок и торцов подтесан под крышку. У гробов обоих типов встречены всевозможные виды крышек – плоские, килевидные и сводчатые. На ярославском некрополе сводчатые крышки встречены только у детских долбленых колод (8 гробов), килевидные крышки встречены у обоих типов (10 гробов), абсолютное большинство крышек – плоские (111 гробов погребений). Плоские крышки в абсолютном большинстве случаев выполнены из целых досок, однако встречаются и наборные. В результате анализа коллекции деревянных гробов, обнаруженных в ходе исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста, удалось выявить некоторые детали гробов, характерные для определенных хронологических периодов. В целом можно сделать следующие выводы:

– на примере ярославского некрополя подтверждается одновременное сосуществование долбленых и составных гробов;

– выявлено, что все три формы крышек встречаются среди всех типов деревянных гробов. Гробы со сводчатыми крышками чаще встречаются в нижних, более ранних ярусах погребений, килевидные крышки в большинстве своем характерны для более поздних гробов. Гробы с плоскими крышками встречены во всех ярусах погребений;

– прослежено, что с течением времени исчезает ярко выраженное изнутри и снаружи оголовье – к XVII в. лишь в отдельных случаях фиксируются плечики у долбленых гробов. В более позднее время оформление головной части гроба иногда сводится к выдолбленным изнутри торцам в изголовье, а чаще всего доски гробов не имеют специальных расширений или сужений;

– наблюдается тенденция не только к упрощению формы, но и к утоньшению досок гроба.

Библиографический список

Осипов Д.О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. – Т. 7. – М., 2006.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. – М., 2004.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). // Архив ИА РАН. б/н. – 2008.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. // Архив ИА РАН. б/н. – 2009.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2010 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1, кн. 44. №30435-47. – 2011.

Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. – Кн. 6, вып. 3–4. – Ярославль, 1913.

Е.Е. Васильева
Институт археологии РАН, Москва
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ФОТОГРАММЕТРИИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

3D фиксация процесса и результатов археологических исследований все чаще применяется в полевой практике как в России, так и за рубежом [Зайцева, 2014, с. 12]. Используются, как правило, две технологии – трехмерное сканирование и фотограмметрия.

Метод фотограмметрии активно применяется при проведении спасательных археологических работ Институтом археологии РАН. Цели использования данного метода различны – помимо основной (3D визуализации результатов археологических раскопок с пространственной привязкой раскопок или археологических комплексов) в ряде случаев создание виртуальных моделей исследуемых объектов необходимо с целями фиксации фактов разрушения или, наоборот, непопущения памятника археологии; создания электронной базы данных археологических объектов.

Так, при исследовании семейной усыпальницы Ермоловых в 2012 г. методом фотограмметрии была выполнена трехмерная модель захоронений [Энговатова и др., 2014, с. 314]. Модель выполнена дистанционно, на стадии предварительных исследований неразрушающими методами для фиксации факта значительного разрушения останков в склепах П.А. и А.П. Ермоловых. Это было необходимо в связи с общественным резонансом, вызванным исследованиями объекта. Позже, на основании полученной 3D модели, был выполнен план склепов.

В ходе археологических работ на территории некрополя Московской духовной академии (Троице-Сергиева лавра) в 2014 г. [Энговатова, 2015] методом фотограмметрии были созданы трехмерные модели участков раскопа, погребальных комплексов и черепов погребенных. При помощи наложения виртуальной трехмерной модели надмогильных памятников, выполненной по архивному фото, на 3D модель участка раскопа, на котором были зафиксированы основания под надмогильные памятники, было выявлено соответствие высотных отметок и размеров оснований с имеющимися изображениями памятников. Это позволило провести идентификацию трех погребений, не прибегая к вскрытию самих могил [Энговатова и др., 2016, с. 384]. В ходе работ было установлено, что разрушению подверглась только наземная часть некрополя, персонификация погребений неразрушающими методами приветствовалась руководством Академии. Поскольку исследования проводились на территории действующего монастыря, все обнаруженные останки людей после фото- и графической их фиксации и проведения антропологических исследований перезахоранивались, в большинстве случаев – в день обнаружения. В связи с этим была создана электронная база 3D изображений погребальных комплексов и черепов для возможности последующей персонификации погребенных при дальнейших изысканиях.

Библиографический список

Зайцева О.В. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. – 2014. – №4.

Энговатова А.В., Медникова М.Б., Радюш О.А., Пилипенко А.С., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е. Комплексные междисциплинарные исследования на объекте культурного наследия федерального значения «Могила Ермолова Алексея Петровича (1772–1861 гг.)» в г. Орле // Краткие сообщения Института археологии.–2014. – Вып. 236.

Энговатова А.В. Отчет «О выполнении спасательных археологических полевых работ на участках расположения некрополей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 2014 году». – М., 2015. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1, кн. 44. №46266–46271.

Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Решетова И.К., Шведчикова Т.Ю., Тарасова А.А., Васильева Е.Е., Панченко К.И., Никитин С.А. Исследование некрополя Московской духовной академии в 2014 году // Археология Подмосковья. – М., 2016. – Вып. 12.

И.Н. Васильева

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ПОДОНЬЯ

Работа выполнена в рамках реализации проекта 33.1907.2017/П4 государственного задания
Министерства образования и науки РФ и проекта РГНФ №16-11-63015

Изучение процесса неолитизации Восточной Европы имеет весьма длительную историю накопления материалов, их осмысления и исследовательских подходов к решению проблем, в том числе связанных с формулированием содержания этого исторического события. В зарубежной археологии распространена точка зрения о распространении производящего хозяйства как основной критерии неолита. Большинство российских археологов придерживается мнения о появлении керамики как важнейшем археологическом признаке перехода к неолитическому периоду. Мы исходим из того, что керамика – конечный продукт гончарной технологии, сложного производственного процесса, требующего определенных знаний и трудовых навыков. И если зарождение раннеолитического гончарства в различных регионах Восточной Европы могло иметь разный характер, то основным механизмом распространения гончарных традиций были не абстрактные «керамические идеи», а контакты и процессы смешения разных в культурном отношении групп неолитического населения.

В нашем исследовании используется комплексный подход к изучению неолитического гончарства, включающий морфологическую группировку керамики; серийное радиоуглеродное датирование комплексов и групп неолитической керамики; проверку полученных дат по другим материалам; исследование гончарной технологии по методике А.А. Бобринского [1978; 1999], основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии, эксперименте в виде физического моделирования.

В рамках единого исследовательского подхода и применения одинаковых методов были изучены раннеолитические керамические материалы обширной территории Восточной Европы: Нижнего и Среднего Поволжья [Васильева, 1999; 2011], Прикамья [Васильева, Выборнов, 2013], Суркско-Мокшанского междуречья и Марийского Поволжья [Васильева, Выборнов, 2014; 2015]. Привлечение вышеуказанных методов позволило проследить время появления раннеолитических гончарных традиций и динамику их распространения [Васильева, Выборнов, 2016].

Данная работа посвящена предварительным результатам сравнительного анализа данных о раннеолитической гончарной технологии населения Подонья и Поволжья. В настоящее время можно предполагать существование в европейской части России трех очагов раннеолитического гончарства: 1) средневожского (елшанского), 2) нижневожского (североприкаспийского), 3) нижнедонского (ракушечнойярского). По этим материалам получены серии радиоуглеродных дат, совокупность которых укладывается в рамки 1-й половины VII тыс. кал. л. до н.э. (при наличии самых ранних абсолютных дат). *Средневожский* очаг характеризуется наличием остродонных сосудов небольших размеров, без орнамента или с ямочно-жемчужным пояском под венчиком, изготовленных преимущественно из тощих илистых глин (чаще без включений визуальной фиксируемой естественной раковины) с добавкой органических растворов (ОР). *Нижневожский* очаг представлен крупными плоскодонными сосудами без орнамента или орнаментированными в прочерчено-накольчатой технике, сделанных из тощих и жирных илов с большим содержанием сгнившей растительности и обломков пресноводных раковин, с добавкой ОР. *Нижнедонской* очаг известен по материалам нижних слоев Ракушечный Яр, в которых преобладают неорнаментированные плоскодонные массивные сосуды, изготовленные из жирных, реже тощих, илов с большим содержанием сгнившей растительности, но без естественной раковины. Предполагается, что происхождение елшанской гончарной технологии имело неместный характер, возможно, было связано с миграцией населения из Восточного Прикаспия и Средней Азии. Несмотря на определенные различия в орнаментальных традициях, в традициях отбора пластичного сырья (наличии-

отсутствии раковины) и в приемах обжига сосудов, между ранними гончарствами Северного Прикаспия и Подонья прослеживается определенная близость, указывающая на их принадлежность к одному ареалу зарождения гончарства, история которого была связана с использованием илов.

Значительным событием последних десятилетий в изучении неолита Подонья были раскопки стоянок, позволившие выделить новый карамышевский культурный тип неолитических памятников. Хронологически он в целом синхронизируется со 2-м этапом елшанской культуры Среднего Поволжья. Керамика данного типа обнаруживает большое морфологическое сходство с елшанской. Исследование технологии ее изготовления также выявило существенное сходство гончарных традиций: отбор в качестве сырья илистых глин, среди которых преобладали тощие (иногда с выгоревшей раковиной); массовое распространение рецептов ФМ с одним только ОР и др. Наличие приемов введения в ФМ карамышевской керамики примеси шамота-обожженной глины указывает на близость к традициям населения Сурско-Мокшанского междуречья, изготавливавшего керамику елшанского облика. Изучение керамики некоторых стоянок (Ивница, Карамышево-9) позволило зафиксировать формирование новой традиции добавки в ФМ искусственной примеси крупного песка. В целом, в настоящее время можно отметить тенденции в развитии гончарства изучаемого региона в неолите, как общие (изживание представлений об илах как сырье и переход к илистым глинам и глинам), так и специфические (формирование и массовое распространение традиций введения в ФМ искусственных дробленых минеральных примесей: в Среднем Поволжье – шамота; в Нижнем Поволжье – дробленой раковины; в Подонье – крупного песка).

Данные о гончарной технологии групп неолитического населения, изготавливавших посуду елшанского облика, может подтвердить динамику распространения елшанских гончарных традиций на запад, а также вероятность миграции неолитических коллективов из Волго-Уралья в Сурско-Мокшанское междуречье и Верхнее Подонье. Проживание в новой культурной обстановке вносило определенную специфику в процесс развития гончарных традиций населения этих регионов. Детализация этого процесса во времени, выяснение причин изменений и формирования новых традиций нуждаются в увеличении источниковой базы технологических данных и абсолютных радиоуглеродных дат.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 1999.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №2 (46).

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. – 2013. – №1.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитическое гончарство населения Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник. – 2014. – №2(8).

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. – Вып. 41. – Йошкар-Ола, 2015.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. – 2016. – №3(17).

Т.А. Васильева
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
НАЗНАЧЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ГОРОДОВ
ЕКАТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА
(Приморский край)

Материалы, полученные при исследовании горных городищ чжурчжэньского времени (XIII в.) в Приморском крае, позволяют не только реконструировать облик средневекового города, но и перейти к решению проблем, связанных с назначением отдельных элементов его застройки.

Одним из традиционных объектов застройки чжурчжэньского города были Внутренние города – 1–3 небольших участка произвольной формы внутри городища, огороженные невысоким земляным валом [Артемьева, 1998, с. 14].

Наиболее изученное Шайгинское городище (Партизанский район) имеет три обвалованных участка. Два Внутренних города находятся в юго-западной части [Артемьева, 2012, с. 26; Шавкунов, 1990, с. 64]. На одном из них, рядом с районом, где проживали чиновники, вскрыты хозяйственные амбары свайной конструкции. Сваи опирались на базы. Это были государственные амбары колоннадной конструкции под черепичной крышей.

На расположенном также на южном склоне Внутреннем городе следов строительных объектов не видно, и работы там не велись [Артемьева, 2012, с. 27].

Вход во Внутренний город в северо-восточной части Шайгинского городища был оформлен аркой с двускатной крышей, крытой черепицей. Центральное и главенствующее место принадлежало жилищу площадью 108 кв. м. Рядом расположены два здания с тремя односекционными канами, что нехарактерно для рядовых жилищ. В них нет хозяйственной части – ступы, хозяйственных ям. Посуда представлена столиками – подставками [Артемьева, 2012, с. 28]. Как предполагают исследователи, данный Внутренний город выполнял административные функции. Вполне вероятно, что здесь находился запретный город.

Внутренний город Краснояровского городища (Уссурийский район) – верхней столицы государства Восточное Ся площадью 35 га, расположенный в юго-восточной части городища, был застроен административными комплексами и дворцовыми зданиями колоннадной конструкции, крытыми черепицей [Артемьева, 2004, с. 367].

Здесь находилась императорская ставка со следами дворцов в виде остатков черепичных крыш и рядов каменных баз от колонн. В юго-западной части Внутреннего города располагался административный комплекс. Найдены 11 бронзовых эталонных гирь, фрагменты бронзовых зеркал, 73 монеты и нашивные бронзовые украшения в виде четырехугольных звездочек (около 2,5 тыс.). Можно предположить, что в этом здании находилась палата весов. Керамический материал административного комплекса – большие тарные сосуды горшковидной формы объемом более 100 л и большое количество шаровидных сосудиков, есть «двойняшки» [Артемьева, 2016, с. 586]. Этот комплекс, судя по его местоположению и набору эталонных гирь, можно идентифицировать с ведомством *шаофуцзянь*, которое относится к внутреннему управлению императорского двора. В Восточном Ся это ведомство ведало изготовлением печатей и эталонами веса [Артемьева, 2016, с. 588].

Два внутренних города находились и на Лазовском городище в Лазовском районе [Леньков, Артемьева, 2003, с. 13]. В западном обнаружена мастерская, где находились остатки печей для обжига керамики, горны. Во втором Внутреннем городе найдено здание колоннадного типа и сооружение, которое трактовано В.Д. Леньковым как хозяйственная постройка, где мог быть большой амбар [Леньков, Артемьева, 2003, с. 28–29, 30].

На самом высоком и частично обвалованном участке Ананьевского городища (Надеждинский район) были вскрыты 4 ряда каменных баз, ориентированных с юга на север, вероятно, остатки недостроенного общественного амбара [Хорев, 2012, с. 32].

На Николаевском городище (Партизанский район) вскрыты остатки парадной арки, украшенные ажурной черепицей, а рядом с центральным дворцовым зданием находились две платформы с печами-очагами в виде «замочной скважины». Очаги обложены кирпичами. Скорее всего, такие печи-очаги сооружались в зданиях павильонного типа [Артемьева, 2016, с. 555].

Интересный материал получен при исследовании трех Внутренних городов Екатерининского городища (Партизанский район). В северо-восточном Внутреннем городе, на главенствующей здесь платформе находились остатки жилища площадью 45 кв. м. В северо-восточном и юго-западном углах расположены жилища площадью около 80 кв. м, отапливаемые тремя автономными каналами. Во всех трех жилищах нет хозяйственных приспособлений (ямы, ступы), отсутствуют бытовые вещи. Найдена керамическая тушечница, три железных цепи длиной 3–3,4 м, керамика – цилиндрической формы подставки-столики. Характер конструкций и находок свидетельствует, что здесь располагались административные учреждения города с государственными чиновниками, которые были наделены соответствующей властью. Подобное назначение северного Внутреннего города известно в средневековом Китае [Стужина, 1979, с. 18, 98]. Здесь функции, связанные с организацией повседневной жизни города, снабжением, его благоустройством, выполняла государственная администрация.

Оставшиеся два Внутренних города расположены в южной части городища. В юго-восточном в северном углу на возвышающейся платформе, прокаленной до оплавленного состояния, были обнаружены остатки здания колоннадной конструкции с четырьмя рядами каменных баз по 11 в каждом ряду. Его площадь – 126 кв. м. Между второй и третьей линией баз были зачищены две обогревательные печи в форме замочной скважины, сооруженные из наклонных граней мощных известняковых плит. Черепицы на раскопе не было. Скорее всего, здание было крыто деревянной черепицей – гонтом или соломой. Находки – 70 гвоздей без шляпок. В восточном углу этого Внутреннего города находилось еще одно здание колоннадной конструкции с четырьмя рядами баз по пять в каждом ряду площадью 100 кв. м. В местах отсутствия баз зачищены ямы от колонн, забитые углями. Юго-восточный Внутренний город служил общественным центром, где могли собираться жители города. Причем одно здание было отапливаемым.

В юго-западном Внутреннем городе следов сооружений не прослеживается.

Таким образом, с развитием города появляются выделенные участки (Внутренние города), наделенные конкретными функциями. Эти правила действовали на большинстве горных городищ Приморья. Северные Внутренние города наделались административными функциями. В некоторых Внутренних городах находились государственные амбары. Были также объекты общественного назначения.

Библиографический список

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.). – Владивосток, 1998.

Артемьева Н.Г. Исследования средневековых городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2003 года. – М., 2004.

Артемьева Н.Г. Новый этап исследований Шайгинского городища // Средневековые древности Приморья. – Владивосток, 2012. – Вып. 2.

Артемьева Н.Г. Памятники чжурчжэньской культуры на территории Приморского края // Средневековые древности Приморья. – Владивосток, 2016. – Вып. 4.

Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. – Владивосток, 2003.

Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. – М., 1979.

Хорев В.А. Ананьевское городище. – Владивосток, 2012. – (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М., 1990.

А.С. Вдовин
*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева, Красноярск*
Н.К. АУЭРБАХ И АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В 2017 г. исполняется 125 лет со дня рождения сибирского археолога Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930), известного своими исследованиями палеолита на Енисее. После переезда в Новосибирск в 1926 г., где он стал ученым секретарем Общества изучения Сибири, круг его научных значительно расширился, и он координирует археологические исследования в Сибири [Вдовин, Макаров, 2014]. «В дальнейшем я предполагаю перебраться на Обь и проследить наши культуры на Западе. Тот план, который мы наметили для Енисея, – закончен», – сообщает Н.К. Ауэрбах В.А. Городцову [ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376. Л. 151об.]. С 1927 г. он изучает археологические коллекции музеев Западной Сибири (Омский, 1927; Томский, 1928; Каменский, Барнаульский, Бийский, Семипалатинский, 1929). По результатам поездки Николай Константинович подготовил работу «К археологии Западной Сибири». Основное внимание уделяет поиску возможных следов палеолита. Отмечает, что «многообещающим в отношении возможности открытия палеолитических стоянок на Алтае и бассейне верхней Оби [указывают] многочисленные находки четвертичной фауны... Дальнейшее изучение археологии камня Западной Сибири не может быть двинуто вперед без систематических раскопок стоянок и пещер. Первоочередным является исследование близ с. Фоминского и Алтайских пещер» [ГАНУ. Ф. 217. Д. 252. Л. 7]. В.Е. Ларичев [1969, с. 180] отмечал, что Н.К. Ауэрбах «воздержался от датировки находок у Фоминского и Сростки палеолитическим временем. Поэтому до середины 1930-х гг. проблема древних памятников Алтая оставалась нерешенной».

В одном из своих последних докладов в Обществе изучения Сибири – «Основные предпосылки генплана культурно-исторических исследований Сибиряка» – в 1930 г. Н.К. Ауэрбах наметил перспективные направления археологических исследований в Сибири. В области исследования палеолита он предлагает организовать комплексную геолого-палеонтолого-археологическую экспедицию в Монголию, где «следует искать один из древнейших центров мировой культуры». Также он планировал изучение памятников на Енисее, в Приангарье и пещерных памятников, в первую очередь, на Алтае, поиск памятников в Западной Сибири, «сравнительное изучение индустрии сибирского и китайского палеолита» [ГАНУ. Ф. 217. Д. 241. Л. 9]. По неолиту Н.К. Ауэрбах предлагал продолжить систематические исследования на Енисее, Ангаре и в особенности на Алтае – «районе, совершенно незатронутым исследованиями неолитических культур», сравнительное изучение неолитических погребений, выяснение проблемы северного неолита, связать археологические данные с этнографическими и антропологическими, что даст возможность «приурочить доисторические культуры к определенным туземным народностям» [ГАНУ. Ф. 217. Д. 241. Л. 9]. По металлическим культурам исследователь отмечает, что интенсивные полевые исследования в Минусинском крае, на Алтае, в Западной Сибири по Иртышу и в Нарымском крае позволят уточнить общую классификацию металлических культур Сибири, более тесно связать археологические исследования с этнологическими, антропологическими и историческими, что даст возможность «приурочить и металлические культуры к определенным этнографическим группам, обращение основного внимания на выяснения доисторической экономики края, а из частных вопросов техники рудного и плавильного дела и оросительных сооружений» [ГАНУ. Ф. 217. Д. 241. Л. 10].

Библиографический список

Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах – ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. – 2015. – №3 (48).

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Ч. 1. – Новосибирск, 1969.

М.Ю. Визгалова

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

О ЗАБЫТОМ МАТЕРИАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК.
«БАЛБЕРА» И БАЛБЕРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В XVI–XVIII ВЕКАХ
(по раскопкам татарской (деревянной) слободки острова-града Свяжска)

Исследование посвящено находкам из древесного материала, который является на сегодняшний день совершенно «выпавшим» из археологического оборота. Анализ археологических находок из дерева со средневековых памятников показывает, что поделки из материала «балбера» [Даль, 2015, с. 50] присутствуют на многих из них.

В ряде случаев предметы именуются изделиями из «коры» или «коры сосны» [Завьялов, 2011, с. 214–215], иногда описаны как «дерево». Задача данного исследования – показать на примере многочисленной коллекции из органического материала [Шакиров, 2012, с. 184–209], собранной во время раскопок Свяжского посада (Свяжск – позднее-средневековый город-крепость на Средней Волге), что некоторая часть находок является изделиями так называемого «балберного» промысла, или резьбой из коры черного тополя или осокоря.

Выработка балберы в виде заготовок [Лопатин, 1930, с. 39] состояла в придании коре определенных размеров и формы, в сечении трапеция или овал (рис.-1) [Залкинд, 1932, с. 30–31].

Поплавки (119 экз.). Для неводов и сетей применяли лепестковые, прямоугольные или ромбовидные типы (рис.-2–4). Реконструкция фрагмента ставных сетей с использованием данных поплавок показана на рис.-5. Поплавки для снастей или «шашки» были трапециевидными или шайбовидными (рис.-6, 7). *Черная*, или *шашечная*, снасть (рис.-8) представляла собой веревку, иногда до 1 км длиной, к которой привязывали крючки на расстоянии 20 см друг от друга, каждый из которых был прикреплен к леске длиной до 40 см, с шашкой-поплачком. Эту снасть натягивали поперек реки, прикрепив ее концы к кольям или камням. Аналогичная снасть, но с наживкой на каждом крючке, называлась *кусовой*, или *животной* [Зеленин, 1991, с. 102–103]. Встречаются другие формы поплавок: сегментовидные (рис.-9), с «ушком» (рис.-10), каплевидные (рис.-11), шашки-розетки (рис.-12), поплавок на удочку (рис.-19), поплавок-вешка (лепестковый, с длинным стержнем – 55 см).

Каблуки (32 экз.). Следующей категорией находок являются каблуки (рис.-13), причем следы гвоздей или других креплений к обуви отсутствуют. Внутренние каблуки, вероятно, использовались в подошве с каракулем [Осипов, 2006, с. 54–55].

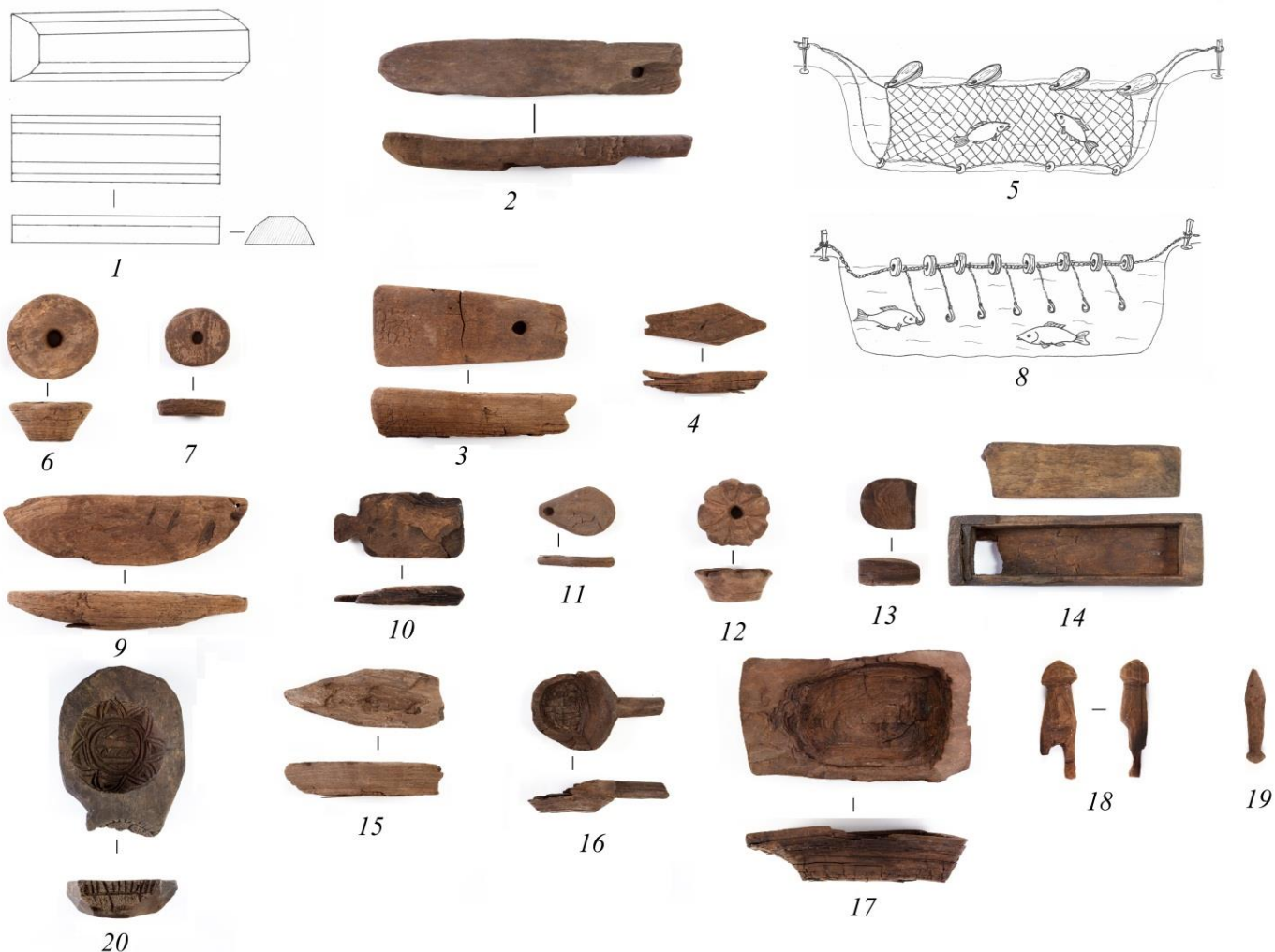
Пеналы и коробочки (7 экз.) – на некоторых заметен след крепления крышки в виде бокового отверстия, на длинных пеналах имеются выдвижные крышки (рис.-14).

Лодочки (14 экз.). В коллекции балберных изделий находятся и лодочки (рис.-2, 15) – детские игрушки (лодки, челноки и т.д.).

Посуда (2 экз.) представлена ложкой (рис.-16) и миской (рис.-17), вырезанной, вероятно, рыбаками для обеда в походных условиях.

Различные изделия (8 экз.) бытового назначения, обнаружены как единичные находки: фрагмент чесала для шерсти, скребок, элементы конской упряжи (?), скребки, шахматная фигурка, свисток, антропоморфная фигурка (рис.-18). Особняком стоит уникальная находка пряничной формы с солярным орнаментом (рис.-20), представляющая собой часть пряничной доски с двумя формами (сохранилась часть второго штампа).

Дальнейшее изучение уникальной коллекции изделий из дерева с раскопок поздне-средневекового города Свяжска позволит создать полноценную картину ремесел и промыслов деревообрабатывающих отраслей населения Поволжья в XVI–XVIII вв. наряду с уже выделенными здесь ранее производством изделий из лыка [Визгалова, Старков, 2016, с. 266–277].

Изделия из балберы: 1 – общий вид заготовки; 2 – лепестковый поплавок; 3 – прямоугольный поплавок; 4 – ромбовидный поплавок; 5 – реконструкция сети с балберой; 6 – трапециевидная «шашка»; 7 – шайбовидная «шашка»; 8 – реконструкция «черной снасти»; 9 – сегментовидный поплавок; 10 – поплавок с «ушком»; 11 – каплевидный поплавок; 12 – «шашка» с розеткой; 13 – внутренний каблук; 14 – пенал; 15 – лодочка; 16 – ложка из коры; 17 – миска; 18 – антропоморфная фигурка; 19 – поплавок на удочку; 20 – пряничная доска (фрагмент)

Библиографический список

- Визгалова М.Ю., Старков А.С. Плетеные изделия из растительных волокон «Татарской (Деревянной) слободки» острова Свяжск // Поволжская археология. – 2016. – №4.
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Иллюстрированное издание. – М., 2015.
- Завьялов В.И. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – Вып. 7. – М., 2011.
- Залкинд И.Б. Производство изделий из коры липы и осокоря. – М.; Л., 1932.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
- Лопатин. О балберном промысле // Лесная кооперация. – 1930. – №5.
- Осипов Д.О. Обувь Московской земли: Материалы охранных археологических исследований. – Т. 7. – М., 2006.
- Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. – 2012. – №2.

В.Д. Викторова

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ГРАНИТНОГО МАССИВА

В публикации рассматриваются новые виды памятников Урала, обнаруженные в начале XXI в.: дольмены, тоннели, святилища на горах, скульптуры. Подобные памятники ранее были известны на большой территории Европы, Передней и Юго-Восточной Азии.

Первоначально мегалитические постройки обнаружены на острове Вера Южного Урала [Григорьев, Меньшинин, 2004]. К сожалению, их культурно-хронологическая принадлежность до сих пор не имеет надежных доказательств.

Время существования мегалитических памятников Среднего Зауралья по находкам в них фрагментов керамики липчинской, шувакишской и аятской культур определяется концом IV – III тыс. до н.э. Это время подтверждается результатами радиоуглеродного анализа: Шитовской 6 дольмен – 4200 ± 210 л.н. (СОАН-7829); Романовский 2 дольмен – 4200 ± 85 л.н. (СОАН-7443); тоннель Лунный – 3975 ± 80 л.н. (СОАН-7444). На сегодняшний день в пределах южной части Верх-Исетского гранитного массива обнаружено шесть дольменов, восемь тоннелей, пять святилищ на вершинах гор и 10 многотонных скульптур.

Существуют закономерности в пространственном размещении этих памятников. Во-первых, они расположены на разных уровнях гор. Святилища в нишах и верховых тоннелях, занимают верхние площадки гор. Часть верховых тоннелей и дольмены размещены на пологих склонах гор, низовые тоннели – у подножия гор по берегам водоемов. Во-вторых, дольмены и низовые тоннели отделены от поселений и святилищ заливом или небольшой речкой.

Уральские мегалиты отличаются от западноевропейских и северокавказских. Первая особенность – они сооружены не из мягких пород камня, а из гранита. Вероятно, в результате тектонических сдвигов в горах Зауралья образовались щели шириной от 0,3 до 1,5 м с параллельными стенками. Древнее население первоначально подобные щели шириной 0,8–1 м могло лишь достраивать перекрытием – большой (длиной свыше 2–2,5 м) природной плитой (Романовский 1 дольмен). Позднее способы строительства усложнились. К природной вертикальной стене могли достраиваться еще одна или две стены и перекрытие (Шитовской 6 дольмен, Романовский 2 дольмен, тоннель Лунный). Таким образом, мегалитические сооружения Среднего Зауралья имели природно-антропогенное происхождение.

Вторая особенность заключается в сложной структуре памятников. Кроме центрального объекта – сооружения дольмена или тоннеля, в нее входили: предвходовая площадка с остатками жертвоприношений, выбитая в скале чаша (для приготовления жертвы?), скульптура. У основания и по склону сакральной горы стоят (или повалены) менгиры.

Дольмены. Для горизонтальной установки сооружений на склоне под торцы стен подкладывали камни (дольмен Чертово городище, Шитовской 6 дольмен). Предвходовые площадки размерами 4–9 кв. м досыпали землей, а по периметру укрепляли валунами. Толщина стен из плит или валунов достигала 0,5–0,87 м. Каждый дольмен перекрыт массивной гранитной плитой размерами 2,2–3 × 1,7–2 м. Прямоугольный вход в камеру высотой 0,8–1,2 м обращен на запад или северо-запад. Камера длиной 1,8–2 м, шириной 0,6–1 м, высотой 1–1,2 м имела прямоугольную или треугольную форму. От ритуалов на предвходовой площадке сохранились следы огня, охры, фрагменты керамики эпохи энеолита, обломки орудий и скопления гранитных фигурок, зверей и птиц [Викторова, 2016].

Святилища в нишах. Природные ниши прямоугольной формы имеют разные размеры, начиная от 4 кв. м. Самой большой – 21 кв. м – является площадка святилища Северского. Оно расположено на вершине горы высотой 6 м. Площадку святилища с трех сторон ограничивают скалы высотой до 3 м. На северной стене выбит знак в виде головы

олена. По центру площадки стоит алтарный камень трапециевидной формы с выбитой на нем чашей овальной формы. Два менгира – стоящий (высотой 1 м) и поваленный (длиной 2 м) – расположены по противоположным углам площадки. В шурфе найдены отщеп и гранитные фигуры зверей.

Тоннели. *Верховые тоннели* принадлежат к разряду святилищ, синхронных с культовыми памятниками на площадках и нишах вершин гор. Но, очевидно, что на верховых тоннелях совершались иные обряды.

Тоннель Лунный занимал уступ пологого северного склона горы, возвышающейся на 8 м. Уступ, расположенный на высоте 4 м, был площадкой размером 2 × 9 м. Сакральное пространство святилища включало ряд объектов. У основания северного склона стоял менгир высотой 1 м. Основной объект святилища – тоннель Лунный – природно-антропогенного происхождения. Он занимал восточную часть площадки уступа. В западной части находились малый тоннель природного происхождения и чаша, выбитая на плите. Между тоннелями расположена жертвенная площадка – дворик размером 2 × 4 м, укрепленная по северной части валунами. Восточный выход из тоннеля Лунного завершался еще одной площадкой размером 1,2 × 2,5. Она почти вертикально обрывалась вниз.

Тоннель Лунный был перекрыт плитой размером 2 × 2 м. Западный вход с площадки-дворика имел прямоугольную форму, высоту 1 м, ширину 0,6 м. Длина тоннеля составляла 2 м, находок в нем не обнаружено. Вероятно, особое значение в обрядах имел выход из тоннеля на восток. Фронтон перекрытия над восточным выходом выполнен в виде головы лося. На южной стороне фигуры глубоко прочерчен знак серпа убывающей луны. Между рогами знака заметна лесенка из 10 насечек. Подобные «лесенки», выбитые на скалах, около тагильских наскальных изображений В.Н. Чернецов [1946, с. 31, рис. 13] трактовал как знаки числа проведенных обрядов. На обеих площадках сохранились следы проведенных обрядов: прокалы и 10 скоплений гранитных фигур зверей.

Низовые тоннели – по всей вероятности, памятники погребально-поминального типа.

Раскопками исследованы площадки перед низовым тоннелем Палатки I. Он расположен на берегу палеозера Романовского, у подножия острова Каменные палатки. Гранитное сооружение длиной 10 м перекрыто большими природными плитами и, вероятно, рукотворными квадратными плитами. Ширина тоннеля – около 1 м, по центру пола на всем его протяжении идет щель глубиной до 0,5–0,7 м. Высота северного входа – 1,7 м. У его основания на гранитной плите выбиты две чаши. Рядом со входом на пяти камнях вертикально установлена фигура в виде головы медведя длиной 1,45 м, высотой 1,2 м. У основания фигуры на разных уровнях расчищены следы даров – фрагменты керамики липчинской культуры. У входа в тоннель сохранились остатки жертвоприношений эпох энеолита, бронзы, раннего железного века.

Скульптура. Многотонные гранитные фигуры длиной до 1,5–3 м в виде голов медведя или лося стоят на святилищах у входа в дольмены или тоннели. Все фигуры выполнены в «каменном стиле» [Семенов, 1968, с. 238] – валуны или плиты обработаны сколами и пикетажем только со стороны, обращенной к проведению обряда.

Верх-Исетский гранитный массив протянулся с севера на юг на 100 км, и исследование его тайн только начато.

Библиографический список

Викторова В.Д. Мегалитические памятники горно-лесного Зауралья // Археологическое наследие Урала от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). – Ижевск, 2016.

Григорьев С.А., Меньшенин Н.М. Мегалитические сооружения острова Вера на озере Тургояк в Южном Зауралье // Известия Челябинского центра. История и археология. – 2004. – Вып. 1 (22).

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – М., 1968.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. – 1964. – Вып. В4–12.

В.Д. Викторова, С.Ф. Кокшаров
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
АРХАИЧНЫЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ СО СРЕДНЕГО УРАЛА
И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Становление собственного металлопроизводства в Среднем Зауралье и на севере Западной Сибири относится к одной из нерешенных проблем в древней истории обоих регионов. Интерес к теме обусловлен тем, что получение и использование металлов являлось одной из важнейших сфер производственной деятельности, предполагавшей разделение народов на производителей металла и его потребителей. Появление нового сырья и совершенствование технологий его обработки отражалось на социальной структуре и оставляло свой след на миропонимании древнего населения.

В решении проблемы отсутствует единый подход, но многие специалисты склонны разделять мнение Е.Н. Черных об определяющем влиянии различных южных популяций в распространении металлургии и металлообработки [Черных, 1970, с. 106–107; Ковалева и др., 1998, с. 604–605; и др.]. Правда, совсем недавно была высказана мысль о довольно раннем (около IV тыс. до н.э.) возрасте металлургического производства у рыболовов и охотников лесной зоны Евразии, возникшего независимо от южных культур. Исследователи акцентируют внимание на отсутствии на севере заимствованных технологий и характерных орудий, указывавших бы на импульс, шедший к лесным культурам со стороны южных степных центров [Черных и др., 2011, с. 24, 35; Кузьминых, 2017, с. 118].

Данный тезис не следует воспринимать прямолинейно, поскольку, несмотря на морфологическую специфику медных вещей средне-зауральских памятников энеолита, они, по мнению А.Д. Дегтяревой, хорошо коррелируют по составу сырья с ямным металлом, имеющим, возможно, каргалинское происхождение (см.: [Чаиркина, 2005, с. 211]).

2. Связи древних уральцев и сибиряков, восходящие ко времени существования восточно-уральской историко-культурной общности энеолита [Кокшаров, 2009, с. 203, 251, 258], не прерываются, а лишь укрепляются в эпоху бронзы [Кокшаров, 2012, с. 38, 39], когда налаживаются, пусть и в опосредованном виде, контакты с металлургическими и металлообработывающими очагами Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП). Это становится очевидным при обращении к ранним образцам технологической керамики. Она включает не только тигли для расплава металла, керамические сопла, но и литейные формы достаточно стандартного облика. В типологическом отношении последние представляют собой специфическую категорию находок, поскольку демонстрируют достаточно архаичные технологии.

В настоящее время известны пять археологических памятников, на которых найдены интересующие нас изделия. Четыре из них расположены на севере Западной Сибири, а одно – в Среднем Зауралье. Это поселения Лева-VIII и Евра-25 в среднем течении р. Конды [Кокшаров, 2011, с. 125, рис. 3.-1–3; 2015, рис. 5.-9], поселение Геологическое-III в верхнем течении той же реки [Югорск, 1997, с. 9, рис. на с. 29], мастерская на поселении Ендырское-VIII в Нижнем Приобье [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 105, рис. 7.-1–3] и памятники Палатки-I, II в верховьях р. Исеть [Викторова, 2008, с. 32, рис. 2.-4; 2014, с. 16, 17].

На памятниках Лева-VIII, Геологическое-III, Ендырское-VIII и Палатки-I–II были найдены односторонние литейные формы двух типов, в которых производились различные по облику пластинчатые заготовки. В первых получали слитки или стержни вытянутой формы с линзовидным или подпрямоугольным поперечным сечением: после кузнечной обработки из них можно было получить небольшие ножи, шилья и другие предметы. Матрицы второго типа служили для отливки плоских тесел укороченных пропорций. Один такой слиток из «чистой меди» найден на памятнике Палатки-I. Его вес составляет 92 г. Литье стандартной продукции в виде слитков объясняется популярностью у мастеров ЦМП

технологических схем, по которым заготовки, полученные в открытых и не полностью закрытых емкостях, подвергались последующей формующей ковке [Григорьев, 1999, с. 82; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 109, 136].

3. Согласно типолого-хронологической схеме, разработанной для северных территорий Западной Сибири, подобные литейные формы появляются в начале бронзового века и используются на протяжении первой и второй фаз досейминского периода бронзового века или в конце III – в 1-й трети II тыс. до н.э. [Кокшаров, 2015, с. 25, 26, рис. 5.-12, 17, 19; рис. 6.-23, 26]. Таким образом, речь идет о синхронизации древностей первой фазы с объектами одиновско-крохалевского хронологического горизонта или поздней стадии функционирования ЦМП, а памятников второй фазы – с синташтинскими, степановскими, самуьскими, елунинскими и другими начала позднего бронзового века (период ПБВ-1).

4. В досейминское время в Среднем Зауралье и на севере Западной Сибири функционировали один или несколько металлообрабатывающих очагов, ориентированных на выпуск единой продукции с применением архаичных методов литья. Этот факт объясняет быстрое распространение в последующее время (2-я треть II тыс. до н.э.) технологий тонкостенного литья и широкое производство металлических изделий сейминско-турбинского типа. В сейминский период в таежном Обь-Иртыше появляются памятники варпаульского типа, а на Урале – комплексы, аналогичные Шайтанскому озеру, в которых встречаются вещи, характерные для андроновских памятников (керамическая посуда, ножи срубно-андроновского облика, так называемые подвески «с человеком в круге») [Кокшаров, 2015, с. 26, 27, рис. 7].

Библиографический список

Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Вестник Уральского отделения: Наука. Общество. Человек. – 2008. – №1 (23).

Викторова В.Д. Древняя металлургия края // Наш край верхнепышминский: сб. науч.-популяр. статей. – Вып. 4. – Верхняя Пышма ; Екатеринбург, 2014.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск, 1999.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век : учебное пособие. – М., 2002.

Ковалева В.Т., Кокшаров С.Ф., Чаиркина Н.М., Шорин А.Ф. Энеолит Урала // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург, 2009.

Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // УИВ. – 2011. – №1 (30).

Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // ВААЭ. – 2012. – №4 (19).

Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2015.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – №2.

Кузьминых С.В. Металлообработка западносибирских культур бронзового и железного веков // Материалы Международного симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22–26 июня 2015 г., Новосибирск). – Новосибирск, 2017.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург, 2005.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – 1970. – №172.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной полосы вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тысячелетий до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. – М., 2011. – Вып. 2.

Югорск: от легенды до точки на карте. – Екатеринбург, 1997.

Е.А. Виноградова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
МИКРОИНВЕНТАРЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ
КАМЕННОБАЛКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам стоянки Каменная Балка-II)

Для завершающего этапа верхнего палеолита памятников Русской равнины вне зависимости от их культурной принадлежности характерна значительная доля микроинвентаря в общем объеме изделий со вторичной обработкой.

Исследуемый в последние годы северо-западный участок стоянки Каменная Балка-II на Нижнем Дону (раскопки 1999, 2004–2016 гг.) не только дал богатые материалы для изучения хозяйственно-бытовой структуры стоянки, позволяющие уточнить специфику исследованного участка, но и позволил выявить новые устойчивые формы специализированного микроинвентаря. Северо-западная часть стоянки общей площадью более 800 кв. м хорошо изучена планиграфически и представляет собой несколько производственно-бытовых комплексов с разделяющими их периферийными участками [Виноградова, Леонова, 2011]. На этом участке обнаружено более 700 микроорудий.

Новые интересные данные по планиграфии и морфологии микроорудий получены при изучении производственного скопления, исследованного в 2014–2016 гг. Это чрезвычайно насыщенный орудиями участок, где на площади в 25 кв. м сосредоточены более 300 микроорудий (почти половина всего исследуемого массива изделий).

К микроинвентарю мы относим микропластинки с притупленным краем, ретушированные микропластинки и микроострия. Распространение различных типов микроострий и пластинок с притупленным краем в полной мере характеризует каменный инвентарь каменнобалковской культуры

Микроорудия не отличаются по сырьевому составу от других орудий. Они делались в основном из темного и серого прозрачного кремня хорошего качества с гладкой поверхностью скола (более 95% микроорудий). Однако для более крупных орудий процент изготовленных из самой качественной части желваков изделий гораздо меньший – около 60%.

Большинство микроорудий изготовлено на средних и мелких пластинчатых заготовках. Анализ пластинчатых заготовок показал, что у большинства из них отсекался нижний конец (с ударным бугорком). Верхний конец также подвергался воздействию. Не всегда возможно сказать, отсекался он или же был только ретуширован (срезан ретушью).

Микропластинки с притупленным краем (далее – МППК) имеют различные формы и степень обработки краев и концов. Они составляют характерную особенность орудийного комплекса основного культурного слоя КБ-II [Гвоздовер, 1967; Виноградова, 2011]. Среди МППК около 20% целых экземпляров, что позволяет хорошо проследить их морфологические особенности.

МППК имеют устойчивые характеристики 1-го продольного края: он прямой, обработан дорсальной притупляющей ретушью. 2-й край часто бывает прямым, выпуклым или слегка вогнутым. Часто он частично обработан крутой или притупляющей ретушью. В большинстве случаев концы орудия поперечно срезаны, реже – косо срезаны притупляющей ретушью, встречаются точечные и дугообразные ретушированные окончания, а также необработанные концы.

Выявление устойчивых форм МППК (по типам концов и форме орудия) и их количественное соотношение по материалам последних лет раскопок (2010–2016 гг.) подтвердили и уточнили выводы, полученные в предшествующих исследованиях [Гвоздовер, Григорьев, 1974; Виноградова, 2011]. Подтвердилось, что «четырёхугольники» – самая многочисленная группа среди целых МППК (они составляют более 60% от всех целых МППК) и среди них больше всего «косоугольников» (80%). «Прямоугольники» и «треугольники» представлены немногочисленными экземплярами (10 и 5% соответственно). Также

материалы последних лет исследований позволили выделить еще один тип МППК – изделие с одним прямым притупленным краем и вторым необработанным выпуклым краем. Серия подобных орудий обнаружена в производственном скоплении в округе очага на участке, исследованном раскопками в 2014–2016 гг.

Следует отметить, что размеры МППК довольно сильно варьируют в пределах категории от крупных до миниатюрных. Разброс метрических показателей говорит о зависимости размеров МППК от производственной специализации этих орудий. Наблюдение над распространением МППК на площади поселения, в особенности в скоплениях на участке стоянки, исследованной в 2014–2016 гг., позволяет говорить о стандартизации МППК исключительно в рамках определенных скоплений.

К МППК тесно примыкает другая категория микроинвентаря – остря, симметричные орудия с крутой или притупляющей ретушью по одному или обоим краям. Доля микроострий в коллекции основного слоя стоянки составляет около 3%. Микроострия представляют собой изделия на микропластинках с острым точечным концом и краем/краями, полностью обработанными притупляющей ретушью. На участке, исследованном в 2014–2016 гг., была выделена серия миниатюрных микроострий, предназначенных, вероятно, для специфической деятельности. В непосредственной близости находилось скопление раковин моллюсков (около 80 экз., многие с отверстиями). Не исключено, что микроострия служили для производства украшений из раковин.

Ретушированные микропластинки основного культурного слоя каменной Балки-II составляют морфологически невыраженную категорию орудий. Это изделия с участками дорсальной мелкой крутой ретуши, не позволяющие проследить закономерности в ее расположении на корпусе изделия.

Планиграфия распространения находок микроизделий свидетельствует о достаточно четко выраженной взаимосвязи большинства из них с определенными структурными элементами культурного слоя. Как правило, микроизделия сосредоточены в производственных скоплениях поблизости от очагов и сопровождаются большим количеством микродебитажа. Принято считать, что скопления МППК и особенно их фрагментов являются свидетельством существовавшего на этих участках производства МППК из заготовок. К сожалению, в скоплениях, где выявлено большое количество МППК, не встречались костные фрагменты, которые можно было бы интерпретировать как основы составных орудий. Это обстоятельство может быть связано с плохой сохранностью фаунистических остатков на стоянке. В раскопе 2015 г. удалось проследить микроскопление из практически одинаковых целых МППК с ретушью утилизации на необработанном крае. Этот факт и наличие серий устойчивых форм микроорудий в других скоплениях позволяет говорить об использовании этих изделий для специфических трудовых операций.

Библиографический список

Виноградова Е.А. Микропластинки с притупленным краем в инвентаре Каменной Балки-II // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. – СПб., 2011

Виноградова Е.А., Леонова Н.Б. Микропластинчатая заготовка в каменной индустрии верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка-II // От палеолита до средневековья. – М., 2011.

Виноградова Е.А., Леонова Н.Б. Северо-западный участок основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка-II // Краткие сообщения Института археологии. – 2014. – Вып. 235.

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. – 1967. – Вып. 27.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деопик Д.В., Леонова Н.Б. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Вып. I. – Иркутск, 1974.

Е.В. Волкова
Институт археологии РАН, Москва
ГАЛАНКИНА ГОРА – ПОСЕЛЕНИЕ
БРОНЗОВОГО ВЕКА В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ:
ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ

Поселение Галанкина Гора, расположенное на мысу левого берега р. Волги в Юринском районе Республики Марий Эл, раскапывалось в 1959 и 1966 гг. А.Х. Халиковым, в 1982–1983 и 1989 гг. Б.С. Соловьевым. Поселение изучено полностью. На площади 1 730 кв. м раскопано 13 долговременных полуземлянок. Б.С. Соловьев [2000, с. 117] подчеркивает, что все находки сделаны в заполнении «построек, которые следует рассматривать в качестве условно закрытых единовременных бытовых комплексов».

Жилища, расположенные двумя линиями вдоль западного и восточного склонов мыса, соединялись между собой переходами. В результате раскопок получена обширная коллекция керамики (более 15 000 фрагментов), в которой авторы раскопок выделяют четыре группы: поздневолосовскую, балановскую, смешанную поздневолосовско-балановскую и валиковую [Халиков, 1969, с. 185–191; Соловьев, 2000, с. 121]. Б.С. Соловьев предлагает называть поздне-волосовскую керамику из комплексов Марийского Поволжья «керамикой выжумского типа». Все материалы поселения очень подробно опубликованы им в монографии «Бронзовый век Марийского Поволжья» [Соловьев, 2000].

Поселение Галанкина Гора уникально, во-первых, тем, что оно представляет собой закрытый комплекс практически одновременных построек, и, во-вторых, тем, что почти в каждом жилище представлена керамика трех разных культур: поздневолосовской выжумского типа, балановской и «валиковой», а также керамика со смешанными культурными традициями.

Данное исследование преследует две цели: *первая* – определить культурные технологические традиции создателей всех групп керамики и выяснить содержание понятия «смешанная» керамика, *вторая* – попытаться установить относительную хронологию 12 жилищ (и построек), расположенных на поселении.

Благодаря применению историко-культурного подхода к анализу керамики, разработанного А.А. Бобринским [1978; 1999], можно не только выделять «чистые» и смешанные гончарные традиции, но и на основании этого делать выводы о смешении носителей этих традиций и населения в целом, особенно когда речь идет о доремесленной форме производства посуды. Исследование базируется в основном на анализе приспособительных навыков труда гончаров, которые наиболее быстро реагируют на начало процесса смешения населения. К таким навыкам, как известно, относятся приемы отбора и подготовки исходных видов пластичного и непластичного сырья, а также приемы составления формовочных масс керамики.

Технологическому и морфологическому анализу подверглись все группы керамики поселения, составляющие единый поселенческий комплекс: 80 сосудов поздневолосовской керамики, 121 балановский сосуд, 18 валиковых сосудов и 107 выделенных мною сосудов со смешанными культурными традициями – всего 326 сосудов, хранящихся в Национальном музее им. Т. Евсеева Республики Марий Эл в Йошкар-Оле¹.

В результате проведенного анализа на памятнике Галанкина Гора выделены три не смешанные по культурным традициям группы керамики: *поздневолосовская*, *балановская* и *валиковая*, и три смешанные группы: *смешанная поздневолосовская*, *смешанная балановская* и *смешанная валиковая*. Смешанные по культурным традициям группы были выявлены на основании того, что в керамике сочетались определенные навыки труда, характерные в более раннее время для носителей каждой из несмешанных традиций.

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность Б.С. Соловьеву за помощь в работе с коллекцией.

Название смешанных групп отражают доминирующие культурные традиции в каждой из них. Так, в смешанной поздневолосовской группе керамики фиксируются не только поздневолосовские, но и балановские и валиковые традиции, а смешанные балановская и валиковая группы керамики в результате контактов носителей этих традиций с поздневолосовским населением начали утрачивать часть своих традиций. Здесь нашел отражение процесс ассимиляции этих групп населения поздневолосовским, который в результате привел к рождению новой чирковской культуры. Наличие трех смешанных по гончарным традициям групп керамики свидетельствует не просто об относительно синхронном обитании на поселении представителей трех групп населения, владевших этими традициями, но и о том, что между этими группами имели место устойчивые брачные связи.

Важно подчеркнуть, что хотя почти во всех жилищах присутствует керамика всех шести групп, доля каждой из них в разных жилищах была не одинакова. Соглашаясь с тем, что жилища на поселении Галанкина Гора существовали практически одновременно, я полагаю, что строились они не все сразу, а в определенной последовательности. В связи с этим в работе была поставлена задача выяснить относительную хронологию постройки жилищ на данном поселении. Решение этой проблемы базировалась на трех основаниях: во-первых, на анализе расположения жилищ на памятнике и связи их между собой коридорами; во-вторых, на выявленных несмешанных и смешанных гончарных традициях населения, оставившего каждое отдельное жилище; в-третьих, на количественных данных о степени сходства по всем изучавшимся параметрам традиций керамики из разных жилищ.

Сравнительный анализ гончарных традиций по керамике разных жилищ показал, что жилища, в которых слабее всего представлены смешанные традиции, относятся к наиболее раннему времени, и, наоборот, жилища с преимущественно смешанной керамикой – к более позднему. По результатам проведенного анализа установлено, что меньше всего смешанной керамики находилось в жилище №3. Можно предположить, что это жилище было сооружено первым и просуществовало на протяжении жизни всего поселения. Практически сразу вслед за ним построено жилище №2. Несколько позднее были сооружены жилище №6 и помещение №7, которое представляет собой металлургическую мастерскую. Далее почти одновременно построены жилища №5, 4 и 1, затем жилище №8 и позднее жилища №9 и №10. Самыми последними на поселении были сооружены жилища №11 и №12. Судя по полученным данным, в период сооружения жилища №12 постройки №1, 2, 4 и 5, скорее всего, уже прекратили свое существование.

Таким образом, всесторонний морфологический и технико-технологический анализ керамики поселения Галанкина Гора, проведенный с позиций историко-культурного подхода, позволил, во-первых, реконструировать несмешанные и смешанные культурные традиции в гончарстве разных групп древнего населения, во-вторых, выяснить на этой основе некоторые важные моменты из его этнокультурной истории, в-третьих, установить относительную хронологию жилищ, сооруженных на поселении родственными группами его обитателей.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара, 1999.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. – Йошкар-Ола, 2000.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.

Н.В. Волкодав

ООО «Ирида», п. Волна, Темрюкский район, Краснодарский край

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (из опыта организации охранно-спасательных исследований ЗАО «Таманьнефтегаз»)

На территории строительства объектов ЗАО «Таманьнефтегаз», по архивным и разведочным данным, располагаются разнообразные многочисленные объекты археологического наследия. Это поселения, курганные и грунтовые некрополи, в которых отражены история и культура народов, населявших эту территорию в эпоху бронзы (III–I тыс. до н.э.), античного (VI в. до н.э. – VI в. н.э.) и средневекового времени (VII – середина XVIII в.). Многие из них еще в конце XIX – начале XX в. были известны и нанесены на карты В.В. Соколова, А.А. Миллера, С.Ф. Войцеховского.

До недавнего времени только на одном объекте – городище Гермонасса-Тмутаракань – велись стационарные археологические раскопки.

Ситуация кардинально изменилась в конце XX в. Этому способствовало начало интенсивного хозяйственного освоения и строительства объектов – порта и терминала навалочных грузов и базы сжиженных углеводородов ЗАО «Таманьнефтегаз» на юго-западе Таманского полуострова.

Финансирование всех этих работ ведется компанией.

ЗАО «ТНГ» демонстрирует ответственное и уважительное отношение к сохранению культурного наследия Тамани и ведет строительные работы в соответствии с требованиями Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Компания разработала «Положение о порядке обеспечения сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и их охраны при строительстве Таманского перегрузочного комплекса нефти, нефтепродуктов и СУГ».

С 1990 г. на объектах строительства ЗАО «ТНГ» охранно-спасательные археологические исследования ведутся Институтом археологии РАН, Государственным Эрмитажем, Южным научным центром РАН, Южным федеральным университетом, Кубанским государственным университетом, Новороссийским историческим музеем-заповедником, ОАО «Наследие Кубани», а также специализированными археологическими организациями ООО «ЮРЦАИ» и ООО «Кубаньархеология». Непосредственный мониторинг археологических работ осуществляет созданное при ЗАО «Таманьнефтегаз» ООО «Ирида» совместно с руководством компании.

За прошедшие годы раскопки велись на поселениях, курганных и грунтовых могильниках, всего исследовано более 31 га территорий объектов культурного наследия. Полностью исследованы поселения Волна-4, Волна-4а, Волна-6, Волна-12 и 50 курганов.

Особое место среди археологических памятников, работы на которых финансирует ЗАО «Таманьнефтегаз», принадлежит крупному античному сельскому поселению Волна-1, расположенному у северного подножия горы Зеленской. Площадь памятника превышает 40 га, а мощность культурного слоя местами достигает 5 м. В настоящее время это одно из немногих поселений на территории Таманского полуострова, дающее полное представление о жизни сельского населения Азиатского Боспора от архаики до позднего средневековья. Многочисленные находки амфор, терракотовых статуэток, привозной расписной чернофигурной и краснофигурной керамики, украшений из металла, а также наличие большого количества монет указывают на благополучие жителей поселения. Раскопками открыты археологические остатки каменных строений – фундаментов и цоколей под сырцовые стены с контрфорсами, с планировкой, характерной для поселения не сельского, а скорее городского типа. На центральной площади была расчищена хорошо сохранившаяся широкая улица, выложенная крупным камнем, по обеим сторонам которой располагались жилые строения и остатки каменных водостоков, относящиеся к IV–II вв. до н.э.

В 2014 г. при раскопках центральной части поселения Волна-1 открыты два клада монет. Один из кладов состоял из 109 боспорских электровых монет, датируемых 160–205 гг. н.э. – периодом правления боспорского царя Савромата II. Другой клад находился в небольшой глиняной кружке и содержал 99 серебряных боспорских монет, чеканенных в правление трех царей – Рискупорида III, Котиса III и Савромата III (228–232 гг. н.э.).

Работы на поселении ведутся ежегодно уже около 20 лет.

В 2013–2015 гг. экспедицией ООО «Кубаньархеология» полностью раскопано поселение Волна-12, расположенное в 5,8 км к северо-западу от северо-западной окраины пос. Волна. В результате проведенных работ были открыты жилые и хозяйственные объекты (загоны для скота, ямы-холодильники, печи-каны, очаги, водосборники для дождевой воды и пр.), принадлежащие скотоводческому населению, проживавшему здесь в XVI–XVIII вв. В настоящее время это единственный полностью исследованный памятник подобного типа на юге европейской части России.

В 2014–2015 гг. экспедицией ООО «Ирида» проводились археологические раскопки нескольких памятников, попадающих в зону строительства ЗАО «Таманьнефтегаз». По результатам проведенных разведок к северу от поселения Волна-1 открыт грунтовой могильник. Следует отметить, что еще до начала этих разведочных работ В.Г. Житников сделал предположение о наличии в этой части территории грунтового могильника. Разведочные работы показали, что могильник фиксируется на площади более 2 га и по полученным материалам датируется 1-й половиной VI – V в. до н.э. Сами раскопки на территории грунтового могильника были начаты в 2015 г. двумя экспедициями – Института археологии РАН и ООО «Ирида». Исследовано более 200 погребений раннеантичного времени. Основной погребальный инвентарь составили пелики, леканы, тарелки, амфориски, лекифы, стеклянные бальзамарии.

Как известно, важным условием обеспечения сохранности объектов археологического наследия является необходимость разработки разделов охраны объектов культурного наследия в составе проектов планируемого строительства. По результатам планомерных археологических разведок, ведущихся ООО «Ирида», разработано более 20 разделов, получивших положительные заключения государственной историко-культурной экспертизы и соответствующие согласования в региональном органе государственной охраны объектов культурного наследия. Кроме того, на выявленные объекты составлена первичная учетная документация – учетные карты.

Считая приоритетным соблюдение норм законодательства об охране объектов культурного наследия, руководство ЗАО «Таманьнефтегаз» учитывает интерес научной общественности к проводящимся раскопкам. Именно в этих целях в апреле 2016 г. компания организовала и провела археологическую конференцию «Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов», по итогам которой был издан сборник докладов и подготовлена музейная экспозиция.

Археологические артефакты, полученные в результате археологических раскопок и разведок на территории строительства ЗАО «Таманьнефтегаз», представляют собой большое музейное собрание. Это монеты, амфоры, терракота, светильники, чернолаковая и краснолаковая расписная посуда, амулеты, серьги, браслеты, перстни, бусы, а также орудия труда и много другое, что является наследием народов России. После научной обработки и реставрационных работ материалы поступают в фонды Таманского музейного комплекса – филиала Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Таким образом, рассмотрев более чем 20-летний опыт работы ЗАО «Таманьнефтегаз» по организации и проведению археологических исследований на Таманском полуострове, можно говорить об удачном варианте взаимодействия археологов и хозяйственников.

А.В. Волокитин¹, Н.А. Волокитина²

¹Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,

²Сыктывкарский государственный университет

им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

В МЕЗОЛИТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

В мезолите европейского Северо-Востока выделены две традиции: приуральская и западная. Для памятников приуральской традиции характерно наличие конусовидных и карандашевидных нуклеусов, преобладание пластин при повышенной доли узких пластин и значительной доли микропластин (так называемый «камский» тип распределения пластин по ширине); орудийный набор не отличается разнообразием. Для западной традиции характерно наличие конусовидных нуклеусов при отсутствии карандашевидных, незначительная доля микропластин, равное соотношении узких и средних пластин при высокой доле широких (так называемый «волжский» тип распределения пластин по ширине); доля орудий в коллекциях памятников высока, орудийный набор разнообразен и обладает серийностью, встречаются орудия на отщепках.

К западной традиции мезолита европейского Северо-Востока относят стоянки парчев-ской культуры, которая была представлена до недавнего времени двумя хронологическими группами: ранней (памятники Парч-1, 2, Пижма-II и др., на которых представлены черешковые наконечники стрел на пластинах) и поздней (памятники Топыд-Нюр-5, 7а и др., где такие наконечники не зафиксированы). Открытие на р. Ижме археологического памятника Вылыс Том-2 ликвидирует хронологический разрыв в развитии данной традиции.

Многослойный стратифицированный археологический памятник Вылыс Том-2 в среднем течении р. Ижмы был открыт в 2003 г. у южной окраины пос. Том Ижемского района Республики Коми. Раскопочные работы на памятнике проведены в 2010–2013, 2015 гг. Было выявлено четыре культурных горизонта с различной глубиной залегания в отложениях первой надпойменной террасы реки. Первый культурный горизонт датируется поздним периодом существования ананьинской общности раннего железного века, находки второго культурного горизонта предварительно отнесены к неолиту. Находки первого и второго горизонтов немногочисленны.

Третий и четвертый культурные горизонты памятника, отнесенные к эпохе мезолита, выявлены на глубине более 2 м от современной дневной поверхности и связаны с гумусированными прослоями суглинка/супеси, между которыми залегают слойки песка. По углям из этих горизонтов имеются радиоуглеродные даты, относящиеся к концу бореального периода голоцена: 4 к.г. – 8690 ± 90 ¹⁴C, или 9730 ± 140 кал. (ЛУ-7288), 8540 ± 70 ¹⁴C, или 9530 ± 40 кал. (ГИН-14594); 3 к.г. – 8510 ± 70 ¹⁴C, или 9500 ± 40 кал. (ЛУ-7289), 7800 ± 90 ¹⁴C (ГИН-14593) [Волокитин, Панин, Арсланов, 2014, с. 50]. Последняя дата вызывает определенные сомнения.

Третий и четвертый культурные горизонты отличаются по своей структуре организации, а также составу и количеству находок. В четвертом горизонте их значительно больше. Вместе с тем есть основания говорить о сходстве их инвентаря. В используемом сырье – это наличие сланца и эпидозита, кремня одинаковой цветности и структуры. В технике раскалывания – большое количество крупных и очень крупных пластин, представленных сечениями и неполными сечениями, а также присутствие ядрищ, условно называемых нуклеусами-резцами. В обоих горизонтах отмечены предметы и орудия со шлифовкой. Правда, в третьем культурном горизонте есть только осколки и отщепы, снятые со шлифованных орудий, а в четвертом, помимо многочисленных отщепов сланца, найдены три шлифованных топора из доломатизированного известняка (сланца). Два топора острообушные, еще один – с обломанным обушком, однако реконструкция его формы показывает наличие прямого обушка. Все топоры подправлялись в процессе работы, часть отщепов со

следами шлифовки и без нее подобрана (ремонтаж) к этим орудиям [Будзанивский, Волокитин, 2014; Волокитин, Будзанивский, 2016].

Кремневый инвентарь третьего и четвертого горизонтов памятника Вылыс Том-2 имеет сходство с материалами стоянок Парч-1 и Парч-2 на Вычегде и стоянок в урочище Топыд Нюр на Печоре. Выявляется сходство прежде всего в технике расщепления, в частности, в типе распределения пластин по ширине. На Вылыс Томе-2 был проанализирован массив пластин четвертого культурного горизонта (421 экз.) Наибольшее сходство наблюдается с графиком распределения пластин по ширине коллекции жилища 2 стоянки Парч-2 [Волокитин, 2006, с. 101, рис. 56–57], где, как и в случае Вылыс Тома-2, наблюдается повышенная тенденция очень широких (свыше 25 мм) пластин. Показательно также сходство приемов расщепления орудий. Аналогии орудийных наборов вычегодских стоянок и Вылыс Тома-2 прослеживаются по серийно представленным пластинкам и крупным пластинам с усеченным концом, разнообразным остриям-перфораторам, обушковым формам, скребкам высокой формы.

Также прослеживается сходство в кремневой индустрии стоянок Топыд-Нюра-5 и Топыд-Нюра-7 и мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том-2. Оно выражено в одинаковом типе распределения пластин по ширине, приемах расчленения скребков и наличии резцов-нуклеусов. Дополняется сходство присутствием похожих по форме шлифованных рубящих орудий, найденных В.И. Канивцом на стоянке Топыд-Нюр-5 и местонахождении Топыд-Нюр-2 [Канивец, 1973, рис. 7; Волокитин, 1987].

Таким образом, у нас достаточно аргументов для отнесения третьего и четвертого культурных горизонтов Вылыс Тома-2 к парчевской культуре со всеми вытекающими из этого построениями, как то: генезис, культурные связи, миграции и т.п. Они заняли промежуточное хронологическое положение между более древними и самыми южными стоянками Парч-1 и Парч-2 на Вычегде и более молодыми и расположенными несколько севернее стоянками Топыд Нюр-5 и Топыд Нюр-7 на Печоре [Волокитин, Зарецкая, 2015]. Отметим также, что ранее были выявлены аналогии стоянок Парч-1 и 2 с памятниками бутовской мезолитической культуры Волго-Окского междуречья, что может указывать направление заселения Европейского Севера России.

Библиографический список

Будзанивский И.А., Волокитин А.В. Топоры четвертого культурного горизонта многослойного памятника Вылыс Том-2 на Ижме // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. – Сыктывкар, 2014. – (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

Волокитин А.В. Особенности индустрий мезолитических памятников Топыд-Нюр-5 и 7а на Средней Печоре // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1987. – (Тр. Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 40).

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч-1 и Парч-2 на Вычегде. – Сыктывкар, 2006.

Волокитин А.В., Будзанивский И.А. Новое в исследованиях археологического памятника Вылыс Том-2 на реке Ижма // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2016. – №4 (28).

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е. Мезолит севера Европейской России: соотношение радиоуглеродной и археологической хронологии // IV Северный археологический конгресс : материалы. 19–23 октября 2015. г. Ханты-Мансийск / отв. ред. Н.М. Чаиркина. – Екатеринбург, 2015.

Волокитин А.В., Панин А.В., Арсланов Х.А. Многослойный археологический памятник Вылыс Том-2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2014. – №3.

Канивец В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. – Сыктывкар, 1973. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; Вып. IV).

Е.Е. Воробьева
Казанский федеральный (Поволжский) университет, Казань
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА
У НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ

Во 2-й половине II тыс. до н.э. на территории Марийского Поволжья появляются поздняяковские, а чуть позднее – приказанские племена. Местные племена впитали в свою культуру многое из того нового, что было принесено со стороны, и вышеупомянутые пришлые племена постепенно превращаются в решающую этнокультурную силу. В эпоху финальной бронзы на территории Марийского Поволжья обитают две большие группы племен – поздняяковская и приказанская.

Памятники поздняяковской культуры в Марийском крае располагаются небольшой компактной группой на правом берегу р. Волги в пределах современного Горномарийского района Республики Марий Эл [Никитин, 2009, с. 27–72].

К сожалению, поселения поздняяковских племен на территории Марийского Поволжья до сих пор еще не подвергнуты широкому изучению. И хотя в настоящее время на территории Марийского Поволжья известно шесть поздняяковских поселений [Никитин, 2009, с. 27–72], стационарными раскопками исследовано лишь одно – Акозинское (в 1952 г. – Р.В. Чубаровой [1953, с. 286–287], в 1956 и 1958 гг. – А.Х. Халиковым [1960, с. 128–130], в 1971–1973 гг. – В.С. Патрушевым [Архипов, Патрушев, 1976, с. 47]).

Жилое сооружение на Акозинском поселении имеет своеобразную планировку. По остаткам его конструкций В.С. Патрушев представил следующую реконструкцию поздняяковского жилища. Оно имело лишь одну, западную, капитальную стену, углубленную в землю на 0,15–0,25 м и укрепленную столбами. На нее опиралась крыша, сооруженная из тонких бревен или жердей, нижние концы которых упирались в канавку в земле и заваливались глинистой массой. В восточной части жилища под крышей были устроены нары-лежанки [Патрушев, 1982, с. 129].

Наиболее многочисленными и в то же время наиболее представительными по материалу для характеристики домостроительства населения Марийского Поволжья в эпоху финальной бронзы являются поселения приказанской культуры, расположенные вплоть до западных районов Марийского Поволжья. Значительная концентрация данных поселений наблюдается вдоль левого берега р. Волги, особенно в устьях рек Ветлуги, Большой и Малой Кокшаг, Илети.

Поселения, как правило, занимают невысокие дюнные всхолмления, вытянутые вдоль рек, старичных озер, проток или края надлуговых террас. Однако в расположении приказанских поселений Марийского Поволжья, содержащих керамический материал с ниточно-рябчатыми отпечатками («текстильную» керамику), наблюдаются определенные изменения. Если «чистые» приказанские поселения (Волжская-I, Баркужерское-IV, Таирское-III, Таирское-VII и др.) продолжают занимать края надлуговых террас или даже пойменные дюны (Таирское-IV, Ильинское-I и др.), то поселения с «текстильной» керамикой переносятся на высокие, естественно укрепленные мысы коренных террас.

На поселениях финальной бронзы Марийского Поволжья количество жилищ различно: от 1–2 (Уржум-Нолинская, Ясачное-III и др.) до 13 (Волжская-I). Жилища обычно располагаются в один (Кокшайское-IV, Ясачное) или в два параллельных (Сосновая Грива, Сосновая Грива-III, III Левобережные Кокшамары) ряда. Известно и групповое размещение, например Уржумкинское, II поселение «База отдыха Чуваשמрстрой».

На рассматриваемых поселениях размеры жилищ варьируются от 21,0–24,5 до 84,0–120,0 кв. м. Тем не менее для жилищ приказанского населения эпохи финальной бронзы на территории Марийского Поволжья была характерна небольшая площадь – 30–54 кв. м. При этом данная площадь преобладала среди прямоугольных жилищ [Воробьева, 2001, с. 94–95].

Исследования жилых сооружений поселений финальной бронзы на территории Марийского Поволжья позволяют говорить о преимуществе прямоугольных в плане жилищ с площадью 35–52 кв. м [Воробьева, 2001, с. 98]. Однако наблюдаются и квадратные очертания жилых построек.

На жилых сооружениях рассматриваемого периода можно отметить и другую особенность – уменьшение глубины котлована жилищ до 0,1–0,2 м. Иными словами, в домостроительстве населения Марийского Поволжья в конце II – начале I тыс. до н.э. наряду с традициями можно наблюдать новации, а именно переход к строительству наземных жилищ. Тем не менее еще встречаются жилые сооружения полуземляночного типа с углублением котлована до 0,6 м и соединенные переходом.

По периметру котлованов имеются продольные уступы шириной 0,25–0,45 м, а по внешним контурам жилища выявлены следы от столбовых ям диаметром 0,2–0,35 м, расположенные с равными промежутками углистых или гумусных заполнений. Это говорит о непосредственном строительстве жилищ срубной конструкции.

О поддержке двускатной крыши опорными столбами говорят направленные по центру остатки столбовых ям диаметром 0,18–0,25 м.

В домостроительстве населения Марийского Поволжья рассматриваемого периода наблюдается такое новшество, как разделение жилищ на две половины. При этом о разделении жилища на две половины (вероятнее всего, на мужскую и женскую) свидетельствует углисто-золистая полоса, являющаяся остатками разделяющей на камеры (комнаты) жилища стены (IV Кокшайское поселение), либо условное разделение, что проявляется в сосредоточении инвентаря или очагов в определенной половине жилища (II Кокшайский Залив, Сосновая Грива).

Внутренняя планировка жилых сооружений финальной бронзы на рассматриваемой территории тесно связана традициями: расположение очагов по длинной оси жилищ в виде простых небольших размеров овальных или округлых пятен, наличие нар-лежанок по углам или вдоль боковых стен, устройство входа-выхода и т.п.

Подводя итог, можно говорить о преемственности строительства жилищ от эпохи мезолита до эпохи финальной бронзы. Однако, наряду с сохранившимися традициями, наблюдаются и новшества. Фиксация жилых сооружений с глубиной котлована, варьируемой в пределах 0,1–0,25 м, иллюстрирует особую тенденцию в домостроительстве населения Марийского Поволжья эпохи финальной бронзы – переход к строительству наземных жилищ.

Библиографический список

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969–1975 гг. // Археология и этнография Марийского края. Вып. 1: Древние и современные этнокультурные процессы. – Йошкар-Ола, 1976.

Воробьева Е.Е. Домостроительство населения Марийского Поволжья во II–I тыс. до н.э.: по археологическим данным : дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2001. – РГБ ОД, 61 02-7/467-Х.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

Патрушев В.С. Жилища эпохи поздней бронзы в Марийском крае // Археология и этнография Марийского края. Вып. 6: Поселения и жилища Марийского края. – Йошкар-Ола, 1982.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху камня и бронзы // Труды МарАЭ. – 1960. – Т. 1.

Чубарова Р.В. Археологические памятники на территории Горномарийского района Марийской АССР // Труды МарНИИ. – 1953. – Вып. 5.

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова
Институт археологии РАН, Москва
ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ
ИЗ ФАНАГОРИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №16-31-01108 «Каменные ящики
в погребальном обряде античной Фанагории»)

Исследования Фанагории, проводимые в последние годы, приносят массу новой информации о традициях и погребальной практике ее жителей. Среди разнообразных типов погребальных сооружений выделяются захоронения в так называемых каменных ящиках [Ворошилов, Ворошилова, 2015а, с. 64–65; 2016]. Особый интерес к подобным гробницам обусловлен прежде всего их немногочисленностью, что в немалой степени связано с дефицитом строительного камня на Азиатском Боспоре. Кроме того, подобные захоронения попадают в руки исследователей уже ограбленными и полуразрушенными. Их находки в нетронутом состоянии – явление крайне редкое и оттого вдвойне интересное [Ворошилов, Ворошилова, 2015б, с. 39]. В Фанагории с 2013 по 2016 г. исследовано пять каменных усыпальниц. Все они открыты на плато Восточного некрополя между береговым обрывом Таманского залива и древней дорогой из Фанагории в Кепы.

Погребальные сооружения рассматриваемой группы имели близкую конструкцию (рис.) и, вероятно, располагались под насыпями более поздних курганов [Ворошилов, Ворошилова, 2013а, б]. Все захоронения были ориентированы продольными сторонами по линии З–ЮЗ – В–СВ и сооружены в прямоугольных котлованах. Пол сооружения оставался земляным. На первом этапе строительства с древней поверхности выкапывался котлован, имевший стенки, расходящиеся кверху. На дне котлована из поставленных на продольное ребро прямоугольных плит возводились стены. Продольная стена ящика состояла из трех-четырёх плит, торцевая – из одной, в редких случаях двух. Таким образом, на стены уходило восемь-десять каменных плит. Длина ящиков превышала 2 м, ширина – 0,70–0,85 м (из общего ряда выбивается более монументальное погребение 240/2015, длина которого составляла 2,50 м, а ширина 1,6 м). Пространство котлована вокруг отстроенной каменной гробницы засыпалось до верхнего уровня стен вынутым ранее грунтом с каменной крошкой и осколками известняка, затем плотно утрамбовывалось. Только после этого проходила погребальная церемония, тело умершего укладывалось в каменный «саркофаг» гробницы и сверху закрывалось каменной кладкой из плотно подогнанных друг к другу плит. Перекрытие-«крышка» ящика, как правило, состояло из шести-семи плит, горизонтально уложенных на стены.

Четыре из пяти рассматриваемых погребений остались не потревоженными древними и современными грабителями, что позволяет объективно оценить положение погребенных и сопровождающий их инвентарь. Количество захороненных в одном ящике индивидов колеблется от 1 до 7. За редким исключением обнаруженные в каменных гробницах люди, чьи скелеты сохранились *in situ*, лежали вытянуто на спине, головой на восток. Нам удалось выявить один случай вторичного использования эллинистического погребального сооружения. Во всех без исключения ящиках содержался набор керамической посуды, как правило, состоявший из красноглиняных лекан с крышками, пелик, унгвентариев красной и серой глины, солонок, лагиносов и др. В нескольких захоронениях найдены медные монеты II в. до н.э. Эту датировку комплексов подтверждает и разнообразный инвентарь, позволяющий конкретизировать время сооружения гробниц в границах 2-й половины – конца II в. до н.э.

1

2

3

Каменная гробница из раскопок некрополя Фанагории в 2016 г.

Библиографический список

- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. Об организации пространства некрополя Фанагории // Боспорские чтения. – Вып. XIV. – Керчь, 2013а.
- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. Новые материалы о планиграфии некрополя Фанагории // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2013б.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Некрополь Фанагории // Фанагория. – М., 2015а.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Золото в некрополе Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории. – М., 2015б.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. – М., 2016.

А.Н. Ворошилов, К.Б. Фирсов
Институт археологии РАН, Государственный Исторический музей, Москва
**ОРУЖИЕ СКИФСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**
(обзор памятников)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-01-00318
«Оружие скифского типа у древних народов Восточной Европы (по материалам из собрания ГИМ)»)

В Государственном историческом музее (ГИМ) хранится значительная коллекция предметов вооружения скифского времени, происходящих с территории Восточной Европы. Это материалы более чем 150 воинских комплексов и случайные находки, многие из которых являются эталонными. Они были найдены в Северном Причерноморье, Поволжье, Подонье, Поднепровье, Прикубанье, Приуралье и в других регионах.

Начало формирования коллекции относится к 1872 г. – году основания музея; собрание продолжает пополняться до сих пор. Основным источником новых поступлений в ГИМ являются материалы, полученные в результате работ археологических экспедиций музея и других учреждений, а также ряд даров и покупок [Журавлев, Фирсов, 2002, с. 17; Фирсов, 2010, с. 329–330].

Оружие скифского типа из этого собрания весьма разнообразно и представлено практически всеми категориями наступательного и защитного вооружения, характерными для Скифии. Хронология памятников охватывает всю скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.).

Основные категории предметов вооружения из коллекции музея: железные акинаки (в том числе парадные, украшенные золотом), «охотничьи» ножи, наконечники копий и дротиков, бронзовые наконечники стрел, пращевые камни, железные боевые топоры, железные и бронзовые фрагменты пластинчатых доспехов, бронзовые шлемы и т.д. Нередко в оформлении оружия использовался звериный стиль [Рукавишникова, 2016, с. 233–240, рис. 1.-8–9].

Наиболее полно представлены железные акинаки, длина которых варьируется от 27 см (короткие кинжалы) до 100 см (длинные мечи). Среди них встречаются весьма архаичные экземпляры, в том числе келермесского типа (ГИМ 34339. Оп. Б 248/2) [Ворошилов, 2009, с. 36–38; 2011, с. 156–168]. Один из наиболее древних длинных мечей скифского времени из Пензенской области (ГИМ 111253. Оп. Б 2039/1) – с петлей под навершием – является, возможно, самой северной находкой предметов этого круга.

К значимому комплексу предметов вооружения, найденных Д.Я. Самоквасовым в 1889 г. в кургане Старшая могила в Посулье, среди которых железные мечи, наконечники копий и стрел, боевые топоры и детали доспеха, принадлежит длинный меч (75 см) с массивным брусковидным навершием и почковидным перекрестием, имеющий бронзовую бутероль (ГИМ 76990. Оп. Б 185/6, 10) [Ильинская, 1968, с. 24–26, 88, табл. I.-I].

Еще один известный акинак (34,1 см) из собрания ГИМ был найден в 1907 г. у станции Марычевка Самарской губернии (ГИМ 44657. Оп. Б 1173/5). Он стал эталонным экземпляром для группы клинкового оружия раннескифской эпохи – акинаков марычевского типа [Ворошилов, Фирсов, 2016, с. 61–62, рис. 1].

Из Воронежской области происходит серия случайных находок железных кинжалов хорошей сохранности (длина – 32,5–40 см) (ГИМ 34339. Оп. Б 248/1–2; ГИМ 93987. Оп. Б 1013/2; ГИМ 109468. Оп. Б 2006/1) [Фирсов, 2002, с. 96, 98, кат. 437, 439]. Есть среди них и экземпляр раннесарматского клинкового оружия (ГИМ 93987. Оп. Б 1013/1) [Ворошилов, 2013, с. 261–270].

Помимо клинкового оружия, в собрании музея широко представлено древковое, прежде всего наконечники копий. Привлекают внимание сохранившиеся костяные футляры для наконечников, найденные в 1925 г. П.С. Рыковым и Б.Н. Граковым в погребениях савроматской аристократии у с. Блюменфельд Самарской губернии (ГИМ 57793. Оп. Б 276/33, 47). Один из футляров украшен резными изображениями волчьей головы [Смирнов, 1964, с. 234, рис. 78.-11].

В составе многих комплексов, хранящихся в ГИМ, находятся колчаные наборы. В частности, в захоронении первого коня из скифского царского кургана Козёл IV в. до н.э., раскопанного И.Е. Забелиным в 1865 г., обнаружен набор бронзовых наконечников стрел (ГИМ 54746. Оп. Б 288/16/1–33), каждый из которых имеет на втулке литой рельефный знак [Фирсов, 2002, с. 101, кат. 458].

Железные обушные боевые топоры и топоры-секиры с обушком в виде молотка широко представлены в памятниках скифского времени Посулья и Поворскля (Старшая могила, Волковцы, Аксютинцы, Скоробор и др.) (ГИМ 76990. Оп. Б 185/97; ГИМ 17464. Оп. Б 183/93, 164, 175; ГИМ 45445. Оп. Б 261/1/2) [Ковпаненко, 1967, с. 98, рис. 44.-2; Ильинская, 1968, с. 204, табл. I.-8–9].

В коллекции музея хранятся и два бронзовых шлема VII–VI вв. до н.э. так называемого «кубанского» типа (ГИМ 43895. Оп. Б 205; ГИМ 66856. Оп. Б 474). Эти массивные литые шлемы были найдены в Прикубанье [Рабинович, 1941, с. 114–115, 135, табл. IX; XII.-2; Фирсов, 2002, с. 103, кат. 480; Фирсов, 2010, с. 330, рис. 2]. Шлем из собрания Н.Н. Ерамова (Майкоп) (ГИМ 48520. Оп. Б 1550), вероятно, является результатом переделки коринфского шлема [Черненко, 1968, с. 91, рис. 49.-1].

Исследование этой представительной музейной коллекции предметов вооружения скифского типа, происходящих из различных регионов Восточной Европы, позволяет обратиться к ряду актуальных для современной скифологии вопросов, связанных с типологией, хронологией и эволюцией оружия.

Библиографический список

Ворошилов А.Н. О серии акинаков келермесского типа // Древность: историческое знание и специфика источника. – Вып. IV. – М., 2009.

Ворошилов А.Н. Акинаки келермесского типа в донской лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи. – Воронеж, 2011.

Ворошилов А.Н. Вооружение кочевников лесостепного Подонья раннесарматского времени // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 15. – Воронеж, 2013.

Ворошилов А.Н., Фирсов К.Б. Клинковое оружие скифо-сарматского времени из окрестностей ст. Марычевка Самарской губ. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова. – Оренбург, 2016.

Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Античные и скифо-сарматские коллекции в Историческом музее // На краю Ойкумены. Греки варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном историческом музее. – М., 2002.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного побережья (курганы Посулья). – К., 1968.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. – К., 1967.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). – М., 1964.

Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. – Вып. 1. – Л., 1941.

Рукавишникова И.В. Звериный стиль и мифологические сюжеты декора парадных мечей Евразии скифского времени (По материалам парадного меча из могильника Филипповка-1 и мечей из собрания ГИМ и ГЭ) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова. – Оренбург, 2016.

Фирсов К.Б. Мир варваров // На краю Ойкумены. Греки варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном историческом музее. – М., 2002.

Фирсов К.Б. Памятники скифо-сарматского времени и раннего средневековья из Прикубанья // Античное наследие Кубани. В 3 т. – Т. III. – М., 2010.

Черненко Е.В. Скифский доспех. – К., 1968.

Е.В. Воскресенская¹, К.Н. Гаврилов², Н.Е. Зарецкая³,

А.К. Очередной⁴, А.В. Панин^{1, 5}, Н.В. Сальная⁶

¹Институт географии РАН,

²Геологический институт РАН,

³Институт археологии РАН, Москва;

⁴Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

⁵Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

⁶Институт физики Земли РАН, Москва

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ХОТЫЛЕВСКИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-06-00380

«Палеолит Верхнего Подесенья: хронология и периодизация», проект №14-06-00139

«Стратифицированные среднепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины: хронология, геологическая корреляция, вариабельность и развитие каменных индустрий»)

Комплексные геoarхеологические исследования группы разновременных палеолитических памятников, сосредоточенных в окрестностях с. Хотылево (Брянская область), позволили получить данные о строении лессово-почвенных и аллювиальных отложений 2-й половины позднего плейстоцена на памятниках Хотылево-1, 2, 6 и городища «Кудеярка». На основании изучения разрезов стоянок и данных бурения получены сведения о возрасте, строении и характере соотношения субэразальных и субаквальных серий отложений в прибортовой части долины Верхней Десны в местах расположения памятников Хотылево-1 и Хотылево-2. В лаборатории ГИН РАН проведено радиоуглеродное датирование образцов из культурных слоев Хотылево-1 и Хотылево-2 (пункты А, В и Д), а в лаборатории ИФЗ РАН проведены палеомагнитные исследования вмещающих находки отложений на памятниках Хотылево-1 и Хотылево-2 (пункт Д). В результате была разработана схема периодизации палеолитических памятников в окрестностях с. Хотылево и дана культурно-хронологическая атрибуция этих периодов.

Хотылевская группа палеолитических памятников расположена выше по течению р. Десны от г. Брянска. Культурные слои верхнего палеолита на стоянках Хотылево-2 (пункты А–Д), Хотылево-6 и городища Кудеярка связаны с отложениями лессово-почвенно-криогенной серии 2-й половины позднего плейстоцена, сформированной либо на коренных породах верхнего мела, либо на среднеплейстоценовых флювиогляциальных песках. Стоянки располагаются в пределах пологонаклонного приводораздельного склона, а также на мысах, сформированных овражно-балочной сетью, густо расчленяющей высокое коренное правобережье р. Десны. В зависимости от расстояния от борта долины сохранность и выраженность горизонтов лессов и ископаемых почв в разрезах памятников может варьироваться. В рамках продолжающихся мультидисциплинарных исследований группы Хотылевских палеолитических стоянок проведено сравнение стратиграфического положения культурных слоев стоянок Хотылево-2 (пункты А–Д) с памятниками Хотылево-6 и городище Кудеярка. Третий культурный слой стоянки Хотылево-6 связан с сильно нарушенным криотурбациями гумусовым горизонтом брянской почвы. На новом участке памятника Хотылево-2 (пункт Д) находки второго культурного слоя связаны с педоседиментами погребенной почвы, формировавшейся также в пределах интервала МИС 3, но на более раннем этапе. В этих же стратиграфических условиях залегает третий культурный слой на городище Кудеярка. Первый культурный слой памятника Хотылево-2 (пункт Д) приурочен к верхней части гумусового горизонта брянской почвы. По щелочной вытяжке из третьего культуросодержащего слоя пункта Д Хотылево-2 получена радиоуглеродная дата 29090 ± 350 (ГИН-15036). Основным культурный слой стоянки Хотылево-2 на пунктах А–Г связан с эмбриональной палеопочвой в основании деснинского лессового горизонта. По костному материалу из раскопок разных лет для пунктов А–В получены радиоуглеродные датировки, укладываемые в диапазон 24–19 ¹⁴С тыс. л.н. [Gavrilov et al., 2015, Воскресенская и др., 2016]. С уровнем эмбрионального почвообразования связан и второй культурный

слой городища Кудеярка. Верхний горизонт находок на стоянке Хотылево-2 (пункты А–Г) залегает на контакте трубчевской палеопочвы с алтыновским лессовым горизонтом. Второй культурный слой Хотылево-6 залегает в верхней части алтыновского лессового горизонта, которая проработана голоценовым почвообразованием.

Сопоставление двух буровых профилей 2015 и 2016 гг., заложенных перпендикулярно к долине Десны и проходящих через восточную часть памятника Хотылево-1 (пункт Крючка) и городище Кудеярка, позволило сделать следующие выводы. В приречной части правого берега долины Десны (высота бровки 20–22 м над рекой) от пункта Крючки до городища Кудеярка и, возможно, стоянки Хотылево-2 протягивается погребенная речная терраса. Ширина сохранившегося фрагмента тыловой части террасы не превышает 100 м. Эту террасу можно сопоставить с 12–16-метровой террасой р. Сеймы, левого притока Десны. Согласно недавно опубликованным ОСЛ датировкам аллювий этой террасы имеет возраст 50–70 тыс. л., а ко времени 30–35 тыс. л.н. река уже была углублена до уровня современного русла. Возможно, фрагмент погребенной террасы в районе Крючки как раз и относится к фазе углубления долины около 40 тыс. л.н., о чем свидетельствует и полученная радиоуглеродная дата $36,8 \pm 0,8$ ka BP, или около 41 тыс. л.н. кал.

Памятник Хотылево-1 реконструируется как комплекс разновременных среднепалеолитических стоянок, на котором культуросодержащие горизонты (КСГ) среднего палеолита залегают в отложениях, формировавшихся в тыловых частях пойменных и террасовых уровней, при этом для трех верхних КСГ полученные абсолютные даты могут укладываться в диапазон от 25 до 50 радиоуглеродных тыс. л.н. В аллювиальных осадках под КСГ3 предположительно обнаружен палеомагнитный экскурс Ла-Шамп (около 42 тыс. л.н.) [Ocherednoi et al., 2014] (по гумусу в лаборатории ГИН получены следующие датировки 25150 ± 350 (ГИН-15287) для КСГ1, 35900 ± 600 (ГИН-15195) и 41900 ± 600 (ГИН-15197) для КСГ2 и 40000 ± 900 (ГИН-15291) для КСГ3 [Вишняцкий и др., 2015, Воскресенская, 2016, с. 655]. В целом в округе с. Хотылево опорные палеолитические памятники этого региона могут быть распределены на основании данных геоморфологии, стратиграфии и литологии по четырем периодам, имеющим следующую культурную атрибуцию: 1) средний палеолит, часть комплексов которого принадлежат микокской общности (Хотылево-1); 2) ранний верхний палеолит (Хотылево-6, 3 к. сл., Хотылево-2-Д, 2 к. сл., Кудеярка, 3 к. сл.); 3) восточный граветт (Хотылево-2-А, Б, В, Хотылево-2-Д, 1 к. сл.); 4) восточный эпиграветт (Хотылево-6, 2 к. сл., Хотылево-2-А, В, верхний горизонт находок).

Библиографический список

Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К., Хоффекер Дж.Ф., Воскресенская Е.В., Нехорошев П.Е., Питулько В.В., Холлидэй В.Т. Возраст стоянок Хотылево-1 и Бетово в свете результатов радиоуглеродного датирования (предварительное сообщение) // Записки ИИМК РАН. – 2015. – №12.

Воскресенская Е.В. Комплекс Хотылевских среднепалеолитических стоянок: палеогеография и хронология // Пути эволюционной географии : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). – М., 2016.

Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., Зарецкая Н.Е., Панин А.В. О периодизации памятников верхнего палеолита в окрестностях села Хотылево // Русский сборник. – Брянск, 2016.

Gavrilov K., Voskresenskaya E., Maschenko E., Douka K. East Gravettian Khotylevo-2 site: Stratigraphy, archeozoology, and partial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // Quaternary International. – 2015. – Vol. 359–360.

Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L. New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo 1 and Betovo (Bryansk oblast, Russia): some preliminary results // Quaternary International. – 2014. – Vol. 326–327. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.11.005.

Ю.Е. Вострецов

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Интегрируя палеогеографические и археологические данные, можно попытаться объяснить, где и в каких условиях мог произойти переход к оседлому образу жизни и культивации растений, а также «неожиданное» появление уже развитых земледельческих культур типа Пейлиган и Сишань в Северном Китае.

Процесс схематически выглядел следующим образом. На обширной территории Восточной Азии от Северного Китая до Среднего Амура в результате потепления климата после рубежа 20000–16000 кал. л.н. постепенно складывается ресурсная база (орехи, желуди, просяные, озерные и эстуарные ресурсы), и появляются технологии для оседлого образа жизни, основанного на эксплуатации ресурсов, пригодных для длительного хранения. В этом интервале на памятниках Сячуань и Шицзитань возрастает использование травянистых растений, а терочные плиты являются повсеместным компонентом этих групп памятников.

Около 16 000 л.н. происходило улучшение климата. На шельфе Желтого и Восточно-Китайского морей существовала довольно плоская, хорошо дренированная палеоравнина. Побережье изобиловало эстуариями. Устья рек палеоХуанхэ, палеоХуайхэ и палеоЯнцзы сходились около о. Кюсю в интервале 15 000–130 00 л.н. Доминировало воздействие теплого течения Куроисио. Оно было артерией, обеспечивающей коммуникацию населения Восточной Азии, в том числе и распространение керамики. Благодаря этому побережье вплоть до пролива между материком и о. Кюсю входило в зону тропических и субтропических вечнозеленых лесов. Далее в континент проходила зона хвойно-широколиственных листопадных лесов. Еще глубже в континент простиралась зона лёссовых и засушливых степей (рис. 1). На изрезанной реками палеоравнине, и особенно по обрамлению палеоэстуариев в конце плейстоцена – начале голоцена, существовали лучшие ландшафтно-климатические условия для оседлого обитания человека в Восточной Азии.

Резкое потепление климата после 16 000 л.н. и на границе Бёллинг-Аллерёд (ок. 14 600–14 000 кал. л.н.) способствовало переходу продвинутых охотников-собирателей к частичной и полной оседлости, увеличению населения и расселению по приемлемым местам Восточной Азии. С этого времени в рамках присваивающих стратегий формируются две культурные традиции неолитизации и распространения керамики: вдоль предгорий возвышенностей вплоть до Среднего Амура (осиповская, громатухинская, новопетровская культуры) (рис. 2); вдоль япономорского побережья Японских островов. Расселению способствовали потепление и постоянный, нелинейный подъем уровня моря и затопление палеоравнины.

В то же время в условиях береговой зоны палеоравнины сконцентрированное население с высоким информационным обменом и уровнем конкуренции за ресурсы в условиях давления среды, обострившихся в Позднем Дриасе (ПД), имело больше стимулов для перехода к культивации диких растений, опыт собирательства которых уже существовал повсеместно в Восточной Азии. В интервале 13 000–9 000 л.н. в Китае известны первые изделия из лака. Они маркируют существование сложного социального производства, сопоставимого с земледелием.

Около 7 800 л.н. береговая линия примерно соответствует современной. Палеоравнина исчезает под водой. Дальнейшая трансгрессия моря до примерно 6 500 л.н. затопливает долину нижнего течения р. Хуанхэ, образуя ингрессионный залив. Возвышенность Шандунь превращается в палеоостров. Поселения самых ранних земледельцев и продвинутых охотников-собирателей оказываются под водой. Вот почему известные нам памятники ранних земледельцев типа Пелиган-Сишань (ок. 10 300–8 700 кал. л.н.) располагаются по обрамлению зоны затопления ингрессионного залива, демонстрируя довольно развитые формы технологии, материальной и духовной культуры, социального устройства, так «неожиданно» появляющиеся в Восточной Азии. Находки уже domesticiрованного проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) показывают, что процесс его доместикации должен был

начаться за 1 000–2 000 лет до этого, т.е. во время похолодания ПД. Уже около 8 000 кал. л.н. на памятниках культуры Хоули у северных предгорий Шаньдуна население культивировало просо обыкновенное, просо итальянское и рис (рис. 3). В то же время многие из первых раннеолитических поселений по-прежнему полагаются в первую очередь на охоту-рыболовство-собирательство.

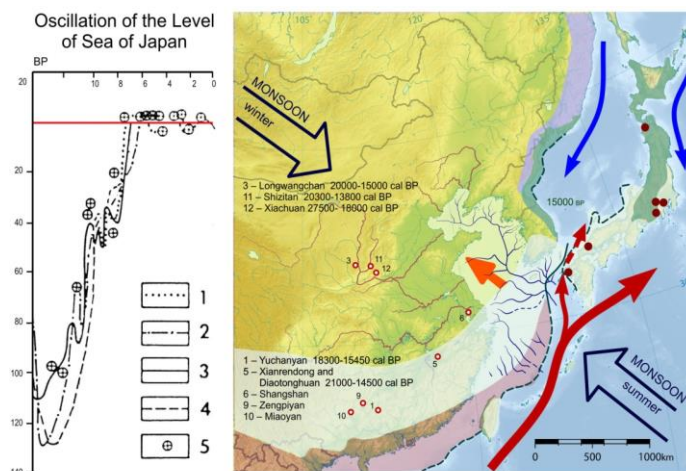

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Выводы

1. В Восточной Азии в конце плейстоцена наиболее приемлемой по экологическим условиям для перехода к оседлому образу жизни и культивации была область палеоравнины на шельфе Желтого моря. Именно с ее территории происходили динамичные позитивные изменения ресурсной базы населения.

2. Переход к культивации двух видов проса и риса начался одновременно на палеоравнине в период похолодания Позднего Дриаса.

3. В результате подъема уровня моря произошли расхождение устьев рек Янцзы и Хуанхэ и территориальная специализация земледельцев на культивацию риса и проса.

4. Сходство раннеолитической керамики из бассейнов рек Янцзы и Хуанхэ свидетельствует о ее происхождении из общего центра – на палеоравнине Желтого моря.

5. Если рассматривать в рамках гипотезы канализированной эволюции процессы перехода к производящему хозяйству в Северном Китае и Леванте, можно прийти к заключению, что вектор адаптации населения в направлении производства пищи оказался предопределен комплексом первоначальных условий и событий, которые задавали набор возможных вариантов поведения. В данном случае их было два: переход к производству пищи или интенсификация ее присвоения. Оба выбора этих адаптивных стратегий мы наблюдаем в Восточной Азии.

Г.С. Вртанесян
*Центр изучения религий, Российский
государственный гуманитарный университет, Москва*
КАЛЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ НА КУЛАЙСКИХ БРОНЗАХ

Кулайское бронзовое литье – явление отнюдь не рядовое в истории раннего железного века Западной Сибири [Косарев, 1969, с. 43–51; Чиндина, 1984, с. 24, 39–44]. Изучению его семантики посвящена специальная работа [Полосьмак, Шумакова, 1991], но календарные аспекты в ней не рассматривались. В этом плане особого внимания заслуживает композиция из Кулайского культового места – антитетическое изображение двух птиц, обращенных клювами к «мировому дереву» [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 79] (рис. 1). При анализе этой композиции автор опирался на работу [Чиндина, Вртанесян, 2014, с. 141–144], в которой расположение и состав зооморфной символики на кольцевых календарях Урала и Западной Сибири, связывались с «дорогами» (летней и зимней) Солнца. По мнению Б.А. Успенского, при анализе изображения необходимо опираться на ракурс зрения его творца, который помещает себя «внутри» данного сюжета. Также были выявлены ассоциации: «правое – верх – передний – будущее» и «левое – низ – задний – прошлое» [Успенский, 1995, с. 173, 298–300]. В контексте сказанного подчеркнем две особенности сюжета «птицы у мирового дерева». Это отмеченные С.Ф. Кокшаровым [2014, с. 79, 80] явные признаки «зрячести» и «слепоты» в этом сюжете. Моделировка правого глаза (зрачок) на изображении правой (левой для наблюдателя) птицы указывает, что это открытый, видящий («зрячий») глаз. Поэтому соответственно левый глаз (правой для наблюдателя) птицы – это закрытый («незрячий») глаз левой птицы. Вполне оправданно соотносить «зрячесть» со светом Солнца (летний сезон) и «незрячесть» с тьмой – зимой (ноябрь – февраль). Во-вторых, известен ведийский миф о двух птицах у «мирового дерева». Известно также, что в авестийской традиции (Яшт 11.4) левый глаз животного приносился в жертву хаоме (сому) [Кейпер, 1986, с. 139, 140], т.е. «луне = тьме = холоду». Для соотнесения особенностей этих образов с «дорогами» Солнца, которые не совпадают с границами сезонов (весна – осень), нужно иметь дополнительное указание. В первую очередь, это рудименты крыльев, лишенных оперения [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 79, рис. 41] (см. рис. 1), – характерная особенность «линной» птицы. В календарях народов Западной Сибири названия июля и августа обозначаются как «месяцы линьки водоплавающих», у кетов июль («кубэнэ») – линьки уток (общее название для острохвоста, чирка, красноголовых уток), а август («ул'бэнэ») – линьки «водяных уток» (название гоголя, крохалея, лебедя, гуся) [Алексеев, 1967, с. 38, 39], а также «середины лета» [Головнев, 1995, с. 333, 334, 358, 359]. При этом Ильин день (грозовые дожди на стыке июля – августа) делил этот период линьки примерно на две части. Именно это событие в виде изображения «дерева» отражено, по нашему мнению, на рассматриваемой композиции. Эта особенность изображения крыльев, лишенных оперения, была отмечена как характерная черта орнитоморфной пластики из мезинской и мальтинской культур (палеолит) [Шмидт, 2008, с. 112]. Подобный стиль изображений указывает на середину летнего сезона – наиболее удобное время для загонной охоты на линную птицу [Головнев, 1995, с. 313, 314]. Кроме приведенных названий летних месяцев у кетов, орнито-морфные названия зимних (с января по март) месяцев – «вороны», «орла» – есть почти во всех традиционных календарях обских угров, самодийцев и других народов Западной Сибири [Головнев, 1995, с. 298–363], т.е. налицо использование орнитоморфного кода для учета времени. Образы водоплавающих птиц, таким образом, достаточно выразительно маркируют календарные вехи, так как начало их гнездования совпадает с первыми летними грозами. Анализируемый сюжет с двумя птицами у «мирового дерева» имеет еще одну особенность – «верхушка» его завершается не кроной, а стилизованным изображением удлиненной головы животного, очень похожего на лося. Известный «лосиный» праздник

селькупов (Пиль – эд) также «привязан» к Ильину дню (грозовые ливни), маркируя выход лосей из непроточных водоемов, из-за исчезновения оводов в связи с похолоданием в начале августа [Чиндина, Вртанесян, 2014, с. 144]. Может быть, именно этими ассоциациями навеян сюжет на «браслете» с головами лося и птицы на концах (Кулайское культовое место) [Полосьмак, Шумакова, 1990, с. 76, рис. 39.-1] (рис. 2). Гроза (молния) становится, таким образом, разделителем границ сезонов года. То есть сочетание «водоплавающие птицы – мировое дерево» символизирует «середину» летнего сезона – Ильин день, после которого начинается похолодание («перелом» погоды «на зиму») и быстрое сокращение светлого времени суток.

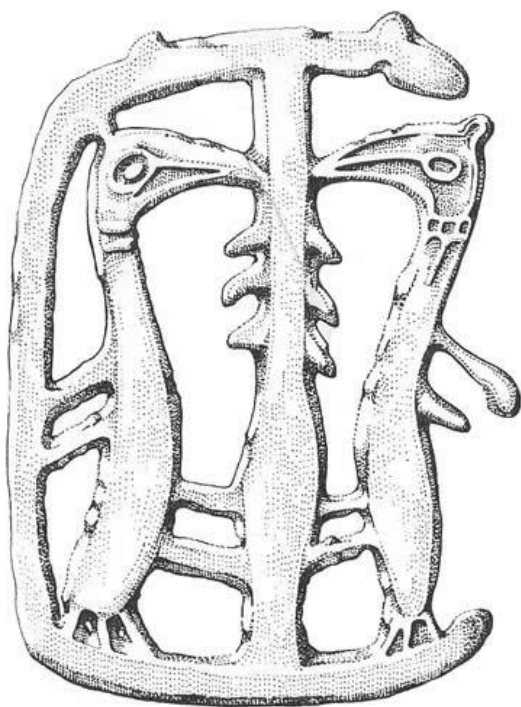

Рис. 1. Птицы у «мирового дерева».

Рис. 2. «Браслет» с головами лося и птицы

Кулайское культовое место

(рисунки приведены по: [Полосьмак, Шумакова, 1990])

Библиографический список

- Алексеев Е.А. Кеты. – Л., 1967.
- Головнёв А.В. Говорящие культуры. – Екатеринбург, 1995.
- Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986.
- Кокшаров С.Ф. Скульптуры животных бронзового века из таежного Приобья // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2014. – №2.
- Косарев М.Ф. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. – 1969. – Вып. 119.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск, 1991.
- Успенский Б.А. Семиотика искусства. Языки русской культуры. – М., 1995.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск, 1984.
- Чиндина Л.А., Вртанесян Г.С. Раннесредневековые «календари» Северной Евразии // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №383.
- Шмидт И.В. Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2008. – №1 (33).

А.А. Выборнов
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
**ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В НЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ**

Работа выполнена в рамках реализации проекта 33.1907. 2017/ ПЧ
государственного задания Министерства образования и науки РФ

Территория Северного Прикаспия является ключевой для понимания культурных процессов не только в Поволжье, но и в ряде сопредельных регионов. Достаточно отметить появление древнейших керамических традиций и производящего хозяйства. Учитывая значимость этих новаций, требуется определение четких хронологических границ. Первым исследователем хронологии неолита Северного Прикаспия был А.Н. Мелентьев. В период между съездами работа проходила в двух направлениях. Во-первых, продолжала накапливаться источниковая база. Проводились исследования новых памятников неолита, содержащих *in situ* культурные слои с четкой стратиграфией [Гречкина и др., 2014]. Во-вторых, получались (как традиционной методикой, так и на УМС) и анализировались новые радиоуглеродные даты по различным материалам [Выборнов, 2014а; Выборнов и др., 2014; Андреев и др., 2016]. Накопленные данные позволяют внести определенные коррективы в представленную ранее хронологическую схему [Выборнов, 2014б] и предложить еще один возможный вариант.

В Северном Прикаспии ранний неолит представлен памятниками каиршаковского типа. В настоящее время для них получено 57 дат. Хроноинтервал комплексов определялся от 7700 до 7000 лет ВР (6700–6000 ВС). Более ранние даты (7900–7800 ВР) маловероятны, так как в это время на данной территории, по данным палеогеографов, фиксируется максимум аридизации. Что касается дат 7700 ВР для стоянки Каиршак-III, то они получены по органике в керамике и нагару. Важно отметить, что даты по карбонатной фракции – 7800, а по органической – 7300 ВР. Таким образом, можно констатировать удревнение даты за счет примеси раковин пресноводных моллюсков в иле, из которого изготовлена керамика. Дата по нагару – 7700, а по органике в керамике – 7300 лет ВР. Поскольку в процессе пробоподготовки раковины моллюсков уничтожались, то эту дату следует считать более валидной, чем первую. Различие этих дат может объясняться резервуарным эффектом нагара. Подтверждением служит еще одна дата по нагару – 7775 ВР, полученная на УМС. Она имеет очень высокое значение $^{13}\text{C} - 28,7$, что и подтверждает наличие резервуарного эффекта. Исходя из проведенного анализа, можно констатировать, что даты по органике в керамике 7300 лет ВР являются наиболее валидными. Соответственно, хронологическая позиция стоянки Каиршак-III – последняя четверть VI тыс. ВР (VII тыс. ВС).

Еще одним памятником каиршаковского типа является стоянка Байбек. В настоящее время получено 29 дат (шесть – на УМС) по органике в керамике, костям животных, нагару и углю [Выборнов и др., 2014]. По нагару даты 7937 и 7350 лет ВР подвержены резервуарному эффекту, так как даты по костям и углю из этих же объектов соответствуют 6955 лет ВР. Даты по углю на УМС – 6986 лет ВР, по кости – 6955 лет ВР, и по керамике – 6920 лет ВР совпали. Таким образом, даты по керамике и на этом памятнике можно считать валидными. Поэтому верхняя граница комплексов раннего неолита данной территории может определяться началом V тыс. ВР (VI тыс. ВС).

Наиболее проблемным оставался вопрос о нижней границе раннего неолита в Северном Прикаспии. Противоречие заключалось в том, что даты по типологическому более раннему комплексу стоянки Кугат-IV (7680 и 7560 ВР) совпадали, а в ряде случаев были моложе дат типологически более развитых материалов стоянки Каиршак-III. На это справедливо обращали внимание специалисты [Ставицкий, 2014]. В свете вышеизложенного относительно временных рамок стоянки Каиршак-III схема приобретает упорядоченный характер. Комплексы типа Кугата-IV, содержащие геометрические микролиты мезолитического обли-

ка типа параллелограммов, будут фиксировать начальную стадию неолитизации в середине VI тыс. ВР (VII тыс. ВС). Этому соответствует и полученная калиброванная дата по одному из наиболее типологически ранних комплексов стоянки Кулагайси 6450 лет ВС [Андреев и др., 2016]. Уже отмечалось отсутствие дат для неолитических комплексов данного региона в интервале 7500–7300 лет ВР, которое объяснялось аридизацией в этих хронологических рамках [Выборнов, 2014а]. Именно этим перерывом и допустимо трактовать различия в керамическом и особенно в кремневом инвентаре стоянок Кугат-IV и Кулагайси с комплексами Каиршака-III.

Не менее сложным оставался вопрос о хронологическом соотношении поздних комплексов раннего неолита каиршацкого типа и наиболее ранних материалов позднего неолита тентексорского типа. От его решения зависела более серьезная проблема: если даты наиболее ранних комплексов тентексорского типа соответствуют датам каиршацких материалов, то это не два этапа одной культуры, а разные культуры. Дата по нагару со стоянки Тентексор 7261 ВР и являлась ключевой. Однако значение $^{13}\text{C} = 28,6$ такое же высокое, как и для даты по нагару 7775 с Каиршака-III. Иначе говоря, она подвержена резервуарному эффекту и не может быть признана валидной. Поэтому наиболее приемлемыми датами ранних комплексов тентексорского типа могут быть признаны значения не древнее 7000 ВР, а, скорее, соответствующие материалам стоянки Качкарстау – 6730 лет ВР [Выборнов, 2008]. В таком случае гипотеза о хронологической последовательности каиршацких и тентексорских комплексов становится непротиворечивой.

Таким образом, полученные данные подтверждают выводы специалистов о приемлемости датирования по керамике [Зайцева и др., 2011] и позволяют представить более вероятный вариант хронологии неолита интересующей территории.

Библиографический список

Андреев К.М., Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г., Медоуз Д., Плихт Й., Филиппсен Б. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016 – Т. 18, №6.

Выборнов А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2008. – Т. 10, №4.

Выборнов А.А. Радиоуглеродное датирование керамики неолита Волго-Камья: критерии надежности // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э. – СПб., 2014а.

Выборнов А.А. Хронология культурных процессов в неолите Волго-Камья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. 1. – Казань, 2014б.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Поснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита-энеолита Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т. 16, №3.

Выборнов А.А., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Поснерт Г. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. – Т. 18, №6.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая раннеэнеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. – 2014. – №3 (8).

Зайцева Г.И., Скаковский Е.Д., Поснерт Г., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат // Труды III Всероссийского археологического съезда Т. II. – СПб. ; М. ; В. Новгород, 2011.

Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии раннего неолита степного и лесостепного Поволжья // История и археология. – 2014. – №10.

А.В. Выборнов
*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск*
ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ МАТЕРИАЛОВ КРУПНЫХ
ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Раскопки широкой площадью при спасательных мероприятиях – уникальный и исключительный способ получения в настоящее время наиболее полной информации об археологическом объекте. Крупные спасательные работы, как правило, организовываются несколькими исследовательскими группами, действующими в единой методической и документальной системе.

Результатом работ становятся три вида научной продукции, с каждым из которых связаны собственные проблемы их создания и оценки.

1. Коллекция находок. Как правило, это значительные по объему и неоднородные по составу коллекции, прошедшие первичную, зачастую поверхностную, квалификацию.

2. Полевые наблюдения, полевая документация, научный отчет. Обязательный состав полевых археологических исследований в значительной мере несет отпечаток частных исследовательских суждений и привычек, зависящих от квалификации и характера автора.

3. Развитие изначальных гипотез. Обязательный итог любых археологических исследований, которым предшествует формирование прогноза состояния археологических объектов. Это основной результат полевых археологических работ, который становится частью научного обсуждения.

Проблемы выхода материалов крупных охранно-спасательных археологических работ, которые сформировались на основе опыта работ ИАЭТ СО РАН (работы Богучанской археологической экспедиции, исследования в зоне газопровода «Алтай», раскопки в среднем течении р. Кан, на Афонтовой Горе), следующие: 1. Вводить в научный оборот нужно, во-первых, принципиальные материалы (общее сообщение); во-вторых, отдельные важные полевые наблюдения и результаты; в-третьих, исследованный комплекс, включенный в известные культурно-хронологические построения (отчет); в-четвертых, теоретические конструкции и развитие изначальных гипотез, дискуссии. 2. Сложности обработки в единой системе большого объема данных, при особом обосновании, предполагает допустимым различные подсистемы представления полевых результатов. 3. Представление стройной гипотезы по результатам полевых работ обязывает к предварительному разбору гипотез, возникших между исследовательскими группами. 4. Спасательные раскопки предполагают выполнение множества формальных обязательств со стороны руководителя отрядов, экспедиции, организации и т.п. Это препятствует обработке и осмыслению научных результатов, что следует учитывать при утверждении плана и состава работы экспедиции. 5. Выход принципиальных сообщений и наблюдений не имеет сложностей, но представление полного круга материалов осложнен требованиями общей унификации.

Отметим, что обязательная публикация полевых отчетов является существенным вкладом во включение материалов в систему источников и элементом квалификационного контроля. Разумеется, указанные проблемы универсальны для любых археологических исследований. В описанной ситуации достижение цели усложняется масштабом работ и их жесткой формализацией и контрактными обязательствами. В связи с этим целесообразно рассмотреть обязательное участие институтов Российской академии наук в консультационно-методическом сопровождении спасательных археологических раскопок, крупномасштабных разведок и подготовке соответствующих отчетов. Таким образом, последующая реализация задач по анализу и интерпретации источника, популяризации полученных результатов освобождается от формальных ограничений и срочности предоставления итогов работы, переводится в нормальный режим научного исследования, его апробации, дискуссии, верификации и корректировки.

А.В. Выборнов^{1,2}, С.Г. Скобелев^{1,2}, И.А. Грачев³, В.А. Чертыков¹

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН,*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск;*

³*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург*

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ ЮГА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

Проблемы изучения культуриногенеза средневекового населения и формирования этнической карты Северной Азии в Новое время связаны с рядом методологических и источниковедческих сложностей. Помимо терминологических несоответствий в предметном комплексе дисциплин, занимающихся изучением этих вопросов (история, археология, этнография, лингвистика, физическая антропология и палеогенетика), существуют противоречия в определениях внутри отдельных школ и направлений.

Приенисейский край (т.е. Средняя Сибирь) – обширный регион Северной Азии, место формирования и концентрации археологических культур и этнокультурных объединений, распространившихся далеко за его границы. На юге региона, в его лесостепной части, известно большое количество археологических объектов, имеющих продолжительную историю полевого изучения и культурно-хронологической интерпретации.

Позднее Средневековье для населения данной территории определяется как относительно цельный период истории, нижняя хронологическая граница которого связана с монгольским завоеванием в XIII в. Этот период продолжался до включения Южной Сибири в состав Российского государства в начале XVIII в. Социокультурная ситуация на юге Приенисейского края в это время связана с сокращением доминирования енисейских кыргызов, распространением монгольских черт в материальной культуре. Хозяйственный тип населения оставался преимущественно скотоводческим, отгонно кочевым.

Основную массу сведений по Средневековью региона составляют погребальные объекты и малочисленные письменные источники. На основе анализа погребальной структуры, реконструкции обряда устанавливается типология погребений, их культурно-хронологическая интерпретация, близость и взаимовлияние погребенных и создателей погребальных сооружений. Дополнительно привлекаются результаты изучения останков погребенных методами физической антропологии и палеогенетики, физико-химических исследований элементов погребения. Процедура исследования, как правило, заканчивается определением культурных взаимосвязей и, при наличии возможности, этносоциальным определением в терминах письменных источников. При этом проявляются уже описанные в литературе методологические проблемы связи археологических комплексов со структурами, изучаемыми другими дисциплинами, главным образом этнографией. При этом этнокультурная интерпретация погребальных объектов енисейских кыргызов монгольского времени (XIII–XIV вв.) на Среднем Енисее достаточно традиционна. Исследователи опираются на ряд отличительных признаков: слабозаметная на современной дневной поверхности кольцевая каменная кладка; наличие скоплений кальцинированных костей; железные предметы со следами посеребрения, побывавшие в огне; плоские железные черешковые наконечники стрел; седельные пробойи с упорами и кольцами; ременные накладки с растительным и геометрическим орнаментом и др. Одновременные погребения, выполненные по обряду трупоположения, принято соотносить с кыштымами (иноэтничным, зависимым населением).

Этнокультурное определение позднейших (XV–XIX вв.) погребений в целом продолжает установленную историографическую традицию, дополняя исследовательскую процедуру привлечением данных письменных источников, карт расселения народов Сибири. В таком случае признается принадлежность погребения определенному этносу на основании его территориального расположения и сведений о раскладке ясака XVII–XVIII вв., известий о местах расселения отдельных сеоков (родов), принятии христианства местным населением.

Обозначим основной круг неславянских, инородческих погребений на территории Минусинской котловины и Красноярско-Канской лесостепи, чья этнокультурная характеристика является важной частью этногенетических построений. С енисейскими кыргызами связаны объекты у Абакано-Перевоза, Новоселовской Горы, Поповки (левобережье Енисея), Ортызы Оба (правобережье Абакана), Прихолмье (левобережье Тубы), Коя (правобережье Енисея, устье Ои). С тюркоязычным населением Кыргызской земли ассоциируются отдельные погребения Киприно (озеро в Июсской степи), Коя, Оя (правобережье Енисея, устье Ои), Суханиха (правобережье Енисея). Смешанным населением долины р. Кача и ручья Бадалык (левобережье Енисея) – качинцами и аринцами – оставлены погребения Бадалык, Березка, Высокое, Иннокентьевский, Монашка, Солонцы, Шишка. К койбалам относятся погребение в с. Курагино (правобережье Тубы), ряд погребений на р. Табат (Ходын-Хол, правый берег Абакана), к качинцам – на ручье Чегерак (левобережный приток Енисея). У с. Верхняя Тёя (левобережье Абакана) известно погребение, относимое к бельтырам или бирюсинцам, у с. Линево – женское погребение кызыльцев (долина Чулыма). Особое внимание привлекало погребение в составе могильника Коя-III, связанное с манчжурами или монголами.

Ясных базовых характеристик, которые могли бы строго ассоциировать какое-либо погребение с определенной этнической группой, до сих пор не выделено. Относительно доказательна интерпретация лишь погребений енисейских кыргызов. Стоит признать значительную вариативность и этих объектов, которые могут отражать не только хронологические изменения, но и этнокультурное своеобразие создателей погребения.

Признаки распространения элементов культуры позднесредневековых енисейских кыргызов мы наблюдаем на территории лесостепей севернее Минусинской котловины. В частности, красноярско-канский вариант их культуры известен для среднего течения р. Кан. Следы этого влияния, по-видимому, сохраняются позднее. Так, в 2015 г. под г. Канском, на правом берегу р. Кан, были исследованы раскопом два позднесредневековых погребения (местонахождение Рябчиков Ключ-1). О времени их создания свидетельствуют формы и состояние могильного сооружения, характер погребального инвентаря. Погребения имеют широкую датировку – XIV–XVII вв. Первичная интерпретация по этнографическим данным, ограниченным консолидированной информацией на карте Б.О. Долгих [1960], позволяет связать погребенных с камасинцами, котами либо карагасами.

Обозначенные представления по этнической интерпретации отражают, на наш взгляд, рабочие гипотезы. Эти погребения объединены регионом и хозяйственным типом их создателей – кочевников лесостепей Средней Сибири. Характер погребальных памятников (неполнота информации), скудость вещевых находок, отсутствие серий палеогенетических и антропологических исследований, противоречивость письменных свидетельств не позволяют провести строгое этническое определение археологических объектов. До решения обозначенных выше проблем носителей изучаемых археологами позднесредневековых культур с соответствующим набором археологических проявлений (типами погребальных структур) целесообразно считать поздними кочевниками. Это заключительная часть археологического феномена, известного с эпохи поздней бронзы как степные кочевники Евразии. Последующая их история устанавливается на основе преимущественно других источников с иным терминологическим аппаратом. Поэтому в настоящее время, при недостатке нарративных источников, ограниченная множеством условий этническая интерпретация погребальных объектов представляется в некотором роде паллиативом.

Библиографический список

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.

Д.А. Гаврилов¹, Т.Н. Лошакова²

¹Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск;

²Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана
(Республика Казахстан)

МИКРОБИОМОРФНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТОКСАНБАЙ (плато Устьюрт)

Работа выполнена в рамках государственного заказа по бюджетной программе 055

«Научная и/или научно-техническая деятельность», шифр 1821//ГФ4 МОН РК

На слоистом делювиальном шлейфе Северного чинка плато Устьюрт расположено поселение Токсанбай, функционирование которого относится к эпохе бронзы [Самашев и др., 2004; 2009].

Расположение памятника на мысообразном уступе чинка определяло малую площадь поселения и ступенчатую организацию жилых построек вниз по склону. Культурный слой поселения Токсанбай представляет собой делювиальные слоистые отложения, которые служили на разных этапах его обживания дневной поверхностью.

Цель исследования заключалась в выявлении стратиграфических этапов освоения центральной части поселения (кв. А7) в условиях периодического образования делювиальных слоев с помощью микробиоморфного метода. Результаты микробиоморфного метода обработаны методами многомерной статистики (метод главных координат и корреляционный анализ).

В квадрате А7 были отобраны две колонки образцов, которые представляют собой отдельные делювиальные слои. Колонки расположены на близком расстоянии друг от друга и стратиграфически частично перекрываются.

Статистическая обработка результатов микробиоморфного анализа показала, что среди всего разнообразия образцов можно выделить две группы, которые различаются по первой координате. К первой группе относятся образцы, которые расположены в положительной области первой координаты (рис. 2) и включают в себя следующие характеристики микробиоморфной фракции: наличие аморфной органики, корней, детрита, пальцы и спор грибов. Ко второй группе относятся образцы, расположенные в отрицательной области первой координаты и имеют следующий состав микро-биоморфной фракции: фитолитов тростника (рис. 1) и двудольных трав, спиккулы губок ($r = 0,7-0,99$, $p < 0,05$) и кутикул растительной ткани ($r = 0,6$, $p < 0,05$) при низкой концентрации или отсутствии биоморф, свойственных для первой группы. Присутствие кутикул в данной группе, являющихся диагностами дневной поверхности, синлитогенного почвообразования или делювия [Гольева, 2008], следует объяснить тем, что начало образования делювиальных сносов на площадке, где расположено поселение, связано было с человеческой деятельностью, а также с природными процессами.

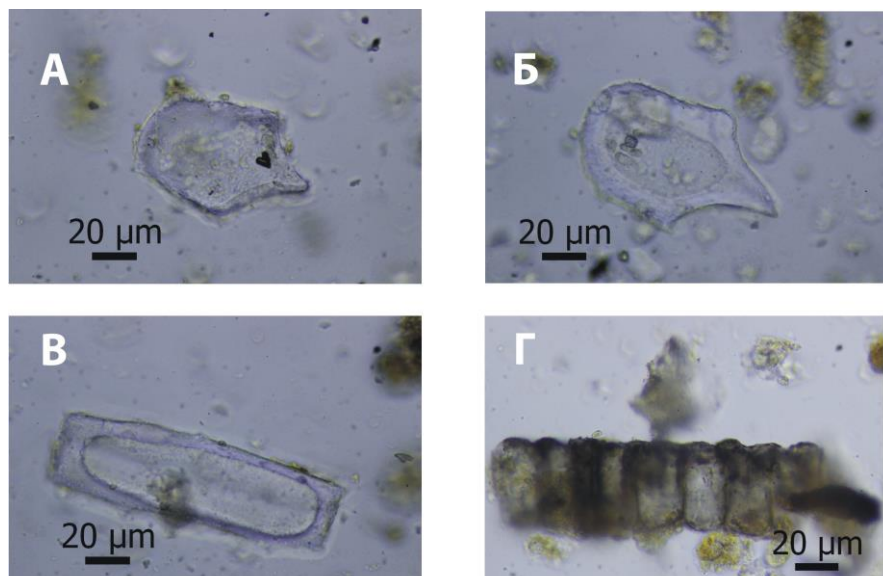

Рис. 1. Фитолиты (А–В) и кутикулы (Г) *Phragmites* spp. (X400)

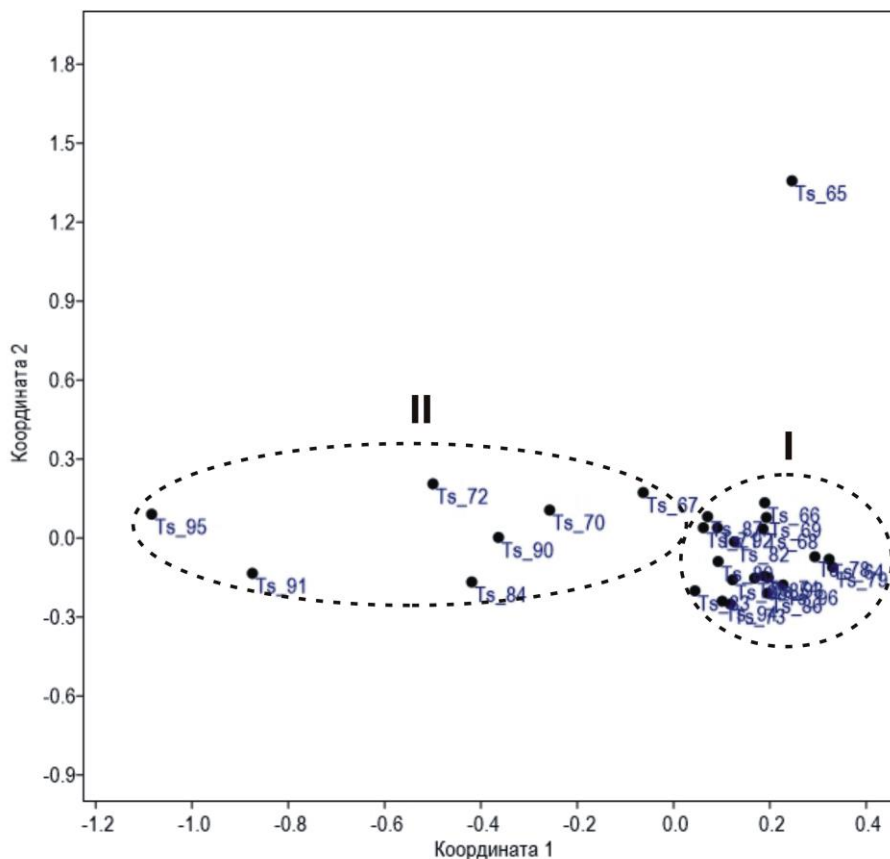

Рис. 2. График распределения образцов колонок 1 и 2 в плоскости двух главных координат. Условные обозначения: I – делювиальные слои нативного происхождения (группа I); II – антропогенно-преобразованные делювиальные слои (культурные слои) (группа II)

Первая группа образцов отражает этапы заустения поселения и стабильное инициальное почвообразование на делювии, вторая группа – культурные слои, которые представляют собой антропогенно-преобразованные делювиальные слои. Скорее всего, культурные слои являлись обмазкой пола, в рецепте изготовления которого использовалось растительное вещество (листья тростника, двудольных трав) и вода. Подобный прием обмазки пола и внутреннего заполнения каменных ящиков был зафиксирован ранее на культурно и хронологически близком соседнем поселении – Айтман [Лошакова, Гаврилов, 2015].

Таким образом, микробиоморфный анализ позволил дифференцировать делювиальную толщу на поселении Токсанбай и выделить четыре этапа строительства стационарных сооружений в центральной части поселения (А7) на глубинах: 1) 100–102 см, 2) 57–76 см; 3) 34–45 см и 4) 24–31 см. Большая мощность делювиальных наносов, которые перекрыли культурные слои, позволяет высказать гипотезу о хронологических перерывах в освоении мысообразной площадки поселения.

Библиографический список

- Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: Генезис, география и информационная роль. – М., 2008.
- Лошакова Т.Н., Гаврилов Д.А. Микробиоморфные исследования культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – №2 (29).
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2004. – Вып. 3.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселения токсанбайского типа на северо-восточном Устюрте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны восточной Европы : сборник научных трудов. – Оренбург, 2009.

Д.А. Гаврилов¹, М.К. Хабдулина²

¹Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск;

²Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, Астана

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОМ ОРОШАЕМОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта МОН РК (проект №0882ГФ4 «Бозокский археологический микрорайон: особенности и этапы формирования социально-пространственной структуры»)

Бозокский археологический микрорайон расположен в Нура-Ишимском междуречье на естественном возвышении в пределах границ города Астаны (Республика Казахстан), занимает площадь около 30 га. Освоение участка человеком началось в раннетюркский период (VII–VIII вв.) и продолжалось на протяжении тысячелетия [Хабдулина, 2011]. XI–XII вв. являются одним из неоднозначных периодов истории микрорайона, к которому относится функционирование оросительной системы [Хабдулина, Гольева, Гаврилов, 2014].

В ходе комплексных археолого-почвенных исследований были изучены древнеорошаемые почвы с целью доказательства использования обширной территории микрорайона в земледельческой практике средневекового общества. Для определения признаков орошения почв применен микробиоморфный анализ [Гольева, 2001], результаты которого обработаны многомерными статистическими методами (метод главных компонент, дискриминантный и корреляционный анализы).

При строительстве оросительной системы земледельцы учитывали особенности рельефа, которые определяли направление, скорость течения вод и размежевание системы на участки с заранее заданными свойствами увлажнения почв. Места отбора орошаемых почв были привязаны к функциональным частям оросительной системы и элементам рельефа (Эль-, Транс-, Транс-Ак позиции).

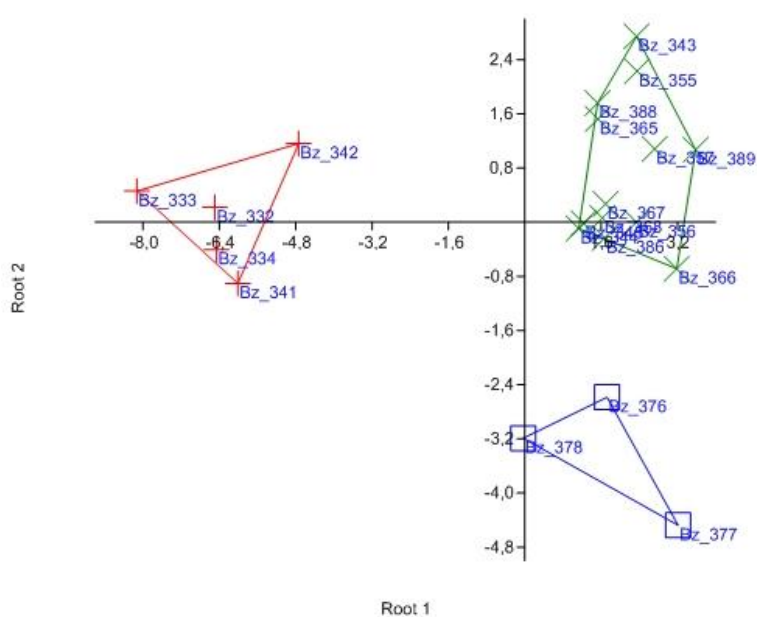
В результате изучения микропрепаратов был описан микробиоморфный комплекс гумусовых и гумусово-элювиальных горизонтов погребенного древнеорошаемого *агрообразёма текстурно-карбонатного* (XI–XII вв.) и дневных древнеорошаемых *агрообразёмов солонцовых гидрометаморфизованных*. В качестве фона выбран *палеочернозём текстурно-карбонатный* (образцы Vz₃₃₃ – Vz₃₄₂), погребенный под валом городища в VII–VIII вв. [Гаврилов и др., 2011].

Результаты дискриминантного анализа подтвердили различия в микробиоморфных комплексах почв по наличию признаков древнего орошения по Root 1 (λ Уилкса 0,02, $p < 0,000$) (рис.). В отрицательной области координат расположена фоновая палеочерноземная почва, а в противоположной – древнеорошаемые почвы. По результатам корреляционного анализа состава микробиоморфного комплекса и Root 1 при $p < 0,05$ выявлена сильная взаимосвязь ($r = 0,7–0,99$) группы древнеорошаемых почв с обнаруженными осколками спикул губок, целыми скелетами диатомовых водорослей, седловидными и веерообразными формами фитоцитов. Средняя корреляционная взаимосвязь ($r = 0,5–0,69$) имеется с осколками скелетов диатомовых водорослей, удлинёнными дендровидными формами фитоцитов и общей суммой фитоцитов и микробиоморф. Обнаруженные корреляционные связи диагностируют переувлажнённые условия функционирования почв – это скелеты микроорганизмов спикулы губок (*Sponges*), микроводоросли – диатомовые (*Diatomeae*), а также веерообразные фитоциты тростника (*Phragmites* sp.). Дендровидные фитоциты часто определяют группу культурных злаков (?) [Свирида, Гольева, 2016], которые при большом объеме выборки могут помочь в определении растений, которые возделывались на полях.

Микробиоморфный комплекс целинной палеочерноземной почвы имеет облик сухой степи. Наиболее отличительным признаком фона от сельскохозяйственно используемых почв является наличие усечённых конусовидных фитоцитов ($r = 0,73$, $p < 0,005$).

Группы древнеорошаемых почв в разных функциональных частях оросительной системы, согласно результатам дискриминантного анализа, различаются по Root 2. Хотя микробиоморфный комплекс орошаемых почв отличен от фона (Root 1), но внутри группы

резко выделяется микробиоморфный комплекс магистрального канала (Эль-позиция). В своеобразие микробиоморфного комплекса канала большой вклад вносит наличие кубовидных гладких форм фитоцитов ($r = 0,75$, $p < 0,005$), идентификация растений по которым пока вызывает затруднение. Остальные древнеорошаемые почвы отличаются более обогащенной микробиоморфной фракцией и относительно большое количество нецелых скелетов диатомовых водорослей, что объясняется транзитным и трансаккумулятивным положением почв в рельефе. В почвах накопление мелкодисперсного материала (в том числе микробиоморф) из почв более повышенных форм рельефа происходило в результате водной эрозии. Водная эрозия является обязательным следствием слабо контролируемого полива. Дополнительным аргументом в пользу излишнего переувлажнения и водной эрозии почв может послужить наличие фитоцитов тростника, которые предпочитают расти в субаквальных условиях.

Двухкоординатный график распределения микробиоморфных комплексов изученных образцов в пространстве двух корней. Обозначения: **фон:** Vz₃₃₃ – Vz₃₄₂ – погребенный *палеочернозём текстурно-карбонатный*; **древнеорошаемые почвы:** погребенный *аглоброзём текстурно-карбонатный* (XI–XII вв.) – Vz₃₄₃ – Vz₃₄₅; дневные *аглоброзёмы солонцовые гидрометаморфизованные:* Vz₃₅₅ – Vz₃₅₇ – распределительный канал второго порядка, Vz₃₇₆ – Vz₃₇₈ – магистральный канал; Vz₃₈₆ – Vz₃₈₉ – арык

Таким образом, использование комплексного почвенно-археологического подхода позволяло найти дополнительные аргументы в пользу наличия у средневекового населения сухих степей Северного и Центрального Казахстана навыков ведения высокоорганизованного земледельческого хозяйства.

Библиографический список

Гаврилов Д.А., Дергачева М.И., Хабдулина М.К. Палеопочвы и природные условия функционирования средневекового городища Бозок в VIII–XIV вв. // Вестник Томского государственного университета. Биология. – 2011. – №3(15).

Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. – М., 2008.

Свирида Н.М., Гольева А.А. Диагностика средневековой распашки при помощи фитоцитного анализа на примере археологических памятников Кукарки и Княжич Московской области // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. – 2016. – Т. 7, №1 (13).

Хабдулина М.К. Новые открытия в средневековой археологии Казахстана // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии : материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. / отв. ред. В.Е. Родинкова. – М., 2011.

Хабдулина М.К., Гольева А.А., Гаврилов Д.А. Загадки Бозокской мелиоративной системы // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана, 22–24 апреля 2014 г. – Астана, 2014.

К.Н. Гаврилов
Институт археологии РАН, Москва
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ
В РАЗВИТИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
БАССЕЙНА ДЕСНЫ

Исследования верхнего палеолита Русской равнины в целом и его центральных областей в частности в течение последней четверти века были сосредоточены на изучении отдельных памятников и категорий материальной культуры. Это привело к тому, что общие закономерности развития верхнепалеолитической культуры оказались на втором плане исследований. Как реакция на такую ситуацию, уже в конце 1990-х гг. появились публикации, авторы которых стремились избегать крайностей упрощенного понимания как стадиалистского подхода, так и концепции археологических культур (напр.: [Аникович, 1998; Григорьев, 1998; Лисицын, 1999]).

Материальная культура верхнепалеолитических стоянок Подесенья и в целом всех центральных районов Русской равнины может быть рассмотрена как результат последовательного развития во времени и одновременно взаимного влияния целого ряда сообществ охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы. Как общие, так и особенные черты памятников одинаково хорошо проявляются в строении отдельных археологических объектов и общей пространственной структуре стоянок и поселений, в морфологии изделий из расщепленного кремня и стилистике произведений искусства малых форм.

В целом общий процесс развития культуры верхнего палеолита бассейна Десны в среднюю и позднюю пору можно охарактеризовать следующим образом. В первой половине поздневалдайского времени на этой территории существуют памятники восточного граветта (Авдеево, Хотылёво-2, на финальных стадиях развития граветта – Пушкири-I и Ключсы; возможно, Октябрьское-II, сл. 1), демонстрирующие ярко выраженную индивидуальность пространственной структуры поселений и каменного инвентаря. Их отличают стилистическое единство антропоморфной скульптуры и орнаментальных мотивов (Авдеево и Хотылёво-2), а также общий категориальный состав изделий из кости и бивня неутилитарного назначения. Специфика общей планировки поселений, отдельных археологических объектов и типологические характеристики каменного и костяного инвентаря свидетельствуют в пользу того, что восточный граветт на данном этапе своего развития представлен разнокультурными памятниками и скорее имеет синтетическое, а не органическое происхождение [Гаврилов, 2016].

Синтетический характер восточного граветта может объяснять возникший на последующем этапе процесс его дезинтеграции, начало которого проявляется в культуре финально-восточнограветтских памятников: Пушкири-I и Ключсы – с одной стороны, и Октябрьское-II (сл. 1) – с другой. Возможно, они маркируют также культурно-территориальное размежевание между Подесеньем и Посеймьем, которое ярко проявилось уже после поздневалдайского климатического минимума. К этому времени в результате распада восточного граветта возникает восточный эпиграветт, имеющий столь же неоднородную в культурном отношении структуру, которая максимально ярко проявилась в произведениях искусства малых форм. Это различие, однако, нивелируется на заключительном этапе поздней поры верхнего палеолита, во время существования курских стоянок, демонстрирующих в каменном инвентаре прямые аналогии с деснинскими памятниками. Интересно, что это явление примерно в то же время зафиксировано и для более отдаленных территорий. В бассейне р. Оки к этому кругу памятников относятся Шатрищенские стоянки и стоянка Заозерье [Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009], в Костёнковско-Борщевском районе – стоянки Борщевое-1 и 2 [Палеолит Костёнковско-Борщевского района..., 1982; Векилова, 1953; Борисковский, 1941; Ефименко, Борисковский, 1953]. Характерно, что в инвентаре

третьего слоя стоянки Борщево-2 П.И. Борисовским обнаружены орудия из рога северного оленя, украшенные орнаментом в виде косых ромбов, практически не отличающимся от тимоновско-юдиновских образцов. Таким образом, заключительный этап поздней поры верхнего палеолита характеризуется вновь наступившими процессами культурного синтеза, нивелирующего региональные различия между памятниками.

Восточный граветт и восточный эпиграветт центра Русской равнины являются звеньями одной цепи, существование которой стало принципиально возможным благодаря общей культурной подоснове, формирование которой связано с ранним восточным граветтом Центральной Европы – так называемым павловьеном. Возникновение восточного граветта на Русской равнине, скорее всего, следует рассматривать как результат определен-ного взаимодействия между центрально-европейскими и местными культурными традициями при доминирующей роли первых и преобразовании вторых.

В связи с этим значимым становится обнаружение на стоянке Хотылёво-б культурного слоя 3, связанного с брянской ископаемой почвой, а также аналогичных по возрасту культуросодержащих отложений (или культурных слоев) в пункте Д стоянки Хотылёво-2 [Гаврилов, Воскресенская, 2014; Gavrilov, Voskresenskaya, 2014]. До недавнего времени изучение верхнего палеолита Подесенья было ограничено памятниками, хронологическая позиция которых находилась в пределах выделяемых для Русской равнины средней и поздней поры этой эпохи, т.е. примерно от 24 до 14 тыс. л.н. согласно общепринятой радиоуглеродной хронологии. Более ранний хронологический пласт остается практически неизвестным. То, что подобная ситуация не отражает реальной исторической картины, было очевидно. Наличие в Верхнем Подесенье мустьерских стоянок, присутствие на территории бассейнов других великих рек Восточной Европы памятников, относящихся не только к ранней, но и к начальной поре верхнего палеолита, – все это свидетельствует в пользу перспективности поиска раннего верхнего палеолита в долинах Десны и ее притоков.

Библиографический список

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. – М., 1998.

Борисовский П.И. Палеолитическая стоянка Борщево-II // Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. – 1941. – №2.

Векилова Е.А. Палеолитическая стоянка Борщево-I // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – №39.

Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В. Первый памятник ранней поры верхнего палеолита в Верхнем Подесенье // Российская археология. – 2014. – №3.

Григорьев Г.П. Отношение восточного граветта к Западу // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. – М., 1998.

Ефименко П.П., Борисовский П.И. Палеолитическая стоянка Борщево-II // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – №39.

Лисицын С.Н. Эпиграветт или постграветт? // Stratum plus. – 1999. – №1: Время собирать камни.

Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. – Л., 1982.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. – М., 2009.

Gavrilov K.N., Voskresenskaya E.A. Early Upper Paleolithic near from the Khotylevo village // The DolniVěstonice Studies. – Vol. 20. Mikulov Anthropology Meeting. – Brno, 2014.

И.О. Гавритухин
Институт археологии РАН, Москва
ГУННСКАЯ «ДЕРЖАВА» И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Рубежом между так называемой эпохой римских влияний (или сарматской) и началом эпохи Великого переселения народов (или гуннским периодом) в археолого-исторической периодизации для Восточной Европы принято считать миграции, вызванные появлением гуннов на Дону и к западу от него. Это произошло незадолго до 376 г. По письменным источникам мы знаем, что в этом году часть везиготов, испуганная разгромом гуннами объединения во главе с готами Эрманариха, нашла убежище в нижнедунайских провинциях Римской империи, а в 378 г. под Адрианополем войско везиготов, при участии остроготских и гуннских отрядов, нанесло сокрушительное поражение римской армии, возглавляемой императором Валентом, нашедшим здесь свою смерть.

По археологическим данным, в конце IV – начале V в. от Подунавья на западе до Юго-Восточной Прибалтики, бассейнов Оки и Камы на севере, Крыма и Северного Кавказа на юге фиксируется ряд миграций, формирование новых групп памятников и конфигураций культурных связей. На востоке эти процессы нашли отражение, как минимум, на юге Западной Сибири и в Приаралье. По письменным источникам, северо-восточные соседи Империи предстают в виде многих военных и/или потестарных группировок, а их объединения, вызванные общими целями и/или выдвиганием влиятельного предводителя, нередко быстро распались (особенно – крупные). Даже пришельцы-гунны, военная мощь которых была безусловной, делились на несколько вполне самостоятельных групп: «орд» и сугубо военных отрядов, нередко выступавших как наемники.

Лишь во 2-й четверти V в. центростремительные тенденции в Барбарикуме воплотились в формировании довольно устойчивого военно-политического объединения («державы») во главе с гуннами, жившими в Потисье, достигшего расцвета при Атилле в 434–453 гг. (до 444 или 446 г. его соправителем был Бледа). Даже по данным письменных источников, территории подконтрольных Атилле народов простирались от Подунавья до Подонья (более северные и восточные земли в них не отражены). Зона прямого и опосредованного влияния гуннов была, несомненно, существенно обширнее.

Новые открытия и аналитические разработки в археологии лесостепной зоны Восточной Европы позволяют конкретизировать ряд деталей этой картины.

Со 2-й половины III в. наиболее экономически и общественно-политически развитая зона в обозначенном регионе связана с черняховской культурой. Хотя из ее области следует выводить ряд миграций готских и других активных группировок на запад, культурного упадка, который можно было бы ожидать, в ней не наблюдается. В комплексах этой общности конца IV – начала V в. (для некоторых не исключена и более поздняя дата) представлены наиболее технологически сложные для всего европейского Барбарикума весьма многочисленные типы стеклянных сосудов. Ряд этих типов изготавливался в позднеантичных мастерских специально для варваров, главным образом – «черняховцев». Новый этап развития черняховских стилей прослеживается при изучении фибул, пряжек, гребней.

Представительные группы носителей черняховских традиций в раннегуннское время расселяются на новых землях: на Льговско-Фатежской возвышенности (северо-западнее Курска), в верховьях (прослеживаются как компонент памятников типа Чертовичское – Замятино) и низовьях (Танаис) Дона. Черняховские вещи и их дериваты становятся известны до Прикамья, джетыясарской культуры Приаралья, не редкими на Северном Кавказе. Все это показывает, как существенная часть «черняховцев» в разных формах вписалась в ситуацию, обусловленную гуннским вторжением.

К гуннскому периоду в черняховском и соседних ареалах относятся особенно богатые комплексы, что не отмечено для более раннего времени. Часть из них содержит от десятков

до тысяч римских денариев, основной монеты на черняховских памятниках (например, Нежин, Пименово). Вещи, встреченные в ряде этих кладов, относятся к раннегуннскому времени или не исключают эту дату. Судя по всему, такие клады связаны с верхушкой «черняховских» потестарных обществ, а выпали в эпоху нестабильности последней четверти IV – первых десятилетий V вв.

Другие богатые комплексы (без монет, а в ряде случаев, несомненно, погребения) содержат выразительный набор вещей, характерных для центральноевропейской фазы D2 (380/400 – около 450 гг.). Среди них есть как богатейшие комплексы «княжеского» уровня, например, Суджанский «клад» (погребение), так и менее богатые, но, несомненно, связанные с элитой (Бар, Волниковка, Мухино-2 и др.). Большинство из них убедительно соотносят с верхушкой местных группировок, связанных как с традиционными потестарными структурами, так и дружинами, сложившимися вокруг удачливых предводителей. Ряд исследователей видят в этих комплексах отражение процессов формирования нескольких восточноевропейских «королевств», однако весьма недолговечных.

С гуннской эпохой соотносится и продвижение в лесостепь лесных традиций славянского круга: пражской культуры на Средний Днестр (поселения Бернашовка, Теремцы и другие) и Южный Буг (например, Пархомовка); деснинского варианта киевской культуры на Днепровское Левобережье, что привело к формированию южной зоны колочинской культуры и, при участии местных групп (включая и часть Среднего Поднепровья), ядра пеньковской культуры. В этом движении приняли участие и небольшие группы северных соседей славян.

Около 2-й четверти V в. датируется горизонт вещей, связанных со Средним Подунавьем (ранняя часть центральноевропейской фазы D2/D3), распространившихся в лесостепи до Верхнего Дона (памятники типа Чертовицкое – Замятино). Особенно выразительна типологически очень «монолитная» основная серия фибул подгруппы Левице – Токари, сформировавшиеся в сравнительно компактной зоне на севере Среднего Подунавья. Столь же широк ареал фибул подгруппы Братей – Вышков, представленной несколькими сериями. Показательны и характерные для элиты большие двухпластинчатые фибулы – с накладками у дужки (к нашей теме относятся ранние, круга Смолин), а также поздние полихромные, стилистически наиболее близкие ряду образцов из второго клада в Силадьшомйо (Трансильвания). Среди групп застежек, представленных как вариантами, полностью аналогичными среднедунайским находкам, так и местными вариациями на основе дунайских и других центральноевропейских прототипов, следует отметить броши-цикады и фибулы с широким кольцом для удержания оси пружины, загнутым внутрь застежки. Этот горизонт есть все основания соотносить с включением рассматриваемого региона в «державу» Аттилы, а ряд богатых комплексов – с местной элитой, сателлитами гуннского предводителя.

Смерть Аттилы в 453 г. и последовавшее вскоре поражение отрядов, возглавляемых его сыновьями, на Недао положили конец гуннскому владычеству в Центральной Европе. Остатки «среднедунайских» гуннов и сохранивших им преданность группировок ушли на восток. Еще более ослабнув в неудачных попытках реванша, они были поглощены новыми волнами кочевников, пришедшими с востока. Бывшие сателлиты гуннов в лесостепи некоторое время сохраняли и даже развивали прежние традиции. Пример тому – причерноморская серия фибул подгруппы Левицы – Токари, формирование которой, судя по современным разработкам, происходило в Днепровско-Донецкой лесостепной зоне, где локализуется ряд группировок, подвластных гуннам. Однако изменение ситуации в степи, плотное освоение славянами лесостепи от Карпат до Северского Донца создали в Восточной Европе новую этнокультурную и военно-политическую конфигурацию. Впрочем, элементы наследия гуннской эпохи «читаются» и в ней.

В.А. Гаибов
Институт археологии РАН, Москва
ЦАРИ И БОГИ ПАРФИИ
(буллы из раскопок Гёбеклы-депе, Туркменистан)

На протяжении 20 лет, с 1981 по 2001 г., Среднеазиатская экспедиция ИА РАН осуществляла планомерные раскопки городища Гёбеклы-депе в современном Каркумском этрапе Марыйского велаята Туркменистана (Маргиана античных авторов). Городище пережило три периода своего существования: 1) возникнув в эпоху Яз-II (ок. 650–500 гг. до н.э.), оно было покинуто жителями вскоре после завоеваний Александра Македонского; 2) возрождение приходится на парфянское время (I в. н.э.), когда парфяне активно осваивали северную окраину оазиса; 3) прекращает свое существование при Сасанидах (к. IV в. н.э.) [Гаибов, Кошеленко, 2007, с. 360–374].

В парфянское время Гёбеклы представлял собой небольшую крепость, в центре которой на руинах усадьбы язовского времени было возведено большое здание, состоящее из центрального комплекса помещений и окружавшей его с трех сторон системы двойных обводных коридоров. На позднем этапе внешний контур коридоров был разделен поперечными стенами на помещения, имевшие, очевидно, служебное назначение: в них размещались склады и жилища прислуги семьи чиновника и воинов гарнизона.

Раскопки памятника, помимо сведений об устройстве гражданского здания парфянского времени (следует отметить, что это единственное здание парфянского времени в Маргиане, которое было раскопано полностью), принесли значительный вещественный материал: керамика, монеты, терракотовые статуэтки, изделия из резной кости, бронзы и железа. Однако особое место среди этих находок занимает коллекция «булл», представляющих собой комья глины, на которые с помощью печатей наносились оттиски [Gaibov, 2007, p. 285–294]. По приблизительным подсчетам (коллекция до сих пор обработана лишь частично) число их варьирует в пределах 3000 экземпляров, большинство из которых дошли до нас во фрагментированном виде. Буллами печатали различные контейнеры с товарами, поступавшими из глубины оазиса в эту пограничную крепость (кувшины, тюки, деревянные короба). Подавляющее большинство булл было найдено в обводных коридорах, где контейнеры распаковывались, а буллы, их печатавшие, разламывались. Предварительный иконографический анализ изученных к настоящему времени гёбеклинских булл позволяет выделить более двух десятков сюжетов и сюжетных групп оттисков: антропоморфных, зооморфных, растительных, орнаментальных.

Одной из наиболее интересных сюжетных групп являются буллы с изображениями персонажей, которые могут быть интерпретированы как цари и божества. Соответственно, при анализе этой группы следует рассматривать два круга проблем: 1) связанный с прославлением и обожествлением царя (и царской власти) в Парфии; 2) характеристика пантеона богов, почитаемых в Парфянском царстве.

Идея прославления (и обожествления) царя и царской власти являлась важным элементом в идеологической доктрине Парфянской династии, стремящейся с определенного момента своей истории подчеркнуть, что власть царей находится под божественной защитой [Amm. Marcell. XXIII, 6, 4sq.].

Наиболее показательным примером для данной категории булл является оттиск печати с изображением царя-всадника перед алтарем огня с парящей за его спиной птицей с развевающимися лентами в клюве. Алтарь огня, гривна на шее персонажа, «царственная птица» с лентой-диадемой в клюве, наконец, предмет, очень похожий на плетель в руке всадника, не оставляют сомнений в том, что представленный сюжет – это проявление официальной идеологии прославления царской власти, в данном случае, видимо, местной династии – одной из ветвей рода Аршакидов [Гаибов, 2004, с. 69–74].

К рассматриваемой категории булл можно отнести и группу из трех экземпляров со сценой боя, в которой всадник копьем поражает пехотинца, вооруженного мечом. Интерпретация всадника как царя уместна, если вспомнить, что в Парфии, как и во всем эллинистическом и постэллинистическом мире, царь доказывал свое право на власть военными победами и личным участием в битве. Многие парфянские цари лично возглавляли свое войско в бою, а некоторые из них (например, Фраат II и Артабан I) погибли на поле боя [Just., 42.1.5, 42.2.2].

Оттиск печати с фигурой лучника, преследующего антилопу, и парящей за его спиной Никой с венком в руках также позволяет видеть в представленном персонаже царя или местного правителя, поскольку охота, так же как и война, с глубокой древности являлась одним из важнейших проявлений царственной деятельности у иранских народов [Gaibov, 2011, p. 303–308].

Особый интерес представляет группа из четырех булл с изображением мужской и женской фигур, сопровождаемых надписями. Надписи расположены за спинами персонажей, стоящих по обе стороны от алтаря огня. Здесь, несомненно, мы имеем дело с изображением сцены инвеституры царя женским божеством (богиня – покровительница города и царя – Тюхе). Лишь недавно прочитанные надписи дают нам имя ('trwn – Aduran: Адуран; от парф. adur = «огонь») и, предположительно, титул (hw[twy] xwadaw: «господин», «владелец») мужского персонажа, вероятно, крупного царского чиновника, владельца данной печати.

Пантеон богов, представленных на буллах Гёбеклы-депе, крайне мал и ограничивается упомянутыми выше женскими божествами – Никой и Тюхе, а также изображением Геракла на одном из оттисков печати, по-видимому, эллинистического периода. Первенство в этом пантеоне, несомненно, принадлежит Тюхе, как это явствует из изображений на о.с. тетрадрахм многих парфянских царей. Ее, вероятно, можно идентифицировать с богиней Наной – парфянского субститута Анахиты в ахеменидском и сасанидском Иране [Sinisi, 2008, p. 243sq.; Invernizzi 2015, p. 56–57]. Менее значимой по статусу, но не менее популярной, прежде всего, в монетном чекане парфян, была Ника. Образ Геракла, представленный чаще всего в монетном чекане и каменных рельефах и гораздо реже – в сфрагистике и терракотовой пластике, был не менее популярен, чем Тюхе или Ника.

Очевидно, на печатях, принадлежавших царским чиновникам, ответственным за отправку грузов из столичного центра, были представлены сюжеты с божествами, входившими в государственный пантеон, а сами печати, вероятно, являлись отражением официальной идеологии Парфянской империи, одним из основных аспектов которой было прославление царя и царской власти.

Библиографический список

Гаибов В.А. Маргианская булла с изображением царя-всадника // ВДИ. – 2004. – №2.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Крепость на границе Мервского оазиса: Гебеклы-депе // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. – Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. – Саратов, 2007.

Gaibov V. The Bullae of Gobekly-depe // *After Alexander*. Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy. 133. – Oxford, 2007.

Sinisi F. Tyche in Parthia: the image of the goddess on Arsacid tetradrachms // *Numismatische Zeitschrift*. Bd. 116/117. – Wien 2008.

Vasif A. Gaibov. Царская охота – новый сюжет в парфянской сфрагистике Маргианы // *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo*. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno. – Firenze, 2011.

Invernizzi A. A bearded Tyche for Phraates II // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – Вып. 1(47). – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2015.

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников
Институт археологии РАН, Москва
НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ
ТОВАРНЫХ СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ
В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Западноевропейские товарные свинцовые пломбы – важный, но недостаточно изученный археологический источник по внешней торговле Русского государства XIV–XVII вв.

В XIV–XV вв. торговля Руси со странами Западной Европы шла по Балтийскому пути, и центральное место в этом процессе занимал Новгород. Преимущественно через него при посредничестве ганзейских купцов происходил обмен русских товаров на западноевропейские, которые уже из Новгорода поступали на рынки Северо-Западной, Северо-Восточной и Центральной Руси. В конце XV в. особое значение приобрела сухопутная торговля. С середины XVI в. устанавливается новый торговый путь через Белое море. В XVII в. внешняя торговля Русского государства значительно возросла. Основной поток западноевропейских товаров шел морским путем через Архангельск [Хорошкевич, 1963, с. 170; Гайдуков, Эммерик, 2000, с. 213].

Ассортимент западных товаров, ввозившихся на Русь, постоянно расширялся, но торговля тканями из Фландрии, Германии, Франции и Англии оставалась одной из важнейших категорий импорта.

На протяжении XIV–XV вв. основными ввозимыми сукнами были фламандские, которые благодаря своей мягкости, тонкости и красивой окраске пользовались на Руси большим спросом. Главными центрами сукноделия во Фландрии были Гент, Брюгге, Ипр, Турнэ, Сент-Омер, Аррас, Дуэ, Лилль, Поперинге, Коммин, Вервик, Варнетон. Большой популярностью в Новгороде и Центральной Руси пользовалось одно из самых дорогих сортов сукна – ипрское [Хорошкевич, 1963, с. 175–176].

Ткани опечатывались свинцовыми пломбами, которые гарантировали целостность и качество товара (длину, ширину, вес), сорт ткани и позволяли идентифицировать производителя. Пломбы предназначались для одноразового использования. Археологические материалы показывают, что большинство из них утилизировалось во фрагментированном виде или с явными следами вскрытия.

На сукно могли прикреплять несколько пломб. Одни из них (знаки ткача, красильщика и т.п.) накладывались на ткань по завершении отдельных операций, входящих в единый технологический процесс. Другие прикреплялись после таможенного досмотра товара, предназначенного на экспорт. Судя по письменным свидетельствам, в XIII в. во всех центрах суконной промышленности Западной Европы, ориентированных на экспорт, осмотр и пломбировка сукна были обязательны [Kaiser, 2002, s. 377, 380, 389].

Конструкция большинства пломб, крепившихся на ткань, принципиально отличается от древнерусских вислых печатей, привешивавшихся на шнурах к документам [Гайдуков, Степанов, Трояновский, 2007, с. 172]. Средневековый способ закрепления пломбы на ткани сохранился до наших дней и используется в торговле для крепления магнитной клипсы.

К настоящему времени зарегистрировано более 400 западноевропейских пломб XIV–XVII вв., обнаруженных на территории Восточной Европы и Западной Сибири. Большинство находок (около 300 экз.) происходит из Новгорода (см.: [Пигнатти, 1915, с. 23–26; Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 65; Рыбина, 1981; Кильдюшевский, 1986, с. 110–114; Гайдуков, Малыгин, 1989, с. 250–251; Векслер, Зайцев, 1999, с. 242–245; Гайдуков, Эммерик, 2000, с. 213–218; Клоков, Лебедев, 2002; Векслер, Петухов, 2012, с. 74–90; Лаере, Тростьянский, 2012; Тигунцев, 2014, с. 54–58; Коваль, 2015]).

В 2008–2016 гг. Новгородской экспедицией ИА РАН на нескольких раскопах в Новгороде обнаружено около 100 западноевропейских товарных пломб. Большинство находок (76 экз.) сконцентрировано на Торговой стороне. Причем подавляющее число пломб (68 экз.) происходят с раскопа Рогатицкий-3, расположенного в непосредственной близости от Немецкого двора – резиденции ганзейских купцов, существовавшей в Новгороде с XII до XVII в. [Рыбина, 2001, с. 168, 173, 222].

Локальное скопление товарных пломб в комплексе с синхронными по времени статусными находками позволяет говорить, что на этой территории проживали зажиточные люди, имевшие отношение к торговле и властным городским структурам.

В Новгороде ипрские сукна в письменных документах впервые упоминаются в 1327 г. [Хорошкевич, 1963, с. 178]. Археологические материалы удревняют эту дату. Наиболее ранние товарные пломбы обнаружены на раскопах Рогатицкий-3 (Рог-3/1-680) и Лукинский-2 (Лук-2/1-45; Лук-2/1-159; Лук-2/2-45; Лук-2/7-21) в слоях 2-й половины XIII в. Большинство пломб датируется XIV–XV вв. Удалось атрибутировать пломбы из Турне, Ипра, Сент-Омера, Поперинге и Арраса.

Библиографический список

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л., 1980.

Векслер А.Г., Зайцев В.В. О находках западноевропейских товарных пломб при раскопках на Гостином дворе в Москве // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 1999.

Векслер А.Г., Петухов С.П. Памятники сфрагистики XIII–XVII вв. из раскопок в Москве // Археология Москвы – Линия жизни. – М., 2012.

Гайдуков П.Г., Малыгин П.Д. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. – М., 1989.

Гайдуков П.Г., Степанов А.В., Трояновский С.В. Сфрагистические и нумизматические находки из раскопок новгородского Великого моста в 2005–2006 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 21. – В. Новгород, 2007.

Гайдуков П.Г., Эммерик Х. Западноевропейская товарная свинцовая пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 14. – В. Новгород, 2000.

Кильдюшевский В.И. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА. – 1986. – Вып. 183.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Западноевропейские свинцовые товарные пломбы с золотордынских городищ // РА. – 2002.

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. – 2015. – Вып. 237.

Лаере Р. ван, Тростьянский О.В. Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. – Вып. 2. – Казань, 2012.

Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. XXV. – Тобольск, 1915.

Рыбина Е.А. Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде // СА. – 1981. – №1.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. – М., 2001.

Тигунцев Ю.Г. Товарная пломба г. Гёрлиц: Атрибуция, назначение // Нумизматика. – 2014. – №1 (35).

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. – М., 1963.

Kaiser R. Mittelalterliche Tuchplomben – Überreste, Sammelobjekte und technik-, textil- und wirtschafts- geschichtliche Quellen // Inquirens subtilia diversa. Dietrich Lohrmann zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. Kranz und L. Falkenstein. – Aachen, 2002.

Е.И. Гак¹, М.В. Ивашов², Э. Кайзер³

¹Государственный исторический музей, Москва;

²ООО «Экспертиза Черноземья», Липецк;

³Свободный университет, Берлин, Германия

ПОСЕЛЕНИЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КСИЗОВО-1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В последнее время благодаря взаимодействию специалистов разных научных дисциплин в исследовании бытовых памятников катакомбной общности среднего бронзового века достигнут качественно новый уровень. Примером может служить поселение Рыкань-3, по материалам которого построена модель функционирования скотоводческой стоянки в лесостепном ландшафте [Гак и др., 2014]. Тот же поход, но с применением более широкого спектра естественно-научных методов, реализуется сейчас на поселении Ксизово-1, расположенном севернее в сходных топографических условиях на размываемом левом берегу р. Снова (правый приток Дона). Поселение известно с 1964 г. и в разные годы обследовалось А.Д. Пряхиным, Ю.Г. Екимовым, М.В. Ивашовым. С 2014 г. на поселении проводятся раскопки, общая площадь которых составила около 300 кв. м.

В силу особенностей расположения Ксизово-1 и его округа обладают уникальным для катакомбных памятников лесостепи информативным потенциалом. Эта территория не подвергалась планировке и перспективна для изучения поселка в контексте окружающей среды. Культурные остатки здесь перекрыты пачкой природных отложений, состоящих из древней погребенной почвы толщиной 0,5–0,6 м и залегающего сверху наносного балласта толщиной 1,4–1,7 м, формировавшегося в условиях субламинарного осадконакопления последние 200 лет. Согласно данным палеопочвенных исследований слой поселения по структуре и свойствам почти не отличается от выше- и нижележащих горизонтов почвы, что в сочетании с небольшой мощностью (до 0,3 м), приуроченностью к низкой террасе и другими признаками характеризует зимнюю сезонную стоянку [Гак, Борисов, 2017].

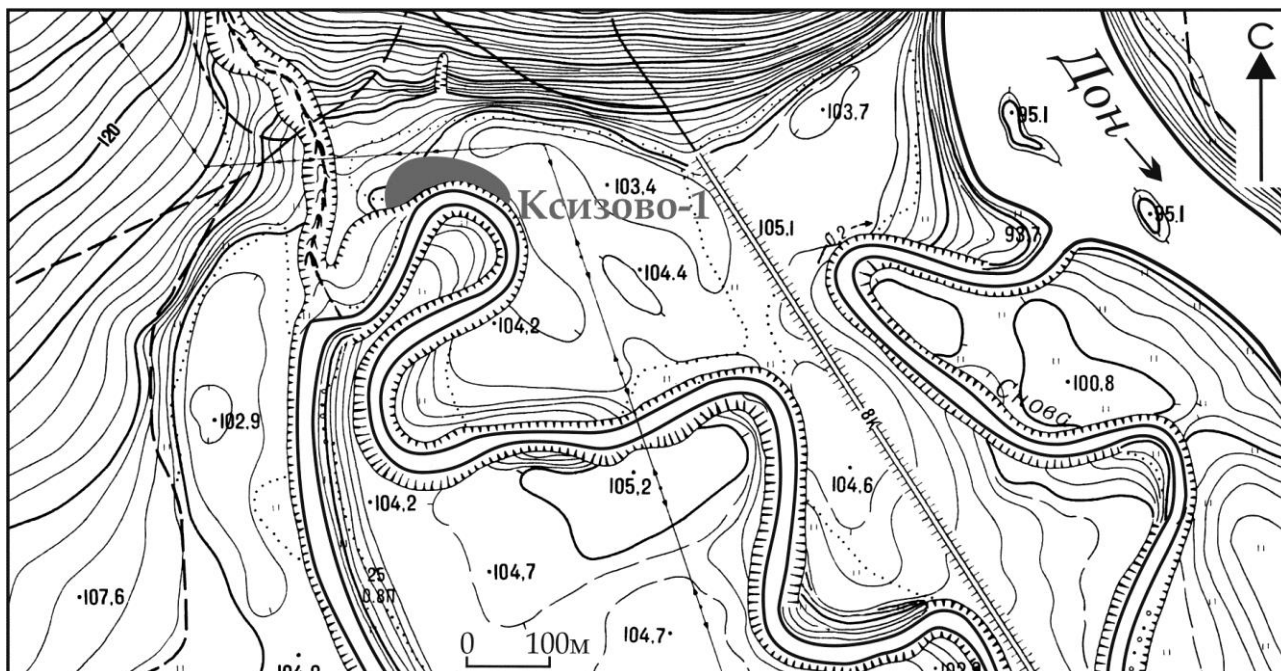
Выявленные на поселении бытовые остатки распространялись немного по дуге относительно современной береговой линии. Кухонный мусор концентрировался в основном вблизи объектов. Шесть из них составляли компактную группу очагов, вытянутых цепочкой по линии З–В. Вокруг очагов зафиксированы свидетельства хозяйственно-бытовой деятельности: скопления обломков посуды и костей животных, различные орудия труда, линзы абразивной крошки. С напольной стороны обнаружены два углубленных объекта – яма подтреугольной формы размером 2,5 × 2,5 × 3 м, глубиной до 0,1 м, и примыкавший к ней изогнутый дренажный (?) ровик шириной от 1 до 2,5 м, глубиной до 0,5 м (исследован частично). Яма была заполнена культурным слоем, содержащим в обилии кости животных и катакомбную керамику. Заполнением ровика являлись намывные песчаные отложения с фрагментами сосуда раннего железного века. Юго-западнее ямы вдоль берега реки включения костных животных остатков образовывали полосу шириной 1–2 м (тропинка?).

Следы наземных конструкций в раскопах не найдены, что, впрочем, не означает отсутствия на поселении построек [Пряхин, 1982, с. 69]. Предварительно для их локализации и других объектов была предпринята геомагнитная разведка, которая не принесла результатов. По мнению проводившего разведку немецкого геофизика Т. Шенка, это связано с большой мощностью коллювиальных отложений. Более перспективным в этом плане является определение содержания фосфатов, величины уреазной активности и других биологических свойств в отобранных с площади раскопок образцах грунта для пространственного сопоставления с археологическими данными. Аналогичная методика комплексного археолого-палеопочвенного анализа показала свою эффективность, в частности, при выявлении инфраструктурных компонентов поселения Рыкань-3 [Чернышева, Гак, Борисов, 2012; Гак и др., 2014].

В связи с организацией пространства поселения особый интерес представляют результаты фитолитного анализа образцов культурного слоя из скоплений массового

материала. Во всех 11 пробах не оказалось сферулитов, которые привносятся с навозом и свидетельствуют о содержании на поселении скота. В данном случае можно полагать, что скот содержался за пределами стоянки. Несомненно, он играл роль основы жизнеобеспечения. Какое направление животноводства при этом доминировало, каково было значение других промыслов и занятий обитателей стоянки, покажет изучение массовых костных остатков и промывок культурного слоя из раскопок памятника.

Возраст поселения Ксизово-1 определен AMS-датированием в лаборатории г. Познань. Анализировались кости животных из очага и скоплений. Три полученных радиоуглеродных даты чрезвычайно близки друг другу и соотносятся с хронологией керамики, которая имеет признаки второй половины развитого этапа среднедонской катакомбной культуры [Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991]. В орнаментации посуды показательными являются небольшая доля штамповых узоров, высокая частота использования валиков, прочерчивания и дополнительной обмазки тулова сосудов, паркетный стиль. Компактность керамической серии как будто указывает на непродолжительный период обитания. Если интервал полученных дат (2300–2200 calBC с вероятностью 68% или 2450–2150 calBC с вероятностью 95%) в дальнейшем подтвердится, тогда можно будет обоснованно говорить, что стоянка существовала относительно короткое время.

Поселение Ксизово-1. Ситуационный топографический план

Библиографический список

Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // Российская археология. – 2014. – №4.

Гак Е.И., Борисов А.В. Сезонность поселений среднедонской катакомбной культуры: ландшафтно-экологическая модель // Российская археология. – 2017. – №1.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. – Воронеж, 1982.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. – Воронеж, 1991.

Чернышева Е.В., Гак Е.И., Борисов А.В. Уреазная активность культурного слоя поселения катакомбной культуры Рыкань-3 // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганск, 2012.

Е.И. Гельман
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
**ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ
БОХАЙСКИХ ГОРОДИЩ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Бохайские городища традиционно разделяются на равнинные и горные [Шавкунов, 1968; Государство Бохай, 1994]. Равнинные памятники преобладают (городища Краскинское, Горбатка, Кокшаровское-1, Николаевское-1 и II, Высокое, Старореченское, Стеклянухинское (бохайский слой), Марьяновское). Некоторые из них имеют относительно правильную, почти прямоугольную форму, остальные приспособлены к рельефу местности и отклоняются от шаблона. Все городища окружены валами и рвами. Склонность к правильной форме и планировке указывает на подражание стандартам столичных городов Бохая, в частности Верхней столицы (Лунцюаньфу в Дунцинчэне уезда Нинъань провинции Хэйлуцзян КНР) и предполагаемого центра области Шуайбинь – городища Дачэнцзы в уезде Дунин той же провинции. Особенно заметны эти признаки на Краскинском городище, где есть улицы, ориентированные по сторонам света, имеется разбивка на кварталы, в северной части найдены и раскопаны остатки храмового комплекса, а также обнаружены остатки административных зданий [Гельман, Ивлиев, 2013].

Горные городища – небольшие по площади (до 3 га), занимают окраины обрывистых горных мысов или вершины сопок, господствующих над долинами, откуда открывался прекрасный обзор местности (городища Синельниковское, Отрадненское, Круглая Сопка (бохайский слой), Ауровское). Планировка их разнообразна, полностью зависит от рельефа местности и часто повторяет контуры горного мыса или сопки, но тяготеет к округлым очертаниям. Высота валов составляет от 1 до 3 м. На неприступных участках сооружались символические валы, либо они совсем отсутствовали.

В обеих группах есть памятники, которые продолжили функционировать в цзиньскую эпоху и подверглись изменениям (городища Марьяновское, Круглая Сопка).

подавляющее большинство бохайских городищ относятся к компактному типу, все функциональные части их находятся в пределах городских валов. Исключение представляет городище Горбатка на р. Илстой, где перед северо-восточными воротами имеется естественная платформа, окруженная старицей. Она была использована для постройки общественных зданий.

По размерам бохайские городища можно условно разделить на две группы. Первая включает памятники площадью 10–16 га и длиной крепостных стен 1250–1645 м – городища Горбатка, Краскинское и Кокшаровское-1. Ко второй группе – городища площадью от 1,2 до 7,5 га и длиной валов 186–1070 м. Различные размеры и расположение памятников, вероятно, связаны с их различным статусом и функцией. Возможно, что городища Горбатка (длина вала 1250 м) и Кокшаровское-1 (1645 м), судя по их размерам, могли также являться центрами округов, как и Краскинское городище (1380 м). Кроме того, Кокшаровское городище функционировало и в постбохайский период [Клюев, Малков, Якупов, 2011]. Не исключено, что этот памятник находился в пределах государства Динъань, просуществовавшего почти до конца X в.

Бохайские городища различаются по количеству и способу оформления ворот. Например, одни ворота имеются на городищах Синельниковское-1 и Высокое, двое ворот – на Николаевском-II, трое – на Краскинском, четверо – на Николаевском-I. Ворота могут быть устроены в виде разрыва в валу (городища Горбатка, Николаевское-II, Высокое), в некоторых случаях укреплялись защитными сооружениями Г-образной формы (Николаевское-I городище) или прямоугольной с проходом в одной из боковых стен (Краскинское городище). Первоначально ворота (судя по восточным воротам) представляли собой проход шириной около 5 м в блочной каменной стене. После

постройки башен и защитных сооружений ворот, а также неоднократного ремонта стен ширина прохода в воротах уменьшилась и составила около 3,5 м. Имеются данные, позволяющие предположить, что при сооружении галечно-земляной насыпи восточные ворота были засыпаны из-за угрозы наводнения. Защитные сооружения ворот (захабы) имеют прямоугольную форму, и в настоящее время их размеры в заплывшем состоянии составляют 25 × 38–44 м. Проход в крепостной стене прикрывается глухой стеной (длиной 38–44 м), выход из захаба у западных и восточных обращен в сторону бухты Экспедиции (на юго-запад), а у южных ворот – на р. Цукановку (на юго-восток). Раскопки проводятся только на восточных воротах, и они еще не завершены. В процессе исследований установлено, что толщина стен защитных сооружений составляют 5,5 м. Длина короткой стены составила 14,4 м, длинной стены – 16,6 м. Ширина прохода в юго-западной короткой стене – 5 м. Расстояние от прохода в крепостной стене до юго-западной стены захаба достигает 11,3 м. Северо-восточная стенка не раскапывалась, но, судя по всему, защитные сооружения устроены симметрично. В этом случае площадь внутри них составляет 239 кв. м. С юго-востока в защитные сооружения ведет дорога с галечным покрытием, которая имеет мощную подушку из битой, использованной черепицы (в ней сохранились колеи от тележных колес) и грубозернистого песка. Сверху уложена крупная галька, забутованная мелкой галькой и песком. Дорога в захабе (под прямым углом ведет к проходу в городской стене. Ее ширина внутри защитных сооружений ворот составила 2–4 м вместе с черепичным слоем. Удалось также проследить небольшой отрезок этой дороги с внутренней стороны города. Поверхность линзовидного в сечении дорожного полотна поката для лучшего стока воды.

Другим примером оформления ворот является городище Горбатка. В валу имеются четверо ворот, проходы в которых оформлены в виде пандуса. Ворота расположены почти по центру на западном и северо-восточном участках вала, в центре верхней половины восточного участка вала, а четвертые ворота устроены в юго-восточном углу городища (напротив северо-восточных ворот). Перед северо-восточными воротами расположена высокая платформа, которая образует единое целое с воротами. К платформе и городищу с северо-восточной стороны подходит старица – бывшее русло реки, которое соединяется с ней во время наводнений. Возможно, в бохайское время оно было частью рва, окружавшего городище.

В последнее десятилетие исследования фортификационных сооружений бохайских городищ показали, что некоторые из них имеют общие черты в конструкции валов – Краскинское, Горбатка, Николаевское-II, Синельниковское. Внутренняя и внешняя стены на этих памятниках сложены из камня, между ними утрамбовывалась земля. Поскольку данный способ строительства стен использовался на когурёских памятниках, очевидно, что бохайцы испытали влияние их архитектурных традиций. На Краскинском городище обнаружен еще один когурёский градостроительный элемент – башня с каменным основанием. Камень как строительный материал для возведения крепостных стен использовали также на позднебохайских и постбохайских памятниках (Кокшаровское-1, Кокшаровское-2, Ауровское городища), продолжая, таким образом, бохайские традиции в строительстве фортификационных сооружений.

Библиографический список

Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2013. – №1 (167).

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. – М., 1994.

Клюев Н.А., Малков С.С., Якупов М.А. Результаты исследования городища Кокшаровка-1 в Приморье в 2008–2009 гг. // Дальний Восток России в древности и средневековье (проблемы, поиски, решения). – Владивосток, 2011.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. – Л., 1968.

Ю.В. Герасимов¹, М.А. Корусенко¹, А.А. Тишкин²

¹Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ КУРГАНА №21 МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ (технологический анализ)

Работа подготовлена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»), а также в рамках выполнения государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

Могильник Черталы расположен в среднем течении р. Тары, правого притока Иртыша, в южно-таежной зоне. Исследования памятника проводились в 1989–1991 гг. Б.В. Мельниковым, а в 2010–2014 гг. – М.А. Корусенко и Ю.В. Герасимовым [Герасимов, Корусенко, 2014]. В составе некрополя выделены погребальные комплексы развитого и позднего средневековья, а также Нового времени. В результате раскопок в 2014 г. была выявлена группа погребений, отличавшихся ориентацией умерших головой на северо-восток. Захоронения совершены по обряду труположения, вытянуто на спине, в неглубоких ямах подпрямоугольных очертаний. Большинство могил перекрыто невысокими (до 0,4 м) насыпями овальной формы, вытянутая сторона которых совпадает с ориентацией ям. Сопроводительный инвентарь в погребениях этой группы относительно небогат: единичные находки наконечников стрел, железные ножи, бусины. Особенностью погребального ритуала можно считать наличие керамических сосудов в захоронениях. На этом фоне резко выделяется погребение в кургане №21. Насыпь кургана округлых очертаний, диаметром до 4,5 м и высотой 1,2 м, нарушена грабительским прокопом глубиной до 0,4 м, расположенным в центре. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток в яме глубиной 0,8 м. Сопроводительный инвентарь включает бронзовый (?) котел с остатками заупокойной пищи, набор железных и костяных наконечников стрел, детали колчана, железные кольчатые удила, бронзовое зеркало в берестяном чехле. На лицевой части черепа зафиксированы остатки погребальной маски (?) в виде трех бронзовых фигурок рыбок, расположенных на глазницах и ротовом отверстии, и клыка медведя на месте носа.

Плоские литые профильные изображения обезглавленных рыб, на лицевой стороне которых ряды рельефных выступов имитируют костяные щитки («жучки»), характерны для осетровых.

Зеркало представляет собой круглый диск диаметром 9,7 см, с гладкой лицевой поверхностью, рельефным бортиком и орнаментом на тыльной стороне. Орнамент розеточной компоновки представляет собой изображение трех зооморфных фигур в динамических позах, обращенных вокруг центра в виде оригинального солярного знака (рис.). В центре орнаментированной стороны диска на припое крепилась полусферическая петля. Близкие аналогии данному предмету можно обнаружить в золотоордынских материалах 2-й половины XIII – XIV в. [Руденко, 2004, с. 125].

В 2016 г. состав бронзовых предметов определялся в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Для зеркала были получены девять результатов на разных участках поверхности, для петли – два, для каждой из фигурок рыбок – по три. Наиболее оптимальные (в зависимости от сохранности изделий) значения для каждого предмета приведены в таблице. Полученные данные позволяют сделать ряд предварительных наблюдений и выводов, касающихся технологии изготовления представленных находок.

Диск зеркала, вероятнее всего, был отлит по оттиску в глиняной форме из высокооловянной бронзы с существенным количеством свинца. Фигурки рыбок изготавливались из аналогичного сплава, но с иным долевым содержанием цветных металлов. Такие показатели свидетельствуют о том, что для каждого предмета сплав готовился отдельно. Петля зеркала

изготовлена из свинцовистой бронзы и была припаяна оловом. Фигурки рыбок отливались без голов, что можно рассматривать как свидетельство ритуального характера предметов. Дальнейший анализ полученных сведений позволит решать вопросы этнокультурного характера.

Зеркало из могилы-1 кургана №21

Результаты РФА для бронзовых предметов из кургана №21 могильника Черталы

Зеркало (участок, освобожденный от окислов)					
Элементы	Cu	Sn	Pb	Ti	Fe
Содержание	50,4%	38,16%	11,31%	–	0,13%
Петля (внутренняя окисленная поверхность)					
Элементы	Cu	Sn	Pb	Ti	Fe
Содержание	68,47%	27,38%	4,15%	–	–
Рыбка №1 (в слом)					
Элементы	Cu	Sn	Pb	Ti	Fe
Содержание	62,21%	25,75%	11,84%	–	0,2%
Рыбка №2 (гладкая сторона, в патину)					
Элементы	Cu	Sn	Pb	Ti	Fe
Содержание	57%	42,03%	0,41%	0,31%	0,25%
Рыбка №3 (орнаментированная сторона, патина)					
Элементы	Cu	Sn	Pb	Ti	Fe
Содержание	61,94%	33%	4,92%	–	0,14%

Библиографический список

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребальный комплекс Черталы: раскопки 2014 года и некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XX. – Новосибирск, 2014.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. – 2004. – №1–2 (12–13).

П.В. Герман

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭТАП И ТИП

1. В публикациях по тагарской проблематике за последние 30 лет фигурирует несколько терминов, обозначающих типы погребальных комплексов тагарской культуры: «баиновский тип», «подгорновский тип», «биджинский тип», «сарагашенский тип», «лепешкинский тип» (самые ранние упоминания, напр.: [Кузьмин, 1987, с. 116; 1994]). Нетрудно заметить, что в качестве эпонимов для типов использованы наименования эталонных могильников расширенной периодизации М.П. Грязнова [1979, с. 4–5]. Актуальность процедуры замены «этапа» на «тип» для погребальных комплексов некоторых периодов отмечена в работах А.В. Субботина (напр.: [2003, с. 157]).

В пояснении к расширенной периодизации М.П. Грязновым была предложена дефиниция понятия «этап» – хронологический отрезок, основная часть памятников которого «характеризуется вполне определенным комплексом свойственных им признаков, наряду с этим имеются и памятники переходного или смешанного типа, соединяющие в себе признаки двух смежных по времени периодов» [Грязнов, 1979, с. 5]. Исходя из этого определения, следует полагать, что каждый этап (по М.П. Грязнову) включает в себя как минимум три типа погребальных комплексов – один основной (классический) и два переходных. Мы не приводим здесь какое-либо из многочисленных определений «типа» в археологии, а лишь отметим, что данный термин не является синонимом понятию «этап».

Так что же произошло: найдено конструктивное решение проблемы систематики тагарских древностей или это подмены понятий? Отчасти, и то, и другое.

2. В расширенной периодизации М.П. Грязнова семь этапов:

I – баиновский этап. Различия между комплексами, включенными М.П. Грязновым в состав данного этапа [Грязнов, 1958, с. 70], достаточно выразительны. И.П. Лазаретов предлагает вынести памятники баиновского типа (комплексы Баинова улуса и аналогичные ему) за рамки тагарской культуры (напр.: [Лазаретов, 2007]). Аргументация исследователя предельно ясна. Тем не менее представляется очевидным, что баиновский этап включал разнотипные комплексы, т.е. тип (по Лазаретову) и этап (по Грязнову) – это совершенно разные уровни в тагарской/предтагарской систематике. Поэтому необходимо иное наименование для первого, относимого к эпохе поздней бронзы.

II – черновский этап. Выделение памятников черновского этапа историографически связывают с работами Г.А. Максименкова. Однако, как отмечает Э.Б. Вадецкая [2003, с. 6], сам Г.А. Максименков никогда не использовал этого названия в своих работах, а выделял круг позднебаиновских памятников. В итоге черновский этап не получил даже краткой характеристики в литературе. По мнению И.П. Лазаретова [2007, с. 99], данный термин не подходит для обозначения раннеподгорновских памятников, поскольку используется в номенклатуре окуневской периодизации. С этим следует согласиться, а неприжившийся термин следует исключить из периодизационной схемы тагарской культуры.

III – подгорновский этап. До сих пор не опубликован важный для понимания этого периода эпонимный могильник – Подгорное озеро. Содержание данного этапа аккумулирует в себе основные представления о раннетагарских погребальных комплексах во всем их многообразии.

IV – биджинский этап. Термин введен М.П. Завитухиной [1968], активно используется исследователями в атрибуции комплексов. В состав этапа включены совершенно разные по своему содержанию погребения – от одиночных захоронений в прямоугольных ямах до коллективных в квадратных склепах. Такое объединение требует подробной аргументации. Нет никаких сомнений в том, что комплексы данного этапа разнотипны.

V – сарагашенский этап. Эпонимный могильник опубликован кратко, комплексы исследованных курганов разнотипны [Грязнов, Пшеницына, 1966]. Типологическое разнооб-

разие памятников сарагашенского этапа неоднократно отмечалось исследователями, в том числе Н.Ю. Кузьминым [1987, с. 114].

VI – лепешкинский этап. Памятники этого этапа немногочисленны и подробно охарактеризованы Н.Ю. Кузьминым [2011], называющим их позднейшими сарагашенскими склепами, или лепешкинского типа. Последний термин был использован и автором этих строк при атрибуции некоторых лесостепных склепов [Герман, 2016], что сейчас представляется нам некорректным, поскольку данные комплексы обладают определенной спецификой. Кроме этого, среди памятников лепешкинского этапа выделяется группа элитных погребений.

VII – тесинский этап. Н.Ю. Кузьминым памятники тесинского этапа вынесены за рамки тагарской культуры. Погребальные памятники данного этапа/культуры образуют две больших группы – грунтовые могильники и склепы, каждой из которых свойственны свои типы [Кузьмин, 2011, с. 80–93, 145–157].

3. Большинство этапов в расширенной периодизации М.П. Грязнова остаются востребованными в современной систематике тагарских древностей. Особенности памятников отдельно взятого периода позволяют сделать вывод о необоснованности замены термина «этап» на «тип», или их взаимозаменяемости. Следует согласиться с мнением Д.Г. Савинова [2002, с. 77] о том, что дальнейшее решение всех узловых вопросов тагарской культуры должно опираться на типологию погребальных комплексов. В содержании таких типов должны быть отражены хронологические, территориальные и социальные признаки. Для наименования этих кластеров нет необходимости дублировать номенклатуру расширенной периодизации М.П. Грязнова.

Библиографический список

Вадецкая Э.Б. Предисловие редактора // Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. – СПб., 2003 (Archaeologica Petropolitana, XIII).

Герман П.В. Тагарский склеп с изделиями из золотой фольги в Мариинской лесостепи (материалы раскопок 1969 г.) // Вестник ТГУ. История. – 2016. – №4 (42).

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. – М. ; Л., 1956. (МИА, №48).

Грязнов М.П., Пшеницына М.Н. Курганы IV–III вв. до н.э. на оз. Сарагаш // КСИА. – 1966. – Вып. 107.

Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979.

Завитухина М.П. Раскопки тагарских курганов на Енисее // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 год. – Л., 1968.

Кузьмин Н.Ю. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. – Омск, 1987.

Кузьмин Н.Ю. Внешние воздействия как один из факторов формирования, развития и трансформации тагарской культуры // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. – СПб., 1994.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб., 2011.

Лазаретов И.П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. – 2007. – Вып. 14.

Савинов Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. – Кн. I. – СПб., 2002.

Субботин А.В. Динамика тагарской культуры (по итогам формализованного анализа монографически раскопанных могильников) // Степи Евразии в древности и средневековье. – Кн. II. – СПб., 2003.

Д.О. Гимранов¹, В.Г. Котов², М.М. Румянцев²

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург;

²Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МНОГОСЛОЙНОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ
В ПЕЩЕРЕ ИМАНАЙ-1 НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Работа выполнена в рамках проектов РФФИ №14-04-00115,
13-05-00592, 13-05-00642, 14-04-00185 и 14-04-01128

Пещера Иманай расположена в 7 км к северо-востоку от поселка Нугуш (Республика Башкортостан, Мелеузовский район, 53°02 с.ш., 56°26 в.д.). Пещера коридорного типа длиной около 100 м, заканчивается гротом размером 5 × 6 × 5,6 м. Среди костей крупных млекопитающих присутствуют остатки зайца беляка, бобра, степного сурка, волка, лисицы, барсука, россомахи, хоря, пещерных медведей, ископаемого льва, мамонта, лошади, шерстистого носорога, лося и первобытного бизона [Гимранов и др., 2016].

Раскоп 1 площадью 9,5 кв. м был заложен в центре дальнего грота и доведен до глубины 1,20 м, в результате выявлена следующая стратиграфия: 1 – суглинок сероватый с известняковой крошкой, попадаются единичные угольки и скопления угольков, отдельные кусочки красной охры, изделия из кремня; мощность слоя – 0,6 м; 2 – суглинок бурый с единичными камнями известняка и отдельными глыбами; вскрытая мощность – 0,6 м.

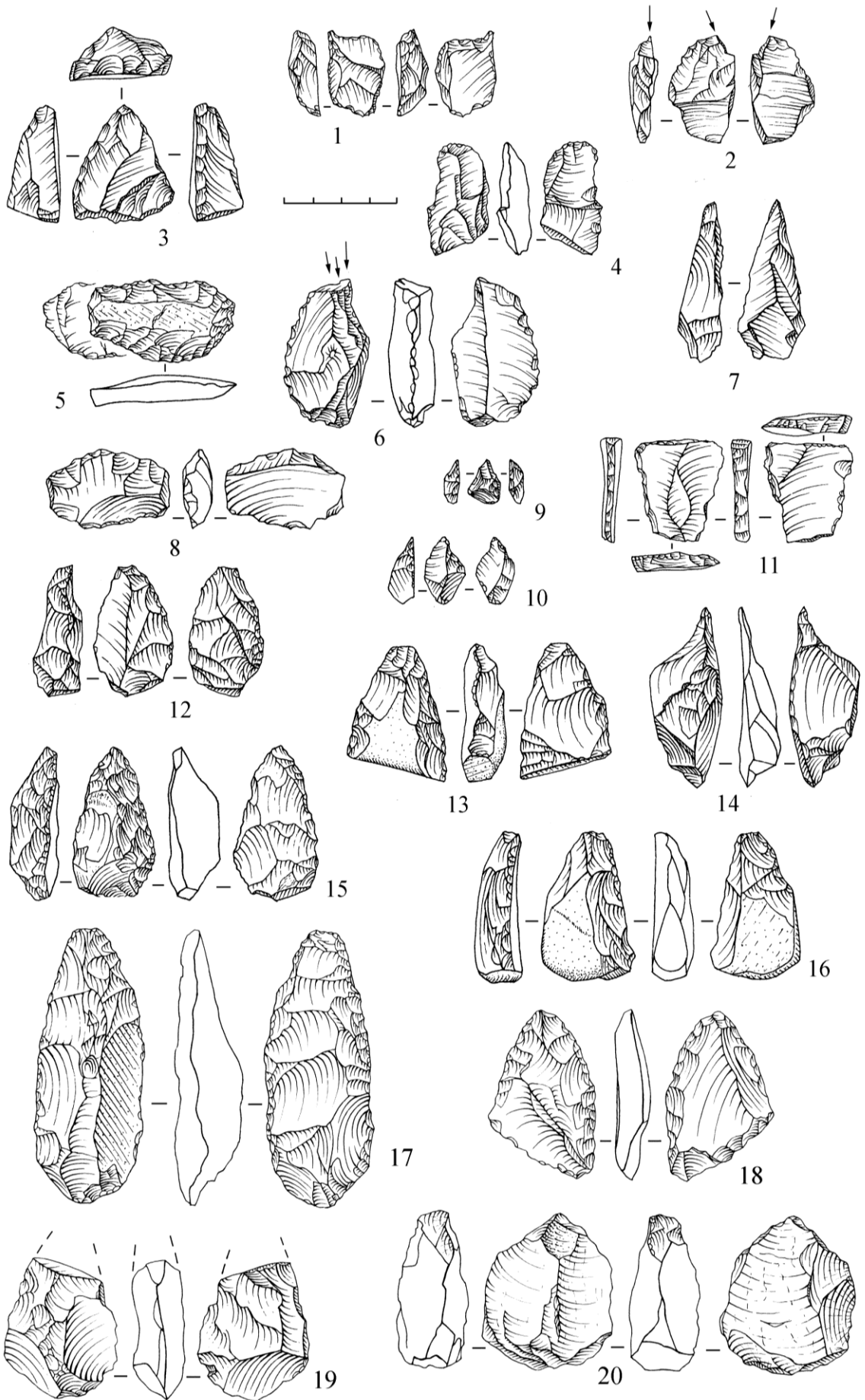
Большая часть находок – это разнообразные орудия на осколках и аморфных сколах серого, темно-серого, светло-серого кремня и единичные изделия из разнообразной яшмы. Подавляющее количество орудий сделано из качественного кремня светло-серых оттенков, который был принесен в пещеру. Нуклеидные формы и сколы составляют около 10–20% от всех изделий из камня на каждом горизонте. Техничко-типологический анализ показывает единство собранных каменных изделий из всех условных горизонтов. Вместе с тем на 1-м и 3-м горизонтах зафиксированы конвергентные скребла с бифациальной обработкой и мустьерские бифациальные остроконечники, отсутствующие в других горизонтах (рис.-12, 13, 15–18). Среди орудийных форм доминируют разнообразные резчики на остроугольных осколках и аморфных сколах. У них разнообразной ретушью, торцевыми и резцовыми снятиями с двух и более сторон выделены острия с режущими и резцовыми кромками (рис.-2, 4, 7, 9). За ними следуют различные острия (рис.-1, 10, 14). Устойчивой серией представлены разнообразные угловатые и конвергентные скребла, также с бифациальной обработкой (рис.-3, 11). Заметную серию образуют простые скребла с бифациальной формообразующей обработкой поверхностей и рабочих участков (рис.-5, 8). В коллекции представлены обушковые ножи различных форм (рис.-6). Бифасы из 8-го и 11-го горизонтов (рис.-19, 20) свидетельствуют о принадлежности индустрии в отложениях бурого суглинка к более архаическому этапу этой же мустьерской традиции. Также в 8-м условном горизонте был обнаружен целый череп малого пещерного медведя (*Ursus savini*) с искусственным отверстием в теменной кости.

Предварительно можно сказать, что каменная индустрия пещеры Иманай-1 относится к своеобразной культурной традиции среднего палеолита. Бифациальные остроконечники находят аналогии в коллекции из 3-го культурного слоя мустьерской стоянки Ильская в Прикубанье на Северном Кавказе [Щелинский, Кулаков, 2005].

Библиографический список

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Румянцев М.М., Яковлев А.Г., Сотникова М.В., Нурмухаметов И.М., Сатаев Р.М., Косинцев П.А. Пещера Иманай – новое палеонтологическое и археологическое местонахождение на Южном Урале // 100-летие Палеонтологического общества России. Проблемы и перспективы палеонтологических исследований. – СПб., 2016.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х – 1930-х годов). – СПб., 2005.

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ОБИТАНИЯ
НА СТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА
НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ ЯНЦЗЫ

В работе, выполненной на стыке археологии, географии, экологии и статистики, рассматриваются природные факторы, оказавшие значительное влияние на условия существования неолитического населения культур среднего течения р. Янцзы – Даси (4400–3000 гг. до н.э.), Цюйцзялин (3100–2700 гг. н.э.), Шицзяхэ (2600–2000 гг. до н.э.) [Гирченко, 2015, с. 22]. Географические условия, климатические изменения, недостаток или переизбыток ресурсов определяли условия зарождения культур, их развития и упадка.

На Среднем Янцзы гористая местность с речными ущельями Восточно-Сычуаньского плато (преимущественно ущелье Санься) на востоке постепенно сменяется равнинами современного Хубэя на западе. Субтропический пояс характеризуется повышенной влажностью, обильными дождями [Ван Хунсин, 1998, с. 53, 54]. Животные и рыбные ресурсы велики. Исходя из географических условий обитания и степени овладения природными ресурсами отдельными коллективами, уровень развития земледелия в восточных и западных районах Среднего Янцзы разнится. Также отличается и соотношение продуктов земледелия, животноводства и рыболовства в рационе. Кроме того, центральное положение региона начиная уже с раннего неолита способствовало многочисленным культурным контактам. Благоприятные природные условия, мягкий климат способствовали возникновению рисосеяния, развитию региональных типов хозяйствования, формированию местного ремесленного производства, что привело к тому, что уже в среднем неолите Среднее Янцзы столкнулось с проблемой перенаселения.

Исследования древнего климата показали несколько периодов в неолите Среднего Янцзы: 10000–8500 л.н. – теплый период; 8500–7800 л.н. – похолодание; 7800–5600 л.н. – теплый период; 5600–5400 л.н. – похолодание; 5400–4700 л.н. – теплый период; 4700–4200 л.н. – похолодание; 4200–3000 л.н. – теплый период; 3000 л.н. – похолодание. Климатические изменения характеризовались различиями в осадконакоплении, засухами, а соответственно, сокращением пищевых ресурсов. Кроме того, климатические перепады находят свое отражение в численных показателях поселений на разных этапах неолита. Так, в более стабильные теплые периоды количество стоянок неуклонно росло, а во времена неустойчивых климатических колебаний поселения сокращались в размерах, постройки располагались более концентрированно [Го Лисинь, 2006, с. 36, 37]. Сокращение природных ресурсов вело к расслоению общества, значительным миграциям, что в конечном итоге являлось причиной смены культур.

Примерно 12 000 лет назад, когда поздний дриас только начал сменяться теплым пребореальным периодом, недостаток пищевых ресурсов явился толчком к окультуриванию дикорастущих растений и впоследствии к появлению заливного рисосеяния. Рисоводство появилось на начальном этапе культуры Чэнбэйси (территория современной провинции Хубэй) примерно 8500 лет назад, но из-за температур, которые были ниже современных, данный вид земледелия на получил широкого распространения, и найденные на археологических памятниках свидетельства разведения риса единичны. Основой хозяйственного уклада оставались охота и рыболовство, земледелие являлось вспомогательным, вероятно, потому, что его развитие требовало больших коллективных трудовых вложений [Го Фань, 1992, с. 56–58]. На позднем этапе Чэнбэйси, вслед за сменой климата, стали заметно разрастаться поселения, увеличиваться население, а культурные контакты регионов привели к появлению рисосеяния на Янцзы.

Наиболее ранние немногочисленные свидетельства культуры рисосеяния Янцзы находят в культуре Даси на северо-западе региона, в районе гор Наньшань. На памятнике Гунцзядагоу культуры Даси обнаружены зерна посевного риса. Вероятно, это связано

с отсутствием больших площадей, пригодных для земледелия в долинах рек, склоны, как правило, засаживались суходольными зерновыми культурами. Кроме того, местные красно-земы неплодородные, легко подвергаются эрозии. Таким образом, ввиду ограниченности жизненного пространства и отсутствия больших пространств, пригодных для земледелия, данный вид хозяйственной деятельности не получил широкого развития на западе региона, однако его распространение на восток Среднего Янцзы, на территории равнины Дунтин, котловины Наньян, окруженные со всех сторон низкими холмами, дало толчок к развитию культуры рисосеяния. Поселения равнинного населения располагались по берегам рек и многочисленных для данной территории озер [Гирченко, 2016, с. 26]. Таким образом, в период Даси поливное рисосеяние достигло большого развития на востоке Среднего Янцзы, что связано в первую очередь с благоприятными природными условиями, так как этот процесс требует определенных климатических условий и влажности почв. Рис – не хладостойкое растение, при температуре менее 18 °С рост замедляется, а слишком высокие температуры приводят к избыточному росту самих растений, а не ростков. Оптимальной является температура около 23 °С. Разливы рек Янцзы и Ханьшуй, насыщающие почву влагой, субтропический муссонный климат с сильными дождями летом создавали хорошие условия для рисоводства. Имеющиеся археологические данные свидетельствуют и о наличии в культуре Даси траншей для подачи воды. Прямоугольные вытянутые траншеи зафиксированы на памятнике Чэнтюшань. От них также отходили каналы до ближайшего водоема шириной около 1 м. Зерна риса в качестве отощителя находят в результате технико-типологического анализа керамики и в составе теста сосудов. 5000 л.н. с похолоданием климата наметился и спад в развитии технологий. Сокращение ресурсов на других территориях вело к массовым миграциям в относительно благополучный регион Янцзы, что привело к сложению на основе Даси и традиций выходцев со Среднего Хуанхэ другой культуры – Цюйцзялин. Неблагоприятные условия породили имущественное расслоение, которое наиболее очевидно проявляется в материалах захоронений. Цюйцзялин характеризуется укрепленными и концентрированно расположенными поселениями. Последующее потепление вновь дало толчок развитию технологий. Благоприятный период продолжается вплоть до начальных этапов Шицзяхэ. В Шицзяхэ наблюдается небольшой спад роста населения, однако этот период характеризуется, тем не менее, и совершенствованием известных приемов земледелия, например изменением русла рек в хозяйственных целях.

Библиографический список

Ван Хунсин. Чанцзян чжунью дицюй синьшици шидай ичжи фэньбу гуйлюй, вэньхуа чжунсин дэ чжуаньюй хуаньцзин бяньцянь дэ гуаньси [Связи между закономерностями расселения, миграциями в центрах культур и климатическими изменениями в неолите среднего Хуанхэ] // Цзянхань каогу. – 1998. – №1.

Гирченко Е.А. Проблемы позднего неолита среднего течения Янцзы в работах китайских исследователей // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 10: Востоковедение.

Гирченко Е.А. Традиции питания неолитического населения среднего Янцзы и связанные с этим демографические процессы // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Проблемы интерпретации и сохранения. – Кемерово, 2016.

Го Лисинь. Лунь Чанцзян чжунью дицюй синьшици шидай ваньци дэ шэнцзи цзинцзи юй жэнькоу яли [Источники существования и демографическая перенаселенность в позднем неолите среднего Янцзы] // Хуася каогу. – 2006. – №3.

Го Фань. Цзюйго гуймо юй жэнькоу цзэнчжан цюйши туйцэ – чанцзян чжунью дицюй синьшици шидай гэ фачжань цзедуань дэ сяндуй жэнькоу шулян дэ яньцзю [Типы поселений и тенденции роста населения – исследования относительной численности населения на каждом этапе неолита на среднем Янцзы] // Наньфан вэньбу. – 1992. – №1.

О.Н. Глазунова
Институт археологии РАН, Москва
ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ИЗРАЗЦОВ В XVII В.
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ

В XVIII в России началось фабричное производство изразцов. Изразцы изготавливались гладкие. Рисунок наносился росписью. И секреты технологии производства рельефных полихромных изразцов были довольно скоро утеряны. Когда в конце XIX – начале XX вв. начались попытки возрождения производства рельефных изразцов, это оказалось непростым делом, пришлось даже привлекать иностранных мастеров.

При работах Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН под руководством Л.А. Беляева в 2014 г в монастыре был раскопан изразцовый горн, датирующийся 2-й половиной XVII в. и собрано значительное количество различных вспомогательных предметов, позволяющих восстановить некоторые особенности технологии изразцового производства в XVII в.

Горн был вынесен за стены монастыря и врезан в склон холма в 80 м от Святых врат. Он упомянут в Описях Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря за 1679 («против городских ворот... печь, что образцы обжигают») и за 1685 («к берегу реки Истры изба болшая, в ней делают мастера ценные образцы, а подле ея горнь болшой двое челной с трубы») годы.

Горн, как и указано в описи, двухкамерный, прямоугольный в плане (385 × 347 см), и врезан непосредственно в земляной склон Сионского холма. Сохранился на высоту 150 см (топливные камеры – полностью, обжигательные – частично, верх утрачен). Левая камера размером 110 × 140 см, устье размером 50 см, правая камера несколько большего размера – 128 × 156 см, размер устья 63 см. По-видимому, разница в размерах связана с расположением горна на склоне. В стенке между камерами снизу устроено приспособление для поддува воздуха. Отметим, что дно левой обжигательной камеры залито зеленой поливой. Сбоку позже была пристроена третья камера значительно меньшего размера (150 × 176 см), возможно, использовавшаяся для варки поливы. Длина предгорновой ямы не менее 123 см. Яма огорожена кирпичной стенкой. Горн сложен из большемерного кирпича на глине, перевязка иррегулярная.

Горн перестали использовать одновременно с разрушением. В заполнении осталась последняя закладка, включавшая заготовки архитектурных изразцов без поливы (фрагменты керамического иконостаса?). Лицевая сторона красноглиняных изразцов, для достижения чистоты цвета поливы, покрыта тонким слоем белой глины. На одной из керамических колонок проставлена рельефная дата древнерусскими цифрами-буквами, указывающая год от Сотворения мира (раскрывается как 1690). Кроме изразцов в горне найдены заготовки архитектурных вставок-тарелей и некоторое количество посуды под поливу (с врезным орнаментом для разделения полив разного цвета).

Помимо продукции, в горне собраны специальные приспособления для разделения изразцов при обжиге (найденно 16 штук) (рис. 1). Они представляют собой глиняные лепные столбики разной высоты. Есть совсем короткие в виде плоского круглого основания с тремя «рожками». И более длинные, где в центре плоского основания расположен высокий круглый столбик, на вершине которого все те же три «рожка». При этом на обратной стороне под столбиком на основании имеется вдавление, получившееся при прикреплении столбика к основанию. Высота столбиков колеблется от 3–4 см до 12–14 см. На части из них видны капли и затеки полив разных цветов.

В развитых керамических традициях, например, среднеазиатской (нам она хорошо известна в версии производства Золотой Орды) использовались по меньшей мере три вида печного припаса для разделения и предохранения отдельных форм в обжигательной печи: диски, столбики и сипаи. Припас из Нового Иерусалима – соединение всех этих элементов. Трудно сказать, лепили печной припас для каждой конкретной закладки (соразмеряя с расположением изразцов в обжигательной камере горна?) и предварительно обжигая, или

мастера располагали набором соразмерных подставок, обожженных заранее (можно предположить сочетание того и другого, но вероятнее первое).

Мы предполагаем, что продухи обжигательной камеры закрывали керамические сосуды в виде крупных мисок с многочисленными круглыми отверстиями (найдено более полутора тысяч фрагментов) (рис. 2). К сожалению, полностью собрать удалось только один сосуд диаметром 22,5 см и высотой 9,0 см. Сосуд несколько сужается к дну, диаметр дна – 20,5 см. В центре дна круглое отверстие диаметром 5,0 см, еще 5 таких отверстий расположены по кругу на перегибе от стенки к донцу, т.е. половина отверстия оказывается в стенке, а вторая половина перпендикулярно первой – уже на донце. На внешней стороне дна и на стенках видны капли и потеки поливы разных цветов. Удалось реконструировать еще несколько сосудов. Второй реконструированный сосуд в целом похож на первый, есть незначительные различия в размерах, (диаметр 21,0 см), с меньшим количеством отверстий. Главное отличие – в расположении отверстий (диаметр которых тоже 5,0 см) не на перегибе, а в стенке сосуда на 2 см выше дна. Однако, не все сосуды были похожи. Третий реконструированный сосуд был значительно более высоким – 16,0 см и с двумя рядами отверстий в стенках, причем нижний ряд отверстий располагался на высоте 2 см над дном, а отверстий в верхнем ряду было, судя по всему, в 2 раза больше, нежели в нижнем ряду. При этом сами отверстия значительно меньшего диаметра, 2,5 см. В донце отверстий было несколько, располагались они не в центре, а по периметру, ближе к стенкам. Есть также сосуды, в стенках которых имеются очень крупные отверстия овальной формы. Размер таких овалов 8,0 × 5,0 см. На всех сосудах имеются капли и потеки разноцветных полив. Глина красная с большим количеством песка в тесте. Толщина стенок сосудов около 1,5 см.

Аналоги подобных сосудов также известны по горнам в Золотой Орде, и назывались они «сари». Их описывают как гончарные сосуды, похожие на современные цветочные горшки с отверстиями в днище и сбоку в стенке. Высота «сари» составляла около 12 см. При использовании они ставились вверх дном на продухи пода обжигательной камеры, и служили для направления в нужную сторону потока горячего воздуха. Однако «сари» значительно более узкие и тонкостенные. Облик ново-иерусалимских сосудов, по-видимому, был обусловлен необходимостью обжига крупных предметов разного размера и формы.

Полученные материалы демонстрируют нам сложнейшую технологию изготовления архитектурных изразцов, имеющую множество нюансов.

Рис. 1. Приспособления для разделения изразцов при обжиге

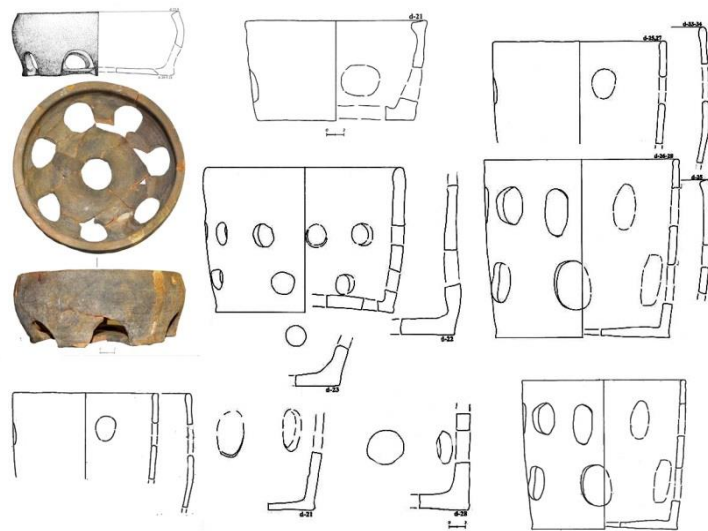

Рис. 2. Приспособления для направления потока горячего воздуха

И.П. Глызин, С.О. Марков
ОАО «ТомскНИПИнефть», Томск
ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РАМКАХ ПРОЕКТНО-ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Федеральное законодательство в сфере охраны культурного наследия предъявляет достаточно жесткие требования к процессу проектирования промышленных объектов. Создание в проектной организации специализированного археологического отдела дает положительный эффект как для заказчиков работ (минимизация временных и финансовых затрат), так и для сохранения культурного наследия (контроль процесса проектирования).

Для сопровождения проектных работ в ОАО «ТомскНИПИнефть» функционирует сектор историко-культурных изысканий (ИКИ), в задачи которого входит выполнение полного комплекса работ – от предпроектной проработки до полевых археологических работ и разработки мероприятий по сохранению объектов культурного наследия (ОКН).

На стадии предпроектной проработки сектором ИКИ рассматриваются варианты размещения проектируемых объектов, разработанные профильными отделами, и осуществляется их согласование. Это позволяет минимизировать как риски для заказчика работ (снижение объема и стоимости будущих полевых работ за счет оптимального размещения объектов), так и угрозу повреждения ОКН (известных и потенциальных). Для выполнения этой процедуры в составе Базы геоинформационных данных проектно-изыскательских работ (БГД ПИР) ОАО «ТомскНИПИнефть» сектором ИКИ ведется раздел «Историко-культурная среда» (разработана в геоинформационной системе *ArcGIS*), который включает, при наличии, контуры историко-культурного зонирования (ИКЗ), координаты и границы ОКН, контуры территорий, на которых выполнены полевые археологические работы. Наполнение БГД ПИР ведется из различных источников: материалы изысканий, выполненных собственными силами, информация, переданная заказчиками работ и полученная от Государственных органов охраны культурного наследия, а также результаты полевых работ субподрядных организаций.

При разработке мероприятий по сохранению ОКН силами института приоритет отдается неразрушающим методам, таким как корректировка размещения проектируемых объектов, установка защитных ограждений и информационных знаков, своевременное информирование о наличии ОКН заказчика и подрядных организаций, осуществляющих строительство. При этом спасательные археологические работы рассматриваются как исключительная мера, когда другие возможности исчерпаны.

Накопленный опыт изыскательских и проектных работ позволяет обозначить ряд проблемных вопросов и предложить пути их решения [Глызин и др., 2016].

Следует признать удачной практикой предварительного историко-культурного зонирования (ИКЗ) лицензионных участков, сложившуюся на территории ряда западносибирских регионов и наиболее эффективно работающую на территории Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). Это практика при соотнесении ее с планами недропользователей по освоению лицензионных участков дает возможность долгосрочного планирования археологического (сплошного) обследования лицензионных участков до начала их хозяйственного освоения в противовес спорадическим «точечным» экспертизам отдельных участков. Практика сплошного обследования позволит выявлять потенциальные археологические районы с высокой концентрацией ОКН до начала активного освоения с последующей организацией достопримечательных мест и историко-культурных заповедников, чтобы вывести такие территории из хозяйственного использования [Кондрашев, 2014].

Однако в настоящее время существует проблема как с юридическим статусом ИКЗ, так и с методикой его выполнения. Видится логичным выполнение ИКЗ как документации, «содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками ОКН, на земельных участках, подлежащих воздействию хозяйственных работ», с последующей историко-культурной экспертизой данной

документации. При этом ИКЗ должно выделять только «неперспективные» зоны, для всей остальной территории должна быть обязательной ГИКЭ земельных участков (в соответствии со ст. 30, 31, 45_1 ФЗ-73). Назрела необходимость разработки и утверждения на уровне региональных органов госкультуры методических указаний по разработке ИКЗ, а также критериев перспективности/неперспективности территории для выявления ОКН.

Для эффективной работы проектного института необходимо плотное сотрудничество с органами государственной охраны культурного наследия в части обмена данными о границах ОКН и их охранных зон. Недавние ограничения на публикацию данных о расположении и границах ОКН (приказ Министерства культуры РФ от 01.09.2015 №2328) актуализируют создание на какой-либо ГИС-платформе региональных баз данных по границам ОКН с грифом «для служебного пользования». В качестве владельца и оператора такой базы данных может выступить региональный орган госохраны ОКН, а проектно-изыскательские организации могут стать ее пользователями и в том числе источниками данных. Так, в ОАО «ТомскНИПИнефть» есть опыт передачи вместе с отчетной документацией контуров обследованных за полевой сезон территорий в формате шейп-файла в Департамент культуры Ямало-Ненецкого автономного округа для загрузки в служебную ГИС. Подобная практика при условии оцифровки имеющихся архивных материалов может значительно облегчить оценку испрашиваемых к отводу земельных участков при выдаче госорганами заключений о наличии/отсутствии ОКН. Что касается самих заключений о наличии/отсутствии ОКН, то задачи сохранения культурного наследия диктуют необходимость максимальной детализации содержащейся в справке информации, такой как площадь отводимого земельного участка и его размещение (с приложением ситуационного плана), что с недавнего времени реализовано в ХМАО.

Опыт организации полевых археологических работ показывает, что обследование земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, необходимо по возможности выполнять до производства инженерных изысканий. Это, с одной стороны, минимизирует финансовые и временные затраты заказчика в случае необходимости корректировки размещения проектируемых объектов относительно выявленных ОКН, с другой стороны, ограждает ОКН от возможных повреждений в ходе инженерно-геологических работ (особенно при использовании буровых установок на гусеничной базе).

Задачи сохранения культурного наследия при хозяйственном освоении земель требуют актуализации существующих [Смирнов, 1990] или разработки новых методических указаний по организации проектных археологических работ, в которых могли бы принять участие представители Министерства культуры, археологического сообщества, а также инженеры проектных организаций.

Наконец, активное развитие сферы «производственной археологии» ставит вопрос о подготовке квалифицированных кадров. На сегодняшний день становятся востребованными археологи, специализирующиеся не только в научно-исследовательской, но и в проектно-изыскательской деятельности, что, в свою очередь, требует соответствующей корректировки вузовских (магистерских) программ с включением курсов, посвященных нормативно-правовой базе, ГИС и САПР технологиям, методике разработки проектно-сметной документации.

Библиографический список

Глызин И.П., Колесникова Е.В., Марков С.О., Щеголихина М.П. Роль историко-культурных изысканий в системе проектирования объектов нефтегазового комплекса (опыт ОАО «ТомскНИПИнефть») // Нефтяное хозяйство. – 2016. – №4.

Кондрашёв А.Н. Система государственной охраны объектов археологического наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. V. – Казань, 2014.

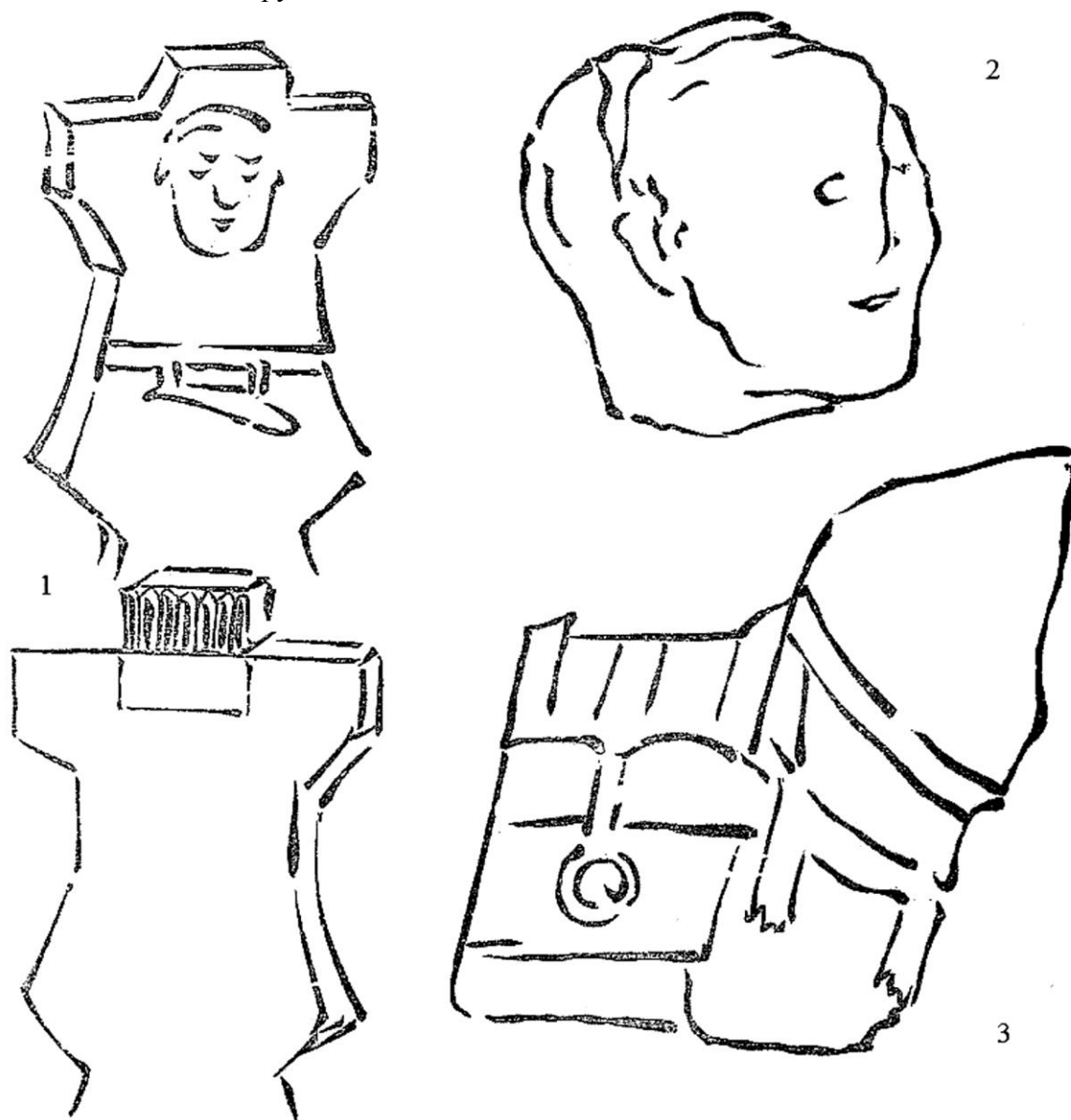
Смирнов А.С. Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народохозяйственного строительства. – М., 1990.

И.С. Гнездилова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ НА КУРГАНАХ ПЕРИОДА КОФУН
(Япония)

Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-01-00018 «Время великих вождей и каменных гробниц: древние культуры Тихоокеанского бассейна на рубеже эр»)

Установка глиняных *ханива* различных форм на насыпях курганов в период кофун было практикой, распространенной на всей территории бытования культуры, в то время как каменные изваяния, сопровождающие кофуны, обнаружены лишь на 16 памятниках трех префектур острова Кюсю – Фукуока, Кумамото и Оита – и одном памятнике в префектуре Тоттори (о. Хонсю).

Среди каменных изваяний различаются антропоморфные фигуры (человек, воин), зооморфные (лошадь, курица или петух, кабан и др.), доспехи, оружие (щит, колчан, меч), утварь (кувшин, крышка и др.). Высота каменных изваяний не превышает 2 м. Исследования внешней поверхности каменных изваяний показали, что они окрашивались в красный и/или зеленый цвет [Хиросэ, 2015, с. 172]. На основании материалов кофунов время создания каменных изваяний датируют концом V – VI в. н.э.

Самая многочисленная группа изваяний представлена на кофуне Иватояма (г. Яме, префектура Фукуока). Были обнаружены антропоморфные каменные изваяния (рис.-1–2) (воин, фигура обнаженного человека), зооморфные (фигуры лошади (рис.-3), кабана, петуха, водоплавающей птицы), доспехи и оружие (колчан, щит, меч), предметы быта (тигель, сосуды и т.д.). Кофун Иватояма является самым большим квадратно-круглым курганом на территории острова Кюсю. Общая длина насыпи – 135 м, диаметр круглой насыпи – 60 м, высота – 18 м, длина трапецевидной насыпи – около 92 м, высота – 17 м, насыпи имеют две ступени, вокруг кофуна был сооружен ров [Цукуда, 2001, с. 13]. Раскопки кургана не проводились, однако внутреннее устройство погребальной камеры было исследовано методами электроразведки, в результате которой в круглой части насыпи выявлена погребальная камера горизонтального типа. Форма, размеры и строение насыпи кофуна, тип погребальной камеры позволяют предполагать время сооружения кургана первой половиной VI в. На основе письменных источников обосновывается теория, что в кофуне погребен один из представителей клана Ивая, в 527 г. поднявший мятеж против правительства Ямато.

Среди курганов с каменными изваяниями представлены кофун, сопровождаемый только антропоморфными каменными изваяниями, – это кофун Сэкидзинсан (г. Хирокава, префектура Фукуока), Тибусан (г. Ямага, префектура Кумамото), Футацукасан (г. Кики, префектура Кумамото) и др. [Цукуда, 2001, с. 9].

На побережье, выходящем к проливу Бунго, располагаются два памятника: кофуны Усудзука и Симояма (г. Усуки, префектура Оита), где были обнаружены принципиально отличающиеся каменные изваяния. По форме это установленные на шесте два соединенных вершинами конуса; предполагается, что они представляют верхнюю часть доспехов (*танко:*) [Хирозэ, 2015, с. 99].

Для изготовления изваяний острова Кюсю применялся вулканический туф (welded tuff). Источником служил материал, добываемый у подножья расположенного поблизости вулкана Асо (префектура Кумамото). Материал с вулкана Асо в поздний период кофуна активно использовался также для создания каменных погребальных комнат горизонтального типа.

Единственным курганом на территории острова Хонсю, где было обнаружено каменное изваяние, является кофун Исиумадани (г. Йонаго, префектура Тоттори). Это квадратно-круглый кофун с общей длиной насыпи 62 м, диаметр круглой насыпи – 34 м, насыпь имеет две ступени, на которых по периметру были установлены ханива. Кофун датируется серединой VI в. Здесь было обнаружено каменное изваяние в форме лошади, длиной 1,5 м, высотой 0,9 м.

Традиция каменных изваяний на кофунах носила преимущественно территориальный характер. Изваяния устанавливались главным образом на кофунах квадратно-круглой формы, которая хотя и получила в это время наибольшее распространение, могла быть использована исключительно для погребения представителей элиты. Учитывая время существования традиции, когда правительство Ямато начинает проводить активную политику повсеместного укрепления власти, подобные трансформации погребального обряда являлись отчасти попытками проявить относительную независимость. Однако проблема истоков традиции не находит однозначного решения, нельзя интерпретировать исключительно заменой глиняных ханива каменными изваяниями. Особенность Кюсю как региона активных культурных взаимодействий позволяет предполагать в рамках единой погребальной традиции периода кофун дополнения обряда элементами, имеющими истоки в культурах как сопредельных, так и достаточно удаленных территорий.

Библиографический список

Иватояма кофун-но юраи: дзацуроку (Происхождение кофуна Иватояма: краткие записки) // Рю:нанкай дзасси (Журнал общества Рю:нан). – 1892. – №5. URL: <http://hdl.handle.net/2298/3791> (дата обращения 27.03.2017).

Хирозэ К. Кофун ню:мон (Справочник по кофунам). – Токио, 2015 (на яп. яз.).

Цукуда О. Ва-но гоо: то Ивая-но ран (Пять императоров Ва и мятеж Ивая) // «Кодайси-но фукугэн» сири:дзу 5 (Серия «Воссоздание древней истории» 5). – 2001. – Т. 1. (на яп. яз.)

И.С. Гнездилова, Е.А. Соловьева
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ТРАДИЦИЯ УКРАШЕНИЯ ТЕЛА В ПЕРИОД ДЗЁМОН В ЯПОНИИ
ПО МАТЕРИАЛАМ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Первые свидетельства использования татуировки в Японии известны еще с эпохи *дзёмон* (8000–2300 л.н.). Доказательством этого могут служить глиняные статуэтки *догу*, в больших количествах обнаруженные практически на всей территории Японских островов, наиболее представительные коллекции собраны в Центральной и Северо-Восточной Японии. Среди статуэток можно выделить несколько групп с характерными изображениями полос, точек, волн и зигзагов на лицах, телах и конечностях. Подобные украшения тела рассматриваются как своего рода маркеры социальных, региональных или религиозных различий.

В период *яёй* (III в. до н.э. – III в. до н.э.) традиция изготовления статуэток практически прекращается, находки немногочисленны, статуэтки невелики по размеру, просты в изготовлении, орнаментация отсутствует. В этот период более распространены керамические сосуды с изображениями лиц в верхней части. Изображения лиц на сосудах также содержат точки, линии, волны, которые можно интерпретировать как татуировки. Изображения людей с татуировками встречаются на росписях погребальных сооружений. Подобные изображения найдены в районах Токай, Канто и Тохоку.

Период *кофун* (III–VII вв. н.э.) знаменит глиняными скульптурными изображениями *ханива*. На лицах антропоморфных *ханива* встречаются рисунки в виде наконечников стрел, вероятно, нанесенные при помощи чернил. Татуированные *ханива* чаще всего изображают людей, держащих лошадь за поводья, со щитами и доспехами. Татуировки, которые мы видим на *ханива*, могут говорить о том, что это выходец определенной территории или о служебных функциях человека. Кроме того, татуировки имеют сходство с точками акупунктуры [Ёсида, 2000, с. 633]. Распространение подобных изображений относится к V в. н.э.

Свидетельства о нанесении татуировок древними жителями японских островов обнаруживаются в древнекитайских хрониках, в сюжетах о жителях страны Ва, как китайцы называли Японию: «Мужчины, и старые, и молодые, украшают свои лица татуировками, и свои тела узорами» [Ёсида, 2000, с. 624]. Древнейший японский летописный свод «Кодзики» содержит упоминания о людях с татуировками: «к ним подошел старик с татуировкой на лице и отобрал у них еду» [Кодзики, 1994, с. 192]. «Нихон Сёки» (Анналы Японии) также сообщают о людях *хаято* или *эмиси*, которые владели искусством татуировки: татуировки встречаются у групп профессий, таких как «держатели» кабанов, лошадей, и людей – адзуми, т.е. рыбаков [Нихонсёки, 1997, с. 205].

Период *кофун* – время формирования государства Ямато, центр которого связывается учеными с севером острова Кюсю или центром острова Хонсю. Расширяя территорию государства, правители Ямато вела постоянные войны с местным населением, которое продолжало сопротивляться. Покоренные этнические группы занимали низшее положение в государстве. Именно с такими категориями населения и связаны термины *хаято* и *эмиси*. Таким образом, татуировка могла выполнять роль социального маркера, обозначая ту часть населения, которая находилась в подчиненном положении и могла выполнять определенные виды деятельности.

Библиографический список

- Кодзики – Записи о деяниях древности: Свитки 2-й и 3-й / пер., предисл. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб., 1994.
- Нихон Сёки – анналы Японии. – Т. 1. – М., 1997.
- Ёсида С. Синкю: нокигэн-о кангаэру // Дзеннихонсинкю: гаккайгакудзюцутайкай. (Изучая акупунктуру // Японское общество изучения искусства акупунктуры). – №49. – То:кё:, 2000 (на яп. языке).

Л.В. Голованова
АНО «Лаборатория Доистории», Санкт-Петербург
МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНЫХ НОВАЦИЙ
В ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА

Результаты комплексных исследований, полученные в последние 20–30 лет, заставляют переосмыслить механизмы культурных новаций в палеолите Кавказа. Наиболее важным изменением в понимании этих процессов стал отход от парадигмы однонаправленного эволюционного процесса и преемственности к парадигме многофакторного влияния на культурные процессы.

Важным результатом междисциплинарного изучения многослойных стратифицированных памятников стало понимание значения **динамики палеогеографических циклов**, которые оказывали существенное влияние на динамику заселения разных регионов Кавказа, **миграции и перезаселения**. Влияние стадиалов в разные периоды палеолита выражалось прежде всего в сокращении и смещении экологических ниш. Расширение ареалов обитания синхронизируется с интерстадиалами, выявленными в разрезах многослойных палеолитических памятников Кавказа.

Древнейшие на Кавказе олдованские индустрии в Дманиси (1,8 млн л.н.) существовали в условиях саванны. Хиатус более миллиона лет отделяет эпизод Дманиси от индустрий раннего палеолита, которые зафиксированы в нижних слоях Треугольной пещеры на Северном Кавказе и соответствуют КИС 15, когда в этом регионе реконструируется теплый сухой субтропический климат. Эти индустрии существуют до конца КИС 11. Ашельские комплексы появляются на Кавказе достаточно поздно, ашело-кудариев в Кударо-1 синхронизируется преимущественно с теплой КИС 9. Концом этой стадии датируется и поздний ашель на Малом Кавказе (стоянка Нор Гехи-1). Поздний (Кударо-3, слои 5–8; Цона, слои 6–6b) и финальный ашель (Азых, пачка III) распространен в период теплой КИС 7. На Северном Кавказе поздний и финальный ашель синхронизируются с концом КИС 7 – началом КИС 6.

Экстремально холодная КИС 6 является рубежом между эпохами раннего и среднего палеолита на Кавказе. С периодом КИС 5e, для которого реконструируется максимум распространения экзотичной палеофлоры, связано появление леваллуазских индустрий на Южном (Джрочула, слой 2; Цона, слой 5) и Северном (пещера Ласок, слой 14) Кавказе, индустрий с листовидными бифасами (Ахштырь, слой 6/1,2; Цона, слой 5a) и ранних среднепалеолитических комплексов (Матузка, слой 7). В период климатических осцилляций конца КИС 5 преимущественно распространяются леваллуазские пластинчатые индустрии, за исключением Северо-Западного Кавказа, где в слое 6 Матузки обнаружены нелеваллуазские материалы. В этом регионе в конце КИС 5 – начале КИС 4 появляется восточный микок – индустрия, имеющая аналогии в материалах Восточной и Центральной Европы.

Современный уровень знаний о палеогеографических условиях в эпоху среднего палеолита позволяет говорить о наличии как минимум двух периодов экологического стресса, соответствующих КИС 4, частью которой являются стадиалы Heinrich 6 и Heinrich 5. На ряде многослойных памятников выявлены изменения в индустриях, которые происходят после этих климатических стрессов: фиксируется появление новаций в технологии (восточный микок) или смена культур (кударо-джрочулиен/цхинвальское мустье).

Важнейшим этапом в позднеплейстоценовой истории Кавказа стало похолодание Heinrich 4. На Северном Кавказе этот период коррелируется со временем активного вулканизма. В Мезмайской пещере представлены отложения вулканического пепла от извержения вулкана Казбек на Центральном Кавказе. Исследования выявили синхронность извержения С1 в Италии с извержением вулкана Казбек и исчезновением неандертальцев в Кавказском регионе. Похолодание Heinrich 4 способствовало перезаселению региона, появляются индустрии раннего верхнего палеолита (РВП),

которые ассоциируются с *Homo sapiens*. РВП индустрии появляются на Кавказе как полностью сформировавшиеся культурные традиции. На стоянках РВП найдены высокоразвитые каменные индустрии с преобладанием микропластинчатого компонента. Степень близости РВП индустрий Кавказа с Ахмариеном Леванта значительно больше, чем Ахмариена с Загросским или Левантийским ориньяком. Это может указывать на достаточно раннюю миграцию носителей Ахмарской традиции в северном направлении. Направление миграции индустрий РВП с Ближнего Востока на Южный и Северный Кавказ хорошо подтверждается предварительными данными, которые получены при изучении транспортировки обсидиана, а также результатами палеогенетических исследований.

Воздействие глобального экологического кризиса времени *последнего ледникового максимума (МПО)* отмечается во многих регионах Евразии и в Африке. Экологический кризис на Кавказе был связан с перестройкой экосистем в результате масштабного роста ледников. После МПО на Кавказе распространяются эпипалеолитические (ЭП) индустрии, характерной особенностью которых является раннее появление геометрических микролитов. В настоящее время все они объединяются под общим названием Имеретинской культуры, хотя увеличение количества изученных памятников безусловно должно привести к появлению локальных различий. Связи Северо-Западного Кавказа с Центральным и Южным Кавказом в этот период подтверждает анализ поступления обсидиана.

Развитие культуры в ЭП Кавказа не было непрерывным. Финальный период ЭП на Кавказе (12–10 тыс. л.н.) характеризуется холодными условиями, слабой облесенностью территории. Этот период климатического стресса коррелируется с *Молодым Дриасом*. На некоторых памятниках появляются новации в индустриях, которые находят аналогии в позднем мадлене Европы. Это, вероятно, связано со **смещением культурных ареалов** перед надвигающимся похолоданием Молодого Дриаса.

Появление культурных новаций в определенные этапы палеолита Кавказа связано с **контактными зонами**. Соседство на Западном Кавказе в среднем палеолите восточного микока с леваллуазскими индустриями, подтверждающееся наличием сырьевых связей, могло способствовать появлению новаций в позднем микоке. Индустрии позднего верхнего палеолита (30–20 тыс. л.н.) Северо-Западного Кавказа отличают острия, которые выделяют как острия Font-Yves или Krems в Европе или как острия Arjenez в Загросе, а также наличие наконечника на пластине с коротким пером и длинным черешком и крупного листовидного двуконечного острия, которые имеют аналогии в круге граветийских индустрий Европы.

Кавказ – горная страна, где на протяжении эпохи палеолита реконструируются различные экологические ниши, которые оказывались под **влиянием соседних регионов**. Например, в среднем палеолите Восточный, особенно Юго-Восточный Кавказ, характеризуются распространением загросского мустье, Юго-Западный Кавказ испытывал большое влияние Леванта, а на Северо-Западном Кавказе распространялся восточный микок, имеющий аналогии в среднепалеолитических индустриях Восточной и Центральной Европы. Пограничное положение Кавказа между Восточной Европой и Западной Азией имело большое значение во все периоды палеолита.

В ЭП Кавказа (от 16–15 до 13–12 тыс. л.н.) существовал пласт индустрий на Южном и Северном Кавказе, которые можно рассматривать как своеобразное культурное явление, выделяемое как имеретинская культура. Эти индустрии отличают острия, характерные для граветта и эпиграветта Европы, геометрические микролиты, развитые в ЭП Ближнего Востока. Специфической формой является имеретинское острие с боковой выемкой. Это культурное своеобразие формируется как под влиянием соседних регионов, так и благодаря появлению **региональных новаций**. Сложная мозаичная картина культурных ареалов в разные эпохи палеолита на Кавказе формировалась под влиянием многих факторов как естественного, природного, так и социокультурного генезиса.

Н.Н. Головченко
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
ПРОГРАММА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ
ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (14-50-00036)
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»

Реконструкция костюмных комплексов археологических культур Сибири и Центральной Азии представляет собой одну из перспективных задач современной археологии. В распоряжении исследователей скопилась значительная источниковая база по предмету данного исследования, сформировались основные методы и подходы реконструкции. Между тем фрагментарность источников по отдельным культурам и множество классификаций, методов воссоздания внешнего облика древних народов существенно увеличивают качественное и видовое разнообразие реконструкций. Традиционно реконструкции классифицируются по способу изготовления на графические и модельные; по опоре на источниковую базу – полные (репродукция), частичные и обзорные и др.

В работе на обсуждение выносятся опыт создания гипотетической (графической художественной) реконструкции населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, основанной на материалах раскопок памятников Быстровка-1 и Новотроицкое-2 [Бородовский, 1995; 2015], выполненной профессиональным художником А.В. Беляевым. Специфика представляемой работы естественно заключается в том, что если при реконструкции археологического костюма историк работает беспристрастно и объективно, то художник облачает свои идеи в одежды эмоциональные и многокрасочные. Соответственно, целью, отличающей художественную реконструкцию от остальных ее видов, является создание образа костюма, а не достоверная его характеристика путем анализа предметного комплекса. Предметный комплекс одежды в раках избранного подхода призван только подчеркивать отдельные элементы единого образа, указывать на иллюстрируемую эпоху [Бородовский, 2016].

В качестве опорного пункта совместной работы археолога и художника стало знакомство последнего с контекстом двух погребальных комплексов скифского времени Новосибирского и Барнаульского Приобья.

Первый комплекс – с могильника Быстровка-1, курган 4, могила 1, погребение женщины 25–30 лет. Контекст обнаружения предметного комплекса одежды следующий: в изголовье – две бронзовые подвески, стеклянный позолоченный бисер. В области груди по одной линии лежали пастовые округлые бусины и длинные пронизи плохой сохранности, отдельные бусины найдены у ног и таза. У правой ступни – бронзовая нашивная бляшка [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 123].

Второй комплекс – Новотроицкое-2, курган 8, могила 1, погребение девочки 10–12 лет. На костях левой кисти обнаружен распавшийся железный браслет диаметром около 5 см. Браслет изготовлен из двух колец или скрученного спиралью железного стержня в 1,5–2 оборота. При этом он был обернут тканью и кожей. В районе грудной клетки найдены голубая стеклянная бусина, 4 пастовые цилиндрические пронизки белого цвета, шаровидная сердоликовая бусина, коричневая каменная боченковидная бусина, 6 бисерин беловатого и коричневого цвета [Шульга, Уманский, Могильников, 2009].

Необходимо указать, что описанные комплексы не претендуют на статус эталонных, а создаваемая реконструкция – на звание аутентичной.

По результатам ознакомления художника с археологическими находками было написано несколько полотен. Очевидно, что живописность созданных образов подавляет, а точнее, не позволяет акцентировать внимание на археологическом контексте работ. Особой отвлекающей особенностью образов являются лица. Для того чтобы попытаться исключить данные недостатки реконструкций, было решено понизить градус живописности рисунка. За

археологическую основу работы был взят комплекс текстильных находок из детского погребения 9 раскопа 8 некрополя Новотроицкое-1 [Головченко, 2015], представленный фрагментами ворота наплечной одежды саржевого плетения, предполагаемым остатком капюшона полотняного плетения и пучком волос в виде косички.

Общими проблемами представленных гипотетических графических живописных реконструкций нам представляется как неотъемлемая субъективность метода, так и отведение на второй план роли предметного комплекса одежды. В определенной степени компенсировать отмеченные недостатки может 3D реконструкция одежды, основанная на рендеринге предметного комплекса одежды [Доде, 2005]. В связи с этим возникает определенная потребность в создании общей схемы реконструкции, в основу которой следует положить общий контур человеческого тела, разбитый на условные зоны, с наложением на него предметного комплекса одежды. Как модельный вариант обозначенной схемы был создан макет наплечной одежды населения верхнеобского бассейна эпохи раннего железа, выкройки которого основаны на отдельных отрывочных сведениях о ее покрое.

Существенным непреодолимым недостатком реконструкций является фрагментарная источниковая база, лежащая в их основе, в силу разграбления погребального комплекса или плохой сохранности органики, а также отсутствие предметного комплекса одежды. Воссоздать цельный образ костюма подчас становится весьма проблематично и в силу ситуативности оформления одежды даже при наличии ряда весомых аналогий. В качестве примера непредсказуемости декора одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа можно вспомнить о знаменитом погребении 22 могильника Ближние Елбаны-VII, в котором среди бусин и пронизок оплечья женской наплечной одежды был обнаружен обломанный наконечник стрелы. Таким образом, художественная реконструкция костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа призвана создать некий образ изучаемой одежды.

Библиографический список

Бородовский А.П. Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2015. – Т. 43. – №2.

Бородовский А.П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – №3 (13).

Бородовский А.П. Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №3 (23).

Бородовский А.П. Студент-художник в археологической экспедиции (возможности и варианты сотрудничества) // Археология в вузе и школе : тезисы докладов региональной конференции. – Новосибирск, 1995.

Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2015. – Т. 14. – №7.

Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методике исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 2. – Донецк, 2005.

Троицкая Т.Н. Курган большереченской культуры // СА. – 1970. – №3.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск, 1994.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул, 2009.

А.Н. Голотвин
ООО «Археологический парк «Аргамач», Липецкая область
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФАС БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ
(некоторые итоги и проблемы археологического изучения)

Белгородская черта – одна из крупнейших защитных линий на границах Московского государства XVII в. В данной работе рассматриваются некоторые итоги и проблемы археологического изучения ее северо-восточного фаса. Из 25 участков Белгородской черты на него приходится 11 – Козловский, Добровский, Сокольский, вотчинного города Романова, Белоколодский, Усманский, Орловский, Воронежский, Костенковский, Борщева монастыря и Коротоякский [Загоровский, 1969].

По истории Белгородской черты сохранился большой корпус письменных источников, который проанализирован историками [Загоровский, 1969 и др.] и архитекторами [Каримов, 1977 и др.]. Этот факт сделал актуальной проблему объекта и предмета археологического исследования. Как объекты были определены культурные слои крепостей и их посадов, остатки защитных линий: земляные «валы», «городки» и другие элементы фортификации. К предмету отнесены границы и параметры археологических объектов, их трансформации в результате перестроек и ремонта, планировочная структура, характер культурных напластований, материальная культура населения.

Из городов-крепостей северо-восточного фаса целенаправленные археологические исследования по определению границ проведены для Сокольска, Белоколодска и жилого городка Демшинска. Они показали расхождения с указанными в письменных источниках размерами, что говорит о невозможности локализаций памятников только картографическим методом. Важным результатом изучения Сокольска стало вычленение посуды XVII в.: фрагментов вертикальных венчиков, имеющих плотно прижатый наплыв внутрь сосуда, с желобком по краю венчика, орнаментированные многорядной линией в верхней профильной части [Голотвин, Гончаров, Скинкайтис, 2017]. Выразительная коллекция предметов вооружения получена при обследовании Белоколодска. Среди свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия представлены все выделенные О.В. Двуреченским группы. Отметим находку гири от кавалерийского кистеня [Батракова, 2017].

Если при обследовании городов-крепостей применялись стандартные методические приемы (сбор подъемного материала, шурфовка и анализ топографии), то изучение Усманского земляного вала потребовало некоторых методических нюансов.

Среди работ наших предшественников наиболее актуален опыт И.Т. Шатохина [1998]. Помимо стандартных при археологической разведке приемов внимание акцентировалось на поиске и фиксации параметров «вала» с помощью анализа спутниковых фотографий, подробных карт местности, съемки с квадрокоптера, а также измерения профилей и обследовании обнажений. Заложенный на площадке Нового Излегощинского городка шурф подтвердил бесперспективность шурфовки памятников такого типа [Голотвин, 2014]. Детали многих связанных с «валом» фортификационных элементов удалось обнаружить только при подробной тахеометрической съемке и создании крупномасштабных планов. Так, при мониторинге Усманского вала были зафиксированы принятые ранее за следы разрушений части «Нового Излегощинского» и «Нового Черкасского» «городков» [Батракова, 2017]. Информацию же о структуре и исходных параметрах укреплений возможно получить только посредством археологических раскопок. Разрез «новой линии» «Усманского вала» показал, что основу вала составляет ядро из суглинка, а ров имеет подтреугольную форму (крутизна склона с напольной стороны до 40°, с «русской» – до 38°), ширину по уровню подошвы 6 м, глубину – до 2,6 м. Зафиксирована небольшая берма шириной 0,4 м, а также столбовая яма овальной формы (0,75 × 0,5 м) в поле вала с «русской стороны» [Голотвин, 2016].

Необходимо поднять и вопрос понятийного аппарата. Письменные источники не только сохранили наименования для многих объектов, но и содержат большое количество фортификационных терминов. Не все из них имеют однозначное толкование, но не вызывает сомнения необходимость их употребления при археологических исследованиях. Например,

«Усманский вал» стоит на учете как «Земляной вал Белгородской защитной черты», что затрудняет использование этого названия. Принципиальное значение имеет применение терминов «вал», «город-крепость», «городок», «острог», «острожек». Определение области их использования выводит на проблему классификации.

Термин «вал» включает в себя не только саму насыпь, но и сопровождающий ее ров, другие конструктивы. Из 5 земляных валов Белгородской черты на северо-восточный фас приходится два – Козловский и Усманский. Имея в целом схожие размеры, эти «валы» отличаются количеством «городков» (Козловский – более 70, Усманский – 16) и параметрами бермы (Козловский – 3,5–7,5 м, Усманский – 0,4 м).

«Город-крепость» – административный центр участка, его наиболее крупный населенный пункт. Среди «городков» выделяются «жилые» и «стоялые». Если «жилые городки» от «городов-крепостей» отличаются только размерами и функциями, то главный признак «стоялых городков» – отсутствие ярко выраженного культурного слоя. В источниках и литературе встречаются термины «острог» и «острожек», но их использование представляется неудобным в силу многозначности.

В большинстве предложенных вариантов объектами систематизации выступали города-крепости, делившиеся по таким признакам, как географический, стратегический, планировочный, а также по виду материала и типу стен [Загоровский, 1969, с. 77–84; Каримов, 1977]. Они же применимы и к «жилым городкам». Меньше внимания привлекали «стоялые городки». Так, В.И. Кошелев [1958, с. 158–159] «городки» Козловского вала, которые он определял как «земляные насыпи, расширяющие вал в русскую и татарскую стороны», по морфологическим признакам делил на 3 типа. И.Т. Шатохин выявленные укрепления юго-западного фаса пытался соотнести с видами фортификационных сооружений. Среди «земляных городков» он вычленил «укрепления» копонирного и бастионного типа, флеша, рондели, выступы реданного типа («зубец»), пушечные раскаты [Шатохин, 1998, с. 35].

Разработка типологии «стоялых городков» требует специальной работы и дополнительных полевых исследований, здесь же наметим ее общие контуры. Напрашивается выделение двух групп. Первая – это укрепленные подпрямоугольные площадки. Они, в свою очередь, отличаются по размерам, расположению относительно вала, его наличию или отсутствию по периметру и т.п. Во вторую группу следует включить разного рода трансформации «вала» (уплотнения, изгибы, выступы, разрывы), которые уже связываются с видами фортификационных сооружений. Первая группа – дефиниция более крупного порядка, так как ее памятники могут включать в себя объекты второй группы.

Библиографический список

Батракова Е.Е. Отчет об археологическом обследовании укреплений Белгородской защитной черты в Усманском и Липецком районе / Архив ИА РАН. – Липецк, 2017.

Голотвин А.Н. Усманский участок Белгородской черты XVII века (результаты натурального обследования) // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани. – Т. III. – Казань, 2014.

Голотвин А.Н. Отчет о проведении раскопок Усманского земляного вала Белгородской защитной черты в 2015 году / Архив ИА РАН. – Липецк, 2016.

Голотвин А.Н., Гончаров В.О., Дорошев А.И., Скинкайтис В.В. Археологическое изучение города-крепости «Сокольск» // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2016. – Липецк, 2017 (в печати).

Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969.

Каримов Г.А. Архитектура крепостей Белгородской черты : автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 1977.

Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия ВГПИ. – Т. XXVI. – Воронеж, 1958.

Шатохин И.Т. Памятники Белгородской черты на территории Белгородской области. Отчет о результатах археологического обследования по Открытому листу №14 от 16 марта 1990 г. / Архив ИА РАН. – 1998. – Р-1. – №25290.

М.И. Гоняный
Государственный исторический музей, Москва
ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДЕТЕКТОРОВ МЕТАЛЛА НА УСТЬИНСКОМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Крупнейший в верховьях Дона Устьинский археологический комплекс (площадью более 40 га) расположен в низовьях р. Мокрая Табола в Кимовском районе Тульской области, в районе Куликова поля. Его южная правобережная часть занимает склоны высоких надпойменных террас и коренной берег. Левобережная и северная части приурочены к пологим склонам первой террасы и высокой поймы. На территории комплекса выявлено и в различной степени изучено 10 памятников археологии, датирующихся от эпохи неолита до позднего средневековья, в том числе городище с неукрепленным посадом и грунтовым могильником, датирующимися XII–XIV вв., которые отождествляются нами с упоминаемым в летописном «Списке городов дальних и ближних» рязанским «Дубком» «верх Дону».

На городище и посаде на территории около 5 га выполнены магниторазведочные работы, по результатам которых проведены раскопки на площади 1130 кв. м. На грунтовом могильнике раскопом 475 кв. м вскрыто 37 безынвентарных погребений.

В северной части посада по результатам геофизических работ (изучено 5 га) экспедицией музея-заповедника «Куликово поле» на протяжении последних 16 лет проводятся широкомасштабные раскопки (9500 кв. м) мастерских XIII–XIV вв. по выплавке и обработке кричного железа.

На протяжении 9 полевых сезонов с целью уточнения границ, площади, особенностей планировки, динамики роста посада летописного городка Дубок, поиска гончарных, ювелирных, кузнечных, железоделательных мастерских, сбора представительной по численности и различной по хронологии коллекции находок на площади более 45 га по оригинальной методике был выполнен планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла. В результате этих исследований на ранее распахиваемых памятниках было собрано более 6000 предметов из цветного и черного металлов, стекла, глины, камня.

Проведенные исследования позволяют сделать ряд выводов о хронологии возникновения и развития Устьинского археологического комплекса.

В южной части комплекса на площади около 1,5 га была обнаружена лепная боршевская, круговая салтовская керамика и 38 металлических находок, позволяющие локализовать на этом участке неукрепленное славянское поселение Устье-2. Трехлопастные черешковые и листовидные втульчатые, лавролистные наконечники стрел, пятилучевое височное кольцо, подвеска на пояс в виде печатки, серьга «салтовского типа», фрагмент арабского дирхема VIII в. позволяют датировать это, пока единственно найденное в верховьях Дона славянское поселение, рубежом VIII–IX – началом X в.

Находки, собранные с площадок селищ Устье-2, Устье-3 и Колесовка-5, представленные ромбовидными, долотовидными наконечниками стрел, панцирными пластинами, «крылатым» псалием, фрагментами браслетов, декорированных чеканом «волчий зуб», трефовидными подвесками, ранними типами семилопастных колец позволяют датировать ранний период освоения этой территории 1-й половиной XII в. Это освоение уверенно можно связывать с вятичским населением, переселявшимся с берегов верхней Оки, где с конца XI в. активизируется процесс включения вятичской территории в состав древнерусского государства и начинается формирование волости «Вятичи» черниговского княжества.

На селище Устье-2 находки, связанные с этим периодом освоения территории археологического комплекса, распространены на площади 2,5 га. Синхронное селище Устье-3, расположенное в 220 м севернее, занимает площадь около 7 га. В центральной части селища Устье-3 локализуется территория площадью 1,3 га, где в начале XIII в. располагался двор княжеского наместника и вооруженного контингента, проживающего поблизости. На это

указывают фрагменты шпор, боевой топор, наконечники копья, сулицы, пики, крепеж колчана, обойма и наконечник ножен сабли, кольчужные кольца, обломки булавы. Впервые на селище в районе Куликова поля встречены 4 перстня-печатки с изображением Архангела Михаила – покровителя воинства, медный образок с ликом Святого Георгия. На этой же территории найдены 4 писала, обломки звездчатых колтов, бусинных височных колец, литых створчатых браслетов – находок городского характера.

С северо-восточной стороны к «усадьбе наместника» примыкает участок, где найдено 12 аскизских железных накладок 1-й половины XIII в., украшенных золотой амальгамой в технике таушировки. С этой же стороны на площади около 8 га встречены следы меднолитейного производства. Они представлены обрезками медных котлов, выплесками медного и свинцово-оловянного сплавов, слитками не доплавленных в тиглях обрезков витых браслетов и других украшений, литником, железными пробойниками, зубильцами, наковальней, цельнометаллическим тиглем. Мастерская функционировала в 1-й половине – середине XIII в.

На основании собранной коллекции удалось установить, что в предмонгольское время площадь жилой и хозяйственной застройки неукрепленного посада составляла 13 га, где могло располагаться около 40 крестьянских дворов – хозяйств. Именно этот период существования археологического комплекса связывается нами с освоением региона Верхнего Дона Рязанским княжеством, возникновением и развитием летописного Дубка.

В середине XIII в. перестает функционировать крепость Устье, селище Устье-2, южная и центральная части селища Устье-3. Жизнь продолжается лишь в его северной части. Площадь жилой и хозяйственной застройки сокращается до 5 га.

На этой территории, судя по скоплению металлургических шлаков (обнаружено и инструментально привязано 617 шт.), жители активно занимались выплавкой кричного железа.

В золотоордынское время продолжает активно осваиваться северная заовражная пойменная часть посада. Площадь селища Колесовка-1 увеличивается до 5,3 га. Вновь возникают селища Колесовка-2–4. Скопления металлургических шлаков на их территории занимают площадь около 3 га.

Инструментальная фиксация сотен находок и тысяч металлургических шлаков в пойменной части посада городища Устье позволяют сделать заключение, что площадь этой части Устьинского комплекса в золотоордынское время достигает 16,75 га. Следы железоделательного и кузнечного производства прослеживаются на территории 4 га. Налицо наличие квартала металлургов, специализирующихся на выплавке кричного железа с целью реализации на внешних рынках, чему способствовала активизация (с XIV в.) Донского торгового пути.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Систематический многолетний планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла позволил определить границы и площадь не выраженных в рельефе памятников археологии, входящих в состав Устьинского археологического комплекса, что крайне важно для постановки памятников на Государственный учет.

Инструментальная привязка находок на топопланы памятников позволила выделить скопления артефактов, уточнить их хронологию, взаимовстречаемость. В связи с этим можно подойти к рассмотрению вопросов, связанных с планировкой поселений, наметить направления и протяженность уличных проездов, в ряде случаев зафиксировать территории отдельных крестьянских дворов-хозяйств, кузнечных, железоделательных, ювелирных мастерских.

Проведенные поисковые исследования позволили на задернованной в настоящее время территории локализовать три поселения эпохи бронзы, единственное на Куликовом поле славянское селище IX – начала X в., три селища 1-й половины – конца XII в., наметить зону жилой и хозяйственной застройки посада городища Дубок в 1-й половине XIII в., в золотоордынское время.

Несомненный интерес представляет изучение представительной серии находок, обнаруженных на территории Устьинского комплекса.

М.И. Гоняный, А.М. Фатьков, Г.А. Шебанин
ООО «Центр археологических исследований «Куликово поле», Тула
ДЕТАЛИЗАЦИЯ ГРАНИЦ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА ЛЬВОВСКИЙ-1
В ПОДМОСКОВЬЕ ПО МЕТОДИКЕ ПЛАНШЕТНОГО БУРЕНИЯ

Селище Львовский-1 расположено на территории городского округа Подольск Московской области в 0,72 км к северо-востоку от северной окраины поселка Львовский, в 0,4 км к северо-востоку от пересечения двух шоссе на левом пологом берегу р. Раковка (левый приток р. Рогожка).

Селище Львовский-1 было открыто в 2009 г. и датировано XVI–XVII вв. Разведочными исследованиями было установлено, что его площадка, вытянутая вдоль берега реки, имела протяженность около 200 м при максимальной ширине 40–50 м.

Летом 2016 г. в связи с хозяйственным освоением земельного участка на площади селища были проведены охранные исследования. Их целью было полное изучение культурного слоя памятника.

В начале работ на селище были проведены разведочные исследования, позволившие детализировать его границы.

Визуальный сбор подъемного материала был невозможен, так как дневная поверхность памятника была покрыта коркой удобрений – засохшего навоза, смешанного с опилками.

Попытка уточнения границ по методике планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла также не увенчалась успехом в связи с тем, что металлические находки из пахотного слоя на площадке памятника были практически полностью выбраны грабителями. Поэтому было решено провести на селище планшетное бурение с использованием ручного мотобура (STIHL 13T-121).

Работы проводились на площади 13644 кв. м. Таким образом, территория селища площадью 0,57 га, выделенная при разведочных работах в 2009 г., целиком попадала в площадь исследований. Всего было заложено 3134 скважины.

Большинство поисковых магистралей, не содержащих в скважинах культурного слоя, заполненных перепаханным серым суглинком без включения угольков, кусочков прокаленной глины, керамической крошки, имели диаметр 0,1 м. Расстояние между скважинами было установлено в 2 м. Интервал между веревочными магистральями также составлял 2 м. Столь густая сетка скважин закладывалась поблизости от территории селища для того, чтобы зафиксировать впущенные в материковый суглинок подпольные ямы построек, которые могли располагаться в стороне от площади жилой и хозяйственной застройки селища.

Глубина бурения зависела от мощности пахотного горизонта, сложенного на площади планшета вне границ селища серым суглинком мощностью 0,1–0,45 м. Его подстилал материк – ярко-бурый суглинок. В процессе бурения материк хорошо чувствовался по плотности, твердости и цветности. Поэтому его появление легко определялось во время проходки скважины. Материк для уверенности пробурился еще на глубину 0,2 м.

В результате закладки буровых скважин в центральной части поискового планшета был выделен участок, поверхностный перепаханный почвенный горизонт которого был сложен темно-серым гумусированным суглинком с включением угольков, кусочков прокаленной глины, изредка керамической крошки. Включения антропогенного характера заставили более внимательно относиться к изучению заполнения скважин-зондажей в этой части бурового планшета. На этом отрезке стали бурить скважины диаметром 0,06 м с тем, чтобы с меньшими потерями разрушать культурные напластования. Расстояние между скважинами и шаг между магистральями были увеличены до 4 м.

В центральной части поискового планшета удалось локализовать территорию площадью 1776 кв. м, сложенную темно-серым суглинком с включениями древесных угольков, фрагментов прокаленной глины, мелкой керамики. На этом участке в ряде случаев

буровые скважины попадали в заполнение заглубленных в материк подпольных ям жилых и хозяйственных построек.

Детальными разведочными исследованиями было установлено, что границы культурного слоя лишь частично попадали в ранее установленные границы селища. Ярко выраженное зафиксированное в результате исследований, выполненных методом ручного бурения, пятно культурного слоя памятника располагалось только в центральной части селища с большим смещением к западу от его границ, установленных в 2009 г. В северной и южной частях селища культурные напластования, остатки жилых и хозяйственных построек выявлены не были. Незначительный по количеству керамический подъемный материал XVI–XVII вв., собранный на этих участках в 2009 г., по всей видимости, маркировал зону хозяйственного освоения, а не жилую часть памятника.

С целью проверки информации, полученной в результате планшетного бурения, на участках, примыкающих с севера и юга к территории памятника, были заложены 15 контрольных шурфов. Они подтвердили отсутствие культурного слоя за пределами границ, установленных в 2016 г.

Эти работы определили размер и конфигурацию раскопа селища Львовский-1. Он был заложен таким образом, чтобы полностью исследовать выявленный в ходе поисковых работ культурный слой селища. Общая площадь раскопа составила 2084 кв. м.

Культурный слой селища, нарушенный многолетней плужной распашкой, был сложен темно-серым суглинком с включениями древесных углей и обожженной глины. В его заполнении были найдены индивидуальные находки и керамический материал, характерные для XIV – 1-й половины XVII в. Большинство заглубленных в материк остатков сооружений были датированы XIV – началом XV в., небольшая часть – концом XVI – началом XVII в.

Сооружения XIV – начала XV в. располагались компактным прямоугольным пятном (30 × 40 м) в центральной и южной частях раскопа. По всей видимости, на этом участке были полностью изучены остатки средневекового двора.

Немногочисленные сооружения XVI – начала XVII в. располагались разрозненно в северной части раскопа. В их заполнении и вокруг них были встречены фрагменты древесного угля, обожженной глины, а также большое количество металлургического шлака. Поэтому можно предполагать, что в это время здесь находилось производство, связанное с обработкой, а возможно, и производством черного металла. По всей видимости, производство сюда было вынесено из территории позднесредневекового населенного пункта – д. Анцилово, которое располагалось, судя по данным Генерального межевания второй половины XVIII в., в непосредственной близости от селища Львовский-1 – на противоположном от него правом берегу р. Раковка.

Кроме того, необходимо отметить, что к краям раскопа насыщенность культурного слоя и концентрация заглубленных в материк сооружений резко падала, а чаще отсутствовала полностью. Характерно, что участки слабой насыщенности культурного слоя раскопа выходили за границы поселения, установленные в результате разведочных исследований методом ручного бурения.

Результатами проведенных исследований стали:

- апробация методики ручного бурения по планшетам, закладываемым для детализации границ поселения на участках, где остальные поисковые методики малоэффективны;
- выделение ядра селища, на площадке которого концентрируется насыщенный культурными остатками слой и располагаются заглубленные в материк объекты;
- подтверждение шурфовочными и раскопочными работами выводов, полученных в результате проведенных разведочных буровых работ.

Таким образом, применение методики планшетного бурения для детализации границ сельских поселений на территориях, где состав грунта позволяет отличать культурный слой памятника по цветности и насыщенности оправданно, что и подтверждается результатами раскопок на селище Львовский-1.

В.В. Горбунов
Алтайский государственный университет, Барнаул
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В I ТЫС. Н.Э.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Южные районы Западной Сибири в I тыс. н.э. становятся зоной более активных контактов этнического, военного и торгового плана между таежными племенами охотников и рыболовов, с одной стороны, и племенами кочевых скотоводов – с другой. Наиболее интенсивно они происходили на территории Лесостепного Алтая – самом южном районе западносибирской равнины, непосредственно примыкающем к системе алтайских гор. За тысячелетие здесь сменились три общности, археологические материалы которых последовательно освещают происходившие историко-культурные процессы. Их реконструкция может в известной степени опираться на хронологические построения.

Первая общность, освоившая земли алтайской лесостепи, соотносится с носителями кулайской культуры – самодийцами. Здесь выявлено 7 погребальных памятников (более 40 могил), один ритуальный могильник (6 захоронений животных), один клад и 29 поселений этой культуры. Хронологически они делятся на два этапа [Горбунов, 2015, с. 119–121].

Троицкий этап (I в. до н.э. – II в. н.э.) связан с миграцией самодийских племен из Новосибирского Приобья, ассимиляцией ими местного каменско-староалейского населения и утверждением чисто кулайских культурных традиций. Отличительные черты этапа: обряд ингумации, преобладание саровской керамики, техника плоского литья, крупные наконечники стрел и кельты кулайского облика.

Фоминский этап (III – 1-я пол. IV в.) отражает процесс локализации периферийных районов кулайской общности. Развитие культуры в это время обусловлено западными и южными контактами ее населения. Отличительные черты этапа: обряд кремации, упрощенная орнаментация керамики, техника рельефного литья, предметы костюма «приуральского» облика, предметы вооружения и снаряжения «южносибирского» (в своей основе хунно-сяньбийского) облика.

Вторая общность, образовавшаяся на территории Лесостепного Алтая, соотносится с носителями одинцовской культуры. Известно 18 погребальных (около 200 могил) и 38 поселенческих памятников этой культуры. Они составляют три хронологических этапа [Тишкин, Горбунов, 2002, с. 83–84; Казаков, 2014, с. 5–64].

Сошниковский этап (2-я пол. IV–V в.) демонстрирует переселение групп кочевников из Семиречья и Горного Алтая и их взаимодействие с самодийским населением, которое привело к сложению нового, первоначально полиэтнического по своему составу, общества. Отличительные черты этапа: сочетание обрядов кремации, ингумации и ингумации с конем, баночные сосуды, S-видный гребенчатый штамп на керамике, полихромный стиль, предметы вооружения и снаряжения кенкольского и булан-кобинского облика.

Осинкинский этап (VI – 1-я пол. VII в.) отражает процесс стабилизации культуры, которая развивается под воздействием северных и южных контактов. Отличительные черты этапа: преобладание обряда ингумации, редкий обряд ингумации с конем, горшковидные сосуды, поясная и уздечная гарнитура «кудыргинского» типа, амулеты самодийского облика, вооружение и снаряжение тюркского облика.

Акутихинский этап (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII в.) связан с развитием культуры в условиях господства самодийской традиции в погребальной обрядности и влияния тюркской традиции в материальной области. Отличительные черты этапа: обряд ингумации, жемчужник на керамике, поясная и уздечная гарнитура «катандинского» типа.

Третья общность, сложившаяся на землях Лесостепного Алтая, соотносится с носителями сроткинской культуры. На этой территории к ней относятся 120 погребальных (488 могил) и 21 поселенческий памятник. Они распределяются по четырем хронологическим этапам [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Горбунов, 2012, с. 551–553; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221–228].

Инской этап (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX в.) демонстрирует процесс миграции части тюркских племен в центральные районы Лесостепного Алтая (Приобское плато), подчинения ими проживающего здесь самодийского населения и создания нового полиэтничного образования. Отличительные черты этапа: курганные могильники, сочетание обрядов ингумации, кремации, ингумации с конем, кремации с конем, круглодонные сосуды, треугольно-зубчатый штамп и композиция из фестонов на керамике, поясная и уздечная гарнитура «туэктинского» типа.

Грязновский этап (2-я пол. IX – 1-я пол. X в.) отражает завершение процесса консолидации общества и складывания самобытных черт в его культуре. В это время происходит рост населения и освоение им всей территории Лесостепного Алтая. Наблюдаются активные контакты с такими соседними державами, как Кыргызский и Кимакский каганаты. Отличительные черты этапа: появление обряда ингумации со шкурой коня, плоскодонные сосуды, растительный орнамент на предметах торевтики, вооружение и снаряжение сроткинского облика.

Шадринцевский этап (2-я пол. X – 1-я пол. XI в.) связан с расцветом тюрко-самодийского объединения. Происходит расширение ареала культуры в северном и восточном направлении на часть территории Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины. Наблюдаются торговые контакты со всеми соседями, вещи «сроткинского» типа распространяются до Урала, Семиречья, Забайкалья и Среднего Приобья. Отличительные черты этапа: крупные элитные курганы, сочетание обрядов ингумации, ингумации с конем, ингумации со шкурой коня, геометрический орнамент на предметах торевтики.

Змеевский этап (2-я пол. XI–XII в.) отражает постепенный процесс распада тюрко-самодийского объединения, занятия части его земель племенами кыпчаков и сокращение ареала до северных предгорий Алтая и Барнаульско-Бийского Приобья. Отличительные черты этапа: преобладание грунтовых могильников и обряда ингумации, вооружение и снаряжение характерное для кочевников предмонгольского времени.

Если в начале I тыс. н.э. территория Лесостепного Алтая оказалась включена в ареал самодийской культурной традиции, то к его окончанию она была полностью тюркизирована, несмотря на сохранившийся смешанный состав населения.

Библиографический список

Горбунов В.В. Сроткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн. 2. – СПб., 2012.

Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул; Омск, 2015.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сроткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2016. – №4 (92). DOI 10.14258/izvasu(2016)4-38

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. – Барнаул, 2014.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сроткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. – №9. – Горно-Алтайск, 2002.

Т.А. Горбунова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск
КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В Омской области известно крайне мало памятников, относящихся к эпохе мезолита. В лесостепной зоне региона в 1960–1970-е гг. свердловскими исследователями В.Ф. Генингом, В.Т. Юровской, Н.К. Стефановой и другими был открыт и частично раскопан памятник Черноозерье-VI–VIa, включающий, помимо материалов эпохи ранней бронзы, комплекс микролитической каменной индустрии [Генинг, Петрин, Косинская, 1973, с. 24–47]. В 1970-е гг. в степных районах Омской области А.И. Петровым в ходе разведки были открыты многочисленные местонахождения и стоянки, которые датированы автором работ периодом от раннего неолита до ранней бронзы [Толпеко, Иващенко, 2014, с. 73–78]. Некоторые из них, такие как Малый Ащи-Куль-I, Большой Ащи-Куль-II, Максимовка-II, Щербакульское, Кшекульское, Екатеринославское, упомянуты как мезолитические в обобщающем издании из серии «Археология СССР» [Археология СССР. Мезолит СССР, 1989, с. 136–143]. В 2003 г. на одном из памятников, открытых А.И. Петровым, Гвоздевка-I, в ходе раскопочных работ С.Н. Иващенко был получен материал, который позволил датировать его раннеголоценовым временем [Иващенко, Толпеко, 2006, с. 117–120]. В 2016 г. И.В. Шмидт проведены дополнительные работы на памятнике Черноозерье-VI–VIa, в ходе которых была составлена коллекция каменного инвентаря микролитического облика, подтверждающая наличие культурного слоя эпохи мезолита, подстилающего отложения эпохи ранней бронзы (материалы раскопок пока не введены в научный оборот).

Краткий обзор источниковой базы по изучению эпохи мезолита в Омской области позволяет говорить лишь о двух памятниках, каменная индустрия которых может характеризовать этот период – Черноозерье-VI–VIa и Гвоздевка-I. Индустрия обоих памятников практически не содержит нуклеусов, на основании которых можно было бы описать технику расщепления. Однако основные характеристики сколов позволяют говорить об использовании техники отжима. Абсолютное большинство предметов представлено пластинками шириной до 1 см и микропластинами шириной до 0,6 см, а также изделиями из них. Преобладают медиальные сегменты с прямым профилем. Целые пластины практически не встречаются. При этом пластины первого снятия отсутствуют, хотя на латералях некоторых изделий и на осколках отмечено наличие корки. У части сколов отмечается краевая дорсальная или вентральная ретушь продольных краев. Торцы некоторых более массивных пластин оформлены скребковой ретушью. В качестве вторичной обработки встречаются также резцовые сколы. Орудия на отщепах единичны. Находки представляют собой, главным образом, скребки. Значительная часть коллекции обоих памятников представлена отходами производства – мелкими отщепами, осколками и обломками.

В целом, каменная индустрия мезолитических памятников Омской области обнаруживает черты сходства с индустриями памятников соседних территорий, в частности с материалами Северного Казахстана, Зауралья и бассейна р. Конды.

Библиографический список

Археология СССР. Мезолит СССР. – М., 1989.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.Л. Первые поселения эпохи палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. – Вып. 5. – Томск, 1973.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Переход от палеолита к неолиту: пластинчатая микроиндустрия Среднего Прииртышья // Современные проблемы археологии России : сборник научных трудов. – Новосибирск, 2006. – Т. I.

Толпеко И.В., Иващенко С.Н. Исследования А.И. Петрова в южных районах Среднего Прииртышья // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2014. – №4 (4).

С.В. Горохов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ XVIII в.,
ПРОИСХОДЯЩИХ С ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Важным аспектом изучения денежного обращения и экономических процессов на определенной территории в древности является выяснение характера соотношения археологических нумизматических коллекций с объемом и структурой эмиссии монет. Для региона Новосибирского Приобья XVIII в. такая работа ранее не выполнялась. Это связано с необходимостью располагать коллекцией монет, по меньшей мере, в несколько сотен экземпляров, которые были бы распределены достаточно равномерно по обширной территории.

Данная работа посвящена реконструкции характера денежного обращения в Новосибирском Приобье и на сопредельных территориях. Исследование включило в себя: 1) сравнение объемов чеканки монет определенных номиналов каждого года и структуры нумизматических коллекций, собранных на исследуемой территории; 2) разработку гипотезы, объясняющей выявленные несоответствия; 3) оценку информационного потенциала интегрированного исследования археологических нумизматических коллекций и архивных данных по чеканке монет.

Археологическая часть источниковой базы представлена коллекциями краеведов Новосибирской области, которые предоставили информацию, необходимую для проведения данного исследования, а также корпусом монет Умревинского острога, сформировавшегося в результате археологических раскопок памятника в 2002–2009 гг. [Горохов, 2011; Бородавский, Горохов, 2009]. Исследуемый материал насчитывает 200 монет: 151 экз. номиналом «денга» и 49 экз. номиналом «полушка», отчеканенные в период 1730–1799 гг.

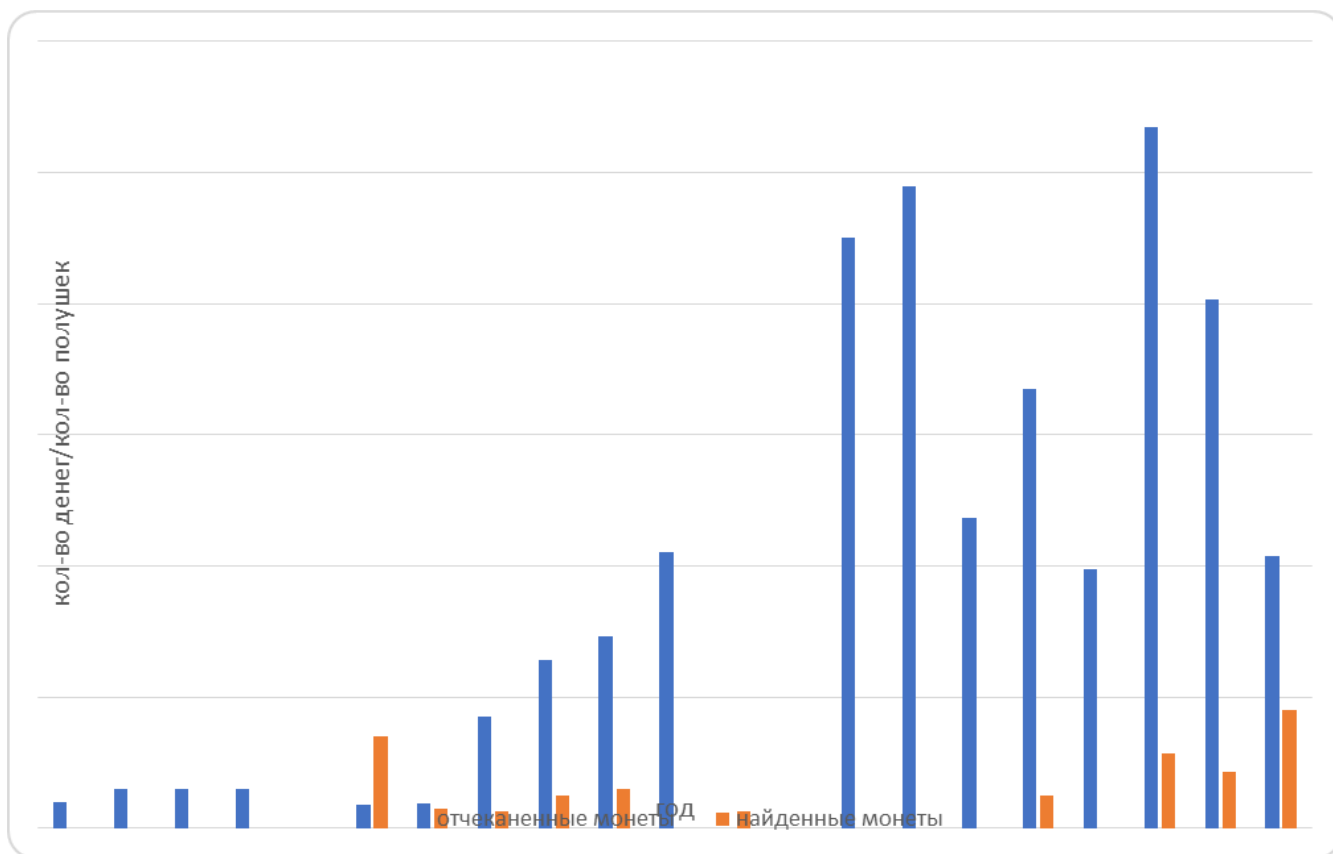
Архивная часть источниковой базы представлена монографией В.В. Узденикова «Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917», в которой собрана практически вся доступная информация об объеме чеканки денег и полушек [Уздеников, 1995]. Продукция Сузунского двора в исследовании не учитывалась.

Изготовление полушек и денег происходило в один год на одних и тех же монетных дворах, следовательно, можно ожидать, что и поступление монет этих номиналов в оборот происходило параллельно и в количестве, соответствующем пропорциям при чеканке, так как монеты данных номиналов терялись владельцами в тех же пропорциях, что и чеканились (отношение количества отчеканенных денег к полушкам – 2,86:1, найденных – 3,08:1). Однако для территории Новосибирского Приобья и сопредельных районов этот прогноз не оправдывается. В археологической коллекции в исследуемые годы доля полушек существенно выше, чем среди изготовленных монет (рис.).

Обращает на себя внимание существенное превышение количества найденных монет над количеством отчеканенных одновременно в 1748–1751 гг. для денег и в 1748–1750 гг. для полушек. При этом отношение найденных денег к отчеканенным составляет 2,15:1, а полушек – 14,16:1, что демонстрирует систематическое превышение относительной доли полушек над денгами.

Сравнение структуры нумизматических коллекций, происходящих с территории Новосибирского Приобья и архивных данных по объемам чеканки монет в Российской империи в 1730–1799 гг. показало, что существует несоответствие между сопоставляемыми данными, которое лежит за гранью случайных колебаний. За выявленными расхождениями стоят некие процессы, которые протекали в XVIII в. в Новосибирском Приобье и на сопредельных территориях в области оборота денежных средств (экономики) и финансовых взаимоотношений с центральными органами власти. При естественном обороте монет в ходе

хозяйственной деятельности процентное распределение утерянных монет двух самых малых номиналов должно соответствовать их долям при чеканке. За существенным искажением этих пропорций стоят некие факты исторической действительности. Вероятно, денги и полушки поступали на территорию Новосибирского Приобья и сопредельных территорий централизованно для выплаты жалования служилым людям. При этом по какой-то причине доля полушек в этой денежной массе была существенно выше, чем при чеканке.оборот монет носил замкнутый характер, так как отсутствовала связь с денежным обращением в европейской части страны, что могло бы привести к сглаживанию диспропорций. Территориальная ограниченность оборота монет также свидетельствует и о замкнутости местного рынка.

Соотношение пропорций отчеканенных и найденных денег и полушек

Для подтверждения или опровержения представленных выводов необходимо расширить источниковую базу и территориальный охват, непреодолимых препятствий к чему в настоящий момент не существует. Интеграция нумизматических и археологических данных в рамках одного исследования позволит существенно уточнить относительные объемы, находившихся в обороте, монет в масштабе всей страны, что даст должную оценку как информационному потенциалу археологических материалов, так и архивных данных по объемам чеканки монет.

Библиографический список

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск, 2009.

Горохов С.В. Информационный потенциал нумизматических коллекций Умревинского острога и Мангазеи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – №3.

Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. – М., 1995.

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков
Иркутский государственный университет, Иркутск;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО НЕОЛИТА
ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №16-18-10169 «Историко-культурная динамика в период неолита на юге Средней Сибири
(по материалам керамических комплексов)»)

На побережье озера Байкал за все годы исследования обнаружено 93 пункта с неолитической керамикой. Преимущественно они представлены сборами подъемных материалов и стоянками с компрессионными слоями. Стратифицированные (а тем более многослойные) объекты единичны. К раннему неолиту относится 15 пунктов; из них по степени изученности выделяются 8 стратифицированных объектов: Саган-Заба-II, Бугульдейка-I-II, Итырхей, Улан-Хада, Тышкинэ-II, Характа-I и Падь Долгая-II [Бочарова, Коршунов, 2010, с. 8–17; Коршунов, 2005, с. 120–122; Горюнова, Новиков, 2015, с. 42–48; Горюнова и др., 2016, с. 55–73; Тимощенко, Бочарова, 2016, с. 180–187]. Большинство из них представляют собой многослойные объекты, содержащие по несколько слоев, отнесенных к раннему неолиту. Междисциплинарные исследования, включающие серию радиоуглеродных AMS-определений [Горюнова, Новиков, 2015; Лозей, Номоконова, Савельев, 2014, с. 22–23; Тимощенко, Бочарова, 2016, с. 180–187], позволили обобщить и характеризовать керамические комплексы раннего неолита побережья Байкала, определить их хронологические рубежи и расширить наши представления о культурных процессах, протекавших в этом регионе.

Наиболее ранний керамический комплекс представлен материалами VI слоев поселения Саган-Заба-II, IX слоя Тышкинэ-II, слоя IV (4) Бугульдейки-II, VIII слоя Бугульдейки-I и VI слоя Итырхей. Основным критерием выделения раннего неолита является появление керамических сосудов. Все они сложной или простой закрытой формы, с круглым или приостренным дном. Отмечены две традиции их изготовления. Наиболее распространена керамика с оттисками сетки-плетенки, которая фиксируется на всех объектах побережья озера Байкал. К стратифицированным стоянкам, содержащим только подобную керамику, относятся: слой IV (4) Бугульдейки-II и VI слой Итырхей. Как правило, сосуды без орнамента. В единичных случаях вдоль венчика отмечен поясок штамповых вдавлений. Серия радиоуглеродных AMS-дат по этим комплексам в пределах 7214–6715 л.н. (8160–7510 кал. л.н.).

На ряде объектов (VI слои Саган-Заба-II, IX слой Тышкинэ-II, VIII слой Бугульдейки-I) совместно с сетчатой керамикой фиксируются сосуды хайтинского типа, которые численно преобладают. Для этой керамики характерны шнуровые сосуды, украшенные построениями из прочерченных линий. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова сосуда; в ряде случаев он наносился по срезу венчика. Доминируют простые композиции, состоящие из одного мотива: наклонные, горизонтальные линии и горизонтальная «елочка». Встречается сложная композиция, сочетающая несколько мотивов. Выделяются шнуровые сосуды, украшенные горизонтальными рядами оттисков узкой отступающей лопаточки. От последнего ряда спускаются короткие наклонные линии, часто расположенные группами. Радиоуглеродные AMS-даты по этим комплексам в пределах 7203–6870 л.н. (8160–7660 кал. л.н.).

Вторая хронологическая группа раннего неолита представлена комплексами: V нижнего слоя Саган-Забы-II, VIII слоя Тышкинэ-II, слоя IV (3) Бугульдейки-II, X слоя Улан-Хады, V–IV слоев Итырхей, IV–III слоев Пади Долгой-II, II слоя Характы-I, VII слоя Бугульдейки-I. Сосуды сложной и простой, закрытой формы, с круглым или приостренным дном. Выделяется посуда с высокими венчиками. Преобладает керамика с оттисками сетки-плетенки.

На 5 объектах (X слой Улан-Хады, V–IV слои Итырхей, IV–III слои Пади Долгой-II, II слой Характы-I, слой IV (3) Бугульдейки-II) комплексы содержат только сетчатую керамику. В основном сосуды без орнамента; из украшения доминирует поясок ямочек или мелких отверстий. В единичных случаях встречены: поясок штамповых вдавлений, сочетание ямочек с пересекающимися прочерченными линиями.

На трех объектах (V нижний слой Саган-Забы-II, VIII слой Тышкинэ-II, VII слой Бугульдейки-I) аналогичная керамика с оттисками сетки-плетенки (преобладающий тип) сочетается со шнуровой керамикой. Последняя либо без орнамента, либо оформлена прочерченными линиями (наклонные, углом пересекающиеся линии). Зафиксирован один сосуд, украшенный горизонтальными рядами, выполненными прочерчиванием 2-зубчатым штампом.

Радиоуглеродные AMS-даты по этим комплексам в пределах 6385–6166 л.н. (7420–6970 кал. л.н.).

В целом, на основе междисциплинарного изучения и корреляции материалов стратифицированных поселений побережья озера Байкал выделены культурно-хронологические комплексы раннего неолита, содержащие керамику: с оттисками сетки-плетенки и шнуровую хайтинского типа. Хронологический диапазон этих комплексов по серии радиоуглеродных AMS-дат 7,2–6,1 тыс. л.н. (8,2–6,8 тыс. кал. л.н.). Выделяются стратифицированные комплексы, содержащие только керамику с оттисками сетки-плетенки, и стоянки, сочетающие сетчатую и шнуровую керамику хайтинского типа. Судя по радиоуглеродным датам, обе традиции существовали в одних хронологических рамках. Культурное соотношение этих традиций еще предстоит установить. Возможно, они отражают существование независимых центров происхождения керамики.

Сравнительный анализ между керамическими комплексами раннего неолита побережья Байкала и материалами с многослойных поселений юга Средней Сибири показал их соответствие между собой. Новым является стратиграфическое выделение на байкальских объектах двух хронологических комплексов, относящихся к раннему неолиту.

Библиографический список

Бочарова Е.Н., Коршунов Е.О. Ранний неолит юго-западного побережья оз. Байкал (по материалам местонахождения Бугульдейка-II) // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение, интерпретация. – Новосибирск, 2010.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Т. 1. – Хух-Хото, 2015.

Горюнова О.И., Туркин Г.В., Новиков А.Г., Клементьев А.М. Новый стратифицированный объект раннего неолита на западном побережье озера Байкал: поселение Характа-1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 17.

Коршунов Е.О. Многослойная стоянка Падь Долгая-II на южном Байкале // Истоки формирования Евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005.

Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Савельев Н.А. Радиоуглеродное датирование и фауна многослойной стоянки Бугульдейка II на Байкале (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7.

Тимощенко А.А., Бочарова Е.Н. Предварительные результаты изучения многослойного археологического объекта Бугульдейка-I на юго-западном побережье оз. Байкал в 2016 году // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Вып. 5. – Иркутск, 2016.

Т.Г. Гребенникова
Алтайский государственный университет, Барнаул
АРХЕОЛОГИЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ПРЕПОДАВАНИЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Современный уровень развития археологического знания, применяемые технологии и методики исследовательской деятельности открывают широкие возможности для воссоздания различных аспектов жизнедеятельности человека в древнейшие периоды истории человечества. Эти аспекты научной практики могут служить мотивацией для развития профессиональных компетенций студентов, обучающихся по направлениям «История», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Антропология и этнология». Археология как таковая, а также ряд курсов по выбору традиционно представлены в учебных планах этих направлений подготовки. На историческом факультете Алтайского государственного университета у бакалавров читается курс «Археология» (с целью формирования интереса и привлечения студентов это делается в первом семестре первого курса), проводится археологическая практика. Однако этого, безусловно, недостаточно для формирования устойчивых знаний и навыков, а также мотивации к практической деятельности в сфере археологических исследований. Поэтому на последующих годах обучения преподаются ряд специальных курсов (дисциплины по выбору студентов) – «Алтай в древности и средневековье», «Кочевые империи Центральной Азии», «Археологические коллекции в музеях», у магистрантов читается дисциплина «Проблемы изучения памятников археологии». Их наличие в образовательных программах диктуется необходимостью освоения широкого круга общепрофессиональных и профессиональных компетенций, предусмотренных ФГОС, таких, например, как способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области археологии и этнологии; способность к работе в архивах и музеях, способность применять современные методы исследований в ведущих направлениях музейной деятельности и сохранении культурного наследия и прочие.

Особое значение в процессе подготовки студентов играет специализация, которая осуществляется начиная с первого курса. Студенты направления подготовки «История» выбирают кафедру для осуществления научно-исследовательского вида деятельности, предусмотренного ФГОС. Одной из таковых является кафедра археологии, этнографии и музеологии. Практической формой реализации такого подхода является не только написание курсовых работ и ВКР по единой выбранной теме, но и система научно-исследовательских семинаров, которые посещают одновременно студенты всех курсов раз в две недели. Здесь каждый из них регулярно представляет результаты своей деятельности в виде докладов-презентаций с последующими вопросами и обсуждением. Такая система мини-конференций позволяет выработать навыки публичного выступления, демонстрации своего исследования, научного аргументирования выводов и публичной дискуссии.

Студенты АлтГУ, специализирующиеся по археологии, свою подготовку проходят в рамках общего профиля бакалавриата по направлению «История», в магистратуре они обучаются на программе «Исторические исследования в современном научном познании» в рамках направления «История», хотя, на наш взгляд, при наличии необходимого количества бюджетных мест стоило бы открыть специальную магистерскую программу для подготовки узких специалистов.

Потребность в таких специалистах очевидна в Алтайском крае и сопредельных регионах. Они не только работают в профильных лабораториях. Такие сотрудники необходимы в музейных учреждениях, которые располагают значительными по объему археологическими собраниями, среди них Алтайский государственный краеведческий музей, Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова (г. Змеиногорск), Музей археологии и этнографии Алтая и многие другие государственные, муниципальные и частные музеи Алтайского края.

Т.Ю. Гречкина¹, И.Н. Васильева², А.А. Выборнов²,
И.В. Иванов³, П.А. Косинцев⁴, М.А. Кулькова⁵, Е.Ю. Яниш⁶

¹Научно-производственное учреждение «Наследие», Астрахань;

²Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара;

³Институт почвоведения и фотосинтеза РАН, Пущино;

⁴Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург;

⁵Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург;

⁶Институт зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины, Киев

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛОВ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАЙБЕК В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

Работа подготовлена в рамках выполнения проекта №33.1907. 2017/ПЧ
государственного задания Министерства образования и науки РФ

Целенаправленное изучение памятников неолита в Северном Прикаспии было положено А.Н. Мелентьевым [1975]. Но информация с большинства стоянок ограничивалась типологическими данными. Это сужало понимание ряда важных вопросов, связанных с природно-климатическими условиями, типом хозяйствования, хронологией и т.д. Междисциплинарные исследования стоянки Байбек с сохранившимся культурным слоем качественно изменили ситуацию [Гречкина и др., 2014, с. 79–90]. Она расположена на южной окраине Рын-песков в Красноярском районе Астраханской области.

По реконструированным сосудам выделены основные формы посуды: крупные прямо-стенные и с ребром в средней части. Вся керамика плоскодонная. Орнамент наносился в технике прочерчивания, разреженного накола. Узоры представлены горизонтальными зигзагами, наклонными рядами прямых прочерков, треугольниками и др. [Гречкина, 2015, с. 79–82]. Каменный инвентарь на стоянке изготовлен из кремня различных оттенков. Отщепы в незначительной степени доминируют над пластинчатыми сколами, но большинство орудий изготовлены на пластинах. Орудия составляют около 21% от общего числа каменных изделий. Основные категории представлены скребками (52%), пластинами с ретушью (28%) и сегментами с гелуанской ретушью (6%). Помимо этого в пределах нескольких десятков единиц представлены перфораторы, скобели, изделия с резцовыми сколами [Гречкина и др., 2014, с. 79–90]. Типологические характеристики керамики и кремневого инвентаря позволяют отнести данные материалы к каиршакскому типу.

По различным органическим материалам для стоянки Байбек получено 29 радиоуглеродных дат, из которых часть имеет явно не валидный характер [Выборнов и др., 2016, с. 153–156]. Особенно это касается дат по нагару на керамике, которые оказались более древними, чем значения по углю или костям из этих же объектов. Более половины дат укладываются в хроноинтервал от 6100 до 5900 лет ВС.

Для установленных хронологических рамок палеогеографы определяют широкое развитие травянистых при возрастании злаковых и наличии древесных (береза, сосна, ольха), что свидетельствует о большей задернованности [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1988, с. 51–52] и о более благоприятных условиях увлажненности, обладающих большой биологической продуктивностью. Это подтверждается и наличием почвы под культурным слоем на стоянке Байбек. Природа близка к сухим степям с каштановидными песчаными почвами, осадков на 50 мм/год больше современных.

Сосуды стоянки Байбек изготовлены лоскутным способом, внутренняя и внешняя поверхности покрыты отмученной глиной карбонатного состава. Обжиг костровой, низкотемпературный (500–700°C), кратковременный, окислительный, органика выгорала не полностью. По результатам петрографического изучения керамика по рецептурам теста делится на несколько групп: 1 – изготовленная из тощих глин смектит-карбонатного состава; 2 – изготовленная из тощих или жирных глин смектитового состава с включением зоопланктона; 3 – изготовленная из двух типов глин: смектит-карбонатного и гидрослюдистого

составов. Техничко-технологический анализ керамики выявил ее разделение по концентрации раковины моллюсков и растительности. Выделилось несколько видов и подвидов пластичного сырья, что свидетельствует об использовании разных его источников.

Трасологический анализ орудий помог значительно расширить представления о хозяйственной деятельности на стоянке. Скребки часто использовались не только для обработки шкур, но и в других операциях: для обработки кости, рога, камня, ракушки, дерева. В функции скобления дополнительно были использованы скобели для обработки дерева, кости и рога. Основным рабочим лезвием у скребков было боковое ребро изделий, часто без оформления ретушью, а не концевое лезвие со скребковой ретушью. На изделиях этой категории были выявлены резчики для обработки кости, рога и дерева, которые не выделялись типологически. Среди типологически выраженных скребков были определены сверла для дерева, строгальные ножи для кости и рога. Сегменты с гелуанской ретушью использовались в качестве вкладышей мясных ножей [Поплевко и др. 2015, с. 98–104; 2016, с. 157–169].

На стоянке обнаружено большое количество костей животных, однако определение по количеству особей дает иную картину: кулан (около 70), сайга (6), олень (4), волк (2), кабан (1), корсак (1). Это еще раз подтверждает, что памятник не функционировал очень долго. Найдены кости домашней собаки. Зафиксировано большое количество костей рыб: осетровые (стерлядь), сазан, судак, сом, лещ, щука и окунь, который свидетельствует, что древним рыболовам были доступны как закрытые водоемы (озера), так и проточные воды [Яниш, 2014, с. 220–223]. Судя по анализу космоснимков, береговая зона Каспийского моря находилась в непосредственной близости от стоянки [Антимонов, 2014, с. 18–19]. Наиболее вероятно, что памятник располагался на берегу пресноводного эстуария (залива) на месте Волго-Ахтубинской долины.

Таким образом, стоянка Байбек является еще одним важным источником для изучения неолита Северного Прикаспия.

Библиографический список

Антимонов Н.П. К вопросу о специфике расположения стоянки каменного века Байбек // Самарский научный вестник. – 2014. – №3 (8).

Выборнов А.А., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Посснерт Г. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. – Т. 18. – №6.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая раннеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. – 2014. – №3 (8).

Гречкина Т.Ю. Керамика неолитической стоянки Байбек (исследования 2013, 2014 годов) // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. – СПб., 2015.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.

Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. – Вып. 141. – М., 1975.

Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. Вкладышевые орудия стоянки Байбек по данным трасологического анализа // Методы изучения каменных артефактов. – СПб., 2015.

Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. К вопросу о соотношении формы и функции скребков (по материалам неолитической стоянки Байбек) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. – Т. 18. – №6.

Яниш Е.Ю. Результаты таксономических определений остатков рыб из раскопок археологического памятника Байбек 2013 года // Самарский научный вестник. – 2014. – №3 (8).

С.Н. Гринченко

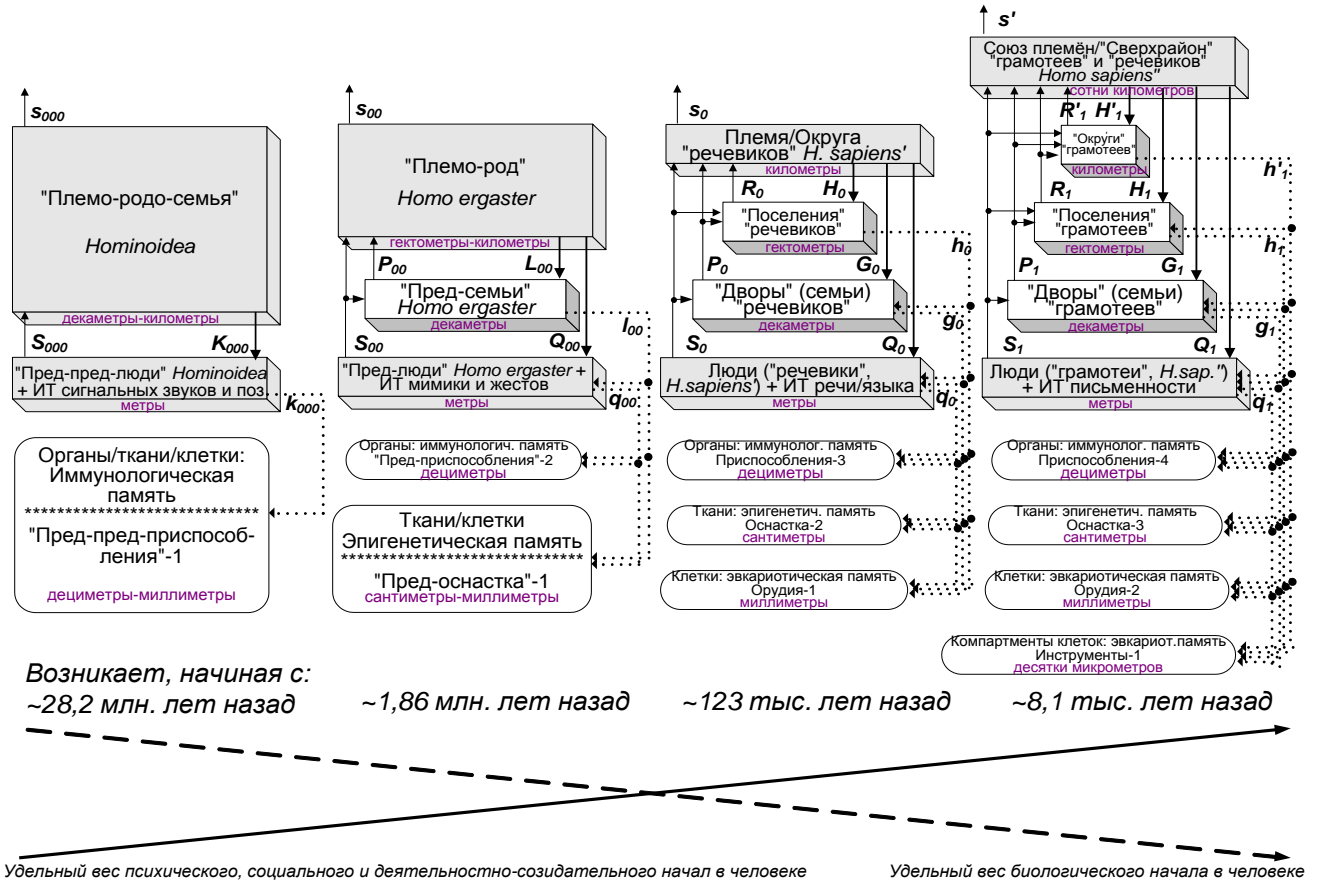
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва

ЧЕЛОВЕК В АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ:

АРЕАЛЫ, КРУГОЗОР, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СУБСТРАТ ПСИХИКИ

(числовое моделирование трендов)

Будем рассматривать человека и его древнейших и древних предшественников как базисный элемент иерархической самоуправляющейся (по кибернетическим алгоритмам поисковой оптимизации критериев энергетического характера) системы Человечества в контексте последовательно усложняющихся ее подсистем (четыре из которых представлены на рис.) в археологическую эпоху и ее предысторию [Гринченко, 2007, 2009, 2012, 2014].

Последовательность возникновения в истории Земли нескольких начальных подсистем иерархической самоуправляющейся системы Человечества

Как оказывается, пространственные и временные характеристики иерархически важных переменных в системе Человечества имеют свойство образовывать числовые ряды со знаменателем $e^e = 15,15426...$, ранее выявленное для биологических иерархических систем [Жирмунский, Кузьмин, 1982]. В частности, это свойство демонстрируют моменты возникновения новых **информационных технологий** (ИТ) общения между людьми: а) присущая представителям живой природы ИТ сигнальных звуков, поз и движений; б) доступная древнему человеку нижнего палеолита ИТ мимики и жестов; в) доступная человеку верхнего палеолита ИТ речи и языка; г) доступная человеку неолита ИТ письменности; д-е-ж) доступные людям XV века ИТ книгопечатания, XX века – компьютерная и сетевая ИТ и т.д. [Гринченко, 2007; Гринченко, Щапова, 2010, 2013].

В силу системности эволюционного процесса одновременно с моментами возникновения новых ИТ древний человек осваивал в качестве мест своего компактного проживания все большие территории: а) «племя-родо-семья» *Hominoidea* могла занимать площадку

размером, равным площади круга радиусом от ~64 м до ~15 км, б) «племя-род» *Homo ergaster/Homo erectus* – площадку с радиусом от ~1 км до ~15 км, в) племя *Homo sapiens* верхнего палеолита – площадку с радиусом до ~15 км, г) племенной союз *Homo sapiens* неолита – площадку с радиусом до ~222 км, и т.д. Размеры **ареалов** определяют ориентиры **пространственного кругозора** людей, в них живущих – если не всех, то лидеров обязательно. Иначе обеспечить устойчивость жизнедеятельности соответствующих сообществ и социумов невозможно.

Опять-таки в силу системности древний человек одновременно осваивал и все более **тонкие производственные технологии**: а) обезьянолюди *Hominoidea* формировали «пред-пред-приспособления» весьма грубо – с точностью ~28 см (лишь спорадически – до 1,2 мм), б) *Homo ergaster / Homo erectus* – «пред-оснастку» с точностью ~1,8 см (спорадически – до 1,2 мм), в) *Homo sapiens* верхнего палеолита – «орудия» с точностью до 1,2 мм, г) *Homo sapiens* неолита – «инструменты» с точностью до 0,08 мм и т.д.

Но при этом в силу той же системности он одновременно менялся и сам, причем не только анатомически и физиологически, но и психически. Числовая модель системы Человечества позволяет оценить размеры элементарных единиц **субстрата психики** человека, существенно уменьшающихся в ходе цивилизационного развития согласно тому же временному ряду. А именно: а) формирование ИТ сигнальных поз и интонированных звуков на базе «пред-пред-психики» *Hominoidea* (с ~28,2 млн лет назад) опиралось на носители системной памяти уровня **органов, тканей и клеток** многоклеточного организма с типичными размерами ~28 см–1,8 см–1,2 мм; б) формирование ИТ мимики/жестов и интонированных звуков на базе «пред-психики» *Homo ergaster/Homo erectus* (с ~1,86 млн лет назад) опиралось на носители уровня **тканей и клеток** с размерами ~1,8 см–1,2 мм; в) формирование ИТ артикулированной устной речи/языка (анатомические характеристики, которые можно наблюдать на ископаемых останках, имеют отношение к языку лишь предположительно [Бурлак, 2012, с. 160]) на базе психики *Homo sapiens'* (с ~123 тыс. лет назад) опиралось на носитель уровня эвкариотической **клетки** (т.е. на отдельные нервные и глиальные клетки) с размером ~1,2 мм; г) формирование ИТ письменности на базе психики *Homo sapiens''* (с ~8,1 тыс. лет назад) опиралось на носитель системной памяти уровня **компартиментов** эвкариотической клетки (т.е. на отдельные рецепторные, или постсинаптические, зоны нейронов и т.п.) с типичным размером ~0,08 мм.

Таким образом, числовое моделирование позволяет получить не только качественное, но и количественное представление о трендах эволюционного развития человека и включающей его системы в биологическом, психическом и социальном направлениях.

Библиографический список

- Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М., 2012.
- Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). – М., 2007.
- Гринченко С.Н. Homo eruditus (человек образованный) как элемент системы Человечества // Открытое образование. – 2009. – №2.
- Гринченко С.Н. Об эволюции психики как иерархической системы (кибернетическое представление) // Историческая психология и социология истории. – 2012. – Т. 6. – №2.
- Гринченко С.Н. Эволюция темпов жизни людей и развитие человечества // Человек. – 2014. – №5.
- Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. – 2010. – №12.
- Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества. – М., 2013. (Приложение к журналу «Информационные технологии». – №8/2013).
- Жирмунский А.В., Кузьмин В.И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. – М., 1982.

С.Н. Гринченко, Ю.Л. Шапова

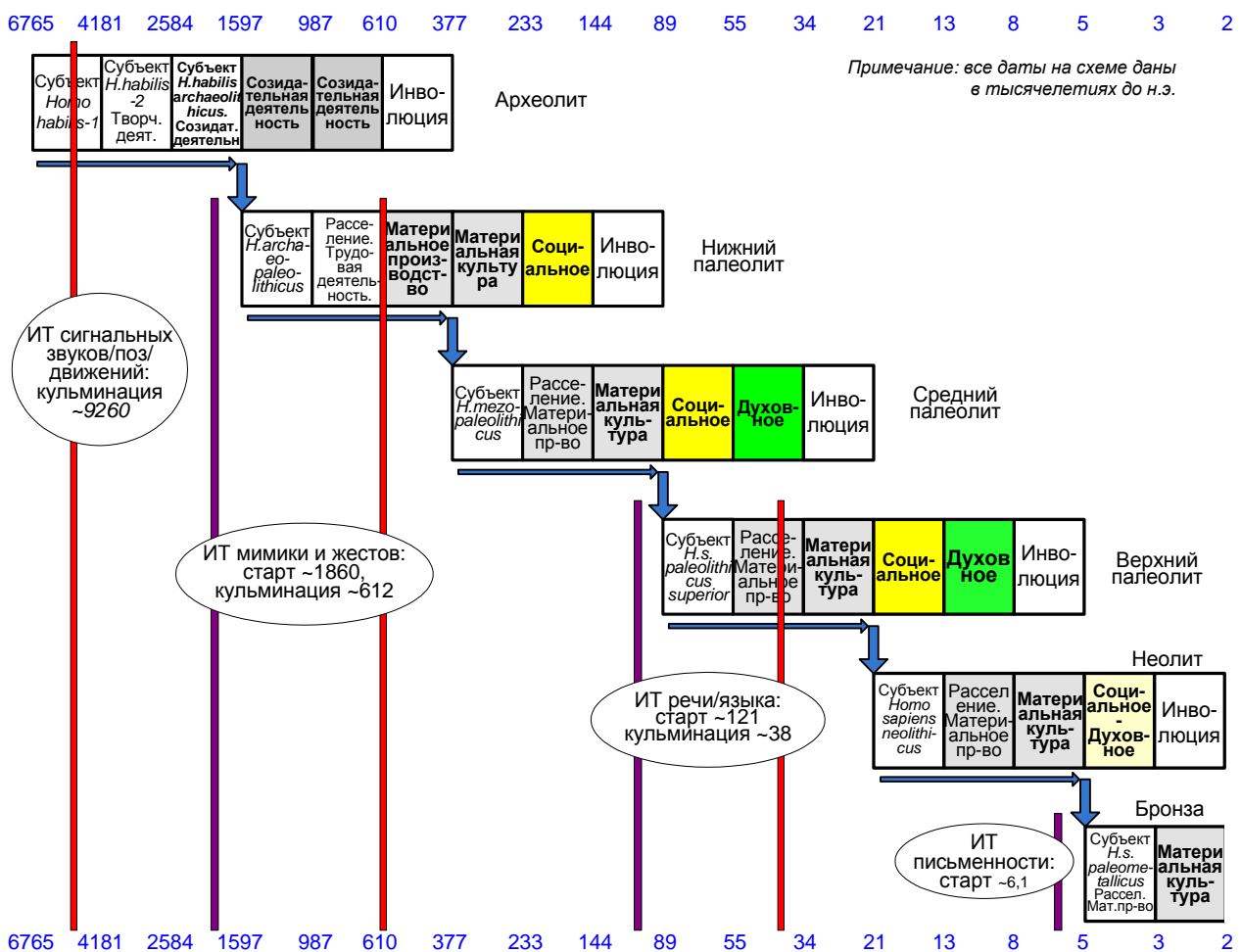
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕР В АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (числовое моделирование)

Объект археологической науки – артефакты, которые представляют собой функцию от аргумента, каковым является человек. В своем исследовании мы ввели и используем следующие понятия.

Археологическая эпоха (АЭ) – отрезок времени, в течение которого сформировался человек и созданная им искусственная среда обитания, историческое содержание которой восстановлено по археологическим источникам; самый крупномасштабный фрагмент эволюции Человечества. **Археологическая субэпоха (АСЭ)** – иерархическая составляющая АЭ. Типичная структура АСЭ содержит шесть «АЭ-периодов», объединяемых нами, в общем случае, в две «терции» 3+3 (рис.).

Числовая модель (ФМАЭ+ИКМ [Шапова, 2005; Гринченко, 2007]) фрагмента АЭ (6765–2 тыс. лет до н.э.): доминанты развития

Время модельное, оно же «**Фибоначчиево**» археологическое – измеряется в логарифмических безразмерных единицах–*АЭ-периодах* (т.е. время измеряется в *логарифмическом масштабе* – предложено Ю.Л. Шаповой [2005]).

Субъект АЭ (человек и его предковые формы) – это последовательно друг друга сменяющие (иногда – параллельно сосуществующие) от *Hominoidea* до *Homo sapiens* в нескольких последовательно усложняющихся формах.

Числовое моделирование – вариант математического моделирования, в котором при моделировании реальности подбор соответствующей функциональной зависимости (с последующей параметризацией) заменяется выбором одного из известных числовых рядов, в частности, ряда Фибоначчи – «Фибоначчиева» модель АЭ (ФМАЭ), – а также геометрических прогрессий со знаменателями: $\varphi_1 = 1,618034\dots$ либо $\varphi_2 = 0,618034\dots$ («золотое сечение»), $e = 2,71828\dots$ («Неперово число») и его степеней, напр., $e^e = 15,15426\dots$ – информатико-кибернетическая модель (ИКМ) [Гринченко, 2007]. Таким образом, «числовое моделирование» как таковое состоит в выборе нужного числового ряда из всех возможных и в интерпретации числовых значений выбранного ряда с использованием размерностей и терминологии соответствующей области эмпирического знания [Гринченко, Щапова, 2010].

В эволюционном развитии каждой археологической субэпохи (АСЭ) последовательно проявляются *доминанты* [Гринченко, Щапова, 2014]:

- *субъект* АСЭ – в форме его анатомио-физиологического, психического, интеллектуального развития и расселения по Ойкумене;
- его *отношение к природе* – в форме становления материального производства за счет расширения поля созидательной и в дальнейшем – трудовой деятельности;
- его *отношение к природе* – в форме развития материально-производственной культуры;
- *отношение субъекта к субъекту* – в форме социальной сферы;
- *отношение субъекта к воображаемому им миру* – в форме духовной (интеллектуальной) сферы;
- *инволюция* субъекта и всех связанных с ним производств и культур и переход в «затухание», «рассеяние» и реликтовую фазу.

Заметим, что биолого-психико-интеллектуальное развитие от становления до деградации субъекта происходит на протяжении всей АСЭ, но *доминантно* оно только в первом периоде АСЭ, а в остальных – *субдоминантно*. Таким образом, доминантами своей первой «терции» АСЭ реализует *глобальную магистральную линию*, сопряженную с материальным, или *производственным* началом АЭ, оставляя *непроизводственное* начало на уровне субдоминант. В свою очередь, доминанты второй терции каждой АСЭ связаны с *локальным конечным «плато»* развития последней, сопряженным с социальным / духовным, или *непроизводственным* началом, а производственное начало уходит на уровень субдоминант. К концу первой терции происходит качественный скачок: во-первых, в развитии этой АСЭ производственная глобальная сфера переходит в локальную непроизводственную сферу, во-вторых, от исходной АСЭ «отшнуровывается» новая, продолжающая свое глобальное и магистральное развитие в сфере производственного.

Такое развитие – цепочка первых терций всех АСЭ в АЭ – показана на рисунке широкими синими стрелками. Из того факта, что каждая АСЭ всякий раз начинается с терции производственной, можно сделать вывод о *необходимости* этой первой терции в развитии АЭ. Из того же факта, что первая терция каждой АСЭ всякий раз сменяется второй, непроизводственной, можно сделать вывод о *достаточности* этой второй терции для развития АСЭ. Перекрестные взаимосвязи доминанты-субдоминанты и производственное-непроизводственное делают развитие АЭ согласованным, а ФМАЭ – гармоничным.

Библиографический список

Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М., 2007.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. – 2010. – №12.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Пространство и время в археологии. Часть 4. Доминанты деятельности субъектов в структуре археологических субэпох // Пространство и время. – 2014. – №3 (17).

Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М., 2005.

А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ «КРОХАЛЁВСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ТИП»
И «КРОХАЛЁВСКАЯ КУЛЬТУРА» В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ
(могильник Крохалёвка-5, Верхнее Приобье)

Закономерно, что с появлением новой археологической информации и в связи с новыми теоретическими обобщениями назревает необходимость в корректировке содержания некоторых понятий. Такая ситуация сложилась, в частности, с терминами «крохалёвский керамический тип» и «крохалёвская культура» эпохи раннего – развитого бронзового века Верхнего Приобья.

Крохалёвский керамический тип, выделенный Н.В. Полосьмак [1978, 1979] в 1970-х гг., связан с объектами в Кудряшовском бору близ г. Новосибирска (Крохалёвка-4, 17). Характер этого типа был синкретичным. Основным маркером этой посуды была плоскодонность, баночная форма; зональный орнамент с использованием горизонтальных рядов «жемчужин» (реже ямок) и рядов насечек (реже гребенчатых оттисков). Второй же, не обязательной, но распространенной особенностью были «ложнотекстильные» отпечатки от выбивки колотушкой преимущественно на внутренней поверхности сосуда (примерно половина фрагментов) и реже – на внешней. Часть этих черт сопоставлялись автором с эпохально-синхронной посудой кротовского и одиновского типов, а некоторым характеристикам были найдены соответствия в более ранней керамике ирбинского типа и в посуде верхнеобской неолитической культуры. Крохалёвский тип посуды в рамках исследованных памятников выступал как нерасчленимый, исследовательские задачи на тот момент состояли в дальнейшей разработке культурно-хронологической шкалы Новосибирского Приобья, и этот тип (а затем и таксон «крохалёвская культура» [Абдулганеев, 1985, с. 122–125; Молодин, Глушков, 1989, с. 112]) принял на себя функцию необходимой региональной хронологической ступеньки для периода ранней бронзы.

Накопление информации по памятникам региона и сопредельных территорий привело к постепенному изменению отношения к крохалёвскому керамическому типу. К западу от Новосибирского Приобья, в лесостепном Обь-Иртышье была значительно развита и дополнена характеристика одиновского этапа развития гребенчато-ямочной общности (затем культуры), стали известны новые поселенческие и погребальные объекты [Молодин, 2008]. Часть керамики с приобских памятников, включенных Н.В. Полосьмак в крохалёвский круг, была охарактеризована В.И. Молодиным [1985, с. 32–35] как вариант одиновского керамического типа (Усть-Алеус-7 и Крохалёвка-17). Вверх по течению Оби, в Барнаульском Приобье, по мнению М.Т. Абдулганеева [1985, с. 122–125], керамические материалы также демонстрировали близость к крохалёвской керамике.

К востоку от Приобья, в Кузнецкой котловине были исследованы памятники с керамикой, похожей исключительно на одну из частей крохалёвского керамического типа – с «ложнотекстильными» отпечатками. В.В. Бобров [1992, с. 9] развил идею неоднородности выделенного Н.В. Полосьмак типа и обосновал самостоятельность двух его компонентов на кузнецких материалах («ложнотекстильная» и «накольчатая» группы керамики). Позднее кемеровскими учеными «ложнотекстильная» группа была охарактеризована собственно как основа «крохалёвской культуры» [Бобров, Марочкин, 2016]. Этот весьма специфичный керамический материал обнаружен в ряде памятников Кузнецкой котловины в несмешанном виде. Погребальных объектов с этой керамикой пока не зафиксировано.

Таким образом, с момента выделения крохалёвского типа произошли значительные изменения в представлениях о периоде ранней – развитой бронзы Новосибирского Приобья. Вследствие этого, по одной версии, крохалёвская керамика входит в круг одиновских древностей, ареал которых простирается на запад от Верхнего Приобья. При этом следы «ложного текстиля» не являются обязательными. Одиновская культура относится ко всему периоду III тыс. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014]. На данный момент очевидно,

что Новосибирское Приобье было контактной зоной для взаимодействия населения Обь-Иртышской лесостепи и Кузнецкой котловины, однако варианты взаимодействия и хронология этого процесса пока не прояснены. По другой версии, крохалёвская керамика ассоциируется только с посудой с «ложнотекстильными» отпечатками, и ареал памятников с такой керамикой образует крохалёвскую культуру в Кузнецком Притомье. Время существования такой посуды определено концом III – 1-й четвертью II тыс. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2016, с. 111].

В 1980–2010-е гг. с перерывами проводились исследования на могильнике Крохалёвка-5 в Кудряшовском бору [Галямина, 2015; Марченко и др., 2016]. Помимо всего прочего, были обнаружены два ряда могил, отражающие погребальную практику одино-котовского облика. Три сосуда из захоронений напоминали по форме и орнаментации образцы крохалёвского керамического типа, но не имели «ложнотекстильных» отпечатков на поверхности. Мы определяли эти комплексы предварительно как крохалёвские, а затем как одино-кrohалёвские. Этого определения мы пока и придерживаемся, подтверждая таким образом приобскую специфику восточной границы одиновского ареала.

На наш взгляд, атрибуцирование памятников Кузнецкой котловины кемеровскими коллегами в качестве крохалёвских является не совсем удачным. Во-первых, специфика керамики на этих объектах не отражает полностью первоначальное содержание «крохалёвского типа», предложенное Н.В. Полосьмак. Во-вторых, наличие монокультурных памятников в Притомье (Долгая-1, 2, Ивановка-2, Синеречка-1) дает возможность дать другое, новое название для обоснованно выделенной коллегами культуры, не нарушая устоявшейся терминологии.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалёвская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2016. – №4 (42). DOI 10.17223/19988613/42/19/

Галямина Г.И. Отчет «Исследования курганного могильника Крохалёвка-5 в Коченевском районе Новосибирской обл. в 1997 г.» / Архив НПЦ НСО. – Новосибирск, 2015.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXI. – Новосибирск, 2015.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: Исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989.

Молодин В.И., Епимахов А., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалёвка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.

Полосьмак Н.В. Крохалёвка-17 – новый памятник крохалёвского типа // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979.

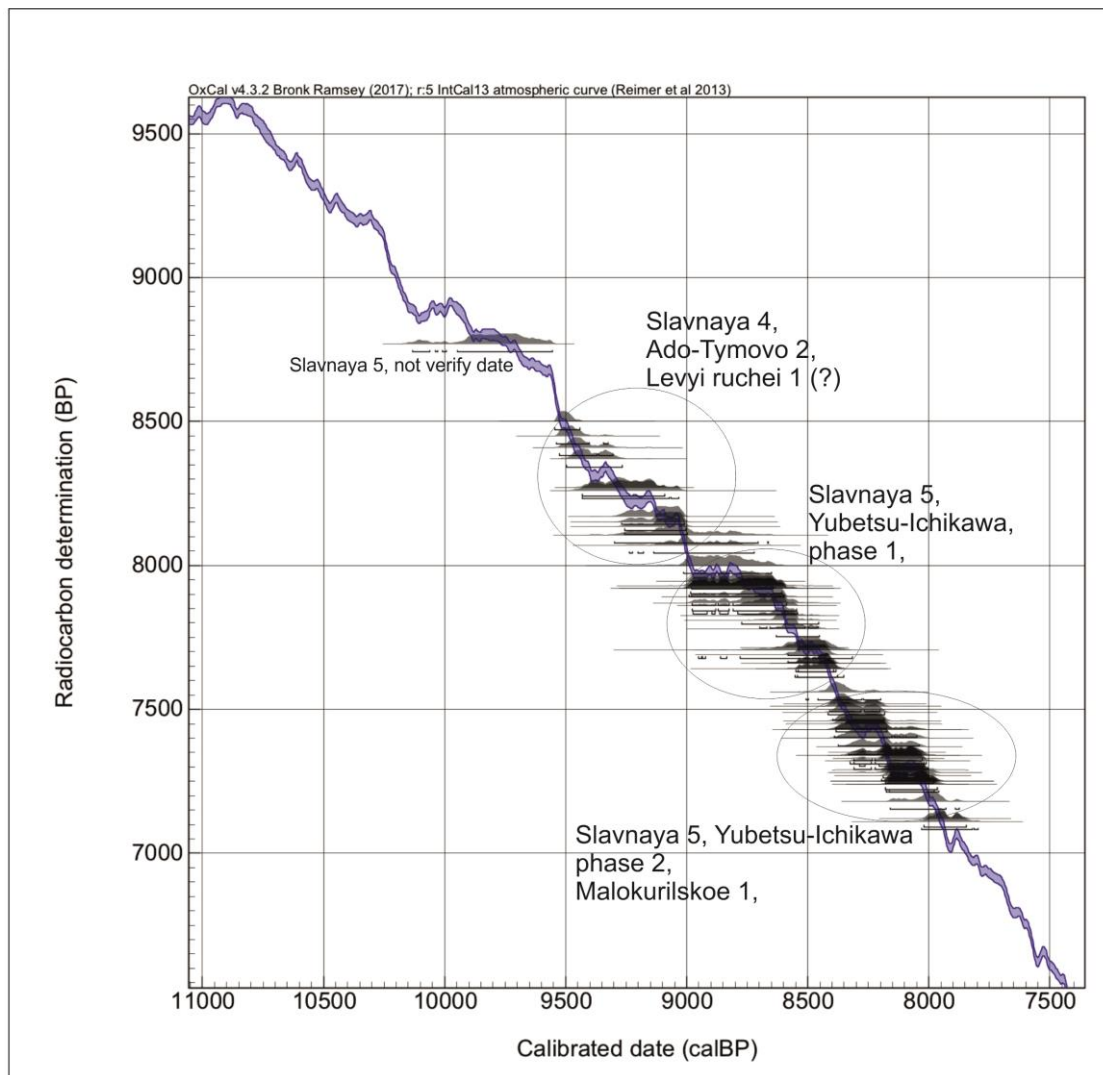
В.А. Грищенко, М. Фукуда
Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск;
Университет Кюсю, Фукуока, Япония
КУЛЬТУРА НАКОНЕЧНИКОВ НА ПЛАСТИНАХ – РАННИЙ НЕОЛИТ
ОСТРОВНОГО МИРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
(Сахалин, Курильские острова, Хоккайдо)

Изучение раннего неолита островов Сахалин, Хоккайдо и Курильского архипелага началось в 30–40-х гг. XX в., в рамках изучения *культуры наконечников на пластинах (КНП)*. Впервые материалы данной культуры опубликованы японским краеведом Саито Ёнетаро. В 1943 г., комментируя необычные для культур северной Японии находки наконечников стрел на пластинах, он высказал предположение о том, что эта «культура, возможно, распространялась из Азиатского материка через Сахалин на Хоккайдо» [Saito, 1943]. Во 2-й половине XX в. данная тема получила развитие в трудах С. Като [Kato, 1963], Х. Кимура [Kimura, 1976, 1999], М. Китадзава [Kitadzawa, 1999], А.А. Василевского [2008]. Работами экспедиций Сахалинского (рук. А.А. Василевский, В.А. Грищенко) и Токийского (рук. Ш. Онуки, М. Фукуда) госуниверситетов в 2005–2013 гг. возобновлено изучение данной тематики [Грищенко, 2011; Fukuda, 2015]. В результате изучены и датированы стратифицированные комплексы *КНП* на островах (с севера на юг): Левый ручей-2 (ранненеолитический горизонт), Адо-Тымово-2 (ранненеолитический горизонт), Пугачево-1, Славная-4, 5, Горнозаводск-2 (ранненеолитические горизонты) – остров Сахалин; Мало-курильское-2 – остров Шикотан; Юбецу-Ичикава – остров Хоккайдо. Проведенные работы и полученные результаты позволяют рассматривать данные стоянки в качестве опорных памятников *КНП* в зоне перехода от материковой к островной суше Азии.

Каменная индустрия данной культуры характеризуется доминирующим значением пластинчатого расщепления, основанного на редукции конического нуклеуса, с присутствием в комплексе бифасиальных ножей и наконечников, а также орудий на отщепках. Важной отличительной чертой каменной индустрии является наличие представительной серии разнообразных по размерам, форме и способам оформления орудий деревообработки (топоров, тесел, долот, стамесок), выполненных в технике оббивки и шлифовки поверхности, а также присутствие в инвентаре стоянок и поселений оригинальных шлифованных изделий – каменных стержней (составных частей рыболовных крючков и грузил) и необработанных или с незначительной долей обработки галек – грузил для сетей. С точки зрения характеристики керамического комплекса керамику *КНП* отличает значительная гетерогенность – в ранне-неолитических слоях обнаружена керамика с органической и минеральной примесью, с различной толщиной стенки и качеством теста – пористая толстостенная и плотная тонкостенная. Также различался температурный режим обжига и способы орнаментации. Данная особенность ярко иллюстрируется выделенными ранее многочисленными керамическими типам *КНП* на острове Хоккайдо [Kitadzawa, 1999].

В результате работ СахГУ и Токийского университета на Сахалине, Курилах и Хоккайдо получен массив из 55 радиоуглеродных дат по нагару со стенок керамических сосудов и углю из культурных слоев памятников *КНП*, что принципиально уточняет хронологию культуры, позволяя критично отнестись к датировкам по образцам неясного археологического происхождения. В результате анализа и калибровки полученных дат выделяется три хронологических этапа *КНП* на островах в интервале 9600–7800 лет назад (cal. BP) (рис.).

В качестве доминирующей адаптационной стратегии *КНП* рассматривается комплексное хозяйство с ориентацией на водные биоресурсы. Данная стратегия реализовывалась в условиях заселения морского побережья островов оседлыми (возможно сезонно) социумами. Важным элементом экономики культуры является движение между островами, т.е. использование транспортных ресурсов водной среды, очевидным маркером данного вида деятельности служит транспортировка вулканического стекла с месторождений острова Хоккайдо.

Радиоуглеродная хронология культуры наконечников на пластинах островного мира Северо-восточной Азии

Библиографический список

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2008.

Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2011.

Fukuda M. New Insights from the 2013 Archaeological Excavations at the Initial Jomon Settlement of Yubetsu-Ichikawa // Archaeological Study on the Neolithization / Jomonization Process in the Northern Boundary Region of the Japanese Archipelago: Research of the Yubetsu-Ichikawa Site. – Tokyo, 2015.

Kato S. Sekijinzoku ni tsuite Bushitsu (On the Blade Arrowhead) // Busshitsu Bunka, Tokyo. – 1963. – №1 (Japanese).

Kimura H. Sekijinzoku bunka ni tsuite (On the Blade Arrowhead Culture) // Egami Namio kyoju koki kinen ronshu: Koko, Bijutsu hen (Proceedings of the 70th years old anniversary for Prof. Namio Egami: Archaeology and Art edition. – Tokyo, 1976 (Japanese).

Kimura H. The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Archaeological Series №2. – Sapporo, 1999. – ed.by Kimura Hideaki (English and Japanese).

Kitadzawa M. Дзёмон сооки хирадзоко докигун но ёсо (Изучение плоскодонной керамики периода Раннего Дзёмона // Симподзиуму кайкию то кита но коокогаку (Симпозиум «Археология пролива и севера»). – Кусиро, 1999 (Japanese).

Saito Y. Kushimemon-sentei-doki wo zuihan-suru Saisekki-iseki (Microblade sites include with Comb-marked pointed-bottom Pottery) // Kokogaku Zasshi. – Tokyo, 1943. – №33–7 (Japanese).

М.В. Громова
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
НАХОДКИ СОСУДОВ ИЗ КАМЕННОЙ МАССЫ XVII–XIX вв.
ИЗ РАСКОПОК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

При раскопках на территории Санкт-Петербурга археологи регулярно находят фрагменты немецких сосудов из каменной массы. Условно такие сосуды можно разделить на две группы: так называемая рейнская посуда и бутылки для минеральной воды.

К рейнской посуде относятся сосуды из серой каменной массы с рельефным орнаментом и покрытые соляной глазурью, которые изготавливались в Германии с XIII в. К XV–XVII вв. употребление такой посуды достигает своего расцвета. После открытия фарфора в начале XVIII в. популярность ее падает, но производство сохраняется в XVIII и XIX в. С технологической точки зрения сосуды из каменной массы представляют собой изделия с непрозрачным спекшимся черепком. Обжиг таких изделий выполняется при температуре 1200–1300°C. В зависимости от процесса обжига поверхность черепка становится коричневой (обжиг с окислением) или серой (обжиг с восстановлением). Поваренная соль, загруженная в печь, осаждается на черепке в виде тонкого слоя ровной блестящей глазури [Немецкая керамика, 1984, с. 54–55]. Основными центрами производства являются Кёльн-Фрехен, Зигбург, Ререн и Вестервальд.

Распространение находок рейнской посуды на территории Санкт-Петербурга неравномерно. Во время археологических работ на Охтинском мысу (Ниеншанц) было найдено порядка 100 фрагментов сосудов (возможно, кувшинов и пивных кружек («шнелл»)), которые относятся к допетровскому периоду и связаны не только с ее массовым употреблением за пределами Германии, но и с переселением на эти территории в 1-й половине XVII в. части немецких граждан, которые составили значительную и наиболее зажиточную часть населения города Ниена [Сорокин, 2001, с. 57]. Найденные фрагменты дают представление о разнообразии ассортимента и используемых цветовых решениях. Большинство выполнено из серой массы и покрыто синей глазурью. Также встречаются фрагменты из серой массы с синей и фиолетовой глазурью, из бежевой массы – с коричневой глазурью, из серо-коричневой массы – с коричневой глазурью и из белой массы – без глазури.

В остальной же части Санкт-Петербурга рейнская посуда встречается в очень незначительном количестве. Фрагменты четырех сосудов (части двух пивных кружек («шнелл») и фрагменты двух кувшинов) были найдены во время археологических надзорных работ на территории Большого двора Зимнего дворца Государственного Эрмитажа в 1999 г. [Архив ИА РАН, 2001] и во время археологического исследования на территории Восточного крыла Главного Штаба 2009–2010 гг. [Аветиков и др., 2011, с. 15–34].

Другой, наиболее часто встречающийся вид сосудов из каменной массы – бутылки для минеральной воды (нем. Mineralwasserflaschen), так называемые зельтерские бутылки. Самые ранние образцы бутылок, найденных в Санкт-Петербурге, относятся к 1-й половине XVIII в., ко времени начала массового распространения минеральных вод в таре из каменной массы, которая обладала достаточной прочностью для перевозки жидкостей на дальние расстояния. К таким бутылкам относятся фрагменты сосудов, обнаруженные в ходе археологического исследования на территории Восточного крыла Главного Штаба 2009–2010 гг. [Аветиков и др., 2011, с. 15–34]. Постепенно на протяжении XVIII в. форма тулова меняется от яйцевидной к цилиндрической. В XIX в. в основном встречаются цилиндрические бутылки, покрытые коричневой глазурью, с небольшой округлой ручкой, начинающейся от плечика и примыкающей к тулову. Зачастую бутылки снабжаются клеймом источника, из которого произошла минеральная вода, а также меткой мастера, изготовившего сосуд.

Наибольшее количество находок бутылок из каменной массы встречается в слоях 2-й половины XVIII – XIX в., что объясняется возросшей популярностью в употреблении минеральных вод. Наиболее многочисленную группу составляют сосуды с клеймом источника

Зельтерс. Изменения этого клейма на протяжении XVIII–XIX вв., изученные Улфом Виеландом в статье «Mineral wasser krügaus Selters» [Wieland, 1980, с. 288–292], позволяют датировать сосуд с точностью до 30–50 лет.

Немецкая каменная посуда – явление редкое для Петербурга XVIII и XIX в., так как в этот период она рассматривалась уже с чисто утилитарной стороны и, с возросшей популярностью фарфора и его копий в фаянсе, потеряла свою актуальность, постепенно отойдя на второй план. Продолжая традиции изделий из каменной массы, в XVIII и XIX в. на смену ей приходят бутылки для минеральной воды. Дальнейшее исследование данной темы позволит проследить этот переход, а также изучить изменение форм самих бутылок и их роль как в повседневной жизни города, так и в торгово-экономических отношениях между Россией и Европой.

Библиографический список

Аветиков А.А., Александров С.В., Боковенко Н.А., Ёлшин Д.Д., Кюльдюшевский В.И., Стёганцева В.Я. Археологическое исследование на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюллетень ИИМК РАН. [№2] (охранная археология) / науч. ред. Н.Ф. Соловьева. – СПб., 2011.

Изделия из керамики XVI–XVIII веков // Немецкая керамика : каталог выставки. – Л., 1984.

Иоаннисян О.М. Отчет об археологических надзор-ных работах на территории Большого двора Зимнего дворца Государственного Эрмитажа в 1999 году. – СПб., 2001 / Архив ИА РАН Ф. 1. Р. 1. №25221.

Сорокин П.Е. Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц. – СПб., 2001.

Wieland Ulf Mineral wasser krügaus Selters // Der Mineralbrunnen. – 1980. – №10.

С.П. Грушин
Алтайский государственный университет, Барнаул
**КОЭФФИЦИЕНТЫ СОХРАННОСТИ И УТИЛИЗАЦИИ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ
С ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ**

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного Алтайским государственным университетом (договор №14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культура территории Северной Азии»)

Важнейшим источником при реконструкции хозяйственно-культурной системы древнего населения выступают палеозоологические определения видового состава животных, полученных по остеологическим коллекциям из археологических раскопок поселенческих комплексов. В этом процессе важную роль играет методика интерпретации имеющихся данных [Антипина, 2003, с. 19]. В процессе работы с палеозоологическими данными поселенческих комплексов раннего бронзового века лесостепного и степного Обь-Иртышья была интуитивно отмечена различная степень сохранности костей животных как различных видов на одном поселке, так и одних и тех же видов на разных поселках. Для более точной фиксации выявленных особенностей была разработана несложная формула, позволяющая ввести специальные количественные показатели, обозначенные как коэффициент «сохранности скелетов» и коэффициент «утилизации». Вводимые нами показатели позволяют выявить усредненную характеристику интенсивности использования продуктов животноводства (прежде всего, кости) по каждому виду животных на одном поселении, а также сравнивать эти показатели для разных поселков. Предлагаемые коэффициенты взаимосвязаны и носят обратно пропорциональный характер.

Для расчета коэффициента «сохранности» использована следующая формула:

$$X = 1 - \frac{B}{C},$$

где X – искомый коэффициент; B – минимальное количество особей одного вида животных, определимых для одного поселка; C – количество определимых костей животных данного вида. Если каждая кость животного одного вида, обнаруженная на поселении, принадлежит отдельной особи ($B=C$), то данный коэффициент будет равен 0, что будет означать крайне низкую степень сохранности скелетов животных данного вида и, соответственно, максимально высокую степень интенсивного хозяйственного использования. Если все определимые кости животных на поселении будут принадлежать к одной особи, то коэффициент сохранности скелета будет стремиться к 1. В таком случае можно говорить о максимальной сохранности костей скелета данного вида.

Соответственно, формула расчета коэффициента «утилитарного использования» может быть представлена следующим образом:

$$X = \frac{B}{C}.$$

Расчеты по этой формуле, соответственно, дадут обратную картину. Если каждая кость животного одного вида, обнаруженная на поселении, принадлежит отдельной особи ($B=C$), то данный коэффициент станет равным 1, что будет означать максимально высокую степень интенсивного хозяйственного использования костей и крайне низкую степень сохранности скелетов животных данного вида соответственно. Если все определимые кости животных на поселении будут принадлежать только к одной особи, то коэффициент сохранности скелета будет стремиться к 0. В таком случае можно говорить о минимальной интенсивности использования костей и, соответственно, о максимальной сохранности.

Нужно учитывать, что степень сохранности скелетов животных может определяться не только степенью интенсивности утилитарного использования, но и другими факторами, которые иногда сложно выявить, но, тем не менее, их необходимо учитывать. Среди них можно назвать следующие показатели:

– разная степень археологизации костей животных разного вида. Так, кости КРС и лошади в целом более крупные и многочисленные в отдельном скелете, чем МРС, что обеспечивает при прочих равных условиях их более хорошую сохранность;

– коэффициенты утилизации и сохранности отражают степень утилизации скелетов только применительно к раскопанным участкам поселка. Пространственное размещение различных производственных и бытовых площадок также может вносить существенные изменения. Идеальный вариант – полностью раскопанное поселение, соответственно, чем меньше раскопанная площадь относительно общей площади поселка, тем менее достоверны результаты.

Предлагаемые коэффициенты были апробированы на материалах поселенческих комплексах бронзового века лесостепного Обь-Иртышья – Колыванское-I [Грушин, 2015], Черноозерье-VI [Смирнов и др., 1981]. По коэффициенту сохранности скелетов на первом месте находится МРС с показателем 0,91; на втором месте – лошадь (0,88) и на последнем – КРС (0,77). По коэффициенту «утилизации», соответственно, на первом месте – КРС с показателем 0,23; на втором – лошадь (0,12) и на третьем – МРС (0,09).

Один из вероятных вариантов объяснения данной картины может быть связан с особенностями утилизации остеологического материала. Кости КРС и лошади в гораздо большей степени, чем останки МРС, были задействованы в качестве сырьевых источников для косторезного дела. Костяные орудия, выполненные из кости и рога КРС, могли использоваться не только в различных домашних промыслах – скорняжное производство, камнеобработка и др., но и в горнорудном производстве. Поэтому и наборы скелетов КРС и лошади более фрагментарны и менее полны, чем кости МРС.

Просчитанные коэффициенты для поселения Черноозерье-VI продемонстрировали определенные отличия соответствующих показателей. В целом отметим более равномерное, пропорциональное распределение коэффициентов на поселении Черноозерье-VI. Сравнительный анализ показывает отличие стратегии двух поселков в использовании животных разных видов в хозяйстве. Общий показатель утилитарного использования животных и их костей на поселении Колыванское-I гораздо выше аналогичного параметра с поселения Черноозерье-VI. Для первого памятника он составил 0,85, для второго – 0,965, соответственно, коэффициент сохранности – 0,15 и 0,035. Вышесказанное свидетельствует о том, что кости всех основных видов животных на поселении Колыванское-I утилизировались гораздо интенсивнее (более чем в 4 раза), чем в поселке Черноозерье-VI. Так, КРС – более чем в 7 раз, лошадь – в 4 раза, МРС – более чем в 2 раза.

Проведенное исследование позволило разработать новый исследовательский инструмент для интерпретации результатов палеозоологических данных. Расчеты коэффициентов сохранности и утилизации для памятников Колыванское-I и Черноозерье-VI бронзового века Обь-Иртышья продемонстрировали высокий потенциал возможности получения новой хозяйственно-культурной информации. Предлагаемую методику можно использовать для анализа и интерпретации данных по другим территориям и периодам древней и средневековой истории, что позволит осуществить ее усовершенствование.

Библиографический список

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. – М., 2003.

Грушин С.П. Итоги и перспективы исследования поселения Колыванское-I в Рудном Алтае // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 2 (12). – Барнаул, 2015.

Смирнов Н.Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Вып. 13. – Свердловск, 1975.

Смирнов Н.Г., Косинцев П.А., Бородин А.В. Влияние хозяйственной деятельности древнего населения на экосистемы Западной Сибири и Зауралья // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. – М., 1981.

А.М. Губайдуллин
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Используя материалы археологических исследований, можно хорошо проследить эволюцию крепостных сооружений. В основном они возводились из дерева и грунта, начиная от рва с расположенным за ним частоколом до заполненных земель городней и тарас. Таким образом, прослеживается поступательное развитие от простого к сложному. Однако необходимо отметить, что довольно простая конструкция стен – тыновая ограда с боевой площадкой с внутренней стороны – существовала на протяжении всего исторического периода.

Вопрос о повсеместном применении и количестве крепостных башен на памятниках требует отдельного рассмотрения. Нужно принимать во внимание и целесообразность возведения в том или ином месте данных элементов военного зодчества, а также высокую стоимость строительства по сравнению с крепостными стенами. Только воротные проезды должны были иметь максимальную защиту, которая включала и проездные башни. Возможен также и вариант имевшихся в то время государственных ограничений и контроля за постройкой таких объектов фортификации [Томпсон, 2011, с. 141].

К немаловажным относятся и вопросы о форме бойниц в крепостных сооружениях, построенных из дерева. Если в этом плане для каменных построек все относительно ясно, то аналогий для деревянных конструкций практически не сохранилось, за исключением довольно поздних русских острогов Сибири [Крадин, 1988]. Автор поддерживает наиболее распространенную точку зрения, что бойницы в деревянных крепостных сооружениях были горизонтальными и устраивались в стыках бревен. Не исключено, конечно, что данные отверстия для ведения стрельбы из луков и арбалетов имели подквадратную форму и закрывались специальными ставнями.

Интересен вопрос планиграфии городищ и соотношения оборонительных сооружений с бытовыми постройками. Во время археологических исследований на территории первой столицы Болгарского царства Плиски было зафиксировано, что плотно застраивался только центр территории поселения, тогда как пространство между ним и крепостной деревянной стеной почти было свободно или вообще пустовало [Рашев, 2007, с. 105]. Такой принцип размещения гражданских и военных построек имел место и на укрепленных поселениях Волжской Булгарии и Древней Руси [Воскресенская летопись, 1998, т. 3, с. 299]. Этого правила придерживались и в городах многих других территорий вплоть до Дальнего Востока [Артемьева, 2014, с. 439–444].

К фортификации косвенно можно отнести и меры по обеспечению водой укрепленных поселений любого временного периода. Это соотношение городищ с водными источниками: ручьями, реками, озерами и возможными запрудами, чьи ресурсы применялись не только для поддержания жизнедеятельности, но и для нужд обороны. Сюда относится также и устройство колодцев, каких-либо цистерн и искусственных бассейнов.

Библиографический список

- Артемьева Н.Г. Столичные города государств Восточного Ся эпохи Цзинь // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. III. – Казань, 2014.
- Воскресенская летопись // Русские летописи. – Т. 2. – Рязань, 1998.
- Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988.
- Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей: материалы Учредительного съезда Международного конгресса / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Т. I. – Казань, 2007.
- Томпсон А. Гамильтон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. – М., 2011.

А.В. Губайдуллина, З.Г. Шакиров
Национальный музей РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОДЕЛОЧНЫХ КАМНЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА
(по материалам работ 2015–2016 гг.)

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)»

Начиная с IX в. одним из приоритетных направлений во внешней торговле Волжской Булгарии были связи со странами Востока. Из этих стран ввозился огромный перечень товаров, пользовавшихся широким спросом среди болгарских и русских торговцев. Одной из таких категорий были украшения из поделочных камней. Классификации таких изделий с памятников Булгарии X–XIII вв. не существует. Наиболее важным памятником домонгольского периода является Билярское городище в Республике Татарстан. В 2015 г. в центральной части внутреннего города Билярского городища, к западу от Соборной мечети, был заложен раскоп XLIV, общая площадь которого составила 288 кв. м. В ходе двухлетних работ был получен обширный материал, в том числе и изделия из поделочных камней и органических материалов. Предварительной классификации данного материала посвящена наша работа.

Группа I. Сердоликовые изделия. Категория 1. БУСЫ.

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении (рис.-1). Тип 1. Шарообразные (2 экз.) – обе бусы относятся к подтипу А (мелкие), из сердолика низкого качества и небрежной обработки. Качество камня и обработки помогают определить датировку. Тип бус имеет широкие аналогии: в Мерве в V–VI вв., в Хорезме VII–VIII вв., на Афрасиабе, в Прикамье и др. [Ковалевская, 1998, с. 17]. М.В. Фехнер датирует их X–XI вв. на древнерусской территории [Полубояринова, 1991, с. 22].

Отдел 2. Граненые (в поперечном сечении многогранник).

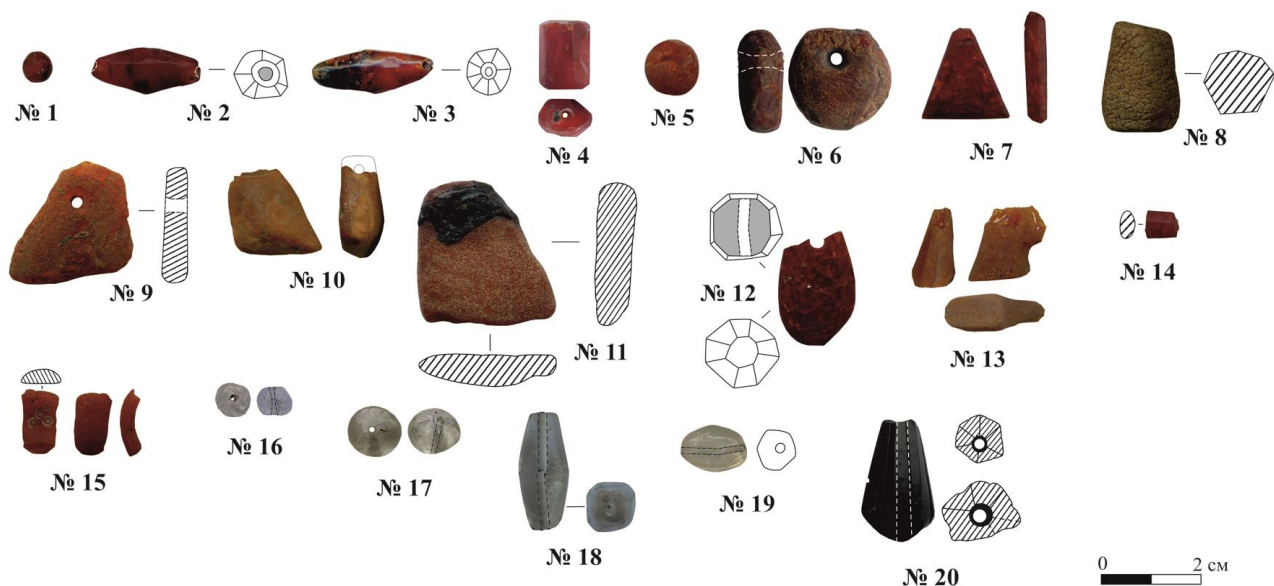
Тип 1. Бипирамидальные (рис.-2–3) Подтип В (1 экз.) – в поперечном сечении 7-угольник, заготовка из сердолика низкого качества красно-коричневого цвета, грани выражены нечетко. Подтип Г (1 экз.) – в поперечном сечении 8-угольник, крупная буса из некачественного сердолика красно-коричневого цвета со сколами у отверстий. Данный тип бус имеет широкую датировку – X–XIII вв. Также такие бусы можно датировать по качеству обработки. Тщательно обработанные бусы относятся к более раннему периоду, к XII в. качество обработки снижается. Тип 3. Призматическая (рис.-4), уплощенная в сечении – представлен восьмигранной бусиной (подтип А), изготовленной из низкосортного слоистого сердолика небрежной обработки. Известны очень широко: в Средней Азии весь домонгольский период, в то время как в Восточной Европе их бытование ограничено IX–XI вв. [Полубояринова, 1991, с. 26].

Группа II. Янтарные изделия. Данная группа является самой многочисленной на раскопе. Категория 1. БУСЫ. Отдел 1. Круглые в поперечном сечении (рис.-5).

Тип 1. Шарообразная (1 экз.) представлена бракованной бусиной с недосверленным отверстием. Подобные бусы характерны для могильников Крыма и Черноморского побережья Кавказа VIII–IX вв., присутствуют в могильнике Белой Вежи.

Категория 2. ПОДВЕСКИ.

Тип 1. Круглая (рис.-6) плоская (1 экз.) со сквозным отверстием в верхней части изделия и плоской площадкой, в сечении – овал. Тип 2. Треугольная (рис.-7) плоская (1 экз.) с дополнительными гранями. Тип 3. Трапециевидные в продольном сечении (рис.-8–11). Подтип А (1 экз.) – в поперечном сечении имеет неправильный шестиугольник. Подтип Б – уплощенные без дополнительного придания формы (2 экз.). Также к подтипу Б можно отнести вставку (1 экз.) с остатками смолы на верхней части. Тип 4. Каплевидная (1 экз.) в сечении имеет неправильный восьмиугольник (рис.-12) с плоской площадкой. По аналогии сердоликовым каплевидным подвескам можно разделить на подтипы. Данная подвеска относится к подтипу В – граненые. Тип 5. Граненая фигурная (1 экз.) представлена фрагментом изделия (рис.-13). Датируются широко – X–XIII вв.

Украшения из поделочных камней с Билярского городища (Р. XLIV 2015–2016 гг.)

Категория 3. ПЕРСТНИ. С данного раскопа происходит 2 фрагмента (рис.-14–15). В сечении оба имеют полуовал. На одном фрагменте перстня на внутренней поверхности имеется циркульный орнамент из 5 кружочков. Ранее янтарные перстни с циркульным орнаментом на внутренней поверхности не встречались.

Группа III. Хрустальные изделия – все типы датируются X–XII вв. Категория 1. БУСЫ. Отдел 1. Круглые в поперечном сечении. Тип 1. Шарообразные (1 экз.) – относится к подтипу А (мелкие), небрежной обработки (рис.-16). Тип 2. Зонные (1 экз.) – уплощенная в продольном сечении, относится к подтипу Б (средние), небрежной обработки (рис.-17).

Отдел 2. Граненые (в поперечном сечении многогранник).

Тип 1. Бипирамидальные Подтип Б (1 экз.) – в поперечном сечении 6-угольник, т.е. имеет 12 граней, небрежной обработки (рис.1: 18). Подтип В (1 экз.) – в поперечном сечении 7-угольник, т.е. имеет 14 граней, небрежной обработки (рис.1: 19).

Группа IV. Бусы из гагата (1 экз.). Отдел 1. Граненые.

Тип 1. Многогранные (рис.-20). Данный тип представлен напускной каннелированной бусиной каплевидной формы со слегка заостренным концом. В сечении дает 6-гранную розетку. Каннелюры крупные, редкие, идут между отверстиями канала. Гагат блестящий черного цвета, тщательной обработки. Подобная бусина представлена в экспозиции Билярского музея. Граненые гагатые бусы, но других форм, встречаются в могильнике Белой Вежи, в Танкеевском могильнике.

Большинство янтаря-сырца и изделий имеет оранжево-красные оттенки, что говорит о возможной подготовке и прокале сырья на месте. На это указывает качество и сохранность самого янтаря. Заготовки и небрежность обработки изделий из янтаря, сердолика и хрусталя указывают на возможность местного производства. Всего с раскопа происходит 12 янтарных изделий, 5 сердоликовых и 4 хрустальные бусы, 1 гагатая бусина, 12 янтарных заготовок, 76 кусочков и фрагментов янтаря-сырца. Стекланные украшения, обнаруженные на раскопе: 31 бусина, 2 фрагмента браслетов и 1 кольца. Интересны 2 пробирных камня со следами белого и желтого металла. Предметы импорта, заготовки изделий из камня, производственный и торговый инвентарь указывают на неординарность изучаемого комплекса.

Библиографический список

- Ковалевская В.Б. (при участии Жиронкиной О.Ю.). Хронология восточно-европейских древностей V–IX вв. – Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. – М., 1998.
- Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1991.

Д.Ю. Гук¹, М.В. Румянцев², Н.О. Пиков², И.Н. Рудов²
¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
²Сибирский федеральный университет, Красноярск
ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Кафедра информационных технологий в креативных и культурных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета с 2014 г. сотрудничает с Государственным Эрмитажем, направляя своих студентов на производственную и дипломную практики, в ходе которых осуществляется видеосъемка экспонатов и панорамная съемка экспозиций, создаются гигапиксельные панорамы объектов и выполняется моделирование археологических экспонатов. Работа с археологическими коллекциями на экспозиции и в фондах музея позволяет получить опыт обращения с экспонатами и взаимодействия в коллективе, а также закрепить навыки ручной цифровой съемки, панорамной съемки при помощи роботизированных систем и фотограмметрии [Гук и др., 2016]. Впоследствии полученные цифровые образы дорабатывались программными средствами с помощью специальных плагинов. Технологии 3D-моделирования и дополненной реальности были использованы для популяризации сведений об артефактах Окуневской культуры и показа изображений, нанесенных на каменные изваяния [Hookk et al., 2015]. Результаты практик легли в основу курсовых и дипломных работ.

Оцифровка объектов культурного наследия является не только способом сохранения информации о памятниках и новым инструментом для исследователей, но и средством популяризации археологического наследия. Аналогично тому, как цифровые модели экспонатов, найденных совместными международными экспедициями и отреставрированных реставраторами Государственного Эрмитажа, могут быть представлены в виртуальном музее. Так, коллекции, хранящиеся в федеральном музее, могут стать доступными в цифровой форме для музеев тех регионов, откуда они происходят. Кроме того, сотрудничество в данном направлении порождает такие интересные проекты, как представление истории Зимнего дворца и формирование археологических экспозиций, рассказанное от лица эрмитажных котов, находившихся на службе в императорском дворце со времени его основания (<http://archeology-vt.sfu-kras.ru/>). На очереди – составление раздела электронной энциклопедии Эрмитажа, связанного с археологическими открытиями, памятниками, сотрудниками музея, экспозициями и экспонирующимися коллекциями. В настоящее время лаборатория «Digital Humanities» ГИ СФУ ведет проектирование мобильного приложения дополненной реальности для платформ IOS и Android для представления археологических объектов оцифрованных методом фотограмметрии, включающее иллюстрированный словарь археологических терминов.

Библиографический список

Гук Д.Ю., Румянцев М.В., Пиков Н.О., Лаптева М.А. Результаты практики студентов как основа музейных информационных проектов в области цифрового культурного наследия // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России : сборник научных трудов. – Омск, 2016.

Hookk D., Pikov N., Rumyantsev M., Vishniakova M., Kizhner I. Touching an Ancient Stone: 3D Modeling and Augmented Reality Techniques for a Collection of Petroglyphs from the State Hermitage Museum // 2nd Digital Heritage International Congress. – Vol. 2. – Granada, 2015.

В.Н. Гурьянов
*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, Брянск*
О ТОПОГРАФИИ БРЯНСКА В XIII–XIV вв.

На территории современного города Брянска в настоящее время известны два крупных поселенческих комплекса древнерусского времени – городище и несколько селищ в урочище «Чашин Курган», расположенном напротив впадения в р. Десну ее крупнейшего левого притока р. Болвы, и городище «Покровская Гора» с прилегающим к ней посадом – Петровской Горой [Археологическая карта..., 1993, с. 23–26]. Именно последний комплекс памятников связывается практически всеми исследователями со средневековым Брянском XIII–XVI вв.

Средневековый Брянск, несмотря на его достаточно бурную политическую историю [Горский, 1996, с. 76–110], относится к числу наименее изученных археологически городов Руси. Сравнительно небольшие раскопочные работы проводились Т.В. Равдиной на городище «Покровская Гора» в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Несколькими раскопами и шурфами было вскрыто 109 кв. м. В ходе раскопок была исследована полуземлянка, собран достаточно представительный вещевой и керамический материал и сделан вывод о том, что «культурный слой на Покровской Горе в Брянске начал откладываться со второй половины XII века» [Равдина, 1973, с. 66–71]. В еще меньших объемах в 1990–2000-е гг. исследован прилегающий к городищу посад – Петровская Гора [Гурьянов, Поляков, 1993, с. 27–30]. В ходе работ автора 1997 г. одним из шурфов была исследована постройка (погреб с ледниками) конца XIII – 1-й половины XIV в., давшая достаточно выразительный керамический материал, в яме на дне постройки был обнаружен фрагмент фаянсовой чаши с надглазурной полихромной росписью (типа «минаи») [Гурьянов, 2005, с. 42–59].

Даже такие весьма скромные результаты позволили наметить в общих чертах топографию стольного города Чернигово-Брянского княжества времен князя Романа Михайловича, включавшего детинец – Покровскую Гору и примыкавший к нему большой посад на Петровской Горе, уничтоженное ныне городище на Соборной горе и определенный тогда предположительно еще один посад, располагавшийся к югу от городища Покровская Гора «на Козей степи на реке на Десне, что против стрелецкой слободы» (цит. по [Крашенинников, 1997, с. 59, 60]) [Гурьянов, 2009, с. 96–99]. В ходе дальнейших исследований Петровской Горы были выявлены участки с отсутствовавшим культурным слоем древнерусского времени, что позволило О.А. Брусенцову высказать мысль об отсутствии сплошной заселенности Петровской Горы в древнерусское время [Брусенцов, 2007, с. 29–30; Брусенцов, 2008, с. 34–35]. Это подтверждается и письменными источниками раннего нового времени. Судя по ним, наряду с городской застройкой на Петровской Горе располагались и сельскохозяйственные угодья – пашни и сады. Например, согласно Брянским писцовым книгам 1626–1628 гг. расположенный на Петровской Горе Воскресенский женский монастырь имел в урочище «Княжий клин» пашни «8 четвертей, а в дву по тому ж». Там же на посаде белый поп монастыря Микифор имел двор с садом размерами 56 на 18 сажен [Никулина, 1995, с. 97–98].

В 2012 г. Е.А. Шинаковым впервые был исследован участок предполагаемого второго посада на так называемой Рождественской горе в районе Стрелецкой слободы, располагавшейся там в XVI–XVII вв. В ходе исследований были выявлены материалы позднего средневековья и нового и новейшего времени [Шинаков, Гурьянов, Чубур, 2013, с. 85–91]. Наряду с этими материалами в шурфе были также обнаружены и несколько фрагментов древнерусской керамики XII–XIII вв., что позволило предположить освоенность этой территории в древнерусское время [Гурьянов, Чубур, 2016, с. 214, 218, рис. 4.-1].

В 2015 г. автором проводились археологические наблюдения в зоне строительства КПП с гостевой автостоянкой (1-я очередь строительства гостинично-офисного комплекса) по бульвару Гагарина в Советском районе г. Брянска на территории исторического центра

Стрелецкой слободы – погоста церковей Рождества Христова и Введения во храм на Рождественской горе (XVII–XVIII вв.). В ходе работ выявлены отдельные участки сохранившегося культурного слоя, в материке исследованы остатки постройки XIII–XIV вв. В верхнем слое заполнения постройки найдены фрагменты круговых сосудов с линейным и волнистым орнаментом, один из которых, украшенный двухрядным волнистым петлеобразным орнаментом, был собран практически полностью, железный нож и фрагмент гладкого зеленого стеклянного браслета [Гурьянов, Шинаков, Чубур, 2015, с. 114–118, рис. 1; Гурьянов, 2016, с. 16, рис. 2].

Таким образом, выявленный археологический материал подтверждает высказанное ранее мнение о заселении данной территории города Брянска в средневековье. Вероятное время заселения Рождественской горы (и примыкающих к ней Авиловской и Комаревской гор – ныне улиц Горького и Фокина) – конец XII в., наибольшего расцвета существовавшие здесь поселения достигли в период существования Брянского княжества (конец XIII – 1-я половина XIV вв.). Однако в настоящее время недостаточно данных для решения вопроса о характере существовавшей здесь застройки – был ли это еще один городской посад или слобода, как в более позднее время.

Библиографический список

- Археологическая карта России: Брянская область / А.В. Кашкин. – М., 1993.
- Брусенцов О. К вопросу о степени заселения Петровской Горы средневекового Брянска // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи : матеріали VI Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. – Чернігів, 2007.
- Брусенцов О. О степени заселенности посада средневекового Брянска // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи : матеріали VII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. – Чернігів, 2008.
- Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. – Вып. 1. – М., 1996.
- Гурьянов В.Н. Брянск конца XIII– первой половины XIV вв. по данным археологии // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. : сборник статей. – Тула, 2005.
- Гурьянов В.Н. К вопросу о топографии средневекового Брянска на Петровской Горе // Верхнее Подонье: Археология. История : сборник статей. – Вып. 4. – Тула, 2009.
- Гурьянов В.Н. Археологические наблюдения на Рождественской горе в Брянске // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. – Липецк, 2016.
- Гурьянов В.Н., Поляков Г.П. Новые исследования древнего Брянска // Роль ранних мисских центров в становлении Киевской Руси : Материалы польового историко-археологического семинара. – Суми, 1993.
- Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Рождественская гора в городе Брянске // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): археология, история : материалы V Всероссийского семинара. – Тула, 2016.
- Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А., Чубур А.А. Наблюдения за земляными работами на Рождественской горе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 г. – Брянск, 2015.
- Крашенинников В.В. Город Брянск и его окрестности в XVII – первой половине XIX вв. // Страницы истории города Брянска : материалы историко-краеведческой конференции. – Брянск, 1997.
- Никулина С.А. Православные женские монастыри Брянского края в XVI – XVII вв. // Из истории Брянского края : материалы юбилейной историко-краеведческой конференции. – Брянск, 1995.
- Равдина Т.В. О времени возникновения Брянска // КСИА. – Вып. 135. – М., 1973.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Археологические исследования в Брянске и области в 2012 году // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2012 г. – Брянск, 2013.

Ал.В. Гусев
Научный центр изучения Арктики, Салехард
КОТЛЫ И ТОПОРЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ
(средневековье и новое время)

В археологии под погребальным обрядом чаще всего понимается сумма остатков от ритуальных церемоний, связанных с захоронением умершего. В данной работе делается попытка рассмотреть два факта в конструкции погребального обряда населения Нижнего Приобья на примере памятников средневековья и нового времени – это применение в обряде медных (железных) котлов и топоров.

Основная проблема, которую поставил перед собой автор работы – выяснить, как часто применялись эти артефакты в наборе предметов при захоронении и какую основную цель преследовал данный элемент в погребальном обряде средневекового населения и населения Нового времени на территории Нижнего Приобья.

Разнообразие и уникальность каждого набора погребального инвентаря – следствие уникальности каждого умершего. Ведь в погребальный инвентарь входит то, чем владел при жизни умерший, чем он занимался, также имело значение, был он богат или беден [Мурашко, Кренке, 2001, с. 32].

На археологическом комплексе Зеленый Яр, расположенном на территории ЯНАО в Приуральском районе, в позднем могильнике, который датируется XIII в. н.э., дважды встречались топоры в погребениях. Один сильнокорродированный железный топор был найден в мужском погребении №27. Он располагался рядом с телом, справа около локтя погребенного [Зеленый Яр, 2005, с. 109]. Второй топорик, бронзовый, был обнаружен в ходе исследования детского мужского погребения №53. Размеры топорика чуть более 11 см. Располагался он также в районе пояса, справа около захороненного.

Единственный хорошо сохранившийся медный котел, обнаруженный за все годы исследований могильников у пос. Зеленый Яр, был найден в полевом сезоне 2013 г. Медные котлы начали интенсивно завозиться за Урал в XII в. н.э., что даже привело к постепенному исчезновению керамики. Находки целых котлов на памятниках – большая редкость, так как их по мере разрушения утилизировали для изготовления мелких предметов, употребляли вырезанные из стенок котлов пластины в погребальном обряде, или даже укладывали в могилу небольшие их фрагменты. Употребление вырезанных из стенок котлов пластин в погребальном обряде является ярким признаком, характерным для позднего могильника Зеленый Яр. Датировка единственного целого котла может быть определена в пределах XII–XIII вв. н.э. Располагался он рядом с погребением №40, причем был перевернут вверх дном. При осмотре находки была зафиксирована частичная утрата фрагментов дна. Было это сделано намеренно во время захоронения, или это результат природного разрушения, сейчас сказать сложно. Но если обратить внимание на употребление котлов на современном кладбище у пос. Зеленый Яр (северные ханты), то, как правило, медный котел располагался у края могилы перевернутым вверх дном, и при этом в днище котла умышленно пробивали небольшое отверстие.

Необходимо отметить один очень интересный факт. Из 72 исследованных погребений археологического комплекса Зеленый Яр-6 (5 детских и одно мужское захоронение) выделялись своей неординарностью: в них были обнаружены пластины из стенок медных котлов, которые закрывали все тело погребенного. В двух неграбленных погребениях, в мужском и детском, для обертывания тела использовали особо крупные фрагменты от медных котлов. И в этих же двух погребениях и были обнаружены два вышеописанных топора. В остальных грабленных погребальных конструкциях подобного не наблюдалось, а использовались лишь мелкие фрагменты медных котлов.

Для истории погребального обряда населения Нижнего Приобья представляет несомненный интерес комплекс погребений могильника Халас-Пугор, расположенного на

территории ЯНАО, функционирование которого относят к концу XIX в. н.э. [Мурашко, Кренке, 2001, с. 70]. Как для мужских, так и для женских погребений характерно среди прочего инвентаря наличие ножей и топоров. При этом в мужских погребениях, как правило, специфически «мужские» вещи располагались справа. В женских погребениях «женские» вещи чаще лежали слева или посередине [Мурашко, Кренке, 2001, с. 31]. В коллекции сохранились лишь два железных топора, что не отражает частоту встречаемости данной категории инвентаря в погребальных комплексах. Размеры их достигали 15 см. Судя по имеющимся чертежам, топоры присутствовали примерно в каждом третьем погребении, отличались хорошей сохранностью рукоятей. С.И. Руденко отмечал, что топоры являлись необходимой принадлежностью каждого раскопанного им остяцкого погребения [Мурашко, Кренке, 2001, с. 42].

Судя по имеющимся чертежам и описаниям Д.Т. Яновича, котлы также имелись во многих погребениях, но, по-видимому, из-за своей массивности и плохой сохранности не были взяты им в коллекцию. Сохранилось в коллекции лишь ушко котла, размерами 6 × 5 см. При раскопках остяцкого кладбища с. Обдорска (современный г. Салехард, ЯНАО) также было установлено, что котлы являлись неперенным элементом погребального инвентаря [Мурашко, Кренке, 2001, с. 44].

В некрополе Тат-Ягун-54, расположенном на территории ХМАО в 12 км к северу от д. Русскинской, также можно сделать вывод о том, что котлы и топоры применялись в погребальном обряде. В 2007 г. там было вскрыто 7 погребений, датируемых XVII–XVIII вв. н.э. Погребальный инвентарь в могилах взрослых состоял из медных котлов, топоров, ножей и наконечников стрел. Так, в погребении один медный котел располагался в ногах погребенного, железный топор – в области колен. Аналогичная ситуация наблюдалась и в погребении 2, где такой же инвентарь располагался так же, как и в погребении 1 [Носкова, 2008, с. 187–197].

Таким образом, опираясь на приведенный выше материал, можно с уверенностью утверждать, что применение повседневно используемых при жизни человека котлов и топоров в погребальном обряде населения Нижнего Приобья являлось его неотъемлемой частью. Прежде всего, это связано с массовым распространением медных котлов и железных топоров с XII в. н.э. на данной территории и, конечно, с системой представлений о загробной жизни. По мировоззрению аборигенов Нижней Оби считалось, что топор и котел будут необходимы в процессе трансформации из прижизненного в посмертное состояние.

Интересную информацию приводит К.Ф. Карьялайнен по результатам экспедиции к хантам на рубеже XIX–XX вв. н.э. Он отмечает, что остяки Сургутского округа кроме повседневной одежды и утвари кладут в могилу топор и котел. При этом котел кладут перевернутым, в дне делают отверстие, топор кладут вниз острием [Карьялайнен, 1994, с. 81]. Причина повреждения и переворачивания котлов объясняется мировоззрением обских угров о зеркальности загробного мира, где все наоборот: ночью там день, а днем – ночь, все сломанное там цело, а целое – сломано и т.д. [Зенько, 1997, с. 110].

Библиографический список

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / коллектив авт. ; под ред. Н.В. Фёдоровой. – Екатеринбург ; Салехард, 2005.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. – Новосибирск, 1997.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – Т. I. – Томск, 1994.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). – М., 2001.

Носкова А.В. Археологические раскопки могильника Тат-Ягун-54 в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Вып. 6. – Тюмень ; Ханты-Мансийск, 2008.

Ан.В. Гусев, Ю.А. Подосёнова
Научный центр изучения Арктики, Салехард;
Отдел истории, археологии и этнографии Пермского научного центра РАН, Пермь
БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО УСТЬ-ПОЛУЯ
(север Западной Сибири, ранний железный век)

Проблема изучения бронзолитейного производства остается весьма актуальной для территории севера Западной Сибири в раннем железном веке. В ее решении существует как минимум несколько задач – выявление мест со следами данного технологического процесса, изучение состава цветного металла и технологии, наконец, хронология предметов и комплексов.

В этом смысле интересным объектом исследования может служить археологический памятник Усть-Полуй, расположенный в черте современного г. Салехарда Ямало-Ненецкого автономного округа. Исследования на нем проводились в 1935–1936 гг. и позднее – в 1993–1995 и 2006–2015 гг. Первые результаты анализа бронзолитейного дела были изложены В.Н. Чернецовым [1953].

Повторное изучение бронзовых изделий 1935–1936 гг. уже на современном этапе было выполнено Д.А. Симоновым [Симонов и др., 2012]. Был проведен РФА-анализ 30 предметов, а также технологический анализ, продемонстрировавший присутствие на памятнике двух традиций (технокомплексов). По мнению авторов, технологический анализ позволяет разделить предметы на две категории: низкого качества, изготовленные в двучастных, односторонних формах из крупнозернистой формовочной массы (илисто-песчаные формы), и предметы высокого качества, выполненные с использованием модельной формовки и различных формовочных материалов. Как полагают авторы, сочетание двух разных технокомплексов в одной культурной традиции представляется маловероятным.

В ходе исследований 2006–2015 гг. на площадке памятника неоднократно фиксировались остатки очагов, вблизи которых располагались разнообразные артефакты, фаунистические остатки и, среди прочего, запасы лома (стенки бронзовых котлов, обломки изделий), всплески и капли металла, керамические плоскдонные тигли и готовые изделия – отливки из бронзы. Особой категорией, известной преимущественно только на Усть-Полуе, являются разнообразные модели из глинистого сланца, известные и в новых раскопках.

В 2016 г. было проведено исследование химического состава металла новой части коллекции Усть-Полуя (табл.). Исследование изделий проводилось с помощью портативного РФА-анализатора Bruker S1. Подобные приборы в последнее время активно применяются в археологии и, несмотря на некоторые недостатки, уже доказали свою эффективность и весьма актуальны при работе с региональными коллекциями, когда нет возможности их перевозки в лаборатории. Учитывая негомогенность древнего металла, с каждого предмета было взято от 1 до 5 проб, результаты серий измерений математически усреднялись. Всего был проведен анализ 212 предметов из цветного металла, включая помимо целых, фрагментированных и неудавшихся изделий бронзовые всплески (14 ед.), обломки литников (4 ед.), куски котлов (15 ед.).

Результаты исследования химического состава металла показали, что большинство изделий из Усть-Полуя было выполнено из сплавов, принадлежащих к группе бронз – Cu–Sn, Cu–Pb–Sn, Cu–Sn–Pb, Cu–Sn–Pb–As, Cu–Pb–Sn–As. Меньшее количество изделий изготовлено из металлических сплавов, относящихся к следующим группам: латунь, сплавы на основе Pb и Sn, сплавы с высоким и низким содержанием серебра.

Химический состав металла отдельных предметов (всплесков металла) был изучен с помощью количественного спектрального анализа, результаты которого также показали наличие следующих металлических сплавов: Cu–Sn, Cu–Sn–Pb–As, Cu–Pb–Sn–As, Cu, Cu–Sn–Pb.

Присутствие на территории Усть-Полюя участков, совмещающих в себе все основные компоненты бронзолитейного процесса, включая модели, часть которых соотносится с готовыми отливками, указывает на достоверное присутствие здесь свидетельств такого технологического процесса. Проведена частичная датировка очагов радиоуглеродным методом, показавшая диапазон дат в пределах РЖВ.

Сравнение внутри многочисленных групп, выделенных по составу сплавов, демонстрирует не только смешанную номенклатуру изделий, но и при этом совмещение разных технологических уровней. Так, в группах оловянистых (Cu–Sn), свинцово-оловянных (Cu–Pb–Sn), оловянно-свинцовых бронз (Cu–Sn–Pb) оказались вместе антропо-зоо-орнитоморфные фигурки-подвески; украшения костюма – пронизки и подвески, всплески металла, стенки котлов, круглые и трапециевидные бляшки с граффити и без них. Самой многочисленной группой оказались многокомпонентные бронзы (Cu–Pb–Sn–As), включающие в себя как лом, так и готовые изделия.

В этих многокомпонентных группах невозможно проследить какую-то стабильную рецептуру сплавов. Объяснение этому, очевидно, кроется в переплавке предметов, возможно неоднократной, на что уже обращали внимание исследователи [Кузьминых, Чемякин, 2005, с. 133]. Сочетание разного уровня технологий скорее отражает специфику Усть-Полюя как объекта, где как раз и мог происходить обмен новыми знаниями и навыками металлообработки.

Группы и химический состав сплавов предметов с памятника Усть-Полюй

	Группа сплава		Состав сплавов	Кол-во
1	Медь и медные сплавы	Бронзы	Cu; Cu–As; Cu–Pb, Cu–Sn, Cu–Sn–As, Cu–As–Pb, Cu–Pb–As, Cu–Pb–Sn, Cu–Sn–Pb, Cu–Sn–Pb–As, Cu–Pb–Sn–As, Cu–Pb–As–Sn, Cu–Pb–As–Ta, Cu–Pb–Sn–Ta, Cu–Pb–Sn–As–Sb, Cu–Pb–Sn–As–Ta	181
		Латуни	Cu–Zn–Pb, Cu–Zn–Pb–As, Cu–Pb–Zn–As–Sn, Cu–Zn–Pb–Sn–As	4
2	Сплавы на основе Pb и Sn		Pb–Sn–Cu, Pb–Cu–Sn, Pb–Cu–Sn–As, Sn–Cu–As–Pb	9
3	Сплавы с высоким содержанием серебра		Ag–Cu, Ag–Cu–Sn	8
4	Сплавы на основе меди с низким содержанием серебра		Cu–Pb–As–Ag–Sn, Cu–Sn–Pb–As–Ag, Cu–Sn–Ag–As, Cu–Sn–Ag–Pb, Cu–Sn–Pb–Ag, Cu–Sn–Pb–Ag–Zn	9

Библиографический список

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тысячелетия до н.э. // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. – Томск, 2005.

Симонов Д.А., Хаврин С.В., Ширин Ю.В. Материалы к реконструкции бронзолитейных технологических комплексов, связанных с производством металлических изделий Усть-Полюя // Археология Арктики. – Калининград, 2012.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. – №35. – М., 1953.

П.Г. Данилов
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск
ТОПОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ТОБОЛЬСКА
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ №0408-2015-0003
«Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири
(I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)»

«Лета 1643 августа на 14-е число згорел в Тобольску первой город...» [Есиповская летопись, 1987, с. 99], «...и Приказ, и Соборная и приходския церкви, и Софийской святительской двор, и воеводские и Гостиной двор, и ряды, и острог весь, и мирские двory на горе все, кроме Девича монастыря, и позади его двory мирских десятка с два не сгорели; и после пожарного разоренья построен на том же погорелом месте в Тобольску, на горе, новой город, и совершен 1646 года» [Древняя Российская вивлиофика, 1788, с. 167] – таковы описания первого крупного пожара города Тобольска в письменных источниках. Как отмечает летописец, после пожара город был отстроен заново. Источников, характеризующих планировку и застройку города конца XVI – 1-й половины XVII в. (до пожара), на сегодняшний день известно немного, и все они опубликованы. Среди них особую ценность имеет Дозорная книга 1624 г. Она дает возможность получить представление о топографии города Тобольска до того времени, когда он начал меняться в связи с перестройкой Софийского архиерейского двора и многочисленными пожарами, охватившими Тобольск в XVII в. Дозорная книга использовалась В.И. Кочедамовым [1963, с. 11, рис. 2] при реконструкции объемного вида кремля 1-й половины XVII в. В письменных источниках сохранилось описание двора архиепископа 1636 г. На его основании А.Ю. Майничевой [2000, с. 19] предложена реконструкция двора архиепископа 1620-х гг. Одна из последних реконструкций городской планировки Тобольска 1-й половины XVII в. предложена И.Л. Маньковой. Основным источником для исследователя послужила Дозорная книга 1624 г., данные которой были наложены на городской план 1701 г. С.У. Ремезова [Манькова, 2015, с. 238].

Планировочная структура Тобольска в XVII в. имела типичное для средневекового градостроительства трехчастное деление: кремль, посад нижний и верхний, монастыри. Тобольский кремль играл в ней большую организующую роль. Планировка кремля и размещение сооружений были predeterminedены характером местности. Естественным образом Тобольск разделен на две части: на горе – верхний посад и под горой – нижний посад. Его формирование как поселения начиналось с нагорной части. Первоначально город был заложен на мысе, который позже стал называться Троицким. В 1600 г. центральная часть города была перенесена на соседний мыс ближе к берегу Иртыша. Планировка Тобольска в XVII в. представляла собой типичный пример постепенного формирования радиально-кольцевой сети улиц, характерный для городской планировки русских городов Европейской России и Сибири, зависимой от положения главных дорог, очертания берегов реки Иртыша и расположения городских укреплений [Курилов, Люцидарская, Майничева, 2005, с. 6].

Как видим, современные представления о тобольской старине сложились исключительно на основе изысканий историков и архитекторов, но не археологов [Аношко, 2014а, с. 12]. В то же время, как показывают результаты археологических исследований в тобольском кремле и на верхнем и нижнем посадах, для культурного слоя Тобольска характерны мощные напластования, хорошая стратиграфическая ситуация, удовлетворительная сохранность вещей из дерева, бересты, кожи, кости и прочих материалов. Археологами изучен ряд объектов, датируемых первой половиной XVII в., позволяющих составить представление о ранних этапах застройки в историческом центре Тобольска. На территории кремля выявлены три котлована от полуземляночных построек, датированных автором исследований концом XVI – началом XVII в. [Адамов, 2000, с. 452]. Одна постройка, по-видимому, использовалась для содержания скота. К югу от этих построек, за

алтарными апсидами Софийского собора, выявлены следы сильного пожара и остатки сгоревшей деревянной постройки. Слой пожара зафиксирован практически на поверхности погребенной почвы, поэтому погибшее в пожаре сооружение может быть датировано не позднее 40-х гг. XVII в. К северу от кремля раскопан участок городского посада, часть выявленных сооружений (8) датированы авторами раскопок XVII в. [Аношко, 2014б, с. 139]. Эти объекты имели хозяйственное назначение и служили погребями на усадьбах горожан.

На территории тобольского кремля выявлены три грунтовых городских кладбища, датированных 1-й половиной – серединой XVII в. [Данилов, 2014, с. 20]. Два из них, по-видимому, функционировали с момента основания города и строительства первых городских церквей – Троицкой и Спасской в 1587 г., третье кладбище появились при Вознесенской церкви, основанной в 1599–1600 гг. [Адамов, 2003]. Опираясь на материалы археологических исследований и данные письменных и картографических источников, мы можем с достаточной точностью локализовать на современной поверхности места расположения городских приходских кладбищ при первых деревянных храмах, определить их границы и территорию в городской застройке.

Объем накопленных археологических материалов, их анализ и перенос на данные истории, картографии и аэробация всего комплекса источников послужат основанием для решения вопросов реконструкции планировочной структуры и динамики застройки Тобольска в XVII в.

Библиографический список

Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы : материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск ; Омск, 2000.

Адамов А.А. Исследование кладбища около Вознесенской церкви в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. – Вып. 1. – Тобольск, 2003.

Аношко О.М. Изучение культуры сибирских первопроходцев по раскопкам в Тобольске // Присоединение Сибири к России: новые данные. – Тюмень, 2014а.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго Гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях : в 2 т. – Омск ; Тюмень; Екатеринбург, 2014б. – Т. 1.

Данилов П.Г. Некрополи XVII–XVIII веков в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в археологических исследованиях : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. 2.

Древняя Российская вивлиофика, изданная Н.И. Новиковым. – 2-е изд. – Ч. 3. – М., 1788.

Есиповская летопись. Абрамовский вид // Полное собрание русских летописей. – Т. 36. Сибирские летописи. – Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М., 1987.

Кочадамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). – Тюмень, 1963.

Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. – Новосибирск, 2005.

Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. – Новосибирск, 2000.

Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII – первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. – Курган, 2015.

П.С. Данилов
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И РАЗВИТИЕ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2008–2015 гг.

Царев город на реке Кокшаге был основан в 1584 г. в результате III Черемисской войны как город-крепость на марийских землях, ранее бывших в составе Галицкой даруги Казанского ханства.

В период 2008–2015 гг. археологические исследования территории Йошкар-Олы велись Центром археолого-этнологических исследований Марийского государственного университета. В результате исследована территория базарной площади и линия укреплений острога, исторические некрополи – Входоиерусалимский XVII – сер. XVIII в.; Тихвинский XIX – нач. XX в. и Троицкий XVII–XVIII вв. Были обнаружены фундамент Входо-Иерусалимской церкви 1759 г. и остатки сооружений Богородице-Сергиевого монастыря второй половины XIX в. В общей сложности с 2008 по 2015 г. ЦАЭИ МарГУ были исследованы более 6000 кв. м и более 1700 погребений, что дало объемный массив информации по материальной культуре и исторической топографии Царевококшайска [Археологическое изучение, 2014, с. 5].

Источниковая база по истории Царева города на Кокшаге достаточно скудна. Первые письменные свидетельства о планировке города относятся к 1704 г., когда город уже был отстроен заново после пожара 1696 г. Наиболее детальное описание Царевококшайска принадлежит городничему П. Кафтанникову (1728 г.) Из него мы узнаем о точных размерах кремля и острога Царевококшайска, их расположении по отношению к берегу реки и количестве глухих и проезжих башен. В изучении периода с конца XVIII до начала XX в. особое значение имеют картографические источники. Это планы города 1793, 1795 гг., генеральный план 1835 г. и карта Царевококшайска 1917 г.

На основании анализа историко-археологических данных можно выделить 3 этапа существования Царевококшайска, которые были отражены в принципиальных изменениях в его планировке и материальной культуре.

1. Период города-крепости (1584–1696 гг.). Ядром, вокруг которого формировалась городская застройка, был деревянный кремль, представляющий собой крепостную стену с башнями, окруженную земляным рвом. В первые десятилетия после основания города вокруг кремля стал формироваться посад. После событий Смутного времени, когда город оказался в руках повстанцев, для защиты посада была сооружена вторая линия укреплений – острог [Зеленева, 2010, с. 43]. В течение всего XVII в. Царев город на Кокшаге превращался в торгово-экономический центр окрестных марийских земель. Оборонительные укрепления Царевококшайска к концу XVII в. окончательно потеряли свое военное значение и пришли в упадок. Планировочная структура города перестала существовать в пространстве, ограниченном стенами кремля и острога и вышла за их пределы.

Из археологически исследованных объектов к данному периоду относится вторая линия укреплений Царевококшайска (острог), который был возведен между 1609 и 1628 гг. Он был разрезан двумя траншеями, которые позволили выявить деревянные конструкции в основании рва и остатки крепостной стены – тына [Археологическое изучение..., 2014, с. 40]. Также к данному периоду относится часть погребений Входоиерусалимского некрополя, которые можно соотнести с культурой марийцев-новокрещенов [Данилов, Макарова, Блинова, 2016, с. 202].

2. Период формирования Царевококшайска как уездного города Казанской губернии (1696–1832 гг.). После 1696 г., когда в результате пожара Царев город на Кокшаге почти полностью выгорел, деревянные оборонительные сооружения больше не восстанавливаются, земляной ров засыпается. Территория, на которой были

расположены крепостные стены и ров кремля и острога, была постепенно сnivelирована и первоначально стала местом усадебной застройки, а в дальнейшем – и застройки объектами церковной и гражданской архитектуры. Царевококшайск становится не только административным, но и экономическим центром окрестных земель, в котором происходит торговый обмен городского русского и сельского марийского населения. XVIII век стал временем расцвета церковной архитектуры, в течение которого были построены 5 каменных храмов [Попов, 2006, с. 180]. Меняется и состав населения Царевококшайска, если в 1723 г. более половины жителей составляли военные, то в 1795 г. их осталось лишь 5% от числа жителей. С 1781 г. Царево-кокшайск становится уездным городом Казанского наместничества (с 1796 г. – Казанской губернии) [Иванов, 2011, с. 23].

В 2010 г. удалось археологически проследить фундамент Входа-Иерусалимской церкви. Помимо церкви данный период прослеживается в двух исторических некрополях Царевококшайска – Входиерусалимском и Тихвинском, который стал главным городским кладбищем после 1771 г.

3. Период формирования современной городской планировки Царево-кокшайска (1835–1920 гг.). В XIX в. формируется современная система городской застройки. Представляется, что рубежным стал 1835 г., когда был составлен план регулярной застройки Царевококшайска, который был подписан императором Николаем I. Он не был до конца реализован, однако облик города и городских улиц был значительно упорядочен, что прослеживается на плане города 1916–1917 гг. [Археологическое изучение..., 2014, с. 11]. В этот период происходит перестройка городских храмов и сооружение комплекса зданий Богородице-Сергиевого женского монастыря, возникшего к югу от бывшей линии укреплений посада. Археологически прослежены такие объекты, относящиеся к данному периоду, как комплекс сооружений базарной площади, а также последний этап существования Тихвинского некрополя. В 1920 г. Царевококшайск, переименованный в Краснококшайск, становится центром Марийской автономной области, превратившись из уездного города в столицу национального территориального образования.

Таким образом, археологические исследования позволяют нам восстановить историко-топографические особенности Царевококшайска в развитии, от города-крепости на территории, населенной марийским населением до торгово-административного центра окрестных земель, уездного города Казанской губернии. Помимо этого, продолжающиеся археологические раскопки позволяют уточнить и расширить охранную зону исторического центра Йошкар-Олы – Царевококшайска, что необходимо для дальнейшего изучения и сохранения историко-культурного наследия этого города.

Библиографический список

Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). – Йошкар-Ола, 2014.

Данилов П.С., Макарова Е.М., Блинова Д.С. «Новокрещены» Входиерусалимского некрополя Царевококшайска: историко-археологический и антропологический анализ // Поволжская археология. – 2016. – №1.

Зеленева Ю.А. «Укрепления Царевококшайского посада» // Актуальные проблемы политической и социально-экономической истории Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола, 2010.

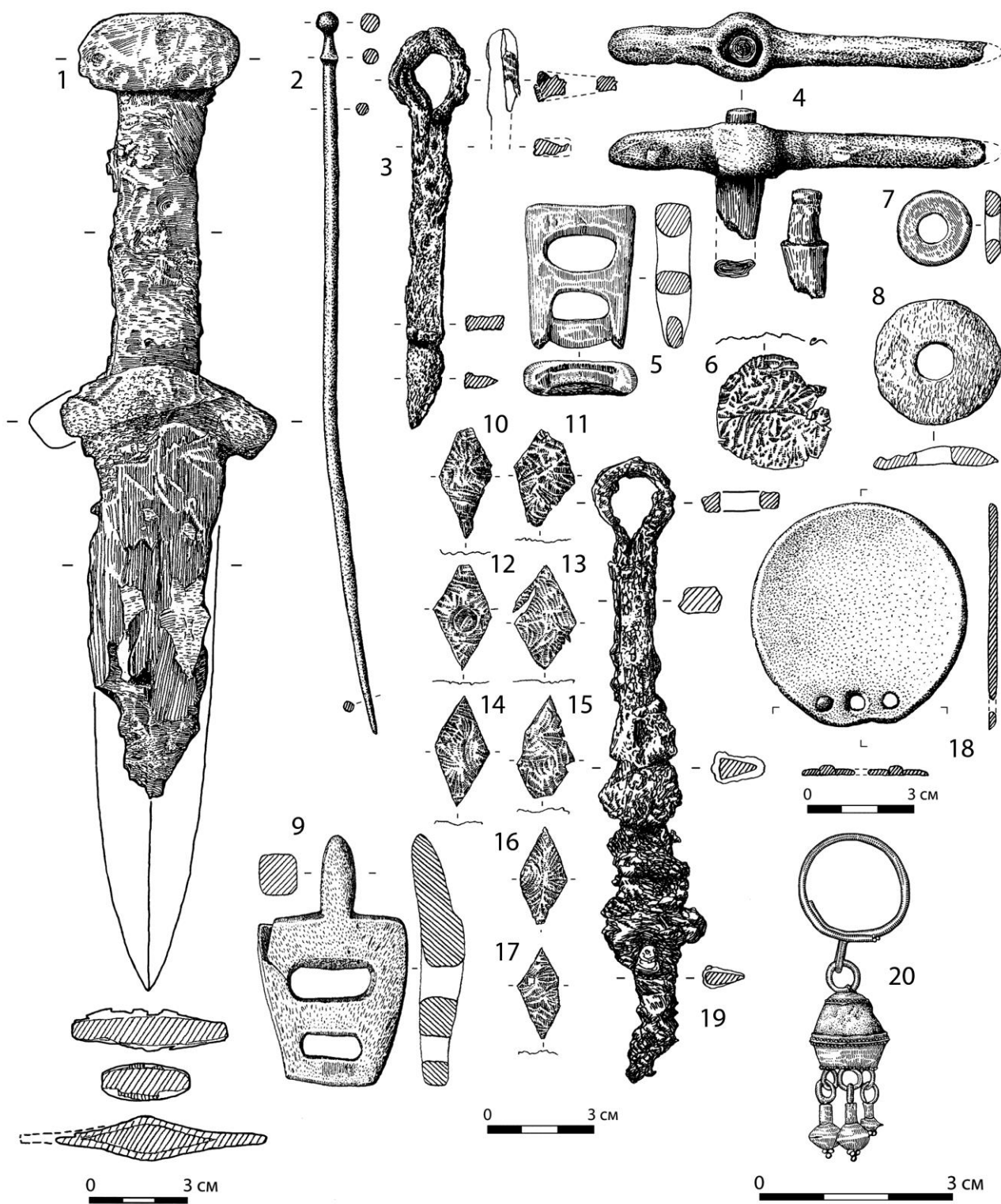
Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. Очерки по истории уездного города. – Йошкар-Ола, 2011.

Попов В.А. Церковное храмовое зодчество Марийского края XVII–XVIII вв. // Марийский архивный ежегодник. – Йошкар-Ола, 2006.

П.К. Дашковский
Алтайский государственный университет, Барнаул
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ
СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II
(Северо-Западный Алтай)

На могильнике Чинета-II, который находится в 1 км к югу – юго-востоку от с. Чинета в восточной части второй надпойменной террасы реки Иня, исследовано в настоящее время 13 курганов скифского периода, а также целая серия объектов тюркской, кыргызской и сросткинской культур. Кроме того, на территории некрополя найден оленный камень. Планиграфически раскопанные курганы расположены не так компактно в цепочках, как, например, на соседнем могильнике пазырыкской культуры Ханкаринский дол. Основная масса исследованных объектов (№16, 19, 22–24, 26–27, 30–32) сосредоточена непосредственно возле двух «больших» курганов (№34–35), которые также предположительно относятся к скифской эпохе. В то же время курганы №21, 28–29 расположены к северу от остальных объектов и выстроены в линию в направлении С–Ю, но на значительном до 120 м расстоянии друг от друга. Полученные при исследовании артефакты имеют аналогии в материалах пазырыкской культуры, а также в памятниках каменной культуры Алтая. В целом, основная масса раскопанных курганов датирована IV–III вв. до н.э. В кургане №21 найдено уникальное ювелирное изделие – золотая серьга с подвесками, украшенная техникой зерн. Близкого типа серьга обнаружена в кургане №27 могильника Балык-Соок-I, датированного второй половиной VI в. до н.э. [Кубарев, Шульга, с. 69–70, рис. 14.-3]. В данном случае в качестве определенной аналогии можно привести серьгу с подвесками из кургана №6 могильника Лебедевка-II с Южного Приуралья [Трейстер, 2012, с. 142–144, рис. 73]. В определенной степени морфологически близкие изделия обнаружены в памятниках разных культур скифо-сакского периода. При этом, как правило, такие изделия относятся к периоду VI–V вв. до н.э. Кроме того, исследователи отмечают, что серьги обозначенного типа имеют хорошие параллели в ювелирной традиции Малой Азии, в том числе в изделиях ахеменидского круга [Трейстер, 2012, с. 142–144; и др.]. В курганах №21 и 31 обнаружены фрагменты деревянных лаковых изделий, изготовленных в Китае. В курганах №21 и 31 выявлено наибольшее количество признаков, характерных для пазырыкской культуры. В остальных случаях при анализе погребального обряда просматривается смешение пазырыкской культурной традиции и определенного «степного» компонента. Об этом свидетельствуют небольшие размеры каменных курганных насыпей, как правило, без крепиды, вытянутое положение умершего в могиле на спине с ориентацией головой на восток, а в отдельных случаях – на запад, отсутствие пятна черной краски под черепом женщины в могиле. Обращает на себя внимание и характер сопроводительного инвентаря, в частности отсутствие металлических гривен, но при этом в погребении представлены бронзовые, а также железные заколки с шаровидным навершием, которое покрыто золотой фольгой с орнаментом в виде округлых ячеек. На могильнике Чинета-II выявлены сосуды как кувшинообразной, так и баночной формы с различным орнаментом. Примечательно также, что сопроводительные захоронения лошадей выявлены только в курганах №21, 26, 29, 31. Особого внимания заслуживает курган №28, под насыпью которого выявлено две одновременных могилы. Такая традиция характерна для каменной культуры Алтая, которая испытала сильное сакское влияние.

Таким образом, результаты исследования погребального памятника Чинета-II в Северо-Западном Алтае показывает интенсивные процессы взаимодействия кочевников в скифскую эпоху. При этом данный регион, расположившийся на стыке низкогорных и степных районов Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстана, оказался в орбите влияния «пазырыкцев», а также, вероятно, носителей каменной культурной традиции и сакских племен Восточного Казахстана. Обнаружение импортных предметов показывает направления и характер торгово-обменных отношений.

Инвентарь из могильника Чинета-II:
 1 – к. №29; 2, 3, 10–18 – к. №22; 4 – к. №24; 5, 7, 8, 20 – к. №21; 6, 9, 19 – к. №31

Библиографический список

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские ювелирные украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные традиции. Произведения пост-ахеменидской традиции // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М., 2012. – Т. I.

Е.В. Деев^{1,2}, А.П. Бородовский^{3,2}, А.М. Корженков^{4,5}, Д.В. Лужанский⁵
¹*Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН,*
²*Новосибирский государственный университет,*
³*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;*
⁴*Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва;*
⁵*Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек*
НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОСЕЙСМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Археосейсмология – раздел палеосейсмологии, который решает следующие задачи: 1) выявление сейсмогенных деформаций в конструкциях разнотипных археологических объектов; 2) определение очаговой области исторического землетрясения, которое привело к повреждениям и разрушениям археологических объектов; 3) определение интенсивности землетрясения и 4) его возраста. Полученные данные о сильных исторических землетрясениях расширяют временную летопись сейсмологических наблюдений, и поэтому они крайне востребованы в целях сейсмического районирования территорий.

В последнее десятилетие авторами на предмет сейсмогенных деформаций исследованы различные типы археологических объектов на территории Горного Алтая и Прииссыккуля. В Горном Алтае явными признаками сейсмогенной деструкции обладают два курганных могильника эпохи палеометалла [Деев, Бородовский, 2017]. В северной части – это некрополь Чултуков Лог-1, расположенный в зоне активного Катунского разлома. На его территории выявлено более десятка каменных курганов эпохи раннего железа с различными признаками вторичных сейсмогенных нарушений. Среди них – расположение крупных коллювиальных скальных блоков рядом с каменной конструкцией или перекрытие ими различных деталей надмогильных конструкций, направленное смещение камней с надмогильного сооружения кургана, деформация плит погребальных каменных ящиков и смещение костей человеческих скелетов относительно своего исходного анатомического расположения [Деев и др., 2012; Бородовский, Бородовская, 2013]. На основании комплекса радиоуглеродных датировок курганов со следами сейсмогенных нарушений [Бородовский и др., 2016], особенностей их расположения, стратиграфии и других признаков можно предварительно выделить два исторических землетрясения. Одно из них произошло не позднее V в. до н.э. и предшествовало сооружению некрополя Чултуков Лог-1. Другое случилось в период IV – начало I в. н.э., когда сооружалась курганная группа.

В зоне Курайского активного разлома разломного уступа нами выявлена ранее неизвестная курганная группа Туралу-Джурт-III. Она состоит из 17 надмогильных и ритуальных сооружений из камня, образующих два компактных скопления. Морфологические особенности надмогильных конструкций и общая планиграфия могильника позволяют предварительно датировать его весьма широким возрастным интервалом эпохи металла в пределах 2-й половины I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. Ряд погребальных конструкций могильника носит явные признаки смещений, деформаций и разрушений, связанных с формированием сейсмогенного разломного уступа – поверхностного разрыва сильного землетрясения с магнитудой более 7 и интенсивностью 9–10 баллов, произошедшего около 1300 л.н. [Deev et al., 2017].

На городищах Сары-Булун, располагавшихся в средневековье на Великом шелковом пути в Западной части Иссык-Кульской впадины, авторами выявлен ряд деформаций, которые однозначно свидетельствуют об их сейсмогенной природе: наклоны, выдвигания, обрушения и латеральные изгибы стен, а также протяженные трещины в приугловых частях помещений. Возраст сейсмического события, согласно археологическим находкам, – конец XII в. Судя по степени разрушений, сила древнего землетрясения была не менее 8 баллов по шкале МСК-64 [Корженков и др., 2016].

На северном побережье Иссык-Куля, в бассейнах рек Чет-Койсуу и Чон-Койсуу, исследован ряд археологических памятников. Все памятники подверглись в прошлом значительным сейсмогенным повреждениям и разрушениям: кромлех (VII в. до н.э. –

VIII в. н.э.) смещен по разлому левосдвигового типа; курган (VII–XIII вв.) деформирован во фронте разломного уступа надвигового типа; крепость (XIV–XV вв.) погрузилась под воды оз. Иссык-Куль при катастрофическом опускании береговой полосы [Корженков и др., 2016а]. Судя по многочисленным радиоуглеродным датировкам затопленной древесины, использованной при постройке крепости (конец XIV – начало XV в.), землетрясение произошло в XVI в. Оно имело магнитуду не менее 7 и интенсивность 9–10 баллов.

Наконец, археосейсмологические исследования средневековых Каджи-Сазских и Тоссорского городищ, курганов сако-усуньского времени, каменных стен – коруков, ташкоро, тюрских захоронений в южном Прииссыккулье и полученные радиоуглеродные датировки указывают на возникновение здесь очагов сильных землетрясений в XI в. и, возможно, в XVI в. н.э. [Корженков и др., 2016; Деев и др., 2016б]. Магнитуда этих землетрясений составляла не менее 7, а сейсмическая интенсивность – не менее 9 баллов. Источниками описанных землетрясений являлись местные адырные (предгорные) разломы – составляющие Южно-Иссыккульского краевого разлома.

Проведенные исследования позволяют типизировать первичные и вторичные сейсмогенные деформации, характерные для разновременных и разнотипных археологических объектов северной части Центральной Азии.

Библиографический список

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск, 2013.

Бородовский А., Крапиев М., Олещак Л. Хронология культурных и геологических событий по материалам радиоуглеродного датирования курганной группы эпохи раннего железа Чултуков Лог-1 // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – №2.

Деев Е.В., Бородовский А.П. По следам древних землетрясений в Горном Алтае // Природа. – 2017. – №2.

Деев Е.В., Зольников И.Д., Бородовский А.П., Гольцова С.В. Неотектоника и палеосейсмичность долины нижней Катунь (Горный Алтай) // Геология и геофизика. – 2012. – Т. 53. – №9.

Деев Е.В., Турова И.В., Корженков А.М., Лужанский Д.В., Гладков А.С., Родкин М.В., Абдиева С.В., Мажейка И.В., Рогожин Е.А., Фортуна А.Б., Муралиев А.М., Чаримов Т.А., Юдахин А.С. Результаты палеосейсмологических и археосейсмологических исследований в западной части Алабаш-Конуроленьской внутригорной впадины (Южное Прииссыккулье, Кыргызстан) // Геология и геофизика. – 2016. – Т. 57. – №7. DOI: 10.15372/GiG20160708

Корженков А.М., Деев Е.В., Лужанский Д.В., Абдиева С.В., Агатова А.Р., Мажейка И.В., Меньшиков М., Рогожин Е.А., Родина С.Н., Родкин М.В., Сорокин А.А., Фортуна А.Б., Чаримов Т.А., Шен Д., Юдахин А.С. Сильное средневековое землетрясение в Северном Прииссыккулье (Тянь-шань): результаты палеосейсмологических и археосейсмологических исследований // Геофизические процессы и биосфера. – 2016а. – Т. 15. – №4.

Корженков А.М., Кольченко В.А., Лужанский Д.В., Абдиева С.В., Деев Е.В., Мажейка И.В., Рогожин Е.А., Родина С.Н., Родкин М.В., Фортуна А.Б., Чаримов Т.А., Юдахин А.С. Археосейсмологические исследования и структурная позиция средневековых землетрясений на юге Иссык-Кульской впадины (Тянь-Шань) // Физика Земли. – 2016б. – №2. DOI: 10.7868/S0002333716020083

Корженков А.М., Лужанский Д.В., Абдиева С.В., Деев Е.В., Павлис Т.Л., Рогожин Е.А., Турова И.В., Юдахин А.С. О следах сильного землетрясения в стенах средневековых городищ Сары-Булун на Великом шелковом пути (Западное Прииссыккулье, Северный Тянь-Шань) // Вопросы инженерной сейсмологии. – 2016в. – Т. 43. – №4.

Deev E.V., Turova I.V., Borodovskiy A.P., Zolnikov I.D., Oleszczak L. Unknown large ancient earthquakes along the Kurai fault zone (Gorny Altai): new results of palaeoseismological and archaeoseismological studies // International Geology Review. – 2017. – V. 59. – Is. 3. DOI: 10.1080/00206814.2016.1258675

С.А. Демещенко
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
К ВОПРОСУ О «РЕАЛИЗМЕ»
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТАТУЭТОК МАЛЬТЫ

Любые методики изучения палеолитического искусства всегда предполагают использование технико-морфологического анализа. В этой системе трудности возникают в элементарных определениях степени изобразительной условности.

Цель доклада – рассмотреть специфику создания антропоморфного образа в искусстве Мальты и правомерность применения понятия «реализм» к палеолитическим статуэткам. В докладе использованы коллекции Мальты Государственного Эрмитажа (№370, 1407, 1408).

Впервые о «реализме» мальтинских статуэток отмечает М.М. Герасимов, определяя три типа фигурок в качестве «портретных изображений некогда живших женщин» с индивидуальными особенностями причесок, худобы и полноты, стеоатопигии и татуировок, но при этом другие поделки исследователь рассматривает как стилизованные [1935, с. 111–112]. В классификации З.А. Абрамовой внимание уделяется моделировке статуэток, пропорциональным соотношениям изображенных частей тела фигурок и особенностям их воспроизведения. Согласно конституции тела человека автор выделяет 5 типов фигурок и переходные формы [1960]. По данным Г.И. Медведева и Е.А. Липниной, в антропоморфной пластике Мальты можно обозначить 9 типов, исходя из характера рельефного моделирования и профилирования статуэток, присутствия орнамента в системе общей организации формы изделий. Отмечая стилизацию поделок в целом, они очень аккуратно подходят к определению изобразительной манеры женской скульптуры, не упоминая об их «реализме». Выделение в особую группу антропоморфных изображений так называемых «колпачков», поделок с круговым рельефным орнаментом заслуживает особого внимания с точки зрения абстрактной символики [Каменный век..., 2002, с. 77]. Техничко-типологический анализ поделок всегда производился в рамках определенной последовательности изготовления предметов в технике резьбы и тонкой гравировки. Выделяя локальный стиль Мальты, А.К. Филиппов отмечает в целом реалистический характер трактовки образа женщины только за счет детализации некоторых черт лица и отчасти типичной женской фигуры. Он повторяет мнение А.П. Окладникова [2004, с. 121–122] о возможном отражении «реального облика женщины за счет раскраски лиц статуэток» и использовании для них шитой одежды, что придавало бы фигуркам любой моделировки «более натуралистичный облик». Особый подход к объяснению антропоморфных изображений Мальты предлагают Л.В. Лбова и П.В. Волков. На основании технологического анализа и «микроскопического» изучения поверхности фигурок «были определены технологические признаки формообразования и уточнены незамеченные ранее «реалистические элементы» в изображении одежды, головных уборов («шлем» на статуэтке 370/748) и «аксессуаров» – «кинжал» на статуэтке №370/746, пояса, украшения, сумки и мешки [2015, с. 161–168].

В коллекции Государственного Эрмитажа (№370) находится 21 предмет антропоморфного цикла из Мальтинского поселения. Это 17 целых и относительно фрагментированных фигурок, 2 скульптурные головки и 4 заготовки для статуэток. Как хранитель материалов, считаю необходимым сделать некоторые замечания относительно характера сохранившейся поверхности поделок из бивня мамонта и кости. Коллекция материала из раскопок М.М. Герасимова 1928–1930 гг. поступила в Государственный Эрмитаж из ГАИМК в 1937 г. Первые работы по закреплению и реставрации предметов из кости и бивня мамонта были произведены еще до передачи в музей. В процессе склейки предметов с пластинчатым расслоением широко использовался воск, наличие которого сейчас может немного исказить изометрические данные фигурок. За время

нахождения в культурном слое Мальты предметы из органики сильно подверглись воздействию природных факторов. На их поверхности присутствуют следы органической эрозии в виде бессистемных криволинейных бороздок от корешков растений, микроорганизмов и дендриты как результат минерализации («разветвления» кристаллизации солей марганца) [Верещагин, 1981, с. 146–154]. Следы данного природного воздействия часто проходят по резным и гравированным элементам оформления поверхности статуэток, искажая их форму.

Творческий процесс создания художественного образа в искусстве всегда связан с определением условности его передачи через обобщение, типизацию деталей, которая более четко определяет денотат, трансформацию изображаемых частей и стилизацию [Демещенко, 2008, с. 191–201]. Вопрос о специфике образной системы в искусстве палеолита остается до сих пор дискуссионным и находится в зависимости от нашего представления о назначении статуэток и характере их художественной формы. Насколько «реалистично» (натуралистично) они воспроизводят образ человека?

Изобразительная условность фигуративного искусства Мальты констатирует наличие приемов трансформации и стилизации как при моделировании формы, так и в орнаментальных построениях. Особенность мальтинских статуэток заключается в характере их использования в качестве подвесок. Этим может объясняться их уплощенность и миниатюрность формы. В целом коллекция представляет различные стадии изготовления статуэток (или их подготовки к чему-то?). Факт крепления фигурок головой вниз скорее свидетельствует об изображении «мира наоборот», реально уже не существующего, но достаточно значимого в мифологии времени первопредков, перерождения и развития всего сущего. Символическая составляющая содержится в передаче на предметах особой вибрирующей поверхности посредством сочетания глубоких прорезных линий – бороздок в определенном интервале и образующихся между ними рельефных поясков, что создает эффект обратимости узора и динамику в композиционном решении. Постановка элементов декора на женских статуэтках (головные уборы, комбинезоны) также подчиняется идее показать движение и развитие. Здесь следует проанализировать иконографические группы антропоморфных статуэток в рамках всего изобразительного контекста Мальты, особенно с точки зрения согласованности орнаментальной символики. Декоративно-орнаментальная трактовка образов водоплавающей птицы и змеи выделяется на многих поделках абстрактной символики, связанной с водами земными и небесными и с их динамикой. В этой мифологической системе представлений особая роль принадлежит неким сущностям женского рода. Это своеобразные иконические знаки.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолитическое искусство Сибири. – Иркутск, 1960.
Верещагин Н.К. Записки палеонтолога: по следам предков. – Л., 1981.
Герасимов М.М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте // Палеолит СССР. Известия ГАИМК. – Вып. 118. – М. ; Л., 1935.
Демещенко С.А. Украшения и культовые предметы Мальты // Homo Eurasicus в глубинах и пространствах истории. Тезисы конференции, посвященной 100-летию А.П. Окладникова. – СПб., 2008.
Каменный век Южного Приангарья. II. Бельский георхеологический район. – Иркутск, 2001.
Лбова Л.В., Волков П.В. Микроскопический анализ Мальтинской антропоморфной скульптуры (технология формообразования, детализации, декорирования) // Время первых художников. Stratum plus. – №1. – СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2015.
Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. – СПб., 2004.

М.А. Демин
*Алтайский государственный
педагогический университет, Барнаул*
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И РУБЕЖИ
В ИСТОРИИ АЛТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Начальный период археологического изучения Алтая (XVIII в.) связан прежде всего с деятельностью центральных академических экспедиций и местных рудно-поисковых партий. Археология еще не обособилась от наук естественного цикла, не выходила за рамки общего землеописания Сибири, хотя отдельные ученые рассматривали археологический материал в качестве исторического источника.

В 1-й половине XIX в. накопление археологических источников с территории края по-прежнему происходило, главным образом, в результате работы рудно-поисковых партий, геологических и других естественно-научных экспедиций, однако древности в большей степени становятся объектом изучения исторической науки. Во многом это связано с деятельностью Г.И. Спасского.

Во 2-й половине XIX – начале XX в. на Алтае работают археолого-этнографические экспедиции под руководством В.В. Радлова, Н.М. Ядринцева, А.В. Адрианова, Е.И. Луценко и других исследователей. Многолетние сборы и раскопки на локально ограниченной территории производили местные краеведы Н.С. Гуляев и М.Д. Копытов. Полученные материалы вводятся в русло общероссийской археологии, что определило внимание к археологическим памятникам Горного Алтая и Верхнего Приобья в последующий период.

В 1920–1930-е гг. центральные археологические экспедиции под руководством С.И. Руденко, С.В. Киселева, М.П. Грязнова проводили крупномасштабные исследования преимущественно в Горном Алтае. Выявленный ими богатейший археологический материал становится достоянием отечественной и мировой науки и связывает историю региона с крупнейшими цивилизациями прошлого. В первое послевоенное десятилетие продолжают интенсивные раскопки курганов и Усть-Канской палеолитической стоянки в Горном Алтае, исследования разновременных памятников у с. Большая Речка и в зоне затопления Новосибирской ГЭС в Верхнем Приобье.

С середины 1950-х до середины 1970-х гг. археологические памятники Алтая исследуются экспедициями ленинградских (С.С. Сорокин, Д.Г. Савинов) и московских (Н.Л. Членова, В.А. Могильников) экспедиций. Серьезное многоплановое значение для развития сибирской археологии имело создание в 1960-е гг. А.П. Окладниковым археологического центра в структуре СО АН СССР. В сфере влияния академических научных школ находились исследования местных археологов А.П. Уманского и Б.Х. Кадикова.

Во 2-й половине 1970-х – 1-й половине 90-х гг. в Горном Алтае крупные работы проводятся новосибирскими учеными В.Д. Кубаревым, В.И. Молодиным, Н.В. Полосьмак и другими. С открытием Алтайского государственного университета и особенно после создания в 1978 г. лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая организуются системные масштабные обследования археологических памятников региона.

С середины 1990-х гг. по ряду причин интенсивность деятельности академических центров в Горном Алтае несколько снижается. Однако работы по изучению археологических памятников там ведутся местными археологами с привлечением российских и зарубежных специалистов. В это время в Барнауле складывается авторитетная научная школа. Ю.Ф. Кирюшин, его сотрудники и ученики стали определять основные векторы развития алтайской археологии.

Р.Г. Дзаттиаты¹, З.Х. Албегова (Царикаева)², П.С. Успенский²

¹*Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований, Владикавказ;*

²*Институт археологии РАН, Москва*

**ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
МОГИЛЬНИКА ДАРГАВС В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
(по материалам поясных наборов)**

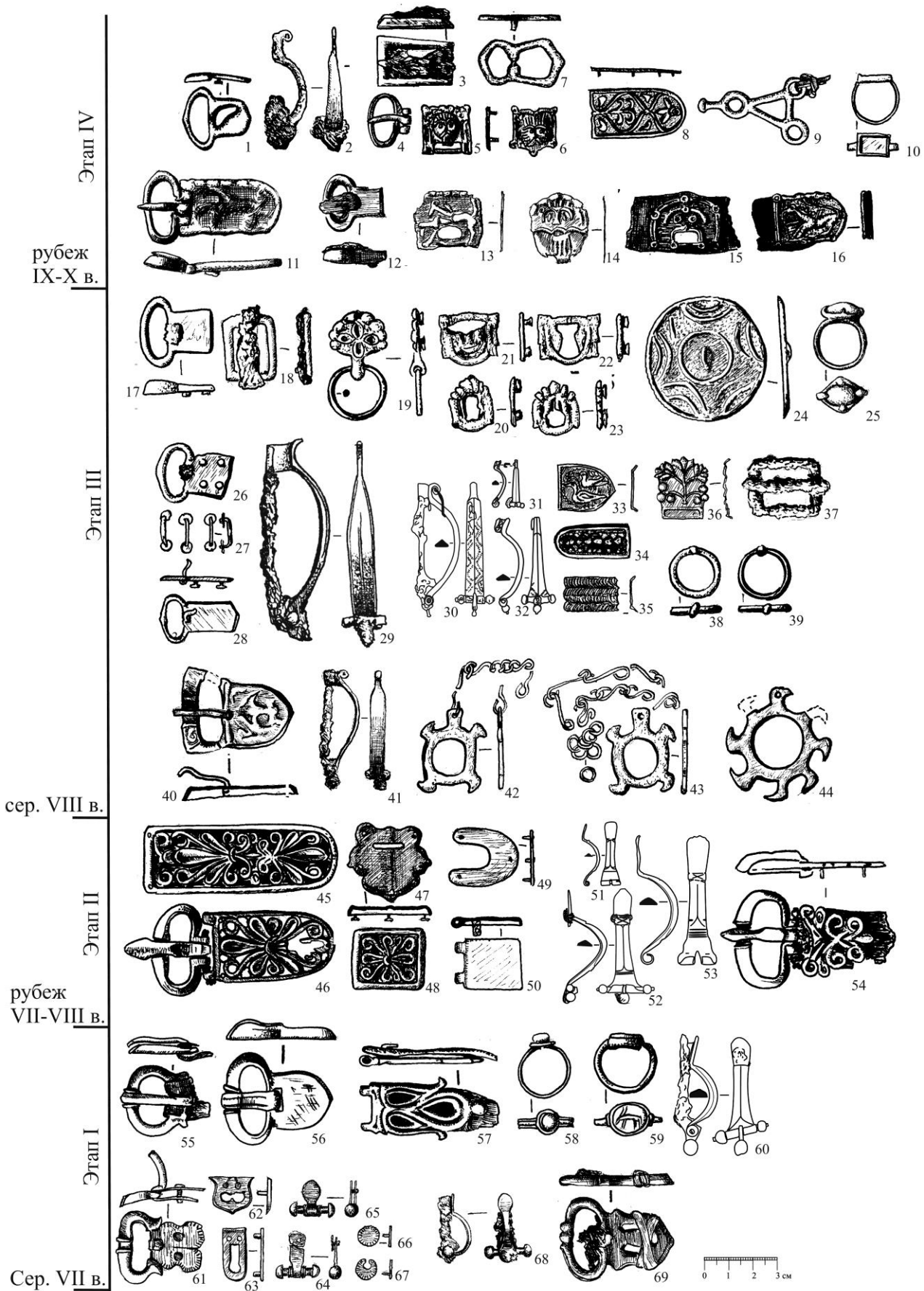
Одним из главных направлений в современной археологической науке остается изучение хронологии памятников. Поскольку постоянно происходит накопление материала, для его систематизации приобретает важное значение разработка локальных хронологических шкал. Для выполнения этой задачи огромное значение имеют некрополи с длительной и непрерывной историей существования. Раннесредневековый могильник Даргавс, расположенный вблизи одноименного селения в Северной Осетии, исследуется с 1993 Р.Г. Дзаттиаты. В 2014 г. в вышедшей монографии исследователя рассмотрены материалы 78 катакомб, датирующихся в пределах VII–X вв. В 2016 г. на могильнике было выявлено погребение XI–XII вв., что расширило рамки его бытования, оно не рассматривается в данной публикации. Датировка комплексов и типология предметов в монографии подробно не разбирались. Поэтому в данной работе авторами сделан акцент на показательные детали поясной гарнитуры из десяти катакомб Даргавского могильника, иллюстрирующие 4 последовательных хронологических этапа существования памятника с VII по X в. (рис.).

I этап датируется серединой VII – началом VIII в. и представлен комплексами кат. №11, 12, 27 с деталями поясных наборов геральдического стиля (кат. №11, 12) (рис.-55–69), лировидной бесщитковой пряжкой, овальнорамчатой неорнаментированной пряжкой с углублением для фиксации язычка и неподвижным заканчивающимся острием щитком, а также прорезным щитком византийской пряжки подобной находке из Кратиги-Митиленского (о. Лесбос) клада (кат. №27). Исторически начало этапа синхронизируется со временем образования Хазарского каганата. Кат. №27 содержала также погребение следующего этапа.

II этап рубежа VII–VIII – середины VIII в. представлен вещами из кат. №59 (рис.-45–54). Здесь найдены детали поясного набора (пряжка, наконечник, накладка) с декором, выполненным в стиле «перевязанной пальметты». Интересна пряжка из кат. №60, близких аналогий ей найти не удалось (рис.-54). Возможно, рассматриваемая пряжка является местным подражанием шарнирных овальнорамчатых пряжек с перевязанной пальметтой. Хронологически данная пряжка может относиться также к концу VII – 1-й половине VIII столетия, что в определенной степени подтверждается находкой в этой катакомбе четырех полуовальных наконечников поясов с глубокой выемкой, таких же, как и в кат. №59.

III этап приходится на середину – вторую половину VIII – IX в. и соотносится с памятниками салтово-маяцкого круга (рис.-17–44). Третий этап подразделяется на два периода. Ко времени не ранее 2-й половины VIII относятся комплекс кат. №71 с литой прямоугольнорамчатой пряжкой с коротким орнаментированным щитком оканчивающимся острием. Наборы с бесщитковыми прямоугольными/трапециевидными пряжками, треугольнорамчатыми пряжками с неподвижными пятиугольными гладкими щитками (кат. №36) и овальнорамчатой пряжкой с трапециевидным неподвижным щитком и характерными накладками (кат. №55) являются показательными для развитых наборов салтово-маяцкого круга.

IV этап рассматриваемой выборки приходится на конец IX – середину X в. (рис.-1–16). Данный этап маркируют: пряжка с трапециевидной прорезной рамкой и сужением в месте крепления штифта для язычка (кат. №1); овальнорамчатая шарнирная пряжка со щитком, орнаментированным зооморфным изображением и оконтуренным выпуклым бордюром из плохо отлитых округлых звеньев (кат. №16). Близкие накладки известны в Венгрии с периода «обретения Родины» (от 895 г.). Пряжка из кат. №16 сопровождалась стилистически близкой накладкой.

Хронология Даргавского могильника: 3, 7 – кат. 1; 1, 2, 4-6, 8-10, 15, 16 – кат. 5; 11-14 – кат. 16; 17-25 – кат. 55; 26-29 – кат. 36; 30-39 – кат. 76; 40-44 – кат. 71; 45-53 – кат. 59; 54 – кат. 60; 58-60 – кат. 27, п. 1; 55, 56 – кат. 27, п. 2; 57 – кат. 27, п. 2?; 61-67 – кат. 11; 68-70 – кат. 12

Е.В. Добровольская
*Институт проблем эволюции
и экологии им. А.Н. Северцова РАН, Москва*
ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК
КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ
НА ПРИМЕРЕ СТАДА ФАНАГОРИИ

При исследовании животноводства античного населения Северного Причерноморья постоянно возникает задача восстановления физического облика животных по остеологическим фрагментам, обнаруженным при археологических раскопках. По окончании полевого сезона 2016 г. остеологическая коллекция Фанагории насчитывает более 230 тыс. костей и их фрагментов. На долю домашних млекопитающих, кости которых были обнаружены в раскопе «Верхний город», приходится подавляющее большинство (91,3%) от общего количества определимых фрагментов. Основной массив костей представлен 5–6 видами: крупный рогатый и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь и собака. Также найдены крайне немногочисленные костные фрагменты осла и кошки.

Для представления о скотоводческой деятельности требуется переход от выборки остеологических фрагментов к оценке мясного потребления населения. Реконструкция проводилась по методике Е.Е. Антипиной [2008, с. 67–85]. Эти данные опубликованы в «Материалах по археологии и истории Фанагории» [Добровольская, 2013, с. 192–205]. В результате реконструкции получены данные о том, что в античное время в стаде абсолютно доминировал крупный рогатый скот, который обеспечивал население Фанагории мясом, молоко, кожами, тягловой силой и навозом – единственное органическое удобрение того времени.

Для того чтобы получить представление об облике крупного рогатого скота, были проведены краниологические исследования, а также промерены и проанализированы такие показатели размеров скота, как альвеолярный ряд коренных зубов и кости конечностей, которые гораздо более многочисленны и находятся в состоянии лучшей сохранности, чем черепа.

При исследовании краниологических данных фанагорийской остеологической коллекции мы получили данные о существовании трех типов особей, различающихся строением черепа: 1) длиннорогие животные с прямым или волнистым междурожьем, они обладают наиболее крупными черепами (37,7% от обследованных черепов); 2) короткорогие с волнистым или выпуклым междурожьем, для них характерен относительно небольшой череп (38,1%); 3) комолые с небольшим черепом (24,2%).

Очевидно, что основную массу популяции местного крупного рогатого скота составляли рогатые особи. Это противоречит данным В.И. Цалкина [1960а, с. 28–30]. Более того, рогатые особи, как крупные, так и более мелкие, встречаются примерно в одинаковом количестве.

Найденные и измеренные нами костные стержни рогов скота различаются по размерам – встречаются рога с различными индексами массивности и уплощенности. Индексом массивности называется соотношение между величиной обхвата у основания рога и длиной стержня по большой кривизне; индексом уплощенности – соотношение малого диаметра у основания рога к его большому диаметру. Выявились две группы скота, обе малочисленные. Одну группу составляют животные с короткими массивными и почти круглыми рогами, вторую – с длинными рогами, но с плоскими и маломассивными. Основную массу скота, по нашим наблюдениям, составляли животные с самыми разными показателями и с большим разбросом индексов.

При обработке данных по длине альвеолярного ряда мы также выяснили, что существовало две группы особей. Группа животных с более короткими рядами зубов малочисленна. Это совершенно объяснимо, поскольку и надои, и физическая мощь

у крупного рогатого скота зависят от количества потребленной пищи, а для этого необходим мощный жевательный аппарат, поэтому держать коров и быков с большими челюстями гораздо выгоднее.

Несколько похожая картина наблюдается и в распределении длин лучевых костей. Также наблюдаем две группы животных: одну составляют небольшие особи с короткими лучевыми костями, другую – с длинными. Если сопоставить эти два графика, то можно увидеть, что в городе преимущественно держали некрупных особей с относительно длинными челюстями.

Нами была предпринята попытка определения пола крупного рогатого скота по метаподиям [Беговатов, Петренко, 2009, сайт КГУ]. Еще Цалкиным [1960б, с. 75–83] было предложено использовать длину метаподии и два процентных соотношения: отношение ширины верхнего и нижнего эпифизов и ширины диафиза к длине метаподии. Полностью избежать ошибок в определении пола крупного рогатого скота по четырем промерам пясти и плюсны не представляется возможным, но современные методы математической статистики и компьютерных программ позволяют значительно уменьшить ошибки, которые возникают при работе с костями крупного рогатого скота различных мест обитания (популяций). В нашем случае мы использовали метод дискриминантного анализа. Было исследовано 1 337 целых пястных костей крупного рогатого скота: 62% метаподий принадлежало коровам, 18% быкам и 20% волам. Если проанализировать эти данные, то можно сделать вывод, что наблюдается достаточно высокий процент волов и особенно быков, значительно превышающий необходимый для обеспечения размножения стада.

Таким образом, стадо крупного рогатого скота античной Фанагории было представлено в основном невысокими рогатыми животными с достаточно мощным жевательным аппаратом, среди которых преобладали коровы, волы и быки были относительно многочисленны. Это подтверждает нашу прежде высказанную мысль о том, что стадо Фанагории было многочисленным, мясо-молочного направления и что в округе, видимо, было хорошо развито зерноводство. Об этом свидетельствует большой процент быков и волов, которых использовали в качестве тягловой силы, а также большой процент сильно изуродованных тяжелым физическим трудом фаланг этих животных.

Библиографический список

Антипина Е.Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 6. – М., 2008.

Беговатов Е.А., Петренко А.Г. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии. – Казань, 2004.

Добровольская Е.В. Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота // Материалы по археологии и истории Фанагории. – М., 2013. – Т. 1, вып. 1.

Цалкин В.И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень МОИП, отделение биологии. – М., 1960а. – Т. 65, вып. 1.

Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1960б.

М.В. Добровольская, Е.А. Клещенко, А.В. Мاستыкова
Институт археологии РАН, Москва
МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ УРНОВЫХ КРЕМАЦИЙ
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-06-00058 А «Методы элементного и изотопного анализов
в изучении историко-культурных связей и образа жизни населения
Юго-Восточной Прибалтики (римское время – начало средневековья)»)

В ходе ширококомасштабных раскопок Самбийской археологической экспедиции Института археологии РАН в изучаемом нами микрорегионе к югу от современного поселка Заостровье (Зеленоградский район Калининградской обл.), в бассейне р. Спокойная (северная часть Самбийского полуострова), были открыты новые памятники самбийско-натынгийской культуры¹, относящиеся как к римскому времени, точнее, к периодам В2 и С1, согласно хронологии европейского Барбарикума (от 70/80 по 250/270 гг.), так и памятники, датированные периодом Е западнобалтской хронологии (450–675 гг.). На могильниках самбийско-натынгийской культуры помимо ингумаций имеются и кремации, в том числе и в урнах. К сожалению, в большинстве случаев погребальные урны бывают разрушенными, и установить порядок их заполнения не представляется возможным. Часто кремированные останки обнаруживаются вне урн, в стороне или под урной и т.д., иногда они могут быть просто рассеяны по площади. В таких случаях для более точной и объективной биархеологической экспертизы костный материал собирается каждый раз отдельно на месте его обнаружения.

Методика изучения и разборки урновой кремации ориентирована на как можно более полное сохранение первичных особенностей заполнения урны, как это предполагал погребальный обряд. Поэтому мы считаем важным по возможности проводить рентгенографирование урны до ее разборки с тем, чтобы зафиксировать микростратиграфию заполнения.

Перед разборкой урны следует наметить уровни, в пределах которых будет выниматься заполнение. Удобно разместить эти метки на поверхности урны, закрепив их скотчем. Как показал опыт, маркирование этих уровней через каждые 2 см позволяет с достаточной степенью подробности получить информацию о структуре заполнения урны. Последовательно выбирая два сантиметра слоя заполнения, следует рассортировать предметы сопровождения, фрагменты костей, грунт. В случае глинистого заполнения требуется осторожная промывка с использованием пластмассового плоскодонного сита. В случае песчаного заполнения достаточно просеивания сухого заполнения. Кремированные фрагменты из каждого слоя описываются по стандартным признакам, взвешиваются [Добровольская, 2010, с. 85, Клещенко, 2016, с. 323].

После того, как последовательно разобраны все слои, составляется единая таблица, которая позволяет оценить области аккумуляции наибольшего числа костных фрагментов, порядок расположения предметов в урне и пр. В ходе разборки урны также следует отбирать образцы на проведение дальнейших исследований. Анатомически определяемые участки скелета человека или животного фотографируются, затем они могут быть отправлены на определение соотношения изотопов стронция. Важно использовать определяемые фрагменты, чтобы полученный результат не оказался «безадресным». Особую ценность для подобного рода исследований имеют корни зубов, которые, в отличие от коронок, достаточно часто сохраняются в погребениях. Полученные данные о стратиграфии расположения фрагментов скелета позволяют

---

¹ В польской археологии для этих древностей принято название «Доллхайм-Коврово».

переводить их и в графическое выражение на схеме продольного среза через урну. Такие схематические изображения эффективны для формализованных сопоставлений.

Так, могильник Романово-Пугачевский пруд, открытый в ходе разведывательных работ в Зеленоградском районе Калининградской области, был поврежден грабительскими ямами, на одной из которых заложен разведочный шурф и доследовано грунтовое погребение с неповрежденной урновой кремацией [Mastykova, 2017]. Сосуд был заполнен тяжелым глинистым грунтом, что предполагало достаточно кропотливую и трудоемкую разборку с дополнительной промывкой костного материала.

Условно заполнение урны было разделено на несколько слоев, выборка урны производилась послойно, костный материал каждого слоя фиксировался и взвешивался. В результате такого подхода выяснилось, что кальцинированные кости лежали не в анатомическом порядке. Они собирались с погребального кострища, скорее всего, выборочно, и более всего их оказалось в третьем слое – приблизительно в середине урны, а также в шестом слое – на дне урны. Причем скопления кальцинированных костей в этих слоях соответствуют наибольшим скоплениям плотно уложенных в урну железных предметов (топор, копьё, фрагменты умбона и других железных предметов).

На могильнике Шлакалькен-5, открытом также при разведывательных работах, удалось проследить следующую закономерность, которая, возможно, является определенной чертой обрядности: костные фрагменты, сложенные в урны, как правило, очищены от углей, но при этом следы промывки от золы отсутствуют, в то же время в заполнениях самих погребальных ям фиксируются и уголь, и зола, и фрагменты кальцинированных костей. Вероятно, сожженные останки помещали в урну, собирая их по фрагментам, а в заполнение могильной ямы – захватывая скопления останков с погребального костра вместе с угольками [Мастыкова, Добровольская, Юганов, 2017].

Такой методический подход разборки погребальных урн позволяет реконструировать сложную многоступенчатую процедуру погребальной обрядности и последовательность погребальных действий, дает возможность восстановить «микростратиграфию» заполнения урны и проследить некоторые общие характеристики обрядности.

Библиографический список

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. – 2010. – Вып. 224.

Клещенко Е.А. Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тысячелетии н.э. (опыт применения археологического подхода при изучении материалов кремаций) // Краткие сообщения Института археологии. – 2016. – Вып. 245.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В., Юганов К.Л. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // Краткие сообщения Института археологии – 2017. – Вып. 246.

Mastykova A.V. Urn cremation in the Southeast Baltic sinthelate Roman period. Fieldrecords and laboratory study // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016 Vilnius. TH1-21.

М.В. Добровольская, И.К. Решетова, О.С. Чагаров
Институт археологии РАН, Москва
СТАБИЛЬНЫЕ ИЗОТОПЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ
ТРАДИЦИЙ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА
В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Возможности современных изотопных исследований с целью реконструкции экологических обстоятельств природных и антропогенных ландшафтов, особенностей питания людей и животных, степени их мобильности на протяжении индивидуальной жизни сделали эти методические подходы актуальными в самых различных областях современной археологии [Добровольская, 2016, с. 191; Шишлина, 2016, с. 219]. Настоящая публикация представляет данные об изотопных соотношениях легких элементах (углерода $\delta^{13/12}\text{C}$ и азота $\delta^{15/14}\text{N}$) и изотопном соотношении $^{87/86}\text{Sr}$ в коллагене костной ткани людей и животных, а также в эмали зубов и костной ткани людей и животных из погребений эпохи бронзы и раннего железного века на Среднем Дону. Целью этих работ является оценка возможностей метода при изучении особенностей образа жизни и хозяйствования двух типов подвижных пастушеских сообществ, связанных с носителями традиций среднедонской катакомбной археологической культуры и среднедонской курганной традиции скифского времени.

Выделение коллагена проводилось по стандартной процедуре в группе физической антропологии Института археологии РАН, формирование образцов и изотопные определения – в лаборатории Института проблем экологии и эволюции животных им А.Н. Северцова РАН на базе межинститутского академического центра коллективного пользования. Все образцы были продублированы с целью характеристики воспроизводимости результатов. Таким образом, выполнено 35 определений дельта углерода и азота. Воспроизводимость результатов находится в пределах 1%. Соотношение изотопов стронция определялись в Центре изотопных исследований Всесоюзного научно-исследовательского геологического института им А.П. Карпинского.

Часть 1. Эпоха средней бронзы. Изучение обществ эпохи бронзы, оставивших погребальные памятники среднедонской катакомбной археологической культуры, имеет большое значение как для понимания специфики феномена культурно-исторических общностей и областей в целом, так и для развития представлений о катакомбной КИО в ее среднедонском варианте. В исследовании были использованы скелетные материалы из могильников Власовский Первый, Власовский Второй, Первый Богучарский могильник, Второй Богучарский, Репная Балка, Кобино-1, Терновый-1. В разные годы исследований эти материалы были раскопаны А.Т. Синюком, В.И. Гуляевым, А.Н. Геом.

Изучены скелеты 16 индивидов и один костяк мелкого рогатого скота, образцов костной ткани и дентина зубов для получения данных о содержании изотопов легких элементов и 16 образцов костной ткани и эмали зубов для определения соотношения изотопов стронция.

Большинство индивидов характеризуется стабильными показателями углерода в пределах от -20 до -19‰ . Такие значения ассоциируются с экосистемами, базирующимися на растениях С3 типа фотосинтеза, характерны для пищевых цепочек, основанных не на флоре с известными ограничениями во влажности (например, суходолы, травянистая растительность частично покрытых лесом районов и пр.). Величины дельта азота менее стабильны и варьируют в пределах от $10,5$ до $13,5\text{‰}$. Эти данные дают основание судить о разнообразии белкового компонента в рационе индивидов. Тем не менее однозначно можно судить о преобладании белков в каждодневном рационе индивидов, так как разрыв между значением дельта азота по образцу травоядного животного и минимальным значением дельта азота по коллагену из скелетных тканей человека составляет почти 5‰ , что в любом случае приближается к величине трофического шага. Следует отметить гораздо менее выраженные проявления аридности экосистем,

освоенных представителями катакомбной среднедонской культуры по сравнению с «катакомбниками» степей. Так, средние арифметические значения δ углерода для групп из могильников катакомбной культуры степей Прикаспия находятся в области от -18 до -15‰ , а δ азота – в пределах от 14 до 16‰ [Shishlina et al., 2012, с. 195–196]. Первые данные об изменчивости изотопных соотношений стронция в группе указывают на умеренную в целом мобильность. Имеющиеся данные фиксируют лишь отдельных индивидов с признаками недавних переселений с территорий с иными геологическими условиями среди захоронений среднедонской катакомбной культуры.

Часть 2. Ранний железный век. Получение данных о системе питания людей раннего железного века, погребенных под курганными насыпями на Среднем Дону, важно для реконструкции типа хозяйства групп кочевников. Материалы происходят из могильников среднедонской культуры скифского времени и датируются концом V – IV в. до н.э. [Гуляев, 2009, с. 10]. Они были получены в период с 1993–2003 гг. в результате планомерных раскопок могильника Колбино-I Донской археологической экспедицией РАН.

В анализ включены 29 индивидов, из них 12 мужского пола, 13 женского пола, 4 детей. Три образца костной ткани лошади представляют местную травоядную фауну. Индивидуальные значения дельта углерода варьируют от $-20,53$ до $-13,79$, что составляет значительную величину около 7‰ . Индивидуальная изменчивость дельта азота находится в рамках от $10,7$ до $12,65\text{‰}$, что значительно ниже диапазона изменчивости углеродного показателя. Разброс значений индивидуальной изменчивости позволяет условно разделить индивидов из данной выборки на две группировки по $\delta^{13}\text{C}$. Так, подавляющее большинство индивидов характеризуются значениями в пределах величин, характерных для растений типа C4 фотосинтетиков. Значения для $\delta^{15}\text{N}$ стабильно высоки для всей группы, что указывает на незначительную долю белков в рационе.

Общая картина индивидуальной изменчивости свидетельствует о смешанном рационе питания, в которой ведущее место занимала белковая пища, состав и доля растительных продуктов не были единообразны. Подавляющее большинство индивидов, судя по полученным данным, были включены в трофические цепи, базирующиеся на растениях типа C4 – растения аридных регионов. Вероятно, высокие показатели углерода могут быть рассмотрены как свидетельства преимущественно пребывания этих людей в степных условиях. Другой вариант интерпретации – широкое использование проса в обыденных рационах этих индивидов, так как просо является растением, относимым к типу C4.

Проведенные сопоставления изотопных характеристик у представителей культур средней бронзы и раннего железного века выявили ряд различий. Прежде всего, они проявляются в более активном использовании растений C4 типа фотосинтеза представителями скифского круга культур. Вопрос о том, являются ли эти различия отражением гораздо более мобильного образа жизни кочевников раннего железного века или вызваны введением в пищевой рацион устойчивого и значительного употребления проса может быть решен, в частности, на базе получения сведений об изменчивости изотопного соотношения $^{87/86}\text{Sr}$ в скелетах людей из подкурганных погребений скифского времени.

Библиографический список

Гуляев В.И. Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. – М., 2009.

Добровольская М.В. Теоретические основы и методика изотопных исследований в палеодиетологических реконструкциях // Междисциплинарная интеграция в археологии. – М., 2016.

Шишлина Н.И. Археологический источник и изотопная геохимия // Междисциплинарная интеграция в археологии. – М., 2016.

Shishlina N., Zazovskaya E., J. van der Plicht, Sevastyanov V. Isotopes, Plants and Reservoir Effects: Case Study from the Caspian Steppe Bronze Age // Radiocarbon. – 2012. – №2.

Н.С. Дога¹, А.А. Выборнов¹, А.И. Юдин², П.А. Косинцев³, М.А. Кулькова⁴, А.С. Попов¹

¹*Самарский государственный*

социально-педагогический университет, Самара;

²*АНО «Научно-исследовательский центр*

по сохранению культурного наследия», Саратов;

³*Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург;*

⁴*Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург*

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ
НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА ОРОШАЕМОЕ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Работа выполнена в рамках реализации проекта 33.1907. 2017/ ПЧ
государственного задания Министерства образования и науки РФ

А.Н. Мелентьев [1976, с. 13] стал первым исследователем, который обосновал выделение прикаспийской культуры в Нижнем Поволжье и предположил наличие у ее носителей скотоводства. Поселение Орошаемое в степном Заволжье (Александрово-Гайский р-н Саратовской обл.) известно с 1984 г., когда на нем были проведены первые исследования [Юдин, 2012, с. 26]. В 2014–2016 гг. раскопки были продолжены. За три сезона вскрыто 70 кв. м культурного слоя толщиной от 1,2 до 2,65 м на раскопе «Орошаемое» [Выборнов и др., 2015, с. 235; Выборнов, Юдин, 2015, с. 45; 2016, с. 52; Выборнов и др., 2016, с. 140].

На поселении стратиграфически в светло-желтом суглинке выделяются три слабо гумусированных литологических пласта, относящихся к трем культурно-хронологическим горизонтам (слоям). Верхний культурный слой толщиной до 30 см по находкам определяется временем бытования хвалынской энеолитической культуры. Толщина среднего культурного слоя колеблется в пределах 30–60 см. Слой включал находки прикаспийской энеолитической культуры. Находки нижнего культурного слоя, залегающего на материке, относятся к орловской неолитической культуре. Мощность его изменяется в пределах 0,4–0,8 м.

Керамическая коллекция памятника невыразительна и сильно фрагментирована. Исходя из стратиграфии выделено три группы керамики. К первой группе относятся фрагменты, залегающие примерно в первых десяти слоях: часть венчика от прямостенного сосуда с неглубокими расчесами на внешней поверхности и горизонтальными рядами скобковидных наколов; два фрагмента стенок сосудов, украшенных оттисками полой камышинки и рядами гребенчатого штампа. Вторая группа более многочисленна и представлена керамикой прикаспийской культуры. Для данной группы характерны «воротничковое» оформление венчика и орнаментация в виде отпечатков зубчатого и гребенчатого штампов. Третью группу представляют неорнаментированные стенки и два выразительных венчика орловской культуры. Первый венчик украшен узкими подтреугольными наколами по внешней поверхности. Второй сосуд имеет подтреугольный наплыв на внутренней стороне и также орнаментирован узким подтреугольным наколом. Сосуды всех трех групп выполнены из илистых глин, за исключением одного сосуда третьей группы, изготовленного из ила. В глиняном тесте сосудов первой и второй групп обнаружена примесь толченой раковины, а тесто сосудов третьей группы имеет примесь в виде органического раствора. Сходство технологии изготовления керамики разновременных культур предполагает их преемственность.

Каменная коллекция представлена кварцитовыми (72%) и кремневыми (28%) изделиями. Общее количество составляет 202 экземпляра – преимущественно это отходы первичного расщепления. В основном присутствуют артефакты, изготовленные на крупных кварцитовых пластинах или сколах: концевые скребки (обработанные ретушью по двум-трем граням), симметричные острия, крупные ретушированные пластины и их сечения, прямолезвийные и саблевидные ножи. Нуклеусы для получения пластин из

кварцита и кремня имеют конусовидную форму. Комплекс из кремня гораздо меньше, он представлен следующими категориями: скребки на отщепах и пластинах, пластины и их сечения, наконечник стрелы подтреугольной формы. Ширина ножевидных пластин, являющихся основной заготовкой для орудий, варьирует от 7 до 42 мм. Кроме этого, в коллекции присутствуют двусторонне обработанные наконечники стрел (из кварцита) в форме «рыбки», типичные для прикаспийской культуры. Есть два сечения пластин, имеющие ретушь по продольным граням – вкладыши (один из кварцита). Сочетание кремня-кварцита и макро-микротехники дает возможность отнести индустрию к энеолитической эпохе. Что касается инвентаря нижнего неолитического слоя, то он немногочисленный: пластины, скребки на отщепах и пластинах, обломок сегмента с односторонней ретушью. Такой набор полностью соответствует индустрии орловской культуры.

Возраст материалов памятника определен радиоуглеродными датами по кости – 5667 ± 100 BP (4725–4336 cal BC) (SPb-1474), на АМС непосредственно по кости домашней овцы – 5806 ± 26 BP (4724–4557 cal BC) (UGAMS-23059) и по органике в керамике – 5890 ± 120 BP (5056–4462 cal BC) (SPb-1729), по коллагену – 5934 ± 100 BP (5060–4547 cal BC) (SPb-2091). Данный хронологический диапазон – рубеж VI–V тыс. до н.э. – 1-я пол. V тыс. до н.э. (в калиброванных значениях) соотносится с временем прикаспийской и хвалынской культур. Еще одна дата с Орошаемого – 6889 ± 100 BP (5933–5631 cal BC) (SPb-2090) – совпадает со временем формирования слоя 2 Б на Варфоломеевской стоянке орловской неолитической культуры [Юдин, 2014, с. 215] и нижним слоем раскопа «Алгай 1» на поселении Орошаемое [Юдин и др., 2016, с. 61].

На памятнике обнаружены кости животных: тур, сайга, лошадь, кулан, кабан. В верхнем слое найдены кости домашней овцы. Это вполне ожидаемо, учитывая хвалынскую принадлежность артефактов в этом слое. Что касается слоя с артефактами прикаспийской культуры, то здесь впервые в Нижнем Поволжье достоверно определена домашняя фауна (овца) в стратифицированном культурном слое.

Таким образом, поселение Орошаемое, учитывая наличие стратиграфии, является одним из важнейших источников для изучения различных аспектов неолита и энеолита Нижнего Поволжья.

Библиографический список

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 17. – №3. – Самара, 2015.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов, 2015. – Вып. 13.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 18. – №3. – Самара, 2016.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов, 2016. – Вып. 14.

Мелентьев А.Н. Памятники неолита Сев. Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1976.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. – Саратов, 2012.

Юдин А.И. Орловская культура в свете новых данных по хронологии неолита степного Поволжья // Самарский научный вестник. – 2014. – №3 (8).

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. – 2016. – №3 (16).

З.В. Доде
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону
СКАЛЬНЫЕ МОГИЛЬНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Скальные могильники, неожиданно появившиеся и функционировавшие в горных ущельях Северного Кавказа в период Средневековья, известны в науке с конца XIX в. Среди них международную известность получил могильник Мошечая Балка, открытый Е.Д. Фелицыным. Памятник характеризуется обилием импортных предметов из стекла, металла и шелковых тканей. Коллекция из Мошечой Балки была сформирована в начале XX в. усилиями профессиональных археологов Н.И. Веселовского и Н.И. Воробьева. В течение 1-й половины XX в. к материалам коллекции обращались Г.Ф. Дебец, Н. Митина, К.В. Тревер, А.А. Иессен, относившие их к ранне-средневековому периоду. Со 2-й половины XX в. материалы из Мошечой Балки, находящиеся в фондах и постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа, публиковались хранителем этой коллекции А.А. Иерусалимской. Однако, помимо частично опубликованных материалов из Мошечой Балки, импортные предметы из шелкового текстиля и другие экзотические товары были обнаружены и в других скальных могильниках, таких как Хасаут, Эшакон, Улу-кол, Подорванная Балка, Амгата и др.

Скальные могильники Северного Кавказа благодаря обилию импортных предметов рассматривались как свидетельства функционирования Великого шелкового пути, датировались 2-й половиной VII – IX в.; в контексте традиции автохтонизма и приоритета иранского влияния, долгое время господствовавших в советской исторической науке, эти памятники приписывали «алано-адыгам», при этом игнорировалось мощное влияние тюркского компонента на культуру средневекового северокавказского населения. Советские исследователи атрибутировали центральноазиатский компонент только как импортные «шелковые ткани занданечи», которые поступали к местному населению в результате функционирования Шелкового пути.

Однако сегодня можно констатировать, что крой мужских кафтанов, миниатюрная одежда и ряд других артефактов, использовавшихся в погребальном обряде северокавказских скальных могильников, имеют прямые аналогии в центральноазиатском археологическом материале. Эти соответствия выходят за рамки торговых контактов и подводят к необходимости детального изучения этнокультурной принадлежности населения, оставившего северокавказские скальные могильники, на основе антропологического и генетического исследований погребенных.

Датировка могильников базировалась на так называемых «шелках занданечи», которые рассматривались как наиболее существенные в хронологии могильника Мошечая Балка и других памятников. Сегодня установлено, что ткани занданечи – это тип хлопкового текстиля, известного с X в., производившегося в регионе Бухары, в то время как «шелка занданечи» – это дефиниция, искусственно созданная в результате ошибочных методов исследования. Поэтому хронология скальных могильников Северного Кавказа должна быть пересмотрена. Новая культурно-хронологическая атрибуция шелковых тканей из скальных могильников Северного Кавказа существенно повлияет на изменение их датировок и вектора культурных отношений средневекового северокавказского населения.

В.Б. Дорони́чев
АНО «Лаборатория Доистории», Санкт-Петербург
ИНДУСТРИИ С ЛИСТОВИДНЫМИ
БИФАСИАЛЬНЫМИ НАКОНЕЧНИКАМИ
В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И КАВКАЗА

Время и культурные показатели перехода от нижнего к среднему палеолиту в Западной Евразии являются предметом оживленных дискуссий. По современным данным, этот переход был длительным процессом, занявшим около 100 тыс. лет, который начинался в разное время и сопровождался различными культурными изменениями в разных частях этого региона. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в Западной Азии граница нижнего и среднего палеолита приходится на время около 250–200 тыс. л.н. (конец КИС 8 – КИС 7), а основными культурными индикаторами начала среднего палеолита являются развитые леваллуазские и пластинчатые технологии скалывания с подготовленных ядрищ и ассортимент орудий (ретушированных острий и других конвергентных орудий), сделанных на удлиненных заготовках; древнейшая индустрия среднего палеолита в этом регионе известна как левантийское мустье типа Табун-D [Culley et al., 2013]. В Западной Европе многие исследователи относят к самому раннему среднему палеолиту комплексы с леваллуазской технологией и без ашельских бифасов, которые датируются тем же временем, что и мустье Табун-D в Леванте [Moncel et al., 2011].

Центральная и Восточная Европа, включая Балканы и Кавказ, являются областью, куда технология ашельских бифасов проникает поздно – в конце позднего ашеля [Doronichev, Golovanova, 2010; Doronichev, 2016]. В бассейне Дуная, на Балканах, Карпатах и Русской равнине ашельские комплексы практически неизвестны; вплоть до конца нижнего палеолита здесь сохраняются индустрии пре-мустьерского комплекса, основанные на технологии скалывания отщепов с неподготовленных ядрищ и производстве односторонних орудий на отщепах и гальках. Переход к среднему палеолиту в этом регионе также имеет свою специфику. Во-первых, здесь нет леваллуазских мустьерских индустрий, которые бы датировались временем от 250 до 150 тыс. л.н. (конец КИС 8 – КИС 6), т.е. соответствовали бы западноазиатской или западноевропейской моделям перехода от нижнего к среднему палеолиту. Во-вторых, самые ранние мустьерские индустрии этого региона демонстрируют другую модель перехода, которая основана на появлении новой, неизвестной в ашеле, технологии производства листовидных бифасиальных наконечников и отчасти (в некоторых локальных контекстах) бифасиальных асимметричных ножей.

На севере Центральной Европы древнейшей индустрией среднего палеолита является стоянка Веймар-Эринсдорф (в Германии), которая датируется около 240 тыс. л.н. на основании U/Th даты 243 ± 6 тыс. л.н. Здесь найдена мустьерская индустрия с листовидными бифасами, которая связана с находками останков, по крайней мере, шести особей неандертальцев – древнейших представителей типичного *Homo neanderthalensis* в этой части Европы. Далее к востоку, в Карпатах, комплексы Va и V из раскопок на стоянке Королево-1 (в Украине) представляют древнейшую мустьерскую индустрию с листовидными бифасами на границе Центральной и Восточной Европы [Гладилин, Ситливый, 1990; Koulakovska et al., 2010]. Комплекс Va датируется КИС 7, а комплекс V – КИС 6.

На примере Королево-1 следует отметить еще одну особенность ранних индустрий среднего палеолита с листовидными бифасами. Многие исследователи отмечают наличие в них леваллуазских (30–45%) и пластинчатых (так называемых протопризматических; около 35%) ядрищ, но при этом проценты леваллуазских и пластинчатых заготовок, а также сколов с фасетированными площадками ничтожны ($IL = 6.5$ и 7.2 ; $Пам = 6.8$ и 7.8 ; $IFstrict = 2.7$ и 2.8 в комплексах Va и V соответственно), а технические сколы подготовки

ядрищ отсутствуют или редки. Проведенные технологические анализы этих и других индустрий, которые относятся ко времени перехода от нижнего к среднему палеолиту в Восточной Европе и на Северном Кавказе, позволяют сделать важный вывод: определение леваллуазской технологии только на основании морфологии ядрищ, без учета последовательности их редукции и типов получаемых сколов, не имеет смысла, так как схожие формы ядрищ могут быть результатом принципиально различных технологий расщепления.

Комплексы с листовидными бифасами, известные в Восточной Европе, которые ряд авторов датируют ранним средним палеолитом (КИС 6 – начало КИС 5), такие как стоянки Хотылево-1, Житомирская и Великий Глыбочек-1, слой 3 [Степанчук, 2006], найдены в геологических контекстах, возраст которых оценивается специалистами по-разному. Только для слоя 3 на стоянке Великий Глыбочек-1 имеется ТЛ дата 175 ± 13 тыс. л.н., которая подтверждает ранний возраст индустрии. На Северном Кавказе листовидные бифасы известны в материалах Абадзехского местонахождения, которые датируются финалом позднего ашеля [Golovanova, Doronichev, 2003; 2017]. Древнейшие находки листовидных бифасов *in situ* зафиксированы в этом регионе в слое 5В в пещере Матузка (КИС 5а) и в самом верхнем позднеплейстоценовом слое 2 на стоянке Средний Хаджох, для которого получена ИК-ОСЛ дата 87.8 ± 6.8 тыс. л.н. На Южном Кавказе самые ранние находки листовидных бифасов *in situ* известны в пещерах Цона и Ахштырская, где они коррелируются с началом КИС 5.

Таким образом, имеющиеся данные, несмотря на их ограниченный характер, свидетельствуют о том, что индустрии с листовидными бифасиальными наконечниками и отщеповой техникой расщепления формируют древнейший хронологический пласт среднего палеолита на территории от верховьев Дуная на северо-западе до Северного Кавказа на юго-востоке. Восточная граница распространения этих индустрий пока неясна. В верхнем плейстоцене листовидные бифасы являются частью орудийного набора индустрий микока, которые получают широкое распространение от Северо-Европейской равнины и бассейна Дуная до северо-западного Кавказа и бассейна Волги.

Библиографический список

- Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. – Киев, 1990.
- Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины // Черновцы: Зелена Буковина. – 2006.
- Culley E.V., Popescu G., Clark G.A. An analysis of the compositional integrity of the Levantine Mousterian facies // *Quaternary International*. – 2013. – V. 300.
- Doronichev V.B., Golovanova L.V. Beyond the Acheulean: a view on the Lower Paleolithic occupation of Western Eurasia // *Quaternary International*. – 2010. – V. 223–224.
- Doronichev V. The Pre-Mousterian Industrial Complex in Europe between 400–300 ka: Interpreting its origin and spatiotemporal variability // *Quaternary International*. – 2016. – V. 409-B.
- Golovanova L., Doronichev V. The Middle Paleolithic of Caucasus // *Journal of World Prehistory*. – 2003. – V. 17 (1).
- Golovanova L.V., Doronichev V.B. The dynamics of stone industry transformation at the interface of Lower and Middle Paleolithic in the Northwestern Caucasus // *Quaternary International*. – 2017. – V. 428.
- Koulakovska L., Usik V., Haesaerts P. Paleolithic of Korolevo site (Transcarpathia, Ukraine) // *Quaternary International*. – 2010. – V. 223–224.
- Moncel M.-H., Moigne A.-M., Sam Y., Combier J. The emergence of Neanderthal technical behavior: new evidence from Orgnac 3 (Level 1, MIS 8), Southeastern France // *Current Anthropology*. – 2011. – V. 52 (1).

Е.В. Дороничева¹, Л.В. Голованова¹, В.Б. Дороничев¹, А.Г. Недомолкин², М.А. Кулькова³

¹АНО «Лаборатория Доистории», Санкт-Петербург;

²Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп;

³Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЙ СТРАТИФИЦИРОВАННОЙ СТОЯНКИ
СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
(Центральный Кавказ – контактная зона неандертальцев
Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа)

В верховьях р. Баксан в Приэльбрусье, на Центральном Кавказе, известны многочисленные выходы сырья, которое высоко ценилось в каменном веке. Проведенные исследования показывают [Doronicheva, Shackley, 2014], что в среднем палеолите неандертальцы приносили обсидиан из источников в долине р. Баксан (Заюково) в Мезмайскую пещеру, расположенную в 200–250 км на Северо-Западном Кавказе. В верхнем палеолите контакты становятся еще более активными. Поступление сырья из этого региона указывает на существование связей населения Северо-Западного и Центрального Кавказа, но характер этих связей еще предстоит выяснить.

Однако памятники эпохи палеолита на Центральном Кавказе очень немногочисленны. В 1950-е гг. в долине р. Баксан работали С.Н. Замятнин и П.Г. Акритас. Стоянку эпохи палеолита им удалось обнаружить только в гроте Сосруко. Мезолитические стоянки были открыты в навесах Сосруко, Алебастровый Завод (долина р. Баксан) и в гроте Кала-Тюбю (долина р. Чегем) [Замятнин, Акритас, 1957а, б; Чеченов, 2012].

В 1976 г. В.П. Любин [Любин, Беляева, 2001] в долине р. Баксан у с. Заюково обнаружил несколько пунктов предположительно мустьерских материалов. Через 30 лет в этом же районе у с. Жанхотеко был обнаружен навес Бадыноко, исследования которого показали наличие здесь стоянки конца палеолита [Деревянко и др., 2005; Зенин, Орлова, 2006].

В.П. Любин и Е.В. Беляева [2009] высказали предположение, что малочисленность стоянок палеолита в этом районе связана с почти полным отсутствием здесь кремневого сырья. В 2016 г. мы начали целенаправленные поиски месторождений кремня в долине р. Баксан. В результате были установлены коренные выходы и несколько аллювиальных россыпей кремня серого, розового и черного цвета. Кремень обнаруженных нами коренных месторождений залегает в известняках мелового возраста. Так, в долине р. Хана-Хаку (правый приток р. Баксан) обнаружены выходы светло-серого кремня. В долине р. Каменка обнаружены аллювиальные россыпи розового кремня разных оттенков. Проведены первые петрографические анализы этого сырья. Целенаправленный поиск палеолитических стоянок в 2016 г. привел к открытию первой на Центральном Кавказе стратифицированной стоянки среднего палеолита в гроте Сарадж-чуко.

Грот Сарадж-чуко расположен около с. Заюково [Дороничева и др., 2016] на левом берегу р. Сарадж-чуко – правобережного притока р. Баксан, на абсолютной высоте около 934 м и относительной – около 30 м. Грот Сарадж-чуко – небольшая (около 80 кв. м) пещера, сформированная в игнимбрите, юго-восточной ориентации. Каменные изделия мустьерского времени происходят из слоя 6, выявленного шурфом. Кровля слоя залегает на глубине около 60 см. Вместе с каменными изделиями (24 экз.) в слое 6 найдены фрагменты костей плейстоценовой сохранности. Кроме двух орудий из светло-серого кремня, все изделия сделаны из черного, дымчатого, коричневого, черно-коричневого полосчатого и крапчатого обсидиана. Сохранность изделий хорошая.

Коллекция каменных изделий включает нуклеус, 16 сколов, на восьми из которых изготовлены орудия, а также пять обломков и две чешуйки. Единственный нуклеус представлен односторонней двуплощадочной формой встречного скалывания (36 × 30 × 13 см). Ударные площадки оформлены серией сколов. На поверхности

расщепления зафиксированы негативы слегка удлиненных снятий. Основную часть коллекции составляют сколы – 16 экз. Выделены один полупервичный скол, отщепы с коркой, сколы без корки, леваллуазские треугольные сколы (1 экз.), пластинчатые сколы (3 экз.) и пластины (3 экз.), также один технический скол. Ударные площадки сохранились только у 9 сколов, из них 5 – ретушированные, 4 – гладкие. В слое 6 обнаружено восемь орудий, одно орудие сделано на леваллуазском треугольном сколе, четыре – на пластинах и пластинчатых сколах, два – на отщепах и одно орудие – на обломке. Выделены продольные скребла (3 экз.), мустьерские остроконечники (2 экз.), а также фрагменты орудий (3 экз.).

На основании небольшой коллекции археологического материала из слоя 6 грота Сарадж-чуко предварительно можно говорить, что на стоянке производилось первичное расщепление, изготовление и подправка орудий. Техничко-типологические характеристики индустрии позволяют охарактеризовать ее как леваллуа-пластинчатое мустье. Пластинчатый аспект каменной индустрии отличает мустье Центрального Кавказа от индустрии восточного микока, распространенной на Северо-Западном Кавказа (бассейн р. Кубань), и находит аналогии в мустьерских комплексах, известных на Северо-Восточном Кавказе и мустьерских индустриях Южного Кавказа. Для этих индустрий типична леваллуазская техника расщепления, формы орудий, характерные для памятников загросского мустье, которое широко представлено на Юго-Восточном Кавказе. Продвижение загросского мустье на Северо-Восточный Кавказ имеет большое значение. Однако только изучение стратифицированных памятников позволит определить хронологию и культурные особенности среднего палеолита Центрального Кавказа, изучить миграции и взаимодействие соседних регионов в среднем палеолите, которое установлено по транспортировке обсидиана в Закубанье (Мезмайская пещера). Район Центрального Кавказа в палеолите находился на перекрестке миграционных путей и был важнейшим сырьевым регионом.

Библиографический список

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Материалы Международной конференции «Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий», 18–20.05.2005 г., Ростов-на-Дону, Азов. – Ростов на/Д, 2005.

Доронищева Е.В., Голованова Л.В., Доронищев В.Б., Недомолкин А.Г. Центральный Кавказ в палеолите: новые данные // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Вып. 5. – Иркутск, 2016.

Замятин С.Н., Акритас П.Г. Исследование по каменному веку в 1954–1955 гг. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1957а. – Т. XIII.

Замятин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1957б. – Т. XIII.

Зенин В.Н., Орлова Л.А. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. – Нальчик, 2006.

Любин В.П., Беляева Е.В. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // *Stratum Plus*. – 2001. – №1.

Любин В.П., Беляева Е.В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С.Н. Бибииков и первобытная археология. – СПб., 2009.

Чеченов И.М. Краткий очерк первобытной археологии Северо-Западного и Центрального Кавказа (каменный век и энеолит) // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2012. – №1.

Doronicheva E.V., Shackley M.S. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave. *PaleoAnthropology*. – 2014. – doi:10.4207/PA.2014.ART89.

Д.Н. Дроздов¹, Сон Донхек²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²Сибирский федеральный университет, Красноярск

МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА «КАМЕННЫЙ ЛОГ» В КУРТАКСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЙОНЕ

Куртацкий археологический район расположен на юге Красноярского края, в Северо-Минусинской котловине. Он включает отрезок левобережья Красноярского водохранилища (долина Енисея) длиной около 20 км между реками, а сейчас заливами Трифоновка и Инжуль. Археологический район был выделен в 1988 г. как зона концентрации разновозрастных памятников палеолита, в том числе первых на Енисее и Средней Сибири раннепалеолитических местонахождений.

В конце XX в. в результате комплексных геоархеологических работ в Куртацком археологическом районе накоплен громадный по информативности и количеству археологический материал и получены естественно-научные данные. Одним из опорных геоархеологических объектов в этом районе является местонахождение Каменный Лог.

Местонахождение располагается в береговой зоне Красноярского водохранилища между Каменным Логом и Сухим Логом. В береговом отступе высотой до 25 м от уреза воды вскрываются все стратиграфические подразделения куртацкой серии позднего неоплейстоцена. Около лога береговая отмель слагается песчаниками карбона, на поверхности которых рассеяны кварцитовые гальки, валуны окремненных пород. Все они являются остатками древнего аллювия 60-метровой террасы, а также продуктами размыва грубообломочной пестроцветной толщи (самарский горизонт среднего неоплейстоцена). В этой части берегового уступа в зачистках и в трех раскопах на поверхности пестроцветной грубообломочной (с зеленоватым оттенком) толщи концентрируются наиболее архаичные комплексы артефактов. Все артефакты раннепалеолитического облика найдены в раскопах *in situ*. Большая часть артефактов среднего и позднего палеолита зафиксирована на поверхности отмели, так называемых «пляжах», водохранилища. На пляжах около берегового уступа и на расстоянии в 200–300 м в сторону водохранилища найдены многочисленные артефакты, которые образовались за счет размыва разновозрастных геологических толщ.

Весь массив археологического материала местонахождения Каменный Лог из раскопов и подъемных сборов на береговых отмелях типологически разделен на три хронологических периода.

1. Артефакты архаичного комплекса – ранний палеолит (370–270 т.л.) найдены в раскопах на поверхности размытой коры выветривания, а также на пляже водохранилища. Каменный инвентарь состоит из 78% кварца и кварцита: нуклеусы, чоперы, чопинги, рубящие орудия, массивные скребла. Большая часть поверхностей артефактов имеет следы сильной коррозии.

2. Среднепалеолитический комплекс (мустьерский) – фиксируется на поверхности каменноложской почвы (5-я изотопно-кислородная шкала), что может соответствовать возрасту 130–75 т.л. Каменный инвентарь изготовлен из кварцита и кремнистых пород: нуклеусы леваллуазского типа и острия, чоперы, скребла и скребки, орудия с «носиком».

3. Археологическая коллекция, отнесенная нами к позднепалеолитическому комплексу, насчитывает более 2 300 артефактов, найденных в раскопах в Куртацком почвенном комплексе (38–25 т.л.).

Первичное расщепление представляют шесть типов нуклеусов, орудийный материал состоит из скребел на крупных отщепках, скребков трех типов, пластин с ретушью и заготовок рубящих орудий.

На местонахождении найдены фаунистические остатки среднеплейстоценовых *Mammuthus* sp., шерстистого носорога, пещерного медведя и др.

На местонахождении Каменный Лог в стратиграфических условиях зафиксированы три фазы развития палеолита в бассейне Енисея.

Н.И. Дроздов¹, В.И. Макулов¹, В.П. Чеха¹, Цюань Цянькунь²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Сибирский федеральный университет, Красноярск

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ТУВЫ

За последние двадцать лет сотрудниками Лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАЭТ СО РАН обследованы и изучены археологические объекты в южных территориях Красноярского края и Республики Тува.

Продолжаются геоархеологические работы на археологических объектах в акватории Красноярского водохранилища, начатые в 1986 г. Здесь в районе п. Куртак были найдены артефакты раннего и среднего палеолита на местонахождениях Каменный Лог, Разлог, Бережеково; артефакты кокоревской культуры на стоянке Черемушки-II и комплекс артефактов на стоянке Бюза-II, датированный финально-плейстоценовым временем. В предгорьях Восточного Саяна на р. Казыр в районе бывшей деревни Сретенка находки палеолитических артефактов подтверждают перспективность поиска археологических объектов горно-таежной местности в предгорьях с выходом на равнинные пространства Хакасско-Минусинской котловины. При выходе из гор на равнину р. Абакан в районе с. Усть-Сос В.Е. Ларичевым в разрезе были найдены каррадированные артефакты предположительно среднеплейстоценового возраста, а впоследствии там же на поверхности песчаных выдувов – позднепалеолитические. Перспективность поиска местонахождений каменного века в Хакасско-Минусинской котловине очевидна.

На юге Тувы проведены комплексные геоархеологические исследования. В результате осмотрены, открыты и исследованы более 20 разновременных палеолитических местонахождений на северной окраине Убсунурской котловины в пределах низкогорий Западного и Восточного Танну-Ола от р. Тэс-Хем на востоке до р. Саглы на западе. В долине р. Ирбитей на поверхности древних высоких уровней террас обнаружены семь местонахождений палеолита. В Торгалыкской котловине на равнинной поверхности обнаружено девять палеолитических местонахождений. Особый интерес представляет комплекс микроиндустрии из кремнистой породы местонахождения Торгалык-I. Впервые в предгорной части котловины на р. Шалаш найдены среднепалеолитические материалы леваллуазской индустрии.

Проведенные исследования в Туве позволяют сделать ряд новых выводов.

1. Район Ирбитей и Торгалыкской котловины перспективен для выявления местонахождений раннего, среднего и позднего палеолита.

2. В отличие от ранее существовавшего взгляда о приуроченности палеолитических местонахождений к поверхностям пролювиально-делювиального шлейфов, выявлена определенная связь местонахождений с речными террасами. Судя по тому, что на отрезке бассейнов рек Ирбитей – Саглы, а также во всех имеющихся долинах рек, стекающих с хребтов Танну-Ола, обнаружены разновременные палеолитические местонахождения, можно предполагать интенсивные миграции древнего населения вдоль фаса хребтов.

3. Были открыты местонахождения нового типа, расположенные в пределах фрагментов древней речной сети, не связанной с современной, что рассматривается в качестве рабочей гипотезы и требует дополнительных исследований.

4. Палеолит Южной Тувы различного возраста является галечным и связан с террасами средне-, поздне- и, возможно, раннеплейстоценового возраста.

5. Впервые *in situ* найдены среднепалеолитические материалы на комплексе стоянок Шалаш.

6. Обнаружена микроиндустрия на местонахождении Торгалык-I (возможно, среднепалеолитическая).

7. Обнаружен каменный инвентарь раннего палеолита и более позднего времени на местонахождениях Торгалык 3–9 и комплексе стоянок Арыг-Бажы.

При этом необходимо отметить, что определенную сложность при хронологической интерпретации инвентаря представляет его поверхностное залегание, что не позволяет осуществить его геостратиграфическую привязку.

И.А. Дружинина¹, А.А. Малышев¹, М.Б. Медникова¹, В.Л. Лысанов²
¹Институт археологии РАН, Москва;
²Псковский государственный университет, Псков
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАСЕЛЕНИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №16-01-18118 «Хора Горгии по данным археологии:
система расселения, инфраструктура, ресурсы»)

В 2015 г. в долине р. Бедричка – левый приток Масаги (Анапская долина) – исследовался участок грунтового могильника площадью 44 м². Некрополь выявлен по следам разграблений: на поверхности зафиксировано 18 понижений в грунте с вертикальными плитами стенок ящиков – каменных гробниц, расположенных рядами на двух естественных (?) террасах, ориентированных по оси СВ–ЮЗ.

Раскопки показали, что захоронения располагались на глубине около 0,7 м от дневной поверхности. На исследованной площади расчищено два ряда захоронений в каменных ящиках (выше по склону – три, ниже – два погребения), ориентированных по оси СВ–ЮЗ. Расстояние между могилами в первом ряду – 0,8–1,0 м, во втором ряду – 1,7 м, расстояние между рядами могил – около 2 м. Второй ряд погребений отделен от первого подпрямоугольной в плане оградкой, сооруженной из поставленных на ребро камней (0,2–0,5 на 0,15–0,35 м). В раскопе выявлены северо-западный угол оградки и ее северная сторона, которая прослежена в длину на 3,3 м по линии ВЮВ. Погребения внутри оградки также разделены грядой поставленных на ребро небольших плитовых камней (0,25–0,4 м длиной и 0,03–0,1 м толщиной), вытянутых по линии СВ–ЮЗ. Внешние размеры гробниц: 1,9–2,0–2,15 на 0,8 м. Высота плит – 0,4–0,6 м. Толщина стенок – 0,2–0,25 м. Дно гробниц земляное.

Три сооружения верхнего ряда сложены из отесанных сплошных плит ракушечника, причем углы этих ящиков связаны путем выборки в торце четверти для стыковки поперечной стенки, что позволило изначально предположить, по аналогии с захоронениями некрополя Родники, античную датировку комплексов. Перекрытиями этих гробниц, судя по остаткам разрушенной плиты над погребением 3, скорее всего, являлись крышки, специально изготовленные по размеру гробницы.

Гробницы нижнего ряда высечены из серого известняка. Продольные стенки двух каменных ящиков нижнего ряда сложены из одной цельной или из двух плит. Перекрытие над погребением 5 составлено из нескольких плит. Четыре гробницы в плане прямоугольные, только один каменный ящик из нижнего ряда расширяется к изголовью.

Все каменные ящики содержали несколько скелетов. В гробнице 2 первого ряда выявлено три скелета, погребения разновременные. Положение умерших – вытянуто на спине с протянутыми конечностями, ориентировка по линии СЗ. При новом погребении кости захороненных ранее скелетов сдвигали к продольной юго-западной стенке гробницы.

В составе *погребального инвентаря* выделяются предметы быта и орудия труда (универсальные и производственные ножи, фрагменты сверла, стамески (?), кресала, ножницы, наперстки); украшения и детали костюма (серьги и бусы, пуговицы, пряжка, плоское кольцо, перстни и вставки перстней); предметы вооружения (наконечники стрел). Состав вещей позволяет датировать данные комплексы XIV в.

Палеоантропологический материал комплексов был подвергнут специальному исследованию. Все вскрытые погребения могильника содержали коллективные захоронения останков людей, связанных, по-видимому, при жизни семейными узами. Определение биологического возраста этих индивидуумов может служить «зеркалом», в котором отражается состав семьи, типичный для данной группы. Так, в четырех погребениях, где были найдены останки двух человек, были захоронены женщины лет тридцати или несколько старше в сопровождении детей 8–12 лет. Погребения, где захоронены трое, еще

более наглядно рисуют «демографический профиль» семьи в этой средневековой популяции. Так, в погребении 2 находились останки ровесников 40–49 лет, мужчины и женщины, а также юноши 18–20 лет, возможного их потомка. Особенности физического развития в этой группе еще будут предметом отдельного обсуждения, однако нельзя не отметить, что длина тела мужчин (170–174 см) и женщин (154–157 см) вполне соответствует параметрам, ранее определенным для золотоордынского населения, оставившего Новохарьковский могильник.

Особый интерес вызывает комплекс погребения 3. В могиле-3 были захоронены 40-летний мужчина, женщина 30–35 лет и 10-летний ребенок. Данные палеопатологии позволяют пролить свет на повседневную жизнь этой конкретной семьи. У мужчины встречен целый комплекс патологических проявлений, связанных с так называемой болезнью Форестье, или диффузным идиопатическим гиперостозным синдромом. Не исключено, что это состояние предшествовало у него появлению диабета II типа, как об этом свидетельствуют современные клинические данные. Кроме того, сильная деформация головки левой бедренной кости свидетельствует о многолетней хромоте, постигшей этого человека. Особого внимания заслуживает присутствие на его посткраниальном скелете признаков, входящих в так называемый «комплекс всадника». Однако он не избегал физической активности и, скорее всего, был связан с ремеслом, например кузнечным делом, о чем свидетельствует экстраординарное развитие рельефа на костях его правой руки. Жизнь членов этой семьи могла быть достаточно сложна, о чем говорит тот факт, что погребенная в той же могиле женщина незадолго до смерти перенесла трепанацию.

Наряду с могильниками у ст. Гостагаевская и на поселении Жукова, погребения, исследованные близ в долине р. Бедричка, входят в круг памятников золотоордынского времени, объединенных общими чертами, отличающими их как от многочисленных синхронных курганных могильников Северо-Западного Кавказа, так и от грунтовых могильников, выявленных в районе Краснодарского водохранилища (в устье р. Псекупс, Ленинохавльский, Пшиш, Псекупский-5) и могильников степной зоны Западного Закубанья, расположенных в Крымском и Северском районах Краснодарского края (Аушедз, могильники 1 и 2 поселения Железнодорожное-1). В ряду отличительных черт могильников у ст. Гостагаевская, на поселении Жукова и в долине р. Бедричка можно назвать следующие: грунтовые ингумационные погребения, совершенные в каменных гробницах; выраженная рядность в расположении погребений; гробницы, сложенные из тщательно обработанных профессиональными мастерами каменных плит; разно-временные погребения в одном каменном ящике; наличие в погребальном инвентаре заметного числа предметов, характерных для памятников кочевников; минимальное количество предметов вооружения, отражающее ярко выраженный «мирный характер» населения, оставившего эти могильники, и, напротив, наличие в вещевом наборе большого количества ремесленных инструментов, а также ремесленного брака, что может указывать на ремесленную специализацию хозяйственной деятельности этого населения [Дружинина, 2016, с. 215–217].

Близкое территориальное расположение этих могильников позволяет говорить о сложении в низовьях Кубани локального варианта погребального обряда, носители которого вливались в состав полиэтничного и поликультурного населения Северо-Западного Кавказа, известного в письменных источниках эпохи Золотой Орды под общим именем черкесы.

Библиографический список

Дружинина И.А. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016.

Д.О. Дрыга¹, Д.И. Жеребятъев², В.В. Моор², А.А. Малышев³, Г.В. Требелева³

¹Московский университет геодезии и картографии,

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

³Институт археологии РАН, Москва

АНТРОПОГЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00564а

«Реконструкция антропогенного ландшафта периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам и данным GPS-картирования археологических памятников»)

Юго-восточная периферия азиатского Боспора, известная расположенными на его территории античными центрами Горгиппия, Баты и Патус, находится в регионе, получившем в научной литературе название полуостров Абрау. На территории этого полуострова площадью около 742 кв. км географически выделяются два региона: северный (в основе Анапская долина) и южный (предгорья). Естественная граница между ними – отроги главного Кавказского хребта (Навагир и Маркотх). Практически полное отсутствие данных письменных источников об этом регионе в античную эпоху предполагает более углубленное изучение следов воздействия человека на природную среду: артефактов и антропогенного ландшафта.

Исследование материальной культуры – традиционное направление в археологии – далеко не всегда позволяет выйти на уровень исторических обобщений. Меньше распространены комплексные исследования антропогенных ландшафтов: палеорельефа и речной сети, систем расселения и визуализации исследованных объектов.

Особое место в подобных исследованиях занимают данные о палеорельефе. В частности, следует учитывать значительные разрушения на Черноморском побережье, издавна являвшемся контактной зоной и источником биоресурсов. В результате колебания Мирового океана вслед за изменениями влажности, интенсивной волно-прибойной и тектонической активности привели к утрате важных участков культурного ландшафта в западной и юго-западной частях региона.

Ощутимое влияние на изменения рельефа и речной сети оказывала хозяйственная деятельность человека в части сведения лесов и расширения пашенных пространств, приведшая к распространению интенсивных эрозивных процессов. Антропогенная нагрузка вела к обмелению и заиливанию русел рек (Цемес, Озерейка, Маскага, Котлама и др.), сужала возможности их хозяйственного использования. В частности, на месте обширных (12 кв. км) Анапских плавней может быть реконструирован залив.

Основа антропогенного ландшафта Анапской долины была заложена еще в эпоху энеолита и бронзы. В пределах высот 10–100 м господствует степной горизонт, его маркируют памятники степных культур – курганные насыпи. Предгорный горизонт (уровень 100–250 м) востребован представителями аборигенной культуры.

Поселения располагались на пологих площадках склонов ущелий или на защищенных от неожиданных наводнений и вражеских нападений мысовых площадках. В начале III в. до н.э. в Анапской долине сложилась разветвленная и развитая в иерархическом отношении античная система расселения на основе аборигенной. Определяющее значение имела близость античного центра – Горгиппии, которая в эллинистическую эпоху превратила всю Анапскую долину в свою хозяйственную периферию – хору. Апогея развития античная система расселения достигает в раннеримскую эпоху. В римское время ареал поселений существенно сокращается.

В северном регионе система расселения фиксируется в пределах высот до 200 м. При этом абсолютно большая часть расположена на высотах до 150 м. Интересен анализ плотности расположения памятников. Здесь можно выделить несколько центров: первый – на р. Анапке, в непосредственной близости от Горгиппии; два – в районе р. Котламы, и один – в районе бассейна Маскаги. Во II в. до н.э. в Анапской долине распространяется

прикубанский этнический компонент (Раевский некрополь), который занял «степной» горизонт региона.

Имеющиеся материалы показывают приуроченность бытовых памятников античной эпохи к долинам рек (Цемес, Мысхако, Озерейка, Дюрсо) и связь с древней системой расселения.

Одним из результатов создания и анализа ГИС-системы памятников стали данные о логистике системы коммуникаций. Направления, как оказалось, хорошо коррелируются с картматериалами XVIII–XIX вв. Основные трассы региона: из Горгииппии вдоль Маскаги в Цемесскую долину, участок древней аробной магистрали из Горгииппии в центральное Предкавказье через перевал в долине р. Куматырь, скорее всего, конно-пешеходная (?) дорога вдоль морского побережья от Горгииппии до Цемесской бухты. Своеобразными путевыми станциями, сухопутными перекрестками являлись Раевское и Верхне-гостагаевское городища, поселения Куматырь, Помидоры 1–3, Владимировское и Цем-долинское.

Судя по археологическим данным на перекрестке морских и сухопутных путей находилась античная Горгииппия (на севере полуострова) и поселение Мысхако (Бата-Гавань) – на юге.

Южная часть полуострова Абрау практически изолирована с суши от сопредельных регионов горными массивами. Системы расселения и коммуникаций жестко приурочены к долинам рек. Распространение античного влияния сопровождается проникновением сюда выходцев из внутренних районов Прикубанья. В римское время они полностью адаптировались к местным условиям и практически ассимилировали аборигенное население.

Основной транспортной артерией в этих условиях является море, которое было катализатором этнополитических процессов. Куст аборигенных памятников на побережье от М. Утриша до Соленого озера, насыщенных предметами античного импорта, позволяет предположить существование здесь в эпоху архаики-эллинизма архипелага островов, имеющих важное значение в организации каботажного судоходства. Этими же обстоятельствами объясняется отсутствие боспорских памятников на берегах Цемесской бухты.

Не менее важной задачей является исследование археологических памятников как элементов антропогенного ландшафта. Эти работы предполагают целый цикл операций: по фиксации (желательно фотограмметрической) всего памятника, полевые археологические работы по раскрытию культурных остатков, а также изучение отчетных материалов по раскопкам для последующей визуализации отдельных участков или всего памятника.

Полевая фиксация больших по площади объектов производится с помощью аэро-съемки. Для обработки данных широкое применение получили ГИС-технологии в среде MapInfo, ныне в QGis. В качестве основных слоев использовались топографические карты масштаба 1 : 50 000, скачанные с портала loadmap.ru и привязанные по пяти точкам. Обзорные ортофотопланы имеют разрешение на местности порядка 5–15 см, локальные ортофотопланы имеют разрешение до нескольких миллиметров. При использовании ГИС с поддержкой 3D-моделей возможно также экспортировать полученные в ходе фотограмметрической обработки трехмерные модели. На данном этапе в ГИС-среде реализована ссылочная система – каждый объект имеет ссылку на имеющиеся трехмерные модели или сферические панорамы.

Наиболее удачным форматом публикации результатов 3D-моделирования является интернет-ресурс. Как пример приведем визуализацию античной Горгииппии в рамках интернет-сайта – gorgippia-antiqua.ru, явившегося логическим продолжением работ над воссозданием антропогенных ландшафтов полуострова Абрау (abrau-antiqua.ru). Создание интернет-ресурса включает в себя не только научно-исследовательскую составляющую, переосмысление имеющихся данных в цифровом контексте, но и задачу популяризации научного знания в формате «виртуального музея». При реализации использовались различные приемы визуализации: интерактивные флэш-модели, виртуальные панорамы, виртуальные туры и анимированные gif-файлы.

Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ МОЗАИЧНЫХ КОМПОЗИЦИЙ ИЗ ГРОБНИЦ ГОНУР-ДЕПЕ, ТУРКМЕНИСТАН

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Формирование и устойчивое развитие систем жизнеобеспечения этнокультурных регионов на Евразийском пространстве (социальная и экологическая составляющие)» Программы Президиума РАН «Евразийское наследие: новые смыслы»

В 2004 г., а затем в 2009 г. Маргианской археологической экспедицией под руководством В.И. Сарияниди на известном памятнике Туркменистана Гонур-депе (2300–1500 гг. до н.э.), которая работает в рамках Соглашения между Национальным управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана и Институтом этнологии и антропологии РАН, была раскопана группа элитарных погребений, получившая названия «царский некрополь» [Сарияниди, 2006; 2007 и др.; Дубова, 2004; Сарияниди, Дубова, 2010; Sarianidi, Dubova, 2010]. Среди многих значимых археологических открытий, касающихся архитектуры, мировоззрения, ремесел, социального устройства, обрядов, искусства населения древней дельты р. Мургаб, особо выделяются мозаичные композиции. В каждой из восьми обнаруженных гробниц посчастливилось найти отдельные вставки, фрагменты мозаичных композиций и даже целые изделия. Они уникальны и по сюжетам, и по использованным материалам, и по технике исполнения [Сарияниди, Дубова, 2013].

Гонурские мозаики отличаются тем, что они созданы сочетанием двух техник – живописи и мозаики. Благодаря усилиям российского реставратора Н. Чудновской и ее молодых туркменских коллег А. Шайымовой и М. Беглиева проведены консервация и первичная реставрация этих изделий. К продолжению исследований и сохранению мозаик привлечены известные реставраторы из ГосНИИ реставрации МК РФ Н.А. Ковалева и Г.Э. Вересоцкая, имеющие значительный опыт аварийной и плановой консервационно-реставрационной обработки памятников такого рода в полевых условиях с последующим доведением их до музейной экспозиции в лабораторных условиях. В настоящее время восстановлен первоначальный облик трех стенок так называемой «дарохранительницы» из гробницы 3230, начата работа над фрагментами композиций из гробницы 3200 и 3210. Для того чтобы «простой» геометрический орнамент, очень похожий на некоторые узоры туркменского ковра, заиграл разными оттенками, древние мастера использовали разную толщину каменных вставок, различные минералы для их изготовления и разнообразные, в том числе по цвету, клеящие вещества [Ковалева, 2012; Вересоцкая, 2012; 2016].

Использовались особые способы подготовки камня для производства вставок. Рентгеноструктурный анализ вещества мозаичных вставок показал, что они состоят из минерала, более чем на 95% сложенного кварцем. Зерна минерала имеют таблитчатую форму и острые края. Они имеют преобладающие размеры 10–20 микрон, реже – до 50 микрон, расположены в кремнеземном матриксе хаотично. В шлифах кварц характеризуется наличием неправильной трещиноватости, вероятно, вызываемой изменениями объема минерала при его переходе в различные политипные модификации кремнезема, связанные с нагревом вещества. Судя по минеральному составу и структурно-текстурным особенностям материала, для производства мозаичных вставок в качестве сырья использовались осадочные горные породы типа опоки диатомита и трепела [Юминов, 2012, с. 189–190]. Важно подчеркнуть, что подобная же техника обработки минералов для изготовления бус, пронизок, в том числе с зубчатыми краями, отмечалась и на Алтын Деде [Кирчо, Ковнурко, 2003]. Метод обжига минерала с целью облегчения его обработки известен и на памятниках цивилизации долины р. Инд, начиная с неолита [Vidale, 1990]. Из стеатита с последующим обжигом преимущественно изготавливали харапские печати [Массон, 1977, с. 149].

Большинство мозаичных вставок имеют профиль с уклоном, что говорит о том, что при сборке в блок детали подтачивались. Как показали исследования Т.А. Шапошниковой, на

большой части вставок наружный скос варьирует от 45 до 85°. По количеству деталей за ним идет прямой профиль (90°). Форма заточки профиля детали характеризует прежде всего тип соединения деталей между собой. Важно сказать, что среди многих десятков каменных орудий на Гонуре были найдены резцы, подготовленные и заточенные под таким углом, который позволяет вырезать мозаичные вставки именно такого профиля, которые были найдены в царских гробницах.

Наружная поверхность мозаичных композиций была прекрасно выровнена. В искусствоведческой литературе отмечается, что техника подковки камешков (тесселирование) появляется в эпоху эллинизма и приводит к расцвету античной мозаики. Так, самым ранним памятником, где была использована техника тесселирования в чистом виде без использования гальки, являются мозаичные панно Моргантины (III в. до н.э.). Эта техника стала применяться для обеспечения более плотного прилегания камешков мозаики друг к другу и соответственно для тщательной детализации изображений (см., например: [Миллз, 2007]) свидетельствуют, что самыми ранними памятниками, где была использована техника тесселирования в чистом виде без использования гальки, являются мозаичные панно маленького сицилийского города Моргантина (III в. до н.э.). В то же время гонурский материал показывает, что техника подгонки каменных вставок друг к другу путем устройства у них скошенного профиля была известна уже в конце III тыс. до н.э. Сделанные наблюдения заставляют специалистов по-новому рассматривать всю историю этого древнего вида искусства.

Библиографический список

Вересоцкая Г.Э. Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранильницы и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики конца III тыс. до н.э. из царской гробницы №3230 Гонур Деппе (Туркменистан) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012.

Вересоцкая Г.Э. Исследование и реставрация мозаичного декора стенки ларца-дарохранильницы конца III тыс. до н.э. из царской гробницы 3230 Гонур-деппе (Туркменистан) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 6. – М., 2016.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. – М., 2004.

Кирчо Л.Б., Ковнурко Г.М. Престижно-культовые предметы и украшения Алтын-деппе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // Археологические вести. – №10. – СПб., 2003.

Ковалева Н.А. Предварительные исследования и консервация двух фрагментов «ковровых» мозаик из Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012.

Миллз Т. Искусство мозаики. Энциклопедия. – М., 2007.

Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории. – 2006. – №2 (257).

Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. – 2007. – №1.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 3. – СПб., 2010.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Мозаика III тыс. до н.э. в Гонур Деппе (Туркменистан) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. – М., 2013.

Sarianidi V., Dubova N. Nouvelles sepultures sur le territoire de la “necropole royale” de Gonur Depe // Arts Asiatique. – Т. 65. – 2010.

Юминов А.М. Мозаичные вставки из гробницы 3915 // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012.

Н.А. Дубова¹, В.В. Куфтерин²

¹*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва;*

²*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА МАРГИАНЫ (ТУРКМЕНИСТАН)
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 16-01-00288

«Палеоантропологическое изучение памятника эпохи бронзы Гонур-депе (Туркменистан)»

Палеоантропологические материалы с известного памятника Гонур-депе в Туркменистане (2300–1500 гг. до н.э.) как по краниологии, одонтологии, остеометрии, так и по палеопатологии и антропологической реконструкции, полученные благодаря широко-масштабным раскопкам Маргианской археологической экспедиции под руководством В.И. Сарияниди, работающей в рамках сотрудничества между ИЭА РАН и Национальным управлением по охране и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана, опубликованы в настоящее время лишь частично [Бабаков и др., 2001; Dubova, Rykushina, 2004; 2007; Куфтерин, 2016; Нечвалода, 2012; 2016; Kufterin, Dubova, 2013 и др.]. В настоящее время на памятнике изучены человеческие останки из нескольких могильников – Большой (или главный) некрополь (2 832 погребения, 2 905 индивидов); «царский» некрополь (106 и 210 соответственно); погребения на территории дворца (253 и 268) и в других заброшенных помещениях комплекса (1 584 и 1 668), а также на сателлитных поселениях Гонур-20 и Гонур-21 (96 и 101).

На памятнике описано 10 типов погребальных сооружений: шахтные (подбойные), обычные ямные, ямные с обожженными стенками, огромные ямы диаметром около 6 м – «котлованы», погребения в заброшенных печах, цисты, захоронения в хумах, два вида подземных домов – одно-двухкомнатные (камерные) и многокомнатные, в отдельных случаях со специально выделенными дворами (гробницы). Распределение этих типов погребальных сооружений по разным могильникам неодинаковое [Сарияниди, 2001; Sarianidi, 2007; Sarianidi, Dubova, 2016]. В.И. Сарияниди, опираясь на богатство погребальных приношений и сложность самого сооружения, полагал, что тип могилы связан с социальным статусом захороненного. Высшая аристократия хоронила своих умерших в гробницах, следующий социальный слой – в камерных могилах и в цистах, средний класс – в подбойных, а беднейший – в обычных грунтовых ямах [Сарияниди, 2001, с. 35–36; Sarianidi, 2007, р. 24].

Этот вывод хорошо подтверждается анализом распределения погребальных приношений по типам могил. Так, несмотря на то, что абсолютное число золотых (53,66% от всех найденных на Большом некрополе Гонура), серебряных (70,18%), костяных (79,59%) и бронзовых (78,08%) изделий, фрагментов каменных посохов (81,82%), каменных составных статуэток (60,0%), серебряных, бронзовых и каменных печатей (82,22%), фрагментов мозаик (77,78%) и других ценных приношений были найдены в подбойных погребениях, если отнести число таких находок к числу самих погребений, то ситуация в корне меняется. Оказывается, что золотые предметы (даже при том, что почти 80% всех могил на этом некрополе подверглись ограблению в древности) найдены в 25% камерных и только в 1,06% подбойных; серебряные – в 21,15% против 1,92%; костяные – в 17,31% против 3,74%; бронзовые – 21,15% против 9,75%; каменные посохи – в 5,77% против 0,86%; составные статуэтки – в 3,85% против 0,14%; печати – в 11,54% против 3,55%; мозаики – в 3,85% против 0,34%. Четыре серебряных сосуда из пяти найденных находились в камерных могилах, и только один – в шахтной. Если привлечь данные по приношениям в цистах, то общая их доля во многих случаях будет более половины всех находок на Большом некрополе. Находки в обожженных ямах отсутствуют, что связано с неоднократно отмечавшейся их спецификой (Сарияниди, 2001, с. 18–20; Sarianidi, 2007, р. 36–41; Бабаков и др., 2001, с. 108–109). А в обычных грунтовых ямах, как правило, наиболее богатые

приношения ограничиваются небольшими бронзовыми изделиями, но и те встречены всего в 13,3% могил. Золотые изделия (бусина и сережки) найдены только в двух из 218 погребений.

Сопоставление средних величин краниологических признаков, характеризующих захороненных в могилах разного типа (всего 263 взрослых мужских черепа, представляющих все перечисленные выше могильники) выявило закономерность, несколько отличающуюся от данных археологии. Так, при общем описанном ранее антропологическом облике (долихокрания, узкое высокое лицо с высокими орбитами, резко выступающий нос с высоким переносьем) выявлены специфические черты людей, захороненных в разных могилах. Крупными размерами выделяются похороненные в цистах, а самыми небольшими – в «котлованах» и в подбоях. Мало схожими оказались те, чьи останки были найдены в камерных могилах и в особо богатых гробницах. Факторный анализ, проведенный по 14 краниологическим признакам, показал, что первые два фактора описывают 50,7% изменчивости (17,8 и 32,9% соответственно). Ведущими признаками первого фактора стали верхняя высота лица, продольный диаметр и ширина орбиты от mf (признаки, характеризующие преимущественно продольный рост); второго – поперечный, скуловой диаметры и лицевой указатель (параметры, описывающие поперечный рост). Этот метод анализа подтвердил отмеченную антропологическую ситуацию: наиболее сходны по сумме признаков черепа из грунтовых ям и гробниц; значительно отличаются от всех других черепа из обожженных ям и цист. Судя по этим данным, социальная дифференциация населения Гонур-депе не ограничивается тремя стратами, выделенными В.И. Сарияниди. Представляется, что более подробный анализ археологических комплексов артефактов (см., например: [Дубова, 2011]) вместе с анализом антропологии дадут новую интересную информацию на этот счет.

Библиографический список

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001.

Дубова Н.А. Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан) // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 6. – Барнаул, 2011.

Куфтерин В.В. Палеопатология детей и подростков Гонур-депе (Туркменистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №1 (32).

Нечвалода А.И. Черепа веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур-Депе: краниология и антропологическая реконструкция // Труды Маргианской археологической экспедиции / отв. ред. В.И. Сарияниди. – Т. 4. – М., 2012.

Нечвалода А.И. Древнее население Гонур-Депе: визуальный образ палеопопуляции по данным антропологической реконструкции // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 6. – М., 2016.

Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001.

Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // Near the sources of civilization. – М., 2004.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. – Athens, 2007

Kufterin V.V., Dubova N.A. A preliminary analysis of Late Bronze Age human skeletal remains from Gonur-depe, Turkmenistan // Bioarchaeology of the Near East. – 2013. – Vol. 7.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. – Athens, 2007.

Sarianidi V.I., Dubova N.A. Types of graves at Gonur Depe Bronze Age Site in Turkmenistan // Proceedings of the 9th International Congress on the archaeology of the Ancient Near East. 9–13 June 2014, Basel. – Vol. 3. – Wiesbaden, 2016.

И.А. Дураков
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО
ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ (ЧЕРНООЗЕРСКОЙ) КУЛЬТУРЫ
ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования
в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Позднекротовская (черноозерская) металлообработка складывается на базе производства предшествовавшей ей классической кротовской культуры, однако степень ее изученности ниже и источниковая база намного уже. В настоящее время можно выделить только две группы источников по металлообработке позднекротовской (черноозерской) культуры: погребения с кузнечно-литейным инвентарем и так называемые «клады литейщиков».

Погребения, содержащие литейное оборудование (формы, литейные стержни, тигли, кусочки руды) присутствуют практически на всех крупных позднекротовских могильниках Барабы. К настоящему времени выявлено 9 таких захоронений: пять на могильнике Тартас-1 (4,31% от общего числа могил) и четыре на могильнике Сопка-2/5 (4,2%).

Следует отметить, что литейный инвентарь присутствует в могилах всех возрастных и половых групп: взрослых, подростков, женщин и детей. Видимо, металлообработка в позднекротовское время была сосредоточена в руках отдельных семей, все члены которых так или иначе были связаны с этим производством. Не исключено также, что профессиональная принадлежность передавалась по наследству с момента рождения.

«Клады литейщиков» являются очень интересным и в сущности малоизученным типом археологических памятников. Нами учтено два таких объекта, оба они расположены на территории некрополя Тартас-1. В одном случае в подпрямоугольной яме (№109) зафиксировано скопление вещей, включающих каменное точило, бронзовый лом, литейный брак и стандартный слиток типа «plano-convex ingot» (плосковыпуклый слиток) [Молодин, Дураков, 2016, с. 50–53, рис. 3.-5]. Такой тип слитка, как правило, связывают с продукцией первичной выплавки, сделанной на месте добычи металла, он был широко распространен в Передней Азии, Иране на юге Западной Европы [Авилова, Терехова, 2006, с. 14–15, рис. 2, 3].

Второй клад был расположен в яме №147 и представлял собой собранную в рабочее положение глиняную литейную форму для отливки крупного кельта-тесла.

Учтенный бронзолитейный инвентарь включает только формы и тигли.

Формы представлены коллекцией из 10 предметов, происходящих из могильников Сопка-2/5 и Тартас-1. Все они отформованы на подмодельной плите по специально изготовленным моделям и предназначены для отливки крупных предметов сложного профиля: кельтов, тесел, наконечника дротика и вислообушного топора. В могильнике Тартас-1 найдена также кассетная форма для отливки сразу нескольких изделий в виде вытянутых овалов, распространенных в основном в материалах классической кротовской культуры [Молодин, 1985, с. 58, рис. 28.-4, 8, 9; Молодин и др., 2012, с. 116, рис. 13–14].

Следует отметить, что, несмотря на значительное количество изделий срубно-андроновских типов, найденных на памятниках позднекротовской (черноозерской) культуры, [Молодин, 2014], форма для их изготовления найдена только одна (Сопка 2/5, курган №6, погребение 3).

В металлообработывающем производстве классической кротовской культуры был выработан своеобразный тип тигля, представляющий собой чашечку овальной или каплеобразной формы, зафиксированной во внешней оболочке из глиняного бортика, прикрепленного к крупному фрагменту стенки столовой керамики [Молодин, 1977,

с. 149, табл. LXII.-1, 4; Молодин и др., 2012, рис. 9, 10]. Как правило, используются крупные тигли емкостью 85–100 см³. Сохранение этого типа плавильных устройств в позднекротовское время документируется находками их обломков в насыпи кургана №30 могильника Сопка-2.

Таким образом, стандартизация литейной продукции, объемы плавов, сложность и явная унификация изготовления выявленного литейного оборудования (тиглей и форм), находки стандартных слитков указывают на высокий уровень специализации бронзолитейного производства. Исходя из данных комплексного анализа следов на литейных формах и на готовой продукции, можно констатировать сохранение всех основных бронзолитейных традиций классической кротовской культуры.

Подъем позднекротовской металлообработки в первую очередь обусловлен увеличением объема металла, поступающего в это время на территорию лесостепной зоны Западной Сибири. Сравнительный статистический анализ материалов из некрополей культур эпохи бронзы (Сопка-2/5, Тартас-1, Абрамово-11, Ордынское-1 и т.д.) позволил установить, что количество металла в погребальном инвентаре в это время, по сравнению с предшествующим периодом, увеличилось более чем в 3 раза [Дураков, 2014, с. 559]. По всей видимости, эта ситуация отражает общее увеличение потребления металла населением и связано как с ростом его добычи в сопредельных горно-металлургических районах, так и с развитием транспортных путей и средств доставки.

Сложившиеся к этому времени торгово-обменные отношения характеризует и находка в позднекротовском (черноозерском) комплексе могильника Тартас-1 стандартного слитка типа «plano-convex ingot».

Развитие металлообрабатывающего производства, по всей видимости, привело к выделению особой социальной прослойки населения, занимающейся производственной и торгово-обменной деятельностью. Обособление по профессиональному признаку и особое социальное положение литейщиков в кротовском обществе документируется захоронениями с бронзолитейным инвентарем на некрополях Сопка-2 и Тартас-1.

Библиографический список

Авилова Л.И., Терехова Н.Н. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху неолита – бронзового века // Археология и естественнонаучные методы. КСИА. – №220. – М., 2006.

Дураков И.А. Процессы специализации цветной металлообработки в эпоху бронзы лесостепи Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Ч. II. – Казань, 2014.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул, 1983.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2014. – №1.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, №3.

О.В. Дьякова¹, В.И. Дьяков²

¹Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
²ВФ Российской таможенной академии, Владивосток

КУРГАННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИМОРЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

На фоне исследований древних курганов стран Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии российское Приморье выделяется белым пятном, где о древних курганных некрополях мало что известно. Сооружались ли подобные объекты в Приморье или эта территория по каким-то причинам оказалась вне зоны курганных погребальных традиций, а если сооружались, то каковы их география, ландшафт, датировка, типы, культурная и этническая принадлежность. В настоящее время по архивным и опубликованным источникам удалось выявить 42 курганных некрополя разных эпох, из которых четыре курганных памятника принадлежат янковской культуре I тыс. до н.э. (Лазовский, Валентиновский, Соколовский, Петровка-9), два – польцевской культуре конца I тыс. до н.э. (Моносиновский, Козаковский). Масштабным стационарным раскопкам подвергся только памятник Петровка-9, расположенный в Шкотовском районе Приморского края [Дьяков, 1999, с. 3–64; Дьяков, Дьякова, 2012, с. 33–40; 2013, с. 44–59; Дьяков, Леонова, 2001, с. 103–107].

Янковская культура. Визуальный осмотр и картирование курганов некрополя Петровка-9 однозначно показывают, что мы имеем дело с большим курганным полем. Большая часть курганов долинного типа, дислоцирована на берегах р. Петровки и возведена на песчаных рёлках. Значительное количество курганов занимали подножия сопок, определенная часть насыпей находилась на пологих склонах сопок, наименьшее количество зафиксировано на высоких склонах сопок вплоть до вершин. Какой-либо планиграфической закономерности в расположении курганов (в виде цепочек вдоль русел рек, как, например, в Горном Алтае) не выявлено. В плане курганы имели круглую или овальную форму, в разрезе они представляли собой вид уплощенного шатра или юрты. Архитектура курганных насыпей достаточно стандартная. Первоначально создавалась искусственная выровненная площадка, на которую насыпалась песчаная «подушка», служившая платформой основания кургана. В этом случае курган окольцовывался ровиком. «Подушку» часто укрепляли слоем галечника. В одном случае под курганной насыпью выявлен каменный круг диаметром 3,5 × 3,2 м. Камни были вдавлены в грунт. Вероятно, эта площадка соответствовала первоначальному размеру основания кургана. Внутри каменного круга встречались отдельные древесные угольки. На этом уровне во многих курганах зафиксированы могильные углубления прямоугольной (подпрямоугольной) формы размером 1,8–1,6 × 1–0,8 м, ориентированные длинной стороной на северо-восток – юго-запад и в нескольких случаях содержавшие костные остатки человека (*курганы №1, 2, 5, 6, 11, 13–15, 17*). Поверх могильного углубления сооружали каменную насыпь. Многие камни имели признаки нагрева и следы копти (курганы №1–3, 7). На вершинах курганов устанавливались каменные стелы в виде подпрямоугольных или овальных глыб, иногда с небольшой подработкой сторон, но всегда без претензий на антропоморфные или зооморфные изображения. Выявлены три типа захоронений: а) в могильных углублениях (*курганы №1, 2, 5, 6, 11, 13–15*); б) на горизонте (*курганы №3, 7, 9*); в) в склепе (*курган №17*). Прослежены три способа захоронения: ингумации (*курганы №1, 2, 5, 6, 11, 13–15*), подхоронения в курганную насыпь, кремации (*курганы №3, 7*). Погребальный инвентарь был достаточно скромным. Залегал, как правило, в нижней части курганной насыпи, реже – в могильном углублении. Представлен керамическими изделиями (*курганы №1, 2, 5–8, 10, 11, 13, 14, 17*); каменными орудиями (*курганы №1, 5, 7, 9, 10*); костями человека (*курганы №1–3, 5, 7*), костями животных (*курганы №9, 10*).

Культурную и временную идентификацию курганов эпохи раннего металла позволяют установить хотя и скудные, но достаточно выразительные артефакты. В первую очередь, это лепная керамика, формы которой, типы орнамента

и орнаментальные композиции полностью соответствуют керамике памятников на п-ове Песчаный, пос. Чапаево, янковской культуры, датируемой I тыс. до н.э. и связываемой А.П. Окладниковым с племенами илоу [Окладников, 1963, с. 125]. Находка скульптурки каменного «кабанчика» в кургане №5 подтверждает присутствие свиньи в хозяйстве янковцев и, вероятно, даже ее культ. Появление каменных курганных насыпей в Приморье в эпоху раннего металла, в частности каменных кругов, позволяет полагать, что истоки этой традиции уходят в Центральную Азию и Южную Сибирь, в культуры кочевников. По времени это совпадает с периодом формирования скифо-сибирской общности. Каменные круги с определенным количеством камней характерны именно для этой эпохи. Геометрический стиль орнаментации, в частности меандр, отдельные формы сосудов тоже подтверждают воздействие западных традиций. Появление курганов в янковской культуре свидетельствует о внедрении новой погребальной традиции.

Польцевская культура. Монакиновский курганный комплекс состоит из 30 объектов, занимающих площадь 1 тыс. кв. м. Раскопаны два кургана. Курганы выложены из местного камня. Диаметр основания курганов не превышает 10 м, высота достигает 1,5–2 м. В центре курганов зафиксированы воронки диаметром 1,5–2 м, глубиной 0,8 м. Выявлено, что нижняя часть камней опиралась на кольцевую кладку, затем накладывались другие камни, образуя холм. В одном кургане « в центре курганного кольца, при зачистке материкового скальника, в некоторых местах были видны камни, стоящие вертикально, напоминающие стенки могильной камеры», в другом кургане «...проявились камни, стоящие в некоторых местах вертикально и в ряд, создавая тем самым так называемый каменный ящик. Его ширина 0,6–0,8 м, длина 1,5–1,8 м, глубина 0,4 м. Дно каменного ящика заложено скальными камнями» [Артемьева, 2012, с. 17]. По наличию артефактов – блюдовидного венчика сосуда, железной панцирной пластинки, фрагментов костей – курганный комплекс отнесен к польцевской культуре раннего железного века, датируемой концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Монакиновские курганы являются курганным полем. По ландшафту они склоново-сопочные, по составу – каменные с захоронениями в каменных ящиках.

Зарождение традиции захоронений в каменных ящиках не связано с Приморьем. Серьезное воздействие культур с каменными ящиками приморские археологические культуры испытали как минимум дважды. Первый раз – со стороны скифо-сибирских культур I тыс. до н.э., второй раз – в конце I тыс. до н.э. в связи с возрастающей хуннской активностью, сдвинувшей многие племена с традиционных мест обитания и приведшей в движение и взаимодействие многие этносы. Естественно, с появлением новых материалов данное положение будет корректироваться, но проблема происхождения курганных захоронений обозначена и ждет своего разрешения.

Библиографический список

Артемьева Н.Г. Отчет об археологических исследованиях на памятниках Краснополье-1, Монакино-4, Ратное-3. Ратное-5 в Партизанском районе Приморского края в 2011 г. / Архив ИА РАН, Р-1. – №683.

Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. – Владивосток, 1989.

Дьяков В.И. Научный отчет о продолжении археологических раскопок памятника Петровка-9, разведочных работах в Шкотовском, Ханкайском районах Приморского края / Архив ИА РАН. – 1999. Р-1. №26014.

Дьяков В.И., Дьякова О.В. Курганный комплекс Петровка-9 (Приморье) // Дальневосточно-сибирские древности. – Новосибирск, 2012.

Дьяков В.И., Леонова Н.Б. Курганы Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск, 2001.

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаный у Владивостока. – М.; Л., 1963 (МИА, №112).

В.М. Дьяконов
*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*
СТОЯНКА ФЕРМЕННОЕ ОЗЕРО – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК
СУМНАГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

Стоянка Ферменное Озеро была открыта в 1997 г. Якутским отрядом археологической экспедиции Якутского госуниверситета под руководством автора, далее исследовалась этим же отрядом в 2003, 2006 и 2008 гг. [Дьяконов, 1998; 2012; 2016; Дьяконов, Иванова, 2005]. Памятник находится в северной части среднеленской долины Туймаада, 22,5 км севернее г. Якутска, в 8,4 км западнее с. Сырдах, в 9,4 км к западу – юго-западу от с. Кильдямыцы, в южной оконечности старичного оз. Нелегер, на его западном берегу, у юго-восточного подножия и склона 42-метрового мысовидного останца коренного берега р. Лены.

На территории стоянки были проведены разведочные работы, включавшие подъемные сборы, фотосъемку общего вида памятника и процесса работ, топоъемку, нивелирные работы и определение границ, а также шурфовку и раскопки общей площадью 79 м². В результате этих работ было выяснено, что культурный слой залегает сразу под дерном, в сером суглинке мощностью 10–30 см, и содержит несмешанные остатки сумнагинской мезолитической культуры. Коллекцию находок составляют: 14 нуклеусов и их фрагментов, 84 фрагмента пластин, (82 ножевидных, 2 ребристых), 32 пластинчатых скола, 185 кремневых отщепов, 8 кварцитовых отщепов, 83 кремневых осколков, 115 осколков кварцита, 8 обломков и 1 целая галька, 53 каменных орудия (23 вкладыша на пластинах (из 24 фрагментов), 11 угловых резцов на пластинах, 5 скребков на пластинах и пластинчатых сколах, 4 отщепа с ретушью, 4 скребка на отщепах, 4 резца на отщепах, 2 резчика на пластинах), 11 фрагментов костей, 10 кусочков глиняной обмазки (?). Таким образом, общее количество артефактов стоянки Ферменное Озеро составляет 604 экземпляра. В коллекции имеется 53 экз. орудий (8,7%), 530 экз. заготовок (87,8%), 11 экз. осколков мелких костей (1,8%), 10 кусочков глины (1,7%). Каменных артефактов в целом насчитывается 583, фрагментов костей – 11, кусочков глины – 10.

Орудийный набор представлен четырьмя основными видами: вкладышами (23 экз.), резцами (15 экз.), скребками (9 экз.), резчиками (2 экз.). Кроме того, к классу орудий были отнесены отщепы с ретушью (4 экз.). 45 экз. (85%) орудий выполнено на пластинах и пластинчатых сколах, из них – 8 экз. (17,8% от общего числа орудий на пластинах) на микропластинах. 8 экз. (15,1%) орудий выполнено на отщепах. Все вкладыши изготовлены на ножевидных пластинах и микропластинах. Вдоль краев их имеются обработка краевой ретушью и следы утилизации в виде мелкой выщербленности. Резцы делятся на угловые и боковые. Угловые резцы изготовлены на сечениях ножевидных пластин или отщепов без подправки ретушью продольных краев. Найдено два боковых резца на отщепах. Резчики отличаются от резцов наличием ретушированного рабочего лезвия и более широким рабочим краем. Скребки все концевые, выполнены на пластинах, пластинчатых сколах и отщепах. Сырьем для изготовления орудий служил местный кремний, но встречаются хорошего качества кремни предположительно «импортного» характера.

Разнообразны виды изделий, относящихся к классу заготовок (530 экз.). Это нуклеусы и сколы подправки площадки нуклеусов (14 экз., 2,6% от общего числа заготовок), отщепы (193 экз., 36,4%), осколки (198 экз., 37,3%), пластины (84 экз., 15,8%), пластинчатые сколы (32 экз., 6%), расколотые гальки (9 экз., 1,7%). К виду отщепов нами отнесены также и чешуйки ретуши – продукты вторичной обработки орудий и площадок нуклеусов. Отщепы и пластины с ретушью отнесены к классу орудий. 18 экз. от общего числа пластин (21,4% от общего числа) составляют микропластины шириной менее 0,4 см.

Нуклеусы по своим технико-морфологическим признакам делятся на три типа: торцовые – 6, призматические – 3, конический – 1. Кроме того, найдено четыре обломка и скола с нуклеусов неопределяемой формы. Торцовые нуклеусы выполнены на желвачных

отщепах, плитках и гальках кремня. Рабочий фронт их расположен на торцах заготовок. Снятие микропластин велось с одной отжимной площадки. Контрфронт одного из нуклеусов оформлен двусторонней плоской ретушью, заостряющей его в виде клина, но нижняя часть нуклеуса не обработана. Отжимные площадки имеют каплевидную, удлинненно-треугольную и пятиугольную формы. Призматические нуклеусы – одноплощадочные. Они имеют по одной овальной отжимной площадке, расположенной перпендикулярно продольной оси. Основания нуклеусов слегка приостренные. Снятие микропластин велось по всей окружности. Конический нуклеус имеет овальную площадку и сходящиеся на конце грани. Отжимная площадка нуклеуса оформлена уплощающей ретушью, имеет овальную форму. Снятие ножевидных пластин велось по всей окружности нуклеуса.

Все пластины представлены обломками. Материалом для их изготовления служил кремень. Как правило, они имеют четкую огранку. Спинки чаще всего двугранные, трехгранные, четырехгранные. Пятигранные пластины представлены единичными экземплярами. Кроме собственно пластин, выделяются пластинчатые сколы с неровными формами. От обычных отщепов они отличаются своей продолговатостью, дающей сходство с пластинами. Если, исключая нуклеусы, рассматривать заготовки, разделяя их на пластинчатые (пластины и пластинчатые сколы) и непластинчатые (отщепы, осколки, расколотые гальки), то около 77,5% составляют не пластинчатые заготовки (400 из 516), а около 22,5% – пластинчатые (116 из 516).

Типологический анализ каменного инвентаря показал, что количество орудий на пластинах преобладает над орудиями, изготовленными на отщепах. Орудийный набор памятника свидетельствует о том, что охота составляла основу хозяйства древнего населения этого края. Предметы, связанные с рыболовством, и крупные рубящие орудия на стоянке пока не обнаружены, хотя они могут быть найдены при продолжении работ, учитывая, что памятник находится на берегу старичного озера р. Лены. Каменные изделия данного памятника типологически сходны с инвентарем одновременных стоянок с четкой стратиграфией, известных на Алдане, Олёкме, Вилюе. Судя по полученным материалам, памятник Ферменное Озеро содержит несмешанные материалы, относящиеся к сумнагинской мезолитической культуре IX–V тыс. до н.э. Остатков других археологических культур на памятнике не зафиксировано, керамические изделия отсутствуют. Описываемый объект представляется ценным с археологической точки зрения в плане изучения мезолита Средней Лены и Центральной Якутии, где подавляющее большинство памятников имеют смешанные культурные слои [Дьяконов, 2005]. Стоянка Ферменное Озеро является опорным памятником сумнагинской мезолитической культуры в Центральной Якутии.

Библиографический список

Дьяконов В.М. Отчет об исследованиях в долине Туймаады археологического отряда Музея археологии и этнографии ЯГУ за 1996–1997 гг. – Якутск, 1998 // Архив МАЭиВШ СВФУ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 76.

Дьяконов В.М. К проблеме выделения микропластинчатых индустрий на стоянках со смешанными культурными слоями в мезолите Центральной Якутии (по материалам долины Туймаада) // Северная палеоантропология – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене : материалы Междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». – Магадан, 2005.

Дьяконов В.М. Отчет о работах Якутского отряда археологической экспедиции ЯГУ в окрестностях озера Нелегер на территории мэрии г. Якутска Республики Саха (Якутия) в 2004 г. – Якутск, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. №29700.

Дьяконов В.М. Археологические памятники Тулагино-Кильдямского наслеста и Северной Туймаады // Тулагы-Киллэм ытык сирдэрэ / сост. С.С. Борисова. – Якутск, 2016.

Дьяконов В.М., Иванова Е.Н. Ферменное Озеро – новый мезолитический памятник Центральной Якутии // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005.

Е.Г. Дэвлет¹, А.Р. Ласкин¹, Ю.М. Свойский²,
Е.В. Романенко², А.С. Тимофеева¹, А.С. Пахунов¹

¹Институт археологии РАН,

²Лаборатория RSSDA, Москва

ТРЕХМЕРНОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ – ИНСТРУМЕНТ ПЕРЕДАЧИ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧИН СИКАЧИ-АЛЯНА

Работа выполнена при поддержке РФФИ 17-01-00511

Петроглифы Сикачи-Аляна – крупнейший в Дальневосточном регионе комплекс наскальных изображений, сосредоточенных в шести пунктах по правому берегу Амура и протоки Малышевской. Почти все петроглифы выполнены на отдельно лежащих базальтовых валунах, и лишь некоторые выбиты или вырезаны на вертикальных скальных выходах цокольных террас. Личины-маски – титульный образ наскальной традиции Сикачи-Аляна и шире – провинции наскального искусства в бассейне Нижнего Амура и Уссури. Важность исследования дальневосточных личин связана во многом с их ключевой ролью для понимания особенностей формирования иконографической специфики, выработки населением эпохи камня – раннего железного века особого изобразительного языка.

Анализ иконографии и понимание истоков изобразительных особенностей личин-масок в наскальной традиции Амура и Уссури может существенно продвинуться благодаря современным методам трехмерного документирования и визуализации памятников наскального искусства. Необходимость и высокий потенциал применения новейших методов обусловлены тремя важнейшими факторами.

1. Особенности техники выполнения петроглифов. Изображения, высеченные на базальтовых валунах в пойме р. Амура и Уссури, нередко расположены на поверхностях двойной кривизны и на ребрах слабо окатанных валунов. При этом они часто оконтурены широким и глубоким желобком, а сама выбивка имеет переменную глубину. Все это делает изображения не плоскостными, а трехмерными, что затрудняет их документирование и визуализацию традиционными методами – лимитируются возможности фиксировать глубину выбивки и фактуру доработанного художником природного рельефа. Эти особенности препятствуют и корректной передаче в плоскостной черно-белой прорисовке всех изобразительных и эмоционально-художественных составляющих изображений.

2. Динамичность памятника. Сикачи-Алян – единственный в России памятник наскального искусства, компоненты которого находятся в постоянном движении под действием воды и льда р. Амура. Особенно сильным является экзарационное воздействие в период ледохода, когда глыбы льда смещают и переворачивают прибрежные валуны. При этом некоторые изображения пропадают из поля зрения, другие вновь появляются. Если камни с изображениями располагаются не на скальном основании, а на песке, они проседают и также скрываются из виду. Некоторые петроглифы, отмеченные в прошлом, в настоящее время утрачены, другие могут быть потеряны в будущем. Негативно влияет на перспективы доступа к ним и расширение зоны роста кустарника.

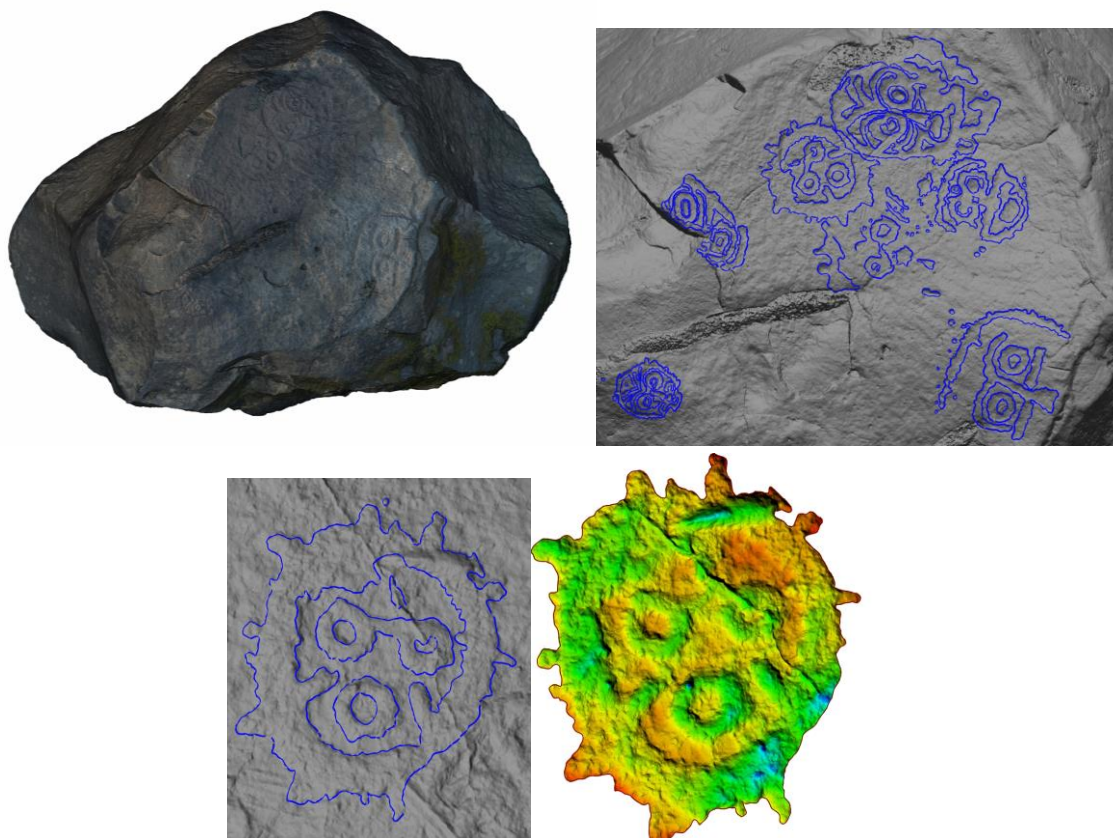
3. Труднодоступность. Возможности документирования петроглифов Сикачи-Аляна (как и других местонахождений дальневосточных петроглифов) ограничены колебаниями уровня рек; в зимнее время работы на памятниках практически невозможны по климатическим условиям. Для расширения доступа к культурному наследию особенно эффективны современные дистанционные средства (цифровая фотосъемка, аэрофотосъемка с БПЛА, лазерное сканирование), а также фотограмметрия, трехмерное моделирование и визуализация с применением математических методов.

Работа на памятниках наскального искусства предполагает передачу как формы валуна, так и деталей петроглифов с высокой точностью.

На Сикачи-Аляне для документирования петроглифов на валунах применялась фотосъемка с фотограмметрической обработкой изображений совместно с измерениями

лазерным дальномером со встроенным магнитным компасом, что необходимо для корректного документирования размеров и ориентации валунов. В результате последующей обработки были получены модели некоторых валунов с петроглифами. Постобработка заключалась в преобразовании фрагментов полигональных моделей поверхности валунов, содержащих изображения, в топографические модели (карты высот); при этом прорисовка выполнялась как по полигональным, так и по топографическим моделям. Отрабатывался подход к выполнению прорисовок не по калькам, эстампажам, полиэтиленовым и другим прозрачным пленкам, фотографиям и прочему, а в пространстве с сохранением трехмерности изображения. Контуры обработанной и необработанной поверхности фиксировались не по границе света и тени, как при работе с традиционной фотографией, а по перегибам поверхности, определяемым посредством математической визуализации рельефа модели.

Полученные трехмерные модели позволили более детально и объективно зафиксировать петроглифы, а также обнаружить неизвестные изображения личин на плоскостях, которые неоднократно изучались ранее. Например, для личины на камне 13 (пункт 1 Сикачи-Аляна) выявлены новые детали – ореол из лучей-отростков, на которые ранее не было обращено внимание.

Прорисовка деталей личины камня 13 (Сикачи-Алян, пункт 1)
на полигональной и топографической моделях

Библиографический список

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. – 2014. – Вып. 232.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, №4.

Ласкин А.Р. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. – 2014. – Вып. 236.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л., 1971.

А.А. Евгеньев

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

К ИСТОРИИ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ:
40 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Работа выполнена при поддержке задания №33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации

В урало-поволжской археологии начиная с последней трети XX в. особое значение имеют вузовские научно-исследовательские археологические центры [Обыденнова, 2002, с. 96–97, табл. 7]. В 1977 г. такой центр сложился на базе Оренбургского государственного педагогического института (ОГПИ, ныне – ОГПУ) – Оренбургская археологическая экспедиция под руководством Нины Леонидовны Моргуновой (Габелко). Образованию исследовательского коллектива при ОГПИ предшествовала насыщенная история развития археологии в Оренбургском крае, связанная с деятельностью местных краеведов (Оренбургская ученая архивная комиссия, Оренбургский краеведческий музей) и приезжих исследователей (В.В. Гольмстен, Б.Н. Граков, К.В. Сальников, К.Ф. Смирнов, и др.) [Евгеньев, 2008]. Оренбургская археологическая экспедиция (ОАЭ) ОГПИ – ОГПУ стала первой в истории оренбургской археологии организацией, которая начала систематически проводить археологические исследования на территории Оренбургской области с помощью местных кадров. За несколько десятилетий деятельности ОАЭ удалось организовать целенаправленную работу по выявлению, картографированию и научному изучению памятников археологии различных эпох, от каменного века до эпохи средневековья. Назовем основные векторы и достижения научно-исследовательской деятельности ОАЭ за прошедшие 40 лет.

1. Во всех районах Оренбургской области выполнены разведочные работы по обнаружению археологических объектов; в 1992 г. произведена инвентаризация археологических памятников Оренбургской области, начиная с 2003 г. проводятся работы по картографированию отдельных районов области. Все это способствует ликвидации «белых пятен» на археологической карте региона.

2. Впервые в истории оренбургской археологии целенаправленно исследованы памятники мезолита, неолита и энеолита, что стало основой для важных научных обобщений. Особое значение имели стационарные работы 1977–1982 г. на Ивановском микрорайоне памятников, позволившие создать обоснованную концепцию и периодизацию культур эпохи камня – палеометаллов, выделить волго-уральскую археологическую культуру эпохи неолита [Моргунова, 1995], охарактеризовать особенности энеолитической эпохи на территории степного Южного Предуралья [Моргунова, 2011].

3. В значительной мере была расширена источниковая база по проблемам ямной культуры, исследованы репрезентативные погребальные комплексы, что позволило обратиться к выявлению происхождения, хронологии и периодизации ямной культуры степей Приуралья, классификации погребального обряда, выявлению особенностей экономики и социальной структуры ямного общества [Моргунова, 2014]. Событием в изучении раннего бронзового века стало выявление на энеолитическом Турганикском поселении материалов репинского этапа ямной культуры [Турганикское поселение..., 2017].

4. Планово исследованы памятники позднего бронзового века, прежде всего срубной культурно-исторической общности, причем, в отличие от предыдущих периодов, исследованию были подвергнуты не только погребальные комплексы, но и бытовые поселенческие памятники [Файзуллин, 2015, с. 137–142]. Проведенные исследования позволили вносить взвешенные корректировки в вопросы хронологии,

периодизации и конкретно-исторического содержания позднего бронзового века на территории Оренбуржья [Купцова, 2016].

5. Исследована серия памятников эпохи раннего железного века, что позволило разрабатывать различные вопросы сарматской тематики, в частности проблему керамического производства у кочевников РЖВ [Краева, 2008].

6. В рамках изучения средневековых кочевников Южного Предуралья раскопаны ряд комплексов разных этапов, от печенежского до золотоордынского, что позволило обратиться к подробной характеристике и интерпретации погребального обряда кочевников [Матюшко, 2015].

7. При исследовании памятников различных эпох широко применялся комплексный метод, подразумевающий использование, наряду с археологическими, методов палеопочвоведения, палеобиологии, палеозоологии, палеоантропологии, радиоуглеродного датирования и т.д. (см., напр.: [Моргунова и др., 2003]). Использование комплексной методики позволило более взвешенно подходить к интерпретации исследуемых комплексов и оптимальному решению возникающих дискуссионных проблем, в том числе вопросов хронологии и особенностей хозяйственной деятельности обществ бронзового и раннего железного века.

8. Одним из направлений в деятельности ОАЭ является работа по сохранению историко-культурного наследия Оренбургской области, включающая охранные раскопки разрушающихся памятников и разработку программ охраны археологического наследия [Евгеньев, 2011, с. 285–286].

Таким образом, в своей разноплановой деятельности Оренбургская археологическая экспедиция сохранила и преумножила традиции предшествующих исследовательских поколений, внесла вклад в разработку ключевых проблем южноуральской археологии и заняла свое место в общем контексте урало-поволжской археологической науки.

Библиографический список

Евгеньев А.А. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань, 2008.

Евгеньев А.А. Проблемы охраны археологического наследия Оренбургского Приуралья в последней четверти XX в. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. II. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011.

Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М., 2008.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – СПб., 2016.

Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников степного Приуралья IX–XIV вв. – Оренбург, 2015.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург, 1995.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург, 2011.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2014.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003.

Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. – Уфа, 2002.

Турганикское поселение в Оренбургской области / [Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова и др.] ; под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. – Оренбург, 2017.

Файзуллин И.А. История изучения бытовых памятников срубной культуры в Западном Оренбуржье // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – №2 (48).

А.В. Егоров
НПЦ по охране ОКН Кировской области, Киров
ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ И ПОСТАНОВКИ
НА КАДАСТРОВЫЙ УЧЕТ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
В АФАНАСЬЕВСКОМ РАЙОНЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2012 г. Омутнинский районный суд вынес решение по делу об обязанности муниципальных образований Бисеровское и Ичетовкинское сельские поселения Афанасьевского района Кировской области обратиться в Управление Росреестра по Кировской области с заявлением о постановке на учет объектов культурного наследия федерального значения городищ Зуй-Кар (Георгиевское-II), Ором (Меркучевское), Грибановское, Шудья-Кар и могильников Васиневского, Аверинского, Горт-Кушетского и Грибятского. Администрации сельских поселений обратились в КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области» с просьбой провести работы по идентификации объектов археологического наследия в качестве объектов недвижимости, в том числе установление точных границ данных объектов для их дальнейшего межевания. Данные работы были проведены под руководством автора данной статьи в 2015–2016 гг.

Все исследуемые археологические памятники относятся к ломоватовской и родановской археологическим культурам и представляют собой объекты, достаточно хорошо изученные в археологическом плане, на большинстве из них неоднократно проводились научные раскопки [Голдина, Кананин, 1989]. Границы исследуемых городищ четко выражены в рельефе и поэтому были определены по подножию подошвы естественных возвышений. Вследствие наличия четких естественных ограничителей территории городищ (овраги, поймы, укрепления в виде валов и рвов) земельные работы на памятниках не проводились. В ходе исследований в окрестностях городища Георгиевского-II выявлено еще одно городище – Георгиевское-III, которое, на наш взгляд, можно соотнести с городищем Зуй-Кар, известным работам 1951 г. В.А. Оборина [1951, с. 45–48]. В 1977 г. в ходе обследования окрестностей с. Георгиево В.А. Кананиным за данный памятник была принята другая местность в окрестностях с. Георгиево (Георгиевское-II городище, границы которого и были нами определены) [Голдина, Кананин, 1989, с. 118, рис. 4–5].

Наиболее интересные работы проведены при определении границ могильников. Васиневский могильник (VIII–IX вв.) расположен на южной окраине бывшей д. Васинево, на правом берегу р. Зюзьбы, правого притока р. Камы. Он находится на подпрямоугольном мысу высотой 11 м, образованном логом и поймой р. Зюзьбы. Учитывая расположение могильника на мысу, было принято решение провести южную, западную и восточную границы по подножию подошвы естественных возвышений. Для выяснения северной границы памятника (с напольной стороны мыса) было заложено два шурфа размерами 2 × 2 м, которые не принесли результата. Еще один шурф размером 2 × 2 м был заложен южнее первоначальных и расположен между двумя старыми разведочными траншеями 1977 г., причем траншея №1 (расположена в восточной части памятника) археологических находок не содержала. В шурфе обнаружены фрагмент изделия из металла и фрагмент стенки лепного сосуда с примесью толченой раковины в тесте, предположительно происходящие из разрушенных комплексов могильника. Это позволило провести северную границу могильника между шурфами №1 и 2 и шурфом №3.

Аверинский могильник (VI–XIV вв.) располагается на высоком берегу р. Камы к северо-востоку от д. Харино. Южная граница памятника четко выражена в рельефе и поэтому может быть определена по подножию подошвы естественных возвышений. В частности, в южной части территория памятника ограничена круто спускающимся в пойму р. Камы берегом, по основанию которого и можно провести его границу. В северо-западной части обследуемого участка в 1990 г. В.А. Кананиным была заложена разведочная траншея, в которой обнаружены археологические предметы, происходившие из разрушенных погребений. Вследствие этого данный участок был включен в границы территории

памятника. Далее на север граница памятника смыкается с небольшой ложбиной, видной на местности, разделяющей места старых раскопов и д. Харино, и далее проходит по ней. Для определения юго-западной границы памятника было заложено два шурфа размерами 2×2 м. В одном из них, заложенном рядом с юго-западным углом старого раскопа 1974 г., было выявлено погребение (остатки домовины, кости черепа, украшения и т.п.), ориентированное по линии СВ–ЮЗ, головой к реке. Для определения северо-западной границы памятника между разведочной траншеей 1990 г. и раскопами 1991 и 1974 гг. был заложен шурф №3, при прокопке которого обнаружены фрагмент бронзового украшения и небольшой железный нож, происходящие из разрушенных распашкой погребений. Для определения восточной границы памятника проведена закладка шурфов к северу (шурф №4) и северо-востоку (шурф №5 и 6) от старого раскопа 1982 г., на котором ранее были выявлены погребения. Ни в одном из них культурного слоя не оказалось, и граница была проведена по линии раскопа 1982 г.

Могильник Горт-Кушет (VII–XII вв.) расположен на северной окраине бывшей д. Горт-Кушет на надпойменной террасе правого берега р. Колыч, правого притока р. Камы. С целью определения южной границы памятника к северу от разрушенных домов д. Горт-Кушет был заложен шурф №1. В ходе его выборки обнаружена височная подвеска, происходящая, вероятно, из разрушенного погребения. В слое красно-коричневой глины с включением природной извести и камней выявлено погребение – фрагменты черепа человека, уходящие в южную стенку шурфа. Погребение было зафиксировано, после чего проведена его консервация. Таким образом, южную границу Горт-Кушетского могильника, учитывая находки в шурфе №1, можно определить по подножию подошвы естественных возвышений. В частности, в южной части территория памятника ограничена площадкой первой надпойменной террасы правого берега р. Колыч, которая является подошвой пологого склона коренного берега р. Колыч. Чтобы проследить юго-западную границу памятника, было принято решение заложить еще один шурф (№2) рядом с полевой дорогой. В основании западной стенки шурфа выявлены кости лошади (фрагменты нижней челюсти и ноги), вероятно, представляющие собой жертвенный комплекс, связанный с могильником. Также обнаружены фрагменты поясного набора (пряжки), происходящие из разрушенных погребений. Продолжая определять юго-западную границу памятника, заложили шурф №3, который результатов не дал. Для определения оставшихся границ памятника было заложено еще пять шурфов размерами 2×2 м: шурф №4 – для определения северо-западной границы, шурфы №5 и 6 – северной и шурфы №7 и 8 – восточной границ памятника. Ни в одном из них материала не оказалось, и в границы памятника они не вошли.

На предполагаемом месте Грибятского могильника (X–XII вв.) было заложено шесть шурфов размерами 2×2 м, однако находки и культурный слой, связанные с данным объектом, не обнаружены. Визуальное обследование территории памятника и исследование стратиграфии, выявленной в шурфах, позволили подтвердить гипотезу В.А. Оборина [1951, с. 36–37], исследовавшего памятник в 1951 г., о том, что памятник полностью разрушен.

В ходе работ 2015–2016 гг. были определены границы памятников, проведено их межевание и подготовлены документы для постановки на учет в Росреестре. Кроме того, достигнуты научные результаты: обнаружено новое городище Георгиевское-III, выявлены неисследованные погребения и жертвенные комплексы на могильниках Аверинском и Горт-Кушет.

Библиографический список

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989.

Оборин В.А. Отчет о работе археологического отряда комплексной экспедиции Удмуртского НИИ и Удмуртского республиканского музея в 1951 г. // Архив НМУР. Д. 1.

А.Г. Едовин
Архангельский краеведческий музей, Архангельск
КАЙНВОЖСКИЙ КЛАД КУЛЬТОВЫХ ПЛАКЕТОК.
НОВЫЕ ДАННЫЕ О СЮЖЕТАХ ПЕЧОРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ
ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В 2003–2012 гг. в Ненецком автономном округе систематически работал сводный археологический отряд Ненецкого и Архангельского краеведческих музеев. В ходе исследований существенно пополнен корпус источников по печорскому звериному стилю находками новых кладов и отдельных предметов. Наиболее информативным оказался Кайнвожский клад, обнаруженный в верховьях р. Ортинки в 2008 г., который содержал 21 бронзовую культовую плакетку, считая и собранные из обломков экземпляры. Все предметы выполнены в технике одностороннего литья

Наиболее часто встречается сюжет так называемого «сульде» (человеко-лося) – плакетки, изображающей антропоморфа с лосиной головой, иногда стоящего на ящере (7 экз.). Они были трех вариантов: пять изображений «на змее» и по одному разомкнутому со шпеньком на голове и без оногo. Далее по количеству следует изображение волка с раскрытой пастью на змее – имеется три целых плакетки (одна восстановлена из обломков) и две головы волка, выполненных в том же стиле. В коллекции представлен сюжет, изображающий человека верхом на ящере, а также три отдельных головы ящера. Найдены два антропоморфа – один с сидящей на голове птицей и ногами в виде лосиных голов, второй – с головой, увенчанной маской волка, и в одежде в стиле рыбьих плавников. Представленная в кладе личина, скорее всего, тоже была частью более сложного изображения: она округлой формы с отверстием на лбу, лицо в окружении двух лосиных голов. В единственном числе встречены изображения птицы с распростертыми крыльями и антропоморфной личиной на груди, а также сцена так называемого «шестивия» – тройного изображения человеко-лосей в длиннополых одеждах.

Кроме предметов из Кайнвожского клада, отметим ряд случайных находок плакеток «печорского стиля». Еще в 1991 г. С.В. Козлов обнаружил в окрестностях Нарьян-Мара три плакетки. Одна изображает голову лося, предмет являлся, по-видимому, частью двусоставной поясной пряжки, прототипа схвата, о чем свидетельствует пара креплений (петель) подтреугольной формы с оборотной стороны у одного края изделия. Вторая находка – типичное «сульде» с изображением стоящего человеко-лося, а третья – тоже «сульде», только вместо лося зооморфным персонажем является пантера или лев.

В ходе разведки 2006 г. в районе Чаичьего озера в правобережье Нижней Печоры найдено плоскостное изображение женщины с признаками пола и косами. Годом позже находка «сульде» поступила из среднего течения р. Море-Ю – это типичное изображение человеко-лося на змее. Еще одна находка была сделана в 2010 г. в устье р. Пятумбой, на озере Сухом, близ знаменитой Печорской стоянки. Здесь было поднято антропоморфное изображение человека с головой и передними лапами медведя в качестве навершия, нижние конечности не обозначены.

Наиболее полная характеристика сюжетики печорского звериного стиля принадлежит Г.М. Бурову [1992], который выводит ее происхождение из западно-сибирских аналогов. Основными сюжетами, по Бурову, являются – «сульде» (самый распространенный), птица с раскрытыми крыльями и головой в профиль и летящая птица, антропоморфы на ящере и сами изображения ящеров (в том числе «олeneвидные»), двурогие и прямоугольные дичины, антропоморфы со сложенными на животе руками. Добавим сюда известные ранее профильные изображения медведя (Канинская пещера) и пушного зверя (Пожегдин).

Анализ нашей коллекции культового литья позволяет существенно обогатить сюжеты «печорского звериного стиля» антропоморфами с тотемными навершиями в виде птицы, волка и медведя на голове, птицей, изображенной в фас, и антропоморфным сюжетом на груди, сюжетом тройного «шествия», двумя новыми зооморфными персонажами – волком и крупным хищником из семейства кошачьих.

Из всей сюжеттики, вновь выявленной по находкам последних 20 лет, можно заключить, что изображения птиц с антропоморфом на груди [Грибова, 1975, табл. VI], групповые «шествия» [Голдина, 1985, с. 262, табл. LV-25–28], хищники семейства кошачьих, ящеры [Игнатъева, 2002, с. 173] – более распространены в пермском зверином стиле. Что касается образа медведя и волка, антропоморфа с линзовидной головой [Косарев, 1984, с. 161, рис. 23-16, 24], то здесь налицо связь с западносибирскими сюжетами. Таким образом, комплекс сюжетов печорского звериного стиля в настоящее время не дает однозначной трактовки его происхождения из западносибирских аналогов. Скорее всего, печорский звериный стиль черпал образы как из пермского, так и западно-сибирского стилей одновременно.

Плакетки печорского звериного стиля: 1–2, 4, 6–8, 10, 13–18, 20–21 – Кайнвожский клад; 3 – устье р. Пятумбой; 5 – Чаячье озеро; 9, 11–12 – окрестности Нарьян-Мара; 19 – Море-Ю

Библиографический список

- Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки I тысячелетия н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский (местный) «звериный» стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. – М., 1975.
- Игнатъева О.В. Пермский звериный стиль как культурный феномен // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

И.И. Елкина
Институт археологии РАН, Москва
ДЕКОР СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ XVI–XVII вв.
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ:
ОРНАМЕНТ, МАТЕРИАЛЫ, ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Одежда Московской Руси, формировавшаяся в течение нескольких веков под влиянием традиций Востока и Запада, условий сурового климата и особого жизненного уклада, несла в себе черты самобытности, отраженные как в особенностях кроя, так и декоративного оформления. Музейных предметов одежды XVI–XVII вв. крайне мало, поэтому большое значение в изучении ее декора имеют археологические находки. Почти всегда изделия из текстиля находят во фрагментах, потерявших первоначальные цвет и форму. Скрытую в них информацию о материалах, красителях, технике изготовления приходится извлекать в ходе лабораторных исследований. На основе полученных данных создаются графические реконструкции кроя, расположения декора, орнаментальных композиций вышивки и плетения.

Наиболее часто при раскопках встречаются женские головные уборы (волосники) и мужские рубахи, реже – верхняя одежда. Изделия украшали лентами, шнурами, плетеными тесьмами, вышивкой. Декор одежды был довольно разнообразным как по материалам и технике, так и по орнаменту. Однако существовали определенные традиции («каноны») использования элементов орнамента и локализации декора на одежде.

Головной убор волосник являлся одним из значимых элементов костюма замужней женщины. Наиболее часто очелье было вышитым золотными, иногда цветными шелковыми нитями. Почти всегда основой композиции и центральным элементом является стилизованное дерево – «Древо Жизни» / «Мировое Древо», в некоторых случаях дополняемое процессиями и сценами с живыми существами, в том числе мифическими. Встречаются следующие традиционные варианты композиций: деревья (5 или 7 элементов); деревья и животные (олень, агнец, волк), деревья и птицы (павлин, голубь, горлица, райские птицы); деревья и единороги. Кроме того, на трех очельях встречены довольно необычные композиции единоборств, такие как схватка единорога с фантастическим животным («драконом») и водоплавающей птицей; борьба единорога со змием; сцены терзающих друг друга птиц (лебедь и кречет?).

Средневековая мужская рубаха имела следующие элементы декора: ворот с глубоким разрезом, вошва, шлица, манжеты. Конструктивные швы и подол оформлялись плетеными тесьмами, лентами или полосами ткани. Известны три типа оформления мужских рубах: оформление сплошными петлицами; оформление орнаментальной вышивкой с периодическими петлицами; оформление орнаментальной вышивкой без петлиц. Петлицы были шитыми из шелковой ткани или плетеными из золотных и шелковых нитей. В орнаментах вышивок преобладают S-образные фигуры; волюты, образующие орнаментальные мотивы в виде дерева или процветшего сердца; волнообразная линия с зеркально чередующимися растительными элементами в виде ростков или птиц; зеркально чередующийся орнамент из элементов «Древа Жизни» с ветвями-завитками.

Несколько погребений дали материал, касающийся декоративного оформления верхней одежды. Так, в захоронениях из Суздаля (усыпальница князей Пожарских) зафиксированы орнаментальные полосы золотного шитья, окаймлявшего подол и, возможно, манжеты. В мужском захоронении в Москве, возле церкви Покрова на Рву, обнаружены остатки верхней одежды с частым рядом металлических пуговиц и петель-застежек, выполненных из плетеного шнура. Одежда декорировалась вышитым растительным орнаментом темными шелковыми нитями. Нарядная мужская одежда, возможно, кафтан, остатки которого обнаружены при работах на Романовом дворе в Москве, была декорирована частыми широкими петлицами, застегивающимися на пуговицы. Петлицы и пуговицы выполнены из золотных и шелковых нитей.

М.В. Ельцов
*Институт физико-химических и биологических
проблем почвоведения РАН, Пущино*
ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ
в V–IV вв. до н.э.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №17-18-0146
«Экологический детерминизм развития древних обществ: хозяйственные модели
населения эпохи бронзы Кавказа и степи в условиях меняющегося климата»)

Погребенные почвы археологических памятников являются уникальными объектами, сохранившими в себе информацию о состоянии природной среды в прошлом. Были проведены почвенно-археологические исследования двух курганов скифского времени могильника Новозаведенное-III.

Участок исследования приурочен к юго-восточной части Ставропольской возвышенности [Атлас..., 2002]. Климат территории засушливый: среднегодовое количество осадков составляет 400–450 мм (ГТК – 0,7–0,9), изотерма января равна –3–5, июля – +22–24 °С. Участок исследования расположен в пределах степной природной зоны с южными карбонатными черноземами.

Археологические памятники расположены на левом высоком берегу р. Кумы, в 0,5 км к юго-западу от с. Новозаведенное Георгиевского района Ставропольского края. Абсолютные высоты территории составляют 220–225 м. Естественный растительный покров представлен ковыльно-типчаковой степью (проективное покрытие 70–100%). Участок хорошо дренирован, грунтовые воды залегают глубже 15 м, почвообразующими породами являются карбонатные лессовидные верхнечетвертичные суглинки. В современном почвенном покрове преобладают южные карбонатные черноземы. Раскопки проводились археологической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова (руководитель – доктор исторических наук А.Р. Канторович).

Рассмотренный педохроноряд представлен южными карбонатными черноземами, датированными концом V – IV в. до н.э. и почвой нашего времени. Изученные почвы характеризуются поверхностным вскипанием, промытостью от легкорастворимых солей. Вместе с тем чернозем конца V в. до н.э. отличается сравнительно большей засоленностью профиля и заметно меньшей глубиной залегания аккумуляции гипса.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что природные условия изученного региона в конце V в. до н.э. отличались большей аридностью климата по сравнению с IV в. до н.э. Климатические условия IV в. до н.э. в целом были близки современным. Полученные выводы об изменении почвенно-климатических условий Ставропольского плато согласуются с существующими на настоящий момент данными об увлажненности климата степной зоны Русской равнины в хроноинтервале 2600–1500 лет назад. Скифо-сарматская эпоха раннежелезного века характеризовалась чередованием влажных и засушливых периодов длительностью не более 200–300 лет [Александровский и др., 2005; Слепцов, Клименко, 2005; Демкин и др., 2012].

Библиографический список

- Атлас земель Ставропольского края. – М., 2000.
Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. – М., 2005.
Слепцов А.М., Клименко В.В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 200 лет // История и современность. – 2005. – №1.
Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН. – Пущино, 2012.

Д.Н. Еньшин
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
**НЕОЛИТ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ:
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Территория Нижнего Приишимья расположена в лесной и лесостепной зонах Западной Сибири и тяготеет к средней части Западно-Сибирской равнины. В культурном отношении данный регион во многом является контактным: с одной стороны – между Средним Зауральем и восточными районами Западной Сибири (Среднее Прииртышье, Бараба), с другой – между лесным Приишимьем на севере и степной зоной Казахстанского Приишимья и Притоболья на юге.

Пограничный характер Нижнего Приишимья обусловил малочисленный и фрагментарный характер исследований неолита в регионе, а также схематичность и обобщенность включения неолитических материалов в концепции развития археологических культур Среднего Зауралья или Среднего Прииртышья [Генинг и др., 1970; Петров, 1986; Панфилов, 1991; Зах, 2009]. В некоторых работах Нижнее Приишимье рассматривалось как периферия и не учитывалось при построении хронологических и культурно-генетических схем [Ковалева, Зырянова, 2010]. В свою очередь, тезисы о ранне-неолитическом возрасте приишимских древностей с плоскодонной посудой (боборыкинские материалы), о «генетической» связи между носителями боборыкинской и кошкинской культурных традиций и о бытовании смешанных «боборыкинско-кошкинских древностей» рассматривались исследователями как ошибочные [Ковалева, Зырянова, 2010]. Поздний неолит Нижнего Приишимья был еще менее известен, чем ранний, и соотносился с носителями кокуйской и екатерининской традиций, первая из которых известна по небольшому количеству приишимских материалов, основной ареал распространения второй – Среднее Прииртышье [Зах, 2009].

Получение значительного корпуса новых источников в последнее десятилетие позволило существенно уточнить и расширить, подкрепив доказательной базой, существовавший ранее взгляд на хронологию и развитие культур в раннем и развитом неолите Нижнего Приишимья, а также высказать предположение о факторах формирования культурных традиций в поздне-неолитическое время. Опорной территорией для этого стал Мергенский археологический микрорайон.

В ходе планомерных исследований здесь был открыт ряд новых памятников, содержащих типичную боборыкинскую посуду (Мергень-7, 8): изделия баночной или слабопрофилированной формы, плоскодонные, толстостенные, с прочерченной или накольчатой орнаментацией и выраженным геометризмом в декоре. Новые исследования на памятнике Мергень-5 также подтвердили наличие этого комплекса. В свою очередь, все эти материалы соотносятся с поселением Мергень-3 и образуют группу памятников, содержащих «классическую» боборыкинскую посуду.

Многолетние исследования поселения Мергень-6 позволили установить существование крупного неолитического поселка (13 сооружений) и синхронность бытования жилищных комплексов. В самих жилищах зафиксировано совместное залегание «классической» боборыкинской, «классической» кошкинской (баночная форма, наплывы с внутренней стороны, округлодонность, линейно-волнистый орнамент, отступающее-прочерченная техника нанесения орнамента) и смешанной, сочетающей черты обеих традиций посуды. Таким образом, была установлена связь между данными комплексами. Кроме того, серия дат по различным материалам (керамика, кость, рог) из пяти сооружений позволила установить ранний возраст боборыкинско-кошкинских древностей (рубеж VII–VI тыс. до н.э.) и связать процесс неолитизации региона с носителями боборыкинской и боборыкинско-кошкинской культурных традиций.

Период среднего неолита связывается с неизвестными ранее в Приишимье козловскими древностями (исследования на поселении Мергень-7). Посуда характеризуется баночными формами, округлыми или приостренными доньшками, наплывами с внутренней стороны,

линейно-волнистым и гребенчатым орнаментом, отступающе-прочерченной техникой его нанесения и в целом намечает связь с кошкинской традицией. Комплекс датирован (по углю и керамике) серединой V тыс. до н.э. [Еньшин, 2015].

Поздненеолитическое время по-прежнему соотносится с кокуйскими и екатерининскими древностями, но новейшие исследования на поселениях Мергень-7 и 8 позволили стратиграфически и планиграфически четко установить более позднее положение сооружений с данными комплексами относительно козловских и предварительно датировать их рубежом V – 1-й половиной IV тыс. до н.э. Кроме того, появление козловских комплексов в среднем неолите могло лечь в основу формирования последующих кокуйских древностей, особенностями которых стали в том числе такие признаки, как форма сосудов, гребенчатый компонент, наплывы с внутренней стороны, «ушки» по венчику, древовидные мотивы в орнаментации и т.д.

Таким образом, исследования последних лет позволили: более четко выстроить культурно-хронологическую схему развития неолита Нижнего Приишимья; связать процесс неолитизации региона на раннем этапе с боборыкинскими и кошкинскими древностями; выявить факты существования в среднем неолите носителей козловской культурной традиции и наметить признаки их возможного участия в сложении последующих кокуйских. Кроме того, открытие и исследование комплексов боборыкинского типа в Барабинской лесостепи [Бобров, Юракова, 2014] и Павлодарском Прииртышье [Мерц, 2014] снимает вопрос о периферийном характере приишимских поселений. Появление козловских материалов на Ишиме выступает свидетельством контактов территорий Приоболжья и Приишимья. На южные связи указывает совместное залегание в жилище козловской посуды и изделий маханджарского облика (пос. Мергень-7) [Еньшин, 2015, с. 20–21]. В свою очередь, современные исследования неолитических комплексов Среднего Прииртышья и Барабы (артынская культура) позволяют предполагать их вероятные связи с носителями кокуйской традиции Приишимья, что отразилось, вероятно, в схожих принципах изготовления и оформления посуды. Все вышесказанное еще раз подтверждает тезис о контактном характере территории Нижнего Приишимья в эпоху неолита.

Библиографический список

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.Г. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень-7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // Вестник археологии антропологии и этнографии. – Тюмень, 2015. – №2 (29).

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск, 2009.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург, 2010.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Панфилов А.Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Приишимья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986.

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
ОРУДИЯ ИЗ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ОЗЕРЕ МЕРГЕНЬ

Духовная культура является одной из наименее исследованных сторон существования человеческих коллективов в древности. Неолитические общины Зауралья не являются исключением в этом отношении. Данное положение обусловлено крайне редкими находками погребальных комплексов и фактически отсутствием фиксации свидетельств обрядовых действий на поселениях. Вместе с тем на единичных неолитических памятниках исследователи фиксировали признаки последних в виде нестандартных объектов (каналы, ямы) с нестандартным заполнением (охристые пятна, артефакты, кости животных), что позволило вести речь о вероятном существовании ритуальных комплексов на или рядом с жилищными [Зырянова, Крамаренко, 2006].

Многолетние исследования неолитических памятников на озере Мергенъ и систематическая фиксация подобных свидетельств на поселении Мергенъ-6 (единично на Мергенъ-5, 7) позволили предположить существование в ритуальной практике древнего населения системы обрядовых действий, связанных с возведением, функционированием и оставлением поселков [Еньшин, Скочина, Зах, 2012].

Среди вероятных маркеров этих действий наибольшую группу составляют орудия из кости и рога, обнаруженные в нестандартных местах (под «настилами» – у входа в котлован жилища, у столбов каркасной конструкции, у ниш-выступов, в очажной зоне, в яме под «полом» и т.д.), в том числе воткнутыми в материк или засыпанными охрой (рис.-13). Предметы встречены в одиночном, парном и сгруппированном вариантах [Еньшин, Скочина, Зах, 2012]. Отдельно необходимо отметить парное погребение на поселении Мергенъ-7, где в качестве сопроводительного инвентаря также находились изделия из кости [Еньшин, Скочина, Слепченко, 2015].

Рассматриваемая группа артефактов демонстрирует типологическое разнообразие (наконечники стрелы и копья, гарпуны, рыболовный крюк, вкладышевые оправы, струги, шпатели-лопаточки, кочедык и др.) (рис.), иллюстрирующее все основные направления хозяйства неолитического населения (охота, рыболовство, гончарство, кожевенное дело, плетение и т.д.). Необходимо отметить, что на части орудий фиксируется слом в древности, вероятно, преднамеренный (рис.-4, 7–9). Также присутствуют орудия как со следами сработанности, так и без них. Два орудия (копьевидная вкладышевая оправа и зубчатое острие/гарпун) выполнены в «схематичном»/имитирующем виде (рис.-7, 12).

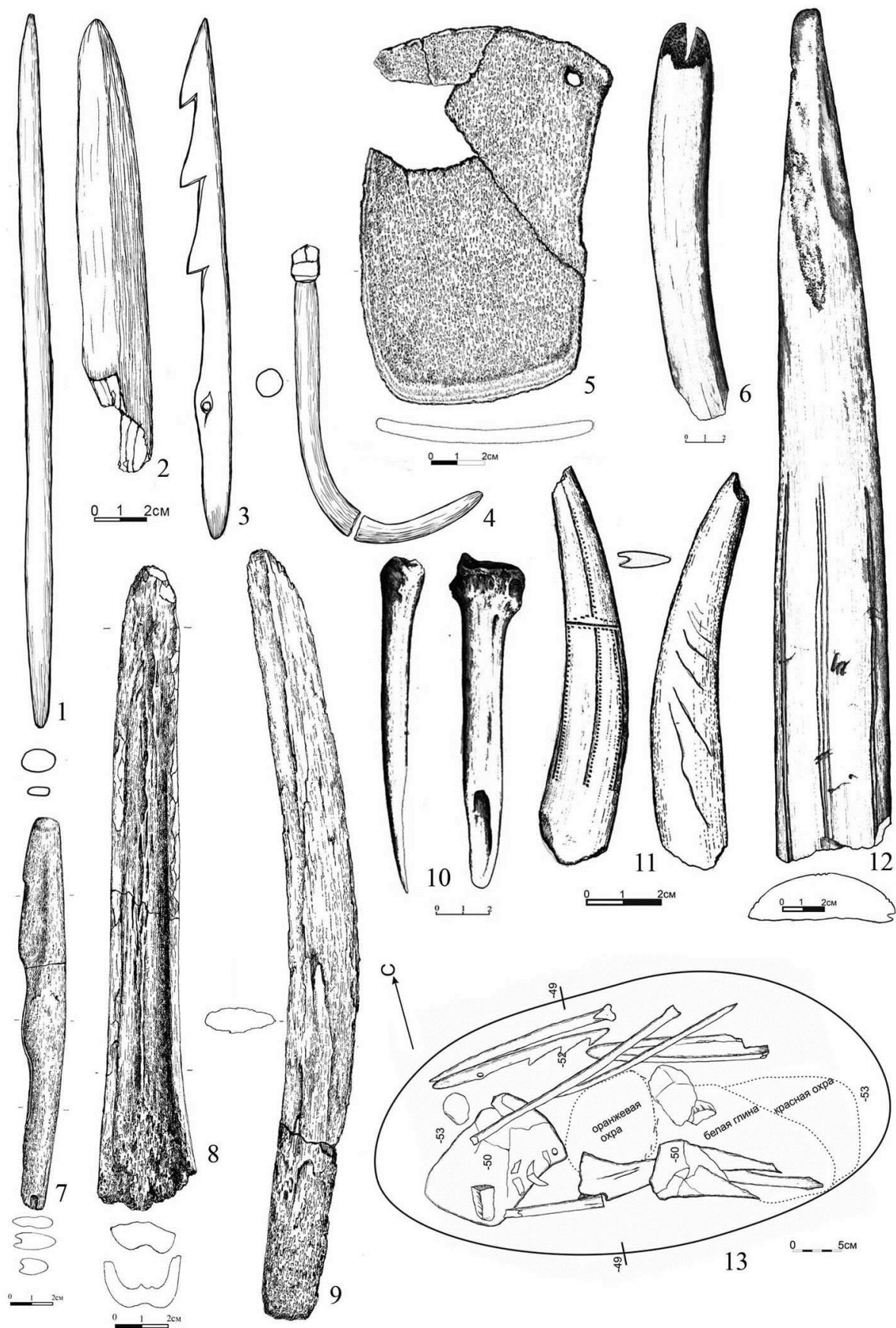
Орудия из кости и рога с поселений Мергенъ-6 и 7 являлись неотъемлемыми составляющими ритуальных комплексов, создаваемых жителями неолитических поселков. Подобная практика, вероятно, могла быть характерна для всего неолитического населения Зауралья и сопровождать, например, процессы постройки жилищ, оставления поселений или иметь промысловую направленность.

Библиографический список

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Слепченко С.М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мергенъ // IV Северный археологический конгресс. – Екатеринбург, 2015.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Зах В.А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергенъ-6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2012. – Вып. 4 (19).

Зырянова С.Ю., Крамаренко Н.Ю. Святилище боборыкинской культуры поселения Шайдурихинское-V // Емельяновские чтения. – Курган, 2006.

Орудия из ритуальных комплексов поселений Мергень-6 (1–6, 10–13) и Мергень-7 (7–9): 1 – наконечник стрелы; 2 – наконечник копья; 3 – гарпун; 4 – рыболовный крюк; 5 – роговая пластина; 6 – шпатель/лопаточка; 7 – зубчатое острие/гарпун; 8 – струг; 9 – орудие из ребра (кинжал?); 10 – кочедык; 11 – вкладышевая оправа/нож; 12 – копьевидная вкладышевая оправа; 13 – ритуальная яма с орудиями со дна жилища №21

А.В. Епимахов
*Институт истории и археологии УрО РАН (Южно-Уральский филиал),
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск*
ФРОНТИРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки
Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

Археология на протяжении большей части своей истории ориентировалась на изучение центров и культур, и лишь сравнительно недавно (и пока в ограниченном масштабе) взор специалистов оказался обращен к периферии и границам, однако многие явления и процессы не могут быть адекватно интерпретированы вне признания периферии как важного, а иногда и определяющего фактора реконструкций. Например, для уральского бронзового века число памятников с чертами культурного синкретизма явно превышает количество так называемых «чистых» (иными словами, монокультурных). Одним из вариантов объяснения ситуации «смешения» культурных компонентов является концепция фронта. Продемонстрировать работоспособность этого подхода призвано тестирование гипотезы о возникновении и функционировании фронта в период конца III – начала II тыс. до н.э. на территории Южного Урала.

В результате анализа историографии установлено, что современная модификация концепции широко используется при анализе не только государств, но и догосударственных социумов [The Archaeology of frontiers and boundaries, 1985; Gregg, 1988; Archéologie de la frontière, 2016 и др.]. Среди наиболее важных можно выделить акцент на территорию, а не линию соприкосновения разнокультурных групп [Feuer, 2016, p. 11–23]. Постколониальная критика привела к тому, что фронт стал восприниматься как «пространство гибридности», зона новаций, которые порождает сама жизнь, и мультикультурности [Naum, 2010, p. 106–107]. Многообразие форм фронтов определялось суммой разных исторических и иных обстоятельств. Фронт должен рассматриваться как зона формирования стереотипов, которые отличны от соседствующих групп и исходных традиций. Наличие конфликтов – одна из наиболее характерных черт феномена. В исторической перспективе сложившаяся система культурных стереотипов может длительно воспроизводиться после завершения функционирования фронта.

Накопленная к настоящему времени сумма фактов позволяет выйти на качественно новый уровень осмысления древностей бронзового века Южного Урала. Археологические источники представлены укрепленными поселениями и могильниками, ареал распространения которых очень компактен. При этом поселения образуют в Зауралье ядро, а погребения обнаружены по всем направлениям за исключением северного [Епимахов, Чуев, 2011]. Памятники хорошо иллюстрируют высокую степень концентрации населения, вариативность культурных стереотипов, социальную неоднородность, развитие военного дела (включая его манифестации в идеологической сфере) и др. Последнее сочетается с отсутствием следов реальных военных столкновений и единичными примерами военного травматизма [Моргунова и др., 2015], обнаруженными на периферии синташтинской ойкумены. Происхождение рассматриваемой группы явно миграционное, а следов взаимодействия с субстратным населением крайне мало.

Таким образом, налицо совпадение признаков, сформулированных сторонниками теории фронта, с археологическими данными: миграционный сценарий возникновения, высокий уровень развития военной сферы, культурная вариативность [Епимахов, Берсенева, 2012]. Синташтинские традиции (за вычетом яркого проявления военной сферы) нашли свое продолжение в следующий хронологический период (алакульские и отчасти срубные древности) и распространились на огромной территории. Наряду с чертами сходства имеются и заметные расхождения: практически нет следов реальных военных столкновений (для алакульского периода они хорошо документированы [Чемякин, 2015]), следы взаимодействия с субстратным населением фиксируются

минимально. В качестве аргументации последних может быть упомянута только неоднородность антропологического состава [Хохлов, Китов, 2014].

Причин несоответствия археологических данных представлениям о «классическом» фронтире несколько. Во-первых, несмотря на высокий для бронзового века уровень социальной сложности, невозможно обсуждать местные древности в терминах государства, даже с добавлениями «раннее» или «формирующееся». Во-вторых, археологический источник далеко не в полной мере отражает реалии, это неизбежно влияет на степень обоснованности заключений. Хотя вполне очевидно, что рассматриваемые материалы не укладываются в рамки привычного понятия «археологическая культура». В-третьих, свою роль сыграла конкретная историческая ситуация. Военизированная культура мигрантов оказалась избыточной в условиях минимального противодействия местного населения с его принципиально иным укладом экономики и социальной организации, которые не предполагали концентрации людских ресурсов и развития сложных технологий. Таким образом, синташтинские памятники могут быть рассмотрены как результат функционирования специфической разновидности фронта, что определило влияние этих традиций и их длительное воспроизведение. Эволюция была обусловлена особенностями адаптационных процессов, в результате которых произошел отказ от высокой концентрации населения и изменение форм социальной сложности.

Предложенная гипотеза не может служить универсальным ключом интерпретации, но хорошо иллюстрирует возможности альтернативных объяснений исторических ситуаций, не столь уж редких в исследовательской практике.

Библиографический список

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография.

Епимахов А.В., Чуев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – №2 (15).

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево-I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, №2.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). – Самара, 2014.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2015.

Archéologie de la frontière [Electronic resource] / L. Aniceto, A. Delvoye, L. Hermenault, B. Khan et J. Treuillot (eds.). – Paris, 2016. – URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/6256> (дата обращения: 24.03.2017)

Feuer B. Boundaries, Borders and Frontiers in Archaeology: A Study of Spatial Relationships. – Jefferson, 2016.

Gregg S.A. Foragers and Farmers: Population Interaction and Agricultural Expansion in Prehistoric Europe. – Chicago, 1988.

Naum M. Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands // Journal of Archaeological Method and Theory. – 2010. – Vol. 17. – Iss. 2. DOI 10.1007/s10816-010-9077-9.

The Archaeology of frontiers and boundaries. – Orlando, 1985.

Л.Н. Ермоленко
Кемеровский государственный университет, Кемерово
ИЗВЯЯНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ

Памятники монументальной скульптуры раннего железного века на территории Казахстана представлены оленными камнями, а также антропоморфными изваяниями сакской и сарматской эпох. Наиболее древними из них являются оленные камни, хотя датировка их, особенно специфических центральноказахстанских экземпляров, требует уточнения. Оленных камней в рассматриваемом регионе найдено немного, больше всего в восточных районах Казахстана. В Тарбагатае [Самашев, 2013, рис. 51–54] и в Баянауле [Пересветов, 2010, фото 1.-4, 5] обнаружены оленные камни саяно-алтайского и монголо-забайкальского типов. Известны два детализированных оленных камня общеевразийского типа из Восточного Казахстана и Семиречья, оружейный набор которых включает чекан и лук в налучье. Исследователи датировали эти изваяния соответственно VIII–VII вв. до н.э. [Марсадолов, Самашев, 2000, с. 26] и (предварительно) V–IV вв. до н.э. [Рогожинский, 2001, с. 128]. В Центральном Казахстане пока выявлены только такие оленные камни общеевразийского типа, для которых, по выражению В.В. Волкова, свойственно «предельное упрощение композиции» [Волков, 2002, с. 22]. Другую особенность центральноказахстанских оленных камней, возможно, демонстрирует экземпляр с р. Кенгир. Верхней его части приданы зооморфные очертания так же, как в случае нескольких стелкойтасов [Курманкулов, Ермоленко, 2014, рис. 1, 2, 7]. Широкая грань койтасов со скошенным верхом имеет абрис, характерный для оленных камней. В этой связи представляется значимым факт нахождения в комплексе Торайгыр-VI оленного камня и койтаса [Пересветов, 2010, фото 1.-6]. Не исключено, что в казахстанском регионе эти виды монументальных памятников сосуществовали, и койтасы были своего рода упрощенным вариантом оленных камней.

В этой связи отметим, что одна из стел комплекса Дыкылтас (Мангышлак), названных В.С. Ольховским «псевдооленными» камнями, напоминает койтас. По предположению Ольховского, дыкылтаские стелы бытовали с V до III–II вв. до н.э., а похожая на койтас стела была наиболее ранней [Ольховский, 2005, с. 140, 141, ил. 134]. Собственно оленных камней на территории Западного Казахстана не обнаружено, за исключением обломка, который был признан В.С. Ольховским фрагментом оленного камня VIII – начала VII в. до н.э. [Ольховский, 2005, с. 140, ил. 141.-2].

Недавно открытые изваяния сакской эпохи тоже немногочисленны (около 20 экз.) и выявлены главным образом в Сарыарке [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016]. Часть их (в основном поясные изображения) отмечены влиянием иконографии ранней скифской скульптуры, при том что вещественные атрибуты своеобразны. Другие самобытные изваяния (по преимуществу погрудные изображения и антропоморфные стелы) обладают общей реалией – «шишкообразным» выступом на макушке. Многие изваяния сакской эпохи найдены в связи с курганами раннего железного века, а некоторые – в контексте курганов с «усами». Хронология изваяний, которая установлена на основе вещественных аналогий реалиям, а также радиоуглеродных дат, полученных для погребений двух курганов с изваяниями, укладывается в рамки VII–V вв. до н.э.

При изучении феномена изваяний сакской эпохи встает проблема их соотношения с изваяниями раннего железного века, выявленными к северо-западу от Сарыарки – в Урало-Казахстанских степях (в Тургайской ложбине, на Тургайском плато и смежной территории российского Южного Зауралья, а также в бассейне р. Урала) [Гуцалов, Таиров, 2000, рис. 8]. Изваяния этой группы были отнесены исследователями к прохоровской культуре и датированы в пределах V–IV вв. до н.э. [Таиров, Гуцалов, 2001, с. 161, 162].

А.Д. Таиров и С.Ю. Гуцалов констатировали сходство изваяний Урало-Казахстанских степей со скифскими изваяниями Северного Кавказа и Северного Причерноморья.

Появление «скифоидных» (по В.С. Ольховскому) изваяний в степях Южного Урала они связали с проникновением во второй половине VI в. до н.э. «скифского этнического компонента» из Поднепровья и Северного Кавказа [Таиров, Гуцалов, 2001, с. 161]. Между тем на некоторых изваяниях раннего железного века западной (урало-казахстанской) группы встречаются реалии, специфические для изваяний восточной (сарыаркинской) группы. Так, на верхушке непапортизованной антропоморфной стелы из Костанайского областного историко-краеведческого музея фиксируется «шишкообразный» выступ. Возможно, «валикообразное ребро» на макушке изваяния из Елантау воспроизводило пучок волос наподобие айдара (оселедца), а не деталь шлема кубанского типа, как предположили авторы публикации [Гуцалов, Боталов, 1999, с. 112]. Ввиду этих и других признаков сходства возникает вопрос: не являются ли изваяния западной и восточной групп единым культурным феноменом? Во всяком случае, совокупного рассмотрения заслуживают изваяния, выявленные в ареале тасмолинской культурной общности.

Среди искусно выполненных изваяний «сарматского круга» (IV–II вв. до н.э.) с Устюрта и Мангышлака зафиксированы экземпляры, обладающие определенным сходством с сарыаркинскими изваяниями сакской эпохи. Это изваяния, по-видимому, использованные в качестве строительного материала в мангышлакских «сарматских» святилищах Меретсай-2 и Тубежик-2, а также изваяния из святилища Кызылуйик на Северном Устюрте и из некрополя Куйрук возле г. Актау [Самашев и др., 2007, с. 168, 196, 223, 272]. Появление таких изваяний в арало-каспийском междуморье также могло быть связано с миграциями «скифского» населения на восток во 2-й половине VI в. до н.э. [Гуцалов, 2011, с. 166].

Библиографический список

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М., 2002.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г. Скифское святилище Елантау // Известия Челябинского научного центра. – 1999. – Вып. 3.
- Гуцалов С.Ю. Об этнокультурной ситуации на территории Казахстана на рубеже VI–V вв. до н.э. // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т. 2.
- Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М., 2000.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово, 2016.
- Курманкулов Ж.К., Ермоленко Л.Н. Древности Сарыарки: каменные изваяния. – Караганда, 2014.
- Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – Вып. 3. – СПб., 2000.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М., 2005.
- Пересветов Г.Ю. Исследования на культово-погребальном комплексе Торайгыр-VI // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2010. – №3(15).
- Рогожинский А.Е. Оленный камень из Семиречья // История и археология Семиречья. Вып. 2. – Алматы, 2001.
- Самашев З.С. История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье / Казахское искусство : в 5 т. Т. 1: Древнее искусство. – Алматы, 2013.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы, 2007.
- Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Вып. 1. – Волгоград, 2001.

Д.К. Еськова
Институт археологии РАН, Москва
ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА СТОЯНКАХ
ИЕНЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

До настоящего времени вопросы генезиса и эволюции иеневской культуры раннего мезолита Волго-Окского междуречья, а также включения ее в более широкий пласт мезолитических индустрий с асимметричными черешковыми наконечниками и высокими трапециями решались преимущественно на основании данных типологии. Основной целью данной работы является сопоставление технологической характеристики каменных индустрий иеневской и песочноровской мезолитических и аренбургской верхнепалеолитической культур. Источниковой базой исследования являются коллекции каменного инвентаря стоянок иеневской культуры Беливо-6В, Белый Колодец-1 и Ладыжино-3А, а также стоянки песочноровской культуры Песочный Ров-1.

Расщепление камня на стоянках иеневской культуры проводилось в рамках производственных цепочек, направленных на получение пластин, отщепов и изготовление рубящих орудий. Пластинчатое расщепление осуществлялось преимущественно с одноплощадочных торцевых нуклеусов. При скалывании пластин использовались техники прямого удара мягким органическим и твердым каменным отбойниками [Еськова, Леонова, 2015]. Пластинчатые сколы, полученные при помощи отжима, ранее выявленные на одной из стоянок иеневской культуры Ладыжино-3А [Лозовский и др., 2009, с. 277], не обнаружены ни в Беливо-6В, ни на Белом Колодце-1, и относятся они, вероятней всего, к эпизоду посещения стоянки носителями иной культурной традиции. Подготовка преформ нуклеусов для скалывания пластин на стоянках иеневской культуры заключалась в создании площадки, фронтального и нижнего ребер либо ограничивалась формированием площадки с использованием естественного объема желвака. В пластинчатом расщеплении использовался минимальный набор приемов подготовки зоны расщепления: редуцирование площадки, абразивная подработка и, гораздо реже, грубая шлифовка карниза. Ограниченный набор приемов исправления ошибок расщепления был одной из основных причин низкой продуктивности пластинчатого расщепления. Скалывание крупных отщепов-заготовок производилось с дисковидных нуклеусов при помощи техники прямого удара твердым каменным отбойником. Рубящие орудия изготавливались при помощи односторонней или двусторонней оббивки.

Выявленная характеристика пластинчатого расщепления на стоянках аренбургской верхнепалеолитической культуры – использование торцевых одноплощадочных нуклеусов, острый (менее 70°) угол между ударной площадкой и поверхностью расщепления, регулярное снятие сколов оживления площадки, нерегулярная («непараллельная») огранка значительной части пластинчатых сколов, неглубокие площадки и выраженная «губа» у пластинчатых сколов, преимущественное использование техники прямого удара мягким органическим отбойником, использование редуцирования площадки и грубой шлифовки карниза при подготовке зоны расщепления [Madsen, 1996; Fuglesvedt, 2007] – сходна с выявленной нами на стоянках иеневской культуры, что говорит о возможной преемственности технологии.

Иеневская культура включается на основании типологии метательного вооружения и невысокого индекса пластинчатости каменных индустрий в общность культур раннего мезолита Восточной Европы с асимметричными черешковыми наконечниками и высокими трапециями, наряду с песочноровской культурой Подесенья, гренской культурой Верхнего Поднепровья и зимниковской культурой на Северском Донце и в Придонье. Различные исследователи по-разному оценивают степень сходства вышеназванных культур: от констатации включенности их в «единое информационное пространство» [Леонова, 2007] до объединения в культурную общность [Сорокин, 2004], технокомплекс [Лисицын, 2014] или даже рассмотрения в качестве локальных вариантов одной археологической культуры [Zaliznyak, 1999; Залізняк, 2005].

Сопоставление технологии расщепления камня на стоянках иеневской культуры и на стоянке Песочный Ров-1, эпонимном памятнике песочноровской культуры Подесенья, указывает на существенные различия между этими индустриями. Прежде всего, речь идет о пластинчатом расщеплении. В то время как в иеневской культуре были известны только техники прямого удара, на стоянке Песочный Ров было выявлено использование техники удара через посредник для скалывания пластин. Несмотря на то, что в ряде случаев скалывание пластин производилось с одноплощадочных торцевых нуклеусов, для индустрии стоянки Песочный Ров также характерно скалывание с одно-, реже – двуплощадочных нуклеусов с широким фронтом. Выпуклость поверхности расщепления поддерживалась при помощи формирования латеральных ребер. Кроме того, в индустрии Песочного Рова отсутствуют специфичные для иеневской культуры дисковидные нуклеусы для скалывания широких, средней массивности отщепов. И, наконец, рубящие орудия стоянки Песочный Ров существенно отличаются от характерных для иеневской культуры рубящих «с перехватом» как типологически, так и технологически. Обломки двусторонне обработанных, асимметричных в сечении тесел на отщепах и тонких плитках кремня из раскопа М.В. Воеводского ранее были атрибутированы в качестве поздней примеси к мезолитическому комплексу, происходящей из слоя среднеднепровской культуры эпохи бронзы [Зализняк, 1986, с. 120]. Между тем абсолютно аналогичные двусторонне обработанные тесла были найдены на стоянке Студенок [Зализняк, 1986, с. 127, рис. 58], рассматриваемой в качестве памятника позднего этапа песочноровской культуры. Таким образом, мы приходим к выводу о принципиально различной технологической подоснове иеневской и песочноровской культур, что делает невозможным объединение их в общий технокомплекс. Вместе с тем вопрос о причинах широкого распространения в мезолите Восточной Европы таких типов метательного вооружения, как асимметричный черешковый наконечник и высокая трапеция, пока остается открытым.

Библиографический список

- Еськова Д.К., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Белый Колодец-1: типологическая и технологическая характеристика каменного инвентаря // КСИА. – 2015. – Вып. 235.
- Зализняк Л.Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Памятники каменного века Левобережной Украины (хронология и периодизация). – Киев, 1986.
- Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. – Вип. 12. – Київ, 2005.
- Леонова Е.В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). – М., 2007.
- Лисицын С.Н. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // Каменный век от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. – Вып. 3. – СПб., 2014.
- Лозовский В.М., Гиря Е.Ю., Кравцов А.Е. Мезолит Волго-Окского междуречья: технологический подход // Археологический альманах: Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. – №20. – Донецк, 2009.
- Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской Равнины. – М., 2004.
- Fuglestad I. The Ahrensbourgian Galta 3 site in SW Norway. Dating, technology and cultural affinity // Acta archaeologica. – 2007. – Vol. 78, №2.
- Madsen B. Late Paleolithic cultures of South Scandinavia – Tools, Tradition and Technology // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. – Stockholm, 1996.
- Zaliznyak L.L. Tangled point cultures in the Western part of Eastern Europe // Tangled Points cultures in Europe / S.K. Kozłowski, J. Gurba, L.L. Zaliznyak eds. – Lublin, 1999.

Н.С. Ефремова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ
В КУЛЬТОВЫХ ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Реконструировать древние культы, проследить отправления ритуалов и выявить следы обрядовой деятельности в полном объеме посредством археологических исследований, как правило, не представляется возможным. Фактологического материала недостаточно, учитывая относительную редкость обнаружения на территории Сибири археологических объектов, которые можно уверенно отнести к категории культовых. Ситуация обусловлена особенностями идеологических представлений древних обществ региона, одной из них является отсутствие культовых мест, связанных с архитектурными объектами [Мартынова, Мартынов, 1987, с. 190]. Но сакрализация затрагивала все сферы жизни человека, будь то хозяйственная деятельность, погребение умерших или забота о будущем. Следы обрядовых действий находят свое отражение в материальной культуре общества и могут быть реконструированы с большей или меньшей степенью достоверности с использованием ретроспективного метода и данных этнографии.

В эпоху раннего металла отмеченные ритуальные практики древнего населения региона, имея сходные базовые моменты, тем не менее, отличались разнообразием. По продолжительности существования выделяется два основных типа культовых мест, локализованных на рассматриваемой территории и в ее окружении: функционировавшие на протяжении нескольких веков либо действовавшие в рамках одной культуры [Мартынова, Мартынов, 1987, с. 190]. Первый тип характеризуется многослойностью и существованием определенной преемственности, обусловившей здесь ритуальную деятельность на протяжении столетий и даже тысячелетий [Молодин, Ефремова, 2010]. Как правило, подобные культовые комплексы приурочены к специфическим ландшафтам, обращавшим на себя внимание в любую историческую эпоху. Мифологическая составляющая идеологии общества населяла подобные неординарные природные объекты божествами-духами чтимого пантеона, а сохранившиеся следы функционирования культового места в древности могли подсказать пришлому коллективу характер и специфику бытовавших здесь ритуалов. Объекты второго типа фиксировались как автономно, так и на площади погребальных либо поселенческих памятников. Обнаруженные артефакты позволяют отнести такие объекты к конкретной археологической культуре, а специфика локализации и сооружения дают возможность говорить об относительно кратковременном либо единовременном их использовании [Труфанов, 1983; Молодин, Ефремова, 2015]. Иногда подобные культовые места могли быть локализованы на территории другого памятника, но не иметь явно выраженной функциональной связи с ним, а порой отстоять от этого памятника и хронологически [Росляков, 2015].

Сравнивая известные на настоящий момент культовые памятники и обнаруженные на них коллекции артефактов, можно предположить, что данные объекты были дифференцированы согласно их функциональной направленности. Каждое из направлений обрядовых практик могло иметь предназначенные только для определенного вида ритуальных действий культовые комплексы – связанные с погребальным обрядом; производственные, «обслуживавшие» промыслы, земледелие, металлообработку и, возможно, другие отрасли хозяйства, а также условно названные поселенческими или общинными, поскольку отправляемые на них культы служили благоденствию социума в целом [Ефремова, 2016].

Традиционные и инновационные черты на материалах культовых мест проследить сложно в силу уже упоминавшейся скудности источниковой базы, но ряд определенных выводов представляется вероятным. Традиции в иррациональных взглядах древних обществ во многом были обусловлены природно-ландшафтной средой и способами ведения

хозяйства. Как правило, повсеместно автохтонно возникло почитание неординарных природных объектов – гор, камней, водоемов, островов и т.п. Культовые практики обязательно включали в себя обеспечение «сверхъестественной поддержкой» основных отраслей хозяйственного уклада, воспроизводства и жизнедеятельности коллектива. При этом местные условия могли приводить к постепенному синкретизму отправляемых ритуалов, которые, в свою очередь, становились полифункциональными, либо, наоборот, с появлением новых способов ведения хозяйства могли возникать и «узко специализированные» культовые комплексы. Так, отправление погребально-поминального обряда, вероятно, имевшего место у носителей ирменской культуры, могло трансформироваться в культ умерших или культ предков, о чем свидетельствует обнаружение в жилище поселенческого комплекса Красный Яр-I компактно расположенных костей человека, по-видимому, помещенных в мешок [Матвеев, 1993].

Привнесенными также могли быть специфические, известные в территориальных вариациях, черты обрядов, наблюдаемые на значительной территории, такие, например, как переворачивание сосудов или вынесение посуды за пределы могильной ямы при отправлении погребально-поминальных ритуалов андроновской (федоровской) культуры, подобный феномен имел место на могильнике Тартас-1 [Ефремова, Молодин, 2016]. Керамика вне захоронений фиксировалась в материалах ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 133] и ряде других, в том числе и на значительном удалении от рассматриваемой территории – в курганах срубной культуры [Отрощенко, 1990, с. 7]. Что же касается переворачивания посуды, то отголоски (либо прообраз) этого обряда отмечен еще в древней Индии, где ключевым моментом ритуала исключения человека из общества являлось опрокидывание дефектного сосуда [Балакин, 1998].

Таким образом, традиционные культовые практики позволяли сохранять самобытность общества, новшества же адаптировали жизнь коллектива к современности.

Библиографический список

- Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск, 1998.
- Ефремова Н.С. Культовые комплексы Северной Азии: производственные, поселенческие, погребальные // Уральский исторический вестник. – 2016. – №4 (53).
- Ефремова Н.С., Молодин В.И. Один из сюжетов обрядовых действий в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.
- Мартынова Г.С., Мартынов А.И. К вопросу о культурных центрах и святилищах в археологии Сибири // Религиозные представления в первобытном обществе. – М., 1987.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле. Горный Алтай. – Новосибирск, 2010.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск, 2015.
- Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев, 1990.
- Росляков С.Г. Новые открытия в урочище Березовый Мыс // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск, 2015.
- Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Новосибирск, 1983.

М.Н. Желтова, С.Н. Лисицын
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ШЛИФОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ
В ПАЛЕОЛИТЕ КОСТЕНОК

Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук Российской академии наук «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы», проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным»

Шлифованные артефакты из мягкого камня, преимущественно гальки, с различными гравировками и отверстиями распространены чрезвычайно широко в памятниках верхнего палеолита. Как правило, они не имеют стандартизированного типологического облика и рассматриваются как культовые предметы и украшения. Изделия утилитарного назначения (рубящие орудия), частично обработанные техникой шлифования, в позднем плейстоцене известны лишь по находкам в Юго-Восточной Азии и Австралии. В Европе серийное изготовление шлифованных артефактов характерно только для эпизода средней поры верхнего палеолита на территории Моравии, а также на Дону – в Костенковско-Борщевском палеолитическом районе. В частности, шлифовка широко использовалась в павловьене (Павлов, Дольни Вестонице, Пржедмост, Тренчанске Богуславице и др.) в хронологических рамках ^{14}C 27–24 куг uncal. BP. Из мягких пород камня (сланец, мраморовидный известняк, мергель) с помощью сплошной шлифовки изготавливались двояковыпуклые и уплощенные диски со сквозным отверстием, граненные бруски и стержни неясного назначения. Аналогичные изделия найдены на стоянках Костенки-4, Костенки-9 и Борщево-5/1 на Дону (рис. 1 и 2). Кроме того, в Борщево-5 были обнаружены шлифованные топор и тесло из доломита характерной формы с забитыми от работы лезвиями (рис. 2.–3). Абразивами для шлифования, видимо, служили найденные плитки мелкозернистого шокшинского кварцита. Судя по датировкам данных стоянок 25–24 куг uncal. BP и сходству каменного и костяного инвентаря с центрально-европейскими комплексами, памятники на Дону могут считаться дериватом позднего павловьена на Русской равнине. В хронологически более поздних (22–21 куг uncal. BP) памятниках граветка костенковско-авдеевской (Костенки-1/1, 13, 14/1, 18) и аносовско-гмелинской культурных традиций (Костенки-21/III, Костенки-11/II) шлифовкой обработаны лишь индивидуальные украшения и предметы искусства (миниатюрные фигурки животных, орнаментированные гальки, подвески), что в целом характерно для многих памятников, как относительно поздних, так и относящихся к ранней поре верхнего палеолита.

Таким образом, на Русской равнине серийно изготовленные техникой шлифова-

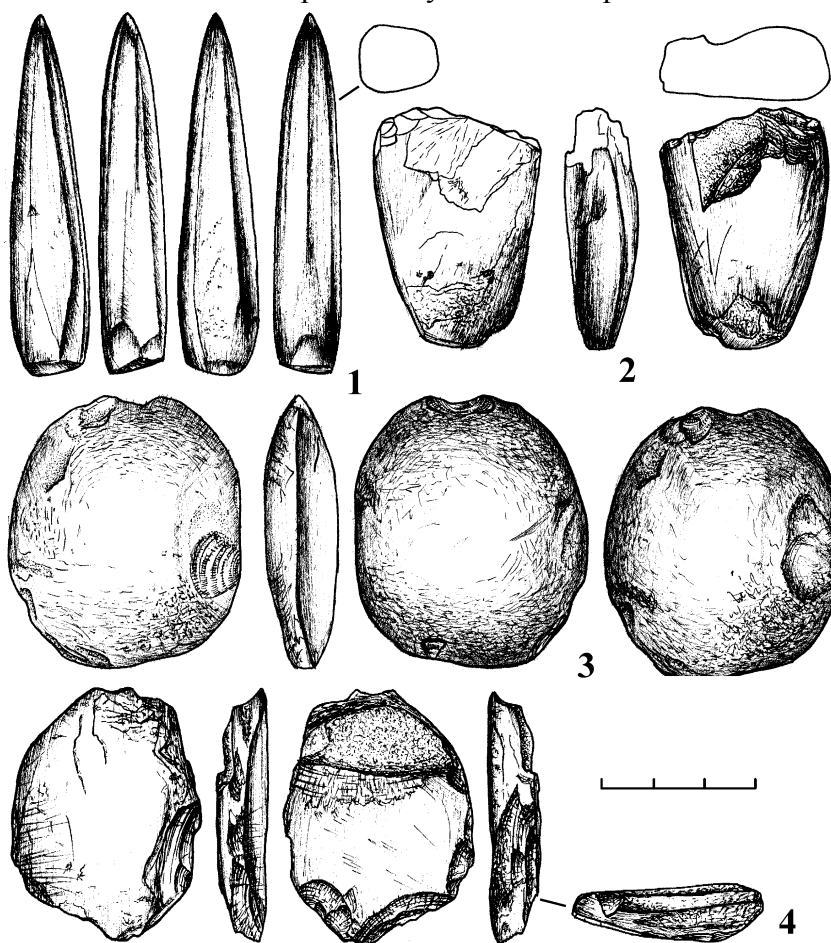

Рис. 1. Шлифованные каменные изделия со стоянки Костенки-9

ния изделия появляются в середине верхнего палеолита и затем исчезают из обихода вплоть до начала голоцена, когда шлифованные топоры и тесла становятся известны в мезолите. Следовательно, контекст узкоспециального производства шлифованных изделий может определять не столько и не только достигнутый уровень технического прогресса, но и культурную специфику групп палеолитических людей. В Костенковско-Борщевском районе выделяется группа памятников граветтийского технокомплекса, в каменной индустрии которых шлифовка камня играла важную роль, что резко выделяет их на общем фоне эпохи.

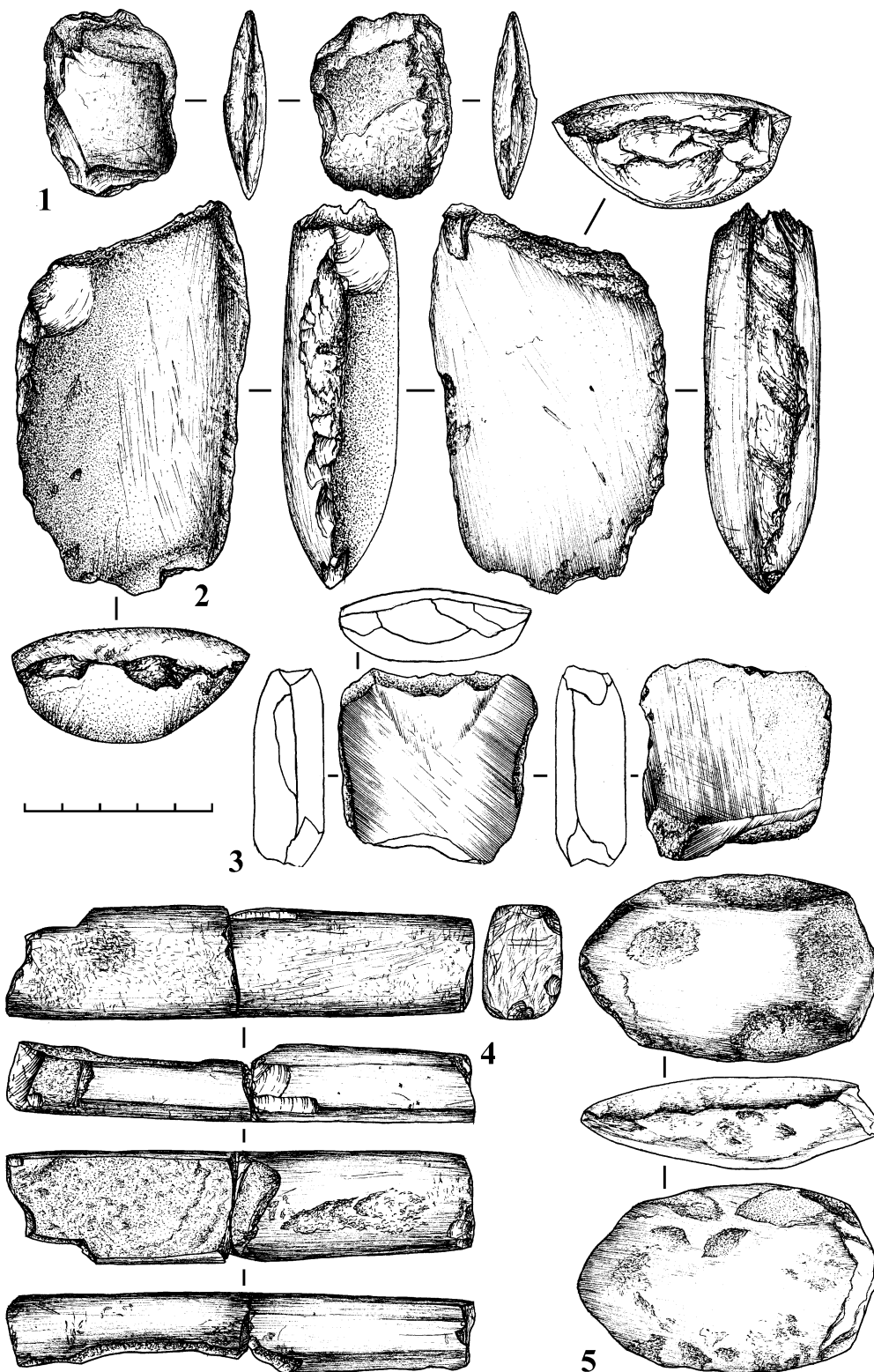

Рис. 2. Шлифованные каменные изделия со стоянки Борщев-5

М.Г. Жилин¹, Л.Л. Косинская^{2, 3}, С.Н. Савченко²

¹*Институт археологии РАН, Москва;*

²*Уральский федеральный университет,*

³*Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-06-00096 «Мезолитические памятники Горбуновского торфяника»)

Исследования стратифицированных мезолитических культурных слоев торфяниковых памятников и пещер, осуществленные в последние десятилетия, имели большое значение для понимания уральского мезолита [Жилин, Савченко, 2014; Жилин и др., 2012; Чаиркин, Жилин, 2005]. Благодаря им доказано, что территория лесного Зауралья была освоена человеком уже около 10 000 некалиброванных радиоуглеродных лет назад, начиная с раннего пребореального периода, и, следовательно, Среднее Зауралье, как и большая часть Евразии, было заселено на протяжении всей мезолитической эпохи, что ранее ставилось под сомнение. Техничко-морфологический и трасологический анализы мезолитического инвентаря региона, выделение специфических местных типов орудий, имеющих определенные хронологические рамки бытования, сопоставление среднезауральских материалов с материалами соседних территорий дали возможность попытаться проследить некоторые тенденции в развитии материальной культуры мезолитического населения Среднего Зауралья.

Комплексы материалов раннего мезолита представлены в V-х культурных слоях торфяниковых частей Береговой-I и II стоянок на Горбуновском торфянике, а также в Шайтанской и Лобвинской пещерах. Материалы периода среднего мезолита наиболее многочисленны. Они включают находки из IV, III, II культурных слоев Береговой I; IV слоя Береговой-II стоянок; из II, III слоев стоянки Серый Камень; из мезолитических слоев Кокшаровско-Юрьинских-I и II стоянок на Кокшаровском торфянике. Позднемезолитические материалы представлены находками из III культурного слоя Береговой II стоянки. Они относятся к самому началу позднего мезолита – рубежу бореал-атлантик. Более поздние стратифицированные памятники мезолита пока не найдены.

С самого начала мезолита и на всем его протяжении наблюдается сочетание отжимной техники снятия пластин и микропластин из кремнистых пород с производством крупных рубящих орудий с пришлифовкой из местных туффитов. Типичная для Зауралья каменная индустрия сочетается с высокоразвитой костяной индустрией. Осваивая новую территорию, человек мог не найти привычных пород камня, что часто приводило к изменению форм каменных орудий и технологии их изготовления. В отличие от камня, кость и рог как сырье для производства орудий, имеющееся у охотников повсеместно, не требовали радикальных изменений технологии обработки и морфологии изделий. В костяном инвентаре культурные традиции, вероятно, фиксировались более устойчиво. В раннем пребореале в Среднем Зауралье уже существовала развитая костяная индустрия. Для изготовления предметов применялись все основные приемы обработки кости и рога: ударная ретушь, скобление, строгание, шлифовка, пиление, рубка и отеска, прорезание пазов/каналов, сверление, гравировка, полировка. Набор изделий был достаточно разнообразен. Он включал все основные функциональные группы орудий.

Выявлено сходство техники производства орудий во всех мезолитических слоях памятников. Использование при изготовлении артефактов основных приемов обработки кости фиксируется на протяжении всего мезолита, начиная с раннего. Очевидно, что устойчивые технологические традиции изготовления изделий из кости и рога, определившие облик костяной индустрии как стоянок Горбуновского торфяника, так и памятников всего Среднего Зауралья вплоть до периода раннего неолита, сложились в регионе уже в раннем мезолите. Основные функциональные группы орудий, появившись в раннем мезолите, бытуют на протяжении всего периода и продолжают использоваться

в раннем неолите. Многие типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита, есть серия орудий, бытовавших с раннего мезолита до раннего неолита, например шилья, орудия из нижних челюстей бобра и широкие ножи из лопаток. Технология изготовления костяных и роговых орудий на стоянках Горбуновского торфяника аналогична технологии, изученной на материалах других уральских памятников и коллекций. Необходимо отметить высокую степень преемственности уральской костяной индустрии на всех хронологических этапах ее существования, от раннего мезолита до раннего неолита. Динамика развития костяной индустрии лесного Зауралья проявилась прежде всего в появлении новых категорий и морфологических типов изделий на каждом этапе ее функционирования.

О принадлежности горбуновских стоянок к среднезауральской мезолитической культуре также свидетельствуют многочисленные аналогии в мезолитических материалах региона. Подавляющее большинство найденных на стоянках наконечников стрел имеют насады клиновидной формы, характерной именно для Урала. Встречены специфические уральские типы артефактов, не имеющие аналогий на других территориях. Это узкие плоские асимметричные наконечники стрел с длинным пазом и плоские изогнутые ножи с пазом на выпуклом крае, представленные в среднемезолитическом слое Береговой-II стоянки. Многочисленные аналогии узким плоским асимметричным вкладышевым наконечникам стрел имеются в мезолитическом слое Лобвинской пещеры [Чаиркин, Жилин, 2005, с. 260–261], в материалах пещерного святилища Камень Дыроватый [Калинина, 2006, с. 394–396] и Шигирской коллекции случайных находок [Савченко, 2011, с. 31]. Плоские изогнутые ножи с пазом на выпуклом крае присутствуют в Шигирской коллекции [Савченко, 2005, с. 224]. То, что паз у таких орудий сделан на выпуклом, а не на вогнутом крае, является специфической особенностью, известной пока только в уральских материалах. Единичные подобные изделия из Восточной Европы имеют паз на вогнутом крае [Жилин, 2001, с. 112]. Остальные предметы имеют более широкое территориальное распространение, они находят аналогии как в уральских, так и в материалах других регионов.

Мезолитическая костяная индустрия Зауралья по морфологическим показателям и технологии изготовления артефактов близка материалам мезолита лесной зоны Восточной Европы, что позволяет говорить о, может быть, опосредованных контактах населения этой обширной территории в течение мезолита. Вместе с тем выделяются специфические местные типы изделий, которые указывают на существование, наряду с общими, и различных традиций у населения этих регионов.

При этом обращает на себя внимание богатство ассортимента и большее типологическое разнообразие восточноевропейского мезолитического костяного инвентаря по сравнению с уральским, что объясняется небольшим количеством изученных стратифицированных мезолитических памятников с костяным инвентарем на Урале по сравнению с Восточной Европой. Представление о вероятном категориальном и типологическом разнообразии уральских материалов дают коллекции случайных находок.

Библиографический список

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М., 2001.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. – М., 2012.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Жилин М.Г. (ред.) Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М., 2005.

А.А. Журавлев^{1,2}, А.С. Пилипенко^{1,2,3}, В.И. Молодин^{2,3},

Д.В. Папин^{2,4}, Д.В. Поздняков², Р.О. Трапезов^{1,2}

¹Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул

ГЕНОФОНД мтДНК И Y-ХРОМОСОМЫ
АНДРОНОВСКОГО И ПОСТАНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного Алтайским государственным университетом (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Миграция носителей андроновской культуры на территорию Южной Сибири была одним из ключевых событий, определивших характер этнокультурных процессов в регионе как непосредственно в 1-й половине II тысячелетия до н.э., так и в последующие периоды эпохи бронзы. Исследование серий древних индивидов методами палеогенетики открывает принципиально новые возможности для реконструкции популяционно-генетических последствий миграции носителей андроновской культуры на юг Сибири.

В рамках данной работы проведено масштабное исследование локальных групп населения юга Сибири андроновского и постандроновского времени. В качестве основных моделей были выбраны группы населения андроновского времени из Барнаульского Приобья (могильник Фирсово-XIV) и Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1), а также ряд синхронных групп с других территорий (Минусинская и Кузнецкая котловины). Исследование включало анализ разнообразия вариантов митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосомы.

Полученные генетические результаты показали, что андроновская серия из могильника Фирсово-XIV демонстрирует состав генетических вариантов, свойственный мигрантам, в неизменном или незначительно измененном виде. Об этом свидетельствует сильное доминирование западно-евразийских вариантов мтДНК и присутствие вариантов гаплогруппы R1a1 Y-хромосомы, характерных для андроновского населения.

Население андроновского времени, сформировавшее могильник Тартас-1, демонстрирует смешанный состав. В генофонде мтДНК присутствуют как варианты, которые могли быть привнесены в регион носителями андроновской культуры (гаплогруппа T и другие западно-евразийские кластеры), так и восточно-евразийские варианты, привнесенные в генофонд популяции автохтонным населением региона (гаплогруппы A, C, D и другие). Эти результаты коррелируют с наличием на могильнике Тартас-1 синкретичных комплексов, отражающих процессы культурного взаимодействия мигрантов и предшествовавшего им населения Барабы. Следует отметить, что в генофонде мтДНК группы из могильника Тартас-1 существенно доминируют именно компоненты автохтонного происхождения. Полученные к настоящему времени результаты по Y-хромосоме свидетельствуют, что вклад мигрантов в состав мужского генофонда был более существенным. Таким образом, участие женского и мужского компонентов пришлого и автохтонного населения в процессах этнокультурного взаимодействия могло существенно отличаться.

Результаты исследования генофонда мтДНК населения эпохи поздней бронзы свидетельствует об участии в их формировании как пришлых носителей андроновской культуры, так и локальных групп автохтонного доандоновского населения в различном соотношении, что коррелирует с данными археологии и физической антропологии.

И.В. Журбин

Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск

ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ И ГЕОФИЗИКА ПРИ ИССЛЕДОВАНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (бассейн р. Чепцы)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-06-04239а

Современный подход к региональным исследованиям предполагает комплексное использование методов археологии и естественных наук, что обеспечивает широкий территориальный охват и высокую степень достоверности реконструкций при минимально возможных временных и финансовых затратах. Методической основой естественно-научной составляющей таких работ может являться дистанционное зондирование и комплексные геофизические исследования. Это обеспечивает последовательное уточнение информации об археологических памятниках: предварительная оценка границ и структуры (дистанционное зондирование) – восстановление планировки и реконструкция геометрических параметров отдельных объектов (малоглубинная геофизика) – получение материалов для историко-культурных реконструкций (целенаправленные раскопки).

Такой подход был апробирован при исследовании группы средневековых финно-угорских памятников в верхнем и среднем течении р. Чепцы (северная часть Удмуртской Республики). Низковысотная аэросъемка беспилотным летательным аппаратом (БПЛА) самолетного типа была произведена на территории 72 кв. км, на которой расположено 60 археологических памятников IX–XV вв.: 10 городищ (укрепленное поселение), 25 селищ (неукрепленное поселение) и 25 грунтовых могильников. Почти все поселения находятся в зоне активной сельскохозяйственной деятельности. Поэтому сглажены рельефные признаки (даже на городищах система укреплений фиксируется лишь частично), а культурный слой в значительной степени разрушен в результате эрозионных процессов.

Комплекс работ по аэросъемке выполнен специалистами ООО «Финко» (Ижевск). Съемка выполнялась с БПЛА Supercam S350-F при высоте 200 м над средним уровнем рельефа местности. Ортофотоплану поставлен в соответствие набор снимков тепловизионной и мультиспектральной съемки. Контроль фотограмметрической модели местности по 24 контрольным точкам показал, что средние погрешности не превысили 0,05 м в плане и 0,06 м по высоте. Комплексные геофизические исследования на поселениях региона проводятся методами электропрофилеирования и электротомографии (Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск), магниторазведки и георадарной съемки (Лаборатория археологической геофизики, Ростов-на-Дону). В настоящее время изучено 5 городищ (Иднакар, Уччакар, Садейкар, Весьякар, Эбгакар) и 4 селища (Кушманский-II и III, Гординское-I и Озерковское). В большинстве случаев изучена вся территория поселений и прилегающие «фоновые» участки. На всех поселениях геофизические данные подтверждены раскопками. Археологические исследования выполняются сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск). В докладе будут представлены материалы междисциплинарных исследований 4 поселений Кушманского комплекса памятников (Ярский район Удмуртской Республики): Кушманское городище Уччакар, Озерковское, Кушманские-II и III селища.

1. Оптическая съемка поселений и прилегающей территории. Фотограмметрическая обработка данных оптической съемки позволила построить высокоточные топографические планы памятников (М 1:500) в системе координат МСК-18. По ландшафтному распознаванию возможна предварительная оценка границ памятников.

2. Стереοфотограмметрическая обработка снимков и получение цифровой модели местности в виде 3D-облака точек обеспечили возможность выбора оптимального ракурса при просмотре цифровой модели местности (в том числе и с точек наблюдений, недоступных при наземном обследовании – леса, ландшафтные рубежи). Это позволило уточнить границы памятников по рельефным признакам.

3. Тепловизионная съемка фиксирует распределение температуры земной поверхности, что косвенно характеризует особенности структуры и мощности почвенного состава. На изученных поселениях это позволило выявить зоны сохранившегося культурного слоя и участки эрозии. Аналогичная информация получена при многозональной съемке на основе метода фитоиндикации. На изученных памятниках наблюдается хорошее согласие данных многозональной и тепловизионной съемки по расположению и конфигурации участков культурного слоя значительной мощности. Эти особенности в рельефе не выражены.

Следовательно, сравнительный анализ комплекса данных дистанционного зондирования дает представление о возможных границах и внутренней структуре поселений. Это позволяет определить расположение наиболее информативных участков для применения малоглубинной геофизики.

4. Предварительная геофизическая съемка и сравнение с данными дистанционного зондирования. При изучении поселений Кушманского комплекса наибольшая эффективность достигается при последовательном многоуровневом наложении информации: площадное электропрофилерование (основной метод), магниторазведка и георадарная съемка (дополнительные методы), электротомография (уточняющий метод). В общем случае, при электропрофилерации зона высокого удельного сопротивления соответствует участкам мощного культурного слоя. Ее конфигурация согласуется с областью, выявленной на данных многозональной съемки. Очевидно, что малоглубинная геофизика с большей детальностью восстанавливает структуру культурного слоя и позволяет обнаружить объекты планировки на фоне изменения мощности культурного слоя.

5. Уточняющая геофизическая съемка проводится различными методами на ранее локализованных участках. Магниторазведкой охвачены заведомо разноплановые области – участок с мощным культурным слоем, оборонительные сооружения и внешняя территория, прилегающая к поселениям. Отмеченные особенности культурных напластований подтверждаются методом электротомографии. Например, по оси площадки Кушманского-III селища построен геоэлектрический разрез длиной 97,5 м.

6. Целенаправленные археологические раскопки участков геофизических аномалий являются завершающей стадией полевых исследований. С одной стороны, они необходимы для проверки геофизического прогноза и позволяют сформировать набор эталонов аномалий, вызванных различными археологическими объектами. Это необходимо для восстановления планировки поселения по геофизическим данным. С другой стороны, раскопки являются единственно возможным способом для получения археологических материалов, необходимых для историко-культурных реконструкций.

7. Геоинформационная система по археологическим памятникам региона обеспечивает обобщение данных аэрофотосъемки, геофизики и археологических раскопок. По каждому из памятников картографические слои включают рельеф, береговые линии, объекты гидрографии и растительности, дороги, реперные точки, границы полигонов геофизической съемки и раскопок. Тематические слои условно делятся на обобщающие (ортофотопланы, тепловизионные и многозональные снимки) и детализирующие (геофизические карты, археологические разрезы, карты распределения находок).

Таким образом, сравнительный анализ данных дистанционного зондирования, малоглубинной геофизики и раскопок доказал возможность последовательного уточнения информации об археологическом памятнике: оптическая съемка – тепловизионная и многозональная съемка – малоглубинная геофизика – целенаправленные раскопки. Корреляция между данными, полученными различными методами, определяет высокую степень достоверности интерпретации. На каждом этапе происходит существенное сокращение территории обследования: дистанционное зондирование охватывает десятки квадратных километров, малоглубинная геофизика – тысячи квадратных метров, а раскопки – сотни квадратных метров.

А.А. Завойкин, Н.В. Завойкина
Институт археологии РАН, Москва
ИЛЬИЧЕВСКАЯ КРЕПОСТЬ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ В I–II вв. н.э.

В 1960-х – начале 1970-х гг. Н.И. Сокольский исследовал раскопками ряд специфических памятников – крепостей-«батареек» (отчасти также поселений при них), которые располагались главным образом вдоль внешних границ Фонталовского п-ова. По мнению исследователя, этот изолированный район Азиатского Боспора (Сокольский, следуя давней традиции, считал, что в древности это был остров), по крайней мере, со времен царей Асандра и Аспурга представлял собой отдельный административно-территориальный округ – «Остров», которым управлял царский наместник – «наместник острова» (или *нессарх*). Опорными элементами в этой системе были более или менее одновременно построенные крепости. Начало формированию этой системы Сокольский относил еще к концу II – началу I в. до н.э. (например, такой памятник, как «Резиденция Хрисалиска») и связывал с продвижением в этот регион «меото-сарматов» – аспургиан, которые впоследствии оказали поддержку боспорским царям (в том числе в борьбе с римским ставленником Полемоном I) [см.: Сокольский, 1975; 1976, с. 89 сл., 115–117].

С.Ю. Сапрыкин, развивая идеи Сокольского, пришел к нескольким значимым выводам. Он показал, что «аспургане» – понятие не этническое, оно означает сторонников Аспурга, которые обитали главным образом к югу от Фонталовского «острова», между Фанагорией и Горгиипией (как указано Страбоном – XI. 2, 11; XII. 3, 29), в том числе в крепостях. Это были *катойкии* «эллинистического типа» на царской земле, их обитатели, получив надель, обязаны были нести военно-сторожевую службу. Формирование такой системы поселений на Боспоре С.Ю. Сапрыкин аргументированно связывает с деятельностью Митридата VI, перенесшего на Боспор практику организации царских земель в Понтийском царстве, а также его наследников. Считается, что значительную часть гарнизона крепостей составляли выходцы из варварских племен («военно-племенная прослойка меотов и сираков использовалась для укрепления царского землевладения и создания полувоенных поселений» [Сапрыкин, 2010, с. 107–108; 1985]). В любом случае предполагается, что состав населения крепостей был иным, чем в греческих городах Боспора.

Для предметного суждения о населении крепостей-батареек Фонталовского п-ова (а современные исследования в области палеогеографии однозначно доказывают отсутствие протоки, отделявшей его от остальной части Таманского п-ова, в древности большого острова, которым и управлял *нессарх*) имеет смысл проанализировать археологические и эпиграфические материалы одной из крепостей полуострова, которая расположена ближе остальных к переправе через Киммерийский Боспор, – Ильичевской крепости (I–VI вв. н.э.). Значительная, в сравнении с другими аналогичными памятниками, коллекция надписей (главным образом это эпитафии, содержащие имена и, обычно, отчества погребенных) дает редкую возможность – составить представление об этническом составе обитателей этого поселения и не только.

Данные археологии позволяют выделить в истории крепости у переправы два периода: I–II вв. и IV–VI вв. н.э., которые разделены значительной хронологической лакуной. Все известные надписи этого поселения относятся к первому периоду. Значительная часть надгробий попала в кладки стен во время реконструкции крепости уже в поздний период. И этот факт свидетельствует о разрыве культурной традиции в силу того, что происходит смена населения. Новые обитатели крепости максимально полно используют остатки сооружений предшествующего времени (поэтому так мало сохранилось внутри нее от слоя римского времени; с другой стороны, это же объясняет редкую сохранность надгробных памятников.)

Анализ упомянутых в эпиграфических документах имен (34 полных антропонима) показал, что 85,3% населения составляли носители чисто греческих имен, варварских же – 14,7%. В числе последних одно имя (Фарнакион) получило распространение в боспорских городах и поселениях с эпохи Митридата Евпатора; еще четыре (Маса, Эрдзей, Хойдра, Зомфли-?) можно рассматривать как «новые» имена в антропонимии Боспора. Они были привнесены пришлым населением (например, выходцами из сарматского мира) не ранее рубежа эр. Практически все имена жителей Ильичевской крепости, кроме Ἰρζῆς и Ζομφλ[-?], обычны и пользовались популярностью в боспорских городах в первые века н.э.

О социальном положении жителей этого населенного пункта отчасти позволяют судить их полные имена (имя мужчины + отчество; имя женщины + имя мужа). По всей видимости, почти все они обладали свободным социальным статусом (исключение, вероятно, представляет Гигиенонт, имя которого упомянуто без отчества). Необходимо принимать во внимание, что надгробия – это индикатор определенного уровня благосостояния людей, изображенных на их рельефах и упомянутых в эпитафиях. В массе своей это выходцы из среднего социального сегмента общества, обладавшие достаточными средствами на покупку плиты, изготовление рельефа на ней и надписи. Учитывая этот тезис вкуче с фактом выраженного преобладания греческой антропонимии, можно высказать мнение, что в надписях сохранились в основном сведения о верхнем и среднем слоях местного общества.

Особняком стоит находка надписи в 2015 г. Это документ «частного союза» (фиаса), датированный 152/153 г. н.э. [Бонин, Завойкина, 2016; Завойкина 2017; ср. Сапрыкин, 2017]. Он свидетельствует, что местное общество развивалось в духе тех же традиций, которые были характерны в это время для населения, главным образом, относительно крупных городов Боспора, но не только – за их пределами надписи фиасов тоже известны (Зенонов Херсонес, Киммерик, крепость Илурад).

Изучение изображений на рельефах надгробных стел показывает, что все их сюжеты («загробная трапеза», «загробный выезд», «богиня на троне», «богиня в позе печали» и пр.) не выходят за рамки традиционных и находят полное соответствие в надгробных памятниках городов и других поселений Боспорского царства.

Таким образом, по своему этническому составу и культурным традициям население Ильичевской крепости I–II вв. н.э. ничем не выделяется на фоне боспорского общества в целом, как, казалось бы, можно было ожидать. Изучение конкретных материалов одной крепости, конечно, не следует без оглядки интерполировать на всю совокупность аналогичных памятников. Однако полученные наблюдения и выводы могут послужить основанием для дальнейшей корректировки концепций, которые сложились в нашей науке ранее.

Библиографический список

Бонин А.В., Завойкина Н.В. Новая надпись из раскопок Ильичевского городища // Древности Боспора.– 2016. – Т. 20.

Завойкина Н.В. Еще раз о новой надписи с Ильичевского городища // Древности Боспора.– 2017. – Т. 21 (в печати).

Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. – 1985. – №2.

Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский период // Античное наследие Кубани / под ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – Т. II. – М., 2010.

Сапрыкин С.Ю. К прочтению новой надписи из Ильичевского городища // Древности Боспора. – 2017. – Т. 21 (в печати).

Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. – 1975. – Вып. 143.

Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. – М., 1976.

В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова
Институт археологии РАН, Москва
КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ В СКИФИИ

Особое значение в истории развития железообрабатывающего производства Северной Евразии занимает скифский период. Именно тогда железо начинает входить в повседневный обиход местного населения. Значимость скифской эпохе придает и тот факт, что в это время происходит становление первого государственного образования на территории Восточной Европы – Скифского царства. Отражением этого процесса является появление ремесленных центров на территории степной Скифии.

В архаичный период, по мнению исследователей, изделия из металла поступали к скифам, главным образом, из поселений скифоидных племен Лесостепи. Переход кочевого степного населения к оседлости сыграл существенную роль в контексте общей истории развития железообрабатывающего производства. Изучение материалов этого периода позволяет выяснить, каким образом происходило становление железообработки у кочевых племен, не имевших опыта работы с металлом. Надежным и объективным инструментом для решения этой проблемы является археометаллографический метод исследования, позволяющий говорить о технологии производства.

Наиболее ярким центром в степной Скифии является Каменское городище. Среди артефактов, обнаруженных на памятнике, значительную часть составляют находки, связанные с металлургическим и кузнечным производством: куски железной руды, железные шлаки, фрагменты кричного железа, обломки стенок глиняных горнов с отверстиями для сопел, кузнечный инструментарий (зубила, пробойники), полуфабрикаты и заготовки [Граков, 1954, с. 115, 124]. Это позволило Б.Н. Гракову [1954, с. 123] сделать вывод о том, что «Каменское городище явно было постоянным поселением оседлых мастеров-металлургов в этой стране скифов-кочевников».

Первым, кто использовал результаты металлографического анализа кузнечных артефактов из скифских памятников, был Б.А. Шрамко, который в соавторстве с металоведами Л.А. Солнцевым и Л.Д. Фоминым опубликовал целую серию статей, посвященных железообработке в Скифии [Шрамко и др., 1963; 1986]. Исследователи пришли к выводу, что изделия из Каменского городища изготовлены по простым технологическим схемам без использования приемов по улучшению механических свойств железа (цементация и термообработка). Принципиальным является вывод об отсутствии среди кузнечных артефактов из Каменского городища такого высокоразвитого приема, как термическая обработка. Результаты аналитических данных позволили авторам присоединиться к мнению Б.Н. Гракова о том, что мастера Каменского городища не обладали достаточным знанием в области обработки железа и изготавливали технологически простые изделия [Шрамко и др., 1986, с. 168].

Позднее к материалам Каменского городища и его окружи из раскопок Н.А. Гаврилюк 1993–1999 гг. обращался киевский исследователь Д.П. Недопако [2005], который, в отличие от приведенных Б.А. Шрамко данных, обнаружил ряд предметов, изготовленных по сложным для раннего железного века технологиям (ковка изделий из цементованной стали, термообработка).

Учитывая разногласия в интерпретации аналитических данных и исключительную важность материалов крупного ремесленного центра скифского мира, мы решили вновь обратиться к материалам этого памятника. Всего было исследовано 39 предметов: ножи (21 экз.), серпы (2 экз.), шилья (3 экз.), иглы (1 экз.), долота (3 экз.), пробойник (1 экз.), неопределимые фрагменты (8 экз.). Изделия происходят из раскопа IX, культурный слой которого датируется Б.Н. Граковым серединой IV – III в. до н.э. [1954, с. 229].

Полученные нами данные археометаллографического анализа привели к совершенно иному по сравнению с мнением Б.А. Шрамко выводу о технологии железопроизводства на Каменском городище. В частности, обнаружено, что большинство изделий изготовлено с использованием высокоразвитых для раннего железного века технологий, а именно, широкого применения специально полученной цементованной стали и разнообразных видов термической обработки. Следует отметить, что в группе такой технологически информативной категории, как ножи присутствовали только стальные орудия. Причем более половины ножей изготовлено с использованием цементации либо заготовки, либо готового изделия. Половина ножей была подвергнута термообработке: закалке с последующим отпуском или самоотпуском, нормализации. Расхождения с технологическими характеристиками, полученными группой Б.А. Шрамко, возможно, объясняются разной представительностью, как количественной, так и качественной, исследованных коллекций.

С технологической точки зрения есть все основания рассматривать Каменское городище как крупный железообрабатывающий центр, производящий высококачественную продукцию. Это побудило обратиться к поиску истоков технологических знаний. Прежде всего необходимо отметить, что в материалах лесостепной Скифии в VI в. до н.э. отмечены все те высокотехнологичные приемы обработки черного металла, которые мы фиксируем на Каменском городище [Шрамко, 1994, с. 54]. Есть основание связывать появление этих приемов с инфильтрацией сюда части населения из областей Северного Кавказа. Именно там подобные технологии были широко распространены уже в VIII в. до н.э. [Вознесенская, 1975; Терехова, 2015].

Пока невозможно однозначно ответить на вопрос, были ли кузнецы Каменского городища выходцами из лесостепных центров или непосредственно с Северного Кавказа. Но остается несомненным тот факт, что кузнечные изделия Каменского городища выполнены в кавказских производственных традициях.

Предположение о том, что высокотехнологичные изделия Каменского городища могли быть импортной продукцией, опровергается их массовостью. Трудно представить, что в постоянно действующем железообрабатывающем центре значительную часть продукции составляли импортные изделия.

Археометаллографические материалы позволяют понять процесс формирования ремесла у кочевых народов в период перехода к оседлому образу жизни. Ключевую роль при этом играют контакты номадов с носителями технологических знаний.

Библиографический список

Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. – М., 1975.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днестре // МИА. – №36. – М., 1954.

Недопако Д.П. Технологічні дослідження залізних виробів зі скіфського Кам'янського городища // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. – Запоріжжя, 2005.

Терехова Н.Н. Железные изделия из Ульских курганов в контексте кузнечного ремесла скифской эпохи // А.И. Иванчик, А.М. Лесков. Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. – М. ; Берлин ; Бордо, 2015.

Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. – 1963. – №4.

Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. – 1986. – №2.

Шрамко И.Б. Развитие кузнечного ремесла у племени бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности-1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 1994.

Е.П. Загваздин

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск

ГРАНИЦА АБАЛАКСКОГО ПОГОСТА В XVII в.

Первые крупномасштабные археологические исследования в Абалакском Свято-Знаменском мужском монастыре начались в 2007 г. и продолжались с перерывами до 2010 г. включительно. За это время был изучен разносторонний материал, относящийся к истории становления монастырского комплекса [Данилов, 2012; Загваздин, 2015], ставшего неотъемлемой частью Абалакского археологического микрорайона [Данилов, Турова, 2016].

В последние годы назрела необходимость дополнить данные, связанные с границами Абалакского погоста. Ранее изучено, что его конфигурацию в общих чертах маркируют находки погребений у храмов и внутри них. В целом, границы кладбища выявляются условно и требуют уточнения [Данилов, 2012, с. 159–160]. Более точные сведения о западной границе погоста были получены при раскопках в 2010 г., но материал еще не получил должного освещения.

Культурный слой у ограды исследован двумя небольшими раскопами. Первый раскоп разбит напротив Свято-Знаменского собора, второй – с южной стороны церкви – колокольни во имя преподобной Марии Египетской. Раскопы расположены на одной линии вдоль каменной ограды, в 32 м друг от друга.

При раскопках изучены подпрямоугольные ямы с вертикально стоящими бревнами. Ямы выкопаны в материковом суглинке. Их заполнение – мешаный желто-серый суглинок. В заполнении не содержится следов строительной деятельности, таких как битый кирпич и известь. Эта интересная деталь свидетельствует о том, что исследованный горизонт относится ко времени до начала каменного строительства на Абалакском погосте. Известно, что на его территории первым храмом из камня стал Свято-Знаменский собор (1683–1691).

Интересная аналогия, отражающая схожую строительную ситуацию, прослежена в Тобольском кремле. В кремле ранний суглинистый слой с находками конца XVI – XVII в. перекрыт строительным горизонтом конца XVII – начала XVIII в. [Балюнов, 2015, с. 16–17; Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с. 58].

В монастыре наиболее четкое стратиграфическое деление раннего слоя прослеживается в первом раскопе у Свято-Знаменского собора. В раскопе изучен и ровик с вертикальными стенками. Его размер $2,5 \times 0,38-0,46 \times 0,48$ м. Судя по схожему заполнению со столбовой ямой, характеру расположения, он выкопан практически одновременно с ней. Заполнение ровика перекрыто строительным мусором. Перекрывающий его слой битого кирпича и извести довольно мощный. Нижняя часть строительного слоя уверенно соотносится со временем возведения собора.

Учитывая первые упоминания о селе Абалак [Данилов, 2012, с. 159], датировать ямы, ровик и соотносящийся с ними культурный слой представляется возможным 20–80-ми гг. XVII в. Других датирующих находок не обнаружено.

В обоих раскопах восточнее столбовых ям документированы погребения. Это, в свою очередь, указывает на то, что обнаруженные столбовые ямки являются частью ограды Абалакского погоста.

Таким образом, выяснено, что Абалакский погост в XVII в. был огорожен. Для ориентира отметим, что западная граница погоста от линии действующей каменной ограды отступала к востоку на 3,5–4,5 м. По остальным сторонам света точные данные о границах кладбища отсутствуют.

Библиографический список

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск : археологический очерк. – Тобольск, 2008.

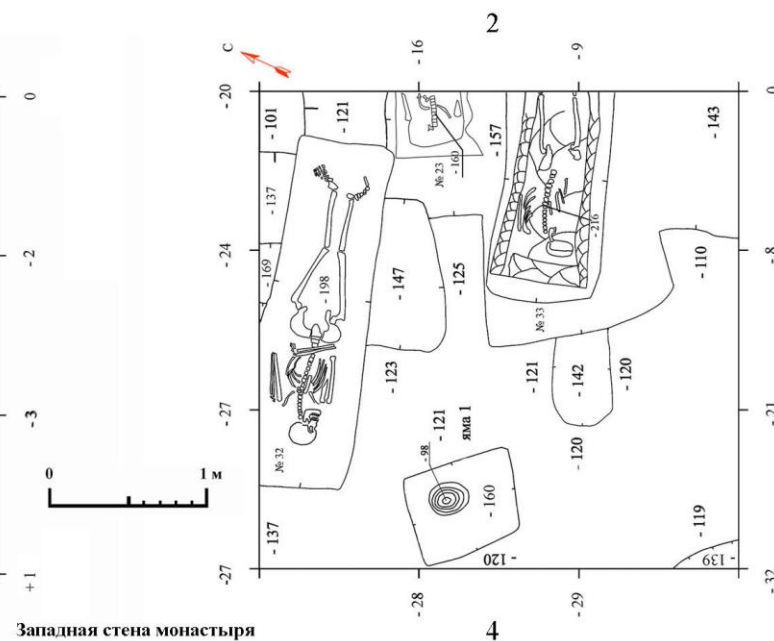
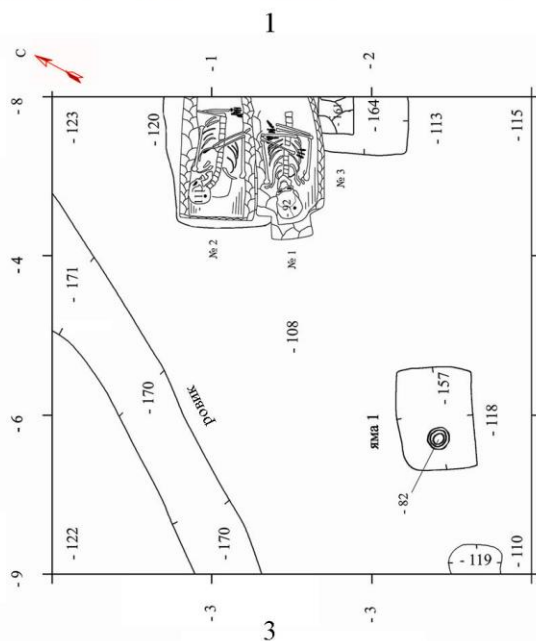
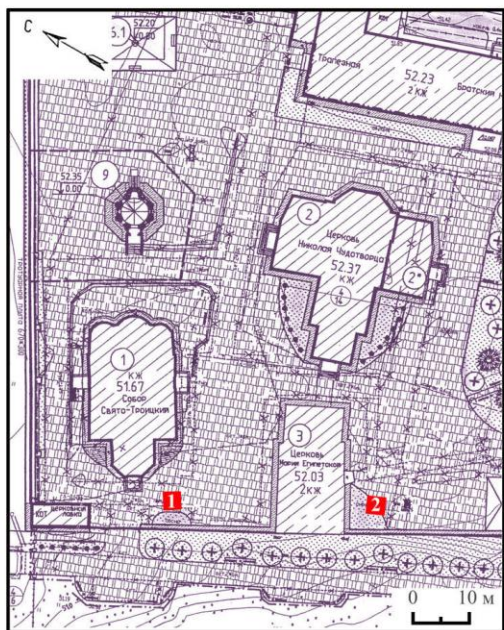

Балюнов И.В. О значении археологических источников для изучения ранней истории города Тобольска (конец XVI – XVII веков) // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в средневековье и в настоящее время. – Вып. 1. – Нижневартовск, 2015.

Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII веков в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследования // Вестник Новосибирского государственного университета. – Т. 11. – Вып. 7.

Данилов П.Г., Турова Н.П. Абалакский археологический микрорайон Тобольского Прииртышья. Предварительная характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – №7(69). – Ч. 2.

Загваздин Е.П. Церковь преподобной Марии Египетской Абалакского монастыря Тобольского района Тюменской области в свете археологических исследований // Баландинские чтения. – Новосибирск, 2015. – Т. X. – Ч. 1.

Абалакский Свято-Знаменский мужской монастырь (1 – обзорный план работ; 2 – раскоп 1, вид с востока; 3 – план раскопа 1; 4 – план раскопа 2)

О.Н. Загородняя
Институт археологии НАН Украины, Киев
ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРУДИЙ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА
БЕРЕЖНОВСКО-МАЕВСКОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Горное дело и металлургия в эпоху палеометалла определяли генеральную линию технического прогресса, направления культурно-экономических связей и уровень социального развития древних обществ. В технологическом плане металлопроизводство предполагает ряд последовательных этапов: добычу руды, ее обогащение, металлургию и металлообработку. Археологические источники свидетельствуют, что в тех или иных сообществах могли быть сосредоточены как все технологические процессы, так и лишь отдельные из них. В частности, долгое время считалось, что металлообработка Причерноморья существовала исключительно за счет привозного сырья. Впрочем, В.П. Шилов и Е.Н. Черных предполагали добычу донецкой меди, и, в конце концов, рудники позднебронзового века на Донском кряже были найдены [Татаринев, 1975].

С тех пор появилась проблема функциональной типологии металлопроизводственных орудий и приспособлений из горных пород, кости и керамики, которые сейчас относят к бережновско-маевской срубной культуре (БМСК). Исследование проблемы на основе больших коллекций материалов и современных методов функционального анализа до недавнего времени не проводилось. Оно активизировалось на фоне изучения Картамышского археологического микрорайона (КАМ) с его подземными и открытыми рудниками, участками сортировки и обогащения руды, поселениями [Бровендер, 2012]. В 2001–2010 гг. совместной украинско-российской экспедицией Института археологии НАН Украины, Донбасского государственного технического университета и Воронежского государственного университета на территории Картамышского рудопроявления осуществлялись стационарные полевые работы. Общая исследованная площадь – 1290 кв. м.

Коллекция артефактов из раскопок памятников КАМ (техногенного участка рудника Червонэ озеро-1, поселений Червонэ озеро-1, 3) составляет 1091 единиц. Из них 926 – целые или фрагменты (для 811 – установлена функциональная принадлежность, 115 – установлены признаки обработки или износа) орудий, приспособлений, принадлежностей, утвари, фурнитуры, оружия и других изделий. Основным сырьем для их изготовления являлся камень (597 экз.) и кость (484 экз.). Единичные экземпляры – изделия из глины (10 экз.). Используются сравнительные материалы других рудников и поселений Донецкого кряжа (Пилипчатино, Клиновое, Вискривка, Медная Руда).

Благодаря применению методов структурно-сырьевого, технологического и функционального анализа разработана функциональная и морфологическая типология артефактов из горных пород, кости и керамики, обслуживавших металлопроизводство. Среди них выделены функциональные группы: горнодобывающая (мотыги, кайла, молоты) (рис.-1–6), горно-обогащительная (песты-терочники, рудодробильные/рудотерочные плиты, орудия из кости) (рис.-7–14), металлургическая (совок), металлообрабатывающая (литейные формы, молотки, наковальни, абразивы, скребок) (рис.-15–20).

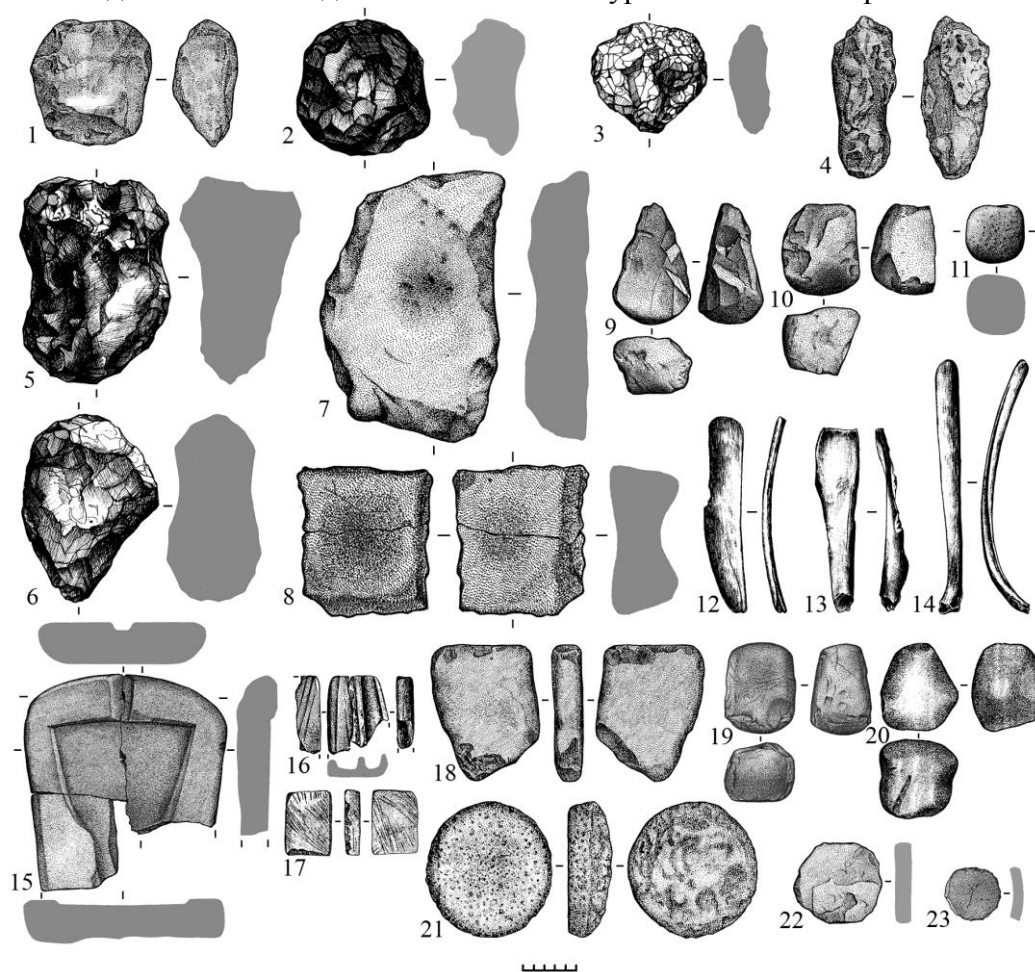
Каменные орудия для добычи, обогащения руды и металлообработки из Картамышя и других известных евразийских древних рудниках в целом похожи. Источниками сырья для них были окатанные гальки и желваки, как модифицированные, так и немодифицированные. Различия можно констатировать лишь на уровне совокупности различных типов инструментов. Был выделен новый функциональный тип костяных орудий из ребер, лопаток, трубчатых костей, используемых для перемешивания руды в процессе гравитационного обогащения (рис.-12–14) [Загородняя, 2014]. До настоящего времени их умышленно относили к кожевенным из-за сходства ребер-заготовок.

Следы на артефактах идентифицированы в сравнении с экспериментальными орудиями, задействованными в процессе сухого обогащения, гравитации, металлообработки.

В итоге получена база эталонов макро- и микрофотографий следов на артефактах и экспериментальных орудиях с известными функциями.

На примере памятников КАМ осуществлена реконструкция процесса металлопроизводства БМСК. Исследованное оснащение представляет все технологические процессы металлопроизводства от добычи руды до изготовления и обработки готовых изделий. Оно выявляет особенности распространения, совокупности и концентрации, что является непосредственным подтверждением функционирования на Донецком кряже горно-металлургического центра с признаками распределения компонентов отрасли между общинами носителей БМСК. Речь идет о рудниках и производственных местах (рудники Червонэ озеро, Вискривка, Клиновое, Медная руда, Пилипчатино, техногенный участок рудника Червонэ озеро-1), поселениях вблизи рудников с остатками всех этапов металлопроизводства (Червонэ озеро-1, 3, Клиновое-1, 2, Пилипчатино-1, 2, Вискривка) и поселениях с единичными свидетельствами металлургии и металлообработки.

Орудия металлопроизводства и изделия из памятников Картамышского археологического микрорайона

Библиографический список

Бровендер Ю.М. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: мат-ли III Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012.

Загородня О.М. Про призначення однієї з категорії кістяних знарядь Картамишу // Археологія. – 2014. – №1.

Татаринов С.И. К вопросу о существовании в Северном Причерноморье горно-металлургического центра во II-I тыс. до н.э. // 150 лет Одесскому государственному археологическому музею. – Киев, 1975.

А.Л. Заика

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск
АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

По современному состоянию источников антропоморфные личины неравномерно распространяются в наскальном искусстве Северной и Центральной Азии. Основные ареалы: Нижний Амур, Ангара, Верхняя Лена, Средний Енисей, Нижнее Притомье, Горный Алтай, Верхний Енисей, Северный и Восточный Китай [Дэвлет, 1997, с. 240–250].

В Северо-Азиатском регионе наивысшая концентрация личин наблюдается на Среднем Енисее, встречаются они как, собственно, на скалах, так и на стелах и изваяниях. Соотносятся они с окуневской изобразительной традицией эпохи ранней бронзы. Большинство личин имеют округлый контур, в меньшей степени внешний абрис отсутствует, реже встречаются сердцевидные личины [Заика, 2013а]. Подчетыреугольный контур у личин зафиксирован в единичных случаях. Вертикальное членение внутреннего контура – явление редкое, горизонтальное деление личин имеет большее распространение, для большинства образов характерно комбинированное сочетание данных вариантов «татуировки». Для неоконтуренных личин характерны горизонтальные линии «татуировки». Из всего многообразия внешнего оформления можно выделить два основных мотива: «рога» и вертикальный «отросток» (прямой или извилистый), радиально расходящиеся лучи. Встречаются вариации: сочетание данных мотивов в одном образе; только «рога»; только «отросток». У неоконтуренных личин, как правило, внешние детали отсутствуют (исключение составляют: первый вариант черновской группы изображений (по: [Савинов, 2006, рис. 8]), некоторые личины джойского типа).

В результате последних исследований выявлен представительный комплекс личин на скалах Нижнего Притомья. В равной степени встречаются округлые и сердцевидные лики, реже, как вариация последних – череповидные. Внешнее оформление – «лучи», в единичных случаях личины увенчаны «рогами». Пока только у одной сердцевидной личины зафиксирована горизонтальная линия «татуировки». По поводу датировки образов существуют различные мнения: неолит, эпоха бронза, ранний железный век. На Алтае личины зафиксированы как на скалах (Калбак-Таш, Озерное), так и на могильных плитах (Каракол, Озерное). Представлены образы с округлым контуром, реже – с подчетыреугольным, у одной личины зафиксирован сердцевидный прогиб. Внешний антураж – «лучи»/«перья»; пара рог/«ушей»; петлеvidный контур. Внутреннее деление контура – горизонтальное, вертикальное, в единичных случаях – комбинированное. Соотносятся личины с каракольской культурой ранней бронзы. На Верхнем Енисее преобладают личины с округлым контуром, увенчанные двумя «рогами» и вертикальной линией с кольцом или пятном на конце – «антенна». Преобладает вертикальный принцип «татуировки», редко – горизонтальный, чаще – комбинированный. Датировка основного комплекса изображений – эпоха бронзы [Дэвлет, 1997, с. 241].

На Ангаре основной комплекс изображений в виде личин и масок-личин антропоморфных фигур сконцентрирован в нижнем течении реки, единичные образы зафиксированы на остальных участках. Личины встречаются на скалах, реже – на прибрежных валунах, у них, как правило, сердцевидный контур, реже и в равной степени – округлый, параболоидный и ромбовидный. Доминирует вертикальный вариант «татуировки», реже – горизонтальный и комбинированный. Внешнее оформление имеет вид древовидного «отростка», реже встречается головной убор в виде парных или тройных «рожек», вертикальной линии, «солнцеголовость» – единична. Большинство личин датируется эпохой неолита – ранней бронзы, другие наносились на скалы вплоть до начала I тыс. н.э. [Заика, 2013б]. В бассейне верхней Лены личины фиксируются разрозненно на широкой территории, группы их представлены на писаницах Шишкинской, Тальма, Токко, Мая. Это, как правило, маски с округлым и параболоидным контуром у профильных, фас-профильных антропоморфных персонажей, «идольчиков». Внешнее оформление: «лучи»,

«рожки», внутреннее – горизонтальное, комбинированное. У многих ликов «татуировка» не прослеживается. Датируются поздним неолитом – эпохой бронзы [Кочмар, 1994, с. 140–142]. Большинство нижнеамурских личин зафиксировано на прибрежных валунах Сикачи-Аляна, встречаются они и на скалах в низовьях р. Уссури (Шереметьево). У них череповидный, сердцевидный и округлый контуры. Много личин неоконтуренных («трехточечных»). Внутреннее оформление характеризуется высокой степенью вариативности, вместе с тем можно отметить преобладание горизонтального и комбинированного мотивов. Внешние детали, напротив, если и присутствуют, то имеют вид «лучей», реже – вертикального «отростка» или «рожек». Датировка большинства личин – эпоха неолита [Окладников, 1971].

В Центрально-Азиатском регионе многочисленные личины зафиксированы в Северном Китае (северная излучина р. Хуанхэ в провинциях Нинся и Внутренняя Монголия). Они отличаются многообразием форм, перегруженностью деталей внутреннего и внешнего оформления. Помимо обозначенных выше абрисов образов, выделяется группа личин с необычным «каплевидным» контуром. Сложно выделить какой-либо определенный мотив «татуировки». Предварительно для большинства личин можно констатировать комбинированный вариант внутреннего оформления образов. Внешний антураж: «лучи», вертикальный «отросток», боковые «рожки». В редких случаях они дополняют антропоморфные фигуры. На сопредельной территории Внешней Монголии личины – редкий сюжет петроглифов. Присутствуют единичные образы с трапециевидным контуром и выступами рогов/ушей, ромбовидные маски у антропоморфных фигур в Чулуутских петроглифах. Датируются изображения эпохой энеолита [Новгородова, 1989]. В Восточном Китае выделяются два центра распространения личин: писаница Цзянцзюнья в провинции Цзянсу и петроглифы Чифэна в долине реки Западная Ляохэ, (провинция Хэйлунцзян). Датируются петроглифы соответственно: 9000 – 4500–4300 л.н. [Тан, Мэй, 2008, с. 22] и 7000–4000 л.н. [Sun, 2015]. По своим характеристикам они созвучны личинам Северного Китая, но образы с каплевидным контуром в петроглифах не прослеживаются.

Предварительно по результатам данного обзора можно сделать вывод о синхронном сосуществовании в петроглифах регионов изобразительной традиции в виде антропоморфных личин в период неолита – бронзы. Для большинства образов характерны округлый контур, горизонтальный и комбинированный принципы «татуировки». Внешнее оформление отсутствует или имеет вид «лучей», «рогов»/«ушей», вертикального «отростка». Необходимо отметить, что некоторые категории личин имеют прямое графическое сходство в различных частях Северной и Центральной Азии, что актуализирует вопросы выявления межкультурных контактов древнего населения Азии в обозначенный период.

Библиографический список

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997.

Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. – Красноярск, 2013б.

Заика А.Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013а. – №1(5).

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск, 1994.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л., 1971.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. – СПб., 2006.

Тан Хуэйшэн, Мэй Явэнь. Датировка и смежные вопросы по петроглифам Цзянцзюнья // Восточно-южная культура. – 2008. – №2 (на китайском языке).

Sun Xiao-yong. Exploration on Archaeological Dates of the Human – face Rock Paintings in West Niute Banner of Chifeng City in Inner Mongolia // Journal of Northwest University (Philosophy and Social Science Edition). – 2015. – Vol. 45. – No. 3.

Зайков В.В.^{1,2}, Гергова Д.³, Зайкова Е.В.¹
¹Институт минералогии УрО РАН, Миасс;
²Южно-Уральский государственный университет, Челябинск;
³Институт археологии с музеем Болгарской АН, София, Болгария
СОСТАВ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (Западная Фракия и Фанагория)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-05-00311)

Исследования проведены по коллекциям Института археологии Болгарской академии наук, Института археологии РАН и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва). По фракийским материалам совместно с П. Боневым изучен состав золота из трех кладов: Вылчитрынского (IX – начало VIII в. до н.э.), Требенищенского (VI – начало V в. до н.э.) и Могиланского (IV в. до н.э.). Работа по фанагорийским материалам (IV–III вв. до н.э.) выполнена совместно с М.Ю. Трейстером. Для исследования состава были применены рентгеноспектральный анализатор INNOV-X α-4000 (Институт минералогии УрО РАН, аналитик П.В. Хворов) и масс-спектрометр X7 (Termo Scientific, Институт неорганической химии, Университет Лейбница (Ганновер, Германия, аналитик Д. Фелленгер). Данный масс-спектрометр позволил определить методом LA-ICP-MS 15 элементов с точностью 1 ppm.

По особенностям состава артефактов выделены три типа золота, которые в большинстве случаев характеризуются следующими содержаниями (мас. %): самородное (соответствует золоту природных месторождений: Au 96–60%, Ag 4–36, Cu менее 2%), легированное (Au+Ag менее 96%, примесь меди более 2%), рафинированное (Au+Ag+Cu более 97%).

Вылчитрынский клад состоит из 13 различных по форме и размерам металлических сосудов. Наиболее крупный сосуд весит 4,5 кг, имеет вид широкой вазы (20 × 40 см) с двумя ручками. Толщина его стенок – 2–3 мм. Состав металла всех элементов сосуда, включая и ручки, близок (мас. %): Au 90–91; Ag 8–9%. Четыре сосуда в виде чаш выполнены из листового золота и имеют аналогичный состав: Au 91–92; Ag 8%. Золотые диски с серебряным орнаментом имеют диаметр 35–40 см и украшены навершиями в форме булавы высотой 10–12 см и серебряными каймами. Состав металла этих изделий более разнообразен. Одни из них аналогичны по составу сосудам (%): Au 88–90; Ag 10–11 при десятых долях процента меди и олова. Два диска различаются немного по содержанию золота: Au 85 и 80%.

Особенно интересно сложное изделие, состоящее из трех сосудов близкой к овалу формы размером 5 × 10 см, которые соединены боковыми и нижними трубками. Состав сосудов (мас. %): Au 69–70; Ag 27–29; Cu 1,2–1,6; Sn 0–0,8. Боковые трубки имеют состав (мас. %): Au 30–34; Ag 59–66; Cu 2–6; Sn 1,2–1,7. Близкий состав имеют нижние трубки, однако в них не обнаружено олово. В анализах припоя отмечено повышенное содержание меди (13–21%), олова (0,8–1,2%) и цинка (0,5%). Возобладало мнение, что трилистник является ритуальным священным сосудом.

По кладу из *Требенища* проанализировано 24 различных предмета. Большинство из них сделаны из золотой фольги: маски, перчатка, пектораль, сандалии, изображения цветков, звезд, птиц, коней. Представлены также серебряные сосуды, скальпель, кольца и бронзовые шлемы с золотыми накладками. Золотые маски и перчатка выполнены из электрума и низкопробного золота с содержаниями (мас. %): Au 59–69; Ag 30–38; Cu 0,5–2; Sn 0,7–1,1. Близок к этому состав фольги сандалий: Au 66–69; Ag 28–30; Cu 0,8–3; Fe 0,7–1. Пектораль (18–19) сделана из фольги средней пробы (мас. %): Au 73; Ag 25–26; Cu 0,5; Sn 0,6. Цветок, звезда, птица имеют близкий с пекторалью состав (мас. %): Au 69–72; Ag 26–29; Cu 0,5–1,0; Fe 1; Sn 0,6. Фольга существенно отличается по составу (мас. %): Au 36–49; Ag 50–65; Cu 0,4; Sn 1; Fe 1.

По сравнению с рассмотренными изделиями большинство предметов Вылчитрынского клада сделано из более высокопробного золота. Таким образом, полученные данные показывают разные источники металла для изделий из двух археологических памятников, а также сходство состава сандалий из Требенища и трилистника из Вылчитрынского клада.

Могиланский клад найден в надгробном кургане. Центральное место в раскопе занимает захоронение молодой хрупкой женщины ростом 150 см, названной «Фракийской принцессой». Рядом с ней найдены золотые кувшинчики и украшения редкой красоты. В первую очередь, это золотой венец, похожий на лавровую ветвь. Золото исключительно высокопробное, содержание близко к 100%. В ушах похороненной были великолепные серьги, состоящие из плоского диска с розетками и прикрепленными к нему крылатыми сфинксами и декоративными подвесками.

Фанагория – крупнейший памятник археологии мирового значения на Таманском полуострове. Основанный в VI в. до н.э. греческими переселенцами, город долгое время был азиатской столицей эллинистического Боспорского царства, просуществовавшего до VI в. н.э. В Южном некрополе в кургане «Сенной 231» в бронзовой гидрии был обнаружен фрагментированный золотой венок (погребение №5 кургана/2003). Возрастному диапазону исследованных фракийских предметов соответствуют погребальный венок (курган Сенной 231), серьги, ожерелье, бусы, перстни [Зайков и др., 2015].

Важной особенностью состава золотого венка является присутствие зерен осмия и других платиноидов. Микровключения установлены в листочках (кат. №138). Всего зафиксировано 15 зерен, которые не могли быть удалены древними ювелирами при подготовке металла для плавления ввиду исключительно малых размеров. Большинство из микровключений имеют размер 3–10 мкм, округлую или сглаженную морфологию. Описанная форма объясняется окатыванием при речном переносе. Изученные зерна отличаются по составу, большинство их относятся к рутению и осмию. Практически во всех этих зернах присутствует платина в количестве 0,5–3,1%.

Золотоносные геологические структуры, маркируемые осмием, вмещают тела глубинных пород с платиновой минерализацией, а также золотыми и хромитовыми рудами. Такие зоны принято называть гипербазитовыми поясами. Ближайший к Фанагории пояс протянулся на две сотни километров вдоль Северного Кавказа. Он именуется зоной Передового хребта и включает тела гипербазитов площадью несколько кв. км и платиноносные породы. К югу от Кавказа гипербазиты отмечены в Закавказье в Севано-Акеринской зоне. Их продолжением на запад являются гипербазитовые пояса Турции, Кипра и Греции, а на восток – Ирана и Омана.

Сравним состав включений осмия в золотых изделиях из Фанагории с осмием в составе находок из других археологических памятников близкого времени. Из диаграммы Os-Ir-Ru следует наиболее полное совпадение полей фигуративных точек по находкам в Фанагории и составов изделий древней Лидии и Ионии (VI–IV вв. до н.э.).

Выводы

Сравнение состава изделий из фракийских и фанагорийских захоронений показало, что в IV в. до н.э. использовался преимущественно рафинированный металл.

Выявление в венке из Фанагории микровключений платиноидов позволяет предположить, что аналогичные минералы будут обнаружены и во фракийских предметах, в первую очередь в золотых венках и масках.

Библиографический список

Зайков В.В., Трейстер М.Ю., Зайкова Е.В., Хворов П.В., Котляров В.А. Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории // Золото Фанагории : материалы по археологии и истории Фанагории / ред. М.Ю. Трейстер. – Вып. 2. – М., 2015.

В.В. Зайков^{1,2}, А.Д. Таиров²

¹Институт минералогии УрО РАН, Миасс;

²Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

ЗОЛОТО И ПЛАТИНОИДЫ В ИЗДЕЛИЯХ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И РУД
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Выполнены аналитические исследования и проведено сравнение состава благородных металлов в археологических памятниках трех крупных регионов Центральной Евразии: Алтае-Саянского, Казахстанского, Уральского [Зайков и др., 2016]. В хронологическом отношении охвачены бронзовый и ранний железный века. При сравнении составов природных и археологических объектов применены гистограммы составов золота. Они позволили наглядно выявить особенности минералов коренных и россыпных месторождений в сопоставлении с золотом древних изделий. По особенностям состава артефактов выделены три типа золота, которые в большинстве случаев характеризуются следующими содержаниями (мас. %): самородное (соответствует золоту природных месторождений: Au 96–60%, Ag 4–36, Cu менее 2%), легированное (Au+Ag менее 96%, примесь меди более 2%), рафинированное (Au+Ag+Cu более 97%). Порог в 2% для самородного золота определен при исследовании состава минералов 79 месторождений и 26 россыпных зон, вмещающих 112 россыпей. В этих объектах содержания меди находятся в пределах 0–1,9%. Рафинированное золото имеет пробность выше 970‰ и редко находит аналоги в природном материале.

Золото коренных месторождений. Проведено сопоставление состава золота из коренных месторождений трех регионов разной формационной принадлежности. Общими для всех исследованных территорий являются золото-кварцевые, золото-сульфидно-кварцевые, золото-скарновые, золото-порфиновые залежи. Алтае-Саянскому региону наряду с перечисленными свойственны серебро-медно-кобальтовые, а Казахстану – золото-сульфидно-углеродистые месторождения. Особенностью Урала являются золото-сульфидные и золото-лиственитовые рудные тела.

Золото россыпных месторождений. Для Алтае-Саянского региона общий диапазон пробности охватывает интервал 820–960‰ при четко выраженной моде 880–920‰. На состав россыпных месторождений не оказывают существенного влияния низкопробное золото из зон окисления колчеданно-полиметаллических месторождений.

Сопоставление состава изделий бронзового и раннего железного веков. Главное отличие заключается в пробности: золото эпохи бронзы низкопробное, золото раннего железного века – повышенной пробности. Это четко видно по гистограммам состава золота из археологических памятников Казахстана и Урала, в которых основная часть изделий эпохи бронзы имеет пробность 580–780‰, а раннего железа – 840–980‰. В Алтае-Саянском регионе ситуация несколько сглажена. Для изделий бронзового века основной массив анализов укладывается в интервал 580–850‰. При этом четкая мода заключена в диапазоне 680–720‰. Незначительная часть анализов охватывает интервал 900–1000‰. Для части памятников раннего железного века ситуация аналогична.

При решении вопроса о хронологических отличиях памятников проведено сравнение состава золота конкретных курганов. Оказалось, что выделяются локальные группы, отличающиеся по составу металла. На Алтае примерами являются памятники Чинетского археологического района, для которого характерно золото с пробностью 600–750‰. Им аналогична часть памятников плато Укок, в котором пробность золотых изделий 540–700‰, хотя близ расположенный курган Яломан отличается повышенной пробностью (740–840‰). Близкие для него значения свойственны памятнику Бугры,

расположенному в 500 км северо-западнее. Причиной может быть использование разных источников золота для ювелиров разного времени. Об этом свидетельствует датировка памятника Яломан – II в. до н.э. – I в. н.э.

В Казахстане состав золота в курганах, по которым получено достаточное число анализов, также отличается. Курган Иссык (IV в. до н.э.) характеризуется преобладающим составом 660–760‰, а более ранний могильник Талды-2 (VII–VI вв. до н.э.) – 780–940‰. Наряду с этим установлено сходство золота близких по времени уральских (Филипповка-I) и западно-казахстанских (Таксай-I) памятников: 840–960‰. Приведенные данные показывают действенность гистограмм для сравнения составов золотых изделий.

Микровключения платиноидов в древних золотых изделиях. Установлено широкое распространение микровключений платиноидов в золотых изделиях Уральского региона. На основании геологических материалов показано, что их источниками являются россыпи, связанные с массивами гипербазитов. Сделанное в начальный период изучения золотых изделий из археологических памятников заключение, что аналогичные находки будут сделаны в Алтае-Саянской области, подтвердилось последующими работами. Платиноиды были выявлены и охарактеризованы в памятниках Алтая (Чинетский археологический район) и Тувы (Аржан-2). Кроме этого, аналогичные находки были сделаны при изучении смежных территорий в Туркменистане и Причерноморье.

Исследование состава платиноидов проведено рентгеноспектральным анализом с последующим определением позиции фигуративных точек на треугольных диаграммах Os–Ru–Ir–Pt. По составу платиноиды из исследованных коренных источников и россыпей Алтае-Саянского региона близки и им аналогичны микровключения в золотых изделиях. Для Урала отмечено разнообразие микровключений: часть из них имеет пониженное содержание Os, а часть – Ir. На этом основании сделано предположение, что источником платиноидов в древних золотых изделиях являются два типа россыпей. Первые представлены россыпями, связанными с телами гипербазитов в кремнисто-базальтовых комплексах. Вторые приурочены к массивам в ксенолитах среди интрузий и испытавшим термальное воздействие.

Анализ приуроченности платиноидов к золоту определенной пробы показал отличия для Алтае-Саянского и Уральского регионов. В первом практически все золото, включающее микровключения этих минералов (ЭПГ), имеет пробу 500–720‰. На Урале наибольшее значение имеет золото с пробностью 920–1000‰, в том числе и рафинированное.

Определение источников металла для древних ювелиров сделано с учетом имеющихся сведений о древних разработках. По всем регионам подготовлены схемы расположения древних рудников и россыпей и определены основные вероятные источники золота. Важной особенностью горнорудной деятельности бронзового века является разработка во всех областях Евразийской горно-металлургической провинции зон окисления колчеданно-полиметаллических месторождений. Исходя из особенностей строения этих залежей, можно полагать, что данное обстоятельство вызвано их большим масштабом и большей доступностью по сравнению с иными источниками сырья.

Библиографический список

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Юминов А.М., Котляров В.А. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Центральной Евразии. – Челябинск, 2016.

Книга издана при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-16-00036). Режим доступа: <http://baseserv.ilmenu.ac.ru/files/BIBLIO/BOOKS/21741.pdf>.

О.В. Зайцева¹, К.В. Чугунов², М.В. Вавулин¹, Е.В. Водясов¹, А.А. Пушкарёв¹

¹Томский государственный университет, Томск;

²Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ЧИНГЕТЭЙСКОЕ КУРГАННОЕ ПОЛЕ: АЭРОФОТОСЪЕМКА,
ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, 3D ФИКСАЦИЯ ПРОЦЕССА РАСКОПОК
(предварительные результаты работ 2016 г.)

В августе 2016 г. были проведены опытно-экспериментальные работы по геодезическому сопровождению археологических исследований с использованием БПЛА в «долине царей» Республики Тыва. Цель работ – тестирование и отработка методики полевой съемки и последующего построения трехмерных фотореалистичных моделей курганных комплексов на основе аэрофотосъемки с использованием технологии фотограмметрии. В основном работы проводились на территории археологического комплекса Чинге-Тэй-1, исследуемого под руководством К.В. Чугунова.

Аэрофотосъемка производилась с помощью беспилотного летательного аппарата вертолетного типа Zala 421-22. Для получения аэрофотоснимков использовался фотоаппарат Sony RX-1 с матрицей разрешением 24 Мп. Использовался автоматический режим съемки с заданным интервалом 3 с. В итоге было получено избыточное количество снимков, что гарантировало практически 100%-ную вероятность получения резких и четких фотографий на протяжении всего полетного маршрута. Общая площадь съемки составила более 26 кв. км. Для достижения высокого разрешения итогового ортофотоплана (GSD – 5 см) съемка производилась с высоты 300 м. Маршрут был построен с перекрытием между линиями съемки в 60%. Расстояние между линиями съемки составляло 140 м. Всего было сделано 8575 фотоснимков. Крупномасштабная съемка отдельных курганов производилась с высоты 60 м, что позволило достичь разрешения 1 см на пиксель. Проецирование полученной модели рельефа в систему абсолютных координат осуществлялось с помощью включения в обработку данных о местоположении контрольных точек – маркеров, зафиксированных на двухканальный двухчастотный GNSS ресивер TopconHiperPlus.

Обработка данных проведенной аэрофотосъемки осуществлялась в одном из наиболее распространенных и эффективных на сегодняшний день программном обеспечении AgisoftPhotoScanProfessional (www.agisoft.com). Автоматизированный алгоритм обработки данных программы позволяет извлекать трехмерное облако точек из массивов фотоизображений, сделанных с существенным перекрытием полей обзора. На основе облака точек строится триангуляционная модель поверхности объекта съемки. На модель накладывается текстура, полученная из мозаики исходных фотоизображений.

Проведенная высокодетальная аэрофотосъемка может быть использована для решения целого ряда задач: создания топографических планов и моделей микрорельефа поверхности археологических памятников, выявления и картографирования ранее неизвестных археологических объектов, мониторинга состояния памятников археологии. На основании полученных данных был существенно уточнен топографический план Чингетэйского курганного поля и выявлены новые структуры, не фиксируемые с земли. Однако съемка проводилась в августе и существенным препятствием к фиксации небольших каменных структур являлась степная кустарниковая растительность и травостой. Значительно более эффективной для фиксации подробных структур была бы съемка, проведенная ранней весной.

Кроме того, проводилась 3D фиксация результатов археологических раскопок с помощью технологии наземной фотограмметрии. Полученные трехмерные модели и цифровые архивы могут стать основой интерактивных мультимедийных выставок, виртуальных музеев, включаться в проекты, использующие технологию дополненной реальности и аддитивные технологии. Таким образом, помимо научного использования полученные результаты обладают прикладным значением и являются очень востребованными в современных музейных практиках.

Е.Г. Застрожнова
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ФАНАГОРИЯ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ...

(гипотезы ученых XIX столетия, нашедшие подтверждение в ходе современных исследований)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-31-01022 (а2))

Фанагория – один из самых больших и значимых античных памятников на территории Российской Федерации. Интерес к его изучению возник сразу после присоединения Крыма и Северного Причерноморья к Российской империи в конце XVIII в. Во время своих поездок по Таманскому полуострову этнографы, историки и археологи особенно отмечали местность близ почтовой станции Сенной, где они предполагали наличие крупного античного города, с башнями и стенами, скрытыми под огромными земляными насыпями. В 1833 г. швейцарский ученый Дюбуа де Монпере одним из первых правильно соотнес этот город со «столицей Азиатского Боспора» – Фанагорией [Dubois de Montpereux, 1843, p. 55]. Отправной точкой для дальнейшего развития античной археологии в России стало открытие богатого погребения в кургане Куль-Оба неподалеку от Керчи в 1830 г. [Тункина, 2002, с. 222]. Однако основным интерес для исследования представляли курганы, как источник ценного погребального инвентаря. На территории Фанагории «чиновники по раскопкам» А.Б. Ашик (с 1836 г.) и Д.В. Карейша (с 1838 г.) проводили раскопки курганных насыпей, окружавших полукругом насыпи городища, не ставя перед собой практически никаких исследовательских задач.

С 1852 г. так называемая «Комиссия древностей Перовского» стала контролировать раскопки на юге России. Помимо археологических исследований, впервые произведенных на территории сплошных насыпей Восточного некрополя Фанагории, в 1853 г., после открытия эпиграфического памятника [КБН 972] и мраморных скульптурных фрагментов в центральной части нижнего плато городища, были предприняты раскопки и на его территории. Под руководством К.Р. Бегичева на выделенном участке было зафиксировано несколько каменных фундаментов зданий, основание керамической обжигательной печи, фрагменты водосточков и многие другие строительные объекты. В 1856 г. неподалеку от места раскопок К.Р. Бегичева Я.М. Лазаревский «открыл колодец, акротерии и различные архитектурные фрагменты» [НО РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1859. Д. 11. Л. 53]. Таким образом, было сделано первое предположение о наличии на этом участке городского центра Фанагории.

Новая страница в истории изучения Фанагории открывается после создания по указу Александра II Императорской археологической комиссии (ИАК) в г. Санкт-Петербурге в 1859 г. Основной функцией ИАК был контроль за всеми археологическими раскопками, проводимыми на территории Российской империи [Медведева и др., 2009, с. 23]. Дальнейшие исследования городища Фанагории продолжил К.К. Гёрц. На основании всей информации о предыдущих разысканиях, он сделал вывод о том, что «городище, лежащее между хуторами Боровика и Семеняки, состоит из двух форм поверхности: из цепи холмообразных насыпей и обширной ровной площади. Эта площадь оканчивается к морю отвесным обрывом, в две сажени (ок. 4,2 м) высоты» [Гёрц, 1870, с. 75]. Кроме того, он считал, что северная часть города покрыта водами Таманского залива. В результате археологических раскопок исследователем были открыты фрагмент водопровода, основания фундаментов, несколько эпиграфических памятников [КБН 976, 979] и большое количество строительных ордерных фрагментов. К.К. Гёрцем были обозначены примерные границы древнего города: северная – покрыта водами Таманского залива, южная проходит вдоль Майской горы, западная ограничена хутором Боровика, а восточная – хутором Семеняки. Также он отмечал, что недалеко от хутора последнего во время отлива можно наблюдать так называемый «мол», вероятно, бывший раньше портом.

Наиболее интенсивные раскопки на территории городища Фанагории проводились И.Е. Забелиным в 1864 и 1869–1872 гг. [Панкратова, 2007, с. 37]. Вся территорию города он

разграничил на «высокий материковый берег и раскинутую под ним низменную площадку», впервые выделив Верхний и Нижний город. Раскопы были заложены на территории Верхнего города и на берегу Таманского залива, где была открыта винодельня [НО РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1864. Д. 14. Л. 9об.] Безусловно, методика исследований с современных позиций не выдерживает научной критики, методический уровень раскопок не позволял открывать и фиксировать сырцовые основания и фундаменты построек, однако И.Е. Забелин наметил примерную стратиграфию городских слоев, от архаики до средневековья. Находки архитектурных фрагментов – капителей, барабанов колонн и частей карнизов подтверждали наличие ордерных построек в Фанагории в эпоху расцвета города (IV–II вв. до н.э.)

Проводя параллели, можно заключить, что некоторые выводы ученых XIX в. совпали с результатами современных исследований. Так, было установлено, что городище лежит на двух плато, нижнем и верхнем, на краю которого располагалась архаическая часть города [Завойкин, Кузнецов, 2012, с. 135; Кузнецов, 2013, с. 14]. На востоке верхнее плато резко обрывается в глубокую балку, которая отделяла город от Восточного некрополя (не так далеко от этого места, ближе к берегу залива и располагался хутор Семеняки). По краю этого обрыва проходила крепостная стена, как раз напротив предполагаемых ворот которой в заливе отмечали наличие мола, который, видимо, представлял собой остатки фундамента восточной городской стены [Завойкин, Кузнецов, 2012, с. 139]. Центральная часть верхнего плато представляет собой исторический центр Фанагории, в 1975 г. там был заложен раскоп «Верхний город», работы на котором продолжаются и в настоящее время. Там были раскопаны постройки, датируемые начиная с третьей четверти VI в. до н.э. [Завойкин, Кузнецов, 2012, с. 141]. К середине I в. до н.э. общественный центр города перемещается на нижнее плато, к подножию холма Верхний город, где и были обнаружены посвященные надписи, найденные в XIX столетии. В 1959 г. там был заложен «Центральный раскоп», работы на котором продолжались вплоть до 1975 г. Особый интерес представляет открытое там здание, интерпретируемое как храм, которому и могли принадлежать надписи с посвящениями Афродите Урании [Кузнецов, 2013, с. 27]. В позднеантичный период здесь функционировали производственные комплексы, к которым вполне можно отнести винодельню, открытую И.Е. Забелиным в 1872 г. Как подтвердилось современными исследованиями, северная часть города граничила с Таманским заливом. В настоящее время древняя береговая линия отстоит от берега на 220–240 м. Безусловно, научный и методический уровень раскопок XIX и XXI столетий несопоставим, но тем не менее определенная преемственность в изучении памятника вполне четко прослеживается.

Библиографический список

- Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. – М., 1870.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: некоторые итоги исследований // Материалы по истории и археологии Фанагории. – Вып. 1. – М., 2013.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия. – СПб., 2009.
- Панкратова Е.Г. И.Е. Забелин как исследователь Фанагории // История археологии Северо-Западного Причерноморья : материалы Международной научной конференции (Одесса, 4–6 сентября 2007 г.) / ОНУ им. И.И. Мечникова. – Одесса, 2007.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX вв.). – СПб., 2002.
- Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, chez le Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. – Tome V. – Paris, 1843.

В.А. Зах
Институт проблем освоения Севера, Тюмень
ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И ПРОДУКТИВНОСТЬ
АНДРЕЕВСКОЙ И МЕРГЕНСКОЙ ОЗЕРНЫХ СИСТЕМ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-06-00260, «Древнее население на берегах системы проточных озер:
динамика освоения и жизнеобеспечения (на примере
Андреевской озерной системы в Туро-Пышминском междуречье)»)

В лесостепном Тоболо-Ишимье наиболее крупными из проточных, заселяемых начиная с раннего голоцена, являются озера, входящие в Андреевскую систему в бассейне Тобола и оз. Мергень в бассейне Ишима. Как и у большинства западно-сибирских озерных водоемов, их гидрологический режим меняется в зависимости от сезона: количества осадков и температуры. Наряду с этим отмечаются не всегда периодические колебания уровня озер [Шнитников, 1957]. Для системы Андреевских озер индикатором таких колебаний является Большой Андреевский остров, разделяющий Большое и Малое озера, в периоды маловодья превращающийся в полуостров [Зах, 2016]. Озеро Мергень в эти периоды также мелеет, сокращается его зеркало, увеличивается площадь тростниковых зарослей. Так, с 1790 по 1982 г. окружность оз. Мергень изменилась с 21,5 до 26 км, длина – с 8,5 до 10,9 км, ширина озера – с 3 до 4,3 км, а степень зарастания водоема достигла 25% [Ткачев, 2001, с. 70, 141]. Несмотря на сезонные, годовые и более значительные, продолжительностью 30–45 лет, колебания оз. Чаны, расположенного в Барабе, за последние 200 лет преимущественно сокращается. В конце XVIII в. зафиксирована наибольшая площадь водоема – 12000 кв. км, в начале XIX в. – 8000, а в 1960-х гг. площадь озера сократилась до 2000 кв. км, размах же сезонных и годовых колебаний уровня воды в разные годы этого периода достигал 5 м [Озеро Чаны].

Гидрологические и климатические изменения кардинальным образом влияют на продуктивность лесостепных озер Тоболо-Ишимья как в настоящее время, так и в древности. С точки зрения продуктивности озера рассматриваются в двух аспектах – как источник запасов рыбы, а также как место гнездования и пункт отдыха северной перелетной водоплавающей дичи.

Вышеуказанные озера слабопроточные, заморного типа, со средними глубинами 1,7–1,8 м, в некоторых местах – до 2,5 м и более. Толщина льда к январю достигает 0,47 м, а в очень холодные годы – от 0,71 до 0,95 м [Лезин, 1994]. Озерные системы являются прекрасными местами нерестилища и нагула местного карася и щуки, окуня, язя, плотвы, заходящей из Пышмы по Дувану в Андреевские озера и из Ишима по Мергеньке в Мергень. Достаточно большое содержание в озерах зоопланктона (2,8–5,9 г/м³) позволяет говорить о них как о высокормовых водоемах [Алешина, 1994]. Если учесть площадь современных озер в Андреевской системе – 33 кв. км (3300 га), а в Мергенской – 26,2 кв. км (2620 га), то запасы рыбы в водоемах могут составлять около 1419 и 1126,6 ц соответственно (исходя из современной продуктивности в основном карася около 43 кг/га [Бабушкин и др., 2010, с. 93]), или в два раза меньше – около 700 и 560 ц. (при продуктивности местных видов 20–30 кг/га [Быкова, Мухачев, 1994]) [Зах, 2012].

Кроме рыбы озера являются местом концентрации водоплавающей дичи, количество которой меняется в зависимости от кормовой базы, варьируется в соответствии с колебаниями гидрологического режима и климатических условий. Жизнь озер юга Западной Сибири и Северного Казахстана описывает А.Н. Формозов, отмечая годовые и сезонные изменения водного режима: периоды, в которые уровень озер ниже среднего, продолжительнее, а «стояние высоких уровней кратковременно» [2013]. Заросли тростника у берегов, подводные луга из погруженной растительности, обилие зеленых частей рясок, личинок стрекоз, рачков-бокоплавов, моллюсков

благоприятствуют развитию разнообразных водоплавающих видов. По данным 1991 г., в Андреевской системе отмечалось около 7500, а Мергенской – 800 голов всех видов уток. Однако после морозных зим озера сильно промерзали и погибали многочисленные придонные обитатели; так было на оз. Мергенъ в 2010 г., когда водоем казался вымершим [Зах, 2012]. В такие годы в связи с сильными заморами сокращались и рыбные запасы.

В целом ресурсный потенциал Андреевской и Мергенской озерных систем был достаточно высоким. Судя по остеологическим материалам неолитического поселения Мергенъ-6, его обитатели в основном использовали рыбные запасы водоема и добывали водно-болотную дичь; последняя представлена 20 видами из 6 отрядов [Косинцев, Некрасов, 1999]. Обилие в культурном слое и заполнении неолитических жилищ мелких костей, жаберных крышек, чешуи рыбы и находки гарпунов могут свидетельствовать о первостепенной роли рыболовства в хозяйстве поселка. Этому способствовала проточная система, обеспечивавшая запорное рыболовство. Перегораживая речку запором, население поселка стабильно получало определенное количество рыбы, которое можно было заготавливать впрок. Подобные же запоры, вероятно, сооружались и в Андреевской системе на так называемых переях и протоках, соединяющих озера с р. Дуван. В критических ситуациях (заморы и перемерзания), когда продуктивность озер снижалась, люди интенсивнее занимались охотой на лося, косулю, боровую дичь, о чем свидетельствует некоторое количество костей этих видов с поселения Мергенъ-6.

Библиографический список

Алешина О.А. Динамика зоопланктона разных биотопов заморного озера // Экологические проблемы рекультивации озер заморного типа. – Тюмень, 1994.

Бабушкин А.А., Князев И.В., Князева Н.С. и др. Исследование рыбохозяйственных водоемов лесостепи Тюменской области. – Тюмень, 2010.

Быкова Г.М., Мухачев И.С. Опыт рыбохозяйственного использования озера Андреевского в процессе изменения его экологического режима // Экологические проблемы рекультивации озер заморного типа. – Тюмень, 1994.

Виноградов В.Г., Огурцов Н.Е., Юрлов А.К. Чановская озёрная система // Wetlands International. – 1998.

Зах В.А. Природные ресурсы лесного Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – №3(18). – Тюмень, 2012.

Зах В.А. Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов по археологическим и картографическим материалам XVIII–XX вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – №4 (35). – Тюмень, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/tics/va>, свободный.

Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу озера Мергенъ (Мергенъ-5 и 6) в неолите и энеолите // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 1999.

Лезин В.А. Особенности морфологии и гидрологии озера Андреевского // Экологические проблемы рекультивации озер заморного типа. – Тюмень, 1994.

Озеро Чаны // Википедия : электронная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.

Ткачев Б.П. География и экология Приишимья. – Ишим, 2001.

Формозов А.Н. Степные озера и водоплавающие птицы Казахстана и юга Западной Сибири // Русский орнитологический журнал. – 2013. – Т. 22. – Экспресс-выпуск 879.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. – М. ; Л., 1957 (Зап. Герр. о-ва СССР; Т. 16).

В.А. Зах¹, Н.Е. Рябогина¹, О.Ю. Зимина¹, О.С. Сизов²
¹Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень;
²Институт проблем нефти и газа РАН, Москва

ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (на примере Андреевской озерной системы)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00260
«Древнее население на берегах проточных озер: динамика освоения и жизнеобеспечение
(на примере Андреевской озерной системы в Туро-Пышминском междуречье)»)

Целью доклада является освещение результатов исследования особенностей взаимодействия человека и природной среды в древности, реконструкция основ жизнеобеспечения древнего населения и выявление динамики освоения пространства на берегах проточных озер на территории Андреевской озерной системы (Туро-Пышминском междуречье, юг Западной Сибири). Территория характеризуется пойменно-долинными водоемами и представляет собой цепочку из пяти крупных, хорошо развитых проточных озер площадью около 40 кв. км, объединенных руслом реки Дуван. Насыщенность берегов Андреевской проточной озерной системы и приуроченной к ней территории археологическими памятниками (известно порядка 360 объектов археологии – укрепленных и неукрепленных поселений, могильников, ритуальных объектов) позволяет охарактеризовать ее как многоуровневый археологический микрорайон и выделить в нем drobные структуры – концентрированного и рассеянного типов, располагающиеся как берегам системы озер, так и рек Туры и Пышмы. Выявление особенностей природно-климатических условий в тот или иной исторический период представляет собой основу для понимания условий обитания древнего населения и его палеоэкономического потенциала.

Работы по изучению Андреевской озерной системы базируются на комплексных исследованиях, в основе которых – широкий спектр археологических и естественно-научных методов. Лежащие в основе работ палинологический и макроботанический анализ, радиоуглеродное датирование, геоморфологическое, гидрографическое и ландшафтное картирование обеспечивают совокупность фактических данных, необходимых для расчета показателей текущей ресурсообеспеченности (расчет площадей сельхозугодий, охотугодий, земель, не пригодных для использования и т.п.), которая служит основой для моделирования ресурсообеспеченности в более ранние хронологические периоды.

К настоящему моменту для моделирования ресурсообеспеченности Андреевской озерной системы создан единый банк доступных космических снимков сверхвысокого пространственного разрешения, цифровых моделей рельефа среднего пространственного разрешения, крупномасштабных топографических карт, разновременных мультиспектральных снимков среднего пространственного разрешения. Произведено предварительное картирование современной ландшафтной структуры Андреевской озерно-речной системы и выделение возможных каналов древнего стока.

В электронной базе археологических памятников Андреевской озерной системы учтено 264 памятника археологии, произведена их систематизация в соответствии с хронологической принадлежностью и типом.

Изучение особенностей расселения и демографической динамики на территории Андреевской озерной системы в отдельные культурно-хронологические срезы древности было начато с поселений переходного времени от бронзового века к раннему железному (VIII–VI вв. до н.э. – восточный вариант иткульской культуры). На примере этих поселений предложен алгоритм изучения системы расселения и демографической динамики. На сегодняшний день в Андреевской озерной системе известно 42 поселения этого периода, только на старичных озерах правобережья р. Туры в северо-восточной части Андреевской озерной системы их насчитывается 24, большую часть из них составляют слабоукрепленные поселения (городища) с круговой планировкой.

Анализ геоморфологической приуроченности поселений, которые располагаются на пограничных участках песчаных шлейфов и речных/озерных систем с высотными отметками преимущественно в диапазоне 57–70 м, позволил предположить, что урез воды в среднем был одинаков. Расположение поселений на возвышенных хорошо дренированных участках обусловлено обширными систематическими разливами, которые в этот хронологический период могли на продолжительное время затапливать широкие долины. В то же время это способствовало увеличению площадей заливных лугов, необходимых для ведения скотоводства.

На территории Андреевской озерной системы отмечается два района концентрации поселений иткульской культуры: один приурочен к южному берегу оз. Андреевское и северному берегу оз. Кыртыма, другой – к старичным озерам правобережья р. Туры. Исходя из расчета примерной площади построек, основанного на предшествующем опыте исследования наземных жилищ иткульской культуры и возможного количества обитателей этих жилищ, было подсчитано примерное количество обитателей поселков. Предварительно поселки были разделены на две группы: небольших – площадью 3000–8000 кв. м, с небольшой свободной площадью в центре и с количеством построек – от 7 до 13 и больших – площадью от 12000 до 64000 кв. м, обширной площадью в центре и количеством сооружений от 14 до 39. Примерная численность населения каждого из рассматриваемых объектов составила: небольших около 50–100 чел., более крупных по площади – около 200–250 чел.

Палинологические исследования были сосредоточены на изучении донных отложений наиболее чувствительных к палеоэкологической динамике малых замкнутых водоемов в системе Андреевских озер. Пятиметровый профиль отложений исследованного оз. Кыртыма в настоящее время является наиболее полной летописью природных изменений в голоцене и позднеледниковье на юге Западной Сибири (нижние датировки 12700 л.н.). Выделено шесть крупных перестроек, обусловленных региональной климатической динамикой, а также реконструированы стадии развития водоема, обусловленные локальными условиями микрорайона. Однозначно можно утверждать, что облик ландшафтов менялся от злаково-марево-попынных степей к остепненным богато-разнотравным лугам в раннем голоцене, с постепенным увеличением доли лесов, состав которых также менялся от березовых, осветленных травяных лесов в среднем голоцене к смешанным березово-сосновым позднем. По завершении полного комплекса палеоботанических исследований будет представлена схема развития растительности и климата с детальностью менее 100 лет, позволяющая сопоставить последствия палеоэкологических перестроек с этапами заселения берегов озерной системы и изменениями в хозяйстве.

Анализ материалов о геологическом строении территории, оценка многолетней динамики уреза воды на основе архивных космических снимков Landsat, а также картографических материалов XVIII–XX вв., хранящихся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО), позволили прийти к выводу, что устойчивость гидрологического режима Андреевского озера обуславливается, вероятно, постоянным притоком подземных вод.

Моделирование затопления территории при различных уровнях воды на основе цифровых моделей рельефа выявило, что основной сток из системы Андреевских озер происходил в западном направлении, современная долина р. Дуван и ее устье в районе с. Муллаши, видимо, были сформированы позднее.

Следующий этап исследований включает верификацию приведенных подсчетов и установления возможного числа одновременно функционировавших поселений не только на рубеже бронзового и раннего железного веков, но и в другие хронологические периоды. При этом будут сопоставлены текущая продуктивность ландшафтов и возможная продуктивность в предшествующие периоды с учетом полученных датированных палинологических данных. Сопоставление возможной численности домашних животных, необходимой для жизнеобеспечения выявленной численности коллектива и картографирование на основе реконструкции палеоландшафтов зон потенциального природопользования.

С.Д. Захаров, С.С. Зозуля
*Институт археологии РАН,
Государственный исторический музей, Москва*
ТИМЕРЕВО. ИТОГИ НОВОГО ЭТАПА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Комплекс памятников у бывшей деревни Большое Тимерево в Ярославском течении Волги, состоящий из курганного могильника и двух открытых поселений (поселение 1 и селище 2), известен почти 150 лет, из которых в течение 145 лет продолжается его археологическое изучение. Результатами многолетних работ стали материалы, полученные в ходе раскопок почти 500 курганов и 6600 кв. м. на территории поселений. Восприятие этих результатов не было однозначным, породив довольно оживленную и долгую дискуссию. Прекращение полевых исследований в 1990 г. несколько ослабило интерес к Б. Тимерево.

На рубеже веков археологическим сообществом были выработаны новые методики работ, нестандартные подходы к изучению памятников. Значительно увеличились технические возможности полевых исследований. Немаловажным фактором для возвращения к изучению комплекса у бывшей деревни Б. Тимерево стали крупнейшие за всю историю изучения города работы ИА РАН на территории Ярославля, производившиеся в 2004–2011 гг. и охватившие 9000 кв. м. Выявлены следы мощных укреплений, относящихся к 1-й половине XI в., следовательно, Ярославль и Б. Тимерево сосуществовали на протяжении нескольких поколений, а ситуация в микрорегионе не отличалась стабильностью.

С 2012 г. работы в Б. Тимерево были возобновлены совместной археологической экспедицией ИА РАН, Исторического музея и НП НИЦ «Древности» под общим руководством С.Д. Захарова. Программу исследований удалось реализовать в течение пяти полевых сезонов. Промежуточные результаты работ были освещены в серии докладов и небольших публикациях [Захаров, Зозуля, 2014а, б].

Был снят топографический план с использованием современного оборудования, основанный на 7300 измерениях, охвативший площадь более 48 га и ставший надежной основой для фиксации всех работ, проводимых на памятниках. Важно отметить, что полученный план корректирует неточности и недоработки всех предыдущих, основанных в основном на глазомерных зарисовках.

Крупные размеры поселений и значительные вскрытые площади заставили решать вопросы выявления границ распространения культурного слоя малоинвазивными способами. Территория памятников была исследована с помощью ручных буров (диаметр рабочей части 3 см) по сетке с шагом в 10 м с фото- и графической фиксацией извлекаемых кернов. Примененный метод практически не причиняет вреда сохранности памятника и обеспечивает понимание мощности и насыщенности культурного слоя, наличия углубленных в материк объектов. Разработанная балльная шкала гумусации фиксирует границы распространения культурного слоя. Результаты бурения проверены и подтверждены 12 шурфами (по 1 кв. м). Всего выполнено 1184 скважины. Полученные данные позволяют заключить о распространении культурного слоя поселенческой части комплекса на площади в 11 га (9,5 – поселение, 1,5 – селище). Весь слой поселений оказался распаханным.

Результаты предыдущих исследований демонстрировали наличие на территории Тимеревского археологического комплекса материалов Каменного века, РЖВ, Раннего и Позднего Средневековья, Нового времени. Важной стала задача по выявлению размеров поселения IX–XI вв., соответствующего могильнику. Для ее решения был организован сбор подъемного материала, в том числе с применением металлодетекторов.

Массовый материал собран на территории в 2300 кв. м. на 23 участках площадью по 100 кв. м каждый. Индивидуальных находок на территории поселения обнаружено более 350, среди которых преобладают предметы из железа, присутствуют изделия из сплава на основе меди, серебра, свинцово-оловянистого сплава, стекла, камня, глины. Немногим менее 100 находок относится в эпохе образования Древнерусского государства. Концентрация этих предметов выявлена на площади 4,25 га. Вероятно, близкой к этой цифре, увеличенной за

счет периферийных и хозяйственных зон, может оцениваться размер поселения IX–XI вв. Стоит напомнить о существенных разрушениях, нанесенных памятнику при несанкционированных «поисковых работах». Последнее обстоятельство предполагает потерю значительного количества информации о датировке слоя памятника.

Оказывается верной точка зрения, высказанная А.Е. Леонтьевым [1989, с. 79–80] еще в 1989 г. после критического разбора результатов исследования памятника, оценившим площадь поселения Б. Тимерево в 6 га. Аналогичным образом (5,5 га) определялись размеры поселения и И.В. Дубовым в первых публикациях, посвященных Тимеревскому комплексу [Добровольский, Дубов, 1975, с. 66].

Отмеченные характеристики поселения (отсутствие укреплений, сравнительно небольшие размеры и число жителей, сознательное проживание на значительном расстоянии от судоходных рек, скромные свидетельства ремесленной деятельности, близкое расположение сопоставимых комплексов в Петровском и Михайловском), действительно, не позволяют сравнивать Б. Тимерево с Гнездово, Старой Ладогой или Городищем под Великим Новгородом [Леонтьев, 1989, с. 80–81]. С другой стороны, несомненное наличие разноэтничного населения, яркие особенности погребальной традиции и очевидная «скандинавская вуаль» (рис.) выделяют Тимеревский комплекс из череды рядовых сельских памятников, заставляя признать его археологическую самобытность в рамках региона. Место Б. Тимерева в иерархии поселений Древней Руси справедливо оценивалось как центр местной округи [Фехнер, Недошивина, 1987, с. 88].

Поселение Большое Тимерево. Подъемный материал:
1–3 – подвески-молоточки Тора; 4 – красаловидная подвеска (фрагмент). 1–4 – железо

Новый этап изучения комплекса памятников у бывшей деревни Большое Тимерево, длившийся с 2012 по 2016 гг., включал съемку топографического плана и комплекс мер по выявлению границ распространения культурного слоя (бурение, шурфовка, сбор подъемного материала). Важным результатом работ стало инструментальное определение площади поселения IX–XI вв., близкой к 6 га.

Библиографический список

Добровольский И.Г., Дубов И.В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1975. – №2.

Захаров С.Д., Зозуля С.С. Новые данные о Тимеревском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда (Казань, 20–25 октября 2014 г.). – Казань, 2014а.

Захаров С.Д., Зозуля С.С. Новые полевые исследования на территории Тимеревского археологического комплекса // КСИА. – 2014б. – №236.

Леонтьев А.Е. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. – 1989. – №3.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. – 1987. – №2.

Е.Ю. Захарова
Воронежский государственный университет, Воронеж
К ВОПРОСУ О ДИЛЕТАНТСТВЕ В НАУКЕ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ АННЫ МИХАЙЛОВНЫ РАЕВСКОЙ
(1819–1883)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-11-48002
«Формирование местной традиции изучения древностей Центрального Черноземья:
археологические занятия помещиков (вторая половина XIX – начало XX вв.)»)

Термин «дилетантство» служит для характеристики занятий человека в разнообразных сферах жизнедеятельности на протяжении длительных периодов, а потому многозначен. Наделение конкретного деятеля эпитетом «дилетант» несет в себе, как правило, и констатирующую составляющую – отсутствие специального образования, и оценку – от негативного до восхищенного отношения. Проблема дилетантства в науке широко обсуждается как в профессиональной, так и в любительской среде, и археология здесь не исключение [Формозов, 2007, с. 50–51; Щавелёв, 2008, с. 73–82; Клейн, 2011, с. 574–575 и др.]. А.А. Формозовым был выделен «особый тип деятелей русской культуры, давно уже исчезнувший, но когда-то игравший большую роль». Его представители остались дилетантами «в добром значении этого слова». Он отмечал «чувство какой-то легкости, свободы в их занятиях»; «неожиданно со вздохом» соглашался с невозможностью для науки вернуться к характерной для них «...неувядаемой прелести чистого незаинтересованного процесса познания» [Формозов, 2007, с. 50–51]. Все эти характеристики в полной мере отражают наше отношение к героине данного доклада.

Впервые сведения об Анне Михайловне Раевской (урожд. Бороздиной), включая оценку деятельности, были опубликованы Д.Н. Анучиным [1897, с. 513–514], а к настоящему времени «бисером рассыпаны» по различным изданиям. Более всего она известна как коллекционер. Каких-либо данных, указывающих на то, что в семье Бороздиных интересовались историей или увлекались собиранием старинных вещей, нам выявить пока не удалось. Зато ее будущий муж Николай Раевский-мл., как и его старший брат Александр, с молодых лет увлекался коллекционированием древностей. Вероятнее всего, вслед за мужем, к тому же в условиях бурного развития археологии в Керчи 30–40-х гг. XIX в., пристрастилась к ней и Анна Михайловна. Ее интерес (по словам современников, любовь) к археологии не ограничивался какой-либо узкой тематикой, напротив, охватывал еще и смежные области естественных наук.

Формы деятельности А.М. Раевской типичны для любителей наук: личное собрание и/или покупка коллекций (для создания собственного музея и пожертвований); переписка с представителями профессионального научного сообщества; посещение публичных лекций и открытых мероприятий. Выявлена пока единственная заметка, написанная Анной Михайловной и оставшаяся в рукописи [Тункина, 2007, с. 215], но ее активная переписка с европейскими археологами послужила добротным материалом для научной продукции [Малеин, 1912, с. 139–140]. Был у любительницы наук и опыт самостоятельных полевых археологических работ: раскопки в июле 1866 г. могильника, содержавшего разновременные захоронения, в Петергофском уезде Петербургской губернии в пределах Усть-Рудицкого поместья, принадлежащего сестре ее мужа [Известия ИОЛЕАЭ, 1876, с. 31–33]. В настоящее время каких-либо следов этого памятника не зафиксировано (*благодарим за помощь сотрудника ООА ИИМК РАН Ст.А. Васильева*). Каждый из выделенных аспектов деятельности заслуживает отдельного внимания.

Основной формой признательности за благотворительность стало избрание А.М. Раевской в состав шести научных обществ: непременно действительным членом Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (с 13 мая 1866 г.), почетным членом Archaelogického Sboru Musea Království Českého (с 30 августа 1869 г.), почетным членом Das Kurländische Provinzial-Museum (с 27 апреля 1870 г.), членом-кор-

респондентом Московского Археологического Общества (с 14 марта 1872 г.), почетным членом Московского Публичного и Румянцевского Музеев (с октября 1872 г.), членом-сопернователем Императорского Русского Географического Общества (с 3 ноября 1882 г.) [Архив Раевских, 1915, с. 16–17]. Для научного сообщества России третьей четверти XIX века – это явление крайне редкое. В ОЛЕАЭ (1866 г.) из 118 чел. было еще две женщины – член-основатель О.А. Армфельд (в замужестве Федченко) и кандидат в члены Е.К. Фреймут (в замужестве Кандинская); в МАО (1872 г.) из 201 чел. еще одна – Фелиси-Мари-Эмили д'Айзак (П.С. Уварова получила статус почетного члена в 1885 г.).

А.М. Раевская упоминается среди женщин-естествоиспытателей Российской империи XIX в., которым посвящено диссертационное исследование [Валькова, 2014, с. 18, 21]. Известна она и специалистам по истории археологии [Формозов, 1981, с. 100; 1983, с. 15–16; Тихонов, 2013, с. 42], одна из работ которых написана с благородной целью воскрешения ее забытого имени [Тункина, 2007, с. 214–219]. Следующим закономерным шагом должно стать появление полновесной научной биографии Анны Михайловны Раевской. Надеемся, что этот материал будет также полезен нашим первопроходцам в рассмотрении истории российской археологии с позиций гендерного подхода, для которых «важнейшую проблему составляет источниковедческая база исследования» [Мельникова, Аксареева, 2006, с. 32].

В заключение отметим, что А.М. Раевская на протяжении всей своей жизни оставалась, в первую очередь, любящей и заботливой матерью, внимательной родственницей (маршруты ее познавательных экскурсий, как правило, соотносились с решением семейных проблем). Ее потомки сохранили традиции бережного отношения к культурному наследию, одним из примеров которого может служить, в частности, выделение Раевскими средств Н.И. Репникову для исследования Партенита [Архив Раевских, 1915, с. 577].

Библиографический список

- Анучин Д.Н. Анна Михайловна Раевская // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. 90. – М., 1897.
- Архив Раевских : в 5 т. / изд. П.М. Раевского; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – Т. 5: [Письма 1858–1876 гг.]. – Пг., 1915.
- Валькова О.А. Женщины-естествоиспытатели Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2014.
- Донесение Н.Ч.О. А.М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XX. – М., 1876.
- Клейн Л.С. История археологической мысли : в 2 т. – Т. 1. – СПб., 2011.
- Малеин А.И. Карл Карлович Гёрц (1820–1883). Биографический очерк. – СПб., 1912.
- Мельникова О.М., Аксареева В.Г. Женщины в истории отечественной археологии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Пятые Берсовские чтения : сборник научных статей. – Екатеринбург, 2006.
- Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 2013.
- Тункина И.В. Забытая женщина-археолог – А.М. Раевская // Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). – СПб., 2007.
- Формозов А.А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века // СА. – 1981. – №3.
- Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. – М., 1983.
- Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. – М., 2007.
- Щавелёв С.П. Разные тропы в прошлое: профессионалы и любители // Эпистемология & философия науки. – 2008. – Т. XV. – №1.

М.Ю. Здор, Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский научный центр СО РАН, Омск
СОЗДАНИЕ ГИС «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
Г. ОМСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-46-550223 р_а «Создание ГИС
“Археологические памятники г. Омска и окрестностей”»)

В последние десятилетия ГИС все более активно привлекаются для обеспечения эффективного менеджмента в области сохранения и использования культурного наследия. В мировой практике специализированные ГИС являются основой для проведения археологических работ и охранных мероприятий.

Например, в Германии такие ГИС существуют в каждой федеральной земле и охватывают всю территорию региона. В частности, в Саксонии, в структуру ГИС включено более 20000 археологических памятников разных эпох. Все они поставлены на учет и подлежат охране со стороны Археологического ведомства Саксонии. В США наиболее полным ГИС-проектом является Национальный архив, который предоставляет археологам доступ к данным о распределении археологических памятников любой из частей страны, дает возможность консультироваться в библиографической базе и просматривать данные о распределении памятников с учетом топографических, климатических сведений и иной информации. В качестве программного обеспечения чаще всего используется линейка продуктов компании ESRI – ArcGIS и другие, имеющие значительные возможности.

Проблемы, которые должны быть решены в рамках проекта, разделены по областям на проектирование, программное обеспечение, организационные.

Логическое проектирование наряду с другими задачами предполагает выявление предметной среды системы. Остановимся на нем подробнее.

Предметная среда разрабатываемой информационной системы – данные, касающиеся археологических памятников г. Омска и его окрестностей (несколько районов Омской области). Предполагается, что система будет хранить, накапливать, преобразовывать и представлять текстовые и графические данные, параметры которых определены исходя из информационных запросов групп предполагаемых пользователей системы. К ним отнесены исследователи-археологи; специалисты в области охраны культурного наследия; представители хозяйствующих субъектов. В двух первых группах выделены дополнительно подгруппы.

Проблемы программного обеспечения касаются поиска программного продукта, который бы оптимально отвечал задачам проекта. Исходя из планируемых задач и информационных потребностей групп пользователей проектируемая ГИС должна будет построена на многослойной топооснове, включающей ландшафтные, исторические карты, а также карты городской застройки, и на базе данных, содержащей максимально полные сведения о каждом памятнике (история открытия и исследования, статус, место хранения коллекции, атрибуция, библиография и др.).

После выполнения определенных отборочных процедур авторы остановились на программном продукте QGIS, как наиболее отвечающем задачам проекта. В рамках этого программного продукта будет выполнена действующая модель ГИС «Археологическая карта г. Омска и его окрестностей».

Организационные проблемы на первом этапе исполнения проекта касались, прежде всего, библиографических и архивных изысканий по археологическим объектам, а затем и полевых исследований по поиску, мониторингу современного состояния известных объектов археологического наследия в г. Омске, Омской, Любинском и Таврическом районах Омской области. К настоящему времени известно,

что на обозначенной территории расположено порядка 80 памятников, из числа которых на государственный учет поставлено 29 объектов. Наиболее затратными в плане интеллектуальных, людских и материально-технических ресурсов стали работы по мониторингу археологических объектов в Омском и Любинском районах Омской области, выполненные в 2016 г.

Итогом работ стали текстовые, графические, фотоматериалы, данные геопозиционирования об объектах археологического наследия, полученные при камеральном и полевом этапах работ. Эти данные сведены в таблицы, координаты памятников перенесены на топооснову, сформирована карта расположения обследованных и необследованных археологических памятников на заданном участке. По данным библиографических и архивных изысканий подготовлена серия публикаций [Шмидт, 2016; Герасимов, Корусенко, Здор, 2016; Горбунова, Толпеко, 2016].

Таким образом, проблемные области, связанные с реализацией проекта, успешно исследуются. Разумеется, по направлению создания структуры программного продукта по накоплению, хранению, преобразованию имеющихся данных целый ряд задач еще не решен. Не решена пока и одна из ключевых задач – создание действующего механизма актуализации данных об объектах археологического наследия.

К возможностям развития проекта стоит отнести то, что создаваемый программный продукт будет востребован не только в научной среде, но и органами, уполномоченными в области охраны культурного наследия в решении задач учета и паспортизации объектов археологии. Планируется предоставить выполнение запросов с помощью специального интерфейса продукта и для хозяйствующих субъектов с целью получения актуальной информации об объектах археологического наследия на территориях, выделяемых под хозяйственное освоение.

Кроме того, созданные разработки в виде отдельных модулей могут быть использованы как для развития туристического кластера региона путем включения сведений о ряде объектов археологии в продукты фирм, развивающих краеведческий туризм, так и в образовательной и музейной практике при создании учебных курсов и экскурсий краеведческой направленности.

Библиографический список

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А., Здор М.Ю. Разработка археологической карты г. Омска и его окрестностей (XVIII – середина XX века) // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России. – Омск, 2016.

Горбунова Т.А., Толпеко И.В. Археологические памятники Омска и его окрестностей: некоторые особенности изучения на современном этапе // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2016. – №4(12).

Шмидт И.В. Охранная археология в Германии: тезисы о начале и принципах развития // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2016. – №2(10).

А.А. Зейналов¹, С.А. Кулаков²

¹Институт археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана, Баку;

²Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КУРУЧАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Почти 40 лет назад, в 1979 г., вводя в научный оборот словосочетание «куручайская культура», ее автор М.М. Гусейнов интерпретировал ее локальной особенностью обитателей Азыхской пещеры и вряд ли предполагал, что спустя десятилетия двуручные чопперы-гигантолиты весом от 3 кг и выше будут обнаружены далеко за пределами Азыха.

Пещера Азых была открыта в 1960 г. Азых оказался уникальным памятником не только в силу сохранения в своих отложениях следов как минимум трех разновременных палеолитических индустрий, но и потому что комплексное исследование памятника породило гипотезы, давшие толчок новым поискам и открытиям [Зейналов, 2015].

В пещере Азых выявлено 10 слоев мощностью 14,5 м. Десять метров из них приходится на слои I–VI (сверху вниз). В оставшихся отложениях мощностью 4,5 м, выделены четыре культурных слоя VII, VIII, IX и X с сохранившимися артефактами галечной культуры, выделенной как куручайская культура [Гусейнов, 1979, с. 71–72].

Одним из критериев для выделения новой культуры были крупные двуручные чопперы весом до 4–4,5 кг, названные М.М. Гусейновым «гигантолиты». Таким образом, Гусейнов [1979, с. 71; 1985, с. 15] впервые ввел в научный оборот словосочетание «куручайская культура» и термин «двуручный чоппер-гигантолит» – культуруобразующая форма «куручайской культуры».

На протяжении почти 30 лет культуруобразующая форма куручайской культуры – двуручные чопперы-гигантолиты оставались локальной особенностью Азыхской пещеры.

В 2012 г. в Азербайджане была открыта новая раннепалеолитическая стоянка Гараджа [Зейналов и др., 2013]. Стоянка расположена на южном берегу Мингячевирского водохранилища, у подножия хребта Боздаг, северо-западнее горы Гараджа на высоте 90 м над уровнем моря. На памятнике выявлено три уровня залегания палеолитических находок, локализованных на разных уровнях континентальной толщи, перекрытых морскими отложениями.

Вулканический пепел, подстилающий нижнюю континентальную толщу, датируется возрастом около 1 млн лет.

В нижней континентальной толще была обнаружена верхняя челюсть южного слона (*Archidiskodon meridionalis*) с зубами, кроме этого, толща насыщена многочисленными ожелезненными остатками стволов деревьев диаметром до 0,7 м и длиной до 3–4 м. Предварительные данные позволяют датировать эту толщу концом апшеронского – началом бакинского времени.

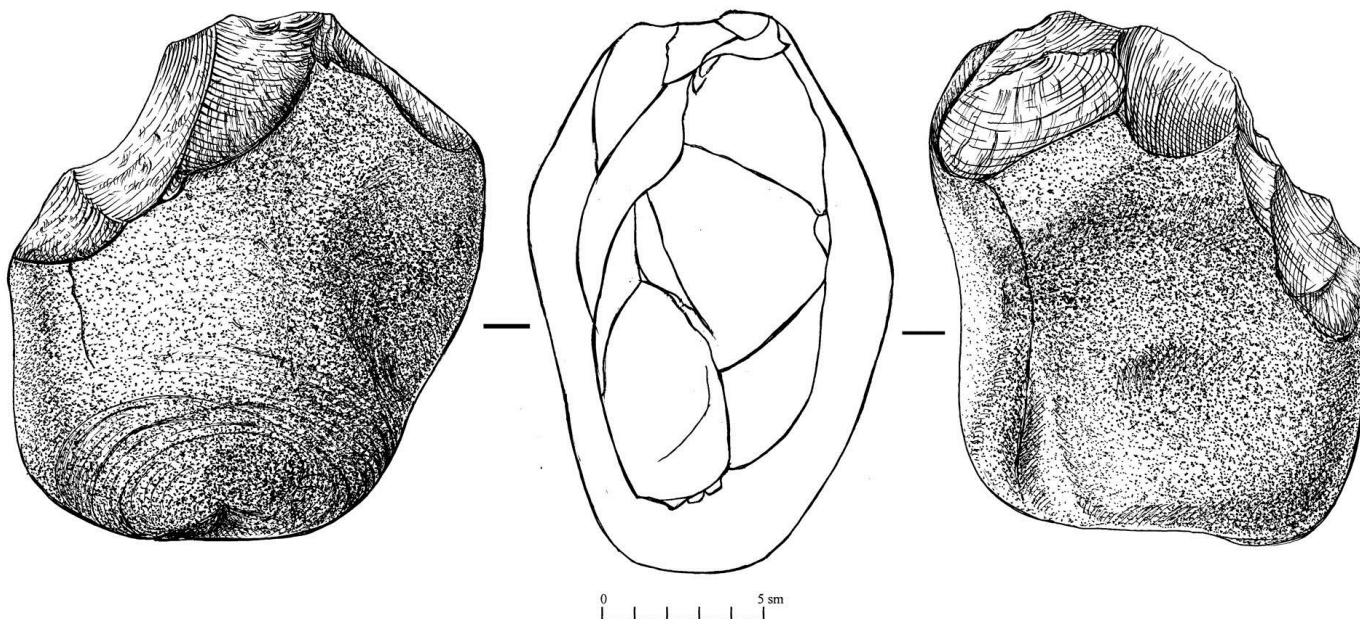
Среди чопперов гараджинской индустрии выделяется одно орудие – это очень крупный, весом более 3 кг, двусторонний чоппер, изготовленный из очень большой гальки. Размеры орудия – 18,5 × 12,0 × 12,0 см. На верхней части орудия крупными сколами оформлен рабочий край, заходящий на боковую сторону (рис.).

В 2016 г. на берегу Мингячевирского водохранилища, в 5–6 км западнее Гараджи, было зафиксировано новое палеолитическое местонахождение Боздаг-1 и 2. Там был обнаружен второй чоппер-гигантолит, изготовленной в той же технике, что и первый.

Это уже второй случай на территории Азербайджана, когда двуручный чоппер-гигантолит был обнаружен за пределами пещеры Азых на стоянке Гараджа, в 300 км к северу от Азыха.

Элементы галечной индустрии, обнаруженной в нижних обратно намагниченных слоях Азыха (культура куручай), отслеживаются и в Гарадже (нижний уровень), и на Боздагу, а также на олдованских памятниках Центрального Дагестана.

На трех раннепалеолитических памятниках Центрального Дагестана – Айникаб-I, Мухкай-I и Мухкай-II были обнаружены орудия-гигантолиты, по габаритам и весу во много раз превосходящие аналогичные типы орудий обычных размеров. К орудиям-гигантолитам отнесены предметы, использование которых предполагает участие обеих рук [Амирханов, 2013, с. 5].

Гараджа. Двуручный чоппер-гигантолит

Слои, где были обнаружены орудия-гигантолиты на олдованских памятниках Центрального Дагестана, по сумме палеонтологических, палинологических, геоморфологических данных и палеомагнитного анализа датируются в диапазоне от 1,25 млн л.н. до 2 млн. л.н. [Амирханов, 2016, с. 150]. Не противоречит этому возрасту и датировка нижних слоев Азыхской пещеры с собственно куручайской культурой, где были обнаружены орудия-гигантолиты.

Таким образом, спустя десятилетия культуuroобразующая форма куручайской культуры – крупные двуручные орудия-гигантолиты, впервые выявленные в нижних слоях пещеры Азых в Азербайджане, были обнаружены не только в Гарадже и на Боздаге, в 300 км севернее Азыха, но и на раннепалеолитических стоянках Центрального Дагестана далеко за пределами Азыха.

Библиографический список

- Амирханов Х.А. Орудия-гигантолиты в индустрии Олдована Дагестана // РА. – 2013. – №3.
- Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. – М., 2016.
- Гусейнов М.М. Ранние стадии заселения человека в пещере Азых // Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова. Серия: История и философия. – 1979. – №4.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерной стоянки Азых и др.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Киев, 1985.
- Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.А., Эйбатов Т.М., Авшарова И.Н., Мустафаев И.М., Сулейманов Т.Я. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // *Azərbaycan arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. – 2013. – №1.
- Зейналов А.А. Азых кров для трех видов рода *Homo* // Известия НАН Азербайджана. Серия: Общественные науки. – 2015. – №1.

В.А. Зейфер
Институт археологии РАН, Москва
НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО В 2015–2016 гг.

В течение 2015–2016 гг. экспедицией Института археологии РАН была проведена серия спасательных археологических раскопок, разведок и наблюдений. Работы проводились в границах объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой г. Переславля-Залесского, XII–XVII вв.».

В 2015 г. в юго-западной и центральной части города было заложено два шурфа 2×2 м. В центральной части города выявленный культурный слой (до уровня консервации) имел мощность 1,30 м и датировался XVI–XVII вв. В юго-западной части города в шурфе были прослежены напластования мощностью 0,7–0,75 м, датируемые XIII–XIV вв. [Леонтьев, 2015].

Общая площадь исследованных участков в 2016 г. составила 420,25 кв. м. Участки располагались на территории Переславского кремля, а также исторического посада города.

Общая площадь спасательных археологических наблюдений составила 34 кв. м. Выявленный культурный слой имел мощность 1,00–1,60 м. Ранний горизонт датировался 2-й половиной XV – XVI в. [Зейфер, 2016].

Спасательные археологические разведки проведены по трем адресам. На каждом объекте заложено по одному шурфу ($2,0 \times 2,0$ м) общей площадью 12 кв. м. Мощность культурного слоя в шурфах составила 0,72–0,82 м. Ранний, насыщенный грунтовыми водами, слой датировался XIII–XIV вв. [Зейфер, 2016а].

Спасательные археологические раскопки произведены на пяти земельных участках. Общая площадь исследований составила 374,25 кв. м. Интересные результаты получены в результате археологических раскопок, на земельном участке по адресу: ул. Трубежная, 12. На участке были заложены четыре шурфа и две траншеи. Общая площадь исследования составила 24,5 кв. м. Мощность культурного слоя – 1,10–1,20 м.

В шурфах №1 и №2 ($1,5 \times 1,5$ м) выявлены четыре стратиграфических горизонта. Ранний горизонт, представленный бурой супесью с древесным углем и тленом, был зафиксирован под стерильной песчаной прослойкой мощностью 0,18–0,20 м. Горизонт насыщен костями животных, обломками лепной и раннекруговой керамики X–XI вв. Горизонт 3, предшествующий стерильной песчаной прослойке, по керамическому материалу датируется XIII–XIV вв.

Раскоп по адресу: ул. Комитетская, 10А имел общую площадь 333,25 кв. м. Мощность культурного слоя составила 1,10–1,40 м, было выявлено около 100 объектов. Часть из них относилась к усадебной застройке XIII–XIV вв. Собрано 640 индивидуальных находок, из которых 65% – изделия из стекла, в основном стеклянные браслеты; 15% – предметы из черного металла; 8% – изделия из глины; 6% – изделия из камня; 4% и меньше – предметы из цветного металла, кости, рога и ткани.

Наиболее интересные объекты усадебной застройки датируются XIII–XIV вв. Объект-4 представлял собой развал глинобитной печи. Котлован подпрямоугольной формы, располагавшийся под слоем прокаленной глины, имел размеры $2,90 \times 2,30$ м и был заглублен в материк на 0,80 м. Зачистка поверхности объекта на отметке -160 см выявила скопление костей животных. Среди крупных костей, принадлежащих корове, лошади, свинье, был найден череп и два шейных позвонка, которые, по совокупности признаков, следует отнести с большей вероятностью к виду собака домашняя. Тем не менее утверждать это категорично нельзя. Череп мог принадлежать волку или гибриду волка и собаки.

Массовый материал объекта-4 датируется XIII–XIV вв. Среди 62 индивидуальных находок, обнаруженных в объекте-4, выделяется большое количество изделий из стекла (браслеты, кольца, бусы). Также были найдены изделия из черного и цветного металла, камня, керамики.

Объект-37 представлял собой погреб жилой постройки. Следы самой постройки прослежены не были. Котлован погреба размером 3,50 × 3,30 м был заглублен в материк на 1,10 м. По керамическому заполнению и индивидуальным находкам датируется XIII–XIV вв. Среди 107 единиц индивидуальных находок в объекте обнаружены стеклянные браслеты в количестве 70 штук. Также найдено 5 стеклянных бусин, 9 фрагментов стеклянных сосудов с росписью эмалью, золотом, донце стакана конического XII–XIII вв. прозрачного желтого стекла. Изделия выполнены из камня, кости и черного и цветного металла. При зачистке дна пласта на отметке -180 см были выявлены остатки деревянной конструкции стен погреба. На отметке -200 см следы древесного тлена (остатки конструкции стен) более четко оформились. По углам котлована прослежены деревянные стойки (жерди), которые держали дощатую конструкцию стен. Доски толщиной 1–1,5 см укладывались горизонтально одна на другую на кромку. При зачистке материка в объекте-37 на границе его отвесной стены и дна были обнаружены следы частокольной конструкции стен, прослеженных по всему периметру котлована. Очевидно, что частокольные стены возвели первоначально, так как выше следы от частокола не прослежены. Дощатые стены – результат ремонта истлевшей в период эксплуатации конструкции частокольных стен. Массовый материал объекта 37 датируется XII – 1-й третью XIII в.

Объект-81 – остатки хозяйственного сооружения, которое представляло собой котлован овальной формы 3,10 × 2,35 м, заглубленный в материк на 0,80 м. Стены котлована пологие. По южной и восточной стене котлована зафиксированы несколько малого диаметра столбовых ям, расположенных на одном уровне (остатки конструкции). Среди 25 индивидуальных находок 18 – стеклянные браслеты. По керамическому заполнению объект датируется XIII–XIV вв.

Объект-82 – хозяйственное сооружение 3,20 × 2,60 м. В материк объект заглублен на 1,30 м. При выборке объекта под достаточно плотным слоем глины и древесного тлена (истлевших досок) на отметке -180 см были выявлены разрозненные кости людей и животных. Всего (судя по количеству черепов) в котловане были захоронены останки не менее 56 индивидов. На нескольких черепах обнаружены повреждения от орудий ударно-раздробляющего действия. Предварительно обнаруженное скопление костных останков можно интерпретировать как санитарное захоронение. На некоторых черепах найдены медные височные кольца круглого сечения диаметром 1,2–1,5 см (XII–XIII вв.). Костный материал располагался хаотично не в анатомическом порядке по всей площади объекта до отметки -210 см. Ниже был прослежен слой темно-серой супеси с углем, перекрывающий плотный слой темно-коричневого суглинка с древесным тленом. Среди 45 индивидуальных находок – изделия из глины, стекла, черного и цветного металлов. В заполнении объекта-82 весь массовый материал – 484 керамических обломка – датируется периодом XII–XIV вв.

Таким образом, спасательные археологические исследования в кремле, а также на территории исторического посада города позволили уточнить мощность и датировку культурного слоя средневекового Переславля. Был выявлен ряд объектов усадебной застройки, датируемой XIII–XIV вв.

Библиографический список

Зейфер В.А. Отчет об археологических наблюдениях на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу: Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Кардовского, 14 и ул. Гагарина, 2 в 2016 г. / Научный архив ИА РАН. – 2016.

Зейфер В.А. Отчет об археологических разведках на территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Культурный слой города Переславля-Залесского, XII–XVII вв.» по адресу: Ярославская обл., Переславль-Залесский, ул. Гагарина, 4; ул. Левая Набережная у д. 5 и ул. Новоплещеевская, 31 в 2016 г. / Научный архив ИА РАН. – 2016а.

Леонтьев А.Е. Отчет об археологических разведках на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Переславля-Залесского, 12–17 вв.» по адресу: Ярославская обл., Переславль-Залесский, пер. Ветеринарный, 11В; ул. Комитетская 10А в 2015 г. / Научный архив ИА РАН. – 2015.

В.А. Зейфер

*Переславский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник,
Переславль-Залесский*

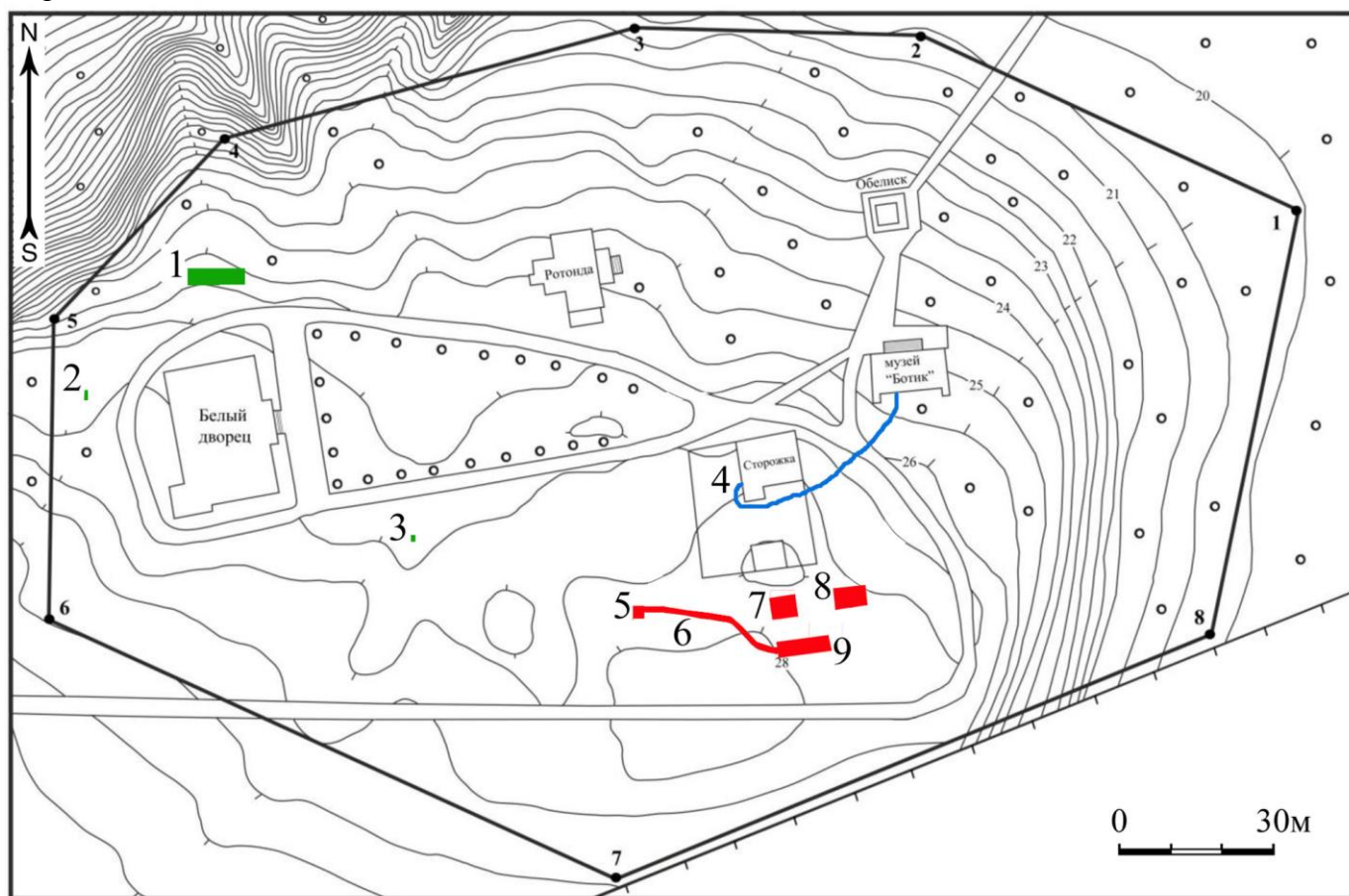
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «СЕЛИЩА X–XIII ВВ.»
НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ «БОТИК ПЕТРА I» В 2016 г.

«Селище Веськово X–XIII вв.» находится на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» в Переславском районе Ярославской области. Открыл его К.И. Комаров [1979] в 1979 г. Селище располагается к юго-востоку от курганного могильника, существовавшего вдоль северного и северо-восточного края горы Гремяч (раскопан в 1853 г. П.С. Савельевым). В 2004 г. на территории памятника проводились охранные работы под руководством В.И. Вишневого [2007, с. 48–55]. Общая площадь исследования составила 39,5 кв. м. Мощность культурного слоя в шурфах – 0,4–0,5 м. Выявлены три погребения, относящиеся к курганному могильнику и датированные X – началом XII в.

На территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» В.И. Вишневым в 2008 г. было зафиксировано разрытие, представляющее собой траншею для прокладки электрического кабеля. В траншее были найдены 6 целых и 4 фрагмента рельефных муравленых изразцов XVII–XVIII вв.

В 2016 г. экспедиция Института археологии РАН провела спасательные археологические раскопки на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» общей площадью 100 кв. м.

Был заложен шурф, три раскопа и траншея для прокладки коммуникаций (рис.)¹, позволившие уточнить сведения о культурном слое памятника, а также сведения о хронологии селища.

¹ На схеме зеленым цветом отмечены спасательные археологические раскопки 2004 г.: 1 – раскоп; 2 – шурф-1; 3 – шурф-2; синим цветом 4 – траншея (разрытие) 2008 г.; красным цветом – спасательные археологические раскопки 2016 г.: 5 – шурф; 6 – траншея; 7 – раскоп-1; 8 – раскоп-2; 9 – раскоп-3.

Культурный слой памятника представлен двумя стратиграфическими горизонтами и имеет мощность от 0,40 до 0,65 м. В нижнем предматериковом слое преобладают обломки лепной гладкостенной и лепной заглаженной керамики VIII–IX вв.

В траншее зафиксированы 13 объектов, заглубленных в материк. Объект №2, возможно являвшийся остатками жилища, был ориентирован по оси ЮЮЗ–ССВ, имел в плане подпрямоугольную форму (2,90 × 0,86 м). Остальные объекты были интерпретированы как хозяйственные и столбовые ямы. К юго-западу от объекта №2 был прослежен объект №1 – яма хозяйственного назначения, содержащая круговую керамику XI–XII вв. и лепную гладкостенную керамику X–XI вв. Всего в траншее было собрано 32 индивидуальные находки, среди которых – изделия из железа, из кости, предметы из стекла и камня. Был найден фрагмент желтой лимоновидной бусины (вторая половина X – XI в.), а также биконическая стеклянная бусина XI–XII вв.

Раскоп 1 имел первоначальный размер 10,0 × 4,0 м и был разбит на два равных участка. При зачистке второго пласта участка 1, на отметке -0,02 м -0,20 м от условного нуля был выявлен валунный фундамент здания. Валунны имели средний размер 0,30 × 0,25 м. Во втором и третьем пластах немногочисленные керамические обломки, собранные у фундамента, датировались XVII–XVIII вв., однако встречались и осколки древнерусской посуды, переотложенные в результате строительства объекта. Предварительно объект №1 датирован концом XVII в., т.е. временем пребывания в Переславле-Залесском Петра I и строительством здесь Потешной флотилии. Валунный фундамент, зафиксированный по всей длине участка 1, имел ширину 0,86–0,90 м и уходил с одной стороны за границу раскопа в северо-западном борту, с другой – на участок 2.

Раскоп 2 общей площадью 21 кв. м располагался в 2,0 м к юго-востоку от раскопа 1. Мощность культурного слоя в раскопе составила 0,50–0,60 м. В наиболее раннем горизонте 2, представленном бурым суглинком мощностью 0,10–0,18 м, массовый керамический материал включал обломки лепной гладкостенной и лепной заглаженной керамики, также был обнаружен один фрагмент текстильной керамики. При зачистке материка было выявлено 9 объектов, представляющих собой ямы хозяйственного назначения и столбовые ямки. В объекте №1 среди развала колотых камней собрано большое количество чешуи рыб разных видов. Среди индивидуальных находок бронзовые: привеска XI–XII вв., пронизка спиралевидная XI–XII вв. и колоколовидная подвеска VIII–IX вв. Найдена бронзовая лировидная пряжка XI–XII вв., имеющая аналогии в материалах могильников на территории Переславского района (например, из курганного могильника у с. Киучер (раскопки М.И. Смирнова, 1925; Е.И. Горюновой, 1960), курганного могильника у с. Купань (раскопки К.И. Комарова, 1971 г.).

Площадь раскопа-3 составила 27 кв. м. Мощность культурного слоя – 0,50–0,65 м. Массовый керамический материал, собранный при выборке горизонта 2, аналогичен керамическому заполнению горизонта 2 в раскопе 2, описанному выше. При зачистке материка зафиксированы 8 объектов, заглубленных в материк, включая траншею под коммуникационные сооружения, столбовые ямки и ямы хозяйственного назначения.

Таким образом, мощность культурного слоя, отложившегося на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I», составила 0,40–0,65 м. Археологическими исследованиями зафиксированы два стратиграфических горизонта, причем ранний из них, горизонт 2, относится к селищу. Он был отмечен во всех объектах, кроме участка 1 раскопа 1; в ряде случаев слой был локально разрушен прокладкой коммуникаций в XX в. Анализ керамического материала позволил расширить хронологические рамки селища с X до VIII–IX вв.

Библиографический список

Вишневский В.И. Еще раз о Владимирских курганах (раскопки на горе Гремяч на Плещеевом озере в 2004 году) // Археология: история и перспективы. – Ярославль, 2007.

Комаров К.И. Отчет о работах Славянского отряда Верхневолжской экспедиции на Плещеевом озере в 1979 году / Архив ИА РАН. Р-1. №7898. Л. 12.

Ю.А. Зеленева
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань;
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (САРАЙ БАТУ)
В 2011–2016 гг.

Поволжская археологическая экспедиция, организованная Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (АН РТ) и Марийским государственным университетом в первой половине 10-х гг. XXI в., продолжала изучение Селитренного городища (г. Сарай Бату). Эти исследования явились прямым продолжением работ, которые экспедиция вела там, начиная с 1965 г., первоначально под руководством Г.А. Фёдорова-Давыдова, а впоследствии – его учеников и последователей.

В 2011–2012 гг. был заложен раскоп на Красном бугре, где обнаружены остатки большого общественного здания, несущие стены которого были построены из обожженного кирпича. Также был зафиксирован участок жилой застройки, образовавшейся на месте разрушенного общественного здания. Там располагались два жилых многоквартирных дома и многочисленные хозяйственные ямы.

Продолжились геомагнитометрические исследования городища, в результате которых на бугре Песчаный были зафиксированы остатки крупного сооружения общественного характера. Предполагаемые размеры обнаруженного объекта – 50 × 50 м.

В 2013 г. были проведены исследования золотоордынского городского некрополя на северо-восточном склоне бугра Змеиный; заложен первый разведочный раскоп на Каменном бугре, на котором располагается большой жилой комплекс XV в.

В 2014–2016 гг. проводились исследования на северо-западном склоне «Больничного» бугра, в месте предполагаемого размещения одного из сооружений крепости «Селитряного городка». Однако в ходе работ выйти на остатки искомым конструкций русского периода не удалось. Мощность культурного слоя вне ям составила 1–1,8 м. На материке были обнаружены 50 хозяйственных ям золотоордынского времени, содержащих в качестве заполнения обломки красноглиняной гончарной поливной и неполивной керамики (как местного, так и импортного производства), кости домашних животных и рыб (частиковых и осетровых пород), фрагменты изделий из стекла и кости, медные золотоордынские монеты и остатки восьми сооружений различных периодов золотоордынского периода.

Таким образом, итогом работы Поволжской археологической экспедиции явилось научное изучение и спасение от полного разрушения нескольких участков золотоордынской столицы. Только в начале XXI в. общий объем исследованной площади городища составил 3000 кв. м, а в совокупности он стал приближаться к 40000 кв. м. В результате исследований были получены новые данные по планиграфии города Сарая, собраны коллекции предметов, изготовленные местными и иноземными мастерами, раскрывающие уровень золотоордынского ремесла и торговли. Были опробованы новые методики исследований археологических памятников без археологического вмешательства. Геофизическими методами обследована территория городища площадью более 50 га. В работе экспедиции за эти годы прошли археологическую учебную практику свыше 400 студентов историко-филологического факультета МарГУ.

Обретенный опыт показал целесообразность деятельности и жизнеспособность Поволжской археологической экспедиции в новых условиях для работы на таком крупном памятнике, каким является Селитренное городище.

А.С. Зеленков
Тюменский государственный университет, Тюмень
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ
ЛЕСОСТЕПНОЙ И ПОДТАЕЖНОЙ ЗОН ЗАУРАЛЬЯ

Специфическая черта погребальных памятников Тоболо-Иртышья – гетерогенный материал, главным образом, посуда, комплекс которой составляют смешанные наборы кушнареновских, бакальских, карымских и потчевашских экземпляров внутри могильников и отдельных погребений. В данном случае при попытке выявить культурную принадлежность могил представляется неудовлетворительной классификация, построенная на традиционном подходе «керамика = культура», так как в данном случае нивелируется ранжирование таксонов внутри археологической типологии и порождаются культуры-фантомы. Более эффективный подход – формально-классификационный. Цель нашего исследования – верификация корреляций культурной принадлежности посуды с признаками погребального обряда раннесредневековых некрополей Западной Сибири методами статистики.

Источниковую базу исследования составили 202 погребения IV–VIII вв. н.э. могильников Перейминский [Чернецов, 1957], Устюг-1 [Матвеева, 2016], Козловский [Матвеева, 2012], Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999], Лихачевский [Генинг, Зданович, 1986], Окуневский [Могильников, Конилов, 1983], Ипкульский [Чикунцова, 2011].

В историографии существуют неоднозначные мнения по вопросу их культурной атрибуции. До начала XXI в. Козловский могильник являлся опорным памятником в историко-культурной схеме В.Н. Чернецова и определял облик карымского этапа нижнеобской культуры. После детализации природы некрополя исследованиями Н.П. Матвеевой [2012], были определены его существенные отличия от нижнеобского массива комплексов. В разное время Перейминский могильник на основе особенностей керамики соотносили со скарымской, молчановской и бакальско-кушнареновской традициями [Могильников, 1993]. Могильник Усть-Тара-7 с неординарными саргатско-карымскими кувшиновидными сосудами интерпретирован как протокушнареновский памятник [Данченко, 2007]. Лихачевский и Окуневский могильники содержат разнородный керамический материал: яйцевидные сосуды с отогнутой наружу шейкой по типу кашинских – в первом и шаровидные с низкой шейкой и фигурно-штамповой орнаментацией – во втором.

Для проверки сформировавшихся представлений о культурной атрибуции некрополей мы придерживались следующего алгоритма. Составлена база данных со 142 признаками погребального обряда без учета культурной принадлежности посуды. Ключом для заполнения ячеек данных выбрана бинарная система 1;0 (да; нет). Для установления круга устойчивых признаков проведен расчет энтропии по формуле Шеннона. Наиболее информативными признаками оказались 53, распределившиеся в периоде индексов от 0,2 до 0,99. Далее, мы работали с отобранными данными в программах Statistica 10 и SPSS 13¹, используя методы кластерного и дискриминантного анализа.

Кластерный анализ сформировал 4 группы погребений (рис. 1). Первый кластер организован на основе признаков грунтового погребения, наличия в могилах гробовища, бересты, перстня или кольца, угля в погребении. Для второго кластера характерны одиночные захоронения, культ огня в могиле, зооморфные украшения. Третий кластер отличается подпрямоугольной формой могильных ям, групповыми захоронениями, двумя погребениями под насыпью, костями лошади, уздечкой. Четвертый кластер образуют гривна, браслет, нож. Общими для всех кластеров выступили следующие признаки: сосуд в погребении, вытянуто на спине, север, узкие ямы.

Дискриминантный анализ (рис. 2) установил 77,7% степени точности классификаций погребений по культурной принадлежности посуды. Стоит отметить независимость первой группы (потчевашской) от основного массива (98%). Также подтвердилась точность

---

¹ В работе использованы демонстрационные версии программ.

группировки второй (бакальской) и третьей (карымской) групп – 63 и 60% соответственно. Объяснение низкой точности формирования групп 4 (бакальской и кушнаренковской), 5 (молчановской и кушнаренковской), 6 (кушнаренковской) и 7 (не атрибутированной) кроется в высокой доле их сопряженности с бакальскими и карымскими могилами. Анализируя график канонической дискриминантной функции, обращаем внимание на плотность внутри данных скоплений, их расположение на одних осях, что позволяет сделать вывод об устоявшемся погребальном обряде у потчевашской, бакальской и карымской культур, а также многокомпонентности их гончарных традиций (рис. 2).

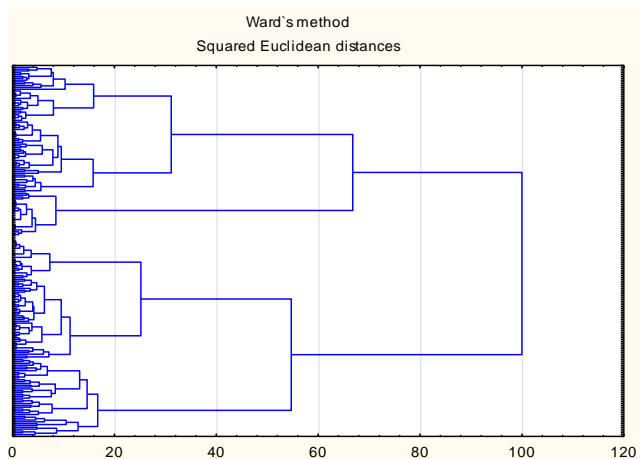

Рис. 1. Древоидная диаграмма кластерного анализа

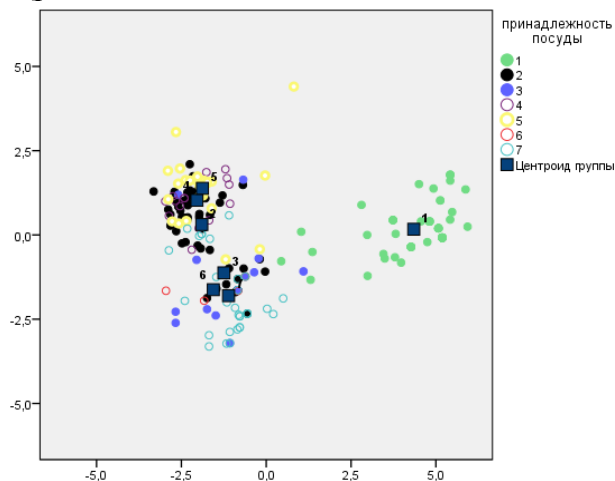

Рис. 2. Каноническая дискриминантная функция

Таким образом, не подтвердилась гипотеза о возможности классификации погребений по принципу керамика = культура. Вероятно, это связано с ошибками в типологии и классификации раннесредневековых материалов Западной Сибири. Стоит признать их типами керамической традиции [Матвеева, 2007]. Этому не противоречат факты совместного залегания, например, бакальской и кушнаренковской керамики на ряде поселений (Усть-Утяк-1, Коловское и др.).

Библиографический список

- Генинг В.Ф., Зданович С.Я. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – 1986.
- Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья // Проблемы бакальской культуры. – 2008.
- Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология Евразийских степей. – 2007. – Т. II.
- Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. – Тюмень, 2012.
- Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). – Тюмень, 2016.
- Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. – 1983. – №2.
- Могильников В. К проблеме исходной территории миграции протомадьяр // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара, 1993.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Ежегодник. – Вып. 3. – 1999.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. – 1957. – №58.
- Чикунова И.Ю. Новые данные о погребальном обряде населения южнотаежного Притоболья в раннем средневековье (по материалам Ипкульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Т. 1. – Иркутск, 2013.

А.Ю. Зеленская
Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, Магадан
АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ СО СТОЯНКИ УСТЬ-БЕЛАЯ, КУРГАН 15,
И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Стоянка-могильник Усть-Белая на р. Анадырь (Чукотка) открыта Н.Н. Диковым в 1956 г. Им было раскопано 15 курганов с человеческими погребениями и инвентарем. На этих материалах выделена поздненеолитическая усть-бельская культура [Диков, 1961, 1979]. Однако результаты исследований опубликованы тезисно, без морфометрического описания комплексов, в том числе костяного инвентаря из кургана 15, представляющего важный материал по изучению межкультурных контактов в период позднего неолита Чукотки.

C-14 анализ костей черепа в рамках данного исследования дал дату 2760 $\pm$ 20 (UGAMS-20273), которая хорошо коррелируется с датами, полученными по углю [Диков, 1979], что соответствует позднему неолиту – началу эпохи ранних металлов (начало I тыс. до н.э.).

Костяной инвентарь представлен фрагментом основания насада гарпуна, фрагментом наконечника, тремя посредниками для наконечников стрел, «пуговицей» и рукояткой резца (найдена вместе с резцом из кремня). Приемы обработки кости стандартные – пиление, сверление, резание (в том числе орнаментация), строгание (возможно металлическим предметом), абразивная обработка и шлифовка.

Фрагмент основания насада зубчатого гарпуна (рис.-5) имеет одно округлое отверстие для линия, по бокам от которого сделаны выемки в виде неглубокого перехвата, ограниченные выступами. Черешок подтрапещевидной формы в плане и клиновидный в сечении. Ближайшие аналогии этому гарпуно прослеживаются в Северо-Западном Приохотье, на стоянках Ольская токаревской культуры I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [Лебединцев, 1990, рис. 62.-15], Атарган, Средняя, древнекорякской культуры конца I тыс. н.э. [Васильевский, 1971, табл. XIV.-12; табл. XX.-14, табл. XLVI.-10]; на Камчатке, стоянках Анадырка, Жупаново II слой, древнеительменская культура I тыс. до н.э. [Пономаренко, 2000, табл. 63.-2, табл. 91.-1] и Лопатка-I, поздний этап тарьинской культуры – конец I тыс. н.э. [Дикова, 1983, табл. 17.-9]; на Аляске, Алеутских островах, стоянка Умнак алеутской традиции II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [Diamond, 1987, fig. 34], и острове Кадьяк, стоянка Уяк, культуры поздний Качемак – ранний Кониак, I тыс. н.э. [Heizer, 1956, pl. 57.-k, 1]. Из чего следует, что данный тип наконечника был широко распространен в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на территории Северной Пацифики, за исключением Чукотского п-ова.

Фрагмент орнаментированного костяного наконечника (рис.-6) (костяная поделка по: [Диков, 1979]) имеет удлиненно-подтреугольную форму в плане и овальную в поперечном сечении. Насад сломан по отверстию. На одной из плоскостей прочерчен «елочный» орнамент, сбоку от которого – орнамент из «галочек», идущие параллельно длинной оси изделия. На другой стороне – орнамент из «вороньих лапок», подобный которому отмечен у населения на мысе Дежнева в конце XIX в. [Nelson, 1900, с. 324]. Орнамент «птичьей лапки (...вероятно, ворона)» присутствует и на костяных наконечниках лахтинской культуры [Орехов, 1987, с. 132]. Такой же узор (включая «елочку») встречается на костяных гарпунах на стоянке Уяк, Аляска [Heizer, 1956, fig. 38.-i, j, k]. Вопрос о типе изделия остается открытым из-за его фрагментированности, но округлое отверстие для линия (как у гарпунов), продолговато-зауженная форма и характерная орнаментика позволяет отнести его к наконечникам.

Три костяных посредника (рис.-1–3) длиной 6–8 см имеют пазы на обоих продольных концах (на одном расположены перпендикулярно друг к другу). Орнамент на всех посредниках представляет собой редкие тонкие линии, параллельные длинной оси орудия. На одном из посредников имеется дополнительный декор в виде прорезанного ободка. Близкие по форме орудия встречаются в Якутии, в Дюпсинском и Покровском погребениях усть-мильской культуры I тыс. до н.э. [Степанов и др., 2014, рис. 1 (I).-1, 4]; в Северо-Западном Приохотье, на стоянке Ольская [Лебединцев, 1990, рис. 73.-16]; на Камчатке,

стоянках Анадырка и Галган [Пономаренко, 2000, табл. 63.-15; табл. 64.-5, 6, табл. 11.-20]; на Аляске, на стоянке Треил Крик, культура чорис и ниа-ипиутак [Bandi, 1972, fig. 20] – конец II – середина I тыс. до н.э.

Костяная «пуговица» (рис.-4) длиной около 3 см имеет односторонне выпуклое сечение (нижняя часть плоская), на краях имеются утолщения, соединенные узкой частью – «шейкой». Подобные изделия встречаются на Чукотке в Уэленском могильнике древнеэскимосской культуры I тыс. н.э. и отнесены к типу застежек, которые «использовались как для промысловой сумки, так и для специальной наплечной ляжки, которой пользовались для транспортировки убитой нерпы...» [Арутюнов и др., 1969, с. 144, рис. 80.-1]. На Аляске, стоянке Нуклит, в культуре нуклит I тыс. н.э. они определены как «line guides», которые использовались как направляющие для линия [Giddings, 1964, pl. 31.-26–28]. Таким образом, эти костяные изделия характерны для поздних эскимосских культур и использовались в утилитарных целях, хотя иногда украшались резным орнаментом, и могут характеризоваться как предметы искусства.

Жители Усть-Бельской стоянки принадлежали к арктической расе (очевидно, чукчей); но вполне возможно, в процессе мисгенации приобрели не характерные для своей расы физиологические черты, такие как ортогнатность лицевого профиля [Гохман, 1961]. Усть-бельская культура является внутриконтинентальной, но характер костяного инвентаря указывает на ее связи с приморскими культурами эскимосов, коряков, ительменов и алеутов. От них они могли заимствовать гарпунный комплекс для охоты на морского зверя, который, следуя за лососем, заплывал по р. Анадырь в район стоянки. Костяной инвентарь составляет малую долю по отношению к каменному, что отражает преимущественную ориентацию усть-бельцев на континентальную оленнюю охоту.

Таким образом, пока еще слабо атрибутированный материал Усть-Бельской стоянки дает нам ценные сведения по позднему неолиту Чукотки.

Изделия из кости и рога кургана №15 Усть-Бельского могильника

Библиографический список

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М., 1969.
- Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск, 1971.
- Гохман И.И. Древний череп с Чукотки // Записки ЧОКМ. – 1961. – Вып. II.
- Диков Н.Н. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 г. // Записки ЧОКМ. – 1961. – Вып. II.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – М., 1979.
- Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М., 1983.
- Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л., 1990.
- Орехов А.А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. – М., 1987.
- Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. – П.-Камчатский, 2000.
- Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Дж.Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского государственного университета. – 2014. – Т. 7.
- Bandi H.G. Eskimo Prehistory. – Fairbanks, 1972.
- Dumond D.E. The Eskimo and Aleuts. – London, 1987.
- Giddings L.J. The archaeology of Cape Denbigh. – Providence, 1964.
- Heizer R.F. Archaeology of the Uyak Site, Kodiak Island, Alaska. – Berkeley, 1956.
- Nelson E.W. The Eskimo about Bering strait. – Washington, 1900.

О.В. Зеленцова
Институт археологии РАН, Москва
«ВЕНГЕРСКИЙ СЛЕД», ИЛИ СЛЕД ВЕНГРОВ
В СРЕДНЕЦНИНСКИХ МОГИЛЬНИКАХ МОРДВЫ

Вслед за монахом Юлианом венгерские ученые в поиске прародины древних мадяр и их пути на запад обращают свое внимание на восток – в Волго-Камское междуречье, где по сведениям миссионера в XIII в. ему удалось встретить людей, разговаривающих на венгерском языке [Аннинский, 1940, с. 71–112]. Традиционно при обращении к этой теме в поле зрения исследователей оказываются могильники древней мордвы, в материалах которых встречаются вещи схожие с древностями венгров Панонии эпохи «обретения Родины».

Еще в середине 1930-х гг. для локализации Левадии, в том числе на территории Поволжья А.А. Захаровым и В.В. Арендтом были привлечены материалы мордовского Лядинского могильника, в котором они отметили вещи, имеющие аналогии в венгерских древностях [Studia Levadica, 1935]. Аналогии венгерским поясным наборам в мордовских материалах Цны находил Н. Феттих [Fettich, 1937], к материалам Крюковско-Кужновского могильника обращался И. Динеш при публикации погребения из Karancslajto, где был найден аналогичный крюко-вокужновскому пояс [Dienes, 1964]. Иштван Эрдели в 2008 г., публикуя находки «венгерского стиля» в Восточной Европе, включает в каталог все известные на тот момент по публикациям находки из Крюковско-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского и Лядинского могильников как вещи, связанные с венгерским кругом древностей [Erdelyi, 2008]. Активно вводят в научный оборот эти вещи современные венгерские исследователи [Тюрк, 2013, 2014 и др.].

Таким образом, уже почти 100 лет в мордовских могильниках Средней Цны исследователи выделяют круг вещей, имеющих аналогии в древностях венгров периода «обретения Родины», но до сих пор статус их остается неясным – обозначают ли они присутствие венгров на этих территориях и маркируют путь венгров на новую Родину, либо характеризуют явления иного порядка, связанные с движением вещей и моды.

Находки венгерского круга представлены поясными наборами из низкопробного серебра с позолотой и орнаментом, выполненным в так называемой «мадьярской» художественной традиции; поясные сумки с металлической накладной пластиной или сумочки с отдельными накладками, так называемые «ташки»; престижное оружие – сабли, кинжалы в футлярах с характерным орнаментом, а также стремена, прочно связываемые в археологической литературе с угорской традицией.

Погребения с вещами «венгерского круга» по многочисленным аналогиям и монетам датируются в пределах рубежа IX–X – 1-й половиной X в. Больше всего погребений с вещами «венгерского круга» в Крюковско-Кужновском могильнике (42 погребения), в Лядинской их около семи, в Пановском – четыре, в Елизавет-Михайловском всего одно, в могильнике «Красный Восток» на р. Мокше – две. В могильниках северной группы мордвы на р. Тёше такие находки отсутствуют, в муромском Подболотьевском могильнике был найден уздечный набор из бронзы, выполненный в мадьярской стилистике.

Эти вещи характерны только для мужских комплексов. В Крюковско-Кужновском могильнике они встречаются в 40% мужских погребений этого периода (в 34 из 77 мужских). Это наиболее хорошо вооруженная группа мужчин, которые имели по 3–4 вида оружия, а также престижные вещи – сабли, стилеты в серебряных футлярах, металлические котлы и пр. Только в комплексах с поясами венгерского стиля присутствуют сумочки-ташки.

При жизни пояса и оружие, выполненные в венгерском стиле, были дорогими вещами. Поясные наборы выполнены из серебра, лицевые поверхности накладок

позолочены, что является узнаваемой мадьярской техникой оформления; изготовлены очень качественно, в отличие, например, от бронзовых, достаточно в массе своей грубо изготовленных, салтовских наборных поясов этого времени. Безусловно, эти вещи были выражением богатства и статуса владельца, принадлежали верхушке воинства.

Кем были эти воины и можем ли мы говорить о венграх в мордовских землях?

Сопоставление признаков погребального обряда, выделяемых венгерскими исследователями для мадьяр эпохи обретения родины (западная ориентировка, скрещенные ноги, наличие лицевого покрытия или наглазников, захоронение коня, присутствие оружия, наборного пояса, сумочка), мы можем констатировать, что в погребениях с венгерскими вещами на Цне присутствуют признаки только материального порядка и полностью отсутствуют иные детали погребальной обрядности. Так называемые «венгерские» вещи в мордовских могильниках в первую очередь были отражением престижной воинской моды, а большой процент (60%) вооруженных мужчин в могильниках на Цне, вероятно, являлся результатом той роли, которую играло крюковско-кужновское население в это время на северо-восточной границе Хазарии.

Картографирование венгерских находок показывает, что все они найдены в могильниках, расположенных на границе леса и степи, на северо-восточной границе Хазарского каганата. В этих же приграничных могильниках отмечается высокий процент погребенных с оружием (до 80%), в отличие от мордовских могильников на «внутренних землях», расположенных на нижней Мокше, на Теше, где оружие в виде копья и топора, реже стрел присутствует только в 40% захоронений и носит универсальный характер. Нет там и поясов венгерского круга, как чуть ранее редко встречались салтовские пояса.

Однако поиск венгров-воинов в мордовской среде не совсем бесперспективен. К ним, вероятно, можно отнести мужское захоронение 10 из Армиевского могильника на р. Сура под Пензой, исследованное в 1981 г. А.Х. Халиковым [1981]. В мужском погребении, ориентированном на запад, помимо узкого железного ножа в кожаных ножнах (стиллет?) была найдена на черепе тонкая серебряная пластина, которую автор раскопок интерпретировал как наглазник.

Библиографический список

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – Т. 3. – М. ; Л., 1940.

Dienes Istvan. A Karancslapujtői honfoglalás kori öv es mordvinföldi hasonmasa // Arhaiologiai érsésító. – Vol. 91. – Budapest, 1964.

Erdelyi Istvan. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti maguarság régészeti emlékei. – Budapest, 2008.

Zakharow A. StudiaLevedica: Archaeologischer Beitragzur Geschichte der Altungarnim IX. Jh. // Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1934. – Т. XVI.

Тюрк А. От Урала до Карпатов. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // II Международный Мадьярский симпозиум : сборник научных трудов. Челябинск, 13–17 августа 2013 г.) – Челябинск, 2013.

Türk Attila. A korai Magyar történelem és a szaltovói régészeti kultúrkör. – Budapest ; Szeged, 2014.

Fettich N. Metallk unst der Landnehmenden Ungarn // Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1937. – Т. XXI.

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1981 году. Казань, 1982 / Архив ИА РАН, Р-1.

В.Н. Зенин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ИЗМЕРЕНИЯ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ВОЗРАСТА НАТУРАЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ НА УСКОРИТЕЛЬНОМ МАСС-СПЕКТРОМЕТРЕ В ЦКП «ГЕОХРОНОЛОГИЯ КАЙНОЗОЯ»

В Центре коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» Института археологии и этнографии СО РАН установлен первый (и пока единственный) в России комплекс ускорительной масс-спектрометрии, осуществляющий радиоуглеродный анализ. Радиоуглеродный анализ – метод определения возраста объекта по концентрации космогенного изотопа ^{14}C в образце. Ускорительная масс-спектрометрия (УМС, в англоязычной аббревиатуре AMS) – это современный метод сверхчувствительного датирования археологических и геологических объектов по содержанию космогенного изотопа ^{14}C (радиоуглерод). Уникальная чувствительность УМС по изотопу ^{14}C позволяет работать с малыми по массе углеродными образцами графита (~ 1–3 мг). Чувствительность УМС-анализа в 10000 раз и более превосходит чувствительность метода определения концентрации ^{14}C подсчетом числа распадов (сцинтилляционный счетчик), широко применяемого в России для датирования объектов. Столь высокая чувствительность УМС достигается за счет прямого поштучного измерения ионов ^{14}C в исследуемом объекте.

УМС-комплексы работают в настоящее время в нескольких десятках лабораторий мира. Уже сейчас, при уникально малой массе исследуемого образца, результаты УМС датировок превосходят достижения классического метода подсчета числа распадов ^{14}C и эффективно используются для рутинного датирования археологических и геологических объектов.

Установленный в ЦКП «Геохронология кайнозоя» комплекс УМС был создан в 2009 г. в Институте ядерной физики СО РАН (руководитель проекта академик РАН В.В. Пархомчук). В данном УМС-комплексе, в отличие от других установок УМС, используется фильтр по энергии в высоковольтном терминале, что позволяет существенно снизить поток фоновых частиц. Второй существенной особенностью данного УМС является использование мишени на парах магния для перезарядки ионов. Такая мишень не ухудшает вакуум за пределами нагреваемого объема. Таким образом, в проекте УМС СО РАН заложены дополнительные методы фильтрации ионного фона, позволяющие повысить достоверность идентификации изотопа ^{14}C при анализе исследуемых образцов. Устойчивая работа комплекса УМС при 1МВ ускоряющего напряжения позволяет проводить радиоуглеродные измерения с 1% статистической ошибкой для современного образца.

В период 2010–2016 гг. в ЦКП изготовлено и проанализировано на УМС более 2000 методологических (стандарты) и природных (дерево, уголь, кость, торф, нефть и т.д.) образцов, при углеродной массе 3 мг/образец. Более половины измерений радиоуглеродного возраста природных образцов выполнено для археологических стоянок и палеонтологических местонахождений Евразии (около 1000 образцов). Основными заказчиками являются университеты, академические институты и музеи России.

Несмотря на применяемые методы очистки проб от постороннего углерода, полностью исключить искажение истинного возраста объектов датирования невозможно. Особенно невозможно учесть искажение возраста для единичных проб. В ЦКП широко применяется серийное датирование объектов, что дает большую уверенность в радиоуглеродной информации. С целью объективного контроля за устойчивой и качественной работой всего комплекса УМС, включая химическую подготовку образцов, в ЦКП осуществляется программа сверочного датирования в ведущих радиоуглеродных лабораториях мира. К настоящему времени выполнено 38 сверок с образцами, датированными в ИГМ СОРАН (индекс СОАН), и 6 сверок образца, датированного в Гронингском университете (индекс GrA). Проведено сверочное измерение радиоуглеродного возраста изготовленных в ЦКП 44 проб углерода в Аризонском университете (индекс AA) и 97 проб – в университете Джорджии (индекс UGAMS). Достигнутая точность измерений проб углерода в ЦКП «Геохронология кайнозоя» и в зарубежных AMS-лабораториях не превышает статистической ошибки.

В.Н. Зенин¹, С.В. Лещинский²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Томский государственный университет, Томск

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ВОЛЧЬЯ ГРИВА (Западная Сибирь)

Работа проведена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036,
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»),

Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (2015–2016 гг.)
и государственного задания Минобрнауки России (проект 5.4217.2017/ПЧ)

Волчья грива – возвышенность на востоке Барабинской низменности (с. Мамонтвое, Каргатский район, Новосибирская область) длиной ~ 8 км, шириной до 1 км и относительной высотой 10–15 м. В 1957 г. здесь впервые найдены кости нескольких мамонтов, лошадей и бизона. Дальнейшее изучение объекта в XX в. было нацелено в основном на выяснение роли палеолитического человека в образовании этого крупного мамонтового «кладбища» [Алексеева, Верещагин, 1970; Окладников и др., 1971; Лещинский, 2001]. В 2000-е гг. серией ¹⁴C дат уточнен возраст местонахождения (непрерывный интервал ~ 18–11 тыс. л.н. и дискуссионная дата ~ 34 тыс. л.н.), который показал, что здесь существовал самый южный и один из самых молодых мамонтовых рефугиумов Евразии [Leshchinskiy et al., 2008].

С 2015 г. работы на Волчьей гриве возобновлены. Современные геоархеологические и палеонтолого-стратиграфические исследования направлены на комплексное изучение плейстоцен-голоценовых биогеоценозов юга Западной Сибири, особенно биотических и абиотических связей мамонтовой фауны, включая человека. В первый после многолетнего перерыва сезон на площади 12 кв. м, непосредственно примыкающей к раскопу 1/1991 г., обнаружено более 600 остатков шерстистого мамонта (минимум 6 особей) – *Mammuthus primigenius* Blumenbach, 1799 и 19 – лошади – *Equus* sp. При средней мощности костеносного горизонта ~ 0,35 м (глубина залегания находок ~ 0,8–1,2 м) концентрация ископаемых остатков составила более 50 экз./1 кв. м. Причем большинство из них имели максимальные стадии выветривания и признаки трамплинга, что указывает на продолжительное экспонирование каркасов животных на дневной поверхности после их смерти, по-видимому, более 15–25 лет [Лещинский и др., 2015]. По материалам 2015 г. методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в ЦКП «Геохронология кайнозоя» и Университете Джорджии получена новая серия из 27 ¹⁴C дат, расширившая непрерывный возрастной ряд до ~ 20,3 тыс. л.н. Более половины из полученных датировок лежит между 19 и 17 тыс. л.н.

В 2016 г. исследования впервые проводились в центре с. Мамонтвое – в 700 м от места всех предыдущих работ на северо-восточном краю гривы. В результате раскопок на площади 9 кв. м кроме обычного уровня залегания находок (~ 0,8–1,4 м от поверхности) был выявлен более глубокий (~ 1,6–2,14 м). Многие кости из нижнего уровня очень хорошей сохранности, так как они были перекрыты песчано-глинистыми осадками в небольшой промоине через несколько лет после смерти животных. С этим же связано относительно большое количество анатомических сочленений. В раскопе 2016 г. обнаружено 785 остатков млекопитающих, почти все принадлежат мамонтам (вероятно, не менее 8 особей) и лишь немногие – бизону, лошади и впервые обнаруженным на Волчьей гриве – мелким хищникам и грызунам. Остатки мамонтов представляют все отделы скелета, причем кости из нижнего уровня крупнее аналогичных костей, принадлежавших особям близкого индивидуального возраста из вышележащих отложений. Тафономические особенности обусловили высочайшую концентрацию костей – на большей части раскопа свыше 130 экз./1 кв. м (3 кв. м были почти «пустыми»). Очевидно, что изначальная концентрация в субаэральном танатоценозе Волчьей гривы была выше, так как выветривание, хищники и падальщики уничтожили большое количество остатков животных (особенно, мамонты). Таким образом, локальная концентрация остатков *M. primigenius* на Волчьей гриве – сегодня самая высокая в Азии для

этого вида. Сравнение возможно с аллювиальным местонахождением Берелёх (Северная Якутия), где на некоторых участках фиксировалось до 50 находок на 1 куб. м [Верещагин, 1977; Leshchinskiy, 2017].

На костях мамонтов всех уровней Волчьей гривы зафиксированы патологические изменения, типичные для остеодистрофии, которая часто развивается в условиях недостатка в среде обитания жизненно необходимых макро- и микроэлементов. Хроническое минеральное голодание в конце плейстоцена обуславливало непреодолимое стремление крупных травоядных к миграциям на зверовые солонцы, где они могли употреблять отложения, поверхностные и грунтовые воды, богатые дефицитными элементами. Во время сартанского похолодания литофагия была главной причиной посещения мамонтовой фауны Волчьей гривы из-за благоприятного Са-На геохимического ландшафта. В пики минерального дефицита она становилась своеобразным оазисом – очагом активности мамонтов и других млекопитающих, включая человека. Периодическое массовое скопление (десятков, возможно, сотен особей во время миграций, гона и периода лактации) животных, их относительно высокая смертность и благоприятные условия захоронения на отдельных участках рельефа способствовали формированию крупного местонахождения [Лещинский, 2001; Leshchinskiy, 2015].

Роль палеолитического населения в накоплении костеносного горизонта Волчьей гривы представляется незначительной. В процессе раскопок всех лет обнаружены лишь редкие каменные артефакты (56 экз.), тогда как свидетельства охоты и достоверные следы разделки туш отсутствуют [Окладников и др., 1971; Лещинский и др., 2015]. Поэтому с уверенностью можно сказать только то, что человек использовал остатки мамонтов, павших от болезней, травм, хищников и прочих причин, в процессе жизнедеятельности. Этот вывод подтверждает мнение исследователей о том, что Волчья грива – место естественной гибели мамонтов, освоенное палеолитическим человеком [Абрамова, Григорьева, 1997].

Библиографический список

- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. – Вып. 3. – СПб., 1997.
- Алексеева Э.В., Верещагин Н.К. Охотники на мамонтов в Барабинской степи // Природа. – №1. – 1970.
- Верещагин Н.К. Берелехское «кладбище» мамонтов // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири : труды Зоологического института АН СССР. – 1977. – Т. 72.
- Лещинский С.В. Новые данные о геологии и генезисе местонахождения Волчья Грива // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : материалы Международного симпозиума. – Новосибирск, 2001.
- Лещинский С.В., Зенин В.Н., Бурканова Е.М., Дудко А.А., Гулина А.В., Федяев Н.Я., Семиряков А.С., Канищева Е.В. Комплексные исследования Барабинского мамонтового рефугиума в 2015 г. // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – №400. – DOI: 10.17223/15617793/400/56
- Окладников А.П., Григоренко Б.Г., Алексеева Э.В., Волков И.А. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива (раскопки 1968 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск, 1971. – Вып. 2.
- Leshchinskiy S. Enzootic diseases and extinction of mammoths as a reflection of deep geochemical changes in ecosystems of Northern Eurasia // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2015. – Vol. 7. – №3.
- Leshchinskiy S.V. Strong evidence for dietary mineral imbalance as the cause of osteodystrophy in Late Glacial woolly mammoths at the Berelyokh site (Northern Yakutia, Russia) // Quaternary International, 2017. – <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2017.02.036>
- Leshchinskiy S.V., Kuzmin Y.V., Zenin V.N., Jull A.J.T. Radiocarbon Chronology of the «Mammoth Cemetery» and Paleolithic Site of Volchia Griva (Western Siberia) // Current Research in the Pleistocene. – 2008. – Vol. 25.

Э.Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва
КАРАВАН-САРАИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Одним из несомненных достижений монгольской империи считается создание ямской службы. Ямы, учрежденные ханами монголов, отнюдь не предполагали наличия стационарного жилья. Об этом говорится, в частности, в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло [1955, с. 45]. В тех частях Монгольской империи, где традиции оседлости существовали ранее, ситуация была иной: здесь строились караван-сарай, в которых путешественники могли устроиться с комфортом [Поло, 1955, с. 121].

Монгольская империя являлась своеобразным мостом, соединившим страны Восточной Азии и Европы: на ее территорию приходилась почти вся протяженность Великого Шелкового пути. Оживление международной торговли, находившейся под защитой и покровительством центральной власти, повлекло за собой восстановление существующих и строительство новых постоянных дворов во всех странах, вовлеченных в этот процесс. В Иране, Средней Азии, Малой Азии, Закавказье существовала развитая система караван-сараяев в домонгольский период, в XIII–XIV вв. многие из них продолжают функционировать, но также строятся и новые.

Золотая Орда, сначала как часть империи, а потом – самостоятельное государство, была активным участником международной торговли. Через причерноморские портовые города Каффа, Солдайа, Азак, Аккерман-Монкастро поступали товары из стран Средиземноморского бассейна. Дальше на восток караванные пути шли в Нижнее Поволжье, прежде всего, в Сарай [Федоров-Давыдов, 2001, с. 205]. Из Сарая и Хаджи-Тархана через степи караваны шли в Сарайчик, оттуда в Хорезм и дальше на Восток, вплоть до Китая и Индии.

В Золотой Орде, которая была столь мощной торговой державой, и через земли которой непрерывным потоком шли караваны в различных направлениях, должны были существовать караван-сарай. Пока их известно немного и почти исключительно в азиатской части. Наиболее хорошо изучен путь между из Хорезма до Сарайчика, оборудованный сетью караван-сараяев. Согласно источникам, он занимал от 20 до 40 дней [Федоров-Давыдов, 2001, с. 214].

Путь из Хорезма в Сарайчик начинался в Ургенче. Следующим пунктом, в котором караван мог остановиться на ночлег, является городище Шемаха-кала, расположенное в 60 км к западу от Куня-Ургенча на отроге плато Устюрт. К северу от Шемахи находится удобный естественный подъем Шибинды, в 12–15 км от которого расположено городище Пульжай. Примерно в 30 км от Пульжая начинается караванный путь, оборудованный целой цепью караван-сараяев, который интенсивно функционировал в XIV в.

Первое археологическое обследование памятников Устюрта было проведено в 1946 г. Хорезмской экспедицией. Во время авиаразведок были открыты местоположения развалин караван-сараяев Учкудук, Булак, Кос-булак, Белеули. Работы на Устюрте были продолжены ХАЭЭ в 1950 г. [Толстов, 1958, с. 14–18]. С.П. Толстов датировал устюртские караван-сарай XI–XII в. В 1975–1978 гг. экспедицией отдела археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Уз ССР были исследованы все караван-сарай Центрального Устюрта, находящиеся в пределах Каракалпакии. Эти работы окончательно доказали, что постройку караван-сараяев на этой дороге нужно отнести к золотоордынскому времени. Все материалы исследований были подробно и обстоятельно опубликованы [Манылов, 1982; Манылов, Юсупов, 1982].

Памятники расположены цепочкой, практически по прямой линии, идущей с юго-востока на северо-запад от северного борта шора Барсакельмес. Здесь находились караван-сарай Учкудук, Ажигельды, Косбулак, Белеули, Чурук, Куптам (Бельдеули), Коскудук. Расстояние между караван-сараями Учкудук и Коскудук – около 170 км. На реке Сагыз

исследован караван-сарай Тас-кичу (Таш-кичу). Все они относятся к одному типу планировки. Это однодворовые постройки, квадратные или близкие к квадрату в плане, с одним входом. Застройка секционнo-галерейная вдоль четырех стен в один ряд. Причем к трем стенам примыкают жилые секции и общественные помещения (мечеть), а к противоположной входу стене – хозяйственная галерея. Часть зданий построена из камня (Учкудук, Белеули, Чурук, Коптам, Коскудук), остальные – из кирпича (Ажигельды, Косбулак, Куше, Таскешу). Различаются караван-сарай количеством башен. Учкудук, Ажигельды и Косбулак имеют башни только с фасадной стороны, у Чурука и Бельдеули башнями укреплены все четыре угла, а у Белеули, Коскудука и Таскешу имеются полубашни по центру боковых стен и с тыльной стороны (Коскудук). Поэтому, вне всякого сомнения, можно согласиться с С.П. Толстовым [1958, с. 19], считавшим, что эти сооружения построены одновременно, как единый комплекс.

В Поволжье и степях юга России караван-сарай до сих пор неизвестны. Это объясняется, скорее всего, недостаточной изученностью золотоордынских памятников в этих регионах. Кроме того, современники неоднократно отмечали опасность дорог в Улусе Джучи. Поэтому можно предположить, что постоянные дворы в Золотой Орде необязательно должны иметь вид замка-крепости, как в Иране, Средней Азии, Армении и Анатолии. Караван-сарай могли состоять из нескольких небольших домов с помещениями для вьючных животных и товаров, а в степи это могли быть просто юрты.

На западном конце караванного пути, в Крыму, известно одно здание, которое традиционно считается караван-сараем золотоордынского времени. Постройка находится в Солхате, на его южной окраине. Здание в плане пятиугольное (прямоугольник со срезанным углом). Стены сложены из плохо обработанного местного известняка на известковом растворе с вставленными в их толщу деревянными рамами для большей прочности кладки и правильной осадки различных частей здания. В верхней их части видны углубления для деревянных балок, на которых крепилась крыша помещений первого этажа. По мнению исследователей, помещения вдоль стен могли быть двухэтажными, тогда балки служили основанием настила полов комнат второго яруса. На углах монументальных стен находятся башнеобразные пристройки. Общая площадь здания – около 2500 кв. м.

Таким образом, несмотря на то, что Золотая Орда была великой торговой державой средневековой эпохи, такой важный элемент международной и внутренней торговли, как постоянные дворы, или караван-сарай, на большей ее территории практически неизвестны. Можно говорить только о постройках на Устюртском караванном пути, которые связаны со среднеазиатской (хорезмийской) архитектурной школой. Что касается остальных регионов Улуса Джучи, то определение местонахождения караван-сараяв в них и изучение этой категории зданий является одной из важных задач золотоордынской археологии.

Библиографический список

- Манылов Ю.П. Археологическое исследование караван-сараяв центрального Устюрта // Археология Приаралья. – Вып. 1. – Ташкент, 1982.
- Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сарай Центрального Устюрта // СА. – 1982. – №1.
- Поло Марко. Книга Марко Поло. – М., 1955.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографической экспедиция АН СССР в 1946 г. // ИАН. – 1947. – №2. – Т. IV.
- Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 : труды ХАЭЭ. – Т. II. – М., 1958.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. – М., 2001.

О.Ю. Зимина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В эпоху поздней бронзы на территории Нижнего Приишимья появляются поселения сузгунской культуры. Сложившаяся «под влиянием и при участии» носителей пахомовской культуры [Корочкова, 2011, с. 29] сузгунская культура получила распространение на обширной территории лесостепной и подтаежной зон Тоболо-Иртышья [Полеводов, 2003] и в западной части Барабинской лесостепи [Молодин, 1985]. Считается, что большое влияние в финале бронзового века на культуру населения Нижнего Приишимья оказывали коллективы бархатовской культуры, основной ареал которой локализуется в долине р. Тобол [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54; Аношко, Рыжкова, 2005; Корочкова, 2011, с. 31]. В то же время ряд памятников Нижнего Приишимья содержат керамические комплексы типично сузгунского облика. Среди них исследованные раскопками Абатское-6 городище [Ткачев, 2003], городище Борки-1 [Зах и др., 2016], а также, возможно, поселения Плешково-1 и Викулово-1, с которых происходит подъемный материал – фрагменты сосудов сузгунского облика.

На городище Абатское-6 исследованы полностью 2 и частично – 4 жилища, на городище Борки-1 (раскопки 2012 г.) – частично одна постройка. Керамика сузгунского облика с городища Абатское-6 (автор выражает искреннюю признательность А.А. Ткачеву за возможность использования неопубликованных материалов) и Борки-1 имеет достаточно типичные для этой культуры характеристики [Мошинская, 1957, с. 120; Потемкина и др., 1995, с. 62; Полеводов, 2003; Татауров и др., 2011, с. 73]. Соотношение гладкого и гребенчатого штампа на городище Абатское-6 и Борки-1 (80,8–76,6 и 44,3–41,6% соответственно) вполне соответствует аналогичным показателям прииртышских памятников Алексеевка-1, 21, 19, Надеждинка-4/5 (84,7–52,8 и 29,3–47,25%) [Татауров и др., 2011, с. 72]. Близкие показатели имеют следующие индикаторные элементы сузгунского декора: вертикальные оттиски штампа (33,5–32,5% – в Приишимье; 50–30% – в Прииртышье); скобочки (13,5–25,9%; 20,8–30,3%); ямки (63,8–53,2%; 49,2–66,8%); неорнаментированная лощеная полоса (19,5–9,1%; 1,7–9,7%); заштрихованные ленты (15,3–10,4%; 7,7–16,7%) [Татауров и др., 2011, с. 72]. В комплексе Борки-1 чуть больше «жемчужника» (24,6%), чем на прииртышских сузгунских поселениях, а на Абатском-6 этот показатель вполне сравним с прииртышскими (9,6%; 2,8–10,7%), а если его значения высоки, как на Надеждинке-4/5 (25,6%), то это связывают с внедрением ирменских элементов [Татауров и др., 2011, с. 73]. В Приишимье этот элемент, как и узор в виде сетки, скорее всего, следует связывать с влиянием бархатовской культуры. На Чупино и Кучум Горе «жемчужник» составляет 44,7–61,3% соответственно, сетка 18,8–19,4%, а в техникенанесения орнамента доминирует гладкий штамп (свыше 90%) [Аношко, Рыжкова, 2005].

Применение методов многомерной классификации (кластерный анализ) показывает, что поселения Чупино и Кучум гора образуют отдельную группу, комплексы Абатского-6 и Борков-1 образуют одну группу с материалами городища Чудская Гора, третью группу составляют поселения Прииртышья (Алексеевка-1, 21, 19, Надеждинка 4–5, Красноозерское-1 и Калугино-1). Выявленные группировки позволяют предположить развитие историко-культурной ситуации в Нижнем Приишимье на заключительном этапе бронзового века и относительную хронологию поселений. Вероятнее всего, определенный период времени сузгунские коллективы проживали на территории Нижнего Приишимья, не вступая в контакты с инокультурным населением. К этому периоду можно отнести городище Абатское-6 и поселения Борки-1, Плешково-1, Викулово-1, а время их бытования – соотносить с рубежом II–I тыс. до н.э. В культурном слое Абатского-6 обнаружен черешковый наконечник копья с кольцевым упором у основания. Аналогичный предмет из пахотного слоя на поселении Щетково-2 исследователи соотносят с бархатовским комплексом раннего этапа культуры, датированного концом II тыс. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009, с. 300], хотя существует мнение, что подобные изделия датируются более ранним периодом [Дегтярева,

Костомарова, 2011]. Кроме того, декор керамической посуды упомянутых приишимских поселений обнаруживает сходство с керамическим комплексом городища Чудская Гора в южно-таежном Прииртышье, которое датируется XI–IX вв. до н.э. [Потемкина и др., 1995, с. 70]. В начале I тыс. до н.э. в Нижнее Приишимье проникают носители бархатовских традиций. Их появление маркируют керамические комплексы поселений Чупино и Кучум гора, в орнаменте которых сочетаются сузгунские узоры и мотивы, характерные для позднего этапа бархатовской культуры («жемчужник», межзональный узор, разбивающий по вертикали орнаментальное поле, сетка, каплевидные вдавления; гладкий штамп), в течение которого происходит расширение ее ареала на запад и восток [Матвеев, Аношко, 2009, с. 340].

Следует отметить тот факт, что в культурном слое Абатского-6 городища отсутствует «крестовая» керамика, встреченная, пусть в небольшом количестве, на других сузгунских поселениях. Присутствие керамики красноозерской культуры позволяет исследователям говорить не только об участии сузгунской культуры в сложении красноозерской, но и о «сузгунско-красноозерском взаимодействии», отразившемся в орнаментальных канонах обеих культур [Шерстобитова, 2010, с. 30; Корочкова, 2011, с. 30], в отношении которого существует и противоположная точка зрения [Зах и др., 2016, с. 45]. В связи с этим культурно-историческая ситуация на рубеже эпох бронзы и железа и проблемы соотношения сузгунских и красноозерских комплексов требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

Аношко О.М., Рыжкова Ю.В. К характеристике позднего бронзового века Приишимья (по материалам городища Кучум Гора и Чупинского поселения) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005.

Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – №1(14).

Зах В.А., Зимина О.Ю., Илюшина В.В., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н. Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №4(35).

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2011.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-1. Препринт. – Тюмень, 1993.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.

Мошинская В.И. Сузгун-II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1957. – №58.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка-2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень, 1991.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). – М., 1995.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. – Омск, 2011.

Ткачев А.А. Культурно-хронологические комплексы Абатского Приишимья (по материалам городища Абатское-VI) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Вып. 4. – Тюмень, 2003.

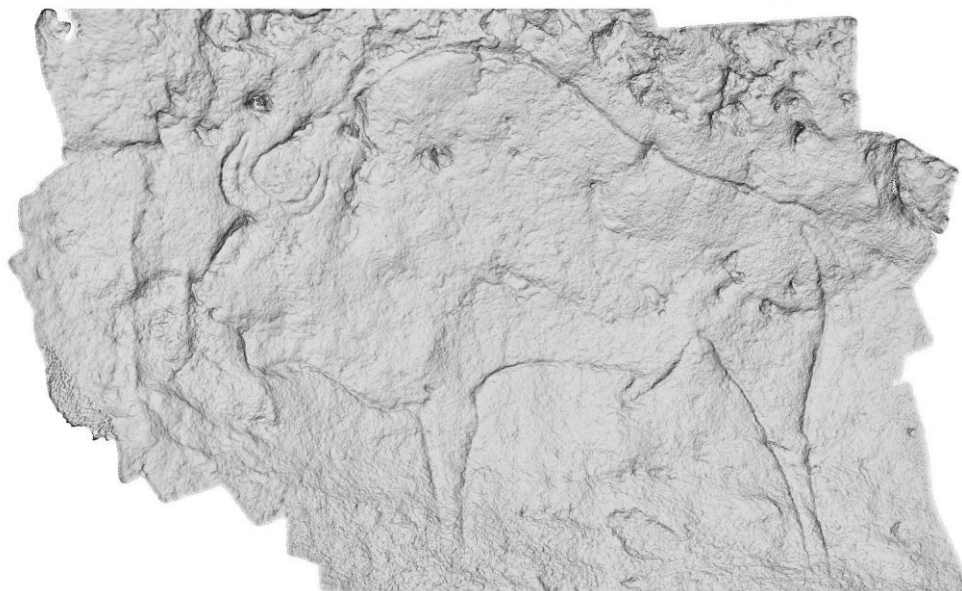
Шерстобитова О.С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: динамика развития // РА. – 2010. – №4.

Л.В. Зоткина
Институт археологии и этнографии,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
ИСКУССТВО ПЕЩЕРЫ ЛЯ ГРЭЗ (ДОРДОНЬ, ФРАНЦИЯ):
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-1344.2017.6

Пещера Ля Грээ (LaGrèze) расположена на юго-западе Франции в провинции Дордонь, на территории коммуны Маркай (Marquay) в долине р. Гранд Бён (GrandeBeune), левого притока р. Везер (Vézère). Этот памятник представляет собой относительно небольшое углубление в известняковом массиве. Он был открыт в 1904 г. Л. Капитаном [Capitanetal., 1904a; Capitan et al., 1904b] и известен по изображению самца бизона (60 см × 40 см) довольно хорошей сохранности (рис.). В пещере присутствует еще несколько изображений (мамонт, гигантский олень) и нефигуративных свидетельств искусственной обработки поверхности стен. На протяжении многих лет этот памятник исследовался французскими специалистами [Ampoullange, Pintaud, 1955; Aujoulat, 1984; Breuil, 1952; Cretin, 2015; Delluc et al., 1984; Delluc, Delluc, 1991, 1992; Jaubert, 2008; Peyrony, 1949; Roussot, 1965; Sonnevillе-Bordes, 1960, 1965; Vidal, 1967].

Изображение бизона из пещеры Ля Грээ (Дордонь, Франция): трехмерная модель (автор – Х. Плиссон)

В ходе изысканий, проведенных в Ля Грээ в 2016 г., было уделено внимание нескольким проблемам, озвученным исследователями ранее. Так, открытым оставался вопрос о технике выполнения изображения бизона: выбивка [Delluc, Delluc, 1991, p. 238] или глубокая гравировка [Breuil, 1952]? Светлые участки желобка, образующего линии бизона, давали основания сомневаться, не было ли это изображение подновлено [Delluc, Delluc, 1991, p. 245]. Применение методики экспериментально-трассологического анализа позволило выявить ряд характеристик поверхности изображения бизона, которые дают основания ответить на поставленные вопросы.

В первую очередь, были установлены признаки, указывающие на принципы трансформации поверхности известняка в ходе деградации на данном участке стены пещеры. Основной процесс, который определяет разрушение следов изображения, это десквамация на микроуровне. Отшелушивание микрочешуек известняка, с одной стороны, влечет за собой деформацию образующих изображение следов: они становятся нерегулярными, ячеистыми. С другой стороны, этот же процесс определяет наличие светлых, непатинированных зон изображения, например, линии задней ноги бизона и т.д.

Благодаря сопоставлению естественных деградировавших участков поверхности и линий изображения, поврежденных в ходе тех же процессов, а также на основе сопоставлений фрагментов лучшей сохранности с экспериментальными эталонами, были сделаны следующие выводы:

- изображение бизона было выполнено в технике гравировки;
- некоторые участки изображения деградировали в результате процесса отшелушивания мелких чешуек, из-за чего линии изображения остались, но их конфигурация изменилась, став ячеистой, похожей на выбивку;
- высветление некоторых участков желобков произошло в результате естественной деформации, связанной с деградацией поверхности, а не в результате подновления.

Таким образом, трасологический анализ пещерного искусства требует особого подхода к исследованию процессов деградации поверхности на микроуровне. Понимание этих механизмов позволяет точнее и увереннее говорить о характеристиках орудий и технике, использовавшихся для создания изображений на стенах известковых пещер.

Библиографический список

Ampoulange M., Pintaud R.C. Une nouvelle gravure de la grotte de La Grèze // Bulletin de la Société préhistorique française. – 1955. – №53 (на французском языке).

Ajoulat N. Grotte de la Grèze // L'art des cavernes. Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. Ministère de la Culture. – Paris, 1984 (на французском языке).

Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. Les cavernes ornées de l'âge du renne. Montignac: Centre d'Études et de documentation préhistoriques. – 1952 (на французском языке).

Capitan L., Breuil H., Ampoulange M. Une nouvelle grotte préhistorique à parois gravées: la grotte de la Grèze (Dordogne) // Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – 1904a. 48ème année. – №5 (на французском языке).

Capitan L., Breuil H., Ampoulange M. Nouveaux détails sur la grotte à parois gravées de La Grèze // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – 1904b. – 48ème année. – №5 (на французском языке).

Cretin C. Archéologie des sites ornés de Dordogne: cadre conceptuel, potentiels et réalité. Rapport de Programme collectif de recherche du Ministère de la Culture et Communication. – 2015. – Opération archéologique n°2014–64 (на французском языке).

Delluc B., Delluc G. L'art pariétal archaïque en Aquitaine. – Paris: CNRS Ed., 1991. – XXVIIIème supplément à Gallia Préhistoire. – 390 p. (на французском языке)

Delluc B., Delluc G. Grèze (La) // La naissance de l'art en Europe. – Paris, 1992 (на французском языке).

Delluc B., Delluc G., Bouvier J.-M. Deux nouvelles gravures dans la grotte de la Grèze // Bulletin de la SHAP. – 1984. – №111 (на французском языке).

Jaubert J. L'« art » pariétal gravettien en France: éléments pour un bilan chronologique // Paleo. Table ronde. Le Gravettien: entités régionales d'une paléoculture européenne. Les Eyzies, Juillet 2004. – Les Eyzies-de-Tayac. – 2008 (на французском языке).

Peyrony D. La grotte de la Grèze, commune de Marquay // Bull. Soc. Hist. Arch. Périgord. – 1949. – №76 (на французском языке).

Roussot A. Les découvertes d'art pariétal en Périgord // Centenaire de la Préhistoire en Périgord (1864–1964). Supplément au Bulletin de la SHAP. – Périgueux, 1965. – Т. 91 (на французском языке).

Sonneville-Bordes D. Le Paléolithique supérieur en Périgord. Thèse de doctorat. – Périgueux, 1960 (на французском языке).

Sonneville-Bordes D. Les industries des abris et grottes ornées du Périgord. – 1965. – Centenaire de la Préhistoire en Périgord, 1864–1964. Numéro spécial du Bulletin de la Société Historique et Archéologique du Périgord (на французском языке).

Vidal P. Grottes et abris ornés de la vallée de la Vézère (Dordogne) // Spelunca Bulletin. – 1967. – №3 (на французском языке).

В.С. Зубков, С.А. Васильев

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан;
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО АБАКАНА (ХАКАСИЯ):
НОВЫЕ ДАННЫЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №10-06-98011
«Освоение человеком каменного века Верхнего Абакана: изменения природной среды
в позднем плейстоцене – раннем голоцене и развитие древних культур»)

Доклад посвящен предварительным итогам реализации многолетнего проекта по изучению памятников каменного века в ранее не обследованном районе верхнего течения р. Абакан (Хакасия) [Зубков, Васильев, 2011]. В ходе изысканий, проводимых археологами Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова при участии ИИМК РАН и специалистов-естественников из Абакана, Красноярска и Санкт-Петербурга, был открыт и раскопан ряд стратифицированных стоянок с остатками материальной культуры позднего палеолита.

Особого внимания заслуживает огромная по площади стоянка-мастерская Куйбышево-2, расположенная в долине правого притока Абакана – р. Джебаш [Zubkov et al., 2011; Зубков и др., 2012; 2016]. Культурные остатки связаны с маломощными покровными суглинками, перекрывающими кору выветривания на 70–75 м уровне (есть находки, приуроченные к 60–65 и 90 м уровням). Расположение памятника связано с выходами жильного кварцита, встреченными менее чем в 1 км к западу от стоянки (геоморфология района изучена А.В. Козачек и С.А. Гаврилкиной, петрографические определения проведены под руководством М.Л. Махлаева; анализ культуровмещающих отложений – Г.Ю. Ямских). Основная часть индустрии стоянки близка комплексам афонтовской культуры с преимущественным использованием отщепов как основной формы заготовки, крупными одноплощадочными ядрищами, клиновидными микронуклеусами, скреблами, скребками и долотовидными орудиями. В то же время здесь имеется серия хорошо выраженных резцов, в том числе удлиненных, изготовленных на ретушированных пластинах, аналогичных встреченным в комплексах кокоревской культуры. Интересна серия тонких листовидных бифасов. Основным сырьем для изготовления орудий служили местные кварциты и микрокварциты.

Неподалеку, в 3,5 км к северу от Куйбышево-2, в долине ручья Кривой Чистобай на 35–40 м террасе начато изучение стоянки Кривой Чистобай-1. Здесь в сходных с Куйбышево-2 стратиграфических условиях был обнаружен палеолитический культурный слой (слой 2). Он связан с перекрывающими кору выветривания криотурбированными суглинками. В ходе раскопок этот слой был разделен на два горизонта. В состав каменной индустрии входят одно- и двуплощадочные ядрища, клиновидные микронуклеусы, скребла, скребки, резцы и др. По ряду параметров (пластинчатая техника, наличие серии ретушированных пластин, скребков и резцов на пластинах, удлиненный листовидный остроконечник) комплекс близок к кокоревской культуре [Зубков, Васильев, 2015, 2016].

К сожалению, кислотность почв в бассейне р. Джебаш препятствует сохранению органических остатков и не позволяет применить радиоуглеродный метод датирования.

Ближе по облику к памятникам долины Енисея стоянки, связанные с низкими террасовыми уровнями в долине самого Абакана и его притоков. Это стоянка Можаров Увал [Зубков, Васильев, 2014], приуроченная к 25–27 м террасовому уровню на правом берегу р. Абакан. Здесь вскрыты остатки двух культурных слоев верхнепалеолитического возраста, в нижнем из которых расчищен очаг и приочажные камни. В районе очага зафиксировано основное скопление каменных артефактов, преимущественно отщепов (в том числе и чешуек), а также немногочисленные остатки палеофауны. Г.Ф. Барышниковым определены кости бизона. Обнаружены одноплощадочные нуклеусы для снятия отщепов, микроядрища и скребла. Судя по облику каменной индустрии

и роговых беспазовых наконечников, комплекс может быть отнесен к афонтовской культуре. Источником сырья для изготовления каменных орудий служили кремневые гальки, слагающие русловой аллювий р. Абакан.

На расположенной в долине притока Абакана р. Большие Арбаты, стоянке Матрос-1 [Зубков, 2010], в супесях 5–6 м террасы вскрыты остатки второго культурного слоя. По образцу кости получена радиоуглеродная дата 14900 ± 240 (JE-9398). Встречены кости архара (преобладает), лося, северного и благородного оленя, косули, бизона или тура (определение Е.В. Сыромятниковой). Среди изделий из камня – одноплощадочные нуклеусы, ножи, скребла, скребки, роговое кинжаловидное орудие с пазом.

Неподалеку от стоянки Матрос-1 в 1,5 км к западу на 8–12 м террасе расположена стоянка Большие Арбаты-1. Для третьего культурного слоя, связанного с покровными супесями, получена по кости радиоуглеродная датировка – 12400 ± 850 (JE-9397). Отсюда происходят кости лося и архара (определение Е.В. Сыромятниковой). Встречены клиновидные микронуклеусы, скребки, ножи, скребла.

Вероятно, к позднему плейстоцену можно также отнести немногочисленные остатки нижних культурных слоев на пунктах Сигиртуп-1 [Зубков, 2003], Большие Арбаты-2, Семеновский Ручей-1 и Куйбышево-1.

Таким образом, в ходе работ в новом районе сосредоточения памятников древнекаменного века сделаны открытия, позволяющие по-новому взглянуть на характер позднего палеолита Верхнего Енисея. Во-первых, здесь выявлен ранее не встреченный тип памятника – мастерская на выходах жильного сырья. Во-вторых, полученные материалы демонстрируют распространение в регионе, помимо доминировавшей в позднесартанское время афонтовской культуры, памятников кокоревской культуры и нового варианта позднего палеолита Енисея с листовидными бифасами.

Библиографический список

Зубков В.С. Сигиртуп-I – первый стратифицированный археологический памятник каменного века в долине р. Таштып // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2003. – Сер. 3. – Вып. 3.

Зубков В.С. Донеолитические комплексы в долине р. Большие Арбаты // Известия лаборатории древних технологий. – 2010. – Вып. 8.

Зубков В.С., Васильев С.А. К истории изучения каменного века бассейна р. Абакан // Межрегиональная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения А.Н. Липского. – Абакан, 2011.

Зубков В.С., Васильев С.А. Палеолитическое местонахождение Можаров Увал // Сборник материалов III межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. – Абакан, 2014.

Зубков В.С., Васильев С.А. Позднепалеолитическое местонахождение Кривой Чистобай I в бассейне Верхнего Абакана // Древние культуры северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири, т. I. – Хух-Хото, 2015.

Зубков В.С., Васильев С.А. Новые данные по палеолитической стоянке Кривой Чистобай-1 на Верхнем Абакане // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Т. 1. – Красноярск, 2016.

Зубков В.С., Васильев С.А., Ямских Г.Ю., Павлова Е.В., Сыромятникова Е.В., Козачек А.В., Гаврилкина С.А. Новые данные по каменному веку Верхнего Абакана // КСИА РАН. – 2012. – №227.

Зубков В.С., Махлаев М.Л., Васильев С.А., Перфилова О.Ю., Карнаухова О.М. Источники сырья позднепалеолитической мастерской Куйбышево-2 на Абакане (Южная Сибирь) // Stratum Plus. – 2016. – №1.

Zubkov V.S., Vasil'ev S.A., Yamskikh G.Y., Syromyatnikova E.V., Kozachek A.V., Gavrilkina S.A. New Data on the Upper Paleolithic at the Upper Yenisei Area (Siberia) // Current Research at the Pleistocene. – 2011. – №28.

С.Э. Зубов

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, Самара
РАННИЕ ПАМЯТНИКИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. БЕЛОЙ

История изучения пьяноборских памятников началась с конца XIX в., а уже в 1901 г. А.А. Спицин [1901, с. 7, 50] опубликовал коллекцию вещей из частично раскопанных к тому времени могильников и ввел в научный оборот термин «пьяноборская культура». Именно в этой работе исследователь заложил основу в изучении пьяноборской культуры и ее место в системе археологических культур Волго-Камья.

В 1970 г. В.Ф. Генинг [1970, с. 8–9] предложил заменить наименование «пьяноборской» археологической культуры на «чегандинскую» по наиболее изученному им могильнику и городищу у с. Чеганда. За термином «пьяноборская» исследователь предложил сохранить более широкое значение в качестве наименования пьяноборской этнокультурной области (ЭКО) для обозначения всех археологических культур послеананьинского времени (чегандинская, кара-абызская, гляденовская) в Западном Приуралье [Генинг, 1988, с. 29]. При этом придание пьяноборской археологической культуре нового термина (чегандинская) было поддержано удмуртскими археологами, но не прижилось в научных школах Казани, Уфы и Самары.

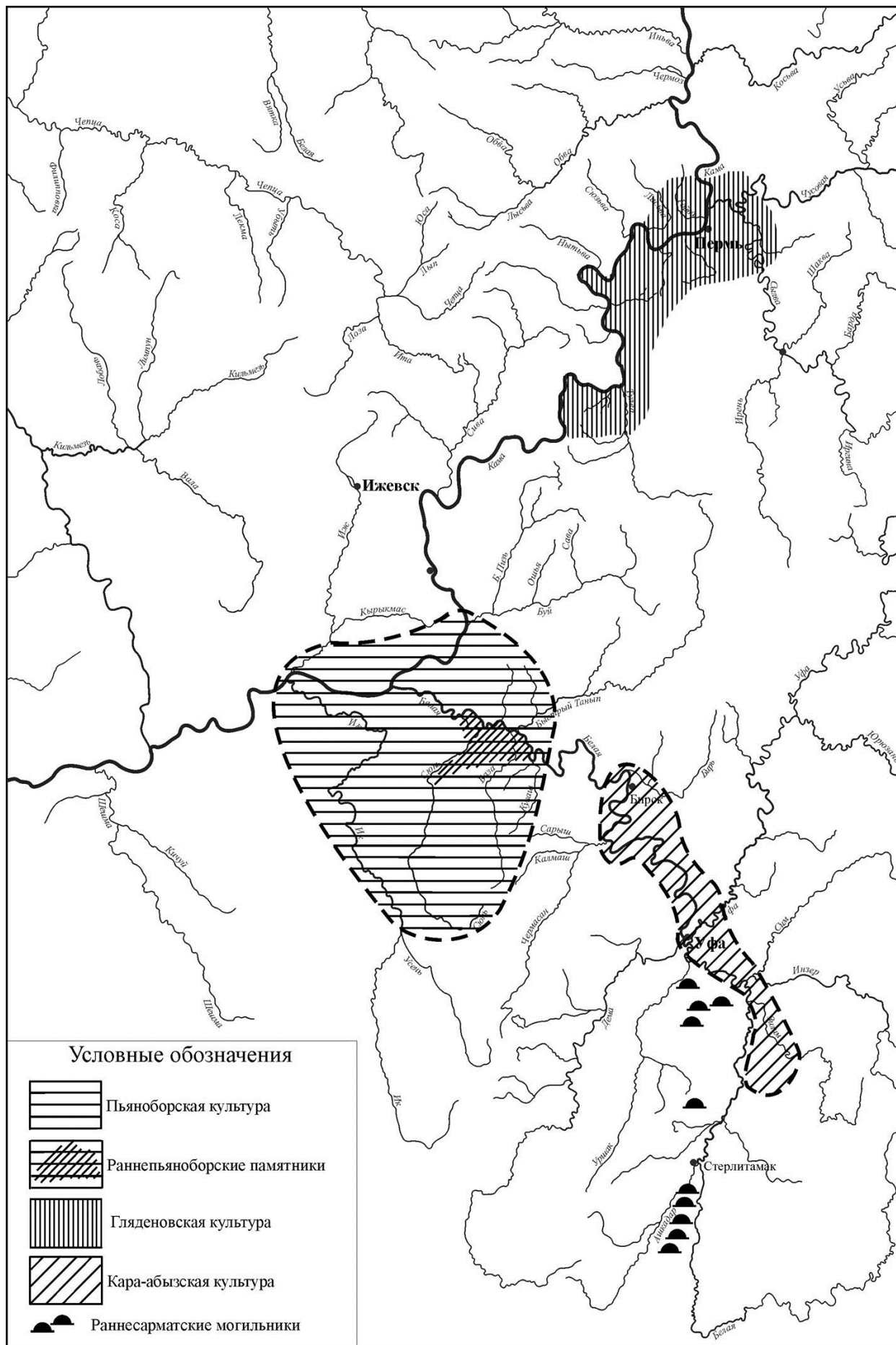
В настоящее время известно около 200 памятников пьяноборской культуры – городищ, селищ, могильников и кладов. Ареал распространения памятников пьяноборской культуры занимает в основном бассейн Средней Камы, Нижней и Средней Белой в пределах современных районов северо-запада Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии (рис.) [Зубов, 2009].

Б.Б. Агеевым [1992, с. 104] еще в 1992 г. была предложена первоначальная территория расселения пьяноборского населения по нижнему течению р. Белой по памятникам, нижняя хронологическая граница которых соотносится со II–I вв. до н.э. С этого же года автором этих строк ведутся работы на Кипчаковском-I курганно-грунтовым могильнике. Неподалеку от него выявлен синхронный ему грунтовой могильник – Кипчаковский-II [Зубов, Саттаров, 2015]. Материалы этих памятников убедительно дают раннюю дату погребальных комплексов – II в. до н.э. Картографирование наиболее ранних памятников пьяноборской культуры (Трикольский, Юлдашевский, I Уяндыкский, Кипчаковский-I и II, Кушулевский-II и III, Шидалинский могильники и др.) дает возможность очертить ареал ее формирования Сюньско-Бельским-междуречьем (рис.). За пределами этого ареала известен только Икский могильник, расположенный на правом берегу р. Камы, на северо-западной окраине пьяноборской территории, ранние погребения которого датируются II в. до н.э.

К I–II вв. н.э. территория распространения памятников пьяноборской культуры значительно расширилась в южном направлении до среднего течения р. Сюнь, в западном и юго-западном направлении (до р. Ик), в северном и особенно в северо-западном направлении (правобережье р. Камы). Лишь восточная граница пьяноборской культуры не претерпела сильных изменений, поскольку эта часть являлась пограничной с племенами кара-абызской культуры.

Библиографический список

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992.
Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. – Ч. I. // Вопросы археологии Урала. – 1970. – Вып. 10.
Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М., 1988.
Зубов С.Э. Пьяноборская культура // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов / Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М., 2009. – Т. I.
Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Новый могильник пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье // Известия СНИЦ РАН. – 2015. – Т. 17. – №3(2).
Спицын А.А. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. – №25. – СПб., 1901.

Карта-схема локализации археологических культур послепалеолитического времени

М.В. Иванищева
ООО НППЦ «Артефакт», Вологда
ДРЕВНЕЙШИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Вологодской области
(проект №14-06-98807 р-север-а «Междисциплинарные исследования
многослойных стратифицированных памятников в Онежско-Сухонском регионе»)

Река Сухона является крупнейшим левым истоком Северной Двины, имеет в своем протяжении 555 км. Геоморфология четвертичных отложений связана с этапами функционирования приледниковых водоемов последнего оледенения. Формирование речного русла верхней и средней Сухоны происходит при осушении Сухонского и Верхнесухонского средне- и поздневалдайских озер, связанных с Верхневолжской системой приледниковых водоемов [Квасов, 1975, с. 75]. Речная структура нижней Сухоны формируется в раннем валдае, безледном в этой части; в поздневалдайское время связана с Гамским бассейном при Северодвинской ледниковой лопасти [Кичигин, Борсук, 2009, с. 51].

Находки плейстоценовой фауны и отдельных предметов из сборов М.Я. Рудинского и А.М. Иванищева свидетельствуют о появлении на нижней Сухоне древнейших охотников на мамонта не позднее раннего этапа верхнего палеолита [Праслов и др., 2011, с. 56]. На многослойном поселении Берёзовая Слободка-II-III в Нюксенском районе Вологодской области возраст слоя финальнопалеолитической стоянки подтверждается геохимией и палинологией предматерикового горизонта отложений [Иванищева и др., 2016, с. 77]. Поселение на левом берегу р. Сухоны при впадении р. Уфтюги в 750 м к югу от одноименной деревни занимает площадку надпойменной террасы высотой 8–13 м над уровнем воды (91–96 м абс. высоты) у основания третьей террасы высотой 24–26 м (106–108 м абс. высоты). Раскопами 1995–2014 гг. площадью 515 кв. м исследованы два слоя эпохи мезолита (^{14}C в диапазоне 9570–7800 BP), слои раннего неолита (^{14}C в диапазоне 7300–6200 BP), энеолита-бронзы и отдельные объекты раннего железного века в почвенном слое. Материковая поверхность представляет собой склон озерной террасы приледникового водоема, перекрытой галечным горизонтом и аллювиальными отложениями, сформировавшими речную террасу, к которой приурочены слои неолита-бронзы [Кулькова и др., 2015, с. 244]. У основания третьей террасы мощность напластований – 0,7 м и в прирусловой части памятника – 2,2 м.

В 2001–2003 гг. исследованы отдельные кости и скопления человеческих костей (условные погребения 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9) и коллективные погребения в ямах и естественных углублениях (погребения 1, 5, 6). Останки не менее чем от 17 индивидов [Иванищева, 2007, с. 14, таблица 1; с. 17, рис. 1] концентрировались в наиболее пониженной части древнего рельефа на площади 11×4 м на глубине 1,6–2,5 м от дневной поверхности. Коллективные захоронения приурочены к ровной площадке на уступе озерной террасы на высоте 90–91 м абс. высоты, ограниченной с запада и севера углублениями материковой поверхности и связаны со слоем интенсивно-темной глины, лежащей непосредственно над материком, и глинистой прослойкой, отделявшей уровень погребений от вышележащего культурного слоя. Полученные в 2016 г. ^{14}C определения¹ позволяют датировать часть погребений поздним дриасом и рассматривать их как древнейшие на Севере Восточной Европы.

Наиболее древнее **погребение 6** совершено в меридионально ориентированном естественном западении овальной формы. Костные останки не менее чем 6 субъектов концентрировались в его центральной части на площади $1,4 \times 0,8$ м. Поверх и среди останков людей обнаружены обожженные кости крупного животного. По расположению костных останков вероятным является помещение тел в скорченном положении. Дата по обожженным костям животного 14900 ± 1600 (JE-6711) (17900–13900 – 20000–11500 cal BC) имеет значительный диапазон погрешности. Дата по кости человека: 10910 ± 170 BP (SPb-1693)

---

¹ Даты ^{14}C по костям человека получены М.А. Кульковой в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» (РГПУ им. Герцена).

(11037–10750 – 11183–10595 cal BC) указывают на финальнопалеолитический возраст захоронения в диапазоне рубежа XII – первой половины XI тыс. до н.э.

Погребение 1 совершено на древней поверхности, частично нарушено древней погребальной ямой размерами 1,65 × 0,8 м, вытянутой вдоль русла реки в направлении северо-восток – юго-запад, содержащей останки другого погребенного в переотложенном состоянии. По расположению сохранившихся в анатомическом порядке костей субъекта, можно предположить способ положения тела с согнутыми и подтянутыми к голове коленями (в позе эмбриона). Время совершения погребения определяется на основании стратиграфических данных. Погребальный комплекс перекрыт постройкой, для кострища которой получено ¹⁴C определения 9570 ± 110 BP (JE-6704) (9160–8790 – 9250–8600 cal BC), а время совершение погребений следует отнести к предшествующему поселенческому комплексу рубежа X – 1-й четверти IX тыс. до н.э.

Для **погребения 5**, совершенного в яме с засыпкой костных останков людей охрой, получены даты: 8460 ± 70 (JE-6710) BP (7590–7470 – 7610–7330 cal BC по углистой плашке и 8582 ± 100 (SPb-1690) BP (7737–7532 – 7954–7459 cal BC), 8612 ± 100 (SPb-1689) BP (7752–7542 – 7967–7482 cal BC) по костям человека, что позволяет отнести погребение к 1-й половине VIII тыс. до н.э. Хронология захоронений и типология инвентаря подтверждают использование площадки для совершения погребений в различные эпохи, что позволяет сделать ряд наблюдений об эволюции погребальной традиции на севере Восточной Европы.

1. Общими чертами погребений финального палеолита и мезолита являются: захоронение по способу труположения, использование в ритуале костей промысловых животных, наличие следов обрядовых действий.

2. Характер расположения костей в древнейших погребениях указывает на возможность их помещения в позе «эмбриона», что может являться хронологическим маркером.

3. Искусственных воздействий на костных остатках древнейших погребений антропологи не отмечают.

4. Мезолитические погребения отличает наличие погребальных ям, использование охры, визуализация погребений внешними конструкциями, вероятность воздействия на тела погребенных (раскалывание черепов) с предохранительной целью.

Библиографический список

Иванищева М.В. Погребения каменного века в Нижнем Посухонье // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда, 2007.

Иванищева М.В., Канин М.В., Козак Е.В., Андрианова Л.С., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Соколова Е.Н., Иванищева Е.А., Иванищева А.А. Верхний палеолит на нижней Сухоне // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пермь, 9–12 февраля 2016 г.). – Пермь, 2016.

Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. – Л., 1975.

Кичигин А.Н., Борсук О.А. Роль покровных оледений в формировании долины Сухоны в позднем плейстоцене и в голоцене // Эколого-географические исследования в речных бассейнах: материалы Третьей международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2009.

Кулькова М.А., Иванищева М.В. Солдатенкова А.Д. Геоархеологические аспекты формирования памятника мезолита-раннего железного века Березовая Слободка II–III в долине р. Сухоны // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Том XIV / под ред. Е.М. Нестерова, В.А. Снытко, В.З. Кантора. – СПб., 2015.

Праслов Н.Д., Недомолкина Н.Г., Желтова М.Н. Древнейшее заселение Вологодского края // Тверской археологический сборник. – Вып. 8. – Т. I / под ред. И.Н. Черных. – Тверь, 2011.

С.В. Иванов
Центр египтологических исследований РАН, Москва
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС
НА ПАМЯТНИКЕ КОМ-ТУМАН
(Мемфис, Египет)

Начиная с 2001 г. экспедиция Центра египтологических исследований РАН (ЦЕИ РАН) под руководством д.и.н. Г.А. Беловой проводит исследования на памятнике Ком-Туман (Мемфис, АРЕ). Памятник расположен в 20 км к югу от г. Каира и представляет собой северную часть Мемфисского городища. В западной части Ком-Тумана расположены руины дворца царя XXVI династии Априя (589–567 гг. до н.э.), возведенного на месте более ранних царских резиденций [Jeffreys, 1985, p. 40–43]. Сам дворец был изучен в 1909–1912 гг. британским археологом В.М.Ф. Питри [Petrie, 1909], в то время как его окрестности оставались неисследованными вплоть до 2001 г.

В ходе исследований в центральной части Ком-Тумана экспедицией ЦЕИ РАН были прослежены остатки городских построек, которые можно соотнести с частями военного лагеря, разбитого в VI в. до н.э. в непосредственной близости к дворцу Априя и функционировавшего вплоть до I в. н.э. [Белова, 2009; Belova, 2012; Ivanov 2015].

В ходе полевого сезона 2003 г. был обнаружен крупный производственный комплекс, где производили изделия из камня и металла. Кроме того, значительную часть комплекса составляют производственные помещения для изготовления стекла и различных пигментов.

К сожалению, культурный слой памятника поврежден перекопами, правильность чередования напластований значительно нарушена. Тем не менее уцелевшие строительные остатки, представленные преимущественно фрагментами сырцовых стен, печей, полов и рабочих площадок, достаточно информативны.

Пространственная организация мастерских в целом следует древнеегипетской традиции – различным ремеслам были выделены отдельные помещения внутри крупного здания (по предварительным расчетам, его площадь составляла более 5000 кв. м). Высокотемпературные производства (металлообработка, стеклоделие, производство «египетского синего», извести и т.п.) осуществлялись внутри комплекса в специально оборудованных дворах, где были установлены соответствующие печи [Krol, Vinokurov, 2007].

В настоящее время на площади около 1200 кв. м прослежены последовательность строительных горизонтов, относящихся к V–I вв. до н.э. Изучение архитектуры комплекса, формы печей, сохранившихся инструментов и отходов производства позволяет выявить новые особенности древнеегипетских производственных технологий.

Библиографический список

Белова Г.А. Ком Туман (Мемфис) // *Культура Египта и стран средиземноморья в древности и средневековье* : сборник статей памяти Т.Н. Савельевой / под ред. Т.А. Шерковой. – М., 2009.

Belova G.A., S. Ivanov. Memphis: Correlation between Written Sources and Archaeological Data // *Achievements and Problems of Modern Egyptology. Proceedings of the International Conference Held in Moscow on September 29 – October 2, 2009.* – М., 2012.

Ivanov S.V. Offerings and Crocodiles at Pottery Offering Trays from Memphis // *И земля в ликовании...* : сборник статей в честь Г.А. Беловой / под ред. С.В. Иванова и Е.Г. Толмачёвой. – М., 2015.

Jeffreys D.G. *The Survey of Memphis I.* – London, 1985.

Krol A., Vinokurov N. *Metallurgical Furnace from Memphis // Abusir and Saqqara in the Year 2005.* – Prague, 2007.

Petrie W.M.F. *The Palace of Apries (Memphis II).* – London, 1909.

Д.А. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИКИ ЭПОХИ ДЗЁ:МОН, ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036)

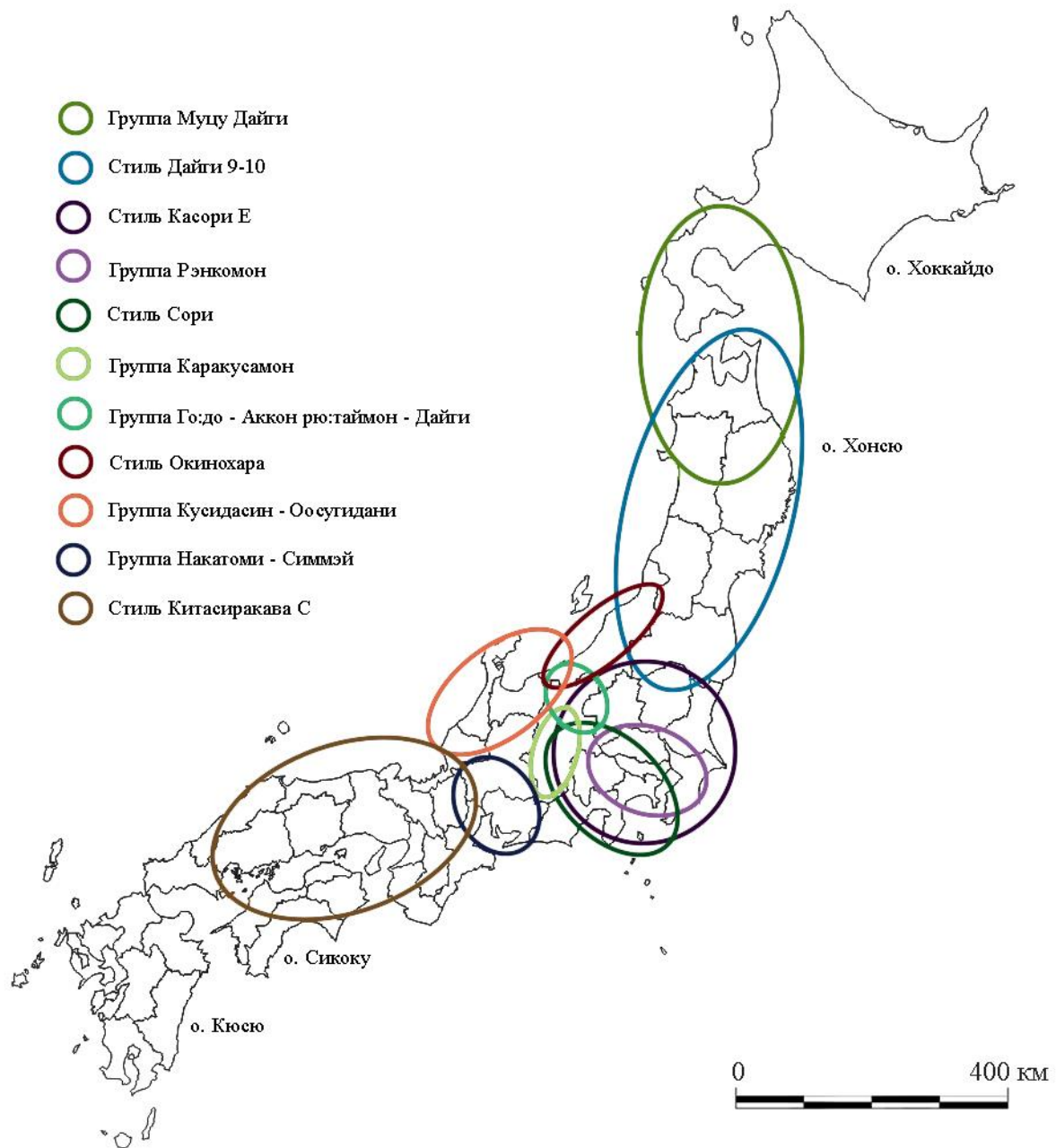
Дзё:мон – продолжительная эпоха в древней истории Японского архипелага, начинающаяся с появлением первой керамической посуды (около 14 тыс. л.н.) и заканчивающаяся на фоне распространения по территории архипелага технологий земледелия и обработки металлов (2,3 тыс. л.н.).

Археология эпохи дзё:мон привлекает внимание и интерес исследователей по всему миру благодаря многообразию форм и пышности декоративных элементов внутри керамических комплексов, которые объединены в стили. В японской археологии понятие «стиль» является базовым термином и используется для описания декоративной композиции керамики. В основу данной концепции легли разработки по типологии и периодизации керамики, предложенные основоположником японской археологии С. Яманоути. Согласно исследованиям С. Яманоути, в качестве центрального элемента для определения временных и территориальных различий керамики выступает «тип». Важными критериями для выделения «типов» являются стратиграфия и стилистическое единство внутри одной группы сосудов. Часто название новому «типу» керамики давалось по месту его обнаружения. В частности, стили среднего дзё:мона Горё:гадай, Атамадай, Идодзири, Сори, Касори Е и пр. получили свое название в честь одноименных памятников. Позже идея «типа» стала интерпретироваться японскими исследователями как термин «стиль», пришедший из англо-американской археологии. На базе системы С. Яманоути в разные годы японские исследователи выделяли от 256 до 340 стилей керамики [Яманоути, 1964]. Развитие идей С. Яманоути продолжил его ученик Т. Кобаяси, который предложил структурировать керамический комплекс эпохи дзё:мон по категориям «стиль», «тип» и «форма». Если «тип» – это жесткий набор признаков (размеры, форма, технологические особенности), то под «стилем» понимается внешнее оформление, в данном случае форма и размер не являются жестким признаком стиля. «Стиль» – это узнаваемость. Стилистическое разнообразие керамики эпохи дзё:мон – это, прежде всего визуальная, внешняя, эстетическая характеристика. По результатам исследований, Т. Кобаяси объединил типы керамики для каждого периода эпохи дзё:мон в 75 стилей, имеющих конкретную географическую привязку [Кобаяси, 2008, с. 2–12].

Наиболее ярко вариативность стилей иллюстрируется материалами среднего дзё:мона (5–4 тыс. л.н.). На протяжении данного периода на территории Японского архипелага существовало наибольшее количество стилей керамики, которые были объединены японскими археологами в 23 стилистические зоны. Помимо этого, внутри отдельных стилей выделяются локальные варианты керамики. Внутри среднего дзё:мона существует дополнительное деление на фазы: начало – 1-я половина, середина, 2-я половина – конец. На протяжении этих фаз численность стилей различается, соответственно, 20% стилей относится к 1-й половине, 30% – к середине и 50% датировано 2-й половиной среднего дзё:мона. Хотя стиль имеет ограничения с точки зрения времени и пространства, тем не менее эти показатели не являются абсолютными. Каждый стиль существует отдельно внутри своей зоны, исключением являются пограничные районы, где происходит объединение двух стилей, и как результат может формироваться совершенно новая орнаментальная традиция. Например, во 2-й половине среднего дзё:мона под влиянием стилистических зон Касори Е и Сори развивается орнаментальная традиция стиля Рэнкомон [Нагасэ, 2008, с. 418–425, рис. 1].

В настоящее время существуют разные точки зрения на количество стилей, существовавших в эпоху дзё:мон, – от нескольких десятков до нескольких сотен. Различие в количестве стилей происходит из-за разного смысла, который в него вкладывают англо-

американские и японские исследователи. В самом крупном на сегодняшний день сборнике, посвященном керамике эпохи дзё:мон, представлены материалы по 110 стилям [Со:ран дзё:мон доки, 2008].

Карта стилистических зон 2-й половины – конца среднего дзё:мона

Библиографический список

Кобаяси Т. Дзё:мон доки-но ё:сики то катасики то кататисики [Стиль, тип и форма керамики дзё:мон] // Со:ран дзё:мон доки [Справочник по керамике дзё:мон] / под ред. Т. Кобаяси. – Токио, 2008.

Нагасэ Ф. Рэнкомон доки [Керамика группы Рэнкомон] // Со:ран дзё:мон доки [Справочник по керамике дзё:мон] / под ред. Т. Кобаяси. – Токио, 2008.

Со:ран дзё:мон доки [Справочник по керамике дзё:мон] / под ред. Т. Кобаяси. – Токио, 2008.

Яманоути С. Нихон гэнси бидзюцу: дзё:мон сики доки [Первобытное искусство Японии: керамика эпохи дзё:мон]. – Токио, 1964.

С.Н. Иващенко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СТЕРЕОФОТОГРАММЕТРИИ
В ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На сегодняшний день метод стереофотограмметрии позволяет создавать 3D-модели практически всех объектов в раскопе – от отдельных находок до целых городищ. Однако несмотря на наличие публикаций, посвященных его возможностям, метод так и не получил широкого распространения среди археологов. Возможно, это происходит вследствие того, что традиционный 2D картографический материал по-прежнему является (и будет являться в ближайшем будущем) основным способом хранения данных о полевых археологических работах. Поэтому наиболее актуальным на данный момент становится не вопрос создания 3D-модели как таковой, а, скорее, адаптация методов фотограмметрии для получения традиционного картографического материала.

Изначально стереофотограмметрия использовалась в картографии для создания обычных карт. Она позволяла провести основную массу измерений в камеральных условиях, а также, что очень важно, выполнить повторные измерения без выезда на местность (то есть получить источник, результаты обработки которого можно перепроверить). Для полевых археологических работ такая возможность является, по мнению автора, наиболее ценной.

На протяжении последних четырех лет сотрудниками лаборатории археологических исследований и экспертиз при историческом факультете Омского госуниверситета им. Ф.М. Достоевского проводятся работы по отработке методики создания полевой археологической документации на базе стереофотограмметрии. Исследования ведутся по двум основным направлениям: создание ортофотопланов и фиксация объектов в раскопе.

Создание ортофотопланов. Данный метод предусматривает создание фотопланов как самостоятельных и самодостаточных объектов (например, в качестве результата фотофиксации планиграфической ситуации, профилей и т.п.), или же как основ для последующей векторизации (например, ортофотоплан как основа создания графического профиля объекта и т.п.). Для обработки массива фотоснимков и получения ортофотоплана использовался отечественный программный продукт PhotoScan (фирма Agisoft, Санкт-Петербург). Данная программа является наиболее простой в освоении и наименее требовательной к результатам съемки.

Фиксация объектов в раскопе. В первую очередь заявленный метод применялся для создания планов распространения находок. Для обработки массива фотоснимков в данном случае использовался продукт Photomod (фирма Ракурс, Санкт-Петербург). Эта программа позволяет в режиме стереоизображения создавать векторные объекты с привлечением классификатора, то есть, по сути, создавать основу для ГИС-карты. Дальнейшая обработка проводилась в ГИС Панорама (изготовитель – Ракурс), где, на основе векторных объектов, созданных в Photomod, генерировался традиционный графический план распространения находок в раскопе. Кроме того, в ГИС Панорама имеется возможность получения информации об атрибутах объектов (находок) в табличном виде (в формате Excel).

Для выполнения серии фотоснимков в обоих случаях применялись как съемка «с рук», так и съемка с применением технических средств. Наилучшие результаты были получены при обработке снимков, выполненных с применением подвесной системы фотографической фиксации. Подвесная система является авторской разработкой. Она представляет собой платформу с фотоаппаратом, передвигающуюся по двум тросам, растянутым между мачтами с изменяемой высотой подъема от 2 до 3,8 м. Конструкция позволяет проводить съемку раскопа шириной 4 м и длиной 12 м. При использовании камеры Nikon D5100 с широкоугольным объективом точность позиционирования точек достигает 0,9 мм в плане и 1,2 мм по высоте.

Разработанная методика позволяет осуществлять полное сопровождение раскопочных работ с созданием полевой археологической документации на базе стереофотограмметрии.

Л.С. Ильюков
Южный научный центр, Ростов-на-Дону
ПОСЕЛЕНИЕ У ХУТ. ВЕСЕЛЫЙ В БАССЕЙНЕ МАНЫЧ:
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований
Российской академии наук на 2013–2020 гг. базовой темы НИР
«Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона
с древнейших времен до нового времени» № регистрации 01201354248

В период финальной бронзы степи Восточной Европы входили в зону распространения культур валиковой керамики. Е.Н. Черных выделил большую общность финальнобронзовых культур валиковой керамики, которая охватывала степь и лесостепь от Балкан до Алтая. В ее восточную часть входили культуры от Алтая до Дона [Черных, 1983, с. 81–99, рис. 1].

К позднему этапу этой общности на территории Нижнего Подонья относится одно из интересных поселений в бассейне низовья Маныча, являющегося притоком нижнего Дона. Поселение было открыто еще в довоенный период [Гольмстен, 1941, с. 201–204]. Оно вошло в группу памятников финальной бронзы, объединенных в рамки хвалынской культуры, выделенной по материалам поволжских памятников [Колев, 2008]. Второй период хвалынской культуры, выделенный по поволжским памятникам, был назван по имени двух поселений – кайбельско-танавским и датирован XI–X вв. до н.э. В состав этого периода было включено поселение на Маныче у хут. Веселый [Малов, 1987, с. 160].

После исследования яркого памятника в низовьях Дона (поселение Свинячье Озеро) с богатой коллекцией керамики [Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2013] появилась возможность вновь обратиться к материалам веселовского поселения. На берегу Маныча в окрестностях Веселого известно несколько финальнобронзовых памятников. Кроме нескольких поселений, расположенных в округе Веселого (поселения 2, 7, 10, 11), открытых и обследованных экспедицией В.В. Гольмстен, одно из них (№7) получило широкую известность как поселение у хут. Веселый. Его относят к памятникам хвалынской культуры.

Одна из особенностей керамического комплекса поселение у хут. Веселый (33 фрагмента) – наличие у сосуда короткого и почти прямого горла, основание которого охватывает налепной валик, рассеченный косыми или крестовидными насечками. Иногда оба конца рассеченного валика заканчиваются усами, ниспадающими на плечики. Низ плеча сосуда с выпуклыми баками украшают одиночные сглаженные сосцевидные налепы. Реже под валиком, расположенным у основания прямого горла, поверхность плечиком украшает лента из крестовидных гладких оттисков. В нескольких случаях низ плечиков опоясан налепным валиком с косыми или крестовидными насечками, нанесенными узким гладким или зубчатым штампом. Основание короткого прямого горла охватывает узкая лента с сетчатым орнаментом. Некоторые венчики имеют скошенные торцы, верхний край острый, сам венчик преобразован в воротничок, который имеет слабовыраженный валик.

Кроме этой группы посуды, два сосуда имели плавно отогнутое высокое S-видное горло, основание которого опоясано налепным валиком с гладкими насечками в виде елочки [Колев, 2008, табл. 3.-21].

На поселении Смела-IV, расположенном на берегу реки Смела, притока Маныча, в нескольких километрах от Веселого, керамические горшки тоже имеют короткие горла, ниже которого плечики опоясаны сетчатой лентой из оттисков зубчатого штампа или налепным валиком с усами, расчлененным гладкими или оттисками зубчатыми [Потапов, 2000, рис. 3]. В ряде поселений в низовьях Дона обнаружены горшки с коротким прямым горлом, которое в основании опоясано налепным валиком с косыми насечками (Дугино-10; Бугры-II, Батай-I).

На поселении Веселый-7 налепные валики не украшали вдавления концом пальца или пальцевые защипы. Только на одном из финальнобронзовых поселений, расположенных в округе хут. Веселый, найдена керамика, украшенная под венчиком налепным валиком с пальцевыми защипами (Веселый-11). Керамики с пальцевыми защипами не было в коллекции керамической посуды поселений кобяковского типа [Шарафутдинова, 1980]. Вероятно, этот признак является хронологический индикатором, так же как и неглубокие проколы, расположенные под венчиком или на плечах сосуда.

Стратиграфическая позиция керамики с жемчужинами, которые на финальнобронзовых поселениях соседствуют с налепными валиками, прослежено на поселении Раздоры-I. Находки с жемчужным орнаментом перекрывают слой с валиковой финальнобронзовой керамикой. Керамика богуславско-березанского типа с жемчужинами и налепным валиком хорошо известна к западу от Дона [Ромашко, 2013, рис. 80].

На поселении Веселый-7 кроме керамики найдена миниатюрная каменная ступка с неглубокой полусферической чашей на ножке. Такая ступка обнаружена на поселении Сафьяново, которое относится к кобяковской культуре. Э.С. Шарафутдинова отнесла к этой категории находок еще один аналогичный предмет, который происходит из кобяковского слоя Нижнегниловского городища. Ножка нижнегниловской ступки более вытянута, чем у сафьяновской или веселовской. Э.С. Шарафутдинова отнесла нижнегниловской предмет к группе пестов, у которых верхний конец оформлен в виде шляпки [Шарафутдинова, 1980, с. 56, табл. XXXII.-28]. Аналогичные изделия известны в верхнем слое Ушкалки, подобная ступка обнаружена на поверхности поселения около Золотой Балки [Шарафутдинова, 1982, с. 132, рис. 53.-1, 3]. Три ступки происходят с территории Алексеевского поселения [Кривцова-Гракова, 1948, с. 122, рис. 47]. Таким образом, этот тип изделий тоже является хронологическим индикатором финальной бронзы.

По-видимому, различия в использовании валикового декора в украшении приземистых горшков финальнобронзового времени свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, протекавших в это время на территории Нижнего Подонья.

Библиографический список

Гольмстен В.В. Река Маныч // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М. ; Л., 1941.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник : труды ГИМ. – Вып. XVII. – 1948.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Дорога сквозь века. – Ростов-на-Дону, 2013.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики поздней бронзы в Поволжье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII КПСС : тезисы докладов (Суздаль, 1987 г.). – М., 1987.

Потапов В.В. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // Донская археология. – 2000. – №3–4.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). – Киев, 2013.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Уфа, 1983.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев, 1982.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. – Вып. В1-11. – Л., 1980.

В.В. Илюшина
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
**ОСОБЕННОСТИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА
У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ**

Работа выполнена частично при поддержке гранта РФФИ №16-06-00260
«Древнее население на берегах системы проточных озер: динамика освоения и жизнеобеспечение
(на примере Андреевской озерной системы в Туро-Пышминском междуречье)»
и базового проекта №0372-2016-0001 «Социокультурная адаптация
древнего населения Тоболо-Иртышского междуречья к изменениям природной среды»

В представленной работе приведены результаты исследования более 1000 сосудов, относящихся к алакульской (167 изделий), коптяковской (163 изделия), федоровской (460 изделий), черкакульской (194 изделия), пахомовской (39 изделий), бархатовской (107 изделий) и сузгунской (52 изделия) археологическим культурам II тыс. до н.э. Рассмотренные материалы происходят с поселений, расположенных в Нижнем Притоболье (Нижнеингальское-3, Ук-III, Дуванское-18, ЮАО6, Чепкуль-5, 20, Оськино Болото, Курья-1, Черемуховый Куст, Щетково-2, Хрипуновское-1, Ботники-1в, Мостовое-6, Чечкино-4, Чеганово-1, 4), а также в Нижнем Приишимье (городище Борки-1). Данные, полученные в ходе технико-технологического анализа, проведенного в рамках историко-культурного подхода и основанного на методике, разработанной А.А. Бобринским [1978; 1999], базирующейся на трасологии, бинокулярной микроскопии и физическом моделировании, а также с привлечением петрографического анализа, позволили охарактеризовать традиции гончарного производства, существовавшие у различных культурно-хронологических групп населения эпохи бронзы. В силу фрагментированности материала изучались в основном приспособительные навыки труда древних гончаров, к которым традиционно относятся приемы отбора исходного сырья, составление формовочных масс, механическая обработка поверхностей изделий. Информация о субстратных навыках (конструирование начина и полого тела сосудов, их формообразование) получена лишь по единичным изделиям.

На основании проведенного анализа выявлено, что на протяжении II тыс. до н.э. гончары применяли два вида исходного пластичного сырья (далее – ИПС): природные ожелезненные глины и илистые глины. В разные культурно-хронологические периоды могла преобладать та или другая традиция. Естественными составляющими илистых глин, в отличие от глин, выступают включения раковин речных моллюсков, чешуи и костей рыб, растительности водного и околородного характера. При сравнении качественного состава илистых глин по сосудам разных культурно-хронологических групп выявились принципиальные, на наш взгляд, различия. В частности, в изломах сосудов коптяковской, пахомовской, бархатовской и сузгунской культур раковина речных моллюсков хотя и встречается, но представлена лишь единичными включениями. В основном же илистые глины, из которых гончары этих культур изготавливали сосуды, содержат обрывки растительности и фрагменты чешуи и костей рыб. Напротив, для керамики алакульской, федоровской и черкакульской культур характерно, во-первых, в целом преобладание этого вида сырья с примесью раковины, а во-вторых, в значительной части сосудов она представлена в достаточно высокой концентрации (до 20–35 включений на 1 кв. см). Вероятно, для гончаров была принципиально важна визуальная фиксация данной естественной примеси еще на ступенях отбора и добычи сырья, иными словами – особенности его качественного состава (наличие или отсутствие определенных естественных составляющих) были закреплены в традициях каждой культурной группы.

Определенные различия в навыках труда гончаров различных культурно-хронологических групп населения наблюдаются и на ступени составления формовочных масс. Так, при массовом применении шамота и органических компонентов, зафиксированных по всему

изученному материалу, в керамике алакульской, федоровской и черкакульской культур отмечаются и случаи применения других искусственных примесей – дресвы (талък, серпентин-асбест, хризотил-асбест, гнейс, кварц и др.), песка, гематита, кальцинированной кости, дробленой сырой и подвергавшейся термической обработке раковины. Следует отметить, что включения дресвы в незначительной концентрации зафиксированы также в единичных сосудах коптяковской и пахомовской культур.

В данном контексте необходимо обратить внимание также и на состав шамота, который может указывать на степень устойчивости навыков труда на ступени составления формовочных масс керамики, а в некоторых случаях – особенностей состава ИПС. Шамот, в состав которого входят примеси дресвы и кости, фиксируется в значительной части сосудов алакульской, федоровской и черкакульской культур. Реже шамот, в состав которого входит дресва, отмечается в изломах сосудов коптяковской и пахомовской керамики, а по бархатовским и сузгунским изделиям не выявлен. В результате анализа формовочных масс сосудов и корреляции информации, полученной по составу шамота, возможно заключить, что в среде гончаров алакульской, федоровской и черкакульской культур или, по крайней мере, небольших их групп было распространено применение дресвы и кальцинированной кости. Наличие дресвы в формовочных массах и в составе шамота в коптяковских и пахомовских сериях сосудов может являться либо результатом взаимодействия местных групп населения, традиционно использовавшего шамот, с мигрантами – носителями других традиций. В то же время, возможно, присутствие дресвы в сосудах этих культурных групп может выступать отражением культурно-генетической связи коптяковского населения с алакульским, а пахомовского – с федоровским.

Что касается информации, полученной при анализе особенностей конструирования сосудов, то по всему доступному материалу выявлены единые традиции изготовления сосудов – донно-емкостная программа конструирования начинов и использование лоскутного налепа при изготовлении как начинов, так и полого тела изделий. Формообразование сосудов осуществлялось с применением форм-моделей (форм-основ), путем выдавливания руками и выбивания гладкой колотушкой.

В целом на основе полученных данных о традициях отбора исходного пластичного сырья и составления формовочных масс у населения эпохи бронзы Притоболья возможно сделать следующие выводы. Группы населения алакульской, федоровской и черкакульской культур, вероятнее всего, в разное время мигрировали на рассматриваемую территорию, возможно, с территорий Уральского региона. Они обладали собственными традициями отбора сырья и составления формовочных масс с примесями, не характерными для Притоболья. В результате адаптации к новым природным условиям, а также в некоторых случаях, вероятно, контактов с местным населением у мигрантов были постепенно утрачены некоторые традиции гончарного производства (например, переход от применения дресвы к составлению формовочных масс с шамотом). К финалу эпохи бронзы на территории Тоболо-Ишимья сформировалось некоторое культурное единство, отражающееся в материалах бархатовской (лесостепь) и сузгунской (подтаежная зона) культур, что, в частности, отражается и в традициях керамического производства групп населения, выступающего носителями данных традиций.

Таким образом, результаты исследования позволили, во-первых, охарактеризовать особенности культурных традиций в гончарстве каждой отдельно взятой группы населения, а во-вторых, проследить изменение культурных традиций в гончарстве пришлого населения как формы адаптации к новым природным и социокультурным условиям.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара, 1999.

А.А. Кадиева, Н.А. Биркина
Государственный исторический музей, Москва
**ЖЕНСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ УБОР ЗАПАДНОЙ КОБАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ VIII–VII вв. до н.э.**
(по материалам могильника Заюково-3 в Кабардино-Балкарской Республике)

Погребальный инвентарь населения, оставившего кобанскую культурно-историческую общность, весьма стандартизирован и хорошо известен с XIX в. Благодаря усилиям В.И. Козенковой составлены своды кобанских археологических памятников по локальным вариантам. Тем не менее из-за малого количества раскопанных на современном научном уровне объектов основной источниковой базой до недавнего времени оставались предметы из грабительских раскопок. Этот массив данных имел все характерные для такого рода материалов недостатки. Особенно плачевно ситуация сложилась в западных районах кобанской культурно-исторической общности. С 2014 г. Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция ведет работы на могильнике Заюково-3. За три сезона раскопок исследованы 70 погребений, из которых 43 относятся к кобанскому времени. Наиболее представительными находками из них являются погребения женщин с уборами из металлических украшений и бус. В данной работе предлагается систематизация находок 2015 г., когда были обнаружены 26 погребений VIII–VII вв. до н.э. Особенностью исследованной территории является довольно сложная стратиграфия. Прослежены насыпанные (из желтой супеси) стены, разделяющие погребальные участки некрополя. Очевидно, использование территории для погребений было строго регламентировано, потому погребения могли сооружаться слоями. В этих случаях дно поздних погребений являлось перекрытием более ранних захоронений, которые нередко разрушались позднейшими. Ситуацию усугубляла такая деталь погребального обряда, как посмертные разрушения костяков. При этом нарушалась целостность останков погребенного, но инвентарь мог оставаться на месте. Пятнадцать исследованных погребений, судя по находкам, принадлежали женщинам. Погребения осуществлялись в каменных ящиках и грунтовых ямах, умершие лежали на спине или скорченно на боку. Ни одно из женских погребений не было безынвентарным: в каждом из них была обнаружена хотя бы низка бус или булавка. Большая часть находок концентрировалась в районе груди погребенных. Вероятно, головные уборы, обувь и пояса не имели металлических украшений. Однако о наличии пояса в одном случае свидетельствует находка ножа и оселка в районе тазовых костей. Погребальные уборы, обнаруженные в 2015 г., можно разделить на два ранга: стандартный и богатый. Стандартный убор (встречен в 11 погребениях) мог включать в себя набор бус, бронзовые или железные булавки, соединенные бронзовой цепью, перстни, браслеты, подвески и бляхи или сочетание этих элементов. Богатый убор (обнаружен в четырех погребениях) составляли бронзовые и железные булавки или бронзовая фибула, нашивные бляхи различной формы, бронзовые и стеклянные бусы. В двух случаях убор включал ожерелья, состоящие из спиральных биконических пронизей, подвесок в форме пестиков и подвесок в виде бараньих головок. В одном случае убор находился непосредственно на костяке погребенной, в двух – лежал на полу погребения, еще в одном – ожерелье обнаружено в разрушенной могиле. Пока еще преждевременно говорить, является ли погребальный убор отражением имущественного или социального положения, однако он, безусловно, отражает этнический костюм раннего железного века, характерный для населения горной и предгорной зон территории современной Кабардино-Балкарской Республики. Показательно, что этот убор включает в себя как элементы, характерные исключительно для кобанского времени, так и детали, являющиеся переработкой элементов женских уборов позднего бронзового века, обнаруженных на той же территории. Таким образом, реконструкция женских уборов из могильника Заюково-3 может дать ключ к пониманию этнических процессов, происходивших в горах центральных районов Северного Кавказа в киммерийское и раннескифское время.

А.А. Казаков
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул
МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СУПЕРРЕГИОНЫ
В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Основные культурные новации, привнесенные на территорию лесостепного Алтая и повлиявшие на трансформацию местных, автохтонных традиций, имеют юго-западное и западное происхождение.

К археологическим маркерам подобного культурного влияния в эпоху Великого переселения народов можно отнести изделия полихромного стиля гуннского типа, которые в регионах Приобья в настоящее время известны на 8 памятниках (3 – в лесостепном Алтае, 4 – в Новосибирской области и один – в Томской области) [Казаков, 2017], находку гуннского котла на Поликарповой гриве в Мамонтовском районе Алтайского края [Иванов, 1982], погребения людей с искусственной кольцевой деформацией черепа, связываемого исследователями со среднеазиатскими традициями (Тугозвонovo, Сопка-2, Усть-Пустынка, БЕ и т.д.) [Тур, 1996], панцирные пластины с фигурным краем [Кубарев, 2007], кольчатые псалии и др.

На ряд находок явно западного происхождения с территории Верхнего Приобья указывает и А.П. Бородовский, связывая их с позднеримским импортом [Бородовский, 2016]. Другие авторы также указывают на преимущественно западное и юго-западное направление культурных связей в этот период [Грязнов, 1956; Горбунов, 2004].

Распространенность подобных явлений как в лесостепном Алтае, так и на сопредельных территориях Новосибирского и Томского Приобья довольно широкая, и в то же время они не встречаются в более восточных регионах и на территории Горного Алтая. Изделия полихромного стиля известны в памятниках Аржан-Бугузун и Бома, которые в силу специфики своего географического расположения в культурном отношении более тяготеют к среднеазиатским культурным традициям.

При картографировании крайних восточных точек находок изделий полихромного стиля выявилась восточная граница их распространения, проходящая между 80 и 90 градусами восточной долготы [Казаков, 2017]. Вероятнее всего, эта же граница ограничивает регион распространения вышеописанных маркеров. В более восточных регионах они пока неизвестны.

Дополнительным аргументом в пользу высказанного тезиса о преимущественно западном и юго-западном направлении культурных связей вышеназванных регионов в эпоху Великого переселения народов служит и крайне незначительная (практически не фиксируемая на археологическом материале) примесь инокультурных компонентов восточного происхождения. В то же время археологический материал из памятников Горного Алтая, Кузнецкой котловины и других более восточных регионов, напротив, демонстрирует наличие достаточно большого количества культурных новаций именно восточного происхождения.

Подобное положение позволило сформулировать гипотезу о существовании двух огромных суперрегионов с ментально-культурным единством, внутри которых намечаются существование единых исторических линий развития, выражающихся в направлениях культурных связей и контактов, которые более свободно, без излишнего сопротивления к инородным элементам, воспринимаются представителями различных культурных традиций внутри этих регионов. В то же время культурные новации другого направления, вероятнее всего, внутри этих суперрегионов встречались как инородные и практически не воспринимались, не влияли на их культурное развитие. Подобное положение можно объяснить только одним: западные культурные новации на ментальном уровне воспринимались как «свои» и принимались, восточные – воспринимались как «чужие» и отвергались.

Граница этих суперрегионов – западного и восточного – маркирует и границу взаимодействия двух мультикультур – европейской и азиатской, цивилизационные линии развития которых хоть и достаточно близки, но все-таки различаются.

По мнению автора, истоки культурно-ментального единства западного суперрегиона обусловлены римской завоевательной-объединительной политикой и варварской пассионарной активностью. Можно выделить два основных фактора формирования единой ментальности.

Во-первых, это насильственное объединение большого количества разнокультурных народов в единое политическое образование – Римскую империю, что способствовало не только обмену материальными элементами культуры, фиксируемыми на археологических материалах, но и сложению государственной, имперской идеологии, впитавшей в себя элементы духовной культуры огромного количества различных этнокультурных групп, входящих в состав этой империи, а следовательно, и выработке на их основе единой глобальной концепции миропонимания, сближении мировоззренческих позиций.

В качестве примера взаимопроникновения и синтеза нового учения в духовной сфере можно привести возникновение христианства, которое впитало в себя элементы духовной культуры и Запада, и Востока, и Северной Африки (Египта) [Коростовцев, 2000].

Именно благодаря своему синкретичному характеру христианство получило столь широкое распространение, так как представители различных культур, различных ментальных типов находили в этом учении близкие им по духу элементы, что значительно облегчало восприятие этой мировой религии в огромном регионе.

Во-вторых, благодаря развитым средствам коммуникации, единым историческим судьбам и тесным, порой далеко не мирным, контактам «варварских» народов, приведшим к сложению племенного союза, мощь которого привела к краху Римской империи, позволяет говорить еще об одной огромной культурно-исторической провинции с единой «варварской» ментальностью.

Тесные контакты этих ментальных групп привели к сложению зоны единой европейской ментальности, границы которой постоянно меняются во времени и пространстве. В эпоху Великого переселения народов эта граница проходила по восточной границе распространения изделий полихромного стиля.

Библиографический список

Бородовский А.П. К вопросу о позднеимперском «импорте» и его репликах на территории Верхней Оби // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2016. – №4 (42).

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сборник научных трудов / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул, 2004.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. – №48.

Иванов Г.Е. К археологической карте верховье рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982.

Казаков А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – №1 (45).

Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. – СПб., 2000.

Кубарев Г.В. Защитный доспех с фигурными пластинами (происхождение, распространение и конструктивные особенности) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск, 2007.

Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996.

Е.П. Казаков
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
О МИГРАЦИЯХ ЕВРАЗИЙСКИХ САРМАТОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(по археологическим материалам Урало-Поволжья)

Одним из привлекательных в природно-географическом отношении регионов Евразии, особенно для средневековых племен с непрочной оседлостью, являлось Урало-Поволжье. В числе других народов здесь проживали и сарматы, которые при миграциях использовали богатые травмами широкие долины крупнейших рек – Волги, Камы, Белой и др. для выпаса своих стад. К сожалению, несмотря на многолетнее археологическое изучение региона, древности сарматов долгое время оставались изученными недостаточно, или же их относили к другим народам. Так, громадную общность именьковской культуры, занимающую территорию от Приуралья до Пензенского края, сопоставляли (и сопоставляют до сего времени) с народами западного происхождения: славянами, германцами, балтами и пр. Открытие и широкое изучение II Коминтерновского могильника, расположенного в левобережной приустьевой части р. Кама, позволило получить богатейший материал для характеристики средневековых сарматских комплексов Урало-Поволжья [Казаков, 1998, с. 97–150]. Выявлено, что они родственны древностям турбаслинской культуры Башкортостана, в том числе комплексам захоронений в могилах на территории г. Уфы [Ахмеров, 1970, с. 160–193]. Такие памятники археологи прямо сопоставляют с сарматами.

Полученные материалы II Коминтерновского могильника позволили объединить их с турбаслинскими в одну турбаслинско-именьковскую общность, представляемую именьковскими некрополями с трупосожжением (сарматы Восточной Европы) и турбаслинскими памятниками с трупоположениями (азиатские сарматы с комплексами джетыассарской культуры Приаралья). В указанном некрополе – более 100 сохранившихся и свыше 100 разрушенных водохранилищем погребений, изучена одна треть погребений с трупоположениями и две трети – с трупосожжениями. И те и другие находились в одних рядах и содержали одинаковые изделия, в том числе и культовые. Захоронения с трупоположениями содержали богатые наборы вещевого материала с предгеральдикой (типа Шипово), среднеазиатские женские «косметические» коробочки, крупные (до 5 см в диаметре) янтарные бусы. Кроме того, захоронения женщин сопровождалась комплексами из черепа и костей ног коня, седлами, украшенными серебряными обкладками луки, поясными наборами со свастики, культовыми поделками в виде коньков и фаллических фигурок и пр., а черепа погребенных имели искусственную деформацию. Комплекс данных элементов находит прямые аналогии в древностях джетыассарской культуры Приаралья [Казаков, 1998, с. 97–150]. Материал памятника датируется серединой VI в., когда тюрки разбили в Приаралье племена хуни, огоров, вар, и азиатские сарматы мигрировали в знакомые им еще с первых веков нашей эры места летних кочевий [Казаков, 2011, с. 8–39]. Комплексы этого некрополя позволили выявить хронологию и функциональную принадлежность изделий из многих именьковских поселений. Так, фаллические фигурки и коньки в качестве символа мужа и хозяйства в потустороннем мире (рис.) отмечены только в захоронениях девочек, не достигших половозрелости (погр. 10 и др.). Эти же предметы в значительном числе отмечены в аланских памятниках Северного Кавказа, при этом они иногда заключались в кольцо с шаровидными утолщениями по кругу [Казаков, 2011, с. 39, рис. 17]. Такие кольца из бронзы диаметром 5–6 см находились попарно на груди в женских погребениях II Коминтерновского могильника. В настоящее время новые некрополи «коминтерновского» типа 2-й половины VI в. с биритуальным обрядом погребения изучены на Нижней Каме (II Новославский, Ташкирменский, V Маклашеевский и др.).

Во 2-й четверти VII в. какие-либо события вызвали вторую массовую миграцию азиатских сармат в Урало-Поволжье, которые заняли ту же турбаслинско-именьковскую территорию с центром в районе современной Уфы. Здесь изучены три городища [Мажитов и др., 2007] отмеченной культурно-исторической общности, княжеские захоронения

в склепах [Ахмеров, 1970, с. 160–193]. Такие же погребения вождей с изделиями из драгоценных металлов отмечены на поздней части II Коминтерновского могильника (коминтерновско-бураковские комплексы). Датировка этих новых памятников, хотя и тесно связанных по культуре с предшествующими, четко определяется по появлению в крае ранних железных стремян, массовых вариаций форм классической геральдики [Генинг, 1977, с. 93, рис. 3.-1–14, с. 100, рис. 7.-8–16; Ахмеров, 1970, с. 176, рис. 4], богато украшенных типично джетыассарских медальонов из драгоценных металлов [Ахмеров, 1970, с. 181, рис. 7] и др.

Культовые вещи из II Коминтерновского могильника

Где-то к середине VII в. новые волны кочевников с востока, среди которых были и приуральские угры кушнаренокской культуры, фактически смели турбаслинско-именьковское население Урало-Поволжья: на многих турбаслинско-именьковских поселениях того периода отмечены пожарища, разрушения, кости людей и другие признаки насильственного прекращения их существования. В Татарстане выявлены комплексы маняжского этапа кушнаренокской культуры (VIII Меллятамакский могильник, находки на Татсунчелеевском и других селищах). Даже на удмуртском побережье р. Кама найден клад серебряных джетыассарских изделий [Останина, 2011, с. 170–174, рис. 3–7], оставленный бежавшими из гибнущих районов Приаралья ювелирами II этапа турбаслинско-именьковской культуры. В целом, волны отмеченных миграций сармат Урало-Поволжья были вызваны глобальными военно-политическими событиями в Азии эпохи тюркских каганатов, после которых лишь через столетия началась эпоха салтовской культуры Волжской Болгарии.

Библиографический список

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. – М., 1970.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренокво на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей II половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno Ugrica. – 2011. – №12–13.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Саттаров Т.Р., Сулейманова А.Н., Иванова Е.В. Городище Уфа II. – Т. I. – Уфа, 2007.

Останина Т.И., Каннуникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. – Ижевск, 2011.

О.А. Казанцева

Удмуртский государственный университет, Ижевск
ЭКИПИРОВКА ВОИНОВ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ
(по материалам могильников I–V вв. бассейна Тулвы)

Анализ снаряжения воинов имеет важное значение для понимания военной организации и этнокультурной ситуации в древности. В Бардымском районе Пермского края располагаются два могильника, материалы которых в разной степени отражают события эпохи Великого переселения народов и позволяют представить экипировку воинов в середине I тыс. н.э.

Красноярский-I могильник (I–V вв.) имеет 144 захоронения, из них в 7 могилах отмечены предметы вооружения [Казанцева, 2012, с. 37]. Кудашевский-I могильник (III–V вв.) в настоящее время изучается и насчитывает 347 захоронений, среди них в 101 захоронении присутствует оружие [Казанцева, 2016, с. 135–138]. Выборка для исследования составляла 108 комплексов. Информативными считались те могилы, в которых был отмечен инвентарь, связанный с вооружением человека, а также убранием коня. Антропологический материал определен для погребений 5, 7, 9 (мужчины в возрасте 20–25 лет) из Кудашевского-I могильника, а инвентарь стал эталонным в дальнейшем изучении комплексов.

В 7 могилах грунтового Красноярского-I могильника, расположенных в поздней (IV–V вв. н.э.) части памятника, встречены железные наконечники копий. Компонентный состав оружия в 5 комплексах – нож + наконечник копья, в одном – копье, в другом – наконечник копья, нож и меч. Еще один меч-«шпага» происходит из пахоты. Металлографическое изучение предмета показало, что меч откован по простейшей технологии [Казанцева, 2004, с. 74–75]. Единичен набор конской упряжи. Коллекция оружия памятника выразительная, но немногочисленная.

Иная ситуация – курганно-грунтовой Кудашевский-I могильник, на территории которого 7 могил с предметами вооружения размещаются между курганными насыпями №1 и №3, а остальные – в разных рядах грунтовой части. При этом в одном погребении встречается от одного до 16 предметов вооружения.

Количественный и качественный состав предметов вооружения из могил позволил выявить статусные и рядовые захоронения [Казанцева, 2014, с. 108–113]. Статусные погребения содержат железные шлемы (10 экз.), мечи (14 экз.) и кинжалы (10 экз.), защитные доспехи в виде панцирей (3 экз.), бармиц (4 экз.) и кольчуг (6 экз.). Высокий военный статус умершего зафиксирован в 11 погребениях, в инвентаре которых найдены железные шлемы, кольчуги, панцири, а рукояти железных мечей оформлены серебряными навершиями или халцедоновыми дисками, а также украшены вставками из камней. Дополняют такие комплексы железные ножи, копья, «косы-горбуши», в половине случаев – железные удила, иногда топор и дротик. Поясная гарнитура, состоящая из пряжек и накладок, наконечников ремней, выполненная в полихромном стиле, свидетельствует не только о социальном статусе человека, но информативна как в плане изучения самих предметов, так и контактов их носителей. Среди комплексов выделяются наборы воинов профессионального уровня, содержащие наряду с защитным и наступательным вооружением железные мечи и кинжалы.

В рядовых погребениях пешие воины с копьями составляют почти половину всех захоронений (45 комплексов). Конные всадники с копьями отмечены по находкам удила (15 комплексов), они преобладают в статусных могилах (11 комплексов), редко встречаются в рядовых погребениях (4 комплекса). Лучники фиксировались по наличию колчаных крючков (13 комплексов) и стрел (18 комплексов, 48 экз.). Черешковые наконечники стрел встречены от одного до 11 экземпляров в статусных могилах и зафиксированы от одного до 5–6 экземпляров в рядовых захоронениях. С железными наконечниками копий в пяти комплексах встречены бронзовые пинцеты. Среди них в одном комплексе, кроме бронзового пинцета, отмечены копье, меч, наконечники стрел. Вероятно, пинцеты были необходимы воинам при обработке ран.

В комплексы вооружения входили боевые топоры (11 комплексов – 14 экз.), серпы (13 экз.), «косы-горбуши» (34 экз.) и железные ножи (81 комплекс). Последние различаются по размеру. Металлические серпы также могли применяться воинами в ближнем бою, возможно, в качестве бегутов (оружие в виде серповидного ножа), не являясь при этом оружием профессионалов. Железные кинжалы (10 экз.) встречены в погребальных комплексах с колчанными крючками, стрелами, копьем, удилами, шлемом с бармицей и мечом. Рукоять одного из железных кинжалов была оформлена халцедоновым диском.

Особенностью четырех захоронений, содержащих предметы вооружения, является их компактное расположение в могиле. Вероятно, оружие было уложено в какой-то органический контейнер. Анализ состава вещей позволяет отметить, что одинаковых наборов нет: в трех случаях в них входили «косы-горбуши», ножи, в двух – топор и серп, в одном случае – наконечник стрелы и копьё.

В целом по функциям предметов можно говорить об их универсальности для использования в боевых действиях и хозяйственной деятельности населения. Подобные походные наборы воинов встречены в могильниках нижней Камы [Казаков, 2011, с. 11]. Найдены 5 боевых топоров в свертке в п. 94А могильника Тюм-Тюм на Вятке [Ошибкина, 2010, с. 28].

Оружие отмечено в четырех женских (по инвентарю) погребениях и представлено наконечником копья и стрелами, колчанным крючком, топором и серпом. Возможно, нарушение стереотипов в наборе предметов в погребении подчеркивало особый статус умерших [Серегин, 2012, с. 64]. «Амазонки» играли определенную роль в военных действиях. Так, женщины могли применять дистанционное оружие, которым является лук и стрелы, – косвенно об этом свидетельствуют наконечники стрел и колчанные крючки.

Таким образом, третья часть населения Кудашевского-I могильника имела оружие. Элитные комплексы с оружием принадлежали молодым воинам, предметом массового вооружения были копьё. Заметим, что в материалах обоих могильников нет костяных наконечников стрел, которые имеются в других одновременных некрополях Удмуртского и Пермского Прикамья. Экипировка воинов Кудашевского-I могильника IV–V вв. представляла собой весьма серьезный арсенал профессионального и универсального оружия, что является аргументом в пользу четкой структуры войска и хорошей оснащенности отряда мигрантов, участвовавших в войнах за прикамские земли.

Библиографический список

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // *Finno-Ugrica*. – 2011. – №11–12.

Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. – Ижевск, 2004.

Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. – Ижевск, 2012.

Казанцева О.А. К вопросу о социальной структуре населения Кудашевского I могильника (по результатам гендерного анализа) // *Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология*. – 2014. – Вып. 3.

Казанцева О.А. Исследование Кудашевского I могильника III–V вв. (итоги раскопок памятника в 2012–2015 гг.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пермь 9–12 февр. 2016 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2016.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. – Т. 13. – М., 2010.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений ранне-средневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2012. – №2 (17).

Е.Г. Калечиц

Институт истории НАН Беларуси, Минск

БЕРДЫЖСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ – РГНФ (проект №Г15Р-009, «Позднепалеолитические памятники белорусско-российского порубежья (Бердыж, Елисеевичи-1, Юровичи)»)

Выбор темы был обусловлен тем обстоятельством, что коллекционные материалы памятников, которые исследовались белорусскими и российскими археологами еще с довоенного времени, находились в фондах двух стран. По указанной выше теме работа выполнена совместно с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого. Научный руководитель с белорусской стороны – автор, с российской – к.и.н. Г.А. Хлопачев.

Основной целью работы являлось комплексное исследование коллекционных и архивных материалов позднепалеолитических стоянок Бердыж, Юровичи и Елисеевичи-1, выделение специфики каменного и костяного инвентаря памятников в развитии локальных вариантов граветта и эпиграветта на территории Верхнего Поднепровья, определение абсолютного и относительного возраста древних поселений, их исторического места в позднем палеолите Восточной Европы и среднеднепровской этнокультурной общности охотников на мамонта в частности. В процессе исследования были решены следующие задачи: 1) источниковедческий анализ архивной документации о результатах полевых исследований памятников; 2) сравнительный технико-морфологический анализ каменной и костяной индустрии стоянок, установление основных критериев, отражающих общее и особенное в развитии локальных вариантов граветта и эпиграветта на территории Верхнего Поднепровья; 3) типолого-сравнительный анализ структур пространственной организации древних поселений, определение степени длительности и сезонности обитания позднепалеолитических памятников Верхнего Поднепровья; 4) определение абсолютного и относительного возраста памятников с использованием традиционных методов датировки (радиоуглеродный, палеонтологический) и нового метода геохимической индикации климатических изменений; 5) выяснение вопроса о генезисе и культурной принадлежности стоянок, их положения в структуре среднеднепровской этнокультурной общности позднего палеолита Восточной Европы; 6) корреляция результатов археологических, палеонтологических, археозоологических и естественно-научных исследований стоянок Бердыж, Юровичи и Елисеевичи-1, введение в научных оборот полученных данных.

Был проведен сбор данных по геологии, геоморфологии, гляциологии, палеогеографии периода существования стоянки Бердыж. Это позволило рассмотреть особенности топографии стоянки, воссоздать облик ландшафтов в древности, определить их роль в стратегии освоения человеком территории Верхнего Поднепровья и конкретно самого памятника. Детализированы данные по стратиграфии культурного слоя, рассмотрены механизм и условия его формирования. Корреляция палеогеографических и археологических исследований на стоянке Бердыж дала возможность охарактеризовать среду обитания человека, ее влияния на материальную культуру позднего палеолита, разработать абсолютную хронологию памятника.

В результате анализа коллекции кремневого инвентаря стоянки, хранящейся в фондах ИИ НАНБ, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), установлен характер техники первичной и вторичной обработки, выделены общие черты и руководящие формы кремневого инвентаря, определена источниковедческая состоятельность используемых материалов. На основании типолого-технологического изучения коллекции созданы таблицы иллюстраций и фотоиллюстраций, в которых отражены типобразующие группы находок стоянки Бердыж.

Сегодня продолжается работа по реконструкции хозяйственно-бытовых объектов, выявленных на бердыжской стоянке в довоенные годы. Планы составлены непосредственно К.М. Поликарповичем под руководством С.Н. Замятнина.

Информация о результатах проведенных работ будет представлена в ряде совместных публикаций участников проекта (Гісторыка-археалагічны зборнік №33 г. Мінск 2017).

И.В. Калинина
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
РАЗВИТОГО НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

В настоящее время уже очевидно, что появление керамики не обусловлено становлением производящего хозяйства. Не вызывает сомнений и то, что «в неолите лесной зоны имело место длительное переживание и развитие не только присваивающей экономики, но и древних культов, на значительной части территории Европы к этому времени сменившихся иным кругом идеологических представлений, свойственных раннеземледельческим обществам» [Тимофеев, 2002, с. 210].

Неоднократно предпринимались попытки рассматривать глиняные сосуды в системе мировоззрения земледельцев, а через орнаментацию керамики – выйти на понимание архаического мировоззрения. В различных культурах, по мнению Е.В. Антоновой, имеются безусловные свидетельства понимания первобытными земледельцами сосудов как антропоморфных вместилищ. Зафиксировано, в том числе в современных языках, частое уподобление частей сосуда частям человеческого тела [Антонова, 1986, с. 41].

Керамику в лесной зоне Евразии осваивало население с другим типом мировоззрения. Ранненеолитическая керамика зафиксирована археологами в небольших количествах на отдельных памятниках. Эта керамика бедна орнаментацией или совсем не содержит таковой, и можно согласиться с отсутствием «выработанных стереотипов в оформлении первой керамики... Керамика не расценивается как традиционная принадлежность этносу, не ассоциирована с ним» [Ластовский, 2006, с. 109]. В развитом неолите на этой территории наблюдается формирование устойчивых керамических традиций, отражающих новую ступень интеграции древних обществ, когда основным способом консолидации, по мнению исследователей, является эндогамия и территориальность [Зырянова, Ковалева, 2016, с. 63].

В результате изучения технологии орнаментации гребенчатой керамики ряда культур развитого неолита-энеолита удалось идентифицировать орнаменты, выполненные челюстями зайца, бобра, куницы (соболя), лисицы (песца) [Калинина, Гаджиева, 1995]. На древних поселениях Уральского региона выявлена локализация в использовании при орнаментации челюстей одного вида животных, что отражает, по всей видимости, тотемические представления. Связь гребенчатой керамики с образом зверя прослеживается и в способах обработки поверхностей сосудов [Калинина, 2002]. Орнаменты «след зверя», «отпечатки зубов» доживают до эпохи бронзы. Если же рассматривать орнаментацию керамики в рамках развития древнего искусства, то на рассматриваемой территории звериный стиль остается господствующим на протяжении тысячелетий археологических культур, позднее он находит свое продолжение в звериной тематике искусства обских угров.

Ямочно-гребенчатая керамика отличается от гребенчатой керамики и по способам орнаментации, и по орнаментам. Замечено, что «в льяловскую среду совершенно не попадает прием использования штампов из челюстей» [Сидоров, 2011, с. 208]. В качестве орнаментов использовались белемниты и аммониты [Коробков, Крижевская, 1958], метаподии и фаланги [Костылева, Калинина, 2002]. Эти орнаменты, по семантике, не связаны с образом зверя. Для белемнитов – «громовых стрел», «чертовых пальцев» – известна фаллоидная символика. Метаподии и фаланги с эпохи палеолита соотносятся с женским образом [Гвоздовер, 1985; Кияшко, 1992]. Можно предположить, что носители ямочно-гребенчатой керамики отличались по этносу от прауральцев (древних финно-угров). Изучая распространение мифов о водоплавающей птице, В.В. Напольских [1990, с. 7] высказал гипотезу «о палеоевропейской (неуральской и неиндоевропейской) языковой принадлежности носителей ямочно-гребенчатой керамики».

С распадом прафинно-угорского единства, который согласно О.Н. Бадеру, приходится на «фиксируемое разделение неолитической культуры на две части: восточноуральскую и западноуральскую» [Бадер, 1972, с. 24], в таежно-тундровом ареале

сохраняются контакты населения, сложившиеся на основе еще единой мезолитической уральской общности. Однако между носителями гребенчатой керамики и миром культур ямочно-гребенчатой керамики культурные контакты не прослеживаются. Нет также и преемственности – «разорванное звено», по О.Н. Бадеру [1972, с. 10–11], – между ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской, распространившейся в Волго-Окском междуречье в энеолите.

В волосовское время происходит постепенное преобразование хозяйственной деятельности. В Приуралье и Волго-Окском междуречье с проникновением в лесную зону из лесостепи племен, знакомых с металлургией, скотоводством, на территории бывших неолитических культур с гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой складывается новая историко-культурная общность. С изменением направления хозяйственных и культурных связей формируется новый этнос, возможно, новое, в лингвистическом понимании, языковое единство.

Этническое самосознание взаимосвязано с мировоззрением. В эпоху энеолита исчезает ямочный – «женский орнамент». На смену ранее доминантному у древних уральцев образу матери-лосихи приходит мужской образ медведя-богатыря. Фиксируемый в волосовской культуре культ медведя находит отражение в использовании для орнаментации керамики *os renis*'а медведя [Калинина, 1996, с. 293–296].

Библиографический список

Антонова Е.В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. – 1985. – №1.

Зырянова С.Ю., Ковалева В.Т. Основные тенденции в изучении неолита Среднего Зауралья (XXI в.) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Ижевск, 2016.

Калинина И.В. Орнаментация сосуда Скрабы-III // Тверской археологический сборник. – Вып. 2. – Тверь, 1996.

Калинина И.В. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // Тверской археологический сборник. Вып. 5. – Тверь, 2002.

Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. – №2. – 1995.

Кияшко В.Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. – Вып. 1 / Азовский краеведческий музей. – Азов, 1992.

Коробков И.А., Крижевская Л.Я. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник Ленинградского университета. Серия: Геологические науки. – 1958. – Вып. XVIII.

Костылева Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. – Вып. 5. – Тверь, 2002.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 4. – Самара, 2006.

Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990.

Сидоров В.В. Орнаменты и орнаментыры льяловской керамики // Тверской археологический сборник. – Вып. 8. – Тверь, 2011.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. – Вып. 5. – Тверь, 2002.

Ж.С. Калыгина
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
ТИХВИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ – ПЕРВОЕ ОБЩЕГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ
г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (XVIII – начало XX в.)

Тихвинское кладбище (как первое общегородское кладбище) возникло в 1772 г. в результате Указа Екатерины II от 24 марта 1771 г. о создании кладбищ для городских жителей за чертой города. Там начали хоронить после закрытия погоста при Входа-Иерусалимской церкви. После открытия кладбища в 1774 г. была построена каменная церковь. В настоящее время территория Тихвинского некрополя располагается в черте современного г. Йошкар-Ола. Просуществовало это кладбище примерно два с половиной столетия, его территория занимает, очевидно, большую часть парка культуры и отдыха. Закрыто оно было в 1926 г., но еще какое-то время там продолжали хоронить. В 1930-х гг. могилы и памятники снесли, площадку нивелировали и начали использовать в других целях.

В связи со строительством жилого многоэтажного здания, на участке бывшей территории Тихвинского некрополя с марта по ноябрь 2012 г. проводились охранные археологические раскопки. В результате исследований выяснена глубина залегания погребений (100–120 см от дневной поверхности). Верхний балластный слой (50–70 см) снимался экскаватором под наблюдением археологов. Работа над каждым объектом осуществлялась в пять этапов: 1) выявление погребения по разнице в цвете и консистенции грунта; 2) зачистка погребения под фотографию; 3) фотофиксация и описание погребения; 4) зарисовка погребения в проекции в масштабе 1:10 и снятие нивелировочных отметок; 5) антропологический анализ костяка на предмет пола и возраста (проведен Е.М. Макаровой). По итогам антропологического анализа выявлено, что в большинстве захоронений находятся явные европеоиды, то есть выходцы из центральной России. Вместе с тем многие скелеты имеют смешанные расовые признаки и очень похожи на костяки из марийских могильников XI–XVII вв. В рамках раскопок на данном участке Тихвинского некрополя было получено большое количество культовых предметов. Самыми распространенными находками являлись крестики, иконки, бутылочки из-под еля, разнообразная обувь: сапоги, ботинки, сандалии. Наличие нескольких кирпичных склепов, различные гробы (в некоторых случаях простые – деревянные, в некоторых с обивкой), военного обмундирования говорит о различном социальном составе жителей Царевококшайска. Большой интерес вызвали шесть погребений, в которых люди лежали головой на восток, а не на запад, как это положено по православным канонам. Данные могилы располагались в одном месте, там же был найден медальона Матери Божьей Остробрамской, это почитаемая у католиков икона. Археологи пришли к выводу, что это поляки, которые были сосланы в Царевококшайск после восстания 1863 г. С точки зрения ученых, интерес представляет погребение, в котором лежал человек в военном мундире с медалью ветерана Крымской войны. Любопытно, что еще в четырех могилах оказались покойники с трепанацией черепа, видимо, пациенты больницы. Распространенный кариес, наличие большого количества детских могил, свидетельствует о низком уровне жизни людей и состоянии медицины в Царевококшайске. В первом склепе, на мундире, в который был одет погребенный, были обнаружены знаки Лесного ведомства. Знаки такой формы были утверждены в 1901 г. Ал.В. Соколов, изучив Метрические книги царевококшайских храмов, установил, что это мог быть Лесничий Кучкинское лесничества Царевококшайского уезда, титулярный советник С.Н. Киселёв, который умер 27 апреля 1907 г. в возрасте 37 лет от крупозного воспаления легких [ГА РМЭ. Ф.-305. Оп. 4. Д. 2. Л. 34].

В результате охранных археологических раскопок на территории Тихвинского некрополя обнаружено и исследовано 781 погребение. Изучено более 1100 кв. м в исторической охранный зоне Йошкар-Олы. В зоне исследования определены восточная и северная границы кладбища, что позволяет уточнить историческую охранную зону Йошкар-Олы. Получены ценные сведения по погребальному обряду, антропологии, материальной и духовной культуре жителей Царевококшайска конца XVIII – начала XX вв.

А.Р. Канторович
*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, Москва*
ОБРАЗ ОЛЕНЯ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ
СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

В знаменитом труде Э.Х. Миннза, содержащем, помимо прочего, наиболее ранний систематический анализ скифо-сибирского звериного стиля, мы встречаем указание на то, что среди самобытных (т.е. не пришедших из иных художественных систем) образов этого искусства основным был мотив оленя, представленного преимущественно «в скорченном положении, с поджатыми под туловище ногами» [Minns, 1913, p. 268]. Обширный археологический материал, накопленный за прошедшее с тех пор столетие, позволяет говорить о точности выводов Э.Х. Миннза, в особенности для территории восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля, соответствующего скифской археологической культуре.

Так, нами зафиксировано и классифицировано 2102 оригинальных изображения животных (не считая копий) в восточноевропейском скифском зверином стиле; это образы, наделенные признаками скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с территории скифской археологической культуры Северного Причерноморья (степная и лесостепная зоны) и Северного Кавказа. Доминируют четыре мегаобраза: хищники, копытные, птицы и синкретические животные. В том числе нами идентифицировано 791 изображение особей надотряда Копытные (Ungulata). В рамках данного мегаобраза выявлены образы оленя, лося, горного козла, горного барана, коней, быков, кабанов, определенные синтетические образы копытных, а также мотивы обособленного уха копытного и обособленной ноги копытного/копыта. Наиболее популярным в рамках мегаобраза копытных является образ оленя, к которому относятся 262 оригинальных изображения (в том числе 128 полнофигурных и 134 редуцированных), наделенных объективными морфологическими признаками отряда Парнокопытных (Artiodactyla), семейства Оленевые или Олени (*Cervidae*), подсемейства Настоящие олени (*Cervinae*), рода Олени (*Cervus*) и двух видов – Благородного оленя (*Cervus elaphus*) и Лани (*Cervus dama*), поскольку два этих вида, по нашему заключению, не дифференцированы в системе «народной классификации» создателей скифского звериного стиля. При этом природную основу художественного образа скифского оленя формируют черты местного Благородного оленя (Европейского или Кавказского/Каспийского), тогда как природные элементы Лани иногда просматриваются в греко-скифском или собственно скифском зооморфном стиле, но, конечно же, отражаются в образе скифского оленя гораздо реже (ареал Лани в скифскую эпоху был ограничен Южной Европой, Передней Азией и Северо-Западной Африкой, и знакомство с ней скифов могло состояться либо в процессе походов и иных миграций, либо по репликам в греческом, фракийском или передневносточном искусстве).

Э.Х. Миннз полагал, что природным прототипом образа оленя в скифо-сибирском зверином стиле был Северный олень (род *Rangifer tarandus*) [Minns, 1913, p. 268], но с учетом экстерьера и ареала данного животного ныне можно считать это положение ошибочным.

Доля оленей в общем массиве оригинальных изображений копытных составляет, следовательно, около трети (33,1%), а в рамках всего корпуса изображений восточноевропейского скифского звериного стиля – почти 12%. Тем самым статистически подтверждается заключение Э.Х. Миннза и иных первых исследователей скифского звериного стиля о большой популярности мотива оленя в скифском бестиарии.

Данный образ реализуется в рамках трех сюжетных направлений, или групп, и 42 изобразительных (морфологических) типов (в том числе 21 тип полнофигурных и 21 тип редуцированных изображений). Абсолютно преобладающим сюжетным направлением

в полнофигурной реализации образа оленя является лежащий олень (более 80% от всех полнофигурных изображений оленя), тогда как сюжеты стоящего/идущего оленя и полулежащего/полустоящего оленя представлены гораздо скромнее. В свою очередь, в рамках сюжета лежащего оленя выявляются две базовых иконографических линии. Во-первых, это канон «летающего» оленя (на самом деле лежащего, – возможно, в жертвенной позе), т.е. классическая композиционная схема «скифского оленя», «сквозная» для всего скифо-сибирского мира от Северного Причерноморья до Южной Сибири и, вероятно, имеющая центральноазиатские истоки; в восточноевропейском скифском зверином стиле этот канон в основном реализуется в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н.э., с отдельными инерционными трактовками в V – начале IV в. до н.э. Во-вторых, это канон «спокойно лежащего» оленя, ограниченный зоной скифской археологической культуры и периодом «скифской классики» V–IV в. до н.э., с отдельными репликами в начале III в. до н.э.

Основной массив редуцированных трактовок оленя (протомы, головы, рога) составляют изображения обособленных голов. Данный мотив, известный уже в эпоху «скифской архаики», преимущественно относится к периоду «скифской классики». На границе образов оленя и лося, оленя и горного козла в период «скифской классики» формируются и развиваются синтетические образы «оленелосей» и «оленекозлов».

Хронология выделенных нами изначальных морфологических типов восточноевропейского скифского звериного стиля позволяет прийти к выводу, что образ оленя хотя и не был «нуклеарным» в скифской археологической культуре, тем не менее появился здесь достаточно рано, не позднее второй половины VII в. до н.э., первоначально в полнофигурном отображении (в каноне «летающего» оленя), в декоре или в оформлении разнообразных предметов из различных материалов: костяных пластин-накладок, золотых накладок на предметы вооружения и конского снаряжения (ножны меча, щит/горит, уздечный фалар и др.), бронзовых наверший, золотых бляшек костюма и т.д. В целом же тема оленя реализуется во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля и на всем протяжении существования скифской археологической культуры 2-й четверти VII – начала III в. до н.э. Преимущественно образ оленя связан, как и большинство остальных изображений скифского звериного стиля, с оформлением вооружения и конского снаряжения: более половины (55%) от всех изображений оленя оформляют предметы именно этих макрокатегорий, что, впрочем, уступает показателям образа хищника, где соответствующая доля достигает 78%. Также мотив оленя используется при оформлении элементов костюма, сосудов (в основном это золотые обивки деревянных чаш), зеркал «ольвийского типа» и ритуальных наверший.

Приверженность мастеров и потребителей скифского звериного стиля образу оленя может связываться как с его функцией крайне выразительного (в эстетическом отношении) маркера «среднего мира», так и с возможной дополнительной символикой данного образа – солярной и фитоморфно-космологической (мотив линии S-видных рогов «летающего» оленя, древовидная аллюзия рогов «летающего» оленя в ряде его трактовок, свастическое и пальметоидное оформление рогов «спокойно лежащего» оленя и его дериватов). В любом случае тема оленя в скифском искусстве, в совокупности с ее знаменитыми трактовками в греческом стиле, предназначенными для скифской среды (терзаемые олени и лани на пекторали из Толстой могилы, на амфоре из Чертомлыка, на фиале из Солохи и др.), составляет одну из основ духовного комплекса создателей скифской археологической культуры.

Библиографический список

Minns E.H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. – Cambridge, 1913.

Е.А. Каравашкина

НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина, Ульяновск
**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ
НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**
(на примере поселений Подгоры-I и Ош-Пандо-Нерь)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №17-31-01069 а2 «Технология гончарного производства лесостепных культур Восточно-Европейской равнины эпохи Великого переселения народов»)

Работа по изучению орнамента керамики населения Верхнего Прикамья проведена с применением историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978] и базируется на ряд методов, которые были предложены Е.В. Волковой [2010, с. 90–94].

В основе анализа орнамента лежит метод структурного анализа орнамента на посуде. При исследовании орнамента на посуде изучаются отпечатки орудий, реконструируется их вид, материал, из которого они изготовлены, и способ нанесения.

Метод структурного анализа состоит в том, что орнамент исследуют на четырех уровнях: элемент, образ, мотив и композиция. Элемент – один отпечаток, который мастер делает за один трудовой акт. Образ – совокупность элементов. Мотив – несколько образов. Композиция – система расположения мотивов на всей поверхности сосуда, расположение на определенных частях сосуда.

Далее производился расчет коэффициента сходства (КС). Методика определения коэффициента сходства была разработана Д.Я. Телегиным и представлена в работе «Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента», в дальнейшем была более детально проработана Ю.Б. Цетлиным [2008, с. 15–18].

Расчет производился на двух уровнях – на уровне элементов и уровне образов, чтобы избежать ошибочной интерпретации в связи с сильной фрагментарностью керамикой и невозможностью провести анализ на следующих уровнях.

Коэффициент сходства определяется в каждом случае для двух сравнительных поселений путем последовательного суммирования наименьших долей всех зафиксированных на их керамике элементов и образов орнамента.

Рассматриваемые памятники находятся на территории Самарской области, на правом берегу р. Волги, расстояние между памятниками составляет 20 км.

Поселение Ош-Пандо-Нерь-1/2 исследовано под руководством В.А. Скарбовенко, Р.С. Багаутдинова, Г.И. Матвеевой и М.С. Седовой. Материалы были получены в ходе работ 1994–1995 гг. [Скарбовенко, 1995]. Коллекция состоит из 21 сосуда.

Поселение Подгоры-I, исследования на котором проводились в 2000–2001 гг. под руководством В.А. Скарбовенко, содержит коллекцию, состоящую из 63 сосудов.

К более раннему хронологическому горизонту относится комплекс, обнаруженный на селище и могильнике Ош-Пандо-Нерь. Судя по сопровождающему материалу, неволинский компонент входил в состав кочевых племен Новинковского типа. Набор обнаруженных вещей, включающий стилетовидную булаву с волнообразным навершием и трапезиевидную рамку пряжки, датируется в пределах 2-й половины – концом VII – VIII в. [Вязов, Нерушин, 2010, с. 255–273]. Уже к следующему этапу – горизонту ранней Волжской Болгарии относится комплекс жилища с поселения Подгоры, датированный авторами раскопок VII–X вв. [Скарбовенко, 2001].

В орнаментирах, используемых на рассматриваемых коллекциях, встречаются: зубчатые и гладкие штампы, шнур, инструмент для нанесения небольших вдавлений округлой формы и нож для прочерчивания.

Среди элементов орнамента можно выделить следующие:

гладкий статичный (ГлС) – оттиск либо прокатывание рабочей поверхности инструмента с гладкой (т.е. без рельефной структуры) рабочей поверхностью, оставившей линзовидные по форме отпечатки;

гладкий динамичный (ГлД) – прочерчивался узким рабочим краем инструмента, оставляя гладкий след;

гребенчатый (Гр) – прямые, в основном линзовидные, следы с перемычками, оставленными пропилами на рабочей части орнамента;

проташенная гребенка (ПГ) – ряд динамических гладких элементов, выполненных прочерчиванием гребенчатым инструментом;

ямочный (Ямчн) – вдавления, выполненные орнаментиром с круглой или овальной рабочей частью;

ямчатый (Ямчт) – отличается от ямочного формой рабочей части орнамента;

веревочный (В) элемент наносился шнуром.

По итогам анализа статистических орнаментальных традиций мы получаем данные, которые позволяют нам уточнить характер культурных контактов населения Верхнего Прикамья, проживавшего на территории Среднего Поволжья.

Для начала было проанализировано сходство на уровне элементов, которое составило 29,6%. Затем на уровне образов – 5,8%.

Коэффициент сходства орнаментальных традиций поселений Подгоры-I и Ош-Пандо-Нерь

Уровни анализа	% сходства
Элементы	29,6
Образы	5,8

Анализ орнамента посуды населения Верхнего Прикамья показывает достаточное низкое процентное сходство элементов и образов орнамента. В свою очередь, сравнение указанных памятников с памятниками, располагающимися в Ульяновской области, показал большое процентное сходство. Этот анализ требует дальнейшей проработки, так как памятники достаточно удалены друг от друга как территориально (около 200 км), так и хронологически [Каравашкина, 2017, с. 101–102]. В свою очередь низкое процентное сходство поселений Самарской Луки указывает на то, что на этих памятниках проживало население с разными культурными традициями.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978.

Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М., 2010.

Вязов Л.А., Нерушин И.А. Стилетовидные предметы с волутообразным навершием с территории Среднего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи : межвузовский сборник научных трудов / под ред. доц. В.А. Лопатина. – Вып. 8. – Саратов, 2010.

Каравашкина Е.А. Анализ орнамента посуды населения Верхнего Прикамья в VIII–XIII в. // Новые материалы и методы археологических исследований: от археологических данных к историческим реконструкциям : материалы IV конференции молодых ученых. – М., 2017.

Скарбовенко В.А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь-1/2 у с. Шелехметь Волжского района Самарской области / Архив археологической лаборатории СамГУ. – 1995.

Скарбовенко В.А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Подгоры-I в Волжском районе Самарской области в 2001 г. / Архив археологической лаборатории СамГУ. – 2001.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. – Тула, 2008.

А.А. Карпухин
Институт археологии РАН, Москва
**ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: АНАЛИЗ КОЛИЧЕСТВЕННОГО
И ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕНДРОДАТ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №13-06-12033 офи_м «Дендрохронология городов средневековой Руси:
системно-статистический анализ баз данных датированных образцов древесины»)

В дендрохронологических лабораториях Института археологии РАН, Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Археологического центра Псковской области накоплен большой массив данных об образцах древесины из культурного слоя археологических памятников европейской части России. Архивы лабораторий содержат результаты измерений годовых колец порядка 25 тысяч древесных стволов, из которых около 12 тысяч имеют абсолютные календарные даты. Для систематизации этих материалов создана база данных, состоящая из отдельных блоков, каждый из которых характеризует материалы конкретного археологического памятника. По-видимому, некоторый интерес представляет появляющаяся возможность проведения статистических оценок больших групп дендрохронологических датировок.

Наиболее информативными являются базы данных дендрохронологических дат образцов древесины из культурного слоя 15 средневековых археологических памятников: Ярославля (113 дат), Ростова Великого (209 дат), Твери (498 дат), Торжка (435 дат), Москвы 286 (дат), Смоленска (323 дат), Белоозера (150 дат), Кирилло-Белозерского монастыря (215 дат), Вологды (116 дат), Старой Руссы (357 дат), Старой Ладogi (200 дат), Староладожского городища (303 даты), Орешка (116 дат), Пскова (2003 даты), Великого Новгорода (6505 дат). В ряде случаев анализ количественного и хронологического распределения датировок образцов древесины из культурного слоя позволяет выявить периоды активной заготовки древесины, вероятно, свидетельствующие о резких всплесках строительства, проследить динамику развития застройки различных участков городских территорий.

Распределение датировок образцов древесины Ярославля позволяет говорить о периодах активного строительства в 1190-х – 1240-х гг. и первой четверти XIV в. с хронологической лакуной во второй половине XIII столетия.

На основе дендрохронологических дат Тверского кремля прослежены периоды активности в заготовке древесины конца 1280-х – 1-й половины 1300-х гг.; второго десятилетия XIV в.; 2-й половины 1330-х – начала 1340-х гг.; конца 1350-х – 1-й половины 1370-х гг.; конца 1380-х – 1-й половины 1390-х гг. Первые два из указанных периодов, возможно, связаны с известными по письменным источникам тверскими пожарами.

Совокупность датировок образцов древесины из культурного слоя Торжка демонстрирует пики строительной активности конца 1120-х – начала 1130-х гг., конца 1140-х – начала 1160-х гг., 2-й половины 1170-х – 1200-х гг.; конца 1220-х гг. (для посада Торжка) и 1190-х – 1210-х гг., конца 1240-х гг., конца 1280-х гг. (Нижнее городище). Обращает на себя внимание несколько более раннее начало массовой застройки на территории посада.

Анализируя распределение дат Смоленска, можно выделить следующие периоды интенсивной строительной активности: конца XIII – 1-й трети XIV в. и второй половины 1430-х – 1470-х гг. В контексте истории города, вероятно, особого внимания заслуживает период XV в., поскольку с 1404 по 1514 г. Смоленск входил в состав Литовского княжества. Возможно, именно со сдачи города связана прослеженная «лакуна» начала XV в. Тем не менее начиная со 2-й половины 1430-х и по 1470-е гг. город, по-видимому, переживает своего рода «строительный бум».

Картина распределения дат города Белоозера демонстрирует количественные «всплески» дат во 2-й половине 60-х – начале 70-х гг. XII в.; 1194–1195, 1200–1201, 1207,

1217 и 1221–1224 гг. 1234–1236 и 1244–1245 гг. Небезынтересным представляется наличие лакун, приходящихся на 1172–1175, 1178–1183 и 1225–1230 гг. Возможно, они связаны с какими-либо негативными событиями в истории города.

Наиболее ранняя группа дат Кирилло-Белозерского монастыря относится к 1360–1370 гг. На протяжении XV–XVI вв. выделяются количественные пики, приходящиеся на 1418 и 1440-е, 1501–1506 и 1531 гг. Резкий всплеск строительной активности, по-видимому, начинается в 1580-х гг. и продолжается до конца 20-х гг. XVII в. Прослеживаемые пики 1656 и 1684 гг., вероятно, связаны со строительством крепости Нового города (1653–1680 гг.) и сопутствующими ему значительными перепланировками территории.

Регулярное деревянное строительство в Старой Руссе начинается, по-видимому, во 2-й четверти XI в. Наиболее интенсивно оно происходит на протяжении всего XII в., во 2-й четверти XIII в. и 2-й половине XIV – 1-й трети XV столетия. Выявлены хронологические лакуны последней четверти XI в., рубежа 70–80-х гг. XIII в., начала XIV столетия.

Распределение датировок Старой Ладogi и Земляного (Староладожского) городища позволяет говорить об освоении территории городища во 2-й половине VIII в. Пики заготовки строительного леса приходятся на 3-ю четверть VIII, первое десятилетие и 80-е гг. IX, 2-ю четверть X в. Выделяется хронологическая лакуна первой четверти X столетия. Застройка противоположного берега р. Ладожки начинается не ранее 3-й четверти IX в., а наиболее интенсивное строительство ведется во 2-й – 3-й четвертях X в.

Выборка датировок крепости Орешек позволяет проследить всплески заготовки строительной древесины, во 2-й половине 1320-х – начале 1330-х гг. и 1420–1430-е гг.

Начало массовой застройки на территории Среднего города Пскова приходится на рубеж X–XI столетий. Всплески строительной активности фиксируются в конце XI – 1-й половине XII, на рубеже XII–XIII, во 2-й четверти XIII – рубеже XIV–XV вв. Особенно интенсивный период строительства наблюдается в последней четверти XIII – 1-й половине XIV в. Застройка Окольного города Пскова, очевидно, берет свое начало значительно позднее – не ранее 2-й четверти XIII в. в Запсковье и только в 1-й четверти XIV в. на Полонище. Всплески строительной активности происходят в конце XIV, конце XV – 1-й четверти XVI, последней четверти XVII в. на Полонище и в конце XVI в. в Запсковье.

Для анализа динамики застройки средневекового Новгорода наиболее репрезентативными являются материалы четырех исторических концов: Неревского, Людина, Славенского и Плотницкого. Для Неревского конца периоды интенсивного строительства фиксируются в 950, 970–990, 1000, 1020, 1050, 1070, 1090-е гг. В XIII–XV вв. Строительство на Неревском конце часто активизируется после упомянутых летописями пожаров. На Людином конце пики строительной активности приходятся на 930–940, 950–960, 990, 1010, 1030–1040, 1080–1090-х гг., 1110-х гг. Повышенная строительная активность фиксируется в 1260–1270-е гг. В XII–XV вв. отмечаются периоды активной заготовки строительной древесины, вероятно, после пожаров. Самые ранние даты в материалах Плотницкого конца относятся к XI в., что свидетельствует о более позднем освоении этой части города по сравнению с прибрежными частями Софийской стороны. Северная часть Плотницкого конца осваивается еще позже (1190-е гг., Борисоглебский раскоп, 1260-е гг., Андреевский раскоп, 1300-е гг., Никитинский раскоп). Распределение дендродат Славенского конца демонстрирует картину непрерывного развития застройки в центральной части в период 1060–1460-х гг. Славенский конец более наглядно, чем другие районы Новгорода, демонстрирует связь между городским строительством и пожарами. Зафиксировано 8 периодов активной заготовки древесины, которые следуют за крупными городскими пожарами: 1150-е, 1270–1280-е, 1300-е, 1320-е, 1340-е, 1380-е, 1400-е гг.

С.В. Кашаев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2. ИССЛЕДОВАНИЯ 2015–2016 гг.

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края, Россия). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Черного моря. В настоящее время он интенсивно разрушается по двум причинам: естественной (природной) – мощная абразия берега и антропогенной – систематическое разорение захоронений грабителями.

За 2003–2016 гг. была исследована площадь около 4750 кв. м, обнаружены 175 погребений, из которых 12 доисследованы за грабителями (такие объекты получили особую нумерацию с литерой «Г»).

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI в. до н.э. или рубежом VI–V вв. до н.э. Большинство из датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н.э., часть комплексов относится к III–II вв. до н.э. Считаем, что время существования некрополя укладывается в такие хронологические рамки: V–II вв. до н.э.

Работа посвящена результатам сезонов 2015–2016 гг., проведенных на памятнике Таманским отрядом Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН. Исследования в основном были сосредоточены в восточной части памятника. Проводился поиск предполагаемой восточной границы некрополя и раскопки участка, примыкающего к границе большого обвала берега произошедшего в 2008 г.

В ходе двух полевых сезонов была исследована площадь 600 кв. м, при глубине раскопа около 1,8 м. Обнаружены 16 погребений (№148–163), нумерация новых погребений продолжает нумерацию принятую ранее. Представим комплексы, которые являются наиболее информативными.

Погребение №148 содержало костяк мужчины 45–50 лет. Вся придонная часть могилы была засыпана слоем из раковин морских моллюсков. Надо отметить, что такой обряд встречен на данном некрополе впервые. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняных ойнохой и миски, чернолаковых килика и солонки, керамического пряслица. Относится он ко 2-й половине V в. до н.э.

Погребение №151 принадлежало женщине 20–25 лет. Инвентарь составляли белофонная ольпа, керамическое пряслице, несколько гагатовых бусин и фрагмент охристой породы. Белофонные ольпы могут относиться к концу VI – началу V вв. до н.э.

В погребении №152 также обнаружен костяк женщины 20–25 лет. Инвентарь состоял из лепной миски, бронзовой иголки и простого бронзового колечка. Миска очень плохой сохранности, полностью рассыпалась.

Погребение №153 конструктивно отличается от всех остальных – это подбойная могила с закладом из сырцовых кирпичей. Костяк принадлежал мужчине 20–25 лет и был ориентирован черепом на восток. Инвентарь состоял из красноглиняных кувшина и приземистого унгентария. Датируется погребение №153 в пределах III в. до н.э. Ранее несколько подбойных погребений с сырцовым закладом уже встречались на данном некрополе.

В погребении №154 лежал воин-мужчина 35–40 лет. Инвентарь составляли красноглиняные ойнохой и миска, чернолаковая солонка, железные меч и наконечник копья с подтоком, и два пряслица – керамическое и свинцовое. Данный объект датируется около середины V в. до н.э.

Самыми поздними являются погребения №155 и 156, они могут датироваться примерно VI–V вв. н.э. Таким образом, захоронения на исследованном участке продолжались на протяжении почти 1000 лет с разной интенсивностью. Хотя пока это единичные случаи столь поздней датировки и окончательные выводы делать рано. Конструктивно – это простые грунтовые могилы, костяки в них были ориентированы головой на север.

Погребение №155 оказалось очень тщательно перекопано и полностью ограблено в древности. В заполнении обнаружены останки мужчины 30–40 лет. Из инвентаря сохранились лишь бронзовая пряжка с язычком и железный нож.

В погребении №156 обнаружен костяк мужчины 40–45 лет. В районе головы располагался лепной горшок с насечками по венчику, на шее золотая гривна. На черепе в районе левого уха сохранилась серебряная позолоченная серьга, вторая рядом с черепом. Так же в погребальный инвентарь входил железный нож и две бронзовые пряжки с язычком, возможно застежки для обуви.

Погребение №157 принадлежало женщине 50–55 лет. В погребальный инвентарь входили красноглиняная миска, абаластр из сине-желтого финикийского стекла, черно-лаковая солонка, свинцовое и керамическое пряслица. Датировать его можно 2-й четвертью V в. до н.э.

В погребении №159 находились останки женщины 25–30 лет. С ней найден сероглиняный кувшин, фрагмент железного перстня и бронзовая монетка.

Погребение №160 принадлежало мужчине 40–45 лет. Инвентарь состоял из красноглиняного кувшина, железного ножа и железного шила. Два последних комплекса можно отнести примерно к II в. до н.э.

Помимо работ на раскопе было продолжено обследование береговых склонов и осыпей. Они постепенно разрушаются и таким образом открываются новые погребения, ранее съехавшие по склону с участками берега. Таким образом, были обнаружены три погребения разной сохранности, пригодных для исследования и сохранивших, по крайней мере, часть инвентаря. В одном из них – погребении №161 – находился почти полный костяк ребенка, предположительно девочки 1–2 лет. У нее обнаружен необычный составной перстенок – бронзовая основа, к которой серебряной оправкой крепилась стеклянная вставка.

Кроме захоронений обнаружены и другие комплексы. Например, в Тризне 21 – находилась практически целая синопская амфора начала III в. до н.э. На ручке имеется клеймо – канфар и трехстрочная надпись. Клеймо оттиснуто слабо, надпись читается плохо.

Впервые найдены Тризны 22 и 23 не с амфорами, а с развалами столовой керамики. В них находились красноглиняные солонки, тарелочки, рыбные блюда, горло пелики, лекана с крышкой, небольшая кастрюлька с крышкой и другие сосуды.

Своеобразным объектом является Алтарик, выполненный из нижней части тулова остродонной амфоры без ножки. Он был установлен над безынвентарным погребением №149. Два конструктивно близких алтарика были найдены при раскопках на поселении Артющенко-2 в 2013 г.

По результатам раскопок некрополя в последние годы можно осторожно предположить, что мы нашли восточную (или юго-восточную) границу некрополя V–II вв. до н.э.

Западная граница была зафиксирована в 2005, 2006, 2010 гг. и дополнительно проверена в 2016 г. Таким образом, расстояние между крайними погребениями по линии 3–В составило около 150 м (погребения №14, 130). Южной границей в настоящее время является береговой обрыв. Северная граница пока не обнаружена, но по расположению грабительских шурфов можно предположить, что она проходит не менее чем в 100 м от обрыва. Исходя из этого, сохранившаяся площадь некрополя составляет около 15000 кв. м.

К востоку от некрополя V–II вв. до н.э. предположительно, начинается некрополь первых веков н.э. К нему относятся несколько погребений, которые были обнаружены разрушенными на береговом склоне (погребения №14, 144, 145, 161, 162 и 163). Продолжается он в восточном направлении, в сторону поселения Артющенко-1 и там стыкуется с некрополем средневековым.

Если это предположение верно, то все пространство вдоль берега моря между поселениями Артющенко-2 и Артющенко-1 занято некрополями трех исторических периодов – V–II вв. до н.э.; II–IV вв. н.э.; VIII–X вв. н.э.

Г.Н. Керцева (Вольная)
*Институт истории и археологии РСО – Алания, Комитет по охране
и использованию объектов культурного наследия РСО – Алания, Владикавказ*
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В истории археологического изучения Северной Осетии выделяется 4 этапа: 1) середина XIX в. – 1914 г.; 2) 20–40-е гг. XX в.; 3) 50–70-е гг. XX в.; 4) 70–80-е гг. XX в.; 5) 90-е гг. XX в. – сегодняшний день.

1 этап. Обнаружение могильника с. Кобан (1869 г.), выставка коллекции находок из него в Кавказском музее в Тбилиси, V археологический съезд и подготовка к нему послужили поводом для археологических исследований памятников Северной Осетии Г.Д. Филимоновым (1877), В.Б. Антоновичем (1879, 1880), А.С. и П.С. Уваровыми (1879–1900), Ф. Байерном, Р. Вирховым, Э. Шантром, Г. (1886–1889), В.И. Долбежевым (1884–1904), А.М. Дирром, (1879), В.Ф. Миллером (1886), А.А. Бобринским (1888), Д.Я. Самоквасовым (1892), И.А. Владимировым (1898) и др. МАО предложило исследователям Кавказа систематизировать изучение памятников, фиксировать погребальный обряд, находки. ИАК ставит вопрос о необходимости выдачи открытых листов на право раскопок и налаживает связи с исследователями-краеведами на Северном Кавказе В.И. Долбежевым и В.И. Вырубовым, которые начинают фиксировать грабительскую деятельность, помогают скупать древности для Эрмитажа и ГИМа. Шаги в изучении археологических памятников своего края стал предпринимать Терский областной статистический Комитет во Владикавказе [Миллер, 1888, с. 53; Уварова, 1902, с. V, 2–4, 10; Длужневская, 2014, с. 61, с. 12–16, 27].

2 этап. Изучаются бытовые памятники, расширяется источниковая база, происходит систематизация памятников, классификация их на более высоком уровне. В этот период М.А. Радищев (1919, 1920) исследует курганы эпохи бронзы и аланского времени, Г. Кокиев – башни, заградительные стены и склепы, средневековые городища плоскостной зоны (1928, 1930, 1935), (1929), Е.Г. Пчелина (1928, 1929, 1935), А.А. Миллер (1923), Л.П. Семёнов (1920–1941), Е.И. Крупнов (1935), С.С. Куссаева (1953) изучают аланские и кобанские памятники. Б.Б. Пиотровский и А.А. Иессен исследовали курганы скифского времени в Моздокском районе (1940). Начиная с 30-х гг. XX в. в Северной Осетии археологические раскопки ведут экспедиции ГИМ, ГАИМК, СОНИИ, СОКМ.

Великая Отечественная война также не способствовала развитию археологического изучения. На линии фронтов на курганах возводили огневые точки, рыли окопы, в результате чего пострадали многие курганы, культурные слои поселений, некоторые грунтовые могильники.

После войны на территории Северной Осетии начинаются исследования памятников неолита Е.И. Крупновым (1951, 1952). Продолжает изучение позднекобанских памятников Е.П. Алексеева (1949), аланских – Е.И. Крупнов (1948), позднесредневековых башен и склепов – Л.П. Семёнов и И.П. Щеплыкин (1948, 1952).

3 этап. Происходит комплексное изучение памятников. На территории республики проводит археологические исследования СКО АЭ ИИМК АН СССР, АЭ ИА АН СССР, Северо-Осетинский НИИИЭЯЛ, Северо-Осетинский республиканский музей краеведения с 1956 по 1967 гг. под руководством Е.И. Крупнова, Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, О.В. Милорадович, В.А. Кузнецова, В.Б. Деопика, В.И. Козенковой и др. В этот период аланские памятники активно изучают Е.И. Крупнов (1961), В.А. Кузнецов (1957, 1958, 1959, 1962), Милорадович (1958, 1959), Д.В. Деопик (1963), В.Б. Ковалевская (1964). В.П. Любин исследует памятники палеолита (1954–1961, 1963, 1966) и куро-араксской культуры (1966). Появляются обобщающие монографические исследования, где в числе других памятников Северного Кавказа изучаются памятники древней истории Северной Осетии. В конце 60-х гг. деятельность археологических экспедиций в республике ослабевает.

4 этап. Проводятся охранно-спасательные раскопки памятников, разрушаемых в ходе хозяйственной деятельности. Появляется значительное количество монографий и статей, посвященных археологии Центрального Предкавказья. Ведутся разведки новых памятников в Северной Осетии В.А. Кузнецовым (1970), Л.Г. Нечаевой, В.В. Кривицким (1972), А.О. Наглером, В.Л. Ростуновым, Н.И. Гиджрати (1978), М.Б. Мужухоевым и В.Я. Рябовой (1981, 1983). Ведутся раскопки памятников раннего железного века в плоскостной зоне СКАЭ ИА РАН под руководством В.И. Козенковой (1974–1975). Продолжают изучаться памятники кобанской культуры в горной Дигории В.В. Кривицким, Л.Г. Нечаевой, Н.Л. Членовой (1975), А.П. Мошинским (1986).

В.А. Сафронов, Н.А. Николаева проводят раскопки курганов эпохи ранней и средней бронзы в плоскостной части Северной Осетии (1976, 1977, 1979). М.П. Абрамова начинает раскопки и разведки памятников сарматской культуры (1970, 1971). В.А. Сафронов, Н.А. Николаева, А.О. Наглер, В.Л. Ростунов, Н.И. Гиджрати, С.Р. Сосранов и Э.Л. Черджиив ведут раскопки курганов в Моздокском районе с погребениями от эпохи бронзы до сарматского периода (1980–1990). Ведутся исследования памятников мезолита-энеолита Н.И. Гиджрати. В.Л. Ростунов проводит раскопки курганов эпохи бронзы, сарматского и аланского времени в с. Заманкул (1993, 1994), могильников эпохи ранней и средней бронзы в Кобанском ущелье (1983, 1991, 1998).

Начинаются раскопки памятников аланского времени: Зилгинского городища В.А. Кузнецовым (1981), В.Б. Ковалевской и И.А. Аржанцевой (1982, 1986), Змейского могильника Р.Ф. Фидаровым (1982). Проводятся исследования позднесредневековых башен, склепов, святилищ горной зоны В.Х. Тменовым (1970–1984).

Отряд КАЭ ГМВ под руководством Т.А. Габуева исследовал курганы эпохи средней бронзы в Моздокском районе (1986, 1988), скифской и аланской эпохи в Правобережном районе (1989–1990). С 1988 г. Ф.С. Дзуцевым исследуется Бесланский могильник.

5 этап. С начала 90-х по 2000-е гг. в связи с кризисной ситуацией в экономике «новостроечные» экспедиции прекратились, однако работали экспедиции, финансируемые СООГСИ, ИИА при СОГУ, ИА РАН, ГИМ, ГМВ.

Продолжают исследоваться кобанские памятники Дигорского ущелья Северной Осетии А.П. Мошинским (1995–2016), А.Ю. Скаковым (1996), Эльхотовский могильник кобанского времени – Х.В. Чшиевым (2006–2009), аланские памятники Даргавского ущелья исследует Р.Г. Дзаттиаты (1992–2016), аланские памятники Алагирского района – З.П. Кадзаева (2004), Э.Ю. Шестопалова (2005) и др.

С начала 2000-х гг. наблюдается оживление хозяйственной деятельности и появление археологических охранно-спасательных экспедиций в Северной Осетии. В связи с этим археологические разведки проводят З.Х. Албегова (2004–2007), З.П. Кодзаева (2009). Продолжаются раскопки Змейского катакомбного могильника Р.Ф. Фидаровым (1982–2005), М.А. Бакушевым (2013–2014) и др. В 2006–2008 г. проводятся охранно-спасательные работы в зоне затопления Зарамагской ГЭС. Здесь работают несколько археологических отрядов ИИА при СОГУ (Р.Ф. Фидаров, Х.В. Чшиев и др.), ИА РАН (З.Х. Албегова, Н.А. Цветкова) и др., которые изучают памятники от эпохи неолита до средневековья. Продолжаются исследования Бесланского могильника экспедицией ИА РАН (2010–2013).

В настоящее время на территории республики работают экспедиции из Владикавказа, Ростова, Москвы, занимаясь в основном охранно-спасательными работами.

Библиографический список

Длужневская Г.В. Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). – СПб., 2014.

Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии. – М., 1888.

Уварова П.С. Коллекции Кавказского музея. – М., 1902.

М.Е. Килуновская¹, Л.Д. Чадамба²

¹*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;*

²*Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований, Кызыл*

ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА ГРАНИЦЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ (Убсунурская котловина)

Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН совместно с Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований и Институтом археологии Монголии (в лице др. Насан-Очир Эрдене-Очир) проводит исследования в пограничных территориях на южном берегу озера Убсу-Нур. Главный регион исследований – прилегающие территории к горе Дус-Даг (Давс). Расположение здесь горы Дус-Даг с большими запасами соли, которые имели важнейшее значение для древнего и современного развития хозяйства, обмена/торговли, роста уровня жизни, позволяет предположить существование в этом регионе важнейшего очага существования различных древних культур с эпохи камня, о чем можно судить по концентрации памятников истории и культуры, по фольклорным данным. Изучая комплексно эти памятники, можно выявить механизм влияния природных условий и наличия природных ресурсов на трансформацию древних культур и современных кочевников, населяющих этот регион.

На российской территории около поселка Дус-Даг (Южный Торгалык) известны находки палеолитических орудий и несколько могильников с древнетюркскими каменными изваяниями. В 2015–2016 г. нам удалось здесь зафиксировать десятки курганных могильников и памятники наскального искусства с петроглифами разных исторических эпох. Здесь, по сообщению учителя истории Буянмаа Тумат, мы обнаружили уникальный памятник наскального искусства Кара-Туруг, на котором было зафиксировано 16 групп (состоят из нескольких плоскостей) с рисунками, среди которых находятся яркие образцы искусства эпохи бронзы и скифского времени. В верхней части горного склона на востоке находится группа 1, представляющая собой скальный выход, на котором глубокой выбивкой нанесены различные фигуры: сцены охоты, батальные сцены, колесницы и геометрические фигуры, напоминающие жилища, семейные пары с ребенком, быки, козлы и олени. Всего 110 фигур. Они разновременные. Большая часть относится к эпохе бронзы и скифскому времени. По-видимому, это основная плоскость на памятнике. Перед ней находится площадка шириной не более 1 м, но на которой была собрана большая коллекция каменных орудий, которые относятся к мезолиту или верхнему палеолиту. Обращена на ЮВ в сторону Торгалыка и Монголии.

У подножия горы с петроглифами был обнаружен интересный погребальный комплекс, который относится ко времени создания рисунков на скалах. Здесь находятся курганы-херексуры, а также каменные ящики и олений камень, на котором сохранились выбитые фигуры оленей в аржано-майэмирском стиле, оружие и символы. На краю речной террасы раскопан большой каменный ящик, в котором обнаружены кости марала и быка, а также половина керамического горшка, украшенного гребенчатым штампом. Это ритуальное погребение эпохи бронзы – III–II тысячелетия до н.э. и может соотноситься с чемурчекской культурой в Монголии.

Другой не менее интересный памятник исследован на территории Монголии около поселка Боршоо – Бичикту-Хая. Второе название Бургустай-хая (по-тувински Мургустук) – это горный хребет, состоящий из нескольких горных отрогов, расположенных по линии ЮВ–СЗ, разделяющий Монголию и Туву. Найденное и обследованное нами местонахождение петроглифов Бижикту-Хая демонстрирует, насколько богата эта территория памятниками наскального искусства. Только на небольшой территории были выявлены 3 скопления со 170 плоскостями и более 800 различных рисунков. Все они выбиты, но в разных техниках и стилистических манерах. Также здесь представлены достаточно разнообразные сюжеты и образы. Нужно отметить большие панно с изображениями оленей в монголо-забай-

кальском стиле раннескифского времени, а также с животными (оленьями, лошадьми, козлами) и всадниками, выполненными в характерной манере для гунно-сарматского времени. Очень важной находкой является древнетюркская надпись. К эпохе поздней бронзы можно отнести изображение колесниц, антропоморфные фигуры в грибовидных головных уборах, некоторые сцены охоты, а также шествие зверей по символической дороге, которая показана длиной извилистой линией. Конечно, самым распространенным образом здесь является козел, выполненный в разное время. Довольно много фигур двугорбых верблюдов, причем в двух случаях мы зафиксировали изображения всадника на верблюде. В Туве изображения верблюдов встречаются редко, а здесь это распространенный мотив. На нескольких плоскостях можно увидеть парные фигуры оленя с оленухой или оленухи с олененком.

Исследования на пограничных территориях очень важны. Они свидетельствуют о связях населения с глубокой древности, о существовании определенных путей коммуникаций, которые актуальны и по сей день.

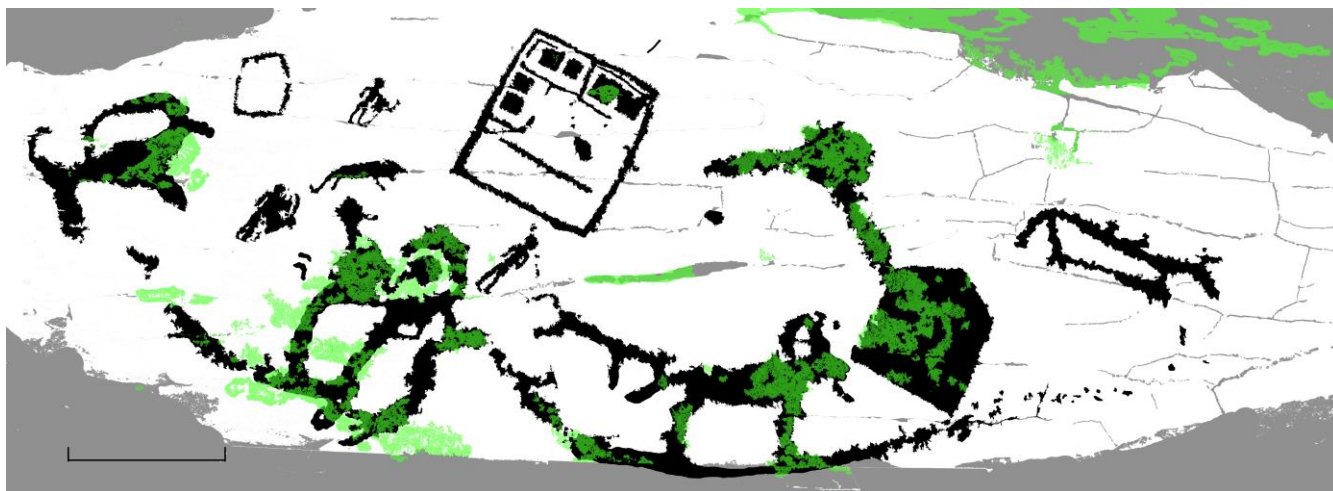

Рис. 1. Местонахождение петроглифов Кара-Туруг-1. Группа 1. «Поселок»

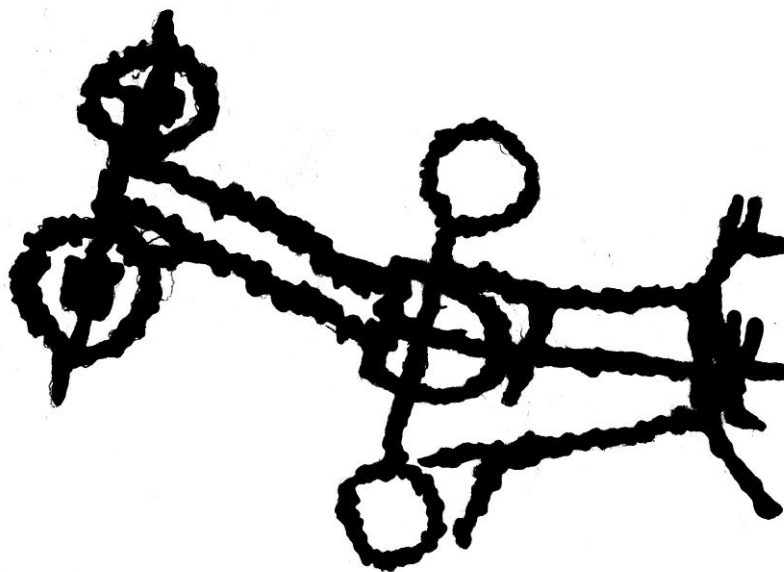

Рис. 2. Местонахождение петроглифов Кара-Туруг-1. Колесница

С.М. Киреев

Национальный музей им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск

БЫСТРЯНСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ СЕРЕДИНЫ VI–II вв. до н.э.

И ЕЕ МЕСТО В КРУГУ КУЛЬТУР СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Быстрианская археологическая культура (далее – Б.К.) раннего железного века датируется серединой VI – II в. до н.э. Локализовалась в северных предгорьях Алтая и прилегающей лесостепной части, являющихся одной из естественных природно-климатических зон между степями Юга Сибири и горной системой Саяно-Алтая. Границы Б.К. с севера проходят по низовьям Катуня и Бии, истокам Оби, до верховий Чумыша, захватывая отроги хребтов Иолго и Бийскую гриву, на северо-востоке доходят до Салаирского кряжа. На юге распространение памятников культуры приближается к отрогам Семинского, Чергинского, Ануйского и Баше-лакского хребтов. Западная граница проходит по правобережью Верхней Оби. Ареал Б.К. охватывает значительную часть предалтайской равнины. Нижняя Катунь и правобережье Верхней Оби являются центром скопления памятников Б.К. Большая часть территории Б.К. (западная и северная зоны) находилась в современном Алтайском крае, своим южным ареалом культура расположена на территории Республики Алтай, восточным – в Кемеровской области. Ее памятники в различные годы исследовались и изучались С.И. Руденко, С.М. Сергеевым, М.П. Завитухиной, В.А. Могильниковым, А.П. Уманским, А.С. Суразаковым, А.Л. Кунгуровым, Н.Ю. Кунгуровой, Ю.В. Шириним, А.П. Бородовским, М.Т. Абдулганеевым, С.М. Киреевым. Термин «быстрианская культура» был введен в 1992 г.

Хронологически Б.К. разделена на три этапа: ранний (середина VI – середина V в. до н.э.), средний (2-я половина V – конец III в. до н.э.), поздний (конец III – II, возможно, начало I в. до н.э.). В различной степени изучено более 20 могильников и свыше 40 поселений Б.К., из которых наибольший материал получен с могильников Бийск-1, Быстрианка, Аэродромный, Майма-6, 7, 19, Енисейское-4, Сростки-2, Боровое-5, Красный Яр. Из поселений выделим памятники Майма-1, 2, 3, 12, 18, Точильное-1, 3, 5, Боровое-3, Дмитриевская Грива, Солонцы-1, Заречное, Новозыково-3. Отметим также скопления памятников Б.К. у сел Точильное и Победа.

Надмогильные сооружения Б.К. представляют собой курганы из камня, земли и смешанные каменно-земляные, часто по периметру имеются кольца из более крупных камней или ровики. Под насыпью одна, иногда – две, реже – три могилы. Их размеры и глубина связаны с полом, возрастом и, очевидно, статусом погребенного. Быстрианские погребения одиночные, редко – парные. Костяки уложены головой на запад или с небольшими отклонениями к северу, вытянуто на спине или на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Внутримогильные сооружения достаточно разнообразны: деревянные срубы или рамы из досок, поставленных на ребро, жердей, без перекрытия, или же перекрытые досками или также жердями. Достаточно часто фиксируются каменные обкладки по периметру дна могилы, изредка – каменные ящики. Нередко в ямах встречаются следы огня: угли, обгоревшие остатки дерева, прокалы почвы, зольные пятна. В изголовье сохранились остатки погребальной пищи в виде костей овцы с положенными рядом ножами и глиняные сосуды: кувшины, горшки, банки. Иногда сосуды устанавливались в ногах погребенных. В насыпях курганов или околочурганном пространстве при раскопках встречаются кости лошадей, овец, разбитые сосуды, остатки кострищ. В погребениях сохранились детали одежды; предметы вооружения: бронзовые и железные кинжалы, чеканы, поясные крючки, наконечники стрел из рога, кости, бронзы, железа; украшения: гривны, бляшки, серьги из бронзы, серебра, золота; предметы быта и туалета: ножи, зеркала; детали лошадиной сбруи: удила, псалии, пронизи, распределители ремней, застежки, пряжки, украшения узды. Некоторые изделия украшены изображениями животных и растительным орнаментом. Нередки находки оригинального звериного стиля, показывающего удивительное сходство с лучшими образцами от Башадара до Минусы. В ряде курганов с каменными насыпями, содержащими мужские погребения, имелись сопроводительные захоронения коней, которые также ориентированы черепом в западный сектор. Варианты

погребения лошади достаточно неустойчивы и разнообразны: в отдельной от человека яме, в смежных могильных ямах с общим перекрытием, вместе с человеком в одной яме черепом на запад за срубом с южной стороны, с юга от человека, с юга на специально устроенном приступке в материке, на перекрытии сруба, в южной части могилы над человеком, у южной стенки ямы за специально устроенной перегородкой. Следует заметить, что хронология погребений с конем отмечена на всем протяжении существования Б.К. с VI по II вв. до н.э.

Поселения в подавляющем большинстве небольшие, от нескольких до десятка жилищ площадью от 30 кв. м до 120 кв. м. Жилища полуземляночного типа, подпрямоугольные в плане, каркасно-столбовой конструкции. В центре находился очаг, по бокам у стен – хозяйственные ямы, в которых хранили запасы. Хозяйство населения быстрианской культуры носило комплексный характер с ведущей ролью скотоводства. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, большую роль играла охота на копытных и пушных зверей, птицу. Фиксируются следы земледелия и рыболовства. Развита металлургия бронзы и железа, обработка серебра и золота. Встречены мастерские, где обнаружены медные, железные шлаки и орудия древней металлургии: тигли, сопла, литейные формы и шишки, всплески металла и пр. Высокого уровня достигло косторезное дело, широко практиковалось керамическое производство. Глиняная посуда была весьма разнообразна по технологии, форме и размерам, изготавливалась без гончарного круга способом ручной лепки и делилась на столовую, кухонную и погребальную. Характерным индикатором керамики Б.К. является орнамент в виде налепных рассеченных валиков, что позволило М.Т. Абдулганееву, наряду с отмеченными, считать их одним из основных признаков Б.К. Интересно отметить, что в быстрианских погребениях встречено большое количество сосудов, имитирующих в глине кожаные. К оригинальным изделиям можно отнести курильницы, пряслица, шпильки, триквестры. Существовало ткачество и ряд других домашних ремесел.

Судя по полученным данным, у населения Б.К. существовал родоплеменной строй с выделением отдельных больших семей. Явного имущественного расслоения не зафиксировано, хотя отмечается заметное различие в размерах курганных насыпей, их устройстве, наборе погребального инвентаря. Выделяются курганы с каменной наброской, в которых погребены мужчины с более представительным и богатым комплексом вооружения и сопроводительными захоронениями лошадей, очевидно – главы родов и больших семей.

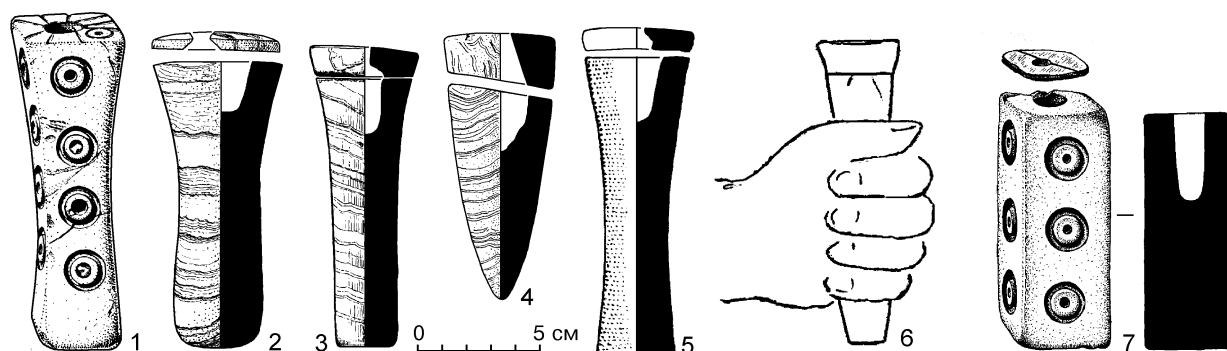
Предположительно, основой для сложения Б.К. являлась предшествующая больше-реческая культура времени, переходного от поздней бронзы к раннему железному веку. Но, скорее всего, на эту территорию в середине VI в. до н.э. пришла значительная группа совершенно нового населения носителей культуры скифского типа, скорее всего, это саки Средней Азии. Существенным компонентом для ее формирования было участие пазырыкской культуры Горного Алтая, причем на всех этапах существования Б.К. Четко фиксируется влияние синхронных культур Алтая (староалейская и каменная), Тувы, Минусы, Восточного Казахстана, Западной Монголии. Развитие Б.К. происходило в постоянных контактах и связях с этими регионами на всем протяжении периода ее существования, указывая на их культурное, этническое, идеологическое единство. После появления нового этноса с V до II вв. до н.э. территория Б.К. становится объектом постоянных «тихих миграций», векторы которых пока, на современном этапе исследований и анализа материалов еще недостаточно определены. По наблюдениям на могильнике Майма-VII, в конце III–II вв. до н.э. на эту территорию переселилась новая большая группа населения из юго-восточного Алтая. Также достаточно много вещей из женских погребений практически аналогичны староалейским материалам.

Таким образом, Б.К. являлась одной из локальных культур скифо-сибирского мира, со своей определенной территориальной спецификой в погребальном обряде и некоторых других элементах материальной культуры. На рубеже II – I вв. до н.э. Б.К. резко сменяется майминской культурой гунно-сарматского времени. Никаких переходных памятников и материалов между этими культурами не фиксируется.

Л.Б. Кирчо

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ АЛТЫН-ДЕПЕ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ:
НОВЫЕ ДАННЫЕ

Одной из наиболее ярких категорий инвентаря богатых женских захоронений периода ранней – начала периода средней бронзы (около 2800/2700–2300-х гг. до н.э.) на поселении Алтын-депе в Южном Туркменистане являются так называемые светильники (рис.-1–5). Это вытянутые подцилиндрические, конические или подквадратные в сечении предметы, изготовленные в основном из мраморовидных пород камня. В верхней части «светильников» сделана специальная емкость, которая часто накрыта усеченно-конической, подцилиндрической или подквадратной в плане крышечкой с отверстием. Причем эти крышки обычно были изготовлены не только из того же материала, что и «светильник», но прямо из одного куска камня, что видно по полному совпадению не совсем правильного контура нижней поверхности крышки и верхней поверхности «светильника» (рис.-3–4). Поверхность большинства «светильников» гладкая, но одно изделие из красновато-коричневого камня украшено циркульным кружковым орнаментом с углублениями в центре, куда были вставлены мелкие кусочки бирюзы (рис.-1). В ряде случаев на стенках или внутри емкости находилась темная субстанция. Кроме инвентаря погребений поврежденные «светильники» или отдельные крышечки найдены также в культурных напластованиях Алтын-депе и являются типичным компонентом комплекса периода ранней бронзы. Нами была предложена типология таких изделий и на основании трасологических наблюдений Г.Ф. Коробковой рассмотрены приемы их изготовления [Кирчо, 2005, с. 411–412; 2014, с. 68–71, рис. 3].

Каменные сосуды для смешивания косметики:

1–5 – Алтын-депе; 6 – реконструкция В.Б. Зернова; 7 – могильник Фархор, погребение 18 (по: Бобомуллоев, Виноградова, Бобомуллоев, 2017, рис. 11.-5)

В Южном Туркменистане каменные «светильники» были обнаружены также на Ак-депе и Улуг-депе [Сарианиди, 1976, с. 96, рис. 15.-15], а за его пределами – на Шахри-Сохте в Иранском Систане, как на поселении [Tosi, 1969, fig. 41.-a-d.-s.-t], так и в могилах периодов I/II–IV [Piperno, Tosi, 1975, p. 195; Sajjadi et al., 2003, tabl. 8, fig. 40.-a-c, type 1, 2a, 2b], а также на поселении Мундигак периода III,6–IV в Южном Афганистане [Casal, 1961, p. 236, fig. 135.-11–11b.-12]. Недавно два орнаментированных каменных «светильника» найдены в индивидуальных захоронениях женщины и мужчины могильника Фархор в Южном Таджикистане (рис. 1.-7; Бобомуллоев С., Виноградова, Бобомуллоев Б., 2017, с. 46–47, рис. 11.-5, 12.-1).

Интерпретация таких предметов в качестве светильников была предложена В.И. Сарианиди [1976, с. 96] на основании находки на Улуг-депе изделия с «закопченной» внутренней емкостью и крышечкой, в которой сохранились остатки органического «фитиля», и постепенно была принята российскими и итальянскими исследователями. Лишь иранский археолог С.М.С. Саджади считал «светильники» косметическими флаконами [Sajjadi et al., 2003, p. 81, 85].

Эта последняя точка зрения нашла свое подтверждение в 2015 г., когда итальянскими специалистами из Падуанского университета под руководством М. Видали методом оптической рентгенографии (X-ray powder diffraction) был изучен состав вещества, находившегося внутри или на стенках «светильников» и крышек из Шахри-Сохте. Оказалось, что так называемые светильники действительно являлись сосудами для косметики [Vidale et al., 2017], в основе состава которой находились преимущественно соли свинца, а в качестве красящих примесей выступали минералы меди и некоторые другие.

Проверка этих результатов была осуществлена М.А. Кульковой (кафедра геологии и геоэкологии РГПУ им. Герцена, СПб.) с помощью метода электронного-сканирующего микрондирования. Был проанализирован порошок, содержащийся внутри сосуда-«светильника» (рис.-3), обнаруженного на Алтын-депе в составе группы предметов (возможно, инвентаря погребения). По составу и стратиграфическому положению эта находка датируется самым концом периода позднего энеолита или, скорее, началом периода ранней бронзы. Порошок представлял собой светло-зеленую краску на основе карбонатов свинца (свинцовые белила) и примесей хлоридов и сульфидов меди зеленого цвета.

Таким образом, так называемые светильники являлись каменными косметическими сосудами. В то же время, учитывая своеобразие их формы, явно приспособленной для держания в руке (рис.-6) (большинство этих сосудов сужаются в нижней части и крайне неустойчивы), и наличие специальных крышек, можно предполагать, что они служили для одновременного приготовления небольшого количества жидкой косметической краски светлых оттенков. Именно для равномерного смешивания минерального порошка и жидкости нужна была плотно пригнанная крышка со сквозным отверстием, через которое, вероятно, вводили специальную палочку (деревянную или металлическую) для размешивания.

Эти новые данные открывают целую серию возможных направлений исследования культуры элитарных групп населения Центральной Азии: происхождение и распространение косметических манипуляций и состава косметических средств; изучение содержимого узкогорлых косметических флаконов из керамики и металла, которые широко распространяются в периоды средней и поздней бронзы, сменяя каменные сосуды-«светильники»; изучение антропологических материалов, так как соли свинца должны были проникнуть в костный материал, и многое другое.

Библиографический список

Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. // Материалы Фархорской археологической экспедиции. – Вып. I. – Душанбе, 2017.

Кирчо Л.Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). – СПб., 2005.

Кирчо Л.Б. Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В.М. Массона. – СПб., 2014.

Сарианиди В.И. Южный Туркменистан в эпоху бронзы // Первобытный Туркменистан. – Ашхабад, 1976.

Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. – Vol. 1–2. – Paris, 1961.

Piperno M., Tosi M. The graveyard of Shahr-i Sokhta, Iran // Archaeology. 1975. – Vol. 28, no. 3.

Tosi M. Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the Second campaign, September – December 1968 // East and West. – 1969. – Vol. 19, nos. 3–4.

Sajjadi S.M.S. (with contributions by Foruzanfar F., Shirazi R. and Baghestani S.). Excavations at Shahr-i Sokhta. First preliminary report of the excavations of the graveyard 1997–2000 // Iran. – 2003. – Vol. 41.

Vidale M., Salviulo G., Zorzi F., Mocchiutti I. Cosmetics and cosmetology at Shahr-i Sokhta // Iran. – 2017. – Vol. 55 (In print).

Н.С. Кирьянов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск;

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В XXI в. (2002–2017 гг.)

В настоящее время традиционная погребально-поминальная обрядность якутов является одной из наиболее разработанных тем в якутоведении. За последние 125 лет (начиная с раскопок Н.Г. Сарычева в 1888 г. на «Тыгыновом кургане») целой плеядой специалистов раскопано и изучено свыше 300 погребений различной типовой и хронологической принадлежности, размещенных в широком территориальном охвате, причем исследования продолжаются до сих пор [Бравина, Попов, 2008; Мир..., 2012; Бравина, Дьяконов, 2015]. Данные изученных погребений часто используются при решении многих вопросов в различных областях якутоведения: происхождения и этнической истории народа саха, его материальной и духовной культуры, верований, фольклора, семейной обрядности, заболеваний и т.д., и именно этим объясняется столь пристальный и непрекращающийся интерес к этим памятникам. На сегодняшний день, пожалуй, трудно найти такую проблему, которая будучи так или иначе связанной с историей якутов не опиралась бы в логике своего изложения, в том числе – и на данные погребений.

Опыт исследований предыдущего столетия настоятельно подтвердил необходимость междисциплинарного сотрудничества в рамках изучения якутских погребений, особенно в области медицины, генетики, антропологии, реконструкции одежды и украшений, радиоуглеродного и дендрохронологического датирования. Важным моментом по данным направлениям стала организация в 2002 г. Международной франко-русской (саха-французской) археологической экспедиции – MAFSO (фр. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale), объединяющей ряд научных учреждений России и Франции, под руководством доктора медицины Э. Крюбези (фр. Eric Crubézy) и докт. ист. наук, профессора А.Н. Алексеева. Одной из важнейших целей экспедиции являлось генетический анализ ДНК раннеякутского населения и определение хронических и патологических заболеваний в условиях проживания на приполярной территории. На основе анализа данных более чем 60 мумифицированных останков из якутских погребений XV–XIX вв. был сделан вывод о том, что якутский генетический тип является подразделом общего типа, характерного для Алтая, Прибайкалья, Саян, Южной Сибири и Северного Китая, что свидетельствует о включении якутского этноса в общий генофонд Центральной Азии и увязывает его происхождение с Байкальским регионом [Мир..., 2012]. Эти сведения (о тесной связи тюрко-монгольских предков якутов со средневековыми племенами Прибайкалья) подтверждаются и независимыми от них археологическими и фольклорными источниками, что укрепляет гипотезу о преимущественно южном (прибайкальском) происхождении якутов. Особый интерес вызывают данные генетика В.В. Фефеловой [2014] о выявлении в генотипе якутов некоего субстрата индоарийского происхождения, скорее всего, выходцев из Северной Индии, однако эти сведения нуждаются в дальнейшей разработке.

Важнейшим аспектом междисциплинарных работ является поиск наиболее ранних якутских погребений сотрудниками MAFSO и коллективом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН под руководством д-ра ист. наук, профессора Розалии Иннокентьевны Бравиной, в результате чего были выявлены и датированы памятники XIV–XV вв., такие как Атласовское-I, Балыктах, Сергелях и Кердюген. Антропологическое изучение показало близость Сергеляхского человека к промежуточному европеоидно-монголоидному варианту, а Атласовского-I – к современным бурятам и монголам. Также реконструированы внешний облик двух Атласовских захоронений XIV и XVII вв. и Сергеляхского (2-я половина XV в.) человека [Мир..., 2012; Дьяконов и др., 2014; Бравина, Дьяконов, 2015; Бравина и др., 2016; 2017].

Одним из последних существенных достижений в рамках междисциплинарных исследований в области генетики и медицины, проводимых под руководством д-ра мед. наук Сардааны Аркадьевны Федоровой, является выявление ряда генетически предрасположенных форм различных заболеваний у якутов, каковыми являются аутосомно-рецессивная глухота (тип 1А), ишемическая болезнь сердца, хронический алкоголизм, диабетическая ретинопатия при сахарном диабете и рак легкого [Генетическая история..., 2015].

Реконструкция материальной культуры якутов – одежды и украшений по данным погребений ведет свое начало с работ известного художника, участника археологических раскопок 1920–1950-х гг. Михаила Михайловича Носова (1887–1960) [Носов, 2010]. В настоящее время активную работу в этой области ведет сотрудник МАФСО Кристиан Оштрассер-Пети (фр. Christiane Hochstrasser-Petit) [Мир древних якутов, 2012] и канд. ист. наук, доцент Института языка и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ Светлана Ивановна Петрова [Петрова, Заболоцкая, 2013]. Благодаря их деятельности имеется возможность проследить эволюцию и генезис одежды и украшений у якутов, начиная с XVII до начала XX в.

Подводя итог, отметим, что за неполные два десятилетия нового века в изучении якутских погребений, несмотря на богатый опыт их исследования, произошел ощутимый прорыв в полевой деятельности, когда наряду с археологами активно работают медики, антропологи, реконструкторы, специалисты по датированию. Данное сотрудничество необходимо развивать и наращивать в дальнейшем.

Библиографический список

Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – №44 (2).

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск, 2008.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – №3 (12).

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №4 (35).

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – №1 (36).

Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни. – Новосибирск, 2015.

Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии: этногенез и этническая история саха. – Новосибирск, 2014.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам сафранцузской археологической экспедиции). – Якутск, 2012.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. – Якутск, 2010.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. – Новосибирск, 2013.

Фефелова В.В. Предками якутов были арийцы. – Красноярск, 2014.

К.Ю. Кирюшин
Алтайский государственный университет, Барнаул
КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА
СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Кулундинская степь является одной из самых интересных культурно-исторических провинций на территории Алтайского края. В 70–90-е гг. прошлого века по берегам озер или в поймах рек Кулунда, Бурла, Касмала выявлены десятки памятников эпохи неолита и энеолита. Все собранные коллекции представлены сборами и подъемными материалами с памятников с разрушенным культурным слоем. Сборы и подъемные материалы, полученные в 70–90-е гг. XX в., представляют собой мозаичную картину.

Памятник Новоильинка-III находится в Хабарском районе Алтайского края. В ходе раскопок 2010–2014 гг. на поселении вскрыто около 600 кв. м, обнаружены представительные коллекции керамики и каменных артефактов эпохи энеолита. По костям животных получены радиоуглеродные даты 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 (СОАН-8318), 4310 ± 110 (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320) [Кирюшин, 2015].

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлено поселение Новоильинка-VI. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м. В площадь раскопа полностью попало жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 – в восточной части раскопа и №3 – в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к эпохе финального энеолита, а №3 – к более позднему времени (финальный энеолит – ранняя бронза). Между жилищами №1, 2 и 3 выявлены следы легких наземных конструкций, которые датируются более ранним временем (неолит – ранний энеолит) [Кирюшин, 2016]. Для первого горизонта поселения Новоильинка-VI получены две радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043).

Керамический комплекс поселения Новоильинка-III выглядит достаточно монолитно. Вся посуда остродонная, открытой формы. Основу коллекций керамики составляет посуда, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике [Кирюшин, 2015]. Отпечатки отступающей палочки чаще всего создают горизонтальные ряды прямых и волнистых линий, реже геометрические фигуры, ряды зигзагов, елочки, ромбов и треугольников. Вторую по численности группу составляет посуда, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные и диагональные ряды шагающей гребенки, которые иногда наносились в несколько рядов, перекрывая друг друга [Кирюшин, 2015]. Очень часто поверх рядов отступающей гребенки нанесен орнамент, выполненный в отступающе-накольчатой технике. Непременным атрибутом керамики поселения Новоильинка-III являются ряды ямок, которые украшают посуду первой группы от венчика до днища, а посуду второй группы – только по венчику [Кирюшин, 2015].

В материалах первого горизонта жилища №1 выделяются две группы посуды: орнаментированная в отступающе-накольчатой технике и декорированная отпечатками гребенчатого штампа [Кирюшин, 2016]. Две группы сосудов примерно равны по количеству сосудов в каждой. Отличительной чертой керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, являются более разнообразные приемы декорирования. Помимо горизонтальных и диагональных рядов отпечатки штампа образуют горизонтальные ряды елочки и паркетный орнамент. Отличительной чертой керамики, орнаментированной в отступающе-накольчатой технике, является более широкий вариативный ряд геометрических орнаментов: ряды сеточки, ряды треугольников, обращенных вершинами

друг к другу. Еще одной особенностью керамики, орнаментированной в отступающе-накольчатой технике, является выделение на сосудах вертикальных орнаментальных зон и свободных от орнамента зон.

Помимо различий в декорировании керамики, в коллекциях каменных артефактов и изделий из кости поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI имеется целый ряд отличий. Таким образом, на одной территории и практически в одно время находятся памятники, археологические коллекции которых существенно отличаются друг от друга. Наиболее близкие аналоги материалам поселения Новоильинка-III обнаруживаются в коллекциях поселения Киприно (Верхнее Приобье) [Комарова, 1956] и поселений Пеньки-1 и Пеньки-2 (Павлодарское Прииртышье) [Чалая, 1972]. Также наиболее близкие аналоги материалам поселения Новоильинка-VI обнаруживаются в коллекциях поселения Ирба (Верхнее Приобье) [Комарова, 1956] и поселения Венгерovo-3 (Барабинская лесостепь) [Молодин, 1977].

Для памятников, содержащих материалы, подобные поселению Венгерovo-3, В.И. Молодин [2001, с. 39] предлагает использовать термин «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла». Материалы поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI свидетельствуют о том, что население этих памятников, несомненно, относилось к одной большой историко-культурной общности. Внутри этой общности возможно выделение отличающихся друг от друга групп памятников. К первой из них – «кипринско-пеньковской» относится поселение Новоильинка-III. Ко второй – «венгеро-ирбинской» относятся материалы первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI.

Среди археологических коллекций поселения Новоильинка-VI присутствует энеолитическая керамика большемысского облика [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015], материалы финального неолита или раннего энеолита артынского облика [Кирюшин, 2016]. Часть материалов первого горизонта из жилищ №2 и №3 находит аналоги в материалах энеолитических поселений Казахстана [Кирюшин, 2015]. В заполнении жилища №1 (второй горизонт) кроме посуды двух групп, встреченных в первом горизонте, обнаружена керамика, орнаментированная в линейно-накольчатой технике и рядами ямок. Определение культурной принадлежности этих материалов возможно только при продолжении исследования поселения Новоильинка-VI.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю. Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XXII. – Барнаул, 2016.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №4/1 (88). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-23

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – №1 (61). DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.028-039

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Новоильинка-VI // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул, 2015.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск, 2012. – Т. 3.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин
Алтайский государственный университет, Барнаул
РАННЯЯ ГРУППА КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ КИПРИНО-I
(проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

В 1952–1953 гг. в Верхнем Приобье Новосибирской экспедицией ИИМК выявлено 8 поселений и один могильник, которые, по мнению М.Н. Комаровой [1956], относились к эпохе неолита. Одним из наиболее интересных и информативных памятников стало поселение около д. Киприно, на котором собраны представительные коллекции керамики и каменного инвентаря [Комарова, 1956, с. 96. рис. 40]. М.Н. Комарова [1956, с. 94] «по характеру керамики» выделила для неолита Верхнего Приобья три типа памятников: кипринский, ирбинский и кротовский, соответствующие трем хронологическим этапам неолитической культуры, из которых кипринский этап – наиболее ранний.

Позднее поселения кротовского типа были отнесены к эпохе ранней бронзы и выделены В.И. Молодиным [1977, с. 48] в самостоятельную кротовскую культуру. В.И. Матющенко [1973, с. 110, 121] включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, в которой выделялись два хронологических этапа – кипринский и ирбинский. По мнению В.И. Молодина [1977, с. 25], развитие неолитической эпохи Верхнего Приобья происходило в два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский в рамках верхнеобской неолитической культуры. Ирбинские памятники Вячеслав Иванович отнес к эпохе раннего металла [Молодин, 1977, с. 36]. В.А. Зах [2003, с. 146, 155] также в рамках верхнеобской неолитической культуры выделил два этапа: ранний – изылинский, поздний – кипринский, а ирбинские памятники отнес к эпохе раннего металла. По мнению одного из авторов статьи, материалы поселений Киприно и Ирба относятся к эпохе энеолита [Кирюшин, 2002, с. 38–45].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что материалы поселения Киприно используются практически во всех обобщающих работах по неолиту и энеолиту Алтая и Западной Сибири. На сегодняшний день не вызывает сомнения выделение В.И. Молодиным самостоятельной кротовской культуры. В отношении материалов поселений Киприно и Ирбино единства у исследователей нет. Подобная ситуация во многом объясняется характером источников, так как имеющиеся в распоряжении археологов материалы получены с разрушенных стоянок.

В Алтайском государственном университете хранятся археологические коллекции керамики и каменных артефактов, собранные на поселении Киприно в 70–90-е гг. XX в.

Коллекции каменных артефактов представлены в основном отходами производства: чешуйками, отщепами и осколками. В составе орудийного набора представлены только шлифованные орудия и орудия на отщепах: наконечники стрел, скребки, скребла, обломки орудий. В коллекции каменных артефактов изделия, типичные для неолита – нуклеусы, продукты подработки нуклеусов (пластины, реберчатые сколы, пластинчатые отщепы и т.д.), не составляют серий, а представлены единичными находками.

Хранящаяся коллекция ранней керамики достаточно разнообразна. Большая часть керамики – это обломки крупных сосудов (толщина стенок 10–12 мм), орнаментированных отпечатками «отступающей палочки» и рядами ямок. Отпечатки отступающей палочки образуют горизонтальные ряды прямых и волнистых линий, которые иногда сочетаются с зигзагом и диагональными линиями. Ряды ямок образуют разнообразные комбинации узора из горизонтальных рядов. Значительная часть керамики орнаментирована отпечатками

гребенчатого штампа, образующими горизонтальные и диагональные ряды шагающей гребенки. «Отступающе-накольчато-ямочная» и «гребенчато-ямочная» керамика в большом количестве встречена в материалах энеолитических поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI в Северной Кулунде. По костям животных с этих поселений получены серии радиоуглеродных дат, позволяющие датировать подобную керамику 1-й половиной III тыс. до н.э.

Часть ранней керамики представлена обломками небольших тонкостенных сосудов (толщина стенок 5–6 мм.). В сломках сосудов невооруженным взглядом фиксируется большое количество органики. Техника орнаментации этой посуды близка отступающе-накольчатой. Разница состоит в том, что в данном случае отступление переходит в прочерчивание. Ряды ямок могут украшать посуду этого типа, но они не являются обязательным элементом декора. Подобная керамика находит аналоги в материалах артынской неолитической культуры Барабинской лесостепи [Бобров, Марочкин, 2011].

Небольшую, но достаточно выразительную группу составляют фрагменты сосудов, орнаментированные рядами наколов каплевидной формы. Подобная керамика широко представлена в материалах боборыкинской неолитической культуры Западной Сибири [Бобров, Юракова, 2014; Ковалева, Зырянова, 2010].

Очень выразителен развал небольшого сосуда, орнаментированного прочерченными прямыми и волнистыми линиями. Керамика с прочерченным орнаментом находит аналоги в материалах поселений завьяловского типа [Молодин, 1977, с. 11–18]. Особенностью сосуда, орнаментированного прочерченными линиями, является шнур из свитых нитей, проходящих по венчику. Подобный прием М.Н. Комарова считала отличительной особенностью кипринской неолитической керамики [Комарова, 1956, с. 96]. Подобный прием на энеолитической керамике Алтая не фиксируется.

Подводя итоги, необходимо отметить, что основу керамического комплекса поселения Киприно составляет энеолитическая «отступающе-накольчато-ямочная» керамика. В небольшом количестве на памятнике представлена керамика, находящая аналоги в различных культурных образованиях эпохи неолита.

Библиографический список

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб. ; Великий Новгород, 2011.

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень, 2003.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №4/1 (88). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-23

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – №1 (61). DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.028-039

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург, 2010.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – Вып. 64. – 1956.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. – Вып. 9. – Томск, 1973.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977.

Л.Ю. Китова
Кемеровский государственный университет, Кемерово
РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ В.В. РАДЛОВА
В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Василий Васильевич Радлов (1837–1918) – одна из знаковых фигур отечественной археологии. В истории археологии Сибири с его деятельностью связывают начало нового этапа [Белокобыльский, 1986, с. 60; Матющенко, 2001, с. 25]. Ученый с европейской подготовкой и обширными знаниями в области лингвистики и этнографии провел по-настоящему массовые раскопки археологических памятников Саяно-Алтайского нагорья и разработал классификацию исследованных погребений. Он связал все известные ему погребальные памятники с четырьмя культурными эпохами Южной Сибири: 1) медь и бронза; 2) древнейший железный век; 3) новейший железный век; 4) позднейший железный век [Радлов, 1989, с. 410–480]. В.В. Радлов высказал ряд соображений об этнической принадлежности носителей этих культур. Он впервые классифицировал инвентарь по функциональной принадлежности в следующем порядке: оружие, орудия, предметы конской сбруи, украшения, утварь [Радлов, 1989, с. 421–430]. Исследователь первым в сибирской археологии дал общую характеристику хозяйству, занятиям древнего и средневекового населения Южной Сибири [Радлов, 1989, с. 437, 463, 472–474] и впервые применил в исследованиях комплексный подход. Он изучал археологические памятники в связи с этнографией и лингвистикой тюркских народов, использовал при восстановлении древней и средневековой истории фольклор и китайские летописи. Ученый привлек к химическому анализу бронзовых и железных предметов специалиста по металлографии Г. Струве и получил данные по составу и сплавам металлов [Радлов, 1989, с. 422–423; 464–467]. Он первым в сибирскую археологию внес идеи К. Риттера о влиянии на историческое развитие народов природных условий населяемой ими страны. Таким образом, Василий Васильевич задал тон, установил планку для сибирской археологии, благо, что зерна его идей упали на благодатную почву: пореформенное развитие научных знаний и краеведения, восприятие идей позитивизма для формирования первобытной археологии подстегнули сибирских исследователей для более глубокого изучения древностей региона.

Периодизацию В.В. Радлова использовали все исследователи Сибири до создания классификации культуры С.А. Теплоуховым, т.е. около 40 лет.

Д.А. Клеменц уточнил и дополнил классификацию курганов медно-бронзового периода, созданную В.В. Радловым. Исследователь считал, что она «не обнимает всех известных видов курганов и могил» [Клеменц, 1886, с. 11]. На основании собственных исследований он выделил 11 типов, которые разделил на две группы: 1) плоские курганы – шесть типов и 2) курганы с насыпями – пять типов [Клеменц, 1886, с. 11–14]. При этом Клеменц вслед за Радловым эпоху бронзы рассматривал как единое целое, а древнее население Минусинской котловины так же, как Василий Васильевич, отождествлял с предками енисейских остяков (современных кетов) [Клеменц, 1886, с. 65–67].

И.Т. Савенков [1896] по примеру В.В. Радлова классифицировал каменный инвентарь из коллекций Минусинского музея по его функциональной принадлежности.

Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.В. Адрианов, естественники по образованию, развивали далее идею В.В. Радлова о влиянии среды обитания на древнего человека. Первобытный человек рассматривался ими как часть природы. Поэтому Д.А. Клеменц во введении к каталогу «Древности Минусинского музея» подробнейшим образом описал физико-географическое состояние Минусинской котловины и пришел к нескольким принципиальным выводам: 1) долина Среднего Енисея представляла собой один из благоприятнейших уголков Сибири, и человек избрал ее для поселения с давних времен;

2) большая часть земель могла кормить только скотоводов-номадов; 3) в Минусинской котловине существовал самостоятельный местный центр культуры, который развивался совершенно изолированно [Клеменц, 1886, с. 10].

А.В. Адрианов отмечал благоприятные климатические условия, разнообразие флоры и фауны, плодородие земель, превосходные пастбища, обилие полезных ископаемых Минусинской котловины. Это, по его мнению, сделало вероятным первоначальное заселение ее человеком, и из этого центра первобытная культура распространялась по всей Сибири. А.В. Адрианов [1904, с. 3–4], как и И.Т. Савенков, полагал, что первобытные люди жили по берегам среднего Енисея и его притоков, по крайней мере, с эпохи неолита, свидетельством того стали обнаруженные неолитические каменные орудия. Исследователь считал, что максимального развития и процветания древние народы достигли в эпоху бронзы. А.В. Адрианов, как В.В. Радлов и Д.А. Клеменц, обозначил высокоразвитое бронзолитейное производство жителей Минусинской котловины и поддержал точку зрения Д.А. Клеменца о распространении этого производства далеко на запад, до Урала и Волги. Развивая точку зрения В.В. Радлова об этнокультурной истории нового железного периода, А.В. Адрианов указал, что основным населением бассейна Верхнего Енисея были хакасы или «киргизы», достигшие наивысшего могущества в IV–VIII вв. Хакасы вели кочевой образ жизни, разводили лошадей, овец, коз, рогатый скот и верблюдов, зажиточные люди занимались земледелием, в том числе орошаемым. Он отметил высокий уровень их культуры, подтверждаемый многочисленными памятниками с руническими надписями, каменными бабами, изображениями сцен пастушеской жизни на скалах [Адрианов, 1904, с. 6–7].

Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.В. Адрианов вслед за В.В. Радловым придерживались идеи об автохтонном, длительном, преемственном развитии культур. Основой прогресса считалось совершенствование техники и орудий труда. Развивая позитивистские идеи, исследователи хотели воссоздать культуру и быт первобытных обществ.

Идеи автохтонного, длительного, преемственного развития археологических культур будут определяющими всю 1-ю половину XX в. и проявятся в исследованиях Б.Э. Петри, С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, А.П. Окладникова и др.

Б.Э. Петри, С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, В.Н. Чернецов будут развивать идеи В.В. Радлова об обуславливающем значении природно-климатической среды обитания древнего человека, комплексном подходе, междисциплинарных исследованиях в археологии, те идеи, которые и на данный момент являются актуальными для современной науки.

Библиографический список

Адрианов А.В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь. – Томск, 1904.

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. – Новосибирск, 1986.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея: памятники металлических эпох. – Томск, 1886.

Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. – Т. I. – Омск, 2001.

Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989.

Савенков И.Т. Каменный век в Минусинском крае. – М., 1896.

Д.Е. Кичигин
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск*
ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ ПОБЕРЕЖЬЯ БАЙКАЛА
В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01018
«Северное побережье Байкала в эпоху раннего металла»)

В бронзовом веке на байкальском побережье фиксируются несколько погребальных обрядов, которые во многом являются отражением разных культурных сфер деятельности древнего населения – духовной, хозяйственной и производственной.

Ранний бронзовый век (кон. IV – сер. II тыс. до н.э.) на побережье Байкала представлен шумилихинской и глазковской группами погребений.

Для *шумилихинской группы* погребений Приольхонья (кон. IV – сер. III тыс. до н.э.) характерна шахтообразная могильная яма округлой формы, диаметром до 0,9 м и глубиной 0,6–1,1 м, в которую помещался умерший в сидячей скорченной позе. Нередко стенки ямы обкладывались каменными плитами, сама же яма перекрывалась крупной плитой. Затем сооружалась плоская надмогильная конструкция, фиксируемая археологами в овальной форме, сплошной или кольцевой. Сопроводительный инвентарь аналогичен находкам погребений глазковской культурной общности [Новиков, Горюнова, 2014].

Погребения *глазковской культурной общности* (кон. IV – сер. II тыс. до н.э.) (термин «глазковские погребения» является устаревшим) отмечены в разных частях байкальского побережья и характеризуются определенным набором общих признаков, однако в ориентировке погребенных имеются территориальные различия.

Так, на Южном Байкале в захоронениях *южнобайкальского типа* погребенные располагались вытянуто на спине, головой на С [Туркин, Харинский, 2004]. В Приольхонье – погребения *саган-нугэйского типа* с ориентировкой на З с небольшими меридиональными отклонениями [Харинский, Сосновская, 2000; Новиков, Горюнова, 2014]. На Северном Байкале пока отмечено единственное погребение (Красный Яр I, №5), в котором умершая женщина располагалась вытянуто на спине, головой на СЗ [Коростелев, 2003]. В Южном Забайкалье – по материалам Фофановского могильника преобладающей является ориентировка погребенных головой на В, в редких случаях – на ЮВ и СВ [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008].

Среди общих черт следует выделить преобладающее трупоположение (вытянуто на спине), наличие берестяного чехла или «покрывала» для погребенного, засыпку охрой части погребения, очистительный огонь, наличие в составе сопроводительного инвентаря изделий из меди и бронзы, орудий из зеленого нефрита (топоры, тесла и ножи), наконечников стрел треугольной и листовидной форм, ножей-бифасов, костяных изделий (проколки, иглы и др.), украшений из белого нефрита (диски, кольца и полукольца) и зубов марала.

Поздний бронзовый век (XIV–XIII – VIII вв. до н.э.) на байкальском побережье представлен бутухейскими погребениями и плиточными могилами Приольхонья.

Бутухейские погребения отчасти сохраняют черты местной погребальной традиции, выраженные в плоской надмогильной конструкции и составе сопроводительного инвентаря. Умерших хоронили в могильной яме, вытянуто на спине, головой на ЮВ. Среди новшеств – наличие в погребениях костей домашних животных [Туркин, 2003].

В *плиточных могилах* погребенные располагались в могильной яме, трупоположение – вытянуто на спине, головой на ЮВ и В. Поверх могильной ямы укладывались плиты перекрытия, затем устанавливалась оградка из вертикально установленных каменных плит, укрепленных снаружи крепидой. В составе

сопроводительного инвентаря костяные наконечники стрел, пастовые и амазонитовые бусины, керамика тышкинэ-сеногдинского типа и др. [Туркин, 2003].

Таким образом, в рамках каждого из этапов бронзового века следует отметить общий уровень развития материальной культуры (на основании сопроводительного инвентаря) при наличии различных погребальных практик, сосуществующих параллельно, что можно объяснить наличием нескольких этнических групп, отстаивающих свою культурную идентичность, прежде всего, в духовной сфере.

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК		ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК	
ШУМИЛИХИНСКАЯ ГРУППА ПОГРЕБЕНИЙ	ПОГРЕБЕНИЯ ГЛАЗКОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ	БУТУХЕЙСКАЯ ГРУППА ПОГРЕБЕНИЙ	ТЫРГАНСКАЯ ГРУППА ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ

Реконструкция погребальных практик населения байкальского побережья в бронзовом веке

Библиографический список

Коростелев А.М. Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем : материалы Всероссийской (с международным участием) XLIII археолого-этнографической конференции молодых ученых. – Томск, 2003.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск, 2008.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Погребальная практика охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Ч. I. – Кызыл, 2014.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2003а.

Туркин Г.В., Харинский А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. – 2004. – Вып. 2.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2, ч. 2. – Иркутск, 2000.

Т.Ю. Клементьева, А.А. Погодин
Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного
и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург
РАННИЙ НЕОЛИТ БАССЕЙНА КОНДЫ

Неолитические древности бассейна Конды традиционно рассматривались в контексте козловской, кошкинской и боборыкинской культур Среднего Зауралья. Систематизация источников привела к появлению «местной» ранненеолитической сумпаньинской культуры, и типов керамики – немнелского, сатыгинского и чилимкинского [Гаджиева, 1993, с. 9; Глушков, Соболевникова, 1999, с. 117–120; Косинская, 2002, с. 215–218].

В докладе обосновывается выделение *шоушминского типа памятников* раннего неолита бассейна Конды, хронология которого, по данным C^{14} , определяется рубежом VII–VI тыс. до н.э. по 3-ю четверть VI тыс. до н.э. Раскопками исследованы поселенческие комплексы с котлованами землянок (Шоушма-10, Усть-Тетер-1, Большая Умытья-8), стоянки кратковременного обитания (Леуши-VII) и могильник (Большая Умытья-100). Котлованы землянок соединены переходом, двухкамерные; подобные изучены на мезолитических поселениях [Беспрозванный, 1997, с. 26–27, с. 28, рис. 2.-1; Кокшаров, Погодин, 2000, с. 109–127]. Некрополем, или его частью, являются захоронения на Большой Умытье-100, где на дневной поверхности погребального поля и в заполнении одной из могил найдены фрагменты шоушминских сосудов [Погодин, 2014 с. 335]. Другие памятники известны по разведкам (Большая Умытья-46 и 83, Касымья-1, Малая Умытья-41, Рангетур-17) либо диагностируются среди многослойных комплексов по посуде (Канда, Чертова Гора).

Шоушминская керамика – толстостенные, округлодонные емкости закрытой или открытой формы, с массивными треугольными или трапециевидными наплывами изнутри по венчику. Декор нанесен стержнями и гребенчатыми штампами в техниках накалывания, отступания и прочерчивания. Бордюры из наколов, «древовидный» орнамент и взаимопроникающие треугольные зоны определяют самобытность данной посуды.

Галечное сырье расщеплялось в ударно-контрударной и призматической технике; применялась и абразивная обработка мягких пород. Индустрия пластинчато-отщеповая. Шлифованные инструменты малочисленны.

В кругу ранненеолитических древностей и культур Среднего Зауралья и Севера Западной Сибири посуда с памятников шоушминского типа бассейна Конды обладает рядом сходных черт с керамикой кокшаровско-юрьинского типа горно-лесного Зауралья [Шорин, 2001, с. 154–159], что проявляется в форме сосудов, в приемах их декорирования и орнаментальных мотивах.

Библиографический список

- Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на среднем Урале. – Вып. 1. – Екатеринбург, 1997.
- Гаджиева Е.А. Неолит бассейна р. Конды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993.
- Глушков И.Г., Соболевникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.
- Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // РА. – 2000. – №4.
- Косинская Л.Л. Неолит Севера Западной Сибири: генезис и связи // Тверской археологический сборник. – Вып. 5. – Тверь, 2002.
- Погодин А.А. Погребальный обряд мезонеолитического населения Севера Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.
- Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Севера Западной Сибири. – Тюмень, 2001.

А.А. Клещенко
Институт археологии РАН, Москва
КУРГАННАЯ ГРУППА «КЁНДЕЛЕНСКАЯ-I»:
ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 2014 г. Институт археологии РАН провел охранно-спасательные исследования пяти насыпей курганной группы «Кёндененская-I», расположенной в ущелье р. Баксан (Кабардино-Балкарская Республика) и насчитывающей в целом не менее 800 курганов, около 300 из которых с большой долей вероятности относятся к эпохе бронзы. Этот памятник был открыт в первой половине 1930-х гг. А.А. Миллером и А.А. Иессеном, однако крупных археологических раскопок могильника до последнего времени не проводилось. Исследованная группа курганов находилась на водоразделе между реками Баксан и Кёнденен, в 3,5 км к западу от их слияния. В общей сложности в процессе работ были обнаружены 73 погребения и порядка 20 отдельных комплексов. Из них восемь погребений и один комплекс относились к майкопской культуре (IV тыс. до н.э.). Остальные же 65 погребений и большинство комплексов были связаны с северокавказской культурой эпохи средней бронзы (первая половина III тыс. до н.э.).

Исследованные насыпи имели сложную структуру, включавшую земляные насыпи и каменные конструкции (до пяти строительных и семи стратиграфических горизонтов), что чрезвычайно важно ввиду того, что стратифицированных погребальных памятников эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье очень мало. В связи с этим большинство существующих хронологических схем основаны в значительной степени на личных представлениях отдельных авторов об эволюции отдельных категорий погребального инвентаря, что приводило их подчас к неверным или не вполне аргументированным выводам.

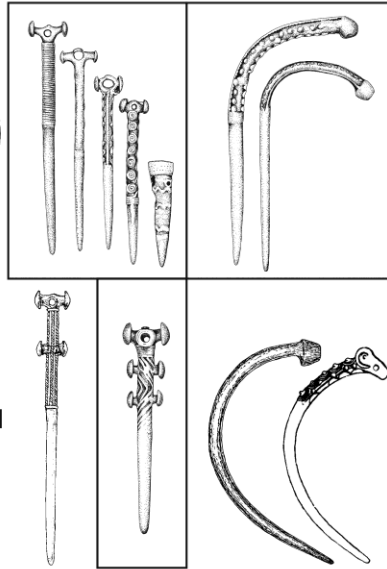
Полученные материалы эпохи средней бронзы представлены уникальными комплексами вещей, включающими в общей сложности 650 бронзовых, 500 пастовых, несколько десятков каменных и кремневых предметов, а также значительную керамическую коллекцию из 30 целых форм сосудов и многочисленных отдельных их фрагментов. Особый интерес представляют 7 престижных мужских и детских захоронений с находками шлифованных каменных орудий (топоров и молота), а также 10 женских погребений, содержащих уникальные наборы украшений, включавших от 20 до 550 предметов. Судя по стратиграфическому положению и инвентарному набору, кёндененская серия погребальных комплексов в целом отражает все этапы существования северокавказской культуры.

Более того, среди находок эпохи средней бронзы массово представлены все категории металлических украшений и культовых предметов и большинство их типов (рис.). Исключение составляют «гигантские» булавки, некоторые виды медальонов, подвесок и пронизей, подчеркивающих специфику северокавказских памятников отдельных районов Северного Кавказа, а также определенные типы изделий, встреченные на других памятниках в единичных экземплярах.

Следует заметить, что выделение «северокавказской культуры» в трудах Е.И. Крупнова и В.И. Марковина в середине XX в. было сделано, по сути, на основе разрозненных рядовых комплексов, в то время как яркие могильники эпохи средней бронзы, исследованные впоследствии (Большой Петропавловский, Усть-Джегутинский, Нежинский, а сейчас и Кёндененский), могли бы стать эпонимными для данной культурной традиции, подобно Майкопскому кургану для эпохи ранней бронзы. Систематизация и анализ кёндененских материалов, в том числе с применением методов естественно-научных дисциплин, помогут ответить на ряд вопросов, связанных с происхождением северокавказской культуры и взаимодействия ее носителей с представителями предшествующей майкопской традиции, а также связи населения Терского бассейна с жителями соседних регионов в I-й половине III тыс. до н.э.

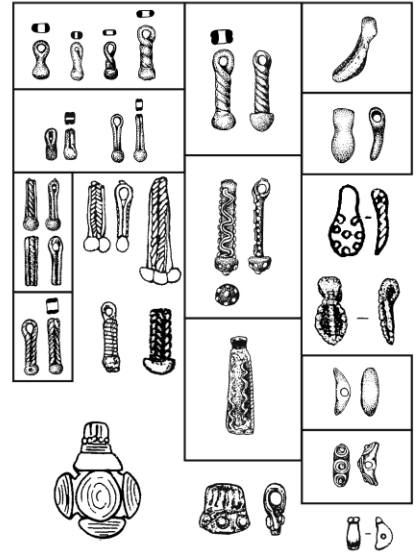
БУЛАВКИ

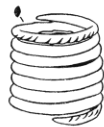
БУСЫ

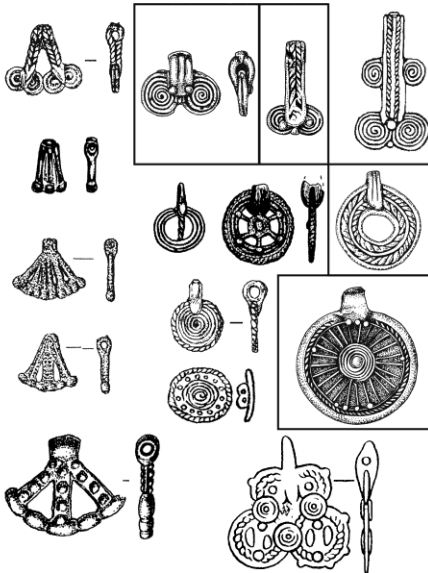
ПОДВЕСКИ

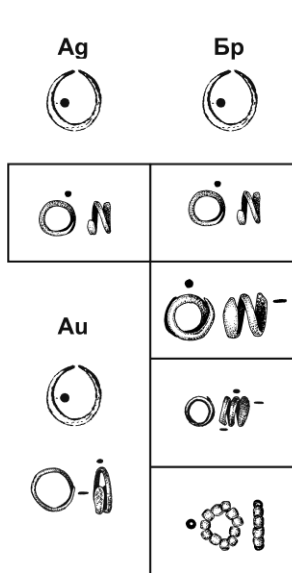
БРАСЛЕТЫ

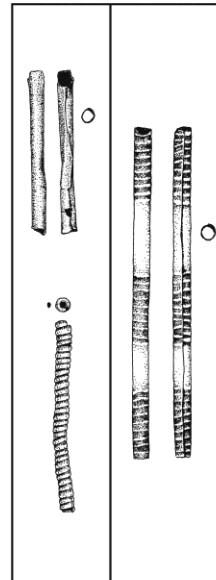
МЕДАЛЬОНЫ

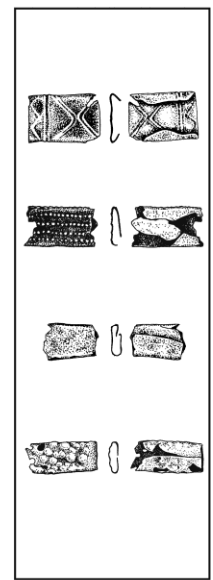
ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА

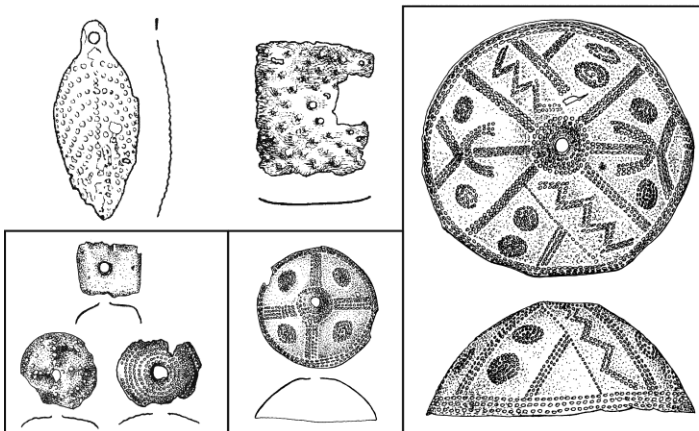
ПРОНИЗИ

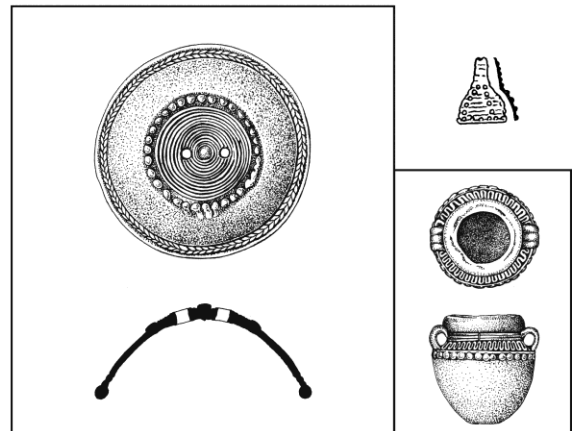
ОБОЙМЫ

КОВАННЫЕ БЛЯХИ

ЛИТЫЕ БЛЯХИ И ВОТИВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

▬ - булавки

▬ - все предметы, кроме булавок

Типы металлических украшений и ритуальных предметов северокавказской культуры (рамками выделены типы, представленные в погребениях могильника «Кенделенская-1»)

Н.А. Ключев
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
ГОРОДИЩЕ КОКШАРОВКА-1 И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КОКШАРОВКА-8
В ПРИМОРЬЕ: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-18-01165
«Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Городище Кокшаровка-1 и курган Кокшаровка-8 исследовались совместно российскими и южнокорейскими археологами. Работы продолжались с 2008 по 2015 г.

Памятники находятся в Чугуевском районе Приморского края, располагаясь в 3 км на северо-восток от д. Кокшаровка в долине р. Уссури.

Городище площадью 16 га укреплено валом и рвом. С северной и западной сторон оно имеет двое ворот, оборудованных Г-образными траверсами.

На поверхности городища фиксируется несколько прямоугольных земляных платформ. На одной из них размерами 60 на 100 м, расположенной в северной части памятника, и был осуществлен основной объем раскопок. Платформа была сооружена на более раннем средневековом горизонте обитания, скорее всего, относящемся ко времени начала строительства городища. Выявлены два строительных горизонта самой платформы. В результате раскопок на платформе вскрыта часть уникального для приморской археологии объекта – архитектурного комплекса, состоящего из 7 зданий, огороженного каменной стеной, с большим внутренним двором и хозяйственными постройками. Были исследованы также центральные и дополнительные ворота, часть каменной ограды.

Все 7 зданий имеют схожую конструкцию, отличаясь лишь по размерам, и расположены по оси запад-восток в северной части платформы, занимая площадь в 1133 кв. м. Здания каркасно-столбовой конструкции представляют собой прямоугольные в плане помещения, ориентированные по сторонам света. В каждом из них имелся П-образный кан с двумя очагами и двухканальным дымоходом, который через разрыв в северной части фундамента стены выходил в трубу, расположенную в 1,5–3 м к северу от помещения. Вход в каждое здание располагался с южной стороны и был шириной до 2 м. Все помещения разделены между собой узкими коридорами шириной от 0,6 до 2 м.

Площадь зданий варьирует от 87 до 139 кв. м, самым крупным по размеру является центральное здание №4. Фасады всех построек располагались на одной линии [Ключев, Гридасова, Якупов, 2016, с. 33, рис. 2].

Архитектурный ансамбль Кокшаровки-1, с одной стороны, находит некоторые аналогии с известными дворцами государства Бохай (698–926 гг.), с другой стороны – с жилищами бохайцев и чжурчжэней. Общая планировка всего комплекса образует единый обращенный на юг фасад, по длине сопоставимый с фасадами дворцов бохайских столиц. Имеющиеся в зданиях каны отличаются специфической конструкцией, вынесенной далеко за пределы здания дымовой трубы. Существует также и ряд отличий кокшаровского комплекса от дворцов бохайских столиц, главные из них – отсутствие черепичной кровли, колоннадной конструкции, а также собственной платформы у зданий [Ключев, Ивлиев, 2013, с. 114–116].

В ходе раскопок платформы было найдено большое количество предметов, включая оригинальные керамические подставки в форме пагоды. Керамическая посуда, с одной стороны, отражает основные характеристики бохайского гончарства, а с другой стороны, в коллекции имеется керамика с орнаментами близкими покровской культуре, распространенной в долине Амура и части бассейна Уссури. На наш взгляд, это может свидетельствовать о существовании городища как крупного административного центра в позднебохайское, а затем в постбохайское время, что подтверждают и полученные радиоуглеродные даты, которые укладываются во временной промежуток начала IX – конца X вв. [Городище Кокшаровка-1..., 2012, с. 167].

Непосредственное отношение к культурному горизонту, исследованному на городище, имел курган Кокшаровка-8, расположенный в 0,6 км на северо-запад от памятника, где найден аналогичный керамический материал. Этот курган представляет собой погребальный

комплекс, не имеющий аналогов в средневековой археологии Приморского края. Были вскрыты остатки прямоугольного монументального сооружения из гранитных плит общими размерами 15 на 16 м. Западная, северная и восточная стенки платформы вертикальные. В западной половине южной стороны сооружения сохранился широкий пологий ступенчатый подъем из каменных плит [Клюев, Слепцов, Ивлиев, 2016, с. 36, рис. 1]. Были выявлены особенности конструкции и этапы ее строительства. Изначально сооружение представляло собой своеобразную прямоугольную платформу размером 9,2 × 8,2 м, по верхней части оконтуренную стеной шириной около 1 м. Общая высота сооружения не превышала 0,65 м. Возможно, что сооружение было возведено над погребением. В его центральной части была расчищена средневековая грабительская яма, прорезавшая все слои каменных плит до служившего материком слоя речного аллювия с галькой. На дне ямы лежала каменная плита размерами 67 × 79 см, подобная тем, из которых построено все сооружение. На ее поверхности сохранились остатки тлена и пятна охры. Однако явных следов погребальной камеры не обнаружено. При этом следует отметить, что основная масса находок из золота и серебра была сделана в районе этой грабительской ямы. Вторым этапом строительства стало возведение вокруг первичного сооружения внешней кладки из гранитных плит, увеличившей размеры сооружения до 12,2 × 16,2 м. Были изменены и стены на верху постройки. Вдоль южной стороны строения на этом этапе был ряд деревянных столбов. Впоследствии у западной половины южной стороны была пристроена лестница из гранитных плит. Следующим этапом стало возведение каменной стенки, обрамляющей по верху с запада, севера и востока центральную надстройку. Скорее всего, после постройки этой ограды над сооружением была возведена земляная насыпь. Вероятно, первоначально она оставляла открытыми верхнюю часть каменной ограды, каменную площадку наверху и лестницу на южном склоне кургана. На завершающем этапе над курганом появилась черепичная крыша.

Исследование показало, что, вероятнее всего, сооружение связано с очень знатной персоной, которая могла быть погребена здесь. Об этом свидетельствуют его монументальность и характер погребального инвентаря, включающего изделия из благородных металлов, в том числе серебряные гвоздики, две сбруйные бляхи и 44 листика, вырезанные из золотой фольги. Скопления камней с фрагментами керамики на большой площади вокруг кургана позволяют предполагать, что это сооружение также могло быть платформой для погребальных церемоний на большом кладбище.

Ближайшими по времени и месту аналогиями данного сооружения являются погребальные сооружения Бохая, представленные серией могильников аристократии и членов царского рода.

На основе анализа найденных предметов и радиоуглеродных датировок можно предварительно отнести этот погребальный комплекс к X–XI вв.

Библиографический список

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2011 годах. – Ч. 1. – Тэджон, 2012.

Клюев Н.А., Гридасова И.В., Якупов М.А. Новые открытия в средневековой археологии Приморья: городище Кокшаровка-1 // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016.

Клюев Н.А., Ивлиев А.Л. Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Россия и АТР. – 2013. – №3.

Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Ивлиев А.Л. Кокшаровка-8 – уникальный погребальный комплекс эпохи средневековья в Приморье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016.

К. Книппер¹, С. Райнхольд², Н. Березина³, Ю. Грески², С. Ханзен²,
С. Пихлер⁴, К. Герлинг⁴, А.Б. Белинский⁵

¹Центр археометрии Курта Энгельхорна, Майнгейм, Германия;

²Немецкий институт археологии, Берлин, Германия;

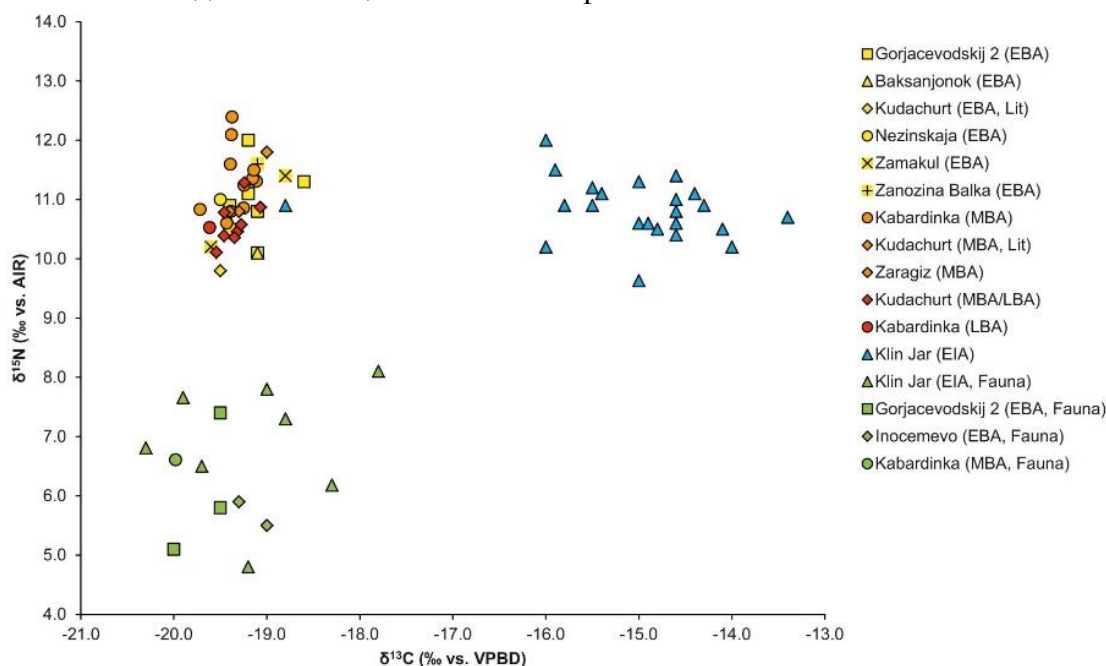
³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва;

⁴Интегративный центр доисторических и археологических наук
Университет Базеля, Швейцария;

⁵ООО «Наследие», Ставрополь

ДИЕТА И ПОКАЗАТЕЛИ МОБИЛЬНОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Кавказ является важным культурным мостом между Ближним Востоком и Евразийской степью. В частности, в предгорной зоне и соседних северокавказских степных районах существовали области, где мобильные степные народы встречались и взаимодействовали с горными популяциями Кавказа. Международный междисциплинарный коллектив ученых из России, Германии, Швейцарии изучает население эпохи бронзы Северного Кавказа, в частности, диету, образ жизни, экономические стратегии и мобильность, базируясь на антропологическом материале хорошей сохранности. Мы объединили археологические и антропологические методы с изотопным анализом (стронция, углерода и азота) (рис.), исследуя рацион, повседневную физическую активность и диапазон мобильности популяций разных климатогеографических зон. Исследуемый материал представляет собой различные хронологические этапы – от Майкопской и ямной культур эпохи ранней бронзы, катакомбной и северокавказской культур эпохи средней бронзы до позднего бронзового и раннего железного века. В данной работе освещены первые предварительные результаты, демонстрирующие как преемственность, так и изменение жизненных стратегий и диапазонов мобильности скотоводческих общин с течением времени.

Изотопный анализ Кавказских памятников по [Книппер и др., в печати]

Библиографический список

Knipper C., Reinhold S., Gresky J., Belinsky A., Al, K.W. (forthcoming) Economic strategies at Bronze Age and Early Iron Age upland sites in the North Caucasus, Archaeological and stable isotope investigations. In A. Vantresca Miller and Ch. Makarevicz (eds.), *Isotopic Investigations of Pastoral Production, Innovative Approaches to Patterns of Mobility, Economy, and Exploitation*.

Л.С. Кобелева
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РЕНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

В переходный период от бронзового века к железному на юге Западной Сибири начинаются процессы сложения культур раннескифского круга. В Барабинской лесостепи наступает время бытования саргатской археологической культуры, получившей широкое освещение в литературе [Корякова, 1988, Матвеева, 1993; Полосьмак, 1987]. Керамика этого культурного образования имеет яркое своеобразие и достаточно хорошо изучена.

За последние время на памятниках раннего железного века данной территории выделяется пласт керамических материалов, существенно отличающийся от саргатских и датированный VII–VI вв. до н.э.

Комплекс керамики раннескифского облика представлен тонкостенной слабоорнаментированной посудой, по-видимому, круглодонной. Зона в области горловины орнаментирована рядами крупных «жемчужин». Таким же образом украшено и тулово.

Если для керамики саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи прослеживается преемственность с культурами поздней бронзы [Молодин, Кобелева, 2007], то для данного комплекса их нет.

Впервые данный тип посуды был зафиксирован в верхних слоях могильника Ростовка, однако связать ее с какими-либо сооружениями не удалось [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 102–106].

Затем подобную керамику в сравнительно небольшом количестве выявили на памятниках эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу времени на крупных поселенческих комплексах, таких как городище Чича-1, Линево-1, Омь-1, Березовый остров, Мыльниково. Аналогии данному комплексу можно видеть в керамике поселения Ложка-4, отнесенному, несмотря на очевидное своеобразие керамических материалов, к саргатской культуре [Полосьмак, 1987, рис. 27].

В 2015 г. при раскопках городища Сергино-2 в центральной Барабе было исследовано жилище и вскрыта часть оборонительной системы, содержащие керамические материалы вышеописанного типа. Судя по тому, что во рвах найдены трехдырчатый псалий и бронзовые наконечники стрел VI–III вв. до н.э., то памятник функционировал в период с VI по V в. до н.э. При этом какие-либо саргатские материалы в нем отсутствовали.

Отделение этого типа керамики в очередной раз ставит вопрос о процессах сложения культур раннескифского круга в центральной Барабе, в частности, о возможном проникновении в начале эпохи раннего железа с юго-запада сакско-массагетского населения, вытесненного затем с этой территории носителями саргатской культуры.

Библиографический список

- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: саргатская культура. – Свердловск, 1988.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск, 1993.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С. Керамика саргатского облика городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2007 г. – Т. XIII, ч. I. – Новосибирск, 2007.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, 1987.

А.А. Ковалев

Институт археологии РАН, Москва

РОЛЬ ЧЕМУРЧЕКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА СИБИРИ И КАЗАХСТАНА

Чемурчекский культурный феномен, по нашему мнению, заключается в одновременном (не позднее сер. III тыс. до н.э.) появлении в западных предгорьях Монгольского Алтая (от Алтайского края до Заалтайской Гоби) следующих западноевропейских традиций [Ковалев, 2011]: 1) конструкции погребальных сооружений: камеры-склепы из вертикально установленных каменных плит, обнесенные несколькими подсыпками, каждая из которых имеет каменный фасад, либо окруженные прямоугольной каменной оградой; прямоугольные каменные ограды с коридорами, ведущими к могилам с восточной стороны; 2) каменные статуи, изображающие персонажа мужского пола с обнаженным торсом, уплощенным округлым лицом, контур которого подчеркнут выпуклым валиком, с гривной на шее и «посохом» в руке; 3) геометрические композиции, выполненные «охрой» по внутренней поверхности каменных ящиков (косая сетка, треугольные фестоны, концентрические ромбы, меандры); 4) формы и орнамент сосудов: эллипсоидные сосуды или банки со стянутым устьем, украшенные прочерченным орнаментом, как правило – пояском треугольных фестонов. Эти черты материальной культуры не имеют никаких аналогий в более раннем контексте на территории Азии, что определяет приоритет миграционной гипотезы. В Джунгарии и Монгольском Алтае во 2-й половине III тыс. до н.э. среди носителей чемурчекского феномена распространяется традиция изготовления каменных сосудов, повторяющих формы керамических прототипов, что можно считать инновационной специфической чертой данной культурной общности.

Сегодня с учетом предпринятой нами публикации практически всех материалов, относящихся к чемурчекскому культурному феномену [Ковалев, 2012; Древнейшие европейцы..., 2014; 2015], включая данные радиоуглеродного датирования, можно сформулировать обоснованные предположения о возможном влиянии носителей чемурчекского культурного феномена на облик материальной культуры населения обширных районов Восточного Казахстана, Степного Алтая и Алтайско-Саянской горной страны.

Находки в чемурчекских погребальных сооружениях афанасьевской керамики, а также иные данные говорят о сосуществовании во 2-й четверти III тыс. до н.э. афанасьевского и чемурчекского населения на севере Джунгарии. Вероятно, именно благодаря влиянию носителей чемурчекского феномена в афанасьевской керамике Синьцзяна распространилась прочерченная орнаментация в виде косой сетки и шевронов, появилось высокое неорнаментированное горло. Ряд особенностей синьцзянской афанасьевской керамики можно объяснить приходом в Джунгарию вместе с носителями чемурчекского культурного феномена «захваченной» ими на своем пути части населения восточноевропейских степей: шнуровая орнаментация, орнамент в виде ромбов, заполненных точками, желобчатое горло. Все эти «западные» признаки дисперсно распространяются в афанасьевском материале Северо-Западного Алтая, Горного Алтая и далее вплоть до Северной Хакасии.

Ряд особенностей орнаментации керамики, связанных, скорее всего, с чемурчекским влиянием (косая сетка, ромбы, шевроны), обнаруживается в материалах окуневской культуры. Для этой культуры известны росписи на стенках погребальных сооружений – каменных ящиков – в виде косой сетки, что может быть объяснено только чемурчекским воздействием.

Для окуневской и каракольской культур основным видом погребального сооружения является каменный ящик из вертикально установленных плит, устроенный в пределах квадратной плиточной ограды. Эти конструктивные особенности находят аналогии (в рамках того же периода) только в чемурчекских погребальных сооружениях Синьцзяна, а также в чемурчекских ритуальных сооружениях верховьев р. Ховд. В то время как истоки

чемурчекских традиций каменной архитектуры обнаружены в мегалитических памятниках Западной Европы V–IV тыс. до н.э., каменные ящики с прямоугольными оградами для до-окуневского времени на территории Восточной Европы и Азии не зафиксированы.

В последнее время появились сведения об обнаружении в Хакасии и Туве прямоугольных ритуальных пристроек и оград со стелами, относящихся к окуневской культуре, ритуальные комплексы с восточной стороны от могил зафиксированы для елунинских памятников Алтая и Восточного Казахстана. Ритуальные ограды в форме прямоугольника с прямоугольной выкладкой в середине, порталами-коридорами и стелами характерны для чемурчекских памятников Монгольского Алтая. Происхождение их можно связать с так называемыми *tertres tumulaires* – сопровождающими стелы прямоугольными каменными оградами, характерными для Западной Франции IV тыс. до н.э., так что окуневские и елунинские ритуальные сооружения должны, в свою очередь, рассматриваться как следствие чемурчекского влияния.

На территории распространения елунинской, окуневской и каракольской культур найдены каменные сосуды, для которых можно предположить импортное, чемурчекское происхождение. Такой чемурчекский сосуд с характерным орнаментом в виде линии свисающих треугольных фестонов и свинцовой «заплаткой» найден на Лаптевском озере (Угловский район Алтайского края). Чемурчекский каменный сосуд со «скрепой», изготовленной из прилитого медного сплава, обнаружен в погребении 6 Каракола. К продуктам собственно чемурчекского производства, завезенным с нынешней монгольской территории, можно отнести некоторые каменные сосуды из погребений XIII-4, XIII-9 и Аймырлыг-карьер II, ящик 5 на могильном поле Аймырлыг.

Исследование выдающегося ритуального комплекса Хар чулуут в верховьях р. Ховд – на чемурчекской ритуальной территории – позволило выявить основные сакральные образы чемурчекского искусства. Эти изображения (параболические антропоморфы, «одноногие» фигуры с разворотом туловища анфас, «двуногие» быки с S-видными рогами и треугольной кисточкой на хвосте) находят прямые аналогии не только в близлежащих районах Монгольского Алтая, но и в петроглифах Калбак-Таша (Горный Алтай) и Сауыскандыка (Южный Казахстан). Формирование этого репертуара образов пока не может быть удовлетворительно объяснено, хотя параболические антропоморфы, несомненно, имеют западноевропейские прототипы. Находка ритуального клада миниатюрных сланцевых пластинок в комплексе Хар чулуут показывает, что именно чемурчекское население принесло на территорию Саяно-Алтая из Юго-Западной Европы традицию использования в ритуальных целях гравированных антропоморфных пластинок/галек, находки которых зафиксированы в памятниках ранней бронзы Горного Алтая и Тувы [Ковалев, 2016].

Библиографический список

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть I. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. – СПб., 2014.

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. – СПб., 2015.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. – СПб., 2012.

Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. – №1. – 2011.

Ковалев А.А. Гравированные каменные пластинки из чемурчекского ритуального комплекса Хар чулуут I и гипотеза западноевропейского происхождения чемурчекского феномена // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) : материалы Международной конференции / под ред. В.В. Боброва. – Кемерово, 2016.

В.Б. Ковалевская
Институт археологии РАН, Москва
ГИС-МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ
РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ПУТЕЙ ИМПОРТА БУС
НА КАВКАЗ И В ЮГО-ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс.

То, что Кавказ является перекрестком путей между Европой и Азией и что именно через него в Восточную Европу проникали такие восточные ценности, как шелка, пряности, драгоценные сосуды, самоцветы и стеклянные украшения, – на сегодняшний день является безусловным фактом. Этому посвящено много общих и частных исследований.

В докладе освещены разрешающие возможности применения определенных географических программ для уточнения направления торговых путей, оценки их интенсивности и удельного веса в общем импорте во времени и в объеме. Из предметов импорта мы выбираем довольно широко представленный в памятниках I тыс. н.э. материал – разнообразные бусы и подвески из драгоценных камней, коралла, янтаря и стекла.

Этот выбор определяется тем, что данный круг древностей хорошо представлен в закрытых комплексах могильников и слоях поселений Кавказа, систематизирован, изучен, издан в двух монографиях [Ковалевская, 1998; 2000] и подготовленном Атласе из 398 карт, лишь частично изданном в монографиях и специальных статьях. Именно этот альбом электронных карт и является той источниковедческой базой, на которой зиждется система статистических расчетов долей западного и восточного направления в импорте бус.

Залогом успешной компьютерной обработки является членение всего множества бус 48120 экз. на определенное (в данном случае около 300) число минимальных единиц рассмотрения (MEP), которое позволяет производить обоснованное сопоставление их комплексов во времени и в пространстве. Следовательно, для картирования выделено не менее 300 карт, и задачей было подобрать такую географическую программу, которая оптимальным образом раскрыла бы поставленную задачу определить и сопоставить роль различных путей поступления бус на Кавказ.

Особенно эффективным оказался метод компьютерного геногеографического картирования в применении к археологическим данным, позволяющий с помощью непрерывной интерполирующей функции создавать количественные картографические модели распределения ряда руководящих форм отдельных типов вещей. Принят был лицензионный пакет GG Mag, он же map Developer Studio, используемый в ИО Ген РАН. Построение цифровой модели картографируемого признака по его значениям в каждом из памятников (нерегулярные точки) рассчитывается программой для всех узлов равномерной прямоугольной сетки заданного размера, нанесенной на карту (для карт Крыма-Кавказа это 100×40). В результате в каждом из узлов сетки рассматриваемого пространства (в нерегулярных точках, число которых колеблется от 60 до 1270, и дополнительно еще в 4000–7000 точках) мы получаем численную характеристику исследуемого признака по отношению к его среднему, зависящую от всех точек (от их частоты и их расстояния до данного узла).

Именно указанный факт отличает полученную карту от традиционных, так как в ее построении участвуют все эмпирические наблюдения, выражен ли признак через ноль или положительную цифру. Мы получаем не просто сумму точек, ограниченную изолинией ареала, а модель распространения изучаемого признака – мы видим области максимальной концентрации и пути передвижения, можем определить географическое положение источника явления, направление его влияния на периферию, характер распространения (векторизованный или диффузный) и затронутые им территории.

Сопоставляя между собой карты распространения всех 311 типов бус, разных по своему происхождению (индийские и иранские сердолики, малоазийские агаты, средиземноморские кораллы, центрально-азиатский лазурит, сирийские, византийские и египетские стеклянные бусы и т.д.), мы ищем способы их группирования между собой по их пространственному распределению (кластерный анализ и карты генеральных компонент).

На примере представленных в докладе карт мы приводим результаты их обобщения. Начнем с тех типов бус, которые поступали на Кавказ византийским путем. Прежде всего это все группы стеклянных бус.

На первом месте – бусы с металлической прокладкой (75% всего импорта).

На втором месте – одноцветные (72%). Глазчатые составляют 60%, полосатые – 54,3%, а мозаичные – 54,2%. Все эти группы бус через Восточный Кавказ проходят в значительно меньшем количестве.

Иное дело – каменные бусы. Гранатовые бусы составляют 66,3% импорта и проходят через Сасанидов и Арабский Халифат; «Огнецветный сердолик» составляет 60%, халцедон – 53%. С востока, но уже северным отрезком ВШП через Северный Прикаспий проходят все лазуритовые бусы. Янтарные приходят с северо-запада из Балтики, составляя 55% всего импорта, тогда как 40% проходят через Византию и только 5% – через Восточный Кавказ. Гагат западно-грузинского происхождения на 65% проникал на Северный Кавказ через перевалы Кавказского хребта. В целом с востока – на 40%, а через Византию на 24%.

Исключением является высокий процент хрусталя (60%), попадающего на Предкавказье через Византию, и коралла (55%), последнее связано, очевидно, с тем, что это был средиземноморский коралл, но необходимых минералогических анализов не производилось.

На примере показанных в докладе карт мы можем убедиться, что компьютерное картографирование является источником новой информации, формализуя и моделируя процесс распространения отдельных типов бус и их сочетаний различными стратегическими и торговыми путями через Кавказ и Восточную Европу.

В докладе на примере анализа карт мы вычисляем отдельно долю византийского и ближневосточного импорта. И, главное, мы имеем дело не с умозрительными построениями, а со статистической обработкой большого объема материала, представленного в картографической форме, удобной для демонстрации, анализа и сопоставлений.

Библиографический список

Ковалевская В.Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. – Вып. 1: Каменные бусы Крыма и Кавказа. – М., 1998.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. – Вып. 2: Стеклянные бусы и поясные наборы. – М., 2000.

Начало новой эры в истории Херсонеса и всего Крыма характеризуется довольно сложной ситуацией. Это касается этнических процессов, политической и экономической жизни народов, населяющих полуостров. В этот период времени жизнь Херсонеса тесно связана с событиями, в которых с одной стороны принимали участие варварские племена, с другой – Боспорское царство, а позднее – и Римская империя.

В данной работе, используя результаты археологических исследований на хоре Херсонеса за последние 30 лет, а также немногочисленные письменные источники, попытаемся охарактеризовать ситуацию в I в. н.э. на территории античного города и его сельской округи. Следует заметить, что наиболее полную информацию предоставляют раскопки сельских усадеб, археологический материал из городских кварталов сильно переотложенный и очень фрагментарный.

Среди исследованных археологических объектов замечена группа сельских усадеб, которые прекращают свое существование в сильных пожарах в I в. н.э. Речь идет, прежде всего, об усадьбах на земельных наделах 197, 337, 338 [Kovalevskaia, Sarnowski, 2000, s. 229–235], 357 и 363 [Kovalevska, 2015, s. 341–352]. Важно отметить, что усадьбы 337, 338, 363, 357 расположены в пограничной зоне размежеванной части хоры Херсонеса, в то время усадьба 197 – в центральной части сельской округи. Отмечено, что время гибели построек разное. Ранее всех и, похоже, близко по времени разрушены усадьбы 357 и 197 – в конце I в. до н.э. – 1-й четверти I в. н.э. Усадьба 338 погибает в пожаре во 2-й половине I в. н.э., 337 – в конце I – начале II в. н.э. Дата гибели усадьбы 363 довольно широка – I в. н.э.

Без сомнения, пожары и разрушения подобного рода могут быть свидетелями каких-либо исторических событий на территории сельской округи и самого Херсонеса. Обратимся к письменным источникам, которых, к сожалению, крайне мало, они весьма фрагментарны, их датировка остается дискуссионной. Тем не менее, действительно, ситуация, которая постепенно вырисовывается на основании археологических наблюдений, находит частичное подтверждение в сохранившихся письменных, прежде всего, эпиграфических памятниках.

Итак, только в двух греческих надписях из Херсонеса, скорее всего, относящихся к рассматриваемому нами периоду, упоминается сельская территория (*χώρα*) колонии в контексте действий о безопасности хоры, набегах и пожарах на ней [Соломоник, 1984, с. 9–10]. Надпись (IOSPE I² 355) датируется концом I в. до н.э. или началом I в. н.э., что позволяет связать с этими событиями гибель сельских усадеб 197 и 357 хоры Херсонеса. Вторую надпись (IOSPE I² 369) разные исследователи относят от 60-х гг. до 170-х гг. н.э. Если принять первый вариант датировки, то в это время могла погибнуть усадьба 338. Обычно события 3-й четверти I в. н.э. связывают с именем Плавтия Сильвана [Зубар, 1988, с. 19–27], вернее, с мероприятиями дипломатического или военного характера наместника Мезии после 62 г., способствующими снятию осады царем скифов Херсонеса. Об этом событии сообщает латинская надпись – известные элоги Тиберия Плавтия Сильвана из Тиволи 74 г. Наконец, сельская усадьба 337 могла быть уничтожена во время правления Траяна, в результате разбойничьих набегов тавров на сельскую округу Херсонеса, когда погиб один из вольноотпущенников, врач по имени Публий Ведий Трепт [Сарновски, 2000, с. 206–211], о чем известно из надписи (IOSPE I² 562).

Важную информацию представили раскопки сельских усадеб и об экономической ситуации Херсонеса, и его хоры. В IV–II вв. до н.э. основой экономики Херсонесского государства было сельское хозяйство, прежде всего, виноградарство и виноделие, о значительном объеме которых свидетельствуют обнаруженные на сельских усадьбах

этого времени винодельни и складские помещения с большим количеством пифосов. Раскопки показали, что по крайней мере на усадьбах 338 и 357 обнаруженные винодельни уже не функционировали. Более того, на размежеванной территории хоры появились запустевшие поля, о чем свидетельствуют появившиеся на них позднее захоронения. Похоже, в I в. н.э. основную роль играло скотоводство, а также рыболовство. По итогам раскопок можем судить и о ремеслах I в. н.э. Известно, что ранее Херсонес был одним из важных керамических центров Крыма, производил строительную керамику, амфорную тару, столовую посуду. Найденный нами керамический материал свидетельствует о полном отсутствии местного керамического производства. Все амфоры поступают в основном из Колхиды, Западнопонтских городов, Южнопонтских центров, прежде всего, Синопы и Гераклеи, также встречаются амфоры типа-Зеест 90, центры продукции которых многочисленны. Что касается столовой керамики, среди которой многочисленной является краснолаковая, то она также в основном относится к группе Понтийской сигилляты. Хотя следует отметить, что набор посуды сельских жилищ отличается скромностью форм, в самом же городе встречаются более презентабельная краснолаковая керамика из Пергама, Самоса, Книды и т.д. [Кадеев, 1969, с. 19–36]. Таким образом, вышеперечисленные находки называют нам центры, с которыми вел активную торговлю Херсонес в I в. н.э. Следует отметить большое количество лепной посуды [Ковалевская, Суханова, 2005, с. 215–224], что, кстати, может свидетельствовать, с одной стороны, об убогости хозяйства, с другой – о связях с варварским миром, откуда поступали элементарные продукты питания.

Итак, результаты исследований последних лет вносят некоторые корректировки в экономическую жизнь, а также обогащают событийную картину Херсонеса и его хоры в I в. н.э. Хотя следует подчеркнуть исключительно предварительный характер представленных выводов. Одной из основных задач работы было введение в научный оборот результатов раскопок сельских усадеб хоры Херсонеса.

Библиографический список

- Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. – 1988. – №63.
- Кадеев В.И. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. – Харьков, 1969.
- Ковалевская Л.А., Суханова И.Ю. Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса // Херсонесский сборник. – Вып. XIV. – 2005.
- Сарновски Т. Надгробие вольноотпущенников IOSPE I² 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонес, в: Т. Сарновски, О.Я. Савеля, Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. – Варшава, 2000.
- Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. – Киев, 1984.
- Kovalevska L.A. Farmhouse 363 in the Chora of Tauric Chersonesos // *Ad fines Imperii Romani. Studia T. Sarnowski septuagenario ab amicis, collegis discipulisque dedicata* / A. Thomas (ed.). – Warszawa, 2015.
- Kovalevska L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d' une maison rurale de l' époque romaine dans la chora de Chersonesos Taurique // *Rei Cretariae Romane Favtorum*. – 2000. – №38.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово

О РОЛИ А.П. УМАНСКОГО В ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ АЛТАЯ

В деятельности известного алтайского историка, краеведа, археолога Алексея Павловича Уманского (1923–2005) изучение ирменских древностей занимало важное место. Окончив Барнаульский пединститут, А.П. Уманский в 1949 г. с группой студентов принял участие в работе Северо-Алтайской экспедиции ЛО ИИМК (руководитель – М.П. Грязнов), раскопавшей знаменитый комплекс археологических памятников у с. Большая Речка. Принимал участие А.П. Уманский и в работе Новосибирской экспедиции, которая в 1-й половине 1950-х гг. проводила исследования на поселении Ирмень-1.

В последующие годы А.П. Уманский и сам проводил раскопки памятников эпохи поздней бронзы (Новоильинка, Ильинка, Плотинная-1, Новотроицкое-1). Им была выпущена и первая археологическая карта Алтайского края. В 1959 г. исследователь опубликовал научно-популярную книгу «Памятники культуры Алтая», в которой рассмотрел ирменские (тогда карасукские. – С.К.) памятники [Уманский, 1959, с. 38–43].

Особенностью исследований, осуществляемых А.П. Уманским, было то, что археологические изыскания на территории Алтайского края проводились совместно с краеведческими музеями (Алтайским краевым и Каменским), а позднее – с образовательными и научными учреждениями (Институтом археологии АН СССР, Институтом истории, филологии и философии АН СССР, АлтГУ, КемГУ). Экспедиции Барнаульского государственного педагогического института проводились в северо-западных, северных, северо-восточных и южных районах Алтайского края. А.П. Уманским изучались памятники развитой и поздней бронзы, а также более поздних периодов [Нестеров, 2013, с. 152–155].

Так, в начале 1960-х гг. на территории лесостепного Алтайского Приобья усилиями А.П. Уманского [1994а, с. 27–30] был раскопан андроновский могильник Кытманово, в составе которого исследована могила эпохи поздней бронзы, содержащая сосуды ирменской и корчажкинской культур. В начале 1970-х гг. А.П. Уманским были обследованы разрушенные андроновские и ирменские погребения могильника Ильинка [Уманский, Шамшин, 2006, с. 158–168]. В 1980-е гг. А.П. Уманский принимал участие в исследовании курганного могильника раннего железа Новотроицкое-1, в составе которого были исследованы и ирменские курганы [Шульга, Уманский, Могильников, 2009]. В ходе археологических разведок 1950–1960-х гг. А.П. Уманским были открыты поселения Раздумье-Ва, Плотинная-Ша, Усть-Чумышская Пристань-1, а также курганный могильник Телеутский Взвоз-1 [Памятники истории, 1990, с. 49; Уманский, 1972, с. 25; 1965, с. 212–213; Шамшин, 1993, с. 19–20]. Им же проводились обследования ирменских поселений Аллак-1, III, Кротово-1, IV, VI, IX, а также позднеирменских памятников Кротово-XVI, XVII [Комарова, Молодин, 1973, с. 45–54; Шамшин, 1991, с. 39–43].

В 1968, 1969 и 1971 гг. А.П. Уманский провел раскопки могильника у ст. Плотинная на севере Барнаульского Приобья. Этот памятник и до сих пор остается самым крупным грунтовым ирменским могильником на территории лесостепного Алтайского Приобья. Всего на могильнике Плотинная-1 было раскопано 49 погребений. Информацию о результатах раскопок 1968 г. А.П. Уманский ввел в научный оборот в 1972 г. Автор публикации отождествил эти материалы с верхнеобским вариантом карасукской культуры и датировал карасукско-каменноложским временем (XI–X вв. до н.э.). При этом исследователь согласился с мнением М.П. Грязнова о сложении культуры карасукских племен на основе андроновского субстрата [Уманский, 1972, с. 22–26].

Несколько позднее в двух совместных статьях с М.А. Дёминым А.П. Уманский проанализировал керамический комплекс, погребальный обряд и бронзовый инвентарь грунтового могильника Плотинная-1. Исследователями были пересмотрены ранее высказанные выводы по культурной принадлежности и хронологии могильника, который

ранее был отнесен уже к ирменской культуре и датирован концом X – началом VIII в. до н.э. [Уманский, Дёмин, 1974а, с. 13–18; 1974б, с. 3–14]. Впоследствии А.П. Уманский [1994б, с. 77–80; 1997, с. 118–126] несколько раз обращался к материалам этого некрополя для написания аналитических работ. Однако полной публикации материалов памятника он, к великому сожалению, осуществить не успел. Тем не менее А.П. Уманским была подготовлена рукопись монографии «Древности станции Плотинная (по раскопкам Барнаульского государственного педагогического университета в 1968–1971 годах)».

Многие идеи, высказанные в разное время Алексеем Павловичем Уманским по различным вопросам (демографическая обстановка в конце эпохи поздней бронзы, социальные отношения и хозяйственные занятия ирменского населения, религиозные представления), отличаются новизной и оригинальностью, а наблюдения, сделанные на материалах могильника Плотинная-I, дают очень ценную информацию о погребально-поминальном обряде «ирменцев» Алтайского Приобья. Думается, что результаты научного творчества Алексея Павловича Уманского всегда будут востребованы специалистами, занимающимися историей и археологией Алтая.

Библиографический список

Комарова М.Н., Молодин В.И. Археологическая карта правобережья реки Оби в Сузунском районе Новосибирской области // Вопросы археологии Сибири. – Вып. 85. – Новосибирск, 1973.

Нестеров Е.А. История формирования и развития археологического направления работы историко-краеведческого музея Алтайской государственной педагогической академии (1951–2011 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2013. – №3 (23).

Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая : методические материалы к обсуждению макета свода памятников. – Барнаул, 1990.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. – Барнаул, 1959.

Уманский А.П. Археологические памятники долины реки Чумыша // Известия Алтайского отдела ГО Союза ССР. – Вып. 5. – Барнаул, 1965.

Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул, 1972.

Уманский А.П. Ирменское погребение в андроновском могильнике Кытманово-1 // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994а.

Уманский А.П. К вопросу о демографической обстановке в Верхнем Приобье в конце эпохи бронзы // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994б.

Уманский А.П. Братская могила ирменцев у станции Плотинная // Источники по истории республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997.

Уманский А.П., Дёмин М.А. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. – Барнаул, 1974а.

Уманский А.П., Дёмин М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. – Барнаул, 1974б.

Уманский А.П., Шамшин А.Б. Комплекс бронзовых украшений ирменской культуры из с. Ильинка Шелаболихинского района // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул, 2006.

Шамшин А.Б. Аллак-III — поселение эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу на реке Оби // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Вып. II. – Барнаул, 1991.

Шамшин А.Б. Новые археологические находки из Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). – Павловск, 1993.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул, 2009.

В.Ю. Коваль
Институт археологии РАН, Москва
МАЛЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:
ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наличие особой категории «малых городов» в средневековой Руси представляется сегодня исследователям как нечто само собой разумеющееся. Возможно, по этой причине количество исследований, посвященных таким городам, чрезвычайно ограничено. После работ А.В. Кузы [1983; 1989; 1996] новых обобщающих исследований не предпринималось. Между тем не только не сформулирована дефиниция «малого города», но и не предложены признаки, отличающие его от «большого», даже в области размерных показателей. Поэтому нет нужды объяснять отсутствие разработок по материальной культуре «малых городов».

Выделение в ходе предшествующего исследования эталонных (наилучшим образом исследованных) «малых городов» [Коваль, 2014, с. 76–79] позволяет приступить к выявлению таких различий. Основную трудность здесь составляет отсутствие достоверных количественных данных по разным категориям вещей, получаемых в ходе раскопок. Не во всех публикациях приводятся такие данные, что не позволяет проводить корректные сравнения. Количественные данные, характеризующие городскую материальную культуру, имеются сегодня фактически только для одного древнерусского города – Белоозера, материалы которого были систематизированы и опубликованы С.Д. Захаровым [2004]. Но Белоозеро – это крупный (хотя и не столичный) город. По «малым городам» данные, сопоставимые с таковыми по Белоозеру, пока не опубликованы, однако они имеются – по Ростиславлю Рязанскому, где исследовано 20% площади детинца (раскопки автора).

Судя по материалам Ростиславля, максимальное число вещей в «малом городе» средневековой Руси было связано с различными сторонами быта (столовые принадлежности, запорные устройства, кухонные принадлежности, одежда, обувь и др.). Доля таких вещей составляла около 40% (без учета, разумеется, керамических изделий, составляющих на любом древнерусском поселении 95–98% всех артефактов). Второе место по числу находок занимает инструментарий (почти 25%), третье – разнообразные украшения (женские и мужские ювелирные и стеклянные, воинские, универсальные) – 20%. Задумаемся: если каждая пятая вещь, оказавшаяся в земле, была предназначена для украшения одежды, убора, упряжи и т.п., значит уровень «декорации» жизненного пространства в эпоху средневековья был чрезвычайно высок. Он, несомненно, был еще выше, если вспомнить, что все предметы одежды и иной тканой утвари, экстерьер и интерьер деревянного дома, редко сохраняющиеся до наших дней, были также покрыты орнаментами (вырезанными, вытканными, вышитыми и т.д.). Следовательно, декор составлял обязательную, довлеющую часть всего вещного мира средневекового жителя Руси.

Низкая доля (не более 3%) вещей культового и общекультурного назначения (предметов личного благочестия, письменных принадлежностей, металлических деталей от переплетов книг, аксессуаров настольных и иных игр и т.п.), похоже, было объединяющей чертой русских городов. Однако духовная культура (во всех ее проявлениях) всегда была не слишком «материалоемкой», и уровень ее развития далеко не всегда определяется числом вещей, связанных с ней. Так что делать вывод о невысоком развитии духовной культуры в средневековых городах на основании малого числа находок, относящихся к культурной деятельности, было бы, конечно, неверно. С другой стороны, очевидно, что духовная культура (овеществленная в книгах, приборах для письма, игровых фишках и т.п.) не была самым важным элементом жизни средневекового города, будучи привилегией, прежде всего, его элиты.

Следует заметить, что данные Ростиславля имеют отличия от структуры вещного мира Белоозера, однако эти отличия не выглядят принципиально разделяющими большой и малый

город. Например, на Белоозере была выше доля бытовых предметов (60%), доля украшений была аналогичной (около 20%), а остальные категории изделий составляли пропорционально меньшей доле.

На сегодняшний день можно уверенно констатировать, что в целом материальная культура русских городов X–XV вв. была единой и различия в ней касались в основном тех изделий, которые имели наиболее сильный «этнографический» флер – это, прежде всего, керамика. Остальные предметы бытовой культуры, вооружения, орудий труда и т.п. таких различий не имели и были одинаковыми (разумеется, в рамках типологического разнообразия) в любых по размеру городах, а также на сельских поселениях.

Замечено также, что различия в количестве так называемых «статусных» вещей (предметов дальнего импорта, изделий из драгоценных металлов, символов власти) определяются не столько размерами поселения и принадлежности к той или иной категории, а присутствием на нем усадеб аристократии и тем, попали ли участки таких усадеб в зону археологических раскопок либо нет. Такие усадьбы существовали как в городах (самого разного размера), так и на сельских поселениях. При этом совершенно очевидно, что в крупных городах аристократических усадеб было больше, чем в мелких или на селе. В то же время несомненно, что в столичных городах концентрировалось больше представителей аристократии, а значит, и большее количество овеществленного богатства, чем в городах «малых». Поэтому клады украшений (а с конца XIV в. – и монет) обнаруживаются почти исключительно в крупных (столичных) городах – Владимире, Старой Рязани, Киеве и др.

Однако клады маркируют катастрофические события в жизни городов, если же отвлечься от них, то станет очевидным, что остальной набор предметов материальной культуры во всех городах был примерно одинаковым по номенклатуре, различаясь только по следующим признакам:

1) количество (масса) предметов – соответственно численности населения и разному уровню платежеспособности основной массы населения (включая даже самые низкие социальные слои) различных городов;

2) объем поступления разнообразных импортов (как дальних, так и ближних), которых в «малых городах» пропорционально меньше, чем в крупных, столичных. Причина та же – разный уровень богатства населения и его вовлеченности в торговлю предметами роскоши.

Таким образом, разницу в материальной культуре «малых» и «больших» городов следует искать не столько в качественных различиях, сколько в количественной массе вещей, находившихся в использовании и выпадавших в культурный слой. Наиболее интересным было бы установить, имеются ли различия в наличии вещей из различных материалов (стекла, железа, цветного металла) в расчете на единицу объема культурного слоя, разумеется – в пределах одинаковых хронологических периодов. Но для этого потребуются получение достоверных количественных данных хотя бы по нескольким городам. Пока таких данных нет, и подобного исследования не проводилось. На уровне экспертных оценок можно предположить, что такие различия могли и должны были существовать. Но догадки никак не заменяют необходимости получения конкретных фактических данных.

Библиографический список

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М., 2004.

Коваль В.Ю. Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. III. – Казань, 2014.

Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. – Вып. 6. – М., 1983.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989.

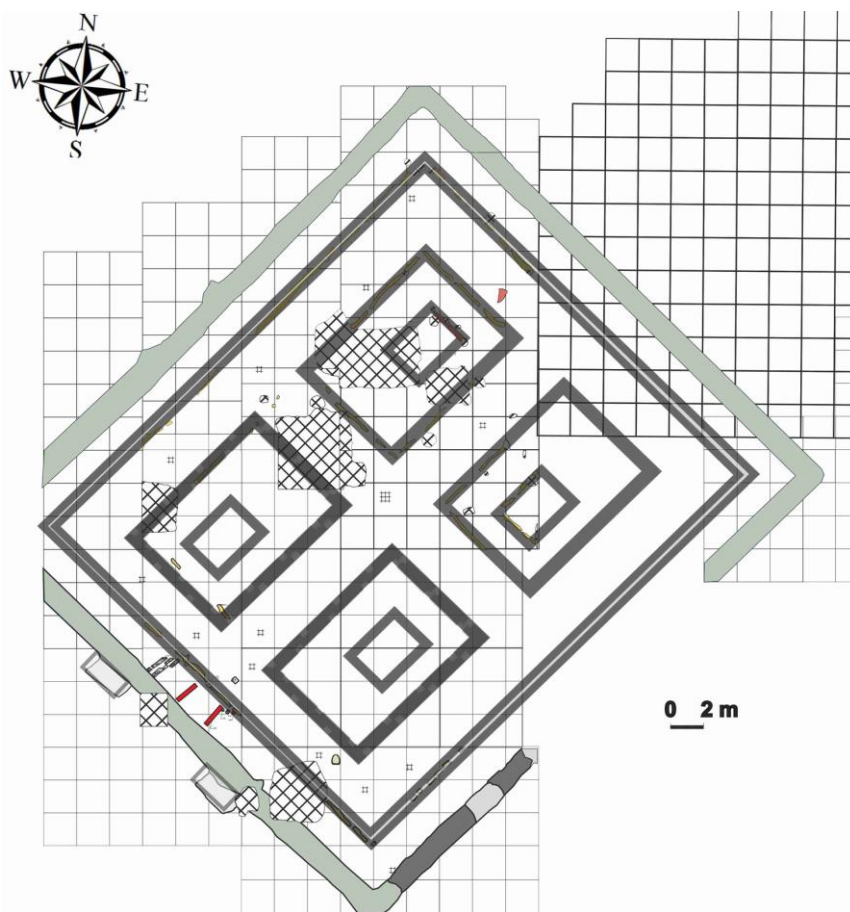
Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. – М., 1996.

В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев
Институт археологии РАН, Москва
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАЗАР ГОРОДА БОЛГАРА
(итоги изучения в 2011–2016 гг.)

Центральный базар Болгара размещался действительно в самом центре этого города, в 150 м от Соборной мечети, олицетворявшей этот центр. Памятник был открыт и начаты его исследования в 1989–1990 гг. М.Д. Полубояриновой. Возобновление исследований здесь произошло в 2011 г. благодаря совместным усилиям Институтов археологии Российской Академии наук и Академии наук Республики Татарстан [Баранов, Бадеев, Коваль, 2012; Коваль, Бадеев, 2015].

Мощность отложений культурного слоя на участке исследований составляет 1–1,5 м. Верхний горизонт слоя золотоордынской эпохи как раз и представлял собой руины здания базара, имевшего каменно-кирпичные стены. Хотя остатки средневекового базара находились почти на современной дневной поверхности и были в сильнейшей степени повреждены в XVIII–XIX вв., все же отдельные детали древнего здания сохранились. Здание представляло собой прямоугольник размерами 34 × 37 м (периметр по внешнему контуру). За время раскопок, продолжавшихся в 1989, 1990, 2011–2016 гг., из общей площади объекта (1258 кв. м) изучено 1053 кв. м (84%) (рис.). От фундамента постройки сохранилась только траншея шириной 1–1,2 м при глубине от 1 до 2 м, заполненная крошкой известкового раствора с мелкими обломками известняка. Благодаря тому, что удалось обнаружить небольшой неразрушенный участок фундамента и цоколя стены, стало ясно, что фундамент был сложен из крупных разномерных аморфных обломков известняка, пересыпанных щебнем и залитых известковым раствором. Поверх белокаменного цоколя некогда стояли стены, которые были сложены из обожженного кирпича размерами 25 × 25 × 5 см. Сами кирпичные стены не сохранились, поскольку они были полностью разобраны еще в XIV в., однако на всей площади базара и вокруг него остались завалы битых кирпичей, мощность которых достигала иногда 1 м. Кирпичи были скреплены раствором из желтой глины, остатки этого раствора лежали в завалах вперемешку с кирпичами.

Внутренний объем базара состоял из нескольких элементов. Один из них составляли ряды торговых помещений, тянувшихся вдоль стены. От их стенок, обращенных внутрь помещения базара, сохранились ленточные цоколи, выложенные из сырцового кирпича, уложенного наклонно. На такие фундаменты могли опираться только очень легкие стены, которые либо были целиком деревянными, либо имели конструкцию типа фахверк. Подобные конструкции до сих пор широко распространены в странах Востока. Кроме рядов торговых помещений, примыкав-

ших к каменно-кирпичной стене, внутри базара располагались еще 4 павильона размерами 10,4 × 8,0 м, разделявшихся крестообразно пересекавшимися проходами. Ширина всех проходов внутри базара составляла около 4 м. Здание базара, несомненно, имело крышу, которая могла держаться только на стропилах, опиравшихся на внешние кирпичные стены и деревянные столбы, находившиеся в составе внутренних торговых павильонов. О деталях конструкции этой кровли можно судить только по находкам железных решеток, закрывавших световые окна в крыше. Не совсем понятно, как были оформлены входы внутрь базара. У юго-западной стены базара обнаружены фундаменты для пристроек, которые могли служить опорой для небольшого портала. Открытое здание размерами 34 × 37 м было самым крупным (по размерам и площади) каменным строением города Болгара.

В слоях строительства и разрушения центрального базара Болгара собрано более 1000 монет золотоордынской чеканки. Почти 1/4 монет отчеканена при хане Джанибеке (правил в 1342–1357 гг.), несколько меньшее число монет было выпущено при хане Хызре (правил в 1360–1361 гг.). Судя по этому действительно массовому датирующему материалу, базар был построен и начал функционировать в 1350-х гг., но просуществовал очень недолгое время – до 1360-х или 1370-х гг. (т.е. всего 10–20 лет). О том, чем торговали на базаре, свидетельствуют находки весов (2 полных комплекта и 15 отдельных чашек от весов) и большое число гирек (72 шт.) [Коваль, 2013; 2015; 2016]. Важны находки фламандских текстильных пломб (19 экз.), среди которых идентифицированы пломбы городов Диксмейде, Дамме и Турне. К числу свидетельств торгового использования помещений являются 68 замков от сундуков (или от дверей лавок?) при почти полном отсутствии ключей (6 шт.). Центральный базар Болгара предназначался для торговли очень дорогими товарами – индийскими пряностями, импортными тканями (китайским и персидским шелком, фламандским сукном), русскими мехами, персидскими коврами, драгоценными металлами. Большинство этих вещей сгорело в пожаре, а те, что не сгорели (золото), были изъяты после пожара. Однако наряду с такими дорогими вещами тут торговали и более дешевым товаром. Образцом такого товара является скопление железных стремян, обнаруженное в южной части базара. Хотя большинство стремян не сохранилось (они рассыпались в прах), удалось подсчитать их общее количество – не менее 140 отдельных стремян, т.е. 70 пар.

Хотя Болгар изучается уже на протяжении 80 лет (с 1938 г.), до сих пор он исследован недостаточно полно. Причиной тому является огромная площадь города, составлявшая около 4 кв. км. Поэтому все еще отсутствует представление о планировке города, трассировке его улиц, размещении таких важных пунктов, как городская администрация, квартальные мечети. Пока достаточно полно изучены только остатки каменных строений – бань, мавзолеев и других построек, назначение которых остается неясным. В отличие от перечисленных строений, здание базара имело вполне определенную функцию. Оно представляет интерес уже хотя бы потому, что это первый восточный базар, который исследован почти полностью методами археологии.

Библиографический список

Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. – 2012. – №1.

Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. – 2013. – №4 (6).

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. – Вып. 237. – 2015.

Коваль В.Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // Поволжская археология. – 2016. – №4.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. – Вып. 237. – 2015.

И.В. Ковтун

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЕ КИНЖАЛЫ, ПОЛНОЛУНИЕ И АШВАМЕДХА

Уникальная форма присуща омскому кинжалу, возможно, происходящему из разрушенных захоронений Ростовки. Единственная параллель данному изделию, увенчанная конским навершием, известна из г. Шемонаихи [Молодин, Нескоров, 2010, с. 68]. Имея совершенно различные рукояти, данные кинжалы схожи уникальной формой своих клинков, отчасти напоминающих клинок гладиуса – короткого меча римского легионера, а также пугио – широколезвийные короткие кинжалы (до 35 см) пеших легионеров для тесной рукопашной схватки. Однако между омским и шемонаихинским кинжалами имеются не только морфологические, но и семантические соответствия.

Орнаментальная композиция, украшающая клинок омского кинжала, обнаруживает числовые мифокалендарные символизации. С обеих сторон по центру вдоль всего клинка проходит кровосток, разделяющий орнаментальную композицию из двух рядов ромбовидных сегментов. В каждом ряду усматривается и/или реконструируется по 14 элементов ромбической формы, стилизованных и/или «стертых» у острия клинка. Подобная числовая символика соотносится с видимым периодом лунного месяца и его медианой, приходящейся на 14–15-е сутки полнолуния. Такое количество суток знаменует окончание первой половины лунного, синодического месяца, составляющего около 29,5 суток. Поскольку во время новолуния Луна не видна около 1,5 суток, продолжительность ее видимости составляет 28 суток, или 4 недели, соответствующие первой четверти, полнолунию, последней четверти и новолунию. Таким образом, 14-дневный рубеж приходится на середину лунного месяца и полнолуние.

Ряды из ромбовидных фигур продолжают четыре углубленными полосами с насечками на пластинчатой рукояти омского кинжала. По две таких «полосы-недели» строго соответствуют одному ряду из 14 «элементов-дней», подразумевая его деление на два 7-дневных, т.е. недельных цикла. Следовательно, четыре «полосы-недели» на рукояти соответствуют двум 14-дневным рядам из ромбов, в совокупности символизирующим 28-дневный месяц. Именно 4 «ребра жесткости» фигурируют и на пластинчатой рукояти кинжала из Второго Каракольского клада, типологически близкой рукояти омского клинка. Поэтому неслучайно, что символика полнолуния, возможно, присутствует и на других кинжалах сопкинско-каракольского типа. Так, всего 14, или по 7 выступов на каждом из двух «ребер жесткости», двутавровой рукояти представлено на кинжале из уезда Тяньшуй провинции Ганьсу. Такие выступающие сегменты встречаются и на рукоятях других кинжалов подобного типа. Возможно, на рукоятях кинжалов из с. Чарышское и из погребения 425 Сопки-2/4Б число таких выступов близко 14 (или 15) на каждом из двух «ребер жесткости» рукояти. Не исключено, что перечисленные количественные символизации также означали середину лунного месяца и фазу полнолуния.

Многие народы придавали полнолунию совершенно особое значение [Элиаде, 1999, с. 162–163]. Деификация фазы полнолуния относится к расхожим мифокалендарным представлениям, восходящим к архетипическим состояниям и сравнимым, пожалуй, только с масштабами поклонения солнцу. Например, кеты считали, что «родившийся месяц начинал свой путь низко над землей, и каждый вечер поднимался все выше. За первые семь дней он достигал второго круга (мыса) неба, а на четырнадцатый оказывался на месте своего жительства – четвертом круге... На втором круге он выглядел уже в виде полукруга, а четвертого достигал круглым» [Алексеев, 1976, с. 83]. По представлениям манси: «В подземном мире луна бывает лишь вполовину, полнолуния там не бывает» [Источники по этнографии Западной Сибири, 1987, с. 152]. С полнолунием ассоциировался апогей жизненного начала, уже по определению отсутствующий в мире мертвых. Отсюда представление о жертве, приуроченной к указанному календарному периоду лунного цикла и призванной обеспечить изобилие и благополучие. Мансийские жертвенные покрывала –

ялпын, с изображением Мир-сусне-хума (реже его матери Калтащ-эквы, или Калтась-ими у хантов, а также «невесты»), одновременно олицетворявшие «седло бога» и его «коня», начинали делать, «когда полмесяца», а заканчивали – «когда полная луна» [Гемуев, 1990, с. 35–37]. Такое соотнесение времени изготовления жертвенных атрибутов с фазой полнолуния неслучайно. В культурных традициях манси выявлены заимствованные индоарийские элементы [Ковтун, 2013, с. 59 и др.], а ночь полнолуния у ведийских ариев именовалась «первой достойной жертв» [Атхарваведа (Шаунака), VII. 85. 1, 2, 4]. Образ «полной луны» фигурирует и в обряде конского жертвоприношения у алтайцев [Элиаде, 2000, с. 188], своими истоками, по-видимому, опосредованно восходящего к архаике ашвамедхи.

Перечисленные верования сопоставимы с представлениями некоторых сейминско-турбинских группировок. Идея новогоднего полнолуния и совершаемого в это время конского жертвоприношения олицетворяется ажурной решеткой сейминского ножа, правосторонним ракурсом омского ножа, увенчанного конской парой, уникальной орнаментацией ростовкинского кельта-лопатки с изображением козла, заклятие которого открывало ашвамедху, а также символизирующей год двенадцатичастной псевдообмоткой шемонаихского кинжала [Ковтун, 2013, с. 143, 145–147, 218–219, 319–320, 343–344].

Индоарийское жертвоприношение ашвамедха проводилось в полнолуние месяца Чайтра [Махабхарата. XIV. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. 71. 1–2, 3–6; 82. 16–32; 83. 24–32; и др.], соответствующего марту – апрелю [Невелева, 2003, с. 200; Лушникова, 2004, с. 142, табл. 1], т.е. в новогоднее время весеннего равноденствия. При этом образ первоисточника и первоадресата конского жертвоприношения Праджапати уподобляется луне в полнолуние [Каушитаки Упанишада, II. 9].

Концептуально схожая мировоззренческая доктрина, присущая сейминско-турбинской мифологической традиции, получила воплощение на жертвенных кинжалах с изобразительно-знаковой символизацией идеи конского заклятия в новогоднее полнолуние. Одним из ярких семиотических образов этого действия представляется орнаментальная композиция омского кинжала. Кровосток этого клинка со стекающей кровью жертвенного коня подобно полнолунию разделяет две символические половины лунного месяца.

Библиографический список

- Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л., 1976.
- Атхарваведа (Шаунака) : в 3 т. / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. – Т. I. – Кн. I–VII. – М., 2005.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск, 1990.
- Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск, 1987.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. – Кемерово, 2013.
- Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей (лингвистическая реконструкция). – М., 2004.
- Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – №3 (43).
- Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. – СПб., 2003.
- Невелева С.Л. Эпическая ашвамедха // Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. – СПб., 2003.
- Упанишады : в 3 кн. – Кн. 2. – М., 1992.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М., 1999.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев, 2000.

И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин, П.В. Герман
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово
КОРРЕЛЯЦИЯ ХРОНОЛОГИИ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ,
КРОХАЛЁВСКИХ И САМУСЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Серия датировок по ^{14}C крохалёвских комплексов Нижнего Притомья, в одном из которых обнаружена литейная форма кельта-лопатки, указывает на хронологический диапазон подобных изделий сейминско-турбинского времени. Радиоуглеродная дата нагара на крохалёвском сосуде с Долгой-1, где и была найдена литейная матрица [Марочкин, 2011, с. 125, рис. 1, 7], определена 2145–1637 гг. до н.э. (94,5%) [Ковтун, Марочкин, 2013, с. 20]. Крохалёвская керамика поселения Ивановка-1, на котором был обнаружен сердечник для отливки кельта, датирована 2058–1504 гг. до н.э. (92,8%), а поселения Ивановка-2 – 2296–1638 гг. до н.э. (95,4%) [Бобров, Марочкин, 2016, с. 111]¹. Следовательно, этим же периодом определяются и верхние рубежи бытования кельтов-лопаток сейминско-турбинской эпохи.

Ареал сейминско-турбинских кельтов-лопаток, главным образом, включает бассейн Иртыша, Верхней Оби и Рудный Алтай. Исследователи усматривают в данной орудии один из прототипов более поздних постсейминских кельтов-лопаток из предгорий Алтая, Тянь-Шаня и Памира [Кузьминых, Черных, 1988, с. 75]. Уникальный образец подобного изделия происходит из сейминско-турбинского могильника Ростовка. Абсолютная хронология сейминско-турбинских комплексов восточной части ареала обоснована в основном в работах новосибирских исследователей. Дата «погребения литейщика» №282 из Сопки-2/4В с сейминско-турбинским кельтом и двумя формами для их отливки определена 2470–2030 гг. до н.э. (95,4%) [Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010, с. 241–242]. Захоронение №425 из Сопки-2/4Б с кинжалом сопкинско-каракольского типа датировано 2350–2120 гг. до н.э. (88,7%). Дата погребения №427 из Сопки-2/4Б с литейной формой сейминско-турбинского копья определена 2310–2130 гг. до н.э. (92,8%) [Марченко и др., 2014, с. 464–466; Молодин, 2015, с. 105]. Одиновское захоронение №24 из Преображенки-6 с вильчатым наконечником копья сейминско-турбинского типа датировано 2310–2130 гг. до н.э. (93,6%) [Молодин, 2013, с. 313, рис. 4; Marchenko, Orlova, Panov, Zubova, Molodin, Pozdnyakova, Grishin, Uslamin, 2015, p. 598, Tab. 1; p. 599, Fig. 3, 2]. Дата одиновского захоронения 487 из Тартаса-1 с сейминско-турбинским кельтом определена в широком диапазоне 2700–2100 гг. до н.э. (95,4%) [Молодин, 2013, с. 317–321, рис. 13, 3; 14; Марченко и др., 2014, с. 464, 466], а позднее скорректирована по совокупности двух дат, полученных для этого комплекса, в пределах XXV–XXII вв. до н.э. [Молодин, Марченко, 2015, с. 64].

В 2016 г. в ИМКЭС СО РАН была получена радиоуглеродная дата костей погребенного из захоронения 29 могильника Ростовка (ИМКЭС-14С916) с бронзовым выгнуто-обушковым ножом [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 39, 40, рис. 49, 2] – 3888 ± 105 ВР или 2634–2034 гг. до н.э. (94,7%). Еще одна дата получена по костям человека из могилы 20 (ИМКЭС-14С982), с составным коленчатым ножом – 3634 ± 68 ВР или 2202–1872 до н.э. (91,5%).

До последнего времени не имелось естественно-научных оснований для датировки самусьских древностей. При этом хорошо известны доводы исследователей об их сходстве с окуневскими материалами, типологической близости ряду сейминско-турбинских орудийных форм и т.д. Поэтому актуальной остается проблема принадлежности собственно самусьского комплекса либо к эпохальному культурно-историческому горизонту, включавшему окуневскую, каракольскую, одиновскую и кротовскую культуры, либо к числу культурных образований раннего постсейминско-турбинского типа.

В 2016 г. по костям ребенка из захоронения на оз. Утинка в Ачинско-Мариинской лесостепи [Бобров и др., 2010] была получена первая радиоуглеродная дата для самусьского комплекса (ИМКЭС-14С983) – 3930 ± 92 ВР или 2678–2139 до н.э. (94,1%).

¹ Приведённая в статье калибровка датировок крохалёвских, самусьских и ростовкинских материалов выполнена в программе OxCal v4.3.2. BronkRamsey (2017).

Таким образом, хронология крохалёвских комплексов ограничена XXIII–XVI вв. до н.э., а без крайних значений – XXII–XVII вв. до н.э. Диапазон датировок сейминско-турбинских древностей (без дат Ростовки) составляет XXVII–XXI вв. до н.э., а без крайних значений – XXV–XXII вв. до н.э. Датировки Ростовки укладываются в XXVII–XIX вв. до н.э., а без крайних показателей – в пределах XXIII–XXI вв. до н.э. Единственная дата самусьского комплекса охватывает XXVII–XXII вв. до н.э. Перечисленные датировки указывают на позднесейминско-турбинский или ранний постсейминско-турбинский возраст крохалёвского комплекса Кузнецкой котловины и, возможно, на собственно сейминско-турбинское время самусьских древностей. Сделанные выводы вносят коррективы в ранее изложенные представления [Ковтун, Марочкин, 2011], но нуждаются в дополнительных подтверждениях.

Библиографический список

Бобров В.В., Волков П.В., Герман П.В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – №4.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалевская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – №4 (42). DOI: 10.17223/19988613/42/19

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Архекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №1.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – №2 (8).

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. К проблеме происхождения кельтов-лопатов // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.

Марочкин А.Г. Материалы раскопок у Новоромановской писаницы: комплекс крохалёвской культуры эпохи ранней бронзы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы Международной научной конференции. – Т. 1. – Кемерово, 2011.

Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск, 2013.

Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2 (62). – Т. 6.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Т. XVI. – Новосибирск, 2010.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. – 2015. – Vol. 57, №4.

М.Б. Козликин
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СРЕДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ АЛТАЯ
(по материалам Денисовой пещеры)

В ходе комплексных археологических работ последних нескольких лет в Денисовой пещере были изучены отложения нижней части плейстоценовой толщи восточной галереи [Деревянко и др., 2013, с. 79–83; Козликин, 2016, с. 84–88]. Наиболее древние археологические материалы, соотносимые с ранним этапом среднего палеолита, были обнаружены в пределах литологических слоев 15 и 14. Согласно данным биостратиграфии и предварительным результатам абсолютного датирования, формирование этих отложений происходило в благоприятной природно-климатической обстановке ширтинского времени в период кислородно-изотопной стадии 7.

Каменная индустрия из слоев 15 и 14 насчитывает около 30 тыс. экз. Первичное расщепление в этом комплексе в целом характеризуется использованием ядрищ, утилизируемых в радиальной системе. Заготовками для этих нуклеусов служили небольшие валуны или крупные массивные в поперечном сечении сколы. Расщепление осуществлялось от неподготовленного ребра.

Индустрия сколов, представленная отщепами, в полной мере соответствует набору ядрищ. Отщепы преимущественно мелкого размера, реже крупные или средние, укороченные или короткие, с гладкой или естественной площадкой и продольной однонаправленной или ортогональной дорсальной огранкой.

Основу орудийного набора составляют различные типы зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий, реже скребел. Представительную серию образуют крупные массивные отщепы с вентральной обивкой продольных краев. Другим характерным для этой индустрии типом изделий являются крупные сколы с удаленной остаточной ударной площадкой вместе с ударным бугорком при помощи серии (реже одного) крупных вентральных снятий, что находит прямые аналогии с техникой комбева.

Синхронные материалам слоев 15 и 14 восточной галереи и, скорее всего, более древние индустрии связаны со слоями 22 и 21 в центральном зале пещеры. Эта коллекция значительно меньше (612 экз.), однако в целом с технико-типологической точки зрения соответствует рассматриваемым комплексам из галереи.

Наиболее древний этап проникновения палеолитического человека на территорию Алтая представляют архаичные галечные орудия из отложений среднего плейстоцена стоянки Карамы возрастом 600–800 тыс. лет [Стоянка..., 2005, с. 1–88]. Достоверных свидетельств пребывания в регионе человека на рубеже нижнего и среднего плейстоцена не имеется. Следующий эпизод проникновения на эту территорию древних популяций с принципиально иной индустрией отражают материалы из слоев 15 и 14 восточной галереи и слоев 22 и 21 центрального зала Денисовой пещеры, и каких-либо хронологически и/или культурно близких комплексов этой индустрии в регионе пока не обнаружено.

Библиографический список

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Новые результаты исследования среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIX. – Новосибирск, 2013.

Козликин М.Б. Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры: материалы 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск, 2005.

О.В. Кокуркина

Институт археологии РАН, Москва

ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ РАННИХ ДИАГОНАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ И ПУТИ МИГРАЦИЙ НОМАДОВ, ПРАКТИКОВАВШИХ ДАННЫЙ ОБРЯД

До настоящего времени остается дискуссионным вопрос об истоках происхождения ранних диагональных погребений.

Наиболее ранние диагональные погребения были зафиксированы в Южном Приуралье, которые датируются концом VI – V в. до н.э.

Именно с VI в. до н.э. в Приуралье фиксируются новые черты погребального обряда, появляются новые типы погребального инвентаря. Все это может свидетельствовать в пользу миграции на данную территорию кочевников с Приаралья [Железчиков, 1986, с. 60]. Восточная часть Южного Приаралья оказалась заселенной кочевниками, которые в это время начали практиковать и диагональный обряд захоронения. Многие признаки этого погребального обряда и погребального инвентаря находят аналогии у сакских племен Южного Приаралья. Сходство признаков погребального обряда племен Южного Приаралья и кочевников, практиковавших диагональный обряд погребения, происходящих с территории Южного Приуралья, дает возможность предположить о преемственной связи данных племен.

Погребальный инвентарь из ранних диагональных погребений имеет среднеазиатское происхождение. Эти данные, вероятно, свидетельствуют о возможных передвижениях, миграции с территории Южного Приаралья кочевников, которые и повлияли на формирование диагонального обряда погребения на территории Южного Приуралья.

Диагональные погребения, датирующиеся IV–III вв. до н.э., по сравнению с более ранними диагональными погребениями, бытуют уже на более обширной территории. Значительно увеличивается их количество.

Встречаются они по-прежнему на территории Южного Приуралья.

IV в. до н.э. охарактеризовался массовой миграцией кочевых племен с территории Южного Приуралья в Заволжье, в междуречье Волги и Дона. Многие признаки погребального обряда диагональных погребений этого времени, найденные в курганах с указанной территории, находят прямые аналогии на территории Южного Приуралья. Но есть и определенные отличия. Важно отметить увеличение в составе погребального инвентаря диагональных погребений Поволжья оружия.

Скорее всего, данные погребения принадлежали воинской знати. Именно передвижение на новые территории воинских групп дружинного характера, как правило, предшествовало массовым миграциям, что и наблюдается в IV в. до н.э.

Миграции из Южного Приуралья для IV в. до н.э. носили локальный характер, и их можно расценивать как достаточно мирное проникновение небольших групп кочевников на территорию родственных племен [Мошкова, 1997, с. 73].

С помощью картографирования можно отметить миграционный путь кочевников, практиковавших диагональный обряд погребения. Основное направление миграции в IV в. до н.э. шло на запад, в сторону Нижнего Поволжья и Дона.

Таким образом, можно утверждать, что именно Южное Приуралье является местом первоначального формирования диагональных погребений.

Остается открытым вопрос, почему именно на рубеже VI–V вв. до н.э. зародился диагональный обряд погребения и что послужило толчком к этому явлению.

Учитывая тот факт, что форма и тип могильной ямы могут выступать в роли этнографического обрядового признака социальной, родовой или этнической группы [Мещеряков, 2000, с. 55], можно предположить, что появление диагонального обряда погребения на территории Южного Приуралья было следствием миграционных потоков с других территорий. Изменение этнокультурной ситуации в Урало-Аральском регионе в VI в. до н.э. привело к оттоку отдельных среднеазиатских кочевых племен в степи Южного

Урала, а также в зауральскую лесостепь [Могильников, 1997, с. 135; Таиров, 2000, с. 16]. Данные процессы находят подтверждение и на антропологическом материале. Ученые отмечают генетическую связь саков Приаралья с гороховским населением западносибирской лесостепи и некоторых сарматских групп Оренбуржья и Приуралья [Багашев, 1997, с. 64]. Возможно, события, происходящие в Средней Азии, вынудили перенести центр своего племенного объединения в степи Южного Приуралья. Вероятно, этим объясняется то, что археологическая культура ранних кочевников Южного Приуралья появилась в «готовом виде» не ранее 2-й половины VI в. до н.э., а может быть, рубежа VI–V вв. до н.э. [Таиров, 2000, с. 17].

В основе культуры кочевников савроматского времени с территории Южного Приуралья лежит андроновская культура, которая в свою очередь была широко распространена на территории Казахстана, Приаралья. Теперь обратим внимание на погребальный обряд андроновцев. Андроновские племена ориентировали могилы на запад или юго-запад. Могилы заглубляли в землю и сооружали из дерева сруб [Кузьмина, 1986, с. 86]. Во многом данная характеристика погребально обряда андроновцев, схожа с погребальным обрядом саков Семиречья, Южного Приаралья [Яблонский, 1996, с. 52]. Сходство погребального обряда андроновцев и сакских племен Средней Азии, Казахстана дает возможность говорить о преемственности связи данных племен. Именно на территории Южного Приаралья в могильнике Тагискен (Южная группа, к. 54, 61) были найдены ранние диагональные погребения, датирующиеся V в. до н.э.

Помимо проведенных параллелей в погребальном обряде, погребальном инвентаре кочевников Южного Урала и саков Приаралья объединяли общие идеологические представления, являющиеся следствием принадлежности их к ираноязычным кочевым народам.

Таким образом, есть все основания утверждать, что диагональный обряд погребения зародился на территории Южного Приуралья под большим влиянием кочевников, пришедших с территории Средней Азии. В результате миграционной волны из Приаралья на Южный Урал, были привнесены новшества, которые повлияли на формирование диагонального обряда погребения.

Библиографический список

Багашев А.Н. Этногенетические связи сарматских племен // Второй международный конгресс этнографов и антропологов : резюме докладов и сообщений. – Ч. 1. – Уфа, 1997.

Железчиков Б.Ф. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов, 1986.

Кузьмина Е.Е. Древние скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986.

Мещеряков Д.В. К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Вып. 1. – Самара, 2000.

Могильников В.А. Социально-экономическая ситуация и этнические процессы на юге Западной Сибири в середине – второй половине I тыс. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : материалы Всероссийской научной конференции. – Барнаул, 1997.

Мошкова М.Г. Проблема миграции в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Донские древности. – Вып. 5. – Азов, 1997.

Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Вып. 1. – Самара, 2000.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. – М., 1996.

К.А. Колобова^{1,2}, В.П. Чабай³, С.В. Маркин^{1,2}
¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
²Алтайский государственный университет, Барнаул;
³Институт археологии НАН Украины, Киев

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (Горный Алтай)

Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РФФ №14-50-00036, госзадание Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

Чагырская пещера (51°26'32.99'', 83°09'16.28'') расположена в предгорьях Северо-Западного Алтая. Пещера северной экспозиции, включающая два зала общей площадью 130 кв. м, располагается на высоте 353 м над уровнем моря и на высоте 19 м от современного уровня реки Чарыш.

В составе заполнителя пещеры мощностью около 3,5 м выделяются голоценовые (слои 1–4) и неоплейстоценовые образования (слои 5–7). Плейстоценовые отложения разделяются на верхнюю и нижнюю части, отражающие различные седиментационные процессы. Верхняя часть в основном представлена субэразальными отложениями, включающими два слоя лессовидных отложений (слои 5, 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2). Нижняя часть отложений состоит из тяжелых суглинков (слои 7а-в).

Результаты проведения серий абсолютных датировок свидетельствуют о возрасте культуросодержащих отложений, соответствующем финалу стадии OIS-4 и начала стадии OIS-3 [Derevianko et al., 2017].

Слои 6а-6в/2, с которыми связано заселение пещеры неандертальцами, накапливались в условиях континентального аридного климата. Слой 5 накапливался в более теплых и влажных условиях [Rudaya et al., 2017].

Палеоантропологические образцы происходят из слоев 5–6в/2. В культурных комплексах пещеры Чагырская была обнаружена самая многочисленная коллекция остатков неандертальцев в Северной Азии [Viola et al., 2012]; более 70 находок краниальных и посткраниальных частей скелетов принадлежали нескольким индивидам разного возраста. Учитывая высокую вероятность получения ДНК в силу хорошей сохранности образцов, в настоящее время проводится ДНК-анализ с целью выявления внутренней вариативности алтайских неандертальцев.

В течение полевых сезонов 2007–2016 гг. раскопки были сфокусированы на исследовании отложений в предвходовой и центральной части пещеры. Общая площадь раскопов составляет около 37 кв. м. Культурные слои демонстрируют крайне высокую степень насыщенности литологических отложений каменными артефактами и обломками костей. Палеонтологические находки из слоев 5 и 6а в большей степени являются результатом активности хищников. При этом палеонтологические находки из слоев 6б, 6в/1 и 6в/2 являются результатом охотничьей деятельности неандертальцев, специализировавшихся в охоте на бизона (*Bisonpriscus*) [Vasiliev, 2013].

Общая коллекция артефактов, найденных в слоях 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2, составила 89539 экземпляров. Из них к отходам производства, включающим обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм, было отнесено 72427 экз. (80,9%). Типологически определимые ядрища в исследуемых комплексах немногочисленны – 145 экземпляров (0,84% комплексов без отходов). Первичное расщепление было ориентировано на получение отщепов – 13820 экз. (80,7% комплексов без отходов). Значительную долю отщепов составляют различные варианты технических сколов. Пластины, которые не являлись основной целью расщепления, насчитывают 320 экземпляров (1,8% комплексов без отходов). Специфической чертой индустрий Чагырской пещеры на фоне других среднепалеолитических объектов региона является значительная доля орудий – 2827 экземпляров (16,52% комплексов без отходов).

В настоящее время технологическая и типологическая характеристики индустрии Чагырской пещеры базируется на детальном анализе в рамках атрибутивного подхода артефактов (3021 экз.) слоя бв/1 из раскопок 2008 г. В качестве сырья для изготовления артефактов использовался галечник из русла реки Чарыш, в непосредственной близости от пещеры [Derevyanko, Markin, Kulik et al., 2015].

Общая структура индустрии демонстрирует все признаки полного цикла утилизации каменного сырья внутри пещеры. Каменная технология основана на использовании ортогонального и радиального приемов скалывания с целью получения укороченных заготовок, а также на применении плоско-выпуклого метода изготовления двусторонних орудий. В комплексах не было зафиксировано свидетельств применения леваллуазских и пластинчатой технологий. Орудийный набор включает остроконечники – остря с ретушью (14,4%), скребла различных модификаций (70,9%), двусторонние остря (2,1%), двусторонние скребла (4,6%), тронкированно-фасетированные изделия (3,8%). Скребки, зубчатые и выемчатые формы немногочисленны. В большинстве случаев орудия обработаны при помощи чешуйчатой / чешуйчатой ступенчатой постоянной полукрутой сильно-модифицирующей ретуши.

Широко применялись вентральные утончения при обработке скребел и остроконечников. Орудия листовидной формы наиболее распространены среди остроконечников и двусторонних острий, в то время как угловатые формы (трапециевидные и прямоугольные) доминируют среди скребел. Двусторонние «ножи» типов Klausenmesser и Vocksteinmesser были выделены среди двусторонних скребел и острий. Относительно большие размеры орудий, примерно равное соотношение одинарных и конвергентных скребел, незначительное количество переоформленных двусторонних орудий свидетельствуют о неинтенсивной утилизации орудийных наборов на исследуемой площади. В культурных слоях пещеры широко представлены ретушеры на фрагментах трубчатых костей и ребер, интенсивно использовавшиеся для оформления орудий.

Все технологические и типологические характеристики каменной индустрии пещеры Чагырская типичны для восточноевропейского микокского технокомплекса. Таким образом, в комплексах Чагырской пещеры содержатся антропологические материалы, определяющиеся как самое восточное проявление неандертальского подвида в сочетании с самым восточным проявлением микокского технокомплекса.

Библиографический список

Derevianko A.P., Markin S.V., Rudaya N.A., Viola B., Zykin V.S., Zykina V.S., Chabai V.P., Kolobova K.A., Vasiliev S.K., Roberts R.G., Bo L., Jacobs Z. Interdisciplinary Studies of Chagyrskaya cave – Middle Paleolithic site of Altai. – Novosibirsk, 2017. – in press.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies, the Middle Paleolithic of Altai // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. – 2015. – Vol. 43.

Rudaya N., Vasiliev S., Viola B., Talamo S., Markin S. Palaeoenvironments during the period of the Neanderthals settlement in Chagyrskaya cave (Altai Mountains, Russia) // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 2017. – Vol. 467.

Vasiliev S.K. Large Mammal Fauna from the Pleistocene Deposits of Chagyrskaya Cave, Northwestern Altai (Based on 2007–2011 Excavations) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. – 2013. – Vol. 41.

Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2012. – Vol. 147. – Suppl. 54.

С.В. Колонцов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

НОРМАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ НАРАБОТКИ ИАЭТ СО РАН В ОБЛАСТИ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Охранно-спасательная археология – это особый вид археологической деятельности, вызванный к жизни активным хозяйственным освоением территорий, создающим угрозу для сохранения археологического наследия. Причиной ущерба для археологических объектов выступает деятельность хозяйствующих субъектов, для которых воздействие на культурную и природную среду является неизбежной частью их производственной деятельности.

Изучение и сохранение объектов археологического наследия в зонах хозяйственного освоения различных территорий Сибири – одна из основных актуальных составляющих деятельности отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН. Охранные археологические работы в силу больших масштабов проводимых исследований (разведок и раскопок) позволяют накапливать новые научные знания, получение которых другими способами для научного сообщества археологов невозможно.

Наличие Отдела охранно-спасательной археологии в ИАЭТ СО РАН позволяет обобщать накопленный опыт археологических разведок и спасательных раскопок и на основе этого совершенствовать методiku и нормативно-организационное обеспечение археологических исследований.

Так, в целях обеспечения проведения спасательных археологических полевых работ в зоне затопления Богучанской гидроэлектростанции (Красноярский край и Иркутская область) в 2008–2012 гг. ИАЭТ СО РАН было разработано и утверждено Положение о Богучанской археологической экспедиции, регламентирующее научные цели и задачи деятельности, структуру экспедиции, компетенцию начальника экспедиции, его заместителей, начальников и заместителей экспедиционных отрядов и порядок организации работы экспедиции. Утверждены Правила безопасности при проведении полевых экспедиционных работ.

Для успешного проведения спасательных археологических полевых работ в зоне затопления Богучанской гидроэлектростанции было разработано и выдано каждому начальнику экспедиционного отряда техническое задание на спасательные археологические исследования (раскопки) и рекогносцировочные раскопки в зоне затопления БОГЭС с учетом культурной принадлежности, глубины и характера залегания культурного слоя, временной принадлежности и других особенностей каждого археологического объекта и памятника, попадающего в зону затопления.

Для решения текущих вопросов перевозок персонала и грузов экспедиции, снабжения, складского хранения и учета, технического обслуживания оборудования и научно-методического руководства спасательными археологическими работами в Богучанской археологической экспедиции принимал участие отряд организационно-методического обеспечения, что позволило снять часть организационных задач с начальников экспедиционных отрядов и уделять им больше своего внимания научной организации спасательных археологических раскопок, а также это способствовало более спокойной работе полевых отрядов, разбросанных на значительном протяжении течения р. Ангары.

В 2014–2015 гг. в Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и в ряд нормативно-правовых документов были внесены существенные поправки, регламентирующие проведение археологических разведок и спасательных археологических раскопок, археологических наблюдений в зоне земляных, строительных, мелиоративных и хозяйственных работ.

Указанное обстоятельство требует от держателя открытого листа при проведении исследований в зоне земляных, строительных, мелиоративных и хозяйственных работ осуществление археологических исследований и оформления документации в соответствии с изменившимся действующим законодательством.

В связи с этим ИАЭТ СО РАН для сотрудников, принимающих участие в археологических разведках и спасательных археологических раскопках, разработана «Инструкция о проведении археологических разведок (государственная историко-культурная экспертиза земельных участков) и спасательных археологических полевых работ (археологических раскопок) в зоне земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ».

Данная Инструкция определяет порядок и состав работ, последовательность оформления необходимой научной и нормативной документации при проведении археологических разведок и спасательных археологических раскопок в зоне земляных, строительных, мелиоративных и хозяйственных работ держателем открытого листа и администрацией ИАЭТ СО РАН и включает: перечень нормативно-правовой документации, основные понятия, подробные рекомендации по проведению археологической разведки в зоне земляных, строительных, мелиоративных и хозяйственных работ (государственная историко-культурная экспертиза земельных участков), подробные рекомендации по проведению спасательных археологических полевых работ (раскопки) в зоне земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ. Инструкция также имеет ряд приложений с образцами оформления документации: образец письма в государственный орган охраны историко-культурного наследия о выявлении держателем открытого листа археологического объекта (объектов), образец приказа государственного органа охраны объектов историко-культурного наследия о включении археологического объекта в перечень выявленных объектов культурного наследия, образец письма, направляемого держателем открытого листа в государственный орган охраны историко-культурного наследия с уведомлением о сроках начала исследовательских работ, образец акта государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, образец акта государственной историко-культурной экспертизы научно-технического отчета о выполненных археологических полевых работах, содержащего результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного (археологического) наследия на земельном участке проектируемого объекта, образец раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта (объектов) археологического наследия», образец акта государственной историко-культурной экспертизы раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта (объектов) археологического наследия».

Для улучшения взаимодействия с Заказчиком при проведении археологических исследований на различных этапах проектирования земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, ИАЭТ СО РАН разработаны методические рекомендации «Археологическое сопровождение земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ», выполненные в форме таблицы, где обозначены состав, содержание и последовательность археологических разведок и спасательных раскопок, а также поэтапные действия Исполнителя работ, Заказчика и регионального органа по охране историко-культурного наследия.

Наличие Отдела охранно-спасательной археологии в ИАЭТ СО РАН, Отдела охранных раскопок в ИА РАН, Отдела охранной археологии в ИИМК РАН крайне необходимо для выявления и сохранения памятников археологии и совершенствования методики разведок и охранных раскопок, позволяет проводить данные работы на высоком научном уровне с должным экономическим эффектом и соблюдением всех требований законодательства об охране объектов археологического наследия.

П.П. Колосницын

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ БИРКИ
ИЗ РАСКОПОК СТАРОЙ РУССЫ И НОВГОРОДА.
ТИПОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ФУНКЦИИ

В период Средневековья на территории Руси были широко распространены деревянные бирки, представляющие собой палочки с зарубками. Они подразделяются на две категории предметов с различными функциями и внешним видом.

«Счетные бирки» – нерасколотые палочки и предметы с зарубками, которые служили для подсчета и математических вычислений.

«Кредитные (или долговые) бирки» – деревянные палочки, различной формы и сечения, на которые наносились зарубки в соответствии с количеством взятых в долг денег или товаров. После этого бирка расщеплялась вдоль так, чтобы линия раскола проходила по зарубкам. Половинки брали себе заемщик и кредитор и впоследствии предъявляли их при расчете.

Счетные и кредитные бирки были обнаружены в Новгороде, Старой Руссе, Пскове, Старой Ладобе, Торжке, Твери, Ростове, Белоозере и других средневековых русских городах.

Коллекции средневековых деревянных бирок являются важнейшим источником для изучения экономической жизни средневекового города. Но несмотря на это, данная категория археологических находок довольно слабо изучена. Единственный исследователь, посвятивший биркам ряд работ и предложивший систему их классификации на основе новгородских материалов, – это Р.К. Ковалёв [2002; 2003а, б; 2009, с. 314–318]. Среди прочих стоит упомянуть статью А.А. Тихомировой [2010, с. 46–52], посвященную небольшой коллекции бирок, происходящей с Рюрикова городища, публикацию группы новгородских бирок с надписями [Янин, Зализняк, 1986] и статьи экономистов М.И. Кутера и К.А. Кузнецова, [2009, с. 48–53; 2010, с. 77–81], рассматривающих бирки в качестве источника по истории становления бухгалтерского дела в России.

Наиболее многочисленные коллекции бирок происходят из раскопок на территории Новгорода (более 630 экз. на 2006 г. [Ковалёв, 2003а]) и Старой Руссы (на настоящий момент учтено более 650 экз.). В ходе анализа коллекции бирок из Старой Руссы была разработана альтернативная и более информативная система классификации на основе существенных признаков. Один из принципов основывается на том, что каждая бирка или отдельный ряд зарубок представляют собой число, записанное в единичной системе счисления и отражающее результат целенаправленных математических действий. В итоге это позволило на основании частоты записи чисел зафиксировать использование нескольких счетных систем [Колосницын, 2013, 2014]. Также были выделены и систематизированы кредитные деревянные бирки, являющиеся отдельной категорией с особыми функциями.

Следующим этапом работы стала обработка коллекции счетных и кредитных бирок из раскопок Великого Новгорода.

Счетные бирки отличаются большим внешним разнообразием. Исходя из морфологических признаков из всего массива выделяются пять разновидностей: бирки в виде палочек, бирки-кольшки с заостренным концом, бирки в виде клина с зарубками, нанесенными на грани заостренной части, а также бирки из предварительно обработанных четырехгранных стержней.

Более интересные данные дала работа с числами, записанными на бирках. В ходе исследования были построены графики, отражающие частоту записи чисел отдельно по количеству зарубок на целых бирках и отдельно – по количеству зарубок в целых рядах. Представительность коллекции позволяет получить вполне объективные данные, которые

устойчиво повторяются на разных множествах. Важно отметить, что частота использования чисел первого десятка показывает большую вариативность в зависимости от выбранного множества, а частота использования чисел больше десяти всегда показывает одну и ту же закономерность.

Статистическое исследование показало, что в средневековом Новгороде также использовались различные системы счета. Наиболее распространенной была десятичная система. Кроме нее использовались и другие, в частности шестеричная, семеричная и шестнадцатеричная. Вероятно, использование той или иной системы определялось объектом подсчета. Счетные бирки применялись, вероятно, для подсчета предметов (десятками), денег (счет, кратный 6), мер веса, сыпучих тел или объема (счет, кратный 16), а также календарного счета (счет, кратный 7) и математических вычислений.

Кредитных бирок в коллекции значительно меньше (в Великом Новгороде – около 100 экз.) в Старой Руссе (85 экз.). Они морфологически делятся на две хорошо различающиеся между собой группы:

«**длинные**» (от 30 до 50 см), сделанные из предварительно вырезанных заготовок как правило, прямоугольного сечения, с зарубками, нанесенными на один конец и изготовленные преимущественно из сосны и ели;

«**короткие**» (длина менее 20 см), изготовленные из обрезков коротких веток деревьев лиственных пород.

Характерной особенностью обеих групп является наличие зарубок двух размеров.

Кредитные бирки были не только аналогом векселя, но и фиксировали различные взаимные обязательства. Некоторые из них, известные в письменных источниках как «жеребья», могли выступать в качестве «обеспеченных», или «кредитных денег».

Полученные результаты дают новый массив информации для изучения экономической жизни средневекового Новгорода, отразившейся в счетных и кредитных бирках, а также позволяют пересмотреть роль и функции деревянных бирок в городской жизни.

Библиографический список

Ковалёв Р.К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. – 2002. – №1.

Ковалёв Р.К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // Новгородский исторический сборник. – Вып. 9 (19). – Великий Новгород, 2003а.

Ковалёв Р.К. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в средневековом Новгороде // Новгородский исторический сборник. – Вып. 9 (19). – Великий Новгород, 2003б.

Ковалёв Р.К. Деревянная счетная бирка-сорочок второй половины XI века из Старой Руссы // Хорошие дни...: памяти Александра Степановича Хорошева. – Великий Новгород ; СПб. ; М., 2009.

Колосницын П.П. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации // Археология и история Пскова и Псковской земли. – 2014. – №29 (59).

Колосницын П.П. Результаты статистического исследования средневековых деревянных бирок из Старой Руссы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – №73-1.

Кутер М.И., Кузнецов А.В. Значение бирок в исследовании исторического развития бухгалтерского учета // Вестник СамГУПС. – 2009. – Т. 2. – №5.

Кутер М.И., Кузнецов А.В. Европейская история бирок: взгляд с позиций современной теории бухгалтерского учета // Сибирская финансовая школа. – 2010. – №1 (78).

Тихомирова А.А. Деревянные бирки на поселениях Верхнего Поволжья X–XV вв. // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. – СПб., 2010.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Надписи на деревянных «счетных» бирках // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). – М., 1986.

В.П. Колосов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ДИНАМИКА ПОСТУПЛЕНИЯ АМФОРНОЙ ТАРЫ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ
В VI–III вв. до н.э. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МИРМЕКИЯ 2008–2016 гг.

Раскопки 2008–2016 гг. в центральной части городища Мирмекий на участке «И» позволили получить значительный объем новой информации. В результате этих работ были расширены представления о планировке жилых кварталов в этой части городища [Бутягин, 2014] и скорректированы данные о времени и ходе формирования зольника 2 [Бутягин, Колосов, 2013]. В ходе изысканий было обнаружено большое количество вещевого материала, значительную часть которого составили фрагменты тарных амфор. Статистический анализ количественных данных позволил оценить динамику поступления в Мирмекий этой категории сосудов. Таким образом, целью работы является уточнение представлений о торговых связях Боспора в период с VI–III вв. до н.э. по данным массового амфорного материала. В задачи исследования входит систематизация и обработка данных по стратиграфической и планиграфической ситуации вскрытых напластований, дифференциация культурных слоев на хронологические горизонты, а также определение центров производства фрагментов амфорной тары.

Источниковой базой исследования послужили материалы археологических раскопок Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2008–2016 гг. по данным полевых отчетов и полевых описей, составленных в процессе камеральной обработки керамического материала. Амфорные клейма, на основе которых были датированы культурные напластования, были определены А.А. Еремеевой и А.М. Бутягиным. Исследование построено на расчете профильных частей сосудов из уверенно датированных культурных напластований и комплексов. Общее количество профильных фрагментов амфор, задействованных в исследовании, составляет 15901 единицу.

Методической основой работы являлась статистическая обработка данных. Анализ материала производился с привлечением современных методов многомерной статистики: метода анализа главных компонент, дискриминантного канонического анализа, кластерного анализа и других. Кроме того, для дифференциации некоторых категорий керамических сосудов привлекались методы геометрической морфометрии.

В результате были получены данные по распределению фрагментов тарных амфор в культурных напластованиях. Амфоры Лесбоса, центров Северной Эгеиды (так называемый протофасос) и Клазомен составляют значительную часть от общего числа тары в горизонтах VI–V вв. до н.э., но в слоях IV–III вв. до н.э. доля этих центров невелика. Амфоры производства Синопы, Родоса, Херсонеса, Коса, Гераклеи, Фасоса и Менды, наоборот, увеличиваются в процентном отношении к IV–III вв. до н.э. Больше всего растет относительное количество синопской тары (от 0,4% до 22,2%). Нужно отметить, что для амфор Гераклеи, Фасоса и Менды наибольшие значения приходятся на IV в. до н.э., а затем процент амфор из этих центров несколько уменьшается. Относительное количество хиосской амфорной тары на протяжении исследуемого периода последовательно и постепенно снижается, но продолжает составлять существенную часть от общего числа амфорных фрагментов. Амфоры остальных центров составляют небольшой процент от всего количества и не демонстрируют каких-либо серьезных изменений в динамике поступлений.

Библиографический список

Бутягин А.М. Центральный квартал городища Мирмекий в позднеархаическое – классическое время // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. II. – Казань, 2014.

Бутягин А.М., Колосов В.П. Керамические материалы из раскопок зольника II городища Мирмекий: комплексный анализ // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. – СПб., 2013.

Л.В. Кондрашев

Департамент культурного наследия г. Москвы, Москва

ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЛИ ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОСТИ?

Базовый Закон (№73-ФЗ от 25.06.2002) определяет объекты культурного наследия, к которым относятся памятники археологии, как объекты недвижимого имущества, обладающие некими специфическими особенностями, требующими безусловного сохранения в интересах общества. В «Европейской конвенции об охране археологического наследия» Валетта от 16.01.1992 выделен другой главный постулат: археологические древности – это источники познания жизни исчезнувших людей и их сообществ.

На наш взгляд, данное противоречие мешает эффективно осуществлять политику сохранения археологического наследия на современном этапе. Следует проследить процесс перехода понимания объектов культурного наследия как древностей к объектам вещного права.

Во времена Возрождения древние руины и артефакты, то есть древности, стали свидетельством и примером памяти «золотого века» античности.

Появляются специалисты, помогающие власть имущим собирать и поддерживать коллекции. Для обозначения тех, кто занимается древностями вообще (безотносительно к искусству), родилось слово «антикварий» («древностник»). С другой стороны, в 1732 г. в Англии было основано и «Общество дилетантов», этим термином обозначали «любителей» древностей. Как правило, дилетанты финансировали труды и поиски профессиональных антиквариев.

Именно в данной среде знаменитым антикварием XVIII в. Винкельманом были сформулированы роль древностей и принципы их изучения, исходя из которых европейская мысль в сфере сохранения древностей до сих пор отталкивается от каталогизации объектов и подлинности последних, включая необходимость консервации древностей на момент обнаружения без доделок и улучшений.

К XIX в. происходит очень важное изменение в отношении к древностям: если ранее наследие античности по понятным причинам считалось образцом демократических отношений, то в эпоху ампира античным достоянием больше интересуются правящие монархические дворы и знатные семейства, считающие себя наследниками данных цивилизационных корней. В противовес местная интеллигенция и правители малых стран отдают предпочтение «своим» древностям.

В этой связи следует отметить «датский переворот», связанный с именами Томсена и Ворсо, поставивших местные древности в один ряд с античными. С этого момента ориентация на национальное достояние стала преимущественной в европейских странах.

В России интерес к местным древностям декларировал З. Доленга-Ходаковский (А. Чарноцкий), польский патриот и дезертир русской армии. Основная же линия интереса к древностям развивалась сначала Академией художеств потом богатыми дилетантами, обладающими при этом значимыми государственными постами. Так, граф Л.А. Перовский, назначенный в 1841 г. министром внутренних дел, стал с 1850 г. заведовать Комиссией для исследования древностей. Отметим, что Академия художеств подчинялась этому вельможе по должности. После смерти Перовского в 1856 г. «археологическое направление» возглавляет один из ближайших друзей Александра II С.Г. Строганов. В 1859 им создается Императорская археологическая комиссия, которой с 1889 г. дается право на выдачу специальных разрешений на археологические раскопки – «Открытых листов».

Данная ситуация не устраивает не менее влиятельного царедворца, испытывавшего неприязненные отношения к Строганову, А.С. Уварова, который в пику создает «Императорское московское археологическое общество», которое больше внимания уделяло отечественным археологическим древностям.

В развитие деятельности археологических обществ в 1905 г. была создана «Комиссия по пересмотру законодательства об охране исторических памятников», а в октябре 1911 г. в Государственную Думу был внесен проект «Положения об охране древностей». В целом

древности рассматривались в данном законопроекте именно как исторические источники: древностями, подлежащими охране, почитаются все те памятники зодчества, ваяния, живописи и иного искусства, равно как первобытной древности, а также акты и рукописи, которые на основании сего Положения признаны имеющими значение источников познания и любви к отечественной истории.

С другой стороны, министр внутренних дел А.А. Макаров утверждал, что нормы права охраны древностей являются материальным правом. В то же время указывалось, что одним из коренных вопросов является определение тех общих признаков, которые могли бы служить юридическим основанием к признанию предмета древним и потому требующим охраны государства, единственно правильным путем в данном случае должен почитаться путь регистрации.

Однако проект положения был раскритикован и «торпедирован» съездом художников, испытывавших определенную ревность к профессиональным археологам.

Таким образом, в досоветское время Россия осталась без базового нормативного документа в сфере сохранения культурного наследия.

Молодая Советская власть быстро столкнулась с необходимостью определиться с отношением к культурному наследию. В практике сохранения культурного наследия появляется выраженный прагматизм. Так, за «охранные грамоты» берутся деньги. А «памятники» в соответствии с Инструкцией Наркомпроса начинают делить на могущие быть использованными и наоборот. Справедливости ради надо отметить, что здесь очевидно влияние принятого в 1913 г. основного закона Франции, регулирующего охрану культурного наследия. Объекты культурного наследия делились на два типа: объекты культурно-исторической недвижимости и историко-культурные памятники. Принципиальное отличие заключалось в наличии или отсутствии возможности использования их в повседневной жизни. Хотя впоследствии подобное двоичное деление в советском законодательстве не применялось, за археологическим наследием прочно закрепился статус объектов недвижимости.

Смена политического режима в России в 1991 г. совпала с широким бытованием идей «постиндустриального общества» в общемировом интеллектуальном пространстве. По мнению культурологов, происходит замещение принципа «преемственности памяти» на «диалог культур». Как следствие, переход к термину «культурные ресурсы» стал фундаментом для осмысления «диалога культур». Именно этот подход получил отражение в Рамочной Конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества, принятой в Фаро 27.10.1995: «культурное наследие является совокупностью ресурсов, унаследованных от прошлого» (ст. 2, п. а).

Таким образом, происходит смещение акцента с практики сохранения культурного наследия к актуализации наследия – деятельности, направленной на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации.

В процессе гармонизации российского и европейского законодательства в базовом Законе (73-ФЗ от 25.06.2002) в сфере сохранения культурного наследия в новелле определения объекта археологического наследия были учтены традиции международного понимания памятников археологии. Однако статус археологического наследия как объектов недвижимости вызывал и вызывает многочисленные коллизии.

Промежуточным итогом активной работы археологического сообщества над совершенствованием правовой базы археологического наследия и преодолением указанных выше недостатков стало принятие Федеральных законов №245-ФЗ от 27.07.2013 и №315-ФЗ от 15.10.2014. В соответствии с международной традицией целенаправленный поиск древних предметов и их изъятие из мест залегания отныне может производиться исключительно в составе археологических полевых работ. Также очень важно появление термина «археологические предметы» – движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки.

Тем не менее, на наш взгляд, следует придать объектам археологического наследия статус отдельного вида объектов культурного наследия с определением их как специфического исторического источника – «древности».

Б.А. Кони́ков

Омское производственное объединение «Радиозавод им. А.С. Попова», Омск
ИЗ ОПЫТА ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА ПО СОХРАНЕНИЮ,
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
(на примере комплекса памятников «Омская стоянка»)

Проблема сохранения археологического наследия актуальна в силу нередко бытующей негативной практики обращения с ним. Примерами его варварского разрушения в разных уголках России пестрят страницы печатных и электронных изданий. Не исключение и Омская область. Ограничимся двумя примерами: за последние десятилетия разрушен средневековый курганный могильник у д. Иванов Мыс Тевризского района, нависла опасность над многослойным городищем Мурлинка Тарского района, материалы частичных раскопок которого введены в научный оборот [Кони́ков, 2007; Чагаева, 1970]. В то же время современность знает и примеры противоположного свойства, а именно ответственного подхода отечественного бизнеса к сохранению археологического наследия; это следует пропагандировать. Данное сообщение этому и посвящено. В его основе – судьба комплекса «Омская стоянка», расположенного на левой надпойменной террасе р. Иртыш в черте Омска. Открытый в 1918 г. краеведом С.А. Ковлером как «Омская стоянка» в 1998 г. он получил свое нынешнее название – комплекс памятников археологии; история его изучения заполнена многочисленными сборами подъемного материала любителями и эпизодическими научными раскопками, которые только с 2008 г. приобрели ежегодный и целенаправленный характер [Жук, 2013; Кони́ков, 2014].

Территория памятника и, соответственно, его границы подверглись существенному антропогенному воздействию, поэтому занимаемая им площадь в самом приблизительном исчислении – несколько десятков гектаров. Его коллекции, хранящиеся в Омском государственном историко-краеведческом музее и в Музее археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета, насчитывают свыше 50 тысяч артефактов; несколько их десятков находятся в Государственном Историческом музее (Москва). Помимо вещей в состав собрания входят антропологические, зоологические, в том числе, и ихтиологические, материалы [Bagashev, 1994]. Исходя из их состава, а также из результатов раскопок можно предполагать, что в разные эпохи в границах комплекса существовали/сосуществовали стоянки, поселения, городища, грунтовой/ые и, возможно, курганные могильники. Материалы раскопок последних лет и музейные коллекции позволяют выделить объекты, датируемые в хронологическом порядке от эпохи мезолита до развитого средневековья включительно. Кроме того, для неолитического могильника «Омская стоянка II» и костяного панциря из культурного слоя имеются калиброванные даты по C-14. В коллекциях отложились находки екатерининской культуры позднего неолита-энеолита, а также культур одиновской, петровской, кротовской, памятников пахомовского типа, федоровской, алакульской и сузгунской бронзового века, саргатской и кулайской общностей раннего железного века, потчевашской и усть-ишимской культур раннего и развитого средневековья [Чернецов, 1947; Матющенко, 1966; Кони́ков, 2014].

Уникальность комплекса и его значение как объекта историко-культурного наследия народов РФ было осознано руководством ОмПО «Радиозавод им. А.С. Попова» и Межгосударственной корпорацией развития. В 2009 г. ими было взято охранное обязательство, разработана и реализована программа мероприятий, включавшая поддержку полевых исследований, в ходе которых изучены культурные слои *in situ* общей площадью 1049 кв. м, уточнены границы комплекса, получен представительный материал как по известным, так и прежде не известным в низовьях Оми культурам, а также открыты многие тысячи артефактов, в том числе редкие, как практически полный комплект костяного пластинчатого доспеха петровской культуры.

Важной вехой на пути осмысления материалов комплекса стало проведение в Омске Международной научно-практической конференции, приуроченной к 95-летию со времени

его открытия. В работе конференции приняли участие археологи, этнографы, культурологи, искусствоведы Кыргызстана, Казахстана, Мексики, Монголии, России, Японии. Изданы ее материалы [Творчество в археологическом и этнографическом измерении, 2013]. В рамках той же программы были осуществлены мероприятия по сохранению самого объекта, в частности, в научном паспорте отмечены его новые границы, находки, включая и органику, подвергнуты профессиональной обработке и музеефикации. Множество предметов, включая и упомянутый панцирь, после научной реставрации готовы для размещения в музейной экспозиции; сформированы реальные предпосылки для издания каталога находок с «Омской стоянки».

На базе комплекса работала Международная полевая молодежная археологическая школа, в которой участвовали молодые ученые, аспиранты и студенты из разных городов России и республики Казахстан (2013 г.). Ее основная задача сводилась к ознакомлению с современными методами исследования памятников, расположенных в городской черте, с методикой консервации объектов и артефактов, овладение эффективными приемами использования археологического материала в просветительских целях.

Систематически велась популяризация археологического объекта. Особую интенсивность она приобрела в связи с подготовкой к 300-летию Омска (2016 г.). В 2013 г. была издана массовым тиражом рекламная продукция, включавшая многокрасочные буклеты, баннеры, наборы открыток, книжные закладки с логотипом памятника «Омская стоянка». Тогда же издан альбом цветных репродукций сотен артефактов [Омская стоянка..., 2013]. С 2014 г. на «Омской стоянке» ежегодно проводятся организованные экскурсии для омичей и гостей города (примерно 30–40 в течение летне-осеннего периода). Изданы научно-популярные очерки, в которых раскрыта история изучения «стоянки» и основные этапы ее древней и средневековой истории [Конигов, 2014]. В 2016 г. увидела свет археологическая энциклопедия, значительное число страниц которой отведено характеристике самой «Омской стоянки», истории ее изучения, а также наиболее примечательным ее экспонатам [Археология Омска, 2016].

Таким образом, активизация работы по умножению примеров частно-государственного партнерства – залог позитивных сдвигов и в сфере сохранения археологического наследия народов РФ.

Библиографический список

- Археология Омска : иллюстрированная энциклопедия. – Омск, 2016.
- Жук А.В. Омская стоянка: открытие, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск, 2013.
- Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск, 2007.
- Конигов Б.А. Археологический комплекс «Омская стоянка»: в поисках тысячелетий : научно-популярные очерки. – Омск, 2014.
- Матющенко В.И. Омская стоянка // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск, 1966.
- Омская стоянка. 95 лет в поисках тысячелетий. Презентация коллекции. – Омск, 2013.
- Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Омск, 1960.
- Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск, 2013.
- Чагаева А.С. О хронологии памятников Чувашского Мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970.
- Чернецов В.Н. Результаты археологической разведки в Омской области // КСИИМК АН СССР. – Вып. XVII. – 1947.
- Bagashev A.N. On the Problem Anthropology of West Siberian Population during the Neolithic period. Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1994.

М.В. Коноваленко¹, Ю.В. Балужева¹, Ю.Б. Сериков²

¹ООО НПО «Северная археология-1», Нефтеюганск;

²Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА р. БОЛЬШОЙ САЛЫМ

Археологический комплекс Большой Салым находится на правобережье среднего течения р. Большой Салым (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, в 128 км на юго-запад от г. Нефтеюганска, в 6 км к востоку от пос. Салым). Он включает мезолитическое поселение, энеолитический могильник и группу ям-ловушек раннего железного века и средневековья.

На памятнике исследовано шесть энеолитических погребений. Пять погребений одиночные, одно из них принадлежало ребенку в возрасте около 3 лет, остальные – взрослым. Одно погребение коллективное, в нем обнаружены фрагменты скелета взрослого мужчины, взрослой женщины и ребенка в возрасте 2–4 лет. Могильные ямы на дневной поверхности не прослеживались, фиксировались в виде вытянутых аморфных пятен подзола на верхних уровнях и охристых линз подпрямоугольной формы на нижних горизонтах. Размеры ям – от 1,2 × 0,4 м до 2 × 0,9 м, глубина – от 0,6 до 0,75 м от уровня современной поверхности. В погребениях 1–5 захоронение умерших производилось по обряду кремации на стороне, в погребении 6 – по обряду ингумации. Кремированные останки помещались в яму и обильно засыпались охрой.

Судя по погребальному инвентарю, центральным захоронением являлось погребение 2. Большой интерес представляет обломок наконечника копья, который был разрушен намеренным ударом по центральной части изделия. Общая длина орудия была порядка 20 см. По размерам и технике изготовления оно относится к предметам престижных технологий, что подчеркивает высокий социальный статус его владельца.

Также в погребении находилось скопление из 9 каменных наконечников стрел. Среди них преобладают листовидные наконечники и наконечники с рыбковидным насадом (7 экз.). Единичным экземпляром представлен наконечник стрелы треугольной формы с глубокой выемкой в основании. Все наконечники выполнены из серо-зеленоватой кремнистой породы. По всей видимости, они изготовлены специально для погребения. Еще один наконечник можно отнести к вотивным. Он изготовлен из молочного кварца и имеет длину всего 2,4 см.

Необычным в погребальном инвентаре являются 8 фрагментов мелкозернистой породы со следами пришлифовки. Все фрагменты склеились в один кусок длиной до 11,2 см, который использовался в качестве абразива.

Уникальной находкой является глиняная фигурка хищного зверька – соболя или куницы. Она склеена из двух фрагментов, хвост отломан. Длина сохранившейся части – 5 см. Зверек изображен с выгнутой спиной, удлинённой мордой, короткими ушками и намеченными лапками. На брюшке фигурки под передней лапкой высверлено углубление диаметром 0,125 см и глубиной около 0,2 см. Под задними лапками присутствуют два углубления диаметром 0,135 см и 0,2 см. Возможно, фигурка крепилась на какую-то подставку, хотя принцип крепления остается непонятен.

Следует упомянуть о нахождении в могиле двух уплощенных кварцевых галек белого цвета. В могилу они положены явно намеренно. Находки галек белого цвета известны и других могильниках (Остров-2, Фофаново, Острог-2, Мирный) [Лбова и др., 2008, с. 157].

В трех погребениях находились рубящие шлифованные орудия (погр. 1 – обломок топора; погр. 4 – тесло; погр. 5 – топор). Еще в одном погребении найден абразивный брусок (погр. 4).

Значимой находкой является подвеска высотой 1,5 см округлой формы из зернистой красно-коричневой породы (погр. 3). С двух сторон подвески прорезаны слабовыраженные зубчики – три и шесть.

Каменные шлифованные подвески каплевидной или овальной формы красно-коричневого цвета часто встречаются именно в энеолитических погребениях Западной Сибири и Урала. Подвески из сланца красного цвета найдены на Урале в одиночных энеолитических погребениях: Аятском (52 экз.) [Берс, 1976, с. 198], Шайтанском (13 экз.) [Сериков, 2013, с. 24–31], Усть-Вагильском (33 экз.) [Панина, 2014, с. 330–332], а также в могильниках Тюменского Притоболья: Большом Андреевском острове (455 экз.) [Зах и др., 1991, с. 34–37], Чепкуль-21 (1 экз.), Старые Покачи-5.1 (3 экз.) [Носкова, Карачаров, 2008, с. 151, 160]. На Бузане-3 в пяти погребениях и одной яме найдено 505 подвесок из сланца красных оттенков. Гораздо реже встречаются подвески с зубчиками. 30 подвесок с зубчиками найдено в Аятском погребении, 2 – в Шайтанском и 1 – в Старые Покачи-5.1, а также на площади могильника на Большом Андреевском острове (2) и в Усть-Вагильском холме (4).

Керамика зафиксирована в пяти погребениях (№1–5), найдены фрагменты от 12 сосудов. Они представлены слабозакрытыми баночными формами, с округлым дном, единично – с уплощенным и приостренным. Композиции орнаментов монотонные: вертикальные зигзаги из разнонаклонных оттисков гладкого и гребенчатого штампов; волнистые линии, выполненные прочерчиванием заостренной палочкой; наколы, образующие горизонтальные ряды. С погребением 3 связано наибольшее число сосудов (шесть). На верхнем ярусе захоронения обнаружено компактное скопление развалов четырех сосудов, вероятно, поставленных один в другой, и фрагменты миниатюрного сосуда. На нижнем ярусе среди кремированных останков обнаружен целый сосуд, орнаментированный в нижней трети концентрическими линиями, выполненными наколами и прочерчиванием. Три сосуда найдены в погребении 5: толстостенный сосуд с сетчатым орнаментом, фрагмент орнаментированного днища, фрагменты сосуда, орнаментированного по всей поверхности волнистыми прочерченными линиями. В погребении 4 находился миниатюрный сосуд без орнамента с приостренным дном. В погребении 1 выявлен только один фрагмент венчика сосуда, орнаментированный вертикальными рядами наколов. С погребением 2 соотносится сосуд, декорированный вертикальными линиями, выполненными оттисками очень тонкого гребенчатого штампа.

Керамический комплекс могильника находит аналогии в материалах энеолитических могильников Западной Сибири: Барсовский-II, Старые Покачи-5.1, Самусьский [Челякин, 2008; Носкова, Карачаров, 2008; Косарев, 1974].

Орнаментированная керамика и особенности комплекса каменных изделий позволяют отнести новый могильник к эпохе энеолита.

Библиографический список

- Берс Е.М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. – 1976. – №4.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М., 1974.
- Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск, 2008.
- Носкова Л.В., Карачаров К.Г. Энеолитический могильник Старые Покачи-5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург ; Сургут, 2008.
- Панина С.Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.
- Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил, 2013.
- Челякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут ; Омск, 2008.

М.В. Константинов
Забайкальский государственный университет, Чита
ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ТЕРРАСОВОГО РЯДА
БАССЕЙНА РЕКИ СЕЛЕНГИ

В долине Селенги нижние террасы (за небольшим исключением) не сохранились. Зато на ее притоках и субпритоках – Хилке, Чикое и Мензе – представлены участки с комплексами террас, позволившее понять их взаимоотношение между собой. Этому весьма способствовали раскопки древних поселений с постановкой обширных раскопов (от 200 до 1000 кв. м на одном памятнике), соединяющихся на стыках террас и разрезающих их отложения до галечника или цоколя. Глубина раскопов варьирует в пределах от 4 до 14 м. Террасовый ряд выстраивается нами от реки, но описание лучше произвести сверху вниз.

IV терраса высотой 20–25 м представлена на Усть-Мензе-5. Она имеет галечник казанцевского межледниковья, перекрытого 6-метровой пачкой муруктинского аллювия, содержащего на восьми уровнях кости мамонта и носорога и артефакты среднего палеолита. Кровлей служит тонкий слой супеси с включением щебня и с выразительной серией каменных изделий конца среднего палеолита (около 55 тыс. л.н.). Выше по разрезу наблюдается сильно растащенная и обесцвеченная каргинская почва и сартанские отложения, содержащие артефакты. На поселении Коврижка артефакты найдены в основании песчаного аллювия, прямо на цоколе IV террасы. Им около 100 тыс. лет. На Приисковой культурный слой связан со средним (малохетским) отделом карги, перекрывающим аллювий той же террасы (более 40 тыс. л.н.). В Куналее, в условиях впадины, IV терраса снижена по высоте до 7–10 м. Основной культуросодержащий слой мощностью 0,7 м связан с верхним отделом карги (30–25 тыс. л.н.), солифлюцированным в раннем сартане. Относится к начальной стадии верхнего палеолита.

К IV террасе прислонена III терраса высотой 14–16 м (в сужениях). Для неё характерна высокая позиция галечника и маломощность песчаного аллювия. Они совокупно относятся к ранне-среднекаргинскому времени. В основании делювиальных отложений отмечаются палеопочвенные прослойки (от 4 до 6) поздней карги. Они выявлены на поселениях Усть-Менза-13 и 16, Читкан (слои 3–7), Мельничное, Фомичёво.

К III террасе прислонена II терраса высотой 8–10 м с галечником поздней карги, приподнятом над меженными уровнями рек на 2–3 м. Непосредственно на галечной поверхности в основании II террасы на Студёном-2 расчищены три жилища с внешними каменными обкладками (20 тыс. л.н.). На этом же памятнике, а также на Усть-Мензе-2, 3 и 4 выявлены культурные горизонты верхнего палеолита, также связанные с аллювием II террасы. Так, в аллювии поселения Усть-Менза-2 зафиксированы 30 культурных слоев. Кровлей аллювия является позднекартинский педокомплекс из двух палеопочвенных и одной осветленной прослойки. Каждая из прослоек (мощностью по 5–7 см) содержит культурные горизонты в пределах 12,8–10,8 тыс. л.н. С тыловой частью II террасы связано Ошурково. В покровных отложениях выявлены горизонты раннего (норильское время – 10,8–10,3 тыс. л.н.) и среднего (бореал с двумя палеопочвенными прослойками – 10,3–8 тыс. л.н.) мезолита. Бореальные прослойки с находками представлены на Студёном-2 и на Усть-Мензе-7.

Во время позднекартинских интерстадиалов, в связи с увеличением водности рек, произошел врез и формирование уступа II террасы, но силы и длительности действия речных потоков оказалось недостаточно для разрушения поверхности плотных позднекартинских галечников. При этом образовались бечевники, на которых строились жилища первыми обитателями поселений Усть-Менза-1 и Студёное-1. Это происходило в весьма длительный период – от 27,0 до 12,8 тыс. л.н. В последующее время (до 10,3 тыс. л.н.) аккумуляровались аллювиальные ритмично слоистые отложения I террасы, содержащие горизонты поздних фаз

палеолита и раннего мезолита. Совершенно очевидно, что пойменный аллювий I террасы использовал в качестве базы галечник II террасы. Из этого следует, что I терраса вложена в тело II террасы.

Установлено, что в бореале происходил частичный размыв поверхности (особенно существенный на поселении Алтан), приведший к уничтожению отложений, которые могли содержать потенциальные горизонты мезолита. В разрезах отложений I террасы в связи с этим фиксируется перерыв в осадконакоплении. Бореальное потепление завершилось врезом на 4–5 м и оформлением уступа террасы. Однако глубины вреза оказалось недостаточно, и в атлантическом оптимуме с его повышенной водностью возобновилось накопление отложений I террасы. Оно приметно серией весьма чёрных палеопочвенных прослоек, относящихся к атлантическому оптимуму (8–4 тыс. л.н.). Они обозначают культурные слои позднего мезолита (8–7 тыс. л.н.) и неолита (7–3,8 тыс. л.н.). Последние затопления поверхностей I террас (высотой 6 м) происходило в катастрофические паводки в суббореале и даже (в некоторых местах) в субатлантике.

В бореальное время началось формирование высокой поймы, продолжающееся в атлантике. Высота высокой поймы (в связи с незначительностью вреза в бореальное время) лишь немного, примерно на 1,0–1,5 м, уступает высоте I террасы. Разрез отложений высокой поймы размечен серией тонких черных палеопочвенных прослоек. На поселениях Усть-Буркал и во фронтальных фациях Студёного-1 и Усть-Мензы-1 в указанных прослойках обнаружены находки позднего мезолита, неолита и бронзы.

Средняя пойма (высотой 2–3 м) формировалась в суббореальное время (4–2,8 тыс. л.н.). Низкая пойма (высотой 1–2 м) – в субатлантическое время (от 2,8 тыс. л.н. до настоящего времени). В отложениях средней и низкой поймы, часто затапливаемых и насыщенных органикой, археологического материала не обнаружено.

В покровных отложениях (дерново-почвенный и подпочвенный каштановый слой) высокой поймы и I–II террас на всех памятниках заключены горизонты ранней и поздней бронзы. В тех же отложениях III и IV террас в силу маломощности голоценовых отложений могут содержаться и более древние культурные проявления.

Важными геохронологическими реперами являются морозобойные клинья, отмеченные в отложениях сартана на уровнях 20 тыс. л.н. (тонкие, многочисленные) и 10,8 тыс. л.н. (крупные, редкие), а также начала суббореала (едва заметные, волосяные) (4 тыс. л.н.).

Особо отметим, что предприняты усилия по изучению террасовых уровней с отметками 32 и 40 м. Изучаются поселения Усть-Менза-6 (Груздёвая) и Усть-Менза-15 (Кедровая), при этом в нижних отделах карги оказались весьма архаичные артефакты, существенно превышающие геологический возраст несущего слоя. Отсюда понятно, что эти артефакты переотложены с более высоких уровней (не менее 60 м), что подсказывает ориентиры для поиска памятников ашельского времени. При этом открываются перспективы для определения стратотипа высоких террас, а вместе с тем для понимания общего устройства верхней части террасового ряда [Константинов и др., 2014; Рыжов и др., 2015; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016].

Библиографический список

Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы. – Чита, 2016.

Константинов М.В., Рыжов Ю.В., Верещагин С.Б., Викулова Н.О., Филатов Е.А. Новые данные по палеолиту Усть-Мензы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Ч. 1. – Кызыл, 2014.

Рыжов Ю.В., Кобылкин Д.В., Голубцов В.А., Константинов М.В., Викулова Н.О. Этапы формирования отложений покровного комплекса высоких террас реки Чикой (Усть-Мензинский геоархеологический район) в позднем плейстоцене и голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Вып. 4. – Иркутск, 2015.

Н.А. Константинов
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ИЗ КУРАЙСКОЙ КОТЛОВИНЫ (АЛТАЙ)

Работа подготовлена в рамках президентского гранта МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье»

Археологические памятники Курайской котловины впервые были обследованы в последней четверти XIX в. Однако наиболее широкомасштабные работы были проведены здесь в 1935 г. отрядом Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГИМ под руководством С.В. Киселева. Тогда были произведены раскопки на девяти могильниках. Также практически вся территория котловины была обследована в ходе разведочных работ. Обилие разнообразных памятников, зафиксированных на территории Курайской котловины, послужило поводом для объявления этой территории археологическим заказником. Значительная часть археологического материала, обнаруженная в ходе исследований тех лет и в последующие годы, относилась к раннему средневековью.

Новые материалы по этому периоду были получены в ходе полевых работ археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета в Кош-Агачском районе Республики Алтай. В 2016 г. произведены аварийные раскопки на могильнике Курайка-2. Памятник расположен в северной части Курайской котловины, на левом берегу реки Курайка, в 2 км к северо-востоку от села Курай. На могильнике раскопаны три аварийных объекта, два из них относятся к раннесредневековому периоду. Оба объекта (курган и оградка) располагались рядом, по линии С–Ю, на расстоянии чуть больше метра и при исследовании были включены в один раскоп. Необходимость аварийных раскопок была вызвана размывом края террасы с могильником рекой.

Курган 1 представлял собой погребение человека с лошадью, совершенное в яме на глубине 0,8 м. Над могилой сооружена округлая каменная насыпь диаметром 6 м. Человек был уложен на спину в северной половине ямы, головой на северо-восток. Лошадь имела противоположную ориентацию. Сопроводительный инвентарь представлен предметами снаряжения верхового коня (железные удила с псалиями, железные пластинчатые стремена, костяные подпружные пряжки, бронзовый сбруйный набор и др.) и деталями головного убора погребенного человека (бронзовая серьга, фрагменты ткани). По инвентарю погребение может датироваться IX в.

Оградка 2, расположенная с южной стороны кургана 1, имела квадратную форму и была сложена из крупных каменных блоков. Западная стенка оградки уже обрушилась в реку. При выборке внутреннего заполнения оградки в юго-западной части у края обрыва зачищены железные удила. У восточной стены установлена стела, в центре оградки зачищена яма, заполненная камнем. На дне ямы обнаружено железное восьмерковидное кольцо. Объект также датируется тюркским временем, в пределах 2-й половины I тыс. н.э., из-за отсутствия датирующих находок установление более точной хронологической принадлежности объекта затруднено.

Таким образом, в ходе аварийных работ были получены важные материалы по археологии Алтая эпохи раннего средневековья. Особый интерес представляет исследованная поминальная оградка, имевшая довольно оригинальную конструкцию. К сожалению, найденные при раскопках оградки предметы не позволяют установить узкую датировку объекта. Наличие конструктивных отличий объекта от «классических» тюркских оградок позволяет предположить его позднюю дату относительно основного массива тюркских поминальных оградок Алтая. Возможно, применение радиоуглеродного метода датирования костей, найденных при исследовании объектов, позволит установить их более точную дату. Это, в свою очередь, помогло бы объяснить планиграфическую связь между погребением и оградкой.

Т.А. Константинова, М.В. Константинов
Государственный архив Забайкальского края, Чита;
Забайкальский государственный университет, Чита
ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ И ЛИТЕРАТОРЫ О ДРЕВНОСТЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Инженеры и служащие Нерчинского горного округа (НГО), принадлежавшего Кабинету Его Императорского Величества (КЕИВ) и занимавшего в XIX в. значительную часть территории современного Забайкальского края, обращали внимание на исторические раритеты. Они обнаруживались в процессе разведок и горных разработок, о них сообщало местное население и служащие. Наиболее значимой находкой стал Чингисов камень. Как установлено по документам ГАЗК, этот камень был найден в 1802 г. неподалеку от Хирхирина городского городища и тогда же доставлен в Нерчинский завод [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 861. С. 1047–1049]. Примерно в то же время на развалинах Кондуйского городка были замечены несколько каменных истуканов – драконов, также перемещенных в центр округа [там же, с. 999]. Об этих находках стало известно Г.И. Спасскому, горному инженеру, работавшему в Сибири в 1803–1817 гг. и по своей инициативе занимавшемуся научными изысканиями в области археологии и этнографии. С 1818 г. он стал издавать в Петербурге общественный журнал «Сибирский вестник». В первых номерах журнала им опубликован обстоятельный очерк «Древности Сибири» [Спасский, 1818, 1819]. В разделе «Памятники древности в Сибири северной и восточной» автор подробно описывал расположенный в Приаргунье земляной вал с сопровождающими его городищами, известный в дальнейшем как «вал Чингис-хана», а на самом деле обозначающий северную границу государства киданей. Затем автор перешел к Хирхире с упоминанием гранитного камня с восточными надписями, на котором читается имя Чингис-хана, и, далее, – к Кондую, где сохранились остатки обширного здания с 30 круглыми гранитными камнями и таким же числом каменных драконов. Указывалось, что камни из Кондую использованы жителями соседнего села для строительства собственных домов и церкви. Упоминалось, что один из драконов, равно как и камень с надписью, доставлен в Нерчинский завод. Кроме того, Спасский сообщил, что на Шилке, Чикое, Аге и Джиде найдены многие курганы и чудские копи. Заключительный раздел очерка посвящен подробной характеристике чудских копей как древних выработок с плавильными горнами, каменными молотками и даже человеческими останками. Отмечалось, что в местности Култук первые находки известны еще с 1722–1726 гг. и среди них особо важными были медные гири с надписями на неизвестной, но не китайской письменности. Очерк сопровождался таблицами, в том числе чертежами развалин на Хирхире и в Кондую и рисунками Чингисова камня, а также драконов и прочих достопримечательностей из Кондую. Отдельная таблица посвящена древним чудским горным орудиям. Изображения сопровождалась подписями на русском и английском языках. В 1821 г. Г.И. Спасский опубликовал в форме прибавления к «Сибирским древностям» сочинение сибирского литератора П.А. Словцова «О забайкальских достопримечательностях», перепечатанное из Казанского вестника (1821, №5). Словцов сообщает, что его снабдил подробной запиской А.В. Игумнов, знаток монгольского языка и восточной культуры, служивший в Кяхте, Нерчинске, Верхнеудинске, Иркутске [Иванов, 2011]. Заметим, что данными Игумнова пользовался и сам Спасский. Свой очерк Словцов начинает с описания городища у Городищенской слободы в верховьях Шилки, в 55 верстах к востоку от Нерчинска. Однако из его текста с определенностью вытекает, что путешественник встретил на пути не городище, а крупный плиточный могильник, который, кстати, в 1735 г. изучался со вскрытием 15 погребений Г.Ф. Миллером и студентом А. Горлановым [Константинов, Константинова, 2011]. Такие же мнимые городища, но явные могильники упоминаются Словцовым с указанием на их расположение на Джиде, Чикое и Уде. Достаточно точно зафиксированные параметры и формы сооружений позволяют определенно утверждать, что Словцов сообщал не только о плиточных могилах, но и о керексурах, ныне известных в тех же местностях. Кроме того, Словцов упоминал следы

старинного земледелия, связывая его с кергетами, соотносимыми им с киргизами. Особо ценным является его соображение о том, что в Забайкальском крае русскими промышленниками под видом прииска руд разрывались могилы, из которых извлекались человеческие кости, а также седла, кованные или насеченные золотом и серебром, и прочая конская сбруя [Словцов, 1821]. Спасский сопроводил это сочинение примечаниями, упомянув Кондуйские развалины. В 1822 г. он же опубликовал сведения о сибирских древностях на латинском языке, сопроводив его Приложением с таблицами [Спасский, 1822]. Благодаря этой публикации европейские ученые узнали о Хирхире и Кондуге. Отдельный альбом с 34 таблицами Спасского выявлен нами в коллекции Десницкого Отдела редкой книги Государственной публичной библиотеки. Издательских выходных сведений альбом не имеет.

Сочинения Спасского и Словцова подвигли канцлера Российской империи графа Н.П. Румянцева к идее организации под контролем сибирского начальства поисков и сбора древностей. Согласно документам, распоряжение по этой части весьма тщательно исполнялось руководством НГО. Вслед за этим последовало прямое указание из КЕИВ о доставке Чингисова камня в столицу, что было исполнено в 1832 г. [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 861. С. 987, 1030]. Г.И. Спасский опубликовал обстоятельную статью о сибирских древностях в записках Географического общества за 1857 г. В статье сообщалось, что «Гранитный камень с именем Чингис-хана в 2 аршина 13 вершков длины, 14 $\frac{3}{4}$ вершков ширины и 5 вершков толщины, доставлен был в С.-Петербург из Нерчинска в 1832 г., вследствие записки моей, представленной в 1829 г. покойному светлейшему князю П.М. Волконскому, бывшему в то время моим начальником по Кабинету Е.И.В. До Екатеринбурга достиг этот камень при казенных караванах нерчинском и колыванском, а далее следовал, с разными тяжестями, водяным путем...» [Спасский, 1857, с. 159]. Ныне Чингисов камень представлен в Эрмитаже как яркий памятник, отражающий историю средневековой Монголии эпохи Чингисидов.

П.А. Словцов [1886] включил сведения о забайкальских древностях в «Историческое обозрение Сибири», впервые изданное в двух томах в 1838, 1844 гг. и переизданное (после кончины автора, последовавшей в 1843 г.) в 1886 г. Новейшее издание этого труда вышло под названием «История Сибири. От Ермака до Екатерины II» [Словцов, 2012]. Благодаря обобщающим изданиям Г.И. Спасского и П.А. Словцова известия о забайкальских древностях напрямую были представлены новому поколению исследователей, яркими представителями которого стали П.А. Кропоткин, И.С. Поляков, И.Д. Черский, А.К. Кузнецов и др.

Библиографический список

ГАЗК. Ф. 31. Нерчинское горное правление.

Иванов А.И. Игумнов Александр Васильевич // Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование : в 2 ч. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Ч. 1. – Новосибирск, 2010.

Константинов М.В., Константинова Т.А. Археологические исследования Г.Ф. Миллера в Забайкалье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. 1. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011.

Словцов П.А. О забайкальских достопримечательностях // Сибирский вестник. – СПб., 1821.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – 2-е изд. – СПб., 1886. – Кн. 1–2.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. – М. : Вече, 2012. – 512 с.

Спасский Г.И. Древности Сибири // Сибирский вестник. – СПб., 1818. – Ч. 1; 1818. – Ч. 2; 1818. – Ч. 3; 1819. – Ч. 3 (продолжение); – СПб., 1819. – Ч. 7.

Спасский Г.И. De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis – Petropoli, 1822. Г.И. Спасский. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей в сходстве некоторых из них с Великорусскими // Записки Императорского Русского Географического Общества. Книжка XII. – СПб., 1857.

С.Н. Корневский
Институт археологии РАН, Москва
ДРЕВНЕЙШИЕ КАТАКОМБЫ И СИМВОЛИКА ОРУДИЙ УДАРНОГО ДЕЙСТВИЯ
У ПЛЕМЕН НАЧАЛА МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА
ПОНТО-ПРЕДКАВКАЗСКИХ СТЕПЕЙ

Основными задачами настоящей публикации является рассмотрение темы о древнейших катакомбах и орудиях ударного действия в погребальном обряде племен понто-предкавказского энеолита V тыс. до н.э., а также исследование вопроса о погребениях в катакомбах с керамикой майкопско-новосвободненской общности (МНО) IV тыс. до н.э.

Ее первыми носителями были отдельные племена новоданиловской группы оставившие комплексы в грунтовых могильниках, а также племена протоямной культуры, начавшие сооружать первые курганы в эпоху энеолита [Корневский, Калмыков 2004; Корневский, 2004, 2012, 2016].

Всего в предлагаемой сводке фигурирует около 40 захоронений, совершенных в ямах, катакомбах и в подбоях, которые датируются началом медно-бронзового века на юге Восточной Европы и в Предкавказье. В ней приведены данные анализа костных останков, выполненные М.Б. Медниковой (Курсавский, курган №1, погребение 15), М.М. Герасимовой, Д.В. Пежемским, Л.Т. Яблонским [2007] (Айгурский могильник, курганы №2 и 22), Ипатовский (курган №2, погребение 195) [Корневский и др., 2007], Дж. Грешки, Н.Я. Березиной [Greshky, Berezina, 2012, с. 44–46] (Прогресс-2, Константиновский-6) [Березин, 2011; Корневский, Березин, 2017]. В остальных случаях мы используем определения по полу и возрасту, упоминающиеся в текстах публикаций.

В древнейших катакомбах возможно отметить погребения детей и подростков, только взрослых людей, погребения эскарнантов и особый случай захоронения в катакомбе.

В итоге делаются следующие выводы. Форма катакомбы эпохи энеолита в степной зоне Восточной Европы и в Предкавказье связана с традицией погребения женского и детского захоронения, которые были обусловлены некими культовыми и социальными причинами.

Погребения с орудиями ударного действия (оружием, каменными теслами) связаны главным образом с захоронениями взрослых мужчин в ямах. Каменные тесла не фиксируются в погребениях женщин, например, в погребении могильника Мухин-II [Беспалый Е.Н., Беспалый Г.Е., 2002].

Традиции погребения детей подразумевали включение в состав могильного инвентаря вещей как мужского, так и женского обряда захоронения. Скорей всего, в таких случаях можно полагать наследие статуса взрослых сородичей (например, захоронения могильника Джурджулешти) [Naheu, Kurciatov, 1993; Govedariča, 2004].

Форма катакомбного или подбойного захоронения и его культовое значение было воспринято племенами майкопско-новосвободненской общности и изредка фиксируется главным образом на территории их Кумо-Маньчской периферии [Корневский, Калмыков, 2004].

Естественно, возникает вопрос: Можно ли считать такие захоронения связанными с майкопско-новосвободненской общностью или с какой-то иной культурой? Для ответа на него рассмотрим общую ситуацию с погребениями, содержащими инвентарь майкопско-новосвободненской общности на территории ее Кумо-Маньчской периферии.

Хорошо известно, что здесь ранее были отмечены собственно майкопские погребения с положением костяка на бок скорчено и с майкопскими вещами [Шишлина, 2002; Корневский, 2004, с. 93–96]. Кроме того, встречаются захоронения в положении на спине скорчено с майкопскими сосудами, кинжалом, теслами из металла, украшениями, например, могильник Костырский-VIII (курган №3, погребения 4 и 9; курган №4, погребение 3) [Житников, Илюков, 2002, с. 17–27]. Их можно рассматривать, как погребения ямной культуры с майкопским инвентарем.

В других случаях известны погребения с костяками, лежащими в положении на боку скорчено и окрашенных красной краской с сосудами майкопской культуры, но погребенных

в могилах с нехарактерной формой могильного сооружения для МНО. Такие погребения мы определяем как майкопские комплексы, адаптированные к обрядам местного населения ямной культуры.

И, наконец, погребения с позицией костяка сидя и с майкопским инвентарем возможно воспринимать как ямно-майкопские захоронения, поскольку сидячее положение костяка является, прежде всего, особой культовой позой. Она может встречаться у племен разных культур [Кореневский, 2012].

Погребения в катакомбах или подбоях майкопско-новосвободненской общности были связаны с захоронениями, не включающими в состав заупокойного инвентаря оружия или инструментов. Символика военно-производственной элиты этой культуры [Кореневский, 2011] на них не распространялась. Лишь в двух захоронениях в катакомбах (33 и 34) в кургане №30 могильника у с. Комарово можно предполагать интерпретацию таких погребений как жертв, сопровождающих захоронение основного погребенного в кургане на галечной выкладке.

Библиографический список

Березин С.Я. Отчет о раскопках курганного могильника Прогресс-2 в Кировском районе Ставропольского края в 2010 году. – Ставрополь, 2011 // Архив ИА РАН Р-1.

Беспалый Е.Н. Беспалый Г.Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья // Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. – М., 2007. – (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII).

Житников В.Г., Илюков Л.С. Новые памятники и эпохи раннего металла на правом берегу Нижнего Дона // Донская археология. – №1, 2. – Ростов-на-Дону, 2002.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (проблемы внутренней типологии майкопско-новосвободненской общности). – М., 2004.

Кореневский С.Н. Рождение кургана. Таус. – М., 2012.

Кореневский С.Н. Проблемные ситуации «пост-убейдского периода» в Предкавказье (4500–3500 гг. до н.э.) // *Stratum Plus*. – Кишинев, 2016.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А. Древнейшие подбои и катакомбы Предкавказья // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). – М., 2004.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. – М., 2007.

Кореневский С.Н., Березин Я.Б. Энеолитические погребения кургана 6 могильника Константиновский-6 // *Stratum Plus*. – №2. – Кишинев, 2017.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча. – Элиста, 1987.

Шишлина Н.И. Майкопские погребения Южных Ергеней // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2002.

Яковлев А.В., Самойленко В.Г. Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополья // КСИА. – 2003. – Вып. 214.

Яковлев А.В. Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 3 на территории Апанасенковского района Ставропольского края в 2001 году // Архив ИА РАН. 2004, Р-1.

Govedariča V. Zepferträger – herrscher der Steppen. – Vunz am Rhein, 2004.

Haheu Vasile, Kurciatov Sergei. Cimitrul plan eneolitic de linga satul Girrgilesti // *Revista Archeologica*. – №1. – Chisinau, 1993.

Greshky J., Berezina N.Ya. Two cases of trepanation in Eneolithic burials from Progress 2 and Vonuchka 1 // Новейшие открытия в Археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала, 2012.

Т.В. Корниенко
Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж
ПИЩЕВЫЕ РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ
НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА К НЕОЛИТУ

Северная Месопотамия, являясь центральной частью Плодородного полумесяца, включает в себя три из выделяемых локальных очагов становления производящего хозяйства. Злаки уже использовались 13000 лет назад в Северной Сирии, около 12000 лет назад – в Северном Ираке и 11500 лет назад – в Юго-Восточной Турции. В Южном Леванте наличие злаков засвидетельствовано материалами с возрастом 23000–14000 лет. Находки рубежа плейстоцена и голоцена не позволяют провести однозначное разграничение между собирательством и возделыванием злаков, но ряд косвенных свидетельств, а также трасологический анализ указывают на то, что сообщества периода Натуф уже имели определенное представление о растениеводстве [Коробкова, 1994; Willcox, 2013].

Время появления растений с признаками начала культивирования по материалам памятников Северной Сирии (Абу Хурейра, Халула, Мурейбит, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр, Джада) определяется близким с материалами Южного Леванта. Изменение частоты встречаемости в зависимости от уровня залегания обугленных остатков конкретных пищевых растений указывает на наличие долговременных и многовариантных экспериментальных попыток на начальной стадии возникновения земледелия. Именно в период докерамического неолита А процесс культивирования становится в данном регионе устоявшейся практикой, и основные сельскохозяйственные культуры, включая ячмень, полбу, двузернянку и бобовые, начинают активно использоваться на евфратских поселениях. В Юго-Восточной Турции признаки культивирования растений фиксируются на полтысячелетия позже, уже на этапе перехода к PPNB (свидетельства Невали Чори, Чайёню Тепеси, Кафер Хуюка и др.). На этапе PPNA, о чем говорят археоботанические коллекции Халлан Чеми, Демиркоу, Гёбекли Тепе, Кёртык Тепе, здесь, а также в Ираке – Немрик-9 и М'лефаат, свидетельства начала доместикации растений отсутствуют [Willcox et al., 2009]. Уверенных датировок начала доместикации с территории Северного Ирака пока нет. В целом памятники Леванта показывают временной приоритет в процессах перехода населения к оседлому образу жизни, распространении специализированной охоты и собирательства, хранения продуктовых запасов, первых попыток по доместикации зерновых.

Не менее важные изменения на рубеже эпипалеолита и раннего докерамического неолита происходят в социальном устройстве, сознании человека, его символической деятельности. Ж. Ковен [Cauvin, 1994] выделял принципиальные сдвиги в общественном сознании на территории Леванта в хиамский, переходный от натуфийской эпохи к этапу PPNA, период. Он полагал, что социальные системы, идеология и ритуальные практики изменились до, а не как следствие появления земледелия. В Восточной Анатолии, по мнению исследователя, неолитические культуры появляются в ходе вторичной, «экономической» неолитизации.

Интересно, что небывалый взлет символизма, выстраивание сложных общественных отношений у населения Юго-Восточной Анатолии приходится на период PPNA, когда там, в отличие от соседнего Леванта, где социально-идеологические изменения отмечены для более раннего этапа Хиам, доместикация каких-либо видов растений еще не была осуществлена, экономика только стояла на пороге перехода к земледелию. Таким образом, предполагается, что и в данном локальном варианте теория Ж. Ковена о преддверии кардинальных экономических изменений эпохи неолита «революцией символов» находит свое подтверждение. Одной из ярких предоставленных археологией иллюстраций этой теории являются современные исследования межплеменного культового комплекса

Гёбекли Тепе (PPNA и переходное PPNA/PPNB время). Анализ костей животных и оценка ботанического материала Гёбекли Тепе, так же как и ряда других памятников эппалеолита и PPNA эпох Юго-Восточной Турции и Северного Ирака, показали отсутствие в них признаков одомашнивания. Как возможное объяснение отсутствия здесь свидетельств начала культивации в отмеченный период, в отличие от синхронных материалов Леванта, назывался более прохладный и влажный климат в предгорных и горных районах Тавра по сравнению с Восточным Средиземноморьем; а также крайне благоприятная для присваивающего хозяйства экосреда, предоставлявшая богатый и разнообразный рацион питания, основанный на охоте, собирательстве, рыбной ловле [Willcox et al., 2009, p. 155–156]. В частности, соседство с многочисленными стадами горных газелей, джейранов, куланов и зубров, а также близость мест произрастания в изобилии диких видов употреблявшихся в пищу растений на склонах и у подножия потухшего вулкана Караджа Дага приводила к тому, что на этапе PPNA население Юго-Восточной Анатолии не испытывало необходимости прилагать усилия по осуществлению экспериментов с выращиванием растений и одомашниванием животных. По заключению К. Шмидта, скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине существования древнего межплеменного культового центра, как это показывают материалы Гёбекли Тепе и соседних памятников, в конкретном регионе могло привести к постепенному установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству [Шмидт, 2011, с. 237–251].

Полученными к настоящему времени данными экономический левантоцентризм Ж. Ковена не подтверждается. В частности, генетический анализ показал, что процесс домостикации одноостой пшеницы-однозернянки и пшеницы-двухзернянки осуществлялся непосредственно в окрестностях горы Караджа Даг, район Юго-Восточной Турции [Heun et al., 1997; Luo et al., 2007]. Однако циркуляцию идей культивации растений между различными очагами в зоне Плодородного полумесяца исключать нельзя. По этнографическим данным, во многих частях земного шара группы охотников и собирателей распространяли различные растения, хотя у них и были минимальные контакты с земледельцами. Сопоставление палеоклиматических, палеоботанических и палеозоологических данных конкретных северосирийских и юговостоанатолийских памятников со свидетельствами действовавших на тот момент на межплеменном уровне символических систем и роли пищевых ресурсов в ритуальных практиках того времени должно уточнить наше представление о распространении неолитического образа жизни в этих регионах.

Библиографический список

- Коробкова Г.Ф. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // Археологические вести. – 1994. – №3.
- Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. – СПб., 2011.
- Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. – Paris, 1994.
- Heun M., Schäfer-Pregl R., Klawan D., Castagna R., Accerbi M., Borghi B., Salamini F. Site of einkorn wheat domestication identified by DNA fingerprinting // Science. – 1997. – Vol. 278.
- Luo M.-C., Yang Z.-L., You F.M., Kawahara T., Waines J.G., Dvorak J. The structure of wild and domesticated emmer wheat populations, gene flow between them, and the site of emmer domestication // Theoretical and Applied Genetics. – 2007. – Vol. 114.
- Willcox G. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // Science. – 2013. – Vol. 341/6141.
- Willcox G., Buxo R., Herveux L. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria // The Holocene. – 2009. – Vol. 19/1.

И.Н. Коробейников
Томский государственный университет, Томск
НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Работа выполнена при поддержке
Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ

Заселение Севера Западной Сибири было длительным и сложным процессом. Освоение новых районов с суровым климатом потребовало значительного времени, исчисляемого несколькими тысячелетиями. Наибольший интерес исследователей вызывает процесс проникновения и адаптации человека в самые северные районы региона в древние эпохи.

Неравномерные темпы социально-экономического развития разных районов Сибири особенно выразились в переходное время от каменного века к эпохе металла [Косарев, 2009, с. 36], поскольку именно тогда в большей степени природно-климатические особенности отразились на культурно-хозяйственной специализации населения, что в конечном итоге и повлияло на расселение человека. В эпоху бронзы эта неравномерность становится особенно заметной.

Выделенная Е.А. Васильевым [2000, с. 28; 2011, с. 214] культура раннего бронзового века, получившая название «вары-хадыта» (по эпонимному памятнику), в конце III – начале II тыс. до н.э. занимала заполярные территории Нижнего Приобья и южной части полуострова Ямал. Рассмотрение основных характеристик данной археологической культуры способствует пониманию преемственности традиций местного населения в рассматриваемую эпоху и показывает уровень контактов культурных образований [Коробейников, 2016, с. 113–116].

Наряду с изделиями из камня и фрагментами керамической посуды и изделий на поселении Вары-Хадыта-II обнаружены металлический всплеск и бронзовая пластина (предположительно нож), что свидетельствует о наличии знаний металлообработки.

Найденные при раскопках поселений Вары-Хадыта-I, II останки северного оленя [Брусницына, 2001, с. 15; Васильев, 2011, с. 212] и рыболовные грузила прямо указывают на основные занятия носителей этой археологической культуры – охоту и сетевое рыболовство.

Наиболее ярко данную культуру характеризует керамическое производство, разнообразное как по формам изделий, так и по их декоративным особенностям.

Наравне с посудой стандартных форм (округлые устья, иногда с загнутым вовнутрь венчиком; вертикальные стенки, округлые или уплощенные днища) встречаются и нестандартные формы – ладьевидные емкости (14% от общего количества сосудов), генетически разделяющиеся на три типа: остроугольные, овальные и овально-подпрямоугольные (блюда). Подавляющее большинство зооморфных налестов находится на ладьевидных сосудах.

Декоративные особенности керамики вары-хадыта также разнообразны и представляют собой сочетание трех орнаментальных стилей (стиль сотового геометризма (зигзаги, прямоугольники и шестиугольники – соты), отступающе-накопчатый, фигурно-штамповый) [Васильев, 2011, с. 212–214], комбинирующихся между собой в различных сочетаниях, создавая тем самым неповторимое разнообразие композиций. Шагающая гребенка является универсальным элементом, поэтому в отдельный стиль не выделяется.

Каждому типу ладьевидных сосудов соответствует свой орнаментальный набор, практически не повторяющийся. Для овальных ладьевидных сосудов характерен стиль сотового геометризма; тип овально-подпрямоугольных ладьевидных сосудов украшен фигурно-арочным штампом с разграничением орнаментальных зон линиями, выполненными в накопчатой технике; на остроугольные сосуды нанесены многорядные зигзагообразные линии.

Каждый из выделенных орнаментальных стилей, в конечном итоге, определяет сложившуюся модель культурогенеза культуры вары-хадыта.

Стиль сотового геометризма генетически связан с аналогичными мотивами в сартыньинской керамике. Вероятно также, что именно носители сартыньинской культуры принесли сюда навыки обработки металла [Васильев, 2000, с. 28]. Свои истоки стиль сотового геометризма на Севере Западной Сибири берет свое начало еще в неолите [Васильев, 2016, с. 98–100].

Фигурно-штамповые узоры (в сочетании с шагающей гребенкой) восходят к местным традициям йоркутинского типа, локализовавшимся в энеолитическое время в низовьях Оби и на Южном Ямале [Королев, Хлобыстин, 1969, с. 79–83; Лашук, Хлобыстин, 1985, с. 44]. Специфический ячеистый штамп на поселении Вары-Хадыта-II встречается в очень небольшом количестве (менее 3%).

Истоки отступающе-наколычатого стиля, наносимого палочкой или лопаточкой, в настоящий момент установить невозможно, так как подобный орнамент был распространен в таежной полосе Западной Сибири едва ли не повсеместно.

Для эпохи раннего металла Севера Западной Сибири характерна «мозаичность» культурного пространства. В это время здесь существовало несколько культурных типов и археологических культур, среди которых одним из самых ярких образований является культура вары-хадыта, сформировавшаяся на основе уникального автохтонного и пришлого элементов; благодаря последнему местное население и познакомилось с навыками металлообработки.

Известные нам памятники, относящиеся к этой культуре, находятся как на левом, так и на правом берегах р. Оби в ее нижнем течении. Различные условия их местонахождения и сохранности можно объяснить предположением, что культурогенез данного региона, при наличии своеобразного социально-экономического уклада, несколько отличается от сопредельных территорий. Причиной этому, вероятно, могли быть периферийное положение и более низкая степень заселенности этих территорий. С другой стороны, эти предположения с равной долей вероятности можно обосновать степенью исследования региона, что побуждает нас надеяться на решение этой проблемы в будущем.

Библиографический список

Брусницына А.Г. Отчет о раскопках поселения Вары-Хадыта II в Ямальском районе Ямало-ненецкого автономного округа летом 2000 г. // Архив Ямало-ненецкого окружного музея им. И.С. Шемановского. – Ф. 1. – Д. 63.

Васильев Е.А. Поселение Вары-Хадыта-II и проблемы первобытной археологии Ямала // Материалы научно-исследовательской конференции по итогам полевых исследований 1999 года. – Вып. 3. – Салехард, 2000.

Васильев Е.А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011.

Васильев Е.А. Транскультурные традиции Северо-западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – №4 (42). DOI 10.17223/19988613/42/17

Коробейников И.Н. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла Нижнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – №4 (42). DOI 10.17223/19988613/42/20

Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА АН СССР. – Вып. 115. – 1969.

Косарев М.Ф. К вопросу о неравномерности исторического процесса (по Сибирским археолого-этнографическим материалам) // Проблемы археологии и истории Евразии. – Томск, 2009.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА АН СССР. – Вып. 185. – 1986.

Д.С. Коробов¹, А.В. Борисов², А.Н. Бабенко³

¹Институт археологии РАН, Москва;

²Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино;

³Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛЕДОВ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО СКОТОВОДСТВА В ОКРЕСТНОСТЯХ г. КИСЛОВОДСКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-06-02561

«Мультидисциплинарные исследования скотоводства Кисловодской котловины в эпоху Средневековья»)

В 2014–2016 гг. наш коллектив проводил мультидисциплинарное исследование следов занятия скотоводством древним и средневековым населением Кисловодской котловины. Археологические объекты, идентифицируемые как места содержания скота (каменные загоны и естественные скальные навесы), изучались в ходе полевых исследований в высокогорной и среднегорной зонах котловины на территории Карачаевского и Мало-карачаевского районов Карачаево-Черкесской Республики, а также Предгорного района Ставропольского края.

Полевым исследованиям предшествовала работа по дешифрированию аэрофотосъемки, в ходе которой было обнаружено и картографировано 1073 каменных загона для скота [Коробов, 2015]. Подобные объекты распространены в верхней части Кисловодской котловины, на высотах от 1500 до 2500 м. Эта территория, как нам известно из данных кавказской этнографии, активно использовалась карачаевцами в XIX – начале XX в. в качестве пастбищной [Шаманов, 1972, с. 72], и продолжает использоваться в качестве таковой и по сей день.

Исходя из этой информации, каменные структуры, напоминающие загоны для скота, были разделены на две примерно равные группы: современные (573 объекта), для которых характерна более ярко окрашенная растительность и правильные очертания ограды, и условно древние (500 объектов) с неправильными очертаниями и светлым окрасом внутренней поверхности.

С целью установления времени создания и функционирования каменных загонов, расположенных как в субальпийской зоне, так и в пределах Кисловодской котловины, были проведены полевые исследования. Они концентрировались в окрестностях пер. Гум-Баши и возле Гуд-Горы на абсолютной высоте около 2100–2200 м, а также в долинах р. Аликоновки, Березовой и Кич-Малки (абс. выс. от 900 до 1400 м). На территории загонов в виде каменных стенок проводилась топографическая съемка, шурфовка, устраивались почвенные разрезы, осуществлялась фотограмметрическая фиксация видимых на поверхности каменных сооружений, производившаяся с поверхности, а также с использованием низковысотной аэрофото- и видеосъемки.

В высокогорной зоне потенциального отгонного скотоводства в весенне-летний период детальные работы проводились нами на территории загонов Гум-Баши-1–4, а также Гуд-Гора-1–4. Здесь в процессе шурфовки и закладывания почвенных разрезов был обнаружен многочисленный керамический материал кобанской культуры, в верхнем слое заложенных шурфов внутри загона Гум-Баши-1 и зондажей внутри небольших каменных строений найдено большое количество углей и костей животных. Среди керамики, найденной в шурфе 1 на каменном загоне Гум-Баши-1, имеются фрагменты посуды эпохи раннего средневековья. Отобраны образцы угля на радиоуглеродный анализ.

Помимо работ на каменных загонах был сделан зондаж внутри обширного грота, находящегося у южных отрогов Скалистого хребта под г. Гум-Баши. В зондаже глубиной около 43 см были найдены многочисленные угольки и зерна культурных злаков, а также раннесредневековая керамика. Часть семян и пыльца некоторых злаков, без сомнения, была занесена из нижней части котловины в ходе перегона скота на горные пастбища. Выводы, полученные на основании трех анализов (археоботаническом, изотопном и пыльцевом) могут рассматриваться как подтверждение существования отгонного скотоводства у населения Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья.

Вторым ареалом, предположительно использовавшимся для отгонного скотоводства в осенне-зимний период, стала нижняя часть Кисловодской котловины. Детальные работы проводились на обширном каменном загоне №1 в балке Зубчихинская, где в заложенном внутри загона шурфе найдены многочисленные фрагменты посуды эпохи раннего средневековья, а также металлические предметы. На противоположной стороне мыса, занимаемого укреплением Зубчихинское-1 и поселением Зубчихинское-3, был обследован загон №2 в балке Беловодской, где была найдена керамика кобанской культуры.

Проводились также разведки в нижней части Кисловодской котловины в долине р. Кич-Малка, в непосредственной близости от одноименного укрепления. Здесь, в 0,6–1,3 км к юго-западу от укрепления, с помощью аэрофотосъемки было обнаружено три комплекса каменных оград для содержания скота. В шурфах, устроенных в их внутреннем пространстве, глубиной до 3 м, было обнаружено значительное количество керамических фрагментов аланской культуры эпохи раннего средневековья (V–VIII вв.) и костей животных, маркирующих время функционирования данных загонов. Они были устроены на пологих склонах, в погребенной почве которых прослеживаются следы жизнедеятельности населения кобанского и майкопского периодов.

Помимо каменных загонов, устроенных возле р. Кич-Малки, средневековым населением в качестве мест содержания скота использовались также скальные навесы и карнизы. В одном из подобных навесов был устроен почвенный разрез глубиной до 1,8 м. В разрезе прослежены отложения навоза, среди которых встречается раннесредневековая керамика, обнаружено значительное количество археоботанических макроостатков.

Во всех разрезах и зондажах, устроенных в загонах и скальных навесах, анализировались морфолого-генетические, химические и микробиологические свойства почв. Повсеместно наблюдается высокая активность фермента уреазы, что может рассматриваться как надежный индикатор долговременного присутствия скота внутри подобных сооружений [Чернышева, Борисов, Коробов, 2016, с. 68; Chernysheva et al., 2015]. Другим индикатором накопления навоза может служить присутствие значительного количества термофильных бактерий и грибов [Чернышева, Борисов, Коробов, 2016, с. 67–68]. Изучение этих показателей указывает на длительное накопление навоза в эпоху раннего средневековья – время основного периода функционирования изученных сооружений.

Таким образом, проведенные Кисловодской экспедицией комплексные исследования каменных загонов в окрестностях Кисловодска и в альпийской зоне Приэльбрусья позволяют надежно отнести возникновение подобных сооружений к позднему бронзовому – раннему железному веку и к раннему средневековью и выявить следы их переиспользования в новое и новейшее время. Сделанные нами предварительные наблюдения позволяют наметить сезонное использование аланским населением Кисловодской котловины мест содержания скота в субальпийской зоне в окрестностях Кисловодска, предположительно, в весенне-летний период, и в непосредственной близости от поселений во внутренних территориях котловины – в осенне-зимний. Мультидисциплинарные исследования сезонных каменных загонов и скальных навесов для содержания скота продолжаются и в настоящее время.

Библиографический список

Коробов Д.С. О скотоводстве у алан Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья // Археологическая наука: практика, теория, история : сборник научных трудов памяти И.С. Каменецкого. – М., 2015.

Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. – М., 2016.

Шаманов И.М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. – Вып. 5. – М., 1972.

Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V. Urease activity in culture layers at archaeological sites // Journal of Archaeological Science. – 2015. – Vol. 57. DOI 10.1016/j.jas.2015.01.022

А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков
*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Самара*
**ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ:
ИТОГИ РАБОТ 2013–2016 гг.**

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
(госзадание 33.1907.2017/ПЧ)

Могильник Екатериновский мыс занимает участок северного края пологого повышения в средней части мыса, ограниченного крутой излучиной р. Безенчук, левого притока Волги. Памятник был открыт в июне 2013 г., и проведенное вскоре обследование показало, что на этом месте располагается грунтовый могильник эпохи энеолита [Кочкина, 2015, с. 495–496]. Частично результаты раскопок опубликованы [Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 514–517]. Площадь раскопа 2013–2016 гг. составляет 224 кв. м, за этот период было изучено 79 погребений (в 2013 г. – 8 погребений, в 2014 г. – 27, в 2015 г. – 25, в 2016 г. – 19). Большая часть памятника раскопана, но сохраняются перспективы исследования восточного участка могильника.

Погребения располагались в основании слоя плотного коричневатого-серого суглинка, на материке или были незначительно углублены в материк. Контуры могильных ям за редким исключением не читаются. Признаков каких-либо надмогильных сооружений не выявлено. В планировке могильника заметен порядок, захоронения расположены рядами, вытянутыми в целом по оси запад-восток. Выделяются три ряда погребений, ориентированных преимущественно на ВСВ и ЗЮЗ, реже СВ и ЮВ, отмечены также ориентировки на С и В. Менее выражен четвертый ряд. В рядах выделяются компактно расположенные и одинаково сориентированные группы погребений. Одной из особенностей могильника является ярусное расположение погребенных с частичным или полным перекрытием верхними костяками нижних. Отмечено тройное ярусное наложение погребений 63, 64, 68. В могильнике представлены взрослые (мужские и женские) и детские погребения, антропологическое изучение которых осложняется плохой сохранностью большинства костяков. Однако по наиболее значимым погребениям такие определения выполнены. Погребенные, за редким исключением, лежали в вытянутом положении на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Нередко кисти рук располагались на тазовых костях, а ноги были сведены в области стоп. В качестве исключений можно отметить вытянутое положение костяка с завалом на бок и скорченное положение костяка на левом боку с руками, сложенными перед грудью. Ряд погребений, в том числе с инвентарем, представлен черепами. Особняком стоит погр. 79, которое представляло собой компактно сложенные кости от трех индивидов, обильно засыпанные красной охрой. Здесь же были обнаружены кости овцы.

В погребальном обряде широко применялась охра. Наиболее значимые по составу и количеству инвентаря погребения были окрашены более интенсивно. Среди погребений, занимающих крайнее положение, охра встречается реже и в меньшем количестве, часть погребений, как правило, без инвентаря, охры не содержала.

По наличию «престижных» предметов и количеству инвентаря в центральной части могильника выделяется группа неординарных погребений. Наиболее яркими отличительными признаками являются каменные навершия скипетров, зооморфные навершия жезлов из рога лося и другие индивидуальные предметы. Каменные скипетры выявлены в погр. 18, 40, 45, 46, 69, 71, 76, 79. Еще один расколотый на части круглый скипетр был найден вне погребения. В погр. 52а был найден фрагмент каменного скипетра, подправленный обивкой под фигурку животного. Жезлы из рога лося находились в погр. 17, 40, 45, 46, 76. В расположенных по соседству погр. 17 и 46 роговые жезлы были вырезаны в форме лосиных голов, а в погр. 40 и 45 – в виде голов птиц. В ряде погребений были получены единичные в материалах могильника предметы. Так, в погр. 52 на плечевой кости

располагалось каменное кольцо-браслет, в погр. 41 были найдены шлифованные кольца из трубчатых костей, а в погр. 74 в области живота лежали два плоских предмета из рога. Неординарный инвентарь сопровождал, как правило, мужские погребения, погр. 18 и 52а – детские, а в погр. 52 определен индивид в возрасте 15–18 лет. Костяки из значимых погребений сориентированы преимущественно в направлении ВЮВ. Выделяется погр. 45, в котором располагались 3 каменных скипетра, жезл из рога в виде головы длинноклювой птицы, скелет молодого козленка, кости ног других индивидуумов, разнообразный инвентарь.

Самой распространенной категорией находок являются бусы из речных раковин. Они происходят преимущественно из погребений центральной части могильника, где их количество достигает 255 (погр. 41) и 432 (погр. 45). Наряду с бусами из раковин встречаются каменные. Найдены также подвески из речных раковин с отверстием у края. Многочисленны пластины из клыка кабана, некоторые из них с отверстиями или прорезями, с орнаментом, небольшие прямоугольные пластинки «мариупольского» типа с поперечными нарезками, отверстиями, бабочковидной формы, резцы сурка. Инвентарь из рога и кости включает как крупные изделия, так и мелкие – пластинки из кости с отверстиями, выступами, костяные кольца, заостренное орудие, клиновидные изделия. Орудия из камня представлены теслами, крупными кремневыми и кварцевыми ножевидными пластинами. К числу распространенных изделий относятся шлифованные тесла, изготовленные из кремнистого известняка и каменной породы зеленого цвета. Их характеризуют крупные размеры длиной до 19 см, шлифованная поверхность, тщательно выведенное лезвие. Многие тесла были разбиты в ходе совершения обряда погребения и представлены обломками. Часто серией поперечных ударов разрушалось только лезвие. Такие действия связаны с обрядом порчи вещей. Тесла и ножевидные пластины присутствуют в составе инвентаря и в неординарных погребениях. Отметим, что в погребениях нередко находились фрагменты керамики, которые, видимо, попали туда вместе с грунтом. В центральной части могильника располагалась густо окрашенная охрой жертвенная площадка, с развалами воротничковых сосудов.

Детали обряда погребения и многие категории инвентаря сближают могильник Екатерининский мыс с могильниками у с. Съезжее [Васильев, Матвеева, 1979, с. 147–166], Мариупольским [Макаренко, 1933, с. 11–113], Никольским, Ясиноватским и другими могильниками Поднепровья [Телегин, 1988, с. 7–23]. Круглый скипетр, кольцо-браслет близки вещам Ивановского могильника [Моргунова, 1979, с. 16–18]. Каменные скипетры с боковыми выступами, кольцо-браслет, ножевидные пластины, бусы из раковин, присутствие скорченного погребения находят аналогии в хвалынских могильниках [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 106, рис. 10.-6; с. 120, рис. 24.-1, 3] и в погребении у с. Криволучье [Васильев, 1981, с. 106, табл. 21.-1–3].

Библиографический список

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов, 1990.
- Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев, 1981.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. – 1979. – №4.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Екатерининский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – №3 (2).
- Кочкина А.Ф. Разведочные работы в Самарской области // Археологические открытия 2010–2013 гг. – М., 2015.
- Макаренко М. Мариупольский могильник. – Київ, 1933.
- Моргунова Н.Л. Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. – Куйбышев, 1979.
- Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. – Киев, 1991.

Г.Г. Король¹, О.Б. Наумова², Э.А. Грешников³, Н.Н. Наумов⁴, Г.С. Пузакова¹

¹*Институт археологии РАН,*

²*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая,*

³*НИЦ «Курчатовский институт»,*

⁴*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва*

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ СНАБЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ УКРАШЕНИЯМИ АМУНИЦИИ ВСАДНИКА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-01-00306а)

Металлические изделия мелкой пластики – «визитная карточка» культур кочевых и полукочевых племен Центральной Азии в средневековье. Наиболее яркий комплекс изделий из цветного металла представлен материалами конца I – начала II тыс. из Саяно-Алтая. Актуальный вопрос о том, кто же снабжал всадников подобными изделиями, остается открытым. Этнографические данные о народах Центральной Азии весьма информативны для понимания проблем организации художественной металлообработки литых бронзовых изделий [Король, Наумова, 2015, 2017]. Модель средневековой системы организации производства и распространения предметов художественной металлообработки [Король, Конькова, 2007] в основных позициях не противоречит данным этнографии. Городские материалы конца I тыс. из Чуйской долины Тянь-Шаня (регион, который можно было бы предполагать источником поступления торовитки малых форм в Саяно-Алтай) лишь добавляют вопросы. К примеру, при сравнении саяно-алтайских и тянь-шанских подвесочных (рис.) видна разница как в качестве, так и в смысловой основе изображений.

По этнографическим данным, особое положение по распространению качественных ременных украшений в Центральной Азии занимают Забайкалье и Тува. Так как культовая пластика в ламаизме была связана с бронзой, то в этих районах в крупных дацанах (очагах оседлости и высокой художественной культуры на территории обитания кочевых народов) существовали мастерские, которые «представляли собой центры сложного высокохудожественного литья» [Павлинская, 1988, с. 73]. Такая же ситуация могла быть и в раннем средневековье. Например, на городище Ак-Бешим в Чуйской долине Тянь-Шаня находились монастыри буддийской и других религиозных общин, известны находки прекрасных образцов торовитки малых форм с культовыми композициями декора. Возможно, в буддийских монастырях были собственные мастерские.

Производство высокохудожественных (их мало) ременных украшений Саяно-Алтая, изготовленных из качественных стандартных сплавов, в том числе из сложных латуней, могло быть связано с традициями не только Средней Азии, Ирана, но и Северной Индии, для которых характерно производство сложных латуней. Литые индийские культовые статуэтки и другие предметы попадают, в частности, из Кашмира в Гималаях в VII–VIII вв. в Согд и другие регионы Средней Азии. В.И. Распопова отмечает, что технику литья по восковой модели с потерей формы и применением вставных сердечников, используемую при производстве таких изделий со сложными декорированными деталями, согдийцы вряд ли могли освоить по привозным предметам. Вероятно, они имели прямые контакты с владевшими этой техникой иноземными мастерами. Находка в Пенджикенте литейной формы V в., отражающей процесс производства с помощью такой технологии, «имеет значение для истории художественного ремесла не только Согда, но и Гималаев, и Центральной Азии» [Расопова, 1999, с. 13–14]. Напомним, что близкая технология используется и в производстве пустотелых объемных средневековых ременных накладок со сложным декором.

Относительно состава металла ременных украшений из сложной латуни следует обратить внимание на буддийскую художественную скульптуру из Кашмира. Отмечено, что металл изделий VIII и X–XI вв. резко различается. В VIII в. бытует четырехкомпонентная латунь, где олова больше, чем свинца. Такой сплав не встречается в кашмирской скульптуре следующего хронологического периода [108 образов Будды, 2014, с. 44–45]. При производстве ременных украшений в Центральной Азии использовался и металлический

лом, его состав может быть индикатором хронологии и происхождения. Возможно, находки из Саяно-Алтая даже на позднем этапе существования ременных украшений из цветного металла могли производиться в мастерских, использовавших лом, включавший и сложную латунь. Такие мастерские могли быть частью буддийских (ламаистских) монастырей. Правда, исследователи тибетских амулетов, в том числе средневековых, предполагают их происхождение за пределами Тибета. Материалы из Тибета и саяно-алтайские аналогии [Король, 2015] свидетельствуют об опосредованном культурном влиянии через общий источник, находившийся, вероятно, в Восточном Туркестане.

В период возвышения киданей начала X в. и миграций кочевников на запад восточная часть Саяно-Алтая оказалась отрезанной от источников снабжения населения украшениями из цветного металла; здесь они заменяются железными. На западе региона торевтика малых форм продолжает использоваться. Возможно, на территории Алтая существовали мастерские своего уровня, которые и снабжали эти территории. Но конкретные свидетельства мест производства пока не выявлены, хотя единичные находки матриц (рис.-4) позволяют говорить о возможном производстве части изделий на данной территории.

Подвески-личины: 1–5 – Саяно-Алтай [Король, 2008]; 6–10 – Чуйская долина Тянь-Шаня [Байпаков и др., 2007; Антикварно-нумизмат. салон «Фельс» на Facebook]. Без масштаба

Библиографический список

- Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). – Алматы, 2007.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии : очерки. – М. ; Кемерово, 2008.
- Король Г.Г. Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н.э. (по материалам торевтики малых форм) // РА. – 2015. – №4.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. – 2007. – №2.
- Король Г.Г., Наумова О.Б. Организация художественной металлообработки в ранне-средневековой Центральной Азии: возможности реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул ; Омск, 2015.
- Король Г.Г., Наумова О.Б. Вопросы металлообработки у кочевых народов Центральной Азии (раннее средневековье и этнографическое время) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – (в печати).
- Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л., 1988.
- Распопова В.И. Металлические изделия из Пенджикента. – СПб., 1999.
- 108 образов Будды / авт.-сост. Е.В. Иванова, А.Ф. Дубровин. – СПб., 2014.

О.Н. Корочкова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
(Среднее Зауралье и Западная Сибирь)

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 16-06-00174а
«Урал и Западная Сибирь в системе связей Западноазиатской металлургической провинции»)

В начале II тыс. до н.э. в Евразии происходит колоссальное расширение зоны металлоносных культур. Бронзовые орудия и новые технологии металлообработки распространяются далеко на восток от Уральского хребта, о чем свидетельствует феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции [Черных, 2013, с. 218–242]. Внедрение инноваций бронзового века происходило по разным сценариям. Во многом это зависело от уровня развития местных обществ, их подготовленности к усвоению новых технологий. Немаловажное значение имел сырьевой фактор. В пределах провинции на особый статус претендовало несколько регионов: Восточный и Центральный Казахстан, Южный и Средний Урал. Меднорудные залежи перечисленных территорий обладают специфическими качествами, что сказалось на характере сложившихся здесь традиций горнорудного, металлургического и литейного дела. Наиболее выпукло эти особенности передают металлические комплексы сейминско-турбинского (СТ), самусьско-кижировского и «степного» типов (термин условный, подразумевает металл, обнаруженный при раскопках синташтинских, петровских, алакульских памятников). Особенно поражает высокий технологический уровень СТ-изделий, отлитых по дотоле неизвестному способу тонкостенного втульчатого литья из оловянистой бронзы.

Распространение передовой СТ-технологии происходило преимущественно в среде культур, занимавших окраинные подтаежные и таежные зоны провинции (кротовская, елунинская, одиновская, кульеганская, коптяковская, ташковская, полымьятская). «Степные» традиции, основанные на циркумпонтийском наследии, демонстрируют изделия, отлитые на основе мышьяковых сплавов, обнаруженные в составе комплексов синташтинского и петровского типов. По сути, речь идет о развитии двух альтернативных технологий, которые в течение II тыс. претерпели заметные изменения и показали различные модели внедрения и развития металлообработки.

Инновационный приоритет, безусловно, принадлежал СТ-традициям. Для того времени это была суперпрогрессивная технология, которая обладала несомненными преимуществами. Она существенно сэкономила расход металла, обеспечивала литье сложных форм, позволяла добиваться высокого качества изделий, сплошная втулка гарантировала прочность изделий и избавляла от необходимости дополнительных кузнечных операций. Тем не менее эта, безусловно, передовая технология «проиграла» степной. После яркого взрывного периода, отмеченного хождением индивидуального оружия, обнаруженного преимущественно в культовых комплексах (Сейма, Турбино, Ростовка и др.), включающего кинжалы со скульптурными навершиями и ажурными рукоятями, вильчатые наконечники копий, кельты, многочисленные миниатюрные инструменты, наступает некий период забвения. Металл культур андроновского круга, характеризующих стабильную фазу провинции, представлен стандартными сериями предметов, вобравших СТ-наследие лишь отчасти. А в культурах таежной зоны этого времени металл и вовсе практически исчезает [Корочкова, Спиридонов, 2015].

Попытаемся понять причины этого парадокса. Во многом они обеспечены особенностями той среды, в которой распространялись те или иные открытия. Определенное значение имело и время. Если на первых порах взаимоотношения с металлом складывались преимущественно в иррациональном ракурсе, то позже металл становится средством институализации богатства и собственности. Об этом сообщают пусть немногочисленные, но имеющиеся примеры кладовых комплексов [Корочкова и др., 2013], исчезновение металлоемких предметов из погребальных комплексов. На смену им

приходят иные знаки – металлические украшения. В районах, удаленных от мест непосредственного производства металла, в обрядовой практике вместо металлических предметов используются глиняные модели. Такие примеры известны по материалам сузгунской культуры [Галкин, 1987, рис. 1, 2].

Перспективы металлообработки в таежной зоне Западной Сибири во многом зависели от поставок металла из горнорудных районов или соседних культур производящего круга. Однако подобные связи археологически не реконструируются. Лесные культуры в стабильной фазе развития провинции демонстрируют некоторую изолированность от происходивших на ее территории информационных процессов. Во многом это объясняется направленностью связей производящих культур исключительно внутри своего домена. Другое не менее важное обстоятельство – востребованность в металле среди охотников и рыболовов была невысокой [Черных, 2011, с. 51]. В их системе жизнеобеспечения орудия из бронзы не повлекли заметных перемен в местном укладе. Показательно, что и позднее, на рубеже II–I тыс. до н.э., в пору оживившихся связей Севера и Юга, металлические изделия представлены, прежде всего, культовыми предметами. Ситуация резко изменится с наступлением эры железных орудий, более доступных для производства и, соответственно, широко использовавшихся в даро-обмене.

Иную модель включения в систему связей Западноазиатской металлургической провинции демонстрируют археологические памятники Среднего Зауралья. Здесь в начале II тыс. до н.э. складывается центр металлообработки, вобравший в себя принципиальные достижения СТ-мастеров и степных центров, о чем свидетельствует, прежде всего, металлокомплекс святилища Шайтанка [Корочкова и др., 2009]. Однако функционирование этого центра не привело в дальнейшем к кардинальной перестройке местного уклада. Его изделия в начале II тыс. до н.э. имели хождение в ограниченной среде, а позднее он и вовсе перешел в стадию латентного развития. Скорее всего, это объясняется тем, что металлопроизводство в Среднем Зауралье сформировалось при участии пришлых групп, которые проявили интерес к местным рудам. Но в условиях отсутствия необходимых предпосылок для развития скотоводства и земледелия развитие металлопроизводства как специально выделенной отрасли было ограничено. Возрождение произошло в начале I тыс. до н.э., когда формируется иткульский горно-металлургический центр, развитие которого во многом было стимулировано потребностями кочевников степного Зауралья. Однако и этот центр просуществовал недолго и без «степного запроса» прекратил свое существование. Эти примеры еще раз убедительно подтверждают концепцию непреложной связи металлообработки с производством пищи. В условиях приоритета присваивающих стратегий жизнеобеспечения перспективы металл-инноваций имеют ограничивающие барьеры.

Библиографический список

Галкин В.Т. Новые памятники сузгунской культуры // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. – Омск, 1987.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А. Гладуниинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. – 2013. – №2 (39).

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира Урала и Западной Сибири // Уральской исторический вестник. – 2015. – №3 (48).

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. – 2009. – №2 (38).

Черных Е.Н. Парадигма археологии сквозь призму естественно-научных методов // Вестник Российской Академии наук. – 2011. – Т. 81. – №1.

Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. – Т. 1. – М., 2013.

Л.Н. Корякова
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
К ВОПРОСУ О ЖИЛОЙ СРЕДЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ
(по материалам раскопок в бассейне р. Карагайлы-Аят)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №16-18-10332
«Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе:
от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)»

Согласно современной архитектурной теории, жилая среда считается частью среды обитания и сегментом «вторичной природы»¹ со сложной иерархической структурой, отражающей культурный контекст эпохи, структуру общества и социальных связей. Показатели ее пространственных характеристик формируются в результате синтеза внешних (*природный, технологический, экономический, политический аспекты, система традиционных ценностей*) и внутренних (*социально-психологических, визуальных и потребительских потребностей*) факторов. Жилая среда тесно связана с образом жизни, определяемым как способ существования индивидуумов, домохозяйств и обществ, проявляющимся в повседневной реализации их физических, психологических, социальных и экономических условий.

В свете вышесказанного цель настоящей работы состоит в том, чтобы на материалах и результатах многолетнего междисциплинарного проекта по изучению укрепленных поселений микрорайона р. Карагайлы-Аят (2005–2013 гг.) осветить отдельные составляющие образа жизни их обитателей, включая такие его элементы, как жилая среда (архитектура), экономическая деятельность, питание.

В ходе проекта изучены три поселения в их естественном и культурном контексте вдоль реки Карагайлы Аят: Коноплянка, Журумбай и Каменный Амбар. Стационарные археологические исследования проводились на поселениях Коноплянка (в тестовом режиме) и Каменный Амбар (крупномасштабные раскопки). На первом из них геомагнитная съемка выявила прямоугольную структуру (180 × 100 м), огороженную стеной и рвом, с двумя входами и двумя рядами жилищ вдоль улицы. Раскопками исследованы часть ограждения и примыкавшего к нему строения, что позволило установить его хронологическое положение (1920–1745 гг. до н.э.) синташтинско-петровскую культурную атрибуцию. В поселении Каменный Амбар на площади в 2800 кв. м были обнаружены (полностью или частично) остатки 16 построек. Кроме того, археологически исследовано три участка ограждений, состоявших из обводной деревоземляной стены, облицованной снаружи каменными плитами, рва неправильной конфигурации, а также участков небольшой внешней стены. На основе анализа стратиграфии, распределения керамики и радиоуглеродных дат выделено два основных периода в «истории жизни» поселения Каменный Амбар: «синташтинско-петровский» (2030–1870) (2050–1760) cal BC и «срубно-алакульский» (1980–1780 (2040–1770) cal BC [Krause and Koryakova, 2013].

Хорошо известно, что образ жизни доисторических обществ в значительной степени зависел от условий окружающей среды. В результате реализации биологической программы проекта удалось реконструировать климатическую ситуацию во II тыс. до н.э. с акцентом на его первой половине. Хорошо датированные палинологические спектры показали, что в начале II тыс. до н.э. климатические и ландшафтные условия в долине реки были достаточно благоприятными с богатыми биоресурсами. Исследователи реконструируют ландшафт как ковыльную степь с включениями лесных массивов (около 10%). Отложения II тыс. до н.э. демонстрируют разнообразие видов растений и наличие широколиственных деревьев, что противоречит утверждению о сухом климате в это время.

---

¹ «Вторичная природа» – совокупность материальных условий, созданных человеком в процессе его адаптации к естественным условиям.

Условия окружающей среды в исследуемом районе, вероятно, сыграли ключевую роль в появлении постоянных укрепленных поселений. Несмотря на высокую вероятность благоприятных климатических условий в эпоху бронзы, свидетельств существования земледелия нет. Скотоводство придомно-отгонного типа было ведущей отраслью экономики синташтинско-петровского общества. Большую роль играли собирательство и рыболовство. Свидетельства металлургии присутствуют стабильно, но в различных поселениях их доля различна. Палеоботанические данные указывают на высокую продуктивность степей в бронзовом веке, что способствовало оседлому образу жизни [Stobbe et al., 2015]. Самым убедительным аргументом в пользу этой гипотезы является сложная и трудоемкая архитектура поселений, отличительной чертой которой был особый стиль строительства замкнутых укрепленных поселений с плотной регулярной планировкой. Такой принцип не был известен ни в одной из предыдущих или последующих культурных традиций Южного Урала. В ходе раскопок поселения Каменный Амбар получены материалы, проливающие свет на некоторые важные аспекты архитектуры. Анализ стратиграфической информации вместе с характеристикой и распределением керамики, колодцев, камней и керамики, а также радиоуглеродных дат позволил выявить три фазы строительной деятельности. Две из них относятся к первому, синташтинско-петровскому периоду «истории жизни» поселения. Постройки первой фазы в основном соответствуют синташтинскому «стандарту», известному по другим поселениям. Они обычно имеют прямоугольную или трапециевидную форму, площадью 150–200 кв. м, составляя блокированные участки, примыкающие поперечными стенами к обводной стене поселения. Это особенно характерно для ранней строительной фазы на поселении Каменный Амбар. Во второй фазе появляется другая модель, основанная на комбинации двух построек, соединенных проходом в общей стене. Это комбинированная конструкция состоит из двух объемов, объединенных одним проектным решением, имеющим, однако, несколько функциональных отличий. Если жилище 5a имело стабильные признаки жилого характера, то в помещении 5b было больше признаков экономической активности. В каждом жилище было несколько одновременных колодцев различных сроков службы. Третья строительная фаза связана со строительными работами в срубно-алакульском периоде. Согласно стратиграфии и распределению керамики, жилища более ранних фаз могли быть использованы и позднее, в частности, для некоторых видов экономической деятельности (содержание скота, металлургия). Таким образом, в архитектурной и строительной традиции, на протяжении жизни 5–6 поколений произошли значительные изменения. Регулярность в планировке уступила место псевдо-регулярности или хаотическому порядку организации поселений. Открытые поселения, количество которых значительно увеличилось, заменили замкнутые формы, исчезнувшие во второй половине II тыс. до нашей эры. Модель агрегированного закрытого поселка с очень плотной планировкой внутренней территории и большим использованием глины в качестве строительного материала не имела шансов на «выживание» в зауральской степи с ее нестабильным климатом, снегом, дождями и ветрами. Поддержание модели укрепленных поселений, возведение которых требовало значительных ресурсов, как природных, так и человеческих, а также определенного уровня социальной консолидации, можно считать самым убедительным аргументом в пользу оседлого образа жизни синташтинской культуры. Однако уже во второй половине II тыс. до н.э. появились признаки тенденции к более подвижному образу жизни.

Библиографический список

Krause R. & L.N. Koryakova (eds). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. – Frankfurter Archäologische Schriften. – 23. – Bonn, 2013.

Stobbe A., Gumnior M., Röpke A. and H. Schneider. *Palynological and sedimentological evidence from the Trans-Ural steppe (Russia) and its paleoecological implications for the sudden emergence of Bronze Age sedentarism // Vegetation History and Archaeobotany [online]*. – 2015. – 24 (3).

Л.Н. Корякова
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
**ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
АРХИТЕКТУРЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-01-00441
Жилая архитектура населения Южного Зауралья в первой трети второго тыс. до н.э.
(по материалам укрепленных поселений бассейна р. Карагайлы-Аят)

Изучение отечественной и зарубежной литературы показало многообразие подходов, обусловленное различными аспектами и возможностями изучения архитектурного аспекта древних поселений. Одной из проблем концептуального плана является неопределенность отнесения доисторических построек к категории архитектуры в ее классическом понимании. В ряде обобщающих историко-архитектурных исследований начало архитектуры относится ко времени возникновения цивилизаций. В других работах постройки и сооружения первобытности рассматриваются как вид материальной культуры в контексте предшествования сложению архитектуры как таковой. По мнению Глазычева [1983, с. 11], для того, чтобы родилась архитектура, нужно было совмещение трех условий: образ сооружения, идея его устойчивости, включенность в ландшафт. Чтобы эти условия объединились, нужно было еще одно: архитектура не могла возникнуть раньше утверждения оседлого образа жизни. В последнее время для обозначения совокупности строений, конструкций доисторической эпохи некоторые историки архитектуры стали употреблять термин «протоархитектура» [Ульчитский, 2006]. Он подчеркивает древность, первичность сооружений, созданных руками человека, являющихся не просто предметом утилитарной строительной деятельности по созданию укрытий, но еще и несущих базовые качества архитектурного объекта, связанные с духовной культурой. Имея дело с архитектурой доисторических обществ, археологи находятся в состоянии неопределенности как в процессе ее определения, так и, тем более, ее исследования, что вынуждает их действовать на основе собственного опыта и этнографических аналогий. Степень этой неопределенности значительно повышается с углублением хронологии, хотя, с другой стороны, наиболее ранние постройки отличаются простотой конструкций и меньшей вариативностью их моделирования.

Историко-архитектурное исследование имеет большие шансы на успех, когда оно касается более поздних культур либо культур с выраженными остатками зданий и сооружений. С XIX в. успешно развивается направление «архитектурной археологии», которое ориентировано на изучение памятников монументальной архитектуры и строений средневековой эпохи. Оно явилась результатом интеграции методов археологического исследования с методами изучения памятников архитектуры [Новоселов 1999].

Что касается изучения доисторической архитектуры, то здесь, конечно, больше проблем и вопросов, обусловленных различной степенью сохранности построек и отсутствием четко сформулированной методологии как на уровне полевого исследования, так и на стадии интерпретации. Важным препятствием является то, что в отчетах описание дается уже по реконструированным объектам, которые сложились у исследователя в голове. Эта практика периодически критикуется, но остается все-таки доминирующей.

В настоящее время в отечественной археологии можно выделить несколько направлений и их вариантов, связанных с теми или иными аспектами архитектуры доисторической эпохи. 1. Описательно-картографическое, когда поселения описываются и картографируются на определенной территории, при этом указываются доступные планировочные и параметрические характеристики, и по формальным признакам определяются типы поселений. В зарубежной науке подобные работы проводятся в русле ландшафтной археологии и археологии поселений [Корякова, 2012]. 2. «Жилищное» направление, когда основным предметом изучения являются остатки жилых сооружений, проводится их классификация в соответствии с определенным набором признаков. При этом

часто прилагаются графические реконструкции отдельных построек. За рубежом подобные работы проводятся как часть археологии домохозяйства.

В 60-е гг. прошлого века в отечественную археологию вошли статистико-комбинаторные методы, которые применялись в широком масштабе и в изучении поселений и жилищ. Составлялись многомерные списки признаков, которыми описывались и по которым сравнивались объекты. Возможно, наиболее плодотворно эта работа воплотилась в многотомнике «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». На основе, главным образом, этнографических материалов была разработана программа описания построек Западной Сибири, в основу которой были положены 13 групп признаков. Несмотря на то, что многие из них были недоступны для археологии, этот опыт оказался достаточно полезным для упорядочивания знаний в поселенческой сфере.

В зарубежной науке в поисках основ интерпретации остатков древних архитектуры археологи находят новые перспективы в «народной» или «изначальной» (vernacular) архитектуре, развиваемой когнитивной антропологией, социальной психологией, а также опираются на традиционный метод этнографической аналогии [Oliver, 1997]. Одним из наиболее распространенных методических приемов в исследовании древних жилищ является метод условного моделирования [Еньшин, Белоногов, 2010], результатом которого, чаще всего, является графическая реконструкция с той или иной степенью умозрительности. Такое моделирование получило название «археология столбовых ям» в европейской археологии, где остатки жилищ представлены, главным образом, столбовыми ямками. Менее распространенным в связи с большими затратами, но перспективным (а в зарубежной археологии – популярным) является экспериментальное направление, предусматривающее прямое воспроизведение той или иной постройки или целого комплекса. Причем этот этап в исследовании древних построек считается наиболее ценным и плодотворным.

Экспериментальные постройки служат не только для проверки гипотез относительно архитектуры и технологии построек, но и в туристических и образовательных целях. Распространение методов геофизики расширило перспективы археологической архитектуры, позволив интерпретировать нераскопанные поселения, основываясь на результатах сопоставления раскопанных структур и магнитных аномалий. В основном это относится к исследованию планировочных решений поселений. В последнее время все более популярным является трехмерное моделирование построек и сооружений средствами компьютерной графики и видео. Однако в основе этого моделирования лежит все та же условная модель, сформировавшаяся у археолога в процессе работы.

Нет сомнений в том, что исследование архитектуры доисторического прошлого по археологическим остаткам – дело чрезвычайно сложное, здесь трудно ожидать однозначных результатов. Все выводы и реконструкции имеют вероятностную природу и в значительной мере зависят от степени сохранности материалов и качества раскопок.

Библиографический список

Глазычев В.Л. Зарождение зодчества. – М., 1983.

Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень-6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – №1 (12).

Корякова Л.Н. Археология поселений // Уральский исторический вестник. – 2012. – №4.

Новоселов Н.В. Предмет архитектурной археологии. Сообщение на семинаре секции истории и археологии средневековой Европы и Руси Исторического общества. – СПб., 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusarch.ru/novoselov1.htm>.

Ульчитский О.А. Особенности архитектуры «протогородов» древнего Урала. – Екатеринбург, 2006.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1, кн. 1, 2. – Томск, 1994, 1995.

Oliver P. (ed.) Encyclopedia of vernacular architecture of the world: Theories and principles. – V. 1. – Cambridge, 1997.

П.А. Косинцев^{1,2}, О.П. Бачура^{1,2}, А.Ю. Рассадников², А.В. Кисагулов^{1,2},

Е.Г. Лаптева^{1,2}, О.М. Корона^{1,2}, Л.Н. Корякова¹

¹Институт истории и археологии УрО РАН,

²Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

ЭКОНОМИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-18-10332

«Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе:

от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят»)

На территории Южного Зауралья исследован ряд поселений, датируемых концом позднего бронзового века, относящихся к саргаринско-алексеевскому культурно-хронологическому горизонту (3300–2900 календарных лет назад) [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 98]. До настоящего времени специальный анализ археозоологических коллекций из поселений этого времени не проводился. Изучение видового состава коллекций костных останков из них показало, что основой хозяйства населения Южного Зауралья в это время было животноводство. Кости диких животных на поселениях этого времени составляют не более 5%. Сколько-нибудь выраженные признаки земледелия (остатки культурных растений единичны, комплексы земледельческих орудий) [Рябогина, Иванов, 2011, с. 99] отсутствуют. Характеристика животноводства дана на основе следующих данных: соотношение останков домашних копытных, возрастной состав забитых особей домашних копытных и сезон их забоя. На основании измерения костей сделаны реконструкции размеров крупного рогатого скота и овец.

Сравнение соотношения останков домашних копытных показывает преобладание мелкого рогатого скота и высокую долю останков лошади, близкую к доле останков крупного рогатого скота. Особей крупного рогатого скота забивали примерно в равном соотношении взрослых и молодых, что говорит о его комплексном использовании для получения мяса и молока. Среди возрастных групп мелкого рогатого скота преобладают взрослые особи, что позволяет говорить о заметном значении его для получения шерсти. Среди лошадей представлены в заметных количествах все возрастные группы. Это отражает разнообразное использование лошадей: для получения мяса; для работ, требующих резвости, и для хозяйственных работ, не требующих резвости. Возрастной состав мелкого рогатого скота и лошади изменился по сравнению с предыдущими периодами поздней бронзы. Анализ сезона забоя крупного рогатого скота, овец и лошадей на поселениях, определенный по регистрирующим структурам зубов, показал, что животных забивали круглый год.

Сопряженный анализ полученных данных показывает, что в эпоху финальной бронзы, по сравнению с предыдущими периодами поздней бронзы, в составе стада увеличились доли лошади и мелкого рогатого скота. Большая доля мелкого рогатого скота и лошади позволяют предполагать высокую подвижность населения. В хозяйственном использовании разных видов произошли заметные изменения. Больше особей мелкого рогатого скота стали содержать до взрослого возраста, а лошадей – до старого возраста. Увеличение доли лошади и возраста ее забоя указывает на существенное возрастание роли и разнообразия использования лошади в хозяйстве населения финальной бронзы. Вместе с ростом доли мелкого рогатого скота это отражает начало формирования кочевого скотоводства в Южном Зауралье в эпоху финальной бронзы. Можно полагать, что район Южного Зауралья входил в область формирования кочевого типа хозяйства, получившего широкое распространение в степях Евразии в раннем железном веке.

Библиографический список

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья Статья // РА. – 2005. – №4.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоботанические методы и анализ фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №4.

П.А. Косинцев¹, О.П. Бачура¹, С.Е. Чаиркин², А.М. Мурыгин³
¹Институт экологии растений и животных УрО РАН,
²Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург;
³Институт языка, литературы и истории, Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
МЕДВЕДЬ В ПЕЩЕРНЫХ СВАТИЛИЩАХ УРАЛА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-04-03882
«Формирование современного таежного териокомплекса Северной Евразии»)

На Северном и Среднем Урале известно восемь святилищ в пещерах, в состав жертвенных комплексов которых входил бурый медведь [Косинцев, 2000, с. 7]. Почти все эти памятники датируются эпохой железа [Ерохин, Чаиркин, 1995, с. 13; Канивец, 1964, с. 105]. По мнению авторов, эти жертвенные комплексы отражают культ медведя, существовавший у древнего населения Урала. Костные останки медведя из них описаны с разной степенью подробности и по разным методикам [Косинцев, 1995, с. 68; 1996, с. 91; Кузьмина, 1971, с. 72]. При выполнении данной работы проведено описание состава костных останков и характера их раздробленности по одной методике; определено соотношение самцов и самок среди погибших животных; определен возрастной состав погибших особей медведя. В наиболее многочисленных жертвенных комплексах определены сезоны добычи особей медведя на основании изучения регистрирующих структур в зубах. Для определения хронологии использования пещер в качестве мест жертвоприношений по костям медведя со следами воздействия человека были получены радиоуглеродные даты.

По количеству останков медведя выделено три типа пещерных святилищ: с доминированием его останков; с большим количеством останков и с небольшим количеством останков. По составу элементов скелета выделено два типа святилищ: с условно полным набором элементов скелета и с избирательно подобранным набором элементов скелета. Среди последних выделяются святилища, в которых преобладают черепа. По степени и характеру раздробленности костей скелета выделено два типа: с преимущественно целыми костями и с преимущественно раздробленными костями. По возрастному составу выделено два типа: с большой долей молодых особей и с большой долей взрослых особей. По таким параметрам, как сезон добычи и соотношение самцов и самок, выделить типы не представилось возможным вследствие небольшого числа святилищ, из которых имелись достаточные для этого объемы выборок. Анализ серии радиоуглеродных дат показал, что обряды с использованием медведя начали совершаться в пещерах Урала не позднее 4200 лет назад и продолжались до этнографического времени.

Проведенный анализ показал неоднородность пещерных святилищ Урала по характеристикам комплексов костей бурого медведя, что отражает разную роль медведя в совершавшихся обрядах. Вероятно, святилища имели разные функции в разное время и в разных районах Урала.

Библиографический список

- Ерохин Н.Г., Чаиркин С.Е. Лобвинская пещера – местоположение, стратиграфия, хронология // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала. – Екатеринбург, 1995.
- Канивец В.И. Канинская пещера. – М., 1964.
- Косинцев П.А. Остатки крупных млекопитающих из Лобвинской пещеры // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1995.
- Косинцев П.А. Фауна крупных млекопитающих Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене // Материалы и исследования по истории современной фауны Урала : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1996.
- Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археозоологическим данным) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск, 2000.
- Кузьмина И.Е. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Труды Зоологического института АН СССР. – Л., 1971. – Т. 49.

Н.В. Косорукова¹, М.Г. Жилин²

¹Череповецкий государственный университет,
Череповецкое музейное объединение, Череповец;

²Институт археологии РАН, Москва

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ-15 В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Торфяниковая стоянка Погостище-15 находится на севере Вологодской области, на р. Модлоне в бассейне оз. Воже. Находки эпохи мезолита залегают под оторфованным слоем в сапропеле на глубине в среднем 1,1–1,2 м от верхней поверхности и включают изделия из кости, камня и дерева, кости животных и рыб. По данным естественных наук, стоянка датируется серединой – 2-й половиной бореального периода [Косорукова и др., 2017].

Среди костяных изделий наиболее многочисленны наконечники стрел, за период раскопок 2011–2016 гг. найдено 54 экз., включая 20 обломков, в том числе короткие фрагменты стержней и более длинные фрагменты стержня вместе с насадом, которые не позволяют точно определить тип изделия из-за отсутствия острия. Выделены **следующие типы**.

1. С утолщенной биконической головкой (преобладают, 23 экз.), стержнем округлого сечения (диаметр варьирует на разных участках стержня) и пирамидальным, реже, коническим насадом. Изделия различаются по размерам и пропорциям головки и ее оформлению (более характерны головки удлиненные вытянутых пропорций, но также присутствуют головки короткие, как бы сжатые), длине изделия в целом (от довольно миниатюрных до более длинных – от 9 см до 24–25 см), а также некоторым другим особенностям. Выделяются следующие варианты: 1) с гладкой головкой без поясков и уступов (3 экз.); 2) с рельефным пояском в наиболее широкой части головки, подчеркнутым канавками (12) или без канавок (4); в пределах данного подтипа выделяется интересный вариант, когда верхний конец острия оттянут кверху и на самом конце оформлена еще как бы маленькая головка (2 экз.); 3) с кольцевым уступом в сторону острия (4 экз.). К данному типу относится и единственное деревянное орудие, представленное обломком.

2. К первому типу примыкает одно массивное изделие с рабочим концом, напоминающим биконическую головку, только она значительно более длинная и массивная, расширяющаяся в середине, с прерывистой нарезкой в наиболее широкой части, стержень изделия утолщенный, диаметр его немного больше, чем в целом наконечников первого типа.

3. С конической головкой с пояском или канавкой в основании головки (3 экз.), причем один из них имеет еще и неглубокий паз для вкладышей в нижней половине стержня.

4. Игловидный простой уплощенно-округлого сечения, с плоским сечением пера и округлым, несколько массивным сечением средней части орудия, насад конический (1 экз.).

5. Игловидный с уплощенно-овальным сечением и рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) (1 экз., украшен орнаментом в виде нескольких продольных рядов из коротких горизонтальных насечек, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики в виде горизонтально лежащих римских цифр «X»).

6. Однокрылый с шипом на конце крыла и пазом со смолой и кремневыми вкладышами на противоположном крае (1 экз.).

7. Однокрылый асимметричный с относительно коротким пером (длина пера составляет одну треть длины орудия) и уплощенно-овальным сечением, шип пера (или зубец, выделенный с одной стороны) – короткий, выделен под прямым углом к стержню; это единственный наконечник, найденный в целом виде.

У двух довольно длинных наконечников острие обломано, их тип можно определить предположительно. Одно изделие, возможно, представляло игловидный наконечник с утолщением или выступом в верхней части конического насада. От второго сохранился

длинный стержень круглого более массивного сечения, с насадом и пазом длиной 3 см для вкладышей у верхнего обломанного конца со следами смолы и обломком вкладыша из микропластинки; острое, наиболее вероятно, имело биконическую (коническую) головку.

Аналогии. Все типы наконечников стрел из Погостища-15 известны на стоянках бореального времени в Волго-Окском междуречье, при этом игловидные с пояском на стержне, а также с конической головкой здесь единичны; вариант с биконической головкой и пазом для вкладышей на стержне не отмечен [Жилин, 2001]. В мезолите Прибалтики не представлены игловидные наконечники с поясками, нет и однокрылых вкладышевых, а наконечники с биконической головкой весьма малочисленны и не столь разнообразны. Те же типы, что в Погостище-15, представлены на мезолитических стоянках Зауралья и в Шигирской коллекции за исключением игловидных с пояском на стержне и с биконической головкой и пазом для вкладышей на стержне [Савченко, 2011]. На стоянке Веретье-1 в бассейне оз. Лаче (наиболее близко расположена в территориальном плане) наконечники стрел также преобладают среди костяных изделий, и наконечники с биконической головкой наиболее многочисленны; почти для всех типов можно найти здесь аналогии, за исключением наконечников второго и седьмого типов [Ошибкина, 2006].

Техника обработки. Изученные наконечники изготовлены из пластин, продольно вырезанных из стенок трубчатых костей. Заготовки обрабатывались при помощи продольного строгания или скобления. Такие детали, как поперечные пояски оформлялись кольцевыми надпилами с последующим строганием, резе скоблением от надпила. Часто после чистового строгания наконечники обрабатывались шлифовкой на мелкозернистом абразиве, особенно в верхней части, а некоторые после шлифовки еще и полировались. На двух обломках наконечников отмечены следы ремонта – край слома скошен, на нем следы смолы, а на противоположном крае – следы обмотки полоской растительного материала на смоле.

Следы использования. Кончик острия наконечников скруглен, смят или сколот, заполировка средней яркости постепенно затухает по мере удаления от острия, в ее пределах тонкие короткие царапины вдоль оси наконечника или под острыми углами к ней. Такие следы говорят о попадании в мягкий среднезагрязненный материал. На большинстве изученных наконечников они выражены слабо, но на некоторых зафиксированы выразительные следы многократных попаданий. Эти наконечники, видимо, использовались длительное время. На некоторых из них встречены следы попаданий в грунт, вероятно, при промахах. Кончик острия некоторых наконечников расщепился от попадания в твердый материал, возможно, при столкновении с костью. На кромке вкладышей составного наконечника микровыкрошенность на обе стороны, линия кромки извилистая, выступы слегка стерты, на выступающих участках вдоль кромки яркая заполировка без линейных следов.

На насадах ряда наконечников сохранилось темное клеящее вещество, иногда с отпечатками древесных волокон. Наконечник вставлялся в коническое гнездо в древке, либо заполненное смолой, либо насад был ею обмазан. Излишняя смола выдавливалась из гнезда, образуя валик на стержне наконечника на границе древка. После чего древко в месте крепления наконечника было туго обвязано, но обмотка не заходила на стержень наконечника за пределами древка. Значительно реже на стержне перед насадом на смоле встречаются отпечатки спиральной обмотки полоской растительного материала.

Библиографический список

- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М., 2001.
- Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В. Торфяниковая стоянка Погостище-15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести. – СПб., 2017 (в печати).
- Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. – М., 2006.
- Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Хлопачев Г.А. (ред.). Замятнинский сборник. – Вып. 2. Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах северной Евразии. – СПб., 2011.

В.М. Костомаров, А.В. Полеводов
Институт проблем освоения Севера, Тюмень;
Министерство культуры Омской области, Омск
К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИК
ПАХОМОВСКОГО И СУЗГУНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТОБОЛО-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

С распадом андроновской общности на территории Сибири возникает несколько культур и культурных типов. К числу наиболее изученных из них можно отнести пахомовскую и сузгунскую культуры, вопрос взаимоотношения которых остается в поле зрения продолжающейся острой дискуссии [Полеводов, 2003; Корочкова, 2009; Костомаров, 2010; Полеводов, Шерстобитова, 2014]. Интересно взглянуть на эту проблему в свете нового материала, полученного в результате исследования погребальных памятников. Погребальные комплексы населения пахомовской культуры первоначально были описаны О.Н. Корочковой [1987; 1999; 2009]. Основным объектом исследований были материалы ранее открытых могильников Лихачевский и Черноозерье-2, а также экстраординарные погребения поселения Ново-Шадрино-7, характеризующиеся размещением парциальных останков на дневной поверхности в зольнике. Материалы могильников Лихачевский и Черноозерье-II дали скудный материал, позволявший говорить о том, что эти захоронения совершались в материковых ямах в сопровождении одного-двух сосудов [Генинг, Стефанов, 1991]. Дополнительную информацию о погребальных традициях пахомовцев дают материалы Усть-Терсюкского-2 могильника, где обнаружены погребения синкретичного облика в подкурган-ных насыпях, с элементами групповых захоронений, а также с отдельными видами деревянных конструкций, отмечены труположения в ямах, на материке и в специальных конструкциях, в сопровождении одного и более сосудов, единичных предметов быта [Матвеева, Костомаров, 2009].

В последние годы появились новые погребальные комплексы сузгунцев. На сегодня известны памятники, географически тяготеющие к Ишимо-Иртышскому ареалу культуры и расположенные на берегу р. Ишим (Абатское-1, 3; Кокуйский-3) [Матвеева, 1998], р. Иртыш (Боровянка-XXVII, Калачевка-II), на берегах Крутинских озер (Усть-Китерьма-III, IV, V) [Полеводов, 2008]. Часть из них были ранее известны, но получили сузгунскую атрибуцию позже. Исследования новых памятников позволили расширить наши представления о погребальных традициях населения лесостепи Ишимо-Иртышья. Новые данные свидетельствуют, что захоронения могли производиться на материке либо древней поверхности, индивидуальные и групповые (коллективные), но встречаются также и захоронения, в которых усопшего могли помещать в деревянное сооружение, возводившееся над ним. Практически на всех могильниках присутствуют следы использования огня, кремация на стороне, с помещением останков под насыпь, индивидуального или коллективного упокоения. В других случаях обожжение или сожжение производилось на площадке погребения, иногда воздействию огнем подвергалась деревянное погребальное сооружение. В качестве сопроводительного инвентаря отмечаются редкие предметы быта и керамика от одного до трех сосудов. Сосуды представлены горшками различных типов – от миниатюрных круглодонных сосудов до полноценных горшков, находящих аналогии как в пахомовском, так и в сузгунском керамическом сервизах. Также необходимо отметить практику сооружения сузгунских некрополей на периферии поселков.

Отвлекаясь от терминологического аспекта продолжающейся дискуссии о культурной принадлежности вышеописанных комплексов (пахомовский либо сузгунский), отметим, что ряд выразительных погребальных черт указывает на очевидную хронологическую близость этих комплексов культурам ирменского круга (или ирменскому пласту). Сузгунский способ захоронения можно также охарактеризовать как наиболее преемственный федоровскому, включающий в себя некоторые новации, связанные с сопредельными культурами и хронологическими рамками развития.

Исследования погребального обряда напрямую указывают на родство пахомовских и сузгунских групп, при всем географическом и хронологическом различии эти группы населения связаны эволюционно, в рамках одной общности, и по сути отражают традиции единой группы населения. При этом остается несколько вопросов для размышления. Сузгунский и пахомовский ареалы не имеют полного наложения, имеется лакуна сузгунских памятников в Тоболо-Исетском междуречье. При этом в пахомовской практике имеются экстраординарные парциальные захоронения непосредственно на площади самого поселка, при этом собственно погребальных сооружений выявлено не было. Это может указывать либо на эксклюзивный характер погребений у пахомовцев, либо на сравнительно слабую изученность поселений. В свою очередь, традиции обращения с усопшими населения пахомовской культуры, оставившего могильник Усть-Терсюкский-2, демонстрируют очевидную близость сузгунским Ишимо-Иртышья, но он является пока что единственным курганным комплексом. Постфедоровское население в Ишимо-Иртышье демонстрирует четкую преемственность. Захоронения на поселениях Усть-Китерьма-IV и могильнике Усть-Китерьма-V носят парциальный и групповой характер, близки к Ново-Шадрино-7. Наличие традиций, связанных эволюционно и культурно в среде пахомовского и сузгунского населения, а также некоторая незначительная инвариантность позволяет нам говорить об особом характере этих двух культур, которые можно назвать конгломерацией. При этом в практиках мы прослеживаем очевидный пласт федоровских реминисценций в сочетании с автохтонными и привнесенными элементами. Отдельного исследования требует вопрос соотношения с пахомовскими комплексами барабинской лесостепи, а также схожими комплексами на сопредельных территориях.

Библиографический список

- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991.
- Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
- Корочкова О.Н. Андронидные культуры Западной Сибири // Тезисы докладов XII УАС. – Екатеринбург, 1993.
- Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. – Часть 2. – Екатеринбург, 1999.
- Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2009. – №3.
- Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010.
- Матвеева Н.П. Сузгунские погребения у могильников близ пос. Абатский // Вестник Тюменского университета. Серия : Гуманитарные исследования. – 1999. – Вып. 2.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – Вып. 1.
- Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.
- Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008.
- Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. Время и место археологической культуры: к проблеме соотношения андронидных древностей на территории Среднего Прииртышья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Ю.В. Костомарова

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИХ ОРУДИЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Несомненно, что плавка металла, последующая обработка и обслуживание бронзовых изделий занимали важное место в структуре хозяйственно-производственной деятельности населения эпохи поздней бронзы лесостепного Притобольшья. Практически на всех исследованных памятниках федоровской, черкаскульской, пахомовской и бархатовской культур обнаружены серии металлических предметов. Кроме того, следы использования бронзовых ножей зафиксированы на костяных наконечниках стрел. Металлические орудия были полифункциональными и активно применялись в различных отраслях. На основании типологического анализа инвентаря выделены группы изделий, использовавшиеся в процессе плавки металла – глиняные сопла, тигли, льячки, керамические и каменные литейные формы; подправки бронзовых отливок – оселки. Несмотря на то, что с помощью металлографического метода реконструированы основные технологические схемы бронзолитейного производства, предполагавшие ковку изделий с разными температурными режимами, инвентарь, отражающий этот и другие технологические процессы, не выделен [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 30–45]. На всех селищах и городищах эпохи поздней бронзы Притобольшья обнаружены каменные орудия, функциональное назначение которых до настоящего времени не установлено. Речь идет, во-первых, о разного размера и толщины плоских плитках чаще подпрямоугольных очертаний; во-вторых, вытянутых крупных гальках с округлым или овальным поперечным сечением.

Для уточнения функциональной атрибуции подобных находок был проведен их трасологический анализ, позволивший зафиксировать, описать и классифицировать признаки сработанности на орудиях. Всего под микроскопом было изучено около сотни каменных изделий с федоровских (селища Дуванское-17, Черемуховый Куст, Щетково-2), пахомовских (поселения Большой Имбиряй-10, Ботники-1в, городище Заводоуковское-11), черкаскульских (поселения Ольховка, Имбиряй-3, Хрипуновское-1) и бархатовских (селища Заводоуковское-9, Ново-Шадрино-2, 7; Щетково-2, городища Коловское и Красногорское) памятников.

По характеру следов износа выделено несколько групп орудий. К первой, самой многочисленной, относятся небольшие по размеру плитки без специальной обработки, где рабочей являлись как плоские стороны, так и боковые грани. При этом на одной поверхности могло быть несколько небольших участков сработанности с характерным ребром между ними. Фиксируются неглубокие удлинённые параллельные друг другу узкие риски, а также более широкие бороздки, иногда металлический блеск. В качестве заготовок для подобных изделий часто применялись вышедшие из употребления шлифовальные, терочные плитки и другие каменные изделия. К этой же группе относятся три изделия прямоугольной формы и таким же поперечным сечением с перехватом и отверстием для подвешивания. Эти предметы тщательно изготовлены с помощью оббивки, абразивной обработки и шлифовки. Вторую группу представляют более крупные уплощенные камни или бруски с прямоугольным или трапециевидным поперечным сечением. Целых изделий крайне мало. Их боковые части оббиты пикетажной техникой и зашлифованы. На поверхности рабочих участков отмечена общая сглаженность, пришлифовка, зоны зеркальной заполировки, покрытые тонкими линейными следами и мелкими выбоинками, как правило, сгруппированными в нескольких местах. Третья группа изделий включает вытянутые или приземистые крупные гальки с предварительно уплощенными зашлифованными торцами, на которых фиксируется тусклая заполировка, металлический блеск, тонкие параллельные друг другу линейные следы в виде царапин, иногда мелкие выбоинки. Переход от рабочей зоны к боковым поверхностям чаще приострен. Четвертая группа характеризуется крупными продолговатыми изделиями, иногда с перехватом

у одного из окончаний или посередине. Желобок сформирован оббивкой и, возможно, разделяет рабочую часть и рукоять у орудия. Рабочей частью являлся торец предмета – на нем отмечаются забитость, небольшие сколы и выбоинки, явно от осуществления ударных действий. Помимо рассмотренных встречены изделия, на которых удалось зафиксировать сочетание нескольких групп признаков.

Сравнение орудий с описанными выше блоками следов с типологически схожими не позволяют связывать их с переработкой продуктов собирательства или земледелия, с получением шамота или измельчением других веществ. Аналогичные признаки износа зафиксированы рядом исследователей на инструментах, задействованных в металлообработке [Килейников, 1984, с. 110–120; Потемкина, 1985, рис. 44.-8, 9; Зданович, Коробкова, 1988, с. 60–80; Пряхин, 1996, с. 80–93; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 42–43; Коробкова, 2001, с. 146–212; Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 121, 172; Древнее Устье..., 2013, с. 307–309; Кунгурова, Варфоломеев, 2013, с. 198–217].

На основании опубликованных данных микроанализа как самих археологических, так экспериментальных образцов каменные предметы с поселений эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья со следами первой группы можно интерпретировать в качестве абразивов и оселков, применявшихся для доводки, подправки, выравнивания поверхности бронзовых отливок, устранении литейных дефектов, грубой шлифовки, заточки лезвий; изделия со следами второй группы сходны с подставками для ковки и протяжки металла; третья группа микропризнаков находит аналогии на гладилках, использовавшихся для разгонки, вытяжки предметов, получении листового металла и др., а четвертая – на молотках для ковки. Взаимовстречаемость нескольких блоков следов на одном орудии говорит о его полифункциональности и использовании на разных стадиях доводки бронзовых изделий после отливки. Подтверждение, дальнейшая разработка данной гипотезы и уточнение некоторых технологических характеристик нуждаются, в первую очередь, в подкреплении собственными экспериментальными данными, что поможет поэтапно реконструировать процесс изготовления бронзовых изделий и соотнести древние орудия с конкретными операциями.

Библиографический список

Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – №1.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск, 2013.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по результатам изучения орудий труда с поселения Петровка-II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988.

Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточно-европейской степи. – Воронеж, 1984.

Коробкова Г.Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла : материалы ЮТАКЕ. – Вып. 5. – СПб., 2001.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). – СПб., 2005.

Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В. Орудия и изделия из камня поселения Кент // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. – Астана, 2013.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. – Воронеж, 1996.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург, 2000.

Е.Л. Костылёва¹, А.А. Храмцова², Е.А. Кашина³, А.В. Уткин¹

¹Ивановский государственный университет, Иваново;

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

³Государственный исторический музей, Москва

РИТУАЛЬНЫЕ «КЛАДЫ» ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

На территории могильников энеолитической волосовской культуры, существовавшей в Центре Русской равнины в III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии), или в конце IV – начале III тыс. до н.э. (в калиброванных значениях радиоуглеродных дат), выявлены похоронно-сакральные комплексы. В их составе выделяют следующие объекты: «ямы-святостища», ритуальные площадки с «кладами» и остатками ритуальных кострищ, захоронения животных (собак) [Костылева, Уткин, 2010, с. 7].

Одним из дискуссионных объектов являются так называемые «ритуальные волосовские клады». Изначально происхождение скоплений каменных орудий и продуктов расщепления на волосовских памятниках связывалось с экономической, бытовой причиной, такой как предохранение артефактов от обветривания [Цветкова, 1957, с. 9–10]. После раскопок памятника Володары, где скопления каменных орудий были обожжены, покрыты охрой и связаны с погребениями, представление о значении «кладов» меняется. Они начинают рассматриваться как «ритуальные» [Цветкова, 1975, с. 110]. Опираясь на современную терминологию, можно говорить о том, что такое понимание «кладов» было ближе к кладам-вотивам. Чаще всего подобные комплексы интерпретируются исследователями как приношения потусторонним силам [Bradley, 2005].

На настоящий момент по материалам сахтышских стоянок выявлены три категории «кладов»: погребальные, помещаемые рядом с захоронениями во время совершения погребения; поминальные, связанные с совершением поминальных обрядов спустя какое-то время после захоронения; закладные, создаваемые при строительстве жилищ [Костылева, Уткин, 2015, с. 112].

Для лучшего понимания процесса создания «кладов» и извлечения из источника новой информации к материалам старых коллекций были применены такие методики, как анализ технологических контекстов, ремонтаж материала, выявление планиграфических структур.

Анализ был проведен по материалам памятника Володары (Нижегородская обл.) с привлечением данных по Сахтышу-II (Ивановская обл.).

На Володарах в ходе раскопок было найдено 11 ритуальных «кладов», отличающихся обильной посыпкой красной охрой, наличием в составе преднамеренно сломанных вещей, следами воздействия огня, предметами искусства в скоплении, в некоторых случаях – близостью к погребениям. Их можно подразделить на три группы по материалу, из которого изготовлены изделия, и планиграфическим особенностям. Первая группа включает 4 «клада», которые находились в могильных ямах в ногах погребенных. Они представляют собой полисырьевые комплексы, в которых имеются керамика, костяные предметы, кремневые орудия и отходы производства. Ко второй группе относятся 6 «кладов». Они располагались по всей площади памятника в разной степени удаленности от погребений и были представлены моносырьевыми комплексами. В них присутствуют только кремневые орудия и отходы производства. Особняком стоит так называемый «клад с лосем»: он удален от погребений приблизительно на 5 м и представлен отличным от других комплексов сырьевым составом: камень, янтарь, кость, зубы животных.

К каменным изделиям из «кладов» было применено изучение технологических контекстов и ремонтаж. В комплексах представлены изделия и отходы производства из следующих видов сырья: желтый и серый однородный кремень, окремненный известняк, кварцито-песчаник. Все виды сырья, предположительно, происходят из района Средней Оки [Цветкова, 1957, с. 10].

В составе комплексов присутствуют первичные и вторичные сколы, сколы-заготовки с вторичной обработкой и без, заготовки бифасов и шлифованных орудий, готовые изделия. На основании того, что орудия и дебитаж в комплексах изготовлены из схожего типа сырья, была высказана гипотеза о производстве орудий для ритуальных комплексов на месте. С целью проверки данной гипотезы проводился анализ технологических контекстов.

По материалу ритуальных комплексов Володар были выявлены продукты расщепления трех производственных контекстов: производство отщепов и пластинчатых отщепов, изготовление бифасов, производство рубящих орудий. По результатам их анализа был сделан вывод, что в ритуальных комплексах представлен практически полный контекст трех технологий. Но значит ли это, что орудия, присутствующие в комплексах, изготавливались «на месте»? На этот вопрос может дать ответ ремонтаж материала, который, несмотря на относительную полноту контекстов, произвести не удалось. Складываются лишь термические сколы, отколовшиеся от орудия под воздействием огня. Это дает определенное подкрепление гипотезе И.К. Цветковой, что как готовые орудия, так и отходы производства приносились с другого места. В качестве рабочей гипотезы местами изготовления орудий рассматриваются ямы со скоплением дебитажа без следов посыпки охрой, которые изначально интерпретировались как ямы-мастерские [Цветкова, 1948, с. 3]. Также зафиксированы три случая намеренного слома готовых рубящих орудий поперечным ударом перед положением их в комплекс.

На Сахтыше-II было выявлено первоначально 14 кладов в пределах могильника волосовской культуры. Среди них были как моно-, так и полисырьевые комплексы с преобладанием последних. При анализе коллекций полувековой давности было выявлено еще несколько «кладов», пропущенных исследователями в силу несовершенства методики проведения раскопок подобных комплексов. При их выявлении учитывались следующие параметры: компактность расположения предметов на площади раскопа и следы термического воздействия, отчего окский желтый кремль менял цветность от розового до темно-бордового и черного, а кость кальцинировалась до белесого цвета или в результате теплового воздействия чернела. Изготовление некоторых каменных орудий могло осуществляться на месте, о чем свидетельствуют находки в пределах ритуальных площадок крупных шлифовальных плит. Производство кремневых изделий могло происходить на берегу реки, где найдены остатки мастерской по обработке кремня. Там же, скорее всего, велась и обработка кости. Отметим, что значительное количество связанных с «кладами» термических осколков и отщепов со следами термического воздействия находились далеко за пределами ритуальных площадок. Это может говорить о том, что не представлявшие ценности отходы производства не помещались в ямку вместе с орудиями, а оставались на поверхности и потом, после совершения ритуалов, сопровождавшихся возжиганием костров, разносились (или намеренно разбрасывались?) на многие метры в стороны.

Библиографический список

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Хронологические и планиграфические структуры. – М., 2010.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские «клады» стоянок Сахтыш-II и Сахтыш-VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции : материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова / под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. – СПб., 2015.

Цветкова И.К. Стоянка Володары (по материалам раскопок 1946 г.) // КСИА. – Вып. XX. – 1948.

Цветкова И.К. Волосовский клад. – М., 1957.

Цветкова И.К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии / отв. ред. П.М. Кожин и др. – М., 1975.

Bradley R. The passage of arms: an archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. 2nd edition. – Oxford, 1998.

В.Г. Котов, М.М. Румянцев
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа
СТОЯНКА НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА АКБУЛАТОВО-3
В ГОРАХ ЮЖНОГО УРАЛА

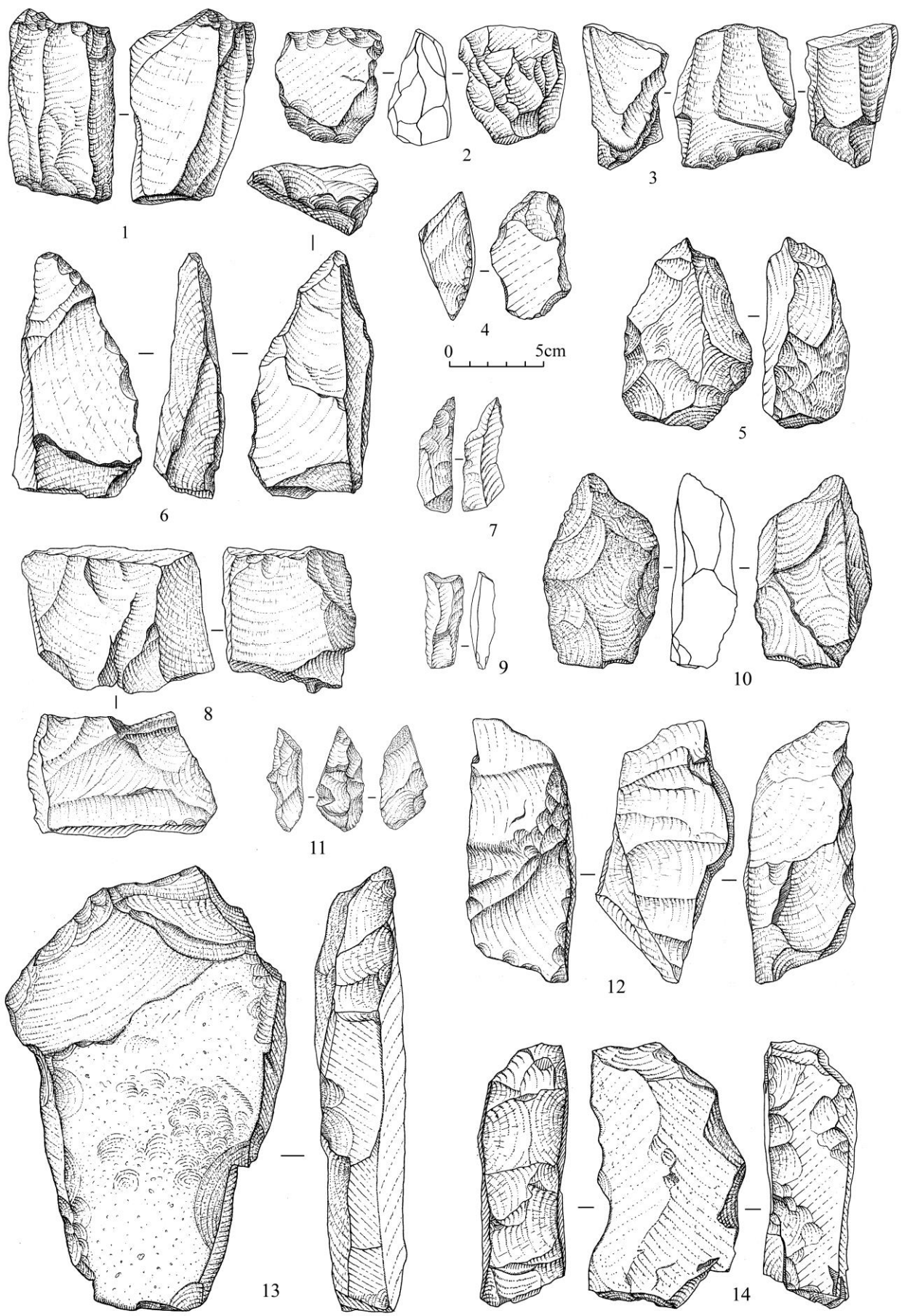
В 2013 г. по заданию Правительства Республики Башкортостан в рамках проектирования охранной зоны пещеры Шульган-Таш (Каповой) была произведена сплошная разведка в районе, где расположена пещера. Были обследованы пещеры и террасы р. Белая. Всего в пределах пространственного комплекса Шульган-Таша зафиксировано 17 археологических объектов, из них 8 впервые было выявлено в 2013 г. и на двух ранее известных существенно дополнена информация. Одним из таких памятников, который предстал в совершенно новом свете, является стоянка Акбулатово-3. Открыта отрядом под руководством А.П. Шокурова в 1962 г., первоначально названа «Акбулатовская 3 стоянка». На краю мыса был заложен шурф размером 2 × 2 м, в котором найдены кремневые изделия (наконечники стрел, скребок, сколы и др.) и фрагменты сосудов эпохи раннего железа [Шокуров, 1962, л. 63]. В «Археологической карте Башкирии» стоянка названа «Ш Ново-Акбулатовская стоянка», керамика отнесена к курмантаускому типу [АКБ, 1976, №1526, с. 171].

Памятник расположен на правом берегу р. Белая вблизи пещеры Шульган-Таш (Каповой) в 1 км восточнее д. Акбулатово Бурзянского района Башкортостана. Культурный слой был приурочен к покровным отложениям III надпойменной террасы р. Белой (высота 15–18 м от уровня реки), состоящие из буровато-коричневого суглинка с обломками кварцита. Всего в двух шурфах было обнаружено 362 экз. кварцитовых изделия. Чуть более половины (184 экз. – 50%) составляют отщепы. Среди сколов присутствуют 10 пластинчатых отщепов (2,8%). Ударные площадки гладкие или естественные. Нуклеусы разнообразные: подпризматические со скошенными гладкими ударными площадками (рис.-1, 3); кубовидные и бессистемные, многоплощадочные (рис.-8). Среди орудий (121 экз.) самой многочисленной категорией являются скребки с полукруглым лезвием на отщепах и осколках аморфной формы (24 экз. – 20% орудий) (рис.-4). Небольшую серию (8 экз. – 6,7%) составляют изделия, у которых углы заготовок были оформлены веерообразной полукрутой ретушью на небольших участках, – все они были условно отнесены к угловым скребкам. Функционально они сопряжены с другими орудиями с обработанными пологой и полукрутой ретушью углами и выступами: резчиками (14 экз. – 11,7%), орудиями с шипом (5 экз. – 4,1%) (рис.-9). Одним из проявлений этого стойкого стереотипа являются орудия с выделенными продольной ретушью углами и выступами, условно названными «резцами» (12 экз. – 10%), которые трудно отделить от острий (14 экз. – 11,7%) (рис.-6, 7, 11). Наряду с этим в коллекции представлены архаические типы орудий: чопперы (2 экз. – 1,7%) (рис.-13), остроконечные рубящие орудия типа пик (6 экз. – 5%) (рис.-5, 12), скребла простые (7 экз. – 5,8%) (рис.-2, 14), рубило асимметричное (1 экз.) (рис.-10). Эта смесь архаических типов орудий и нуклеусов нижнепалеолитического облика с «прогрессивными» формами орудий и нуклеусов, характерными для эпохи мустье, позволяет осторожно отнести данный комплекс к концу ашельской эпохи или к началу мустье. Эта археологическая датировка коррелируется с геологической: геолог В.Л. Яхимович относил верхнюю часть III надпойменной террасы в окрестностях пещеры Шульган-Таш к московским слоям рисского яруса [Бадер, 1965, с. 241]. Сходный памятник, сочетающий нижнепалеолитические элементы с «верхнепалеолитическими», нами исследовался на оз. Тургойк – многослойная стоянка Навес (Остров Веры-6а) [Котов, 2009, с. 25, 29, рис. 4]. Данная традиция, возможно, имеет генетическую связь с карышкинским кругом памятников.

Библиографический список

АКБ: Археологическая карта Башкирии. – М., 1976.

Бадер О.Н. Памятники палеолита на Южном Урале и их стратиграфическое значение // Антропоген Южного Урала / отв. ред. В.Л. Яхимович. – М., 1965.

А.Ф. Кочкина

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Самара
КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ
БИЛЯРСКОГО III СЕЛИЩА (по материалам VI раскопа)

Исследования Билярского III селища 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. (Татарстан), которые были предприняты в 1994–1998 гг. казанскими археологами в связи с разрушениями при строительстве дороги, и полученные при этом яркие материалы, свидетельствовавшие о его городском статусе [Валиулина, 2002, с. 216–243], практически поставили точку в дискуссии о существовании золотоордынского Биляра и месте его расположения. В 1996 г. были проведены исследования на участке, прилегающем к створу дороги, между III и V раскопом. Исследования на VI раскопе (72 кв. м) проводились совместной экспедицией КГУ и СОИКМ им. П.В. Алабина под руководством Е.А. Бегова-това при участии автора. Введение в научный оборот полного корпуса керамических материалов позволит не только дополнить характеристику памятника, но и выявить его особенности в контексте формирования новых гончарных традиций в эпоху Золотой Орды на бывших болгарских землях. Керамический комплекс VI раскопа составляют основные категории изделий, характерных для памятников золотоордынской эпохи Поволжья.

Небольшая, но выразительная группа штампованной (тисненой) и глазурованной керамики представлена изделиями, характерными для гончарных мастерских Средней Азии и крупных городов Золотой Орды. Десять фрагментов сероглиняной тисненой керамики принадлежат 3–4 сосудам, на одном из фрагментов сохранился подтек глины на месте шва-соединения частей изделия, оттиснутых в форме. Среди них – фрагмент фляжки, аналогичной флягам из городов Нижнего Поволжья [Федоров-Давыдов, 1994, с. 146, рис. 28]. Фрагменты от кувшина украшены по плечикам рельефными линиями и ромбами, подобно изделиям с памятников Хорезма золотоордынского времени [Вактурская, 1959, с. 309, рис. 23.-5]. Аналогичный кувшин с III раскопа почти полностью реконструирован [Валиулина, 2002, с. 241, рис. 6]. Поливная керамика по формовочной массе делится на кашинную и красноглиняную (56 и 8 фр. соответственно). Вся кашинная керамика по цвету поливы, наличию или отсутствию, а также характеру росписи, наличию или отсутствию рельефа разделена на несколько групп. По форме большинство фрагментов принадлежит чашам-пиалам на кольцевом поддоне, наиболее характерным для поливной посуды Золотой Орды. Группа кашинных сосудов с бирюзовой и бирюзово-кобальтовой поливой представлена 24 фрагментами, из них 15 – от сосудов с двусторонней бирюзовой поливой без росписи. На 6 фрагментах по одной из поверхностей нанесена темно-синяя или черная роспись геометрическим узором под глазурью. Три фрагмента принадлежат сосудам с рельефным декором на внешней поверхности в виде фестонов и точек, внутренняя поверхность покрыта бирюзовой поливой, внешняя – кобальтовой или ультрамариновой. Такие сосуды известны в золотоордынских древностях Нижнего Поволжья [Федоров-Давыдов, 1994, с. 122]. Развал подобного сосуда происходит с III раскопа [Валиулина, 2002, с. 216–243]. Вторая группа сосудов характеризуется полихромной росписью зелено-голубого цвета под бесцветной глазурью с рельефом (16 фр.). Три фрагмента венчика декорированы с внешней стороны рельефными арочками, с внутренней стороны – арабская (или псевдо-) надпись. Почти пол-ная аналогия этой чаши имеется в материалах Хорезма [Вактурская, 1959, с. 325, рис. 35.-4]. К группе полихромных чаш без рельефа, расписанных синезелеными цветами, а также синей, голубой, черной, темно-коричневой и темно-серой краски, относятся 7 фрагментов. Скорее всего, к группе псевдоселадонов можно отнести 4 фрагмента. Все 8 фрагментов поливной красноглиняной керамики практически соответствуют группам керамики, описанной Н.М. Булатовым [1976, с. 73–107]. Таким образом, комплекс парадной посуды VI раскопа Билярского III селища, являющейся в основе своей привозной, характерен уже для сформировавшейся городской культуры Золотой Орды и свидетельствует о высоком уровне бытовой культуры населения селища.

На раскопе абсолютно преобладает неполивная керамика, состоящая из двух групп: круговой ремесленной (1094 фр. – 71,8%) и традиционной лепной и подправленной на круге (429 фр. – 28,2%). В первой группе преобладает керамика красно-коричневых оттенков, лощеная, без заметных примесей в формовочной массе. По формам выделяются кувшины и кринки, крупные корчаги и горшковидные сосуды, миски, трубы, аналогичные изделиям, известным, например, в золотоордынских слоях Болгара, городов Нижнего Поволжья [Хлебникова, 1988, с. 54–98; Федоров-Давыдов, 2001, с. 4–202]. Однако почти треть керамики, несмотря на лощение, характеризуется шероховатой поверхностью, что является следствием запесоченности формовочной массы. Кроме того, в ее составе даже визуальнo фиксируется присутствие дробленой раковины, дресвы. Различия в формах и декоре с основной группой не прослеживаются. Особенностью комплекса является наличие единичных изделий, близких круговой посуде домонгольского Биляра [Кочкина, 1986, с. 24–53].

Немногим более четверти находок керамики на раскопе относится к традиционной группе. Она в основном изготовлена ручной лепкой, иногда подправлена на круге. На уровне предварительного визуального анализа состава формовочной массы керамика была распределена на несколько групп. К сожалению, в коллекции керамики совсем немного крупных фрагментов, тем не менее их выразительность позволяет охарактеризовать формы сосудов. Почти 40% керамики имеет в составе формовочной массы примесь дробленой раковины. Одна группа имеет дополнительно в качестве добавки органику, черепок рыхлый, горшки с резко отогнутым наружу венчиком, Т.А. Хлебникова определяла такую посуду как славяноидную (XVI гр.), связывая ее с марийским населением. В другой группе керамики встречается больше песка, это горшковидные сосуды с подтреугольными ручками и декором, присущих родановской керамике пермского Прикамья (XVIII гр.). Среди традиционной керамики почти половину составляют сосуды, в изготовлении которых использовалась более разнообразная рецептура формовочной массы (примеси – песок, органика, дресвы, иногда дробленая раковина). По формам численно преобладают котловидные сосуды, декорированные отпечатками зубчатого штампа, рельефно-выпуклыми полосами часто с вдавлениями, с ручками-выступами, крепившимися горизонтально к плечикам, округлодонные днища с выделенным ребром в месте перехода от стенки, встречаются светильники. Выделив эту группу керамики на материалах Болгара (XIX гр.), Т.А. Хлебникова [1988, с. 47] рассматривала ее как наиболее характерную для золотоордынского времени, связывая ее происхождение со среднеазиатским гончарством.

Таким образом, неполивная керамика III Билярского селища, сочетая многообразие гончарных традиций, отражает процесс формирования нового населения региона в условиях утверждения иных этнокультурных и экономических реалий. Данные технико-технологического анализа керамики позволяют более детально представить этот механизм.

Библиографический список

- Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976.
- Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (XI–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Т. IV. – М., 1959.
- Валиулина С.И. Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002.
- Кочкина А.Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра. – Казань, 1986.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М., 2001.
- Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.

Е.И. Кочкина
*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева, Красноярск*
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ СИБИРСКОГО СЕВЕРА
НА ЛЕЙПЦИГСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1930 г.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» (проект №16–11–24009 а(р) – «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII – начале XX в.»)

Участие Российской Империи в международных и всемирных выставках часто сопровождалось сибирским отделом, в рамках которого большой популярностью пользовались археологические и этнографические экспозиции, например, на Филадельфийской, Чикагской, Парижской всемирных выставках. Впоследствии с участием СССР в подобных мероприятиях интерес к сибирской археологии не пропал.

План археологического отдела Сибирского Севера для участия в Международной охотничьей выставке в Лейпциге в 1930 г. [Фандеев, Никольская, 1978, с. 9] разрабатывал археолог, ученый секретарь Общества изучения Сибири Николай Константинович Ауэрбах по поручению Комитета содействия народностям Северных окраин в лице ответственного секретаря организационной комиссии по выставке, этнографа Иннокентия Михайловича Сулова. Привлечение Н.К. Ауэрбаха к этой работе неслучайно, ведь Общество изучения Сибири разрабатывало способы и вело координацию по сбору археологических и этнографических предметов для Новозэкспорта как крупнейшая научная организация Сибири [Китова, Вдовин, 2015]. В том числе шел поиск зарубежных рынков сбыта, а подобные выставки были хорошим способом для установления выгодных контактов.

Перед Н.К. Ауэрбахом стояла задача составить план археологического отдела выставки с отражением первобытной культуры, а также ее эволюции до современности в виде древних промысловых и производственных орудий, «характеризующих производительные силы различных этапов развития культуры и при том у разных племен» [ИАЭТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 258. Л. 1]. Цель разработки данного отдела состояла в полном и ярком представлении охоты и орудий промысла далекого прошлого в соответствии с программой выставки.

Николай Константинович, в свою очередь, считал целесообразным осветить «темный период жизни северных племен по доистории края», к котором по существу ничего неизвестно, представив «материал различных находок, которые сделаны на громадной территории нашего Севера» [ИАЭТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 258. Л. 4]. Предполагалось построение экспозиции по тематико-географическому признаку – с Запада до Камчатки, где археологический материал разделен на подотделы: охота, рыболовство, другие промыслы, быт, а внутри подотделов – деление по хронологическому принципу: палеолит, неолит, металл, сопровождающиеся иллюстрациями. Шедеврами выставки должны были стать свежие находки палеолитического искусства на стоянке Мальта и предметы «звериного стиля» – находки М.П. Грязнова на Алтае. Специалистами по организации археологической выставки, по мнению Николая Константиновича, должны также стать Г.П. Сосновский, Б.Э. Петри, А.И. Разин и М.П. Грязнов [ИАЭТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 258. Л. 5об. – 6].

Большое значение имеет экспозиция, задачей которой было объединение археологического материала Севера из музеев Москвы, Ленинграда, Казани, Томска, Красноярска, Енисейска, Иркутска и др., тем самым представив достижения древности и современные исследования советских археологов, продемонстрировав за рубежом развитие северных территорий страны и опровергнув множество стереотипов европейцев о Сибири.

Библиографический список

Китова Л.Ю., Вдовин А.С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири (Из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы). – Кемерово, 2015.

Фандеев А.А., Никольская В.П. Охотничье-промысловые звери и трофеи. – М., 1978.

Н.Н. Крадин
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №14-18-01165
«Города средневековых империй Дальнего Востока»

В Монгольской империи существовали имперские столицы – мегаполисы (Каракопум, Шанду, Даду), города – административные центры (Аврага, Хирхира) и отдельно стоящие усадьбы (Алестуй, Нарсатуй) и дворцы (Кондуй). Строительство столицы Каракорума началось в 1235 г. Город был разделен на несколько участков, существовало не менее четырех рынков, храмы и кумирни различных конфессий. На территории около города найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, земледельческие орудия, плуги для вспашки, жернова. Однако монголы были вынуждены завозить дополнительное продовольствие. После 1260 г. Хубилай перенес центр империи в Китай. Он построил два огромных города – Шанду и Даду. Шанду, или Верхняя столица, находился на границе степи и земледельческих территорий неподалеку от озера Долон-нор. Город был летней столицей. Даду (Великая столица, Ханбалык) находился в районе современного Пекина к северо-востоку от чжурчжэньской Центральной столицы Чжунду.

Помимо имперских столиц известны другие города на территории Забайкалья и Внутренней Монголии. Хирхириновское городище находится на юге Забайкалья. Это комплекс из нескольких десятков усадеб и около 100 отдельных жилищ. По линии запад – восток город вытянут почти на 2 км и примерно на 700 м по линии север – юг. В западной части усадьбы расположены отдельно друг от друга, в восточной – объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков. Здесь же находится дворец, защищенный высокими стенами. Похожий памятник – городище Аврага исследуется японскими археологами на территории Монголии. Считается, что городище было ставкой Исунке – сыном Хасара, родного брата Чингис-хана.

Другой известный памятник монгольского времени на территории Забайкалья – Кондуйский городок. В центре Кондуйского ансамбля находился дворец – здание на платформе крестообразной формы. К северу, западу и востоку от главного дворца находились разные здания (павильоны). На юге были расположены главные ворота. В 4 км к востоку от дворца на пойме левого берега р. Кондуй была найдено место производства строительных материалов. Это подтверждено современными геофизическими исследованиями. Кондуйский дворец служит наглядным подтверждением концепции символического господства и олицетворяет легитимность правящих монгольских элит. Оба памятника раскапывались в 1957–1959 гг. С.В. Киселевым. В настоящее время их изучение продолжается.

Библиографический список

- Артемьев А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. – 2005. – №2.
- Киселев С.В. (отв. ред.). Древнемонгольские города. – М., 1965.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum Plus. – 2016. – №6.
- Крадин Н.Н., Крадин Н.П. Кондуйские древности // Вопросы истории. – 2016. – №12.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). Mongolian-German Karakorum-Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road. Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen 8. – Wiesbaden, 2010.

И. Крафт¹, Й-Ф Толксдорф¹, И.В. Шмидт²

¹Археологическое ведомство Саксонии, Дрезден, Германия

²Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

РАСКРАШЕННЫЕ ГАЛЬКИ ИЗ МАС д'АЗИЛЬ (ДЕПАРТАМЕНТ АРЬЕЖ, ФРАНЦИЯ) В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ АРХИВЕ САКСОНИИ: ПОДДЕЛКА ИЛИ ОРИГИНАЛ?

Собрание «преисторических вещей» было оформлено в качестве составной части коллекции королевского минералогического и геологического музея в Дрездене в 1874 г. Благодаря этому музею и основанному в нем обществу естествоиспытателей ISIS [Coblentz, 1993] «курьезные вещицы» собирались по всей Европе. С 1892 г. часть из них известна как находки французских памятников из дрезденского Цвингера. Их появление в коллекции связано с интересом директора отдела формирования коллекций Ханса Бруно Гайнитца (1814–†1900) к палеолитическим артефактам, впервые представленным на выставке в Париже в 1867 г. Благодаря контактам и общества естествоиспытателей и его целеустремленности в Дрездене оказалась небольшая коллекция из 31 раскрашенной охрой гальки из Мас д'Азиль [Piette, 1896]. Они были напрямую доставлены с мест раскопок, проводившихся под руководством Э. Пьетта и переданы/подарены в коллекцию преисторических артефактов (запись в «специальном каталоге» от 21 сентября 1899 г.). Таким образом, Дрезденская коллекция расписных галек из Мас д'Азиль является одной из самых многочисленных известных в мире. К тому же она непосредственно связана с Э. Пьеттом и его коллегами, проводившими в это время археологические исследования в Европе [Толксдорф, Крафт, Шмидт, 2015].

В 1985 г. К. Куро начал комплексную обработку раскрашенных галек французского палеолитического комплекса, сосредоточенных в коллекциях Франции и Великобритании [Couraud, 1985]. Ему удалось выявить разрозненные гальки в США [Bahn и др., 1987] и даже в Родезии, но коллекции в Дрездене, Средней и Восточной Германии остались ему недоступными. Один из результатов, к которым пришел исследователь, состоит в том, что среди изученных им образцов оказалось некоторое количество подделок. Это замечание относится и к материалам, появление которых связано со временем работ Э. Пьетта. Судя по всему, с учетом возрастающего интереса к подобным материалам современники раскопок обратились к изготовлению подделок. Первые из них появились в период раскопок Э. Пьетта. Это может быть объяснено практикой вознаграждений рабочих за добытые ими особо ценные находки.

Для того чтобы исключить наличие подделок в дрезденском собрании, все камни были тщательно изучены. Макроскопические и микроскопические исследования показали одинаковое нанесение краски на поверхности камней. Процесс осуществлялся при помощи пальца или же размоченной на одном конце веточки. Руслы повреждений, заметные на поверхностях камней, были свободны от красителей (рис.), это говорит о том, что камни были повреждены позже (возможно, во время раскопок). Не полагаясь на данный результат, изучение было продолжено.

В ходе исследований не допускались активные воздействия на поверхность камней, поэтому дифрактометрия не удалась ввиду интенсивного отражения сигнала каменной основой, покрытой краской. Раманспектроскопии были подвергнуты два экземпляра с ощутимо толстым слоем красителя. Результаты данного исследования показали, что краситель был составлен исключительно из гематита ($\alpha\text{-Fe}_2\text{O}_3$). Это означает, что ни маггемит ($\gamma\text{-Fe}_2\text{O}_3$), ни геотит ($\alpha\text{-FeOOH}$), очень близкие и похожие по цветовому спектру и составу материалы, в качестве красителей древним человеком не использовались. Эти железистые соединения могли быть получены в ходе нагрева сырья или при его смешении с другими минералами [Smith и др., 1999]. В заключение был применен метод фотоспектрометрии. Он передает реальный тон цвета в видимом человеком цветовом спектре [см. $L^*a^*b^*$ – und Munsell-Farbkatalog; Ruiz, Pereira, 2014].

Полученные результаты показали, что поверхности всех галек, но с разной интенсивностью окрашены минералом исключительно красного цвета и не содержат примесей других оттенков (например, охристых). Это указывает на то, что на протяжении

долгого времени (около 300 лет (!) – продолжительность формирования культурного слоя, в котором были обнаружены раскрашенные гальки) для раскрашивания галек в Мас д’Азиль использовался специальный гематит определенного специфического тона.

Библиографический список

Толксдорф И.Ф., Крафт И., Шмидт И.В. О находках, подделках и притягательности: раскрашенные гальки из Мас Д’Азиль (департамент Аррьеж, Франция) в собраниях археологического архива Саксонии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2015. – №4 (8).

Bahn P.G., Cole G.H., Couraud C. Les galets peints du Mas-d’azil déposés dans les musées des Etats-Unis // Préhistoire Ariégeoise. – 1987. – №42.

Coblenz W. Die prähistorische Sektion der ISIS // Naturwissenschaftliche Gesellschaft Isis: Sitzungsberichte und Abhandlungen der Naturwissenschaftlichen Gesellschaft Isis, Dresden e.V. 1991/92. – 1993.

Couraud C. L’art azilien: Origine-survivance. – Paris, 1985.

Piette E. Études d’ethnographie Préhistorique III. – Les galets coloriés du Mas d’Azil // L’Anthropologie. – 1896, №7.

Ruiz J.F., Pereira J. The colours of rock art. Analysis of colour recording and communication systems in rock art research // Journal of Archaeological Science. – 2014. – №50.

Smith D.C., Bouchard M., Lorblanchet M. An initial Raman microscopic investigation of prehistoric rock art in caves of the Quercy District, SW France // Journal of Raman Spectroscopy. – 1999. – №30.

А.И. Кривошапкин^{1,2}, Б. Виола¹, Т. Чаргынов³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул;

³Киргизский национальный университет, Бишкек

ВАРИАбельность СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПЕЩЕРЫ СЕЛЬУНГУР (Киргизия)

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ №15-31-01000

До последнего этапа исследований пещера Сельунгур (Ферганская долина, Республика Кыргызстан) являлась ключевым нижнепалеолитическим памятником Центральной Азии. Исследование пещеры проводилось в 1980-х гг. под руководством У.И. Исламова. Во время этих работ на базе нескольких раскопов было вскрыто пять культурных слоев, отнесенных исследователем к раннему палеолиту, содержащих богатый археологический, фаунистический и палеоантропологический материал [Исламов, Крахмаль, 1995]. В последнее время рядом исследователей были высказаны сомнения относительно подобной культурно-хронологической интерпретации [Вишняцкий, 1996; Ранов, Додонов, 1996; Додонов, 2002]. Таким образом, на современном этапе исследований каменного века Центральной Азии было признано крайне актуальным возобновление археологических работ на памятнике Сельунгур. Полноценное изучение памятника было начато в 2014 г. [Кривошапкин и др., 2015; 2016].

Пещера располагается в Ферганской долине в окрестностях г. Хайдаркен по верхнему течению Обиширса. Полевые исследования были сосредоточены на изучении культуросодержащих отложений, представленных в привходовой (внутренней) части пещеры (раскоп 8 У.И. Исламова).

Новый раскоп в зоне 8 был вписан в старый раскоп У.И. Исламова. На привходовой площадке была сделана зачистка стратиграфического разреза с целью его уточнения. В результате проведенных работ предложена новая стратиграфическая интерпретация отложений пещеры Сельунгур: в настоящее время в результате предварительных геологических исследований только слой 6.2 определяется *in situ*. Большая часть изучавшихся отложений имеют пролювиальный, коллювиальный или солифлюкционный генезисы.

В настоящее время для культуросодержащих слоев пещеры Сельунгур еще не было получено новых определений абсолютного возраста. Принимая во внимание то обстоятельство, что повторный анализ остатков микрофауны не выявил нижнеплейстоценовых компонентов, а также имеющуюся торий-урановую дату 126 ± 5 тыс. л.н. [Исламов, Крахмаль, 1995], то время заселения памятника может быть отнесено лишь к самому концу среднего плейстоцена.

В процессе раскопок были получены представительные археологические материалы (более 2500 экз.). В результате проведения технико-типологического анализа в рамках атрибутивного подхода было установлено, что характерными чертами комплексов пещеры Сельунгур являются: 1) доминирование в первичном расщеплении плоскостных нуклеусов, направленных на получение укороченных снятий в параллельном, радиальном и ортогональном направлениях; 2) преобладание нуклеусов, расщепление которых велось по короткой оси; 3) преобладание среди целевых сколов массивных в поперечном сечении отщепов с крупными ударными площадками; 4) доминирование гладких ударных площадок с редкой подправкой перебором карниза; 5) преобладание в категории технических сколов краевых, снятых с ортогональных и радиальных нуклеусов; 6) присутствие сколов утончения двухсторонних орудий; 7) наличие двухсторонних орудий в форме острий и скребел, выполненных в рамках плоско-выпуклого метода обработки; 8) доминирование в орудийном наборе различных вариантов продольных и поперечных скребел; 9) наличие одинарных или двойных альтернативных поперечных скребел, рабочие участки которых преимущественно оформлялись на ударных площадках сколов-заготовок; 10) наличие специфичной техники оформления плоскостей орудий для дальнейшей реализации фасеток сильномодифицирующей крутой и отвесной ретуши; 11) наличие

уникальных для среднего палеолита региона типов орудий: тейякские остря, мустьерские стамески, скребла высокой формы.

Интересно полное отсутствие в индустрии каких-либо признаков леваллуазской технологии и/или хотя бы минимальной подправки ударных площадок нуклеусов. Другим характерным признаком индустрии является явная ориентация на производство мелких укороченных массивных и широких сколов, что, основываясь на первичном петрографическом анализе сырьевой базы индустрии (достаточно разнообразной, от высококачественных кремней до трещиноватых кварцев), не может быть объяснено ограничениями, накладываемыми характеристиками каменного сырья (доступность, размер, качество), а, скорее, является культурозначимым признаком. Таким образом, имея явно не раннепалеолитический (тем более, не ашельский), а среднепалеолитический облик, индустрия Сельунгура резко отличается от известных среднепалеолитических комплексов региона (обирахматского [Кривошапкин, 2012, с. 28–30] и тешикташского индустриального варианта среднего палеолита [Деревянко и др., 2015, с. 56]).

В качестве наиболее близкой индустрии в рамках хронологического и технологического контекстов следует указать среднепалеолитический комплекс Мар-Тарик в Загросе, отличающийся от комплексов Сельунгура только наличием леваллуазского компонента, что может свидетельствовать как о более молодом возрасте Мар-Тарик, так и о проявлении региональной вариабельности [Joubert, Biglari, Mourre et al., 2009].

Таким образом, материалы нового этапа исследований пещеры Сельунгур в настоящее время на основании комплекса технико-типологических характеристик рассматриваются в качестве нового индустриального варианта среднего палеолита Центральной Азии с относительно ранней хронологией.

Библиографический список

- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб., 1996.
- Деревянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Кот М., Шимчак К., Крайцарж М., Лазарев С.Ю., Раджабов А., Хужаназаров М. Новый индустриальный вариант среднего палеолита в Западном Тянь-Шане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XX. – Новосибирск, 2014.
- Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии. Стратиграфия, корреляция, палеогеография // Труды геологического института Российской академии наук. – Вып. 546. – М., 2002.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнего человека в Центральной Азии. – Ташкент, 1995.
- Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2012.
- Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т., Крайцарж М., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Романенко М.Е., Алишер кызы С. Исследования среднепалеолитических комплексов пещеры Сельунгур в полевом сезоне 2016 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.
- Кривошапкин А.И., Виола Б., Колобова К.А., Чаргынов Т., Бакчиев Д. Возобновление исследований пещеры Сельунгур (Кыргызстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXI. – Новосибирск, 2015.
- Ранов В.А., Додонов А.Е. О периодизации и хронологии нижнепалеолитических стоянок Средней Азии // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. – Ташкент, 1996.
- Jaubert J.F., Biglari V., Mourre L., Bruxelles J.G., Bordes S., Shidrang R., Naderi M., Mashkour B., Maureille J.B., Mallye Y., Quinif W., Rendu, Laroulandie V. The Middle Paleolithic Occupation of Mar-Tarik, a New Zagros Mousterian Site // Iran Paleolithic, Proceedings of the XV World Congress. – Lisboa, 2009.

А. Крийска, К. Нордквист, Д.В. Герасимов
Тартуский университет, Тарту, Эстония;
Университет Оулу, Оулу, Финляндия;
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера), Санкт-Петербург
ЭСТОНСКИЙ ВАРИАНТ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ

В начале III тысячелетия до н.э. на обширных территориях Европы, включая восточную часть Прибалтики, сложился ряд культурно-технологических комплексов, обладающих общими чертами – так называемые культуры шнуровой керамики, или боевых топоров. По локальным особенностям различают несколько более мелких культурных групп. Восточная часть Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония, Северо-Восток России и Финляндия) традиционно делится на четыре региональных культурных группы: 1) прибрежная (Жуцевская) культура на прибрежных территориях Литвы, 2) культура балтийской шнуровой керамики внутренних регионов Латвии и Литвы, 3) культура эстонской шнуровой керамики в Эстонии и Латвии, 4) культура финской шнуровой керамики в Финляндии и на Карельском перешейке в России [Edgren, 1970; Jaanits и др., 1982; Крайнов, 1987]. В своем докладе мы будем рассматривать третью группу.

Культуру эстонской шнуровой керамики отличают, в первую очередь, по характерным каменным топорам и глиняной посуде [Jaanits и др., 1982, с. 109, 111]. В керамике это проявляется яснее, потому что ареалы распространения разных типов каменных топоров немного шире, чем разных типов керамики. Керамику эстонского типа описывали многократно, но на примере одиночных объектов или регионов [Kriiska, 2000; Nordqvist, 2016; Raavel и др., 2016]. Впервые, однако, предлагается обобщающее исследование, рассматривающее весь ареал ее распространения. Результаты интенсивной международной исследовательской работы последнего десятилетия дают возможность подробнее рассмотреть эстонский вариант шнуровой керамики, детальнее его описать, определить ареал распространения и датировать.

Специфическими чертами обладает только одна из четырех основных форм керамической посуды (горшки, кубки, амфоры, чаши). Кубки, маленькие чаши и амфоры, которые были найдены как в погребениях, так и на местах поселений (не более 10% глиняных фрагментов на рассматриваемой территории), во многом схожи с аналогами, которые использовались в других культурных группах. Региональные отличия проявляются в основном в формах горшков. Горшки использовались только на поселениях, поэтому этот тип сосудов часто считается бытовой керамикой.

Форма сосудов, как правило, простая: горшки имеют плоское дно и довольно ровный профиль. Максимальный диаметр сосуда – у его устья или немного ниже, на горлышке сосуда могут быть валики. Дно значительно меньше венчика. Иногда придонная часть выделена выступающим рантом. Толщина стенок обычно составляет 5–10 мм. Края сосуда часто толще, чем стенки, и в основном имеют утолщение снаружи. Довольно характерно то, что кромка края сосуда образует выступающий рант вокруг венчика. Сосуды преимущественно выполнены в простой технике – ленточной, обычно с N-типом соединения («внахлест»).

Керамика изготовлена, как правило, из глины с органическими, растительными, добавками, реже использовались минеральные добавки, такие как песок, шамот и дресва, хотя их часто добавляли в формовочную массу вместе с органическими примесями. Органические добавки часто видны на поверхности сосудов в виде длинных волокнистых отпечатков. Из-за выгорания органики керамика обладает сравнительно высокой пористостью.

Поверхность горшков заглажена или покрыта штриховкой. Оба варианта обработки поверхности встречаются как сами по себе, так и вместе на одних сосудах. Штриховка может быть как глубокой, так и не очень, чаще она наносилась на внутреннюю поверхность сосуда.

Орнаментированы лишь некоторые сосуды; орнамент располагался, в большинстве случаев, только в верхней части сосудов (на поселениях с большим числом находок количество орнаментированных фрагментов, как правило, не превышает 10%). Декор присутствует только снаружи. Чаще всего орнамент располагается горизонтальными рядами вокруг шейки, но иногда встречается и на краях сосуда. В качестве декоративных элементов использовались прочерченные линии, ямки, насечки, отпечатки шнура, в исключительных случаях – отпечатки зубчатого орнамента (гребенчатого штампа) и отпечатки намотанного на палочку шнура, поверхность единичных сосудов покрыта отпечатками текстиля. На поверхности одного сосуда чаще всего встречается лишь один элемент орнамента, реже несколько. Прочерченные линии располагаются либо горизонтальными рядами, либо диагонально в горизонтальных поясах. Отпечатки шнура, ямки и насечки также располагаются в основном горизонтальными рядами.

Границы ареала распространения такой «бытовой» керамики достаточно четкие. Она распространена на всей территории Эстонии (в том числе и острова Балтийского моря), в северной части Латвии, на севере Псковской области, в Ингерманландии, на Карельском перешейке в России и на части территории юго-восточной и южной Финляндии. В целом известно более 100 поселений со шнуровой керамикой эстонского типа. Хронологические границы бытования этой культурной группы маркируют датировки поселений Нарвско-Лужского региона – самые ранние примерно 2800 лет до н.э. и наиболее поздние – примерно 2000 лет до н.э. [Крийска и др., 2016]. Это указывает на сравнительно быстрое формирование культурной группы после прибытия переселенцев (органическую примесь можно считать местным влиянием, поскольку это было характерно для местной гребенчатой керамики на протяжении сотен лет [по поводу миграций см. Аллентофт и др., 2015]), и на то, что период существования культуры шнуровой керамики на этих территориях был несколько длиннее, чем в большинстве других регионов, в которых проявился данный феномен.

Библиографический список

- Крайнов Д.А. Фатяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. – 2015. – №522. DOI 10.1038/nature14507
- Edgren T. Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 72. – Helsinki, 1970.
- Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. – Tallinn, 1982.
- Kriiska A. Corded Ware Culture sites in north-eastern Estonia // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits (Muinasaja teadus 8)*. – Tallinn, 2000.
- Kriiska A., Gerasimov D.V., Nordqvist K., Sandell S., Lisitsyn S.N., Kholkina M.A. Stone Age research in Narva-Luga Klint Bay area (2005–2014) // *New sites, new methods (Iskos 21)*. – Helsinki, 2016.
- Nordqvist K. From separation to interaction: Corded Ware in the eastern Gulf of Finland // *Acta Archaeologica*. – 2016. – №87 (1). DOI 10.1111/j.1600-0390.2016.12167.x
- Paavel K., Kimber A., Rannamäe E., Kriiska A. Investigations at Sõjamäe and Soodevahe cup-marked boulders and Late Neolithic / Iron Age settlement site at the south-eastern border of Tallinn // *Archeological fieldwork in Estonia 2015*. – Tallinn, 2016.

Н.Б. Крыласова
Пермский научный центр УрО РАН, Пермь
**ЖИЛИЩА И ПЛАНИРОВКА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА
У ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

Изучение средневековых жилищ Пермского Предуралья, среди которых преобладали наземные постройки, сопряжено с определенными трудностями, главной из которых является культурный слой, не способствующий сохранению органических остатков, в том числе древесины. Вторым моментом, затрудняющим как реконструкцию облика типичного прикамского жилища, так и выделение остатков жилищ при раскопках археологических памятников, является отсутствие четких представлений об особенностях конструкции, строительной технологии, организации внутреннего пространства дома. На обширной территории Пермского края известно всего около 3 десятка жилищ ломоватовской и родановской археологических культур.

В последнее десятилетие несколько новых жилищ было изучено целиком или частично при раскопках Рождественского городища, которое являлось торгово-ремесленной факторией болгар на финно-угорской территории Прикамья.

Все рассматриваемые жилища представляли собой наземные постройки прямоугольной формы. Все они имеют значительные размеры, поэтому в большинстве случаев изучены частично. Наиболее стандартная ширина жилищ – 7–9 м, длина варьируется в пределах от 14 до 20 м, площадь – от 100 до 200 кв. м. В большинстве жилищ по периметру зафиксированы столбовые ямы, следовательно, они были построены в каркасно-столбовой технике с закладкой поперечных бревен или плах как в пазы стояков, так и между ними. В жилищах, уничтоженных пожаром, в столбовых ямах сохранились остатки обугленных столбов, зачастую стесанных на брус размером примерно 0,2 × 0,2 м.

Жилища имели двускатное перекрытие, универсальной моделью конструкции кровли было использование опорных столбов, которые располагались в 1, 2 или 3 ряда – центральные ряды опорных столбов поддерживали князевую балку, боковые служили опорами для стропил. Учитывая фундаментальность изученных построек, мощность несущих конструкций, в которых вся тяжесть кровли приходится на столбы каркаса, а не на стены, как в срубных домах, логично предположить покрытие кровли тесом, а не берестяными листьями, как предполагалось ранее, что вполне соответствует климатическим условиям региона.

В некоторых случаях отчетливо прослеживается ряд столбовых ям, перпендикулярный осевой линии жилищ – основание перегородки, делившей постройку на две неравные части, меньшая из которых располагалась у входа.

С интерьером жилищ связаны, прежде всего, остатки печей, очагов и хозяйственные ямы, которые располагались, прежде всего, вдоль условной оси жилища, иногда дополнительно – ближе к стенам, возможно, под нарами. Основным видом отопительных устройств являлись печи на ямах-подпечьях, служивших в качестве места для хранения продуктовых запасов и приготовленной пищи. Иногда устраивались дополнительные очаги без углубленной части, основанием которых служила деревянная опалубка, заполнявшаяся глиной. В большинстве жилищ, изученных на Рождественском городище, плотность таких объектов достаточно высока. Безусловно, некоторые из них не существовали одновременно, а возводились по мере обветшания старых.

Вдоль стен в большинстве жилищ фиксировались опоры нар в виде столбовых конструкций, в которых применялись колья небольшого диаметра, расположенные попарно. Между кольями закладывались жерди или плахи, образующие стенки, расположенные перпендикулярно или параллельно стенам жилища – они служили основанием для дощатого настила шириной около 2 м. Пол под нарами не настилался,

культурный слой здесь практически не накапливался. Полы были преимущественно дощатые на лагах из жердей. При анализе стратиграфии прослеживается, что полы неоднократно обновлялись, причем на некоторых уровнях они дополнительно перекрывались слоем глины, которая на планиграфии наблюдается в виде глинобитной площадки, иногда местами обожженной.

В жилищах, изученных на раскопе IX Рождественского городища, которые погибли в результате пожара, четко фиксирующиеся обугленные деревянные конструкции позволяют проследить дополнительные детали. Возле некоторых печей выделены четырехугольные объекты, окруженные по периметру столбами, которые можно связывать с опорами рабочих столов. Вдоль стен наблюдаются столбовые конструкции, связанные с остатками галерей и мостков.

Как показывают наблюдения, в ранних раскопках исследователями часто игнорировались и не фиксировались столбовые ямки малого диаметра. Между тем в средневековом Пермском Предуралье конструкции из кольев являлись универсальными. С их помощью не только возводились указанные стенки, служившие опорами нар, столов и прочих деталей интерьера, оснований галерей, опалубки завалинок, оснований мостков и иных конструкций. Колья использовались также для закрепления дощатой облицовки ям (в технике заклада, когда вертикальные колья прижимали горизонтальные доски к стенкам), причем их следы в ямах фиксируются как на дне, так и в стенках, что позволяет предполагать наличие полок или перекрытий; колья применялись при сооружении опалубок в основании печей и очагов. Внимательная и тщательная фиксация маленьких столбовых ямок позволяет в дальнейшем при работе с планами выделять разнообразные детали в интерьере и внешнем обустройстве жилищ. В частности, скрупулезный анализ этих конструкций позволяет более детально проследить особенности интерьера, в то время как в целом детализация интерьера относится к числу наиболее гипотетических результатов изысканий, нацеленных на воссоздание облика жилья.

Основываясь на новых материалах, можно утверждать, что для средневекового населения Пермского Предуралья были характерны просторные, вполне комфортно обустроенные (по тем временам), возможно, иногда даже двухэтажные жилища. Это были прочные постройки, функционировавшие на протяжении длительного времени, изготовленные из качественного лесоматериала – бревно (кругляк) и тесаный брус (четырехугольный в сечении) 0,2 м и более в поперечнике, более тонкие тесаные бруски и жерди, плахи, доски колотые и тесаные, колья.

В наиболее изученной восточной части площадки городища жилища располагались рядами параллельно логу, ограничивающему площадку городища, перпендикулярно обрыву р. Обва. Плотность застройки была очень высока – расстояние между жилищами составляло всего 1–2 м, это пространство было покрыто мостками и, вероятно, огорожено, образуя некий хозяйственный коридор. Анализ распространения находок показывает, что вдоль стен жилищ был сосредоточен инструментарий, связанный с обработкой кожи, плетением, шитьем (разбивальники для разминания кожаных ремней и шнурков, кочедыки, проколки, шилья и пр.) – очевидно, в теплое время года здесь в более освещенном месте, чем в жилище, занимались домашним производством.

Дальнейшими задачами при продолжении исследований Рождественского городища является выделение инфраструктуры (проездов между рядами жилищ, хозяйственных зон, мест содержания скота), чтобы лучше понять структуру и представить жизнь этого средневекового городка.

Новые данные о средневековых жилищах Пермского Предуралья позволят по-новому отнестись к интерпретации полученных при раскопках материалов, возможно, выделить новые жилища на планах уже исследованных участков поселений, а также подойти к такому важному этапу, как реконструкция жилищ.

А.Л. Кряжевских
НПЦ по охране ОКН Кировской области, Киров
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ХЛЫНОВСКОГО КРЕМЛЯ

Памятник археологии Хлыновский кремль располагается в центральной части г. Кирова на левом коренном берегу р. Вятки высотой 35–40 м, занимая тупой мыс, ограниченный с юга берегом оврага Засора.

Оборонительные сооружения г. Хлынова-Вятки возникли сразу после основания города, то есть еще в XIV в. Официальной датой основания г. Кирова считается 1374 г. По данным «Повести о стране Вятской», первоначальные укрепления города представляли собой поставленные вплотную друг к другу срубы жилищ. Укрепления Хлынова в то время были идентичны крепостным постройкам городов Киевской Руси домонгольского времени [Макаров, 1995, с. 88].

К началу XVII в. хлыновский кремль был окружен валом, поверх которого шла деревянная стена, срубленная в два ряда и закрытая сверху тесовой крышей. Кроме того, кремль имел 8 башен, из которых 4 были проезжими. Общая длина стены достигала 420 сажень (около 900 м) [Эммаусский, 1995, с. 70–71].

В 1663 г. в ходе перестройки кремлевских оборонительных сооружений вместо деревянных стен были насыпаны земляные валы высотой около 5 м. Основу конструкции вала составляли «тарасы» – две параллельные бревенчатые стенки, соединяющиеся между собой поперечными бревенчатыми перегородками. Эти стенки образовывали изолированные ячейки, заполненные землей. С внешней стороны тарас был насыпан и одернован крутой откос. Со стороны р. Вятки вал от оплывания защищали срубы из пяти рядов толстых бревен. По верху вала были набиты зубцы из заостренных вверху бревен, за которыми находились наполненные землей туры – плетеные ивовые корзины диаметром и высотой по одному аршину (72 см), поставленные друг от друга на расстоянии аршина, как и зубцы на стене. В линию вала были встроены деревянные башни.

В начале 1680-х гг. туры были заменены заборками – двухметровой бревенчатой стенкой с узкими бойницами для стрельбы. Тогда же всю боевую площадку закрыли сверху двускатной кровлей. С запада и севера кремлевский вал был окружен рвом, который на части своего протяжения был заполнен водой. Ров пролегал примерно по линии современной улицы Динамовский проезд. От проезжих башен через него были перекинuty мосты с перилами, которые, очевидно, можно было быстро развести в случае опасности [Кряжевских, 2008, с. 110–113].

Остатки укреплений кремля были зафиксированы на плане г. Хлынова 1759 г. В это время кремль с напольной стороны окружал глубокий ров шириной более 30 м и вал шириной не менее 10 м. Его площадь составляла около 4 га [Макаров, 1999, с. 50]. Граница кремлевской части Хлынова-Вятки на западе и северо-западе проходила приблизительно по линии современной ул. Динамовский проезд, на севере шла примерно по линии современного дома №14 по ул. Динамовский проезд, с востока кремль прикрывал высокий берег р. Вятки, а с юга – берег оврага Засора.

Впервые на Хлыновский кремль как на археологический памятник указал в 1881 г. А.А. Спицын в «Каталоге древностей Вятского края» [Спицын, 1881, с. 36–37].

Археологическими методами кремль г. Хлынова-Вятки исследовался сравнительно немного. В 1983 г. во время прокладки траншеи водопровода по ул. Московской г. Кирова Л.Д. Макарову удалось проследить разрез кремлевского вала. В ходе наблюдений выявлены остатки древнейших укреплений города в виде дощатого настила, фрагментов бревен и плах, строительного мусора, которые располагались вдоль рва на прослойке погребенного дерна с лесной подстилкой. Эти сооружения Л.Д. Макаров идентифицировал как остатки укреплений типа «жилые стены», сведения о которых содержатся в «Повести о стране Вятской». В них успел отложиться культурный слой мощностью до 25 см, правда, без находок. Его перекрывает мощная насыпь вала шириной 13 м, внутри которого зафиксированы

деревянные конструкции в виде срубов, забутованных глиной [Макаров, 1999, с. 54]. Эти сооружения относятся уже к XVII в.

В 2015 г. в юго-восточной части Хлыновского кремля на краю склона, который спускается к оврагу Засора, были предприняты раскопки под руководством Р.В. Матвеева¹. Площадь раскопа составила 100 кв. м.

В ходе раскопок были обнаружены остатки укреплений Хлыновского кремля, возведенных в 1663–1666 гг. В частности, выявлены следы внутривальных деревянных конструкций в виде подпрямоугольных полос темно-серой супеси с включениями угля, которые пересекаются друг с другом перпендикулярно или под углом. Между остатками деревянных конструкций фиксируется забутовка в виде пятен желто-коричневого суглинка. Общее направление исследованного участка укреплений – северо-восток – юго-запад. Пятна желто-коричневого суглинка, как правило, имеют неправильную форму, обусловленную их прорезанием более поздними напластованиями, и образуют своеобразные ячейки, ограниченные остатками бревенчатых стенок – полосами темно-серой супеси с включениями угля. В одной из таких полос найден железный кованый гвоздь, в другой – остатки обугленного бревна достаточно хорошей сохранности длиной 80 см и шириной 20 см.

Результаты археологических раскопок 2015 г. позволяют реконструировать вероятные размеры тарасов, составлявших основу конструкции кремлевского вала 1663–1666 гг. постройки. Расстояние между продольными бревенчатыми стенками тарасов с северо-востока на юго-запад составляет от 3,3 до 3,9 м, диаметр бревен, из которых они сооружались, варьируется от 20 до 50 см. Точнее диаметр оценить сложно, так как бревна сохранились главным образом в виде прослоек темно-серой супеси с включениями угля. Внутри тарасов зафиксированы остатки диагональных связей из жердей, очевидно, призванных дополнительно усилить конструкцию вала. Расстояние между поперечными бревенчатыми стенками тарасов, располагающимися по линии север-юг и северо-запад – юго-восток, в раскопе 2015 г. прослежено не было. Общая протяженность остатков кремлевского вала XVII в., прослеженных в раскопе, составила около 14,5 м [Матвеев, 2015, с. 67–102]. Полную реконструкцию укреплений Хлыновского кремля XVII в. не позволяют выполнить относительно небольшие размеры раскопа 2015 г. и тот факт, что не удалось довести данный раскоп до материка.

Таким образом, объем наших знаний об укреплениях кремля г. Хлынова-Вятки является неполным и необходимо продолжение исследований этого археологического памятника.

Библиографический список

Кряжевских А.Л. Оборонительные укрепления г. Хлынова (Вятки) в XVII в. // Камский торговый путь : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Елабуга, 2008.

Макаров Л.Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова) : материалы Международной конференции. – Киров, 1999.

Макаров Л.Д. Русские поселенцы на берегах Вятки // Энциклопедия земли Вятской. – Т. 4. История. – Киров, 1995.

Матвеев Р.В. Отчет об археологических разведках на территории г. Кирова и г. Слободского Слободского района Кировской области, а также об археологических раскопках на территории Хлыновского кремля г. Кирова за 2015 год. – Т. 1. Текстовые материалы // Архив КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области».

Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. – Вятка, 1881.

Эммаусский А.В. Культура Вятского края XVII вв. // Энциклопедия земли Вятской. – Т. 4. История. – Киров, 1995.

---

¹ Автор выражает благодарность старшему преподавателю Казанского национального исследовательского технологического университета Р.В. Матвееву за возможность использования при написании статьи неопубликованных материалов раскопок 2015 г.

Д.А. Кубанкин
Саратовский областной музей краеведения, Саратов
ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА

О фортификационных сооружениях золотоордынского города Укека в научной литературе известно крайне мало, однако упоминания путешественников и исследователей XVIII – начала XX в. позволяют примерно очертить их контуры, что позволит скоординировать дальнейшие археологические раскопки на территории памятника.

Укрепления Укека описывали в 1769 г. академики И.И. Лепехин и И.П. Фальк [Дневные записки..., 1795, с. 380; Полное собрание..., 1824, с. 118]. И.И. Лепехин, по всей вероятности, видел юго-западную часть укреплений в районе Мамайского бугра, спускающуюся затем к Волге. И.П. Фальк принял за укрепления городища участок на территории между речкой Увековкой и северным склоном горы Каланчи, т.е. к северо-западу от вала, отмеченного И.И. Лепехиным. В настоящее время следует признать, что данный участок нельзя считать укреплением, поскольку он не окружает городище и на нем практически отсутствуют какие-либо находки.

О том, что Увекское городище имело не только вал, но и ров неоднократно указывалось очевидцами [О монгольских древностях, 1835, с. 486; Васильчиков, 1893, с. 27; Чернецов Г.Г., Чернецов Н.Г., 1970, с. 125; Саблуков, 1884, с. 305]. По сведениям художников Чернецовых земляной вал окружал город Укек [Чернецов Г.Г., Чернецов Н.Г., 1970, с. 125]. Братья Чернецовы видели, что вал спускается к Волге, как минимум с одной, а возможно и с двух сторон. Г.С. Саблуков писал в 1846 г., что от Каланчи «до самого берега Волги идет вал, с рвом по внешней стороне, не глубоким в настоящее время» [Саблуков, 1884, с. 305].

В статистико-географическом издании 1875 г. указана протяженность вала около 210 м при ширине 2 м и такую же его длину указывал П.А. Пономарев [1879, с. 322]. По-видимому, здесь описывается укрепленный участок юго-западного вала в районе Мамайского бугра, именно его обычно замечали исследователи [Пономарев, 1879, с. 322].

Информация о размерах вала с западной (т.е. внешней) стороны приводится у Л.Л. Голицына: «по западной стороне кургана (Мамаева бугра. – Д.К.) от Каланчи до южного его основания идет в направлении от севера к югу вал, возвышающийся с восточной стороны аршина на $1\frac{1}{2}$ – $2\frac{1}{2}$ (1–1,7 м), с западной же от дна рва до вершины вала будет сажени $1\frac{1}{2}$ – $2\frac{1}{2}$ (3,2–5,3 м), у южной подошвы кургана вал был разорван. Были ли это так называемые «ворота» вала, или этот разрыв образовался впоследствии от частой езды (здесь пролегает дорога), сказать не можем» [Голицын, Краснодубровский, 1893, с. 96–98]. Довольно интересной выглядит информация о размерах вала с западной (т.е. внешней) стороны: промеры здесь ведутся от дна рва и до вершины вала, хотя за 15 лет до этого описания П.А. Пономарев указал, что вал засыпан. Не исключено, что авторы использовали сведения предыдущих исследователей.

В 1897 г. член Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) С.А. Щеглов писал, что протяженность вала составляет порядка 128 м и у «видимого теперь конца этого вала... – груды кирпичей и больших дикарей... [Материалы о наличии памятников старины, Л. 100–101об].

Практически все авторы, упоминавшие укрепления Увекского городища, отмечают участок юго-западного вала в районе Мамайского бугра, длина которого составляла порядка 200 м. Перед валом с внешней стороны шел ров. Высота вала в этой части по сведениям различных авторов колеблется от 1 до 5 м.

После второго разрыва укрепления продолжались на юго-восток, в сторону Волги. Их протяженность составляла порядка 450 м, с учетом затопленного на сегодня участка берега – 500 м.

С восточной стороны вал имел размеры 1–1,7 м, а с западной от дна рва до вершины вала 3,2–5,3 м [Пономарев, 1879, с. 322]. Полагаем, что изначальный размер насыпи был не менее 2 м и приближался к 3 м. Такие перепады в размерах вала, как по восточной, так и по западной стороне можно объяснить пересеченным рельефом Увекского городища. Имеется упоминание о том, что ширина вала составляла 2,1 м. Исходя из данных Л.Л. Голицына и С.С. Краснодубровского о размерах вала и рва, и учитывая, наши подсчеты о высоте вала в 2–3 м, мы условно получаем ров глубиной около 1–1,5 м.

Итак, для юго-западного вала мы принимаем следующие размеры: высота 2–3 м, ширина у основания 2 м; для юго-западного рва: глубина 1–1,5 м, при ширине в 1,5–2 м. Общая протяженность юго-западной части укреплений Укека должна была составлять порядка 700–1000 м. Если принять версию о существовании северной части вала, проходящей от восточного склона Каланчи до берега Волги, то его длина составит ориентировочно 440 м, с учетом затопленного на сегодняшний день берега – 460 м.

Система этих «укреплений» включала в себя не только вал со рвом, но и южный, а также восточный склон горы Каланча, возвышающейся в северо-западной части городища. Гора значительно сокращает территорию сооружаемых укреплений. Относительно укреплений со стороны Волги нам ничего не известно. Общая площадь города внутри укреплений составляет 40 га, с учетом размытого Волгой берега этот показатель мог достигать 60 га.

Не известна точная дата сооружения этих укреплений. В любом случае, следует отбросить идею о возведении фортификации на момент образования города, поскольку само расположение Укека не на доминирующей возвышенности, а под ней, у восточного склона горы Каланча, значительно ослабляло оборону города. Город изначально по своему расположению не был приспособлен к обороне.

На основе этих описаний и наших наблюдений было установлено, что укрепления Увекского городища состояли из юго-западного и возможно северного вала и рва. Они отходили от горы Каланча в северо-западной части городища и упирались в восточной части в берег Волги, образуя подтрапещевидную форму укрепленной части. По аналогии с другими золотоордынскими городами не исключаем, что укрепления Укека могли появиться в 60-е гг. XIV в.

Библиографический список

- Васильчиков А.А. Материалы к истории Увека // Труды СУАК. – 1893. – Т. IV, вып. 1.
Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С. Укек // Труды СУАК. – 1893. – Т. III, вып. II.
Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. – Ч. 1. – СПб., 1795.
Материалы о наличии памятников старины // ГАСО. – Ф. 407. – Оп. 2. – Д. 968. [Материалы о наличии памятников старины, произведенных раскопках в городах и селах Саратовской губернии (11.03.1908 – 24.08.1898)].
О монгольских древностях // Журнал Министерства внутренних дел. – 1835. – Ч. 17, №8.
Полное собрание путешествий по России. Т. VI. Записки академика Фалька. – СПб., 1824.
Пономарев П. На развалинах города Укека, близ Саратова // Древняя и новая Россия. – 1879. – №4.
Саблуков Г.С. Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // Известия общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). – Т. III. – Казань, 1884.
Чернецов Г.Г., Чернецов Н.Г. Путешествие по Волге. – М., 1970.

А.В. Кудряшов
Череповецкое музейное объединение, Череповец
МОГИЛЬНИК КОНЦА I тыс. н.э.
КОМПЛЕКСА «УСТЬ-СОЙДА»
В ЗАПАДНОМ БЕЛОЗЕРЬЕ

Число выявленных и исследованных памятников раннего средневековья, в первую очередь могильников, на севере лесной зоны остается сравнительно небольшим. Незначительной оказывается доля памятников этого времени среди средневековых селищ и могильников, обнаруженных и исследованных в Белозерье. Среди них – могильники, исследованные на р. Суде А.Н. Башенькиным, могильники Центрального Белозерья и прилегающей к нему территории, раскопанные Н.А. Макаровым [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001], поселения и могильники комплексов Черный ручей и Ступолохта, изученные автором [Кудряшов, 2014, с. 300–308], а также могильники, принадлежавшие поселению Крутик – Кладовка-1, Кладовка-2 [Захаров, Меснянкина, 2012, с. 87–95]. Малое количество памятников последней четверти I тыс., известных в Центральном Белозерье, привело исследователей к выводу о том, что этот важный регион был массово заселен лишь со 2-й четверти – середины X в. [Захаров, 2012, с. 233–234].

В этой ситуации важное значение приобретают факты обнаружения и исследования ранее неизвестных памятников. Комплекс конца I тыс., состоявший из поселения и могильника, обнаружен в 2012 г. и исследовался в 2013–2016 гг. на р. Шоле, притоке р. Ковжи, впадающей в Белое озеро. Во время раскопок поселения на северной и южной оконечностях гривы, на которой оно располагалось, были обнаружены два могильника с погребениями по обряду сожжения – «северный» – середина I тыс. и «южный», существовавший в конце I тыс. Последний могильник занимал южный, слегка возвышенный край гривы, имел площадь около 80 кв. м. Он содержал остатки кремаций, совершенных на стороне. Основная масса костей располагалась в центре площадки. С северо-востока и востока площадка могильника была ограничена ровиком, размерами 6 × 1–1,5 м, глубиной до 1,0 м. На дне его находились углистые плашки, очажок из камней небольших размеров. Всего обнаружено около 1800 г кальцинированных костей. Во время исследования могильника было выявлено несколько комплексов. В южной половине погребальной площадки исследована большая яма – котлован овально-подпрямоугольной формы, размерами 2–2,5 × 3,5 м, глубиной до 0,75 м. Яма была заполнена слабо-гумусированным песком, в котором были обнаружены редкие кальцинированные кости, угольки. На дне котлована найдены небольшие скопления кальцинированных костей с вещевыми находками. В верхней части котлована также располагались небольшие скопления кальцинированных костей и вещевых находок. На погребальной площадке располагались ямы округлой и овальной форм, содержавшие многочисленные кости и вещевые находки. В одной из ям диаметром около 1,2 м, глубиной до 0,3 м были обнаружены кальцинированные кости массой около 130 г и несколько десятков вещевых находок-украшений, многие из них фрагментированы. В соседней овальной яме с костями находились две крупные расплавленные шумящие подвески, тип которых неопределим, фрагменты украшений. Верхняя площадка могильника была также засыпана кальцинированными костями, лежавшими вперемешку с вещевыми находками на глубине 0,10–0,20 м от поверхности. Кости кое-где образовывали небольшие скопления в несколько десятков граммов. Часть скоплений находилась в небольших ямках округлой и овальной форм. Скопления кальцинированных костей с вещами наблюдались в ровике. Не исключено, что часть из них была ссыпана в ровик намеренно.

В могильнике обнаружено свыше сотни вещевых находок: бус – целых и в сплавах, бронзовых украшений, их фрагментов, изделий из железа. Значительная часть

украшений выполнена в наборной технике. Среди них – пять определимых шумящих подвесок с цилиндрическими щитками, две подвески с прямоугольными щитками, фрагмент наборного конька, близкого к конькам муромского типа, подобно обнаруженному А.Н. Башенькиным [2007, рис. 6.-4] коньку в насыпи Никольского-ХІ. Найдены фрагменты подвески с овальным щитком, многочисленные привески-лапки, звенья-костыльки, украшенные волютами и зернью, цепочки. Имеются также пластинчатые браслеты, изделия из тонкого дрота, железные поясные пряжки, железные обоймы и др. К наиболее ранним вещам можно отнести бронзовую арочную (полуовальную) ременную накладку, железную фитильную трубку, подвески с цилиндрическими щитками, стеклянные полупрозрачные синего стекла бусы в форме куба и параллелепипеда со срезанными углами. Эти бусы датируются от IV до IX вв., были широко распространены на памятниках неволинской и ломоватовской культур, позднедьяковской культуры и др. [Розенфельд, 1982, с. 62–63; Голдина, 2011, рис. 34]. Арочные (полуовальные) накладки известны среди ломоватовских древностей V–IX вв. [Голдина, 1985, табл. XII.-12], в могильнике Черный ручей-4. Подвески с цилиндрическим щитком также датируются VII–X вв. [Розенфельд, 1982, с. 70–72], найдены на памятниках ломоватовской культуры [Голдина, 1985, XVIII.-1], а также в могильниках Белозерья (Никольское-ХІ, Черный ручей-4, Кладовка-1). Часть изделий, обнаруженных в могильнике и на принадлежавшем ему поселении, могут быть датированы X – нач. XI в., что позволяет датировать могильник IX–X в., возможно, началом XI в.

Анализируя погребальную обрядность грунтового могильника на Усть-Сойде, следует отметить, что обнаруженные здесь способы помещения остатков кремаций известны на могильниках, изученных в Белозерье и на сопредельных с ним территориях (Черный ручей-4) [Кудряшов, 2014, с. 302], на могильниках Кладовка-1, Кладовка-2, Пугино, Минино-2, Владышнево), на памятниках моложского региона и на многих ранне-средневековых могильниках лесной зоны. По многим признакам «южный» могильник Усть-Сойды близок Черному ручью-4. Оба они принадлежали финно-угорскому населению. В целом комплекс Усть-Сойда является одним из интересных и важных источников, проливающих свет на исторические процессы, происходившие в Белозерье, в целом на Русском Севере в конце I тыс.

Библиографический список

Башенькин А.Н. Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде // Археология: история и перспективы : материалы Третьей межрегиональной конференции. – Ярославль, 2007.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). – Ижевск, 2010.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.

Захаров С.Д., Меснянкина С.В. К оценке историко-культурной ситуации в Центральном Белозерье на рубеже тысячелетий // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2012. – №2 (67).

Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. – М. ; Вологда, 2012.

Кудряшов А.В. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. – М. ; Вологда, 2014.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. – М., 2001.

Розенфельд И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. – М., 1982.

А.В. Кузина, Т.Н. Собољникова
Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ
(по материалам исследований 2014–2016 гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (отделение гуманитарных и общественных наук РФФИ) (проект №15-11-86601, «Археологическое полевое исследование городища Чебачья Пристань 2 (Нижнее Прииртышье)»; проект №16-11-86603, «Археологические исследования памятников эпохи средневековья в низовьях Иртыша (продолжение раскопок комплекса Чебачья Пристань 2)»)

На протяжении последних трех полевых сезонов проводились комплексные археологические исследования средневекового поселенческого комплекса Чебачья Пристань-2 (X–XIII вв.), расположенного на западном берегу оз. Домашний Сор (бассейн р. Согом – левого притока р. Иртыш), в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры. В работе представляются основные итоги этих исследований.

Комплекс Чебачья Пристань-2 планиграфически представляет собой городище, состоящее из площадки подовальной формы, окруженной линией оборонительных сооружений (вал-ров); с северной стороны городище имеет дополнительную линию фортификаций (вал-ров), к которой вплотную прилегает селище, состоящее из семи впадин, расположенных в два ряда. Кроме того, в ходе работ установлено, что средневековое городище возведено на месте неолитического поселения.

За три года стационарных археологических исследований изучен южный участок оборонительной системы, восточная часть площадки городища, а также одна из построек на селище. Площадь исследований составила около 200 кв. м.

На территории городища выявлены две постройки подпрямоугольной формы, одна из которых была полностью изучена [Собољникова и др., 2015(2), с. 163]. Особенно хорошо сохранился участок восточной стены сооружения, вдоль которой был расчищен целый ряд из колотых досок, перпендикулярно вкопанных в грунт на 0,3 м и плотно прилегающих друг к другу. Они имели примерно одинаковые параметры: шириной в среднем 30 см, толщиной 2–3 см, длиной до 30–40 см. По типу конструкции постройку можно отнести к наземным сооружениям, незначительно углубленным в грунт. Также при расчистке восточной части жилища были обнаружены два полностью сохранившихся сосуда, перевернутых вверх дном.

В процессе изучения культурного слоя выяснилось, что постройки на территории городища (сооружения на площадке и валу) горели. Хорошая сохранность отдельных деталей (плах, вертикальных столбов и т.д.) позволила выявить некоторые конструктивные и технологические особенности поселенческого комплекса. В частности, на сегодняшний день можно утверждать, что со стороны берега озера городище не было защищено рвом; вместо него зафиксированы остатки некоего сооружения – возможно, деревянного настила или «пристани». Мостки дополнительно укреплялись вертикальными жердями. На более высоком участке, прилегающем к валу, откос берега дорабатывался (прокапывался) почти под прямой угол [Собољникова и др., 2016, с. 116].

Раскопки на одной из впадин селища подтвердили его связь с городищем – объект являлся сезонной постройкой каркасно-столбового типа и, скорее всего, имел хозяйственное назначение. Подобные по форме небольшие по площади наземные постройки с открытым кострищем в центре являются типичными для раннего средневековья и широко распространены в таежной зоне Западной Сибири [Зыков, 2012, с. 95].

Не углубляясь детально в характеристику артефактов, полученных в ходе исследования памятника, отметим, что основной категорией находок являлись фрагменты керамики. Посуда отличается большим разнообразием орнаментальных композиций [Собољникова и др., 2015(1), с. 114] и находит аналогии с широким кругом культурных образований таежно-лесной зоны Западной Сибири. Близкое сходство прослеживается с материалами северных (кентусовская, зеленогорская, вожпайская культуры), южных (усть-ишимская культура) и западных районов (юдинская культура). К индивидуальным находкам отнесены

изделия из глины, кости, металла и камня. Два металлических изделия имеют явно импортное происхождение (Прикамье).

Собрана представительная остеологическая коллекция – более 1000 экземпляров. По результатам археозоологического анализа (произведен Т.Н. Лобановой, г. Екатеринбург) были получены данные о том, что основой питания населения, оставившего памятник, было мясо северного оленя; в качестве дополнительных источников, вероятно, использовали мясо медведя, тушки бобра, зайца. Помимо млекопитающих, население добывало пернатую дичь и активно занималось рыболовством; в качестве домашних животных содержали собак.

В процессе раскопок из культурных отложений памятника были отобраны почвенные профили проб для палинологического анализа (произведен канд. геол.-минерал. наук Н.Е. Рябогиной, г. Тюмень). На сегодняшний день получены предварительные данные, характеризующие ближайшее природное окружение городища и поселения Чебачья Пристань-2. Судя по всему, неолитическая фаза обитания этого участка берега была связана с более теплыми и влажными условиями. Поселение было приурочено к сосново-березовому лесу, с хорошо развитым травянистым покровом и, возможно, с открытыми луговыми участками у берега, при минимальной степени заболоченности. Средневековая фаза обитания пришлась на более холодный этап, на фоне которого распространились преимущественно хвойные леса с сосной и кедром, а также с березой. Около городища отмечены признаки более активного преобразования растительности за счет вырубок, земляных работ и продолжительного обитания. Пробы пыльцы и спор, полученных с участка сооружения, расположенного на площадке городища, позволили предположить, что в качестве материала для настила использовались сосновые доски, а для подстилки – свежие ветки сосны (?).

Ожидаются результаты проб (древесина, уголь, кость), отправленных на радиоуглеродный анализ (канд. геол.-минерал. наук М.А. Кулькова, г. Санкт-Петербург).

В заключение можно отметить, что особенности планиграфии поселенческого комплекса Чебачья Пристань-2, а также его уникальный для данного микрорайона характер позволяют сделать предположение о неординарном характере памятника. Не исключено, что комплекс имел статус «центра», а наличие большого количества костей сразу под дерновым слоем, возможно, свидетельствует о том, что площадка городища могла использоваться в качестве «ритуальной площадки» или святилища. Косвенным доказательством этой версии может послужить и обнаружение фрагментов костей лошади. По этнографическим источникам известно, что ханты нижнего Прииртышья часто использовали лошадей в качестве жертвенных животных.

Материалы, полученные в ходе комплексных исследований 2014–2016 гг., открывают новые возможности для историко-культурных реконструкций средневековых поселенческих комплексов и формирования культурно-хронологической колонки (шкалы) для данного региона.

Библиографический список

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург, 2012.

Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Археологические исследования средневекового городища Чебачья Пристань-2 в низовьях Иртыша // Вестник Угроведения. – 2015 (1). – №2 (21).

Собольникова Т.Н., Кузина А.В., Кениг А.В., Сенюрина Ю.А. Археологические исследования городища Чебачья Пристань-2 в Нижнем Прииртышье (предварительные итоги полевого сезона 2015 года) // Вестник Угроведения. – 2015 (2). – №4 (23).

Собольникова Т.Н., Кузина А.В., Мухьярова А.Р., Сенюрина Ю.А. Раскопки средневекового археологического комплекса Чебачья Пристань 2 в низовьях Иртыша (предварительные итоги полевых исследований 2016 г.) // Вестник Угроведения. – 2016. – №4 (27).

А.М. Кузнецов, Е.О. Роговской
Иркутский государственный университет, Иркутск
ДРЕВНЕЙШИЕ ЗУБЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ
СТОЯНКИ ВЕРХОЛЕНСКАЯ ГОРА-I: ХРОНОЛОГИЯ, МОРФОЛОГИЯ,
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Работа выполнена в рамках госзадания №33.2057.2017/ПЧ Минобрнауки РФ

Костяные зубчатые наконечники фиксируются в материальной культуре обществ охотников-собирателей в период от среднего палеолита до этнографической современности. Древнейшие на сегодняшний день, но хронологически изолированные зубчатые наконечники найдены в Центральной Африке, на стоянках среднего и финального палеолита долины р. Семлики. Одна серия находок датируется возрастом около 90 тыс. л.н., другая – около 20 тыс. л.н.¹ [Yellen, 1998]. Сравнительно непрерывная технологическая эволюция зубчатых наконечников прослеживается в Европе на материалах мадленской культуры. Надежные даты по мадленским «гарпунам» начинаются от 15,5 тыс. л.н. [Pettillon, 2009].

В Азии самые ранние находки датируются периодом финального палеолита и фиксируются на пещерных стоянках Сиаогушань (Северный Китай) и Мааньшань (Южный Китай). В первом случае возраст культурного слоя, содержащего наконечники, был определен в широких хронологических рамках от 40 до 20 тыс. л.н. [Bone artifacts and..., 1986]. Во втором случае получены более точные датировки – от 23 до 18 тыс. л.н. [Ma'anshan cave and..., 2016].

В Байкальской Сибири древнейшие зубчатые наконечники фиксируются в отложениях, датированных 11–12 тысячелетиями от н.д. на стоянках Верховенская Гора-I, Большой Якорь-I, Курла-I, Макарово-II и Стрижова Гора.

Многослойная стоянка **Верховенская Гора-I** расположена в долине р. Ангара, в 3 км к северу от центра г. Иркутска. Зубчатые наконечники зафиксированы в самом нижнем III и во II культуросодержащих горизонтах, включающих так называемые «композитные» уровни залегания материала. Если по III горизонту получены радиоуглеродные даты по кости 12570±180 л.н. (МО-441), 12050 ± 120 л.н. (СОАН-6115), 12110 ± 120 л.н. (СОАН-6116) [Когай, 2007], то для II горизонта исследователи, основываясь на стратиграфических наблюдениях, предлагают датировку 11–10 тыс. л.н. [Стратиграфия, палеография и археология..., 1991].

Общее количество найденных костяных зубчатых наконечников за более чем 120-летнюю историю изучения Верховенской Горы составляет 17 экземпляров.

Три из них на основании публикаций авторов раскопок и сохранившейся полевой документации достоверно относятся к III культуросодержащему горизонту. Первый наконечник изготовлен из роговой пластины. Имеет два ряда асимметрично вырезанных зубцов. Насад плоский, подтреугольной формы, с четко вырезанными выступами – «плечиками». На насаде фиксируются параллельные горизонтальные прочерченности. Между насадом и первыми зубцами оформлено небольшое расширение ромбовидной формы.

Второе изделие представляет собой проксимальный фрагмент, состоящий из насада и двух фрагментированных зубцов. В верхней части насада под углом к продольной оси изделия оформлена косая прорезь. Насад овальных очертаний уплощен, имеются параллельные горизонтальные прочерченности. Судя по сохранившимся фрагментам зубцов, они были расположены в два ряда и асимметрично.

Третье изделие хотя и обладает зубцами, формально не может быть отнесено к зубчатым наконечникам. Предположительно оно представляет собой шаблон для вырезания зубцов.

---

¹ Здесь и далее даны некалиброванные даты.

Остальные 14 зубчатых наконечников с большой долей вероятности можно отнести ко II горизонту. Здесь представлены оба морфологических типа наконечников, что и в III горизонте: с плоским насадом и косой прорезью (8 экземпляров) и подтреугольным насадом с четко оформленными выступами – «плечиками» (3 экземпляра).

Остальные три фрагмента зубчатых наконечников представлены медиальной и дистальной частями орудий, вследствие чего их нельзя причислить к той или иной группе. Однако все они демонстрируют уплощенность в сечении, а два изделия – асимметрично расположенные зубцы в два ряда.

При определении функционала зубчатых наконечников авторы опирались на этноархеологические разработки зарубежных исследователей [Pettillon, 2009; Weniger, 1992].

По соотношению длины к ширине получены следующие пропорции: на шести целых экземплярах они составляют от 1/5 до 1/8. По расчетам зарубежных авторов это соответствует параметрам этнографических гарпунов.

Другая морфометрическая характеристика: от 28 до 50% ширины зубчатой части орудий занимают зубцы. Полученные данные говорят о том, что зубцы занимали от 1/3 до 2/3 ширины зубчатой части, то есть были конструктивно предназначены для хорошей фиксации в теле жертвы. На это же указывает их количество: в пределах одной стороны оно не превышает этнографические показатели для гарпунных типов орудий.

Большинство зубчатых наконечников Верхоленской Горы имеет уплощенную базу с прорезью или плечиками, то есть по применяемой этнографической классификации, конструктивно предполагает зажимной насад, типичный для несъемных наконечников. Кроме того, большинство наконечников имеет расположенные поперек параллельные, тонко прорезанные линии на проксимальной части насада, которые, предположительно, предназначались для лучшей фиксации наконечника в древке, конкретно в процессе их склеивания, что было экспериментально подтверждено [Pettillon, 2009].

Таким образом, в соответствии с морфометрическими данными можно отнести большинство зубчатых наконечников Верхоленской Горы к гарпунному типу орудий с несъемной, либо многосоставной головной частью. Исходя из присутствия в видовой зооархеологической коллекции II и III горизонтов ихтиофауны, предполагается использование этих орудий для рыбной ловли.

Библиографический список

Когай С.А. О возрасте, стратиграфии и планиграфии техноморфологического ансамбля Верхоленской Горы // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 1.

Стратиграфия, палеогеография и археология Средней Сибири (к XIII Конгрессу ИНКВА) / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. – Иркутск, 1990.

Pettillon J.-M. What are these barbs for? Preliminary study on the function of the Upper Magdalenian barbed weapon tips // *Palethnologie*. – 2009. – №1.

Weniger G.-C. Function and Form: An ethnoarchaeological analysis of barbed points from northern hunter-gatherers // *Ethnoarcheologie: Justification, Problemes, Limites. XIIe rencontres Internationales d'Archeologie et d'Histoire d'Antibes*. – Juan-les-Pins, 1992.

Weiwen H., Zhenhong Z., Renyi F. Baofeng C., Jingyu L. Mingye Z., Hongkuan W. Bone artifacts and ornaments from Xiaogushan site of Haicheng, Liaoning province // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1986. – Vol. 05.

Yellen J.E. Barbed bone points: Tradition and continuity in Saharan and Sub-Saharan Africa // *African Arch. rev.* – 1998. – № 15/3.

Zhanga S., d'Erricob F., Backwell L.R., Zhanga Y., Chena F., Gao X. Ma'anshan cave and the origin of bone tool technology in China // *Journal of Archaeological Science*. – 2016. – Vol. 65.

Н.А. Кузнецов
Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Новокузнецк
НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

На фоне количества монетных находок в археологических памятниках европейской России или Средней Азии массив нумизматического материала из памятников Западной Сибири представляется незначительным. Тем не менее даже без учета археологических памятников нового времени счет идет на многие сотни экземпляров. С учетом того, что монеты являются прекрасным датирующим материалом, а также могут указывать направления и интенсивность торговых связей, значение таких находок трудно переоценить.

К сожалению, в публикациях материалов описание монет оставляет желать лучшего. Независимо от квалификации исследователя, описание нумизматического материала в сибирских памятниках неудовлетворительно. Ситуация неуклонно улучшается, однако продолжают появляться публикации, в которых на иллюстрациях можно увидеть рисунки монет, выполненные крайне схематично, или, напротив, «художественные» изображения, в которых с трудом можно понять, что именно изображено. В тексте не делается их специального описания, а в лучшем случае упоминается монета и иногда – ее определение. В отличие от монет нового времени, на более ранних редко указывается год чеканки, и точное определение даты эмиссии возможно по другим признакам. Но такие важные датирующие признаки, как, например, вес, просто игнорируются авторами публикаций, особенности каллиграфии по рисунку могут оказаться неопределимыми.

Для грамотного описания монеты, достаточного для дальнейшей работы с этим нумизматическим материалом, требуется указать несколько параметров. Сделать это можно в произвольном порядке, но каждый из этих параметров имеет значение. Прежде всего – рисунок. По возможности следует очистить монету от окислов (не от патины) и сделать скан с масштабной шкалой либо качественную фотографию лицевой и оборотной стороны. Произвольный рисунок передает не внешний облик монеты, а впечатление автора от этого облика. Эти впечатления могут сильно расходиться с реальностью. При словесном описании нужно указать материал изделия. Не требуется точного химического анализа, но отличить бронзу от серебра или даже белую бронзу от биллона не составит труда для опытного археолога. Имеет значение «магнитность». Вес должен быть указан точный, как минимум до десятых долей грамма. Следует указать и технологический признак монеты – литая она или чеканенная.

Указание эмитента может вызвать сложности. В Сибири встречаются монеты Древнего Рима, Византии, арабские, сасанидские, хорезмийские, тюркешские, золотоордынские, китайские. Кроме монет встречаются их имитации. В Средней Азии изготавливались индикации византийских монет. «Китайские монеты» – собирательное название, так как на протяжении I и II тысячелетий н.э. на территории Китая существовало множество независимых княжеств и царств, которые выпускали свою монету.

Монетная легенда не всегда может быть прочитана неспециалистом, поэтому необходимо пользоваться помощью экспертов-лингвистов. В любом случае, хорошая фотография аверса и реверса позволит специалистам вносить коррективы в определение даты эмиссии.

Характер гурта важен при его наличии. Литые монеты часто имеют заглаженный литейный шов на ребре.

На китайских монетах важны эмиссионные знаки: точки, «ногти», иероглифы на реверсе, указывающие монетный двор.

Таким образом, археолог, описывающий монетные находки в памятниках Сибири, должен руководствоваться следующей схемой при описании: название монеты, технология изготовления, металл, размер, вес, государство-эмитент, легенда аверса и реверса, характер гурта, дата выпуска. Такая схема позволит существенно повысить качество публикуемого источника.

П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Работа выполнена при поддержке Государственного задания Министерства образования и науки РФ (№33.1907.2017/П4 «Традиционные и инновационные модели развития древнего населения в Поволжье»)

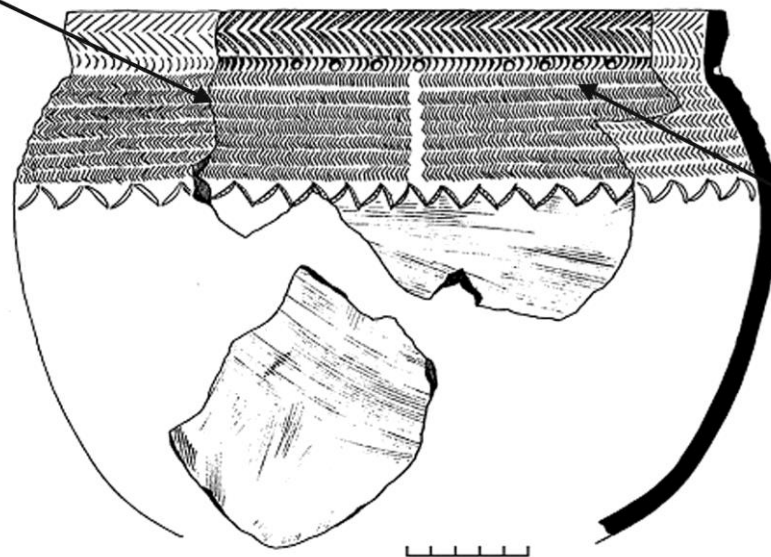
Начиная с середины 90-х гг. XX в. начался процесс активного накопления радиоуглеродных датировок памятников бронзового века Волго-Уралья. Были достаточно надежно установлены хронологические рамки ямной культуры, которые находятся в интервале 3400–2900 Cal. BC [Кузнецов 1996; Черных, Орловская, 2004]. Вместе с тем памятники предшествующего периода позднего энеолита оказались хронологически весьма удаленными. Так, хвалынская культура с наибольшей вероятностью датируется в пределах 5000–4500 Cal. BC [Кузнецов, 1996, с. 56, 58]. При этом преемственность хвалынских традиций археологически прослеживается достаточно уверенно. Преемственность подтверждается и данными антропологии, и результатами анализа ДНК. Ранее предполагалась, что образовавшуюся хронологическую лагуну потенциально способна заполнить репинская культура. Но она оказалась синхронна ямной и территориально была несколько западнее – в Доно-Донецком регионе [Кузнецов, 2013; Файферт, 2016].

В последние годы появился ряд работ Н.Л. Моргуновой, в которых ямная культура Волго-Уралья подразделяется автором на три этапа. Ранний этап – ямно-репинский – датируется автором в пределах 3800–3400 Cal BC с вероятностью удревнения до начала IV тыс. до н.э. [Моргунова, 2014, с. 184]. Основой для данного утверждения стала значимая серия радиоуглеродных датировок раннего ямного этапа [Моргунова, 2014, табл/ 15]. При этом из 29 дат раннего этапа 22 выполнены по керамике, 5 – по кости человека, одна – по гумусу и по одной материал неизвестен. Таким образом, 75,86% датировок раннего этапа по Н.Л. Моргуновой были получены по керамике. Для двух последующих этапов, выделяемых автором, датировки по керамике последовательно составляют лишь 4,65% для ее второго этапа [Моргунова, 2014, с. 193, 194] и 11,11% – для третьего этапа [Моргунова, 2014, с. 193, 194]. Таким образом, более двух третей всех дат так называемого раннего «ямно-репинского» этапа определились датами керамики. В этой связи необходимо учитывать, что ранее уже высказывались сомнения о достоверности датирования органических примесей в керамике [Кузьмин, 2012, с. 124; Черных, Орловская, 2011, с. 67, 71]. Вероятность удревнения радиоуглеродных датировок обусловлена как наличием естественных органических примесей в глине, так и добавлением в формовочные массы ископаемого мелкодробленого ракушечника. Это подтверждается и парными датами от одного сосуда (рис.).

Вместе с тем Н.Л. Моргуновой не учитывается еще и такой фактор, как особенность изначального происхождения собственно глинистой массы для изготовления ямных сосудов. По результатам технологического анализа керамики ямной культуры установлено, что она изготовлена из илистых глин [Салугина, 2005, с. 85–92]. Это речные и озерные илы, которые насыщены органическими веществами (сапропель). Это многовековые донные отложения пресноводных водоемов, которые сформировались из отмершей водной растительности, остатков живых организмов, а также частиц гумуса, содержащих большое количество органических веществ. Время разложения органики в пресноводных илах началось за несколько веков до того, как они были закалены в качестве керамики. Поэтому удревнение датировок по керамике, содержащей примесь илов, – вполне закономерный и объяснимый результат. В некотором смысле такое удревнение датировок по керамике является своеобразным явлением, сходным с резервуарным эффектом, но ему не тождественным [Плихт Й. ван дер и др., 2016, с. 19–24]. Благодаря усилиям, предпринятым Н.Л. Моргуновой для получения новых образцов, мы наглядно убедились в существовании эффекта удревнения керамики, вследствие наличия в ее составе илов, насыщенных органикой.

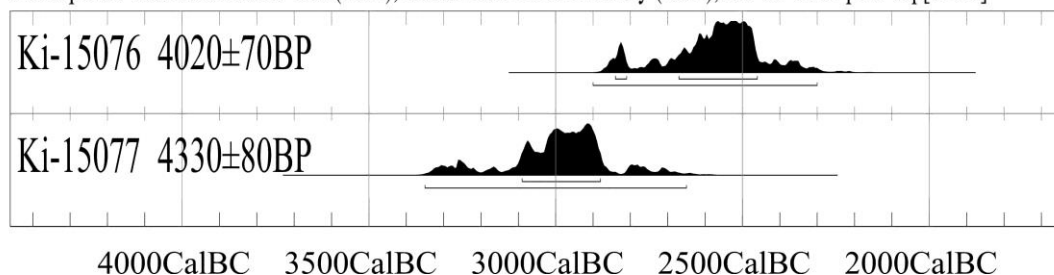
В целом же, время ямной культуры Волго-Уралья по радиоуглеродным датам, выполненным по кости и по органике, определяется в пределах XXXIV–XXIX вв. до н.э.

Ki-15076

Ki-15077

Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

Сосуд ямно-репинского облика из пос. Лебяжинка-IV, левый берег р. Сок (Самарская область). Парные радиоуглеродные датировки, полученные от его разных фрагментов, оказываются совершенно несовпадающими

Библиографический список

Кузьмин Я.В. Труды 5-го международного симпозиума «Радиоуглерод и археология» (г. Цюрих, Швейцария, 26–28 марта 2008 г.) // РА. – 2012. – №1.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. – Вып. 1. – СПб., 1996.

Кузнецов П.Ф. Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. – 2013. – №1.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2014.

Плихт Й. ван дер, Шишлина Н.И., Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект // Труды ГИМ. – Вып. 203. – М., 2016.

Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. – 2005. – №3.

Файферт А.В. О репинской культуре Среднего Подонья // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2016. – №2 (271).

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. – 2004. – №1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 2. – М., 2011.

Т.М. Кузнецова
Институт археологии РАН, Москва
СИСТЕМА СКИФСКОЙ ХРОНОЛОГИИ ПЕРИОДА АРХАИКИ

В связи с тем, что археологическое датирование периода скифской архаики, обусловленное пребыванием скифов в Передней Азии, оторвалось от свидетельств в «Истории» Геродота, представилось необходимым попытаться согласовать данные античной традиции с древневосточными и археологическими материалами для решения вопроса о времени «возвращения» скифов с Ближнего Востока на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье [Кузнецова, 2009, с. 308–328; 2016, с. 85].

Основой хронологических интерпретаций по установлению продолжительности раннескифского этапа в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе являются, как правило, археологические материалы Келермесского могильника, определяющая дата которого ранее базировалась на данных письменных источников (1-я половина VI в. до н.э.), а датировка вещевого комплекса, связанного с Ближним Востоком, служила лишь для ее подтверждения [Иессен, 1953, с. 49; Максимова, 1954; Артамонов, 1974, с. 57].

Одним из важнейших хроноиндикаторов периода скифской архаики стало так называемое «серебряное келермесское зеркало», дата которого первоначально только подтверждала уже установленное время функционирования могильника, а затем, после ее удревнения, перешла в разряд определяющих хроноиндикаторов для памятника (2-я половина VII в. до н.э.). Однако поскольку серебряное «зеркало (?)» из Келермесских курганов, используемое в качестве основы для заниженных датировок [Алексеев, 2015, с. 90, сн. 3], не имеет точного определения времени и места изготовления [Максимова, 1954, с. 281–305; Копейкина, 1981; Кисель, 1993; 2003, с. 99; Вахтина, 2010, с. 103], оно не может служить хронологическим репером для датирования памятников скифского архаического периода.

Исходя из того, что хронологические построения, связанные с понижением датировок памятников периода архаики, привели к значительным противоречиям, представилось необходимым построить хронологическую систему, состоящую из нескольких частей и базирующуюся на стабильных датах, независимых от скифского материала.

Первый этап хронологических разработок основан только на сведениях ближневосточных и античных письменных источников, где отсчет времени производился от одного хронологического репера. Эта часть работы связана с проверкой хронологической шкалы, фиксирующей время пребывания скифов на территории древневосточных государств, поэтому охватывает не только скифскую историю, но и династическую хронологию Вавилонии, Ассирии, Мидии и Египта: от правления ассирийского царя Асархаддона (681/680 – 669/668 гг. до н.э.) до прихода к власти персидского царя Дария I (521/520 – 486/485 гг. до н.э.).

Согласно предлагаемой шкале, для которой единым хронологическим репером служила дата, определяющая вторжение воинства скифского царя Мадия в Переднюю Азию (во время осады столицы Ассирии – Ниневии войсками Вавилонии и Мидии в 14-м году правления вавилонского царя Набопаласара), – возвращение скифов в Северное Причерноморье после их «разгрома» Киаксаром Мидийским произошло не ранее 585 г. до н.э. [Кузнецова, 2009, с. 308–328; Кузнецова, 2016, с. 85].

Вторая часть предполагает схему, опирающуюся на данные археологии, а следующая – сопоставление ее с хронологией, полученной в результате работы с письменными источниками. Удалось определить стабильный хроноиндикатор для скифского археологического материала Северного Причерноморья, относящийся к «послепоходному» времени. Такими предметами являются два зеркала с боковой ручкой из «Репяховатой Могилы» (гробница №2), датирующиеся не ранее второй четверти VI в. до н.э. [Oberlander, 1967, s. 5], так как они подражают «коринфским» формам античных зеркал, появившимся в Греции

в пределах указанного времени [Кузнецова, 2002, с. 79–80; Кузнецова, 2010, с. 132, 202, табл. 86].

Возведение кургана «Репяховатая Могила», таким образом, не выходит за рамки второй четверти – середины VI в. до н.э. [Кузнецова, 2016а], несмотря на стремление исследователей удревить его дату [Полін, 1987; Медведская, 1992; Дараган, 2010].

В соответствии с выделенными хронологическими маркерами «Репяховатая Могила» связывается по времени с возвращением войска скифов царя Мадия из похода в Переднюю Азию. Сопоставление сопроводительного инвентаря из гробницы №2 кургана «Репяховатая Могила» и материалов Келермеса по девяти категориям предметов показало, что Келермесский могильник также относится к «послепоходному» времени и датируется не ранее последнего десятилетия первой четверти VI в. до н.э., что соответствует и данным письменных источников, по которым изгнание скифов с Ближнего Востока и их возвращение в Северокавказский регион произошло после 585 г. до н.э. [Кузнецова, 2009, с. 308–328; 2016а, с. 124–134].

Результат проведенного сравнения показал совпадение полученных дат, связанных со скифами, для обоих видов источников.

Сопоставление данных античной традиции с древневосточными и археологическими материалами показало, что даты скифских архаических комплексов нуждаются в корректировке и повышении. Такое повышение датировок в некоторой степени близко хронологии, разработанной исследователями предшествующего поколения.

Библиографический список

Алексеев А.Ю. О Радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья // АСГЭ. – 2015. – Вып. 40.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э. – Л., 1974.

Вахтина М.Ю. Ось запад-восток и изобразительная система серебряной обкладки келермесского зеркала // *Gaudeamus Igitur* : сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. – М., 2010.

Дараган М.Н. О датировке амфоры из погребения №2 Репяховатой Могилы // *Античный мир и археология : межвузовский сборник научных трудов*. – Вып. 14. – Саратов, 2010.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. – 1953. – Вып. XVIII.

Кисель В.А. Стилистическая и хронологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // *Вестник древней истории*. – 1993. – №1.

Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб., 2003.

Копейкина Л.В. Келермесское зеркало (к вопросу о датировке и месте его изготовления) / Архив отдела Античного мира ГЭ. – 1981.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. – Т. I. – М., 2002.

Кузнецова Т.М. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // *Stratum plus*. – 2009. – №3.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. – Т. II. – М., 2010.

Кузнецова Т.М. Скифы и хронология Древнего Востока // *Старожитності степового Причерномор'я і Криму*. – Т. XIX. – Запоріжжя, 2016.

Кузнецова Т.М. Келермесский могильник и система скифской хронологии архаического периода // *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа : материалы Международной научной конференции памяти М.Н. Погребовой*. – М., 2016а.

Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. – 1954. – №21.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – 1992. – №3.

Полін С.В. Хронологія раннескіфських пам'яток // *Археологія*. – 1987. – №59.

Oberländer P. Griechische Handspiegel. – Hamburg, 1967.

Я.В. Кузьмин

Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск;

Томский государственный университет, Томск

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ОБСИДИАНА НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ
КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ОБМЕНА СЫРЬЕМ И ДРЕВНИХ МИГРАЦИЙ:
МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке U.S. Civil Research and Development Foundation
(RG1-2538-VL-03, RUG1-7097-NO-13, 2004–2014), U.S. NSF (1415403)

Обсидиан – магматическая горная порода (состоящая из однородного вулканического стекла), которая испытала быстрое охлаждение при попадании расплавленной массы на поверхность или остывании недалеко от нее. Благодаря высоким технологическим качествам древний человек интенсивно использовал обсидиан как сырье для изготовления орудий. В данном сообщении дается сводка результатов работ в течение последних 25 лет; детали можно найти в обзорных статьях автора (см. [Kuzmin, 2010, 2014]).

Обсидиан двух основных источников на юге Дальнего Востока России – Базальтовое (Шкотовское) плато и Облучнинское плато – происходит из горных пород основного состава (базальты и андезиты-базальты). При излиянии базальтов в южном Приморье около 12–13 млн лет назад имело место образование «подушечных лав» на контакте горячей базальтовой массы с водой; в дальнейшем формировались гиалокластиты – обломочный материал (до 30 см), образовавшийся при раздроблении стекловатой корки подушечной лавы. На Шкотовском плато известны также «корки закаливания» – горизонты незакристаллизованного вулканического стекла небольшой толщины (до 15 см), которые образовались на контакте лавового потока с поверхностью. В результате разрушения агентами эрозии (физическое выветривание, перенос и размыв водой) обсидиан поступает вниз по склонам плато и попадает в водотоки, где окатывается; эти гальки активно использовались древним человеком как сырье. Исследования источников обсидиана на юге Дальнего Востока России и в прилегающих регионах Северо-Восточной Азии геохимическими методами дали возможность сделать надежные выводы об использовании этого типа сырья в древности и контактах древнего населения. Основными источниками обсидиана являются Базальтовое плато и плато Облучье; Пектусан, Сиратаки и Окетто (они относятся к кислым породам типа риолитов). Пока неясной остается позиция источника, условно названного «Самарга».

В результате проведенных работ в 1992–2017 гг. установлены разветвленные сети обмена обсидианом на Дальнем Востоке России и в прилегающих регионах, покрывавшие значительные пространства. Obsidian источника Базальтовое плато распространялся не только по Приморью, но и в бассейне р. Амура, а также в Маньчжурии, на расстояние до 600–700 км от коренных выходов. Источник Пектусан на границе КНДР и КНР также широко использовался в древности; максимальное расстояние до мест утилизации составляет около 800 км. Obsidian источника Сиратаки на о. Хоккайдо около 8800 лет назад был принесен в Нижнее Приамурье, на расстояние по прямой около 900 км (с учетом транспортировки – до 1000 км). Очевидно, что ранее сделать надежный вывод о связи этих регионов в древности на основании только археологических данных было невозможно.

Библиографический список

Kuzmin Y.V. Crossing mountains, rivers, and straits: a review of the current evidence for prehistoric obsidian exchange in Northeast Asia // *Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim.* – Oxford, 2010.

Kuzmin Y.V. Geoarchaeological aspects of obsidian source studies in the southern Russian Far East and brief comparison with neighbouring regions // *Methodological Issues for Characterisation and Provenance Studies of Obsidian in Northeast Asia.* – Oxford, 2014.

Я.В. Кузьмин^{1,5}, В.С. Панов², В.В. Гасилин³, С.В. Батаршев⁴, С.С. Малков⁴

¹Институт геологии и минералогии СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

³Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург;

⁴ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы», Владивосток;

⁵Томский государственный университет, Томск

РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ (ПАЛЕОДИЕТЫ) НАСЕЛЕНИЯ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМОРЬЯ С ПОМОЩЬЮ АНАЛИЗА СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ

В настоящее время реконструкция питания древнего населения с помощью изучения стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) является одним из наиболее надежных и эффективных способов установления источников белка. На Дальнем Востоке России в силу плохой сохранности костных остатков человека на археологических памятниках такие работы проводятся редко (см. обзор: [Kuzmin, 2015]).

На территории строительства игровой зоны «Приморье» в 2015 г. были проведены спасательные раскопки поселения Черепаха-13 ($43^{\circ}17'$ с.ш., $132^{\circ}18'$ в.д.); вскрыто 7616 кв. м, получена информативная коллекция археологического и остеологического материала. На поверхности поселения остатков древних конструкций выявлено не было, однако в процессе раскопок были обнаружены и изучены остатки многочисленных жилых и хозяйственно-бытовых сооружений, относящихся к нескольким периодам обитания (зайсановская, лидовская, янковская, кроуновская культуры; средневековье). Всего исследовано 52 жилища с углубленными в грунт котлованами, одна наземная постройка и 114 хозяйственных ям. В жилищах и за их пределами изучено 26 погребений людей (всего – 37 индивидуумов, а также разрозненные кости), относящихся к янковской культуре [Малков, 2017]. В составе промысловой фауны янковского времени определены кости наземных и морских млекопитающих; преобладают остатки благородного оленя, косули и кабана.

Анализ стабильных изотопов в коллагене костей 11 людей и 30 образцов костей животных (рис. 1) показал, что для людей средние значения составляют: $\delta^{13}\text{C} = -10.2 \pm 0.8 \text{ ‰}$; $\delta^{15}\text{N} = +12.4 \pm 0.3 \text{ ‰}$. Наземные млекопитающие имеют следующие величины: $\delta^{13}\text{C} = -19.4 - -23.3 \text{ ‰}$; $\delta^{15}\text{N} = +4.6 \pm 6.6 \text{ ‰}$. Морские млекопитающие (сивуч и нерпа) характеризуются значениями $\delta^{13}\text{C} = -13.7 - -14.6 \text{ ‰}$; $\delta^{15}\text{N} = +17.4 \pm 18.0 \text{ ‰}$. По 6 образцам собаки определены $\delta^{13}\text{C} = -11.7 \pm 1.2 \text{ ‰}$; $\delta^{15}\text{N} = +12.4 \pm 0.4 \text{ ‰}$. Согласно этим данным, основными источниками протеина обитателей поселения Черепаха-13 были морские млекопитающие, моллюски, рыба и растения типа C_4 (просо и чумиза). Обращает на себя внимание близость соотношений изотопов по образцам костей людей и собак, что говорит о поедании собаками отбросов человеческих трапез в пределах поселения. По данным зооархеологии и археоботаники, носители янковской культуры вели комплексное хозяйство, ориентированное на морское рыболовство; собирательство морских моллюсков; охоту на наземных животных; земледелие и скотоводство (последние – в ограниченных масштабах). Эти данные в целом соответствуют определениям диеты населения янковской культуры на побережье Японского моря, полученным по результатам анализа стабильных изотопов.

Библиографический список

Малков С.С. Структура многокомпонентного поселения Черепаха-13 в Приморье (к проблеме заселения человеком побережья залива Петра Великого в древности и средневековье) // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №2.

Kuzmin Y.V. Reconstruction of prehistoric and Medieval dietary patterns in the Russian Far East: a review of current data // Radiocarbon. – 2015. – V. 57. – №4.

В финской археологии последней трети XIX – начала XX в. многие проблемы древней истории Евразии рассматривались через призму теории Й.Р. Аспелина, которая опиралась на «саянскую» гипотезу лингвиста М.А. Кастрена о происхождении урало-алтайских языков. Аспелин считал, что процессы формирования финно-угров определялись развитием единого урало-алтайского бронзового века, а стержнем последнего была миграция предков финно-угорских народов из Азии в Северную и Северо-Восточную Европу.

Именно на фоне этих взглядов сформировался изначальный интерес А.М. Тальгрена к евразийской проблематике – от первых работ 1908 г. и диссертации 1911 г. до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите [Kivikoski, 1954, p. 119]. По завершении диссертации о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы [Tallgren, 1911; 1919] Тальгрэн в работах 1910-х гг. определил поле дальнейших исследований: бронзовый век от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами из российских музеев заставило усомниться в правомерности теории Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке.

Поездка 1915 г. в Сибирь, помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью найти ответы на вопросы – что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, характерна ли для него единая археологическая культура и в чем была его специфика? Тальгрэну предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке. Поездка в Сибирь и изучение археологических материалов в музеях Минусинска, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска и Екатеринбурга [см. подробнее: Кузьминых, Тишкина, 2009; Кузьминых и др., 2016б] подтвердила его более ранние выводы: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление предков пермских народов, поволжских и прибалтийских финнов в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири. Тальгрэн показал, что ключевое звено гипотезы Аспелина – Ананьинский могильник – был связан более прочными нитями не с Алтаем, а с Кавказом и Северным Причерноморьем.

Длительная экспедиционная поездка в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни финского ученого. В 1916 г. он издал каталог бронз знаменитой коллекции В.И. Заусайлова, сопроводив его концептуальным исследованием об эпохе раннего металла Волго-Уралья. В 1917 г. вышел аналогичный каталог коллекции И.П. Товостина с обзором древностей бронзового, раннего железного веков и последующих эпох на Енисее [см. подробнее о ее покупке: Кузьминых и др., 1916а]. В книге были опубликованы также материалы раскопанных им двух тагарских курганов у с. Усть-Абаканское [Tallgren, 1917а, pp. 14–17]. Следом Тальгрэн опубликовал материалы городища Искер из коллекции М. Знаменского [Tallgren, 1917б]. За 5–6 лет – между поездкой в Сибирь и началом работы в университете Тарту (1920 г.) – появился цикл статей Тальгрэна о бронзовом веке Волго-Уралья и Сибири. В 1919 г. вышла книга об ананьинской культуре [Tallgren, 1919]. Фактически ученый завершил всю подготовительную работу, чтобы приступить к созданию монографии об урало-алтайском бронзовом веке.

Однако в начале 1920-х гг. финский археолог всецело переключился на другие исследовательские проекты, хотя археология Волго-Уралья и Сибири по-прежнему оставалась в сфере его пристального внимания. Свидетельством тому серия научно-популярных очерков об археологии Поволжья, Прикамья, Урала, Алтая и Минусинской котловины в газете «*Helsingin Sanomat*» и других периодических изданиях, регулярные библиографические обзоры, в том числе по археологии Волго-Уралья и Сибири, отклики

на работы М.И. Ростовцева, Г. Мергарта, С.А. Теплоухова, Г.И. Боровки, М.П. Грязнова, С.Н. Дурылина и других авторов, обратившихся к публикации или исследованию урало-сибирских материалов, ряд научных, а также энциклопедических статей в словаре Макса Эберта «*Reallexikon der Vorgeschichte*», непосредственно связанных с археологией северо-востока Европы и азиатских пределов СССР [Кузьминых, Салминен, 2015].

Проблемы урало-сибирской археологии нашли яркое отражение в эпистолярном наследии финского ученого и прежде всего в переписке с Г. Мергартом, В.А. Городцовым, В.В. Гольмстен, С.М. Сергеевым, Н.И. Гуляевым, Н.К. Ауэрбахом, С.А. Теплоуховым, Г.П. Сосновским, В.Г. Карцовым, В.П. Левашевой, М.П. Грязновым, В.Я. Толмачевым, Н.Н. Бортвиным и др. Для Тальгрена эти контакты не были пустой формальностью. Труды Мергарта, Теплоухова и Грязнова в корне изменили его представления о процессах культурогенеза в бронзовом веке в азиатских степях. Примером тому являются статьи Тальгрена о бронзовом веке на Енисее и в степях Казахстана для энциклопедического словаря Макса Эберта, которые, вне всякого сомнения, базировались и на новейших разработках австрийского и российских археологов.

В 1920-е и в первой половине 1930-х гг. в полной мере раскрылся научный потенциал Тальгрена как специалиста по археологии бронзового века. Финский ученый – наряду с В.А. Городцовым, Б.С. Жуковым и С.А. Теплоуховым – стал негласным лидером ряда исследовательских направлений в евразийской археологии эпохи раннего металла. Он не был в прямом смысле учителем молодых советских археологов, но многие из них стремились к общению с Тальгреном, советовались с ним, делились своими идеями и планами. Тальгрэн не только активно участвовал в диалоге – он откликался на все просьбы о присылке финских и европейских изданий, рисунков и фотографий сибирских археологических материалов из Национального музея Финляндии, охотно публиковал в журнале «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» статьи по археологии Сибири коллег из Советской России и русских эмигрантов.

Библиографический список

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Гален Г. Из истории российских археологических коллекций за рубежом: собрание И.П. Товостина в Музейном ведомстве Финляндии // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово, 2016а.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Кочкина Е.И. К 100-летию экспедиции А.М. Тальгрена в Енисейскую губернию // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову (19–20 ноября 2015 года). – Абакан, 2016б.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрэну) // Теория и практика археологических исследований : сборник научных трудов. – Вып. 5. – Барнаул, 2009.

Кузьминых С.В., Салминен Т. (сост.). Список опубликованных работ А.М. Тальгрена, связанных с проблематикой русской и советской археологии // Тверской археологический сборник. – Вып. 10, т. II. – Тверь, 2015.

Kivikoski Ella. A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. – Helsinki, 1954.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. – Helsinki, 1911 (SMYA. T. XXV: 1).

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. – Helsingfors, 1917a.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. – Helsinki, 1919 (SMYA. T. XXXI: 1).

С.В. Кузьминых¹, И.Е. Сафонов²

¹*Институт археологии РАН, Москва;*

²*Воронежский государственный университет, Воронеж*

О КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: В.А. ГОРОДЦОВ И А.М. ТАЛЬГРЕН

В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн внесли огромный вклад в историю отечественной археологии первой половины XX в. Особенно это касается их роли в создании оригинальных концепций развития бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, ставших в некоторой степени отправной точкой для формирования данной проблематики в Российской империи, СССР, современной России [Белозёрова и др., 2011; Кузьминых и др., 2014; Кузьминых, Сафонов, 2014].

Применительно к изучению проблематики эпохи раннего металла научный рост обоих исследователей происходил во многом параллельно (наиболее интенсивный период приходится на первую четверть XX столетия). Основная схема культуuroгенеза эпохи бронзы сложилась у Городцова к 1910 г., когда был издан курс «Бытовой археологии». К 1915 г. его общие концептуальные представления были существенно конкретизированы и наполнены реальным содержанием, в научный лексикон ученого прочно вошел термин «археологическая культура». Эти перемены явственно отразил труд «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» (1915).

Практически одновременно Тальгрэн публикует свою диссертацию о медном и бронзовом веке на севере и востоке Европейской России (1911). А к 1915 г. у финского ученого, судя по всему, уже было выработано собственное видение процессов формирования и развития евразийских культур бронзового века. В 1916 г. он издал каталог бронз знаменитой коллекции В.И. Заусайлова, сопроводив его исследованием по эпохе раннего металла Волго-Уралья. В 1917 г. вышел аналогичный каталог коллекции И.П. Товостина с обзором древностей бронзового, раннего железного веков и последующих эпох на Енисее. В 1918 г. был опубликован 2-й том каталога коллекции Заусайлова с обзором материалов железного века и болгарской эпохи.

Анализируя концептуальные построения Городцова и Тальгрена, в первую очередь следует отметить разность их исследовательских подходов. Для российского ученого более характерной являлась обобщающе-энциклопедическая направленность поисков. Финского археолога, пожалуй, можно признать сторонником конкретно-исторического подхода. Не случайно при выделении и обсуждении вопросов и проблем он более умело оперирует материалом: примером тому – дискуссии о происхождении фатьяновской культуры, соотношении Галичских стоянок и клада, хронологии фигурных топоров-молотов и т.д. Городцов, напротив, первоначально стремился выстроить определенную схему, а затем старался нарастить каркас материалом. Инструментом для этого являлось создание определенной классификации, в которую как в отдельную, но взаимосвязанную с другими ячейку можно было бы поместить конкретное культурное образование.

На протяжении всей научной деятельности Городцов с завидным упорством отстаивал точку зрения о доминировании юго-восточного и восточного импульсов на формирование и развитие культур эпохи бронзы Европейской России. Западный импульс (который в его понимании объемлет любой вектор связей, идущих из Западной Европы, включая Балканы и западную часть Средиземноморья) играл в данных процессах, по мнению российского ученого, второстепенную роль. Не случайно в обобщающих работах Городцова по археологии Евразии («Первобытная археология» и ее переработанное издание начала 1920-х гг. «Археология. Каменный период»; «Бытовая археология» и ее рукописное продолжение в неизданном 2-м томе «Археологии») изложение материалов начиналось с самых древнейших цивилизаций Востока и их влияния на историю более северных или западных народов. Лишь значительно позже на рубеже 1930–1940-х гг., когда Городцов вновь глубоко погрузился в проблематику эпохи бронзы и приступил к подготовке изданию 2-го тома

«Археологии», посвященного палеометаллической эпохе, он признал связь *«средиземноморских культур бронзовой эпохи с культурами Малороссии»*.

В свою очередь, Тальгрэн иначе оценивал степень влияния отдельных импульсов, а также имел иные представления о конце позднего бронзового века, ограничивая его временем *«ок[оло] 4-го века до Р.Хр.»*. Финский ученый не усматривал сибирского (саяно-алтайского) влияния до этого периода на культуры Урала и Волго-Камья. В отличие от глобальных построений мирового процесса культурирования, предложенных российским коллегой, Тальгрэн более «приземленно», более конкретно подходил к решению спорных вопросов. Он полагал, что *«в Западной Сибири культура бронз[ового] века почти одинакова с культурой в Восточной России»*. Последнее замечание является крайне важным, поскольку ранее древности Волго-Уральского региона (Восточной России, в терминологии дореволюционной русской и финской археологии) воспринимались как продолжение алтайского бронзового века с единой культурой (согласно концепции финно-угорской прародины Й.Р. Аспелина).

В 1920-е гг. знакомство с археологическими материалами юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского ученого: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы. Итогом их изучения стала книга *«La Pontide préscythique après l'introduction des métaux»* (1926). После 1928 г. Тальгрэн сконцентрировался на разработке проблем эпохи раннего металла Северного Кавказа.

Важное место в исследованиях этого периода отводилось фатьяновской культуре, ставшей для Тальгрэна ключом к пониманию самого зарождения бронзового века в Европейской России и связям ее носителей с другими культурными группами в Европе. Для Городцова же мысль о западных истоках фатьяновской культуры была невозможной, *«как мысль о вращении солнца вокруг земли»*. В обобщающей статье по бронзовому веку на территории СССР (1927) он по-прежнему считал, что *«носителями фатьяновской культуры, по-видимому, были колонисты северокавказской культуры»*.

С позиции той эпохи концепции Городцова и Тальгрэна кажутся достаточно ясными, однако в дальнейшем они не всегда выдерживали проверку на конкретном материале. Примером тому, в частности, является трактовка вопросов о происхождении фатьяновской культуры российским ученым, или о фатьяновской принадлежности Сеймы и Галича финским исследователем. В то же время в определении хронологических рамок конца бронзового века или перехода от бронзового века к железному (иначе говоря – ананьинской эпохи) правы в итоге были оба: Городцов – в отношении хронологии начального этапа раннего железного века, а Тальгрэн – финала ананьина.

Фактически в построениях Городцова и Тальгрэна по проблемам изучения эпохи раннего металла Северной Евразии столкнулись в широком понимании две исторические концепции происхождения и дальнейшего развития человеческой культуры. Это *«Ex Oriente lux»* Городцова – концепции, распространенной в науке XIX в., которая основывалась на основополагающей роли Востока и его древностей в становлении мировой цивилизации. Тальгрэн, напротив, выступил сторонником новой концепции *«Ex Septentrione lux»*, получившей развитие как раз на рубеже XIX и XX столетий. Но именно такое сочетание подходов двух выдающихся корифеев повлияло на формирование научного мировоззрения нескольких поколений отечественных и европейских археологов.

Библиографический список

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. – Т. 1. – СПб., 2011.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. – Казань, 2014.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений // РА. – 2014. – №4.

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин
Карагандинский государственный университет, Караганда
МОГИЛЬНИК КАРАЖАРТАС. ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ
БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ «ЗНАТИ»

Работа выполнена в рамках грантового проекта МОН РК 1344/ГФ4 (проект №437-А-17
«Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы»)

В 2016 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института был исследован новый крупный мавзолей бегазы-дандыбаевской культуры с захоронением представителя высшего эшелона родоплеменной знати, имеющий пирамидально-ступенчатую конструкцию.

Памятник является некрополеобразующим сооружением могильника Каражартас, расположенного в Шетском районе Карагандинской области в 90 км юго-восточнее г. Караганды. Визуально фиксируется 32 сооружения эпохи поздней бронзы.

До раскопок мавзолей представлял собой оплывший земляной холм, размерами 30 × 20 м, высотой до 1,5 м, на поверхности которого выступали каменные ряды стен и края облицовочных плит.

После снятия насыпи погребальное сооружение приобрело облик ступенчато-пирамидальной конструкции подквадратной формы, ориентированной углами по сторонам света и состоящей из 5–6 рядов стен, где каждый отступающий к центру ряд стен был выше предыдущего.

Длина внешнего периметра стен составляет 14 × 14,5 × 14,3 × 13,5 м, высота кладки – до 15 рядов, ширина – до 0,34 м. Снаружи она была облицована фрагментарно сохранившимися плитами, установленными вертикально. Размеры плит достигали 2,5 × 0,8 × 0,1 м.

С севера, северо-востока и востока на расстоянии до полуметра от облицовочных плит обнаружена сильно разрушенная ограда, сложенная строительной кладкой, высотой до 0,3 м. Она была перекрыта многочисленными бессистемными развалами камней, появившимися в результате неоднократного проникновения в погребальную камеру мавзолея.

Внутреннее пространство центрального периметра стен являлось погребальной камерой наземного типа, которая имела глиняно-песочную обваловку с примесью золы. Размеры по внутреннему краю составили 4,8 × 3,25 × 3,65 × 4,15 м, высота – 1,88 м, ориентирована аналогично стенам ограды и была практически полностью ограблена в древности. В заполнении могилы обнаружены отдельные человеческие кости и фрагменты керамики.

Установить детали погребального обряда, к сожалению, невозможно, однако, как показали палеоантропологические определения, в могилу были помещены останки как минимум одного взрослого индивида¹. Фиксируемые на разных уровнях заполнения могилы кости овцы и лошади, возможно, связаны с напутственной пищей, предназначавшейся умершему. У дна могилы, на скальных выходах, расчищен бессистемный завал камней, установить природу появления которого не представляется возможным.

Сохранившаяся часть плит перекрытия внутренней камеры позволяет с большой долей уверенности говорить, что оно имело плоскую вымощенную крупными плитами внешнюю поверхность, образующую подобие площадки.

В процессе снятия насыпи, расчистки стен сооружения и выборке заполнения погребальной камеры отмечены многочисленные фрагменты керамики, которая по формально-типологическим признакам подразделяется на две группы: валиковую и дандыбаевскую. Первая характеризуется наличием упрощенного орнамента, нанесенного на сосуды с плавной профилировкой, короткой изогнутой шейкой и плоским дном. В составе второй группы встречены экземпляры сосудов со скругленным дном, а внешняя поверхность большинства фрагментов покрыта сложным геометрическим орнаментом, нанесенным

¹ Палеоантропологические и половозрастные определения выполнены канд. ист. наук К.Н. Солодовниковым.

гребенчатым штампом. В частности, фрагмент дна одного сосуда был покрыт косым шахматно-ромбическим рисунком, нанесенным мелкозубчатой техникой.

Обнаруженный в мавзолее металлический инвентарь представлен наконечником стрелы и уникальным золотым кольцом, которые, видимо, были утеряны при ограблении памятника.

Бронзовый наконечник стрелы имел пулевидную форму, втульчатый насад и две узкие слабо выступающие лопасти. Втулка скрытая. Длина изделия составляет 2,4 см, диаметр втульчатого отверстия – 0,5 см.

Кольцо диаметром 2 см изготовлено из тонкого золотого листа шириной 0,8 см с пятью одинаковыми отверстиями, диаметром 0,5 см, между которыми с внутренней стороны отмечены плоские медные напайки.

По размерам каражартасский мавзолей является в настоящий момент одним из крупнейших. С ним отчасти сопоставим комплекс Бугулы-3 [Маргулан, 1979, с. 102].

Довольно необычна конструкция погребальной камеры, которая имела глиняно-песочную обваловку с примесью золы. Не исключено, что это остатки сырцово-саманных стен. В этом ракурсе можно указать на некоторое сходство с комплексами Северного Тагискена (Приаралье) [Итина, Яблонский, 2001, с. 104–105] и Караобы (Семипалатинское Прииртышье) [Мерц, 2013], которые также имели глиняные конструкции.

Проведенные подсчеты использованного строительного материала позволяют констатировать, что их общий вес мог достигать 650–700 т, а реальные трудозатраты превышают рядовые захоронения более чем в 650–700 раз.

С учетом сложности и трудоемкости строительных работ полученные показатели дают реальную картину высокой социально-экономической дифференциации общества, приближая погребенного лидера к раннецарскому рангу [Массон, 1976, с. 169] или другому соответствующему титулу того времени.

Строительство элитных мавзолеев на территории Центрального Казахстана (Бугулы-3, Бегазы, Айбас-Дарасы, Каражартас и др.) свидетельствует о том, что этот регион являлся крупнейшим центром бегазы-дандыбаевской культуры в древности. Сооружение таких грандиозных погребальных памятников в эпоху бронзы было возможно лишь при исключительной консолидации человеческих и материальных ресурсов, что могли себе позволить только вожди крупных племенных объединений, имеющие огромную власть, статус и богатство.

Для установления абсолютного возраста памятника из погребения мавзолея был взят образец костного вещества (фрагмент черепа) для радиоуглеродного датирования в лаборатории CHRONO Королевского Университета, г. Белфаст (Северная Ирландия). Полученная дата оказалась несколько заниженной, сумма вероятностей которой по сигме 1 распределилась в пределах последней трети XVII – конца XVI в. до н.э. (1 сигма, 68,3%: calBC 1634–1529 (1,000); 2 сигма, 95,4%: calBC 1729–1722 (0,007), 1692–1498 (0,993). Принять полученную дату исходя из современных представлений о хронологии культур бронзового века степного пояса Евразии вряд ли возможно. Однако привлекая материалы исследованных рядовых сооружений, а также полученные для них определения C14, считаем возможным датировать материалы могильника Каражартас в пределах рубежа XVI/XV – XIV вв. до н.э.

Библиографический список

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М., 2001.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л., 1976.

Мерц В.К. Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013.

И.П. Кукушкин, Н.И. Калинина
Вологдареставрация, Вологда
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕНИВОЙ ПЛОЩАДКИ
НА ВОЛОГОДСКОМ ГОРОДИЩЕ

Ленивая площадка традиционно считается историческим ядром – местом основания города Вологды. Она расположена на излучине р. Вологды, занимает один из самых возвышенных участков коренного берега. Планировочно-композиционным центром Ленивой площадки служит памятник 800-летия Вологды, установленный на месте снесенной в конце 1930-х гг. Воскресенской церкви. До 1580-х гг. Воскресенская церковь являлась кафедральным собором, рядом располагался архиерейский двор, который был перенесен к новому Успенскому (Софийскому) собору.

Первые археологические раскопки на участке были предприняты в 1947 г. П.И. Засурцевым. В раскопе 1 были обнаружены погребения, которые исследователь предварительно датировал XVII–XVIII вв., был сделан вывод, что «это место не было заселено в ранние периоды жизни города, а было пустырем и, со временем, было занято кладбищем». В раскопе 2 открыт бутово-кирпичный фундамент, интерпретированный как абсида церкви, которая не была достроена. Незавершенность постройки П.И. Засурцев связывал с перепланировкой квартала в 1780-х гг. В раскопе найдены монеты Ивана IV [Засурцев, 1947].

В 1988 г. А.М. Иванищевым в раскопе 11 зафиксировано, что культурный слой до материка переотложен, исследованы остатки постройки, настила, хозяйственные и связанные со строительством ямы. Также были обнаружены потревоженные погребения, отнесенные к кладбищу Воскресенской церкви. Наиболее ранние находки датированы XIII в. [Иванищев, 1988].

В 1994 г. И.П. Кукушкиным исследован раскоп №14. Выделено два строительных горизонта, которым соответствуют: конструктивные элементы, интерпретированные как фрагменты укреплений крепости XV – середины XVI в. (ров, плетневый каркас земляного вала); участок городской застройки 2-й половины XVI – начала XVII в. (жилище, настил, частокол). Из раскопа происходят находки, бытовавшие в XIV–XVII вв. Был сделан вывод о сложной строительной истории участка [Кукушкин, 1997, с. 36–46].

В 2009 г. А.В. Кудряшовым в раскопе 26 зафиксированы неровности палеорельефа («овраги или ручьи»), следы неоднократных перепланировок участка, выделено несколько строительных горизонтов, найдены материалы, датированные XII–XVI вв. Отмечено, что на участке в один из периодов располагалась косторезная мастерская [Кудряшов, 2012, с. 77–80].

В 2014 г. Н.Б. Васильевой в раскопе 36 зафиксирована плохая сохранность средневекового культурного слоя, обнаружены находки, имевшие хождение в XIII–XIV вв. Представляет интерес находка каменной иконки с изображением архангела Михаила [Васильева, 2014].

В 2015, 2016 гг. И.П. Кукушкиным проведены раскопки на участках, примыкающих к раскопу 14 (раскопы 14-2, 14-3). По результатам предварительного анализа материалов трех раскопов определено, что средневековый культурный слой сохранился в самом западном раскопе (№14), в раскопе 14-2 он сохранился в ямах (в одной из них обнаружена Вологодская берестяная грамота №1) и западинах в материке, в раскопе 14-3 зафиксированы напластования только Нового-Новейшего времени. На материке в раскопах 14-2, 14-3 выявлены следы земляных работ.

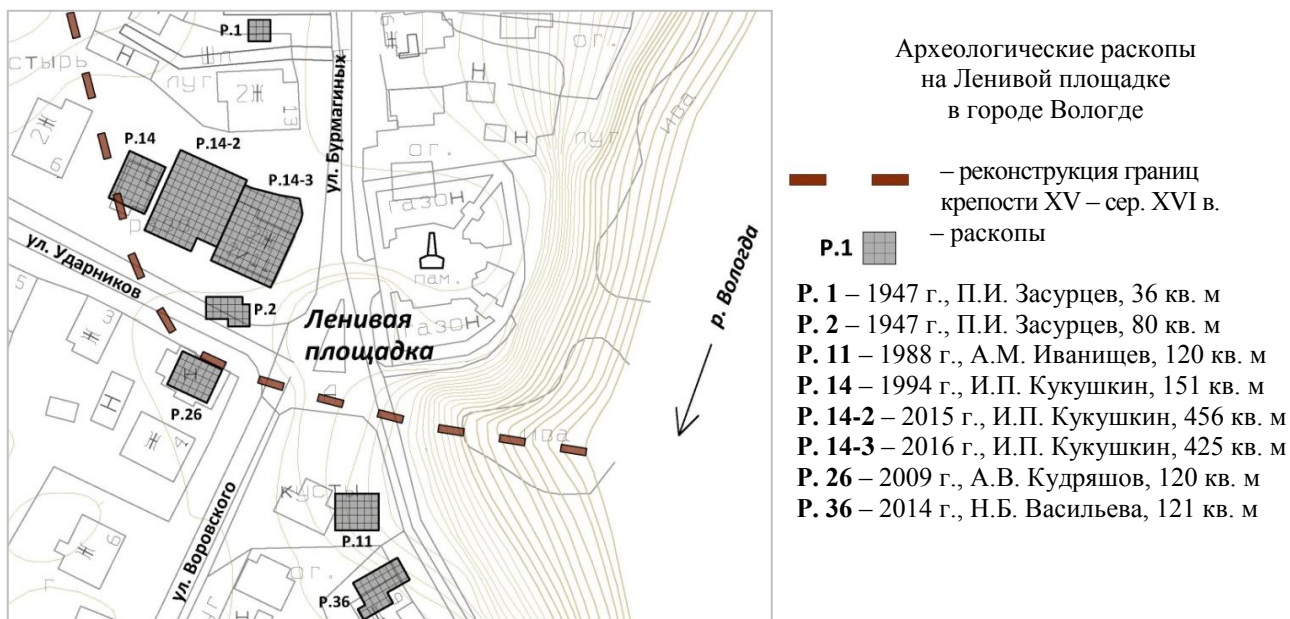
На основе материалов археологических работ на Ленивой площадке можно сделать некоторые выводы и поставить задачи для дальнейших исследований:

1. Участок был освоен не позднее XIII в. Хорошо сохранившихся построек и конструкций, полноценно характеризующих использование территории в начальный

период, пока не выявлено, но находки свидетельствуют о наличии здесь жилой застройки, ремесленных мастерских, деловой активности.

2. На участке осуществлялись масштабные строительные-земляные работы, связанные с перемещением грунта, перепланировки. В первую очередь к ним можно отнести работы по сооружению, перестройке, «пристраиванию» крепости в XV – середине XVI в. Археологически зафиксированные элементы фортификаций – ров, плетневые конструкции земляного вала (раскоп 14). Возможно, открытые в раскопе 26 «овраги и ручьи» также являются следами крепостного рва. Есть основания полагать, что после начала возведения новой каменной крепости при Иване IV в 1565–1566 гг. в другой части города укрепления «Старого вологодского городища» были «скрыты» [Петр Петрей, 1867, с. 40]. Безусловно, не обошлось без вертикальных нивелировок при строительстве каменной Воскресенской церкви в 1762 г., перепланировке кварталов по регулярному плану города в конце XVIII–XIX вв., благоустройстве территории в советский период. В результате культурный слой на Ленивой площадке распространен крайне неравномерно и в значительной части переотложен.

3. В настоящее время стоят задачи по осмыслению имеющихся материалов, проведение раскопок в северной части Ленивой площадки. Особый интерес вызывает исследование каменного фундамента открытого П.И. Засурцевым в 1947 г. в раскопе 2. Нельзя исключать, что это остатки каменной башни вологодской крепости «московского периода».

Библиографический список

Васильева Н.Б. Отчет о проведении археологических охранных раскопок в г. Вологда по адресу Бурмагиных, 9 в 2014 г. // ИА РАН.

Засурцев П.И. Отчет об археологических раскопках в Вологде в 1947 году // ИА РАН. – №252.

Иванищев А.М. Отчет об археологических работах в г. Вологде в 1988 г. // ИА РАН. – №13196.

Кукушкин И.П. Вологодское городище // Вологда : краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда, 1997.

Кудряшов А.В. Предварительные результаты охранных археологических исследований в г. Вологде в 2009 г. (раскоп на ул. Воровского, 2) // История и археология Русского Севера. – Вологда, 2012.

Петр Петрей де Ерлезунда. История о Великом княжестве Московском. – М., 1867.

С.А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НОВЫХ РАБОТ НА РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ
БОГАТЫРИ/СИНЯЯ БАЛКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-56-40010 «Современные комплексные исследования пещерной стоянки Мачагуа в Гудаутском районе Абхазии»)

Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка входит в состав Таманского палеолитического комплекса, расположенного на южном берегу Азовского моря в районе пос. Пересыпь и пос. За Родину Темрюкского района Краснодарского края (рис.). Уникальный археологический объект был открыт в 2002 г., когда на палеонтологическом местонахождении Синяя Балка – стратотипе таманского фаунистического комплекса были найдены каменные артефакты, залегающие *in situ* вместе с костями южных слонов и кавказских эласмотериев. Каменные орудия, изготовленные из местного сырья, принадлежат олдованской культуре, изготовлявшиеся представителям *homo erectus*, потомками первых людей, вышедших из Африки, около 2 млн л.н.

Планомерные исследования стоянки Богатыри/Синяя Балка проводились 2003–2008, 2011 гг., были получены уникальные данные по эоплейстоценовой истории жизнедеятельности древнейших человеческих коллективов в Северной Евразии [Щелинский, Кулаков, 2007а; Кулаков, 2012; Несмеянов, Кулаков, 2013]. В это же время по соседству, на том же берегу моря, были открыты еще несколько разновременных палеолитических памятников, среди которых были раннепалеолитические местонахождения: Родники-1 и 2, Кермек (рис.) [Щелинский, Кулаков, 2007б; Щелинский и др., 2010; Shchelinsky et al., 2010].

Археологические работы на Таманском комплексе всегда, наряду с научно-исследовательскими, носили и аварийно-спасательные задачи. Скорость береговой абразии Тамани в этом месте очень высокая. В 2006 г., по образовавшей вдоль берега трещине ускорился процесс его разрушения. В 2011 г. сильно обвалился мыс Богатырь с частью стоянки, край обрыва теперь проходит по северным квадратам раскопа. Наиболее сильно пострадала раннепалеолитическая стоянка Родники-1. В 2014 г. огромный блок берега с находившимся в нем памятником разрушился и сполз в Азовское море.

В 2016 г. угроза скорого разрушения заставила изыскать средства (гранты РФФИ и РГНФ) для возобновления раскопок Богатырей/Синей Балки.

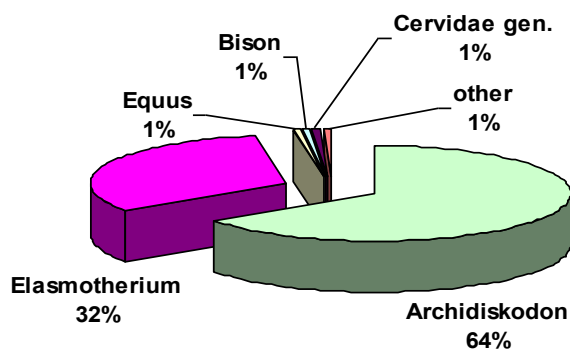
Работы 2016 г. продемонстрировали, что инситу часть отложений с костеносной линзой не заканчивается, как это казалось в 2011 г. Пески, подстилающие костеносную линзу, продолжают на юго-восток, вглубь берега. Но при этом сама костеносная линза стала заметно менее насыщена костями.

Работы 2016 г. подтвердили культурно-хозяйственную интерпретацию этого уникального памятника [Кулаков, 2012]. Все сотни определяемых костей животных и тысячи их обломков принадлежат исключительно таманскому слону и кавказскому эласмотерию, за все годы исследований памятника были найдены только 4 кости других животных (диаграмма). Правильнее было бы считать на эти четыре единичные кости не по 1%, а по 0,001% каждой. Непосредственно среди этого завала костей встречаются немногочисленные каменные орудия, изготовленные только из местного окварцованного доломита, выходы которого в виде разновеликих блоков и плит находятся здесь же, в глинах и песках.

Каменные изделия представлены в основном орудиями, сколами и обломками со следами использования. Среди орудий преобладают чопперы и чопперовидные изделия; скребла и скребловидные изделия; разновеликие острия. Как правило, крупные изделия – грубо рубящие формы изготовлены на разнообразных обломках блоков и плит доломита. Примерно половина мелких орудий – скребла и острия – оформлялась на различных специально отбитых отщепях.

К сожалению, поверхность изделий из костеносной толщи, по заключению В.Е. Щелинского, сильно преобразована и не сохранила следы использования их в качестве орудий. Этот факт подтверждается и крайне плохой сохранностью поверхности костей, на

которой невозможно проследить следы от работы по ним каменными орудиями. Тем не менее это не мешает реконструкции жизнедеятельности *homo erectus* на этом памятнике.

Процентное соотношение костных остатков видов животных на раннепалеолитической стоянке Богатыри/Синяя балка

Стоянка Богатыри/Синяя Балка рассматривается как место добычи мяса и возможной охоты на слонов и эласмотериев, возрастом более 1 млн л.н. Скорее всего, таманские слоны и эласмотерии, так же как и современные слоны и носороги, специально принимали грязевые ванны. А кальдера древнего грязевого вулкана с озерцом пресной воды в середине и топкими грязевыми берегами была часто посещаемым слонами и эласмотериями местом. Причем эти крупные и тяжелые млекопитающие, войдя в грязь, бесспорно, теряли свою подвижность и становились легкой добычей, прежде всего, кошачьих хищников. Древние люди достаточно легко могли доставать из грязи остатки пиршеств кошек и разделявать их здесь же на месте, чему явно свидетельствует наличие среди костей каменных орудий, особенно грубо рубящей категории. Вместе с тем чопперы и чоппероидные изделия могли использоваться людьми и в самостоятельной пассивной охоте, когда слон или эласмотерий, сильно завязший в грязи, становился достаточно легкой добычей. Добить и разделать такого крупного животного можно было только с помощью крупных и тяжелых орудий, которые и находятся среди костей. Но, как представляется, люди непосредственно на этом месте не жили, а использовали более удобные места в ближайшей округе, возможно, местонахождения Родники-1 и 2, Кермек.

Библиографический список

Кулаков С.А. Новые данные по стратиграфии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения : материалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2012.

Несмеянов С.А., Кулаков С.А. Геологическое строение раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Древнейший Кавказ: Перекресток Европы и Азии. – СПб., 2013.

Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.С., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. – СПб., 2010.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. – 2007а. – №3.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2007б. – №2.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Suthern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 223–224. – 2010.

С.А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО ВЕКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-21-12001а/м «Палеолит Западного Кавказа (Абхазия, Сочинское Причерноморье): памятники, индустрии, варианты»)

Весной 2014 г. А.С. Кизиловым были найдены артефакты в небольшом гроте в ущелье р. Мзымта, летом того же года нами были проведены осмотр и сборы в осыпи кремнёвых, каменных изделий и фаунистических остатков, которые полностью подтвердили факт открытия нового пещерного археологического памятника в Адлерском р-не г. Сочи. В июле 2015 г. были проведены первые разведывательные раскопки в гроте, которые позволили назвать памятник, как «пещерная стоянка в гроте Ахцу». Памятник расположен на правом берегу р. Мзымта в 500 м на юго-запад от пос. Монастырь, на выходе реки из теснины Ахцу, которая дала ему название. Благодаря юго-восточной экспозиции, эта небольшая, уютная карстовая полость хорошо прогревается солнцем, вся видимая площадь которой (ок. 30 м²) покрыта рыхлыми пещерными отложениями. Абсолютная высота грота 133 м, относительная высота над уровнем р. Мзымта 12 м. В 2015 г. в гроте был поставлен шурф-зачистка в месте пересечения центральной оси полости, капельной линии и края осыпи пещерных отложений, глубиной более 3 м и площадью более 2 м². В общей сложности в шурфе-зачистке были разобраны 13 литологических подразделений [Кулаков и др., 2016].

Не смотря на небольшой объём вскрытия, все культуросодержащие слои показали насыщенность артефактами, фаунистическими остатками, встречались также мелкие угольки и крупинки охры. Все кости, за исключением отдельных зубов, разбиты и имеют вид «кухонных остатков». Фаунистическую коллекцию из грота Ахцу определял А.К. Каспаров (табл. 3).

Коллекции каменных изделий из культуросодержащих слоёв и осыпи состоят в основном из сколов, их обломков и отходов их производства; ядрища и орудия не многочисленны. По сырью коллекция каменных изделий чётко разделяется на три компонента. Достаточно представительный кремнёвый, ок. 500 изд. – кремнь разноцветный, но в основном коричневого цвета, очень похож на кремнь с местонахождения Агва на р. Сочи. Так как все ядрища и нуклевидные формы представлены только на кремнёвом сырье, то, скорее всего, кремнёвое сырьё было местное и обрабатывалось здесь же в гроте. Самый малочисленный компонент – изделия из обсидиана чёрного и тёмно-серого не местного происхождения. Обсидиановые изделия (10 экз.) представлены только сколами и их обломками, что подтверждает приносной характер этого вида сырья. Ещё одним многочисленным компонентом коллекции являются изделия из местных галек, происходящих с пляжа р. Мзымты, в основном, серой и серо-зелёной мелкозернистой породы. Основную часть коллекций во всех слоях составляют галечные сколы, их обломки. Орудийные формы представлены разнообразными изделиями (табл. 1; 2).

В 2016 г. для нижних культуросодержащих слоев памятника были получены по кости абсолютные даты С₁₄ (табл. 4). Слой 5/3, наиболее богатый находками, был датирован обеими лабораториями одинаково – концом мезолитического времени на Кавказе – концом VII тысячелетия до н.э. Разница дат в более чем 2000 лет для слоя 6, пока, может объясняться тем, что этот литологический уровень был более сильно разрушен на краю отложений, чем выше лежащие слои. Вследствие чего костные остатки были перемешены ещё в древности. Но, в любом случае, датировки слоя 6 говорят об его голоценовом возрасте.

Находка нового стратифицированного памятника времени каменного века всегда является уникальным явлением. Полное отсутствие фрагментов керамики во всех слоях и в осыпи, первые датировки культуросодержащих отложений позволяют отнести стоянку Ахцу к эпохе мезолита Северо-Западного Кавказа. Судя по каменному инвентарю стоянки Ахцу, памятник, предварительно, можно сблизить с «причерноморской мезолитической культурой» [Бадер, Церетели, 1989, с. 93], с памятниками её «позднемезолитической хронологической группы» [Габуня, Церетели, 1977, с. 41].

Таблица 1. Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Распределение кремнёвых и обсидиановых орудий по слоям

Наименование	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5/1	Слой 5/2	Слой 5/3	Слой 6	Осыпь	Всего
Скребки концевые			1		2	2	1		5	11
Скребки округлые						1	1	1	1	4
Скребки высокой формы					1				1	2
Микроскребки				1						1
Резцы		1	1		1				3	6
Трапеции			1	1						2
Сегменты				2						2
Пластинки с притупленным краем					1					1
Тронкированные пластинки						1		1	1	3
Острия	1									2
Косоретушные острия									1	1
Проколки		1		1		2	1			4
Чешуйчатые орудия		1							1	2
Выемчатые орудия				1					1	2
Ножи				2						2
Комбинированные орудия	1			1						2
Сколы с ретушью	3	5	1	6	11	5	12	2	12	57
Итого	5	8	4	15	16	11	15	4	26	104

Таблица 2. Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Распределение орудий из галек по слоям

Наименование	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5/1	Слой 5/2	Слой 5/3	Слой 6	Осыпь	Всего
Топор							1			1
Груборубящие орудия на сколах									5	5
Тесло		1								1
Обломок тесла / топора	1									1
Бифас				1					1	2
Скребковидные изделия				1				1		2
Пластины с ретушью				1		1				2
Нож					1					1
Итого	1	1	0	3	1	1	1	1	6	15

Таблица 3. Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Распределение костных остатков по слоям

Наименование	Слой 5	Слой 5/1	Слой 5/2	Слой 5/3	Слой 6	Слой 9	Осыпь	Всего
Благородный олень		1	4	6	2	1	2	16
Медведь бурый		2	2	2	1			7
Лиса		1						1
Куница		3	1					4
Дикий козел				3	1			4
Дикий баран				1	3			4
Дикие козел / баран	1			25	12		5	43
Косуля							1	1
Птицы		2		2				4
Рыбы				1			1	2
Моллюски							3	3
Волк / крупная собака							1	1
Лиса / мелкая собака							1	1
Овца / Коза (дикие/домашние?)		3	1	12	5		2	23
Корова домашняя?			1					1
Неопределимые обломки	15	106	83	302	106	9	139	760
ИТОГО	16	118	92	354	130	10	155	875

Таблица 4. Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Абсолютные даты (ВР) по костным остаткам

Лаборатория	Слой 6	Слой 5/3
Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН (Г.И. Зайцева)	LE-11398 : 8852 ± 300	LE-11399 : 8280 ± 200
Лаборатория изотопных исследований РГПУ им. А.И. Герцена (М.А. Кулькова)	SPB-2074 : 11300 ± 150	SPB-2075 : 8279 ± 100

Библиографический список

- Бадер Н.О., Церетели Л.Д. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. – М., 1989. – (Археология СССР).
- Габуня М.К., Церетели Л.Д. Мезолит Грузии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – Вып 149. – М., 1977.
- Кулаков С.А., Кизиллов А.С., Дятлов А.С. Открытие нового памятника каменного века в Сочинском Причерноморье // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX Крупновские чтения. – Грозный, 2016.

Е.А. Купцов

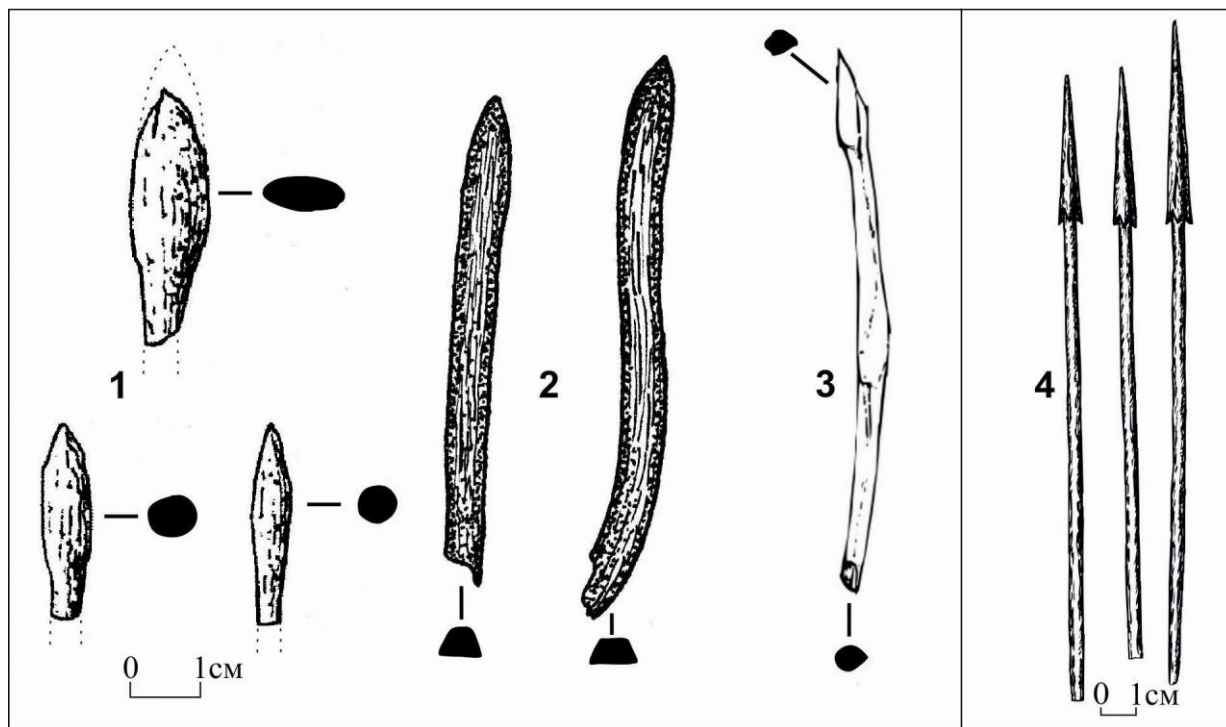
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
ДЕРЕВЯННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ И ЦЕЛЬНОДЕРЕВЯННЫЕ
СТРЕЛЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Работа выполнена при финансовой поддержке Госзадания Министерства образования и науки
Российской Федерации 33.1389.2017/ПЧ

В погребениях кочевников степей Евразии VII в. до н.э. – IV в. н.э. деревянные наконечники стрел и цельнодеревянные стрелы встречаются крайне редко. В небольшом количестве они известны в памятниках Скифии, а также в погребениях Тасмолинской, Пазырыкской и других культур кочевников раннего железного века [Черненко, 1981, с. 130; Онгар, Айткали, Ахметов, 2016, с. 22–26, рис. 3. а-б, 7; Кубарев, Шульга, 2007, с. 90 и др.].

Относительно недавно аналогичные находки были встречены и в 4 погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала. Серия таких находок в настоящее время насчитывает 3 деревянных наконечника и 6 экземпляров цельнодеревянных стрел. Наиболее ранние образцы, датируемые 2-й половиной VII в. до н.э., происходят из Зауралья.

Три деревянных черешковых овальных и круглых в сечении наконечника стрел листовидной и иволистой формы найдены в мужском погребении 2/3¹ КМ Иртяш-14 [Гаврилюк, Таиров, 2006, с. 232–233, рис. 3.5.а-в] (рис.-1).

Деревянные наконечники стрел и цельнодеревянные стрелы из погребений ранних кочевников Южного Урала:
1 – 2/3 Иртяш-14 (по Гаврилюку, Таирову); 2 – 5/1 Кичигино-I; 3 – 9/18 Шумаево-II (по Моргуновой и др.);
4 – 7/3 Шумаево-I (по Моргуновой и др.)

Две цельнодеревянные стрелы, представляющие собой трапециевидные в сечении заостренные древки стрел без четко выделенной боевой части (наконечника), встречены в мужском погребении 5/1 КМ Кичигино-I [Таиров, Боталов, 2010, с. 340] (рис.-2).

Находки цельнодеревянных стрел в погребениях ранних кочевников Оренбургского Предуралья относятся к более позднему времени:

Три цельнодеревянные стрелы с боевой частью конусовидной формы и вырезанными у основания фестонами (жальцами) были обнаружены в мужском погребении 7/3 КМ

¹ Числитель – номер кургана, знаменатель – номер погребения.

Шумаево-I (нижний ярус ярусного погребения) [Моргунова и др., 2003, с. 56–57, рис. 36.-30] (рис.-4). Погребение датируется IV в. до н.э.

Одна цельнодеревянная стрела с боевой частью в виде конической четырехгранной головки происходит из женского погребения 9/18 КМ Шумаево-II, датируемого III в. до н.э. [Моргунова и др., 2003, с. 171–172, рис. 101.-7] (рис.-3).

Несмотря на относительную малочисленность, анализ южно-уральских находок позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Черешковые деревянные наконечники стрел, подобные находкам из КМ Иртяш-14, известны в памятниках Тасмолинской культуры Центрального Казахстана [Онгар, Айткали, Ахметов, 2016, с. 22–26, рис. 7]. В то же время, например, в памятниках Скифии, деревянные наконечники стрел представлены преимущественно втульчатыми экземплярами [Плешивенко, 1991, с. 64, 69, рис. 8.-2, 11.-9].

Цельнодеревянные стрелы в памятниках Южного Урала датируются в широком хронологическом интервале (VII–III вв. до н.э.), что указывает на длительный период бытования таких стрел в арсенале кочевников региона.

Все цельнодеревянные стрелы и наконечники представлены экземплярами с заостренной боевой частью и обнаружены только в сочетании с металлическими наконечниками стрел, количество которых варьируется от 10 до 55 в одном колчане.

Вероятно, деревянные стрелы и наконечники при необходимости достаточно быстро изготавливались самими владельцами. Форма боевой части и материал изготовления стрел из I и II Шумаевских КМ свидетельствуют о весьма специфических условиях их успешного применения. Многочисленные археологические и этнографические параллели позволяют предполагать, что кочевники Южного Урала применяли такие стрелы при охоте на птицу и мелкую дичь, а также, возможно, при рыболовстве [Купцов, Крюкова, 2016, с. 184–185].

В свете вышесказанного особое значение приобретают находки цельнодеревянных стрел в колчанах из женских погребений 9/18 КМ Шумаево-II в Оренбургском Предуралье и 13/2 КГ БОФ на Днепропетровщине [Тереножкин и др., 1973, с. 161–166, рис. 43.-12]. Данные находки, очевидно, в очередной раз подтверждают достоверность сведений античных авторов об участии, по крайней мере, некоторых женщин-кочевниц наравне с мужчинами в охоте и в различных локальных военных конфликтах [Геродот, IV.-116].

Библиографический список

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Иртяш-14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006.

Геродот. История / пер. и прим. Г.А. Стратановского. – М., 2001.

Кубарев В.Д., Шульга В.И. Пазырыкская культуры (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007.

Купцов Е.А., Крюкова А.А. К вопросу о рыболовстве ранних кочевников Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 12. – Оренбург, 2016.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халыпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003.

Онгар А., Айткали А.К., Ахметов М.Г. Предварительные результаты исследования памятников тасмолинской культуры у села Тортуй // Всадники Великой степи: традиции и инновации. – Астана, 2014.

Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского Лимана // Курганы степной Скифии. – Киев, 1991.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино-I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М., 2010.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. – Киев, 1973.

Черненко Е.В. Скифские лучники. – Киев, 1981.

И.В. Купцов, Е.Л. Костылёва
Ивановский государственный университет, Иваново;
ООО «Центр археологических исследований», Ярославль
ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ГОРОДЕ ЮРЬЕВЦЕ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014–2015 гг.

Легендарной датой основания города Юрьевца считается 1225 год. Эта дата до сих пор ставится под сомнение скептиками, склонными «омолодить» историю города, однако проведенные в последние годы археологические исследования предоставляют все больше аргументов в пользу данной датировки.

С 2013 г. на территории города работает археологическая экспедиция ООО «Центр археологических исследований» [Купцов, 2014]. Полевые археологические работы 2014–2015 гг. проводились на двух участках культурного слоя города и предполагали в том числе предварительное электротомографическое сканирование исследуемых участков.

Во время работ 2014 г. на обследованном годом ранее участке поселения Тургеневское плато была произведена тахеометрическая съемка и по ее результатам была составлена топографическая карта участка. Данные электротомографии позволили получить предварительные сведения о мощности культурного слоя на территории обследования и о предполагаемом рельефе материка. На их основе была выстроена модель палеорельефа, которая в 2015 г. была проверена методами археологии.

В ходе работ 2015 г. в составе культурного слоя участка были найдены предметы, время бытования которых укладывается в промежуток с конца XII до середины XIII в. В их числе – фрагменты стеклянных браслетов (рис.-1, 2). Им сопутствовал массовый керамический материал, датируемый тем же периодом. Однако особый интерес вызвало заполнение и конфигурация разведанной ранее материковой ямы. Заполнение состоит из чередующихся прослоек прослеженной выше светло-коричневой супеси и массивов материкового слоя с включением углистых и золистых прослоек. Предматериковый горизонт ямы четко маркируется черной прослойкой мощностью 5 см, в составе которой встречены самые заметные находки. Среди находок из ямы – механизм цилиндрического замка (рис. 1.-4), фрагмент височного кольца (рис. 1.-3), многочисленные железные кованые изделия. Период их бытования соответствует по датировке предметам из основного заполняющего слоя и может быть определен в диапазоне конца XII – 1-й трети XIII вв. Ту же датировку имеет и керамика из заполнения ямы, в том числе расчищенные в составе черной предматериковой прослойки два развала крупных сосудов (рис. 2). Интерес вызывает не только заполнение, но и конфигурация ямы. В планиграфии ее форму усложняет примыкающее к восточной стенке ступенчатое углубление, расчищенное в материковом суглинке.

Особенности стратиграфии, топографии и геометрии ямы позволяют предварительно определить ее как остатки жилища земляночного или полуземляночного типа. Предматериковую прослойку в таком случае можно охарактеризовать как пол древнего жилища. Расчищенное с восточной стороны ступенчатое углубление, примыкающее к жилищной яме, очевидно, являлось входом в жилище. Собранный при расчистке заполнения ямы археологический материал позволяет установить датировку жилища в пределах 1-й половины XIII в. Судя по мощности предматериковых культурных отложений (около 5 см), период бытования данного жилища можно представить в диапазоне 5–15 лет. Наличие многочисленных углистых и золистых прослоек позволяет предположить разрушение жилища, сопровождавшееся пожаром. С учетом полученных датировок это событие хронологически можно сопоставить с Батыевым нашествием зимой 1237–1238 гг. При этом возобновление строительства на данном участке археологически не прослеживается.

В целом прогностическая модель палеорельефа оказалась близка его реальной конфигурации, что позволяет сделать заключение об успешном выполнении исследовательской задачи на данном участке работ.

Другим участком работ стал мыс коренного берега реки Волги, также расположенный в центральной части города, известный как Пятницкая гора и в настоящее время занятый мемориальным комплексом в память о воинах, павших в боях Великой Отечественной войны. До 20-х гг. XIX в. на данном участке располагался храм Параскевы Пятницы и приуроченный к нему некрополь. Осенью 2014 г. на участке был заложен шурф 2 × 2 м. В процессе расчистки заполнения шурфа были зафиксированы три захоронения, костяки которых уходили в западную стенку шурфа, что потребовало осуществления прирезки.

Ориентировка погребенных широтная, головой на запад. Кости рук сложены в области таза. Погребальный инвентарь во всех случаях отсутствует. Все три погребения находятся в одной погребальной яме, тем не менее заполнение погребения 1 перекрывает заполнение погребения 2 и 3. В составе заполнения могил зафиксированы пятна древесного тлена, образующие контур скругленно-прямоугольной формы. Это обстоятельство наряду с практически полным отсутствием в составе могильного заполнения керамики поздних форм позволяет предположить раннюю датировку захоронений. По керамическому материалу из заполнения могильных ям датировку погребений можно определить периодом XIII – начала XV вв. Из находок обращает на себя внимание расчищенный возле височной части черепа погребения 2 фрагмент прически в виде короткой косички (рис. 3), что позволяет дополнить портрет умершей, восстановленный по черепу (рис. 4).

Являясь продолжением археологических исследований древнейшего из городов Ивановской области, проведенные работы позволили сделать несколько ярких открытий, связанных как с древнейшей историей Юрьевца, так и с областью применения в археологии методов смежных дисциплин. Так, методы геофизики позволили выявить комплекс жилой постройки, датируемой временем основания города. Другой комплекс, связанный с расположенным в черте города историческим некрополем, предоставил первый в историографии археологического исследования Юрьевца антропологический материал. Полученные результаты призваны стать заделом для более тщательного исследования древнейшего прошлого города Юрьевца.

Рис. 1. Поселение Тургеневское плато. Образцы находок

Рис. 2. Поселение Тургеневское плато. Образцы массового материала

Рис. 3. Пятницкая гора. Погребение 2. Фрагмент прически

Рис. 4. Пятницкая гора. Реконструкция внешности женщины из погр. 2 (автор А.Ю. Андреева)

Библиографический список

Купцов И.В. Древний Юрьевец: история археологического изучения и новые находки // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. III. – М., 2014.

Л.В. Купцова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ОРЕНБУРГСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

(по материалам погребальных памятников)

Работа выполнена при финансовой поддержке задания 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности

По версии ряда исследователей эпохи позднего бронзового века, основными компонентами сложения срубной культуры Волго-Уральского региона выступали так называемые родственные друг другу «культуры колесничного круга»: потаповская [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 87–90]; синташтинская [Отрощенко, 2003, с. 75–76; Григорьев, 2014, с. 43], в Приуралье – южно-уральская абашевская (баланбашская) [Горбунов, 2006, с. 117]. Однако далеко не всегда истоки срубного погребального обряда можно проследить в среде вышеуказанных культурных образований [Купцова, 2016, с. 122–126].

Не отрицая роли «колесничных» культур в сложении срубной, следует сделать акцент на том, что основные каноны ее погребальной обрядности, видимо, были заложены в иной среде.

В конце среднего – начале позднего бронзового века степную и лесостепную полосы Восточной Европы, в том числе степи Волго-Уральского региона, населяли племена культур, входивших в блок посткатакомбных культурных образований [Мимоход, 2016, с. 45–47]. В частности, в Волго-Уралье известны памятники волго-донской бабинской культуры (криволукской культурной группы) и волго-уральской культурной группы [Мимоход, 2013, с. 323–326; Мимоход, 2014, с. 100–117].

Основные признаки погребального обряда посткатакомбных культур и срубной культуры совпадают. Такими признаками являются следующие: захоронение костяков в прямоугольных ямах в положении скорченно на левом боку с согнутыми в локтях руками, кисти которых расположены у лица или у груди; ориентировка погребенных преимущественно в северо-восточный, северный, восточный сектора; погребения либо безынвентарны, либо содержат малое количество инвентаря [Мимоход, 2013, с. 27, 33–35, 319, 336–337; 2014, с. 102, 103, 109].

В Оренбургском Предуралье с посткатакомбной линией развития, предположительно, может быть связано использование каменных перекрытий в оборудовании погребения. Ранее считалось, что данная традиция была заимствована срубным населением у коллективов, входящих в андроновскую культурно-историческую общность. Однако в памятниках срубной культуры региона, могилы которых перекрыты закладами из каменных плит, зачастую отсутствуют сосуды с андроновскими признаками, а также андроновские элементы погребального обряда. Следовательно, говорить о том, что обычаем перекрывать могилу камнем был заимствован у андроновских племен, не представляется возможным [Купцова, 2014, с. 185]. В лопатинской (посткатакомбной) культуре, как и в срубной культуре Оренбургского Предуралья, выделяется группа погребений, для которой зафиксировано использование камня в оформлении погребальной камеры. В Оренбуржье использование камня впервые (в плане хронологической последовательности археологических культур) было применено носителями лопатинских культурных традиций [Купцова, 2016, с. 128–130].

В Оренбургском Предуралье обозначенные выше посткатакомбные элементы обряда присутствуют на всех этапах существования срубной культуры, и они характерны для подавляющего числа захоронений. В то же время, например, элементы «колесничных» культур выявляются только на «покровском» этапе ее развития, а элементы материальной культуры носителей федоровских традиций – только на заключительном. Зафиксированы

указанные признаки для небольшой доли захоронений, что свидетельствует о том, что они усваивались не всем населением, а лишь его частью, контактировавшей с инокультурными племенами.

Схожее заключение было получено А.И. Юдиным и А.Д. Матюхиным. На основании тщательно проанализированного материала ряда срубных могильников Саратовского Поволжья они пришли к выводу о том, что компоненты сложения срубной культуры – с одной стороны, катакомбный (или, как было бы правильнее говорить сейчас – посткатакомбный) и «колесничный» – с другой, по-разному влияли на нее. Первый компонент – это ее генетическая основа, второй – явился катализатором процесса культурогенеза культуры, он попал в нее извне, в результате взаимодействия с синхронными культурными образованиями [Юдин, Матюхин, 2006, с. 69].

Таким образом, опираясь на признаки погребального обряда, можно заключить, что основным субстратом сложения срубной культуры Оренбургского Предуралья как части Волго-Уральского региона являлись культуры, входившие в блок посткатакомбных культурных образований.

Библиографический список

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994.

Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. – Уфа, 2006.

Григорьев С.А. Формирование металлургического производства в Волго-Уралье в начале позднего бронзового века // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) : материалы Международной научной конференции (12–14 мая 2014 года). – Самара, 2014.

Купцова Л.В. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 11. – Оренбург, 2014.

Купцова Л.В. Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто. – Уфа, 2016.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. – М., 2013.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. – Вып. 232. – 2014.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения : материалы Международной научной конференции. – Грозный, 2016.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж, 2003.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. – Саратов, 2006.

Е.А. Курлаев

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Современные индустриальные ландшафты Урала – наглядное отражение многовековой деятельности Российского государства по заселению и освоению края. За 300 лет, прошедших с начала массового строительства металлургических мануфактур в XVIII в., Урал покрылся сетью рудников и заводов. Однако к настоящему времени не сохранилось ни одного металлургического предприятия XVII–XVIII вв. Отсутствие сохранившихся построек того времени неоднократно вызывало сожаление среди исследователей архитектуры промышленности. Тем не менее опыт полевых исследований показал, что кое-где неплохо сохранились следы старинной промышленной деятельности, и помимо письменных источников можно использовать данные о разрушенных заводских остатках.

В нашей стране первые шаги в археологическом исследовании металлургических предприятий XVII в. были предприняты в 1960–1970-х гг. на Урале А.И. Рассадович [1974, с. 113] и в Туле – Н.Н. Стосковой [1962], но в дальнейшем такие исследования не стали регулярными. Начиная с 1990 г. археологические исследования первых уральских заводов продолжил автор статьи [Курлаев, 1993, с. 223–234]. За это время удалось поработать с архивными документами, обнаружить и обследовать 28 разрушенных заводов и рудников XVII–XVIII вв. С конца 1990-х гг. исследования памятников промышленности получают распространение в крупных городах уральского региона: Екатеринбурге, Перми, Челябинске, а также и в некоторых промышленных центрах Сибири. С XIV Уральского археологического совещания, проходившего 1999 г. в г. Челябинске, секция «Индустриальное наследие» прочно заняла место на этом представительном археологическом форуме.

В то же время отсутствуют обобщающие методические или теоретические разработки по исследованию не только промышленных, но и других объектов последних 3–4 столетий, а памятникам доисторической эпохи посвящено несравнимо большее количество трудов. В отечественной учебной литературе нет разделов, где рассматривался бы метод интеграции письменных и вещественных источников [Мартынов, Шер, 2002; Мартынов, 2005 и др.].

Во время полевых изысканий сформировалось представление о последовательности работы на разрушенных объектах исторического периода. Говоря о методике исследования, необходимо отметить тот факт, что многие ключевые методы, применяемые в доисторической археологии, перестают работать. Более всего это становится заметным при обработке и интерпретации материала. Основной рабочий материал доисторических эпох – орнаментированная керамика – отсутствует. Нет необходимости в выделении археологических культур, определении этнической и культурной принадлежности создателей промышленных памятников. Имена строителей и период существования объектов с высокой для археологии точностью можно узнать из письменных источников.

Вместе с тем в изучении промышленных объектов реально использование традиционной процедуры археологического исследования: полевых работ и камерально-кабинетной обработки и обобщения данных. Возможно применение стратиграфического, планиграфического методов, а также одного из наиболее важных в археологии – типологического метода, но в исследовании решающую роль начинают играть письменные источники. Однако в методах поиска, раскопок и реконструкции разрушенных промышленных памятников появляются существенные особенности, которые изменяют традиционную процедуру исследования. В первую очередь, комплексный характер исследования – органичный синтез сведений письменных источников, методов и результатов археологических исследований. Увеличение объемов информации из письменных источников делает ее решающей, а данные археологических исследований – вспомогательными.

Разведки, проведенные с использованием архивных данных, позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение объектов для дальнейшей работы с их

остатками, уточнить окружающую историческую топонимику. С их помощью нередко можно точно выявить время жизнедеятельности, название объекта, язык и этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно осуществить на памятниках доисторической эпохи. Раскопки памятника дают возможность пополнить сведения о планировке, архитектуре, этапах перестройки; технологии производства и технического оснащения предприятия. В процессе раскопок накапливаются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства для последующего изучения их методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и музейных коллекций. Итогом натурных исследований промышленных памятников стало создание в 2000–2002 гг. совместно с к.т.н. Ю.М. Барановым первой в отечественной практике компьютерной анимированной модели уральского завода XVIII в. [Курлаев, 2008, с. 9–17].

При внедрении археологических методов в исследовании промышленных памятников следует иметь в виду и междисциплинарную сферу деятельности Industrial archaeology, появившуюся в Великобритании [Martin, 2009, p. 285–296]. В этой стране «индустриальная археология» выделяется в особую область, которая отличается от нашего традиционного представления об археологии, а раскопки являются редким и необязательным элементом исследования промышленных объектов. Индустриальная археология охватывает период послеиндустриальной революции, то есть последние два столетия. Это междисциплинарный предмет, где имеют место исследования и работа профессионалов и любителей: архитекторов, горняков, инженеров, историков, археологов, металлургов, музейных работников, людей других специальностей. Между ними, занимающимися изучением и сохранением памятников индустрии, практически нет разделения, как в России, по отраслевому признаку. Всех их принято считать «индустриальными археологами», с чем трудно согласиться.

При сложившейся у нас системе научной специализации нет необходимости считать всех исследователей, работающих с индустриальными остатками, считать «индустриальными археологами». В то же время термин «промышленная археология» уже получил распространение в нашей стране, но его следует использовать не для определения особой области, а в рамках существующей в России системы исследований, где археологии с ее специфическими методами отводится роль вспомогательной исторической дисциплины при изучении разрушенных и плохо обеспеченных документами промышленных памятников. В таком случае при отсутствии поздних хронологических границ в археологии сфера компетенции промышленной археологии распространяется на период зарождения и деятельности российской промышленности в хронологическом отрезке XVII–XX вв. Дальнейшая теоретическая работа предполагает изучение зарубежного опыта и обоснование промышленной археологии как научного направления исследований.

Библиографический список

Курлаев Е.А. Металлургические заводы Среднего Урала (исследование памятников промышленной археологии) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993.

Курлаев Е.А. Реконструкция облика металлургического завода XVIII в. в виде компьютерной модели // Информационно-аналитический бюллетень научного совета РАН. – №6. – Саранск, 2008.

Мартынов А.И., Шер Я.Ф. Методы археологического исследования. – 2-е изд. – М., 2002.

Мартынов А.И. Археология : учебник. – 5-е изд. – М., 2005.

Рассадович А.И. К вопросу об истоках уральской горной промышленности // Уральский археографический ежегодник за 1971 г. – Свердловск, 1974.

Стоксова Н.Н. Первые металлургические заводы России. – М., 1962.

Martin Patrick E. Industrial Archaeology // International handbook of Historical Archaeology. – New York, 2009.

Д.О. Кутузова

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере деятельности археологического музея МАРГУ)

Патриотическое воспитание студенческой молодежи всегда являлось одной из основных задач современного образования. Значимость и актуальность формирования активной гражданской позиции занимает одну из важнейших ступеней в развитии патриота своей Родины.

В Марийском государственном университете патриотическое воспитание ставит следующие задачи:

– формирование у студентов целостного мировоззрения, российской идентичности, уважения к своей семье, обществу, государству, принятым в семье и обществе духовно-нравственным и социокультурным ценностям, к национальному культурному и историческому наследию и стремления к его сохранению и развитию;

– создание условий для воспитания у студентов активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях российского общества, для увеличения знаний и повышения способности ответственно реализовывать свои конституционные права и обязанности [Концепция..., 2014, с. 14] и др.

Одно из направлений, с помощью которых решается задача патриотического воспитания в Марийском государственном университете, – музейная работа, прочно вошедшая в образовательный процесс. Археологический музей Марийского университета ведет свою историю с 1975 г., но официально его статус был закреплен в 1989 г. приказом ректора университета №140-П от 7 апреля 1989 г.

В 1990-е гг. на базе Археологического музея начинается новый этап научных исследований. Это во многом было связано активным российско-финским сотрудничеством в исследованиях древней истории волжских финнов. Одним из основных направлений сотрудничества в области исследований древней истории финно-угров стало проведение совместных полевых работ археологов Марийского университета и Университетов Хельсинки, Оулу, Музейного Управления Финляндии в составе российско-финских археологических экспедиций Марийского государственного университета под руководством доктора исторических наук, профессора В.С. Патрушева.

В настоящее время музей включает экспозиции, фонд, научный рукописный архив, полевой рукописный архив, библиотеку археологической литературы и склад. Формирование археологических коллекций являлось результатом работы экспедиций специалистов вуза. Со времени основания музея Марийского государственного университета его фонд стал основой для исследований по финно-угорской археологии. К древнейшему периоду заселения человеком края (примерно 22–24 тыс. лет назад) относятся отдельные находки орудий из кремня, фрагменты бивней и зуб мамонта. Эпоха мезолита представлена многочисленными орудиями труда – микролитами, скребками и наконечниками стрел. Отдельная витрина посвящена характеристике различных археологических культур эпохи неолита (V–III тыс. до н.э.). Материалы по эпохе бронзы характеризуют сложную этническую картину, сложившуюся в марийском крае в конце III – II тыс. до н. э. В эпоху развитой бронзы с XVI–XV до IX–VIII вв. до н.э. в восточных от марийского края областях выделена приказанская культура. В музее экспонируются археологические материалы, характеризующие этнокультурные связи древних финно-угров VII–VI вв. до н.э. с племенами Северного Причерноморья, Средней Азии, Горного Алтая, Центрального Предкавказья, с балтоязычным населением Прибалтики и родственными финно-угорскими народами Скандинавии, севера России и Прикамья. Об этом свидетельствуют представленные в музее предметы искусства и вооружения древних финно-угров.

Наиболее полно и ярко представлена экспозиция с материалами раскопок последних лет исторических зон русских городов Марийского края – Царевококшайском остроге, Кокшайске и Козьмодемьянске.

Тематический метод экспонирования археологических материалов позволяет всесторонне представить культурные особенности населения Марийского края в определенную археологическую эпоху.

Можно выделить основные направления работы Археологического музея. Это научная работа, проведение различных научно-просветительских мероприятий со школьниками и непосредственная работа со студентами историко-филологического факультета Марийского государственного университета. В совокупности работа музея помогает не только в научных исследованиях, но и в популяризации научных знаний.

В культурно-образовательных целях археологические коллекции используются как основа для проведения экскурсионных и лекционных мероприятий для студентов Марийского университета, учащихся школ. Данный подход помогает сформировать у студентов целостное представление об истории родного края, уважительное отношение к предкам, к истории малой родины в целом. Тематические экскурсии обеспечивают наиболее полное понимание исторического значения экспонатов.

Уроки-экскурсии, проводимые в Археологическом музее, опираются на знания, приобретенные на аудиторных занятиях. Подобный подход – действенная форма активизации познавательной деятельности, воспитания ценностного отношения к историческому прошлому, сохранения и развития отечественных традиций исторической памяти [Суркова, 2014, с. 73]. Подобные формы образовательного процесса способствуют накоплению студентами научных фактов, обогащают зрительными образами содержание учебно-воспитательного процесса, обучают умению замечать, видеть детали и подробности, развивают основы эмпирического мышления; воспитывают в молодых людях любознательность, внимательность, визуальную культуру, нравственно-эстетическое отношение к действительности.

Отчетные и тематические выставки позволяют популяризировать археологические исследования и тем самым привлекать внимание к музею, повысить интерес к истории Марийского края и тем самым повысить гражданскую ответственность студентов и их патриотизм. Тематический метод экспонирования археологических материалов позволяет всесторонне представить культурные особенности населения Марийского края в определенную археологическую эпоху.

На основании вышесказанного можно с уверенностью говорить, что педагогический потенциал Археологического музея Марийского университета в патриотическом воспитании молодежи заключается в постановке ценностных ориентиров и создании благоприятного образовательного пространства для студентов.

Библиографический список

Воронцова Н.Б. Роль патриотического воспитания в формировании активной гражданской позиции у будущих учителей // Патриотизм: история, современность, образ будущего : Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ульяновск, 14–16 апреля 2015 г.) : сборник научных трудов : 2 частях. Часть 2 / под ред. Т.В. Петуховой. – Ульяновск, 2015.

Концепция организации воспитательной работы в ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» на период 2015–2019 годов. – Йошкар-Ола, 2014.

Райхлина Е.Л. Музей в системе патриотического воспитания молодежи // Вестник МГУКИ. – 2009. – №3 (29).

Суркова Л.И. Уроки-экскурсии как одно из направлений совершенствования исторического образования студентов педагогического вуза // Поволжский педагогический вестник. – 2014. – Вып. №4 (5).

В.В. Куфтерин¹, Н.А. Дубова²

¹Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа;

²Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

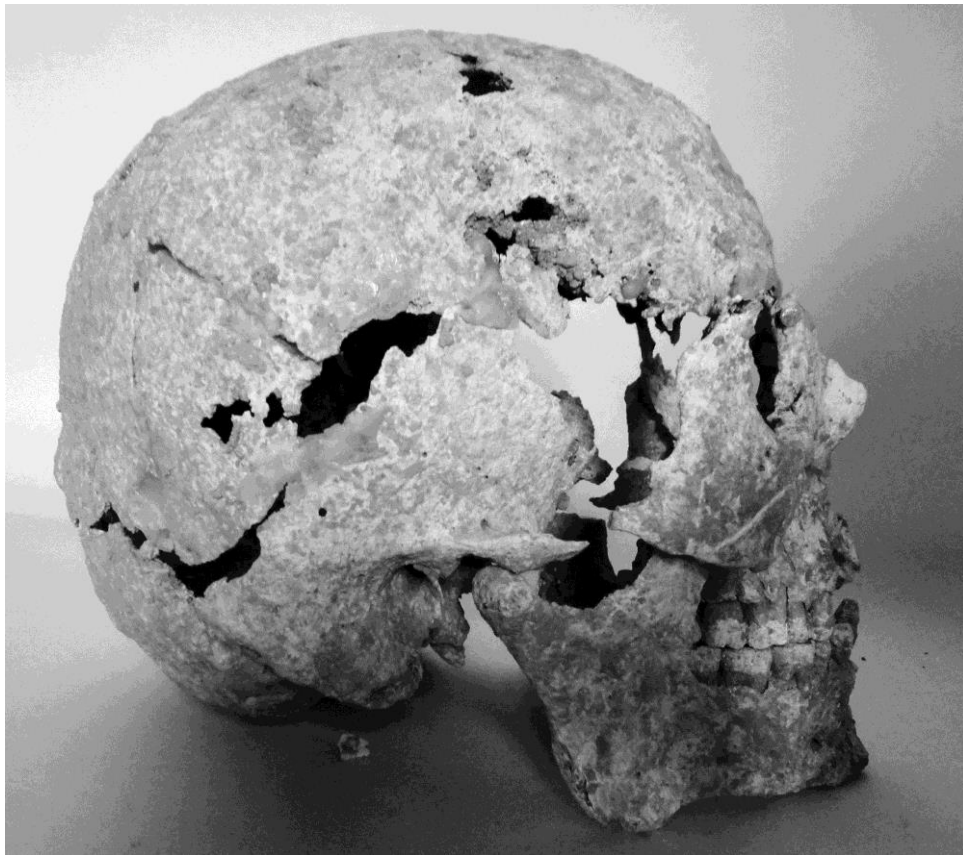
МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ «ЭФТАЛИТОВ»:
МОГИЛЬНИК ШАХИДОН, ТАДЖИКИСТАН

Антропологические материалы из могильника Шахидон, расположенного в пределах джамоата Сари-Хосор в долине реки Сурхоб (Бальджуванский район Хатлонской области Республики Таджикистан, 38°31'45"N 69°50'10"E) представляют несомненный интерес. В первую очередь, он обусловлен крайней скудостью данных по антропологии «эфталитов» (единственная собственно «эфталитская» серия была опубликована В.В. Гинзбургом [1954] еще в 1954 г.) и дискуссионностью многих вопросов этнической истории раннесредневековой Средней Азии. Авторы раскопок представляемого памятника справедливо отмечают, что «его раскопки и анализ полученного материала, в том числе антропологического, несомненно, внесут определенный вклад в решение эфталитской проблемы» [Филимонова, Ахметзянов, 2016, с. 263].

Полученный антропологический материал происходит из 34 погребений, исследованных в 2012–2015 гг. Археологические комплексы Шахидона датируются V(VI)–VII(VIII) вв. и, судя по особенностям погребального обряда и сопутствующего инвентаря («погребения с конем», наличие в захоронениях элементов конской упряжи, мечей, ножей, а также нескольких видов монет, положенных в рот погребенному и др.), соотносятся с кочевым населением, которым на данном временном интервале могли быть и собственно «эфталиты». Имеются существенные параллели в вещевых комплексах и конструкциях погребений между Шахидоном и сакскими могильниками Памира (Аличур, Харгуш) [Филимонова, Ахметзянов, 2016; устные сообщения Т.Г. Филимоновой и В.С. Соловьева]. Сохранность скелетных останков, происходящих из раскопок памятника, в целом плохая (ряд погребений был подвергнут ограблению в древности). Однако контекстное исследование материала (авторы принимали непосредственное участие в археологических работах и имели возможность полного «курирования» скелетных останков) позволило извлечь максимум необходимой информации.

По краниологической программе более или менее полно исследованы один мужской и 4 женских черепа (рис.). Эта небольшая серия характеризуется большими или средними диаметрами мезокранной черепной коробки. Искусственная деформация отсутствует. Лоб среднеширокий. Лицо средневысокое, умеренно профилированное по горизонтали. Нос мезоринный, выступает слабо. Орбиты высокие абсолютно и относительно. Слабое выступание носовых костей при умеренной горизонтальной профилировке лица и высоких орбитах позволяет, при общем европеоидном облике черепов, предположить наличие определенного «монголоидного» компонента. При этом следует иметь в виду крайнюю малочисленность материала и неоднозначность связи уплощенности лицевого скелета только с «монголоидностью» (ослабление горизонтальной профилировки, особенно в назомалярной области, как представляется, не в меньшей степени характерно для «палеоевропеоидного» населения степей Евразии). Такое сочетание «европеоидных» и «монголоидных» характеристик на шахидонских черепах при их рассмотрении на индивидуальном уровне позволяет предположить «механическое» смешение нескольких компонентов.

Межгрупповое сопоставление женских черепов из Шахидона с 31 среднеазиатской серией хронологически и территориально близкого диапазона с применением канонического дискриминантного анализа (продольный, поперечный, высотный (от *ba*), скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина орбиты (*mf*), высота орбиты, ширина и высота носа, симотические высота и ширина, назомалярный и зигомаксиллярный углы, а также угол выступления носа) показало их наибольшее тяготение к «эфталитским» же черепахам из урочища Кюкальды (Алайский хребет) и двум сборным сериям тюркских кочевников (Восточного Казахстана VII–XII вв. [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 241] и Тянь-Шаня VI–VIII вв. [Миклашевская, 1959]).

Могильник Шахидон. Мужской череп из погребения 2

Морфологические особенности посткраниальных скелетов свидетельствуют, что люди из Шахидона характеризовались довольно грацильным строением костяка (в первую очередь женщины) и, в целом, средней длиной тела (имеются вариации от малых до больших величин). Особенности развития рельефа длинных костей и состояние опорно-двигательного аппарата «говорят» об отсутствии экстремальных физических нагрузок. Встречаемость различных стрессовых индикаторов в выборке невысока, что может свидетельствовать о достаточно хорошей адаптированности населения к окружающим средовым условиям. Так, частота (интенсивность) кариозных поражений составила величину 6,2%, а прижизненной утраты зубов – 9,6%. Полученные цифры близки к таковым для раннего и развитого Средневековья Великобритании [Roberts, Manchester, 2005, p. 69, 74]. В ряде случаев были зафиксированы признаки, вероятно, свидетельствующие об использовании зубов в профессиональной деятельности.

В ближайшее время планируется монографическое издание результатов изучения могильника Шахидон, в том числе полная публикация итогов антропологических исследований.

Библиографический список

Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // Труды Института этнографии : Среднеазиатский этнографический сборник. – Т. XXI. – 1954.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М., 1972.

Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – 1959. – Т. II.

Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р. Отчет об археологических работах в Бальджуванском районе (2012 г.) // Археологические работы в Таджикистане. – 2016. – Вып. XXXVIII.

Roberts C., Manchester K. The archaeology of disease. – Ithaca, 2005.

И.Л. Кызласов
Институт археологии РАН, Москва
ХРАМОВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР НА р. АБАКАНЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VIII – НАЧАЛО XIII в.).
РАСКОПКИ Л.Р. И И.Л. КЫЗЛАСОВЫХ (МГУ, ИА АН СССР/РАН)

Значительный вклад в городскую археологию Сибири был внесен целенаправленными полевыми и кабинетными трудами Л.Р. Кызласова. В студенчестве, получив из рук С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой первый опыт раскопок городских объектов в 1946 г. при изучении гуннского дворца на р. Ташебе [Евтюхова, 1947, с. 79, прим. 2; Кызласов, 2001, с. 7, 17, 115], он в 1953–1954 гг. провел ставшие знаменитыми исследования городища Ак-Бешим в Кыргызстане – как оказалось, руин столицы Западнотюркского каганата Суяба [Кызласов, 1959а; 2006, с. 219–350], а затем открыл и изучил многочисленные крепости и города Уйгурского каганата VIII–IX вв. и Монгольской державы XIII–XIV вв. в Тувинской котловине [Кызласов 1959б; 1965, с. 59–119; 1969, с. 56–87, 130–171; 1975; 1979, с. 145–158].

Прорыв в поисках средневековых городов в Хакасии также был совершен археологической экспедицией Московского университета. В 1971–1973 гг. профессором Л.Р. Кызласовым были обнаружены два города, не значившихся в письменных источниках и на древних арабских картах. Основные постройки там были деревянными, и городские остатки не были видны на поверхности. Но в обоих городах некогда стояли кирпичные храмы, руины которых в наши дни выделялись большими буграми. Так был отыскан древнехакасский город в горах Батенёвского кряжа, в котловине Сорга, территорию которого теперь занимает поселок железнодорожной станции Ербинская. Археологически изученное там храмовое здание VIII–X вв. имело большие размеры, стены из необожженного кирпичасырца и было сооружено на массивной платформе из гранитных глыб [Кызласов, 1999].

Другой тип города существовал в степной дельте реки Уйбат в середине VIII – начале XIII в. Пожалуй, это был центральный древнехакасский город, но, как предыдущий, он не имел оборонительных стен и ныне скрыт и выровнен пашней. Он был обнаружен Л.Р. Кызласовым в 1973 г. и изучался раскопками в 1974–1981 и 2000–2002 гг. [Кызласов, 1998]. Город стоял на левом берегу Абакана в стороне от реки и от ее притока Уйбата – строители, видно, страшась наводнений, предпочли подвести к нему от Уйбата большой магистральный канал. Изгибаясь углом, канал в центре поселения отделял сакральный участок с несколькими монументальными храмами и примыкавшим к ним монастырским комплексом. По данным аэрофотосъемки, к северу от священного квартала шла основная городская застройка усадебного типа. В плане она образовывала правильный квадрат со стороною в 1 км, по периметру очерченный каналами и разделенный на улицы прямыми арыками. Судя по регулярной, вымеренной планировке жилого центра, город возник как воплощение единого архитектурного проекта. Жилая площадь здесь изучена недостаточно: глинобитные заборы-дувалы, ограждавшие усадьбы, обнаружены раскопками, глинобитные квадратные дома выявляет аэрофотосъемка. Прослежены и традиционные деревянные жилища, срубные и столбовые.

Судя по подъемному материалу, жилые усадьбы распространялись на еще большей площади, около 3 км в диаметре. Однако история и характер застройки остается неизвестной. Просуществовав около 5 веков подряд, до монгольского нашествия в XIII в., город век от века должен был менять свой облик. Обнаружены и следы производственных сооружений – кузниц, пальцевых гончарных печей среднеазиатского типа. Наряду с прослеженными архитектурными традициями полученные при раскопках находки указывают на многоплеменность горожан. Местная посуда (тюхтятской и аскизской культур) на начальном этапе, во 2-й половине VIII – начале IX вв., соседствует с уйгурской баночной. Выделяются разные формы круговой согдийской керамики (хумы, кувшины), характерной для колоний Восточного Туркестана. По-видимому, на Абакане это были и купцы торговых караванов (в городском слое встречены монеты и фрагменты поливной посуды из Китая, а также кости верблюда), и общины пришлых ремесленников, и религиозные паломники.

Весь длительный период существования Уйбатского города на его культовом участке возводились, сменяли друг друга и около 5 веков непрерывно действовали храмы из кирпича-сырца с цветными росписями по белой штукатурке и с деревянными колоннадами. Пристраиваясь друг к другу, они создали единый (60 × 30 м) и 2 обособленных комплекса характерного сакрального вида. За годы раскопок изучены остатки десятка разновременных монументальных объектов и алтарей, руины возникшего близ них монастыря, а также части иных легких построек – с деревянными колоннадами, покрытыми черепицей. Планировка каждого храма ни в чем не повторяла облик другого. Арабская литература X–XIV вв. по словам очевидцев и сведениям книжников описала сакральное наследие, полученное манихеями от сабейцев-звездопоклонников, канонизировавших разные геометрические формы построения храмов – в зависимости от того, какой из 7 главных планет или какому астрологическому понятию они были посвящены. Описания ал-Масуди, аш-Шахристани и ат-Демишки помогли понять и отождествить неожиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений, раскопанных на Уйбате. Они оказались храмами и алтарями Первопричины (т.е. Сотворения) мира, Миропорядка, Солнца (с квадратным залом в 169 колонн), Марса (имевшего зал с 12 колоннами), Луны, Огня, Воздуха, Воды и др. Изумляет подтвержденная археологией точность описаний, составленных средневековыми арабскими учеными [Кызласов, 1998; 2008].

Открытые древнехакасские города были не только административными, ремесленными и торговыми центрами, не только местами приложения специальных архитектурных и строительных знаний, но и средоточием веками длившейся сложной духовной жизни. С участием уйгурских и согдийских миссионеров манихейство разошлось в Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, было официально принято Древнехакасским государством во 2-й половине VIII в. и просуществовало в тюркоязычном мире несколько столетий. Кроме раскопанных в Хакасии храмов, на то указывает содержание многочисленных наскальных молитвенных надписей Саяно-Алтая енисейского письма, а также распространившиеся в рунических памятниках особые нормы правописания, отличавшие манихейскую грамотность ото всех письменных систем Азии периода раннего средневековья.

Библиографический список

- Евтюхова Л.А. Развалины дворца в «Земле Хягяс» // КСИИМК. – Вып. XXI. – 1947.
- Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т. II. – М., 1959а.
- Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. – 1959б. – №3.
- Кызласов Л.Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города. – М., 1965.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969.
- Кызласов Л.Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1975.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. – М., 1979.
- Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1998. – №3.
- Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. – 1999. – №2.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М., 2001.
- Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. – М., 2006.
- Кызласов Л.Р. Священный город манихеев на реке Уйбат // Сокровища культуры Хакасии / Наследие народов Российской Федерации. – Вып. 10. – М., 2008.

И.П. Лазаретов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ОБЩНОСТЬ КУЛЬТУР САЯНО-АЛТАЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Окуневская культура Хакасско-Минусинской котловины, как самостоятельное образование, выделена в 60-х гг. XX в. [Максименков, 1964]. Ее каменные изваяния и стелы, гравировки и красочные росписи, скульптура и предметы мелкой пластики получили общемировую известность. Исследовано свыше тысячи погребений, определен период существования культуры в промежутке XXV–XVIII вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009].

Памятники аналогичные окуневским выявлены на Алтае и на территории Тувы. Там их количество пока невелико, по 10–15 захоронений на регион [Кубарев, 2009; Стамбульник, Чугунов, 2006]. Конструкции погребальных сооружений, обряд захоронения и, особенно, вещевой инвентарь окуневской, каракольской и чаа-хольской культур проявляют очевидное сходство между собой. Это позволяет говорить об их синхронности, несомненном родстве и единстве происхождения. За пределами России курганы эпохи ранней бронзы удалось выявить только в последние десятилетия. По материалам этих раскопок выделена чемурчекская культура эпохи ранней бронзы, охватывающая часть территории Монголии, Китая и Казахстана, прилегающих к Алтаю [Ковалев, 2005]. В Монголии чемурчекские комплексы представлены, преимущественно, курганами «булганского» (по А.А. Ковалеву) типа. В их основе находится большой каменный ящик, частично выступающий над поверхностью земли. Стенки могил зачастую несут следы геометрической росписи, выполненной охрой. По периметру ящик обложен каменной насыпью прямоугольной или овальной формы. К востоку от кургана располагались ритуально-поминальные площадки – квадратные оградки с «жертвенником» в центре. Пространство оградки разделено на 3 части перегородками из вертикально врытых плит. К северу от «жертвенника» установлены каменные стелы, в количестве от 1 до 4.

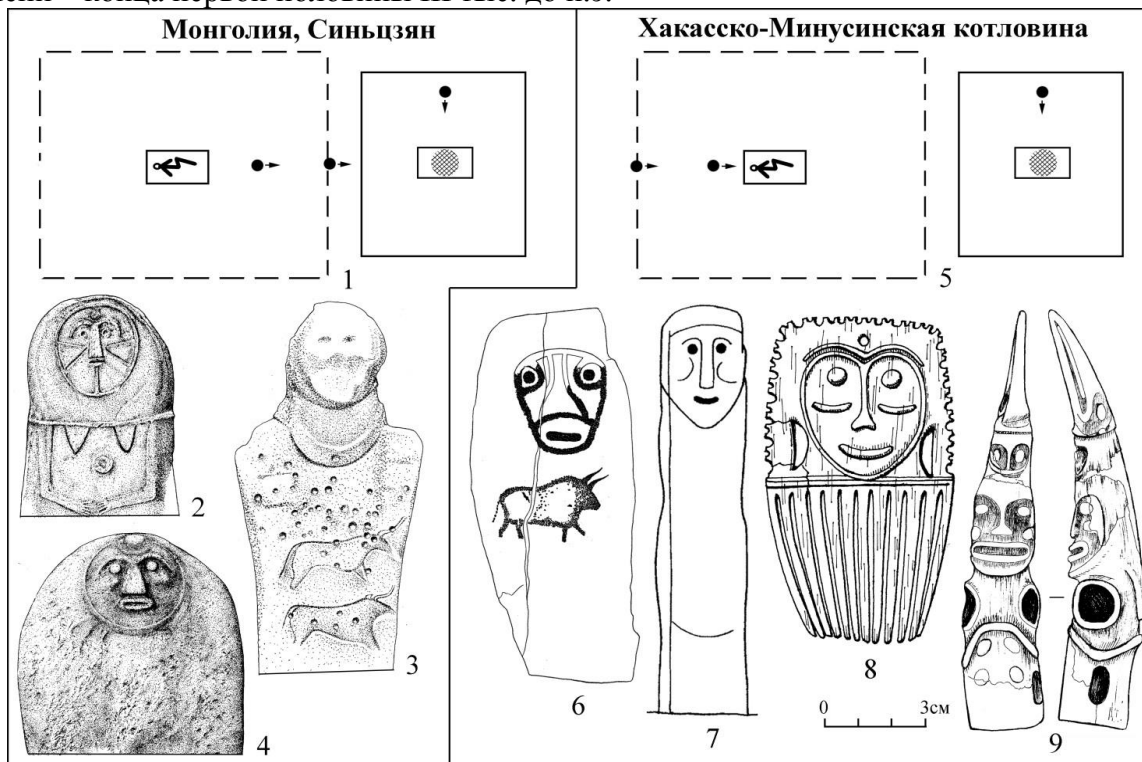
Ранние окуневские курганы уйбатского этапа также имеют одну центральную могилу, а к востоку от них обнаружены ритуально-поминальные площадки – квадратные оградки из вертикально врытых плит с «жертвенником» в центре, как у комплексов «булганского» типа Монголии. В 2015 г. на территории Тувы исследовано окуневское (чаа-хольское) святилище (могильник Красная Горка, объект 10). Внутреннее пространство сооружения разделено перегородками на три части. В центре святилища располагался «жертвенник» – каменный ящик, заполненный жжеными костями овцы. К северу от него установлены 4 стелы из крупных галек. Налицо практически полное совпадение архитектурных деталей устройства святилища с поминальными комплексами курганов «булганского» типа чемурчекской культуры Монголии. Это позволяет говорить о единстве религиозных воззрений и связанных с ними погребально-поминальных ритуалов у населения Хакасско-Минусинской котловины, Тувы и Монголии в эпоху ранней бронзы.

В курганах уйбатского этапа окуневской культуры обнаружено два антропоморфных изваяния, сохранившихся «*in situ*» и несколько ям, предназначенных для их установки. Погребальные скульптуры располагались на борту основной могилы, либо в ограде кургана. В чемурчекских курганах Монголии и Синыцзяна антропоморфные изваяния занимают аналогичную позицию. Разница в том, что окуневские скульптуры размещали к западу от центрального захоронения, а чемурчекские к востоку. При этом они установлены точно по осевой линии основной могилы и обращены лицевой стороной на восток, в сторону поминальных оградок. Если окуневские и чемурчекские изваяния установлены в поминальнице или святилище, то они располагаются у его северной стенки и обращены ликом на юг, в сторону «жертвенника» (рис.-1, 5).

Чемурчекские статуи Монголии и Синыцзяна имеют общие стилистические особенности. Абрис лица у них округлый или сердцевидный. Контуры лица, бровей, носа и губ даны рельефным валиком. Глаза представляют собой цилиндрические выступы, скулы выделены рельефом. На отдельных статуях имеется третий глаз, как на изваяниях Хакасско-Минусинской котловины (рис.-2–4).

Окуневская погребальная скульптура отличается простотой и лаконичностью личин, их подчеркнутой «человечностью». У некоторых проработаны дугообразные полосы, идентичные линиям раскраски человеческих черепов из захоронений. На одном изваянии изображение человеческого лица дополнено фигурой быка, выполненного на том же месте и в той же манере, как у чемурчекских статуй из Северо-Западного Китая (рис.-6, 7). Их техника исполнения иная, но среди предметов окуневской мелкой пластики имеются изделия, отвечающие всем канонам чемурчекской скульптуры (рис.-8, 9).

Сходство курганной архитектуры и поминальных площадок, традиция установки погребальных скульптур, их функциональное и стилистическое единство позволяет утверждать, что культуры эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая являются близко родственными в пределах единой культурно-исторической окуневско-чемурчекской общности. В нее входили территории Восточного Казахстана, Синьцзяна (культура кеэрмуцы), Монголии (культура хэмцэг), Тувы (чаа-хольская культура), Алтая (каракольская культура) и Минусинской котловины (окуневская культура). Их объединяет общая религиозная доктрина и сходство сопряженных с ней культовых обрядов. Близость форм керамических и каменных сосудов, основных типов орудий и украшений указывает на общий источник происхождения перечисленных культур. Наиболее перспективными для поиска прародины окуневско-чемурчкского феномена представляются памятники Северо-Западного Прикаспия позднего времени – конца первой половины III тыс. до н.э.

Библиографический список

Ковалев А.А. Чемурчкский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // *Западная и Южная Сибирь в древности*. – Барнаул, 2005.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск, 2009.

Максименков Г.А. Окуневская культура // *Материалы по древней истории Сибири*. – Улан-Удэ, 1964.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // *Теория и практика археологических исследований*. – Вып. 5. – Барнаул, 2009.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение*. – СПб., 2006.

А.Р. Ласкин¹, Е.Г. Дэвлет², А.А. Ульянов²
¹НПЦ по ОПИК Хабаровского края, Хабаровск;
²Институт археологии РАН, Москва
РЕПЕРТУАР ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА:
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ 17-01-00511, 14-01-00453

Наскальные изображения Сикачи-Аляна являются важнейшим на Дальнем Востоке комплексом петроглифов [Окладников, 1971], состоящем из 6 пунктов (сохранилось 5), в которых насчитывается 120 камней с 435 древними петроглифами. Эти сведения соответствуют уровню исследований по состоянию на 2016 г., ежегодно данные о памятнике меняются. С одной стороны, этот процесс имеет отрицательную динамику – суровые природные условия оказывают существенное воздействие на состояние сохранности памятника, особенно следует отметить масштабное наводнение на Амуре 2013 г. [Дэвлет, Ласкин, 2015]. С другой стороны, ежегодные исследования существенно дополняют знания о региональном наскальном искусстве не только Сикачи-Аляна, но и других местонахождений [Дэвлет, Ласкин, 2014; Ласкин, 2014]. Все это делает неоднозначными приводимые статистические данные, которые могут трансформироваться как в сторону возрастания, так и уменьшения.

Сведения о репертуаре и сохранности петроглифов Хабаровского края

За последние 15 лет в научный оборот введены выявленные наскальные изображения, расположенные на 17 камнях в пунктах 1 и 2 сикачи-альянских петроглифов. В сравнении с документацией А.П. Окладникова, не все петроглифы было возможно обследовать повторно, но, поскольку нет уверенности в том, что они безнадежно утрачены, они обозначаются как «недоступные». Немало новых объектов выявлено и на Шереметьево, а потенциал новых открытий остается высоким.

Наиболее впечатляющий сюжет петроглифов Сикачи-Аляна – *антропоморфные личины*. Всего зафиксировано 142 (но только 108 были доступны для осмотра в последние годы). Все антропоморфные личины, доминирующий и наиболее яркий мотив наскального искусства, индивидуальны, не повторяют друг друга, различаются многообразием форм, размерами и деталями. Ключевую роль играют личины

и в хронологии регионального наскального искусства, поскольку находят аналогии в керамическом материале.

Сикачи-Алян: Тип / Подтип / Мотив	Количество
Фигуративные	318
Антропоморфные	174
Личина	142
Фигура	32
Зооморфные	107
Бык	2
Волк	1
Змея	29
Кабан	1
Крыса	1
Лось	32
Лошадь	30
Олень	2
Собака	2
Тигр	7
Орнитоморфные	12
Птица (водоплавающая)	10
Птица (лесная)	2
Прочие	25
Лодка	25
Абстрактные	89
Знаки	42
Окружность / Концентрическая окружность	18
Ямки-лунки	29
Неопределяемые	28
Неопределяемые	28
Общий итог	435

Библиографический список

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. – Вып. 232. – 2014.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43. – №4.

Ласкин А.Р. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. – 2014. – Вып. 236.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л., 1971.

Л.В. Лбова^{1,2}, П.В. Волков^{1,2}, А.И. Панкина²
¹*Институт археологии и этнографии СО РАН,*
²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА
МОБИЛЬНОЙ ПЛАСТИКИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ
(зооморфная скульптура Мальты)

Работы проводятся при поддержке фонда РФФИ, проект №17-04-00259

Мальта представляется как многослойный, сложный георхеологический объект с презентацией различных культурно-хронологических комплексов. «Классический» ансамбль представлен в слоях 8 и 9 в хронологических рамках от $22\ 900 \pm 240$ до $14\ 720 \pm 190$ [Медведев и др., 2001]. Ранее исследователями были предложены классификации орнитоморфной и зооморфной скульптуры, основанные на морфологическом или стилистическом анализе [Липнина, 2002; Ларичев, 1993; Шмидт, 2008; и др.]. Исследование с позиций технологического анализа коллекции уникального мобильного искусства способствует более глубокому пониманию мальтинского культурного феномена [Lbova, Volkov, 2016]. Для анализа технологии производства изделий мелкой пластики из археологической коллекции поселения использована методика, предназначенная для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии [Семенов, 1957; Kogobkova, 1999; Волков, 2013].

В орнитоморфной группе изображений ранее были выделены группы «летающих» и «сидящих» птиц, отдельные виды животных (дискуссионные определения) [Липнина, 2002; Формозов, 1980; и др.]. С позиций технологического анализа выделяются заготовки скульптуры и предметы разной степени завершенности. Заготовкой для таких изделий являлись пластины или удлиненные стержни, полученные путем продольного раскалывания сырья. Для изготовления этой группы скульптур основными инструментами являются строгальный нож, скобель, резчик, в редких случаях резец, привёртка-развертка и абразивы для шлифовки [Волков, Лбова, 2013; 2016]. Среди орнитоморфных скульптур выделяется устойчивый инвариант в характерной мальтинской традиции изготовления изделий с едиными морфологическими, технологическими и стилистическими признаками, хотя отмечаются незначительные вариации (форма крыльев или головки, размер, контур хвостовой части).

«Индивидуальные изделия» представлены тремя предметами, которые не входят в основную, стилистически единую группу и обладают индивидуальными специфическими стилистическими, морфологическими и технологическими признаками. Основу таких изделий представляет заготовка типа бруска длиной до 5–10 см. Для их изготовления использовался иной набор инструментов (строгальный нож, резчик, скобель, резец, приспособления для шлифовки и полировки).

О причинах образования различных групп орнитоморфной скульптуры можно высказать несколько предположений, имеющих право на существование. Во многих археологических культурах мелкая пластика имеет достаточно представительные серии, что может быть объяснено фактом их приуроченности к особым культовым местам или событиям, когда одни статуэтки заменялись на новые [Формозов, 1980; Шмидт, 2008]. Интересно отметить, что М.М. Герасимов отмечает планиграфическую приуроченность большинства фигурок птиц «в местах огороженных плитами, в специально отведенном для них пространстве» (по: [Медведев и др., 2001]). Эти же изделия могли иметь другое функциональное назначение.

Существование традиции «индивидуальных изделий» подтверждается наличием особых, объемных и плоских зооморфных скульптур, которые не образуют серию. Зооморфная скульптура представлена единичными изображениями ихтиоморфа (1 ед.), герпетоморфов (2 ед.) и млекопитающих (2 ед.) животных. По типу отмечается

устойчивое соотношение изначальной заготовки с окончательным видом предмета: отщеп для изображения рыбы (1), бруски для изображений млекопитающих (2), стержни для изображений змей (2). Для производства и декорирования скульптуры использованы различные инструменты: рыбы (строгальный нож, резец, резчик), змей (скобель, провертка, строгальный нож, полировка), млекопитающих (сурок-?, мамонт-?) (скобель, резчик, резец). Практически все предметы имеют отверстия и следы заполировки от контакта с мягким органическим материалом (кожей), что может служить основанием для предположения, что они использовались как подвески, носились в кожаном мешочке, или являлись элементами «связки».

В целом производство зооморфной скульптуры выполнено в устойчивой традиции мальтинской культуры, хотя стилистически и технологически коллекция неоднородна. Исключения составляют элементы орнаментации, выполненные как в традиционной технике, с использованием ножа, резца, резчика ручной дрели, провертки, так и с использованием инновационной технологии (например, скоростного сверления, обработки поверхности особым инструментом типа рашпиля). Следует в очередной раз отметить, что работа с изделиями мелкой пластики носила на поселении характер стабильного серийного производства, которое не имело черт спонтанного творчества, а факты универсального использования инструментария могут косвенно свидетельствовать о приоритетности массового производства над задачами индивидуального творчества.

Библиографический список

- Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб., 2013.
- Волков П.В., Лбова Л.В. Особенности технологии обработки бивня при изготовлении предметов мобильного искусства в мальтинской коллекции // Каменный век Северной Евразии: актуальные проблемы и исследования. – М., 2016.
- Волков П.В., Лбова Л.В. Технологические приемы оформления орнитоморфной скульптуры из мальтинской коллекции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2013 г. – Т. XIX. – Новосибирск, 2013.
- Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – Новосибирск, 1993.
- Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А. и др. Каменный век Южного Приангарья. Бельский георхеологический район. – Иркутск, 2001.
- Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002.
- Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. – №54. – М. ; Л., 1957.
- Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М., 1980.
- Шмидт И.В. Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №1 (33).
- Korobkova G.F. Narzedziawpradziejach. – Torin, 1999.
- Lbova L., Volkov P. Processing Technology for the Objects of Mobile Art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta Site) // Quaternary International. – 2016. – Vol. 403.

Л.В. Лбова^{1,2}, Ю.С. Губар²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН,*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

ПИГМЕНТЫ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ ЕВРАЗИИ (методические подходы и гипотезы)

Работы проводятся при поддержке фонда РФФИ проект №17-29-04226

Наиболее ранние факты использования пигмента в раннем палеолите известны по материалам европейских и африканских комплексов (Терра-Амата, Бильцинсглибен, Сибуду, Твин-Риверс, Каптурин, и др.). Устойчивое применение различных пигментов отмечено в период среднего – начала верхнего палеолита, период становления культуры человека современного физического типа (Бломбос, Дипклофф, Кафзех, Пеш-де Азиль, Шательперрон, Грот де Реню, Фумани Кейв, Шательперрон, Ориньяк, и др.). Использование пигментов различного цвета становится устойчивым компонентом культуры, в том числе и в неандертальских комплексах [d'Errico and Soressi, 2002; Zilhao, 2001; Tixier et al., 2009; Peresani et al., 2013; Var-Josef et al., 2009 и др.]. Наиболее ранние свидетельства использования пигментов в Сибири ассоциируется с появлением человека современного физического типа и представлено достаточно широко в палеолитических комплексах с датами 35–40–50 тыс. л.н. [Деревянко, Рыбин, 2004; Lbova, 2016].

Минеральные пигменты применяются в качестве антисептических материалов, размягчителей кожи, в качестве мастики (клея), основы для красок в создании рисунков на стенах пещер, боевой и ритуальной раскраски тела или предметов, при погребении усопших и т.д.

В отечественной науке первые исследования минеральных пигментов в палеолитических культурах связаны с работами Н.Д. Праслова на Костенковских стоянках [Праслов, Галибин, 1982; Праслов, 1992]. Публикация результатов изучения минерального состава пигментов палеолитических настенных изображений пещерных памятников в России впервые появилась в монографии В.Т. Петрина, посвященной Игнatieвской пещере [Пальчик, 1992]. О.Н. Бадером было инициировано изучение красочных пигментов Каповой пещеры, которые продолжены рядом исследователей до настоящего времени [Котов и др., 2004; Пахунов, Житинев, 2015 и др.]. Более широко изучение пигментов с использованием спектра методов естественных наук характерно для исследований петроглифов более поздних эпох [Грешников, 2014].

В международной практике в неструктивном изучении пигментов широко используются многочисленные методы. Многие были успешно протестированы, чтобы определить природу и происхождение сырья. Наиболее популярны методы рентгеновской дифракции (XRD), рентгеновской флуоресценции (РФА), ИК-Фурье спектроскопия, рамановская спектроскопия (комбинационного рассеивания монохроматического света) или КР-спектроскопия, спектрометрия на основе SEM-EDX, протон индуцированное рентгеновское излучение (PIXE), индуктивно связанной плазмы масс-спектрометрии (ICP-MS), или инструментальный нейтронно-активационный анализ (INAA) [Popelka-Filcoff, 2008; Zipkin et al., 2013; и др.].

Нами апробирована методика определения элементного состава (метод SEM-EDX) пигментов различного цвета (красный, розовый, желтый, белый, синий, зеленый) на предметах мобильного искусства (Хотык, Малая Сья, Каменка, Мальта) (35–40 – 23–19 тыс. л.н.). Результаты в целом подтверждены археологическим контекстом объектов, в культурных слоях которых зафиксированы цветные пятна или минералы. Проанализированы непосредственно различные по цвету и составу пигменты слоев 2 и 4 Костенок-14, показавшие сложные композиции пигментов в материалах 2-го культурного комплекса (28–29 – 30–33 тыс. л.н.).

Результаты исследований на основе определения элементного состава показали не только физико-химические свойства пигментов, что предполагает дальнейшие

характеристики, связанные с происхождением артефактов и культурно-исторической интерпретацией. Микроскопические определения композитного, искусственного, состава пигментов по спектру характеризует технологию формирования пигмента, а так же варианты его утилизации (использования), что вполне вероятно может помочь определить функции пигментов в системе культуры. Определение пигмента как природного минерала указывает на круг возможных месторождений гетита/гематита на основе петрографического и минералогического сопоставления, что играет важную роль в изучении стратегий адаптации населения и использования ресурсов на конкретных территориях.

Библиографический список

Bar-Yosef Mayer D., Vandermeersch B. and Bar-Yosef O. Shells and ochre in Middle Paleolithic Qafzeh Cave, Israel: indications for modern behavior // *Journal of Human Evolution*. – 2009. – Nr. 56(3).

D'Errico F., Soressi M. Systematic use of manganese pigment by the Pech-de-l'Azé Neandertals: implications for the origin of behavioral modernity. *Paleoanthropology Society Meeting*, 19–20 March, Denver. *Journal of Human Evolution* 42(3): A13.

Lbova L. Using of the color pigment on the Early Upper Paleolithic stage in Siberia // *WAC – VIII. Abstracts*. – Т. 14. *Art and Archaeology*. – Kyoto, 2016.

Peresani M., Vanhaeren M., Quaggiotto E., Queffelec A. & d'Errico F. An ochered fossil marine shell from the Mousterian of Fumane Cave, Italy. *PLoS ONE*, 2013. doi:10.1371/journal.pone.0068572

Popelka-Filcoff R.S., Miksac E.J., Robertson J.D., Glascock M.D., Wallace H. Elemental analysis and characterization of ochre sources from Southern Arizona // *Journal of Archaeological Science*. – 35. – 2008.

Texier P.J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J.P., Poggenpoel C., Miller C., Tribolo C., Cartwright C., Coudenneau A., Klein R., Steele T., Verna C. A Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60,000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa. *Proceedings of the National Academy of Science USA*. (2010).

Zilhao J. Anatomically Archaic, Behaviorally Modern: the Last Neanderthals and their Destiny. 2001. 23. Kroon-Voordracht. Amsterdam: Joh. Enschede.

Zipkin A.M., Hanchar J.M., Brooks A.S., Grabowski M.W., Goman-Chindebvu E. Ochre fingerprints: Distinguishing among Malawian mineral pigment sources with Homogenized Ochre Chip LA-ICPMS. *Archaeometry*. – 2015; 57(2).

Грешников Э.А. Вопросы изучения состава пигментов методами естественных наук // *Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. – Т. IV. – Казань, 2014.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // *Переход от среднего к верхнему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты*. – Новосибирск, 2005.

Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // *Уфимский археологический вестник*. – 2004. – Вып. 5.

Пальчик Н.А. Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнatieвской пещеры // В.Т. Петрин. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск, 1992.

Пахунов А.С., Житенев В.С. Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере // *Stratumplus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2015. – №1.

Праслов Н.Д. Использование красок в палеолите // *КСИА*. – 1992. – Вып. 206.

Праслов Н.Д., Галибин В.А. Палеолитические краски // *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону: 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований*. – Л., 1982.

С.Ю. Лев
Институт археологии РАН, Москва
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ

От определения исследователем термина «культурный слой», от теоретического посыла во многом зависят практические результаты, получаемые при раскопках. По разным причинам далеко не на всех памятниках технически возможно выявление реальных уровней древних жилых поверхностей. В этом смысле показателен пример Зарайской стоянки, где автором раскопок была изначально сформулирована задача анализа культурного слоя на предмет вычленения уровней обитания, структур и их возможной связи друг с другом [Амирханов, 2000; Амирханов и др., 2009; Лев, 2016].

Изучение культурного слоя подразумевает анализ соотношения культурных горизонтов, вмещающих предметы, объекты и прочее, с литологическим заполнителем, которое предлагается рассмотреть подробнее. Верхний культурный слой 4 литологически связан с верхней погребенной почвой. На Зарайске А она отчетливо читается в виде гумусированного горизонта в основании лессовидного суглинка, мощность которого доходит до 10 см. Насыщенность находками бывает крайне высокой – до 300 предметов на 1 м², не считая мелкого дебитажа. Ярче всего палеопочва выражена на однослойном Зарайске В. Мощность горизонта доходит до 20 см, выделяются коричневато-серый гумусированный, сероватый опесчаненный горизонты, подстилаемые желтовато-серой супесью (горизонт вымывания). Находки по большей части приурочены к нижней части почвенного горизонта. По гумусу имеется одна радиоуглеродная дата 17900 ± 200 (ГИН-8865), по костному углю получено четыре близких даты, включая недавнюю 16520 ± 760 (ГИН-14458а). Нижележащие три культурных слоя включены в горизонт коричневатой супеси. Коричневатый оттенок она приобрела благодаря насыщению культурными остатками: угольками, охрой, фаунистическим материалом и несохранившейся органикой. Ее мощность доходит до 35-40 см на центральных участках поселения. В естественном залегании за пределами распространения культурного слоя этот горизонт встречается в виде стерильной красноватой супеси мощностью до 10 см, подстилающей погребенную почву. Столь существенное увеличение мощности данного литологического горизонта связано еще и с тем, что центральная часть жилой площадки изобилует углубленными объектами. Это ямы разных типов, включая глубокие ямы-хранилища, очажные и жилищные. Последние известны как полуземлянки, для создания подземной части которых требовалось выкопать от 4 до 5 м³ грунта. Яма большого очага костенковского типа имеет стандартизированные размеры: ширина – 1 м, глубина – 0,5 м, ямы-хранилища при диаметре 0,5–0,6 м бывают глубиной до 1,5 м. Таким образом, объем извлекаемого грунта колебался от 0,3 до 0,5 м³ из одной ямы. Если учесть, что количество очагов на костенковской жилой площадке иногда доходит до восьми, ям-хранилищ может быть несколько десятков, а полуземлянок – в пределах десятка, объем переработанной и извлеченной на дневную поверхность породы составлял не менее 65 м³ только для слоя 2. Вряд ли древние обитатели поселения утруждали себя дальней транспортировкой грунта. В ряде случаев такие выбросы фиксируются в культурном слое центральной части поселения. Это связано с тем, что материковые отложения на Зарайске А имеют слоистую структуру, в основании которой находятся сеноманские пески, имеющие характерную структуру и зеленоватый оттенок. Линзы этого песка многократно наблюдались в культурном слое, т.е. вне своего естественного стратиграфического положения. За счет такого рода выбросов грунта происходило существенное нарастание культурного слоя.

Криогенные структуры, эрозия и частичный смыв оказали серьезное, но не критическое влияние на сохранность культурного слоя поселения [Амирханов, 2000, с. 102]. Данные факторы требуют отдельного подробного рассмотрения. Этапы аккумуляции культурного слоя на памятнике чередовались с периодами размыва и сноса, происходивших в перерывах функционирования поселений. Особенно явно снос культурных отложений прослежен в заполнении полуземлянок.

Необходимо отметить еще один фактор, повлиявший на мощность культурных напластований. На стоянку приносился большой объем фаунистических останков – костей крупных млекопитающих, в первую очередь мамонта. На основном раскопе Зарайска А фиксируется наличие останков как минимум 40 особей мамонта [Амирханов и др., 2009, с. 381]. Отмечено использование крупных костей и бивней для различных хозяйственных нужд. Так, более чем в десятке случаев лопатки мамонта с намеренно проделанным отверстием по центру использовались как крышки для перекрытия ям-хранилищ. Бивни и длинные кости конечностей служили конструктивными элементами при сооружении полуземлянок. В третьем культурном слое отмечены выкладки из костей, в том числе нескольких нижних челюстей и бивней мамонта, связанных, по всей видимости, с наземными жилыми конструкциями [Амирханов и др., 2009, с. 31, 35]. Кроме вышеперечисленных функций, кости животных выполняли еще одну не менее важную роль – служили основным видом топлива. На момент ухода со стоянки обитателей культурного слоя 2 (костенковская площадка с очагами и землянками) большие очаги были оставлены заполненными костным углем, который возвышался над ними своего рода «шапками». При этом, как удалось зафиксировать, эти очаги использовались многократно, в том числе с сезонными перерывами [Амирханов, 2000, с. 119–121]. Кроме стратиграфических наблюдений, об этом свидетельствует серия радиоуглеродных дат. Случаи, когда даты по костному углю, взятому из верха очажного заполнения, существенно моложе взятых из придонной части, – тому подтверждение. Углистая масса регулярно вычищалась и эвакуировалась за пределы очагов, формируя мощные линзы в культурных напластованиях.

Встреченные в культурном слое камни также влияют на увеличение мощности и объема отложений. Большую их часть составляют артефакты: от желваков до мелких чешуек. Число кремневых изделий на Зарайске А перешагнуло за 200 тыс. предметов. Немалую часть в весе и объеме составляют манупорты – крупные необработанные камни, принесенные на стоянку и использованные в очагах. Из одного очага может происходить несколько десятков таких камней, несущих следы теплового воздействия, а их суммарный вес (на один очаг) доходит до 20–30 кг. Обнаруживаются «очажные камни» и вне очагов, например, на дне полуземлянок слоя 2. Можно предположить, что камни приносились в жилища в разогретом виде и служили источником тепла. В единичном случае фиксируется склад таких камней, приуроченный к борту наземного объекта (возможно, жилища) в слое 3.

Промывка культурного слоя дает объективное представление о его содержании. Кроме костного угля, фаунистических останков, расколотого кремня, встречаются множество мелких окатанных камней (2–5 мм в диаметре), охра в виде небольших окатанных фрагментов и железистые конкреции (лимонитовые жеоды с корочками гётита). Последние бывают довольно крупными – до 10 см, имеют нерегулярные очертания, хотя чаще всего их форма близка к округлой. У них плотные стенки, окружающие полость с рыхлым заполнением в центральной части. Возможно, они частично заместили несохранившуюся органику в слое.

Культурный слой, являясь объектом самостоятельного анализа, ставит вопросы о его генезисе, накоплении и разного рода модификациях, включая как природные, так и антропогенные факторы. При этом поиск и внимательное отношение к фиксации древних поверхностей обитания, отражающих кратковременные этапы накопления культурных остатков, должны присутствовать в качестве изначальной установки исследователя.

Библиографический список

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. Научный мир. – М., 2000.

Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Машенко Е.Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / отв. ред. Х.А. Амирханов. – М., 2009.

Лев С.Ю. Выявление уровней «жилых поверхностей» в культурном слое (на примере Зарайской стоянки) // Каменный век Северной Евразии: актуальные проблемы и исследования : материалы научных конференций, проведенных Отделом археологии каменного века Института археологии РАН в 2016 г. ИА РАН. – М., 2016.

О.Н. Левко

Институт истории НАН Беларуси, Минск

ОТКРЫТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КОРДОН НА ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ В ВИТЕБСКОМ ПОДВИНЬЕ

Современная деревня Кордон, где в течение 2015–2016 гг. Институтом истории НАН Беларуси под руководством автора данной статьи проведены археологические разведки и раскопки на археологическом комплексе, состоящем из городища (вал), двух селищ и кургана, занимающем площадь в несколько гектаров вдоль р. Западной Двины (рис.), расположена на границе Полоцкого и Витебского Подвинья. Селища 1 (у д. Кордон) и 2 (у д. Илово) по линии Ю–С разделены ручьем, впадающим в Западную Двину и образующим водоем, возможно, гавань для небольших судов, прикрытый городищем со стороны реки.

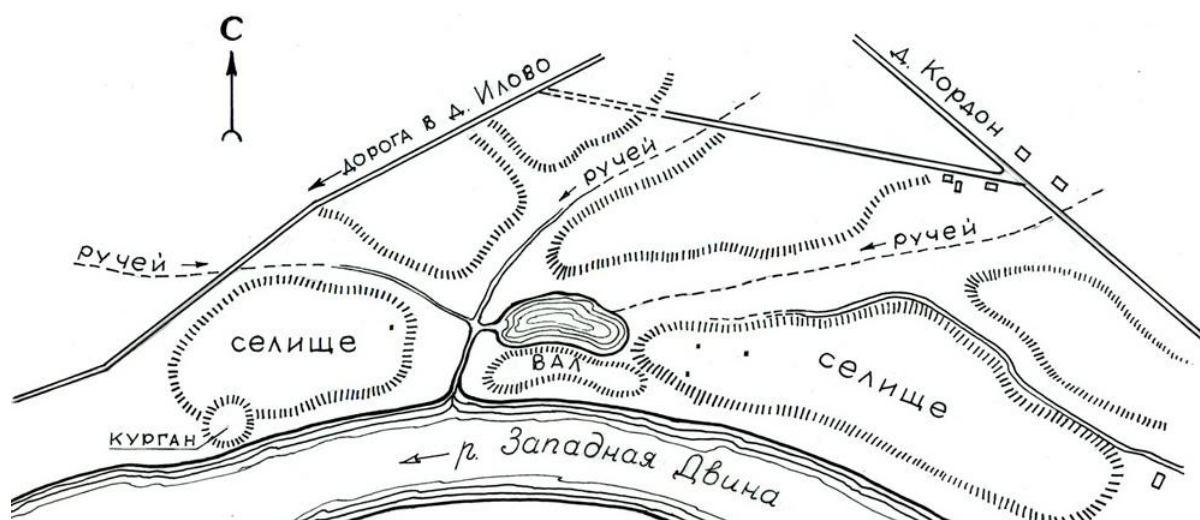

Схема размещения археологического комплекса Кордон

В результате проведенных на селищах 1, 2 и городище стационарных исследований, общей площадью около 370 кв. м, а также поисковых работ на распаханых участках полей и шурфовки была собрана значительная коллекция артефактов, свидетельствующих о постоянном функционировании комплекса в пределах IX–X вв. В вещевом материале (свыше 600 индивидуальных находок) выделяются разнообразные украшения из цветных металлов, накладки на пояса и сумки, имеющие северо-европейское и ближневосточное происхождение. Часть вещей происходит из Волжской Булгарии. Наличие на памятнике ювелирного производства фиксируется развалами производственных сооружений, тиглями, шлаками, заготовками изделий, каплями цветного металла. Из культурного слоя городища и двух селищ происходят весы, разнообразные гирьки-разновесы, пломбы. Монетное серебро (целые экземпляры и фрагменты), по определению научного сотрудника Госэрмитажа Российской Федерации В.С. Кулешова, указывает на активное функционирование комплекса в пределах середины IX – 1-й половины X в. Около 40% составляют монеты раннеисламских династий – Умайядов (1-я половина VIII в.) и раннеаббасидские монеты чекана халифов ар-Рашида и ал-Ма'муна 1-й четверти IX в. (селище 1). Серебряная монета из культурного слоя раскопа на городище – рудничный чекан Баниджуридов и их современников (тяжелый дирхам на литой заготовке из региона Андалуса и Панджхира на территории современного Афганистана). К среднеаббасидским относится фрагмент дирхама 850-х гг. Примерно 53% из определенных куфических монет принадлежат к чекану поздних Аббасидов и независимых исламских династий – среднеазиатских Саманидов и иранских Бувайхидов. Они происходят из культурного слоя селища 1, 2 и распределяются на отрезке от 900-х до 960-х гг. Один дирхам 920-х гг. (Волжская Булгария) является подражанием Саманидам. Находки в культурном слое селища 2 двух византийских фоллисов конца IX –

середины X в. подтверждают датировку второй фазы существования памятника. Как установлено В.С. Кулешовым, уникален наполовину фрагментированный, весом 25,1 г, медный слиток, морфологически соотносимый с серебряными трехгранными палочковидными слитками Северной и Восточной Европы IX–X вв. Исходный вес отливки – около 50 г, он соотносится с известной единицей весового серебра – гривной Русской правды (51 г). Весовые гирьки с широким диапазоном кратности преимущественно 14-гранные и боченкообразные. Встречаются 10-гранные гирьки и гирьки «таблетки». Богатый метрологический и вещевой материал характеризует активную торговую деятельность, а также развитое ювелирное производство.

Летописное упоминание о волоке с «верха Днепра до Ловати» направляло поиск учеными гипотетических подступов IX в. от среднего течения Ловати к притокам Западной Двины – рекам Торопе и Кунье [Еремеев, Дзюба, 2010, с. 505–506]. Наиболее очевидным в X в. исследователи считали маршрут, проходивший от Ловати с сухопутной дорогой на Усвячу, через Двину вверх по течению Каспли и по суше к Днепру через Гнездово [Леонтьев, Носов, 2012, с. 382–401]. Так выстраивался отрезок пути «из варяг в греки», связывающий север с югом. Однако все клады куфических монет IX в., в пределах 815–867 гг., с окраинных территорий Смоленщины (бассейны верхней Волги или Западной Двины), удалены от зоны среднего течения Ловати, Торопы и Куньи, и их местоположение соотносится лишь с единичными находками предметов североευропейского происхождения. В смоленском течении р. Днепра клады этого времени вообще неизвестны. К ближайшей округе Гнездово относятся два монетных клада 960-х гг., выявленные на р. Дубровенке и д. Боровой, и 12 кладов этого времени происходят из самого Гнездово.

В отличие от Смоленщины, зона северо-восточной Беларуси в полной мере отражает ранний этап связи Днепровского и Двинского бассейнов в пределах формирования пути «из варяг в греки» на переходе от Днепра к Ловати через Витебск. На волоках из Оршанского Поднепровья в Витебское Подвинье зафиксировано шесть кладов. Два из них найдены у днепровских притоков в окрестностях деревень Добрино и Соболево. В районе самого Витебска на Западной Двине обнаружено четыре клада. Наиболее ранний клад (младшая монета датируется 815 г.) выявлен на территории современного г. Орши. К 823/24 гг. относятся младшие монеты из витебского клада, а к 841/842 гг. – монеты из денежно-вещевого клада у д. Добрино Лиозненского района на волоке между Узменкой, впадающей в Днепр, и Лучесой, впадающей в Западную Двину. К 862 г. относится младшая монета из клада, выявленного в п. Лучеса.

Открытие нового памятника эпохи викингов Кордон показывает, что Витебское Подвинье было не только зоной активного формирования торговым полиэтничным населением начальной фазы отрезка пути «из варяг в греки» с верха Днепра до Ловати, но и зоной его проживания в период становления этого пути. Данный процесс происходил параллельно с перерастанием племенных княжений с центрами в Полоцке, Новгороде и Киеве в раннегосударственные образования. Новые археологические и нумизматические материалы в совокупности с уже известными фактами позволяют уверенно говорить о том, что, сформировавшись на белорусских землях, участок пути «из варяг в греки» стимулировал дальнейшее успешное экономическое и политическое развитие данного региона [Левко, 2016, с. 120–127].

Библиографический список

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень // Труды ИИМК. – СПб., 2010. – Т. 33.

Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. – М. ; Вологда, 2012.

Левко О.Н. Кордон – новый памятник эпохи викингов в Восточной Европе // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2016. – Т. 60, №5.

К.С. Левкова, Р.Р. Саттаров
*Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева, Самара*
ФИГУРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ
(к определению путей поступления бус пьяноборской культуры)

В последние десятилетия исследователи, так или иначе касаясь предметов импорта в материалах пьяноборской археологической культуры первых веков нашей эры и в том числе включая их в работы с более широкими территориальными и хронологическими рамками, считают своим долгом указать направления их поступления [Бугров, 2007, с. 451; Овсянников, 2011, с. 11; Красноперов, 2006, с. 147; 2009, с. 98; Сабирова, 2015, с. 148]. На сегодняшний день определение путей попадания бусинного материала на территорию пьяноборской культуры и схема их дальнейшего распространения все еще является актуальным вопросом, так как эти предметы в первую очередь маркируют торговые отношения, которые не изучены в полной мере. Происхождение бус в материалах пьяноборской культуры априори связывают с античными центрами Северного Причерноморья. Как и во многих археологических культурах раннего железного века, бусы из памятников пьяноборской культуры являются массовым материалом, в связи с этим их обработка является непростой задачей. В настоящий момент лишь эпизодически предпринимались попытки как-то обработать этот массив находок [Генинг, 1970, с. 54–55; Агеев, 1992, с. 32–35; Бугров, 2007, с. 442–453; Голдина, Красноперов, 2012, с. 71–75]. Все это не позволяет делать какие-либо выводы, отвечающие на поставленный ранее вопрос. Опубликованные материалы показывают, что поступление основной массы бус приходится на первые века нашей эры.

Для определения путей попадания и распространения бус в пьяноборской культуре большое значение имеют фигурные украшения из египетского фаянса, также датированные первыми веками нашей эры. Эта категория вещей представлена фигурками в виде лежащего льва, жука-скарабея, лягушки, гениталии, амфоры, виноградной грозди, спаренных полуцилиндров или «бинокля», алтарика и кукиша. Наибольшее их количество сосредоточено в погребальных памятниках верховьев р. Ик (Новосасыкуль, Суюндюково; всего 37 экз.), один экземпляр на р. Сюнь (Юлдашево) и некоторое количество на правом берегу р. Камы (Ныргында-II, Чеганда-II, Афонино, Тарасово; всего 14 экз.).

Картографирование фигурок показывает, что попадание бус по течению р. Белой через кара-абызское население вряд ли осуществлялось. Это подтверждается и отличием типов бус у пьяноборского и кара-абызского населения, как и другого импорта (зеркала). Для пьяноборья не характерны зеркала с валиками по краям, в отличие от кара-абызского населения, обитавшего на Средней Белой [Воробьева, 2012, с. 122–124].

Наличие некоторого количества фигурок на правом берегу р. Камы и их относительно компактное расположение наталкивает на мысль о поступлении какой-то части бус по Доно-Волго-Камскому пути, а может быть, и по Сурско-Волго-Камскому. Существование последнего вполне можно допустить. В первые века нашей эры пьяноборское население активно взаимодействовало с писеральско-андреевским населением. Это ярко фиксируется в появлении лапчатых и сапожковых подвесок у пьяноборского населения, и нередкими становятся пьяноборские находки в памятниках писеральско-андреевского горизонта (эполетообразные застёжки и др.). Некоторые палашы с пластинчатыми железными перекрестиями и наверхиями в виде рожек и валют и наконечник копья с жальцами, а также миндалевидные застёжки являются предметами писеральско-андреевского импорта, что, скорее всего, подтверждает существование Сурско-Волго-Камского пути. Однако сопоставление бусинного

материала не может свидетельствовать о посредничестве писеральско-андреевского населения в попадании бус к пьяноборцам. В пользу существования Доно-Волго-Камского пути может свидетельствовать наличие на правом берегу р. Камы кладов с римскими вещами. В материалах Ныргындинского I могильника зафиксированы сплавы, полученные на основе медной и цинковой руды, регулярно применяемые в восточных провинциях Римской империи с I в. до н.э. [Голдина, Перевошиков, Сабирова, 2012, с. 346]. Но римские вещи есть и на юге пьяноборской культуры в материалах Новосасыкульского могильника (п. 417, Эггерс 72?). То есть однозначных свидетельств существования Доно-Волго-Камского пути пока нет, но полностью исключать его, конечно, нельзя.

Разнообразие типов фигурок на юге пьяноборской культуры, безусловно, свидетельствует о южном направлении поступления основного массива бус. Картографирование фигурок с остальным импортом первых веков (оружие, штампованные накладки, фибулы, зеркала с боковой петелькой, стеклянная чаша, курильница) также показывает, что большинство импорта сосредоточено в южной части пьяноборской культуры. Но не стоит забывать, что не все они маркируют только торговые отношения. Сосредоточение основной их массы на юге позволяет предположить существование сухопутного пути и дальнейшее его распространение по течению рек Ик и Сюнь в пределах пьяноборской культуры. Это хорошо соотносится с мнением А.С. Скрипкина [2010, с. 113] о начале функционирования северного ответвления Великого шелкового пути в I в. н.э. и установлением торговых отношений в степи.

Библиографический список

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // ПИФК. Вып. XVII. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2007.
- Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2012.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск ; Ижевск, 1970.
- Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения : сб. науч. статей. – Екатеринбург, 2006.
- Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья : сб. к 70-летию П.Н. Старостина // АЕС. – Вып. 10. – Казань, 2009.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 22. – Ижевск, 2012.
- Голдина Р.Д., Перевошиков С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника II–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. – Ижевск, 2012.
- Овсянников В.В. Характеристика контактов лесостепного населения Предуралья с номадами в пьяноборскую эпоху (II в. до н.э. – II в. н.э.) // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – Самара, 2011. – №1.
- Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2015.
- Скрипкин А.С. Великий шелковый путь в истории юга России // Сарматы и Восток: изб. тр. / сост.: Е.А. Коробкова, А.В. Белицкий. – Волгоград, 2010.

Е.В. Леонова, О.И. Александрова
 Институт археологии РАН, Москва
**ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ
 ИЗ РАСКОПОК ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ:
 К ВОПРОСУ О ФАЦИАЛЬНОСТИ**

На материалах из раскопок пещеры Двойная и навеса Чыгай удалось реконструировать несколько волн заселения Губского ущелья на рубеже плейстоцена и голоцена [Леонова, 2015]. На основании анализа стратиграфии и каменного инвентаря выделено четыре периода заселения ущелья, для каждого из которых присущи определенные набор и формы каменных орудий. Отчасти эти выводы подтверждаются и дополняются материалами навесов Губский-1 [Амирханов, 1986] и Сосруко [Замятнин, Акритас, 1957]. Однако существует точка зрения о том, что все специфические черты каменного инвентаря, характерные для отдельных хронологических этапов, выделенных на основе материалов названных памятников, присущи одной имеретинской культуре, попытка «возрождения» которой в новом статусе была сделана недавно [Голованова, Дороничев, 2012], а различия, прослеженные в памятниках Губского ущелья (и гроте Сосруко-?), могут быть объяснены фациальностью (по устному заявлению Л.В. Головановой).

Пещера Двойная исследована раскопом площадью около 25 кв. м, что составляет примерно 1/5 площади пещеры (насколько отдельные культурные слои простираются на площади пещеры, не известно). Раскопом вскрыта западная часть грота, примыкающая непосредственно ко входу. На основе стратиграфии выделено три культурных слоя: позднемезолитический (слой 4/5), раннемезолитический (слой 6) и верхнепалеолитический (слой 7). Структура каменного инвентаря во всех трех слоях схожа (табл.).

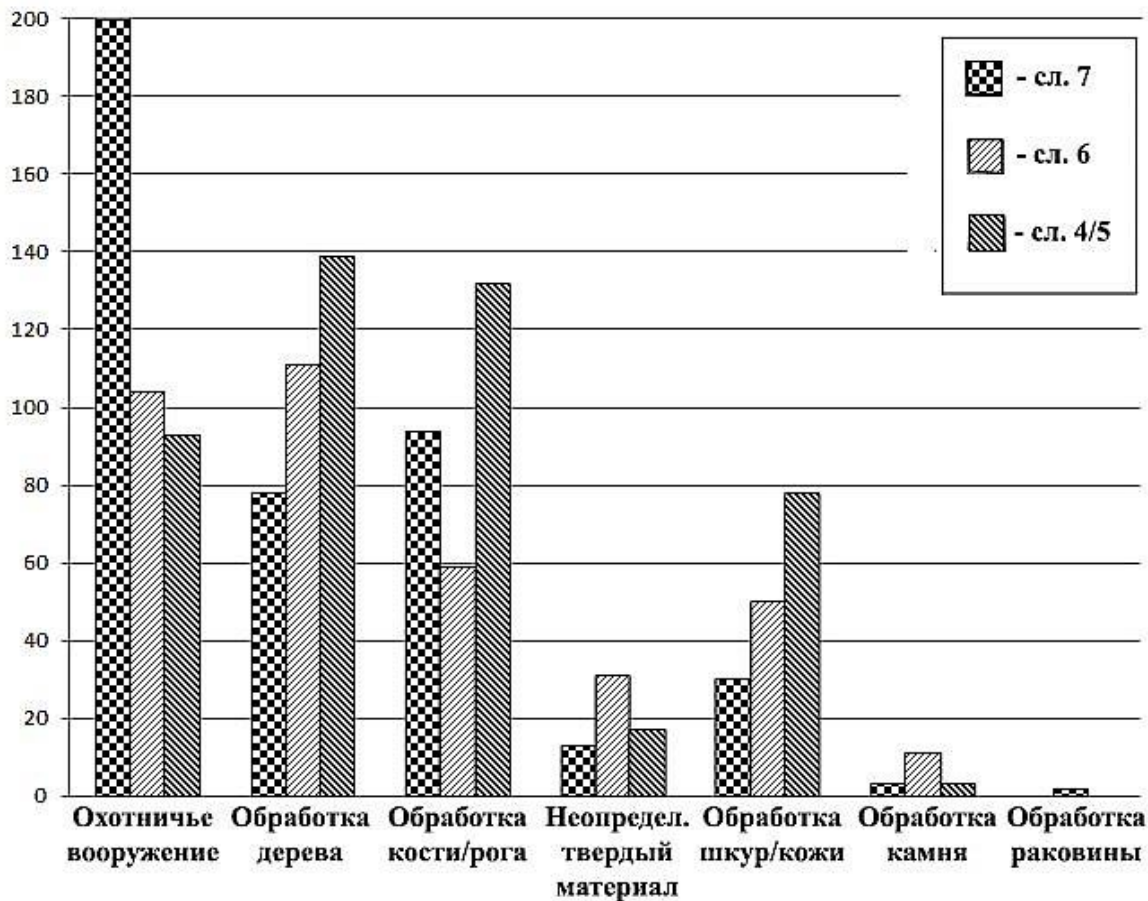
Структура каменного инвентаря культурных слоев пещеры Двойная

	Нуклеусы и технологические сколы	Дебитаж		Отбойники ретушеры	орудия	Тех. сколы пр-ва орудий	всего
		отщепы	пластины				
Слой 4/5	102 (3%)	2880 (83%)		2	505 (14%)	5	3494
		1694	1186				
Слой 6	134(4%)	2400 (79%)		8	527(17%)	2	3071
		1545	861				
Слой 7	159 (4%)	3339 (79%)		1	701 (17%)	14	4514
		1853	1481				

По данным трасологического анализа каменного инвентаря для каждого из трех слоев фиксируется весь спектр деятельности, характерный для неспециализированных стоянок с выраженной охотничьей направленностью и полным циклом производственной деятельности [Александрова, 2015]. Процентное распределение функциональных групп орудий позволяет выявить некоторые отличия в функциональной специфике хозяйственной деятельности на разных этапах заселения грота (рис.).

При высокой степени сходства состава коллекций, происходящих из разных слоев, наблюдается ряд различий в формах отдельных групп каменного инвентаря, выделенных на основе как типологического, так и функционального анализа. Специфика форм кремневых изделий из отдельных слоев прослеживается в разных группах каменного инвентаря (нуклеусы, резцы, выемчатые орудия и т.д.), но наиболее ярко – в составе охотничьего вооружения. Комплекс конца верхнего палеолита с колющими наконечниками стрел и составным метательным вооружением (острия, ППК, низкие асимметричные треугольники) сменяется раннемезолитическим с преобладанием косолезвийных форм (сегменты) и позднемезолитическим, в котором присутствуют все функциональные типы наконечников, включая поперечнолезвийные (острия, сегменты, трапеции) [Александрова,

Леонова, 2017]. Эти данные, а также стратиграфические и планиграфические наблюдения и аналогии в коллекциях других памятниках Северного Кавказа позволяют уверенно говорить о культурно-хронологических различиях ансамблей каменного инвентаря пещеры Двойная, а не о фациальности материалов.

Пещера Двойная. Количественное соотношение состава функциональных групп орудий на стоянках конца верхнего палеолита и мезолита пещеры Двойная

Библиографический список

Александрова О.И. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2015.

Александрова О.И., Леонова Е.В. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // *Stratum Plus*. – 2017. – №1.

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. – М., 1986.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // *Первобытные древности Евразии*. – Воронеж ; М. ; СПб., 2012.

Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // *Ученые записки*. Т. XIII. – Нальчик, 1957.

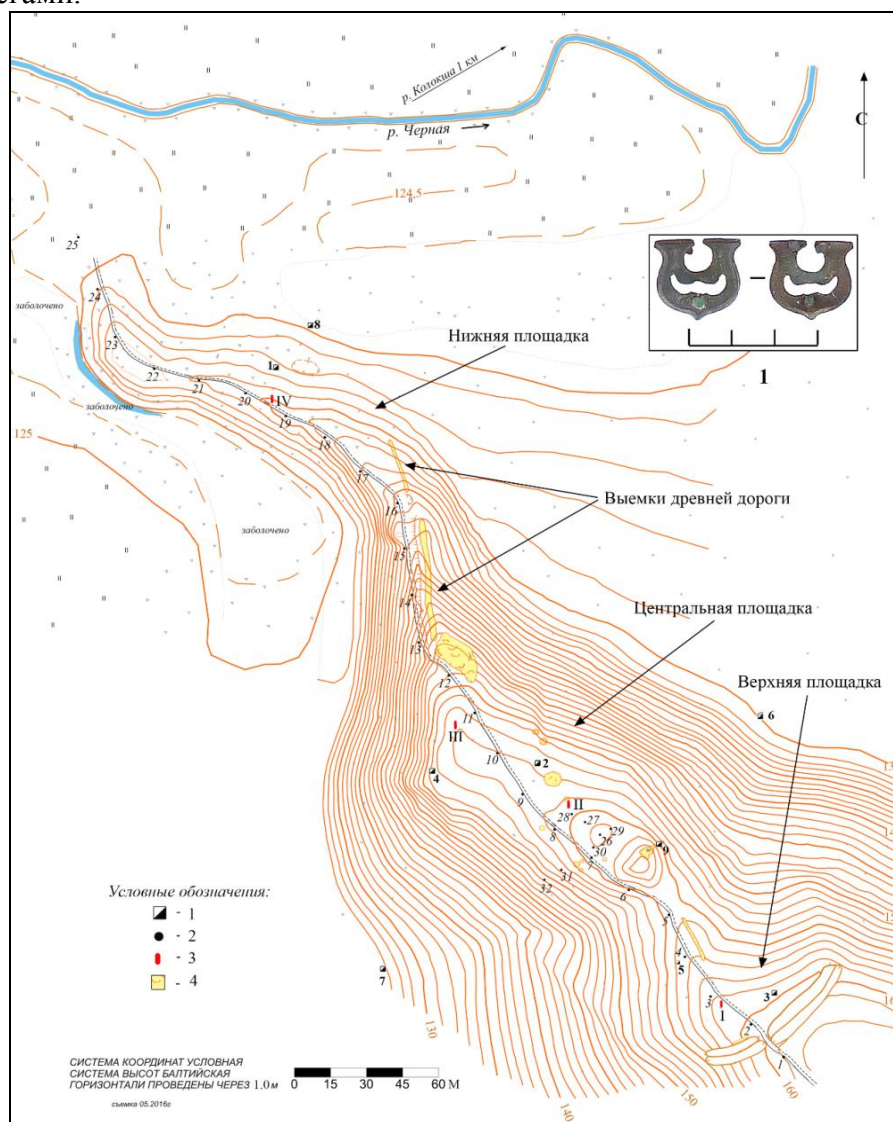
Леонова Е.В. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // *Традиции и инновации в истории и культуре*. – М., 2015.

А.Е. Леонтьев
Институт археологии РАН, Москва
ГОРОДИЩЕ ВЫЖЕГША. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК
НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Работы 2016 г. велись по проекту РГНФ №16-01-18057 «Исследования городища Выжеша на р. Колокше в Юрьевском районе Владимирской области»

Памятник находится в Юрьев-Польском районе Владимирской области и получил название по имени ближнего населенного пункта. Городище расположено в 0,8 км к юго-востоку от деревни на противоположном правом берегу р. Черной, правого притока р. Колокши, в свою очередь, являющейся левым притоком Клязьмы (рис.). Ранее р. Черная именовалась так же, как деревня, сохраняя субстратный гидроним – Выжекша. Это название в форме «Вижегша» сохранялось на картах землепользования до недавнего времени. Речка небольшая, обладает узкой, слабо разработанной долиной с высокими, изрезанными оврагами берегами.

Городище Выжеша. Исследования 2016 г.: 1 – поясная накладка из находок на городище.
Условные обозначения: 1 – шурфы (1–9), 2 – скважины бурения (1–31), 3 – реперы (I–IV), 4 – разрытия

Городище было открыто В.П. Глазовым [1973, с. 57] в 1972 г. Известность оно получило после случайной находки в 1983 г. клада куфических монет середины IX в. [Фомин, 1988, с. 103–131]. В 1984–1986 гг. был дообследован участок находки монетного клада, где оказался еще один клад – стандартных слитков оловянисто-свинцового сплава,

сокрытый, судя по обстоятельствам находки, в то же время. Разведочные раскопки были проведены на окраине центральной площадки. Помимо информации о средневековом поселении, обнаружены следы заселения мыса в раннем железном веке. Результаты работ опубликованы [Леонтьев, 1988, с. 94–102; 1996, с. 196–209].

Городище занимает вытянутый, вдающийся в пойму мыс залесенного правого коренного берега р. Черной с общей ориентировкой с юга на север (см. рис). С боковых западной и восточной сторон мыс ограничен низинами речной старицы, а в верхней склоновой части – выположенными старыми оврагами. Западный склон на всем протяжении круче восточного. Длина мыса с учетом изгибов поверхности составляет около 480 м, перепад высот в пределах отметки 125–160 м балтийской системы высот (БСВ) – 35 м. Две ограниченные валами площадки с перешейком между ними, обусловленным рельефом, находятся в верхней части мыса (см. рис.).

Исследования памятника, продолженные спустя 30 лет в 2016 г., принесли новую информацию о городище. Область распространения культурного слоя оказалась шире, чем представлялось ранее. Территория поселения включала не только ограниченные валами верхнюю и центральную площадки, но и участок в основании мыса. Обнаружены выемки древней дороги, соединявшей площадки, но ее возраст еще предстоит выяснить. Общая освоенная площадь определяется в пределах 1 га. Следы деятельности отмечены в ближайшей окрестности городища, но обнаружить синхронные археологические памятники пока не удалось.

Существование предшествующего поселения эпохи раннего железного века в исследованиях 2016 г. подтверждается только редкими находками сетчатой керамики в шурфах центральной площадки и двушипных наконечников стрел в подъемном материале. Сохранившийся культурный слой этого периода обнаружить не удалось.

Полученные ¹⁴C даты и находка «геральдической» бляшки (рис.-1) позволили пересмотреть датировку памятника. Средневековое городище возникло не в VIII в., как предполагалось, а, по крайней мере, столетием раньше. Допустимое по результатам радиоуглеродного анализа существование поселения в X в. археологическими материалами пока не подтверждается. Однако достаточно определенно можно полагать, что к началу древнерусского освоения Суздальского ополья в середине X в. жизнь на городище уже прекратилась. Памятники X–XI вв. в правобережье р. Колокши пока не известны [Макаров, 2012, с. 195–211, рис. 2].

Городище Выжегша является редким археологическим памятником VII–IX вв. н.э. По хронологии, многочастной структуре территории и разнообразию материалов памятник схож с известным Сарским городищем, находившимся в 85 км северо-западнее в бассейне оз. Неро, однако значительно уступает ему по размерам. Подобны и археологические коллекции памятников, включающие монетные клады, большое количество предметов вооружения, разнообразные по происхождению вещи, Другие объекты с аналогичными характеристиками в области Волго-Окского междуречья не известны.

Библиографический список

Глазов В.П. Работы во Владимирской области и г. Суздале // АО. – 1972–1973.

Леонтьев А.Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на северо-востоке Руси) / под ред. М.В. Седова. – М., 1988.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. – Вып. 4. – М., 1996.

Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. – М. ; Вологда, 2012.

Фомин А.В. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на северо-востоке Руси) / под ред. М.В. Седова. – М., 1988.

К. Лесаж^{1,2}, А.В. Постнов³, Ж.Жобер²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

²РАСЕА, Университет Бордо, Франция;

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПЕРЕСМОТР СРЕДНЕ- И ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ

КОМПЛЕКСОВ УСТЬ-КАНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

(Республика Алтай)

В результате последнего этапа исследований в Горном Алтае получены новые данные по важным среднепалеолитическим, начальным и ранневерхнепалеолитическим пещерным объектам. Значительная часть упомянутых комплексов характеризуется наличием техники леваллуа. Однако до сих пор статус и параметры развития техники леваллуа на Алтае четко не определены в контексте культурно-индустриальных и функциональных моделей адаптаций.

Все исследования техники леваллуа на Алтае проводились с использованием технико-типологического метода (за исключением комплексов стоянки Кара-Бом [Рыбин, Славинский, 2015]), в то время как для понимания данной техники и ее происхождения необходима реконструкция полной операционной цепочки использования каменного сырья (*chaîneopératoire*).

Пересмотр каменных комплексов Усть-Канской пещеры был выполнен именно с этой целью. Эта опорная стоянка среднего палеолита Сибири, открытая С.И. Руденко в 1954 г., была первым палеолитическим объектом в Северной Азии, где зафиксирована техника леваллуа [Rudenko, 1961]. В результате раскопок под руководством А.В. Постнова (1999–2007 гг.) определено, что отложения памятника включают среднепалеолитические (слои 10–6), переходные от среднего к верхнему палеолиту (слои 5 и 4) и верхнепалеолитические (слои 3 и 2) подразделения, предположительно относящиеся к интервалу от КИС-6 до КИС-2. В отличие от большинства алтайских пещер, в Усть-Канской присутствие хищников ограничено [Wrinn, 2010], на что, возможно, оказывало влияние расположение памятника в центральной части скалы.

Несмотря на то обстоятельство, что хронологический период обитания древних людей на памятнике очень велик (около 100 000 лет), новые результаты, полученные в ходе применения атрибутивного метода анализа каменных комплексов, свидетельствуют о значительном технико-типологическом единообразии индустрий, в которых доминирующим элементом являются продукты техники леваллуа. В целом в комплексах практически не прослеживается какой-либо вариативности между среднепалеолитическими, переходными от среднего к верхнему палеолиту и «верхнепалеолитическими» комплексами. Наличие продуктов леваллуа в хронологически верхнепалеолитических комплексах может быть следствием тафономических процессов или пролонгацией среднепалеолитических традиций камнеобработки.

Библиографический список

Рыбин Е.П., Славинский В.С. Леваллуазская конвергентная однонаправленная типичная технология в Южной Сибири и северной части Центральной Азии: вариативность, распространение и хронология // *Stratum Plus*. – 2015. – №1.

Rudenko S.I. The Ust'-Kanskaia Paleolithic cave site, Siberia // *American Antiquity*. – 1961. – Vol. 27 (2).

Wrinn P. Middle Paleolithic Settlement and Land Use in the Altai Mountains, Siberia // *Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age / Conard N. and Delagnes A. (eds.)*. – Tübingen Publications in Prehistory, 2010.

Н.В. Лещенко
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИМОРЬЯ

В эпоху средневековья на территории российского Дальнего Востока существовали государства Бохай (698–926), чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234), государство Дун Ся (1215–1233).

Музыкальная культура средневекового населения Приморья рассматривается на основе анализа народных и светских инструментов.

Истории развития музыкальной культуры средневекового населения Приморья в той или иной степени коснулись отдельные авторы [Воробьев, 1983, с. 43, 112; Шавкунов, 1981, с. 93–110; 1993, с. 41–42; Тупикина, 2006, с. 116–120]. На средневековых памятниках Приморья зафиксированы единичные находки и изображения музыкальных инструментов. На Константиновском-1 селище был найден глиняный свисток. Его можно считать одним из первых бохайских музыкальных инструментов [Бохайские памятники в Приморье, 2010, табл. 90, рис. 2]. Фрагмент свистка был найден на Смольнинском городище [Шавкунов, 2004, рис. 15, 16].

Губные варганы обнаружены на Шайгинском, Смольнинском, Николаевском-1 городищах, городище Андрианов Ключ [Шавкунов, 1989, с. 5–11; 2007, рис. 85; Макиевский, 2013, рис. 85; Прокопец, 2013, рис. 18]. Губной варган является одним из древнейших народных музыкальных инструментов. Он представляет категорию самозвучащих язычковых инструментов. Под разными названиями аналогичный инструмент и его модификации встречаются у многих народов мира. В Китае на памятнике Тунжэнь в уезде Суйбинь провинции Хэйлуцзян был найден дугообразный варган [Институт археологии провинции Хэйлуцзян, с. 133, рис. 17:19]. Датировка памятника на основании конструкции жилищ разбивается на несколько периодов: ранний, средний и поздний. Калиброванные даты – 820 ± 80 (1131–1277); 960 ± 80 (994–1186 гг.); 1380 ± 80 (599–684 гг.).

На Шайгинском городище обнаружено зеркало с изображением 11 музыкальных инструментов [Шавкунов, 1976, с. 21, рис. 44]. Все музыкальные инструменты были перевиты лентами. На тыльной стороне зеркала изображена лира, поверх которой прочерчен знак большого чжурчжэньского письма, далее от нее по ходу часовой стрелки расположены губной орган, четырехструнная лютня, большая поперечная флейта, флейта Пана, барабан, цитра, малая поперечная флейта, двухсторонний ручной барабан, рама с 16 звучащими камнями, а в центре зеркала под полусферической формы петелькой помещено изображение кастаньет. В монографии Э.В. Шавкунов более детально рассматривает зеркало, сравнивая его с аналогами из Забайкалья и Семиречья (Казахстан, часть Киргизстана). Все инструменты расположены в виде раскручивающейся к краю диска по ходу часовой стрелки, или по ходу солнца, спирали [Шавкунов, 1993, с. 41–42]. Первоначально Э.В. Шавкунов [1981, с. 103] считал это зеркало чжурчжэньским, так как на изображении лиры был выбит знак большой чжурчжэньской письменности. Впоследствии он пересматривает свою точку зрения и приходит к выводу, что оригиналы этого типа зеркал с летающими музыкальными инструментами произведены в тангутском государстве Си Ся, так как этот мотив был распространен в XII–XIII вв. в буддийской иконографии тангутов [Шавкунов, 1993, с. 42]. Чжурчжэни же изготовили лишь копию. В.В. Подмаскин уточнил названия музыкальных инструментов: 1 – арфа; 2 – губная гармоника с резонаторными трубками; 3 – лютня; 4 – поперечная флейта; 5 – многоствольная флейта; 6 – двухсторонний барабан с цилиндрическим корпусом; 7 – продольная цитра; 8 – продольный аэрофон; 9 – односторонний барабан; 10 – рама с 16 пластинками; 11 – хлопушки-кастаньеты [Подмаскин, Турмов, 2015, с. 12].

Мы рассмотрели некоторые особенности музыкальной культуры средневекового населения Приморья. Исходя из этого, мы можем выделить группу народных инструментов (свисток, варган, простейший струнный инструмент) и группу светских музыкальных инструментов, изображенных на зеркале.

В группе народных музыкальных инструментов особо хочется выделить губной варган. Этот самозвучающий язычковый инструмент фиксируется уже на памятнике мохэского времени (IV–V вв.), затем на памятнике бохайского времени (VIII–X вв.) и далее на Смольнинском городище, датированном IX–XI вв.

На более поздних средневековых памятниках, относящихся к эпохе Дун Ся на территории Приморья, мы находим свидетельства большего разнообразия. Это набор светских музыкальных инструментов, пригодных для состава хорошего оркестра. Изображения подобных инструментов встречаются на фресках эпохи Ляо (907–1125 гг.) из Внутренней Монголии [Inner Mongolia Murals in Liao Dynasty, 2009, p. 160, 172, 173], а также на фресках эпохи Династии Тан (618–907 гг.) [Magnificent Frescos from the Great Tang Dynasty, рис. 7, 13]. Такое обилие инструментов подводит к мысли о развитии музыкальной культуры того времени, тесно связанной с тюркско-монгольскими традициями.

Библиографический список

Бохайские памятники в Приморье и Константиновское-1 селище / Болдин В.И., Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, Лещенко Н.В. ; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ; Корейский государственный университет культурного наследия. – Сеул, 2010.

Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М., 1983.

Институт археологии провинции Хэйлунцзян, Институт археологии АОН Китая. Отчет о раскопках памятника Тунжэнь в уезде Суйбинь провинции Хэйлунцзян // Каогусюэбао. – 2006. – №1. На кит. яз. (перевод А.Л. Ивлиева).

Тупикина С.М. О некоторых духовых музыкальных инструментах чжурчжэней // Россия и АТР. – 2006. – №4.

Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1981.

Шавкунов Э.В. Некоторые аспекты культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – 1989.

Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. – Владивосток, 1993.

Inner Mongolia Murals in Liao Dynasty. – Beijing, Wenwu, 2009.

Magnificent Frescos from the Great Tang Dynasty. Compiled by Li Guozhen. – Shaanxi Tourism Publishing House China, 2005.

Макиевский С.В. Отчет об археологической разведке в Партизанском районе Приморского края в 2013 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. – Ф. 1. – Оп. 2. – №748.

Прокопец С.Д. Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2013 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. – Ф. 1, оп. 2. – №742.

Шавкунов В.Э. Отчет о раскопках Смольнинского городища в Приморском крае в 2004 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. – Ф. 1. – Оп. 2. – №565.

Шавкунов В.Э. Отчет об археологических работах в Приморском крае в 2007 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. – Ф. 1. – Оп. 2. – №612.

Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1976 году // Архив Института археологии АН СССР. – Р-1. – №6170.

Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко
Кубанский государственный университет, Краснодар
ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ

В меотских могильниках чернолаковую керамику, в отличие от некрополей Северного Причерноморья, нельзя отнести к массовому материалу. В настоящее время нам известно более 230 чернолаковых сосудов и их профильных частей из 15 меотских памятников правобережья Кубани. Подавляющее количество материала дали погребальные комплексы грунтовых могильников. В первую очередь это памятники Краснодарской группы: могильники городищ хут. Ленина №2 и 3 и Старокорсунского №2. По количеству чернолаковой керамики выделяется также Елизавето-Марьянская группа памятников, в которую входит могильник у хут. Прикубанский. Большое разнообразие типов чернолаковых сосудов демонстрируют материалы погребений могильника Лебеди-III, расположенного глубоко в степи. Из культурных слоев городищ известны лишь отдельные фрагменты. Это обстоятельство объясняется тем, что поселенческие памятники меотов до сих пор исследованы чрезвычайно слабо.

Для атрибуции и классификации чернолаковой керамики использовались эталонные своды материалов из раскопок Афинской агоры (Ag. XII, XXIX, XXX и др.). Вся керамика разделена на три категории:

- сосуды для питья вина;
- сосуды для сервировки стола;
- сосуды для масла.

Категория сосудов для питья является наиболее обширной. Непревзойденными по популярности в V–IV вв. до н.э. были скифосы аттического типа (56 экз.), среди которых выделяется серия краснофигурных сосудов «беглого» стиля. Один сосуд относится к финальной стадии развития класса *St.-Valentin*. Скифосы типа В представлены единственным фрагментом краснофигурного сосуда с изображением совы.

С середины IV в. до н.э. скифосы вытесняются канфарами (44 экз.). Особенной популярностью пользовались у меотов классические и кубковидные канфары, в том числе с накладной росписью в стиле «западного склона». Канфары эллинистической серии неаттического производства представлены сосудами двух типов 2-й четверти III – 1-й половины II в. до н.э.

В группе чашевидных скифосов (23 экз.) наиболее ранними являются чернофигурные сосуды в стиле мастера Хаймона 1-й половины V в. до н.э. К местному населению Прикубанья поступали и сосуды для питья более редких форм. С конца 3-й – последней четверти V в. до н.э. и примерно до середины IV в. до н.э. в меотских могильниках встречаются глубокие чаши типа *bolsal* (8 экз.).

Отдельными экземплярами или фрагментами (в том числе краснофигурными) представлены чаши разных типов (*stemless*, *delicate class*, *Cracow class*, тип C) середины VI – 1-й половины IV в. до н.э. Уникальными находками в меотских комплексах являются кружка формы Фидия и кружка в виде «одноручного канфара». Последняя форма крайне редко встречается даже в классических памятниках на территории Греции.

Посуда для сервировки стола не столь многочисленна, что, по-видимому, связано с хорошо развитым гончарным производством у меотов и многообразием местных керамических форм. Чернолаковые миски двух вариантов классической и эллинистической серий (16 экз.), а также разные варианты тарелок, «соусниц» и рыбных блюд (13 экз.) достаточно убедительно иллюстрируют бытование некоторых видов столовой посуды у меотов с начала IV и вплоть до конца I в. до н.э. Особо отметим единственное в Прикубанье краснофигурное рыбное блюдо работы Упсальского (?) мастера 390–370 гг. до н.э.

К популярным у меотов формам миниатюрных сосудов относятся солонки с вогнутыми стенками и на поддоне (11 экз.), чашечки на широком и узком кольцевом поддоне (12 экз.) из комплексов середины IV – начала III в. до н.э. Редкой формой являются вазочки с вмести-

лицем в форме цветочной чашечки (2 экз.), хронология которых ограничивается концом VI – началом V в. до н.э.

Сосуды для масла представлены в меотских памятниках правобережья Кубани в основном лекифами. К 1-й половине V в. до н.э. относятся находки цилиндрических лекифов (2 экз.). Остатки чернофигурной росписи на одном из сосудов позволяют предположительно связать его с группой Хаймона. Довольно представительна серия арибаллических лекифов конца V – 3-й четверти IV в. до н.э., в том числе сетчатых, с пальметтой и с сюжетной росписью (16 экз.). Лекиф класса Талькот 2-й четверти IV в. до н.э. является пока единственной в меотском погребении находкой подобной формы парфюмерных сосудов, редких даже для античных центров. Самый поздний лекиф для столового масла формы *Deianeira* эллинистической серии происходит из погребения 2-й половины I в. н.э., в котором, по-видимому, он был использован вторично. К другим видам сосудов для масла относятся отдельные экземпляры и фрагменты арибалла, двух асков (мелкий и краснофигурный с ситечком) и двух гуттусов с кольцевидной ручкой IV в. до н.э. Вероятно, только единичные экземпляры этих специфических сосудов попадали к местному населению Прикубанья, находя применение в погребальных ритуалах и в обыденной жизни меотов.

Таким образом, в меотских погребениях правобережья Кубани встречаются все основные категории и виды чернолаковых сосудов, но в гораздо меньшем количестве, чем на Боспоре, а также редкие формы. Хронологический анализ чернолаковой керамики позволил разделить ее на три основные группы.

Керамика VI–V вв. до н.э. представлена исключительно продукцией аттического производства. Имеющиеся материалы позволяют отнести время ее появления на правобережье Кубани к 1-й половине VI в. до н.э. Эта дата совпадает с началом переселения меотов из Закубанья. Поэтому можно предположить, что торговые отношения меотов с боспорскими греками с самого начала имели регулярный характер, и товар поступал даже в отдаленные районы с небольшим временным интервалом. Чернолаковая керамика из раннемеотских погребений демонстрирует некоторое «запаздывание» импорта в V в. до н.э. (до четверти века). Это нормально, так как количество импортной посуды поступавшей к меотам в этот период, невелико и почти все сосуды имеют следы длительного использования в быту.

Керамика IV в. до н.э. также в основном аттического происхождения. Тем не менее, как показывает исследованный материал, нельзя отрицать возможности попадания к местному населению Прикубанья отдельных экземпляров чернолаковых сосудов неаттического производства. Для меотских комплексов IV в. до н.э. отмечается большее разнообразие типов чернолаковых сосудов и несомненное количественное превосходство по сравнению с раннемеотским периодом, особенно во 2–3-й четвертях IV в. до н.э., а также практически полная синхронность чернолаковых сосудов и амфор, совместно встречаемых в погребениях. Чернолаковая посуда являлась для меотов предметом роскоши и высоко ценилась в варварской среде. Придонные части и обточенные поддоны разбитых сосудов использовались в качестве чашечек, бывших непременным атрибутом погребального обряда. Однако даже вторично использованные поддоны, как правило, синхронизируются с амфорами. Только в двух из нескольких сотен комплексов отмечено значительное расхождение датировок амфорной тары и чернолаковой керамики. Причем в обоих случаях мы имеем дело с вторично использованными поддонами сосудов V в. до н.э.

Наименьшую в количественном отношении группу составляют сосуды III–I вв. до н.э. Для этого периода нужно отметить преобладание неаттической керамики средиземноморского производства. В 1-й половине I в. до н.э. объемы торговли снижаются до минимума, что можно связывать с экономической нестабильностью в Причерноморье в период Митридатских войн.

Таким образом, с VI по I в. до н.э. Прикубанье было включено в орбиту греко-варварской торговли. Наибольший рост объема и ассортимента поставок чернолаковой керамики, приходящийся на IV в. до н.э., ярко показывает значение Прикубанья как одного из важных торговых партнеров Боспорского государства в античном мире.

С.Н. Лисицын

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ГРАВЕТТИЙСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СО СТОЯНКИ БОРЩЕВО-5

Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук Российской академии наук «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы», проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным»

Многослойная стоянка Борщево-5 расположена в Костенковско-Борщевском палеолитическом районе на Дону (далее – КБР). Памятник приурочен к приустьевой части Борщевского лога. Раскопки Борщево-5 проводятся Костенковско-Борщевской экспедицией ИИМК РАН с 2002 г. Общая вскрытая площадь превышает 160 кв. м. Геологический разрез содержит стратиграфические маркеры отложений 2-й террасы Дона, характерные для КБР: покровная пачка лёссовидных суглинков подстилается верхней и нижней гумусированными толщами, которые отделены одна от другой горизонтом с вулканическим пеплом средиземноморского происхождения (кампанский игнимбрит Y5). К настоящему времени на стоянке зафиксировано пять культурных слоев, относящихся к средней (I) и ранней (II-III) поре верхнего палеолита, а также к переходному от среднего к верхнему палеолиту времени (IV-V).

Первый культурный слой относится к граветту и имеет следующие ^{14}C uncal. BP датировки по костным образцам: 25110 ± 200 (OxA-30200), 24720 ± 190 (OxA-30199), 22500 ± 700 (ГИН-10239), 20000 ± 300 (JE-6947), 17400 ± 2000 (JE-5571), 14060 ± 110 (JE-6809). Граветтский слой стратиграфически разделен на два уровня залегания – Ia и Ib, соответствующих двум последовательно залегающим палеопочвам, из которых нижняя залегают *in situ*, а верхняя имеет признаки смещения сверху вниз по склону. На центральной площадке мыса тремя раскопами в 2003, 2009 и 2013–2014 гг. был изучен хозяйственно-бытовой комплекс первого культурного слоя – круглое в плане скопление находок диаметром 5,5 м с остатками открытого кострища посередине. Комплекс можно интерпретировать как остатки легкого неуглубленного жилища. Помимо фаунистических остатков (мамонт, лошадь, заяц, песец, волк) и коллекции каменных артефактов, были найдены изделия из бивня и кости: острия, ложила, пуговицы, подвеска, кинжалы и антропоморфная статуэтка. Последняя была обнаружена в центральной части скопления вблизи кострища. Фигурка располагалась в полувертикальной позиции и была обращена лицом к кострищу – в центр жилища.

Объемная фигурка изготовлена из дистального конца тонкого бивня мамонта таким образом, что верхняя часть с головой выполнена на наиболее толстой его части, а нижняя – на сужающемся естественном конце (рис. 1). Размеры: $150 \times 40 \times 36$ мм. Кончик бивня сколот и утрачен в древности. У статуэтки смоделирована голова, шея и фронтальным полукруглым вырезом обозначен бюст (без выделения деталей плечевого пояса и груди). Туловище фигурки – цилиндрическое, сохраняющее естественную форму бивня. Портретные черты не проработаны, хотя на лице рельефно выделяются подбородок, скулы и линия бровей, а также анатомически пропорциональные ушные раковины (правое ухо сохранилось, левое утрачено). Лоб и затылок отделены канавкой от высокой прически, которая напоминает корону. Сохранность статуэтки плохая – бивень растрескан, – есть утраты на самом бивне и на голове; внешняя поверхность заполирована и сильно эродирована. По этим причинам трудно установить, имеются ли на фигурке специально нанесенные орнаментальные мотивы в виде насечек, точек, тонких нарезок, или все эти хаотично расположенные поверхностные элементы имеют случайный характер. Теменная часть головы и большая часть прически раскрошилась в древности в процессе археологизации (вероятно, из-за вертикального положения статуэтки, которая фактически торчала на дневной поверхности). Выколы на голове восполнены прозрачным полимером в ходе реставрации в Российском этнографическом музее (реставратор Е.П. Янковская); были также удалены карбонатные натечки и подклеены мелкие отслоившиеся фрагменты, обнаруженные в промывке грунта. Следует отметить, что при извлечении из суглинка лицо фигурки имело

темно-малиновый цвет, напоминающий охру (рис. 2). Но в ходе испарения естественной влаги и полного высыхания статуэтки окраска практически полностью исчезла. Исходя из обстоятельств находки и характера повреждений, можно предположить, что фигурка была воткнута в землю обитателями стоянки намеренно и оставлена ими при покидании жилища.

Рис. 1. Бивневая антропоморфная статуэтка со стоянки Борщево-5

Рис. 2. Вид статуэтки со стоянки Борщево-5 до реставрации, крупный план

Ближайшая аналогия данной статуэтки в КБР прослеживается на стоянке Костенки-4 (Александровская стоянка), где А.Н. Рогачевым обнаружена антропоморфная фигурка из бивня мамонта аналогичной морфологии – у нее выделена голова с шеей, а туловище не имеет детализации частей тела. Голова так же сильно эродирована. Существенным отличием борщевской фигурки от александровской является то, что последняя изготовлена не на поперечном сегменте молодого бивня, а на продольно вырезанной из крупного бивня уплощенной заготовке, которая орнаментирована по всей поверхности множеством точек, выстроенных рядами, которые образуют повторяющийся мотив. Учитывая синхронность датировок и культурную близость граветтских культурных комплексов на стоянках Костенки-4 и Борщево-5 по набору каменного и костяного инвентаря, сходство статуэток выглядит закономерно. По особенностям художественно-лаконичного оформления антропологических черт обе статуэтки резко выделяются на фоне натуралистичных венер костенковско-авдеевского варианта граветта, которые известны в КБР по находкам на стоянках Костенки-1 и Костенки-13.

Н.А. Лифанов
Самарский государственный университет, Самара
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРАЗА ДРАКОНОВ
НА ПЛАСТИНЕ ИЗ ШИЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1992 г. в кургане №1 могильника Шиловка (территория Ульяновской области на Волжском Правобережье, автор раскопок – Р.С. Багаутдинов), относимого к скотоводческому населению раннего Хазарского каганата конца VII в., были обнаружены костяные пластины с уникальными гравированными изображениями, одним из которых являются два противостоящих дракона (рис. 1). Их образы уникальны по лаконичности и завершенности в сочетании несоместимых, казалось бы, элементов: передняя часть легких поджарых тел с длинной шеей и высокой холкой, украшенной изящными рожками волчьей/собачьей головой и волчьими же лапами органично переходит в свернутый кольцами и заканчивающийся кисточкой мощный хвост. Тело драконов покрыто короткой шерстью, переданной насечками по его контуру. Расположенные в области лопаток крылья (слишком маленькие для полета) в совокупности с лапами составляют характерные для реальных животных две пары конечностей. Фантастические существа на пластине выглядят реалистично, мастер-гравер изображал их с максимальным вниманием к деталям, даже с учетом индивидуальных особенностей: рискну предположить, что изображенный более мелким и изящным дракон справа – самка (в этом случае «драконий» сюжет Шиловки композиционно близок гравировке на седельных накладках из могильника Кудыргэ на Горном Алтае, где идентично изображены тигр и тигрица). Детализация и реализм образа драконов свидетельствуют о его долговременной разработке в рамках некоей иконографической традиции.

Изображения драконов, подобных шиловским, встречены на копоушке из могильника Новинки I на Самарской Луке, на поясных наконечниках из окрестностей г. Разград в северо-восточной Болгарии и из Больше-Тиганского могильника в Татарстане, а также на петроглифе из Жалтырак-Таша (Тянь-Шань) и «сабле Карла Великого». Все они датируются не ранее 1-й половины VIII в., следовательно, если предшествующая шиловским пластинам традиция изображения подобных существ и существовала, то не в степном регионе Евразии. Это побуждало исследователей к поиску аналогий облику таких драконов в регионах с давними и высокоразвитыми школами декоративно-прикладного искусства: в Китае (А.В. Комар, Д.Г. Савинов, Б. Тотев, О. Пелевина), Средней Азии (В.Г. Котов, В.Е. Флёрова), Индии (Н.А. Фоякова). Данные гипотезы, однако, четких иконографических параллелей рассматриваемому образу не содержат.

Таковые параллели обнаруживаются в античном искусстве Средиземноморья, где среди изображений различных мифологических существ наличествует образ морского дракона *κῆτος* (*ketos*, кит) (рис. 2), вошедшего впоследствии в христианскую иконографическую традицию (изображения эпизода с пророком Ионой) (рис. 3). В мелких деталях его изображения, конечно, разнятся, однако в целом облик этого монстра, характеризующийся массивной головой с вытянутыми челюстями и крупными ушами, двумя мощными лапами, небольшими крыльями (модифицированные плавники) и длинным извитым или свернутым кольцами хвостом с кисточкой, практически идентичен драконам Шиловки. Некоторое влияние на образ шиловских драконов оказало также иранское искусство, от мифологических персонажей которого те «получили» рога и изображенные в характерном для него стиле крылья.

Группа кочевников, оставившая Шиловский могильник, судя по составу инвентарных комплексов захоронений, прямо или опосредованно контактировала с Империей. Воздействие византийского/христианского искусства на формирование сюжетов шиловских гравировок прослеживается, таким образом, наряду с иранскими, среднеазиатскими и южносибирскими аналогиями, на которые уже указывалось исследователями. Шиловские пластины являются произведениями высокого искусства, маркирующего культуру кочевнической элиты территории бывшего Западного каганата и вбиравшего в себя различные художественные традиции окружающих цивилизаций.

Рис. 1. Шиловский могильник. Пластина с изображением драконов

Рис. 2. Ketos. Мозаика III в. до н.э. Музей г. Монастераче, Италия

Рис. 3. Пророк Иона и ketos. Статуэтки 3-й четверти III в. н.э. Малая Азия. Cleveland Museum of Art

О.С. Лихачева
Алтайский государственный университет, Барнаул
ТИПОЛОГИЯ КИНЖАЛОВ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

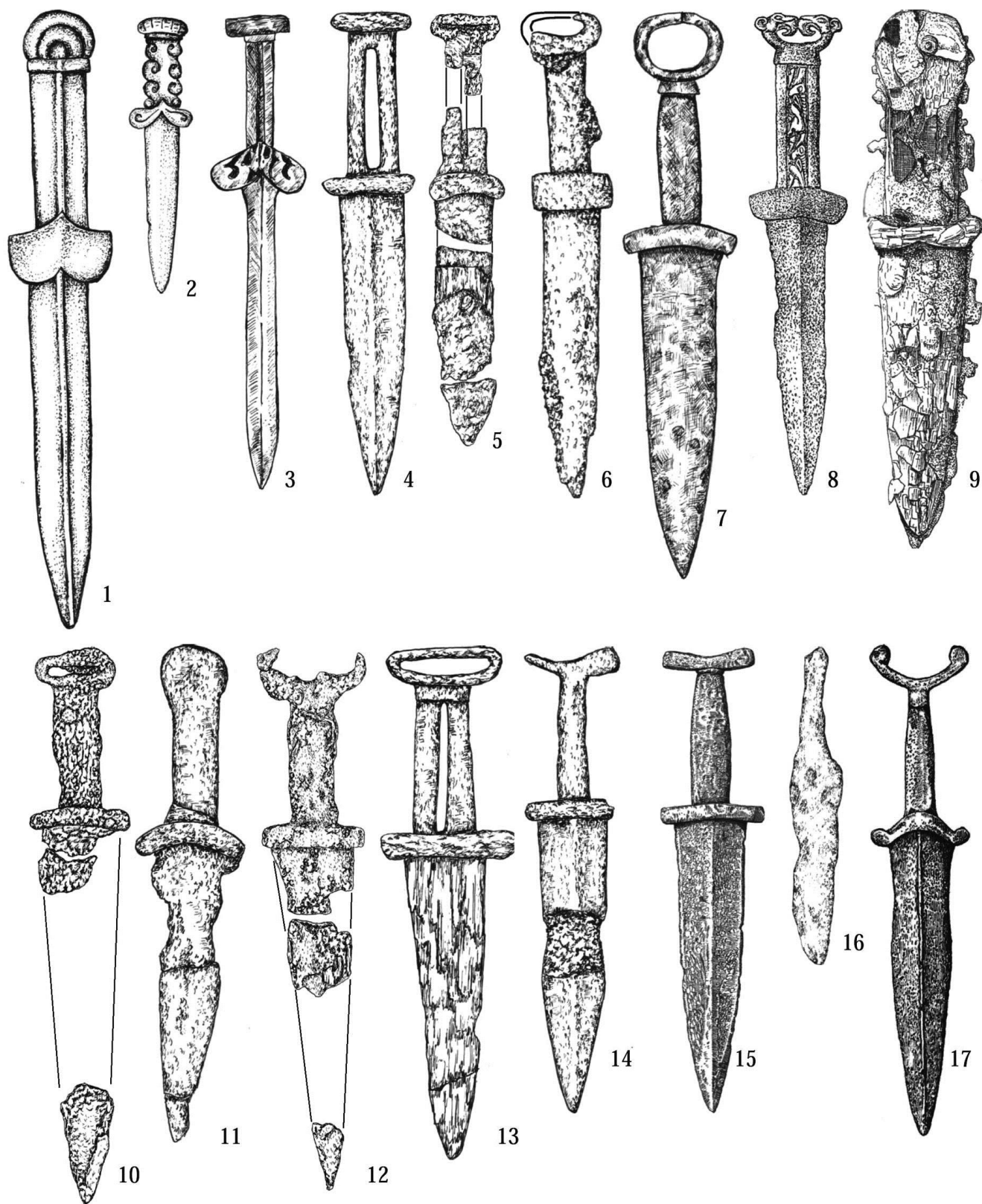
В VI–I вв. до н.э. на территории лесостепного Алтая наиболее развитой в военном отношении являлась каменная культура. Она имела внушительный комплекс вооружения, в котором одним из наиболее представительных по количеству видов были кинжалы [Лихачева, 2013, с. 50, рис. 1; Шульга, 2007, рис. 2]. На настоящий момент известно 40 единиц короткоклинкового оружия, относящихся к данной культуре. Системный анализ изделий позволил выделить 16 типов, составляющих три хронологические серии.

Ранняя серия датируется VI–V вв. до н.э. В нее входят как бронзовые, так и железные кинжалы. Первые – с клинком килевидной формы, «бабочковидным» перекрестием и «грибовидным» или сегментовидным навершием (рис.-1–2). Железные кинжалы имеют клинок килевидного или треугольного абриса, «бабочковидное» перекрестие и брусковидное или волутообразное навершие, трактованное в зверином стиле (рис.-3–8). На формирование бронзовых образцов оказали влияние раннесакские традиции. В свою очередь, железные изделия несут на себе черты савроматского клинкового оружия.

К IV–III вв. до н.э. из употребления полностью выходят бронзовые кинжалы, и увеличивается количество типов железных экземпляров. Как и в предшествующий период, используются клинки килевидного или треугольного абриса, но встречается и пятиугольная форма данной детали. У кинжалов с килевидным клинком фиксируются дуговидное или брусковидное перекрестие и брусковидное или овально-кольчатое навершие (рис.-4–5). Более разнообразна форма этих элементов у кинжалов с треугольным клинком. Помимо указанных форм (рис.-10, 13), перекрестие их может быть «бабочковидным» или брусковидным, а навершие – дисковидным, волутообразным или дуговидным (рис.-9, 11–12, 14–15). Уникально перекрестие кинжалов с клинком пятиугольного абриса, оно обладает «коромысловидным» абрисом (рис.-17). Навершие у них волутообразное. В IV–III вв. до н.э. значительное влияние на формирование кинжалов каменной культуры оказала сарматская военная традиция. Стоит отметить, что в IV–III вв. до н.э. появляется большое количество образцов, не имеющих аналогий на других территориях, что связано с активным развитием местной традиции.

Во II–I вв. до н.э. происходит унификация форм короткоклинкового оружия. Перестает употребляться клинок пятиугольного абриса. Перекрестие брусковидное, навершие овально-кольчатое или кольцевидное (рис.-6–7). В этот период начинают распространяться образцы, у которых отсутствуют навершие и перекрестие (рис.-16). Как и на предыдущем этапе, на формирование кинжалов продолжает оказывать влияние сарматская военная традиция, но к концу периода начинают проникать изделия, восходящие к хуннским образцам.

Таким образом, на протяжении VI–I вв. до н.э. эволюция кинжалов у населения каменной культуры проходила от активного поиска новых форм к унификации и сокращению типового разнообразия. С VI по III в. до н.э. значительное влияние на формирование короткоклинкового оружия оказывали среднеазиатская и восточно-европейская военные традиции. Начиная со II в. до н.э. данный вектор изменился, и рассматриваемый вид оружия стал приобретать черты центральноазиатских образцов.

Кинжалы каменной культуры

Библиографический список

Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // КСИА. – 2013. – Вып. 231.
 Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск, 2007.

Ю.А. Лихтер
ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва
СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В МОСКВЕ –
НАХОДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МОСКВЫ
(1989–2015 гг.)

Археологическая служба Москвы существует с 1989 г. Благодаря ее деятельности обнаружено множество изделий из стекла, таких как посуда, украшения, оконные стекла. Они относятся к разным эпохам существования города: домонгольской, времени Московского царства, петровской, советской.

Монографическое исследование изделий из стекла принесло множество сюрпризов. Для домонгольского времени такой неожиданностью оказались находки браслетов и перстней за пределами Китай-города [Векслер, Лихтер, 2009]. В слоях XVII в. и более поздних привлекли внимание не только фрагменты разнообразных сосудов (раньше их относили к категории московского мусора), но и многочисленные украшения, по преимуществу бусы [Векслер, Лихтер, 2008]. Среди позднего материала можно отметить несколько комплексов.

При работах на Манежной площади (1995 г.) в погребениях некрополя Моисеевского монастыря найдено множество стеклянных сосудов, служивших слезницами (сосудики для мира, оставшегося после соборования), и бус, использовавшихся как пуговицы и четки [Векслер, Беркович, 1999].

При археологических раскопках на территории старого Гостиного двора были обнаружены остатки постройки. В ее заполнении собраны многочисленные индивидуальные находки, подавляющее большинство из которых составляют стеклянные бусы. По-видимому, это была нижняя часть жилой постройки (подклет), в которой сохранились следы склада товаров, предназначенных для дальней торговли [Векслер, Лихтер, Осипов, 2000].

Там же (старый Гостиный двор, раскоп 1) под слоем балласта обнаружена яма площадью около 2 кв. м и глубиной около 2 м. Во вскрытой части ямы найдено 4 317 фрагментов стекла, что превысило число находок стеклянных изделий за 10 лет работы Археологической службы Москвы (1989–1998). Как особенность этого комплекса можно отметить большое разнообразие фрагментов, их небольшие размеры и отсутствие подбирающихся кусков. По всей вероятности, мы имеем дело со свалкой, куда собирали битое стекло из окрестных лавок, торговавших стеклянной посудой. Свидетельства о существовании такого рода лавок в Гостином дворе приводит Н.А. Бакланова [1928, с. 137]. Об этом же говорит топоним «Хрустальный переулок» [Векслер, Лихтер, Осипов, 2012].

В 2002 г. при работах Центра Археологических исследований ГУОП г. Москвы в Замоскворечье была выявлена яма, представлявшая собой котлован от постройки XVII в., заполненный разнообразным мусором более позднего времени. Здесь выделялось небольшое пятно овальной формы, состоявшее из печины и обожженной глины. Это пятно можно рассматривать как комплекс единовременно выброшенного мусора, в котором было обнаружено скопление стекла, по преимуществу бус. Помимо бус и их обломков, здесь же найдены бесформенные куски стекла, обломки стеклянных нитей и капель, а также фрагменты полых сфер со следами металла внутри. На многих бусах явно выражены следы технологических операций: торчащие хвостики, грубые шейки, смещенные каналы. Можно предполагать, что мы имеем дело с отходами мастерской, занимавшейся изготовлением бус из полуфабрикатов. Комплекс можно датировать второй половиной XVIII в. [Лихтер, Векслер, Сударев, 2015].

Большинство обнаруженных стеклянных сосудов находят параллели в публикациях западно- и восточноевропейских сосудов. Здесь можно указать обозрения по истории стекла, включающие изделия XVI–XVII вв., публикации высокохудожественных венецианских

и богемских сосудов из музеев Европы, бытовой посуды из собраний коллекционеров, стекла из раскопок на территории европейских городов и даже материалы, полученные при подъеме корабля, погибшего в конце XVI в. вблизи города Биограда в современной Хорватии [Lazar, 2006]. Обращение к ним позволило идентифицировать и датировать многие фрагменты, найденные в Москве.

Столь же полезными были исследования, посвященные бусам (как общие обзоры [van der Sleen, 1973], так и специально по бусам XVII в. [Karklins, 1993; Kidd, 1970]).

Все это позволило сделать вывод о том, что подавляющая часть стеклянных сосудов, бывших в употреблении в Москве в XVII в., являются европейской продукцией (включая и черкасское стекло из украинских гутных мастерских).

Н.А. Бакланова выделила два основных пункта, через которые ввозили иностранные товары в Россию в XVII в.: Архангельский порт [Бакланова, 1928, с. 6] и Смоленск, через который производилась торговля с Польшою и Литвою [Бакланова, 1928, с. 28]. Материалы архангельской таможни проанализированы [Захаров, 1996]. Среди прочих товаров там упоминаются и изделия из стекла [Захаров, 1996, с. 324–326]. Недавно были опубликованы таможенные книги Вязьмы, где несколько раз отмечен привоз большого количества стекла [Раздорский, 2010; Таможенные книги за 1649/1650 г. (с. 177–200); и 1651/1652 г. (с. 201–223)]. По всей вероятности, сосуды, имеющие западноевропейские параллели, привозили через Архангельск, близкие польско-украинской традиции – через Вязьму.

Библиографический список

Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России (Труды ГИМ. Вып. 4, Отдел исторической общий). – М., 1928.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы XVII века. – М., 1999.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Стекланные бусы из раскопок в Москве // Археология Подмосковья. – М., 2008. – Вып. 4.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Браслеты и перстни, найденные при работах Археологической службы г. Москвы (1989–2006 годы) // Археология Подмосковья. – М., 2009. – Вып. 5.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Комплекс голландских бус из раскопок на Старом гостином дворе в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М., 2000. – Ч. 3.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Яма с битым стеклом из раскопок на Гостином дворе в 1998 году // Археология Москвы – линия жизни. Сборник в честь 80-летия А.Г. Векслера. – М., 2012.

Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. – М., 1996.

Лихтер Ю.А., Векслер А.Г., Сударев Н.И. Следы производства стеклянных бус в Москве XVIII века // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб., 2015.

Раздорский А.И. Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). – СПб. ; М., 2010.

Karklins K. The A Speo method of Heat Rounding Drawn Glass Beads and its Archaeological Manifestations // Beads. – 1993. – V. 13.

Kidd K.E., Kidd M.A. A Classification System for Glass beads for the Use of Field Archaeologists // Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History. – 1970. – №1.

Lazar I., Willmott H. The glass from the Gnalić Wreck. – Koper, 2006.

van der Sleen W.G. N. A Handbook on Beads. – Liege, 1973.

П.К. Ломов
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
МЕТОДИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

С 2015 г. ИАЭТ СО РАН проводит работы по инвентаризации, связанные с уточнением сведений о сохранности объектов археологического наследия (ОАН), определением границ и культурно-хронологической атрибуцией [Цыбанков, Постнов, Кениг и др., 2015, с. 601–604; Цыбанко, Выборнов, Зольников и др., 2016, с. 569–572]. Основными задачами являлись: сбор и анализ информации об ОАН; определение современного состояния и описание историко-культурной ценности, включая характеристику каждого видимого объекта на памятнике; создание подробного топографического плана с определением координат характерных точек границ объектов и их обоснованием.

Одной из ключевых проблем стал поиск точного расположения выявленных ранее ОАН. На подготовительном этапе работ анализировались все основные источники информации. После анализа сведений оказалось, что для одних и тех же ОАН по-разному были указаны административные и географические ориентиры: различались ландшафтно-гидрографические привязки; расстояния и направления.

Другой очевидной проблемой явились ограничения доступа к ОАН в результате противоречий с землепользователями, в границах территории которых расположены памятники. Так, важным моментом является необходимость оформления пропусков и специальных разрешений на посещение лицензионных участков в службах безопасности крупных нефтяных компаниях, что значительно усложняло полевые исследования.

Непосредственно при выполнении работ, связанных с определением границ, часто приходилось учитывать не только рекомендации МК РФ, но и сложившиеся историографические традиции. Например, в единых границах могли располагаться до трех различных ОАН, имеющих свой уникальный номер согласно Государственному списку (селище, стоянка, могильник, городище). Очевидность проблемы объясняется несовершенностью методики работы на многослойных разновременных памятниках.

Проведение локальных земельных работ с целью определения распространения культурного слоя сталкивается с необходимостью пристального внимания к незначительным изменениям в стратиграфии и планиграфии. Часто отсутствие культурно-датирующего материала существенно усложняет работы по атрибуции объектов.

Таким образом, при проведении работ, связанных с инвентаризацией, важно:

- 1) особое внимание уделить работе с картографическим и архивным материалом, на подготовительном этапе иметь четкое и ясное представление об объекте исследования;
- 2) заранее подготовить необходимые документы для допуска к объектам археологического наследия (пропуски, разрешения);
- 3) максимально подробно изучить имеющуюся документацию (полевые отчеты, научные статьи, монографии и т.д.) с целью выстраивания научной логики первооткрывателя.

Библиографический список

Цыбанков А.А., Постнов А.В., Кениг А.В., Ломов П.К., Назаров К.Н., Батаргина И.А. Методические проблемы сохранения объектов археологического наследия, выявленных при обследовании технического состояния ОАН в Сургутском районе ХМАО – Югры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXI. – Новосибирск, 2015.

Цыбанков А.А., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Колонцов С.В., Ломов П.К., Постнов А.В., Присекайло А.А., Славинский В.С., Батаргина И.А., Картозия А.А., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине Оби в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

С.И. Лукьяшко
*Южный научный центр РАН, Донской государственный
технический университет, Ростов-на-Дону*
О СКИФСКИХ ЩИТАХ

Работа выполнена при поддержке программы
фундаментальных научных исследований
государственных академий наук на 2013–2020 годы базовой темы НИР
«Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона
с древнейших времен до Нового времени», номер госрегистрации 01201354248

По мере развития военного дела в военной культуре формируются способы защиты воина. Индивидуальная защита состояла из комплекса одежды, прикрывающей различные части тела воина: ламинарный доспех, кираса, шлем, поножи. Особое место занимал щит, закрывавший наиболее уязвимые части тела. По мнению историков оружия, щит как особый элемент защиты вырастает из парирующей палки, используемой древними воинами для отражения ударов копья или дротика. По мнению М.В. Горелика [1993, с. 175], в это время щит был своеобразным фехтовальным предметом. Древнейшие изображения щитов появляются в Египте конца IV тыс. до н.э.

В Месопотамии щиты известны с середины III тыс. до н.э. Здесь они были своеобразными подвижными защитными стенами, которыми щитоносцы прикрывали копейщиков. Эти защитные приспособления были тяжелыми, и манипулировать ими было достаточно сложно. Но важно, что идея защиты этого типа появилась. Щиты Египта, Переднего Востока и Месопотамии имели прямоугольную, трапециевидную или подтреугольную форму, с различными вырезами и умбонами. Изготовлены они были из дерева и покрыты кожей, шерстью наружу. Для удержания в руке использовалась деревянная планка с внутренней стороны, позже появляются дополнительные ременные петли. В XIII в. до н.э. вместе с «народами моря» в Средиземноморье появляются круглые щиты диаметром около 70 см, сделанные из дерева и обтянутые кожей. Рукояти этих щитов были из кожаных ремней, образовывавших две петли. Позже со второй волной «народов моря» в Египте появляются щиты круглой формы, с одной петлей – рукоятью, но это нововведение было в Египте недолговечным.

Косматые щиты эгиды существовали в крито-микенском мире, козья шерсть была воплощением защитных функций эгиды Афины. С VII в. до н.э. щиты изображались уже чешуйчатыми. С начала I тыс. до н.э. круглый щит распространяется на Ближнем Востоке. В Ассирии они стали наиболее распространенным типом щитов. Известны они и в Урарту. Кроме круглых, в ассирийском войске использовались прямоугольные средние и большие щиты. Но с VII в. до н.э. прямоугольные щиты из воинского обихода исчезают. Ассирийские круглые щиты окрашивались в красный цвет, предполагается, что это была символика солнца, воспринятая жителями Месопотамии у индоиранцев [Горелик, 1993, с. 183]. Для урартских щитов был характерен особый способ удержания с помощью большой петли, крепившейся к двум бронзовым скобам: в одну продевалась локтевая часть руки, а за вторую бронзовую скобу держалась кисть руки. По-видимому, от урартов этот способ удержания щита распространился и на эллинский мир.

Скифскими щитами заинтересовались историки оружия и археологи уже в середине XX в. А.И. Мелюкова выделила их в особый подраздел своей работы [Мелюкова, 1964, с. 78], отметив разнообразие форм и скудность источников по теме. Большинство щитов были сделаны из органических материалов (дерева, прутьев, кожи) и поэтому не сохранились. Были выделены большие щиты размерами более половины человеческого тела, имеющие форму овала. Малые щиты размером в 1/3–1/4 человеческого роста были квадратной формы со скругленными углами и лунообразные. Поверхность щитов покрыта

пластинами или длинными полосами внахлест. Известны и находки круглых щитов, покрытых сплошной тонкой бронзовой пластиной.

В специальной статье, посвященной боспорским щитам, Н.И. Сокольский уделил внимание и скифским щитам. Автор отметил, что они были небольших размеров, легкими. Любопытно замечание: «Попытки определить различие в форме скифских щитов различием их функциональной роли нам представляются бесплодными» [Сокольский, 1955, с. 15]. Истоки этого мнения кроются в том, что «мы знаем почти столько различных форм скифских щитов, сколько и их изображений (лунообразный, четырехугольный с закругленными углами, квадратный с вогнутыми краями, овальный)» [Сокольский, 1955, с. 15–16]. Многообразие форм щитов не является основанием для отказа от понимания функционального назначения предмета.

Щиты были собственного скифского производства. Под греческим влиянием появились и использовались круглые щиты. Особенностью вооружения скифского воина является его приспособление для воина-всадника. Немногочисленная пехота, очевидно, пользовалась разработанными для всадников предметами защитного вооружения. Мне не понятно решительное отрицание Н.И. Сокольским связи между функцией щита и его формой. Значительный вклад в изучение скифских щитов внес Е.В. Черненко [1968, с. 99–111].

Скифские щиты представлены разнообразными экземплярами. Для конных всадников необходим был такой доспех, который бы был способен защитить их от стрел и при этом не мешал манипулированию руками. Таким был большой овальный щит, известный в двух видах: это щит с чешуйчатым покрытием и щит с кожаным покрытием. Разница в покрытии объясняется достоянием воина (см. например, композицию на гребне из кургана Солоха). Такой щит использовался во время атаки, защищая воина с фронта, а при отступлении и во время контактного боя отбрасывался за спину, защищая воина со спины. Это был тяжелый доспех, который наверняка носился при помощи петли, переброшенной через плечо, а в случае необходимости на этой же петле переправлялся за спину.

Такие же, но кожаные щиты обеспечивали защиту пехоте. Они надежно защищали верхнюю часть тела воина и позволяли свободно манипулировать ими в бою. На марше, по-видимому, они носились под рукой на петле (см., например, изображения на вазах из Куль Оби и Частых курганов).

Второй тип представлен щитами лунарного типа – круглыми с выемкой в верхней части. Эти щиты имели пластинчатое покрытие и были на вооружении пехоты. Не исключено, что щиты круглой формы использовались и в кавалерии, но свидетельств этому мы не имеем.

Третий тип – это щиты квадратной формы с округлым нижним краем. Они были достаточно разнообразными: известны щиты на деревянной основе, оббитые кожей и щиты на кожаной основе с вплетенными прутьями (см., например, изображения на тиаре из Передериевой могилы и чаше из Гаймановой могилы). Этот тип щита, судя по сведениям из античных источников, был основным и широко распространенным.

Библиографический список

- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М., 1993.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-4. / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1964.
- Сокольский Н.И. О боспорских щитах // КСИИМК. – Вып. 58. – М., 1955.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. – Киев, 1968.

А.В. Лыганов

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-КАМЬЯ

(территория, хронология, материальная культура)

Луговская культура – археологическая культура позднего бронзового века Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья XV–XIV вв. до н.э. Первоначально в Нижнем Прикамье А.В. Збруева [1960, с. 10–22, 67] выделяла памятники типа Луговских стоянок. А.Х. Халиков [1980] относил древности луговской культуры к балымско-карташихинскому этапу выделенной им приказанской культуры. Окончательно концепция луговской культуры была оформлена в работах Л.И. Ашихминой [2014] на поселенческом материале северо-восточной части Нижнего и Среднего Прикамья. Ю.И. Колев [2000, с. 242–273] отнес ряд памятников луговской культуры к сусканскому типу памятников, расположенному на юге Среднего Поволжья. М.Ф. Обыденнов [1997, рис.-10, 11], выделяя луговскую культуру, расположенную на территории лесного и лесостепного Волго-Камья, включал в нее и памятники сусканского типа. Новые данные позволяют уточнить территорию и хронологию луговской культуры.

На сегодняшний день известно не менее 80 поселений луговской культуры. Могильники представлены как подкурганными, так и грунтовыми погребениями. Наиболее известные могильники – Такталачук (отдельные погребения), Коминтерновские курганы, погребения на Балымском поселении (рис.-8–13). Костяки в погребениях лежат скорченно, преимущественно на правом боку. Погребенные ориентированы в основном в восточном секторе. Известны крупные клады металлических изделий – Кармановский и Дербеденевский клады (рис.-1–6).

Территориально памятники луговской культуры расположены на территории лесостепного Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья. С востока луговская культура граничит с черкаскульской и межовской культурами, на западе – с поздняяковской, на юге – с валиковой ивановской (хвалынской) культурой. На поселениях Закамья срубная и луговская керамика встречается в одном слое. В Предкамье, наряду с луговской керамикой, на поселениях нередко находки небольшого количества керамики близкой черкаскульской культуры [Збруева, 1960, рис. 4; Митряков, 2011, с. 10].

В культурных слоях поселений и могильников обычны находки характерной керамики с примесью раковины и органики в тесте в различных сочетаниях. Выделяются сосуды как горшковидной, так и баночной формы. Дно плоское. Орнамент наносился преимущественно на верхнюю часть сосуда, по шейке и плечу, и выполнен протаскиванием гребенки, мелким и средним зубчатым штампом, вдавлениями (рис.-9–13) Схожесть в керамике, а также некоторых других типов изделий луговской культуры и андроновской (федоровской) позволяет включить луговскую культуру в круг так называемых андроновидных культур.

Почти на всех широко раскопанных поселениях луговской культуры присутствуют следы металлообрабатывающего производства. Типы металлических изделий луговской культуры имеют широкие аналогии в ОКВК степной зоны Евразии. Вместе с тем ряд бронзовых изделий имеют определенное своеобразие и характерны только для луговской культуры. Это одношковые кельты, серпы дербеденевского типа и некоторые другие. Судя по типологическому своеобразию металлических изделий, на территории луговской культуры существовал собственный очаг металлообработки [Лыганов, 2013, с. 23].

Для датировки памятников луговской культуры важны аналогии металлическим изделиям в культурах степной зоны европейской территории. Эти аналогии охватывают рамки XV–XIV вв. до н.э. Судя по немногочисленным данным радиоуглеродного анализа, датировка памятников луговской культуры не выходит за рамки XV–XIV вв. до н.э. [Колев, 2000, с. 250].

Библиографический список

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / АЕС. – Вып. 19. – Казань, 2014.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. – 1960. – №80.

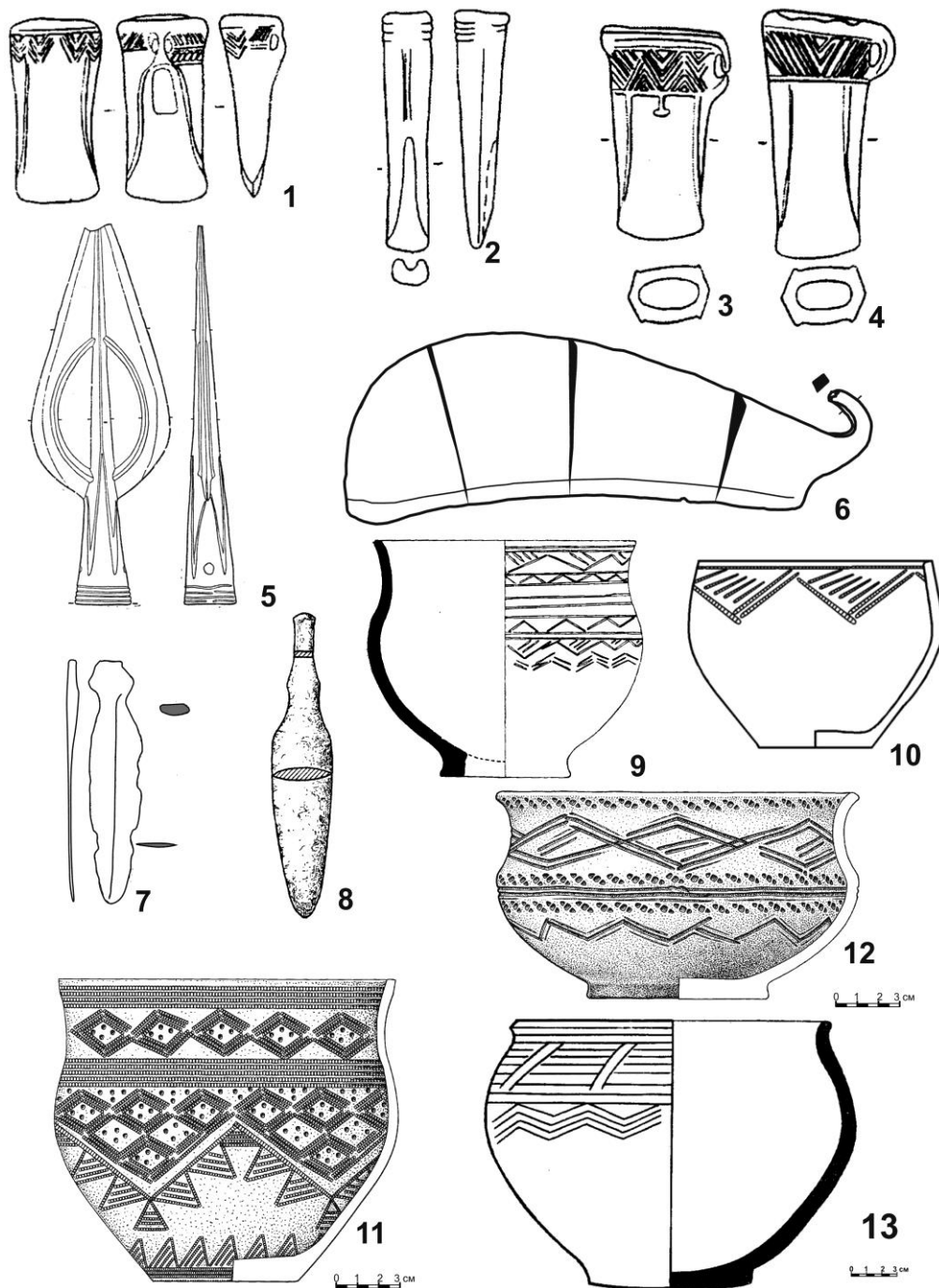
Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000.

Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013.

Митряков А.Е. Керамические комплексы эпохи бронзы Удмуртского Прикамья: Морфологические и орнаментальные традиции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа, 1997.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. – Вып. В1-24. – М., 1980.

1-4 – Дербеденевский клад; 5-6 – Кармановский клад; 7, 9 – Такталачук, погр. 145; 8, 13 – Бальмское поселение, погр. 5; 10 – Коминтерновский курган №2, жертвенный комплекс; 11-12 – Дубовогривская II стоянка

Е.Л. Лычагина¹, Н.Е. Зарецкая², Е.Н. Митрошин³
¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь;

²Геологический институт РАН, Москва;

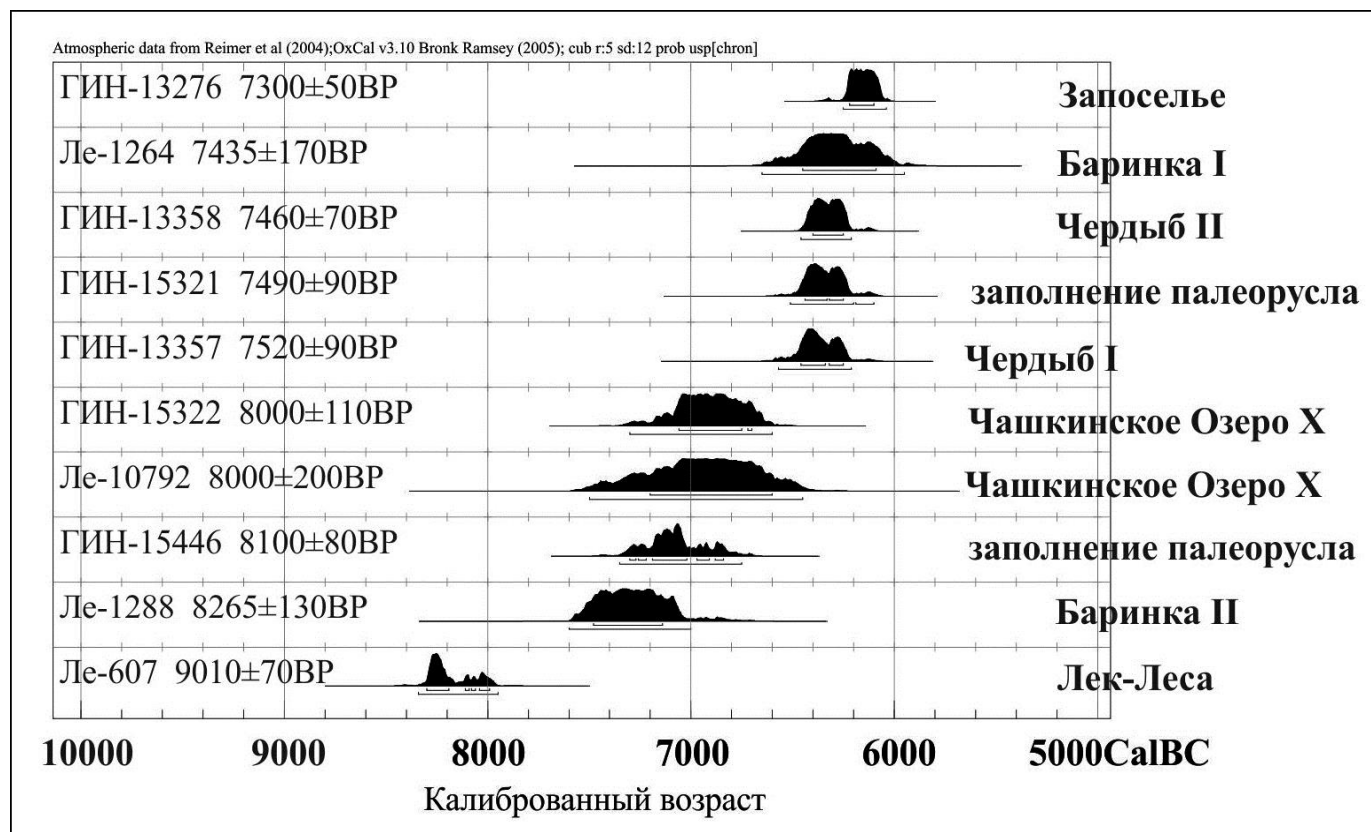
³Пермский научный центр УрО РАН, Пермь

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ КАМСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №16-11-59601 «Комплексное исследование
мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера»;
проект №17-11-59004 «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья:
основные подходы и методы исследования»)

Камская мезолитическая культура была выделена О.Н. Бадером на основе изучения мезолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья в 1960-е гг. [Бадер, 1966, с. 194–205]. На сегодняшний день памятники камской культуры также известны на территории Камско-Вятского междуречья и Европейском Северо-Востоке [Гусенцова, 1993, с. 9–80; Волокитин, 1997, с. 91–145]. В культуре выделяются три этапа: раннемезолитический (усть-сылвенский), развитый (огурдинский) и поздний (усть-половинкинский) [Лычагина, 2013, с. 35–51].

Нижнюю границу существования камской культуры маркируют даты, полученные по углю из жилища наземного типа со стоянки Лек-Леса-I – 9010 ± 70 (Ле-607) [Волокитин, 2012, с. 372]. Верхнюю – материалы стоянок Чердыб-I, Чердыб-II, Баринка-I и Запосельского поселения, которые могут быть отнесены к середине – 2-й половине VII тыс. в калибровочных значениях [Волокитин, 2012, с. 373; Гусенцова, 1993, с. 15; Зарецкая, Лычагина, 2014, с. 498] (рис.).

Радиоуглеродные даты камской мезолитической культуры

Планомерные археологические и палеоэкологические исследования в микрорегионе озеро Чашкинское, расположенном в пригороде г. Березники и Соликамском районе Пермского края, позволили реконструировать раннеголоценовые ландшафты, а также выявить два новых мезолитических памятника – стоянки Чашкинское Озеро-Х и Чашкинское Озеро-ХІ [Лычагина, Митрошин, 2016, с. 92–99]. Несмотря на типологические различия (Чашкинское Озеро-Х – стоянка-мастерская, Чашкинское Озеро-ХІ – кратковременная охотничья стоянка), оба памятника могут быть отнесены к развитому (огурдинскому) этапу камской мезолитической культуры.

Датирование органогенного материала с площади открытых памятников позволило отнести время их существования ко 2-й половине VIII – 1-й половине VII тыс. до н.э. в калибровочных значениях. К этому же времени относится и время формирования самой ранней – 7-й пойменной генерации в Чашкинском пойменном массиве (рис.).

Таким образом, в настоящее время камская мезолитическая культура может быть датирована в пределах 2-й половины IX – 2-й половины VII тыс. до н.э. в калибровочных значениях. Мы надеемся, что продолжение исследования разновременных мезолитических памятников, относящихся к камской культуре, позволит внести уточнения как в общую хронологию культуры, так и в определение времени существования отдельных ее этапов.

Библиографический список

Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. – 1966. – №126.

Волокитин А.В. Краткий обзор истории первоначального освоения Севера и Северо-Востока Русской равнины // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. – М., 2012.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. – М., 1997.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1993.

Зарецкая Н.Е., Лычагина Е.Л. Радиоуглеродная хронология археологических памятников Чашкинского микрорегиона // Археологические памятники Чашкинского озера. – Пермь, 2014.

Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь, 2013.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н. Предварительные итоги исследований мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера // Вестник Пермского научного центра. – 2016. – №3.

А.Н. Мазуркевич¹, П. Киттель², Э.Э. Казаков³, Й. Фассбиндер⁴

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;

²Университет г. Лодзь, Лодзь, Польша;

³Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург;

⁴Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия

СВАЙНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В III ТЫС. ДО Н.Э. СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЛАНДШАФТОВ И ТЕРРИТОРИЙ

Произошедшие климатические и природные изменения в начале суббореального периода в IV–III тыс. до н.э. привели к изменению режима водоемов и в целом экологической ниши в этом регионе. Это выразилось в понижении уровня водоемов, появлении эвтрофных водоемов. Площади озер сокращаются, что приводит к уменьшению мест, пригодных для обитания. Столь значительные изменения окружающей среды, возможно, и предопределили появление свайных поселений на влажных заторфованных берегах озер.

Пространственный и ландшафтный анализ расположения памятников в III тыс. до н.э. в верховьях современной р. Западная Двина демонстрирует новую систему расселения в археологических микрорегионах в сравнении с предшествующим ранненеолитическим периодом [Mazurkevich, Dolbunova, 2011].

Судя по свидетельствам материальной культуры, а также по палеофаунистическим, ихтиологическим остаткам, могут быть выделены различные ресурсные области озерных ландшафтов (на расстоянии одного дня, нескольких дней и на значительно большей дистанции от поселений). Свайные поселения были приурочены к различным типам ландшафтов, расположенных в зоне радиусом 5 км, которая являлась зоной интенсивного хозяйственного воздействия. Она включает три основных типа ландшафта: 1 – озеро и прибрежно-болотные образования по его берегам; 2 – участки конечноморенного ландшафта с суглинистыми почвами, покрытые смешанным широколиственным лесом; 3 – участки озерно-ледникового рельефа с песчаными, сильно оподзоленными почвами, покрытые сосновыми борами [Dolukhanov, Miklyayev, 1986, p. 85–86]. Сочетание этих трех типов ландшафта в пределах единого природно-хозяйственного комплекса, по-видимому, в наибольшей мере соответствовало потребностям жителей свайного поселения. Сочетание этих типов ландшафтов обеспечивало наибольшую рентабельность хозяйства присваивающего типа и определяло процесс расселения в это время [Долуханов, Микляев, 1983, с. 186]. Этим объясняется длительное и круглогодичное существование поселения на одном месте. Последнее установлено на основании нахождения в культурном слое костей животных и птиц, добытых в результате охоты в течение круглого года.

Довольно часто наши традиционные представления о той или иной эпохе основываются на устоявшихся суждениях. Систематизация и учет особенностей каждого археологического микрорегиона (сертейского, усвятского, сенницкого) позволяет выявить особенности хозяйственной стратегии в использовании ресурсов и ландшафтов. Хозяйственный цикл состоит из важных действий, связанных с добычей и заготовкой различных ресурсов, обеспечивающих жизнь древнего населения. Часть ресурсов можно получить из окружающего ландшафта, а иные только в результате организации специальных экспедиций различного временного срока либо вследствие сезонных миграций всего коллектива или обмена.

Нами проведена оценка доступности различных ресурсов, возможности проживания в ландшафтах и возможных мест для занятия земледелием и скотоводством. Все это в совокупности позволяет предложить индивидуальные модели хозяйственной деятельности для каждого археологического микрорегиона с учетом того, что хозяйство строителей свайных поселений носило комплексный характер: охота – рыболовство – собирательство – земледелие – скотоводство.

Библиографический список

Долуханов П.М., Микляев А.М. Культурные ландшафты на северо-западе Русской равнины в голоцене // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – М., 1983.

Dolukhanov P.M., Miklyayev A.M. Prehistoric lacustrine pile dwellings in the north-western part of the USSR // Fennoscandia Archaeologica. – 1986. – №3.

Mazurkevich A., Dolbunova E. Reconstruction of the Early and Middle Neolithic settlement systems in the Upper Dvina region (NW Russia) // BAR International Series 1964. – Oxford, 2011.

А.Н. Мазуркевич¹, Й. Мэгро², Е.В. Долбунова¹, Э. Готье³,

М.В. Саблин⁴, С. Мэшер³, М. Режер⁵, А. Мазуй⁵

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;

²Лаборатория Тражектуар, Париж, Франция;

³Университет Франш-Конте, Безансон, Франция;

⁴Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург;

⁵Университет Ниццы, Ницца, Франция

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ХОЗЯЙСТВА СТРОИТЕЛЕЙ СВАЙНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В III ТЫС. ДО Н.Э. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Свайные постройки в циркум-балтийском регионе существуют в различных ландшафтных условиях. На территории Восточной Прибалтики известны приморские свайные поселения (Сарнате, Швянтойи), на берегах озер – в Подвинье (на территории современной Республики Беларусь и Российской Федерации). В Верхнем Подвинье известна целая серия свайных поселений, исследования которых проводятся с 1960-х гг. Северо-Западной экспедицией Государственного Эрмитажа, среди них группа памятников Дубокрай, Усвяты-IV, Сертея-II, Наумово [Микляев, Семенов, 1979; Микляев, 1995; Mazurkevich, Dolbunova, 2011]. На территории Днепро-Двинского междуречья строительство свайных поселений, возможно, стало одним из способов адаптации к изменившимся природным условиям начала суббореального периода, которые повлекли за собой перестройку экологических ниш, занимаемых древним населением Верхнего Подвинья.

В III тыс. до н.э. на данной территории существовали жижицкая и северо-белорусская археологические культуры строителей свайных поселений. Для них характерен развитый керамический комплекс орнаментированной посуды. Она может быть лучше всего охарактеризована по материалам п. Сертея II, Наумово и представлена сосудами разнообразной морфологии – от небольших мисочек до сосудов диаметром около 40 см. Практически вся глиняная посуда полностью покрыта орнаментом – горизонтальными рядами оттисков гребчатого или полого штампа. Отдельные категории сосудов покрыты оттисками шнура, рядами оттисков узелков, округлыми вдавлениями, редкими оттисками, поставленными под углом друг к другу. Сосуды выполнены из теста с примесью дресвы, раковины, песка из лоскутов, составленных зонально, а также в ленточной технике.

Большинство кремневых предметов изготовлены из местного валунного кремня. Основные типы представлены бифасиальными наконечниками стрел треугольной формы с вогнутыми основаниями или листовидной и ромбовидной формы, листовидными кинжалами, остриями, клювовидными проколками, клиновидными топорами, сверленными топорами и их имитациями, разнообразными типами скребковых форм и комбинированных орудий [Полковникова, 2014]. Найдены различного типа и веса рыболовные грузила из камней, оплетенных берестой или веревками.

Изделия из кости и рога включают разнообразные типы скошенных орудий, проколов, наконечников метательного оружия, иглы, ложки, грузила, рыболовные крючки, а также подвески из зубов животных (медведя, кабана, лося) и пронизи из птичьих костей.

Изделия из дерева немногочисленны, но разнообразны. Это фрагменты плетеных корзин, вершей, посуды, ложек, средства транспорта (лыжи, весла, санные полозы), детали конструкций домов.

Найдены фрагменты плетеных тканей (4 экз.), выполненных из нитей, сделанных из луба, фрагменты бахромы, многочисленные фрагменты веревок, нитей и их заготовок, а также фрагменты сетей.

Янтарь представлен немногочисленными подвесками подтрапециевидной формы, округлыми нашивными бляшками, боченкообразными пронизями.

Найдено было медное шило, а бронзовая патина на кальцинированных костях из культового сооружения у д. Сертея позволяет предположить знакомство местного населения с бронзой.

Фаунистические остатки и результаты палинологического анализа и анализа макроостатков позволяют сделать вывод о комплексном характере хозяйства строителей свайных поселений. Основную роль в обеспечении пищи играли охота, рыболовство и собирательство. Пока сложно оценить, что являлось в диете основной составляющей. Кроме этого, имеются свидетельства занятия земледелием (выращивание пшеницы) и скотоводством (найлены кости лошади, мелкого рогатого скота). Результаты анализа на паразитов в копролитах указывают на наличие специфических паразитов, свойственных для овцы.

Хозяйственная деятельность не ограничивается добычей и заготовкой впрок пищи, сырья и т.д. Иная сторона – это различные простейшие торговые операции по получению отсутствующих на этой территории ресурсов, в том числе и престижных. Доступ к последним был, видимо, ограничен – в пользу этого свидетельствуют малочисленные находки янтаря или изготовление копий, подражаний вотивным изделиям.

С другой стороны – янтарь и кремль – указывают на существование устоявшейся системы взаимосвязей. Не совсем понятно, в какой разряд могут попасть импортные сосуды, которые либо были принесены сюда, либо были сделаны здесь, но совсем в другой традиции. Есть и другие категории престижных вещей, среди которых кремневые кинжалы и каменные боевые топоры, которые также свидетельствуют о системе коммуникаций между микро- и макрорегионами. Определенная сеть коммуникаций сформировалась и внутри самого Днепро-Двинского междуречья и включала памятники отдельных микрорегионов, которая фиксируется по различным категориям материальной культуры. Особенно это показательно в орнаментации сосудов. Смена керамических стилей на всей этой территории происходит под влиянием одних и тех же культурных импульсов, которые шли несколькими волнами. Так, под влиянием культуры воронковидных кубков появляется усвятская культура, также фиксируется влияние культуры шаровидных амфор, балканский культурный импульс, позже заметно влияние культуры шнуровой керамики [Микляев, Семенов, 1979]. Последняя оказала влияние на формирование жижицкой культуры строителей свайных поселений (начало – середина III тыс. до н.э.), которая впитала также и черты культур Верхнего Поднепровья [Мазуркевич и др., 2014].

Сейчас сложно говорить, насколько существующие коммуникации между различными частями Европы могли бы свидетельствовать о том, что традиция строительства свайных поселений происходит из одного или нескольких центров, а не является конвергентным явлением. Важным остается и вопрос о том, насколько мобильным было это сообщество или какая-то его часть и насколько оно было вовлечено в сети коммуникаций, сформировавшиеся в Европе в IV–III тыс. до н.э.

Библиографический список

Долуханов П.М., Микляев А.М. Культурные ландшафты на северо-западе Русской равнины в голоцене // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – М., 1983.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Режер М., Мазуй А. Динамика культурных изменений – локальные традиции и импорты в керамическом производстве свайных поселений (памятник Сертея II, Смоленская обл.) // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. – СПб., 2014.

Микляев А.М. Каменный–железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. – 1995. – №9. – С. 8–42.

Микляев А.М., Семенов В.А. Свайное поселение на Жижицком озере. Стратиграфия и история поселения // Труды Государственного Эрмитажа. – 1979. – Т. XX.

Dolukhanov P.M., Miklyayev A.M. Prehistoric lacustrine pile dwellings in the north-western part of the USSR // Fennoscandia Archaeologica. – 1986. – №3.

Mazurkevich A., Dolbunova E. Underwater investigations in Northwest Russia: archaeology of pile-dwellings // Underwater Archaeology and the Submerged Prehistory of Europe. Oxbow Books. – 2011.

О.И. Мазурок
*Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, Переславль-Залесский*
МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПЕРЕСЛАВСКОГО КРАЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Переславль-Залесский, первое упоминание в летописях о котором относится к 1152 г., – один из древних русских городов, центр обширного озерного края. Особенностью историко-культурного наследия микрорегиона является наличие памятников археологии начиная с эпохи мезолита. Интерес к археологическому изучению Переславского края насчитывает более 150 лет. История комплектования археологической коллекции Переславского музея ведет свое начало с 1919 г. В настоящее время по своему количественному составу коллекция является наиболее представительной в музейном собрании.

Одна из важнейших задач музея заключается в актуализации историко-культурного наследия Переславского края. Среди очевидных путей ее достижения следует отметить музеефикацию объектов археологического наследия.

В России музеефицированных памятников археологии очень мало. Исследователи выделяют целый ряд проблем музеефикации археологических объектов, таких как отсутствие единства определений понятия «музеефикация», несовершенство методологии, разница форм музеефикации комплексных и одиночных объектов и т.д. [Минеева, 2006, с. 132–146; Каулен, 2012, с. 63–69; Ефремова, 2014, с. 84–90]. Также отмечаются трудности продвижения уже музеефицированных объектов, связанные со слаборазвитой инфраструктурой, труднодоступностью территорий и общей незрелостью археологического туризма [Гусев, Загоруйко, 2014, с. 33]. Таким образом, проблемы музеефикации достаточно четко освещены в публикациях, носят общий характер для целого ряда территорий нашей страны и могут учитываться при проектировании.

Одна из особенностей состояния археологических объектов в Переславском районе заключается в наличии частных земельных владений на территориях, занимаемых памятниками. Этот факт отмечен в итогах мониторинга в окрестностях озера [Кашкин, Комаров, 2014, с. 79]. Широкий резонанс получила проблема сохранения комплекса археологических памятников у с. Городище на Плещеевом озере, идентифицируемом с летописным Клещином. Угроза застройки данной территории заставляет задуматься о сохранении не только отдельных памятников, но и исторического (культурного) ландшафта, в который они вписаны.

Традиционными формами музеефикации объекта являются создание туристических маршрутов, установка информационных модулей, использование выставочных площадок для презентации археологических коллекций.

Атрибут любого культурного ландшафта – его информационное поле, способное к саморазвитию [Кулуцков, 2008, с. 134–136]. Поиск и мотивация импульсов к развитию информационного поля окрестностей Переславского озера – важные аспекты деятельности музея не только в период, предшествующий проекту музеефикации, но и в дальнейшем. Результаты научно-исследовательской работы, творческие инициативы можно аккумулировать в виртуальном пространстве, создавая ядро для последующего осмысления памятника при натурном осмотре. В настоящее время поле формируется стихийно, исходя из представлений обывателей, которые, в свою очередь, строятся на популярной информации, почерпнутой из СМИ и Интернета. Яркий пример – природно-исторический памятник «Синий камень», территориально связанный с археологическим комплексом «Клещин». В основе легенды о Синем камне лежат фрагмент жития старца Иринарха Ростовского, а также материалы околонучной дискуссии XIX в. о происхождении валуна на берегу озера. XX век привнес новую информацию о геологической природе объекта. XXI век сделал его «точкой силы», снабдив «чудесными» свойствами, ранее неизвестными. Следует отметить, что потенциальные фальсификации (возможная проблема музеефикации) могут быть

следствием не только недостаточного знания об объекте, но и агрессивной политики креативного культурного менеджмента.

Перспективным направлением в исследовании истории Переславского края может стать прослеживание итинерария корреляцией селищ, могильников и ландшафтно-географических характеристик местностей. В данном случае важным требованием проектирования будет интеграция археологии с другими гуманитарными и естественными научными дисциплинами. Подобный подход позволит представить наиболее полную и достоверную картину заселения территории, особенности культурного и экономического взаимодействия жителей региона. Например, филиал музея – музей-усадьба Ганшиных, сохраняющий обширную этнографическую коллекцию, расположен на берегу р. Шаха, в течении которой и окрестностях зафиксирован ряд древнерусских памятников XI–XIII вв. Маркирование объектов и создание выставки в конечной точке – музее-усадьбе – простейший способ музеефикации пространства.

В 2013 г. в Переславском музее-заповеднике был запущен комплексный музейно-выставочный проект «ПереЯславль Новый», посвященный прошлому и настоящему Переславля-Залесского (рис. 1 и 2). Особенность проекта – оперативная презентация результатов охранных научно-исследовательских археологических работ Института археологии РАН на территории города. Представительные археологические коллекции характеризуют материальную и духовную жизнь Переславля (Переяславля), но не отражают образ самого памятника, утраченного в результате раскопок. Культурный слой города, несмотря на высокий уровень стояния грунтовых вод, не содержит каких-либо потенциальных объектов музеефикации, например аттрактивных остатков деревянных конструкций. И все же проделанная научно-исследовательская работа является вкладом в символический ресурс памяти о месте и может рассматриваться как часть информационного поля ряда знаковых объектов города, например Спасо-Преображенского собора и фортификационных валов XII в., монастырских ансамблей XVI–XVII вв.

Рис. 1

Рис. 2

Библиографический список

Гусев С., Загорюлько А. Археологические музеи-заповедники в России // Музей. – 2014. – №8.

Ефремова Е.В. Музеефикация объектов археологического наследия в свете современного российского законодательства // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №387.

Минеева И.М. Музеефикация археологического наследия на территории музея-заповедника «Ирендык» в Башкортостане: вопросы методологии // Наследие и современность. Информационный сборник. – Вып. 13. – М., 2006.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М., 2008.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М., 2012.

Кашкин А.В., Комаров К.И. Итоги мониторинга памятников археологии Плещеева озеро // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция : сб. статей. – Ярославль, 2014.

В.В. Майко

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
**ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ГОРЕ АЙ-ГЕОРГИЙ
БЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ**

В инфраструктуре провинциально-византийских городов юго-восточного Крыма 2-й половины XII – XIV в. особое место занимали христианские храмы и монастыри, локализованные в их ближайшей или более отдаленной округе. Относительно Сугдеи таких комплексов пока зафиксировано три. Исходя из географических особенностей месторасположения городского центра, все они находились в горной местности и не входили в черту городского посада. Один из них, изученный достаточно полно, зафиксирован на горе Перчем. Он включал в себя два разных по размерам монастыря и два отдельно стоящих храма. Второй, расположенный к востоку от Сугдеи в окрестностях горы Куш-Кая, состоял из крупного монастыря, пещерного храма и трех отдельно стоящих церквей. Третий комплекс, изучение которого только начато, располагался на территории дальней округи Сугдеи в окрестностях горы Ай-Георгий. Именно он и является предметом данного исследования.

Впервые на христианские памятники этого микрорегиона в середине XIX в. обратил внимание архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил. В частности, им упоминался храм во имя «св. великомученика Георгия», фундаменты монастыря во имя «св. Иоанна Златоустаго» и два храма, названия которых не сохранились [Гавриил, 1844, с. 326]. Причем исследователь четко указывал на то, что речь шла о греческих христианских памятниках.

Исследованиями К.Е. Думберга и А.Л. Бертье-Делагарда и особенно разведками 1927 г. археологической экспедиции ГАИМК под руководством Ю.В. Готье был точно локализован Георгиевский храм. В 1928 г. его разведочные раскопки произвел Н.Д. Протасов.

Храм располагался на западном склоне горы Ай-Георгий на ровном, с небольшим уклоном к западу водоразделе двух балок. К началу раскопок 1928 г. фиксировались развалины северной, южной и западной стен толщиной до 0,75 м прямоугольной в плане постройки, сложенных на известковом растворе из местного песчаника. На расстоянии 2,10 м от внутреннего юго-западного угла располагалась пилястра, а к востоку от нее – глубокая ниша. Аналогичная пилястра располагалась и на северной стене. Помимо этого, сохранились южная часть алтарной преграды и фрагмент внешнего панциря южного плеча объекта. Абсида не сохранилась, и судить о том, имела ли она полукруглое или прямоугольное начертание с внешней стороны, сложно. С северной стороны храма проходила неглубокая канавка с остатками гончарных водопроводных труб, тянущихся к каптированному источнику, расположенному примерно в 100 м к западу и выше по склону. Заполнение объекта было стратиграфически однородным и представляло собой плотный слой суглинка с фрагментами водопроводных труб и отдельными архитектурными деталями. Пол храма был перекрыт каменными плитами. Сохранились упоминания об остатках фресковой росписи. Датировка объекта окончательно не ясна. К сожалению, археологический материал, обнаруженный в ходе раскопок 1928 г. и предшествующих работ, не сохранился и в отчетах не упоминался. В целом он, вероятнее всего, датируется в рамках 1-й половины XIII – XV в. [Майко, Джанов, 2015, с. 152–153].

Не исключено, что прихрамовым некрополем описанного выше храма является могильник, упомянутый архиепископом Гавриилом [1844, с. 326] и частично раскопанный в 1948 г. И.В. Пятышевой и 1953 г. В.П. Бабенчиковым. Памятник был зафиксирован примерно 100 м к югу от храма. Малочисленный погребальный инвентарь объекта датируется в рамках XV–XVII вв. [Майко, 2007, с. 223–225]. Вероятнее всего, изученные погребения относятся к последнему этапу функционирования храма. К югу от храма на противоположном краю глубокой балки разведками М.А. Фронджуло 1960-х гг. были зафиксированы кладки стен, а в подъемном материале встречены фрагменты средневековой неполивной посуды [Майко, Джанов, 2015, с. 152–153].

На расстоянии около 1,2 км от храма Святого Георгия раскопками 2016 г. удалось исследовать уникальный по размерам и сохранности синхронный трехабсидный квадратный в плане храм с большим притвором, сложенный на известковом растворе. Храм имеет крестово-купольную конструкцию, о чем свидетельствуют четыре полностью сохранившиеся квадратные подпорные столбы размерами 1 × 1 м. Максимальная сохранившаяся высота северной стены составляет 4,60 м.

С внешней стороны имеются боковые абсиды: трехгранные – с одним окном, центральная пятигранная – с тремя окнами. В северо-восточном внутреннем углу храма, слева от северной абсиды, в стене зафиксирована крупная высокая глубокая ниша с арочным завершением свода, разделенная перегородкой на две равные секции. Еще одна глубокая прямоугольная ниша располагалась слева от южной абсиды в толще стены, отделяющей ее от центральной.

С внутренней стороны центральной абсиды зафиксирован одноступенчатый синтрон. Помимо этого, сохранились основание престола и алтарная преграда. Пол храма был вымощен крупными известняковыми плитами.

Центральные входы в притвор и храм расположены соответственно по центру западных стен. В южной и северной стене храма сделаны дополнительные входы. Сохранившиеся карнизы, обрамляющие центральные и южный входы, позволяют точно установить их высоту и предположить наличие арочного перекрытия. Двери центральных входов были двухстворчатые, а южного и северного – одностворчатые. Все они открывались внутрь. О наличии запорного устройства свидетельствуют пазы в откосах входа.

В притворе сохранились основания двух стрельчатых арок, расположенных по оси З–В по бокам от основного входа. Сохранность северной арки позволяет точно установить ее высоту и, соответственно, рассчитать высоту свода притвора. В ходе раскопок в его стенах зафиксировано три ряда сквозных отверстий с отходящими в толщу стен дополнительными каналами.

Все внутренние поверхности стен сооружения и подпорные столбы были украшены фресковой росписью. К сожалению, от нее сохранилось только несколько небольших фрагментов.

Вдоль южной стены храма и притвора располагались могилы прихрамового некрополя. Одна из них была исследована в 2016 г. Вероятно, могилы находятся вдоль северной стены и алтарной части. Внутри храма и притвора погребальные сооружения раскопками 2016 г. не зафиксированы.

На сегодняшний день можно предположить, что храм был сооружен во 2-й половине XII – 1-й половине XIII в. и в качестве православного культового сооружения использовался до 1475 г. Затем был превращен в кошару, существовавшую до конца XVII в., и после этого к концу XVIII в. был практически полностью погребен под толщей земли. Не исключено, что храм является центром крупного христианского монастыря, возникшего у источника вблизи дороги, ведущей через долину Ай-Вань в сторону сел Козы и Токлук.

Помимо трехабсидного храма и храма Святого Георгия, на расстоянии около 2 км к северо-востоку от последнего разведками 1999 г. было отмечено вероятное нахождение еще одного синхронного культового сооружения, являвшегося, возможно, монастырским центром. Он представляет собой развал камней постройки размером 20 × 15 м [Майко, Джанов, 2015, с. 135].

Таким образом, комплекс культовых памятников в районе горы Ай-Георгий является уникальным для средневековой Сугдеи.

Библиографический список

Гавриил Архиепископ Херсонский и Таврический. Остатки христианских древностей в Крыму // ЗООИД. – Т. I. – 1844.

Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. – Киев, 2007.

Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – Симферополь, 2015.

Л.Д. Макаров

Удмуртский государственный университет, Ижевск

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

Изучение городов Вятской земли опирается на широкий круг разнообразных источников, в котором абсолютно лидируют письменные известия. Однако описания древнейших страниц из истории городских поселений на Вятке нам практически неизвестны. В этой связи решающую роль играют археологические источники. Первые стационарные раскопки вятских городов провел в 1956–1960 гг. Л.П. Гуссаковский.

Древнейшим русским поселением на Средней Вятке был город Никулицын (около 1 га), основанный, по сведениям местных источников, в 1181 г. на месте захваченного в бою вотско-чудского Болванского городка [Повесть..., 1905, с. 30–31]. Масштабные раскопки памятника провел в 1956, 1958 и 1960 гг. Л.П. Гуссаковский (1162 кв. м), а в 1979 и 1981 гг. – Л.Д. Макаров (505 кв. м). В мысовой части городища выявлены следы Болванского городка (X–XII вв.), а также несколько рядов жилых, хозяйственных и производственных сооружений, остатки оборонительных укреплений древнерусского города [Гуссаковский, 1962; Макаров, 2016, с. 56–57]. В 1986 г. на Никульчинском II поселении в раскопе (42 кв. м) обнаружены следы жилища и укреплений городского посада XIII–XV вв. [Макаров, 2001, рис. 27].

Вторым на Вятке возник город Котельнич, причем им первоначально было Ковровское городище (около 1 га) в устье р. Моломы. Северная часть памятника в 1979 и 1981 гг. исследовалась автором (493 кв. м). Выявлено три русских периода: ранний представлен укреплениями в виде валов, рва, частоколов и жилищем XIII в.; средний (XIV – середина XV в.) – угловой башней и срубными оборонительными клетями; поздний – медеплавильной мастерской (XV–XVI вв.). Находки печати-матрицы «Печать Григориева», актовых печатей, бронзовых писал, золотых и серебряных вещей, болгарского импорта и монет XIV в., отдельных предметов вооружения, водоотвод, сама топография городища свидетельствуют о его городском характере. В 2014 г. охранные раскопки мысовой части памятника провел А.Л. Кряжевских. Котельничское городище возникло в 8 км вниз по течению Вятки на узком длинном мысу (1,5 га). Раскопки автора 1982 г. (350 кв. м) выявили следы древнейшего поселения XIII – начала XIV в. В XIV–XV вв. сохраняются уличная планировка, дома с подпольями, погреба, хозяйственные ямы. После захвата города московскими войсками в 1489 г. были сооружены укрепления в виде срубов, забитых глиной. Функции волостного центра перешли от древнейшего Котельнича (Коврово) к более позднему городу.

По сведениям «Повести о стране Вятской», центр единой Вятской земли – Вятка (Хлынов) – строился по договору жителей Никулицына и Котельнича, точная дата которого неизвестна [Повесть..., 1905, с. 32–34]. В 1956–1958 гг. Л.П. Гуссаковский провел изучение Хлыновского городища – кремля г. Вятки (4 га), при этом шурфами вскрыто 67 кв. м, на раскопе – 115 кв. м. На последнем выявлена древняя улица с семью бревенчатыми мостовыми и жилыми и хозяйственными постройками, перекрывавшая следы сельского поселения конца XII – начала XIII в. Судя по всему, город возник в середине – второй половине XIII в. [Гуссаковский, 1999, с. 32–36]. В 1983 г. удалось проследить стратиграфию слоев посада и кремля в траншеях по ул. Большевиков и Коммуны. Впервые были разрезаны укрепления кремля, в том числе древнейшие, состоявшие некогда из жилых срубов, поставленных «...задними стенами ко рву ... вместо городской стены...» [Повесть..., 1905, с. 36–37], перекрытые сверху мощным валом шириной 13 м с внутривальными срубными. Вдоль вала проходила улица с бревенчатыми мостовыми (5–6 ярусов). В 1990 г. автор предпринял раскопки в кремле у архиерейских палат (81 кв. м), обнаружившие сооружения и находки от домонгольского времени до XVI–XVII вв. На территории посада зафиксированы напластования XV–XVII вв., а на площади Успенского Трифонова монастыря (1580 г.) – разрезы 31 могилы древнейшего Хлыновского кладбища XIII–XVI вв. [Макаров, 1999, с. 53–56]. На площади посада и Трифонова монастыря неоднократно проводили наблюдения В.В. Ванчиков и Л.А. Сенникова, в 1992–2006 гг. – Е.А. Кошелева, а в последние годы – А.Л. Кряжевских. Охранные раскопки в кремле состоялись в 2013 г.

к западу от архиерейских палат (96 кв. м) под руководством С.Е. Перевощикова и А.Л. Кряжевских, при этом выявлена еще одна из древних улиц кремля, вымощенная тремя ярусами деревянных мостовых. Из-за близости грунтовых вод довести работы до материка не удалось. В 2015 г. спасательные работы под руководством Р.В. Матвеева и А.Л. Кряжевских проведены к югу от архиерейских палат на краю площадки кремля. В раскопе (82 кв. м) зафиксированы вал и внутривальные конструкции.

Кремль г. Орлова (0,6 га) исследовал в 1960 г. Л.П. Гуссаковский (более 70 кв. м), который обнаружил древности XII–XIII вв., перекрытые городскими слоями XIV–XV вв. со следами жилищ, нарушенных кладбищем XVI–XVIII вв. [Гуссаковский, 1999, с. 36–39]. В 1976 г. автором здесь обнаружены останки трех покойных, а также крест XV в. с распятием [Макаров, 2001, рис. 59–13]. В 1999 г. исследования в Орлове проводили Н.Е. Соколова и И.Ю. Трушкова. В кремлевском раскопе площадью 32 кв. м выявлены две постройки XIV–XV вв. и следы погребений, в посаде зачищены обнажения с находками XVII–XIX вв. [Соколова, Трушкова, 2001].

Кремль г. Слободского (1,5 га) автор исследовал в 1984 г. В раскопе (12 кв. м) были частично разрезаны укрепления, древнейшая их часть в виде клеток возникает в XIII–XIV вв., а позднее (в XV–XVI вв.) на их месте возводится земляной вал с внутренними жердевыми конструкциями, что совпадает с превращением поселения в город [Макаров, 2015, с. 10–30], впервые упомянутый под 1489 г. в Едемском летописце [Низов, 1995, с. 6]. В 1993 г. Л.А. Сеникова и Т.А. Медведева зафиксировали напластования кремля и посада с фрагментами укреплений и находками конца XIV – начала XVII в. [Макаров, 2015, с. 39–40].

Город Шестаков (2 га) исследовался лишь разведками. Считается, что он возник в 1542 г. на месте селища (или «старого» города), существовавшего с начала XVI в. или в более раннее время, не исключая 80-е – начало 90-х гг. XIV в. [Низов, 1995, с. 9–12]. Иногда город соотносят с упомянутым в 1532 г. Слободским городком верхним [Хохряков, 1998].

Библиографический список

Гуссаковский Л.П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. – Свердловск, 1962. – Вып. 2.

Гуссаковский Л.П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова) : материалы Междунар. конф. – Киров, 1999.

Макаров Л.Д. История археологического изучения города Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова) : материалы Междунар. конф. – Киров, 1999.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. – Ижевск, 2001.

Макаров Л.Д. Археологические памятники на территории г. Слободского // Древний город Слободской : сборник материалов конференции, посвященной истории города Слободского. – Слободской, 2015.

Макаров Л.Д. 60 лет начала стационарных археологических раскопок русских памятников Вятского края: работы Л.П. Гуссаковского // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г.). – Пермь, 2016.

Низов В. В. Древнейшие известия о вятском городе Слободском // Сборник материалов науч.-практ. конф., посвященной 490-летию первого упоминания о городе Слободском в актовых источниках. – Слободской, 1995.

Повесть о стране Вятской (Вятский летописец) // Труды ВУАК 1905 г. – Вятка, 1905. – Вып. III, отд. II.

Соколова Н.Е., Трушкова И.Ю. Охранные работы в городе Орлове Кировской области // Археологические открытия 1999 года. – М., 2001.

Хохряков А.Н. Верхний Слободской городок // Слободской и слобожане : материалы III науч.-практ. конф. – Слободской, 1998.

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева
Институт археологии РАН, Москва
КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ С ЧЕРНЬЮ ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ

Средневековые кресты-энколпионы – одна из выразительных категорий материальных памятников, связанных с распространением христианства в Восточной Европе в X–XIII вв. Появление фундаментальных исследований, посвященных находкам этих предметов с территории Древней Руси [Корзухина, Пескова, 2003], Болгарии и Восточного Средиземноморья [Pitarakis, 2006; Дончева-Петкова, 2011], и каталогов музейных коллекций [Асташова, Петрова, Сарачева, 2013] позволяет оценить общие масштабы использования крестов-реликвариев в религиозной практике восточного христианства и представляет сведения об основных типах энколпионов, их географическом распространении и хронологии. С другой стороны, оно дает импульс для более глубокого изучения производства и бытования этих предметов.

Прояснение этих вопросов возможно благодаря появлению новых находок. В последнее десятилетие в результате работ Суздальской экспедиции ИА РАН на поселениях Суздальского Ополя собрана значительная коллекция бронзовых крестов-энколпионов (более 30 экз.), большинство из которых относятся к группе гладких черневых. Особый интерес к гладким крестам-мошевицам с чернью связан с тем, что наиболее ранние датированные древнерусские энколпионы второй половины XI – начала XII в. принадлежат именно к этой группе. Черневые энколпионы составляют около 15% от всех предметов христианского культа домонгольского времени, обнаруженных в Суздале и Суздальской округе. Многие предметы найдены вне комплексов, в нарушенном распашкой культурном слое селищ, и не могут быть узко датированы, тем не менее общие хронологические рамки поселений надежно установлены. Суздальские энколпионы не являются уникальными. Все они находят аналогии среди типов, выделенных Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой. Находки из Суздальского Ополя вместе с энколпионами из раскопок последних десятилетий на памятниках Северо-Западной Руси заметно меняют соотношение южнорусских и севернорусских гладких черневых крестов-реликвариев, документируя их широкое бытование на Севере в конце XI – 1-й половине XII в. Контекст суздальских находок и использование недорогих материалов для их изготовления указывают на то, что круг владельцев этих предметов был достаточно широк и отнюдь не ограничивался высшими слоями светской элиты и духовенством.

В докладе детально рассматриваются 11 миниатюрных энколпионов с изображением Распятия на лицевой створке и Богоматери Оранты на оборотной. Створки крестов изготовлены из перемешанного многокомпонентного сплава на основе меди с добавками олова, свинца и цинка. Восемь прямоконечных энколпионов относятся к типу IV.6.1, по А.А. Песковой, три из них целые. Предметы получены литьем по оттиску модели. На модели имелся рельефный выпуклый орнамент, отпечатывавшийся в форме. Створки отлиты качественно, без газовых пор и других дефектов, на боковых сторонах видны следы шлифовки, лицевые поверхности плотные и гладкие. После отливки рисунок подрабатывался гравировкой и заполнялся чернью. Несколько грубоватая манера рисунка практически идентична на всех экземплярах. Фигуры Христа и Богоматери даны схематично, многие их детали не обозначены.

Все кресты типа IV.6.1 стандартны по размерам и по технике исполнения и, несомненно, являются серийной продукцией. На территории Руси А.А. Песковой учтено более 50 экземпляров энколпионов этого типа. В каталоге представлены преимущественно находки из южнорусских земель. Новые находки, происходящие с территорий Северной Руси (Новгород, Рюриково городище, Клещин), расширяют общую картину распространения таких энколпионов. Практически идентичные изделия найдены на памятниках от Старой Ладogi до Среднего Поднепровья и от Изборска до Рязанского Поочья. Датировка энколпионов концом XI – рубежом XI–XII вв. установлена по находкам в стратифицированных отложениях и закрытых комплексах Старой Руссы, Изборска, Новгорода, Рюрикова городища и некрополя Саркела. Находки из Суздальского Ополя соответствуют этим хронологическим рамкам.

Три небольших энколпиона с расширяющимися к концам лопастями относятся к типу IV.5.5, по А.А. Песковой. Они также практически идентичны. Створки отлиты по выплавляемым резным восковым моделям очень качественно. Внутренние полости на моделях вырезались по остывшему воску. Тонкий линейный детальный рисунок наносился на модель. Христос изображается только в повязке. Рассмотрение аналогий подобным крестам (Введенское под Ярославлем, Псков, Новгород, Каневский уезд) показывает, что мы имеем дело со второй, несколько меньшей по размеру, серией изделий высокого качества, время бытования которой совпадает с хронологией крестов типа IV.6.1.

Т.Г. Сарачева пришла к выводу, что створки, которые потом предполагалось дорабатывать, чаще изготавливались из сплавов, содержащих цинк. Створки, изображения на которых получались в процессе литья, делались преимущественно из бронзы. Характеристики створок из Суздальского Ополя (а все энколпионы с чернью подвергались доработке после отливки) подтверждают эти данные: они плотные, гладкие, без видимых газовых пор. Фиксация цинка в сплаве створок имеет еще и хронологический, и историко-культурный аспекты. Статистически сплавы с цинком более представлены в цветной металлообработке Руси X–XI и XIV–XVII вв. В XII–XIII вв. они не были распространены. Около 3/4 древнерусских энколпионов изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Многокомпонентные сплавы с цинком более свойственны столичной и провинциальной (Болгария) византийской производственной традиции [Асташова, Сарачева, 2015, с. 60, 200–201].

После отливки на изделия наносилась чернь для создания эффекта полихромности. Исследование предметов на стереомикроскопе и рентгенофлуоресцентный анализ состава черни позволили выделить два способа ее нанесения: инкрустация полос сульфида меди в канавки рисунка и натирание разогретой вязкой черневой массой необходимых участков с последующей полировкой. При первом способе полосы черни имеют ровные параллельные границы, они выступают над плоскостью створок. Количество серы в черни небольшое. Этим способом декорировались кресты типа IV.6.1. Кресты типа IV.5.5 украшались вязкой массой: чернь не выступает за поверхность створки, в ее составе больше серы.

Энколпионы типов IV.6.1 и IV.5.5 представляют разные варианты исполнения одного иконографического типа: это небольшие по размеру кресты с прямыми или чуть расширяющимися к концам ветвями, с глубокими внутренними полостями, предназначенными для хранения реликвий; рисунки, выполненные чернью, на их створках идентичны – Христос со склоненной головой в повязке и Богоматерь Оранта без предстоящих. Типы отличаются только качеством исполнения и способом нанесения черни. Эти энколпионы появляются на Руси во второй половине XI в. сразу в виде стандартизованных серий и являются самыми ранними. Вероятнее всего, они изготавливались в одной или нескольких связанных между собой мастерских. Определить, где они располагались, в настоящее время невозможно. Поскольку все изделия имели глубокие полости для вложения реликвий, можно предположить, что они производились при церковном центре, святыни которого привлекали паломников. Организованное сразу в крупных размерах производство энколпионов высокого качества находилось в рамках византийских традиций. Однако оно отличалось технологическим своеобразием – умением мастеров создавать черневой узор (чернение энколпионов не было характерно для византийских столичных и периферийных мастерских). Массовый выпуск небольших крестов-реликвариев должен рассматриваться в контексте приобщения к христианству во второй половине XI в. широких кругов древнерусского общества и потребности в новых средствах обозначения христианской идентичности.

Библиографический список

Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. – М. : Изд. дом РИП холдинг, 2013.

Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. Петербургское востоковедение. – СПб., 2003.

Pitorakis B. Les croix-reliquaries pectorales Byzantines en bronze. – Paris, 2006.

Н.П. Макаров
Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск
ПЕЩЕРА ЕЛЕНЕВА КАК ОСНОВА ПЕРИОДИЗАЦИИ
МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Пещера Еленева расположена на левом берегу Енисея, в 20 км выше по течению от г. Красноярска, в приустьевой части р. Караульной. В 1886–188 гг. пещеры Караулинского и Бирюсинского районов были предварительно исследованы наставником Красноярской учительской семинарии А.С. Еленевым. Полученные материалы исследователь демонстрировал на выставке восьмого Археологического съезда (1890 г.) и Всемирном конгрессе антропологов и археологов в Москве (1892 г.). За прошедшее столетие пещера неоднократно посещалась археологами разных поколений, а с 1984 по 1998 г. раскапывалась экспедицией Красноярского краевого краеведческого музея. Вскрытые многослойные отложения внутри пещеры и на предвходовой площадке мощностью до 9 м датированы по радиоуглероду (49 дат) в пределах от 13 тыс. до 1 050 лет [Макаров, Мартынович, Оводов, 2009, с. 81–105].

Свидетельства первых посещений пещеры отмечены несколькими очажными пятнами на предвходовой площадке и определены шестью радиоуглеродными датами в интервале от $11\,430 \pm 115$ л.н. до $12\,085 \pm 105$ л.н. Найденные рядом с кострищами отщеп, микропластинка и несколько фрагментов расколотых костей животных отнесены к финальнопалеолитическому времени.

Начавшееся в раннем голоцене глобальное потепление и усиление водотока Енисея привели к затоплению пещеры. Позднепалеолитические кострища перекрыты толщей аллювиального песка мощностью более метра. Видимо, с этим связано отсутствие в пещере раннемезолитических горизонтов. Находящаяся на 18-метровой отметке от современного уровня Енисея пещера в этот период постоянно затапливалась.

Высокие уровни паводков прекращаются около 10,5 тыс. л.н. Аллювиальные отложения пещеры перекрываются буровато-серыми супесями с включением выразительного археологического материала. По уровню залегания артефактов и древних кострищ выделено 10 культурных горизонтов мезолита. Серия из 16 радиоуглеродных дат определяет хронологические рамки мезолита пещеры от 10,5 до 7,3 тыс. л.н.

Наиболее ранние культурные слои 17–14 отнесены к среднему мезолиту и датируются по серии радиоуглеродных дат 10,5–8,5 тыс. л.н. В обработке камня прослеживаются сохранение старой галечной индустрии и совершенствование микропластинчатой техники. С одной стороны, сохраняются галечные чопперовидные орудия и массивные овальные скребла на гальках. Появляются рубящие орудия на гальках с грубой подработкой лезвия. С другой стороны, в горизонтах 17 и 15 зафиксированы торцовые и призматические нуклеусы с негативами снятия микропластинок. Последние в изобилии найдены во всех мезолитических горизонтах и составляют до 50% находок. Часть из них обнаружена вставленными в костяные пазовые наконечники игловидной формы. При этом наконечники встречены в скоплении рыбьих позвонков, чешуи и костей, что свидетельствует об использовании этой категории изделий в охоте на крупную рыбу. Грузила из речных галек говорят и об использовании сетей. По определению Е.А. Цепкина, добывали тайменя, осетра, стерлядь, нельму, муксуна, щуку и другие ценные виды рыб.

Поздний период мезолита пещеры Еленева определен 8,5–7,7 тыс. л.н. Появляются тесла с подшлифовкой лезвия. Нуклеусы призматические и клиновидные с торцовым принципом снятия пластинок. Сохраняются костяные вкладышевые наконечники со вставленными в них неретушированными призматическими пластинками.

Финальный мезолит пещеры по радиоуглеродным датам определен 7,7–7,3 тыс. л.н. Ножи и тесла характеризуются уже бифасиальной обработкой. Появляются каменные наконечники стрел, также обработанные с двух сторон уплощающей отжимной ретушью.

Нижняя граница неолита пещеры определяется появлением керамики в горизонте 11 Г с радиоуглеродной датой $6\,900 \pm 115$ л.н. Подстилающий финальнопалеолитический горизонт

11 Д имеет дату $7\,330 \pm 35$ л.н. Таким образом, граница мезолита и неолита пещеры проходит около 7 000 лет назад. Ранний неолит пещеры по горизонтам 11 В и 11 Г определен V тыс. до н.э. Для него характерны шнуровая керамика посольского типа, а также фрагменты с орнаментацией овально-зубчатыми или серповидными вдавлениями.

В каменной индустрии появляются наконечники стрел листовидной формы. Среди изделий из кости – изогнутые острия для рыбной ловли, фрагменты гарпунов и пазовых наконечников.

Согласно вертикальной стратиграфии пещеры Еленева к развитому неолиту IV тыс. до н.э. отнесены находки культурных горизонтов 11 Б и 11 А, на что указывает дата 5150×95 л.н. Керамические комплексы этого времени характеризуются оттисками овально-зубчатого штампа и орнаментацией различными вариантами вдавлений отступающей лопаточки. В каменном инвентаре преобладают наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой. Продолжают бытовать вкладышевые костяные наконечники. Но теперь их пазы становятся более широкими, что косвенно свидетельствует об использовании в них более массивных ретушированных вкладышей. Ряд костяных изделий среднего неолита являются универсальными. Это костяные иглы, шилья, проколки, подвески из клыков животных, изогнутые острия для рыбной ловли. Не найдены пока ни в одном из памятников Средней Сибири аналогии оригинальным костяным пуговичкам. Они выполнены на миниатюрных фрагментах переоформленных вкладышей. Изделия полукруглой формы с отверстием от бокового паза-пропила, служившим, вероятно, для пришивания к одежде.

Поздненеолитические комплексы зафиксированы в пещере в культурных слоях 10 и 9. Радиоуглеродные даты $4\,655 \times 30$ л.н. и $4\,930 \pm 55$ л.н. определяют поздний палеолит пещеры рубежом IV–III – серединой III тыс. до н.э. Керамика позднего неолита характеризуется орнаментацией различными вариантами оттисков пунктирной гребенки. В каменном инвентаре встречены нефритовое тесло, наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой, ножи с вогнутым зашлифованным лезвием, концевые скребки, ретушированные пластины-вкладыши. Среди изделий из кости – гарпуны, рыболовный крючок, игольник с насечками, грузило от сети, наконечник стрелы с конусовидной тупой головкой для охоты на пушного зверя, изделие из мамонтовой пластины с орнаментацией косо прочерченной сеткой.

Таким образом, великолепная вертикальная стратиграфия, отражающая 24 культурных слоя всех эпох, от палеолита до средневековья, представительная серия радиоуглеродных дат, выразительный археологический материал, отсутствие процессов выдува и переотложения артефактов в закрытой от ветров внутренней части пещеры – все это делает данный памятник опорным для создания хронологии и периодизации комплексов мезолита и неолита Среднего Енисея [Макаров, 2005, с. 149–171]. Кроме того, многолетнее изучение пещеры Еленева специалистами естественно-научного направления дополняет собственно археологические исследования и делает возможным детальные палеогеографические реконструкции за последние 13 тыс. лет, особенно важные для мезолита и неолита региона [Чеха и др., 2000, с. 443–457].

Библиографический список

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005.

Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на Среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. Материалы научно-практической конференции : сб. науч. тр. – Красноярск, 2009.

Чеха В.П., Андренко О.В., Макаров Н.П., Орлова Л.А. Природная среда позднеледникового и голоцена Красноярского археологического района (по данным изучения пещеры Еленева) // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск, 2000.

В.И. Макулов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Красноярск

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЧАМБИНСКОГО УЧАСТКА

ДОЛИНЫ РЕКИ ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА

Река Подкаменная Тунгуска – один из крупнейших правых притоков Енисея. Исток реки находится на Ангаро-Ленском междуречье. Протяженность водотока – 1 548 км, а площадь водосбора – 244 700 кв. км. Долина реки расположена в пределах трапповых плато Средне-Сибирского плоскогорья, которые характеризуются выровненными водораздельными пространствами, бронированными траппами с абсолютными высотами 400–800 м и глубоко врезанными речными долинами. Долина реки имеет в плане четковидное строение. На участках сужения имеются скалистые коренные берега, врезанные меандры, цокольные бечевники, в русле – шиверы и пороги, возле которых находятся большие валунно-галечные косы. Имеющиеся здесь террасы представляют собой узкие ступени. Расширенные участки долины располагаются в пределах легкоразмываемых осадочных пород палеозоя. Это широкие озеровидные, нередко заболоченные понижения с невысокими берегами, низкими аккумулятивными террасами, обширными песчано-галечниковыми косами. Левые крупные притоки р. П. Тунгуски располагаются в непосредственной близости (порой на расстоянии 3–4 км) от притоков Ангары, а правые – от притоков р. Нижней Тунгуски.

Первые находки археологического материала в верхнем течении П. Тунгуски были сделаны в 1964 г. геологами М.А. Крауш и Л.Л. Исаевой на Чамбинском пороге и у д. Оскоба. Они послужили основанием к началу научных археологических исследований в этой части долины реки. Оно было положено разведочными работами научного сотрудника ИА АН СССР Г.И. Андреева, проведенными в 1966 г. на участке реки от п. Ванавара до д. Оскоба [Андреев, 1969]. В последующие годы разведочные работы здесь проводили В.И. Привалихин (1977 г., 1981–1982 гг.), В.И. Макулов и В.А. Погудин (1988–1989 гг., 1991 г., 1999 г.). В результате открыто более 100 археологических памятников [Привалихин, 1983; Макулов, 2001; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005].

В процессе работ была выявлена особенность расположения памятников:

1. Стоянки, как правило, приурочены к порогам, шиверам и приустьевым участкам крупных притоков, где они располагаются многочисленными группами. Это традиционные места рыбалки, а быстрое течение реки на перекатах обеспечивало прохладу во время летнего зноя.

2. Прослеживается определенное предпочтительное расположение на террасах, которые прилегают к лесистым сопкам, укрывающим от холодных ветров и дающим возможность спастись во время высоких весенних паводков.

3. В основном они расположены на правом берегу, обращенном в солнечную сторону.

4. Большое количество местонахождений приурочено к широким, хорошо продуваемым песчано-галечниковым косам и пологим каменистым паберегам, которые являлись летними сезонными лагерями. Такое месторасположение давало возможность спастись от таежного гнуса, обеспечивало широкий обзор и безопасность от возникновения лесных пожаров.

Значительное скопление памятников выявлено на Чамбинском участке долины реки протяженностью около 12 км и приуроченному к устью р. Чамбэ и Чамбинскому порогу. Здесь в разные годы были выявлены порядка 25 стоянок и местонахождений [Привалихин, 1983; Макулов, 2001]. Такая высокая концентрация памятников на ограниченном участке долины и значительная типологическая близость археологического материала позволили выделить Чамбинский археологический район [Макулов, 1988]. Почти все памятники расположены на правом берегу Подкаменной Тунгуски. По обилию и концентрации материала выделяются стоянки в створе Чамбинского порога и Зимовья Чамбэ, получившие соответствующие названия. Стоянки стратифицированы. Культурный слой зафиксирован на глубине 0,6–1,0 м в серо-коричневых супесчано-суглинистых отложениях. Археологический материал стоянок разновременный: от неолита до этнографической современности,

представлен изделиями из керамики, камня, меди, бронзы, железа и кости. Характеризуя археологический материал неолитического времени, необходимо отметить, что в его составе преобладает каменный инвентарь.

Керамика обнаружена только на двух памятниках и представлена единичными экземплярами, что может объясняться как малыми объемами археологических раскопок, так и постоянным кочевым образом жизни древнего населения. На стоянке Чамбинский порог найдены три небольших фрагмента тулова сосуда с оттисками «сетки-плетенки» на внешней поверхности и один фрагмент гладкостенного сосуда с зубчатым орнаментом. Аналогичная керамика была обнаружена Г.И. Андреевым на стоянках Полигус и Байкит 2А, расположенных в нижнем течении, и находит аналогии в материалах стоянок Прибайкалья и Ангары, соотносящихся с временем развитого неолита, в частности с серовской культурой. На стоянке Зимовье Чамбэ также были найдены единичные небольшие фрагменты гладкостенных сосудов без орнамента.

Коллекция каменного инвентаря отличается как многочисленностью (от нескольких сот до нескольких тысяч на каждом памятнике), так и номенклатурным разнообразием. Необходимо отметить большое количество орудий, нуклеусов и их заготовок. Самым массовым инвентарем являются сколы и отщепы. Исходным сырьем для изготовления орудий служили породы, широко здесь представленные: роговики, глинисто-кремнистые сланцы, траппы, халцедон, яшмы и яшмовидные, долериты, кварциты, песчаники.

Нуклеусы: призматические, конические, клиновидные и подклиновидные, карандашевидные, бочкообразные, аморфные, дисковидные и шаровидные. Отличительной особенностью значительного количества нуклеусов являются их очень крупные размеры. Крупные первичные пластины сочетаются с более мелкими призматическими ножевидными, обработанными по краю отжимной ретушью, которые служили вкладышами составных орудий.

Топоры и тесла (более 130 экз.). По морфологическому облику, сечению и технике обработки выделяются: топоры с «ушками», «илимского типа» и овально-вытянутой формы, прямоугольные с «плечиками» для крепления в обойме, трапециевидно-удлиненные тесла, прямоугольные и подпрямоугольной формы. В сечении треугольные, трапециевидные, квадратные, линзовидные и сегментовидные. Изготовлены оббивкой и ударной ретушью, с последующей шлифовкой как рабочего края, так и основной поверхности. На некоторых орудиях отмечены следы вторичной подработки и использования.

Наконечники треугольные, иволистные, лавролистные, долотовидные, с прямой и вогнутой базой, черешковым насадом, выполненные на пластинах и отщепах. Ножи на отщепах и пластинах, обработанные пологой ретушью. Скрепки и скобели на пластинах и отщепах: боковые, концевые, комбинированные, с прямым, полукруглым рабочим краем, оформленным крутой отжимной ретушью. Многие пластины и отщепы со следами ретуши.

Неолитические материалы Чамбинского участка П. Тунгуски имеют большое сходство с материалами изученных стоянок Приангарья (Сергушкин-1, 2, 3; Капонир, Окуневка, Усть-Кова, Пашина, Чадобец и др.), что может свидетельствовать о проникновении населения Ангары на П. Тунгуску и обратно, а также о тесных межкультурных связях, при этом крупные притоки (Чадобец, Ката, Ката, Катанга, Соба, Оскоба, Тайга) использовались как естественные связующие пути. Также имеются определенные аналогии с неолитическими материалами Прибайкалья и Лены.

Библиографический список

- Андреев Г.И. Разведки на Подкаменной Тунгуске в 1966 году // КСИА. – 1969. – Вып. 117.
- Макулов В.И., Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Заика А.Л. Работы в Красноярском крае и Эвенкийском АО // Археологические открытия 1999 года. – М., 2001.
- Привалихин В.И. Разведка на Подкаменной Тунгуске // Археологические открытия 1981 года. – М., 1983.
- Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. трудов. – Вып. 4. – Красноярск, 2005.

В.И. Макулов, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Красноярск
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Красноярское водохранилище, образованное в результате строительства Красноярской ГЭС на Енисее, является самым крупным искусственным водоемом Красноярского края. Оно входит в десятку крупнейших водохранилищ мира и занимает второе место в России по объему, после Братского. Площадь водохранилища – более 2 000 кв. км, протяженность затопленного русла – около 390 км (от плотины ГЭС до г. Абакан), длина береговой линии составляет около 1 600 км, максимальная глубина – 105, а средняя – 40 м. Перекрытие Енисея состоялось в 1963 г., а процесс наполнения водохранилища прошел в период 1967–1970 гг.

К началу строительства Красноярской ГЭС в 1956 г. на территории, проектируемой к затоплению, находились тысячи археологических объектов. В историческом аспекте научные исследования енисейских памятников были начаты в декабре 1722 г. Д.Г. Мессершмидтом – руководителем первой академической экспедиции в Сибирь, направленной по Указу Петра I. Несмотря на зимние условия и сильные морозы, он раскопал курган тагарского времени возле населенного пункта Абакано-Перевоз на Енисее, ныне затопленного водохранилищем. В процессе раскопок производились фиксация и описание раскопанного сооружения, мест расположения отдельных предметов и захороненных. По сути, здесь 295 лет назад зародилась сибирская археология.

В основной своей массе памятники в зоне будущего водохранилища не были учтены, поскольку специального сплошного обследования территории не проводилось. Большая их часть была открыта в ходе охранно-спасательных мероприятий. Самую многочисленную группу составляли курганные и грунтовые могильники, поминальники, петроглифы, изваяния и несколько стоянок каменного века [Вадецкая, 1986]. Для проведения охранно-спасательных археологических работ была создана крупнейшая в стране Красноярская археологическая экспедиция под руководством М.П. Грязнова.

Объем проведенных экспедицией разведочных, раскопочных и иных работ на памятниках археологии был огромен. На некоторых памятниках работы велись до того момента, пока археологические раскопы полностью не заливала поднимающаяся вода. Археологи до последнего момента старались раскопать, зафиксировать и сохранить максимальное количество ценнейшей исторической информации по материальной и духовной культуре древнего населения Среднего Енисея. Сотрудниками экспедиции была разработана и применена новая методика раскопок погребальных комплексов, фиксации древних наскальных рисунков, развита и дополнена разработанная предшественниками периодизация памятников Среднего Енисея, выделены новые археологические культуры эпохи палеолита. Объем полученных археологических материалов был столь огромен, что они до настоящего времени опубликованы лишь частично.

При всей масштабности охранно-спасательных археологических работ, проведенных Красноярской экспедицией, при которых были раскопаны тысячи археологических памятников, необходимо отметить, что они носили ограниченный характер, прежде всего из-за ограниченности финансирования, отпущенного для раскопок времени и опережающего графика строительства плотины. Сотни объектов археологии ушли под воду неисследованными или изученными частично.

Вместе с наполнением ложа Красноярского водохранилища начался процесс абразии береговой линии. На отдельных участках обрушения прибрежной полосы составляют до 30–50 м в год. Ситуацию усугубляет ежегодное сезонное изменение уровня водохранилища, при котором перепад составляет до 25 м. В результате были полностью или частично уничтожены многочисленные археологические объекты, которые располагались на затапливаемых площадях от русла Енисея до современных отметок. В то же время абразия вскрыла десятки

новых археологических объектов эпохи палеолита, расположенных на высоких гипсометрических отметках и отстоящих от прежнего русла Енисея порой на несколько километров. Изучение некоторых из них было начато отрядами ЛОИА АН СССР сразу после наполнения водохранилища [Абрамова и др., 1991].

В 1986 г. отрядом Красноярского пединститута в окрестностях п. Куртак Новоселовского района Красноярского края были обнаружены стоянки, культурные остатки которых залегают на глубине десятков метров от уровня современной дневной поверхности. Эти памятники расположены на значительном удалении от бывшего русла Енисея, на более высоких гипсометрических уровнях по сравнению с ранее выявленными памятниками. На отдельных участках мощность обрывов разрушаемых пород достигает 40 и более метров. У их подножия и выявлены одни из древнейших палеолитических памятников Средней Сибири, относящиеся к раннему и среднему палеолиту [Дроздов и др., 2007]. Открытие, сделанное авторами статьи в окрестностях Куртака, положило начало новой странице в истории изучения палеолита Среднего Енисея, связанной с комплексными исследованиями древнейших памятников Средней Сибири, продолжающимися до настоящего времени. На памятниках Куртакского археологического района работали специалисты вузовской и академической науки России и зарубежных стран. Материалы и результаты исследований получили широкую международную известность и неоднократно представлялись мировому научному сообществу на многочисленных международных конференциях и симпозиумах, которые были проведены непосредственно на памятниках.

Но эти исследования носят ограниченный точный характер, поскольку финансировались из бюджета научных и образовательных учреждений, в которых ученые работают, так как согласно законодательству с момента наполнения водохранилища охранно-спасательные археологические работы и их финансирование были прекращены. В бюджете службы эксплуатации водохранилища, которая ранее существовала, финансирование на археологические мероприятия не предусматривалось. Авторы неоднократно обращались в различные инстанции с предложением ввести для археологических работ обязательное целевое отчисление хотя бы сотых долей процента от стоимости киловатта вырабатываемой ГЭС электроэнергии. Но частные фирмы, которым сегодня принадлежит ГЭС, от эксплуатации которой они получают огромную прибыль, используя водные ресурсы, категорически против такого решения проблемы. Государственное финансирование также не предусмотрено. В результате сотни стоянок, погребальных комплексов, наскальных рисунков размываются, разрушаются и бесследно исчезают для науки. Ситуацию усугубляет процветающая в последние два десятилетия так называемая «черная археология», а попросту безнаказанное разграбление археологических памятников и памятников природы. Из разрушающихся стоянок и погребальных комплексов с целью наживы изымается археологический материал, костные останки животных и человека, древние наскальные рисунки покрываются новыми надписями, разворовываются окаменевшие растительные останки. Все это происходит на фоне полного бездействия государственных органов, в чьи обязанности входит охрана историко-культурного наследия, и при полном отсутствии правоприменительной практики. В целом положение можно охарактеризовать как катастрофическое для сотен археологических памятников, и требуется государственное решение проблемы.

Библиографический список

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицин Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л., 1991.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986.

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н. Куртакский георхеологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири // Российская археология. – 2007. – №4.

М.Р. Макурова

Заповедник «Аркаим», Челябинская область

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ЗАПОВЕДНИКЕ «АРКАИМ»

Аркаим сегодня – не только археологический памятник эпохи бронзы на юге Челябинской области, но и обширный музей под открытым небом, в просветительско-экскурсионную деятельность которого включены десятки музеефицированных памятников археологии. Начало аркаимского «археопарка» было положено до открытия укрепленного поселения в 1987 г. в процессе научно-исследовательских работ южноуральских археологов. Проектная деятельность по музеефикации и реконструкции объектов в регионе активизировалась в 1980-е гг. в связи с планами по созданию археолого-архитектурного заповедника вблизи Мавзолея Кесене [Любчанский, 2014, с. 97–98]. Проекты по несостоявшемуся заповеднику были впоследствии перенесены на Аркаим, где с 1993 г. стал создаваться музей под открытым небом.

В его состав вошли археологические объекты, условно относящиеся к трем категориям.

I категория – подлинные памятники, музеефицированные на местах обнаружения:

1. Укрепленное поселение Аркаим, исследованное раскопками 1987–1995 гг. под руководством Г.Б. Здановича, рекультивировано в 1993–1995 гг. Была произведена засыпка грунтом (с восстановлением первичных высотных отметок, зафиксированных в 1987 г.) всего раскопа за исключением одного участка. Он охватил два жилища второго жилого кольца, прилегающие к ним дворики и фрагмент улицы с ливневой канализацией, а также часть внешней оборонительной стены и разрез обводного рва. Открытый раскоп демонстрирует посетителям разницу между грунтом материка и грунтами колодцев, рвов, столбовых ям, стен. Также в нем воссоздан комплекс элементов: внешняя оборонительная стена (двухъярусная деревянная конструкция); стены жилищ, выстроенные до уровня современной дневной поверхности (деревянная опалубка с заполнением из песка и сырцовых блоков); основания опорных столбов в столбовых ямках, фрагмент жилой комнаты, модель печи, соединенной с колодцем в одном из двух жилищ, модель очага в дворике [Макуров, Малютина, 2015, с. 83–89].

2. Курган «с усами» Новокиндуровский-I исследовался в 2001–2003 гг. Музеефицирован в 2005 г. посредством рекультивации раскопа и сохранения каменной конструкции.

II категория – памятники, которые (или части которых) перевезены с других территорий и установлены в музее «Аркаим»:

3–7. Могильник Путиловская Заимка-II из окрестностей с. Степного Пластовского района Челябинской области; аллея менгиров из окрестностей с. Симбирка Кизильского района Челябинской области; менгир из окрестностей п. Свет Кизильского района Челябинской области; тюркские поминальные оградки с могильника Солончанка-VIII из Кваркенского района Оренбургской области; средневековое каменное изваяние с могильника Аксак из Костанайского района Республики Казахстан. Каменные конструкции перечисленных памятников поэтапно устанавливались на Аркаиме с 1993 по 2004 г.

III категория – памятники – полномасштабные модели-реконструкции (новоделы):

8. Погребальные сооружения поздних кочевников сооружены в 1995 г. Два кургана воссозданы по зарисовкам и описаниям И.А. Кастанье.

9. Курган Темир начал реконструироваться в 1997 г. Памятник раскопан в 1982 г. в Чесменском районе Челябинской области, графическая реконструкция опубликована в 1986 г. [Зданович, Хабдулина, 1986, рис. 2]. Восстановление кургана на Аркаиме началось в 1997 г. Проект А.Д. Таирова полномасштабной реконструкции кургана реализован при поддержке института «Открытое общество» Фонда Сороса [Таиров, Таирова, 2004, с. 205–206]. В новоделе повторена могильная яма, сооружен вал-фундамент под бревенчатой конструкцией, воссоздано деревянное перекрытие, выкопан ров, оформлен вход-дромос, внутри создана экспозиция из копий и реконструкций предметов раннего железного века. Над перекрытием возведен железобетонный купол, скрытый от глаз посетителей мощной грунтовой насыпью.

10. Энеолитические жилища поселения Ботай начали реконструироваться в 1997 г. Памятник исследовался в Северо-Казахстанской области Республики Казахстан с 1980 г. На Аркаиме было возведено три ботайских жилища: выкопаны котлованы, укрепленные камнем; сооружены фундаменты и бревенчатые своды; перекрытия обложены камышом, обмазаны глиной с песком; сооружены нары, очаги; интерьеры наполнены репликами предметов.

11. Казахский погребально-поминальный комплекс воссоздан на Аркаиме в 2010 г., состоит из реконструкций и новоделов надмогильных сооружений, характерных для казахов Урало-Казахстанского региона XVIII–XX вв.

12. Полномасштабное жилище поселения Аркаим реконструировалось в 1995 г. [Иванов, 1995, с. 11], действовало до 2000 г. Приблизженный облик аркаимского дома демонстрируется в музее древних производств, построенном в 1997–1999 гг. В нем воссозданы теплотехнические сооружения, колодец и другие элементы интерьера по материалам поселения Аркаим.

Работами по музеефикации вышеперечисленных памятников с 1993 по 2014 г. руководили А.Д. Таиров, А.М. Кисленко, И.Э. Любчанский, А.И. Гутков, И.А. Русанов, Ю.С. Макуров и др.

Для визуализации и сохранения памятников, не включенных в действующие туристические маршруты заповедника «Аркаим», в 2015–2016 г. под руководством М.Р. Макуровой при поддержке Фонда В. Потанина был реализован проект «Парк Аркаимского периода». В результате 21 археологический объект был обозначен информационными стендами, интерактивной картой и полиграфическим буклетом. В 2017 г. под руководством Ю.С. Макурова и М.Р. Макуровой начал реализовываться новый проект за счет гранта Президента РФ. В рамках него происходит обозначение 14 археологических комплексов на участках заповедника «Аркаим» (памятники типа Синташта-Аркаим) и осуществляется обширная просветительская работа с жителями близлежащих к памятникам населенных пунктов (в шести муниципальных районах области).

Музей под открытым небом не имел проекта развития, складывался стихийно на базе научно-исследовательских работ и многочисленных экспериментов. Но Аркаим реализовался и стал одним из наиболее крупных «археопарков» страны, принимая десятки тысяч туристов. Реконструкции ботайских жилищ и кургана Темир отмечены золотой медалью общеевропейской выставки по охране историко-культурного наследия «Denktal-2002» [Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 2011, с. 197–198]. Десятки памятников вошли в широкую экскурсионную программу, на их базе проводятся конференции, праздники, организуются познавательные квесты, фестивали исторической реконструкции. Аркаим оказался успешным примером музеефикации сложных маловыразительных памятников Урало-Казахстанского региона с грунтовой архитектурой.

Библиографический список

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Аркаим в современном мире // Аркаим: между прошлым и будущим : сборник научно-популярных статей. – Челябинск, 2011.

Зданович Г.Б., Хабдуллина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья : межвузовский сборник. – Челябинск, 1986.

Иванов И.Л. Аркаим – ландшафтно-исторический заповедник. Проблемы и феномены // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995.

Любчанский И.Э. Опыт работы по музеефикации памятников историко-культурного наследия Южного Урала в Челябинском университете // Южный Урал в межнациональном пространстве культур: традиции и современность : материалы науч.-практ. конф. Аркаим, 5–6 июля 2014 г. – Челябинск, 2014.

Макуров Ю.С., Малютина Т.С. Опыт музеефикации археологического раскопа укрепленного поселения Аркаим. Реализация проекта 2013–2014 гг. // Горизонты цивилизации : материалы 6-х аркаимских чтений, 26–29 мая 2015 г. – Челябинск, 2015.

Таиров А.Д., Таирова А.А. Ранний железный век на территории Южного Урала (по материалам кургана Темир) // Аркаим: По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск, 2004.

С.С. Малков¹, О.Л. Морева¹, Д.Г. Кудряшов¹, С.В. Батаршев¹, Е.В. Буянова¹,
Н.А. Дорофеева², Е.Б. Крутых¹, Е.В. Рольгейзер¹
¹Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы;
²Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЧЕРЕПАХА-13
НА ПОБЕРЕЖЬЕ УССУРИЙСКОГО ЗАЛИВА В ПРИМОРЬЕ

В 2015 г. ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы» (г. Владивосток) были проведены спасательные раскопки поселения Черепаха-13. В результате полевых работ поселение изучено полностью (вскрыто 7616 кв. м культуросодержащих отложений) [Малков, 2017].

Поселение Черепаха-13 располагается в западной части побережья бух. Муравьиной на поверхности морской террасы волновой аккумуляции высотой 1,5–2,5 м. Поселение протянулось дугообразной полосой вдоль тылового шва террасы в соответствии с общим изгибом морского берега.

Рыхлые отложения памятника образованы слоем почвы, насыщенной щебнисто-песчаным материалом. Сформировались они в результате разрушения вышележащего берегового участка коренного строения. Сводная стратиграфическая колонка памятника представлена следующим образом:

Слой 1. Дерн – черная гумусированная супесь, насыщенная средним и мелким щебнем, дресвой, грубым песком (мощность 5–15 см). Содержит отдельные, разрозненные археологические находки.

Слой 2. Черная гумусированная супесь, насыщенная средним и мелким щебнем, дресвой, грубым песком (мощность – 10–120 см). Является основным культуросодержащим слоем памятника.

Слой 3. Пачка галечно-гравийных отложений морской террасы (материк).

В процессе раскопок изучены остатки жилых и хозяйственно-бытовых сооружений, относящихся к нескольким периодам заселения. Всего раскопано 52 жилища с углубленными в грунт котлованами, одна наземная постройка и 114 хозяйственных ям. Кроме того, в жилищах и за их пределами изучено 26 погребений людей (рис.).

Полученный археологический материал позволил выделить пять археологических этапов заселения памятника.

I. Поздний неолит (один из комплексов зайсановской культуры, 4,5–4,0 тыс. л.н.). Представлен отдельными артефактами в межжилищном пространстве поселения и в хозяйственных ямах №52, 73, 85. Судя по всему, территорию памятника носители зайсановской культуры использовали как места для временных стоянок.

II. Эпоха бронзы (лидовская культура, 2,9–2,4 тыс. л.н.): котлованы жилищ №14, 22, 27, 28.

IIIа. Ранний железный век (янковская культура, 2,8–1,9 тыс. л.н.). Данный этап является основным для памятника, к нему относится большая часть жилищ и хозяйственных ям, все погребения людей.

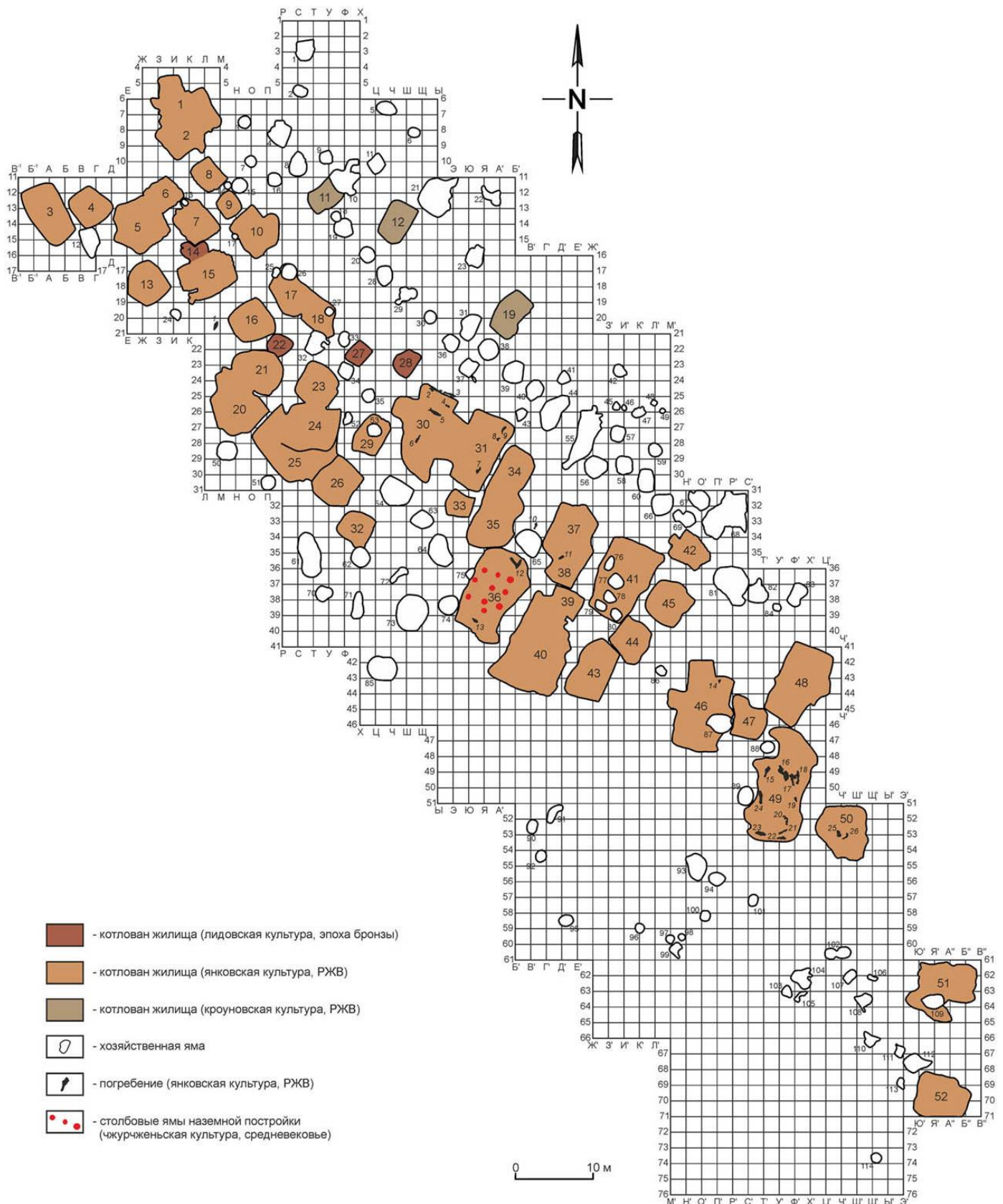
IIIб. Ранний железный век (кроуновская культура, 2,5–1,7 тыс. л.н.): котлованы жилищ №11, 12, 19 и хозяйственные ямы №10, 11.

IV. Средневековье (чжурчженская культура, XIII в.): остатки наземной постройки кар-касно-столбовой конструкции и отдельные артефакты в межжилищном пространстве.

Кроме того, выделен исторический период заселения памятника, представленный культурой корейских иммигрантов конца XIX – начала XX в.

Таким образом, в результате проведенных на поселении Черепаха-13 работ была получена эмпирическая основа для построения культурно-хронологической шкалы заселения побережья бух. Муравьиной в позднем неолите – средневековье.

Поселение Черепеха-13, сводный план изученных сооружений и погребений людей

Библиографический список

Малков С.С. Структура многокомпонентного поселения Черепеха-13 в Приморье (к проблеме заселения человеком побережья залива Петра Великого в древности и средневековье) // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №2.

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск

КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В ТАГАРО-ТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ

Хронология и стратиграфическое положение культурных комплексов раннего железного века, а также сравнительный анализ имеющихся данных с культурно-хронологическими колонками сопредельных регионов позволяет рассматривать формирование культурных образований в южной тайге Средней Сибири на стыке трех культурно-исторических провинций – западносибирской, восточносибирской и южносибирской. Их влияние и проникновение прослеживается по погребальным и поселенческим памятникам, вещам и керамическим орнаментальным традициям, которые распространялись по сибирским просторам в разные периоды раннего железного века.

Одна археологическая общность читается по комплексам с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментацией, которые, появившись в южной тайге Средней Сибири в неолите, просуществовали на протяжении всего бронзового и раннего железного веков, дожив до средневековья. В раннем железном веке она фиксируется по керамике каменско-маковского, взвозовского и карабульского типов цэпаньской культуры [Мандрыка, 2016; Макаров, Быкова, 2011; Леонтьев, Герман, 2015]. Необходимо считать, что в сложении цэпаньской культуры кроме племен с местными традициями приняли участие народы, расселившиеся на западе от ее ареала, в таежных и лесостепных районах Обь-Енисейского водораздела, где их след фиксируется по памятникам с «воротничковой» керамикой, а также комплексам с керамикой шепилевского и самоделкинского типов. Каменско-маковские поселения на Енисее демонстрируют позднюю стадию цэпаньской культуры и имеют определенное отличие и своеобразие. Обозначить их можно самостоятельным западным, енисейским (поздним) вариантом цэпаньской культуры. Носители керамики каменско-маковского типа и цэпаньцы с взвозовским и карабульским типами керамики соседствовали друг с другом, имели одно мировоззрение, близкий хозяйственный уклад, передавали друг другу способы орнаментации, но условно разделял их ареалы хребет Енисейского кряжа. Сходство материальной культуры указывает на их принадлежность к одной археологической общности. Отмеченные же различия в культуре населения Енисея и Ангары можно объяснить разницей признаков культуры ядра и периферии, степенью влияния соседей на окраине общности.

Цэпаньская археологическая общность практически не контактировала с кулайской из западносибирской тайги и лесостепи. Их культуры не пересекались. На известных археологических материалах не отмечается взаимного влияния (кроме проникновения отдельных бронзовых вещей кулайского облика в ангарскую и енисейскую тайгу), нет заимствованных элементов и на керамической посуде. Отсюда возникает правомерное предположение об отсутствии прямого контакта, о наличии какой-то промежуточной культурной зоны между этими общностями. Барьером выступала долина Енисея, где в степных и лесостепных районах развивалась тагарская общность, а на севере в южной тайге под влиянием тех же тагарских племен сложилась нижнепорожнинская культура. На раннем этапе ее можно назвать «лесным северным вариантом тагарской культуры». Именно она выступала барьером между кулайцами и цэпаньцами. Во II в. до н.э. комплексы с керамикой каменско-маковского типа исчезают из района. Очевидно, это население уходит на север, где приняло участие в сложении малокоренинской культуры Таймыра [Хлобыстин, 1998, с. 120, рис. 115]. На протяжении всего времени существования цэпаньской археологической общности ее носители испытывали влияние со стороны соседствовавшего населения, что выражается в присутствии на памятниках инородной керамики – сосудов с оттисками рубчатых колотушек на стенках, горшков, украшенных гладкими или волнистыми налепными валиками.

Генезис второй археологической общности в районе исследования отмечается по комплексам, содержащим керамику, в формовке которой использовались приемы

выбивания стенок. Для этого применяли рубчатые колотушки – обмотанные шнуром или оставляющие «гладкорубчатые» или «вафельные» оттиски. «Шнуровая» керамика появляется в Восточной Сибири с III тыс. до н.э., «вафельная» – с конца II тыс. до н.э. Внутренняя хронология комплексов позволяет отметить более длительное использование «вафельной» керамики, чем «шнуровой». К раннему железному веку сохраняются лишь способы оформления поверхности сосудов выбиванием «гладкорубчатыми» и «вафельными» оттисками, она присутствует в ранних памятниках нижнепорожнинской культуры. Однако и эти приемы к тесинскому времени в южной тайге Среднего Енисея исчезают.

Ранние памятники нижнепорожнинской культуры (VI–III вв. до н.э.), форма посуды, ее орнаментация налепными валиками, орудия из бронзы и украшения, детали погребального обряда указывают о формировании культуры на берегах Енисея под влиянием степного «скифо-сибирского» мира, культур из лесостепных районов Алтая и Томского Приобья при участии каких-то групп тагарского населения. К III–II вв. до н.э. в районе Казачинского порога на Енисее ее памятники исчезают и вновь появляются на рубеже эр. Перерыв связан с распространением здесь поселений с каменско-маковской керамикой и городищ шилкинской культуры. Можно предположить, что ранние нижнепорожнинцы отступают на север, в северную тайгу и тундру. Там какая-то их часть, слившись с носителями каменско-маковской керамической традиции, оставили малокореннинские комплексы Таймыра [Хлобыстин, 1998]. Другая же часть возвратилась обратно, и их культура с новой силой расцветает от воздействия пришедших в район групп с культурой таштыкского облика.

В период осложнения геополитической обстановки в мире кочевников южная тайга давала приют тем группам населения, которые «вытеснялись» из пояса степей. В южной тайге Средней Сибири в гуннское время осели племена с элементами тесинской и таштыкской культур. Для первой это находит отражение в материалах шилкинской культуры, в конструкции жилищ, устройстве погребений, в керамических комплексах и распространении новых вещей [Мандрыка, 2008]. Для второй – появление в районе еще одной керамической традиции – керамике таштыкского облика, украшенной полулунно-зубчатым орнаментом. Вероятно, носители последней расселились из лесостепных районов Чулымо-Енисейского междуречья, где они контактировали с группами кулайской и/или фоминской культуры [Ширин, 2015].

Представленная смена археологических культур в контактном районе трех культурно-исторических провинций лишь намечает возможную реконструкцию истории региона, так как остается еще недостаточно изученной.

Библиографический список

Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №3 (35).

Мандрыка П.В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Международной научной конференции. – Красноярск, 2016. – Т. 1.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. VII. – Красноярск, 2015.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб., 1998.

Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. – Барнаул ; Омск, 2015.

Г.И. Марковский¹, С.К. Васильев¹, Н.В. Сердюк², Н.А. Рудая¹, К.А. Колобова¹,
А.В. Шалагина¹, Н.А. Кулик¹, А.И. Кривошапкин¹

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;*

²*Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва*

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНОЙ

Работа выполнена в рамках госзадания Алтайского государственного университета
(проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов
и методов производств древних обществ Северной Азии»)

Пещера Страшная находится на территории северо-западного Алтая в среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш), в 2 км ниже впадения в нее р. Тигирек. Пещера расположена в блоке силурийского известнякового массива, имеющего максимальные высотные отметки в пределах 750–800 м. Пещера возвышается на 40 м над современным урезом реки, абсолютная высота которого – 740 м. По строению пещера простая, горизонтальная, протяженностью около 20 м. Средняя ширина карстовой полости – 2 м, во внутренней части полость значительно расширяется и увеличивается высота потолка.

Как археологический объект пещера Страшная известна с 1966 г. Комплексное исследование памятника началось в 1969 г. [Окладников и др., 1973; Derevianko, Zenin 1997; Зенин, Кандыба, 2006], современный этап работ был начат в 2013 г. под руководством А.И. Кривошапкина [Кривошапкин и др., 2013]. На настоящий момент в отложениях памятника выделяется 13 литологических подразделений общей мощностью около 10 м. Слои 13–11 не содержат археологических находок, а в толще вышележащих отложений выделены 19 культурных слоев. Слои 2–1 относятся к голоценовому времени и содержат археологический материал от неолита до средневековья. Комплексы, выявленные в литологических слоях 4–3, относятся к верхнему палеолиту, а находки из слоев 10–5 – к среднему палеолиту [Кривошапкин и др., 2016].

Осадконакопление в пещере Страшной шло при участии интенсивных биогенных процессов: норной деятельности сурков, жизнедеятельности хищных зверей, птиц и значительно реже – первобытного человека. Послойное распределение остатков млекопитающих по биотопическим группам указывает на относительно стабильную экологическую обстановку на протяжении всего периода осадконакопления. В целом ее можно охарактеризовать как фауну открытых, степных пространств, при наличии лесных участков, что создавало мозаичность ландшафтов [Васильев, Кривошапкин, 2016]. Ископаемая фауна мелких млекопитающих также демонстрирует яркую мозаичность ландшафтов во времена позднего плейстоцена в районе пещеры: горные степи, полупустыни, лесотундры, каменистые россыпи с доминированием открытых биотопов [Serdyuk, Zenin, 2016]. Существование степных открытых фитоценозов во время накопления позднеплейстоценовых слоев подтверждается и палинологическими данными. В палинологических спектрах доминируют островые, полыни и маревые [Рудая и др., 2016].

Результаты абсолютного датирования отложений пещеры, выполненного на предыдущих этапах изучения памятника, в силу многочисленных нарушений биогенного характера лишь свидетельствуют о позднеплейстоценовом времени формирования культуросодержащей толщи в целом [Кривошапкин, 2013]. На современном этапе исследований была предпринята попытка определить время наиболее массовых биогенных нарушений, обусловленных деятельностью крупных землероев. Данное исследование было основано на анализе абсолютных датировок, полученных по образцам костей сурков, обнаруженных в различных слоях пещеры. Было установлено, что пик норной деятельности сурков пришелся на середину сартанского времени [Кривошапкин, Сердюк и др., 2016].

Петрографическое изучение каменных артефактов показало, что на всем протяжении формирования культурных отложений использовалось местное галечное сырье низкого качества, обусловленного окварцеванием и сильной скрытой трещиноватостью. Явное предпочтение менее окварцованных пород и галек определенной размерности свидетельствует о целенаправленном отборе сырья. Одновременное присутствие в пределах слоя крупных и мелких обломков, включая чешуйки, означает, что обработка сырья производилась в пещере [Кулик, Зенин, 2005].

Результаты технико-типологического анализа каменной индустрии подтвердили важную роль леваллуазской технологии в каменной индустрии комплексов нижних горизонтов. Анализ материалов раскопок 2014–2015 гг. показал, что индустрия слоя 4 в большей степени демонстрирует среднепалеолитические признаки с ярко выраженным леваллуазским компонентом, а в культурных слоях 3_{1а}, 3_{1б} и 3₃ представлены три культурно-хронологических этапа заселения пещеры, связанные с различными позднепалеолитическими традициями региона [Кривошапкин и др., 2016].

Библиографический список

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition through the Example of the Altai Cave and Open air Site // *Suyunggae and Her Neighbours*. – Chungju, 1997.

Serdyuk N., Zenin A. Small mammals from the Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia) // *Quaternary International*. – 2016. – V. 406. – Part B.

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Зенин А.Н., Кандыба А.В. Археологические исследования в пещере Страшная в 2006 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XII. – Ч. I. – Новосибирск, 2006.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XIX. – Новосибирск, 2013.

Кривошапкин А.И., Сердюк Н.В., Зенин В.Н., Панов В.С., Васильев С.К., Пархомчук В.В., Рудая Н.А., Шалагина А.В. Радиоуглеродное датирование костных остатков сурка из пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Кривошапкин А.И., Шалагина А.В., Колобова К.А., Лесаж К. Результаты полевых исследований пещеры Страшной в 2016 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Кулик Н.А., Зенин А.Н. Петрографическая характеристика индустрии пещеры Страшная (Северо-западный Горный Алтай) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XI. – Ч. I. – Новосибирск, 2005.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // *Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока*. – Ч. 2. – Новосибирск, 1973.

Рудая Н.А., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Итоги палинологического изучения пещеры в Страшная (Алтайский край) в 2014–2015 годах // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

А.И. Мартынов
Кемеровский государственный университет, Кемерово
АРХЕОЛОГИЯ И ЗАКОНЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В наше время археологам необходимы знания объективных законов исторического развития, которые оказывают влияние на хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру. Задача исследователей – знать эти законы и учитывать их действие.

Остановимся на основных, на наш взгляд, законах.

Закон рационального использования природной среды. Это основной закон жизнеобеспечения во все археологические эпохи, то есть вся история антропогена – это взаимоотношения человека и природной среды в виде макрозон и микроусловий обитания, которые влияли на особенности всех сторон деятельности людей. Археолог должен понимать, что природная среда во все периоды истории была и в какой-то мере остается до сих пор культурно-формирующим фактором исторического развития.

Очевиден определяющий характер влияния природного фактора в палеолите: расселение *Homo erectus* в Азии и Южной Европе связано в основном с горными системами и предгорными. В среднем палеолите природная среда способствовала формированию культурных ареалов в Евразии. Хозяйственная направленность в палеолите определялась особенностями природной среды.

В неолите еще более заметно влияние природной среды на формирование культурно-исторических общностей по бассейнам рек (Волга, Обь, Лена, Амур) и крупным природным образованиям, например Урал, Сахалин. Нельзя археологические комплексы, памятники культуры, пути передвижений, границы археологических культур рассматривать вне связи с особенностями природы, макро- или микросредой. Это касается и мест поселений и погребений. Природная среда в археологические периоды выступает как культурообразующий фактор. В разных ее проявлениях она выступает вторичным археологическим источником наряду с памятниками и артефактами.

Закон цивилизационного развития. Принципиально важным в истории является вопрос о начале цивилизационного развития. Его решение связано с археологическими периодами неолита-бронзы, переходом от присваивающего к производящему хозяйству. Современной науке известно в неолите всего несколько ограниченных территорий производящего неолита и археологические культуры с признаками производящего хозяйства. В Евразии настоящая революция произошла в палеометаллическую эпоху, когда сложилось два основных направления развития производящего хозяйства: оседлое земледелие и подвижное скотоводство. К этому времени относится начало освоения степного пояса Евразии и горных долин в целях скотоводства, горного дела, металлургии, т.е. с появлением новых технологий и материалов, изобретением колеса и колесного транспорта началось цивилизационное развитие. В практике археологических исследований необходимо учитывать и прослеживать этот сложный переход, приходящийся в основном в палеометаллическую эпоху в Евразии. Значение этих событий заключается в том, что они делят историческое развитие на два основных периода: древность, от начала антропогена и до конца каменного века, и период начала цивилизационного развития.

Закон формирования раннегосударственных структур. Возникновение древнейших государств – принципиальный вопрос истории, уходящий корнями в периоды начала производящего хозяйства. В марксистско-ленинской философии, построенной на изучении социально-классовых процессов, он трактовался как результат сложения классов, антагонизма классовой борьбы, господства и подчинения. Государство трактовалось как «машина угнетения». Вряд ли кто-то сейчас поддерживает эту теорию как научную, но в то же время она продолжает присутствовать в ряде современных учебников.

Надо иметь в виду, что археология имеет много примеров, когда ранне-государственные образования возникают раньше, чем складывается классовое общество. Ранние государства возникают как естественная потребность в управлении обществом, общественным продуктом, общественными работами, что связано с образованием этнического и территориального единства и представлениями о материальных и духовных ценностях, «своей и чужой» территории, единстве языка, хозяйственной основы, бытовой культуры и мировоззрения. Этот сложный и многообразный процесс требует серьезного изучения со стороны археологов, учитывая, что в России нет науки, изучающей древнюю историю страны.

Закон распространения новаций. Изобретения, новации и их распространение – основа исторического развития. Интересную мысль по этому поводу высказал наш современник, академик, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, сказав, что каменный век закончился не потому, что камня не стало, а потому что появились новые технологии. И это правильно. Однако надо иметь в виду, что на практике от изобретения до широкого применения любой новации всегда проходит какое-то время, иногда новации не находят своего применения довольно длительный срок. Например, лук и стрела появились еще в палеолите, но широкое распространение это изобретение получило только в мезолите и неолите, когда изменилась природная среда и условия охоты стали другими. Появление керамической посуды зафиксировано в Японии и некоторых других местах в XI–IX тыс. до н.э., но распространилась эта новация широко только в неолите. И таких примеров в археологии много. В практике полевых исследований и выводах мы должны это учитывать.

Закон этнического лидерства. В археологические периоды истории действовала система лидерства, когда в силу новационных тенденций в развитии материальной культуры, экспансии или других событий в полиэтнической среде складывалась система лидерства одной из этнических групп, которое воспринималось другим населением на определенной территории. Это бывает хорошо заметно по погребениям, знаковым предметам власти в эпоху бронзы, раннем железном веке и средневековье в восточной части Евразии. Известно, что с начала I тыс. до н.э. лидерство индо-иранцев сменилось на рубеже эпох лидерством хунну в Южной Сибири и Центральной Азии. В середине I тыс. н.э. оно сменилось на лидерство тюрков. Такая система прослеживается на территории эллинистических обществ, в провинциях Римской империи, в средневековой Европе, в период монгольских завоеваний и Золотой Орды. Менялись причины возникновения лидерства, но оно продолжало существовать как устойчивое явление в истории. Этого нельзя не учитывать в археологических исследованиях.

Закон сохранения традиций. В практике проведения исследований археологических памятников следует иметь в виду, что при смене эпох или смене лидерства никогда не происходило полной замены этносов как носителей культуры. Большинство населения оставалось на местах своего традиционного обитания. В новых исторических условиях они продолжали быть носителями материальной и духовной культуры прошлого. В археологии это хорошо прослеживается в культурах гунно-сарматского периода, в процессах тюркизации в Восточной Евразии и т.д. В истории никогда и нигде не происходило полного замещения одного культурного комплекса другим. Всегда возникал этнический и культурный синкретизм, в котором находили место и продолжали существовать элементы предшествующих культур, как в материальной, бытовой, так и в нематериальной сферах культуры. Эти закономерности необходимо учитывать при определении хронологии и культурной принадлежности предметов материальной культуры, обрядов погребений, образов в наскальном искусстве.

Ж.В. Марченко^{1,2}, С.В. Святко³, А.Е. Гришин¹, М.П. Рыкун⁴

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН;*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск;*

³*Королевский университет Белфаста, Белфаст, Великобритания;*

⁴*Томский государственный университет, Томск*

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ И ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА РОСТОВКА (Омское Прииртышье)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-14-50-00036

Могильник Ростовка – один из ключевых памятников эпохи бронзы Евразии. Он расположен на юге Западной Сибири, в Омском Прииртышье [Матющенко, Сеницына, 1988]. Его материалы относятся к так называемому сейминско-турбинскому (СТ) транскультурному феномену, который отражает широкое распространение на территории Северной Евразии специфических бронзовых предметов вооружения. Ранее по данным сравнительного анализа время существования СТ предметов оценивалось в рамках XVI–XV вв. до н.э. [Черных, Кузьминых, 1987]. Однако за последние два десятилетия количество радиоуглеродных дат по многим ключевым памятникам и культурам эпохи бронзы Восточной Европы, Западной и Южной Сибири увеличилось, что позволило скорректировать их возраст в сторону удреждения. Недавно было проведено датирование захоронений с предметами сейминско-турбинского типа в Барабинской лесостепи, в результате которого хронология комплексов была определена в рамках последней четверти III тыс. до н.э. [Марченко и др., 2014].

Для датирования на могильнике Ростовка были выбраны погребения, в которых были СТ предметы. Практически все комплексы были нарушенные в древности. Контекст нахождения бронзовых предметов на памятнике был различным. Они могли располагаться непосредственно в захоронении (погр. 5, 23), в яме и рядом с ней на уровне древней поверхности в виде компактного скопления предметов (погр. 8, 24, 33, 34). В некоторых случаях нахождение предметов было неординарным: копье, воткнутое в стенку могилы (погр. 5) или в грунт рядом с ямой (погр. 33). Также было датировано одно безынвентарное захоронение (погр. 27). Проанализированные комплексы содержали в том числе предметы защитного вооружения (фрагменты роговых панцирных пластин, погр. 33), изделия из золота (кольцо, погр. 33) и литейные формы (погр. 24) [Матющенко, Сеницына, 1988].

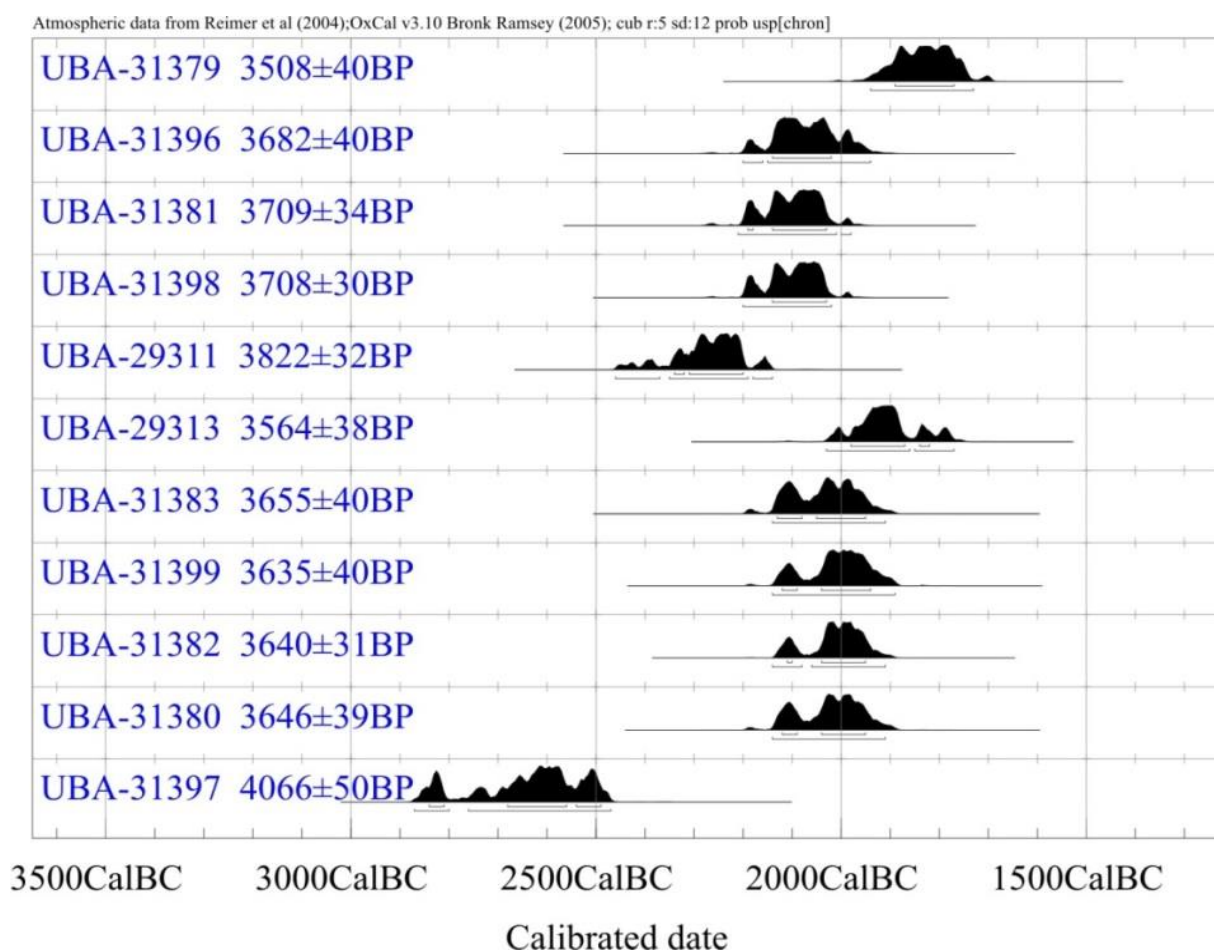
Датирование производилось по антропологическому материалу (кость и зубы). С одной стороны, это позволяло напрямую датировать погребения, а с другой – не исключало вероятности влияния на даты т.н. пресноводного резервуарного эффекта. Степень сохранности костей в большинстве случаев была низкой, но достаточной для радиоуглеродного анализа ($C:N_{at}=3.2-3.3$) [Marchenko et al., 2017].

Всего для 7 захоронений было получено 11 радиоуглеродных дат. Из них 4 пары кость-зуб выполнены по одному скелету. Датирование этих пар проводилось с целью выявления возможной разницы радиоуглеродного возраста между отдельными частями скелета. Отличие результатов могло быть связано с разными типами питания в детстве и в взрослом возрасте, причиной чему могли быть социальная структура и/или миграции населения.

Максимальный диапазон калиброванного возраста всех полученных дат – XXIX–XVIII вв. до н.э. (рис.). Большинство дат находится в диапазоне 22–20 кал. вв. до н.э. (± 2 сигма). Даты UBA-29311 и UBA-31397 имеют более древний возраст, а даты UBA-31379 и UBA-29313 – напротив, выглядят чуть моложе, чем основная группа – 21/20–18 кал. вв. до н.э. Однозначно интерпретировать полученные результаты пока нельзя. Не исключено, что в данных трех группах дат проявилось влияние пресноводного резервуарного эффекта, причем его источники (озера, реки), по всей видимости, были разные. Результаты датирования могильника Ростовка отражают общую неоднородную

радиоуглеродную хронологию комплексов с СТ бронзами в Барабинской лесостепи и в Верхнем Приобье [Марченко и др., 2014]. Сложный характер транскультурного феномена, по всей видимости, связан с разнородным составом носителей этих специфических бронзовых предметов (разное происхождение, разные хозяйственно-культурные типы, разные культуры). Не исключено, что материал могильника Ростовка может включать антропологически схожие группы людей, но относящиеся к разным культурам юга Западной Сибири и сопредельных территорий. В перспективе для решения вопроса о резервуарном эффекте в этих датах и для установления более точной окончательной хронологии памятника можно датировать роговые панцирные пластины из этого могильника.

Радиоуглеродные даты могильника Ростовка

Библиографический список

Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.

Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in the South of Western Siberia // Radiocarbon. – 2017 (*in print*).

А.Н. Масловский

Азовский музей-заповедник, Азов

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА И ЕГО ОКРУГИ

В ходе исследований золотоордынского Азака и сельских поселений в его округе найдено значительное количество предметов вооружения и конского снаряжения. Оно превосходит по числу находок ремесленный инструментарий. В данной работе мы не рассматриваем оружие, встреченное в захоронениях кочевников за пределами города.

Наиболее многочисленны предметы вооружения дистанционного боя. Общее число наконечников стрел и арбалетных болтов значительно превышает 100 ед. Более половины из них – однотипные арбалетные болты. Хотя большая их часть происходит из одного комплекса (сгоревшего жилища венецианского купца), число отдельных находок больше чем любого типа наконечников стрел. Арбалетные болты также обнаружены на сельских поселениях.

Число встреченных типов наконечников стрел велико. Преобладают узкие граненые ромбические или линзовидные в сечении формы. Встречены специализированные бронебойные наконечники с выделенной боевой головкой треугольные в сечении. Наконечники аналогичных форм встречены на целом ряде сельских поселений [Рязанов, 1994, с. 127, рис. 37]. Значительно более редки срезни в виде вытянутой лопаточки и фигурные. Они встречены также в одиночном грунтовом погребении кочевника, исследованном в восточном районе городища. Помимо металлических найдено около 20 костяных наконечников как втульчатых, так и черешковых. Большинство из них, несомненно, охотничьи.

Оружие ближнего боя не только малочисленнее, но и заметно более разнотипно. Из крупного клинкового оружия найдены фрагменты не менее двух сабель, два перекрестия сабель (одно на сельском поселении), фрагментированный двулезвийный меч и таблетковидное навершие меча с бронзовой оболочкой, кинжал. Сабля найдена также в грунтовом погребении на сельском поселении. К клинковому оружию можно отнести длинные боевые колющие ножи. Встречено также несколько наконечников ножен клинкового оружия.

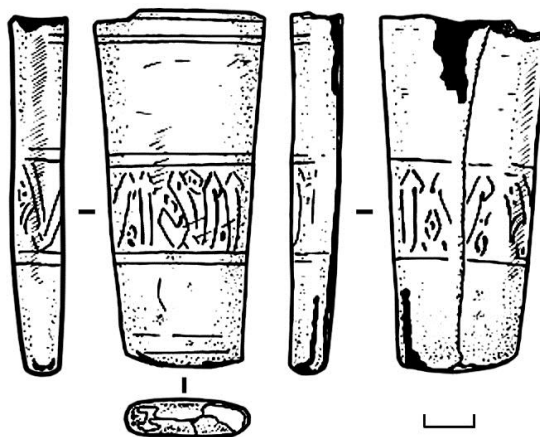
Древковое оружие представлено наконечниками метательных копий, фрагментами более крупных копий, а также булавами и шестоперами. Последняя категория наиболее многочисленна среди оружия ближнего боя. Известно более десятка разнотипных наверший [Масловский, 2010, с. 224, рис. 29.-1]. Они встречены и на сельских поселениях. Зафиксировано применение булавы на черепе одной из жертв резни 1369/1370 гг. [Гончарова и др., 2016, с. 71, рис. 18.-2]. Нет подтвержденных находок боевых топоров.

Среди других категорий оружия отметим две гири кистеня из рога [Масловский, 2006, с. 107, рис. 5.-2]. Единичны находки каменных шаров, которые можно интерпретировать как снаряды для пращи. Отдельно стоит сказать о находках каменных ядер большего размера. Среди них правильной формы мраморный шар [Гончарова и др., 2016, с. 67, рис. 14.-2]. Их можно определить как пушечные ядра с итальянских судов.

Достаточно многочисленны предметы защитного доспеха. Три фрагментированных панциря европейского типа [Горелик, Фомичев, 1989, с. 76, рис. 11–12] найдены в подвалах купеческих домов. Нередки находки одиночных пластинок и мелких обрывков кольчуги. Панцирные пластинки также встречены на сельских поселениях [Рязанов, 1994, с. 127].

Большую часть предметов, связанных с конским снаряжением, составляют конские ледоходные шипы, число которых превышает сотню. Наряду с ними встречены и подковы. Большинство из них широкие и плоские, предназначенные для ломовых лошадей, но есть и узкие подковы с шипами. Найдено около 20 удил и их фрагментов. Одни удила имеют своеобразный псалий [Масловский, 2010, рис. 42.-9]. Единичны находки стремян [Масловский, 2010, с. 198, рис. 8.-6]. В большом количестве встречены костяные накладки на седло. Хотя некоторые из них, возможно, связаны с производственными комплексами, большинство происходят из жилых усадеб. Следует также отметить находку двух шпор

[Масловский, 2006, с. 106, рис. 4.-1] и большое число костяных втулок, которые могут быть определены как рукояти плетей.

Медный наконечник ножен

На наличие среди горожан воинов указывают и захоронения на городских некрополях мужчин со следами боевых травм, в том числе заживших, а также костяков с застрявшими в костях наконечниками стрел и копья.

Количество находок, связанных с военным делом, тем более впечатляет, если учесть, что количество изделий из металла (кроме гвоздей) при раскопках Азака очень невелико. Оружие и конское снаряжение встречены на территории практически всего городища, хотя и тяготеют к наиболее богатым усадьбам. Оружие встречено как в наиболее ранних комплексах конца XIII в. [Белинский, Масловский, 2007, с. 328, рис. 6.-13], так и (что ожидаемо) в самых поздних комплексах. Комплекс вооружения из раскопок Азака и его окружи резко отличен от находок из кочевнических захоронений на Нижнем Подонье. Это не может быть объяснено только случайными факторами и особенностями погребального обряда кочевников.

Очевидно, что в городе и его округе на сельских поселениях проживало значительное число людей, связанных с военным делом. При этом большая их часть не принадлежала к числу кочевников. Часть из них составляли европейские купцы. Их присутствие не могло не отразиться на комплексе вооружения других групп горожан.

Библиографический список

Белинский И.В., Масловский А.Н. Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. – М. ; Иерусалим, 2007.

Гончарова С.А., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г. – Вып. 29. – Азов, 2016.

Горелик М.В., Фомичев Н.М. Рыцарские доспехи XIV века из Азова // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону, 1989.

Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. – Вып. 22. – Азов, 2006.

Масловский А.Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. – Вып. 24. – Азов, 2010.

Рязанов С.В. Металлические изделия Куричанского поселения // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. – Вып. 13. – Азов, 1994.

С.В. Маслодудо, М.В. Константинов
Забайкальский государственный университет, Чита
НЕОЛИТ И БРОНЗА ТАЁЖНОГО ЧИКОЯ:
ПРИРОДНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

На таёжных реках Чикой и Менза в Забайкалье с 1970-х гг. планомерно изучаются древние поселения, отличающиеся высокой степенью многослойности. Особенный интерес представляют поселения, связанные с I-ми надпойменными террасами высотой 6–8 м над меженными уровнями (от 600 до 800 м над у.м.). Они имеют позднеплейстоценовое основание со слоями в пределах от 12,8 до 10,8 тыс. л.н. и весьма представительное голоценовое покрытие с сериями тонких черных иловатых прослоек, чередующихся с осветленными супесчано-суглинистыми прослойками. Черные прослойки обозначают перерывы в аквально осадконакоплении, позволяющим формироваться уплотненным с травянистой растительностью поверхностям. Они активно использовались древними людьми для создания поселений в атлантическом оптимуме. Кровлю террас образуют каштановый супесчаный и дерново-почвенный слои. Эти поверхности использовались людьми, соответственно, в периоды суббореала и субатлантики. Наиболее представительны культурные слои голоцена на поселениях Студёное-1, Усть-Менза-1, Алтан, Косая Шивера-1. К неолиту и бронзе на указанных памятниках относится совокупно 48 культурных слоев, раскрытых на площади около 2 тыс. кв. м. Разрезы отложений уверенно коррелируются между собой. Наглядная и весьма детальная стратиграфическая картина, дополненная археологической информацией в виде содержимого культурных слоев, обрамленных и защищенных стерильными прослойками, позволяет уверенно судить о характере и последовательности природных изменений и культурных новаций. Их взаимоувязанность в стратотипических разрезах создает надежную основу для создания природно-исторической хронологии явлений и процессов. Ранний неолит приходится на начальную стадию атлантики, уступая истоки этого природного периода позднему мезолиту (8–7 тыс. л.н.). Рассчитанный возраст раннего неолита – 7–5,5 тыс. л.н. Средний неолит приходится на середину атлантики – 5,5–4,5 тыс. л.н. Поздний неолит – на конец атлантики – 4,5–3,8 тыс. л.н. Для неолита характерны керамические сосуды небольших размеров, с острым или округлым дном, изготовленные техникой выколачивания и сохраняющие отпечатки нитей на поверхности. Использование нитей для обматывания колотушек предполагает наличие тканей. Художественное оформление сосудов выполнялось штамповым орнаментом, размещенным в зоне венчика, с постепенным усложнением и охватом верхней трети тулова. Первоначально весьма слабый обжиг сменился более качественным.

Каменная индустрия построена на широком использовании торцовых клиновидных микронуклеусов, унаследованных от палеолита и мезолита. Микропластинки использовались для вкладышевых ножей и наконечников стрел с костяными основами. Мелкий инструментарий изготавливался из пластинок и отщепов. Отдавалось предпочтение яшме и халцедону, но их приходилось доставлять издалека. Для крупных орудий, рубящих и скребловидных, основами служили местные речные гальки темных пород с идеально ошлифованными водным потоком поверхностями. Искусственно шлифованных орудий на поселениях не встречается. Костяные заколки-укэны свидетельствуют об охоте на пушного зверя. Суббореал и субатлантика отмечены использованием бронзы. Выделяется ранняя бронза (3,8–2,8 тыс. л.н.), и поздняя бронза (2,8–2,2 тыс. л.н.). Об умении самостоятельно добывать руду свидетельствуют массивные молоты, кирки, отбойники. Но изделия из металла крайне немногочисленны. Крупные ножи по-прежнему изготавливались в виде наборных микропластинчатых лезвий, отжимаемых с торцовых клиновидных микронуклеусов. Наконечники стрел каменные – бифасиальные из отщепов и пластинчатые с оформлением острия в даурской технике. Круглодонные и плоскодонные сосуды несут богатый штамповый орнамент и отличаются крепким обжигом. Они могли окрашиваться красной охрой. Появляются плоские

керамические плитки. Сохраняются охотничьи традиции, но в поздней бронзе начинается одомашнивание животных. Найдены кости свиньи, овцы, козы, коровы. О контактах со степняками свидетельствуют обломки триподов. Развернутая картина жизни обитателей тайги представлена в ряде диссертаций и монографий [Константинов, 1994; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016]. К сожалению, в последнее время появились публикации, в которых бореальные и атлантические отложения I-х террас совершенно безосновательно относятся к позднему плейстоцену. У авторов этих публикаций, вероятно, есть большое желание доказать наличие в забайкальской местности самой древней в мире керамики и самых древних в Азии наконечников стрел. При этом полностью игнорируются основы геoarхеологии, построенные в том числе на умении различать плейстоценовые и голоценовые отложения и оценивать возраст палеопочв по их морфологии и позиции в разрезах отложений, а также учитывать позиции и характер мерзлотных нарушений. Весьма странной у этих авторов является и оценка палинологических спектров, согласно которым наличие пыльцы полыни считается достаточным для обоснования плейстоценового возраста несущих отложений [Разгильдеева, Яншина, 2014; Решетова, 2017]. Поскольку такие публикации включаются в научные труды археологических и геолого-географических съездов и конференций, то создается впечатление о возникновении существенных деформаций в научном знании и потери связи с достижениями поколений ученых, представленных трудами С.М. Цейтлина, Д.Б. Базарова, И.Н. Резанова, А.Ф. Ямских и др., принимавших к тому же непосредственное участие в изучении древних поселений Чикоя и Мензы.

Обозначилась еще одна весьма странная тенденция: вслед за керамикой и наконечниками стрел предпринята попытка принципиально изменить представление о времени появления металлургии. Обоснованием для этого послужила находка в палеолитическом слое Усть-Мензы-14 «небольшого фрагмента магнетит-силикатного скарна» и следов использования охры в культурных слоях поселений, начиная с палеолита, и в погребениях неолита и бронзы на территории чикойско-мензинской провинции. Отсюда сделаны выводы о наличии «продуктов переработки и изделий металлургического производства на протяжении около 20 тыс. л.н.» и о том, что «древняя металлургия имеет местные корни и возникла в эпоху перехода от палеолита к неолиту в горно-таежном районе Забайкалья» [Попов, Разгильдеева, 2010, с. 154–155]. Не вдаваясь в подробную разборку этих положений, отметим, что появление металлургии, как это известно из учебников по археологии, свидетельствует о наступлении эпохи металла, и ни при каких ситуациях не может характеризовать эпоху «перехода от палеолита к неолиту». Думается, что измышления о самой древней в мире металлургии, построенные на сколе из скарна и охре, являют собой пример профанации науки.

Библиографический список

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ ; Чита, 1994.

Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. – Чита, 2016.

Попов В.Б., Разгильдеева И.И. К вопросу о времени возникновения древнего горнорудного ремесла в Забайкалье (на основе археологических материалов Хентей-Чикойского нагорья) // Минералогия и геохимия ландшафта горнорудных территорий. Современное минералообразование. – Чита, 2010.

Разгильдеева И.И., Яншина О.В. Керамические комплексы Западного Забайкалья: проблемы хронологии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. 1. – Казань, 2014.

Решетова С.А. Реконструкция растительности и климат Забайкалья в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Томск, 2017.

А.В. Мастыкова, М.В. Добровольская
Институт археологии РАН, Москва
ИЗУЧЕНИЕ КРЕМАЦИЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
НА САМБИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
(Калининградская область)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-06-00058 А «Методы элементного и изотопного анализов в изучении историко-культурных связей и образа жизни населения Юго-Восточной Прибалтики (римское время – начало средневековья)»)

Для археологии западных балтов достаточно остро стоит вопрос изучения костных кремаций, поскольку в римское время трупосожжение является у них доминирующим обрядом, но определения костных останков не проводились. По этой причине практически все половозрастные атрибуции погребений базировались на анализе сопровождающего инвентаря. Последний определялся как «мужской» (например, оружие, предметы конского снаряжения, так называемые воинские поясные гарнитур) или «женский» (украшения и элементы костюма, предметы, связанные с домашним производством), исходя из общеевропейского опыта «варварской» археологии. Таким образом, половозрастное определение погребенных в могильниках самбийско-натангинской культуры на территории Самбийского полуострова (Калининградская область) базировалось исключительно на археологических критериях, т.е. на составе погребального инвентаря. На базе таких сугубо гипотетических заключений зачастую делались выводы о хронологической эволюции местного костюма или социальной стратификации древних балтов.

В ходе работ Самбийской археологической экспедиции ИА РАН в Зеленоградском районе Калининградской области было открыто несколько могильников самбийско-натангинской культуры римского времени, на которых помимо ингумаций имелись и кремации, в том числе и в урнах. Исследования последних лет по кремационным материалам могильников Самбии позволили определить некоторые закономерности распределения погребального инвентаря в зависимости от половозрастной принадлежности погребенных [Добровольская, 2010; Мастыкова, 2011; Мастыкова, Добровольская, 2013; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013; Mastykova, 2016]. Например, удалось выяснить, что по набору вещей и погребальному обряду детские погребения сходны с захоронениями взрослых людей. Количество «безынвентарных» погребений, подвергнутых антропологическому анализу, у мужчин и женщин также сопоставимо. Между тем многие предметы погребального инвентаря оказались общими для мужских, женских и детских захоронений, но тем не менее неравномерное количество находок с этими предметами позволяет выявить некоторые тенденции в составе погребального инвентаря. К числу предметов и признаков, общих для мужских, женских и детских погребений, относятся наличие одной или двух фибул, разрозненных бус, пряжек, ножей (пряжки и ножи лучше представлены в погребениях взрослых людей), кусков необработанного янтаря. Мужские погребения отличаются наличием шпор, ременных наконечников, браслетов (гривен?), оружия, предметов конского снаряжения. Признаки женских захоронений выступают не так четко. Можно полагать, что наличие трех арбалетных фибул, булавок и керамических пряслиц является скорее индикатором женских могил [Мастыкова, Добровольская, 2013, с. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013, р. 273–275].

Безусловно, достоверность половозрастных определений пола зависит от размерности сохранившихся фрагментов, поэтому практически все определения пола индивидов относятся к скоплениям костей, масса которых превышает 100 г, где выше вероятность встретить один или несколько анатомически определимых фрагментов. Надо отметить, что в некоторых случаях малая масса кремации обусловлена детским возрастом индивида. Однако для того чтобы идентифицировать кремацию как детскую, недостаточно

ориентироваться на малую массу скопления кремированных костных фрагментов, необходимо документировать присутствие открытых швов черепа или участки с не приросшими эпифизами, или участки костей свода черепа с несформированным губчатым слоем. Если в погребении присутствуют мелкие фрагменты кремированных костей без специфических признаков, то следует это связывать не с возрастом индивида, а с особенностями погребального обряда, предполагающего длительное высокотемпературное горение погребального костра, измельчение кремированных останков, парциальное их захоронение.

Также нами была проведена методическая работа по стандартизации методов разборки урновых погребений. Послойный разбор урны позволяет восстановить «микро-стратиграфию» ее заполнения и реконструировать последовательность погребальных действий, что было сделано, например, на материалах могильника Романово-Пугачевский пруд, открытого в ходе разведочных работ. Так, разборка урнового погребения показала, что сожженные кости и металлические предметы укладывались поочередно, наибольшая часть кремированных останков помещена в средней части урны, а также насыпана сверху урны в землю. Также удалось проследить, что заполнение погребальной урны происходило сразу после конца горения погребального костра, до того как костные фрагменты остыли. На основании анатомически определяемых фрагментов скелета было выяснено что захоронение одиночное, по морфологически значимым фрагментам черепа показано, что пол индивида – мужской, а возраст не превышал 40 лет. Анатомической избирательности в отношении аккумулированных в погребении частей скелета при этом не было выявлено, в скоплении обнаружены фрагменты всех отделов скелета от черепа до костей стоп и кисти. На костях обнаружены множественные следы припекания металла, что позволяет считать, что погребенный был возложен на костер в уборе, содержащем металлические предметы.

Такой методический подход послойной разборки позволяет выявить некоторые общие характеристики обрядности, дает возможность более детально реконструировать сложную и многоступенчатую процедуру погребальной обрядности.

В целом, дальнейшее накопление данных антропологических исследований позволит нам подтвердить или опровергнуть наши наблюдения.

Библиографический список

Добровольская М.В. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. – М., 2010.

Мастыкова А.В. Охранные раскопки на могильниках позднеримского времени Шлакалькен-5 и Шлакалькен-6 на Самбийском полуострове // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород ; Старая Русса. Т. I / отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. – СПб., 2011.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. – М. ; СПб., 2013.

Mastykova A.V. Urn cremation in the Southeast Baltics in the late Roman period. Field records and laboratory study // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31 st August – 4 th September 2016 Vilnius. TH1-21. Abstract 09.

Mastykova A., Dobrovolskaia M. Grave Goods in the Semeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. – Kristiansand ; Simferopol, 2013.

Н.П. Матвеева
Тюменский государственный университет, Тюмень
ВАРИАНТЫ ОБРЯДНОСТИ «ЗАХОРОНЕНИЕ С КОНЕМ»
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

На фоне малоизученного средневекового погребального обряда в западной части лесостепи Западной Сибири, до сих пор представленного только несколькими юдинскими могильниками в подтаежной зоне [Викторова, 1973] и единичными погребениями карымской культуры, связанными с мигрантами с севера, довольно яркими выглядят так называемые «захоронения с конем». Они недавно обнаружены в могильниках бакальской культуры и являются разнообразными по исполнению. Выделяются два основных варианта, видимо, это проявления различных смысловых традиций.

Захоронения полной туши взнузданного коня в положении перпендикулярно продольной оси центральной прямоугольной могильной ямы кургана, поверх ее перекрытия – два случая в могильнике Устюг-1 датированы IV в. [Матвеева, 2015; 2016a]. В этих же курганах имеются кенотафы. Захоронения наиболее сходны со значительно более поздними памятниками новинковского типа в Поволжье [Багаутдинов и др., 1998] и, вероятно, маркируют продвижение авар или протоболгар. Некоторые авторы относят проникновение протоболгар в Восточную Европу к III–IV вв. н.э., усматривая их уже в составе Гуннской державы, другие же видят в кочевниках Приаралья оставшихся гуннов, создавших новые политические объединения [Багаутдинов и др., 1998, с. 171; Смагулов, Павленко, 1998, с. 149]. Поэтому инфильтрация нового этноса в Зауралье могла состояться в тот отрезок времени, в который формировались рассматриваемые погребения. Кроме того, вероятным является и далекое проникновение на север отрядов из постгуннской эфталито-кидаритской среды. Массовое распространение кольцевой деформации черепов в рассматриваемых могильниках, а также европеоидный облик захороненного там населения, как будто бы также подтверждают совместное и раннее появление гуннских и праболгарских элементов культуры, но далеко в лесостепной зоне, как видим, к северу от основных путей миграций кочевников. Эта идея согласуется с мнением А.В. Комара о появлении этого же импульса в Приуралье и Причерноморье в переходный от «гуннского» к «болгарскому» период (480–559 гг.) в виде отчетливой волны кочевников с культурой «восточного» происхождения [Комар, 2006, с. 108], но еще не связанной с завоеваниями Тюркского каганата.

Захоронения со шкурой коня. Это скопления из голов и четырех ног лошади каждое, размещенные плотной кучкой на древней поверхности рядом с могилой или на ее перекрытии. Такие комплексы, связанные с погребениями северной и западной ориентировки, были обнаружены в могильнике Козлов Мыс-2, датированном IV–V вв. н.э., в гуннском погребении в Черноозерье [Зыков, 2002; Матвеева, 2012]. В синхронном вышеуказанном могильнике Ревда-5 имелись наблюдения, указывающие на растягивание такой шкуры на кольях [Матвеева, 2016a]. В недавно открытом грунтовом некрополе Медный Борок таких скоплений зафиксировано 12, они сопровождают захоронения взрослых мужчин, помещенных вытянуто на спине в неглубокой яме головой на юго-восток или юго-запад с оружием и украшениями IX–XI вв., присущими кимакам [Могильников, 1987; Худяков, 1986]. Керамика на древней поверхности рядом с ними – гетерогенная, может быть отнесена к бакальской, юдинской и усть-ишимской традициям.

Таким образом, появление курганных захоронений с конем и грунтовых погребений шкурой коня в данном регионе относится к средневековой эпохе. В предшествующей саргатской обрядности их не было.

Можно констатировать приток групп чуждого степного населения с начала IV в. и позднее. Поскольку данные погребения сопровождаются новациями в керамических формах и технологии производства посуды, новыми деталями устройства могил, но

следует видеть в обсуждаемых инновациях проявление многократных вторжений разных групп кочевников в лесостепь, по-видимому, из постгуннского, аварского и протоболгарского круга. Позднее фиксируются и курганный, и бескурганный способы погребений. По разнообразию черт погребального обряда и состава керамики, превалированию юго-западной ориентировки могил новые притобольские материалы более всего сходны с Усть-Суеркой-4, Бобровским могильником в Прииртышье, за исключением отсутствующей у нас пока посуды в виде цилиндрических кувшинов вытянутых пропорций и банок, относящихся к оседло-земледельческой продукции [Арсланова, 1980].

Предполагаем, что вся территория Тоболо-Ишимской лесостепи в период раннего и развитого средневековья, ввиду доказанной палинологами значительной аридизации климата [Матвеева, 2016б], по природным условиям не отличалась от степи. Поэтому она входила в пастбищно-кочевую систему населения Казахстанского региона и эксплуатировалась разными группами кочевников. Граница между ними и полуоседлым населением была подвижной и, вероятно, проходила по рекам Миассу, Исети, Тоболу и маркируется городищами.

С интенсификацией изучения южной части современной лесостепи характер и конкретные сюжеты историко-культурных процессов раннего и развитого средневековья, несомненно, будут разработаны в более детальном виде.

Библиографический список

Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. – Самара, 1998.

Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. н.э. // Вопросы археологии Урала. – 1973. – Вып. 12.

Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы : материалы V Сибиро-Уральского симпозиума. – Тобольск ; Омск, 2002.

Комар А.В. «Азиатские» элементы культуры кочевников Восточной Европы VI–VIII вв. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов : материалы Международного научного симпозиума. – Ижевск, 2006.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. – Тюмень, 2012.

Матвеева Н.П. Субстратные и суперстратные компоненты в культуре ранне-средневекового населения западной части Западной Сибири // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всероссийской конференции. – Тюмень, 2015.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). – Тюмень, 2016а.

Матвеева Н.П. Природные условия эпохи Великого переселения народов в западной части Западной Сибири и формирование культур раннего средневековья // Экология древних и традиционных обществ : материалы V международной научной конференции. – Вып. 5. – Ч. 2. – Тюмень, 2016б.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987.

Смагулов Е., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 2. – Алматы ; М., 1998.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986.

С.С. Матренин^{1,2}, А.А. Тишкин¹

¹Алтайский государственный университет;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

ХРОНОЛОГИЯ ДЕТАЛЕЙ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ КУРГАНОВ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (Центральный Алтай)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Изделия, входящие в состав конской узды, являются важными источниками для разработки хронологии археологических памятников, оставленных кочевниками Евразии в период поздней древности и в эпоху Средневековья. На сегодняшний день этот комплекс экипировки верховой лошади, использовавшийся населением Центральной Азии в хуннское время (конец III в. до н.э. – I в. н.э.), изучен достаточно поверхностно. В этой связи большое значение имеет исследование коллекции предметов конского снаряжения разного функционального и декоративного назначения, обнаруженных в процессе раскопок непогребенных ранних погребений булан-кобинской культуры на могильнике Яломан-II в Центральном Алтае. Анализируемое собрание насчитывает 51 артефакт из 13 захоронений.

Удилы представлены 13 железными изделиями с петельчатым соединением и петельчатыми окончаниями звеньев. У кочевников Алтая период активного использования таких удил приходится на II в. до н.э. – I в. н.э. с возможным продолжением в начале II в. н.э. Экземпляры, снабженные дополнительными петлями прямоугольной или овальной формы, часто датируются по хуннским аналогиям I в. до н.э. – началом I в. н.э. Особенностью многих булан-кобинских удил данной модификации является сочетаемость их с кольчатыми псалями большого диаметра (от 5 см) и без обойм. Данные образцы имеют наиболее близкие аналогии в конском снаряжении саргатской культуры Западной Сибири I в. до н.э. – III в. н.э., что, возможно, указывает на «западное» происхождение данных комплектов и последующее их появление у ранних «булан-кобинцев» Алтая [Могильников, 1992, табл. 123.-13; Матвеева, 1994, рис. 11.-72; 54.-11; 57.-2; Культура зауральских скотоводов на рубеже эр..., 1997, рис. 18.-20, с. 54–55]. Данная гипотеза требует детальной проработки, так как не исключены другие варианты.

Псалии включают 18 железных и три роговых предмета. Все металлические экземпляры вертикальной системы крепления – двудырчатые. Они представляют собой копии хуннских аналогов. Для них удалось получить более или менее обоснованные археологические даты. Пропеллеровидные псалии имеют своим прототипом центрально-азиатские модификации позднескифского времени. В снаряжении булан-кобинской культуры псалии типа 2 могут датироваться концом II в. до н.э. – I в. н.э. Время бытования бабочковидных псалиев с учетом хуннских аналогий [Treasures of the Xiongnu..., 2011, fig. 286; Ероол-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, зураг 17; Hunnu Tombs at Hudgin Tolgoi in Mongolia, 2003, fig. 21.-1, 2] предварительно определяется в рамках середины I в. до н.э. – I в. н.э. с возможным «доживанием» до II в. н.э. Гантелевидные псалии относятся к I в. до н.э., видимо, ко 2-й трети этого столетия [Цэвэндорж, 1985, рис. 18.-2, 3; Erdelyi, 2000, fig. 33; Коновалов, 2008, рис. 43; Дуурлинг нарсны, 2009, т. 39]. Железные кольцевые псалии в Центральной Азии в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. встречаются крайне редко [Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг 8.-2]. Можно предположить, что у ранних «булан-кобинцев» такие псалии демонстрируют западное направление связей с сарматами Приуралья или «саргатцами» Западной Сибири. Псалии из рога пока не показательны для датирования, так как они существуют длительное время без видимых изменений. Тем не менее оригинальные образцы с прорезями-пазами на концах можно сравнить с комбинированными биметаллическими псалями хунну 2-й половины I в. до н.э. – начала I в. н.э.

Пряжки. Зафиксированы два железных экземпляра с подвижным язычком без щитка. Образцы с подквадратной рамкой существуют в течение продолжительного времени – I в.

до н.э. – V в. н.э. Пряжки с арочной рамкой стали применяться кочевниками Алтая со 2-й половины I в. до н.э. [Матренин, Тишкин, 2016].

Уздечные бляхи. Бронзовые изделия с подвеской, фиксирующиеся с помощью отдельно изготовленной выступающей петли, представлены шестью экземплярами с полусферическим корпусом округлой формы большого размера. Они сочетают в себе признаки хуннских блях с колоколовидными подвесками из Дырестуйского некрополя II – I вв. до н.э. и полусферических блях с цельной петлей на тыльной (выпуклой) стороне корпуса, обнаруженных в могильниках 2-й половины I в. до н.э. – I в. н.э. Ноин-Ула, Хухудзурийн дугуй-II, Дурлинг-нарс, Кия-13. В рамках булан-кобинской хронологии они могут относиться к I в. до н.э., скорее всего, ко 2-й половине этого столетия [Матренин, Тишкин, 2016]. Железная бляха-подвеска овальной формы с прорезью для крепления не имеет точных аналогий и пока датируется предварительно по сопутствующему инвентарю I в. до н.э. – I в. н.э.

Распределители. Бронзовые изделия (4 экз.) крестовидной формы с неподвижными лопастями вкладышевого способа соединения ремней имеют точные аналогии в Дырестуйском могильнике Бурятии II–I вв. до н.э. [Миняев, 1998, рис. 15.-9, с. 73]. Железные безлопастные распределители в виде колец (4 экз.) представлены в снаряжении центрально-азиатских хунну I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. IX–X].

Таким образом, проведенное рассмотрение деталей конской узды позволило продемонстрировать их типологическое разнообразие, а также определить относительный возраст некоторых изделий. Как показывает исследовательская практика, изучение следует продолжить с использованием современных методов и критическим анализом традиционных датировок, «кочующих» из публикаций в публикацию.

Библиографический список

Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хурэн хондын хунну булшны судалгаа // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 2008. – Боть VI (XXVI).

Дуурлиг Нарсны хунну булш. – Улаанбаатар, 2009.

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Умард Хуннугийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 2008. – Боть VI (XXVI).

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ, 2008.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ, 1976.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург, 1997.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск, 1994.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №3/2 (87). DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-22

Матренин С.С., Тишкин А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – №2 (90). DOI 10.14258/izvasu(2016)2-40

Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сюнну. – Вып. 3. – СПб., 1998.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – Серия: Археология СССР. – М., 1992.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.

«Treasres of the Xiongnu». Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. – Ulaanbaatar, 2011.

Erdelyi I. Archaeological expeditions in Mongolia. – Budapest, 2000.

Hunnu Tombs at Hudgin Tolgoi in Mongolia. – Ulan-Bator ; Seul, 2003.

А. Мацане, Е.Л. Костылёва
Университет Гётеборга, Гетеборг, Швеция;
Ивановский государственный университет, Иваново
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЗВЕРЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ
И ЦЕНТРЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ В НЕОЛИТЕ

Изучение материалов могильников каменного века имеет большое значение для реконструкции многих сторон жизни и деятельности охотников-рыболовов. Нами была предпринята попытка рассмотреть проблему взаимоотношений зверя и человека на основе углубленного анализа зооматериалов и погребальной обрядности с применением современных подходов и методов исследования. Важным является сравнение радиоуглеродных дат, полученных по костям погребенных людей и украшений из зубов/костей животных из захоронений.

В центре внимания – подвески из зубов животных и остатки фауны из погребений могильника Звейниеки (Северная Латвия) [Zagorskis, 1987; 2004; Back to origin, 2006] и могильников в районе озера Сахтыш (Центральная Россия) [Крайнов, 1973; Костылёва, Уткин, 2010]. Детальный анализ украшений из зубов животных сахтышских могильников был предпринят впервые. Это расширило источниковую базу и позволило провести сравнение материалов двух регионов, отдаленных друг от друга на тысячу с лишним километров. До наших исследований сравнение проводилось только по янтарным украшениям. Появление янтаря в Центре Русской равнины связывалось с продвижением населения из Восточной Прибалтики [Никитин, 1976; Уткин, Костылёва, 2006].

В результате исследования было установлено, что в поздненеолитических/энеолитических погребениях и «кладах» сахтышских могильников наблюдается увеличение числа украшений из зубов хищников (собака, волк, барсук, медведь). К тому же на Сахтыше-II к этому времени относятся захоронения собак. В материалах могильника Звейниеки уже на этапе среднего неолита также наблюдается увеличение числа подвесок из зубов хищников с преобладанием украшений из зубов собаки (рис.-1) [Lougas, 2006; Larsson, 2006]. Эти данные могут говорить о возросшей роли собаки в жизни человека. Кроме того, в захоронениях энеолита Центра Русской равнины присутствуют подвески из зубов медведя, а в ритуальных «кладах» – медвежьи лапы. Это может быть связано с тотемическим культом медведя, который хорошо прослеживается и на других материалах (кремневая скульптура). В могильнике Звейниеки, напротив, подвески из зубов медведя в захоронениях встречаются весьма редко, что можно связать с отсутствием и археологически выраженных следов почитания этого животного.

1 – Звейниеки, погребение 226, подвески из зубов собаки;
2 – Сахтыш-IIa, погребение 24, нашивки из резцов сурка

Обращает на себя внимание малое количество в материалах обоих могильников подвесок из зубов куницы, хотя в культурном слое сахтышских стоянок часто встречались челюсти куницы, в том числе с отверстиями для подвешивания, а также их черепа. В данном случае, видимо, куницу можно рассматривать не как объект почитания, а как объект охоты, шкурки которого очень ценились и служили предметом «экспорта».

Специфическими украшениями были резцы сурка, обнаруженные в количестве более 40 экземпляров в одном женском захоронении могильника Сахтыш-Па (рис.-2) и совершенно не представленные в Звейниеки. Оба могильника не входят в ареал обитания этого зверька. Присутствие данных украшений свидетельствует о наличии контактов жителей сахтышского региона с населением степной/лесостепной зоны.

На зубах сурков не было обнаружено перфорации или рабочих меток, указывающих на возможность сшивания зубов с одеждой, однако имелись следы какого-то клеящего вещества. Декоративные свойства зубов сурков (форма и оранжевый цвет) могли быть одной из причин их использования. Отсутствие находок других костей сурков аргументируют декоративный аспект их использования. Вероятно, мех сурков был достаточно ценен, и использование резцов сурков в одежде могло быть свидетельством навыков охотника, то есть это был своеобразный статусный вид украшений.

Разница в составе украшений из зубов животных могильников сахтышской группы и Звейниеки можно объяснить хронологическими особенностями, составом фауны в рассматриваемых регионах, а также инокультурными влияниями.

Таким образом, изучение украшений из зубов животных в погребениях могильников близ озера Сахтыш и Звейниеки показало, что взаимоотношение зверя и человека было многоплановым: человек был частью окружающей его природы, близко взаимодействовал с животным миром. Звери были не только источниками пищи и сырья, но и объектами поклонения, спутниками, возможно, друзьями или врагами. Они могли воплощать некие идеалы, внушать страх или уважение. Хотя в то же время подвески из зубов могли выполнять и чисто декоративную функцию.

Библиографический список

Крайнов Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. – М., 2010.

Никитин А.Л. Существовала ли «волосовская культура»? // СА. – 1974. – №2.

Уткин А.В., Костылёва Е.Л. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России: к 100-летию В.П. Левенка. – Липецк, 2006.

Back to origin. New research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki cemetery and environment, northern Latvia / eds. Zagorska I. & Larsson L. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52. – Lund, 2006.

Larsson L. A tooth for a tooth. Tooth ornaments from the graves at the cemeteries of Zvejnieki // Back to origin. New research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki cemetery and environment, northern Latvia / eds. Zagorska I. & Larsson L. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52. – Lund, 2006.

Lougas L. Animals as subsistence and bones as raw material for settlers of Prehistoric Zvejnieki // Back to origin. New research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki cemetery and environment, northern Latvia / eds. Zagorska I. & Larsson L. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8. No. 52. – Lund, 2006.

Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. – Rīga, 1987.

Zagorskis F. Zvejnieki (Northern Latvia) Stone Age cemetery. BAR International series, 1292. – Oxford, 2004.

В.Е. Медведев
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА
НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(Нижнее Приамурье)

Исследования неолитических культур на юге российского Дальнего Востока демонстрируют в них много общего. Для культур характерны многочисленные поселения с полужемлянками, очагами, ямами и порой с весьма глубокими жилищами-землянками, оснащенными древесно-глиняными канами и «спальными» ямами (нижний Амур). Неолитическое население занималось многоотраслевым присваивающего типа хозяйством, прежде всего, добычей проходной морской рыбы, в позднем неолите в Приморье и на среднем Амуре получило развитие земледелие. На многих поселениях выявлены культовые центры, возникшие в начальном и раннем неолите и функционировавшие на протяжении длительного времени. В камнеобработке присутствует техника расщепления – использование нуклеусов призматического типа, раннее применение абразивных инструментов, шлифование, большое количество рубящих орудий. Керамика, появившаяся в Приамурье в финале плейстоцена, обеспеченная всеми атрибутами протогончарства [Medvedev, Tsetlin, 2013], за редчайшим исключением, плоскодонная с богатым орнаментом.

На ранней стадии изучения нижнеамурского неолита (1950–1970-е гг.), обладающего сейчас наибольшим в регионе разнообразием культур, до выделения в 1990-е гг. среди них древнейших – осиповской и мариинской – данное время ограничивалось исследователями V–II тыс. до н.э. По исследованиям той поры неолит региона представлялся неразделимым, еще на рубеже 1960–1970-х гг. он определялся чаще единой нижнеамурской культурой с подразделением на 3 этапа. С расширением культурного спектра нового каменного века на основе раскопок таких объектов, как Сучу, Гася, Кондон-Почта и др., обозначились локальные и хронологические особенности развития культур от Приуссурия до устья Амура. Примером их «необезличенности» служит керамика с характерным орнаментом для каждой из них. На всем протяжении существования культур (13–3,3 тыс. л.н.) происходили контакты их носителей с соседями. В частности, малышевцы среднего неолита взаимодействовали с представителями бойсманской культуры Приморья. Масштабы и обусловленность возможных взаимовлияний этих культур еще предстоит выяснить. Есть, например, в малышевских памятниках низовий Амура яркая оригинальная керамика, в том числе единично остродонная, сочетающая в себе отдельные элементы двух названных культур со своими, в чем-то гибридными, но особо изящными, чаще красноощеными, формальными и стилистическими атрибутами. Найденный на о. Сучу, очевидно, в погребении, впущенном в заполнение жилища малышевской культуры, остродонный сосуд может свидетельствовать о сосуществовании с малышевцами неких инोकультурных групп амурских обитателей. Гибридность культур раннего/среднего неолита восточных районов среднего Амура показывают также материалы стоянки Амурзет.

В начальный период малышевской культуры отмечено проникновение на нижний Амур ряда элементов материальной культуры жителей северо- и южно-тихоокеанских побережий. Особенно наглядно это представлено находками специфических предметов искусства, культа – каменных лабреток с Камчатки и керамических чуринок, характерных орнаментов от протоайнов [Медведев, 2016], что сказалось на облике амурских культур среднего и позднего неолита. В малышевскую культуру развитого этапа происходит внедрение обитателей других ареалов. С севера из районов современной Якутии пришли носители белькачинской культуры, оставив свою шнуровую круглодонную керамику и некоторый каменный инвентарь на месте ранее существовавших малышевских жилищ-

полуземлянок. Причины, видимо, массовых кратковременных миграций белькачинцев пока не установлены, так же как и степень влияния этих бродячих таежных пришельцев на оседлое амурское население. Однако этому эпизоду порой почему-то отдается первостепенное значение из числа инокультурных вторжений в нижнеамурский неолит [Шевкомуд, 2015, с. 153].

Расцвет в развитии неолита Нижнего Приамурья приходится на время функционирования вознесеновской культуры (III – 3-я четверть II тыс. до н.э.), распространявшейся также на многие районы соседнего Приморья. Это наблюдается практически во всех ее слагаемых. В домостроительстве преобладают четырехугольные, иногда округлые в плане полуземлянки, есть также исключительно глубокие землянки (свыше 2 м в материке), именно в них в неолите Дальнего Востока (низовья Амура) обнаружена древнейшая отопительная конструкция – кан. Для каменного инвентаря присуща бифасиальная техника обработки, особенно тщательно оформлялись отжимной ретушью метательные орудия. Пластинчатая техника отмечается редко, рубящие орудия, как правило, шлифованные. Керамика вознесеновской культуры наиболее ярко представлена обрядово-ритуальными сосудами с зоо-, антропоморфным, растительным рельефным орнаментом, окрашенными ярко-красной или малиновой краской. Подобные изделия – удивительные образцы искусства, которое у вознесеновцев сформировалось и достигло подлинных вершин в различных жанрах (полиэikonическая или полиобразная зоо- и антропоморфная скульптура, украшения, петроглифы). Достижения амурского населения вознесеновского времени, своего рода неолитический апогей – результат культурной аккумуляции на протяжении многих тысячелетий.

Вместе с тем нельзя не увидеть, что на фоне прогрессивного его развития, включая, прежде всего, производственную сферу, под влиянием соседей происходит подспудное осознание возможности использования более совершенных металлических изделий (вначале неутилитарного культового характера). Это вело к деградации техники изготовления каменного инвентаря. Преобладающей стала техника шлифования, в особенности тесел, стамесок, долот, наконечников стрел. Пластинчатая индустрия сходит на нет, нуклеусы в вознесеновской культуре большая редкость – сработанные пластинчатые.

К наименее изученному в Нижнем Приамурье неолиту относится его финальный этап (конец II тыс. до н.э.), материалы которого известны лучше в северо-восточной части региона. Для его керамики характерны простые горшковидные гладкостенные емкости с налепным валиком по венчику (иногда двумя). Имеется уникальный сосуд с вертикальными в виде рассеченных ребер налепами на тулове. В реалиях финального неолита нижнего Амура просматривается влияние соответствующих культур соседних территорий – в первую очередь островных тихоокеанских. В целом же особенности развития позднего неолита в различных частях Приамурья и в Приморье отразились позже при формировании культур палеометалла.

Библиографический список

Медведев В.Е. К проблеме воссоздания культурно-исторических процессов в эпоху неолита в Приамурье // Археологическое наследие в Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) : материалы Международной конференции. – Кемерово, 2016.

Medvedev V.E., Tsetlin Yu.B. Technological analysis of the earliest ceramics from the Amur region (13–10 thousand years bp) // Archaeology Ethnology Anthropology of Eurasia. – 2013. – №2.

Шевкомуд И.Я. Неолит палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. – Владивосток, 2015.

П.С. Медведева
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Челябинск*
ТКАНИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ
ЮЖНОГО УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-31-01077
«Ткачество бронзового века Урало-Поволжского региона»)

Отпечатки ткани на керамических сосудах являются ярким и уникальным источником по истории древнейшего ткачества Урало-Поволжья. Причина их возникновения – традиция формовки керамики на сосуде-основе [Виноградов, Алаева, 2013, с. 147] – вероятно, была задана синташтинским культурным импульсом и наследована генетически связанными поздними культурами. В работе была поставлена цель изучения технологических характеристик тканей бронзового века по их отпечаткам на внутренней стороне сосудов. В соответствии с целью предполагалось решить две задачи: проведение структурного анализа тканей по их отпечаткам на керамических сосудах и сравнение технологических параметров тканей различных археологических культур бронзового века. В выборку вошли керамические коллекции из могильников бронзового века Южного Зауралья и Поволжья: синташтинские (Каменный Амбар-5, II Нурдаuletовский курган), синташтинско-петровские (Озерное-I, Кривое Озеро), петровско-алакульские (Троицк-7, Бирюковский), алакульские (Алакульский, Субботино, Раскатиха, Верхняя Алабуга, Черняки-I, Черняки-II) и потаповские погребальные комплексы (Потаповский, Утеvский VI) [Епимахов, 2005; Горбунов и др., 1989; Новиков и др., 2014; Виноградов, 2003; Костюков, Епимахов, 1999; Сальников, 1952; Маслюженко, Шилов, 2005; Потемкина, 1985; Стоколос, 1968, 1972; Васильев и др., 1994]. Всего был учтен 1296 сосуд из 14 могильников. Из них 273 сосуда имели на внутренней стороне отпечатки ткани.

Методика исследования предполагала структурный анализ тканей по их отпечаткам на керамических сосудах, состоящий из двух последовательных этапов. Первый этап – снятие оттисков-позитивов с отпечатков ткани на керамике. Второй этап подразумевает проведение структурного анализа по оттискам-позитивам для выявления основных технологических характеристик ткани: тип переплетения, раппорт переплетения, толщина нити, крутка нити, расстояние между нитями, плотность нитей на 1 кв. см. Для учета специфики тканей бронзового века были учтены такие параметры, как степень пропечатки ткани, равномерность плотности и натяжения, коэффициент плотности по двум системам нитей, нарушения раппорта, признаки повреждений.

Исследование позволило прийти к следующим результатам. На территории распространения синташтинских, петровских, потаповских и алакульских памятников существовала такая отрасль хозяйства, как ткачество. Текстильные отпечатки демонстрируют именно тканую фактуру, выполненную с помощью специального оборудования (ткацкого станка). Доля сосудов с отпечатками ткани различается в зависимости от территориально-хронологической близости к синташтинским памятникам. Больше всего сосудов с отпечатками ткани обнаружено в коллекциях могильников, расположенных в зоне расположения синташтинских укрепленных поселений (могильники Каменный Амбар, Кривое Озеро, Троицк-7 и Бирюковский). В памятниках этой зоны процент сосудов с отпечатками достигает от 24 до 58%, в среднем – 39%. По мере хронологического и территориального удаления их количество уменьшается (лесостепное Поволжье – 8%; лесостепное Притоболье – 2–4%; лесостепи Челябинской области – 2–30%, в среднем – 14%).

Параметры тканей по культурной линии «синташта-петровка-алакуль» укладываются в достаточно узкий диапазон значений. Все изученные образцы имели полотняное переплетение, в рамках которого выделяются четыре типа: редкая ткань, плотная ткань, мешковина, репс. Толщина нитей – 0,4–1,2 мм (средняя 0,6 мм), для

большинства образцов характерна одинаковая толщина нитей по основе и утку. Средняя плотность составляет 11×7 нитей на кв. см. Обычно плотность по одной из систем нитей выше, чем по другой. Можно предположить использование как Z, так и S-крутки. Немногочисленные потаповские образцы укладываются в этот диапазон и наиболее близки синташтинским тканям. Таким образом, учитывая близость технологических параметров и наличие всех четырех типов полотняного переплетения во всех культурах, можно предполагать единую текстильную традицию у исследуемых археологических культур.

Тем не менее предварительные результаты указывают на некоторую культурную специфику. Во-первых, средняя плотность петровских и алакульских тканей несколько выше, чем в синташтинских и потаповских. Во-вторых, синташтинские ткани демонстрируют большую вариативность в параметрах полотняного переплетения и большое количество редкой ткани, тогда как в петровских и алакульских тканях доминирует репс. Третье отличие состоит в большом количестве отпечатков поврежденных тканей на синташтинских сосудах в отличие от петровских и алакульских. Последние в большинстве своем имеют равномерные плотность и натяжение, отсутствие нарушений раппорта и признаков повреждений. Можно предположить высокий уровень мастерства ткачей бронзового века Урала-Поволжья. Они умели изготавливать различные по параметрам ткани в рамках полотняного переплетения. Скорей всего, они уже знали классический ткацкий станок с ремизкой, что существенно повышало производительность труда. Учитывая отсутствие более ранних свидетельств ткачества в регионе, вполне возможно, что это были достаточно прогрессивные технологии.

Библиографический список

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск, 2003.

Виноградов Н.Б., Алаева И.П. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье-I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск, 2013.

Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья : сборник научных статей. – Уфа, 1989.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн. 1. – Челябинск, 2005.

Костюков В.П., Епимахов А.В. Предварительные итоги исследования могильника бронзового века Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга : материалы научной конференции. – Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург, 1999.

Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н. Некоторые предварительные итоги исследования Алакульского могильника позднего бронзового века в 1999–2003 гг. // Зауралье в панораме веков. – Курган, 2005.

Новиков И.К., Дегтярева А.Д., Шилов С.Н. Могильники эпохи бронзы Озерное-1 и Озерное-3 (результаты исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – №1 (24).

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. – М., 1985.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. – 1952. – №24.

Стоколос В.С. Памятник эпохи бронзы – могильник Черняки-II // Труды Камской археологической экспедиции. – Вып. IV. – Пермь, 1968.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М., 1972.

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ КАВКАЗА, БАЛКАН И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №15-06-02098

Раскопки детских погребений по объективным причинам долгое время предоставляли, в основном, информацию о биологическом возрасте, значительно реже – о темпах физического развития детей из разных палеопопуляций. Анализ детских останков требует особых навыков, прежде всего, знания анатомии формирующейся скелетной и зубной системы [Schaefer et al., 2009]. Но в последние годы разработка новых инструментальных методов, возможность их привлечения к анализу очень фрагментарных находок, к которым относятся и детские скелеты, открывает перспективы для понимания влияния глубинных исторических процессов на качество и образ жизни людей. Так, применение современных радиологических методов помогает неdestructивно изучать внутреннюю структуру мелких объектов [Медникова, 2016]. Изотопный анализ костных и зубных остатков служит определению степени мобильности древнего населения [Bickle, Whittle, 2013]. Наконец, внедрение биоархеологического подхода, то есть подробного контекстуального изучения останков, в исследования последних лет возвращает детям «полноправное место» в палеопопуляциях [Lewis, 2007]. Появление производящей экономики, земледелия и скотоводства открыло перед человечеством новый образ жизни, повлияв на плотность, численность и структуру населения. Оседлость способствовала демографическому росту. Особенностью многослойных земледельческих поселений эпох халколита и ранней бронзы становится массовый характер детских захоронений. Помимо культурной специфики за этим явлением скрывается высокая детская смертность. Ведь дети и подростки – наиболее уязвимая группа. При наличии неблагоприятных факторов социального, экономического, политического характера, при изменении климата, в условиях голода и болезней эта часть населения испытывает наибольшее давление, переживает физиологический стресс, влияющий на формирование скелетной и зубной систем. Поэтому изучение состояния здоровья и параметров физического развития детей ранних земледельцев – важная и актуальная задача, решение которой может пролить свет на особенности жизни всего общества. Другой, не менее важный аспект – роль и восприятие детей в социуме. Дети, погребенные иначе, чем взрослые, помогают понять верования своих отцов. Ведь детство – это культурный нарратив. Кто были дети ранних земледельцев? В самом общем смысле, они были зависимыми существами в промежутке от рождения до полноправного участия в жизни социума. В прошлом протяженность детства сильно отличалась от современных понятий. Детей дольше кормили грудью, но они и раньше начинали работать. Неслучайно возникла парадоксальная, но аргументированная точка зрения Б. Богина, что «настоящее детство» – это следующий за младенчеством период от 3 до 7 лет, когда ребенок еще в полной мере нуждается в поддержке и защите взрослых.

В рамках данной работы были исследованы материалы из раскопок земледельческих памятников Месопотамии (Телль Хазна), Балкан (Телль Юнаците), Кавказа (Галаери, Чекон, Великент). Кроме общепринятых применялись методы радиологической микроскопии, микрофокусной рентгенографии и томографии, методом масс-спектрометрии определялось соотношение изотопов стронция в костной ткани и зубной эмали.

Захоронения детей лейлатепинской культуры, происходящие из раскопок поселения Галаери нач. 4 тыс. до н.э. в Азербайджане, были выполнены в однотипных глиняных сосудах из категории «грубой керамики» [Медникова и др., 2017]. Установлено, что младшие из исследованных детей скончались в возрасте 4–6 месяцев. Но их размеры тела соответствуют современным стандартам новорожденных. Еще один ребенок, для которого определен зубной возраст в 4–5 лет, отставал в своем физическом развитии на 2–3,5 года. Все дети с поселения Галаери демонстрируют симптомы хронической недостаточности витамина С. Именно младенческая цинга, в конечном итоге, стала причиной их смерти. Анализ соотношения изотопов стронция свидетельствует об отличии геохимической среды, в которой прошла короткая жизнь этих детей, от сигнала контрольных образцов почвы с поселения.

Детская выборка из раскопок комплекса Великента в Дагестане более многочисленна. Здесь, кроме симптомов авитаминоза С встречены манифестации таких патологических состояний, как остеомиелит трубчатых костей и т.н. *cribra femoris*. Судя по изотопным сигналам, эти дети имели местное происхождение.

Необычное ярусное погребение в слое майкопского поселения Чекон содержало останки ребенка 5–6 лет с множественными патологическими проявлениями на трубчатых костях [Кореневский и др., 2015]. Дифференциальная диагностика включает инфекцию и цингу. Судя по изотопным сигналам, ребенок прожил жизнь на этом поселении.

Около 3300 до н.э. обитатели Фракийской долины (Болгария) совершили серию интрамуральных захоронений маленьких детей в слоях поселения на телле Юнаците. На останках этих детей, скончавшихся от 0 до 18 месяцев, были выявлены признаки младенческой цинги [Бужилова, 2007]. Палеогенетическое исследование установило, что они были мальчиками [Balabina et al., 2010]. Наконец, анализ соотношения изотопов стронция позволил нам установить, что они были принесены на телль из разных мест, чтобы быть там погребенными. Общий возраст, пол и даже заболевание указывают на избирательность захоронений младенцев на поселении Юнаците.

80% изученных погребений из раскопок многослойного Телля Хазна в северной Месопотамии (Сирия) принадлежало детям [Добровольская, Медникова, 2016]. Из них большинство относительно поздние и относятся к раннединастическому периоду (ок. 28 в. до н.э.). Визуальное и радиологическое обследование этих материалов позволило выявить присутствие так называемых оссифицированных гематом на черепе и трубчатых костях, периостита и некоторых других патологических проявлений, которые могут быть объяснены пищевым стрессом и хронической витаминной недостаточностью.

Наши данные позволяют сделать вывод об отсутствии в рационе питания маленьких детей и их матерей эпох халколита и ранней бронзы свежих фруктов и овощей. В обществе ранних земледельцев такая ситуация была возможна только после длительного хранения и термической обработки продуктов питания. Кроме того, появились новые основания обсуждать избирательный характер захоронений маленьких детей в слоях поселений эпохи раннего металла. Интрамуральные погребения и захоронения грудных младенцев в сосудах отражают особую роль детства в религиозных представлениях халколитических и ранне-бронзовых культур на обширной территории.

Библиографический список

Balabina V., Mishina T., Mamedov I., Lebedev Y., Kurnosov A. Early Bronze Age infant burials from Tell Yunatsite: Ancient DNA sex identification and analysis of ritual patterns // *Studia praehistorica*. – Sofia, 2010.

Бужилова А.П. Антропология раннего бронзового века телля Юнаците Телль Юнаците. Эпоха бронзы. – Т. 2, ч. 1. – М., 2010.

Добровольская М.В., Медникова М.Б. Биоархеологические подходы к изучению останков погребенных на Телль Хазне I // Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. – Т. 2. – М., 2016.

Кореневский С.Н., Медникова М.Б., Бочковой В.В. Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2015. – Т. 43 (2).

Медникова М.Б. Радиологические методы в биоархеологии // *Междисциплинарная интеграция в археологии*. – М., 2016.

Медникова М.Б., Мусеибли Н., Кореневский С.Н. Детские погребения лейлатепинской культуры эпохи халколита на поселении Галаери в Азербайджане (опыт биоархеологического исследования) // *Stratum plus*. – №2. – 2017.

Bickle P., Whittle A. (eds.). *The first farmers of Central Europe: diversity in LBK lifeways*. – Oxford, 2013.

Lewis M. *The Bioarchaeology of Children: Perspectives from Biological and Forensic Anthropology*. – Cambridge, 2007.

Schaefer M., Black S., Scheuer L. *Juvenile osteology. A laboratory and field manual*. – Amsterdam, 2009.

Е.Е. Мельникова
Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул
ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
И ПУТИ ИХ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТУРИЗМЕ
НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

В последние годы в России является актуальным вопрос сохранения археологических объектов и объектов культурного наследия. К сожалению, в XXI в. одновременно с развитием сельского хозяйства и энергетики, туризма и рекреации происходит нарушение норм рационального природопользования, не учитывающих значения объектов культурного наследия регионов, традиций и верований малых коренных народов. Именно эти отрасли в первую очередь подвергают негативному воздействию археологические памятники и объекты культурного наследия (деградация растительного покрова, «вытаптывание», загрязнение водных объектов и пр., разрушение петроглифов). Проблема заключается в том, что у населения низкий уровень экологической культуры, нравственных и моральных ценностей, знаний о подобных объектах и важности их сохранения.

Между тем археологические объекты являются частью культурного ландшафта региона, формируя культурное пространство, повышают туристскую привлекательность и этнический колорит территории [Каганский, 2011, с. 5].

Алтайский регион – удивительная географическая область, обладающая уникальными природно-климатическими условиями, геологическим и биологическим ресурсным потенциалом, богатым культурно-историческим наследием.

В регионе находятся уникальные археологические объекты, такие как Денисова пещера, археологические памятники плоскогорья Укок, долины рек Юстыд, Уландрык, Каракол и др., получившие известность во всем мире, открывшие миру новые бесценные данные и археологическое наследие, привлекающие сюда туристов из разных уголков мира.

В связи с растущей нагрузкой на объекты в последнее время стало уделяться все больше внимания вопросам учета, охраны подобных объектов. В отношении туристско-рекреационного использования объектов археологического наследия, наиболее оптимальным и экологичным является научный (научно-познавательный) туризм. Кроме того, научный туризм направлен на просвещение молодежи, вопросам важности сохранения целостности нашей природной среды и знакомства с историко-культурным прошлым геопространства. В научном туризме объектами посещения (изучения) являются природные территории, памятники археологии, явления и процессы, представляющие научно-познавательный или научно-исследовательский интерес. Условно их можно разделить на следующие группы: геологические, археологические, ботанические, зоологические, историко-этнические. На основании каждой группы в научном туризме может быть выделены подвиды: геологический туризм, археологический и т.д.

Научный туризм является не только экологичным видом, так как имеет строгую системность и научный контроль за его развитием, но и позволяет туристам формировать экологическую культуру, получая новые знания и опыт во время посещения или изучения объектов (территории или природных процессов).

Таким образом, наряду охранно-спасательными мероприятиями, музеефикацией объектов развитие научного туризма способствует, с одной стороны, сохранению биоразнообразия и минимальной рекреационной нагрузке на ландшафт, с другой стороны – просвещению населения, духовно-нравственному и экологическому воспитанию молодежи.

Библиографический список

Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Культурная география. – 2011. – №5.

Шуныков М.В., Агаджанян А.К. Палеогеография палеолита Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №2 (2).

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ 1917–1930-х гг. В ЛИЧНОСТНОМ ВОСПРИЯТИИ
СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ (по материалам дневников, писем, мемуаров)

Революционные события 1917 г. наложили отпечаток на все сферы российского общества. Для археологии это были не только организационные, содержательные и методологические преобразования. Изменениям подверглись статусные позиции исследователей, повседневная жизнь ученого, разрушались привычные коммуникации и образ жизни.

В изучении истории отечественной археологии в советский период эти социальные изменения интерпретировались как бесспорно положительные, способствующие социальному прогрессу и в определенной степени идеализировались. Однако динамичное развитие истории и историографии российской археологии, последовавшее с конца XX в., показывает, что трансформации, последовавшие за чередой войн и революций, не всегда были однозначно позитивными.

Благодаря активной источниковедческой работе историков археологии в различных регионах России сегодня опубликовано значительное количество в первую очередь личных источников – писем, дневников, мемуаров, в ряду которых особенно выделяется публикация «Дневников» В.А. Городцова [Городцов..., 2015]. Эти публикации заставляют нас скептически относиться к образам археологии, созданным на протяжении советской эпохи. Их анализ, проведенный не только с позиций содержания археологических исследований, но и в историко-антропологическом ключе, позволяет увидеть многомерное изменение в отечественной археологии, наиболее ярко проявившееся в личностном восприятии становления новых реалий социалистической жизни.

Безусловно, для многих деятелей дореволюционной поры революционные события стали важным импульсом к дальнейшему научному творчеству, а поставленные государством задачи социалистического строительства воспринимались как мощные стимулы к активным археологическим исследованиям. В национальных регионах страны в связи со строительством новой государственности выростал статус ученого, в том числе и археолога, и на протяжении 1920-х гг. мотивировал исследователей к изучению истории коренных народов регионов, зачастую в тесном сотрудничестве с этнографами, антропологами, фольклористами.

Но анализ личных источников дает нам возможность обратить внимание на теневые стороны общественно-политических преобразований, в особенности, начавшиеся с конца 1920-х гг. – боль, страдания, трагические переживания, которые были следствием новаций, устанавливаемых государством для функционирования науки как социального института.

Их исследование возможно с точки зрения концепции социальной травмы, которая рассматривает социальную травму как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее, вызывающее нарушение привычного образа мысли и действий, изменяющее, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления [Штомпка, 2001, с. 6].

Анализ личных документов, написанных археологами первого советского поколения, исследовательски и личностно сложившихся до революционных событий, показывает, какую мощную травмирующую роль в личностном измерении сыграли революции, войны, голод, эмиграция коллег, насилие, бытовая неустроенность, разрыв прежних социальных связей, организационные новации.

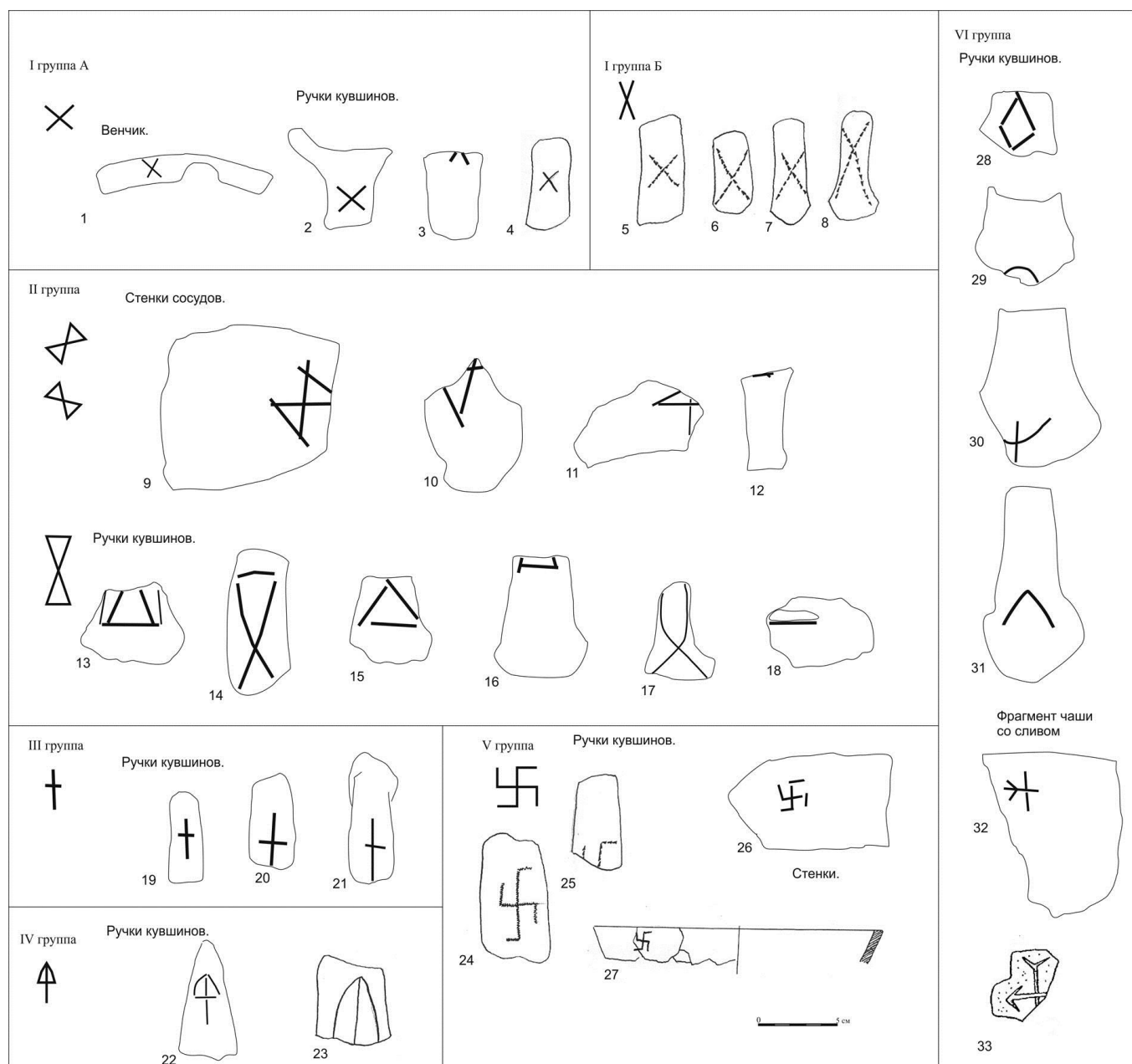
Библиографический список

Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Т. 2 / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. – М., 2015.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – №1.

М.Ю. Меньшиков
 ООО «Столичное археологическое бюро», Москва
 ТАМГИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ
 НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ БАССЕЙНА р. МЗЫМТА
 (среднее и верхнее течение)

В работе рассматриваются 33 изображения тамг на керамической посуде, которая происходит с территории памятников, содержащих слои средневековья и нового времени. Памятники расположены в окрестностях п.г.т. Красная Поляна Адлерского района Краснодарского края. Изображения тамг встречены на двух категориях столовой посуды: чаши с пальцевыми углублениями-сливами и кувшины с ручкой [Воронов, 1979; Ситникова, 1971; Меньшиков, 2015].

Тамги на керамической столовой посуде
 среднего и верхнего течения р. Мзымта

В большинстве случаев можно уверенно говорить о том, что изображение было нанесено до обжига посуды. В ходе работ на средневековом поселении Ржаное-3 был найден инструмент гончара, которым могли быть оставлены на посуде некоторые из знаков. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что в исследуемом районе было собственное керамическое производство, и тамги могли принадлежать местным фамилиям.

Большинство фрагментов с нанесенными на них тамгами происходят с многослойных памятников, имеющих широкую датировку, и укладываются в период с конца I тыс. до этапа махаджирства. Было выделено 6 групп знаков. Наиболее распространенные в регионе тамги, несмотря на их геометрическую простоту, не имеют прямых аналогий у соседних этнических групп. Данное обстоятельство позволяет связывать эти символы с местными племенами группы «ахчипсы». Представители данной этнической группы были полностью переселены в Турцию в результате махаджирства и практически исчезли с карты Кавказа в середине XIX в. Также на памятниках региона отмечены единичные находки родовых знаков, которые имеют устойчивые аналогии у соседних народов.

Таким образом, мы имеем подборку фамильных символов исчезнувшего населения, а также в единичных случаях родовые знаки этнических групп, с которыми местные жители имели контакты на протяжении II тыс. н.э.

Библиографический список

Биджиев Х.Х., Гадло А.В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.

Инал-Ипа Ш.Д. Садзы: Историко-этнографические этюды. – М., 1995.

Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп, 2002.

Кузнецов В.А. Надписи Хумаринского городища // СА. – 1963. – №1.

Лавров Л.И. Кавказские тамги. – Нальчик, 2009.

Меньшиков М.Ю. Отчет о выполнении охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый-1», «Поселение Садовый-2», «Святылище Садовый-3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2011 г. / Архив ИА РАН, 2015.

Меньшиков М.Ю. Отчет о проведении археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Селище Роза-1», «Могильник Роза-1», расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. / Архив ИА РАН, 2015.

Меньшиков М.Ю. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Поселение Ржаное» (Ржаной-2 и Ржаной-3), расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. / Архив ИА РАН, 2015.

Ситникова Л.Н. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях г. Сочи в 1971 г. / Архив ИА РАН, Р-1. – №4531, 1971.

Чуяко А.Б. Адыгские фамилии и тамги. – Майкоп, 2012 (на адыг. языке).

Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Кемерово
НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ
НА БЕРЕГОВЫХ СКАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА
(методика поиска и проблемы документирования)

По обоим берегам Енисея и в устьях его притоков от Абакана до Красноярска находились десятки памятников наскального искусства, которые полностью или частично ушли под воду после строительства Красноярской ГЭС и наполнения резервуара водохранилища. Сотни изображений затонули, погибли и продолжают гибнуть от разрушения скального массива, сезонных колебаний уровня воды, ледоходов, осыпей и т.д. Из-за продолжающейся переработки берегов разрушаются и те изображения, которые находятся выше уровня затопления. Некоторые памятники были изучены до затопления. Копии и фотографии А.В. Адрианова, Я.А. Шера и других исследователей позволили сохранить для науки значительную часть ныне утраченного наследия. Однако даже на достаточно хорошо исследованных памятниках было выявлено далеко не все; не все даже выявленные плоскости удалось скопировать; и конечно же, далеко не все памятники были вообще обнаружены.

В центральной и северной частях водохранилища уровень воды даже в периоды сброса остается высоким, некоторые памятники сейчас находятся на глубине до 40 м под водой. В южной части (от Абакана и ниже по течению) уровень воды иногда падает так низко, что береговые скалы обнажаются, и можно видеть уцелевшие петроглифы. Наибольшие концентрации изображений были (и все еще сохранились) на скалах горного массива Оглахты (левый берег Енисея) и Тепсея/Усть-Тубы (правый берег Енисея, правый берег Тубы в месте ее впадения в Енисей). Исследование их имеет очень большое значение: современные методы документирования позволяют существенно уточнить важные для атрибуции детали известных композиций и выявить новые фигуры; также обнаруживаются совершенно новые плоскости среди исследованных ранее (мы предполагаем, что до затопления они были скрыты лишайниками и потому остались незамеченными). Методика поиска и документирования в таких случаях заключается в обследовании обнажившихся скал с лодки в период спада воды (или даже с берега при самом низком ее уровне), расчистке плоскостей от покрывающего их илистого налета и осыпей, и далее обычной фотофиксации. Важно и то, что сейчас есть возможность замерить координаты выявленных и ранее известных плоскостей.

Петроглифы на береговых утесах располагались на разной высоте относительно линии берега, в связи с чем исследователям приходилось расчищать от речных заносов самые нижние плоскости и пользоваться скалолазным оборудованием для копирования верхних. Сейчас для обследования и фотофиксации изображений, расположенных на разной высоте, мы используем колебания уровня воды в водохранилище на протяжении полевого сезона. Оказалось, что находки приносит не только «низкая вода», но и «высокая», когда на лодке мы «поднимаемся» на уровень тех плоскостей, которые были хоть и видны, но недостижимы с берега. Ортогональное их фотографирование позволило получить прорисовки ряда очень интересных многофигурных композиций.

Более того, при детальном осмотре склонов в бинокль с самого высокого уровня воды, мы обнаружили, что наскальные рисунки имеются и на тех ярусах, которые расположены существенно выше уровня затопления. Обнаруженные нами этим методом плоскости также содержат интереснейшие изображения древнейшего пласта, и никогда никем ранее не фиксировались. По всей видимости, до затопления, снизу, с уровня берега их просто невозможно было увидеть. В связи с разрушением нижних ярусов скал, подобраться к большинству выявленных плоскостей невозможно. Это обусловило необходимость разработки методики их съемки с воды, из лодки, с применением полнокадровой фотокамеры и телеобъектива. В таких условиях невозможно зафиксировать масштаб, и неизбежны перспективные искажения, однако детали изображений выявить удастся.

В докладе демонстрируются новые материалы, полученные на скалах Оглахты и Усть-Тубы, а также на конкретных примерах рассматриваются проблемы выявления и документирования подобных изображений и возможные пути их решения.

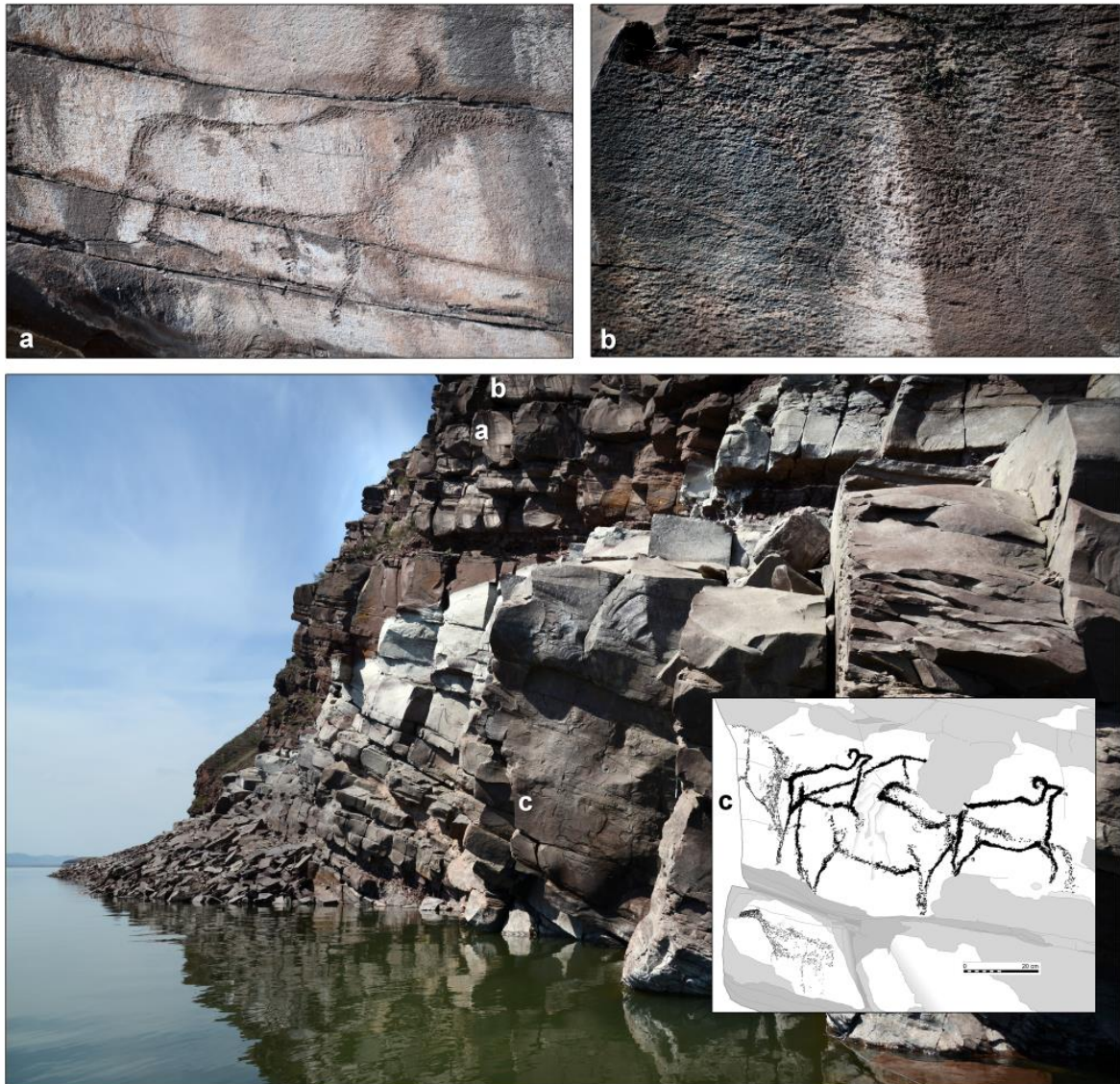

Рис. 1. Оглахты (левый берег Енисея). Расположение петроглифов выше и ниже уровня затопления.

Рис. 2. Новые петроглифы на утесах Усть-Тубы (правый берег Тубы).

Р.А. Мимоход
Институт археологии РАН, Москва
ПОСТКАТАКОМБНЫЙ МИР:
КОНЦЕПЦИЯ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ

В финале средней бронзы в степной и лесостепной полосе Восточной Европы сложился блок посткатакомбных культурных образований [Мимоход, 2005]. Время его существования по калиброванным радиоуглеродным данным укладывается в XXIII/XXII–XVIII вв. до н.э. [Мимоход, 2011]. Блок сформировался на генетической основе культур катакомбной общности. Он состоит из культурных образований, которые можно объединить в два культурных круга. Территорию от Прута до Волги занимали родственные культуры бабинского круга: днепро-прутская, днепро-донская и волго-донская бабинские культуры [Литвиненко, 2006; 2009; Мимоход, 2014]. Предкавказье и Волго-Уралье – это ареал культурного круга Лола (рис.). В него входят лолинская культура, кубанская, волго-уральская и архонская культурные группы [Мимоход, 2013]. Круги Бабино и Лола отражают конкретные различия между двумя массивами культурных образований посткатакомбного блока, которые были обусловлены разными механизмами их происхождения.

Одним из важных компонентов сложения культурного круга Бабино оказался импульс из Центральной Европы и карпато-балканского региона. В полном виде он реализовался в сложении средневожской абашевской культуры, которая обладает целым комплексом средневропейских и карпато-дунайских черт [Мимоход, 2016; Кузьминых, Мимоход, 2016]. Миграция европейского населения на Волгу, проходившая, по всей видимости, в пограничье лесостепи и леса, затронула катакомбный мир, в особенности Среднего Подонья. Это стимулировало возникновение культурного круга Бабино и широкое распространение многоваликовой орнаментации керамики. В свою очередь генезис культурного круга Лола был связан с миграцией восточнокавказского населения в степь [Мимоход, 2013]. Эти два вектора, европейский и кавказский, обусловили структуру и содержание блока посткатакомбных культурных образований. Особенно важно отметить, что указанные миграционные процессы конца XXIII–XXII вв. до н.э. происходили на пике аридизации, который хорошо фиксируется как по данным палеоклимата в Европе, так и по письменным источникам Ближнего Востока.

Библиографический список

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). – СПб., 2016.

Литвиненко Р.А. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – №5. – Луганськ, 2006.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток) : автореф. дис. ... д.и.н. – К., 2009.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005.

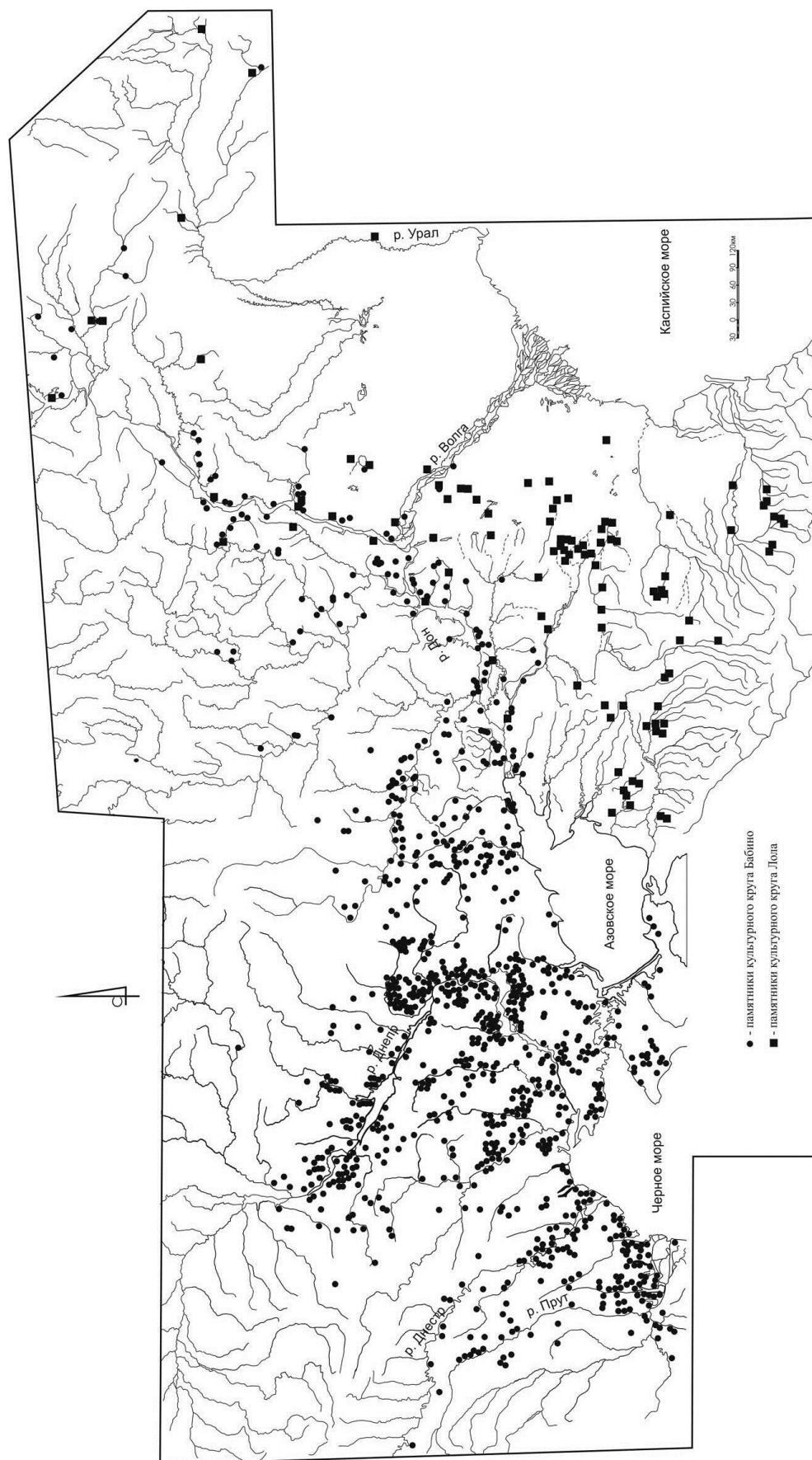
Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. – Вып. 225. – 2011.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. – Т. 16. – М., 2013.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. – Вып. 232. – 2014.

Мимоход Р.А. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. – Липецк, 2016.

М.К. Мингалева (Юкова)
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань;
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
МОРФО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУС МОКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА
(III–VI вв. н.э.) В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

Мокинский могильник находится в Пермском районе Пермского края в 0,6 км к югу от д. Мокино и располагается на невысоком мысу надпойменной террасы р. Нижняя Мулянка. Памятник выявлен А.В. Шмидтом в 1924 г. [Шмидт, 1928, с. 284–285]. В 1950 г. В.Ф. Генинг определил характер памятника как селище раннего железного века – начала средневековья и датировал его VI в. до н.э. – VI в. н.э. [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 65]. Первые крупные раскопки, проведенные в 1987 г. КАЭ ПГУ под руководством В.А. Оборина, выявили могильник IV–V вв. н.э. В дальнейшем памятник регулярно исследовался сотрудниками КАЭ ПГУ: в 1989–1992, 1998 гг. под руководством Н.В. Соболевой; в 1994 г. – под руководством А.Ф. Мельничука. С 2013 г. из-за угрозы разрушения памятника грабительскими раскопками его исследование было возобновлено под руководством М.Л. Перескокова.

Исследователи выделяют на могильнике 3 хронологических горизонта: позднегладеновский (сер. III – первая пол. IV в.); тураево-кудашевский (2-я половина IV – 1-я половина V в.); и раннехаринский (2-я половина V – 1-я половина VI в.) [Мингалев, Перескоков, 2014, с. 255–256].

Всего в коллекциях вещевого материала с Мокинского могильника насчитывается 1145 экз. бус. Из них 1117 экз. (97,5%) различных бус из стекла, 7 дисковидных янтарных бус среднего и крупного размера (D от 8,5 до 18 мм) и 5 фрагментированных, форма и размер которых не определяются; 4 металлических бусины; 3 бусины из глины; 4 из горного хрусталя, 4 полиэдрических (16-гранных) бусины из яшмы и одна крупная шарообразная бусина из халцедона.

Янтарные бусы изготовлены из полупрозрачного красно-коричневого янтаря, в поперечном сечении имеют неравномерную толщину (рис.-1). В Северном Причерноморье такие бусы были популярны в IV в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 24, табл. 23.-8]. Подобные бусы входят в состав Велегожского клада и датируются А.В. Мастыковой кон. IV–V вв. н.э. [Мастыкова, 2015, с. 57–58, рис. 51.-1–3, 5–8]. Наряду с янтарем интерес представляют бусы из темного желтого прозрачного стекла, по форме и цвету похожие на янтарные (рис.-2), которые могут быть имитацией янтарных бус. Такое же изделие описано в Велегожском кладе [Румянцева, 2015, с. 72, рис. 48.-34]. Подобные «имитации» янтаря в единичных экземплярах встречаются на ряде других памятников Пермского Прикамья: Гладеновское костыще [кол. №2294], Федотовское городище [кол. №1427], Черемшанское селище [кол. №1496], Калашниковский могильник [кол. №1398], Черновское городище [кол. №1414].

Бусы из горного хрусталя шаровидной и граненой (6- и 16-гранные) форм (рис.-3) имеют схожие аналогии на памятниках центрального и западного Предкавказья кон. IV – сер. VI вв. [Мастыкова, 2009, с. 98–101, рис. 114.-9–13]. В Прикамье Т.И. Останина [1997, с. 110] датирует распространение таких бус III – нач. IV вв. н.э. Огранка бус нечеткая, грубая, сверление канала двухстороннее.

Среди стеклянных бус преобладают мелкие бусы и бисер (D от 1,5 до 5 мм). Бисер изготовлен из тянутых стеклянных трубочек с последующим делением методом отшибания или разрезания. Скопления бисера были найдены в 30 погребениях. Выделяется 4 вида бисера. 1. Цилиндрические трубочки из непрозрачного стекла желтого и оливкового цвета с матовой поверхностью (рис.-4). 2. Параллелепипедные (4-гранные квадратные в поперечном сечении) трубочки из непрозрачного стекла желтого и оливкового цвета с матовой поверхностью (рис.-4). 3. Округлый бисер в форме сплюснутой сферы из непрозрачного стекла желтого, синего и оливкового цвета с глянцевой поверхностью (рис.-5). Похожий бисер оливкового и синего цветов найден в Тарасовском могильнике на Средней Каме, который датируется авторами I–V вв. н.э. [Голдина, 2004, с. 165, табл. 401.-1, 2]. 4. Мелкий

(D от 1,5 до 2 мм) округлый бисер из голубого и оливкового стекла с глянцевой поверхностью (рис.-6). Скопления мелкого бисера располагаются в районе головы и предположительно являлись украшением головного убора. Похожий бисер типа IА6 Е.В. Голдина [2010, рис. 33] относит к концу IV – VI в. н.э.

Бусы Мокинского могильника

В технологическом и морфологическом плане бусы Мокинского могильника не отличаются большим разнообразием. Стекланные бусы в основном представлены бисером из тянутых трубочек, который имеет достаточно широкую датировку. Однако некоторые типы бус, такие как дисковидные бусы из янтаря и стеклянная бусина – «имитация» янтарной – могут являться хронологическими индикаторами IV–V вв. н.э.

Библиографический список

- Архив КА ПГНИУ. – Пермь. Коллекции №1398, 1414, 1427, 1496, 2294.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – Сер. САИ. – Вып. Г 1–12. – Т. 2. – М., 1978.
- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск, 2010.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. I, II. – Ижевск, 2004.
- Коренюк С.И., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник ПГУ. Серия: История. – 2011. – Вып. 1 (15).
- Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. – М., 2009.
- Мастыкова А.В. Стекланные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 4. – Ч. I. – Тула, 2015.
- Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. н.э. в Пермском Прикамье в 2013 г. // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований : материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург, 2014.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997.
- Румянцева О.С. Стекланные бусы Велегожского клада: монохромные и с металлической прокладкой // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 4. – Ч. I. – Тула, 2015.
- Шмидт А.В. Отчет о командировке в 1925 году в Уральскую область // Сборник МАЭ. – Т. VI. – Л., 1928.

О.А. Митько
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ
В КУЛЬТУРЕ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ
(тенденция и динамика развития)

Исследование проведено в рамках научной деятельности ЛМИПИЕ НГУ

В археологических классификациях средствам огнедобычи отведено «скромное» место в составе бытовых предметов, предназначенных для физического обеспечения жизнедеятельности. Однако при цивилизационном подходе к рассмотрению исторического процесса их оценка гораздо выше, а роль – намного значительнее любых орудий труда, поскольку сам огонь является важнейшим инструментом, а различные приспособления для его получения служат одним из ключевых показателей уровня культуры, характеризующим ее основные стадии (каменная, деревянная, металлическая, спичечная). Последовательность и скорость стадийальной сменяемости определяется технологическим развитием, имеющим свои закономерности: устройства, состоящие минимум из трех элементов, развиваются от технически простых конструкций к сложным; наиболее эффективные изделия стандартизируются и легко интегрируются даже с самыми самобытными явлениями различных хозяйственно-культурных типов. При этом в археологическом материале поступательное эволюционное развитие огневых приборов не прослеживается, фиксируются лишь технические приспособления, закрепившиеся в культуре. О существовании переходных форм и промежуточных вариантах можно высказывать преимущественно гипотетические предположения.

Подобную тенденцию развития приспособлений для получения огня можно проследить на материалах енисейских кыргызов. Предварительно необходимо подчеркнуть, что магистральную линию можно отметить лишь при рассмотрении всех периодов их истории: от начального раннекыргызского этапа, который соотносится с поздним этапом таштыкской культуры [Савинов, 1984, с. 41] до этнографической современности, когда после распыления этнического ядра в начале XVIII в. небольшие секи кыргызов вошли в состав различных родоплеменных групп хакасов и тувинцев.

В I тыс. н.э. на территории Южной Сибири и Центральной Азии можно выделить две модели деревянных огневых приборов, отличающихся лишь отдельными элементами [Митько, 2006, с. 115–121]. Обнаруженный в таштыкском склепе №2 на могильнике Косоколь IV фрагмент обугленной деревянной планки с четырьмя сохранившимися лунками не позволяет однозначно связать его с «хуннской» или «древнетюркской» моделью. К камешковскому этапу Л.Р. Кызласов [1960, с. 156, табл. IV, 192] отнес еще одну находку огневого прибора, но уже не деревянного, а металлического (точнее комбинированного). При этом форма стального ударного лезвия характерна, скорее, для огнев этнографической современности. Если исключить возможность «случайного» попадания данного огнива в могилу №4 Изыхского чаатаса, то его можно отнести к встречающимся в археологии случаям технического открытия, опередившего свое время.

Как и на всем Саяно-Алтае на рубеже VIII–IX вв., у енисейских кыргызов отмечается появление металлических кресал. А.А. Гаврилова [1965, с. 37], характеризуя сопроводительные материалы погребения могилы 5 могильника Кудыргэ, подчеркнула, что деревянный «кудыргинский прибор» мог применяться в ритуальных целях, поскольку железные кресала были уже известны в памятниках катандинского типа. Одним из элементов наборных поясов становятся подвесные сумочки с вложенными в них либо прикрепленными к их поверхности фигурными железными кресалами, подчеркивавшими социальный статус их владельца. Мы разделяем предположение Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 39] о возможном заимствовании обычая украшать сумки фигурными железными накладками-кресалами

с пряжками в качестве застежки от согдийцев, которые пользовались ими в VIII в. Необходимо отметить, что в чаатасах енисейских кыргызов пока не обнаружено ни одного огневого прибора. Все металлические фигурные кресала древнетюркского времени с территории Среднего Енисея происходят из погребений с конем или найдены в качестве случайных находок.

С конца IX в. в Минусинской котловине и в Туве встречаются небольшие по размерам кресала прямоугольной формы. Их носили в поясных кресальных сумочках, украшенных орнаментированными накладками, либо, возможно, помещали в колчаны вместе с наконечниками стрел, шилом и мусатом. Несмотря на непродолжительный период использования именно данный тип можно считать «кыргызским».

С середины XI в., когда у енисейских кыргызов отмечается значительное увеличение объемов и расширение ассортимента изделий из черного металла, их мастера прекращают производство пластинчатых кресал. Они переходят на изготовление технологически не менее простых изделий, имевших ударное лезвие скобковидной формы, которое насаживалось на деревянную рукоять. И.Л. Кызласов [1983, с. 41] отметил, что скобковидные кресала аскизской культуры не связаны с местной традицией развития огнив. Картирование находок показывает, что помимо Среднего Енисея ареал их распространения включает степные районы Западной Сибири, таежное Приангарье, на востоке – территорию расселения чжурчженей. По наблюдениям А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной [2000, с. 203], из четырех типов, распространенных у кочевников Восточной Европы, именно скобковидный тип кресал происходит из среды номадов. Хронологический период преобладания в материальной культуре енисейских кыргызов скобковидных кресал является самым продолжительным. Выбор в пользу скобковидных кресал был сделан на основе их более высоких функциональных качеств, простоты (технологической) изготовления, возможности тиражировать стандартизированный продукт.

В качестве случайных находок на территории Минусинской котловины встречаются кресала других типов: В-образные и О-образные изделия со следами пребывания на погребальном костре. Однако они не стали ведущими типами, как и калачевидные кресала, которые уже в развитом средневековье были известны в соседних регионах. Лишь в русское время калачевидные кресала становятся доминирующим типом огневых приборов, применяемых в повседневной жизни населения Среднего Енисея. Наряду с ними особое значение приобретают тюрко-монгольские огнива, имевшие, как и огнива древнетюркского периода, социальное значение. «Ренессанс» тюрко-монгольских огнив, приходящийся на «спичечную» стадию, позволяет говорить о том, что на темпы изменений огневых приборов влияют не только такие экономические категории, как потребительский спрос, но и традиционные ценностные ориентации.

Библиографический список

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М. ; Л., 1965.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы в эпоху средневековья // Труды по археологии. – Т. 1. – Донецк, 2000.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. – М., 1983.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960.

Митько О.А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: Археология и этнография. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3 (приложение 2).

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск, 1990.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984.

А.В. Михайлов
Археологический центр Псковской области, Псков
ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ВИКИНГОВ НА ЮГЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
(к вопросу о системе торговых коммуникаций X в.)

В 2016 г. в государственную часть музейного фонда РФ была передана коллекция археологических предметов X–XI вв. Вещи происходят с территории средневекового поселения, расположенного в 1,2 км к западу от д. Горожане (Псковская область, Новосokolьнический район, СП «Насвинская волость»). Предварительная датировка памятника – X–XI (XII?) вв. Селище у д. Горожане расположено на крутом возвышенном левом берегу безымянного ручья неподалеку от места его впадения в р. Смердель (бассейн р. Ловать). Занимает естественную возвышенность, образованную излучиной ручья. Площадка поселения ровная, имеет выраженный уклон к югу – юго-востоку (в сторону ручья). Предполагаемая площадь памятника – около 1,5 га. Мощность культурных отложений составляет 0,8–0,9 м. Слой имеет выраженный темно-серый цвет. Верхняя часть культурного слоя местами повреждена в ходе раскопки. Отчетливо прослеживаются следы, как минимум, двух крупных пожаров.

Коллекция включает 1010 предметов из стекла, глины, камня, черного и цветного металла. Общая датировка коллекции – 3 четверти I тыс. н.э. – XII–XIII вв., хотя основная часть вещей должна быть отнесена ко времени X–XI вв.

Монетная часть коллекции насчитывает 245 предметов. Подавляющее большинство монет (и их фрагментов) – восточные серебряные монеты. Исключение составляет медный византийский фоллис Романа I (920–944 гг.) (определение В.В. Гурулевой). Среди восточных монет (из них 53 – целые) встречаются фрагменты сасанидских драхм 1-й половины VII в., отдельные монеты VIII в. (включая фрагменты табаристанских драхм последней трети VIII в.), хотя большинство, очевидно, относятся к IX – 1-й трети X в. Наиболее поздние – саманидские дирхемы Нуха ибн Насра (943–956 гг.) (консультация В.С. Кулешова).

Присутствие в составе коллекции весовых гирек-разновесов (101 предмет), фрагментов складных весов, предметов импортов позволяет говорить о включенности населения в международные торгово-обменные операции.

Целый ряд находок отчетливо показывает присутствие на поселении воинского (дружинного) контингента: перекрестье меча, наконечник ножен меча, боевой топор, наконечники стрел, удила с псалиями, детали ремennого набора.

Развитость ремесленных традиций поселения подчеркивает разнообразие железного инструмента: клещи, топоры, стамески, шилья, сверла и пр. В коллекции представлена серия брусков товарного железа, слитки цветного металла, использовавшегося в ювелирном деле.

По составу находок поселение может быть охарактеризовано как полиэтничное: среди представленных вещей – предметы, связанные со славянской (древнерусской), балтской, финно-угорской, скандинавской культурными традициями.

Среди представленных в коллекции вещей присутствуют два фрагмента нижней части геральдической подвески из серебра со следами золочения. По мнению С.В. Белецкого, подвеска датируется концом X – началом XI в. и относится к периоду княжения Владимира Святого и его наместников, то есть к третьему периоду использования верительных знаков данного типа в юридической практике Древней Руси. Материал (серебро, позолота), качество изготовления позволяют считать ее атрибутом представителя княжеской администрации «на местах».

Обращает внимание расположение открытого поселения на притоке второго порядка р. Ловати, по сути на самом водоразделе бассейнов рек Великой и Ловати. По всей видимости, поселение у д. Горожане возникло на крупной сухопутной дороге, соединявшей города Северной Руси – Новгород и Псков с городскими центрами бассейна Западной Двины – Усвят и Полоцк. И хотя точно определить маршрут этой коммуникации пока затруднительно, пожалуй, можно говорить о существовании в X – 1-й половине XI в. сухопутной дороги (или нескольких дорог), дублировавшей Ловатский участок Пути из варяг в греки.

Е.Р. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
ДРЕВНОСТИ V–VIII вв. НА ТЕРРИТОРИЯХ ВОКРУГ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Древности V–VIII вв. вокруг Финского залива изучены неравномерно. На фоне хорошо известных памятников Эстонии и Южной Финляндии прибрежные территории в пределах России исследованы недостаточно. Сейчас на российской территории археологические объекты и отдельные находки V–VIII вв. известны преимущественно на северном побережье Финского залива и на его островах. Наиболее ранние радиоуглеродные даты относятся к VI в. (Лавансаари) или рубежу VI–VII вв. (Суотниemi/Яркое). Крайней восточной точкой скопления памятников можно считать остров Риеккала в Ладожском озере, где известна кремация VI в. со скандинавскими «аграфами» и браслетами с утолщенными концами. Из донных отложений оз. Кирьявалампи получены образцы пыльцы ржи, датируемые ок. 600 г. Озеро Ладога было связано с Финским заливом реками Вуоксой и Невой, в устьях которых отмечены местонахождения VI–VII вв.

Еще один важный прибрежный регион – Ижорское плато, на западных склонах которого недавно выявлена серия ранних памятников, в том числе относящихся к 3-й четверти I тыс. (Малли, Коммунар). Памятники Ижорского плато и Лужско-Нарвского междуречья имеют много общего с памятниками соседних районов Эстонии, а предметы вооружения из могильника Малли (кинжики двулезвийных «меровингских» мечей, втульчатые наконечники копий с ромбовидным и с небольшим листовидным пером, умбоны щитов «с кнопкой») находят ближайšie аналогии в археологических комплексах Финляндии.

Прибрежные районы на востоке Финского залива следует рассматривать как часть единого «восточнобалтийского» пространства. Культура там развивалась в ходе постоянных устойчивых контактов, о чем свидетельствует общность многих форм вещей и определенное сходство погребальных практик. В вещевом комплексе наиболее заметны выразительные металлические украшения и предметы вооружения, связанные происхождением с германским северо-европейским миром. Важное значение имели также контакты с населением более южных регионов, интенсивность которых на протяжении третьей четверти I тыс. нарастала. Одним из следствий межкультурных коммуникаций (но не только их) стал процесс начального градообразования на территории русского Северо-Запада. Для конца 3-й четверти I тыс. можно отметить два региона градообразования, расположенных в своеобразном культурном пограничье, – Нижнее Поволховье и южную часть Псковско-Чудского бассейна. В истории обоих регионов и возникших в них позднейших городских центров – Ладоги и Пскова – много общего, в том числе структурно-географического плана. Ладога, по-видимому, изначально возникает как центр сравнительно небольшого региона с четкими естественно-географическими границами. Псков же формируется как одно из центральных мест более широкого пространства, где с ним поначалу соперничал Изборск и существует ряд менее значительных нерядовых поселений. Перечисленные центры стоят несколько особняком среди памятников Северо-Запада. Специфика городской жизни заключается, в частности, в зависимости поселений от стабильного поступления в них извне продовольствия и ремесленного сырья, возможности сбыта собственной продукции, и, следовательно, во включенности в стабильные сети обмена. В археологическом материале Ладоги, Пскова и Изборска присутствует значительное количество привозных вещей. Важно отметить наличие в культурных слоях серий предметов предшествующих хронологических периодов, маркирующих начальные периоды освоения соответствующих регионов.

Градообразование на северо-восточной оконечности Балтики было составной частью культурно-исторических процессов всего балтийского пространства. В сходных географических условиях расположена большая часть эмпориев Балтики, в том числе такие значительные, как Хельге или Павикен. О похожей модели можно говорить и для расположенных далее к западу важнейших центров VII–VIII вв. (например, Дорестада на Рейне, Квентовик на Канше, Риббе на Риббе-О).

Д.А. Миягашев, Б.А. Базаров, Н.В. Именохоев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ УДИНСКОГО ОСТРОГА

Первые строения Удинского зимовья располагались в устье р. Уда, на высоком скалистом мысу. С юга и запада территория была ограничена руслом реки и ее протокой, с севера и востока к поселению подступал сосновый бор. Первые оборонительные стены были возведены в 1678 г. [Тиваненко, 1995]. В 1687 или 1688 г. острожная крепость была реконструирована по приказу главы русского посольства в Китай Ф.А. Головина [Артемьев, 1999, с. 73]. На плане «Чертеж земли Иркутского города», составленном С.У. Ремезовым и сыновьями, Удинский острог представлен крепостью, обнесенной стенами в виде квадрата в плане с пятью башнями: четырьмя угловыми и одной въездной [Ремезов, 1701].

Археологические исследования Удинского острога носили, в основном, эпизодический характер. Основные сведения по архитектуре и планиграфии исследователи получали из архивных материалов – отписок казаков, исторических планов, описаний в дневниках путешественников и посольств. Первые раскопочные работы на Удинском остроге были произведены до революции краеведом П.Т. Труневым и учителем И. Ноздровским [Тиваненко, 1995, с. 14]. В небольшом пробном раскопе они наткнулись на нижние венцы одной из караульных башен. В 1982 г. археологические работы на площади памятника в виде шурфовки были проведены А.В. Тиваненко [1995], обнаружившим остатки кострищ и обгоревших кусков древесины в одну линию (тыновая острожная стена?). Однако привязки мест постановки его шурфов отсутствуют, что значительно снизило ценность проведенных работ.

Следующие, наиболее значительные по своим масштабам, археологические работы проводились под руководством Л.В. Лбовой [1988] в 1988 г. Исследовательской группой была заложена серия шурфов и траншей. Основными результатами исследований 1988 г. являются: а) выявление культурного слоя XVII–XVIII вв. (глубина залегания в центральной части участка – от 60 до 140 см, на периферии с юга – до 10 см, с востока – 90 см); б) фиксация остатков частокола в шурфах №1, 3 и 5, интерпретируемых либо как «острожины», окружавшие казачье зимовье (1666 г.), либо как конструктивный элемент оборонительной стены (1690-е гг.); в) определение оборонительной стены как «тарасной конструкции», о которой упоминает Л.К. Минерт [1983, с. 85].

В 2016 г. в рамках проекта реконструкции исторических кварталов в центральной части г. Улан-Удэ на части объекта археологического наследия «Удинский острог» были проведены спасательные археологические работы [Базаров и др., 2016]. Работы проводились на месте руинированного дома. Общая площадь раскопанного участка составила 238 кв. м. На исследованном участке стены было выявлена часть западной стены острога. В ходе раскопок удалось подтвердить, что оборонительная стена острога представляет собой тарасную конструкцию с отдельными камерами. На исследованном участке стены было выявлено 7 камер. Стены тарасной конструкции стояли на расстоянии 3 м друг от друга, перерубы поставлены через 2,6 м. Камеры тарасов не были заполнены грунтом (хрящем) для защиты от артиллерийского огня. В пользу этого свидетельствует наличие во внутренней стене тарасов на расстоянии 80–90 см от переруба, на уровне второго венца, дверных проемов шириной 60 см, через которые можно было попасть в камеры. При этом между собой камеры не сообщались. В ряде случаев под угловыми соединениями перерубов и внешней стены тарасов были зафиксированы крупные камни (камеры №2, 4 и 5). Строительство тарасной конструкции начиналось с укладки нижних венцов внешней и внутренней стены, на которую укладывался венец переруба, далее снова укладывались венцы стен и так далее. Из-за плохой сохранности не удалось зафиксировать длину и количество бревен тарасных стен. Пол камер настился без лагов прямо на землю и представлял собой настил в несколько слоев из коры хвойных деревьев, бересты и стружки.

В камере №4, в 30 см от ЮВ угла переруба, под перекрытием пола был выявлен ряд из 7 вертикально вкопанных столбов диаметром 15–25 см, ориентированный по линии 3–В. В восточной части столбы уходят за пределы внутренней стены в стенку раскопа, в западной

части ряд столбов на расстоянии 1,6 м от внутренней стены делает поворот на юг и проходит через камеру №5, под южным перерубом он делает поворот на восток. СЗ угол конструкции из столбов укреплен крупными камнями. Назначение данной конструкции осталось неясным.

В северо-западной части оборонительной конструкции были выявлены остатки южной стенки угловой башни, ориентированной по линии З–В. стены башни отходят тарасной конструкции на 2,4 м (на этом участке от нее сохранился только нижний венец). От западной стены башни сохранился только фрагмент нижнего венца длиной 80 см. Основная ее часть была разрушена оврагом. Во внутренней части башни, у юго-западного угла, сохранился фрагмент деревянного настила из плах шириной. Восточная стена башни представлена фрагментом нижнего венца длиной. На расстоянии 2,1 м от внутренней стены тарасов фиксируется юго-восточный угол башни. Вход в башню отмечен разрывом 70 см в южной стене башни на уровне второго венца (ближе к юго-восточному углу башни).

Кроме того, в результате работ за пределами острожной стены были выявлены три группы погребений. В первой могиле были погребены 4 человека – мужчина, женщина, девушка и ребенок, трое были уложены в один ряд, а четвертое было уложено сверху на крайнее погребение. Все четыре погребения были совершены в деревянной колоде, головой ориентированы на запад, с незначительным отклонением к югу. Мужчина и женщина были обуты в кожаную обувь простого кроя, без подошвы. Ноги девушки и ребенка были накрыты тканью. Черепа погребенных имеют смешанные черты – выраженные скулы и высокие носы. Во второй могиле были погребены два человека – мужчина и женщина. Мужское погребение в колоде, а женское – в дощатом гробу. Оба погребения ориентированы на запад, стопы мужчины обуты в обувь, аналогичную обуви из предыдущих погребений. Примечательно, что погребенный мужчина имеет выраженные европеоидные черты, а женщина – монголоидные. От третьей могилы сохранились только нижние конечности, погребение было совершено в дощатом гробу, ориентировано также на запад. Все погребения совершены по православному обряду, отсутствие сопроводительного инвентаря, в том числе нательных крестов, затрудняет датировку погребений. Однако можно предположить, что нам удалось зафиксировать кладбище первых жителей Удинска, относящихся ко второму или третьему поколению, хотя информации о размещении кладбища под стенами острога нет.

Таким образом, в ходе работ 2016 г. были получены принципиально новые сведения по архитектуре оборонительной стены Удинского острога, удалось достоверно установить и документировать наличие тарасной конструкции. Было зафиксировано наличие кладбища под стенами острога. На всей площади исследования оборонительная конструкция фиксируется без разрывов. Можно предполагать, что в случае продолжения раскопок после освобождения территории, занятой жилой застройкой, нам удастся полностью зафиксировать стены острога.

Библиографический список

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток, 1999.

Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. Предварительные результаты археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Удинский острог» 2016 года // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество : сборник научных статей. – Иркутск, 2016.

Лбова Л.В. Отчет о предварительных археологических работах на территории Удинского острога / Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1988.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. 2. – М. ; Л., 1937.

Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 1983.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – 1701 г. // РГБ. – Ф. 256. – №346.

Тиваненко А.В. Удинский острог (Первое столетие Улан-Удэ). К 330-летию образования г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 1995.

Ю.М. Могаричев
*Крымский республиканский институт постдипломного
педагогического образования, Симферополь*
**ПЕЩЕРНЫЕ МОНАСТЫРИ КРЫМА:
ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Крымские пещерные монастыри относятся к группе архитектурно-археологических памятников, известных как «пещерные города» Горного Юго-Западного Крыма. Это Бакла, Чуфут-кале, Успенский монастырь, Тепе-кермен, Кыз-кермен, Качи-кальон, Чилтер-коба, Мангуп, Эски-кермен, Чилтер-мармара, Шулдан, Инкерман. «Пещерные города» различны по своим размерам, статусу (крепости, города, села, монастыри), историческим судьбам, но их объединяет одна особенность – наличие, наряду с остатками наземных построек, вырубленных в материковой скале помещений.

Уже к концу XVIII в. в историографии [Могаричев, 1992, с. 11–32; 1997, с. 3–4] сформировались две традиции, прошедшие через всю дальнейшую историю изучения искусственных пещер: первая связывает создание пещерных помещений с каким-либо из народов, живших в Таврике; другая – приписывает их беглым византийским монахам.

В 1877 г. В.Г. Васильевский на основании одного из сюжетов Жития Стефана Нового пришел к заключению, что в иконоборческий период Крым занимал иконопочитательскую позицию и сюда иммигрировали бежавшие от преследований монахи-иконодулы.

Ю.А. Кулаковский в работе «Прошлое Тавриды» в развитие гипотезы В.Г. Васильевского выдвинул предположение, что крымские пещерные монастыри были созданы в VIII–IX вв. бежавшими сюда иконопочитателями. Правда, никаких материалов, датирующихся ранее XII–XIII вв. в пещерных монастырях, он не обнаружил, но все же писал: «...но начало пещерножительства можно все-таки отнести к эпохе иконоборчества. Основанием для такого предположения является сходство в типе между крымскими сооружениями и в Южной Италии и Сицилии» [Кулаковский, 2002, с. 149–152].

Поначалу члены Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывшая Таврическая ученая архивная комиссия) единогласно заявили, что «пещерные города» «к иконоборческой смуте ... не имеют отношения» и датируются не ранее XI в. Но позднее, вероятно, под воздействием авторитета В.Г. Васильевского и Ю.А. Кулаковского эту гипотезу, уже оформившуюся в концепцию, поддержали С.П. Шестаков, А.А. Васильев, а еще позже А.Л. Якобсон, Е.В. Веймарн, О.И. Домбровский, И.А. Баранов и другие.

Ю.М. Могаричевым совместно с А.Г. Герценом был сделан вывод: иконопочитательская ориентация таврических светских и церковных властей, а в связи с этим и создание пещерных монастырей на полуострове беглыми византийскими иконодулами – историографический миф. Аргументация следующая: изучение письменных источников приводит к выводу об отсутствии надежных сведений о пребывании в Крыму значительного количества беглых иконопочитателей. Напротив, они указывают на то, что епархии Таврики прочно стояли на проправительственных позициях, а монастырская жизнь даже в начале IX в. только зарождалась. Создание скальных монастырей происходило не гонимыми и скрывающимися людьми. Архитектурные остатки, данные эпиграфики, выявленный археологический материал говорят о поздней дате их основания (не ранее X–XIII вв.). Большинство пещерных монастырей расположены в границах бывшего княжества Феодоро (XIV–XV вв.) и группируются на поселениях (или вокруг них), которые появляются или возобновляются в XIV–XV вв., реже в XIII–XIV вв. [Герцен, Могаричев, 1992].

Большинство современных специалистов по раннесредневековой истории и археологии Таврики в той или иной степени поддержали «иконаборческую» гипотезу, дополнив ее новыми аргументами.

На данный момент в Крыму выявлено более 60 скальных церквей, которые встречаются двух видов: 1) входящие в комплексы пещерных монастырей; 2) приходские. К сожалению,

современный уровень изученности памятников скальной архитектуры не всегда позволяет однозначно интерпретировать ту или иную пещерную церковь как монастырскую или приходскую.

По нашим подсчетам, в Горном Юго-Западном Крыму в средневековый период функционировало около 20 пещерных монастырей [Могаричев, 1997, с. 97–98].

Наблюдение за топографическим расположением скальных обителей показывает, что их подавляющее большинство расположено в границах княжества Феодоро. К «нефеодоритским» (очевидно «аланским», источники XIII–XV вв. фиксируют в Горном Крыму, наряду с Готией, некую область Аланию [Герцен, Могаричев, 2016, с. 109–112]) можно отнести только монастыри на Чуфут-кале, Качи-кальоне и Тепе-кермене. При этом большая часть пещерных монастырей Феодоро группируется в двух центрах. Это Мангуп – столица Феодоро не менее 4 комплексов [Герцен, Могаричев, 1996; Могаричев, 1997, с. 54–76] и Инкерман (морской порт княжества, получавший экономические дивиденды за счет торговли) – 9 монастырей и скитов [Могаричев, 1997, с. 6–30]. Таким образом, за пределами Мангупа и Инкермана функционировали только обители на Чилтер-кобе (северная граница княжества), «храм Донаторов» (возникший, очевидно, после затухания жизни на Эски-кермене как семейная усыпальница местных правителей), а также Чилтер-мармара и Шулдан. Причем два последних комплекса расположены на дороге, ведущей из Мангупа в Инкерман и явно территориально тяготеют к столице Феодоро.

Большое количество культовых сооружений позволяет сделать вывод о нахождении в Инкерманской долине в период развитого средневековья монашеского центра. Комплекс источников указывает на то, что ктиторами монастырей и церквей были весьма состоятельные люди, которые, очевидно, входили в правящую элиту Феодоро. Господствующая над Инкерманской долиной крепость Каламита была не только стратегическим опорным пунктом Феодоро, но и важным портом, через который вели торговлю не только правители этого православного княжества, но и владельцы Крымского ханства. Доходы от торговых операций и таможенные сборы, вероятно, позволяли местным властям и участвовавшим в них феодоритам сооружать храмы и заботиться о местных монахах.

Мангупские князья, по крайней мере в XV в., позиционируют себя как защитники православного населения, хранители и продолжатели тысячелетней традиции крымского христианства. Например, по инициативе князя Алексея восстанавливается монастырь Святых Апостолов в Партените, тем самым подчеркивая неразрывную духовную связь между Мангупским княжеством, территория которого в основном совпадала с Готской епархией и легендарным основателем епархии – Иоанном Готским [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 206–208]. В контексте данной политики, вероятно, происходило и строительство (иногда возобновление и расширение) популярных тогда в восточном христианстве именно пещерных монастырей.

Библиографический список

- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. Античная древность и средние века. – Вып. 26. – Барнаул, 1992.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь, 1996.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. – Симферополь, 2016.
- Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. – Киев, 2002.
- Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992.
- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007.

Р.Н. Модин¹, М.Г. Иванова²

¹Институт археологии РАН, Москва;

²Удмуртский Институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУШМАНСКОГО КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (IX–XIII вв.) в 2011–2017 гг.

Исследования выполнены при поддержке Программы УрО РАН
«Традиции и инновации в истории и культуре», проект №15-13-26-4

Кушманский комплекс археологических памятников находится в Ярском районе Удмуртской Республики, на высоком правом берегу р. Чепцы (лев. приток р. Вятки). Центральный памятник комплекса – Кушманское городище Уччакар, которое наряду с Иднакармом и Гурьякармом является одним из крупнейших городищ чепецкой археологической культуры. В 0,6 км к западу расположен Кушманский-I могильник, к востоку – Кушманские-I, II и III селища. Все памятники датируются IX–XIII вв.

Кушманское городище Уччакар впервые обследовалось А.А. Спицыным и Н.Г. Первухиным в конце XIX в. В 1930 г. здесь провел раскопки А.П. Смирнов [Иванова, 1976, с. 105–106]. В 1959 г. Г.Т. Кондратьевой открыты расположенные рядом 3 селища. С 2011 г. на городище и в его округе ведутся комплексные археолого-геофизические исследования экспедицией УИИЯЛ УрО РАН (г. Ижевск) под общим руководством д.и.н. М.Г. Ивановой.

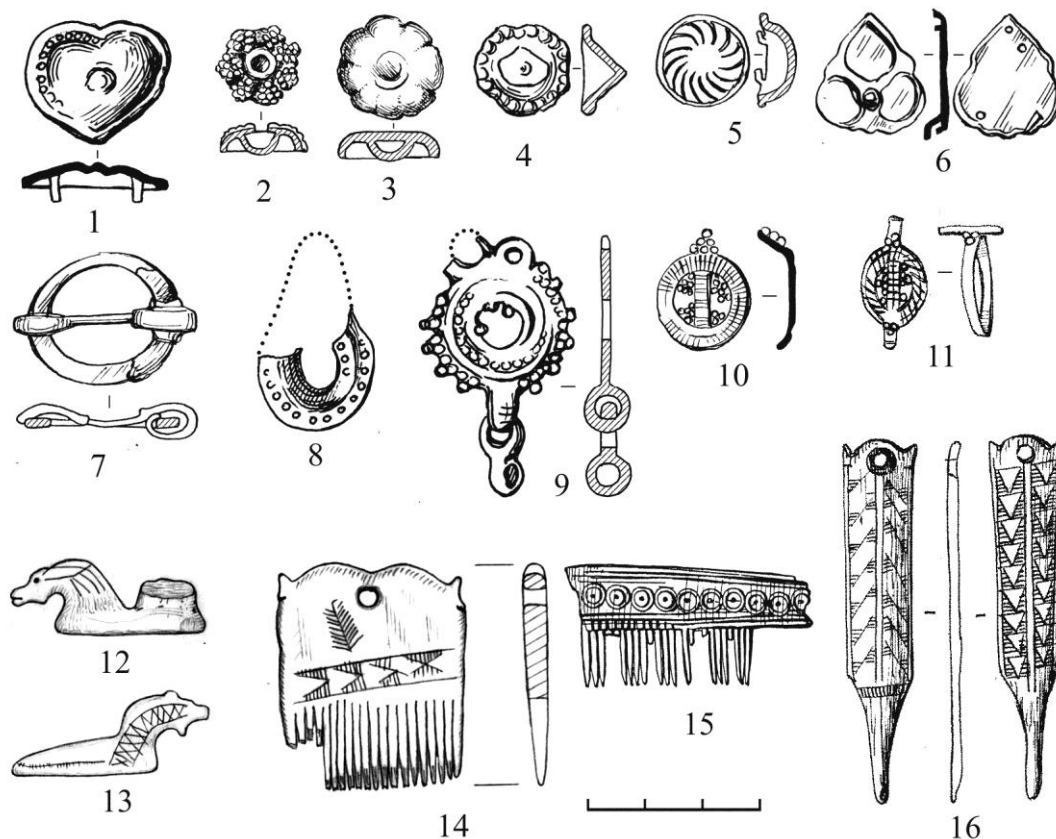
Основные исследования 2011–2017 гг. проводились на Кушманском городище Уччакар и Кушманском III селище. Они включали в себя сочетание комплексной методики геофизических измерений (электропрофилирование, магниторазведка, электротомография), почвенно-археологические методы и археологические раскопки.

Городище расположено на мысу, образованном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – оврагом, по которому протекает ручей Каршур (*городищенская речка – удм.*). На площадке визуально прослеживаются две линии обороны в виде валов и рвов. Таким образом, на момент начала исследований в 2011 г. памятник в науке был известен как двухплощадочное городище, границы которого не выходили за пределы внешнего вала.

Проведенные на всей площади городища геофизические измерения выявили многочисленные аномалии, соответствующие объектам разных типов: жилища, очаги, хозяйственные ямы и т.п., что дало возможность судить о планировке разных структурных частей памятника. Подобные аномалии были выявлены также и за пределами внешнего вала, на напольной части, что позволило предполагать там наличие культурного слоя. На мысовой части городища была выявлена удлиненная аномалия, вытянутая поперек площадки. Было сделано предположение, что аномалия соответствует рву, а выявленная рядом область пониженного сопротивления, повторяющая ее контур, – остаткам вала. Таким образом, в результате геофизических измерений было сделано предположение, что городище состоит из четырех структурных частей – трех площадок, ограниченных каждая валом и рвом и напольной части за пределами внешнего вала. Археологические раскопки проведены на каждой из этих структурных частей. В результате наличие культурного слоя и углубленных объектов на напольной части подтвердилось. Здесь исследованы остатки углубленного хозяйственного сооружения, имевшего перекрытие. В результате раскопок на мысовой части городища подтверждена гипотеза о наличии еще одной, не выраженной в рельефе, линии обороны. Здесь двумя раскопами исследован ров шириной 13–14 м и остатки деревоземляных оборонительных укреплений (стены). После прекращения функционирования этой линии обороны ров был засыпан, поверхность выровнена и использована в дальнейшей хозяйственной деятельности городища. Раскопками на средней и внешней площадках городища жилые (средняя площадка) и крупные хозяйственные сооружения (внешняя площадка) [Иванова, Кириллов, 2013, с. 75–79; Иванова, Журбин, 2014, с. 71–79; Иванова, Модин, 2015, с. 134–147].

Кушманское-III селище находится в 0,2 км к востоку от внешнего вала городища. Геофизическими измерениями здесь выявлены остатки хорошо сохранившегося культурного слоя, а также аномалия, по характеру аналогичная той, что соответствует остаткам

изученной ранее на городище невыраженной в рельефе линии обороны. Это обстоятельство позволяет рассматривать памятник как укрепленное поселение – городище. Раскопками 2016 г. на селище изучен ряд разновременных хозяйственных сооружений, в том числе комплекс с очагом.

Кушманское городище Уччакар. Находки из раскопок 2011–2016 гг.:
 1–6 – бляшки; 7 – пряжка; 8, 9, 12, 13 – подвески; 10, 11 – перстни; 14, 15 – гребни;
 16 – копоушка (1–7, 9, 11 – бронза; 8, 10 – серебро; 12–16 – кость)

Таким образом, междисциплинарные исследования Кушманского археологического комплекса позволили получить принципиально новую информацию о структуре входящих в его состав памятников (городище Уччакар и Кушманское III селище), которая оказалась более сложной, чем представлялась ранее. Раскопки ключевых участков городища показали, что оно функционировало в пределах IX–XIII вв. Выявлено, что внешняя часть была заселена позже остальных, не ранее XI в., в это же время осваивается и территория за пределами внешнего вала. Укрепленное поселение на месте Кушманского-III селища функционировало синхронно с городищем в пределах X–XIII вв.

Библиографический список

- Иванова М.Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск, 1976.
- Иванова М.Г., Журбин И.В. Кушманское городище Уччакар в бассейне р. Чепцы: основные итоги археолого-геофизических исследований 2011–2013 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2014. – Вып. 3.
- Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Кушманское городище Уччакар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск, 2013.
- Иванова М.Г., Модин Р.Н. Кушманское городище Уччакар X–XIII вв.: материалы внешней части в контексте развития средневековых поселений // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2015.

Р.Н. Модин, М.В. Чирков

Институт археологии РАН, Москва

ПЛОЩАДНЫЕ ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АГЛОМЕРАЦИИ. ОПЫТ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОЙ МОСКВЫ

Согласно ст. 31 ФЗ-73 от 25.06.2002 г., «историко-культурная экспертиза проводится до начала землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказывать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия и (или) до утверждения градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов». Одним из видов историко-культурной экспертизы являются работы по выявлению объектов археологического наследия на территориях, подлежащих хозяйственному освоению, то есть археологические разведки. Между тем осуществление разведочных работ в городских условиях несет в себе объективные трудности, связанные прежде всего с тем, что «внутри» города естественный природный ландшафт, как правило, практически полностью видоизменен в процессе интенсивной хозяйственной деятельности. В результате многие археологические памятники оказались либо уничтожены, либо навсегда погребены под городскими объектами. В связи с этим задача поиска и постановки на учет в органы госохраны еще не выявленных объектов археологического наследия, находящихся «внутри» города, становится особенно актуальной. Подобная работа в рамках исполнения государственных контрактов была проведена в 2016 г. сотрудниками Института археологии РАН на территориях поселений Кокошкино (обследовано Р.Н. Модиним, М.В. Чирковым) [Чирков, 2017] и Мосрентген (обследовано А.Е. Кравцовым, А.С. Борисовым) [Кравцов, 2017], которые в составе Новомосковского административного округа вошли в состав города Москвы в 2012 г. (т.н. Новая Москва). Площадь обследованных территорий составляла 8,28 и 6,48 кв. км.

Основную проблему при проведении сплошной археологической разведки создавало то обстоятельство, что до 3/4 территорий поселений Кокошкино и Мосрентген приходится на спланированные, в основном асфальтированные и застроенные участки местности: промышленные зоны, территории складских комплексов, строительно-хозяйственных рынков и иных торговых предприятий; ряда других учреждений и организаций; большие участки жилой застройки (капитальной, многоэтажной и коттеджной), объекты городской инфраструктуры (автомобильные и железные дороги). В результате вероятность обнаружения сохранившихся археологических памятников оказалась крайне мала. В этих условиях ключевое, на наш взгляд, значение имеет предварительный этап исследования, предшествующий шурфовке, который непременно должен включать в себя два направления:

1) скрупулезные историко-архивные и библиографические исследования по району проведения разведки с привлечением специалиста историка-архивиста. В нашем случае для территорий поселений Кокошкино и Мосрентген специалистом Российского государственного архива древних актов (РГАДА) А.В. Дедуком проанализирован огромный массив письменных и картографических источников конца XV–XIX вв. (актовый материал из архивов монастырей, писцовые и переписные книги, межевые, отказные и отдельные книги, кадастровая документация, план генерального межевания 2-й половины XVIII в., военно-топографические карты середины XIX в. и др.). Выявленные по их итогам исторические населенные пункты и пустоши, которые могут быть расположены в границах исследуемых территорий, были нанесены на использовавшиеся в полевой работе современные картографические материалы;

2) тщательное визуальное обследование исследуемых территорий с целью выявления сохранившихся участков природного рельефа и оценки их перспективности для поиска археологических памятников. Учитывая, что в условиях тотальной застройки подобные участки могут быть совсем небольшими, вся территория поселений Кокошкино и Мосрентген

обследовалась по сетке квадратов 250 × 250 м. Осмотр местности с тщательной фотофиксацией особенностей рельефа проводился квадрат за квадратом без исключения.

По результатам предварительного этапа работ были выделены перспективные участки для дальнейшего обследования с заложением шурфов. Критериями для выделения участков служило наличие перспективных по геоморфологическим признакам и характеру ландшафта мест для обнаружения археологических памятников и наличие исторических населенных пунктов или предполагаемых мест локализации пустошей. В результате проведенного по выделенным участкам обследования на территории поселения Кокошкино и Мосрентген выявлено и поставлено на государственный учет четыре объекта археологического наследия: селище «Кокошкино-1» (XIV–XVI вв.), селище «Кокошкино-2» (XIV–XVI вв.) [Чирков, 2017], селище «Мосрентген. Дудкино» (XII–XIV, XV–XVI вв.), селище «Мосрентген. Троицкое» (XVIII–XIX вв.) [Кравцов, 2017]. Археологический материал, полученный на селищах, представлен в основном фрагментами гончарных керамических сосудов, характерных для эпохи Средневековья и Нового времени на территории Подмосковья. Это красноглиняная, сероглиняная, белоглиняная керамика с примесью крупно- и мелкозернистого песка, дресвы, а также мореная, поливная, чернолощенная керамика. Наиболее ранний материал происходит с селища «Мосрентген. Дудкино». Это характерная для XII–XIV вв. керамика из ожелезненных глин с примесью дресвы, среди которой многочисленны фрагменты с линейным разреженным орнаментом, единичен – с волнистым орнаментом; представлены венчики, характерные для «курганных» горшков и близких типов. Кроме керамики на новых памятниках найдены фрагменты железных изделий, расписных печных изразцов, осколок стеклянного сосуда. Все селища находятся на участках местности, соотнесенными на первом этапе исследования с возможными местами локализации исторических населенных пунктов или пустошей. Селища «Кокошкино-1» и «Кокошкино-2», представлявшие собой остатки двух малодворных поселений, выявлены на территории, локализуемой как местонахождение пустоши Носово, упоминаемой в письменных источниках с 20-х гг. XVII вв. в качестве вотчины Андреевского монастыря. Селище «Мосрентген. Дудкино» может быть идентифицирована с остатками деревни Троицкое, впервые упоминаемой в купчей 1569 г. Материалы селища «Мосрентген. Троицкое» могут быть идентифицированы с остатками с. Троицкого XVIII–XIX вв.

Результаты проведенного обследования показывают, что поиск археологических памятников в условиях современного города при должном подходе не лишен перспективы. В пределах городских агломераций, практически при тотальной застройке, могут сохраняться небольшие участки местности с пока еще не уничтоженными объектами археологического наследия. Важность их выявления и принятия мер по сохранению (постановка на государственный учет) очевидна. В противном случае эти памятники в скором времени могут быть навсегда утрачены. Особенно показательно в этом отношении селище «Мосрентген. Дудкино». Оно выявлено на небольшом уцелевшем участке местности с естественным рельефом (~ 400 × 400 м), ограниченном двумя крупными транспортными магистралями (Киевское шоссе, МКАД) и современной жилой застройкой [Кравцов, 2017].

Библиографический список

Кравцов А.Е. Отчет о работах по государственному контракту №17P1/33-ГК/16 от 24 июня 2016 г. на проведение археологических и историко-культурных исследований на территории поселения Мосрентген Новомосковского административного округа города Москвы в целях обеспечения государственной охраны объектов культурного наследия / Архив ИА РАН. – М., 2017.

Чирков М.В. Отчет о проведении археологической разведки на территории поселения Кокошкино Новомосковского административного округа города Москвы в целях обеспечения государственной охраны объектов культурного наследия / Архив ИА РАН. – М., 2017.

В.В. Мокрородов
Институт археологии РАН, Москва
СТРУКТУРА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Процесс накопления сведений по среднеазиатским археологическим объектам эпохи раннего железа (ахеменидского периода в истории Средней Азии), исследования которых проводятся при участии российских специалистов, достиг уровня, позволяющего перейти к обобщениям и выводам. Это касается и такой проблемы, как типология поселений региона и макроструктура наиболее крупных из них.

Факт наличия городов в Средней Азии середины I тыс. до н.э., пусть и не так развитых, как в центре ойкумены, вряд ли можно подвергать сомнению. В пользу этого свидетельствуют не только прямые указания письменных источников (Геродот, Курций Руф и др.), но и наличие развитого ремесленного производства, культовых строений, выявленных свидетельств весьма развитой торговли, безусловного наличия административного аппарата, четких элементов фортификации. Причем многие из перечисленных признаков города, к эпохе раннего железа в среднеазиатском регионе имели долгую историю с определенными стадиями эволюции.

Работы автора на территории юга современного Узбекистана, отличающейся значительной концентрацией памятников рассматриваемого времени (более 40), как кажется, позволяют сформировать определенное видение по заявленной проблеме.

Исследования одного из крупнейших памятников региона для середины I тыс. до н.э. – Кизылтепа, наряду с раскопками собственно памятника (площадь – 22 га, цитадель – более 1 га) [Сверчков, У Син, Бороффка, 2013], включали и тщательное обследование его окружи [Мокрородов, 2014]. На обширных территориях близ Кизылтепа был собран подъемный материал (ареал распространения не менее 12 га), но не выявлено (по крайней мере, нами) свидетельств сплошной глинобитной застройки. Благодаря этому, а также анализу космоснимков 1960-х гг., был уточнен вопрос с так называемыми усадьбами – вместо предполагавшихся 12 однотипных объектов [Сагдуллаев, 1987, с. 11 и сл.; Stride, 2004, vol. 3, p. 237–243] или не менее 15 [Сагдуллаев, 1987, с. 62], из которых 2 (объекты Кизылча-1 и Кизылча-6) раскапывались в 1970–1980-х гг., их количество не превышало 4, различающихся по размеру. На несколько большем отдалении от центрального объекта (до 3 км) обследовано 2 синхронных объекта (один ранее неизвестный) [Мокрородов, 2014, с. 95].

Обобщая известные сведения, мы получаем следующую структурную ситуацию в районе Кизылтепа. Ядром поселения является мощная двухчастная цитадель с рядом помещений по внутреннему периметру стен. Внешние стены Кизылтепа (вопрос о времени их возведения дискуссионный) окружают территорию, на которой для ахеменидского периода сплошная застройка отсутствует, архитектурные остатки концентрируются близ стен. К востоку, юго-востоку и северо-востоку от укрепленного центра располагалась основная часть поселения, состоящая из массы небольших жилищ, возможно, даже неглиняных [ср. Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 28]. В ближайшей округе также расположены две группы компактно расположенных монументальных строений. Дополняют картину тяготеющие к Кизылтепу поселения на берегу озера Ахаткуль и Хоштепа невыясненной структуры, а также, при более широком охвате, сведения письменных источников о расположенных недалеко от древних центров, так называемых петр – скал-убежищ.

Археологическая ситуация в районе Бандыханского оазиса для IV в. до н.э. следующая: крепость размерами 100 × 100 м с остатками архитектуры по внутреннему периметру стен (Бектепа (Бандыхан-II)); расположенное в 300 м от укрепления монументальное здание культового назначения (Киндыктепа); территории площадью более 6 га с подъемным материалом без остатков застройки в шурфах [Ртвеладзе, 2007; Сверчков, Бороффка, 2007; Мокрородов, 2010].

Оценивая известные данные по округе укрепленных крепостей с застройкой по внутреннему периметру, вспомним о значительных территориях с синхронным подъемным материалом близ Талашкантепа-I и Кучуктепа [Пидаев, Ртвеладзе, 1993, с. 143; Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 6]. Существует некоторая вероятность наличия укрепленной части поселения Шортепа (слои, насыщенные археологическим материалом без признаков архитектуры), не выявленного раскопками (сильные разрушения при военном строительстве, подмыв террасы рекой Амударья), и, гипотетически, на Бандыхансайтепа (затоплен рекой Сурхандарья). Отметим поселение Джаннаттепа, прилегающее к немного более поздней крепости с застройкой по внутреннему периметру Курганзол [Сверчков, 2013, с. 10]. Нелишне вспомнить и о многочисленных находках фрагментов «ахеменидской» керамики в округе поселений, тип которых неясен для рассматриваемого времени – Джандавляттепа, Обиширтепа, Бабуртепа, Бешкутантепа [Шайдуллаев, 2000, с. 10–17].

Элемент «отдельное монументальное здание вблизи более крупного археологического объекта (у последнего с более мощной свитой слоев и, скорее всего, со стенами оборонительного назначения)», помимо групп Кизылтепа-Кизылча-1, 4, 6 и Бектепа-Киндыктепа, отмечен еще в ряде случаев (Джандавляттепа-Пачмактепа, Кучуктепа-Пшактепа, округа Халчаяна – Ханакатепа-Койтурабектепа-Юнустепа [Abdullaev, Stancho, 2011; Аскарлов, Альбаум, 1979; Страйд, Сверчков, 2004]; с меньшей вероятностью Старый Термез-тепа у Университета, Талашкантепа I-Талашкантепа-II, Дабилькурган-Гишттепа).

Итак, подавляющее большинство исследованных объектов выбранной для примера зоны вполне укладываются в продемонстрированную на крупнейших памятниках схему. Таким образом, можно считать выявленную в ходе недавних работ на Кизылтепа и в Бандыханском оазисе макроструктуру поселения городского типа характерной. Наконец, кажется возможным экстраполировать полученную картину (хотя бы в основных ее составляющих) и на синхронные крупные памятники прилегающих территорий.

Библиографический список

- Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. – Ташкент, 1979.
- Мокробородов В.В. Раскопки памятников середины I тысячелетия до н.э. в Бандыхане // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. – Ташкент, 2010.
- Мокробородов В.В. Некоторые результаты последних исследований памятников «ахеменидского» периода на юге Узбекистана. – М., 2014.
- Пидаев Ш.Р., Ртвеладзе Э.В. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I // РА. – 1993. – №2.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Древность и средневековье. – Ташкент, 1990.
- Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. – Вып. 3. – Ташкент, 2007.
- Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. – Ташкент, 1987.
- Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. – Вып. 3. – Ташкент, 2007.
- Сверчков Л.М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. – Ташкент, 2013.
- Сверчков Л.М., У. Син, Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н.э.): Новые данные // Scripta Antiqua. – Т. 3. – М., 2013.
- Страйд С., Сверчков Л. Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау // Transoxiana. История и культура. – Ташкент, 2004.
- Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. – Ташкент, 2000.
- Abdullaev K., Stancho L. Jandavlattepa. The excavation report for seasons 2002–2006. – Prague, 2011.
- Stride S. Geographie archeologique de la province du Surkhan Darya. Thèse pour obtenir le grade de Docteur. – Vol. I–V. – Paris, 2004.

В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный
НАО «Наследие Кубани», Краснодар
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (клад бронзовых серпов)

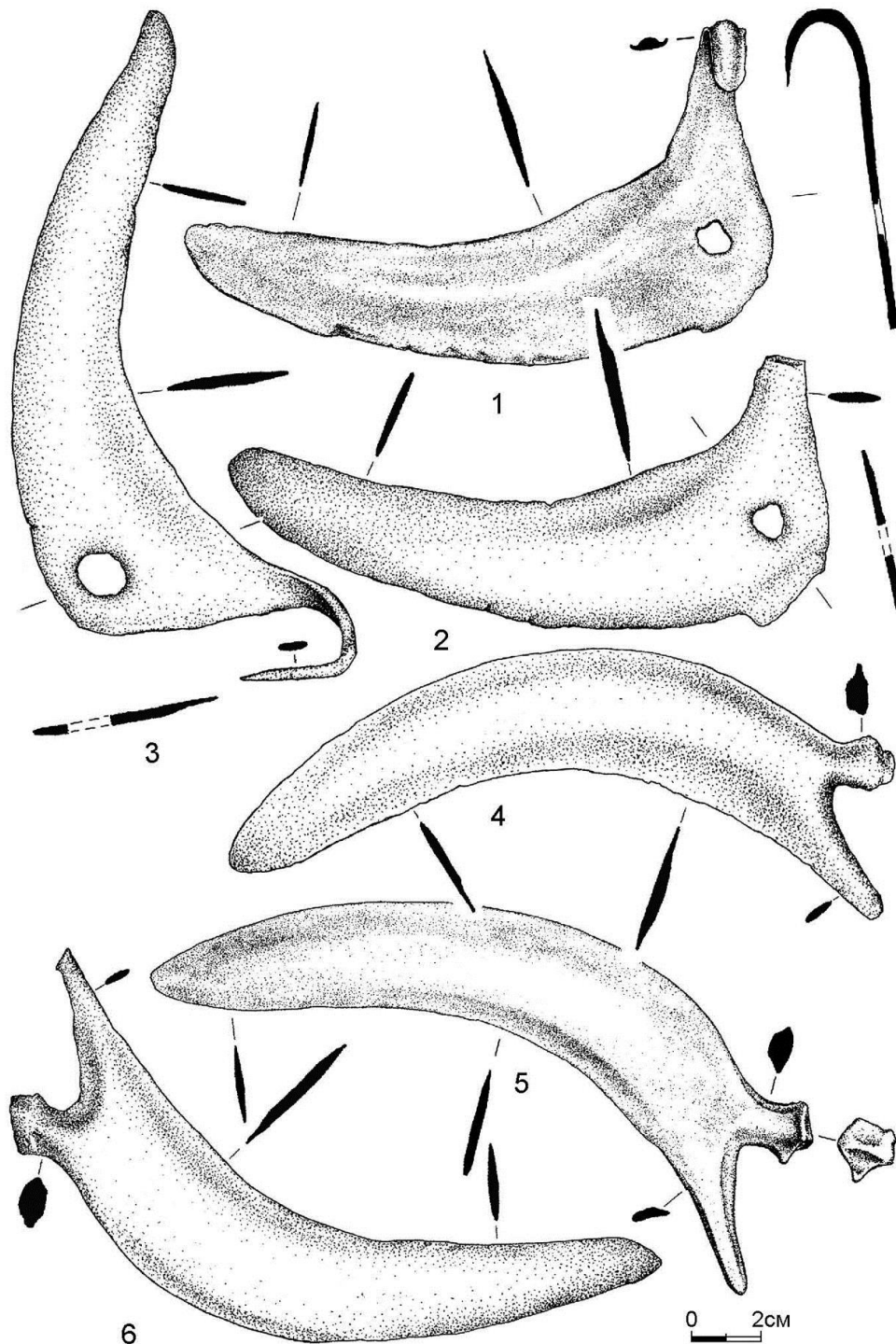
Охранно-спасательные археологические исследования части (почти 3 тыс. кв. м площади) поселения Кишпек-2 (2009 г.) в окрестностях сел. Чегем-2 (примерно в 13 км к северу от известного дружинного некрополя Нартан близ г. Нальчик) дали выразительный материал. Предварительная его датировка укладывается в рамки VIII – 1-й пол. VII в. до н.э. Здесь были исследованы остатки столбовых (несущих) конструкций нескольких хозяйственно-бытовых строений с турлучными стенками, мусорные ямы, как и культурный слой памятника, насыщенные остеологическим материалом, фрагментами разнотипной глиняной посуды и тары. Индивидуальные находки разнообразны – украшения и предметы быта из бронзы, бронзовые и костяные наконечники стрел, навершие булавы из рога благородного оленя (?), предметы упряжи и пр. Видо-типологическое многообразие материалов – признаки занятий местного населения специализированными ремеслами, позиционирующими памятник как важный хозяйственно-производственный пункт, обеспечивавший не только себя, но и снабжавшего своей продукцией значительную округу.

В центральной части раскопа была выявлена «стопка» из 6 бронзовых серпов (рис. 1.-1–6). Их относительно удлинённые и слабоизогнутые клинки максимальной шириной 3,7–4 см и протяжённостью по хорде в 16,2–17,8 см сохранили на спинках литники, сильно смещённые к держакам. Несмотря на нетипичные линзовидные сечения лезвий, все находки сопоставимы с так называемой «северокавказской серией», в целом, весьма многочисленной коллекции [Дергачев, Бочкарев, 2002, №№542–784]; в которой примерно две трети из 243 экземпляров в разное время были обнаружены в Краснодарском крае и Карачаево-Черкесии.

Три из шести публикуемых экземпляров, вероятно, – «полуфабрикаты» с равномерно искривлёнными спинками (рис. 1-4–6). Правая и левая половины их корпусов почти идентичны; явно невыделённая задняя «рукояточная» часть лишь по своей длине чуть меньше расширяющегося лезвия. Два серпа (рис. 1.-4–5), явно из одной, двусоставной литейной формы. Схожие с ними симметричные предметы (33 экз.) [Дергачев, Бочкарев, 2002, №№542–574] сильно варьируют по метрическим показателям и известны на западе вплоть до низовьев Южного Буга, хотя основным ареал их бытования – Нижнее и Среднее Прикубанье: здесь отмечено наибольшее число разных вариантов данного типа. Главный же центр изготовления предположительно локализуется в бассейне р. Белая, где зафиксированы места плавки меди. Почти все известные нам серпы входят состав кладов, которые, за единственным исключением, образуют узкий «культурно-хронологический горизонт» в пределах XIV – нач. XIII в. до н.э. Клад «Батарейка» (Таманский п-ов) содержит три предмета [Дергачев, Бочкарев, 2002, №№557–559], наиболее близких по своим параметрам публикуемым нами заготовкам из поселения Кишпек-2. Однако находки с Тамани отличаются от наших и тем, что после их отливки они подверглись доработке с очисткой поверхности от затёков и наплывов металла, а их режущие кромки прокованы и заточены; в одном случае отмечены следы износа. Черенки утрачены, но, вероятно, они были получены путем проковки и представляли собой 4-гранные заостренные на конце стержни. Держаки еще трех серпов из Кишпека-2 (рис. 1.-1–3) напоминали узкий пластинчатый, круто завернутый набок штырь (крюк), в одном случае обломанный. Загиб, как полагают, вызван не функциональными причинами, а деформациями в связи с необходимостью компактно уложить вещи при сокрытии клада. Конфигурация и пропорции рассматриваемых предметов совпадают. Высота дуги изгиба спинки – 5,3–5,4 см; ее наивысшая точка сильно смещена от середины к предельно уменьшенной вспомогательной рукояточной части; она отделена от постепенно расширявшегося к торцу рабочего лезвия четким резким угловатым, дуговидно-коленчатым перегибом в виде пятки с отчетливым литниковым наплывом. Описываемые орудия аграрной индустрии ближе всего к варианту Бамут/Vamut 2 (учтено всего 7 экз.).

Особенно сходна с нашими серпами одна случайная находка [Дергачев, Бочаров, 2002, №730] усиленная продольным односторонне выступающим валиком по краю спинки.

В материалах Кишпека-2 нет северокавказских серпов завершающей фазы бронзового века (XII–X вв. до н.э.; НА–НВ1 – по Рейнеке), объединенные в типы Нарат-Ешик 2, Агур и Ростов. Судя по всему, некоторые разновидности жатвенных орудий, считающиеся ранними, просуществовали вплоть до массового внедрения железа.

Поселение «Кишпек-2» (КБР). Клад бронзовых серпов (2009 г.)

Библиографический список:

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев, 2002.

В.И. Молодин^{1,2}, С.А. Комиссаров^{1,2}, Ван Пэн²
¹Институт археологии и этнографии СО РАН;
²Новосибирский государственный университет, Новосибирск
**БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ
СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА ИЗ КИТАЯ**

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Еще недавно в российской и европейской историографии было известно лишь о двух наконечниках копий сейминско-турбинского типа из Китая, это изделие из Сианя (собрание Шэнсийского музея) [Киселев, 1960, с. 244–266], а также огромный наконечник копья длиной 61,5 см из провинции Цинхай, опубликованный помимо Китая в Европе [Wagner, 2001, s. 25–35], а также в России [Молодин, Комиссаров, 2001, с. 374–381]. Такое положение вещей позволяло считать, что наличие в регионе предметов сейминско-турбинского облика есть не более чем случайность. Об этом как будто говорило еще и то обстоятельство, что хорошо известные культуры бронзового века Китая чрезвычайно богаты всевозможными изделиями, в том числе и оружием.

Однако в последнее время, очевидно в связи с изданием на китайском языке монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых «Древняя металлургия Северной Евразии» [2010], интерес к находкам наконечников сейминско-турбинских копий в Китае резко возрос. Этому, несомненно, способствовало еще и то обстоятельство, что неожиданно возросло и число самих находок.

В результате, в настоящее время в китайской литературе муссируются данные о 14 или 15 таких изделиях. Определенным итогом следует считать хронологическую схему таких наконечников, разбитую на три группы и пять подгрупп, укладываемых в следующих пределах: 2100–2000; 2000–1900; 2000–1750; 1750–1530; 1300–1100 лет до н.э. [Гао Цзянтао, 2015, с. 160–168]. Данная типологическая схема, несомненно, потребует дальнейшего уточнения, особенно это касается хронологических параметров обозначенных периодов, однако, в первом приближении, она может быть использована и сегодня.

Все находки наконечников были сделаны в верхнем и среднем течении р. Хуанхэ и только две – в Цинхае.

К сожалению, стратиграфическая позиция их крайне нечетка и противоречива, тем не менее определенные выводы можно сделать.

В китайских образцах отчетливо вырисовываются следующие закономерности:

1) большинство изделий имеют слабую проковку острия пера (либо вообще ее не имеют), что, вероятно, свидетельствует о находках своего рода кладов или полуфабрикатов;

2) всю имеющуюся серию можно разделить на две группы – копьа без крюков и копьа с крюками. Последние отчетливо доминируют;

3) опираясь на типологическую разработку Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых [1989], полученные образцы принадлежат к разрядам КД-8, КД-10 или близких к ним.

Общим мнением китайских специалистов является предположение о сибирском происхождении данных изделий и проникновении их далее в Цинхай, а затем – в долину Хуанхэ. Данная гипотеза не подкрепляется серьезной аргументацией, кроме ссылок на визуальное сходство наконечников. Не учтены и работы российских авторов, посвященные находкам сейминско-турбинских копий в закрытых комплексах [См. напр.: Молодин, 2013; Кузьминых, 2011].

Уже приходилось писать, анализируя бронзовые цельнолитые кинжалы [Молодин, 2015, с. 97–107], что истоки формирования сейминско-турбинских бронз и цельнолитых бронзовых кинжалов следует видеть в Синцзяне и прилегающих районах Алтая, обладающих запасами нефрита и бронзы [Богданович, 1892, с. 12–20; 77–79], откуда последние наряду с изделиями сейминско-турбинского типа распространялись вверх по

Иртышу и далее в западные и восточные районы Евразии [Членова, 1972; Черных, 2013; Молодин, 2015; Молодин, Гришин, 2016], а также на восток Китая по хорошо известному нефритовому пути [Chêng Têkan, 1960, с. 113–115, 118]. Предлагаемая концепция, с нашей точки зрения, требует тщательнейшей проработки и выглядит весьма перспективной.

Находки серии сейминско-турбинских копий в Китае вообще трудно переоценить. По-видимому, их наличие свидетельствует о существовании мощного производственного центра (или центров), расположенных в Синцзяне. Именно здесь, наряду с характерными цельнолитыми кинжалами и наконечниками копий, мы находим каменные булавы, жезлы с антропоморфным навершием и даже кельт кижировского типа [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2015], одним словом, все то, что в более северных районах Западной Сибири сопутствует сейминско-турбинскому феномену.

Библиографический список

Богданович К.И. Геологические исследования в Восточном Туркестане // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М. Певцова. – Ч. II. – СПб., 1892.

Гао Цзянтао. Шилунь Чжунго цзиннэй чутудэ саима-туэрбинно ши даогуо тунмао [Предварительное обсуждение бронзовых копий с перевернутым крюком сейминско-турбинского типа, найденных в пределах Китая] // Наньфан вэньу (г. Наньчан). – 2015. – №4.

Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // СА. – 1960. – №4.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблемы: новые материалы // КСИА. – Вып. 225. – 2011.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск, 2013.

Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Вып. 2–6 (62).

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск, 2016.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Сейминское копьё из Цинхя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VII. – Новосибирск, 2001.

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. – Т. 1. – М., 2013.

Черных Е.Н. Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М., 1989.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – Series of Studies on Turfan. – Пекин, 2010 (на китайском языке).

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. – №182. – М., 1972.

Chêng Tê-k'un. The Archaeology in China V. II–III. – Cambridge, 1960–1963.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The ancient culture in Xinjiang along the Silk Road (Continued). – 2015.

Wagner M. Kayne-ein Fundkomplex des 2 Jahrtausends v. Chr. am Nordwestrand des chinesischen Zentralreichs // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder-und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum.1. vorchristlichen Jahrtausend. Kolloquien zur Vor-und Frühgeschichte 6 (Bonn, 2001). – Bonn, 2001.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
**ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ
НА ПОСЕЛЕНИЯХ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ**
(правобережное Прииртышье)

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Кротовская культура эпохи развитой бронзы была выделена одним из авторов в 1975 г. За более чем 40 лет ее масштабного изучения в Правобережном Прииртышье были открыты и исследованы значительными площадями поселения Преображенка-III [Молодин, 1977], Черноозерье-IV [Генинг, Стефанова, 1982], Черноозерье-VI [Стефанова, 1988, с. 55], Инберень-X [Стефанова, 1985; Стефанов, Стефанова, 2001], Саранин-II [Глушков, 1984]. Самым крупным на сегодняшний день изученным поселением является памятник Венгеро-во-2, расположенный в Барабинской лесостепи, где вскрыто более 1800 кв. м площади, исследовано 9 сооружений и значительная часть межжилищного пространства [Молодин и др., 2016]. Такая степень изученности поселенческих комплексов позволяет перейти к реконструкции хозяйственно-производственной деятельности носителей кротовской культуры и способов ее организации в структуре поселков.

Значительную часть находок в кротовских поселениях составляют предметы, связанные с бронзолитейным производством (тигли, льячки, фрагменты литейных форм, сплески и капли). На общем фоне выделяется поселение Венгеро-во-2, где в каждом исследованном котловане фиксируется соответствующая производственная зона. Независимо от ориентации жилища в овальной структуре поселка и расположения входа, она локализовалась в северо-западном углу, а также включала в себя центральный очаг и ямы-«погреба» с костями в северной или северо-восточной стенке жилища [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012]. Специфический состав костей (челюсти, черепа, длинные кости) и их видовое разнообразие (куница, соболь, лиса и др.) позволяет сделать вывод о возможном сопровождении производственных циклов культовой практикой. Выделено специализированное жилище (№7), где было обнаружено несколько типов теплотехнических сооружений, в том числе – яма с глиняными бортиками и, возможно, перекрытием (горн?). Находка в этом сооружении фрагмента литейной формы для кельта сейминско-турбинского типа, стратиграфический факт длительного прекращения использования центрального очага подтверждает данное предположение. Следует отметить, что подобные сложные теплотехнические сооружения также были обнаружены в жилище на поселении Преображенка-III [Молодин, 1977].

Свидетельства керамического производства очень редки на поселениях кротовской культуры. Только на поселении Саранин-II была обнаружена хозяйственная постройка со специализированным очагом для обжига керамики [Глушков, Бородовский, 1988].

В противоположном юго-восточном углу жилищ выделяется зона, связанная с изготовлением и использованием орудий на фрагментах керамики («фишки», лощила, абразивы, скребки, формы). Здесь же фиксировалась максимальная плотность расположения фрагментов керамики, в том числе крупных стенок (заготовки для изделий?). Интерпретация вариантов использования керамических орудий на сегодняшний день не является однозначной [см. Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012]. Тем не менее характерные следы на рабочих кромках позволяют исследователям относить часть этих изделий к орудиям по обработке кожи. С этим же направлением хозяйственной деятельности могут быть связаны ямы, наполненные золой, зафиксированные практически в каждом жилище. Подобные зоны вторичной обработки керамики имеются и в межжилищном пространстве.

Наличие большого количества каменных орудий в материалах поселения Венгерovo-2 позволило провести их планиграфический анализ. Результаты свидетельствуют о концентрации каменного инвентаря в центральной части жилищ, в заполнении хозяйственных ям, а также в юго-восточной хозяйственной зоне среди скопления фрагментов керамики. Спецификой изготовления и использования каменных орудий на поселениях Барабинской лесостепи является импорт готовых нуклеусов, исключительно вторичная обработка орудий на поселениях и переиспользование отходов (отщепов, осколков, обломков), что связано с отсутствием качественного каменного сырья на данной территории.

Таким образом, можно сделать вывод о комплексном многоотраслевом хозяйстве населения кротовской культуры на скотоводческой основе при сохранении роли охоты. Присутствие практически в каждом жилище следов бронзолитейного производства и связанных с ним хозяйственных зон при наличии специализированных построек, а также унификация литейного оборудования и стандартизация теплотехнических сооружений свидетельствует о высоком уровне технологии вторичной обработки металлов. Следует отметить также большое значение в хозяйственной деятельности орудий на фрагментах сосудов и, в целом, констатировать у населения кротовской культуры широкой практики вторичной обработки керамики. Использование каменного инвентаря теряет свою роль, тем не менее ценность даже продуктов дебитажа свидетельствует о бережном отношении к труднодоступному качественному сырью.

Библиографический список

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск, 1982.

Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984.

Глушков И.Г., Бородовский А.П. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск, 1988.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 5.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Евразии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1988.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985.

Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – №3.

В.И. Молодин¹, Г. Парцингер², Л.С. Кобелева¹, А. Гасс², Й. Фассбиндер³
¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;*
²*Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия;*
³*Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия*
ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕЖКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА
МОГИЛЬНИКОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии
и этнографии Северной и Центральной Азии»)
и научно-исследовательского центра Топой (Excellence Cluster TOPOI, Берлин),
в рамках программ А-2-1 («Pastoralism on the Eurasian steppes»)
и В-2-4 («Scythian tombs – between monumentality and gigantomania»)

Западносибирские курганы саргатской культуры впервые упоминаются в археологической литературе в 1889 г. [Флоринский, 1889, с. 46–48]. Начиная с 1895–1896 гг. на могильнике Усть-Тартас подобные курганы впервые подверглись археологическим раскопкам [Томская губерния, 1897, с. 41–42; Чугунов, 1898, с. 219–225]. Основной целью исследований XIX в. были сами захоронения, находящиеся под насыпью курганов.

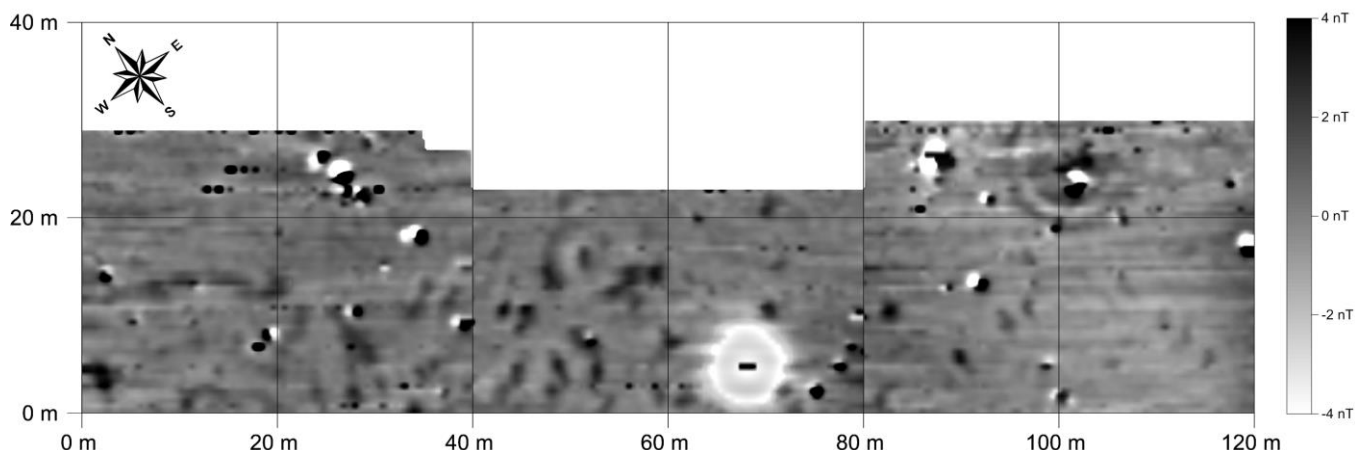
Комплексное изучение саргатских курганов, т.е. исследование как самой насыпи и всех объектов под ней, так и околосаргатского пространства, на территории Барабы началось в 2009–2012 гг. на памятниках Погорелка-2 и Яшкино-1 [Молодин и др., 2009; Кобелева и др., 2013]. Летом 2016 г. в рамках совместной российско-германской экспедиции тщательному изучению подверглось около- и межсаргатское пространство (так называемая периферия) больших курганов саргатской культуры на могильниках Венгерovo-6, Государево озеро-1, Усть-Тартас (см. рис.) и Тартас-2 (Новосибирская область, Венгеровский район [Парцингер и др., 2016]).

Совместные междисциплинарные, археолого-геофизические исследования проводились с применением цезиевого магнитометра Smartmag SM4G-Special, способного в конфигурации total-field производить до 10 измерений сигнала в секунду при чувствительности в ± 10 пТл в сочетании с высоким пространственным разрешением порядка 25×25 см. Использование на цезиевом магнитометре двойных сенсоров конфигурации вариометра позволяло охватывать и измерять большие площади за относительно короткий срок с высокой точностью даже на пересеченной поверхности. Таким образом, при визуализации полученных данных возникающая магнитограмма являлась своего рода рентгеновым снимком исследуемого участка, охватывающего почвы от современной поверхности до 2–3 м в глубину [Fassbinder et al., 2015, с. 82].

В ходе полевых исследований вокруг саргатских курганов Барабы был выявлен ряд погребений, расположенных по кругу вокруг центрального захоронения, впущенных, вероятно, в первоначальный ров, сооруженный вокруг центральной могилы. Кроме этого, были обнаружены курганы с двойными рвами. При этом внутренний, возможно, более ранний ров, сооруженный вокруг центрального погребения, фиксировался под насыпью кургана, а внешний ров – за ее пределами. Наличие различного магнитного сигнала почв заполнения подобных рвов, позволило предположить присутствие погребений во внутреннем рве. Подобные конструкции, опоясывающие центральное захоронение и составляющие частично периферию кургана, на территории Западной Сибири уже встречались и являются типичным составляющим конструкции саргатского кургана [Полосьмак, 1987, с. 10–12, рис. 4, 5; Матвеева, 1994, с. 72, рис. 43].

Выявление на межсаргатском пространстве наличия рядов грунтовых могил напоминает разновременные могильники Центральной Барабы, такие как Сопка-2 [Молодин, 2012, рис. 7] или Тартас-1, включающие в себя как курганные насыпи, так и не видимые на поверхности грунтовые захоронения.

Особый интерес вызывает один из курганов могильника Тартас-2, на котором центральное погребение было опоясано подквадратным рвом. Подобная конструкция периферии саргатских курганов была встречена впервые.

Магнитограмма части Усть-Тартасского могильника. Размер квадратов 40×40 м; цезиевый магнитометр Scintrex Smartmag SM4G-Special; уровень магнитного поля в Венгерове на август 2016 г. ок. 58.840 ± 20 нТл; динамика ± 40 нТл на 256 оттенков серого; частота съемки $50 \times 12,5$ см; интерполяция 25×25 см (магнитная перспекция Й. Фассбиндер)

Библиографический список

Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Демахина М.С., Хансен С., Молодин В.И. Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIX. – Новосибирск, 2013.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск, 1994.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Т. 3. – Новосибирск, 2012.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XV. – Новосибирск, 2009.

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, 1987.

Томская губерния / Производство археологических исследований // ОАК за 1895 год. – СПб., 1897.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. – Томск, 1889.

Чугунов С.М. Отчет С.М. Чугунова о раскопках его, в 1896 году, в Каинском уезде Томской губернии // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898.

Fassbinder J.W.E., Gass A., Hofmann I., Belinskij A.V., Parzinger H. Early Iron Age kurgans and their periphery: Latest findings and interpretations from the northern Caucasus // Виртуальная археология (эффективность методов) : материалы Второй международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже 1–3 июня 2015 года. – СПб., 2015.

Н.Л. Моргунова¹, М.А. Турецкий²

¹*Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург;*

²*Поволжский филиал Института российской истории РАН, Самара*

ТУРГАНИКСКАЯ СТОЯНКА И ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Госзадания
Министерства образования и науки РФ №33.1389.2017/ПЧ

В 2014–2015 гг. было продолжено изучение многослойного Турганикского поселения в Красногвардейском районе Оренбургской области, начатое в 1981–1982 гг. Исследованная площадь составила 908 кв. м. Применение новых методов изучения материалов (радиоуглеродный анализ, методы технико-технологического анализа керамики, металлографии, почвоведения, палинологии, остеологии и др.) позволило значительно дополнить представления об эпохе энеолита – ранней бронзы Южного Приуралья.

Материалы энеолитической эпохи Турганикского поселения, приуроченные преимущественно к нижнему культурному слою, позволили обратиться к проблеме периодизации и хронологии самарской культуры. Они относятся к двум крупным этапам (развитый и поздний) развития культуры. Установлена хронологическая последовательность материалов, представленных керамикой ивановского, хвалынского-ивановского и токского типа. Радиоуглеродные определения по материалам раскопок последних 2 лет дали следующие результаты. Для I группы дат сформировался интервал в пределах 5206–4361 cal BC. Таким образом, первое поселение в устье р. Турганик было основано в начале V тыс. до н.э. населением, оставившим керамические материалы ивановского и хвалынского типов. II группа дат располагается в интервале 4237–3790 cal BC, который отражает этап продолжения эволюции керамики токского типа, связанного с лесостепными традициями в период позднего энеолита во 2-й половине V тыс. до н.э., когда воротничковый тип гончарства уже изжил себя.

Материалы эпохи ранней бронзы Турганикского поселения вызывают особый интерес у исследователей этого периода. Связано это с крайне малым количеством поселенческих памятников в степной и лесостепной зоне Восточной Европы в раннебронзовое время. Если на западе ямного ареала зафиксировано не менее 30 поселений древнеямной культурной области (Михайловка-II и др.) [Коробкова, Шапошникова, 2005], на промежуточной территории, на Северском Донце в последние десятилетия выявлены многочисленные поселения с репинской керамикой [Николова, 2002], а в Подонье и в Северном Прикаспии известны поселенческие памятники (Репин Хутор, Кзыл-Хак и др.) [Синюк, 1981; Барынкин, Васильев, Выборнов, 1998], то на востоке ямного ареала наиболее значительным по количеству материалов этого периода является Турганикское поселение. Несмотря на отсутствие жилых сооружений на исследованной территории поселения, обнаруженные в ходе работ 2014–2015 гг. материалы, а также применение современных методов исследования позволили получить принципиально новые данные по проблеме происхождения репинского комплекса в Волго-Уралье и его культурного соотношения с памятниками соседних степных регионов Восточной Европы.

Керамический комплекс эпохи бронзы Турганикского поселения представляет собой коллекцию из около 2000 фрагментов. В результате комплексных исследований керамический комплекс РБВ был связан с репинским кругом памятников. Таким образом, окончательно можно говорить о двух основных группах керамики по способу обработки поверхности. Первую группу представляют сосуды, поверхность которых заглажена гребенчатым, преимущественно крупным штампом (55 экз. – 77,5%). Вторую группу составляют сосуды, при заглаживании поверхности которых использовались другие инструменты, не оставляющие «расчесов», – «сосуды с гладкой поверхностью» (16 экз. – 22,5%). Керамику второй группы с достаточной долей уверенности можно отнести к срубной культуре позднего бронзового века.

Первую группу керамики можно достаточно уверенно связывать с репинской традицией и определить следующие ее признаки: – заглаживание одной или обеих поверхностей гребенчатым штампом; – орнаментация посуды преимущественно гребенчатыми штампами (ряды вдавлений, горизонтальная елочка, протаскивание), отпечатками личиночного штампа и веревочки; – отбор для изготовления посуды двух видов исходного сырья: илистых и природных глин. III группа дат по керамике репинского типа ямной культуры и по костям животных из слоя бронзового века устанавливается в пределах 3800–3360 cal BC.

Сравнительный анализ технологии изготовления орнаментированной керамики с расчесами Турганикского поселения и керамики раннего бронзового века Прикаспия и Подонья показал значительную близость технологических навыков. Технологический анализ керамики репинского типа с памятников Северного Прикаспия (Кзыл-Хак-I, II), которая в большей степени соотносится с керамикой раннего этапа репинской культуры (по А.Т. Синюку), показал значительное сходство в технологии изготовления керамики двух групп населения: Северного Прикаспия и Южного Приуралья [Салугина, 2014]. Общие черты наблюдаются в навыках отбора исходного сырья, составления формовочных масс и способов обработки поверхностей.

Что касается репинских памятников в лесостепи, таких как Турганикское поселение, то следует полагать, что здесь их появление на данном этапе носило пришлый характер. Но постепенно ямное население, ядро формирования которого находилось в степной зоне Волго-Уральского междуречья на базе хвалынской культуры и первых носителей подкурганной обрядовой традиции хвалынского-бережновского типа, освоило и завоевало все данное пространство. Это тем более вероятно, поскольку еще в энеолите представители хвалынской культуры систематически проникали в лесостепь и смешивались с населением самарской культуры. Помимо летних пастбищ Самарского Поволжья и Южного Приуралья, благоприятных для занятий кочевым скотоводством, другой важнейшей причиной продвижения носителей репинских традиций в лесостепь были потребности в медной руде. Следы металлургической деятельности, указывающие на использование местного сырья и технологий, свойственных ямному очагу металлообработки Приуралья, на Турганикском поселении зафиксированы достаточно отчетливо.

Постоянное проживание людей в устье Турганика с последней четверти IV тыс. до н.э. прекращается. Это, вероятно, связано и с изменением климата, и с изменениями в образе жизни самого населения, поскольку на развитом этапе ямной культуры стационарные поселения в Волго-Уралье неизвестны.

Библиографический список

Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-хак II – памятник эпохи ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). – СПб., 2005.

Николова А.В. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности: некоторые вопросы историографии // Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ, 2002.

Салугина Н.П. Керамика репинского стиля из поселенческих и погребальных памятников Поволжья и Приуралья (технологический аспект) // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 11. – Оренбург, 2014.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. – 1981. – №4.

П.В. Мороз
Забайкальский государственный университет, Чита
ИСТОЧНИКИ КАМНЕСАМОЦВЕТНОГО СЫРЬЯ И ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА
В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00003 «Источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья: минералого-геохимические критерии и геолого-археологическое картирование»)

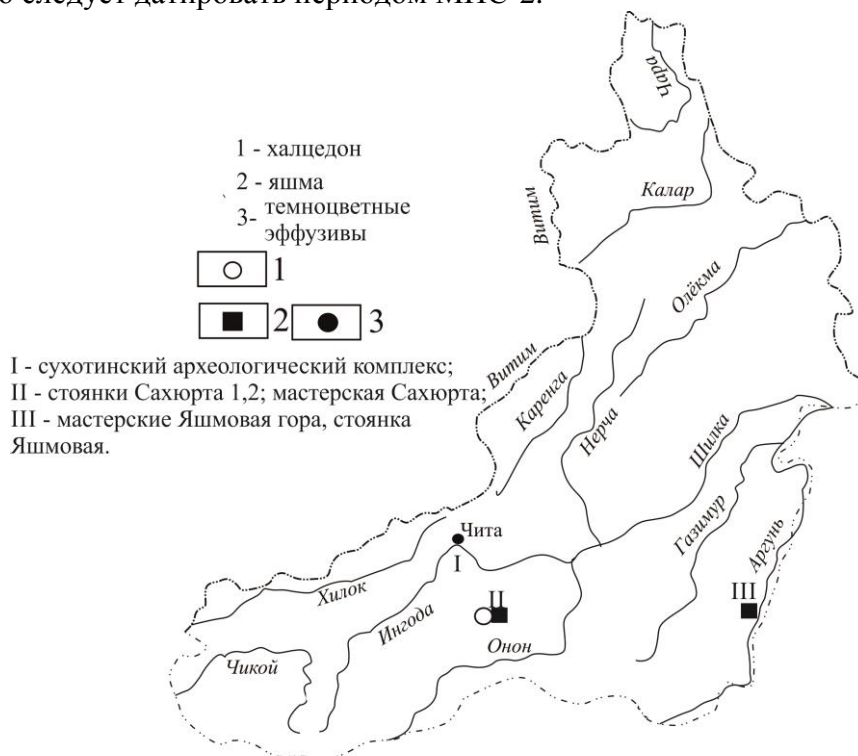
На современной археологической карте Забайкалья наряду с доминирующими памятниками железного и бронзового века также важное место занимают стоянки и поселения каменного века, в том числе относящиеся к эпохе палеолита. Территория региона традиционно подразделяется археологами на Западное и Восточное Забайкалье, а памятники каменного века в этих «провинциях» распределены крайне неравномерно. Западное Забайкалье, включая республику Бурятия, изучалось наиболее интенсивно, и там найдены десятки известных стоянок и поселений каменного века [Лбова, 2000; Ташак, 2005]. Это же можно сказать и о западных районах Забайкальского края, где расположены Студёновский и Усть-Мензинский археологические комплексы, стоянки Толбага, Читкан, Мастеров ключ и многие другие [Константинов, 1994; Мещерин, 2010]. В то же время Восточное Забайкалье (территория, расположенная к востоку от Яблоневого хребта) представлено незначительным количеством объектов каменного века, выявленных во 2-й половине XX в. [Окладников, Кириллов, 1980], а тем более там невелико число стратифицированных стоянок палеолита. Такие памятники, как Арта, Танга и Утан малоизвестны даже специалистам-палеолитчикам. Пожалуй, единственным исключением является Сухотинская группа памятников, основу изучения которой заложил А.П. Окладников, а непосредственно руководил работами И.И. Кириллов. К огромному сожалению, уникальные коллекции стоянок сухотинской группы так и не были опубликованы, за исключением крайне незначительной выборки великолепных материалов.

Таким образом, сложилась во многом аномальная ситуация, когда западные районы насыщены стратифицированными объектами палеолита, а восточные в этом отношении представляют практически *Terra incognita*. Одной из причин подобной ситуации, на наш взгляд, является то, что хорошо зарекомендовавшая себя методика поиска стратифицированных объектов палеолита для западного Забайкалья (шурфовка надпойменных террас) не работает в его центральной и восточной части из-за несколько иного режима осадконакопления. Это связано с тем, что Восточное Забайкалье, в отличие от Западного, в значительно большей мере подвержено аридизации. Поэтому мощность и количество водотоков на этой территории существенно меньше. Слабая живая сила малых рек не позволяет создать выраженные аккумулятивные террасы, а чаще всего здесь преобладают скульптурные варианты. В подобных условиях шурфовка надпойменных террас неэффективна, и вполне резонен поиск иного маркера для поиска стратифицированных объектов палеолита.

На наш взгляд, подобным маркером могут служить выходы минерального сырья [Мороз, Юргенсон, 2015]. На территории Восточного Забайкалья в значительной мере сосредоточены источники минерального сырья высокого качества, такого как халцедон, вулканический кремний и яшма. Установлено, что эти виды минерального сырья начинают доминировать в западных районах с приходом микротехники на рубеже средней и поздней поры верхнего палеолита [Мороз, 2014], в то время как в западных районах Забайкальского края это сырье практически полностью отсутствует. Поэтому источники сырья в Восточном Забайкалье являлись фокусом притяжения древних коллективов [Мороз, Юргенсон, 2016]. Также не стоит забывать, что памятники сухотинской группы связаны именно с выходом сырья, представляющим собой мезозойский палеовулкан, продуцирующий эффузивы среднего и кислого состава.

Исходя из этой гипотезы, пристальное внимание было обращено на палеовулканы Восточного Забайкалья. В результате полевых работ выявлено две стратифицированные стоянки палеолита и мастерская каменного века в районе палеовулкана Дунда-Ага близ

с. Сахюрта в Агинском Бурятском округе Забайкальского края. Обе стоянки представляют собой многослойные памятники. Стоянка Сахюрта-1 демонстрирует 5 культурных компонентов. Третий – наиболее представительный – связан с мощной (до 1,2 м) каргинской почвой и отнесен к периоду МИС-3. Третий культурный компонент стоянки Сахюрта-2 предварительно следует датировать периодом МИС-2.

Объекты каменного века на палеовулканах в восточном и Центральном Забайкалье

Памятники основаны исключительно на местном сырье и являются уникальными для Забайкалья объектами, индустрия всех культурных компонентов которых полностью основана на вулканическом кремне и яшме высокого качества. В полевой сезон 2016 г. выявлен комплекс мастерских каменного века и стоянка, основанная на местном сырье в районе палеовулкана Яшмовая гора на границе с Китаем. В качестве сырья использовалась изумрудная яшма. Таким образом, в настоящее время видна отчетливая связь между источниками высококачественного сырья и древними коллективами, населявшими Центральное и Восточное Забайкалье.

Библиографический список

- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ ; Чита, 1994.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ, 2000.
- Мещерин М.Н. Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения) // РА. – 2010. – №3.
- Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. – Чита, 2014.
- Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. – СПб., 2015.
- Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. – 2016. – №1.
- Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск, 1980.
- Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ, 2005.

П.М. Морозов
ООО «Геопроектизыскания», Москва
ОПЫТ СОЗДАНИЯ 3D МОДЕЛИ КУРГАНА

В мае 2015 г. проходили спасательные раскопки кургана 1 Курганной группы Камышевахский-IX на месте строительства аэропортового комплекса «Южный» в Аксайском районе Ростовской области.

Раскопки велись согласно общепринятой методике [Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук 27 ноября 2013 г. №85], которую было решено дополнить некоторыми факультативными исследованиями: палеопочвенное обследование, геофизические методы (магнитометрия и георадар), а также применение стационарного лазерного сканера с последующим построением объемной модели исследованного комплекса.

Видимая поверхность насыпи кургана составила около 50 м. Диаметр сохранившейся насыпи – 46 м. Площадь кургана – 1661 кв. м, площадь проводимых работ – 2300 кв. м. Высота на дневной поверхности – 2,34 м. Курган состоял из 10 насыпей и досыпок, 3 тризн, 10 захоронений, относящихся к эпохе бронзы.

На основании полученных данных была создана 3D модель исследованного кургана. Источниками для ее создания стали данные лазерного сканирования (верхний слой – пашня и погребения с тризнами) и чертежи планиграфической и стратиграфической ситуации (насыпи и досыпки, выкиды, погребенная почва, материк). Такой порядок действий был принят ввиду неосуществимости сканирования необособленных частей курганных структур. Моделирование насыпей, досыпок, погребенной почвы и материка представлялось возможным лишь на основе чертежей, в отличие от отдельно взятых погребений и уровня современной дневной поверхности.

Процесс создания 3D модели можно разделить на два этапа – полевой и камеральный.

В рамках полевого этапа происходила фиксация результатов раскопок согласно общепринятым методам, а также с применением лазерного сканирования. Оно выполнялось наземным лазерным сканером RieglVZ-400 и тахеометром SokkiaSET 550RX-L.

Порядок проведения работ включает в себя несколько стадий: выбор оптимальных мест сканирования; закрепление на местности и тахеометрическая съемка марок; непосредственно сканирование участка работ.

В рамках камерального этапа происходило объединение всех скан позиций в единую систему координат, заданную тахеометрической съемкой марок. В итоге были получены облака точек, которые в дальнейшем были уравнены.

Порядок создания 3D модели кургана состоит из трех больших стадий: обработка полученных данных; непосредственно создание объемной модели; визуализация материалов.

Модель создается в программе 3 Dunity и дополняется навигационным меню, позволяющим оперировать полученной проекцией кургана. В данном случае для наиболее полного изучения строения насыпи в программу вмонтированы клавиши поочередной активации слоев кургана и фотографий погребений.

В процессе создания модели появляется ряд особенностей, которые незаметны при изучении чертежей в двух плоскостях.

Во-первых, не все насыпи и досыпки имеют правильную форму (круга или овала). Зачастую они аморфные либо опоясывают подстилающий стратиграфический слой, полностью его не перекрывая (это наиболее заметно на самом верхнем, подстилающем пашенный, слое). Это обстоятельство следует учитывать во время проведения полевых работ. Например, вести альтернативный чертеж планиграфической ситуации памятника.

Во-вторых, слой погребенной почвы непосредственно под насыпью менее мощный, чем вне ее (это связано с давлением насыпи кургана на нее в течение длительного времени).

При составлении модели можно реконструировать первоначальный вид археологического памятника с учетом общего проседания грунта, а также возможного перемещения всего тела кургана при его нахождении на краю естественного понижения рельефа местности. Цель данного исследования заключается в фиксации имеющихся фактических данных, а не в реконструкции возможного состояния объекта. Поэтому погребения на модели показаны с уровня их обнаружения и не прикреплены к конкретным насыпям.

Для дальнейшего совершенствования методики необходимо уже на стадии полевого этапа готовиться к построению объемной модели. Это не только упростит камеральную обработку данных, но и значительно повысит точность чертежей планиграфической и стратиграфической ситуации. Необходимость сбора большего количества данных для объемного моделирования при проведении полевых работ приведет к улучшению качества полевой документации.

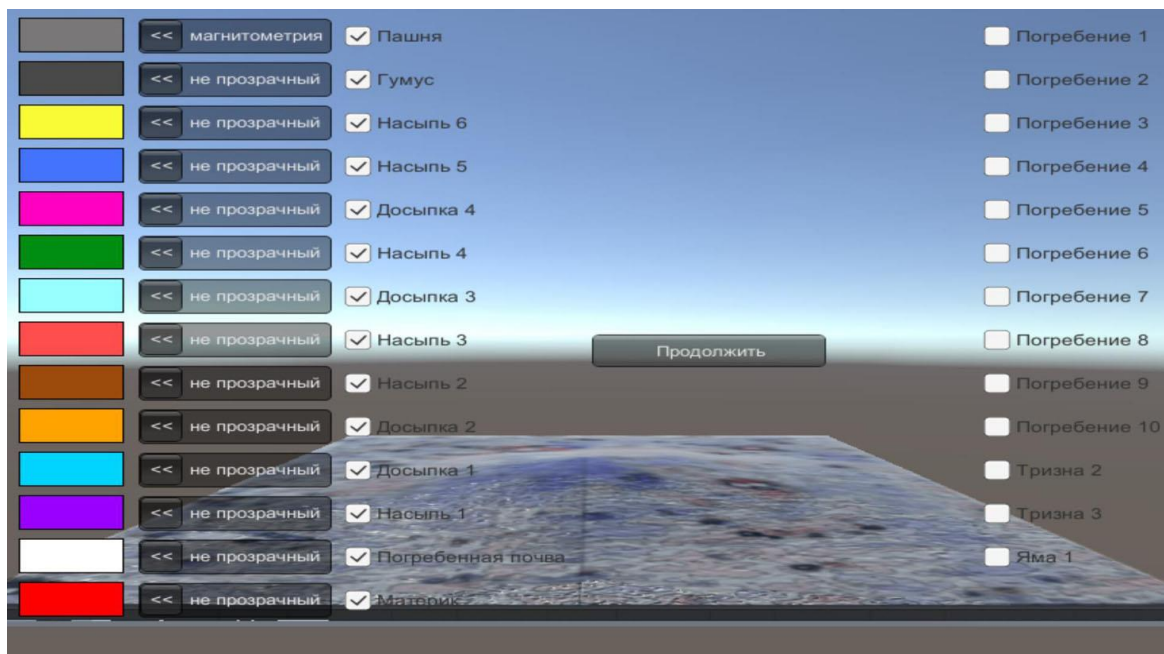
Созданная модель была дополнена фотографическим материалом и результатами геофизического обследования. Поскольку программные ограничения отсутствуют, в дальнейшем модель может дополняться любыми другими интерактивными приложениями.

При анализе результата построения наглядно восстанавливается хронология складывания археологического памятника, а также архитектура его складывания.

Возможно применение методики для построения объемных моделей поселенческих памятников (как фактической ситуации, так и реконструкций на основе полевых данных).

После финальной доработки метода возможно создание матрицы определенного типа памятника (в данном случае кургана), при вводе полевых данных в которую программным методом можно получать результат, минуя камеральную стадию.

Составление 3D модели памятников – это новый этап развития методики проведения археологических изысканий, более точный и наглядный. Описанная методика может являться формой составления итоговой отчетности о раскопках и/или использоваться в методических целях.

Внешний вид модели в программе 3 Dunity

Библиографический список

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук 27 ноября 2013 г. №85.

Ч. Мунхбаяр¹, А.А. Тишкин², Н.Н. Серегин²
¹*Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия;*
²*Алтайский государственный университет, Барнаул*
«СКАЛЬНОЕ» ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ИЗ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Работа частично выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Немногочисленную группу погребальных объектов, получивших в эпоху Средневековья определенное распространение в разных частях центрально-азиатского региона, составляют так называемые скальные захоронения, изучение которых демонстрирует специфический вариант реализации обрядовой практики. Благодаря соответствующим условиям в них нередко фиксируется естественная мумификация и значительно лучшая сохранность органических материалов по сравнению с могильными захоронениями. Учитывая редкость «скальных» комплексов, а также то, что они являются весьма ценными источниками для реконструкции различных аспектов истории кочевников, данный феномен требует особого рассмотрения. Важно своевременное введение в научный оборот информацию о каждом новом «скальном» погребении. В данном случае речь пойдет о захоронении, обнаруженном на территории Монгольского Алтая. Сведения о нем уже представлены на монгольском языке [Мөнхбаяр и др., 2016], а также неоднократно демонстрировались в сети Internet. Однако полноценная публикация этого яркого комплекса остается делом будущего.

«Скальное» захоронение Узуур–гялан расположено в одноименном урочище (в переводе с монг. яз. – «блестящее ущелье»), в 35 км на северо-запад от центра сомона Мунххайрхан, в Ховдском аймаке Монголии. Географические координаты объекта зафиксированы с помощью GPS-навигатора: N – 46°55, 926', E – 091°46,844' (высота над уровнем моря – 2803 м). Погребение обнаружено в гроте и исследовано в 2016 г. В ходе полевого изучения найдено частично мумифицированное тело женщины, рядом с которой находилась лошадь. Сопроводительный инвентарь включал более 40 различных предметов хорошей сохранности. Особое значение имеют разные элементы одежды, представленные изделиями из шелка, меха, кожи и войлока. Конское снаряжение включало целое седло и полный уздечный набор (удила с псалиями, распределители и украшения ремней). Предметы быта демонстрируются целым рядом находок. Среди них отметим гребень и фрагмент зеркала, вероятно, находившиеся в войлочной сумочке. Найдена деревянная посуда.

Полноценный анализ всех категорий обнаруженных предметов данного комплекса еще предстоит выполнить. При этом уже сейчас можно определить датировку найденного погребения рамками IX в. Отметим, что большая часть известных «скальных» захоронений раннего средневековья, обнаруженных в Монголии и на сопредельных территориях, также относится к последним столетиям I тыс. н.э. [Серегин, 2016]. Вероятно, эти объекты демонстрируют трансформацию традиций погребальной обрядности тюрок в условиях дестабилизации и в результате контактов с другими группами кочевников того времени. Дальнейшее комплексное изучение «скального» захоронения Узуур–гялан позволит получить значительный объем новой объективной информации о различных сторонах материальной и духовной культуры средневековых номадов Монгольского Алтая.

Библиографический список

Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар. – Улаанбаатар, 2016.

Серегин Н.Н. Некоторые аспекты интерпретации раннесредневековых скальных погребений Алтае-Саянского региона и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – №4(92). DOI 10.14258/izvasu(2016)4-46

В.В. Мурашева
Государственный исторический музей, Москва
НАХОДКИ ДЕРЕВЯННЫХ КОРАБЕЛЬНЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ ГНЕЗДОВА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ №16-06-00380

«Ландшафтный фактор в формировании раннегородских центров Древней Руси
(на примере Гнездовского археологического комплекса конца IX – начала XI вв.)»

Гнездово – один из самых знаменитых памятников эпохи образования Древнерусского государства (IX–XI вв.). Всеми исследователями признается, что этот памятник является ключевым пунктом на пути «из варяг в греки», описанном в Повести временных лет. Гнездовское поселение возникает практически в середине речной части пути, после системы волоков, соединявших северную (реки Балтийского бассейна) и южную (реки Черноморского бассейна) части пути.

Показательна внутренняя топография центральной части памятника. У подножья Центрального городища, расположенного на мысу близ слияния Днепра и его небольшого притока реки Свинец, лежит обширная высокая пойма. На территории поймы находятся два внутренних озера, одно из которых (озеро Бездонка) соединяется протокой со Свинцом и могло быть использовано в качестве небольшой внутренней гавани. Можно предполагать, что ландшафтный фактор сыграл не последнюю роль при выборе места для поселения и среди основателей поселка была группа людей, ориентированных, прежде всего на речной путь, а не на сельскохозяйственную деятельность.

Большая часть культурного слоя гнездовского поселения не содержит органических остатков. На данный момент исследовано лишь два участка с переувлажненным культурным слоем, при исследовании которых были найдены деревянные предметы. Один из участков расположен у подножья надпойменной террасы (деревянные изделия сохранились среди мусора в составе песчаной засыпки, перекрывшей мокрую ложбину). Второй – прибрежная зона озера Бездонка, где были зафиксированы структуры, связанные с «портовым хозяйством» Гнездова («тверди» для подхода к воде, канава, которая, вероятно, использовалась как «сухой док»). Именно в районе озера сконцентрирована большая часть корабельных находок, что подтверждает предположение о возможности его включения в «портовую» систему памятника. Наличие на участке смолокурной ямы говорит о возможной судоремонтной или судостроительной деятельности.

Коллекция деревянных корабельных деталей пока невелика, однако она включает предметы, демонстрирующие относительное разнообразие конструкций судов, достигавших верховьев Днепра по речным путям. Часть из них, возможно, сооружалась на месте, о чем сохранилось упоминание в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Об использовании моноксиллов (лодок-долбленок) говорят находки двух дугообразных шпангоутов. Накладные уключины использовались, как правило, при сооружении судов в клинкерной технике или долбленок с наращенными бортами. На наличие судов подобных типов указывают и многочисленные ладейные заклепки, найденные как на поселении, так и в составе погребального инвентаря. Обе уключины гнездовской коллекции были найдены в заполнении «сухого дока» и являются самыми информативными из находок: одна из них украшена орнаментом, имеющим аналогии в скандинавском прикладном искусстве, вторая – стилизованным изображением головы птицы (дракона?). Некоторые судовые детали универсальны и могут быть связаны с любым из конструктивно-технологических типов судов – это, прежде всего, весла и нагели. Неожиданными оказались находки деталей, гипотетически связанных с оснасткой парусного судна (степс, «шпилька» для крепления такелажа). Набор деревянных судовых деталей позволяет получить первую информацию о структуре «гнездовского флота», в составе которого читается скандинавская составляющая.

А.Н. Мухарева
*Кемеровский государственный университет,
Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово*
НОВЫЕ ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ
НА СКАЛАХ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №15-31-01271а2 «Комплексное изучение наскальных изображений
эпохи раннего средневековья на памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии»)

Изобразительное искусство древнетюркской эпохи представлено высокохудожественными динамичными сценами и отдельными изображениями, запечатленными на костяных или металлических предметах, а также в камне. Значительная часть этих изображений выполнена тончайшими резными линиями, с высокой степенью точности передающими мельчайшие элементы костюма воина-охотника, его оружие, конское снаряжение и многое другое. Подобные рисунки позволяют изучать такие аспекты жизни и мировоззрения раннесредневекового населения, которые не выявить по другим источникам. Все это обуславливает высокую степень интереса к ним специалистов.

Значительная часть раннесредневековых гравированных изображений сохранилась на скалах. Более всего их известно (и опубликовано) на памятниках Горного Алтая. Пожалуй, вторым регионом по количеству раннесредневековых гравировок, представленных в научной литературе, остается Минусинская котловина, где они соотносятся с таштыкской и кыргызской эпохами. Далеко не всегда возможно однозначно определить культурную атрибуцию таких петроглифов, так как зачастую в них сочетаются традиции таштыкского стиля и изобразительные каноны древнетюркского времени. Тем не менее оба хронологических пласта довольно хорошо идентифицируются благодаря серии аналогий из закрытых комплексов.

По мнению многих исследователей, в наскальном искусстве Минусинской котловины гравированных изображений эпохи енисейских кыргызов так же много, как и таштыкских. Вероятно, это связано с тем, что представительная серия подобных рисунков еще в XIX в. была открыта на Сулекской писанице, которая до сих пор остается одним из опорных памятников для изучения истории и искусства раннесредневекового тюркоязычного населения. Кроме того, в научной литературе неоднократно указывается на наличие изображений эпохи енисейских кыргызов на многих других памятниках региона (Оглахты, Куня, Суханиха, Туран, Шалаболино, Берёзовая, Георгиевская, Ильинская, Четы-Гыз, Прилужье и пр.). К сожалению, эти упоминания почти не сопровождаются иллюстративным материалом. Так, к настоящему времени, помимо рисунков Сулекской писаницы, опубликована одна сцена, выявленная в горном массиве Оглахты [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 7], и по одному изображению на Суханихе, Шалаболинской писанице [Там же], а также на камне у дер. Кривинской [Худяков, 2008, рис. 1].

Данное обстоятельство объясняют трудности выявления и документирования гравированных изображений. Далеко не все фигуры, выполненные в этой технике, хорошо видны, как, например, наиболее известные глубокие и четкие гравировки Сулекской писаницы. Нередко подобные рисунки миниатюрны, тонкие линии не всегда глубоко прорезаны, бывают заветрены и едва заметны. При отсутствии благоприятного освещения на них можно вовсе не обратить внимания, а при контактном копировании в поле упустить отдельные фигуры или элементы, важные для датировки или понимания смысла изображений. Не спешат исследователи и с дальнейшей публикацией таких материалов. Например, в монографию по петроглифам Шалаболинских скал [Пяткин, Мартынов, 1985], как и в статью по изображениям Ильинской писаницы [Леонтьев, Русакова, 2003–2004], резные рисунки не вошли. Между тем копии раннесредневековых гравировок этих памятников, выполненные Б.Н. Пяткиным и Н.В. Леонтьевым, представлены среди архивных

материалов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, а также в фондах музея-заповедника «Томская Писаница».

К настоящему времени методика работы с гравировками принципиально изменилась. На смену прозрачным материалам, ручкам и фломастерам пришли современная цифровая фототехника, мощные компьютеры и программы обработки изображений. Их успешное применение неоднократно было продемонстрировано в работах Е.А. Миклашевич при документировании гравированных изображений более ранних периодов, в том числе на скалах Минусинской котловины [Миклашевич, Бове, 2014]. По ее мнению, качественное документирование гравировок невозможно без применения фотосъемки с использованием профессиональных или полупрофессиональных зеркальных цифровых камер с матрицей 15 × 23 или 24 × 36 мм, правильного освещения плоскости, позволяющего наилучшим образом выявить рельеф и возможности сильного увеличения полученного изображения [Там же, с. 75].

Данные технологии было решено применить для документирования ранне-средневековых петроглифов, выполненных как на скалах, так и курганных камнях Минусинской котловины. Фотосъемка осуществлялась зеркальной цифровой камерой Nikon D7100. Большие скальные поверхности снимались отдельными фрагментами. Затем изготавливалась контактная копия, на которой было необходимо проявить контуры основных фигур и границы изобразительной поверхности. В последующем такая копия сканировалась и монтировалась в единое цифровое изображение, не имеющее проекционных искажений. Далее на эту основу накладывались полученные кадры, которые, в случае искажения, корректировались в соответствии с контактной копией. В результате получалось единое изображение, имеющее высокое разрешение и превосходящее реальные размеры плоскости в несколько раз. В дальнейшем по увеличенному фотоизображению отдельным слоем воспроизводились видимые линии и, таким образом, создавалась цифровая прорисовка высокого качества. Во время прорисовывания при сильном увеличении на экране компьютера зачастую нельзя видеть фигуру целиком и линии копируются «механически». Результат становится виден только при уменьшении изображения. Некоторые сцены, прорисованные подобным способом, выполнены в соответствии с древнетюркскими изобразительными канонами и могут быть датированы эпохой енисейских кыргызов.

Таким образом, в научной литературе на сегодняшний день представлена лишь малая часть гравированных изображений эпохи енисейских кыргызов, сохранившаяся на скалах Минусинской котловины. С помощью описанных технологий документирования новые резные рисунки этого периода были зафиксированы среди петроглифов комплекса Улазы, Ильинской писаницы, на курганном камне одного из тагарских могильников, расположенных юго-восточнее оз. Интиколь. Применение новых технических возможностей и приемов дает возможность более точно воспроизводить подобные изображения, что способствует их культурно-хронологической атрибуции и расширяет базу для последующих исторических реконструкций.

Библиографический список

Леонтьев Н.В., Русакова И.Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской (Средний Енисей) // Вестник САИПИ. – 2003–2004. – №6–7.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. IV. – Казань, 2014.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск, 1985.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южно-сибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999.

Худяков Ю.С. Рисунок всадника на петроглифе у д. Кривой // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск, 2008.

В.П. Мыльников
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ИЗУЧЕНИЕ ДЕРЕВЯННЫХ АРТЕФАКТОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ:
ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Структура, анатомическое строение и физические свойства одной породы одного органического материала – дерева – предписывают соблюдение примерно одинаковых процедур по специфическому изучению и сохранности уникальных источников в разных географических поясах и зонах: равнина, среднегорье, высокогорье, торфяники. Различия обусловлены различными природно-климатическими условиями региона, природной средой, в которой обнаружены предметы: особенность состава грунта, стабильность или постоянные колебания температурно-влажностного режима, наличие мерзлотных образований и т.п., напрямую влияющих на сохранность предмета. Сам же процесс исследования практически одинаков. Условно он подразделяется на две основных стадии: *полевые изыскания в ходе раскопок; лабораторные работы.*

Деревянные артефакты – редкий и ценный археологический источник не только для Сибири, Алтая и сопредельных территорий, но и всех регионов земного шара. Изучение деревянных вещей скифского времени на территории Алтая насчитывает более 150 лет со времени первых раскопок кургана в селе Катанда академика В.В. Радлова в 1865 г. В долгом процессе накопления источников, подходов и методов их исследования участвовали его многочисленные последователи: А.В. Адрианов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.В. Киселев, В.Д. Кубарев, Н.И. Полосьмак, В.И. Молодин и др. Основы для разработки комплексного технико-технологического анализа изделий из дерева заложил выдающийся специалист в области изучения древнейших технологий С.А. Семенов [1956].

С 1990 г. XX в., после почти полувекового перерыва, в рамках международной программы «Пазырык» на Алтае возобновились раскопки крупных погребальных комплексов элиты скифского времени с деревянными находками из дерева. Эти масштабные изыскания явились новой вехой в археологической науке, положив начало мультидисциплинарному изучению курганных погребений на Алтае и сопредельных территориях, в том числе и древней деревообработки. Новизна выразилась в привлечении для участия в исследовательском процессе специалистов разных направлений науки из стран ближнего и дальнего зарубежья. В конце XX – начале XXI в. раскопки крупных погребальных комплексов элиты с деревянными артефактами скифского времени возобновились на сопредельных с российском Горным Алтаем территориях – в Казахстане, Туве, Монголии. За прошедшее время был накоплен огромный материал, насчитывающий десятки крупных конструкций погребальных сооружений разных видов и многие тысячи мелких уникальных предметов.

Новое время вызвало необходимость осмыслить и провести конструктивный анализ бесценного труда корифеев науки, аккумулировать результаты собственных изысканий и накопленного багажа знаний, продолжить поиски путей совершенствования процесса исследования с помощью междисциплинарных подходов и методов в изучении археологических деревянных предметов [Мыльников, 1999; 2008; 2011; Феномен..., 2000]. В ходе изысканий были определены основные направления оптимизации изучения погребальных сооружений из дерева как самого информативного источника по традициям древней деревообработки и домостроению. Впервые в археологической практике в 1994 г. на плато Укок в Горном Алтае была осуществлена и впоследствии неоднократно успешно применена на практике при раскопках курганных погребений скифского времени в Казахстане, Туве, Монголии методика экспресс-реконструкции погребального сооружения и ложа [Самашев, Мыльников, 2004; Мыльников, 2010, 2012]. Эти усилия

в конечном итоге привели к необходимости выработки определенной единой системы изучения деревянных артефактов в процессе раскопок археологических памятников и камеральной обработки материалов [Мыльников, 2014]. Коротко ее формула может быть такой: полевые изыскания, камеральная обработка, комплексность, междисциплинарность, последовательность, непрерывность.

Основу комплексного междисциплинарного исследования археологических артефактов из дерева составляют стадии и методы. *Стадии*: полевые изыскания в процессе раскопок археологического памятника; камерально-лабораторные работы. *Методы*: описание; графическая фиксация; фотографическая фиксация; трасологический; технико-технологический; экспресс-реконструкция; эксперимент; ксилотомический; дендрохронологический; вычислительная рентгеновская томография (ВРТ).

Таким образом, можно констатировать, что сибирская наука внесла значительный вклад в дело изучения археологических деревянных предметов из курганных погребений раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях. За последнюю четверть века произошло существенное развитие и усовершенствование методической базы исследования артефактов из дерева в процессе полевых изысканий и лабораторно-камеральных работ. Существовавший до этого перечень обязательных исследовательских методов в соответствии с современными требованиями развивающейся науки дополнен новыми аналитическими инструментами и методическими рекомендациями. В результате коллективных усилий представителей смежных наук дендрохронологии, ксилотомии, трасологии и технологии система изучения древней деревообработки поднялась на новый аналитический уровень [Мыльников и др., 2012]. Она органично вошла в общий перечень мультидисциплинарных исследований археологического памятника и артефактов и соответствует всем требованиям современной археологической науки.

Библиографический список

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск, 1999.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск, 2008.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск, 2011.

Мыльников В.П. Обработка дерева в скифское время на Монгольском Алтае // Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М., 2012.

Мыльников В.П. Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). – М., 2014.

Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А. Сравнительный анализ деревянных предметов из археологических памятников Алтая в свете междисциплинарного подхода // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XVIII. – Новосибирск, 2012.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11, могильника Берел). – Алматы, 2004.

Семёнов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. XXVI.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск, 2000.

Mylnikov V.P. Die Holzbearbeitungstechnik der Balkenkammer aus Grab 5 // Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Archäologie in Eurasien. Band 26. – Steppenvölker Eurasiens. Band 3. – Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. – Archäologie in Eurasien. – Dfd 26. – Berlin, 2010.

Л.Н. Мыльникова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул
**ТЕРМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ КАЧЕСТВА ОБЖИГА ДРЕВНЕЙ
КЕРАМИКИ (на материалах памятников Барабинской лесостепи: Западная Сибирь)**

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного Алтайским государственным университетом, договор №14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В большинстве опубликованных работ результаты термоаналитических исследований древней керамики используются для реконструкции условий обжига керамических изделий: температуры и атмосферы (окислительная или восстановительная). Но алгоритма для количественного расчета температуры обжига в литературе не представлено: нет формулы, по которой следует рассчитывать температуру обжига, и нет указания на то, какая именно количественная информация должна быть получена в результате аналитических измерений, чтобы такие расчеты провести.

Определение температуры обжига керамики на базе результатов термического анализа опирается на исследования современного керамического производства. В основе лежит тезис, что если в процессе обжига по мере повышения температуры могут происходить необратимые процессы (при T_1 , T_2 , T_3 и т.д.), то при повторном нагревании продукта обжига, проводившегося при температуре $T_{обж}$, проявятся только процессы с температурой $T_i > T_{обж}$. Как показывают исследования [Физико-химические исследования..., 2006], этот подход неприменим к изучению древней керамики. В качестве альтернативы общепринятому подходу, ориентированному на оценку температуры обжига, новосибирскими исследователями предложен подход, при котором значение имеет сравнительный анализ сохранности глинистых компонентов в формовочных массах керамики для определения качества обжига сосудов [Drebushchak, Mylnikova, Drebushchak, 2011; Drebushchak, Mylnikova, Molodin, 2007; Физико-химические..., 2006, с. 29–31].

Предлагаемая методика основывается на количественном определении потери массы на этапах дегидратации и разложения гидроксидов и использует следующие положения: 1. Соотношение потери массы при дегидратации (m_1) к потере массы при разложении гидроксидов (m_2) для глины заданного состава – величина постоянная. 2. Добавление в формовочную массу отощителя уменьшает содержание глины, уменьшая одновременно и m_1 , и m_2 , но сохраняет отношение m_1/m_2 . 3. Костровой обжиг приводит к разложению гидроксидов и увеличению сорбционной ёмкости. При термогравиметрических измерениях такой керамики с улучшением качества обжига увеличивается m_1 и уменьшается m_2 . 4. При очень высокой температуре обжига пористость керамики уменьшается. При термогравиметрических измерениях такой керамики с улучшением качества обжига уменьшается m_1 при полном отсутствии потери массы за счет разложения гидроксидов.

Исследования были проведены на коллекции образцов керамики памятников Барабинской лесостепи неолита, бронзы, переходного времени от бронзового к железному веку: Венгерово-2, Тартас-1, Чича-1 [Чича – городище..., 2009; Мыльникова, 2015]. Для коррекции полученных результатов и для сравнения с другими регионами с заведомо известными иными технологическими характеристиками использовались результаты изучения материалов поселений Линево-1 (Новосибирское Приобье) [Дребушак, Мыльникова, Дребушак, 2010], Мыльниково (Барнаульское Приобье) [Папин, Шамшин, 2005], Чекист (Томское Приобье)] – поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, а также образцы сосудов ранне-неолитических и мохэских объектов Дальнего Востока России и Южной Кореи [Мыльникова, Нестеров, 2012].

Обжиг керамических материалов памятников позднего неолита (Венгерово-2А) определяется как низкотемпературный с короткой выдержкой, т.е. «плохой», но есть изделия «среднего» качества.

Керамика эпохи бронзы (кротовская (Венгеро-2) и андроновская (Федоровская) культуры (Тартас-1)) по качеству очень похожа на неолитическую, хотя преобладают изделия «среднего» качества, но есть и «плохого».

Результаты исследования керамики переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (Линево-1; Чича-1; Мыльниково) лесостепной зоны Западной Сибири показывают, что коллекция каждого памятника по качеству обжига очень разнопланова: есть сосуды с очень хорошим обжигом, есть – плохого, но преобладают изделия среднего качества; коллекции памятников похожи друг с другом: зачастую сосуды из разных памятников имеют одинаковую потерю массы; обжиг керамической посуды остается костровым. Все новшества, отмечаемые для теплотехнических устройств, связанных с бронзолитейным производством, не коснулись обжиговых устройств гончаров.

Значимые результаты получаются при сравнении изученных коллекций с ранне-неолитическими комплексами Дальнего Востока [Мыльникова, Нестеров, 2012]. Качество обжига этих изделий «очень плохое» – с короткой временной выдержкой и низкой температурой. Эти исследования подтвердили наблюдения: фрагменты керамики памятников Косанни (Южная Корея) и Громатуха (Российский Дальний Восток) – размокают в воде в течение трех дней.

Развивая далее проблему использования ДТГ для определения качества обжига, следует подчеркнуть, что возможна и констатация количественных данных, а не только «отличное», «хорошее», «среднее», «плохое» качество. Но это задача не одного коллектива. Любые попытки рассчитывать температуру обжига по результатам точных термогравиметрических измерений натолкнутся на проблему различных значений температуры обжига для разных частей одного сосуда или даже разных слоев стенки сосуда, поскольку термогравиметрия достоверно фиксирует различия в сохранности глинистой компоненты керамической массы в разных частях сосуда и даже в разных точках стенок сосуда, отстоящих друг от друга на расстоянии в 2–3 мм. Поэтому разработка метода далее требует совместных усилий.

Библиографический список

Drebushchak V.A., Mylnikova L.N., Molodin V.I. Thermogravimetric investigation of ancient ceramics. Metrological analysis of sampling // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. – 2007. – Vol. 90. – №1.

Дребушак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребушак Т.Н. Физико-химическое исследование керамики с поселения переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1: возможности методов и интерпретация результатов // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2010. – №4 (44).

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к раннему железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур : автореф. дис. ... д.и.н. – Новосибирск, 2015.

Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П. Анализ ранне-неолитической керамики Востока Азии (Россия, Республика Корея) // *Корейская археология 21-го века*. – Т. V. – Сеул, 2012.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул, 2005.

Физико-химическое исследование древней керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / Интеграционные проекты СО РАН. – Вып. 6. – Новосибирск, 2006.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Василевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В. – Новосибирск, 2009. – Т. 3.

Л.Н. Мыльникова, Д.В. Селин
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул
СОСУДЫ ОДНОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
(по материалам андроновской (федоровской) культуры памятника Тартас-1)

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного Алтайским государственным университетом, договор №14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В российской археологической литературе предложено несколько критериев для выделения посуды, изготовленной одним мастером. К ним относятся: близкий состав исходного сырья и формовочной массы, использование одного и того же инструмента для нанесения орнамента и наличие отпечатков пальцев одного человека [Волкова, 1998]. Эта методика может быть расширена на основе «Программы статистической обработки керамики...» В.Ф. Генинга [Генинг, 1973; Мыльникова, Селин, 2015], которая позволяет выявить морфологически однотипные изделия. Этнографические данные демонстрируют факт, что у каждого профессионального гончара в ходе работы складывается жесткий динамический стереотип воспроизведения именно той формы сосуда, которую он привык традиционно делать [Цетлин, 2012, с. 164; Пошивайло, 2000].

Данные по просчету соотношений между различными частями сосудов, согласуясь с «Программой...» В.Ф. Генинга, выражаются в математических показателях, соответственно, мера сходства и различия отдельных комплексов между собой может быть показана в конкретных величинах. После снятия промеров производятся необходимые расчеты, далее определяются группы сосудов, сходных между собой по разному количеству указателей, и выявляются «цепочки» изделий, которые аналогичны по всем цифровым указателям. По нашему представлению, эти «цепочки» могут маркировать сосуды, сделанные узким кругом гончаров (родственников) со сходными навыками конструирования формы посуды, или одним мастером. Предложенный метод апробирован [Мыльникова, Селин, 2015] на коллекции посуды андроновской (федоровской) культуры из Еловского-II могильника [Матющенко, 2004]. Дальнейшие работы в данном направлении продолжены на коллекции керамики андроновской (федоровской) культуры с памятника Тартас-1. Керамические изделия памятника подвергнуты комплексному анализу (технологического-трассологического, включающий – технологию изготовления сосудов и способы нанесения орнамента, и морфологический).

Проанализировано 295 полных форм. Выявлены 32 «цепочки», насчитывающие от 2 до 14 сосудов, выполненных в одной морфологической традиции. Для демонстрации технологии изготовления посуды и трассологического анализа отпечатков орнаментальных штампов выбрана одна из длинных «цепочек»: погребения: №388 + №310 + №215 + №237 + №196 + №174 + №302, сосуд 1 + №416, сосуд 2 + №368 + №208, сосуд 2 + №507.

Результатом анализа оттисков орнаментальных штампов стало выявление двух изделий из погребений №302 (сосуд 1) и №208, орнамент которых нанесен одним инструментом. Следует отметить, что такое небольшое количество идентифицированных артефактов может быть связано как с сильной деформацией оттисков при обработке поверхности посуды и ее обжиге (поверхность всех изделий, орнаментированных гребенчатым штампом, ложились после нанесения орнамента), так и быть следствием того, что орнаменты (например, сделанные из кости или рога) менялись или подновлялись. Последний тезис может быть подтвержден примером наличия сосуда из этой же «цепочки», морфология, технология и орнаментальная композиция которого сходна с двумя вышеописанными, но орнамент нанесен другим инструментом (погребение №310). Исходя из этого, можно утверждать, что сопоставление оттисков штампов не может являться универсальным критерием для выявления посуды, изготовленной одним мастером (или представителями одной «школы»).

Формовочные массы этих трех сосудов сходны между собой по составу естественных примесей в исходном сырье: это ожелезненные среднезапесоченные глины с включениями

окатанного бурого железняка (диаметром до 0,1 мм) и пластинок слюды. В качестве добавок использованы некалиброванный шамот (диаметр 0,1–2,5–7 мм) в концентрации 1:5(6) и органический раствор (навоз жвачных животных?).

Изделия орнаментированы геометрическими узорами, разделенными на зоны. В верхней части сосуда украшены рядом косых треугольников, нанесенных при помощи пяти оттисков гребенчатого штампа. Над длинной стороной треугольников расположен ряд овальных ямок. Зона плечика отделяется прочерченной горизонтальной линией, за которой следует ряд пар треугольников. Зона тулова украшена сложным меандром. Придонная часть сосудов орнаментирована равнобедренными треугольниками. В целом, исключая небольшие детали, орнаментальная композиция на двух анализируемых сосудах (погребения №302 и 208) полностью идентична. Подобен охарактеризованным изделиям орнамент третьего сосуда (погребение №310), исключая ряд овальных ямок и треугольников.

Таким образом, комплексный анализ данных по морфологии, орнаментации и технологии изготовления посуды позволило выявить два сосуда (погребения №302 и 208), которые по всем критериям являются изделиями, изготовленными одним мастером. К ним можно отнести и изделие из погребения №310. Остальные сосуды, сгруппированные в эту «цепочку», можно считать изделиями, изготовленными в рамках одной морфологической традиции, что может являться свидетельством их относительной одновременности.

Погребения №302 и 208 располагаются в 32 м друг от друга и располагаются в разных рядах погребальных камер. Но они одновременны. Захоронение №310, в котором обнаружен еще один схожий с предыдущими сосуд, также расположено в другом ряду захоронений андроновской (федоровской) культуры, но из-за его идентичности он тоже одновременен этим погребениям. А остальные захоронения из этой цепочки относятся к одной морфологической группе, т.е. могут быть синхронизированы в рамках одного промежутка времени, при условии, что технология изготовления этих сосудов совпадает. Наличие изделий, сходных между собой по морфологии, орнаментальной композиции и технологии, но орнаментированных разными инструментами, связано, по-видимому, с достаточно быстрым приходом в негодность или подновлением гребенчатого орнамента, из-за чего становится крайне проблематично выявлять оттиски одного инструмента. Дополнительные затруднения вносит обработка поверхности изделий и обжиг, также видоизменяющий облик оттисков штампа. Исходя из этого, наличие одного и того же штампа на разных сосудах андроновской (федоровской) культуры не может являться универсальным критерием выявления посуды одного мастера.

Результаты вычислений категорий по «Программе...» [Генинг, 1973] могут быть конкретизированы в сторону уменьшения цифровых пределов. В данной программе их 5 (итогом является длинная «цепочка»), а целесообразнее выделить больше, исходя из задач, решаемых исследователем – уменьшается количественный размер «цепочки», но увеличивается возможность работы с изделиями, соотношение параметров которых очень близко.

Библиографический список

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1998.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – №1.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004.

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Комплекс андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В.Ф. Генинга) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2.

Пошивайло И. Феноменология гончарства: семиотико-этнологические аспекты. – Опошня, 2000.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М., 2012.

Л.Ф. Недашковский, М.Б. Шигапов
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА

Ближайшими к золотоордынскому городу Укеку остатками городского поселения эпохи Улуса Джучи является Хмелевское I селище. Селище, в прошлом – малый город Золотой Орды, относится ко 2-й половине XIII – XIV в., на нем найдены нумизматические материалы, датирующиеся с начала 70-х гг. XIII в. до конца XIV в. Исследование памятника осуществлялось археологической экспедицией Казанского университета 1995–2010 гг., возглавлявшейся Л.Ф. Недашковским [2011]. В ходе исследований на селище обнаружены остатки жилищ, хозяйственных ям, тандыра, монументальной архитектуры, остатки ремесленных производств, монеты и привозные вещи (в том числе фельс Хулагуида Аргуна). Часть предметов с селища была опубликована [Недашковский, Шигапов, 2015; 2016а-2016в].

Детали поясных наборов. *Пряжки.* Имеются бронзовая овальнорамчатая пряжка с узким прямоугольным приемником, железные две подтрапециевидные, трапециевидная и круглая пряжки. *Бронзовые накладки на ремень:* зооморфная в форме стилизованной головы быка (?) в фас; подтреугольная, с пальметтовидным выступом сверху и ажурным вырезом в виде трилистника; фигурная, в виде широкого трилистника, один конец в виде фигурной скобки, на другом – петля; квадратная, на внешней стороне выпуклый орнамент в виде квадрата. *Поясные кольца* представлены круглым железным изделием с крепежными пластинами, служившими зажимами для ремней. *Наконечники ремней:* серебряный полуовальный с фигурным концом, с выпуклым орнаментом в виде ромба и окружающих его четырех арок с основой из маленьких выпуклых прямоугольников; бронзовые трапециевидный и полуовальный с концами в виде фигурных скобок.

Украшения головы и рук. Бронзовая *серьга* в форме вопросительного знака имеет проволочную оплетку и четырнадцатигранную бусину. Бронзовые *перстни* представлены литыми щитковыми: с накладным шатоном для вставки, украшенным двумя боковыми выступами, и с небольшим, слегка приплюснутым щитком. *Браслеты* представлены двумя пластинчатыми образцами, украшенными орнаментом из выступающих продольных полос. Имеются половинка полой металлической *бусины* и два *бубенчика*. **Сюльгамы.** Имеются две железные подковообразные сюльгамы (овальная в сечении и с перекрученной железной дугой) и бронзовая игла сюльгамы. **Деталь шумящего украшения:** привеска в форме колокольчика с орнаментом в виде двух узких волнообразных полосок.

Зеркала. С узким высоким бортиком: с расплывчатыми изображениями по окружности четырех сидящих человеческих фигур, разделенных четырьмя драконами (2 экз.); с изображениями аль-бораков (2 экз.); с двумя окружностями в центре, поле занимает сложная плетенка, в которую включены изображения голов различных животных и человеческой головы в короне (2 экз.); с изображением дракона. Зеркала с низким валикообразным бортиком: с орнаментом в виде концентрической окружности; без дополнительной орнаментации (4 экз.); с орнаментацией в виде нескольких расположенных одна в другой арок (3 экз.); с концентрической окружностью и четырьмя арками.

Предметы вооружения. Имеются два фрагмента *топоров*, *наконечники стрел* – «срезни» (3 экз.) в виде вытянутой лопаточки и четырехгранный бронебойный наконечник, – и *фрагмент керамической бомбы*, полого шара со сквозными отверстиями в стенках, оплавленного изнутри.

Конское снаряжение. Имеются рамка полуовальной железной *пряжки*, использовавшейся для крепления подпруги, железное *кольцо* от узды, *подкова* из квадратного дрота и два *ледоходных шипа*.

Предметы быта и орудия труда. *Заклепки сосудов* из медных сплавов представлены тремя экземплярами. *Фрагменты литых сосудов* – обломками стенки и венчика. *Фрагменты кованных сосудов* (17 экз.) включают фрагмент венчика с остатками железного ушка. *Обломки*

листов (11 экз.) в большинстве своем также принадлежат к числу фрагментов сосудов. Найдены 6 фрагментов чугунных котлов, железное чересло от плуга и небольшой фрагмент косы. Железные замки представлены типом В (по Б.А. Колчину). Бронзовый зооморфный замочек был выполнен в форме коровки. Ключи представлены несколькими типами: медный ключик; ключ к замку типа В, с Н-образной рабочей частью; двк ключа с отогнутой рабочей частью в виде скобы; ключ с рабочей частью в виде буквы Н с двумя выступами с одной из сторон – от замка типа Г; два ключа с раздвоенной рабочей частью. Муфты ножей представлены 13 экземплярами, наперстки известны в двух экземплярах. Обкладка оселка имеет орнамент в виде трех цветков, один из которых с шестью лепестками, а два – с пятью. Всплеск металла свидетельствует о бронзолитейном производстве. Держатель коромысла весов выполнен в виде пластины с вырезом в виде арки, в верхней части сделаны шесть отверстий, в одно из которых продето кольцо. Диск с отверстием мог служить муфтой ножа или шила. Слиточки имеют дисковидную форму, у двух изделий сквозное отверстие в середине; был найден и свинцово-оловянный альчик. Свинцовые грузики-пломбы представлены 15 экземплярами и относятся к двум типам: усечено-конические и в виде плоской шайбы без выраженной втулки. Найдено 27 ножей, 23 гвоздя, 9 скоб и 3 пробоя. Поливная керамика представлена фрагментами кашинной (в том числе с люстровой росписью) и красноглиняной посуды, селадоновых сосудов, фрагментами кашинных изразцов и пуговицы. Неполивная керамика представлена золотоордынской, древнерусской, мордовской посудой и фрагментами трапезундских амфор.

Сравним приведенные материалы с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища, на месте которого располагался крупный город Укек. В материалах с Хмелевского I селища, в отличие от Укека, всего одно серебряное украшение, а золотые полностью отсутствуют. Обращает внимание четырехкратное преобладание в материалах селища железных пряжек, отсутствующих на Увекском городище, над бронзовыми. Единственное поясное кольцо с селища также железное, а на городище найдены лишь бронзовые и серебряные. Железными являются сохранившиеся сюльгамы с Хмелевского I селища, все сюльгамы с городища – бронзовые. Зафиксировано отсутствие железных накладок и наконечников ремней на Хмелевском I селище, в Укеке из таких украшений железное – только одно. В материалах с селища отсутствуют копья, булавы, кистени, кинжалы, боевые ножи, стремена, серебряные сосуды, металлические пуговицы, детали бронзовых светильников, чашечки весов, весовые гирьки и литейные формы (хотя найдены всплеск металла и слиточки). Обращает на себя внимание количественное преобладание в материалах городища топоров, керамических бомб, заклепок от металлических сосудов, бронзовых замочков, бубенчиков, муфт ножей и предметов христианского культа. Напротив, отмечается массовость ножей, гвоздей, скоб, пробоев и свинцовых грузиков-пломб в материалах Хмелевского I селища, а также наличие в его материалах железных подпружной пряжки и кольца от узды, отсутствующих на Увекском городище.

Библиографический список

Недашковский Л.Ф. Исследования Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153, кн. 3.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Украшения и зеркала с Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 3.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Изделия из металла с Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016а. – Т. 158, кн. 3.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Металлические изделия с Хмелевского I селища // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее : сборник материалов Международной научно-практической конференции (4–6 июня 2015 г., г. Саратов). – Саратов, 2016б.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Находки с Хмелевского I селища // Проблемы Археологии Нижнего Поволжья : материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции, 15–18 ноября 2016 г. – Элиста, 2016в.

А.Г. Недомолкин
Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп
ПЛАСТИНЧАТОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ
В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Несмотря на обилие памятников верхнего палеолита на Северо-Западном Кавказе, комплексы эпохи позднего верхнего палеолита (ПВП) (30–20 тыс. л.н.) исследованы только на двух стоянках: Губском навесе №1 (второй верхнепалеолитический слой) [Амирханов, 1986] и в Мезмайской пещере (слои 1A1, 1A1/1A2, 1A2). Нижний верхнепалеолитический слой Губского навеса №1 был раскопан в 1962–1963 гг. Для коллекции этого памятника характерна низкая доля пластинчатых сколов (35%) и почти полное отсутствие мелких орудий и продуктов расщепления, что может быть объяснено несовершенством методики раскопок 60-х гг. [Голованова, 2013]. Культурные отложения ПВП палеолита Мезмайской пещеры включают три слоя: 1A1 – 23,1–25,2 тыс. л.н., 1A1/1A2 – 28,6 тыс. л.н., 1A2 – 27,6–33,0 тыс. л.н. [Голованова, 2009; 2013].

Анализ техники расщепления в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа основан на материалах Мезмайской пещеры, поскольку в коллекции Губского навеса 1 значительная часть материала отсутствует. Коллекции слоев 1A1, 1A1/1A2 и 1A2 Мезмайской пещеры происходят с одного участка площадью 4 кв. м (раскопки 2015 г.) и включают весь микроматериал, полученный в результате сплошной промывки. Это позволяет без искажений охарактеризовать данные археологические комплексы.

Слой 1A1 на исследованном участке имел мощность 12–15 см. Коллекция включает 1956 каменных артефактов. Выделено 1064 скола (54,4%). Техника расщепления была направлена на получение пластин, пластинок и микропластинок, которые составляют 75,1% всех сколов. В слое 1A1 было найдено 6 нуклеусов (0,45%). Мелкий дебитаж (чешуйки, микрочешуйки, обломки) составляет 45,1%. Определено 209 ретушированных орудий.

Слой 1A1/1A2 мощностью 6–10 см был насыщен углем. В слое найдено 1350 изделий, преобладают сколы – 641 (47,5%). Пластины, пластинки и микропластинки составляют 73,6% от общего числа сколов. Нуклеусов определено 9 экз. (0,7%). Половина коллекции (51,9%) – мелкий дебитаж. Выделено 110 ретушированных орудий.

Материалы **слоя 1A2** (мощность 12–15 см) включают 3282 каменных артефакта. Сколов определено 1520 (46,3%). Доля пластинчатого компонента составляет 72,8%. Больше половины коллекции – мелкий дебитаж (52,9%). В коллекции 325 ретушированных орудий.

Анализ метрических параметров сколов. Использовались параметры ширины, толщины и относительной толщины скола (толщина/ширину*100%). Полученные данные были проанализированы с применением пакета программ STATISTICA 12. Парное тестирование различий пластинчатых сколов из слоев 1A1, 1A1/1A2 и 1A1/1A2, 1A2 при помощи t-критерия Стьюдента и U-критерия Мана-Уитни, где U-критерий использовался в качестве проверочного, показало:

1) отсутствие статистически значимых отличий по ширине, толщине и относительной толщине между пластинчатыми сколами из слоев 1A1/1A2 и 1A2;

2) наличие значимых различий по ширине и относительной толщине между сколами из слоев 1A1 и 1A1/1A2 (сколы из слоя 1A1 оказались шире и тоньше чем сколы из слоя 1A1/1A2);

3) близость по ширине и относительной толщине сколов из слоя 1A1 и сколов из нижних горизонтов эпипалеолитического слоя 1–3 [Недомолкин, в печати].

Сопоставление метрических параметров сколов с типом ударной площадки обнаружило, что в слое 1A1 пластины, пластинки и микропластинки с точечной ударной площадкой имеют в среднем меньшую ширину и толщину, чем сколы с гладкой ударной площадкой. Вариабельность абсолютных значений ширины и толщины у сколов с точечной ударной площадкой ниже, чем у сколов с гладкой ударной площадкой. Сопоставление размеров и типа ударной площадки сколов из слоев 1A1/1A2 и 1A2 дало результаты,

сходные с результатами, полученными для слоя 1A1. Единственное отличие состоит в том, что сколы с гладкой и точечной ударной площадкой одинаково вариабельны по ширине и толщине. Анализ выявил следующие закономерности: 1) чем меньше ширина сколов, тем чаще встречаются точечные ударные площадки;

2) на сколах шириной до 8 мм точечные площадки абсолютно преобладают над гладкими площадками, 3) почти все микропластинки (ширина <5 мм) имеют точечные площадки. Эти результаты служат дополнительным аргументом в пользу предположения о преимущественном применении техники отжима для получения пластинок и микропластинок [Поплевко, 2007, с. 246].

Таким образом, анализ метрических параметров сколов из слоев ПВП Мезмайской пещеры выявил статистически значимые различия между сколами из слоя 1A1 и из слоев 1A1/1A2, 1A2 по ширине и относительной толщине. Изменение размерных характеристик пластинчатого компонента может быть интерпретировано как результат развития техники расщепления в ПВП Северо-Западного Кавказа. Это может выражаться как в смене способа скалывания (прямой удар, удар через посредник, отжим), так и в изменении модели утилизации нуклеусов. Наличие в коллекциях всех слоев пластин шириной более 15 мм указывает на применение ударной техники скола на первых этапах использования нуклеуса. Гораздо сложнее определить способ получения пластинок и микропластинок, так как диапазоны ширины сколов, полученных при помощи ударных техник и в технике отжима, в значительной степени перекрывают друг друга [Pelegrin, 2012; Tardy et al., 2016]. Сочетание техник скола позволяет предполагать, что на начальных стадиях утилизации нуклеусов (скалывание крупных пластин) использовалась почти исключительно ударная техника, а по мере истощения ядрищ для снятия мелких пластинок использовался ручной отжим. Количество пластинок, имеющих метрические параметры, соответствующие ручной отжимной технике, увеличивается от более ранних индустрий к более поздним. Для подтверждения гипотезы о возможном изменении техники скола на рубеже позднего верхнего палеолита и эпипалеолита необходимы дополнительные исследования.

Изучение метрических параметров сколов позволяет выявить скрытые значимые различия между комплексами и определить их неслучайный характер, но не дает возможности определить причины этих различий [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014]. Дальнейший анализ морфологии сколов и нуклеусов, а также эксперименты по расщеплению кремня позволят подробно восстановить эволюцию технологии расщепления на протяжении всего верхнего палеолита этого региона.

Библиографический список

- Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. – М., 1986.
- Голованова Л.В. Динамика изменения среды и культуры в позднем палеолите Северо-Западного Кавказа // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009.
- Голованова Л.В. Поздний верхний палеолит Северо-Западного Кавказа // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2013.
- Недомолкин А.Г. Изменение метрических параметров сколов и интерпретация развития пластинчатого расщепления в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа (по материалам Мезмайской пещеры) // Археология этнография и антропология Евразии. – В печати.
- Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5.
- Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. – СПб., 2007.
- Pelegrin J. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The Emergence of Pressure Blade Making. – New York, 2012.
- Tardy N., Vosges J., Varoutsikos B. Micro-blade production on hyaline quartz during the Late Neolithic of northern Greece (5400–4600 cal. B.C.): Examples from Dikili Tash and Promachonas-Topolnica // Quaternary International. – 2016. – DOI 10.1016/j.quaint.2015.11.139

Н.Г. Недомолкина

Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда

ПОГРЕБЕНИЯ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА
С НАРУШЕННОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТЬЮ КОСТЯКА
НА ПОСЕЛЕНИЯХ ВЁКСА-1, ВЁКСА-3 В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ

По мнению исследователей, на севере европейской части России в эпоху мезолита и неолита доминирует вытянутая поза умерших [Алексин, 2000]. Исследования могильников в 1990–2000-е гг. в бассейнах реки Сухоны, Кубенского озера позволили сделать ряд важных открытий, существенно дополняющих наши знания по погребальным традициям, бытовавшим здесь в каменном веке. На территории Сухоны, Кубенского озера выявлен обряд членения костяков.

Могильник поселения Вёкса-1 исследовался автором в 1993–1996 гг. Могильник сориентирован по линии С–Ю. На площади раскопов выявлено четырнадцать могильных ям с охристой засыпкой. Могильные ямы направлены по линии З–В с отклонениями на 20–40°. Всего по останкам черепов захоронено 28–30 индивидуумов. Большинство погребений совершено по обряду труположения. Ориентация и положение костяков в могильнике неустойчивы. Преобладающее направление – восток – юго-восток. В могильных ямах №1, 2 захоронены одни черепа. Лицевой частью черепа ориентированы на юго-запад. Костяков, которые бы могли им принадлежать, не найдено. Слой насыщен огромным количеством кальцинированной кости. Возможно, использовался ритуал частичной кремации покойного. В четырех погребениях помимо основного костяка находились дополнительные черепа. Есть парное погребение. Все костные останки очень плохой сохранности, анатомические определения практически невозможны. Материал погребений представлен фрагментированными кальцинированными разрушенными элементами костных тканей, с расслоенной компактой и отсутствующим губчатым веществом¹. Анализ антропологического материала дал результаты по 12 костякам. Девять из них принадлежали взрослым индивидуам, три – подросткам.

Наиболее характерные черты могильника заключаются в следующем: погребения связаны с культурным слоем, окрашенным охрой мощностью 0,16–0,46 м; заглублены в материк; глубина и ориентация различны; присутствует интенсивная засыпка охрой; сочетаются положения целого и расчлененного тела погребенных. Фиксируются следы пеленания тела; вещи найдены в 1/5 захоронений; набор вещей – кольцо с насечками, лунница, орудие. Обращаясь к наличию сходных элементов погребального обряда в территориально и хронологически близком диапазоне, находим, что подобные черты характерны для мезолитических – неолитических могильников Восточного Прионежья, Кубенского озера. Могильник поселения Вёкса-1 может быть отнесен к периоду неолита – энеолита, соотноситься с неолитическими комплексами памятника, энеолитическим комплексом поселения типа Модлона-II и датироваться широкими рамками каменного века IV – началом III тыс. до н.э.

В 1999–2000 гг. на поселении Вёкса-3 исследовались погребения в яме (рис.). Конструкция ямы своеобразна, округлая в плане, она имела размеры 62 × 66 × 51 см. Под костями шел мощный слой гумуса, возможно, какая-то подкладка из шкур (?). На дне ямы находился округлый выступ, при снятии которого выявлена тонкая угольная прослойка. Очевидно, яма имела надземную конструкцию, о чем свидетельствуют столбовые ямки, прослеженные по ее краям. В заполнении ямы представлены скелетные останки двух индивидуумов – молодого, в возрасте до 20 лет и взрослого мужчины возрастом 30–35 лет. Верхний череп нижней частью был вплотную прижат к краю могильной ямы. Череп лежал на скоплении костей, положение которых первоначально создавало впечатление о сидячем захоронении. Оно получило название погребение №1. Оказалось, что частичные кости

¹ Определение всего антропологического материала проведено канд. ист. наук В.И. Хартановичем, зав. отделом МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

скелета погребения были сосредоточены в скоплении под черепом. Кости же в заполнении ямы принадлежали второму индивиду – погребение №2, череп которого был обнаружен после снятия верхнего. При расчистке погребения выявлено, что череп был сдвинут в сторону от позвоночника. Кости таза были расположены в противоположном позвоночнику направлении, а бедренные и берцовые кости находились сверху. Положение костей свидетельствует о расчленении трупа до/при погребении, хотя явных следов воздействия на костях не выявлено. Редкий случай, когда погребения сопровождаются сосудами. С теменной части верхнего черепа находился развал половины сосуда, намеренно фрагментированного. Орнамент нанесен по гладкому полю ямчатым штампом в технике накола в виде двух цепочек ромбов, опоясывающих сосуд в его верхней части. По венчику идет пояс из ямок большего диаметра. При выборке второго костяка с правой стороны в районе ребер найден небольшой фрагментарный глиняный сосудик, формой и орнаментом повторяющий большой сосуд. На его внутренней стенке нанесен ромбический знак. Аналогий в поселенческой керамике не имеется. Необычная конструкция могильной ямы, положение костяков затрудняют поиски аналогий. Погребения связаны со слоем 7, содержащими материалы периода развитого неолита (даты по С14 5650 ± 150 (ГИН-10182), 5700 ± 700 (ЛЕ-5857)) с ямочно-гребенчатой керамикой «северных типов». Датировки погребений по костям из-за отсутствия коллагена не были успешны.

Не углубляясь в морфологические, некрологические, тафологические представления древнего населения Сухонского бассейна, отметим, что они являлись частью существующей в данном обществе религиозно-мифологической системы. Расчленения тела и отчленения головы получили распространение во всем финно-угорском мире, который позднее займет эти территории. И, несомненно, мифологические представления формировались в глубокой древности, что находит подтверждение в нашем случае.

Поселение Вёкса-3. Погребения 1, 2 в яме. Вид с северо-востока

Библиографический список

Алексин В.А. Происхождение и распространение скорченной позы умерших в погребениях каменного века // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб., 2000.

Н.Г. Недомолкина¹, Х. Пицонка², В. Кирлейс², С. Лоренс³, М. Вицковска-Льют²

¹Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда;

²Университет им. Христиана Альбрехта, Киль, Германия;

³Университет Грейфсвальд, Грейфсвальд, Германия

МНОГОСЛОЙНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВЁКСА

В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ:

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ

ОТ КАМЕННОГО ВЕКА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке
Немецкого научно-исследовательского сообщества (проект №PI 1120/2-1,
«Археологический комплекс опорных поселений Вёкса.
6000 лет культурного развития от 6 до 1 тыс. до н.э.
на Северо-Востоке европейской лесной зоны»)

Комплекс многослойных поселений Вёкса, расположенных в бассейне Верхней Сухоны, является ключевым пунктом для реконструкции доисторических и культурных исторических событий на северо-востоке лесной зоны Европы. Памятники расположены вдоль левого берега р. Вологды, при впадении небольшого притока Вёкса, на протяжении 2 км. Исключительная важность поселений связана с хорошо стратифицированной последовательностью археологических слоев, толщина которых достигает 3 м и охватывает все периоды от раннего неолита до Средневековья [Недомолкина, 2000; 2004]. Вёксинский комплекс предоставляет редкую возможность проследить локальные культурные, типологические и экономические события и их связи с экологической историей на протяжении восьми тысячелетий. Кроме того, археологическое значение вёксинского комплекса повышается на счет отличных условий сохранения органических материалов, особенно в нижних, влагосодержащих слоях. Уникальный комплекс представляет концентрация 1802 деревянных свай и реек на берегу реки, которые датируются поздним неолитом и энеолитом [Недомолкина и др., 2015] (рис.). Археологические исследования на Вёксе начались в 1981 г. С 1993 г. раскопки и изыскательские работы на памятниках проводит археолог Вологодского государственного музея-заповедника Н.Г. Недомолкина. В 2015 г. начался совместный российско-немецкий проект с целью получения новых археологических и палеоэкологических данных на поселениях Вёкса на новом уровне исследований.

Мультидисциплинарный подход включает земляные работы в виде контрольных шурфов, геоморфологию, археоботанику и палинологию, археозоологию, дендрохронологию, AMS-датировку, изотопный и органический анализ остатков. Результаты новых исследований позволяют более детально понять взаимодействие человека и окружающей среды в голоцене в бассейне верхней Сухоны. Важным результатом является более подробная абсолютная хронология культурной последовательности в неолите, начиная с 6 тыс. до н.э., основанная на обширной серии радиоуглеродных AMS дат и археометрических исследованиях резервуарного эффекта местного пресноводного водоема [Piezonka et al., 2016]. Анализ ботанических макроостатков фазы раннего неолита выявил систематическое использование семян желтой кубышки (*Nuphar lutea*) в пище. Шурфом 2015 выявлена связь свайных сооружений с фазой застойной воды в местной речной системе. Предварительные результаты по дендрохронологии очень перспективны для дальнейших исследований, поскольку из 13 образцов сосновых свай шесть были срублены в одном году, что открывает возможность идентификации современных конструкций. Остатки шести рыболовных ловушек разного размера (две из которых были датированы по ¹⁴C, первой половиной и серединой третьего тысячелетия до нашей эры) свидетельствуют о существовании

интенсивного рыболовства на этой территории. Палинологические исследования на Вёксе демонстрируют изменение условий окружающей среды в этом регионе на всем протяжении голоцена и свидетельствуют о позднем появлении пыльцы зерновых в Средневековье. Археозоологические анализы показывают преобладающую эксплуатацию дикой фауны, включая млекопитающих, птиц и рыб в различных доисторических фазах.

Поселение Векса-III. Участок 4.
Основная концентрация свай 4 тыс. до н.э.
Вид с юго-запада при низком уровне воды в сентябре 2011 г.
(фото: С. Лоренц)

Библиографический список

Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. – Вып. 4. – Т. 1. – 2000.

Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб., 2004.

Недомолкина Н.Г., Пиецонка Х., Лоренц С., Шмёлке У. Новые археологические, остеологические и геоморфологические исследования на комплексе многослойных поселений Вёкса в бассейне Верхней Сухоны // Тверской археологический сборник. – Вып. 10. – Т. 1. – 2015.

Piezonka H., Meadows J., Hartz S., Kostyleva E., Nedomolkina N., Ivanishcheva M., Kozorukova N., Terberger T. Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results on foodcrusts // Radiocarbon. – 2016. – Вып. 58. – Т. 2.

О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян
Шуйская археологическая экспедиция,
Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя
ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ПЛЕСА СКЛОНА ПРАВОГО БЕРЕГА РЕКИ ШОХОНКИ
(по материалам археологических исследований)

Город Плес расположен на правом Волжском берегу, между Костромой и Нижним Новгородом. Волга здесь пересекает цепь конечно мореных гряд Галичско-Чухломской возвышенности. Выраженная расчлененность рельефа связана с неровностями ледниково-аккумулятивного рельефа. Особенностью геологического строения является отсутствие ярко выраженных аллювиальных террас. В пределах Плеса в Волгу впадает река Шохонка, стекающая с возвышенности. Точная дата основания Плеса неизвестна.

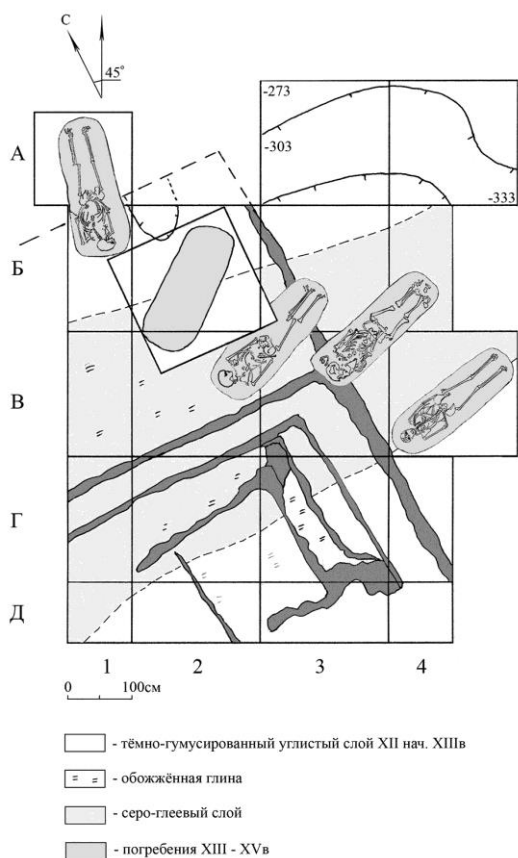
Приказом Министерства культуры России от 26.12.2014 за №2450 Плесу присвоен статус исторического поселения федерального значения и утверждены границы охранных зон культурного слоя поселения. Объект археологического наследия «Историко-культурный слой города Плеса: Селище Плес 1» находится в нижней части склона правого коренного берега Волги и тянется от Пустынского оврага на западе до ручья Гремячка на востоке. Высота памятника над современным урезом воды в реке Волге составляет 2–14 м. В охранную зону включена территория бассейна реки Шохонка. Памятник обследовался в 1986–1997 гг. П.Н. Травкиным (раскопки), в 1986–1992 гг. Г.В. Панченко (Плесский музей заповедник), в 2009–2013 гг. сотрудниками Ивановской археологической экспедиции, в 2014–2016 гг. – Шуйской археологической экспедицией.

Начальное заселение Плеса связано с особенностями рельефа, наиболее «комфортными» условиями обладала, как правило, первая береговая терраса, заселение второй береговой террасы требовало усилий для выравнивания площадки и отведению водотоков. Изучаемый участок по адресу улица Вичугский проезд, дом 7 располагается на северо-западном склоне горы Левитана. Проведенный геоморфологический анализ пластики рельефа территории участка показал, что раскоп расположен в зоне вогнутого перегиба, для которой характерно образование линий стока, концентрирующих потоки влаги, выпадающей в виде осадков (делювиальные отложения). Подобные элементы рельефа соответствуют оврагам или балкам. Все вышеуказанные особенности данного участка зафиксированы при проведении археологических работ и учтены в итоговом анализе.

В ходе исследований выяснилось, что площадка раскопа представляет собой две разновременные террасы: восточная часть раскопа – площадка, начальное время освоения которой относится к XIII–XIV вв., юго-западная часть – терраса, освоенная в XII в. Слой XII в. связан с жилым горизонтом, относящимся к начальному этапу заселения данного участка. Исследованная в раскопе постройка была срубным пятистенным домом, внутреннее пространство которого было разделено на 2 камеры, размерами 5 × 5 м. Постройка ориентирована по сторонам света, в северной части постройки (кв. Б2) прослежена яма подовальной формы, являющаяся подпечной ямой печи – каменки. При выборке найдены индивидуальные находки: фрагменты глиняной обмазки со следами волокон дерева, нож древнерусской формы и кольцевидная бусина зеленого стекла, диаметром 6 мм, датируется XII–XIII вв. [Захаров, Макаров, 2008, с. 290–291]. В южной части постройки отопительного устройства не зафиксировано. Постройка была возведена на платформе из плотного серого и буро-охристого суглинка. Внутреннее пространство разделено стеной, под которую тоже был подведен грунтовый фундамент. Мощность платформы увеличивалась с северо-востока на юго-запад, в направлении понижения склона. По внешнему и внутреннему периметру фундаментная площадка была закреплена (рис.). Подобная традиция возведения фундаментных земляных площадок хорошо известна в Новгороде X–XI вв. [Фараджева, 2009, с. 567] и зафиксирована во Владимире в восточной части пещерного города (середины XII в.) [Милованов, 2015, с. 20]. Наиболее вероятной датировкой сооружения по данным

радиоуглеродного анализа представляется промежуток от 20-х гг. XII в. по 1-ю четверть XIII в. В вещевой коллекции 23 фрагмента стеклянных браслетов, общая датировка которых конец XII в. – 1-я половина XIII в. [Полубояринова, 1963, с. 169–174]. В коллекции индивидуальных находок двухрогий железный светец, наконечник стрелы, тип 61 (по Медведеву), датирующийся X–XIII вв. [Медведев, 1968, с. 73], зооморфная шумящая подвеска, представляющая собой объемную фигурку «конька-птицы», по классификации Е.А. Рябина [1981, с. 38] относится к типу XIX и датируется XII–XIII вв. Датировку культурного слоя подтверждают находки белоглиняной штампованной керамики. В верхневолжском регионе такой орнамент получил особую популярность в конце XII в., что обусловило его использование вплоть до конца XIII в. [Коваль, Хижняков, 2005, с. 181].

Сводный план раскопа

Постройка погибла в пожаре в 1-й половине XIII в. Место пожара было тщательно разобрано и снивелировано, в результате чего общая площадь террасы увеличилась. Выровненная площадка была использована под захоронения. В результате раскопок на выделенной площади было исследовано 8 погребений. Выявление второго ряда захоронений на площадке второй ступени свидетельствует о том, что это был некрополь, функционировавший в течение с 1-й половины XIII по XV в. Вероятно, что в XV в. некрополь на склоне уже не использовался, кладбище переместилось на вершину горы Левитана, где к 1645 г. построена деревянная церковь в честь Петра и Павла.

С XVI в. площадка террасы вновь начинает застраиваться, данный этап застройки вновь предусматривает нивелировочное выравнивание площадки, в ходе которого могильные насыпи были снивелированы. Сама улица Вичугская (Вичугский проезд) появляется не ранее XVIII в., ее появление было связано с екатерининским планом регулярной планировки городов 1780 г.

Таким образом, по результатам исследований мы можем говорить, что начало заселения юго-восточной части Плеса (северо-западный склон горы Левитана) относится ко 2-й половине XII в., с этого времени фиксируется застройка на участке и его непрерывное использование прослеживается на протяжении веков.

Библиографический список

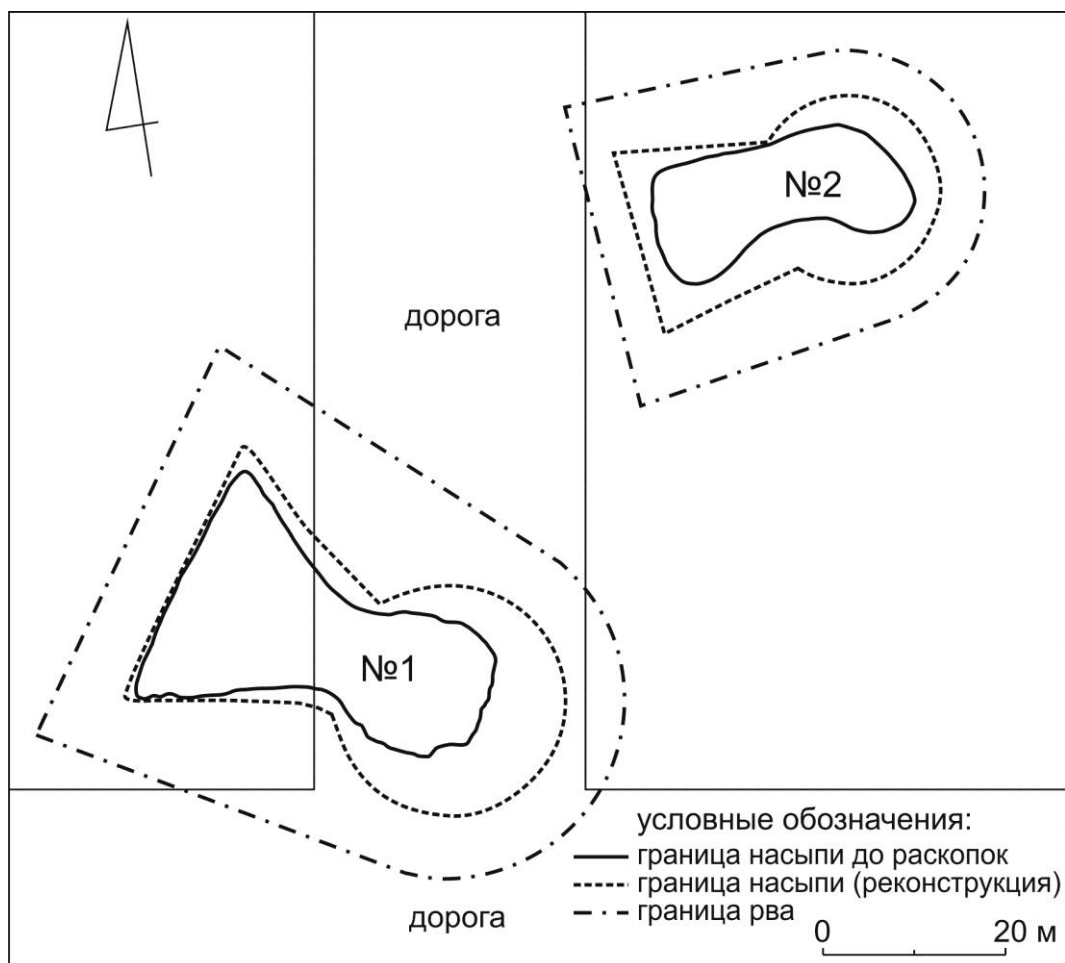
- Захаров С.Д., Макаров Н.А. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. – Т. 2. – 2008.
- Милованов С.И. Начальный этап освоения восточной части Печерного города Владимира-на-Клязьме // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. – Вып. 5. – 2015.
- Полубояринова М.Д. Стеклобраслеты древнего Новгорода // МИА. – №117. – 1963.
- Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. – Вып. Е1–60. – 1981.
- Фараджева Н.Н. Фундаментальные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. – Великий Новгород ; СПб. ; М., 2009.

А.Л. Нестеркина, И.С. Гнездилова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
КВАДРАТНО-КРУГЛЫЕ КУРГАНЫ ВОЛЬГЕДОН НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ:
ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036)

Памятник Вольгедон расположен на юго-западе Корейского полуострова, в г. Кванжду пров. Чолла-намдо Республики Корея. Он приурочен к бассейну одного из главных водных источников этой провинции – реке Йонсанган. Памятник исследован в 1993 г. сотрудниками университета Чоннам под руководством профессора Лим Ёнджина в рамках охранно-спасательных работ.

Объект представляет собой курганный комплекс из двух больших курганов (длина насыпи кургана №1 – 45,3 м, №2 – 34,5 м). Их отличительная особенность заключается в форме насыпей: каждая из них состоит из двух соединенных между собой частей подквадратной (трапециевидной) и округлой в плане формы (рис.). По периметру курганы окружены рвом, ширина которого достигает максимальной величины в месте стыка округлой и трапециевидной частей. В округлой части насыпи выявлено по одной сложенной из камня погребальной камере горизонтального типа со входом-коридором. Погребального инвентаря в камерах обнаружено немного: в кургане №1 – золотая серьга, железный наконечник стрелы и фрагменты керамики, в кургане №2 – обломок железного ножа, стеклянные бусины и фрагменты керамики. Большое количество фрагментов керамики выявлено в окружающих насыпи рвах. Из них удалось реконструировать сосуды с цилиндрическим туловом без горловины или с выделенной горловиной, плечиками и отогнутым наружу венчиком [Лим Ёнджин, 1994, с. 239–243].

Курганы памятника Вольгедон. План [по: Лим Ёнджин, 1994]

Курганы памятника Вольгедон стали объектом пристального внимания исследователей благодаря не типичной для погребений железного века Корейского полуострова конструкции и найденным во рвах цилиндрическим сосудам. Поиск аналогий за пределами Кореи заставил исследователей обратить свое внимание на аналогичные объекты на Японском архипелаге.

Состоящие из двух насыпей, округлой и трапециевидной, квадратно-круглые курганы (*кофуны*), именуемые также «курганы в форме замочной скважины» на территории Японского архипелага, начинают сооружаться с конца III в. Насыпи курганов сооружались несколькими ступенями, по всему периметру которых устанавливались глиняные изделия – *ханива* цилиндрической формы либо *ханива*, имеющие расширение сверху (в форме чаши). На вершине круглой насыпи находились антропоморфные, зооморфные *ханива* и *ханива* различных форм [Инуки, 1996, с. 10]. С конца IV – начала V в. в подобных курганах повсеместно сооружались горизонтальные погребальные камеры, представляющие собой вход-коридор и собственно комнату, созданные из небольших каменных блоков [Масуда, 1996]. Курган окружался рвом, заполняемым водой.

Конец IV – начало V в. на территории Японского архипелага отмечены резким увеличением количества *кофунов*, в том числе и квадратно-круглой формы. При сооружении кургана, помимо формы насыпи, значение имел и ее размер (длина): *кофуны* свыше 200 м в длину предназначались только для погребения императоров и членов императорской семьи, в то время как небольшие курганы (до 100 м в длину) использовались при погребении чиновников и военачальников не самого высокого ранга.

Можно заключить, что курганы Вольгедон находят прямые аналогии на территории Японского архипелага как по конструкции самих объектов, так и по сопровождающему инвентарю (*ханива*). Тем не менее вопрос о месте и времени происхождения этих курганов пока не находит однозначного ответа. На территории Японского архипелага известно около 16 тыс. курганов периода *кофун*, из которых около 4 тыс. имеют квадратно-круглый тип насыпи [Майдзо..., 2013, с. 30]. Японские исследователи датируют их III–VI вв. В Корею квадратно-круглых курганов не так много: к этой категории относят 13 объектов с длиной насыпи от 24 до 76 м. Все они сосредоточены во внутриконтинентальных районах юго-западной Кореи. Таким образом, вывод о том, что местом происхождения квадратно-круглых курганов является Японский архипелаг, представляется справедливым. Квадратно-круглые курганы памятника Вольгедон нельзя датировать точно ввиду того, что они не содержат датирующих артефактов и к моменту изучения были уже сильно разрушены. По аналогии с японскими *кофунами* исследователи относят их к концу V – началу VI в.

Проблема культурной принадлежности квадратно-круглых курганов Корейского полуострова также пока не находит однозначного решения. Судя по тому, что курганы Вольгедон относятся к небольшим по размерам насыпи, небогаты погребальным инвентарем и расположены вдали от оживленных торговых путей, вряд ли в них были захоронены великие правители и завоеватели. По одной из версий, это были достаточно зажиточные выходцы из Японии, бежавшие в Корею от политической нестабильности в Японии в V–VI в. Но нельзя исключать и вероятности того, что погребенные в этих курганах были посланниками Ямато в поддерживающее с ним связи Пэкче.

Библиографический список

Инуки Ц. Керамика, *ханива* // Ко:когаку дзасси (Археологический журнал). – 1997. – Вып. 82, №3 (на яп. яз.).

Лим Ёнджин. Два квадратно-круглых кургана Вольгедон в г. Кёнджу // Хангук когохакпо (Археология Кореи). – 1994. – №31 (на кор. яз.)

Майдзо: бункадзай канкэй то:кэй сирё: Хэнсэй 24-нэндо-бан (Статистические данные по археологии за 2012 г.). – Токио: Бунка-тё (Агентство по делам культуры), 2013 (на яп. яз.).

Масуда К. Развитие технологии создания горизонтальных погребальных камер стиля Кинай и исторические тенденции // Нихон ко:когаку (Японская археология). – 1996. – Т. 3, вып. 3 (на яп. яз.).

С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по материалам памятника Озеро Долгое)

Памятник Озеро Долгое в Архаринском районе Амурской области на местности обозначен 57 западинами различного диаметра, сгруппированных в пять рядов, вытянутых по берегу одноименного озера длиной 18 км, которое еще в I тыс. н.э. могло представлять собой амурскую протоку. Проведенные раскопки в 2008 и 2014 гг. двух жилищ, двух ям и прилегающей к ним территории позволяют сделать некоторые выводы об истории заселения данной террасы, о культурной принадлежности полученного материала, о конструктивных особенностях изученных построек.

Анализ стратиграфических разрезов позволил установить последовательность литологических напластований береговой террасы и изменения в них в результате антропогенного влияния. Основу террасы составляют аллювиальные пески, которые перекрыты коричневой комковатой глиной. Выше слоя глины залегает слой серого суглинка, перекрытого гумусированным слоем – древней поверхностью, на которой обнаружены следы заселения террасы человеком в раннем неолите. Это немногочисленные каменные артефакты (обломки пластин, пилка по раковине, отщепы из вулканического туфа, строгальный нож по дереву на отщепе и нож по мясу на пластине) ранне-неолитической *новопетровской культуры* (8,5–9,4 тыс. л.н.). Артефакты поздне-неолитической *осиноозерской культуры* однозначно не вычлениваются. К ним можно отнести халцедоновый скол, который обнаружен в первом горизонте слоя 2. Изделия из халцедона характерны в большей степени для данной культуры хотя редко, но встречаются и в новопетровской культуре [Деревянко, Нестеров, Алкин и др., 2004].

Следующий период присутствия древнего населения на берегу оз. Долгое связан с *урильской культурой* – первого этапа раннего железного века (XII–II вв. до н.э.). Расположение фрагментов керамических сосудов в слое 2 и на полу жилища 31 свидетельствует об их переотложении в результате поздних перекопов. Судя по немногочисленным черепкам, посуда представлена горшками и сосудом-сфероидом. На нескольких венчиках урильских сосудов имеется орнамент, а на обломках тулова присутствует мелкий вафельный орнамент, характерный именно для урильского декора [Нестеров, Дураков, Шеломихин, 2008, с. 37].

Судя по малочисленности находок и неолитического периода, и урильской культуры, данный участок не был заселен постоянно. Возможно, это связано с его заболоченностью и наличием здесь кочкарника. И только к III в. н.э. появилась возможность строить жилища на берегу озера. В результате древняя поверхность (слой 3) оказалась засыпанной грунтом (слой 2), вынутым при копке котлованов. Вместе с землей сюда были перемещены и артефакты более древних эпох из слоя 3. После забвения поселения эти напластования были перекрыты отложениями, которые в итоге сформировались в современную поверхность.

Второй этап раннего железного века на поселении представлен артефактами *талаканской культуры* (II в. до н.э. – III в. н.э.), которая в Западном Приамурье сформировалась на основе местного позднего урильского населения и пришлых прототалаканских племен, предположительно из Забайкалья. Однако на раскопанной части поселения встречено несколько фрагментов керамики *пальцевской культуры*, которая сменила урильскую культуру в Восточном Приамурье. Это – обломки сосудов, тулова которых украшены пальцевым орнаментом с четким отпечатком ногтя. Различные размеры пальцевых отпечатков свидетельствуют о том, что черепки принадлежат, как минимум, двум сосудам. На территории Западного Приамурья памятники пальцевской культуры не обнаружены, за исключением отдельных находок

обломков сосудов на стоянке Усть-Талакан на р. Бурее, целого тарного сосуда с местонахождения Озеро Яма на Амуре (в 60 км выше г. Благовещенска). Обломки тарных емкостей встречены также в виде подъемного материала на расположенном рядом с ним памятнике Алексеевский Бугор [Болотин, Сапунов, Зайцев, 1997]. Появление польцевской посуды на поселении Озеро Долгое, видимо, обусловлено контактами местного, скорее всего, талаканского населения с племенами польцевской культуры, проживавших наиболее близко друг от друга по обе стороны гор Малого Хингана.

Судя по основной массе археологических находок и по конструкциям жилищ, раскопанные на Озере Долгом объекты принадлежат талаканской культуре раннего железного века (жилище 31) и *михайловской культуре* (III–X вв. н.э.) раннего средневековья (жилище 32). Культурная принадлежность конструкции 31а, которая была встроена в котлован жилища 31 после прекращения его функционирования, однозначно не определяется из-за отсутствия в ней артефактов. Все три объекта датируются 2-й половиной III – IV в.

В ямах №16 и 17 обнаружены сожженные деревянные конструкции, которые не могут быть ни жилищами, ни хозяйственными постройками. Стратиграфические и планиграфические наблюдения, находки позволили предположить, что глубокие ямы являются погребальными комплексами *троицкой группы мохэ* VIII в., не исключено, что кенотафами, так как антропологический материал отсутствовал. Однако по углю из ямы №17 была получена ¹⁴C дата – 1-я половина III–IV в. Она отличается от предложенной ранее даты, и их расхождение составляет 400–500 лет. В заполнении глубокой воронки ямы №17 найдены железные крицы, шлаки, фрагменты сосудов со следами высокотемпературного воздействия и отверстием в тулове под воздуходувное сопло и др., которые являются отходами металлургического производства, связанных с выплавкой небольших порций железа в керамических сосудах-горнах. Остатки от железоделательного производства принадлежат мохэ троицкой группы IX–X вв. н.э. [Нестеров, 2016].

Таким образом, динамика населения юго-восточной части Западного Приамурья в раннем железном веке и в средневековье, установленная по материалам памятника Озеро Долгое, демонстрирует те же, что и на всей территории этого региона, этапы этнокультурной истории, отраженные в артефактах археологических культур: урильской – талаканской – михайловской – троицкой группы мохэ [Древности Буреи, 2000, с. 190].

Библиографический список

Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Новые памятники раннего железного века на Верхнем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. III. – Новосибирск, 1997.

Деревянко А.П., Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Волков П.В., Кудрич О.С., Канг Чан Хва, Ли Хо Чжон, Ким Кэн Чжу, О Ён Сук, Ли Вон Чжун, Ян На Ре, Ли ХеЁн. Материалы археологического изучения памятника Новопетровка-III в 2003 году. – Новосибирск ; Чечжу, 2004.

Деревянко Е.И., Гребенщиков А.В. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск, 2001.

Древности Буреи. – Новосибирск, 2000.

Нестеров С.П. Материалы по мохэскому металлургическому производству с озера Долгого в Амурской области // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23. – №2.

Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №4 (36).

А.И. Нечвалода
 Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа
 ОТ ЛАИМБЕРДЫ ДО СИНЬЦЗЯНА: К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ
 ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БАШКИРСКОГО ЗАУРАЛЬЯ

В результате раскопок в Башкирском Зауралье на памятнике эпохи поздней бронзы Лаимберды (Баймакский район РБ) был обнаружен и исследован могильник этого же времени. На поселении была во множестве обнаружена керамика срубно-алакульского облика, что позволило специалистам отнести данный памятник к синкретическим памятникам, так называемого срубно-алакульского типа. Черепа хорошей и удовлетворительной сохранности. Серия мужских черепов из Лаимберды, краниологические особенности которой рассматриваются в публикуемом сообщении, состоит из 6 черепов. Черепа были измерены по принятой в российской антропологической науке программе в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца.

В целом серия из Лаимберды характеризуется европеоидными чертами, в том сочетании, которое свойственно западным алакульским группам (Западный Казахстан, Южный Урал), для которых характерно низкое лицо, более широкий и слабее выступающий нос (табл.). Из краниологических особенностей серии стоит отметить малую величину высотного диаметра нейрокраниума и плосковатость лица на орбитальном уровне. Краниологическая серия из Лаимберды продемонстрировала близость к усредненной краниологической характеристике абашевцев из Пепкинского кургана. Можно предположить, что один из компонентов в составе срубного населения – низкоголовый, умеренно широколицый краниологический тип превалировал среди срубного населения Башкирского Зауралья.

Средние значения некоторых краниометрических признаков серии из Лаимберды. Мужчины

No Martin	♂			
	N	X	min-max	SD
1	6	181.7	173.0-189.0	6.53
5	5	100.8	99.0-106.0	3.03
8	6	139.0	125.0-149.0	8.74
9	5	97.1	91.0-102.3	4.27
17	4	130.8	129.0-132.0	1.26
32	6	81.8	79.0-85.0	2.64
40	5	97.8	95.0-101.0	2.39
45	6	134.3	129.0-141.0	4.72
48	6	69.5	68.5-70.5	0.71
51	6	42.6	41.3-44.5	1.14
52	6	33.5	31.0-35.5	1.91
54	6	25.8	23.3-27.8	1.86
55	6	51.0	44.5-54.0	3.56
72	6	88.2	84.0-95.0	4.07
77	6	138.9	131.0-145.1	5.56
<Zm'	6	128.0	120.0-138.7	7.66
SS	6	5.1	4.3-6.5	0.80
SC	6	8.8	8.0-10.4	1.17
75(1).	4	26.8	24.0-30.0	2.50

В результате проведенного сравнительного анализа (метод канонических корреляций, 58 серий) черепа с поселения Лаимберды из башкирского Зауралья, наряду с серией степной бронзы из могильника на территории Таджикистана – Дашти-Казы, можно считать одной из близких морфологических аналогий краниологической серии из некрополя Гумугоу (Синьцзян, Китай), который был оставлен, вероятно, носителями протохарской этнической общности. Данное обстоятельство, возможно, позволит по-новому взглянуть на сложную картину взаимодействия и расселения носителей арийских языков в эпоху бронзы.

А.В. Никитина
Самарский государственный технический университет, Самара
НЕТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ В ГОНЧАРСТВЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №17-31-01069 а2 «Технология гончарного производства лесостепных культур Восточно-Европейской равнины эпохи Великого переселения народов»)

Исследования по гончарству именьковской культуры активно проводились в 1980-х гг. Н.П. Салугиной [1985, 1988, 2000], результаты которых дали достаточную для того времени базу для понимания его особенностей. Однако за последние 25 лет, прошедших с момента исследований, накопилось большое количество новых материалов, что обусловило актуальность возобновления работы по данной тематике в настоящее время. Мы продолжаем исследования согласно тем же принципам (и усовершенствованным методикам) историко-культурного подхода к изучению древней керамики [Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012].

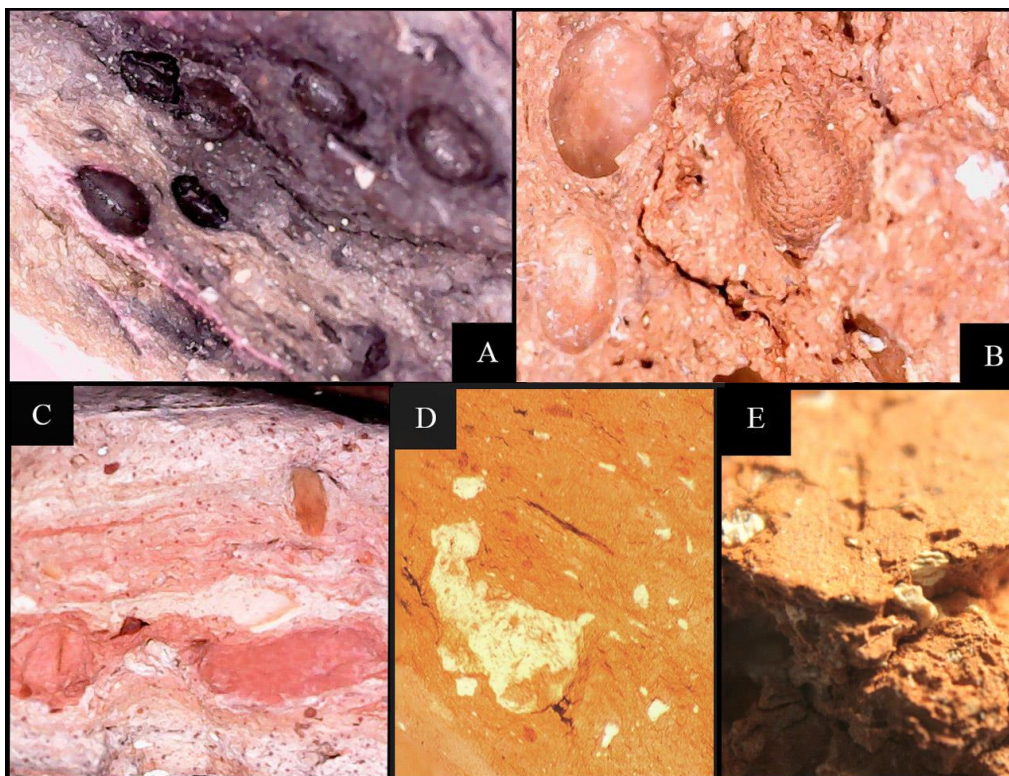
Автором статьи привлечены к исследованию коллекции 6 памятников эпохи Великого переселения народов Среднего Поволжья: городище Кармалы (раскопки Г.И. Матвеевой 1984–1985 гг.), селище Романовка-II (раскопки Г.И. Матвеевой 1989 г.), городище Старая Майна (раскопки Г.И. Матвеевой 1990–1991 гг.) селище Бахилово (раскопки Г.И. Матвеевой 1992 г.), селище Ош-Пандо-Нерь (раскопки В.А. Скарбовенко 1994–1995 гг.), поселение Сосенки (раскопки М.С. Седовой 1987 г.). Конкретные результаты некоторых анализов и подробное описание методики были опубликованы [Никитина, 2015, 2015а, 2016].

В целом, результаты анализов подтвердили доминирование традиций, обнаруженных в предшествующих исследованиях, однако были выявлены и ранее неизвестные.

На городище Старая Майна зафиксирована традиция составления формовочных масс по рецепту Г+О в количестве 26,5% от общей массы сосудов, в то время как обычное содержание этого рецепта в основной массе не превышает 2–3%. Это позволило высказать предположение о значительном присутствии инокультурного компонента в составе населения городища. Изначально по анализу керамики сооружения №18 предполагалась, что традиция связана только со строителями так называемых «длинных домов», однако анализ наборов из сооружений №22 и №164 показал аналогичную картину, это позволило рассматривать данную особенность, касающуюся населения городища в целом. Сопоставление с типологией керамики городища показало, что большинство данных рецептов соотносится с также малораспространенными в Среднем Поволжье категориями посуды.

Единственно представленная традиция добавления органического вещества с большой концентрацией семян – 1:6–7 встречена на селище Бахилово (рис.-А–В). Размер семян $\approx$ 1мм, форма продолговатая, следы представляли собой как продолговатые пустоты, так и сохранившиеся обугленные остатки самих зерен. По отпечаткам можно предположить, что следы оставлены разными видами семян: большая часть имела гладкую поверхность, другие – покрытую волосками. Присутствие других следов органики незначительно: единичные мелкие вытянутые пустоты с обуглившимся веществом и мелкие продолговатые отпечатки. Аналогии подобному случаю в керамике других культур этого времени нам не известны. Единично были обнаружены сосуды с примесью сухой дробленой кости на городище Старая Майна (рис. Е). Данная традиция хронологически широко распространена в гончарстве, однако везде – в качестве единичных случаев. Очевидно, что применение обоих приемов носит скорее семантическую нагрузку, нежели технологическую, однако ни значения, ни происхождения этого явления проследить пока невозможно.

В незначительных количествах встречены сосуды с добавлением белой глины в основную ожелезненную высокопластичную. Образцы сосудов происходят с городищ Кармалы и Старая Майна (рис.-С, D). Во всех случаях рецепты применены для изготовления тонкостенных миниатюрных сосудиков. Поскольку как основная, так и дополнительная глина значительно отличаются по составу и техническим свойствам от глин основной массы сосудов, данные емкости и их содержимое стало возможно рассматривать как пришедшие на памятник в качестве импорта из других регионов.

Таким образом, даже в ситуации достаточной исследованности проблемы, при использовании новых материалов, удалось получить новые сведения о компонентах в составе населения памятников, предметах импорта и отдельных нетривиальных случаях в гончарстве. В остальном же результаты анализов показали устойчивость основной технологической традиции, вне зависимости от хронологии комплексов и от их удаленности от условного центра ареала культуры.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М., 1987.

Бобринский А.А. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999.

Никитина А.В. Особенности гончарного производства селища Бахилово эпохи Великого переселения народов на территории Самарской Луки // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – №3.

Никитина А.В. Технологические особенности керамики селища Романовка-II эпохи Великого переселения народов северо-западной Башкирии (по материалам раскопок 1989 года) // Вестник Самарского государственного университета. – 2015а. – №11 (133).

Никитина А.В. Керамический комплекс большого дома Старомайнского городища // Поволжская археология. – 2016. – №4(18).

Салугина Н.П. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985.

Салугина Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев, 1988.

Салугина Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М., 2000.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М., 2012.

Н.Н. Николаев, Д.Ю. Гук
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ НА 3D МОДЕЛИ НАХОДОК
ИЗ ПЯТОГО ПАЗЫРЫКСКОГО КУРГАНА

12 сентября 1949 г. завершилось исследование Пятого Пазырыкского кургана, в конском захоронении которого были найдены дышло, колеса и детали повозки, ворсовый ковер, большой войлочный ковер и «плетенка с четырьмя привязанными к ней войлочными скульптурными фигурками лебедей, набитыми оленьим волосом» [Руденко, 1951, с. 110–111]. Все эти находки, за исключением плетенки, представлены на экспозиции Государственного Эрмитажа. Может показаться странным, но упоминания о плетенке нет даже в соответствующем разделе тома «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» академического издания «Археология СССР» [Грязнов, 1992, с. 161–178].

С.И. Руденко [1953, 234] считал, что решетка из тонких прутьев, украшенная фигурками войлочных лебедей, имеет отношение к верхней части повозки из Пятого Пазырыкского кургана. М.П. Грязнов, который осуществлял общее руководство реставрацией и реконструкцией повозки, после того как ознакомился с ее деталями, пришел к выводу, что на раму повозки была установлена клеть, набранная из тонких гнутых жердей, вокруг которой крепились стойки, оканчивающиеся лопатками. Поверх стоек фиксировался обод, на который были уложены доски. На основании своих наблюдений и бесед с А.А. Гавриловой, которая руководила расчисткой и разборкой находок в конском захоронении Пятого Пазырыкского кургана, М.П. Грязнов решил, что решетка из прутьев, украшенная фигурками лебедей, имеет отношение к длинным деревянным шестам и большому войлочному ковру. В 1956 г. он впервые опубликовал описание погребального шатра, в котором в качестве конструктивных и декоративных элементов упомянул шесты, большой войлочный ковер и войлочные фигурки лебедей [Грязнов, 1956, с. 13–14]. В 1958 г. в книге «Древнее искусство Алтая» он вновь написал, что фигурки лебедей украшали верх войлочного шатра [Грязнов, 1958, с. 9]. С.И. Руденко откликнулся на эту публикацию критической рецензией в журнале «Советская археология» [Руденко, 1960, с. 312–315]. В своем ответе М.П. Грязнов написал, что шесты были положены в могилу «завернутыми в большой войлочный ковер» и привязаны «наверху к поперечной круглой планке», обшитой черным войлоком. «К этой планке поверх войлока привязаны войлочные фигуры лебедей, а в отверстия на ней вставлены прутья, образующие какую-то решетку. Отсюда можно заключить, что в могиле найдена в собранном виде часть войлочного шатра со своеобразно устроенным верхом, быть может, наподобие сарматских юрт...» [Грязнов, 1960, с. 238]. Это последнее упоминание М.П. Грязновым решетчатой конструкции, к которой были привязаны войлочные фигурки лебедей.

В середине 60-х гг. прошлого века экспозицию Государственного Эрмитажа «Культура и искусство ранних кочевников Алтая» дополнили новыми дидактическими материалами. Именно тогда на ней появилась графическая реконструкция погребального шатра из Пятого Пазырыкского кургана. Изображенное на ней сооружение даже отдаленно не напоминало конструкцию, о которой М.П. Грязнов писал в 1960 г., но соответствовало описанию 1956 г., которое не предполагало наличие у шатра плетенки из прутьев.

Сохранилось около 107 прутьев и обломков «от плетеного каркаса, прикрепленного к ободу». К одному из обломков узкими кожаными ремешками «прикреплены кусочки черного войлока и лапка лебедя». Помимо этого сохранилось 32 фрагмента деревянного обода «с рядом удлиненных прямоугольных отверстий... в два отверстия вставлено по пруту. К трем большим обломкам прикреплены обрывки белого и черного войлока, сшитого шерстяными нитками» (Колл. 1687). Из описания следует, что основой

конструкции являлся обод. Установлено, что у него были скругленные углы. Реконструируемая длина изделия – около 1,60–1,65 м, ширина – не менее 68 см. По периметру обода были сделаны большие и маленькие отверстия, в которые по ширине конструкции вставлялись прутья. Впрочем, нельзя исключать, что они также крепились по длине обода. В местах пересечения прутья связывались кожаными ремешками. На некотором удалении от краев обода к прутьям крепились фигурки войлочных лебедей. Конструкция была обшита черным войлоком. С одной стороны к нему была подшита белая войлочная кошма. Помимо этого к ободу были пришиты черные войлочные ленты. Сторона, подшитая белой кошмой, была обращена вниз. Уцелевший фрагмент одной из лент позволяет утверждать, что фигурки лебедей крепились со стороны черного войлока. Вся конструкция должна была находиться на некоторой высоте над уровнем земли.

Среди обломков обода сохранилось три деревянных предмета, напоминающих тщательно обработанные клинья длиной от 38 см до 46,5 см. Примерно с половины длины они заметно уплощаются к одному краю. Уплощенные края обломаны. Их ширина не превышает длину больших отверстий обода конструкции. Высота обломанных краев – около 1 см. С другого края клинья в поперечном сечении имеют форму овала и удобны для захвата рукой. Видимо, это неслучайно, так как при необходимости клинья могли вставляться в большие отверстия конструкции с внешней стороны (внутренняя была забрана прутьями). Вероятно, это вставные ручки, а конструкция с войлочными фигурками лебедей – погребальные носилки. Их размер позволяет предположить, что на них переносили женскую мумию из Пятого Пазырыкского кургана, так как рост женщины, которая была погребена вместе с вождем в этом кургане, был 1,58 м, а рост мужской мумии превосходит длину носилок [Баркова, Гохман, 2001, с. 85].

Степень сохранности, естественная деформация дерева и фрагментированность находки создают сложности при восстановлении исходных форм этого объекта. Экспонирование обломков в их современном состоянии представляется нецелесообразным.

Поэтому было предложено провести трехмерное сканирование имеющихся фрагментов при помощи 3D-сканеров Artec EVA и Artec Space Spider, смоделировать и воспроизвести каждую деталь на 3D-принтере с функцией двуцветной печати Picaso 3D Designer Pro 250, предоставленных лабораторией компьютерной графики, виртуальной и дополненной реальности СПб ГУАП. Матовая поверхность фрагментов древесины, их небольшие размеры и транспортабельность являются благоприятными условиями для проведения исследования в лабораторных условиях. Построенная по цифровым данным модель может быть не только продемонстрирована на любых средствах вычислительной техники, но и растиражирована путем печати, после чего представлена на экспозиции или использована при работе с посетителями с ограниченными возможностями.

Библиографический список

- Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 2001. – Вып. 35.
- Грязнов М.П. Культура и искусство ранних кочевников Алтая (залы №15–21) // Первобытная культура. Путеводитель по выставке Государственного Эрмитажа. – М., 1956.
- Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. – Л., 1958.
- Грязнов М.П. По поводу одной рецензии (С.И. Руденко. Советская археология. – 1960. – №1) // СА. – 1960. – №4.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М., 1992.
- Руденко С.И. Пятый Пазырыкский курган // КСИА. – Вып. XXXVII. – 1951.
- Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953.
- Руденко С.И. Рецензия на книгу «Древнее искусство Алтая» // СА. – 1960. – №1.

Н.Н. Николаев¹, С.С. Миняев²

¹Государственный Эрмитаж,

²Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЕ КНЯЖЕСКОГО КУРГАНА ХУННУ
В ПАДИ ОРГОЙТОН В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Могильник Оргойтон расположен на левом берегу р. Селенги на территории Джидинского района Республики Бурятия. Памятник был открыт в конце XIX в. Ю.Д. Талько-Гринцевичем, который отметил: «Оргойтоном называется падь, лежащая в горах в 2 километрах от бурятского улуса Виллы, в 6 километрах от хутора Дюрбенского Цаган-Усунской станицы и в 8 километрах от слободы Усть-Кяхты. Падь эта тянется террасой с С на Ю, на протяжении почти 2 километров, упираясь северную частью в хребты, покрытые соснами, а южной открываясь склоном к реке Селенге, над поверхностью которой возвышается до 30 м.» [Талько-Гринцевич, 1900, с. 42]. Описание ландшафта местности, где расположен могильник, полностью соответствует современному, однако упомянутые в описании хутор Дюрбенский и улус Виллы уже давно не существуют. В качестве современного ориентира можно указать поселок Зарубино (железнодорожная станция Хужир), на расстоянии примерно 5 км к югу-юго-западу, от которых находится Оргойтон. Репер могильника имеет координаты 50°31'933" северной широты и 106°11'320" восточной долготы.

Ю.Д. Талько-Гринцевич отметил на площади памятника «...четыре больших могилы, круглых, обведенных кругом, как бы валом из камней с углублением по середине; с южной стороны замечается, как бы вход, в виде аллеи выложенной камнями. Кроме больших, есть 15 меньших едва заметных, с внедренными вглубь камнями, представляющих форму четырехугольника с каменными наугольниками или круга с запавшею серединой» [Талько-Гринцевич, 1900, с. 42].

Первые исследования в пади Оргойтон были проведены 8 июня 1898 г. В этот день Ю.Д. Талько-Гринцевич предпринял попытку раскопать сразу четыре кургана. Расчистку каменных развалов надмогильных сооружений с целью выявления их конструкции он не проводил. Все курганы исследовались методом шурфования. Полученный материал позволил сделать вывод о сходстве погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря Оргойтона с обрядностью и вещевым комплексом Суджинского могильника в Ильмовой пади [Талько-Гринцевич, 1900, с. 43, 44]. Впоследствии оба памятника были отнесены им к группе «погребений в листовидных срубках» и отождествлены с захоронениями азиатских гуннов (хунну или сунну) [Талько-Гринцевич, 1999, с. 119–123].

В 2009 г. работы на могильнике были возобновлены Центрально-Азиатской экспедицией Государственного Эрмитажа. В реализации проекта по исследованию памятника также принимает участие Институт истории материальной культуры РАН. Экспедицией была проведена топографическая съемка памятника. На площади могильника зафиксировано пять курганов с дромосом (один из них со следами шурфа Ю.Д. Талько-Гринцевича), четыре небольших кургана без дромоса и нескольких сильно задернованных аморфных скоплений камней, вероятно разрушенные кладки курганов. Первый раскоп был заложен в юго-восточной части могильника на месте одного из скоплений. Здесь был выявлен развал надмогильного сооружения кургана. Продолжая нумерацию Ю.Д. Талько-Гринцевича, этот курган был обозначен как №5. Захоронение в нем было совершено в каменном саркофаге, сооруженном из вертикально установленных и горизонтально уложенных плит. Обломок бронзового китайского зеркала, найденный в заполнении могилы, позволил датировать курган №5 не ранее I в. до н.э. [Николаев, 2010, с. 186–191].

Одновременно был заложен раскоп вокруг самого большого кургана с дромосом в северной части могильника. В соответствии с восстановленной нумерацией курган получил №6. Задернованный развал надмогильного сооружения имел около 16 м в длину

и примерно 14 м в ширину. Каменная кладка на месте расположения дромоса была длиной около 12 м. Ограда кургана возведена из горизонтально уложенных плит. В пределах надмогильного сооружения зафиксировано несколько стел. Могильная яма имеет трапецевидную форму. Длина северной стенки – 14,65 м, южной – 12,9 м. Дромос оказался несколько короче каменной кладки, которой обозначался на уровне дневной поверхности, поэтому длина могилы и дромоса кургана по линии север-юг составляет около 26 м.

В заполнении могильной ямы выявлены остатки одной продольной (направление север-юг) и двух поперечных (направление запад-восток) перегородок. Они сооружены из камня и бревен с уровня верхнего уступа могильной ямы. Всего зафиксировано четыре уступа, которые располагались сверху вниз по периметру могилы. На глубине более 6 м в районе северо-западного угла могилы было обнаружено большое скопление костей крупного и мелкого рогатого скота. Скопление частично перекрывалось каменной забутовкой, которая очень сильно пострадала в результате неоднократных ограблений. Под забутовкой выявлен грунт из заполнения могильной ямы. Когда-то он был уложен на крупный гравий и щебенку, которыми сверху засыпали погребальное сооружение. На плахах перекрытия погребальной камеры с западной, северной и восточной стороны выявлено не менее пяти черепов крупного рогатого скота. Помимо этого в центральной части, на перекрытии погребального сооружения, у восточной и западной стенок могилы зафиксированы остатки колес китайской колесницы. В заполнении погребальной камеры найдены три наконечника от спиц зонта колесницы, на одном из них сохранились обрывки шелка.

Захоронение было совершено в гробу, установленном в сруб, который был помещен в погребальную камеру. Могила очень сильно пострадала от грабителей. Первые останки человеческого скелета были встречены в северной части могильной ямы на глубине, не превышающей 3,5 м. Большая часть находок зафиксирована в переотложенном состоянии. Это обломки различных железных предметов, украшений и серебряных пряжек пояса (?), фрагменты керамики, мелкие куски раскрашенного дерева, обрывки золотой фольги. В северо-западном углу северного коридора погребальной камеры *in situ* сохранился развал большого керамического сосуда, который был раздавлен при обрушении перекрытия погребальной камеры. В западном и восточном коридорах на стенах сруба сохранились фрагменты шерстяной ткани и шелка. В западном коридоре находок не сделано. В восточном коридоре выявлено два крупных скопления железных удил и псалий. Здесь же были найдены многочисленные железные пряжки и крупные фрагменты накладок из железа (от луки седла?). Во время исследования остатков гроба, зафиксированы четырехлепестковые розетки и пересекающиеся полоски из тонкого листового золота – традиционный декор гробов хуннской знати. Глубина могилы от уровня репера составила 10,27 м [Nikolaev, Miniaev, 2016, p. 166–168].

Курган №6 – первый из числа курганов хуннской знати, исследованный на левом берегу р. Селенги. Результаты его раскопок могут иметь принципиальное значение при выделении локальных и хронологических особенностей курганов подобного типа.

Библиографический список

Николаев Н.Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии. – СПб., 2010.

Талько-Гринцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицко-савского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1900. – Т. I. – Вып. 2.

Талько-Гринцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ Забайкальских // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сюнну. – Вып. 4. – 1999.

Nikolaev N.N., Miniaev S.S. Orgoiton – A Xiongnu Cemetery in Transbaikalia // The Silk Road. – 2016. – Vol. 14.

А.В. Новиков, О.И. Новикова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок), расположенное в приполярной зоне Западной Сибири, – один из ярких памятников, входящих в круг так называемых средневековых обдорских городков. Благодаря мерзлоте в культурных отложениях хорошо сохранились остатки различных деревянных конструкций, многочисленные предметы и их фрагменты из органических материалов. В процессе раскопок на городище неоднократно были зафиксированы объекты и предметы, являющиеся свидетельством различных ритуальных действий, известных по этнографическим источникам. К ритуальным комплексам можно отнести:

1. Набор предметов, лежащих отдельными скоплениями на участке настила в центральной части одной из построек. Включал миниатюрные вырезанные из дощечек стилизованные изображения животных (*тось-чер-вой*), берестяную маску, реалистичную деревянную модель сабли, объемные изображения медведя и других животных. Данный комплекс вполне может быть соотнесен с набором аксессуаров для медвежьего праздника.

2. Преднамеренные погребения собак, совершенные в пределах жилого пространства, которые можно интерпретировать как свидетельства ритуалов оставления жилища [Новиков, Гаркуша, 2016, с. 128–129].

3. Парное мужское погребение в очаге. Антропологические определения позволили достаточно уверенно отнести погребенных мужчин к европеоидной расе [Новиков, Гаркуша, Зубова, Поздняков, 2016, с. 391], что подтверждается и палеогенетическими исследованиями. Отсутствие на костях скелетов и остатках одежды следов огня свидетельствует о том, что очаг после совершения погребения не использовался. Скорее всего, на момент совершения погребения постройка уже не функционировала как жилое помещение и очажная рама была использована как погребальный сруб.

4. Плахи с личинами, находившиеся в нижних венцах входов стен двух построек [Новиков, Гаркуша, Новикова и др., 2016, с. 395]. Нам неизвестны прямые аналогии такого использования антропоморфных идолов в качестве конструктивного элемента стены, в зоне порога. Но имеются факты, что монументальные антропоморфные скульптуры в хантыйских срубных жилищах иногда выполняли функции опорных столбов [На грани миров, 2006, илл., с. 60; Кардаш, 2013, с. 189–190]. Возможно, что обнаруженные плахи с личинами (хантыйские?) были переиспользованы пришлым европейским населением при строительстве или реконструкции построек.

Библиографический список

Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачей. – Екатеринбург ; Салехард, 2013.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). – М., 2006.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вестник угроведения. – 2016. – №2 (25).

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016.

И.К. Новиков, М.С. Петров
Курганский государственный университет, Курган
ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Алакульский могильник является эпонимным памятником, по итогам его исследования К.В. Сальниковым была выделена алакульская культура, распространенная от р. Урала до Приишимья и от южной границы тайги до Южного Казахстана. Сам могильник находится в западной части ареала алакульской культуры, на берегу одноименного озера, в 4 км южнее р. Миасс. Могильник расположен на равнине, за пределами территории распространения синкретичных срубно-алакульских памятников, находящиеся западнее, на территории Зауральского пенеplена [Алаева, 2016, с. 42].

На момент начала исследования в 1938 г. на территории могильника насчитывалось 66 курганных насыпей, в 1998 г. – 10 еле заметных всхолмлений [Шилов, 2001, с. 215]. В 2003 г. был проведен полевой семинар, который постановил вывести могильник из сельхозоборота, однако на 2016 г. могильник все еще распахивался.

Значительная площадь могильника, а также различные по своей культурной атрибуции артефакты позволили поднять вопрос о длительности функционирования некрополя, его внутренней периодизации и планиграфии.

С этой целью могильник был рассмотрен по комплексам, которые совпали с выделенными в процессе раскопок курганами. За основу для внутренней хронологии были взяты керамические сосуды. Для статистической обработки были взяты 332 сосуда, полученных в результате раскопок 16 курганов, исследованных археологической экспедицией Курганского государственного университета под руководством С.Н. Шилова в 1999, 2001–2003 гг.

При обработке посуды Алакульского могильника основными классификационными признаками служили форма сосудов, техника нанесения орнамента и орнаментальные мотивы. При исследовании орнаментов использовались методы статистической обработки керамических материалов, предложенные В.Ф. Генингом [1973, с. 127].

На основе анализа керамического материала можно выделить три группы погребальных комплексов.

Первая группа представлена материалами курганов №1, 18, 18б, 20, 25, 27, 38. К этому же этапу можно отнести часть материалов курганов №14 и 22. Для этих погребальных комплексов характерно преобладание керамики с уступчатым плечом, реже с воротничком на шейке и ребром в месте максимального расширения тулова характерным для керамической традиции петровской культуры. Также эту посуду отличает высокий процент орнаментов, в виде горизонтальных линий, поясков из наклонно-заштрихованных равнобедренных треугольников и зигзагов, выполненных при помощи гладкого штампа или путем прочерчивания.

Аналогичная керамика известна по материалам раскопок могильника Верхняя Алабуга [Потёмкина, 1985, с. 175–181], Чистолёбязьевского могильника [Матвеев, 1998, с. 277], Хрипуновского могильнику [Матвеев, 1998, с. 282], могильника Степное-VII [Куприянова, 2015, с. 160–161] и соответствует классическому этапу развития алакульской культуры [Матвеев, 1998, с. 328]. К этой же группе можно отнести курганы №8 и 13, раскопанные К.В. Сальниковым в 1938 г. [Сальников, 1952, с. 65–68].

Вторая группа погребальных комплексов представлена материалами курганов №23, 55, 67, 68, а также частью материалов курганов №14 и 22. Для этих комплексов характерна посуда с уступчато-ребристой профилировкой. В орнаментации посуды преобладают горизонтальные линии и зигзаги, выполненных путем протаскивания гребенчатого штампа, при этом в незначительном количестве имеются орнаменты в виде меандровых узоров, расположенных по косой сетке и характерных для федоровской культуры.

Данная посуда аналогична материалам поселения Камышное-I [Потёмкина, 1985, с. 111–112], посуде алакульских погребальных комплексов могильника Урефты-I [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 96] и может быть соотнесена с поздним этапом развития алакульской культуры, который в периодизации А.В. Матвеева получил название камышинского [Матвеев, 1998, с. 328–329].

Третья группа представлена керамическими материалами курганов №26 и 61, имеющими признаки значительного влияния федоровской культуры (плавный профиль, отсутствие неорнаментированной полосы на плече, меандровые узоры, расположенные по косой сетке).

Подобное соотношение алакульских и федоровских материалов характерно для многих памятников позднего бронзового века Зауралья. Примером тому могут служить могильники: Субботино [Потёмкина, 1985, с. 249], Урефты-I [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 60–67] и поселения Язеве-I [Потёмкина, 1985, с. 47], Камышное-I [Потёмкина, 1985, с. 114], Убаган-II [Потёмкина, 1985, с. 376].

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что формирование Алакульского могильника происходило на протяжении относительно длительного времени и его керамические материалы можно разделить на два хронологических периода:

1. Классический алакульский (первая группа), который отличается преобладанием орнаментов, выполненных при помощи гладкого штампа или путем прорисовывания. Небольшой процент посуды с петровскими чертами может свидетельствовать о его генетическом родстве с петровской культурой.

2. Поздний алакульский (вторая и третья группы). Поздняя алакульская керамика характеризуется преобладанием орнаментов, выполненных путем протаскивания гребенчатого штампа. Данная посуда является результатом дальнейшего развития алакульских гончарных традиций. К этому же этапу можно отнести появление посуды алакульско-федоровского облика.

Установить точные хронологические рамки для этих периодов пока не представляется возможным, но в целом все исследованные материалы могут быть датированы в пределах существования алакульской культуры XVIII–XVI вв. до н.э. [Епимахов, 2007, с. 412].

Библиографический список

Алаева И.П. Особенности функционирования срубно-алакульской контактной зоны в Южном Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто. – Уфа, 2016.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – №1.

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы филологии, истории и культуры. – 2007. – №17.

Куприянова Е.В. Стилиевые вариации керамического комплекса могильника Степное-VII в социокультурном аспекте функционирования некрополей эпохи бронзы Южного Зауралья. // Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное-VII. – Челябинск, 2015.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998.

Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР. – №24. – М., 1952.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты-I: зауральский могильник в андроновском контексте. – Екатеринбург, 2006.

Шилов С.Н. Исследования Алакульского курганного могильника // Археологические открытия 1999 г. – М., 2001.

В.А. Новоженев¹, А.В. Фрибус²

¹Центр сближения культур при ЮНЕСКО, Алматы;

²Кемеровский государственный университет, Кемерово

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ – МАРКЕРЫ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Монументальные изобразительные памятники – скопления петроглифов и в меньшей степени – каменные антропоморфные изваяния, в силу своей недвижимой природы, могут служить достаточно надежными индикаторами древних коммуникаций. Степные петроглифы представляют собой скопления из нескольких сотен фигур на каждом памятнике и расположены в наиболее приметных местах в степи – на скальных выходах по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах пересыхающих летом небольших речек. Эти пункты заметны издали, с ними связаны многочисленные предания и легенды местных жителей, и они почитаются как святые места – «аулие». Такие пункты необходимы животноводам как важные указатели для ориентации в бескрайних степных просторах.

Монументальные каменные изваяния, возводимые в честь предков-аруахов – балбалы, стелы, оленные камни, койтасы – часто находятся в составе разновременных ритуальных или погребальных комплексов в степи. У многих тюркских народов, например хакасов, сохранился обычай переносить свои каменные изваяния вслед за своими стадами и отмечать ими самые благодатные кочевья.

В условиях отсутствия письменности существовало ограниченное число каналов передачи информации между членами общества. Коммуникативные возможности людей оказались ограничены вербальной и изобразительной традициями, которые отражали знания, накопленные обществом в единственной доступной тогда форме – мифологической и передавались членам социума в виде устных эпических сообщений – мифов, легенд, преданий, равно так же, как это передавали знаменитые гомеровские «Илиада и Одиссея».

Самые древние художественные традиции населения Казахской степи – изобразительную, орнаментальную, фигуративную (статуарную) и мегалитическую, а также развитие этих и других традиций в пространстве и во времени, мы относим к изобразительным коммуникациям, которые стали важным средством внутренней и внешней активности местных социумов и которые зафиксированы здесь археологическими методами в виде выделенных археологических культур или культурно-исторических общностей [Новоженев, 2014; 2015].

Комплексный анализ петроглифов Сарыарки показывает их принадлежность, как правило, к различным историческим эпохам, большинство наскальных святилищ или храмов под открытым небом функционировали на протяжении целого ряда эпох [Бедельбаева и др., 2015; Самашев и др., 2013; 2014]. Это позволяет сделать вывод о том, что функции памятников наскального искусства, как одного из видов коммуникативной системы, оставались неизменными на протяжении тысячелетий.

Вероятно, изобразительный «язык» [Шер, 2016], запечатленный на скалах и понятный всем кланам, говорившим на разных диалектах и языках, был общим коммуникативным инструментом этих социумов, помогавшим решать проблемы межклановых коммуникаций, общения, поиска жен, сватовства, торговли, обмена технологиями.

В истории наскального искусства Казахской степи выделяются несколько последовательно сменявших друг друга изобразительных традиций, которые напрямую связаны с ключевыми этапами (эпохами) в истории местного населения: ямно-афанасьевская изобразительная традиция – IV–III тыс. до н.э. (включающая в себя художественную и мегалитическую традиции); андроновская – II тыс. до н.э. (внутри которой развивались самостоятельные художественные стили и традиции – раннеандроновский (сейма-турбинский) стиль и собственно андроновский (поздний этап), яркая орнаментальная

традиция; карасукская или бегазы-дандыбаевская – XII–VII вв. до н.э. («прототюркский» период); сакская – VI–II вв. до н.э. (в недрах которой формировался и развивался классический скифо-сакский звериный стиль), а также уникальная – тюркская (V–VIII вв.) и собственно казахская (XIV–XIX вв.) изобразительные традиции.

Юго-западная часть Казахской степи – Бетпакдала. Долина реки Байконур.
Группа петроглифов «Н». Плоскость на «алтарной» части
с изображением телеги, верблюдов, человека и кабана. Фото В.А. Новоженова

Бескрайние просторы Казахской степи, несомненно, стали тем местом, где эти традиции развивались и обогащались, став важным способом общения, взаимодействий и взаимного влияния местных социумов. На каждом этапе своего развития эти визуальные коммуникации постепенно оформляются в самостоятельные изобразительные каноны, которые образуют новые господствующие изобразительные традиции известных в местной истории этносов: ариев, саков (тасмолинцев), сарматов (савроматов), юэчжей (тохаров), западных тюрков, кыпчаков (половцев), а позднее – и казахов. Наличие местонахождений петроглифов в непосредственной близости от многочисленных археологических памятников, датированных в широком хроно-логическом диапазоне, свидетельствует, что в древности и средневековье они располагались вдоль важнейших каналов коммуникации – торговых и караванных путей.

Библиографический список

Бедельбаева М.В., Новоженов В.А., Новоженова Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганда, 2015.

Новоженов В.А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Тайнство этнической истории древнейших nomadов степной Евразии : коллективная монография памяти Е.Е. Кузьминой / гл. ред. А.В. Епимахов. – Алматы, 2014.

Новоженов В.А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // РА. – №3. – 2015.

Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы Аулие. – Астана, 2013.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. – Астана, 2014.

Шер Я.А. Первобытное искусство и языки: словесные и образные // Статья и дискуссия на сайте Генофонд.рф [Электронный ресурс]. URL: http://xn--c1accbaafa1c.xn--p1ai/?page_id=7277 (дата обращения 27.02.2016).

Shvets I. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. – Bd. 1. – Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012.

Н.В. Новоселов
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И СПЕЦИФИКА АРХЕОЛОГИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Санкт-Петербург – город Нового времени, археологическое изучение которого еще в XX в. казалось чем-то из разряда курьезов. Археологические раскопки на территории города в это время носили эпизодический характер. Они были связаны, главным образом, с реставрационными работами и зачастую проводились без соблюдения методических норм. Из наиболее значительных работ этих лет следует назвать раскопки А.Д. Грача на Васильевском острове [Грач, 1957], А.Э. Гессена и В.А. Коренцвита в Летнем саду [Коринцвит, 1980, с. 469–482], Г.С. Лебедева в Петропавловской крепости [Лебедев, 1997, с. 3–8].

На сегодняшний день ситуация принципиально изменилась. После принятия закона Санкт-Петербурга об охранных зонах, а также в связи с изменениями федерального законодательства на смену локальным раскопкам 1950–1980-х гг. в 1990-е, и особенно в 2000-е гг., пришли масштабные археологические исследования. Объектами археологического изучения начали становиться культурные напластования и сооружения XVIII, XIX и даже XX в. К числу наиболее крупных и результативных работ можно отнести работы Санкт-Петербургской археологической экспедиции НИИ Культурного и природного наследия (руководитель П.Е. Сорокин) на Охтинском мысу (раскопки крепостей Ландскрона и Ниеншанц и неолитического поселения Охта-1) [Гусенцова, Сорокин, 2011, с. 421–451] и на территории Летнего сада, исследования сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа (руководитель О.М. Иоаннисян) на территории комплекса эрмитажных зданий, работы НИИКСИ СПбГУ (руководители Е.Р. Михайлова, В.Ю. Соболев, Ю.М. Лесман) на острове Новая Голландия, исследования отдела охранной археологии ИИМК РАН в разных частях Санкт-Петербурга. Сегодня уже можно с полным правом говорить о возникновении особенного направления в археологии – археологии Нового времени, частью которого является археология Петербурга. Такое положение вещей порождает ряд проблем теоретического плана, связанных со спецификой археологических источников этого периода.

1. Отсутствие древности. Материальные объекты и предметы, открытые при помощи раскопок и относящиеся к Новому и Новейшему времени, лишены одной из основных характеристик археологических источников – древности. Процесс археологизации их еще не затронул или затронул не полностью. Информация об их функциях и связях легко поддается восстановлению без привлечения «особой системы методических средств» (см. определение термина «археологический источник» у Л.С. Клейна: 1995, с. 258). Следуя логике и терминологии Л.С. Клейна, эти объекты и предметы являются не археологическими источниками, а лишь материальными источниками исторической информации, полученные при проведении раскопок.

Анализируя современные законодательные акты (как международные, так и российские), можно говорить о тенденции к исключению понятия древности из определения археологии.

2. Появление и распространение агрегатов. Казалось бы, чем ближе к нашему времени, тем больше в нашем окружении должно быть знакомых вещей, не требующих специального изучения, так как эти вещи присутствуют в современной культуре и информация об их функциях и связях не утрачена. Между тем это не так. Многие предметы современной материальной культуры также требуют предварительной обработки и препарирования. Главным образом это относится «сложным» с технической точки зрения изделиям и их составным частям. Можно сказать, что культура Нового и Новейшего времени в отличие от культур древности характеризуется появлением и распространением агрегатов –

сложных (сложносоставных) предметов и изделий. Даже простое определение их деталей и составных частей требует специальных технических знаний.

В ближайшем будущем одной из проблем археологии, вероятно, станет выявление в ходе раскопок изделий, сложных не только по конструкции, но и по своему химическому составу.

3. Отсутствие понятия «археологическая культура». В памятниках Нового времени различие между археологическими источниками и собственно историческими источниками в значительной степени сивелировано. Археология – в меньшей степени источниковедческая наука, в большей – часть или разновидность истории. Археологическая составляющая воспринимается как часть единой культуры данной исторической эпохи.

4. Проблема верхней границы археологии и необходимость оценочного подхода. Материал, полученный в ходе раскопок объектов Нового и Новейшего времени, представляет собой источник информации, с которым можно работать, как с любым археологическим материалом. Его можно классифицировать, делать статистические выборки, определять производителей, рассуждать о типологическом и стилистическом образовании и т.п. Однако возникает вопрос: нужна ли эта информация, насколько она необходима и значима.

Изучая объекты и предметы древности (пусть даже и не очень глубокой древности), археология, как правило, оставляет за границами своих интересов культурные отложения, постройки и отдельные вещи недавнего прошлого, объявляя их «познатиной» и «техногеном». С другой стороны, поднять верхнюю границу археологии до настоящего времени, включив в нее всю материальную составляющую «живой культуры» также невозможно [Клейн, 1995, с. 97]. Данный вопрос имеет и практическое значение, поскольку связан с проблемой изучения и сохранения объектов недавнего прошлого, а также с проблемой развития городской среды. Сохранение (или даже подробное изучение) *всех* материальных объектов и их остатков, относящихся к недавнему прошлому, парализовало бы жизнь города.

Условность верхней границы археологии свидетельствует о недостаточности хронологического подхода к определению ее предмета. Необходимость иного подхода с наибольшей очевидностью проявляется при оценке материальных объектов, оказавшихся на рубеже прошлого и современности, «живой» и «мертвой» культуры. Таким подходом, по-видимому, должен стать оценочный подход.

Понятие «памятник» в отношении недавнего прошлого должно определяться не столько критерием древности, сколько историко-культурной, мемориальной или художественной значимостью объекта. Именно так определяется памятник в таких дисциплинах, как история искусства или история архитектуры. Предметами их рассмотрения являются как древние произведения, так и современные. Их ценность не зависит от времени создания, на первом месте не возраст, а художественная значимость. Думается, что примерно такой же подход должен быть и в археологии, особенно в отношении объектов, находящихся на рубеже прошлого и настоящего. Только при оценочном подходе «не вполне древний» объект можно перевести из категории «техногена» в категорию памятников.

Библиографический список

Грач А.Д. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. – Л., 1957.

Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Охта-1 – первый памятник эпохи неолита и раннего металла // Российский археологический ежегодник. – 2011. – №1.

Клейн Л.С. Археологические источники. – 2-е изд. – СПб., 1995.

Коренцвит В.А. Центральная часть Летнего сада по материалам археологических изысканий // ПКНО, 1979. – М., 1980.

Лебедев Г.С. Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок) // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Памяти В.Д. Белецкого. – Т. II. – СПб. ; Псков, 1997.

В.М. Новосельцева
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ АНСАМБЛЕЙ
ЭКСПОНИРОВАННЫХ АРТЕФАКТОВ
(Ангарские «Горы»)

Термин «горы» введен для обозначения поверхностей правого борта долины р. Ангары, с относительными отметками 60–150 м, расчлененных паадьми широтной ориентации и имеющих вид отдельных высот с плоскими вершинами [Медведев, 1971, 1975, 1983], на которых обнаружены ансамбли экспонированных каменных артефактов. История изучения комплексов экспонированных коррадированных материалов на поверхности Западного фаса Лено-Ангарского плато началась в 1969 г., когда во время работ на местонахождении Кулаково, на вершине горы Глиняной Г.И. Медведевым были обнаружены первые корра-дированные артефакты в открытом залегании. Исследования ансамблей экспонированных комплексов на «горах» были продолжены в последующие годы под общим руководством Г.И. Медведева [Медведев, Алаев, Сокальский, 1978; Кононова, 1987]. В результате многолетних исследований открыто 10 местонахождений на участке Западного фаса Лено-Ангарского плато от дер. Олонка до дер. Буреть. С 1970 г. исследовался участок правобережья долины р. Ангары от устья р. Ида до южного берега Осинского залива Братского водохранилища, где обнаружено 14 местонахождений. В 1992 г. Г.И. Медведем и Е.А. Липниной было открыт комплекс местонахождений Бильчир с поверхностным залеганием коррадированных артефактов на северном борту долины р. Оса (Осинский залив) [Медведев, 2001; Липнина, Медведев, 2001]. В 2014 г. зафиксирован экспонированный коррадированный материал на северном борту долины р. Оса, на поверхности горы Удуктай [Новосельцева, Ощепкова, 2015], который на сегодняшний день является самым северным комплексом экспонированных коррадированных артефактов.

В результате многолетних исследований Г.И. Медведем объекты дифференцированы на два пласта – тарахайский и олонский. К тарахайскому пласту отнесены комплексы по южному берегу Осинского залива, в то время как местонахождения на плато в районе дер. Буреть отнесены к олонскому пласту [Медведев, 1975, 1983]. Относительные датировки пластов, ввиду отсутствия четких вмещающих стратиграфических позиций коррадированных материалов определены по геоморфологической ситуации, по наличию и степени эоловой корразии и по техноморфологическим признакам каменных артефактов [Медведев, Склярский, 1982; Медведев, 1983].

По техноморфологическим признакам для тарахайского пласта характерны техника долечного расщепления, преобладание чопперов. Для олонского пласта характерны бифасно-радиальная техника расщепления и появление пластин. На объектах, отнесенных к олонскому пласту, выделена многочисленная группа бифасов, зафиксированы скребла различной типологии. На основании техноморфологического анализа автор предложил относить ансамбли каменных артефактов олонского и тарахайского пластов к «протолеваллуа-ашель», угловатые скребла, пластины к вариациям мустье с ашельскими традициями, при этом, по мнению исследователей, изделия тарахайского пласта более архаичны по степени корразии поверхности артефактов и по техноморфологическому компоненту [Медведев, 1975, 1983].

В 2016 г. проводились работы на горах, на участке от с. Олонки до дер. Буреть. На двух объектах зафиксированы некоррадированные изделия позднепалеолитического облика (Гора Пономаревская и Гора Каменная). Ранее вопрос о присутствии некоррадированного компонента в коллекциях гор впервые был поднят Т.Н. Кононовой в 1987 г. Некоррадированный компонент обнаружен в значительном объеме на горах Олонского, Идинского комплексов и в Осинском районе на участке горы Малый Тарахай [Кононова, 1987]. Артефакты, не несущие следов ветровой корразии отличались

и техноморфологическими признаками, в частности выделен «набор нуклеусов различных призматических модификаций» [Кононова, 1987, с. 29]. Постановка проблемы наличия некоррадированных артефактов в коллекциях предлагалась быть решенной дальнейшими целенаправленными работами.

К настоящему моменту при изучении коллекций двух местонахождений – Гора Пономаревская и Гора Каменная, выявлено наличие как коррадированных, так и некоррадированных артефактов. Ансамбли каменных артефактов подразделены условно на группы по наличию ветровой корразии на поверхности камня, по техноморфологическим признакам и, предварительно, в зависимости от субстрата, из которого изготовлен артефакт (в нашем случае выделено два субстрата – кварцит и кремнь). На основании предложенной дифференциации выделено 4 группы: 1) некоррадированных изделий из кремня, представленных артефактами позднепалеолитического облика: нуклеусы призматические, терминально-краевые (торцевые), пластины с краевой ретушью, долотовидное изделие, концевые скребки на отщепах; 2) некоррадированных изделий из кварцита, представленных: концевыми и боковыми скребками на отщепах, тесловидными изделиями, продольными и поперечными скреблами, нуклеусом терминально-краевого принципа расщепления и вариациями нуклеусов на гальках для получения отщепов; 3) коррадированных изделий из кварцита, представленных: бифасами и их заготовками, нуклеусами радиальными, плоскостными для получения отщепов на гальках, скреблами, остриями, скребком и фрагментами изделий на пластинах; 4) группа коррадированных изделий из кремня представлена нуклеусами терминально-краевого принципа расщепления.

Таким образом, предварительно рассмотрев материалы двух местонахождений экспонированных артефактов, на основании технологических аспектов установили, что коллекции артефактов представлены ансамблями разного возраста по степени корразии поверхностей артефактов и по техноморфологическим признакам. При исследованиях экспонированного материала превалирующим является техноморфологический анализ, поскольку состояние поверхности артефактов зависит от геоморфологических позиций.

Библиографический список

Кононова Т.Н. Проблема некоррадированного компонента в археологических комплексах на высоких террасах Южного Приангарья // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии : тезисы докладов научной конференции. – Иркутск, 1987.

Медведев Г.И. Новые палеолитические местонахождения в долине Ангары // Археологические открытия 1970 года. – М., 1971.

Медведев Г.И. Местонахождения раннего палеолита в южном Приангарье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Вып. 3. – Иркутск, 1975.

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983.

Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокальский А.А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Вып. 4. – Иркутск, 1978.

Медведев Г.И., Складчиков М.Я. Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой корразией обработанных поверхностей (возраст – культура – география) // Проблемы археологии и этнографии Сибири : тезисы докладов к региональной конференции. – Иркутск, 1982.

Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б. К проблеме геоморфологического картирования археологических комплексов долин рек Оса и Обуса // Фундаментальные проблемы квартала, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований : материалы IX Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15–20 сентября 2015 г.). – Иркутск, 2015.

А.Р. Нуретдинова¹, Е.Б. Яцишина², Э.А. Грешников²
¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань;

²НИЦ «Курчатовский институт», Москва

ОБ ОПЫТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОДЕРЖИМОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО
СФЕРОКОНИЧЕСКОГО СОСУДА

Средневековые малые сфероконические сосуды, или сфероконусы, привлекают к себе внимание исследователей уже более 200 лет из-за своей специфической формы. Коническое дно и округлое тулово, очень толстые стенки, узкое горло (4–10 мм) и очень небольшие размеры (не выше 15 см) – вот основные характеристики этого вида тарной посуды. Сфероконусы пользовались большой популярностью среди населения исламского Востока в течение X–XV в., и их находки хотя и были отмечены на огромном пространстве от Испании до Китая и от Скандинавии до Египта, концентрировались все-таки на территории, известной как «исламский мир». Их фрагменты находят тысячами при раскопках городов. Целых сосудов значительно меньше, они выявлены в Самарканде и Отраре, Ани и Двине, Рамле и Хаме, Триполи, Каире, Болгаре, Солхате и в других городах. Крайне редко удается исследовать остатки содержимого этих загадочных сосудов, хотя подобные исследования породили около 20 версий их назначения, среди которых гранаты (М.Ф. де Сольси, 2002, П. Пентц, 1988, В.Л. Вяткин, 1926, А.В. Арциховский, 1947, Дмитров и др., 1941), лампы (А.Ф. Лихачев, 1886, В.А. Городцов, 1926), архитектурные детали (В.А. Казаринов, 1882), тара для жидкостей, например, для ртути (Э. Ленц, 1904, Б.В. Лунин, 1961, М.В. Борзов, 1936, А.А. Кротков и др., 1926), для воды (З.З. Виноградов, 1922), для алкогольных напитков (Л.Т. Гюзальян, 1965, А. Гочани и К. Эйдл, 1992), для духов и розовой воды (Н.Я Марр, 1934, Э.К. Кверфельдт и др., 1947), алхимическая посуда (Р.М. Джанполадян, 1982, М. Аминджанова, 1961, С.И. Валиулина, 2005).

В Казанском ГФУ и НИЦ «Курчатовский институт» были проведены исследования донного осадка красноглиняного сфероконуса, обнаруженного в заполнении ямы позднеордынской эпохи города Болгар. Хотя у сосуда отсутствовало горло, конфигурация подтеков темного вещества, сохранившихся внутри, свидетельствовала о его заполнении в момент, когда емкость была целой. Наилучший результат с помощью естественно-научных методов может быть достигнут, когда они применяются комплексно, поэтому авторский коллектив использовал 5 различных методов: сканирующую электронную микроскопию, энергодисперсионный рентгеновский микроанализ, рентгеновскую дифракцию, высокоэффективную жидкостную хроматографию и метод газовой хроматографии с масс-спектрометрией. Если в результате применения первых трех методов было установлено безусловно органическое происхождение основной части содержимого и определена его небольшая минеральная составляющая, то в результате хроматографического исследования удалось идентифицировать вещество в сосуде, оказавшееся термообработанной живицей хвойных деревьев. Предварительные данные, полученные с помощью метода рентгеновской дифракции на синхротронном источнике, по исследованию белого осадка фрагмента дна другого фрагментированного сероглиняного сфероконуса, происходящего из дореволюционных раскопок 1892 г. в районе Соборной площади (так называемый «Четырехугольник») Болгара, ныне хранящегося в Национальном музее Республики Татарстан, указывали на то, что в нем содержался гипс, хотя в отношении первичного использования второго сосуда существуют определенные сомнения.

Библиографический список

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). – Казань: Казанский государственный университет, 2005.

Пожидаев В.М., Камаев А.В., Дэвлет Е.Г., Грешников Э.А., Нуретдинова А.Р., Сивицкий М.В. Газохроматографическое исследование остатков содержимого средневекового сфероконического сосуда // Журнал аналитической химии. – 2016. – Т. 71, №11.

Pozhidaev V., Kamaev A., Nuretdinova A., Kovalchuk M., Yatsishina E., Greshnikov E., Devlet E., Sivitskiy M. Identification of the residue in the bolgar medieval sphero-conical vessel by gas chromatography–mass spectrometry. – Archeometry. (Inprint). – 2017.

Остатки содержимого в сфероконусе из Болгара

А.Д. Огородников
Институт археологии АН РТ, Казань
КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ ТИХВИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ г. ЙОШКАР-ОЛЫ
(по результатам археологических раскопок 2012 г.)

В 2012 г. в Йошкар-Оле проводились раскопки Тихвинского некрополя. Хронологически это второе кладбище Царевококшайска. Время его существования датируется концом XVIII – началом XX в. Было найдено более 780 погребений. Раскопки данного памятника дают массу материала о жизни населения уездного города Среднего Поволжья в обозначенный выше период. В числе находок – множество предметов одежды и обуви. Обработка этого материала может дать ценную информацию о жизни горожан в XIX в. Изучение полученной информации позволяет узнать многие подробности повседневной жизни уездного города в дореволюционную эпоху.

Помимо прочего материала в ходе раскопок было найдено 84 пары кожаной обуви или ее остатков. Из них 27 пар сохранились фрагментарно, что не позволяет даже частично восстановить крой и технологию производства обуви. То есть при имеющемся количестве погребений кожаная обувь была обнаружена в 11% случаев. Если брать обувь из других материалов – лыковые лапти обнаружены всего в десяти погребениях, еще в четырех погребениях были обнаружены остатки тканевой обуви. В сумме это дает чуть более 12% погребений с обувью. Судя по сопутствующим находкам в погребениях с обувью, все они, скорее всего, относятся ко 2-й половине XIX в. При анализе находок было выявлено достаточно большое разнообразие фасонов и форм обуви.

Сапоги:

Всего найдено 15 пар сапог. Все они имеют сложную конструкцию, тянуты на колодке, с многослойной подошвой. Она состоит из непосредственно подошвы из толстой кожи от 2 до 4 мм, внутренней лыковой стельки и верхней стельки из тонкой кожи. В четырех случаях присутствует дополнительная подбойка из толстой кожи в области носка. Все подошвы имеют каблук либо след от него. Высота каблука от 1 до 5 см, преобладают низкие каблуки (1–2 см в 8 случаях). Верх сапог представлен двумя типами: первый – с обувной головкой, переходящей в голенище, и второй – где голенище и обувная головка являются отдельными деталями. В четырех из семи случаев, когда голенище представляет собой отдельную от носка деталь в обувной конструкции, оно является односоставным.

Что касается разделения по поло-возрастной принадлежности, то на основании длины подошвы найденные сапоги можно разделить на три группы. К мужской относятся 9 находок, все они имеют высокое голенище и низкий каблук. К женской, возможно, относится три находки. Две из них представлены сапогами из кожи очень высокого качества (похожа на замшу), имеют высокий каблук и сложный поднаряд, в том числе и внешний, явно декоративный. И три пары сапог принадлежат к подросткам, конструктивных отличий от взрослых они не имеют.

Женские башмаки:

Найдено 9 пар однотипной обуви, судя по размерам и костным останкам в погребениях, где они были найдены, все они являются женскими.

Низ подошвы сделан из толстой кожи толщиной 2-3 мм, посередине лыковая стелька, сверху – кожаная. Каблук высотой 1–1,5 см. Верх состоит из головки с тупым носком и задника-берца. Головка имеет посередине разрез длиной 2–3 см, с парными отверстиями по краям видимо под шнуровку. Задник-берец соединяется с обувной головкой выворотным швом. Высота берца у всех находок в пределах 10–15 см (исключая детские). По верхнему срезу идут три парных отверстия для шнуровки, продолжающие ряды, начатые на головке. В области пятки задник усилен лыковой и кожаными вставками.

Часть находок выполнена с использованием швейной машинки. У трех она применялась только для окантовки верха берца, две находки имеют верх, собранный на машинке, о чем говорит сквозной мелкий шов. У одной из находок отверстия для шнуровки завальцованы люверсами.

Две пары найденной обуви относятся к детской. Они имеют однослойную подошву, скрепленную с верхом потайным швом, поднаряд у головки отсутствует, задник усилен только одним слоем кожи. Тем не менее общий крой полностью соответствует обуви для взрослых.

В целом этот тип кожаной обуви являлся, видимо, самым распространенным в городе среди женского населения. Судя по особенностям изготовления (простой эргономичный крой) и качеству применяемого материала (временами грубая кожа, составной поднаряд), он относится к утилитарно-повседневной обуви.

Низкие формы обуви:

Обувь низких форм представлена 13 находками. Шесть из них выделены в две отдельные группы в виду своих конструктивных особенностей и будут рассмотрены ниже. Среди оставшихся семи пар кожаной обуви можно выделить несколько разных фасонов. Стоит отметить, что все находки обуви – низких форм, относятся к женской обуви. Среди находок нет конструкций, полностью повторяющихся. Встречается как обувь с цельнокроенным верхом (в двух случаях), так и с двухсоставным. В одном случае подошва является однослойной, что говорит об упрощенном способе изготовления. Две пары обуви изготовлены полностью с использованием машинных швов. Одна из них представлена сандалиями.

Разнообразие фасонов и конструкций, а также в большинстве случаев сложность кроя низких форм обуви говорит, скорее всего, о том, что она является не повседневной, а праздничной, или предназначена для домашнего ношения.

Обувь с комбинированным верхом:

Две находки имеют комбинированный верх. Одна – из войлока и кожи, другая – из ткани и кожи. В первом варианте кожаные части верха представлены носком и задником, то есть в местах, наиболее подверженных износу. Сама обувь, вероятно, представляет собой зимний вариант женских башмаков. Другая пара представляет собой обувь для торжественных случаев, тканевый верх расшит бисером, кожаные вставки достаточно тонкие.

Обувь упрощенной конструкции:

В отдельную группу можно выделить четыре находки пар кожаной обуви. Все четыре пары относятся к низким формам. Две на ногу взрослого мужчины и две – на женскую. Характерным признаком, позволяющим выделить эту обувь в отдельную группу, является упрощенная технология изготовления. Конструктивно вся эта обувь отличается отсутствием поднаряда головки и жесткого задника, а также однослойная подошва и отсутствие каблука. На одном из экземпляров подошва соединяется с верхом швом с шагом в 1 см. Фасон обуви различается, встречаются как острые, так и тупые носки. Верх может быть как двухсоставным, так и цельнокроеным.

Мягкая конструкция этой обуви делает ее не пригодной к длительному повседневному ношению. Следы износа также отсутствуют, это может говорить только о двух вариантах назначения данной кожаной обуви. Либо это домашние тапочки, либо (возможно, одна или две пары находок) эта обувь имеет ритуальный характер и изготавливалась для облачения покойника.

Выводы:

Коллекция, полученная в результате полевого археологического исследования Тихвинского некрополя 2012 г., позволяет составить представление о кожаной обуви населения Царевококшайска в XIX в. В отсутствие этнографических данных, музейных коллекций археологическая кожа становится уникальным источником.

Данные о формах и фасонах позволяют установить основные используемые типы обуви населения города. Для мужчин таковыми были сапоги разных фасонов, для женщин – ботинки со шнуровкой. Детская и подростковая обувь повторяет взрослые формы, с упрощением для маленьких детей. Выявлены формы обуви, не упоминаемые в этнографической литературе.

Количественные подсчеты и соотношение погребений с обувью и без свидетельствует о ценности и распространенности кожаной обуви среди населения Царевококшайска XIX в.

Ю.И. Ожередов
Музей истории Томска, Томск
РИТУАЛЬНОЕ ДЕРЕВО В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПАЛЕОСЕЛЬКУПОВ
(по данным археологии)

В 1989 и 1991 гг. в ходе стационарного исследования могильников Бедеревский Бор-2 на р. Тым [Боброва, 2002, с. 106] и Кустовского могильника на р. Кёнга [Ожередов, 2001, с. 224] были вскрыты комплексы, предоставившие редкий случай изучить на археологических источниках нарымских палеоселькупов XVII–XVIII вв. образ «мирового дерева», отмеченный в селькупской мифологии. Метафорический образ дерева, произрастающего у начала мира, зарегистрирован в мифологеме «на стрелке рек Кедровки и Орла у дома прародительницы». По традиционным селькупским представлениям на его ветвях сидят орел и кедровка, а висят солнце и луна [Прокофьева, 1952, с. 107].

В одном случае было вскрыто грунтовое погребение «шамана» (№4), а в другом – изучена насыпь трехъярусного кургана (№5). Приметами, идейно объединяющими данные объекты, стали их месторасположение на высоких речных террасах, березы в окружении, оловянные тарелки и некоторые другие предметы (преимущественно украшения) *вне захоронений*. Тымская тарелка лежала под мхом неподалеку от края могильной ямы, а кустовская находилась под гумусом на вершине кургана, чуть выше погребений верхних ярусов. При внешних различиях в размерах, месте производства и оформления тарелки объединяет материал и наличие у края бортика отверстий для шнура, доказывая тем самым, что в ритуальных условиях оба образца манифестировались в подвешенном состоянии. При этом места для подвешивания сильно отличаются по форме, но существенно сближаются по семантике. Грунтовое погребение в Бедеревском Бору находилось в плотном окружении деревьев, в том числе берез, одна из которых, вероятно, и послужила местом крепления тарелки и предметов, найденных рядом с ней. Это были стеклянные бусы и железная пряжка, возможно, украшавшие какую-то деталь одежды(?).

На кургане наблюдалась совсем иная ситуация. На вершине были расчищены остатки «ритуального столба», рухнувшего на насыпь. Симптоматической особенностью конструкции стало наличие на стволе хвойной породы искусственной кроны, смонтированной из веток березы [Ожередов, 2001, с. 224–225]. Данные обстоятельства, как и отсутствие корневой системы, обозначили наличие синкретического устройства, имитирующего в обряде сакральное «дерево» (березу). Основанием для данной интерпретации явились артефакты, принадлежащие не сопроводительному инвентарю умерших, как, казалось бы, должно быть, а «столбу-дереву».

Условия залегания позволили интерпретировать находки в качестве жертвоприношений, а искусственно созданный объект – местом их размещения. В кроне найдены две «нити» стеклянных импортных бус, некогда нашитые на основу, подвеска-пуговица «крыжовник», открытый бубенец, фрагменты неопределимых железных и медных изделий, железный топор-тесло и упомянутая тарелка с резными граффити на обеих сторонах. Ниже кроны, у тела столба залегало несколько фрагментов керамики и железный наконечник стрелы. Костяной наконечник лежал на бревне сверху, где он мог оказаться лишь будучи воткнутым в составе стрелы, пущенной из лука. После обрушения символического дерева и последующего его «погребения» стрела под давлением грунта «улегалась» на ствол, где и сгнила, а наконечник оказался на поверхности столба. «Не исключено, что железный экземпляр также размещался на воткнутой стреле-приношении, как отмечалось у многих других этносов» [Штернберг, 2012, с. 444].

Примечательно, что в обоих случаях в ритуале прямо или косвенно участвует береза. И это особенно примечательно в контексте традиции северных селькупов, вкапывавших молодые березки «в ноги» и изголовья умерших [Бауло, 1980, с. 187, рис. 5].

Этнография сибирских народов одинаково трактует естественные и искусственные конструкции в качестве мест для жертвоприношений, а присутствующие на них

предметы – формой пожертвований. В пос. Ратта тяжело больной шаман Г. Калин добровольно передал свои магические атрибуты потусторонним силам, прикрепив их к дереву на личном священном «месте» [Пелих, 1980, с. 6. рис. 1]. Но очень часто на святилищах со стационарными идолами, вырубленными на пнях, жертвы крепили к перекладинам, между изваянием и соседствующим деревом [Ozheredov, Ozheredova, Kirpotin, 2015, с. 568].

Присутствие березы в рамках погребальной обрядности двух групп селькупов одного этноса (нарымской – изученные могильники, туруханской – кладбище в пос. Ратта) и короткий хронологический промежуток между археологическими и этнографическими образцами дают редкую возможность прямого сопоставления, проведения параллелей и наведения культурологических «переходов».

В селькупской лексике отсутствует термин «мировое дерево» и в нарративных текстах фигурируют понятия «большое», «священное», «шаманское» дерево и т.п. И тем не менее Г.И. Пелих [1998, с. 24] именует это дерево «мифологическим мировым деревом» *дару* (*дару*). Проведенный много позже детальный анализ источников по духовной культуре селькупов [Степанова, 2008, с. 44–50] убеждает в том, что характеристики священных («шаманских») деревьев приобского бассейна вполне согласуются с требованиями к понятию «мировое дерево» или «древо познания добра и зла» у других народов мира [Штернберг, 2012, с. 442–446].

Точно также этнографическим образцам селькупов соответствуют археологически изученные варианты метафизических (воображаемых) моделей мирового дерева, присутствовавших близ захоронений и служивших «мостами» для перехода душ умерших в потусторонний мир. По селькупскому воззрению души умерших в виде пауков поднимались по корням на ствол, восходили на небо и превращались в звезды [Пелих, 1980, 12]. Особая роль, вероятно, отводилась тарелкам, закрепленным на деревьях. Они не были собственно жертвами. Из селькупской мифологии выходит, что тарелки (диски) символизировали светила – солнце и луну. Олово считалось символом последней и одновременного знаком нижнего мира [Пелих, 1980, 14]. Поэтому наличие оловянной тарелки на сакральном дереве, возможно, означало причастность последнего к обрядам погребального цикла. При этом у селькупов общепризнано, что священное дерево в форме молодой березки защищало смертных от близости потустороннего мира [Пелих, 1989, 13].

Библиографический список

Бауло А.В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980.

Боброва А.И., Максимова И.Е., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Т. 1. – Томск, 2002.

Ожередов Ю.И. Столб в погребальном обряде шиешгула // Самодийцы. – Тобольск ; Омск, 2001.

Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Труды Института этнографии. Нов. сер. – Т. XVIII. – М. ; Л., 1952.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980.

Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск, 1998.

Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. – СПб., 2008.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. – М., 2012.

Ozheredov, Yuri I., Ozheredova, Alina Y. and Kirpotin, Sergey N. Selkup idols made of tree trunks and found on the Tym River // International Journal of Environmental Studies. – Monograph, 2015. – V. 72 (3).

Д.В. Ожерельев
Институт археологии РАН, Москва
КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТОЯНКЕ
РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА МУХКАЙ-Па

Многослойная стоянка Мухкай-Па расположена в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана и приурочена к останцовым отложениям раннеплейстоценового времени, которые в настоящее время слагают чехол водораздела рек Акуша и Усиша. Стоянка Мухкай-Па находится в северной части памятника Мухкай-II. Общая мощность культурных отложений Мухкай-II насчитывает 73 м и включает 129 литологических слоев, в 35 из которых был обнаружен археологический материал. Геологический возраст памятника охватывает практически весь ранний плейстоцен (~2,0–0,9 млн л.н.) [Амирханов, 2012, 2016]. Стоянка Мухкай-Па погребена в средней части культуросодержащей толщи на глубине 37,7–39,0 м от условного нулевого уровня. Абсолютная высота ее составляет 1580 м над ур. м. Всего раскопками вскрыта площадь 42 кв. м. В результате было обнаружено три культурных слоя (номенклатурные наименования – слои 2013-1, 2013-2, 2013-3), где в едином стратиграфическом контексте были выявлены обработанные кремневые изделия и кости животных. Находки приурочены к экспонируемым в древности поверхностям и не переотложены. Все культурные слои представляют собой древние уровни обитания первобытного человека. Причем каждый из этих уровней запечатлел единовременное либо ограниченное во времени пребывание здесь древнего Homo. Мощность каждого из культурных слоев – от 5 до 10 см. Они разделены между собой стерильными горизонтами суглинки [Ожерельев, 2016].

В планиграфии всех трех слоев выявляется схожая структура, могущая объяснить особенности хозяйственной деятельности на стоянке. Так, обитание древнего человека здесь проходило на берегу небольшого (~ 1 м шириной) водотока со слаботекущей или стоячей водой. Водоток этот являлся, возможно, одним из притоков (старицей, меандром) более крупной реки либо впадал в небольшое озеро. В слоях 2013-2, 2013-3 обнаруживаются две главные зоны: это участок водотока-промоины, определяющийся в качестве вытянутого углубления, и прибрежные участки. Структурное и стратиграфическое единство этих двух зон стоянки не вызывает сомнений. Обе они содержат археологические находки. Углубление водотока заполнено многочисленными костями древних млекопитающих – останками расчленения туш животных. Среди костного материала фиксируется выраженная сортировка по разновидностям костей, присутствие множества расколотых фрагментов и наличие искусственных нарезок на них [Амирханов и др., 2016]. Наличие костей хищников говорит о жесткой пищевой конкуренции человека с плотоядными животными. Всего фаунистическая коллекция стоянки Мухкай-Па насчитывает 2489 целых и фрагментированных находок крупных млекопитающих. Среди определимых костей выделяются следующие виды животных: *Canis etruscus*, *Vulpes alopecoides*, *Pliocrocota perrieri*, *Lynx issiodorensis*, *Acinonyx pardinensis*, *Archidiskodon meridionalis*, *Equus (Allohippus) stenonis*, *Libralces gallicus*, *Eucladoceros senezensis*, *Gazellospira torticornis*, *Gazella bouvrainae*, *Gallogoral meneghini*, *Crustacea* (определения М.В. Саблина, ЗИН). Фауна этой стоянки находит близкие параллели с материалами стоянки Мухкай-II, слой 80, а также с раннеплейстоценовыми фаунами Северо-западного Кавказа и Закавказья. Датировка фауны Мухкай-Па – 2,1–1,7 млн л.н. Этот же возраст подтверждает анализ костей и зубов мелких позвоночных, обнаруженных непосредственно в культурном слое 2013–2 (определения А.С. Тесакова, ГИН). Среди выявленных костных останков определены следующие роды и виды животных: *Soricidae* gen., *Leporidae* gen., *Muridae* gen., *Ellobius* sp., *Pityimomys pitymyoides*. Микротериофауна Мухкай датируется поздним акчагылом и региональной зоной MNR1. Возраст ее оценивается не моложе 1,7 млн л.н., а наиболее вероятно – древнее 2 млн л.н.

Среди малакологического материала представлены многочисленные остатки сухопутных моллюсков. Также обнаружены единичные раковины и обломки раковин водных моллюсков. Согласно определениям, время их обитания вполне соотносится с ранним плейстоценом. Палеоландшафт, свойственный экологическим нишам, соответствует открытым пространствам степных или остепненных луговых участков, примыкающих к водоему с пресной или слабосоленой водой.

Подобная реконструкция природного окружения времени функционирования стоянки также подтверждается и палеопочвоведческими исследованиями [Столпникова и др., 2016].

Коллекция кремневых изделий во всех слоях немногочисленна. Всего находок насчитывается 412 ед. Среди них единичные нуклеусы, желваки и обломки со сколами, чопперы, орудия с ретушью (скребло, скребки, отщепы с ретушью), отщепы, обломки, чешуйки. В целом для инвентаря всех трех слоев фиксируется схожий типологический состав. Отмечается преобладание продуктов первичного расщепления. Высок процент выбракованных при раскалывании предметов, представленных обломками. Орудийный набор немногочисленный. Среди орудий преобладают орудия на обломках и отщепах со вторичной подработкой. Нуклеусы и чопперы единичны. Имеющийся материал в целом типичен для индустрий эпохи олдована.

Характер культурных слоев, категориальная выборочность каменного инвентаря, фиксируемая сепарация костей по видам животных и разновидностям костей скелетов, наличие нарезок на костях от каменных орудий и следов на орудиях от работы указывают на функциональную специфику стоянки. Стоянка Мухкай-Па определяется как место, где в прибрежной части водоема (озера, залива, лимана), происходила добыча и разделка туш животных (butchering site).

Таким образом, важнейшее значение памятника Мухкай-П заключается в том, что индустрия олдована здесь представлена многообразием культурных слоев, каждый из которых по сути является отдельной стоянкой. Стоянки эти разновременны в рамках раннего плейстоцена, что позволяет изучать динамику археологической культуры олдована. Кроме этого, на памятнике отмечается наличие функционально различных стоянок – стоянок разделки туш животных (Мухкай-Па), долговременных стоянок-мастерских (слои 25, 34, 74 и др.). Археологический материал из них имеет некоторую функциональную специфику в пределах олдованской культуры. Этот факт необходимо учитывать при дальнейших исследованиях. Особенно это важно при сравнительных исследованиях материалов как различных слоев Мухкай-П, так и разных памятников региона.

Библиографический список

Амирханов Х.А. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана / А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.Г. Рыбалко. – Новосибирск, 2012а.

Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. – Махачкала, 2016.

Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Alexandrova O.I., Giryа E.Yu., Sablin M.V. Cut marks on the bone of *Equus (Allohippus) stenonis* and traces of utilization on the stone tool from the Oldowan site Muhkai-Pa in the North Caucasus // Conference: Homo erectus 100+25. International Senckenberg Conference. – Tbilisi, Georgia, 2016.

Ожерельев Д.В. Исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай-П в Дагестане // ХХІХ Крупновские чтения. – Грозный, 2016.

Столпникова Е.М., Ковалева Н.О., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Палеопочвенные исследования раннепалеолитической стоянки Мухкай-П (Северный Кавказ) // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер. Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. – М., 2016.

Т.В. Олейник
Институт археологии РАН, Москва;
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков
**ДРЕВНЯЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ К.Э. ГРИНЕВИЧА**

Константин Эдуардович Гриневиц родился в Вологде в семье служащего. В 1898 г. вместе с родителями он переезжает в Харьков. Здесь в 1910–1915 гг. обучается на историко-филологическом факультете Харьковского Императорского университета. В 1915–1918 гг. продолжает учебу в Петрограде, куда был отправлен с целью подготовки к получению звания профессора. В 1915 г. молодой исследователь работает на раскопках Б.В. Фармаковского в Ольвии, а затем – на Таманском полуострове у В.В. Шкорпила. Летом 1918 г. впервые посещает Херсонес [Кадеев, 1992, с. 129–130; Латышева, 2004, с. 284]. Но последующие несколько лет он отдал изучению археологии Керченского полуострова.

Первыми трудами К.Э. Гриневица в области фортификации стал ряд работ, посвященных Западному Боспору, написанных им на заре научной деятельности, во время пребывания на посту директора Керченского музея (в 1919–1921 гг.). В этих небольших статьях были подведены некоторые итоги почти столетней работы предшественников и введены в оборот результаты его собственных авторских исследований [Кадеев, 1992, с. 130–131; Латышева, 2004, с. 284–285]. Прежде всего, там рассматривалась фортификация господствовавшего на данных территориях Боспорского царства в контексте политических взаимоотношений античных полисов Восточного Крыма между собой и с метрополиями. В 1924–1925 гг. он обследовал «первую», «самую ближайшую к городу линию обороны» – Тиритакский вал: «Она состоит из вала и рва, ... и целого ряда дополнительных сооружений, по-видимому остатков башен и укрепленных проходов». Были также сделаны некоторые выводы о его конструкции [Гриневиц, 1946, с. 160–161] и составлена подробная карта на всем его протяжении [Латышева, 2004, с. 285]. В частности, было установлено, что городские стены Тиритаки и древний вал представляли собой единый оборонительный комплекс. И обозначен *terminus ante quem* для сооружения вала – захват и передача Нимфея (не входившего в состав Боспорского Царства на момент строительства линии обороны) из-под афинского контроля во власть Боспора – поскольку этот полис лежит за пределами его укрепленной границы [Гриневиц, 1946, с. 163].

С 1924 г. К.Э. Гриневиц занимает пост директора Херсонесского музея. Его особенно интересовал вопрос локализации места зарождения полиса. Возможно, поэтому в 1925–1930 гг. приоритет был отдан изучению оборонительной системы юго-восточной части Херсонеса (где были обследованы так называемая «цитадель», портовый район и «древнейшая» оборонительная стена), откуда, он предполагал, могло начаться первичное заселение городища, а также изучению обстановки на Гераклеийском полуострове. В связи с этим в 1929–1930 гг. – впервые в СССР – создается подводная экспедиция для поиска предположительного места расположения «Страбонова Херсонеса» – около Маячного полуострова [Кадеев, 1992, с. 131–132; Латышева, 2004, с. 285–288]. К.Э. Гриневиц был первым, кто обратил внимание на взаимосвязь между памятниками Гераклеийского полуострова (так называемой «ближней хоры») и непосредственно самим Херсонесским городищем [Латышева, 2004, с. 287]. Результаты его полевых исследований увенчались рядом трудов, среди них – «Стены Херсонеса Таврического» (первые две части [Гриневиц, 1926, 1927]) – где проведен разносторонний (конструктивный, материаловедческий, планировочный) анализ фортификации городища на протяжении всех периодов его существования, который в 1944 г., после ссылки и реабилитации, он защищает в МГУ в качестве докторской диссертации [Березинская, Кадеев, с. 4–5; Кадеев, 1992, с. 133; Латышева, 2004, с. 288]. За этим последовала в 1940–

1953 г. – работа в Томском университете, Нальчике и Нежине. Однако вопреки всем обстоятельствам, неутомимый ученый все это время продолжает заниматься проблемами античности. В частности, в 1946 и 1948 гг. – проводит обследование античного поселения «дальней хоры» Херсонеса – Калос-Лимена [Кадеев, 1992, с. 132–133; Латышева, 2004, с. 288–290].

И «финальным аккордом» в научном творчестве Константина Эдуардовича стала Ольвия, которая некогда в молодости, во время аспирантской практики, привлекла его интерес к античности. Как и в Херсонесе, здесь его интересовал вопрос, связанный с основанием города в контексте свидетельств письменных источников. Этот период научной деятельности исследователя связан с возвращением в Харьков (1953–1970 гг.) [Кадеев, 1992, с. 131], где в 1954 г. на базе университета он организовал Ольвийскую экспедицию – чтобы проверить достоверность сведений Геродота и выводов, сделанных Б.В. Фармаковским относительно датировки оборонительных стен Ольвии [Гриневич, 1957, с. 76–77]. В 1954–1956 г. отряд К.Э. Гриневича, организованный на средства Харьковского государственного университета, предпринял исследование западной оборонительной линии, проходившей по восточному склону Заячьей балки, – с целью поиска датирующего материала для подтверждения гипотезы более ранней даты ее сооружения. В результате чего были уточнены ее датировка и трассировка [Гриневич, 1964, с. 106–107].

В эти же годы увидела свет третья часть его труда «Стены Херсонеса» [Гриневич, 1959], значимость которого тяжело переоценить и по сей день, а также готовились к публикации материалы по так называемой «ближней хоре» Херсонеса... [Кадеев, 1992, с. 133; Латышева, 2004, с. 290–291].

Тема фортификации проходит красной нитью через всю научную карьеру К.Э. Гриневича. Центральное место среди его работ по этой тематике, конечно, принадлежит Херсонесу, по материалам которого была защищена докторская диссертация. Однако всюду, где бы он ни был, объекты фортификации не оставляли его равнодушным. Нам остается только сожалеть, что этот незаурядный исследователь не оставил подобных фундаментальных трудов по другим памятникам, помимо Херсонеса, занимавшим также немаловажное место в его жизни.

Библиографический список

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. – Ч. I // Херсонесский сборник. – Вып. 1. – Севастополь, 1926.

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. – Ч. II: Юго-Восточный участок // Херсонесский сборник. – Вып. 2. – Севастополь, 1927.

Гриневич К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // Вестник древней истории. – 1946. – №2.

Гриневич К.Э. Новые данные о стенах Ольвии V–IV вв. до н.э. // Краткие сообщения Института археологии УССР. – Вып. 7. – 1957.

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. III: Южная и западная линии обороны // Херсонесский сборник. – Вып. 5. – Симферополь, 1959.

Гриневич К.Э. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // Вестник древней истории. – 1964. – №1.

Константин Эдуардович Гриневич – профессор Харьковского университета // Библиографический указатель / сост. Р.Г. Березинская, В.И. Кадеев. – Харьков, 1991.

Кадеев В.И. К.Э. Гриневич как ученый // Вестник Харьковского университета. – 1992. – №362: История. – Вып. 25.

Латышева В.А. К.Э. Гриневич как археолог // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 5. – Харьков, 2004.

О.М. Олейников
Институт археологии РАН, Москва
НОВЫЕ ДАННЫЕ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
НОВГОРОДСКОГО ДЕТИНЦА

Исследования вала у Владимирской башни Новгородского кремля, проведенные М.Х. Алешковским в 1957, 1959 и 1960 гг., выявили интереснейшую внутривальную деревянную конструкцию, представляющую собой систему городней (срубов из дубовых бревен), – оборонительное сооружение, которое автор раскопок датировал 1044 г. [Алешковский, 1962, с. 11].

В 2015 г. эта конструкция была повторно вскрыта Новгородской археологической экспедицией ИА РАН в шурфе М.Х. Алешковского (1959 г.). В результате получено большое количество спилов дубовых бревен первой оборонительной стены в северной части детинца. Проведенный комплекс исследований методами дендрохронологии и радиоуглеродного датирования убедительно доказал, что первые оборонительные сооружения в северной части детинца были построены в 1044 г., подтвердив тем самым датировку М.Х. Алешковского [Олейников, Долгих, 2015, с. 307–318; 2016, с. 8].

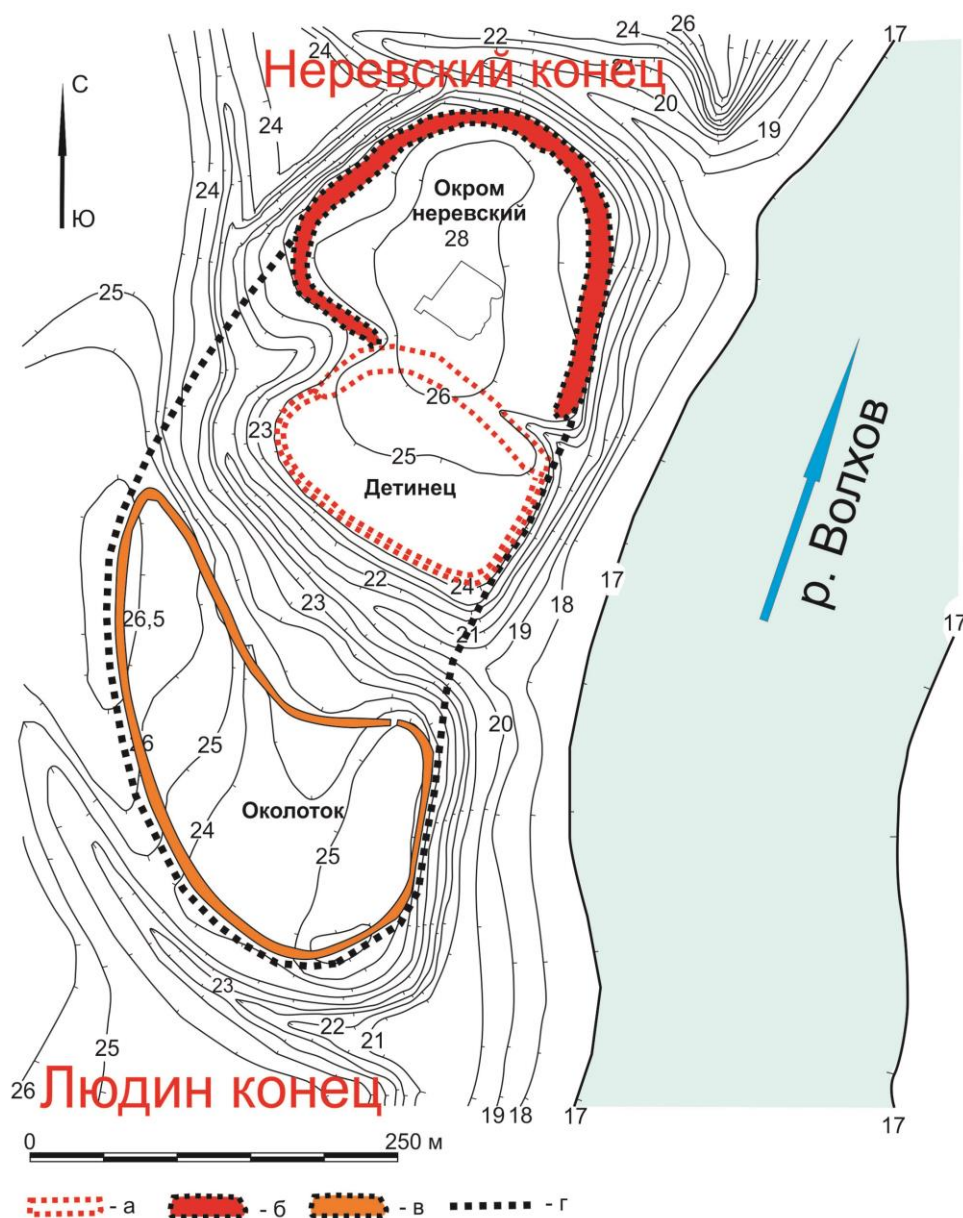
Изучение оборонительных сооружений в северной части детинца в 2013 г. выявило ров первой половины XI в., который проходил от оврага по южной стороне Софийского холма (Большой Кремлевский овраг) до оврага, существовавшего, вероятно, вдоль северной стороны холма (рис.). Этот ров имел ширину около 19 м, а глубину – 5 м [Олейников, Долгих, 2016, с. 8].

Изыскания в южной части Софийского холма Новгородского детинца в районе Софийской Звонницы и церкви Входа Господня в Иерусалим [Антипов и др., 2013, с. 53–54; Олейников, Долгих, 2016, с. 8–9] выявили вал из глины, взятой из оврага, который проходил от отрога Большого Кремлевского оврага до балки на восточной стороне холма (на месте Тайничных ворот) (рис.). Площадь данной крепости составляла 2 га, что сопоставимо с площадью раннего Киевского детинца (Археология Украинской ССР, 1986, с. 258). Размеры этого вала определить пока не удалось. Отсутствие культурного слоя под насыпью дает основание говорить, что он был сооружен в самом начале заселения данной территории.

Частичный разрез вала у Пречистенской башни Новгородского кремля показал, что площадка, на которой была сооружена первая оборонительная стена, возвышалась над уровнем воды в Волхове на 8 м (24,5 м в Балтийской системе высот). Датировка этой стены – не позднее середины X в. Она была поставлена на невысокую насыпь, сооруженную по краю мыса. Традиции возведения древнерусских оборонительных сооружений позволяют предположить, что этой стене предшествовал частокол, сооруженный по самому краю мысовой площадки [Моргунов, 2009, с. 42].

Обследование вала в южной части Новгородского кремля у Спасской башни выявило несколько этапов его возведения. Первая насыпь в этой части кремля была воздвигнута на культурный слой, датируемый 2-й половиной X – серединой XI в., что дает возможность датировать ее сооружение серединой XI в.

В результате исследований, проведенных Новгородской археологической экспедицией ИА РАН в Новгородском кремле в 2013–2015 гг., получены данные, доказывающие, что стены детинца уже были возведены в середине X в. Более поздние укрепления, обнаруженные у Владимирской башни, говорят о расширении границ Новгородского детинца в период княжения Ярослава Мудрого и его сына Владимира в преддверии строительства новгородского собора Святой Софии, которое относится к середине XI в. Исследования вала у Спасской башни кремля показали, что новгородский околоток был огорожен валом со стеной уже в середине XI в.

Гипсометрический план палеорельефа Новгородского кремля с обозначением местоположения оборонительных сооружений детинца: *а* – вал детинца в X в.; *б* – вал 1044 г.; *в* – вал околотка; *г* – современные границы Новгородского детинца

Библиографический список

- Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. – Вып. 14. – М., 1962.
- Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жерве А.В., Родионова М.А. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 27. – В. Новгород, 2013.
- Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. – Киев, 1986.
- Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. – М., 2009.
- Олейников О.М., Долгих А.В. Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М.Х. Алешковского в 1959 г. // КСИА. – 2015. – Вып. 241.
- Олейников О.М., Долгих А.В. Новые данные по датировке оборонительных сооружений Новгородского детинца // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Вып. 9. – Тверь, 2016.

А.В. Омельченко
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЙКЕНДА (БУХАРСКИЙ ОАЗИС):
К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ СОГДИЙСКОГО ГОРОДА

В 2016 г. Бухарская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии АН Республики Узбекистан провела свой 35-й сезон. Основным объектом ее исследований является Пайкенд – древний город Бухарского Согда на юго-западе Узбекистана. К X в. он включал в себя цитадель с двумя шахристанами (17 га) и округу – рабад (до 70 га) [Мухамеджанов и др., 1988; Семенов, 1996; МБАЭ, 1999–2016. Т. I–XIII; и др.]. Город располагался в нижнем течении р. Зеравшан, в двух караванных переходах от Амуля (Фараба) – переправы на р. Амударью. Пайкенд был первым большим поселением в землях Западного Согда на дороге, соединявшей центральные и северо-восточные области Средней Азии (средневековый Мавераннахр) с Северным Хорасаном. Столица последнего – г. Мерв – в период арабских завоеваний, как и ранее, в эпохи Сасанидов и Ахеменидов, был опорным пунктом в захвате областей к северу от р. Амударьи. В районе Фараба-Пайкенда сходились также древние евразийские торговые трассы, протянувшиеся от Европы до Индии и от Китая до средиземноморских портов.

Новые исследования на цитадели показали, что во 2-й половине III – начале IV в. площадь ее увеличивается, перестраиваются старые и возникают новые сооружения. Юго-западный угол от входа занимает казарма; к ней примыкает квартал административно-хозяйственных построек. Он, видимо, был связан с зороастрийским храмом огня, который в тот период расширяется. План святилища находит аналогии в культовой архитектуре Сасанидского Ирана. Влиянием официального искусства Сасанидов отмечены также фрагменты настенной живописи: начала IV в. – с цитадели Пайкенда [Omel'chenko, 2017] и V в. – с Уч-Кулаха, поселения на северо-западе Бухарского оазиса [Lo Muzio, 2015].

Судя по раскопкам Пайкенда и Варахши, в III–V вв. в материальной культуре Западного Согда получают распространение элементы «кушано-сасанидского комплекса», сложившегося в бывших землях Кушанского государства после захвата их Сасанидами [Завьялов, 2008]. Полностью изменяется денежное обращение, в котором используются медные подражания чекану Великих кушан и кушано-сасанидская монета [Наймарк, 1995].

Новые исследования площадки к северу от цитадели показали, что здесь застройка приобретает черты квартальной, по крайней мере, в V в. Таким образом происходит становление города. Сасанидское влияние на фортификацию Пайкенда, видимо, отражает подовальная форма башен, открытых в 2016 г. у южной стены другой части города – Шахристана-I.

Все эти материалы свидетельствуют о южных импульсах, связанных, на мой взгляд, с военной экспансией Сасанидского Ирана в Бухарский оазис. Об этом говорит и надпись на «Каабе Зороастра», в которой упоминается подчинение Шапуром-I областей вплоть до Чача (Ташкента). Относящиеся к нему районы среднего течения р. Сырдарья через Нуратинский хребет граничат с северо-востоком Бухарского оазиса. В целом политические события второй половины III в. способствовали ускорению процессов урбанизации в Западном Согде, что подтверждают археологические исследования Бухары, Пайкенда, Варахши, Рамитана, Варганзы, Уч-Кулаха и их округи.

Библиографический список

Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. – СПб., 2008.

Материалы Бухарской экспедиции (МБАЭ). – Т. I–XIII. – СПб., 2000–2016.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. – Л.; Ташкент, 1988.

Наймарк А.И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде // Нумизматика Центральной Азии. – Вып. 1. – Ташкент, 1995.

Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V–VIII веков. – СПб., 1996.

Lo Muzio C. Early Sogdian painting from Uch Kulakh (Bukhara oasis) // Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье. ТГЭ. – Т. LXXV. – СПб., 2015.

Omelchenko A.V. On the Question of Sasanian Presence in Sogdiana. Recent Results of Excavations at Paykand // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. – 2017. – 7, in print.

Stronach D. On the evolution of the early Iranian fire temple // Acta Iranica. Deuxième seriè. – Vol. XI. Papers in honour of Professor Mary Boyce. – Leiden, 1985.

a – находки из казармы и административно-хозяйственного квартала конца III – начала V в. на цитадели Пайкенда; *b* – «кушано-сасанидский» комплекс городища Зар-тепе в Северной Бактрии – Тохаристане (по: [Завьялов, 2008]); *c* – фрагмент настенной живописи с цитадели Пайкенда (2015 г.); *d* – прорисовка; *e* – рельеф Шапура I в Бишапуре, фрагмент; *f* – план святилищ огня на цитадели Пайкенда, этап III (по: [Семенов, 1996]); *g* – центральная часть храма в Тахт-и Сулеймане (по: [Stronach, 1985])

А.В. Омельченко¹, В.В. Андрущенко²
¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
²«Компания ВНИИСМИ», Москва
ГЕОРАДАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЫРЦОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА ГОРОДИЩЕ ПАЙКЕНД
(Бухарская область Узбекистана)

В последнее десятилетие в России и за рубежом все более успешно развиваются георадарные технологии, относящиеся к неразрушающим методам изучения подземной среды.

ООО «Компания ВНИИСМИ» разработала георадары серии «ЛОЗА», отличительной особенностью которых по сравнению с известными зарубежными и отечественными аналогами является большой энергетический потенциал, позволяющий работать в средах с высокой проводимостью. В результате пересмотра классической схемы построения радара, например, импульсная мощность передатчика была увеличена более чем в 10 000 раз, а стробоскопическое преобразование заменено прямой регистрацией сигнала, без преобразования его в область низких частот. В качестве антенн (или их основных излучающих элементов) используются резистивно-нагруженные диполи. Это гарантирует отсутствие в принимаемом сигнале «звона».

Новые возможности существенно расширяют границы применения георадаров серии «ЛОЗА» в археологических экспедициях, что, в частности, продемонстрировали работы в рамках Российской археологической миссии в Гизе (с 2006 г.) и Итальянско-Российской экспедиции в Судане (с 2009 г.).

В 2015 г. георадарные исследования проводились на городище Пайкенд, расположенном в 60 км к юго-западу от г. Бухары (Узбекистан). С 1981 г. здесь работает совместная Бухарская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) и Института археологии АН Узбекистана (Самарканд). Первое укрепленное поселение возникло на микроблоке Пайкендского плато, сложенного из конгломерата, около рубежа IV–III вв. до н.э. В древности возвышенность являлась водоразделом между протоками нижних течений рек Зеравшан и Кашкадарья [Мухамеджанов и др., 1988].

Раскопками во всех частях города (на цитадели, на площадке перед ней, на двух шахристанах, а также в рабаде – пригороде) изучены различные сооружения на площади около 2 га. Они относятся к разным строительным периодам, но во всех хронологических этапах (до XII в.) сооружались в основном из сырцовых кирпичей и битой глины – пахсы. В эпоху поздней античности появляется жженный кирпич, пик производства которого пришелся на X в.

В ходе исследований городища был использован высокочастотный (малоглубинный) вариант георадара «Лоза-1В»: антенны с центральной частотой 200 МГц (1,0 м) и излучатель мощностью 1 МВт. На 19 выбранных участках проводилась площадная съемка при расстоянии между профилями 1 м и расстоянием между точками измерений 20 см. Результатом являлось построение 3D моделей и горизонтальных разрезов участков на разных глубинах.

Исследования участка входа на юге цитадели подтвердили предположение об использовании западины древнего комплекса ворот в качестве траншеи для фундаментов монументальной мечети X в. В свою очередь, под средневековым проходом георадар обнаружил ветку тазара – ливневой канализации, состоящей из отрезков керамических труб и направленной в сторону ворот.

Под двором раннесредневекового дворца, занимающего восточную половину цитадели, было выявлено наличие монументального сооружения (около 8 × 8 м) центрической планировки. По соседству, в разрезах, обнаружены наклонные полости достаточно крупного диаметра, очевидно, грабительские лазы позднесредневекового времени, которые фиксировались ранее археологически.

Двумя площадками (42 × 20 м) с помощью георадара исследовался западный сектор цитадели. Было установлено, что связанный с храмом огня административно-хозяйственный квартал (частично раскопан на севере) занимает весь запад крепости. Организующей осью на протяжении как минимум двух строительных периодов квартала являлась улица «А», причем на последнем этапе сооружения концентрируются к востоку от нее.

Изучение так называемой площадки у цитадели показало наличие широкой улицы, проходящей вдоль северного фаса крепостной стены и примыкающей с другой стороны квартальной застройки. В 2016 г. эти данные были подтверждены археологически.

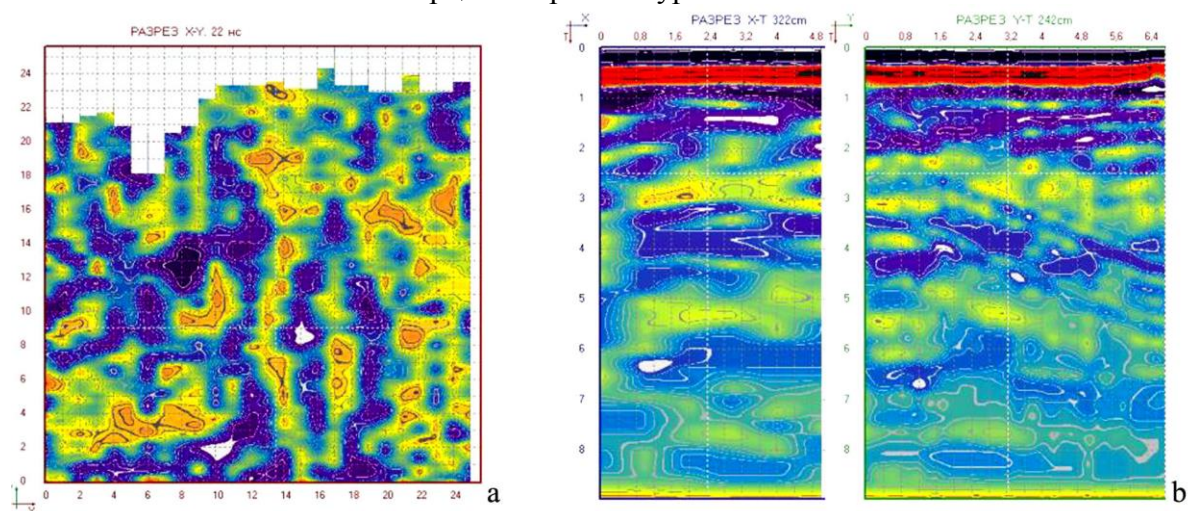
Как и ожидалось, георадарной разведкой была выявлена квартальная сетка, располагавшаяся между крепостной стеной и жилой застройкой, которая исследуется археологически на севере Шахристана-I.

В 2008 г. в Шахристане-II, на участке базара при входе в город под улицей X в. был раскопан отрезок базара, перекрытого сводом из жженных кирпичей [МБАЭ, 2009]. Исследования георадаром подтвердили предположение о том, что он продолжается до южных городских ворот. Для экономии трудозатрат средневековые строители в траншею базара уложили ветку водопровода, вход которого был раскопан у колодца, открытого в 45 м от ворот.

В жилом квартале Шахристана-II под раскопанными ранее сооружениями домовладения георадаром было установлено наличие еще трех больших перестроек. Проведенные затем стратиграфические исследования подтвердили это заключение.

Георадарные исследования подтвердили также предположение о наличии торговой площади между воротами города и застройкой так называемого Южного пригорода, бывшего первоначально караван-сараям [МБАЭ, 2006]. На предпоследнем строительном этапе, будучи плотно обстроенной, площадь, видимо, потеряла свои функции.

Результаты, показанные георадаром «Лоза-1В» в Пайкенде, весьма наглядны и определенно говорят в пользу использования приборов подобного типа для разведок археологических памятников с сырцово-кирпичной архитектурой.

Пайкенд. Цитадель. Георадарная разведка: а – административно-хозяйственный квартал, застройка на глубине 1,6 м, горизонтальный разрез; б – вертикальный разрез наслоений под выкладкой жженым кирпичом пола двора дворца

Библиографический список

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. – Л.; Ташкент, 1988.

Материалы Бухарской экспедиции (МБАЭ). Выпуск X. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2008 г. / Торгоев А.И., Мирзаахмедов Д.К., Омельченко А.В., Сапаров Н.Ж., Собиоров Н.Д. – СПб., 2009.

Материалы Бухарской экспедиции (МБАЭ). Выпуск VII. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2005 г. / Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Торгоев А.И., Сапаров Н.Ж., Абдуллаев Б., Собиоров Н.Д. – СПб., 2006.

А. Онгарулы
НИИ «Халық қазынасы» Национального музея РК, Астана
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ
НА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ КАРКАРА

Археологические исследования погребальных памятников раннего железного века Жетысу (Семиречье) начались восемьдесят лет назад [Список печатных работ А.Н. Бернштама, 1960, с. 9–16]. За это время раскопано несколько тысяч курганов разной величины. Получено большое количество материалов по истории и культуре, хозяйственной жизни саков и усуней Жетысу.

Комплексные изучения больших раннесакских курганов Жетысу были начаты Казахско-Германской экспедицией в 2009 г. [Самашев и др., 2012, с. 350–352]. В течение двух полевых сезона были частично исследованы периферийные участки кургана №1 могильника Жуантобе и кургана №2 (с лучами) могильника Кеген.

С 2012 г. Каркаринским отрядом филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК в г. Астане проводится изучение погребально-поминального комплекса Каркара [Онгар и др., 2012, с. 49–56], расположенного на административной территории сельского округа Каркара Райымбекского района Алматинской области.

Погребально-поминальный комплекс Каркара (далее – ППКК) состоит из наземного сооружения (насыпь), околокурганного пространства (каменное кольцо, курганы-оградки и ров) и внекурганых сооружений (рис. 1–2). Общий размер комплекса – 125,74 м (восток – запад) × 127,51 м (север – юг).

По итогам пятилетних полевых работ в *околокурганном пространстве ППКК* были расчищены 42 объекта. Каменные насыпи *курган-оград* имеют овальную и округлую форму. Размеры исследованных объектов – от 3 до 7,1 м, высота от уровня древней поверхности – 0,15–0,35 м. Могильная яма неглубокая (0,2–0,9 м), ориентирована по линии С–Ю, ССЗ–ЮЮВ, СЗ–ЮВ. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой на север – северо-запад. В четырех случаях (объекты №15, 20, 21, 22) в районе затылка и на лбу погребенного были найдены золотые нашивные бляшки прямоугольной формы и остатки железных предметов, покрытых золотой фольгой в форме зигзага. Предварительные результаты работ показывают, что на периферии основного наземного сооружения в гунно-сарматское время использовали как кладбище.

В околокурганном пространстве также зафиксирован интересный архитектурный элемент – *каменное кольцо*, составленное из двух рядов параллельных каменных стенок. Оно окаймляет насыпь кургана по кругу и делит промежуток между нею и рвом на две части, образуя две различные по длине площадки. Стенки сложены из специально подобранных окатанных плиток, уложенных плашмя друг на друга. На данный момент стенка на некоторых участках сохранилась на высоту в 4–6 слоев камней (высота до 32 см). Судя по фрагментам целиком упавших участков стенки и сохранившихся, видимо, первоначальную форму, высота достигала 85–90 см. Стенки завалились внутрь, наружу.

Ров был выкопан на расстоянии 23,83 м (север), 25,46 м (юг), 26,56 м (восток) и 25,40 м (запад) от края насыпи. Ширина верхней части рва составляет 10,42 м (восток), 11,24 м (запад), 12,5 м (север) и 12,6 м (юг). Глубина рва от дневной поверхности 2,3 м. Дно рва закругленное. Ширина нижней части дна 3 м. Ров постепенно сужается ко дну. По всей ширине траншеи каких-либо следов тризны в виде обломков костей животных и керамики не зафиксированы. Нет сомнения, что ров копался одновременно со строительством основного кургана.

Наземное сооружение (насыпь) памятника представляло собой сильно задернованную конструкцию, круглую в плане формы. Размер насыпи – 52,11 м (восток – запад) × 53,13 м (север – юг), высота – 4,8 м. После снятия дернового слоя наземное сооружение выявлено, что верхний слой насыпи – каменный панцирь – сложен из окатанных камней разных размеров. Каменные валуны, видимо, доставлены из речки Жел Каркара, расположенной в 300–400 м восточнее.

Рис. 1. Погребально-поминальный комплекс Каркара. Общий вид с северо-востока

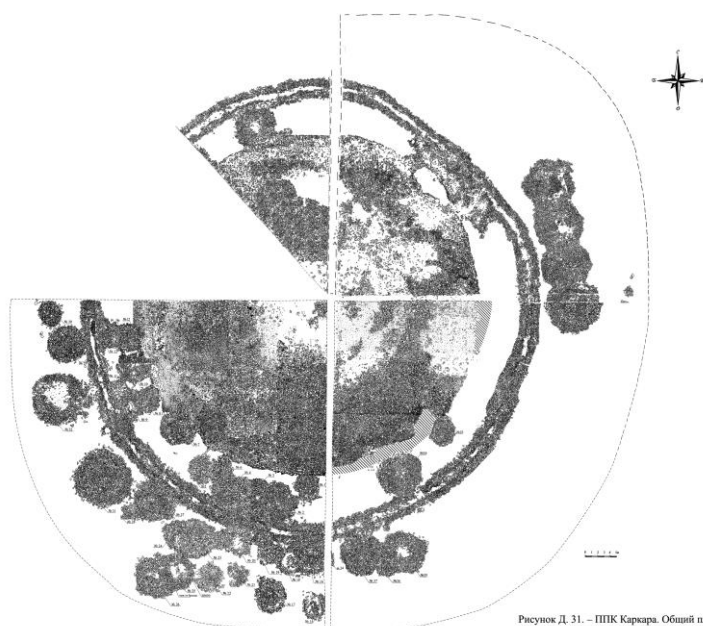

Рис. 2. Погребально-поминальный комплекс Каркара. Общий план

Для определения структуры и этапов процесса возведения насыпи кургана были заложены две траншеи – восточная и южная. В итоге прослеживается семь слоев: слой из крупных окатанных камней; слой из мелкой речной гальки; коричневый слой глины, смешанной с мелким щебнем; черный глинистый слой; серый слой плотной глины; окатанная галька белого цвета; дерновый слой.

Полевые работы на погребально-поминальном комплексе Каркара продолжаются. На данном этапе исследуются структура и этапы возведения наземного сооружения. Памятник предварительно датируется VI–V вв. до н.э.

Библиографический список

Онгар А., Киясбек Г., Чотбаев А., Кожаметов Б., Рахманкулов Е., Бесетаев Б.Б., Толегенов Е., Айткали А. Предварительные итоги исследования погребально-поминального комплекса Каркара // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Т. I. – Астана, 2012.

Онгар А., Чотбаев А. и др. Отчет о научно-исследовательской работе по проекту «Всадники Великой степи: традиции и новации» за 2013 г. // Архив филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана, 2013.

Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные Германо-Казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция : материалы конференции. – Краснодар, 2012.

Список основных печатных работ А.Н. Бернштама // КСИИМК. – Вып. 80. – М., 1960.

С.С. Онищенко¹, А.М. Илюшин²

¹*Кемеровский государственный университет,*

²*Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово*

НЕОРДИНАРНЫЕ АРТЕФАКТЫ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ –
НАЧАЛА ПЕРЕХОДА К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ
НА ТОРОПОВО-7 В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

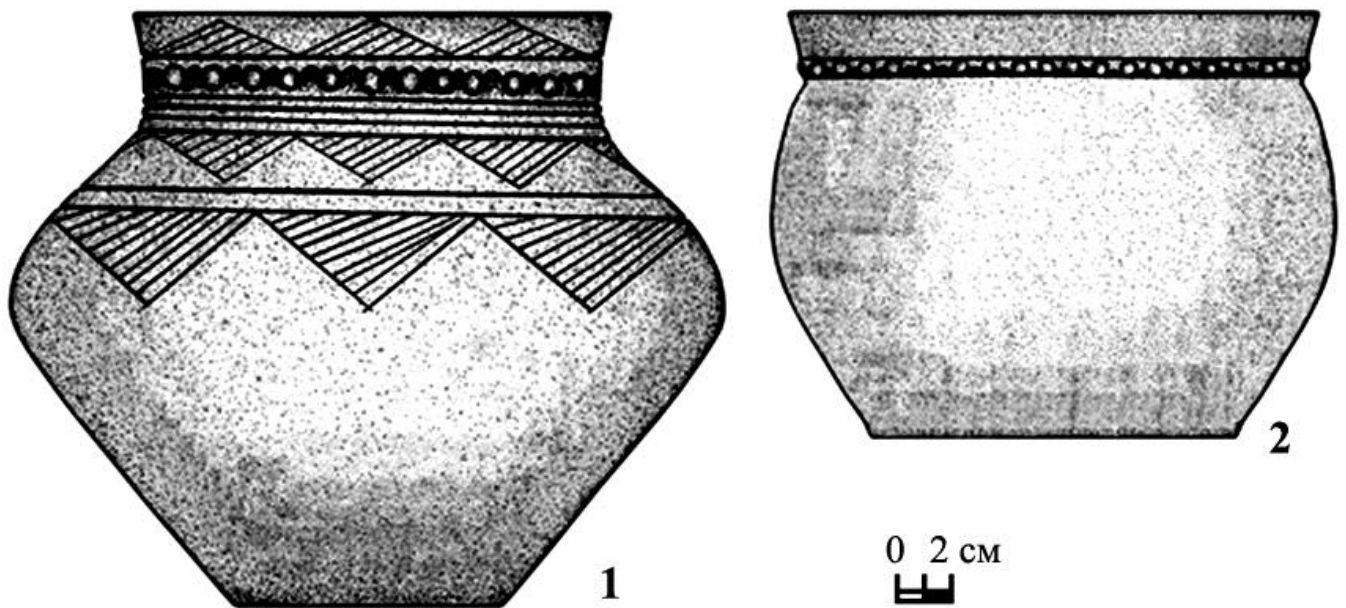
При раскопках комплекса археологических памятников Торопово-7, расположенного в долине среднего течения р. Касьмы, было открыто поселение ирменской археологической культуры, которое по найденным на нем артефактам датировано периодом поздней бронзы – началом перехода к раннему железному веку [Илюшин, Борисов, 2016, с. 104–109]. В процессе полевых исследований этого поселения выявлен и зафиксирован комплекс объектов и артефактов, который ранее на ирменских памятниках Касьминского археологического микрорайона не встречался, несмотря на то, что ирменские древности в этом регионе изучены в достаточно большом объеме [Илюшин, Ковалевский, 2005, с. 77–80; 2012, с. 61–82; и др.]. Цель настоящей работы – описать неординарные артефакты, выявленные на Торопово-7, и дать их культурно-историческую характеристику.

Поселение ирменской археологической культуры выявлено в северо-западной части комплекса археологических памятников Торопово-7, где на небольшой площади порядка 80 м² зафиксированы неординарные артефакты и сооружения. Среди объектов это двухкамерная полуземлянка, состоящая из жилого и хозяйственного помещений, соединенных между собой входом-коридором. Причем помещения построены по разным технологиям: жилое имело четырехугольный котлован и самонесущую конструкцию, а хозяйственное – неглубокий котлован и опорные (угловые и центральный) столбы удлиненно-четырёхугольной конструкции. В жилище зафиксированы захоронения взрослого мужчины и двух детей, а в хозяйственной пристройке – практически все кости скелета новорожденного (не более трех недель) теленка и остатки от двух перинатальных ягнят (захоронение?). В помещениях отсутствуют следы кострищ. Зафиксированы лишь следы неглубоких прокалов грунта, где выявлены развалы крупных керамических ваз с остатками мелких древесных углей. Не исключено, что это следы системы отопления помещений. По артефактам этот закрытый комплекс можно отнести к ирменской археологической культуре, но конструкция жилища, захоронения в нем людей и животных, а также система отопления являются уникальными для ирменских древностей в Кузнецкой котловине.

В нескольких метрах от северной стенки жилища рядом со входом зафиксирована культовая площадка, на которой были расположены три детских погребения и семь захоронений животных, а также орудия труда, изготовленные из бронзы (долото, топор, шило), и 13 сосудов, целых и во фрагментах. Многие из числа сохранившихся сосудов были установлены вверх дном. Костные останки детей 6–7, 3–4 и 11–12 лет располагались в южной части этой площадки. Рядом с ними находились остатки почти полных скелетов жертвенных животных, как минимум, 15 ягнят и двух телят. Необычным является их возрастной состав. Среди них найдены остатки только от двух сеголеток в возрасте 5–9 месяцев, остальные же вне зависимости от вида принадлежали пренатальным (разного срока развития) или неонатальным особям. Для уточнения эмбрионального возраста, а также разделения остатков пренатальных и неонатальных животных проведен анализ качественных и количественных особенностей костей с использованием разных способов и приемов идентификации возраста: аллометрических уравнений, возрастных таблиц, данных по срокам оссификации диафизов, эпифизов и апофизов трубчатых костей, формированию зубной системы [Evans,

Sack, 1973, с. 11–45; Martin, García-Gonzaleslez, 2015, 77–87; Prummel, 1987, с. 11–41; 1988, с. 13–26; Silver, 1963, с. 250–268; и др.]. Обобщение результатов, полученных разными методами, позволило установить, что возраст большинства из изученных образцов скелетов приходится на перинатальный период (предродовой и постродовой) – соответственно у овец 144–155 дней, у коров – 278–290 дней. Небольшая часть разрозненных остатков овец принадлежала четырехмесячным эмбрионам. С учетом того, что у обоих видов домашнего скота молодняк начинает появляться ранней весной, это дает основание считать, что ритуальные действия с их захоронением на культовой площадке происходили в конце зимы – начале или первой половине весны.

Поселение Торопово-7. Керамические сосуды с культовой площадки

Библиографический список

- Илюшин А.М., Борисов В.А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XXII. – Барнаул, 2016.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменские памятники в долине реки Касьмы // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. – Кемерово, 2012.
- Evans H.E., Sack W.O. Prenatal Development of Domestic and Laboratory Mammals: Growth Curves, External Features and Selected References // *Anatomy, Histology, Embryology*. – 1973. – №2.
- Martin P., García-Gonzaleslez R. Identifying sheep (*Ovis aries*) fetal remains in archaeological contexts // *Journal of Archaeological Science*. – 2015. – Vol. 64.
- Prummel W. Atlas for identification of foetal skeletal elements of Cattle, Horse, Sheep and Pig. Part 2 // *Archaeozoologica*. – 1987. – Vol. I (2).
- Prummel W. Atlas for identification of foetal skeletal elements of Cattle, Horse, Sheep and Pig. Part 3 // *Archaeozoologica*. – 1988. – Vol. II/1, 2.
- Silver I.A. The ageing of domestic animals // *Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research*. – New York, 1963.

Д.О. Осипов
Государственный исторический музей, Москва
ОБУВЬ И ДРУГИЕ КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ,
НАЙДЕННЫЕ ПРИ РАСКОПКАХ 2015–2017 гг.
НА МЕСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПАРКА В ЗАРЯДЬЕ

Охранные раскопки на месте парка Зарядье, строящегося на месте снесенной в 2006 г. гостиницы «Россия», проводились ИА РАН и ООО «Столичное археологическое бюро» с июля 2015 по февраль 2017 г. Исследуемая территория, расположенная в южной части Китай-города, на левом берегу Москвы-реки, отличается повышенной влажностью культурного слоя, что способствует хорошей сохранности органики. На семи раскопах общей площадью 572 м² было собрано 11 722 единиц «археологической кожи», основную часть из которых (63,4%) составляли обрезки от раскроя. Среди изделий из кожи доминирует обувь, изготовление которой в силу сложности и массового характера производства требует концентрации всех технических и технологических достижений эпохи. Визуальный осмотр изделий показал, что для выделки обуви чаще всего использовались шкуры крупного рогатого скота (КРС), обладавшие более высокой плотностью и упругостью. Они шли на выделку так называемого тяжелого товара – полувала. Мягкий товар (опоек, выросток), получавшийся из телячьих шкур, шел на изготовление деталей верха и других изделий. В единственном числе обнаружена вкладная стелька, изготовленная из кожи свиньи. Редкость обувных деталей из свиной шкуры связана с нерационально высокими затратами усилий при ее обработке.

Практически весь объем обувных деталей, датирующихся в пределах XIV–XVII вв., принадлежит к высокой обуви, представленной сапогами различных конструкций. Самые ранние модели сапог, имевших округлый носок, прямой обрез верха и короткие скошенные боковины, относятся к переходной конструкции, занимающей промежуточное положение между мягкой и жесткой обувью. От моделей древнерусского времени их отличает наличие дополнительных подкладок задника. В напластованиях последней четверти XV – начала XVI в. ожидаемо появляются сапоги с заостренным и вытянутым «копьевидным» носком, копирующим европейские *roulaine*. В отличие от европейской моды, регламентированной сословной принадлежностью их владельцев [Мерцалова, 1993, с. 205], длина носка русских сапог не достигает гипертрофированных размеров.

В напластованиях первой четверти XVI в. распространяются сапоги с загнутыми вверх носками подошв, вшитых в специальный вырез сапожной головки. Появление такого фасона обусловлено дальнейшим развитием жесткой конструкции, получившей полный поднаряд (подкладку). Треугольный вырез с загнутым носком и поперечным тиснением головки обеспечивал эластичность носка и препятствовал образованию грубых складок на подъеме стопы.

К редким находкам принадлежит сапог, найденный при расчистке колодца, заполнение которого датируется XVI в. Конструктивно он аналогичен описанному выше фасону с загнутыми носками. Судя по размеру, обувь принадлежала подростку. Уникальным является способ декора сапожного голенища, выполненный в технике мозаики. Фигурная вставка на передней части голенища выполнена в форме геральдической лилии (*fleur de lys*). В результате хроматографического анализа¹ было установлено, что мозаичная вставка и голенище изготовлены из кожи различного цвета. По верху голенища крепились декоративная оторочка из кожи или ткани. Цветная кожа и богатый декор этих сапог свидетельствуют о высоком социальном статусе их владельца.

---

¹ Принцип жидкостной хроматографии (*Highper for manceliquid chromatography*) состоит в разделении компонентов смеси, основанном на различии в равновесном распределении их между двумя несмешивающимися фазами, одна из которых неподвижна, а другая подвижна (элюент). Анализ выполнен с.н.с. Новосибирского института органической химии им. Н.Н. Ворожцова, к.х.н. Е.В. Карповой.

Техника декоративного оформления сапог близка традициям казанских татар, выраженным в хорошо организованном промысле, ставшем визитной карточкой казанских обувщиков [Саттарова, 2004, с. 7].

Проведенные в последнее время анализы археологической обуви [Осипов, 2017] позволяют выявить компоненты органических красителей, не сохранивших свой цвет при долгом залегании в грунте. Наличие следов красителей меняет наши представления о количестве цветной обуви и способствует снятию противоречий между данными письменных источников, изображениями кожаных изделий в древнерусском искусстве и археологическими реалиями.

Безусловный интерес представляет соколиный кlobuchok – кожаный наглазник для ловчей птицы, найденный в раскопе VI, в напластованиях рубежа XVI–XVII вв. Кlobuchok выкроен из целого куска козлиной кожи толщиной 1 мм (рис.).

Размеры выкройки с учетом незначительного усыхания кожи составляют 102 × 80 мм. По нижнему краю изделия проделаны прорезы, сквозь которые продеты остатки стягивающего кожаного ремешка

шириной 5 мм. Это второй наглазник, найденный в Москве. Первый был обнаружен в 2007 г. при раскопках ИА РАН на Подоле Боровицкого холма [Осипов, 2014, с. 97]. Ближайшей аналогией нашей находки является наглазник, найденный на Славенском раскопе Великого Новгорода в слоях 1-й трети XIV в. [Федоров и др., 2011, с. 199–211]. Исходя из размеров изделия и формы выреза под клюв, можно предположить, что он предназначался для самки¹ сапсана, самца челига (большого ястреба) или сокола-балобана.

Заключение. Повышенная влажность культурных напластований, способствующая хорошей сохранности органики, и ненарушенная стратиграфия культурного слоя существенно повышают ценность собранного материала. Обработка второй части коллекции «археологической кожи», накопленной при заключительном этапе раскопок Зарядья, подтверждает сделанные ранее выводы о времени появления и бытования определенных конструкций высокой обуви. Новые находки дополняют наши представления о жителях Великого Посада и являются важным источником для изучения бытовой культуры и уровня развития сапожного ремесла.

Наличие богато орнаментированной обуви и моделей, изготовленных из цветной кожи, а также атрибут для охоты с ловчими птицами подчеркивают высокий статус проживавшего здесь в XVI–XVII вв. населения.

Библиографический список

- Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. – М., 1993.
- Осипов Д.О. Коллекция изделий из кожи из раскопок ИА РАН 2016 г. в Московском Кремле // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – 2017 (в печати).
- Осипов Д.О. Обувь московской земли XIII–XVIII вв. (по материалам охранных археологических раскопок). – Тула, 2006.
- Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). – М., 2014.
- Саттарова Л.И. Казанская узорная кожа. – М., 2004.
- Федоров В.М., Матехина Т.С., Осипов Д.О. К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2011. – №6.

¹ Самки ловчих птиц значительно крупнее самцов.

А.К. Очередной¹, Л.Б. Вишняцкий¹, Е.В. Воскресенская², Н.Е. Зарецкая³,
А.В. Колесник⁴, А.В. Ларионова¹, П.Е. Нехорошев¹, К.Н. Степанова¹

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

²Институт географии РАН,

³Геологический институт РАН, Москва;

⁴Донецкий национальный университет, Донецк

ХРОНОСТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА РУССКОЙ РАВНИНЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-06-00139а «Стратифицированные среднепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины: хронология, геологическая корреляция, вариабельность и развитие каменных индустрий»; проект №17-06-00355а «Хроностратиграфическая корреляция и культурная дифференциация памятников позднего среднего палеолита Русской равнины на фоне природных изменений середины последнего ледниково-межледникового макроцикла»)

Постановка проблемы. В течение нескольких последних лет нами были получены определения возраста и стратиграфической позиции культурных слоев группы памятников с индустриями позднего среднего палеолита на Русской равнине. Применение комплексного геоархеологического анализа к каждому из памятников, а также массовое использование постоянно совершенствующихся методов абсолютного датирования (в первую очередь C^{14}) позволило обозначить группу памятников близких изохронов [Синицын, 2013] внутри МИС 3 с различными индустриями. На территории Восточной Европы (за исключением Крыма и Кавказа) такая работа, начатая еще в 70-е гг. прошлого века, осталась незавершенной, что привело к практически полному исключению основных стратифицированных среднепалеолитических памятников Русской равнины из научного оборота. Поэтому возвращение к комплексному изучению наиболее выразительных среднепалеолитических памятников Восточной Европы является базовым условием для исследования процессов смены палеогеографической обстановки в течение периода МИС 3 и начала МИС 2, приведших к окончанию среднепалеолитической эпохи и началу полного господства новых, верхнепалеолитических, технологий и, вероятно, новых вариантов адаптации к изменениям в окружающей среде на протяжении второй половины позднего плейстоцена.

Геология и геоморфология. Все надежно стратифицированные стоянки региона залегают как в отложениях лессово-почвенной серии, накопление которых происходило при участии склоновых и мерзлотных процессов различной интенсивности, так и в отложениях аллювиального генезиса. Последние могут быть представлены базальной, старичной или пойменной фациями аллювия, в которых (или на которых) могут формироваться серии погребенных почв. Таким образом, практически все стратифицированные среднепалеолитические памятники Русской равнины приурочены к присклоновым площадкам на этапе их перехода от поймы к террасе в режиме постоянного привноса материала с коренного склона (Хотылево I-6-2, КСГ 2, 3, 4; Бетово; Сухая Мечетка; Носово-I и др.). Между тем приуроченность памятников к погребенным террасам очевидна далеко не везде из-за массива покровных поздневалдайских отложений, нивелирующих террасовые уровни практически в каждом из микрорегионов Русской равнины [Воскресенская, 2016, с. 655].

Хронометрия и поиск реперных горизонтов. Для большинства памятников получены серии абсолютных дат (C^{14} : конвенциональный и AMS методы) по щелочным вытяжкам из гумусов, древесному углю и костным фрагментам. Также в 1999–2001 гг. на стоянке Шлях были использованы термолюминесцентный и палеомагнитный методы (последний позволил установить ряд реперных горизонтов посредством обнаружения палеомагнитных экскурсов [Нехорошев, 2006]). Большинство полученных дат варьирует в пределах от 25 до 50 тыс. л.н., что соответствует МИС 3 и границе с МИС 2 [Вишняцкий, 2016, с. 10–11; Otcherednoy et al., 2016, p. 26]. Поздние даты для Бетово (26–33 тыс. л.н.) показывают длительное сосуществование на Русской равнине средне- и верхнепалеолитических индустрий. Таким образом, при условии дальнейшего накопления массива серий абсолютных датировок, дополненного реперами в виде палеомагнитных экскурсов, выделением реперных горизонтов погребенных почв и других

отдельных реперов, таких, например, как вулканический пепел, наиболее полные разрезы со среднепалеолитическими комплексами должны быть превращены в опорные для своих регионов.

Технология, типология и степень сохранности. Все индустрии этих изохрон МИС 3 можно условно разделить на индустрии с двусторонне обработанными изделиями и соответствующим технологическим контекстом и индустрии с односторонними орудиями (Шлях, сл. 8, Бирючья балка 2, сл. 5б) [Нехорошев, 2009]. Кроме такого подразделения, можно проследить разницу на уровне технологий первичного расщепления, а также на уровне функционального облика каждой из индустрий. Однако в целом большинство комплексов можно отнести к так называемой микокской общности (Сухая Мечетка; Носово-І; Хотылево-І-6-2, КСГ 4; Бетово и др.). Степень сохранности всех известных стратифицированных комплексов может быть изучена только при условии продолжения полевых работ с использованием современных методов фиксации материалов. На основании новых раскопок можно констатировать, что сохранность комплексов варьирует между вполне удовлетворительной и соответствующей положению *in situ* (Хотылево-І-6-2, КСГ 2), в разной степени нарушенной процессами склонового смещения (Хотылево-І-6-2, КСГ 1, Шлях, сл. 8) и частично переотложенной (Бетово, гор. 2). Степень сохранности культурных слоев стоянок, современный этап изучения которых только начался, можно представить на основании связей ремонта изделий из новых (Шлях, раскоп 2, сл. 4С; раскоп 3, сл. 8) и старых коллекций и анализа сохранившейся и опубликованной документации (Носово-І, Рожок-І, Сухая Мечетка, Бирючья Балка-2) [Колесник, 2016].

Состояние и степень информативности стратифицированных среднепалеолитических комплексов эпохи МИС 3, выявленных на Русской равнине с начала 50-х гг. прошлого века, позволяет не только использовать их материалы для палеоэкологических реконструкций, но и рассматривать их в качестве базы для дальнейшего изучения среднепалеолитических комплексов Центральной и Восточной Европы и совершенствования методов изучения культурного слоя.

Библиографический список

Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К., Хоффекер Дж.Ф., Воскресенская Е.В., Нехорошев П.Е., Питулько В.В., Холлидэй В.Т. Возраст стоянок Хотылево-І и Бетово в свете результатов радиоуглеродного датирования (предварительное сообщение) // Записки ИИМК РАН. – 2015. – №12.

Воскресенская Е.В. Комплекс Хотылевских среднепалеолитических стоянок: палеогеография и хронология // Пути эволюционной географии : материалы Всерос. науч. конф., посвященной памяти проф. А.А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). – М., 2016.

Колесник А.В. Новые наблюдения над старой коллекцией (стоянка Носово в Приазовье) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016, Ноябрь. – №7–1 (160).

Нехорошев П.Е. Конец среднего палеолита на Русской равнине в свете материалов стоянки Шлях // Археологический альманах. Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. – 2009. – №20.

Нехорошев П.Е. Стоянка Шлях // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1: Каменный век. – Волгоград, 2006.

Синицын А.А. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). – СПб., 2013.

Otcherednoy A.K., Vishnyatsky L.B., Zaretskaya N.E., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Larionova A.V., Nekhoroshev P.E. Stratigraphy and radiocarbon chronology of three Late Middle Paleolithic sites in the Russian Plain. Preliminary workshop/excursion program of INQUA – SEQS Workshop «Bridging Europe and Asia: Quaternary stratigraphy and Paleolithic human occupation in Armenia and Southern Georgia». – Yerevan, 2016.

Г.Д. Павленок
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ФИНАЛЬНОГО
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАССЕЙНА РЕКИ СЕЛЕНГИ**

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда №14-50-00036

История изучения каменного века Западного Забайкалья насчитывает уже более ста лет, и ключевые события археологических изысканий на этой территории не единожды были опубликованы в крупных обобщающих работах [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Асеев, 2003]. Пристальный взгляд на задачи, которые исследователи решали в своих работах, позволяет выявить определенную динамику в развитии регионального палеолитоведения.

1. В конце XIX – начале XX в. основной задачей было обоснование присутствия на территории Западного Забайкалья комплексов каменного века как таковых. Первые находки каменного века относятся к концу XIX в. Интерпретация и публикация этих находок, а также собственных подъемных сборов Г.П. Сосновским, Ю.Д. Талько-Грынцевичем и Г.Ф. Дебецем легли в основу выделения на этой территории эпохи каменного века. Отметим, что все находки атрибутировались исследователями самым поздним этапом каменного века – неолитом [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Асеев, 2003; Ташак, 2005].

2. Новым словом в изучении археологии Западного Забайкалья, как и Сибири в целом, стали неоспоримые доказательства наличия памятников эпохи палеолита на этих территориях, полученные А.П. Окладниковым в результате многочисленных экспедиций и разведок [Окладников, 1959].

3. Открытие древнейших памятников каменного века в Западном Забайкалье при наличии более поздних материалов, обнаруженных ранее, стали основой для выделения двух отдельных эпох каменного века – палеолита и эпилеполита [Окладников, 1966].

4. Активное накопление археологических материалов позволило отдельным исследователям поставить вопрос о выделении промежуточной эпохи каменного века – мезолита. Однако необходимо отметить, что критерии выделения этого периода сильно разнятся у разных авторов [Константинов, 1994; Ташак, 2000, 2005].

5. Практически одновременно с обоснованием трехчленного деления каменного века (палеолит, мезолит и неолит) ставится вопрос о культурно-хронологическом разнообразии комплексов. Так, исследователи выделяют три археологические культуры, хронологически принадлежащие развитому и финальному верхнему палеолиту, мезолиту. Это студеновская, чикойская и селенгинская культуры [Константинов, 1994; Ташак, 2005].

6. Характерными чертами новейшего этапа развития палеолитоведения в регионе стали тенденция к отказу от выделения мезолитической эпохи, а также некоторая редакция прежних ареалов археологических культур финального верхнего палеолита и активный поиск истоков финальнопалеолитических индустрий [Мороз, 2014; Павленок, 2015].

Таким образом, мы наблюдаем, как вслед за накоплением материалов происходит все большая детализация проблематики исследований: от решения принципиального вопроса о наличии/отсутствии на территории Западного Забайкалья памятников каменного века до обоснования отдельных его периодов и выделения синхронных вариантов археологических культур в рамках одного периода.

В настоящий момент при изучении финальнопалеолитических индустрий Западного Забайкалья остается актуальной проблема культурного членения материалов [Павленок, 2015]. Особенно важным в этом контексте представляется систематическая публикация материалов многочисленных стратифицированных комплексов Северной Монголии [Деревянко и др., 2013], в том числе и материалов развитого и финального палеолита [Рыбин и др., 2016], которые могут иметь генетические связи с забайкальскими материалами. Действительно, естественные границы между территориями Западного Забайкалья

и Северной Монголии отсутствуют, что делало возможным свободное перемещение человеческих популяций в рамках единой речной системы Селенги. Подобная идея уже высказывалась ранее [Ташак, 2000], но в настоящий момент накопился значительный массив новых данных, что обеспечивает основу для будущих исследований. В частности, сейчас актуален вопрос о характере контактов древнего населения Западного Забайкалья с популяциями Северной Монголией в позднем и финальном палеолите [Павленок, 2015]. Для рассматриваемых территорий на этих этапах характерно доминирование микропластинчатого расщепления клиновидных нуклеусов в каменном производстве. Именно анализ микроиндустрий положен в основу выделения различных культур на территории Западного Забайкалья – студеновской [Константинов, 1994], селенгинской [Ташак, 2005; Павленок, 2015] и чикойской [Ташак, 2000; Мороз, 2014], а также усть-мензинского варианта позднего палеолита [Мороз, 2014]. Недавний обзор данных по каменным индустриям финального плейстоцена – раннего голоцена Северной Монголии также позволяет проследить присутствие нескольких традиций получения микропластин с клиновидных ядрищ [Деревянко и др., 2013]. Как следствие, в последних публикациях по этой теме прямо поставлена задача выявления природы технологических связей между разными финальнопалеолитическими культурами Западного Забайкалья и комплексами Северной Монголии [Рыбин и др., 2016; Хаценович и др., 2017]. И именно эта интересная и актуальная проблема станет объектом дальнейших детальных исследований.

Библиографический список

- Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск, 2003.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Гунчинсүрэн Б., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и Толбор-15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №4 (56).
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ ; Чита, 1994.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ, 2000.
- Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. – Чита, 2014.
- Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР. Сибирь и Средняя Азия // У истоков древних культур (эпоха мезолита). – М. ; Л., 1966. – (МИА; №126).
- Окладников А.П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник.– Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1.
- Павленок Г.Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего – позднего верхнего палеолита Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 16.
- Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ, 2005.
- Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. – Улан-Удэ, 2000.
- Хаценович А.М., Павленок Г.Д., Рыбин Е.П., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Маргад-Эрдэнэ Г. Мелко- и микропластинчатые индустрии позднего верхнего палеолита Северной Монголии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2017 (в печати).

К.К. Павленок
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ
ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ

Работа выполнена при поддержке грантов Российского научного фонда №14-50-00036 и РГНФ № 15-31-01000

На протяжении последних 20 лет сотрудниками ИАЭТ СО РАН ведутся комплексные исследования стратифицированных палеолитических памятников в предгорных и низко-, среднегорных районах запада Центральной Азии [Павленок и др., 2013]. Целями современного этапа изучения опорной стоянки Кульбулак, а также недавно обнаруженных стоянок Каттасай-1, 2 (все – Ташкентская область, Узбекистан), являются выявление и интерпретация вариабельности культурного развития на Памиро-Тянь-Шане в среднепалеолитическую эпоху. Наиболее значимые результаты были получены в ходе комплексного исследования слоя 12 стоянки Кульбулак в предгорьях Чаткальского хребта. При отсутствии абсолютных дат возраст слоя предварительно оценивается как превышающий 70 тыс. л.н. на основании единственной ОСЛ-даты 82 ± 6 т.л.н. для слоя 10 [Vandenberghe et al., 2014]. Комплекс стратиграфических и литогеохимических наблюдений позволил установить эолово-пролювиальный генез отложений слоя 12 [Девятова и др., 2016]. С активными фазами транспортировки седимента связано накопление прикровельной (слой 12.1) и приподошвенной (слой 12.3) частей слоя, где был зафиксирован многочисленный археологический материал. Средняя часть толщи (слой 12.2) является стерильной в археологическом отношении. При литогеохимическом изучении разреза Кульбулака было установлено, что слой 12.2 резко отличается от перекрывающих и подстилающих отложений по составу породообразующих элементов. Его показатели свидетельствуют о сухом и холодном климате, при котором происходило накопление карбонатов. В подслоях 12.1 и 12.3 содержание СаО ниже, и можно предположить, что климат был более теплым и влажным. Результаты исследования позволяют сделать предварительный вывод о наличии связи между эпизодами функционирования стоянки и климатической обстановкой в регионе. Также они косвенно указывают на значительный хронологический перерыв между накоплением отложений слоев 12.1 и 12.3, в течение которого происходили значимые культурные изменения, о чем свидетельствует состав каменных индустрий. Помимо общей пластинчатой направленности расщепления камня в индустриях слоев 12.1 и 12.3, их сближает присутствие унифасиально обработанных изделий, которые являются первыми находками этого типа на территории Памиро-Тянь-Шаня. Однако в слое 12.1 также присутствуют объемные и торцовые разновидности нуклеусов, орудия на пластинках, скребки и резцы верхнепалеолитического облика, которые отсутствуют в слое 12.3. Отделяет комплексы друг от друга и специфические категории инвентаря – изделия с оформленным черешком (только в слое 12.1), орудия с притуплением (только в слое 12.3). Эти различия свидетельствуют о индустриальной вариабельности среднепалеолитических комплексов Кульбулака.

Принципиально иной облик имеет материальный комплекс стоянки Каттасай-1 в среднегорном поясе Чаткальского хребта [Kot et al., 2014; Krajcarz et al., 2016]. Работы 2013–2015 гг. показали, что рыхлый седимент, слагающий разрез стоянки, сформировался в результате делювиального сноса. В отложениях была зафиксирована одна смещенная по склону, но не переотложенная и гомогенная в археологическом отношении концентрация каменных артефактов, что подтверждается несколькими десятками случаев ремонтжей. На основании нескольких взаимно проверяемых методов (ремонтаж, технологический и морфологический анализ артефактов) был определен функциональный тип стоянки и реконструирована технология камнеобработки, использовавшаяся ее обитателями. Установлено, что в индустрии проиллюстрированы все стадии каменного производства (от выбора сырья до изготовления орудий) с акцентом на первичном расщеплении, что указывает на использование изученного участка в качестве стоянки-мастерской. Главной чертой технологии расщепления, которая включает шесть последовательных операций,

является изначальное предопределение морфологии целевого снятия за счет подготовки рельефа и формы фронта нуклеуса, а также «рисунка» межфасеточных ребер не нем. Эта схема расщепления демонстрирует отчетливое сходство с леваллуазской [Kot at al., 2014]. В ходе датирования нескольких образцов моллюсков из культуросодержащих слоев 4b и 4c получена U/Th дата 38305 ± 1.016/–1.009 л.н. [Krajcarz at al., 2016]. В этот период в регионе были широко распространены комплексы раннего этапа кульбулакской верхнепалеолитической культуры [Колобова и др., 2016]. Таким образом, наблюдается синхронное существование на одной ограниченной территории носителей среднепалеолитической и верхнепалеолитической традиций. Эта ситуация подталкивает к возобновлению дискуссии о причинах и условиях культурной эволюции, причем не только в региональном контексте.

Существенно дополнить имеющиеся сведения о времени присутствия в регионе носителей леваллуазской традиции, условиях их существования и формах адаптации, вероятно, позволят междисциплинарные исследования памятника Каттасай-2. Он расположен на северо-западном склоне того же холма, что и Каттасай-1, на расстоянии 1 300 м от него [Krajcarz at al., 2016]. На месте обнаружения экспонированного археологического материала была заложена небольшая разведочная траншея, и в толще легкого лессовидного суглинка было обнаружено несколько каменных артефактов, в том числе остроконечник леваллуазской морфологии. Принципиально важно подчеркнуть, что слой 3b стоянки Каттасай-2 по положению в разрезе и литологии соответствует культуро-содержащему слою 4c Каттасай-1, что в перспективе даст возможность рассматривать две означенные стоянки как синхронно функционирующие, скорее всего, в рамках системы «мастерская – базовый/охотничий лагерь». Таким образом, продолжение археологических работ на стоянках Каттасай-1, 2 Западного Тянь-Шаня. Можно заключить, что новые материалы Кульбулака и стоянок Каттасай-1, 2 не только позволяют изучать самые разные аспекты культуры древнейшего населения Памиро-Тянь-Шаня, но и могут стать основой для создания принципиально иной, нелинейной схемы культурно-хронологического развития региона на этапе среднего палеолита.

Библиографический список

Девятова А.Ю., Павленок К.К., Лазарев С.Ю., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Когай С.А. Первый опыт литогеохимического исследования отложений стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2016.

Колобова К.А., Фляс Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №2.

Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Колобова К.А. Палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня в свете новейших открытий // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – Вып. 2.

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // Antiquity. – 2014. – URL: <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456>

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shneider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // Quaternary International. – 2016. – Vol. 399.

Vandenberghе D.A.G., Flас D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // Quaternary International. – 2014. – Vol. 324.

К.К. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ АДРИАТИКИ

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда №14-50-00036

Прибрежная зона Балканского полуострова играла особую роль в эпоху среднего палеолита, являясь своеобразным рефугиумом для растительных, животных и человеческих сообществ Европы во время похолоданий плейстоцена [Dogandžić, McPherron, Mihailović, 2014]. Несмотря на исключительную важность этой территории, степень ее археологической изученности не одинакова. На фоне давно и успешно исследуемых памятников в Далмации и Истрии (Хорватия) [Karavanic et al., 2014] палеолит Черногории долгое время, после масштабных работ в 70-е гг. XX в. на памятнике Црвена Стена [Црвена Стијена, 1975; Mihailović, 2014], оставался практически не охваченным вниманием исследователей.

Начиная с 2010 г. совместной российско-черногорской экспедицией ведутся комплексные исследования памятников каменного века. В рамках изучения регионального среднего палеолита основные усилия совместной экспедиции были направлены на исследование плейстоценовой толщи скального навеса Биоче. В конце прошлого века на стоянке проводились раскопки, которые дали основания для отнесения всей культурной последовательности стоянки к микромустьерской фации финального среднего палеолита, существовавшей во время стадии MIS 3 [Ђуриčić, 2006]. Исследованный раскопом 2010–2015 гг. участок стоянки Биоче вплотную прилегает к основной траншее прошлого этапа раскопок, но при этом располагается в глубине скального навеса, что обеспечивает хорошую сохранность культурных отложений. Они впервые были вскрыты на всю мощность вплоть до скального основания. На новом этапе исследования сформировано новое видение стратиграфии объекта и специфики ее материальных комплексов [Derevianko et al., 2016]. В разрезе стоянки мощностью более 5 м было выделено четыре основных литологических слоя. Анализ стратиграфии стоянки позволил сделать вывод о том, что заполнение навеса культурными отложениями представляло собой длительный процесс в различных условиях осадконакопления.

Основание разреза формирует тяжелый суглинок слоя 4, формирование которого происходило еще до вскрытия карстовой полости. С моментом ее вскрытия, когда навес стал доступен для обживания древним человеком, связаны отложения слоя 3. В генетическом отношении он представляет собой осадок подстилающего слоя 4, испытавший интенсивное механическое разрушение в субаэральных условиях. Технично-типологические показатели каменной индустрии слоя (использование схем простого параллельного, ортогонального и центростремительного раскалывания, наличие свидетельств применения леваллуазской техники, доминирование одно- и двухлезвийных скребел в инвентаре) в совокупности со стратиграфическими наблюдениями дали основание для их сопоставления с материалами слоев XXII–XVIII опорного для региона памятника Црвена Стена. Полученные результаты позволяют предварительно отнести комплекс к стадиям MIS 5c-b [Црвена Стијена, 1975; Mihailović, 2014].

Сильная опесчаненность осадка слоя 2, наличие разубоженных щебнистых отмоеток и мощная карбонатная цементация прикровельной части отложений свидетельствуют о формировании его в принципиально иных условиях и, возможно, на протяжении нескольких палеогеографических этапов. В индустрии слоя 2, наряду с типичными для индустрии слоя 3 элементами, фиксируются свидетельства серийного изготовления пластин и преобразование их в удлиненные остроконечники, скребла и ножи. По этому параметру индустрия близка коллекции слоя XVII стоянки Црвена Стена, принадлежащей стадии MIS 5a [Црвена Стијена, 1975; Mihailović, 2014].

Слой 1 представлен легким суглинком. На основании неравномерной насыщенности щебнистым материалом, разной степени гумусированности и цементированности карбонатами пачка отложений слоя была разбита на четыре подразделения (1.1–1.4). Отложения

характеризуются очень высоким содержанием неразложившегося органического детрита, что говорит о принципиально иных условиях формирования слоя и о длительности седиментационного перерыва между слоем 1 и нижележащими осадками. Серийное радиоуглеродное датирование образцов кости и угля из слоя 1 указало на то, что его накопление происходило в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2014]. С этими возрастными определениями хорошо согласуются результаты исследования тефрового горизонта, подстилающего пачку отложений слоя 1. Наличие зерен санидина однозначно указывает на вулканическое происхождение и щелочной состав продуцировавших его сплавов, что вкупе с характерной формой этих обломков и общей стратиграфической позицией горизонта указывает на соответствие тефрам Y-5, генезис которых связан с поздними стадиями кампанского извержения (около 39 тыс. л.н., калиброванный возраст). Данные по палинологии и палеонтологии не противоречат подобной хронологической атрибуции слоя. Состав полиморфизм слоя 1.3 указывает на сосуществование листовенничных ассоциаций с растительностью, относящихся к переувлажненным местам, что фиксирует относительно холодный период с сезонными контрастными колебаниями. Разнообразный видовой состав фауны из слоя 1, включающий представителей четырех отрядов: хоботных Proboscidea, хищных Carnivora, непарнопалых Perissodactyla и парнопалых Artiodactyla, отражает существование мозаичных ландшафтов. Установлено, что фауна Биоче существовала в интервале нестабильности климата определенно ранее максимума последнего оледенения (28,6–22,5 тыс. л.н.). В археологическом отношении слой 1 представляет собой последовательное наслоение остатков многочисленных визитов («palimpsest»). Структура каменной индустрии в полной мере соответствует стандартам микро-мустьерской фации региональной шкалы среднего палеолита. По большому количеству продольных и поперечных скребел, малому количеству орудий, изготовленных в технике леваллуа, использованию дорсальной чешуйчатой ретуши ансамбль слоя Биоче более всего соответствует мустье шарантского типа с обилием сработанных орудий.

В итоге 6-летнего цикла работ в скальном навесе Биоче был установлен значительно более древний возраст стоянки, чем считалось ранее, и культурная вариабельность среднепалеолитических комплексов получила хронологическое обоснование. Эти обстоятельства выводят навес Биоче в разряд опорных объектов при культурно-исторических реконструкциях древнейших этапов преистории Восточной Адриатики, наряду с классической последовательностью Црвены Стены.

Библиографический список

Деревянко А.П., Павленок К.К., Кандыба А.В. Финальное мустье Восточной Адриатики: каменная индустрия стоянки Биоче // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014. – Т. I.

Црвена Стијена. Зборникрадова. – Никшић, 1975.

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. Recent data on the Eastern Adriatic Middle Palaeolithic: BiočeRockshelter in Montenegro / Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 58th Annual Meeting in Budapest. – Budapest, 2016.

Dogandžić T., McPherron S., Mihailović D. Middle and Upper Paleolithic in the Balkans: continuities and discontinuities of human occupations // Palaeolithic and Mesolithic Research in the Central Balkans. – Belgrade, 2014.

Đuričić L.A. Contribution to Research on Bioče Mousterian // Journal of the Serbian Archaeological Society. – 2006. – Vol. 22.

Karavanic, I., Jankovic, I., James, A., Smith, F. Current research on the Middle Paleolithic cave, open-air and underwater sites in Dalmatia, Croatia // Dolní Věstonice Studies 20. – 2014.

Mihailović D. Palaeolithic in the Central Balkans: cultural changes and population movements. – Belgrade, 2014.

С.Е. Пантелеева
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
КЕРАМИКА ПЕТРОВСКОГО ТИПА С УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ
КАМЕННЫЙ АМБАР

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10332

«Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе:

от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)»)

Начиная с 70-х гг. прошлого века, когда были открыты петровские памятники Южного Зауралья и Северного Казахстана, не угасает интерес исследователей к изучению их керамических коллекций (результаты изложены в работах Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова, В.В. Евдокимова, Т.М. Потемкиной, В.В. Ткачева и других ученых). Современные представления об особенностях петровского гончарства основаны прежде всего на анализе материалов могильников. Поселения с петровской керамикой в основном известны по результатам разведочных работ, лишь на немногих из них проведены масштабные раскопки. Введение в научный оборот информации о керамическом комплексе одного из базовых поселений Южного Зауралья будет являться ценным вкладом в разработку данной проблематики.

Целью настоящего доклада является представление итогов изучения коллекции посуды петровского типа, которая была собрана в процессе многолетних раскопок укрепленного поселения Каменный Амбар, осуществленных в рамках российско-германского проекта [Корякова и др., 2011; *Multidisciplinary investigations...*, 2013]. Памятник содержит культурные остатки трех хронологических периодов: синташтинского, петровского и срубно-алакульского.

В результате детального анализа морфологических и орнаментальных особенностей сосудов было выделено восемь типов изделий. Основу комплекса составляют сосуды «классического» петровского облика – это горшки с прямой или слегка отогнутой шейкой, утолщением («воротничком») под венчиком, очень коротким плечом (за счет чего пространство между воротничком и краем плеча приобретает вид желобка), ребром или сглаженным ребром при переходе от плеча к тулову. Остальные типологические группы немногочисленны и представлены изделиями со смешанными признаками, в деталях форм и декора этих сосудов фиксируются черты, присущие другим керамическим традициям (синташтинской, алакульской, срубной).

Состав данной керамической коллекции позволяет сформулировать некоторые выводы о характере культурных взаимодействий и трансформаций, протекавших в регионе в первой трети II тыс. до н.э. Во-первых, прослеживается эволюционное развитие форм и декора сосудов по линии синташта-петровка-алакуль, что может свидетельствовать о генетической преемственности данных культурных образований. Во-вторых, выявлены группы сосудов, демонстрирующие изменения петровских стереотипов под влиянием срубного гончарства. Данное наблюдение позволяет предполагать наличие культурных контактов между петровским и раннесрубным населением и, соответственно, их одновременное сосуществование в Южном Зауралье на определенном временном отрезке. В-третьих, присутствие в одной коллекции сосудов, несущих такое разнообразие инокультурных проявлений (в том числе асинхронных), дает возможность говорить не только о сложности, но и о чрезвычайной динамичности культурно-генетических процессов в Южном Зауралье в начале позднего бронзового века.

Библиографический список

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2011. – №4 (48).

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia) / R. Krause and L.N. Koryakova (eds.). – Bonn, 2013.

И.Е. Пантюхина¹, Ю.Е. Вострецов²

¹Дальневосточный геологический институт,

²Институт истории, археологии и этнографии

народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПРИМОРЬЕ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ КРАХМАЛА

Распространение земледелия на территории Приморья связывают с зайсановской культурной традицией (ЗКТ), носители которой расселились из Северо-Восточного Китая в континентальную часть Приморского региона Дальнего Востока России около 5300 л.н. Начиная с раннего неолита Северного Китая (Пейлиган, Сишань) известны два вида культивируемых просяных культур – *Setāriaitālica*, *Panicum miliaceum*, которые около 8000 л.н. распространяются в западной части Северо-Восточного Китая. В континентальных районах Западного Приморья просо и чумиза появляются в интервале 5400–5200 л.н. в результате миграции земледельческого населения, вероятно, из бассейна р. Муданьцзян. Причиной расселения было ухудшение в континентальных районах агроклиматических условий для земледелия в период похолодания климата в интервале 5400–5200 л.н.

На поселении Кроуновка-1, в континентальном Приморье, методом флотации удалось установить, что зайсановское население культивировало три вида просовых злаков: *Setāriaitālica*, *Panicum miliaceum*, *Echinochloa crus-gall*, и масленичное растение *Perilla* sp. [Krounovka 1, 2004].

В результате следующего похолодания климата после рубежа 4900–4800 л.н. ранние земледельцы мигрируют из континентальных районов на морское побережье. Следы этой миграций обнаружены на полуострове Клерк в южном Приморье на долговременном поселении Клерк-5 в слое светло-коричневой супеси (СКС), который датируется 4600–4500 л.н. Археологические источники свидетельствуют о том, что его обитатели занимались охотой на земных и морских млекопитающих, рыбной ловлей, собиранием морских моллюсков, желудей, орехов, винограда, яблок и бобовых. Оставалось неясным, удалось ли носителям ЗКТ сохранить традицию культивации злаков в новых экологических условиях.

В поисках ответа мы обратились к активно развивающемуся методу археологии микроостатков – методу анализа ископаемого крахмала. Основой его являются уникальность комплекса морфометрических признаков гранул крахмала у различных растений и физико-химические свойства крахмала, которые позволяют ему сохраняться в течение длительного, даже по археологическим меркам, времени – до 170 000 лет. Сама методика сводится к сравнению морфометрических признаков ископаемого крахмала и крахмала современных видов растений, которые выступают в виде эталонов. В ряде случаев точность идентификации может достигать уровня вида, но чаще семейства или рода.

Отобрав несколько галек из слоя СКС, которые имели следы работы по мягкому материалу (определение Н.Н. Скакун), мы взяли с поверхности орудий водные пробы на содержание крахмала. Для контроля уровня загрязнения крахмалом из почвы (от разложившихся растений) были исследованы почвенные пробы. Результаты показали, что крахмал на орудиях является следами деятельности человека по обработке растений.

На следующем этапе была сформирована эталонная коллекция, в которую вошли культурные и дикие злаки: просовые (просо, пшено, чумиза, гаолян, ежовники, щетинники и др.), пшеницевые (ячмень культурный и дикий, пшеница, рожь, пырейники и др.), бобовые, желуди, дикоросы (папоротники, луковичные, клубневые).

Удалось идентифицировать три типа гранул крахмала: тип I относится к просовым злаками (*Panicaceae*), вид установить не удалось (рис.-1, 2, 5, 6); тип II предварительно

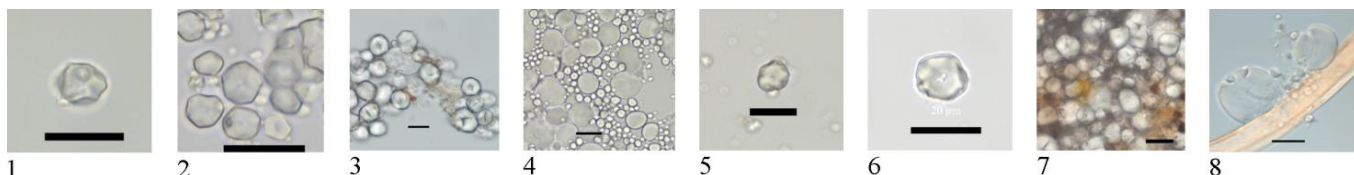
определен как гаолян (*Sorghumbicolor*) (рис.-3, 7); тип III идентифицирован как культурный ячмень (*Hordeumsp*) (рис.-4, 8).

Обнаружение просовых культур – вполне ожидаемый результат. Что касается гаоляна, то нам пока не известны публикации о находках карбонизированного гаоляна или его крахмала в Восточной Азии. Потому данное определение остается единичным.

Находка крахмала культурного ячменя является уникальной для этого времени, которая инициирует пересмотр традиционных представлений об эволюции земледелия в Восточной Азии, основанной на данных, полученных из флотации культурных отложений. В настоящее время сформировалось две точки зрения на появление культурного ячменя на территории Китая. Первая, традиционная, рассматривает окультуренный ячмень как пришедший с территории Ближнего Востока. Находки культурного крахмала на территории Северо-Западного Китая удревнили рубеж проникновения ячменя в Китай только до 4000 л.н. [Li et al., 2013].

Альтернативная теория основывается на последних филогенетических исследованиях ячменя, согласно которым дикие предки ближневосточной и тибетской форм ячменя разошлись около 3 млн л.н. С высокой степенью вероятности можно предполагать, что ячмень был одомашнен в Тибете и прилегающих районах, после чего распространился в районы с умеренным климатом [Dai et al., 2012]. В пользу этой теории говорят факты обнаружения крахмала, идентифицированного как ячмень (*Hordeumvulgare*), на орудиях из комплексов, датированных финалом плейстоцена – началом голоцена на территории Северо-Восточного Китая [Yang et al., 2013].

Таким образом, весь идентифицированный крахмал, представленный в этой работе, относится к злакам, которые в какое-то время стали актуальны в Азиатском регионе и приобрели пищевое значение. Этот факт можно рассматривать как свидетельство того, что первые земледельцы (носители зайсановской культурной традиции), пришедшие из континентальных районов Приморья и оставившие следы своей деятельности в слое СКС (4600–4500 л.н.), были знакомы с этими растениями, с традицией культивации злаков, обладали знаниями и навыками обработки зерна для лучшего усвоения и получения максимума энергии из углеводной пищи.

Эталонные (1–4) и ископаемые (5–8) зерна крахмала:
1 – *Setariaitalica*; 2 – *Panicum Miliaceum*; 3 – *Sorghum nervosum* [syn. *Sorghum bicolor*];
4 – *Hordeumsp*; 5–6 – ископаемый крахмал типа I; 7 – ископаемый крахмал типа II;
8 – ископаемый крахмал типа III. Масштабная линейка 20 мкм

Библиографический список

Dai F., Nevo E., Wu D., Comadran J., Zhou M., Qiu L., Chen Zh., Beiles A., Chen G., Zhang G. Tibet is one of the centers of domestication of cultivated barley // PNAS. – 2012. – 109.

Krounovka 1 Site. Excavation in 2002 and 2003 // Study on Environmental Changes of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System n Far East Asia. Eds. by Romoto and Obata. – Kumamoto, 2004.

Li M., Yang X., Ge Q., Ren X., Wan Z. Starch grains analysis of stone knives from Changning site, Qinghai Province, Northwest China, Journal of Archaeological Science (2013), Available from: https://www.researchgate.net/publication/257155084_Starch_grains_analysis_of_stone_knives_from_Changning_site_Qinghai_Province_Northwest_China.

Yang X., Perry L. Identification of ancient starch grains from the tribe Triticeae in the North China Plain // Journal of Archaeological Science 40. – 2013. – P. 3170–3177.

Д.В. Папин¹, В.Г. Ломан², А.С. Федорук¹
¹Алтайский государственный университет, Барнаул;
²Карагандинский государственный
университет им. Е.А. Букетова, Караганда
СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
(по материалам керамических комплексов)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

На территории Алтая известно около 20 поселений периода поздней бронзы, на которых зафиксировано наличие «круговой» посуды. Наибольший процент такой посуды в комплексах отмечается в регионе северной Кулунды в материалах «бурлинского типа» памятников, наиболее изученным из которых является поселение Бурла-3, где по результатам раскопок В.С. Удодова ее доля достигала 60%, а по результатам наших работ 2013–2015 гг. – существенно больше.

Важное значение для понимания феномена «бурлинского типа» памятников имеют результаты полевых исследований авторов в 2015 г. на поселение Бурла-3. На памятнике был исследован участок непосредственно связанный с гончарным производством. На это указывают находки остатков глиняных формовочных масс, теплотехническое сооружение, предназначавшееся для обжига готовых изделий, многочисленный производственный мусор (керамический шлак, оплавленное фрагменты сосудов, фрагменты костей, многочисленные скопления глины, обожженные в разной степени). Особо важным представляется наблюдение, что здесь происходил процесс изготовления именно «круговой» посуды. Собственно, этим фактом и можно объяснить аномально высокую, по сравнению с другими памятниками эпохи поздней бронзы региона, концентрацию данной керамики на поселении Бурла-3. Исходя из особенностей обнаруженных материалов, мы можем предположить, что производство керамики на круге было рассчитано не только для потребностей жителей поселка, но на «экспорт» за его пределы. Многочисленные находки керамического шлака в пределах всей жилой зоны поселения указывают, что производственная площадка занимала большую территорию и связана с краем террасы р. Бурла [Кирюшин, Папин, Федорук, Фролов, Редников, 2015]. Местной особенностью является изготовление сосудов лепным способом, с последующей подправкой на гончарном круге (определения В.Г. Ломана).

Подводя итог, отметим следующее: феномен появления в степном Алтае керамики изготовленной на гончарном круге относится к периоду поздней бронзы и маркирует вектор южных связей с населением земледельческих центров Средней Азии. На технологическом уровне производства керамики зафиксированы факты смешения местных и пришлых традиций. По-видимому, основным центром концентрации пришлого населения являлась долина р. Бурлы, но его воздействие было распространено на всю территорию региона Алтая и сопредельных территорий. Новое население не оказало существенного влияния на процессы культурогенеза, так как уже к финалу бронзового века эта традиция затухает.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А. Археологические исследования в степном Алтае в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXI. – Новосибирск, 2015.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994.

Т.С. Паршикова
Алтайский государственный университет, Барнаул
ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯМИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 1970-Е гг.

Работа выполнена за счет гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект
«Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В 1970-е гг. археологические памятники Алтая активно изучались не только местными сибирскими исследователями, но и специалистами из центральных научных учреждений Москвы и Ленинграда.

В начале десятилетия сотрудник Ленинградского отделения Института археологии Академии наук (ИА АН) СССР Я.А. Шер провел первые разведочные работы в зоне строительства Алейской оросительной системы. Начало многолетних аварийных исследований в районе строительства Гилевского водохранилища на Верхнем Алее приходится на 1971 г. Возглавил масштабные археологические работы сотрудник ИА АН СССР В.А. Могильников. В результате планомерных широких исследований отдельного микрорайона было выявлено и сохранено для науки огромное количество артефактов. Отличительной особенностью новостроечных работ является получение массового археологического материала, на основании которого в итоге стало возможным построение исторических реконструкций. Кроме этого, В.А. Могильников осуществил ряд исследований археологических памятников на территории Горного Алтая. Начиная с 1974 г. проведены обширные обследования по р. Бие с участием сотрудника Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадикова, а также по Чуйскому тракту. В результате выявлено множество новых объектов. Осуществлены раскопки курганов на памятниках Боротал, Алагаил, Курота, Кызыл-Джар и др. Исследования памятников в зоне Гилевского водохранилища и в Горном Алтае позволили В.А. Могильникову сделать важные выводы, касавшиеся вопросов этнокультурного развития кочевников Алтая.

В течение нескольких лет в регионе работала Алтайская экспедиция. В ее составе изучением и раскопками комплексов, относящихся к эпохе бронзы, занималась Н.Л. Членова. В 1969 г. и в 1970-х гг. она продолжила исследование памятника Камышенка (Усть-Пристанский район), начатое в 1930 г. С.М. Сергеевым. В 1970 и 1973 гг. раскопано 32 кургана. Памятник является наиболее исследованным курганным могильником ирменской культуры в Барнаульско-Бийском Приобье. Кроме этого, производилась разведка в районе базирования экспедиции, а также сбор подъемного материала различных хронологических периодов. Участниками экспедиции изучались археологические собрания местных школьных музеев.

В 1970 г. отряд под руководством Д.Г. Савинова занимался поиском и изучением объектов, относящихся к эпохе средневековья. Раскапывался могильник Осинки. Полученный материал введен в научный оборот, определена хронология памятника. На территории Горного Алтая осуществлялись разведки археологических объектов Сойлюгемской степи, а также планомерные изыскания комплекса Узунтал.

Таким образом, в 1970-е гг. археологами центральных научных учреждений страны организованы разнонаправленные и большие по объемам исследования на территории Алтайского региона. Значительная их часть осуществлялась в Горном Алтае, а также в предгорьях, что объясняется научными интересами отдельных специалистов, а также характером проводимых хозяйственных работ. В 1970-е гг. впервые в рамках аварийно-спасательных мероприятий проведены масштабные изыскания памятников в степной части Алтайского края. Исследования дали возможность не только сохранить множество объектов материальной культуры древнего населения, но и значительным образом расширить представления ученых о тех процессах, которые происходили на территории региона в древности и средневековье.

В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФИННОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Проблемы происхождения финноязычных народов России в последние десятилетия привлекают все больше внимания археологов, антропологов, генетиков, лингвистов. Результаты генетических исследований говорят о единых генетических кодах представителей индоевропейских и финноязычных народов, а языковеды отмечают древний общий пласт языковых особенностей в языках указанных групп народов [Niskanen, 1997; Куннар, 1997; Julku, 1997; Wiik, 1997], хотя на археологическом материале в недрах верхнепалеолитических общностей или отдельных археологических культур трудно уловить какие-либо этнические признаки финно-угорских или индоевропейских народов [Борисковский, 1984]. В эпоху мезолита на значительной территории расселения финно-угров выделяются культуры, содержащие яркие параллели в культурах Восточной и Центральной Европы. Бутовская культура в Волго-Окском регионе, по мнению исследователей, принадлежит к кругу постсвидерских культур Восточной Европы, а соседняя иеневская культура, наряду с культурами Фосна и Комса в Скандинавии, входит в постаренбургскую культурную общность [Кольцов, 1989, с. 73–76; Сорокин, 1991, с. 29–36]. На Верхней Волге выделена валдайская культура, на ранних этапах которой отмечены черты неманской и бутовской культур [Гурина, 1996]. Аренбургские или свидерские элементы отмечены на усть-камских и средневолжских памятниках [Никитин, 1996, с. 39].

Дискуссионными остаются проблемы определения этнической принадлежности племен культуры ямочно-гребенчатой керамики и участия в этногенетических процессах значительных групп населения с накольчатой керамикой [Халиков, 1969, с. 37 и сл.; Габяшев, 1976; Никитин, 1996, с. 103], а также о роли племен с гребенчатой керамикой, которая распространилась далеко на запад вплоть до Скандинавии и сыграла весьма значительную роль в этногенетических процессах в северных районах расселения финно-угров [Huurre, 1983]. Участие в формировании волосовской культуры волго-камского компонента, наряду с племенами культур ямочно-гребенчатой керамики и в какой-то мере, очевидно, верхневолжской [Крайнов, 1987], делает спорным тезис об этнической основе финноязычного населения в лице волосовского населения. В волосовской культуре проявляются многие общие финно-угорские черты. Тем не менее в недрах волосовских племен можно видеть прототипы ряда элементов материальной и духовной культуры более поздних финноязычных племен [Крайнов, 1987; Патрушев, 1984, с. 188].

Среди дискуссионных проблем происхождения финноязычных народов России об участии в этнокультурных процессах древних племен нерешенной остается вопрос о роли населения с «текстильной» керамикой. Автор полагает, что данное население стало основой всех финноязычных народов [Patrushev, 2000, p. 110–111]. Должен быть пересмотрен традиционный взгляд на происхождение волжских финнов: дьяковская и городецкая культуры формировались на основе поздняяковской культуры [Смирнов, 1974; Трубникова, 1959]; меря, мурома и мещера – на основе дьяковской [Голубева, 1987]; древние мари – на основе дьяковской [Бадер, 1951], городецкой [Смирнов, 1952] или городецкой и азелинской [Халиков, 1962; 1976; Архипов, 1973] культур. Необходимо внести коррективы: племена поздняяковской культуры ассимилированы населением с «текстильной» керамикой еще в X в. до н.э. [Бадер, Попова, 1987; Патрушев, 1992, с. 26, 64]; истоки как дьяковской, так и городецкой культур – в культуре «текстильной» керамики эпохи бронзы [Патрушев, 1992, с. 64–66]. На базе культуры «текстильной» керамики в результате смешения с племенами приказанско-ананьинского облика формировалась ахмыловская культура [Патрушев, 1989, с. 72–78]; предки мари, мери и муромы составляли общность волжских финнов ахмыловского облика (отделились от прибалтийских финнов и предков мордвы в середине I тыс. до н.э.) [Патрушев,

1992, с. 87–89, 142–143]. Предки мари формировались на основе ахмыловской культуры в середине I тыс. н.э. на базе памятников Березняковского типа в Волго-Очье [Патрушев, 1984, с. 202–203].

Библиографический список

- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. – Йошкар-Ола, 1973.
- Бадер О.Н. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. – 1951. – №2.
- Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.
- Борисковский П.И. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя // Палеолит СССР. – М., 1984.
- Габяшев Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья. – М., 1978.
- Голубева Л.А. Меря. Муром. Мещера // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987.
- Гурина Н.Н. Мезолит верховьев р. Волги // Мезолит СССР. – М., 1989.
- Кравцов А.Е. О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов) // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. – М., 1991.
- Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.
- Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. – М., 1989.
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. – Йошкар-Ола, 1996.
- Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. – Йошкар-Ола, 1984.
- Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. – Йошкар-Ола, 1989.
- Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.). – Йошкар-Ола, 1992.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья. – М., 1952. – (МИА, №28).
- Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. – М., 1974.
- Сорокин А.Н. Поздние памятники бутовской культуры и проблема генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Актуальные проблемы Волго-Окского мезолита. – М., 1991.
- Трубникова Н.В. К вопросу о происхождении городецкой культуры // КСИИМК. – 1991. – Вып. 85.
- Халиков А.Х. Очерки истории населения марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. – Т. II. – Йошкар-Ола, 1962.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
- Халиков А.Х. Об этнических основах марийского народа // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. – Йошкар-Ола, 1974.
- Huurre M. Pohjois-Pohjoimoonja Lapin esihistoria. I. – Kuusamo, 1983.
- Julku K. Eurooppa – ugrilaisten ja indoeurooppa laisten pelikentta // Itamerensuomi – eurooppalainen maa / Studia Historika Fenno-Ugrika. 2. – Oulu, 1997.
- Kynnär A. Uralilaisten kielten lantinen kontaktikentta // Itamerensuomi – eurooppalainen maa / Studia Historika Fenno-Ugrika. 2. – Oulu, 1997.
- Niskanen M. Itamerensuomalaisten alkupera fyysisen antropologian nakykulmasta // Itamerensuomi – eurooppalainen maa / Studia Historika Fenno-Ugrika. 2. – 1997.
- Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia/ Studia archeologica Fenno-Ugrica. I. – Oulu, 2000.
- Salo U. Ukko ukkosenjumala – Muinaissuomalaisten ukkosenjumalaja hanen indoeurooppalainen sukunsa // Itamerensuomi – eurooppalainen maa / Studia Historika Fenno-Ugrika. 2. – Oulu, 1997.
- Wiik K. Suomalaistyypista aantamista germaanisissa kielissa // Itamerensuomi – eurooppalainen maa / Studia Historika Fenno-Ugrika. 2. – Oulu, 1997.

А.С. Пахунов, Е.Г. Дэвлет
Институт археологии РАН, Москва
СПЛОШНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ СТЕН КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ:
ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ 17-31-00025 и 17-11-02603

Количество изображений в Каповой пещере оценивается исследователями по-разному, варьируя от 50 до более 200. Помимо изображений, достоверность которых не вызывает сомнений, на стенах представлено большое число нефигуративных красных и черных пятен. Как показало исследование черных следов, расположенных на потолке ниши в зале Рисунков, они относятся к XIX – началу XX в. [Дублянский и др., 2016], что еще раз указывает на необходимость выработки критериев, позволяющих достоверно отличать преднамеренно выполненное краской изображение от естественных образований.

На первом этапе работ для выявления и фиксации всех изображений и пятен в залах Купольный, Знаков, Хаоса и Рисунков была проведена сплошная фотосъемка стен с последующей фотограмметрической обработкой. Съемка производилась с использованием зеркальной фотокамеры и двух светодиодных панелей с высоким индексом цветопередачи, в результате чего были получены наборы бестеневых фотографий, содержащих порядка 50 изображений на участке протяженностью 5 м. Необходимость проведения работ в весеннее время диктовалась стремлением избежать появления многочисленных бликов от поверхностей стен, смоченных водой.

С целью разделения изображений и окрашенных пятен неопределенной природы после фотограмметрической обработки экспортировалась текстура, к которой применялись различные методы усиления цветового контраста. Были зафиксированы все поверхности стен на высоте до 4 м. В результате цифровой обработки всех текстур, проведенной с одинаковыми параметрами, выделены три группы типичных цветных объектов различного происхождения: во-первых, это доисторические изображения различного цвета; во-вторых, ожелезненные участки, в основном приуроченные к трещинам; в-третьих, остатки выполненных краской граффити. Типичный цвет ожелезнений красный (значения 3–5 в канале цветового тона пространства HSB), изображений – от темно-красного до фиолетового (значения 250–350 в канале цветового тона пространства HSB).

На некоторых изображениях отчетливо зафиксировано растекание краски, разделяющееся на насыщенную центральную часть, вокруг которой заметен ореол. Это характерно для зала Хаоса, где изображения выполнены по натечным корам кальцита и где процессы образования наслоений продолжаются и в настоящее время.

Тотальное документирование позволило обнаружить в зале Знаков ранее неизвестное изображение в начале серверной стены. На высоте 30 см от уровня пола на небольшом выступе располагается хорошо заметный геометрический знак треугольной формы. На плоскости справа от него выявлены красочные линии, компьютерная обработка позволила выполнить прорисовку, в которой узнаваем еще один аналогичный знак.

Фиксация поверхности стен большими площадями позволила по-новому оценить границы групп и отдельных изображений в зале Хаоса: на своде так называемой щели – сужающегося разлома, в котором пространство между полом и потолком не превышает 1,5 м, в левой части панно было обнаружено скопление красочных линий, являющихся частями изображений, не поддающихся реконструкции ввиду утраты значительных фрагментов. Рисунки на потолке выполнены по кальциту с параллельно-шестоватой структурой, что в условиях постоянного увлажнения приводит к его отслоению вместе с фрагментами краски. Типичным для данного панно является геометрический мотив «лесенки» – таких изображений в зале Хаоса ранее было известно три, благодаря высокому разрешению полученных в процессе работы снимков их количество возросло до четырех.

Применение фотограмметрии для сплошного документирования стен при первичном анализе позволило выявить новое изображение, а также зафиксировать различия в цвете

рисунков и естественных ожелезнений, уточнить границы групп и отдельных изображений на больших панно. Результаты работы оказались эффективно востребованными в процессе отбора образцов пигментов, сравнительный анализ которых позволит сформулировать критерии, разделяющие естественную и преднамеренную окрасченность.

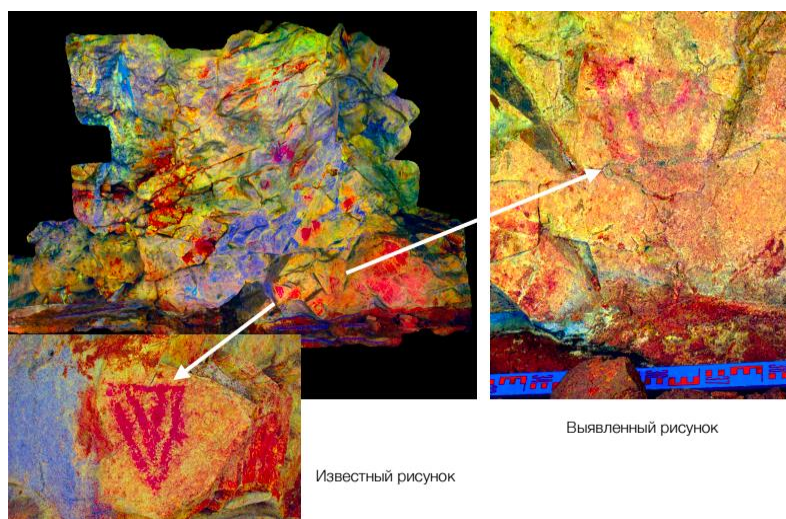

Рис. 1. Ранее известный и выявленный сходный геометрический знак треугольной формы, зал Знаков

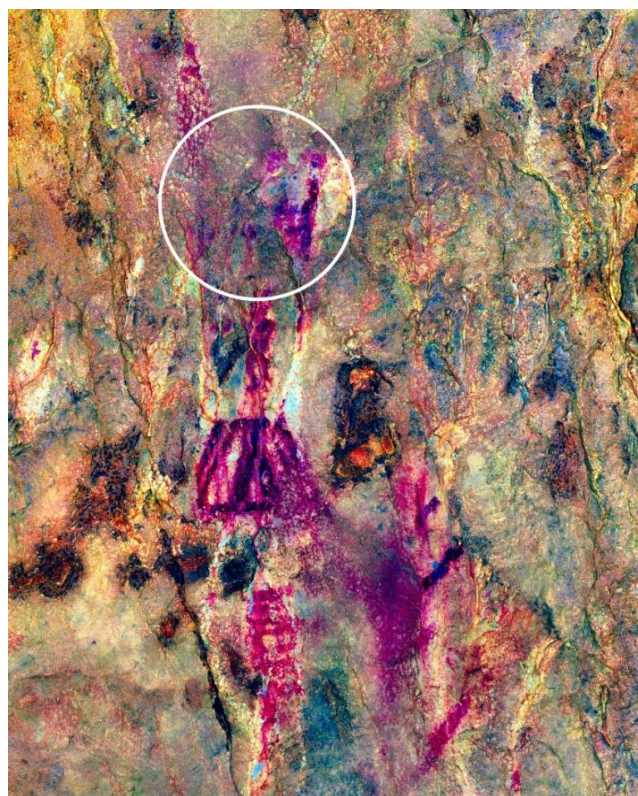

Рис. 2. Выявленные фрагменты деструктированного геометрического изображения, напоминающего по форме лесницу, зал Хаоса

Библиографический список

Дублянский Ю.В., Ляхницкий Ю.С., Житенев В.С., Шпётль К. // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра» : материалы Международного научного симпозиума. – Уфа, 2016.

П.А. Пашенцев
Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск
КОМПЛЕКСЫ НАБИЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(Северный Сахалин, эпоха палеометалла)

В результате археологических раскопок широкими площадями, проведенных в последние 15 лет в северной части острова Сахалин, выявлен ряд однотипных комплексов, (поселения Джимдан-5, Чайво-1, Лебединый-1, Аскасай-7, Стоянка Мыс Островной). Результатом этих работ явилось обоснование в ряде публикаций концепции *набильской* археологической культуры эпохи палеометалла I тыс. до н.э. [Василевский и др., 2010, с. 73–88; Дерюгин, 2010, с. 246–258; Василевский, Грищенко, 2011, с. 29–41].

Памятники *набильской* археологической культуры располагаются в северной части Сахалина – на восточном и западном побережьях острова. По особенностям топографии выделяются два типа объектов: 1) расположенные в прибрежной зоне моря и морских лагун (Старый Набиль-1, 2, Чайво-1, Лебединый-1, Бивачное-4, Сабо-1, Кадыланья и др.); 2) расположенные на речных террасах (Адо-Тымово-1, Ныш-1, Джимдан-5, Аскасай-7 и др.). Возможно также более дробное деление: 1.1) расположенные на морских косах; 1.2) расположенные в прибрежной части морских заливов; 2.1) расположенные в долине крупной реки Тымь на значительном удалении от морского берега; 2.2) расположенные на речных террасах небольших рек на незначительном удалении от морского побережья.

С топографией памятников связаны конструктивные особенности *набильских* жилищ. Среди них выделяются следующие типы: 1) жилища с примыкающей к основной камере конструкцией (второй камерой либо коридором-выходом) (Чайво-1, Стоянка Мыс Островной); 2) жилища без прилегающей конструкции (Джимдан-5, Аскасай-7). Общим для всех жилищ является наличие выраженных углов жилищных котлованов и очагов открытого типа. В большинстве изученных жилищ очаги несколько смещены от центра. Очажные пятна как правило аморфные. Исключением является очаг в жилище Стоянки Мыс Островной, пункт 7, который имел прямоугольную форму и две параллельных друг другу, округлые в разрезе канавки вдоль длинных сторон очажного пятна – по-видимому, остатки бревен в обкладке очага. Из иных особенностей *набильских* жилищ отметим наличие крупных ям, выкопанных в полах жилищ либо врезанных в стенки котлованов и служивших, вероятно, для хозяйственных целей (Джимдан-5, Чайво-1, Аскасай-7, Стоянка Мыс Островной), а также дополнительный контур обвязки одной из стен жилища на Стоянке Мыс Островной, пункт 7.

Находки металла в археологических комплексах Северного Сахалина редки и уникальны даже для позднейших эпох Средневековья и Нового времени, что объясняется повышенной агрессивностью гумусовых кислот в условиях бедных окислами кварцитов и морских песков, формирующих подзолистые почвы Северного Сахалина [Ивлев, 1977, с. 68]. В рамках *набильского* комплекса небольшие окислившиеся фрагменты железа обнаружены в жилище Стоянки Мыс Островной, пункт 7. В остальных *набильских* комплексах косвенным признаком использования железа является значительное преобладание фрагментов керамических изделий над каменными артефактами, что не характерно для предшествующих по времени неолитических комплексов.

Каменный инвентарь среди артефактов, сопровождающих *набильские* комплексы, немногочислен. Наиболее значительное количество и номенклатура каменного инвентаря отмечены на Стоянке Мыс Островной, что объясняется, вероятно, хозяйственной ориентацией указанного объекта. Памятник располагается вблизи протоки Пильтунского залива – места наибольшей концентрации ихтиомассы в нем [Земнухов, 2008, с. 14]. Интенсивная хозяйственная деятельность вызывала потребность в большом количестве хозяйственного инвентаря, что в условиях дефицита изделий из металла обусловило необходимость в изготовлении большого количества каменных изделий. Каменные

изделия выполнены в бифасиальной технике на местных породах сырья. Орудия представлены асимметрично листовидными бифасами малых и средних размеров, концевыми и дисковидными скребками, наконечниками метательных орудий с прямой и выемчатой базой. В комплексах *набильской* археологической культуры на Северном Сахалине обнаружены украшения (бусы и подвески) из янтаря и нефрита – материалов, месторождения которых отсутствуют на Северном Сахалине и, следовательно, имеющих импортный характер.

Керамика изготавливалась из глиняного сырья с мелкосортированным минеральным отощителем. Тулово собиралось способом ленточно-кольцевого налёпа по емкостной программе формовки. Внешние и внутренние поверхности сосудов заглажены твердым инструментом. Обжиг неравномерный, произведен в окислительном режиме. Цвет поверхности керамических фрагментов от бежево-серого до оранжево-коричневого. Керамика сильно фрагментирована, что объясняется низким качеством исходного сырья в условиях дефицита глин на Северном Сахалине. Керамические сосуды остродонные, с закрытым устьем, простой оваловидной формы. Керамика тонкостенная. Толщина стенки – 3–6 мм, придонной части – до 8 мм. Сосуды средних и малых размеров, широкогорлые, с округлыми либо слегка приплюснутыми туловами, с очень высокими и слабо выраженными плечиками. Днища большинства сосудов имеют характерные утолщения-«сосочки» в их экстремальной части. Венчики вогнуты вовнутрь сосудов или прямые. Они имеют овальные, прямые либо грибовидные с выступами-закраинами формы. Большинство сосудов орнаментированы. Декор размещается неширокой полосой непосредственно под венчиком, в верхней 1/4–1/6 части сосудов. Орнамент выполнен в штампованной, накольчатой и прочерченной техниках. Наиболее распространенным является гребенчатый тип орнаментации, выполненный зубчатым орнаментом. Стилистически орнаментальные композиции просты и лаконичны. Преобладающим узором являются несколько параллельных венчику горизонтальных линий и двухъярусный узор, где под описанным узором горизонтальных линий расположен ряд коротких наклонных оттисков.

Носители *набильской* археологической культуры в I тыс. до н.э. осваивают районы Северного Сахалина, проводя хозяйственную деятельность, ориентированную на добычу и потребление водных биоресурсов. При использовании железа в районах наиболее интенсивного промысла сохраняется традиция активного изготовления и использования каменных орудий. Наличие украшений из импортных материалов свидетельствует об обменных связях *набильского* населения с южными районами Сахалина и народами материковой части Дальнего Востока.

Библиографический список

Василевский А.А., Грищенко В.А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – Вып. 9. – Южно-Сахалинск, 2011.

Василевский А.А., Грищенко В.А., Федорчук В.Д., Можяев А.В. Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг. // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой / отв. ред. Н.А. Ключев, Ю.Е. Вострецов. – Владивосток, 2010.

Дерюгин В.А. Керамика тымского типа и вопросы классификации, периодизации керамических комплексов эпохи палеометалла Сахалина // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой / отв. ред. Н.А. Ключев, Ю.Е. Вострецов. – Владивосток, 2010.

Ивлев А.М. Особенности генезиса и биогеохимия почв Сахалина. – М., 1977.

Земнухов В.В. Ихтиофауна залива Пильтун: (Северо-Восточный Сахалин): состав, экология, происхождение : автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Владивосток, 2008.

А.А. Первухина
Курганский государственный университет, Курган
КЕРАМИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПАМЯТНИКА
«КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ Г. КУРГАНА XIX – НАЧАЛА XX В.» (предварительные итоги)

Памятник «Культурный слой г. Кургана XIX – начала XX в.» представляет собой уникальный источник информации о многих сферах жизни горожан г. Кургана прошлых веков. Памятник был открыт в 2005 г., за прошедшие 12 лет его исследования было собрано значительное количество археологического материала, иллюстрирующего материальную культуру населения города XIX – начала XX в. Керамика как самая многочисленная категория находок требует наиболее тщательного анализа. На этапе интерпретации найденных материалов мы столкнулись с отсутствием этнографических материалов и наличием малого количества письменных источников по истории гончарного дела в регионе. Изучение керамики традиционно строится на историко-типологическом методе. При анализе собрания керамики нами была использована типология русской керамики, разработанная Л.В. Татауровой [1998, с. 88]. На данный момент работа по типологизации еще ведется, поэтому хотелось бы остановиться на предварительных выводах без оглашения количественных и процентных показателей.

Подавляющее количество сосудов по форме венчика относятся к типу «горшок». В словаре Даля [1880, с. 391] горшком называется «округлый, глиняный сосуд различного вида, выжженный на огне». В целом все горшки плоскодонные, средних и малых размеров, со слабо или сильно отогнутым венчиком, с короткой шейей и высоким плечиком, сильно раздутым туловом. Изготовлены горшки были на ножном гончарном круге, обработаны заглаживанием поверхности, неполивные, часто встречается орнаментация лощением. Использовались горшки для приготовления горячей пищи, о чем свидетельствует нагар на значительном количестве фрагментов. В таких сосудах варили каши, супы, парили крупы, отваривали мясо и пр. Следующий по частоте встречаемости тип посуды имеет большой объем, открытую форму, прямостенность в верхней части сосуда. Такая форма соотносится с типом «латка». Даль отмечал, что данный тип посуды обозначался как «латка», «ладка», «плошка» – гончарная миска с крутыми прямыми боками [Даль, 1881, с. 244]. Латки имеют очень широкий функционал, они использовались для жарки, замеса теста, выпечки хлеба, сбивания масла, томления молока. Также встречен тип посуды «миска». В словаре Даля [1881, с. 336] сказано, что миска – это «чаша, в которой подают ко столу щи, похлебку». Практически все обнаруженные миски – поливные, что говорит об их более позднем относительно остальной посуды бытовании. Нами было встречено незначительное количество фрагментов, которые можно соотнести с типом «сковорода». В словаре Даля [1882, с. 205] говорится о применении сковород для «жаренья». Сосуды имеют вертикальные, слегка отогнутые ко дну стенки, диаметр дна чуть меньше диаметра венчика, низкую стенку. Сковороды или жаровни имели следующий функционал: жарка мяса, овощей, выпечка хлеба, блинов, пирогов.

Таким образом, мы имеем коллекцию русской керамики, состоящую из горшков, мисок и сковород. Хронологически мы привязываем данный набор посуды к XIX–XIX вв. Результаты данного исследования являются промежуточным этапом; на следующем работа будет строиться на выявлении письменных источников, рассматривается вариант наработки этнографического материала.

Библиографический список

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – СПб. ; М., 1880.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – СПб. ; М., 1881.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – СПб. ; М., 1882.
Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 3. – Новосибирск, 1998.

М.Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ:

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

С миграционными процессами в эпоху Великого переселения народов в Пермском Прикамье исследователи традиционно связывали появление курганных погребальных комплексов «харинского» типа, находя их истоки в Зауралье [Генинг, 1959; Голдина, 2004, с. 268–269] (историографию вопроса см.: [Перескоков, 2010]). При этом миграционные процессы всегда рассматривались как приток в Прикамье инородного населения, повлиявшего на этнический состав.

Современные данные показывают, что эти процессы были значительно сложнее и включали несколько миграционных волн, имеющих разные направления, причины и следствия.

Наиболее ранние миграционные процессы связаны с демографическим подъемом, который фиксируется на территории гляденовской культуры в первые века нашей эры. Благоприятный климат рубежа эр, развитие производящей экономики, основанной на скотоводстве в широкой пойме р. Камы [Перескоков, 2016], и внешнее спокойствие в регионе способствовали резкому увеличению количества населения. Это привело к перенаселению широкой камской поймы и вызвало внутренние миграционные процессы в среде гляденовского населения, которое начинает активно осваивать ранее слабозаселенные бассейны крупных притоков р. Камы – Сылвы и Чусовой, и более мелких притоков – Обвы, Туйско-Гаревского поречья, Косьвы [Перескоков, 2013а]. Этот процесс четко документируется резким увеличением количества памятников в указанный период, а также появлением поздних костяк – специфических святилищ гляденовской культуры (Ильинское, Панкрашинское, Останинское, Усть-Туйское, Гаревское, Слепушка) [Лепихин, 2007, с. 109–112].

В III в. в Прикамье появляются погребения с ременной гарнитурой и вооружением позднесарматского облика (ряд погребений Ошкинского, Тарасовского, Тураевского и Мокинского могильника), которые можно соотнести с «всадническим» горизонтом позднесарматской культуры. Появление данных комплексов можно связать с началом более глубокой интеграции Прикамья в товарообменные процессы со степным населением.

Постепенное ухудшение и увлажнение климата, которое достигло своего пика в конце IV – V в. н.э., вероятно, привело к постепенному сокращению необходимого для скотоводства ресурса – широкой камской поймы, которая стала заболачиваться [Перескоков, 2016, с. 176]. Это привело к борьбе за оставшиеся пойменные территории между гляденовскими общинами и породило еще один всплеск миграционных процессов. Происходит дальнейшее освоение притоков р. Камы вверх по течению. Так, к концу IV – началу V в. н.э. происходит окончательное оформление всех локальных вариантов позднего этапа гляденовской культуры [Перескоков, 2013б]. Археологически этот процесс сопровождается резким появлением большого количества городищ, которые располагаются по периметру участков долин рек. Некоторые, наиболее крупные городища имеют сложную систему укреплений, включающую от двух до шести валов и рвов. На памятниках бассейна р. Сылвы и Чусовой появляются комплексы с преобладанием гребенчатой керамики, характерные для центрального (пермского) варианта культуры. К началу V в. н.э. гляденовское население полностью покидает бассейн р. Тулвы (это подтверждается материалами Кудашевского могильника), а к началу VI в. н.э. покидает и основную территорию гляденовской культуры – район г. Перми, где располагалось Гляденовское костыще – крупнейший культовый центр гляденовского населения.

В третьей четверти IV в. н.э. на территорию Прикамья проникают небольшие группы тяжеловооруженных воинов, оставившие погребения под курганными насыпями с большим количеством вооружения, конского снаряжения, отнесенные мною к культурно-хронологическому горизонту Тураево-Кудаш [Перескоков, 2013а, с. 22–23; Перескоков, 2014]. В ареале гляденовской культуры погребения этого горизонта датируют верхнюю границу могильника (например, на Кудашевском могильнике) на тех территориях, которые в конце IV в. были покинуты населением. На вновь освоенных территориях (Туйско-Гаревское поречье, Сылвенско-Иренское поречье), погребения, относящиеся к горизонту, являются наиболее ранними в погребальных памятниках финала гляденовской и ранне-средневековых культур (ломоватовской и неволинской), сформировавшихся на ее основе. Наиболее ярко этот процесс фиксируется в Мокинском могильнике (III – начало VI в. н.э.), где погребения, относящиеся к этому горизонту, расположены в центральной части могильника. Пришлые воины, оставившие эти погребальные комплексы, заняли доминирующую позицию в позднегляденовском обществе, что изменило социальную структуру населения. Принесенный пришельцами курганный погребальный обряд, вероятно, сначала был связан с потомками пришлых воинов (могильники «харинского» типа), а затем слился с местным обрядом сооружения «домиков мертвых» и стал статусным, а не этническим признаком, и к VII в. растворился в местной погребальной традиции грунтовых захоронений. Население позднего этапа гляденовской культуры продвигается на запад, к верховьям р. Чепца, где участвует в формировании полумской культуры, а также на север, в бассейны рек Печора и Вычегда, где участвует в формировании ванвиздинской культуры [Перескоков, 2013а, с. 25].

Никаких миграций западносибирского населения на территорию Прикамья по археологическим источникам на сегодняшний день не фиксируется.

Таким образом, миграции на территории Прикамья в эпоху Великого переселения народов представляют сложное сочетание разновекторных процессов, имеющих как разные причины, так и различные последствия. Концепция одностороннего проникновения в Пермское Прикамье групп зауральского населения, оставившего курганные могильники, современными данными не подтверждается.

Библиографический список

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. – Вып. 2. – Казань, 1959.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 2004.

Лепихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Березники, 2007.

Перескоков М.Л. Основные итоги и проблемы изучения памятников финала раннего железного века Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2010. – Вып. 1 (12).

Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013а. – Вып. 1 (21).

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013б.

Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. II. – Казань, 2014.

Перескоков М.Л. Некоторые итоги изучения хозяйства населения гляденовской культуры Пермского Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Ижевск, 2016.

Ф.Н. Петров

Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим», Челябинск
ЛЕВОБОЕРЕЖНОЕ (СИНТАШТА II): МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Поселение находится в степном Зауралье, расположено на левом берегу р. Синташта, напротив поселка Комсомольский Брединского района Челябинской области. Было открыто в 1989 г. в результате дешифровки аэрофотоснимков И.М. Батаниной, впервые осмотрено на местности в 1990 г. Н.М. Меньшениным, предварительно обследовано в 1994 г. под руководством А.Д. Таирова. Решениями Челябинского облсовета от 1992 г. и Законодательного собрания Челябинской области от 1998 г. включено в состав охраняемого комплекса памятников так называемой «Страны городов» эпохи бронзы, а также внесено в Государственный реестр объектов культурного наследия. С 2015 г. поселение исследуется отрядом археологической экспедиции Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» под руководством автора, в работе принимают участие сотрудники Н.С. Батанина (УНЦ ЧелГУ), В.В. Носкевич (Институт геофизики УрО РАН), отряд клуба юных археологов «Формика» (руководитель – С.В. Марков) и волонтеры.

Площадка поселения существенно повреждена в результате современной хозяйственной деятельности: через его восточную часть проведена асфальтированная дорога, в результате строительства которой в 1980-е гг. было уничтожено около трети от общей площади памятника. Южная часть поселения повреждена песчаным карьером.

Первоначальный облик поселения реконструируется на основании аэрофотоснимков 1957 и 1976 гг. Оно имело подпрямоугольную форму, вытянуто в широтном направлении, размеры 175 × 105 м и площадь около 16 тыс. кв. м. Структура памятника образована двумя параллельными широтными рядами меридионально вытянутых жилищных впадин, расположенных непосредственно друг за другом; всего в обоих рядах фиксируется до 23 впадин. Центральная ось поселения проходит по «улице», проходящей между северным и южным рядами впадин. С наружной стороны оба ряда впадин окружены валом, представляющим собой развал общей внешней стены жилищ поселения, за ним прослеживаются углубления заплывшего рва. В северной части памятника сразу за рвом фиксируется небольшое поднятие второго внешнего вала. В центральной части поселения пересекают меридиональный ров и вал, разделяющие его на две не совсем равные части.

Выполненная Н.С. Батаниной тахеометрическая съемка поселения и построенные на базе этой съемки 3D-модели микрорельефа дневной поверхности памятника позволили привязать данные аэрофотоснимков к современному рельефу. В результате этих работ удалось уверенно определить на местности расположение пяти жилищных впадин в западной и центральной частях северного ряда, две впадины в западной части и одна – в восточной части южного ряда, выявить существенные участки первого внешнего вала и рва, отдельные фрагменты второго внешнего вала, меридиональные вал и ров.

Изучение памятника было продолжено геофизическими методами. В юго-западной части поселения был выделен и очищен от современного металлического мусора участок площадью 700 кв. м, его микромагнитная съемка выполнена В.В. Носкевичем с использованием градиентометра ММПГ-1 по сети 0,5 × 0,5 м. На полученной карте магнитных аномалий дешифрируется четкий контур подпрямоугольного котлована жилища 1, фрагмент котлована жилища 2, основание внешней стены и ров; в центре жилища 1 определено местоположение колодца.

Четыре шурфа, заложенные в разных частях поселения на межжилищном пространстве, выявили наличие в основном однородного культурного слоя, сложенного плотной темно-серой супесью, представляющей собой, по определению почвоведов А.С. Якимова (Институт проблем освоения Севера СО РАН), засоленный грунт с характерной столбчатой структурой.

В 2016 г. в юго-западной части поселения, на территории, исследованной с помощью микромагнитной съемки, был заложен раскоп площадью 80 кв. м. Вскрыт фрагмент центральной «улицы» поселения и примыкающая к нему торцевая часть котлована

жилища 1, фрагмент котлована жилища 2 и участок межжилищного пространства с двумя неглубокими ямами и значительными следами горения.

Торцевая часть котлована жилища 1 имеет ширину 9 м и слегка скругленные подпрямоугольные углы, глубина котлована в материке – до 0,6 м. Вдоль торцевой стенки в котловане жилища зафиксировано 33 столбовые ямки, отражающие, вероятно, неоднократные перестройки или заселения жилища в котловане с использованием одного и того же архитектурного принципа строительства жилищной конструкции с опорой на ряды деревянных столбов. Фрагмент котлована жилища 2, идущего параллельно котловану жилища 1, но существенно дальше заходящего на территорию так называемой «улицы», также имеет глубину 0,6 м, однако в нем не обнаружено ни одной столбовой ямки, что свидетельствует об использовании иного архитектурного принципа. В расположении 13 столбовых ямок на межжилищном пространстве можно увидеть следы трех почти параллельных субширотных рядов столбовых конструкций, возможно, оставшихся от примыкавших к жилищу 1 навесов или изгородей либо являющихся свидетельствами существования еще одного жилища, не имеющего котлована, в отличие от жилищ 1 и 2.

Заполнение котлованов обоих жилищ подобно друг другу, на примыкающих к стенкам котлованов предматериковых участках фиксируется слой серо-коричневой гумусированной супеси, а основное заполнение образовано темно-серой гумусированной супесью; в котловане жилища 1 вдоль его западного края залегает золистый слой мощностью до 0,35 м.

У ямы 2, расположенной в юго-восточной части раскопа на межжилищном пространстве и содержащей в себе значительные следы горения, зафиксировано пристроенное углубление, в котором обнаружены костные остатки туши молодой овцы (определение П.А. Косинцева, Институт экологии растений и животных УрО РАН).

Основную часть коллекции с поселения составляют почти 700 фрагментов керамических сосудов ручной лепки, среди которых нами были выделены три культурно-хронологические группы: сосуды синташтинско-петровского времени – 25% от культурно-определимой керамики, черкаскульского типа – 45%, межовского типа – 30%.

Изучение планиграфического и стратиграфического распределения керамики в культурном слое поселения пока не позволило однозначно связать определенные слои или конструкции с той или иной группой керамики, однако можно зафиксировать, что на дне котлована жилища 2 залегает керамика межовского облика, хотя выше, в заполнении, присутствуют фрагменты сосудов синташтинско-петровского времени, что является очевидным случаем так называемой «обратной стратиграфии» и отражает следы перекопов.

Коллекция металлических предметов состоит из двух небольших слитков, пластины и трех капель. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа, проведенного в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН, показали, что одна из капель состоит из медно-мышьяковистого сплава, еще одна – из свинцово-медного сплава, остальные предметы – из меди, при этом в двух из них фиксируется заметная доля мышьяка.

Найдены фрагменты девяти шлаковых лепешек, в том числе с закраинами. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа, выполненного М.Н. Анкушевым (Институт минералогии УрО РАН), позволили установить, что большинство шлаков хромитсодержащие, что свидетельствует об ультраосновной рудовмещающей породе.

Коллекция каменных предметов включает в себя 11 галечных лощил, в основном изготовленных из кварцевых галек (авторы петрографических определений – А.Л. Шохин и В.В. Богатырев). В раскопе обнаружено значительное количество макроорудий, классификация которых осуществлена С.Я. Зданович, в их числе: 4 абразива из песчаника, молоток для дробления из кварцита, лощило по металлу из кремнистой породы и др.

Результаты анализа П.А. Косинцевым остеологических остатков, обнаруженных в 2015 г., показывают следующее распределение: 43% принадлежат крупному рогатому скоту, 29% – лошади, 19% – мелкому рогатому скоту и 9% – сурку. Коллекция 2016 г. еще в обработке.

Изучение поселения и его окружи будет продолжено в 2017 г. и далее, программа комплексных исследований памятника рассчитана еще не менее чем на 5 лет работы.

Н.Ю. Петрова
Государственный исторический музей, Москва
РАННЯЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОЙ ДЖЕЗИРЫ
(Северный Ирак)

На территории Ирака раскопано около десятка памятников, относящихся к периоду раннего керамического неолита. Однако только некоторые из них подвергались технологическому изучению. Это поселения телль Сотто, Кюль-тепе и Ярымтепе-I, расположенные в Синджарской долине недалеко от г. Телль-Афар в Северном Ираке. Раскопки на них производились советской экспедицией под руководством Р.М. Мунчаева, Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера в 1969–1980 гг. [Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1989]. Памятники отражают все известные на сегодняшний день стадии развития раннего керамического неолита в регионе: период протохассуны (телль Сотто, Кюльтепе, самые нижние горизонты Ярымтепе-I), архаической хассуны, и период стандартной хассуны при значительном влиянии на нее более южной самарской культуры (Ярымтепе-I). Изучением технологии изготовления керамики памятников телль Сотто и Кюльтепе занимались А.А. Бобринский [1989, 2006] и М. Ле Мьер [Бадер, Ле Мьер, 2008], а поселения Ярымтепе-I – автор с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [Петрова, 2012; 2016].

Традиции широкого использования природной глины с различными органическими добавками берут свое начало на Ближнем Востоке со строительства жилых и хозяйственных помещений, изготовления антропоморфных и зооморфных статуэток и т.п. У местной глиняной посуды также были свои предшественники: на памятниках более раннего времени известны сосуды из гипса, изготовленные с помощью налепной технологии. Помимо этого, на поселении Магзалия, относящемся к докерамическому неолиту, найден необожженный сосуд-хранилище [Бадер, 1989, с. 62].

Древнейшие керамические сосуды относятся к периоду протохассуны и демонстрируют уже достаточно развитые технологические традиции. Для их изготовления в большинстве случаев использовалась высокопластичная сильно- и среднежелезненная глина, к которой добавлялся навоз крупного и мелкого рогатого скота в очень значительной концентрации – 40–70%, часто в сочетании с органическими растворами. На поселении Ярымтепе-I в единичном количестве встречаются сосуды без примеси навоза [Бобринский, 2006, с. 415; Петрова, 2016, с. 51–52]. По мнению М. Ле Мьер, 95% керамического материала поселения телль Сотто составляет керамика с крупными растительными примесями [Бадер, Ле Мьер, 2008, с. 30]. При конструировании менее крупных и менее грубых сосудов использовались лоскуты, оторванные от жгутов с последующим их выбиванием на форме-основе, а для более грубых изделий использовались жгуты. Заглаживание производилось пучком травы, а затем кожей. Поверхность примерно половины менее крупных и грубых сосудов орнаментировалась красной краской, различными налечами, изредка покрывалась ангобом, иногда ложились. Более крупные и грубые сосуды обычно не орнаментировались.

Переход от протохассуны к архаической хассуне фиксируется автором на поселении Ярымтепе-I, начиная с 10-го горизонта. Он соответствует окончанию 3-го строительного яруса, выделенного В.А. Башиловым, О.Г. Большаковым и А.В. Куза [Башилов, Большаков, Куза, 1980; Башилов, Большаков, 2002]. Этот переход знаменуется различными изменениями в гончарной технологии. Преобладающим исходным сырьем становится среднепластичная, средне- или слабожелезненная глина. В качестве искусственной примеси примерно в половине сосудов присутствует только навоз мелкого рогатого скота в концентрации 20–40%, остальные сосуды изготовлены из чистой глины. В обоих случаях происходит смена способа конструирования изделий: в преобладающем большинстве случаев зафиксирован двуслойный лоскутный налеп. Появляется заглаживание, предположительно, тканью. В орнаментации керамики, наряду с сохранением предшествующих традиций, добавляются новшества, вероятно, связанные с инокультурным влиянием: встречаются коричневая краска

и резной орнамент. Интересно, что состав краски при этом остается прежним, так как после повторного обжига при температуре 850 °С краска вновь приобретает красный цвет. Это указывает на то, что данные сосуды обжигались при более низких температурах для достижения необходимого эффекта. Орнаментированы практически все изделия, за исключением самых грубых. В 10-м горизонте впервые зафиксированы остатки гончарного горна с вертикальным током горячих газов [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 75; Цетлин, 2004, с. 412–413].

В период стандартной хассуны, выделенный на памятнике Ярымтепе-I авторами раскопок с 7-го горизонта, керамика по своим технологическим особенностям не сильно отличается от предшествующего периода. В качестве сырья по-прежнему преобладает использование среднепластичной, среднежелезненной глины, изредка встречаются сосуды из нежелезненной глины. Примерно половина изделий изготавливается с примесью навоза мелкого рогатого скота, но в еще меньшей концентрации – 10–20%, а другая – из чистой глины. В конструировании продолжает использоваться двуслойный лоскутный налеп. Сосуды в основном орнаментируются примерно поровну красной и коричневой краской, иногда резьбой, большинство ангобировано. В 7-м горизонте меняется состав коричневой краски, к нему добавляются какие-то новые ингредиенты, и ее цвет после повторного обжига уже не меняется.

Примерно с 5-го горизонта на памятнике появляется керамика самаррской культуры. Для ее изготовления используется высокопластичная глина разной ожелезненности, в основном без искусственных включений, но встречаются и фрагменты с примесью навоза мелкого рогатого скота в небольшой концентрации (примерно 10–20%). При конструировании также используется двуслойный лоскутный налеп. Сосуды самаррской культуры орнаментированы коричневой краской, иногда резьбой. Изредка встречается ангобирование.

Технологическое изучение керамических коллекций раннеолитических памятников региона позволило установить конкретные технико-технологические традиции керамического производства, которые демонстрируют неразрывную связь процесса изготовления керамики с предшествующими технологиями, опробованными на других материалах и для других целей. Кроме того, были прослежены во времени различные культурные изменения, причиной которых стали разнообразные процессы смешения, шедшие как внутри самого хассунского населения, так и с носителями более южной самаррской культуры в течение столетий. В период образования 10–9-х горизонтов (или начиная с 4-го яруса) происходят заметные изменения в большинстве гончарных традиций. Это может быть связано с притоком на поселение Ярымтепе-I нового населения.

Библиографический список

- Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М., 1989.
- Бадер Н.О., Ле Мьер М. От докерамического к керамическому неолиту в Синджаре: начало протохассуны // Проблемы современной археологии : сборник памяти В.А. Башилова. – М., 2008.
- Башилов В.А., Большаков О.Г. Хассунское поселение Ярымтепе I в Северном Ираке. Ярус 3 // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. – М., 2002.
- Бобринский А.А. Технологическая характеристика керамики из телья Сотто Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М., 1989.
- Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 4. – Самара, 2006.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. – М., 1981.
- Петрова Н.Ю. Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I // РА. – 2012. – №2.
- Петрова Н.Ю. Технологическое изучение керамики поселения Ярымтепе I (периоды протохассуны и архаической Хассуны) // КСИА. –2016. – №242.
- Цетлин Ю.Б. Гончарный горн на памятнике Телль Хазна I // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. – М., 2004.

Волжская дельта – самая большая речная дельта Европы, своеобразная природная территория со своими естественными условиями, в соответствии с которыми происходила деятельность человека, ее населяющего. Дельта формируется р. Волгой и ее крупными рукавами – реками Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Расстояние между западным и восточным рукавами дельты составляет 170 км; в ней насчитывается до 800 русел, протоков и мелких речек [Атлас..., 1997, с. 4]. Периодические регрессии уровня Каспийского моря приводили к осушению обширных участков морского дна, создавая удобные для жизни человека территории. Эти процессы находят подтверждение и в археологических материалах.

Так, в XI–XII вв., в период существования области Саксин, уровень Каспийского моря фиксируется на отметках –32 и –31 м по БС (современный уровень –27 м по БС). Это позволило человеку активно использовать территорию дельты, изобилующую лугами и мелкими протоками. До недавнего времени считалось, что низовья Волги в домонгольский период были практически не заселены [Васильев и др., 2003, с. 83]. Единственным памятником предмонгольского периода до конца 1990-х гг. считалось Самосдельское городище. Однако археологические разведки, проведенные в волжской дельте в последние два десятилетия, крайне изменили понимание этого периода. К настоящему времени известно уже несколько десятков поселений, относящихся к XI–XII вв., и два крупных города – городища Самосдельское и Мошаик [Васильев, 2016, с. 153; Ситдииков, 2013, с. 157].

К началу XIII в. ситуация на Нижней Волге меняется, происходит постепенный подъем уровня Каспийского моря (до –26 м по БС), что, естественно, значительно уменьшает заселенную территорию. В этот же период происходит освоение Нижнего Поволжья монголами, которые сделали его центром своего государства. На первом этапе активного градостроительства здесь не наблюдается, монголами использовались населенные пункты области Саксин. Это фиксируется в материалах исследований крупных городских центров – городищ Самосдельское и Мошаик. Часть сельских поселений, расположенных в дельтовой зоне и доживших до золотоордынского времени, также продолжают свою деятельность вплоть до конца XIV в. [Мирсияпов, 2008, с. 5–16]. В XIII в. появилось лишь несколько новых, собственно золотоордынских населенных пунктов: столичный город Сарай, Красноярское городище и, возможно, городища Шаренный бугор (Хаджи Тархан) и Ахтубинское. В этот период происходило становление и оформление золотоордынской государственности, еще не были сформированы торгово-транспортные сети, административно-территориальное разделение, не получила развития местная промышленность. Большая часть степного населения вела кочевой или полукочевой образ жизни.

Меняется ситуация в нижеволжских степях к началу XIV в., в этот период продолжается подъем уровня Каспийского моря (до –25 м по БС), что приводит к уменьшению комфортной дельтовой территории и выдавливанию населения в степи и Волго-Ахтубинскую пойму. К этому периоду заканчивается оформление государственно-административной структуры Улуса. С приходом к власти хана Узбека происходят кардинальные изменения в Золотой Орде. Время его правления характеризуется возникновением большого количества новых населенных пунктов, в том числе и новой столицы – Сарай ал-Джедид, и ростом территории уже существовавших городов. Активная урбанизация, происходившая на Нижней Волге, приток туда огромной массы нового населения из Хорезма и Закавказья приводят к появлению непрерывной полосы оседлости, состоящей из небольших городов и поселков [Егоров, 2009, с. 77].

В настоящее время на территории южной (дельтовой) части Астраханской области известно свыше 60 поселений или усадебных комплексов и шесть городищ: Селитренное, Красноярское, Ахтубинское, Мошаик, Шаренный бугор, Самосдельское [Пигарев, 2010,

с. 347–350; Скисов, 2014, с. 69–74]. Из них Селитренное городище является остатками столицы Улуса Джучи, крупнейшим его городом Сарай (ал-Махруса, ал-Джедид). Вокруг городских центров, как старых (городища Самосдельское и Мошаик), так и вновь построенных, оформляются округа, состоящие из многочисленных сельских поселений и их могильников. Такие конгломерации превращались в экономические микрорегионы, образующие административно-территориальную структуру нижневолжского ханского домена.

Поход Тимура в 1395–1396 гг. и последующие политические и экономические кризисы 1-й половины XV в. привели к распаду единого государства и образованию на его территории в XVI в. нескольких ханств, одним из которых являлось Астраханское.

Тем не менее, несмотря на кризисы и регрессивное состояние, Золотоордынское государство продолжало существовать на протяжении всего XV в. При резком снижении торгово-экономических связей часть населенных пунктов, безусловно, приходит в запустение. Однако нумизматический материал, идущий с Селитренного городища, Хаджи Тархана, Каменного бугра и Мошаика, позволяет говорить о сохраняющемся на Нижней Волге общегосударственном экономическом центре [Зайцев, 2004, с. 17, 28; Гончаров, 1997, с. 177–188; Гречкина и др., 2013, с. 98; Лебедев, Клоков, 2004, с. 23–75; Пигарев, 2015, с. 14–18], а сохранение городских центров невозможно без сохранения их сельской округи. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении всего XV в. в низовьях Волги продолжала существовать система золотоордынских городов и поселений, сформировавшаяся в XIII–XIV вв.

Библиографический список

Васильев Д.В. Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. – Донецк, 2003.

Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIV века города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – 1997. – №5.

Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В., Скисов С.Ю. Новые нумизматические материалы полевого сезона 2013 года // Астраханские краеведческие чтения. – Вып. V. – Астрахань, 2013.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Изд. 2-е. – М., 2009.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2004.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая и его округи после 1395 г // Древности Поволжья и других регионов. – Вып. V.– М. ; Н. Новгород, 2004. – Т. 4.

Мирсияпов И.Ю. Отчет о разведках археологических памятников в Икрянинском районе Астраханской области в 2007 г. – Йошкар-Ола, 2008.

Пигарев Е.М. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия : материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань, 2010.

Пигарев Е.М. Археологическое исследование Каменного бугра в 2014 году // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – №2.

Ситдииков А.Г. Отчет об археологических раскопках на городище Мошаик в Приволжском районе Астраханской области в 2011–2012 гг. – Казань, 2013. – Т. 1.

Скисов С.Ю. Золотоордынские памятники в северной части дельты Волги. Новые материалы // Астраханские краеведческие чтения. – Вып. VI. – Астрахань, 2014.

А.С. Пилипенко^{1,2,3}, И.В. Пилипенко¹, Д.В. Папин^{2,4},
С.В. Черданцев^{1,2}, В.И. Молодин^{2,3}, Р.О. Трапезов^{1,2}

¹Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул

РАЗНООБРАЗИЕ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК ОВЕЦ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА СИБИРИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Развитие методов палеогенетики позволяет проводить молекулярно-генетическое исследование останков животных из археологических памятников, существенно расширяя спектр информации, получаемой из палеозоологических материалов.

В рамках данного исследования проведен палеогенетический анализ останков овец из археологических памятников нескольких районов юга Сибири, относящихся к широкому хронологическому периоду – от ранней бронзы до раннего железного века. В качестве основного маркера использована митохондриальная ДНК (мтДНК), позволяющая фиксировать временную динамику генетического состава животных. Исследованы образцы, относящиеся к доандроновской бронзе (одиновская и кротовская культуры), андроновскому времени, периоду поздней бронзы, переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку из нескольких районов юга Сибири – Барабинская лесостепь, Кулундинская степь, Горный Алтай, Минусинская котловина.

В суммарной выборке (более 70 образцов) были обнаружены четыре из пяти известных гаплогрупп мтДНК овец – А, В, С, D. Доминирующее положение по частоте занимают варианты А и В гаплогрупп. Гаплогруппа С представлена с существенно более низкой частотой, гаплогруппа D – единичными образцами. Анализ распределения вариантов по локально-территориальным и хронологическим группам позволил выявить ряд закономерностей. Установлено доминирование гаплогруппы А, наиболее характерной для восточной части Евразии, у овец из памятников доандроновской бронзы (одиновская, кротовская). В период миграции андроновского населения на юг Сибири происходит увеличение разнообразия гаплогрупп мтДНК в генофонде овец. Резко увеличивается частота гаплогруппы В (доминирует во многих группах), появляются линии гаплогрупп С и D. Гаплогруппа В доминирует у овец западной части Евразии. Таким образом, подтверждается западное, относительно юга Сибири, происхождение скота (как и мигрирующих популяций человека). Подобная картина сохраняется и в последующие периоды поздней бронзы.

Миграционные потоки из более южных регионов (Казахстан, Средняя Азия) на юг Сибири в переходное от эпохи бронзы к раннему железу время (представлено в работе материалами из городища Чича-1 в Барабинской лесостепи) также маркируются изменением в структуре генофонда мтДНК овец: происходит увеличение частоты редкой до этого периода гаплогруппы С. Филогеографический анализ указывает на их возможное проникновение из более южных районов – Средней Азии. Это согласуется с полученными нами ранее результатами по анализу генофонда мтДНК популяции человека из городища Чича-1.

Таким образом, получены данные, позволяющие независимыми методами маркировать миграционные потоки населения на юг Сибири, опираясь на генетические характеристики domesticiрованных животных.

А.С. Пилипенко^{1,2,3}, С.В. Черданцев^{1,2}, Н.В. Полосьмак², В.И. Молодин^{2,3},
Р.О. Трапезов^{1,2}, М.А. Балабанова⁴, А.А. Журавлев^{1,2}, Д.В. Поздняков²

¹Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁴Волгоградский государственный университет, Волгоград

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ (скифское и гунно-сарматское время)

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

С 1-й половины I тыс. до н.э. на обширных пространствах евразийского степного пояса происходит формирование многочисленных групп ранних кочевников. Эти группы доминировали в Центральной Евразии и сопредельных регионах на протяжении скифского и гунно-сарматского времени, а их потомки оказали существенное влияние на этнокультурные и демографические процессы в последующие периоды, вплоть до формирования генетического состава современного коренного населения многих регионов Евразии. Южная Сибирь и прилегающие территории Центральной Азии являлись одним из важных центров становления и развития ранних кочевников. Наш коллектив осуществляет масштабное исследование структуры генофонда ранних кочевников скифского и гунно-сарматского времени из различных районов Южной Сибири. Наиболее репрезентативные серии индивидов исследованы для пазырыкской культуры Горного Алтая, тагарской культуры Минусинской котловины, хунну Забайкалья. Небольшие серии индивидов исследованы для других этнокультурных групп рассматриваемых периодов. В качестве сравнительного материала мы использовали собственные данные о структуре генофонда мтДНК сарматов Нижнего Поволжья и литературные данные о генетическом составе населения скифского и гунно-сарматского времени из западных районов евразийского степного пояса. Генетическая структура популяций оценивалась по составу генофонда митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосомы. Суммарно нами выполнено исследование более 300 образцов мтДНК и более 50 образцов Y-хромосомы.

Полученные результаты свидетельствуют, что локальные группы населения Южной Сибири скифского времени сформировались независимо от синхронных групп ранних кочевников из западных районов степного пояса Евразии. В состав их генофонда вошли компоненты как западноевразийского, так и восточноевразийского происхождения. Западно-евразийские компоненты, по-видимому, были привнесены в Южную Сибирь с миграционными волнами в эпоху бронзы. Важно отметить, что группы ранних кочевников скифского времени из разных районов степного пояса демонстрируют высокое сходство по структуре генофонда мтДНК. При этом структура генофонда Y-хромосомы, вероятно, отличается более существенно. Среди современных коренных популяций наибольшее сходство с населением Южной Сибири скифского времени демонстрируют некоторые тюркоязычные группы.

Хунну Забайкалья демонстрируют принципиально отличающуюся структуру генофонда мтДНК, в частности резкое доминирование восточноевразийских вариантов центральноазиатского происхождения. Генофонд хунну сближает их с группами современного монголоязычного населения исследуемого региона. Распространение влияния хунну за пределы основного ареала в некоторых регионах сопровождалось их генетическим влиянием (Тува), а в других регионах, по-видимому, носило преимущественно политический и культурный характер (Горный Алтай, Минусинская котловина).

Я.Е. Пискарева
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО МОХЭСКИХ ПЛЕМЕН ПРИМОРЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

О дальневосточных племенах мохэ, создавших государство Бохай в конце VII в н.э., известно из летописных, эпиграфических и археологических источников. Китайская летопись «Цзю тан шу» районами их проживания называет земли, граничащие на западе с тюрками, на юге с Гаоли, а на севере с шивэй [Ивлиев, 2005, с. 450]. Мохэсцы, таким образом, испытали влияние и кочевых империй, и китайских государств (Северная Вэй, Суй, затем Тан), и государств Корейского полуострова (Когурё, Пэкче и Силла) [Ивлиев, 2005, с. 450]. Никаких конкретных упоминаний о наличии у мохэсцев городов в летописях нет. Есть лишь косвенные свидетельства, указывающие на высокий уровень социально-экономического развития отдельных племен, при котором градостроительство было вполне возможным.

Археологическими исследованиями выявлены около двух десятков мохэских городищ в Приморье, их исследованиями занимались В.И. Болдин, О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев, Н.Н. Крадин, Ю.Г. Никитин, С.А. Сакмаров. Но не все городища могут быть полноценными источниками: ни на одном, кроме Синельниковского не проведены раскопки, а о принадлежности некоторых из них к мохэской культуре можно говорить лишь предположительно.

Все известные мохэские городища, в какой бы географической провинции они ни находились, неизменно занимают господствующие высоты. Планиграфия памятников очень простая: отсутствуют башни, внутренний город, ворота с захабом и т.п. Основные типобразующие признаки – это размер городища и конфигурация фортификационных сооружений (валов и рвов). По своим размерным параметрам большинство из них попадают в категорию «малых», средние и крупные присутствуют в единичном количестве. Подтипы выделяются по способу сооружения вала, который мог быть построен из земли или камня.

Тип 1. Малые городища с разомкнутым контуром укреплений. К этому типу относятся городища небольших размеров, у которых укрепления (валы и рвы) строились с одной или двух сторон. Такие памятники располагали на вершинах небольших сопков, мысах, выступах террас, отгораживая доступные участки валом, остальная территория была ограничена естественными препятствиями. Выделяются два подтипа: с земляным валом (Можаев Ключ, Таловское, Борисовское и Андреанов Ключ) и с каменным (городище на мысе Тепло, Дубровинское и Усть-Соболевское городища). Причем эти памятники располагаются в разных географических зонах: первые – в центральных и южных районах края, вторые – только на севере.

Тип 2. Малые городища с сомкнутым контуром укреплений. К памятникам этого типа относятся Константиновка-4, Павловка-2 и Павловка-3, возможно, также городище Агзани, расположенное на правобережье р. Бикин.

Тип 3. Средние городища с разомкнутым контуром укреплений. К этому типу можно отнести городища Новоселищенское, Синельниковское, Васьковское. Первые два памятника относятся к подтипу городищ с земляным валом, а у Васьковского городища вал каменный. Укрепления Новоселищенского городища представлены двумя валами и рвом. Один вал перегораживал узкую оконечность мыса от юго-западного до северо-восточного склона, а второй пересекал широкую часть мыса. Синельниковское городище считается уникальным для Приморья: здесь впервые удалось стратиграфически зафиксировать смену мохэской культуры на бохайскую [Болдин, 2002, с. 181]. Раскопки вала показали, что сначала он был сооружен мохэсцами и был земляным, укрепленным снаружи крупными камнями, а впоследствии был достроен каменными блоками [Болдин и др., 1999, с. 260].

Тип 4. Средние городища с сомкнутым контуром укреплений. К этому типу относится городище Криничное в Ханкайском районе Приморья. Памятник занимает пологий склон горного отрога и обнесен валом высотой 0,4–1,2 м, с двух сторон от вала есть рвы глубиной 0,4–1,2 м. Вал замкнутый, не имеет разрывов, ворота отсутствуют, зафиксировано лишь понижение на южной части вала [Археологические..., 2014, с. 363]. Площадь Криничного в 2 раза больше Новоселищенского, и оно более «густозаселенное»: насчитывается 100 западин в пределах вала и две западины рядом с городской стеной [Археологические..., 2014, с. 363].

Тип 5. Большое городище с разомкнутой системой укреплений. К этому типу относится единственное крупное мохэское городище – Петровское. Площадь памятника – около 7 га [Археологические..., 2008, с. 350]. Петровское городище существенно отличается от других мохэских городищ усложненной системой укреплений (присутствует внутренний город, отделенный двойным валом) и высотой валов, достигающих 2 м [Мезенцев, Бурдонов, 2007, с. 61–66].

Несмотря на небольшое количество известных на сегодняшний день мохэских городищ в южном Приморье, можно говорить об определенных различиях памятников, расположенных в разных регионах. Такие памятники, как Криничное городище, Новоселищенское, Петровское, производят впечатление долгосрочных, хорошо обжитых поселений, в отличие от крепостей среднего течения р. Суйфун, скорее, являвшихся убежищами или фортами для небольшого гарнизона. Исследователи этих городищ предполагают, что сооружение таких укреплений может быть связано с появлением в данном регионе бохайцев и неизбежными военными конфликтами между местным населением и пришлым [Болдин, 2002, с. 184; Никитин, 2000, с. 151].

Что касается времени появления городищ мохэ, то судить об этом сложно в связи с недостаточностью данных. Судя по керамике, такие памятники, как Синельниковское городище и Криничное, не могли возникнуть ранее конца VI–VII вв. Синельниковское городище, вероятно, возникло достаточно поздно, накануне появления бохайцев в регионе. Возникновение Криничного городища, возможно, также следует соотносить с бохайским временем. Вероятно, появление мохэских городищ на территории Приморья городищ может быть связано с военно-политическим давлением Бохая.

Библиографический список

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2007 г.). – Деджон, 2008.

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. По материалам исследований 2012–2013 гг. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН ; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея. – Сеул, 2014.

Болдин В.И. Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур юго-западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток, 2002.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Исследования на Синиловском городище в Приморье // Археологические открытия 1997 года. – М., 1999.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток, 2005.

Мезенцев А.Л., Бурдонов А.В. Петровское городище // Проблемы отечественной истории : материалы науч. конф. Ч. 2. – Уссурийск, 2007.

Никитин Ю.Г. Население долины р. Суйфун в предгосударственный период // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток, 2000.

В.В. Питулько

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
**ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В АРКТИЧЕСКОЙ СИБИРИ (заключительный этап начальной фазы MIS 3)**

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10265
«Природная среда позднего неоплейстоцена-голоцена Сибирской Арктики и древний человек:
расселение, культурная изменчивость, адаптации»)

Свидетельства расселения человека в Арктике ранее последнего ледникового максимума чрезвычайно редки. Фактически они стали известны лишь в последние 20 лет в связи с открытием стоянок Мамонтова Курья [Pavlov, Svendsen, Indrelid, 2001] в Европейской Арктике и, соответственно, Янской стоянки в Сибирской Арктике [Pitulko et al., 2004]. Ранее предполагалось, что человек начал осваивать арктическую область земного шара лишь на рубеже голоцена. Материалы Мамонтовой Курьи и Янской стоянки с момента их обнаружения позволили говорить о присутствии человека в некоторых районах Евразийской Арктики, по крайней мере, на заключительном этапе MIS 3, около 30,000 л.н. Однако в настоящий момент имеются существенно более ранние свидетельства.

Остатки мамонта, обнаруженные на восточном берегу Енисейского залива вблизи п/ст Сопочная Карга (71° 54' с.ш.), залежали в береговом обрыве мерзлых отложений, постепенно разрушаемом термоэрозией. Снизу вверх в разрезе представлены: русловой аллювий (слой 1), два слоя пойменного аллювия (слои 2 и 3), мощный слой торфа буро-коричневого цвета (слой 4), горизонт таберальных отложений (слой 5) и покровный слой песчаных алевритов с тонкими прослойками торфа (слой 6). Отложения находятся в многолетне-мерзлом состоянии, включают в себя генерацию мощных повторно-жильных льдов и генерацию псевдоморфоз по повторно-жильным льдам. Жилы льда шириной 3–4 м сингенетичны слоям 2–4 и эпигенетичны слою 1, они образуют решетку с полигонами 5–6 м. Псевдоморфозы по ПЖЛ внедряются в слои 4 и 3, заполнены песчаным алевритом, в верхней части имеют ширину 1,5–2 м и образуют полигоны шириной 2–2,5 м. Сходные датированные последовательности неоднократно описаны для восточного берега Енисейского залива.

Разрез охарактеризован радиоуглеродными датировками в интервале ~45,000–18,000 ¹⁴C л.н., залегающих последовательно. Датированы оба уровня отложений торфяников, соответственно верхний – 18,200±2600/–2200 ¹⁴C л.н. (JE 9823) и нижний –36,000 ± 2500 ¹⁴C л.н. (JE 9822). Из последнего дополнительно получена датировка по небольшому окатанному обломку дерева, чей возраст закономерно древнее возраста вмещающих торфяных отложений и составил 47,600 +10,200/–4400 ¹⁴C л.н. (JE 9821). На этом основании возраст туши мамонта может быть оценен древнее ~40,000 ¹⁴C л.н. Реальный ¹⁴C возраст остатков мамонта по образцу коллагена из фрагмента берцовой кости составил 44,570 + 950/–700 ¹⁴C л.н. (GrA 57723) и находится в согласии с вышележащими датировками. Дополнительные датировки, полученные по различным субстанциям тела мамонта, близки приведенному значению [Pitulko et al., 2016]. Индивидуальный биологический возраст животного ~15 лет, это был молодой самец с неразвитым левым бивнем, погибший, скорее всего, поздней осенью или в начале зимы, на что указывает большое количество жира, сохранившегося в области холки.

Тафономия остатков мамонта и сохранность материала свидетельствуют, что туша животного вскоре после его гибели была захоронена в условиях прирусловой отмели, в потоке со слабой несущей способностью. В разрезе они принадлежат верхней части слоя 1. Никаких свидетельств, указывающих на существенное посмертное механическое воздействие на костные остатки мамонта природными процессами, не имеется, за исключением посмертной деформации стоп, возникающей в результате разложения связок и мягких тканей и уплотнения осадка, и незначительной деформации ребер по той же причине.

На костях мамонта выявлен ряд повреждений антропогенной природы. По крайней мере, часть из них являются перимортальными и могли быть получены животным исключительно в результате контакта с человеком. Они представлены на левой скуловой

кости (слепая пробоина), левой лопатке (следы ударов), пятом левом и втором правом ребрах. Несомненные постмортальные повреждения отмечены на кончике правого бивня и нижней челюсти, у которой с левой стороны обломлен венечный отросток. Наиболее примечательно повреждение на пятом левом ребре, возникшее в результате рассекающего удара, нанесенного спереди и несколько сверху, по нисходящей траектории. Подобный, но менее сильный удар пришелся во второе правое переднее ребро и также оставил повреждение на кости. Такие повреждения являются типичным результатом воздействия на тело животного в результате нанесения колото-резаных ран в процессе охоты и встречаются в коллекциях из восточносибирских памятников, например из Янского стояночного комплекса и стоянки Озеро Никита [Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016]. Имеющиеся свидетельства не оставляют сомнений в том, что мамонт из Сопочной Карги погиб в результате встречи с человеком, что говорит о заселении Таймырской области на раннем этапе MIS 3, для которой подобные свидетельства в Арктике вообще единичны.

Не менее выразительна находка из местонахождения Бунге-Толль/1885 под 68° 55' 05.2" с.ш. на ручье Юниген, притоке р. Яны [Pitulko et al., 2016]. Оно было фактически открыто еще в 1885 г. Э.В. Толлем, однако оставалось недоступно до 2012 г., когда местными жителями для поисков бивней мамонтов были размыты мерзлые отложения и вскрыты скопления остатков позднеплейстоценовой фауны. Некоторые кости имеют признаки, которые можно рассматривать как свидетельство их модификации человеком.

Наиболее интересна левая плечевая кость взрослого некрупного волка, возраст которой 44,650 +950 /-700 ¹⁴C л.н. (GrA 57022). В верхней части кости, на ее внешней поверхности наблюдается патология, для установления характера которой проведено радиологическое исследование. Установлено, что травма имеет колото-рубленный механизм повреждения кости каким-либо острым ранящим предметом, в результате сильного удара, пробившего кость на глубину около 10 мм. Форма острия охарактеризована как сильно заостренная коническая с уплощением. Скорее всего, это был наконечник из кости или бивня мамонта. Посттравматические изменения в костях современного животного, подобные наблюдаемым, происходят ориентировочно через 6 месяцев и более после получения травмы. Подобное повреждение могло быть получено животным только в результате контакта с человеком. Таким образом, находка из стоянки Бунге-Толля/1885 является прямым свидетельством расселения человека на Севере около 45,000 л.н., задолго до появления Янской стоянки.

На севере Яно-Индигирской низменности выявлен ряд археологических объектов, возраст которых древнее 30,000 л.н., а в ряде случаев может превышать 40,000 л.н. Таковы пункт Верхний Янского комплекса стоянок, местонахождения Кючюс и Аллаиха 044. Это несомненный сигнал, свидетельствующий о присутствии в восточной Сибирской Арктике постоянного населения. Наиболее ранние прямые свидетельства пребывания человека на этой территории (стоянка Бунге-Толль/1885) относятся к ~45,000 л.н. и отмечают вместе со свидетельствами охоты человека на мамонта из Сопочной Карги древнейший из известных этапов расселения человека в Евразийской Арктике, относящийся к начальной фазе MIS 3.

Библиографический список

Pavlov P., Svendsen J.I., Indrelid S. Human presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // *Nature*. – 2001. – Vol. 413. DOI:10.1038/35092552

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth 'graveyards') with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // *Quaternary International*. – 2016. – Vol. 406. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.039

Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Kuper K.E., Polozov R.N. Early human presence in the Arctic: evidence from 45,000-year-old mammoth remains // *Science*. – 2016. – Vol. 351. DOI: 10.1126/science.aad0554

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // *Science*. – 2004. – Vol. 303. DOI: 10.1126/science.303.5654.12b

В.В. Питулько¹, Е.Ю. Павлова², П.А. Никольский³, А.Э. Базилян³

¹Институт истории материальной культуры РАН,

²Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт, Санкт-Петербург;

³Геологический институт РАН, Москва

МАМОНТОВЫЕ «КЛАДБИЩА» СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10265
«Природная среда позднего неоплейстоцена-голоцена Сибирской Арктики и древний человек:
расселение, культурная изменчивость, адаптации»)

Со времени открытия вблизи Берелёхского костяка «стоянки» Берелёх [Верещагин, Мочанов, 1972] этот комплекс геоархеологических объектов оставался единственным в своем роде. В 2000 г. на севере Яно-Индигирской низменности и Новосибирских островах были начаты поиски памятников каменного века, в результате которых открыты Янская стоянка [Pitulko et al., 2004] и Янское «кладбище» мамонтов [Basilyan et al., 2011], проведено изучение Аччагый-Аллаиховского [Nikolskiy et al., 2010] и Берелёхского комплексов [Pitulko et al., 2014], а также открыты новые местонахождения этого типа.

Два из них обнаружены в долине р. Муксунуоха (к югу от п-ва Широкостан). Местонахождение Озеро Никита (71° 34' с.ш.) приурочено к бортам оврага, образованного небольшим ручьем, стекающим с водораздела и впадающим в р. Муксунуоха по ее правому берегу. На основании ¹⁴C датирования костных остатков возраст костяка может быть оценен около 12,000 л.н. (12,050 ± 50 и 11,960 ± 140). Культурные остатки, встреченные вместе с остатками мамонтов, немногочисленны, но характерны. Они представлены серийными формами острий (неполных бифасов), идентичными берелехским находкам [Pitulko et al., 2016]. Местонахождение Урез-22 расположено несколько к северу (71° 42' с.ш.). Культурный материал представлен чешуйками, отщепами, микропластинками, полученными предположительно в клиновидной технике расщепления, которые встречены вместе с костными остатками мамонтов. На основании датировок костных остатков мамонта можно заключить, что, вероятнее всего, комплекс сформировался в интервале 12,420 ± 50–11,700 ± 160 ¹⁴C л.н.

Два других местонахождения обнаружены на небольшой речке Илин-Сылах, впадающей в Янский залив с востока. Район расположен к юго-востоку от муксунуохских объектов, в среднем течении реки. «Кладбище» Илин-Сылах (70° 47' с.ш.) оказалось обнаружено в результате действий по добыче бивня, практикуемой местными жителями. Основной материал костеносной линзы накапливался чуть ранее 12,000 л.н. (12260 ± 220 и 12300 ± 85). В материалах «кладбища» выявлены следы прошлой человеческой деятельности в виде специфических заготовок колющих орудий (наконечников копий?) из бивня мамонта.

Весьма интересным фактом является примерная одновременность формирования ряда объектов – Аччагый-Аллаиховского, Берелёхского, Илин-Сылахского и Никитского костяков и пункта Урез-22 на р. Муксунуохе. Все они возникают в интервале примерно 12600–11900 л.н., совпадая с потеплениями бёллинг и аллерод [Nikolskiy et al., 2010; Питулько, 2011]. В целом этому периоду отвечает последний пик относительной численности населения мамонтов арктической Сибири накануне заката популяции [Nikolskiy et al., 2011].

Все изученные нами «кладбища» мамонтов обладают некоторыми общими чертами, свойственными данному классу археологических объектов. Так, не вызывает сомнений приуроченность массовых скоплений костных остатков мамонтов, сохранившихся *in situ*, к отложениям тылового шва вторых террас (Берелёх, Янская стоянка/УММ, Илин-Сылах). Кости мамонтов находились в условиях слабопроточного водотока, часто с режимом заболачивания, что необходимо для мацерации бивней естественным путем с целью последующего извлечения целиком, включая пульпарную область, необходимую для начальных действий по расщеплению/расслоению бивней [Pitulko et al., 2015]. Таким

образом, эти объекты имеют антропогенную природу, а их отложения являются специфическим «культурным слоем».

Ни в одном случае из изученных не может быть реконструирована ситуация накопления массовых костных остатков мамонтов в результате однократного события, катастрофы или охоты, результатом краткого накопления (первые сотни лет) являются малочисленные концентрации, все крупные – накапливались в любом случае относительно долго (Берелёх) или очень долго (Яна), на протяжении тысяч лет, синхронно циклам обитания на жилой стоянке. Отмечаются случаи использования материала, несвоевременного накоплению костиц.

Все объекты имеют свидетельства обработки бивней с целью производства длинных стержней – острий и копий. Так, по Янским материалам реконструирован полный цикл этого производства [Pitulko et al., 2015]. На основании наблюдений по размерным классам животных, их бивней можно утверждать, что основной целью промысла было сырье определенного размера и формы – относительно прямые бивни самок, удобные для обработки. «Кладбища» содержат свидетельства охоты на мамонтов – прямые (в виде поврежденных костей) или косвенные (в виде признаков сортировки костных остатков, избирательности в размерном классе). Это полностью решает вопрос о том, охотился ли на них человек.

Таким образом, «кладбища» мамонтов представляют собой многоплановый источник информации и являются особой категорией археологических объектов, и на этом основании должны быть объектом охраны, однако в правовом поле они находятся не столько в сфере культурного, сколько в области недропользовательского законодательства. Устранение данной коллизии является, на наш взгляд, важным направлением развития законодательной базы в области сохранения культурного наследия народов Российской Федерации.

Библиографический список

Верещагин Н.К., Мочанов Ю.А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита // Советская археология. – 1972. – №3.

Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // Записки ИИМК РАН. – 2011. – №6.

Basilyan A.E., Anisimov M.A., Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // Journal of Archaeological Science. – 2011. – Vol. 38. doi:10.1016/j.jas.2011.05.017

Nikolskiy P.A., Sulerzhitsky L.D., Pitulko V.V. Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // Quaternary Science Reviews. – 2011. – Vol. 30. DOI:10.1016/j.quascirev.2010.10.017

Nikolskiy P.A., Basilyan A.E., Sulerzhitsky L.D., Pitulko V.V. Prelude to the Extinction: Revision of the Achchagyi-Allaikha and Berelyokh mass accumulations of mammoth. Quaternary International, 2010. – Vol. 219. DOI:10.1016/j.quaint.2009.10.028

Pitulko V.V., Basilyan A.E., Pavlova E.Y. The Berelekh Mammoth Graveyard: New Chronological and Stratigraphical Data from the 2009 field season // Geoarchaeology. – 2014. – Vol. 29. DOI: 10.1002/geo.21483

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // Quaternary International. – 2016. – Vol. 406. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.039

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // World Archaeology. – 2015. – Vol. 47 (3). DOI: 10.1080/00438243.2015.1030508

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskey V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – Vol. 303. DOI: 10.1126/science.303.5654.12b

Н.И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке ПФИ РАН «Историческое наследие Евразии...», проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа...» и ПФИ РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков...»

Выстраивание моделей этнокультурных процессов в лесной зоне Восточной Европы середины I – начала II тыс. н.э. обычно осуществлялось по материалам лингвистики на фоне очевидной нехватки археологических фактов. В целом ряде регионов северо-запада слабая изученность древностей «дорусского» периода и вовсе создавала впечатление «археологической пустоты», понимаемой как реальное *отсутствие населения*. С другой стороны, известные группы памятников I тыс. н.э. отличались структурными особенностями, делавшими их малоинформативными для историко-культурных реконструкций (редкость поселений; слабая насыщенность слоев культурными остатками; трудноуловимый обряд погребения; недостаток «этноопределяющих» категорий находок и т.д.). Закономерным следствием этого была неразработанность хронологии раннесредневековых древностей лесной зоны.

Недостаток источников закономерно породил представления, согласно которым появление славян на северо-западе синхронизировалось с началом эпохи, освещенной письменными источниками (конец VIII – IX в.). Долгое время считалось, что миграция осуществлялась с юга, по Днепру. В последнее время в кругах историков вновь стала популярной гипотеза о миграции славян в Причудье и Приильменье с запада, из Польского Поморья и прилегающих регионов. Оживление интереса к ней во многом обусловлено открытиями в области древненовгородского диалекта, выявившими языковые отличия населения Северной Руси от остальных восточнославянских сообществ [Зализняк, 2004, с. 57]. Однако этот лингвистический материал не увязывается однозначно ни с одним из культурных единств, фиксируемых археологически. Основой гипотез о западнославянских миграциях на восток неизменно служит весьма упрощенная его трактовка.

Та же ошибка (правда, с точностью до наоборот) имела место полвека назад. Тогда крупнейшее открытие в области лингвистики – выявление пласта балтийских гидронимов в Верхнем Поднепровье – было однозначно спроецировано на этнокультурные реалии раннего средневековья [Топоров, Трубачёв, 1962, с. 236]. Археологи настолько уверовали в идею «балтской» принадлежности огромного ареала раннесредневековых культур лесной зоны, что начисто забыли и об условности лингвистической хронологии, и о неоднозначности соотношения культурных и языковых единств. В результате отечественная наука 1960–1970-х гг. попросту «потеряла» славянский компонент раннесредневекового населения – как в Верхнем Поднепровье и Подвинье, так и на северо-западе. Об истоках славяноязычности древнерусской элиты и горожан X в. (в том числе в Северной Руси) старались до поры не задумываться. Лишь в наши дни обаяние «неславянства» и «чары балтийства» понемногу развеиваются. Для реконструкции культурных комплексов лесной зоны привлекается широкий круг восточно- и центральноевропейских аналогий, выявленных и описанных за последние полвека. При интерпретации выявленных сходств рассматриваются варианты как прямого родства и заимствования, так и наличия общей подосновы, или бытования отдельных категорий вещей в разных этнокультурных сообществах.

Однако стремление к «упрощению» сложных процессов этнокультурного развития все время дает о себе знать. Та картина этногенеза и этнических взаимоотношений, которую наука восстанавливает для каждого региона, неизменно оказывается слишком сложной для усвоения массовым сознанием. Поэтому на каждом витке развития исторической этнологии бок о бок с ее построениями возникают очередные упрощенные, мифологические по своей сути схемы этнокультурного развития. Все это модификации единого архетипа массового сознания, для которого «свой» этнос всегда предстает обладателем культурного превосходства, хранителем чистых традиций и, разумеется, либо автохтоном, либо потомком знатнейших предков «из

чужих земель» (ср.: [Васильков, 2000, с. 415]). В наши дни влияние этого архетипа сознания не только не ослабело, но заметно усилилось за счет потока «околонаучной» продукции, публикуемой без всякого рецензирования в сети Интернет. Проявилось это, в частности, в нагнетании страстей в дискуссии по «варяго-русской» проблеме.

Не свободны от упрощений и собственно научные подходы к интерпретации культурных единств, выделенных по археологическим данным. Примером могут служить трактовки «курганной культуры» северо-запада (длинных курганов и сопок). Многие исследователи до сих пор пытаются представить их «племенными единицами», сформировавшимися где-то вовне и оттуда «пришедшими» в регион. Однако никаких достоверных предшественников той и другой культуры на смежных территориях нет. Оба феномена, несомненно, сложились *на месте*. Практически одновременное появление длинных курганов на западной и северо-восточной границах их огромного ареала в V – начале VI в. вряд ли можно связывать с массовой миграцией населения. Данное явление указывает скорее на резкое увеличение *информационной проницаемости* этих обширных территорий в указанный период (регулярные передвижения небольших групп?) (ср.: [Лесман, 1989, с. 13–18]) и стремительное распространение новых идеологических (религиозных?) представлений, способствовавших формированию погребального обряда длинных курганов. За этим явлением вполне могла стоять кристаллизация новой этнической (но не языковой!) идентичности.

В свою очередь, пик создания сопок приходится на X в., а их функционирование как мест погребения и/или святилищ продолжалось, как минимум, до конца XI в. То есть перед нами памятники не «дорусского», а *древнерусского населения* Новгородской земли в период от первых Рюриковичей до Ярославичей. В этой связи подчеркнем: феномен собственно *древнерусской культуры* до сих пор остается очень мало исследованным. Можно надеяться, что ключом к пониманию процесса возникновения инноваций, наблюдаемых на протяжении IX–XII вв., послужит изучение «элиты» – социально-репрезентативных групп населения, в которых шла выработка новых понятий о социально престижном и по-своему преломлялись идеологические, религиозные и иные влияния. Все это служило основой дальнейших системных изменений в обществе и его культуре.

Напоследок отметим: представления о редкой заселенности лесной зоны Восточной Европы, о «бедности» ее памятников нередко имеют в основе особенности археологизации материала, а вовсе не реальную бедность живой культуры региона. Причины этого следует искать в мифологическом мировоззрении населения [Еремеев, Дзюба, 2010, с. 402; Platonova, 2016, p. 396]. Религиозные представления, обусловившие в одних случаях отсутствие археологически уловимого погребального обряда, в других – отсутствие ингумаций, безынвентарность кремаций и прочее, сами по себе являлись важнейшим структурообразующим фактором. За всем этим стоял свой «культурный мир», веками сохранявший стабильность.

Библиографический список

Васильков Я.В. Трагедия академика Марра // Христианский Восток. – Т. 2 (VIII), нов. сер. – СПб., 2000.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и оз. Ильмень. – СПб., 2010.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд-е 2-е, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М., 2004. – (Studia philologica).

Лесман Ю.М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962.

Platonova N.I. Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St.-Petersburg) // Post-Classical Archaeologies. – 2016. – Vol. 6.

Л.М. Плетнева
Томский государственный педагогический университет, Томск
КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШЕЛОМОК-II – ПАМЯТНИКА
ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

Поселение Шеломок-II расположено в 10 км к югу от г. Томска на правом берегу р. Томи, на гриве шириной 15–40 м и высотой 12–15 м от уреза воды. Поселение открыто Г.В. Трухиным в 1959 г. В 1971 г. обследование памятника было произведено Л.М. Плетневой. Ею же проведены раскопки в 1972, 1973, 1975, 1976, 2001 и 2002 гг. [Архив МАЭС ТГУ, №508, 513, 560, 563, 656, 657–1, 694, 696]. Общая площадь раскопов – 1024 кв. м. Коллекции хранятся в МАЭС ТГУ(№7107) и в Музее г. Северска (№5277, 5642).

Керамика 1970-х и частично 2001 гг. опубликована [Плетнева, 1977; 2002]. Цель настоящего исследования – на основании материалов всех лет раскопок провести анализ расположения керамики по горизонтам на предмет выявления или невыявления более раннего культурного слоя, чем V–IV вв. до н.э., с поселения Шеломок-II составляет 7677 единиц хранения, из них керамики – 7285 экз. Кроме керамики есть каменные, бронзовые, костяные предметы, фрагменты литейных форм, тиглей, капли бронзы и шлак.

Для анализа форм отобрано 100 целых, графически восстановленных сосудов и венчиков с частью тулова. Формы сосудов представлены следующими типами: 1) банки; 2) переходные формы от горшков к банкам; 3) чаши-миски. Почти все сосуды плоскодонные. Большинство сосудов орнаментированы. Из всей коллекции было отобрано 402 орнаментированных целых сосудов и венчиков с частью тулова или только венчиков, на которых предположительно орнамент представлен полностью. Элементов орнамента несколько: жемчужник, ямка, сквозные отверстия, оттиск гребенки, оттиск треугольной, редко четырехугольной палочки, лунка, скобка, наколы, резная линия. Элементы орнамента, сочетаясь друг с другом или одиночно, располагаясь на поверхности сосуда горизонтально, наклонно или вертикально, образуют композицию (узор). Чаще всего она представлена горизонтальными бордюрами.

По преобладанию какого-либо элемента в орнаментации выделено несколько групп. В каждой группе выявлены все композиции.

Группа 1. Сосуды украшены жемчужником и жемчужником в сочетании с другими элементами. Это самая большая группа – 71,3%.

Группа 2. Сосуды орнаментированы сквозными отверстиями и сквозными отверстиями в сочетании с другими элементами – 6,7%.

Группа 3. Преобладающим элементом являются оттиски треугольной, реже – четырехугольной палочки, как самостоятельно, так и в сочетании с другими элементами – 6,6%.

Группа 4. Сосуды украшены гребенчатым орнаментом – 6,6%.

Группа 5. Орнаменты с ямочным элементом и с ямочным в сочетании с другими элементами – 2,2%.

Группа 6. Орнаменты с лунками – 2,2%.

Группа 7. Композиции с наколами – 1,5%.

Группа 8. Композиции с резным орнаментом – 0,5%.

Группа 9. Сосуды украшены скобками – 0,5%.

Группа 10. Венчики от ирменских сосудов – 1%.

Единичными являются фрагменты, украшенные крестом и V-образным орнаментом.

При исследовании городища Козюлино-II, относящегося к переходному от эпохи бронзы к эпохе раннего железа периоду, установлено, что керамика представлена двумя группами. Первая по форме сосудов и орнаментации больше находит аналогий в керамике позднебронзовых культур, орнамент выполнен преимущественно гребенчатым штампом. По форме преобладают горшки. Во второй группе в основном сосуды баночной формы, орнамент в виде одного ряда жемчужин или ямок, горизонтальных и поперечных линий или

уголков гребенки. Вторая группа, как отмечает автор, присуща шеломокской культуре [Рудковская, 2008, с. 180–181]. Орнаментация, характерная для переходного периода от эпохи бронзы к железу, в значительной степени сохраняется на всем протяжении существования шеломокской культуры. Изменяется форма сосудов, исчезают некоторые орнаменты, видоизменяются композиции и количественное соотношение. Традиции сохраняются в большей степени от еловской, в меньшей – от ирменской культур [Матвеев, 1993; Матющенко, 2004]. Фрагменты с орнаментацией эпохи бронзы, возможно, попали в культурный слой поселения Шеломок-II с соседнего памятника эпохи бронзы – поселения Шеломок-VI.

При анализе орнаментации керамики поселений Алтая М.Т. Абдулганеев и В.Н. Владимиров [1997, с. 33–37] выделили 12 орнаментов (термин авторов), 9 из которых есть или упомянуты ими в Томском Приобье. Орнаменты 5 (наколы (ямки) и резные линии) и 10 (резные линии под венчиком, ниже ряд жемчужин с разделителями) также присутствуют на керамике поселения Шеломок-II, но в малом количестве. Орнамент 12 (керамика с валиком) в Томском Приобье отсутствует за исключением 1–3 фрагментов. Остальные орнаменты: 1–4, 6–9, 11 (по Абдулганееву и Владимирову) и описанные нами выше по поселению Шеломок-II, характерны для Томского Приобья и всей большереченской общности [Троицкая, Новиков, 2004, с. 74–79], а также для Алтая [Абдулганеев, Владимиров, 1997] и саргатской культуры [Корякова, 1982].

Такая орнаментация, как «жемчужник» и жемчужины, разделенные наколами округлой (ямки) и треугольной формы по 1–2 или насечками крестообразной формы, по мнению исследователей, является для скифского времени эпохально-региональной и характерна для культур лесостепной, степной и горно-предгорной зон от Урала до Минусинской котловины [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 70].

Разнообразие орнаментации керамики шеломокской культуры отличает ее от тагарской культуры (юго-восточного соседа шеломокцев) как Ачинско-Мариинского района [Мартынов, 1979], так и Хакасско-Минусинской котловины [Членова, 1967; Савинов, 2012]. Выполненный анализ послойного расположения керамики на поселении Шеломок-II значительных хронологических отличий не показал. Однако есть некоторые наблюдения по объектам.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул, 1997.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск, 1982.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. – Томск, 1977.
- Плетнева Л.М. Поселение Шеломок-II // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. – Томск, 2002. – Т. 1.
- Рудковская М.А. Керамика городища Козюлино II // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : материалы XIV Зап.-Сиб. археолого-этнографической конференции. – Томск, 2008.
- Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989). – СПб., 2012.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины : учеб. Пособие. – Новосибирск, 2004.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.

А.В. Плеханов
Научный центр изучения Арктики, Салехард
КЕРАМИКА КАК МАРКЕР ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛЬСКОЙ ТУНДРЫ (V–XII вв. н.э.)

Памятники открытых тундр Ямала за редким исключением представляют собой разрушенные ветровой эрозией песчаные поверхности, на которых если и сохраняется культурный слой, то очень фрагментарно. Это вполне понятно, так как все они являются остатками сезонных стойбищ. Тем не менее это единственный источник для изучения процессов заселения ямальских тундр к северу от р. Юрибей и вплоть до берега Северного океана.

Решение проблемы, как, в какое время и откуда шло заселение этих территорий, таким образом, базируется на весьма скудном материале, представленном почти исключительно керамикой и костями животных. Для возможных построений на эту тему имеется 121 фрагмент шеек от керамических сосудов, полученных в ходе археологических раскопок с четырех поселений Тиутей-Сале-1, Мутная-1, Мутная-5, Юнета-яха-13, Юр-яха-3.

В основу систематизации керамики были положены такие признаки, как форма и конструкция венчика, шейки и главным образом элементы орнамента и узора, так как во всех коллекциях нет ни одного археологически целого сосуда, за исключением двух миниатюрных сосудов с поселений Мутная-1 и 5 и двух сосудов из некрополя Юр-яха-3.

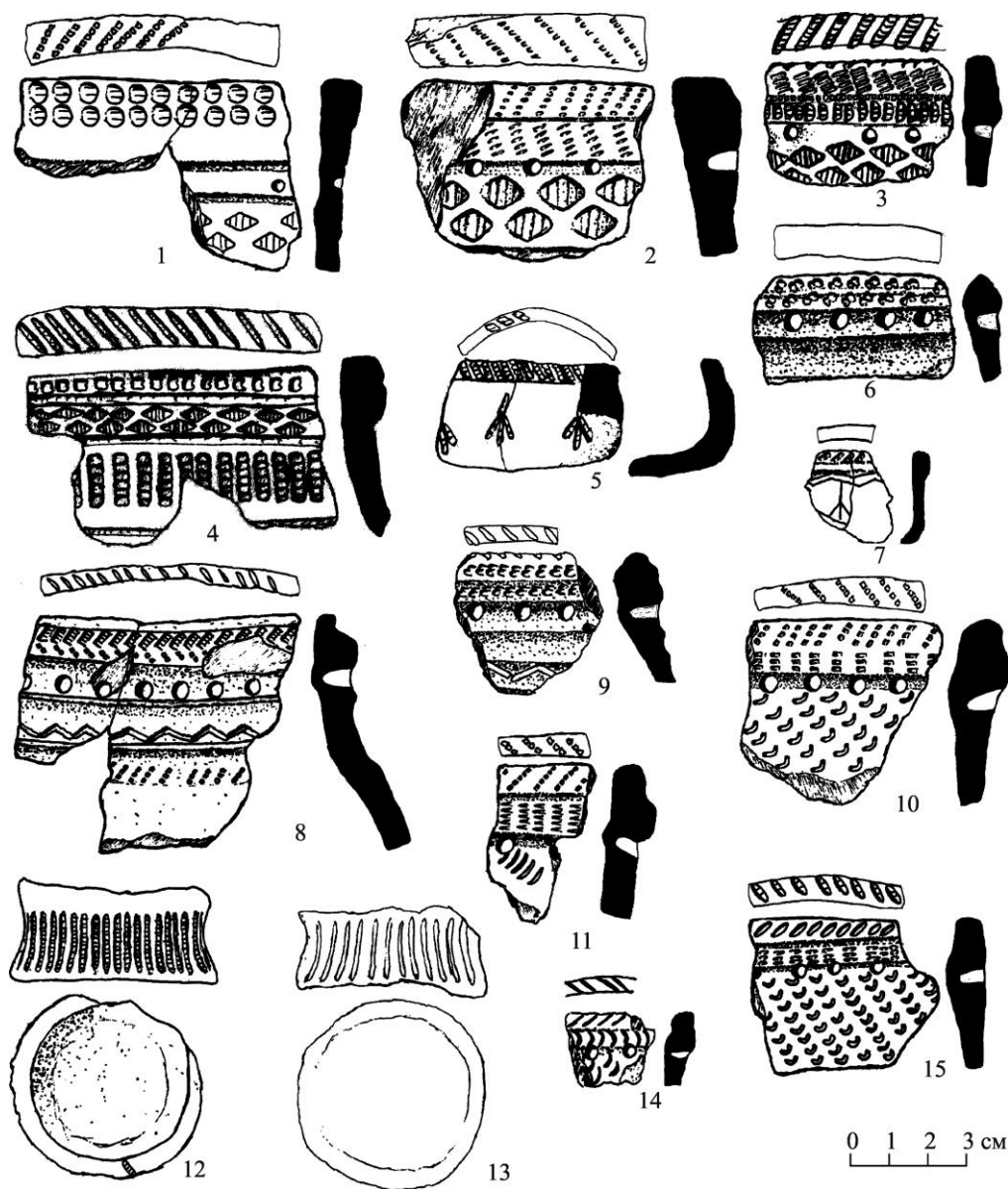
Первый период представлен концом V – концом VII в. Он хорошо соотносится с радиоуглеродными датами первого этапа заселения поселения Тиутей-Сале-1 и относится к западносибирскому кругу культур [Ушедшие в холмы..., 1998, с. 46, рис. 20; с. 69]. Комплекс представлен сосудами с выраженной шейкой. Характерной чертой их морфологии является заметное утолщение по верху венчика. Срез венчика прямой, орнаментирован. Ямочная зона под венчиком наносилась не всегда, что является оригинальной чертой данного типа. На некоторых сосудах фиксируется сильный нагар на внешней стороне. Орнамент состоит из чередующихся зон, заполненных оттисками гребенчатого и фигурных штампов. Узоры довольно стандартны: горизонтальные пояски косых или вертикальных оттисков гребенки, горизонтальные пояски-разделители, выполненные также гребенчатым штампом, пояски, заполненные оттисками ромбического штампа, поставленными в шахматном порядке. Характерной чертой этого комплекса керамики являются поддоны, орнаментированные вертикальными оттисками длинного гребенчатого штампа (рис.-1–4, 12, 13).

Для второго периода характерны фрагменты сосудов с выраженной шейкой. Венчик прямой, по верхнему срезу венчика нанесен орнамент в виде пояска косо поставленных оттисков гребенчатого штампа. Под венчиком размещается ямочная зона. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, которым нанесены горизонтальные пояски, прочерчены также горизонтальные желобки. На большинстве сосудов имеются зигзаги, выполненные гребенкой. Этот период соотносится с концом VII – концом X в. Керамика данного типа, несмотря на специфику облика, возможно, отражает собой неоднородную культурную чересполосицу в рамках археологической общности Арктического региона (рис.-5–9).

К третьему периоду отнесены сосуды, верх венчика которых орнаментирован наклонным влево пояском косо поставленных оттисков короткой гребенки. С внешней стороны венчик орнаментирован косо поставленными оттисками короткой гребенки. Под ним расположен бордюр с вертикально поставленными оттисками короткой гребенки. Ниже следует поясок из ямок. Шейка сосуда орнаментирована наклонными влево столбиками полулунных вдавлений. Верх стенки орнаментирован вертикально поставленными оттисками длинной гребенки. Данный тип керамики соотносится с дендрохронологическими датами поселения Ярте-6, некрополем Юр-яха-3 и последним периодом функционирования сооружения 2 и производственной площадки поселения Тиутей-Сале-1, датированного по радиоуглероду – начало XI – XII в. (рис.-10, 11, 14, 15).

Освоение Ямальных тундр на север от широты р. Юрибей начинается в V–VI вв. н.э., с наступлением сухого и теплого климата [Ушедшие в холмы, 1998, с. 98]. Это стало возможным после возникновения транспортного оленеводства и дальнейшего перехода его к крупностадному, что явилось определяющим фактором для местной экономики, впоследствии повлиявшим на весь ход истории региона [Гусев, Плеханов, Федорова, 2016, с. 238]. Это было связано с возросшей мобильностью населения субарктических культур, что и вылилось в разноуровневую интерзональность и межрегиональную проницаемость [Мурыгин, 1992, с. 173], отражением чего послужила керамика. В XI–XII вв. мы можем наблюдать уже сложившийся крупностадный оленеводческий тип хозяйства. Несмотря на то, что в XIV в. начинается «малый ледниковый период», развитие местной экономики и культуры продолжилось в дальнейшем в виде непрерывного движения [Гусев, Плеханов, Федорова, 2016, с. 239].

Библиографический список

- Гусев А.В., Плеханов А.В., Федорова Н.В. Оленеводство на севере Западной Сибири: ранний железный век – средневековье // Археология Арктики. – Салехард, 2016.
 Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М., 1992.
 Ушедшие в холмы. Культура населения побережья северо-западного Ямала / Н.В. Федорова, П.А. Косинцев, В.В. Фицхью. – Екатеринбург, 1998.

Л.Н. Плеханова, Н.Н. Каширская
*Институт физико-химических и биологических
проблем почвоведения РАН, Пущино*
МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ
СЛЕДОВ ПЕРЕВЫПАСА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ДОЛИННЫХ ЛАНДШАФТАХ ГОРНЫХ СИСТЕМ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ №15-06-05763

(«Террасное земледелие в горном Дагестане: возникновение, развитие и современное состояние»)

Населенность в эпоху бронзы различных горных систем на территории бывшего СССР была различной. Сравнения антропогенно-преобразованных почв эпохи бронзы по показателям их биологической активности и степени преобразованности для различных по возрасту и степени освоенности человеком горных систем представляют научный интерес. Наиболее старая в мире Уральская горная страна в части Зауральского плато имеет высоты от 300 м до километра над уровнем моря. Одна из наиболее высоких точек Южного Урала – г. Чека 56 м над у.м. – доминирует в районе «Страны городов» – недавно открытых памятников эпохи средней бронзы, состоящей из более чем 20 укрепленных поселений (Синташта, Аркаим, Аландское, Степное, Сарым-Саклы и др.). Изучаемые нами поселения располагались во всех случаях в долинных ландшафтах, в местах слияния рек, на небольших возвышенных участках низких надпойменных террас, где до настоящего времени сохранились следы древних антропогенных воздействий [Плеханова, 2004а, с. 19–28; Плеханова, 2010а, с. 42]. Описывая обнаруженные антропогенно-преобразованные почвы на данных участках археологических памятников, мы получили кадастровые номера Красной Книги почв для 16 участков [Плеханова, 2010б, с. 29]. Нижние точки, например Аркаимской долины, расположены на высоте 311 м над у.м. В окрестностях укрепленных поселений располагались более мелкие неукрепленные поселения – так называемая «округа», где на различных по отдаленности от жилых объектов расстояниях (не более 1 км) мы отбирали образцы антропогенно-преобразованных в древности почв. Также образцы брались на самих поселениях, культурные слои как поселков-сателлитов, так и культурные слои палеоурбаноземов укрепленных поселений. Отбор образцов производился как вертикально, по почвенным разрезам, так и горизонтально, на глубине 20–30 см по культурному слою с целью выявления различий КС. Кроме окрестностей поселений, где предполагался перевыпас в древности, произведен отбор образцов системы оросительных канавок, предположительно «Аркаимского огорода» как одного из уникальных объектов древнего земледелия.

Кроме морфологического изучения профилей почв, традиционных химических анализов почв (гумус, рН, карбонаты, гипс, подвижные фосфаты, состав солей и др.), определялись микробиологические свойства почв. Производился микробиологический посев термофильных микроорганизмов, посев на богатую среду, посев на почвенный агар и на нитритный агар. Определялась активность почвенных ферментов целлюлазы в сравнении с изученными ранее зональными плакорами [Плеханова и др., 2003, с. 250–251], фосфатазы, уреазы, – в сравнении с ранее изученными антропогенно-преобразованными почвами других горных систем [Каширская и др., 2017, с. 5–16; Чернышева и др., 2014, с. 1068]. Отметим, что почвы со следами антропогенных воздействий находятся в непосредственной близости с курганами различного времени, имея в своем профиле нижние ненарушенные участки, вполне могут быть сопоставлены с датированными подкурганскими почвами [Плеханова, Демкин, 2008, с. 357; Плеханова, и др., 2005, с. 4–8], погребенными естественным путем почвами [Иванов и др., 2001, с. 382; Плеханова и др., 2001, с. 135–136] и погребенными почвами под валами укрепленных городищ [Приходько и др., 2014, с. 49–76; Чернянский и др., 1999, с. 98–130], что значительно увеличивает ценность полученных данных и продолжает исследование.

Выявлен полигенетический характер антропогенно-преобразованных почв, отражающий основные этапы их эволюции. Особый интерес представляют полученные показатели комплексных почв окрестностей древних поселений с инверсионными соотношениями, впервые замеченные нами ранее [Плеханова, 2004б, с. 21], отражающие следы перевыпаса в древности, расположенные на расстоянии до 1 км от поселков-сателлитов укрепленных поселений Аландское, Аркаим и Сарым-Саклы. Впервые получены характеристики ферментативной активности и данные об активности микробиологических сообществ антропогенно-преобразованных почв археологических памятников Южного Урала. Почвы, содержащие в наборе своих горизонтов культурный слой, залегающий на некоторой глубине (20–40 см), в настоящее время легко деградируют даже при небольших современных хозяйственных нагрузках.

Библиографический список

Иванов И.В., Плеханова Л.Н., Чичагова О.А., Чернянский С.С., Манахов Д.В. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары – индикатор экологических условий в эпоху бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001.

Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Биологическая активность горных антропогенных почв средневековых земледельческих террас горного Дагестана // Аридные экосистемы. – 2017. – Т. 23, №1 (70).

Плеханова Л.Н. Природно-антропогенная эволюция почв степного Зауралья во второй половине голоцена: дис. ... канд. биол. наук / Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова. – Пушино, 2004а.

Плеханова Л.Н. Природно-антропогенная эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2004б.

Плеханова Л.Н. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Природа. – 2010а. – №3.

Плеханова Л.Н. Некоторые результаты работ по созданию Красной Книги почв Челябинской области // Вестник Челябинского гос. университета. – 2010б. – №8.

Плеханова Л.Н., Иванов И.В., Ермолаев А.М. Некоторые результаты биомониторинга почв заповедника «Аркаим» Челябинской области // Ресурсосберегающие и экологически безопасные технологии в адаптивном земледелии. – Челябинск, 2003.

Плеханова Л.Н., Демкин В.А. Палеопочвы комплекса «Солончанка IX» и климат степного Зауралья в IV в. н.э. // Экология. – 2008. – №5.

Плеханова Л.Н., Демкин В.А., Манахов Д.В. Палеопочвенные исследования курганов эпох бронзы и раннего железа (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) в степном Зауралье // Вестник Московского университета. Серия 17: Почвоведение. – 2005. – №4.

Плеханова Л.Н., Иванов И.В., Чичагова О.А. Эволюция почв и осадконакопление в поймах рек степной зоны // Проблемы эволюции почв: тезисы докладов IV Всероссийской конференции. – М., 2001.

Приходько В.Е., Иванов И.В., Зданович Д.Г., Зданович Г.Б., Манахов Д.В., Инубуши К. Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования. – М., 2014.

Чернянский С.С., Иванов И.В., Демкин В.А., Таиров А.Д. Черноземы и солонцы Зауралья во второй половине голоцена: результаты почвенно-археологических исследований // Курган с «усами» Солончанка-I: труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск, 1999.

Чернышева Е.В., Каширская Н.Н., Коробов Д.С., Борисов А.В. Биологическая активность дерново-карбонатных почв и культурных слоев аланских поселений Кисловодской котловины // Почвоведение. – 2014. – №9.

А.В. Полеводов¹, М.А. Грачев²

¹Министерство культуры Омской области,

²Омский государственный педагогический университет, Омск

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО (АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО) НАСЛЕДИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ – ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В Российской Федерации действует несколько нормативных актов, определяющих необходимость и порядок проведения мероприятий по сохранению объектов историко-культурного наследия (в том числе памятников археологии). Основные из них:

- Федеральный закон Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ (Федеральный закон).

- Положение о государственной историко-культурной экспертизе, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации №569 от 15.07.2009.

- Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук, от 27 ноября 2013 г. №85.

В этих документах прописан порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы (ГИКЭ) земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, а также цели и варианты ее проведения. За последние годы требование проведения ГИКЭ в предусмотренных федеральным законом случаях стало нормой во всех регионах Западной Сибири. Но опыт правоприменительной практики, нарабатанный до введения инструмента ГИКЭ, в регионах был различным, вариативной стала и практика ГИКЭ в разных территориях. Также в Российской Федерации существуют и региональные законы об охране объектов историко-культурного наследия, имеющие свои местные особенности.

Практика проведения ГИКЭ в разных субъектах РФ варьируется. До выхода письма Минкультуры РФ №337-01-39НМ от 02.11.2016 в разных регионах отличались формулировки, рекомендуемые для оформления заключений актов ГИКЭ, до сих пор частично отличается оформление внешнего вида актов ГИКЭ.

В ряде регионов все еще не является обязательным требование использования данных кадастра в отношении экспертируемых земельных участков.

Органы госохраны в ряде субъектов РФ при подготовке заключений, кроме акта ГИКЭ земель, подлежащих воздействию земляных и иных хозяйственных работ, требуют предоставить экземпляр научно-технического отчета о проведенных работах, а в ряде регионов еще в текущем году допускалось проведение работ по обследованию таких земельных участков вообще без оформления акта ГИКЭ.

Несмотря на то, что научные отчеты о выполненных археологических полевых работах специально выведены из разряда документации, которую эксперты могут принимать для экспертирования, в отдельных регионах на отчеты о таких работах предлагается разработать акт ГИКЭ и предоставить его в орган госохраны объектов культурного наследия.

В Омской области еще нарабатывается практика экспертизы документации, в соответствии с которой определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных и иных хозяйственных работ.

Реальная практика проведения ГИКЭ еще находится в состоянии становления. Об этом же свидетельствуют и циркулярные письма, рассылаемые региональными органами госохраны объектов культурного наследия, уточняющие различные аспекты ее проведения и оформления актов ГИКЭ.

В целом сейчас стоит выделить несколько проблемных вопросов, остающихся пока без ответов и влияющих на проведение ГИКЭ.

Археолог, проводящий экспертизу земельного участка, обязан это делать по особой форме открытого листа (ОЛ) – на обследование земельного участка, запрашиваемого под

хозяйственное освоение. Эта позиция зафиксирована в Положении о порядке проведения полевых археологических работ. Но регулярно приходится сталкиваться с подаваемыми в составе документов ГИКЭ отчетами о полевых работах, выполненных на основании ОЛ на право проведения археологической разведки «в целях выявления объектов археологического наследия, уточнения сведений о них или планирования мероприятий по обеспечению их сохранности». Это не мешает впоследствии археологам – держателям такого ОЛ целенаправленно обследовать земли, подлежащие хозяйственному освоению. Как правило, коллеги объясняют это тем, что они исследовали будущий участок землеотвода в целях информирования органа государственной охраны объектов историко-культурного наследия о наличии или отсутствии объектов археологического наследия на этом участке.

Ситуация осложняется тем, что какая-либо особая форма (вид) ОЛ на полевые археологические работы (археологическую разведку) для осуществления экспертизы земельных участков, не предусматривается Федеральным законом и Правилами выдачи, приостановления и прекращения действий разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации №127 от 20 февраля 2014 г. В статьях Федерального закона, посвященных ГИКЭ (ст. 28, 31), указывается лишь то, что такая экспертиза осуществляется «путем археологической разведки на основании разрешения на право проведения археологических полевых работ (ОЛ)». Налицо несоответствие ведомственного нормативного документа (Положения о порядке проведения археологических работ) и нормативно-правовых актов – Федерального закона, Положения о ГИКЭ, Правилах выдачи ОЛ. Эта коллизия позволяет заинтересованным держателям ОЛ апеллировать к тому, что они своими действиями, якобы, не противоречат требованиям законодательства. Справедливости ради надо отметить, что Минкультуры РФ в письме, адресованном в орган госохраны объектов культурного наследия Омской области, подтвердило невозможность обследования земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, на основании ОЛ, полученных «в целях выявления объектов археологического наследия, уточнения сведений о них или планирования мероприятий по обеспечению их сохранности».

Разрешение этого вопроса достаточно сложно. Вариантом здесь является внимательное отношение органов госохраны к документации, получаемой ими по итогам проведения ГИКЭ земельных участков. Несоответствие вида археологических работ форме ОЛ, на основании которого они проведены, должно стать причиной неутверждения акта государственной историко-культурной экспертизы или отклонения отчета о полевых работах. Эта ситуация спровоцировала и следующую проблему: часто результаты работ, выполненных по ОЛ «научной формы», не попадают в отчеты, предоставляемые в ОПИ ИА РАН. Яркой иллюстрацией этого стало обсуждение отчета и акта ГИКЭ, предоставленных в Министерство культуры Омской области ООО «Сибирская Скифия» летом 2016 г. Эта же ситуация показала и то, что процедура общественного обсуждения актов ГИКЭ является работающей, она позволяет выявить действия, идущие вразрез с требованиями нормативных документов.

Практика подталкивает нас к упорядочиванию таких ГИКЭ – оставить их только для организаций-экспертов, штатные сотрудники которых производят полевые изыскания, в то время как акт ГИКЭ разрабатывается самой организацией-экспертом и подписывается ее руководителем, как это и прописано в Положении о проведении ГИКЭ. Другим вариантом мог бы стать допуск всех экспертов, аттестованных на проведение экспертизы документации, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, к экспертизе именно полевых отчетов.

Но, тем не менее, самой главной проблемой охраны памятников археологии в процессе хозяйственного освоения остается почти безнаказанное уклонение организаций земле- и недропользователей, застройщиков, проводящих свои работы без проведения процедуры ГИКЭ. Оценить их объем по всей Западной Сибири достаточно проблематично, но число их более чем значительно.

А.В. Поляков
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
КУРГАНОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В основе кургана окуневской культуры лежит квадратная ограда из каменных блоков или вертикально вкопанных плит песчаника. Все погребения совершались только внутри нее, не выходя за пределы этого сакрального пространства. На первый взгляд схема размещения могил в ограде кажется хаотичной. Однако Е.Д. Паульсом, а затем И.П. Лазаретовым [1997, с. 38] была высказана гипотеза об упорядоченности размещения захоронений. Согласно современным данным радиоуглеродного анализа, период бытования окуневской культуры оценивается примерно в 800 лет – 25–18 вв. до н.э. [Святко, Поляков, 2009, с. 27–29, табл. 2]. За это время традиция размещения могил претерпела серьезные изменения. Ее детальное изучение позволяет говорить о существовании нескольких устойчивых вариантов локализации и ориентации захоронений, которые можно объединить в единую схему (рис.).

Начальный этап развития традиции подразумевал наличие только одного погребения, расположенного в центре ограды и ориентированного по линии ЮЗ–СВ (вариант 1). Обычно оно оформлялось в виде обширной грунтовой ямы или ямы с заплечиками. Над ним возводилось крупное подквадратное надмогильное сооружение из камня, занимающее значительную часть площади ограды (Уйбат-III к. 1). Погребение могло быть ярусным – внизу привилегированное персональное захоронение, а на его перекрытии – коллективный склеп. Сразу по окончании функционирования сооружения ограда перекрывалась курганной насыпью, в которую позднее могли впускаться дополнительные погребения.

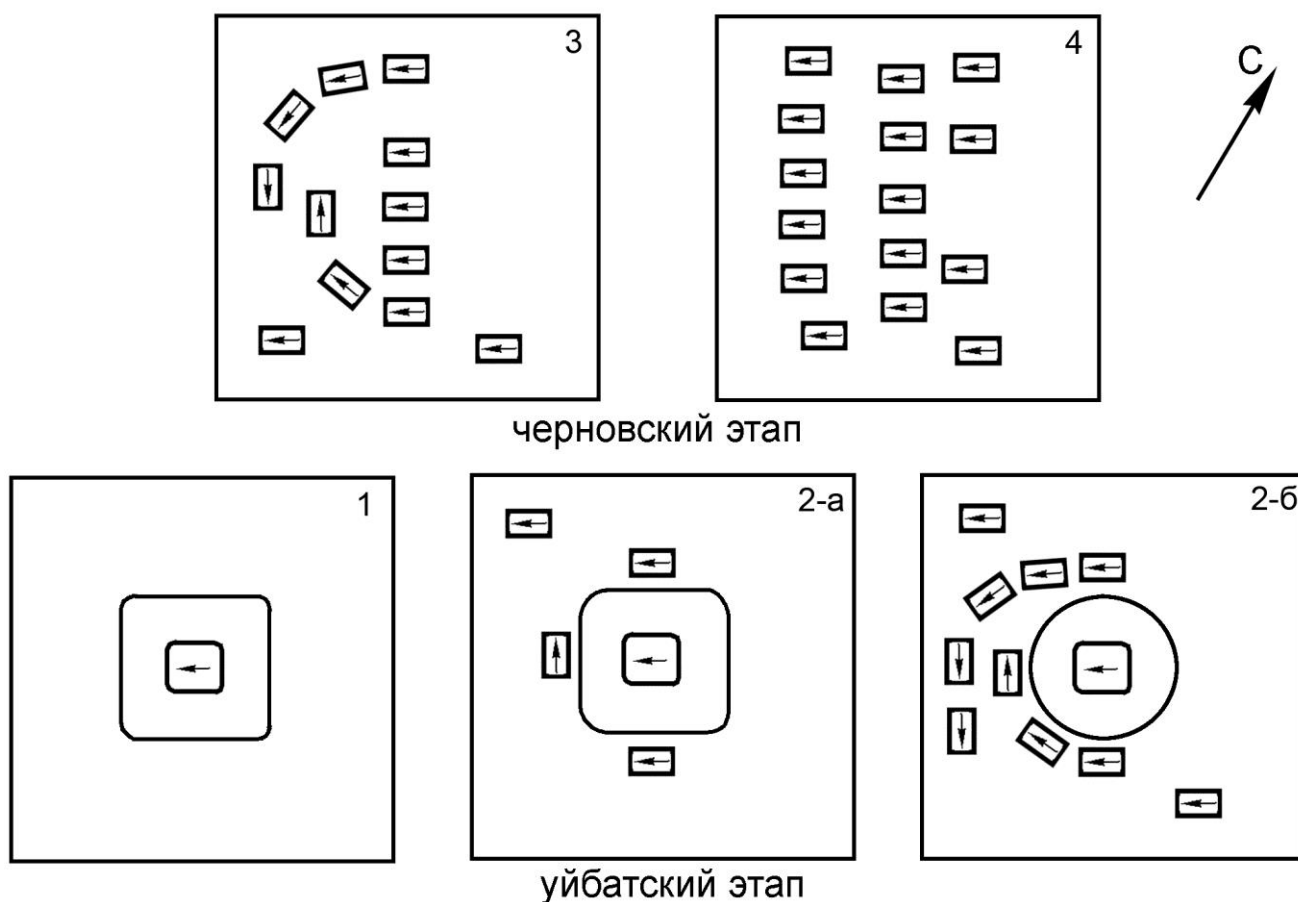

Схема развития размещения могил на площади кургана окуневской культуры

На следующем этапе развития дополнительные могилы стали устраивать еще до момента сооружения единой насыпи. Возможны два варианта размещения могил: осевой (вариант 2-а) и цепочками (вариант 2-б). В первом случае количество дополнительных могил невелико. Чаще всего они располагаются к СЗ и ЮВ от основного погребения, вплотную к его надмогильному сооружению, и образуют с ним единую линию (Уйбат-Тибик к. 1). Известны отдельные случаи размещения могил на площади кургана без жесткой привязки к центральному надмогильному сооружению. Все они будут ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Если могила находится к ЮЗ от центрального погребения, то она может сохранять традиционную ориентировку ЮЗ–СВ, а может быть развернута на 90 градусов (вариант 2-а).

Второй вариант отличается большим количеством могил (вариант 2-б). По этой схеме захоронения размещались двумя цепочками, начинающимися от дополнительных погребений, расположенных к СЗ и ЮВ от надмогильного сооружения (Уйбат-Чарков к. 1). Каждое следующее погребение располагалось «ногами» к «голове» предыдущего, плавно огибая надмогильное сооружение. Таким образом, формировались цепочки, которые можно условно назвать «северная» и «южная». В том случае, если они встречались к ЮЗ от центральной могилы, то «южная» всегда проходила ближе к надмогильному сооружению, а «северная» располагалась ближе к ограде. В соответствии с разворотом могил менялась и ориентировка погребенных. У погребенных, захороненных к ЮЗ от основной могилы, могла быть ориентировка на СЗ или ЮВ, в зависимости принадлежности их к определенной цепочке. Есть отдельные случаи, когда длинная цепочка могил, пройдя по ЮЗ части ограды и описав полукруг, поворачивает на СВ. Тогда и ориентировки в последних ее могилах оказываются соответствующими.

Дальнейшее развитие традиции происходит в начале черновского этапа культуры (вариант 3). Центральное надмогильное сооружение уменьшается в размерах, а местами становится неотличимо от перекрытий остальных могил. По осевой линии кургана СЗ–ЮВ теперь располагается ряд равноправных захоронений. При этом в рудиментарном виде сохраняется идея цепочек, которые хоть и теряют свой основной ориентир – край центрального надмогильного сооружения, но все еще строятся по традиционной схеме (Черновая-VIII к. 8; Итколь-II к. 21).

Наконец, финал черновского этапа окуневской культуры характеризуется полным отказом от идеи цепочек и переходом к расположению могил в пределах ограды несколькими параллельными рядами (вариант 4). Все могилы теперь развернуты по линии ЮЗ–СВ, а понятие центрального погребения отсутствует (Уйбат-V к. 4; Верхний Аскиз к. 1).

Таким образом, развитие традиции размещения могил находится в русле изменения восприятия кургана в целом: от понимания его как элитарного персонального сооружения к коллективному и полностью равноправному кладбищу. Предложенная концепция во многом является схематичной и передает только суть происходящих изменений.

Необходимо отметить, что практически во всех случаях северо-восточная часть ограды остается не заполненной могилами. Вероятно, это связано с тем, что именно с этой стороны за оградой располагается ритуально-поминальная площадка, и дополнительные могилы не должны были «разрывать» ее связь с центральным захоронением [Поляков, 2014, с. 480].

Библиографический список

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань, 2014.

Святко С.В., Поляков А.В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул, 2009.

А.В. Поляков¹, П.Б. Амзараков², С.А. Васильев¹, Ю.В. Рыжов³, Т.В. Корнева¹,
Т.В. Сапелко⁴, Г.Ф. Барышников⁵, Н.Д. Бурова¹, Е.Ю. Гиря¹, Г.Ю. Ямских⁶

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

²Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, Абакан;

³Институт географии Сибири им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск;

⁴Институт озероведения РАН, ⁵Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург;

⁶Сибирский федеральный университет, Красноярск

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (Стоянка Ирба-2)

Доклад посвящен предварительным результатам изучения палеолитического комплекса на многослойном археологическом памятнике, расположенном восточнее пос. Курагино Красноярского края в долине р. Ирба по ее правому берегу в 2,5 км от устья. Объект был открыт Саянской экспедицией ИИМК РАН под руководством А.В. Полякова в 2012 г. Ввиду того, что памятник находится непосредственно на отрезке начала ответвления проектируемой железной дороги Курагино-Кызыл от дороги Абакан-Тайшет, в 2012 и 2015 гг. были проведены спасательные раскопки.

Форма и конфигурация раскопов были заданы строителями для полного вскрытия уничтожаемой при прокладке дороги части объекта. Раскопки велись вытянутой с юго-запада на северо-восток полосой, состоявшей из разделенных бровками секторов размерами 5 × 10 м (вместе обозначены как раскоп 1). Южнее от основного раскопа был заложен раскоп 2, включавший глубокий стратиграфический шурф. Всего в 2012 г. было вскрыто более 3200 кв. м, а в 2015 г. – более 4100 кв. м площади памятника. Палеолитические остатки встречены в основании толщи культуросодержащих отложений, ниже уровней с находками неолита, бронзового и железного века.

Стоянка приурочена к отложениям пониженного до 4 м уровня первой надпойменной террасы р. Ирбы, примыкающей к высокой пойме. Находки палеолита связаны с плотными лессовидными карбонатными супесями. Горизонт нарушен полигональной сеткой мерзлотных трещин и тонкими трещинами усыхания.

Гранулометрический анализ указывает на преобладание в осадках (75–89%) фракций мелко- и тонкозернистых песков (0,25–0,05 мм) и крупной пыли (0,05–0,01 мм), содержащихся примерно в равных пропорциях. Культурный слой характеризуется высоким содержанием карбонатов (6,8–8,1%), слабой гумусированностью (0,35–1,1%). Эти данные свидетельствуют о формировании седиментов в условиях периодического иссушения и перевевания осадков, золотом их генезисе.

Спорово-пыльцевой анализ свидетельствует о существовании в период накопления культуросодержащих отложений холодного и сухого климата с преобладанием травянистой растительности (доминируют злаки, сложноцветные и лилейные). В периоды увлажнения климата появлялась также пыльца лиственницы, сосны и березы.

Встреченные на уровне культурного слоя раковины наземных моллюсков принадлежат к видам, обитающим в обстановке влажных пойменных лугов. Среди макрофауны преобладают остатки бизона; есть кости благородного и северного оленя, лошади, бурого медведя и донского зайца. Интересно отметить наличие фрагмента рога крупного оленя, предположительно *Megaloceros giganteus*.

Возраст культуровмещающих отложений финальноплейстоценовый. По объединенным образцам костей из раскопа 2012 г. получены радиоуглеродные датировки: 11300 ± 190 (ЛЕ-10006) и 12550 ± 120 (ЛЕ-9927); датировки по костям из скоплений находок в раскопе 2015 г. несколько древнее: 13160 ± 120 (ЛЕ-11430) и 13760 ± 180 (ЛЕ-11427).

Палеолитические остатки в плане представлены неравномерно. В полосе, вскрытой раскопом 2012 г., имелись лишь отдельные разрозненные находки. В расположенной южнее полосе раскопа 2015 г. зафиксированы скопления предметов расщепленного камня и костей, разделенные стерильными участками. Интерес представляет встреченное в одном из

секторов скопление из 24 мелких галечек мраморовидного известняка, вероятно, заготовок для производства подвесок. В западной части вскрытой площади памятника выявлено скопление крупных костных остатков (рога северного оленя, позвонки бизона в анатомической связи и др.), практически без каменных изделий.

Основную массу находок составляют предметы расщепленного камня. В качестве главного источника сырья обитатели стоянки использовали близлежащие галечники. Среди находок преобладают предметы из серо-зеленых кремневых пород типа кремнистых сланцев, серо-зеленых, черных и серых (до прозрачных) кварцитов, серых и серо-фиолетовых эффузивных пород. Изредка использовались серо-желтые полосчатые, зеленые, серые, черные, полупрозрачные желтые кремни хорошего качества, желтые и коричневатокрасные яшмы, молочно-белый кварц и серо-черный микрокварцит.

Нуклеусы представлены серией крупных предметов на гальках и расколотых гальках, чаще всего одноплощадочных (есть и двухплощадочные формы), брошенных на начальной стадии оформления после создания площадки и пробных снятий. Выразительно одноплощадочное ядрище поперечного варианта с обработанной радиальными сколами выпуклой тыльной стороной (типично леваллуазский прием). Кроме того, имеется выразительная серия атипичных и типичных клиновидных ядрищ; один клиновидный нуклеус удлинённый.

Среди сколов доминируют отщепы с гладкими площадками (изредка встречаются двугранные и фасетированные площадки). Пластинчатые отщепы, пластинки и микропластинки немногочисленны и по большей части атипичны. Интересно наличие нескольких леваллуазских острий.

В орудийном наборе выразительной серией представлены скребла. Они изготовлялись на обломках галек, массивных сколах и отщепах. Среди разнообразных форм отметим наличие конвергентных, двойных, частично бифасиальных, одинарных выпуклых, прямых и вогнутых скребел. Есть скребки на отщепах – короткие и укороченные, миниатюрные с выемкой в основании, округлые с обработкой по периметру. Встречено несколько резцов (угловых и срединных). Отметим чопперы, клювовидные и долотовидные изделия, единственный образец пластинки с притупленным краем. Интересную серию образуют удлинённые гальки-разбивальники со следами мощных ударов на конце. Встречена крупная заготовка листовидного бифаса и мелкий бифас.

Индустрия памятника соответствует параметрам комплексов афонтовской культуры, доминировавшей в бассейне Верхнего Енисея в позднесарганское время [Астахов, 1986; Васильев, 1996].

Найдено несколько предметов кости и рога с признаками искусственной обработки – молоток из рога, костяное острие, кости с отверстиями, рог со следами надрезов, а также рог со следами скалывания отщепов.

Отметим уникальную находку – плоскую мраморную гальку с крестообразными нарезками на плоскостях, насечками по краю и следами встречных сверлин [Поляков и др., 2014, рис. 1]. Ближайшие аналогии предмету – агальматолитовые диски из старых раскопок Афонтовой Горы [Абрамова, 1962]. Кроме того, в коллекции имеется сланцевая подвеска со следами неоконченной цилиндрической сверлины.

Исследования на памятнике будут продолжены.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. – Вып. А4–3. – М.; Л., 1962.
- Астахов С.Н. Палеолит Тувы. – Новосибирск, 1986.
- Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. – СПб., 1996.
- Поляков А.В., Амзараков П.Б., Васильев С.А., Ковалева О.В., Барышников Г.Ф., Гиря Е.Ю., Ямских Г.Ю., Бурова Н.Д., Зубков В.С. Ирба 2: новый палеолитический памятник в предгорьях Саян // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. 1. – Казань, 2014.

А.В. Поляков, Ю.Н. Есин
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан
РАННЕОКУНЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КУРИЛЬНИЦЕЙ
МОГИЛЬНИКА ИТКОЛЬ-II

Работа выполнена при поддержке РГО (проект №26/2016-И «Тайны древних художников Сибири»)

В 2016 г. Саянской экспедицией ИИМК РАН начаты раскопки кургана 12 могильника Итколь II на территории Ширинского района Республики Хакасия. Судя по размерам (28 × 28 м) и особенностям конструкции, он относится к числу элитарных погребальных сооружений окуневской культуры и уступает по величине лишь кургану Тас-Хазаа. В течение первого полевого сезона удалось раскопать только его западную половину и исследовать одно погребение.

Могила №3 была впущена в центральную часть уже существующей насыпи кургана к западу от основной оси. Ее край слегка перекрывает центральное погребение. Могила оформлена в виде овальной ямы с заплечиками, ориентированной по оси ЮЗ–СВ с небольшим отклонением к западу. На уровне заплечиков устроено продольное деревянное перекрытие, сохранившееся фрагментарно. Верхняя часть ямы была хаотично заполнена крупными плитами. Длина ямы по дну – 1,75 м, ширина «в головах» – 0,8 м, «в ногах» – 0,6 м, глубина от заплечиков – 0,8 м.

В могиле два погребения, совершенные с небольшим хронологическим разрывом. Первоначально здесь была захоронена женщина 35–45 лет, находившаяся на поздней стадии беременности. На костях таза сохранились косточки плода. Она была уложена в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Ноги не были согнуты в коленях, как предписывает окуневская традиция, вероятно, в связи с беременностью. Погребение сопровождали разнообразные артефакты: «У»-образный предмет из рога косули, костяной игольник с двумя миниатюрными иглами с ушком, несколько подвесок из клыков животных. В восточном углу располагались окрашенный красной краской сосуд и ритуальная чаша на поддоне – «курильница». Внутри сосуда находились две тонкие полированные костяные пластины из ребра животного. С одной стороны они были заострены. Еще две аналогичные пластины значительно большего размера находились в СВ части могилы. Под курильницей найдены медные скобки, а рядом – нож с треугольным лезвием и черешковым насадом.

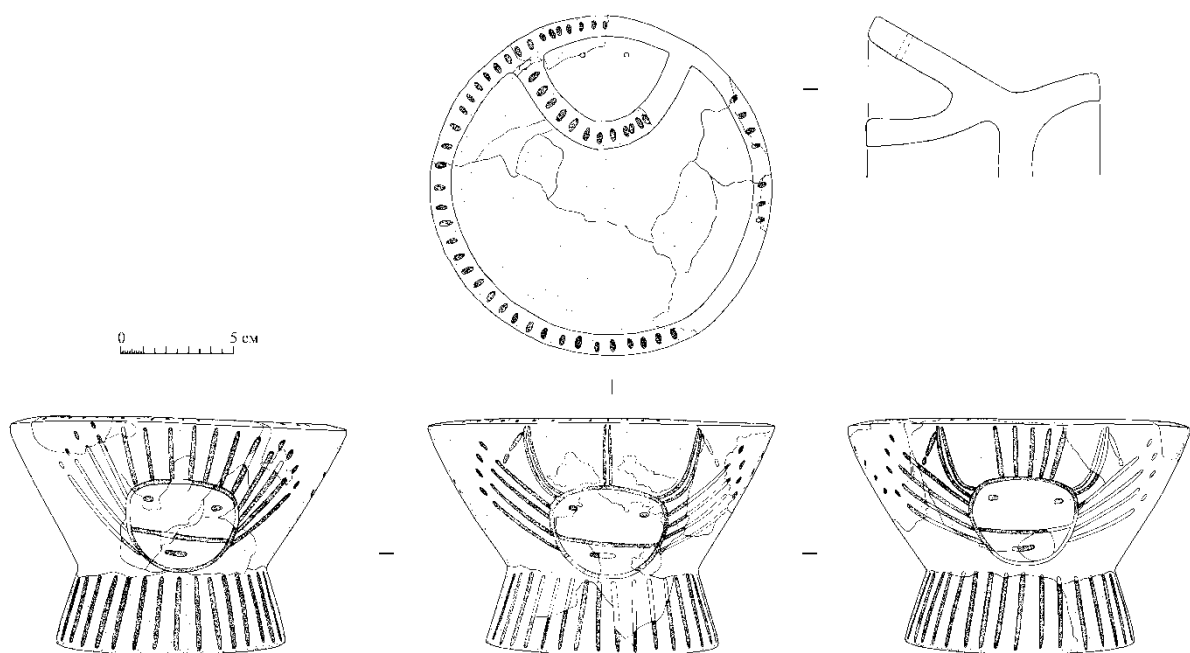
Несколько позднее в могиле было совершено погребение ребенка 7 лет. Он был положен на правом боку вверх левых руки и ноги женщины головой на юго-запад. При этом первоначальное погребение было несколько потревожено: у женщины сломаны правое предплечье и левое бедро, сосуд и курильница опрокинуты и раздавлены. Погребение ребенка сопровождал бронзовый игольник, на основании чего можно предположить, что захоронена девочка. Ее одежда была расшита многочисленными подвесками из зубов различных животных (олень, медведь, волк и др.), бисером и каменными бусами. Также были обнаружены два костяных кольца с насечками и пронизка из позвонка рыбы.

Могила №3, как и весь курган, может быть уверенно датирована ранним, уйбатским этапом окуневской культуры. На это указывают ее форма в виде ямы с заплечиками, характерный сосуд, а также нож с черешковым насадом и костяные колечки с насечками по краю [Лазаретов, 1997]. Это подтверждает радиоуглеродная дата по остаткам деревянного перекрытия: Ле-11434 – 3940±50. После калибровки (OxCal 4.2.4 на основании кривой IntCal 13) эта могила с вероятностью 95,4% может быть отнесена к 2573–2291 гг. до н.э. Эта дата хорошо сочетается с современными данными о хронологии раннего этапа окуневской культуры [Поляков, Святко, 2009, с. 27–29, рис. 4].

Одной из наиболее интересных находок оказалась курильница. Она сохранилась частично, тем не менее может быть почти полностью реконструирована (рис.). Ее высота – около 10,4 см, диаметр чаши – около 16 см, поддона – 10,7 см, цвет поверхности – красновато-коричневый. В одной из стенок чаши имелись два сквозных отверстия

(диаметром не менее 3 мм). Этот участок обособлен от остальной емкости изогнутой перегородкой. На внешней стороне чаши, противоположной отсеку с отверстиями, прочерчен рисунок антропоморфного лика. Показан контур лица, разделенный горизонтальной линией на два яруса, два глаза и рот. С внешней стороны контура имеются рельефные рога быка (каждый рог изображен двумя линиями по контуру). В такой же технике между рогов изображен вертикальный стержень. На концах рогов имеется по одной «подвеске» в виде вертикальной линии с овальной ямкой возле кончика. По бокам лика в стороны и вверх отходят по 4 линии с овальными ямками возле концов. Слева и справа от этого лика прочерчено еще два подобных образа. У них тоже двухъярусная внутренняя структура, по два глаза и по 4 линии по бокам с ямками возле концов, но изображения сверху контура различны: у одного образа имеются рога быка с подвесками и 5 вертикальных линий между ними, у другого – 7 вертикальных линий, а рога отсутствуют. По верхнему срезу стенок чаши радиально нанесены овальные вдавления, аналогичные вдавлениям у кончиков линий-лучей ликов. С внешней стороны поддона прочерчено 36 вертикальных линий.

Стиль изображения ликов на сосуде находит ближайшие аналоги на стелах и плитах раннеокуневского времени из курганов Тас-Хазаа, Большое кольцо, на ряде каменных стел из различных частей Минусинской котловины. Близкий лик с подвесками на концах рогов быка нарисован краской на Шалаболинской писанице. Благодаря находке в датированном погребении могильника Итколь-II возраст этой стилистической группы теперь становится более ясным. За пределами Минусинской котловины определенные параллели найденным рисункам имеются в искусстве каракольской культуры Алтая. С точки зрения прагматики лики на стенках чаши, вероятно, являются образами тех божеств, для обращения к которым использовался этот переносной алтарь [Есин, 2010, с. 67].

Реконструкция ритуальной чаши на коническом поддоне

Библиографический список

- Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997.
- Святко С.В., Поляков А.В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул, 2009.

И.Ю. Понкратова
Северо-Восточный государственный университет, Магадан
КРИТЕРИИ РАННЕГО НЕОЛИТА КАМЧАТКИ
(по данным исследования стоянки Ушки-V,
Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка)

Наиболее полной сегодня периодизацией, хронологией и этнической характеристикой древней истории Камчатки остается схема, предложенная Н.Н. Диковым, на основе изучения им многослойных стоянок на берегу Ушковского озера (Усть-Камчатский район, полуостров Камчатка), где были открыты и исследованы культурные слои от эпохи палеолита до этнографического времени, в том числе и раннеолитический культурный слой [Диков, 1979]. Активизация исследований ушковских стоянок отрядом СВГУ в последние годы [Gomez, Ponkratova, 2016; Pendea and other, 2016; и др.] и, как следствие, получение новых уникальных материалов делают актуальным обращение к рассмотрению проблем, связанных с периодизацией и хронологией каменного века Камчатки в целом и ранним неолитом в частности.

Стоянка Ушки-V находится на Большом мысу Ушковского озера. Координаты стоянки по GPS: N 56°09,969', E 159°56,608'. Высота стоянки над уровнем моря – 37 м, над уровнем реки – 3 и 9 м. Стоянка располагается на расстоянии 1,03 км от Ушковского контрольно-наблюдательного пункта на север. На стоянке сегодня выявлены раннеолитический (или мезолитический по Н.Н. Дикову) и два верхнепалеолитических слоя.

Раннеолитический культурный слой на стоянке Ушки-V залегает в гумусированном суглинке темного серо-коричневого цвета, что согласуется с данными Н.Н. Дикова. Глубина залегания находок – от 1,7 до 2 м. Согласно стратиграфическому описанию и данным тефрохронологии, раннеолитический слой на стоянке Ушки-V залегает между хорошо известными сегодня пеплами вулканов Шивелуч, датируемым 2550 л.н., и Хангар, датируемым 6900 л.н. В связи с этим предварительно датировать раннеолитический культурный слой на стоянке Ушки-V можно от 3 до 6 тыс. л.н.

Инвентарный комплекс (4437 артефактов) раннеолитического культурного слоя стоянки Ушки-V имеет сформировавшийся неолитический облик. На основании анализа артефактов, обнаруженных в неолитическом слое Ушки-V, можно выделить следующие признаки, которые могли бы стать критериями для раннеолитической эпохи полуострова Камчатка: призматические макро- и микронуклеусы; ретушированные наконечники стрел на пластинах; пластинки и пластины, используемые в качестве ножей и фрагменты пластин со следами утилизации, используемые для вкладышевых орудий; скребловидные орудия из обсидиана и базальта; отбойники; сырьевая база для изготовления каменных орудий – обсидиан, кремль, базальт, редко – яшма, керамические сосуды с шаровидными стенками, со слегка отогнутым наружу венчиком, с рядом сквозных отверстий. Керамические сосуды изготавливались из глины с добавлением минеральных примесей искусственного происхождения (дробленый обсидиан), формовка сосуда проводилась на специально подготовленной основе, обработка поверхности внешних стенок – путем обмазки и «прокатыванием шнуром», обжигали сосуды в костре, без использования печей.

Найденная на стоянке Ушки-V керамика, датируемая по тефрохронологии от 3 до 6 тыс. л.н., сегодня является наиболее древней на п-ове Камчатка и обращает внимание на необходимость пересмотра критериев раннеолитической культуры полуострова. Тем более что сегодня на Дальнем Востоке уже известны даже финальнопалеолитические стоянки, в комплекс артефактов которых входит керамика [Лапшина, 1995, с.104–106; Табарев, 1996, с. 59–61; Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 5]. На Сахалине керамика появляется в период раннего неолита (9–7,2 тыс. л.н.) [Василевский, 2008, с. 240–241].

Выявлена стратегия жизнеобеспечения общества, направленная на рыболовство, являющаяся одним из признаков неолитизации. Наличие фигурки рыбки из обсидиана –

предмета, имеющего культовое значение, является фактом определенного уровня духовного развития исследуемого общества. Это самая ранняя, имеющая ритуальное значение находка. Подобные фигурки будут иметь место позднее в комплексах тарьинской культуры [Пономаренко, 2014, с. 212, рис. 23].

Наиболее близкие аналогии материалам неолитического слоя стоянки Ушки-V имеются в комплексе первой ушковской «мезолитической» или раннеолитической культуры (IV культурный слой, стоянка Ушки-I), выделенной Н.Н. Диковым [1979].

Сравнительный анализ материалов неолита стоянки Ушки-V и неолитических культур сопредельных территорий показывает, что прямых аналогий неолитическому слою стоянки Ушки-V нет. Отдельные элементы встречаются почти по всей территории Северной Азии. Некоторое сходство в комплексе отмечено в эпоху раннего неолита на Сахалине, когда доминируют микропластинчатая техника изготовления орудий, орудия на пластинах и отщепах, появляется керамика [Василевский, 2008; Грищенко, 2011]. Но в то же время сами традиции изготовления керамических сосудов различны. Различия прослеживаются в технологии изготовления сосудов (формовочная масса с органикой, заглаживание стенок раковины – на Сахалине, минеральный отощитель, обмазка и «прокатывание шнуром» – на стоянке Ушки-V).

Раннеолитическая культура Камчатки не была культурой земледельцев и скотоводов, как это было в более южных с теплым климатом районах. Суровые климатические условия севера не позволили заниматься населению Камчатки земледелием, данные археологии о занятиях скотоводством в эпоху неолита отсутствуют. Это было общество развитых охотников и рыболовов, о чем как раз и свидетельствуют фаунистические останки и каменный инвентарь раннеолитического культурного слоя исследуемой стоянки Ушки-V.

Настоящее исследование еще далеко от своего завершения. В стадии описания и осмысления находятся сотни артефактов, ожидается получение данных радиоуглеродного анализа для точного определения возраста культурных отложений на стоянке, необходима детальная корреляция имеющихся материалов с неолитом сопредельных территорий.

Библиографический список

- Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2008.
- Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2011.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М., 1979.
- Лапшина З.С. Ранняя керамика на поселении Хумми (Нижний Амур) // Вестник ДВО РАН. – 1995. – №6.
- Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология : сборник. – Вып. 30. – Владивосток, 2014.
- Табарев А.В. Роль керамики и обсидиана в финальнопалеолитических культурах юга Дальнего Востока России // Керамика как исторический источник. – Тобольск, 1996.
- Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1 – СПб., 2012.
- Gómez Coutouly Y.A. Ponkratova I.Y. The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East) Volume 2, 2016 PaleoAmerica Published Online: 26 Sep 2016 Print ISSN: 2055-5563 Online ISSN: 2055-5571 // <http://dx.doi.org/10.1080/20555563.2016.1202722>.
- Pendea F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // Online publication complete: 10-AUG-2015 DOI information: 10.1016/j.quaint.2015.07.033 Quaternary International journal. Homepage: www.elsevier.com/locate/quaint <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618215007090>.

И.А. Пономарева

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург;

Griffith University, Gold Coast, Australia

НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В культурной антропологии существует несколько подходов к пониманию этничности, тем не менее для многих антропологов этничность – это феномен, который может возникнуть только в процессе социального взаимодействия. Этничность – это социальный конструкт, который создается, поддерживается и воссоздается в динамическом процессе повседневной жизни. Процесс создания и поддержания этнокультурной идентичности тесно связан с применением символических инструментов, и мощнейшим таким инструментом является ритуал, так как он позволяет участникам испытать единение с другими членами группы и ощутить особенность и отличие от других. Этнические чувства могут усиливаться или возникать в процессе социального изменения или в условиях угрозы культурной обособленности [Cohen, 1985; Eriksen, 2010; Jenkins, 1997].

В археологии понимание этнокультурных процессов традиционно происходило через приложение концепции археологической культуры, необходимой для упорядочивания элементов материальной культуры во времени и пространстве. Ян Ходдер показал, что материальная культура является активной и может символически применяться при осуществлении различных социальных стратегий [Hodder, 1982].

Наскальное искусство также может быть активным фактором в создании и поддержании идентичностей. Так, исследования наскального искусства Австралии показали, что в регионе Кимберли наскальное искусство играло важную роль в поддержании культурной преемственности аборигенного населения, особенно в периоды значительных перемен. В 1900-е гг., во время белой колонизации региона, многие фигуры Ванджина [Wandjina] были обновлены, чтобы сохранить культурную традицию и поддержать связь с землей [Blundell, Woolagoodja, 2012]. В Кимберли также было отмечено появление новых стилей, мотивов и техник именно в контактный период, что было интерпретировано как реакция местного населения на угрозу социальной сплоченности [Balme, O'Connor, 2015].

Таким образом, памятники наскального искусства в силу своей специфики создают и поддерживают прочную связь их «владельцев» со своим прошлым и своей землей, а само наскальное искусство играет роль некоего хранилища значимых культурных символов, которые через мощные эмоциональные привязанности используются для создания и поддержания групповых и индивидуальных идентичностей. Следовательно, если этничность как динамический феномен может возникать или усиливаться в периоды интенсивных социальных перемен, а изменения в стилях наскального искусства могут быть реакцией на такие социальные перемены и угрозы культурной преемственности, то в таком контексте последние могут быть индикатором возникновения этнокультурной идентичности.

Такой методологический подход может быть применен к изучению стилей наскального искусства Сибири. Автором ранее был проведен анализ ангарского стиля и была выдвинута гипотеза о времени и месте возникновения стиля, а также его дальнейшем распространении [Пономарева, 2016]. Представляется, что ангарский стиль возник в Прибайкалье в раннем неолите, что подтверждается рядом находок костяных и роговых фигурок голов лосей в захоронениях китойской культуры/погребальной традиции. Возможно, далее стиль распространился на восток, в Якутию, где похожие изображения лосей связываются с сылахской раннеолитической культурой [Кочмар, 1992]. Интересно отметить, что китойские погребения связаны с пластом сетчатой керамики, которая также является характеристикой сылахской культуры. На юге Западной Сибири появление ангарского стиля произошло в более позднее время, однако на данный момент существуют две точки зрения на возраст томских лосей. А.И. Мартынов [1997] связывает начало функционирования Томской писаницы с эпохой неолита, в свою очередь, И.В. Ковтун [2001] относит изображения ангарских томских лосей к эпохе бронзы. Недавние исследования хотя и подтвердили

отнесение наиболее ранних томских петроглифов к эпохе бронзы, все же полностью не отказались от возможности их поздненеолитического возраста [Марочкин, Конончук, 2014].

Представляется, что хотя расцвет томской стилистики может быть связан с эпохой бронзы, тем не менее ее корни могут уходить в эпоху неолита и быть связаны с влиянием пришлых групп населения. Материалы неолитических погребальных комплексов в северных предгорьях Алтая и Кузнецкой котловине позволяют говорить о миграциях населения с востока и о включении восточного компонента в неолитические культуры этих районов, однако сам процесс взаимодействия пришлого и автохтонного населения представляется довольно сложным. В.В. Бобров выдвинул концепцию, согласно которой территория юга Западной Сибири в позднем неолите была контактной зоной между культурами Восточной и Западной Сибири [Bobrov, 1988]. Таким образом, на юге Западной Сибири в позднем неолите фиксируется довольно сложная картина межкультурного взаимодействия и миграций. Именно в такой ситуации проявляется необходимость отстаивания собственных культурных особенностей и идентичности.

Среди петроглифов Томской писаницы имеется несколько изображений, которые стилистически неотличимы от ангарских. Возможно, это свидетельство того, что мигранты пытались создать связь с новой территорией через взаимодействие с наскальным искусством. Впрочем, основной массив наскального искусства Томской писаницы отличается исключительным своеобразием и должен рассматриваться как отдельный стиль, который представляет собой реакцию местного населения на угрозу собственной культурной идентичности. Многочисленность стилистически сходных изображений может являться свидетельством неоднократности символического духовного воссоединения местных племен со своей землей и историей. Символика томских лосей оказалась настолько мощной, что реминисценции томского стиля отчетливо видны в стилистике кулайского художественного литья. Ковтун [2001] считает, что ангарский стиль томских писаниц продолжал существовать и в железном веке. Если с этим согласиться, то наскальное искусство на юге Западной Сибири было важным инструментом поддержания культурной преемственности и этнокультурной идентичности на протяжении нескольких тысячелетий.

Библиографический список

Balme J., O'Connor S. A 'port scene', identity and rock art of the inland Southern Kimberley, Western Australia // *Rock Art Research: The Journal of the Australian Rock Art Research Association (AURA)*. – 2015. – №32(1).

Blundell V., Woolagoodja D. *Rock Art, Aboriginal Culture, and Identity: The Wanjina Paintings of Northwest Australia // A Companion to Rock Art*. – Chichester, UK, 2012.

Bobrov V.V. On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B.C. // *Arctic Anthropology*. – 1988. – №25(2).

Cohen A.P. *The symbolic construction of community*. – London and New York, 1985.

Eriksen T.H. *Ethnicity and nationalism. Anthropological perspectives*. – London, 2010.

Hodder I. *Symbols in Action: Ethnoarchaeological Studies of Material Culture*. – Cambridge, 1982.

Jenkins R. *Rethinking ethnicity*. – London, 1997.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. – Новосибирск, 2001.

Кочмар Н.Н. *Стиль и датировка писаниц Якутии // Археологические исследования в Якутии : труды Приленской археологической экспедиции*. – Новосибирск, 1992.

Марочкин А.Г., Конончук К.В. Археологические комплексы и культурно-хронологическая интерпретация петроглифов Нижнетомского очага наскального искусства (историография вопроса) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2014. – Т. 3, №4 (60).

Мартынов А.И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // *Наскальное искусство Азии*. – Вып. 2. – Кемерово, 1997.

Пономарева И.А. К вопросу о выделении ангарского стиля // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2016. – №2. DOI:10.17746/1563-0102.2016.44.2.069-080

Г.Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ
И РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Проблема комплексного подхода к изучению древней керамики рассматривается давно. Предлагаются разные методы анализа [Поплевко, 2011а, б, в, г, д, е; 2012а, б; 2013 а, б, в].

Наиболее интересным и перспективным кажется сочетание естественно-научных методов и традиционных археологических подходов. Именно сочетание данных разных подходов и методов дают нам наиболее полную реконструкцию техники и технологии изготовления древней керамики.

В докладе будут рассмотрены материалы неолита-бронзы юга Восточной Европы и Северного Кавказа с привлечением данных этнографии из разных регионов мира, данных экспериментального моделирования и трасологии.

На примере сосудов майкопской керамики на Северном Кавказе и неолитической керамики Нижнего Дона будут показаны примеры ангобирования сосудов и продемонстрированы примеры ангобирования из современных этнографических данных из разных регионов мира.

На этнографическом примере будет показан процесс изготовления шамота и последующего замеса глиняного теста для формовки керамики.

Показан большой спектр разнообразных костяных лоцил для лощения керамики из различных фрагментов трубчатых костей.

Экспериментально-трасологическое исследование структуры теста керамики показало, что часто глину специально готовили, ее предварительно растирали на каменных глинотерках либо измельчали деревянными пестами в каменных или деревянных ступах. Данные этнографии подтверждают данные наблюдения.

Проведенные этнографические исследования по поиску племен с продолжающейся традицией ручной лепки круглодонных сосудов показали, что приемов лепки значительно больше, чем ранее было предложено для реконструкции техники лепки.

В 2013–2015 гг. были проведены эксперименты по моделированию сосудов с помощью техники выколотки. Была изготовлена целая серия круглодонных и плоскодонных сосудов с помощью техники выколотки, а также с сочетанием разных приемов – ручной лепки и выколотки.

Экспериментально-трасологическое исследование керамики поселения Ракушечный Яр позволило зафиксировать: ручную лепку сосудов лентами; лепку сосудов на форме-основе; лепку сосудов сочетанием приемов – ручной лепки и выколотки на руке деревянной лопаточкой.

Изучение большого разнообразия техники лепки круглодонных и плоскодонных сосудов следует продолжить и провести экспериментальное моделирование разных приемов с целью последующего сравнительного анализа структуры поверхности и стенок сосудов, для выявления характерных признаков разных приемов лепки. Это основная задача экспериментальных и трасологических исследований на ближайшие годы.

Исходя из различных этнографических примеров, пока остается непонятным, что является основой устойчивости культурной традиции в технологии изготовления керамики.

Получается, что можно выделить три модели у разных племен:

1. Племена, сохраняющие преемственность и приверженность старой культурной традиции.
2. Племена, частично заимствующие новые технические устройства для повышения производительности труда, но сохраняющие культурную традицию технологии изготовления готовых форм керамики.
3. Племена, сохраняющие традицию изготовления форм, но подражающие новым веяниям изготовления плоскодонной керамики. Это путь не заимствования технических средств, а результат воздействия новых культурных норм соседей.

Таким образом, культурная традиция изготовления керамики очень устойчива и связана с сохранением мировоззренческих устоев социума. Форма и орнаментация сосудов связана с культурной и мировоззренческой традицией.

Только при очень сильном влиянии соседней культуры она может быть изменена или частично заимствована. Либо эти изменения могли бы произойти при катастрофических событиях, приводящих к исчезновению носителей культурной традиции.

Технологическая традиция более подвижна и чаще заимствуется от соседей либо заимствуются новые технические приспособления, способствующие повышению производительности труда, в частности ручной круг, ножной или электрический круг.

В майкопской культуре сосуды круглодонные, реже с уплощенным дном, практически без орнамента. Как сейчас это уже очевидно, культурную традицию изготовления керамики майкопской культуры принесли носители позднего восточноанатолийского халколита. Следовательно, в ранней бронзе уже были колонии-поселения из Восточной Анатолии по типу античных. Вместе с первыми поселенцами пришли мастера-гончары, которые принесли эту традицию.

В материалах двух поселений майкопской культуры в районе Новороссийска (Натухаевское и Катусвина Кривица, раскопки А.А. Шишлова) была обнаружена майкопская керамика с росписью красной краской.

В Анапском районе Краснодарского края, примерно в 50 км от Новороссийска, на поселении Чекон была обнаружена глиняная печать.

Вторая печать была обнаружена А.А. Нехаевым в подкурганном майкопском погребении у села Красногвардейское в Адыгее.

Скорее всего, основной импульс с Переднего Востока был именно на Северо-Западный Кавказ.

Библиографический список

Поплевко Г.Н. Методический подход к комплексным трасологическим, экспериментальным и естественнонаучным исследованиям // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. – Омск, 2011а.

Поплевко Г.Н. Статистический анализ керамики нижних слоев неолитического поселения Ракушечный Яр и некоторые экспериментальные наблюдения по ее орнаментированию // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. – СПб., 2011б.

Поплевко Г.Н. Методика экспериментальных исследований по моделированию лепной керамики // Материалы III археологического съезда. – Старая Русса, 2011. – 2011в.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по лепке и обжигу лепной керамики // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии : материалы Международной научной конференции (г. Самара, 17–18 июня 2011). – Самара, 2011г.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по лепке сосудов из разных глин на твердой основе // Экология древних и традиционных обществ : сборник докладов конференции. – Тюмень, 2011д. – Вып. 4.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по формовке и обжигу лепных керамических сосудов // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова) : сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. – Сухум, 2011е.

Поплевко Г.Н. Экспериментальное моделирование керамики эпохи неолита // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2012а. – Вып. 7.

Поплевко Г.Н. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения : материалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2012б.

Поплевко Г.Н. Комплексное исследование и реконструкция древних технологий (методический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов Международного симпозиума. – Т. 1. – Иркутск ; Омск, 2013а.

Поплевко Г.Н. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Материалы Шестой международной Кубанской археологической конференции. – Краснодар ; Широкая Балка, 2013б.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2013в. – Вып. 28.

Г.Н. Поплевко¹, Т.Ю. Гречкина²

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

²ГНПУ «Наследие», Астрахань

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАЙБЕК ПО ДАННЫМ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ

Трасологические исследования в археологии стали возможны после разработок С.А. Семенова [1957]. Его экспериментально-трасологические исследования позволили определять функции основных орудий в древних коллекциях. Его ученица Г.Ф. Коробкова [1987, с. 9, 15–16] стала первой исследовать материалы всей коллекции памятника и проводить реконструкцию хозяйственной деятельности на поселении или стоянке. Именно она вслед за С.А. Семеновым продолжила широкое исследование материалов эпохи неолита. Она вводит понятие «функциональная типология» и пытается приспособить или «наложить» типологию на данные трасологических исследований. Дальнейшее развитие методики комплексного исследования материалов эпохи мезолита-ранней бронзы предложила Г.Н. Поплевко [1993; 2003а, б; 2007; 2008]. Подход Г.Н. Поплевко к комплексному исследованию каменных индустрий состоит, прежде всего, в использовании и одновременном соотношении данных трех методов исследования (типологического, технологического и трасологического). Все изделия в количестве 1251 экземпляра были исследованы под микроскопами МБС 9 с увеличением до $\times 100$ раз; МС-2CR-ZOOM (до $\times 160$ раз) и «Микромер ПОЛАР 1» (до $\times 400$). Ранее нами были опубликованы результаты комплексного исследования небольшой выборки скребков из 125 экземпляров [Поплевко, Гречкина 2015; 2016]. Итоги ее исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение данных типологического и трасологического анализа материалов стоянки Байбек (на примере небольшой выборки одной категории орудий – скребков)

Категория орудий/ функции орудий	Данные типологического анализа		Данные трасологического анализа	
	экз.	%	экз.	%
Форма – скребки:				
Скребки со скошенным лезвием	44	35,2		
Скребки поперечные со скошенным лезвием	27	21,6		
Скребки с округлым лезвием	25	20		
Скребки на проксимальных концах	5	4		
Скребки на отщепах	15	12		
Обломки рабочих лезвий скребков	9	7,2		
Функция:				
Скребки для дерева			13	7
Скребки для камня/ракушки			9	5
Скребки для кости/рога			36	19,8
Скребок для шкур			61	33,5
Скобель для дерева			6	3,3
Скобель для кости/рога			3	1,6
Строгальный нож для кости/рога			5	2,7
Резчик для кости/рога			5	2,7
Резчик для дерева			4	2,2
Сверло для дерева			3	1,6
Ретушер			2	2,2
Вкладыш ножа для мяса			33	18
Проколка			2	2,2
Итого:	125	100%	182	100%

Если типологически это одна категория скребков с разной морфологией рабочего лезвия, то трасологически это большой набор (почти 30%) не только скобящих орудий. Трасологический метод помогает значительно расширить наши представления о хозяйственной деятельности на стоянке Байбек (таблица 2).

Таблица 2. Хозяйственный комплекс орудий стоянки Байбек
(на примере небольшой выборки скребков)

Обработка кости (рога)		Обработка мяса, шкур		Обработка дерева		Обработка камня, ракушки	
Скребки	36	Скребки	61	Скребки	13	Скребки	9
Скобель	3	Вкладыш ножа	33	Скобель	6		
Строгальный нож	5	Проколка	2	Сверло	3		
Резчик	5			Резчик	4	Ретушер	2
Итого:	49		96		26		11
100%	27%		53%		14%		6%

Эта выборка концевых скребков распределяется на все обрабатываемые материалы. Наибольшее количество составляют орудия по обработке мяса, шкур – 53%, почти в два раза меньше представлены орудия по кости, рогу – 27%. Орудия по дереву составляют только 14%, а орудия по обработке мягкого камня, ракушки – 6%. Важно отметить, что собственно скребки в таблице 2 в сумме составляют 119 экземпляров, или 65,4% от общего количества. Более одной трети орудий на заготовках – концевых скребках – были использованы в других функциях и по разным обрабатываемым материалам. По итогам исследования этой группы изделий мы видим, что хозяйственная деятельность на стоянке была разнообразной. Здесь типологические формы скребков использовались как заготовки разнообразных вкладышевых орудий для других функций. В функции скобления было использовано 70,3% изделий (скребки и скобели), оставшиеся орудия применялись в других функциях.

В заключение следует отметить важность комплексного (типологического и трасологического) исследования кремневых орудий и соотношения полученных данных, так как такой подход позволяет увидеть разнообразное функциональное использование типологически однородных орудий, в частности, концевых скребков, и проводить более полную хозяйственную реконструкцию. На примере небольшой выборки орудий показано, что одна треть от всех трасологически выделенных орудий: 1) использовалась в других функциях; 2) использовалась по разным обрабатываемым материалам.

Объем издания не позволяет подробно представить итоги исследования всей коллекции типологически выделяемых скребков (756 экземпляров) из всей изученной коллекции в количестве 1251 экземпляров разных изделий. Материалы этих исследований будут представлены в докладе авторов.

Библиографический список

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. – №54. – М.; Л., 1957.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л., 1987.

Поплевко Г.Н. Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения Константиновское на Нижнем Дону // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов) / отв. ред. В.И. Тимофеев. – СПб., 2003а.

Поплевко Г.Н. Методический аспект комплексного исследования пластинчатых индустрий (на материалах поселения Кременная III) // Кияшко В.Я. Археологические записки (Донского археологического общества). Вып. 3. Каменный век. – Ростов н/Д, 2003б.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. – СПб., 2007.

Поплевко Г.Н. К проблеме развития методики комплексного исследования каменных индустрий // М.А. Плавинскі, М.В. Сідаровіч. Acta Archaeologica Albaruthenica. – Vol. III (Вып. 3). – Мінск, 2008.

Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. Вкладышевые орудия стоянки Байбек (по данным трасологического анализа) // Методы изучения каменных артефактов. – СПб., 2015.

Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. К вопросу о соотношении формы и функции скребков (по материалам неолитической стоянки Байбек) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2016. – Т. 18, №6.

А.В. Постнов

Институт археологии и этнографии СО РАН,

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ЗОНЕ АКТИВНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Спасательные археологические раскопки – это раскопки, проведенные методами научных исследований. Однако от чисто научных исследований их отличает то, что проводятся они в установленных техническим заданием площадях и сроках. Поэтому сроки получаются сжатые, работы – более интенсивные, а требования к фиксации материала – такие же, как при чисто научном исследовании.

Оптимизация методики производства археологических спасательных работ имеет свои положительные и отрицательные стороны. В качестве положительных сторон, на первый взгляд, выступает более четкая организация процесса раскопок, планирование вскрываемых объемов, специализация раскопщиков на фотографов, шифровальщиков, съемщиков, чертежников и т.п. Однако наряду с этим появляется обратная сторона этих «преимуществ». Специализированные на отдельных операциях люди не видят раскоп. Хорошо владея промежуточными этапами работы, допускают досадные промахи «в общем». План и стремление строго соответствовать графику работ сильно сокращает время над осмысливанием вскрытой площади. Безусловным положительным фактором выступает требования более точной геодезической привязки координат сетки раскопа.

Появление компьютерных технологий обработки материала производит много новых форм полевой документации, не предусмотренной как обязательные элементы к хранению в архивах. Это мультимедийные файлы аудио- и видеозаписей, огромное количество цифровых снимков, файлы записей координат тахеометров или GPS-оборудования. Многообразие форм хранения, расширенная структура документации подталкивают некоторых исследователей к варианту использования цифровой документации в качестве основной. Цифровая документация не может полностью заменить ее бумажный аналог. Соотношение цифрового и «бумажного» в документах – вопрос по-настоящему актуальный.

Требования к документации кроме надежности хранения в науке приняты, как принципы. Действительно, приступая к раскопкам памятника, исследователь создает документ, археологический источник, как «новую реальность» – «единственную реальность» на данный момент. И для того чтобы «новая реальность» была ближе к действительности, необходимы возможности возникновения других «реальностей», т.е. других точек зрения, гипотез, теорий по поводу этого памятника или комплекса. И эти возможности должны быть заложены изначально в методику раскопок как высокодетальная фиксация фактов, позволяющая на этой основе делать различные предположения относительно причин и природы их существования.

«Вес» правильно зафиксированного факта в археологии возрастает независимо от того, является ли он «научным». Главным критерием «веса» факта является его достоверность, которая достигается соответствующими приемами фиксации и методами первичной обработки. Принципы достоверности реализуются в требованиях, которые должны соблюдаться в процессе исследований объектов культурного наследия. Этими требованиями должны являться: полнота и точность документов; введение определенного уровня корректности работ; постоянная верификация; фальсифицируемость следствий; фиксация фактов в индивидуальных именах и сингулярных высказываниях; табличная запись фактов и составление дублирующей базы данных; эмпирическое описание элементов и определение общих понятий методом установления более короткого обозначения; доступность материалов раскопок и обработки информации.

Обсуждение конкретных методов спасательных раскопок объектов культурного наследия на основе этих требований позволит создать устойчивые унифицированные приемы по фиксации и первоначальной обработке археологического материала.

Н.Е. Прилепская¹, Т.В. Кузнецова¹, А.Н. Бессуднов², Е.А. Чижикова³, А.А. Бессуднов⁴

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва;

²Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк;

³Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Воронежская область;

⁴Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ИЗУЧЕНИЕ МИКРОСТРУКТУРЫ ЗУБОВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОЗРАСТА И СЕЗОНА ГИБЕЛИ ПОЗДНЕНЕОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ЛОШАДЕЙ *Equusferus* (Boddaert, 1785) ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ДИВНОГОРЬЕ-9 (Воронежская область)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №14-06-00438

Изучение микроструктуры зубов млекопитающих является хорошо зарекомендовавшим себя методом определения индивидуального возраста и сезона гибели животных. В исследовании применялся метод, разработанный Г.А. Клевезаль [Клевезаль и др., 1967; Клевезаль, 1988, 2007] и дополненный А.М. Бурке [Burke, 1992]. Материалом послужили зубы диких поздненеоплейстоценовых лошадей *Equusferus* из местонахождения Дивногорье-9 (Воронежская область). Использовались постоянные зубы, преимущественно коренные и предкоренные. Исследовались слои нарастания в зубном цементе.

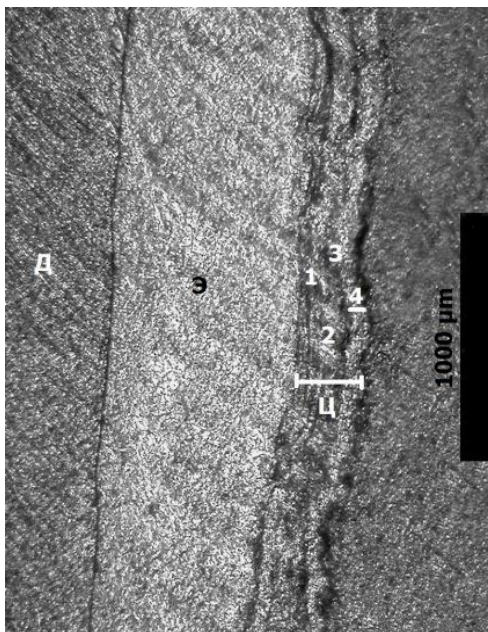
Местонахождение Дивногорье-9 относится к археологическим памятникам поздней поры верхнего палеолита. С 2007 г. здесь проводятся регулярные археологические раскопки под руководством А.Н. Бессуднова. В местонахождении было обнаружено семь костеносных горизонтов [Лаврушин и др., 2010; Бессуднов и др., 2012; Бессуднов и Бессуднов, 2016; Kuznetsova et al., 2014]. Остеологический материал отбирался непосредственно из 6-го, 5-го и 2-го костеносных горизонтов и представлен тремя поврежденными челюстями и 25 зубами (20 щечными зубами и 5 резцами), из которых 15 зубов относились к 6-му костеносному горизонту, 4 зуба – к 5-му и 6 зубов – ко 2-му горизонту.

Всего было изготовлено 30 шлифов, которые изучались в поляризованном, отраженном и проходящем естественном свете. Из-за относительно плохой сохранности материала удалось получить лишь 10 информативных шлифов зубов, принадлежащих разным особям и относящихся к разным костеносным горизонтам: 5 образцов – к 6-му горизонту, 2 образца – к 5-му, 3 образца – ко 2-му горизонту.

Ежегодно на зубах лошади формируется основной цементный слой, состоящий из летнего и зимнего элементов, которые откладываются в известной сезонной последовательности. Летний элемент в цементе лошади формируется обычно с мая по октябрь, хотя может начать откладываться и несколько раньше – в марте/апреле. Отложение цемента замедляется в ноябре. Зимний элемент образуется с декабря по март/апрель [Клевезаль, 1988; Burke, 1992]. Соответственно, по последнему отложенному элементу основного цементного слоя можно судить о сезоне гибели животного. Проведенный анализ регистрирующих структур в зубном цементе 10 образцов из слоев 6, 5, 2 показал сходный сезон гибели для всех исследуемых животных независимо от слоя – весна – начало лета (рис.). Полученные результаты в сочетании с геологическими и археологическими данными дают возможность реконструкции причин гибели лошадей и их последующего захоронения.

Анализ микроструктуры зубного цемента позволяет оценить возраст животного с точностью до года. Годовые слои в цементе обычно считают по числу зимних элементов слоя (рис.). Поскольку определение возраста лошадей происходит по зубам, которые прорезаются не раньше, чем в конце первого года жизни животного, необходимо учитывать возраст появления первого слоя цемента на соответствующем зубе и вносить поправку [Клевезаль и Клейненберг, 1967; Клевезаль, 1988, 2007]. Индивидуальный возраст двух лошадей из слоя 6 составил 2–3 года, возраст трех других особей из 6-го слоя составил 3–4, 4–5 и 5–6 лет. Для обеих особей из слоя 5 возраст оказался

одинаковым и составил 2–3 года. Индивидуальный возраст трех лошадей из слоя 2 составил 2–3 года, 3–4 и 8–9 лет. Таким образом, индивидуальный возраст исследованных лошадей *Equus ferus* из слоев 6, 5, 2 варьируется от 2 до 9 лет.

Ростовые слои в зубном цементе *Equus ferus*. Фото шлифа внешней части первого моляра.

Экз. Д-9-2014/сл. 2/кв. Д5/№403р. Местонахождение Дивногорье-9. Д – дентин; Э – эмаль; Ц – цемент;

1, 3 – зимние элементы нарастания цемента; 2, 4 – летние элементы нарастания цемента. В цементе наблюдается начало образования нового летнего элемента (цифра 4), который окончательно не сформировался.

Таким образом, сезон гибели – весна – начало лета. Наблюдается два зимних элемента (цифры 1 и 3).

Следовательно, животное перезимовало минимум 2 раза. Индивидуальный возраст особи составил 3–4 года

Авторы выражают глубокую благодарность и признательность за всестороннее содействие и помощь заведующему кафедрой палеонтологии МГУ им. М.В. Ломоносова профессору И.С. Барскову, ведущему научному сотруднику лаборатории постнатального онтогенеза Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН Г.А. Клевезаль, профессору кафедры антропологии Монреальского университета А.М. Бурке.

Библиографический список

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А. Направления комплексных исследований палеолитических памятников в Дивногорье // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – №1 (222). – Вып. 37.

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007–2011 гг.) // КСИА РАН. – Вып. 227. – 2012.

Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. – М., 2007.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М., 1988.

Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости. – М., 1967.

Burke A.M. Prey Movements and Settlement Patterns during the Upper Palaeolithic in Southwestern France. PhD Dissertation. – New York, 1992.

Kuznetsova T., Bessudnov A., Zaretskaya N., Panin A., Bessudnov A., Burova N. Eight thousand of horses' bones and none of woolly mammoth! // VIth International Conference on Mammoths and their Relatives. 5–12 May 2014. Grevena-Siatista. Greece.

В.Е. Приходько

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино
ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ В СВЕТЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17–05–01151 «Реконструкция природной среды на основе комплексного изучения геоархеологических архивов лесостепных и степных регионов Евразии»)

Исследовали палеопочвы ряда археологических памятников степной зоны Предуралья, Зауралья и Центральной Азии. Сравнивали погребенные древние современные почвы. Выявлены физические, химические, микробиологические свойства почв. Также проводили исследования палиноморф, выделенных из древних и современных почв. Для всех объектов определен возраст сооружения методом радиоуглеродного датирования.

Изучали культурный слой (КС) поселения Березовая Лука Алтайского края, функционировавшего 4,1–3,7 тыс. л.н. (кал. 1σ, дата по углям). КС имеет мощность до 20 см и залегает ниже 3 м в обрыве пойменной террасы р. Алей, притока р. Оби. В нем отмечается значительная насыщенность костями животных, фрагментами керамики, бытовым мусором. Исследовали также поверхностный горизонт древней аллювиально-луговой почвы, перекрывающей КС (2370 ± 90 л.н., кал., 1σ, дата по гуминовым кислотам почв) [Кирюшин и др., 2005, с. 137] (работа проведена с Е.Г. Пивоваровой, А.А. Тишкиным и др.).

В КС наблюдается концентрирование фосфора, серы, калия, хрома, марганца, рубидия, мышьяка, свинца, кадмия, циркония, что связано с хозяйственной деятельностью древних людей. При обеднении органическим веществом (С **орг** 0,4%) и обогащении подвижным фосфором (P₂O₅ 17 мг/г) КС поселения характеризуется значительной численностью и биомассой спор грибов и средним количеством биомассы бактерий и мицелия грибов [Полянская и др., 2016, с. 1203]. Это свидетельствует о значительной насыщенности КС микробными ценозами 4 тыс. л.н. и их частичном сохранении в настоящее время, что обусловлено большим концентрированием в нем продуктов жизнедеятельности древних людей. На основании палинологического анализа (Рогозин Е.П., Киев) выявлено, что во время формирования КС и палеопочвы над ним климат был влажным и довольно прохладным.

Укрепленное поселение Аркаим – выдающийся памятник эпохи бронзы Евразии открыт в 1987 г. в Челябинской области, (вв. до н.э.: 17–16 некалиброванные даты и 21–19 кал. 1 σ) (СШ 52°37–40', ВД 59°32–37'). В Аркаимской долине выявлено более ста исторических памятников разных эпох, в основном бронзового века. Аркаим – одно из 22 поселений синташтинской археологической культуры Южного Зауралья [Зданович, Ботанина, 2007, с. 40–54].

Палеопочвы, сохранившиеся под основаниями стен поселения Аркаим, характеризуются морфологическими и рядом физико-химических свойств, близкими к фоновым аналогам. Однако в древних почвах Аркаима по сравнению современными отмечается меньший запас углекислых и легкорастворимых солей. Это свидетельствует о том, что природные условия эпохи были несколько более увлажненными. Аналогичные данные получены для подкурганной почвы близкого с Аркаимом возраста у п. Александровский, располагающегося в Аркаимской долине [Иванов, Чернянский, 1996, с. 1051].

Этот вывод подтвержден данными спорово-пыльцевого анализа, выполненного проф. Н.П. Герасименко [Приходько и др., 2014, с. 42–49]. Произрастание сосновых лесов с папоротниковым покровом, примесь влаголюбивых пород (ольхи, ели), а также низкое участие в составе степной растительности ксерофитов и галофитов, значительная роль лугового разнотравья соответствуют более влажным климатическим условиям, чем современные. Наличие пыльцы широколиственных пород (вяза, клена татарского и липы), рогоза и конопли может свидетельствовать о несколько более теплом климате, чем в настоящее время. Судя по результатам спорово-пыльцевого и фитолитного анализов, климат во время сооружения стены поселения был несколько влажнее и теплее современного. Обсуждается проблема появления земледелия. Для поселения Каменный

Амбар того же возраста, что и Аркаим, палинологические исследования также выявили более гумидные условия по сравнению с современными [Stobbe et al, 2015, с. 16].

Исследовали два кургана у д. Каранаево и д. Услы Стерлитамакского и Стерлибашевского районов, Республики Башкортостан, находящихся в 30 км друг от друга и сооруженных срубной популяцией, проживавшей ~3500 (некалиброванные даты) и 3850–3770 (кал., 1 σ) лет назад в Предуральской лесостепи (СШ 53°36,130'; ВД 55°14,155', высота 259 м; СШ 53°43,820' и ВД 55°35,627', высота 185 м соответственно). Палинологические данные, выполненные Е.П. Рогозиным (Киев), указывают, что в регионе в этом хроноинтервале климат был более влажным, чем в настоящее время, о чем свидетельствует большее содержание мезофитных компонентов и меньшее – ксерофитов в ископаемых палиносpectрах по сравнению с современными [Приходько и др., 2016]. В срубный период теплообеспеченность была близка современной или несколько меньше, судя по небольшому содержанию пыльцы широколиственных деревьев фоссильных палиносpectров. Растительный покров был представлен злаково-разнотравными степями и небольшими лесами из березы и единично – липы, а пыльца сосен (*Pinus sylvestris* и *P. sibirica*), вероятно, была заносной.

По свойствам фоновые и древние черноземы Башкортостан имеют большое сходство. Различаются они содержанием органического вещества. Реконструированное его содержание в слое 0–40 см палеопочв больше, чем в современных почвах с учетом того что, за 3500 лет минерализовалось 60% гумуса [Иванов, 1992, с. 32–33]. Это может свидетельствовать о более благоприятном климате срубного времени по сравнению с современными условиями и подтверждает данные палинологии.

Исследован могильник Белое Озеро 3 в Турано-Уюкской котловине Тывы (СШ 52°04,458'; ВД 93°44,092', высота 840 м). В основании четырех скифских курганов возрастом 2465–2380 (некалиброванные даты) и 2550–2390 (кал., 1 σ) л.н. и окружающем их кольце лежат камни. Памятник относится к уюкской культуре [Килуновская и др., 2013, с. 1]. По палинологическим данным, полученным д.б.н. Т.А. Бляхарчук (Томск), климат в течение хроноинтервала 2550–2390 (кал., 1 σ) л.н. в основном был близок к современному. В период 2425 л.н. происходило его некоторое иссушение. О чем свидетельствует меньшее содержание пыльцы дальнезаносных видов деревьев, спор, и большее – ксерофитов в древних почвах, а также сокращение площади более влаголюбивых тундро-альпийский видов. В изученном хроноряду четырех курганов отмечено постепенное усиление антропогенной нагрузки на растительный покров. Преобладали пространства с безлесной растительностью и небольшими участками разреженных лиственничников по увлажненным ареалам, площадь которых была обширнее, чем сейчас. Фоновые и древние почвы имеют большое сходство, и реконструированное содержание С орг слоя 0–10 см древних и целинных почв близко, а слоя 10–30 см – меньше целинных. Эти данные свидетельствуют о палеоклимате, который в целом не противоречит палинологическим данным.

Библиографический список

Дирксен В.Г., Чугунов К.В. Турано-Уюкская котловина Тывы: изменения природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб., 2007.

Зданович Г.Б., Батанина И.В. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим горизонты исследований). – Челябинск, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул, 2005. – Т. 1.

Полянская Л.М., Приходько В.Е., Ломакин Д.Г., Чернов И.Ю. Численность и биомасса микроорганизмов в древних погребенных и современных черноземах разного землепользования // Почвоведение. – 2016. – №10.

Приходько В.Е., Иванов И.В., Зданович Д.Г., Зданович Г.Б., Манахов Д.В., Инубуши К. Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования. – М., 2014.

А.С. Проценко

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа

СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-31-00010
«Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур
Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века»)

Работа посвящена анализу погребальных комплексов могильников раннего железного века лесостепной зоны Южного Урала, относящихся к одной из самых ярких этнокультурных образований Предуралья – кара-абызской археологической культуре.

На данный момент источниковая база погребальных памятников кара-абызской культуры состоит из 8 могильников, на которых более чем за 100 лет исследовано 1435 погребений [Проценко, 2016, с. 45]. Для статистического анализа нами были сформирована случайная выборка, в которую вошли материалы следующих грунтовых могильников: Охлебининского (496 погребений) [Пшеничнюк, 1965, 1980, 1981]; I Биктимировского (68 погребений) [Сальников, 1962; Пшеничнюк, 1963, 1964]; III Биктимировского (17 погребений) [Пшеничнюк, 1964], всего – 581 захоронение. При критерии значимости $= 0,95$ это означает нижний порог представительности признака $= 0,7\%$ [Генинг и др., 1994, с. 64].

Из 119 фиксируемых признаков погребального обряда могильников кара-абызской культуры (из них 64 – ассортимент сопровождающих погребенного вещей) представительными для рассматриваемой выборки являются 88, оперируя которыми мы можем дать статистически обоснованную суммарную характеристику погребального обряда кара-абызской культуры IV в. до н.э. – II–III вв. н.э. Она выражается в следующих признаках, представительных для анализируемой случайной выборки. Все могильники относятся к категории крупных (более 50 погребений), на которых захоронения совершались по обряду ингумации в простых могильных ямах, глубиной от современной поверхности от 0,5 до 1,5 м. Деревянная подстилка зафиксирована в 9% погребений (от общего количества анализируемых погребений) и в 14% одна или несколько стенок обложены камнями. Захоронения одиночные, там, где пол установлен (в общей сложности 51,3% погребений (в основном – по составу погребального инвентаря)), женские, мужские и детские представлены примерно поровну: 18,5; 16,3 и 16,5% соответственно.

Касаясь антропологического изучения останков «кара-абызцев», необходимо отметить, что, несмотря на значительное количество исследованных погребальных комплексов, сведений по антропологии получено немного, что наглядно продемонстрировал в одной из своих работ А.А. Нечвалода [2012, с. 249–251].

Поза погребенных – вытянуто на спине, головой на северо-запад (38,5%) либо юго-запад (14,3%). В качестве ритуальных признаков в погребениях был обнаружен сосуд, установленный в изголовье могилы (9,3%) или у ног (20,1%). В 33% погребений зафиксированы кости животных в изголовье и 3,7% у ног.

Абсолютно преобладают погребения с вещами (безынвентарных всего – 12,5%). Сопровождающий инвентарь: стрелы железные (18%), бронзовые (7,8%), костяные (5,9%), меч (5,4%), наконечник копья (16,2%), поясные накладки (19,2%), наконечник пояса (11%), поясная пряжка (17,7%), портупея (2,5%), подвески трапециевидные (13,8%), перстень (10,2%), браслет (1,8%), 1–5 бусин (18,5%), ожерелье (18%), обоймы различных форм (31%), мелкие круглые бляшки (22%), бляхи-зеркала (12%), нож (43%), пряслице (13,1%).

Таким образом, на протяжении нескольких столетий функционирования рассматриваемых могильников (IV в. до н.э. – II в. н.э.) погребальный обряд носителей кара-абызской культуры существенно не менялся. Могильные ямы не нарушают друг друга, а в расположении некоторых могил намечаются ряды (Биктимировские

могильники). Исключение составляет Охлебининский могильник, где погребения расположены очень густо и часто нарушают друг друга [Пшеничнюк, 1973, с. 175].

Если сравнить результаты, полученные исследователями по сравнительно-типологическому анализу погребальных памятников ананьинской культурно-исторической общности (АКИО) Волго-Камья [Чижевский, 2008; Иванов, 2016], которая традиционно считается генетической основой кара-абызской культуры, и собственно кара-абызских, то мы получим существенные различия. Во-первых, могильники АКИО существенно беднее кара-абызских (36,4% безынвентарных погребений [Иванов, 2016, с. 5], против 12,5% кара-абызских). Во-вторых, ассортимент категорий и типов сопровождающего инвентаря у «кара-абызцев» значительно разнообразнее ананьинских АКИО [Иванов, 2016, табл. 1]. Возможно, этому способствовало и пограничное положение кара-абызской территории на стыке двух больших природных зон – лесного севера и степного юга, что интенсифицировало культурные и этнические контакты между населением этих районов, отразившиеся в археологическом материале [Пшеничнюк, 1973, с. 162]. Но в целом результаты сравнительно-статистического анализа ананьинского и кара-абызского погребального обряда не дают оснований настаивать на прямой генетической связи двух этих культур.

Библиографический список

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) – Киев, 1990.

Иванов В.А. О локальных вариантах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?) // Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации. – Казань, 2016 (в печати).

Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-Абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: Третьи Кузеевские чтения. – Уфа, 2012.

Проценко А.С. Погребальные комплексы кара-абызской культуры (очерк истории накопления источниковой базы) // КЛИО. – 2016. – №9(117).

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирской АССР за 1963 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. №2676.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологической экспедиции за 1964 г. // Научный архив Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 639.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологической экспедиции за 1965 г. // Научный архив Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 640.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. – Т. 5. – Уфа, 1973.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1980 г. // Научный архив Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 94.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1981 г. // Научный архив Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 104.

Сальников К.В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 589.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 5. – Казань, 2008.

А. Д. Пряхин
Воронежский государственный университет, Воронеж
АРХЕОЛОГИЯ В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ
В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Поскольку во время Великой Отечественной войны архив Воронежского университета оказался утраченным, имеющиеся сведения о развитии археологии в ВГУ в первое десятилетие его существования крайне отрывочны. Но и их достаточно, чтобы говорить о серьезном развитии археологии в университете в то время. Возникший в 1918 г. на базе эвакуированного в Воронеж Юрьевского (бывшего Дерптского) университета ВГУ возглавил член-корреспондент Академии наук, известный специалист по древней и средневековой истории Византии В.Э. Регель, в сфере научных интересов которого археологические объекты оказались еще в 80–90-х гг. XIX в., когда он неоднократно направлялся в зарубежные командировки для приготовления к профессорскому званию и для выполнения исследовательских тем. Тогда, собственно говоря, и сформировалось его уважительное отношение к археологии как к источнику для получения дополнительной информации о предшествующих эпохах в истории человечества. На посту ректора ВГУ он оставался до 1925 г. Затем после смещения с этой должности он непродолжительное время возглавлял университетский музей древностей и изящных искусств. Бережно относясь к традициям классических российских университетов, он воспринимал и те новые веяния, которые имели место в то время (к примеру, факт закрытия исторического отделения, а вскоре и упразднение историко-филологического факультета). Он поддерживал идею организации в 1920 г. в Воронеже отделения Московского археологического института, предприняв ряд шагов, способствовавших тесному взаимодействию отделения, в составе которого был и археологический факультет. К сожалению, отделение в 1922 г. оказалось закрытым.

Среди студентов ВГУ и слушателей отделения был одновременно учившийся там и там впоследствии один из ведущих исследователей палеолита в стране С.Н. Замятнин, окончивший университет в 1924 г. В.Э. Регель покровительствовал стремлению С.Н. Замятнина заниматься археологией. В 1922 г. С.Н. Замятниным опубликована небольшая по объему книга «Очерки по доистории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губ.». Ознакомившись с содержанием книги, нетрудно убедиться в том, что ее автор – это вполне сформировавшийся исследователь, излагающий свое видение доисторической (первобытной) археологии. К тому времени С.Н. Замятнин изучил имевшиеся в Воронежском музее краеведения коллекции находок из раскопок в Костёнках польского исследователя С. Круковского, постепенно склоняясь к убеждению, что сам он будет заниматься проблематикой палеолита. Это предопределило и его стремление пригласить для проведения исследований в Костёнках и Боршево известного исследователя палеолита П.П. Ефименко, который впоследствии станет его научным руководителем. В архиве Воронежского краеведческого музея есть написанные С.Н. Замятниным «Заметки о проведенных им на территории Воронежской губернии исследований городищ и курганных могильников эпохи средневековья». Нелишним будет отметить, что С.Н. Замятниным предпринимаются усилия по привлечению внимания В.А. Городцова к воронежской археологии. Надо думать, по поручению В.А. Городцова им были подготовлены предложения по проведению полевых археологических исследований на территории губернии, предназначавшихся для последующего включения этих работ в общий перечень археологических исследований на территории России. С.Н. Замятнин и после окончания ВГУ продолжает тесно контактировать с рядом ученых вуза, не являвшихся археологами. Также первое знакомство Замятнина в будущем с одним из ведущих специалистов по изучению новокаменного века М.Е. Фосс произошло, когда она училась в Воронеже.

Сказанное убеждает в том, что Воронежский университет уже в первое десятилетие своего существования оказывал влияние как на характер и направленность проведения полевых археологических исследований, прежде всего, на территории Воронежской губернии, так, впрочем, и на профессиональную подготовку специалистов-археологов.

О.А. Радюш
Институт археологии РАН, Москва
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-01-00228
«Погребения варварской знати эпохи великого переселения народов на территории
Днепровского лесостепного левобережья в контексте синхронных
археологических памятников региона. Старые находки и новые изыскания»

Памятники черняховской культуры (вт. пол. III – нач. V вв.) занимают северо-восток Румынии, всю территорию Молдавии, значительную часть территории Украины. На территории России они распространены в Курской и Белгородской области и связаны с верховьями левобережных притоков Днепра – Пслу, Ворскле, Сейму, а также с верховьями Северского Донца.

Исследования памятников черняховской культуры на левобережье Днепра активно началось в послевоенное время – к началу 2000 гг. в Курской и Белгородской областях их было открыто около 150 [АКР Курской обл., ч. 1 и 2; Обломский, 2001]. Раскопки и разведки были фактически прекращены к середине 1990-х гг. и возобновлены в 2002–2003 гг., когда был начат новый этап их исследований. Исследования проводились археологами из Москвы, Курска, Липецка, Белгорода, Воронежа (Радюш О.А., Обломский А.М., Веретюшкин Р.С., Енуков В.В., Земцов Г.Л., Божко А.А., Акимов Д.В.) на территории обеих областей, однако систематические исследования все это время ведутся только на территории Курской области, где проходит северо-восточная граница культуры. К настоящему времени разведками выявлена высокая концентрация поселений на всем пространстве в Посемье, на реках Псле, Ворскле и Северском Донце, однако вследствие неравномерности исследований на значительных участках местности памятники остаются не выявленными. На начало 2017 г. в регионе известно более 300 памятников черняховского периода, из которых раскопки проведены более 20. Раскопки на территории Белгородской области велись небольшими площадями, в Курской области площади раскопов трех памятников в последние 10 лет превышали 1000 кв. м (Глушково, Пены, Выдрин).

Поселения располагаются в разных ландшафтных условиях от высокой поймы до высоких склонов коренного берега. Зафиксированы разные типы структуры поселков – гнездовая характерна для верховий рек, протяженные обычно в нижнем течении. Наиболее крупные по размерам поселения могут достигать 30–40 га. Многочисленные находки хроноиндикаторов позволяют датировать большинство поселений 2-й половиной III – концом IV в., перерывы в их существовании никак не фиксируются.

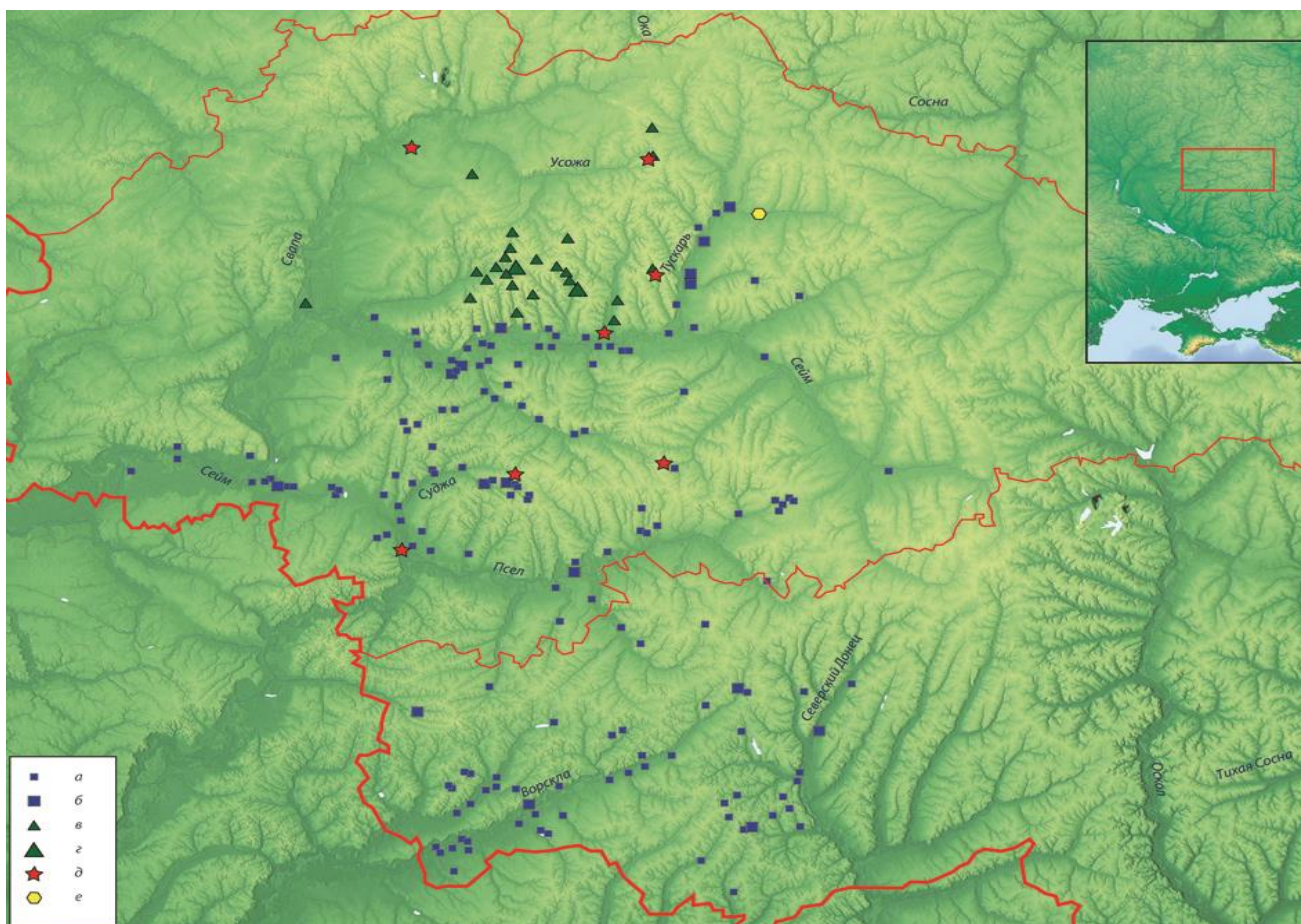
В результате исследований экспедиции ИА РАН выявлена серия памятников к северу от Среднего течения Сейма, получившая условное название «Льговско-Фатежская группа» (ЛФГ), расположенная за пределами черноземной зоны, на лесных почвах. При сохранении черняховской круговой керамики большинство датирующих находок относятся только к концу IV – началу V в. По всей видимости, эти поселения являются финальными для культуры и, вероятно, гибнут в результате военных действий.

В регионе известны находки трех разрушенных погребений знати (Волниковка, Большой Каменец, Паники) и несколько монетно-вещевых кладов, относящихся ко времени ЛФГ [Радюш, 2014]. Материалы поселения Выдрин, расположенного рядом с погребением в Большом Каменце, вполне позволяют предполагать синхронность погребения и финала самого поселения. Именно на этом поселении открыты следы мастерской, которая занималась литейным производством и, возможно, изготавливала украшения из серебра.

Многочисленные античные импорты, амфорная тара обнаружена на всех раскопанных в последние годы поселениях. В Курской и Белгородской областях зафиксированы более 80 мест находок римских монет, как отдельными находками, так и в кладах [Радюш, 2008], в подавляющем большинстве случаев они связаны

с поселениями. Основной массив представлен серебряными денариями I–III вв., гораздо реже встречаются серебряные и золотые монеты Константина и его сыновей IV в. На поселениях ЛФГ найдены медные тетрадрасии Аркадия-Гонория. Известны боспорские монеты III–IV вв.

Северо-восточная перефирия черняховской культуры на территории России остается одним из наиболее исследованных ее регионов. Наибольший вопрос вызывает восточная граница черняховской культуры в регионе. Слабо изучен погребальный обряд рядовых могильников, известный на двух памятниках – Головино и Пены [Обломский, 2001; Радюш, 2012], где исследовано всего 8 погребений (4 труположения и 4 трупосожжения). Дискуссионным остается вопрос об этнических компонентах и взаимоотношениях черняховской и киевской культуры, а также дальнейших путях развития местных культур после крушения черняховской культуры.

- а. Памятники черняховской культуры по разведкам; б. Памятники, изученные раскопками;
 в. памятники ЛФГ, известные по разведкам; г. памятники ЛФГ, изученные раскопками;
 д. Клады и погребения знати конца IV – нач. V в.

Библиографический список

- Археологическая карта России. Курская обл. Ч. 1. – М., 1998; Ч. 2. – М., 2000.
 Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время // Раннеславянский мир. – Вып. 5. – М., 2001.
 Обломский А.М. Новый памятник черняховской культуры на территории России // Stratum plus. «Славянские древности». 2001–2002. – №5. – Кишинев, 2003.
 Радюш О.А. Монеты Находки римских монет с территории курской области // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. – Курск, 2008.
 Радюш О.А. «Княжеские» и «вождеские» погребения начала V века в Верхнем Поднепровье: новые исследования и находки // КСИА. – Вып. 234. – 2014.

О.А. Радюш, Т.Ю. Шведчикова
Институт археологии РАН, Москва
ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ
ОРЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ XVI–XVII вв.

Археологические исследования на территории Орловской крепости проводились регулярно, начиная с 1902 г., краеведами и археологами краеведческого музея, составляя основу для разного рода научных, а часто и околонучных дискуссий вокруг вопроса основания крепости и ее ранних этапов. В 2015 г. Орловским отрядом ИА РАН были проведены археологические исследования на территории центральной части городища Орловской крепости, которое расположено на стрелке рек Ока и Орлик в центре современного города Орла, на вытянутом мысу левого берега реки. Раскоп был заложен в центральной части парка, в 25 м к востоку от памятного камня, установленного в центре парка. Общая площадь исследованной раскопками территории составила 36 кв. м. Мощность напластований культурного слоя на раскопанной площади – 3,0–3,1 м. Все слои почвенного профиля маркируются четкими переходами между собой, имеют уникальный набор физико-морфологических характеристик, а также комплексы находок, позволяющие соотнести их с хронологическими этапами жизни данного участка стрелки мыса. На уровне 0,8 от материка были выявлены первые погребения, которые располагались двумя горизонтами. В верхнем преобладали разрушенные, детские и перезахоронения (рис. 1). Все они были выявлены непосредственно в слое, следы могильных ям совершенно не прослеживались. Датировка этого яруса может быть в пределах XVII – начала XVIII вв. Вероятно, перезахоронения осуществлялись в связи со строительством кирпичного строения №2. Из разрушенных погребений происходит один наперсный псевдоэнколпион с изображением Никиты Бесогона и обломок нательного крестика с плоской петлей из сплава светлого цвета. Кроме того, был найден латунный перстень с овальным щитком, украшенным точечным орнаментом. В слое также были найдены стрелы различных типов, картечины и пули.

Нижний ярус погребений в некоторых случаях имел могильные ямы, заглубленные в материк на 20–30 см. Погребения были не потревожены. В предматериковом слое были выявлены фрагменты древнерусской керамики XII–XIII вв., единичные фрагменты роменской лепной керамики и обломки сосудов эпохи неолита, а также многочисленные кремневые орудия. По всей вероятности, к древнерусскому слою относится овручское шиферное пряслице. Погребения могут быть датированы второй половиной XVI – первой половиной XVII в. В общей сложности исследовано 25 погребений, из которых к антропологическому анализу были привлечены 32 человека. В целом выборка отличается большим количеством детских захоронений (47%), в котором преобладают умершие во время первых лет жизни, а также новорожденные дети. Так, в погребении №1 женское погребение молодой девушки сопровождалось останками младенца. Малочисленность изученной группы, переотложенный характер и фрагментарность погребений верхнего горизонта не позволяет делать выводы об эпохальной динамике изменения признаков. В целом отмечено преобладание мужского населения (66%) над женским (34%) и повышенным уровнем травматизма различной этиологии (зажившие переломы верхних и нижних конечностей, скелета лица). На скелете молодого мужчины из погребения №20, помимо ярко выраженного костного рельефа в местах прикрепления мышц и энтезопатий, в левой тазовой кости обнаружен наконечник стрелы с фиксируемым входным отверстием диаметром 15 мм и выходным 8,5 мм, что, по-видимому и послужило причиной смерти индивида. Погребение может быть датировано концом XVI – началом XVII в., временем раннего существования крепости и активных военных конфликтов на южных рубежах Московского государства. Для ряда черепов хорошей сохранности А.В. Рассказовой (ИЭА РАН) была выполнена графическая реконструкция облика.

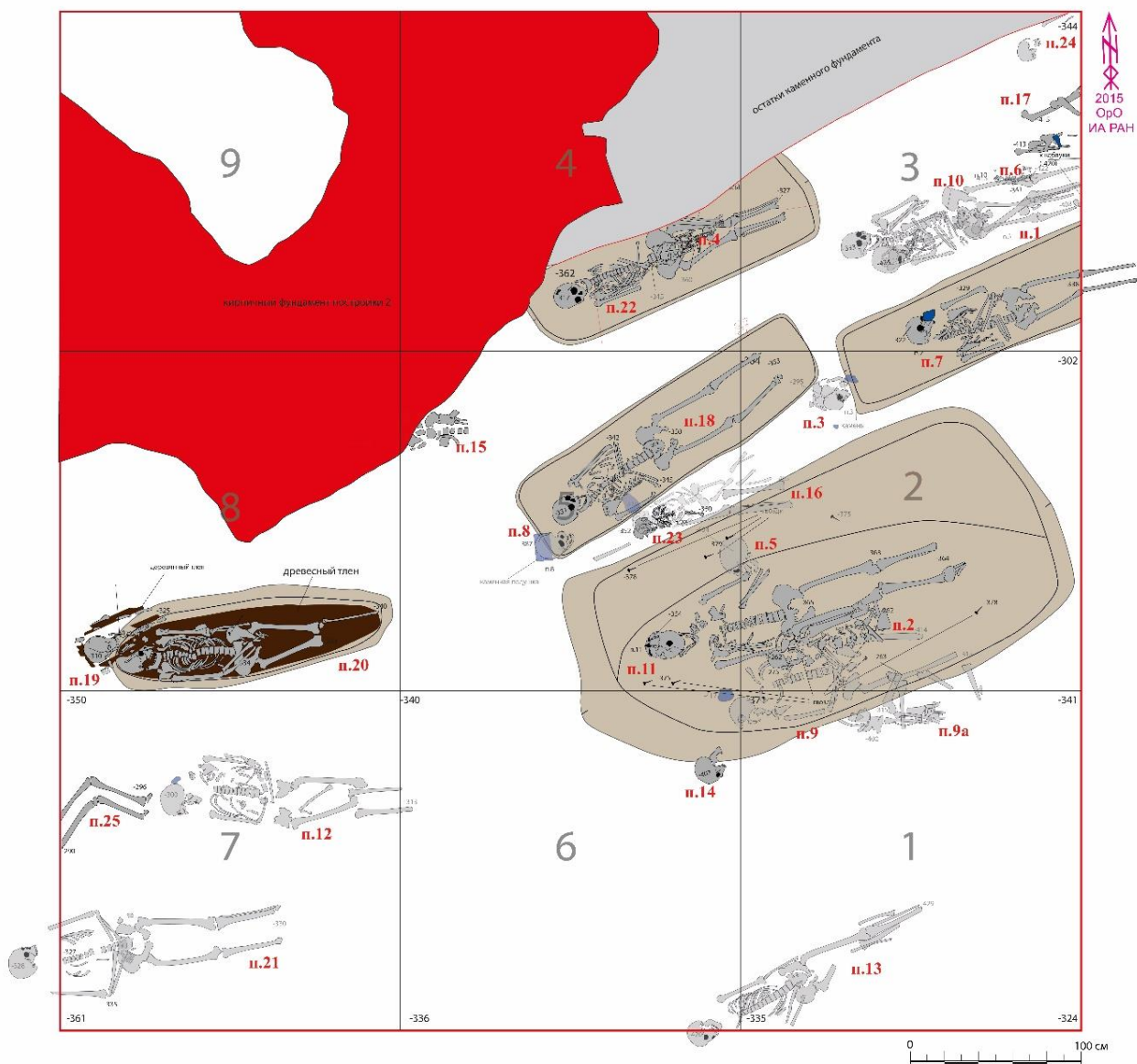

Рис. 1. План первого горизонта захоронений

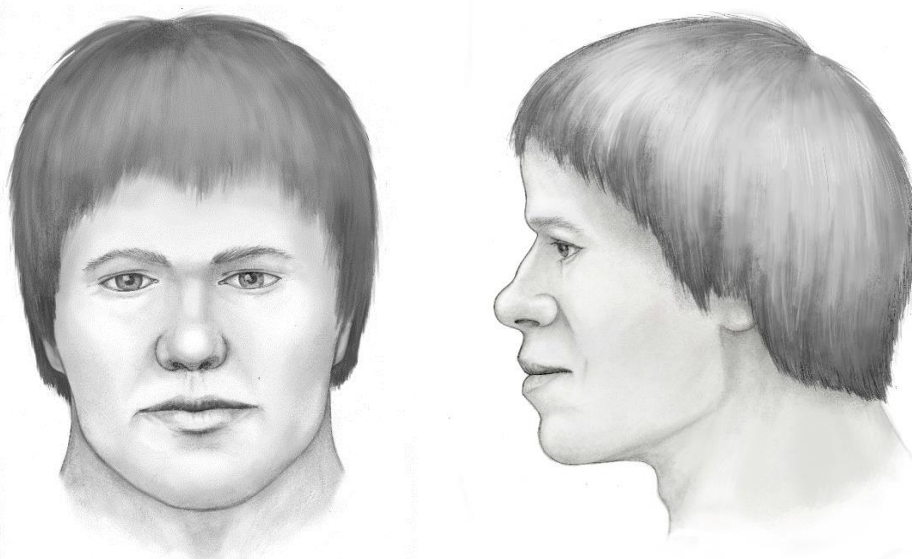

Рис. 2. Графическая реконструкция облика молодого мужчины из п. 20 (автор А.В. Рассказова)

Б.А. Раев
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону
**ОСОБЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ ПРИКУБАНЬЯ**

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы базовой темы НИР «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени» № госрегистрации 01201354248

Исследования городищ оседлого земледельческого населения в бассейне р. Кубани были начаты полтора века назад. Е.Д. Фелицын уже в 1882 г. публикует археологическую карту Кубанской области, на которой отмечены многочисленные городища. Основной район их сосредоточения – среднее течение р. Кубани и нижнее течение р. Лабы. До конца 1970-х гг. работы на городищах ограничивались разведками, на некоторых закладывались шурфы, а стратиграфические наблюдения или не делались, или существуют в виде лапидарных заметок в личных архивах исследователей.

Оборонительные сооружения городищ сохранились в виде невысоких западин и параллельных им гряд, которые почти не выделяются на поверхности. Как показали исследования, это произошло не столько в результате естественного разрушения фортификации, сколько в результате специальной засыпки рвов еще в древности и последующей многолетней распашки полей. Правобережье рек Кубани, Лабы и Кирпили – это наиболее плодородные и удобные для земледелия регионы Прикубанья, и сразу после присоединения к Российской империи они были освоены переселенцами под сельхозугодья.

К сожалению, городища до настоящего времени не стали объектом планомерного исследования широкими площадями. Основной материал – это находки из шурфов, которые в разное время закладывались для определения времени существования памятника. Исключение составляют городища Старокорсунское-2 (раскопки И.И. Марченко), Роговское и Новоджерелиевское (раскопки Н.Ф. Шевченко), Казанское-1 (раскопки Б.А. Раева). Исследованные площади настолько невелики по сравнению с совокупной площадью поселений (ср., напр.: Гарбузов и др., 2015, с. 56, рис. 1; Шевченко, 2013, с. 5–6, рис. 3), что и сейчас мы имеем лишь общие представления о бытовой культуре меотского населения. На первых двух из перечисленных памятников рвы были исследованы на небольших участках, попавших в границы раскопов, на Казанском городище три участка рвов доследовались специально. Эти работы, как и исследования на соседних городищах бассейнов Кубани и Лабы, позволили выявить некоторые особенности конструкции рвов.

В центральной части городища был исследован ров, который представлялся трехчастным, аналогичным рву Старокорсунского-2 городища [Лимберис, Марченко, 1998, с. 42–44, рис. 4.-1, 2; 6.-1; 7]. Но стратиграфия позволила реконструировать последовательность сооружения его частей. Первоначально он состоял из двух параллельных, не очень глубоких рвов, которые были засыпаны, и на их месте прокопаны два новых рва – один из них шире и глубже первых. В его дне через равные промежутки выкопаны квадратные ямы размером 0,6 × 0,6 м и глубиной 0,3 м, назначение которых непонятно. Направление изгиба рва говорит о том, что он окружал территорию первоначального поселения с «цитаделью» 1 в центре.

В 40–45 м к югу от них был выявлен глубокий ров, который окружал территорию второго – соседнего – поселения с «цитаделью» 2 в центре. Судя по характеру заполнения, эта система рвов была засыпана, а оба поселения объединены в одно городище с двумя «цитаделями».

Такие «цитадели» окружены широкими рвами с пологими эспланадами с напольной стороны и крутыми склонами самих «цитаделей». На большинство из них ведут въезды, оформленные в виде широкой пологой лощины [Раев, 2002, 320, 323, рис. 1, 2, 3], которая вместе с широким рвом сводит фортификационные качества этого сооружения к нулю. Это мнение общепринято, слово «цитадель» уже давно пишется в кавычках, и наши раскопки на Казанском-1 городище подтвердили это. Широкие рвы вокруг «цитаделей» специально не исследовались, и в 2009 г. нами был сделан перпендикулярный разрез такого рва у «цитадели» 1 с одновременной зачисткой торцевой стены рва на всю высоту холма. Археологический

материал был представлен в нем только на участках, примыкающих к «цитадели» и напольной части. В вертикальном разрезе на вершине холма прослежены пять слоев пахсы, разделенных тонкими прослойками темного цвета, образовавшимися во время высыхания каждого слоя. Это создавало ровную площадку для каких-то не хозяйственных и вряд ли оборонительных целей. Впрочем, на большинстве «цитаделей» в шурфах (разведки И.С. Каменецкого, 1989 г.) или небольших раскопах (раскопки Б.А. Раева, 2005 г.) фиксировались обычные для городищ слои с хозяйственными ямами и развалами сырца. Судя по сохранившимся документам, такие же слои с массовым керамическим материалом фиксировал на «цитаделях» Н.В. Анфимов во время своих разведок по средней Кубани и Лабе в 1940-х – 1970-х гг.

Еще один ров был исследован на восточном некрополе городища Спорное. Прослеженный участок составлял 60 м, ров был направлен параллельно краю террасы реки, его ширина около 9 м и глубина до 4,5 м, остатков культурного слоя вокруг рва не выявлено, использовался он, скорее всего, не в оборонительных целях. Между рвом и краем террасы к югу от него группировались самые ранние погребения некрополя II–I вв. до н.э., севернее – захоронения первых веков н.э. Ров, вероятно, был прокопан для ограничения территории некрополя с юга, с севера площадь была ограничена двумя узкими и не глубокими рвами. До засыпки южный ров использовался для производственных нужд: в его склоне была оборудована печь для обжига керамических изделий, а рядом выкопаны несколько зольных ям. Склоны рва сохранили остатки ям для добычи глины. Заполнение рва свидетельствует о произведенной с перерывами преднамеренной его засыпке.

Такой же ров, ограничивающий территорию некрополя, был исследован на восточной окраине Новолабинского-4 городища. Ров сохранился плохо, детали его конструкции совершенно уничтожены поздними перекопами, но направление и размеры в придонной части можно было проследить.

Ров необычной конструкции исследован в восточной части Новолабинского-4 городища. Он представляет собой систему из четырех параллельных рвов, прямые стенки которых сужаются к дну. Перемычки между ними узкие, не более 0,3–0,4 м, за исключением небольшого участка, на котором ров 3 разделен широкой плоской перемычкой на две части. Общая ширина рвов – 6,5–7,5 м, глубина 1-го рва – 4 м, глубина остальных не превышает 2,5–2,9 м. Здесь использована схема, выявленная на Казанском-1 городище, которая, вероятно, препятствовала преодолению рва конным всадником. Необходимый эффект достигался при минимуме земляных работ. Этот ров исследован на протяжении всего 11 м, расположен он перпендикулярно береговой террасе, и назначение его не совсем понятно.

Мощный оборонительный ров выявлен на северо-восточной окраине того же городища. Ров служил продолжением широкой лощины, прорезавшей край речной террасы, и ограничивал внешний периметр не только жилой части поселения, но и его восточного могильника. Это было мощное сооружение глубиной до 8,5 м и общей шириной нескольких, составлявших его рвов, до 15 м. Самым глубоким был внешний ров, широкая площадка между ним и следующим рвом была оборудована рядами ям прямоугольной формы глубиной до 1 м.

Исследованные участки рвов на городищах показали, что по крайней мере некоторые из них не являются оборонительными сооружениями, а выполняли иные функции.

Библиографический список

Гарбузов Г.П., Лукьяшко С.И., Раев Б.А. Археологические данные к проблеме возникновения межобщинной иерархии в Прикубанье в I–III вв. н.э. // КСИА. – Вып. 239. – 2015.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища №2 // Археология и этнография Северного Кавказа. – Краснодар, 1998.

Раев Б.А. К топографии городища Танаис // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. – Вып. 18. – Азов, 2002.

Шевченко Н.Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. – Ростов-на-Дону, 2013.

С. Райнхольд¹, А.Б. Белинский², Д.С. Коробов³

¹*Немецкий археологический институт, Берлин, Германия;*

²*ООО «Наследие», Ставрополь;*

³*Институт археологии РАН, Москва*

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(результаты двенадцатилетнего российско-германского проекта по ландшафтной археологии)

Около 12 лет назад на высокогорных плато между Кисловодском и г. Эльбрус были открыты новые археологические культурные ландшафты. Обнаруженные памятники впервые позволяют заполнить имеющийся хиатус между северокавказской культурой эпохи средней бронзы и широко известной кобанской культурой раннего железного века, т.е. они относятся к древностям позднего бронзового века горной зоны. До сих пор данная эпоха выглядит весьма слабоизученной, поскольку ранее открытые могильники в высокогорной Осетии, относящиеся к эпохе поздней бронзы (Фаскау, Верхняя Рутха и др.), не оставили нам достаточно информации об археологическом контексте обнаруженных там материалов.

Открытые нами археологические ландшафты изучались в ходе долговременного совместного российско-германского проекта. Благодаря тому, что найденные памятники прекрасно распознаются на поверхности, поскольку они представляют собой каменные развалы тысяч построек, оград и других структур, исследовательская стратегия была сконцентрирована на нескольких уровнях – как на изучении отдельных построек и поселений, так и на культурных ландшафтах как таковых. Мы использовали мультидисциплинарный подход, включавший изучение данных дистанционного зондирования, недеструктивные методы археологического обследования, наконец, ограниченные по площади раскопки, затронувшие на нескольких памятниках комплексы построек и объекты вне границ поселений.

При этом мы можем проследить развитие новой культуры в данной горной местности, достаточно сложной для проживания. Исследованная архитектура построек отражает общности, которые все более адаптировались к требованиям оседлого образа жизни. Планировка поселений развивается от линейных поселков, напоминающих мобильные кочевья, к высокоспециализированным поселениям с мультифункциональными постройками, позволявшими осуществлять хранение значительных зимних запасов кормов для скота. Изучение зон разной активности населения этих поселений с помощью геофизических методов и микробиологических почвенных анализов позволяет весьма достоверно определить месторасположение и количество содержащихся животных внутри и вне поселений. Пространственный ГИС-анализ и исследование изотопов дает возможность реконструировать и локализовать сезонные передвижения стад внутри и вне обследуемого микрорегиона. В итоге с помощью вышеописанных методик мы можем добавить к весьма хорошо изученной региональной группе западного варианта кобанской культуры новую фазу – и археологическую культуру – в момент начала ее формирования.

Библиографический список

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B. Formation und Transformation einer bronzezeitlichen Gebirgslandschaft im Nordkaukasus // A. Mehnert, G. Mehnert, S. Reinhold (Hrsg.), Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit (Ende 2./Anfang 1. Jt. v. Chr.). Symposium Wittenberg Oktober 2010. ZAKS Schriften 22. – Langenweißbach, 2012.

Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа 9. – Ставрополь, 2009.

Я.В. Рафикова

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа

АНДРОНОВСКИЕ МИГРАЦИИ НА ЮГ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Обряд парного разнополого погребения эпохи бронзы в культурах степной Евразии – катакомбной (средняя бронза) и андроновской (поздняя бронза) – исследователи проблемы индоарийской прародины соотносят с индоарийским обычаем соумирания вдовы при смерти мужа (сахамарана у катакомбников-индоариев по Л.С. Клейну [2013, с. 296–297]; сати у андроновцев-индоиранцев по Е.Е. Кузьминой [2008, с. 166]). Гипотеза Л.С. Клейна о миграции катакомбников на юг, на территорию Индийского субконтинента, на наш взгляд, весьма спорна. Археологических материалов, надежно сопоставимых со следами миграций катакомбников, в Средней Азии нет [Кутимов, 2005; 2009, с. 12].

Свидетельства андроновских миграций на юг, напротив, многочисленны. На территории Средней Азии представлены как андроновские, так и смешанные земледельческо-андоновские памятники [Виноградова, Кузьмина, 1986; Виноградова, 2004; Кузьмина, 2008; Кутимов, 2008]. Кроме того, исследователи отмечают роль андроновского компонента в сложении бешкентско-вахшской культуры [Кузьмина, 2008, с. 133; Кутимов, 2009, с. 21]. На территории северо-западного Индостана в могильниках Свата, по мнению Е.Е. Кузьминой [2008, с. 151, 153], погребальный обряд генетически связан с андроновским.

В андроновской КИО устойчивая практика обряда парного погребения отмечается в алакульской культуре [Рафикова, 2014]. На сегодняшний день из алакульских и срубно-алакульских комплексов Южного Урала автору известно 62 парных захоронения. В наиболее полно исследованных могильниках количество парных погребений варьирует от 2 до 30,3%. Подавляющее большинство погребений – одновременные, разновременных всего – 7 (11,3%), и все они представлены захоронениями взрослых, среди них чуть больше случаев, когда женщина подхоронена к мужчине (4 из 7). Обряд одновременных захоронений охватывал все возрастные группы. В целом, количественно преобладают погребения детей и подростков – 34 (54,8%), взрослых чуть меньше – 22 (35,5%), взрослых совместно с детьми/подростками – 6 (9,7%). В большинстве случаев на левом боку (преобладающее положение покойника в одиночных алакульских и срубно-алакульских погребениях независимо от пола) положен мужчина, на правом – женщина. Но примерно в 1/5 части случаев на правый бок уложен мужчина, на левый бок – женщина.

Самым северным могильником Средней Азии со значительным количеством парных погребений является могильник Кокча-3 тазабагыябской культуры, в генезисе которой основная роль отводится миграции срубно-алакульского населения Приуралья [Виноградов, Итина, Яблонский, 1986, с. 138]. На долю парных разнополох погребений приходится здесь более 10%. Разновременные парные захоронения (9) преобладают над одновременными (6). Захоронения представлены исключительно погребениями взрослых. Среди разновременных чуть больше тех, где мужчина подхоронен к женщине (5 из 9). Мужчина уложен на правом боку, а женщина – на левом, так же как и в одиночных погребениях [Итина, 1967, 1977; Виноградов, Итина, Яблонский, 1986]. По мнению Ю.Г. Кутимова, такое положение погребенных в Кокче-3 обусловлено «определенного рода трансформацией обрядовых норм парного разнополого захоронения алакульской культуры» [Кутимов, 2002, с. 195]. Тот факт, что на Южном Урале примерно 1/5 часть (20,4%) от всех парных захоронений приходится на долю тех, где женщина положена на левом боку, а мужчина – на правом, позволяет говорить о том, что эта трансформация началась уже в алакульской среде.

В могильниках земледельческо-степного населения периода Намазга-VI – бешкентско-вахшской культуры обряд парного разнополого погребения представляет устойчивое явление, его процент в наиболее исследованных могильниках достигает более 10%. Именно с периодом Намазга-VI связывается активное проникновение андроновцев на территорию Средней Азии [Кузьмина, 1988, с. 51, 52]. В полностью раскопанном бешкентском могильнике Ранний Тулхар исследовано 8 парных разнополох захоронений, из них доля разновре-

менных – 3, одновременных – 4. Мужчины на правом боку, женщины – на левом. Знакомство с материалами других могильников этой культуры (Ой Куль, Макони-Мор, Тигровая Балка) позволяет сделать предварительный вывод о примерно равном количестве одновременных и разновременных захоронений.

Значительное количество парных захоронений представлено в могильниках долины Свата в Северном Пакистане – Лоебанр (более 19%), Кателаи (более 7%), Буткара-II [Antonini, Stacul, 1972] и Тимаргарха [Durrani, 1967]. Имеются как одновременные, так и разновременные парные захоронения. Последний вариант погребений значительно преобладает, и в них примерно равное количество погребений с подхоронением мужчины и женщины [Виноградова, 1991, с. 31]. На правом боку – мужской скелет, на левом – женский.

Обряд парного разнополого погребения в эпоху поздней бронзы на территории Евразии, получивший широкое распространение в андроновской среде, с определенными трансформациями (увеличение доли разновременных погребений и очень низкий процент детских захоронений) прослеживается в среднеазиатских могильниках с андроновской составляющей. Самая южная точка Евразии, где обряд парного разнополого погребения представлен обильно и сопоставим с андроновским – могильники Свата. Таким образом, обряд парного разнополого погребения в памятниках эпохи поздней бронзы Средней Азии и Северо-Западного Индостана выступает свидетельством андроновских миграций в этом направлении.

Библиографический список

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. – М., 1986.

Виноградова Н.М. Погребальный обряд культуры Свата (Северо-Западный Пакистан) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М., 1991.

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986.

Итина М.А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 // МХЭ. – Вып. 5. – М., 1961.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. – М., 1977.

Клейн Л.С. Этногенез и археология: Т.2. Арии и *varia*. – СПб., 2013.

Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. – 1988. – №2.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М., 2008.

Кутимов Ю.Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагыбской культуры Южного Приаралья (по материалам могильника Кокча-3) // Археологические вести. – 2002. – №9.

Кутимов Ю.Г. Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // Археологические вести. – 2005. – №12.

Кутимов Ю.Г. Степные и земледельческие компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // Записки ИИМК. – 2008. – №3.

Кутимов Ю.Г. Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

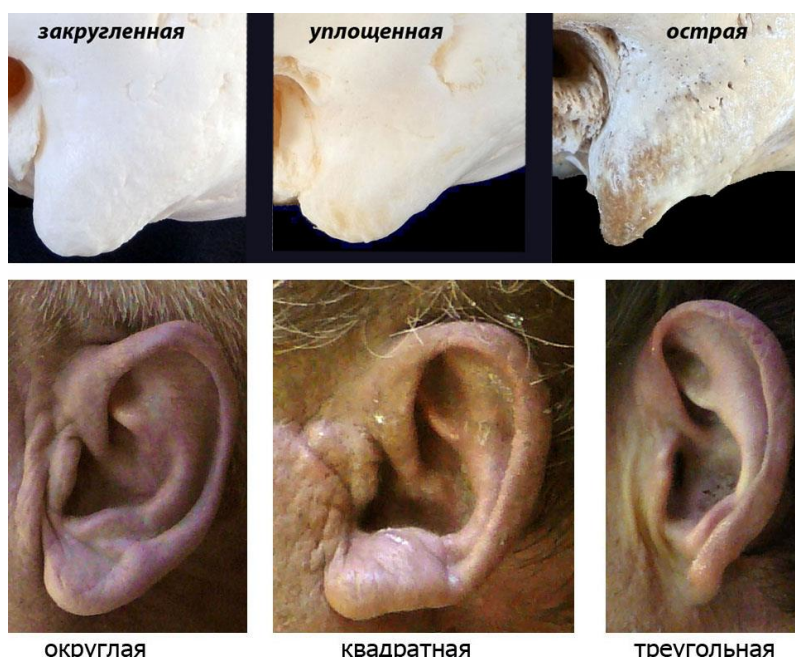
Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сборник памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул, 2014.

Antonini C. Silvi, Stacul G. The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan). – Rome, 1972.

Durrani F.A. Grave Excavations at Timargarha // Ancient Pakistan. – 1967. – №3.

Н.Р. Рахматуллин
Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы
Министерства здравоохранения РТ, Альметьевск
**ПОСТРОЕНИЕ РАКОВИНЫ УША
ПРИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ**

Попытки приблизиться при портретной реконструкции к правильной постановке, степени оттопыренности и форме уха предпринимались неоднократно, однако исследователи не получили результатов, позволяющих определить особенности рельефа ушной раковины по черепу. В отечественной литературе не нашлось сколь-либо конкретных ответов на данный вопрос. По заданию следственных органов был выполнен ряд графических реконструкций, связанных с установлением личности по черепу. Помимо практических целей, эта работа предполагала возможность выявления и осмысления получаемых расхождений с оригиналом. Исследования, проведенные на анатомическом материале, показали зависимость ушной раковины и сосцевидного отростка височной кости, по которым можно определить, что общая форма уха, его оттопыренность и рельеф прямо связаны с профилировкой и формой сосцевидного отростка и надсосцевидного гребня. На основании установленных данных можно с достаточной достоверностью моделировать ушные раковины при восстановлении внешнего облика человека по черепу с передачей не только размеров, но и общих очертаний, основных форм рельефа.

Зависимость формы мочки уха от формы вершины сосцевидного отростка

Библиографический список

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М., 1964.
- Бунак В.В. Антропометрия. – М., 1941.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). – М., 1955.
- Лебединская Г.В. Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития. Советская этнография. – 1976. – №4.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. – М., 1998.
- Федосюткин Б.А., Коровянский О.П., Усачева Л.Л. и др. Комбинированный графический метод восстановления лица по черепу. – М., 1991.

Н.Р. Рахматуллин, Г.А. Рахматуллина
Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы
Министерства здравоохранения РТ, Альметьевск
СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ИСТОРИКОВ И СУДЕБНЫХ МЕДИКОВ ТАТАРСТАНА
В ИССЛЕДОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

В мае 2007 г. при обвале стены карьера в Нурлатском районе Республики Татарстан обнажились кости человека. Оперативно-следственная группа эксгумировала костные останки и направила их в бюро судебно-медицинской экспертизы. Производством медико-криминалистической экспертизы костных останков было установлено, что они принадлежат скелету мужчины костным возрастом 18–25 лет, ростом 168–174 см. Кроме того, после реставрации черепа стала заметна искусственная деформация. После детального изучения костных останков череп с нижней челюстью переданы для производства восстановления прижизненного облика (рис. 1).

В 2010 г. во время зачистки сектора Ц2 (Болгар, Республика Татарстан) выявилось уникальное захоронение, не характерное для нашего региона. Покойный находился в ней в сидячем положении. Сравнительный краниологический анализ черепа показал наибольшую его морфологическую близость к южно-европеоидным популяциям. При судебно-медицинском исследовании обнаружены признаки заболевания III стадии центральной формы анкилозирующего спондилоартрита. Позднее было произведено портретное исследование, выполнены последовательно графическая и пластическая реконструкция внешнего облика (рис. 2).

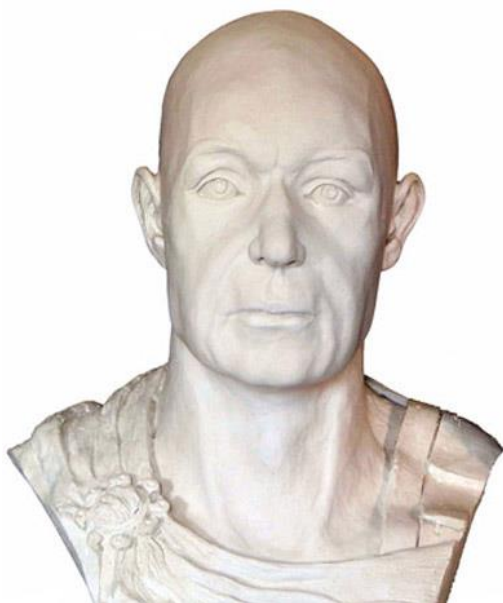

Рис. 1. Скульптурная реконструкция сармата

Рис. 2. Скульптура мужчины из Болгара

Библиографический список

- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). – М., 1955.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М., 1964.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Лебединская Г.В. Антропологическая реконструкция : сборник. – М., 1991.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №1.

Р.В. Реброва

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ТИПЫ РОСПИСЕЙ ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ РАСКОПОК ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Постоянно ведущиеся археологические работы на территории, принадлежащей раннему Петербургу, выявляют большое количество и типологическое разнообразие изразцов. Более подробно, чем другие, изучены изразцы, происходящие из археологического исследования Зимнего дворца Петра I в 1976, 1978 гг. Являясь закрытым комплексом, верхней границей которого следует считать 1763 г., год окончательного слома печей и перестройки интерьеров [Баженова, 2002, с. 189], нижней – 1716 г. начала строительства третьего Зимнего дворца Петра I [Матвеев, 2002, с. 201], собрание изразцов этого археологического материала может служить определенным эталоном для атрибуции. Среди найденных изразцов было выявлено несколько типов отличающихся росписью лицевых пластин и их цветом. Это монохромные белые и зеленые гладкие, а также изразцы, расписанные кобальтом по белой глазури, которые делятся в свою очередь по стилю росписи на лицевой пластине, рисункам угловых заполнений [Сергеенко, 1990, с. 47], типом рамки или ее отсутствием. Отдельно следует выделить изразцы с рисунком трельяжной сеткой, которых 4. Некоторые из них совпадают по своим характеристикам с изразцами из других археологических памятников Петербурга, таких как Ниеншанц, Дворцовая площадь с Зимним дворцом и прилегающими к ним территориями, Екатерингоф, Меншиковский дворец, Благовещенский сад на Васильевском острове, что позволяет производить более точную взаимную атрибуцию.

Помимо стилевых особенностей росписи для атрибуции археологического материала учитывается размер румпы, бунтика, ширины и длины лицевой пластины, состав теста черепка. Вышеперечисленные характеристики важны особенно для изразцов, которые утратили красочный слой.

Библиографический список

Баженова Е.М. Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов // Зимние дворцы Петра I. – СПб., 2002.

Матвеев В.Ю. К истории первых Зимних дворцов // Зимние дворцы Петра I. – СПб., 2002.

Сергеенко И.И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков // Труды ГИМ. – М., 1990. – Вып. 75.

А.Д. Резепкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

С достаточной очевидностью можно утверждать, что подавляющее число погребений на Северном Кавказе можно отнести к двум культурам: майкопской и новосвободненской. Наиболее полные и обоснованные аргументы о генетической и культурной самостоятельности новосвободненской культуры от майкопской нами были изложены в монографии [Резепкин, 2012]. В данном случае выделим наиболее специфические черты в погребениях как майкопской, так и новосвободненской культур. С.Н. Кореневским были описаны формы погребальных сооружений «майкопско-новосвободненской общности» по его терминологии. Он выделяет две традиции в формах погребальных конструкций: немегалитические – куда отнесены погребения в ямах и мегалитические – каменные ящики и гробницы. Первая группа по размерам длинной стены могильной ямы была разделена на 4 типа, вторая – на 3 типа: К – каменные ящики, Г – ящики-гробницы, П – каменные ящики с отверстием и порталом [Кореневский, 2004, с. 16–19].

Майкопская культура. Погребения под земляными курганами, часто с кромлехом [см., например, Мунчаев 1975].

Тип I. Погребения совершались только в больших, как правило, прямоугольных, иногда вытянуто-прямоугольных ямах. Длина ямы по длинной оси достигала не менее 2,4 м. Иногда стены и дно облицовывались камнем либо галькой. С некоторыми очень редкими нюансами это практически единственный тип погребального сооружения. Поза погребенных – почти всегда на правом боку, скорченно, кисти рук перед лицом. Инвентарь: круглодонные либо со слегка уплощенным дном сосуды, редко – круглодонные миски и амфоры с плоскими, вертикально посаженными от шейки к основанию плечиков ручками. Тесто, как правило, тонко отмученное, прекрасного обжига и лощения. Металл хорошо описан С.Н. Кореневским: ножи с невыделенной либо с очень слабо выделенной ручкой > 20, мотыги – 5, топоры с симметрично расширяющимся клинком – один (майкопский курган), тесла с овальной пяткой – 3, копьё с насадом в виде шляпки гвоздя – одно. Те погребения, которые совершены в небольших ямах, но с майкопской керамикой, нередко содержат и ранненовосвободненские кубки, миски. К примеру, курганный могильник Общественное-II [Сорокина, Орловская 1993], курганный могильник «Уашхиту-I» [Кореневский, Днепровский, 2003], часть погребений нижнего стратиграфического горизонта в «Кладах» [Резепкин, 2012], что явно свидетельствует о новосвободненском влиянии на устройство погребений.

Новосвободненская культура. Погребения как под земляными, так и под каменными курганами, часто земляная насыпь в центре, над погребением, содержит насыпь из камня.

Ранний – тип I. Средняя длина ямы составляет 1,9 м. Учтено 86 погребений. Но согласно А.Н. Гею [2000, с. 194], они обнаружены по крайней мере еще в 35 курганах Восточного Приазовья в количестве не менее 80 погребений. Все погребения содержали типичную ранненовосвободненскую керамику. Ареал погребений этого типа охватывает территорию от предгорий и среднего течения реки Кубань до ее нижнего течения и далее, на север до низовьев реки Дон. Ранненовосвободненский кубок обнаружен даже в Калачевском районе Волгоградской области у хутора Большой Набатов. Погребение 1 обнаружено в кургане 3 в прямоугольной яме с закругленными углами. Погребенный мужчина лежал на левом боку, головой на СВ, с небольшим завалом за спину, руки слегка согнуты в локтях, кисти направлены к коленям. Рядом находились: ножевидная пластина треугольной в сечении формы, разбитый сосуд с шаровидным туловом, фрагменты другого тонкостенного сосуда, с плоским, слегка вогнутым дном, довольно высокой, прямой, слегка расширяющейся наружу шейкой. Тесто темное, с включениями битой ракушки [Мамонтов, Скворцов, 2011, рис. 2.-4, 7]. Это типичный новосвободненский кубок.

Поздний – тип I-A. Учтено 70 погребений. Ямы прямоугольной формы, разных размеров, но в целом заметно крупнее, их средняя длина составляет 2,4 м (но по площади

существенно меньше майкопских), дно часто вымощено галькой. В 18 случаях в могилах отмечены следы деревянного сруба (рамы) высотой в 1–3 венца, а стены выложены камнями.

Как разновидность типа I-A, выделяются погребения на древней дневной поверхности. Всего учтено 21 погребение. В кладах имеется 6 таких погребений. Представляют собой площадки прямоугольной формы из гальки, глины, песка. В некоторых случаях они огорожены деревянным срубом, стенками из камня или тем и другим вместе. В большинстве случаев над погребениями в центре кургана также сооружалась насыпь из камня. По положению погребенных, ориентации, наличию охры, оформлению периметра могил (каменная обкладка, срубы) они неотделимы от погребений первого типа. Распространены по всему ареалу культуры.

Тип II. Учтено 7 гробниц: 5 двухкамерных и как вариант – 3 однокамерные. Под термином «гробница» подразумевается мегалитическое погребальное сооружение на древней дневной поверхности, состоящее из одной-двух камер, образованными вертикально поставленными плитами. Камеры прямоугольные в плане и профиле (в одном случае – трапециевидная в плане), в одной из передних поперечных плит имеется входное отверстие. В одном случае отверстие прорублено сверху. Положение погребенных, их ориентация, наличие охры такие же, как и в могилах типа II.

Тип III. Ящики (цисты) из каменных плит. Учтено 9 погребений. Главным отличием типа 4 от типа 3 является отсутствие входного отверстия. Положение погребенных, наличие охры аналогичны типу II. К этому же типу мы относим и погребение на древней дневной поверхности в виде деревянного сруба. По сути, это тот же ящик, но из дерева [Бианки, Днепровский, 1988, с. 73–74]. Ящики спорадически встречаются по всему ареалу культуры. Погребенные – в позе скорченно, на правом, реже левом боку, кисти рук перед лицом, иногда одна рука вытянута вдоль туловища.

Инвентарь. Керамика из погребений раннего типа: вся плоскодонная – кубки, миски, амфоры. Нередок орнамент. Тесто с примесями, обжиг гораздо хуже, чем у майкопских сосудов, серо- и в основном чернолощенная. Остальные погребения в подавляющем большинстве содержат керамику реповидных форм, почти всегда с орнаментом, также встречаются чернолощенные кубки, миски, амфоры. Металл: топоры с характерной горбинкой снаружи под проухом, тесла с плоской пяткой и противоположной заточкой [пятки и лезвия], Долота с круглым в сечении туловом, крюки, «псалии». Копья с упором и заостренным четырехгранным насадом. Материал насчитывает многие десятки предметов.

Поскольку существует более 20 мешаных комплексов с майкопской и ранненово-свободненской керамикой, несколько гибридных поселений, поселение новосвободненской культуры с импортной майкопской керамикой, о какой-либо эволюции от Майкопа к новосвободной говорить не приходится. Об этом свидетельствует и металл, разный как по типам, так и по богатству ассортимента.

Библиографический список

- Гей А.Н. Новотитаровская культура. – М., 2000.
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004.
- Корневский С.Н., Днепровский К.А. Погребения эпохи раннего бронзового века кургана I Уашхиту I в Адыгее // КСИА. – №214. – 2003.
- Мамонтов В.И., Скворцов Н.Б. Памятники майкопской культуры в Волгоградской области // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2011. – №1 (11). – Март.
- Мунчаев Р.М. Каказ на заре бронзового века. – М., 1975.
- Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). – СПб., 2012.
- Сорокина И.А., Орловская Л.Б. Погребения майкопского времени Общественного II могильника в Степном Закубанье // Вестник шелкового пути: археол. источники. – Вып I. – М., 1993.

Е.О. Роговской^{1,2}, Н.Е. Бердникова^{1,2}, Е.А. Липнина^{1,2}, Г.А. Воробьева¹,

И.М. Бердников^{1,2}, А.М. Кузнецов¹, Д.Н. Лохов^{1,2}

¹*Иркутский государственный университет, Иркутск;*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЫ

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки (проект №33.2057.2017/4.6 «Палеосреда, экстремальные природные обстановки и ископаемые культуры Байкальской Сибири в антропогене»)

Тункинская долина является юго-западным флангом Байкальской рифтовой зоны (БРЗ), основными элементами которой определены неотектонические структуры – рифтовые долины, состоящие из одной или нескольких впадин, разделенных междувпадинными перемычками. В Тункинской долине насчитывается четыре крупных впадины – Торская, Тункинская, Хойтогорская, Туранская и две малых – Быстринская и Мондинская. Большие впадины разделены междувпадинными перемычками – Еловским и Ниловским отрогам, а малые котловины отделены от больших Быстринской и Харадабанской сниженными горными ступенями. Протяженность Тункинской долины составляет около 200 км при ширине от 3 до 30 км. Она относится к суходольным котловинам БРЗ, основным ее водотоком является р. Иркут (левый приток р. Ангары).

Несмотря на более чем 100-летнюю историю археологических исследований, в Тункинской долине известно небольшое количество археологических объектов (около 50). Десять из них определены как палеолитические. В основном они маркированы подъемными материалами или отдельными предметами в плейстоценовых отложениях. В настоящее время наиболее представительными по степени геоархеологической изученности являются Большой Зангисан (Туранский отрог), Зактуйский овраг (Тункинская впадина), Славин Яр (Торская впадина) и Туяна (Еловский отрог).

Большой Зангисан открыт Г.И. Медведевым и исследовался в 1983–1986 гг. Результаты исследований практически не опубликованы. Археологический материал фиксировался в различных ситуациях переотложения позднекаргинских почв. В каменной индустрии присутствуют кареноидные нуклеарные формы, терминальные микронуклеусы, микропластины, геометрические микролиты. С 2010 г. проводится комплексное изучение четвертичных отложений Тункинской долины [Shchetnikov et al., 2012; Kozyrev et al., 2014; Shchetnikov et al., 2015]. В рамках этих работ получены ¹⁴C даты по фаунистическим остаткам из каргинских почв отложений Большого Зангисана в интервале 32570–34800 л.н., 35710–40800 кал. л.н. В составе фаунистического комплекса определены *Equus sp.*, *Coelodonta antiquitatis*, *Cervus elaphus*, *Spirocercus kiakhtensis*, *Procavia gutturosa*, *Spermophilus undulatus*, *Lasiopodomys brandti*, *Microtus gregalis*. На местонахождении Зактуйский овраг в раннекаргинских отложениях на глубине 4,2 м обнаружены две микропластины, микроскол из кремня и микроскол из раухтопаза. Имеется дата по кости *Alces sp.* из этой толщи с возрастом >50100 л.н. (ОхА-25678). В отложениях местонахождения Славин Яр на глубине 10,9 м над палеопочвой с датой 45810 ± 4070 л.н. (IGAN-3133), 42360->50000 кал. л.н. найден плоскофронтальный нуклеус из гальки белого кварцита. Здесь же, предположительно в муруктинских отложениях (МИС 4), зафиксирована плечевая кость ископаемой лошади (*Equus sp.*) с серией сколов.

Наиболее ярким и представительным по формам каменных артефактов является местонахождение Туяна. Оно расположено на правом берегу Иркуты на полого-наклонном склоне с относительными отметками 15–35 м от уреза реки. Местонахождение открыто и исследовалось в 2010, 2011, 2013 гг. в ходе проведения стратиграфических и геоморфологических работ [Kozyrev et al., 2014]. Археологический материал найден в стенках карьера в переотложенном состоянии в составе солифлюцированных плейстоценовых суглинков и почвенных седиментов голоценового возраста. Предварительно каменная индустрия оценена как микроиндустрия. По фауне получены даты в интервале 26350–35900 л.н., 30000–41820 кал. л.н.

В 2016 г. в связи с угрозой разрушения местонахождения Туяна строительством автодороги проведены раскопки на площади около 5 тыс. кв. м. Археологический материал фиксировался в отложениях верхнего плейстоцена субаэрального генезиса, залегающих на элювии доплиоценового возраста, в разных ситуациях переотложения. Возраст вмещающих отложений определяется как каргинский (МИС 3). Общее количество находок составило около 10 тыс. ед., каменных артефактов – около 3 тыс. ед. В составе сводной фаунистической коллекции определены: *Mammuthus primigenius*, *Coelodonta antiquitatis*, *Bison/Bos* sp., *Ursus arctos*, *Equus* sp., *Equus hemionus*, *Rangifer tarandus*, *Cervus elaphus*, *Alces* sp., *Capreolus pygargus*, *Moschus moschiferus*, *Canis lupus*, *Vulpes vulpes*, *Martes zibellina*, *Felis manul*, *Panthera spelaea*, *Ovis ammon*, *Procapra gutturosa*, *Lepus* sp., *Spermophilus undulatus*, *Ochotona* cf *hyperborea*, лемминги и разнообразные полевки.

В качестве каменного сырья использовались кварцит, крупнокристаллический, кварц (крупнокристаллический, горный хрусталь, раухтопаз), топаз(?), эффузивы, кремень, алеврит, микрокварцит, песчаник. В составе коллекции – сколы различной морфологии, в том числе *twisted* микропластины и с изогнутым профилем. В группе нуклеусов присутствуют плоскостные и призматические формы, дисковидные, ортогональные, кареноидные нуклеусы для отщепов и пластин, терминальные, в том числе клиновидные нуклеусы на бифасах. Орудийный набор состоит из ретушированных пластин, в том числе ориньякских и дюфур; бифасов; срединных, многофасеточных, угловых резцов, резцов дежете; скребел; разнообразных скребков, в том числе ногтевидных и кареноидных форм; острий, в том числе и типа арженех; долотовидных орудий; орудий с шипами и выемками; комбинированных орудий; чопперов, абразивов. Отмечается наличие микроформ в группах нуклеусов, резцов, острий, долотовидных орудий, скребков. На некоторых изделиях имеются следы эоловой корразии макаровского типа. Изделия из кости немногочисленны, представлены остриями из грифельных костей, колотушкой из рога оленя. К предметам неутилитарного назначения отнесены обработанный клык крупного кошачьего (*Panthera spelaea*(?)), костяная подвеска(?), обломок плоского каменного изделия с биконическими отверстиями из талькита(?).

Комплекс местонахождения Туяна относится к ориньякской индустрии позднего палеолита. Территориально ближайшие аналогии имеются в Средней Азии и Казахстане, в комплексах культулакской культуры, а также на Алтае (9–11 слои Усть-Каракола) [Колобова, 2014]. Индустрии остальных объектов также являются ориньякскими. На территории Тункинской долины выделяется новая культурная площадь как часть круга ориньякских культур, распространенных на территории Европы, Передней и Центральной Азии. Ориньякскую индустрию Тункинской долины предлагаем обозначить как туянскую (*tuanién*) индустрию.

Библиографический список

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня : дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014.

Shchetnikov A.A., White D., Filinov I.A., Rutter N. Late Quaternary geology of the Tunka rift basin (Lake Baikal region) // *Journal of Asian Earth Sciences*. – 2012. – Vol. 46. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jseaes.2011.12.010>

Kozyrev A., Shchetnikov A., Klement'ev A., Filinov I.A., Fedorenko A., White D. The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia // *Quaternary International*. – 2014. – Vol. 348. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2014.06.012>

Shchetnikov A.A., Khenzykhenova F.I., Klement'ev A.M., Simakova A.N., Semenei E.Y., Filinov I.A. Changes of environments and climate during the Late Pleistocene and Holocene reconstructed from aeolian and colluvial deposits of the Zaktui site (Tunka rift valley, Baikal region) // *Quaternary International*. – 2015. – Vol. 355. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2014.07.074>

В.Е. Родинкова¹, С.А. Сычева², Д.И. Киселев, Л.С. Шумиловских³, Е.Г. Ершова⁴

¹Институт археологии РАН, ²Институт географии РАН, Москва,

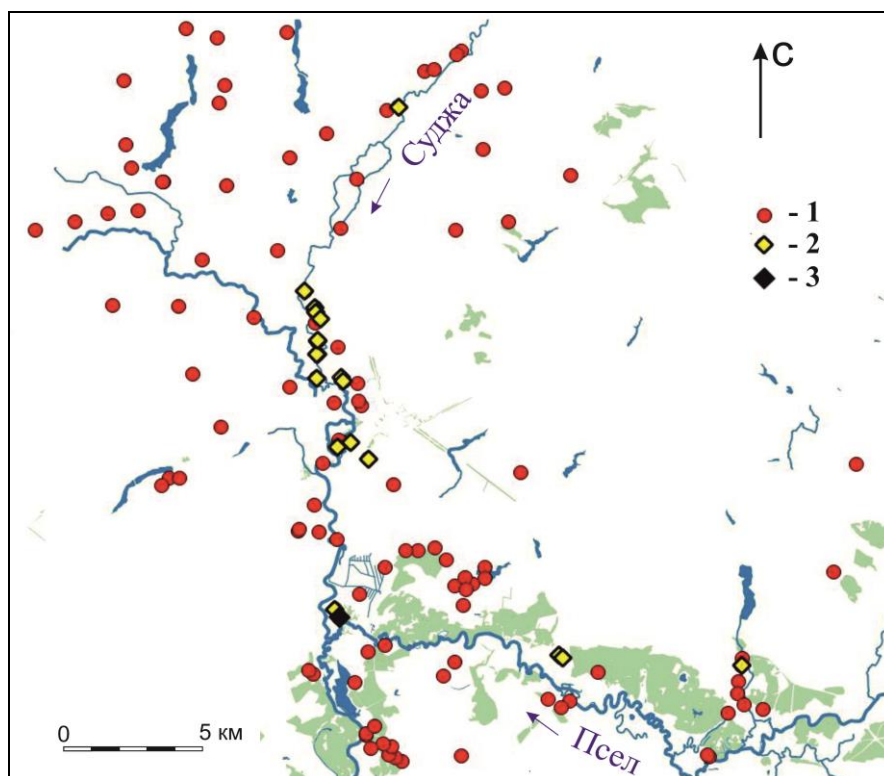
³Геттингенский университет, Геттинген, Германия;

⁴Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

РАНЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (по результатам комплексных исследований в Суджанском районе Курской области)

Территория в нижнем течении р. Суджи – левого притока р. Днепра второго порядка (Суджа–Псел–Днепр) выделяется на фоне соседних регионов значительной концентрацией археологических памятников разных эпох [Археологическая карта..., 2000, с. 125 и сл., рис. 82]. В том числе здесь представлены памятники киевской (III – 1-я пол. V в.), колочинской (2-я пол. V – 3-я четв. VII в.) культур и волынцевского типа (кон. VII – VIII в.), которые большинство специалистов сегодня считают прото- и раннеславянскими. Основная часть территорий, с которыми связаны происхождение и ранняя история славян, лежит вне пределов современной России; рассматриваемый регион – один из немногих, где отечественные специалисты имеют возможность изучения славянских древностей, начиная с ранних этапов их формирования.

Анализ картографического материала, осуществленный с применением ГИС-технологий, показывает, что подавляющее большинство известных в Суджанском районе памятников раннеславянского круга связаны с поймами рек, преимущественно р. Суджи (рис.). Пойма Суджи обширная (шириной до 500 м), на ней имеется микрорельеф, возникший в результате эрозионных процессов (останцы древних террас, различные по площади и высоте над урезом воды). Наблюдаются многочисленные староречья, свидетельствующие об интенсивной работе речных потоков в прошлом, хотя в настоящее время темпы плано-высотных деформаций русла невелики. Периодически имеют место высокие паводки, приводящие к выходу на пойму значительных масс воды.

Археологические памятники Суджанского района: 1 – различных эпох; 2 – раннеславянского культурного круга; 3 – поселение Куриловка-2

Изучение микротопографии местности и ландшафтной приуроченности раннеславянских памятников позволило установить, что они располагаются, как правило, на останцах террас, имеющих высоту 3–5 м от уровня воды, не заливаемых во время паводков

и являющихся доминирующими на своих участках поймы возвышенностями. В большинстве случаев эти останцы окружены различного рода неудобьями и естественными преградами: заболоченными низинами, старичными протоками, озерами и т.п. В местной топонимии они часто имеют названия, включающие слова «горы», «остров» [Родинкова, 2015, с. 217–219]. Такое «островное» расположение памятников, очевидно, отражает определенные особенности освоения пространства и характера хозяйствования оставившего их населения.

Более детально среда обитания носителей прото- и раннеславянских традиций реконструируется по результатам комплексных исследований на поселении Куриловка-2 [Родинкова, 2016]. Памятник занимает останец разрушенной террасы в месте впадения р. Суджи в р. Псел, ограниченный руслами и заливаемыми поймами указанных рек, обводненной протокой, затапливаемой в половодье низиной. Его общая площадь – около 2,5 га, высота над водой – 3–4 м. Поселение обнаружено в 2012 г., полевые работы на нем проводились в 2015–2016 гг. Вскрыта площадь около 150 кв. м. Выявлен культурный слой мощностью 0,30–0,75 м (вне ям), в котором в массовом количестве зафиксированы материальные остатки киевской, колочинской культур и древности волынцевского типа. Значительную часть коллекции составляют материалы Нового и Новейшего времени. Единичны находки эпох мезолита (?), неолита, бронзы, раннего железного века (?).

Результаты почвенных исследований показывают, что формирование останца, на котором расположено поселение, происходило в позднем плейстоцене. В голоцене он не затапливался. На сниженных участках в основаниях разрезов присутствуют тяжелые суглинки. Они экранируют и задерживают в почве дополнительную влагу, что дает возможность периодического произрастания здесь древесной растительности. Присутствие широколиственного леса фиксируется по меньшей мере дважды, причем второй раз он возобновляется на культурном слое, после того как наступает перерыв в активном антропогенном освоении территории. Наиболее возвышенный участок неоднократно подвергался почвенной эрозии, которая стала особенно интенсивной, вероятно, с XVII в., когда началась широкомасштабная распашка поверхности останца.

Палеоботанические данные указывают на развитие в окрестностях поселения смешанного широколиственного леса с преобладанием дуба (50–70%) примерно до XVI–XVII вв. На территории памятника древесная растительность локально сводилась в том числе с помощью выжигания под посевы (просо), но в керне, полученном на расстоянии 120 м от края останца, сигналы, индицирующие хозяйственную деятельность (первые века и конец I тыс. н.э.), очень слабы. Лес восстанавливался через березняки. Полное его сведение происходит одновременно с развитием сельского хозяйства, культивируются гречиха, конопля и культурные злаки, в том числе рожь.

Таким образом, присутствие человека на участке, занимаемом поселением Куриловка-2, фиксируется с неолита или мезолита (?), но активное его освоение осуществлялось носителями прото- и раннеславянских культурных традиций во второй-третьей четвертях I тыс. н.э. При этом воздействие человека было локальным и не привело к значительным изменениям окружающей среды. Второй этап интенсивной деятельности на территории памятника приходится на XVII – середину XX в. Он связан с другими формами хозяйствования и оказал гораздо большее влияние на растительность и ландшафт.

Библиографический список

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 2 / А.В. Кашкин. – М., 2000.

Родинкова В.Е. Археология и ландшафт: интеграция исследований (к проблеме археолого-палеогеографического изучения раннеславянских памятников суджанского региона) // Современные ландшафтные исследования в контексте оптимизации рационального природопользования : материалы Международной научно-практической конференции. – Курск, 2015.

Родинкова В.Е. Работы на памятнике Куриловка-2 в Суджанском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2015. – Липецк, 2016.

Н.В. Рослякова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ МЯСНОГО РАЦИОНА НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ
(по археозоологическим материалам Турганикского поселения)

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания
Министерства образования и науки РФ (проект №33.1907.2017/ПЧ

«Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья»)

Турганикское поселение располагается в Красногвардейском районе Оренбургской области, в месте впадения р. Турганик в старое русло р. Ток. Раскопками 2014–2015 гг. вскрыта площадь 324 кв. м, на которой собрано около 9,5 тыс. фрагментов костей животных. Поселение Турганикское является многослойным памятником, в котором встречены культурные остатки эпохи энеолита (далее ЭЭ) и бронзового века. Керамика ЭЭ разделена археологами на три типа: ивановский, хвалынско-ивановский и токский [Моргунова, 2011]. По имеющимся радиоуглеродным датам автор раскопок Н.Л. Моргунова выделяет две хронологические группы – в пределах 1-й половины V тыс. до н.э. и 2-й половины V тыс. до н.э. Среди керамического материала бронзового века по технологии изготовления выделяется керамика раннего бронзового века (РБВ) (репинского типа) и незначительное количество керамики позднего бронзового века (ПБВ). Материалы слоя РБВ датируются от 3800 до 3360 лет до н.э.

По результатам стратиграфического и планиграфического анализа распределения керамики разных эпох в толще культурного слоя и в ямах костные остатки были объединены в две выборки: материалы ЭЭ и материалы РБВ. Археозоологических материалов, связанных с эпохой поздней бронзы, выделить не удалось. Соотношение домашних и диких видов, а также соотношение домашних копытных в выборке РБВ на Турганикском поселении существенно отличается от таковых в коллекциях из поселений ПБВ Урало-Поволжья. Это позволяет говорить о том, что если кости ПБВ и попали в выборку РБВ, то их количество было незначительным.

Основная часть костей животных из поселения Турганикское имеет характерные для кухонной разделки и утилизации туш животных многочисленные повреждения, т.е. является кухонными остатками. Обе выборки включают кости млекопитающих (98,6%), птиц, рыб и рептилий. Среди млекопитающих преобладают остатки домашних видов. В выборке ЭЭ они составляют 83,2% костей, в выборке РБВ – 89,3%. В части коллекции, относящейся к ЭЭ, доминируют кости крупного рогатого скота (далее – КРС) (*Bos taurus*) и мелкого рогатого скота (далее – МРС) (*Ovis/Capra*). Среди костных остатков, связанных с РБВ, значительно преобладают кости МРС. Количество костей лошади (*Equus caballus*) в обеих выборках незначительно, а кости собаки (*Canis familiaris*) единичны. Из охотничьих видов в коллекциях присутствуют кости тура (*Bos primigenius*), лося (*Alces alces*), сайги (*Saiga tatarica*), кабана (*Sus scrofa ferus*), медведя (*Ursus arctos*), волка (*Canis lupus*), лисицы (*Vulpes vulpes*), выдры (*Lutra lutra*), барсука (*Meles meles*), бобра (*Castor fiber*), зайца (*Lepus sp.*) и сурка (*Marmota sp.*).

Невозможность выделения остеологических материалов, оставленных разными группами населения в ЭЭ, затрудняет интерпретацию полученных данных. Можно лишь отметить, что в этот период мясо домашних животных было основным источником мясной пищи для жителей поселения. Кости домашних животных на памятниках самарской культуры известны в материалах Ивановской стоянки (II этап самарской культуры), расположенной в непосредственной близости с Турганикским поселением, Виловатовской стоянки в Самарском Поволжье, содержащей материалы эпохи неолита и энеолита (I этап самарской культуры), в энеолитических слоях поселений Муллино-III и Давлеканово на юге Башкортостана [Петренко, 2007]. На памятниках самарской культуры, расположенных на севере южной лесостепи (Лебяжинка-III, Какрыбаш, Деркул-I), кости домашних животных не обнаружены [Косинцев, Варов, 1996, с. 31].

Археозоологические материалы, полученные в энеолитическом слое Турганикского поселения, отличаются от таковых в вышеперечисленных памятниках. Прежде всего это касается соотношения костей домашних и диких животных в остеологическом спектре. На Ивановской стоянке дикие животные составляют 41,3%, на Вилатовской стоянке – 54%, на поселении Муллино-III – 76,5% [Петренко, 2007, с. 31–47]. В материалах поселения Давле-каново-III общее количество определимых костей не достигает 400 экз., что не позволяет считать эту коллекцию репрезентативной. В энеолитических материалах Турганикского поселения дикие виды составляют 16,8%. И хотя этот показатель не является абсолютно достоверным из-за возможной перемешанности слоев на поселении, все же доля диких животных на Турганикском поселении ниже, чем на других памятниках. Различия наблюдаются и в видовом составе диких животных. На Турганикском поселении среди охотничьих видов преобладают кости бобра, тогда как на других памятниках первое место по количеству остатков бобр делит с лосем.

Видовой состав домашних копытных на Турганикском поселении также не соответствует таковому на других памятниках самарской культуры. На Ивановской стоянке большую часть археозоологической коллекции составляют кости лошади (68,5%), на Вилатовской стоянке их доля – 52,3%. В энеолитических слоях поселений Муллино-III и Давлеканово-III костей домашних животных слишком мало и соотношение костей разных видов может быть недостоверным. На Турганикском поселении на долю костей лошади приходится лишь 8,6%. На изучаемом поселении доминируют кости КРС (42,0%) и МРС (49,4%), тогда как на других памятниках эти домашние копытные значительно уступают лошади. Такие различия, на наш взгляд, отражают процесс становления скотоводческой деятельности у энеолитического населения Приуралья и в целом Урало-Поволжья. На этом этапе значение охоты и скотоводства отличалось у разных его групп. Разведение домашних животных еще не позволяло полностью обеспечить население мясными продуктами, и значение охоты оставалось еще достаточно высоким. О хорошем знании людьми приемов и способов охотничьего промысла свидетельствует добыча таких крупных и опасных животных, как тур, медведь, возможно и лошадь, а также видовое разнообразие добываемых животных.

Сравнение результатов изучения костных останков животных ЭЭ и РБВ позволило наметить основные тенденции в изменении мясного потребления жителей степного Приуралья в переходный период от меднокаменного века к бронзовому. Значение диких видов животных в мясной диете населения Турганикского поселения снижается от ЭЭ к РБВ. Основу мясного питания населения на всех этапах его существования составляет мясо домашних копытных и, прежде всего, говядина. В мясном рационе жителей поселения в ЭЭ говядина составляет 72,5%, мясо овец и коз – 14,7%, конина – 12,8%. В РБВ доля говядины в мясном рационе остается на первом месте, хотя и несколько снижается (62,9%). Почти в два раза увеличивается доля мяса овец и коз (25,8%). Потребление мяса лошади остается практически без изменения (11,3%). Вероятно, в РБВ возрастает значение МРС в хозяйственной жизни населения в целом. Это может быть связано с благоприятными окружающими условиями для его разведения, а также с развитием подвижных форм скотоводства.

Библиографический список

Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии : тезисы докладов конференции 18–20 декабря 1996 года. – Самара, 1996.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург, 2011.

Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // Археология и естественные науки Татарстана. – Книга 3: Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань, 2007.

К.А. Руденко
Государственный институт культуры, Казань
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЭКСПОЗИЦИЯХ
МУЗЕЕВ ТАТАРСТАНА НАЧАЛА XXI в.:
НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Специализированных научных экспозиций, представляющих разнообразие археологических культур на территории Татарстана и Среднего Поволжья, в целом сегодня нет. Тем не менее археологические материалы широко используются при создании тематических экспозиций или отдельных сюжетов в экспозициях комплексных музеев разного уровня. Наиболее представительны эти материалы в экспозиции Национального музея РТ (НМ РТ) с 2006 г., Музея Болгарской цивилизации в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (МБЦ БГИАМЗ) с 2013 г., археологического музея на Святом ключе Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника (АМ БГИАПМЗ) с 2012 г. Экспозиция учебного археологического музея (АКУ) Казанского (Приволжского) университета в настоящее время не функционирует, как и сам музей, закрытый в 2013 г. Используются археологические материалы в музее истории Свияжска в ГИХМЗ «Остров-град Свияжск» и в музее истории г. Елабуга Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ЕГИАХМЗ). Общие вопросы развития археологических экспозиций отражены в публикации [Руденко, 2014].

Содержание археологических экспозиций различается. Тематический характер имеет билярская экспозиция (автор концепции – К.А. Руденко), связанная с освещением археологии Билярского городища: истории, исследователями, важнейшими итогами стационарных исследований с 1967 по 1987 г. Основной материал – фондовые коллекции БГИАПМЗа. Экспозицию дополняют несколько реконструкций костюмов на манекенах, макеты не сохранившихся монументальных построек, выполненных по реконструкциям С.С. Айдарова. Структура экспозиционного показа: отдельные сюжетные модули – ремесла, бытовая культура, занятия населения, военная история и другие, логически связанные между собой. Предваряет основную часть экспозиции вводная часть – история исследования, персоналии, а также раздел, посвященный археологическим памятникам и материалам добулгарского времени. Завершает экспозицию сюжет о золотоордынском Биляре, а также несколько стендов о создании БГИАПМЗ и реконструкции Святого ключа в 1997 г., и новых проектах, осуществляемых здесь в наши дни (например, ежегодный летний юношеский форум Сэлэт). В отдельных витринах сюжетных модулей материал демонстрирует типологическое разнообразие находок, а при возможности – производственные особенности, в нескольких случаях – практически полный технологический (производственный) цикл (металлургия, косторезное дело). Основной методический принцип построения экспозиции – хронологический.

Также тематической является экспозиция МБЦ в БГИАМЗе (авторы концепции – А.Г. Ситдинов и Д.Г. Бугров). Ядро ее составляют сюжеты по археологии города Болгара, распределенные по двум этажам здания речного вокзала. Основной материал – музейные предметы из фондов музея-заповедника, а также новодел, реплики, копии, макеты. Экспозиция представляет собой историческую ретроспекцию археологических материалов по истории болгар: Перешепинский клад, олицетворяющий Великую Болгарию хана Кубрата, в виде новоделов, продолжается сюжетами по могильникам IX–X вв. ранних болгар на Волге (фонды МА ИА АН РТ) вкрупне с поселением начала X в. на Болгарском городище и далее перетекает в основной экспозиционный блок, где археологические находки, объединенные в основном по материалу (керамика, изделия из стекла, кости и рога и т.д.), чередуются с группировкой экспонатов по сюжетам: военное дело, игры и развлечения, предметы культа и т.п. Нижний этаж занят преимущественно макетными реконструкциями архитектурных сооружений средневекового Болгара, здесь же скульптурные реконструкции

по черепам из захоронений некрополей Булгара, характеризующие антропологический состав населения города. В отдельный блок вынесена история археологического изучения городища и персоналии. Методический принцип экспозиционного показа – сюжетно-тематический.

Это примеры традиционного показа археологического материала, монографического исследования имеющихся археологических коллекций и их публикации в экспозиции. Однако осмысление их несколько различается: билярский проект – это попытка комплексного осмысления археологических исследований и полученных материалов через образ исчезнувшего «Великого города», воссозданный художественными средствами экспозиции (автор С.И. Матвеев). Проект МБЦ – политико-историческая реконструкция на основе демонстрации археологических материалов Болгарского городища, как контекст концептуального видения болгаро-татарской культуры, что поддерживается значительным количеством вспомогательного материала: карты, схемы, аудио-визуальные технические средства, электронные киоски, виртуальные реконструкции и т.п. По содержанию и сочетанию вспомогательных материалов, новоделов и макетов близки экспозиции МБЦ елабужская и свияжская экспозиции; последняя включает в экспозиционное поле археологические материалы «не свияжского» происхождения.

Иной тип демонстрации археологического материала подставляет экспозиция НМ РТ по древней (авторы концепции Г.Р. Назипова и Д.Г. Бугров; художники А.А. Смирнов и Ю.Я. Коноплев) и средневековой (К.А. Руденко) истории Татарстана. Средневековый раздел показан по хронологии: ранние булгары: начало болгарской государственности; Волжская Булгария; эпоха Золотой Орды и последний раздел: Казанское ханство. Древняя история показана как эклектично соединенные тематические модули: охота, земледелие, производства (металлургия, гончарство, обработка камня, кости и рога), жилища, военное дело, «оживленные» скульптурными композициями: охотник, земледелец, кузнец, литейщик, а также натурными реконструкциями, макетами и костюмными реконструкциями. Методической основой данного раздела является культурологический подход, но лишенный этнокультурного содержания, хронологии и видения общей истории развития региона в древности. В процессе монтажа Г.Р. Назиповой были внесены незначительные изменения композиционного плана, несколько изменившие сочетание скульптурных элементов экспозиции и их соотношенность с расположенными в витринах экспонатами.

Экспозиция НМ РТ по древней истории на первый взгляд кажется наиболее деидеологизированной, однако это лишь отражение методологического коллапса российской исторической науки конца 1990-х гг., когда писалась концепция, и несформированность на тот момент общего видения национальной истории Татарстана. Идеологическое звучание имеет экспозиция МБЦ, отражающая как в названии, так и в художественном решении основной лейтмотив темы экспозиционного показа.

С точки зрения образовательной стратегии наименее удачной следует признать экспозицию древней истории НМ РТ, что стало понятным уже в первый год функционирования экспозиции, поскольку отсутствовали даже приблизительные ориентиры культурной эволюции, истории народов, как и данные об этногенезе народов Татарстана, их социальной и политической истории. Частичная информация об этом посредством компьютерных технологий проблему не решила. Традиционные хронологические подходы облегчают не только понимание места того или иного раздела экспозиции в соотношении к общему пониманию истории народов края, но и дают возможность более широких обобщений историко-культурного плана.

Библиографический список

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань, 2014.

К.А. Руденко
Государственный институт культуры, Казань
**ПАМЯТНИКИ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ
В БУЛГАРСКОМ УЛУСЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

Открытие кочевнических древностей в Волжской Булгарии и Булгарском улусе Золотой Орды произошло во 2-й половине XX в., и до сих пор им уделено немного внимания. К настоящему времени на территории Татарстана известно 10 могильников и отдельных захоронений поздних кочевников. Это Балымерские, Зеленовские курганы; могильник Песчаный остров; Курналинские курганы; Лебединское погребение; захоронение на мусульманском Рождественском-IV могильнике с монетой 1362 г.; отдельные захоронения: на могильниках Малоиерусалимском «Бабий бугор» на Булгарском городище, а также находки онгонов на кладбище у «Ханской усыпальницы» на том же памятнике. К этому списку следует добавить Байряки-Тамакский могильник и Ново-Серёжкинское захоронение на востоке Татарстана [Руденко, 2013, с. 189–211]. Детальный анализ можно сделать только по могильникам Балымерскому и Песчаный остров, по которым опубликованы дневники раскопок и планы захоронений [Руденко, 1999, с. 61–65; 2009, с. 288–291], а также по отдельным захоронениям из некрополей в Бул-гарах, на Рождественском могильнике. В остальных случаях известен только инвентарь из захоронений [Казаков, 1978, рис. 47].

Всего нами было изучено 25 захоронений из 6 могильников, которые достоверно можно отнести к кочевническим. Из них 10 захоронений женские; 10 – мужские; 5 – дети и подростки. В женских погребениях имеется погребальный инвентарь. В насыпи подростково-вых захоронений встречаются отдельные предметы. Женские захоронения имеют западную (3: 30%) и северную (70%) ориентировки; среди последних без отклонений (2: 28,5%) с отклонениями к востоку (3: 42,9%) и к западу (2: 28,5%) ориентировку. При этом отклонения незначительны. С западной ориентировкой захоронения из могильника Бабий бугор в Болгарах и одно из могильника Песчаный остров. Ориентированы на север с отклонением на запад два захоронения из Песчаного острова; с отклонением на восток – все из балымерских курганов; а на север без отклонений – из Алексеевских курганов и погребения на Мало-иерусалимском могильнике в Болгарах. Глубина могильных ям в среднем составляет 60–70 см; длина – от 180 до 240 см (средняя длина – 180–220 см); ширина – 80–100 см. Конструкция могильной ямы как правило простая; с заплечиками зафиксировано два погребения из Балымер; в колоде – одно из могильника Бабий бугор. Костяк, как правило, располагался вытянуто на спине; лицевая часть черепа обращена вверх (60%).

Мужские захоронения имеют западную (3: 30%), северную и северную с отклонениями на восток (4: 40%) и южную (2: 20%) ориентировками. Инвентарь имеется в 5 захоронениях. Положение костяка – вытянуто на спине, лицевой частью черепа – вверх. Руки, как правило, вытянуты вдоль туловища, в двух случаях одна из рук положена на пояс. Могильные ямы глубиной от 50 до 200 см, но чаще до 100 см. Ширина – 40–90 см; длина – 160–230 см.

Детские погребения, где можно определить направление могильной ямы и костяка, ориентированы головой на запад или север (одно погребение). Здесь в насыпи могильной ямы или в самом погребении встречались отдельные предметы.

Следы тризн, черепа и зубы лошадей встречаются в насыпи курганов и не связаны конкретно с мужскими, женскими или детскими/подростковыми захоронениями. Из обрядовых действий интерес представляет помещение на грудь умершему черепа собаки без нижней челюсти (Песчаный остров) и использование огня в погребальном ритуале (дно могильной ямы: могильники Песчаный остров и Балымерский). Сопровождающая пища была зафиксирована только в одном случае: нижняя челюсть овцы в Алексеевском захоронении [Руденко, 2013, с. 205].

Датировка захоронений, как и могильников в целом, определяется по стратиграфии (Песчаный остров, Малоиерусалимский могильник) [Руденко, 1999, с. 65], монете 1361 г. (Рождественское захоронение), в остальных случаях – по инвентарю.

Погребальный инвентарь представлен украшениями, бытовыми изделиями, предметами вооружения и конского снаряжения. Из украшений встречены: бронзовые накладки на головной убор, возможно от бокки, мелкий стеклянный бисер, пластинчатый бронзовый браслет и орнаментированная металлическая пластина [Руденко, 1999, с. 73, рис. 3.-11, 12, 13; 2013, с. 193, рис. 2.-11]. Из предметов туалета отметим бронзовые зеркала, костяные игольницы, железные ножницы и шильца с деревянной рукоятью [Руденко, 2013, с. 198, рис. 7.-2, 3; 12.-3, 4]. Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел из погребений на Балымерском (погр. 1, курган 4) и Рождественском-IV (погр. 18) могильниках [Руденко, 2013, с. 207, рис. 2.-6; 13.-1–7]. В последнем обнаружено и навершие рукояти сабли, но без клинка [Руденко, 2013, с. 193, рис. 2.-8]. Из конского снаряжения встречены стремяна и удила, которые в одном случае, судя по их расположению в могиле, были положены вместе с седлом [Руденко, 1999, с. 72, рис. 2.-8; 3.-1, 2, 3; 2013, с. 193, 206, рис. 2.-7; 12.-Б, 9]. Из бытовых предметов найдены: железные ножи, калачевидные кресала, пряжки от поясных и портупейных ремней; в Байряки-Тамакском могильнике – два глиняных прясла [Руденко, 2013, с. 193, рис. 2.-3, 4, 9, 10].

Вещи располагались у плеча или у предплечья (могильник Песчаный остров), либо у головы, на груди, у таза или в ногах (Балымерский могильник; Рождественское и Алексеевское захоронения). Типы бытовых предметов, как и состав инвентаря в целом, близок у всех рассмотренных захоронений, что позволяет предположить их хронологическую совместимость. Основные аналогии вещам относятся к XIV в., а учитывая стратиграфическую дату могильника Песчаный остров и находку монеты в Рождественском захоронении, – ко второй половине этого столетия. По палеоантропологическому анализу было установлено, что это население занималось скотоводством [Бужилова, 2013, с. 211].

Наиболее близкие аналогии данные захоронения обнаруживают с позднекочевническими кипчакскими погребениями Южного Урала XIV – 2-й половины XIV в.

Библиографический список

Бужилова А.П. Палеоантропологические исследования материалов могильника Песчаный остров // Приложение: Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. – 2013. – №2.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М., 1978.

Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология: Средневековая археология Среднего Поволжья. – 1999. – №1–2 (4–5).

Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие : материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.)». – Вып. 1. – Казань, 2009.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. – 2013. – №2.

К.А. Руденко
Государственный институт культуры, Казань
ПЕРЕПИСКА А.П. СМИРНОВА И А.М. ЕФИМОВОЙ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
(источниковедческий аспект)

Ценным источником по истории казанской археологии является переписка выдающегося советского археолога А.П. Смирнова с А.М. Ефимовой – его ученицей и коллегой из Государственного музея ТАССР в Казани. Эти документы уже использовались в исследованиях, посвященных А.М. Ефимовой и А.П. Смирнову [Руденко, 2010, с. 85–153; Овчинников, 2008]. Правда, здесь письма в основном только цитировались или на них делались ссылки. Письма военных лет А.П. Смирнова были опубликованы отдельно [Руденко, 2011, с. 133–135]. Основной массив писем до сих пор не введен в научный оборот. Отметим, что в Казани хранятся только письма самого А.П. Смирнова, черновики писем А.М. Ефимовой, к сожалению, нет.

Письма А.П. Смирнова в настоящее время хранятся в Отделе редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ и в отделе рукописей Национального музея РТ. Причем большая их часть оказалась в научной библиотеке К(П)ФУ – 323 экз. В Национальном музее оказалось около 10 писем. Но там хранится практически весь архив А.М. Ефимовой. Так распорядился В.И. Адо – супруг А.М. Ефимовой после ее смерти. Все письма были собраны по годам, что, вероятно, было сделано еще А.М. Ефимовой при жизни, но Василий Иванович их еще раз просмотрел (на некоторых конвертах есть его пометки, а также написаны даты, если конверт не сохранился) и систематизировал, а часть, вероятно, изъял. В таком виде они поступили в университетскую библиотеку. В музей попали отдельные письма разных лет.

Знакомство со всеми письмами показало, что сохранились они далеко не все. По три-четыре письма имеются за 1950-е гг., что явно не соответствует интенсивности переписки, поскольку в некоторых из них содержатся ответы на вопросы и мнения, которые явно обсуждались в недостающих письмах. Наиболее полно представлены письма за 1945–1947, 1949, 1950, 1957, 1958 и 1963 и за все 1960-е гг., как и начало 1970-х, то есть практически до самой смерти А.П. Смирнова. Из них часть – это поздравительные открытки и несколько телеграмм.

Понять контекст многих писем 1950-х – 1960-х гг. помогают сохранившиеся дневниковые записи В.И. Адо [2000], опубликованные благодаря кропотливой работе с этим документом профессоров К(П)ФУ – В.С. Королева и Г.П. Мягкова. Раскрыть ряд археологических сюжетов и событий второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. из переписки позволяет сохранившийся дневник учителя истории в Болгарах и хранителя археологического музея до создания Болгарского заповедника, близкого друга А.П. Смирнова – В.М. Королева, хранящийся в документальном фонде Болгарского музея-заповедника. К этому же времени относятся несколько писем из архива семьи Хованских [Хованская, 2010, с. 161, №27]. Помимо этого, ситуацию в казанской археологии 1960–70-х гг. дополнительно освещают письма А.П. Смирнова своей ученице Н.Д. Аксеновой, переданные ей в научную библиотеку К(П)ФУ, частично опубликованные [Аксенова, 2010, с. 130–167]. К этому же времени относятся документы из архива А.Х. Халикова [Путеводитель, 2011, с. 145–146], позволяющие понять суть конфликта двух ученых. Вместе с тем наиболее полным и ярким источником по истории казанской археологии остаются письма А.П. Смирнова А.М. Ефимовой.

Письма личного характера, как уже отмечалось в литературе, – весьма сложный документ для анализа, содержащий, как правило, множество глубоко личных, практически интимных высказываний, сиюминутных оценок и характеристик, которые затем могли

измениться. Но вместе с тем это яркий документ эпохи, выпукло обозначающий характер корреспондента, его отношение к тем или иным событиям, особенно когда речь идет о хорошо знающих друг друга людях, доверительно делящихся самыми сокровенными мыслями и чувствами. К числу проблемных мест в переписке надо отнести помимо почерка (до начала 1950-х гг. письма А.П. Смирнов писал от руки, а затем печатал на машинке) идентификацию упоминавшихся в переписке персон. Особенно для писем 1940-х гг., когда речь шла о довоенном времени и чаще всего об участниках раскопок 1938 г. из местных жителей.

Содержательная сторона переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой может быть охарактеризована по нескольким позициям. Первая – личные отношения (поздравления, приветы, забота о близких, обсуждение личных конфликтов, анекдоты, забавные ситуации, приглашение в гости); вторая – работа (ГИМ и ГМТР, посещения музеев в других городах, командировки); третья – археология: раскопки в Болгарах, написание отчета и обработка материалов, включая консультации и научное редактирование рукописей, размышления о теоретических вопросах археологии (например, археологической культуре) или истории (проблемы феодализма в болгар); четвертая – отношения с коллегами в профессиональной области (практически все известные археологи Казани, как известные своими исследованиями, так и начинающие на тот момент: описание встреч, споров, полемики, личные характеристики, оценки и т.п.: особенно остро – Н.Ф. Калинин (1940-е – начало 1950-х), В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков (1960-е – начало 1970-х); П.Н. Старостин и Р.Г. Фахрутдинов (начало 1970-х)); пятая – обсуждение научных работ при их подготовке к публикации (естественно, что это относилось только к научной работе А.М. Ефимовой), а также суждения по поводу новых публикаций (например, трудов П.Н. Третьякова или В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова). Также можно рассматривать и заочные дискуссии, практически всегда в письмах о В.Ф. Генинге и А.Х. Халикове.

Важный сюжет, который необходимо выделить, – это работа над полевой документацией, к которой А.П. Смирнов относился весьма щепетильно. Так, касаясь Отчетов Н.Ф. Калинина, которые он критиковал за множество ненужных деталей, не имеющих с точки зрения А.П. Смирнова большого значения, при этом, как он отмечал, могли быть упущены важные данные [Письмо от 7 мая 1946 г.]. Не меньше критики было в отношении Т.А. Хлебниковой, причем в основном уже за излишнее пристрастие к детализации в полевой фиксации, а также за ее анализ керамики [Письмо от 29 мая 1971 г].

Библиографический список

Адо В.И. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. – 2000. – №11, 12.

Аксенова Н.Д. Любовь моя Болгары. – Казань, 2010.

Овчинников А.В. А.П. Смирнов как исследователь древней и средневековой истории Волго-Уралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. – М., 2008.

Путеводитель по научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2011.

Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. – Казань, 2010.

Руденко К.А. Письма военных лет профессора А.П. Смирнова (1942 г.) // Культурологические исследования в Сибири / гл. ред. Н.А. Томилов. – 2011. – №3 (34). – Омск.

Хованская О.С. Осада и взятие Казани в 1552 году : историко-археологический очерк. – Казань, 2010.

И.В. Рудковский

Томск

АНДРОНОВСКИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Оценивая объем, разнообразие и качество орнаментальных текстов, зафиксированных на керамике андроновской культурно-исторической общности (АКИО), представляется естественным постановка и решение задач по воссозданию их грамматики.

На сегодняшний день такого свода правил не существует, но отдельным его аспектам исследователи андроновских древностей уделяли внимание регулярно. Главная ценность этих отдельных публикаций в обозначении основных разделов пока еще «виртуальной» грамматики андроновской орнаментики. Во-первых, это общая морфология, включающая знание о всевозможных формах, используемых в построении орнаментов. Во-вторых, синтаксис, или правила построения, сочетания форм в композиции. В-третьих, технология выполнения орнаментов. И, в-четвертых, семантика, смысловое содержание орнаментальных текстов. Во все эти разделы могут включаться подразделы более конкретных и узко-направленных тем. В данной работе предполагается изложить некоторые наблюдения, осуществленные в рамках орнаментальной морфологии.

Статистические обобщения по орнаментам *со всей территории* АКИО крайне редки. В одной из пионерных работ подобного масштаба [Максименков, 1978, с. 92–93, рис. 17] содержится важный материал по формам андроновских орнаментов, их распространения по регионам и их частотности в целом. Несмотря на естественную (по тем временам) ограниченность использованного материала, полученная статистика актуальна и сегодня. За последние 40 лет количество андроновских орнаментов в абсолютных числах увеличилось в коллекциях на порядки, но их присутствие в долевого измерении практически не изменилось. По-прежнему «львиную» долю в орнаментальных комплексах составляют горизонтальные замкнутые линии, ряды треугольников и равнобедренные зигзаги. Фигуры этой группы насчитывают в комплексах более 50%. Другая часть андроновского репертуара представляет собой удивительное разнообразие форм – более 300 орнаментальных бордюров [Рудковский, 2013, с. 93–189]. Доля каждого из них в андроновском контексте, естественно, невелика. В свою очередь, эта группа распадается на три части. Первая подгруппа состоит из общеандоновских фигур (встречаются на всей территории общности, а также характерны, как для алакульской, так и для федоровской культур). Такие, например, как классические меандры, ряды уточек. Вторая подгруппа представлена рядами ромбов, свастиками, ступенчатыми «пирамидками», «сибирским меандром». Эти фигуры маркируют только определенные территории [Рудковский, 2016, с. 74–85].

Особым статусом обладает третья, достаточно представительная, подгруппа фигур. В сравнительной статистике эти орнаментальные «эндемики» практически не играют роли, но в антропологическом плане они представляют безусловный интерес. Это «статистические одиночки», орнаментальные эксперименты, попытки расширить возможности традиционной орнаментики, или даже «взломать» существующие правила.

Рис.-1. Зевакинский могильник [по: Рудковский, 2013, в каталоге №243].

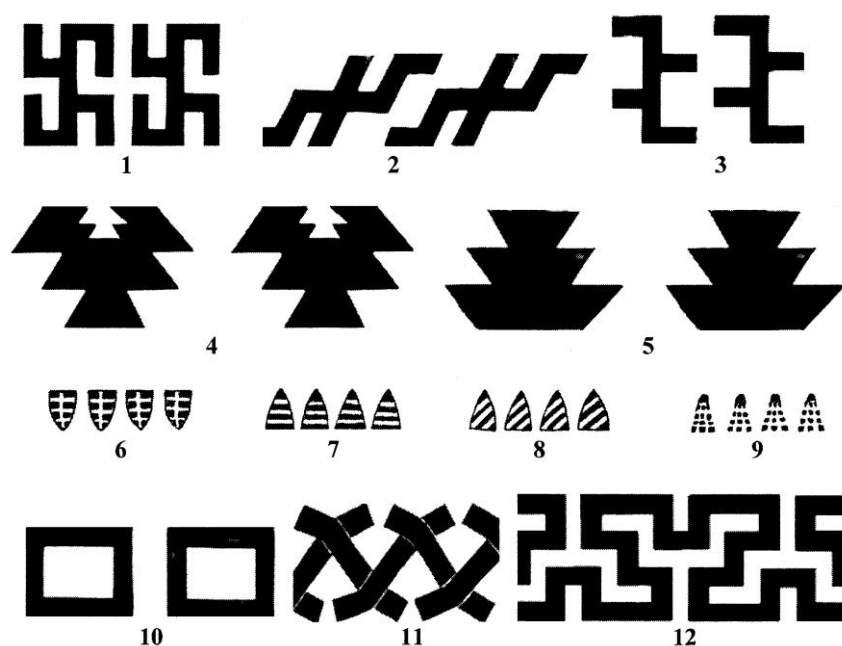
Рис.-2. Могильник Боровое [Оразбаев, 1958, рис. 8].

Рис.-3. Хрипуновский могильник [Матвеев, 1998, рис. 61.-8].

Эти три фигуры – попытка предложить новые вариации на тему «шагающих свастик». Но и эти, и другие предложения на данную тему так и остались невостребованными существующей традицией.

Рис.-4, 5. Могильник Майтан [по: Рудковский, 2013, в каталоге №182–188].

Достаточно сложный вариант превращения негативного фона в позитивное изображение. Такие вариации, пожалуй, стали оформляться в локальную субкультурную традицию одной из алакульских групп Центрального Казахстана.

Андроновские орнаментальные эндемики

Рис.-6–9. Лисаковский могильник [Усманова, 2005, рис. 64.-4].

Примечательный эксперимент по предложению принципиально нового инструментария для андроновской орнаментики – фигурного штампа в виде «геральдических щитков». Не вписался в господствующую концепцию прямолинейного геометризма.

Рис.-10. Могильник Урефты-1 [Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 25.-9].

Рис.-11. Могильник Таутары [Максимова, 1962].

Рис.-12. Могильник Чекановский Лог-10 [Дёмин, Ситников, 2007, рис. 37.-3].

Похоже, и эти образы оказались или слишком сложны, или слишком непривычны для широкого распространения.

На сегодняшний день сложно понять, почему не прижились многочисленные новации в андроновской орнаментике. Очевидно, однако, и то, что орнаментальный канон АКЮ не был застывшей схемой для срисовывания, но вполне допускал эксперименты находчивых художников, даже и «еретического» характера.

Библиографический список

Дёмин М.А., Ситников С.М. Материалы гилевской археологической экспедиции. Часть I. – Барнаул, 2007.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Т. 14. – Алма-Ата, 1962.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Вып. 5. – Алма-Ата, 1958.

Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы, 2013.

Рудковский И.В. Об ареалах распространения некоторых фигур андроновской орнаментики // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – Вып. 1(11).

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты-I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург, 2006.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-1: факты и параллели. – Караганда ; Лисаковск, 2005.

И.В. Рукавишникова
Институт археологии РАН, Москва
АРЖАН-5 – ПАМЯТНИК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ,
АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ДРЕВНЕЙ ТУВЫ

Одно из уникальных явлений древностей Евразийских степей – единство ранних кочевых обществ, как в материальной культуре, так и в искусстве – зверином стиле, известном в мировом искусстве по элитным комплексам скифских царей Восточной Европы. Самые ранние образцы творчества и мировоззрения этих бесписьменных обществ найдены в самом центре Азии – территории Южной Сибири и Центральной Азии [Шер, 1979]. Знаменитый курган Аржан, раскопанный в 70-х гг. XX в. – эталонный и загадочный комплекс предметов древнего искусства – символов Тувы и Центральной Азии, наряду с оленными камнями и херексурами Монголии [Грязнов, 1980; Савинов, 2002; Членова, 1997].

Исследования Тувинской археологической экспедиции ИА РАН комплекса Аржана-5 (2012–2015) напрямую связано с проблематикой знаменитого кургана Аржана и решением проблемы происхождения материальной культуры и искусства ранних кочевников Евразии [Рукавишникова, Гладченков, 2016].

За период 2012–2013 гг. отрядами Тувинской археологической экспедиции были обследованы ряд археологических памятников, содержащих каменные сооружения начала раннего железного века. Были проведены комплексные исследования: разведки с применением неразрушающихся методов, таких как аэрофотосъемка и георадарное сканирование, и археологические раскопки.

При помощи метода аэрофотосъемки в Турано-Уюкской котловине экспедицией изучался характер памятников в Долине царей, где располагались Аржан-1 и Аржан-2 [Рукавишников с соавт., 2017].

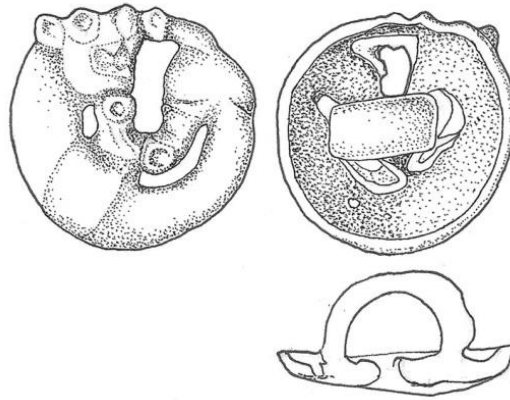
Аржан заключал в себе конструкцию из радиально расположенных деревянных клетей, возможно, генетически восходящих к лучевой конструкции Улуг-Хорума. В результате разведок были выявлены, предположительно, подобные памятники: Туннуг и Аржан-5.

За сезоны 2014–2015 гг. экспедицией ИА РАН под руководством автора доклада были проведены полевые исследования-раскопки на кургане Аржан-5. Были расчищены и исследованы конструкция разрушенной насыпи в южном секторе кургана и центральное погребение. В результате выявлены участки крепиды насыпи из рядов вертикальных каменных плит и горизонтальной кладки рваного камня, а также остатки деревянных конструкций из лиственницы внутри насыпи. Первоначальный диаметр насыпи кургана по выявленной крепиде достигал 48 м. При исследовании погребения в центре была выявлена каменная конструкция, подпрямоугольная в плане, ориентированная углами по сторонам света. Данное сооружение было сильно разрушено в древности, его перекрытие не сохранилось. В процессе исследования были обнаружены фрагменты костей погребенного человека и лошадей в беспорядке. Среди инвентаря разрушенного погребения обнаружены детали узды лошади, среди которых небольшая бронзовая бляшка с изображением свернувшейся пантеры, аналогичной известной находке пантеры из кургана Аржан, символа древней истории Тувы (рис.).

Таким образом, экспедиции удалось установить, что разрушенный каменный курган был близок комплексу кургана Аржан [Евразия сквозь века, 2005], так как имел близкую архитектуру с деревянными конструкциями и каменной крепидой. Радиоуглеродный анализ проб дерева из подкурганых конструкций комплекса Аржан-5, выполненный в лаборатории ИИМК (Институт истории материальной культуры г. Санкт-Петербурга), показал дату – конец IX–VIII вв. до н.э.

Таким образом, полученный разнообразный материал наших исследований находится на стыке проблемы понимания преемственности или слома традиций в переходный период от позднебронзового века к раннему железному на территории Тувы населением, оставившем прекрасные комплексы древнего искусства.

Уздечная бронзовая бляха в виде пантеры. Аржан-5, п. 3

Каждый из этих памятников несет в себе информацию о намеренном сооружении поминальных комплексов, соответствующих представлениям древних о жизни и смерти, с многочисленными деталями, которые являются общими для этих регионов и проявляются впоследствии в других культурах. Каменные сооружения донесли до нашего времени разнообразнейшую информацию о культе смерти. И наиважнейшими в понимании этих вопросов являются планиграфические и стратиграфические наблюдения.

У всех вышеперечисленных комплексов присутствуют каменные выкладки и каменные кольца, ограды и входы, оленные камни, которые несли, возможно, разную функцию в комплексах.

Эти исследования продолжаются. Результатами к настоящему времени данных изысканий являются новые материалы по древнему искусству Центральной Азии этого периода: предметы торевтики, костерезного и прикладного искусства.

Важнейший итог – это нахождение этих предметов в комплексах *in situ* с точно зафиксированными типами архитектурных каменных и деревянных сооружений, которые сами по себе являются надежным археологическим и историческим источником по изучению традиций строительства, мировоззрения и искусства. Раскопки памятников происходят в рамках комплексных естественно-научных исследований, в результате которых собраны пробы анализов для различных методов датирования и антропологические и археозоологические коллекции, исследования состава металла.

Так, мы можем датировать уникальные предметы древнего искусства и получить данные о людях, пользовавшихся этими предметами, структуре их общества, популяции лошадей, сведения о климате и флоре времени создания комплекса, что поможет реконструировать образ жизни и вектора контактов носителей этих древних культур Центральной Азии.

Библиографический список

- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / науч. ред. Г.И. Зайцева и др. – СПб., 2005.
- Рукавишников И.В., Гладченков А.А. Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине // КСИА. – Вып. 243. – 2016.
- Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. – СПб., 2002.
- Шер Я.А. Особенности раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово, 1979.

Е.В. Русланов
*Республиканский историко-культурный
музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа*
ПОСТРОЙКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮМАКОВСКОГО-IV
ПОСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ

В 1988 г. экспедицией Башкирского государственного педагогического института под руководством В.С. Горбунова исследовано Юмаковское-IV поселение [Горбунов, 1988; Муравкина, 1990; Горбунов и др., 1991, с. 170–173]. Памятник находится в 0,7 км к югу от д. Юмаково Мелеузовского района Республики Башкортостан на первой надпойменной террасе старицы р. Белой.

Сведения о поселении получены от директора Юмаковской СОШ Н.Х. Юлдашева. Он сообщил о том, что при строительстве дороги из д. Береговка в д. Юмаково выявилось разрушение древнего памятника, впоследствии получившего название Юмаково-IV поселение. На сохранившейся части культурного слоя было заложено два раскопа. Раскоп I (40 кв. м) вскрыл сохранившуюся центральную часть постройки №1. Раскоп II (66 кв. м) заложен на сохранившейся части впадины котлована постройки №2, разрушенной в процессе строительства полотна дороги.

Цель данной заметки – дополнить имеющиеся сведения об этих строениях, главным образом иллюстративным материалом.

Постройка №1. Размеры 10,5 × 7 м, выявлен слабо углубленный в материк котлован подпрямоугольной формы, длиной 10,5 м, шириной 7 м. Котлован ориентирован по линии север-северо-восток-юг-юго-запад. Дно плоское, ровное, следов столбовых ямок, хозяйственных ям, очагов не обнаружено (рис.-1).

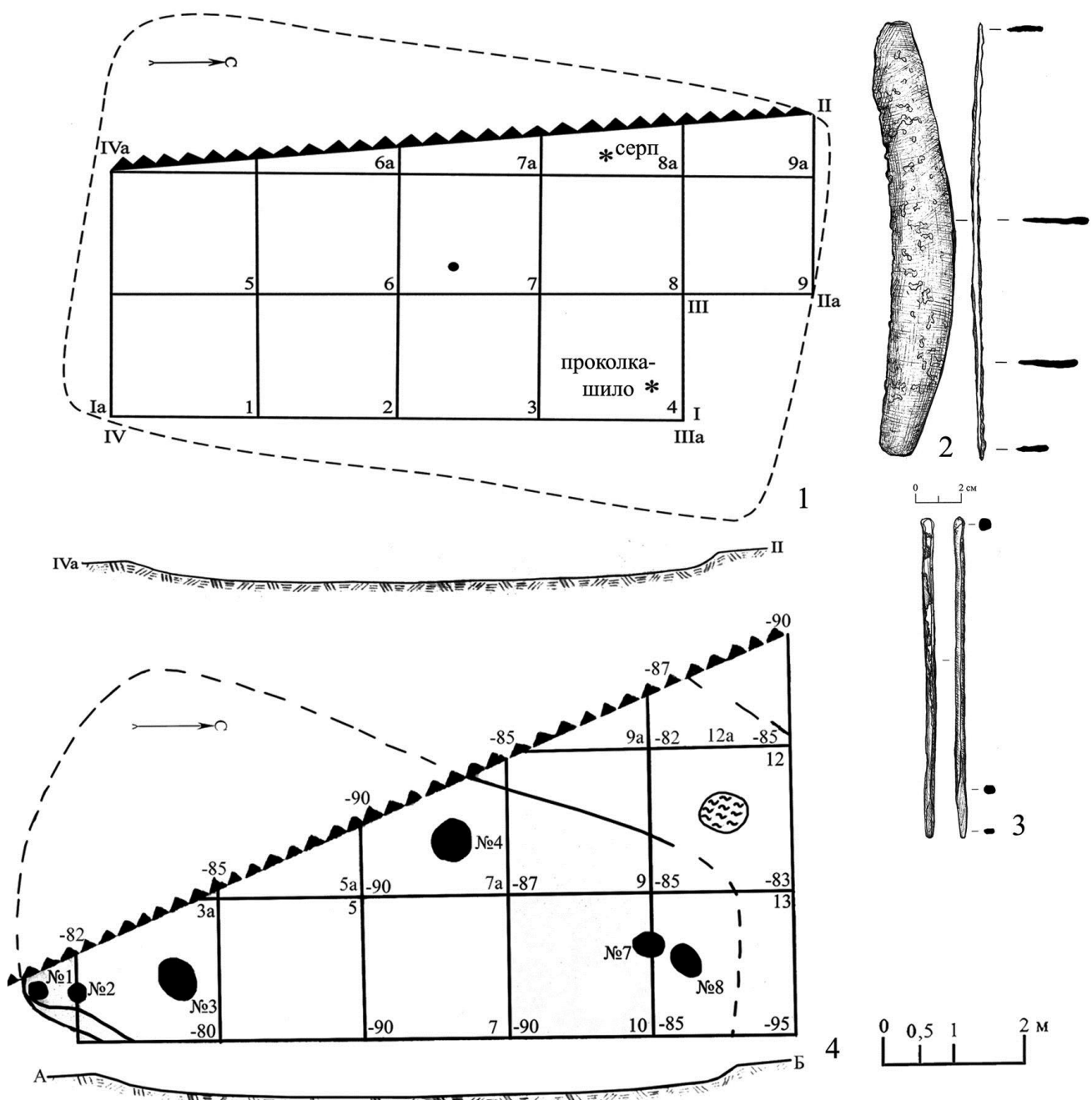
Судя по обнаруженным артефактам (готовым костяным изделиям и их заготовкам), постройка представляла собой специализированное хозяйственное сооружение – ремесленную мастерскую по обработке кости. Керамический комплекс составляют фрагменты абашевской (превалирующая часть) и срубной (в меньшей степени) керамики. Находки из металла представлены пластинчатым серповидным орудием (рис.-2) и проколкой-шиллом круглого сечения (рис.-3), из каменных изделий найдены обломки массивной плиты и два песта. Найден также крупный фрагмент плавильной чаши со следами ошлаковки [Горбунов, 1989, с. 30–32].

Постройка №2. Ширина зафиксированного котлована составляет 6 м, длина – около 9 м. По границе котлована выявлено с восточной стороны 5 столбовых ям, с западной – 3 столбовых ямы. Ямки круглой формы, диаметром от 0,2 до 0,35 м от уровня материка. Котлован, по всей видимости, был подпрямоугольным с закругляющимися углами (рис.-4).

Керамический материал представлен абашевской и срубной посудой. Кроме бытовой посуды обнаружены фрагменты днищ двух тиглей из глины с примесью песка в тесте. Из каменных изделий обращает на себя внимание обломок наковален крупных и средних размеров, а также несколько галек – курантов.

Включая описанные постройки, были выявлены еще 3 котлована. Впадина №3 находится в южной части поселения, ориентирована по линии север-юг, размеры ее 13 × 10 м. Впадина №4 находится в 25 м севернее ее размеры 12 × 8 м. Впадина №5 зафиксирована в 20 м к юго-востоку от раскопа I. Размеры котлована 11 × 12 м.

Таким образом, в той или иной степени раскопками изучено две постройки, давшие содержательный материал, связываемый с абашевской культурой, к которой, по мнению авторов раскопок, относятся изученные постройки.

Юмаковское-IV поселение, по: Горбунов, 1988 г.:
 1 – постройка №1; 2 – серп; 3 – проколка-шило; 4 – постройка №2

Библиографический список

Горбунов В.С. Научный отчет об археологических исследованиях в Мелеузовском районе БАССР в 1988 году // Архив кабинета археологии БГПУ.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев, 1989.

Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф. Новые материалы поселенческих памятников бронзового века Приуралья // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск, 1991.

Муравкина Л.И. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения Юмаково-IV в Мелеузовском районе БАССР в 1990 году // Архив кабинета археологии БГПУ.

Д.Ю. Рыбаков
Томский государственный университет, Томск
КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА КЕТИ

Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке
Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ

Одним из районов обширного Нарымского Приобья является Прикетье. Река Кеть имеет длину 1621 км, площадь ее бассейна – 94,2 тыс. кв. км. Речная сеть включает 238 речных притоков различного порядка. Территория Прикетья до сих пор очень слабо изучена в археологическом плане. На огромной территории в пределах Томской области выявлено около 140 памятников археологии, что, конечно же, не отражает реальной картины их распространения. Памятники раннего железного века в верховьях р. Кети впервые попали во внимание исследователей во время строительства Обь-Енисейского канала в 1883–1891 гг. В 1908 г. С.М. Чугуновым на одном из городищ (Новый Стан-I) были проведены раскопки [Чугунов, 1997, с. 326–328]. Дальнейшее их изучение происходит лишь в 1970-х 1980-х гг. и связано с именами Я.А. Яковлева, Г.И. Гребневой, Ю.И. Ожередова, И.В. Рудковского, Ю.А. Сорокина, В.А. Рябцева [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1991, с. 201–231]. В 2011–2014 гг. их изучением занимались А.И. Боброва, Н.В. Березовская Е.В. Барсуков, Д.Ю. Рыбаков, А.В. Логинов [Боброва, Барсуков, Березовская, 2015; Барсуков, Боброва, 2015; Рыбаков, 2016]. При этом следует отметить, что стационарные раскопки проведены лишь на четырех памятниках: Карбинском городище-I (Я.А. Яковлев, 1987 г.), поселении Рыбинск-I (Д.Ю. Рыбаков, 2013 г.), Катайгинском городище-III (А.И. Боброва, 2013 г.) и городище Чонджа (А.В. Логинов, 2014 г.).

Впервые своеобразие материалов раннего железного века по результатам раскопок Карбинского городища-I отметил Я.А. Яковлев. Исследование керамики памятника показало его специфику. У 66,3% сосудов в орнаментальной композиции присутствует горизонтальный ряд сквозных отверстий, причем у 41,9% он является единственным элементом орнамента. На всей керамике отсутствует штамп «уточка». По мнению Я.А. Яковлева, небольшая часть карбинской керамики находит прямые аналогии в посуде васюганского этапа (группа 3, 4 по классификации Л.А. Чиндиной), датированных VI–III вв. до н.э. Часть керамики по форме схожа с посудой тагарской культуры. Однако наиболее близкими аналогиями является материалы шеломокской культуры из Томского Приобья. Кроме того, из обнаруженных в ходе раскопок семи бронзовых предметов лишь два входят в круг кулайских древностей, пять из них явно выпадают из него и имеют скифские параллели. Наличие тагарской и шеломокской керамики на столь северной территории, южный облик карбинских бронз Я.А. Яковлев объясняет миграцией скифского населения в Прикетья, в результате которой происходит их ассимиляция кулайцами. Датировка Карбинского городища-I укладывается в рамки V–III вв. до н.э. [Яковлев, 1991, с. 136–140].

В ходе проведенных в 1980-х гг. разведочных работ был выявлен еще ряд памятников с аналогичной керамикой: городища Катайгинское-II, Карбинское-III, Новый Стан II, Новый Стан-III, поселения Карбинское-II, Новый Стан-II, Новый Стан-III. В результате разведочных работ 2011–2013 гг. к этому списку добавились городища Катайгинское-III, Катайгинское-IV, Катайгинское-VI, Третий Кордон, Чонджа, поселения Рыбинск-I, Рыбинск-II. Все перечисленные памятники локализованы в Среднем и Верхнем Прикетье. Таким образом, в настоящий момент в пределах указанной территории известно четыре куста памятников, включающие 10 городищ и 5 поселений, отличающиеся рядом культурных особенностей.

На наш взгляд, точка зрения Я.А. Яковлева о влиянии южного компонента в карбинских материалах сильно преувеличена. Прежде всего, это касается керамического комплекса. Шеломокская керамика подробно описана Л.М. Плетневой. Для ее орнаментации характерно преобладание «чистого» жемчужника или жемчужника

в сочетании с другими элементами. В среднем, число сосудов, орнаментированных жемчужником, для всех памятников составляет от 59,8 до 69,6% [Плетнева, 1973, с. 127–140]. Для карбинской керамики этот показатель несравненно ниже: Карбинское городище-I – 8,4%, городище Чонджа – 28,5%. Причем следует отметить, что для керамического комплекса последнего памятника 16,6% составляет проколотый жемчужник, который вообще не характерен для шеломокской керамики. Есть и менее значимые, но в целом весьма показательные отличия – плотный ряд жемчужника на карбинской керамике (на шеломокской он значительно разряжен), зональное расположение верхней строки орнамента сразу под срезом венчика либо на небольшом от него расстоянии, использование технологического декора (жесткого заглаживания) на большей части карбинской керамики. В целом, на наш взгляд, несомненна различная культурная принадлежность шеломокской и карбинской керамики. Наличие бронзовых предметов скифского облика также не является показателем проникновения шеломокского или тагарского населения в Прикетье. Бронзовые изделия попадали на территорию Нарымского Приобья в качестве импорта и могли использоваться по назначению или попадали в переплавку. То, что литье у населения Карбинского городища-I базировалось на привозном металлоломе, отмечает и Я.А. Яковлев [1991, с. 120–121]. В то же время в керамических комплексах Среднего Прикетья (Карбинское городище-I, городище Чонджа, поселение Рыбинск-I) присутствует незначительное количество сосудов, которые сильно выделяются на фоне карбинской керамики. Их орнаментация выполнена при помощи техники штампования, с использованием треугольного, ромбического, крестообразного, меандрового штампов, а также печатной гребенки и шеврона. Подобная керамика характерна для кулайских памятников, расположенных южнее – в Причулымье. Некоторые полные аналогии имеются в материалах Смолокуровского городища-II. Очевидно, в данном случае керамический комплекс фиксирует процесс культурного взаимодействия в рамках локальных вариантов кулайской культурно-исторической общности (КИО).

Своеобразие памятников карбинского типа позволяет говорить о существовании в Среднем и Верхнем Прикетья локального варианта кулайской КИО, который мы предлагаем называть карбинским. По всей видимости, его нижняя хронологическая граница укладывается в рамки VI–V вв. до н.э. и синхронна началу васюганского этапа кулайской культуры [Чиндина, 1984, с. 103]. Однако на данный момент в Среднем и Верхнем Прикетье отсутствуют более поздние памятники саровского этапа кулайской культуры, что позволяет оставить вопрос о верхней границе его существования открытым.

Библиографический список

Барсуков Е.В., Боброва А.И. Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – №4 (31).

Боброва А.И., Барсуков Е.В., Березовская Н.В. Городища раннего железного века на Верхней Кети // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всероссийской конференции (г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г.). – Вып. 3. – Тюмень, 2015.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. – Томск, 1977.

Рыбаков Д.Ю. Городище Чонджа – памятник кулайской культурно-исторической общности в Прикетье // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – 3 (13).

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. – Томск, 1990. – Т. 1.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). – Томск, 1984.

Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. – Томск, 1991.

А.Г. Рыбалко
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ С БИФАСАМИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036
«Развитие древнейших культур и формирование человека современного вида в Северной и Центральной Азии»)

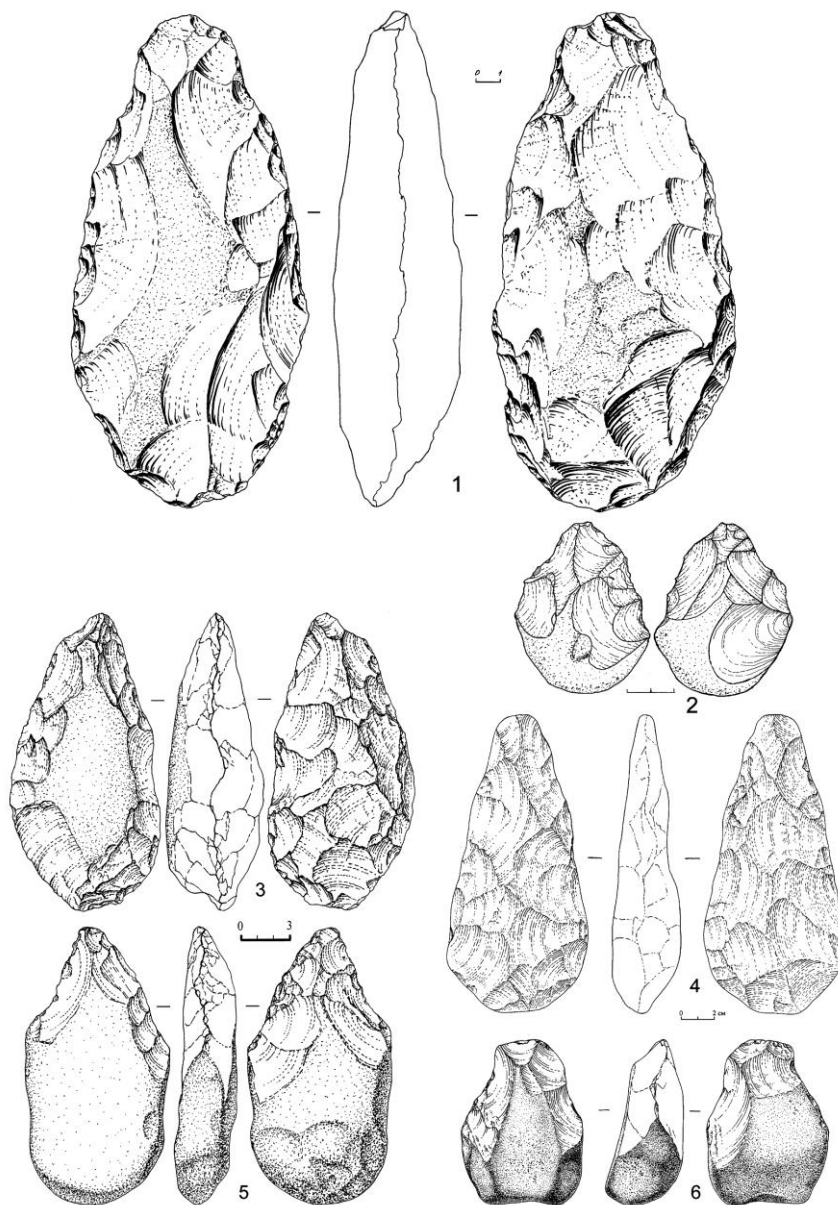
В ходе многолетних стационарных и разведочных исследований экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН в Юго-Восточной части Дагестана в бассейне реки Дарвагчай обнаружено более 10 памятников палеолита [Деревянко и др., 2012]. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий охватывает огромный период от нижнего до финала среднего палеолита. Наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории отмечены в сл. 8 памятника Дарвагчай-1 и в аналогичных отложениях стратифицированных стоянок Дарвагчай-залив-1 и 4 (рис.). Другие бифасы известны из подъемных сборов на местонахождениях Дюбекчай, Дарвагчай-залив-2, Дарвагчай-карьер и Чу-мус-Иниц. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014, с. 76].

Раннепалеолитические комплексы, в которых были обнаружены бифасиально обработанные орудия, сформировались на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья для изготовления артефактов использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Анализ коллекции археологического материала показал, что доминирующим сырьем на памятнике является кремень (не менее 80% от общего количества артефактов). Кремень темно-серого цвета встречается в виде небольших галек и угловатых обломков с окатанными гранями. Кремневое сырье отличается большим количеством внутренних дефектов, при расщеплении сколы часто прерываются трещинами и имеют неровные очертания.

Каменные изделия различаются по степени сохранности поверхности – от среднеокатанных изделий, составляющих основную часть коллекций, до слабо- и практически не окатанных экземпляров. При этом в стратифицированных комплексах не прослеживается какой-либо зависимости между сохранностью поверхности стратиграфическим и планиграфическим положением находок. Несмотря на определенные различия полученных коллекций каменных артефактов, все они демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам (техники расщепления, характерные типы орудийного инвентаря, приемы вторичной обработки). Следовательно, их можно рассматривать в качестве единого археологического комплекса, оставленного носителями одной индустриальной традиции.

Анализ коллекций позволяет сделать следующие выводы о характере полученных материалов. Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Более 30% отщепов полностью или частично сохраняют галечную корку. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные, шиповидные и выемчатые. Наиболее яркой «маркирующей» частью орудийного набора являются крупные галечные и бифасиально обработанные изделия [Рыбалко, 2016]. Хронология памятников построена на основе анализа палеонтологических остатков раковин моллюсков (малакофауна). Обнаруженные на стоянках в ходе раскопок разновидности дидакн относятся к позднебакинскому комплексу моллюсков $\approx$ 400–300 тыс. л.н. (стадии 11-9 MIS). Специфический характер индустрий, облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести эти материалы к числу средне-позднеашельских комплексов Кавказа.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают так называемые частичные бифасы [Рыбалко, 2014, с. 132]. Проведенные исследования позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Индустрии с бифасами. Местонахождения: Дарвагчай-залив-4 – 1, 2, 4, 6 и Дарвагчай-залив-1 – 3, 5

Библиографический список

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск, 2012.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив 1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XX. – Новосибирск, 2014.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Е.П. Рыбин, В.С. Славинский
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
РАЗНООБРАЗИЕ РЕДУКЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ
В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ – РАННЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(к постановке вопроса)

Центральная Азия и Южная Сибирь относятся к тем регионам Евразии, где может быть предположено последовательное или одновременное существование нескольких видов гоминид в короткий промежуток времени позднего плейстоцена, относящийся к концу среднего палеолита (СП) – ранней стадии верхнего палеолита (РВП). Кроме того, эта территория в центре азиатского континента относится к тем областям, где фиксируется одно из наиболее ранних свидетельств обитания человека современного типа после его выхода из Африки через Левант и/или Аравию. Одновременно здесь засвидетельствовано возможно синхронное с Левантом появление феномена культуры крупнопластинчатых индустрий начального верхнего палеолита (НВП). До сих пор вызывает дискуссии характер смены эпох в этом регионе в промежутке от среднего до раннего верхнего палеолита. В основном споры сосредоточены на том, является ли начальный верхний палеолит свидетельством миграции населения [Kuhn, Zwyns, 2014], или же он был продуктом местного развития, и, соответственно, сходство его с похожими индустриями из западной части Евразии может объясняться закономерностями конвергентного развития технологического субстрата в виде леваллуазских технологий, существовавших в поздних среднепалеолитических комплексах [Деревянко, 2009]. Наличие ряда палеоантропологических находок все же позволяет предположить, что в период среднего и раннего верхнего палеолита в Сибири и Центральной Азии, по меньшей мере, несколько раз происходило появление пришлого населения – например, носителей своеобразной среднепалеолитической индустрии сибирячихинского варианта среднего палеолита и, возможно, популяций, привнесших культуру НВП. Однако для данной области Евразии известно очень немного антропологических свидетельств, связь которых с определенными типами индустрий является четко прослеживаемой. Поэтому при исследованиях неоднократных смен культурных и технологических традиций на изучаемой территории исследователи вынуждены опираться почти исключительно на данные анализа технологий редукции нуклеусов и оформления каменных орудий. В данной работе будет предпринята попытка выявления характерных для определенных этапов среднего и верхнего палеолита технологических наборов и специфических технологий расщепления.

Изучаемый регион нами мы подразделяем на четыре провинции: 1) Горный Алтай; 2) Восточный Казахстан и Джунгария; 3) Монголия и Западное Забайкалье; 4) Прибайкалье. Исследования подобного рода ограничены неизбежными трудностями, связанными как со стратиграфическими проблемами изучения археологических объектов (переотложения, палимпсесты и сложная стратиграфия, характерные для многих многослойных пещерных стоянок), неравномерностью распределения и различной степенью достоверности хронологических определений и, не в последнюю очередь, доступностью коллекций или опубликованных данных. Поэтому анализ и характеристика редукционных технологий должна опираться на опорные объекты, снабженные абсолютными датировками и относительно надежными реперами в виде серий ремонтжей каменных артефактов и/или атрибутивных технологических исследований. Для опорных комплексов выделяются технологии, которые являются основными, предположительно не связанными с очевидными поведенческими или сырьевыми девиациями. При изучении технологий основным методологическим инструментом являлась концепция операционной цепочки (*chaîne opératoire*). При этом последовательность утилизации нуклеуса рассматривается как последовательность

технологические взаимосвязанных этапов, включающих в себя стадию отбора сырья; оформление заготовки нуклеуса; регулярное производство сколов; переоформление нуклеуса в заключительной стадии расщепления; производство орудий. Предполагается, что какая-либо отдельно взятая технология на данной территории впервые на устойчивой основе появляется в среднем палеолите; начальном верхнем палеолите или в раннем верхнем палеолите. Каждая рассматриваемая эпоха (фаза) обладает технологическим набором, включающим впервые фиксируемые здесь технологии. Технология, выделяемая в отдельный тип, должна встречаться в нескольких объектах имеющих близкий (или предполагаемо близкий) возраст и схожие культурно-технологические характеристики.

Среди них: **среднепалеолитический набор** – 1) левалуазская конвергентная однонаправленная технология (опорные объекты – Кара-Бом СП2, Усть-Каракол-1 сл. 18); 2) орхонская левалуазская комбинированная пластинчато-отщеповая технология (Орхон-1 сл. 3; Харганын гол сл. 6; Орок-нор-1, 2); 3) сибирячихинская радиальная технология (пещеры Чагырская и Окладникова); 4) денисовская технология отщеповая радиальная-ситуационная (сл. 14–15 восточного зала Денисовой пещеры; слои второго цикла осадконакопления пещеры Цаган-Агуй; Орхон-7, гор. 3; Хотык – ур. 5-5-6); 5) возможно, левалуазская конвергентная бинаправленная технология (Денисова пещера, сл. 12–11.1 Восточной галереи).

Набор начального верхнего палеолита – 1) карабумовская бипродольная встречная технология получения пластинчатых заготовок (Кара-Бом ВП2, Толбор-4, гор. 6; Толбага, сл. 4, Усть-Каракол-1 (1986), слой 5).

Набор раннего верхнего палеолита – 1) кареноидная с использованием двуплощадочной «невстречной» подпризматическая технология (Усть-Каракол-1, сл. 8-11); 2) однонаправленная подпризматическая технология (Орхон-7, сл. 3, Макарово-4; Кара-Бом ВП1); 3) двуплощадочная «невстречная» подпризматическая технология (Толбор-15, гор. 7–6); 4) ортогональная – продольно-поперечная плоскостная отщеповая технология (Куналей, Толбор-4, гор. 4)

Предлагаемые варианты составляющих частей технологических наборов не являются закрытым списком, они могут расширяться по мере уточнения хронологических позиций комплексов и появления новых технологических исследований. Необходимо отметить, что технологии могли появляться и исчезать вновь или же продолжать свое существование на всем протяжении среднего-раннего верхнего палеолита. Наибольшее количество продолжающихся технологических линий может быть прослежено между средним и начальным верхним палеолитом; значительно редуцированными выглядят связи между начальным верхним палеолитом и ранним верхним палеолитом. Распределение хронологии возникновения – передачи технологий позволяют предварительно предполагать наличие пространственно-хронологической трансгрессии между западными и восточными провинциями изучаемого региона, что подтверждается и характером распространения маркирующих специфических орудийных типов. Является ли выявленный нами тренд результатом человеческих миграций или же миграции идей; какова роль использования различающихся между собой типов каменного сырья и форм их исходных отдельностей – эти вопросы должны лечь в основу дальнейших исследований.

Библиографический список

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск, 2009.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // *Quaternary Intern.* – 2014. – Vol. 347.

М.П. Рыкун¹, А.В. Южакова²

¹Томский государственный университет, Томск;

²Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

РЕШЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПО РАБОТЕ С ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Палеоантропологические материалы уникальны, являясь по сути биологическим источником, они несут в себе историческую информацию, необходимую для реконструкции существования этнокультурных и историко-культурных общностей древнего населения. Кроме того, в этногенетических реконструкциях они образуют в источниковедческом плане единый блок с археологическими источниками, так как те и другие происходят из одних и тех же комплексов с определенной пространственно-временной привязкой в рамках конкретных археологических культур. Поэтому при археологических раскопках методам фиксации и обработки палеоантропологических материалов необходимо уделять такое же внимание, как и методам работы с археологическими материалами.

Так, методические рекомендации по полевой консервации археологических находок были разработаны Всесоюзным научно-исследовательским институтом реставрации в 1987 г. В работе подробно рассмотрены основные этапы полевой консервации находок из металла, стекла, текстиля. Полевая консервация определена как «важный и ответственный этап в комплексе реставрационных мероприятий [Елкина и др., 1987, с. 4]. Определена и основная задача полевой консервации археологических находок – сохранение предмета с момента его изъятия из раскопа до прибытия в специализированную реставрационную лабораторию, где будет произведена научная обработка материала. Успешность выполнения поставленной авторами задачи зависит не только от методически правильной первичной обработки и грамотной документации археологических находок в полевых условиях, но и от того, «как будут произведены раскопки, расчистка, укрепление и изъятие предмета из культурного слоя, его упаковка и транспортировка» [Елкина и др., 1987, с. 4–5]. Стоит отметить, что методика полевой консервации археологических находок активно развивается и в настоящее время. Для молодых специалистов-археологов существуют отдельные направления в рамках полевых археологических школ, где ведущие специалисты преподают им как теорию, так и практику полевой консервации археологических находок.

Одним из первых, кто обратил внимание на отсутствие разработанных методик полевой консервации и упаковки остеологических материалов, был И.И. Гохман. Работа вышла еще в 1962 г., и на тот момент имеющиеся методические рекомендации, отработанные на практике, были не опубликованы и известны немногим исследователям. «Поэтому тут остается широкое поле для самостоятельности, которое далеко не всегда себя оправдывает» [Гохман, 1962, с. 100]. В своей работе автор ставит вопрос о соблюдении элементарных требований полевой консервации и упаковки палеоантропологического материала, что, по его мнению, «не только облегчит и ускорит его лабораторную и научную обработку, но и позволит ввести в научный оборот целый ряд таких материалов, которые до настоящего времени полностью или частично пропадают для науки» [Гохман, 1962, с. 102].

Только в 1989 г. появилась совместная работа Н.Н. Мамоновой, Г.П. Романовой, В.М. Харитоновым, касающаяся вопросов первичной обработки палеоантропологического материала в полевых условиях. В работе кратко изложены основные приемы расчистки, разбора, упаковки, а также документации материала [Мамонова и др., 1989]. На сегодняшний момент данные рекомендации являются единственным методическим руководством для работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях.

Ценная информация содержится в неопубликованных записях В.А. Дрёмова, который на основе собственных многолетних экспедиционных работ составил рекомендации по «сбору», упаковке и транспортировке палеоантропологических материалов.

Методика поэтапного исследования захоронений в саркофагах подробно изложена в работах Д.В. Пежемского. В зависимости от состояния костной структуры автором

рекомендованы варианты обработки палеоантропологических материалов, что необходимо учитывать и при работе в полевых условиях [Пежемский, 2009; Пежемский, Сеницина, 2009].

Проблема заключается еще и в том, что к извлечению антропологического материала из раскопок часто привлекаются малоквалифицированные люди. По мнению И.И. Гохмана, все это в конечном итоге приводит к потере «примерно 50% той научной информации, которая может быть получена от изучения этого материала при применении иных способов упаковки» [Гохман, 1962, с. 101]. Чтобы избежать этого, необходимо два условия: наличие разработанной методики и антропологов в поле. В случае отсутствия квалифицированных специалистов необходимо перед выездом в археологическую экспедицию заранее обучить небольшую группу студентов основным приемам сбора и упаковки палеоантропологического материала. Особое внимание при этом следует обратить на умение грамотно вести документацию материала (этикетки, опись, сопроводительные документы).

Традиционно палеоантропологический материал подразделяют на краниум (череп) и посткраниум (кости скелета). Наиболее информативным, особенно в расово-диагностическом плане, является череп. Остальные кости скелета дают возможность узнать ростовые характеристики, определить адаптивный тип населения, а также содержат информацию о состоянии здоровья, физических нагрузках и других особенностях жизнедеятельности индивида и всей популяции в целом.

Полностью собранный материал обеспечивает наиболее точное определение пола и возраста погребенного, исследование его по полной традиционной антропологической программе (краниологической, остеологической, одонтологической), а также в рамках новых направлений: кранио- и остеофенетика, краниотригонометрия, палеогенетика, палеопатология, палеодемография, палеопаразитология и др. Необходимо учитывать, что для палеодемографических исследований необходимым условием является полностью раскопанный могильник, а также все собранные костные останки (как взрослых, так и детей).

Следует отметить, что в зависимости от древности палеоантропологического материала, сезонности археологических работ, природной географической зоны, типа почв методы работы с ним будут отличаться.

Таким образом, из вышеперечисленных проблем вытекает необходимость создания методического пособия, которое позволит унифицировать и наладить работу по сбору уникального исторического источника – палеоантропологического материала.

Целью дальнейшей работы является подготовка макета и его обсуждение на секции «Теория, методика и историография археологических исследований».

Библиографический список

Гохман И.И. Некоторые вопросы методики консервации и упаковки палеоантропологических материалов в поле // Краткие сообщения института этнографии. – Т. XXXVI. – М., 1962.

Елкина А.К., Подвигина Н.Л., Хазанова И.А., Шемаханская М.С. Полевая консервация археологических находок (текстиль, металл, стекло) : методические рекомендации. – М., 1987.

Пежемский Д.В. Методика первичной обработки и консервации скелетных останков в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. – Т. 1. – М., 2009.

Пежемский Д.В., Сеницина Н.П. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. – Т. 1. – М., 2009.

Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях : инструкция // Методика полевых археологических исследований. – Л., 1989.

Т.В. Рябкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКУБАНЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗМЕННЫХ КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЯ ТАРАСОВА БАЛКА

Масштабные миграции кочевнических группировок из центрально-азиатского региона на Северный Кавказ, происходившие на протяжении I этапа РСК (VIII в. до н.э.), документируются распространением подкурганного погребального обряда и ряда инновационных вещевых категорий [Алексеев, 2003, с. 47–50]. Эти миграции привели к появлению в Закубанье двуэтничного военно-политического образования во главе со скифской аристократией, о чем свидетельствуют материалы Келермесского могильника [Галанина, 1997, с. 208]. Взаимодействие кочевников с местным населением способствовало как скифизации раннемеотской культуры, так и изменениям в культуре кочевников, что в итоге привело к формированию меотской археологической культуры.

Современные представления о различных аспектах культуры и быта населения Закубанья на протяжении раннескифского времени (VII–VI вв. до н.э.) основаны на анализе погребальных памятников. Поселенческие памятники этого периода изучены в меньшей степени и известны в основном по сборам подъемного материала [Каменецкий, 2011, с. 201; Эрлих, 2007, с. 67].

В этой связи начатое в 2011 г. археологическое исследование поселения Тарасова Балка в Закубанье, расположенного в непосредственной близости от курганного могильника «Разменные курганы», имеет особую важность. Площадь поселения составляет около 10000 кв. м, из которых на сегодняшний день исследовано свыше 250 кв. м. Об оседлом характере жизни на поселении свидетельствует преобладание в составе остеологических материалов костей крупного рогатого скота (41%). Обилие и характер находок в слое свидетельствуют о долговременности поселения. Наличие развитой традиции домостроительства подтверждается многочисленными остатками турлучных построек. Находки шлаков, выплесков бронзы, бронзовых слитков, «тиглей» доказывают наличие местной металлообработки. Лепная керамика по типам и способам орнаментации относится к кругу изделий прото- и раннемеотского времени, что показывает тесную связь гончарных традиций поселения с гончарством региона в целом и свидетельствует о возникновении поселения в протомеотское время. Основное отличие материалов Тарасовой Балки – многочисленные находки фрагментов сосудов античного производства, по которым можно определить, что поселение существовало и во второй половине VII–VI вв. до н.э., являясь в это время крупным торговым центром, поддерживавшим торговые связи с неустановленным пока античным полисом. Значительное количество предметов конской упряжи и оружия (фрагменты удила, псалии, почковидное перекрестье акинака, многочисленные наконечники стрел, в том числе и архаических скифских типов) свидетельствует о включенности населения в военные операции [Рябкова, 2015, с. 368–369, 372].

О том, что 1-й Разменный (Костромской) курган, повторно исследованный Южно-Кубанской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2010–2012 гг., был сооружен во время функционирования поселения, свидетельствуют находки под его насыпью фрагментов античных сосудов, среди которых кувшин южно-ионийского производства конца VII – 1-й половины VI в. до н.э. [Рябкова, Логинова, 2013, с. 372].

В результате повторного исследования многие данные Н.И. Веселовского не подтвердились [Рябкова, 2013, с. 378–381]. Тем не менее удалось реконструировать процесс возведения кургана, включавший в себя нивелировку насыпи эпохи бронзы, сооружение на размеченной площадке холма с уплощенной вершиной из влажного грунта с добавками растительности. На поверхности холма было установлено сооружение в виде клетки (сруба) из плах в 3–4 венца, впоследствии сожженное и перекрытое органическим материалом. С севера и северо-запада у границ подкурганного сооружения зафиксированы ямы с черепами лошадей и коров – жертвенные комплексы. По данным стратиграфии, после проведения погребальных

ритуалов и сожжения конструкции на поверхности холма производилось последовательное сооружение насыпи, включавшее первоначальную засыпку погребальной площадки грунтом с органическими включениями, укрепление границ насыпи вальками из глины и дерна и последующие поэтапные засыпки. Возведение столь масштабного и сложного памятника невозможно без следования определенной традиции, параллелей которой в синхронных и более ранних памятниках Закубанья нет. Наиболее близкими аналогиями подкурганному сооружению и обрядности 1-го Разменного (Костромского) кургана являются памятники Северного Казахстана, исследованные в степях Приишимья [Хабдулина, 1994, с. 19–20]. Учитывая это, можно предположить, что инокультурная традиция появилась в Закубанье в результате миграции населения, культура которого близка культуре кочевников Северного Казахстана [Рябкова, 2014, с. 553]. О том, что пришельцы пользовались ресурсами поселения, свидетельствует не только сходство керамического материала кургана и поселения, но и использование крупного рогатого скота в качестве ритуальных жертв.

Небольшой по размеру 10-й Разменный курган конструктивно схож с курганами 23 и 29 Келермеса (2-й тип келермесских погребальных памятников по Л.К. Галаниной) [Галанина, 1997, с. 72]. Насыпь его была возведена над погребением человека, находившимся на уровне древнего горизонта, сопровождавшегося пятью конскими захоронениями, также совершенными на уровне древней поверхности. Взнузданные лошади были уложены вокруг человеческого погребения правильным полукругом с запада, с севера на этом же уровне обнаружена каменная вымостка и фрагменты разбитых сосудов. Над погребением человека был установлен стелообразный камень. Дата определяется по бронзовому распределителю уздечного ремня в рамках второй половины VII в. до н.э. [Рябкова, 2013, с. 385]. Использование в ритуалах каменных вымосток – одна из ярких черт меотской обрядности [Эрлих, 2011, с. 93] – прослежена и в 6-м Разменном кургане, насыпь которого возводилась в эпоху бронзы, но была использована в раннемеотское время для совершения жертвоприношения. Костяк верхового коня был обнаружен под насыпью на уровне древней поверхности рядом с каменной вымосткой, засыпанной разбитыми сосудами раннемеотских типов. Дата комплекса определена по данным радиоуглеродного анализа в рамках раннескифского периода. Аналогичная вымостка с фрагментами тонкостенных черпаков, наконечниками стрел, обломками акинака обнаружена и на поселении. Таким образом, уже на протяжении раннескифского времени в Закубанье отмечается взаимодействие двух культурных традиций, основные признаки которых стали неотъемлемой частью меотской культуры.

Библиографический список

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб., 2003.
Галанина Л.К. Келермесские курганы. – М., 1997.
Каменецкий И.С. История изучения меотов. – М., 2011.
Рябкова Т.В., Логинова Е.Ю. Керамический комплекс Костромского кургана (предварительная публикация) // Материалы Шестой международной Кубанской археологической конференции. – Краснодар, 2013.
Рябкова Т.В. 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. – СПб., 2013.
Рябкова Т.В. 1-й Разменный (Костромской) курган и памятники Северного Казахстана: к вопросу о параллелях в погребальной обрядности // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана, 2014.
Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб., 2015.
Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы, 1994.
Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. – М., 2007.
Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II–IV в. до н.э. – М., 2011.

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов, А.С. Афонин
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
СРЕДА ОБИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПИ ПРИТОБОЛЬЯ И ПРИИШИМЬЯ
НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

Условия окружающей среды как ключевые факторы формирования жизненного уклада зачастую определяли пространственные границы расселения людей. Однако трудно установить, до какой степени природные условия являлись руководящими в культурно-генетическом процессе.

Рубеж бронзового – начала раннего железного века соотносится со значительными культурными и социальными переменами, которые вложены в специфичное понятие «переходный период», утвердившееся в отечественной археологии. Климатические изменения в этот период принято считать неблагоприятными, квалифицируя их как сильный экологический стресс, спровоцировавший миграции с севера [Молодин, 2010; Зах, 2012]. В южных же районах предполагается изменение поселенческого потенциала, спровоцировавшего заселение безлюдных ранее степей и начало формирования культуры кочевников. Тем не менее до сих пор неясно, насколько эти исторические процессы были предопределены климатическими событиями? Было ли изменение природного потенциала ландшафтов синхронно культурным процессам?

Для обоснованного ответа на эти вопросы предлагается рассмотреть динамику природных изменений конца II – начала I тыс. до н.э. и оценить природный потенциал меняющихся ландшафтов. В докладе будет представлен анализ археологических и палеоэкологических материалов западного сектора лесостепной полосы Западной Сибири. Основой наших палеоэкологических построений стали палинологические данные из озерно-болотных отложений, имеющие серии датировок. Эти «палеоархивы» природной информации дополнены опубликованными и неопубликованными материалами палинологического исследования культурных слоев памятников рубежа II и I тыс. до н.э. в Притоболье и Приишимье.

Основное внимание будет уделено детализации особенностей природной среды в разных частях региона, в том числе согласованности данных и проблем их интерпретации. В связи с расхождениями у разных авторов [Епимахов, Таиров, 2013] предпринята попытка использовать математический аппарат, который позволяет получать сопоставимые данные в разных районах по одной методике. Систематизация палеоэкологических данных показала, что однородной климатической картины в лесостепной полосе Западной Сибири не наблюдается, и неправомерно предполагать однонаправленную модель реакции людей на природные условия на рубеже бронзового и железного веков повсеместно. Палеоэкологическая ситуация не способствовала освоению открытых пространств в бронзовом веке. Однако уже с X в. до н.э. улучшение увлажнения в степных районах способствовало росту биопродуктивности этих ландшафтов и изменениям системы землепользования. Тогда неясно, почему адаптацию к улучшающимся условиям принято называть стрессовым явлением и кризисом позднебронзовой экономики?

Библиографический список

Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. – 2013. – №3.

Зах В.А. Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – №19 (4).

Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте. Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2010.

Н.С. Савельев¹, В.В. Овсянников¹, Р.Г. Курманов²

¹Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН,

²Институт геологии Уфимского научного центра РАН, Уфа

ПРИРОДНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РУБЕЖЕ ЭР В ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (по данным городища Акбердино-II)

Городище Акбердино-II расположено в 15 км к юго-востоку от г. Уфа, на 60-метровом залесенном мысу правого берега р. Белая. Выявлено Г.Н. Гарустовичем в 1985 г., исследовалось В.В. Овсянниковым в 2005 г. На городище фиксируются две линии фортификаций, размеры укрепленной площадки 300 × 70 м. У края площадки был заложен шурф 2 × 2 м, выявивший мощный (до 1,5 м) культурный слой эпохи раннего железа. Все находки относятся к кара-абызской культуре, занимавшей лесостепь Южного Приуралья и сформировавшейся на дальней юго-восточной периферии ананьинской общности.

Всего из шурфа происходит 614 фрагментов керамики (не менее 107 сосудов), относящихся к ананьинской, гафурийской, кара-абызской и сформировавшейся на их основе убаларской группам. По находкам из подъемного материала городище датируется IV в. до н.э. – первыми веками н.э. По всем показателям городище является одним из реперных поселенческих памятников кара-абызской культуры, находящемся в самом центре ее ареала.

В 2016 г. шурф 2005 г. был вскрыт и из стенки через 10 см отобрано 17 образцов для палинологического анализа. Полученные данные вместе с анализами керамики (определения примесей – при ×5) сведены в единую таблицу (рис.), что позволило проследить ряд закономерностей, а также периодов изменения природной среды. Выделено 6 слоев, культурные отложения приурочены к гумусу и серой супеси, в которой залегает слой ярко-каштановой супеси. В образцах 1–3 и 12 споры и пыльца немногочисленны или отсутствуют.

Этап 1 (СП4, гор. 7). Территория покрыта смешанными хвойно-широколиственными лесами (83%). Находки единичны, представлены кара-абызской керамикой в основном с примесью раковины и шамота.

Этап 2 (СП5-7, гор. 6). Увеличиваются открытые пространства, занятые луговым разнотравьем и рудеральной растительностью. Увеличивается интенсивность вытаптывания. Древесные таксоны постепенно падают до 6%, к концу этапа представлены только липой. Количество керамики возрастает, ведущее место занимает примесь раковины и шамота. Именно с этим рецептом связано лощение поверхности. Незначительно фиксируется примесь песка и песка с раковинной. Присутствует один фрагмент с примесью талька, что характерно для ранней (середина – вторая пол. IV в. до н.э.) керамики гафурийской группы.

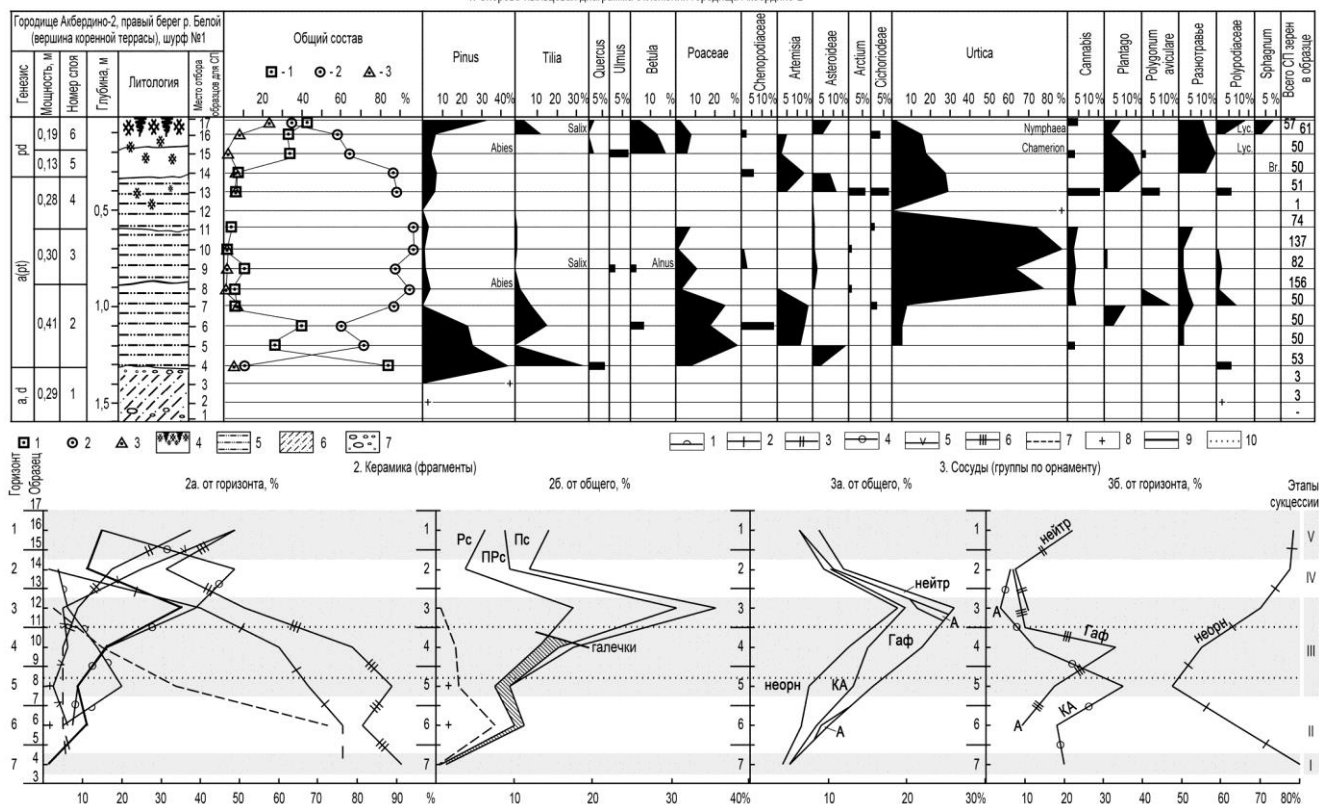
Этап 3 (СП8-12, гор. 3-5). Доля древесных таксонов незначительна (2,2–11%), появляются мелколиственные (береза, ольха, ива). Доля синантропной растительности возрастает вчетверо – до 71–93%, резкое увеличение рудералов (крапива – до 88%) указывает на сильную нитрификацию почв. Центральная часть этого слоя представлена ярко-каштановой супесью. При росте в четыре раза количества керамики снижаются раковинные примеси (с 89,1 до 50,7%), до 9,8% увеличивается примесь песка и с 9,1 до 39,5% – песка и раковины, при этом мелкие галечки сменяются сеяным песком. Традиция лощения исчезает. С 47,1 до 71,4% увеличивается количество неорнаментированных сосудов, появляется (до 33,3%) и резко снижается гафурийская орнаментация, практически полностью исчезают (с 35,3 до 3,6%) кара-абызские орнаменты и начинают встречаться «нейтральные» (10,7%).

Этап 4 (СП13-14, гор. 2). Происходит постепенное увеличение древесных (до 8%) и споровых (до 6%) таксонов, травянистые снижаются до 86%. Процент рудеральных видов снижается, луговых и маркеров пастбищной нагрузки – увеличивается. Количество керамики сокращается в 3 раза, продолжается рост примеси песка (до 21,9%), песка и раковины (до 48,6%) и падение раковинной примеси (31,4%), рецепт «раковина-шамот» исчезает. Почти 80% сосудов лишены орнамента, кара-абызский, гафурийский и нейтральный единичны.

Этап 5 (СП15-17, гор. 1). Продолжается восстановление лесных массивов, распространяются вторичные березняки, постепенно сменяемые липой. Рост древесных таксонов – до

42,1%, травянистые снижаются до 35,1%, но доля лугового разнотравья увеличивается. Количество керамики не изменилось. До 37,7% увеличивается примесь песка, до 48,2% – раковинная (резкий рост рецептов «раковина-органика» и «раковина-шамот-органика»). Более чем в три раза, до 14,1%, снижается примесь песка и раковины. Неорнаментированных сосудов столько же, орнамент сохраняется только нейтральный.

1. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений городища Акбердино-2

Городище Акбердино-II. Шурф №1 (2005; 2016). Разрез голоценовых отложений, диаграммы спорово-пыльцевая и керамического комплекса. Условные обозначения (1): 1 – древесные и кустарниковые виды; 2 – травянистые и кустарничковые виды; 3 – споровые растения («+» – единичные находки пыльцы); 4 – почва; 5 – супесь; 6 – суглинок легкий; 7 – галечник. *pd* – почва; *a(pt)* – русловая фация аллювия; *a* – аллювиальный; *d* – делювиальный. *Abies* – *Abies* sp., *Alnus* – *Alnus* sp., *Salix* – *Salix* sp., *Chamerion* – *Chamerion angustifolium*, *Nymphaea* – *Nymphaea* sp., *Lycopodium* – *Lycopodium* sp., *Bryales* – *Bryales*. Условные обозначения (2–3): 1 – раковина; 2 – раковина и шамот; 3 – песок; 4 – песок и раковина; 5 – раковина и органика; 6 – раковина со всеми вариантами в целом; 7 – лощение (от «раковина и шамот»); 8 – тальк; 9 – всего в слое; 10 – каштановая почва (слой 3). Сокращенные названия (группы по орнаменту): *A* – ананьинская; *КА* – кара-абызская; *Гаф.* – гафурийская; *нейтр.* – нейтральная; *неорн.* – сосуды без орнамента

Диаграммы 2 и 3 показывают внутреннюю динамику изменений кара-абызского керамического комплекса (гор. 7-4), появление и исчезновение в нем сосудов гафурийской группы (гор. 5-3), а также появление с гор. 4 керамики убаларского типа (остаточной постмаклашевской), для которой характерны примеси песка и песка с раковинной. Традиции этой группы стали доминирующими на городище на позднем этапе его существования, однако на самом верху культурных отложений фиксируется поляризация двух технологических традиций, одна из которых сохраняет более ранние кара-абызские черты.

По диаграммам четко увязывается появление гафурийской керамики с этапом резкого нарастания аридизации (СП7-8), что, вероятно, является общей закономерностью оседания кочевников – носителей раннепрохоровского комплекса в приуральской лесостепи. Гафурийская керамика на городище появилась уже в смешанном виде, что не позволяет ее датировать раньше конца IV в. до н.э. Массовое появление убаларской керамики (СП10-11) является следствием притока новой группы родственного населения из более южной части кара-абызского ареала и датируется II в. до н.э. Таким образом, зафиксированный пик аридизации может быть датирован серединой IV в. до н.э. – рубежом II-I вв. до н.э.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
ВОЛЧЬИ ЗНАМЕНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

В истории степной Евразии в 1-й половине I тыс. н.э. существовало два чрезвычайно ярких и уже досконально изученных явления, как будто непосредственно не связанных между собой, тем не менее происходивших в одно время и приблизительно в одном и том же пространстве. Это – Великий шелковый путь, протянувшийся от Китая до самых дальних уголков Западной Европы, и получившие столь же широкое распространение так называемые драконовые (в европейской литературе *draco*), или волчьи знамена. То и другое имеет обширную историографию, однако их углубленного сравнительного исследования в контексте одной культурно-исторической проблемы еще не производилось.

В свое время Л.Н. Гумилев в книге «Поиски вымышленного царства» (1970) отмечал, что изучение истории возможно с трех основных позиций: при взгляде «с высоты птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы». С такой первой позиции и представляется краткое содержание данного доклада.

Изображения различных животных на воинских знаменах появляются в Китае еще в эпоху Западного Чжоу (конец II – начало I тыс. до н.э.) – *Ши-цзин* («Книга песен): «Мы выводим свои колесницы в предместье столицы. Здесь мы поднимаем знамя с черепахой и змеей. Там мы поднимем флаг с хвостом буйвола! Флаг сокола и знамя черепахи и змеи реет по ветру» (цит. по: С.Г. Кляшторный, 2005). Возможно, тогда же знамена с зооморфными навершиями проникли в Центральную Азию, если судить по интерпретации изображения змеобразного штандарта на оленном камне из Хэрэксурин дэнж (Монголия), предложенной М.А. Дэвлет (2007). В эпоху династии Хань (начиная с 202 г. до н.э.) одно из ведущих мест в древнекитайском пантеоне занимает образ дракона (кит. *лун*) с разинутой пастью и змеобразным туловищем, послуживший композиционной основой драконовых знамен.

Другое наименование тех же воинских регалий – волчьи знамена – также неслучайно. Образ волка – вообще один из центральных в мифологических представлениях кочевников степной Евразии, начиная со скифского времени (С.Ю. Гуцалов, 2005; В.А. Коренько, 1988 и др.). Особое значение он приобрел в идеологии древнетюркского времени. Волчица, поселившаяся в пещере около Гаочана (Восточный Туркестан) вместе с мальчиком, сброшенным врагами в болото, стала родоначальницей древнетюркской правящей династии Ашина (Н.Я. Бичурин, 1950; С.Г. Кляшторный, 1965). Изображение золотой волчьей головы украшало боевые знамена древних тюрков, с которыми они в середине VI в. завоевали все Евразийские степи, вплоть до Боспора (А.К. Нефедкин, 2004; Ю.С. Худяков, 2007 и др.). Протома волка/волчицы венчает самую раннюю стелу с надписями из Бугута, посвященную памяти Мухан-кагана, 581–587 гг. (В.А. Лившиц, С.Г. Кляшторный, 1971). В разных ипостасях волк присутствует в генеалогических преданиях сяньбийцев, уйгуров и телесцев.

Два мира – земледельческий Китай и постоянно противостоящая ему кочевая степь. Два ведущих образа древней, в основе своей тотемической (?) мифологии, как символы воинской доблести, миропорядка и благополучия – дракон и волк. Контаминация данных образов исторически была обусловлена взаимодействием этих двух миров, что отразилось в появлении нового, по сути дела, синкретического персонажа, объединяющего наиболее характерные черты того и другого – голова волка с разинутой зубастой пастью и длинным змеобразным туловищем дракона. В таком изобразительном воплощении волчьи/драконовые знамена получили очень широкое, поистине континентальное распространение. Основным направляющим «вектором» этого распространения мог стать, в первую очередь, Великий шелковый путь.

Как известно, главная трасса Великого шелкового пути проходила от западных провинций Китая через Восточный Туркестан, далее вдоль отрогов Тянь-Шаня в сторону Средней Азии (Ош, Самарканд, Бухара) с выходом в Казахстанские степи; отсюда – через

Хорезм на Северный Кавказ и на Волгу. Далее на юг, в сторону Передней Азии и Средиземноморья отходили многочисленные ответвления. Однако надо полагать, что Великий шелковый путь – это не только какая-то одна торговая «магистраль», а единое экономическое пространство; очевидно, существовал северный/сибирский вариант Великого шелкового пути. По свидетельству мусульманских авторов (Б.Е. Кумекон, 1972), он шел от Тараза (совр. Джамбул) до Иртыша, в страну кимаков; от кимаков – в страну кыргызов (на Енисей); далее от кыргызов на восток в Прибайкалье, в страну курыкан (Савинов, 2015). Какие-то его участки должны были проходить по югу Западной Сибири и территории Северного Алтая. Основная особенность «северного» маршрута в том, что здесь не сохранились характерные для «южного», классического пути места постоянной концентрации караванной торговли (оседлых поселений, караван-сараев и т.п.), но это не означает, как подтверждают находки многочисленных импортных изделий, что различного рода торгово-обменные операции здесь были менее интенсивными.

На территории всего культурно-исторического пространства Великого шелкового пути можно условно выделить два ареала распространения драконовых, или волчьих знамен – восточный и западный.

В пределах восточного ареала их открыто сравнительно немного, но все они достаточно показательны. Самое известное из них – это изображение «панцирного» воина с таким знаменем на фреске из Кызыла (Восточный Туркестан), относящееся к хунно-сяньбийскому периоду, IV–V вв.; в Китае – время династии Тоба-Вэй (А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков, 2005). По данным А.Х. Маргулана, изображения воинов с волчьими знаменами известны в росписях на стенах старых зданий, а также в наскальных рисунках в Курдайских горах (около Суяба) и в Джунгарском Алатау (Семиречье) – всего около 15 изображений (1983). Такое же змееобразное знамя (но без головы волка) представлено на одной из костяных пластин Орлатского могильника (к северу от Самарканда), отнесенного Г.А. Пугаченковой ко II в. до н.э. – I в. н.э. (1989), а авторами последней публикации – к хунно-сарматскому времени, первой половине I тыс. н.э. (В.П. Никоноров, Ю.С. Худяков, 1999).

Находки драконовых знамен западного ареала наиболее полно представлены в работах А.К. Нефедкина (2011), Я. Лебединского (1996) и особенно И. Хольстена (Colston, 1991). По данным этих авторов, такие знамена, заимствуя их друг у друга, широко использовали даки, парфяне, сарматы, аланы, римляне. Самые известные изображения представлены в барельефах на колонне Траяна (113 г.), знаменующей победу над даками – всего около 20; а также в числе сарматских трофеев на монетах Марка Аврелия (176–177 гг.); в Риме – на Арке Галерия и др. Римская традиция употребления драконовых знамен (*draco*) затем широко репродуцируется в культуре европейского средневековья.

Наиболее красочное описание драконовых знамен приведено в сочинении Флавия Арриана, называвшего их «скифскими» (136–137 гг.): «Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем голова и все тело вплоть до хвоста делается наподобие змеиных, как только можно представить страшнее... Когда кони стоят на месте, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении издают свист», чем наводят на противников ужас (цит. по: А.П. Окладников, 1950).

Очевидно, в этом, наряду с другими тактическими функциями, состояло основное назначение волчьих, или драконовых знамен. При этом обращает на себя внимание, что в абсолютном большинстве случаев (там, где это «узнаваемо») изображена не змеиная голова, а голова волка с характерными торчащими ушами, вздернутым кончиком носа и оскаленной зубастой пастью. Свидетельство того, что или образ волка сохранил свое исходное содержание на всем протяжении этого пространства и времени, или он легко адаптировался на Западе, где имел такое же (или близкое) значение, как и на Востоке.

Н.Р. Садриев
Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казань
ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА
(археологическое изучение и типология)

Комплексные исследования всего многообразия археологических данных, полученных в Казани при вскрытии раскопами большими площадями, позволяют воссоздавать не только планировку и топографию города, но и проследить динамику его развития, ставить вопросы о реконструкции архитектурного облика города, установить специфику хозяйственной и ремесленной деятельности для отдельных территорий и объектов. Систематизация собранного за многие годы археологического материала в Казани и на других памятниках дает возможность реконструировать отдельные элементы жилой и хозяйственной застройки городов Казанского ханства.

В исследованиях XVIII – конца XIX в. авторы в большей мере обращали внимание на существующие объекты в Казанском Кремле и увязывали время появления отдельных объектов с периодом Казанского ханства. Работы в основном были посвящены анализу русских летописей, татарских легенд, обобщению и критике достижений предшественников. Отдельные публикации, посвященные описанию случайных наблюдений на местах проведения строительных работ, издаются в изданиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете во второй половине XIX – начале XX в. Среди работ, вышедших в конце XIX в., представляет интерес публикация Н.П. Загоскина, в которой автор при характеристике эпохи Казанского ханства впервые использует результаты археологических исследований на территории Кремля, производившиеся в 1881 г. совместно с П.А. Пономаревым во дворе Юнкерского училища [Загоскин, 1895]. К изучению облика города до русского времени в работах историков начала XX в. начинают активно привлекаться иконографические и литографические иллюстративные материалы, писцовые книги [Худяков, 1990]. Важным являются результаты комплексных историко-археологических исследований, полученные в ходе раскопок в Казанском кремле в 1928–1929 гг. [Бороздин, 1929]. Они дали первые стратифицированные археологические данные на обширном полевом материале. Получены первые достоверные свидетельства по материальной культуре ханской Казани, в том числе жилые и хозяйственные постройки периода Казанского ханства.

Новые материалы для изучения построек Казанского ханства дали археологические исследования 1960–1980-х гг. В это время под руководством А.Х. Халикова [1983; 1989] проводятся широкомасштабные исследования в Казанском кремле и в Казани. Исключительно важное место при анализе и систематизации фактического материала по постройкам периода Казанского ханства занимают данные, полученные в ходе археологических исследований Казанского Кремля в 1990–2000 гг. С 1994 по 2012 г. на территории кремля было заложено около 70 раскопов общей площадью более 30000 кв. м и проведены десятки наблюдений за земляными работами, в результате которых были получены важные материалы по изучению древней Казани [Ситдииков, 2006]. Результаты данных исследований были отражены во многих работах. Среди них есть и те, которые затрагивают интересующие нас вопросы. Это, прежде всего, работы А.Г. Ситдиикова, Ф.Ш. Хузина [Ситдииков, 2009; Хузин, 2003]. Итогом археологических исследований можно назвать монографию А.Г. Ситдиикова [2006], посвященную историко-археологическому изучению Казанского Кремля. Автор, опираясь на большой археологический материал, прослеживает динамику развития города, реконструирует историческую топографию, локализует архитектурные сооружения, упоминаемые в письменных источниках.

К началу 2000-х гг. только на территории Казани было заложено более 100 раскопов, общая площадь которых составляет более 30 тыс. кв. м. С III слоем, сформировавшимся в период Казанского ханства, связано строительство и функционирование около 650 объектов, из которых около 90 жилищ и не менее 250 хозяйственных сооружений. В отчетах

встречается лишь небольшое количество жилищ, отнесенных к полужемлянкам. Значительную часть среди обнаруженных объектов Казанского ханства представляли подполья наземных сооружений. По имеющимся данным, чаще всего это были однокамерные срубы подпрямоугольной формы. Очень редко встречались остатки печи в сооружениях. Остатки печей чаще всего представляют из себя обломки кирпичей и куски глиняной обмазки в виде «плиток». Вход был обнаружен в трех сооружениях. Еще в двух были выявлены остатки мебели и лестницы. Семь объектов были определены как погребя. Двухкамерных жилищ было выявлено всего три.

Хозяйственные постройки были более простыми по конструкции. Это в основном ямы округлой или прямоугольной в плане формы глубиной от 80 до 160–180 см. Строили и наземные сооружения – небольших размеров амбары-клетки для хранения хлебного и фуражного зерна. Они определяются благодаря скоплению зерен злаковых культур. Хозяйственные сооружения ханского времени конструктивно практически ничем не отличаются от аналогичных сооружений предшествующих эпох.

Их можно разделить на следующие группы:

1. Цилиндрические – ямы округлой [овальной] в плане формы диаметром от 80 до 360 см с отвесными или чуть скошенными стенками и плоским дном, углубленным от дневного уровня на 60–180 см.

2. Прямоугольной, иногда почти квадратной в плане формы – ямы размерами от 120 × 140 см до 320 × 240 см, обычно с плоским дном, углубленным на 50–180 см.

3. Чашевидные – как правило, круглые в плане ямы диаметром от 60 до 120 см, со скошенными стенками и округлым дном на глубине от 60 до 100–110 см.

Однако, несмотря на столь значительные археологические исследования последних лет, на данный момент нет работ, посвященных систематизации жилищ и хозяйственных сооружений Казанского ханства в целом. В будущем этот пробел будет восполняться, опираясь главным образом на обобщение результаты археологических экспедиций Казани и других памятников этого времени.

Библиографический список

Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Т. III. – 1929.

Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города. – Казань, 1895.

Калинин Н.Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани. [Материалы к «биографии» г. Казани] // Известия Общества археологии, истории, этнографии. – Т. XXXIII. – Вып. 4. – 1927а.

Ситдииков А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006.

Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани [по материалам раскопок 1994–2005 гг.] // РА. – №1. – 2009.

Халиков А.Х. Археологические наблюдения на предбулачной части посада Казани XV–XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1989.

Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983.

Халит Н. Архитектура ханской Казани: Гипотезы. Факты. Размышления. – Казань, 1999.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990.

Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Археологическое изучение памятников архитектуры Волжской Булгарии и Казанского ханства [итоги и перспективы] // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие и перспективы. – Казань, 2003.

Т.Р. Садыков
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
КОКЭЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВЫ

Проблема происхождения кокэльской археологической культуры далека от окончательного решения. Дискуссионны как время, так и источники ее сложения. Время появления кокэльской культуры не определено хотя бы с точностью до века. Первые хронологические определения (со II в. до н.э. и до V в. н.э.) опирались на общее представление о непрерывной заселенности и отсутствие инокультурных памятников в промежуток от скифов до тюрков.

В ходе работ СТЭАН на территории Тувы были выделены памятники как собственно сюнну (Бай-Даг-2), так и довольно разнородная серия памятников, получившая название «улуг-хемская культура», сочетающая в себе скифские и сюннские черты. Позднее в скифской культуре выделены самые поздние комплексы [Семенов, 2003], что позволило говорить о продолжении скифской традиции как минимум во II в. до н.э. Продолжилось изучение «улуг-хемского» круга памятников, который получил серию радиоуглеродных дат, в основном в рамках I в. до н.э. [Леус, Бельский, 2016]. После массового заполнения этой лакуны (II–I вв. до н.э.) вопрос о существовании кокэльской культуры до н.э. можно снять.

С рубежа эр и до середины 3-го в. все не так однозначно. К I–II вв. могут относиться могильники Бай-Даг-2 и Аймырлыг-31, важность которых для хронологических построений уже неоднократно отмечалась [Савинов, 2010, с. 13].

Бай-Даг-2 – памятник сюнну, и может датироваться как рубежом эр [Савинов, 2010, с. 22], так и «не ранее 2-го в.» [Николаев, 2001, с. 116]. Аймырлыг-31 – могильник, материал из которого опубликован суммарно [Мандельштам, Стамбульник, 1992] и отнесен к «гунно-сарматскому» периоду. Несколько бронзовых позолоченных пряжек из этих раскопок были впоследствии переатрибутированы, как «сяньбийские» [Худяков и др., 1999], не ранее II в.

Появление прямых аналогий из Внутренней Монголии можно рассмотреть не только в хронологическом, но и в культурном аспекте. По Д.Г. Савинову, кокэльская культура к этому времени существует и по ходу своей истории постоянно испытывает сяньбийское давление [Савинов, 2010, с. 23–24]. По поводу культурного облика отмечается, что «нет никаких оснований каким-то образом связывать ее с сяньбийцами», хотя и «в комплексе предметов вооружения сяньбийцев много общих элементов с Кокэлем» [Савинов, 2010, с. 28].

По Н.Н. Николаеву, кокэльской культуры к этому времени еще нет, «могильник Кокэль был оставлен населением, генетически связанным с этнокультурным субстратом, возникшим в бассейне Улуг-Хема после проникновения на территорию Тувы (в первые века новой эры) хуннских племен» [Николаев, 2001, с. 117]. Таким образом, независимо от взгляда на время сложения культуры ее основным истоком традиционно считается культура сюнну.

Тем не менее между кокэльской культурой и предшествующими памятниками существует культурный разрыв, который пока не заполнен переходными вариантами. Можно, исходя из этого, поставить вопрос о возможной миграции в Туву в пределах I–III вв., что не только принесло какие-то новации, но и завершило предыдущую традицию. Исходя из общеисторической ситуации в Центральной Азии в это время, можно предположить, что движение происходило с востока на запад и было связано с сяньбийскими завоеваниями.

К настоящему времени очевидно, что какой-то единой «сяньбийской археологической культуры» не существует, и на ранних этапах материальная культура сяньби достаточно близка сюннуской [Юй Су-Хуа, 2006, с. 13]. Нам в данном случае достаточно самых общих характеристик. Например, материал достаточно полно исследованного могильника Зоргол-1 в Забайкалье, который несколько отличается от расположенных западнее сюннских памятников [Ковычев, 2006, с. 249].

Здесь присутствует весь тот набор признаков, который составляет «хуннские традиции» в кокэльской культуре Тувы. Это вытянутое труположение, деревянные гробы,

расположение керамики, трехлопастные (есть и плоские) железные наконечники стрел, костяные «свистунки», накладки на лук (в том числе центральные фронтальные). Кроме того, есть и отличные от сюннских элементы, фиксируемые у кокэльцев: черешковые костяные наконечники, сосуды на поддоне, подбойная в некоторых случаях конструкция могильной ямы, берестяная посуда.

Здесь же в Забайкалье найдены бронзовые с позолотой «бляшки с фигурами ланей с повернутой назад головой», аналогичные находкам из Аймырлыга-31 в Туве [Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 421], на основании аналогий из могильника Лаохэшэнь признаваемые сяньбийскими [Худяков и др., 1999, с. 178], при том, что могильник авторы раскопок интерпретируют как сюннский [Ковычев, 2006, с. 248]. Это все дискуссионные вопросы, для нас же важно, что эти аналогии расположены от Тувы примерно в одном направлении.

Косвенным свидетельством возможной восточной волны, приведшей к формированию кокэльской культуры, может оказаться присутствие в керамическом комплексе кокэльского городища Катылыг-5 достаточно специфической формы – сосудов «с косым устьем» [Садыков, 2015, с. 742]. Такая форма известна пока только в Приамурье и, для более позднего времени, в Забайкалье [Алкин, 2012, с. 503].

Резюмируя вышесказанное, отметим:

1. Формирование кокэльской археологической культуры в Туве может быть связано с миграцией в I–III вв. н.э. с востока в процессе сяньбийской экспансии. При этом мигранты могли принести с собой не только элементы материальной культуры, неизвестные проживающим здесь носителям сюннской традиции, но и элементы, общие для сюнну и сяньби. Иными словами, «хуннские традиции» могут и не означать участия местного населения в формировании новой культуры.

2. К настоящему моменту результаты археологических раскопок в Туве не содержат материалов, прямо опровергающих эту гипотезу. При этом количество белых пятен так велико, что ее подтверждение или опровержение будет связано, как нам представляется, только с появлением нового фактического материала.

Библиографический список

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2006.

Леус П.М., Бельский С.В. Терезин 1 – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // Археологические вести. – СПб., 2016.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тыс. н.э. – СПб., 2001.

Савинов Д.Г. История открытия и проблемы изучения памятников кокэльской культуры // Памятники кокэльской культуры Тувы. – СПб., 2010.

Садыков Т.Р. Первые результаты изучения городища кокэльской культуры Катылыг 5 в Туве // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Пекин, 2015.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб., 2003.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1999.

Юй Су-Хуа. Изучение археологических памятников сяньбэй в китайской историографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2006 – Т. 5. – №3.

С.А. Салмин¹, Е.В. Салмина²

¹Псковский археологический центр,

²Археологический центр Псковской области, Псков

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗЕМЛЯНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ XVIII в. В ПСКОВЕ

В 2014–2015 гг. в Пскове проводились археологические раскопки при реконструкции набережной р. Псковы. Участок, где велись исследования, находился на левом берегу реки, располагался в непосредственной близости к сооружениям фланговой стены Среднего и Окольного городов Пскова. Раскопы Никольский-V и VI производились на куртине Псковской крепости XVIII в. между Благовещенской и Саввинской батареями. Общая протяженность разреза составила 43 м от площадки верхней террасы до площадки второго эскарпа.

Возникновение этого участка укреплений связано с реконструкцией Псковской крепости на начальном этапе Северной войны (1700–1720 гг.). О сути произведенных работ сообщает И.А. Желябужский: «В Новгородъ и Псковъ в томъ же году дѣлали: рвы копали и церкви ломали, полисады ставили с бойницами, а около полисадъ окладывали с обѣих сторон дерномъ, также и роскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ. А на работе были драгуны, и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякого церковного чину, мужеского и женского полу. А башни засыпали землею, а сверху дернь клали. Работа была насуменная. А верхи с башенъ деревянные и с города кровлю деревянную все сломали» [Записки Желябужского, с. 174]. Непосредственно земляными работами руководили «...во Пскове у городского строения и у починок инженеры саконец Вильгельм Адам Киршенштейн, Ломота де Шампи и Андрей Брыл» [Макеенко, электронный ресурс].

В числе засыпанных оказалась церковь Благовещения Богородицы в Песках, ставшая основой Благовещенской батареи. Соседняя батарея получила наименование по засыпанной церкви св. Саввы. После окончания Северной войны необходимость в существовании внутренней линии крепостных укреплений отпала, началась их деградация. Не позднее начала XIX в. на площадках эскарпов начинают возводиться гражданские сооружения (жилые дома и хозяйственные постройки).

Основной массив исследованных отложений был сформирован в 1-й половине XVIII в. В этот период территория представляла собой действующую куртину между бастионами внутренней линии Псковской крепости, что и отразилось в почти полном отсутствии вещевых находок (коллекцию составляют практически только мелкие бытовые предметы и бронзовые нательные кресты). Была выявлена фасовая стена, сооруженная из крупноразмерных известняковых плит, скрепленных глиняным раствором, и часть узкого фланкированного прохода, обращенного к реке. К периоду строительства древо-земляной крепости относится бруствер в северной части раскопа. В составе бруствера наблюдаются разрозненные человеческие кости, частично попавшие в грунт в анатомическом порядке, что, как и наличие в числе находок значительного количества нательных крестов, связано с использованием для возведения укреплений грунта с территории близлежащих прицерковных кладбищ XVI–XVII вв.

Севернее линии эскарпа были выявлены руины древо-земляных укреплений в виде остатков палисада из колов-брусев (длина до 210 см) и земляного «банкета», проходившего за линией палисада и представлявшего собой конструкцию из слоев дерна, скрепленных регулярно расположенными деревянными «шпильками» длиной 60–70 см (рис. 1).

Был изучен гласис куртины, сформированный из массива рыжей плотно утрамбованной глины, а также площадка второго эскарпа, находившегося на середине склона берега (рис. 2). Высота сохранившейся части гласиса составила около 230 см. Гласис куртины перекрывал собою две траншеи, вероятно, связанные с укреплениями допетровского времени (ПІЛ, с. 86).

Таким образом, на материале куртины между Благовещенской и Саввинской батареями было получено представление о конструктивных особенностях быстро возводимых городских укреплений периода петровских реформ.

Рис. 1. Коля палисада и остатки дернового «банкета». Фото Е.В. Салминой

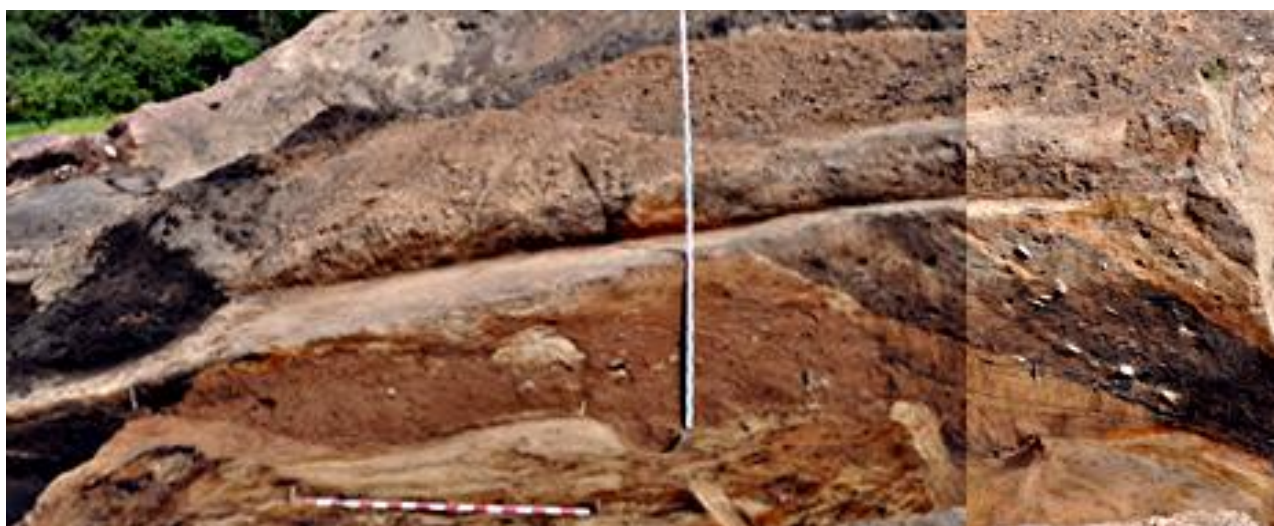

Рис. 2. Восточный профиль разреза куртины. Фото С.А. Салмина

Библиографический список

Записки Желябужского отъ 1689 по 9 июля 1709 г. Санктпетербургъ, Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1840.

Макеенко Л.Н. Инженеры Ломота де Шампи и Вильгельм Адам Киршенштейн – во главе строительства фортификационных сооружений г. Пскова в 1701 году (доклад на II конгрессе петровских городов) [Электронный ресурс]. – URL: <http://museum.pskov.ru/pskovoldmodern/makeenko/st4//> (дата обращения 10.03.2017).

ПІЛ – Псковская 1-я летопись. ПСРЛ. т. 5. в. 1. – М., 2003.

Е.В. Салмина¹, С.А. Салмин², Р.Г. Подгорная¹

¹Археологический центр Псковской области,

²Псковский археологический центр, Псков

НОВЫЙ ТОРГ ПСКОВА XVI–XVIII вв. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕХЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2016 г. коллективом археологов и историков из Пскова, Москвы, Казани был завершен серьезный этап работы по исследовательскому проекту «Новый Торг Пскова XVI–XVIII вв. по данным археологии и письменных источников» (РГНФ, №14-11-6005).

Причиной обращения к теме Нового Торга стали археологические открытия 2011 г., когда при раскопках были открыты на большой площади развалины деревянных конструкций торговых рядов XVI в., которые буквально впечатлили как широкую публику, так и специалистов (рис.) [Подгорная, Салмина, 2013, с. 23–37]. Вскоре после первоначального осмысления результатов было принято решение о необходимости комплексного обобщения археологических работ на территории Нового Торга Пскова. Основой исследования стали результаты последних лет, вместе с этим были задействованы данные раскопок, которые проводились на этом участке города, начиная с 1955 г. (Г.П. Гроздилов, Т.Е. Ершова, И.К. Лабутина, А.В. Михайлов, Р.П. Подгорная, Е.В. Салмина, С.А. Салмин, В.В. Фролов, П.А. Шорин, Е.А. Яковлева, А.В. Яковлев).

Новый Торг Пскова. Основания клетей Мясного ряда,
остатки межрядного замощения. Раскопки 2011 г. Фото Е.В. Салминой

В каталог вещевых коллекций раскопок на территории Нового Торга Пскова вошло более 8000 индивидуальных находок, объем массового материала исчисляется сотнями тысяч единиц. Выделены категории «товаров», соотносимые со специализацией рядов согласно письменным источникам, определен специфический «инструментный» комплекс Мясных торговых рядов, проанализирован вещевой комплекс Гостиного двора, сочетающий в себе черты материальной культуры богатой городской усадьбы и территории временного проживания приезжего иногороднего населения [Салмина, Салмин, Подгорная, Михайлов, 2017, с. 123–134].

Получены обширные данные естественно-научных определений. Дендродаты (автор – М.И. Кулакова) позволили датировать формирование комплекса торговых рядов и последовательность его сооружения. Результаты определения пород древесины из мостовой и построек показали доминирующие породы использованных деревьев (И.Г. Соколова). Неожиданными оказались выводы археозоологических работ (Л.В. Яворская) – анализ многотысячных скоплений фрагментов челюстей коров убедительно интерпретирован как род дорожного замощения [Яворская, 2013]. Впервые получены результаты определения костей птиц с территории Нового Торга (Д.Н. Шаймуратова, И.В. Аськеев).

Важнейшим результатом стала реконструкция внутренней планировки Нового Торга Пскова почти на всей его площади. Были учтены данные археологии, изобразительных источников (икон) и исторических городских планов [Ушаков, 1901], летописей и писцовых книг [СМАМЮ, 1913]. Реконструированы палеорельеф территории Нового Торга и предполагаемые природно-ландшафтные условия территории (Е.А. Яковлева). Общие сводные планы элементов уличной сети, существовавшей на территории Торга, и планы отдельных участков сооружений торговых рядов совмещены с историческими планами Пскова города XVIII–XIX вв., а также с результатами реконструкции палеорельефа участка. Выполнена локализация ряда объектов, в настоящее время не имеющих наземных признаков: «Гостиного двора приезжих гостей московских», Льяного и Соленого дворов. До начала комплексного исследования эта территория представлялась «нерегулярной» частью Торга, где сочетались жилые и торговые зоны, но фактически оказалось, что такая необычная планировка может быть соотнесена с территорией гостиных дворов.

В результате корректировки данных раскопок прошлых лет получено пространственное представление об этой части Окольного города в составе общей топографической картины Пскова периода вхождения его в состав Московского государства. Комплексное исследование псковского Нового Торга позволило одновременно осмыслить данные археологических, письменных и картографических источников, получить новую информацию о градостроительной ситуации в Пскове XVI–XVII вв., о конструктивных особенностях рыночной застройки, поставить вопрос о выявлении новых критериев выделения археологических вещевых комплексов торговых площадей и других общественных пространств. Представляется, что этот опыт может быть использован для работы с материалами соседних территорий, что позволит в результате выйти на качественно новый уровень.

Библиографический список

Подгорная Р.Г., Салмина Е.В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова : материалы 58 заседания (17–19 апреля 2012 г.). – М. ; Псков, 2013.

Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г., Михайлов А.В. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005–2013 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова : материалы 61 заседания (14–16 апреля 2015 г.). – М. ; Псков ; Санкт-Петербург, 2016.

СМАМЮ, 1913 – Подлинная писцовая книга №355 // Сборник Московского архива Министерства юстиции. – М., 1913.

Ушаков Ф.Л. Описание к Сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. – Псков, 1901.

Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах. «Анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. – 2013. – Т. 92, №9.

Н.П. Салугина
Самарский государственный институт культуры, Самара
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Территория Волго-Уралья в эпоху бронзового века была заселена на протяжении всех его этапов, что делает ее своеобразным «эталоном» для изучения проблем сложения и дальнейшего развития разных групп населения. Керамике и, в частности, технологии ее изготовления принадлежит особая роль в рассмотрении указанных проблем не только потому, что это самый массовый источник, но, главным образом, потому, что этот источник обеспечен методическими разработками его анализа [Бобринский, 1978; 1999; Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, Салугина, 2015; Волкова, 1996; Гей, 1986; Салугина, 2016].

В докладе подводятся некоторые итоги исследования технологии изготовления поселенческой и погребальной керамики всех этапов эпохи бронзы с территории Волго-Уралья. Источниковая база исследования составляет более 1000 сосудов.

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским [1979, 1999].

Ранний бронзовый век. Ямная культура, ранний (репинский) этап. Исходное сырье (далее – ИС): преобладающими были навыки отбора илов и илистых глин. При составлении формовочных масс (далее – ФМ) использовались шамот и органический раствор, реже – дробленая раковина и кальцинированная кость. Конструирование начинов производилось в соответствии с донно-емкостной и емкостно-донной программами с применением форм-моделей. «Строительными элементами» служили лоскуты, реже – короткие жгуты. Поверхности сосудов заглаживались крупным гребенчатым штампом. Обжиг проводился в простых обжиговых устройствах в условиях восстановительной среды.

Ямная культура, классический (городцовский) этап. ИС: ведущими выступали навыки отбора илистых глин, реже отбирались илы и природные глины; зафиксировано составление глиняных концентратов из смеси ожелезненной и нежелезненной глин. При составлении ФМ к исходному сырью добавлялись шамот и органический раствор, реже – дробленая раковина, в единичных случаях – дресва. Сохраняются навыки изготовления начинов, зафиксированные по раннему этапу, но начинает применяться скульптурная лепка на плоскости. Расширяется ассортимент «строительных элементов» для изготовления полового тела: кроме лоскутов и коротких жгутов начинают применяться жгуты, наращиваемые по спиралевидной траектории, и ленты, наращиваемые по кольцевой траектории. Поверхности сосудов заглаживаются тканью, щепой, гребенчатым штампом, иногда – каменной галькой. Обжиг осуществляется в простых обжиговых устройствах в условиях восстановительной и окислительной среды.

Средний бронзовый век. Полтавкинская культура. Анализ ИС показал преобладание навыков отбора ожелезненных глин при уменьшении доли илов и илистых глин. При составлении ФМ ведущими становятся навыки добавления дробленой, предварительно нагретой раковины, шамота и органического раствора. Конструирование сосудов осуществляется посредством скульптурной лепки на плоскости. Начины делаются в соответствии с обозначенными выше двумя программами, при преобладании донно-емкостной. Набор «строительных элементов» для изготовления полового тела становится более универсальным: короткие и длинные жгуты и лоскуты, отрываемые также от жгутов. Поверхности сосудов заглаживаются преимущественно тканью и гребенчатым штампом. При проведении обжига создается в основном окислительная среда.

Абашевская культура. ИС – отбор ожелезненных глин. При составлении ФМ к глине добавлялись дробленая, предварительно нагретая раковина, органический раствор и шамот. Конструирование сосудов осуществляется по донно-емкостной программе с применением форм-моделей. В качестве «строительных элементов» преимущественно применялись

лоскуты. Поверхности сосудов заглаживаются тканью и галькой, распространяется лощение. При проведении обжига создается в основном окислительная среда.

Поздний бронзовый век. Синташтинская культура. ИС – отбор ожелезненных глин. Компонентами ФМ являлись шамот, тальк и органика, основанная на обработке навоза жвачных животных. Конструирование сосудов осуществлялось с применением форм-моделей. Начины делаются в основном в соответствии с донно-емкостной программой. В качестве «строительных элементов» применялись длинные и короткие жгуты, реже – лоскуты. Поверхности сосудов заглаживаются тканью и галькой, широко распространено лощение. При проведении обжига создается в основном окислительная среда.

Срубная культура. На раннем этапе для изготовления посуды отбираются илистые и природные глины, на развитом – природные глины становятся преобладающим видом сырья. В восточном ареале распространения культуры выделяется группа памятников, где основным исходным сырьем являлись илы и илистые глины. При составлении ФМ на раннем этапе характерно добавление дробленой раковины, шамота, органического раствора и навоза животных; на развитом этапе ведущей становится традиция введения шамота и навоза жвачных животных или выжимки из него. Зафиксировано введение в ФМ металлических шлаков – отходов бронзолитейного производства. Конструирование посуды осуществлялось преимущественно методом скульптурной лепки на плоскости. Начины делались по донной и донно-емкостной программам. Ведущими «строительными элементами» выступали длинные и короткие жгуты, реже – лоскуты, траектория наращивания – спиралевидная. Поверхности сосудов заглаживались преимущественно тканью. Обжиг проводился в основном при создании окислительной среды.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об эволюционном характере развития гончарства в среде населения бронзового века Волго-Уралья. Преемственность гончарных традиций подтверждает общую «цепочку» развития культур: ямная-полтавкинская-срубная. Значительно меньшую роль в сложении населения срубной культуры играли абашевские племена. Вероятно, особая линия развития принадлежит синташтинской культуре.

Несмотря на зафиксированную преемственность, следует отметить новшества, которые ярко проявились в гончарстве: 1) конструирование начинов сосудов раннего (репинского) этапа ямной культуры в соответствии с емкостно-донной программой. Данная программа своими истоками связана с кавказским регионом [Бобринский, 1978, с. 115–116], что указывает на ранние контакты населения двух регионов; 2) традиция составления глиняных концентратов из смеси ожелезненной и неожелезненной глин была широко представлена в трипольском гончарстве [Гей, 1986]. Проявление данной традиции в керамике классического этапа ямной культуры свидетельствует о контактах скотоводов – «ямников» с земледельческим миром; 3) навыки введения в ФМ сосудов срубной культуры отходов бронзолитейного производства, что указывает на существование особой профессиональной группы.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. – 2015. – №3 (12).
- Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. – М., 1996.
- Гей И.А. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконешты // КСИА. – Вып. 185. – 1986.
- Салугина Н.П. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. – СПб., 2016.

И.В. Сальникова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
**РОЛЬ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ
В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ**
(из опыта музея истории и культуры народов Сибири
и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН)

Образовательная функция музея является одной из основных. По мнению Л.С. Тимофеевой [2010, с. 82], «процесс становления музея как социального института напрямую связан с формированием и развитием его образовательной функции, реализация которой стала возможна лишь на фоне демократизации культурного потребления». Образовательная функция возникает в практике использования музейных коллекций в университетском образовании в России с конца XVIII в. Первоначально музейные коллекции использовались преимущественно в преподавании естественной истории как сферы наиболее быстро формирующегося рационального знания. В рамках адаптации структуры и содержания коллекций к задачам учебного процесса складывалась традиция постоянного участия музеев в образовательных проектах. Эта практика положила начало формированию новой социальной функции музея как образовательного института. [Тимофеева, 2010, с. 83]. Научная парадигма актуальна и для сегодняшнего дня, и именно она определяет содержание экспозиции, ее структуру, наполнение, художественное решение.

Специфика экспозиции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока в характере ее коллекций. Археологические и этнографические коллекции представлены систематически, комплексы знакомят не только с археологическими культурами и разнообразием этнографических коллекций, но и создают образы древних культур и этносов, иллюстрируют историю накопления знаний, становление науки. Дают возможность осознать отношение человека к окружающему миру, «природа из среды обитания, к которой надо приспособиться, превращается в объект, активно изменяемый человеком. Так же как и время, она становится источником ценных ресурсов» [Лупанова, Федорова, 2015, с. 159].

В настоящее время происходит трансформация образовательной функции, если раньше музейные коллекции использовались как иллюстративный материал, то сейчас – иное видение использования артефактов. Вопрос отбора материалов для экспозиционного показа всегда был дискуссионным, особенно для специализированных музеев. Какой подход более верен: коллекционный или комплексный? Раньше считалось, необходимым использовать коллекционное представление артефактов, независимо от их количества, поэтому и изобиловали экспозиции большим количеством однотипных предметов, но, тем не менее, данный прием считался признаком академичности. Практика показала, что подобный подход утомляет посетителя, а если работает исследователь, то любое количество представленных предметов его не удовлетворит и он все равно обратится к фондам. Поэтому в настоящее время предпочтение отдается комплексному подходу, когда подбираются самые оригинальные предметы, которые служат маркерами археологических культур, при этом важен эволюционный принцип представления археологических коллекций.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что представление предмета без помещения его в определенную среду исключает семантическую составляющую информации, поэтому понятно стремление поместить экспонаты в естественную среду. Это достигается привлечением реконструкций, действующих инсталляций, восстановлением природно-ландшафтных зон через использование декорирующих элементов.

Принципы построения нашей экспозиции – проблемность, научность, достоверность, мобильность, региональный подход, создание образа археологической и этнографической культуры.

В современной экспозиции расширяется информативный ресурс путем активного внедрения интерактивных технологий. Музейный предмет становится не только объектом, но и субъектом научного изучения. В концепции экспозиции заложена идея о том, как строится процесс научного познания, как археологический или этнографический источник становится аргументом, раскрывающий исторические знания.

Наблюдается тенденция перехода от традиционной формы фиксации и декларации исторических сведений к их интерпретации, к попытке показать музейными средствами не только результаты, но и процессы научных исследований. Мультимедийные программы, видеорамки, введение сенсорных экранов и мониторов в экспозиционное пространство являются необходимыми элементами, потому что отвечают привычному способу получения информации для современной студенческой аудитории «экранной культуры». Подобные экспозиционные приемы позволяют решать следующие задачи: создавать новое экспозиционное поле; визуализировать рассказ о новых технологиях обработки камня в эпоху неолита; фоторамки и информационный киоск представляют дополнительные сведения о процессе исследования артефактов пазырыкской культуры.

При создании этнографической экспозиции ставилась задача показать особенности духовной культуры автохтонного населения Сибири и Дальнего Востока народов и русского старообрядческого населения. Реализовалась идея «человек – земля – космос», попытка проследить взаимосвязь человека и окружающей среды. Особая роль в организации пространства отводилась орнаменту как семантическому национальному коду, поэтому подиумы с комплексами орнаментированы национальными узорами. Мы пошли по пути создания комплексов, в которых заложена реконструкция феномена этноэкологической и этносоциальной адаптации коренных народов Сибири, Дальнего Востока и русского населения, основанной на анализе информации, заложенной в самом музейном предмете, его бытования, использования. Представлены православная культура русского населения, шаманизм и язычество кочевников Алтая, буддийские корни бурятского населения, шаманизм и почитание домашних духов хантов, манси, селькупов, культовые предметы как отражение традиционной мифологии народов Приамурья. Комплексы, сформированные по принципу образа жизни, дают полную картину разнообразия этнографических культур.

Экспозиция является отражением новых научных парадигм, она вобрала в себя потенциал лучших научных коллекций и является средством музейной коммуникации, осуществляя важную социальную функцию академического музея – образовательную.

Положительная трансформация наполнения образовательной функции обеспечивает результативность учебного процесса. Она является учебной площадкой для обучения студентов – археологов, этнографов, историков. В ходе знакомства с экспозицией студенты гуманитарных вузов получают знания не только об археологических культурах, этнографических коллекциях, но и о том, как исследуются археологические памятники и отдельные предметы на примере интерактивных программ «Кто мы? Родословная человечества», «Сибирские скифы как тема для точных наук», «АРХАЕестествознание».

Процесс познания расширяется, о чем свидетельствует рост интереса к музейной экспозиции, расширение музейной аудитории. Доказательством тому служит активизация посещений музейного сайта, группы «ВКонтакте» и увеличение групп волонтеров на массовые мероприятия типа «ночь в музее» среди студенческой среды НГУ.

Библиографический список

Лупанова Е.М., Федорова М.Ю. Мифы в традиционной и современной культуре: опыт популяризации этнографических исследований в экскурсионной работе на материалах музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Вопросы музеологии. – 2015. – №1 (11).

Тимофеева Л.С. Образовательные функции музея: историческая ретроспектива (XVIII – нач. XX вв.) // Вопросы музеологии. – 2010. – №1.

А.Н. Сарапулов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
НОВЫЕ РАСКОПКИ ОПОРНОГО ПАМЯТНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ – РОДАНОВА ГОРОДИЩА

Роданово городище находится в Юсьвинском районе Пермского края, на высоком (25 м) правом берегу Камского водохранилища, в самой деревне Городище, в 300 м к югу от места впадения реки Городищенки в р. Каму, в 7 км северо-восточнее поселка Пожва. Площадка городища овальной формы. С юга и севера ее ограничивают овраги, с востока – резкий обрыв к р. Каме. С западной части дугой площадку памятника огибает вал и ров, хорошо читаемые с напольной стороны. До начала 90-х гг. XX в. площадка городища распахивалась и использовалась под огороды. На ней находился деревянный амбар с каменным фундаментом, а на валу находилось овощехранилище. Культурный слой памятника ежегодно разрушается береговой абразией и осыпается в р. Каму (от 0,5 до 1 м в год).

Городище известно еще с XVIII в. В советское время исследования данного района проводила экспедиция ГАИМК. В начале 1930-х гг. разведочные работы на городище проводили А.В. Шмидт и А.Н. Прокошев. В 1936–1937 гг. работы на городище были продолжены М.В. Талицким. Всего было вскрыто 700 кв. м [Шмуратко, Сарапулов, 2016].

В 1951 г. была опубликована обобщающая работа М.В. Талицкого, посвященная Верхнему Прикамью в X–XIV вв., построенная на материалах раскопок Роданова городища. Автором полностью раскрыт культурный комплекс памятника болгарского времени (X–XIV вв.) в Верхнем Прикамье. Описаны остатки жилищ разного времени, остатки ям кладовок, фортификационные сооружения. Проанализирована материальная культура (керамический комплекс, орудия труда, предметы вооружения, украшения). На основании раскопок Роданова городища была выделена родановская археологическая культура [Талицкий, 1951].

В 2015 г. после очередного осмотра, подтверждающего то, что в связи с береговой абразией площадка памятника находится в аварийном состоянии, было принято решение о проведении раскопок небольшой сохранившейся части городища. Спустя ровно 100 лет с первых масштабных раскопок памятника М.В. Талицким, в 2016 г. на площадке городища под руководством А.Н. Сарапулова и Д.В. Шмуратко был разбит раскоп площадью 66 кв. м. Таким образом, общая раскопанная площадь памятника с учетом всех исследований может составлять около 800 кв. м.

При раскопках 2016 г. была изучена хозяйственная яма квадратной формы размерами 2,3 × 2,3 м. При разборке ямы на глубине 1,8–1,95 м в ее юго-западной части зафиксирована выкладка из крупных обожженных камней, костей животных (челюсти лошади) и развал сосуда. На дне ямы отмечен слой угля. По-видимому, это остатки сгоревшего деревянного пола и рухнувших стенок ямы. Глубина ямы от поверхности составила 1,94–2,1 м. По углам ямы и вдоль стенок на материке фиксировались столбовые ямки диаметром до 0,1 м, являвшиеся, на наш взгляд, остатками столбов, поддерживающих стенки ямы. Вокруг этой хозяйственной ямы были раскопаны 6 ям подпрямоугольной формы, являющихся остатками крупных столбов, поддерживающих навес над ямой. С южной стороны в 1,5 м от хозяйственной ямы располагался очаг (прокал) мощностью до 0,4 м.

Таким образом, на раскопе I была изучена яма хозяйственного назначения, стенки и пол которой были укреплены деревом. По-видимому, яма была повреждена в результате пожара. Впоследствии она была засыпана и на ней возникла очаговая площадка. Над ямой находился навес столбовой конструкции, сооруженный на основе крупных подквадратных столбов и средних округлых. Недалеко от ямы располагался очаг, сооруженный на глиняной подушке. Кроме этого, на раскопе был изучен кратковременный очаг, находившийся на глиняной площадке и зафиксированный в виде прокала.

В культурном слое раскопа было обнаружено большое количество артефактов. Самыми массовыми находками являются фрагменты глиняных сосудов преимущественно ручной

лепки. Преобладает серо-коричневый, темно-коричневый и светло-коричневый цвет теста, толщина стенок – от 0,5 см до 1 см. В составе теста в подавляющем большинстве случаев присутствует мелкотолченая раковина, в основном перламутровая. Также в небольшом количестве фрагментов в качестве примеси присутствует слюда. Венчики и шейки сосудов слабопрофилированные, практически вся она относится к типу кошелеобразных прикамских чаш, распространенных в период развитого средневековья. Среди мотивов орнамента преобладающим является гребенчатый орнамент, выполненный в большинстве случаев достаточно аккуратно. Гребенчатый орнамент представлен во многих вариациях, например, встречаются наклонные линии гребенки, горизонтальная елочка, решетка и просто горизонтальные линии, выполненные с помощью данного орнамента. Также часто встречающимся видом является шнуровой орнамент, который выполнен в различных комбинациях. Большинство венчиков украшено с помощью пальцев рук и ногтевых вдавлений. В целом представленные формы, орнаменты, тесто сосудов являются достаточно характерными для керамической посуды родановской культуры. Среди средневековой керамики можно выделить гончарную красноглиняную посуду общебулгарского типа (доньшка, ручки) и керамику типа «джукетау».

Среди индивидуальных находок представлены предметы хозяйственного назначения, свидетельствующие об основных занятиях населения городища (железные лодочные заклепки, рыболовные крючки, фрагменты серпов, зубила, скобы; костяные разбивальники, кочедыки, наконечники стрел, манки, рукояти, иглы и проколки; каменные точильные камни, грузила, жернова, фрагменты глиняных тиглей). К предметам вооружения и конского снаряжения можно отнести железные бронебойные наконечники стрел с упором и без него и фрагмент удил. К предметам бытового и культового назначения относятся костяные капоушки, пуговицы, амулеты из просверленных зубов животных и рыбьих позвонков. Ну и к украшениям мы можем отнести бронзовые пронизки с вздутиями, привески-бубенчики, колокольчики и лапки, накладки, бусины из бронзы и стекла).

К изделиям импортного производства мы можем отнести пряслице из шифера, железный наконечник ремня с «носиком» «аскизского типа», медный перстень с орнаментом в виде расположенных друг напротив друга треугольников с кружковым орнаментом внутри, конструктивно подобные известны в погребальных памятниках Ветлужско-Вятского междуречья, фрагмент костяной рукояти с вырезанной головой быка. Большой интерес представляет треугольный в сечении бронзовый слиток. Весь обширный и разнообразный материал можно датировать X–XIV вв.

Собранный для радиоуглеродного анализа уголь и продатированный в Лаборатории археологической технологии (г. Санкт-Петербург, ИИМК РАН) дал следующие даты: Le-11440: 970 (64,7%) 1030; Le-11441: 970 (68,2%) 1040, то есть конец X – начало XI в.

Последующие раскопки Роданова городища в течение нескольких лет позволят полностью раскопать сохранившуюся часть разрушающегося памятника археологии федерального значения – Роданова городища, внести корректировку в представления об особенностях и датировке родановской археологической культуры. При помощи радиоуглеродного датирования будет расширен ряд абсолютных дат, который позволит соотнести датированные слои и объекты с артефактами и выстроить хронологию функционирования Роданова городища. Палинологический, палеоботанический и палеозоологический анализы дадут возможность реконструировать окружающую среду в период средневековья и основные особенности хозяйства средневекового населения, проживавшего в течение четырех столетий на Родановом городище.

Библиографический список

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – №22. – М. ; Л., 1951.

Шмуратко Д.В., Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2016 г. – Пермь, 2016 (хранится в Лаборатории археологии и этнографии ПГГПУ).

Р.М. Сатаев

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАК В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ (бронзовый век, Туркменистан)

Одной из характерных особенностей протогородского центра Гонур-депе является наличие многочисленных и разнообразных ритуальных объектов, содержащих остатки животных. Под ритуальными объектами здесь понимается часть пространства (площади и «площадки»), сооружения, конструкции или их отдельные элементы, устройство и использование которых преследовало исключительно идеологические цели. Обнаруженные на Гонуре остатки использованных в ритуалах животных могут быть объединены в три основные группы: кости, происходящие из погребений и сопутствующих им сооружений; специально обустроенные, самостоятельные захоронения животных или их частей; остатки кремированных животных [Сатаев, 2016].

В своей ритуальной практике гонурцы использовали все виды животных, содержащихся населением оазиса, хотя и в неравной степени. Наиболее часто в ритуалах использовался мелкий рогатый скот, второе место по частоте занимает собака. При этом по сравнению с овцой и козой собака не являлась источником мяса для всякого рода подношений (ритуальной пищи). В зооархеологическом материале из культурного слоя на разных раскопах доля костей собак варьирует от 0,4 до 5,8%. В культурный слой, содержащий преимущественно кухонные остатки, кости собак, по-видимому, попадали из разрушенных ритуальных объектов. Это подтверждается тем, что на участках локализации последних находки разрозненных костей собак в культурном слое наиболее многочисленны. В свою очередь, остатки собак, происходящие из ритуальных объектов, обычно представлены целыми скелетами. Так, из 74 выявленных на Гонур-депе (без учета сателлитных поселений) ритуальных объектах, где были обнаружены полные или фрагментированные скелеты животных, на 33 присутствуют собаки [Дубова, 2012, с. 101]. Однако характер ритуального использования собак не отличался разнообразием, животные либо приурочены к человеческим погребениям, либо погребены самостоятельно.

В первом случае собаки (в разном сочетании с другими видами – мелким рогатым скотом, ослом, верблюдом) укладывались либо на «привходовой площадке» цисты, либо в одной из «комнат» «дома мертвых» (подземной гробницы, выполненной в виде многокомнатного жилища). К той же категории ритуальных объектов следует отнести погребение 3900 – круглый котлован, куда, кроме всего прочего (четырёхколесной повозкой запряженной парой ослов и верблюдов, человеческих жертв, бронзового котла и пр.), были сброшены 7 собак (еще одна собака была похоронена на поверхности на краю котлована). Эту конструкцию можно интерпретировать как символический «хозяйственный двор». В целом, все собаки, связанные с подобными объектами, вероятно, должны были сопровождать умершего в загробный мир ам обеспечивать «охрану» дома и стада покойного.

К самостоятельным погребениям относятся захоронения целых туш собак, а в отдельных случаях – их голов. Обычно целые туши погребены в ямах разной формы, хотя отмечен факт захоронения собаки в цисте. На памятнике встречены одиночные и групповые погребения собак. Среди групповых погребений можно выделить «парное» (погребение 3813, раскоп 16), где захоронены две разнополые особи в позе копуляции. Особый интерес представляет открытие в 2011 г. семи погребений собак на восточной периферии «Царского некрополя» (могильника с концентрацией погребений и сопутствующих им сооружений, принадлежащих лицам высокого социального статуса) [Сатаев, Дубова, 2016]. Среди раскопанных объектов выделяется погребение 4065, где были захоронены 7 собак разного пола и возраста. Подробное изучение данного погребения показало, что собаки погибли в разное время и от разных причин, что исключает акт массового жертвоприношения животных. Комплексный анализ особенностей погребений собак этого участка позволяет сделать следующее заключение: все изученные погребения устроены в так называемых «пустых могилах» («временных могилах»),

оставшихся после предварительного изъятия из них человеческих останков; в них захоронены особи разного пола (в основном, самки) и возраста (от 3 месяцев до 6 лет), принадлежащие к разным морфофункциональным типам; животные погибли от разных причин и, в ряде случаев, были помещены в яму через много часов (или нескольких суток) после их смерти. Таким образом, все погребения объединяет лишь их локализация (на границе элитного могильника) и использование для погребений собак «пустых могил», устройство самих погребений собак в каждом конкретном случае различается.

Мотивация устройства самостоятельных погребений собак в целом, и на обсуждаемом участке в частности, остается дискуссионным. В.И. Сариниди [2010] считал, что собака занимала почетное, но вместе с тем двойственное место в верованиях маргушцев. Отражением этого является широкое распространение на Гонур-депе самостоятельных погребений собак (целых туш или их отдельных частей) и свидетельств использования собак в погребальном обряде. Поэтому для объяснения данного явления можно предложить несколько версий [Сатаев, Дубова, 2016]. Во-первых, особый статус собак, закрепленный в религиозных представлениях древних гонурцев, требовал обязательного погребения мертвых животных (не исключено, что в отношении собак существовал свой погребальный обряд, предусматривающий, в том числе, устройство массовых захоронений, где хоронились животные, погибшие на протяжении какого-то определенного времени). Во-вторых, устройство самостоятельных погребений собак являлось частью какого-то ритуала, возможно, это одна из предусмотренных местными культурами форм жертвоприношений. Также можно предложить версию относительно мотивации захоронения собак на периферии «Царского некрополя». Возможно, эти погребения символизируют защиту, охрану покоя представителей правящей элиты Гонура.

Нужно отметить, что среди обнаруженных на Гонуре глиняных фигурок животных, на втором месте после изображений «быков», стоят скульптурки «верблюдов» и «собак». При этом сами «глиняные и терракотовые фигурки животных... являются одним из неперенных компонентов культур древних земледельцев и скотоводов и обычно рассматриваются как атрибуты магических обрядов, связанных с охотой и плодородием стада» [Кирчо и др., 2008].

Добавим, что на памятнике выявлены остатки трех морфологических типов собак («пород»), крупных – «бойцовых» (около 80 см в холке), средних – «пастушеских – сторожевых» (около 50 см в холке) и мелких (не более 40 см в холке) – функциональное назначение которых остается до конца неясным (декоративные и/или мышеловы). Все собаки, помещенные в упомянутый выше котлован 3900, относятся к крупной «бойцовой» форме. В большинстве случаев ритуального использования собак животные принадлежат к типу «пастушеских – сторожевых». Наиболее полный скелет мелкой собаки происходит из элитного погребения (гробница 3210 с территории «Царского некрополя»), где животное было украшено попонкой, расшитой бисером.

В целом, следует отметить, что объяснение феномена широкого использования собак в ритуальной практике древнего населения Гонур-депе требует дальнейшего осмысления и обсуждения специалистами разных научных направлений.

Библиографический список

Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012.

Кирчо Л.Б., Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Техничко-технологический потенциал энеолитического поселения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации // Труды ИИМК РАН. – Т. XXVIII. – СПб., 2008.

Сариниди В.И. Задолго до Заратуштры. – М., 2010.

Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. – М., 2016.

Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Погребения собак на царском некрополе Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Том 6. Памяти Виктора Ивановича Сариниди. – М., 2016.

Р.М. Сатаев¹, Н.А. Дубова¹, Л.В. Сатаева², В.В. Куфтерин³

¹Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва;

²Башкирский государственный аграрный университет,

³Башкирский государственный педагогический университет, Уфа

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ

(бронзовый век, Туркменистан)

Гонур-депе – один из крупнейших и хорошо известных памятников эпохи бронзы Средней Азии (2300–1500 до н.э.), предполагаемый административно-культовый центр Древней Маргианы (страны Маргуш). Памятник располагается в древней дельте р. Мургаб, в Марыйском велаяте Туркменистана. Площадь гонурского поселения составляет более 70 га, а мощность культурного слоя превышает 5 м. Памятник включает в себя многочисленные монументальные постройки, выполненные из сырцового кирпича, и состоит из двух основных объектов: Северного Гонура – административно-культового центра с примыкающим могильником и «царским некрополем» и Южного Гонура («Теменос», с примыкающим небольшим «могильником теменоса») [Сарианиди, 2006 и др.].

Демографические показатели, полученные на обширном палеоантропологическом материале (более 3000 половозрастных определений), позволяют говорить об общем благополучии существования гонурской палеопопуляции, характеризовавшейся довольно низким уровнем детской смертности (23,4%), сравнительно высокой средней продолжительностью жизни (36,5 лет) и, предположительно, значительной плотностью населения [Дубова, Рыкушина, 2007]. Эти выводы подтверждаются данными о характере распространенности и частоте встречаемости различных заболеваний у древних жителей Гонура [Куфтерин, 2016].

Основой жизнеобеспечения древнего населения являлось орошаемое земледелие, придомно-отгонное животноводство, ремесленное производство. В ранний период существования поселения орошение имело примитивный лиманный характер (Sataev, Sataeva, 2014). Позднее стало развиваться ирригационное орошение. Изучение участка одного из каналов показало, что в поперечном разрезе он имел корытообразную форму с плоским дном, наклонными, приподнятыми и обвалованными бортами и по своему устройству сходен с каналами и арыками, используемыми жителями Средней Азии для орошения и водоотведения до настоящего времени. Главными возделываемыми видами являлись пшеница и шестирядный ячмень, также выращивались другие зерновые, бобовые, садовые, бахчевые культуры. Было развито виноградарство и виноделие. Население содержало 8 видов домашних животных: овец, коз, крупный рогатый скот, свиней, верблюдов, ослов, лошадь, собаку. Заметное место в жизни гонурцев занимало ремесло: гончарное производство, металлообработка, деревообработка, обработка камня, скорняжное и текстильное производство.

Металлообрабатывающее производство в Древней Маргиане являлось важнейшей отраслью древней экономики. На Гонур-депе обнаружены самые разнообразные изделия из сплавов на основе меди, золота и серебра. Кроме того, на северо-западном берегу главного южного бассейна в 2005 г. была обнаружена ремесленная мастерская по производству медных сплавов и изготовления бронзовых изделий [Дубова, 2008]. Сырье для выплавки сплавов на основе меди, предположительно, поступало с северных склонов Копетдага. Результаты микронзондового анализа золотых изделий из Гонур-депе показывают, что источником золота являлись россыпные месторождения, вероятнее всего, располагавшиеся на южных склонах Копетдага [Юминов, Дубова, 2014, с. 200].

При изготовлении конструкций и изделий из дерева использовались разные древесные породы: ива (*Salix sp.*), тополь (*Populus sp.*), ясень (*Fraxinus sp.*), вяз (*Ulmus*), клен (вероятнее всего, клен туркменский – *Acer turcomanicum*), скумпия кожевенная (*Cotinus coggygria*), витекс священный (*Vitex agnus*), экзохорда (*Exochorda sp.*) [Сатаева, Сатаев, 2016]. Одни

древесные породы (ива, тополь, ясень) произрастали на территории оазиса, другие (вяз, клен, скумпия, витекс, экзохорда) – доставлялись из соседних регионов.

Для изготовления каменных орудий древними мастерами использовалось 11 различных типов горных пород и минералов [Юминов, 2012, с. 163]. Камень, по всей видимости, поступал из близлежащих горных районов – Копетдага, Кугитанга, Паропамиза.

В связи с тем, что сырье для металлообрабатывающего производства, обработки камня, и частично – для деревообработки было привозным, можно предположить, наличие у древнего населения практики организации экспедиций за необходимым сырьем.

Гончарное производство на всех стадиях этого процесса имело преимущественно местную основу, что подтверждает общее обилие керамики, разнообразие форм изделий, наличие печей для обжига. На памятнике была вскрыта яма, где добывалась глина высокого качества. Гонурцы имели инструмент, необходимый для добычи сырья (среди бронзовых изделий имеется совковая лопата, по своей форме и размерам близкая к современным). В целом, массовость керамических изделий, а также большое количество построек (в том числе монументальных) из сырцового кирпича (наряду с ним использовался и обожженный кирпич), указывает на большой объем потребляемой глины.

Хотя данных о скорняжном и текстильном производстве у древнего населения Гонура немного, имеются прямые и косвенные свидетельства, позволяющие уверенно говорить о развитии у них и этой отрасли ремесла. Наиболее убедительными доказательствами являются находки фрагментов тканей: из неокрашенного льняного волокна и окрашенных волокон животного и растительного происхождения [Tsareva, 2007]. На Гонуре встречены каменные антропоморфные изображения (составные статуэтки), одетые в каунакес – широкое платье, пошитое из шкур или ворсистой ткани. Кроме того, здесь были найдены глиняные и каменные модели обуви, которая, вероятнее всего, шилась из кожи.

Таким образом, можно говорить о наличии у древнего населения Гонур-депе хорошо развитой структурированной экономики, которая в условиях нарастающей аридизации климата обеспечивала сравнительно высокий уровень жизни и благополучие существования гонурской палеопопуляции.

Библиографический список

Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 2. – М., 2008.

Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. – М., 2007.

Куфтерин В.В. Особенности биосоциальной адаптации населения страны Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 6. – М., 2016.

Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. – Ашхабад, 2006.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – №1(36). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-134-142.

Юминов А.М. Горные породы, употреблявшиеся для изготовления орудий и изделий из камня, обнаруженных при археологических раскопках административно-культового комплекса Гонур-депе (южная часть Дворца и Теменос) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – М., 2012.

Юминов А.М., Дубова Н.А. Результаты микрозондового анализа золотых изделий из Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 5. – М., 2014.

Sataev R., Sataeva L. Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. – Wiesbaden, 2014.

Tsareva E. Gonur city linens of the second Millennium B.C. // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. – Athens, 2007.

Л.В. Сатаева
Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ГОНУРСКОГО ОАЗИСА
(бронзовый век, Туркменистан)

Земледелие вместе с животноводством является традиционной основой производящего хозяйства человеческих сообществ. Общеизвестно, что особенности этих отраслей во многом отражают и характер функционирования жизнеобеспечивающих систем в целом.

В пределах Южного Туркменистана наиболее показательной в плане развития земледелия в аридных условиях и, одновременно, наименее изученной в этом отношении является Древняя Маргиана, относящаяся к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (БМАК), памятники которой расположены в пределах Юго-Восточных Каракумов, вдоль высохшего русла и рукавов слепой дельты древнего Мургаба. Здесь древние поселения образуют ряд крупных оазисов. Наиболее известным и исследованным лучше других является Гонурский оазис, сформировавшийся в III тыс. до н.э. вокруг Гонур-депе – столичного центра Древней Маргианы.

Обсуждаемый материал был собран в ходе многолетних целенаправленных археоботанических исследований, проводимых на Гонур-депе, которые включали выявление и извлечение макроскопических растительных остатков из культурных горизонтов памятника и заполнений археологических объектов (использовался метод сухого просеивания и флотации грунта) и их видовую идентификацию. Кроме изолированных семян, обнаруживаемых в культурном слое, на памятнике присутствуют скопления обугленных зерен злаков («подстилки» – «подсыпки»), имеющие ритуальное назначение. В отдельных случаях слой зерна может достигать 10 см. Видовой состав злаков в скоплениях смешанный (разные виды пшеницы, ячмень).

Изучение макроскопических остатков (семян и других частей растений), собранных при обследовании культурного слоя на различных участках памятника, дает хорошее представление о спектре растений, культивируемых древним населением Гонура. Наиболее широко в изученных образцах представлены зерна пленчатых пшениц (двухзернянки *T. dicocum*) и голозерных (мягкой *T. aestivum*, карликовой *T. compactum*), двурядного и шестирядного ячменя (*Hordeum vulgare*). Также жители Гонура выращивали просо, из бобовых – чечевицу, нут и горох (мелкосемянную форму), из садовых – яблоню, алычу (сливу), вишню, виноград, из бахчевых – дыню. Все выявленные на памятнике культуры выращиваются в регионе и в настоящее время.

На характер пищевого использования злаков может указывать содержимое большого красноглиняного ангобированного сосуда из погребения №3901 с территории царского некрополя. Комплексный (микроскопический и биохимический) анализ содержимого показал присутствие зерновых оболочек проса (*Panicum miliaceum*), наличие крахмала и белка. Вероятнее всего, это была каша или густая похлебка, сваренная на молоке.

Кроме того, в результате исследования зубного камня индивидуума из погребения 3438 удалось выявить 7 хорошо узнаваемых крахмальных зерен, принадлежащих пшенице (1), ячменю (4) и бобовым (2). Характер крахмальных зерен показывает, что крахмал пшеницы и ячменя происходит от термически обработанных семян, а крахмал бобовых – от сырых. К тому же наличие значительных отложений зубного камня на одонтологическом материале с Гонура само по себе может указывать на характер пищи, поскольку образование камня больше зависит от консистенции пищи, чем от ее содержания. Мягкая, обогащенная углеводами пища способствует осаждению камня, а грубая – препятствует.

Стоит отметить сравнительно высокое содержание в изученных сборах зерен винограда. Показательно, что семена винограда, обнаруженные в очагах, представляют собой спекшуюся массу из разноориентированных зерен, что позволяет идентифицировать

их как виноградный жмых, остающийся при отжиме сока. Также в помещениях и погребениях были обнаружены большие сосуды («хумы»), вкопанные в землю, которые, кроме всего прочего, могли использоваться для приготовления или хранения вина. В целом, все это свидетельствует о наличии у древнего населения Гонур-депе виноделия.

На ранних этапах существования протогородского центра (конец III тыс. до н.э.) орошение здесь имело примитивный лиманный характер. Отказ от лиманного орошения, по-видимому, был связан с потерей его эффективности, вызванной снижением уровня р. Мургаб и, вследствие этого, пересыханием ряда его многочисленных рукавов, окружавших город, при усилении аридизации в начале II тыс. до н.э. Следующий этап развития земледелия был уже связан с ирригационным орошением. Наличие развитой ирригационной системы подтверждает открытие участка оросительного канала в юго-западной части поселения (раскоп 16). Его изучение показало, что сооружение функционировало достаточно долгое время и периодически подновлялось [Сатаева, Сатаев, 2016].

Обработка земли под посевы происходила вручную с помощью бронзовых мотыг, а также с использованием сох, волочимых тягловыми животными – быками и волами (возможно двугорбыми верблюдами). На основании находок миниатюрных терракотовых моделей повозок с вмазанными в их переднюю часть головами быков и верблюдов Г.Н. Лисицына [1978] предполагает, что пашенная обработка земли в Южном Туркменистане появляется во 2-й половине III тыс. до н.э. Так, на поселении Улуг-депе (Южный Туркменистан, IV тыс. до н.э.) встречены «отдельные фигурки быков, скорее всего, ритуального назначения, на которых краской нанесен рисунок упряжи» [Лисицына, 1978, с. 55]. Среди глиняных фигурок животных на Гонуре был найден фрагмент статуэтки быка – вола (передняя часть), вокруг шеи которого проходит хорошо выраженная борозда, вероятно, обозначающая элемент упряжи [Сатаев, 2016]. На памятнике были выявлены достоверные остатки кастрированных особей крупного рогатого скота – волов [Сатаев, Сатаева, 2013]. По-видимому, разведение крупного рогатого скота в аридных условиях в первую очередь диктовалось потребностями земледелия. Крупный рогатый скот являлся не только источником физической силы и мяса, но и естественных удобрений.

Сбор урожая (злаков и бобовых культур) производился бронзовыми серпами с закрепленной деревянной ручкой. Зерно (и продукты переработки) хранили в «хумах» и специальных ямах – хранилищах, промазанных изнутри глиной. Для помола использовались массивные каменные зернотерки и песты.

В заключение можно сделать следующие выводы относительно уровня развития земледелия у населения Древней Маргианы. Древняя цивилизация находится в границах одного из центров происхождения и распространения зерновых, бобовых и садовых культур. Археоботанические находки демонстрируют высокое разнообразие культивировавшихся здесь растений (зерновые, бобовые, садовые, бахчевые культуры). Земледелие основывалось на лиманном и ирригационном орошении. Население использовало разнообразные орудия для обработки земли, средства для сбора и переработки урожая, специально устроенные ямы и сосуды для хранения зерна. Обобщая вышеизложенное, можно говорить о высоком уровне развития земледелия в Древней Маргиане, позволявшего обеспечивать население городского центра сельскохозяйственной продукцией в условиях прогрессирующей аридизации климата на протяжении более 600 лет его существования.

Библиографический список

- Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южном Туркменистане. – М., 1978.
- Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. – М., 2016.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Исторические предпосылки разведения крупного рогатого скота в аридных условиях юга Средней Азии // Вестник БГАУ. – 2013. – №1 (25).
- Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Земледелие в Древней Маргиане // Вестник БГАУ. – 2016. – №3.

И.Е. Сафонов

Воронежский государственный университет, Воронеж

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Важной составляющей развития археологии как научной дисциплины является состояние профессионального археологического образования в стране. Современная ситуация такова, что на данный момент существует острая необходимость в кадрах археологов, краеведов, да и вообще хорошо подготовленных специалистов-гуманитариев широкого профиля.

Россия с 2010 г. осуществила переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования и подготовки кадров историков и археологов в рамках Болонской системы [Мельникова, 2006; Канторович и др., 2010]. Прошедшие годы показали, что складывающееся в результате реформирования высшей школы состояние подготовки археологов приводит к «размыванию» преподавания археологии на профильных исторических факультетах вузов в рамках подготовки бакалавров по направлению «история». Существовавшая система специализации фактически разрушена, а образовательные программы по археологии фактически ограничены магистратурой.

Тем не менее в условиях внедрения в российском образовании нового федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения высшего профессионального образования (ФГОС ВПО 3+) по специальности «История» – 46.03.01 (приказ Минобрнауки РФ от 07.08.2014, №950) появляются возможности для преподавания дисциплин, непосредственно связанных с археологией. Согласно ФГОС, обязательная часть составляет 70% от общего объема времени отведенного на освоение программы, а вариативная часть – 30%, включающая в себя дисциплины, междисциплинарные курсы и профессиональные модули, определяющиеся конкретным образовательным учреждением. Грамотное использование вариативной части в профессиональной образовательной программе дает возможность для создания и развития новых моделей подготовки специалистов – археологов в нашей стране как в рамках бакалавриата, так и магистратуры. В этом заключается определенный плюс российской системы образования, в отличие от ряда зарубежных, где подготовка археологов носит более специализированный характер. Во многих европейских странах особенность археологического образования заключается в том, что археология является полноценной и самостоятельной научной дисциплиной в рамках университетского образования. Обучаясь по данному направлению, студенты в итоге получают степень бакалавра или магистра археологии. И здесь кроется один из «подводных» камней такой системы. Ввиду узкой специализации возникает целый ряд проблем, связанных с возможностями дальнейшего трудоустройства большей части выпускников-археологов. Даже в таком традиционном направлении, как работа в музее есть целый ряд видов деятельности, не связанных напрямую с археологией. Помимо разработки и планирования выставок, это и инвентаризация, каталогизация, работа с архивом, а также связи с общественностью, редакционно-публикационная работа и др. К примеру, в образовательной среде Германии сейчас активно обсуждаются вопросы о необходимости введения большего числа междисциплинарных курсов, что позволит получить студентам более широкую базовую подготовку, а следовательно, стать более конкурентоспособными на рынке труда [Сафонов, 2016].

На состоявшемся в январе 2017 г. Всероссийском совещании деканов и заведующими кафедрами исторических факультетов речь шла как раз о том, чтобы на выходе выпускник исторического факультета мог применить свои знания в самых разных областях.

Другая проблема заключается в необходимости приведения в соответствие образовательных стандартов и профессиональных. Если стандарты тех или иных профессий

созданы, опубликованы, то стандарт историка не создан и не планируется к выпуску. То же самое касается и археологии. А между тем в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2015 г. №122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», вступившим в силу с 1 июля 2016 г., применение профессиональных стандартов работодателями с 1 июля 2016 г. является обязательным в части требований к квалификации, необходимой работнику для выполнения трудовой функции, если такие требования установлены ТК РФ, другими федеральными законами или иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Напомним, что профессиональный стандарт важен, в первую очередь, работодателям для формирования кадровой политики, разработке должностных инструкций и тарификации работ, а в конечном итоге – для установления систем оплаты труда с учетом особенностей организации. Во многом это способствовало бы появлению в каждом муниципальном территориальном подразделении РФ специалистов по археологии, квалификация которых позволила бы проводить текущий надзор за строительными работами. Именно профстандарт должен быть основой для разработки профессиональных образовательных программ и ФГОСов.

Несколько лет назад российское археологическое сообщество активно обсуждало кодекс профессиональной этики археолога [см.: Коренько, 2013]. Ясно, что для выработки профессионального стандарта археолога необходимо создание координирующего органа, который смог бы регулировать все вопросы, связанные с развитием и совершенствованием археологии и археологического образования, подготовки новых специалистов. Не чиновники должны реформировать археологическую науку и образование, исходя только из текущей экономической и политической ситуации и своеобразного мироощущения, а экспертное научное сообщество, собранное из представителей ведущих археологических отечественных школ, академических институтов и вузов [Винокуров, 2013, с. 140]. Существовавший экспертный совет по истории, археологии и смежным научным дисциплинам при Комитете по науке и образованию Совета Федераций РФ не успел этого сделать.

Сейчас очевидно, что для того чтобы начать работать в качестве археолога, диплома бакалавра недостаточно. Для этого необходимо получить еще и степень магистра. Но и на этом не следует останавливаться: как и в случае с другими гуманитарными науками, защита диссертации значительно улучшает шансы на рынке труда. Кроме того, становится понятным, что ввиду усиливающейся здесь конкуренции современная археология включает в себя сейчас далеко не только умения грамотно провести раскопки, написать отчет и проанализировать полученный материал, но и целый ряд направлений, где требуются как собственно археологические навыки, так и знания других дисциплин.

Библиографический список

Винокуров Н.И. К концепции развития археологического образования в России // Преподаватель XXI век. – 2013. – №2.

Канторович А.Р., Лбова Л.В., Ениосова Н.В. О состоянии и перспективах археологического образования в ВУЗах России в условиях перехода на двухуровневую систему // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Том 9, вып. 3: Археология и этнография.

Коренько В.А. Об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт) // РА. – 2013. – №4.

Мельникова О.М. Проблемы высшего профессионального археологического образования в университетах России // Современные проблемы археологии России : материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 окт. 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск, 2006. – Т. 2.

Сафонов И.Е. Археологическое образование в университетах Германии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2016. – №3.

Н.Г. Свиркина
Институт археологии РАН, Москва
ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ФАНАГОРИИ
В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
(по палеоантропологическим материалам из восточного некрополя)

На протяжении длительного времени изучение останков погребенных из некрополя Фанагории не входило в приоритетную категорию изучаемых археологических материалов. На сегодняшний день опубликовано несколько работ, в которых приводится характеристика половозрастной структуры населения в эпоху эллинизма и римского времени [Добровольская, 2008, с. 64–67; Добровольская, Медникова, с. 474–490]. С момента выхода данных публикаций антропологическая выборка значительно возросла. В связи с этим возникла необходимость в проведении новых исследований для получения более полных и корректных результатов. Источником исследования являются скелетные материалы, собранные в ходе раскопок погребений Восточного некрополя Фанагории в 2005–2015 гг.¹

Антропологическая выборка эпохи эллинизма включает 77 костяков, из которых к мужчинам относятся 38, к женщинам – 26, к детям – 12, для одного индивида пол не установлен. Таким образом, детские костяки составляют 15,6%. Средний возраст смерти составляет 33,2 года, без учета детей – 38,5 года. Мужчины жили на 7 лет дольше женщин, средний возраст умерших мужчин – 41,2 года, женщин – 34,2 года. Кроме того, наблюдаются значительные расхождения в распределении значений по возрастным когортам в мужской и женской части населения. Большая часть мужчин благополучно доживает до 30 лет, а основная масса смертей приходится на интервал 35 – «старше 50» с пиком в 40–44 года. В женской группе ситуация иная – стабильно высокая смертность в молодом и зрелом возрасте. Рубеж в 50 лет преодолевает 10,4% индивидов из общей серии, у мужчин этот показатель равен 17,5%, у женщин – 3,9%.

Антропологическая серия из погребений римского времени более многочисленная и насчитывает 302 костяка. В данной группе преобладают индивиды мужского пола, количество которых составляет 150, женщин – 63, детских костяков – 74, для 16 взрослых пол не установлен. Процент детской смертности в группе равен 24,6. Средний возраст смерти – 29,2 года, без учета детей – 37 лет. Средняя продолжительность жизни мужской половины населения на 5 лет выше, чем у женщин, среднее значение возраста смерти мужчин составляет 39 лет, у женщин – 34 года. Так же как и в предшествующую эпоху, уровень смерти мужчин до 30 лет незначителен. Далее он резко повышается и остается примерно на одном уровне. У женщин наблюдается постепенный рост процента умерших в молодом возрасте вплоть до 30 лет. Пик приходится на возраст 30–34 года, затем уровень смертности снижается. В возрастной группе «старше 50» оказываются 8,3% от общего числа индивидов (включая детей), мужчин – 14,7%, а женщин – 4,3%.

Проанализировав полученные результаты, мы можем сделать следующие выводы. В эпоху эллинизма складываются более благоприятные условия жизни, чем в последующий период. В римское время возрастает уровень детской смертности, возрастает процент мужского населения (мужчин в два раза больше женщин!). Для выяснения причин этих изменений необходимо проведение дополнительных исследований.

Библиографический список

- Добровольская М.В. Антропологические исследования // Фанагория. По материалам Таманской экспедиции Института археологии РАН / под общ. ред. В.Д. Кузнецова. – М., 2008.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б. Население по антропологическим данным // Античное наследие Кубани : в 3 т. Т. 2 / ред., сост. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левин, д.и.н. В.Д. Кузнецов. – М., 2010.

---

¹ Определение пола и возраста проводилось д.и.н. М.В. Добровольской.

С.В. Святко¹, Д.В. Папин², О. Пошехонова³

¹*Королевский университет Белфаста, Белфаст, Великобритания;*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул;*

³*Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень*

ИЗОТОПНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ И СИБИРИ: КРАТКИЙ ОБЗОР И НОВЫЕ ДАННЫЕ

Изотопный анализ является одной из основных современных методик при изучении диеты и хозяйства древних общин. На территории Евразийских степей и Сибири подобные исследования проводятся с конца 1980 гг. (основные публикации были сделаны уже после 2000-х гг.), однако несмотря на достаточно долгий период изучения, изотопные палеодиетарные исследования в Сибири и Евразийской степи находятся на этапе накопления данных. К настоящему времени исследования были проведены на территории Южного Зауралья, Барабинской лесостепи, в Приднепровье, на Северном Кавказе, в Северном Прикаспии, в нескольких регионах Казахстана, в Прибайкалье, Монголии, Южной Сибири [Святко, 2016]. Ключевые вопросы, на которые пытаются ответить специалисты, применяющие изотопный анализ, – как изменялся состав (пропорции рыбной, мясной и зерновой пищи) диеты между различными группами людей в зависимости от эпохи, окружающей среды (климата, ландшафта, природных ресурсов) и культурных предпочтений (вопросы, связанные с существованием табу на конкретные виды пищи), внутри конкретных групп населения между полами, людьми различных возрастов и социального статуса. Особое внимание также уделяется таким специфическим вопросам, как распространение проса, наличие унавоживания, особенности кормления/выпаса различных домашних животных, использование определенных продуктов (например, грибов) в рационе. В целом, результаты исследований указывают на важную роль рыбы в рационе древнего населения Сибири и Евразийской степи, несмотря на зачастую отсутствие археологических находок, связанных с рыболовством. Употребление проса в диете было зафиксировано на территории юго-восточного Казахстана в XVI в. до н.э. [Motuzaitė Matuzevičiūtė et al., 2015] и в Минусинской котловине начиная с XIV в. до н.э. [Svyatko et al., 2013].

Несмотря на то, что в современных археологических исследованиях изотопный анализ является важной частью процедуры по интерпретации материалов, не везде он применяется в достаточной степени. К таким территориям относится и юг Западной Сибири, где только в последнее время стали вводиться в научный оборот данные по изотопам. В данной работе представлены результаты исследования изотопов азота и углерода приблизительно 140 людей и животных из 30 памятников неолита – раннего железного века Западной Сибири, а именно из двух основных регионов – Приобья и Тоболо-Иртышского междуречья (рис.). Исследуемые нами регионы относятся к зонам, где со времени неолита сформировались общества охотников и рыболовов, в северной его части (таежной зоне) они продолжали существовать вплоть до Нового времени, а для южных участков (степь и лесостепь) предполагается сложение скотоводческого типа хозяйствования в эпоху бронзы и окончательное формирование в раннем железном веке. Такие построения были основаны, прежде всего, на основе фаунистического анализа остеологических коллекций и интерпретации орудий труда, но полученные новейшие данные позволяют по-новому взглянуть на эволюцию систем жизнеобеспечения древних обществ юга Западной Сибири.

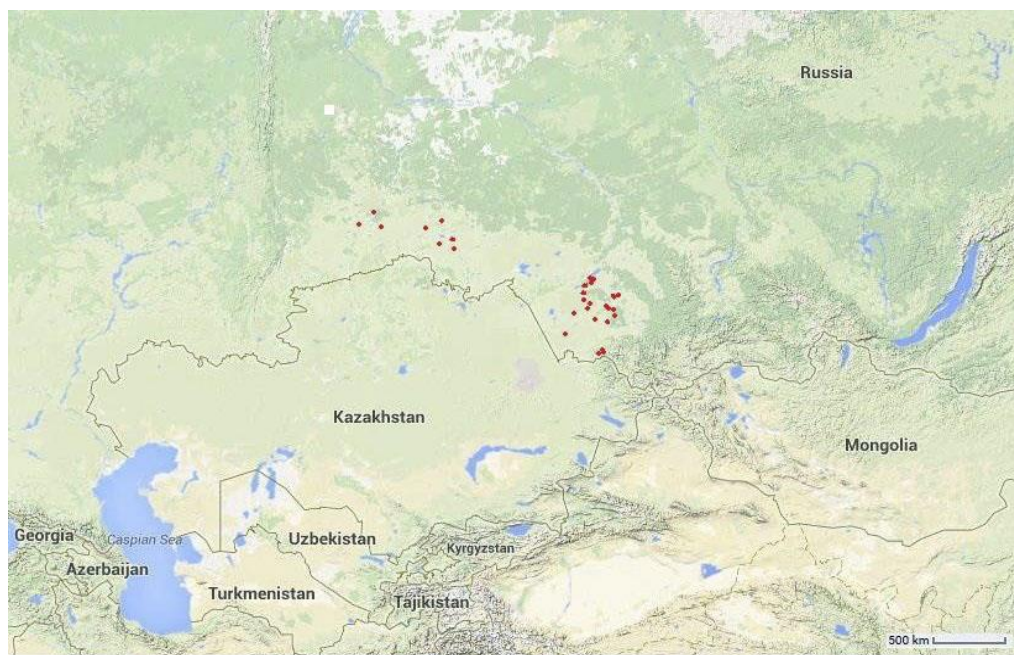
Результаты изотопного анализа и радиоуглеродного датирования позволяют сделать следующие выводы:

➤ в рационе всех проанализированных групп населения, вероятно, присутствовала рыба, однако доля этого компонента постепенно уменьшалась к эпохе раннего железа;

➤ диета населения неолита – эпохи бронзы был преимущественно основана на так называемых C₃ пищевых цепях, хотя результаты по меньшей мере четырех человек из трех памятников Приобья (Енисейское-10, Фирсово-14 и Плотинная) указывают на потребление C₄ компонентов в XIV–XIII вв. до н.э.;

➤ в эпоху раннего железа диета населения Приобья стала гораздо более разнообразной (рацион отличался главным образом между группами, а не внутри) и во многих случаях стала включать большую долю растений С₄. В диету населения междуречья Тобола и Иртыша, однако, растения С₄ не входили вплоть до эпохи раннего железа;

➤ появление С₄ сигнала в образцах из Приобья, скорее всего, указывает на начало потребления проса в регионе населением Ирменской культуры с XIV в. до н.э. (что могло быть связано как с местным его возделыванием, так и импортным происхождением) и более систематическое его использование в регионе приблизительно с V в. до н.э. Просо как агрокультура могло прийти из Казахстана или из Минусинской котловины.

Расположение проанализированных памятников

Сравнение полученных результатов для населения юга Западной Сибири с данными из предыдущих исследований достаточно четко показывает переходные процессы в хозяйстве различных культур, от присваивающих форм в неолите к появлению животноводства в эпоху ранней бронзы, и далее к введению возделывания злаковых в раннем железном веке. Данные также указывают на разнородность экономических структур среди различных групп населения в эпоху бронзы и раннего железа: многие группы продолжали полагаться на дикие ресурсы (например, рыболовство) и, по-видимому, обходились без земледелия даже в более поздние периоды.

Библиографический список

Святко С.В. Анализ стабильных изотопов: основы метода и обзор исследований в Сибири и Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – №44. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.047-055

Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // Journal of Archaeological Science. – 2015. – №59. DOI: 10.1016/j.jas.2015.03.029

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Science. – 2013. – №40. DOI: 10.1016/j.jas.2013.05.005

С.В. Святко^{1,2}, П.Дж. Реймер¹

¹Королевский университет Белфаста, Белфаст, Великобритания;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

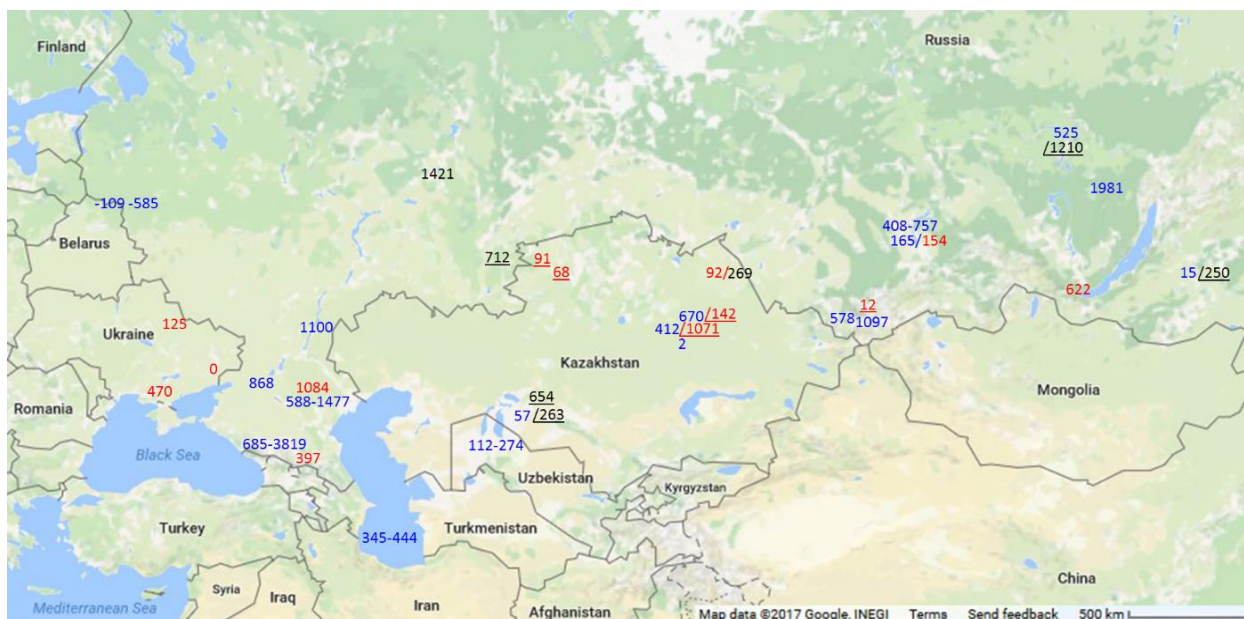
ПРЕСНОВОДНЫЕ РЕЗЕРВУАРНЫЕ ЭФФЕКТЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

Исследование выполнено при поддержке LeverhulmeTrust (грант RPG-2014-08 «Пресноводные резервуарные эффекты и датирование Евразийских степей»)

В данной работе представлены результаты двухлетнего исследования пресноводных резервуарных эффектов (ПРЭ) в Евразийских степях и Сибири. Целью исследования было выявление погрешности ПРЭ в радиоуглеродных (^{14}C) датах современных водных образцов, а также в археологических материалах.

Построение ^{14}C шкал для различных археологических культур и памятников является одним из принципиальных направлений современных исследований в регионе. Однако в последнее время не раз было отмечено, что полученные ^{14}C даты по костям человека значительно старше, чем ожидалось, исходя из традиционных археологических датировок или аналогичных данных по дереву, углю и костям животных, что, возможно, является результатом ПРЭ. Таким образом, изучение ПРЭ критически важно для уточнения ^{14}C хронологий.

ПРЭ проявляется в мнимом, более древнем ^{14}C возрасте образца, в чей рацион входит «старый» углерод из пресноводных источников (по сравнению с чисто наземным образцом). Данные по ПРЭ в современных рыбах в Евразийских степях обобщены в Svyatko et al., 2017a; существует и несколько исследований по археологическим материалам (см. рис.). Для археологических материалов величина ПРЭ (в ^{14}C годах) рассчитывается как разница в ^{14}C возрасте синхронных образцов наземного и водного происхождения. К последним, помимо останков рыб, также относятся кости животных (и человека), в рацион которых могли входить пресноводные продукты.

Погрешность ПРЭ для современных организмов (синий цвет) и археологических материалов – костей рыб (черный) и людей (красный) из Евразийских степей. Данные предыдущих работ (не подчеркнуты) обобщены в Nomokonova et al., 2013; Schulting et al., 2014, 2015, Shishlina et al., 2014; Motuzaitė-Matuzevičiūtė et al., 2015; Lillie et al., 2009; Svyatko et al., 2015, 2017a,b; Kulkova et al., 2015; Wood et al., 2013

На рисунке представлены результаты по приблизительно 50 археологическим парам из 30 памятников (в целом ок. 160 образцов), полученные в ^{14}C ХРОНО Центре по изучению климата, окружающей среды и хронологии, а также данные предыдущих исследований. Полученные данные показывают широкое распространение ПРЭ в Евразийских степях. Величины ПРЭ крайне разнообразны и могут достигать более 1000 ^{14}C лет как в современной рыбе, так

и в археологических парах. В частности, в костях человека погрешность колеблется от 0 до более чем 1000 ^{14}C лет, что, по-видимому, связано с долей рыбы в рационе. Величины ПРЭ достаточно непредсказуемы и непоследовательны даже в пределах одного и того же региона или памятника. В ряде случаев ПРЭ проявляется в археологических рыбах, а в современных – нет (например, оз. Харга сайт к юго-востоку от оз. Байкал), или погрешность в современной и археологической рыбе крайне разнится (памятник Лиственичный Остров и р. Едарма к северу от оз. Байкал), или, наоборот, археологические рыбы показывают гораздо большие значения ПРЭ, чем современные (памятник Ювара к востоку от Аральского моря). Кости человека также иногда показывают гораздо большую погрешность, чем современные рыбы (памятник Тегизжол и р. Нура в Центральном Казахстане).

В данной ситуации особенно важно подчеркнуть, что в результате влияния ПРЭ останки людей, зачастую отбираемые на ^{14}C анализ, могут дать мнимую, более древнюю дату. За исключением случаев, когда величина ПРЭ в конкретном регионе или даже памятнике была исследована и учтена при вычислении ^{14}C дат по кости человека, отбирать подобные образцы для анализа не стоит.

Дальнейшая работа в данном направлении будет включать разработку базы данных по ПРЭ, подобной базе данных по морским резервуарным эффектам (calib.org/marine).

Библиографический список

Kulkova M., Mazurkevich A., Dolbunova E., Regert M., Mazuy A., Nesterov E., Sinai M. Late Neolithic Subsistence Strategy and Reservoir Effects in ^{14}C Dating of Artifacts at the Pile-Dwelling Site Serteya II (NW Russia) // Radiocarbon. – 2015. – №57.

Lillie M., Budd C., Potekhina I., Hedges R. The radiocarbon reservoir effect: new evidence from the cemeteries of the middle and lower Dnieper basin, Ukraine // Journal of Archaeological Science. – 2009. – №36.

Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Lillie M., Telizhenko S. AMS Radiocarbon dating from the Neolithic of Eastern Ukraine Casts Doubts on Existing Chronologies // Radiocarbon. – 2015. – №57.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary International. The Baikal-Hokkaido Archaeology Project: Environmental archives, proxies and reconstruction approaches. – 2013. – №290–291.

Schulting R., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Weber A. Freshwater Reservoir Offsets Investigated through Paired Human-Faunal ^{14}C Dating and Stable Carbon and Nitrogen Isotope Analysis at Lake Baikal, Siberia // Radiocarbon. – 2014. – №56.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Weber A. Highly Variable Freshwater Reservoir Effects Found along the Upper Lena Watershed, Cis-Baikal, Southeast Siberia // Radiocarbon. – 2015. – №57.

Shishlina N., Sevastyanov V., Zazovskaya E., van der Plicht J. Reservoir Effect of Archaeological Samples from Steppe Bronze Age Cultures in Southern Russia // Radiocarbon. – 2014. – №56.

Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Freshwater Reservoir Effect on Redating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age Northeast Kazakhstan // Radiocarbon. – 2015. – №57.

Svyatko S.V., Reimer P.J., Schulting R. Modern Freshwater Reservoir Offsets in the Eurasian Steppe: Implications for Archaeology // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2017a. – DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Radiocarbon. – 2017b. – in press.

Wood R.E., Higham T.F.G., Buzilhova A., Suvorov A., Heinemeier J., Olsen J. Freshwater Radiocarbon Reservoir Effects at the Burial Ground of Minino, Northwest Russia // Radiocarbon. – 2013. – №55.

С.В. Святко¹, Н.Ф. Степанова², А.В. Поляков³

¹Королевский университет Белфаста, Белфаст, Великобритания;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

³Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Долгое время изучение хронологии афанасьевской культуры Алтая строилось на основании радиоуглеродных (¹⁴C) дат, полученных жидкостно-сцинтилляционным методом в лабораториях Санкт-Петербурга и Новосибирска [Поляков, 2010]. В результате продолжительность существования культуры определялась периодом в 1400 лет (38–25 вв. до н.э.), что не соответствовало наблюдениям исследователей о ее монолитности и отсутствии следов развития [Степанова, 2012]. Новым этапом в изучении этой проблемы может стать серия из ¹⁴C дат, полученных в лаборатории ¹⁴ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Королевский Университет Белфаста). Это первые даты памятников афанасьевской культуры Алтая, выполненные по самой современной методике ускорительной масс-спектрометрии (калибровка выполнена в программе OxCal 4.2.4. с использованием кривой IntCal13) [Reimer et al., 2013].

Даты были получены по костным останкам человека из семи погребальных памятников афанасьевской культуры Алтая и костей животных (овца, косуля) поселения Малый Дуган. В результате практически все проанализированные погребения могут быть отнесены к очень узкому хронологическому отрезку – 31–30 вв. до н.э. Исключение составляет только могила из кургана 9 могильника Инской Дол, которая датируется 29–28 вв. до н.э. Несколько случаев, когда нижняя дата погребения относится к границе 34–33 вв. до н.э. (UBA-22984, UBA-22985, UBA-22987), объясняются особенностью строения конкретного участка калибровочной кривой и при статистической обработке нивелируются.

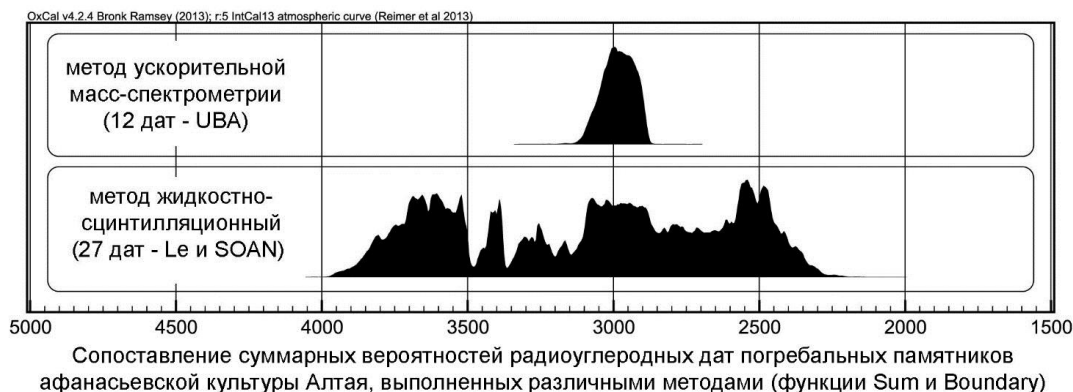
Сопоставление суммарных вероятностей новых дат и уже известных в археологической литературе, полученных жидкостно-сцинтилляционным методом, демонстрирует колоссальные отличия по хронологическим рамкам [Поляков, 2010; Соенов, Акимова, Трифанова, 2012]. Конечно, число уже известных дат более чем в два раза превышает количество новых, и для них использованы образцы из 12 памятников (в отличие от 8 памятников, проанализированных на ускорительном оборудовании), однако это не может объяснять такое отличие в плотности результатов. Сложившаяся ситуация напоминает ту, что была зафиксирована при изучении памятников федоровской культуры на Среднем Енисее [Поляков, Святко, 2009, с. 30–31, рис. 5]. Тогда основная проблема заключалась в датах, которые были получены в 60–70-х гг. прошлого века. Ситуация с афанасьевскими памятниками Алтая намного сложнее, и столь большой хронологический разброс, вероятно, является следствием сразу нескольких причин.

Например, большое значение имеет материал образца. По погребению в ограде 3 могильника Кара-Коба-1 сделано уже три анализа. Два из них, выполненные по дереву в Новосибирске и Санкт-Петербурге (Ле-1607 и СОАН 6144), датируют могилу 40–37 вв. до н.э. Новая дата по костям человека (UBA-22986) относит ее ко времени как минимум на 600 лет позже – 31–30 вв. до н.э. Похожая картина наблюдается при сопоставлении анализов соседних погребений могильника Ело-Баши. Новые даты по костям человека (UBA-22983 и UBA-22984) оказываются на 600 лет моложе даты, полученной по дереву (Ле-1608). В то же время уже имеющаяся дата по костям человека из ограды 10 могильника Первый Межелик-1 (СОАН-6026) хорошо соотносится с новыми датами по костям человека и животного из ограды 12 этого же могильника (UBA-29308 и UBA-29309).

Обращает на себя внимание, что все девять дат погребальных памятников афанасьевской культуры Алтая, полученных по образцам дерева или угля, оказываются древнее. Они явно тяготеют к ранней части хронологического отрезка 40–30 вв. до н.э. В отличие от них в рамках периода 36–24 вв. до н.э. даты по костям человека или животного наиболее плотно расположены начиная с 31 в. до н.э. Принципиально иная картина наблюдается с афа-

насьевскими памятниками Среднего Енисея. Там подавляющее большинство дат, полученных по образцам дерева, относятся к тому же хронологическому отрезку, что и по костям человека – 31–25 вв. до н.э. Исключение составляет только серия дат могильника Малиновый Лог. Учитывая, что практически все анализы по дереву проводились серийно и дублировались в разных лабораториях, ошибка исключена. Возникает предположение, что все даты афанасьевских памятников Алтая и, возможно, могильника Малиновый Лог на Среднем Енисее, полученные по дереву, значительно древнее момента совершения самого погребения. Такие расхождения могут быть связаны с тем, что при сооружении погребений использовались деревья, срубленные значительно раньше («эффект старого дерева»). Кроме того, нужно помнить, что обычно лучше сохраняется и используется для анализов центральная часть ствола, и в результате датируется не тот момент, когда дерево было срублено, а самый начальный период его роста.

Сложившаяся ситуация требует очень серьезного и пристального изучения, а главное – увеличения числа дат, сделанных при помощи ускорительной масс-спектрометрии. Пока у нас нет достаточных оснований рассматривать традиционные датировки как не относящиеся к афанасьевской культуре, однако и продолжать их использовать без детального понимания, что именно они датируют (в некоторых случаях использован уголь, где-то – с перекрытия, в других происхождение неясно), уже тоже нельзя. Возможно, по крайней мере, часть из них не соотносится с периодом существования погребений афанасьевской культуры. На данный момент можно констатировать тенденцию к сужению хронологических границ периода существования афанасьевской культуры на Алтае, что подтверждает справедливость наблюдений археологов, занимающихся этой проблемой.

Библиографический список

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – Вып. 5.

Соенов В.И., Акимова (Вдовина) Т.А., Трифанова С.В. Радиоуглеродные даты погребений периода ранней бронзы на могильниках Нижний Айры-Таш и Озерное (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник-2. – Барнаул, 2012.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник-2. – Барнаул, 2012.

Paula J Reimer, Edouard Bard, Alex Bayliss, J Warren Beck, Paul G Blackwell, Christopher Bronk Ramsey, Caitlin E Buck, Hai Cheng, R Lawrence Edwards, Michael Friedrich, Pieter M Grootes, Thomas P Guilderson, HaflidiHaflidason, IrkaHajdas, Christine Hatte, Timothy J Heaton, Dirk L Hoffmann, Alan G Hogg, Konrad A Hughen, K Felix Kaiser, Bernd Kromer, Sturt W Manning, Mu Niu, Ron W Reimer, David A Richards, E Marian Scott, John R Southon, Richard A Staff, Christian S M TurneyIntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon* 55 (4). 2013.

Л.В. Седикова

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
ИСТОРИЯ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

Херсонес Таврический – один из крупнейших и хорошо исследованных археологических памятников юга России. За 190 лет раскопок здесь открыты многочисленные памятники античной и византийской культур. Регулярные археологические раскопки конца XIX в. привели к пониманию необходимости сохранения археологического наследия. Одним из методов сохранения памятников являлась засыпка раскопанных структур, однако для ряда памятников был применен метод частичной реконструкции. В послереволюционный период вопрос сохранения памятников городища стал одним из приоритетных. В 1927 г. на II конференции археологов СССР была выработана методика консервации древних сооружений, которая сводилась к частичной реконструкции кладки на известковом растворе.

После Великой Отечественной войны предстояли большие работы по восстановлению утрат, нанесенных памятникам. В 50-е гг. XX столетия из числа ведущих археологов и реставраторов была создана специальная реставрационная комиссия, выработавшая методику сохранения археологических объектов. Главным принципом провозглашалось минимальное вмешательство в памятник. Государство выделило средства на реставрацию. В послевоенный период были проведены масштабные реставрационные работы на юго-восточном участке оборонительных сооружений Херсонеса. К сожалению, провозглашенные принципы реставрации не всегда соблюдались. Среди консервационных методов было и сооружение подпорных стен, и применение железобетонных и металлических балок, и существенные дополнения кладки, и бетонные стяжки верхней поверхности стен. Метод частичной реконструкции объектов надолго вошел в практику музея. Частичной реконструкции подверглась башни XV и XVII, «базилика 1935 года, античный театр, «дом винодела» баптистерий Уваровской базилики и другие объекты.

В 1970-е гг. была проведена большая работа по реставрации мозаичных полов ранневизантийских храмов. Методика укрепления сводилась к переносу мозаичных наборов на новую бетонную основу с дополнениями утраченных фрагментов.

Удачным опытом сохранения археологического наследия было сотрудничество в 1980-е гг. с В/О «Союзреставрация». Впервые в Херсонесе был применен метод инъекционного укрепления и гидрофобизации стен. В начале 2000-х гг. Херсонес вновь обратился к реставрации оборонительных сооружений.

Подготовка Херсонеса к номинации в список Всемирного наследия ЮНЕСКО ознаменовалась кардинальным изменением методики сохранения памятников археологии в Херсонесе. Значительный вклад в развитие технологий консервации внесли группы экспертов из Великобритании, США, Польши, Израиля, Украины, принимавшие участие в выработке подходов к сохранению археологического наследия Херсонеса. Тестирование ряда консервационных растворов привели к выработке оптимальных рецептов. Пересматривается философия консервации памятников, которая приводится в соответствие с положениями Венецианской хартии ИКОМОС 1974 г., гласящей: «реставрация заканчивается там, где начинаются гипотезы». Главным принципом консервации становится сохранение аутентичного облика памятника.

Библиографический список

Стржелецкий С.Ф. Консервация памятников Херсонеса в 1957–1958 гг. // Сообщения Херсонесского музея. – Симферополь, 1960. – Вып. I.

Sedikova L. The History of Site Conservation at Tauric Chersonesos // Archeological Institute of America. 107th Annual Meeting. Abstracts. – Montreal, 2006.

А.Г. Сеидов¹, С.М. Фазлуллин²

¹UNEC, Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку;

²Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва

РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА ТЕРРИТОРИИ НАХЧЫВАНА

Выгодное географическое положение Нахчывана благоприятствовало развитию древнейшей металлургии на территории этого региона еще с VI тысячелетия до н.э. Нахчыван стал одним из важных металлургических центров Азербайджана, а также в целом Кавказа, и сыграл важную роль в развитии древнейшей металлургии региона. При археологических раскопках Нахчывана обнаружено огромное количество материалов и остатков металлургического производства, которые свидетельствуют о наличии древнейших познаний в области металлургии.

Известно, что для появления и развития металлургии прежде всего необходима сырьевая база. Такая база имеется на территории Нахчыванского края: это месторождения медных, мышьяковых и полиметаллических руд. Месторождения меди Ордубадского района Мисдагское, Диахчайское, Парагачайское и Гей-гельское, а также медно-золоторудные месторождения Агюрд и Шекердере. Здесь отмечены две основные рудоносные зоны: медные руды жильного типа и медно-пиритовые руды [Геология СССР, т. XLVII, 1976].

Парагачайское месторождение, представленное медно-молибденовыми жилами, расположено на левом берегу реки Парагачай. Рудные минералы представлены халькопиритом, молибденитом и пиритом. В Ордубадском районе расположено также Гей-гельское месторождение медно-молибденовых руд [Seidov, Hasanova, 2005, p. 26–34]. Результаты количественного спектрального анализа руд и минералов приводятся в таблице.

Месторождения мышьяка расположены в 8–9 км к северо-востоку от г. Джульфы, в горной полосе Дарыдага. Это месторождение известно с древнейших времен не только в Азербайджане, но и далеко за пределами Ближнего Востока. В течение многих столетий здесь добывали реальгар и аурипигмент [Геология Азербайджана. Том VI, 2003].

На территории Нахчывана расположены месторождения полиметаллических руд Гюмушлю и Агдере. Гюмушлинское месторождение находится на левом склоне долины р. Арпачай и известно с древних времен. Первые сведения относятся к VI–IX вв., когда арабы организовали здесь добычу руды небольших объемов. Агдаринское полиметаллическое месторождение находится в Ордубадском районе. Главными рудными минералами являются сфалерит и галенит.

В археологических памятниках Нахчывана обнаружены также бронзовые изделия с высоким содержанием сурьмы. Это говорит о том, что в эпоху средней бронзы выплавляли также и сурьмяную бронзу. Украшения эпохи поздней бронзы представлены браслетами, кольцами, подвесками, серьгами, ножными кольцами.

Первая группа изделий, не содержащих олово, датируются серединой VI – концом III тыс. до н.э. Это ранний, древнейший период металлургии, который делится на два этапа: первый этап – знакомство человека с металлом. Самородная медь была первым познанным человеком металлом, который он начал обрабатывать сначала холодной, а потом горячей ковкой. Хронологической рамкой этого этапа является середина VI – начало V тыс. до н.э.

Второй этап – это медно-мышьяковый период на территории Нахчывана, который длится с начала IV тыс. до н.э. вплоть до появления олова в третьей четверти III тыс. до н.э.

Предметы, содержащие олово, относятся ко второй группе изделий. Этот период, начинающийся с конца III тыс. до н.э., делится на три этапа.

В результате проведенных исследований прослежено развитие металлургии на территории Нахчыванского края, начиная с середины VI тыс. до н.э. до позднего средневековья. Богатейшая коллекция медно-бронзовых изделий, наличие древнейших горных разработок месторождений медных, мышьяковых и полиметаллических руд, а также наличие являвшихся топливом для металлургического производства лесных массивов указывает на то, что древний Нахчыван является одним из древнейших металлургических центров Азербайджана.

Таблица

№	Назв. предм.	Место обнаруж.	Состав (%)									
			Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Ni	Co	Fe
1	Минерал анти-монит	Дарыдагское мест. 1981	0	0	0,05	0	0,1	осн.	0,02	0,005	0	0,1
2	Минерал анти-монит	Дарыдагское мест. 1981	0	0,005	0,03	0,1	0,1	осн.	0,02	0,005	0	0,1
3	Руда	Диахчайское мест.	2,3	0	0,012	0,06	0,012	0	0	0,042	0,0018	осн.
4	Руда	Диахчайское мест.	1,9	0	0,008	0,034	0,008	0	0	0,009	0,0008	осн.
5	Руда	Вайхырское мест.	1,4	0	0,031	0,012	0,006	0	0	0,018	0,0007	0
6	Руда	Вайхырское мест.	осн.	0,001	0,2	–	0,03	0	0,01	0,002	0	0,1
7	Руда	Парагачайское мест.	~50%	–	–	0	0,2	0,01	0,01	0,06	~50%	
8	Руда	Гейдагское мест.	осн.	0,01	0,2	0	0	0	0,03	0,01	0	0,15
9	Руда	Агюрдское мест.	~50%	0,01	0,17	0,3	0	0,05	0,03	0,003	0	~50%
10	Руда	Гавуш	>10%	0,01	0,02	0,1	0	0,03	0,01	0,01	0,2	осн.
11	Аури-пигмент	Дарыдаг, 1956	–	0	<0,001	–	осн.	0,03	0	0	0	–
12	Реальгар	Дарыдаг, 1956	0	0	>0,001	<0,05	~70%	<0,7	0	0	0	–
13	Анти-монит	Дарыдаг, 1956	мало	0	0,003	0,03	0,2	осн.	0,02	0	0	0,05
14	Малахит	Мисдагское мест.	осн.	0	0	0,05	0	0	0,05	0	0	0,01
15	Малахит	Мест. Шекер-дере	осн.	0	0	0,002	0	0	0,03	0	0	0,01

Передано на анализ И.Р. Селимхановым, В.Б. Бахшалиевым и А.Г. Сеидовым

Библиографический список

- Геология Азербайджана. – Т. VI. Полезные ископаемые. – Баку, 2003.
 Геология СССР, т. XLVII, Азербайджанская ССР. Полезные ископаемые / ред. Ш.А. Мехтиев, Т.Г. Гаджиев. – М., 1976.
 Seyidov A.G., Hasanova A.M. The Ancient metal of Nakhchivan. – Baku, 2005.

А.В. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛУЧНИКОВ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

САЯНО-АЛТАЙСКОГО НАГОРЬЯ

За время работы археологической экспедиции в республике Тыва были обнаружены, зафиксированы и опубликованы многочисленные памятники наскального искусства. Они представляют собой скопления выбитых на скалах петроглифов, значительно реже – крашенных изображений. Их датировка варьируется от энеолита до нашего времени. В подавляющем большинстве это изображения различных животных, но нередки и антропоморфные персонажи. Это сравнительно не крупные выгравированные на скалах фигуры, как правило, занимающие ключевую роль в композиции. Они в значительной степени различаются по стилю и технике исполнения. Большую часть антропоморфных фигур можно датировать эпохой бронзы и скифским временем. Среди них встречаются отдельные относительно крупные фигуры с раскинутыми в стороны руками и подчеркнутыми мужскими половыми признаками, их исследователи связывают с образом Бога-громовержца. Другие, подпрямоугольные, или так называемые «решетчатые» фигуры с нечетко проработанными конечностями и декорированным туловищем интерпретируются как женские персонажи, связанные с культом плодородия.

Более широко представлены не крупные выгравированные антропоморфные фигуры, изображаемые, как правило, в профиль, присутствующие в составе неких композиций, батальных сцен и сцен охоты. Среди более ранних изображений, относящихся к эпохе бронзы, можно выделить характерных «человечков» с головами круглой или грибовидной формы, в руках у них показаны копья и луки, реже (в основном на территории Монголии) встречаются изображения воинов с топорами и булавами. Изображения воинов с круглыми и грибовидными головами (вероятно, эта специфическая форма передает головной убор или прическу, по мнению некоторых исследователей – шлем) распространены очень широко – на территориях Казахстана, Монголии, Саяно-Алтая и Северного Китая (то есть на протяжении всего пояса степей Евразии) они присутствуют на многих писаницах, зачастую – в значительных скоплениях, где представлены как сцены поединков между лучниками или копейщиками, так и батальные сцены с участием множества персонажей, встречаются и сцены, где «круглоголовые» человечки с одной стороны сражаются с «грибовидными» – с другой. Нередки и сцены охоты, где ключевую роль играют лучники. На территории Тувы подобные изображения были зафиксированы на писаницах Бижиктиг-Хая, Мугур-Саргол, Ортаа-саргол, Чыргаки и др.

Изображения лучников этого времени особенно интересны – лук у большинства «грибовидных» и «круглоголовых» персонажей показан овалом или полукругом, что соответствует форме простого, однодеревянного лука, широко бытовавшего со времени неолита. Наконечники стрел или вообще не проработаны и стрела представляет собой линию, соединяющую фигуры стрелков или охотника и добычу, или гипертрофированно увеличены, что интерпретируется как изображение металлического, боевого наконечника [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 41–42]. В районе поясов иногда изображается подвешенное оружие – кинжалы или топоры. В случае с грибовидными человечками практически всегда сзади на поясе изображали некий предмет округлой формы, но крайне редко можно увидеть что-либо похожее на колчан. Однако проанализировав большой массив, в том числе и недавно открытых изображений, можно прийти к выводу, что уже в бронзовом веке в наскальном искусстве региона появляются фигуры воинов с луками В-образной формы, которые можно интерпретировать как изображения сложных луков [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 28–49]. Это ставит под вопрос датировку распространения подобного оружия, обычно связываемую со скифским временем.

Собственно к скифскому времени можно отнести целый ряд изображений пеших и конных воинов, характеризующихся особым стилем и высокой детализацией. На головах

показаны бунчуки либо характерные островерхие головные уборы, на поясах воинов – кинжалы и чеканы, зачастую – гориты, в руках – короткие круто изогнутые луки. Изображения всадников, где специфический комплект вооружения дополняется выполненной в скифском зверином стиле фигурой коня, особенно показательны. Всадники, как правило, изображаются в сценах преследования копытных животных. Фигуры пеших лучников также соседствуют с изображениями разнообразных копытных, и либо «стреляют» в них, либо противопоставляются друг другу, иногда – фигурам хищников.

Несмотря на сравнительно небольшой размер антропоморфных изображений эпохи бронзы и скифского времени, их вариативность и детализация позволяют подробно изучить представленные в данных композициях предметы вооружения, интерпретировать их и связывать с имеющимся археологическим материалом, как с целью уточнения истории появления и развития оружия ранних кочевников, так и с целью более точной датировки наскальных изображений и собственно предметов вооружения. Этому способствует недавнее открытие на сопредельных территориях Монголии и Тувы новых памятников наскального искусства – писаниц Кара-Туруг и Бичикту-Хая, где богато представлены изображения различных антропоморфных персонажей.

Местонахождение петроглифов Кара-Туруг-1 (Овюрский кожуун Республики Тыва). Сцена охоты

Библиографический список

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии II тысячелетия – III в. до н.э. – СПб., 2011.

Вл.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ОЗЕН-АЛА-БЕЛИГСКИЙ ЭТАП УЮКСКО-САГЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВЕ

Озен-ала-белигский этап выделен С.И. Вайнштейном как заключительная стадия скифской культуры в Туве, которую он назвал казылганской. Из 18 курганов на могильнике Озен-ала-белиг было раскопано 4, в которых было захоронено 17 человек в скорченном положении, обращенных головой на запад и СЗ. Вещевой комплекс включал 110 предметов – из них 14 керамических сосудов, бронзовые и железные ножи, зеркала, наконечники стрел, предметы поясного гарнитура, украшения и предметы туалета. С.И. Вайнштейн датировал этот этап IV–III вв. до н.э., исходя из господствующих на тот период взглядов о коллапсе скифской культуры в результате активизации сюнну [Вайнштейн, 1966, с. 173].

А.Д. Грач включил в число озен-ала-белигских памятников могильники Саглы-Бажи-IV (курганы 1 и 2), Дужэрлиг-Ховузу-1 (курган 1), Даган-Тэли-1 (курганы 1, 2, 3); Казылган (курган В-3). Он отметил, что на этом этапе часты случаи, когда число погребенных увеличивается до 14–16 человек, встречаются двухслойные коллективные погребения. Также А.Д. Грач считал, что лишь на озен-ала-белигском этапе появляются железные изделия – кинжалы, чеканы и др. [Грач, 1980, с. 32–33]. Теперь мы знаем, что это не так.

К озен-ала-белигскому этапу нами отнесены курганы могильника Кокэль-26/16, а также курган №128 на могильнике Туран-IV (раскопки С.А. Теплоухова), 3 сруба с могильника Хову-Аксы (раскопки Л.Р. Кызласова). Всего 17 срубов из семи могильников. Однако основными памятниками в настоящее время являются могильники Суглуг-Хем-1 (17 срубов), Суглуг-Хем-2 (13 срубов) и Хайыракан (4 сруба), исследованные нами в 1980–1990-х гг. [Семенов, 2003]. К этому же типу памятников относится и могильник Улангом в Монголии (раскопки В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой).

На раскопанных нами могильниках наряду со срубами были найдены сопроводительные захоронения в каменных ящиках. А.М. Мандельштам зафиксировал их и на могильном поле Аймырлыг, где было исследовано большое количество памятников конца скифской эпохи, которые, к сожалению, не опубликованы. Он же сдвинул хронологический рубеж существования скифских культур в Туве с общепринятого III в. на II и даже I в. до н.э., то есть носители уюкско-саглынской культуры не исчезли с началом гегемонии сюнну в Центральной Азии, а существовали параллельно с ней [Мандельштам, 1992, с. 178–196].

Эта датировка подтверждается определенным набором хронологических индикаторов, выявленных для озен-ала-белигских памятников, то есть вещей, связанных своим происхождением с сюнну, или их копий, а также характерные предметы, не известные у сюнну, но встречающиеся вместе в одних и тех же комплексах [Семенов, 2003, с. 76–80]. Это ажурные пятикольчатые бляшки, костяные ложечковидные застёжки, миниатюрные модели бронзовых котелков-подвесок; втульчатые трехлопастные наконечники стрел; трехлопастные железные наконечники стрел; прямоугольные массивные железные поясные пряжки или обоймы, ажурные бронзовые колокольчики, костяные наконечники стрел с расщепленным насадом. Хронологические индикаторы позволяют установить верхнюю дату озен-ала-белигского этапа – I в. до н.э.

В то же время, проанализировав погребения позднего этапа уюкско-саглынской культуры, мы соотнесли их с усунями, которые из Тувы и Северо-Западной Монголии в I в. до н.э. переселились в Семиречье [Семенов, 2010, с. 99–110]. Для них характерен определенный вещевой комплекс: железные булавки с шаровидным навершием, иногда плакированные золотом, подвески типа «костылька», расписная и рифленая керамика, медалевидные зеркала с разного типа боковыми ручками, иногда зооморфных очертаний, а также характерные для усуней серьги из золотой и медной проволоки и деревянные столики на четырех ножках. Сюда же входят керамические пряслица, бронзовые прямоугольные пряжки, оселки, впрочем, обычные и для сакских погребений,

и наконечники стрел с четырехгранной боевой частью и зажимным насадом, известные по материалам могильника Копчагай-III (курган 20) в Казахстане, которые, вероятно, распространяются в ходе экспансии сюнну. Они встречаются как в могильниках сюнну в Забайкалье, так и в погребениях позднескифского времени в Туве [Семенов Вл.А., 1999, с. 177–121].

Самый распространенный тип на озен-ала-белигском этапе – это коллективные захоронения в срубках, но менее глубокие (около 2 м), под головами погребенных лежат каменные плитки – «подушки», по углам – остатки туш животных, пол и перекрытие срубов уложены перпендикулярно, а также в могилах обязательно устанавливается керамика. Поражает разнообразие керамических сосудов, имеющих вазообразную и баночную формы, богато украшенных наlepным и расписным орнаментом. Детские захоронения помещались вместе со взрослыми в коллективных погребениях в срубках и ящиках, но были нередкими и исключения. Создается впечатление о культурной дивергенции в силу разнообразия канонов погребального обряда. Здесь прослеживаются и уюкские и саглыньские конструкции срубов, захоронения в каменных ящиках и склепах, детские захоронения в срубках и на перекрытиях, отсутствие надмогильных сооружений и в редких случаях – каменная обкладка вокруг срубной западины. В то же время на могильнике Хайыракан сохраняются курганы наряду с бескурганскими захоронениями.

Масштабные исследования последнего десятилетия в Туве – раскопки по трассе предполагаемой железной дороги Кызыл-Курагино позволили выявить много новых черт в погребальном обрядности «скифов» IV–I вв. до н.э. Примечательно, что раскопки некрополей Суглуг-Хема практически соседствуют с долиной р. Ээрбек, по которой планировался железнодорожный путь (могильники Саускен-1, 2 и 3). Несмотря на общие черты, здесь наблюдается и частное, например, выявлены реальные, а не ритуальные дромосы, ведущие с поверхности земли в сруб, большое количество импортных бронз, находящихся аналогии в Ордосе и на Верхней Оби, и многое другое. Курганы с дромосами также были исследованы в 2015 г. на могильнике Красная Горка-2 на левом берегу Улуг-Хема, а также они известны на могильнике Догээ-Баары (раскопки В.А. Киселя) [2010]. Сюга, ЮВ или ЮЗ в могилу ведет узкий вход, обложенный вертикально поставленными камнями и перекрытый плитами. В одном случае в конце дромоса на уровне перекрытия сруба был уложен олений камень (могильник Красная Горка-2, курган 4). По инвентарю и устройству самого захоронения в срубке они также относятся к озен-ала-белигскому этапу, который датируется III–I вв. до н.э.

Мозаичность скифских культур в Туве закономерна в силу географического детерминизма, продиктована разнообразием природных ландшафтов и самодостаточностью социумов, разделенных естественными природными границами.

Библиографический список

Вайнштейн С.И. Памятники казылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Т. II. – М. ; Л., 1966.

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. – М., 1980.

Кисель В.А. Закат скифской эпохи в Туве: единство и противоборство культур // Новые исследования Тувы: Электронный информационный журнал. – №1. – 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.

Семенов Вл.А. Синхронизация памятников сюнну Забайкалья и поздних скифов Тувы и Северо-Западной Монголии // Изучение культурного наследия Востока. – СПб., 1999.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб., 2003.

Семенов Вл.А. Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – №3 (43).

Е.А. Сергушева
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*
КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КАРПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ VI–X вв. В ПРИМОРЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Реконструкция земледелия на юге российского Дальнего Востока в средние века представляет серьезные трудности из-за недостатка источников. Находки артефактов, связанных с этой отраслью хозяйства, малочисленны, а для ранних периодов средневековья практически отсутствуют. Для решения этой задачи применялся археоботанический подход, что позволило получить прямые данные (карбонизированные семена (карпоиды) растений) для реконструкции земледелия.

В VI–X вв. на территории Приморья (юг Дальнего Востока России) существовала мохэская АК, часть носителей которой были включены в состав государства Бохай (698–926 гг.) – первое государство на этой территории.

Мохэская АК имеет значительную протяженность в пространстве (центральные и юго-восточные районы северо-восточного Китая, Приморье и Приамурье) и во времени (VI–XI вв.). В региональной археологии эта АК соотносится с мохэскими тунгусо-маньчжурскими племенами. В Приморье среди памятников с мохэскими материалами выделяются добохайские (т.е. до вхождения этого региона в границы государства Бохай) (VI–VII вв.), бохайские (VIII–IX вв.) и постбохайские (X–XI вв.) [Пискарева, 2005, с. 419]. Считается, что основу их экономики составляло земледелие и животноводство. Применительно к земледелию данное предположение строится на сведениях из китайских летописей и материалах других археологических культур региона, в том числе предшествующего времени [Деревянко, 1981, с. 34–44].

Археоботанические материалы с ранних мохэских памятников Приморья (Борисовка-3, Барабаш-5) представлены двумя видами проса (обыкновенное, итальянское) и голозерным ячменем (см. табл.). Несмотря на значительный объем профлотированного на этих памятниках грунта, найдены единичные семена, что не дает оснований говорить о ведущей роли земледелия у данного населения [Сергушева, 2016а].

Городище Синельниково-1 и мохэское жилище на могильнике Чернятино-5 по времени соотносятся с начальным периодом включения юго-западных районов Приморья в состав государства Бохай. Археоботанические исследования на этих памятниках демонстрируют рост числа культурных растений и расширение их списочного состава: помимо двух видов проса и ячменя на памятниках идентифицированы семена культурной сои (см. табл.). При этом семена обоих видов проса количественно преобладают, а семена сои зерновки голозерного ячменя зафиксированы в значительно меньшем числе [Сергушева, 2016а].

На памятниках последующего – бохайского времени зафиксировано большее количество остатков культурных растений. На бохайских памятниках появляются, хотя и не многочисленные, но убедительные находки орудий труда, имевших отношение к земледелию. Но число карбонизированных семян культурных растений, полученных при флотации культурных отложений этого времени, становится намного больше. Археоботанические исследования проведены на ряде памятников Приморья этого времени (селище Абрикосовское, поселение Чернятино-2, городища Краскинское и Горбатка). Полученные результаты демонстрируют не только рост количества культурных растений, но и увеличение их списочного состава (см. табл.). Общее число культурных видов на бохайских памятниках Приморья возрастает, по меньшей мере, до 13. Среди них идентифицированы семена просяных, зерновых, зернобобовых, крупяных, масличных, технических культур и, вероятно, овощных. Главными земледельческими культурами у населения бохайских областей Приморья становятся просо японское и просо итальянское.

В сравнении с предшествующим периодом сокращается количество проса обыкновенного, практически сходит на нет. Число семян этого проса не превышает 3–4% от общего числа остатков культурных растений для любой из изученных коллекций бохайских памятников [Sergusheva, 2014], в то время как, например, на городище Синельниково-1 его доля составляла почти 25% [Сергушева, 2016б]. Таким образом, после включения части территории современного Приморья в границы Бохая происходит полная трансформация местного земледелия. Оно переориентируется на выращивание двух видов проса, одно из которых (японское) является совершенно новым для данной территории, одновременно увеличивается общее число сельскохозяйственных культур и сокращается производство проса обыкновенного. Пока открытым остается вопрос о причинах и конкретных механизмах этой трансформации. Мы не знаем, произошло это в результате культурного обмена и принятия местным (мохэским) населением технологий, принесенных более экономически развитыми «пришельцами» или же явилось итогом переселения на вновь присоединенные территории пришлого населения (также мохэского) с сохранением привычного для него хозяйственного уклада. Имеющиеся археологические данные пока не дают однозначного ответа.

Находки семян культурных растений на средневековых памятниках Приморья VI–X вв.
(по: Сергушева, 2016а, б; Sergusheva, 2014)

	Просо итальянское	Просо обыкновенное	Просо японское	Ячмень голозерный	Ячмень пленчатый	Пшеница мягкая	Соя	Фасоль угловатая	Горох	Чечевица пищевая	Гречиха	Крестоцветное (<i>Brassica sp.</i>)	Перилла	Конопля	Канатник	Итого видов
Барабаш-5	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Борисовка-3	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Чернятино-5	++	++	–	++	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Синельниково-1	+++	+++	?	++	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	5
Краскинское городище	++	+	++	++	+	++	+	+	–	–	–	+	–	+	–	10
Горбатка городище	+++	+	+++	+	+	+++	+	+	+	?	+	–	+	–	+	13
Чернятино-2	++	+	++	++	–	+	+	+	–	–	–	–	+	–	–	8
Абрикосовское	++	+	++	+	–	+	+	+	–	–	–	–	+	–	–	8

Примечание: + – единичные находки семян; ++ – значительные по количеству находки, +++ – многочисленные находки; ? – видовое определение неокончательное

Библиографический список

- Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры (Очерки этнической истории и культуры). – Новосибирск, 1981.
- Пискарева Я.Е. Локальные группы мохэских памятников в Приморье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток, 2005.
- Сергушева Е.А. Культурные растения носителей мохэской археологической культуры (раннее средневековье, юг Дальнего Востока России) // Экология древних и традиционных обществ : сборник докладов конференции. – Вып. 5. – Т. 2. – Тюмень, 2016а.
- Сергушева Е.А. Предварительные результаты изучения коллекции семян растений с раннесредневекового городища Синельниково-1 (Юго-Западное Приморье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII международной научной конференции. – Красноярск, 2016б. – Т. 2.
- Sergusheva E.A. Cultivated plants of the Bohai population of Primorye according to archaeobotanical data // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2014. – Vol. 42. – Is. 2. DOI 10.1016/j.aead.2015.01.010

Н.В. Сердюк¹, В.А. Ульянов²

¹Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка,

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В ГОЛОЦЕНЕ ПО ДАННЫМ МИКРОТЕРИОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК В ПЕЩЕРНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ

История становления современных сообществ человека, пути его миграций и адаптации к разнообразным природным условиям среды неизменно привлекают внимание исследователей. Реконструкция палеосреды не теряет актуальности и в настоящее время. Среди инструментов палеорекострукции можно перечислить палинологические, палеогеографические, палеотериологические методы. Комплексный подход к изучению археологических памятников на Алтае практикуется давно и успешно. С середины прошлого века положительно зарекомендовало себя применение результатов изучения ископаемых мелких млекопитающих, которое позволяет воссоздать окружающую среду. Формирование современных ландшафтов, флоры и фауны происходило на протяжении последних тысяч лет, важной и интересной эпохи голоцена, непосредственно затрагивая и древнего человека.

Голоценовые отложения в пещерных археологических памятниках Алтайского края слабо изучены. На территории среднегорья Северо-Западного Алтая располагаются уникальные палеолитические памятники: пещеры Страшная и Чагырская, а также пещера Логово гиены, где накопление материала шло без участия человека.

Страшная пещера располагается в Краснощековском районе Алтайского края, на территории Тигирекского заповедника. Верхняя пачка отложений, относящихся к голоцену, состоит из двух слоев. *Слой 1.* Суглинок легкий, пылеватый, серых оттенков, местами темно-серый, обильно насыщенный тонким растительным детритом, аструктурный (структура разрушена при биогенно-антропогенном воздействии). Нижняя граница неровная, инволюционно-затечная, местами клиновидная. Мощность слоя составляет от 2 до 6 см в соответствии с неровностями нижней границы. *Слой 2.* Верхняя часть – суглинок легкий, буровато-коричневый, слабопластичный, с мелкозернисто-пылевой структурой, слабо одресвяненный. Текстура тонкослоеватая. Встречаются редкие включения щебня до 5 см в поперечнике, преимущественно изометричной формы. Нижняя часть – суглинки средние палевых, палево-серых и темно-серых оттенков, плотные, пластичные. Структура пелитоморфная, текстура горизонтально-слоистая, подчеркивается хорошо выдержанными по мощности и простирацию различающимися по цветовому оттенку прослоями заполнителя мощностью 2–3 см и редкими включениями субгоризонтально ориентированных щебнистых обломков. Щебень преимущественно уплощенный. Отмечаются слабовыраженные прослои дресвянистой отморстки, не формирующие единого горизонта. Мощность слоя 2 достигает 20–25 см.

Датирование слоев 1 и 2 физическими методами не проводилось. Заключение о голоценовом возрасте сделано на основании археологических находок голоценового периода и характере фауны ископаемых млекопитающих, обнаруженных *in situ*. За время работ 2013–2016 гг. было определено около 3 тыс. костных элементов мелких млекопитающих. Они имеют хорошую сохранность, представлены практически целыми черепами, нижними челюстями, длинными костями конечностей. Цвет материала от белого до кремового, на части костей заметны коррозионные следы воздействия желудочного сока, что дает основание предполагать погасковый характер накопления материала. Большая часть (более 90%) остатков принадлежит грызунам, доля насекомоядных и летучих мышей незначительна. Состав фауны мелких млекопитающих Страшной пещеры из верхних слоев близок к составу современной фауны. Но некоторые отличия имеются. В голоцене фиксируется слепушонка *Ellobius* sp., отсутствующая в современной фауне. У слепушонки нет настоящей зимней спячки [Громов и др., 1963], следовательно, климат отличался от современного, вероятно, промерзание почв в зимнее время было незначительным.

По сравнению с плейстоценовыми слоями в слоях 1 и 2 значительно уменьшается доля степной пеструшки – *Lagurus lagurus* Pallas, 1773, скальной *Alticola strelzovi* Kastschenko,

1899 и узкочерепной полевок *Stenocranius gregalis*, Pallas, 1779, желтая пеструшка – *Eolagurus luteus* Eversmann, 1840 и тушканчик *Allactaga* sp. в голоцене Страшной пещеры отсутствуют.

Пещера Логово гиены располагается в 2,5 км севернее от Страшной пещеры и имеет северо-западную экспозицию. Первые данные об этом памятнике появились в конце XX в. Разведочные шурфы [Галкина, Оводов, 1975; Васильев и др., 2006] дали богатый остеологический материал, каменные орудия и отщепы обнаружены не были. Предположительно, остеологический материал накапливался в пещере благодаря хищным животным и птицам. В 2008 г. в непотревоженных отложениях центральной камеры были проведены раскопочные работы. По пещере Логово гиены имеется единственная дата 32700 ± 2800 лет (СОАН-110) [Галкина, Оводов, 1975]. Датирование по кости из «инситу» отложений не проводилось. Отложения представлены 6 слоями, слои 1 и 2 по характеру остеологического материала отнесены к голоцену. *Слой 1.* Суглинок легкий темно-серый с разнотекстурной непрочной структурой, рыхлый, насыщенный хаотически ориентированным мелким щебнем. Является зоной механического разрушения пещерных отложений в результате современной биогенно-антропогенной деятельности. Мощность слоя 1 составляет от 3 до 5 см. *Слой 2.* Щебнисто-дресвянистая толща с легкосуглинистым заполнителем базального, в прикровельной части порового типа. Щебнистый материал преимущественно крупный и средний, уплощенный, с острыми ребрами и слабооглаженными вершинами, ориентирован согласно простиранию слоя. Заполнитель – суглинок легкий светло-серый, слабосцементированный карбонатным цементом, с прочной разнотекстурной структурой. Нижняя граница слоя четкая, ровная, местами денудационного типа, с явным угловым несогласием срезающая кровлю слоя 3, маркируется дресвяно-песчаным прослоем. Мощность слоя 2 составляет 15 см.

Обработано около 3 тыс. костных остатков из голоценовых слоев, принадлежащих мелким млекопитающим. Состав ископаемой фауны пещеры Логово гиены типичен для фаун Алтая позднплейстоценового-голоценового возраста. Голоценовая фауна Логово гиены идентична фауне Страшной пещеры: незначительна доля степной пеструшки, узкочерепной и скальной полевки, присутствует слепушонка. Обращают на себя внимание единичные (по сравнению со Страшной пещерой) находки остатков летучих мышей.

Анализ ископаемой голоценовой фауны двух памятников показал, отличие ее от плейстоценовой и современной. По данным мелких млекопитающих в районе двух пещер во времена осадконакопления голоценовых слоев преобладали степи и луга, распространение лесов было менее заметным, чем в настоящее время. По мнению В.С. Зажигина, голоценовая фауна мелких млекопитающих Чагырской пещеры, расположенной примерно в 40 км северо-восточнее от пещер Страшной и Логово гиены, также свидетельствует о постоянном присутствии степной зоны на водораздельных склонах и слабом участии древесно-кустарниковой растительности в пойме р. Чарыша [Деревянко и др., 2013]. Таким образом, в голоцене на территории Северо-Западного Алтая доминировали открытые пространства. Климат голоцена отличался от современного и, возможно, был более мягким.

Библиографический список

Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогенная териофауна пещер Западного Алтая // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. – Новосибирск, 1975.

Громов И.М., Гуреев А.А., Новиков Г.А., Соколов И.И., Стрелков П.П., Чапский К.К. Млекопитающие фауны СССР. – М.; Л., 1963. – Ч. 1.

Васильев С.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые палеотериологические исследования пещеры Логово Гиены (Северо-западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2006. – Т. XII. – Ч. I.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1. – Т. 53.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ

Работа выполнена в рамках реализации гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В настоящее время исследование памятников Монголии 2-й половины I тыс. н.э. выходит на новый уровень. В связи с этим важной задачей становится осмысление итогов работ прошлых лет, в том числе детальный анализ отдельных элементов культуры номадов. Значительные перспективы связаны с обобщением сведений о погребальных комплексах тюрок – кочевников, в значительной степени определивших направления развития обществ скотоводов региона в период раннего средневековья. При этом результаты раскопок некрополей являются наиболее информативными для реконструкции целого ряда сторон истории номадов. В тезисах кратко представлен опыт обобщения сведений о погребальном обряде тюрок Монголии – топографии и планиграфии некрополей, околокурганных сооружений, наземных и внутримогильных конструкций, а также ритуале захоронения. Источниковую базу составляют результаты раскопок более 30 объектов, изученных в разных частях страны и с различной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам тюрок раннего средневековья. Очевидно, что данная цифра продолжает оставаться незначительной по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях. В связи с этим наиболее продуктивным подходом при интерпретации зафиксированных характеристик некрополей Монголии является привлечение сведений о гораздо более многочисленных тюркских могильниках Алтае-Саянского региона.

Картография некрополей тюрок показывает, что большая часть объектов раннего средневековья раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна небольшая серия памятников в западной части страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также одно захоронение на северо-востоке (Хэнтэйский аймак). При этом очевидно, что такая локализация тюркских погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

Анализ результатов раскопок памятников тюрок Монголии позволил выделить два основных варианта планиграфии погребений. В большинстве случаев захоронения расположены на площади некрополей более раннего времени или в непосредственной близости от них. Чаще всего курганы 2-й половины I тыс. н.э. находились рядом с объектами хуннского периода либо с херексурами, относящимися к эпохе поздней бронзы и «раннескифскому» времени. Второй вариант планиграфии погребальных комплексов тюрок Монголии – расположение курганов одиночно или попарно в отдалении от памятников предшествующих периодов. Кроме того, вне связи с какими-либо объектами находились известные скальные погребения Монголии раннего средневековья.

Редкой характеристикой погребального обряда тюрок Монголии были «околокурганные» сооружения. На могильнике Хар-Ямаатын-гол к востоку от кургана №8 зафиксирована цепочка каменных колец, и еще одно небольшое кольцо было устроено вплотную к насыпи. Аналогии таким объектам встречены на ряде раннесредневековых некрополей Алтая и Тувы. Другим вариантом «околокурганный» объекта является каменная «пристройка», зафиксированная в ходе исследования погребального комплекса Увгунт. Подобные конструкции округлой или подквадратной формы, располагавшиеся вплотную к насыпи кургана, также получили распространение на сопредельных территориях.

Наземные сооружения тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. представлены в абсолютном большинстве случаев курганными насыпями. Конструкции возводились из камня и имели чаще всего округлую форму. Только в одном случае насыпь напоминала подквадратное сооружение. Курганы имели довольно небольшие размеры. Диаметр исследованных объектов составлял в среднем 6–8 м, варьируя от 3 до 11 м. Высота насыпей не превышала 0,45 м. В значительном количестве случаев в ходе раскопок курганов зафиксированы фрагменты керамики, а также кости домашних животных. По своей структуре курганные насыпи тюрок Монголии представляли в большинстве случаев простые сооружения. Дополнительные конструкции в виде крепиды или ограды, получившие значительное распространение на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона (до 38%), зафиксированы крайне редко. Традиции обрядовой практики тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. предполагали сооружение в основном простой могильной ямы с отвесными или несколько сужающимися стенками. Одним из вариантов оформления могильной ямы было оставление приступки (ступеньки вдоль одной из ее стенок). Более редко зафиксирована перегородка из каменных плит, отделявшая человека от лошади. Только на одном некрополе встречены остатки деревянных срубов. Кроме того, в двух случаях отмечено захоронение человека или лошади в подбое. Помимо курганных объектов, представляющих собой наиболее распространенный тип памятников тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э., зафиксированы также впускные и скальные погребения.

Наиболее распространенным вариантом погребального ритуала у тюрок Монголии было захоронение по обряду ингумации в сопровождении коня. В большей части могил находилось одно животное, однако довольно часто рядом с покойным помещены две лошади. Почти во всех случаях умерший человек был уложен в вытянутом положении на спине, а конь – на животе с подогнутыми ногами. Более варибельным показателем погребального ритуала тюрок Монголии является ориентировка умерших людей по сторонам света. В известных захоронениях с лошадью количественно преобладает традиция направления погребенных головой в восточный сектор горизонта. Вместе с тем выделяется группа объектов, при изучении которых отмечена меридиональная преимущественно северная ориентировка покойных. Для большинства известных комплексов характерна противоположная ориентировка человека и животного; значительно реже зафиксировано направление человека и лошади в одну сторону. Особую группу памятников ранне-средневековых тюрок Монголии составляют «одиночные» погребения, характеризующиеся отсутствием сопроводительного захоронения коня. Большую часть таких комплексов составляют скальные объекты.

Таким образом, анализ материалов раскопок раннесредневековых погребальных комплексов Монголии позволил продемонстрировать высокую степень сходства зафиксированных традиций с показателями, характерными для обрядовой практики тюрок 2-й половины I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Учитывая, в целом, аналогичный характер сопроводительного инвентаря, не анализируемого в настоящей публикации, имеются все основания рассматривать комплексы тюрок Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности кочевников раннего средневековья и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, может объясняться лишь отсутствием опыта проведения целенаправленных и массовых раскопок погребений рассматриваемой общности, а также сравнительно низкой степенью изученности обозначенной территории в целом. Осуществление систематических археологических исследований в различных районах Монголии, своевременная публикация полученных материалов, а также введение в научный оборот результатов работ прошлых лет позволит наполнить фактическим материалом исторические построения, основанные преимущественно на сведениях письменных источников.

Ю.Б. Сериков

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)*

**БИКОНИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ПЕЩЕРНОГО СВЯТИЛИЩА
НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ (р. Чусовая, Средний Урал)**

Камень Дыроватый возвышается на левом берегу р. Чусовой в 17 км к западу от с. Усть-Утка (Пригородный р-н Свердловской обл.). Святилище находится на северо-восточной оконечности отвесной скалы, имеющей высоту 60 м. От подножья скалы пещера располагается на высоте 20 м, от уровня воды – на высоте 33 м.

Первые раскопки в пещере провел ленинградский археолог Н.А. Прокошев в 1932, 1933 и 1937 гг. [Прокошев, 1935]. Им была вскрыта практически вся площадь входного грота пещеры – около 160 кв. м. Коллекция находок в количестве 6755 экз. хранится в Государственном Эрмитаже. В 1981 г. исследование святилища начинает автор. Оно продолжилось на протяжении 10 лет до 2000 г. (с перерывами). Промывка отвалов из раскопок Н.А. Прокошева дала 14 тыс. находок. Раскопки у подножья скалы под пещерой добавили еще 4200 экз. В результате работ автора была получена коллекция находок из 18762 предметов.

Суммарная коллекция находок составляет 25531 экз. Наконечников стрел из них – 21781 экз. По материалу наконечники стрел распределяются следующим образом: железных наконечников – 540 экз., бронзовых (медных) – 1493 экз., каменных – 9342 экз., костяных – 10406 экз. Кроме наконечников в коллекции присутствуют 81 геометрический микролит, 3589 микропластинок-вкладышей, 20 галек и 60 находок, которые можно отнести к изделиям неутилитарного характера [Сериков, 2009, с. 68–73].

Биконических наконечников стрел в коллекции 780 экз. (457 экз. из раскопок автора и 323 – из раскопок Н.А. Прокошева, которые хранятся в Государственном Эрмитаже).

Преобладают среди них изделия эпохи мезолита и неолита. К мезолиту относится 328 наконечников так называемого «шигирского типа» с биконической головкой и длинным стержнем. Представлены они разными вариантами. Обычно длина целых биконических наконечников колеблется от 12 до 22 см. Но в коллекции камня Дыроватого преобладают обломки. Большая часть наконечников расколота вдоль от прямого удара о скалу.

Около 90% мезолитических наконечников на соединении оснований конусов имеют выпуклый разделительный поясок шириной от 1 до 4 мм. Рельефный поясок являлся необходимым при изготовлении биконической головки наконечника. Обработка конусов производилась продольным строганием. При этом верхний конус обрабатывался строганием от острия к пояску, а нижний – от стержня к пояску. Именно наличие рельефного пояска, в который упирался нож при строгании, давало возможность получить симметричные очертания биконической головки.

Имеется небольшая серия наконечников укороченных пропорций длиной от 4,5 до 8,8 см. Интересен наконечник, который от прямого удара о препятствие раскололся вдоль. После разрушения его заострили как с обработанной, так и с расколотой стороны. Получился укороченный наконечник длиной 7 см. Уже после переделки он был выстрелен в пещеру камня Дыроватого, в результате чего на внешней стороне наконечника образовался еще один контрскол. Возможно, что и другие биконические наконечники укороченных форм получены после переделки длинных, но сломанных изделий. В условиях охотничьего хозяйства востребованность наконечников стрел всегда была велика, так как значительная их часть терялась или ломалась при выстреле.

Менее распространенными были биконические наконечники, у которых нижний конус был шире верхнего. В результате этого между двумя конусами присутствует уступ. Наличие уступа также связано с технологией изготовления биконической головки. Сначала строганием оформлялся нижний, более широкий конус. Затем у планируемого основания врезалась круговая канавка. Обработка верхнего конуса начиналась с состругивания значительной массы кости, так как верхний конус по размерам и по массе должен был быть

меньше нижнего. Стругание производилось от врезанной канавки к предполагаемому острию. И только после того, когда одна сторона канавки была срезана и канавка превращалась в уступ, приступали к заключительной стадии оформления верхнего конуса. Теперь стругание происходило от острия к уступу. Данный способ изготовления биконических головок был более затратным и трудоемким. Возможно, именно поэтому он реже использовался при изготовлении биконических наконечников.

Единично в коллекции имеются наконечники без рельефного пояса и без уступа.

Биконические наконечники эпохи неолита представлены 383 экз. Большая часть наконечников имеет правильную форму тел вращения и циркульный орнамент. То есть они выточены на токарном станке с лучковым приводом [Данилов, Сериков, 1999]. Все они имеют биконическую головку, переходящую в клиновидный насад. Длина наконечников – от 3 до 8 см. Основная их часть представлена двумя типами.

К первому типу отнесены наконечники с биконической головкой и уплощенным на две грани насадом. Обычно в месте соединения конусов находится слабовыраженный уступ. Верхний конус наконечника имеет огранку на 5–8 граней, а нижний – украшен циркульным орнаментом в виде резьбы. Таких наконечников в коллекции камня Дыроватого 246 экз. Граненые острия часто расколоты от прямого удара о скалу.

Верхний конус наконечников второго типа также имеет огранку и короткий уплощенный на две грани насад. Уступ в месте соединения конусов выражен более рельефно. Нижняя часть верхнего конуса, примыкающая к уступу, украшена циркульным орнаментом. Наконечников второго типа в коллекции всего 24 экз.

Четырнадцать наконечников не имеют циркульного орнамента, но на них присутствуют следы точения. Причем они фиксируются не только на нижнем конусе, но переходят и на короткий стержень. Среди них имеются наконечники как с граненым верхним конусом, так и с конусом округлого сечения.

В отдельный тип выделены биконические наконечники с орнаментом – 13 экз. Почти все они представлены расколотыми вдоль изделиями. Их длина колеблется от 3,3 до 5 см. Верхний конус всегда длиннее нижнего. Он имеет округлое сечение. Следов точения на нем не выявлено. От нижнего конуса он отделяется уступом. Нижний конус выточен на станке. Следы точения заходят и на насад наконечника. Насад длиной 1–1,3 см уплощен на две грани. На нижний конус нанесены частые тонкие нарезки, параллельные друг другу и продольной оси наконечника. Длина насечек – 5–7 см.

Присутствуют в коллекции наконечники без следов токарной обработки – 9 экз. И биконическая головка, и насад изготовлены струганием. Но типологически они ничем не отличаются от наконечников, выточенных на токарном станке: такой же граненый верхний конус, сильно укороченный нижний конус и уплощенный на две грани насад. Возможно, струганные наконечники изготовлены не в месте проживания, а в походе.

В отдельный тип отнесены биконические наконечники оригинального вида – 51 экз. Верхний конус изготовлен в виде вытянутой трехгранной пирамиды с заметно скругленными ребрами. От нижнего конуса он отделяется уступом. Нижний конус резко сужается и переходит в тонкий шиловидный насад круглого сечения. Длина насада колеблется от 1,8 до 2,8 см. У одного наконечника из коллекции Эрмитажа на верхнем конусе вырезаны миниатюрные двусторонние зубчики. Наконечники этого типа являются самыми поздними и по условиям залегания под пещерой относятся к энеолиту.

Библиографический список

Данилов Д.Б., Сериков Ю.Б. Реконструкция токарного станка каменного века // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения : тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Семенова. – СПб., 1999.

Прокошев Н.А. Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. – 1935. – Вып. 109.

Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. – Нижний Тагил, 2009.

М.О. Сидорова^{1,2}, Г.Т. Омурова³, О.В. Кардаш², В.С. Мыглан¹

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

³Центрально-Азиатский институт
прикладных исследований Земли, Бишкек, Киргизия

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ

ПОСЕЛЕНИЯ БУХТА НАХОДКА

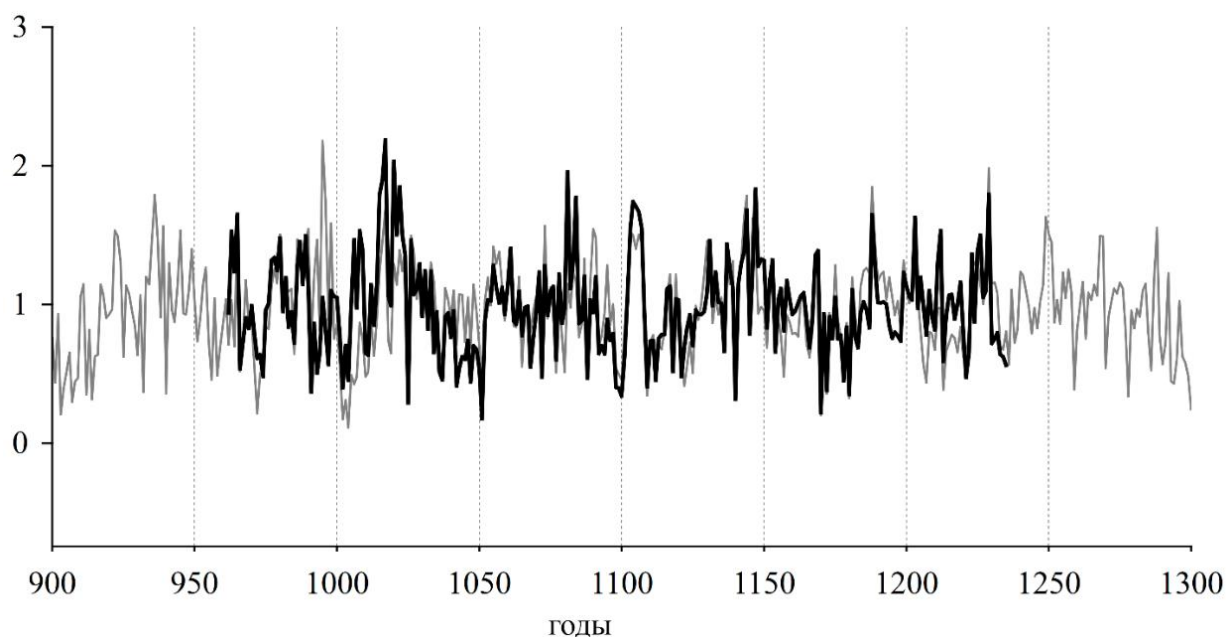
(п-ов Ямал)

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036),

Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-31-01005),

Российского фонда фундаментальных исследований (проект №15-06-06986)

В работе представлены результаты дендрохронологического анализа археологической древесины с уникального поселения городища Бухта Находка (Ямало-ненецкий автономный округ). Результаты проведенной перекрестной датировки образцов археологической древесины с построек №2, 3, 5 и 8 с древесно-кольцевой хронологией Yamal (рис.) [Briffa et al., 2013] позволили установить, что постройка №2 была сооружена не ранее 1219 г., постройка №3 – не ранее 1235 г., постройка №5 – не ранее 1233 г. и постройка №8 – не ранее 1225 г. Исходя из того, что все постройки располагались в одном археологическом слое, т.е. были сооружены примерно в одно время, можно сделать вывод, что памятник был сооружен в конце 2-й четверти XIII в. Анализ полученных данных по планировке памятника городища Бухта Находка и археозоологии, а также ненецкого фольклора позволил провести ряд параллелей между жителями памятника и народами Европейского Севера, а также с известным народом «сихиртя».

Перекрестная датировка обобщенной
древесно-кольцевой хронологии VN (черная линия) и Yamal (серая линия)

Библиографический список

Keith R. Briffa, Thomas M. Melvin, Timothy J. Osborn, Rashit M. Hantemirov, Alexander V. Kirilyanov, Valeriy S. Mazepa, Stepan G. Shiyatov, Jan Esper Reassessing the evidence for tree-growth and inferred temperature change during the Common Era in Yamalia, northwest Siberia // Quaternary Science Reviews, 2013. – Vol. 72.

А.А. Сеницын

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ
В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект 17-06-00319 «Палеолит Костенок: проблема преемственности
и прерывистости археологических культур в контексте новой хронологии
и палеоклиматических-палеогеографических реконструкций»)

В середине прошлого века лидер археологии каменного века того времени Ф. Борд выделял три школы изучения палеолита: французскую – стратиграфическую, англо-американскую – экологическую и советскую/русскую – социологическую. Формирование отечественной школы в 20–30-е гг. прошлого века по времени совпало с распространением марксизма и происходило, несомненно, под его влиянием, но ее основой было открытие и исследование сложноструктурированных жилищ и поселений в Костенках. На основании их сходства с длинными домами американских индейцев и полинезийцев возникло предположение о сходстве их социальной, родоплеменной организации. Во второй половине XX в. вследствие глобализации и увеличения мобильности ученых школы стали интернациональными, но приоритеты остались, за исключением российской, где вместе с отказом от марксизма были утрачены и принципы социологической школы. Обусловлено это было не столько изменениями в идеологии, сколько реакцией на сложившееся состояние социологических реконструкций, когда они становились не более чем иллюстрацией концепции социогенеза Моргана-Энгельса. К концу XX в. проблема социологических реконструкций практически вышла из сферы интересов профессиональной археологии палеолита в России и имела место преимущественно в среде этнологов. Сейчас она существует в рамках американской и британской культурной/социальной антропологии, часто с повторением деклараций и ошибок советской науки 30–50-х гг.

Утрата направлений исследования всегда является негативным явлением, поскольку редуцирует «исторически сложившийся» круг проблем. Утрата приоритетных направлений, зародившихся в рамках национальной школы – тем более, что общепринятых приоритетов российской/советской археологии немного, всего два: экспериментально-трассологическое С.А. Семенова и социологическое, основы которого были заложены работами П.П. Ефименко, С.Н. Замятнина и А.Н. Рогачева в традициях Петербургского центра изучения палеолита. Реконструктивные возможности большого объема новой информации дают основания для переоценки заключений о структуре поселений, исследованных ранее как в Костенках (Костенки-4, Костенки-8, Костенки-1), так и на более широких территориях Восточной Европы.

Наиболее важными в этой связи представляются разработки структурно-функциональной школы американской этнологии, в первую очередь одного из ее лидеров середины прошлого века Т. Парсонса, расширивших область социального на всю сферу «межсубъектного взаимодействия», то есть на всю сферу человеческой активности. Согласно этим принципам любой объект причастный человеческой жизнедеятельности может и должен быть характеризован как с точки зрения культурного (предметного) содержания, так и со стороны его социального значения. Для археологии, оперирующей в основном материальными остатками, принципиальное значение имеет возможность введения в аппарат анализа ценностных показателей на одном уровне с содержательными. Социологические реконструкции на этой основе охватывают все стороны жизнедеятельности, включая реконструкцию системы производства кремневого и костяного инвентаря, украшений, искусства, реконструкцию принципов домостроительства, конкретных форм освоения территории и производства-распределения животной/растительной пищи.

Г.В. Сеницына
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЯ (БЁЛЛИНГ – ПРЕБОРЕАЛ)
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №17-06-00319, «Палеолит Костенок: проблема преемственности
и прерывистости археологических культур в контексте новой хронологии
и палеоклиматических-палеогеографических реконструкций»)

Рассмотрение вопросов развития культур в переходный период от плейстоцена к голоцену (бёллинг – пребореал) на северо-западе Русской равнины определено спецификой источниковедческой базы. Археологические стоянки финального палеолита характеризуются плохой сохранностью культурных слоев из-за эрозии почв этого периода, а материал представлен, как правило, кремневым инвентарем и чаще всего в смешанном виде.

Гипотеза Х.А. Амирханова [2004] о двух линиях автохтонного развития технологических традиций – граветтских широких пластин (пластины шириной 3–4 см и длиной до 10 см), от материалов Зарайской стоянки через Трегубово, Колтово-7 до иеневской раннемезолитической культуры, и узких пластин от ст. Карачарово, Шатрицы, Заозерье-I до бутовской культуры – не охватывает всего разнообразия верхнепалеолитических индустрий. Только в Костенках на одновременных (в геологическом понимании) стоянках, относимых к граветту на уровне 23–21 тыс. лет, насчитывается как минимум четыре разновидности граветта. Различия прослежены по технико-типологическим характеристикам каменного и костяного инвентаря, украшениям, жилым и бытовым конструкциям [Сеницын, 2013]. Х.А. Амирхановым по сути было показано направление поиска истоков, скорее всего, поэтому в последние годы стал популярным технологический анализ пластинчатых заготовок индустрий, разработанный Е.Ю. Гирей [1997], частично проведенный над материалом верхне- и финальнопалеолитических стоянок [Сеницына, Бессуднов, Гиря, 2015]. Материал слоя 3 многослойной стоянки Вышегора-I, в истоках Днепра, хронологически наиболее близок верхнепалеолитическим комплексам, поскольку залегает ниже слоя с эскурсом гётенбург. Технологический анализ пластинчатой индустрии памятника Вышегора-I показал автохтонное развитие гренской финальнопалеолитической культуры, что подтвердило предположение В.Ф. Копытина [2000], высказанное еще в 2000 г. Развитие гренской культуры прослежено в материалах иеневской мезолитической культуры по данным как технологического, так и сравнительно-типологического анализов. К автохтонным традициям отнесены материалы нижнего слоя стоянки Баранова гора, расположенной на северном берегу озера Волго в Тверской области, где установлено наличие колонки геологических отложений, начиная с конца бёллинга (12800–12300 до н.д. до бореала) [Сеницына и др., 2009]. Несмотря на малочисленность археологического материала из отложений бёллинга, аналогии инвентарю прослеживаются в материалах стоянок граветтской традиции, что свидетельствует о развитии позднепалеолитических культур на Русской равнине. К автохтонным культурам финального палеолита отнесена рессетинская культура, в основе которой, по мнению А.Н. Сорокина [2004, 2006], лежит прототип индустрии Гагарино-Хотылёво-2.

Исследованные стоянки на территории бассейна Верхневолжских озер, хронология материала которых определена данными естественно-научных дисциплин, дополняют представления о формировании и развитии культур на границе плейстоцена-голоцена. На основании пока единичных данных можно предполагать, что техника получения узких пластин мягким отбойником здесь известна с бёллинга, а техника отжима с дриаса III [Сеницына, 1996]. Судя по материалам датированных стоянок в бассейне Верхневолжских озер, свидерский инвентарь здесь появляется не раньше пребореального периода, среди инвентаря раннемезолитической культуры,

свидетельствуя о межкультурных контактах [Синицына, Спиридонова, 2017]. Материал стоянки Гремячее [Воеводский, 1934, 1950, Кольцов, 1977], культурную атрибуцию которой определяли как свидерский комплекс, таковым не является ни по технике расщепления, ни по характеру получаемой заготовки, ни по типологии. Инвентарь финальнопалеолитической стоянки Гремячее [Трусов, 2011] может быть в одной технологической цепочке как предшествующей раннемезолитической бутовской культуре, хронологические рамки которой удревнены до дриаса III [Жилин, 2004], чем нарушен принцип построения периодизационной шкалы. Скорее целесообразно выделение отдельной единицы типа «золоторучьенской традиции», датированной финальным палеолитом.

В целом, технологическая последовательность индустрий свидетельствуют скорее об отсутствии хронологического разрыва между верхнепалеолитическими и финальнопалеолитическими материалами (от бёллинга до пребореала).

Библиографический список

Амирханов Х.А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате Волго-Окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. – М., 2004.

Воеводский М.В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы V / под ред. В.Ф. Бутина, С.Н. Быковского, А.П. Герасимова и др. – Л. ; М., 1934.

Воеводский М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. – Вып. XXXI. – М., 1950.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. – Ч. 2. – СПб., 1997.

Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. – М., 2004.

Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. – М., 1977.

Копытин В.Ф. У истоков гренокской культуры. Боровка. – Могилёв, 2000.

Синицын А.А. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). – СПб., 2013.

Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. – Вып. 39. – СПб., 1996.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области // Тверской археологический сборник. – Вып. 7. – Тверь, 2009.

Синицына Г.В., Бессуднов А.А., Гиря Е.Ю. (ИИМК РАН) Технологический анализ пластин и вопросы генезиса финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности // Методы изучения каменных артефактов ИИМК РАН. – СПб., 2015.

Синицына Г.В., Спиридонова Е.А. О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озер // Stratum. №I. Микролитический бум. – СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2017.

Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. – М., 2004.

Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithologic Problems. – М., 2006.

Трусов А.В. Палеолит бассейна Оки. – М., 2011.

С.В. Сиротин

Институт археологии РАН, Москва

ПАМЯТНИКИ V–IV вв. до н.э. ЗАУРАЛЬСКОЙ БАШКИРИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

В конце VI – V в. до н.э. в культуре населения Южного Урала происходят значительные изменения, которые были связаны с активным заселением южноуральских степей, внутренними перемещениями отдельных групп местного населения и притоком в данный регион новых кочевых групп. В этой ситуации на многокомпонентной и разноэтнической основе начинается процесс формирования новых черт, характерных для прохоровской культуры [Таиров, 2000, с. 16–17; 2010, с. 80; Савельев, 2000].

Среди общего массива комплексов ранних кочевников Южного Урала обращают на себя внимание памятники, расположенные в Зауральской Башкирии. Данная группа памятников расположена узкой полосой по предгорьям восточных склонов Южного Урала, ограниченной с востока верхним (меридиональным) течением р. Урал. На своеобразии этих памятников, сочетающих в себе черты савроматской и прохоровской культур, в свое время обращал внимание А.Х. Пшеничнюк [1983, с. 84], не исключавший их возможного выделения в особый локальный вариант кочевой культуры.

К настоящему времени в Зауральской Башкирии насчитывается несколько десятков памятников конца VI – IV в. до н.э., представленных одиночными курганами, небольшими группами в 2–5 курганов и относительно крупными могильниками, включающих в себя более 10 насыпей.

Характерной особенностью абсолютного большинства курганных могильников является сочетание различных черт погребальной обрядности, разнообразие погребальных конструкций и могильных ям как в могильнике в целом, так и в отдельных курганах, что считается признаком специфического переходного времени [Пшеничнюк, 1995].

Детальный анализ имеющегося материала, однако, показывает, что практически во всех могильниках фиксируется наличие комплексов V в. до н.э. и IV в. до н.э., отличающихся по погребальному обряду и вещевым наборам. Также фиксируется своеобразное механическое смешение в могильниках комплексов савроматского и раннепрохоровского облика. Нельзя сказать, что данное обстоятельство уникально для раннекочевнических комплексов Южного Урала этого периода, однако на материалах памятников Зауральской Башкирии эта ситуация выглядит значительно более контрастно, чем на других территориях.

Для V в. до н.э. характерны захоронения на древнем горизонте с сожжением деревянной конструкции либо без признаков горения (Альмухаметово, Переволочан-I, Переволочан-II, Биш-Уба, Сосновка, Ивановские I курганы), коллективные захоронения в больших ямах (Сибай-II, Ивановские-III), индивидуальные захоронения в небольших ямах с широтной ориентировкой. Для данной группы погребений фиксируется и соответствующий инвентарь, включающий характерные типы керамики, вооружения, каменные жертвенники на ножках и др. Для этого времени характерны этнотрансформационные процессы [Яблонский, 2012, с. 385], в рамках которых происходили изменения культурных традиций.

Во 2-й половине V в. до н.э. в степях Южного Урала начинаются процессы, связанные с изменениями погребальной обрядности и состава инвентаря, которые привели в конечном итоге к формированию новых категорий в культуре ранних кочевников. В литературе этот период принято обозначать как переход к новому этапу в культуре ранних кочевников (стадии С или раннепрохоровскому этапу) [Таиров, 2004] или фазы «В» «савроматского» культурно-хронологического горизонта (КХГ) [Яблонский, 2012].

В Зауральской Башкирии данная ситуация хорошо прослеживается на материалах тех же могильников, в которых фиксируются комплексы V в. до н.э., оставленные смешанным населением, которое осваивало эти территории с конца VI в. до н.э. Повсеместно отмечается резкое увеличение новых черт погребальной обрядности: строительство относительно больших курганов со сложной архитектурой надмогильных сооружений, дромосные,

катакомбные и подбойные могилы, ориентировка в южный сектор. В качестве сопровождающего инвентаря выступают категории раннепрохоровского комплекса [Васильев, 2004]. Особенно ярко это иллюстрируется материалами могильника Переволочан-I [Сиротин, 2016]. Данное обстоятельство было вызвано притоком в Зауральскую Башкирию кочевых групп – носителей культурных традиций памятников филипповского круга. В этническом отношении эти группы были близки местному населению. Этим, возможно, объясняется наличие разновременных комплексов в одном могильнике. Осваивая новые территории и вливаясь в состав местного населения в качестве элитарного компонента, они в короткий срок полностью видоизменили в данном регионе культурные стереотипы. В археологическом отношении это выразилось в распространении новых форм погребального обряда и вещевых комплексов, стандартизации погребального обряда и инвентаря. В качестве причин прихода данной группы кочевников можно выделить общую демографическую ситуацию в регионе, связанную с увеличением народонаселения, а также стремлением поставить под контроль рудные, прежде всего, медные и золотые месторождения восточных склонов Южного Урала.

В итоге, на территории Зауральской Башкирии появляются смешанные в культурно-типологическом отношении памятники так называемого переходного типа, сочетающие в себе комплексы с разными погребальными традициями и вещевыми наборами, такие как Переволочан-I, Яковлевские курганы, Ивановские I курганы, Альмухаметово, Сибай-II и др.

В этой связи данный регион следует рассматривать наряду с Илеком и Восточным Оренбуржьем, в качестве еще одного родоплеменного центра кочевников раннего этапа прохоровской культуры. В середине IV в. до н.э. начинается процесс миграции ранних кочевников Южного Зауралья в юго-западном, северном и северо-восточном направлении, что приводит прекращению функционирования к концу IV в. до н.э. всех известных могильников юго-восточной Башкирии, как и самого филипповского круга памятников на Южном Урале.

Библиографический список

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа, 1995.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. – 2000. – Вып. 2.

Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сборник статей. – Оренбург, 2016.

Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Вып. 1. – Самара, 2000.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004.

Таиров А.Д. Урало-Аральская культурно-историческая область как результат адаптации древнего населения к условиям вмещающего ландшафта // Уральский исторический вестник. – 2010. – №2 (27).

Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. – Уральск, 2012.

А.Г. Ситдиков
Институт археологии им. Халикова АН РТ,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Средневековые тюрко-татарские памятники археологии – это крупные города и небольшие поселения, грунтовые могильники и крупные мавзолеи, которые встречаются в Калмыкии и Сибири, на Средней Волге и в ее дельте, на Северном Кавказе и в Крыму. Работы ведутся по государственной программе «Проведение историко-археологических исследований средневековых тюрко-татарских городов за пределами Республики Татарстан».

Городище Укек расположено в Саратовской области на территории современного города Саратова. Является остатками одного из крупных и наиболее ранних городских центров Золотой Орды – города Укека (Увека). Значительная часть городища была размыва водами Волги, в настоящее время территория памятника застроена, разрушается современной хозяйственной деятельностью города Саратова [Кубанкин, 2015; 2016]. В 2014–2016 гг. заложены шурфы и раскопы на южной и северной окраинах памятника, а также в центральной части. Выявлен и частично исследован могильник золотоордынского времени в западной части. Раскопом в центральной части города с мощным культурным слоем (от 2 до 4,2 кв. м) удалось выявить свыше 10000 находок, относящихся преимущественно к золотоордынскому времени.

Искер («Кучумово городище») – столица Сибирского ханства. Расположено в Тюменской области, находится в 17 км к юго-востоку от Тобольска. Город был основан еще в домонгольское время, затем стал частью Золотой Орды, в конце XV–XVI вв. являлся столицей Сибирского ханства [Адамов, 2015]. Полевыми работами 2014–2016 гг. выявлен и частично исследован грунтовый могильник времени существования городища Искер с napольной стороны городища. Пять погребений этого могильника представляют собой первые выявленные погребения времени Сибирского ханства, совершенными по мусульманскому обряду: погребенные лежали головой на запад с отклонениями к северу, инвентарь отсутствовал.

Красноярское городище – один из крупных городов Золотой Орды, расположен в Астраханской области, в дельте Волги. В настоящее время полностью застроен современным селом. По мнению ряда исследователей, является остатками города Сарая – первой столицы ордынских ханов на Нижней Волге [Пигарев, 2016]. Зачистками и шурфами 2014–2015 гг. удалось получить информацию о границах памятника. Во всех шурфах выявлен культурный слой золотоордынского времени, находящегося под осадочными слоями в низинной части поселка, примыкающей к реке Маячная.

Красносюндюковское городище – один из городов Волжской Булгарии домонгольского периода. Расположен у с. Красное Сюндюково Ульяновской области. На территории городища известен уникальный объект – кирпичная баня домонгольского времени, исследованная в 1991 г. [Гисматулин и др., 2016]. В 2014 г. на территории Красносюндюковского I городища было заложено 2 раскопа общей площадью 60 кв. м – раскопы VI и VII. На раскопе VII зафиксировано пять сооружений, получены ценные артефакты предмонгольского и раннемонгольского времени.

Город Касимов расположен на территории Рязанской области. Столица Касимовского ханства – татарского ханства в центре России, сохранившегося в качестве удельного княжества до конца XVII в. Шурфовки и работы 2014–2016 гг. вблизи Ханской мечети зафиксировали котлован минарета и напластования, датируемые не ранее второй половины XVI в., что дает основание к более позднему, чем предполагалось прежде, датированию переноса Городца Мещерского на новое место.

Городище Курмыш расположено в Нижегородской области. История крепости тесно связана с основанием Казанского и Касимовского ханств. Предполагаемое место захоронения Улу Мухаммеда [Ахметгалин и др., 2016]. Раскопками 2014 и 2016 гг. выявлены культурные напластования XIV–XVI вв. Подтверждено первоначальное влияние золотоордынской культуры на исторические процессы в данном регионе.

Городище Маджар (Ставропольский край). На памятнике федерального значения работами 2015–2016 гг. совместной экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, К(П)ФУ, ГБУН РК «Институт археологии Крыма» и МУК «Краеведческий музей села Прасковья» выявлены фундаменты двух крупных монументальных сооружений, сопровождаемых находками архитектурных деталей, поливных и монокромных изразцов некогда их украшавших [Бочаров, Ситдилов, 2016] Исследованы остатки хорошо укрепленной древней дороги, проходившей в центральной части города, уточнена хронология напластований памятника в рамках XIV в. Получены интересные материалы по планиграфии торгово-ремесленного квартала, выявлены следы ремесленных производств: цветной и черной металлургии и кожевенного.

Изучение историко-археологического наследия средневекового тюрко-татарского населения Крыма (Республика Крым). Золотоордынское поселение XIV в. в Юго-Западном Крыму в местности Эски – Юрт возможно было первым золотоордынским поселением в Юго-Западном Крыму. Исследования проведены тремя шурфами при глубине культурных напластований 0,6–0,8 м. В результате удалось совершенно точно определить расположение второго городского центра золотоордынского Крыма, помимо известного Солхата.

Работами 2015 и 2016 гг. в урочище Ашлама-Дере удалось точно установить местоположение и площадь комплекса загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай XVII–XVIII вв., известного лишь по письменным и картографическим источникам. Шурфовками выявлена мощность культурного слоя, собрана коллекция индивидуальных и массовых находок, подтверждающих датировку и назначение памятника, естественнонаучными методами установлена специфичная садово-парковая распахка.

Археологическое изучение вышеназванных памятников позволяет современной исторической науке переосмыслить весь комплекс историко-археологических источников, будет способствовать новому прочтению истории татарского народа в Евразии.

Библиографический список

Адамов А.А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. – 2015. – №4 (14).

Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдилов А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. – 2016. – №4 (18).

Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. – Элиста, 2016.

Гисматулин М.Р., Семькин Ю.А., Горбунов Н.А., Асылгараева Г.Ш. Исследования Красносундюковского I городища в 2014 г. // Поволжская археология. – 2016. – №4 (18).

Кубанкин Д.А. Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение) // Поволжская археология. – 2015. – №4 (14).

Кубанкин Д.А. К вопросу о хронологии Укека и памятников его округа // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016.

Пигарев Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. – 2016. – №2 (16).

С.Г. Скобелев
Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
«САПОЖКИ» НА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ У УРОЧИЩА АЛБАНЫ
В ХАКАСИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СВЯЗИ С ЛОКАЛИЗАЦИЕЙ

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания
в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/БЧ)

В петроглифических комплексах в окрестностях д. Подкамень в междуречье Белого и Черного Июсов имеются необычные резные изображения людей в длиннополых одеяниях, в том числе со шлейфами, и высоких головных уборах. По контуру общего вида эти фигуры похожи на «сапожки», как их иногда и называют. Часть из них стала известна после публикации Я. Аппельгрена-Кивало материалов экспедиции И.Р. Аспелина 80-х гг. XIX в., часть обнаружена уже в наше время – работы Л.Р. Кызласова, В.Е. Ларичева, Н.И. Рыбакова, С.В. Панковой и др. [Панкова, 2013]. Всего к настоящему времени выявлено более 30 таких фигур на 13 плоскостях. Важно отметить, что они известны в Южной Сибири лишь в этом одном районе радиусом не более 20 км. Со времени обнаружения идут споры об их историко-культурной интерпретации, детальный очерк которых дан С.В. Панковой.

Так, еще финские исследователи предлагали считать их изображениями процессий священнослужителей. Позднее О. Менхен-Хельфен отнес изображения к середине IX в. и предположил, что они были вырезаны местными жителями, отношения к манихейству не имеющими, но видевшими эти ритуалы. С этим не соглашался С.Г. Кляшторный, считавший их передачей облика несториан. Позднее и О. Менхен-Хелфен признал несторианскую версию более обоснованной. В свою очередь М. Эрди считал рисунки изображениями шаманов. Л.Р. Кызласов, ранее предложивший таштыкскую хронологию изображений, тем самым однозначно отвергая их манихейство, позднее сменил позицию на противоположную. И.Л. Кызласов всем имевшимся трактовкам не последовал и выдвинул свою, назвав рисунки изображениями средневековых хакасских женщин в торжественных костюмах, с булавками в головных уборах. С.В. Панкова предположила, что здесь изображены члены одного из иноземных посольств либо показан караван или группа миссионеров. Важны ее замечания относительно одеяний на изображенных людях, представлявших вид китайского официального костюма, а также предметов, сопровождающих такие изображения, более похожих на характерные для китайской традиции эпохи Тан веера и опахала, или мухогонки для буддийских монахов, чем на жезлы или связки прутьев, используемых в манихейской символике как наследие зороастризма [Панкова, 2013].

Изложенные версии (за исключением посольской) отличаются уязвимостью обоснований и слабо соответствуют местным историко-культурным реалиям. Так, на Енисее очень мало археологических свидетельств распространения несторианства и еще меньше – манихейства, при этом имеющиеся разбросаны по всему региону. Известные шаманские изображения выглядят совсем по-иному и также известны в разных районах. Напротив, подобных рисунков «средневековых хакасских женщин» более нигде не найдено. Поэтому факт узкой локализации таких изображений становится ключевым, особенно с учетом того, что укрепленная ставка кыргызского кагана, по нашему мнению, находилась приблизительно в северо-восточной части района распространения данных изображений, а именно в урочище Албаны на правом берегу Черного Июса. Это основывается на следующих выявленных нами географо-археологических реалиях, подтверждаемых сообщениями письменных источников:

1 – около 7 дней в пути от Кегмена (Западного Саяна) до ставки кагана (Гардизи, XI в.) [Извлечение..., 1973, с. 47]; если бы она находилась именно в урочище Албаны, путь действительно составил около 7 дней (до 240 км, т.е. по 35 км в день в среднем);

2 – «дорога... по степи и лугам мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда...» (Гардизи, XI в.) [Там же]; чередование степных и труднопроходимых кустарниково-лесных участков на пути с Арбатской тропы через Западный Саян в сторону междуречья Июсов имеет место и в наше время;

3 – «здесь военный лагерь кыргызского хакана, главное и лучшее место в стране» (Гардизи, XI в.) [Там же]; по правому берегу Черного Июса действительно существует природный укрепленный район с урочищем Албаны в центре, которое протянулось на расстояние более 8 км в общем направлении юг-север; с запада, востока и севера урочище закрыто высокими и обрывистыми наружу горными хребтами, подходы с юга прикрыты горной тайгой хребта Арга, юго-восточное направление в целом закрыто сильно заболоченной долиной Белого Июса – северо-западное прикрывалось густо заросшей кустарником долиной Черного Июса и его прижимом к горному обрыву;

4 – «город, в котором живет король кыргызов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями (Ал-Идриси, XII в.)» [История Хакасии, 1993, с. 93]; нами полностью выявлены ров и вал длиной более 4 км, закрывающие наиболее уязвимое для проникновения в урочище юго-западное направление; рельефно, хотя и слабо, выделяется также вероятное место расположения укреплений внутри самого урочища;

5 – «Ажэ имеет пребывание у Черных гор» (хроника династии Тан) [Там же]; часть горного хребта Арга к югу от укрепленного района до сих пор называется Хара-таг (Черная гора).

Вблизи от урочища (в 8 км к северу) находится знаменитая средневековая Сулекская писаница («скала с письменами», «вечная скала»), считающаяся наиболее представительным и почти «официальным» манифестом носителей культуры средневековых енисейских кыргызов. Но на ней нет подобных изображений. Напротив, не случайно имеющее место расположение большинства столь необычных рисунков к юго-западу от прохода к предполагаемой ставке кагана – т.е. по южной дороге (одной из трех, описанных Гардизи). Только с этого направления и могли приходить посольства из Китая, видимо, эпохи Тан (судя по времени создания этих петроглифов и виду одеяний членов посольств). Именно здесь, при вхождении в ставку кагана, местные жители и имели возможность видеть официальные посольские процессии, тогда как на остальных территориях по пути они представляли собой обычные караваны. Имеются сообщения ряда письменных источников, свидетельствующие об интенсивных обменах посольствами между императорами Тан и кыргызскими каганами, начиная еще с 632 г. и по IX в., а также о посольствах от киданей в X в. [История Хакасии..., 1993, с. 48–49, 69, 72]. Весьма длительным периодом имевших место обменов могут объясняться некоторые отличия в деталях на изображениях внешнего вида членов таких посольств (видимо, разных лет).

Поэтому, учитывая вышеизложенное, из всех версий интерпретации данных изображений наибольшим соответствием историческим, археологическим и природно-географическим фактам, по нашему мнению, отличается предположение, что так передавался облик членов иноземных (скорее всего из империй Тан и Ляо) посольств к кыргызскому кагану.

Библиографический список

Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг.» // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. – Т. VIII. Работы по источниковедению. – М., 1973.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993.

Панкова С.В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – №1(5).

В.С. Славинский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КЛЮЧЕВЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИАЭТ СО РАН

Институт археологии и этнографии СО РАН занимается охранно-спасательной деятельностью с начала формирования Института. В 1960–2000-х гг. в разных формах участия Институт проводил исследования и обеспечивал музеефикацию объектов культурного наследия на территории водохранилищ на Ангаре, Зее, Бурее, Катунь, на Сахалине и в Приамурье, на севере Якутии и Западной Сибири, в Новосибирском Приобье, на Алтае. Особое внимание спасательной археологии стало уделяться в XXI в., что связано с изменением законодательства. Первое масштабное проявление нового подхода стала организация раскопок в зоне затопления ложа Богучанского водохранилища. Результаты этих исследований активно вводятся в научный оборот и обсуждаются в научной печати и на соответствующих форумах. Остановимся на отдельных, на наш взгляд, важнейших научных достижениях спасательной археологии ИАЭТ СО РАН в последние годы.

Междисциплинарные исследования палеоантропологического материала, полученного в ходе спасательных археологических раскопок, способствовали формированию комплекса методических и теоретических знаний по характеру заболеваний и медицинским навыкам населения Сибири эпохи палеометалла. В частности, введены в научный оборот данные о трепанации черепа из погребения на стоянке Нефтепровод-2 Анжевского комплекса археологических памятников. Исследованный случай является важным примером первоначальной успешности трепанации в бронзовом веке Сибири. Наличие следов инфекционных осложнений на кости как со стороны эндокрана, так и экзокрана, вероятно, явившихся причиной смерти, говорит о длительности борьбы с инфекцией и наличием ухода за пациентом. На материалах того же археологического объекта описан самый древний случай карликовости на территории России. Анализ морфологических характеристик исследуемого индивида, рассмотрение и сопоставление полученного результата с современными клиническими описаниями и древними случаями карликовости позволило предположить изолированную недостаточность гормона роста, что подтверждается пропорциональными пропорциями посткраниального скелета, задержкой окостенения скелета и низкорослостью. На материалах Анжевского комплекса впервые получено прямое свидетельство наличия паразитарных заболеваний у древнего населения Восточной Сибири. При палеопаразитологическом исследовании пробы грунта из тазовой области индивида из погребения на стоянке Нефтепровод-2 были обнаружены яйца предположительно цистоды *Taenia saginata* (бычий цепень). Данная находка является первым и древнейшим случаем обнаружения *Taenia saginata* на территории России. Источником заражения тениаринхозом исследуемого индивида, вероятнее всего, является употребление в пищу мяса зараженных цистецеркозом козули, лося или благородного оленя.

В 2016 г. опубликованы результаты антропологической характеристики новых уникальных находок нижней челюсти и первого шейного позвонка человека (атланта) при раскопках палеолитического местонахождения Афонтова Гора-II. Исследование нижней челюсти позволило сделать вывод, что она принадлежала индивиду женского пола в возрасте 14–15 лет. Ряд антропоморфических особенностей является характерным для морфологии нижних челюстей современных людей, и по данным антропометрии ближе к характеристикам современных подростков близкого биологического возраста. Измерительные характеристики атланта четко указывают на его принадлежность индивидууму женского пола в возрасте не моложе 20–25 лет. Накопление подобных данных в последующем позволит определить место данной кости в ряду изменчивости у палеолитических людей.

Особое внимание заслуживают результаты генетического исследования нижней челюсти, полученной при раскопках палеолитического памятника Афонтова гора-II.

Была определена принадлежность ее митохондриальной ДНК к гаплогруппе R1a. Эти данные были включены в широкогеномный анализ древней ДНК палеолитического и мезолитического населения Европы с целью обнаружения генетических кластеров, объединяющих древних индивидов с определенными археологическими культурами. Исследование позволило выявить несколько генетических кластеров среди палеолитического населения Евразии. Образец из Афонтовой горы-II вошел в кластер «Мальта I», характеризующийся тем, что он не имеет генетической связи с палеолитическим населением Европы, а его встречаемость среди современных европейцев, вероятно, объясняется миграциями из евразийских степей в период неолита и бронзы.

Геоморфологическое сопровождение археологических работ привело к формированию ряда фундаментальных гипотез по четвертичной геологии отдельных регионов Сибири. Изучено геологическое строение археологического памятника Афонтова гора-II, позволившее реконструировать первичную последовательность осадконакопления. Показано, что археологические находки Афонтовской культуры финального палеолита Сибири приурочены к субэразальному покрову, который лежит на аллювии II НПТ и к одновозрастным ему делювиальным отложениям, входившим в состав субэразального покрова III НПТ. На границе позднеледниковья и голоцена делювиальный шлейф, облегающий поверхность III НПТ, был вовлечен в блоково-поточные оползни, которые надвинулись на поверхность II НПТ. Построенная генерализованная модель формирования четвертичных отложений памятника Афонтова гора-II позволила установить «инситу» и стратогенетическую приуроченность палеоантропологических находок, а также объяснить археологическую стерильность и аномальную мощность субэразального покрова, облегающего оползневые чешуи, надвинутые на II НПТ.

Осуществлено геоморфологическое изучение Анжевского археологического комплекса, показавшее наличие пяти геоморфологических сегментов в районе работ, основной тип рельефа стоянок Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 – структурно-денудационный, занимающий правый борт долины р. Кан, приподнятый и разбитый на неотектонически дифференцированные по разным гипсометрическим уровням блоки. Участок, на котором выделяется глубокое залегание культурного слоя (верхнего палеолита), располагается на территории грядово-оползневого сегмента. Проведенные исследования существенно влияют на археологическую оценку материалов объектов Анжевского археологического комплекса и дополняют сведения по геоморфологии участка правого берега р. Кан, описанной ранее на материалах стоянок Стрижовая Гора (ниже по течению от Анжевского комплекса) и Бражное (выше по течению).

Ко всем полевым археологическим работам привлекались палеонтологи. В частности, материалы Афонтовой Горы II предоставили богатую фаунистическую коллекцию с высоким процентом определимых фрагментов. Эта особенность скорее характерна для естественных скоплений. В то же время следы разделки (порезы, насечки) и утилизации (радиальные сколы) свидетельствуют о влиянии человека на формирование коллекции. В отношении возраста комплекса показательно наличие остатков шерстистого носорога, кулана, реликтовой лошади *Sussemionus*. Все эти виды стратиграфически тяготеют к каргинскому термохрону Сибири. Например, остатки шерстистого носорога возрастом менее 17 тыс. лет неизвестны на юге Иркутского амфитеатра.

Кроме указанных междисциплинарных исследований, опубликованы и подготовлены к печати работы, посвященные типологии предметов материальной культуры, стратиграфическому и планиграфическому анализу археологических структур, выявленных в ходе раскопок и разведок на территории Сибири и Дальнего Востока.

Обозначенный опыт демонстрирует плодотворность спасательных археологических работ и ее эффективность, главным образом, благодаря ее теснейшей интеграции с направлениями фундаментальных научных поисков, проводимых специализированными учреждениями Российской академии наук.

Н.Ю. Смирнов
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА АРЖАН-1:
РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?

Проблема адекватной оценки культурного комплекса кургана Аржан-1 (раскопки М.П. Грязнова и М.Х. Маннай-оола в 1971–1974 гг.) порождена отсутствием исчерпывающей публикации всех полученных при его исследовании материалов, включая чертежи планов и разрезов наземного сооружения, фотографии и описания расположения находок *in situ*, точные рисунки всех артефактов, аналитические таблицы, отражающие состав сплава металлических изделий, характер плетения и окраса тканей, данные палеогенетических исследований останков лошадей и т.д. Имеющаяся монографическая публикация [Грязнов, 1980] и целый ряд статей, написанных авторами раскопок и последующими исследователями материалов Аржана-1, при всей своей высокой научной ценности не могут адекватно заменить первоисточник: полевые чертежи и фотографии, дневниковые записи, предметы материальной культуры. А именно они все еще в минимальной степени введены в научный оборот.

В настоящий момент абсолютно ясно, что только новая и первая полная публикация всех имеющихся результатов раскопок кургана Аржан-1 может привести к революции в его понимании, а соответственно, и в оценке его значения для реконструкции процессов сложения материальной культуры и идеологии степных сообществ Евразии начала I тыс. до н.э. Во всех иных случаях мы обречены на плавное, но непрогнозируемое эволюционирование своего восприятия этого ключевого памятника эпохи «ранних кочевников», причем в основе такой эволюции будет лежать не исчерпывающий анализ сохранившихся материальных свидетельств, а смена наших представлений о них.

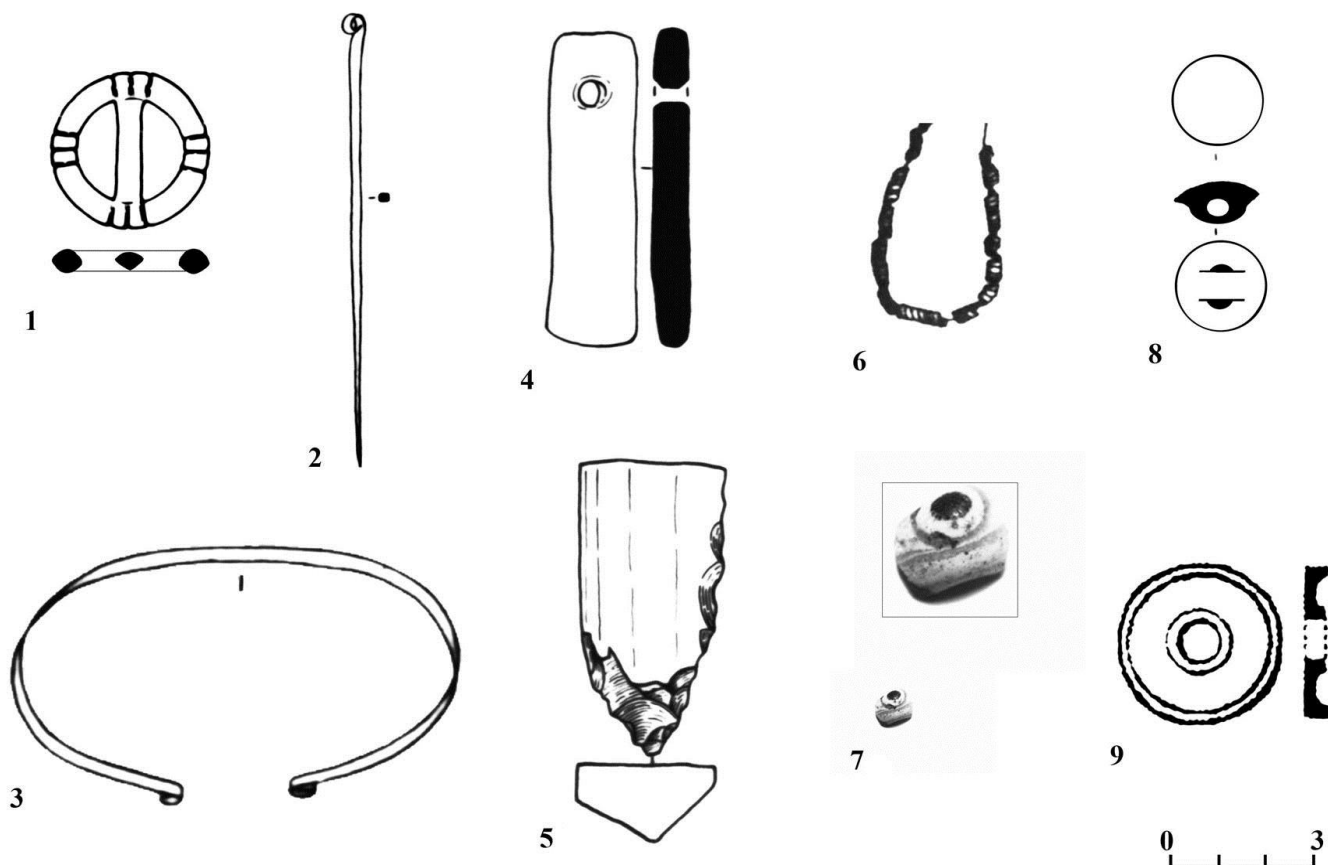
Наш доклад является прелюдией к комплексному осмыслению всех материалов кургана Аржан-1 и на отдельных примерах демонстрирует потенциальные возможности работы с археологическим источником, а не его существующей в науке интерпретацией.

Для этого мы выбрали девять «второстепенных» артефактов, из которых только один был опубликован в свое время М.П. Грязновым [1980, рис. 11.-7; см. рис.-6 в настоящих тезисах]. Еще семь лишь упоминались автором раскопок [Грязнов, 1980, с. 21, 25, 26, 32, 36]. Два предмета (рис.-1, 9) были введены в научный оборот относительно недавно [Марсадолов, 2002, рис. 1.-10; Смирнов, 2015а, рис. 1].

Отмечая «второстепенность» рассматриваемых вещей, мы, прежде всего, имеем в виду то, что они, во-первых, полностью теряются на фоне широко известных артефактов (типа «свернувшегося в круг хищника», наверший с фигурками баранов, многочисленных деталей конской узды и т.д.), а во-вторых, не принимались во внимание и самим раскопщиком и первым публикатором памятника – М.П. Грязновым.

В 2015 г. мы уже обращались к этим вещам, упоминая их в качестве свидетельств западного вектора (Восточный Казахстан, Волго-Камье, Северное Причерноморье) культурных связей социума, построившего курган Аржан-1, однако сами предметы, как совокупность, опубликованы не были [Смирнов, 2015б].

В настоящем докладе акцентируется внимание не столько на культурных связях, которые можно увидеть за появлением в составе сопроводительного инвентаря тех или иных предметов, сколько на интерпретационных возможностях, которые открываются при тщательном анализе вводимых в научный оборот даже «второстепенных» вещей из комплекса кургана Аржан-1.

- 1 – кольцевидная пряжка с диаметральной перемычкой и орнаментом на рамке;
 2 – булавка с головкой, свернутой из раскованной части стержня;
 3 – пластинчатая гривна со спирально оформленными окончаниями;
 4 – оселок; 5 – обломок массивной призматической пластины;
 6 – спиральные витые пронизки; 7 – обломок глазчатой бусины;
 8 – круглая пуговица-застежка с петлей на обороте; 9 – шайбовидная пронизка,
 имеющая с одной стороны рельефные бортики по краю и в центре.
 1 – кам. 2; 2, 4, 5 – кам. 13; 3 – проход между камерами 1 и 12; 6 – мог. 2;
 7 – точное место находки неизвестно; 8, 9 – кам. 26а и 26б.
 1, 2, 9 – бронза; 3, 6 – золото; 4, 5, 8 – камень; 7 – «паста» (стекло).
 1–6 – по: [НА ИИМК РАН, ФО, отп. 2928.31–33];
 7 – фотография моя; 8 – рисунок мой; 9 – по: [Марсадолов, 2002, рис. 1.-10]

Библиографический список

- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980.
 Марсадолов Л.С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады: состав, хронология, интерпретация : материалы тематической научной конференции. – СПб., 2002.
 Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // Поволжская археология. – 2015а. – №2.
 Смирнов Н.Ю. Экстенсивные факторы сложения культурного комплекса кургана Аржан 1 // Ранний железный век Евразии. От архаики до рубежа эр. Центра, периферия и модели культурных взаимодействий : материалы 3 научной конференции «Археологические источники и культурогенез». – СПб., 2015б.

А.В. Смокотина

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь*

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ г. БОСПОРА В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ

(по материалам амфор и краснолаковой керамики)

В конце IV – 1-й половине VI в. н.э. товары в амфорах и краснолаковая керамика широко распространялись в прибрежных районах Средиземноморья и Причерноморья благодаря активной морской торговле. В ходе проводившихся в последние десятилетия археологических исследований в г. Боспоре были открыты новые археологические комплексы, накопился обширный керамический материал. Его изучение позволяет выявить новые археологические источники для реконструкции основных направлений торговых связей и торгово-экономической истории Боспора в целом.

Анализ амфорного материала из недавних раскопок г. Боспора позволил зафиксировать хронологические и количественные изменения поставок импортных товаров в амфорах. На протяжении 2-й половины IV – V в. в керамическом комплексе абсолютно преобладала продукция различных центров причерноморского региона. В большом количестве использовались местные боспорские амфоры, в первую очередь, вероятно, для транспортировки и хранения рыбы. При этом импортные товары, прежде всего, вино в амфорах, поступали на Боспор, главным образом, из южнопонтских центров, таких как Синопа и Гераклея. В относительно небольшом количестве товары (главным образом вино и оливковое масло) доставлялись также с территории современной Абхазии, Туниса, Палестины, из района Эгейского моря и области Эфеса на западе Малой Азии, из Киликии и Кипра.

Ситуация меняется во второй четверти VI в., что, вероятно, было связано в том числе с переходом Боспора под контроль Византийской империи. Политические события, по-видимому, сопровождались переориентацией некоторых торгово-экономических связей. Ко второй четверти VI в., очевидно, прекратилось производство боспорских амфор, синопский и гераклеяский импорт резко сокращается и практически сходит на нет. Взамен увеличиваются поставки товаров в амфорах из одного пока еще не локализованного южнопонтского центра, а также резко возрастает импорт, прежде всего вина, из Восточного Средиземноморья, в частности с о. Крит и региона Киликии и Кипра.

Близкие тенденции наблюдаются также на примере анализа краснолаковой керамики из боспорских комплексов. Со второй половины IV до начала VI в., одновременно с преобладанием амфор причерноморского производства, в г. Боспоре доминировала «Понтская краснолаковая керамика», производившаяся предположительно на севере Малой Азии. Она имела преимущественно региональное значение и очень редко встречается на памятниках за пределами Причерноморья.

Кроме того, на Боспор в небольшом количестве поступала также продукция некоторых средиземноморских центров. «Африканская краснолаковая керамика» с территории современного Туниса попадала в город преимущественно на пике своего распространения во 2-й половине IV – 1-й половине V в., со 2-й половины V в. встречаются лишь редкие единичные находки такой керамики. «Позднеримская светлоглиняная посуда» из северо-восточной части бассейна Эгейского моря, вероятно, импортируется со 2-й половины V в. в крайне незначительном количестве (всего около 0,5%), а «Фокейская краснолаковая керамика» встречается в г. Боспоре начиная с 1-й половины V в.

После завоевания Африки вандалами фокейская посуда вытесняет североафриканскую с восточно-средиземноморских рынков, увеличиваются и ее поставки в Причерноморье, хотя региональная группа понтской краснолаковой керамики продолжает доминировать в боспорских комплексах вплоть до прекращения ее производства в начале VI в. Настоящий же бум поставок фокейской краснолаковой посуды в г. Боспор приходится на 2-ю четверть – середину VI в. и совпадает с общей переориентацией торговых связей и резким ростом импорта продукции в амфорах из восточно-средиземноморских центров.

Р.В. Смольянинов
*Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк*
ВОЛОСОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ?

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №17-11-48602 е(р) «Поселение и могильник Васильевский Кордон 27
– контактная зона неолитического и энеолитического населения
верхнего Поволжья и лесостепного Подонья»)

В 2000 г. А.Т. Синюк и А.Ю. Клоков [2000, с. 75, 80] впервые выделили материалы волосовской культурно-исторической общности на поселении Липецкое Озеро на Верхнем Дону. Памятник располагается в центре г. Липецка на правом берегу р. Воронеж. Он полностью уничтожен в результате строительства легкоатлетического манежа. Из-под ковша экскаватора А.Ю. Клоковым была спасена археологическая коллекция из 38811 единиц древних артефактов. Это изделия из кости, кремня и керамика практически всех неэнеолитических культур, известных на Верхнем Дону [Синюк, Клоков, 2000]. Раскопки на памятнике не проводились.

К раннему этапу волосовской культурно-исторической общности ими было отнесено 713 фрагментов керамики, принадлежащих 162 сосудам. По их определению все они характеризуются толстостенностью, в качестве отощителей в их тесто включены органические примеси, кровавик, ракушка, шамот. Глиняное тесто рыхлое, поверхности неровные, шероховатые, со следами штриховки. Для керамики характерен мотив горизонтальной зональности, а в целом, стиль орнаментации типичен для ямочно-гребенчатых сосудов позднего облика. По форме сосуды представлены горшками с зауженным верхом или выделенным утолщенным венчиком, реже прямостенные или с сильной профилировкой. Края некоторых горшков несут гофрировку пальцевыми защипами [Синюк, Клоков, 2000, с. 80].

Судя по публикации, часть коллекции действительно относится к керамике волосовской культуры. Это сосуды с Т- и Г-образными венчиками, наличие которых не характерно для неэнеолитических культур Верхнего Дона. Она украшалась отпечатками крупного рамчатого штампа и личиночными отпечатками. Остальную же часть коллекции можно отнести к различным неолитическим и энеолитическим культурам: ромбоямочной, среднестоговской и репинской.

На сегодняшний день, помимо стоянки Липецкое Озеро, мы можем отметить материалы волосовской культуры еще на пяти памятниках археологии Верхнего Дона. Это поселения-могильники: Васильевский Кордон-1, Васильевский Кордон-17, Васильевский Кордон-27 и стоянки Васильевский Кордон-25, Доброе-7, располагающиеся на пойменных останках первой надпойменной террасы правого берега р. Воронеж (левый приток р. Дон) в Добровском районе Липецкой области.

Васильевский Кордон-1 (раскопки Р.В. Смольянинова). В раскопе площадью 258 кв. м волосовская культура представлена 43 фрагментами керамики от двух горшков. Посуда коричневого цвета с примесью органики. Один из горшков закрытый, второй профилированный. Один срез плоский, второй приострен. Керамика украшена веревочными личиночными отпечатками и гребенчатым штампом. Посуда хорошо заглажена и не имеет гребенчатых расчесов.

Васильевский Кордон-17 (раскопки Р.В. Смольянинова). Общая раскопанная площадь – 348 кв. м. Всего исследовано 28 погребений и шесть древних сооружений неэнеолитического времени (IV – 1-й половины III тыс. до н.э.). К волосовскому можно отнести погребение 14. Оно представляет из себя вытянутый скелет, ориентированный по линии ССВ – ЮЮЗ, головой на ССВ. Левая рука лежала вытянуто вдоль тела, кисть на животе. К погребению приурочен богатый погребальный инвентарь. В районе головы, вокруг нее находились обломки двух полностью шлифованных тесел. Оба они были изготовлены из розового и зеленоватого кремня.

Одно из тесел удалось частично реконструировать. По форме оно напоминает тесла русско-карельского типа, но в отличие от тесел энеолитических памятников Карелии сделано из кремня. Также возле левой руки погребенного найдены две янтарные пуговицы диаметром 15 мм, в сечении – 5,5 мм. Вдоль длинной стороны пуговицы в ней было просверлено V-образное отверстие для пришивания. Вторая пуговица сильно разрушена. Возле головы погребенного слева и справа обнаружено два медных изделия. Изделие 1 – пластинка удлинненно-овальной формы максимальными размерами 10 × 3 × 1 мм. Изделие 2 – пластина длиной 83 мм, шириной от 1 до 2 мм. Также в районе таза погребенного, справа, найден клык животного с несохранившимся основанием. По костям погребенного получена дата – 4511 ± 85 BP (3509–2916 calBC) (SPB-1525). При этом погребение 14 лежало над погребением 13. Последнее представляет собой вытянутый скелет, ориентированный по линии СВ–ЮЗ, головой на С–В. Погребального инвентаря не обнаружено. По костям погребения 13 получена дата – 4785 ± 100 BP (3707–3371 calBC) (SPB-1526). Также в слое поселения выявлено несколько кремневых фигурок.

Васильевский Кордон-25 (разведка А.А. Ключойтя). В разведочном шурфе обнаружен один Г-образной формы венчик от толстостенного сосуда, украшенного насечками. Тесто горшка рыхлое, в нем присутствует обильная примесь песка.

Васильевский Кордон-27 (раскопки Р.В. Смольянинова). В культурном слое стоянки выявлена янтарная пуговица волосовского типа овальной формы размером 1,7 × 1,8 × 0,6 см с V-образным отверстием. Подобные пуговицы характерны для погребений волосовской культуры. Видимо, эта находка неслучайна. Один из закрытых сосудов с утолщением по венчику, украшенный горизонтальными и косовертикальными спаренными ямочными вдавлениями из постройки 1 находит аналогии в древностях волосовской культуры. По всем признакам к волосовским относится и погребение 1. Длина погребальной ямы 2,3 м, ширина 0,67 м. Глубина погребальной ямы доходила до 0,29 м. Погребение взрослого человека 40–50 лет с вытянутой на спине северо-восточной ориентировкой. На груди погребенного обнаружено кремневое шлифованное тесло (аналогичное теслу погребения 13 могильника Васильевский Кордон-17) и кварцитовый отбойник, а обломок тесла и отщеп с ретушью у головы. В заполнении ямы выявлены фрагменты керамики среднестоговской культуры (вероятно попали из культурного слоя) и кости: медведя, бобра, кабана и лося. Челюсть бобра находилась выше погребенного в районе колен. Тесло находит полные аналогии на памятниках волосовской культуры. По погребению были получены две очень «молодые» даты по кости животного из заполнения – 3592 ± 55 BP (2133–1772 calBC) (SPB-2102) и по кости самого погребенного – 3775 ± 60 BP (1876–1510 calBC) (SPB-2096).

Доброе-7 (разведка И.Е. Бирюкова). В результате сбора подъемного материала на многослойном поселении выявлено 43 фрагмента керамики. Она серого и коричневого цветов с обильной примесью раковины и органики. Посуда очень рыхлая, украшена горизонтальными рядами ямчатых вдавлений, насечек, гребенчатых отпечатков. Обращает на себя внимание находка одного округлого рыболовного грузика из стенки керамического горшка с двумя перехватами для привязывания.

Исходя из крайне незначительных проявлений волосовской культуры на Верхнем Дону на огромном временном промежутке существования волосовской культуры можно констатировать, что территория Верхнего Дона не входит в ареал ее распространения, а древние артефакты следует рассматривать как индикаторы межплеменных связей древних племен.

Библиографический список

Синюк А.Т. Древнее поселение Липецкое Озеро. – Липецк, 2000.

А.Р. Смоляк

ОЭЖ «Объединение экспертов», Ростов-на-Дону

ОСТРОВ ПОРЕЧНЫЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Остров Поречный расположен на участке широкой поймы нижнего течения р. Дон, между устьями р. Северский Донец на севере и р. Сал – на северо-востоке. Остров прижат к высокому правому берегу и отделен от последнего современным руслом р. Дон. Площадь острова, по материалам государственной топографической съемки 1991 г., составляла 65 га.

Исторически с островом были связаны первый общевоинской центр донского казачества «Раздорский городок XVI–XVII вв.»; памятный (поминальный) крест, установленный казаками на месте старого городка, после его перенесения на гору, на коренной берег р. Дон; Петровская гавань, связанная своим происхождением именем Петра I, императора России, и Азовскими походами.

Археологическое изучение острова началось в послевоенные годы, с приходом в Раздорскую среднюю школу учителя Л.Т. Агаркова, создавшего археологический кружок «Нуклеус» и школьный краеведческий музей, значительную часть коллекций которого составляли археологические предметы. В 1950 г. доцент РГПИ З.А. Витков провел на острове археологическую разведку, в ходе которой были обнаружены поселение Матюхин Бугор эпохи бронзы – позднего средневековья, казачьи погребения и многочисленные следы обитания человека (столбовые ямки, кости животных, древесные угли и др.). Последующие годы были связаны с открытием кружковцами «Нуклеуса», теперь уже всемирно известного, многослойного поселения Ракушечный Яр эпохи позднего неолита-бронзы-РЖВ и его исследованием экспедицией к.и.н. Т.Д. Белановской [1972, с. 262–270]. Следующий период в исследовании острова связан с открытием в 1988 г., по инициативе депутата Верховного Совета СССР, писателя А.В. Калинина, Раздорского этнографического музея-заповедника (РЭМЗ) и созданной на его базе Раздорской археологической экспедицией под руководством автора настоящей статьи. В соответствии с постановлением Правительства РСФСР, в состав РЭМЗ должны были быть включены исторические территории, расположенные вдоль реки Дон, в том числе и остров Поречный [Указ Президента РФ от 20.02. 1995 №176 «Об утверждении...»; Постановление Совмина..., 1988]. Первоочередные задачи состояли в проведении сплошной археологической разведки с целью выявления и последующего исследования памятников археологии. Работы проводились в соответствии с утвержденными Министерством культуры авторскими областной и федеральной программы по «Выявлению, исследованию, постановке на государственный учет и охрану памятников археологии, ранней истории и культуры донского казачества» [О принятии...], 2000].

В процессе полевых работ нами были частично подтверждены результаты исследований экспедиции З.А. Виткова и сделан ряд научных открытий.

На окраине поселения Матюхин Бугор был открыт одноименный могильник эпохи средней бронзы – XV вв. н.э. [Смоляк, 1994].

Особенно ярко в могильнике представлен раннесредневековый горизонт с ориентированными на северо-восток подбойными погребениями VII в. и погребениями «болгарского варианта» (по С.А. Плетневой) салтово-маяцкой археологической культуры VIII–X вв., совершенными в простых грунтовых ямах с ориентировкой погребенных в западный сектор.

Погребение №12, совершенное в могиле подбойного типа, оказалось не разграбленным и принадлежало знатному воину, которого сопровождали практически полные наборы наступательного вооружения ближнего и дальнего боя, защитного снаряжения (ламеллярный доспех), поясная и обувная гарнитура, предметы конской упряжи. По обряду погребения,

комплектности и типологии погребального инвентаря, его сохранности и научной значимости, погребение №12 выходит на один уровень с погребением 12а из могильников Niderstotzingen в Южной Германии, погребением в Bokchondong, Южной Кореи и др. [Paulsen, 1967].

Еще одна исключительная особенность могильника Матюхин Бугор состоит в том, что в нем впервые удалось зафиксировать случай прямой стратиграфии между погребением подбойного типа (№12) и классическим погребением СМК (№13), совершенным в простой яме.

Такие исключительные особенности могильника позволяют нам поставить закономерно вопрос о целесообразности выделения «Матюхино Бугорского раннесредневекового горизонта» на Нижнем Дону.

Следующие открытые нами и исследованные методом шурфовки памятники археологии представлены средневековыми поселениями Черный Яр и Дубовая Лука; археологическим комплексом Перекопский и двумя Гаванями – Черный Яр и Петровская.

На внутренней площади острова между границами указанных памятников нами была выявлена разветвленная сеть взаимосвязанных объектов, таких как рвы и валы неустановленного назначения, каналы, арыки, чигирные ямы, искусственные бассейны и участки заливных полей. Материалы, полученные нами в ходе проведения визуального осмотра, археолого-топографических работ, зачисток обнажений на участках разрушающейся береговой полосы и проведения геоморфологических исследований позволяют предварительно датировать время создания этого комплекса периодом раннего средневековья. Ввиду отсутствия целевого финансирования стационарным исследованиям эти объекты не подвергались. Данные объекты интерпретированы нами предварительно, как комплекс орошаемого земледелия, аналогии которому широко известны археологической науке в Южном Приаралье, Южной Сибири и более восточных территориях России [Смоляк, 1995].

Многолетний мониторинг состояния абразивных процессов береговой полосы острова Поречный позволил выявить динамику нарастающих процессов разрушения бровки, грозящих не только разрушению отдельных его участков и памятников археологии, но и расчленению острова на несколько частей. Особую тревогу вызывает и методично реализуемая политика служб, эксплуатирующих русло р. Дон, заключающаяся в спрямлении отдельных участков реки и выведения радиусов колен (поворотов реки) до радиуса не менее 0,5 км. Сегодня в связи с принятием решения о строительстве Багаевского гидроузла, расположенного ниже по течению р. Дон, мы рискуем навсегда потерять этот уникальный, еще не изученный и никем не охраняемый остров Поречный, который вполне достоин того, чтобы получить статус особо охраняемого объекта историко-культурного наследия европейского уровня. Решение этого вопроса требует принятия срочных мер на уровне Правительства и Президента Российской Федерации. Эта задача была сформулирована в поручении Президента В.В. Путина Министерству культуры России еще в 2012 г., но до сих пор оно не исполнено.

Библиографический список

Белановская Т.Д. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станции Раздорской, Ростовской области // МИА. – №185. – М., 1972.

О принятии на государственную охрану памятников археологии области : Постановление Главы Администрации РО, №96 от 21.03.2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusouth.info/territory4/pack8p/paper-ffozxb/str26.htm>

Смоляк А.Р. Отчет об археологических исследованиях в 1993 г. на острове Поречный, Усть-Донецкого района, Ростовской области // Архив ИА РАН. – М., 1995.

Постановление Совмина РСФСР №67 от 25.02.1988 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.referent.ru/1/13225>

Paulsen P. Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen. – Stuttgart, 1967.

В.Ю. Соболев
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР XIII–XIV вв.
ИСТОКИ И СЛОЖЕНИЕ

В кладах, сокрытие которых связывается с монгольскими походами на Русь, среди других ювелирных изделий часто присутствует группа предметов, обычно привлекающая недостаточное внимание исследователей – небольшие серебряные позолоченные бляшки, прорезные или с тисненым орнаментом. Аналогичные одиночные – потерянные – накладки встречаются и при археологическом изучении древнерусских городов в культурных слоях конца XII – начала XIV в., а также в погребальных памятниках Новгородской земли в виде целых наборов, включающих в себя обычно до двух десятков бляшек, а иногда более.

Несмотря на кажущуюся простоту, нашивные бляшки представляли собой довольно сложное в производстве изделие, они формовались из очень тонкого серебряного листа, почти фольги, получение которой в эпоху средневековья было непростым процессом. Практически всегда материал их изготовления – серебро, сплавы на основе меди крайне редки. Важно отметить, что большинство сохранившихся экземпляров сохранили на лицевой стороне следы позолоты.

По форме бляшки могут быть разделены на три группы: круглые (полушарые) различных размеров, часто именуемые в дореволюционной археологической литературе «дробницами» (рис.-1–4), квадратные и прямоугольные (рис.-5–18, 20–22, 25, 26) и бляшки сложных форм – овальные, треугольные, миндалевидные, луновидные и т.д. (рис.-19, 23, 24, 27–34).

Технология изготовления диктовала способ украшения изделий. На поверхность бляшек наносился рисунок в технике тиснения и/или просекались отверстия. Края большого числа бляшек украшались пояском из «жемчужин», центральная часть – растительным, геометрическим или сложным орнаментом, включавшим криновидные побеги, круги, ромбы (рис.-7, 20, 24–26, 29, 30). Прорезные бляшки имели в центральной части обычно одно, реже несколько отверстий круглой, миндалевидной, прямоугольной или иной формы, куда помещались вставки из цветного стекла (рис.-2, 3, 8, 9, 22, 27, 32, 33). Зафиксированы вставки почти черного, молочно-белого, зеленого, бирюзового, желтого, фиолетового цветов, также изредка прослежены тканевые вставки.

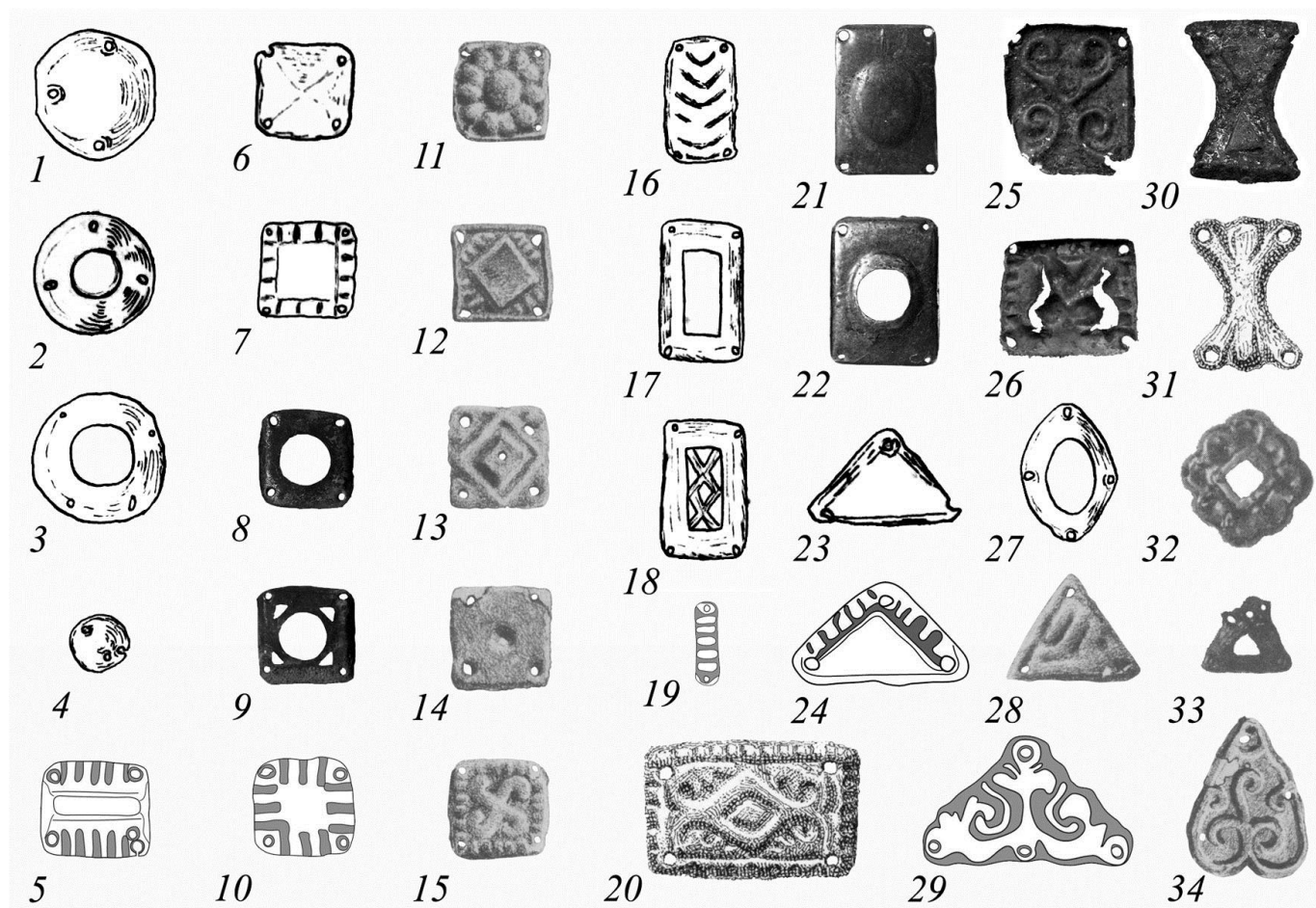
Крепились бляшки к головному убору при помощи ниток. В углах или по краям изделий пробивалось несколько отверстий, через которые они нашивались на тканевую основу. Необходимо отметить, что заусеницы по краям отверстий с изнаночной стороны не убирались. Тонкая серебряная фольга довольно часто рвалась либо еще в процессе изготовления изделия, либо уже при ношении. Результатом явились многочисленные ремонты бляшек в виде дополнительных отверстий, проколотых рядом с прорванными местами, а также находки отдельных бляшек в культурных напластованиях древнерусских городов.

Оригинальные изделия вызвали подражания, отличные по технологии производства (односторонние отливки, поверхность не позолочена) и применявшимся материалам (свинец или свинцово-оловянистые сплавы), подражания редки.

Популярность головных уборов, расшитых серебряными накладками, очень высока. Отдельные бляшки найдены в культурных слоях Рязани, Ростиславля Рязанского, Карачева, Ярополча Залесского, Дмитрова, Твери, Новгорода, Новогрудка, Любеча, Звенигорода, «полные» наборы – в вещевых кладах (Полтава, Владимир, Рязань, Торжок, Чермно) и в захоронениях городских и сельских некрополей XIII–XIV вв.

Аналогичные головные уборы и их детали были находимы за пределами Древнерусского государства, в зонах русского культурного влияния (Восточная Карелия) или являвшихся полигонами активного культурного обмена (совр. Восточная Литва, Молдавия).

Матрицы для изготовления тисненых бляшек аналогичных форм и размеров найдены в культурных слоях Киева, Чернигова, Новгородка, Рязани, Новгорода, Ярославля, имеются сведения о нескольких экземплярах из грабительских раскопок.

Нашивные серебряные бляшки от головных венчиков.
Масштабы разные

Представляется, что образцом для рассматриваемого типа головных уборов послужили «княжеские» венчики, украшенные накладками с изображениями святых, выполненными в технике перегородчатой эмали, датируемые XI, возможно, 1-й половиной XII в., местом производства которых считается Византия.

Подводя итоги, стоит отметить, что после выхода из употребления головных уборов с тиснеными бляшками техника украшения парадной одежды небольшими позолоченными накладками не исчезла из русской культуры. Аналогичными по технике изготовления нашивными украшениями расшивались облачения высших иерархов русской церкви XV–XVII вв.

О.С. Советова, О.О. Шишкина
Кемеровский государственный университет, Кемерово
НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ТЕПСЕЙСКОГО МИКРОРАЙОНА
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ

Гора Тепсей находится на правом берегу Енисея у места впадения в него Тубы. Здесь, у ее подножия, на надпойменной террасе протяженностью в 1 км, в 1960–1970-е гг. производились спасательные раскопки КЭ ЛОИА СССР под руководством М.П. Грязнова. Этот археологический микрорайон был разбит на 21 топографический пункт, в 19 из которых велись археологические работы. Здесь были обнаружены памятники 11 исторических периодов. Помимо раскопок проводилось документирование петроглифов. Несмотря на то, что задача комплексного исследования погребений, поселений и наскальных рисунков как таковая не ставилась, тем не менее это был беспрецедентный случай их одновременного изучения. В силу необходимости освоения огромных площадей в короткие сроки практически вне поля зрения остались рисунки, нанесенные на плиты тагарских курганов, за исключением М.Н. Пшеницыной, зафиксировавшей рисунки на плитах тесинского склепа Тепсей-ХVI. С 2012 г. петроглифы Тепсея стали объектом изучения кафедры археологии Кемеровского госуниверситета: обнаружены новые местонахождения рисунков, расчищены от лишайников десятки плоскостей с изображениями на скалах и на плитах курганов.

О присутствии человека на территории Тепсейского микрорайона еще в эпоху камня свидетельствуют находки отдельных каменных орудий. Древнейший пласт наскальных изображений связан с «минусинским» и «ангарским» стилями. Пока вопрос о датировке петроглифов этих стилей не решен. Среди археологических материалов бронзового века этой территории известны погребальные и поселенческие памятники афанасьевской, окуневской, андроновской, карасукской культур. Афанасьевские памятники Красноярской экспедицией были обнаружены в четырех пунктах у подножия горы: это могильники и одно поселение; позднее Н.А. Боковенко обследовал еще один могильник в Малиновом логу. Можно констатировать, что территорию под горой Тепсей люди начали заселять по меньшей мере с афанасьевской эпохи. Тепсей-Х остается пока единственным на Енисее афанасьевским поселением (не исключено, что это была летняя стоянка для рыбной ловли). Было выяснено, что афанасьевцы имели одомашненных животных: коров, лошадей, овец. Очевидно, у подножия Тепсей они проживали длительное время. На Тепсее обнаружены и окуневские могильники. Но самыми внушительными по объему являются материалы карасукской культуры – это два больших могильника, один из которых когда-то состоял из десятков, а может быть, и сотен могил. При мониторинге размыва берегов водохранилища обнаружено еще по меньшей мере три участка с остатками поселений, которые предположительно были отнесены к эпохе бронзы. Среди наскальных изображений эпохи бронзы на Тепсее выделяются окуневские и карасукские петроглифы. К эпохе ранней бронзы относятся уникальные сцены с роженицами, пополнившими известную серию. Выявленные недавно рисунки в пункте Тепсей-I, выполненные краской, предположительно также относятся к окуневской культуре. Но особенно разнообразны карасукские петроглифы, представленные несколькими изобразительными вариантами: среди них достаточно схематичные четырехногие весьма грузные фигуры с острыми ушами, с «шариками» на хвостах. Другую традицию представляют более изящные, но тоже довольно схематичные фигуры, у которых прорисовано по две ноги; а также группа изображений, выполненных предельно схематично по типу «проволочных» фигур. Самый выразительный сюжет – «кони у мирового дерева». Многочисленны изображения быков, пока не имеющие четкой датировки и условно отнесенные к эпохе бронзы по анализу палимпсестов.

Пожалуй, самый внушительный пласт археологических, в том числе и изобразительных источников микрорайона составляют объекты, относящиеся к тагарской культуре. На Тепсее обнаружены целые кладбища, состоящие из курганов подгорновского, сарагашенского

и тесинского этапов тагарской культуры. Было определено, что на подгорновском этапе уже проводились заупокойные тризны, когда в жертву приносились корова, лошадь, овца. На тесинском этапе зафиксировано сосуществование склепов и грунтовых могил, появились поминальники. Поселений данной культуры на территории микрорайона не обнаружено. Самым насыщенным, пожалуй, можно считать тагарский пласт петроглифов, в котором, как и в предыдущем, отмечается несколько изобразительных традиций, имевших, скорее всего, как местные корни, так и приемы, привнесенные извне. Много ярких образцов изображений – животных и людей. Проведенные исследования рисунков на плитах курганов позволили проследить длительную традицию использования этих камней для нанесения рисунков (от тагарской эпохи до этнографического времени), а также сравнить изобразительные традиции изображений на скалах и на камнях курганов. Отдельная группа рисунков относится к тесинскому этапу тагарской культуры. Она также самобытна, разнообразна и требует серьезного анализа, который, возможно, позволит пересмотреть некоторые традиционные датировки. О наступивших переменах свидетельствуют разнотипные захоронения, а также многочисленные батальные сцены на скалах. Проведенные исследования позволили представить, как могло выглядеть художественное оформление тесинского кургана склепа Тепсей-ХVI. Тщательное фотографирование плит с рисунками и последующая обработка фотографий позволили выявить неизвестные прежде сюжеты, включающие животных, птиц, охотников и др.

Особую категорию представляют материалы таштыкской культуры. Во время раскопок на Тепсее были исследованы два малых и два больших склепа, отдельные могилы, поминальники, а также небольшие остатки поселения. Редкой удачей было обнаружение в закрытых комплексах изобразительных материалов (деревянных плакеток с резными рисунками и др.), позволивших выявить особую таштыкскую изобразительную традицию и датировать большое количество изображений Минусинской котловины. Петроглифы таштыкской культуры долгое время практически не были известны на Тепсее. Но недавно были открыты новые серии гравированных рисунков на камнях тагарских курганов: бегущие быки, зубастые хищники, птицы. В погребениях были найдены также другие изображения: воина (служителя культа?) на стенке деревянного ящичка-гробика (но в наскальном искусстве пока подобных фигур нами не обнаружено) и плитка с изображением всадника (дискуссия о датировке серии подобных всадников продолжается). К тюркскому времени относятся захоронения, в том числе и с конем, следы разрушенных поселений. Одновременных изображений выявлено немало, но выразительных среди них немного. Знаменательным было открытие в свое время рунических надписей; отдельные плохоразличимые буквы нам периодически встречаются на скалах, но пока они не задокументированы. Археологических объектов более позднего времени здесь не выявлено, но этнографические петроглифы встречаются как на скалах, так и на камнях курганов (фигуры коней, тамги, антропоморфы и др.).

В своем роде микрорайон Тепсей уникален – археологически доказаны следы обитания здесь человека с эпохи камня, а в эпоху бронзы эти места были уже хорошо обжиты. На протяжении тысяч лет сосуществовали и сменяли друг друга археологические культуры. Проживая здесь, люди хоронили своих близких, совершали тризны, поминали усопших и наносили рисунки на скалах и курганных конструкциях. Тепсей с древности являлся сакральной территорией, о чем свидетельствуют материалы археологии и петроглифы. Наличие в окуневских и афанасьевских захоронениях белых аргиллитовых бус свидетельствует о том, что эти культуры развивались не в замкнутом кругу своих ближайших соседей, а во взаимодействии с культурами многих, порой далеких культур, то же относится и к другим археологическим культурам, например, обнаруженная среди тесинских предметов монета «ушу», свидетельствует о широких контактах местного населения в эту эпоху и т.д. Этот регион не был изолирован от внешнего мира: представили разных народов могли сосуществовать здесь на одном отрезке времени, о чем свидетельствуют разные типы захоронений, разнообразные предметы, а также сосуществование разных вариантов изобразительных традиций в наскальном искусстве.

В.И. Соенов, С.В. Трифанова
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
**ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА
ПРЕДКУДЫРГИНСКОГО ВРЕМЕНИ ВЕРХ-УЙМОН НА АЛТАЕ**

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ
(проект госзадания №33.1971.2017/ПЧ «Хозяйственная и социальная адаптация человека
к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена»)

В решении вопросов об исторической судьбе «булан-кобинцев» и их роли в формировании средневекового населения Алтая остается много невыясненных моментов. Пока даже не удалось достоверно определить и разделить памятники местного и пришлого населения раннетюркского периода, а также решить ряд принципиальных проблем, касающихся хронологии комплексов, преемственности или обособленности погребального обряда и материальной культуры гунно-сарматского и тюркского периодов. Сегодня есть основания полагать, что недавно начатые палеогенетические, изотопные, палеопаразитологические и другие специальные исследования позволят сделать существенный шаг в решении данных задач. В контексте указанных проблем интерес представляет могильник Верх-Уймон – один из памятников, непосредственно предшествовавший раннетюркским, судя по результатам новейших радиоуглеродных AMS-дат и анализу элементов погребального обряда и инвентаря.

Могильник находится на правом берегу Катуня, на окраине с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай. Впервые он упомянут Г.П. Гельмерсеном в середине XIX в. В 1984 г. С.М. Киреевым и В.А. Кочеевым снят план памятника, где отмечены 43 объекта, а также раскопаны четыре кургана, содержавшие конские костяки без инвентаря. В 1991, 1992 и 1995 гг. раскопки на могильнике производили В.И. Соенов и А.В. Эбель. Результаты работ первых двух сезонов (курганы №1–13) опубликованы. В 1999, 2003 и 2004 гг. В.И. Соеновым продолжено сплошное вскрытие площади в западном направлении от ранних раскопок. Общее количество изученных объектов на сегодняшний день – 40. Всего на могильнике зафиксировано более 70 курганов пазырыкского и гунно-сарматского времени.

Раскопанные погребения имели надмогильные сооружения в виде овальных каменных насыпей, ориентированных длинной осью преимущественно по линии В–З, иногда – со значительными отклонениями. В одном случае надмогильное сооружение отсутствовало, а погребение человека совершено в каменном ящике, впущенном в яму. Во многих могильных ямах имелись конские костяки на животе или на боку с подогнутыми ногами, головой в западный сектор. В северной или южной стенках ям фиксируется ниша или подбой, вход в который иногда перекрыт каменными плитами. Человеческие костяки в большинстве случаев находились в каменных ящиках, головой в западный сектор. Погребенные в основном были уложены вытянуто на спину, с прямыми или со слегка согнутыми руками и ногами. Инвентарь представлен остатками предметов вооружения и снаряжения коня, деталями одежды и украшениями, орудиями труда и др. (наконечниками стрел, кинжалами, палашами, накладками лука, панцирной пластиной, колчанными крюками, цурками, удилами, пряжками, остатками пояса, нашивными бляшками, подвесками, серьгами, диадемами, стамесками, ножами, рыболовными крюками, гарпуном, пряслицами, теслами и т.д.).

Элементы погребального обряда Верх-Уймона и предметы инвентаря имеют широкие евразийские аналогии в комплексах гунно-сарматского времени. В то же время объекты могильника по некоторым деталям погребений и специфике сопроводительного захоронения коня, составу и облику находок демонстрируют определенное сходство с раннесредневековыми погребениями кудыргинского типа VI–VII вв. н.э., что позволяет позиционировать могильник как предкудыргинский. Есть, конечно, важные отличия верх-уймонских погребений от кудыргинских, выражающиеся в разных внутримогильных конструкциях, ориентировке погребенных, а также в отсутствии таких маркеров как стремена и «геральдические» бронзы. Это эпохальные различия погребений гунно-сарматского и тюркского периодов.

В эпоху развитого бронзового века на обширной территории Саяно-Алтая проявляются признаки сложения культурной общности с очевидными чертами сходства в различных комбинациях признаков.

В Минусинской котловине ярко проявилась окуневская культурная традиция (ОКТ), на Алтае – каракольская культура, в Туве – так называемая окуневская культура Тувы (чаахольская культура).

Сходство каракольской культуры с окуневской настолько очевидно, что В.Д. Кубарев [1986в] первоначально представил ее, как «локальный вариант окуневской культуры на Алтае». В своей последней работе автор вновь возвращается к проблеме прямых культурно-исторических связей между каракольской и окуневской культурами, сожалея о поспешном, по его мнению, выделении каракольской культуры [Кубарев, 2009, с. 28].

Однако несмотря на очевидное сходство, между культурами имеются и значительные различия. В частности, в погребальном обряде – каракольские курганы сооружены без оград, которые являются ярким признаком окуневских памятников. Поза умерших в вытянутом положении на спине также не соответствует окуневской смертной позе, и, как следствие, каракольские каменные ящики оказываются значительно больше окуневских. К списку различий между каракольской и окуневской культурами следует добавить и поразительную многоцветность каракольских петроглифов. Конечно, красочные петроглифы известны и у окуневцев, но не в таком количестве. По всей видимости, эти различия отражают влияние местного субстрата, который принял миграционную волну из Минусинской котловины.

Таким образом, в каракольской культуре фиксируются два компонента – явный – окуневский и скрытый – автохтонный. Однако при анализе каракольских изображений начинает проявляться и третий компонент.

Наиболее ярко сходство между каракольской и ОКТ демонстрируют изображения на стенках каменных ящиков. Однако их аналогии в Минусинской котловине ограничиваются только двумя источниками – гравировки кургана Тас-хазаа [Липский, Вадецкая, 2006, табл. XVI, XVII, XIX–XXII] и небольшое количество скальных петроглифов. Петроглифы на скалах находятся вне контекста, поэтому основным источником изображений подобного типа становится курган Тас-Хазаа. Именно в гравировках на плитах кургана Тас-Хазаа можно увидеть аналогии каракольским изображениям. Весь известный пантеон окуневских божеств не имеет ничего общего с ни с тасхазинскими, ни с каракольскими образцами.

Таким образом, можно констатировать, что ни тасхазинские, ни каракольские изображения, в целом, не соответствуют канону классических окуневских стел. Да и сам курган Тас-Хазаа не относится к чисто окуневским, поскольку в нем захоронены в одних и тех же могилах не только окуневцы, но и афанасьевцы – обе группы со своей оригинальной керамикой. То есть эти необычные для окуневской иконографии рисунки могут относиться к творчеству афанасьевцев, а не окуневцев.

И тут возникает вопрос – как афанасьевское искусство дошло бы до нас, если погребения в соответствии с традиционной практикой совершались в грунтовых ямах без использования камня? Однако в курганах Тас-Хазаа и Камышта захоронения афанасьевцев совершались в каменных ящиках и цистах, которых до контакта с окуневцами афанасьевцы не сооружали.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе сосуществования афанасьевцы стали использовать окуневскую погребальную практику в каменных ящиках и могли воспринять окуневскую традицию наносить на плиты свои характерные рисунки. Здесь уместно вспомнить, что каракольские погребения были впущены в насыпь афанасьевского кургана в полном соответствии с окуневской практикой сооружения впускных погребений.

То есть афанасьевцы в значительной степени подверглись ассимиляции со стороны окуневцев и вошли составной частью в блок культур бронзового века Саяно-Алтая.

В могильнике Аймырлыг на р. Чаа-Холь, относящемся к так называемой окуневской культуре Тувы (чаахольская культура) также представлены каменные ящики без оград. Различия в положении умерших, заключаются в ориентации в северный сектор, тогда как минусинские окуневцы предпочитали западную, и юго-западную ориентировку. Другим отличием является положение скорченно на правом боку, что является довольно редкой ритуальной позой у окуневцев Минусинской котловины [Стамбульник, Чугунов, 2006, рис. 5]. Надо отметить, что керамический комплекс могильника Аймырлыг не противоречит представлению о близости к III хронологическому этапу Окуневской культуры [Соколова, 2007].

Однако кардинальное отличие «окуневцев Тувы» от минусинских окуневцев демонстрирует антропология умерших, которая не имеет ничего общего с минусинскими окуневцами. Это были европеоиды средиземноморского типа [Солодовников, Тур, 2003], в отличие от монголоидных метисов, которыми являлись окуневцы Минусинской котловины.

Таким образом, представители так называемой окуневской культуры Тувы (чаахольской культуры) – это группа европеоидного населения, которое воспроизвело признаки окуневской культуры, не являясь, на самом деле, родственной популяцией. В краткой предварительной информации эта культура была охарактеризована, как «во многом близкая» окуневской культуре Минусинской котловины [Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 45]. В этой связи, на наш взгляд, название «окуневская культура Тувы» несет в себе искаженную информацию, основанную на первом восприятии раскопок могильника Аймырлыг.

Подводя итоги, надо признать, что в эпоху ранней бронзы в Саяно-Алтае проходили процессы этногенеза, приведшие к распространению признаков, аналогичных окуневской культурной традиции. Этот процесс, отмеченный целым рядом археологов, мог проходить только в условиях миграции окуневского культурного комплекса на юг. В ходе этой миграции складывался блок культур разного происхождения, но имеющего близкие признаки в материальной и духовной культуре.

Библиографический список

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.

Кубарев В.Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986в.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Барнаул, 2009.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997.

Липский А.Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК. – 1949.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазая // Окуневский сборник-2. – 2006.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л., 1980.

Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курган Разлив X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник-2. – 2006.

Соколова Л.А. Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2007. – №2.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елуинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). – Барнаул, 2003.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник. – СПб., 1997.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980.

А.И. Соловьев, И.С. Гнездилова, А.Л. Нестеркина, Е.А. Соловьева
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
КУРГАННАЯ ТРАДИЦИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На Корейском полуострове расцвет курганной традиции приходится на эпохи *троецарствия* (III–VII вв.). Курганы начинают строиться в Когурё еще в I в. до н.э., в Пэкче – с начала III в., в Силла и Кая – с середины III в. и исчезают в середине VI в. в результате распространения буддизма [Ким Гиун, 2000, с. 7; Ким Гильсик].

Насыпи курганов сооружались из земли или камня. Курганы с каменной насыпью, часто четырехугольной ступенчатой формы, характерны для ранней традиции Когурё и Пэкче. Курганы с земляной насыпью были особенно популярны в Силла и Кая. В Силла они часто сооружались на каменном фундаменте. Насыпи имели округлую или 8-образную в плане форму. Пространство по периметру курганов часто ограничивалось подобием каменной оградки или рвом. Погребальные камеры сооружались до или после возведения курганной насыпи. На ранних этапах они были вертикальными, сооружались из камня или представляли собой грунтовую яму. На поздних этапах (IV–VI вв.) были популярны одно- и многокамерные курганы с погребальными камерами горизонтального типа с коридором или без него. Такие погребальные камеры сооружались в основном из каменных блоков. В культуре Силла сформировался особый тип погребальной камеры: она строилась из дерева, а после совершения захоронения, засыпалась породными обломками, над которыми затем уже возводилась земляная насыпь (знаменитая «Могила золотой короны» – *Кымгванчхон*). В большинстве случаев тело умершего помещалось в погребальную камеру в деревянном гробу или керамической урне.

Погребальный инвентарь варьирует в зависимости от района, культурной принадлежности и датировки. В целом в его состав входили предметы, указывающие на прижизненный социальный статус или род занятий погребенного: личные украшения, предметы конской упряжи, вооружение и доспехи, орудия труда, керамические сосуды. В насыпях курганов и у входов в камеры часто находят предметы, связанные с поминальными ритуалами. В Когурё и Пэкче предметы погребального инвентаря часто заменяли их изображением на стенах погребальных камер курганов.

Ранние курганы Корейского полуострова были одиночными сооружениями небольших размеров с погребальной камерой вертикального типа. Расцвет курганной традиции приходится на V в. В это время появляются монументальные курганы с земляной насыпью длиной более 100 м, и погребальными камерами горизонтального или вертикального «силлаского» типа с большим количеством погребального инвентаря. В конце VI в. курганная традиция в Корее переживает упадок: размеры курганов и количество инвентаря в их камерах уменьшаются. Данное явление, как предполагают исследователи, связано с проникновением буддизма из Китая и распространением его на территории Корейского полуострова и, как следствие, изменением погребального обряда [Ким Гильсик]. Таким образом, курганная традиция на территории Корейского полуострова оказывается связанной с буддизмом и Китаем.

Сооружение курганов на территории Китая отмечено с эпохи Западной Хань (206 до н.э. – 25 н.э.) до окончания эпохи Тан (618–907). Степень изученности погребальных сооружений разных периодов различается, менее всего изучены курганы периода Троецарствия (III в. н.э.). Насыпи курганов сооружались из земли, иногда устраивали склеп в горе, возводя над погребением земляную насыпь [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 55]. Конструкция чаще всего включает коридор-дромос, могильную камеру, которая может состоять из двух помещений, соединенных с коридором, и боковых комнат. Стены камеры, коридора и боковых камер облицовывались неокрашенной плиткой в два слоя в шахматном порядке. Известны случаи украшения стен могильных камер фресками. Потолок камеры выполнялся в виде свода или арки [Николаева, 2016, с. 58]. Погребальные комплексы эпохи

Западной Цзинь характеризуются наличием как одиночных, так и парных погребальных камер, прямоугольной или квадратной формы. Со временем длина дромоса увеличивается, коридор сужается. В период Троецарствия погребальные сооружения имеют шестичастное деление: дромос, передний коридор, передняя погребальная камера, боковые камеры с северной и южной стороны, задний переход и задняя камера. Погребальный инвентарь, как правило, располагался в одном из двух помещений могильной камеры – это ритуальные сосуды, оружие, доспехи и другие предметы. Предметный состав погребального инвентаря, как и размеры и конструктивные особенности курганов, соответствует статусному положению погребенного.

Продвижение буддизма далее на Восток определило распространение курганной традиции на территорию Японского архипелага. На Японских островах погребальные сооружения встречаются уже в ранние периоды: дзёмон (8000–2300 л.н.), яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.). Однако наибольшего развития практика сооружения курганов получила в период кофун (III–VII вв. н.э.). По форме внешней насыпи курганы делятся на 12 основных типов, четыре из которых – «квадратно-круглые» (именуемые также «в форме замочной скважины»), «квадратно-квадратные», «круглые» и «квадратные» получили наибольшее распространение. Насыпи курганов формировались ступенями, на которых по всему периметру устанавливались цилиндрические *ханива* [Хиросэ, 2015, с. 4]. На раннем и среднем этапах периода кофун в курганах сооружались вертикальные погребальные камеры, сложенные из небольших каменных блоков. Начиная со среднего кофуна распространение получили горизонтальные погребальные камеры, представляющие собой собственно погребальную комнату и коридор, для их создания стали применяться мегалиты. К среднему периоду относится и начало традиции декорирования стен погребальных камер орнаментальными мотивами, реже – сюжетными изображениями в курганах на территории о-ва Кюсю. Для погребения в кофунах на ранних этапах применялись деревянные колоды (гробы), со временем получили распространение каменные саркофаги различных типов. Погребальный инвентарь в камерах располагался как внутри саркофага – бронзовые зеркала, украшения (бусы, браслеты, «*магатама*»), так и снаружи – оружие, доспехи, конское снаряжение, орудия, керамические сосуды. Размеры курганов, характер инвентаря, включающий статусные предметы, отражают усложнение социальной структуры и выделение слоев знати в обществе эпохи кофун.

Истоки происхождения квадратно-круглых кофунгов отчасти находят в курганах периода яёй (*функюбо*), представляющих насыпь, окруженную рвом, через который с одной из сторон сооружался проход к центру насыпи [Imamura, 1996, с.13]. В целом же практика сооружения курганов для погребения представителей высшей знати, структурные элементы и элементы декора позволяют сделать вывод о распространении традиции с территории Китая через Корейский полуостров на Японские острова.

Библиографический список

Ким Гильсик. Курганы // Хангук когохак чонмун саджон (Кобунпхён) (Специализированный справочник по археологии Кореи (Курганы) [Электронный ресурс]. http://portal.nrich.go.kr/kor/archeologyUsrView.do?menuIdx=797&idx=2739&st_char=&sk= (дата обращения: 26.03.2017) (на кор. яз.).

Ким Гиун. Кобун (Курганы). – Сеул, 2000 (на кор. яз.).

Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди : учебное пособие для студентов отделения востоковедения. – Новосибирск, 2010.

Николаева Н.Ш. Некоторые особенности конструкции погребальных памятников Китая: От эпохи Хань до эпохи Тан // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Т. 15, №4. – Новосибирск, 2016.

Хиросэ К. Кофун ню:мон : справочник по кофунам. – Токио, 2015 (на яп. яз.).

Imamura K. Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia. – Honolulu, 1996.

К.Н. Солодовников¹, М.П. Рыкун²

¹*Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень;*

²*Томский государственный университет, Томск*

АФАНАСЬЕВЦЫ РЕКИ УРСУЛ ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-06-01916 «Популяционно-антропологическая структура скотоводов Поволжья и Алтая в эпоху раннего металла: происхождение и родственные связи населения ямной и афанасьевской культур»)

Исследованы краниологические материалы энеолита – ранней бронзы из могильников долины р. Урсул в центральной части Горного Алтая. Согласно последней культурно-хронологической схеме, большинство из них относится к афанасьевской культуре, а меньшее число – к выделенным особым памятникам куротинского типа, арагольскому и улитинскому типам погребений [Вадецкая и др., 2014]. Суммарно серия насчитывает 43 черепа разной степени сохранности, на которых удалось получить измерения и зафиксировать описательные признаки. Из них 19 мужских, 13 женских и 11 черепов неполовозрелых субъектов. Наибольшее количество материалов происходит из могильников Нижний Тюмечин-I, Кара-Коба-I, Ело-Баши, Ело-I, Первый Межелик-I. По средним данным, мужская и женская серии характеризуются длинной долихокранной высокой черепной коробкой, широким лбом, широким средневысоким ортогнатным и клиногнатным лицом, низкими орбитами, высокими носовыми костями и очень большим углом выступания носа, и по средним краниометрическим характеристикам проявляют характерные особенности протоевропеоидного палеоевропейского антропологического типа. Его появление на Алтае-Саяно-Хангайском нагорье связано с масштабными миграциями древнескотоводческого населения восточноевропейского происхождения [Дебец, 1948; Солодовников, 2003]. При этом наибольшее сходство горно-алтайских групп прослеживается с краниологическими сериями Волго-Уралья [Хохлов и др., 2016].

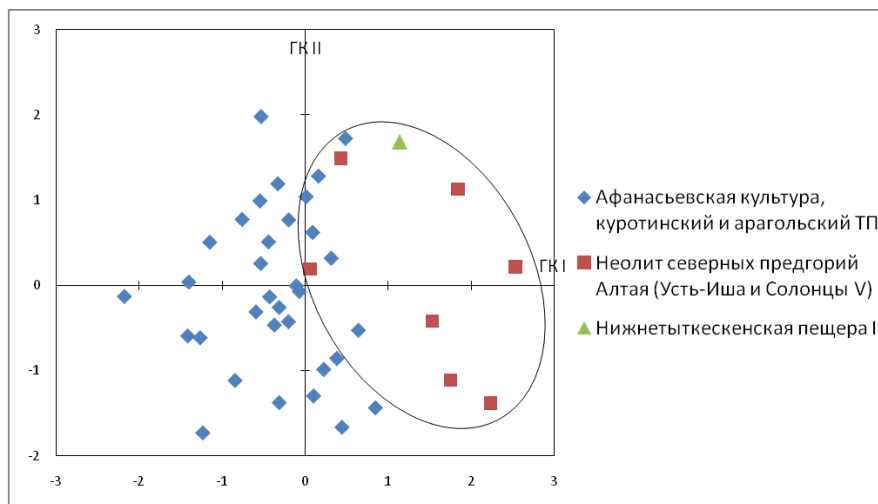
Однако за средними характеристиками суммарной серии р. Урсул обнаруживается существенное морфологическое разнообразие. Помимо преобладающих длинноголовых протоевропеоидных форм, на единичных черепах (женский из погребения улитинского типа Карасу-II, кург. 1, погр. 2) прослеживается иной комплекс признаков – мезо-брахикранная форма невысокой черепной коробки, уплощенное по горизонтали широкое лицо. Он сближается с антропологическими особенностями автохтонного населения Алтае-Саянского региона, проявляющимися на краниологических материалах доафанасьевского и постафанасьевского времени Горного Алтая (черепа из Нижнетыткескенской-I и Каминной пещер, каракольской культуры Горного Алтая) [Чикишева, 2012]. На отдельных черепах (мужские из могильников Нижний Тюмечин-I, огр. 7; Теньга-IV, огр. 1) эти особенности присутствуют в уже смешанном виде с основным европеоидным компонентом. Встречаются и «чисто» европеоидные брахикранные черепа (Первый Межелик-I, огр. 10), чьи морфологические особенности возможно рассматривать в связи с участием в миграциях восточноевропейского населения на Восток брахикранных протоевропеоидов, широко расселенных в синхронное время на Нижней Волге и в Предкавказье [Солодовников, 2003]. Выявляются существенные различия и между группами населения афанасьевской культуры, оставившими отдельные могильники (на примере численно наиболее крупных серий из некрополей Нижний Тюмечин-I и Кара-Коба-I). В то же время значимых антропологических отличий между населением, оставившим памятники собственно афанасьевской культуры, и оставившими могильники куротинского типа, по материалам с р. Урсул не обнаруживается.

Таким образом, выявлена морфологическая неоднородность и антропологическая многокомпонентность населения энеолита – ранней бронзы долины р. Урсул. Связана она с различным происхождением групп населения, отличающихся в культурном отношении. Значимым результатом является обнаружение антропологических свидетельств единичных контактов с потомками местного доафанасьевского населения. Осуществлялись они, по-видимому, преимущественно через женскую часть популяции или население, оставившее отличные от собственно афанасьевской культуры типы погребений [Солодовников, Рыкун, 2016]. Однако палеоантропологически проявляющиеся контакты афанасьевского населения

с автохтонными группами выявляются и при статистическом анализе мужских материалов. При факторном анализе данных индивидуальных измерений черепов мужчин афанасьевской культуры, куротинского типа памятников и арагольского типа погребений Горного Алтая совместно с неолитическим черепом из Нижнетыткескенской пещеры-I на Средней Катуни и черепами из неолитических могильников северных предгорий Алтая первая главная компонента отделяет европеоидные краниокомплексы от местных промежуточных европеоидно-монголоидных (табл.). Однако ряд черепов из погребений афанасьевской культуры и куротинского КТ с рек Урсул (Теньга-IV, огр. 1; Нижний Тюмечин-I, огр. 7; Нижний Тюмечин-V, кол. 1; Кара-Коба-I, огр. 11) и Нижней Катуни (Чепош-III, огр. 2; Кор-Кобы, огр. 1) морфологически тяготеют к последним. При этом наблюдается небольшая трансгрессия, которую обеспечивают черепа из неолитического могильника Солонцы-V (рис.). Эти данные могут свидетельствовать о реальности антропологического взаимодействия пришлого протоевропеоидного палеоевропейского населения с местными популяциями, по крайней мере, в северной части Горного Алтая.

Факторные нагрузки двух первых главных компонент (I–II) мужских черепов

Признак	ГК I	ГК II
1	-0,071	-0,455
8	0,611	-0,333
20	-0,121	-0,338
9	-0,425	-0,679
32	-0,616	0,230
45	0,708	-0,147
48	0,497	-0,470
72	0,180	-0,362
77	0,706	0,452
$\angle Zm'$	0,620	-0,101
51	0,399	-0,077
52	0,319	-0,420
55	0,483	-0,577
54	-0,165	-0,321
75(1)	-0,460	-0,209
SC	-0,312	-0,484
SS	-0,376	-0,724
λ	3,589	2,955
P, %	21,111	17,383

Положение мужских черепов в пространстве I и II главных компонент (ГК) по результатам факторного анализа

Библиографический список

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул, 2014.

Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М. ; Л., 1948.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. – №10. – Горно-Алтайск, 2003.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П. Новые антропологические данные к вопросу о взаимодействии населения афанасьевской культуры с автохтонным населением на территории Горного Алтая // Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий : тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA_2016.PDF

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №3 (34). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. – Новосибирск, 2012.

А.В. Сомов, К.М. Андреев
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(на основе анализа комплекса поселения Калмыковка-I)

Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания
Минобрнауки РФ, проект №33.1907.2017/ПЧ

Лесостепное Поволжье является ключевым регионом для понимания процесса неолитизации европейской части России, а также установления закономерностей развития неолитических керамических традиций сопредельных территорий [Выборнов, 2008]. Данный вопрос рассмотрен на основании анализа достаточно представительного неолитического комплекса стоянки Калмыковка-I. Помимо общей характеристики морфологических групп керамики поселения, проведено их сравнительное сопоставление с комплексами сопредельных регионов, определены истоки формирования и направленность связей.

Поселение Калмыковка-I расположено на р. Сок, исследовалось экспедицией СГСПУ в 2014–2016 гг., общая вскрытая площадь составляет 384 кв. м. Неолитическая керамическая коллекция представлена посудой средневожской культуры развитого – позднего неолита, а также, возможно, небольшой группой керамики позднего этапа елшанской культуры [Андреев и др., 2016, с. 130]. Всего было выявлено около 330 фрагментов примерно от 72 сосудов. С точки зрения морфологии представленные сосуды допустимо разделить на три типологические группы, которые маркируют этапы развития орнаментальной традиции в неолите региона.

Первая группа представлена сосудами без орнамента и украшенными лишь поясками ямок или жемчужин под срезом венчика. Венчики в основном прямые, реже имеют слабопрофилированные очертания. Все сосуды изготовлены из илистой тощей глины. Типологически и технологически данная керамика близка материалам елшанской культуры. Аналогичная посуда широко представлена на ряде раннеолитических памятников региона (Ивановская, II Старо-Елшанская, Ильинская, Лебяжинка-IV и т.д.). Керамика сходного типа обнаружена на стоянках Ивница и Васильевский Кордон-VII Среднего и Верхнего Подонья [Смолянинов, 2009, с. 29; Сурков, 2014, с. 134–145], на многочисленных раннеолитических стоянках лесного Марийского Поволжья, верхнего Поочья: Городок-I, Старое Щербинино-XV и Новое Щербинино-V, на р. Вятке – Кошкинская стоянка. Материалы обозначенных регионов с раннеолитическими комплексами лесостепного Поволжья объединяют ряд признаков: формы сосудов, способы орнаментации, использование илстых глин и др. Примечательно, что комплексы данных поселений и поздние материалы елшанской культуры имеют сходные даты, относящиеся к началу VI тыс. до н.э. [Андреев и др., 2012, с. 195]. По всей видимости, носители елшанской керамической традиции способствовали неолитизации ряда регионов расположенных к северу и западу от лесостепного Поволжья.

Вторую группу составляют венчики и фрагменты стенок, орнаментированные наколами разных форм (подквадратной, подовальной и подтреугольной), которые наносились как разреженно, так и в отступающей манере, они образуют мотивы: горизонтальные и диагональные ряды, косую решетку, зигзаги и др. По результатам технико-технологического анализа, сосуды данной группы изготовлены из илстых глин и из ила. Примечательно, что илы широко использовались при изготовлении неолитической посуды нижневожским населением, для которого характерно преобладание накольчатой орнаментации на протяжении всего новокаменного века [Юдин, 2004, с. 105]. Наибольшую близость с нижневожскими комплексами проявляет посуда, орнаментированная наколами стоянок бассейна реки Самары, она проявляется как на уровне изготовления сосудов, так и на уровне их орнаментирования [Сомов, 2016, с. 56]. На наш взгляд, допустимо предположить, что накольчатая орнаментальная традиция лесостепного Поволжья формируется на основе первой группы керамики (елшанского или постелшанского типа), при участии степных культур (нижневожского населения). Аналогичная посуда выявлена на подавляющем большинстве стоянок лесостепного Поволжья, время ее

бытования относится к началу VI – 1-й четверти V тыс. до н.э. Концом VII–VI тыс. до н.э. датируется накольчатая посуда второго слоя Варфоломеевской стоянки [Барацков, 2015, с. 150], которая, по всей видимости, стала основой формирования накольчатой керамической традиции лесостепного Поволжья. В то же время накольчатая керамика лесостепного Среднего Подонья имеет ряд отличий от средневожской (днища острые, наколы скобковидные и др.) [Синюк, 1986, с. 180], в большей мере сходство проявляется с накольчатой посудой Верхнего Дона [Смолянинов, 2009, с. 29; Сурков, 2014, с. 134–145].

К третьей группе относится посуда, украшенная оттисками короткого (зубчатого) и длинного (гребенчатого) штампа, она широко представлена в керамических комплексах стоянок средневожской культуры [Сомов, 2015, с. 23]. Данная орнаментальная традиция формируется, вероятно, на местной основе, при ее изготовлении, как и ранее, доминирует илистая глина, уменьшается процент сосудов с добавлением раковины в тесто. Время бытования обозначенной керамической традиции в регионе – конец VI – начало V тыс. до н.э. Стоит отметить, что короткий зубчатый штамп широко использовался населением Сурско-Мокшанского междуречья [Выборнов, Третьяков 1988, с. 34], а также Среднего и Верхнего Подонья [Синюк, 1986; Гапочка, 2001; Сурков, 2014; Смолянинов, 2009]. Не исключено, что источником распространения данной керамической традиции также являлось лесостепное Поволжье, хотя данный тезис требует дополнительного обоснования, ввиду недостаточной разработанности абсолютной хронологии комплексов данного типа в обозначенных регионах. Традиция орнаментации неолитической посуды лесостепного Поволжья длинным гребенчатым штампом появляется в период существования в регионе зубчато-накольчатой. Предположительно, она является заимствованной у представителей камской неолитической культуры, о чем свидетельствует достаточно широкое распространение в среде ее изготовителей традиции отбора глин и введения шамота в значительной концентрации при изготовлении посуды, а также близость многих мотивов орнамента. Обозначенная группа бытует в лесостепном Поволжье до конца V тыс. до н.э. [Выборнов, 2008, с. 242], сосуществуя на заключительных этапах своего развития с неолитическими коллективами.

Библиографический список

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – Т. 14. – №3.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Сомов А.В. Новые неолитические материалы стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. – Т. 18. – №3.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. – Куйбышев, 1988.

Гапочка С.Н. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой лесостепного Дона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2001.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. – Воронеж, 1986.

Смолянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

Сомов А.В. Развитие керамической традиции на основе материалов неолитической стоянки Калмыковка I // XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Йошкар-Ола, 2016.

Сомов А.В. Новая стоянка раннего неолита в лесостепном Поволжье // XLVII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Кострома, 2015.

Сурков А.В. К вопросу о раннем неолите Верхнего Дона // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк, 2014.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов, 2004.

А.Н. Сорокин
Институт археологии РАН, Москва
ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ
МЕЩЁРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Мещёрская низменность – аллювиально-зандровая равнина, сформировавшаяся в депрессии земной коры в границах московской мульды. Территориально она занимает значительные участки трех областей Европейской России – Владимирской, Московской и Рязанской. Ее основные морфоскульптурные черты сложились под воздействием талых ледниковых вод московского оледенения, когда она прошла стадию приледникового водоема [Асеев, Веденская, 1962]. Во времена валдайского оледенения, несмотря на общую высокую обожженность, значительная часть ее поверхности уже обсохла и была доступна для заселения. Подобная возможность определяется и нахождением региона за «буферной зоной», однако наиболее ранние из известных материалов относятся лишь к финалу плейстоцена.

Исследование каменного века территории Мещёрской низменности берет свое начало с конца XIX в. Наиболее продуктивным был отрезок 1975–1995 гг., когда было открыто максимальное число из ныне известных финально-палеолитических и мезолитических стоянок и раскопано свыше 40 из них. Этим была по существу создана современная источниковедческая база региона.

Главная специфика геоархеологических объектов зандровых низменностей состоит в отсутствии мультислойчатых напластований, компрессионности культурных слоев, малочисленности или полном отсутствии фауны и изделий из органических материалов, предельной минимизации артефактной базы и иных признаков человеческой деятельности, а также опосредованной взаимосвязи материальных остатков с почвенными горизонтами и единичности гомогенных комплексов. Механизм седиментации геологических напластований и генезиса культурных слоев стоянок зандровой зоны Евразии един и своеобразен: он не способствует формированию развитой стратиграфии на массе азральных, эоловых и водно-аккумуляционных форм рельефа. Стратиграфия, фиксируемая в ходе раскопок зандровых геоархеологических объектов, отражает, как правило, естественные почвенные профили с минимумом признаков человеческого обитания. Вместе с тем это результат длительного постседиментационного воздействия почвенных и других природных процессов на места обитания древних популяций [Wood, Johnson, 1978]. В результате стандартной замедленности осадконакопления и разнообразных почвенных метаморфоз отстоящие друг от друга эпизоды обитания и разновременные материальные остатки бывают стандартно спроецированы на одну «плоскость», в единый компрессионный горизонт. В силу этого мы, постоянно фиксируя разницу в имеющихся материалах, практически не можем развести разные события во времени и четко определить конкретные моменты заселения, выделить признаки реальных палеоиндустрий, разделить их на прижизненные гомогенные комплексы. В итоге, постоянно встречая артефакты разных популяций, залегающие на одних и тех же уровнях, мы не знаем, был ли реальный контакт населения или все эти изделия «взаимодействовали» в ходе естественных процессов, не имеющих ни малейшего отношения к общению разных людей друг с другом. Как показала практика, в случае повторного заселения места из-за ряда объективных причин неизбежно функционирование феномена натурации [Сорокин, 2002; 2016]. Натурацию следует рассматривать как закономерный, но псевдоисторический феномен. По существу, это естественная «мутация» исторических процессов, не более чем их «кривое зеркало».

В финале плейстоцена на территории Циркумполярной зоны Западной и Восточной Европы известно не менее пяти финально-палеолитических культур – это гамбург, федермессер, лингби, аренсбург и свидер. В пределах Центральной России представлены материалы лишь двух из них – лингби и аренсбург, являющихся, как

полагают, разными этапами развития мадленского технокомплекса [Taute, 1968; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975]. Анализ показывает, эти аналогичные восточно-европейские материалы являются не просто дериватами известных западноевропейских культур, но это собственно памятники культур бромме [лигби] и аренсбург [Сорокин и др., 2009]. Кроме того, здесь имеются памятники рессетинской культуры, население которой, по-видимому, унаследовало традиции «восточного граветта» и хронологически предшествовало носителям мадленского технокомплекса [Сорокин, 1989; 2008; Сорокин и др., 2009].

В эпоху мезолита на территории Центральной России, и Мещёрской низменности в частности, проживало население заднепильевской, култинской и пургасовской культур. Генезис первой из них связан с развитием в голоцене граветтских традиций, если точнее – индустрии рессетинской культуры. Происхождение култинских древностей связано с населением приуральской традиции, генезис пургасовской индустрии точной интерпретации пока не поддается.

Анализ охотничьего вооружения наиболее представительных мещёрских коллекций позволяет говорить о присутствии в них несомненных рессетинских, броммийских, заднепильевских и пургасовских артефактов. «Култинский компонент» из-за отсутствия гомогенных комплексов в мещёрских материалах достоверно не выделяется. Состояние источниковедческой базы финального палеолита и мезолита в силу особенностей геоархеологических объектов зандровых низменностей весьма далеко от идеального. Чаще всего мы имеем дело с механически (точнее природно-) смешанными материалами. Тем не менее есть два достоверных случая (Шильцева Заводь-5 и Исток-1), когда заднепильевские материалы перекрывают броммийско-аренсбургские комплексы, то есть асимметричные наконечники предшествуют наконечникам с вентральной ретушью. Соотношение материалов других культур не установлено. Реальный выход из создавшейся патовой ситуации состоит в изучении мультислойчатых напластований, представленных в пределах зандровых низменностей шлейфами «болотных поселений», конусами выноса и слоистыми отложениями высоких пойм [Сорокин, 2012]. В случае их планового изучения последующие исследования могут внести существенные коррективы в предложенную картину.

Библиографический список

- Асеев А.А., Веденская И.Э. Развитие рельефа Мещёрской низменности. – М., 1962.
- Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. – М., 1989.
- Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. – М., 2002.
- Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. – М., 2008.
- Сорокин А.Н. Многослойные памятники Русской равнины: состояние и перспективы // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Вып. 1. – Иркутск, 2012.
- Сорокин А.Н. Очерки источниковедения каменного века. – М., 2016.
- Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. – М., 2009.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p. n.e. – Warszawa, 1975.
- Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen im Nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. – Köln, 1968.
- Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory / Ed. by M.B. Schiffer. – Vol. 1. – New York, 1978.

С.В. Сотникова

Тобольский педагогический институт, филиал ТюмГУ, Тобольск

О ФОРМИРОВАНИИ АЛАКУЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ:
К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В некоторых алакульских некрополях встречаются могилы, в которых помимо костяков погребенных встречаются отдельные человеческие кости, не имеющие отношения к основным захоронениям. Такие комплексы зафиксированы в алакульском могильнике Ермак-IV (Нововаршавский р-он, Омская область). Особый интерес представляют могилы 1 и 7. **Могила 7** – не рядовое захоронение, а целый ритуальный комплекс, свидетельствующий о достаточно сложных представлениях об обществе и мире. Дадим краткое описание этого захоронения. Могила 7 находилась несколько в стороне от остальных захоронений, имела размеры 220 × 120 см и была углублена в материк на 65 см, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Могила содержала два погребения на разных уровнях. *Погребение 1 (верхнее)*. Находилось на глубине 10 см от уровня материка. Оно занимало юго-восточную часть ямы, северо-западная была пуста. Умерший ребенок 6–7 лет захоронен в сильно скорченном положении на левом боку, головой на СЗ. Рядом с погребенным положено два черепа (без нижних челюстей) от взрослых особей коров. Под ребрами костяка – нижняя челюсть взрослого самца лошади. На глубине 50 см от уровня материка в центре ямы находилась задняя половина туши овцы с эмбрионом (незадолго до рождения), разрубленная по грудной клетке. Овца была положена на живот с подогнутыми задними ногами. Положение ног костяка овцы позволяет установить, что она была ориентирована головой на ЮВ, что совпадает с ориентацией головы человека из нижнего погребения. В юго-восточной части ямы обнаружены две тазовые, одна берцовая кость лошади и две передние ноги коровы. На этом же уровне вдоль стен прослеживались фрагменты сгоревшей обкладки, а в центральной части ямы – две плахи сгоревшего перекрытия. У северо-западной и северо-восточной стенок зафиксированы пятна прокаленного суглинка. Все кости животных располагались выше перекрытия, следов огня на них нет. На глубине 55 см от уровня материка, ближе к центру ямы, обнаружена нижняя челюсть, принадлежащая женщине (?) 18–20 лет без следов огня и несколько разрозненных костей от скелета человека (позвонки, ребра), которые, скорее всего, принадлежали мужчине из нижнего погребения. Вероятно, в могилу была (преднамеренно – ?) положена нижняя женская челюсть. На этом же уровне зафиксирован верхний край обкладки нижнего погребения. Торцевые стороны обкладки имели мощные прокалы. *Погребение 2 (нижнее)* находилось на дне могильной ямы. Сохранилась рама из деревянных плах и перекрытие в юго-восточной части со следами огня. Отдельные разрозненные кости скелета человека (позвонки, ребра, тазовые кости, кости рук) занимали юго-восточную половину ямы, северо-западная была пуста. В могиле обнаружены далеко не все кости скелета, их анатомическое положение нарушено, однако некоторые из них – позвонки, кости рук, тазовые кости – находились в сочленении. Возле юго-восточной стенки, под обгоревшей плахой перекрытия располагался вверх теменной частью полный череп человека (с нижней челюстью), который принадлежал мужчине (?) 35–40 лет. Вероятно, спустя какое-то время после совершения захоронения мужчины погребальная камера была подожжена с торцовых сторон. Огонь затронул те части скелета, которые непосредственно соприкасались с обкладкой и перекрытием. Значительно обгорели череп и кости рук мужского костяка. В центральной части ямы обкладка возле юго-западной стенки не имела следов воздействия огня, так же как и кости скелета, находившиеся в этой части ямы. На дне у северо-восточной стенки ямы, ближе к северному углу, обнаружен бронзовый нож, не подвергшийся действию огня [Сотникова, 1986].

Могила 1 имела размеры 200 × 80 см, глубина 90 см от уровня материка. Ориентирована ЗСЗ–ВЮВ. На глубине 25 см от уровня материка обнаружен череп крупного рогатого скота. Могила содержала два погребения – на глубине 40–50 см и 70 см от уровня

материка. *Погребение 1* сильно нарушено. На глубине 40 см в северо-восточной части ямы обнаружен раздавленный череп ребенка в возрасте 3–6 месяцев. Поверх черепа, на боку лежал сосуд, повернутый дном к северной стенке. Остальные кости скелета младенца обнаружены на этом уровне и ниже в восточной части могильной ямы. На глубине 50 см от уровня материка встречены разрозненные кости (нижняя челюсть и плечевая, локтевая, лучевая кости левой руки), принадлежащие женщине в возрасте около 25 лет. Здесь же были найдены фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатой качалкой. У северной и южной стенок прослежены остатки обгоревшего дерева. *Погребение 2* находилось на глубине 70 см от поверхности материка. Принадлежало подростку в возрасте около 9 лет, который был захоронен скорченно, на левом боку, головой на СЗ. В головах – целый сосуд и два крупных фрагмента от разных сосудов. Рядом с костяком обнаружена бронзовая пластинка [Сотникова, 1984].

Вероятно, в могилу 7 была преднамеренно помещена нижняя женская челюсть, а в могилу 1 – нижняя челюсть и кости левой руки женщины, поэтому вряд ли следует рассматривать эти находки как самостоятельные погребения.

Подобные ситуации зафиксированы и на других андроновских могильниках. В Лисаковском-I могильнике в погребении 4 ограды В (постройка 11, группа А) на дне у СЗ стенки располагался на боку сосуд, а в южной половине найдена челюсть человека [Усманова, 2005, с. 21].

Для интерпретации подобных находок, по-видимому, не следует пренебрегать достаточно отдаленными этнографическими параллелями, так как они могут оказаться вполне работающими. В данном случае вполне уместно сослаться на этнографическое описание Шатобриана об исходе начезов из своих старых племенных территорий под давлением ирокезов. Шествие открывали воины, несшие костные останки предков, а замыкали процессию женщины с новорожденными на руках [Топоров, 1997, с. 144]. В данном шествии выражена модель жизни коллектива во временном аспекте – от предков прошлого к потомкам будущего. Переселение на новую территорию (военный захват, экономическая необходимость, вытеснение с прежних земель) требовало не только ее практического, но ритуального освоения, что предполагало выделение ритуального центра и проведение ритуальных границ. Вероятно, это и делало «чужое» пространство «своим». В процессе создания нового сакрального пространства, по-видимому, имело место ритуальное возвращение к начальным временам творения мира. Сакральным пространственно-временным центром мог быть могильник, где в первую очередь предавались земле кости предков, принесенные с прежней территории. Своим присутствием они восстанавливали модель существования коллектива во времени – от предков к потомкам, но уже на новой территории.

Таким образом, переселение алакульских коллективов на новую территорию, сопровождавшееся формированием новых некрополей, вероятно, не следует рассматривать лишь как простое перемещение в пространстве. В ходе переселения происходило ритуальное восстановление целостности сакрального мира как во времени, так и в пространстве.

Библиографический список

Сотникова С.В. Отчет о разведке левого берега р. Иртыш в Нововаршавском и Таврическом районах Омской области в 1983 г. // Архив МАЭ ОмГУ. – 1984а. – Ф. 2. – №36–1.

Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1985 году // Архив МАЭ ОмГУ. – 1986. – Ф. 2. – №47–1.

Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического круга. – М., 1997.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда ; Лисаковск, 2005.

Н.Ю. Сперанская¹, И.Г. Чухина², Н.В. Григорьева³, М.Ю. Соломонова¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул;*

²*Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова,*

³*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ФИТОЛИТОВ ПОГРЕБЕННОЙ ПОЧВЫ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ

Палеоботанические исследования культурных напластований Земляного городища в Старой Ладоге ведутся уже более 10 лет. Пробы для изучения неоднократно отбирались как из культурного слоя средневекового поселения, так и из подстилающей погребенной почвы и материковых отложений.

Исследованиями было определено несколько палинокомплексов, характеризующих растительность для каждого из периодов формирования почвенных отложений. Результаты карпологического анализа выявили комплексы сорно-рудеральных, опушечно-лесных, луговых (включая болотно-луговые и прибрежно-лугово-болотные) и культурных растений.

В свете существующей дискуссии о наличии земледелия у ранних поселенцев Ладоги особое внимание уделялось исследованию погребенной почвы, которая на всей исследованной в 1999–2013 гг. площади (раскопы 3, 4, 5 Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством А.Н. Кирпичникова) залегает наклонно, в противоположную от реки сторону, повторяя особенности палеорельефа местности. Верхняя часть погребенной почвы сильно перемешана, насыщена включениями колотых камней, щепок, угольков и кусочков обожженной глины, которые могли попасть в этот слой либо в процессе его распашки, либо дополнительно привносились при освоении разрыхленной поверхности под жилую застройку [Александровский и др., 2010].

На поверхности погребенной почвы по данным исследователей определяются полосы, оставленные от многолетней распашки грунта. Помимо этого, как основной признак земледелия, указывалась резкая и ровная нижняя граница распаханной толщи. Также указывались цветовые различия: пашенный суглинистый горизонт отличался буровато-темно-серым цветом, от сизовато-темно-серого, гомогенного по своему составу, подпашенного горизонта. Мощность верхнего пашенного горизонта варьирует в зависимости от локальных участков, где могло происходить сплывание профиля или, наоборот, его нарастание. В 2010 г. на границе черного гумусированного слоя и материковой глины были выявлены следы «тычков» от лопаты, интерпретируемых как следы огородничества. Проведенный химический анализ погребенных почв показал высокое содержание фосфора, что связано, по мнению авторов, с формированием почв на озерном иле, благодаря которому почвы обладали высокой плодородностью [Александровский, 2012; Александровский, Долгих, 2012]. Наличие большого количества фосфора по-другому объясняется командой исследователей Санкт-Петербургского музея почвоведения им. В.В. Докучаева. По их заключению, данная территория в раннесредневековое время из-за повышенной гидро-морфности могла использоваться лишь как стойловая площадка для скота.

В итоге карпологических исследований в погребенной почве обнаружено очень малое количество культурных злаков. Всего 58 зерновок, среди которых просо (24 шт.), ячмень (21 шт.), пшеница (9 шт.), овес и рожь (по 2 шт.). Такое количество кажется совсем незначительным по сравнению с общим количеством хорошо сохранившихся и определенных в погребенной почве плодов и семян дикорастущих растений (более 17 тыс. шт.) [Чухина и др., 2014, 2015].

Для получения дополнительных доказательств наличия посевов культурных злаков на участке Земляного городища из южной стенки раскопа 5 в 2013 г., наиболее приближенной к квадратам со следами пахотного орудия, через каждые 5 см на всю высоту стенки раскопа были отобраны пробы почвы для фитолитного анализа. Обработка почвенных проб проводилась методом, описанным А.А. Гольевой [2001].

Во всем объеме изученных проб, отобранных из погребенной почвы, было выявлено несколько фитолитных морфотипов: трихом и полилопастных трапециевидных частиц, характерных для луговых и лесных злаков; волнистых пластинок, которые, как правило, образуются у ксероморфных злаков; длинных частиц, продуцируемых как однодольными, так и двудольными растениями; двулопастных коротких частиц, которые преимущественно относятся к так называемым «*Stipa*-гантелям», производятся различными по своей экологической специфичности злаками [Сперанская и др., 2013] и отличаются от двулопастных коротких частиц классической формы, характерных для подсемейства просовидных (*Panicoideae*) [Bremond et al., 2008]; фитолиты веерообразной формы, свойственные тростнику (род *Phragmites*) и являющиеся индикаторами прибрежно-водных местообитаний [Гольева, 2001]; а также специфичные фитолиты хвойных растений.

Помимо фитолитов в ряде проб были обнаружены створки диатомовых водорослей, спикулы губок, которые указывают на периодичность подтопления участка. Нахождение небольшого количества пыльцы хвойных в совокупности с фитолитами хвойных может свидетельствовать о том, что, по крайней мере, вблизи участка исследования произрастали виды хвойных растений.

Стратиграфическое распределение и состав фитолитов материковых слоев и погребенной почвы подтверждает ранее высказанные исследователями концепции развития ландшафтно-природных условий региона Нижнего Поволжья, тесно связанных с колебаниями уровня воды р. Волхов.

Фитолитов культурных злаков, тонких зубчатых палочек, имеющих длинные, часто разветвляющиеся (дендрической формы) зубцы, которые формируются в колосковых чешуях культурных злаков, в составе проб погребенной почвы обнаружено не было. Данное обстоятельство вновь возвращает нас к вопросу о характере земледелия в Ладоге 2-й половины I тыс. н.э.

Библиографический список

Александровский А.Л. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладого // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. – Вып. 3. – СПб., 2012.

Александровский А.Л., Долгих А.В. Почвенно-географические исследования в Старой Ладоге в 2010 г. // Староладожский сборник. – Вып. 9. – СПб., 2012.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладого // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. – Т. I. – М., 2010.

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. – М. ; Сыктывкар ; Элиста, 2001.

Сперанская Н.Ю., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М. Трихомы и лопастные фитолиты растений как возможные индикаторы мезофильных сообществ при реконструкции растительности // Приволжский научный вестник. – 2013. – №11 (27).

Чухина И.Г., Радыш Д.А., Григорьева Н.В. Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 года в Старой Ладоге // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии : по материалам XVII чтений памяти Анны и Дмитрия Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.) – СПб., 2014.

Чухина И.Г., Радыш Д.А., Григорьева Н.В. Опыт сопоставления результатов карпологиических исследований Земляного городища Старой Ладого и городища Камно // Археология и история Пскова и Псковской земли. – М. ; СПб., 2015. – Вып. 30.

Bremond L., Alexandre A., Wooller M.J., Hély Ch., Williamson D., Schäfer P.A., Majule A., Guiot J. Phytolith indices as proxies of grass subfamilies on East African tropical mountains // Global and Planetary Change 61. – 2008.

Е.В. Степанова
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОЛОВНОГО УБОРА ВОЖДЯ
ИЗ 2-го ПАЗЫРЫКСКОГО КУРГАНА

Из 2-го Пазырыкского кургана происходит замечательное навершие, которое является одной из жемчужин археологической коллекции Государственного Эрмитажа. Навершие представляет собой голову фантастического орла с головой оленя в клюве. По сторонам его шеи изображены аналогичные полнофигурные персонажи с гусями в лапах. Навершие было найдено в погребальной камере, в головной части колоды. С.И. Руденко [1953, с. 51–53, 306–307] никак не комментировал его назначение. После находок в курганах Уландрыка и Юстыда деревянных наверший мужских головных уборов, верхняя часть которых напоминает птичью головку, В.Д. Кубарев [1987, с. 97–100; 1991, с. 108] предположил, что аналогичный головной убор был и во 2-м Пазырыкском кургане. Раскопки на плоскогорье Укок и в Северо-Западной Монголии выявили еще целую серию аналогичных головных уборов [Полосьмак, 2001; Молодин, 2000; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012]. Сохранились три целых головных убора (Ак-Алаха-1, курган 1, Верх-Кальджин-2, курган 3 и Олон-Курин-Гол-10, курган 1) в виде капоров с лопастями, на примере которых видно, что их навершия могли выполняться как из дерева, так и целиком из войлока (цельнокроеные), или быть комбинированными – гребень из войлока, а верхняя деталь («головка») – из дерева. На основании этих находок Н.В. Полосьмак [2001, табл. XIX.-д] сделала схематичную реконструкцию головной убора из 2-го Пазырыкского кургана.

Рис. 1. Реконструкция
головного убора вождя
из 2-го Пазырыкского кургана

Однако все головные уборы с гребневидными (птицеголовыми) навершиями имеют стандартный набор украшавших их фигурок – это фантастические копытные и орлы. Орлы могли быть как объемными, так и в виде аппликаций, фигурки копытных также могли быть скульптурными или барельефными с приставными головками. Копытные персонажи телами напоминают стилизованных лошадок, оленей и баранчиков, при этом имеют не соответствующие их телу приставные рога (обычно козлиные), длинные хвосты и стилизованные «птичьи» мордочки. Возможно, все они являются вариантами копытного грифона, наиболее полные изображения которого представлены на татуировках пазырыкцев. На телах барельефных «оленей» могут быть изображены головы – барана (на крупе) и сайги или козлика (на плече). Такие же профильные головки встречаются на эгретах женских головных уборов в виде раздвоенного оленеподобного персонажа, а также, например, показаны на поясных пластинах с изображением копытного грифона из Сибирской коллекции Петра I.

Анализ украшений головных уборов из рядовых памятников позволил выявить подобные элементы и во 2-м Пазырыкском кургане. Однако все детали головной убора вождя оказались более сложными и искусно выполненными. Две парные симметричные композиции изображали фантастических орлов с копытными грифонами в лапах. Их тела вырезаны из толстой кожи, с рельефными деталями, головки приставные деревянные, с кожаными ушами и гребнями

у орлов и рогами у копытных грифонов. Стилистически все части парных композиций очень близки изображениям на навершии и, без сомнения, выполнены одним мастером. Обе композиции со значительными утратами, но симметричность позволяет сделать их реконструкцию (рис. 1, 2). Так, у одного орла утрачено крыло, но оно сохранилось у парной фигурки. Утрачена одна головка копытного персонажа (рога сохранились), а вторая обломана, но уцелевшая часть такая же, как у оленьей головки на навершии (кроме «серьги»). Стилизованная лосиная «серьга» и показанная пламевидными завитками грива подчеркивают синкретичность персонажа, как и его огромные рога с резным орнаментом, и изображения голов барана и козла на теле.

На правой декоративной группе видно, что мастер изначально не предполагал делать приставную головку у копытного персонажа и иначе наметил положение его передних ног. В эскизном варианте (без «оленьей» головки) ее композиция практически тождественна композиции золотого эгрета с фантастическим орлом, держащим в лапах козла, из Сибирской коллекции Петра I. Совпадают и детали – трактовка ног орла и фигуры козла.

В целом головной убор вождя производил сильное и устрашающее впечатление – сцена терзания повторена на нем пять (!) раз (на головных уборах рядовых пазырыкцев этот сюжет только предполагался – фигурки копытных и орлов размещены рядом). Все детали были покрыты золотой фольгой или окрашены красной краской. Навершие по размерам значительно превосходило аналогичные детали у рядовых воинов – вождь эффектно выделялся среди своего окружения. При этом конструкция головного убора, очевидно, требовала некоторого усиления. Сохранились детали головного убора из рыжеватого войлока, обшитого снаружи темно-красной тканью из растительных волокон. Его ушки имели кожаные завязки, а с внутренней стороны были нашиты вертикальные полосы из этой же ткани, крепившие узкие и длинные плоские железные пластинки, по три с каждой стороны.

Возможно, этот головной убор был на вожде в его последнем бою. Головки орла и копытного грифона с правой стороны сколоты одним ударом, а крыло орла утрачено – эти повреждения могут быть соотнесены с двумя отверстиями от бойка чекана на голове вождя справа. Сильно пострадала и левая композиция, находившаяся на месте третьего удара.

Все пазырыкские головные уборы с навершиями сосредоточены на юго-востоке Алтая и приурочены к довольно узкому временному промежутку – конец IV – начало III в. до н.э. Рубежом IV–III вв. до н.э. датируется и 2-й Пазырыкский курган. Все погребения совершены по классическому пазырыкскому обряду. В более ранних и более поздних погребениях, а также совершенных с отклонениями от обряда (другая ориентировка, каменные ящики, отсутствие лошадей), подобные головные уборы не фиксируются. Очевидно, головные уборы с навершиями отражают этническую (родовую, племенную) принадлежность их владельцев.

Библиографический список

- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987.
Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991.
Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. – Новосибирск, 2000.
Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д. Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М., 2012.
Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001.
Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953.

Рис.2. Правая декоративная деталь головного убора

К.Н. Степанова, А.К. Очередной, А.В. Ларионова
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
КАМЕННЫЕ ОТБОЙНИКИ
В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №17-06-00355а «Хроностратиграфическая корреляция
и культурная дифференциация памятников позднего среднего палеолита Русской равнины
на фоне природных изменений середины последнего ледниково-межледникового макроцикла») и программы ОИФН РАН «Евразийское наследие: новые смыслы»

Отбойники, в частности, каменные – незаменимая часть производственных операций в палеолите, но изучение их связи с расщепленным камнем не входит в обычную практику исследования. Отчасти это объясняется редкостью таких находок, отчасти – тем, что принято считать отбойники простым, не изменяющимся во времени и априори понятным инвентарем, в особенности, если исследователь имеет практику экспериментального расщепления камня [Семенов, 1968; Щелинский, 1983; Whittaker, 1994 и др.]. Исключением являются, с одной стороны, работы по технологическому анализу некоторых индустрий, когда по признакам расщепления на сколах с опорой на данные экспериментов устанавливается вид используемого отбойника [Нехорошев, 1999; Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014; Еськова, 2015; Pelegran, 2000 и др.], с другой – внимание к себе привлекают индустрии, в которых отбойники представлены сравнительно большими сериями [Näckel, 2010, Щелинский, 2011; Ларионова, Степанова, 2016] или находками значительной древности [Гиря, 2010]. И все же если зададимся вопросом о том, какие формы имели каменные отбойники в палеолите, мы сможем обрисовать лишь общую картину в нескольких фразах, без возможности детализации по эпохам или территориям. Для использования в качестве отбойников человек чаще выбирал песчаниковые и кварцитовые гальки, иногда кремневые, гранитные и иные породы. Наибольшее развитие следов износа отмечается на отбойниках из песчаника и среднезернистого кварцита. Обычно используются гальки, валуны, желваки или ледо-гранники овальной, яйцевидной или подтреугольной формы, с примерным отношением длины к ширине 1,3 [Степанова, 2015]. Указанные формы отдельностей обладают наилучшими характеристиками для нанесения точечного удара, при этом яйцевидная форма гальки считается наиболее подходящей [Гиря, 2010, с. 92]. Непосредственная работа с каменными отбойниками из коллекций ряда среднепалеолитических стоянок и сравнение их с верхнепалеолитическими материалами показывает нам более сложную и разнообразную ситуацию, нежели представленная выше обобщенная картина. Обращает на себя внимание такое свойство отбойников, как ориентация рабочих участков относительно длинной оси камня. Если для верхнего палеолита рабочим становится, как правило, участок на сужающемся торце/углу, ориентированный вдоль длинной оси, то среднепалеолитические экземпляры показывают большую вариативность по этому признаку. Целью данной работы является сравнение расположения рабочих зон на отбойниках среднепалеолитических стоянок и определение причин таких различий. Проанализировав результаты, можно получить информацию для сопоставления технических решений, к которым прибегали обитатели разных поселений.

К примеру, кварцитовые и кварцито-песчаниковые отбойники (19 экз.) основного слоя стоянки-мастерской Кетросы, где применялось плоскостное и прото-призматическое расщепление кремня низкого качества, демонстрируют нетипичный выбор рабочего участка. Это слабовыступающие тупые углы, ребра на контакте с плоскими поверхностями и т.п., расположенные под углом длинной оси камня. В материалах 3-го слоя Ильской стоянки 17 отбойников из удлинённых и округлых песчаниковых галек демонстрируют вполне обычную локализацию износа на ребрах

и краях, многие из них довольно сильно изношены. Раскалываемый материал – в основном доломит, реже кремень и лидит, преобладающая технология – леваллуа-мустьерская [Щелинский, 2011, с. 63]. Отбойники в культурных слоях многослойного памятника Хотылево-I (участок I-6-2) представлены единичными находками (КСГ 1 – 2 экз., КСГ 2 (с субгоризонтами) – 2 экз., КСГ 4 – 2 экз.), но большая их половина демонстрирует ориентацию рабочей зоны поперек длинной оси камня. Все упоминаемые культуросодержащие горизонты (КСГ) характеризуются интенсивным первичным плоскостным расщеплением кремня высокого качества. На Бетовской стоянке, расположенной в 8 км от Хотылево-I, также активно шло первичное плоскостное расщепление кремня. Однако отбойники коллекции (7 экз.) располагались при работе так, что длинная ось орудия совпадает с длинной осью камня, что соответствует вышеописанным «оптимальным» свойствам отбойников.

Таким образом, различия в ориентации рабочей зоны, похоже, непосредственно не связаны ни с общей характеристикой техники расщепления, ни с возрастом памятника, и, следовательно, источник различий нужно искать в нюансах технических приемов, а также нельзя исключить и влияние анатомических особенностей строения кисти рук древних людей.

Библиографический список

Гиря Е.Ю. Открытия олдована на юге России в свете экспериментально-трассологического метода // Исследования первобытной археологии Евразии : сборник статей к 60-летию чл.-корр. РАН проф. Хизри Амирхановича Амирханова. – Махачкала, 2010.

Еськова Д.К. Технология расщепления камня на стоянках восточного граветта Русской равнины : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М., 2015.

Ларионова А.В., Степанова К.Н. Планиграфический аспект использования отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой (предварительные результаты) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных : тезисы Международной научной конференции молодых ученых (СПб., 25–28 апр. 2016 г.). – СПб., 2016.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб., 1999.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л., 1968.

Степанова К.Н. Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – СПб., 2015.

Щелинский В.Е. Особенности изготовления и использования каменных орудий из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ) // Записки ИИМК. – 2011. – №6.

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л., 1983.

Häckel M. Zur Technik des Schalagens am Beispiel der Schlagsteine von Bilzingsleben (Thüringen, Germany) // Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas – Wrocław, 2010. (Studia Archeologiczne, 41)

Pelegrin J. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde de Nemours, 14–16 mai 1997. – Nemours, 2000. (Mémoires du Musée de préhistoire d'Ile-de-France, 7).

Whittaker J.C. Flintknapping: Making and understanding stone tools. – Austin, 1994.

Е.В. Столяров
Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
НА ОКСКО-ДОНСКОМ ВОДОРАЗДЕЛЕ
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

На современном этапе изучения древностей раннего железного века Окско-Донского водораздела можно наметить основные периоды в его археологическом развитии [Столяров, 2013а–б].

Первый этап заселения Окско-Донского водораздела в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века («темные века») приходится на VIII–VII вв. до н.э. и связан с носителями традиций *культуры текстильной керамики*. Характерной особенностью материальной культуры в эту эпоху являются немногочисленные фрагменты лепной керамики с отпечатками ткани (или их имитации) на поверхности сосудов. Этот пласт древностей изучен пока крайне слабо [Столяров, 2016]. Памятники Окско-Донского водораздела представляют собой южную периферию распространения этой культуры.

Следующий этап освоения территории (рубеж VII–VI – V вв. до н.э.) связан с проникновением вглубь Окско-Донского водораздела населения *лесостепной скифоидной культуры*. Их материальная культура близка скифской культуре, а точнее, испытала сильное ее влияние. Древности скифской эпохи пока известны только на основе материалов трех раскопанных памятников – городища у д. Сатинка [Столяров, 2016], городища у д. Петровское (исследования И.С. Простякова 2015 г.) и поселения у д. Жабынь [Столяров, 2017].

В IV–III вв. до н.э. на территории Окско-Донского водораздела отмечается проникновение населения *юхновской культуры*, видимо, из области Курского Посеймья. Схема культурно-исторического освоения Курского Посеймья в отношении смены памятников лесостепной скифоидной культуры памятниками юхновской культуры была предложена А.Е. Алиховой. Новые материалы с городища Сатинка позволяют распространить эту концепцию и на территорию правобережья Верхней Оки. Городище Сатинка сейчас является самым северным памятником, содержащим слои скифоидной и юхновской культур [Столяров, 2016].

В целом, на современном этапе исследований можно сделать вывод о том, что культурные процессы, которые протекали в VI–III вв. на левобережье Верхней Оки (верхнеокская культура), определялись днепровским вектором развития [Столяров, 2011; 2012а; 2015б], а на правобережье – сейминским и донским [Столяров, 2014; 2015а; 2016; 2017а].

К рубежу эр (II в. до н.э. – I в. н.э.) на территории Окско-Донского водораздела культурная ситуация в корне меняется. Здесь выделен новый пласт древностей – *памятники типа Упа-2* [Столяров, 2012б; 2015б]. Материальная культура населения, оставившего эти памятники, близка памятникам типа верхнего слоя городища Полужье на Десне. Также сейчас получены материалы о возможности выделения близких древностей на Окско-Сейминском водоразделе [Радюш, Никитина, 2016, с. 127, рис. 1.-11]. На городище у д. М. Стрекаловка найден комплекс находок, связанных со среднесарматской культурой (железная проволочная одночленная лучковая подвзванная фибула 1-го варианта по А.К. Амброзу, два железных трехлопастных наконечника стрел и два железных стержневидных петельчатых псаля). Все находки укладываются в рамки I в. н.э. [Столяров, 2017б]. Терри-ториально наиболее близкие синхронные сарматские могильники изучены в низовьях р. Воронеж (I и II Чертовицкие).

Памятники типа Упа-2 сменяет горизонт *памятников типа Ново-Клейменово-II* – первой половины III в., выделенный А.М. Воронцовым [2013]. Памятники этого типа генетически связаны с верхнедонскими памятниками позднесарматского времени. Самым

изученным памятником этого круга является Ишутинское городище на р. Красивая Меча. Появление верхнедонских поселений типа Ишутинского городища является одним из примеров процесса миграции лесостепного населения «позднескифского культурного круга», сопровождаемого позднесарматскими группами, вглубь лесостепи в первые века нашей эры [Воронцов, 2013, с. 15].

Вероятно, в сложении памятников типа Ново-Клейменово приняло участие население памятников типа Упа-2. Изучение данного процесса находится в стадии накопления материала.

Динамичная картина освоения региона – постоянная смена населения – объясняется тем, что территория Окско-Донского водораздела с эпохи бронзы являлась пограничной территорией лесной и лесостепной зон, а также сухопутной дорогой для проникновения кочевого населения с юга на север.

Библиографический список

Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / науч. ред. И.О. Гавритухин. – Тула, 2013.

Радюш О.А., Никитина А.В. Исследования объекта «Детинец Орловской крепости» на стрелке рек Ока и Орлик // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. – Липецк, 2016.

Столяров Е.В. К вопросу о культурной ситуации в бассейне верхней Оки в эпоху раннего железного века // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. 1. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011.

Столяров Е.В. Верхнеокская культура раннего железного века: актуальные проблемы в изучении и перспективы их решения // КСИА. – М., 2012а.

Столяров Е.В. Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов : сборник статей конференции. – Тула, 2012б.

Столяров Е.В. Динамика освоения территории бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. – I в. н.э.) // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 9. – М., 2013а.

Столяров Е.В. Культурные традиции населения бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. – I в. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013б.

Столяров Е.В. К вопросу о северо-восточной границе юхновской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. II. – Казань, 2014.

Столяров Е.В. Находки вещей скифского типа в бассейне Верхней Оки // Тверской археологический сборник. Т. II: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Вып. 10. – Тверь, 2015а.

Столяров Е.В. Городище Дуна: к характеристике горизонтов эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 г.) // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 11. – М., 2015б.

Столяров Е.В. Городище Сатинка: культурно-хронологические горизонты раннего железного века (по материалам работ 2013 г.) // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 12. – М., 2016.

Столяров Е.В. Поселение 1 у деревни Жабынь на правом берегу Верхней Оки: к вопросу культурно-хронологической атрибуции материалов раннего железного века // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 13. – М., 2017а.

Столяров Е.В. Отчет об археологических раскопках на территории МО г. Тула на городище у д. Малая Стрекаловка в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н. 2017б.

Е.К. Столярова

Институт археологии РАН, Москва

СТЕКЛЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НОВОСЕЛКИ-2

В 2008 г. Подмосковной археологической экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой проводились спасательные археологические раскопки курганного могильника Новоселки-2 (XII–XIII вв.)¹. Могильник расположен на левом берегу р. Клязьмы, в 1,5 км к северо-востоку от д. Черкизово Химкинского района Московской области [Коваль, 2009, л. 86–87; Захарова, 2010, с. 125].

Могильник представляет собой группу из 20 курганов. В шести погребениях пяти курганов (1, 7, 10, 14, 19) были обнаружены предметы из стекла – 101 бусина, три привески и две вставки в концы металлического браслета.

Больше всего стеклянных находок – 58 бусин – происходит из женского погребения 1 кургана 1. Здесь было найдено 38 кольцевидных бусин из яркого желто-зеленого прозрачного стекла, из которых большая часть (33 экз.) одинарные, четыре сдвоенные и одна строенная; 16 одинарных кольцевидных бусин из белого непрозрачного стекла; одна бусина такой же формы из стекла неустановленного цвета. Диаметр тулова кольцевидных бусин – от 0,6 до 0,7 см. Установлен химический состав желто-зеленых и белых бусин – они выполнены из бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, причем желто-зеленое стекло имеет небольшую примесь окиси калия (1%)². В этом же погребении обнаружены две шаровидные и одна эллипсоидная усеченные дважды бусины (так называемые зонные) из фиолетового прозрачного стекла с диаметром тулова 0,75–0,8 см. В целом такой набор бус можно датировать 2-й половиной XII – 1-й половиной XIII в. Анализ остального инвентаря и планиграфии могильника позволил авторам раскопок отнести время сооружения этого кургана к 1-й половине – середине XIII в. [Зоц, Гольева, 2016, с. 129, 136, табл. 1].

В кургане 19 было обнаружено 29 стеклянных бусин. Из них 7 были найдены в центральном погребении 2, где была захоронена женщина с ребенком [Зоц, Гольева, 2016, с. 134]. Женщине принадлежало шесть шаровидных усеченных дважды (т.н. зонных) бусин, из них пять из бледно-желтого прозрачного стекла диаметром 0,8 см и одна из бирюзового прозрачного стекла диаметром 1 см. У ребенка была обнаружена изготовленная навивкой эллипсоидная усеченная дважды бусина диаметром 0,6 см и высотой 1,8 см с прокладкой из металлической фольги (тип 3) [Столярова, 2015, с. 10]. Такой набор может быть отнесен к 1-й половине – середине XII в. Остальные бусы (22 экз.) происходят из детского погребения 3 [Зоц, Гольева, 2016, с. 134]. Среди них 14 бусин шаровидных усеченных дважды (т.н. зонных) из бледно-желтого (8 экз.), синего (5 экз.), фиолетового (1 экз.) прозрачного стекла с диаметром тулова от 0,65 до 0,85 см; фрагменты шести округлых биконических (?) бусин из прозрачного бирюзового стекла; фрагмент граненой биконической (?) (т.н. рыбовидной) бусины из бирюзового прозрачного стекла с толщиной тулова 0,65 см. Из этого же погребения происходит навитая бусина с металлической фольгой (тип 3) эллипсоидной усеченной дважды формы с диаметром тулова 0,5 см и высотой 0,6 см. Этот набор бусин можно датировать серединой – 2-й половиной (?) XII в. Анализ всего инвентаря и планиграфии могильника позволил датировать этот курган серединой XII в. [Зоц, Гольева, 2016, с. 134, 136, табл. 1].

В женском погребении кургана 14 было найдено 7 стеклянных бусин и три привески. Среди бус 4 граненые биконические (т.н. рыбовидные), две изготовлены из черного, на вид непрозрачного, стекла и по одной из фиолетового и бирюзового прозрачного стекла. Толщина «рыбовидных» бусин – 0,55–0,65 см, высота – 1–1,1 см. Анализ химического состава одной из двух черных «рыбовидных» бусин показал, что она изготовлена из калиево-свинцово-

¹ Благодарим авторов раскопок А.В. Энговатову, В.Ю. Ковалю и Е.П. Захарову (Зоц) за предоставленный для исследования материал.

² Химический состав стекол могильника Новоселки 2 был исследован методом оптико-эмиссионной спектроскопии в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьковым.

кремнеземного стекла без добавки глушителя. Еще одна бусина эллипсоидная усеченная дважды из черного непрозрачного стекла, украшенная накладной спиралью белого цвета с диаметром тулова 0,8 см. Ее можно отнести в группу бус с так называемым пластичным декором. Обнаружены фрагменты еще двух бусин округлой формы (точнее не определяется) из черного непрозрачного и бледно-желтого стекла. Возможно, фрагмент желтого цвета был частью «зонной» бусины. Происходящие из погребения привески имеют плоскую форму, две из них – круглые, одна – кольцевидная. Диаметр тулова – 1,6–1,8 см, толщина – от 0,35–0,5 см. К тулову привесок прикреплено округлое ушко цилиндрической формы. Привески изготовлены из бледно-желтого стекла, а по краю привесок с небольшим заходом на тулово проложена металлическая, на вид золотая, фольга, закрытая покровным слоем такого же бледно-желтого стекла. Анализ стекла одной из привесок показал, что изготовлена она из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. В целом, весь набор данных украшений можно датировать 2-й половиной XII – 1-й третью XIII в. По всему инвентарю это погребение датируется 2-й половиной XII – началом XIII в., а анализ планиграфии могильника указывает на более поздний период в этом временном промежутке [Зоц, Гольева, 2016, с. 133–134, 136, табл. 1].

В женском погребении 2 кургана 10 было найдено пять бусин и две вставки. Все бусины шаровидные усеченные дважды (т.н. зонные) с диаметром тулова 0,65–0,75 см. Четыре из них изготовлены из бледно-желтого прозрачного стекла, одна – из черного непрозрачного. Обе вставки плоско-выпуклые треугольные из желто-зеленого прозрачного стекла, ширина – 1–1,05 см, толщина – 0,35–0,4 см, длина – 1,5–1,65 см. Предположительно, по внешней поверхности вставок желтой эмалью нанесена роспись в виде нескольких линий. Подобные вставки только синего стекла обнаружены в кургане 27 Мякининского могильника, датированного второй половиной XII – началом XIII в. [Столярова, 2008, с. 47]. Еще одна похожая вставка, но из бирюзового стекла была обнаружена на селище Новиково-1 Становлянского района Липецкой области в объекте 9, датированном не позднее XIII в. [Столярова, 2012, с. 274]. Весь набор стеклянных украшений можно датировать 2-й половиной XII – 1-й половиной XIII в. Анализ остального инвентаря и планиграфии могильника указывает на такой же хронологический период [Зоц, Гольева, 2016, с. 132, 136, табл. 1].

В женском погребении 1 кургана 7 обнаружены две шаровидные усеченные дважды (т.н. зонные) бусины из бледно-желтого прозрачного стекла диаметром 1,45–1,5 см. Подобные бусы датируются довольно широко – в пределах XII – 1-й половины XIII в. Анализ стратиграфии кургана и планиграфии могильника позволил авторам сузить датировку и отнести данный курган к 1-й половине – середине XIII в. [Зоц, Гольева, 2016, с. 132, 136, табл. 1].

Библиографический список

Захарова Е.П. Конструкция древнерусских курганов по материалам Мякининского курганного могильника и курганной группы Новоселки 2 // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 6. – М., 2010.

Зоц Е.П., Гольева А.А. Реконструкция развития могильника Новоселки 2 по археологическим материалам и данным исследования погребенных почв // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 12. – М., 2016.

Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 году. – М., 2009 / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №43012–43014.

Столярова Е.К. Стекланные бусы Мякининской курганной группы // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 4. – М., 2008.

Столярова Е.К. Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1 // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 8. – М., 2012.

Столярова Е.К. Золотостеклянные и серебростеклянные бусы Древней Руси: технология и хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – Вып. 8. – Тверь, 2015.

А.А. Стоянова
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
БУСЫ В КОСТЮМЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
(по материалам могильника Опушки)

Могильник Опушки расположен в центральной части крымских предгорий, в 20 км к востоку от Симферополя. С 2003 г. памятник исследуется экспедицией Крымского федерального университета¹. На площади около 1800 кв. м открыто 148 погребальных сооружений. Могильник датируется I в. до н.э. – IV в. н.э. Обнаружены захоронения позднескифской, среднесарматской, позднесарматской культур, склепы, конструкция которых указывает на появление в Крыму предков средневековых северокавказских алан, а также кремация, свидетельствующая о пребывании в среде местного населения представителей культур германского круга. Непрерывное использование некрополя в течение пяти веков полиэтничным населением определяет особое место могильника Опушки среди других памятников предгорного Крыма римского времени, а полученный в результате раскопок материал открывает новые возможности для изучения проходивших в регионе исторических процессов. Исследование бус из Опушкинского могильника позволяет уточнить хронологию типов, эволюцию индивидуальных наборов, направление экономических связей, характер использования бус в костюме.

Коллекция бус и подвесок из могильника Опушки насчитывает почти 22 тыс. экземпляров. Они найдены в 117 могилах, т.е. в 80% всех открытых к настоящему времени комплексов. Украшения сделаны из одноцветного и полихромного стекла, стекла с внутренней позолотой, египетского фаянса, гагата, янтаря и сердолика, бусы из кости, глины, халцедона, металла единичны. Бусы из стекла, фаянса и гагата по количеству существенно преобладают над изделиями из других материалов, причем в течение всех пяти столетий функционирования могильника.

Третья часть (31%) всех бус (6978 экз.) происходит из позднескифских склепов I в. до н.э. – I в. н.э. (таких комплексов 8), в которых совершались многократные захоронения [Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 33]. Определить закономерности составления индивидуальных наборов, сопровождавших отдельные погребения, и их местоположение проблематично из-за компактного расположения костяков и наличия сдвинутых захоронений. Но можно предположить, что наборы были не очень большими. Их основу составляли различные сочетания наиболее популярных типов – округлых бус с внутренней позолотой, мелких уплощенных пронизей из синего или зеленого стекла, шаровидных или усеченно-биконических бус из египетского фаянса и гагатовых бус в виде коротких цилиндров. Своеобразие наборам придавали многочисленные и чрезвычайно разнообразные в это время бусы из полихромного стекла, особенно крупные пронизи с «глазками» или сложным мозаичным орнаментом. В тех случаях, когда бусы на костяке зафиксированы *in situ*, они располагались в районе грудной клетки, иногда – в ногах. Мелкие однотипные пронизи использовались, по всей видимости, для обшивки краев одежды, а из крупных бусин составлялись полихромные ожерелья.

В I в. н.э. в могильнике Опушки появляются подбойные и грунтовые могилы, преимущественно с индивидуальными погребениями. 31 погребение с бусами можно датировать в пределах I–II вв. н.э., все они – детские. В этих комплексах обнаружена 2181 бусина (почти 10% от общего количества). Детские наборы этого времени небольшие, насчитывают от 2–3 до нескольких десятков бусин, они характеризуются полихромией и индивидуальностью композиций. В тех случаях, где было возможно определить расположение бус на костяке, они находились в районе шейных позвонков и грудной клетки. Вероятно, бусы составляли ожерелья, в которых преобладали средние и крупные по размерам экземпляры. В двух могилах зафиксировано компактное расположение нескольких крупных

---

¹ Благодарим руководителя экспедиции И.Н. Храпунова за предоставленную возможность работать с неопубликованным материалом.

полихромных и фаянсовых бусин возле костяка, вероятно, изначально лежавших в мешочке. Этот элемент погребального обряда станет довольно распространенным в более позднее время. Практически все детские погребения этого времени сопровождались фаянсовыми подвесками-амулетами [Стоянова, 2012, с. 76–90]. Материалы Опушкинского могильника пока не дают возможности судить о наборах бус из взрослых погребений I–II вв. н.э.

К концу II – 1-й половине III в. н.э. относятся 27 погребений, совершенных в грунтовых или подбойных могилах. В этой группе комплексов сосредоточено 4343 бусин (почти 20% от общего количества). Доминирующими типами в это время становятся фаянсовый бисер, гагатовые короткоцилиндрические бусы, цилиндрические и граненые пронизи из одноцветного стекла и округлые бусы с внутренней металлической прокладкой. Практически выходят из употребления крупные полихромные пронизи и фаянсовые амулеты-подвески. Обилием бус отличаются женские погребения, где их число доходит иногда до 900 экземпляров. В это время складываются устойчивые сочетания типов бус в наборах [Храпунов, Стоянова, 2013, с. 185]. Бусы, как правило, расположены в районе грудной клетки и в ногах умерших, реже – на запястьях рук. Количество, расположение и размеры бус свидетельствуют о том, что ими расшивались края одежды, относительно небольшое число бус использовалось в качестве ожерелий или браслетов.

В Опушкинском могильнике открыто 9 склепов, конструкция и погребальный обряд которых позволяют связывать их распространение в предгорном Крыму с пришедшими с Северного Кавказа предками средневековых алан. Такие склепы на других некрополях, например в могильнике Нейзац, датируются, в основном, IV в. н.э. [Храпунов, 2011, с. 51]. В опушкинских склепах инвентарь, в целом, относится к III в. н.э. Рассматриваемые комплексы еще требуют изучения, мы отметим лишь некоторые особенности, связанные с бусами. В этих склепах обнаружено 6466 экземпляров (почти 30% от общего количества), т.е. почти столько же, сколько и в склепах I в. до н.э. – I в. н.э. Но в отличие от позднескифских, в склепах III в. н.э. совершалось несколько (4–8) погребений в один ярус. Бусы сопровождают женские или детские захоронения, их число в индивидуальных наборах составляет несколько сотен экземпляров. Составы наборов из женских захоронений идентичны зафиксированным в подбойных и грунтовых могилах конца II – 1-й половины III в. н.э., таково же и их расположение на костяках. Отметим, что в таких же склепах IV в. н.э. из синхронных памятников наблюдается совсем иная ситуация с бусами [Хайдерина, 1995, с. 82–83]. Выделяются на этом фоне некоторые детские погребения: наборы бус состояли из большого числа янтарных украшений, в том числе восьмерковидных подвесок, сочетающихся с сердоликовыми пронизями и немногочисленными украшениями из стекла. Такие наборы больше характерны как раз для детских погребений IV в. н.э. Сопровождавший погребения детей инвентарь, в частности, украшения, выполненные в так называемом догуннском полихромном стиле, позволяет датировать их 2-й половиной III в. н.э.

Материалов для реконструкции наборов IV в. пока недостаточно: несколько бусин, сопровождавших мужское захоронение, обнаружено только в одном склепе этого времени.

Библиографический список

Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). – Симферополь, 2012.

Хайдерина Э.А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. – Симферополь, 2011.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. – Симферополь, 2009.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. – Киев, 2013.

Е.А. Строгова
*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*
ГОРОД ЯКУТСК: АРХЕОЛОГИЯ КАТАСТРОФ

Якутск – один из старейших городов Сибири, сыгравший огромную роль в открытии необъятных просторов северо-востока Азии и Дальнего Востока и включении их в состав Российского государства. Такой город не может не иметь памятников прошлого.

Территория современного города формировалась вокруг двух пунктов – Якутского острога и Спасского монастыря, основанных в XVII в., и к XIX в. путем слияния двух посадов приобрела очертания, близкие к современным, но, конечно, значительно меньших размеров. Эта территория отлично отображена на карте, составленной коллективом археологов СВФУ под руководством В.М. Дьяконова [Максимова, 2008, Табл. 57].

Если взглянуть на историю археологических исследований территории г. Якутска [Дьяконов, 2007], то сразу бросается в глаза удивительное однообразие причин нахождения объекта и начала раскопок, все, кроме работ А.П. Окладникова, сопровождаются фразой: «было случайно обнаружено жителем Якутска при рытье погреба» с вариантом «при ремонте/строительстве». В истории археологических исследований Якутска к настоящему времени имеется всего два факта охранных работ, проведенных до начала строительства и исследования на территории Троицкого собора, оказавшиеся таковыми фактически [Строгова, 2014а].

Создание в 2010 г. Комитета по охране культурного наследия, преобразованного затем в отдел при министерстве культуры, а с 2016 г. ставшего Департаментом по охране ОКН, пока на практике мало влияет на ситуацию. В историческом центре Якутска часто проводятся разнообразные земляные ремонтные и строительные работы, что вполне естественно, но археологи к ним не привлекаются. Ярким примером является производство реконструкции и ремонта коммуникаций на ул. Ярославского, полностью находящейся в историческом центре города. В ходе этих работ были поэтапно вскрыты участки по обе стороны дорожного полотна, проходящего от Спасского монастыря до Лога, интересно, что этим работам не только не предшествовали какие-либо исследования, но и не было назначено археологическое наблюдение. Это наблюдение было проведено в частном порядке проживающими рядом автором статьи и Е.Н. Соловьевой, которые заглядывали в траншеи и фиксировали стратиграфические разрезы, вызывая недоумение, а то и испуг у строителей. Зафиксированная в ходе этих «работ» структура отложений показала их сложность и изменчивость даже на сравнительно небольших участках. Площадь Ленина – центральная площадь Якутска, еще в начале XX в. здесь находился Гостиный двор, стратиграфия отложений в траншее была зафиксирована по обе стороны на перекрестках ул. Ярославского – ул. Аммосова (северная) и ул. Ярославского – ул. Кирова (южная) оконечности площади. В траншее у северной оконечности были зафиксированы 6 слоев асфальта, слои разнокалиберного щебня и супеси, являющиеся, видимо, «подушкой» под асфальтовое покрытие, слой суглинка (20 см) и супеси (40 см), в которой покоились «торцы» – остатки старинной деревянной мостовой, а под ними на глубине 160 см от современной дневной поверхности – следы погребенной почвы, под которой виден характерный темный суглинок, предшествующий обычно материковой супеси. У южного конца площади, примерно в 140 м от предыдущего разреза зафиксировано 4 слоя асфальта, такая же по структуре, но меньшая по мощности «подушка». А вот слой суглинка увеличивается здесь до 50 см, и в его нижней части ярко выражены следы строительства – кирпичный бой и каменная щебенка, слой супеси отсутствует, а сразу под суглинком следы гумуса черного цвета, вероятно, остатки погребенной почвы, поскольку под ней тот же самый темный суглинок. Сохранившиеся

остатки «торцовой» мостовой были зафиксированы по обе стороны траншеи в 317 и в 533 м от площади Ленина возле дома автора на глубине 180 см от дневной поверхности, на участке 530–550 м в разрезе траншеи по правой стороне улицы выше торцовой мостовой прослеживаются мелкие фрагменты кирпичей и кирпичная крошка, вероятно, следы строительства Реального училища, которое находится на левой стороне улицы в плачевном состоянии. Разрушений каких-либо объектов зафиксировано не было, вероятно потому, что трасса современной улицы Ярославского в точности соответствует трассе ул. Полицейской.

В 2014 г. были начаты работы по реставрации Троицкого собора, входившего в комплекс Якутского острога. Несмотря на то, что еще в 2012 г. разведочными работами были зафиксированы культурный слой острога и остатки воеводской канцелярии [Строгова, 2014б], руководство застройщика – Якутская епархия – никак не приняло к сведению эту информацию, официально предоставленную Министерством культуры республики. На огороженной забором территории выявленного археологического объекта работы проводились без присутствия археологов, результатом чего стала выборка двух траншей, которые в общей сложности уничтожили 100 кв. м культурного слоя. Наличие культурного слоя в траншеях было подтверждено зачисткой, проведенной автором и Е.Н. Соловьевой по согласованию с прорабом и в секрете от руководства епархии. Зачистка западной стенки траншеи, расположенной в 6 м от западной стены собора, выявила мощный слой культурных отложений толщиной до 90 см, который включает в себя развал кирпичной постройки XVIII в., черный гумусированный слой мощностью 40–50 см – результат пожара 1700 г. и темный суглинок, являющийся своеобразной границей между культурным слоем и материком. Обращение в Министерство культуры РФ способствовало активизации местного органа охраны памятников, и в 2016 г. наконец был заключен договор об археологическом наблюдении на объекте, которое сразу дало результаты в виде массового материала – слюды, бисера, гвоздей, извлекаемых из культурного слоя при малейшем отступлении от линии стен собора. Дальнейшая судьба памятника вызывает опасения, думается, что он так и не будет полноценно исследован, хотя никаких объективных препятствий к этому нет.

Таким образом, охранные археологические исследования в исторической части Якутска остаются явлением эпизодическим, из ряда вон выходящим, делом энтузиастов-одиночек, которых орган охраны памятников безусловно поддержит, но задним числом, и только когда последствия приобретут катастрофические масштабы. Остается надеяться, что вновь сформированный Департамент будет более деятелен и сможет заставить застройщиков осознать необходимость археологических работ в исторической части Якутска.

Библиографический список

Дьяконов В.М. Археологические памятники долины Туймаада // Город Якутск: история, культура, фольклор. Серия: Улусы Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2007.

Максимова М.В. Отчет о работе Городского отряда археологической экспедиции ЯГУ на территории г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 г. : рукопись Архив Музея археологии и этнографии СВФУ – Якутск 2008 г.

Строгова Е.А. Охранная археология в г. Якутске: первые шаги // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: История, методы и проблемы охранных археологических исследований : материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2014а.

Строгова Е.А. Археологические работы на территории Якутского острога: первые результаты // Культура русских в археологических исследованиях : материалы V Международной научной конференции. – Т. 1. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014б.

Е.В. Струкова, С.В. Ушаков

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь;

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С ЧЕРНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ ХЕРСОНЕСА: КУВШИНЫ

В последние годы оживился интерес к одной из групп античной столовой посуды, присутствующей почти во всех понтийских центрах – сероглиняной керамике с черным покрытием (СКЧП) [Pontica. 42. Supp. 1, 2009; Handberg, Stolba, Ušakov, 2009; Буйских, 2011; 2012, с. 22]. Она представлена разнообразными сосудами в Херсонесе и на его хоре. В историографии до сих пор нет единства мнений ни по поводу ее места производства, ни типологии и хронологии. При явном отличии от чернолаковой керамики эту группу находок не всегда выделяют при полевой и камеральной обработке массового материала.

СКЧП из Херсонеса многие авторы (В.К. Мальмберг, Г.Д. Белов, С.Ф. Стржелецкий, Р.Б. Ахмеров, В.В. Борисова) признавали местной [см.: Буйских, 2012, с. 28–31; Егорова, 2009, с. 64–65]. Эта точка зрения доминирует до сего дня. Т.В. Егорова в отдельном разделе своей работы о чернолаковой керамике из Северо-Западного Крыма представила описание сероглиняной керамики [Егорова, 2009, с. 64–69, рис. 50–52]. М.И. Золотарёв, проводивший сплошное археологическое исследование северо-восточной части Херсонеса, начиная с 1974 г., напротив, всегда выделял эту группу находок, не сомневаясь в ее импортном происхождении. Эта точка зрения нашла поддержку у Д.Ю. Коробкова и авторов доклада.

В настоящее время опубликованы отдельные комплексы из Херсонеса с СКЧП: в Северо-восточном районе [полтора десятка комплексов: Ушаков, Струкова, 2009, 2013], античном театре [Ушаков, Струкова, 2015], на дальней и ближней хоре [Hannestad, Stolba, Nastrup, 2002, р. 147–149; Котенко, 2011; Ушаков, Ушакова, 2012]. Выделены основные типы находок: кувшины; гуттусы; чаши; разнообразные миски; солонки; тарелки; блюда с отогнутым краем; рыбные блюда; чаши с петлевидными ручками; светильники [Ушаков, Струкова, 2013, с. 600–601]. Определены ее хронологические рамки – 2-я половина/конец V – 1-я половина/середина IV вв. до н.э. [Ушаков, Струкова, 2013, с. 601]. Подведены предварительные итоги изучения и намечены основные задачи [Ushakov, Strukova, 2016].

Одно из перспективных направлений дальнейших исследований – изучение отдельных типов СКЧП. Выделяются кувшины с «гофрированным» или гладким горлом, округлым или вытянутым туловом с уплощенными петлевидными или «двуствольными» ручками. Для уточнения их морфологии и хронологии, рассмотрим основные комплексы.

1. III квартал. 1989 г. 1А. Пом. 42а (). Верхняя хронологическая граница слоя по фрагментам амфор и аттической чернолаковой керамики датирована началом – серединой IV в., а СКЧП в целом – концом V – 3-й четвертью IV вв. до н.э. [Золотарев, 1989, с. 13–16]. 1Б. «Архаический слой» (средневековая баня). Найдены нижние части кувшинов (П.о. №102, 103). Дата: 1-я четверть V в. [Золотарев, 1989, с. 16–17].

2. Античный театр (раскопки О.И. Домбровского). Из 116 фрагментов СКЧП кувшинов – 38 экз. [Ушаков, Струкова, 2014, табл. 1, 2; рис. 4.-18а; 5.-19а, 19в, 24]. Дата по чернолаковой керамике – 2–3-я четверть IV в. [Ушаков, Струкова, 2014, с. 283].

3. Колодец у базилики «Крузе». 2015 г. Из нижней части засыпи (слой 4 – 10–10,4 м) происходят 2 кувшина целых форм и нижняя часть третьего. По комплексу находок (амфоры, чернолаковая и расписная керамика) датируются временем не позже середины IV в. [Ушаков, 2015, с. 22].

4. Некрополь Панское (№134–137). Четыре однотипных кувшина. По аналогиям датируются 500–250 гг., по комплексам – 400–330 гг. [Монахов, Рогов, 1990, табл. 1].

Таким образом, сероглиняная керамика (кувшины) из Ольвии и Боспора [Буйских, 2007; 2012] (Тиритака) [Зинько, 2014, с. 154; Буйских, 2014, с. 318–319] отличается типологически и хронологически от СКЧП из Херсонеса и Западного Крыма. Термин «серолощенная» керамика для херсонесских сосудов неприменим. Хронология сероглиняных кувшинов из Херсонеса (Западного Крыма) укладывается в промежуток времени от конца V

до начала 2-й половины IV в. до н.э. Собственное производство для Херсонеса этого времени неизвестно. При несомненном сходстве форм с чернолаковой керамикой есть основания предполагать, что они поступали из западной части Малой Азии.

Среди «херсонесских» сероглиняных кувшинов выделяется три основных типа. К-I.1 – с отогнутой закраиной, слегка раструбовидным гофрированным горлом, петлевидной двуствольной ручкой, яйцевидным туловом на кольцевом поддоне. К-II.1 – с гладким горлом, петлевидной двуствольной ручкой, шаровидным слегка приплюснутым туловом книзу на кольцевом поддоне; оба типа представлены и вариантами малых форм (К-I.1a и К-II.1a). К-III – среднего размера с раструбовидным гофрированным горлом, петлевидной ручкой, шаровидным туловом на кольцевом поддоне. Единичными экземплярами представлены: миниатюрный кувшинчик без горла, напоминающий по форме кувшины К-II.2; нижняя часть фрагментированного сосуда с туловом «ромбовидной» формы; небольшая столовая «амфора» (раскопки С.Г. Рыжова).

Библиографический список

Буйских А.В. Приложение 1. Амфоры и столовая посуда // Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. БИ. Supplementum 11. – К., 2014.

Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI–I вв. до н.э. (Историографический аспект) // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Памяти Я.В. Доманского. – СПб., 2007.

Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Боспора (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья) // Боспорские исследования. – 2012. – Вып. XXVI.

Буйских С.Б. К проблеме изучения античной сероглиняной керамики Северного Причерноморья // Музейний вісник. – 2011. – №11.

Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. – М., 2009.

Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1989 г. // Архив НЗХТ. Д. 2916.

Котенко В.В. Серолощена керамика з поселення Маслини // Археологія. – 2011. – №1.

Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. – 1990. – №8.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время : сборник статей по материалам XII международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2009.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из Северо-восточного района Херсонеса: основные формы и хронология // Древнее Причерноморье. – Вып. X. – Одесса, 2013.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок О.И. Домбровского в Херсонесе (Античный театр) // ИАК. – Симферополь, 2014.

Ушаков С.В., Ушакова К.С. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности : материалы II международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2012.

Handberg Søren, Stolba Vladimir F. & Ušakov Sergej Classical and hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica. XLII. Extras. – Constanța, 2009.

Pontic Grey Wares. International Conference Bucarest-Constantza September 30th – October 3rd 2008 // Pontica. 42. Supp. 1. – Constanța, 2009.

Ushakov S., Strukova K. Grey Ware with Black Coating from Chersonesos: Research Problems and New Findings // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceeding of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7–10th. – Wien, 2016.

И.М. Сумманен¹, С.А. Светов²

¹Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,

²Институт геологии Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

ПРЕЦИЗИОННЫЕ МЕТОДЫ ГЕОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ICP-MS, LA-ICP-MS) КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ:
АПРОБАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-36-00005

«Реконструкция технологий гончарного производства средневековой Карелии (X–XV вв.)

на основе использования новейших методов геохимического анализа (SEM, ICP-MS, LA-ICP-MS)»)

Прецизионный метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой применен для исследования химического состава формовочных масс (ФМ) керамики средневековых памятников Карелии различных историко-культурных типов (курганские и поселенческие) с целью выявления различий в технологиях гончарства населения Северо-Западного (СЗП) и Юго-Восточного Приладожья (ЮВП), Прионежья и юго-западного Прибеломорья.

Основными задачами исследования стали: а) идентификация местных/привозных изделий и определение производственного адреса последних; б) изучение влияния химического состава минерального отощителя на концентрацию редких и редкоземельных элементов в валовом составе образца ФМ; в) оценка перспективы применения метода масс-спектрометрии с локальным отбором проб (LA-ICP-MS) в качестве альтернативы методу масс-спектрометрии валовых составов (ICP-MS).

Результаты:

1. В ходе аналитических исследований в керамике древнекарельских городищ определены привозные сосуды (рис. 1), отдельные из которых (П-74) происходят из крепости Орешек. Большинство горшков из ожелезненных глин являются продукцией гончарного производства древних карелов, базирующегося на запасах местного глинистого сырья [Поташева, Светов, 2013, 2014].

Данные ICP-MS исследований химических составов образцов лепной керамики (рис. 2) курганов (ЮВП), городищ (СЗП) и селищ (юго-восточная Карелия – Прионежье и юго-западное Прибеломорье) в целом коррелируются с результатами сравнительно-типологического анализа изделий и позволяют различать керамику гончарных производств средневековых культур Карелии. Однако близость составов глинистого сырья затрудняет более детальную классификацию материала. Также есть основания полагать, что единичные лепные сосуды, по форме близкие посуде из Скандинавии и Камско-Вычегодского края, вероятно, были изготовлены пришлым населением из местного сырья [Сумманен, Светов, 2017].

2. В экспериментах по созданию эталонов ФМ керамики с различными концентрациями минеральных компонентов (глина + отощитель в пропорции от 1:10 и в обратном порядке) использован метод математического моделирования. Определено, что маркеры образцов ФМ археологических сосудов (условие – использование местных глин для составления двухкомпонентной ФМ) будут находиться в пределах диапазона тренда модельных образцов ФМ (рис. 3), из чего следует, что при любых возможных концентрациях компонентов показатели для местной керамики не будут значительно отклоняться от модельного ряда, что свойственно маркерам образцов привозных изделий [Сумманен, 2017].

3. Исследование показало преимущественное совпадение данных LA-ICP-MS и ICP-MS анализов, что позволяет использовать LA-ICP-MS в качестве адекватной замены ICP-MS.

Перспективы:

1. Задачей дальнейших исследований в обозначенном направлении видится определение источников сырья для керамики из каолиновых глин и определение места производства белоглиняных изделий.

2. Идентификация производственного адреса привозных сосудов из ожелезненных глин (кроме известных ореховецких), выявленных в керамике городищ.

3. Экспериментальное моделирование химических составов ФМ керамики позволяет предположительно установить источники глинистого сырья, что способствует решению проблемы соотнесения гончарной продукции с производственными центрами.

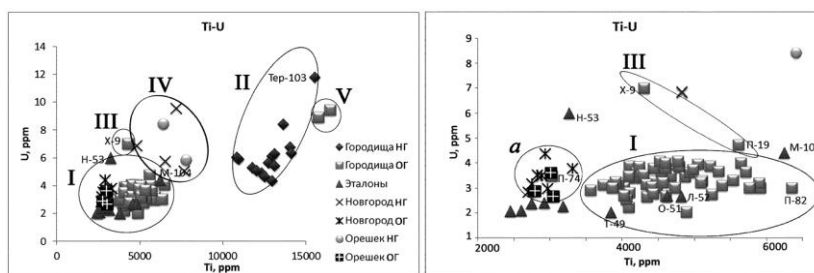

Рис. 1. Диаграммы Ti-U (ppm): I – сосуды из железной глины (ОГ); II – сосуды из слабо- и нежелезистой глины (НГ); III – привозные изделия (ОГ); IV – керамика (НГ) Новгорода и Орешка; V – керамика типа Лопотти (НГ); *a* – группа новгородской и ореховецкой керамики (ОГ)

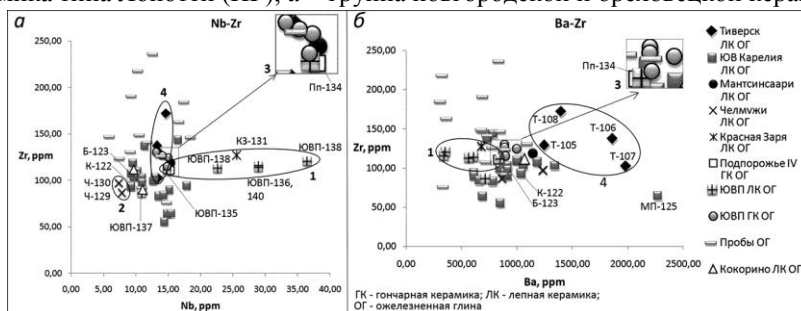

Рис. 2. Диаграммы Nb-Zr, Ba-Zr (ppm) составов образцов ФМ керамики: I – лепная (ЮВП); 2 – лепная (Чёлмужи); 3 – гончарная (ЮВП); 4 – лепная (СЗП)

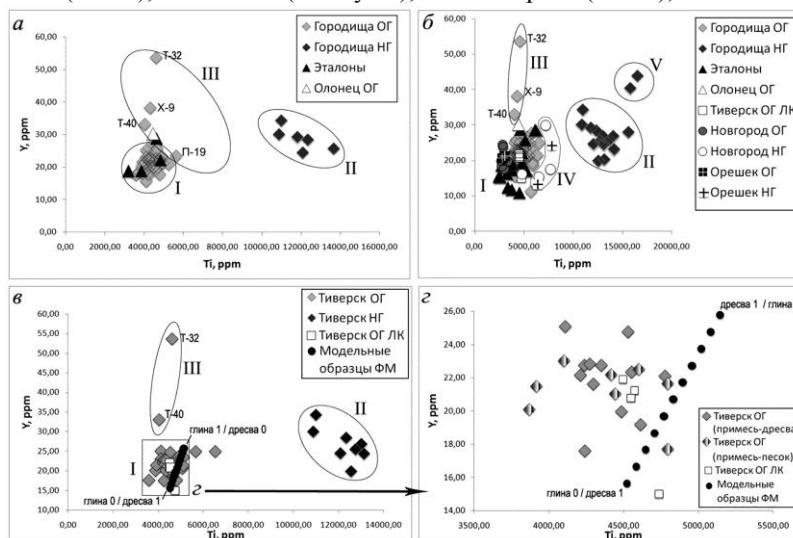

Рис. 3. Диаграммы Ti-Y (ppm) для образцов глин и ФМ керамики: *a* – городищ СЗП; *б* – городищ СЗП, Великого Новгорода, Орешка; *в* – Тиверска с наложением эталонного тренда моделей ФМ; *г* – увеличение масштаба для поля I на диаграмме *в*. I – местные изделия (ОГ); II – светлоглиняные (НГ); III – привозные изделия (ОГ); IV – керамика Новгорода и Орешка (НГ); V – керамика городища Лопотти (НГ). ЛК – лепная керамика

Библиографический список

- Поташева И.М., Светов С.А. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды Карельского научного центра РАН. Серия: Гуманитарные исследования. – 2013. – №3.
- Поташева И.М., Светов С.А. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2014. – №4 (141).
- Сумманен И.М. Масс-спектрометрический анализ керамики: влияние минерального отощителя на содержание маркерных элементов // Новые материалы и методы археологического исследования : материалы IV международной конференции молодых ученых. – М., 2017.
- Сумманен И.М., Светов С.А. ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2017. – №1 (162).

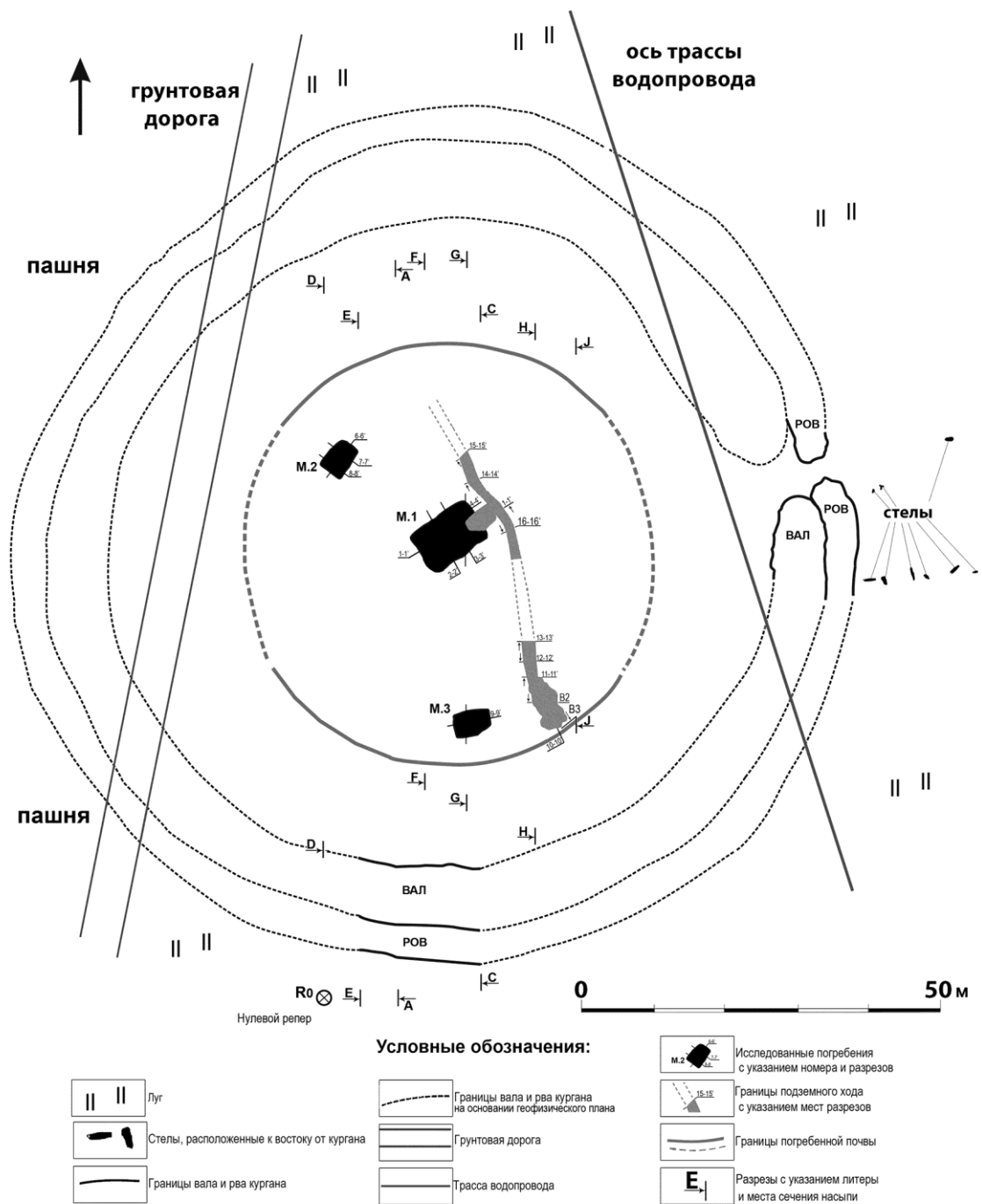
Н.А. Сутягина, К.В. Чугунов
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ЭЛИТНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ
(предварительные итоги исследований кургана 1 могильника Бугры)

Исследования могильника Бугры, расположенного в степном районе Предалтайской равнины, начались в 2007 г. в рамках совместного проекта с Алтайским государственным университетом. Предварительные результаты раскопок кургана 4, исследованного под руководством А.А. Тишкина [2012, с. 501–510], опубликованы. Южно-Сибирская экспедиция Государственного Эрмитажа в 2015 г. закончила раскопки кургана 1. По размерам наземного сооружения этот памятник может быть отнесен к категории «элитных». Его диаметр составляет 75 м, высота – 3,85 м; диаметр рва вокруг наземного сооружения – 115 м. Все исследованные здесь погребения были неоднократно ограблены, в том числе в XVIII в. «бугровщиками».

Под наземным сооружением кургана обнаружены и исследованы три могильных ямы и подземный ход сложной конфигурации; раскопаны участки рва и вала, на периферии к востоку от памятника обнаружены упавшие и расколотые стелы (рис.). Срубы подтрапециевидной в плане формы, состоящие из 5–7 венцов, во всех захоронениях установлены на вымостки из гранитных блоков. У двух срубов в углах и середине длинных сторон прослежены остатки столбов (глубина столбовых ям 0,5–0,82 м), которые сдерживали давление каменной цисты, сооруженной вокруг. Они же держали поперечные балки продольных деревянных перекрытий. В центральной могиле зафиксирован мощный накат из бревен, уложенный на принесенный гумусированный грунт. Глубина могильных ям составляла от 4,1 до 5,6 м, размеры срубов – от 3,7 × 1,9 м до 6 × 2,5 м. В центральном погребении обнаружены останки женщины, в то время как в боковых погребениях похоронены мужчины.

В заполнении могил найдено множество мелких элементов декора погребальных нарядов из тонкого золотого листа и остатки узоров в виде ромбов на подошве обуви, золотые украшения с бирюзовыми бусами, фрагменты железного оружия с золотой инкрустацией и детали конской сбруи, остатки каменного столика и деревянного подноса, обломки металлических сосудов. Удалось реконструировать круглодонный керамический горшок с ручками. В могилах кургана 1 сохранились изделия, выполненные в зверином стиле – серебряная накладка на пояс с изображением грифонов и роговая обойма в виде головы сайгака. К уникальным находкам относятся миниатюрные деревянные фигурки воинов и бляшки в виде головы человека в головном уборе; остатки стеклянного и фрагменты лаковых сосудов.

Материалы исследований позволяют сделать важные культурно-исторические выводы. Памятник расположен в ареале каменной археологической культуры скифского времени. Его устройство и планиграфия не противоречат соотношению его с этим кругом древностей, но в конструкциях погребальных камер можно проследить и саргатский компонент. В то же время находки из погребений кургана 1 демонстрируют активные внешние связи населения с южно-казахстанским и восточноазиатским регионами. Сотни золотых украшений позволяют утверждать, что в Буграх совершались погребения так называемых «золотых людей». Захоронения с такими облачениями хорошо известны по материалам курганов Локоть 4а и Иссык [Чугунов, 2014, с. 714–725]. Фрагменты чашечки эр-бэй встречают ближайшие аналогии среди находок из погребений в центральных провинциях Китая [Сутягина 2014, с. 619–628; 2016, с. 83–91]. Наиболее ранняя из таких могил датируется 217 г. до н.э., а наиболее поздние – началом эпохи Западная Хань. Это позволяет предварительно отнести памятник к финалу скифского времени – концу III–II вв. до н.э. Такая дата согласуется с результатами радиоуглеродного анализа образцов из деревянных конструкций: календарные значения полученных датировок расположены в интервале конца IV–I вв. до н.э. (2150 ± 25 ВР – (Le 8836); 2120 ± 40 ВР (Le 8837)).

План кургана 1 могильника Бугры

Библиографический список

- Сутягина Н.А. Лаковые изделия из погребений могильника Бугры в Алтайском крае // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Т. 2. – Хух-Хото, 2015.
- Сутягина Н.А., Новикова О.Г. Китайская лаковая чашечка из погребения «золотого человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2016. – №4(44).
- Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Kraków, 2012.
- Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана, 2014.

А.С. Сыроватко¹, А.В. Панин², А.А. Трошина¹, Н.Е. Зарецкая³, А.А. Гольева², Н.С. Семеняк²

¹Коломенский археологический центр, Коломна;

²Институт географии РАН,

³Геологический институт РАН, Москва

ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛАНДШАФТОВ И КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЩУРОВО: СТАРЫЕ ИДЕИ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-06-00326 А

Исследования по реконструкции ландшафтов периода функционирования Щуровского селища (IV–V вв.) и могильников («домики мертвых» VI–VII вв. и грунтовые кремации VIII–X вв.) ведутся на протяжении 5 лет и охватывают все группу этих необычных памятников Средней р. Оки. Однако поставленная задача оказалась довольно сложной, и новые данные, поставляемые разными методами, часто являются причиной корректировки ранее высказанных гипотез. Ранее было установлено, что на Щуровском археологическом комплексе, а также синхронных ему соседних памятниках, присутствовала заслуживающая внимание корреляция между переменами климата и влажности, с одной стороны, и перемещением поселения и могильников на разные террасы, так называемые «площадки» – с другой. Такие перемещения совпадали и со значимыми культурными переменами, причем перемены эти затрагивали всю лесную зону (формирование позднедьяковской культуры, «война V в.» «война VII в.»).

Новые данные позволили уточнить и отчасти скорректировать эти выводы. Так, расширение полигона бурения позволило установить, что участок поймы между старичным руслом и холмом, на котором располагались селища и могильники («верхняя площадка»), подвергся паводковой эрозии. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что на этом участке поймы отсутствовал культурный слой в сравнительно влажный период 2-й четв. 1 тыс. н.э. Мощные паводки, сопровождавшиеся размывом слоя, можно предварительно датировать петровским временем, по находкам нательных крестов в слоях аллювия под «горизонтами смыва»

Вторым важным сюжетом является обнаружение материалов 2-й четв. 1 тыс. н.э. в пойменной части, на так называемой «нижней» площадке. Количественно их немного, и пока они известны только у подножья холма с могильником с северной стороны. Однако говорить о том, что в период освоения «верхней» площадки (останца в пойме) «нижняя» (пойма) не была обжита, было не совсем верно. Конечно, соотношение групп позднедьяковской керамики (для 2-й четв. I тыс. н.э. характерно использование рецептуры с примесью дресвы без шамота, для третьей – использование шамота как в сочетании с дресвой, так и без нее) говорит о том, что изначально тенденция была определена верно: «верхняя площадка» использовалась в более влажный период 2-й четв. 1 тыс. н.э., а в более сухой 3-й четв. поселение переместилось на «нижнюю», но это именно тенденция.

Интересной деталью является обнаружение следов распашки в слое на «нижней» площадке, т.е. в пойме. Ранняя распашка интересна сама по себе, поскольку, судя по необычным следам, она осуществлялась каким-то примитивным пахотным орудием (ралом?). Распашка стала причиной уничтожения погребений с северной стороны могильника, однако в контексте палеоландшафтных исследований ее значение в другом: изначально распашка осуществлялась вниз по склону и спровоцировала агроэрозию – перемещение грунта в ходе распашки. Снесенный культурный слой заполнил собой небольшую ложбину в центре пойменного участка памятника. Изначально мощный слой позднедьяковского времени (до 60 см) дал повод говорить о размещении на этом участке центра поселения 3-й четв. 1 тыс., однако новые данные говорят об иной природе повышенной мощности слоя, независимо от интенсивности освоения участка.

Отдельной темой исследования стал сам пойменный аллювий. Начало его отложения датируется началом XVII в., по находкам копеек Михаила Федоровича. В этом слое удалось проследить мощные прослойки чистого песка, причем в ряде случаев заметно, как эти прослойки песка подрезали образовавшийся ранее пойменный аллювий. Как уже отмечалось выше, этот период мощных паводков следует датировать последней третью XVII – 1-й пол. XVIII в., самих эпизодов наводнений было не меньше четырех. Ввиду невозможности поступления песка со стороны русла Оки (нет следов песка на ближних к реке участках поймы), наиболее вероятное объяснение их происхождения – размыв холма с могильниками, сопровождавшийся частичной утратой культурного слоя памятника, особенно с южной и восточной сторон.

А.С. Сыроватко¹, Н.Г. Сvirкина², Е.А. Клещенко²

¹*Коломенский археологический центр, Коломна;*

²*Институт археологии РАН, Москва*

ГРУНТОВЫЕ КРЕМАЦИИ
НА «ВЯТИЧСКОМ» КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ:
ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №17-06-00326 А «Заселение левобережья Оки в “Темные века”
(VIII–X вв.) в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене»)

Грунтовые погребения-кремации были обнаружены сотрудниками Ступинского краеведческого музея в межкурганном пространстве могильника Кременье (левый берег р. Оки, Ступинский район Московской области). Это оказалось возможным после произведенных лесоустроительных работ и распахки памятника, обнажившей кальцинированные кости. Могильник Кременье в археологической литературе известен после раскопок В.А. Городцова, исследовавшего пять курганов, их публикация стала первой печатной работой Б.А. Рыбакова [1928]. В настоящее время все курганы нарушены ямами-колодцами. Исследования поля погребений с кремациями проводилось в 2015–2016 гг. [Сыроватко, Фомченко, 2015; Сыроватко, Клещенко, 2017].

К настоящему времени исследовано четыре погребения, но погребение 4 может также быть деталью погребения 1. Все погребения изначально помещались в небольшие ямки (до 30 см глубиной и диаметром 30–60 см), однако их точные контуры и размеры остались невыясненными: у трех погребений из четырех кости очищены от угля, и ямки, в которые они помещены, почти не отличались от материка – рыхлого песка. Кроме того, в непосредственной близости от костей встречались ямки с углистым заполнением, но с небольшим количеством костей. Вероятно, это детали погребальных комплексов неясного на настоящий момент назначения. Заметим, что погребение 4 как раз и представляло собой такую ямку, и она, вероятно, может быть деталью погребения 1. В трех погребениях из четырех погребальный инвентарь крайне скудный – это капли металла от расплавленных украшений и реже – сильно оплавленные стеклянные бусы. Только в одном погребении (№1), выделявшемся как ярким, интенсивно-черным углистым заполнением, так и относительной многочисленностью инвентаря, обнаружены части белоглиняного горшка с линейно-волнистым орнаментом, курганного типа. Фрагменты горшка деформированы огнем, и судя по характеру повреждений, горшок был разбит еще на костре и перенесен с него в погребение в разрозненном виде. Помимо керамики, в погребении найдено четыре сердоликовые бипирамидальные бусины, обожженные до белого цвета, «лимонка», «зонная» бусина желтого прозрачного стекла и двухслойная с металлической прокладкой. Все бусы, а также горшок указывают на XII в. как на наиболее вероятную дату погребения. Отметим также один обломок предмета, который может быть лопастью височного кольца. Помимо перечисленных бус, в погребении среди костей найдено несколько десятков капель металла, медного сплава и белого (оловянистого?) сплава. Значительная их часть имеет форму неправильных дробин, что может свидетельствовать о попадании воды в погребальный костер. Пол и возраст погребенного определить не удалось.

В погребении 2, вероятно, был захоронен мужчина 25–40 лет, в погребении 3 – женщина 30–40 лет. Помимо погребений, скопления костей обнаруживались вне ям, прямо под современным дерном, на материке. Мы не исключаем, что на могильнике могли существовать погребения с помещением костей на дневную поверхность, по примеру погребений могильников Щурово, Лужки Е и Соколова Пустынь в этом же регионе. В отвалах грядок на разрушенных участках, а также в раскопах между погребениями обнаружены многочисленные предметы из металла, абсолютное большинство которых повреждено огнем, и все они типичны для «вятичского» набора:

однопрорезные литые бубенчики, крестовключенные лунницы, гладкая монетовидная подвеска, пряжки. Предметы, найденные вне погребений, в том числе в раскопе, ярче находок непосредственно из костей, возможно, это некая специфическая деталь погребального обряда. Обнаружены даже наконечник сулицы, топор и крупный фрагмент лезвия косы. Керамика типично курганная, круговая, с линейно-волнистым орнаментом.

Всем кремациям могильника присущи общие черты, заметно отличающие его от перечисленных выше, более древних: во всех кремациях отсутствуют кости животных, а кости, как правило, очищены от угля и помещены в ямки.

Судя по топографии, погребения с кремациями помещались в некоем пространстве, «внутреннем дворе», окруженном с трех сторон курганами, что говорит о том, что либо грунтовый могильник был хорошо заметен на поверхности и известен строителям курганов, либо захоронения по разным обрядам совершались параллельно. На взаимосвязь двух могильников указывают и обнаруженные В.А. Городцовым в ингумации в кургане обожженные до белого цвета сердоликовые бипирамидальные бусы, использованные в составе ожерелья, аналогичные обнаруженным нами в погребении 1. Несомненная близость датировок инвентаря также указывает, что в Кременье открыт не встречавшийся доселе биритуализм, сочетавший в столь позднее, предмонгольское, время курганный обряд и архаичные кремации.

По нашему мнению, этот неожиданный факт может иметь два взаимоисключающих объяснения.

1. Такие формы погребальной обрядности в домонгольское время могли быть распространены гораздо шире, но межкурганное пространство почти никогда не становилось объектом исследования, да и сами кремации обнаружить непросто; не исключено, что подобных могильников много, просто их никто не искал.

2. В домонгольское время на р. Оке продолжало сохраняться население, сохранившее в основных чертах погребальный обряд, уходящий корнями в дьяковскую культуру, и известный по могильникам эпохи Великого переселения народов и эпохи викингов Щурово, Соколова Пустынь 1 и 2, Лужки Е [Сыроватко, 2014].

В пользу последней версии свидетельствует и то, что самые поздние из известных до настоящего времени кремаций могильника Соколова Пустынь 2 датируются 2-й половиной X – XI в. [Сыроватко и др., 2015].

Библиографический список

Рыбаков Б.А. О раскопках вятичских курганов в Мякинине и в Кременье в 1927 году // Сборник Научно-археологического кружка 1-го МГУ. – М., 1928.

Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // Российская археология. – 2014. – №4.

Сыроватко А.С., Фомченко Э.Э. Курганная группа в Кременье – новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья : сборник материалов VII и VIII региональной научно-практической конференции (Ступино, 2015 г.) / отв. ред. Э.Э. Фомченко ; МБУК «Ступинский историко-художественный музей». – Ступино, 2015.

Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Грунтовые погребения-кремации XII в: новые исследования курганного могильника Кременье // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 13. – М., 2017.

Сыроватко А.С., Потемкина О.Ю., Трошина А.А., Свиркина Н.Г. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. – 2015. – Вып. 241.

А.С. Сыроватко¹, Е.Ю. Тавлинцева², О.А. Лопатина³, Н.С. Жеребцова¹

¹*Коломенский археологический центр, Коломна;*

²*Музейное объединение “Музей Москвы”;*

³*Институт археологии РАН, Москва*

КЕРАМИКА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
НА СРЕДНЕЙ ОКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕГИОНА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №17-06-00326 А «Заселение левобережья Оки в “Темные века” (VIII–X вв.)
в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене»)

Целью проводимого нами исследования является сопоставление керамических комплексов трех поселений позднедьяковского времени, расположенных сравнительно компактной группой на р. Оке на протяжении примерно 80 км: Щуровском селище, городище Ростиславль и селище Соколова Пустынь.

Городище Ростиславль, расположенное в Озерском районе Московской области, представляет собой один из наиболее полно изученных в археологическом отношении памятников этого региона. В дьяковское время на мысовой части памятника существовало укрепленное поселение. Археологические раскопки показали, что в середине I тыс. н.э. на памятнике произошел сильный пожар. Его следы фиксировались на мысовой части площадки в виде обломков и развалов побывавших в огне сосудов, скоплений обгоревшего зерна и нескольких мусорных ям, до краев заполненных битой и ошлакованной керамикой. Дата этого пожара определяется в настоящее время от конца IV до середины V в. н.э. [Медведь, 2007; Тавлинцева, 2010]. Керамика, связанная со слоем пожара, таким образом, может рассматриваться как условно закрытый археологический комплекс, отражающий особенности местного керамического производства в середине I тыс. н.э.

Селище Щурово исследовано на огромной площади – свыше 3 тыс. кв. м. Топографически выделяются две так называемых «площадки» – «верхняя» и «нижняя», и мы предполагаем, что наиболее интенсивное их использование под поселения происходило в разные периоды – во второй («верхняя») и третьей («нижняя») четверти I тыс. н.э. Возможно, смена площадок произошла приблизительно в то же время, что и пожар на Ростиславле [Сыроватко, 2014; Сыроватко и др., 2014; Сыроватко и др., 2015; Сыроватко, Трошина, 2015].

Такой же сложной была структура поселения Соколова Пустынь – на нем также можно выделить «верхнюю» и «нижнюю» площадки, и так же, как и в Щурово, на «верхней» площадке на месте позднедьяковского поселения возникает позднедьяковский могильник [Потемкина и др., 2013; Потемкина и др., 2014].

Коллекция целых керамических форм, происходящих из слоя пожара на Ростиславле, насчитывает около двух десятков сосудов. Большая их часть находит многочисленные аналогии на памятниках в первую очередь мощинской культуры. Это сосуды с высоким прямым раструбообразным венчиком и резким переходом от венчика к плечу, иногда с небольшим уступом. Этот тип посуды представлен в основном мисками разного объема, с лощеной поверхностью, горшки с такой же профилировкой верхней части встречаются реже. Формовочные массы большинства сосудов содержали значительное количество шамота. Также из слоя пожара происходит миска мощинского типа с раструбообразной верхней частью и ребром в нижней трети высоты. Вне контекста пожара на городище Ростиславль был найден также единичный фрагмент керамической крышки, аналогии которой также широко распространены в мощинских древностях. Вместе с тем, помимо этих типично мощинских форм, в слое пожара был найден сосуд с высоким сильноотогнутым венчиком и плавным переходом от венчика к плечу. Подобная керамика встречается в нижнем и среднем горизонте верхнего слоя Дьякова городища [Кренке, 2011, с. 114–120] и относится к иной керамической

традиции. Все это указывает на достаточно разнообразный набор форм посуды, существовавшей, скорее всего, синхронно.

В керамике «верхней» площадки Щурово (учтено 39 фрагментов верхних частей от разных сосудов) посуды с резким уступом при переходе от венчика к плечу существенно меньше, гораздо скромнее представлены миски по сравнению со слоем пожара Ростиславля, значительно ниже доля лощеной керамики. Формовочные массы сосудов в основном представлены рецептами на основе дресвы. Объединяет Щурово и Ростиславль почти полное отсутствие сковородок. В то же время на «нижней» площадке Щурово преобладает керамика с шамотом в тесте, хотя мизерное количество мисок и отсутствие сковородок остаются характерными признаками всего набора.

Керамика второй четверти – середина I тыс. н.э. Соколовой Пустыни также отличается своеобразием. Ее керамика изготовлена с очевидным преобладанием шамотосодержащих рецептур, что отличает ее от синхронных комплексов Щурово («верхней» площадки), но сближает с Ростиславлем. От Ростиславля Соколова Пустынь при этом также отличается – в составе комплексов значительное количество сковородок, известны также крышки (один фрагмент).

Анализ керамических комплексов всех трех памятников только начинается. Наблюдения, сделанные в ходе настоящей работы, носят во многом предварительный характер. Тем не менее уже сейчас мы можем констатировать, что во второй-третьей четверти I тыс. н.э. в одном микрорегионе керамика поселений, формально находящихся в рамках одной культурной традиции, обладала заметными отличительными чертами.

Библиографический список

Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 2011.

Медведь А.Н. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // Археология Подмосквья : материалы научного семинара. – Вып. 3. – М., 2007.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Свиркина Н.Г., Олейник А.Б. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени (итоги работ 2011–2012 гг.) // Оки связующая нить археология Среднего Поочья : сб. материалов конференции. – Ступино, 2013.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Раскопки 2012 г. в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник // Археология Подмосквья : материалы научного семинара. – Вып. 10. – М., 2014.

Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // Российская археология. – 2014. – №3.

Сыроватко А.С., Трошина А.А., Гольева А.А., Шишков В.А. Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? // Археология Подмосквья : материалы научного семинара. – Вып. 10. – М., 2014.

Сыроватко А.С., Трошина А.А., Свиркина Н.Г., Клещенко Е.А. Погребения из раскопов Щуровского могильника 2014 года // Оки связующая нить археология Среднего Поочья : сб. материалов конференции. – Ступино, 2015.

Сыроватко А.С., Трошина А.А. Щуровский могильник: некоторые итоги 2011 г. // Оки связующая нить археология Среднего Поочья : сб. материалов конференции. – Ступино, 2015.

Тавлинцева Е.Ю. Городище Ростиславль: горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археология Подмосквья : материалы научного семинара. – Вып. 6. – М., 2010.

А.В. Табарев¹, А.Н. Попов²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;*

²*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ НЕОЛИТИЗАЦИИ В ТИХООКЕАНСКОМ БАССЕЙНЕ

Термин «неолитизация» быстро прижился в отечественной археологии, он оказался комфортным и гибким, позволил успешно сочетать принципы процессуальной (научный метод, динамика и трансформация культур) и постпроцессуальной (мультидисциплинарность, альтернативные интерпретации) археологии [Handbook of Archaeological Theories, 2008], а также перейти на «модельный» формат описания особенностей культурогенеза в различных регионах. Этот формат, с другой стороны, требует привлечения гораздо более широкого спектра новых данных и обязательных сравнительных построений, невозможных без очного изучения материалов. Серия комплексных археологических проектов, реализуемых в настоящее время авторами, открывает принципиально новые возможности для обобщения информации о процессах «неолитизации» и ее особенностях в различных частях Тихоокеанского бассейна – как на Дальнем Востоке (Приморье, Японский архипелаг), так и в совершенно новых для отечественной науки районах Пасифики (побережье Эквадора и Перу, Филиппины, Индонезия, Полинезия) [Popov, Tabarev, Mikishin, 2014; Tabarev et al., 2016].

Среди региональных особенностей неолитизации можно выделить несколько наиболее важных аспектов: выявление локальных адаптационных стратегий, определение технологий, маркирующих начало процесса; его продолжительность; синхронность и асинхронность процессов на соседних и удаленных территориях; значение и интенсивность контактов. Так, для большинства районов Восточной Азии начало неолитизации специалисты связывают с появлением технологии изготовления емкостей из обожженной глины, которая сопровождает изменение адаптационных стратегий (как комплексных охотников – собирателей, так и земледельцев-скотоводов). Керамика является, таким образом, решающим аргументом при отнесении горизонтов, комплексов и целых культур к неолиту, тогда как производящее хозяйство (земледелие) появляется гораздо позже или вообще (эпоха дзёмон на Японском архипелаге) с неолитом изначально не сочетается. Иной подход наблюдается для районов Юго-Восточной Азии и Океании, где начало неолитизации связывается с появлением производящего хозяйства и началом использования керамической посуды. На Филиппины и в Полинезию производящее хозяйство и сопровождающие его технологии приходят «неолитическим пакетом» в готовом виде [Anderson, 2005]. На Тихоокеанском побережье Южной Америки присутствуют разные модели – для Эквадора начало формативного периода (аналог термину «неолит») на сегодняшний день связывают с появлением гончарства и земледелия около 6–5,8 тыс. л.н. [Табарев, 2016]. Не исключено, что уже в самом скором времени будет доказано, что первую керамическую посуду начали изготавливать еще охотники-собиратели, и модель потребует корректировки. В свою очередь, на Перуанском побережье керамика вообще не является решающим маркером, она появляется не ранее 3,8 тыс. л.н. на фоне развитого земледелия и эффективных ритуальных центров с монументальными сооружениями. Если для одних районов Пасифики (Дальний Восток) начало неолитизации отмечено принципиальными изменениями в технологии обработки камня (смена систем расщепления, ведущих заготовок, инструментария), то для других (Юго-Восточная Азия, Океания, Эквадор) изменения в орудийном наборе из камня практически не заметны, поскольку основную нагрузку несли инструменты из дерева, раковин, кости [Табарев, Каномата, 2015].

Существенная разница наблюдается в продолжительности процесса неолитизации – 11,5–11 тыс. л. на Японском архипелаге; 9–8 тыс. л. на Российском Дальнем Востоке; 4–3 тыс. л. в прибрежной и островной частях Юго-Восточной Азии; 3,5–3 тыс. л. на

Тихоокеанском побережье Южной Америки; не более 2–1,5 тыс. л. на Филиппинах и в Океании [Higham, 2013].

Специалисты отмечают, что начало неолитизации связано и с важными изменениями в социальной структуре древних обществ. Одним из показателей этих изменений являются эффективные погребальные комплексы, которые демонстрируют сложные обряды (комплекс Саннай Маруяма, Япония), дифференцированный инвентарь, манипуляции с телами и черепами (памятники Бойсмана-2 в Приморье, Теоума на островах Вануату и Реаль-Альто в Эквадоре), очевидное выделение племенной элиты, расцвет престижных технологий и усложнение мифологических систем [Попов, 2008; Popov, Tabarev, 2016; Valentin et al., 2010].

Безусловно, в дискуссии об особенностях неолитизации в Тихоокеанском бассейне ключевое место занимают вопросы миграций, контактов и взаимовлияния различных культур [Bellwood, Oxenham, 2008]. Специфику этим контактам придает разнообразный географический контекст, в котором происходили контакты – континентальный, прибрежный, побережье – острова, острова внутри крупных архипелагов и океанский. Обозначим также еще один перспективный аспект – выделение районов «нуклеарного» типа (центры возникновения новых технологий), «вторичных» (перенос готовых технологий), «периферийных» (запоздалое восприятие) и «контактных» (влияние новаций из нескольких центров).

Библиографический список

Попов А.Н. Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2008. – Т. 34, №2.

Табарев А.В. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // *Теория и практика археологических исследований*. – 2016. – №1 (13). DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-08

Табарев А.В., Каномата Й. «Тропический пакет»: особенности каменных индустрий древнейших культур Тихоокеанского бассейна (на примере побережья Эквадора) // *Археология, этнография, антропология Евразии*. – 2015. – Т. 43, №3. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.064-076

Anderson A. Crossing the Luzon Strait: Archaeological Chronology in the Batanes Islands, Philippines and the Regional Sequence of Neolithic Dispersal // *Journal of Austronesian Studies*. – 2005. – V. 1, №2.

Bellwood P., Oxenham M. The Expansions of Farming Societies and the Role of the Neolithic Demographic Transition // *The Neolithic Demographic Transition and its Consequences*. – New York, 2008.

Handbook of Archaeological Theories. – New York, 2008.

Higham C. Hunter-Gatherers in Southeast Asia: From Prehistory to the Present // *Human Biology*. – 2013. – V. 85, №1–3.

Popov A.N., Tabarev A.V., Mikishin Y.A. Neolithization and Ancient Landscapes in Southern Primorye, Russian Far East // *Journal of World Prehistory*. – 2014. – Vol. 27. – Issue 3.

Popov A.N., Tabarev A.V. Lords of the Shell Rings: Boisman Neolithic Culture, Russian Far East / Seigneurs des anneaux sur coquilles: la culture néolithique de Boismanskaya, Extrême-Orient russe // *Séances de la Société préhistorique française*. – 2016. – №6.

Tabarev A., Popov A.N., Marcos J.G., Kanomata Y. New Excavations at Real Alto Site, Valdivia Culture: Joint Russian-Japanese-Ecuadorian Project, 2014–2015 // *The Latest Results of American Studies. II International Symposium*. – University of Wrocław, September 12–14, 2016. – Wrocław, 2016.

Valentin F., Herrscher E., Bedford S., Spriggs M., Buckley H. Lapita Burial Practices: Evidence for Complex Body and Bone Treatment at the Teouma Cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific // *The Journal of Island and Coastal Archaeology*. – 2010. – V. 5, №2.

А.А. Тарасова
Институт археологии РАН, Москва
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЯРОСЛАВЛЬ И ТВЕРЬ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ

Изучение демографической структуры группы населения средневекового Ярославля, чьи останки были обнаружены в коллективных захоронениях 1238 г. на территории укрепленного центра города (детинца), показало, что численность, половозрастная структура и некоторые другие характеристики (например, соотношение продолжительности жизни мужчин и женщин) позволяют рассматривать изученную серию как прообраз реально существовавшей группы населения.

Среди включенных в палеодемографический анализ останков 207 индивидов из массовых захоронений г. Ярославля 82 принадлежали индивидам мужского пола, 79 – женщинам, 45 – детям. Средний возраст смерти без учета детей в ней составляет 33,3 года. Значение данного показателя находится на нижней границе среди средневековых групп древнерусского населения, что может быть связано со спецификой серии, представляющей останки жертв военного конфликта.

Детская смертность (PCD) в группе составляет 25,3%. Для сравнения, в средневековых могильниках «русского севера» (Мошинский погост (IX–XIII вв.), Никольское-3 (XI в.); Нефедьево (XI–XIII вв.) процент детской смертности (PCD) варьирует от 16,7 до 26,0% [Бужилова, 1995, с. 47]. В объединенной выборке XV в. из могильника Мистихали, которая в полной мере соответствует критериям палеопопуляции, PCD равен 26,9% [Алексеева и др., 2003].

В возрастных интервалах от 0 до 4 и от 5 до 9 лет зафиксировано наибольшее количество погибших – 9,7 и 12%, в то время как количество детей в возрасте 10–14 лет составило 3,7% от общего числа погребенных. Сравнение половозрастной структуры древнерусских средневековых выборок показывает также небольшое количество подростков в возрасте 15–19 лет (3,7% от общего числа погребенных) в серии из Ярославля (рис.). Хорошая сохранность остеологического материала и тщательность его сборки дают основание полагать, что, возможно, именно эта категория населения могла быть взята в плен и насильственно уведена из разоренного города.

Палеодемографический анализ антропологической серии XII–XIII вв. из раскопок некрополя у Спасо-Преображенского собора г. Твери позволил охарактеризовать ее как палеопопуляцию.

В анализ включены останки 181 индивидуума серии (84 мужчины, 75 женщин, 21 ребенок, 1 подросток, пол которого не удалось определить).

Средний возраст смерти взрослого населения в выборке XII–XIII вв. из Твери составляет 36,4 года. Значение данного показателя для женщин (35,4 лет) находятся на нижней границе традиционного палеоантропологического возрастного интервала 35–39 лет, в то время как для мужчин выборки характерен более высокий возраст дожития (37,3 лет).

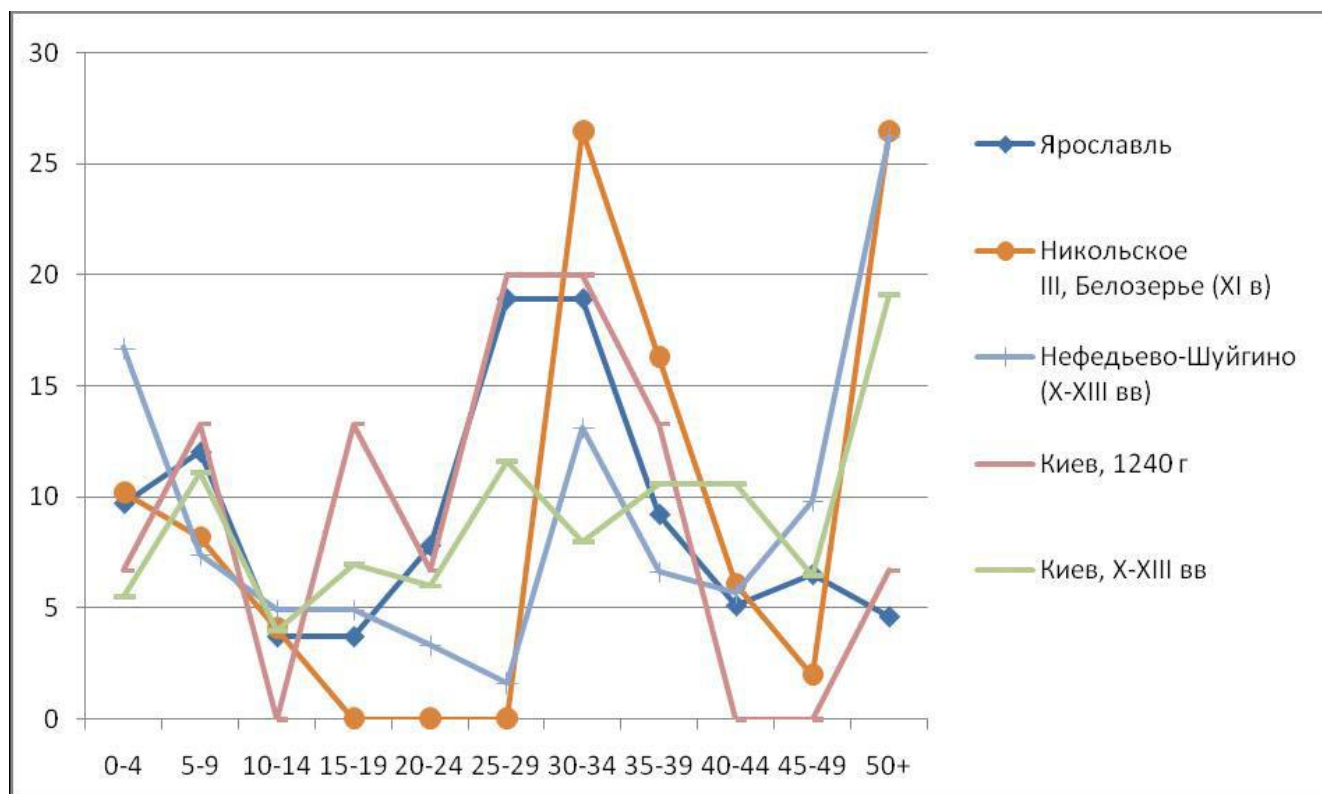
На территории средневековой Руси средний возраст смерти характеризуется интервалом от 32,3 до 43,8 лет [Бужилова, 1995, с. 32]. Наименьшие показатели (30–35 лет) фиксируются на территории распространения новгородских словен, кривичей ярославских, в некоторых популяциях московских вятичей, а на юге в некоторых группах черниговских полян [Бужилова, 2005, с. 19]. На остальной территории средний возраст умерших колеблется в пределах 35–40 лет.

В рассматриваемой серии из Твери значения данного признака приближаются к средним и сближаются со значениями серий из домонгольского Киева (город Ярослава), Чернигова, Старой Рязани, Витичева (36,6; 36,3; 36,9; 37,3 соответственно).

Значение параметра PCD (процент детской смертности) в серии из Твери (10,5%) как минимум в 1,5 раза меньше, чем в других средневековых сериях, однако довольно близко

к значению для «элитной» выборки из Мистихали [Алексеева и др., 2003]. Несмотря на указанное сходство, прочие палеодемографические характеристики «элитной» выборки могильника Мистихали, такие как средний возраст смерти (A), средний возраст смерти взрослых (AA), процент индивидов в финальной возрастной когорте (C50+), а также процентное соотношение мужчин и женщин (PSR) сильно разнятся с показателями исследуемой серии. В данном случае наиболее логичным объяснением столь «заниженного» значения процента детской смертности может служить плохая сохранность детских костяков.

Более подробный анализ половозрастной структуры серии и характера поведения кривых смертности свидетельствует о некоторых других особенностях мужской и женской выборок. Так, вероятность смерти для женщин в возрасте от 15 до 29 лет в среднем в 2 раза выше, чем для мужчин, что традиционно ассоциируется с неудачным течением беременности и родов [Бунак, 1980; Алексеев, 1989]. В 30–34 года наблюдается первый пик смертности мужчин, в то время как процент женщин, умерших в этом возрасте незначительно уменьшается по сравнению со значением данного показателя в предыдущем возрастном интервале (15,5 и 17,2% соответственно). Для мужчин и женщин, благополучно достигших зрелости, характерна более или менее прямая зависимость смертности от возраста.

Кривые смертности (qx) средневекового населения Древней Руси

Библиографический список

- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М., 1989.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). – М., 2003.
- Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). – М., 1995.
- Бужилова А.П. Homo sapiens. История болезни. – М., 2005.
- Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция: историко-теоретическое введение. – М., 1980.

С.Ф. Татауров
Филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск
ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ
В ГОРОДЕ ТАРЕ В XVII–XVIII ВЕКАХ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»

Дерево до настоящего времени является одним из основных материалов в системе жизнеобеспечения сельского населения Западной Сибири, в первую очередь как строительного материала, а также как топлива для обогрева и приготовления пищи в домах, топки бань и как материала для изготовления самого разнообразного инвентаря для хозяйственных и бытовых нужд. Археологические исследования в историческом центре одного из первых русских городов в Сибири – Тары – наглядно показывают значимость древесины для жизни человека в исследуемое нами время, несмотря на то, что русские первопроходцы пришли на земли, богатейшие своими лесными богатствами.

Хорошая сохранность дерева в культурном слое города, который в Тарской крепости достигает 4,5 м, позволяет выделять строительные горизонты примерно для каждых 50 лет истории города – это дает возможность фиксировать новации в обработке дерева и в приемах домостроительства, в том числе и такой аспект строительства, как вторичное использование дерева. В ходе изучения выяснилось, что тарчане максимально использовали древесину, которая по каким-то обстоятельствам (пожарам или гниению) стала непригодной в строениях. Вторичное использование древесины русскими поселенцами было обычным явлением для Западной Сибири. Особенно в этом плане выделяется Мангазея, где практически все постройки имеют дерево с разобранных кочей [Визгалов, 2008]. Отсутствие пригодного к строительству леса заставляло жителей Мангазеи максимально использовать имеющиеся материалы и в случае необходимости перестраивать свои постройки с наименьшими потерями. Город Тара, находящийся в южнотаежной зоне и окруженный лесами, тем не менее как и Мангазея постоянно испытывал дефицит древесины.

Тара была срублена в рекордно короткое время – за несколько месяцев конца лета и осени 1594 г. Была поставлена Тарская крепость, в которой размещались дом воеводы и комплекс военно-административных зданий, и острог, со своими укреплениями и домами для служилых людей. К 15 августа следующего года была закончена Успенская церковь, и в принципе город был построен. Быстроте постройки способствовало то, что город был окружен сосново-кедровыми борами, а своевременная доставка легла на плечи местного татарского населения. Но буквально с момента основания Тара стала постоянно нуждаться в древесине. Особенный урон наносили городу пожары, которые иногда уничтожали весь город, в том числе и деревянные укрепления. Высокое залегание грунтовых вод приводило к быстрому гниению нижних венцов построек и основания частоколов. Город постоянно чинил свои заборы и заплоты, менял нижние венцы срубов домов и хозяйственных построек, обновлял городни и частоколы крепостных стен. Тобольск в XVII в. был завален челобитными тарских служилых людей: «Всякие государевы изделия делаем, амбары, избы, и бани, и воеводцкие двory ставим и починиваем, и бревна и тес, и всякий лес возим, и печи бьем, и изгороди около государевых поль городим» [Никитин, 1988, с. 87]. Значительное количество леса требовалось и на отопление – заготовка дров велась круглогодично, прерываясь только на весеннюю и осеннюю распутицы. На строительство шел лес хвойных пород – сосна, кедр и лиственница, на дрова – преимущественно береза и осина.

Изучение древесины в культурном слое города показало, что крупных сгоревших или полусгнивших фрагментов древесины в культурном слое города практически нет. Все дерево, которое хоть как-то подходило для вторичного использования, шло в дело. Следует отметить, что при строительстве жилых домов и административных зданий, а также крепостных укреплений нами не зафиксировано ни одного случая вторичного использования древесины. Зато можно выделить несколько направлений его применения: хозяйственные

постройки, фундаменты под строения, заборы и заплоты, завалинки, ремонт мостовых и дорог, на дрова.

В 2013 г. в горизонте конца XVIII – начала XIX в. была исследована постройка, которая была, по всей видимости, избой сторожа при городском рынке. Об этом свидетельствует как ее расположение, так и размеры и внутренняя планиграфия. Достаточно сказать, что печи в этой постройке не было – это неудивительно, так как зимой рынок не работал. Для нас это строение интересно тем, что оно было срублено целиком из частокола острожной крепостной стены города. Здесь следует сказать несколько слов об особенностях фортификации города. Стены Тарской крепости состояли из восьми- и четырехугольных башен и «городен» срубов примерно $4 \times 2,5$ м, заполненных землей, а стены острога стояли из таких же башен и частокола, бревна которого (балясины) были украшены «луковицами» и имели с внутренней стороны стены пазы для скрепления друг с другом. Вот такое бревно с «луковицей» лежало в нижнем венце исследованной нами постройке. Строители срубили ее в лапу и не потрудились выровнять выпуски нижнего ряда с верхними венцами, и поэтому данное украшение бревна осталось. Данная постройка срублена из бревен стены, которые, вероятнее всего, сгнили в своей нижней части, поэтому многие венцы в срубе, в том числе и в нижнем, составлены из нескольких частей. По этой причине бревна могли ровно лежать только непосредственно на земле, что мы и зафиксировали. Нижний венец состоял из массивных, как и с «луковицей», бревен диаметром 0,45–0,5 м, а уже на второй венец пошли бревна диаметром 0,3 м, но тоже из острожной стены. На втором и третьем венцах на бревнах заметны следы пожара, но так как они не совпадали и не представляли единой картины сгорания, то очевидно, что частокол горел, но был потушен, а обгорелые бревна пошли на строительство. Для того чтобы не замазаться в избе обо стены, бревна горелой стороной развернули наружу.

Из пришедших в негодность бревен тарчане строили основания-фундаменты под здания и под заплоты. Если диаметр был достаточен – около 0,5 м, то под основание использовали одно бревно, а если диаметр был меньше, то делали выкладки из двух или трех чурок длиной 0,8–1 м.

Бедой для тарчан было высокое залегание грунтовых вод и глинистая почва, что сильно затрудняло перемещение по городу. Для этого жители Тары строили деревянные мостовые для гужевого транспорта и тротуары для пешеходов. И те, и другие носят следы длительного использования и многочисленных ремонтов: выбоины, торчащие места сучков, проломы и т.д. На тротуарах меняли лежаки, на которые был положен собственно тротуар и отдельные плахи, из которых он состоял. На мостовых наиболее изношенные бревна не вынимались, а на них сверху клались такие же по диаметру полубревна или дранка. На концах дранки есть следы крепления (подтесывания) для вставки под охлупень и в другие крепления крыши, что говорит о вторичности их использования.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что жители г. Тары максимально использовали имеющуюся в городе древесину. Все выходящее из прямого употребления дерево находило свое применение во вспомогательных постройках, ремонте дорог, на отопление домов и т.д. В связи с этим больше требований предъявляется к определениям дендрохронологии. Разброс дат для отдельных срубов может достигать несколько десятков лет – но, с другой стороны, эти данные позволяют связать строительные горизонты разных лет, т.е. разных поколений и могут наглядно продемонстрировать и привязать к конкретному времени изменения в деревянной архитектуре, в том числе в технологии обработки дерева.

Библиографический список

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) : монография. – Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008.

Никитин Н.И. Служилые люди Западной Сибири. – Новосибирск, 1988.

Ф.С. Татауров

Омский государственный технический университет, Омск

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Проблемы заселения и освоения русскими Западной Сибири и по сей день активно изучают отечественные историки, но социальным процессам, происходившим в новом обществе, которое начинает складываться в Западной Сибири в конце XVI в., до сих пор не уделяется внимания в достаточной мере. Ученые в первую очередь анализируют характер военного и административного присоединения региона к Российскому государству, рассматривают вопросы экономического обеспечения новых территорий, изучают взаимоотношения русских переселенцев с представителями коренных народов, экономические связи с соседними странами.

Исследование социальных отношений русских сибиряков не входит в список проблем и у археологов, занимающихся периодом Нового времени, так как считается, что необходимую информацию можно найти в письменных источниках. Однако имеющиеся данные (описи имущества отдельных поселенцев, ярмарочных товаров в таможенных книгах и т.п.) неполны и фрагментарны. Более серьезно социальные вопросы изучаются на материалах древних и раннесредневековых обществ [Массон, 1976; Иванова, 2001; Крадин, Тишкин, Харинский, 2005; Матвеева, 2007; Берсенева, 2011].

Сложившаяся ситуация показывает необходимость подробного исследования и реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – 1-й половины XVIII в. Под этим понятием мы понимаем совокупность мировоззренческих установок, сложившуюся в конкретном обществе и транслируемую через материальную культуру [Романова, 2013, с. 156]. Полноту и репрезентативность полученных выводов обеспечивает комплексный подход, основанный на привлечении разных видов источников, главным из которых мы считаем археологический.

Трансляция социально-культурного облика происходит двумя путями: через социально-бытовую среду и через имущественный комплекс, характерный для каждого члена конкретной социальной группы. Социально-бытовая среда включает несколько основных сегментов. Во-первых, это жилище, его характеристики (размер, особенности конструкции), детали интерьера, внутреннее убранство. Во-вторых, это комплекс хозяйственных построек, составляющий вместе с жилищем пространство усадьбы. В-третьих, это населенный пункт, в котором располагается конкретная усадьба, причем здесь же учитываются и планиграфические особенности ее размещения на территории поселения. Индивидуальный имущественный комплекс, характерный для представителей тех или иных социальных групп, формируется из костюмного комплекса, предметов личного благочестия, личных вещей повседневного использования (к которым можно отнести, например, курительные трубки), оружия, инструментов.

Важно отметить то, что предметы материальной культуры русских сибиряков, представленные в археологических материалах конца XVI – 1-й половины XVIII в., продолжали использоваться вплоть до периода этнографической современности, что облегчает их интерпретацию в контексте изучаемого периода, так как мы знаем их функциональное назначение и источник происхождения.

Для детальной реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – 1-й половины XVIII в. необходимо следовать определенному механизму исследования. Первым шагом должно стать определение критериев статусности различных категорий предметов и объектов в контексте рассматриваемого социума. Для русского общества Западной Сибири в изучаемый период такими критериями стали: функциональное назначение (к статусным мы относим предметы, имеющие опосредованное хозяйственное назначение или не имеющие его вообще), материал, отношение к вещи общества

и государства в определенный период времени, сословная принадлежность владельца вещи (обладание некоторыми категориями предметов являлось привилегией конкретных социальных групп).

Следующим шагом при реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка становится анализ археологических коллекций и систематизация статусных вещей для того, чтобы определить, какие группы предметов, полученные в ходе археологических исследований русских памятников Западной Сибири, можно отнести к маркерам социального статуса. К предметам, характеризующим социально-бытовую среду различных социальных слоев изучаемого общества, мы относим, во-первых, некоторые конструктивные детали жилища (слюдяные и стеклянные окна, печные трубы, печные изразцы), а во-вторых, элементы домашнего обихода (столовая утварь из драгоценных материалов, вилки, парфюмерные флаконы, фарфоровая и стеклянная посуда, подсвечники). Личный имущественный комплекс русских сибиряков конца XVI – 1-й половины XVIII в. характеризуют предметы, относящиеся к костюмному комплексу (одежда, обувь, украшения тела и украшения одежды), курительные трубки, оружие, предметы личного благочестия, книжная фурнитура и письменные принадлежности, ремесленные инструменты.

Параллельно процессу систематизации археологического материала необходимо провести анализ письменных, изобразительных и этнографических источников для соотнесения выделяемых категорий статусных предметов с представителями конкретного социального слоя. В плане изучения русского общества Западной Сибири серьезным подспорьем являются данные дозорных книг, фиксирующих, представители каких социальных групп проживали в конкретном населенном пункте, ставшем местом проведения археологических изысканий. Необходимо провести анализ социальной структуры изучаемого общества и определить, какие изменения могли происходить в ней в период с конца XVI по 1-ю половину XVIII в., также стоит выявить и возможности представителей различных социальных слоев приобретать те или иные статусные предметы.

Результатом выполнения вышеуказанного алгоритма является поэтапная детальная реконструкция социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – 1-й половины XVIII в. Проведение подобного исследования помогает осознать роль вещей как маркеров социальной дифференциации конкретного общества в определенный временной период. Мы фиксируем это по результатам комплексного анализа археологических, письменных, изобразительных и этнографических источников. Представители разных слоев изучаемого социума пользовались определенным кругом статусных предметов, количество и ассортимент которых зависели от благосостояния владельца и его положения в обществе. Анализ элементов, составлявших социально-культурный облик русского сибиряка, позволяет лучше понять процессы формирования сибирских традиций и эволюцию русской сибирской культуры в обозначенный период и до настоящего времени.

Библиографический список

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург, 2011.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2001.

Крадин Н.Н., Тишкин А.А., Харинский А.В. Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. – Тюмень, 2007.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976.

Романова Н.В. Сегменты социокультурного облика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №2 (28).

Л.В. Татаурова

Филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск

АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ СИБИРИ В XXI ВЕКЕ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

История археологического исследования русских Сибири начинается в первой половине XX в. Ее этапы отражены в публикациях [Черная, 2008, с. 5–26]. Фактически до начала XXI в. в ходе раскопок формировалось источниковое поле по различным аспектам освоения русскими новых территорий за Уралом. На этой базе были заложены основы нового направления в сибирской науке – археологии русских, возможности которого еще до конца не оценены. Археологический источник Нового времени обладает своей спецификой [Татаурова, 2015, с. 98–103], однако к полученным в ходе раскопок артефактам применимы методики, проверенные в изучении материалов ранних эпох. Кроме того, весь предметный комплекс можно исследовать с использованием естественно-научных методов, получая при этом информацию не только о технологиях производств и сырьевых ресурсах, но и выходы на изучение торгово-экономических связей и социально-мировоззренческих аспектов. Перспективы включения археологических источников Нового времени в реконструкции исторических сюжетов XVI–XIX вв. очевидны [Черная, 2008, с. 5–26; Беляев, 2014, с. 11–18].

В XXI в. археологическое изучение культуры русских в Сибири вышло на новый этап. Несмотря на продолжающееся накопление материалов, качественно вырос уровень их интерпретации, в том числе на основе междисциплинарных исследований: стали привлекаться новые архивные материалы, результаты естественно-научных изысканий, новейшие статистические методы, геоинформационные системы, а также переосмысливаться этнографические ретроспекции. Археология русских Сибири оформилась в самостоятельное научное направление, со своим предметом, объектом, источниковой базой и методами.

В рамках этого направления ученые региона используют несколько исследовательских подходов.

Источниковедческий подход направлен на анализ постоянно пополняющихся коллекций и материалов раскопок. Здесь особое значение имеет типологический метод, позволяющий структурировать предметные комплексы, выявлять типы и варианты в категориях объектов разного или одного назначения (см., например: [Молодин, 2007; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011]).

Исторический подход направлен на включение археологических материалов в исторические реконструкции [Археологические и исторические исследования Верхотурья, 1998; Черная, 2002; Визгалов, Пархимович, 2008; Бородовский, Горохов, 2009; Тара в XVI–XIX вв., 2014], правда, пока применение этого подхода находит отражение только в публикациях археологов.

При этноархеологическом подходе используются этнографические методы и аналогии для интерпретации результатов археологических работ [Татаурова, 2010; 2015а, с. 142–154].

Социокультурный подход предполагает изучение объектов и артефактов, характеризующих социальный статус их владельцев [Черная, 2015; Татауров Ф.С., 2014, с. 238–240].

Экологический подход подразумевает анализ на основе изучения палеозоологических, карпологических, палинологических и других полученных археологическими методами образцов, природных и климатических условий адаптации русских в Сибири, а также выявление этапов формирования исторической экологии сибирского населения [Визгалов и др., 2013].

В последние годы набирают силу естественно-научные исследования, в том числе геодезические работы по построению ландшафтных моделей и созданию ГИС (см., например: [Сальникова, 2016; Быков, Татаурова, Светлейший, 2016, с. 185–192]).

Результатом применения различных подходов стала представительная база введенных в научный оборот археологических материалов и итогов междисциплинарных изысканий. Это наглядно представлено в материалах научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях». В 2002 г. первый сборник был представлен 36 публикациями, из них по Сибирскому региону – 29. Двухтомник V конференции, прошедшей в 2014 г., включает 78 статей, из них 53 – по исследованиям в Сибири. На VI форум по этой тематике, который пройдет в ноябре 2017 г. в г. Енисейске, прислано 110 работ, 78 из них отражают итоги изучения

русских сибиряков. Впервые за 15-летнюю историю конференции представлен объемный блок исследований по генетике и антропологии русских.

Плодами развития направления «археология русских» в XXI в. стали монографические работы по различным аспектам изучения русской культуры в Сибири. Это реконструкции фортификации и усадеб в городах и острогах XVII–XVIII вв. [Черная, 2002; 2015; Бородовский, Горохов, 2009]; процессов адаптации, исторической экологии, погребального обряда [Татаурова, 2010; Татаурова и др., 2014; Визгалов и др., 2013]; отдельных элементов системы жизнеобеспечения (хозяйства, костюма, жилищ, духовной культуры); публикация материалов г. Мангазеи в свете новых итогов изучения памятника [Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011; и др.]. Исследования памятников русских в Сибири продолжаются, значит, будут новые результаты и открытия.

Библиографический список

Археологические и исторические исследования Верхотурья. – Екатеринбург, 1998.

Беляев Л.А. Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. 1.

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестник Омского государственного аграрного университета. – 2016. – №3 (23).

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск, 2009.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск ; Екатеринбург, 2013.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (мат-лы 2001–2007 гг.). – Екатеринбург, 2011.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск, 2007.

Сальникова И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Д.А. Алисов, Ю.М. Гончаров, А.Р. Ивонин и др. – Омск, 2014.

Татауров Ф.С. Маркеры социального статуса русского сибиряка в конце XVI – середине XVIII вв. По материалам археологических исследований Западной Сибири // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск, 2014.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. – Омск, 2010.

Татаурова Л.В. Специфика археологического источника Нового времени // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015а. – №3 (36).

Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. – М., 2015б.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках (по материалам археологических исследований). – Омск, 2014.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск, 2002.

Чёрная М.П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск, 2015.

В.И. Ташак
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ
(новые данные)

История изучения каменного века в Забайкалье насчитывает более 100 лет – первые находки артефактов каменного века, в той или иной степени вошедшие в научный оборот, были сделаны еще в 80-е гг. XIX в. Впервые о палеолите Забайкалья заявлено в статьях Г.П. Сосновского только в начале 1930-х гг. Тогда же были выделены основные черты палеолита в Забайкалье и сформирована концепция его развития [Сосновский, 1933]. В дальнейшем эта идея была поддержана и детально разработана А.П. Окладниковым [1966], который видел своеобразие в палеолите Забайкалья, заключающееся в «особом» пути развития с сохранением леваллуазских традиций.

В 1960-х гг. З.А. Абрамовой [1966] было выдвинуто предположение о различных вариантах палеолита в Забайкалье. В 80-е гг. XX в. сложилась концепция о двух культурах на начальном этапе верхнего палеолита Забайкалья: толбагинской и куналейской [Константинов, 1994]. Толбагинская культура была ориентирована на изготовление орудий из удлиненных сколов – пластин, в куналейской культуре – из отщепов. В дальнейшем к куналейской культуре был отнесен комплекс Б стоянки Каменка, изучавшийся Л.В. Лбовой [2000] в 1990-е гг.

Исследования, проводившиеся в последнем десятилетии XX в., а также в первом и втором десятилетиях 2000-х гг. в Западном Забайкалье, позволили поставить вопрос о нескольких путях формирования и развития культур палеолита Забайкалья. Например, комплекс палеолитических памятников в местности Подзвонкая, с индустрией, типологически близкой индустрии Толбаги, демонстрирует специфические черты, выраженные в размерности сколов-заготовок и характере оформления каменных орудий [Ташак, 2016]. Индустрия каменных орудий из слоев 7г и 8 местонахождения Барун-Алан-1 характеризуется сочетанием пластинчатой направленности на получение сколов с классической леваллуазской техникой расщепления камня, что нетипично для толбагинской индустрии.

На позднем этапе верхнего палеолита в бассейне Уды появляется археологическая культура хэнгэрэктэ, зафиксированная в 6-м слое Барун-Алана-1 и в Слоистой Скале, с выраженной направленностью на получение крупных удлиненных отщепов при расщеплении каменного сырья и изготовление морфологически разнообразных бифасиальных орудий [Ташак, 2011]. Обилие бифасиальных орудий Барун-Алана-1 сопоставимо с материалами местонахождения Сухотино-4 в Забайкальском крае и уникально для Западного Забайкалья.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Локальные особенности палеолитических культур Сибири // Доклады и сообщения археологов СССР. – М., 1966.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ ; Чита, 1994.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ, 2000.
- Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия) // МИА СССР. – №126. – М. ; Л., 1966.
- Сосновский Г.П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – Т. III, вып. 1. – М., 1933.
- Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск, 2011.
- Ташак В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. – Иркутск, 2016.

А.В. Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВИТИМА В МАТЕРИАЛАХ МНОГОСЛОЙНОГО
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КОВРИЖКА-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь)

1. Раскопки местонахождения Коврижка-IV на Нижнем Витиме, проводимые автором в 2007–2016 гг., позволили внести значительный вклад в представления о культуре и жизнедеятельности населения Привитимья в эпоху позднего верхнего палеолита. Памятник расположен на правом берегу р. Витим, на 11-метровой надпойменной террасе, в центральной части Байкало-Патомского нагорья. Выделено 18 уровней залегания культурных остатков, большая часть которых находится в аллювиальных седиментах, датированных около 14,3–15,7 тыс. л.н. (радиоуглеродный возраст). Наиболее информативными являются 6-й (около 15,7 тыс. л.н.) и 2-й Б (около 15,3 тыс. л.н.) культурные горизонты [Тетенькин, 2016; Тетенькин и др., 2016; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017]. На сегодняшний день это древнейшие на Витиме, четко стратифицированные археологические комплексы.

2. 6-й культурный горизонт представил остатки круглого в плане жилища диаметром 4,2 м (рис.-1). Западная половина периметра имеет контурную пунктирную каменную обкладку, состоящую из 13 плиток и валунов. Из них шесть камней образуют пары «окатанный валун + неокатанная плита». Одно кострище расположено в центре радиальной структуры, другое – в привходовой зоне. Привходовое кострище имело прокол в 6 см. Над кострищем в центре жилища произведены некие манипуляции. Оно перекрыто песчаным набросом и посыпкой из черного аллювиального песчано-суглинистого седимента. Поверх него на противоположных краях кострища залежали валунчик и плитка. Пространство внутри жилища и при входе в разной степени окрашено охрой, гематитом. Все найденные в жилище орудия (скребла, скребки, нож и др.) расположены на правой половине. Левая половина выделяется высокой концентрацией фрагментированных микропластин. По зубам А.М. Клементьевым определены снежный баран и лось и предложен зимний сезон функционирования жилища.

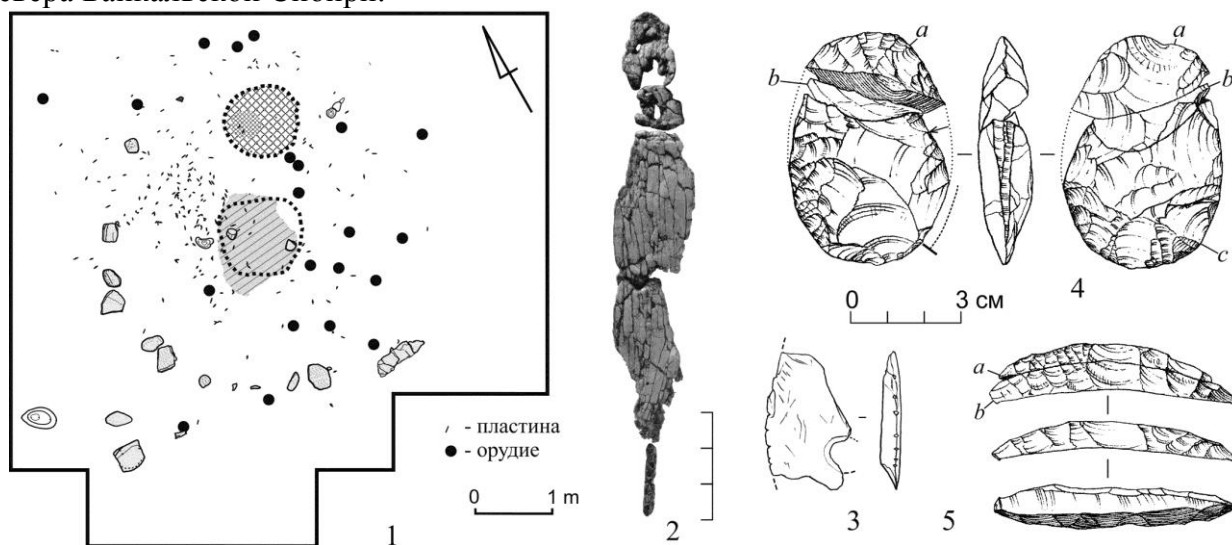
Во 2-м Б культурном горизонте раскопан комплекс культурных остатков с очагом. Шесть валунов и гнейсовых обломков уложены поверх углей в южной части кострища. Яркой отличительной чертой является интенсивный прокрас охрой площади вокруг очага, устроенный в самом начале обитания, вскоре после первого разведения огня. Функциональную специфику задают доминирующие в изделиях клиновидные микронуклеусы ($n = 10$), долотовидные изделия типа *pièce esquillée* ($n = 6$).

3. В правой половине жилища 6-го культурного горизонта раскопана костяная антропоморфная статуэтка, лежащая головкой на восток (рис.-2). На головке отмечено пятно охры. Поделка представляет собой тонкую пластину толщиной до 0,3 см и длиной 15 см. Обнаруженные выгравированные на изделии детали в виде дуги брови-глаза и опущенного вниз уголка «венериного треугольника» позволяют трактовать находку как антропоморфную статуэтку. Реставрация изделия проведена заведующей Лабораторией реставрации и консервации Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН О.В. Жмур. Еще один предмет, относимый к сфере искусства, найден в 4-м культурном горизонте. Это обломок подвески из графитита (рис.-3). В его изготовлении применялись сверление, шлифовка и насечки по ребру.

4. Оба комплекса – 6-й и 2-й Б культурные горизонты – отличает интенсивное производство микропластин. Доля фрагментированных микропластин в общем дебитаже, не считая микрочешуек, составляет 37 и 26% соответственно. Микронуклеусы изготовлены главным образом из бифасов. Под площадку ударами с латерали готовился узкий конец бифаса (рис.-4). Для подживления нуклеуса использовались приемы переоформления ударной площадки, снятия фронтальных сколов, переноса фронта на противоположный торец и переноса площадки на дистальный конец. Вместе с тем в 2Б, 4 и 5-м культурных

горизонтах найдены реберчатый и лыжевидный сколы с бифасов, характерные для техники юбецу (рис.-5). Общее количество артефактов 6-го культурного горизонта – 9,6 тыс. ед., 2-го Б культурного горизонта – 5,6 тыс. ед.

5. Такие сюжеты, как комплекс остатков жилища, искусство, охра, являются открытиями в палеолите Витима. Ближайшие аналоги жилищу из 6-го культурного горизонта – забайкальские жилища Усть-Мензы-1–3, Студеного-1, 2, Косой Шиверы-1, 2, Сухотино-4 [Константинов, 2001]. Доминирующей техникой микронуклеуса является производство последнего из вертикально ориентированного бифаса. Предложено рабочее название «коврижнинская техника микропластинчатого расщепления». Характерно при этом присутствие в одном комплексе с ней во 2-м Б культурном горизонте также и продуктов техники юбецу. Полученные материалы позволяют характеризовать культуру на этапе, предшествующем времени опорных стоянок Витима – Авдеихи, Большого Якоря, Усть-Каренги [Ветров, 1992; Инешин, Тетенькин, 2010], а следом за этим и реорганизовать научные представления о позднем верхнем палеолите в масштабе севера Байкальской Сибири.

Стоянка Коврижка-IV: 1 – план жилища с орудиями и пластинами; 2 – антропоморфная костяная поделка; 6-й культ. гор.; 3 – фрагмент подвески из графитита; 4-й культ. гор.; 4 – нуклеус из бифаса; 5 – реберчатый и лыжевидный сколы с бифаса, культ. гор. 2Б

Библиографический список

Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск, 2010.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). – Новосибирск, 2001.

Тетенькин А.В. Результаты исследований многослойного георхеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск, 2016.

Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А.В., Уланов А.А. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015–2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2016. – №4 (21). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-9-18

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.В. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 2017. – Вып. 23. – СПб., 2017 (в печати).

Ю.В. Тетерин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск
СТРАТИГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ
ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ
(по материалам могильника Староозначенская Переправа-I)

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания
в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/БЧ)

Археологические памятники таштыкской культуры Минусинской котловины представлены в основном грунтовыми могилами, склепами и поминальными объектами. Проблема культурно-хронологического соотношения грунтовых могил и склепов, поставленная в начале XX в., до сих пор остается дискуссионной. В ходе раскопок таштыкских памятников в решении данной проблемы сложились две точки зрения. Сторонники первой считали, что грунтовые могилы относятся к раннему, склепы – к позднему этапу таштыкской культуры [Теплоухов, 1929, с. 50–51; Грязнов, 1979, с. 4–5]. Последователи второй доказывали, что грунтовые могилы и склепы существовали одновременно [Киселев, 1951, с. 409; Кызласов, 1960, с. 35–36].

Дискуссионные вопросы периодизации и внутренней хронологии таштыкской культуры решались в первую очередь на основе анализа погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря. В меньшей степени привлекались данные о планиграфии и стратиграфии памятников. И здесь необходимо отметить, что в настоящее время известно три вида таштыкских некрополей: грунтовые могильники (Оглахты, Комаркова, Салбык, Чегерак и др.), могильники со склепами, детскими могилами и поминами (Тепсей-III, Сырский чаа-тас, Дальняя Чея, Маркелов Мыс-I и II, Соколовский разъезд и др.) и смешанные могильники, где представлены все типы погребальных и поминальных объектов (Уйбатский чаа-тас, Мысок, Терский, Новая Черная-IV, Черноозерное-II, Красная Грива и др.). Естественно, что для изучения планиграфии и стратиграфии различных типов погребальных и поминальных объектов последние имеют особое значение. Как правило, на таких памятниках грунтовые могильники и склепы располагаются обособленно на разных участках памятника. Если памятник находится на склоне горы, то грунтовые могильники располагаются ниже склепов. На Уйбатском чаа-тасе к грунтовому могильнику примыкают склепы, ряд поминальных стел и курганы чаа-тас. Но есть памятники, где склепы и грунтовые могилы расположены вместе на одном участке кладбища. Одним из таких памятников является могильник Староозначенская Переправа-I, исследование которого ведется автором с 1989 г.

Могильник Староозначенская Переправа-I находится на правом берегу Енисея в Шушенском районе Красноярского края, в 5 км южнее станицы Саянской. На противоположенной стороне Енисея расположен г. Саяногорск. Погребальные сооружения находятся на небольшой возвышенности в южной части прибрежной долины, окруженной со всех сторон хвойным лесом. На памятнике исследованы погребения и встречены артефакты различных культурно-исторических эпох: афанасьевской, тагарской, древнетюркской. Но большинство раскопанных объектов относятся к таштыкской культуре. В их числе один таштыкский склеп, 45 детских могил и 25 грунтовых могил для взрослых, 48 поминов и объектов неясного назначения. Могильник исследовался сплошными раскопами, примыкающими друг к другу. Общая площадь раскопанного участка могильника – 950 кв. м, что составляет примерно 1/3 часть памятника.

Территория могильника неоднократно распаивалась, поэтому многие надмогильные сооружения и поминальные стелы разрушены и сnivelированы. Стратиграфия памятника, зафиксированная по стенкам раскопов, выглядела следующим образом. Сверху – дерновый слой толщиной 8–10 см, ниже – тонкая прослойка светло-коричневой супеси толщиной 4–8 см, нижняя граница которой по всей площади раскопа «отбивалась» черной гумусированной прослойкой толщиной 4–6 см. Далее залегал слой

светло-коричневой супеси толщиной 25–40 см. Под ним рядом с надмогильными сооружениями прослеживалась еще одна темная гумусированная прослойка толщиной 8–10 см. Еще ниже фиксировался второй слой коричневой супеси толщиной 20–30 см. Он отличался от верхнего слоя супеси более темным цветом. Под ним находился материк из неоднородного в разных местах песка, светлого или более темного цвета, с железистыми включениями. В некоторых раскопах рядом с грунтовыми могилами под вторым слоем супеси прослеживается еще одна гумусированная прослойка толщиной 8–10 см.

Стратиграфическая ситуация, зафиксированная на памятнике, дает основание выделить два хронологических периода сооружения погребально-поминальных объектов таштыкского времени. Первая верхняя гумусированная прослойка, залегающая под дерном на глубине около 20–25 см, маркировала глубину запашки. Вторая темная гумусированная прослойка, перекрытая верхним слоем светло-коричневой супеси, залегающая на глубине 50–40 см, является погребенной почвой позднего хронологического горизонта могильника, представленного таштыкскими склепами, детскими могилами, поминальными стелами. Погребенная почва более раннего хронологического горизонта, перекрытая нижним, более темным слоем коричневой супеси, относится к периоду сооружения таштыкских грунтовых могил. Она прослеживается редко, как правило, под слоем материкового выкида. Границы могильных ям наиболее четко фиксируются на уровне материка. Заполнение могил составлял мешаный слой светло-коричневой супеси и материкового песка.

Грунтовые могилы для взрослых и детей сооружались на месте древнего кладбища афанасьевского и тагарского времени. Они располагались рядами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток с небольшими отклонениями. Также ориентированы длинной осью и сами могилы и захоронения в них по обряду трупоположения. Над заполнением могил фиксируются земляные насыпи. На всей площади раскопанной части могильника их перекрывают погребально-поминальные сооружения позднего хронологического периода. Так, каменное сооружение входа в склеп перекрывает грунтовую таштыкскую могилу, впущенную в заполнение саргашенской могилы тагарской культуры. Многие детские могилы и поминальные стелы сооружены в насыпях грунтовых могил, которые к этому времени успели расплыться. Ориентация детских могил периода склепов неустойчива, но преобладает северное и северо-западное направление. Надмогильные конструкции представлены либо квадратными или округлыми каменными оградками, либо сплошными каменными набросками. Над отдельными детскими захоронениями каменные сооружения отсутствовали. Помины в виде каменных стел или деревянных столбов располагались рядами, вытянутыми с юга на север. Рядом с ними с восточной стороны в неглубоких ямках – остатки поминальных тризн, которые состояли из 1–3 горшков и остатков жертвенного мяса в виде костей овцы или коровы. У некоторых стел остатки тризн не сохранились.

Таким образом, стратиграфия могильника Староозначенская Переправа-I является весомым аргументом в пользу разделения таштыкской культуры на два культурно-хронологических пласта: раннего, представленного грунтовыми могилами, и позднего, к которому относятся склепы, детские могилы и помины.

Библиографический список

- Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М., 1960.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинской котловины // МЭ. – 1929. – Т. 4. – Вып. 2.

Ю.А. Титова, Е.В. Титов
Сибирский федеральный университет,
Сибирский государственный аэрокосмический университет, Красноярск
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ГОНЧАРСТВА
ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УДАЧНЫЙ-14 В КРАСНОЯРСКЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-11-24003
«Исследование гончарной традиции населения Красноярской лесостепи эпохи неолита –
бронзового века по материалам памятника “Удачный. Стоянка-14 (Западная-5)”»)

К подготовительной стадии гончарного производства относятся принципы отбора исходного сырья, его обработка и составление формовочных масс. Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским и основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования [Бобринский, 1999].

Предметом исследования первой стадии гончарства выступают керамические материалы, полученные в результате раскопок на стоянке Удачный-14 в 2014 г. Памятник расположен на 8–10-метровой левобережной надпойменной террасе р. Енисея, на территории Успенского мужского монастыря в г. Красноярске. Из второго культурного слоя раскопа №1 происходят 1096 фрагментов керамики не менее чем от 28 сосудов (рис.). Большинство артефактов, как показало изучение планиграфии, локализовано на семи площадках, вероятнее всего, являвшихся местами древних стоянок. Основная масса керамики представлена сосудами усть-бельского типа, которые датируются эпохой неолита, а также сосудами с оттисками шагающей гребенки и горизонтально расположенными оттисками отступающего гребенчатого штампа, характерными для бронзового века Красноярской лесостепи [Титова, Бирюлева, 2016, с. 107–116]. Наличие на одном памятнике разнокультурных комплексов позволяет проследить изменение представлений об исходном сырье и искусственно вводимых добавках у древних гончаров эпохи неолита и бронзового века.

Керамическая коллекция из второго культурного слоя раскопа №1 2014 г. стоянки Удачный-14:
1–6 – керамические сосуды комплексов эпохи неолита (усть-бельский тип); 7, 8 – сосуды бронзового века

Для исследования подготовительной стадии гончарства изучено 46 образцов, в том числе фрагменты венчиков всех сосудов и фрагменты орнаментированных стенок. В результате исследования получены следующие результаты.

Все керамические сосуды выполнены из железистой глины, которая по степени и характеру железистых включений, а также по составу минеральных примесей делится на четыре вида. Следов дробления глины не зафиксировано, что дает основание предполагать ее использование в естественном увлажненном состоянии.

Для 11 сосудов эпохи неолита в качестве исходного сырья выбиралась ожелезненная, сильно запесоченная глина. Песок кварцевый, окатанный, многоцветный, размер песчинок 0,1–0,5 мм, что определяет его как пылевидный, в образцах визуально его не менее чем 1 : 2.

Такой вид исходного сырья характеризуется как тощие глины, и искусственное введение такого количества песка в качестве отощителя невозможно, так как это сознательное ухудшение пластичных свойств глины [Бобринский, 1999, с. 25]. Эти сосуды очень хрупкие и легко ломаются. В состав формовочной массы входил только органический раствор в незначительной концентрации, что фиксируется в изломах в виде бежевого и коричневого рыхлого налета, слоистости. Пустоты и отпечатки растительности от твердой составляющей раствора наблюдаются в единичных случаях. Следует отметить, что такое же запесоченное и не совсем пригодное для гончарства сырье использовалось и в бронзовом веке: из такой же глины были изготовлены керамическая льячка и найденные рядом с ней куски обмазки или формовочной массы (?).

Вторым видом используемого в трех сосудах сырья выступала ожелезненная глина с включениями бурого железняка неправильных форм, пылевидного многоцветного кварцевого песка и многоцветных минеральных частиц, в основном матовых темно-серых и белых, размером 0,7–3 мм, в концентрации 1 : 5/6. Из этой глины с примесью второй неожелезненной глины, введенной во влажном состоянии, что фиксируется по ее тонким растекам в изломе, был изготовлен сосуд бронзового века (рис.-7). В состав формовочной массы двух сосудов добавлен органический раствор, а в одном – осенние экскременты медведя, что отмечается по характерным порам и пустотам [Титова, 2012, с. 83].

Третьим видом исходного сырья выступала слабоожелезненная глина, в которой фиксируются единичные оолитовые включения бурого железняка и окислов железа, пылевидного многоцветного кварцевого песка и минеральной гранито-гнейсовой примеси в концентрации 1 : 4/5. В пользу ее естественного происхождения говорит и окатанность минералов и выявление подобного сырья в районе исследования. Из этой глины были изготовлены девять сосудов, в том числе и два сосуда эпохи бронзы. В состав формовочной массы керамики эпохи неолита вводился органический раствор, а в сосуде карасукского облика (рис.-8), помимо органического раствора, зафиксирован шамот в соотношении с глиной 1 : 5. Шамот из неожелезненной глины с минеральной составляющей. Второй сосуд, украшенный «качалкой», содержит только органический раствор в составе формовочной массы.

Четыре неолитических сосуда изготовлены из сильноожелезненной глины, с многочисленными оолитовыми включениями бурого железняка и окислов железа, примесью пылевидного песка и более крупного кварцевого песка, размерами до 1 мм, а также гранито-гнейсовой минеральной составляющей, размерами включений до 2–4 мм, в концентрации 1 : 5/6. В состав формовочной массы вводился органический раствор разной плотности.

Таким образом, проведенное исследование подготовительной стадии гончарства у древних обитателей Красноярской лесостепи на стоянке Удачный-14 показало, что в неолитической гончарной традиции присутствуют только несмешанные навыки: использование одной глины и одного рецепта формовочной массы. Сосуды бронзового века демонстрируют смешанные навыки – это и использование смеси из двух глин и смешанный рецепт формовочной массы. Зафиксированные изменения гончарных традиций являются отражением процессов культурного взаимодействия [Бобринский, 1999, с. 57].

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999.

Титова Ю.А. Органика в составе формовочных масс керамических сосудов шепилевской культуры // Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. трудов / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск, 2012. – Вып. V.

Титова Ю.А., Бирюлева К.В. Новые материалы неолита и бронзового века красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и северного Китая : материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск, 2016.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ МОНГОЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АРХАИЧНОЙ КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ (к постановке вопроса)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №16-18-10033

«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»

Несмотря на имеющиеся проблемы, современный уровень изучения «оленных» камней позволяет обозначить целый круг исследовательских задач, которые могут решаться на основе информации об обнаруженных и раскопанных памятниках. Среди аспектов актуального рассмотрения стоит выделить вопрос об уровне социального развития ранних кочевников, оставивших многочисленных древние изваяния и херексуры, среди которых встречаются крупные и грандиозные сооружения, демонстрировавшие высокий статус погребенных в них людей. Они же указывают на определенные архитектурные решения и существенные трудозатраты при возведении. К этому можно добавить просматривающуюся систему мировоззрений, сформулированные идеи через представленные изображения, предметы материальной культуры, хозяйственную и другую деятельность. Выявленные и изученные мемориальные комплексы также свидетельствуют о высокой консолидации общества, основанной на устоявшихся традициях. Указанные объекты сопровождают многочисленные поминальники и жертвенники.

Имеющиеся данные о параметрах погребальных объектов, количестве ритуальных сооружений и дифференциации «оленных» камней отражают существовавшую социальную иерархию в 1-й трети I тыс. до н.э. К сожалению, антропологические материалы и редкие находки из херексуров, раскопанных в Монголии, добавляют не слишком много сведений к такого рода характеристикам. Случайно обнаруженные предметы могут привлекаться только в качестве сравнительных аналогий с изображениями на «оленных» камнях. Важный информационный потенциал содержат петроглифы аржано-майэмирского времени, но требуется отдельная работа по их изучению, систематизации и интерпретации. Следует отметить, что исследованные крупные погребальные комплексы в Туве (Аржан-1 и Аржан-2) наглядно демонстрируют статусный характер совершенных погребений. Они создают важную основу для решения намеченной задачи.

С 2006 г. под руководством автора осуществлялась программа изучения «оленных» камней на территории Монгольского Алтая. Кроме этого, получены новые сведения из других мест Центральной Азии. Всесторонне исследованные и тщательно скопированные древние изваяния демонстрируют многочисленные реалии, на основании которых можно выделить социально значимые категории изображений. Особенно это касается комплекса и отдельных предметов вооружения, головных уборов, поясов, украшений и др. Стоит учитывать размеры и качество отделки «оленных» камней, а также место их первоначальной установки. Важен учет разных показателей в рамках системного подхода.

Кратко представленные факты о реалиях, имеющихся на изваяниях, свидетельствуют о социальной дифференциации в обществе ранних кочевников рассматриваемого периода. Такая же картина проявляется при рассмотрении размеров и устройства разных херексуров, количество которых на обозначенной территории демонстрирует довольно высокую плотность проживавшего населения. Данная особенность могла проявиться при разных обстоятельствах, включая благоприятные природно-климатические условия и высокую социальную организацию. Имеющиеся разноплановые сведения дают основание обозначить предположение о том, что в 1-й половине I тыс. до н.э. на территории современной Монголии и ближайших к ней регионов существовала архаичная кочевая империя. Данный вопрос требует дальнейших детальных доказательств.

В заключение следует добавить еще один важный и неоднократно указанный мною момент, показывающий влияние процессов, которые происходили в Древнем Китае. Дело в том, что именно на рубеже IX–VIII вв. до н.э. крупнейшие китайские уделы становятся политически самостоятельными царствами, и это не могло не отразиться на действиях правителей ближайших кочевых народов.

А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2},
¹Алтайский государственный университет,
²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул
КОРРЕЛЯЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО И АБСОЛЮТНОГО
ДАТИРОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ СТЕПУШКА-I
(Центральный Алтай)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Погребальные памятники Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) пока не подвергались комплексному хронологическому рассмотрению. Для детальной периодизации выделенных этапов булан-кобинской культуры данного исторического отрезка ощущается нехватка абсолютных показателей. В этой связи реализовывалась программа радиоуглеродного датирования археологических материалов, полученных при раскопках полностью исследованной курганной группы Степушка-I (Онгудайский район Республики Алтай). Значимость данной деятельности определяется отсутствием качественных проб из могильников, изученных в 1980–1990-е гг. В настоящее время появилась возможность сравнить археологические и радиоуглеродные датировки.

В большинстве погребений археологического комплекса Степушка-I обнаружен информативный сопроводительный инвентарь. Типологический анализ всех его категорий позволил установить хронологические индикаторы разного уровня. Фиксация взаимной встречаемости изделий дает основание выделить группу хорошо датирующихся погребений, хронология которых подтверждалась результатами радиоуглеродного анализа. Все они представляли собой компактное скопление объектов, сооруженных в относительно короткий отрезок времени.

В кургане №5 обнаружены предметы-хроноиндикаторы 2-й половины III – V в. н.э. (колчаный крюк с поперечной планкой, портупейная пряжка с т-образной рамкой и длинным щитком) и конца III – V в. н.э. (боевой нож в ножнах с витой цепочкой) [Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014]. Остеологический материал лошади, изученный в лаборатории ИИМК РАН (образец Ле-9435), дал нечеткие параметры, возможно, обусловленные особенностью подготовленной пробы. Анализ повторно отобранных костей (образец ИМКЭС-14С999) в лаборатории Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск) продемонстрировал показатели ($\delta 1$ (68%) – AD – 230 AD; $\delta 2$ (95%) – 120 BC – 340 AD), укладывающиеся в обозначенный интервал – 2-я половина III – 1-я половина IV в. н.э.

Курган №7 содержал набор предметов, в котором наиболее поздними являлись удила с малокрючными окончаниями звеньев, характерными для 2-й половины III – V в. н.э. [Матренин, Тишкин, 2015]. Данной хронологии не противоречат результаты радиоуглеродного анализа костей лошади в указанной томской лаборатории (образец ¹⁴C991): $\delta 1$ (68%) – 130–350 AD; $\delta 2$ (95%) – 330–430 AD.

Курган №11 датирован методами археологии 2-й четвертью I тыс. н.э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, с. 429–431]. Показатели радиоуглеродного исследования некондиционных человеческих костей (образец Ле-9434: $\delta 1$ (68,2%) – 410–580 AD; $\delta 2$ (95,4%) – 330–650 AD) позволяют в определенной мере сузить археологический возраст погребения в рамках IV – начала V в. н.э.

Курган №13 датировался по цепочке ножен боевого ножа не ранее конца III – начала IV в. н.э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012]. Такая хронология подтверждается результатами радиоуглеродного исследования антропологического материала (образец Ле-9433): $\delta 1$ (68,2%) – 340–540 AD; $\delta 2$ (95,4%) – 240–600 AD.

Археологический возраст кургана №17 определяется IV в. н.э. по присутствию в найденном инвентаре боевого ножа в ножнах с витой цепочкой, наборного пояса,

оснащенного железными пряжкой с неподвижным шпеньком и длинным щитком-полуобоймой, а также бляхами-скобами [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Этому не противоречат полученные радиоуглеродные выкладки по образцу из человеческих костей (Ле-9438): $\delta 1$ (68,2%) – 120–380 AD; $\delta 2$ – AD – 550 AD.

Основываясь на взаимной встречаемости хронологически значимых категорий инвентаря из кургана №19 (бронзобойные наконечники стрел, боевой нож в ножнах с витой цепочкой, колчаный крюк с поперечной планкой, железная пряжка с неподвижным шпеньком и длинным щитком-полуобоймой, бляхи-скобы, роговая подпружная пряжка с подвижным язычком, роговые цурки), можно констатировать, что погребение датируется 2-й половиной IV – началом V в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2013; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014]. Такая относительная хронология уточняется показателями радиоуглеродного исследования образца из костей лошади (Ле-9437): $\delta 1$ (68,2%) – 440–490 AD), $\delta 2$ (95,4%) – 410–660 AD.

Наиболее поздние вещи из кургана №21 дают основание относить данный объект к концу III – IV в. н.э. [Матренин, 2015]. Археологическую датировку подтверждают выводы радиоуглеродного изучения остеологического материала человека (образец Ле-9436): $\delta 1$ (67,5%) – 20 BC – 390 AD), $\delta 2$ (95,4%) – 250 BC – 600 AD). Анализ образца остеологического материала от лошади (образец ИМКЭС-14С95) в лаборатории ИМКЭС СО РАН показал календарный возраст по $\delta 1$ – 260–430 AD, а по $\delta 2$ – 250–440 AD.

Проведенное исследование показывает положительную корреляцию результатов археологического и радиоуглеродного датирования материалов могильника Степушка-I. Большинство рассмотренных объектов принадлежат к концу III – 1-й половине IV в. н.э., что соответствует финалу бело-бомского этапа – начальной стадии верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры.

Библиографический список

Матренин С.С. Детское погребение эпохи Великого переселения народов с воинским инвентарем из Центрального Алтая // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул, 2015.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №4–2 (88). DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-22

Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л.М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – №4–2 (84). DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-21

Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – №1 (9). DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-02

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. – 2013. – Вып. 231.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. – 2015. – №1.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 3. – Алматы, 2011.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. – Барнаул, 2012.

Т.В. Тишкина
Алтайский государственный университет, Барнаул
ПОПОЛНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ В БАРНАУЛЕ
ЕГО СОТРУДНИКАМИ В XX В.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №16-11-22007а(р)
«Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея»

Собрание древних предметов в Барнаульском музее формировалось с XIX в. [Тишкин и др., 2016, с. 278]. В 1918 г. в здании бывшей лаборатории Алтайского округа (современный адрес: ул. Ползунова, 46) был открыт публичный музей, в основу которого легли коллекции Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ЗСОИРГО) и сохранившаяся часть собрания Барнаульского музея. В состав археологической коллекции музея в то время входили материалы многочисленных случайных находок, поступивших благодаря активной деятельности сотрудников Алтайского подотдела ЗСОИРГО начиная с 1903 г. и раскопок Н.С. Гуляева на комплексе памятников Ближние Елбаны [Тишкина, 2007, с. 154]. В последующие годы поступления археологических предметов осуществлялись благодаря предоставлению частными лицами случайно обнаруженных артефактов и в результате проведения сотрудниками экспедиционных исследований.

С 23 марта 1920 г. заведующим отделом истории и археологии стал Александр Павлович Киршевский, окончивший Нежинский историко-филологический институт и Археологический институт в Санкт-Петербурге [КГКУ ГААК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4. Л. 46]. В одном из протоколов заседаний сотрудников музея указано, что А.П. Киршевский «...является единственным в крае археологом» [КГКУ ГААК. Ф.Р- 228. Оп. 1. Д. 1. Л. 19]. В круг его обязанностей входило: сохранение коллекций и принятие мер к их пополнению, предоставление кратких пояснений по экспозиции организованным группам посетителей. Следует отметить, что в 1-й половине 1920 г. экспозиция археологического отдела музея включала 150 экспонатов, которые размещались в половине витрины «...коричневого цвета на 2 ската с узким стеклянным верхом на 2 стороны, внизу 12 выдвижных ящиков с каждой стороны», другую часть витрины занимали экспонаты исторического отдела [КГКУ ГААК. Ф.Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 16]. Для пополнения собрания музея А.П. Киршевский предпринял археологическую экспедицию. Отряд под его руководством работал в мае-июле 1920 г. Были обследованы окрестности сел Бийского уезда: Енисейского, Фоминского, Малоугренева, Бехтемира. По мнению А.П. Уманского [1969, с. 90], сотрудники экспедиции занимались сборами подъемного археологического материала и проводили небольшие раскопки. Отряд осуществил работы и на территории Горного Алтая. В музей поступило более 60 археологических предметов, характеризующих различные эпохи древней истории Алтая: каменные орудия труда, бронзовые и железные ножи, железные и каменные наконечники стрел, бусины различных форм из стекла и камня, предметы конской упряжи и др. [КГКУ ГААК. Ф.Р-288. Оп. 1. Д. 24. Л. 165–166]. Кроме того, в музей были доставлены два целых керамических сосуда и множество фрагментов керамики [Тишкина, 2010, с. 145–146]. Экспедиция под руководством А.П. Киршевского пополнила экспонатами не только археологическое, но и этнографическое и палеонтологическое собрания музея. Она стала первым опытом обследования памятников на Алтае, осуществленного профессиональным археологом, сотрудником местного музейного учреждения. Период работы в музее А.П. Киршевского оказался непродолжительным, он был командирован в Петроград и покинул музей 1 сентября 1920 г.

Археологическая коллекция Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) значительно пополнилась во 2-й половине XX в. в результате деятельности его сотрудников А.П. Уманского и Э.М. Медниковой.

Выпускник исторического факультета Барнаульского педагогического института Алексей Павлович Уманский трудился в управлении культуры Алтайского крайисполкома старшим инспектором по музеям и охране памятников культуры [Демин, 2012, с. 99].

В 1959 г. он возглавил археологическую экспедицию музея по обследованию памятников, находившихся в аварийном состоянии, на территории Тальменского, Шелаболихинского, Белоглазовского районов Алтайского края [Гусельникова, Попова, 2007, с. 131]. В 1961–1963 гг. А.П. Уманский работал на полставки научным сотрудником отдела дореволюционной истории Алтайского краеведческого музея. В это время им был осуществлен ряд археологических экспедиций: в Нечунаево (Шипуновский район, 1962), Тугозвонново (Белоглазовский район, 1962), Кытманово (1962, 1963). Помимо экспедиционных материалов, в музейное собрание поступали коллекции археологических предметов, составленные А.П. Уманским в результате многочисленных обследований аварийных памятников на территории Алтайского края (у с. Ильинка Шелаболихинского района; с. Ново-Троицкое Тальменского района, 1961 г.; станции Заринская, 1962 г., и т.д.). А.П. Уманский передавал археологические предметы и в последующие годы, благодаря этому археологическое собрание музея пополнялось систематически [Падалкина, 2008, с. 211–212].

В 1965 г. в АККМ на должность научного сотрудника отдела досоветской истории поступила Эльвина Михайловна Медникова. В 1966 г. она предприняла археологические разведки в Поспелихинском, Павловском (по течению р. Барнаулки) и Мамонтовском районах. В 1967 г. был организован археологический кружок для учащихся. В 1968–1969 гг. под руководством Э.М. Медниковой осуществились раскопки поселения Обские Плесы-I, Бобровского грунтового могильника, обследования памятников в Усть-Пристанском районе Алтайского края [Паршикова, 2015, с. 105]. Впоследствии Э.М. Медникова продолжила работу по выявлению археологических памятников в Каменском, Завьяловском районах (1975 г.), принимала участие в экспедициях Института археологии АН СССР (в районе Гилевского водохранилища, 1973 г.; у с. Боровское Алейского района, 1983 г.). Материалы экспедиций 1972–1976 гг. Института археологии АН СССР поступили в музей [Гусельникова, Попова, 2007, с. 148].

Благодаря деятельности сотрудников музея в 1986 г. была подготовлена экспозиция «Древний Алтай». В настоящее время археологическое собрание Алтайского государственного краеведческого музея включает 14 034 ед. хр. основного фонда.

Библиографический список

Гусельникова М.В., Попова И.В. Музейный хронограф Алтайского государственного краеведческого музея 1946–1990 годы // Краеведческие записки. – Вып. 7. – Барнаул, 2007.

Демин М.А. 90 лет со дня рождения историка, археолога А.П. Уманского (1923–2005) // Алтайский край, 2013 г.: календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул, 2012.

Падалкина О.В. А.П. Уманский и музеи края // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. – Барнаул, 2008.

Паршикова Т.С. Деятельность Э.М. Медниковой по изучению археологических памятников Алтая (1960-е гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2015.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1960–1930-е гг.). – Барнаул, 2010.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Фролов Я.В., Филиппова О.Г. Археологические коллекции и отдельные находки в государственных, муниципальных и вузовских музеях Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – №4 (92). DOI 10.14258/izvasu(2016)4-47

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2007. – №4/2.

Уманский А.П. Итоги археологических исследований на территории Алтайского края за 50 лет советской власти // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. – Вып. 10. – Барнаул, 1969.

А.Н. Ткачев

Кубанский государственный университет, Краснодар

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Н.А. ЗАХАРОВА В 1920–1930 гг. И ИХ МЕСТО В СТАНОВЛЕНИИ КУБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

События 1917 г. открыли новую страницу в истории археологического изучения Кубани. Первые послереволюционные годы явились важнейшей вехой в истории изучения целого ряда древних культур региона и, в частности, в меотской археологии, когда памятники (прежде всего поселенческого типа) стали интерпретироваться исследователями как меотские.

Археологические исследования 1920–1930-х гг. связаны с именами ученых, которые оказались незаслуженно забыты либо крайне редко упоминаются в научной и справочной литературе. Немногочисленны также сведения об одном из археологов той поры – Николае Алексеевиче Захарове. Между тем, будучи археологом провинциальным, он был достаточно известен в научных кругах Москвы и Ленинграда. Причины умалчивания заслуг Захарова, вероятно, кроются в отношении к «врагам народа»: в 1937 г. Н.А. Захаров был репрессирован, и в научных публикациях послевоенных лет, специально посвященных памятникам, на которых он начинал работать (Елизаветинское, Краснобатареиное, многие другие кубанские городища), имя ученого не упоминается вовсе. Между тем его научное наследие – значительная веха в кубанской археологии.

Николай Алексеевич родился 29 июня 1883 г. в с. Александровско-Дубровском Области Войска Донского. Окончив юридический факультет Новороссийского университета (Одесса), он с 1910-х гг. преподавал в Практической Восточной академии в Санкт-Петербурге. После 1917 г. его судьба связана с Краснодаром. В годы Гражданской войны город принял в себя не только огромную массу военных, но и гражданских лиц, семьями перебиравшихся сюда из Петрограда и Москвы.

Примечателен путь Захарова в археологию. До революции он выпустил нескольких капитальных трудов по русскому праву и международным отношениям. После переезда в Краснодар возглавлял кафедру политических наук в Кубанском университете, а также преподавал прикладную экономику и экономическую географию на социально-историческом факультете. Но на волне общего подъема в стране краеведения в изучение местного края тогда включились десятки энтузиастов, не имевших в основной своей массе специального археологического образования. При Кубанском пединституте уже в 1924 г. образовывается Литературно-историческое и этнологическое научное общество (ЛИЭТО), имевшее секцию археологии, в которой состояли директор Краснодарского музея А.Ф. Лещенко, профессор Н.А. Захаров, выпускник пединститута, школьный учитель М.В. Покровский.

Первые археологические исследования секции относятся к 1925 г. и связаны с изучением кубанских городищ. Первыми изученными памятниками стали городища по Средней Кубани: в г. Краснодаре (у переправы через Кубань, на р. Карасун, городище «близ тюрьмы», Панский Кут), а также у станиц Пашковской, Старокорсунской, Усть-Лабинской, Тбилисской, Некрасовской и Ново-Джерелиевской [Захаров, 1927, с. 58].

Мощным стимулом в активизации местных сил по изучению памятников археологии стали работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством А.А. Миллера. В 1923 г.

Н.А. Захаров, фото начала 1930-х гг.

экспедиция осмотрела городище в Краснодаре, а в 1925 г. провела разведки на территории Адыгеи и правому берегу Кубани, а также раскопки грунтового могильника в станице Усть-Лабинской. Учитывая, что краснодарские исследователи в этих работах (не только А.А. Миллера, но и А.С. Башкирова на Тамани) активно участвовали, методический уровень академических экспедиций стал определяющим для их последующих самостоятельных исследований.

Уже в начале своей археологической деятельности Н.А. Захаров определяет приоритетные задачи в изучении кубанских памятников: составление археологической карты, организация надзора, систематизация и классификация находок и их культурная интерпретация. Он также считал керамику важным источником изучения древнего прошлого Кубани. Указывая на оригинальность местной керамики (серого цвета, «слабого обжига» и т.д.), он призывает к необходимости составления «Согрус'а» типов керамики для Северного Кавказа, аналогичного уже изданным по крупнейшим античным центрам.

В 1927 г. в Краснодаре Н.А. Захаров провел работы на территории крупного меотского памятника, получившего в связи со строительством на его месте электростанции название «Городище «КРЭС»». Археологические работы, по сути, проходили в условиях уже начатых земляных работ во время выборки грунта под котлован электростанции. Находки состояли в основном из многочисленных фрагментов керамики, среди которых особый интерес представляла лощеная темно-серая, с тонкими стенками. На городище было также собрано свыше 100 глиняных плиток с вдавленными или процарапанными изображениями. Общее же количество собранных предметов, переданных в Кубано-Черноморский музей, составило около 1 800 экземпляров [Захаров, 1928, с. 7].

Многое в работах Захарова было созвучно взглядам палеоэтнологов того времени. Археологические данные сопоставляются им с данными географии, рассматривается соотношение культуры и природной среды. Именно Н.А. Захаров [1930, с. 70] сделал первые попытки увязать городища Прикубанья раннежелезного века с меотами.

Н.А. Захаровым исследован целый ряд хорошо известных ныне памятников: кроме упомянутого городища «КРЭС» – Краснобатареиное и Елизаветинское городища в 1928 и 1929 гг. Им были проведены работы на территории Горгииппии и на городище Ногай-Кале близ станицы Раевской. История Боспорского царства занимала особое место в научных интересах ученого. В 1930 г. вышла первая часть его большого труда «Главнейшие моменты в истории Боспора». Круг научных интересов ученого не ограничивался древностями Боспора и раннего железного века Прикубанья. Он также исследует памятники эпохи бронзы. На р. Псекупс, близ станицы Саратовской, в кургане им была доследована каменная гробница с инвентарем и скорченным костяком. В опубликованной в 1937 г. небольшой заметке дано описание находок из исследованного погребения (керамика, два медных топорика, медный браслет и др.), а также делается вывод о связи с дольменными памятниками Северного Кавказа [Захаров, 1937, с. 228].

Были у Захарова и свои ученики; среди них выпускница Краснодарского пединститута Ю.С. Крушкол. Хочется надеяться, что работы Н.А. Захарова займут принадлежащее им, но утраченное место в историографии проблем древней истории Северо-Западного Кавказа.

Библиографический список

Захаров Н.А. Первые шаги систематического изучения городищ северо-западного Кавказа (доклад) // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10–13 сентября 1927 г. – Севастополь, 1927.

Захаров Н.А. Общий обзор обследования и работ на городище в г. Краснодаре // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 3–4. – Ростов на/Д, 1928.

Захаров Н.А. Древнее наименование реки Кубани // Известия Государственного Русского географического общества. – 1930. – Т. LXII. – Вып. 1.

Захаров Н.А. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа // Советская археология. – 1937. – Вып. III.

Е.Г. Толмачева
Центр египтологических исследований РАН, Москва
ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО – РАННЕИСЛАМСКОГО
ВРЕМЕНИ НЕКРОПОЛЯ ДЕЙР АЛЬ-БАНАТ
(Файумский оазис)

Изучение текстиля, найденного в результате археологических раскопок египетских некрополей позднеантичного – раннеисламского времени (III–IX вв.), представляет немалый научный интерес. Жаркий сухой климат, наряду с особенностями песчаных почв, стал важнейшим фактором, определившим уникальную сохранность органических материалов в Египте. К сожалению, в силу ряда причин на первых порах своего развития «археологическое» изучение египетского текстиля из некрополей было далеко от научного. В результате большинство так называемых коптских тканей, являющихся одним из самых распространенных предметов египетских коллекций мировых музеев и частных собраний, представлено в них вне контекста, в большинстве случаев отсутствуют сведения о месте и обстоятельстве находок. Именно потому в последние десятилетия особой актуальностью пользуются археологические исследования позднеантичного текстиля, а также изучение текстильных комплексов отдельных могил и некрополей.

Некрополь Дейр аль-Банат, относящийся к числу подобного рода археологических памятников, расположен в юго-восточной части Фаюмского оазиса. Само название местности «Дейр аль-Банат» в переводе с арабского буквально означает «девичий монастырь». К сожалению, определенно ответить на вопросы, когда именно появилось данное название [Krol, 2005, с. 214–215] и являлись ли расположенные на памятнике постройки из кирпича-сырца и в самом деле монастырем, на данный момент не представляется возможным. Известный немецкий археолог и специалист по архитектуре ранне-средневекового Египта П. Гроссман первым предположил, что эти постройки относятся к числу монастырских [Grossman, 1989, 1865]. В настоящее время подобная идентификация ставится под сомнение. Как бы то ни было, следует подчеркнуть, что на некрополе в приблизительно равной доле присутствуют женские и мужские захоронения, а также большое количество детских. Захоронений же, которые можно было бы отнести к монастырскому комплексу, до настоящего времени не обнаружено.

В погребениях позднеантичного времени на некрополе Дейр аль-Банат фиксируется наличие разного рода текстильных комплексов, которые можно классифицировать как хронологически, так и функционально. Общее количество текстильных находок некрополя в настоящее время составляет 1 682 объекта. Около 200 из них представляют собой так называемые поверхностные находки, в большинстве своем происходящие из разграбленных захоронений. Еще приблизительно 200 находок принадлежат комплексу мусульманских средневековых погребений, предположительно IX–XI вв., и не относятся непосредственно к объекту настоящего исследования. 538 объектов составляют бинты и фрагменты погребальных пелен, инвентарь, характерный для классического династического египетского погребального обряда, предварительно датируемые римским временем (конец I в. до н.э. – III в. н.э.) и лишь частично затронутые в докладе. Таким образом, объектом настоящего исследования являются 744 образца археологического текстиля, найденных при исследовании погребений некрополя Дейр аль-Банат в сезоны 2008–2014 гг.

Около 70% всего текстильного материала составляют льняные погребальные пелены, в которые оборачивались погребенные, и фиксирующие эти пелены тканые ленты (о термине «лента» в данном контексте см.: [Орфинская, 2016]). Количество подобного рода пелен доходило до 12 в одном погребении [Orfinskaya et al., 2015]. Все погребальные пелены такого типа можно разделить на две основные группы: грубые погребальные пелены, для изготовления которых использовался текстиль низкого качества, – массовая продукция египетских ткацких мастерских; погребальные пелены высокого качества, вероятнее всего, переиспользованные предметы интерьерного текстиля, например завесы.

Другой часто встречающейся группой тканей (около 25%) являются одежды. Большинство их составляют сотканые по форме льняные и шерстяные туники, цельнотканые или состоящие из трех сшитых между собой частей. Часто туники украшались вотканными или нашитыми декоративными вставками, выполненными в гобеленовой технике. Количество туник на погребенном определяло социальный статус умершего и доходило до пяти предметов одежды.

Среди прочих категорий археологических тканей на некрополе следует также отметить предметы интерьерного текстиля (например, подушки, подкладываемые под голову и ноги погребенного, льняное полотенце, которым накрывали лицо покойного) и головные уборы – льняные шапочки и «волосники» в технике «спрэнг».

Одной из основных задач, стоящих перед исследователями археологического текстиля, является выработка критериев для определения происхождения, классификации и датировки тканей. Также актуальным является изучение технологических приемов прядения и ткачества, позволяющих судить об уровне развития текстильного ремесла, эволюции разного рода технических приспособлений для ткачества. Таким образом, впервые вводимые в научный оборот текстильные находки позволяют как расширить наши знания о египетском погребальном обряде, роли и значении в нем разного рода тканей, так и сделать ряд важных выводов об уровне развития древнейших египетских технологий.

Изучение текстильных комплексов позднеантичного времени некрополя Дейр аль-Банат показало, что их образуют ткани разного функционального предназначения: грубые погребальные пелены, интерьерный текстиль, одежды. Судя по отдельным текстильным находкам, в Египте IV–VII вв. одновременно существовало несколько типов станков для производства различных тканей. Грубые погребальные пелены вырабатывались на вертикальном ткацком станке с двумя валами, где нити основы укреплялись непосредственно на валу. Высота такого станка составляла около 3 м, ширина – 1,1 м. Туники и более сложные предметы интерьерного текстиля ткались на станках, где, предположительно, укреплялись уже запроважденные нити основы. Кроме станка для ткачества, использовались различные текстильные приспособления.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в погребальном обряде использовались как ткани, специально изготовленные для погребения (грубые погребальные пелены), так и текстильные изделия, использовавшиеся еще при жизни погребенного (одежда, интерьерный текстиль). Специальных погребальных одеяний не фиксируется.

Использование большого количества тканей в погребальном обряде свидетельствует о довольно значительной роли ткачества и тканых изделий в экономике позднеантичного Египта. Отдельные предметы текстиля могли быть произведены в небольших домашних мастерских, изготовление других, например подушек, требовало высоких профессиональных навыков.

Библиографический список

Орфинская О.В. Лента, тесьма, бинт: к вопросу о текстильной терминологии // Египет и сопредельные страны. – 2016. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cesras.ru/egypt-and-neighbouring-countries>.

Grossman P. Neue frühchristliche Funde aus Ägypten // Duval N., Baritel F., Pergola Ph. Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21–28 septembre 1986). – Rome, 1989. – Vol. I.

Krol A.A. The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat // Gabra G. (ed.) Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause, Cairo, 2005.

Orfinskaya O., Belova G., Nauton M., Tolmacheva E. Textiles from burial 213 in Deir el-Banat // De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (eds.) Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013. – Tiel, 2015.

И.В. Толпеко
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск
АРТЫНСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Эпоха неолита на территории Среднего Прииртышья, несмотря на большое количество открытых памятников этого периода, на сегодняшний день изучена крайне слабо. Основные причины, обусловившие такую ситуацию:

- отсутствие хорошо атрибутированных памятников раннего и развитого неолита;
- проблема выделения комплексов и культур периода энеолита – ранней бронзы;
- небольшое количество памятников неолита, энеолита и ранней бронзы, изученных раскопками, в том числе большими площадями;
- практически полное отсутствие дат, полученных естественно-научными методами.

В результате на данный момент нет возможности выстроить культурно-хронологическую шкалу для Среднего Прииртышья эпохи неолита – ранней бронзы и в большинстве случаев полноценно соотносить имеющиеся памятники с археологическими культурами соседних территорий. История изучения неолита – ранней бронзы Среднего Прииртышья – это, по сути, выделение типов керамики и их вариантов. Наиболее яркое тому свидетельство – екатерининская культура А.И. Петрова [2014]. Единственным исключением на сегодняшний день является артынская культура, которая прошла длинный путь от типа керамики до выделения в самостоятельную археологическую культуру [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106–108]. Характеризует ее в первую очередь своеобразная керамическая посуда [Бобров, Марочкин, Юракова, 2010, с. 113–116; Иващенко, Толпеко, 2006, с. 85; Юракова, 2013, с. 90–94]. Один из наиболее узнаваемых элементов орнаментации – ямки. В декоре они образуют самостоятельные и разнообразные мотивы [Иващенко, Толпеко, 2006, с. 84–85; Юракова, 2013, с. 92–93, табл. 1]. Однако артынская культура обладает и другими выразительными признаками, к которым следует отнести расположение поселений, конструктивные особенности жилищ, каменную индустрию, орнаментированные изделия из глины [Иващенко, Толпеко, 2006, с. 84, 89, 90; Бобров, Марочкин, 2011, с. 106].

Ареал распространения памятников поздненеолитической артынской культуры достаточно широк – от Приишимья до Барабинской лесостепи. Однако основное количество их сосредоточено в южнотаежных районах Притарья, на правом берегу Иртыша. На небольшой территории в окрестностях урочища Мурлы (расположенного недалеко от д. Усть-Тара Тарского района Омской области) выявлено семь памятников артынской культуры. Именно отсюда происходят наиболее выразительные и представительные количественно артынские комплексы. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют предположить, что южнотаежные районы правобережья Иртыша были местом основной локализации населения артынской культуры. Сама же она, с учетом имеющихся дат [Бобров, Марочкин, 2011, с. 108], должна стать своеобразным репером для построения культурно-хронологической шкалы неолита – ранней бронзы Среднего Прииртышья.

Библиографический список

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2011.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Г. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром 2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск, 2010.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. – 2005. – Омск, 2006.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. – Омск, 2014.

Юракова А.Ю. Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – №3 (55), Т. 4.

А.Г. Торошин¹, Н.В. Торощина², И.В. Чернова²

¹ООО «Историко-культурное наследие Сибири»,

²Томский государственный университет, Томск

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ СЕЛЬКУПСКОГО КЛАДБИЩА ВАРГАНАНЖИНО С АРХИВНЫМИ И ЭКСПЕДИЦИОННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ, МЕТОДИКА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке

Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ

В сибирской археологии вопросы методики корреляции двух типов исторических источников (вещественных и письменных) рассматриваются наиболее часто на примере русской археологии. Привлечение документов церковного делопроизводства имеет свой потенциал информативности и для коренных народов. Доклад посвящен методике сопоставления данных о палеопопуляции селькупского кладбища бывшего пос. Варгананжино на р. Тым (Каргасокский район, Томская область) со сведениями об умерших жителях этого поселка из метрических книг Тымской Троицкой церкви (далее – книги) [ГАТО; Архив Каргасокского района Томской области]. Цель: выработать методику корреляции источников, определить возможность достоверного установления личностей индивидов, похороненных с определенными особенностями, используя сведения книг об умерших представителях локального социума. Анализ материалов некрополей р. Тым с использованием данных книг Тымского прихода проводится впервые.

Кладбище при пос. Варгананжино раскопано 12–13 августа 1989 г. антропологом В.А. Дремовым с целью сбора краниологического материала по северной группе нарымских селькупов (чумыль-куп), что определило методику раскопок, фиксацию и сбор находок. Всего учтено 18 могил (8 – взрослые, 10 – детские), что составило приблизительно половину некрополя [Дремов, л. 334]. Определения пола и возраста проведены В.А. Дремовым и М.П. Рыкун. Пос. Варгананжино располагался в правобережье среднего течения р. Тым, приблизительно в 90 км по прямой от с. Тымского. Время существования – 1850–1960-е гг. Постоянные жители – селькупы Пычкины, одновременно населявшие пос. Косес, находившийся на р. Косец, правом притоке р. Тым (50 км по прямой от Варгананжино). Захоронение Пычкиных на кладбище при Варгананжино подтверждается данными книг, местоположение некрополя локализовано по топографической карте 1952 г. Отдаленность поселка от Оби, малочисленность населения (проживали несколько братских семей), традиция хоронить на родовом кладбище обусловили малое количество умерших. Фиксация в книгах пола и возраста умерших, причин смерти позволила сопоставить данные с антропологическими определениями краниологической серии кладбища. Более перспективным является установление личностей умерших в погребениях с датировкой и с особенностями (наличие предметов, определяющих индивидуальность носителей, коллективные захоронения, отражающие нестандартный случай смерти).

Усложняет анализ материалов фрагментарная изученность кладбища. Ограничивает возможность детального сопоставления данных палеопопуляции и метрических сведений неполное хронологическое покрытие одного источника другим. По монетам и клеймам могилы относятся приблизительно к 1870–1940-х гг. Недостатками письменных источников являются их неполнота и низкая достоверность сведений о дате и месте погребения. Полностью сохранились книги за 1870–1920 гг. С 1920 г. регистрация метрических событий ведется Каргасокским ЗАГСом, причем не всегда стабильно. Для научных исследований доступна информация до 1925 г. Недостоверность фиксации даты и места погребения определяется сложившейся у местного духовенства практикой указывать местом погребения всех умерших прихожан (за небольшим исключением) кладбище при с. Тымском. Возможность и целесообразность доставки умерших за сотню километров от места проживания до центра прихода при наличии кладбищ при поселках сомнительны. Действительно, погребенными на Тымском кладбище можно считать тех представителей рода Пычкиных, которые умерли в июне-июле, когда прихожане съезжались на ежегодную

ярмарку в с. Тымское (тогда разброс между датами смерти и погребения составляет 3–4 дня). С окончанием ярмарки до новой навигации связь священника с отдаленными поселками прекращалась. В мае-июне текущего года в книгах отмечалась массовая фиксация умерших с осени предыдущего по весну текущего года (тогда разброс между датами смерти и погребения составлял от нескольких недель до нескольких месяцев). Несмотря на указание захоронения при с. Тымском, с большой долей вероятности можно утверждать, что такие умершие были погребены при своих поселках. Отбор сведений для сопоставления с данными кладбища Варгананжино осуществлялся с учетом этой практики фиксации. Дата, указанная в книге как дата погребения, в действительности является датой записи информации о смерти. Вместе с тем дата реального погребения умершего остается неизвестной. Это объясняется и тем, что обряд повторных похорон, включающий длительное хранение умерших до предания земле, применялся селькупами Тыма вплоть до начала XX в.

Палеоантропологическая серия представлена 22 индивидуумами: 12 взрослых (7 муж. и 5 жен.) и 10 детей. Зафиксированы два случая коллективных захоронений взрослых (4 чел. и 2 чел.). Диапазон возраста смерти у детей – 0–12 лет. Диапазон возраста смерти у мужчин и женщин приблизительно одинаков – от 18–20 до 60 лет. Индивидуумов зрелого и старческого возраста – 4 чел. (2 муж. и 2 жен.).

По данным книг, с 1870 по 1920 г. число умерших Пычкиных в приходе составило 69 человек, примерно 13–14 в год. В двух случаях при Варгананжино похоронены жительницы других поселков. С вычетом Пычкиных, захороненных на других кладбищах (подробнее – в докладе), наиболее вероятно захоронение при Варгананжино в указанный период всего 28 человек, из них 16 детей в возрасте до 18 лет. Таким образом, умерших взрослых в данный период – 12 человек (6 муж., 6 жен.).

Принципом, положенным в основу сопоставления данных, является хронологическая последовательность заполнения поля кладбища с опорой на погребения с особенностями и поиск подходящих случаев в книгах. Поскольку общее количество могил не определено, для анализа использовался план раскопанной части кладбища. Учтена группировка могил по годам и климатическим сезонам, а в группах выявлены могилы, которым найдены соответствующие метрические записи. В могиле-3: единственной женщине 60 лет соответствует единственная запись о женщине 67 лет. В могиле-11: коллективному захоронению мужчины 50–55 лет и женщины 45–55 лет – записи о супругах близкого возраста, умерших от тифа в 1920 г. с разницей в 10 дней. В могиле-10: коллективному захоронению 4 человек (2 муж. и 2 жен.) соответствуют записи об умерших в короткий временной период 2 мужчин и 2 женщин близкого возраста, причем захоронение умершей в ноябре 1917 г. произошло не ранее 11 января 1918 г. после освидетельствования участкового. В могиле-16: мужчине 60 лет с предметами шаманского культа соответствует запись о родственнике шамана Карлыгина 56 лет (подробнее – в докладе).

Таким образом, в ходе исследования мы столкнулись с рядом проблем, таких как недостаток базы письменных и вещественных источников, трудности хронологической синхронизации и др. Тем не менее мы значительно продвинулись в изучении населения поселка Варгананжино и в вопросе интерпретации двух видов источников. В дальнейшем корреляция этих данных с учетом демографических особенностей палеопопуляций региона при изучении родовых могильников позднего средневековья и Нового времени может помочь по-новому взглянуть на их численный и половозрастной состав.

Библиографический список

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 527. Метрические книги. Оп. 1. Д. 386, 489, 529, 537, 549, 580.

Дремов В.А. Полевая документация. Архив кабинета антропологии ТГУ. Д. без н. 1989.

Муниципальный архив Администрации Каргасокского района Томской области. Ф. 204. Метрические книги церковью Нарымского края Томского округа. Оп. 1. Д. 3, 7, 8, 10, 11, 32, 32, 549.

Г.В. Требелева¹, С.М. Сакания², З.Г. Хондзия², Т.Ю. Шведчикова¹, Г.Ю. Юрков¹

¹Институт археологии РАН, Москва;

²Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, Сухум

МАРКУЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена при поддержке РФФИ
(проект №16-06-00277а) и РГНФ (проект №16-21-12001а (м))

В 2013 г. в с. Маркула Очамчирского района, на двух плато был обнаружен ранее неизвестный комплекс архитектурных остатков. Предварительные исследования (анализ связующего раствора и подъемный материал) позволил сделать предположение, что они относятся к периоду раннего средневековья. [Требелева и др., 2015, с. 292–301]. Для получения новых данных и уточнения датировки в 2014 г. были начаты археологические исследования на комплексе.

В 2014 г. произведены раскопки на территории самой церкви, и заложены 7 шурфов на территории всего комплекса, расположенного на плато. В 2015 г. продолжены раскопки на храме Маркульского городище, была вскрыта прихрамовая территория с южной стороны храма: между самим храмом и стеной храмовой ограды. В 2016 г. на прихрамовой территории с запада: от входа до оградовой стены.

При зачистке престола храма найден железный наконечник лавровидной формы, черенковый, с резко выраженным ребром. Подобного типа наконечники встречаются в погребениях на территории Абхазии, датируемых IV–V вв. (см. [Трапш, 1971, табл. XI, XXXI, XXXIV]).

Керамический материал, полученный в ходе раскопок, представлен в основном двумя типами: плотная, хорошо вымученная, с небольшим количеством примеси красная глина, и более темная, ближе к коричневой, более рыхлая, с большим количеством примеси. Наблюдаются промежуточные варианты: встречается серая глина и немного лепной керамики. Первый тип глины характерен в основном для памятников «раннего средневековья», второй – для «развитого» [Трапш, 1975, с. 131–132]. Представлен он строительной керамикой: плоской и полукруглой черепицей, кирпичами. К сожалению, сохранность не позволяет полностью определить точные размеры. Но использованные строительные материалы однотипны. Кирпичи толщиной 3, а чаще 5 см, шириной 27 см, длина неизвестна. Плоская черепица: размер не определен, высота бортика стандартно у всех образцов 5 см, и круглая черепица для перекрытия бортиков высотой в 5 см. Толщина черепицы – 1,5–2 см.

Столовая посуда представлена обломками гончарных сосудов (пифосов, кувшинов, горшков, мисок) и единичных экземпляров лепных.

Стенки и пифосов, и кувшинов встречаются как с рифлением, так и гладкие, часть орнаментирована ближе к венчику или непосредственно под ним налепными концентрическими поясками, с ногтевыми и пальчатыми вдавлениями, косыми вырезами, волнистыми линиями гребенчатых штампов. Аналоги подобных орнаментов мы находим на керамике из различных поселений I тыс. н.э. [Трапш, 1975, с. 131–137, 221]. К этому же периоду относятся и днища с нанесенными по краям глубокими каналами [Трапш, 1975, с. 131–137]. Можно выделить группу ручек с глубокими бороздками и овально-ямочными наколами. Ручки с овально-ямочными наколами датируются 2-й половиной I тыс. н.э. [Трапш, 1975, с. 221], ручки с бороздками – X–XII вв. [Трапш, 1975, с. 138].

Кроме керамики местного происхождения, была обнаружена и импортная керамика, в том числе с «зеленой поливой», датируемая генуэзским временем. К генуэзскому же времени относится и железный ключ.

Найденные украшения – золотые и бронзовые кольца и серьги – хронологически не атрибутируются, так же как и предметы ритуального культа – бубенчики от кадил – встречаются на протяжении всего средневековья.

Так же в перемешанных верхних слоях были найдены три монеты: серебряная – относится к грузинским выпускам XIII–XIV вв., чеканенным по типу трапезундских аспров в Западной Грузии, и представляет собой имитацию монет Мануила I Комнена (1238–1263) – кирманеули, медная нюрнбергский счетный жетон. Чаще всего такие жетоны продавались вместе с разнообразными товарами из Нюрнберга, например игрушками. Наиболее известный производитель жетонов Ханс Краувинкель (Hans Krauwinkel) работал в период с 1586 по 1635 г. и имел представительства в Париже и Амстердаме. И еще одна медная монета очень плохой сохранности, на одной из сторон которой прочитывается облик амфоры.

Найдены также бусины из пасты цебельдинского типа, встречающиеся активно в V в. н.э. (аналог см. [Трапш, 1975, с. 34, табл. III]).

Небольшие железные ножи с прямой спинкой часто встречаются в погребениях на территории Абхазии в хронологических рамках III–V вв. [Трапш, 1971, с. 161].

Достаточно в большом количестве представлены железные четырехгранные с кнопкообразными шляпками гвозди. Такие гвозди встречаются на территории Абхазии на протяжении всего средневекового периода.

В ходе раскопок обнаружены массовые захоронения. Сверху разрушенные, перемешанные с инвентарем, предварительно датированным IV–VI вв., внизу – *in situ* безынвентарные, впущенные в материк. Полученный антропологический материал был вывезен в ИА РАН для более детального антропологического исследования: оценка сохранности костного материала, половозрастная идентификация, оценка встречаемости патологических признаков, определение минимального количества индивидов в коллективных захоронениях, изотопные анализы и т.д. Получены первые результаты.

Кроме раскопок на территории городища на плато, в 2016 г. проведена шурфовка (всего пять шурфов) на склонах холма с запада. В одном из шурфов (№2) обнаружено женское захоронение с инвентарем – глиняный перевернутый горшок в ногах. У погребенной была бронзовая печатка на правой руке, одежда расшита бусинами. Погребение датируется IV–VI вв.

Но самый неожиданный материал дал шурф №5. Среди немногочисленных находок там обнаружены стенка чернолакового сосуда, датированного III–II вв. до н.э., и ручка амфоры типа Колхида-I B₂, тоже датированная II в. до н.э. [Внуков, 2012, с. 5–15].

Еще одним важным открытием 2016 г. было обнаружение *in situ* стены у подножия склона с юго-западной стороны. Длина сохранившейся стены – 6 м, высота – 1,5 м. Были обследованы иные склоны холма, больше нигде стены у его подножия или по склонам не обнаружены. Возможно, эта стена была остатком дополнительной обороны источника воды, ибо как раз на этом склоне, у его подножия, находится древний колодец с водой.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что храм существовал с IV по XIV в., но само городище, с большой долей вероятности, существовало еще до возведения храма, возможно, с античных времен.

Библиографический список

Внуков С.Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // Российская археология. – 2012. – №4.

Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды М. Трапша : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси, 1971.

Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды М. Трапша : в 4 т. Т. 4 / отв. ред. А.Х. Халиков. – Сухуми, 1975.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю. Маркульский археологический комплекс // КСИА. – 2015. – Вып. 237.

Г.В. Требелева¹, З.Г. Хондзия², Г.Ю. Юрков¹
¹*Институт археологии РАН, Москва;*
²*Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, Сухум*
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ: К ВОПРОСУ ГРАНИЦ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №16-06-00277а) и РГНФ (проект №16-21-12001а (м))

Обнаружение точного маршрута пролегания Келасурской стены в ходе исследований 2013–2015 гг., а также ее уточненная датировка [Требелева и др., 2017] поставили в новом свете вопрос о локализации границ раннегосударственных этнических образований на территории Древней Абхазии: Санигии, Абазгии, Апсилии и Миссиминии. Санигия – самая западная часть Древней Абхазии. Располагалась севернее р. Бзыбь, на территории современного Гагрского района Республики Абхазия и частично на территории муниципального образования город-курорт Сочи Краснодарского края России (Большой Сочи). Границы Абазгии фактически совпадают с границами нынешнего Гудаутского района, этнически – «Бзыбской Абхазией»: от р. Бзыбь на западе до Анакопии на востоке. Миссиминия – самая загадочная область. Византийский историк Агафий пишет, что «живут они севернее народа апсилиев и несколько восточнее» [Агафий, с. 87]. По мнению другого византийского историка Менандра, Миссиминия граничила со Сванетией [Георгика, с. 236]. Южный отрезок восточной границы мисимиан упирался непосредственно в Лазику. В этом секторе мисимиане владели укреплением Бухлоон [Агафий, с. 87]. С севера территория Мисиминии упиралась в Главный Кавказский хребет в районе Клухорского и Марухского перевалов. Таким образом, территория Мисиминии охватывала провинции Дал и Цабал (Цебельда) феодальной Абхазии [Анчабадзе, 2010, с. 242]. Апсилия – от наименования данного племени происходит современное самоназвание абхазов – Апсуа. Прокопий Кесарийский пишет: «Река Фасис... впадает в конечную часть Эвксинского Понта на краях залива-полумесяца; на одной стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащей уже Европе, находится область апсилиев» [Прокопий из Кесари, с. 380]. М.М. Иващенко [1926, с. 83] считает, что «под луновидностью Прокопий понимает изгиб берега моря в 550 стадий от города Петры к северу. Если город Петра – Цихисдзири, то другой конец этой «луновидности» придется приблизительно около Илори...». Таким образом, юго-восточная граница Апсилии проходит, по-видимому, по р. Аалдзга (Галидзга или Эгрисцкали по грузинским источникам), как раз там, где и были обнаружены сотрудниками экспедиции башни Келасурской стены. Северо-западная граница, по мнению одних, считается, проходила по р. Гумиста [Анчабадзе, 2010, с. 238], по мнению других – по р. Келасур [Иващенко, 1925, с. 85–86]. Последнее нам кажется более вероятным, ибо полностью совпадает с той территорией, которую огораживает Келасурская стена, т.е. пространство между реками Келасур и Аалдзга (Галидзга) на западе и востоке и морем и горами – на юге и западе. Территория, огороженная данной стеной, – однозначно это территория земледельческого государственного образования. Сама стена служила защитой от набегов горских племен. Не было смысла ни Византии, ни персам огораживать конкретную территорию на побережье. Смысл имелся только у местного населения, вероятнее всего, апсилов. Лазика была значительно южнее: она включала в себя приморскую территорию современных Гальского и частично Очамчирского районов и часть Аджарии (Республика Грузия) [Георгика, с. 415]. Следовательно, логично предположить, что эта стена огораживала именно территорию Апсилии, подходя вплотную к границам нынешнего Сухума – древнего Себастополиса, который, скорее всего, выступал относительно независимым от древнеабхазских этнополитических образований, подчиняясь напрямую Риму-Византии. И как любой античный город имел хору, а следовательно, и земли, прилегающие к нему, не входили ни в какое ранне-средневековое этнополитическое образование абхазов, а сохраняли свое подчинение

непосредственно Византии. При этой модели снимается также и спор о принадлежности территории между Анакопией (современный Новый Афон) и р. Келасур, т.е. территории Сухумской бухты и ее окрестностей. Некоторые исследователи относят ее к территории Абазгии, другие – к территории Апсилии [Анчабадзе, 2010, с. 236–242].

Не противоречит предложенная модель и той информации, которую можно подчерпнуть из анализа народных преданий. Согласно рассказу, составленному графиней Уваровой [1894, с. 34], крепость была сооружена при императоре Юстиниане для того, чтобы защитить Абхазию от соседних горных народностей. Согласно разъяснениям, собранным В. Пачулиа [1964, с. 34–43; 1973, с. 48], это были местные племена апсилы, которые возвели это сооружение против кочевников, прибывающих из степей южной России по Кавказской дороге. Крепостная стена является представленной как барьер против севера, что полностью подтверждается нашим натурным обследованием. Учитывая технологию кладки, а также то, что особой заинтересованности у византийских императоров в обеспечении охраны границ апсилы не было, чтобы тратить огромные средства и силы на возведение стены, мы склоняемся, что стена была возведена именно самими местными племенами, скорее всего, апсилами, для охраны своей территории от кочевников с гор. Косвенно этот вывод подтверждает еще и тот факт, что территория, огороженная данной стеной, является наиболее пригодной для земледелия. Это равнина с хорошей ирригацией. Весьма ценные в этом отношении данные приводятся в источнике XVI в. «Уставе Сулеймана I для Кафской ливы». В этом документе Абхазия упомянута, в частности, в связи с импортом риса. В «Уставе...» говорится: «Если прибудет рис из Сохума... и если (те, кто привез его) захотят узнать у кади о твердой цене, чтобы продать его самим, взимать 50 или 100 ахче по усмотрению; если (рис) в мешках взимать по ахча с мешка». В связи с приведенным сообщением можно предполагать, что культура риса являлась предметом вывоза из страны и в зрелое, и в раннее средневековье. Имеющиеся этнографические данные также подтверждают, что абхазы, наряду с выращиванием проса, чумизы и пшеницы, занимались и выращиванием риса (по абх. абрындж) [Маан, 2012, с. 237–238]. Таким образом, на основании проведенных исследований и имеющихся на сегодняшний день данных можно сделать вывод, что стена, идущая по предгорьям, огораживала сельскохозяйственную территорию развитого государственного образования от грабительских набегов с гор, каковой являлась, скорее всего, Апсилия.

Библиографический список

- Агафий Миринецкий. О царствовании Юстиниана / пер., ст. и примеч. М.В. Левченко. – М. ; Л., 1953.
- Анчабадзе З.В. Избранные труды : в 2 т. Т. 1: История и культура древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухум, 2010.
- «Георгика», Сведения византийских писателей о Грузии / под ред. С.Г. Каухчишвили. – Т. IV, ч. 2. – Тбилиси, 1952.
- Иващенко М.М. Великая Абхазская стена // Известия Абхазского научного общества. – 1925. – Вып. 4.
- Иващенко М.М. О направлении Келасурской стены // Известия Абхазского научного общества. – 1926. – Вып. 4.
- Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н.э. – 70-е гг. XIX в.). – Сухум, 2012.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами / Прокопий из Кесарии ; пер. с греческого С.П. Кондратьева ; вст. ст. З.В. Удальцовой. – М., 1950.
- Пачулиа В.П. В краю золотого руна. – М., 1964.
- Пачулиа В.П. Легенды лазурного берега. – М., 1973.
- Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. Результаты исследования Великой абхазской (Келасурской) стены (2013–2015 гг.) и вопросы границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии // КСИА. В печати. 2017.

В.А. Трифонов¹, Н.И. Шишлина², Й. ван дер Плихт³, Р. Фернандес⁴, П. Хоммель⁵

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

²Государственный исторический музей, Москва;

³Гронингенский, Лейденский университеты, Гронинген и Лейден, Нидерланды;

⁴Кильский университет, Киль, Германия;

⁵Кембриджский и Оксфордский университеты,

Кембридж и Оксфорд, Великобритания

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДОЛЬМЕНОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ У СТ. ЦАРСКАЯ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ, 1898 г.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №16-06-00026\17 «Культурная изменчивость и уровень мобильности населения
Северо-Западного Кавказа и сопредельной степи в условиях нестабильной природной среды,
IV–III тыс. до н.э.») и Европейского исследовательского совета
(*European Research Council Advanced Grant 1300505 FLAME*)

Введение

Дольмены у ст. Царской (совр. ст. Новосвободная), раскопанные в 1898 г. Н.И. Веселовским, относятся к малочисленной категории эталонных памятников эпохи ранней бронзы Северо-Западного Кавказа и являются одним из ключевых элементов в реконструкции процессов возникновения и смены культур на территории Кавказа и прилегающих к нему областей восточноевропейской степи, восточной Анатолии и северной окраины стран Ближнего и Среднего Востока.

С уточнением общей радиоуглеродной хронологии культур эпохи бронзы на Кавказе и сопредельных территориях [Трифонов, 2001] значение точности датирования периода строительства и использования этих памятников на фоне более строгих сравнительно-типологических и стратиграфических сопоставлений только возрастает.

Возможности радиоуглеродного датирования дольменов у ст. Царская долгое время были ограничены образцами из коллекции Н.И. Веселовского [Shishlina, 2008], но в результате дополнительных полевых исследований, начатых в 2013 г., количество пригодных для датирования образцов увеличилось.

Образцы для датирования

Отобранные в ходе новых раскопок семь образцов из кургана №1 (по нумерации Н.И. Веселовского) [ОАК за 1898 г.] происходят из стратиграфически документированного контекста, достоверно связанного с погребением в дольмене. Образцы представлены костями погребенного, костями животных (*Ovid*) из аванкамеры дольмена, с мощеной поверхности двора перед ним, из каменного кромлеха вокруг дольмена, обломком костяной булавки (?), а также древесным углем из кострища перед дольменом.

С погребением в дольмене кургана №2 связана коллекция из шести образцов: два текстильных образца, образец меха, костяные имитации зубов оленя и образец бедренной кости погребенного, найденной А.Д. Резепкиным при расчистке дольмена в 1979 г. [Резепкин, 2012]. Образцы различаются по материалу, степени сохранности и характеру вторичного загрязнения, так как часть из них долгое время хранилась в музее, а некоторые подверглась химической консервации. Заранее учесть характер влияния этих факторов на результаты датирования пока невозможно, но они были приняты во внимание при их оценке.

Результаты датирования

Все 13 образцов датированы с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS): 8 образцов – в лаборатории Гронингенского университета (Нидерланды), 3 – в университете Оксфорда (Великобритания) и 2 – в Кильском университете (Германия).

Полученные радиоуглеродные даты обработаны в программе OxCal 4.3 [Bronk-Ramsey, 2009]. Сначала для каждой группы дат, относящихся к погребениям в дольменах курганов №1 и 2, была вычислена их суммарная вероятность с досто-

верностью 68 и 95% (рис. 1), а затем моделированная суммарная вероятность с учетом археологической ситуации: неизвестной последовательности сооружения дольменов в курганах №1 и 2 и возможности взаимного наложения их радиоуглеродных хронологических периодов.

Результаты радиоуглеродного AMS-датирования OxCal 4.3 (Bronk-Ramsey 2009) образцов из погребений в дольменах у ст. Царская, 1898 г.

Курган №1, погребение в дольмене		
¹⁴C-даты	Суммарная вероятность Unmodelled Sum	Моделированная суммарная вероятность Modelled Sum (within Phase)
7 дат	3300–3020 BC (68%) 3340–2920 BC (95%)	3290–3030 BC (68%) 3300–3000 BC (95%)
Курган №2, погребение в дольмене		
6 дат	3360–2700 BC (68%) 3690–2630 BC (95%)	3390–2780 BC (68%) 3570–2700 BC(95%)
5 дат	3340–2760 BC (68%) 3480–2630 BC (95%)	3260–2780 BC(68%) 3350–2700 BC(95%)

Учитывая возможность непоправимого химического загрязнения образца льна (фрагмент веревки для крепления бронзового крюка) из дольмена в кургане №2, дополнительно были выполнены расчеты без учета даты этого образца (табл., строка: 5 дат).

В итоге, согласно результатам радиоуглеродного датирования, с вероятностью 68% погребение в дольмене кургана №1 было совершено в период 3290–3030 гг. до н.э., а погребение в дольмене кургана №2 – в период 3390–2780 гг. до н.э. или, без учета даты образца льна, – 3260–2780 гг. до н.э.

Заключение

Результаты датирования дольменов у ст. Царская, 1898 г. не согласуются с представлениями об их раннем возрасте (37–34 вв. до н.э.) [Резепкин, 2012]. Вероятно, что весь период существования аналогичных памятников новосвободненского варианта майкопской культуры не выходил за пределы последней четверти IV – начала III тыс. до н.э.

Библиографический список

- ОАК за 1898 г. – СПб., 1901.
- Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). – СПб., 2012.
- Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001.
- Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. – 2009. – 51(1).
- Shishlina N.I. Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads(British Archaeological Reports international series 1876). – Oxford, 2008.

Во 2-й половине XIV в. в Правобережье Верхнего Дона на отвоеванных у Орды землях появляется Елецкое княжество как результат активной внешней политики верховских князей при поддержке Великого княжества Литовского и, возможно, Рязанского. Его история известна по источникам в событиях 1389, 1395, 1414–1415, 1483 гг. Однако немногочисленность этих источников не позволяет активно их использовать в исследованиях, в отличие от актового материала Северо-Восточной Руси [Чернов, 2005].

Княжество появляется на заселенной ранее территории бывшей Чернигово-Северской земли, население которой обслуживало в ордынскую эпоху транзитные торговые пути (Лавский археологический комплекс и др.). Основная территория княжества (ядро) по археологическим данным располагалась в левобережье р. Быстрая Сосна (правый приток р. Дона), занимая пространство около 300 кв. км в междуречье притоков Талец, Пальна, Ельчик, Воргол. Здесь известно 52 поселения 2-й половины XIII – начала XV в. В устье р. Ельчик находился летописный Елец с площадью распространения находок 15 га.

Результаты раскопок поселений значительными площадями позволили выделить их разные типы: поселения служилых людей (поселение 3 у с. Аргамач-Пальна, Целыковка-2), поселок гончаров (поселение 5 у с. Аргамач-Пальна), купеческую усадьбу (Александровское городище). Результаты раскопок памятников, датируемых XIV – 1-й половиной XV в., чрезвычайно важны не только для изучения истории Елецкого княжества, но и для региона Верхнего Поочья, откуда в последней четверти XIV в. произошла миграция населения и «кованных ратей» в бассейн Быстрой Сосны.

Критерии поселений служилых людей:

1. *Высокая доля предметов вооружения, снаряжения коня и всадника.* На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна – 17,2%; Целыковка-2 – 12,6% (доспешные пластины, кольчужные кольца, наконечники стрел, шпоры, детали конской узды и т.д.). Данная статистика сопоставима с памятниками других территорий. На городище южнорусского порубежья Сампсониев остров XI – середины XIII в. предметы вооружения составляют 14%. Его исследователь Ю.Ю. Моргунов отмечает факты их большего количества в сравнении с сельскохозяйственными орудиями труда. Значительной по объему представлена серия удил и наконечников бронебойных стрел [Моргунов, 2003, с. 146]. Еще большее соотношение предметов вооружения встречено на детинце и завальном участке посада малого рязанского города Корнике в верховьях Дона, где они составляют 39,7–57,7% [Клянин, 2000, с. 124].

Гораздо меньше предметов вооружения встречено на открытом торгово-ремесленном поселении – Лавском археологическом комплексе XI – начала XV в., где находки этой группы составили лишь 5,8%, причем значительная часть из них – наременная гарнитура. По соотношению предметов вооружения к находкам, связанным с различными видами хозяйственной деятельности, Лавский археологический комплекс близок к Белоозеру. С.Д. Захаров [2004, с. 131] отмечает их незначительное количество, что объясняет отсутствием внешней угрозы.

2. *Наличие престижных предметов, подчеркивающих социальный статус их владельцев:* нумизматические находки, монетные весы, предметы импорта, перстни и кресты-реликварии. Данный критерий следует учитывать индивидуально для памятников. Статистические показатели вряд ли возможны как объективный универсальный критерий. Набор престижных вещей и их приоритет диктовался запросами владельца. Поэтому внимание должно быть обращено на наиболее яркие и необычные вещи.

На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна найдены два небольших по объему ордынских монетных клада, насчитывающих 24 и 26 дангов. Е.Ю. Гончаров связывает их с кошельками, полученными служилыми людьми за службу [Гончаров, 2011, с. 21–22]. С поселения Целыковка-2 происходят монетные костяные весы начала XV в. [Тропин, Гончаров, 2016], а также наиболее выразительная серия керамического импорта [Тропин, 2016, с. 146–147]. Кресты-мошевики и щитковые перстни встречены на обоих памятниках.

3. *Жилища значительных размеров, отличающиеся от основной застройки.* На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна из 16 раскопанных жилых построек 10 сооружений имели площадь от 74 до 110 кв. м. Шесть жилищ были сооружены на подклетах. На поселении Целыковка-2 состояние грунта не позволило с точностью зафиксировать границы построек. Однако с учетом обширных размеров подполий и расположения глинобитных печей размеры трех господских жилищ боярской усадьбы были не менее 50 кв. м, и они стояли на подклетах.

4. *Отчетливо выраженная планировка поселения, предполагающая усадебную застройку или подчиненность одной группы жилищ другой.* На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна отмечена двухрядная застройка, сочетающаяся с усадебной. Концентрация жилищ отмечена с интервалом 20–30 м. Хозяйственные постройки располагались на периферии зоны усадьбы. На поселении Целыковка-2 выделяются участок главной усадьбы с жилой и хозяйственной зонами, а также локальная территория проживания боевых слуг владельцев усадьбы и небольшое кладбище с участком под храм.

Поселения служилых людей елецкой округи не являются чем-то исключительным и феноменальным. Появившись во 2-й половине XIV в. в бассейне Быстрой Сосны, они отражают серьезную трансформацию в жизни многих народов этого времени в Восточной Европе и находят аналогии на других территориях [Грибов, 2007; 2008; Гурьянов, Шинаков, 2016; Поляков, Чубур, Брешков, 2013].

Библиографический список

Гончаров Е.Ю. Нумизматические находки как источник для изучения формирования локальных финансовых систем (Елецкие земли XIV–нач. XV вв.) // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. – Елец, 2011.

Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках. – М., 2008.

Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научн. сем. – Вып. 1. – М., 2007.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Вооружение конца XII – начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) // *Stratumplus*. Археология и культурная антропология. – 2016. – №5.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М., 2004. – 496 с.

Клянин Р.В. Находки предметов вооружения с городища летописного города Корнике // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. – Тула, 2000.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров. Пограничная крепость на Посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. – М., 2003.

Поляков Г.П., Чубур А.А., Брешков Р.В. Владельческое сельцо-замок Лопошь в XI–XVII вв. по данным письменных источников и археологии (предварительное сообщение) // Русский сборник. – Вып. 7. – Брянск, 2013.

Тропин Н.А. Повседневные вещи жителей владельческого села второй половины XIV–первой половины XV вв. елецкой округи // Русский сборник. – Брянск, 2016.

Тропин Н.А., Гончаров Е.Ю. Монетные костяные весы из раскопок Елецкой округи // Древности Поочья. – Рязань, 2016.

Чернов С.З. Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты : в 3 т. – Т. 2: Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. – М., 2005.

В.Б. Трубникова
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ РАННИХ СЯНЬБЭЙ

Сегодня до сих пор под именем «сяньбэй» понимают отдельный этноним, история которого тесно связана с культурогенезом Северного Китая в первых веках I тыс. н.э. Однако даже по мере накопления археологического материала остаются вопросы, касающиеся этнического и культурного определения сяньбэй, а также составления четкой периодизации. Одновременно с этим, несмотря на наличие хроник, как в отечественной, так и в зарубежной науке существуют определенные сложности с точным соотношением сведений письменных источников с археологическим материалом, и в первую очередь они связаны с неразработанными механизмами анализа последнего.

Хроники освещают все этапы истории сяньбэй от их появления в Северном Китае в I в. до н.э. и до падения в 534 г. крупного сяньбийского государственного образования Северная Вэй. Первые короткие сведения о сяньбэй присутствуют в «Хоухань шу» («История династии Поздняя Хань»), далее они дополняются в «Вэй шу» («История Северной Вэй»).

Следуя хроникам, историю сяньбэй можно разделить на два периода. Первый этап – этап ранних сяньбэй – начинается с их первого упоминания в I в. до н.э. (в хрониках чаще встречается имя ухуани, родственное сяньбэй племю). Основные события приходятся на конец I в. – середину II в. н.э. В 93 г. коалицией племен дунху, в составе которых находились и сяньбэй, была одержана первая крупная победа над хунну. В 155 г. произошло объединение сяньбийских племен в союз под управлением шаньюя Таньшихуая. В течение нескольких десятилетий были совершены походы на ойкумену хуннской империи с целью переподчинения различных племен и в том числе присоединения хунну. Распад сяньбийского союза приходится на 235 год сразу после смерти Таньшихуая. К этому времени начинается обособление двух крупных племен сяньбэй – мужун и тоба, что впоследствии привело к созданию новых отдельных государств-венных образований. Таким образом, конец III в. н.э. можно считать рубежом, разделяющим раннюю «догосударственную» и «государственную» историю сяньбэй.

Погребальные памятники второго этапа истории сяньбэй имеют более четкую хронологию, так как часто удается соотнести их с именами известных сяньбийских правителей. Однако связать историю ранних сяньбэй с письменными данными также уверенно не удастся. Между тем в связи с перспективой поиска сяньбийских аналогий в южно-сибирском археологическом материале основной интерес представляют именно ранние сяньбэй.

Одной из сложностей в вопросах хронологии является недостаточная исследованность органических образцов в могильниках (единственном археологическом источнике ранних сяньбэй), что препятствует построению периодизации. Следовательно, за основу датирования был взят анализ сочетания определенного погребального обряда и керамического комплекса. Первые подобные попытки систематизации материала предпринял в 1977 г. Су Бэй [1977]. С тех пор по мере открытия новых памятников взгляд на хронологию ранних сяньбэй постоянно менялся [Сан Вэй, 2001]. На настоящее время уже более 25 памятников были атрибутированы как раннесяньбийские, из которых можно выделить ряд наиболее изученных: Чжалайнор, Лабудалин, Мэнгэньчулубэй, Байюньула, Туаньцзе, Сяньдаовань, Дундайцин, Чаньцзябао, Донучжур, Цика, Могушань, Хулунбейр, Лаохешень, Шанду. Основной трудностью в описании погребального обряда для ранних сяньбэй является то, что каждый из могильников представляет свою местную локальную традицию. И лишь некоторые более исследованные могильники позволяют составить собственную внутреннюю хронологию, что говорит об их длительном использовании. Общими элементами для ранних сяньбэй является особая планировка кладбища (могилы рядами), отсутствие оформления могил на уровне горизонта, а также отсутствие камней в заполнении могильной ямы. Керамический сосуд – в основном в изголовье. В качестве локальных типов выступают следующие погребальные обряды: погребения в деревянных гробах (Чжалайнор, Сяньдаовань, Лабудалинь) и погребения в подбоях (Чхаютшанси).

Вариабельность погребального обряда и сложность его интерпретации привели исследователей к новой концепции хронологии на основе картографирования памятников. Рабочей гипотезой была идея о постепенном продвижении сяньбэй с севера (общего места появления кочевых племен на территории Северного Китая) на юго-восток (где находятся уже известные точно атрибутированные памятники сяньбэй их «государственного» периода). Таким образом, памятники на севере провинции Внутренняя Монголия были датированы как самые ранние; на севере провинций Хэбэй, Шаньси – как более поздние памятники; на юго-востоке этих провинций уже локализуются памятники второго этапа истории сяньбэй. Последние относятся к концу IV вв. н.э., периоду Северной Вэй (сяньбэй-тоба) и Ранней Янь (сяньбэй-мужун). Между тем очевидный минус такого подхода к хронологии – создание довольно условной внутренней периодизации без точных дат.

Еще одной возможностью для датирования являются так называемые хронологические маркеры. В их роли выступают монеты, среди которых особое внимание заслуживают монеты учжи (141–87 гг. до н. э.) и монеты периода правления Ван Мана (9–23 гг. н.э.) [Вэй Цзянь, 2004, с. 30; Сан Вэй, 2007, с. 133]. Хотя такие предметы не позволяют построить периодизацию могильников, любопытно отметить, что они встречаются именно в памятниках с совершенно новыми погребальными традициями для Северного Китая. Эти же могильники находятся на северной границе ареала распространения сяньбийских памятников. На основе вышесказанного можно предложить новый взгляд на хронологию ранних сяньбэй.

Во-первых, памятники Хулунбуэр, Сяньдовань, Лабудалинь, Чаюшанси можно отнести к периоду появления сяньбэй в Северном Китае и датировать начало их формирования I в. до н.э., что соответствует письменным источникам. Исключив влияние хунну в это время, можно выявить непосредственно новую погребальную традицию сяньбэй. Остальные могильники с элементами хуннских традиций, вероятно, относятся уже к началу нашего тысячелетия, когда первые хунну вошли в состав сяньбийского союза. Во-вторых, в свете вышесказанного, по всей вероятности, можно пересмотреть и смысл имени «сяньбэй». Уже к концу I в. н.э. «сяньбэй» становится лишь аккумулятивным названием, прежде всего политическим, нежели этническим. Отсюда следует многообразие форм погребального обряда.

В рамках такого подхода к материалу сяньбийские памятники можно разделить на несколько групп по принципу появления ранних погребений. Первая, самая ранняя, с I в. до н.э. – Сяньдовань, Хулунбуэйр, Лабудалинь. Вторая группа I–II вв. н.э. – Мэнгэньчулүбэй, Байюньула, Туаньцзе, Дундайцин, Чаньцзбао, Донучжур. Третья заключительная группа памятников ранних сяньбэй с конца II в. – Чжалайнор, Лаохэшень. Датировка для последних памятников сделана по обломкам бронзовых зеркал поздней Хань (25–220 гг. н.э.) и по более выразительному погребальному инвентарю, в частности элементам вооружения и фигурным металлическим пряжкам. Появление последних можно отнести ко времени столкновения сяньбэй с хунну, у которых и были заимствованы формы и стилистика изображений. Отсюда синкретичность изображений, из которых уникальными для сяньбэй являются лишь такие символы, как единорог, олень и т.д. «Сяньбийские бронзы» могут выступать лишь хронологическим индикатором для более поздних сяньбэй.

Библиографический список

Вэй Цзянь. Нэймэнгу дицюй сяньбэй мудзандэ фасянью яндзю (Погребальные памятники сяньбэй на территории Внутренней Монголии: открытия и исследования). Кысюэ чубаншэ. – Пекин, 2004.

Сан Вэй. Нэймэнгу дитху сяньбэй мудзандэ чхубу яндзю (Предварительное исследование погребений сяньбэй во Внутренней Монголии) // Каогуювенью. – 2001. – №1.

Сан Вэй. Сяньбэй каогу сюэвень хуаяндзю (Археологическое изучение сяньбийской культуры). – Пекин, 2007.

Су Бэй. Дунбэй, Нэймэнгу дицюйдэ сяньбэй ицзи, цзилу чжии (Сяньбийские памятники на территории северо-восточного Китая и Внутренней Монголии. Вып. 1) // Вэнью. – 1977. – №5.

А.Я. Труфанов

ООО Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного
и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В УРАЛО-СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Изучение «механизма» появления и утверждения в научном сообществе термина *культурно-историческая общность* показывает, что почти каждая археологическая культура, имеющая достаточно широкий ареал распространения, «обречена» со временем стать если не культурно-исторической общностью, то культурной почти наверняка. Исследовательская практика выделения КИО различается, образуя, тем не менее, два основных направления.

1. По мере расширения ареала культуры (вследствие исследовательского процесса) и осознания отдельным автором или научной общественностью «глобальности» изучаемого культурно-исторического образования. В Зауральско-Западно-Сибирском регионе такая участь постигла саргатскую, кулайскую, ирменскую и отчасти андроновскую культуры.

2. В результате осознания того факта, что исследуемое крупное культурное образование имеет определенную близость с культурами соседних территорий. Это сходство, как показывает анализ, может трактоваться по-разному: а) как выражение единства происхождения («общих корней»); б) как результат взаимных контактов; в) как следствие стороннего инокультурного воздействия. Нередко можно встретить сочетание нескольких подобных трактовок. Категория общностей такого рода (их часто называют просто «культурными») достаточно обширна. Здесь многое зависит от широты взгляда автора на «горизонтальные» культурные взаимодействия. В результате мы встречаем в литературе абашевско-синташтинскую, абашевско-синташтинско-петровскую, срубно-андоновскую, срубно-алакульскую, андроновидную, межовско-ирменскую, кротовско-елунинскую и т.д.

В качестве особого случая выделения КИО с акцентом на «вертикальные» связи можно отметить объ-иртышскую культурно-историческую общность как «высшее проявление генетического сходства археологических комплексов» [Зыков, Федорова, 1993, с. 65] таежного населения Западной Сибири на протяжении IV–XII вв.

Термин «культурно-историческая общность» объективно имеет две составляющие: «культурную» (читай, археологическую) и «историческую». В археологическом аспекте термин *культурно-историческая общность* прежде всего акцентирует внимание на сходных элементах материальной культуры. В контексте сопотребления с термином *историческая* ситуация так или иначе подразумевает определенную общность исторического развития: происхождения, развития и судеб, т.е. смещает акценты в сторону общности человеческих коллективов, вплоть до этнической.

Переводя культуру в ранг КИО, археолог фактически манифестирует свои *исследовательские археологические конструкции* как исторические факты, в результате нередко отказываясь от понятия *археологическая культура*. Показателен пример с ирменской культурой, недавно статуйрованной в ранге общности [Ковалевский, 2016]. Перестала ли она в результате этого быть археологической культурой? Думаю, что нет. Автор просто попытался перейти в другую плоскость оценки археологических источников – в историческую. На наш взгляд, понятие КИО не должно заменять понятия АК. Это разные уровни осмысления источников. До тех пор, пока авторы не уверены в «историчности» своих исследовательских построений, возможно, употребление сугубо «археологического» термина *культурно-хронологический горизонт* будет намного больше соответствовать уровню изученности определенного трансрегионального культурного образования.

Библиографический список

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Объ-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993.

Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2016.

Д.К. Тулуш
*Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований, Кызыл*
К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ГОРОДИЩ ЭПОХИ ХУННУ
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА
(по материалам изучения фортификационных сооружений)

Изучение древних городищ Тувы началось еще в конце XIX в. наравне с другими типами археологических памятников, однако степень их изученности остается весьма невысокой. В 1950–1970-е гг. благодаря работам Л.Р. Кызласова и С.И. Вайнштейна выявлено и обследовано 17 городищ и один наблюдательный пункт, все они были отнесены к периоду Уйгурского каганата (745–840 гг.) [Кызласов, 1981, с. 53]. На сегодняшний день на территории Тувы известно более 20 городищ, обнесенных по периметру валами и рвами, а также два наблюдательных пункта [Тулуш, 2014, с. 479].

Результаты сравнения современных данных о фортификационных памятниках на территории Монголии, Забайкалья, Хакасии, Горного Алтая и Тувы наводят на мысль о необходимости пересмотра устоявшейся теории о принадлежности всех городищ бассейна Верхнего Енисея к периоду Уйгурского каганата.

В первую очередь, это основывается на типологическом анализе ряда внешних признаков и сопоставлении строительных технологий, примененных при возведении оборонительных конструкций. Это позволило выделить три типа памятников.

К первому относятся городища, окруженные земляным валом, современная высота которого не превышает 1 м (Барык, Сенек, Ийме, Тээли-5, Чоон-Терек, Баян-Тала). Почти все памятники имеют квадратную в плане форму (за исключением Катылыг-5), расположены на берегах притоков Енисея в плодородных долинах (кроме городища Целинное).

Второй тип памятников представлен городищами с высокими глинобитными стенами с минимальной высотой сохранившихся стен – 2 м. Большинство памятников прямоугольной в плане формы, ориентированы сторонами по странам света (Пор-Бажын, Шагонар-1, Шагонар-2, Шагонар-3, Шагонар-4, Бажын-Алаак-1, Бажын-Алаак-2, Балгаш-Бажын, Малгаш-Бажын). В третью группу вошли сооружения, сложенные каменной кладкой: наблюдательные пункты (крепости) на вершинах гор и участки оборонительного вала.

В настоящее время нет сомнений, что группа памятников с глинобитными стенами относится к периоду Уйгурского каганата. Это подтверждено исследованиями крепости Пор-Бажын и других памятников, сделанными при раскопках С.И. Вайнштейна, Л.Р. Кызласова, А.М. Мандельштама, А.Я. Щетенко, а также аналогией с конструктивными и декоративными элементами городищ уйгурского времени Монголии. К этому же периоду относятся каменные фортификационные сооружения (наблюдательные пункты Боом и Усть-Элегестинская крепость, вал «Дорога Чингисхана»), частично разобранные после войны между енисейскими кыргызами и уйгурами на возведение кыргызских курганов.

Анализ находок и технологий строительства фортификационных сооружений на сопредельных с Тувой территориях позволяет предположить, что городища с земляными валами должны быть отнесены к эпохе хунну. Существует также вероятность, что глинобитное городище Бажын-Алаак-2 было основано еще в хуннское время, а в период Уйгурского каганата – переиспользовано уйгурами [Щетенко, 1983, с. 46–47].

В III в. до н.э. хунну создали свое государство и стали по примеру соседних оседлых народов строить города, выращивать злаки, создавать оросительные системы, заниматься ремеслом. Шьюй Модэ, как известно, заимствовал китайские принципы управления, деления войск, а также структуру и технологии строительства городов.

Хуннские города в Центральной Монголии были возведены по образцу китайских дворцов, возможно, чтобы продемонстрировать равное положение хуннского правителя с китайским. При их строительстве старались максимально подражать китайскому образцу. Вероятно, к строительству сооружений привлекались мастера и рабочие из Китая.

Известные на сегодняшний день городища и укрепленные поселения на северных рубежах Хуннского государства (в Забайкалье, Минусинской котловине, Горном Алтае) строились в качестве пограничной линии для дислокации в них небольших военных гарнизонов. Характерным для этих сооружений было наличие только крепостных стен, возведенных по китайскому образцу. Черепица и здания каркасно-столбового типа, равно как и прочие, отсутствовали или их было совсем мало. Преобладающим типом жилищ являлись землянки и полуземлянки.

Основной строительной технологией эпохи хунну на территории Тувы была глиняно-земляная забутовка сплошным массивом [Тулуш, 2012]. Применение такой несложной технологии, а также длительность существования привели к сильному разрушению стеновых конструкций, современная высота которых не превышает 1 м.

Отличительным признаком хуннских городищ является наличие следов полуземлянок, нехарактерных для уйгурского времени и исследованных на памятниках Забайкалья. Городища с земляными валами чаще устраивались по берегам притоков Енисея и, судя по наличию вокруг них оросительных каналов, представляли собой укрепленные поселения земледельцев. Все они имеют квадратную в плане форму, нередко возведены параллельно течению реки, многие ориентированы углами по сторонам света.

В процессе археологизации крепостные стены, построенные по технологии глиняно-земляной забутовки, в течение 2200–2100 лет сильно обваловывались независимо от первоначальной высоты стен, места расположения и природно-климатических условий. Максимальная высота выявленных в Туве памятников с земляными валами составила 0,9–1,0 м, в среднем высота валов достигала 0,4–0,5 м. На территории Монголии зафиксированы в основном глинобитные городища этого времени, но и там высота не превышает 1,5–2 м.

При этом следует отметить, что все фортификационные памятники Тувы имеют близкие характеристики, а различия групп городищ проявляются при сравнении отдельных ключевых элементов. Именно недостаточность сведений о технологиях возведения стеновых конструкций, на наш взгляд, привела Л.Р. Кызласова к датировке всех городищ Тувы уйгурским временем. Технологии строительства городищ Тувы, как и большинства фортификационных памятников Центральной Азии, заимствовались из Китая. В хуннское время это была сплошная глиняно-земляная забутовка, в уйгурское – технология «хан-ту». При исследовании городища Бажын-Алаак-2 были зафиксированы глинобитные блоки и пахсовая архитектура, характерная для Средней Азии.

Таким образом, следует признать появление первых городов на территории Тувы в период хунну. Поскольку территория Тувы не являлась пограничной зоной, но и не входила в центральную зону Хуннского государства, это были укрепленные поселения земледельческого населения, лишенные дворцовых элементов, позволивших бы более точно датировать их. В данном случае более точную и качественную датировку могут дать только полномасштабные научные раскопки одного или нескольких городищ с земляными валами, что в современных условиях пока невозможно.

Библиографический список

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур // Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: Археология СССР. – М., 1981.

Тулуш Д.К., Смирнов Н.Ю. Результаты работы археологического отряда сектора археологии и этнографии ТИГИ в 2011 году // Ученые записки. – Вып. XXIII. – Кызыл, 2012.

Тулуш Д.К. Фортификационные сооружения Южной Сибири (общие и особенные черты) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. III. – Казань, 2014.

Щетенко А.Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. – Л., 1983.

И.В. Тункина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург
НЕИЗДАННАЯ «РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ»
(1914–1921) С.Н. КОНДАКОВА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект 14-18-00010)
и РФФИ (проект №15-06-99604)

Важнейшим индикатором определенного уровня когнитивного и институционального развития любой научной дисциплины является наличие развитого научно-справочного инструментария. Под ним подразумеваются общенаучные, отраслевые и региональные энциклопедии и справочники, а для археологии – своды археологических источников, изданные археологические карты регионов, биобиблиографические словари ученых, путеводители и каталоги по фондам научных архивов и музеев и пр. К этой категории относятся и специализированные библиографические указатели. Благодаря многолетнему подвижническому труду сотрудников Научной библиотеки ИИМК РАН (сектор Библиотеки РАН) вышло 13 томов библиографического указателя «Советская археологическая литература» и «Археологическая литература стран СНГ» за 1918–1997 гг. и единственный том «Русской археологической литературы», охватывающий дореволюционную литературу за 1900–1917 гг.

Как изданные, так и неизданные ретроспективные библиографические указатели отечественной исторической и краеведческой литературы XVIII–XIX вв. на русском и иностранных языках представляют для археологов и историков науки исключительный интерес. Еще А.А. Формозов подчеркивал необходимость создания полной археологической библиографии дореволюционного периода отечественной археологии [Формозов, 1974, с. 8]. Малотиражные и редкие печатные издания, общественно-политическая, церковная и научная периодика регулярно публиковали информацию о памятниках истории и культуры. Анализ таких публикаций может дать принципиально важную информацию как об известных, так и об утраченных артефактах, существенно скорректировать представления о времени их открытия и этапах изучения.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в фонде «архистратига русской национальной археологии» академика Н.П. Кондакова (1844–1925) в отдельной описи представлен ряд библиографий (в тетрадях, на листах и карточках) по археологии, истории, искусству и архитектуре России, составленных С.Н. Кондаковым в 1911–1921 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 8. 511 дел; Тункина, 1994]. Создатель библиографических указателей Сергей Никодимович Кондаков (1878–1940), старший приемный сын академика, закончил факультет восточных языков Петербургского университета (1903), служил мелким чиновником в МИД (1903–1906), переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия (1906–1907), Канцелярии Министерства Императорского Двора (1907–1917), а в советское время был делопроизводителем Петергофского художественно-исторического комитета (1918), сотрудником Гатчинского художественно-исторического музея (1918–1919), журналистом и агентом для специальных поручений в Геологическом комитете ВСНХ (1919–1920). Одновременно в 1919 г. он преподавал в Петроградском театральном (балетном) училище, являлся сотрудником газеты «Жизнь искусства». Не позднее 1921 г. С.Н. Кондаков эмигрировал, жил с отцом в Праге, а после смерти академика уехал в Париж, где крайне бедствовал.

Благодаря Н.П. Кондакову его пасынок С.Н. Кондаков был приобщен к занятиям историей искусства как составитель «Юбилейного справочника Императорской Академии художеств» (1914). В том же году он был избран действительным членом Общества ревнителей истории (1914), стал публиковаться в журнале «Столица и усадьба», активно собирать биографическую информацию о художниках начала XX в. Еще в 1911 г. С.Н. Кондаков приступил к составлению библиографических указателей по истории искусств, архитектуре и древностям России, а с 1914 г. – по археологии, прежде всего о «бытовых памятниках прошлой русской жизни» и церковных древностях.

11 апреля 1918 г. на заседании Отделения русского языка и словесности РАН была зачитана записка С.Н. Кондакова с просьбой о выплате материального пособия для завершения работы по составлению систематического библиографического указателя по русской археологии. Как следует из записки, с 1914 г. под методическим руководством Н.П. Кондакова он начал описание книжного собрания отца, проработал библиографические указатели В.И. Межова, П.П., Б.П. и В.П. Ламбиных, В.С. Сопикова, А.Ф. Смирдина, каталоги Глазуновых, М.О. Вольфа, труды и периодику Императорской АН, Археологической комиссии, археологических, церковных и исторических обществ, всероссийских и региональных археологических съездов, ученых архивных комиссий, университетов, вузов, музеев, публикации в губернских и епархиальных ведомостях. К 1918 г. его археологическая библиография составила около 30 тыс. описаний. ОРЯС РАН удовлетворило ходатайство и выплачивало С.Н. Кондакову по 150 руб. в месяц в течение полугода [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165. ОРЯС. IV §41. С. 18–19]. Однако в условиях Гражданской войны его работа не была завершена и осталась в рукописи.

В схеме классификации указателя автором были использованы тематический, алфавитный и хронологический принципы. Систематизация материала отражала уровень развития археологии начала XX в. и представление о ее объекте и предмете на то время. Так, раздел библиографии по истории России объединяет работы на общеисторические темы, исследования по частным вопросам, исторические материалы и описания городов и сел по губерниям и регионам. В разделе «Археология России» собрана библиография по теории и методике исследований, об итогах и задачах науки, о деятельности археологических учреждений, о всероссийских и региональных археологических съездах, о преподавании археологии в высшей и средней школе, материалы по истории науки, по археологической топографии и картографии, учету, охране, реставрации и консервации памятников, о подделках артефактов, материалы об отдельных типах памятников и пр., а также по отдельным субдисциплинам археологии (по эпохам, периодам и регионам). Наиболее интересны сведения об археологических памятниках губерний России, являющиеся ценнейшим источником для составления археологических карт страны. Раздел «Церковная археология» включает сведения по агиографии, символике христианского искусства, иконографии, иконописи, церковному зодчеству, литургике, внутреннему убранству храмов, иконам, утвари, облачениям, музыке, колоколам и колокольням, истории и организации Русской православной церкви, ее учреждениям и учебным заведениям, музеям, обществам, выставкам и пр., церковным летописям, актам, переписным и писцовым книгам монастырей и церквей. Отдельно систематизированы описания храмов и других церковных памятников по регионам (епархиям). В указателе представлена также литература по архивоведению и вспомогательным историческим дисциплинам, по архитектуре, искусствоведению и истории искусств, изобразительному и декоративно-прикладному искусству, музееведению (включая сведения о частных археологических собраниях). Полноту указателю во многом придают материалы периодики, прежде всего дореволюционных центральных и местных газет. Ретроспективный библиографический указатель С.Н. Кондакова может быть положен в основу будущего указателя русской археологической литературы XVIII–XIX вв.

Библиографический список

Тункина И.В. Неизданная библиография С.Н. Кондакова по отечественной археологии и истории искусств // Памятники древнерусской культуры : материалы II Российской научной конференции, 8–10 июня 1994 г., посвященной памяти Святителя Макария (Макариевские чтения). – Можайск, 1994. – Ч. 2.

Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археология. – 1975. – №4.

О.С. Тупахина, Д.С. Тупахин
Научный центр изучения Арктики, Салехард
РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ЭНЕОЛИТЕ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЕЛ-1

Важнейшим источником данных для реконструкции социально-экономических отношений в силу ряда объективных причин является жилище, высокий информативный материал которого напрямую зависит от совершенства используемых методик. Одно из наиболее разработанных и перспективных направлений – изучение жилища через призму домохозяйства, на основании информации о доме, домовой территории и функционально ориентированных материальных остатках, в контексте взаимодействия с природной средой [Поселение Быстрый Кульеган..., 2006, с. 65–67; Усачева, 2014, с. 75].

Новизна работы, помимо апробации методики на материалах Западносибирского Заполярья эпохи энеолита, заключается в использовании результатов междисциплинарных исследований, в том числе магнитной съемки местности для выявления археологических объектов, визуально не фиксируемых в рельефе.

Рассматриваемый нами регион, лежащий в границах Ямальской Арктики и Субарктики, традиционно относится к ареалу присваивающей экономики. Разнообразие природных условий территории обуславливает широкую вариативность хозяйственных задач, в процессе реализации которых сложились коллективы, объединенные не только родственными связями, но и совместной деятельностью, направленной на обеспечение жизнедеятельности в соответствии с выбранной адаптационной стратегией. В конце IV–III тыс. до н.э. в регионе известны три группы населения, отличающиеся друг от друга культурными традициями и типом хозяйства: оседлые рыболовы, полуоседлые охотники-рыболовы и охотники на северного оленя [Тупахина, Тупахин, 2016, с. 4–9]. Поскольку вторая и третья группы требуют дополнительных комплексных археологических и междисциплинарных исследований, в настоящей работе мы рассматриваем только группу оседлых рыболовов как наиболее изученную. Выгодное расположение поселения Горный Самотнел-1 в бассейне Оби, четкая стратиграфическая ситуация, обилие фактических материалов, а также целый спектр междисциплинарных исследований позволяют рассматривать его в качестве ключевой социально-экономической модели для поселений оседлых рыболовов в энеолите Западносибирского Заполярья. Усредненный возраст памятника по C^{14} , уточненный дендрохронологическим методом, составляет 3060–2920 гг. до н.э., что соответствует суббореальному климатическому периоду голоцена. Смена климатической ситуации на более прохладную и сухую и снижение объема половодий в пойме Оби позволили использовать ее для поселения. Вытянутое вдоль реки поселение занимает площадь около 6000 кв. м. По данным магнитометрии выявлено четыре объекта, интерпретируемых как жилища (№1–3, 5), и один объект (№4) как нежилая площадка, подвергавшаяся интенсивному температурному воздействию. Прямо-угольные контуры объекта №1, размером 32,7 × 21,5 м, ориентированного по оси СВ–ЮЗ, совпадают с понижением рельефа. Объекты №2 и 3 отличаются значительно меньшими размерами – 14,2 × 20,4 и 8,3 × 11,2 м (невскрытая часть), не фиксируются в рельефе, ориентированы параллельно друг другу по оси СЗ–ЮВ. Объект №5 подквадратной формы, общими размерами 18,5 × 19,6 м, ориентирован также по оси СЗ–ЮВ, но располагается во второй линии, справа от объекта №1. Все жилища на магнитометрической карте оконтурены отрицательными аномалиями, указывающими на наличие искусственной траншеи. Объект №6 не вошел в план магнитометрической съемки из-за современных металлических надгробий, делающих невозможной работу прибора. На данном участке была заложена разведочная траншея, вскрыт край котлована жилища, находки из которого аналогичны материалам объекта №3, частично

изученного раскопками. Исследованная площадь объекта №3 составляет 192 кв. м из предполагаемых 300 кв. м. Полуземлянка с котлованом 70–100 см оконтурена рвом глубиной от уровня пола более 76 см и шириной 103 см. Хорошо сохранившиеся опоры и ямы свидетельствуют о каркасно-столбовой конструкции, основным материалом для которой служила лиственница. В общих чертах планировка жилища выглядит следующим образом. Помещение поперек длины разделено перегородками на зоны, различающиеся отчетливой функциональной специализацией. Главным организующим элементом каждой зоны является очаг. Выделены производственная, бытовая и хозяйственно-бытовая зоны. Производственная зона, предназначенная для обработки камня, дерева, кости, сосредоточена в предвходовой части жилища. Слева она ограничена рвом, на краю которого находилось большое поверхностное кострище, справа – двумя углубленными в материк хозяйственными постройками размерами 2 × 2,5 и 2 × 3 м. Бытовая зона характеризуется остатками деревянных нар вдоль западной стены и перегородки, отделяющей ее от хозяйственно-бытовой зоны с севера. Очаг округлой формы, расположен в яме и оформлен деревянной конструкцией и внешней обкладкой из крупных галек. Хозяйственно-бытовая зона связана с обработкой шкур, продуктов питания, в ней сосредоточена основная часть керамики и орудий для разделки рыбы и туш животных. Очаг располагался в северо-восточной части жилища, у края рва. На дне рва зафиксировано скопление фаунистических остатков, определенных как кости оленя, лося, бобра, водоплавающих птиц, а также налима, щука и представители семейства лососевых [Номоконова и др., 2017]. По ряду признаков производственная зона жилища может быть охарактеризована как «мужская», а хозяйственно-бытовая как «женская».

Совокупный анализ данных позволяет выйти на реконструкцию социально-экономических отношений: это были крупные коллективы, проживающие под одной крышей и ведущие оседлый образ жизни. Поселок включал пять домохозяйств площадью от 300 до 700 кв. м, объединенных в общину. Допустимо предполагать, что одним из ведущих структурообразующих принципов коллективов был принцип половозрастной дифференциации. В соответствии с усредненным показателем жилой площади 5 кв. м на человека, предложенным Л.Л. Косинской [Поселение Быстрый Кульеган..., 2006, с. 65], численность жильцов одной полуземлянки могла составлять от 60 до 140 человек. Соответственно, население поселка могло достигать до 400 человек. Ведущим типом хозяйства, обусловленным ресурсами среды обитания и адаптивной стратегией, позволившей освоить бассейн крупной реки, является развитая форма сетевого рыболовства. Большое значение также имела сезонная охота на копытных, бобра, пушного зверя, водоплавающих птиц и боровую дичь. Высокого уровня развития достигли различные ремесла: гончарство, деревообработка, выделка шкур, изготовление каменных орудий.

Библиографический список

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита (по фаунистическим материалам поселения Горный Самотнел 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – №1 (36).

Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья : коллективная монография / под. ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. – Екатеринбург ; Сургут, 2006.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Хозяйство энеолитического населения Нижней Оби // Научный вестник ЯНАО. Обдорья: история, культура, современность. – 2016. – №3 (92).

Усачева И.В. Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: возможности социально-экономической реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – №3 (26).

С.В. Уваркин, Н.Е. Чалых
ООО Научно-производственное объединение «Черноземье», Липецк
ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА СОРОКИНО-1 В «ЗЕМЛЕ ВЯТИЧЕЙ»

Поселение Сорокино-1 открыто М.В. Ивашовым в 2012 г. при обследовании участка реконструкции магистрального нефтепровода «Куйбышев – Унеча – Мозырь-1» в Хотынецком районе Орловской области. Памятник расположен в верховьях р. Орлик (левый приток р. Оки). Площадь его составляет 22,8 га. Значительная часть поверхности памятника распахивается. Селище было датировано древнерусским временем [Ивашов, 2013, с. 32–34].

Работы носили спасательный характер. Раскоп размерами 260 × 23 м был ориентирован длинной стороной по створу проектируемого магистрального нефтепровода – по линии Ю–З – С–В. Мощность культурного слоя составляет в среднем 0,4 м. На материке зафиксированы борозды распашки, ориентированные в различных направлениях, что свидетельствует о многолетней интенсивной распашке культурного слоя памятника.

Из 59 исследованных объектов два можно интерпретировать как подпольные части жилых построек, 17 – как углубленные в материк ямы хозяйственных построек различного назначения, 40 – столбовые ямы. Отметим, что в засыпке одной хозяйственной ямы обнаружено погребение человека. Остатки построек группируются по четырем участкам, которые, предположительно, представляют собой остатки четырех усадебных комплексов. Следы ремонта, зафиксированные на некоторых объектах, указывают на существование как минимум двух строительных периодов.

Вокруг сооружений прослежены скопления массового материала и индивидуальных находок (163 предмета). Набор находок характерен для сельских поселений «Земли вятичей» второй половины XII – 1-й половины XIII в. Обращает на себя внимание коллекция орудий сельскохозяйственного производства, состоящая из плужного ножа, двух лемехов, двух серпов (целого и обломка), косы-горбуши. Условия их нахождения свидетельствуют о том, что некоторые из них были «спрятаны» владельцами, возможно, в момент опасности.

Среди остатков сооружений привлекает внимание подпол жилой постройки размерами 2,3 × 2,4 м, углубленный в материк на 1 м. В нем частично сохранились сильно обгоревшая деревянная обшивка стен и рухнувшее перекрытие. По типу эта постройка относится к наземным домам на холодных подклетах с косым угловым входом. Подобные сооружения, по мнению О.Н. Енуковой, возводились в основном с середины XII в. до нашествия Батыя и, возможно, указывали на особый статус их владельца [Енукова, 2007, с. 80–93]. На это же указывает и комплекс находок, обнаруженных в яме и около нее. Помимо сельскохозяйственных орудий и предметов быта (серп, сошник, найденный в тайнике, ключ, игла, дужка от цилиндрического замка, пружинные ножницы), а также женских украшений (рубчатый перстень, височные подвески, обломок браслета), значительную группу составляют предметы вооружения. У входа в постройку с внутренней и внешней сторон обнаружены пять наконечников стрел, обломки боевого топора, наконечника пики и перекрестья сабли, а также пластины панцирного доспеха.

Раскопом вскрыты остатки поселка древнерусского времени второй половины XII – 1-й половины XIII в. Во многих постройках зафиксированы следы пожара. Этот факт, а также «спрятанные» сельскохозяйственные орудия, захоронение в подпольной яме, находки предметов вооружения свидетельствуют о том, что поселение могло погибнуть во время военного столкновения в начале XIII в.

Библиографический список

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. – Курск, 2007.

Ивашов М.В. Отчет о проведении археологических исследований по трассе Магистрального нефтепровода «Куйбышев – Унеча – Мозырь» на территории Брянской, Орловской и Липецкой областей в 2012 году. – Липецк ; Ростов на/Д, 2013 // Архив ИА РАН.

С.В. Ушаков
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (IV–VI вв.)

Античный Херсонес Таврический представлен в историографии несколькими традиционными проблемами. В настоящее время археологические исследования продолжаются, и материал в фондах и архиве музея-заповедника позволяет продолжить изучение значимых периодов его истории, в том числе и позднеантичного. В западной научной традиции (начиная с А.Х.М. Джонса и Р. Брауна) рельефно представлен именно позднеантичный период истории. Подобные тенденции наблюдаются и в русскоязычной литературе (В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, Н.Н. Болгов), но конкретные археологические данные используются пока недостаточно. Однако массив накопленных вещественных источников по позднеантичному Херсонесу колоссален. Это керамический (вещевой комплекс), отражающий особенности эпохи и строительные остатки архитектурно-археологических комплексов: оборонительных стен, общественных зданий, виноделен, рыбозасолочных и водосборных цистерн, мастерских, гончарных печей, культовых памятников.

Городская архитектурно-планировочная сеть сохранилась в это время как стандартная гипподамовая система без коренных изменений [Буйских, 2008, с. 209]. В пределах второй половины V – начала/середины или конца VI в. была отремонтирована оборонительная линия [Самойленко, 2010, с. 44]. Херсонес функционировал как портовый город с верфями [Айбабин, 2010, с. 186–189]. От жилой застройки и общественных зданий сохранились фундаменты и руины отдельных стен. Театр был закрыт. В Северном районе располагалось зернохранилище, у южных ворот – общественный туалет [Буйских, 2008, с. 216–225], а в Северном районе, возможно, баня [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 366–367], в Западном районе – бассейн [Кутайсов, Труфанов, 2014].

Ремесленный комплекс. В пределах города функционировало несколько виноделен: «дом винодела» в южной части XVIII квартала [Белов, 1952, с. 226, 232–237], на Северном берегу, в III квартале [Золотарев, 2004, с. 135–138], в ХСVII квартале [Ушаков, Струкова, 2008, с. 151–157]. Рыбозасолочные комплексы с цистернами [Романчук, 1977, с. 18–26] открыты во всех районах города; две стеклоделательные мастерские – в XXV квартале [Белов, 1969] и в районе апсиды базилики 1932 г.; гончарные печи – в Портовом районе (пом. 5 «Казармы»), в III квартале, у базилики «Крузе», возле оборонительной стены в Северо-восточном районе [Зубарь, 2009, с. 240–241]; еще печи использовались для обжига черепицы и для пережигания извести [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 366]. Вероятно, изготавливалась и металлическая бижутерия [Айбабин, 2010, с. 367, 372].

Сложная этноконфессиональная ситуация отразилась не только в житийной литературе и эпиграфике, но и в разнохарактерности культовых памятников. До V в. на северном берегу действовала синагога [Золотарев и др., 2010], перестроенная в христианскую базилику I, на месте которой, вероятно, в конце VI в. была возведена еще одна базилика (II). В III квартале сакральный комплекс («подземный храм»), возможно, принадлежал митраистам (А.Н. Щеглов). Около середины VI в. [Ушаков, 2016] строится базилика «Крузе». В западной части города в пределах второй-третьей четверти VI в. возводится храм (ранняя базилика Б) [Голофаст, 2007, с. 116] и, возможно, мемориальный храм с четырьмя апсидами. В конце IV в. формируется культовый комплекс, связанный с погребением епископа Василия [Фомин, Огиенко, Шевцова, 2015, с. 131–132]. Процесс строительства новых храмов завершается в конце VI – начале VII в. [Сорочан, 2005, с. 716 и сл.]. Засыпи подвалов, возможно, связаны с перестройкой в конце V – начале VI в. для возведения Северной базилики [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 387]. Об утверждении христианства свидетельствуют также находки раннехристианской скульптуры и погребения некрополя [Фомин, 2011, с. 38–120].

Бытовая материальная культура на протяжении всего этого периода остается в целом стабильной, что является еще одним показателем культурного континуитета. В амфорной таре (вино, оливковое масло) поступала продукция разнообразных южно-причерноморских

и восточно-средиземноморских центров (Гераклея, Синопа, Колхида, Эгеида, Сирия, Палестина и др.). Краснолаковая керамика херсонесского производства [Ушаков, 2005] сменилась посудой понтийской позднеримской группы (PRS, form 1–7) [Arsen'eva, Domzalski, 2002] и фокейской сигиллятой (PRS/LRC) [Hayes, 1972, p. 329–338]. Североафриканский (ARS) (Карфаген) импорт был относительно немногочисленным. Эти же категории находок – основные хронологические реперы; они прекращают поступать в конце VI – начале VII в. За много лет изучены культурные слои городища, засыпи колодцев и цистерн, материал из которых также свидетельствует о том, что Херсонес в IV – начале VII в. [Айбабин, 2010] не просто поддерживал прочные отношения с развивающимся Понтийско-Восточносредиземноморским регионом, а в экономическом, культурном (и политическом) плане был его важной составной частью. Представленные материалы позволяют видеть в Херсонесе типичный позднеантичный город с локальными особенностями.

Библиографический список

- Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // ТГЭ: [Т.] 51: Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2010.
- Белов Г.Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. – 1952. – №2.
- Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. – 1969. – Вып. 116.
- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. – Вып. 5. – Симферополь, 2008.
- Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. – 2007. – Вып. XIII.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. – 2011. – Вып. XVII.
- Золотарев М.И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – Ч. 2.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., Оленина Е.Ф. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. – М.; Севастополь, 2013.
- Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н.э. – VI в. н.э. БИ. – 2009. – Вып. XXI.
- Кутайсов В.А., Труфанов А.А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // ИАК. – 2014. – №2.
- Романчук А.И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. – 1977. – Вып. 14.
- Самойленко В.Г. Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году // МАИЭТ. – 2010. – Вып. XVI.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1–2.
- Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика. – БИ. – 2005. – Вып. 8.
- Ушаков С.В. «Базилика Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. – М., 2016.
- Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-Восточном районе Херсонеса Таврического (III квартал) // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох: материалы Международной научной конференции. – Белгород, 2008.
- Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в Византийском Херсоне (IV–X вв.). – Харьков, 2011.
- Фомин М.В., Огиенко Е.В., Шевцова А.А. О культовом комплексе Западной базилики в средневековом Херсонесе-Херсоне // МАИАСК. – 2015. – №7.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 8. – 2002.
- Hayes J.W. Late Roman Pottery. – London, 1972.

С.М. Фазлуллин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ПОДВОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке Московского областного отделения РГО

Подводное культурное наследие (ПКН) России представлено как опустившимися под воду территориями с населенными пунктами, так и затонувшими судами. Объекты ПКН в Российской Федерации распределены неравномерно. Большая часть этих объектов приурочены к акваториям Балтийского и Черного морей, а также к крупным историческим внутренним водным путям. Строительство водохранилищ на крупных реках страны (Волга, Дон, Кама и др.) привело к затоплению больших площадей культурных ландшафтов, которые в ряде случаев при этом даже не исследовались. Современные технические возможности и востребованность исследований на акватории водохранилищ позволяют получать новые уникальные данные с затопленных ранее территорий.

Изучение объектов ПКН в Российской Федерации в постсоветский период в первую очередь обусловлено активностью некоммерческих организаций (НКО). В этом ряду наиболее заметными были работы, проводимые обществом «Память Балтики», Конфедерацией подводной деятельности России, поисковыми экспедициями Нептун-про (позже – ЭПРОН) – подводного клуба из Тольятти и проекта «Поклон кораблям Победы».

Очень информативной стала экспедиция подводных пловцов из Великого Новгорода с их коллег из Европейского университета (Санкт-Петербург) по исследованию на дне р. Волхов в районе нахождения Великого моста. Последующие экспедиции уже проводились при участии новгородских археологов. Важным достижением стала разработка методики проведения подводно-археологических исследований в условиях низких температур, ограниченной видимости и высоких скоростей течения.

Интересные данные по затопленной части Фанагории в постсоветский период были получены воронежскими археологами и водолазами. В дальнейшем эти работы полностью перешли к специалистам Института археологии РАН. За несколько последних лет в подводной части Фанагории были зафиксированы уникальные находки и сделаны высококачественные исследования. Это можно рассматривать как второе рождение отечественной подводной археологии, у истоков которой стояли выдающиеся ученые К.Э. Гриневич, Р.А. Орбели и В.Д. Блаватский. Опыт работы на Фанагории уже несколько лет перенесен на новый уникальный объект в Керченском проливе – затопленное городище Акра. Здесь работают специалисты Черноморского центра подводных исследований и Государственного Эрмитажа. Удивительные данные получают ученые Государственного Эрмитажа и при раскопках древних свайных поселений на территории Смоленской области.

Важной вехой становления подводно-археологических исследований стали морские проекты «Газпрома» на Балтике и строительство Керченского моста с сопутствующими инженерными системами. Важнейшим достижением стало то, что подводно-археологические исследования становятся уже практически рутинной частью любого крупного проекта, реализуемого во внутренних водах Российской Федерации.

ПКН как юридическое понятие в настоящее время отсутствует в российском законодательстве. Конвенция ЮНЕСКО 2001 г. о защите ПКН по ряду причин подписываться Россией в ближайшее время не будет. Есть проблемы в подходах к выделению объектов ПКН и формированию охранных зон вокруг них. Причиной этого является отсутствие механизма постановки на учет и системы мониторинга подводных объектов. Водный кодекс РФ предполагает главенство федерального законодательства

и Министерства природных ресурсов РФ в вопросах управления в прибрежной зоне морей и на внутренних водоемах, в то время как система охраны объектов Наследия организована на уровне субъектов Федерации. Это несоответствие можно преодолеть, только решив вопрос о том, какое ведомство будет брать на баланс объекты ПКН и каким образом будет осуществляться выделение охранной зоны объекта Наследия. Приведенные обстоятельства затрудняют организацию исследований и налаживание системы сохранения ПКН в Российской Федерации.

Отсутствие государственного реестра объектов ПКН не позволяет региональным управлениям по охране объектов Наследия на законных основаниях охранять объекты ПКН. Формально эти организации ничего не могут противопоставить «черным» подводным археологам, поскольку нет в законодательстве термина «подводное культурное наследие». Инициативы Ассоциации морского наследия России и Института археологии РАН по внесению соответствующих поправок в российское законодательство пока не привели к изменению ситуации. Очередные надежды в этом направлении возникли в марте 2017 г. после того, как новая инициатива по приданию ПКН юридического статуса инициирована со стороны Совета Федерации.

Однако введение в юридическое поле термина ПКН будет лишь первым шагом в череде вопросов, которые стоят перед обществом в этом направлении. В стране нет не только сложившейся школы подводных археологов или морских культурологов, но и нет даже представления комплексного решения вопросов, связанных с ПКН. До сих пор только в трех местах существуют постоянные экспозиции, посвященные ПКН. Старейшей из них является открытая в 1995 г. экспозиция в музее «Выборгский замок», посвященная Выборгскому морскому сражению. В новой экспозиции Музея города Кронштадт уже несколько лет существует выставка «Морские катастрофы», посвященная материалам, базирующимся на морских подводных находках. Эта экспозиция с 2016 г. пополнилась еще одним экспонатом – фрагментом корпуса корабля XVIII в. Интересная морская коллекция собрана в Феодосии на «Даче Стамболи», в помещении Черноморского центра подводных исследований. В эту коллекцию входят найденные у берегов Крыма разнообразные подводные находки.

Все временные или постоянные выставки, посвященные ПКН? имеют очень чувствительную точку – отсутствие профессиональной базы и технологий по консервации объектов, поднятых из-под воды. Такое положение дел приводит к тому, что часть объектов экспонирования безвозвратно утрачена. Пожалуй, самым сложным в настоящее время является консервация объектов влажной археологической древесины. И если механические свойства такой древесины все же удастся укрепить за счет использования полиэтилен-гликолей, то сохранность самой древесины очень сильно зависит от того, сумели ли реставраторы ингибировать процесс окисления серосодержащих соединений.

Сложившаяся ситуация по сохранению объектов ПКН является реальным вызовом для всей системы сохранения Наследия в Российской Федерации. Автор считает, что одним из важнейших шагов в решении проблемы должна стать своевременная подготовка специалистов, владеющих современными методами сохранения ПКН, а также поощрение создания музеев и учреждений музейного типа, в экспозициях которых нужно формировать соответствующие разделы по ПКН.

С 2012 г. на кафедре музеологии РГГУ начата работа по формированию учебных курсов, направленных на различные аспекты изучения и сохранения ПКН. К 2017 г. на кафедре подготовлено несколько аспирантов, магистров и специалистов по направлению ПКН. В 2018 г. планируется запуск магистерской программы, подготовленной кафедрой музеологии РГГУ и Музеем Мирового океана «Морское и подводное культурное наследие», в которой уже учтены решения сложных вопросов, отмеченных выше.

А.А. Файзуллин
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
**РОЛЬ НЕОРДИНАРНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ
В ОБЩЕСТВЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ**

Работа выполнена при поддержке задания №33.1389.2017,
ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части
государственного задания в сфере научной деятельности

Погребения ямной культуры Волго-Уралья с неординарным обрядом встречаются крайне редко. Именно поэтому исследование данных комплексов представляет огромный интерес в плане социологических реконструкций.

На территории Волго-Уралья известны погребения черепов в КМ Герасимовка-II 4/2, КМ Мустаево-V 8/2, КМ Николаевка-III 1/5, КМ Бережновка-29/5, КМ Самарский-II 5/2. Во II КМ Герасимовка 4/2 были погребены два черепа, обильно засыпанные охрой [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 100]. Инвентарь, предназначенный обоим черепам, представлен следующими предметами: сосуд, пять костяных рогатых булавок, пять медных обойм, подвеска из зуба лошади, медный нож, две пронизки из раковин моллюска, медное шило, костяная трубочка, кремневый скребок, кварцитовый отщеп [Моргунова, Краева, Матюшко, 2005, с. 22].

Аналогичный обряд прослежен и в КМ Мустаево-V 8/2. На дне ямы был сооружен помост, на котором находились шесть шейных позвонков, закрепленных в глине, и череп взрослого человека [Моргунова, Краева, Матюшко, 2005, с. 15]. Растрескавшаяся поверхность глины, наличие пятен охры только под черепом и под сосудом свидетельствуют о том, что могила какое-то время стояла открытой и служила местом для религиозных обрядов. В данных погребениях интерес вызывает такой инвентарь, как костяные булавки. Захороненные с ними субъекты, по мнению исследователей, каким-то образом были связаны с «религиозными» церемониями [Гей, 2002, с. 136; Моргунова, Краева, Матюшко, 2005, с. 23; Иванова, 2005, с. 120]. Аналогией постамента из глины может служить захоронение в КМ Самарский-II 5/2, обнаруженное в Зауралье. В данном погребальном комплексе кости женщины 25–40 лет покоились на «постаменте» из утрамбованной светло-желтой глины с включением мелкофракционного угля [Бахшиев, Куфтерин, Григорьев, 2014, с. 114].

В КМ Николаевка-III 1/5 в небольшой яме был найден череп мужчины 35–45 лет, а рядом с ним в могилу была помещена связка конечностей взрослого человека [Скрабовенко, 1995, с. 10].

В КМ Бережновка-29/5 захоронен череп с нижней челюстью и шейными позвонками, расположенными в правильном анатомическом порядке [Синицин, 1960, с. 146].

Обряд погребений черепов в яме под курганом можно интерпретировать как средство лишения служителей культа их сакральной силы. Но наличие долговременных открытых площадок, сооружение помоста из глины, нахождение престижного инвентаря рядом с черепами позволяют предположить и то, что данные погребения представляют собой древние культовые комплексы [Файзуллин, 2014, с. 592].

Наряду с погребениями черепов, к неординарным захоронениям можно отнести погребения с костяками, подвергшиеся расчленению: КМ Скворцовка-6/1, 7/1, КМ Тамар – Уткуль-VII 1/1, Мустаево-V 9/2, Быково-II 1/17, Водянский-2/3, 2/4, КМ Сухая Саратовка гр. III 1/4. Остановимся на описании двух таких погребений.

Погребение в КМ Скворцовка-6/1 совершено в простой, но обширной и глубокой яме. Скелет женщины в возрасте 50 лет был расчленен. Череп и части рук отделены до погребения и помещены в заполнении ямы вместе с крупными фрагментами глиняного сосуда [Моргунова и др., 2010, с. 55].

В КМ Тамар – Уткуль-VII 1/1 обнаружена глубокая могила, в которой была захоронена женщина 50–55 лет, расположенная скорченно на правом боку головой на восток. Руки

согнуты в локтях на уровне груди, их запястья соединены и неестественно деформированы. Инвентарь в погребении состоял из медного ножа, костяной булавки, медной бляшки, костяной трапециевидной подвески, кварцитового отщепы, четырех медных обоев [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 100].

Интерес также вызывают погребения в положениях «сидя» или «на животе». Погребенный в положении сидя обнаружен в КМ Грачевка-4/1. Установлено что, первоначально умерший был посажен на согнутых ногах и прислонен к южной стенке, затем завалился на живот. Ноги при этом остались на месте. Захоронения в положении на животе обнаружены в двух комплексах: Увак-2/5, Мустаево-V 1/1. В КМ Увак-2/5 умерший был положен на живот в плотно связанном виде. При этом нижние конечности, видимо, были отчленены и сложены под бедренными костями. Интересен также обряд погребения в КМ Мустаево-V 1/1. Скелет был положен по центру ямы на животе, головой на восток, лицом уткнувшись в дно ямы.

Расчлененные человеческие жертвоприношения использовались, видимо, для усиления магических способностей обычных захоронений, которые должны были содействовать связи с небом или подземным миром для преодоления враждебных сил или стихий. Можно также предположить, что погребенные, которые подверглись насильственному умерщвлению и расчленению, исполняли при жизни сакральные функции в обществе. Половозрастные данные погребений показывают, что принадлежность к сакральным обрядам не ограничивалась по половому признаку, а погребения женщин преклонного возраста, видимо, связаны с особой верой общества в их магическую силу.

Таким образом, неординарные погребальные комплексы Волго-Уралья являются важным информационным звеном в социологической интерпретации захоронений ямной культуры. Можно предположить, что погребенные под курганами индивиды каким-то образом были связаны с сакральной сферой общества или, возможно, являлись жертвами ритуальной практики.

Библиографический список

Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Григорьев Н.Н. Самарский II курганный могильник – новый некрополь ямной культуры в башкирском Зауралье // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2014. – Вып. 11.

Гей А.Н. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели // Проблемы археологии Евразии. – М., 2002.

Иванова С.В. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса, 2005.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. – Оренбург, 2010.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2005. – Вып. 7.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2014.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург, 1994.

Синицин И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1960.

Скрабовенко В.А. Отчет о раскопках могильника Николаевка III Волжского района Самарской области // Архив ИА РАН Р-119820. – М., 1995.

Файзуллин А.А. Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2014.

И.А. Файзуллин

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Работа выполнена при поддержке Задания №33.1389.2017, ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности

Особенностью большинства степных бытовых памятников эпохи поздней бронзы Евразии является отсутствие четкой стратиграфии. Единственной возможностью определения хронологической позиции поселений в настоящее время является деление керамики на группы путем использования типологического метода. Последующая синхронизация керамических материалов с погребальными памятниками, которые имеют более четкие датирующие позиции, видится наиболее корректной в вопросе внутренней хронологии поселений.

В Оренбургском Предуралье материалы поселений представлены четырьмя хронологическими горизонтами.

Первый хронологический горизонт связан с керамикой синташтинско-абашевского облика. Керамика данной группы отмечена на шести поселениях Оренбургского Предуралья: Ивановское, II Сухореченское, Токское, Родниковое, II Кузьминковское и Малоюлдашевское. Их культурная принадлежность была определена во многом по ребристому профилю небольших фрагментов керамики, чаще всего венчиков, которые во множестве вариантов представлены как в синташтинских, так и в абашевских древностях. Отметим, что многие исследователи в настоящее время синхронизируют позднеабашевские и синташтинские древности [Епимахов, 2002, с. 24; Бахшиев, 2012, с. 44–46; Евгеньев и др., 2016, с. 65–67].

В данном случае название группы во многом носит не культурологический, а характер хронологического маркера, который относит данную группу к самому началу позднего бронзового века, к которому в настоящему времени отнесена синташтинская культура [Молодин и др., 2014, с. 139].

Второй хронологический горизонт представлен двумя группами керамики: раннесрубной (Малоюлдашевское, Ивановское, II Сухореченское поселения) и раннеалакульской (Родниковское, II Кузьминковское поселения). Помимо этого на Покровском поселении при помощи технико-технологического анализа и морфологии сосудов выделена смешанная срубно-алакульская группа [Мухаметдинов, 2014, с. 197–198].

Наличие смешения двух представленных групп напрямую указывает на их единую хронологическую позицию. Синхронность раннесрубного и раннеалакульского материала отмечена в целом ряде научных работ [Алаева, 2014, с. 36–47; Файзуллин, 2014, с. 123–130]. Среди погребальных памятников с территории Оренбургского Предуралья хочется отметить Боголюбовский курганный могильник, который сочетает в себе керамику как раннесрубного (вдавление полой кости, расчески, ногтевые вдавления и т.д.), так и раннеалакульского (утолщенный венчик, аккуратность лепки и т.д.) облика [Моргунова и др., 2014, с. 80–102]. Кроме того, А.В. Епимаховым по Зауральским материалам отмечено, что петровские (раннеалакульские) и раннесрубные материалы имеют черты сходства, и в некоторых случаях представлены синкретическими комплексами. Более того, им была проведено суммирование радиоуглеродных дат, которые легли в интервале 1880–1740 гг. до н.э. (1920–1690). Данный хронологический горизонт следует сразу за синташтинско-абашевским и вероятно, сосуществует с ним в самом конце синташтинского времени.

Третий хронологический горизонт представлен тремя керамическими группами: срубной, алакульской и срубно-алакульской.

Керамика данной хронологической группы представлена практически на всех поселениях, изученных на рассматриваемой территории. Она доминирует как территориально, так и количественно, составляя большинство на всех памятниках.

Это время характеризуется на изучаемой территории активизацией срубно-алакульских контактов, а в некоторых случаях – контактами срубников с другими группами андроновского населения: федоровской и кожумбердынской. Кроме того, на Родниковом поселении отмечена черкаскульская керамика. Выделенный комплекс черкаскульской керамики, также не стратифицирован. Н.Г. Рутто предположила, что на территории от степных районов Поволжья до Северного Казахстана черкаскульские племена недолгое время сосуществовали со срубными [Рутто, 2003, с. 108–109]. Находки с Родникового поселения подтверждают эту гипотезу [Купцова, Файзуллин, 2012, с. 77–94].

Четвертый хронологический горизонт представлен небольшим количеством посуды, которая объединена в общую группу – керамики финала бронзового века. Эта керамика отмечена практически на всех известных бытовых памятниках бронзового века в регионе в очень небольшом количестве.

Таким образом, на поселениях позднего бронзового века наиболее ранними являются синташтинско-абашевские древности, следующий этап представлен раннесрубной и раннеалакульской керамикой. Третий период характеризует наиболее массовый материал на поселениях. Он представлен керамикой срубной культуры без ранних (покровских) черт, а также смешанной срубно-андроновской керамикой, представленной в разных вариантах: срубно-алакульская, срубно-федоровская, срубно-кожумбердынская. В редких случаях наблюдаются примеры несмешанных андроновских традиций. Завершают бронзовый век в регионе материалы так называемого финала бронзового века.

Библиографический список

Алаева И.П. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // КСИА. – Вып. 233. – 2014.

Бахшиев И.И. Абашевско-синташтинское межкультурное взаимодействие в лесостепной зоне восточных предгорий хребта Урал-Тау (краткий очерк) // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности : материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения». – Курган, 2012.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. – Оренбург, 2016.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск, 2002.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 10. – Оренбург, 2012.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С. Боголюбковский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. – Оренбург, 2014.

Мухаметдинов В.И. Техничко-технологический анализ керамики Покровского поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2014. – Вып. 11.

Файзуллин И.А. Керамика раннего этапа эпохи поздней бронзы по материалам бытовых памятников Западного Оренбуржья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона. – Самара, 2014.

Н.Н. Фараджева¹, О.А. Тарабардина², П.Г. Гайдуков¹

¹*Институт археологии АН РАН, Москва;*

²*Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород*

УЛИЦЫ ТРОИЦКОГО РАСКОПА

(топография, стратиграфия, хронология)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-01-00334,
«Улицы Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)»)

Мостовые трех средневековых улиц (Пробойной, Черницыной и Ярышевой), раскрытых в ходе многолетних археологических исследований на территории Людина конца (Троицкий раскоп), являются ценным источником для изучения средневековых городов Северо-Западной Руси: сложения планировочной структуры организации и эволюции уличного мощения и пр. Пробойная улица, ориентированная вдоль Волхова в южном направлении от кремля, принадлежала к числу так называемых продольных улиц; Черницына и Ярышева являлись поперечными улицами, перпендикулярными Пробойной; к ним приурочена усадебная застройка.

Археологически лучше всего изучена Черницына улица: длина ее исследованного отрезка составляет более 120 м, протяженность исследованного участка Пробойной составляет 50 м, мостовая Ярышевой улицы зафиксирована на отрезке 12 м. Поскольку Черницына и Ярышева улицы были раскрыты в виде многочисленных отрезков на площади самостоятельных раскопов первостепенная задача работы состояла в выполнении сводной ярусологии и хронологии уличных мостовых.

В результате проведенного комплексного исследования, основанного на тщательном анализе стратиграфических, планиграфических и дендрохронологических данных, выполнена ярусология мостовых каждой из улиц, а затем – сводная ярусология уличного мощения, что, в свою очередь, предоставило возможность для характеристики конструктивных и хронологических особенностей каждой из трех улиц и проведения их сравнительного анализа.

Выявлено 32 фазы уличного мощения Черницыной, 30 – Пробойной и 27 – Ярышевой улиц. Учитывая асинхронность мощения Черницыной и Пробойной улиц, локальные ремонты и более частое обновление участков Черницыной вблизи перекрестка, можно говорить о 39 разновременных горизонтах, отражающих детальную картину взаиморасположения разновременных мостовых Черницыной и Пробойной улиц, начиная с конца 30-х гг. X и до середины XV в.

Первоначальное мощение Пробойной и Черницыной улиц появляется одновременно, в 938–940 гг. и связано непосредственно с появлением в этой части города усадебной застройки. При этом Пробойная улица мостится на всем исследованном отрезке, а древнейшее мощение Черницыной осуществляется лишь на ближайших к перекрестку участках. Основываясь как на данных стратиграфии шести исследованных участков мостовой, так и на дендродатах нижних ярусов уличного мощения [Тарабардина, 2010, с. 323], удалось подтвердить высказанное ранее предположение, согласно которому восточный участок мощения Черницыной был более древним, а его продолжением на западе служила грунтовая дорога [Бассалыго, Сорокин, Хорошев, 1989, с. 66]. Судя по тому, что пахотные борозды, выявленные на уровне материка, не заходили под выбитую дорожную колею, грунтовая дорога, предшествующая Черницыной, существовала в данной части Людина конца еще до появления здесь усадебной застройки: поле функционировало до возникновения первых усадеб [Фараджева, Тарабардина, Гайдуков, 2014, с. 134–160].

Мощение западного участка Черницыной появляется лишь в 50-х гг. X в., и совпадает с продвижением усадебной застройки в западном направлении.

К этому же времени относится и самая ранняя мостовая Ярышевой улицы: стратиграфически она соответствует застройке 50-х гг. X в. Мощению Ярышевой улицы также предшествовала грунтовая дорога, однако отсутствие материкового углубления по

трассе дороги и сохранившиеся следы распашки под ней указывают на то, что Ярышева улица появилась несколько позднее Черницыной. Тем не менее мощение Ярышевой вблизи от перекрестка с Пробойной могло совпадать по времени с укладкой древнейших мостовых Черницыной и Пробойной: исследованный участок Ярышевой улицы, отстоящий от перекрестка с Пробойной более чем на 50 м, мог моститься несколько позже.

Начиная с середины X в. местоположение трасс Черницыной, Ярышевой и Пробойной улиц и общая планировка данного квартала Людина конца остаются практически неизменными на протяжении пяти столетий. В раннее время интервалы между периодами смены мостовых достаточно велики: в это время традиции уличного мощения и организация процесса обновления мостовых только складываются. В X в. периоды мощения улиц фактически совпадают, но в начале XI в. мостовые Черницыной и Ярышевой возобновляются чаще, чем Пробойной. С 1080-х гг. процесс обновления уличных настилов упорядочивается, а временные интервалы между периодами смены мостовых сокращаются. Наиболее динамично смена мостовых происходит в XII в., когда этот район Людина конца переживает свой расцвет. Динамика уличного мощения демонстрирует те же тенденции, что и застройка прилегающих усадеб. В XIII–XV вв. замена мостовых производится в среднем раз в 20 лет: увеличение срока службы мостовых происходит за счет использования особенно массивных плах.

Следует отметить выраженную асинхронность мощения продольной (Пробойной) и поперечных (Черницыной и Ярышевой) улиц Людина конца, исследованных на Троицком раскопе. Ситуация, при которой мостовые Черницыной и Пробойной возобновлялись неодновременно, с интервалами от 4 до 12 лет была достаточно постоянной. Она наиболее характерна для горизонтов XII в., а также для второй половины XIII и XIV вв. Синхронные горизонты мощения продольных и поперечных улиц связаны с важными этапами развития данного участка Людина конца: временем возникновения данного городского квартала (горизонты конца 30-х и 50-х гг. X в.); периодом упорядочивания уличного мощения (горизонты 60-х и 80-х гг. XI в.); временем возобновления застройки после крупных пожаров, в момент перепланировки начала XIII в. Единовременные мероприятия по возобновлению мощения продольной и поперечных улиц в 40-х гг. XIV в. и на протяжении первой половины XV в. также чаще всего являлись вынужденной мерой.

Сравнение времени обновления мостовых Ярышевой и Черницыной улиц также дает интересные результаты. Замена мостовых поперечных улиц производилась в разное время, хотя и с небольшими временными интервалами [Сорокин, 1995, с. 15], однако, начиная с последней четверти XIII в., они укладываются абсолютно синхронно. Можно предположить, что именно с этого времени довольно строго соблюдался порядок мощения рядовых кончанских улиц.

Таким образом, составление сводной ярусологии и хронологии мостовых Черницыной, Пробойной и Ярышевой улиц Людина конца предоставило важные сведения, касающиеся эволюции и организации уличного мощения, а также порядка формирования и развития уличной сети Людина конца в X–XV вв.

Библиографический список

Бассалыго, Сорокин А.Н., Хорошев А.С. Улицы Троицкого раскопа (топография, стратиграфия, хронология) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1989.

Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода // Архив архитектуры VI. Новгородские древности. – Вып. 2. – М., 1995.

Тарабардина О.А. О динамике строительства в Новгороде в эпоху Ярослава Мудрого // Новгород в эпоху Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010.

Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. – М. ; Вологда, 2014.

А.Н. Федорина¹, А.М. Красникова²

¹Институт археологии РАН,

²Государственный исторический музей, Москва

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ КЛАДБИЩА В ОКРУГЕ СУЗДАЛЯ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Погребальные древности северо-восточной Руси, попав в поле зрения науки в середине XIX в., стали основой не только для интерпретаций систем расселения, но и наблюдений над эволюцией духовной жизни населения Суздальской земли. Сложившееся к началу XX в. суждение о безраздельном господстве на Северо-Востоке Руси курганного обряда вплоть до середины XIII в. легло в основу представления о медленной христианизации сельского населения региона [Уваров, 1871; историографию вопроса см. Мусин, 2002, с. 33–54; Макаров, 2009, с. 106–108].

Археологические исследования XX в., проведенные в центре Владимиро-Суздальской земли, косвенно подтверждали эти стереотипы, демонстрируя позднюю унификацию погребальной обрядности, отразившуюся не только в сохранении курганного обряда [Седов, 1993], но и таких пережитков как использование огня на погребальных площадках и останках [Седова, 1997]. В первую очередь это видно на материалах масштабных раскопок курганного могильника на Михайловой стороне [Седова, 1997] и сохранившихся в ландшафте курганов у села Новоселки [Сабурова, 1981]. Долгое время существование сельских грунтовых могильников домонгольского времени обосновывалось лишь теоретически, в связи с несопоставимостью известного количества курганов и степени заселенности региона по данным поселенческой археологии. Первые документально зафиксированные грунтовые могильники в Суздальском Ополе обнаружены при раскопках на селищах Вель-5 и Шекшово-2 [Макаров и др., 2009, с. 449–451]. Важнейшим памятником для изучения погребальных традиций региона стал могильник X–XII вв. Шекшово-9, где впервые на достаточно обширной площади зафиксировано сосуществование разных вариантов курганного и бескурганного обрядов [Макаров, Зайцева, 2016].

В 2011 г. раскоп на могильнике Шекшово-2 был расширен, позднее, в 2014 г., удалось обследовать небольшой участок с погребениями на селище Кибол-3. Эти материалы позволили закрыть некоторые лакуны в изучении погребальных древностей региона.

Грунтовый могильник Кибол-3 расположен на северо-восточной оконечности конгломерата селищ Кибол-2–4, датируемых серединой I тыс. н.э. – 1 пол. II тыс. н.э. В шурфе, площадью 13,5 кв. м, заложенном в зоне распространения антропологических остатков, собранных на поверхности распаханного культурного слоя поселения, были открыты 2 почти безы Inventарных грунтовых погребения западной ориентировки. Судя по особенностям встреченных в заполнении могильных ям фрагментов лепной и круговой посуды, данный участок поселения прекратил свое существование около середины XII в.

Могильник Шекшово-2 находится на окраине одноименного поселения [Федорина, Красникова, 2015; Макаров, 2012, с. 207–209]. Два грунтовых погребения с западной ориентировкой открыты в раскопе общей площадью 119 кв. м. Заполнение могильных ям также представляет собой переработанный культурный слой поселения, отложившийся не позднее середины XII в. (преобладает лепная керамика и круговая посуда ранних типов).

Детали погребального обряда схожи: погребенные лежат на спине в вытянутом положении, руки слегка согнуты или вытянуты вдоль тела. Погребения совершены в крупных (длина 2,5–2,8 м), но неглубоких ямах (0,5–0,7 м от уровня современной поверхности). В могильнике Кибол-3 прослежены остатки дощатых гробов. Каких-либо следов погребальных конструкций в ямах могильника Шекшово-2 не зафиксировано.

Несмотря на малую вскрытую площадь могильника Кибол-3, можно говорить о весьма плотном расположении могил: свидетельство тому наличие на ограниченном участке распаханного поля переотложенных останков нескольких индивидов, а также могильные пятна, попавшие в раскоп частично и потому не вскрывавшиеся. Размеры раскопа на Шекшово-2 позволяют говорить о разреженной планировке: вероятно, открыта окраина кладбища, а его естественной северной границей стал склон оврага.

Анализируя топографию исследуемых могильников, отметим, что они расположены к востоку (Кибол-3) и северо-востоку (Шекшово-2) относительно синхронных селитбренных площадок, на окраинах поселений, в недавнем прошлом занятых жилой и хозяйственной застройкой. Близкая ситуация фиксируется для ранних грунтовых некрополей Московского региона [Чернов, 1991, с. 81–87].

Подчеркнем, что исследуемые памятники топографически не связаны с курганными могильниками X–XI вв., расположенными за пределами поселений. В Шекшово – это достоверно локализованный могильник Шекшово-9, расположенный в 150 метрах к северу, за выположенным оврагом [Макаров и др., 2013, Макаров, Зайцева 2016]. Для Кибол-3 таким могильником могли быть Селецкие курганы, раскопанные Уваровым [подробнее см. Макаров и др., 2009, с. 441, табл. 1 и 2; подробности о локализации – Карпухин, 2007].

Датировка выявленных могильников затруднена, так как сопровождающий погребения инвентарь – перстнеобразное височное кольцо (Кибол-3, погребение 2) и грибовидные пуговицы (Шекшово-2, погребение 1) – имеют широкие рамки бытования. Тем не менее позволим высказать себе ряд наблюдений. Нижняя граница совершения исследованных погребений определяется временем запустения участков поселенческих площадок. Таким образом, нижняя граница времени возникновения обоих могильников – середина – 2-я половина XII в. Верхняя граница существования могильников, по-видимому, может быть соотнесена с общей хронологией поселенческих комплексов и в обоих случаях не может быть поднята выше начала XIV в., так как в керамических и вещевых коллекциях прилегающих поселений материалы этого времени единичны.

Библиографический список

Карпухин А.А. Опыт применений ГИС для локализации курганных групп Суздальского Ополя, исследованных А.С. Уваровым // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. – Вып. 1. – М., 2007.

Макаров Н.А. Язычество и христианство // Археология Севернорусской деревни X–XIII веков. – Т. 3. – М., 2009.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпухин А.А. Курганные могильники суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь : сборник статей: к 80-летию академика В.Л. Янина. – М., 2009.

Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. – М. ; Вологда. 2012.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. – Вып. 230. – 2013.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского бескурганного обряда XI в. // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. – Вып. 6. – М., 2016.

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. – СПб., 2002.

Сабурова М.А. Раскопки курганов во Владимирской области // АО 1980 г. – М., 1981.

Седов В.В. Распространение христианства на Руси // КСИА. – Вып. 208. – 1993.

Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. – М., 1997.

Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. – Т. 2. – М., 1871.

Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое расселение в Шекшовском микро-регионе // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. – Вып. 5. – М., 2015.

Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. – М., 1991.

Н.В. Федорова
Научный центр изучения Арктики, Салехард
СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ ЕВРАЗИИ
(рубеж эр)

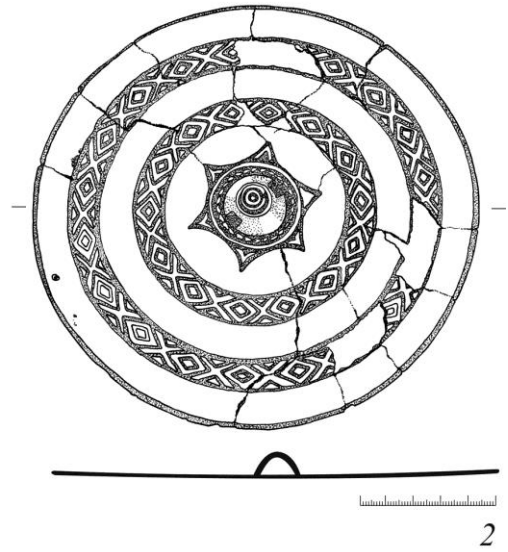
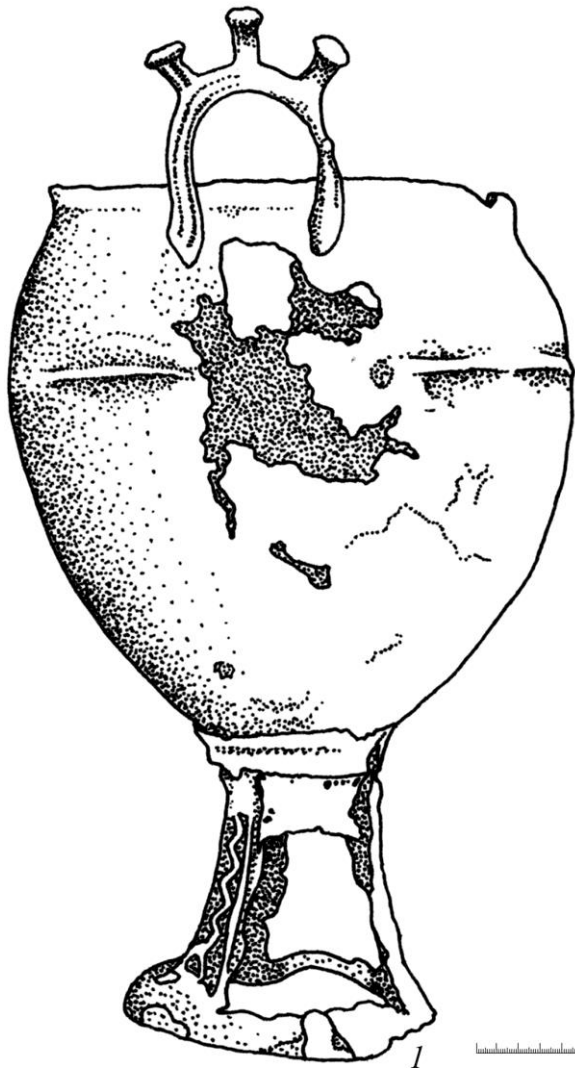
«Окраинные северные районы Евразии с их суровой природной средой и хрупким экологическим равновесием никогда не числились среди наиболее благоприятных для жизни человека областей и лежали далеко от основных центров сложения цивилизации» [Шнирельман, 1997, с. 72]. В этой цитате сконцентрировано восприятие северных культур частью археологов, историков, этнологов. Инновации трактуются с позиций инокультурных влияний или миграций более южного (читай – более развитого) населения, импортные вещи рассматриваются как показатель опять же «южных» – без расшифровки – связей. В таком подходе есть, как минимум, две ошибки: во-первых, северные регионы, особенно азиатские, рассматриваются как некое единство, причем, лежащее за пределами культурных контактов с «цивилизованными» мирами, во-вторых, те контакты и инновации, которые все же фиксируются, не рассматриваются как две стороны одного процесса.

Постановка проблемы: делается попытка обосновать особое положение культур севера Западной Сибири по сравнению с другими регионами северной Евразии на основании комплексного анализа трех новых составляющих местной культуры: инноваций в экономике, установления прочных связей с южным поясом культур, изменений в кодах культуры на рубеже эр. К сожалению, объем тезисов позволяет скорее перечислять сделанные в результате анализа выводы, чем доказывать их.

Инновации в местной культуре и экономике. Время около рубежа эр на севере Западной Сибири стало временем глобальных перемен. Меняется все: производства, транспорт, конструкции поселений, социальные отношения. Наиболее важными инновациями, которые повлияли на все остальные стороны жизни и культуры населения, становятся появление собственной металлургии железа, совершенствование бронзолитейного производства, новый вид транспорта – оленья упряжка. Последнее привело к резкому возрастанию мобильности населения и, в свою очередь, способствовало появлению новых фактов в развитии местной культуры и общества. В таежной зоне строятся городища с мощными оборонительными системами: бастионные крепости, как называют их В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин [2006, с. 70]. В низовьях Оби в составе находок из культурного слоя памятников и в изобразительном творчестве постоянно встречаются предметы вооружения, фрагменты доспехов, изображения антропоморфных фигур в шлемах и – иногда – с оружием. Впервые регистрируется появление предметов статусного искусства.

Дальние импорты. На рубеже эр в регионе появляются в достаточно массовом количестве предметы «дальнего» импорта – бронзовые котлы «скифского» типа, разнообразные стеклянные и пастовые бусы, бронзовые бляхи-зеркала, и даже фрагменты серебряных блюд. Изучение путей попадания их на север привело к выводу о нескольких «следах» достаточно далеких связей: Алтай и Минусинская котловина, или «хуннский след» (котлы и китайские зеркала) (рис.-1, 2), «сарматский след» (бронзовые зеркала с ручкой и без нее), «сакский след» (шлемы), «парфянский и кушанский следы» (серебряные медальоны с изображением погрудной фигуры мужчины, медальон с изображением богини – охотницы) (рис.-3) [Федорова, Гусев, Подосенова, 2016, с. 54–58]. Кроме самих вещей, фиксируется изготовление местных копий их, что поднимает эти контакты на совершенно другой уровень.

Коды культуры. Изучение местных культур и их сравнение с позиций рассмотрения культурных кодов привело к заключению, что в это время, наряду с сохранением древних элементов культурного кода появляется целая серия абсолютно новых символов (антропоморфные фигуры в шлемах и доспехах, хищные птицы с распахнутыми крыльями и клювом, зверь/птица, поедающие голову оленя и другие), общим знаменателем которых становится агрессивность персонажей этих кодов, будь то антропоморфные или зооморфные символы.

Горнокнязевский клад: 1 – котел; 2 – зеркало с выступом-умбоном; 3 – медальон, вырезанный из блюда или чаши (1–2 – бронза, литье; 3 – серебро, ковка, позолота)

Выводы. Проведенный анализ показывает, что, во-первых, уже к рубежу эр общество на севере Западной Сибири вступило на качественно иной уровень развития, который характеризуется рядом новых состояний местной культуры. Во-вторых, оно бесспорно находилось в тесном взаимодействии с более южным поясом культур и, возможно, даже с центрами цивилизаций в зоне Великого Шелкового пути. В-третьих, очевидно, что путь развития севера Западной Сибири в это время достаточно сильно отличается от одновременных культур из других регионов северной Евразии, не обладавших столь же благоприятными возможностями и, соответственно, запоздавшими и с освоением нового транспорта, и с установлениями взаимодействия с другими культурными мирами.

Библиографический список

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья // Археологическое наследие Югры : пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск / отв. ред. В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск, 2006.

Федорова Н.В., Гусев Ан.В., Подосенова Ю.А. Горнокнязевский клад / отв. ред. О.Н. Корочкова. – Калининград, 2016.

Шнирельман В.А. Освоение Севера: исконные земли или объект колонизации // Актуальные проблемы древне и средневековой истории Сибири / отв. ред. А.И. Боброва. – Томск, 1997.

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО АЛТАЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии») и госзадания Алтайского государственного университета, проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»

Изучению вопросов домостроительства на материалах памятников эпохи бронзы и переходного времени от бронзы к железу юга Западной Сибири посвящено немало исследований. Специалистам удалось разработать и, на материалах отдельных регионов, апробировать методику реконструкции древних сооружений. Однако материалы степного и лесостепного Алтая, несмотря на очевидную актуальность и важность данного направления исследований, до настоящего времени не стали объектом полноценного самостоятельного изучения. Между тем на сегодняшний день на этой территории полностью и частично раскопано около 60 строений указанного времени. Изучены постройки всех представленных в регионе археологических культур. Назрела необходимость анализа, систематизации и обобщения имеющихся этих материалов.

Эпохой ранней бронзы датируется восемь сооружений. В культурном отношении все они оставлены елунинским населением. Все сооружения периода – наземные однокамерные постройки подпрямоугольной, подквадратной либо подовальной форм. Присутствуют строения крупных (№1, №2 поселения Березовая Лука), средних (№3, №4 поселения Березовая Лука и, вероятно, Костенковой Избушки) и малых (Боровое-III) размеров. Основой конструкции являлся каркас из столбов. В одном случае (Березовая Лука) зафиксирован выход-коридор, выступающий за пределы котлована.

Эпоха средней бронзы представлена тремя андроновскими постройками. Эти строения относятся к типу однокамерных полуземлянок (Жарково-3 и Ляпустин Мыс) и двухкамерных наземных сооружений (Переезд). Две каркасно-столбовые конструкции имеют крупные размеры и подпрямоугольную форму котлована (Жарково-3, Переезд), третья – небольшая, подквадратной формы, возможно, срубного типа (Ляпустин Мыс). В двух случаях (Жарково-3, Ляпустин Мыс) прослежены коридорообразные входы, расположенные за границей котлованов.

В эпоху поздней бронзы культурное пространство лесостепного и степного Алтая становится более разнообразным. В западной части региона (Кулунда, Рудный Алтай) абсолютно преобладают материалы саргаринско-алексеевской культуры, присутствуют ирменские комплексы (северная и восточная Кулунда), особняком стоит «бурлинский» тип памятников (северная Кулунда) и черкаскульские материалы поселений Калиновка-II и Черная Курья-III (восточная Кулунда). В Приобье доминируют памятники ирменской культуры, широко представлены корчажкинские объекты.

Наиболее древним строением в рамках эпохи можно считать жилище №2 поселения Калиновка-II, автором раскопок (Г.Е. Ивановым) связываемое с носителями черкаскульской керамики. Последняя маркирует период, предшествующий появлению на памятнике саргаринско-алексеевской посуды. Изученное жилище – небольшое однокамерное каркасно-столбовое сооружение подпрямоугольной формы с коридорообразным выходом, выступающим за границу котлована. Отличительной особенностью этой постройки является преимущественное в каркасе использование заостренных кольев, а не столбов.

Достаточно ранней в пределах поздней бронзы представляется время существования построек поселения Бурла-3 («бурлинский» тип памятников). Происхождение памятника связывается с миграцией группы среднеазиатского населения, владевшего навыками

изготовления круговой посуды. Изученные здесь каркасно-столбовые сооружения представлены небольшими наземными строениями подквадратной формы с коридорообразными выходами, а также средними и крупными полуподземными постройками. Последние состоят из одного-двух котлованов подпрямоугольной в плане формы. Зафиксированы коридоры-переходы между камерами сооружения и коридоры-выходы. Спецификой «бурлинских» построек является плотность их расположения и наличие соединяющих опорные столбы канавок, вероятно указывающих на использование заплотной техники крепления стен к столбам каркаса.

Наиболее многочисленны в лесостепном и степном Алтае саргаринско-алексеевские постройки. В настоящее время здесь изучено 15 сооружений. Среди них преобладают строения полуземляночного типа (Жарково-3, Рублево-VI, Калиновка-II, Калиновка-IV, Суслово-1, Песьянов Мыс, Миронов Лог-2, Чекановский Лог-1) с котлованами подпрямо-угольной формы. В ряде случаев также зафиксированы выходы-коридоры за пределами котлованов (Жарково-3, Рублево-VI, Чекановский Лог-1). Строения группы преимущественно имеют каркасно-столбовую конструкцию. Исключение составляет камера №1 сооружения №1 поселения Рублево-VI, где, очевидно, использован сруб (камера №2 при этом имеет традиционный каркас из столбов). В целом постройки данной группы достаточно разнообразны, что обусловлено хронологическими и локальными особенностями конкретных памятников.

Постройки ирменской культуры представлены 8 объектами (Речкуново-3, Цыганкова Сопка, Крестьянское-9, Гусиная Ляга-1, Черемшанка-4, Фирсово-XVIII, МГК-1/3) расположенными в Приобье и Кулунде. Это наземные, полуподземные и подземные строения малых, средних и крупных размеров. Сооружения имели оформленные выходы-коридоры. Большая их часть – каркасно-столбового типа. В одном случае (Крестьянское-9), возможно, имел место сруб.

Строения корчажкинской культуры изучены исключительно в Приобье. Представлены тремя небольшими по размерам полуземлянками каркасно-столбового типа (Корчажка-I, Корчажка-V) и двумя наземными постройками (Костенкова Избушка). Конструкция последних не известна.

Сооружения переходного времени от эпохи поздней бронзы к железному веку представлены 13 постройками (Пикет, Ближние Елбаны-1, Енисейское-2, Калиновка-II). За исключением строения поселения Калиновка-II, в материалах которого преобладает донгальская керамика, все они относятся к большереченской культуре. Строения группы – однокамерные полуземлянки средних размеров с котлованами подпрямоугольной и подквадратной форм, коридорами-выходами и столбовой конструкцией каркаса (Пикет, Енисейское-2).

Обобщая представленные данные, можно констатировать, что накопленный в результате многолетних исследований массив материалов достаточно четко демонстрирует ход развития традиций домостроительства на территории степного и лесостепного Алтая в эпоху бронзы и переходное время от бронзы к железу. Более того, очевидно, следует говорить о том, что на протяжении всего исследуемого периода существовала общая условная модель сооружения, преобладавшая в представлениях о домостроительстве населения региона. Характерными чертами этой модели является полуземляночный тип строений, с одной, реже двумя, камерами прямоугольной или подквадратной формы и выходами (переходами между камерами) в виде коридоров выступающих за пределы котлованов. В качестве каркаса строений используются вертикально врытые в центральной и периферийной частях котлованов столбы. В то же время очевидна специфика воплощения данной модели, как в рамках каждой эпохи, так и отдельных археологических культур. При этом индивидуальные особенности отдельных сооружений, очевидно, определялись целевым назначением этих построек (жилое или хозяйственное, всесезонное или летнее) и доступностью строительного материала (лес или тростник).

О.А. Федорук
Алтайский государственный университет, Барнаул
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ
СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Исследование проведено за счет госзадания Алтайского государственного университета
(проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов
и методов производств древних обществ Северной Азии»)

На сегодняшний день на территории степного и лесостепного Алтая исследовано значительное количество погребальных памятников андроновской культуры (62 могильника, и более 700 погребений). В данной работе предпринята попытка классификации андроновских погребений на указанной территории.

В ходе классификации учтено 597 погребений (100%), кенотафы не рассматривались. В результате проведенного анализа и систематизации материала было выделено три обрядовых группы захоронений, разделенных на типы и подтипы. Под обрядовыми группами погребений понимается совокупность захоронений, объединенных одним или несколькими отличительными признаками погребального обряда, характерными только для данной группы [см. Ткачев, 2007; Иванова, 2001 и др.].

Выделены следующие таксономические уровни классификации: I – группа – отражает способ погребения (ингумация, кремация, биритуальное захоронение); II – тип – определяется по количеству людей в могиле; III – подтип – характеризует способ размещения тела в могиле.

I обрядовая группа – ингумации. Является самой массовой (95,3%).

I тип. Одиночная ингумация (86,2%), включает два подтипа: Подтип А. Одиночная ингумация на левом боку. К этому подтипу захоронений относится 62,9% от всех определимых случаев расположения костяка в могиле. Деревянные конструкции присутствовали в 38% погребений данного подтипа. Погребенные обычно снабжались одним, реже двумя и более сосудами. Украшения встречены в 21,8% погребений данного подтипа. Подтип Б. Одиночная ингумация на правом боку (8,6%). По основным элементам погребального обряда подобные захоронения в целом не отличались от погребений подтипа А. Украшения встречены в 30% погребений данного подтипа, внутримогильные конструкции – в 35% случаев. Однако погребения данного подтипа не сопровождалось более чем двумя сосудами. Планиграфически такие погребения не выделялись на могильном поле и не образовывали скоплений.

II тип. Парная ингумация (7,4%), включает также два подтипа:

Подтип А. Парная ингумация с расположением погребенных в одинаковых позах (5,3%). В данном случае тела умерших укладывались друг за другом, на левый или правый бок. Подтип Б. Парная ингумация с расположением погребенных в различных позах (2,1%). Фиксируется несколько вариантов размещения погребенных относительно друг друга: лицом друг к другу, спиной друг к другу, головами в противоположном направлении.

Парные ингумации имели те же признаки, что и одиночные захоронения: в некоторых присутствовали внутримогильные конструкции, украшения. Количество сосудов чаще всего соответствовало количеству умерших. В большинстве случаев парные захоронения совершались одновременно, либо одного из умерших могли подхоранивать в уже существующее погребение.

III тип. Коллективная ингумация (1,7%). В коллективных захоронениях умершие укладывались в одну линию, друг за другом, на левом боку. В одном случае, в совместном захоронении взрослого с двумя детьми взрослый был уложен на левый бок, один из детей – лицом к взрослому, другой – за его спиной, на правом боку. В нескольких случаях установить первоначальное расположение погребенных не удалось. Максимальное зафиксированное количество погребенных в одной могиле – четыре человека. По основным параметрам подобный тип погребений также не отличался от одиночных захоронений, особенностей расположения их на погребальном поле не зафиксировано.

II обрядовая группа. Кремации (4%).

IV тип. Одиночные кремации (3,4%). Все могилы, содержащие кремированные останки, имели сходные черты. Кремирование тела умершего совершалось на стороне, после чего остатки жженных костей помещались в центр могильной ямы, в юго-западной части могилы размещали сосуд (сосуды). Планиграфически данные могилы не были обособлены от основной массы захоронений, располагаясь в рядах вместе с ингумацией.

Большинство кремаций, судя по размерам могильных ям и их глубине, принадлежали взрослым. 28% кремаций содержали золотые и бронзовые украшения. В четырех погребениях было установлено по два сосуда, в одном – три, в остальных – по одному.

V тип. Парные захоронения по обряду кремации (0,6%). Во всех случаях в могильных ямах были обнаружены два скопления кальцинированных костей, напротив каждого был установлен сосуд. Кроме того, одна могила была дополнительно разделена на две части с помощью деревянной обкладки, в каждом из отсеков находились останки кремированных костей и сосудов. По размерам и глубине данные погребения соответствовали парным взрослым захоронениям. Никаких особенностей в расположении данного типа захоронений на могильном поле не зафиксировано. В данных погребениях украшений обнаружено не было.

III обрядовая группа. VI тип погребений. Биритуальные захоронения. Группа сочетает в себе сразу два параметра, по которым производилась классификация – способ обращения с телами умерших, а также количественный признак (во всех случаях это парное захоронение). К данной обрядовой группе относятся 0,7% погребений. Биритуальные захоронения, по сути, представляют разновидность парных захоронений, однако в данном случае в одну могилу помещались тело умершего и кремированные останки другого индивида. Таким образом, можно утверждать, что сочетание в одном погребении ингумации и кремации является отдельным способом захоронения. В подобных погребениях, там, где это удалось зафиксировать, один из умерших укладывался скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Кальцинированные останки второго индивида располагались напротив первого в виде небольшого скопления. Напротив каждого из погребенных устанавливался сосуд.

Выделенные обрядовые группы погребений в большем или меньшем количестве встречены практически на всех территориях распространения андроновской общности и имеют прямые аналогии не только в восточных, но и западных регионах. Следовательно, появление тех или иных обрядовых групп не может быть объяснено проявлением локальных различий в погребальной практике населения тех или иных территорий, а также влиянием местного населения, территорию которых занимали андроновские племена. Подобные или схожие виды захоронений (в частности, парные захоронения, кремации) зафиксированы в материалах «родственных» культур предшествующего, а также последующего времени [Ткачев, 2007; Рафикова, 2008 и др.]. Данные факты свидетельствуют о консервативности традиции совершения «неординарных» погребений на протяжении всей эпохи бронзы на территории Евразийских степей.

Появление различных обрядовых групп в целом может быть связано с проявлением в погребальной практике социальной дифференциации общества, выделением определенных групп населения, различавшимся по тем или иным параметрам. В то же время нельзя исключать проявление в обряде индивидуальных особенностей погребенных или иных причин (характер смерти, инкорпоранты и др.).

Библиографический список

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www/archaeology.ru/ONLINE/Ivanova/html>.

Рафикова Я.В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале : автореф. дис. ... к.и.н. – Ижевск, 2008.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе, 2007.

А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ И УКРАШЕНИЙ
НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАЛА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ
(по материалам полевых работ 2016 г.)

В полевом сезоне 2016 г. возобновлены исследования плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры (Горный Алтай). В процессе изучения слоя 11 получена представительная коллекция каменных артефактов (603 экз.), дополняемая серией орудий из кости (4 экз.) и украшений (23 экз.). Согласно данным литологии, стратиграфии, био-стратиграфии и результатам абсолютного датирования, археологические материалы из слоя 11 относятся к началу верхнего палеолита. Целью исследования выступала реконструкция технологии производства костяных орудий и персональных украшений (на основе технологического и трасологического методов).

Коллекция костяных орудий включает иглу с просверленным ушком, острие и два фрагмента игольников или рукоятей. Целая игла ($74,9 \times 2,5-0,9 \times 1,7-0,8$ мм) произведена из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего (рис.-1) путем строгания, шлифовки, двустороннего сверления для оформления ушка ($d = 1,3$ мм) и полировки. Малый диаметр ушка указывает на использование тонкой нити, толщиной 1 мм. На поверхностях иглы прослежены следы износа от длительного использования. Острие (рис.-2) узкой вытянутой формы ($49,5 \times 13 \times 6,5$ мм) изготовлено из ребра *Canis lupus* строганием. Орнаментированный предмет ($37,7 \times 14,8 \times 7,1$ мм) выполнен из кости *Capreolus pygargus* (рис.-3). Производство этого изделия включало освобождение диафиза путем кругового разрезания под углом 90° . Второй игольник ($31,7 \times 16,3 \times 4,2$ мм) из кости птицы *Tetrao urogallus* по форме, сечению и следам обработки аналогичен предыдущему артефакту.

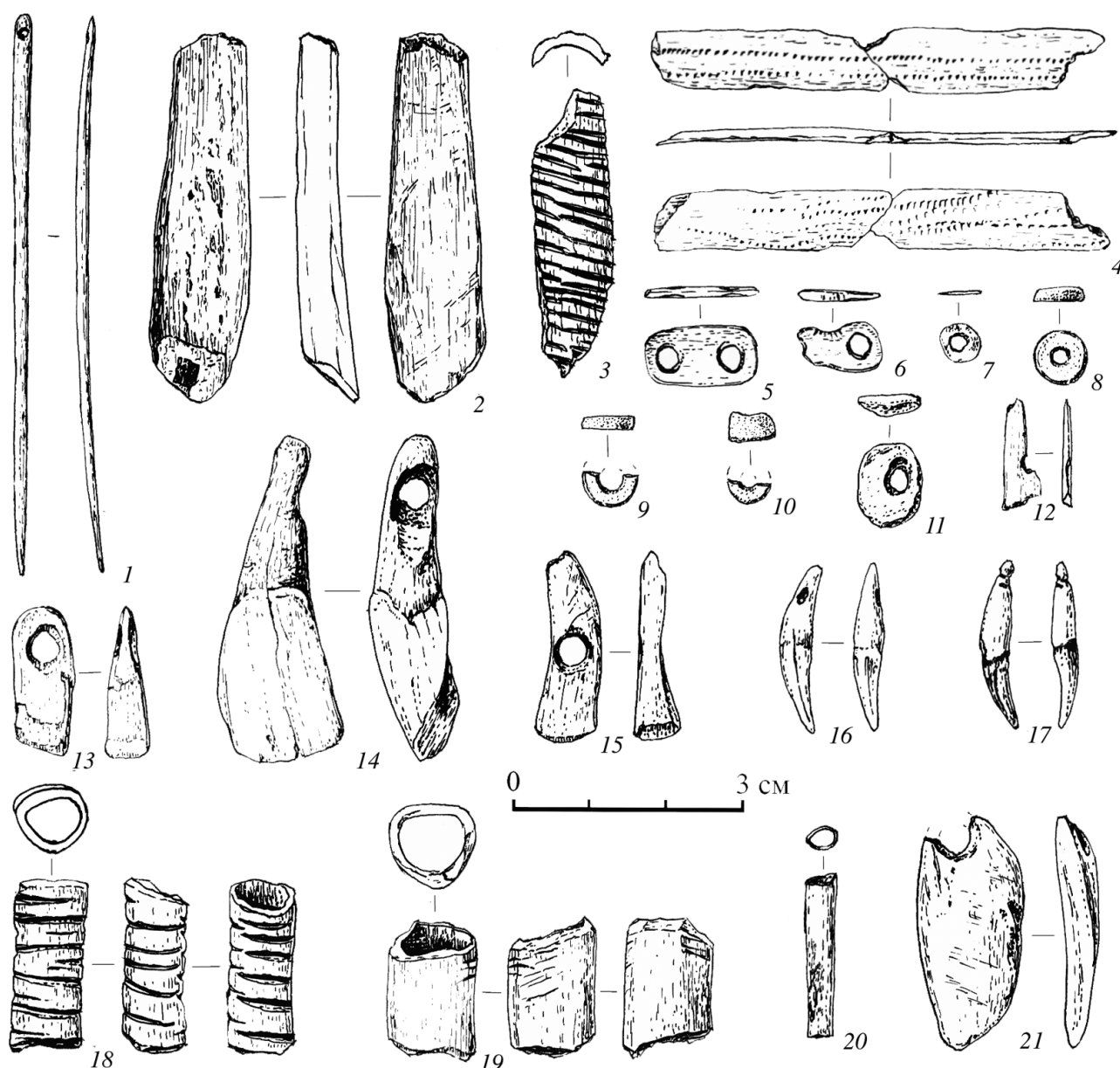
Коллекцию украшений составляют изделия из бивня мамонта (9 экз.), зубов животных (5 экз.), мягкого камня (4 экз.), кости (3 экз.), скорлупы (1 экз.) и раковины моллюска (1 экз.). Набор украшений из бивня мамонта включает подвеску шестиугольной формы ($32 \times 24,5 \times 4$ мм) (рис.-21), округлую бусину ($5,9 \times 5,8 \times 0,6$ мм) (рис.-7), две бляшки с отверстиями на противоположных краях ($15,9 \times 8 \times 1,6$ и $12 \times 6,7 \times 1,8$ мм) (рис.-5, 6) и две пластины. Одна пластина прямоугольной формы (рис.-4), орнаментированная ($61,4 \times 8,5 \times 1,6$ мм), изготовлена из удлиненного скола, снятого с бивня в продольном направлении. На начальном этапе производства этого изделия осуществлялась обработка строганием, далее – абразивная подготовка. На обеих сторонах пластины нанесен орнамент – от 2 до 6 линий из треугольных углублений. Фрагмент второй пластины из бивня ($13,5 \times 8,5 \times 2$ мм) не имеет орнамента. Изучаемые изделия могут интерпретироваться как фрагменты диадем или нашивных нагрудных пластин.

Наиболее распространенным типом украшений являются подвески из зубов млекопитающих (5 экз.) – *Bison priscus*, *Martes*, *Crocota spelaea* или *Ursus sp.* Длина подвесок: 20,5–42,1 мм; ширина: 4,8–16,8 мм; толщина: 3,5–11,4 мм. Три изделия (рис.-13–15) имеют биконические отверстия в корневой или медиальной части ($d = 4,2 / 3,6 / 3,8$ мм). Одна подвеска располагает сквозным отверстием ($d = 1,7-2,4$ мм) от двустороннего продавливания (рис.-16). Процессу перфорирования изделий предшествовали утончение и уплощение места сверления скоблением / строганием. Одна подвеска имеет следы крепления короткими кольцевыми нарезками (рис.-17). Три экземпляра представлены пронизки (рис.-18–20) из трубчатых костей птиц – *Turdus sp.* и *Lyrurus tetricus*. Длина изделий: 18,3–22,6 мм; ширина: 4,3–12 мм; толщина: 3,6–11,8 мм. Производство пронизок включало освобождение эпифизов путем глубокого кругового разрезания кости под углом $70-90^\circ$ с последующим сломом. Одна из пронизок имеет следы орнамента – короткие незамкнутые линии, прорезанные во встречном направлении инструментом с V-образным лезвием.

Устойчивую серию украшений образуют три округлые бусины из талька и пиррофиллита (рис.-9–11). Заготовками этих изделий служили сколы или небольшие гальки.

Диаметр этих изделий: 7,3–11 мм; толщина: 1,8–3 мм. Просверленные отверстия ($d = 2,9 / 3,2 / 1,9$ мм) расположены в центре или немного смещено к краю. Одна подпрямоугольная подвеска ($15 \times 4,8 \times 1,3$ мм) с мелким отверстием выполнена из антигорита (рис.-12). Другая округлая бусина ($7,1 \times 7 \times 2$ мм) с отверстием в центре произведена из скорлупы крупной птицы (рис.-8). В коллекции украшений имеется заготовка подвески ($10,8 \times 14,6 \times 4,1$ мм) из раковины пресноводного моллюска *Corbicula tibetesis*.

Производство костяных орудий и украшений у обитателей Денисовой пещеры начала верхнего палеолита опиралось на богатую сырьевую базу. Технология изготовления украшений включала нескольких этапов: подбор сырья, получение заготовки, обработка преформы строганием и скоблением, далее – шлифовка, сверление и полировка. Для производства предметов из кости, бивня и мягкого камня применялись единые способы обработки, которые являются технологическими инновациями начала верхнего палеолита региона: шлифовка, сверление, полировка. Вариабельность украшений слоя 11 Денисовой пещеры отражают разнообразие способов персональной орнаментации, указывают на существование предпочтений и традиций в использовании этих предметов.

Костяные орудия (1–3) и украшения из бивня (4–7, 21), камня (9–12), скорлупы яйца птицы (8), зубов животных (13–17) и трубчатой кости (18–20) из слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры: 1 – игла; 2–3 – игольники; 4 – фрагмент диадемы; 7–11 – бусины; 5–6 – бляшки; 12–17, 21 – подвески; 18–20 – пронизки

И.В. Федотова

Омский государственный историко-краеведческий музей, Омск
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА

ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Фонд археологии ОГИК музея состоит из материалов раскопок различных исследователей в 1870-е–2010-е гг. и случайных находок. Всего в фонде свыше 26 тыс. ед. хранения. Попытаемся выделить основные этапы и закономерности его формирования.

Первый этап: 1878–1923 гг. Первые коллекции в археологическом фонде музея появляются благодаря деятельности членов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Большая часть коллекций была получена не в Прииртышье, а в Приобье, Алтае, Минусинском округе, Казахстане. К сожалению, некоторые предметы утратили атрибуцию [Федотова, 2013, с. 209–215]. Окончание этапа можно датировать 1923 г. – отделением музея от ЗСОРГО и началом его самостоятельного существования.

Второй этап: 1926–1929 гг. Годы работы в музее археолога Варвары Павловны Левашевой. Сохранилось более 30 коллекций, полученных в ходе ее изысканий [Путинцева, 2008, с. 129–144]. Самые представительные – с памятников раннего железного века и позднего средневековья. В 1927 г. сокурсница Левашевой по 1 МГУ Е.Н. Липеровская провела первые профессиональные раскопки «Омской стоянки».

Этот период пришелся на конец «золотого десятилетия краеведения», что определило его особенности. С одной стороны, еще сохранялась поддержка краеведческого движения на государственном уровне, но оно постепенно сворачивалось, деятельность сотрудников музея подвергалась необоснованной критике [Свиридовская, 2003, с. 98–106]. Этим и объясняется, что В.П. Левашева недолго проработала в Омске.

Третий этап: 1930-е – кон. 1960-х гг. Пополнение археологического фонда шло за счет сборов краеведов, в первую очередь, Андрея Федоровича Палашенкова, бывшего директором музея с 1943 по 1957 гг. Археологические коллекции А.Ф. Палашенкова можно разделить на две большие группы:

1. «Северные коллекции», полученные в ходе экспедиций кон. 1930-х гг. на территории современной Тюменской области.

2. Коллекции 1950–1960-х гг. с территории Среднего Прииртышья – сравнительно небольшие, но ставшие базой для дальнейших археологических изысканий в этом районе.

Кроме того, активно передавали свои сборы такие краеведы, как профессор П.Л. Драверт, Э.И. Корти, С.Р. Лаптев и др. Пополнение фонда продолжалось и благодаря случайным находкам, например, в 1937 г. от колхозника Х. Баширова поступил «Мурлинский клад» – культовые бронзовые фигурки и наконечники стрел, найденные в Тарском районе Омской области [Коников, 1998, с. 87, Палашенков, 1960, с. 11].

Четвертый этап: кон. 1960-х – сер. 1970-х гг. Комплектование фонда археологии снова происходит в основном за счет экспедиций археологов-профессионалов: В.А. Могильникова, В.И. Матющенко, В.Ф. Генинга и В.Т. Петрина.

Тогда же начинается серьезная систематизация фонда, которую выполняли с 1975 г. ученые УрГУ В.Т. Петрин, Н.К. и В.И. Стефановы, Ю.П. Чемякин и позднее продолжили археологи ОмГУ В.И. Матющенко, И.Г. Глушков и А.И. Петров.

Таким образом, пополнение фонда и работа с ним осуществлялись сотрудниками сторонних организаций, а не самого музея.

Пятый этап: сер. 1970-х – нач. 1980-х гг. Время работы Александра Ивановича Петрова в музее как сотрудника (1974–1976 гг.), а также его работы по хоздоговору музея и ОмГУ (1977–1980 гг.). А.И. Петров передает в музей материалы своих раскопок

со стоянок Екатерининской-I и II, Окунево-VI, а также с поселения и могильника Хутор Бор-IV.

Шестой этап: 1980-е – сер. 1990-х гг. Вновь инициатива в пополнении фонда перешла к сотрудникам других организаций. В 1980–1990-е гг. появились коллекции из раскопок экспедиций Омского педагогического института (руководитель – Б.А. Конилов). Большинство из них представляют материалы усть-ишимской культуры развитого средневековья (IX–XIII вв.)

Седьмой этап: кон. 1990-х – до нашего времени. Отмечен многочисленными самостоятельными экспедициями ОГИК музея и совместными экспедициями с другими организациями (в первую очередь, с университетами). Несколько коллекций получено от археологов ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и ОмГПУ – Л.В. и С.Ф. Татауровых, Е.М. Данченко.

В конце 1990 – нач. 2000 гг. появились коллекции с фортификационных сооружений русских оборонительных линий Сибирского казачьего войска. В 2010 г. ОГИК музеем и Центром гуманитарных социально-экономических и политических исследований (ГЭПИЦентр-II) под руководством Ю.В. Трофимова проведены раскопки могильника саргатской культуры Красноярка-10 (VI–V вв. до н.э.). С 2013 г. археологи ОГИК музея совместно с учеными из ОмГУ им. Ф.М. Достоевского исследуют территорию Первой Омской крепости (1716–1768 гг.). К 2015 г. было обнаружено значительное количество артефактов, относящихся к периоду от основания крепости до начала XX в. [Беликова, 2015, с. 309–310].

Таким образом, формирование фонда археологии ОГИК связано с деятельностью нескольких поколений археологов и краеведов. Временами оно носило стихийный характер [Конилов, 2003, с. 9]. Но в результате в фонде отражены все исторические эпохи Среднего Прииртышья: от каменного века – позднего палеолита до нового времени. Наиболее представительны коллекции раннего железного века и средневековья.

Библиографический список

Беликова Н.В. Предварительные результаты разведочных работ на I Омской крепости // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. – Омск, 2015.

Конилов Б.А. Фонд археологии Омского государственного историко-краеведческого музея : каталог. – Омск, 2003.

Конилов Б.А. К истории формирования археологического фонда Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1998. – №6.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1960.

Путинцева И.В. Каталог археологических коллекций, собранных В.П. Левашовой во время ее деятельности в Западно-Сибирском краевом музее (1926–1929 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2008. – №14.

Свиридовская О.Н. Конец «золотого десятилетия» омского краеведения (20-е гг. XX в.) // Электронный век и музеи : материалы Международной научной конференции и заседания Сиб. фил. науч. совета ист. и краевед. музеев при М-ве культуры Рос. Федерации «Роль науч. исслед. в модернизации фондовой и экспозиц. деятельности ист.-краевед. музеев», посвящ. 125-летию Ом. ист.-краевед. музея. – Омск, 2003.

Федотова И.В. Археологическая коллекция музея ЗСОИРГО // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2013. – №18.

М.М. Федотова

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск
ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ В 20-х гг. XX в.

Большую роль в изучение Енисейской губернии внесли местные исследователи, члены Красноярского подотдела РГО, подвижники музея Приенисейского края, среди которых видные деятели сибирского краеведения: А.Я. Тугаринов, Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский, А.П. Ермолаев, В.И. Громов и др. Они проводили археологические, этнографические, статистические, природоведческие и другие исследования, вели наблюдения, осмысливали роль губернии, городов, деревень, учреждений, персоналий в развитии региона.

Одной из задач Красноярского географического общества являлась задача популяризации знаний. До 1925 г. эта деятельность не имела достаточного размера, с одной стороны, вследствие перегруженности работой членов общества, с другой – отсутствием денежных средств. Только к началу 1925 г. этому вопросу Общество стало уделять достаточное внимание. Решением этого вопроса стала организация экскурсий к месту археологических раскопок. По мнению Н.К. Ауэрбаха, «...в Азиаткой России нет другого более интересного пункта, как окрестности г. Красноярска и, в частности, Афонтова гора» [ГАКК. ф. 1380. оп. 1. д. 25. л. 12].

Одним из стимулов к работе местных археологов являлась боязнь за те места, где памятники истории материальной культуры были наиболее близко расположены к линии железной дороги, в связи с чем было принято решение приступить к организации экскурсий, чтобы силами учащихся отчасти провести работу по сохранению исторического материала.

Летом 1923 г. через Губполитпросвет началась организация экскурсий к месту работ. За весь летний период на Афонтовой горе побывало более 300 учащихся различных школ. С помощью экскурсантов был поднят пласт глубиной до 5 м.

Таким образом, Красноярское отделение Русского географического общества (далее КОРГО) в 1923 г. решило для себя две важные задачи: первая – сокращение расходов на проведение археологических работ. Всего было потрачено 30 рублей; вторая – появление среди учащихся громадного интереса, результатом которого стала организация археологического кружка при школе №2 второй ступени, переименованного в 1923 г. в кружок им. И.Т. Савенкова.

В 1924 г. экскурсии были построены по другому принципу. Для проведения работ КОРГО благодаря поддержке местных и государственных учреждений наняло рабочих. Учащиеся только посещали место раскопок, знакомясь с методами работы, и рассматривали археологический материал.

Экскурсии прежде всего проходили через археологическую выставку, учрежденную в Музее Приенисейского края, затем экскурсанты шли к месту раскопок, где с ними вели беседы, иллюстрируя их картинками и теми предметами, которые были найдены на этом месте, рисуя жизнь и быт палеолитического человека. За 1924 г. на археологических экскурсиях побывало свыше 1000 человек.

Успех экскурсионного метода обучения, сочетание научно-исследовательской работы с культурно-просветительской не раз отмечали Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский. Исследователи внедрили в раскопки экскурсионный метод, который оказался эффективным в рамках города, поэтому результаты успешного опыта решено было перенести и в деревню.

Успех экскурсионного метода были отмечен Н.К. Ауэрбахом на заседании общего собрания КОРГО 21 декабря 1924 г. Им возлагались большие надежды на дальнейшую популяризацию археологических знаний и придания им еще большего масштаба при содействии Губполитпросвета.

Библиографический список

ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 25.

Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923–1926 годы) + CD-приложение (фотоматериалы). – Красноярск, 2015.

К.Н. Фомин

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

ЗАСТРОЙКА г. ТУЛЫ XVI–XVII вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Город Тула на его современном месте появился в начале XVI в. Основная часть города и его укрепления были воздвигнуты в широкой пойме на левом берегу р. Упы, напротив впадения в последнюю реки Тулицы. Главная крепость – каменный кремль – был построен на холме, возвышавшимся на 1,5–2 м над остальной поймой реки. Внутри стен кремля практически сразу появилась плотная застройка, не примыкавшая к самим кремлевским стенам, разделенная на отдельные кварталы несколькими улицами [Фомин, 2007].

В 30–40-е гг. XVI в. к востоку от кремля строится деревянная острожная стена, под защитой которой располагались Троицкий и Никитский концы городского посада. С юго-юго западной стороны к городу подходили укрепления системы «Завитай». Параллельно им шли дороги в города Одоев и Крапивну. Стена деревянного острога, по описанию писцовых книг, имела небольшую высоту [Писцовые книги, 1877]. Острог располагался непосредственно в самой пойме реки Упы, на более низкой, чем кремль (приблизительно на 2 м) площадке. На башнях острога, как и на башнях каменного кремля, располагались пушки, только меньшего калибра. Археологические исследования выявили в этой части города сплошную квартальную застройку, сменившую более разряженную усадебную застройку начиная с 40-х гг. XVI в. Причем на территории городского посада на этих усадьбах практически отсутствуют хозяйственные и производственные постройки. Застройка усадьбы состоит практически исключительно из жилых домов. Как правило, с жилыми постройками на посаде связаны находки предметов вооружения, хотя в большинстве своем и фрагментированного.

К западу от кремля в XVI в. укреплений не существовало, в связи с чем данная территория в это время не входила в территорию Тульского посада. Не было здесь и плотной квартальной застройки. По данным писцовых книг [Писцовые книги, 1877], подтвержденным археологическими исследованиями, здесь между двумя близко расположенными заболоченными оврагами находилось 5 улиц – дорог, вдоль которых располагались усадьбы, стоявшие в один ряд вдоль улицы, вместе составлявшие Никольскую и Петровскую слободы [Фомин, 2014].

На правом берегу р. Упы в это же время возникают гончарная и позднее, в конце XVI в., – оружейная слободы. Самые ранние гончарные горны 1-й половины XVI в. были выявлены на территории к югу от кремля. Всего было найдено 3 горна, стоявшие в ряд на расстоянии около 10 м друг от друга. Они существовали на этом участке совсем недолго, до появления первой улицы (около 40-х гг. XVI в.). В середине XVII в. на этой улице, в одной из вновь формируемых усадеб также был выявлен гончарный горн. По материалам археологических исследований во всем городе в XVI–XVII вв. гончарные горны располагались непосредственно на территории усадьбы гончара. Вероятно, что в начале XVII в. гончары не все еще были экстрагированы в заречную гончарную слободу, но с конца века гончарное производство полностью аккумулировано в определенном районе заречной части города.

Несмотря на то, что оружейная слобода на протяжении XVI–XVIII вв. являлся одной из доминант в развитии города, археологически выявить ее месторасположение пока не удалось, несмотря на весьма значительный объем исследований, проведенных разных частях города. По всей видимости, все это время кузнецы продолжали существовать внутри городского посада и городских слобод, чему есть масса археологических подтверждений. Остатки металлургического и кузнечного производства периодически встречаются в раскопках во всех частях городского посада. Их усадьбы с остатка производственных сооружений найдены при проведении исследований по ул. Советской, д. 67; ул. Советская / Тургеневская д. 70/9-б; ул. Союзная, д. 9.

В Смутное время город и его укрепления сильно пострадали. Во второй половине 30-х гг. XVII в. была проведена реконструкция Тульских укреплений, которая учитывала, с одной стороны, топографическую ситуацию расположения города, а с другой – отражала новые

тенденции в фортификационном строительстве. На наиболее уязвимом участке – юго-восточном направлении – острожная стена была заменена системой укреплений «Земляной город» [Фомин, 2008]. С напольной стороны «Земляного города» располагался ров [Фомин, 2016], соединяющийся с верховьями ручья Хомутовка. По берегу р. Упы с восточной стороны кремля от Ивановской башни до устья ручья Хомутовка также была восстановлена острожная стена с башнями. Такая же стена была выстроена с западной стороны, по правому берегу ручья Ржавец [Тула. Материалы..., 1884]. Улицы, существовавшие ранее в этой части города, стали частью посада. После чего происходит переформирование уличной застройки в квартальную [Фомин, 2009].

Вдоль кремлевской стены, от Пятницкой до Спасской башни, «на рву» (по всей видимости, вдоль оврага) стояли торговые лавки. В исследованиях по ул. Металлистов, д. 1, была обнаружена мощенная жердинами часть Никольской улицы и выявлены остатки мелочной торговой лавки. Археологическими исследованиями достаточно редко удалось зафиксировать мощение улиц в городе Туле.

Во 2-й половине XVII в. быстро растет зареченская часть города. Сюда в оружейную слободу переселяются кузнецы-оружейники, стремящиеся освободиться от налогов – «посадского тягла», которое были обязаны платить все живущие на посаде. Новые кварталы зареченских слобод, к которым добавилась еще и Ямская слобода, строятся уже не вдоль берега реки, как это было ранее, а вдоль московской дороги. Примерно в середине XVII в. к Туле присоединяется Чулкова слобода, располагавшаяся на правобережье р. Упы, на левом берегу р. Тулицы.

Проведенные исследования позволили выявить закономерности и преемственность не только квартальной застройки, но и отдельных усадеб, что говорит об их владельческой преемственности. На большинстве исследованных участков удалось четко проследить последовательность строительных периодов, каждый из которых связан с перестройкой городских кварталов, происходивших регулярно, приблизительно раз в 25–30 лет. При этом в результате каждой из перестроек изменения в их общей и внутри квартальной (усадебной) планировке, как правило, были ничтожными. Площадь усадеб, как в кремле, так и на посаде, и в городских слободах составляла около 400 кв. м. Дома размещаются непосредственно по красной линии кварталов, а внутренние части усадеб соприкасались между собой внутри квартальной застройки. На задних частях усадеб зачастую находились хозяйственные постройки и конюшни. Границы кварталов, на протяжении XVI–XVII вв., хотя и испытывали определенные трансформации, связанные с очередной перестройкой, изменялись не слишком значительно.

После полной утраты Тулой функций крепости новые городские кварталы стали стремительно расти и в южном направлении. Как и в предыдущих случаях, они возникали преимущественно вдоль дорог.

Библиографический список

Писцовые книги Московского государства. XVI век / под ред. Н.В. Калачева. – СПб., 1877.

Тула : материалы для истории города XVI–XVIII столетий. – М., 1884.

Фомин К.Н. Историческая топография города Тулы XVI – начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. – Тула, 2007.

Фомин К.Н. Укрепления «Земляного города» позднесредневековой Тулы // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в г. Суздале. – Т. II. – М., 2008.

Фомин К.Н. Комплекс находок XVII – начала XIX веков, обнаруженных при исследованиях в городе Туле по ул. Советская, д. 29 // Позднесредневековый город: археология и история. – Тула, 2009.

Фомин К.Н. Сводная стратиграфия культурных напластований в историческом центре города Тулы. // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в г. Казани. – Т. III. – Казань, 2014.

Фомин К.Н. Исследования городского рва в историческом центре города Тулы // Позднесредневековый город: археология и история. – Тула, 2016.

А.В. Фрибус^{1,2}, С.П. Грушин¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул;*

²*Кемеровский государственный университет, Кемерово*

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ (проблемы хронологической и культурной интерпретации)

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного Алтайским государственным университетом, договор №14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» и при поддержке проекта №33.2597.2017/ПП (Кемеровский государственный университет)

Могильник Чумыш-Перекаат располагается на правом берегу р. Чумыш, на северо-востоке Алтайского края, на границе лесостепной и горно-таежной зон в предгорьях Салаирского кряжа. Раскопки памятника ведутся совместной экспедицией КемГУ и АлтГУ с 2014 г. по настоящее время. На сегодняшний день на территории грунтового могильника исследованы серии погребений эпохи неолита, развитой (андроновская культура) и поздней (ирменская культура) бронзы, раннего железного века, раннего средневековья. Несмотря на относительно небольшое число раскопанных погребений, памятник уже дал значительное количество репрезентативных материалов, в том числе ряд захоронений с хорошо сохранившимися фрагментами органики, а также образцы древнего искусства.

Ранние погребения образуют на Чумыше-Перекаате значительную серию: к настоящему времени к ней отнесено 11 из 27 исследованных могил. Планиграфия данного комплекса, особенности погребального обряда, аналогии в составе инвентаря и украшений позволяют сопоставить его с памятниками, исследованными в лесостепном и предгорном Алтае, Новосибирском Приобье, в Кузнецкой котловине (Тузовские бугры, Фирсово-ХІ, Новоалтайск-Развилка, Большой мыс / Иткуль, Усть-Иша, Солонцы-5, Каминная, Лебеди-ІІ, Васьковский могильник, Ордынское-1 и др.). По поводу культурно-хронологической и даже эпохальной принадлежности памятников из этого массива, как известно, не существует общепринятой точки зрения [обзор дискуссии см. напр. Марочкин, 2013, с. 84–90].

Наиболее оправданным можно считать сравнение материалов Чумыша с памятниками лесостепного и предгорного Алтая. В целом, они находят много общего, хотя фиксируются и определенные особенности. Геоморфология могильников схожа для всего региона – чаще всего памятники располагаются на высоких мысовидных террасах, в районе устьевых участков притоков более крупных водных артерий. В данном случае это терраса, образованная берегом р. Чумыш и поймой небольшой речки Мельничная. Памятник располагается над местом, где река делает петлю, а выходы коренных пород образуют живописный перекаат.

Близка планиграфия могильников. В большинстве случаев погребения образуют отдельные ряды с определенной ориентировкой и расположением на площадке террасы. На Чумыш-Перекаате погребения располагались рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ, от края вглубь террасы. Судя по анализу планиграфии, таких рядов фиксируется как минимум три. Особенностью могильника является значительное расстояние между рядами и отдельными погребениями.

Аналогична уже известным материалам структура основных признаков погребального обряда. Погребения совершались в неглубоких грунтовых ямах (контуры их не читаются на поверхности материка). В одном случае (мог. 13) удалось зафиксировать по периметру погребения остатки трех деревянных столбиков, высотой около 10 см. По всей видимости, это остатки надмогильной конструкции, сделанной из вертикально установленных шестов или веток. Это первый известный нам случай находок дерева в неолитическом погребении на юге Западной Сибири. Большинство погребений индивидуальные, в одном случае зафиксировано парное захоронение, в двух случаях дети были похоронены в непосредственной близости от взрослых. Комплекс мог. 6–8 по сути можно считать ярусным захоронением, поскольку погребения в разной степени перекрывали друг друга.

Типичное положение погребенных – вытянуто на спине. Фиксируются характерные особенности расположения рук и ног. Руки – кисти сложены в районе таза, ноги – «стянуты в коленях». Кисти рук, уложенные на таз, рассматриваются как важная деталь погребального обряда для северных предгорий Алтая [Кирюшин и др., 2000, с. 41]. Как и в большинстве могильников лесостепного Алтая, погребенные ориентированы головами на северо-восток. С учетом местного ориентира направление часто совпадает с положением «головой вверх по течению реки». Однако на Чумыше фиксируется обратная ситуация – погребенные ориентированы головой вниз по течению. Аналогичный случай известен по двум погребениям Ордынского-1, которые ориентированы головой на северо-восток, вниз по течению р. Обь [Молодин, 1977, с. 27]. Присутствуют следы вторичных захоронений: отсутствие черепов (мог. 8), череп в ногах погребенного (мог. 12), что также известно по материалам неолитических погребений Верхнего Приобья.

Характер сопроводительного инвентаря погребений Чумыша-Переката имеет ряд особенностей. К ним можно отнести его немногочисленность (обычно в погребениях присутствует 1–2 изделия из камня или кости – наконечники, долота, тесла), сопроводительные наборы индивидуальны, не образуют устойчивых сочетаний, отсутствует керамика и следы металла. Неизвестны такие широко представленные в лесостепных и предгорных памятниках категории, как каменные наконечники стрел, крупные клинковые бифасы, ножи с вогнутым лезвием, вкладышевые орудия, гарпуны и стерженьки рыболовных крючков, единичны отщепы. Украшений также немного, они обнаружены лишь в двух погребениях и представлены подвесками из зубов животных, резцом бобра, стилизованной фигуркой рыбки из перламутра и каменной подвеской с насечками, имитирующей зуб марала. В могиле 13 найдена пястно-запястная кость крупной птицы, что позволяет предполагать украшение костюма длинными маховыми перьями.

Уникальной находкой является костяной кинжал-жест, увенчанный плоскостным изображением головы лося (мог. 27). В лесостепном Алтае и памятниках предгорий находки предметов мелкой пластики неизвестны. Небольшое профильное изображение головы лося, выполненное на тонкой кости, происходит из Ордынского-1 в Новосибирском Приобье, распространены находки мелкой пластики и в Кузнецкой котловине (напр. Васьковский могильник – 4 экз.) на границе с которой находится Чумыш-Перекат. В межмогильном пространстве также обнаружен приклад, состоявший из каменных орудий и заготовок, включавший обломок рыбки-блесны прибайкальского типа.

В целом, погребения Чумыша-Переката вписываются в культуuroобразующие стандарты неолитических памятников лесостепного Алтая и сопредельных регионов, обладая при этом определенной спецификой. Кроме того, памятник дал еще одно подтверждение контактов носителей восточно- и западно-сибирской неолитических традиций в Верхнем Приобье. Этот тезис давно обсуждается в историографии [Аникович, 1969; с. 62–64; Молодин 1977, с. 25–30; Бобров, 1990, с. 19–32 и др.]. Имеющиеся на сегодняшний день две даты по C^{14} с учетом калибровки укладываются в VI тыс. до н.э. и указывают на довольно ранний возраст комплекса.

Библиографический список

- Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. – Новосибирск, 1969.
- Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.А., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул, 2000.
- Марочкин А.Г. Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970 – начала 2010-х годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – №7 (135).
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977.

Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» №17-11-22011 «Барнаульское Приобье в древности»

Для скифского времени на территории юга Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья наиболее многочисленны памятники, относящиеся к каменной культуре. Несмотря на то, что каменная культура была выделена еще в конце 1960-х гг. А.П. Уманским и В.А. Могильниковым, и это понятие достаточно прочно вошло в археологическую литературу, до сих пор ведется дискуссия о правомерности ее существования. Ряд археологов рассматривают памятники Верхнего Приобья, относящиеся к скифскому времени, в рамках большереченской культуры. При данном подходе учитываются только поселения и могильники, локализующиеся в приобской зоне, и исчезает из поля зрения значительный массив могильников скифского времени из Кулунды и западных районов Приобского плато. Поэтому достаточно актуальным на сегодняшний день является определение западных и юго-западных границ ареала распространения каменной культуры.

В ходе отнесения памятников к каменной культуре сложности связаны с тем, что в настоящее время нет четкого определения ее культуродифференцирующих признаков. Отмечается особый комплекс черт погребальной обрядности, таких как круговое расположение захоронений вокруг центрального, погребальные камеры с многослойными деревянными перекрытиями, положение умерших в могиле и т.д. Данные элементы погребального обряда встречаются также и в некрополях саргатской и прохоровской культур. Поэтому, например, наличие кругового расположения могил под курганной насыпью само по себе не может являться критерием отнесения памятников к каменной культуре. Единственными значимыми особенностями каменной культуры могут служить специфические формы и орнаментация отдельных групп сосудов. Прежде всего, это открытые банки, украшенные по краю венчика рядом ямочных вдавлений, наколов или крупного, редко поставленного жемчужника.

К настоящему времени на юге Обь-Иртышского междуречья, помимо приобской зоны, раскопана значительная серия могильников и отдельных погребений, датирующихся в пределах VI–II вв. до н.э. Из наиболее крупных некрополей следует назвать: Обьездное-1, Кирилловка-3, Аэродром, Леонтьевка, Кызылтан, Михайловский-6, Нижний Кучук-1, Ключи-3, Бугры, Локоть-4а.

Специфическая приобская каменная керамика встречена только в могильниках Кирилловка-3 и Обьездное-1 [Могильников, Телегин, 1992, рис. 5, 6, 9; Телегин, 2006, рис. 2, 3]. На всех остальных памятниках посуда представлена кувшиновидными сосудами широко распространенных форм, встречающихся у саков Казахстана, саргатцев, в гороховских и прохоровских некрополях.

Из вышеперечисленных могильников наиболее близок к «классическому» каменному погребальный обряд в некрополях Обьездное-1 и Кирилловка-3. Все остальные памятники демонстрируют серьезные отличия. Наиболее специфичны погребения в могильниках Ключи-3 и Нижний Кучук-1, где представлены одиночные подкурганые захоронения с дромосами [Телегин; 1996, с. 138–141; 1997, с. 140–142; Шамшин, Язовская, 1998, с. 153–157]. Серия одиночных погребений и платформа из бревен под насыпью одного из курганов могильника Михайловский-6, сближает этот памятник с северо-казахстанскими, гороховскими и саргатскими некрополями [Шамшин, Демин, Навротский, 1992, с. 67; Фролов, Шамшин, 1999, с. 49, рис. 3]. В могильниках Леонтьевка и Кызылтан присутствуют

многомогильные курганы с круговым расположением могил, но в них нет специфической приобской каменной керамики, зато присутствуют отдельные сосуды, близкие к саргатским [Арсланова, 1962, табл. IV.-4; Смагулов, Пересветов, Айлымбаев, 2014, рис. 2.-2, 12]. Могильники Локоть-4а и Бугры, несмотря на наличие многомогильных курганов, также демонстрируют специфические элементы погребальной обрядности – цисты, внутри которых устанавливался сруб, ряд стел около кургана №1 могильника Бугры [Тишкин, 2012, с. 509, рис. 2-9; Шульга, 2003, рис. 26, 28, 45]. Таким образом, из памятников западного региона распространения каменной культуры только два могильника, расположенных восточнее других, Обьездное-1 и Кириловка-3, имеют специфические признаки каменных некрополей Верхнего Приобья.

В этой связи очень сложно рассматривать Верхнее Приобье в качестве основной зоны формирования каменной культуры, как это делает В.А. Могильников [Могильников, 1997, с. 7–8; Шульга, 2013, с. 162, 168]. П.И. Шульга [2013, с. 168] появление каменных памятников в Кулунде (могильника Леонтьевка) предлагает рассматривать как расширение каменной культуры в IV–III вв. до н.э. в западном направлении. По всей видимости, именно Кулунда и степная зона Алтая являлись зоной формирования каменных памятников. Некрополи Кулунды и степной зоны Алтая как раз и оставлены населением, в результате продвижения которого в скифское время в Приобье изменялся культурный облик этого региона.

Библиографический список

Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша // Известия АН КазССР. Серия: История, археология и этнография. – 1962. – Вып. 2 (19).

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М., 1997.

Могильников В.А., Телегин А.Н. Кириловка-III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992.

Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлымбаев Т.К. Предварительные итоги раскопок курганов раннего железного века у п. Кызылтан // «Маргулановские чтения – 2014». – Алматы ; Павлодар, 2014.

Телегин А.Н. Шестой год раскопок курганной группы Обьездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2005 г.: археология, этнография, устная история). – Барнаул, 2006.

Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996.

Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997.

Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae*. – Krakow, 2012 (на рус. яз.)

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район. Очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999.

Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века «Михайловский-VI» на Юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. – Барнаул, 1992.

Шамшин А.Б., Язовская А.Н. Могильник раннего железного века Нижний Кучук-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003.

Шульга П.И. К характеристике каменной культуры // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. – Барнаул, 2013.

В.М. Харевич, Е.В. Акимова, А.А. Вашков, И.В. Стасюк
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА
В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА
(по материалам стоянки Бюза-II)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии
Северной и Центральной Азии»)

В 2014 г. в устье Бюзинского залива Красноярского водохранилища была открыта стоянка Бюза-II. С пологого склона южной экспозиции была собрана коллекция подъемного материала, а в береговом уступе заложен шурф, давший находки, залегающие в культурном слое. Стационарные раскопки памятника проводились в 2015–2016 гг.

В стратиграфическом разрезе стоянки вскрыто 10 геологических слоев: пере-слаивание делювиальных (слои 2–3, 5, 7, частично 9) и лессовидных отложений (слои 4, 6, 8), которые размещены на коллювиальных склоновых отложениях (слои 9–10) и перекрыты современными почвенными образованиями (слои 1–2). Археологический материал приурочен к нижней части слоя 2 и кровле слоя 3.

Строение делювиального покрова изученного района указывает на седиментацию отложений в условиях значительных изменений климата от похолоданий (формирование лессовидных супесей и морозобойных клиньев) до относительных потеплений (аккумуляция делювиальных отложений плитчатой текстуры с участием материала кор выветривания). Отсутствие в разрезе Бюза-II признаков погребенных почв позволяет судить о том, что аккумуляции делювиального покрова относятся только к сартанскому горизонту верхнего плейстоцена и современному горизонту голоцена. Культурный слой стоянки Бюза-II, связанный с делювиальными супесями, приурочен к отложениям нижнего голоцена. Об этом свидетельствуют неравномерная, возрастающая к кровле слоя гумусированность, наличие плитчатости в нижнем интервале слоя 2 и в слое 3; наличие в кровле слоя 3 прослоев суглинков и бурых глин, соответствующих началу потепления и повышенной обводненности отложений, а также наличие в нижней части слоя 3 холодолюбивой наземной малакофауны, соответствующей заключительной (норильской) стадии похолодания в позднем плейстоцене [Кинд, 1974].

Из культурного слоя получена представительная коллекция артефактов (4042 экз.). Среди нуклеусов преобладают морфологически разнообразные клиновидные формы, менее распространены торцовые микроядрища. Кроме того, найдены нуклеусы для мелких пластин и пластинок, одноплощадочный монофронтальный с широким выпуклым фронтом и одноплощадочный торцовый нуклеусы. Нуклеусы крупных форм на вскрытом участке не найдены, однако присутствие крупных пластин однозначно указывает на их наличие в системе первичного расщепления комплекса.

Основную часть орудийного набора составляют резцы (боковые, поперечный и вогнуторетушный на отщепках и пластинах), долотовидные орудия, концевые скребки на обушковом сколе и пластине, угловое острие, выемчатое орудие и струг на выбракованном нуклеусе. Остальная часть коллекции представлена отщепками, пластинками, пластинами, микропластинами, а также чешуйками, осколками, обломками и колотыми гальками.

На площади раскопа был найден один объект – выкладка из разноразмерных обломков порфира, диаметром 0,8–0,9 м, подобные блоки порфира залегают отдельной цепочкой к юго-западу от выкладки.

В подъемных материалах представлены клиновидные и пирамидальные микро-нуклеусы, крупные нуклеусы для пластин и ядрища с выпуклым широким фронтом, ориентированные на производство мелких пластин. Орудия относительно малочисленны.

Присутствуют концевые скребки на отщепах, резец на крупном пластинчатом сколе, скребла с двусторонней обработкой на широких плоских сколах.

Между коллекциями, полученными с поверхности береговой отмели и из культурного слоя, отмечается ряд общих черт. В первую очередь, это сочетание в одном комплексе крупнопластинчатых и клиновидных нуклеусов с мелкопластинчатыми ядрищами, имеющими прямые аналоги в финальнопалеолитических «индустриях мелких пластин» (Малтат, Конжул, Ближний Лог) [Акимова, 2011, с. 114–115]. Совпадают и основные типы орудийного набора. В обеих коллекциях найдены изделия, выполненные из одних и тех же галек и блоков горной породы. Все это, а также то, что в пройденном до цоколя шурфе выявлен только один культурный слой, позволяет утверждать, что как экспонированная, так и стратифицированная коллекции, принадлежат одному комплексу.

Памятники раннеголоценового времени на Енисее немногочисленны. В их число входят Бирюсинская стоянка, мезолитические слои которой характеризуются наличием таких специфических форм как топоры и тесла с перехватом [Лисицын, 2000, с. 74–75], слои 15–17 пещеры Еленева, откуда получена представительная коллекция артефактов, связанных с изготовлением и использованием микропластин [Макаров и др., 2009, с. 93–94], и пятый культурный слой стоянки Большая Слизнева, в котором отсутствуют мезолитические формы и крупные пластины [Вдовин и др., 1992, с. 31–32].

От известных на настоящий момент раннеголоценовых индустрий, расположенных в северной зоне Красноярского водохранилища, комплекс стоянки Бюза-II отличает полное отсутствие каких-либо мезолитических черт и сохранение традиции изготовления и использования крупных пластин. Все это позволяет говорить о сохранении на Енисее палеолитической традиции в раннеголоценовое время. Комплекс стоянки Бюза-II правомерно отнести к эпипалеолиту, истоки которого, видимо, следует искать в развитии индустрий кокоревской археологической культуры, характеризующихся сочетанием микронуклеусов и нуклеусов для крупных пластин, и широким распространением техники резцового скола [Абрамова, 1979, с. 167–174]. В то же время наличие мелко-пластинчатых форм сближает рассматриваемый комплекс с такими финальнопалеолитическими «индустриями мелких пластин», как Малтат, Конжул и Ближний лог.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск, 1979.
- Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ, серия: история, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 7.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Попова Н.Н. Стоянка Бюза 2 – новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище // Stratum 2016. №1 «Археология и культурная антропология». – 2016. – №1.
- Вдовин А.С., Ямских А.Ф., Ямских Г.Ю., Оводов Н.Д. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнева // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. Путеводитель Международного симпозиума. – Красноярск, 1992.
- Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М., 1974.
- Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Труды ИИМК РАН. – Т. II. – СПб., 2000.
- Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – Многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. – Красноярск, 2009.

А.В. Харинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск
ГОРОДИЩА-СВЯТИЛИЩА В СТРУКТУРЕ САКРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

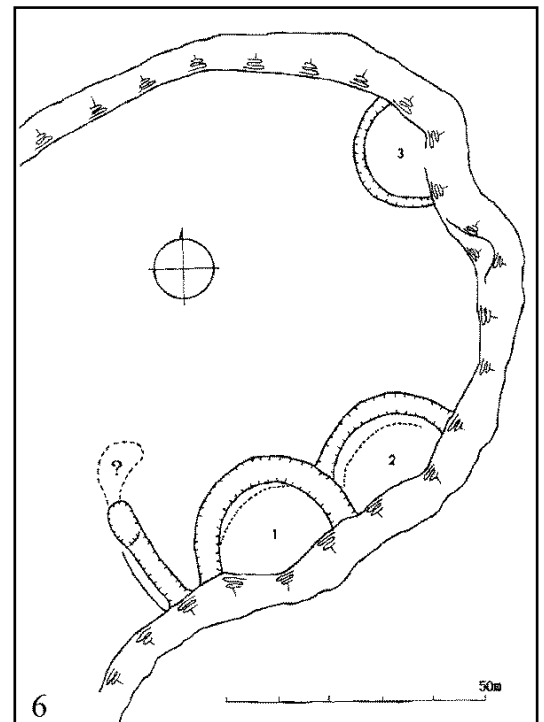
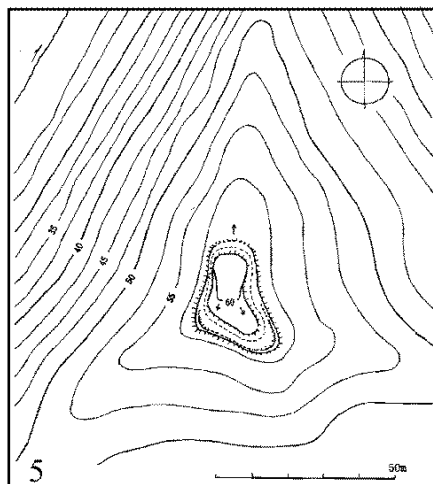
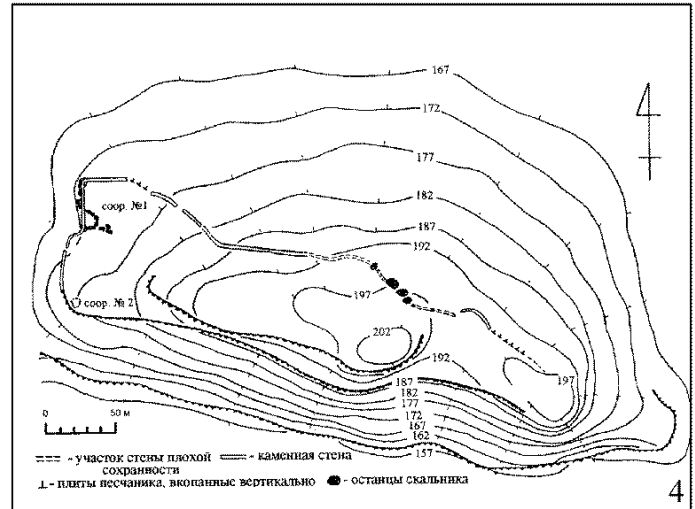
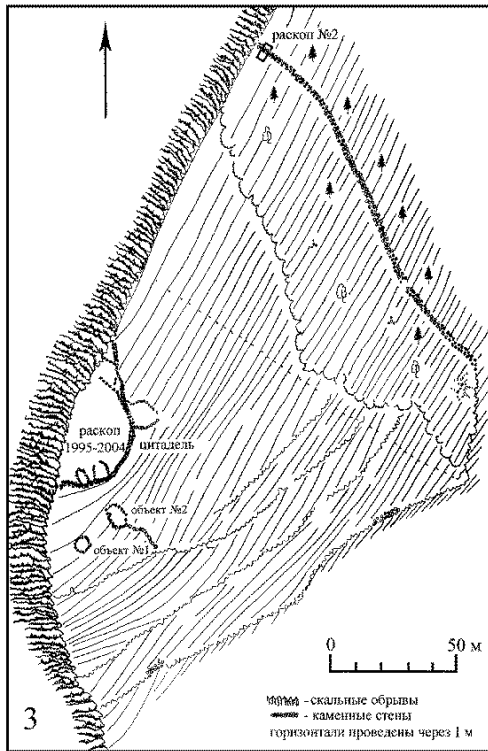
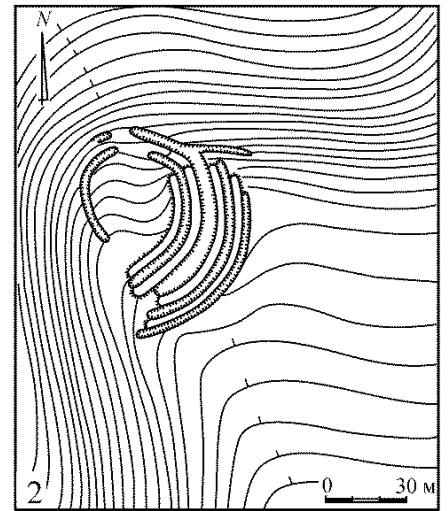
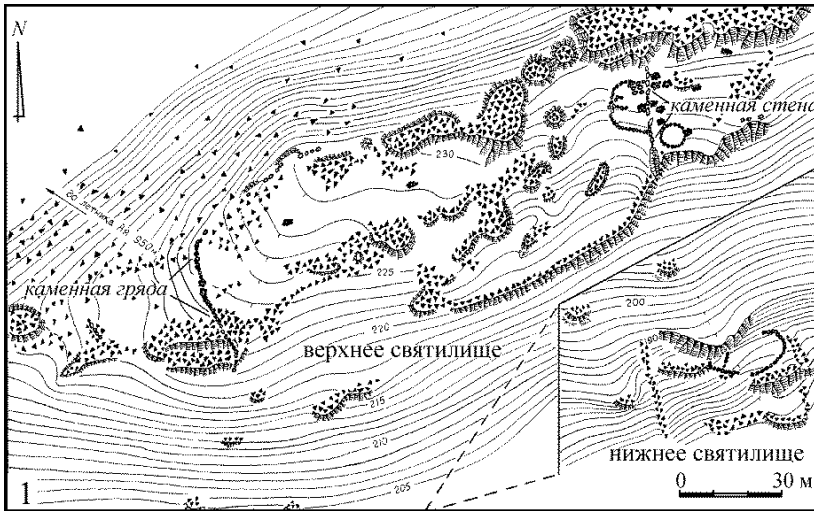
Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01018
«Северное побережье Байкала в эпоху раннего металла»)

В Предбайкалье к настоящему времени известно 91 городище-святилище (рис.-1, 2). Эти археологические объекты располагаются на возвышенных участках местности. С наиболее доступных направлений они огорожены фортификационными сооружениями (валы, рвы, стены, каменные гряды). Ни на одном из прибайкальских городищ-святилищ не зафиксированы следы жилищ. Археологический материал, обнаруженный на большинстве из них, очень малочислен. Это свидетельствует о кратковременном пребывании людей на их территории. Отсутствие воды, продуваемость ветрами и крутизна склона делали эти участки местности не удобными для проживания. С другой стороны, доминирующее положение над окружающим пространством позволяет сопоставлять площадку городища с сакральной территорией, где, по представлениям древних обитателей Предбайкалья, могли проживать божества-заступники или был возможен контакт с ними. Стараясь защититься от всевозможного «вредоносного» влияния, сакральную площадку огораживали фортификационными сооружениями, зачастую имевшими лишь символическое значение. Преобразовывая естественные природные объекты, люди придавали им вид, соответствующий их представлениям о сакральной территории, на которой возможно взаимодействие с божествами-покровителями.

Одним из районов, где наблюдается высокая концентрация городищ-святилищ, является северо-западное побережье озера Байкал. К настоящему времени здесь зафиксировано 6 подобных памятников. Наиболее древним из них является Байкальское-3. Оно датируется 2-й половиной III – 3-й четвертью II тыс. до н.э. Городище-святилище Байкальское-1 имело два этапа существования. Первый из них охватывал период с конца II по I тыс. до н.э., второй – VI–IX вв. н.э. Время сооружения городищ-святилищ Байкальское-2, Байкальское-4 и Байкальское-5 относится к концу I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. Берла-1 предварительно датируется 1-й половиной II тыс. н.э.

Близки с прибайкальскими городищами-святилищами по конструкции и, вероятно, функциональному назначению археологические объекты, известные в Минусинской котловине под именем *све*. Сейчас в Минусинской котловине известно около 45 све, на 10 из которых проводились раскопки (рис.-3, 4). Стены большинства све имели небольшую высоту и не были предназначены для обороны. Кроме этого, на всех све отсутствуют постоянные источники воды. К настоящему времени одним из наиболее изученных является све Чебаки. Большую часть находок, обнаруженных на нем, составляют кости животных, изделия из камня и остатки керамических сосудов. Как и целый ряд других све, Чебаки были сооружены в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) и продолжали использоваться в более позднее время. Материалы раскопок не позволяют интерпретировать эти сооружения как жилые комплексы.

У айну, проживавших на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах, также существовали традиции почитать возвышенности, доминировавшие над окружающей местностью. Как правило, на них располагались окруженные фортификационными сооружениями святилища, именуемые *чаши* (chashi). Их внешний вид зависел от формы сакральной площадки и фортификационных сооружений, ограждающих ее. К настоящему времени на Хоккайдо известно более 520 чаши (рис.-5, 6). Во время раскопок на некоторых из них обнаружены артефакты, относящиеся к периоду эпи-дзёмон, охотской культуре и исторической культуре айну. До сих пор айну относятся к чаши, как к сакральным территориям. На них проводят ритуалы, во время которых представители местных общин обращаются за помощью к божествам-покровителям.

Городища-святилища Предбайкалья: 1 – Ая-6; 2 – Хархир-Желга; Све Минусинской котловины [Готлиб, Подольский, 2008]: 3 – Чебаки; 4 – Чалпан; Чаша Хоккайдо [Murata Shuzo, 1994]: 5 – Ноккамапучаши; 6 – Пэсачаши

А.М. Хаценович
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ГЕНЕЗИС КОМПЛЕКСОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-06-00591а
«Селенгинский коридор»: палеоклиматические и петрологические условия функционирования
миграционного пути в восточной части Центральной Азии в среднем – верхнем палеолите»)

Термин «начальный этап верхнего палеолита» используется применительно к тем ассамбляжам, которые демонстрируют переходные черты от среднего палеолита к верхнему. Впервые этот этап был выделен на материалах ассамбляжа памятника Бокер-Тахтит, горизонт 4 [Marks, Ferring, 1988]. Антропологический вид носителей этих индустрий остается неясным по сей день [Hublin, 2012]. Круг таких индустрий был выявлен на обширной территории – в Центральной Европе, Леванте, Горном Алтае, Восточном Казахстане, Монголии и Северном Китае. В Восточной Европе и Леванте, как правило, он характеризуется получением пластин в рамках леваллуазской технологии и верхнепалеолитическим орудийным ассамбляжем [Kuhn, Zwyns, 2014], в Центральной Азии – технологией производства пластин в рамках подпризматического бипродольного расщепления и незначительным леваллуазским компонентом. Верхнепалеолитический орудийный набор обладает устойчивым набором маркирующих типов для каждого региона.

Генезис индустрий начального этапа верхнего палеолита и их связи с предшествующими комплексами начального этапа верхнего палеолита в Азии являются дискуссионной проблемой как в антропологическом смысле – какой таксон мог носителем данных индустрий, так и в археологическом – можем ли мы зафиксировать архаичные и переходные черты в комплексах НВП, позволяющие говорить об эволюции среднепалеолитической каменной технологии. Для Центральной Европы фиксируется сосуществование популяций-носителей среднего и начального верхнего палеолита на протяжении 10 тыс. лет [Bolus, Conard, 2001], которое объясняется с трех позиций: присутствием одного вида человека в регионе, многовидовым составом населения и мозаичной моделью [подробнее см. Longo, Condemi, 2012]. То есть, весьма вероятно, что синхронные памятники шатель-перрона и начального верхнего палеолита указывают на присутствие в регионе неандертальца и человека современного анатомического типа одновременно [Longo et al., 2012]. Для Центральной Азии, где находки антропологических остатков единичны, нельзя аргументированно говорить о сосуществовании разных таксонов на одной территории. Однако полученные недавно археологические данные фиксируют, что в Северной Монголии могло иметь место сосуществование как минимум двух различных человеческих популяций в период 45–43 тыс. л.н. Здесь, в долине р. Толбор, правого притока р. Селенга в ее среднем течении, расположена концентрация памятников, слои которых вмещают культурные комплексы от начального этапа до финальной стадии верхнего палеолита: Толбор-4, Толбор-16, Толбор-21. В соседней долине р. Харганын-Гол обнаружен памятник Харганын-Гол-5, в стратиграфической последовательности которого нижние слои вмещали средний палеолит, подстилая слой с комплексом начального этапа верхнего палеолита. Для средне-палеолитических горизонтов 7 и 6 памятника Харганын-Гол-5 характерно сочетание производства крупных пластин и леваллуазской техники получения отщепов и острий с черепаховидных и комбинированных нуклеусов, а также орудийный набор без верхнепалеолитических маркирующих типов. В целом, данный комплекс может быть отнесен к кругу среднепалеолитических индустрий, представленных на территории Монголии в долине р. Орхон и Гобийском Алтае, и, прежде всего, он близок комплексу терминального среднего палеолита горизонта 3 Орхон-1. Последний характеризуется леваллуазским комбинированным и черепаховидным расщеплением, в сочетании с подпризматическим

и плоскостным принципами получения пластин, в том числе, с торцовых нуклеусов [Деревянко и др., 2010]. Для памятников долин р. Орхон и Харганын-Гол характерным является пролонгирование среднепалеолитических технологических традиций на начальном этапе верхнего палеолита. В частности, комбинированное леваллуа, в сочетании с черепаховидным, широко представлено в комплексах, определяемых как переход или начальный этап верхнего палеолита: слои 3-2.5 Чихэн-2, слой 3 грота Чихэн-Агуй, горизонт 5 Харганын-Гол-5, и, в сочетании с острейным, в горизонте 3 Мойлтын ам [Деревянко и др., 2010; Деревянко и др., 2015]. В целом, можно заключить, что на этих памятниках начальный этап верхнего палеолита развивался на местной основе, а леваллуазская техника не претерпевала изменений. На памятнике Толбор-4 в Северной Монголии комплекс начального верхнего палеолита, залегающий в самых нижних слоях стратиграфической последовательности, также демонстрирует незначительное присутствие леваллуазского компонента. Он характеризуется ядрищами с ретушированным ребром для получения острий и комбинированными нуклеусами и продуктами их расщепления. Индустрия в целом представлена подпризматическими ядрищами для производства крупных остроконечных пластин бипродольным способом, подпризматическими ядрищами для получения пластин однонаправленным параллельным способом, нуклеусами-резцами и торцовыми ядрищами для пластинок. Будучи синхронными, комплекс терминального среднего палеолита памятника Харганын-Гол-5 и комплекс пластинчатого начального верхнего палеолита долины Толбора, при наличии сходных компонентов в виде комбинированного леваллуа, демонстрируют мало общего. Комплекс памятника Толбор-4 находит ближайшие аналогии в комплексах Горного Алтая и Леванта, тогда как терминальный средний палеолит и начальный верхний палеолит памятников Орхонской долины и Харганын-Гол-5 указывают на генезис верхнепалеолитических традиций на местной основе, с пролонгированным использованием архаичного компонента в виде комбинированного и черепаховидного леваллуа. Радиоуглеродные даты, полученные для всех комплексов, указывают, что в период, как минимум, 45–43 тыс. л.н. на территории, где проживали носители среднепалеолитического культурного набора, появились популяции пластинчатого начального верхнего палеолита и, в конечном итоге, вытеснили местное население.

Библиографический список

- Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск, 2010.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Д. Ранний этап верхнего палеолита Гобийского Алтая (по материалам стоянки Чихэн-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – №3 (43).
- Bolus M., Conard N. The late Middle Paleolithic and earliest Upper Paleolithic in Central Europe and their relevance for the Out of Africa hypothesis // Quaternary International. – 2001. – Vol. 75.
- Hublin J.-J. The earliest modern human colonization of Europe // Proceedings National Academy of Science. – 2012. – Vol. 109 (34).
- Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the Initial Upper Paleolithic // Quaternary International. – 2014. – Vol. 347.
- Longo L., Boaretta E., Caramelli D., Giunti P., Lari M., Milani L., Mannino M.A., Sala B., Hohenstein U.T., Condemi S. Did Neandertals and anatomically modern humans coexist in northern Italy during the late MIS 3? // Quaternary International. – 2012. – Vol. 259.
- Longo L., Condemi S. Middle to Upper Paleolithic biological and cultural shift in Eurasia // Quaternary International. – 2012. – Vol. 259.
- Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant // Hoffecker J.E., Wolf C.A. (Eds.), The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East. – British Archaeological Reports International Series. – 1988. – Vol. 437.

М.А. Холкина

ООО «НИЦ Актуальная археология», Санкт-Петербург

КЕРАМИКА ТИПА УСКЕЛА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В конце неолита в регионе Восточной Балтики типичная гребенчато-ямочная керамика (Ка-II) постепенно сменяется целым рядом групп и типов пористой и асбестовой керамики. Из этого массива материала следует выделять группу сосудов, которые в соответствии с описаниями А. Европеуса-Эуряпя, можно атрибутировать как тип Ускела (Ка-III:1). Цель исследования – характеристика керамики типа Ускела в коллекциях памятников Карельского перешейка в контексте культурно-исторических процессов рубежа неолита и эпохи раннего металла (2-я половина IV – начало III тыс. до н.э.).

Тип Ускела первоначально выделен и описан А. Европеусом-Эуряпя на материалах западной Финляндии – от Ньюланда до южной Остроботнии. Ареал распространения такой керамики оказался затем намного шире – вплоть до Карельского перешейка и Западной Карелии. Основными чертами этого типа является пористая структура черепка (следы «выгорания» примеси известняка, дробленой раковины, жженой кости), гладкая поверхность, орнамент из горизонтальных рядов разреженных ямок с оставлением значительного пустого пространства [Аугараа, 1930, р. 183]. Керамика типа Ускела в восточной части Финского залива в разное время была зафиксирована на памятниках Гвардейское-1, Кайяла Вянтси и Мюллюкангас, Каменка-1, Камышевка-1, Каннельярви-1, Куркиёки-52 Калмистомяки Куупала, Нёкёпельто, Новоселки-5, Озерное-3, Питкяйярви, Роккала Мутала, Силино, Саккийярви, Совинлахти, Хаурюмяки, Холмогорское-2.

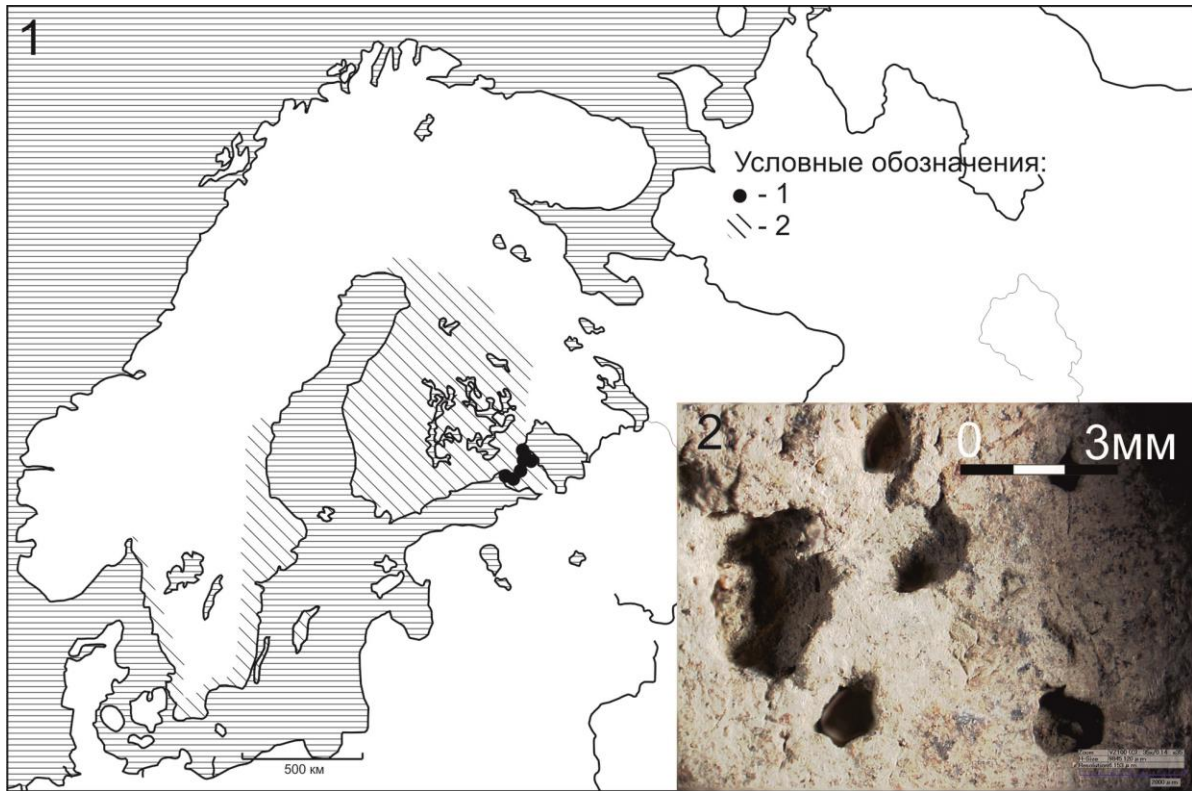
Все рассмотренные фрагменты керамики типа Ускела имеют особую пористую структуру, оставшуюся после «выгорания» неизвестного вещества. Поры имеют аморфные подокруглые очертания, их размеры 1–3 мм. Ни заполнения пор, ни какой-либо четкой структуры (например, трубчатой – как для кальцинированных костей [Бобринский, 1978, с. 105]), могущих указать на конкретный тип добавки, визуальное и под микроскопом выявлено не было. Похожие следы, создающие равномерно «пористую» структуру черепка описаны для керамики с территории Швеции и Западной Финляндии. В данном случае такие следы интерпретируются как примесь известняка (кальцита) или пережженной кости [Аугараа, 1930, р. 183], «различить которые не всегда возможно» [Larsson, 2009, р. 199].

Во всех случаях обнажения стыков структурных элементов можно говорить о том, что рассматриваемые сосуды вылеплены в ленточной технике со значительной степенью деформации лент при их соединении. Эта керамика имеет преимущественно гладкую практически заполированную поверхность без видимых следов обработки. Венчики, как правило, скошены внутрь, иногда имеют небольшое утолщение с внутренней стороны. Могут быть орнаментированы гребенчатым штампом, ямками, отпечатками полого стержня («трубки») или не иметь орнамента. Орнаментация тулова представлена, преимущественно, ямочным декором. Помимо конических ямок встречаются фигурные («8-образных») очертаний или угловатые оттиски торцом инструмента), мелкие округлые ямочки, отпечатками полого стержня («трубки»). Оттиски гребенчатого штампа, как правило, широкие и короткие, могут образовывать различные узоры – ромбы, зигзаг, «флажковый орнамент». Основной орнаментальный мотив – горизонтальный ряд ямок.

Похожая структура черепка, как и ассоциируемая с ней примесь известняка или кости, не характерна ни для самой восточной части Финского залива, ни для сопредельных ей с юго-и северо-востока территорий. Кроме того, регион восточной части Финского залива является самой восточной периферией распространения керамики типа Ускела. В то же время исследователи неоднократно указывали на сходство керамики типа Ускела и восточно-шведской ямочной керамики [Vikkula, 1981, 68]. Однако четких следов проникновения в регион Финского залива населения с территории Швеции – нет [Vikkula, 1984, 58].

Исследователями нередко отмечались общие тенденции в изменении керамической традиции (распространение органических примесей, уменьшение доли орнаментированного

пространства, поверхность орнаментации) у керамики Восточной Балтики и, например, волосовской керамики Поволжья на востоке [Vikkula, 1984, 58]. В то же время керамика типа Ускела может рассматриваться как своего рода иное направление развития. И хотя в восточной части Финского залива такая керамика бытовала, вероятно, непродолжительное время и на довольно ограниченной территории. Ее дальнейшее изучение представляет несомненный интерес для реконструкции культурно-исторических процессов эпохи раннего металла в Восточной Балтике.

Керамика типа Ускела в восточной части Финского залива: 1 – регион распространения (обозначения: 1 – памятники с керамикой типа Ускела в восточной части Финского залива; 2 – пористая керамика с ямочной орнаментацией в Финляндии и Швеции); 2 – микрофотографии структуры фрагмента керамики; 3–6 – фрагменты с памятника Озерное-3

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М, 1978.
 Europaeus-Äyräpää A. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. – Helsinki, 1930. – №1.
 Larsson Å.M. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. – Uppsala, 2009.
 Vikkula A. Vantaan Maarinkunnas-Stenkulla. Tutkimuksia Uskela-keramiikan alalta. Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste n:o 27. – Helsinki, 1981.
 Vikkula A. Pyheensilta ceramics – facts and theories // Iskos, №4. – Helsinki, 1984.

О.А. Хомякова

Институт археологии РАН, Москва

К ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
(по данным самбийско-натангийской/доллькайм-коврово культуры)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01273

«Контакты и взаимодействия населения Юго-Восточной Прибалтики

в эпохи Римских влияний и Великого переселения народов (по данным археологии)»)

Рассматривается пространственная и ландшафтная характеристика памятников самбийско-натангийской культуры (или культуры Доллькайм-Коврово) 1-й половины I тыс. н.э., как одна из составляющих в изучении системы расселения. Самбийско-натангийская культура является центральной среди культур «западнобалтского круга» эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Памятники расположены на территории современной Калининградской области РФ. В ландшафтном отношении культура занимает Самбийское моренное плато, Прегольскую озерно-ледниковую и частично Полесскую моренную равнины [Hollack, 1908, Karte 1; Jaskanis, 1977, p. 349, map 1–2; Хомякова, 2014, с. 425–426; 2016, 75–76].

Используется моделирование археологической ситуации, как в ареале культуры в целом, так и ключевых микрорегионах методами ГИС [Хомякова, Успенский, 2017]. Применяется синхронный подход к изучению памятников. Учтены верифицированные сведения об объектах в пределах всей культуры. Анализ ближайшего соседства и плотности объектов осуществлен с использованием данных грунтовых могильников: 111 объектов – могильников для фазы I (раннеримского времени, последней четверти I в. – середины II в., фазы B2 и центральноевропейской хронологии [см. Godłowski, 1970]); 211 памятников фаз II–III (начала и «развитого периода позднеимского времени», середины II в. – 2-й половины III в., фаз B2/C1-C1a и C1b-C2); 214 – для фаз III–IV (финала позднеимского времени и начала эпохи Великого переселения народов, конца III в. – начала V в., фаз C2 и D). Анализ буферных зон осуществлен с привлечением 84 могильников для фазы I, и 164 объектов для фаз II–IV [Хомякова, 2012, с. 255–257]. Проанализировано 60 неукрепленных поселений, расположенных преимущественно в восточной части ареала самбийско-натангийской культуры. Поселения имеют широкую дату – в пределах 1-й половины I тыс. н.э., или I тыс. н.э. в целом. При анализе поселенческих объектов учитывались только неукрепленные поселения, так как наиболее ранние даты укрепленных поселений-городищ, в целом, соотносятся с периодом не ранее VII/VIII вв. н.э. [Khomiakova, 2016, p. 61–62].

Данные пространственного анализа позволяют рассматривать самбийско-натангийскую культуру как общность, развивавшуюся от «ядра» (расположенного на Калининградском п-ве) к периферии (долины р. Преголя, побережья Вислинского залива), освоенность отдельных территорий которой была связана с природными и ландшафтными особенностями. Анализ расположения памятников говорит о высокой степени освоения территории и большой концентрации населения на Калининградском п-ве в римский период. Формирование археологической культуры началось с появлением концентраций памятников в прибрежных зонах Калининградского п-ва в конце I – начале II в. н.э.: у современного пос. Янтарный, в междуречьях р. Мотыль и Забава, Медвежья и Куровка. Группы памятников совпадают с основными местами броса янтаря на побережье Балтийского моря и выходами янтареносной «голубой земли». В III–IV вв. происходит разрастание этих скоплений памятников вглубь полуострова вплоть до водораздельных территорий Самбийской возвышенности. Мало освоенной остается лишь низменная слабо дренированная древнеаллювиальная равнина на юге Калининградского п-ва, связанная с приустьевой частью древней долины Преголи, существовавшей до литориновой трансгрессии.

В начале существования культуры началось и заселение территорий к югу от р. Преголя (побережья Вислинского залива, устья и бассейнов р. Прохладная и Мамоновка).

Группы памятников в данной части ареала менее концентрированные. Данные группы памятников соотносятся с торговыми путями, ведущими в направлении Эльблонгской возвышенности и дельты р. Висла (ареал вельбаркской культуры), связанными с «янтарной» торговлей. В позднеримский период памятники здесь распространяются до самой границы с ареалом вельбаркской культуры.

В начале эпохи римских влияний новые памятники появляются в восточной части ареала культуры Доллькайм-Коврово. Они локализируются, главным образом, в долине р. Преголя на Инстручской конечно-моренной гряде, а также в северной части Полесской моренной равнины, и в течении р. Деймы. Памятники локализируются вдоль главной транспортной артерии региона – р. Преголя, ее основных притоков и рукава Дейма (в древности самостоятельной р. Лаба). Расположение и концентрация памятников связаны с природными особенностями. Могильники римского периода локализируются на присклоновой части долины р. Преголя. Поселенческие объекты локализируются на небольшом (до 500 м) удалении от могильников и приурочены к прилеженным к берегу р. Преголи ступеням, переходящим в дно долины. Болотистые пойменные и прибрежные территории в эпоху римских влияний, вероятно, не были освоены. Самбийско-натангийской культуре принадлежит часть памятников так называемой инстер-прегельской группы, расположенных в районе слияния притоков Преголи, где они образуют небольшое скопление. Минимальные характеристики плотности показывают памятники (могильники), расположенные у основания Виштынецкой возвышенности – в долинах притоков Преголи Анграппы и Лавы, и у основания Вармийской возвышенности, на границе с вельбаркской культурой. В позднеримский период их количество уваливается, но они не образуют каких-либо скоплений. Могильники имеют иные ландшафтные характеристики, чем объекты самбийско-натангийской культуры, которые могут быть связаны с межкультурными пространствами и системой коммуникаций внутри западнобалтского круга.

Библиографический список

Хомякова О.А. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : конференция / ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. – Тула ; М., 2012.

Хомякова О.А. Памятники пограничья культур «западнобалтского круга» в эпоху римских влияний: исследования в долине реки Преголя // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2 / отв. ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. – Казань, 2014.

Хомякова О.А. Западнобалтская культура I тыс. н.э.: подходы к определению археологической общности и смена концепций // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника : материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2016.

Хомякова О.А., Успенский П.С. Разработка геоинформационной системы «Памятники эпохи римских влияний Калининградской области» и некоторые результаты анализа расположения могильников и поселений первых веков н.э. [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. – Вып. 8 / ред. Д.С. Коробов. – М., 2017. Режим доступа: CD ROM, свободный.

Khomiakova O. The Landscape and spatial analysis of Roman Period archaeological sites at the Eastern border of Dollkeim-Kovrovo / Sambian-Natangianculture // *Archaeologia Baltica*. – 2016. – №23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/ab.v23i0.1297>

Hollack E. Erläuterung zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. – Glogau; Berlin, 1908.

Jaskanis J. Cmentarzyska Kultury zachodniobaltyjskiej z okresurzymskiego // *Materiały Starożytnej Wczesnośredniowiecznej*: Warszawa, 1977. – Bd. IV.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. – Kraków, 1970.

Р.Х. Храмченкова^{1,2}, Е.Ф. Шайхутдинова^{1,2,3}, Д.Г. Мухаметшин¹,
А.И. Бугарчев¹, А.Г. Ситдинов^{1,2}, П.Н. Петров¹, Е.А. Федорова^{1,3}

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,

²Казанский (Приволжский) Федеральный университет,

³Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ, Казань

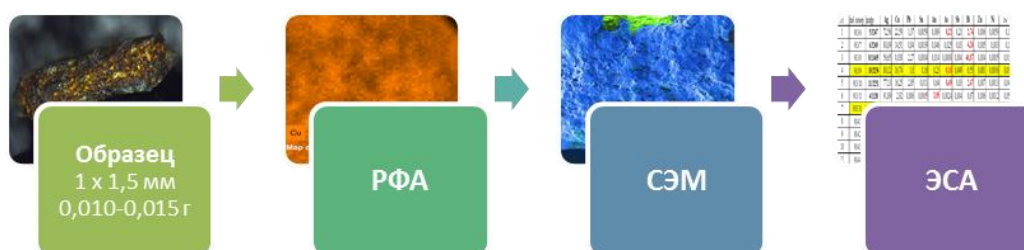
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОНЕТ ДИНАСТИИ ДЖУЧИДОВ ГОРОДОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект №16-11-16015
«Исследование нумизматического материала государства Джучидов с применением
интердисциплинарных методов археотехнологий и археологического материаловедения»)

В научном обороте восточной нумизматики известны сотни тысяч серебряных монет государства Джучидов (Золотой Орды) XIII–XV вв. Для изучения динамики развития экономики и ремесленных традиций на данной территории в обозначенный период большое значение имеет реконструкция технологии производства монет. Технология изготовления денежного серебряного материала представляет большой интерес и с точки зрения соответствия весовых характеристик монет их химическому составу. Комплексный подход, предлагаемый авторами данной статьи с применением интердисциплинарных методов изучения археотехнологий и археологических материалов, обеспечивает всю полноту исследований и позволяет создать картину изменения монетного материала на объективных аналитических данных.

Исходную выборку составили 40 предметов: 39 серебряных монет и одна монетовидная подвеска. Весь монетный материал найден на территории Болгарского городища (кроме 6 монет и одной монетовидной подвески из Бурундуковского клада) [Shaykhutdinova, 2016] в результате археологических раскопок. В качестве анализируемого материала были отобраны фрагменты малых размеров (не более 2 кв. мм) с участков монет, не содержащих важную морфологическую или нумизматическую информацию. Метод изучения изломов монет зарекомендовал себя в исследованиях [Khramchenkova, 2015; Храмченкова, 2015]. Разработанная технология пробоотбора позволяет оценить не только химический состав, но и основные структурные закономерности, характерные для той или иной технологии изготовления заготовок и чекана монет.

В проведенном исследовании удалось развить результативность разработанной методики [Khramchenkova, 2015; Храмченкова, 2015] путем последовательно-параллельного изучения массового монетного материала (рис.). Массовое изучение нумизматического материала сопряжено с рядом трудностей. Основопологающим в данном случае является нахождение золотой середины между стоимостью проводимых исследований и качеством результатов, которые позволяют адекватно оценить картину структурных изменений. Исходя из этого, первым аналитическим методом для всех монет была выбрана рентгеновская флуоресценция (РФА). Отобранные типичные структурно-технологические представители были изучены анализа методом сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) для более подробного описания внутренней структуры. Уточнение микроэлементного состава проводилось эмиссионно-спектральным методом (ЭСА).

Последовательно-параллельное изучение массового монетного материала

Исследование микроснимков и картограмм распределения, полученных с помощью РФА, показало, что большинство монет XIII–XV вв. имеют в основном сильно деформированную структуру и следы травления. Монеты из Бурундуковского клада имеют покрытие из золота. Распределение сплавов по трем основным легирующим элементам по данным ЭСА – Cu, Pb и Au показало, что 36 монет пересекаются по химическому составу. Из общей закономерности выпадают монеты только 4 монеты. Результаты химического состава (ЭСА) позволяют провести идентификацию монет с полустертymi или спорным чеканом.

По структуре монеты можно разделить на 2 основные группы:

1 группа монет с сильно деформированной структурой с слабо- или сильно-выраженным наклепом внутреннего слоя, который свидетельствует о приложении такой нагрузки, в результате которой слои металла в центре уплотнились настолько, что произошло переупрочнение, перекристаллизация. В результате действия трения между слоями происходил диффузионный процесс. Движение слоев металла происходило через центр монеты вдоль продольной оси. Внешние слои вытравлены.

2 группа. Монеты многослойной структуры. Внешние слои сильно вытравлены. Внутренний слой в результате резкого удара при чекане остался литым за исключением центрального слоя, в котором произошли сильные деформации. Вторая гипотеза состоит в том, что в процессе травления с нагревом произошла рекристаллизация структуры. Структурные слои с крупными равноосными кристаллами чередуются с переупрочненными слоями. Исключение составила одна монета, распределение химического состава элементов которой свидетельствует о том, что в качестве заготовки использовали многократно раскатанный лист или лента металла.

Изучение формы и состояния поверхности монет позволило выявить несколько групп предполагаемых технологий изготовления. Подавляющее количество монет изготовлено из проволоки прямым ударом молота, что может свидетельствовать о вероятной спешке, в которой они изготавливались, а это, в свою очередь, может говорить о высокой мобильности монетных дворов. Такие монеты имеют вытянутую овальную форму со следами неаккуратной отрезки, зачастую их толщина радикально варьирует по размерам, а в некоторых образцах зафиксировано наличие дыр. В данную группу входят монеты 19 монет из 40.

Более аккуратными по форме выглядят монеты, изготовленные из предварительно уплощенной проволоки. В эту группу входит 12 монет. О другой технологии изготовления свидетельствуют монеты, изготовленные из пластинчатого сырья. Вполне вероятно, что в качестве исходной заготовки также использовалась проволока, но в данном случае имело место целенаправленной подготовки пластины с равномерной толщиной. В эту группу входит 6 монет. Для двух монет и одной монетной подвески в качестве исходной заготовки использовался металлическая болванка с правильной окружной формой.

В целом РФА, несмотря на ограниченность разрешения снимков при мелкодисперсной кристаллизации металлов, является результативным методом исследования массового монетного материала. Выводы РФА нашли свое подтверждение также СЭМ и ЭСА.

Библиографический список

Khramchenkova R., Begovatov E., Shaykhutdinova E., Safina I., Sitdikov A., Zinnatullin A. Research of 10th century silver coins from Semenovskoe settlement (Volga Bulgaria). – Benevento, Italy. – October 21–23, 2015.

Shaykhutdinova E., Khramchenkova R., Mukhametshin J., Bugarchev A., Sitdikov A. Investigation of Numismatic Material from the Juchid State (the Golden Horde) of the 13th century (based on the materials of Burundukovsky hoard, Tatarstan, Russia). Proceedings of IMEKO International Conference on Metrology for Archaeology and Cultural Heritage (MetroArchaeo 2016). October 19–21, 2016. – Torino, Italy.

Храмченкова Р.Х., Беговатов Е.А., Шайхутдинова Е.Ф., Ситдииков А.Г. Предварительные результаты археометрических исследований серебряных монет 10 века Волжской Болгарии // Поволжская археология. – 2015. – №3 (13).

И.Ю. Хрусталева
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВЫХ НАХОДОК
С ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА СЕРТЕЯ-XIV

Поселение Сертея-XIV (Велижский р-н Смоленской обл., Россия) было открыто А.Н. Мазуркевичем в 1989 г. и раскапывалось им и М.Э. Полковниковой в рамках работ Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа до 2003 г. включительно [Мазуркевич, 1992, 1993, 1994, 1995, 1998, 1999, 2000, 2001, 2003, 2012; Полковникова, 1998]. Всего было раскопано 580 кв. м. Памятник располагался на восточном берегу Нивниковской озерной котловины. Культурный слой памятника распространен по трем древним террасам, две из которых погребены. Заселение различных участков поселения было последовательным и разновременным и приурочено к изменениям уровня воды в озере и формам древних озерных террас [см. напр., Мазуркевич, 1992, 2012].

Стратиграфия памятника выглядит следующим образом: дерновый слой, мощностью в среднем 0,10 м, перекрывал слой оторфованной почвы, мощностью от 0,12 до 0,25 м, затем следовала прослойка песка мощностью 0,08–0,14 м, ниже которой залегал слой светло-желтой супеси мощностью от 0,04 до 0,30 м (в нем иногда встречались линзы светло-серой супеси мощностью до 0,10 м) и желтый пылеватый песок – материк [Мазуркевич и др., 2003]. Мощность слоев нарастала в юго-западном и юго-восточном направлениях, т.е. вниз по склону террас, материком для культурного слоя служили камовые пески доголоценового времени. Залегающие выше супеси и пески являются отложениями потоков, которые образовались в периоды спуска воды из озер, располагавшихся гипсометрически выше. Именно с этими потоковыми отложениями связаны все археологические находки [Полковникова, 2003].

Это долговременное поселение с остатками построек, очагов и кострищ, и ям разного назначения. Здесь было выделено четыре сменявших друг друга «строительных горизонта» с разной планиграфией объектов на каждом из них (в слое оторфованной почвы, в слое песка, в слое серо-желтой супеси и на материковом слое), датируемых временем от мезолита до финала неолита (ок. IX – перв. пол. II тыс. кал. лет до н.э.), с различной структурой [Полковникова, 2003], хотя внутри каждого такого горизонта можно также выделить разновременные объекты.

Всего на памятнике было зафиксировано более 35 тыс. находок – фрагменты глиняных сосудов, кальцинированные кости, каменные предметы, причем порядка 80% (ок. 28 тыс. находок) приходится на последние. 99% каменных находок представлены кремневыми предметами.

Во время раскопок на поселении велась фиксация всех находок в трехмерной системе координат, кроме верхних отделов слоя почвы (здесь их собирали по квадратам), поскольку верхние слои памятника были нарушены хозяйственной деятельностью в более позднее время, и подробная фиксация каждой находки здесь не имела смысла, по мнению исследователей. Трехмерная фиксация дает большие возможности для проведения анализа пространственного распределения находок и объектов на археологическом памятнике [Мазуркевич, 1994а].

Целью представленной работы является анализ планиграфического распределения кремневого инвентаря на площади поселения на разных этапах его существования и попытка выявить особенности залегания тех или иных категорий кремневых находок, соотнести их с объектами поселения, по возможности разделить на разновременные комплексы.

Все кремневые находки с поселения были проанализированы и разделены на категории: отщепы, пластины, технические сколы, осколки, желваки, нуклеусы, орудия, чешуйки. Было установлено, что самой массовой категорией находок являются отщепы – более 50% (см. диаграмма). Среди орудий выделены скребки, наконечники, острия, режущие и рубящие орудия; орудия на сколах, отщепах и пластинах.

Поскольку культурные слои памятника не имеют четкой стратификации, здесь нет стерильных прослоек между разновременными объектами, а находки стратиграфически залегают практически единым массивом, то невозможно напрямую соотнести кремневые

находки с тем или иным «строительным горизонтом». Поэтому их планиграфический анализ проводится по литологическим слоям, и в дальнейшем накладывается на планиграфию поселенческих объектов, зафиксированных в этих слоях.

Планиграфический анализ позволил увидеть области концентрации или отсутствия кремневых находок как в общей массе, так и отдельных категорий изделий, что в свою очередь дает возможность предполагать наличие зон расщепления кремня или иной специфической хозяйственной деятельности на площади поселения.

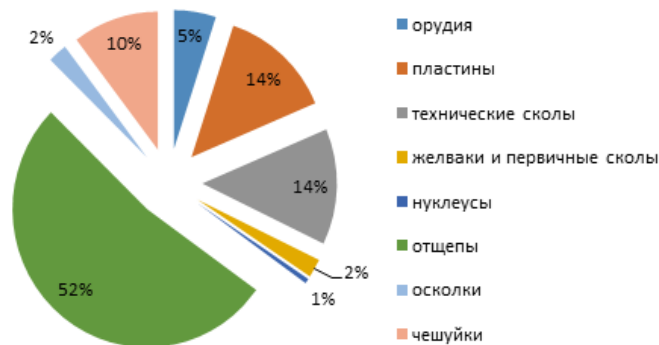

Диаграмма. Соотношение кремневых находок с поселения Сертея-XIV (предварительные данные)

Библиографический список

- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1991 году. – СПб., 1992.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1992 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №17502. – СПб., 1993.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1993 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. – СПб., 1994.
- Мазуркевич А.Н. Опыт создания программы анализа распределения находок в культурном слое // Древности лесной зоны Восточной Европы. – СПб., 1994а.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1994 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №19890. – СПб., 1995.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1997 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №21201.– СПб., 1998.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1998 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. №24298. – СПб., 1999.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 1999 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №23391. – СПб., 2000.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 2000 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №24298. – СПб., 2001.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 2002 году. НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Кн. 45. №33863. – СПб., 2003.
- Мазуркевич А.Н. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции в 2003 году. – СПб., 2012.
- Мазуркевич А.Н., Короткевич Б.С., Полковникова М.Э., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Саблин М.В., Савельева Л.А. Исследования древностей Верхнего Подвинья Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Г.Э. Отчетная археологическая сессия за 2002 год. – СПб., 2003.
- Полковникова М.Э. О месте памятников Сертея XII и Сертея XIV в неолите Ловатско-Двинского междуречья // Поселения. Среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции– СПб., 1998.
- Полковникова М.Э. Планиграфическая и «культурная» структура раннеолитического поселения Сертея XIV // Древности Подвинья: исторический аспект. – СПб., 2003.

А.М. Хубанова¹, В.М. Новосельцева², А.М. Клементьев³,

Н.Б. Соколова², В.Б. Хубанов^{1,4}, В.Ф. Посохов¹

¹Геологический институт СО РАН, Улан-Удэ;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

³Институт земной коры СО РАН, Иркутск;

⁴Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

СЛОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ С-N ИЗОТОПНОГО СОСТАВА
КОСТНЫХ ОСТАТКОВ *ALCES AMERICANUS*
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-КЕУЛЬ-I
(Северное Приангарье)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования
в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Исследован изотопный состав углерода и азота костных остатков лосей (*Alces americanus*) и лошади (*Equus* sp.) из голоценового археологического комплекса Усть-Кеуль-I Северного Приангарья. Изотопный состав лошади свидетельствует о степных и/или лесостепных условиях обитания на рубеже позднего плейстоцена и голоцена. В более поздние эпохи, по-видимому, доминировали таежные ландшафты, о чем свидетельствует видовой состав ориктоценозов. Однако ниже будет показано, что изотопные характеристики лосей можно трактовать двояко, поэтому они в меньшей степени подходят для использования их в качестве индикаторов условий обитания.

Комплекс Усть-Кеуль-I расположен на левобережье устья р. Кеуль левого притока р. Ангары, в 2,5 км южнее д. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области. Впервые местонахождение было обнаружено в 1988 г. Нижне-Ангарским отрядом Ангаро-Байкальской комплексной археологической экспедицией ИГУ [Е.О. Роговской].

Мощность вскрытых отложений составляет около 4 м, которые представлены двумя пачками супесей. Верхняя пачка (2,0 м) – это чередующиеся слои гумусированных супесей с палеопочвами и негумусированных супесей. Нижняя пачка (1,8 м) состоит из супесей со щебнем, вероятно, делювиально-пролювиального генезиса, которая перекрывает глыбово-валунные отложения. В разрезе комплекса выделено 11 культурных горизонтов. Согласно археологическим данным В.М. Новосельцевой [Новосельцева и др., 2012, с. 137–146] верхние 1–2 уровни относятся к XX–XVII вв. н.э., 3–4 уровни – к раннему железному веку, 5–6 уровни – к эпохе бронзового века, 7–8 уровень – к неолитическому времени, 9–11 уровни – ко времени мезолита (граница позднего плейстоцена и голоцена). Возраст нижних уровней обоснован радиоуглеродным датированием фаунистических остатков: возраст отложений 8 уровня составляет 8370 ± 125 л.н. (СОАН-8906) [Клементьев, 2014, с. 31–44]; 9 уровня – 10005 ± 190 л.н. (СОАН-8644) и 11 уровня – 11200 ± 170 л.н. (СОАН-8643) [Новосельцева и др., 2012, с. 137–146].

В 1 уровне обнаружены кости лошади, северного оленя, зайца и кабарги. Во 2 уровне доминируют кости кабана, и в меньшем количестве присутствуют кости лося. В 3 и 4 уровне найдены останки северного оленя, бобра, лисицы, лося и медведя. Наиболее богаты палеонтологическим материалом 5–8 уровни. Здесь обнаружены кости собак и копытных – лося, косули и марала. В 9 уровне найдены кости лося, северного оленя, зайца, бобра, медведя и соболя. В 10–11 уровнях – останки лошади и благородного оленя. Из представленного краткого обзора также следует, что видовой состав млекопитающих комплекса Усть-Кеуль-I отвечает лесному (таежному) сообществу.

Для С-N изотопного исследования отобран образец зубного фрагмента *Ovis ammon* (баран) из 1 уровня комплекса; из 2–9 уровней – зубные фрагменты *Alces americanus* (лось), из 10 уровня – зубной фрагмент *Equus* sp. (лошадь). Затем они претерпели процедуру извлечения из них коллагена по модифицированной методике Лонджина [Longin, 1971, pp. 241–242]. Изотопный анализ выполнялся на масс-спектрометре Finnigan 253 (ГИН СО РАН). Для оценки степени сохранности коллагена ископаемых костей использовалось

соотношение атомных количеств углерода и азота ($C/N_{ат}$), которое должно находиться в интервале от 2,9 до 3,6 [Brown et al., 1988, pp. 171–177].

Для *Ovis ammon* $\delta^{13}C$ составляет $-21,85\%$ и $\delta^{15}N - 8,32\%$. Однако $C/N_{ат}$ равняется 3,7, что предполагает плохую сохранность коллагена, поэтому данный образец исключен из дальнейших обсуждений.

Для коллагена из костей лосей и лошади соотношение $C/N_{ат}$ находится в интервале от 2,9–3,6, что свидетельствует об удовлетворительной сохранности костного материала для изотопного исследования. Изотопный состав $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ коллагена зуба лошади ($\delta^{13}C=-21,57\%$, $\delta^{15}N=5,62\%$) из 10 уровня (мезолит, 10–11 тыс. лет назад) указывает на то, что рацион питания лошади состоял из травянистых растений, преимущественно С3 типа растений [Bocherens, 2003, pp. 57–76] степей и лесостепей. О доминировании открытых пространств (безлесых) и редколесья в Байкальском регионе на рубеже плейстоцен-голоцена (10–12 тыс. лет назад) также свидетельствуют данные палинологических исследований [Tarasov et al., 2009].

Согласно Н. Bocherens [2003, pp. 57–76], изотопный состав углерода травоядных животных, обитающих в лесных ландшафтах, должен составлять от -30% до -23% . Однако полученные отношения изотопов углерода для лосей ($\delta^{13}C$ от $-20,13\%$ до $-19,6\%$) из 2–9 уровней плохо соответствуют изотопным характеристикам лесных травоядных. Эти данные можно трактовать двояко: лоси Усть-Кеуля обитали либо в открытых степных ландшафтах, где поедали степные травы, либо в тундровых и/или таежных ландшафтах, где в их рацион входили мхи или лишайники [Bocherens, 2003, pp. 57–76; Kielland, 2001, pp. 329–337].

Данные об изотопном составе азота костей ископаемых лосей также противоречивы. С одной стороны, значения $\delta^{15}N$ ($5,4-8,11\%$) характерны для животных, испытывающих водный и пищевой стресс в условиях сухих степей и полупустынь. С другой стороны, обогащение тяжелым изотопом азота может быть обусловлено рационом питания, состоящего из грибов и травянистых водных и полуводных растений [Kielland, 2001, pp. 329–337].

Таким образом, изотопный состав лошади свидетельствует о степных и/или лесостепных условиях обитания на рубеже позднего плейстоцена и голоцена. В более поздние эпохи, по-видимому, доминировали таежные ландшафты, о чем свидетельствует видовой состав ориктоценоза. Изотопные характеристики лосей противоречивы, чтобы их можно было использовать в качестве индикаторов условий обитания.

Библиографический список

Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Новые данные по геохронологии голоценовых комплексов геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I в Северном Приангарье // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. – (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры; вып. 1). – Иркутск, 2012.

Bocherens H. Isotopic biogeochemistry and paleoecology of the mammoth steppe fauna // Advances in mammoth research. DEINSEA. – 2003. – V. 9.

Brown T.A., Nelson D.E., Vogel J.S., Southon J.R. Improved collagen extraction method by modified Longin method // Radiocarbon. – 1988. – V. 30 (2).

Kielland K. Stable Isotope Signatures of Moose in Relation to Seasonal Forage Composition: A Hypothesis // Alces. – 2001. – V. 37 (2).

Longin R. New method of collagen extraction for radiocarbon dating // Nature. – 1971. – Vol. 230.

Tarasov P.E., Bezrukova E.V., Krivonogov S.K. Late Glacial and Holocene changes in vegetation cover and climate in southern Siberia derived from a 15 kyr longpollen record from Lake Kotokel // Climate of the Past. – 2009. – V. 5.

Ю.С. Худяков
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
**ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Работа выполнена по программе НИР XII.186.2
«От первобытности к цивилизации: Этнокультурные процессы в Евразии
в эпоху палеометалла и Средневековья»

В истории военного дела кочевых этносов Центральной Азии в периоды позднего Средневековья и Нового времени важная роль принадлежала кыргызам Тянь-Шаня. В средневековых источниках подчеркнута их воинственность. Изучение военного дела кыргызов российскими учеными началось во второй половине XIX в. Во время совершения российских научных экспедиций на оз. Иссык-Куль и в Чуйскую долину российскими учеными были описаны и зарисованы некоторые виды кыргызского оружия. В последующие десятилетия в процессе изучения военного дела кыргызов ученые стали анализировать сведения, содержащиеся в кыргызском героическом эпосе «Манас». В последние годы, благодаря активному научному сотрудничеству российских и кыргызских ученых, в музейных собраниях Кыргызстана удалось исследовать значительное количество предметов вооружения кыргызских воинов из музейных коллекций. Среди изученных материалов ведущее место принадлежит предметам вооружения ближнего боя.

В составе оружейного комплекса кыргызских воинов, предназначенного для ведения ближнего боя, относящегося к эпохе позднего Средневековья и Нового времени, ведущее место занимали копья. Железные наконечники копий, с ромбическим в сечении пером, удлинненно-ромбической формы и конической втулкой были изучены в музее «Раритет» в г. Бишкеке, «Манас-Ордо» в с. Таш-Арык и в краеведческом музее пос. Каракол [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2013, с. 165–167]. На рисунках XIX в. у кыргызских всадников показаны пики с удлинненно-ромбическим и удлинненно-треугольным пером с бунчуками на древках [Абрамзон, 1953, с. 161]. В кыргызском героическом эпосе «Манас» кыргызские воины названы теми, кто может «сражаться копьем» – копыеносцами [Манас, 1988, с. 338]. На древках копий и пик, под наконечниками, крепились бунчуки, замена и флажки. Копье считалось символом кыргызского мужчины – воина. После его смерти копье использовалось во время поминальных ритуалов. В некоторых случаях его могли положить в могилу умершего сородича. В отличие от копий, длинное клинковое оружие, мечи, палаши и сабли кыргызские воины «применяли в бою не часто» [Солтоноев, 1996, с. 403]. В музейных собраниях Кыргызстана длинное клинковое оружие представлено редкими находками. Прямой однолезвийный клинок с обломанным острием и череном был изучен в музее «Манас-Ордо». Сабля с обоюдоострым острием, прямым однолезвийным клинком и уплощенным череном была исследована в музее «Башня Бурана» в с. Бурана. Еще одна сабля с дулезвийным острием, изогнутым однолезвийным клинком, перекрестьем и навершием была выявлена и рассмотрена в музее «Раритет» в столице Кыргызстана. Среди оружия ближнего боя у кыргызских воинов важное место занимали боевые топоры «ай-балта» [История, 1984, с. 611]. Они изучены в коллекциях музеев Кыргызского национального университета, в «Раритете», музее «Манас-Ордо», в школьном музее с. Кызыл-Адыр в Кыргызстане и в Русском этнографическом музее в Санкт-Петербурге. Среди них выделяются боевые топоры с широким, округлым лезвием, узким проухом и плоским или выступающим обухом. У некоторых боевых топоров сохранились длинные, деревянные, орнаменти-рованные рукояти. В кыргызских эпических сказаниях имеются описания боев, в ходе которых воины рубятся секирами [Манас, 1988, с. 365]. Одним из видов ударного оружия ближнего и рукопашного боя кыргызских воинов были булавы. Железные боевые навершия булав были изучены в музее «Раритет» и «Манас-Ордо» [Худяков, Борисенко, 2015, с. 78].

Они представляют собой булавы с цилиндрическим проемом для крепления на длинных деревянных рукоятях. На одном из наверший выделены ребра, на другом треугольные шипы. Об использовании булав воинами в условиях ближних боев, когда воины из противоборствующих сторон «по восемьдесят-девять раз» осыпают друг друга ударами, говорится в описании боевых действий в кыргызском героическом эпосе «Манас» [Манас, 1988, с. 429]. В распоряжении кыргызских воинов был еще один вид ударного оружия ближнего боя – кистени, или боевые гири. Образцы такого оружия изучены в музее «Раритет» и в частном собрании В.А. Камышева в Бишкеке. Среди них выделяется кистень с многогранной ударной частью и боевая гиря грушевидной формы. Вероятно, они крепились цепями, или кожаными ремнями к рукоятям. В отличие от других видов ударного оружия ближнего боя, такой вид ударного оружия как кистени не упоминается кыргызских эпических сказаниях.

В музейных собраниях Республики Кыргызстан представлены находки боевых ножей и кинжалов, которые были на вооружении у кыргызских воинов в эпохи позднего Средневековья и Нового времени. В составе музейной коллекции, которая находится в музее средней школы им. М. Орозбекова в с. Кызыл-Адыр в Таласской области, представлено несколько боевых ножей разных форм. Они были найдены на площади городища Шельджи в Таласской долине. Среди них выделяются боевые ножи с прямыми однолезвийными клинками, цельнокованными рукоятями и кольцевым навершием. К другому типу относятся боевые ножи с прямыми однолезвийными клинками, упором и коротким черешком. У одного из этих боевых ножей частично сохранилась роговая обкладка рукояти, имеющая приостренный выступ в сторону лезвия. Поверхность обкладки отполирована и украшена циркульным орнаментом. В собрании музея «Раритет» был изучен кинжал с прямым двулезвийным клинком, долами с обеих его сторон, пластинчатым перекрестьем и прямой рукоятью с двумя заклепками и выступом на навершии. Этот кинжал был обнаружен в Чуйской долине [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2016, с. 190]. Судя по изученным предметам вооружения, хранящимся в музейных собраниях Республики Кыргызстан, кыргызские воины обладали разнообразным набором холодного наступательного оружия, которое они могли применять в ходе ближних и рукопашных боев со своими противниками в периоды позднего Средневековья и Нового времени.

Библиографический список

Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.) // Сборник музея антропологии и этнографии. – Т. XIV. – Л., 1953.

История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. – Т. I. – Фрунзе, 1984.

Манас. Киргизский героический эпос. – М., 1988.

Солтоноев Б. Из древней истории киргизов // Кыргызы: Источники, история, этнография. – Бишкек, 1996.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собраний «Манас-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, археология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7. Археология и этнография.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Железные булавы из Чуйской и Таласской долин Кыргызстана (из коллекций музеев «Манас-Ордо» и «Раритет») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 3. Археология и этнография.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Железные кинжалы и боевые ножи из Таласской и Чуйской долин в музейных собраниях Кыргызстана // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – №5. – Археология и этнография.

Ф.Ш. Хузин¹, З.Г. Шакиров²

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА БИЛЯРА:

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

(по материалам раскопа XLIV 2015–2016 гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)»)

Лепная керамика болгарских поселений домонгольского времени (X – 1-я треть XIII в.) стала объектом внимания исследователей в основном благодаря ее датирующему значению и возможностям использования в качестве источника информации этнокультурного порядка [Хлебникова, 1984; Кокорина, 2002]. Лепная и близкая к ней примитивно-круговая посуда из раскопок Билярского городища описана в работах Н.А. Кокориной [1976; 2002] и Ф.Ш. Хузина [1986]. По данным этих авторов, интересующая нас группа находок сосредоточена преимущественно в нижних пластах культурных напластований и встречается как во внутреннем, так и во внешнем городе, а также в пригородах.

В последние годы в археологической литературе стал дискуссионным вопрос о времени возникновения оседлости у ранних болгар и возникновения у них стационарных поселений, в том числе городов. Появление ранних городов на территории Волжской Булгарии ряд исследователей относит к 3-й четверти – концу X в., делая исключение лишь для Болгара и Суvara, чеканивших свои монеты и упоминаемых в сочинениях восточных авторов первой половины этого столетия [см.: Казаков, 2008; Хузин, 2010]. Нам кажется, что в решении этой проблемы следует учитывать информационный потенциал лепной керамики как исторического источника.

В данной работе использованы лишь материалы XLIV раскопа площадью около 300 кв. м, заложенного в центральной части внутреннего города Биляра в 280 м к западу от Саборной мечети. В раскопе выявлены руины кирпичного здания (общественная баня?) и более двух десятков сооружений, в том числе остатки наземного жилища с подпольем. Мощность культурного слоя вне сооружений составляет 0,8–1 м.

Основная часть находок представлена гончарной керамикой – всего 59713 фр. Лепная керамика насчитывает 2150 фр., близкая к ней примитивно-круговая керамика, выделанная вручную с частичным использованием малоподвижного гончарного круга – 470 фр., что составляет 4,2% от общего количества керамики. Следует отметить, что архаичная керамика встречается и в верхних напластованиях раскопа, а также в сооружениях XI–XII вв., но они попали сюда, по нашим наблюдениям, в результате переотложения слоя. В «чистых», не нарушенных поздними перекопами напластованиях XII–XIII вв. находки лепной керамики, за исключением сосудов с толченой раковиной в тесте, отсутствуют. Основное количество лепной керамики происходит из нижних пластов: пл. 3 – 154 фр., что составляет 1,75% от общего количества керамики, пл. 4 – 227 фр. (2,3%), пл. 5–6 – 990 фр. (5,6%).

По комплексу признаков (форма, примесь в тесте, степень обжига, характер обработки поверхности, приемы орнаментации и др.) выделено несколько этнокультурных групп в составе лепной керамики. Самую большую группу (всего 932 фр., или 35,6% всей лепной посуды) составляют фрагменты плоскодонных, преимущественно горшковидных сосудов шамотного теста, украшенные волнистым орнаментом по плечу, рифлением по тулову и насечками по венчику (XI группа, по Т.А. Хлебниковой). К этой же группе отнесены крышки с пестикообразными ручками. Пластография находок следующая (учитываются только находки из слоя вне сооружений): 1–2 пл. (слой поздней пашни) – не являются показательными из-за переотложенности и сильной фрагментированности, 3 пл. – 107 фр. (0,9% от общего

количества керамики), 4 пл. – 104 фр. (1%), 5–6 пл. – 340 фр. (3,4%). Данная группа керамики встречается преимущественно в напластованиях X–XI вв. болгарских поселений и сопоставляется исследователями с кухонной посудой лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры Подонья. Она выходит из употребления не позднее начала или первой половины XI в. в связи с широким распространением высококачественной продукции гончарного производства.

Истоки еще двух групп керамики из нижних слоев раскопа – горшковидной посуды с примесью органики (213 фр.) и песка (271 фр.) – связаны с салтово-маяцким миром (II и III группы по Т.А. Хлебниковой). Их пластография показывает сходную с предыдущей группой закономерность.

Архаичную группу керамики составляют также округлодонные чашевидные сосуды с цилиндрической шейкой, украшенной шнуровым орнаментом и гребенчатым штампом по плечу; в качестве отощителя использовалась толченая ракушка (VII группа, по Т.А. Хлебниковой, «постпетрогром», по Е.П. Казакову). Пластография этой группы сосудов следующая: 1–2 пл. (пашня) – 38 фр. (0,2% от общего количества керамики), 3 пл. – 51 фр. (0,6%), 4 пл. 67 фр. (0,7%), 5–6 пл. 163 фр. (2,2%). Появление в болгарских памятниках гребенчато-шнуровой керамики с ракушечной примесью, истоками связанной с финно-угорским населением Верхнего Прикамья, относится к началу X в. [Хлебникова, 1984, с. 223].

Среди традиционной керамики встречаются также единичные обломки сосудов с примесями дресвы и извести в глиняном тесте. Представляют интерес впервые обнаруженные на городище фрагменты лепной посуды с примесью крупного шамота, близкие к горшковидным сосудам из памятников именьковской культуры.

Анализ керамического материала дает основание предполагать датировку времени возникновения Биляра первой половиной X в. Отметим, что в материалах ранних напластований Болгара, возникновение которого исследователи относят ко времени не позднее начала X в., лепная посуда занимает довольно скромное место. Судя по данным Т.А. Хлебниковой, за почти 40 лет раскопок там было обнаружено всего около 150 фрагментов керамики салтово-маяцкого типа [группы II, III, XI, см.: Хлебникова, 1988, с. 9, 17, 18, 20]. Примерно такую же картину демонстрирует анализ керамики Суvara – малое количество посуды, выделенной от руки, является своеобразием этого памятника [Хлебникова, 1974, с. 143].

Библиографический список

Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // *Finno-Ugrica*. – 2008. – №11.

Кокорина Н.А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1971 гг. // *Исследования Великого города* / отв. ред. В.В. Седов. – М., 1976.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV в. / отв. ред. Т.А. Хлебникова. – Казань, 2002.

Хлебникова Т.А. Работы 1974 г. на Суваре // *Средневожская археологическая экспедиция* / отв. ред. Г.И. Матвеева. – Куйбышев, 1977.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения / отв. ред. С.А. Плетнева. – М., 1984.

Хлебникова Т.А. Неполиваная керамика Болгара // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности* / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1988.

Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // *Посуда Биляра* / отв. ред А.Х. Халиков. – Казань, 1986.

Хузин Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских болгар // *Научный Татарстан*. – 2010. – №4.

Н.А. Цветкова
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
МИКРОПЛАСТИНЧАТАЯ ТЕХНИКА РУБЕЖА МЕЗОЛИТА – НЕОЛИТА
НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы», проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным»

Использование микропластинчатой техники на рубеже мезолита – неолита населением бассейна Верхней Волги связано с эксплуатацией составного вкладышевого вооружения. Вкладыши со стоянок этого времени представляют собой, как правило, сечения микропластин шириной до 12 мм с регулярной/нерегулярной, дорсальной/вентральной краевой ретушью, иногда в разных сочетаниях либо на концах заготовки.

Для стоянок бутовской мезолитической культуры известны 7 типов вкладышей: 1) микропластинки и их фрагменты без вторичной обработки либо с ретушью утилизации по краю/краям; 2) с очень мелкой, выравнивающей край, ретушью; 3) с зубчатой ретушью края; 4) с полой или плоской ретушью, приостряющей край/края; 5) с притупляющей ретушью по краю/краям; 6) с поперечно срезанными ретушью концом/концами; 7) микропластинки со скошенным ретушью концом.

Производство вкладышей подразумевало их отжим со специально подготовленных нуклеусов. Затем, если заготовки получались излишне длинными, они разламывались на части и (в некоторых случаях, пройдя вторичную обработку) подгонялись в пазу друг к другу. В качестве «клея» использовалась как смола, так и масса из смолы хвойных деревьев, воска и угольной пыли [Жилин, 1997].

Вкладышевое вооружение в регионе использовалось, начиная с пребореала. Считается, что наибольшее многообразие форм орудий, а именно наконечников стрел с пазом наблюдается в бореальное время. В атлантикуме их количество значительно меньше. Собственно, уже на начальном этапе неолита в регионе вкладышевые орудия единичны, а после 6500–6400 Uncal BP вовсе исчезают [Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998]. Причины исчезновения составного вооружения исследователи связывают с начавшимся в финальном мезолите так называемым процессом деградации техники производства пластин. Одни исследователи считают его следствием недостатка качественного сырья [Сидоров, 1997]. Другие полагают, что снижение роли пластины как основной заготовки – это естественно развивавшийся процесс эволюции каменных индустрий родственных бутовской мезолитической и верхневолжской раннеолитической культур, результатом чего стало появление новых типов орудий и усовершенствование технологии обработки камня [Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998].

Анализ коллекций из раскопок опорных памятников рубежа мезолита – неолита Верхневолжского региона показал, что сложившиеся представления о микропластинчатой технике этого времени нуждаются в корректировке и в дополнении [Цветкова, 2017]. Так, по материалам стоянок финального мезолита – Ивановское-VII/IIa, Озерки-5/IV, Нушполы-11/III, Замостье 2/верх. мез.сл. и начального неолита – Озерки-5/III, Озерки-5/II, Окаёмово-18/ниж. к.с., Берендеево-IIa, Становое-4/II, Алексеевское-1, Давыдковская, Альба-8, Кочище-2, Плещеево-I, Сахтыш-II, Малая Ламна-I, Шадрино-IV было выявлено 12 разновидностей вкладышей. Это части микропластин: 1) с нерегулярной ретушью утилизации; 2) с мельчайшей выравнивающей край ретушью; 3) с зубчатой ретушью; 4) с приостряющей ретушью края/краев; 5) с притупляющей ретушью; 6) с поперечно срезанными ретушью концом; 7) со скошенным ретушью концом; 8) с затупленным крутой ретушью концом и полой ретушью края/краев; 9) с затупленным концом дорсальной ретушью и полой вентральной ретушью по краю; 10) с противоположающей ретушью; 11) «прямоугольники»; 12) с притупленным краем и приостренным вторым при помощи двухсторонней ретуши.

На стоянках финального мезолита представлены все типы вкладышей за исключением третьего и седьмого. На памятниках раннего неолита не встречены микропластинки

с затупленным концом дорсальной ретушью и пологой вентральной ретушью края (9), с притупленным краем и приостренным вторым краем двухсторонней ретушью (12), а также так называемые «прямоугольники» (11).

Говоря об особенностях микропластинчатой техники рубежа мезолита – неолита на Верхней Волге, стоит отметить, что для получения микропластин, в отличие от более раннего времени, отжим использовался вместе с другими техниками скалывания. На стоянках этого времени отсутствуют «отжимные» нуклеусы (за исключением ядрища из Шадрино-IV) и роговые отжимники. На применение отжима указывает только наличие узких тонких микропластинок с регулярной огранкой.

Данное обстоятельство в совокупности с уменьшением количества микропластин на памятниках рубежа мезолита – неолита и снижением ассортимента вкладышевых орудий не может свидетельствовать об «упадке» микропластинчатой техники. Подсчет доли вкладышей среди изделий со вторичной обработкой на памятниках рубежа мезолита – неолита не выявляет принципиальной разницы между ними, так же как и остальных этапов мезолита [Цветкова, 2017]. На памятниках финального мезолита процент вкладышей не превышает 1,3%. В раннем неолите микропластинки-вкладыши составляют от 13 до 0,4%. Не фиксируется и зависимость между возрастом памятника и количеством вкладышей в его коллекции.

Дефицит качественного сырья также не мог стать причиной «деградации» техники производства пластин и микропластин. Традиция изготовления орудий на стандартизированной заготовке-пластине просуществовала в регионе 3,5 тыс. лет, начиная с пребореала, несмотря на различия в качестве используемого сырья (меловой/карбонатный кремний) в мезолите и в раннем неолите. Немаловажным моментом является то, что вкладышевое вооружение с наборными лезвиями из микропластин широко применялось населением Верхневолжского региона на протяжении всего мезолита и в раннем неолите. Попытки выявить связь между количеством и разнообразием видов и типов костяных оправ, а также типов вкладышей сталкиваются с проблемой неполноты источников [Цветкова, 2017].

Микропластинчатая техника на Верхней Волге выходит из употребления вместе с составным вооружением после 6500–6400 Uncal BP. Для этого времени зафиксирована трансформация каменной индустрии из пластинчато-отщеповой в исключительно отщеповую и появлением орудий-бифасов. В данном случае можно говорить о последовательном существовании в раннем неолите региона двух различных альтернативных друг другу технологических и, следовательно, культурных традиций изготовления орудий. Также кардинально меняется и орнаментация керамических сосудов. На смену тычково-накольчатым элементам приходят гребенчатые.

Таким образом, отказ населения Верхневолжского региона от микропластинчатой техники не следует связывать с деградацией техники производства пластин. Данное явление логичнее объяснять сменой населения, произошедшей на Верхней Волге 6500–6400 Uncal BP.

Библиографический список

Жилин М.Г. Вкладышевые наконечники стрел бутовской мезолитической культуры // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. – 1997. – №2.

Сидоров В.В. Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I. – М., 1997.

Цветкова Н.А. Вкладышевое вооружение мезолита – раннего неолита Верхневолжского региона // Stratum plus. – 2017. – №1.

Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской ранне-неолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. – 1998. – №2.

С.И. Цембалюк
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
НАЧАЛО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИИШИМЬЕ

На современном этапе изучения археологических памятников начала раннего железного века Приишимья перед археологами встала проблема их культурной идентификации. В 80-е – нач. 90-х гг. XX в., т.е. в период активного исследования региона, древности данного периода исследователи традиционно рассматривали как байтовские [Матвеева, 1989, с. 77–102; Корякова, 1991, с. 25; Хабдулина, 1994, с. 69–70; и др.].

Исследование городищ Марай-1, Марай-5, пересмотр материалов Лихачевского городища, поселения Озеро Ченчерь-6 позволили поставить вопрос о правомерности включения древностей начального этапа раннего железного века Приишимья в байтовскую культуру. Отметим некоторые особенности приишимских комплексов. В домостроительстве фиксируется традиция сооружения трехкамерных полуземлянок подпрямоугольной формы с коридорообразным выходом. Соседние помещения соединены коридорами-переходами [Волков, 2001, с. 228]. Исследованы наземные жилища с котлованом и без него. В процессе возведения построек основания стены устанавливались в специально выкопанную канаву по периметру жилища, использовались общие канавы для соседних боковых и задних стен построек [Цембалюк, Берлина, 2014, с. 61]. В фортификационном зодчестве оборонительные линии представляли собой частокол кольцевой формы с двумя входами, где главный восточный вход укреплен сторожевыми башнями, а второй – южный, представлял собой ворота – калитку. Реконструируется единовременное возведение жилых и оборонительных сооружений при строительстве приишимских поселков по заранее определенному плану. Территория поселений эксплуатировались в течение длительного времени, о чем свидетельствует большая мощность культурного слоя (до 1 м), интенсивность окраски, его большая насыщенность разнообразными находками, следы перестроек и ремонта жилищ [Там же]. Керамика с памятников Приишимья представлена двумя типами – круглодонными сосудами с раздутым, иногда шаровидным туловом, высокой прямой горловиной и банками. В орнаментах преобладают параллельные ряды круглых ямок, горизонтально расположенных по тулову в сочетании с пояском жемчужин или ямок пущенному на середине горловины, либо отпечатками гребенчатого штампа, украшающих горловину.

Таким образом, на взгляд автора, памятники начального этапа раннего железного века Приишимья составляют отдельную в культурном отношении группу, связанную с отличной от Притоболья линией культурогенеза, в основе которой лежат смешанные позднебронзовые бархатовско-сузгунские комплексы в синтезе с красноозерскими древностями. Во избежание введения нового наименования культурному образованию автор предлагает атрибутировать их по предложенному В.Е. Стояновым [1970, с. 238–254] термину для приишимских комплексов – лихачевские.

Библиографический список

- Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998–1999 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – №3.
- Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). – Препринт. – Екатеринбург, 1991.
- Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень, 1989.
- Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири – Томск, 1970.
- Хабдулина М.Х. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алма-Ата, 1994.
- Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – №3 (26).

Ю.Б. Цетлин, П.Р. Холошин
Институт археологии РАН,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ СОСУДОВ
ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА
ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Подболотьевский (Вербовский) могильник впервые исследовался В.А. Городцовым в 1910 г. Спустя более 100 лет, в 2012–2014 гг. Волжской экспедицией Института археологии РАН (руководитель – О.В. Зеленцова) на этом могильнике было изучено 194 погребения, большинство из которых сопровождалось глиняными сосудами.

Доклад посвящен изложению основных результатов изучения форм сосудов из раскопок 2012–2014 гг. Исследованная коллекция является уникальной как по своей массовости, так и по тщательности проведенных раскопок, фиксации и документированности материала. Это дает возможность обратиться к решению не только важных культурно-исторических проблем, касающихся непосредственно истории раннесредневекового муромского населения, но и к разработке ряда методических вопросов, связанных с анализом форм глиняных сосудов. В связи с этим исследование велось в двух основных направлениях: методическом и конкретно-историческом. В методическом плане оно опиралось на принципы историко-культурного подхода к изучению форм сосудов, созданного А.А. Бобринским [1987, 1988], и некоторые более поздние методические разработки Ю.Б. Цетлина [2014, 2015, в печати]. В общей сложности системному историко-культурному анализу подверглись 223 сосуда из 129 погребений.

Данное исследование позволило выявить некоторые важные моменты из истории муромского населения 2-й половины I – начала II тыс. н.э.

Проведен анализ общей пропорциональности сосудов, которая характеризует традиционные представления населения о соотношении вертикальных и горизонтальных параметров изделий. На этой основе были сделаны выводы, с одной стороны, об относительно высоком сходстве всех изученных сосудов, а с другой – о бытовании у населения, оставившего Подболотьевский могильник, двух основных традиций создания форм сосудов (местной и инокультурной). Традиция, связанная с изготовлением сосудов «средних-низких» пропорций, была характерна именно для местного муромского населения.

В результате систематизации посуды на качественном и количественном уровнях анализа выделено 8 видов форм по составу функциональных частей, из которых они состоят, и 43 варианта сосудов – по степени сформированности этих частей. Среди выделенных видов и вариантов есть как массовые, так и редкие. Наиболее широко муромское население использовало сосуды достаточно сложной формы, состоящие из пяти функциональных частей. К массовым относятся конструкции форм трех видов и 7 вариантов. Несмотря на достаточно сложную конструкцию форм, большинство функциональных частей, из которых состоят такие сосуды, характеризуется весьма слабой степенью сформированности (развитости).

Сравнительный анализ данных об общей пропорциональности и естественной структуре сосудов подтвердил вывод о том, что сосуды «средней-низкой» пропорциональности относятся к *местной муромской традиции*, а сосуды «средней» пропорциональности характеризуют некую *инокультурную традицию*. В результате процесса смешения тех и других носителей у населения, оставившего Подболотьевский могильник, шло постепенное формирование общей культурной традиции, включавшей изготовления сосудов как «средних-низких», так и «средних» пропорций.

На основе авторской методики периодизации археологических объектов [Цетлин, 2008], базирующейся на анализе степени сходства всех погребений по составу находящихся в них сосудов, удалось выделить в истории Подболотьевского могильника пять периодов:

I и II периоды включают по 16 погребений, особой интенсивностью использования кладбища отличается III период, к которому относятся 60 погребений, IV период включает 25 погребений и V период – только 12 захоронений.

Разработанная периодизация могильника подтверждается целым комплексом независимых данных, к которым относятся факты взаимного перекрытия ранних погребений более поздними (отмечено в 85% случаев), преимущественным распространением в поздних погребениях находок монет восточной чеканки и их подражаний, принадлежностью к позднему периоду погребений под курганными насыпями, а также планиграфическим расположением более ранних погребений исключительно в юго-восточной части кладбища, которая трактуется как ранняя и авторами раскопок.

Специальный планиграфический анализ расположения разновременных погребений на территории могильника позволил реконструировать основной «механизм» его формирования, который состоял в «подзахоронении» позднее умерших лиц (предположительно родственников) к тем, которые скончались и были погребены ранее.

Поскольку в условиях доремесленного производства глиняная посуда распространяется преимущественно среди родственного в культурном отношении населения, сравнительный анализ гончарных традиций разных периодов позволил выявить и обосновать динамику изменения во времени состава муромского населения, оставившего Подболотьевский могильник. Было установлено, что на кладбище хоронили умерших, принадлежащих двум группам местного населения, соотношение которых менялось во времени. Так, сначала в течение I и II периодов одна из этих групп была доминирующей, в III периоде обе группы были распространены примерно одинаково, а в IV и V периодах вторая группа населения, напротив, становится доминирующей, а первая переходит на положение рецессивной.

Как уже отмечалось, в течение всего времени бытования Подболотьевского могильника местное население обеих групп испытывало влияние инокультурных носителей. Оно проявилось в постепенном размывании местной традиции использования сосудов «средних-низких» пропорций и неуклонном росте влияния населения, для которого была характерна посуда «средних» пропорций. Этот процесс размывания местных традиций более интенсивно шел у первой группы муромского населения и не столь быстро – у второй.

В ходе проведенного системного анализа посуды Подболотьевского могильника получили дальнейшее развитие ряд важных методов изучения форм сосудов как особого исторического источника. Это в свою очередь позволило провести более строгую систематику сосудов, выявить разные культурные традиции муромского населения и реконструировать основные моменты его истории за весь период существования могильника. Применительно к данным материалам эта работа с позиций историко-культурного подхода была проделана впервые.

Библиографический список

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1987.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев, 1988.

Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. – Тула, 2008.

Цетлин Ю.Б. Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // КСИА. – Вып. 236. – 2014.

Цетлин Ю.Б. Понятия «качества» для анализа объема сосудов // КСИА. – Вып. 239. – 2015.

Цетлин Ю.Б. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов (в печати).

А.А. Цыбанков
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Расширение корпуса археологических источников, увеличение числа известных археологических объектов и уточнение сведений о них в настоящее время есть прямое следствие полевых археологических исследований, проводимых на землеотводах. Государственная историко-культурная экспертиза земельных участков в форме археологической разведки при должном исполнении и документировании всегда позволяет уточнить знания о местности, наличие и перспективность расположения археологического объекта и, как следствие, является весомым вкладом в составлении археологической карты региона. Археологические раскопки объектов, которые проводятся в случае невозможности проведения иных мероприятий по его сохранению, как правило, широкие по площади, представляющие исключительно важные материалы не только об археологизированных сооружениях, но и их окружении и ландшафтном контексте. В этих условиях успешная реализация проекта в охранно-спасательной археологии предполагает не только выполнение норм законов и договорных обязательств, но и современную методическую базу полевых исследований, скрупулезность подготовительных работ и высококвалифицированную обработку полученных результатов с их скорейшей публикацией и включением в теоретические конструкции.

Обозначенные принципы легли в основу концепции охранно-спасательной деятельности, реализуемой в ИАЭТ СО РАН. В 2007–2012 гг. были проведены масштабные полевые археологические исследования в зоне затопления Богучанской ГЭС, результаты которых продолжают обрабатываться и публиковаться в настоящее время. С 2013 г. Институтом подготавливаются и выполняются все виды археологических исследований в зонах землеотводов. Установлено, что эффективность сохранения археологического наследия обеспечивается реализацией Институтом трех основных направлений охранно-спасательной деятельности. Во-первых – фундаментальные поисковые археологические работы, обновление и составление археологических карт, археологическое зонирование территории, превентивное обследование участков предполагаемого хозяйственного освоения. Во-вторых – разведки на площадях, определяемых для землеотвода. В-третьих – раскопочное обследование объектов при невозможности организации иных форм сохранения памятника.

Претворение указанных подходов на практике выражается в проведении ряда организационно-методических мероприятий. До начала полевых работ подготавливается программа выполнения работ, проводятся архивные и библиографические изыскания, выполняются уведомления и согласование хода работ. В ходе масштабных полевых работ на объекте (районе, регионе) создаются специальные отряды (группы) организационно-методического обеспечения. Они позволяют снимать часть организационных задач с начальников экспедиционных отрядов, осуществляют взаимодействие с местными и федеральными органами власти, медицинскими учреждениями, правоохранительными органами, пожарной охраной, лесничествами и т.д. Группами методического сопровождения обеспечиваются ГИКЭ, геодезическое топографическое картирование района исследований и объектов археологического наследия, геологические, палинологические, комплексно стратиграфические изучения района исследований и стратиграфических разрезов. Организуется привлечение специалистов смежных дисциплин и организация этнографических, архитектурных, культурно-исторических, историографических исследований. На наш взгляд, изложенный опыт может стать основой для формирования системы научно-методического участия Российской академии наук в крупных полевых археологических работах.

А.В. Цыбрий¹, В.В. Цыбрий¹, Е.В. Долбунова², А.Н. Мазуркевич²,
М.В. Саблин³, Д. Медоус⁴, Г. Мотузаите Матузевичиуте⁵

¹Донское археологическое общество, Ростов-на-Дону;

²Государственный Эрмитаж,

³Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург;

⁴Кристиан-Альбрехт Университет г. Киль, Киль, Германия;

⁵Вильнюсский Университет, Вильнюс, Литва

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА РАКУШЕЧНЫЙ ЯР И ВОПРОСЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Многослойное поселение Ракушечный Яр, расположенное на северо-западной оконечности о-ва Поречный в излучине р. Дон, является одним из самых древних ранне-неолитических памятников этого региона. Уникальная стратиграфия этого поселения обусловила его важное значение как эталонного памятника для изучения неолита юга Восточной Европы. Исследования последних лет показали особое значение этих материалов при обсуждении проблем распространения ближневосточного «неолитического пакета» и процесса неолитизации Восточной Европы [Мазуркевич и др., 2013].

Памятник исследовался в 1959–1966, 1968, 1971, 1976–1977 и 1979 гг. силами экспедиции Ленинградского университета под руководством Т.Д. Белановской [1999]. Работы были продолжены в 2008 г. по инициативе П.М. Долуханова [Aleksandrovsky et al., 2009], в них приняли участие В.Я. Кияшко, Г.И. Зайцева, А.Л. Александровский, Т.В. Цыбрий, А.В. Цыбрий, В.В. Цыбрий и А.Н. Мазуркевич. В 2010, 2012 гг. исследования здесь проводила экспедиция Донского археологического общества; в 2013, 2016 гг. – совместно с Нижнедонской экспедицией Государственного Эрмитажа [Цыбрий и др., 2014]. Важной частью этих исследований стало выяснить: каковы особенности организации древнего поселения, истоки появления древнейшей керамики, можно ли действительно предполагать столь раннее появление скотоводства на юге Восточной Европы, какие другие элементы неолитического пакета возможно здесь обнаружить?

Верхние культурные слои (1–5) залегают здесь, как правило, сплошным массивом, а вот нижележащие – в виде изолированных участков различной мощности и протяженности, зачастую расположенных друг от друга на значительном расстоянии. На разных участках количество культурных слоев варьирует. В этом состоит сложность сопоставления между собой слоев, прослеженных в разных раскопах Т.Д. Белановской. Сама исследовательница отмечала, что лишь слои I–III раскопов могут быть соотнесены стратиграфически друг с другом [Белановская, 1999].

Новые исследования позволили выявить непотревоженную толщу культурных слоев, в основании которой были впервые вскрыты самые древние слои, которые были недоступны ранее из-за высокого уровня воды в р. Дон. Была получена серия датировок, которые свидетельствуют о одновременности отдельных участков памятника и культурных слоев. Это подтверждает наблюдение Т.Д. Белановской о том, что слои накапливались неравномерно в различных его частях, так как в разное время заселялись отдельные участки [Белановская, 1999]. На сегодняшний день серия датировок, полученная по нагару, костям, углю, относит время появления здесь первых поселенцев к 1-й половине 7 тыс. до н.э. [Цыбрий и др., 2016]. Серия радиоуглеродных датировок, полученная для различных участков, различие в количестве культурных слоев (их мощности и характере) подтверждают предположение Т.Д. Белановской: культурные слои, выявленные в осыпи берега, зачистках и многочисленных раскопах не могут быть соотнесены механически и это «разнообразие» свидетельствует о одновременном, многократном заселении этого участка современного острова. Учитывая то, что раскопы были заложены на различных участках, существует проблема соотнесения между собой слоев этих отдельных раскопов, поскольку они зачастую различаются мощностью и протяженностью, что особенно характерно для нижней части свиты. Отсюда проистекают и дискуссии, существующие вокруг достоверности датировок, полученных для различных слоев и материалов этого памятника [см. например, Motuzaite

Matuzeviciute et al., 2015]. Основная проблема заключается отнюдь не в удревнении или омоложении датировок или проблем, связанных с датированием различных материалов, а именно в том, что они происходят из культурных слоев различных раскопанных участков, расположенных в разных частях острова, которые не могут быть соотнесены друг с другом.

Часть этой стоянки, расположенной в древности на берегу реки, может относиться к специализированному месту использования водных ресурсов. Здесь осуществлялась рыбная ловля, разделка рыбы и раковин *Unio*. В отдельных частях стоянки можно отметить специфический набор различных частей рыб (хвостов), а также кости рыб, залегающие в анатомическом порядке. На памятнике отмечается специфическая кремневая [Лозовский, 2014] и костяная индустрия [Мазуркевич и др., 2013а], разработанный керамический комплекс [Мазуркевич, Долбунова, 2012].

Наряду с раковинными кучами здесь обнаружены ямы, заполненные раковинами. Так, в ходе последних раскопок была зафиксирована яма, заполненная костями рыб, створками раковин *Unio* и *Viviparous*, костями животных, фрагментами сосудов, шлифовальными камнями, залежавшими в несколько уровней. Стены ямы были вымазаны глиной, которая создавала своеобразную гидроизоляцию этой конструкции. В нижних слоях памятника были найдены остатки кольевой конструкции, расположенные среди раковинных куч.

Жители поселения не ограничивались использованием только водных ресурсов. Фаунистические остатки включают кости бобра, оленя, косули, зайца, дикой лошади, собаки, лисицы, птиц, фрагменты панцирей черепах. Судя по фаунистическим остаткам, использовались ресурсы сразу нескольких экологических ниш – лесных массивов в сочетании с водными бассейнами и открытых степных ландшафтов. Находки костей домашних животных (овцы и свиньи (определения к.б.н. М.В. Саблина)) в нижних слоях заставляют предполагать еще более сложную организацию древнего сообщества. Дальнейшие исследования позволят уточнить время их появления на данной территории, описать и другие особенности этого древнейшего неолитического сообщества на территории Восточной Европы.

Библиографический список

Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. – СПб., 1995.

Лозовский В.М. Технологический аспект кремневых индустрий рубежа мезолита-неолита Нижнего Дона и Верхней Волги // Археологические Вести. – 2014. – №20.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Древнейшая глиняная посуда Восточной Европы: технология, морфология и орнаментация (по материалам 23–14 слоев поселения Ракушечный Яр) // КСИА. – №227. – 2012.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Древнейшие керамические традиции Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. – 2013. – №3.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Мэгро Й. Памятник Ракушечный Яр и проблемы неолитизации Восточной Европы // Матеріали міжнародної наукової конференції “Північне Приазов’я кам’яного віку-енеоліту”. – Мелитополь, 2013а.

Цыбрий А.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Цыбрий В.В., Горелик А.Ф., Мотузайте Матузевичиуте Г., Саблин М.В. Новые исследования поселения Ракушечный Яр в 2008–2013 гг. // Самарский научный вестник. – 2014. – №3 (8).

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н. Глава 1. Радиоуглеродная хронология неолита Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. : кол. моногр. – Смоленск, 2016.

Aleksandrovsky A.L., Belanovskaya T.D., Dolukhanov P.M., Kiyashko V.Ya., Kremetsky K.V., Lavrentiev N.V., Shukurov A.M., Tsybriy A.V., Tsybriy V.V., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V., Zaitseva G.I. The lower Don Neolithic // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964. – Oxford, 2009.

Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Lillie M., Telizhenko S. AMS radiocarbon dating from the neolithic of Eastern Ukraine casts doubts on existing chronologies // Radiocarbon. – 2015. – Vol. 57, Nr 4.

М.С. Чаплыгин

Стерлитамакский историко-краеведческий музей, Стерлитамак
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХРОНОЛОГИЯ

Решение вопросов освоения срубными племенами северо-восточной периферии ареала общности – лесостепного Предуралья, периодизации и хронологии тесно взаимосвязано с установлением территориальной специфики памятников региона. В западной Башкирии срубные памятники занимают южную лесостепную подзону Предуральской лесостепи. На севере и востоке эта территория ограничена р. Белой, на западе – р. Ик, на юге – южным склоном Общего Сырта. В лесостепном Предуралье на территории Башкирии полностью или частично исследовано 56 срубных могильников, раскопан 241 курган с 753 захоронениями. Наиболее полно изучены могильники в центральной и юго-западной частях региона (бассейны рек Дема и Уршак). Крайне слабо исследованным остается северо-западный район (левобережье нижнего течения р. Белая), но самая тяжелая ситуация наблюдается на западе региона – в бассейне р. Ик, где нет ни одного полноценно исследованного срубного кургана. Это обстоятельство существенно затрудняет выделение территориальных групп памятников и корректное их сопоставление. Тем не менее создание единой базы данных со значительной детализацией признаков погребального обряда дает возможность наметить ряд особенностей памятников отдельных районов и региона в целом.

Изучение топографии курганных групп позволило пересмотреть распространенное ранее представление о расположении срубных могильников преимущественно на первых надпойменных террасах вдали от водоразделов. Срубные некрополи зафиксированы также на платообразных вершинах водораздельных сыртов и склонах коренных террас вдали от рек. Хронологической или территориальной обусловленности в расположении памятников выявлено не было. Число курганов в группе редко превышает 15, самые крупные некрополи сосредоточены в долине р. Дема. В наиболее полно исследованных могильниках выделяются индивидуальные курганы с престижными мужскими захоронениями и многомогильные женско-детско-подростковые курганы-кладбища, в которых центральное положение занимало взрослое женское захоронение, а периферию – детские, подростковые и женские погребения. Количество захоронений в курганах-кладбищах в большинстве случаев не превышает 15, что существенно отличает памятники лесостепного Предуралья от степных предуральских и поволжских. Территориальные особенности срубных могильников отчетливо прослеживаются в конструкции погребальных камер. Самый высокий процент могильных ям с уступами и ступенями зафиксирован в курганах бассейна р. Дема и верховьев р. Уршак. Ступени и уступы сооружались как в детских, так и во взрослых захоронениях, рядовых и неординарных. Редким элементом конструкции камеры является перекрытие из каменных плит. Большинство погребений этого типа сосредоточено в трех могильниках на территории Белебеевского возвышенноравнинного округа (БВО) (Каранаевский, Чубукаранский и Бала-Четырманский). В могилах с каменным перекрытием (за одним исключением) срубники хоронили детей, и это следует считать существенной особенностью погребального обряда лесостепных памятников Предуралья, поскольку в степи корреляция возраста и наличия каменного перекрытия не зафиксирована. Почти уникальными для лесостепного Предуралья элементами конструкции являются столбы, деревянные рамы и срубы в погребальной камере и рядом с ней (1,4%). По этому показателю рассматриваемая территория наименее «срубный» регион общности. Столь же редко в погребальных камерах встречаются подсыпки охры (3 пог.) и мела (6 пог.). В практике обращения с умершим наиболее распространено положение целого тела в погребальную камеру. К вторичным пакетным захоронениям с долей осторожности можно отнести 3 погребения в двух демских могильниках (Ст. Ябалаклы и Качкиново) и одном уршакском (Чумарово-1). Крайне редкой формой предварительного разрушения тела является кремация. Всего на территории лесостепного Предуралья зафиксировано 10 случаев кремации на стороне в 8 могильниках. Из 8 памятников 6 находятся в южной части западной Башкирии. Картирование позволило выделить «куст» из 4 могильников, расположенных на расстоянии 40 км друг от друга в южной части остепненного Чермасанско-Ашкадарского округа,

вытянутого почти меридионально узким коридором (280 × 40 км) от Общего Сырта вдоль восточной границы БВО. Очевидно, эти памятники являются северо-восточной периферией большой группы могильников Западного Оренбуржья, в которых зафиксирован высокий процент трупосожжений. На территории западной Башкирии отсутствуют захоронения, сопровождающиеся целыми скелетами животных. Жертвенные комплексы, состоящие из черепов и костей конечностей животных, встречаются преимущественно на южной периферии лесостепного Предуралья. На общем фоне выделяются два некрополя на р. Sterля (Николаевка) и на р. Уршак (Чумарово-1), расположенные на расстоянии 40 км друг от друга в границах «степного коридора» между р. Белой и БВО. В курганах выявлена серия жертвенников – «шкуры» из костей КРС и МРС. Важной особенностью срубных памятников лесостепного Предуралья является почти полное отсутствие в погребальном инвентаре воинской атрибутики – наконечников копий, стрел, кинжалов с слитой рукоятью. Единичными являются находки элементов конской упряжи (х. Веселый, Николаевка), инсигний власти (Чумарово-1, Старые Ябалаклы, Петряево). Из некерамического инвентаря преобладают украшения – браслеты, подвески и бусы.

Срубные памятники лесостепного Предуралья в рамках традиционной схемы относительной хронологии датировались в диапазоне XVI–XI вв. [Морозов, 1993]. Большая серия радиоуглеродных дат, полученная за последние десятилетия на сопредельных территориях и в самой Башкирии, заставляет пересмотреть имеющиеся представления. В Среднем Поволжье покровские памятники датируются XIX – XVIII вв. до н.э., срубные – 2-й половиной XVIII – 1-й половиной XVI вв. до н.э. [Кузнецов, 2014]. Срубные памятники Оренбургского Предуралья помещаются в хронологический диапазон XIX–XV вв. до н.э. [Купцова, 2016]. На территории лесостепного Предуралья «классические» покровские комплексы не выявлены – отсутствуют захоронения с воинско-вождеской символикой (оружие, жертвенники целых скелетов лошадей с элементами упряжи). Керамика с покровскими и синташтинско-петровскими чертами встречается спорадически в отдельных памятниках, преимущественно южной части западной Башкирии. По совокупности данных погребального обряда наиболее ранние погребальные комплексы зафиксированы в Николаевском, Чумаровском-1, Веселом, Елимбетовском и Русско-Тангировском могильниках на юге и юго-западе Башкирии. Радиоуглеродное датирование материалов Чумаровского-1 и Николаевского могильников позволяет отнести начало их функционирования к середине XVIII в. до н.э., завершение – к концу XVI и середине XV в. соответственно. Четыре из пяти этих памятников расположены в границах «степного коридора» в 10–20 км восточнее и севернее границ Sterлибашевско-Федоровской возвышенности. Освоение территории лесостепного Предуралья срубными племенами в значительной мере было обусловлено поиском и разработкой месторождений медных руд в бассейнах рек Дема, Ик в границах БВО и на западных склонах гор Южного Урала в междуречье рек Белой, Тайрук и Тор. Об активной разработке медистых песчаников БВО свидетельствует целая серия срубных кладов медных изделий, обнаруженных на реках Ашкадар, Кундряк, Sterля, Уршак и Слак. Наложение карты местонахождений медных изделий на рудную карту Южного Урала позволило установить, что они выявлены вблизи известных скоплений медных выработок. Следует отметить и высокую «металлоемкость» срубных могильников Sterлитамакского и Sterлибашевского районов. Вероятно, освоение южной части западной Башкирии началось в 1-й половине – середине XVIII в. до н.э. с территории Западного Оренбуржья по «степному коридору» между долиной р. Белой и Белебеевским возвышенноравнинным округом.

Библиографический список

Кузнецов П.Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2016.

Морозов Ю.А. Хронология погребальных памятников срубной культуры Южного Приуралья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.

М.С. Чаплыгин¹, М.В. Стародубцев¹, В.Е. Приходько²

¹*Стерлитамакский историко-краеведческий музей, Стерлитамак;*

²*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СРУБНОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-05-01151 «Реконструкция природной среды на основе комплексного изучения геоархеологических архивов лесостепных и степных регионов Евразии»)

Междисциплинарное исследование датированных археологических памятников дает важную информацию о природной обстановке прошлого и укладе жизни древних людей. К настоящему моменту получены весьма скромные данные о палеоэкологических условиях эпохи поздней бронзы лесостепной зоны Предуралья, несмотря на высокую степень изученности археологических памятников этого периода. На территории Предуральской Башкирии исследовано более 60 курганных могильников и несколько сотен поселений срубной культуры. Комплексные работы, включающие почвенно-археологические, антропологические, зооархеологические исследования, проводились в 2014–2015 гг. на двух курганных могильниках срубной культуры – Каранаево-1 и Верхние Услы-2, расположенных в Стерлибашевском и Стерлитамакском районах Республики Башкортостан. В физико-географическом отношении Каранаевский-1 могильник находится в пределах Стерлибашевско-Федоровского района Белебеевского возвышенноравнинного округа южной лесостепи Предуралья, могильник Верхние Услы-2 относится к Уршакско-Бельскому району Левобережного Прибельского округа южной лесостепи. Климат районов характеризуется континентальностью и умеренным увлажнением, среднегодовая температура воздуха 1,7–2,8°, среднее годовое количество осадков – 360–500 мм.

В рамках почвенно-археологического исследования древние почвы, погребенные под курганами, сравнивали с современными фоновыми аналогами. Также изучали пыльцу и споры, выделенные из слоя 0–2 см современных и древних почв. Для определения исходного содержимого погребальных керамических сосудов исследовали подвижный фосфор и элементы в засыпанной в них почве методом рентгенфлуоресцентной спектроскопии на спектрокане МАКС-GV. Анализы выполнены в ЦКП ИФХиБПП РАН. Датирование времени сооружения курганов проводили по ¹⁴C костных останков людей и древесины в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии НАНУ и Аналитическом центре изотопных исследований ИМКЭС СО РАН [Приходько и др., 2016, с. 1052–1067].

В Каранаевском-1 могильнике, насчитывающем 12 насыпей, к настоящему моменту исследовано 5 курганов с 29 захоронениями срубной культуры. Во всех курганах выделяются основные взрослые захоронения. Их статус подчеркнут центральным расположением на подкурганной площадке, крупными размерами погребальных камер и размещением вокруг них периферийных захоронений. Сооружение насыпи являлось завершающим и, вероятно, единовременным актом формирования погребального комплекса. Погребальные камеры представляли собой преимущественно простые грунтовые ямы подпрямоугольной формы. Для их перекрытия использовались каменные плиты и, вероятно, деревянные плахи. Камнем перекрывались только детские могилы, что можно назвать особенностью срубных памятников лесостепного Предуралья. Обращение с телом покойного – труположение в скорченном положении на левом боку, головой в северный сектор, в большинстве случаев, соответствует стандарту срубной культуры. Инвентарь погребений представлен ножом, желобчатыми браслетами и подвесками в 1,5 оборота из медного сплава, игральными костями – астрагалами и лепными керамическими сосудами. На основании содержания подвижного фосфора и валового количества P, Zn, Cu, Mg, K, Fe, Ca в верхней (контроль), средней и придонной частях грунта сосудов кургана б установлено, что в момент захоронения в них находилась молочная каша, сыр и вода (или сосуд был пуст). Большой интерес представляет половозрастная организация погребальных комплексов. Доминирующее положение в трех из пяти исследованных курганов занимают захоронения женщин. Их статус подчеркивается размещением крупной погребальной камеры в центре подкурган-

ной площадки (курганы №6, 9) и расположением ординарных захоронений вокруг престижного (курганы №8, 9). Во всех трех курганах захоронены женщины, подростки и дети, мужские погребения не зафиксированы. Таким образом, курганы представляли собой женско-детско-подростковые кладбища. По совокупности признаков погребального обряда могильник может быть отнесен к памятникам развитого этапа срубной культуры (XVII–XVI вв. до н.э.). Радиоуглеродный анализ показывает более раннюю дату сооружения курганов, что требует дополнительных исследований (Ki-18735: кал. знач. 1890–1680 (68,2%), 1980–1520 (95,4%); ИМКЭС-14С1019: кал. знач. 1890–1730 (57,7%) 1720–1680 (10,5%), 1980–1600 (95,4%)).

В могильнике Верхние Услы-2 из первоначально зафиксированных 14 курганов раскопано два. Несмотря на существенную разницу в размерах исследованных насыпей (10 и 21 м), погребальный обряд совпадает в деталях. На подкурганной площадке центральное положение занимают захоронения взрослых мужчин, на периферии в слое погребенной почвы обнаружены скопления кремированных останков. Материалы могильника демонстрируют две противоположные модели обращения с телом покойного – захоронение целого тела и захоронение кремированных (предварительно уничтоженных) останков. Тело сжигалось при высоких температурах (800–1000°), вероятно, в очаге, поскольку фрагменты костей значительно деформированы и достигли стадии серо-белого и белого каления. В срубной среде кремация встречается крайне редко. Из 753 исследованных в лесостепном Предуралье срубных погребений случаев кремации зафиксировано всего 10 (1,3%). Антропологический анализ кремированных останков из трех срубных могильников, включая Верхнеуслинский, выполненный В.В. Куфтериним, позволил выделить две модели трупосожжения – обжиг на костре освобожденных от тканей костей и сожжение целого тела при высоких температурах. Данные радиоуглеродного анализа о времени сооружения курганов оказались противоречивы (Ki-18733: кал. знач. 1890–1740 (68,2%), 1960–1730 (90,6%); ИМКЭС-14С1022: кал. знач. 1620–1430 (68,2%), 1700–1380 (92,8%)). Наиболее адекватной представляется датировка памятника в рамках второй половины XVII–XVI вв. до н.э.

Выполненные Е.П. Рогозиным (Киев) палинологические исследования показали, что в период проживания носителей срубной культуры на территории Южного Предуралья была распространена лесостепь и палеорастительный покров был представлен преимущественно луговыми злаково-разнотравными степями и сосновыми и березовыми лесами с примесью липы. Обилие травянистых мезофитов (лютиковых, розоцветных, норичниковых) и меньшее участие ксерофитов (полынь, эфедра) в палеофитоценозах, по сравнению с современными растительными сообществами, свидетельствует о большей гумидности климата срубного времени. Незначительное количество пыльцы широколиственных деревьев, представленных дубом, вязом, липой и орешником, указывает на то, что теплообеспеченность на протяжении изученного срубного хроноинтервала в регионе была близка современной или недостаточно оптимальной для их распространения. По морфологическим и физико-химическим свойствам фоновые современные и древние черноземы типичные карбонатные маломощные легкосуглинистые имеют большое сходство. Различаются они содержанием органического вещества. Реконструированное его содержание в слое 0–50 см палеопочв больше, чем в современных аналогах, с учетом того что, в палеопочвах за 3800 лет минерализовалось 60% гумуса [Иванов, 1992, с. 32–33]. Это свидетельствует о более благоприятных природных условиях срубного времени по сравнению с современным климатом.

Библиографический список

- Воробьева Л.А. Химический анализ почв. – М., 1998.
Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. – М., 1992.
Приходько В.Е., Рогозин Е.П., Чаплыгин М.С. Реконструкция климата, почв и растительности срубного времени на основании исследования курганов Предуральской лесостепи Республики Башкортостан // Почвоведение. – 2016. – №9. DOI: 10.7868/S0032180X16090112.

С.Н. Чаукин
Институт археологии РАН, Москва
ИЕРАРХИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В ДЪЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ.
ЛОКАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ

Вопросы социальной организации общества в Дьяковской культуре железного века лесной полосы Европейской России ограничены слабой информативностью источников. Единственной возможностью исследования данного вопроса может являться анализ иерархии поселений. В данной статье ставится попытка выявить локальные центры населения Волго-Окского междуречья в VII до н.э. – V в. н.э., используя ГС-анализ.

Классическая теория центральных мест Кристаллера предполагает наличие идеальной системы расположения населенных пунктов для оптимального управления и обеспечения территории. Структура представлена как шестиугольник, в центре которого – поселение высшего порядка, а по углам – второстепенные. Подобные модели имеют множество допущений и не всегда способны отразить реально существовавшие взаимосвязи между населенными пунктами. Gringmuth-Dallmer высказал предположение, что центральные места предоставляют специальные функции для своей территории. К таким функциям автор относит власть, безопасность, торговлю, производство и культ. Но неполнота археологических источников заставляет несколько переосмыслить данные критерии. В своей работе *Concepts of Central Place Research in Archaeology* O. Nakoinz для идентификации центральных мест выделил следующие показатели: укрепления, импорт, разработка керамики с иностранным влиянием, драгоценности, наличие золота и серебра, богатые гробницы, бронзовые сосуды, повозки. К сожалению, не все обозначенные критерии подходят для анализа иерархии поселений дьякова типа. Так, в дьяковской культуре не выявлено могильников, а в поселенческих материалах отсутствуют вещи из золота и серебра. Таким образом, из обозначенных критериев мы можем опираться только на анализ плотности населения, как маркер активности населения на этой территории, анализ укреплений, как показатель стратегической важности этой территории и импорт – как показатель товарообмена. Сопоставление результатов анализа обозначенных критериев позволило определить территорию, которая по всем показателям выделяется из общей массы поселений.

Участок среднего течения Москвы-реки в районе современного г. Звенигорода является наиболее плотно заселенным в дьяковское время. Концентрация городищ здесь достигает 8–9 памятников на 30 кв. км [Успенский, Чаукин, с. 77]. Здесь же зафиксировано 8 поселений с 3-ярусными укреплениями (самая большая концентрация во всей культуре): Луцино, Саввино-Сторожевское, Дунино, Успенское, Барвихинское, Знаменское, Дятлова Поляна, Кунцево. Эти поселения по форме площадок можно разделить на два условных типа: узкие вытянутые мысовые городища и другие: овальные, прямоугольные и треугольные. Для первых характерно расположение на мелких речках, притоках Москвы-реки в 600–5000 м от ее русла. На расстоянии друг от друга в 10–15 км (городища: Саввино-Сторожевское, Успенское, Дятлова Поляна, Барвихинское). Городища второго типа находятся исключительно на мысах, обрамленных оврагами, коренного берега Москвы-реки (городища Луцино, Дунино, Знаменское и Кунцево). Также городища этого кластера характеризует небольшая площадь поселений в диапазоне 900–2000 м.

Библиографический список

O. Nakoinz *Concepts of Central Place Research in Archaeology*. In: Kiel Graduate School „Human Development in Landscapes” (Hrsg.), *Landscapes and Human Development: The Contribution of European Archaeology*. (Bonn 2010).

Кренке Н.А. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // *Раннеславянский мир*. – Вып. 17. – М., 2016.

Чаукин С.Н., Успенский П.С. Ареал городищ дьякова типа // *КСИА*. – Вып. 242. – 2016.

С.Н. Чаукин, Н.А. Красильникова
Институт археологии РАН, Москва
ГИС КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.
НА ПРИМЕРЕ БАЗЫ ДАННЫХ ОКН МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сохранение археологического наследия является неотъемлемой частью работы как специалистов-археологов, так и государственных органов охраны культурного наследия. Представить подобную работу без учета, контроля и мониторинга невозможно. ГИС позволяет объединить в одном проекте все задачи по сохранению археологического наследия.

Одной из важнейших задач при создании базы данных является разработка единого стандарта описания, который бы подходил для решения разнообразных задач, в том числе научных и административных.

В области сохранения археологического наследия использование ГИС в основном связано с необходимостью управления огромным количеством (графических и текстовых) данных. Первый шаг в ГИС – это конвертация информации из аналогового формата в цифровой, чтобы заменить и улучшить операции и процедуры, которые часто выполнялись вручную. Использование пространственных технологий открыло новые возможности сохранения и охраны историко-археологического наследия.

Для реализации данного проекта используются пакет программ ArcGIS, векторные и растровые карты из открытых источников.

Объекты культурного наследия представлены в базе данных в виде точечного слоя. Каждая точка соответствует одному памятнику археологии, в атрибутивной таблице слоя имеется все доступные для анализа материалы. Сохранение археологического наследия подразумевает создание паспорта объекта, который включает характерные поворотные точки границ памятника. Эта информация может быть использована для реализации детального картографирования объектов археологии в виде полигонов в представленной базе данных.

Источником информации при создании базы данных на первом этапе служили издания «Археологической карты России. Московская область. Части 1–4». В дальнейшем обновление идет в основном из отчетов о разведках и раскопках на территории Московской области.

Атрибутивная таблица состоит из следующих параметров: название памятника, эпоха, датировка, культура, геоморфологическая ситуация.

Дальше работа с базой данных происходит посредством формулирования поисковых запросов. В представленной программе представлено два вида запросов: по пространственному расположению объектов и по атрибутивным характеристикам.

Важной особенностью ГИС является постоянное совершенствование и адаптация методов и инструментов. Так, данные дистанционного зондирования земли, космоснимки постоянно обновляются и улучшаются и находятся в открытом доступе. Кроме того, разрабатываются новые ГИС-программы с открытым исходным кодом и полностью бесплатны для пользователей. В сети Интернет содержится огромный массив векторной и растровой географической информации, в том числе данные, позволяющие создавать цифровые модели рельефа, позволяющего проводить исследования в рамках ландшафтной археологии.

Библиографический список

АКР. Московская область / авт.-сост. Г.Г. Король и др. ; под ред. Ю.А. Краснова. – М., 1994. – Ч. 1–4.

Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. – М., 2011.

Ю.П. Чемякин

Уральский государственный педагогический университет,

ООО Научно-аналитический центр «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург

ПРЕДКУЛАЙСКИЙ ЭТАП В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Еще полвека назад ранний железный век таежной зоны Западной Сибири представлял собой практически *terra incognita*. Суждения об огромной территории этой эпохи основывались на раскопках двух-трех памятников и на случайных находках, включая клады. В восточной части региона была выделена кулайская археологическая культура (АК), основные характеристики которой, исключая культовое литье и некоторые предметы вооружения, были неизвестны. В северо-западной части В.Н. Чернецовым охарактеризована усть-полуйская АК. В его представлении последняя была создана предками угров, а кулайская – предками самодийцев [Чернецов, 1953, с. 226, 238; 1971, с. 105].

Ситуация изменилась с конца 1960-х – начала 1970-х гг., когда в Нарымском и Томском Приобье развернулись работы томских археологов (Л.А. Чиндиной, Ю.Ф. Кирюшина, Л.М. Плетневой), в Новосибирском – Т.Н. Троицкой, а в Сургутском – уральских археологов. Итогами работ стали монографии о кулайской культуре в Новосибирском [Троицкая, 1979] и Среднем [Чиндина, 1984] Приобье. Т.Н. Троицкая полагала, что в Новосибирском Приобье кулайская АК появилась в результате миграции с севера в конце III – II в. до н.э. До этого на данной территории проживало население большебереченской АК [Троицкая, 1979, с. 45–46]. По мнению Л.А. Чиндиной, кулайская культура формируется в конце VI в. до н.э. «в результате взаимодействия традиций еловской и молчановской культур» и существует до V в. н.э. [Чиндина, 1984, с. 114, 120, 122], т.е. на протяжении всего раннего железного века. В этой работе [1984] Л.А. Чиндиной была представлена (в первую очередь на материалах из Среднего и Верхнего Приобья) история возникновения и последующего распространения кулайской АК на огромную территорию таёжного Обь-Иртышья. Следует заметить, что на прошедшем в 1976 г. в Новосибирске археологическом семинаре, посвященном проблемам кулайской АК, высказывались подчас взаимоисключающие мнения как об ее истоках, так и о хронологии [Ранний железный век..., 1978]. Сама Л.А. Чиндина [1984, с. 115], говоря о начале кулайской культуры, отмечала, что «керамика васюганского типа представляла сложную систему переплетения древних традиций и новых веяний и почти во всем Нарымском Приобье находила местные корни». Она допускала, что ареал формирования кулайской керамики может оказаться шире Нарымского Приобья, что отчасти подтверждали «находки керамики васюганского типа в Сургутском Приобье, где ее выводили из местной основы» [Там же]. Кроме того, «положение осложняется также тем, что проблемы хронологии, генеалогии и границ позднебронзовых культур Нарымского Приобья пока не решены... Неизвестны пути взаимодействия этих культур (как хронологического, так и территориального)» [Чиндина, 1978, с. 60].

К сожалению, с тех пор ситуация с изучением позднего бронзового и раннего железного веков в Нарымском Приобье мало изменилась. В Сургутском же Приобье обнаружены и исследованы десятки памятников эпох поздней бронзы и начала железа. Это позволило выявить непрерывную линию развития культуры в регионе и установить, что между эпохой бронзы и кулайским этапом существовал длительный период перестройки всей культуры, представленный белоярскими древностями [Чемякин, 1994; 2008, с. 60–78]. В это же время в Сургутском Приобье появляется новое население, вероятно, южнотаежного происхождения – носители калинкинской культуры. Взаимодействие местных племен с пришлыми привело к формированию около рубежа IV/III вв. до н.э. сургутского варианта кулайской культуры, или, точнее, сургутской кулайской АК. Сравнение сургутских материалов с нарымскими показало большое сходство (но не тождество) *ранних* васюганских памятников (с керамикой 2–3 и, отчасти, 4 типов, по Л.А. Чиндиной) с белоярскими. Отмечено, что на ранневасюганских памятниках отсутствуют или только появляются отдельные элементы кулайской триады (посуда с фигурно-штампованным орнаментом,

включающим оттиски «уточка», бронзовая металлопластика, оружие). Работы на сопредельных Принарымью территориях привели к выделению, кроме белоярской и калинkinской, самостоятельных новочекинской и богочановской АК, материалы которых прежде включались в кулайский ареал на васюганском этапе. С учетом всего этого нами было предложено памятники с васюганской керамикой второго-третьего (или даже четвертого, по Л.А. Чиндиной) типов считать предкулайскими, сохранив за ними название «васюганские» (васюганский тип, или культура).

Древности начала железного века сформировались на основе локальных вариантов (культур, типов памятников) огромной культурно-исторической общности (КИО) керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи бронзы. Для украшения сосудов на позднем этапе этой общности применялись крестово-струйчатые узоры, частично заменившие гребенчатые. К началу эпохи раннего железа относятся памятники белоярской и калинkinской АК в Сургутском и ранние васюганские в Нарымском Приобье, кульминского типа в бассейнах Конды, Тавды и Нижнем Приобье. Им синхронны древности гамаюнской и иткульской АК Зауралья, отчасти – богочановской АК южно-таежного Прииртышья, новочекинской АК Барабы, шеломокской (кижировской) АК Томского Приобья. Таким образом, в раннем железном веке таежной зоны Западной Сибири намечены два этапа – предкулайский и кулайский. Хронологические рамки первого определены рубежами VIII/VII – IV/III вв. до н.э. По наиболее изученным типам памятников предложено назвать его белоярско-васюганским [Чемякин, 1993]. Этот этап характеризовался ломкой культурных стереотипов предшествующего времени, распадом культурных образований эпохи бронзы и формированием новых. Переход от него к кулайскому этапу (этапу нивелировки материальной культуры) во всем таежном ареале происходил, вероятно, не единовременно.

Интересно, что к подобной мысли, но с иным пониманием происхождения кулайской культуры, еще в середине 1970-х гг. пришли А.И. и Г.С. Мартыновы: «ошибочно считать, что в лесной зоне Западной Сибири с V в. до н.э. существовала единая кулайская культура... Очевидно, на обширной лесной территории Западной Сибири выделяются две хронологически последовательные культурно-хронологические общности – культурная общность скифского времени VII – III вв. до н.э. и кулайская культурная общность II–I вв. до н.э. – первых веков нашей эры» [Мартынов, Мартынова, 1978, с. 32].

Библиографический список

Мартынов А.И., Мартынова Г.С. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978.

Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979.

Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993.

Чемякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / УдмГУ. – Ижевск, 1994.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут ; Омск, 2008.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – №35. – М., 1953.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – САИ. – В4–12 (2). – М., 1971.

Чиндина Л.А. Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск, 1984.

А. Чен¹, Д. Конг², Н.Н. Серегин³

¹Университет Пенсильвании, Филадельфия, США;

²Институт археологии Китайской академии
социальных наук, Пекин, Китай;

³Алтайский государственный университет, Барнаул

ДРЕВНЯЯ КАМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА
И ГЕОГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ЗАПАДНОМ ТЯНЬ-ШАНЕ

Каменные сооружения являются основной формой реализации наземных конструкций в погребально-поминальной практике древнего населения степной зоны Западного Тянь-Шаня. Эти комплексы, возведенные из гранита или речных камней, включают могильные плиты, насыпи, четырехугольные и округлые оградки, которые чаще всего концентрируются рядом с горами или на террасах. Конструкции подобных объектов могут быть дифференцированы для конкретных хронологических периодов в рамках середины II тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. Изучение памятников позволяет не только выявить динамику погребально-поминальных традиций, но и обозначить особенности территориального распространения комплексов в различные хронологические периоды. В данной работе представлены некоторые результаты сравнительного анализа ландшафтов двух районов Западного Тянь-Шаня – долин рек Бортала и Или.

В ходе исследований, проведенных в долине р. Бортала, зафиксировано 214 комплексов с более чем 10 тыс. объектов. Топографическая и аэрофотосъемка в сочетании с раскопочными работами проводились на 10 памятниках в течение пяти полевых сезонов с 2012 по 2016 г. В ходе раскопок изучено более 30 сооружений, идентифицированных как погребальная, ритуальная и поселенческая архитектура. Результаты пространственного и статистического анализа показывают значительную корреляцию между расположением комплексов и расстоянием до водных ресурсов. Другим важным фактором являлась связь между объектами различных периодов. Установлено, что в значительном количестве случаев более поздние комплексы сооружались на месте уже существующих сооружений. Эти выводы подтверждаются результатами исследований, проведенных на сопредельных территориях.

На основе имеющихся сведений каменные сооружения долины р. Или могут быть сгруппированы в рамках 142 комплексов и разделены на четыре основных типа: земляные насыпи, каменные курганы, каменные кольца или оградки, каменные насыпи с антропоморфной стелой [Zhang et al., 2012, с. 16–75]. Чаще всего встречаются одновременные некрополи с каменными или земляными конструкциями, включающие более 50 объектов. Земляные курганы, как правило, ориентированы по линии север–юг. Сооружения, сконцентрированные в рамках одной группы, в большинстве случаев характеризуются схожими параметрами.

Таким образом, проведенный пространственный и статистический анализ распространения комплексов в двух обозначенных речных долинах позволяет предположить, что стандартизованность архитектурных конструкций в рамках конкретных периодов и группировка объектов обусловлены строгим соблюдением погребально-поминальных традиций на основе существования клановых ассоциаций. Вариативность использования пространства в различных районах Западного Тянь-Шаня позволяет рассматривать динамику изменений в культуре скотоводческих обществ региона, а также в освоении ландшафтов на протяжении длительного времени.

Библиографический список

Zhang Y., Guo D., Zhao D. Survey Report of Cultural Relics in the Ili Region // A Collection of Essays on the Archaeology of the Ili River Valley. – Urumqi, 2012.

А.Н. Черкасов¹, Р.С. Веретюшкин², Н.А. Лейбова³

¹Фонд «Петропавловск», Москва;

²НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, Курск;

³Центр физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, Москва

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЗАЩИТНИКОВ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА КОНЦА XVII в.

Работа выполнена на средства Фонда «Петропавловск»,
при финансовой поддержке Министерства культуры РФ
и Русского географического общества

Албазинская археологическая экспедиция в 2011–2016 гг. проводила археологические работы на территории городища «Албазинская крепость» (Албазинский острог), находящийся на территории с. Албазино в Сковородинском районе Амурской области. Албазинский острог является памятником русского освоения Приамурья во 2-й половине XVII в. Его основание связывают с походом Ерофея Павловича Хабарова на Амур в 1650 г. В 1682 г. Албазин – укрепление русских переселенцев на Амур – стало воеводством. В 1685–1689 гг. вокруг Албазина развернулось военное противостояние русских и цинских войск, закончившееся с заключением в 1689 г. Нерчинского договора между Россией и Китаем, по которому Приамурье было оставлено русским населением, а укрепления Албазина разрушены.

Албазинский острог в плане имеет подпрямоугольную форму, ориентирован по сторонам света. Он находится на высоком левом (восточном) берегу Амура, протекающим здесь в меридиональном направлении. Длина крепости составляет около 100 м, ширина – около 70 м. Возможно, изначально крепость была подквадратной в плане, однако западная часть острога была уничтожена в результате эрозии берега Амура. Крепость обнесена остатками земляного вала высотой до 2 м и шириной до 10 м, с западной стороны вал отсутствует.

Ярким свидетельством драматических военных событий конца XVII в. было обнаружение в ходе археологических исследований погребений защитников крепости – двух коллективных и 20 одиночных захоронений.

Коллективные захоронения-«скудельни» были обнаружены в южной части крепости. Первая была ближе к центру, вторая – ближе к южному валу.

Первая «скудельня» была исследована в 2014–2015 гг. Захоронение было устроено в полуземляночном сооружении. Строение в плане имело подпрямоугольную форму, ориентированную близко к меридиональной, с размерами: 3,6 м – по направлению С–Ю и 2,6 м – по направлению З–В. Глубина составляла от 0,3 м до 0,7 м, глубина от современной поверхности – около 2 м. Вход в полуземлянку находился с северо-восточной части жилища. От входа хорошо сохранилась нижняя балка дверного проема – порог, выполненный из бревна диаметром свыше 0,2 м.

У южной стенки котлована в грунте была вырезана полка, предположительно использовавшаяся в качестве лавки. Высота полки от уровня дна котлована достигала 0,4 м. Вдоль западной стены котлована были зафиксированы два столба диаметром 0,08 м, забитые в грунт, вероятно, для фиксации деревянной обшивки.

К котловану сооружения примыкала с севера подпрямоугольная в плане яма, с размерами 1,6 м × 1,2 м. Ее стенки были укреплены вбитыми в дно вертикально деревянными столбами и плахами по бортам котлована. Глубина от современной поверхности составляла около 1,7 м. Уровень дна был на 0,4 м выше уровня пола в основном помещении постройки. В устроенной таким образом боковой нише-хранилище был обнаружен глиняный сосудик, восковые свечи и железный наконечник колющего орудия с округлой втулкой.

Предположительно, постройка изначально имела хозяйственное назначение. Об его активном использовании говорят находки двух серебряных копеек-«чешуек», явно потерянных на земляном полу строения. Затем постройка была приспособлена для коллективного погребения. На пол была постелена ткань, уложены несколько рядов деревянных досок. Тела усопших стали укладывать на пол помещения, начиная от дальнего угла от входа, головой на запад. На завершающем этапе формирования «скудельни» в сооружение были помещены у северной и южных стен над другими костяками захоронения в деревянных гробах.

Из-за особенностей грунта сохранность костей на памятнике очень плохая. Поэтому особое внимание было уделено использованию одонтологическим методикам. Изучение зубных комплексов позволило определить, что в «скудельне» находилось 64 человека – мужчины, женщины и около десятка детей. По данным одонтологии албазинцы в целом могут быть отнесены к представителям западного одонтологического ствола. Сравнение одонтологических характеристик группы взрослых, с одной стороны, и детей и подростков – с другой, выявляет начало процесса метисации албазинцев с представителями восточного одонтологического ствола.

В «скудельне» были обнаружены ружейные кремни, бронзовый наперсток, кожаные фрагменты одежды и обуви, фрагменты ткани, бронзовые пуговицы. Также были найдены два бронзовых нательных креста.

Второе коллективное захоронение было раскопано в 2016 г. Оно было также совершено в постройке с заглубленным котлованом, имевшим в плане подпрямоугольную форму и ориентированным сторонам света с сезонным смещением. Длина заглубленной части по линии запад-восток составляла 4 м, ширина по линии север-юг – 3,2 м. Глубина полуземлянки от современной поверхности составляла около 1,7 м. Вход в постройку располагался с востока, где при расчистке сооружения были обнаружены остатки деревянного дверного порога. Напротив двери, в северо-западном углу котлована, располагалась глинобитная печь.

Котлован постройки был заполнен костяками погибших албазинцев. Меньшая часть из них была помещена в гробы, остальные – без гробов. Общее количество погребенных в «скудельне» останков по предварительным подсчетам составило более 40 человек.

Коллективные захоронения на памятнике исследовались и ранее. Землянка с телами 57 человек в северо-западной части крепости была изучена в 1991–1992 гг., два подобных объекта также были раскопаны в 1975–1976 гг. [Артемьев, 1999, с. 113–114]. Обустройство коллективных захоронений в жилищах на территории Албазинского острога известно из исторических документов – из письма руководителя обороны Албазина Афанасия Бейтонанерчинскому воеводе И.Е. Власову: «И те умершие люди похоронены в городе в зимовье поверх земли без отпеву до твоего рассмотрению. А ныне я с казаками живу во всяком смрадном усыщении. А вовсе похоронить без твоей милости и приказу дерзнуть не хочу, чтоб, государь, в погрешении не быть. А хоте, государь, ныне и благоволишь похоронить, да некем подумать и невозможно никакими мерами» [Артемьев, 1999, с. 108].

Также экспедицией было исследовано 20 одиночных погребений. Они были совершены при общем соблюдении христианской обрядности – головой на запад. Часть из них была помещена в деревянные гробы, часть – уложена на отдельные доски, некоторые были помещены в могилы без каких-либо домовин и их подобий. Прослеженное разнообразие в соблюдении обрядности отражает постепенное ухудшение положения осажденных казаков в остроге.

Библиографический список

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток, 1999.

А.Н. Черкасов¹, А.П. Забияко², В.Р. Хоменкер¹
¹Фонд «Петропавловск», Москва;
²Амурский государственный университет, Благовещенск
АНГАЙСКИЙ МОГИЛЬНИК –
УНИКАЛЬНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
НА ВЕРХНЕМ АМУРЕ

Работа выполнена на средства Фонда «Петропавловск» при участии Амурского государственного университета

В 2014 г. в рамках Албазинской археологической экспедиции сотрудниками Амурского государственного университета в ходе разведок в пойме Амура к югу от с. Албазино в Сковородинском районе Амурской области был обнаружен Ангайский грунтовый могильник. В 2015 г. на территории могильника были исследованы погребения 8 человек, в 2016 г. – погребение одного человека.

Памятник расположен на расстоянии около 2,5 км от южной окраины с. Албазино в юго-восточном направлении в низкой пойме Амура на расстоянии около 2 км от линии берега на небольшой возвышенности-релке. Были обнаружены не менее шести углублений-западин диаметром 2–3 м, располагавшихся в ряд по направлению З–В.

На втором с востока углублении был разбит раскоп. На глубине около 1 м от современной поверхности были обнаружены и расчищены погребения 8 человек. В силу особенности грунта контуры могильных ям обнаружены не были.

Самым северным было погребение №1. По определению антропологов Д.В. Пежеского и Н.А. Лейбова, это останки молодой женщины 25–35 лет, она лежала вытянуто на спине головой на юго-восток. В районе головы, груди, ног были обнаружены фрагменты древесного тлена, возможно, это остатки гроба-колоды или лодки, в которой она была погребена. С правой стороны черепа были найдены незамкнутая месяцевидная серебряная серьга, в районе шеи – витой железный согнутый прут, возможно, шейная гривна. В районе бедер было найдено два железных кольца диаметром 4–4,5 см, возможно, элементы поясного набора. В дальнейшем по черепу из этого погребения была сделана графическая реконструкция лица (рис.).

Рядом, с южной стороны, обнаружено погребение №2. Это пожилая женщина старше 55 лет, она лежала также вытянуто на спине, головой на юго-восток. Под скелетом, рядом с ним был также зафиксирован древесный тлен, что позволяет предположить, что погребение было совершено в деревянной колоде-гробу.

На расстоянии около 0,8 м к юго-западу располагалось скопление костей №3, в том числе с фрагментами черепов и длинными костями. Проведенный в дальнейшем антропологический анализ определил, что в скоплении находились кости 4 человек. В скоплении было найдено почти сотня предметов – украшения и элементы одежды. Среди них более 50 – бусины и пронизи из пастового стекла бирюзового, синего, коричневого и красного цветов. Также были найдены ажурные металлические накладки подквадратной формы, бронзовые пуговицы в виде шаровидных подвесок с петельками, железные пластинчатые накладки, фрагменты цепочек, крючки, небольшие колечки, парные поясные кольца, каменный отщеп.

По определению антропологов, скопление включало в себя, предположительно, останки 4 человек: мужчины в возрасте старше 45–55 лет, мужчины в возрасте 25–35 лет, подростка или молодой женщины в возрасте 20–25 лет, мужчины в возрасте 25–35 лет. Возможно, это скопление представляло собой вторичное погребение.

Погребение №4 находилось в 0,4 м к югу от вышеуказанного скопления. Мужчина старше 55 лет лежал на спине вытянуто, головой на юго-восток. Под скелетом и по бокам были обнаружены пятна деревянного тлена, очевидно, остатки какой-то деревянной конструкции. Вместе с погребенным были найдены бусины из пастового стекла бирюзового цвета, ажурные металлические прямоугольные накладки, железные накладки, железный крючок, железное кольцо, бронзовое зеркальце.

К юго-западу от этого погребения почти вплотную находилось погребение №5. Мужчина старше 45–55 лет лежал в вытянутом положении, головой ориентирован на юго-восток. У бедра был найден длинный железный нож, рядом – китайская бронзовая монета и два крупных каменных отщепа. Также в районе таза были обнаружены железное поясное кольцо, железный крючок – очевидно, детали поясного набора.

Погребальный обряд, сопутствующий инвентарь позволяют предложить, что погребения оставлены носителями владимирской культуры позднего средневековья, которую обычно связывают с даурским населением Приамурья.

В 2016 г. площадь раскопа была расширена в восточном направлении, где было найдено погребение №6. В этом случае удалось проследить очертания могильной ямы – погребение находилось в подовальной в плане яме, вытянутой по направлению СЗ–ЮВ, шириной 2 м и длиной 2,2 м. В яме была сооружена деревянная прямоугольная конструкция: лежащие горизонтально деревянные доски, по периметру которых поставлены вертикально с трех сторон доски. Размеры конструкции – 1,6 м × 0,85 м.

В центральной части конструкции лежали человеческие кости не в анатомическом порядке и без полной скелетной комплектности, скорее всего, это было вторичное погребение. Под конструкцией были обнаружены следы сгоревшего дерева – возможно, следы ритуального костра, разожженного на дне могильной ямы для очищения перед погребением. Погребение было сооружено на глубине около 2 м от современной поверхности.

Вместе с костями были обнаружены поясная бляшка и поясной хвостовик, сделанные из цветного металла, а также около двух десятков бесформенных железных пластинок, железное кольцо, железная пряжка-крючок – очевидно, поясной набор. На поясной бляшке была изображена, предположительно, морда кошачьего хищника в фас, по краям бляшка была украшена растительным орнаментом, растительным орнаментом также был украшен хвостовик. Также в погребении был найден железный наконечник стрелы.

Надо отметить, что погребение №6 отличается от остальных изученных на памятнике погребений и по обряду, и по инвентарю, и по глубине, что позволяет предположить его более раннюю дату по отношению к остальным погребениям, а также то, что оно относится к другой археологической культуре. Возможно, найденный Ангайский могильник является многослойным памятником, для определения характера которого и датировки необходимы дальнейшие исследования.

Реконструкция лица по черепу из погребения №1

А.В. Чернецов
Институт археологии РАН, Москва
К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗНАКОВ СОБСТВЕННОСТИ

Первые десятилетия текущего столетия отмечены оживлением интереса к изучению традиционных знаков собственности разных народов. Этой тематике посвящаются крупные сборники статей и отдельные монографии [Nyamaa, 2005; Traditional Marking Systems, 2010].

История научного изучения русских знаков собственности начинается с публикации статьи П.И. Иванова (1861), которую можно отнести к консервативно-антикварному направлению. Обширная статья П.С. Ефименко (1874) представляет собой сравнительно-историческое исследование высокого академического уровня. В дальнейшем внимание исследователей привлекали преимущественно княжеские лично-родовые знаки.

Княжеские знаки впервые попадают в поле зрения ученых в связи с тем, что они представлены на монетах древнейших русских князей (Владимира, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого). Первое определение этих монет как русских принадлежит Ф. Кругу (1805). Однако изображенная на них «загадочная фигура» долгое время не могла получить убедительной интерпретации. Предположение, что она представляет собой юридический лично-родовой знак, было впервые выдвинуто А.А. Куником в 1882 г. С этого времени фонд известных исследователям подобных знаков удалось пополнить чрезвычайно многочисленными и разнообразными материалами. Важнейшую роль в изучении и систематизации русских княжеских знаков сыграли разработки Н.П. Лихачева (1930) и Б.А. Рыбакова (1940). Среди исследователей знаков Рюриковичей необходимо отметить также В.Л. Янина, А.А. Молчанова, С.В. Белецкого и С.М. Михеева. Всех этих ученых в первую очередь занимали попытки увязать отдельные знаки с конкретными историческими фигурами, задача выстраивания знаков в генеалогические стеммы.

Другие разновидности древнерусских знаков, представленные, в частности, на широком круге археологических объектов, привлекали гораздо меньшее внимание исследователей. Между тем в средневековом обществе право собственности предполагает, или, во всяком случае, допускает широкое использование юридических знаков в среде крупных и мелких феодалов, купцов и ремесленников и даже рядового сельского населения. Бытование подобных знаков неоднократно упоминается в письменных источниках, в том числе юридического содержания.

Обилие тамгообразных знаков на позднейших гербах русского дворянства может направить исследователей по ложному следу, поскольку в восточнославянских землях Речи Посполитой была распространена практика присвоения местной шляхте польских гербов (в польской геральдике один и тот же герб может использоваться разными дворянскими родами). При этом отдельные гербы, принесенные на Русь выходцами из Великого княжества Литовского, могли представлять собой татарские тамги (герб Глинских, возводивших свой род к Мамаю). Московский первопечатник Иван Федоров после переезда в Польско-Литовское государство присваивает себе и публично использует геральдическую эмблему чисто польского облика. Отметим, что В.Н. Татищев упоминает бытование лично-родовых знаков ряда знатных родов и их собственные названия (Порывай, Гамаюн, Минчак, Базулук и др.) [Хоруженко, 2014]. Начертания этих знаков не приводятся; возможно, это трансформация воспоминаний об использовании польских гербов.

Наиболее богат и разнообразен материал по древнерусским владельческим знакам, связанным с лесными угодьями (так называемые «бортные знамена»). Подобные знаки упоминаются в письменных источниках домонгольского времени, их начертания и наименования многократно воспроизводились в позднесредневековых рукописях. Как и в случае с тамгообразными знаками на польских гербах, открывается возможность анализировать не только начертания знаков, но и этимологию и семантику их названий. Будучи несомненно юридическими, владельческими знаками, «бортные знамена» тем не менее не привязаны

непосредственно к конкретным знатным или иным родам. Разные участки, принадлежавшие одному владельцу, помечались различными знаками; знак мог переходить к новому владельцу вместе с участком. Отметим, что различные знаки, встречающиеся в археологическом материале, например, на деревянных изделиях, нередко трактуются как «бортные знамена». Между тем для того, чтобы отнести их к владельческим знакам, которыми помечались лесные угодья, нужны убедительные аргументы.

Среди наиболее ранних русских знаков необходимо отметить граффити на иноземных монетах (в первую очередь на восточных дирхамах). Далеко не все они могут рассматриваться как владельческие. Однако наличие среди этих граффити несомненных знаков Рюриковичей свидетельствует о том, что часть знаков имела подобный характер.

Спорным представляется назначение гончарных клейм на днищах керамических сосудов. Широко распространена и достаточно серьезно аргументирована версия об их магическом, охранительном характере. Все же наличие среди гончарных клейм несомненных знаков Рюриковичей является аргументом в пользу их связей с владельческими знаками. Скорее всего, с идеей собственности связаны клейма, изображающие ключи. Кроме того, поскольку появление клейм связано с изготовителем или покупателем, их принадлежность (близость) к юридическим знакам представляется несомненной. То же касается знаков мастеров, маркировавших позднейшие металлические изделия и даже обувь.

Использование традиционных знаков собственности спорадически фиксировалось в первые послереволюционные годы (знаки, которыми помечались полевые и луговые угодья). Чрезвычайно любопытен зафиксированный в это время архаичный феномен использования знаков собственности на деревянных «жеребейках», применявшихся для метания жребия при переделах угодий.

Помимо знаков собственности, в средневековой Руси бытовали значки иного назначения, чисто декоративные «знакообразные» элементы. Это обстоятельство необходимо учитывать для того, чтобы не принимать одно за другое. Знаки, имеющие сходное и даже тождественное начертание, могли находить различное применение. Известно, что коми-зыряне использовали буквы алфавита, изобретенного для них Стефаном Пермским, в качестве знаков собственности. В рукописи «Псковского Кроника 1689 г.» приводятся начертания знаков и печатей, с помощью которых якобы утверждалась власть Рюрика и Ольги, причем им придается вид астрологических значков (так называемых «геомантических фигур») [Турилов, Чернецов, 2015, с. 62, рис. 6].

Библиографический список

Ефименко П.С. Юридические знаки (опыт исследования по сравнительному обычному праву) // Журнал министерства народного просвещения. – 1874. – №10–12.

Иванов П.И. О знаках, заменявших подписи в древней Руси // Известия Русского археологического общества. – 1861. – Т. 2, вып. 2.

Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. – Вып. 2. – Л., 1930.

Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. – 1940. – Т. VI.

Турилов А.А., Чернецов А.В. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – №3 (65).

Хоруженко О.И. Татищевское известие о дворянских именных знаках в историко-географическом аспекте // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории / под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. – Вып. III. – М. ; СПб., 2014.

Нуямаа В. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgas of Khans (13–14 cent.). – Ulanbaatar, 2005.

Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. – London. Dover, 2010.

Е.М. Черных
Удмуртский государственный университет, Ижевск
О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ГОРОДИЩ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОЛГО-КАМЬЯ

В изучении древних поселений центральное место отводится исследованию культурного слоя. В практике полевых исследований археологу приходится решать разные вопросы, связанные с характером культурных напластований. Принципиально важным для исследователя поселения является установить, является ли объект однослойным или многослойным, мощность и последовательность отложений, состав, цвет, структура отдельных напластований, каков характер нарушений, степень насыщенности остатками жизнедеятельности человека и т.д. Учитывая, что культурный слой формируется под влиянием природы и человека, в археологии принято ориентироваться на комплексный подход к его изучению.

В археологии раннего железного века Волго-Камья, при всей выразительности могильников (ананьинской и пьяноборской КИО), не менее яркую страницу его древней истории составляют поселенческие объекты и, прежде всего, городища. Именно городища стали своеобразной «визитной карточкой» раннего железного века этого региона, обратив на себя внимание исследователей XIX в. (А.А. Спицын, П.А. Пономарев и др.) культурными остатками в виде мощных зольно-углистых слоев, насыщенных костным материалом и таким образом войдя в историографию археологии как «костеносные городища».

На сегодняшний день в огромном ареале ананьинской КИО известно свыше 120 укрепленных поселений. Эта цифра весьма условна, поскольку подавляющее число выявленных памятников обследовано разведочным методом и далеко не везде находки ананьинского времени надежно связываются с функционированием городищенских слоев. Значительно возрастает количество городищ в Прикамье к рубежу эр (только на небольшом участке Камско-Бельско-Икского междуречья их количество, по подсчетам Д.Г. Бугрова, составляет 31).

Безусловно, что при столь значительной территории выделяются своеобразные мезорегионы, природно-климатические особенности которых, наряду с особенностями хозяйственных стратегий и взаимодействия с соседями, обусловили специфику укрепленных поселков в каждом из них. Эта специфика (социальные функции городищ – места постоянного обитания, убежища, культовые и производственные центры) нашла отражение и в особенностях генезиса культурного слоя, его накопления и археологизации.

Комплексные (междисциплинарные) исследования культурных слоев ананьинских и пьяноборских городищ имеют пока небольшую историю. Лишь чуть более двух десятилетий археологи из академических центров и вузов Татарстана, Удмуртии, Башкортостана реализуют ряд финансируемых проектов, в объективе которых находится собственно феномен самих слоев ананьинских и пьяноборских городищ, с апробацией широкого диапазона конкретных процедур их исследования с участием ученых-естественников (геофизика, геоморфология, почвоведение, палеоландшафт, палеоэкономика, абсолютное датирование, ГИС-технологии, пространственный анализ). Проекты, поддержанные научными фондами и целевыми программами государственной поддержки науки и образования, выполнялись на городищах Нижнего Прикамья, Среднего Поволжья, Нижней Белой, Вятки (Зуевы Ключи, Сорочьи Горы, Черепашье, Тойгузино, Скорняковское). Они не ограничивались лишь площадками самих памятников. В поле зрения исследователей включалась и ближайшая округа укрепленных поселений (ресурсных территорий). Результаты исследований частично опубликованы в виде статей и монографий.

Е.В. Четверкина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ ПОСУДЫ МИРМЕКИЯ

В отечественной и зарубежной историографии кухонной посуде традиционно уделяли скромное место, ей посвящено некоторое количество работ [Зеест, 1957; Кастанаян, 1952; Кругликова, 1957; Книпович, 1940; Лейпунская, 1987; Марченко, 1983; Sparkes, 1962; Sparkes, 1981; Sparkes, Talcott, 1970]. Но в последнее время появляется все больше публикаций, посвященных находкам кастрюль в комплексах, их датировке, определению их центров производства и типологическим особенностям [Чистов, Щербакова, Ильина, 2015; Amicone, Fenn, Heinze, Schneider, 2014; Anderson-Stojanović, 2000; Heinze, 2015; Klebinder-Gauss, 2012; Rostroff, 2006; Rotroff, Oakley, 1992]. Не вызывает сомнения важность изучения данной категории керамики, которая может стать источником ценной информации о керамическом производстве и технологии, торговле и торговых связях. Исследование кухонной посуды дает самое непосредственное представление о повседневной жизни древних греков в отличие от расписной посуды, отражающей ее парадную сторону.

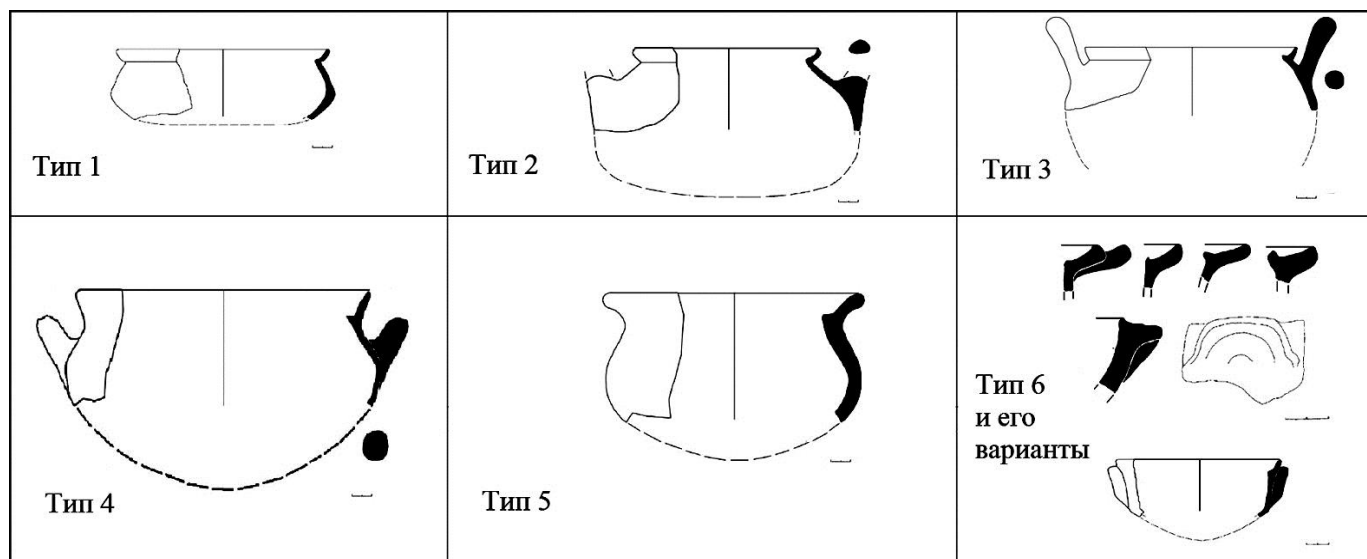
Целью данной работы является построение типологической и хронологической схемы развития форм одной из наиболее часто встречающихся категорий кухонной посуды – кастрюль.

Задачами данной работы являются:

- 1) выделение типов керамики с помощью типологического метода с применением статистических методов;
- 2) анализ стратиграфической ситуации и распределения определенных типов венчиков в слоях комплекса и датирующего материала характерного для этих напластований;
- 3) сопоставление с материалом других античных памятников Северного Причерноморья, континентальной и островной Греции, Малой Азии для выделения продукции местного производства, выявления импортной посуды и ее возможного влияния на форму местной кухонной керамики.

Источниковой базой для данного исследования являются кухонные сосуды из раскопок, проводимых археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на античном городище Мирмекий, расположенном на Карантинном мысу на территории современного г. Керчи, автономная Республика Крым. При раскопках городища обнаружено огромное количество кухонных кастрюль, но при этом – совсем небольшое количество целых форм. С учетом сильной фрагментации сосудов имеется возможность проводить анализ в основном только по профильным частям. Из большого количества археологического материала выбрана группа кухонной керамики (кастрюль), выполненная как гончарным, так и лепным способом. Фрагменты сосудов, вошедшие в выборку, происходят из городских слоев разного времени, датирующихся V в. до н.э. – I–II вв. н.э., в материале лучше всего представлен эллинистический период. Всего в исследовании было проанализировано около 500 фрагментов керамики.

В ходе исследования было выделено 6 типов кастрюль, относящихся к продукции местного производства. Хронологически почти все типы существуют довольно долго, от двух до нескольких столетий, появляясь в позднеархаическую и классическую эпоху и прекращая свое существование в позднеэллинистическое время. Сильное повреждение слоев римского времени городища не позволяет установить, продолжалось ли производство определенных типов кухонных кастрюль, из твердо датированных комплексов происходят единичные экземпляры, что может указать лишь на продолжение существования такой формы кухонного сосуда в целом. Небольшую часть кухонных кастрюль можно считать импортной продукцией производства Афин, Южной Ионии, Эгины, но их немногочисленность не позволяет дать исчерпывающие сведения о торговых отношениях Мирмекии в позднеклассический и эллинистический период.

Типы кухонных кастрюль Мирмекия середины VI в. до н.э. – I–II вв. н.э.

Библиографический список

- Зеест И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. – №56. – М. ; Л., 1957.
- Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки / МИА. – №25. – М. ; Л., 1952.
- Книпович Т.Н. Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. – Т. I. – Киев, 1940.
- Кругликова И.Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI–III вв. до н.э. // МИА. – №56. – М. ; Л., 1957.
- Марченко К.К. Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. – 1 в. до н.э. // Археология. – 1983. – №43.
- Лейпунская Н.А. Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – Киев, 1987.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Щербакова О.Е. Кухонная керамика и кухонное оборудование Березанского поселения // Клио. – 2015. – №11 (107).
- Anderson-Stojanović V.R. Dinner at the Isthmus: Hellenistic Cooking Ware from the Rachi Settlement at Isthmia // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική, Βόλος, 17–23 Απριλίου 2000, Athens.
- Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G. Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times. – URL: <http://www.fera-journal.eu> Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde 25. – 2014.
- Heinze L. Between adoption and persistence: two regional types of pottery from late classical and early hellenistic Priene // Keramos. Ceramics: a cultural approach. Proceedings of the First International Conference at Ege University, May 9–13, Izmir. Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2015.
- Klebinder-Gauss G. Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. – Wien, 2012.
- Rostroff S.I. Hellenistic pottery: the plain wares / The Athenian agora, vol. XXXIII. – Princeton ; New Jersey, 2006.
- Rotroff S.I., Oakley J.H. Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora // Hesperia Supplements. – 1992. – Vol. 25.
- Sparkes B. Greek kitchen // The Journal of Hellenistic Studies. – 1962. – Vol. 82.
- Sparkes B. Not cooking but baking // Greece and Rome 28. – 1981.
- Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian agora, vol. XII. – Princeton ; New Jersey, 1970.

А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

К ПРОБЛЕМЕ ПУТЕЙ ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМИ ПОПУЛЯЦИЯМИ
ТЕРРИТОРИИ АРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (Западный Казахстан)

Проблемами происхождения и развития культур каменного века Средней Азии и Казахстана занимались такие исследователи среднеазиатской археологии, как А.П. Окладников, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Медоев, В.А. Ранов и др.

По Х.А. Алпысбаеву [1979], для индустрии раннего этапа палеолита характерно развитие по азиатскому пути (галечная линия). Однако, по мнению А.Г. Медоева [1982], эти комплексы принадлежат леваллуазской линии развития, так как большая часть чопперов и чоппингов является результатом выработки леваллуазских нуклеусов для получения черепаховидных отщепов.

В.А. Ранов, вслед за А.П. Окладниковым, предложил концепцию о существовании на территории Средней Азии двух культурных зон, одна из которых связана с западом (Передняя Азия), вторая – с востоком (Восточная Азия). В.А. Ранов выделил контактную зону с двумя линиями развития: для одной (группа А) на первоначальной стадии характерны рубила, для другой (группа Б) – галечные изделия (чопперы, чоппинги). Первая линия развития своим происхождением обязана культурам Передней Азии, вторая – культурам восточно-азиатского облика [Ранов, Шефер, 2000].

Также одним из возможных путей заселения территории запада Средней Азии и Казахстана (и, вероятно, Поволжья и Приуралья) является Закавказский путь, возможность которого не исключают В.П. Любин и Л.Б. Вишняцкий [Любин, 1998]. В это время древнеашельское население осваивает пространства равнин, новые источники каменного сырья. Происходит постепенная эволюция каменного инвентаря с сохранением традиции двусторонней обработки орудий.

Анализ индустрий с бифасами Каспийско-Аральского региона показал, что раннепалеолитические комплексы с бифасами в Казахстане и Туркмении обладают сходными технико-типологическими параметрами с ашельскими комплексами постбакинского времени в Дагестане и связаны с леваллуа-ашельской индустриальной традицией. Наиболее вероятным временем ашельских миграций с Северного Кавказа в восточные районы Прикаспия являются периоды сингильской и чернойярской регрессий (изотопные стадии 11, 9 и 7). Экологические условия в неоплейстоцене на территории Каспийско-Аральского региона в целом были благоприятны для проживания первобытных сообществ. Наиболее оптимальными в палеоклиматическом и палеоландшафтном отношении являлись пограничная зона леса и степи и прибрежные участки крупных внутренних водоемов [Зенин А.Н., Зенин В.Н., 2010].

Как показано выше, интерпретация палеолитических комплексов с бифасами в Северном Приаралье и Казахстане в целом представляется довольно сложной. Во-первых, большинство памятников не датировано или датировано лишь предположительно. Во-вторых, источником распространения раннепалеолитических индустрий, предшествующих изучаемым комплексам, имеют как восточные (Передняя Азия и Ближний Восток), так и западные черты (Кавказ).

Библиографический список

- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1979.
Зенин А.Н., Зенин В.Н. Регрессии Каспия и возможные пути древнейших миграций с Кавказа в Центральную Азию // Карабах в каменном веке. – Баку, 2010.
Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб., 1998.
Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата, 1982.
Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №2.

А.Н. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА–
БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ
(материалы 3 слоя стоянки Устье Реки Кутарей)

Полученный в ходе широкомасштабных археологических работ на территории Северного Приангарья в 2010–2011 гг. археологический материал (в том числе на памятниках в устье р. Кутарей: Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) требует осмысления и культурно-хронологической интерпретации.

К основным проблемам изучения памятников Приангарья относят преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов, слабую стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, компрессионный характер отложений, высокую степень естественных и техногенных нарушений. Наиболее насыщенным артефактами и перспективным для изучения в контексте представленной проблематики является слой 3 стоянки Устье реки Кутарей (выявлены обширные участки без техногенных повреждений). Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. В ситуации компрессионного характера отложений относительным культурным и хронологическим маркером может служить керамический материал (рис.-15–22).

В коллекции комплекса 1 (является смешанным) (1090 фрагментов керамики, 53 фрагмента венчиков) преобладает керамика усть-бельского типа – 23%, текстильная – 24%, посольского типа – 1%, тонковаликовая керамика – 7%, керамика цэпаньской культуры – 1%. Комплекс 2 содержал только неолитическую керамику (всего 179 фрагментов, 4 фрагмента венчиков): убк – 9%, посольская – 9%, текстильная с выраженными отпечатками – 48%. Тонкостенные сосуды с характерным «жемчужным» орнаментом в верхней части венчика, широко распространенные на стоянках Северного Приангарья и относящиеся к эпохе бронзы, комплексе слоя 3 отсутствуют.

Согласно последним данным комплексы с керамикой усть-бельского типа датируются 6600–4100 л.н.; комплексы с керамикой – 5,5–5 тыс. л.н. [Бердников, 2013, с. 221].

В орудийном наборе (комплекс 1, 290 экз.) большой удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а так же массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла, цапфенные топоры), в то время как в индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют (рис.-1–14). Стоит отметить объемный многофасеточный резец-дрель (рис.-7). В сочетании с развитой микропластинчатой технологией орудия такого типа ряд авторов относит к мезолитической традиции [Томилова, 2014, с. 82].

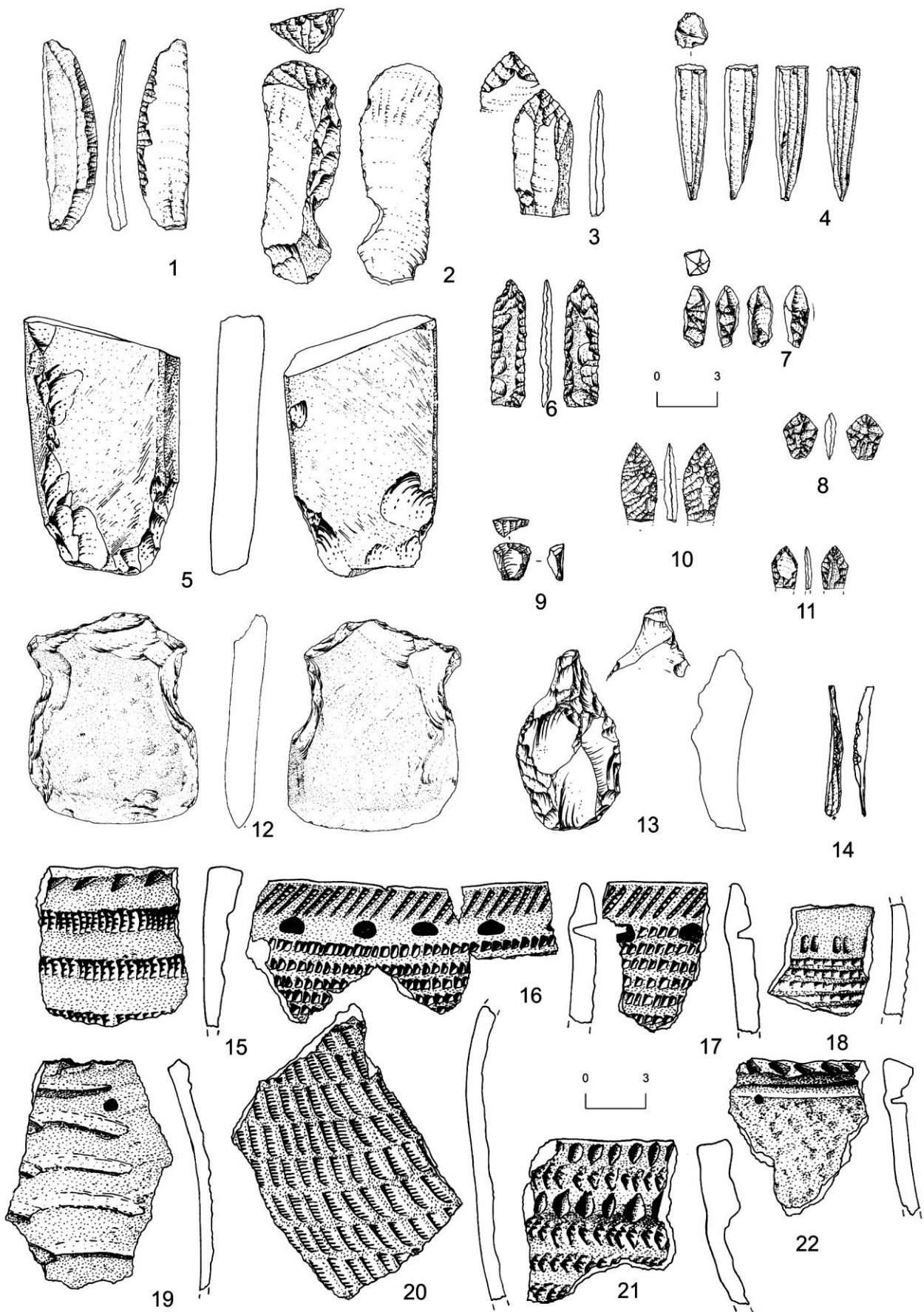
Наиболее близкие аналогии обнаруживаются с материалами стоянки Усть-Кова-1.

Перспективным представляется дальнейшее сравнение материалов 3 слоя стоянки Устье Реки Кутарей с материалами Кутарейского участка для более детального установления культурных и хронологических связей.

Библиографический список

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геoархеология, этнология, антропология. – 2013. – №1 (2).

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геoархеология, этнология, антропология. – 2014. – Т. 8.

Материалы слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей: 1 – нож; 2 – скребок на пластине с выемкой; 3 – остроконечник; 4 – карандашевидный нуклеус; 5 – тесло; 6 – проколка; 7 – многофасеточный резец-дриль; 8, 10, 11 – наконечники; 9 – микроскребок; 12 – топор с цапфами; 13 – скребок с носиком; 14 – микропластина (16, 17, 20 – убк; 19 – тонковаликовая керамика; 18, 22 – текстильная)

В.П. Чеха, Н.И. Дроздов, В.И. Макулов
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Красноярск
ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА
В БАССЕЙНЕ ЕНИСЕЯ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Честь открытия палеолита на Енисее принадлежит директору Красноярской женской гимназии И.Т. Савенкову. В 1884 г. в карьерах по добыче глины для кирпичных заводов он обнаружил изделия из камня, которые располагались рядом с костными останками мамонта и других представителей четвертичной фауны. В следующем году он провел водную разведку по Енисею от Красноярска до Минусинска, в процессе которой им были обнаружены несколько стоянок каменного века [Савенков, 1886]. В последующие годы, вплоть до начала охранно-спасательных археологических работ в зоне ложа водохранилища Красноярской ГЭС специальных исследований памятников каменного века на этом участке Енисея не проводилось, за исключением отдельных сборов подъемного материала. Но раскопные работы проводились на стоянках Афонтовой Горы в Красноярске.

В ходе охранно-спасательных работ Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР в ложе Красноярского водохранилища в 50–70-е гг. XX в. были открыты и изучены десятки позднепалеолитических памятников, что позволило выделить кокоревскую и афонтовскую археологические культуры на Енисее [Абрамова, 1979].

После наполнения водохранилища начался активный процесс абразии береговой линии, в результате которого обнажились культурные слои десятков памятников каменного века, приуроченных к гипсометрическим отметкам, на 20–80 м превышающих высоты террас ранее исследованных памятников и зачастую отстоящих на несколько километров от затопленного русла Енисея [Абрамова и др., 1991].

В 1986 г. сотрудниками Красноярского пединститута в районе п. Куртак Новоселовского района Красноярского края были найдены архаичные каменные изделия и многочисленные костные остатки мамонтовой фауны, что положило начало комплексному исследованию древних памятников этого района, продолжающееся по настоящее время. В результате совместных исследований КЛАПСС ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В.П. Астафьева были выявлены и исследованы десятки стоянок раннего, среднего и позднего палеолита и был выделен Куртакский геоархеологический район [Дроздов и др., 2007]. На основании комплексных материалов, полученных на стоянках Среднего Енисея, в том числе была разработана «Местная стратиграфическая схема четвертичных отложений Северо-минусинской впадины (Куртакский геоархеологический район), схема «Хронологической и геологической периодизации палеолита Средней Сибири» [Дроздов и др., 2007].

Первые следы пребывания человека в бассейне Енисея зафиксированы в самаровское время (около 270 тыс. л.н.). Комплексными исследованиями установлено, что как в этот этап, так и впоследствии прослеживается его связь либо с первыми половинами похолоданий с климатом умеренно-холодным и достаточно влажным (самаровский этап, начало среднего сартана), либо с переходными от потеплений к похолоданиям периодами (раннемуруктинский, позднекаргинский этапы). Хронологически такие периоды занимали основную часть климатических циклов плейстоцена. Как наиболее теплые периоды (казанцевское время, раннекаргинское время), так и климатически кризисные и аридные приводили к миграциям, перемещениям человека из исходных мест обитания. Непрерывно-прерывистый ход развития древних человеческих обществ, вероятно, и определявший циклическими изменениями природы, выглядит так: самаровский этап (ранний палеолит) – перерыв – раннемуруктинский этап (типичное мутье) – перерыв – каргинское и сартанское время с рядом стадий позднего палеолита, разделенных перерывами (конощелье – 33–29 тыс. лет, начало сартана – 22–18 тыс. лет). При этом представляется, что основной формой влияния природы на человека служил и фактор пространственно-географического разнообразия региона в плейстоцене. Это обуславливало крайнюю неравномерность его расселения. При этом повышенная плотность палеолитических поселений определялась во

все времена законом «контрастности географических сред». Определявшей образ жизни была зависимость от природных ресурсов, в первую очередь от промысловых видов крупных млекопитающих.

Процесс выявления и изучения ранее неизвестных памятников каменного века в долине Енисея происходит постоянно, наряду с изучением уже известных разновременных палеолитических памятников. В ходе этих работ сотрудниками КЛАПСС и КГПУ открыты и исследуются десятки археологических памятников позднего палеолита в Дербинском заливе Красноярского водохранилища и прилегающих к нему территориях, вблизи п. Дивный, п. Приморск [Дроздов и др., 2005; Акимова и др., 2015]. Это позволяет более детально прорабатывать вопросы и схемы первоначального заселения и освоения человеком этого региона.

В 80–90 гг. XX в. сотрудниками КЛАПСС под руководством Е.В. Акимовой была исследована многослойная позднепалеолитическая стоянка Лиственка, расположенная в долине одноименного правого притока Енисея на окраине г. Дивногорска. На площади памятника были зафиксированы следы древнего жилища и обнаружен костный антропологический материал [Дроздов и др., 2005].

Масштабные исследовательские работы были проведены комплексные исследования на позднепалеолитических стоянках Афонтова Гора и других памятников в г. Красноярске и его окрестностях (Военный Городок, Переселенческий пункт, Государев Лог и др.). В результате исследований была открыта новая стоянка Афонтова Гора-5, материалы которой позволили датировать ее возрастом, более ранним, чем комплекс одноименных памятников – 33 т.л.н. Результаты комплексных исследований дали возможность выделить Красноярский георхеологический район, включающий памятники на территории г. Красноярска и в его окрестностях. Была произведена их культурно-хронологическая привязка и корреляция с материалами кокоревской и афонтовской археологических культур, выделенных ранее З.А. Абрамовой.

В последние пять лет на комплексе памятников Афонтовой Горы ведутся широко-масштабные охранно-спасательные археологические работы, связанные со строительством моста через Енисей и подъездных путей к нему. Раскопки дали огромный археологический материал, в том числе и костные останки, принадлежащие человеку – нижняя челюсть девочки 14–15 лет, возрастом около 13–14 тыс. лет.

Проведенные и продолжающиеся археологические исследования в бассейне Енисея позволяют говорить о перспективности их продолжения в целях решения вопросов как первоначального заселения региона, так и дальнейшего его освоения человеком.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск, 1979.
- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск, 1979.
- Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицин Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л., 1991.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Орешников И.А., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Новые стоянки каменного века в северной части Красноярского водохранилища // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 7. – Красноярск, 2015.
- Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // ИВСОРГО. – 1886. – Т. 17, вып. 3–4.
- Дроздов Н.И., Акимова Е.В., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Кольцова В.Г., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск ; Новосибирск, 2005.
- Дроздов. Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Хазартс П. Археология и четвертичные отложения Куртакского георхеологического района. – Красноярск, 2007.
- Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н. Куртакский георхеологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири // РА. – 2007. – №4.

И.Ю. Чикунова
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНО-ТАЕЖНОМ ПРИТОБОЛЬЕ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по материалам Ипкульского АМР)

Показательным примером зависимости выбора территории для заселения и освоения (в древности и средневековье) от хозяйственных предпочтений населения, политических, демографических, экономических, климатических условий и обстоятельств в археологическом плане является наличие кустов памятников, комплексов и целых микрорайонов.

Пониманию этнокультурной ситуации в южно-таежном Притоболье в раннем железном веке и средневековье немало способствовало изучение схемы расположения одно/разнокультурных синхронных и разновременных археологических объектов Ипкульского археологического микрорайона (АМР), расположенного в Нижнетавдинском районе Тюменской области. Обилие проточных озер и многочисленные притоки Тобола и Тавды способствовали достаточно плотному заселению этой территории. На берегах рыбных и по настоящее время озер сосредоточено около сотни археологических памятников [Матвеев и др., 1987]. Вокруг озер Магат, Шапкуль, Байрык обнаружено в разное время по 5–15 памятников. Самая большая концентрация наблюдается на берегах проточного озера Ипкуль, его притока и истока – около 30 объектов. Раскопками и разведками изучены некоторые поселенческие и погребальные памятники, позволившие не только выделить этапы освоения ипкульских окрестностей, но и сделать попытку реконструировать основные тенденции этнокультурной ситуации.

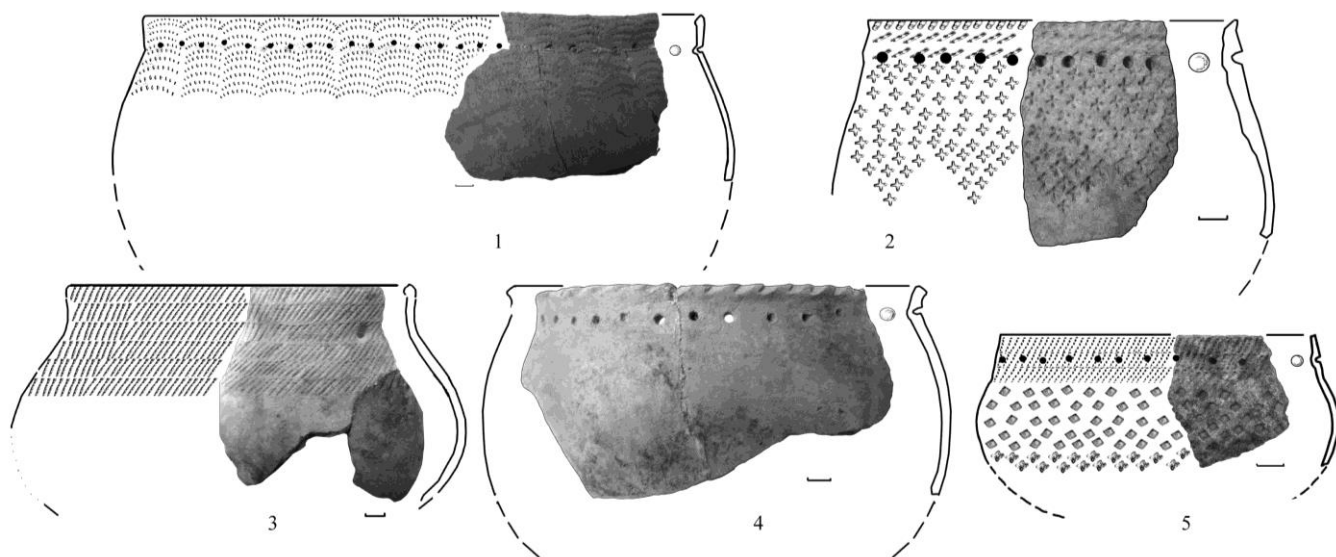
На финальном этапе раннего железного века в описываемом регионе фиксируются большей частью поселки с материалами саргатского населения – поселения Исток-1–4, Ипкуль-14–16, Лисий Бор-1 и 2, Ипкульский курганный могильник. Исследованные объекты включают как чистые саргатские комплексы, так и смешанные: с кашинским (пос. Исток-3), с карымским, кушнаренковским, бакальским и местным «ипкульским» материалами (пос. Ипкуль-15).

В переходный период и в раннем средневековье в Ипкульском АМР можно проследить продолжение тесных контактов нескольких культурных образований. В одном из жилищ поселения Лисий Бор-2 находился очень интересный керамический комплекс, включающий фрагменты сосудов четырех разных типов. Причем можно говорить с уверенностью об одновременности их попадания в заполнение жилища, что, в свою очередь, свидетельствует об этнокультурной неоднородности обитателей поселка. Интересно, что в комплексе не встречено ни одного черепка от саргатской посуды, хотя саргатское жилище находится рядом.

Из 33 реконструированных орнаментированных сосудов: 12 бакальских (рис.-4), 10 карымских (рис.-2, 5), 8 «ипкульских» (рис.-1) и 3 кушнаренковских (рис.-3).

Таким образом, можно заключить, что в конце раннего железного века и начале эпохи средневековья в южнотаежном Притоболье фиксировалась неоднозначная во многих аспектах, интересная этнокультурная обстановка. Не исключено, что носители разных культур, имея схожие хозяйственно-культурные характеристики, практиковали не только торгово-обменные, военные, но и брачные отношения. Эти предположения косвенно подтверждаются материалами близлежащего Ипкульского могильника, сочетающими разнокультурные артефакты в одном погребении и/или кургане [Корякова, Федоров, 1993, с. 79–80, рис. 2; Чикунова, 2012], а также поселения Ипкуль-15 [Корякова, Морозов, Суханова, 1988, с. 117–129]. Подобная ситуация фиксируется и на поселении М. Байрык-1, где в небольшой постройке находились фрагменты 56 сосудов бакальского (29) и карымского (27) облика [Чикунова, 2004, с. 210].

В эпоху средневековья на данной территории исследованы городища (Ипкуль-13 и Барсучье), содержащие в основном керамическом комплексе юдинской культуры некоторую примесь керамики северного облика – зеленогорской, вожпайской и кинтусовской [Косарев, Старков, 1971; Матвеева, Бахарева, 2003].

Керамика поселения Лисий Бор-2

Библиографический список

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири : сборник научных трудов. – Свердловск, 1988.

Корякова Л.Н., Федоров Р.О. Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1993.

Косарев М.Ф., Старков В.Ф. Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1 №4497.

Матвеев А.В. и др. Отчет о НИР «Исследования по подготовке свода археологических памятников южнотаежной зоны Тюменской области (Вагайский, Яркоковский, Нижнетавдинский районы) // Архив ЛА ИПОС СО РАН. №6/28а. 1987 г.

Матвеева Н.П., Бахарева (Рафикова) Т.Н. Сравнительный анализ средневековых керамических комплексов лесного Зауралья // Источники по истории Западной Сибири. Часть I : материалы региональной научной конференции. – Сургут, 2003.

Чикунова И.Ю. Комплекс археологических памятников на р. Иске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – №5.

Чикунова И.Ю. Отчет о полевых исследованиях 2010 и 2011 гг. Раскопки Ипкульского курганного могильника в Нижнетавдинском районе Тюменской области. – Тюмень, 2012 // Архив ЛА ИПОС СО РАН. №7/14.

Чикунова И.Ю. Отчет о полевых исследованиях 2014 г. Раскопки поселения Лисий Бор-2 в Нижнетавдинском районе Тюменской области. – Тюмень, 2015 // Архив ЛА ИПОС СО РАН. №7/18.

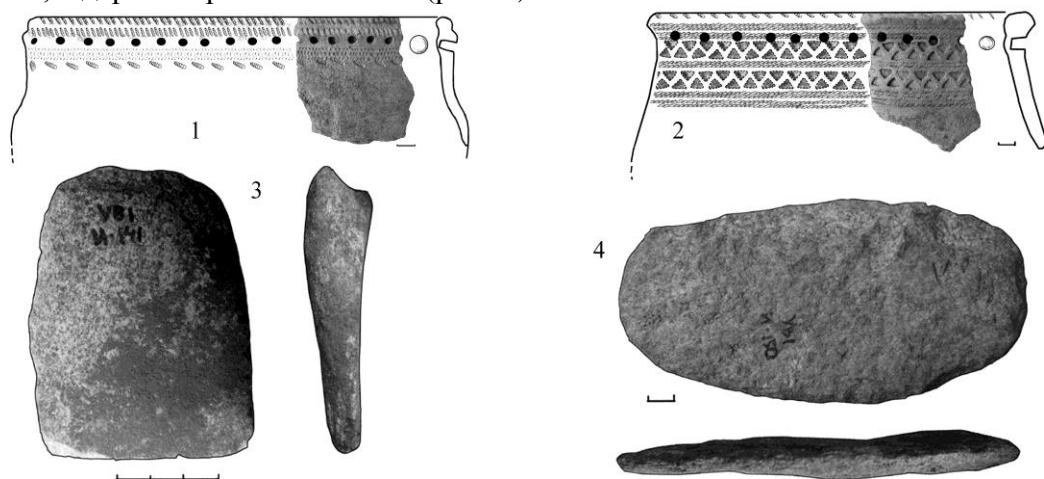
Чикунова И.Ю. Отчет о полевых исследованиях 2015 г. Раскопки поселения Лисий Бор-2 в Нижнетавдинском районе Тюменской области. – Тюмень, 2016 // Архив ЛА ИПОС СО РАН. №7/19.

И.Ю. Чикунова, С.Н. Скочина, В.В. Илюшина
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
ВЕЩЕВОЙ И КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВАСЬЁГАН-1
(Северное Приобье)

Изучение процессов проникновения, освоения, заселения северных территорий в древности – весьма интересная, но до сих пор малоизученная проблема. Свой вклад в ее освещение и пополнение блока информации о древней истории и процессах освоения в различные эпохи территорий Северного Приобья и Заполярья могут внести результаты исследования раскопанного нами в 2013–2015 гг. производственно-жилого комплекса из трех помещений, одно из которых использовалось для хозяйственных работ, чистки рыбы, приготовления пищи; второе – для сна и отдыха; третье – судя по наличию ямы, забитой ошлакованной посудой, углем, шлаками, крошечным сожженным костям, обожженным камням, каменным орудиям – применялось для каких-то производственных целей. Комплекс принадлежал одной семье/домохозяйству.

Вещевой комплекс включает: металлические изделия – железные ножи и кинжал, бронзовые антропо- и зооморфные плоские отливки, сланцевые каменные, бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый перстень и др. [Чикунова, 2016, с. 217–220].

Особый интерес представляет внушительная коллекция изделий из камня (108 экз.). Исходным материалом для изготовления орудий служили разной величины плитки и гальки, представленные черным плитчатым сланцем, крупнозернистым кварцевым песчаником со слюдой, серым плитчатым песчаником, серо-зеленым сланцем, гранито-кварцевыми гальками. Причем подбирались обломки пород, не требующие дополнительной обработки или требующие минимальных приемов оформления. В технике обработки отмечается шлифовка, двухсторонняя оббивка рабочего края, частичная абразивная обработка, частичное ретуширование. Типологически представлены двухсторонне оббитые тесла и скребковидные изделия, абразивные плитки (рис.-3), гальки с оббивкой на торце, сколы со шлифованных орудий, обломки плиток и сколы с галек. В целом ассортимент орудий труда достаточно разнообразен и характеризует такие производственные процессы как обработка камня, дерева, кожи и металла. В металлообработке использовались небольшие плитки; галечные орудия служили молоточками-отбойниками; в кожеобработке участвовали скребки из плиток, в деревообработке – тесла (рис.-4).

Городище Усть-Васьёган-1: 1, 2 – сосуды 1 и 2 группы; 3, 4 – каменные орудия

Коллекция фрагментов от средневековой посуды составляет чуть более 1000 единиц. К сожалению, комплекс довольно измельчен. По большинству фрагментов невозможно считать орнаментальную схему целиком, чтобы отнести к какому-либо сосуду. Полноценных фрагментов, годных для графической реконструкции сосуда, мало, по ним реконструировано 130 емкостей.

Большая часть горшков выполнена по одному стандарту. Они имеют прямую, реже слегка отогнутую шейку, уплощенный срез венчика зачастую с карнизиком изнутри или небольшим наплывом снаружи. Обработка поверхности комбинированная, встречаются следы обработки шпателем, щепкой, травой, заглаживания мягким предметом. Нередко встречаются отпечатки пальцев рук. Диаметр сосудов по венчикам варьирует в основном в пределах от 16 до 30 см. Судя по отсутствию в комплексе плоских или приостренных днищ и сильно профилированных фрагментов стенок, все сосуды были круглодонные с в меру раздутым шарообразным туловом.

Большинство сосудов орнаментировано. Узор обычно располагается в трех зонах: по шейке (включая все проекции венчика), переходу и плечу. Тулово, придонная часть и дно не орнаментировались. Абсолютное большинство сосудов имеет поясok из круглых ямок вдоль венчика, зачастую на чистом поле, окаймленном большей частью наклонными или горизонтальными отпечатками гребенчатого штампа, являясь, таким образом, основой для образования различных вариантов орнаментации комплекса. Анализ орнаментальных композиций всего комплекса, полученного за три года, позволил предварительно выделить в комплексе две группы: **1** – с простой обедненной композицией, состоящей из пояса ямок, отрисков отступающей гребенки (рис.-1). Композиции узоров несложные и строго зональные. Группа **2** – более «нарядная» (рис.-2). Имея в основе ту же начальную композицию (отриски отступающей гребенки по венчику и поясok ямок на чистом поле), они украшены отрисками уголкового, крестового штампов, «уточкой», иногда в сочетании друг с другом. Характерным для 2 группы является использование отрисков шнура в качестве разделителей орнаментальных зон. Обе группы залегают совместно по всей площади раскопов.

Технико-технологический анализ выделенных групп позволяет заключить, что при их изготовлении использовались в основном слабозапесоченные глины. В состав формовочных масс всегда включалась дресва. Традиционным рецептом составления формовочных масс для группы 1 выступает состав «глина + дресва» (80%), для группы 2 – «глина + шамот + органический раствор» (80%). Некоторые различия наблюдаются на ступени обработки поверхностей – использовались разные инструменты. Обработка поверхностей сосудов группы 1 чаще всего осуществлялась щепой. Сосуды группы 2 заглаживались деревянными шпателями и мягкими материалами, иногда уплотнялись. Принципиальных различий в обжиге сосудов не зафиксировано, он проводился в простых кострищах или очагах с кратковременной выдержкой при температурах не ниже 650° С. Вероятно, орнаментальные и технико-технологические отличия групп керамического комплекса связаны с функциональным назначением посуды либо обусловлены иными причинами.

Таким образом, хочется еще раз обратить внимание на неординарность вещевого и керамического комплекса городища Усть-Васьёган-1. Безусловно интересен факт столь широкого применения каменных орудий в различных производствах. Керамический комплекс Усть-Васьёгана-1, орнаментация которого выстроена на карымских и ярсалинских мотивах с небольшим включением «уточек», больше характерной для кулайского времени, очень своеобразен и заслуживает отдельного исследования [Чикунова, 2014, с. 554–558; 2015, с. 215–216].

Радиоуглеродные датировки ограничивают время функционирования городища IX–XII вв. (СОАН-9279 1165 ± 50 лет и СОАН-9278 860 ± 50 лет).

Библиографический список

Чикунова И.Ю. Городище Усть-Васьёган 1 в Северном Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. III. – Казань, 2014.

Чикунова И.Ю. Усть-Васьёган 1 – средневековое городище в Северном Приобье // Материалы IV Северного археологического конгресса. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск, 2015.

Чикунова И.Ю. Зооморфная и антропоморфная металлопластика городища Усть-Васьёган 1 (Северное Приобье) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) : материалы Международной конференции / под ред. В.В. Боброва. – Кемерово, 2016.

А.А. Чубур

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, Брянск
АНТРОПОМОРФНАЯ КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА ПАЛЕОЛИТА

Редким видом искусства палеолита является кремневая скульптура, выполненная в технике ретуши. Основные черты, отличающие кремневые изображения от иных скульптур (глиняной лепной и резной – из кости, рога, мягкого камня), – это не только их схематизм, но и уплощенность. Своеобразие материала и техники располагало к тому, что все внимание скульптор уделял выразительности силуэта, придававшей изображению узнаваемость.

Долго считалось, что скульптура из кремня характерна исключительно для неолита-энеолита [Замятнин, 1948; и др.]. Традиционные взгляды резко изменили находки, сделанные Яном Федорчуком на мадленской стоянке Вилчицы близ Сандомира (Польша) (возраст 15300 калиброванных лет¹⁴C, между Дриасом I и интервалом Бёллинг) [Fiedorczuk, 2001; 2002; Fiedorczuk et al., 2007; Kuczyńska-Zonik, 2014]. Дорсальной, отвесной, крутой и полукрутой ретушью, обычно применяющейся для изготовления орудий, из отщепов и пластин здесь древними обитателями были сделаны 54 фигурки в мадленском каноне женских изображений: профиль с выступающими назад крупными ягодицами и слегка наклоненным вперед телом с невыделенной головой. Фигурки из Вильчиц, стилистически родственные известным мадленским изображениям, в технологическом плане и в плане выбора материала казались явлением уникальным (хотя аналогичная «Венера» из плитки сланца, найденная в Гённерсдорфе, была уже известна [Абрамова, 2010, с. 200]).

Вскоре в результате анализа О.Р. Султановой материалов стоянки Быки-1 (Курская обл.) из раскопок автора была выявлена похожая фигурка из кремня [Султанова, 2014], ранее атрибутированная как выемчатое орудие. Стоянка датируется началом позднеледниковья (¹⁴C ~17000 некалиброванных лет). Она несколько древнее Вилчиц, но тоже относится по инвентарю к локальному варианту мадленской культуры, будучи одной из крайних восточных точек ее распространения [Чубур, 2016]. Фигурка из Быков, как и фигурки из Вилчиц, представляет собой полученный с помощью обычной вертикальной, крутой и полукрутой краевой ретуши слегка наклоненный вперед женский профиль без выделенной головы, с гипертрофированными ягодицами, и с почти не выделенными грудями. Эта статуэтка – еще один индикатор, позволяющий отнести Быки к мадленскому универсуму.

А.М. Жульников указывает на единый канон наскальных изображений и кремневой скульптуры неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы в неолите [Жульников, 2014]. Тот же наблюдается и в палеолите: единство стиля независимо от материала и технологии, что подмечено А.Д. Столяром [1985, рис. 239]. Эпоха мадлена представлена двумя очень близкими канонами построения стилизованного изображения, порой встречающиеся на одном памятнике (хотя какой-то один из двух все равно занимает доминирующее положение). По первому мадленские наскальные изображения, гравировки и фигурки женщин имеют слегка наклоненный вперед грациозно «выгнутый» торс (Петерфельс, Монруз, Пекарна). Для второго характерен прямой вертикальный торс при таком же акценте на ягодицы (Гённерсдорф, Ёлкниц, Андернах). Нам представляется, что второй – близок к культурам круга эпиграветта, откуда и проник в мадленский универсум. Именно таковы, если посмотреть в профиль, бивневые статуэтки Мезина, Елисеевичей. Если в кремневом исполнении первый мадленский канон олицетворяют Вилчицы и Быки, то ко второму канону можно отнести кремневую «Венеру» со стоянки причерноморского ориньякоидного эпиграветта Каменка на р. Барабой, опубликованную как «пластина со скошенным ретушированным концом» [Сапожников, Сапожникова, 2011, рис. 32: 38].

Пристальный анализ коллекций каменного инвентаря десятков памятников, в котором исследователи археологи не ожидали увидеть ничего, кроме орудий и отходов их производства, почти наверняка приведет к новым открытиям. Но как отличить реальное произведение искусства от проявлений, увы, так характерной для человеческого восприятия апофении? Ведь мы уже имеем опыт попыток признания случайных каменных предметов результатом

древнейшей художественной деятельности – от нашумевших еще в XIX в. «первоскульптур» Буше де Перта до малоизвестной коллекции курского краеведа Александрова, которую он настойчиво пытался сбыть в музей в 1930-х гг. Имеют место попытки узреть скульптуры, и даже целые космогонические мифы в колоритных осколках, отщепках и нуклеусах и у наших современников. Как избежать ошибки в атрибуции?

Да, в палеолитическом искусстве каждый артефакт, как и подобает произведению искусства, по-своему уникален. Однако при этом выполнены все эти артефакты по особому для каждого хронологического периода и культурной традиции [Амирханов 2004], но весьма жесткому набору канонов. Важнейшее значение для систематизации палеолитической антропоморфной скульптуры имеет абрис профиля. Кремневые скульптуры Вилчиц, Быков, Каменки в очередной раз убеждают нас в этом, представляя собой, ввиду плоской формы, обусловленной материалом, в чистом виде этот самый абрис. Именно каноничность абриса способна разрешить болезненную проблему наличия или отсутствия образности, стоящую перед исследователями кремневой скульптуры. Да, воображение всегда не имело границ. Но творческий порыв скульптора палеолитической эпохи («я так вижу!») был скован традицией («так надо!») – так же, как жестко сковано традицией творчество иконописца или же ваятеля скульптур тоталитарных вождей или языческих каменных идолов.

Вскользь заметим, что наличие кремневой женской антропоморфной скульптуры может быть веским аргументом в пользу мнения о том, что изготовителями женских статуэток в палеолите были все-таки мужчины. Ведь кремнеобработка считается традиционно мужским занятием [Борисковский, 1979, с. 177].

Библиографический список

Абрамова З.А. Древнейший образ человека : каталог по материалам палеолитического искусства Европы // Труды ИИМК РАН. – Т. 34. – СПб., 2010.

Амирханов Х.А. К вопросу о стилях в скульптуре малых форм верхнего палеолита Восточной Европы // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. Третьи антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. – М., 2004.

Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – Л., 1979.

Жульников А.М. К вопросу о сходстве кремневой скульптуры и наскальных изображений Северной и Восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. – СПб., 2014.

Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. – 1948. – Т. X.

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Каменный век Северо-Западного Причерноморья // *Stratumplus*. – 2011. – №1. На языке камня: от Днестра до Забайкалья.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – Л., 1985.

Трутченкова (Султанова) О.Р. Кремневая скульптура каменного века Подесенья // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий // Материалы XXX Международной студенческой археолого-этнологической конференции. – Брянск, 2014.

Чубур А.А. Позднеледниковье в Верхнем Поднепровье: интеграция археологических и палеогеографических данных // Русский сборник. – Вып. 8. – Т. 1. – Брянск, 2016.

Fiedorczuk J. Figurki Wenus – wytworomagdalenskiejsztukiruchomejz Wilczyc, pow. Sandomierz. 2001. *Przegląd Archeologiczny* 49: 41-44.

Fiedorczuk J. Paleolityczne figurki “Wenus” ze stanowiska kultury magdalefiskiej w Wilczycach, pow. Sandomierz. *Sztukapradziejowaziempolskich. Katalog wystawy: 34-40*. 2002. Gniezno: Muzeum Pierwszych Piastow.

Fiedorczuk J., Bratlund B., Kolstrup E., Schild R. Late Magdalenian feminine flint plaquettes from Poland. 2007. *Antiquity* 81(311): 97–105.

Kuczyńska-Zonik A. Paleolityczna Wenus. Gornopaleolityczne przedstawienia antropomorficzne z Europy Srodkowo-Wschodniej. Rzeszów, 2014.

А.А. Чубур

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, Брянск
АРХЕОЗООЛОГИЯ КОМПЛЕКСА ЧАШИН КУРГАН (летописный Дебрянск)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-11-32602ер
«Возникновение Брянска – исследования в урочище “Чашин Курган”»)

Материалы четырехлетних раскопок Ф.М. Заверняева в урочище «Чашин курган», послуживших празднованию условного 1000-летия Брянска, до сих пор детально не опубликованы. Исключением стала краткая обзорная статья Г.П. Полякова [1995], увидевшая свет в сборнике памяти Ф.М. Заверняева в 1995 г. На археологическом комплексе в урочище «Чашин Курган», в пределах так называемого «Верхнего селища» (окольный град летописного Дебрянска) Ф.М. Заверняевым в 1976–1979 гг. было вскрыто 430 кв. м культурного слоя (судя по полевым дневникам и отчетам, хранящимся в фондах Брянского краеведческого музея, культурный слой принес большой объем остеологического материала (более 6280 экземпляров). Увы, основная его часть не подверглась изучению специалистами и была после простого подсчета костей захоронена под отвалами, как массовый материал. В полевых записях нет детальной информации о распределении костей по пластам и квадратам за редким исключением, но зафиксированы данные по отдельным объектам и по раскопам в целом. В результате приходится рассматривать в совокупности культурные остатки роменского и древнерусского времени, не имея возможности надежно разделить их. В жилой части селища костный материал концентрировался в углубленных в землю сооружениях, в первую очередь в жилых постройках. В их пределах кости чаще всего оказывались в припечных ямах. На территории с производственными комплексами, располагавшейся ближе к долине Десны, кость мелкодробленая, она связана в первую очередь с наносом с более высоких точек поселения. Именно фрагментированность сделала остеологический материал производственной зоны наиболее многочисленным и наименее информативным.

Несмотря на обилие костей, о котором говорит полевой учет, в Брянский краеведческий музей, согласно книге поступлений, сданы в составе коллекции БОМ №8414 лишь 114 костей из раскопов 1 и 2 (1976 г.). Остальные годы остеологический материал не ставился на учет, хотя отчасти оказался с принятыми коллекциями, снабженный соответствующими этикетками, сделанными Ф.М. Заверняевым. Всего автору удалось выявить в фондах Брянского краеведческого музея 407 костей (менее 7% всех найденных при раскопках). Из них 26 происходит из раскопа 1977 г., 114 – из раскопа 1976 г., привязка остального материала к раскопам и объектам неясна, но скорее всего можно вести речь о раскопах, вскрытых в 1977–1978 гг. К этому материалу добавлены не сохранившиеся в фондах, но описанные Ф.М. Заверняевым 7 позвонков коровы в анатомической связи и череп и тазовая кость лошади. Кроме того, в экспозиции выставлены костяные изделия. Выборка всего в 428 костей слаборепрезентативна для полноценных выводов о точных соотношениях видов в составе стада или в составе охотничьей добычи, о приоритетном использовании определенной части туши и т.п., однако результаты подсчета все же достойны внимания. Не следует забывать, что мы имеем дело с результатом произвольного отбора, сделанного археологом на раскопе. В ситуации такой сортировки при анализе структуры фауны показатели минимального числа костей менее объективны, нежели показатели минимального числа особей.

Диких млекопитающих – 6,3% костей и 12,7% особей. Домашних, соответственно, – 93,7% костей и 87,3% особей. Если говорить о составе домашнего стада, то чуть менее половины, по минимальному числу особей, приходилось на свинью, более трети – на крупный рогатый скот, около 1/5 – на мелкий рогатый скот, и, наконец, лошади занимали около 6% стада.

Судя по наличию во фрагментах свиных челюстей прорезающихся зубов, останки принадлежат преимущественно молодым животным. Можно утверждать, что свиньи откармливались до 1,5–2-летнего возраста, после чего большая часть поголовья, достигшего максимального веса, шла под нож. Лишь некоторые этот возраст переживали.

По истертости резцов лошади, это минимум две особи – старше 15 лет и около 8 лет. Размерные показатели путовой кости лежат в рамках средних значений для Руси, но их

соотношение близ верхней границы средних показателей (36–46% по В.И. Цалкину) указывает на некоторую массивность кости и плотное телосложение животного [Цалкин, 1956, с. 87–89]. Скорее, это рабочая лошадь, чем верховая. Часть костей расколота, что характерно для кухонных остатков. Употребление конины в пищу характерно для домонгольских поселений Чернигово-Северской земли, где лошадь служила не только транспортным средством и тягловой силой, но и, несмотря на церковные и правовые запреты, находила место в гастрономии [Потапов, 1992, с. 58–59]. Лошадиный череп и таз были использованы в качестве строительной жертвы при возведении жилой постройки 4. Обряд «жертвоприношения коня» находит аналогии в черепахах коней 8–9 летнего возраста (в самом расцвете сил) из рва Рюрикова городища, убитым в ритуальных целях [Саблин, 2007].

Три черепа принадлежали некрупным «дворным» лайкоподобным собакам – лесным остроушкам, типичным для древнерусских поселений. Они еще в домонгольское время разделилась на «лоших», для охоты на копытных и опасных крупных зверей) и промысловых «зверовых» для охоты на пушную и боровую дичь [Чубур, 2014]. К последней группе и относятся, скорее всего, псы с Чашина кургана.

Общая картина фауны млекопитающих из раскопок Ф.М. Заверняева дана в таблице.

Млекопитающие из раскопок в урочище «Чашин курган»

Вид	Минимальное число костей	Доля, %	Минимальное число особей	Доля, %
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus L.</i>)	127	35,2	9	23,1
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i>)	50	13,9	6	15,4
Свинья (<i>Sus scrofa domesticus</i>)	132	36,6	14	36,0
Лошадь (<i>Equus caballus L.</i>)	26	7,2	2	5,1
Собака (<i>Canis familiaris L.</i>)	3	0,8	3	7,7
Лось (<i>Alces alces L.</i>)	3	0,8	1	2,5
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	12	3,3	3	7,7
Лисица (<i>Vulpes vulpes L.</i>)	8	2,2	1	2,5

Птицам принадлежат 58 костей. Преимущественно это кости домашней курицы (*Gallus gallus domesticus*) – минимум двух кур и одного петуха.

Итак, даже небольшая выборка остеологического материала демонстрирует характерные черты памятника, подтверждающие имеющиеся сведения о чертах древнеславянского и древнерусского хозяйства и о его особенностях, характерных для чернигово-северской земли в развитом средневековье. Однако в настоящее время при исследованиях, производимых археологами Брянска, обязательным условием является взятие из раскопа на камеральную обработку всего без исключения остеологического материала.

Библиографический список

Поляков Г.П. Окольный город летописного Дебрянска (по материалам раскопок Ф.М. Заверняева) // Деснинские древности : материалы I межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья». – Брянск, 1995.

Потапов О.В. Деякі традиції розвитку скотарства в давньому Чернігові // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць, присв. 1300-літтю Чернігова. – Чернігів, 1992.

Саблин М.В. Новые исследования фаунистических остатков с Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология Новгорода. – Вып. 21. – Великий Новгород, 2007.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР) // МИА СССР. – Т. 51. – М. ; Л., 1956.

Чубур А.А. Собаки из загородной резиденции Новгород-Северского князя. Штрихи к культуре повседневности древнерусской аристократии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №1.

К.В. Чуунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЧИНГЕ-ТЭЙ-I В ТУВЕ

С 2008 г. Южно-Сибирской экспедицией Государственного Эрмитажа проводятся археологические исследования погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй-I в Туве. Памятник расположен на западной окраине Чингетэйского могильного поля, наиболее насыщенного курганами средних и больших размеров, из всех входящих в так называемую «долину царей» Тувы. Этот мемориал не уступает по сложности планировки погребально-поминальному комплексу Аржан-2, исследованному российско-германской экспедицией в восточной части долины. Однако Чинге-Тэй-I имеет с Аржаном-2 не только много общих признаков, но и отличен от него по ряду существенных особенностей, выявленных в процессе исследований.

Диаметр кургана, расположенного в центре комплекса, составляет по ограде из вертикально установленных плит около 70 м, высота на наиболее сохранившихся участках – 2,20–2,30 м. Диаметр кольцевого рва, окружающего курган на расстоянии около 15 м, составляет 106 м по внешней его границе. Большой интерес представляет периферия погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй-I. С запада – северо-запада в 30–50 м от рва зафиксировано около 60 кольцевых оград, расположенных дугой в два-три ряда. Диаметр оград – от 2 до 7 м. Вероятно, какая-то часть их разрушена при устройстве более позднего могильника в юго-западной части комплекса и еще позднее – при строительстве оросительного канала. С противоположной стороны, к востоку – юго-востоку от рва на расстоянии 20–30 м прослеживается дуга из сооружений другого типа, сплошь состоящих из камней. Они также повреждены и разрушены в южной части дуги и рядом с каналом. К востоку – северо-востоку от кургана, между дугой и рвом на поверхности степи заметны следы от двух рядов полностью разобранных кольцевых оград. Точно к северу в 40 м от рва на поверхности степи отчетливо фиксируется заплывшая западина серповидной в плане формы, выгнутая в сторону кургана. За ней через 10 м расположена еще одна депрессия округлой формы, получившая по аналогии с такой же, исследованной около Аржана-2, наименование «Северный комплекс». На северо-восток от кургана, в 55 м от рва, в степи лежит большой камень, который, возможно, также имеет отношение к комплексу.

В процессе исследований снят подробный план сложного комплекса, проведены раскопки северного комплекса и отдельных ритуальных конструкций разных типов на его периферии, изучены участки рва. На самом кургане выявлена фасадная кладка обводной стены, изучена конструкция кромлеха, зафиксированы архитектурные приемы с использованием озерного ила, исследованы семь погребений с богатым воинским инвентарем. В заполнении рва и между вертикальных плит кромлеха обнаружено два ритуальных «клада», состоящих из предметов конского снаряжения, оружия и парадной амуниции. При раскопках найдены две целых стелы и фрагменты еще от двухоленных камней. Кроме того, изучение опубликованных материалов А.В. Адрианова [Беликова, 2014], проводившего исследования в этом месте 100 лет назад, позволило выявить первоначальное местоположение еще одного оленного камня, стоявшего тогда к юго-востоку от мемориала и ныне хранящегося в Национальном музее Республики Тыва.

Несмотря на то, что раскопки Чинге-Тэя-I далеки от завершения, уже на этом этапе исследований можно сделать некоторые заключения. На памятнике, так же как и в Аржане-2, фиксируется определенная последовательность возведения конструкций, свидетельствующая о некоторой протяженности во времени его существования в качестве действующего мемориала. Сопроводительные воинские захоронения совершались не одновременно и, вероятно, были строго регламентированы обрядовой традицией. Все погребенные мужчины сопровождались оружием, в основном луком и стрелами, но найдены также бронзовые чеканы и железный кинжал. Многие имели парадные пояса

с обоймами и портупейными пряжками, выполненными в зверином стиле. Найдены серьги, бусы и другие украшения, как аналогичные обнаруженным в Аржане-2, так и отличные от них. В некоторых могилах, благодаря конструкции из хорошо подогнанных плит и многослойному каменному перекрытию, сохранились изделия из органических материалов – деревянные ковши с зооморфными рукоятями, кожаные фрагменты поясов и колчанов с налучьями, на которых прослеживается резьба и красочные узоры. В одном захоронении найден пояс с полностью сохранившимся кожаным ремнём, что позволило установить конструкцию многих аналогичных атрибутов, сохранившихся лишь частично [Чугунов, 2016].

Анализ всех этих материалов, в особенности – конского снаряжения и наборов наконечников стрел – позволяет заключить, что могилы были совершены в самом начале VI в. до н.э. или в конце предыдущего столетия. Следовательно, можно предположить, что в Чинге-Тэе-I погребен вождь кочевников Тувы, следующий по времени после аржанского «царя». Так ли это покажут дальнейшие исследования, однако выявленные отличия в конструктивных деталях и примененных строительных приемах двухпогребально-поминальных комплексов позволяют предполагать приток на эту территорию некоторых инноваций. Не исключено, что они связаны с миграционным импульсом, истоки которого надо искать в регионах, более западных по отношению к Туве.

Чинге-Тэй-I. Сектор АКЛ. Фрагмент оленного камня.
Прорисовка развертки трех сторон с изображениями

Библиографический список

Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). – Томск, 2014.

Чугунов К.В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. – Новосибирск, 2016.

Д.Н. Шаймуратова¹, З.Г. Шакиров^{2,3}

¹Институт проблем экологии и недропользования АН РТ,

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ РЫБ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОРОДА (по материалам средневекового Биляра)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ
(проект №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)»)

Уровень благосостояния (как в древности, так и в современности) тесно связан с ассортиментом потребления. Одним из главных его показателей является рацион и качество употребляемых в пищу продуктов. Демонстрацией уровня жизни также является доступность продуктов из удаленных регионов. На примере костных остатков сделана попытка проанализировать видовой состав рыб, потреблявшихся жителями Биляра.

Билярское городище географически расположено на р. М. Черемшан, впадающей в Б. Черемшан (приток Волги). Остатки рыб происходили из раскопа XLIV, заложенного в 2015 г. с целью изучения крупного кирпичного здания, располагавшегося в так называемом Внутреннем городе (наиболее статусной его части). Сбор всех фаунистических остатков проводился послойно. Просеивание, впервые применявшееся на памятнике, позволило получить около 700 единиц костей рыб. Всего были изучены 647 костей и одна чешуя. Выявлены 17 видов рыб: русский осетр, стерлядь, севрюга, белуга, обыкновенный карась, сазан, лещ, густера, язь, плотва, красноперка, сом, щука, белорыбица, европейский хариус, каспийский лосось и судак. До вида определено 87,2% находок. В коллекции преобладали остатки от крупноразмерных видов: севрюги (29,4% от всех костей рыб), русского осетра (13%), судака (13,3%) и белорыбицы (11,3%). Наибольшая концентрация костей рыб зафиксирована для пластов 4, 5 и 6 (от 9 до 25,9%). Эти пласты характеризуют основной период существования городища – XI – начало XIII в. Множество костей рыб отмечено в сооружениях №5, 6 и 21. Время функционирования этих построек относится к периоду XI–XII вв. В сооружении №6 найдено 30,7% от всех костей рыб с основным видовым составом коллекции. Это был погреб наземной постройки, погибшей во время пожара. Высокая концентрация костей рыб связана с приготовлением там пищи. Размеры доминирующих в коллекции видов рыб были достаточно крупные. В целом размерный диапазон оказался от 20 см (среднеразмерная группа) до 3,5 м (крупноразмерная группа), с преобладанием рыб с длиной тела 60–100 см. Соотношение крупноразмерных и средне-мелкоразмерных таксонов рыб (0,9) соответствует высокой эксплуатационной нагрузке на крупноразмерные виды. Согласно анализу элементов скелета, выявлено, что для судака абсолютными доминирующими элементами являлись позвонки. Кости головы и другие части скелета выявлены единично. То же отмечено для каспийского лосося и сома. Видимо, это связано со спецификой разделки таких видов рыб. Возможно, в городище привозили только туши без голов. Для остальных видов рыб подобная особенность не отмечена. Количество костей и видовой состав свидетельствует о важности рыбы как пищевого ресурса для жителей Биляра. Наибольшая концентрация остатков рыб отмечена для слоев, относящихся к XI в. Доминирование в коллекции костей от крупноразмерных и ценных видов рыб (севрюга, русский осетр, белорыбица, судак, а также каспийский лосось), указывают на особые предпочтения в определенном видовом и размерном составе рыб.

Средневековый Биляр располагался достаточно далеко от Волги и Камы (приблизительно 45–60 км), где осуществлялся промысел осетровых, лососевых рыб и судака. Следовательно, все эти рыбы были привозными. По обработанной на сегодняшний день коллекции остатков рыб из указанного раскопа сформировалось абсолютно новое представление о характере рыбного рациона населения средневекового Биляра. Видовой состав археоихтиологической коллекции из центральной части Билярского городища демонстрирует его уникальность и в то же время эталонность потребления рыбы в крупном высокостатусном городе. Планируется дальнейшее изучение обозначенной темы.

Е.Ф. Шайхутдинова^{1,2,3}, А.В. Касимов^{1,3}, Т.Р. Азизов^{1,3},

В.В. Кугуракова^{1,3}, А.Г. Ситдинов^{1,3}

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,

²Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ,

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

ОПЫТ СОЗДАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УЧЕТА РЕЗУЛЬТАТОВ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ УСПЕНСКОГО СОБОРА ОСТРОВА-ГРАДА СВЯЖСК С ЭЛЕМЕНТАМИ МОНИТОРИНГА ЕГО СОСТОЯНИЯ

Успенский собор острова-града Свяжск – уникальный памятник русского зодчества. Собор построен в 1556–1560 гг. как часть ансамбля Успенского монастыря [Седов, 1996]. В интерьере храма его сохранились фресковая живопись конца XVI – начала XVII в.

С началом масштабных реставрационных работ архитектурного объекта был разработана комплексная научная программа, включающая в себя систематизацию и учет данных по реставрации, научным исследованиям и контролю текущего состояния Успенского собора (Свяжск) [Ситдинов, 2015]. Для решения этих вопросов была создана автоматизированная система (АС) по унификации и систематизации результатов исследований, мониторингу текущего состояния объекта.

При разработке АС были решены следующие задачи: ввод данных по результатам инженерно-архитектурных, историко-архивных, археологических, искусствоведческих, реставрационных и естественно-научных исследований, а также учет непрерывного текущего мониторинга температурно-влажностного режима объекта [Шайхутдинова, 2015]. В качестве объектов учета и систематизации выступают элементы конструкции здания, фресковая живопись, сведения исследований, текущее состояние по датчикам контроля. Система позволяет отслеживать состояние объекта и изменения в нем во времени, а также формировать с учетом данных комплекс мер его сохранению. Имеющиеся материалы исследований и сведения, поступающие о текущем состоянии объекта с датчиков температурно-влажностного контроля, отображаются на визуализированных моделях объекта.

АС содержит несколько модулей: «Визуализация», «Мониторинг», «Исследования», «Архив», «Депозитарий физических образцов» [Шайхутдинова, 2015]. Модуль визуализации должен имеет модели объекта в 2-D и 3-D формате с индикацией мест забора проб. На данный момент АС состоит из базы данных, серверной части, клиентской части в виде web-страниц и 3D-визуализации результатов исследований.

Для реализации серверной части АС использована технология ASP.NET [Pranav, 2013]. Она содержит реализацию модели и контроллера. Модель реализуется с помощью технологии Microsoft Entity Framework, которая позволяет работать с базой данных (БД). Основной сущностью модели является сущность образца, представленная в модели классом Point, которую представляет образец для анализа, взятый на памятнике. В ней содержатся данные о времени и месте изъятия образца, его координаты, ссылки на исследователя и на вид исследования.

Используемые в системе контроллеры делятся на две части:

- стандартные контроллеры, которые служат для связи сервера и web-страниц – при авторизации и редактировании данных в БД;
- webapi-контроллеры – для связи сервера и 3D-визуализации, передачи и приема json-объектов, в которых хранятся необходимые данные.

Представление (View) состоит из трех частей:

- web-страницы;
- 3D-сцены для заполнения данных об образце и исследованиях, а также для отправки данных на сервер;
- 3D-сцена для выгрузки данных об образцах с сервера и их расстановка на трехмерной модели ОКН.

Web-страницы для управления справочниками, данные в таких таблицах, редко изменяются в ходе выполнения приложения. Также они используются для авторизации пользователей АС с разными уровнями доступа.

Для визуализации заполнения данных используется упрощенная 3D-модель Успенского собора, которая была получена на основе обмерочных чертежей [Bugrov, 2015; Gainullin, 2015]. Также методом лазерного сканирования было получено облако точек Успенского собора [Usmanov, 2015] для построения высокоточной полигональной модели.

Для каждого типа анализов создана отдельная панель, которая связана со справочными таблицами, загружаемыми с сервера. Для общения с сервером создан класс Connector, отвечающий за отправку данных об образце. Аналогично отправляются данные исследований, связанных с образцом. Каждый результат исследования приписан к образцу в запросе (id образца). Также в БД записываются сущности, связанные с исследованием. В сцене загрузки данных отображается 3-D модель с локализацией мест изъятия образцов.

Для получения выборочных данных по определенным параметрам создана система фильтров, для которых были созданы классы, определяющие набор параметров для выборки.

На данный момент реализованы модули заполнения и отправки данных на сервер, а также загрузки данных с сервера и их визуализации. Также реализована возможность использовать некоторые фильтры для загружаемых данных.

Данная АС решает задачи по унификации учета, хранения, быстрого доступа к данным и наглядной визуализации результатов исследований. Опыт разработанной АС Успенского собора в Свияжске может быть применен и на других объектах, на которых проводятся масштабные и комплексные научно-реставрационные работы.

Библиографический список

Bugrov D.G., Gainullin I.I., Maksimov A.V., Sitdikov A.G., Starovoytov A.V., Usmanov B.M., Chernova I.Yu. An integrated approach to the collection of information for the visualization of historical and cultural heritage island-town Sviyazhsk // Virtual Archaeology (the effectiveness of methods): Proceedings of the Second International Conference, on 13 June 2015, the State Hermitage Museum // The State Hermitage Museum. – SPb., 2015.

Gainullin I.I., Kasimov A.V., Usmanov B.M. (2015). Three-dimensional modeling of objects of cultural heritage of the historical settlement of Sviyazhsk // The Second International Conference “Archaeology and Geoinformatics”, May 20–22, 2015. The Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Report).

Pranav Rastogi, Rick Anderson, Tom Dykstra and Jon Galloway (2013). Introduction to ASP.NET Identity. – October 17, 2013.

Usmanov B.M., Zagretdinov R.V., Starovoytov A.V. (2015). Creating precision models geprostranstvennyh unique historical and architectural monuments of Bolgar and Sviyazhsk // IV International scientific and practical conference Actual issues of geodesy and geo-information systems within the framework of the Tatarstan petrochemical forum. – September 23, 2015, Kazan. (Preprint).

Седов В.В. Псковская архитектура XVI в. – М., 1996.

Ситдииков А.Г. Междисциплинарные исследования Успенского собора и Троицкой церкви в Свияжске // Историко-культурное наследие Свияжска : сборник материалов Международной научно-практической конференции «Историко-культурное и духовное наследие Свияжска». – Казань, 2015.

Шайхутдинова Е.Ф., Касимов А.В., Ситдииков А.Г. Разработка автоматизированной системы учета результатов исследования и мониторинга текущего состояния историко-архитектурных объектов острова-града Свияжск // Историко-культурное и духовное наследие Свияжска : сборник материалов Международного конгресса (г. Казань, 15–16 июля 2015 г.) / под общ. ред. Р.М. Валеева. – Казань, 2015.

Е.Ф. Шайхутдинова, А.Г. Ситдииков, Р.Х. Храменкова, А.В. Беляев,
Р.М. Янбаев, Н.Г. Набиуллин
*Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А.Н. Туполева-КАИ,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*
АРХЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ ЧУГУНА
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума АН РТ
для государственной поддержки молодых ученых РТ
(договор 14-58-ф Г 2016 «Археометрическое и археотехнологическое исследование
чугунной посуды как объекта материальной культуры городов Среднего Поволжья XVI в.»)

Одним из значимых отраслей средневекового ремесла Волжской Булгарии традиционно была черная металлургия. Производство железа в болгарских городах основывалась на богатом собственном опыте металлургического производства. Исследования объектов археологии Поволжья указывают, что в период после монгольского завоевания в регионе получило развитие производство изделий из чугуна [Рязанов, 2008; Семькин, 1996].

В данной работе представлены результаты междисциплинарных исследований фрагментов чугунной посуды, найденной на памятниках Волжской Булгарии золотоордынского периода. Археометрические исследования микроструктур образцов чугуна с картированием поверхности методом сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) на предмет определения элементного и фазового состава по площади поперечного излома и продольного шлифа с раскопок Болгар, Джукетау и Казани. Применение в исследовании чугуна новейших аналитических методов, таких как СЭМ, позволяет реконструировать технологию производства черных металлов и расширяет интерпретацию структуры чугунной посуды. Это позволяет точнее увидеть технологические отличия изделий, что может указать и на истоки ремесленных традиций.

В ходе исследования анализировались образцы чугуна, найденные в раскопах Болгарского городища в количестве 15 шт. Эти образцы датируются XIV в. Фрагменты 6 чугунных котлов были взяты из материалов раскопок городища Джукетау. Пять из них датируются XIV в. Один фрагмент котла Нового времени был включен для сравнения технологий. В анализируемую выборку вошли 7 образцов чугунной посуды, найденных на территории Казанского кремля, датирующихся более широким хронологическим диапазоном XIV – 1-я половина XVI в.

Исследованные фрагменты чугунной посуды Болгарского городища и городища Джукетау свидетельствуют о существовании схожей ремесленной традиции изготовления для находок из чугуна этих памятников. СЭМ и изучение шлифов образцов указывают на упрощенную технологию получения чугуна. Это подтверждается структурой и химическим составом его фазовой структуры [Shaykhutdinova, 2015; Ситдииков, 2016]. Исследованные образцы из Джукетау аналогичны находкам, взятым из Болгарского городища, кроме образца нового времени. Они также имеют состав передельного чугуна. Хаотичная мелкодисперсная или слоистая и мелкодисперсная структура предполагает несовершенную технологию получения чугуна. Структура состоит из сложносоставных фаз, например, заэвтектический чугун соседствует с заэвтектическим и в то же время включает в себя мелкий пластинчатый графит. В отличие от чугуна из Болгарского городища в образцах из Джукетау нет больших литейных дефектов. Но также встречаются эндогенные образования с разным химическим и фазовым составом.

Находки фрагментов чугунных изделий из Казанского кремля выделяются большим разнообразием технологий. Это может быть обусловлено поступающей в город из других регионов чугунной посуды с различными ремесленными традициями их с широкой хронологией привлеченных из культурных слоев кремля к анализу образцов.

Образцы из Казанского кремля отличаются большим разнообразием по структуре и по химическому составу. Некоторые из них имеют следы явного переплава и других, отличных от «болгарских» и «джукетауских» режимов затвердевания. В одном из образцов данной группы не обнаружено содержание мелких примесей, что свидетельствует о явном переплаве стального или чугунного лома, т.е. содержащиеся в исходном рудном сырье микроэлементы испарились в процессе переплава. Два образца отличаются по содержанию комплекса микропримесей по данным СЭМ. Один образец имеет высокое содержание марганца, которое обусловило, вероятно, совместно с отличным от других образцов режимом затвердевания мелко дендритную четко выраженную структуру с обширными усадочными процессами. Четыре образца казанского чугуна по некоторым признакам имеют схожее структурное строение с образцами из раскопок городища Болгар и Джукетау (кроме образца Нового времени). В целом структура всех изученных образцов из Казанского кремля отличается большей четкостью дендритных фаз, однако внутри дендриты еще имеют сложную многофазную структуру. Также встречаются эндогенные образования в виде отдельных зерен внутри дендритов или на границе раздела фаз. Сильная ликвация химического состава во всех образцах обусловлена несовершенством технологии, следов регулирования структуры не обнаружено.

Исследование чугунной посуды Нового времени наглядно демонстрирует, что в его производстве регулировали структуру чугуна, о чем свидетельствуют правильные округлые в одной плоскости дендриты, чистый графит в виде веера пластинок вокруг единого центра зерна. В то же время центр каждого дендрита пока еще представляет собой хаотическую смесь ферритовых, перлитных и других химических соединений.

По данным СЭМ относительно низкое содержание серы и высокое содержание фосфора, вероятно, указывают на то, что в качестве топлива для металлургического процесса использовался древесный уголь, кроме образца Нового времени, в котором повышенное по сравнению с остальными содержание серы.

Присутствие алюминия и кремния подтверждает гипотезу об использовании местной железосодержащей руды – глинистых железняков [Семыкин, 1996]. Помимо этого, наличие данных элементов можно объяснить использованием алюмосиликатов в качестве флюсов.

Изделия чугунолитейного производства по образцам Болгара и Джукетау и некоторых образцов Казанского кремля указывают на существование устойчивой технологической традиции на территории Волжской Булгарии в XIV в. Возможно, это связано со сложением региональной технологии чугунолитейного производства. Данное предположение требует анализа более широкого круга образцов из других памятников эпохи Золотой Орды.

Библиографический список

Shaykhutdinova E., Belyaev A., Yanbaev R., Sitdikov A., Zinnatullin A. Iron casting in Volga Bulgaria in 14–15 cc. // Proceeding of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology, 2015.

Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №4/2.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – 1996.

Ситдиков А.Г., Шайхутдинова Е.Ф., Беляев А.В. Металлургия чугуна XIV–XV вв. по материалам Болгарского городища (предварительные результаты) // Средневековая археология Волго-Уралья : сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. – Казань, 2016.

Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г., Беляев А.В. Исследование технологических и эксплуатационных характеристик изделий чугунолитейного производства Волжской Булгарии (14–15 вв.) // Ползуновский альманах. – 2015. – Т. 2.

Е.Ф. Шайхутдинова, Р.Х. Храмченкова, А.В. Беляев, А.Г. Ситдииков, Р.М. Янбаев
*Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*
АРХЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ ЧУГУНА
БУЛГАРСКОГО УЛУСА XIII–XV вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума Академии наук Республики Татарстан для государственной поддержки молодых ученых Республики Татарстан (договор 14-58-ф Г 2016 «Археометрическое и археотехнологическое исследование чугунной посуды как объекта материальной культуры городов Среднего Поволжья в XIII – первой половине XVI вв.»)

В XIII–XV вв. Булгарский Улус – один из крупнейших регионов Золотой Орды. На ее территории, согласно письменным источникам [Руденко, 2006], располагалось не менее 10 крупных городов с ремесленными центрами. Множество больших и богатых на археологические находки поселений до сих пор ждут своей очереди на изучение.

Важнейшей отраслью производства города Болгара, как и всего региона, в золотоордынский период была черная металлургия. Существование в данный период чугунолитейного производства выявляется в виде многочисленных фрагментов чугунных котлов. Другим доказательством этого вида ремесла служат развалы крупных горнов с большим количеством воздуходушных отверстий. Металлургия чугуна в Болгаре, как и в других городах, развивалась на местной технической основе и на опыте богатых традиций производства железа. Однако не исключена возможность заимствования самой идеи чугунного литья болгарскими металлургами у ремесленников, попавших в Среднее Поволжье из восточных районов монгольской державы.

Исследованные археологические находки служат доказательством того, что многие изделия были произведены на месте их обнаружения. Однако открытым остается вопрос о рудных источниках и процессе технологического производства. Поэтому основной нерешенной научной проблемой остается выявление сырьевых источников и реконструкция технологии чугунолитейного производства.

В данной работе представлены результаты междисциплинарных исследований фрагментов чугунной посуды, найденной на территории существования Волжской Булгарии в золотоордынский период. Проведены археометрические исследования микроструктур образцов чугуна с картированием поверхности методом сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) на предмет определения элементного и фазового состава по площади поперечного излома и продольного аншлифа с раскопок Болгар, Джукетау и Казани. Это позволило провести сравнительный анализ и определить регион распространения болгарской металлургической школы.

Исследованные образцы болгарского чугуна были найдены в раскопах Болгарского городища и датируются началом XIII – концом XIV в. Фрагменты чугунных котлов в количестве 6 штук были получены в результате археологических раскопок на территории г. Джукетау городища. Пять из них датируются поздним золотоордынским периодом XIV в. Один фрагмент фабричного котла позднего времени (XVII–XVIII вв.) был включен для сравнения технологий ремесленного и фабричного производств. В анализируемую выборку вошли 7 образцов чугунной посуды, найденных на территории Казанского кремля, датирующихся тем же периодом, что и ранние джукетауские.

Исследованные фрагменты болгарской чугунной посуды свидетельствуют о самобытной культуре ремесленной школы. СЭМ и изучение шлифов говорят о примитивной технологии получения чугуна. Это подтверждается структурой и химическим составом его фазовой структуры [Shaykhutdinova, 2015; Ситдииков, 2016]. Исследованные образцы из Джукетау, кроме фабричного образца, имеют состав передельного чугуна, аналогично болгарскому. Хаотичная мелкодисперсная или слоистая и мелкодисперсная структура предполагает несовершенную технологию получения чугуна. Структура состоит из сложно-

составных фаз, например, заэвтектический чугун соседствует с заэвтектическим и в то же время включает в себя мелкий пластинчатый графит. В отличие от чугуна из Болгар в образцах из Джукетау нет больших литейных дефектов. Но также встречаются эндогенные образования с разным химическим и фазовым составом.

Образцы из Казанского кремля отличаются большим разнообразием по структуре и по химическому составу. Все они имеют следы явного переплава и других, отличных от «болгарских» и «джукетауских» режимов затвердевания. Структура отличается большей четкостью дендритных фаз, однако внутри дендриты еще имеют сложную многофазную структуру. Также встречаются эндогенные образования в виде отдельных зерен внутри дендритов или на границе раздела фаз. Сильная ликвация химического состава во всех образцах обусловлена несовершенством технологии, следов регулирования структуры не обнаружено.

Исследование позднего образца чугунной посуды наглядно демонстрирует, что в XVII–XVIII вв. уже достаточно хорошо регулировали структуру чугуна, о чем свидетельствуют правильные округлые в одной плоскости дендриты, чистый графит в виде веера пластинок вокруг единого центра зерна. В то же время центр каждого дендрита пока еще представляет собой хаотическую смесь ферритовых, перлитных и других химических соединений.

По данным СЭМ, относительно низкое содержание серы и высокое содержание фосфора, вероятно, указывают на то, что в качестве топлива для металлургического процесса использовался древесный уголь.

Присутствие алюминия и кремния подтверждает догадку археологов об использовании местной железосодержащей руды – глинистых железняков. Помимо этого, наличие данных элементов можно объяснить использованием алюмосиликатов в качестве флюсов.

Чугунолитейное производство Волжской Булгарии в конце XIII – начале XV в. находилось на начальной стадии и, возможно, развивалось отдельно от остальных государств, входящих в Золотую Орду. Чугун Казанского кремля выделяется большим разнообразием технологии и может быть обусловлен как различием ремесленных школ ханства, так и импортом из других регионов Золотой Орды.

Разработанная методика археометрического исследования чугуна с применением новейших аналитических методов, таких как СЭМ, позволяет достаточно точно реконструировать технологию производства черных металлов. Средневековые технологии черной металлургии существенно отличаются от современного производства, и интерпретация структуры чугунной посуды посредством металлографии не дает такого широкого представления о ней, как сканирующая электронная микроскопия с картированием элементного состава по площади поперечного излома и продольного шлифа.

Библиографический список

Shaykhutdinova E., Belyaev A., Yanbaev R., Sitdikov A., Zinnatullin A. Iron casting in Volga Bulgaria in 14–15 cc. // Proceeding of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology, 2015.

Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология. – 2006. – №1–2 (16–17).

Ситдиков А.Г., Шайхутдинова Е.Ф., Беляев А.В. Металлургия чугуна XIV–XV вв. по материалам Болгарского городища (предварительные результаты) // Средневековая археология Волго-Уралья : сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. – Казань, 2016.

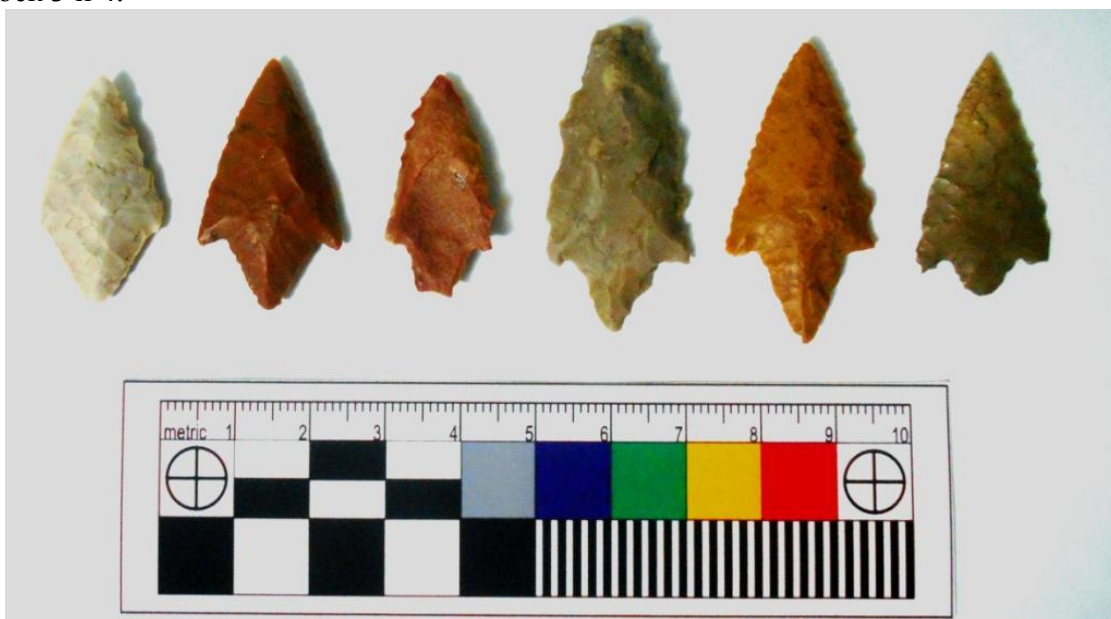
Шайхутдинова Е.Ф., Ямбаев Р.М., Храменкова Р.Х., Ситдиков А.Г., Беляев А.В. Исследование технологических и эксплуатационных характеристик изделий чугунолитейного производства Волжской Булгарии (14–15 вв.) // Ползуновский альманах. – 2015. – Т. 2.

Е.Г. Шалахов
Замок Шереметева, Юрино
КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС ЮРИНСКОЙ СТОЯНКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Юринская стоянка эпохи раннего металла относится к числу самых изученных памятников первобытной археологии Марийского Поволжья. Богатейшие вещевые комплексы Юринской стоянки, полученные в ходе стационарных раскопок, введены в научный оборот [Никитин, Соловьев, 2003, с. 98–108; Патрушев, 1978, с. 95–101; Соловьев, 2004, с. 14–20].

Коллекция кремневых изделий из жилищ Юринской стоянки в основном представлена отщепами с эпизодической ретушью по краям, скребками и наконечниками стрел треугольно-черешковой формы с шипами [Соловьев, 2004, с. 16, рис. 2.-1–4, 6–8].

Наиболее выразительная серия (6 экз.) метательных орудий из кремня (рис.) получена нами в 1994–2009 гг. при обследовании разрушенных ветровой эрозией хозяйственных ям построек 3 и 4.

Кремневые наконечники стрел с Юринской стоянки в Марийском Поволжье.
Подъемный материал 1994–2009 гг.

Практически все наконечники относятся к «сейминскому» (боевому восточноевропейскому) типу метательных орудий. Именно наконечники с жальцами и керамика [Соловьев, 2004, рис. 2.-18] маркируют тесные контакты обитателей Юринской стоянки с абашевскими группировками Средней Волги. Аналоги нашим находкам имеются в коллективном погребении Пепкинского кургана [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. V].

Библиографический список

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань, 2003.

Патрушев В.С. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. – Йошкар-Ола, 1978.

Соловьев Б.С. К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола, 2004.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). – Йошкар-Ола, 1966.

И.Г. Шапран
Удмуртский государственный университет, Ижевск
СОСТАВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В МАТЕРИАЛАХ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЯТСКИХ МАРИЙЦЕВ XVI–XVIII вв.

Как археологический источник металлические детали костюма обладают огромным потенциалом для реконструкции многих аспектов существования древних обществ. Демонстрируя консервативность и устойчивость традиционной культуры, они свидетельствуют об уровне развития ремесла и ювелирного дела, иллюстрируют торговые, культурные и иные контакты населения, характеризуют преемственность поколений, эстетические предпочтения и т.д. Изучение элементов костюма, изготовленных из цветных металлов, позволяет установить половозрастной, социальный и имущественный статус их владельцев.

Источниковая база данного исследования представлена находками из Грековского и Мелетского могильников (раскапывались отрядом КВАЭ под руководством автора в 1980-е гг.) – погребальных памятников вятских мариюцев, датирующихся на основании нумизматического материала XVI–XVIII вв. Выбор памятников предопределен тем, что они расположены в контактной зоне и дают материал, отличающийся от материала некрополей, расположенных в местах традиционного компактного проживания мариюцев.

Целью работы явилось определение с помощью рентгенофлуоресцентного анализа состава цветных металлов, из которых изготовлены некоторые категории ювелирных украшений (перстни и браслеты), входивших в состав костюма погребенных. Подобное исследование на данных материалах проводится впервые. В ходе исследования также решается задача создания информационной базы о составе сплавов изделий из цветных металлов на территории Камско-Вятского междуречья в исторической ретроспективе.

На начальном этапе проанализировано 84 предмета из цветных металлов (перстни – 70 экз., браслеты – 14 экз.). Рентгенофлуоресцентный анализ поверхности металлических изделий производился при помощи спектрометра S1 Turbo SD LE (производитель – Bruker, Германия) по стандартной процедуре. Анализ проходил в универсальном режиме, время накопления спектра – одна минута. Ввиду неомогенности древнего металла количество проб на каждом предмете составляет до 3 шт. Изучаемая поверхность – площадь до 1 кв. см. Результаты серий измерений математически усреднены.

В ходе проведенных исследований выделены следующие группы сплавов, использовавшиеся при изготовлении изделий:

1. Сплав меди со свинцом и цинком (CuPbZn) – отмечен в 42,8% проанализированных артефактов.
2. Медно-свинцовая бронза (CuPb) – в 4,8% случаев.
3. Предметы с высоким ($1\% < Al$) содержанием алюминия – в 14,3% случаев.
4. Предметы с высоким ($1\% < Sn$) содержанием олова составили 21,4%; обращают на себя внимание 4 перстня, в составе металла которых содержание олова превышает 10%.
5. Серебряные изделия ($Ag < 60\%$) – 16,7% от общего числа проанализированных образцов.

Определение состава сырья, использовавшегося при производстве украшений, – необходимый этап при реконструкции процесса их производства. В зависимости от вида металлического сплава можно предположить наличие или, напротив, отсутствие определенных технологических операций, которые могли применяться в отношении материала, в зависимости от его физических свойств.

В результате проведенных анализов обработана лишь часть материалов из коллекции памятников вятских мариюцев. Предстоящая работа связана с определением состава сплавов, из которых изготовлены оставшиеся экземпляры из коллекции украшений погребальных памятников вятских мариюцев, а также систематизацией результатов анализов и, в перспективе, сравнение с материалами синхронных удмуртских памятников, а также материалов предшествующего времени.

С.В. Шарапова¹, Е.А. Булакова¹, Ж. Луайе², Н.В. Солдаткин¹, А.С. Якимов³

¹*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург;*

²*Королевский университет в Белфасте, Белфаст, Великобритания;*

³*ФГБУН «Институт криосферы Земли» СО РАН, Тюмень*

БИОАРХЕОЛОГИЯ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА

(по материалам курганов №5 и 9 могильника Неплюевский в Южном Зауралье)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФ

(проект №16-18-10332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе:

от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)»)

К категории заметных событий в современной археологии по праву относится востребованность биоархеологических реконструкций, а сам термин прочно закрепился в археологической и антропологической литературе. Несмотря на различные трактовки предлагаемых дефиниций и специфику проводимых исследований, в зарубежной и отечественной науке формируется исследовательская парадигма, которая позволяет обратиться к изучению образа жизни как в масштабах популяции в целом, так и отдельно взятых индивидов. Биоархеологические реконструкции методами палеопатологии фиксируют особую форму адаптации к внешним и внутренним условиям среды и позволяют рассмотреть некоторые аспекты образа жизни [Larsen, 2001; Бужилова, 2005]. Притом образ жизни предполагает не только характеристику хозяйственно-экономического уклада, но включает и изучение климата, палеодиеты и аранжировки питания, морфологического статуса человека и т.д. Изучение остеологических свидетельств болезней в древности применимо для всех возрастных категорий, особые возможности отводятся детским костям [Lewis, 2006], так как позволяют проследить различные аспекты образа жизни населения в возрастной динамике.

В докладе будут представлены результаты остеологического, палеопатологического и геохимического анализа детских скелетов, а также данные почвенного анализа материалов могильника Неплюевский на Южном Урале [Шарапова, 2016]. Антропологическая коллекция курганов №5 и 9 включает останки только незрелых, представленных всеми возрастными группами. Под насыпями двух курганов были расчищены шесть индивидуальных захоронений различной степени сохранности. По керамике все погребения отнесены к срубно-алакульским древностям. К заболеваниям, выявленным в структуре палеопатологического профиля детей из этих курганов, относятся зубные патологии (линейная гипоплазия эмали зубов и зубной камень), индикатор анемичных состояний (stigma orbitalia), а также воспаление надкостницы (периостит). В ходе почвенного анализа не обнаружены свидетельства специальной подготовки площадки кургана – дерновый слой не снимался в ритуальных целях, – что может характеризовать не только гипотетическую возможность вспышек инфекционных заболеваний, но также и специфическое проявление обрядности, которая не предполагала грандиозных погребальных сооружений. Микробиоморфный анализ почвенных образцов не выявил животной органики в сосудах. В исследуемой выборке не наблюдаются случаи детской цинги, кариеса, остеологически фиксируемые проявления рахита и травм, что позволяет предположить относительно благоприятные условия жизни. Согласуются с этим и реконструируемые природно-климатические условия – сбалансированные, без дефицита воды.

Библиографический список

Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. – М., 2005.

Шарапова С.В. Отчет о раскопках могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. – 2016. – Р-1, б/н.

Larsen C.S. Bioarchaeology: The Lives and Lifestyles of Past People // Journal of Archaeological Research. – 2002. – Vol. 10, No. 2.

Lewis M.E. The bioarchaeology of children: perspectives from biological and forensic archaeology. – Cambridge, 2006.

Ф.С. Шарко¹, Е.С. Булыгина², С.В. Цыганкова², А.Д. Резепкин³, А.В. Недолужко²

¹Институт биоинженерии, ФИЦ Биотехнологии РАН,

²НИЦ «Курчатовский институт», Москва;

³Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

АНАЛИЗ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК, ВЫДЕЛЕННОЙ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ДОЛЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА ШУШУК

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-36-20172

«Уточнение гипотез возникновения мегалитических сооружений на Северном Кавказе, используя современные методы геномики»). Работа выполнена с использованием оборудования ресурсного центра молекулярной и клеточной биологии НИЦ «Курчатовский институт»

Конец неолита и начало бронзового века – ключевое время в истории заселения Северного Кавказа. Хотя археологические данные предполагают несколько гипотез, объясняющих возможные варианты человеческих миграций в этот регион, исследования генетических особенностей населения постнеолитического Кавказа к настоящему времени весьма ограничены [Недолужко и др., 2014, с. 34–39; Sokolov et al., 2016, p. 138–144].

Данная работа направлена на изучение генетических источников происхождения мегалитических сооружений на Северном Кавказе: выяснение происхождения дольменов (1-я половина II тыс. до н.э.), раскопанных в могильнике Шушук (Майкопский район, Республика Адыгея) Майкопской археологической экспедицией [Резепкин, 2013, с. 119–120].

В качестве основного подхода был использован один из методов современной археологической генетики – анализ митохондриальной ДНК. Работы по выделению древней ДНК проводились в специально оборудованной чистой зоне Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики ФИЦ Институт Цитологии и Генетики СО РАН с соблюдением всех необходимых для подобных экспериментов условий. В частности, были использованы комплекты спецодежды для чистых помещений, проводилась обработка рабочих поверхностей и приборов реагентом DNAAWAY (ThermoFisherScientific, США) и ультрафиолетом, на всех стадиях эксперимента присутствовали контрольные образцы, кроме того, анализировалась ДНК у всех сотрудников, осуществлявших работы в палеогенетической лаборатории.

Для анализа использовали 15 образцов (человеческие зубы), извлеченных из 4 дольменов могильного комплекса Шушук. Выделение ДНК из зубов проводили по стандартной методике с небольшими модификациями [Orlando et al., 2009, p. 21754–21759]. В итоге, древнюю ДНК удалось выделить из десяти образцов. Для амплификации участков D-петли митохондриальной ДНК (мтДНК) использовали праймерные системы, предложенные ранее [Sampietro et al., 2005, p. 535–548] и разработанные авторами исследования. Последовательность полученных ПЦР-фрагментов (длиной от 90 до 150 п.н.), покрывающих участок D-петли мтДНК, прочитывали, используя секвенатор ABI 3730 × 1 (ThermoFisherScientific, США).

Последовательности ДНК анализировали и выравнивали при помощи программы BioEdit, а программа mtDNAprofiler позволила получить список нуклеотидных отличий от референсной мтДНК (rCRS), который затем был использован для определения митохондриальных гаплотипов людей, захороненных в могильнике Шушук (применялась программа HaploGrep [Weissensteiner et al., 2016, w. 58–63]) (табл.).

Митохондриальные гаплогруппы, характерные для древних людей, обнаруженных в дольменах могильника Шушук, который относят к позднебронзовому периоду, отличаются от описанных нами ранее для представителей майкопской и новосвободненской культур [Недолужко и др., 2014, с. 34–39; Sokolov et al., 2016, p. 138–144]. В проанализированных образцах преобладает гаплотип R7a'b, что предполагает родство (по материнской линии) между людьми, принадлежащими к позднебронзовой мегалитической культуре и захороненными в дольменах могильника Шушук.

Более того, гаплотип R7 широко представлен у современного населения Индостана, в то время как выявленная нами гаплогруппа J1 встречается у коренного населения

Республики Адыгея, так же как и родственная R7 гаплогруппа R1 [Chaubey et al., 2008]. Окончательный ответ о генетическом наследии Адыгеи может предоставить полногеномный анализ древних людей, захороненных в могильнике Шушук, и сравнение этих генетических данных с этногенетическими картами, построенными для современного населения Евразии.

Анализ данных глубокого секвенирования (NGS) исследованных образцов не выявил патогенных бактерий и вирусов (в качестве референса взяли все полные геномы бактерий и вирусов представленные в базе NCBI на 13.12.2016). Нами были обнаружены лишь геномные последовательности микроорганизмов, населяющих почвы.

Антропологический материал из могильника Шушук:
митохондриальные гаплотипы древних людей

Номер образца	Источник	Митохондриальный гаплотип
1	Дольмен №5	J1b1a1
2	Дольмен №5, скелет №2	U5a1b1
3	Дольмен №5, скелет №5	R7a'b
4	Дольмен №6	R7a'b
5	Дольмен №6	R7a'b
6	Дольмен №6, скелет №2	R7a'b
7	Дольмен №9	M8/N
8	Дольмен №9, скелет №2	G1b
9	Дольмен №10	R7a'b
10	Дольмен №10	R7a'b

Библиографический список

Недолужко А.В., Булыгина Е.С., Соколов А.С., Цыганкова С.В., Груздева Н.М., Резепкин А.Д., Прохорчук Е.Б. Секвенирование полного митохондриального генома древнего человека, представителя новосвободненской культуры, указывает на ее возможную связь с культурой воронковидных кубков // *Acta Naturae*. – 2014. – №6(2).

Sokolov A.S., Nedoluzhko A.V., Boulygina E.S., Tsygankova S.V., Sharko F.S., Gruzdeva N.M., Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Rezepkin A.D., Skryabin K.G., Prokhortchouk E.B. Six complete mitochondrial genomes from Early Bronze Age humans in the North Caucasus // *Journal of Archaeological Science*. – 2016. – V. 73. DOI: 10.1016/j.jas.2016.07.017

Резепкин А.Д. Комплекс украшений из дольменного могильника Шушук // *Материалы III Абхазской международной археологической конференции*. – Сухуми, 2013.

Orlando L., Metcalf J.L., Alberdi M.T., Telles-Antunes M., Bonjean D., Otte M., Martin F., Eisenmann V., Mashkour M., Morello F., Prado J.L., Salas-Gismondi R., Shockey B.J., Wrinn P.J., Vasil'ev S.K., Ovodov N.D., Cherry M.I., Hopwood B., Male D., Austin J.J., Hänni C., Cooper A. Revising the recent evolutionary history of equids using ancient DNA // *PNAS*. – 2009. – №106(51). DOI: 10.1073/pnas.0903672106

Sampietro M.L., Caramelli D., Lao O., Calafell F., Comas D., Lari M., Agustí B., Bertranpetit J., Lalueza-Fox C. The genetics of the pre-Roman Iberian Peninsula: a mtDNA study of ancient Iberians // *Ann. Hum. Genet.* – 2005. – №69 (Pt 5). DOI: 10.1111/j.1529-8817.2005.00194.x.

Chaubey G., Karmin M., Metspalu E., Metspalu M., Selvi-Rani D., Singh V.K., Parik J., Solnik A., Naidu B.P., Kumar A., Adarsh N., Mallick C.B., Trivedi B., Prakash S., Reddy R., Shukla P., Bhagat S., Verma S., Vasnik S., Khan I., Barwa A., Sahoo D., Sharma A., Rashid M., Chandra V., Reddy A.G., Torroni A., Foley R.A., Thangaraj K., Singh L., Kivisild T., Villems R. Phylogeography of mtDNA haplogroup R7 in the Indian peninsula // *BMC Evol. Biol.* – 2008. – V. 8:227. DOI: 10.1186/1471-2148-8-227.

Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstätter A., Forer L., Specht G., Bandelt H.J., Kronenberg F., Salas A., Schönherr S. HaploGrep 2: mitochondrial haplogroup classification in the era of high-throughput sequencing // *Nucleic Acids Res.* – 2016. – V. 44(W1). DOI: 10.1093/nar/gkw233.

О.В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ГОРНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

И СВАТИЛИЩЕ ТАРАКТАШ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ:

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТРУКТУРЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РИМСКОЙ ЭПОХИ

Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах горного хребта Таракташ (тюрк. «гора-зуб»), в 3 км к северу от г. Судак, на южном побережье Крымского полуострова. Место у подножия Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами – Бакаташ (тюрк. «гора-лягушка») и Таракташ, откуда просматривается Судакская бухта и контролируется главная дорога, ведущая вглубь Крыма. В 1995, 2002–2008 гг. на крутом склоне Таракташского хребта были открыты три культовых комплекса и поселение римской эпохи.

Таракташский культовый комплекс-I 1995 г. возник около середины I в. н.э. после римско-боспорского конфликта 45–49 гг. н.э. В середине III века наступает перерыв в функционировании святилища, что, по-видимому, связано с «Готскими» войнами. В середине IV в. н.э. святилище, судя по находкам Pontic Red Slip Ware, формам 1 и 3, вновь начинает активно использоваться, и окончательно святилище было покинуто уже после нашествия гуннов в первой половине V в. н.э.

Таракташский культовый комплекс-III 2006 г. возник почти одновременно с предыдущим комплексом, на крутом западном склоне, в центре горного поселения, в конце I – 1-й половине II в. н.э., но по каким-то причинам перестал функционировать еще в конце II в. н.э. В конце II в. н.э. на крутых склонах Таракташа появляется новое население, которое строит каменные постройки прямо на святилище и культурном слое предшествующего времени. Приход аллохтонов может быть связан с разными вероятными причинами: деятельностью боспорского царя Савромата II по покорению тавров и скифов, появлением первых германцев с запада и поздних сарматов с востока в Крыму и т.д. В керамическом комплексе построек нового населения преобладают амфоры боспорского производства типов Зеест 72–73, 75.

Новое население строит свой **культовый комплекс Таракташ-II 2002 г.**, на самой вершине хребта и представленный на святилище керамический материал относится к концу II – 1-й половине III в. н.э. Святилище было разрушено и покинуто также, как и культовый комплекс Таракташ-I в середине III в. н.э. в эпоху «Готских» войн, но около середины IV в. н.э. на склонах Таракташа появляется вновь население и возобновляется культ поклонения предкам.

До сих пор остается открытым вопрос о том, кто обитал на поселении и кто возводил культовые сооружения на крутых склонах Таракташа? Предлагались разные версии: переселенцы с Боспора для охраны западных рубежей Боспорского царства [Мыц, Лысенко, 2001, с. 100; Масленников, 2007, с. 480], «поздние скифы», осваивавшие горную часть Крымского полуострова в I в. до н.э. – I в. н.э. [Колтухов, 1999, с. 215; Лысенко, 2009, с. 396–397], переселенцы из регионов Средней Азии [Шаров, 2009, Шаров, 2013, 2014]. Амфорный материал поселения говорит о несомненных связях с Боспором, лепные горшки с ручками упорами и ряд типов круглых курильниц указывают на связи с позднескифской культурой, лепные сосуды с антропоморфными налестками и курильницы с выступами по сторонам квадратных резервуаров о связях с регионом Средней Азии. Полагаем, что пока не открыто подобных террасированных поселений и культовых сооружений с каменными фундаментами в горном Крыму, культовый комплекс Таракташ остается уникальным явлением среди памятников римской эпохи Таврики. Есть все основания полагать, что Таракташ выполнял в силу своего стратегического положения роль кордона и таможни на въезде в Судакскую долину.

Т.Ю. Шведчикова

Институт археологии РАН, Москва

МАССОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ: СТРАТЕГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В отличие от единичных или парных ингумаций, коллективные захоронения являются особенными объектами, которые требуют особого методического подхода как на этапе полевых археологических работ, так и в процессе кабинетного анализа археологического и антропологического материала. Стратегия исследования подобного рода захоронений должна включать несколько последовательных стадий, в результате которых мы сможем ответить на ряд вопросов, важных для последующей интерпретации, как-то: было ли погребение совершено одномоментно или в несколько этапов; были ли погребенные жертвами военного конфликта или эпидемии.

На последний вопрос нам поможет ответить подробный антропологический анализ половозрастного состава погребенных, рассмотрение палеопатологических проявлений (следов травм, инфекций), проведенный в лабораторных условиях. На первый – непосредственная работа в полевых условиях, определение анатомической последовательности и характера артикуляции суставов, оценка посмертного разрушения и влияния окружающей среды на сохранность костного материала. Но немаловажной промежуточной стадией, которая зачастую делает невозможной работу антрополога и минимизирует количество получаемой в результате лабораторных исследований информации, является этап полевого сбора материала, его транспортировка и надлежащая маркировка.

Особенности коллективного или множественного погребения диктуют разные подходы к исследованию и сбору костного материала в полевых условиях. Всю площадь погребения необходимо разделить на квадраты. Размер квадрата может быть обусловлен степенью концентрации костного материала, варьироваться от 1×1 м до $0,5 \times 0,5$ м. При возможности выделить анатомически целостные скелеты необходимо проводить сбор по индивидам и добирать разрозненные элементы (или проводить сбор при отсутствии анатомического порядка и перемешанном заполнении) в соответствии с сеткой квадратов, нанося соответствующую маркировку на элементы скелетов в процессе разбора. Подобный подход позволяет впоследствии выйти на уровень индивидуальной идентификации при условии, что погребение являлось одномоментным, без последующих подзахоронений, а также определить тафономическую ситуацию в пространстве захоронения и динамику его формирования.

Наиболее сложными объектами в этом плане являются многослойные, сформированные в несколько стадий, содержащие как погребения, расположенные в анатомически верном порядке, так и при его отсутствии. В этом случае должны быть приняты во внимание скорость разложения мягких тканей, особенности расположения скелетов в пространстве в условиях множественного или коллективного захоронения, форма могильной ямы. Данный факт может повлиять на выделение ярусов захоронений, которые целесообразнее выделять не условно и ориентируясь на нивелировочные отметки (в 10–15 см), а фактически, принимая во внимание то, что часть костей верхнего плечевого пояса (ключицы, лопатки, плечевые), шейного отдела позвоночника, череп, а также большеберцовые и малоберцовые кости, кости стоп, при одномоментном многослойном захоронении будут находиться на уровне выше, чем грудная клетка, грудной и поясничные отделы позвоночника, таз.

Подобный подход был опробован на ряде памятников различных эпох и территорий, а именно: склеп храма у с. Весёлое (Адлерский район, Краснодарский край), Натухаевская-5 (Новороссийский район, Краснодарский край), гробницы христианского некрополя в 100 м к западу от храма Св. Георгия Мангупского плато (Крым), коллективное захоронение участников Бородинского сражения 1812 г. у Колоцкого монастыря (Можайский район Московской области).

А.О. Шевцов
Государственный исторический музей, Москва
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Гнёздовский археологический комплекс в X в. являлся узловым пунктом торговли в регионе, соединяющем верховья Днепра, Западной Двины и Волги. Тот факт, что торговые пути проходили именно через данный раннегородской центр, отражается среди прочего в обилии нумизматических находок: 12 кладов, содержащих более 1400 монет, происходят с территории комплекса; выдающаяся коллекция монет (около 450 экз.) собрана в результате многолетних исследований поселения и могильника [Ениосова, Пушкина, 2016, с. 275].

Анализ топографии и хронологии монет расширяет наше понимание процессов поступления, обращения и тезаврации монет на территории памятника. Сочетание находок монет разного происхождения (восточных, византийских и западноевропейских, при безусловном доминировании первых) контрастирует с составом монетных кладов, содержащих исключительно восточные дирхемы. Это свидетельствует в пользу различных путей и характера поступления монет на памятник и их смешения уже на месте.

Анализ состава кладов (trq от 924/5 до 960/1) показывает, что в целом они формировались в условиях преобладания в обращении среднеазиатских дирхемов династии Саманидов. Незначительную долю в кладах составляют монеты чеканки Аббасидов и Бувейхидов, а также болгарские подражания куфическим монетам [Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012, с. 265]. Между тем в материалах раскопок поселения и могильника доля аббасидских монет VIII–IX вв. значительна [Пушкина, 1999, с. 410–411]. Это указывает на то, что в коллекции присутствует ранний субстрат, который образовался в период, предшествующий выпадению старейшего из гнёздовских кладов (trq 924/5). Византийские монеты, составляющие существенную часть нумизматических находок (50 экз.), формируют несколько компактных хронологических групп, вероятно, поступавших на памятник отдельными «волнами». Первая из них, состоящая из монет императора Феофила (829–842), сформировалась в пределах 2-й трети IX в. и имеет аналогии в материалах Рюрикова городища и Бирки. Таким образом, материалы исследований поселения и могильника качественно дополняют картину монетного обращения Гнёздова, которую демонстрировали достаточно однородные кладовые комплексы.

Несмотря на единичные находки западноевропейских денариев и анонимного византийского фоллиса (посл. треть X – 1-я треть XI вв.), подавляющее большинство монет не выходит за хронологический рубеж (начало 60-х гг. X в.), маркированный самым поздним гнёздовским кладом. Следовательно, по неизвестным причинам Гнёздовское поселение оказалось отрезано от прежних путей поступления иностранной монеты, что по времени совпадает с финалом существования другого незаурядного торгового поселения – Бирки. Прекращение поступления монет на памятник имело стремительный характер, что тем труднее объяснить, если учесть процветание «развитого Гнёздова» во 2-й половине X в.

Библиографический список

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства. – М., 2016.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. – М., 1999.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. – М. ; Вологда, 2012.

Ю.В. Ширин

Новокузнецкий институт (филиал) КемГУ, Новокузнецк

О ХАРАКТЕРЕ ОСВОЕНИЯ ГОРНОЙ ШОРИИ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Горная Шория находится на стыке хребтов Северо-Восточного Алтая, Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа. Ландшафт на основной площади региона представлен черневой тайгой. Материалы разведок и раскопок, несмотря на ограниченные объемы, показали здесь наличие памятников всех археологических эпох [Бобров, 1994; Ширин, 2010; 2014а]. В культурном отношении Горная Шория не была географическим изолятом. Для поселений финала эпохи бронзы характерны комплексы, аналогичные по керамике не только памятникам Кузнецкой котловины и Алтайского края, но и юго-запада Минусинской котловины [Ширин, 2013]. Это позволяет предполагать, что уже к началу эпохи железа Горная Шория была интегрирована в той или иной степени в хозяйственно-культурные комплексы обитателей прилегающих лесостепных предгорий, составляя с ними определенную целостность. Исторически засвидетельствовано, что без этих традиционных социально-экономических связей устойчивое развитие, стабильное жизнеобеспечение и естественное воспроизводство населения Горной Шории весьма затруднено или невозможно [Садовой, 1992]. При неизбежно возникающих в горно-таежных областях циклических экономических кризисах, смежные лесостепные районы с относительно родственной этносоциальной средой использовались для переселения. Это заставляет критично отнестись к мнению этнографов, что Горную Шорию в эпоху железа следует относить к ландшафтным зонам с неким реликтовым ХКТ пеших охотников, собирателей и рыболовов. Нельзя в этой территории видеть и место формирования обособленных социально-территориальных групп.

Для начала эпохи раннего железа, когда в лесостепном и степном окружении Горной Шории повсеместно происходят серьезные культурные и хозяйственные перемены, отмечается сокращение признаков присутствия человека и во внутренних горно-таежных районах. Противоположная ситуация наблюдается в периоды наибольшей культурной стабильности в степи. Исследование пещер верховий р. Мрассу показало, что этот тип памятников может стать важным источником информации не только о характере охотничьего промысла в различные исторические периоды, но и о его интенсивности. Чаще всего в гротах отмечены материалы, связанные с переходным временем к эпохе железа, а также с ранним Средневековьем. Интересно, что это совпадает и с периодами наиболее плотного заселения предгорных районов в Кузнецкой котловине.

Хорошо известно, что черневая тайга Горной Шории не представляет преграды для культурных контактов населения Кузнецкой котловины и Алтайского края с социально-территориальными группами Минусинской котловины [Кимеев, 1987]. В Горной Шории известно не менее трех транзитных маршрутов, пересекающих ее в широтном направлении. Еще в начале XVIII в. они использовались для прогона гуртов скота и провоза иных товаров. В верховьях р. Оби эти тропы смыкались с «Большой калмыцкой дорогой», ведущей в Прииртышье и в Среднюю Азию. Наиболее ранние признаки функционирования этих транзитных торговых маршрутов относятся к 1-й половине I тыс. В начале I тыс. на территории Горной Шории, как и в прилегающих к ней с северо-запада областях, распространяются памятники фоминской культуры [Ширин, 2003; 2005а]. Среди свойств их размещения следует отметить приуроченность к узловым пунктам на основных дорогах [Ширин, 2015]. С этого времени поселения и во внутренних районах Горной Шории группируются именно вдоль транзитных маршрутов.

Во 2-й половине I тыс. н.э. весь бассейн Томи и Горную Шорию занимают памятники с традицией орнаментации керамики остросереберными обмазочными валиками [Ширин, 1997; 2014б]. Эта культурная традиция была привнесена, вероятнее всего, из правобережных лесостепных районов Среднего Енисея. С новым населением, предположительно, приходит и развитая металлургия железа. Памятники Притомья IX–XII вв. уже демонстрируют

заметную неоднородность населения, присутствующего в это время в Кузнецкой котловине и в Горной Шории. Помимо памятников, близких сrostкинской культуре, появляются комплексы, связанные с новыми мигрантами из приенисейской лесостепи [Ширин, 2005б].

Кузнецкая котловина (с примыкающими районами Горной Шории) и Верхнее Приобье в эпоху железа входили в единую историко-культурную область. Динамика культурных изменений в этих регионах, чаще всего, была взаимосвязана. Вместе с тем этнокультурные процессы в смежных с Верхним Приобьем таежных предгорьях шли весьма своеобразно. Это происходит в силу особых факторов, присущих маргинальным территориям [Ширин, 2006].

Тот тип расселения в Горной Шории, который можно установить по русским источникам XVII-XVIII вв. и который был описан этнографами, вероятнее всего, сложился только с монгольского времени. Новым условием этого расселения стало властное ограничение миграционной активности. Это привело не только к формированию более устойчивых социально-территориальных групп, но и к их неизбежной маргинализации. На берегах таежных рек оседало население не только с разными культурными традициями, но и с неравными шансами успешного приспособления к условиям горной тайги.

Особенности развития древних культур Саяно-Алтайского региона, проблемы формирования социально-территориальной структуры его обитателей, способы адаптации населения к меняющимся природным и социальным условиям – вот лишь немногий круг вопросов, раскрытие которых будет неполным без привлечения материалов из Горной Шории и подобных ей маргинальных районов.

Библиографический список

Бобров В.В. Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник. – Вып. 1. – Кемерово, 1994.

Кимеев В.М. Горные хребты Южной Сибири – границы или центры этнических территорий? // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987.

Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX вв.). – Кемерово, 1992.

Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк, 2003.

Ширин Ю.В. Поселения фоминской культуры в Кузнецкой котловине и в Горной Шории // Кузнецкая старина. – Вып. 7. – Новокузнецк, 2005а.

Ширин Ю.В. Культурные особенности памятников Среднего Притомья в начале II тысячелетия // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII ЗСАЭК. – Томск, 2005б.

Ширин Ю.В. Археологические комплексы маргинальных районов как индикатор исторических процессов в эпоху железа на юге Сибири // Современные проблемы археологии России. – Т. II. – Новосибирск, 2006.

Ширин Ю.В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // Из кузнецкой старины. – Вып. 1. – Новокузнецк, 2010.

Ширин Ю.В. Горная Шория в свете проблемы культурных трансформаций в переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. – Барнаул, 2013.

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Мрассу от Хомутовских порогов до устья // Из кузнецкой старины. – Вып. 5. – Новокузнецк, 2014а.

Ширин Ю.В. Древние поселения верхнего течения р. Мрассу и шорцы-бирюсинцы // Из кузнецкой старины. – Вып. 5. – Новокузнецк, 2014б.

Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. – Барнаул ; Омск, 2015.

Н.И. Шишлина¹, Й. ван дер Плихт²
¹Государственный исторический музей, Москва;
²Гронингенский и Лейденский университеты,
Гронинген и Лейден, Нидерланды

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ
ДАТИРОВАНИЕ КЕРАМИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ:
ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-06-01291,
«Система расселения и хозяйственные модели древних скотоводов эпохи бронзы
и раннего железного века в пустынно-степной зоне юго-востока Русской равнины»)

Датирование керамики радиоуглеродным методом стало возможным с развитием ускорительной масс-спектрометрии (AMS-датирование). Фрагменты глиняных сосудов стали основным предметом датирования для таких памятников, где отсутствуют другие углеродосодержащие образцы. Количество органического вещества в образце керамики очень мало и может иметь разные источники происхождения [Плихт и др., 2016].

Предметом датирования в керамике методом AMS может стать материал примеси в глиняном тесте – фрагменты углей, растений и других компонентов; или нагар – остатки пищи, сохранившейся на внутренней или внешней поверхности сосуда. Однако при анализе ¹⁴C результатов необходимо проводить верификацию полученных данных.

При включении в глиняное тесто речных раковин или костей рыб получаемая ¹⁴C дата может оказаться под влиянием речного резервуарного эффекта, который может достигать нескольких сотен лет. Датирование керамики, изготовленной из илистых глин с искусственной примесью дробленой раковины (например, такие работы проведены по материалам ямной культуры Приуралья), привело к удревнению хронологии репинской культуры [Моргунова и др., 2011].

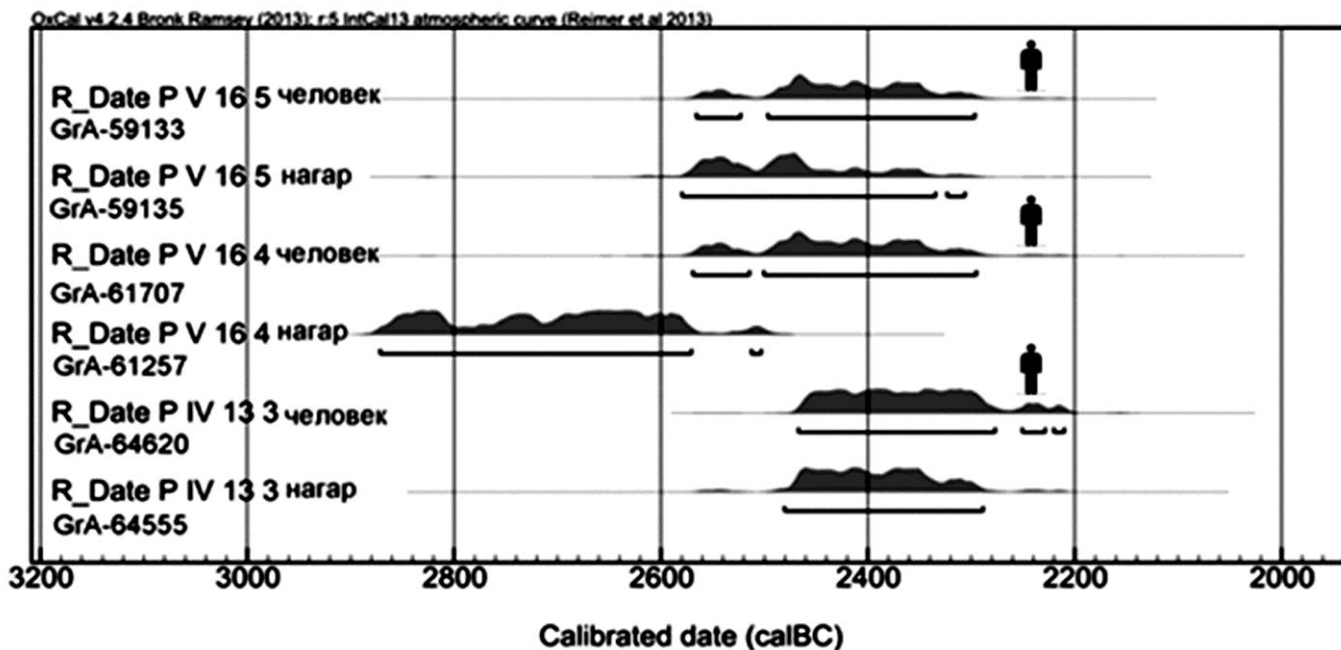
При датировании нагаров, сохранившихся на стенках глиняных сосудов, необходимо идентифицировать компоненты нагара. Используя результаты фитолитного и палинологического методов, а также данные геохимии, можно провести верификацию получаемого радиоуглеродного возраста.

В качестве тестового проекта были отобраны образцы нагара и углистой массы из сосудов, происходящих из захоронений восточноманычской и западноманычской катакомбных культур Калмыкии и Нижнего Подонья. Состав этих образцов был изучен палинологическим и фитолитным методами, дополнительно в ГЕОХИ РАН в нагарах был определен состав стабильных изотопов азота и углерода. Три образца были продатированы AMS-методом в Гронингенской радиоуглеродной лаборатории, Нидерланды. Из этих же захоронений дополнительно были продатированы кости человека.

Практически во всех образцах найдена пыльца и фитолиты диких растений, включая *S3* злаковые. В нагарах внутри сосудов присутствуют цикориевые (*Cichoriaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), полыни (*Artemisia*), эфедра (*Ephedra*), астровые (*Asteraceae*) и другие типичные растения степной зоны. В одном из сосудов найдено большое количество хитиновых микропластинок рыбьей чешуи. В двух сосудах – глиняном горшке и курильнице обнаружены кутикулярные слепки культурных злаковых, которые после проведения сопоставительного анализа с фоновыми образцами (просо, ячмень, рожь), позволили соотнести их с фитолитами ячменя.

¹⁴C возраст образца нагара сосуда и двух образцов углистого слоя из чаши курильниц соотносились с радиоуглеродным возрастом костей человека из этого же погребения (рис.). Корреляция данных показала, что в двух захоронениях остатки пригоревшей пищи и углистый слой курильниц совпадают со временем совершения захоронения носителями катакомбной культуры, и, таким образом, образцы не загрязнены более поздним или ранним материалом. Однако ¹⁴C возраст нагара из третьего захоронения древнее, чем возраст человека, в могилу которого был положен сосуд. Такое

удревнение радиоуглеродного возраста нагара на сосуде может быть вызвано тем, что в горшке готовили не только растительные, но и рыбные продукты. Это и могло вызвать удревнение возраста нагара. Такая же ситуация обсуждалась на других примерах [Fischer, Heinemeier, 2003; Philipsen, 2010].

Результаты радиоуглеродного датирования образцов нагара и костей человека из захоронений западноманьчской катакомбной культуры

Изотопный сигнал в образцах нагара с внутренней и внешней стороны восьми сосудов соотносился с изотопным сигналом аналогичных современных диких растений C_3 из района исследования. Самое высокое значение ^{15}N имеет нагар, основные компоненты которого состоят из хитиновых микропластинок рыбной чешуи. Эти значения близки к изотопным значениям образцов костей археологических рыб Подонья.

В будущем планируется проведение ^{14}C датирования образца нагара с микропластинками рыбной чешуи и синхронного образца наземного происхождения из этой же могилы для проведения сравнительного анализа.

Таким образом, керамика, компоненты ее примесей и нагаров, сохранившихся на внешней и внутренней стороне сосудов, могут быть дополнительными образцами для AMS- ^{14}C датирования в тех случаях, когда другие углеродсодержащие материалы отсутствуют. Однако такие образцы требуют дополнительного изучения их состава другими методами и необходимости верификации получаемого радиоуглеродного возраста.

Библиографический список

- Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 9. – Оренбург, 2011.
- ван дер Плихт Й., Шишлина Н.И., Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование: Хронология археологических культур и резервуарный эффект // Труды ГИМ. – Вып. 203. – М., 2016.
- Fischer, Heinemeier. Freshwater reservoir effect in ^{14}C dates of food residue on pottery // Radiocarbon. – Vol. 45. – No.3. – 2003.
- Philipsen B. Terminal Mesolithic Diet and Radiocarbon Dating at Inland Sites in Schleswig-Holstein // Landscapes and Human Development: The Contribution of European Archaeology. – Bonn, 2010.

К.В. Шмелев, И.И. Тарасов, С.Л. Кузьмин
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА КРОНВЕРКЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ: ОТ ЭПОХИ КАМНЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Кронверк Петропавловской крепости – укрепление, прикрывающее крепость с севера. В настоящее время на его территории находится здание Арсенала (1848–1860 гг.) занимаемое ВИМАИВиВС¹. Освоение Петроградского острова начинается с рубежа XV–XVI вв., строительство валов Кронверка – с 1705 г.²

Работы СЗАЭ³ проводились в 1998–2004 гг.⁴, было заложено семь раскопов, общей площадью 360 кв. м. Ранние материалы – находки эпохи камня – связаны с залегающим выше материка слоем погребенной почвы. Также прослежены следы древней распашки и горизонт, связанный с постройкой, датируемой XVI в. Следующий этап датируется периодом Северной войны⁵. Сооружения лагеря армии Петра I – одна из наиболее ярких находок на территории Кронверка, особенно важная в связи с тем, что письменные документы, связанные с данным объектом утрачены⁶. Открыто два единовременных жилища, представляющие собой котлованы подпрямоугольной формы и ряд менее крупных сооружений. Особое значение имеет открытие захоронений в большем котловане. Четверо погребенных были положены на дно землянки, использованной в качестве могильной ямы. Ориентировка погребений – головой на СЗ, руки сложены на груди⁷. Характерная черта черепов – сточенность крайних

---

¹ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

² Семенов С.В. Этапы формирования и последовательной реконструкции фортеции Кронверка Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости // Археологическое изучение С-Петербурга в 1996–2004 гг. – СПб., 2005.

³ Северо-Западная археологическая экспедиция, в настоящее время – в составе Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева СПбГУ.

⁴ Результаты исследований изданы в ряде публикаций: Кузьмин С.Л., Соболев В.Ю., Тарасов И.И. Раскопки в Кронверке Петропавловской крепости // Петербургские чтения 1998–1999. СПб., 1999; Кузьмин С.Л., Соболев В.Ю., Тарасов И.И. Раскопки на Кронверке Петропавловской крепости // Вестник молодых ученых. – №1. – 1999. – СПб.; Шмелев К.В., Кузьмин С.Л. Археологические исследования лагеря на территории Кронверка // От Нарвы к Ништадту: Россия в годы Северной войны. – СПб., 2001; Шмелев К.В., Кузьмин С.Л. Некоторые итоги раскопок на Кронверке Петропавловской крепости в 1998 и 2000–2002 годах // Пространство С-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. – СПб., 2003; Шмелев К.В. Археологические исследования Кронверка // Культурное наследие Российского государства. – Вып. 4. – СПб., 2003; Шмелев К.В. Археологическое изучение Кронверка // Бомбардир №16. СПб., 2003; Шмелев К.В. Военный лагерь эпохи Северной войны // Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга. – СПб., 2003; Кузьмин С.Л., Тарасов И.И., Михайлова Е.Р., Шмелев К.В. Итоги археологического изучения Кронверка Петропавловской крепости (1998–2003 гг.) // Труды С-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. – Том I: Петерб. чтения 1998–1999. – СПб., 2005.

⁵ Важно отметить особенность, позволившую выявить следы лагеря 1703–1707 гг. Сохранности объекта послужили два обстоятельства: при строительстве первоначальных укреплений, была произведена нивелировочная подсыпка грунта, «запечатывшая» нижележащие слои; участок лагеря, не разрушался в ходе последующей градостроительной деятельности.

⁶ Интересны их отопительные устройства – небольшие ямы, примыкавшие южным углам котлованов. В меньшем (северном) сооружении очаг, обложенный обломками шведского кирпича, содержал фрагменты голландской трубки, костей, кусок свинца. Эта постройка, вероятно, принадлежала офицеру. Большая постройка имела неровное дно, скошенные очертания котлована, а ее очаг имел корытообразную форму. Следы конструкций кровли выявлены не были. Таким образом, оба сооружения могут быть реконструированы как постройки с углубленной центральной частью и очаговыми отопительными устройствами.

⁷ Антропологическое определение показало, что все костяки мужские, возраст 18–20 лет, грацильность костей свидетельствует о некачественном питании, погребенный №4 болел венерическими заболеваниями. Интересно расположение предметов на телах погребенных – на груди двух из них находились нательные кресты, в одном случае в районе голени был обнаружен нож; вероятно, он находился в голенище или чулке; на черепках и костяках были прослежены фрагменты сукна, кожи и меха. Все это позволяет предположить, что тела были помещены в землянку в повседневной одежде, и находились в сильной стадии разложения. Сочетание прослеженных фрагментов одежды позволяет предположить, что погребенные были одеты в т.н. «венгерское платье», введенное в русской армии в 1698 г. Реконструкция внешнего облика погребенных, размещенная в экспозиции ВИМАИВиВС, создана К.В. Шмелевым, на основе работ С.Н. Летина. См.: С.Н. Летин. Гвардия Петра великого в 1702–1725 годов // «Орел». – №1. – СПб., 1992.

правых моляров¹. Захоронения в котлованах построек не имеют прямых аналогов среди синхронных памятников. Единственный аналог – Албазинский острог, относится к 1680-м гг., «земляные избы» которого имеют значительное сходство с землянками Кронверка. Объединяет их конструкция из неглубокого котлована без внутренней обшивки, наличие легкого сооружения в наземной части и конструкция отопительных сооружений². Помимо сходства построек памятники сближает характер захоронений. Погребения Албазина интерпретируются как временные, в соответствии документами, относящимися к обороне крепости³. Выскажем предположение, что погребения Кронверка также носили временный характер⁴.

Еще один элемент, связанный с лагерем Петра I, – наличие в слое находок так называемых «ладейных» заклепок⁵. Примечательно, что это наиболее массовая категория находок⁶; внутри котлованов жилищ их наиболее плотная концентрация прослеживается вдоль стен и в площади очагов⁷. В таком случае предположим, что на территории Кронверка производилась разборка – на дрова и для сооружения построек лагеря – трюфельных шведских маломерных судов.

Перед строительством укреплений Кронверка территория лагеря была засыпана. На полученной площадке были сооружены валы, внешние края укреплений ограничены рвами. К сожалению, в ходе работ удалось проследить достаточно незначительные участки ранних валов, но полученных данных достаточно, чтобы понять, что конфигурация и направление валов начала XVIII в. значительно отличались от насыпей, имеющих в настоящее время. Вал 1705 г. был насыпан из песка, также были прослежены деревянные конструкции. Выше обнаружены слои, содержащие немногочисленные находки XVIII – начала XX в. Полученные археологические материалы недостаточны для полноценного представления об укреплениях Кронверка петровского периода, но в купе с данными письменных источников могут послужить базой для реконструкции фортификации и сооружений полевого лагеря эпохи нового времени.

Изучение ранней истории Кронверка – один из важных этапов исследования военного дела раннего Нового времени и ранней истории Петербурга. Перспективой является дальнейшее изучение как археологических, так и письменных источников эпохи основания города на Неве.

---

¹ Возможное объяснение этого факта заключается в системе заряжения дульнозарядного оружия, когда солдаты должны были отрывать зубами – «скусывать» – часть бумажного патрона. Это действие производилось правой рукой и, соответственно, правой половиной челюстей. В таком случае мы вероятно, имеем дело с солдатами – русскими или, что менее вероятно, пленными шведами.

² Сухих В.В. Землянки Албазинской крепости // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1978.

³ Отмечается временный характер захоронений – фактически это складирование тел, наиболее близкое к т.н. «скудельницам», так как вследствие гибели священника невозможно было проведение посмертных ритуалов. Участники обороны предполагали впоследствии провести полноценное захоронение. См: Артемьев А.Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. – 1996. – №1. – 1996.

⁴ Важно отметить, что эти погребения – не единственная находка подобного рода, массовые захоронения нач. XVIII в. были сделаны на улицах Сытнинской и Введенской. Еще севернее зафиксировано кладбище начала 1710-х гг. Сведения о массовой гибели людей и их захоронениях содержатся в ряде заметок о России начала XVIII в. См: Ширококов И.Г., Учанева Е.Н. Первые строители Петербурга: результаты изучения скелетных останков из захоронений в районе Сытнинской улицы // Бюллетень ИИМК РАН. – №5. – СПб., 2015; Сорокин П.Е. О захоронениях начала XVIII вв. в центре Петербурга // Петровское время в лицах. – СПб., 2005; Лапшин В.А., Городилов А.Ю. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году // Бюллетень ИИМК РАН. – №3. – СПб., 2013.

⁵ В скандинавских странах традиция применения железных судовых заклепок продолжается до этнографической современности. См.: Sederlund C.-O. Ettfartygbyggmedsyteknik. Stockholm, 1978; Sederlund C.-O., Soderberg S. Batar 1600-taletts Stockholm. – Stockholm, 1980.

⁶ Среди других находок, связанных с лагерем – ружейные кремни, пружина оружейного замка, бронзовый знаменный гвоздик, детали конского снаряжения. Керамика, связанная с данным слоем, представлена исключительно фрагментами белостенных сосудов.

⁷ Важно отметить, что заклепки для русской традиции кораблестроения эпохи нового времени и даже позднего средневековья они малохарактерны. См.: Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. – СПб., 1997.

А.В. Шмидт¹, О.В. Кардаш², С.А. Липс²
¹Музей природы и человека, Ханты-Мансийск;
²Институт археологии Севера, Нефтеюганск
К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В КАМНЕОБРАБОТКЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА
(на примере поселения Балинское-73)

Анализируя поселенческие комплексы Западной Сибири в эпоху позднего мезолита – раннего неолита, исследователи неоднократно подчеркивали ярко выраженную ориентацию каменной индустрии этого времени на производство мелких призматических пластин. Расцвет данной техники расщепления хорошо прослеживается в Горном Алтае [Семибратов, 2000; Кирюшин, 2004; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008], Восточном Казахстане [Зайберт, 1992], лесном Зауралье [Старков, 1980; Зах, 2009] – в регионах, где поселения интересующего нас времени располагались в непосредственной либо относительной близости от выходов качественного поделочного сырья (кремень, яшма, кварцитовидный сливной песчаник и т.п.).

В центральной части Западной Сибири находится Среднеобская низменность – край богатейших биоресурсов. Здесь в рамках одного региона сочетаются реки, озера, болота и тайга. Проникая в глубь этой территории, древний человек удалялся от горных массивов на значительные расстояния, к тому же «отгораживал» себя от выходов поделочного камня труднопроходимыми природными преградами. Проживая в таких условиях, мастера начинают обращаться к иным, менее качественным, но более доступным породам, за счет чего кардинально меняется весь облик каменной индустрии. Это подтверждают материалы поселения Балинское-73.

Памятник расположен в правобережье Оби, примерно в 110 км к СВ от устья р. Иртыш. Поселение занимает поросшую сосновым лесом вторую надпойменную террасу (высота 5 м) реки Балинская. Хронология памятника представлена двумя комплексами – эпоха бронзы и поздний мезолит – ранний неолит, отделенных друг от друга стерильной прослойкой. С интересующим нас периодом связаны остатки восьми сооружений. Керамика в слое отсутствует полностью. Даты, полученные по углю (всего 10 анализов), после калибровки показали сер. IX – сер. VIII тыс. до н.э. Все эти данные указывают на принадлежность комплекса к мезолитической эпохе, однако анализ каменной индустрии (всего 10238 предметов) не дает столь однозначного ответа.

Основным сырьем являлся кварцит (55,33%) – порода очень прочная и устойчивая к физическому износу, однако не отвечающая требованиям микролитического расщепления [Малолетко, 2000]. Кроме кварцита использовались песчаники (32,18%), сланцы (7,56%), гранит (3,80%). Другие породы камня суммарно составили чуть более 1%. Высококачественное поделочное сырье – кремень и кварцитовидный сливной песчаник (КСП) – на двоих набрали всего 0,15%.

Характер используемых пород предопределил общий облик всей каменной индустрии. Происходит почти полный отказ от призматического расщепления. На поселении найдено всего две ножевидные пластины из КСП размерами 3,8 × 1,5 и 5,5 × 2,0 см, а также небольшая серия (62 экз.) широких пластинчатых отщепов и реберчатых сколов из кварцита. На их смену приходят шлифованные орудия и изделия на отщепах.

Весь орудийный набор составил 4,82% (493 экз.) от общей массы каменных артефактов. Здесь сырье распределилось следующим образом: кварцит – 40,00%; песчаник – 30,02%; сланцы – 20,48%; гранит – 4,66%; кремень и КСП – 1,21% (2 и 4 орудия); и прочие породы.

Преобладают шлифованные изделия – 290 артефактов или 58,82% всех орудий. Это топоры – 16 экз., тесла – 25, долота – 11, струги – 15 и т.п. Однако основная масса представлена абразивами – 188 экз. Анализ данной категории создает впечатление, что процесс производства шлифованных орудий носил в буквальном смысле промышленный

характер. Помимо разнообразных точильных камней, имевших относительно небольшие размеры, на памятнике найдены два валуна весом порядка 30 и 100 кг, предназначенных для стационарной шлифовки заготовок. На более крупном, вследствие его длительного использования, образовалась канавка, длина которой составила 29,5 см, ширина – 2,9 см, а глубина – 1,4 см. Наличие стационарных абразивов свидетельствует, что на поселении функционировала хорошо оснащенная производственная площадка. Изготовление шлифованных орудий носило не эпизодический характер, а осуществлялось постоянно.

Здесь есть один немаловажный момент, который еще только предстоит обдумать: количество абразивов на порядок превышает число шлифованных изделий. То есть средств производства значительно больше, чем готовой продукции.

Остальные 203 изделия – это галечные орудия (преимущественно отбойники – 34 из 36), а также изделия, оформленные вторичной ретушью: скобели – 42 экз., ножи нескольких типов – 12 экз., скребки – 15, скрёбла – 9, остря – 21, долотовидные орудия – 58 экз. и некоторые другие. В коллекции полностью отсутствуют морфологически выраженные резцы, что можно объяснить – «за ненадобностью», вследствие деградации пластинчатой техники расщепления. Нет наконечников стрел – эта черта характерна для большинства мезолитических памятников Западной Сибири.

Несмотря на отсутствие качественного поделочного камня, население Балинское-73 смогло перестроить индустрию под менее пригодное, но более доступное сырье. Здесь на ведущие позиции выходит технология шлифовки и полирования камня, широкое внедрение которой в других регионах происходит значительно позже. Таким образом, на общем облике каменной индустрии отразились, с одной стороны, потребности самого человека; с другой – качество используемого сырья.

То, что жители поселения Балинское-73 ориентировались в производстве каменных орудий на более доступное сырье, не является чем-то исключительным. Похожую картину можно наблюдать на памятнике Няксимволь-1 (Березовский район Ханты-Мансийского АО, р. Северная Сосьва). Несмотря на относительную близость Уральских гор, здесь для каменной индустрии также берут сырье, расположенное «в шаговой доступности», которое вполне удовлетворяло потребностям неолитического населения. Прежде всего, это речной галечник. В результате широкое применение получают чопперы, чоппинги и другие галечные орудия, в то время как призматическая техника расщепления также переживает упадок [Шмидт и др., 2017].

Библиографический список

- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. – Екатеринбург, 1992.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск, 2009.
- Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул, 2008.
- Малолетко А.М. Источники кремнистого сырья для производства орудий (эпоха камня и металла) // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. – Барнаул, 2000.
- Семибратов В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М., 1980.
- Шмидт А.В., Сурков Д.А., Гизбрехт М.Ю., Попкова А.В. Аварийно-спасательные раскопки на памятнике Няксимволь I в Березовском районе Ханты-Мансийского АО (2016 год): предварительные результаты // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. – Барнаул, 2017.

И.В. Шмидт¹, И. Крафт²

¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск;

²Археологическое ведомство Саксонии, Дрезден, Германия

ОРНАМЕНТОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА

Предметы со следами орнаментации известны со времен палеолита. Большинство исследователей, обращавшихся к рассмотрению данного вопроса, единодушны в признании за «орнаментами» палеолита информационного статуса, согласны видеть в них специфический культурный код. Каковы темы, подвергшиеся кодировке – здесь единодушия нет. Диапазон предложений/гипотез широк – от эстетических переживаний до естественно-научных достижений эпохи [см. Цейтлин, 2004]; уточнение любой из них чревато бесконечным поиском убедительных аргументов.

Аргумент – органичное сочетание факта и метода – в отечественной практике реализован наполовину: сбор фактов, так или иначе, ведется, но методическая рефлексия орнаментальных мотивов палеолита остановила свое развитие на уровне выражения впечатлений о стилистической близости конкретных образцов и о неповторимости/непохожести других. Отечественное палеоискусствоведение не спешит выработать устойчивые приемы описания орнаментов, не говоря уже о чем-то большем. Показательно в этом отношении «белое пятно», поглощающее территорию СНГ, на карте распространения абстрактных символов палеолита Жене́вьев фон Пецингер [Petzinger, 2005]. И проблема не в отсутствии фактов/источников, она заключается в отсутствии рефлексии по их поводу; единичные статьи/тезисы не обеспечивают процесса объединения усилий по решению назревших проблем. Тому множество причин, обозначим наиболее очевидные.

Проблема источников. Анализируя материалы палеолита, остается непонятным, об «орнаментах» ли мы будем рассуждать. Существует масса определений того, что орнаментом принято называть, но есть особенность – этого материала должно быть много и знаковые записи должны быть «продолжительными», чтобы появилась возможность зафиксировать специфику комбинаторик основных элементов, морфологию текста, тектонику построения/расположения, другие аспекты. Как справедливо отметила Ю.А. Симакова [2013], палеолит демонстрирует интерес к коротким знаковым «формулам». Можем ли мы назвать их орнаментами? Есть и более серьезная проблема – раз уж орнамент прочно связан с идеями мироздания, ритмами миропорядка, в коллективном сознании этноса и социума (в любом случае, очень непростыми вещами), то что нам известно о палеолитической фазе их бытования/развития? Немногое. Употребление этих понятий в палеолитоведении весьма условно. Иначе говоря, у нас есть определенные проблемы и с фактом, и с его контекстом уже на уровне теоретического осмысления, что обрекает артефакты/знаковые записи оставаться «вещами в себе» и в тени нашего внимания.

Проблема методики. Если даже вышеприведенный аргумент мы принимаем в качестве несущественного (теория может стать результатом практических исследований, а не инициировать их), то проблема метода анализа в любом научном направлении всегда стоит остро. Существуют различные правила фиксации орнаментальных композиций, они известны по трудам знатоков оформления первобытной керамики, специалистов по истории деревообработки и древнему текстилю, многих других направлений, где с наличием собственно орнамента проблем нет. В палеолитоведении данная работа тоже отчасти проведена – А. Леруа-Гураном, А. Маршеком, К. Хентцем, Ж. Хенцелином, А.Д. Столяром, Б.А. Фроловым, В.Е. Ларичевым (ряд имен можно продолжить). У каждого из обозначенных исследователей были свои критерии знака/символа, отдельные подходы к их фиксации, парадигмы осмысления, и, разумеется, результаты. Нужно отметить, что практика их исследований обсуждается нечасто (принято интересоваться результатами, а не процессом

исследования), но иллюстрированные каталоги знаково-символической активности древнего человека (к слову, в отечественной археологии, насколько нам известно, такого каталога так и не появилось), многим известны. Таким образом, в палеоискусствоведении есть типологические ориентиры/матрицы/линейки символов и знаков, и появление нового материала теоретически должно быть с ними соотнесено. Но этого не происходит. Хорошо, если в тезисах, посвященных результатам работ, будет вскользь упомянуто об орнаментации подвески, пластины, фрагмента изделия, а «чем и как», аналогии из ближнего и дальнего культурных контекстов – этого достаиваются единицы. Проблема и в том, как этот интерес к ним реализуется. Не умаляя высот, достигнутых археологией, все же отметим, что ее по-прежнему больше интересует технологический аспект нанесения орнаментов. Мы знаем о нем прежде всего как о результате резания, пиления, сверления по кости, камню, как о комбинациях определенной формы знаков... Очень и очень редко эти этапы исследований перерастают в нечто большее, которое реализуется уже за пределами археологии, в смежных областях.

Проблема «смежных областей». Исследователи осознают специфику орнаментальных практик любых эпох, наличие (как минимум) технического и содержательного аспекта. В европейской науке именно археология занимается интерпретацией археологического артефакта, но делает это с опорой на не свойственные археологии методы, обращаясь за поддержкой к культурной антропологии и этнологии, психологии, мифологии и религиоведению, философии, культурологии, семиотике и т.д., всего лишь по той причине, что «классическая» археология не занимается поиском смыслов. Интерпретация в отечественной археологии – скорее дело случая, но не подготовки и практики; этому не учат и это, по возможности, игнорируют. Данную ситуацию можно преодолеть либо через заимствование/включение в археологию отработанных «на стороне» методик, либо через «вывод» материала в смежные с археологией дисциплинарные области. И то и другое дается нелегко. Первое – освоение «чужих» методик требует времени и «жертв»; второе – вольноотпущенники археологии (речь о предметах, прошедших стадию интерпретации за пределами археологии) редко принимаются в измененном состоянии обратно [Шмидт, 2016].

Можно констатировать, что интерпретацией палеорнамента на данный момент занимаются либо не археологи, либо те из них, «кому нечего терять». По большому счету, не имеет значения, кто интерпретирует, проблема в дискурсивности данной работы и закрытости отечественной археологии для смежных интерпретативных практик. Археологический язык и приемы анализа не рассчитаны на работу с «эстетически нагруженным» материалом. Сложно не заметить очевидность кризиса в рассматриваемой области археологического знания. Его преодоление будет связано с теоретическим возрождением или перерождением палеорнаментологии. Нам необходимы активные обсуждения назревших проблем, открытость новым предложениям, включение нашего материала и идей в дискурсы мировой научной практики.

Библиографический список

Симакова Ю.А. Подходы к применению орнамента в дизайне // Академический вестник Уралниипроект РААСН. – 2013. – №4.

Цетлин Ю.Б. Предметная изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание // РА. – 2004. – №2.

Шмидт И.В. К дискуссии об археологических текстах // *Universum Humanitarium*. – 2016. – №1(2).

Petzinger G. Making the Abstract Concrete: The Place of Geometric Signs in French Upper Paleolithic Parietal Art. – В.А., 2005.

С.В. Шнайдер
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ОБИШИРСКАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РГНФ №15-31-01000,
грант Президента РФ МД-2845.2017.6

Мезолит на территории западной части Центральной Азии активно изучался в середине прошлого столетия, в это время были обнаружены основные мезолитические памятники и сформулированы основные культурно-хронологические схемы развития мезолита региона [Исламов, 1980; Коробкова, 1989; Ранов, 1988]. Во всех схемах фигурировали материалы памятника Обишир-5, который был обнаружен экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под руководством У.И. Исламова в 1965 г. На первом этапе полевых исследований (1966–1973) изучен участок памятника общей площадью 141 кв. м. В процессе изучения на разных участках памятника выделялось от 4 до 7 литологических слоев. Нижняя часть литолого-стратиграфической пачки отложений содержала материалы мезолитического времени, которые залежали в трех культурных горизонтах. На основе характеристик каменных комплексов У.И. Исламовым было предложено выделять Обиширскую мезолитическую культуру, к которой помимо материалов памятника Обишир-5 были отнесены комплексы Обишир-1, Ташкумыр. Исследователь выделял следующие характерные черты для данной культуры: преобладание в нуклеарном наборе призматических и дисковидных изделий, среди орудий – доминирование концевых скребков и микропластин с ретушью, также отмечалось наличие единичных орудий типа чопперов и чоппингов. На основе аналогий с ближневосточными и североафганскими материалами У.И. Исламов предполагал, что данная культура датируется в пределах 6–8 тыс. л. до н.э. Генезис обиширской культуры ученый связывал с развитием локальных позднеплейстоценовых индустрий Самаркандской стоянки и Ходжа-Гора [Исламов, 1980].

На современном этапе исследований проведена ревизия материалов ключевых памятников позднего плейстоцена – раннего голоцена западной части Центральной Азии, была уточнена атрибуция многих индустрий, пересмотрен генезис ряда комплексов [Шнайдер, 2015]. В том числе в 2015 г. силами российско-киргизской археологической экспедиции были возобновлены исследования памятника Обишир-5. На новом этапе полевых работ (2015–2016 гг.) изучение производилось на участке площадью 8 кв. м. Новый раскоп примыкает к западной части раскопа 1968–1969 гг.

В процессе исследований уточнена стратиграфическая ситуация на памятнике, выделено шесть литологических слоев.

Слой 0 – почвенно-растительный слой. *Слой 1* сложен суглинками от светло-серого до серо-коричневого цветов, содержит археологические остатки раннесредневекового времени. *Слои 2 и 3* состоят из суглинков от светло-коричневого до темно-коричневого цветов, имеющих коллювиальный генезис. Данные слои содержат находки мезолитического времени. *Слои 4 и 5* сложены суглинками от кремового до желтовато-коричневого цветов, слой 4 залегают *in situ* и состоит из лёссового материала и обломков известняка, аккумулярованных морозным выветриванием под скальными породами. Слой 5 может рассматриваться как типичный лёсс, который был сформирован в период последнего ледникового максимума. В данных отложениях были найдены каменные артефакты [Шнайдер и др., 2016].

По образцу угля из слоя 1 получена дата 1650 ± 20 (PLD-31751: 1570–1530 кал. л.н.). По образцам угля из слоя 2 получены две калиброванные AMS радиоуглеродные датировки: 7405 ± 25 л.н. (PLD-31752: 8317–8179 кал. л.н.) – для средней части, 9410 ± 30 л.н. (PLD-31753: 10717–10571 кал. л.н.) – для нижней части слоя [Там же, с. 197]. Все даты были откалиброваны при помощи программного обеспечения OxCal v.4.2, с использованием IntCal13 калибровочной кривой при использовании 68,2%.

Полученная археологическая коллекция из слоев 2–5 в ходе нового цикла раскопок насчитывает более 2200 экз. Проведенный ее технико-типологический анализ позволил

существенно конкретизировать облик каменных индустрий. Установлено, что в основе первичного расщепления комплексов слоев 2–3 лежало призматическое и торцовое расщепление, направленное на получение пластинок и микропластин посредством отжимной техники. Орудийный набор содержит микропластины с вентральной ретушью, проколки и выемчатые орудия на пластинках, микроскребки, микродолотовидные орудия, единичные экземпляры резцов и пластинок с притупленным краем. Также в слое 2 были обнаружены подвеска, выполненная из талькита, и фрагмент шлифованного орудия из серпентинита.

Первичное расщепление слоев 4 и 5 было направлено на получение пластинок и микропластин посредством ударной техники с призматических и торцовых ядрищ. В орудийном наборе отмечается преобладание пластинок и микропластин с дорсальной ретушью и ретушью притупления, также в коллекции многочисленны скребки.

Согласно предварительным результатам материалы слоев 2–3 коррелируют с мезолитическими комплексами Северного, Центрального Тянь-Шаня (Аламышык, Алтын-Эмель) и Памира (Ошхона, Истыкская пещера (гор. 1–2)) [Абдыканова и др., 2015; Шнайдер, 2015; Шнайдер и др., 2016]. Материалы слоев 4–5 находят аналогии с материалами верхнепалеолитических памятников Тянь-Шаня (Додекатым-2 (сл. 4–2), Курама (сл. 2–1)), которые датируются в пределах 28–23 тыс. л.н. Сходства между комплексами прослеживаются в применении мелкопластинчатого расщепления, наличии в орудийных наборах пластинок и микропластин с дорсальной ретушью, ретушью притупления, микроскребков и микродолотовидных орудий [Колобова и др., 2011; Чаргынов, 2015].

Таким образом, на настоящем этапе исследований пересматривается культурно-хронологическая интерпретация памятника Обишир-5 и предлагается рассматривать его как многослойный объект, содержащий культуросодержащие позднеплейстоценовые-раннеголоценовые комплексы, имеющие общие черты с памятниками Тянь-Шаня и Памира. Таким образом, встает вопрос о пересмотре культурно-хронологической позиции памятника Обишир-5 и правомерности выделения Обиширской мезолитической культуры.

Библиографический список

Абдыканова А.К., Табалдиев К.Т., Чаргынов Т.Т., Рашит-уулу Н., Алишер-кызы С. Результаты исследований памятника каменного века Аламышык в 2012–2013 гг. // Возвращение к истокам : сборник памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. – Новосибирск, 2015.

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент, 1980.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И., Павленок К.К. Мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Средней Азии: стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // *Stratum Plus*. – 2011. – №1.

Коробкова Г.Ф. Мезолит средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. – М., 1989.

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1988.

Чаргынов Т.Т. Археологические раскопки стратифицированного памятника Курама в 2014 г. // VII Оразбаевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции. – Алматы, 2015.

Шнайдер С.В. Туткавальская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер-кызы С., Романенко М.Е. Результаты полевых исследований памятника Обишир-5 в 2016 году (юг Кыргызстана) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Йенс Шнеевайсс¹, Катя Виднер²

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

² Институт науки о питании и агрономии, кафедра биогеохимии почвы,
университет Галле-Виттенберг, Галле, Германия

АНТРОПОГЕННАЯ ПОЧВА

КАК АРХИВ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ. «NORDIC DARK EARTH» КАК ПРИМЕР ЗНАЧИТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЙ

В поселенческой археологии особое внимание уделяется изучению отложений и стратиграфии слоев, так как доля особых находок, как правило, невелика. Кроме анализа массового материала и его распределения по слоям и объектам все чаще рассматриваются и свойства самих отложений. Совершенно понятно, что культурные слои кроме артефактов содержат еще массу другой информации, но при этом точный генезис таких слоев далеко не ясен. Есть лишь уверенность в том, что речь идет об антропогенной почве. Варианты и сценарии, как человек может воздействовать на развитие почвы, почти не ограничены. Следы его действий сохраняются в почве, поэтому если речь идет об антропогенной почве, вполне оправданно говорить об архиве культурной истории. Чисто археологическими методами осваивать этот архив не удастся, для этого необходим междисциплинарный подход. Под этим подразумеваются в первую очередь естественно-научные анализы и археологические интерпретации.

Представляется, что хозяйственная деятельность значительно влияет на почву. Тип хозяйства – один из ключевых вопросов во многих областях археологических исследований. В лесной зоне европейской части России с этим вопросом тесно связано распространение славян и, соответственно, земледелия. Однако аргументация опирается в основном пока лишь на косвенные доказательства. Имеются основания предполагать, что анализ культурных слоев типичных памятников даст возможность более основательно оценить долю земледелия и облик хозяйственной деятельности в раннем средневековье. Культурные слои средневековых поселений часто отличаются значительной мощностью и темно-черным цветом, даже если материковые породы песчаные и с низким содержанием питательных веществ [Domschke, Wolff, 1960]. Это напоминает известный феномен *terra preta* из Приамазонья, который служит моделью долговременных земледельческих приемов [Glaser, Birk, 2012; Glaser и др., 2001]. Проведем пример из западнославянской территории. Во время археологических раскопок на славянском поселении X–XI вв. близ деревни Брюнкендорф в Приэльбье (Северная Германия) был обнаружен мощный черный культурный слой [Schneeweiß, 2013, с. 122–123] (рис.), к исследованию которого были применены мульти-аналитические подходы [см., например, Birk и др., 2010; Glaser, 2014]. Фекальными биомаркерами, такими как стерин и желчные кислоты, явились обнаруженные экскременты всеядных и травоядных животных, а также экскременты человека, которые, скорее всего, использовались в качестве удобрения почвы. Отмечено необычно высокое содержание в почве мелкодисперсного черного углерода (Black carbon). Исходные материалы и получающиеся геохимические характеристики почвы сопоставимы с таковыми в *Amazonian Dark Earth (terra preta)*, так что предположительно и процесс их формирования сопоставим. По этой причине исследуемая почва была названа «Nordic Dark Earth» [Wiedner и др., 2015].

Наличие почвы такого типа в зоне умеренного климата Европы доказывает потенциальную способность длительного сохранения высоких долей органических компонентов и аккумуляции питательных веществ в песчаных почвах столетиями. При этом необычно высокая урожайность Nordic Dark Earth позволяет осваивать новые модели приемов земледелия, что особо важно в лесной зоне Восточной Европы, где пригодные для земледелия места и почвы весьма редки. Судя по эмпирическому сбору

сведений, подобные типы почвы развиваются в основном в IX–XI вв. на территории, где располагались западные и восточные славяне, и в торгово-ремесленных поселениях у балтийского моря. Предполагается, что использование Nordic Dark Earth было важной частью викинго-славянской хозяйственной системы. В IX и X в., особенно восточные торгово-ремесленные поселения викингов (т.н. эмпории), расцвели в виде протогородов, пока хозяйственная система не изменилась на рубеже I–II тыс. н.э. В докладе изложена мысль о том, что Nordic Dark Earth, возможно, могла иметь значительное влияние на развитие и расцвет этих эмпорий. Высокая урожайность на относительно маленькой площади позволяла обеспечивать пропитанием большое количество людей на ограниченном пространстве. Когда не позднее XI в. все эмпории перестали существовать, так как были вытеснены рядом расположенными городами, изменилась и хозяйственная система, которая стала больше ориентирована на производство для рынка, а не только на самообеспечение.

Культурный слой (антропогенная почва «Nordic Dark Earth») на славянском поселении Брюнкендорф-13 (слева) и естественный почвенный профиль на том же месте для сравнения (справа)

Библиографический список

- Birk J.J., Teixeira W.G., Neves E.G., Glaser B. Origin of nutrients in Amazonian Anthrosols as assessed from 5bstanols // Sixth World Archaeological Congress. – Dublin, 2010.
- Domschke H., Wolff G., Mikroskopische und chemische Untersuchungen vor- und frühgeschichtlicher Kulturschichten auf dem Matthäikirchhof in Leipzig. Die Schwarzfärbung der slawischen Kulturschicht und ihre Ursache // Stadtkernforschung in Leipzig. Die Ausgrabungen auf dem Matthäikirchhof 1. Forschungen zur Vor- und Frühgeschichte 4, 1960.
- Glaser B., Soil Biogeochemistry: From Molecular to Ecosystem Level Using Terra Preta and Biochar as Example // Benkeblia N. (Ed.), Agroecology within Global Environmental Change: Concepts and Applications. – Taylor & Francis Group, Boca Raton, FL, 2014.
- Glaser B., Birk J.J. State of the Scientific Knowledge on Properties and Genesis of Anthropogenic Dark Earths in Central Amazonia (terra preta de Índio) // Geochimica et Cosmochimica Acta. – 82. – 2012.
- Glaser B., Haumaier L., Guggenberger G., Zech W. The “terra preta” phenomenon: a model for sustainable agriculture in the humid tropics // Naturwissenschaften. – 88. – 2001.
- Schneeweiß J., Raumnutzung und Siedlungsgefüge im Seegemündungsgebiet // Beug H.-J., Lüth F., Schopper F., Willroth K.-H. (Eds.), Slawen an der unteren Mittelelbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel. Beiträge zum Kolloquium vom 7.-9. April 2010 in Frankfurt a. M. Reichert Verlag. – Wiesbaden, 2013.
- Wiedner K., Schneeweiß J., Dippold M. A., Glaser B. Anthropogenic Dark Earth in Northern Germany – The Nordic Analogue to terra preta de Índio in Amazonia // Catena. – 132. – 2015.

А.Ф. Шорин, А.А. Шорина
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА И ХРОНОЛОГИЯ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ
«СВЯТИЛИЩЕ КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ И ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ»
(Среднее Зауралье)

Топография, внешний вид и структура организации внутреннего пространства памятника. Для поселения и святилища выбран мыс на берегу Юрьинского озера, широкая пойма которого позволяла просматривать мыс со значительной части побережья и водной глади озера. Поэтому святилище жителями неолитических поселков, расположенных по побережью озера, даже визуально воспринималось как центр окружающей территории. На самой высокой площадке мыса, располагавшегося в центре Юрьинского поселения площадью 16000 кв. м, путем периодических подсыпок была создана искусственная гора. Ее диаметр около 40 и высота до 3,5 м. Помимо насыпной площадки, сакральность места была усилена рытьем рва, а может и двух. Первый ров мог быть дополнен, особенно по склону мыса, какой-то конструкцией из тонких бревен типа стены или частокола. Все эти маркеры четче выделяли площадку святилища в профанном пространстве Юрьинского поселения.

Именно на насыпной площадке фиксируются объекты 3 – 6, 8, 12, 14, 17, а также сопутствующие им малые объекты 5а, 5б, 6а, 6в, 9. Три из них (№5, 6, 12) сопровождалась сосудами кошкинской культуры, по одному: №3 – кокшаровско-юрьинской, №17 – басыановской. Но ряд объектов вынесен за пределы рвов. Кошкинский культовый объект 15 расположен в пойменной части берега и перекрыт рвами. В пойме находился и жилой кошкинский объект 18. Кокшаровско-юрьинский объект 7, как и малые объекты 7а, 7б, 10 и 22 с невыясненной культурной атрибутикой, зафиксированы на мысу, но за пределами рва 1. В глубине мыса, за рвами, исследован и жилой объект 21 Юрьинского поселения, в глубоком котловане которого последовательно сооружены раннее кошкинское и позднее совместное позднекокшаровско-юрьинско – полуденское жилище.

Хронология объектов и этапы формирования памятника. Получено более 50 радиоуглеродных дат, как по углю, так и по керамике всех неолитических и энеолитических типов присутствующих на памятнике. Даты по углю, за исключением двух, и 9 дат по керамике достоверно связаны с теми или иными объектами Холма и поселения. Корреляция дат с объектами позволяет сделать следующие выводы.

Заселение этого участка берега Юрьинского озера происходило во времени близкому рубежу VII–VI – начале VI тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат. Однозначно, в составе первопоселенцев была кошкинская группа населения. Именно она создала ранние культовые объекты 15 в пойме и 5, 6, 6а и 7а на мысу. Скорее всего, кокшаровско-юрьинский коллектив в составе первопоселенцев также был. На это указывает две даты по фрагментам керамики. Одна из них получена из восточной части мыса, возможно из верхнего заполнения малого объекта 7б, другая – из пойменной части нижнего слоя Юрьинского поселения. Возможно, что уже на раннем этапе функционирования памятника была предпринята попытка как-то дополнительно маркировать сакральное пространство святилища: по краю площадки мыса было поставлено какое-то сооружение из тонких бревен типа бревенчатой стены, частокола. Видимо ранним по времени, но радиоуглеродных дат по ним пока нет, являются ниже жилище объекта 21, глубокий, до 1,7 м, котлован которого выкопан кошкинским коллективом на территории Юрьинского поселения к востоку от насыпной площадки святилища, а также объект 18 в пойме памятника, перекрытый полуденским культурным слоем.

В период около середины VI тыс. до н.э. на сакральной площадке мыса функционировали уже культовые объекты как кошкинского, так и кокшаровско-юрьин-

ского населения. Конструктивно культовые объекты этого хронологического горизонта, оставленные разными группами населения, имели как черты сходства, так и различия. Сходство заключалось в том, что основу даже крупного объекта 12 составляли малые объекты 12а-д, по размерам близкие кокшаровско-юринским объектам 3, 4 и 8. Различия сводились к тому, что кошкинские объекты 6 и 12 по размерам были более значительными, чем кокшаровско-юринские. С последним типом керамики не связаны также объекты в виде большой грунтовой ямы, перерытой накатником, как кошкинский объект 15 в пойме.

Следующая группа радиоуглеродных дат тяготеет к интервалу последней четверти VI – первой четверти V тыс. до н.э. Это особый хронологический отрезок функционирования комплекса памятников «святилище Кокшаровский холм – Юринское поселение». На этот период падают поздние радиоуглеродные даты, полученные по ряду кошкинских и кокшаровско-юринских фрагментов, а также все даты по фрагментам керамики полуденского и самые ранние даты по фрагментам басьяновского типов.

В этот период фиксируется сосуществование и постепенная замена кошкинских и кокшаровско-юринских орнаментальных традиций полуденскими и басьяновскими. Объектов, которые относятся к этому радиоуглеродному периоду, два: №7 и 17. Оба они расположены в периферийной, северо-восточной, части мыса: Площадка кокшаровско-юринского объект 7 находится за пределами рвов и во многом выделена условно. Басьяновский объект 17, сооруженный на краю мыса в пределах его сакральной площадки, по составу артефактов напоминает скорее жилище-мастерскую. Но, в то же время, в нем и рядом с ним найдены развалы 8 басьяновских сосудов. Причем, скопление верхних частей трех разных по размерам сосудов, как и 3 пряслиц из фрагментов сосудов этого же типа, залегали совместно. Подобное скопление верхних частей от 6–7, но кошкинских сосудов, фиксировалось в одном из самых ранних культовых объектов Холма – №6. Не исключено, что объект 17, культовое использование которого также возможно, возник в то время, когда кошкинские и кокшаровско-юринские культовые объекты, даже самые поздние, на площадке уже не функционировали. В сферу жизнедеятельности басьяновских коллективов активно была вовлечено пространство, прежде всего, по северной и частично восточной кромке мыса. Именно здесь, а также в пойме фиксируется подавляющая часть фрагментов басьяновской керамики.

На последнюю четверть VI тыс. – самое начало V до н.э. приходятся все даты, полученные по развалам сосудов и фрагментам керамики полуденского типа. Но с сосудами этого типа не связан ни один из раскопанных культовых объектов в пределах сакральной площадки. Видимо, традиция возведения культовых построек на мысу полуденским коллективам стала уже не свойственна. Полуденская керамика залегает преимущественно в восточной части мыса, прежде всего за пределами сакральной площадки святилища и в пойме. С совместным кокшаровско-юринско – полуденским коллективом связано и верхнее жилище объекта 21, впущенное в котлован, который ранее выкопали кошкинцы. Примечательно, что больше всего не отдельных фрагментов, а крупных развалов полуденских и позднекокшаровско-юринских сосудов, но с элементами полуденского декора, найдено как в пойме, так и в восточной части мыса за рвами и во рве 2, маркирующих сакральную площадку святилища. В связи с этим можно предполагать либо Кокшаровский холм в это время как святилище прекращает свое существование, или меняются объекты и ритуалы сакральных действий. Культовые объекты в виде деревянных домиков вышли из употребления. Возникли новые ритуалы, элементом одного из которых стала постанковка сосудов у рва.

В заключение следует отметить, что вне поля зрения хроностратиграфического анализа оказались в пределах сакральной площадки объект 14 и малый объект 9; объект 16 в пойме, а также два малых объекта 10 и 22, зафиксированные в восточной части мыса. По ним нет радиоуглеродных дат, и они не сопровождались сосудами.

С.В. Шполянский

Государственный исторический музей, Москва

СУЗДАЛЬСКОЕ ОПОЛЬЕ ДО И ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ во 2-й пол. XII – 1-й пол. XV в.

Одной из главных проблем в изучении Суздальского Ополя – важнейшего земледельческого района, исторического и экономического центра Владимиро-Суздальской земли, является вопрос о последствиях монгольского нашествия, понимаемых и как результат прямого военного вторжения, и как долговременный фактор влияния золотоордынского господства на экономическую и демографическую ситуацию в регионе.

В ходе разведочных работ на территории Ополя Суздальской археологической экспедиции под руководством Н.А. Макарова впервые были получены представительные материалы, позволяющие говорить об изменениях, происходивших в регионе со 2-й половины XII – начала XIII в. до 2-й половины XIV – начала 1-й половины XV в., т.е. от времени расцвета столичного региона Владимиро-Суздальской земли до потери политической самостоятельности и вхождения в состав Московского княжества.

Полученные результаты позволили представить довольно широкую картину формирования и развития структур сельского расселения и, опираясь на обширные коллекции вещей (более 14000 предметов) и керамики, полученные в процессе многолетних исследований (2001–2016 гг.), в первом приближении рассмотреть характер происходивших изменений [Макаров и др., 2013]. К настоящему моменту из примерно 5,5 тыс. кв. км. территории Ополя разведочные работы проведены на площади не менее 370 кв. км, обследовано более 350 поселений, для 302 достоверно определены их площади.

Одним из наиболее значимых результатов исследований стало документирование чрезвычайно плотного освоения земель Ополя, выраженное в формировании развитой многоуровневой структуры расселения. Наибольшее разнообразие в размещении поселений (от берегов подавляющего большинства регулярных водотоков до водораздельных склонов в верховьях разветвленных овражных систем), фиксируется во 2-й пол. XII – XIII вв., когда, по-видимому, плотность их расположения достигает своего естественного предела, а расстояния между синхронными селищами определяются необходимыми размерами ресурсных зон вокруг них.

Картина, прослеженная для 2-й половины XIII – 1-й половины XV в., фиксирует уменьшение количества памятников. При этом довольно уверенно выделяется группа селищ, на которых материалы 2-й половины XIII – начала XIV в. представлены незначительным количеством керамики и единичными находками вещей, что позволяет предполагать прямую связь их исчезновения с походами монголов или их прямыми последствиями. Эта ситуация наиболее заметна на юге Ополя, поблизости от Владимира, где количество прекращающих свое существование поселений составляет не менее трети, а с учетом селищ с минимальным количеством материалов 2-й половины XIII в. – возможно, и до половины от существовавших [Макаров и др., 2013, с. 71].

Тем не менее есть и свидетельства, позволяющие говорить о продолжении нормального функционирования обширной сети сельского расселения в течение всего золотоордынского периода. Важным обстоятельством представляется тот факт, что письменные источники XIV–XV вв. упоминают как минимум 30 сел в Суздальском Ополе [Кучкин, 1984, с. 224], 19 из которых были обследованы, и на их территории зафиксированы материалы XII–XV вв. Всего Суздальской экспедицией обследованы 49 существующих или недавно запустевших сел. И не менее чем в 30 из них получены материалы, документирующие их существование, по крайней мере, с конца XII столетия, и на протяжении всего средневековья.

Но особенно важной представляется фиксация поселений, или групп памятников, располагавшихся за пределами территории исторических сел, в топографических усло-

виях, характерных для сложившейся в XII столетии разветвленной системы расселения – на мелких речках и в верховьях овражных систем с сезонными водотоками (Янево-3–5, Гнездилово-11, Федоровское-1, Константиново-1–2, Гостево-3). Наличие серии таких памятников позволяет говорить о продолжении функционирования развитой сети расселения, более разветвленной, чем известная письменным источникам 2-й половины XV – XVI в.

Особенно интересны исключения – селища на водоразделах, определяемые актовым материалом XV в. как владельческие села (Гостево-1 (Ясень), Мининское (Михали-3–4), возможно, Турабьево). Их история – это постепенное поглощение светского землевладения монастырским, бурно развивавшимся в регионе, иллюстрирует, вероятно, один из ведущих факторов, повлиявших в конце XIV – XVI вв. на формирование поселенческой структуры с тотальным доминированием крупных сел, которая фиксируется письменными источниками.

К настоящему моменту можно говорить, как минимум, о 19 памятниках, или небольших компактно расположенных группах поселений (до трех селищ), появляющихся в XI–XII вв., и продолжающих существовать в течение XIII – 1-й половины XV в. Особенно значимым для характеристики сложившейся ситуации представляется продолжение функционирования сети крупных поселений по р. Уловке (левый приток Нерли Клязьминской), пограничной между владимирскими и суздальскими землями. Здесь, на участке левого берега реки, протяженностью менее 7 км, расположились три группы памятников (Павловское-1–3, Улово-1–2, Васильково-6) размерами от 3,5 до 10 га. Селища находились в непосредственной близости от дороги, связывавшей Суздаль и Владимир, на пути следования всех воинских контингентов, участвовавших в бурных событиях XIII столетия.

Полученные на селищах в процессе проведения разведочных работ материалы достаточно представительны, чтобы обосновать хронологию памятников и дать характеристику материальной культуры населения. Наиболее ранние селища возникают не позднее 2-й половины XI столетия (Павловское-2, Улово-1), но для большей части памятников, располагающихся за пределами территорий исторических сел, документировано их появление не ранее середины XII в.

Характер материальной культуры сельских поселений Ополья XII – 1-й половины XIII в. имеет ряд черт, позволяющих говорить о развитой социальной структуре и наличии представителей элит среди населения сел региона. Это, в первую очередь, находки так называемых статусных вещей (вооружения, выразительных предметов христианского культа, писал, амфорной тары), свидетельствующие о длительном или постоянном пребывании на селищах представителей сословий с высокими стандартами потребления.

Для материалов 2-й половины XIII – XV вв. значительных серий таких вещей до последнего времени не выделялось. Тем не менее находки предметов вооружения этого времени, импортной керамики (кашина), выделение небольшой пока группы предметов христианской пластики позволяют говорить об известной преемственности с точки зрения присутствия в числе жителей сел представителей привилегированных сословий.

Важным дополнением к представлениям об облике сельских поселений Ополья конца XIII – XIV вв. являются находки деталей торгового инвентаря, монетного серебра, демонстрирующие включенность населения селищ в торговую деятельность, и ременной железной гарнитуры, которую уже, по-видимому, стоит рассматривать как элемент материальной культуры русского населения этого времени.

Библиографический список

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. – 2013. – №4.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. – М., 1984.

П.И. Шульга
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ И КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО СИНЬЦЗЯНА (КИТАЙ) в VIII–III вв. до н.э.

Северная часть Синьцзяна с системой гор Восточного Тянь-Шаня географически занимает промежуточное положение между Средней Азией, Саяно-Алтаем, Монголией и восточной частью Китая. На этом основании, с учетом факта существования Великого Шелкового пути, многие исследователи априори полагали, что по этим маршрутам народы и инновации перемещались периодически во всех направлениях, начиная с эпохи бронзы. Между тем, согласно полученным в последние десятилетия археологическим материалам, в VIII–III вв. до н.э. Синьцзян вовсе не был местом крупных широтных миграций. Население долин Восточного Тянь-Шаня, наиболее благоприятных для занятий скотоводством и земледелием, проживало в относительной изоляции даже от родственными европеоидных культур Казахстана и Саяно-Алтая. Особо отметим отсутствие каких-либо значимых данных о миграциях в VIII–III вв. до н.э. в Синьцзян из Северного Китая или Ганьсу. В свою очередь, в Северном Китае и Ганьсу также не обнаружено характерных памятников культур Синьцзяна, что говорит не в пользу существующего мнения о приходе юэчжей из Синьцзяна в Ганьсу в IV–III вв. до н.э. На наш взгляд, более продуктивна точка зрения китайских исследователей, соотносящих юэчжей с культурой шацзин, существовавшей в Ганьсу, по меньшей мере, с VI в. до н.э.

К настоящему времени для VIII–III вв. до н.э. в северной части Синьцзяна выделено три основных культуры: чауху, субэйси и яньбулакэ [см. Шульга, 2010]. Все они существовали в долинах Восточного Тянь-Шаня. Достаточно хорошо изучены могильники культуры чауху в Южной части Тянь-Шаня и субэйси – в северной части Тянь-Шаня. Все они существовали с VIII по начало V в. до н.э. [Шульга, 2010, с. 34, 42]. Большая часть инвентаря (за исключением керамики) в чауху и в других культурах Синьцзяна VII–V вв. до н.э. относится к типам, широко распространенным в Южной Сибири и Казахстане. Это детали конского снаряжения, поясная фурнитура, украшения, зеркала, некоторые формы ножей, оружие, оселки и пряслица. Существенно отличаются лишь некоторые типы чеканов и серег. Особые погребальный обряд и керамика однозначно указывают на существование в районах городов Хами, Турфана и Хэцзина археологических культур, формировавшихся в VIII в. до н.э. на местной основе и сохранявшихся без принципиальных изменений примерно до середины V в. до н.э. Некоторая преемственность прослеживается и в V–III вв. до н.э., но было бы преждевременно говорить об их существовании вплоть до рубежа эр, как полагают многие китайские исследователи. Большая часть населения «кочевнических» культур чауху и субэйси в Янхае (в меньшей степени) проживала оседло, скотоводство могло быть отгонным, а земледелие играло значительную роль. На это указывают характерная для оседлых народов планировка могильников культуры чауху и субэйси (плотное расположение грунтовых могил), длительность функционирования кладбищ и стабильность погребального обряда, устройство погребений с применением каменной (чауху) и саманной (субэйси) кладки, а также частое нахождение в погребениях тростей (посохов) – явного атрибута пешехода. Помимо этого, в одном из погребений (Янхай-2) была найдена культурная виноградная лоза [Шульга, 2010, с. 17]. Совсем по-другому выглядят курганные могильники кочевников Цюньбакэ, Саэньсаи и другие. Их планировка цепочками или скоплениями возле крупных насыпей идентична могильникам кочевников в Казахстане и на Саяно-Алтае.

В отличие от вышеуказанных культур Восточного Тянь-Шаня, проживавшие на северной периферии Джунгарской пустыни племена тесно взаимодействовали с народами Казахстана, Южной Сибири и Монголии, и в некоторых известных случаях были в культурном отношении ближе к своим соседям, чем к населению Тянь-Шаня. Значительное сходство погребальных памятников Синьцзяна и Казахстана наблюдается в бассейне р. Или. Вдоль границы с Монголией встречаются оленные камни – явные знаки влияния и присутствия

кочевников из Монголии. Особый интерес представляют недавно опубликованные в Китае материалы из могильников номадов в округе Алтай на самом севере Синьцзяна [Сборник статей..., 2015].

Инвентарь и детали конского снаряжения из округа Алтай, в целом, соответствуют встречающемуся на Саяно-Алтае и в Казахстане. Умерших хоронили по одному в положении, близком обряду тасмолинской культуры Центрального Казахстана, но в целом, погребальный обряд имеет свою специфику. Захоронения одиночные, совершавшиеся в каменных ящиках и подбоях. Вероятно, в будущем будут найдены более явные аналогии, но в опубликованных материалах не фиксируется каких-либо заметных контактов с населением Северного Китая, культурами Восточного Тянь-Шаня, бийкенской и майэмирской культурами Горного Алтая [Шульга, 2016].

Ситуация на территории округа Алтай резко изменилась в конце IV – III вв. до н.э., когда через Укок (Республика Алтай, Россия) в значительном количестве проникают носители пазырыкской культуры, вскоре смешавшиеся с местным населением, следствием чего стали многочисленные вариации захоронений с лошадьми [Шульга, Слюсаренко, 2016]. Заметно и определенное обратное влияние, проявляющееся на могильниках в прилегающей к Укоку части Горного Алтая. На основании этих данных можно говорить о существовании на севере Синьцзяна еще одного центра пазырыкской культуры. Обнаружение погребений близкого пазырыкцам населения далеко к югу в ЦзяохэГоубэй на Тянь-Шане позволяет предполагать существование на всей этой территории в IV – начале III в. до н.э. нескольких родственных культур, возможно, связанных с Горным Алтаем.

Все вышеуказанные проникновения происходили в предгорьях на западных и северных границах Синьцзяна, но известны немногочисленные случаи глубокого проникновения инородных групп населения. Так, близ г. Урумчи на могильнике Саэньсаи были обнаружены погребения раннескифского времени, оставленные выходцами из Центрального Казахстана [Шульга П.И., Шульга Д.П., 2015]. Пришельцы сохранили особый погребальный обряд тасмолинской культуры с подхоронениями взнузданных голов лошадей, дополнив его местными традициями совершения парных и коллективных захоронений. Важной особенностью погребального обряда в Саэньсаи является обычай помещать в могилы расписные керамические сосуды, во многом похожие на местные культуры чауху и субэйси, но все же представляющие собой особый керамический комплекс, не выводимый из указанных культур.

Библиографический список

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул, 2010.

Шульга П.И. Скифоидные культуры на территории Китая в VIII–VI вв. до н.э. // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы, 2015.

Шульга П.И. Новые материалы по захоронениям раннескифского времени на севере Синьцзяна // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур : сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. – Алматы, 2016.

Шульга П.И., Слюсаренко И.Ю. Датировка погребальных комплексов на периферии пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Саэньсаи раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) // Труды Государственного Эрмитажа. Археология без границ: коллекция, проблемы, исследования, гипотезы. – Т. 77. – СПб., 2015.

Сборник статей по истории и археологии округа Алтай в Синьцзяне. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна. Синьцзян Алэйтийдицюйкоугуйюй лиши вэньцзи [新疆文物考古研究所. 新疆阿勒泰地区考古与历史文集一北京: 文物出版社, 2015.12]. – Пекин, 2015 (на кит. языке).

В.Я. Шумкин, Е.М. Колпаков
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗДНЕМ КАМЕННОМ ВЕКЕ
СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке ПФИ РАН (проект №0184-2015-0004 «Своеобразие становления и развития регионально-локальной идентичности аборигенного населения Русской Лапландии»)

Первые люди проникают в Фенноскандию, на полуостров Сконе Южной Швеции, в самом конце плейстоцена / начале голоцена с территории северогерманской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полосы норвежского побережья способствовало ускоренное освобождение этих участков от ледника [Hald & Aspeli, 1997, p. 15–28]. Северные первопроходцы уже в бореальный период, не позднее 10 тыс. до н.э., достигли арктического побережья Фенноскандии [Шумкин, 1986; 1993; Woodman, 1993], где освоили специфическое местное каменное сырье – кварц.

Наступившие относительно благоприятные природно-климатические условия в атлантикуме способствовали ускоренному развитию местного населения и позволили к началу неолита в 5 тыс. до н.э. заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Последними стали берега Северной Ботнии, побережье Белого моря и центральная часть Кольского полуострова. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, доломит, шифер), что способствовало совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Все более существенными становятся признаки начала активной приморской адаптации: развитый морской зверобойный промысел и долговременные поселения на побережье Норвежского и Баренцева морей. Эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции. Неолитический период (5–3 тыс. до н.э.) для населения Северной Фенноскандии характеризуется определенными прогрессивными изменениями во всех областях хозяйственной и культурной жизни, происходившими, в основном, за счет внутреннего развития общества [Шумкин, 1996].

Эпоха раннего металла (3–2 тыс. до н.э.) – чрезвычайно важный, интересный и во многом определивший последующее развитие этап истории древнего населения Северной Фенноскандии. Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными жилищами. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном тюлени и китообразные, а также рыба), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной [Колпаков, Шумкин, 2012] культуры (наскальное искусство и искусство малых форм) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ сложной конструкции [Kolpakov, Shumkin, Murashkin, 2016]. Изобретение специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно поворотных гарпунов) увеличивает результативность охоты [Murashkin et al., 2016].

Некоторые различия приморского и континентального населения, проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне. Это позволяет считать обитателей разных экологических ниш носителями единой, лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно-культурными типами [Shumkin, 1992, p. 146–150].

Несомненно, с момента первоначального появления человека на арктическом побережье Фенноскандии морские ресурсы играли основную роль в жизнеобеспечении

местного населения [Колпаков, 2016]. Особенно ярко это проявилось в эпоху раннего металла. Судя по археологическим данным, можно говорить о достижении морскими охотниками арктического побережья Европы в конце неолита и в эпоху раннего металла уровня развития производства и общества в рамках присваивающего хозяйства, сравнимого с таковым с ранними культурами, перешедшими к производящему хозяйству. В то же время достигнутый уровень, видимо, являлся предельно возможным в рамках присваивающей экономики и дальнейшего развития не получил.

«Тучные» времена обычно сменяются спадом по тем или иным причинам: резкие климатические изменения, социальные катаклизмы, нарушение природного баланса (сокращение численности популяций морских животных, доступных для охоты). Все эти события, видимо, сошлись вместе к концу 2 тыс. до н.э. и вынудили уцелевшие малочисленные коллективы вернуться к бродячему образу жизни уже, в основном, в материковой тундре. Каждая древняя культура имеет свой «пик развития». Для древнего населения Лапландии он пришелся на период эпохи раннего металла, время расцвета духовной и хозяйственной жизни местных сообществ.

К первому тыс. до н.э. относятся археологические материалы, которые обоснованно связываются с этнографически известным аборигенным населением Северной Фенноскандии – саамами. Постепенно складывается особый мелкостадный, «экологически мало-затратный» тип оленеводства. Современные исследователи выделяют его в отдельный, лопарский, тип [Василевич, Левин, 1951]. По всей видимости, это происходит не позднее конца I тыс. н.э. При этом местное саамское население, практически осознав, что в данных природных условиях суперспециализация чревата губительными последствиями [Shumkin, 1990, p. 3–20], встало на путь выработки новой стратегии жизнеобеспечения, приведшей к новому комплексному типу хозяйства (сочетание рыболовства, оленеводства, морской и сухопутной охоты) и образа жизни, определяемого циклическими перекочевками, позволяющими рационально и планомерно, без особого давления на природу, эксплуатировать несколько экологических ниш (лесные, горные районы, тундровое пространство, морское побережье).

Библиографический список

- Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. – 1951. – №1.
- Колпаков Е.М. Морские животные и рыбы в древностях Европейской Арктики // Комплексные исследования природы Шпицбергена. Вып. 13. – Мурманск, 2016. – С. 189–193.
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. Искусство России. – СПб., 2012.
- Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. – 1986. – №2.
- Шумкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. – СПб., 1993.
- Шумкин В.Я. Неолит Кольского полуострова // Древности Русского Севера. – Вып. 1. Вологда, 1996.
- Hald M. & Aspeli R. Rapid climatic shifts of the northern Norwegian Sea during the last deglaciation and the Holocene // Boreas 6. – 1997.
- Kolpakov E., Shumkin V., Murashkin A. Early Metal Age Dwellings in Eastern Lapland: Investigations of Kola archeological expedition IHMC 2004–2014 // New Sites, New Methods. The Finnish Antiquarian Society, Iskos 21. – Helsinki, 2016.
- Murashkin A., Kolpakov E., Shumkin V., Khartanovich V., Moiseyev V. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // New Sites, New Methods. The Finnish Antiquarian Society, Iskos 21. – Helsinki, 2016.
- Shumkin V.Y. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula // Fenno-ugri et slavi. – Helsinki, 1992.
- Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami // Acta Borealia. – №2. – 1990.
- Woodman P.C. The Komsa Culture // Acta Archaeologica. – Vol. 63. – 1993.

И.А. Шутелева

Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы, Уфа

БРИТАНСКИЙ БРОСОК В БУДУЩЕЕ: БРИТАНСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРИОДА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Археологические общества представляют собой абсолютно уникальное социальное явление. Объединяющим их фактором являются не стратификационные признаки, а интерес в исследовании тех или иных вопросов. Это свойство научного общества является определяющим в различных типах социальной среды и социальных структурах. Интересным является поведение научных обществ в период экстраординарных событий, войн, в контексте различных социальных организаций. Характерным сравнением могло стать влияние социальных катастроф и катаклизмов на научные общества. Может ли деятельность научных обществ помочь справиться с «моральными убытками», пережить «моральный ущерб», нанесенный войнами.

В отечественной исторической науке достаточно хорошо изученной проблемой стало влияние I мировой войны на изменение деятельности российских археологических обществ: Московского археологического общества и провинциальных научных обществ, ярким примером которых является Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском Университете.

Британская наука в анализе научных обществ сконцентрировалась на периодах зарождения первых обществ антикваров и послевоенном развитии археологических обществ. При этом практически каждое британское научное общество имеет исследования по своей истории и собственный архив. Обобщенная информация по деятельности многочисленных археологических обществ стала поступать в Национальные Архивы Великобритании только в период II мировой войны с образованием Министерства общественных работ (Ministry of Works). Эти факторы существенно ограничивают хронологические рамки исследования археологических обществ Великобритании.

При изучении британских археологических обществ обращают на себя внимание несколько методологических проблем, отличающихся в подходах к изучению деятельности обществ в отечественной и британской науке. В создании истории археологических обществ британские ученые чаще всего концентрируют внимание на двух аспектах. Первое направление связано с этапами изучения обществом края (члены общества, формирование коллекций, описание архивов и каталогов, взаимодействие с местным самоуправлением и общеанглийскими организациями). Второе направление в описании деятельности обществ представлено многообразными объектами наследия графств: памятники археологии, нумизматики, геральдики и т.д. Выбор объектов связан с широтой интересов членов археологических обществ Великобритании. Таким образом, взгляды британцев на понятие «история археологических обществ» отличаются от отечественных.

Период Второй мировой войны был одним из наиболее продуктивных в развитии британской археологии, в том числе накопления археологического материала. Следует отметить деятельность «спасательной археологии», при обнаружении археологических памятников во время строительства военных объектов. В фонде «Древних памятников» («Ancient Monuments») Национальных Архивов Великобритании содержится подробная информация о деятельности археологических обществ, объединенных в «Общество антикваров» («Society of Antiquaries») с 1942 по 1956 гг. В деле, содержащем материалы по периоду 1942–1956-х гг., содержатся 46 документов, среди которых нормативные акты, результаты заседаний «Общества Антикваров» (с поправками и комментариями на полях), письма, в которых обсуждались проблемы становления «Археологии будущего».

Следует выделить реперные моменты в деятельности археологических обществ, оказавшие существенное влияние на организацию современной британской науки. Важным аспектом является то, что начавшиеся военные действия попадают в поле зрения обществ не ранее 1944 г.

Во-первых, первое заседание было проведено «Обществом антикваров» («Society of Antiquaries») после начала II мировой войны – 26 ноября 1942 г. Однако на этом заседании вопрос о защите британского наследия от немецких бомбардировок (1940–1942 гг.) не поднимался. Эта проблема будет активно обсуждаться обществами только в 1944 г. В Приложениях более четко выделялись проблемы деятельности Совета по британской археологии, установления государственного наблюдения за археологическими раскопками, осуществляемыми Обществами, организация аэрофотосъемки памятников археологии, и, наконец, государственная политика в археологии. Одной из основных тем стала проблема восстановления археологии после I мировой войны. Был проведен анализ послевоенных исследований в археологии для созданного «Исследовательского комитета Конгресса археологического общества» («Research Committee of the Congress of Archaeological Society»). Также были рассмотрены успехи исследований римского периода; изменение законодательства с 1913 г.; создание «Актов о Древних памятниках» («Ancient Monument Acts») 1913 и 1931 гг. Обсуждались достаточно «мирные» проблемы популяризации наследия и работа с BBC, необходимости создания единой системы археологических раскопок. Также было принято решение о включении археологии в обучение истории. Интересен один из методических вопросов. В 1942 г. принимается решение об обязательной аэрофотосъемке археологических памятников. Тогда же Королевскими BBC начинают проводиться реконструктивные исследования, как с помощью аэрофотосъемки подсчитать разрушения площадки памятника по горизонтали и по вертикали. В 1945 г. в Кембриджском университете создается Комитет по аэрофотосъемке (Committee for Aerial Photography).

Во-вторых, в 1943 г. конференция археологических обществ и Института археологии Университета Лондона была посвящена перспективам развития археологии («Будущее археологии» 8 августа 1943 г.). На конференции поднимались проблемы состояния доисторической археологии, «романо-британской» и средневековой археологии. Выделяются направления будущих исследований: классическая археология, исследования в Турции, Сирии и Палестине, «исламская археология». Другим направлением конференции стало взаимодействие археологических обществ с государством и музеями. Важнейшей проблемой, решение которой осуществилась только в 1955–1956 гг., – археология и образование: от элементарной школы до университета, сложение археологии как направления профессиональной подготовки. По итогам двухдневной работы археологической конференции была принята резолюция, которая стала программной для послевоенной археологии Великобритании: во-первых, необходимость установления взаимодействия археологических обществ и Совета Британской археологии; во-вторых, обязательное представительство обществ в Совете Британской археологии (как госоргане); в-третьих, организация взаимодействия обществ, Ассоциации музеев Великобритании, Министерства Общественных работ. В дальнейшем в письмах активно обсуждается эта тема.

Другой проблемой, обсуждаемой в течение почти года, стало исследование и реконструкция Римского наследия в Лондоне. И только лишь в 1944 г. были впервые подняты вопросы защиты археологического и исторического наследия от бомбардировок. Этот год стал знаковым для британской археологии. Самым важным вопросом стало реформирование структуры «Совета Общества антикваров» («Council Society of Antiquaries»), после 1944 г. он станет основой «Совета британской археологии» («Council of British Archaeology»), ведущего органа в сохранении наследия.

Британская археологическая наука до 1970-х гг. испытывала влияние «любительских» научных обществ. Современная система сохранения, изучения и популяризации археологического наследия формируется в период II мировой войны и в первые послевоенные годы во взаимодействии археологических обществ и университетов. Таким образом, археологические научные общества в исследуемый период становятся, своего рода, «горячей линией», где происходили ключевые события в становлении системы работы с археологическими источниками Великобритании XX в.

С.П. Щавелёв
Курский государственный медицинский университет, Курск
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «АРХЕОЛОГИ РОССИИ»:
СООБРАЖЕНИЯ К ПРОЕКТУ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект 14-33-010108 «Духовная практика как философская проблема:
онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты» 2014–2016 гг.)

Научно-справочные издания должного объема и качества – важный показатель дисциплинарного развития любой отрасли науки и практики. Биографические, а в идеале биобиблиографические словари и даже энциклопедии, однако, представляют собой особо сложный жанр научного письма. Большинство активных исследователей, как правило, не расположено заниматься этим, в общем вторичным по отношению к их академической тематике, делом. Они, в лучшем случае, могут составить один-другой некролог, написать пару-тройку биографических статей, но целую книгу биографий им составлять некогда. Поэтому чаще словарным делом занимаются не специалисты, а любители-краеведы или библиографы. Их справки об ученых, и особенно об организаторах науки, отличаются комплементарностью, полным игнорированием недостатков и безудержным преувеличением заслуг «своего» персонажа. Таковы вышедшие из печати словари русских историков [Чернобаев, 2000]. Более реалистичны увидевшие свет материалы для словарей этнографов, филологов, фольклористов, философов [Иванова, 2014; Алексеев, 2002, 2009]. Что касается археологов, то справочников о них совсем мало [Мезенцева, 1997; Ткачев, 2016].

В подготовленном нами словаре историков Курского края много статей посвящено археологам [Щавелев, 2009]. Осуществленная там структура персональной статьи такова: именованное, даты жизни (если известны из источников – то число, месяц, год рождения); краткая справка о происхождении, учебе, службе, научных и организационных достижениях соответствующего лица; отдельная характеристика его вклада в изучение памятников истории и культуры определенного региона (в нашем случае – Курского Посеймья); итоговая оценка места, занимаемого им в историографии науки и практики работы с древностями (подчас с упоминанием недостатков в его профессиональной деятельности); библиография его сочинений, преимущественно монографий, публикаций источников; избранная литература о нем (если имеется).

Для примера приведем одну из своих словарных статей – об археологе, который в год Алтайского Археологического съезда отмечает 60-летний юбилей.

«Обломский Андрей Михайлович (1957 г. рождения). Археолог, историк; специалист по этногенезу славянства, вообще этническим процессам конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., в особенности по эпохе Великого переселения народов в Восточной Европе; в том числе раннеславянскому периоду истории Посеймья. Доктор исторических наук (2001).

Выпускник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1979); затем закончил аспирантуру Института археологии АН СССР (1982). С 1983 г. работает в Институте археологии РАН. С 1975 г. – участник археологических экспедиций в центральных и южных регионах России; на Украине, в Северном Причерноморье; а также в Таджикистане, Польше. В 1982–1983 гг. – начальник разведывательного отряда Новгород-Северской экспедиции; с 1984 г. по настоящее время – глава Раннеславянской экспедиции Института археологии РАН.

Вел разведки и раскопки раннеславянских памятников на территории Курской области и граничащих с ней регионов России и Украины (зарубинецкой, колочинской и других археологических культур).

В 1990–2000-е гг. производил здесь же и на сопредельных территориях результативные разведки и раскопки соответствующих археологических объектов. Выявил и монографически опубликовал ценный Гапоновский клад «антского» времени (передан в Курский музей

археологии). Вписал в современный научный контекст открытые Ю.А. Липкингом могильники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посеймье. Продолжил и пополняет содержательными монографиями «серию научных публикаций» «Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей» (Вып. 3–10. М., 1996–2007). Серия основана в 1990 г. С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой.

Благодаря археологическим и историческим открытиям этого автора наиболее туманные периоды становления будущего Курского региона в славянскую эпоху получают, наконец, достоверное освещение.

Сочинения: Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.–Сумы, 1991; Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991 (В соавторстве с Р.В. Трепиловским); Новые данные о раннеславянских памятниках Посеймья // Проблемы ранньослов'янської I давньоруської археології Посей'м'я. Білопілля, 1994 (В соавторстве с Р.В. Трепиловским); Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // Российская археология. 1994. №2; Среднее Посеймье в поздне-римское время: формирование южной границы колочинской культуры // Там же. 1996. №4; Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (В соавторстве с И.О. Гавритухиным); О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в поздне-римское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999; О времени появления Черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет Черняховской культуре. Киев, 1999; Днепровское лесостепное Левобережье в поздне-римское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). М., 2002. С. Щ.» [Щавелев, 2009, с. 194–195].

Как видим, составление словника будущего издания «Археологи России», разработку примерной схемы отдельной статьи в нем, приглашение авторов из разных мест, общую редакцию их словарных материалов должно взять на себя одно из центральных академических учреждений (Институт археологии или же ИИМК РАН), выделить составителей и редакторов будущего издания. Оно может быть одно- или двухтомным. Среди рекомендаций будущим авторам стоит предположить обращение к центральным и региональным архивам ради документального уточнения хронологии жизни и деятельности персонажей. Кроме сотрудников академических учреждений отразить в словаре заслуги отдельных любителей археологии, так называемых краеведов. Обсудить вопрос о верхней дате деятельности биографируемых лиц (2000-е годы?). Вряд ли стоит допускать составление статей о себе самих ныне живущими археологами или же их родственниками, наследниками.

Библиографический список

Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды : энциклопедический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2002.

Алексеев П.В. Философы России начала XXI столетия. Биографии, идеи, труды : энциклопедический словарь. – М., 2009.

Иванова Т.Г. О проекте «Биобиблиографический словарь «Русские фольклористы» // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс]. – URL: [www.http:kunstkamera.ru/rubrikator/01/978-5-88431-209-8/](http://www.kunstkamera.ru/rubrikator/01/978-5-88431-209-8/)

Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України : Енциклопедичний словарь-довідник. – Чернівці, 1997.

Ткачев А.Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.) : биобиблиографический словарь-справочник. – Краснодар, 2016.

Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории : биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. – Саратов, 2000.

Щавелев С.П. Историки Курского края : биографический словарь. – Курск, 2009.

Ю.Л. Щапова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКАЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

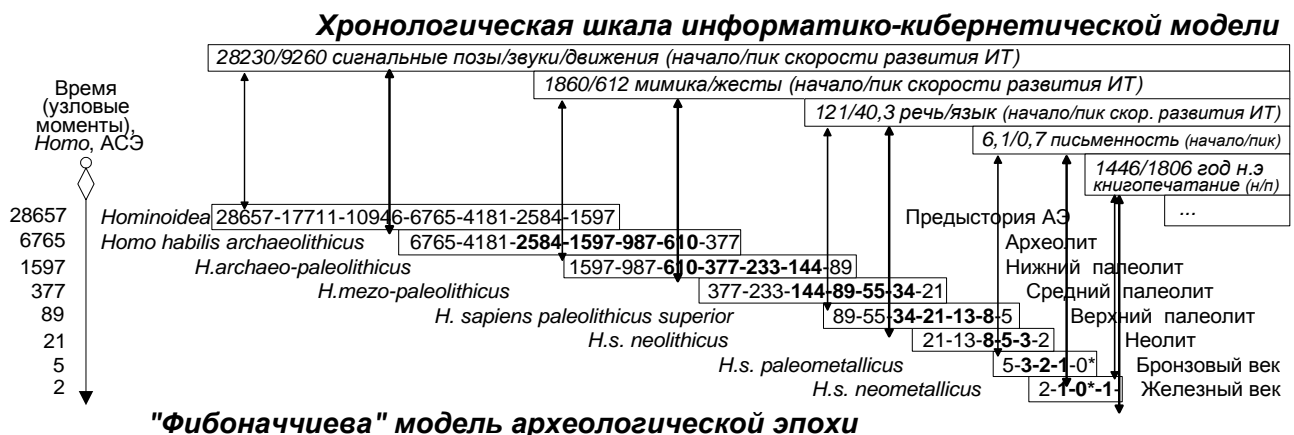
(числовая модель)

Пространство и время, внутри которого существует объект конкретной науки, – фундаментальные научные понятия. Доктрина времени делает исторической науку о когда-то бывших вещах; предмет истории как теоретического построения – прошлое, отделенное от настоящего, и время, историческое, социальное, человеческое составляет материю прошлого и структуру современной социальной жизни – его важнейшее понятие.

Сказанное справедливо по отношению к археологии лишь отчасти. Датирование древностей, хронология и периодизация древностей, археологических культур и общая хронология в археологии – всегда тонкая и сложная «ручная» работа, об ответственности, касающейся надежности и точности получаемых результатов – мы не говорим. Кроме того, существует относительное и абсолютное датирование и хронология, выбор методов, «плавающие шкалы, недавно возникла археохронология как «систематизация радиоуглеродных датировок и дендрохронология» [Аналитические..., 2009; Черных, Орловская, 2015]. С хронологией связаны поиск общих законов исторического развития АЭ как целого и изучение закономерностей повторяющихся явлений, проблемы периодизации памятников, художественных и археологических культур, древних производств, культуры, просто отдельных элементов и процессов в «археологической действительности».

Археологическая эпоха, в нашем понимании, – это отрезок времени, в течение которого субъект АЭ формирует себя и создает искусственную среду обитания [Щапова, 2005]. Материальное воплощение всех видов деятельности субъекта АЭ дошло до нас в виде археологического источника. АЭ – это целое. Каждая ступень эволюции и развития АЭ названа археологической субэпохой (АСЭ), которая поделена на шесть периодов (1–6). Каждые три периода составляют **терцию, старшую и младшую**. Цезура, внутренняя граница между терциями, и обе крайние даты, внешние границы АСЭ – это **узловые моменты** в истории АСЭ. АСЭ подразделена на три фазы, две фазы скрытых: становления (2 периода), инволюции (1 период) и одна фаза явная (3 периода). Каждый период имеет свою доминанту: антропогенез, техногенез – скрытая фаза; явная фаза производство и культура материального, социального и духовного; инволюция – скрытая.

Числовая модель АЭ имеет вид лестницы (рис.):

«Фибоначчиева» модель хронологии и периодизации археологической эпохи и хронологическая шкала информатико-кибернетической модели.

Примечание: явные фазы археологических субэпох показаны полужирным шрифтом

Лестница – это шкала (от лат. *scala*). Шкала в математике – это ряд цифр или величин, расположенных в восходящем или нисходящем порядке. Каждая группа цифр в одной строке

модели – это величина, обозначающая уникальный номер тысячелетия в АСЭ. Все короткие тире – это период АЭ, цифры до и после обозначают его временной диапазон. Слева от лестницы дано название субъекта, справа её название АСЭ.

Лестница как шкала времени показывает место, которое в структуре АЭ занимает классическая «Система трех веков» (ряд цифр, выделенный в строке полужирным шрифтом): система номинативная, условная и неметрическая, представляющая собой совокупное содержание *явных фаз* всех АСЭ и, следовательно, – *часть* полной числовой модели АЭ. Именно эта часть описывает весь объем археологического знания, полностью определяя «существующий вне нас и независимо от нас» *объект исследования* современной эмпирической археологии.

Новое структурное понятие «эволюционный хрономодуль – триада» – включает в себя АСЭ и две смежные терции, предшествующую и следующую за ней, несходны. Принцип «младшей монеты», по которой датируют время тезаврации денежных кладов существенно упрощает альтернативный выбор.

Согласно модели АЭ одновременно и параллельно с явными фазами АСЭ (отрезок времени 2584 тыс. л. до н.э. – 1 тыс. л. н.э.) развиваются фазы скрытые, суммарная продолжительность которых больше этого отрезка на 4181 тыс. л. (6765–2584 – скрытые фазы от начала АСЭ археолита), Скрытые фазы находится вне «исследовательского поля» «системы трех веков», однако в это время непрерывно развиваются два процесса разной природы: человек как субъект АЭ – феномен живой природы, и как субъекты АСЭ – родственны генетически и развиваются непрерывно [Алексеев, 1992, с. 21].

Родство древнего вещного мира, объекта АЭ и АСЭ, можно сказать, – явление второго порядка: действительно, по новым данным [Proffitt et al., 2016], его первые приметы (в виде сколов) появляются на уровне 3,3 млн л. (второй период скрытой фазы АСЭ археолита; ранее считалось, что на уровне 2,6 млн л. в виде отщепов, чопперов и других изделий).

Термин «археохронология» можно было бы расширить, полагая, что археохронология – это учение о хронологической последовательности формирования и возрасте явлений, слагающих археологическую эпоху в ранней истории человечества. Археохронология должна быть по природе математической / астрономической и, следовательно, абсолютной, воплощением мечты практикующего археолога [Зайцева и др., 2015].

Числовая часть модели без вербального комментария – это основа «хронологической шкалы АЭ» с ее предысторией [Гринченко, Щапова, 2016].

Библиографический список

Алексеев В.П. Объем археологического знания // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. – М., 1992.

Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. I. – М., 2009.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Мультидисциплинарная глобальная археология как отрасль теоретического знания // Пространство и время. – 2016. – №3–4 (25–26).

Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Мазуркевич А.Н., Лозовский В.М., Лозовская О.В., Долбунова Е.В., Ришко С.А. Бурова Н.Л. Радиоуглеродная хронология древностей раннего и среднего неолита регионов центральной и северо-западной России // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. – М., 2015.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология культур Западной Евразии в Эпоху Раннего Металла // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. – М., 2015.

Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М., 2005.

Proffitt T., Luncz L.V., Falótico T., Ottoni E.B., de la Torre I., Haslam M. Wild Monkeys Flake Stone Tools // Nature, 539, 85–88 (21 September 2016).

В.Г. Щекотилов
Тверской государственной технической университет, Тверь
**СОЗДАНИЕ КОМПЛЕКСА БАЗ ДАННЫХ
ПО КРУПНОМАСШТАБНЫМ ТОПОГРАФИЧЕСКИМ МЕЖЕВЫМ
И ВОЕННЫМ КАРТАМ РОССИИ XIX в. КАК КОМПОНЕНТЫ ГИС И ГЕОПОРТАЛОВ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-06-00282
«Разработка метода формирования единого информационного пространства архивных
картографических произведений группы губерний с апробацией на одно- и двухверстных
топографических межевых картах XIX века съемки А.И. Менде 8 губерний (Тверская, Рязанская,
Тамбовская, Владимирская, Ярославская, Симбирская, Нижегородская, Пензенская)»)

Представлен комплекс баз данных и программ для ЭВМ с геокодированными архивными данными для использования в ГИС. Комплекс представлен 13 базами данных (БД) и 5 программами для ЭВМ, зарегистрированными в Роспатенте и размещенных на нескольких геопорталах. Базы данных представлены архивными топографическими межевыми картами съемки А.И. Менде и трехверстной военно-топографической Европейской России, картами Калининского фронта и 30 Армии периода Великой Отечественной войны, а также списком населенных мест Тверской губернии.

Доступность и функциональность технологий Интернета в исследованиях, образовании и просвещении позволяет включать в ресурсы адаптации больших по объему архивных материалов [Лазарев, 2015, с. 254]. Развитие технологий географических информационных систем (ГИС) и для интернет-приложений, в частности геопорталов, а также использование систем управления баз данных (СУБД) позволяет адаптировать для автоматизированного использования крупномасштабные многолистные архивные карты и массивы геокодируемых данных, например, списков населенных мест губерний.

Количество геопорталов с коллекциями электронных карт увеличивается, примерами динамично развивающихся отечественных геопорталов являются «Старые карты on-line. ЭтоМесто», «Старые карты Москвы и Подмосковья».

Существуют геопорталы, на которых производится комплексирование архивных карт и геокодируемых данных, например, ГИС «Генеральное межевание Олонецкой губернии» и ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха».

Формируемые упорядоченные массивы данных, а также программы для их использования регистрируются в федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатенте), например:

- БД «Сельские населенные пункты Среднего Урала во второй половине XIX века»;
- программа для ЭВМ «ГИС «Генеральное межевание Олонецкой губернии».

При разработке методического, информационного и программного обеспечения для обработки и представления архивных топографических межевых карт съемки А.И. Менде с применением Интернета, ГИС и СУБД часть результатов прошла регистрацию в Роспатенте.

С учетом последовательности разработок можно выделить следующие этапы, которые нашли отражение и в группах регистрируемых баз данных и программ для ЭВМ:

- 1) разработка программ для определения параметров сеток листов карт губерний и территорий;
- 2) формирование согласованных комплексов растровых электронных карт по многолистной карте губернии или территории [Щекотилов, 2016, БД «ТвГ2в-МІ-5»];
- 3) формирование тайловых комплексов формата Google Maps для эргономичного использования в программах и на геопорталах [Щекотилов, 2016, БД «Менде-Тверская 2 в.»];
- 4) разработка программ для функционального использования тайловых комплексов на геопорталах («Интернет-навигатор для карт» [Щекотилов, 2016, «Ретроспектива»]);
- 5) геокодирование баз данных, например, списков населенных мест губернии;

б) разработка программ («Интернет-навигатора для БД») для совместного функционального использования базы данных и «Интернет навигатора по картам»;

7) с применением «Интернет-навигатора для карт» посредством геокодирования генерируются векторные карты объектов, например, ветряных и водяных мельниц;

8) с применением «Интернет-навигатора для БД» на основе БД по списку населенных мест генерируются векторные карты, например, населенных мест с заводами, церквями;

9) формирование тайловых комплексов по иным архивным картам, например, периода Великой Отечественной войны.

К зарегистрированным объектам 1-го этапа относятся:

– программа для ЭВМ «Расчет параметров сетки листов многолистной карты (Сетка)»;

– программа для ЭВМ «Расчет параметров сеток листов карт 8 губерний съемки А.И. Менде (Сетка-Менде)»;

– программа для ЭВМ «Расчет параметров сетки листов трехверстной карты Европейской России (Сетка-3в)»;

– БД «Границы листов межевых карт восьми губерний съемки А.И. Менде (ГЛ-Менде)».

Программы для расчета параметров сеток листов разработаны на MatLab подобном языке программирования m-script с использованием свободно распространяемой программы FreeMat 4.0. Система поддерживает библиотеку матричных операций и графическое отображение результатов, что существенно облегчает получение решения. Исходными данными являются результаты регистрации в ГИС MapInfo тестовых листов многолистной карты или нескольких смежных карт, например, карты губерний съемки А.И. Менде.

Растровые электронные карты второго этапа формируются в системе координат Гаусса-Крюгера (Пулково-42), растры имеют размер 10000 на 10000 пикселей, файл регистрации формата ГИС MapInfo. Данные БД могут использоваться в ГИС, например, MapInfo для создания векторных карт с использованием архивных карт.

Растровые электронные карты третьего этапа формируются в системе координат WGS-84, растры (тайлы) имеют размер 256 на 256 пикселей. Данные БД могут использоваться вместе с современными картами в специализированных программах (Планета.Земля, САС.Планета), а также на геопорталах.

Зарегистрированные базы данных и программы для ЭВМ размещены для свободного доступа на геопортале «Обработка и представление архивных карт», а также по запросам исследователей и разработчиков переданы для размещения на ряде внешних ресурсов [Голубинский, 2016].

Библиографический список

Голубинский А.А. Портал Российского государственного архива древних актов [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rgada.info/> (дата обращения 05.11.2016).

Лазарев О.Е., Шалаева М.В., Щекотилов В.Г. Крупномасштабные карты и списки населенных мест губерний России XIX в. как системообразующий элемент электронных коллекций и геопорталов библиотек и архивов. – СПб. : Серия «Электронная библиотека». Вып. 6: Интегрированные цифровые ресурсы: организационно-технологические и научно-методические основы развития. – 2015.

Щекотилов В.Г. Комплекс растровых электронных карт по двухверстной карте съемки А.И. Менде Тверской губернии (ТвГ2в-МІ-5) // База данных. Свидетельство №2016621111 от 16.08.2016. Роспатент.

Щекотилов В.Г. Растровая электронная карта по двухверстной карте съемки А.И. Менде Тверской губернии (Менде-Тверская 2в.) // База данных. Свидетельство №2016620343 от 15.03.2016 г. ФС по интеллектуальной собственности.

Щекотилов В.Г. Интернет-навигатор для архивных карт (Ретроспектива) // Программа для ЭВМ. Свидетельство №2016612982 от 15.03.2016 г. ФС по интеллектуальной собственности.

В.Е. Щелинский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00049 а «Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Приазовья (хронология, типология, технология, функциональные и культурные особенности)»)

Западное Предкавказье, относящееся к степной зоне Азово-Черноморского региона, является в настоящее время одной из основных в России территорий сосредоточения древнейших раннепалеолитических памятников. За последние 15 лет планомерных исследований здесь выявлено и частично изучено шесть раннепалеолитических стоянок (Родники-1–4, Богатыри/Синяя Балка и Кермек), имеющих раннеплейстоценовый (позднепалеоплейстоценовый – ранне-среднеэоплейстоценовый) возраст. Тем самым можно считать установленным факт заселения южнорусских степей первобытными охотниками и собирателями около 2 млн л.н. [Щелинский и др., 2015, 2016; Shchelinsky et al., 2010, 2016].

Раннепалеолитические стоянки располагаются компактной группой на Азовском побережье Таманского п-ова у пос. За Родину в 25 км к западу от г. Темрюка. Максимальное расстояние между ними не превышает нескольких сотен метров. Это свидетельствует о благоприятных экологических условиях обитания древнейших людей, что открывает широкие возможности для изучения их культуры в различных аспектах. Тем более что стоянки являются одновременными и существовали в одной географической местности на протяжении длительного промежутка времени.

Лучше изучены стоянки Родники-1–4 и Богатыри/Синяя Балка. Эти стоянки имеют близкий возраст и по геологическим, биостратиграфическим и палеомагнитным данным надежно датируются интервалом от 1,2 до 1,6 млн л.н. [Щелинский, 2014, 2016; Shchelinsky et al., 2010, 2016]. Пищевыми ресурсами обитателей стоянок были млекопитающие таманского фаунистического комплекса, в том числе типичные его представители – южные слоны (поздняя форма) (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказские эласмотерии (*Elasmotherium caucasicum*). Палеоэкология млекопитающих этого териокомплекса и палинологические данные указывают на умеренный и засушливый климат времени существования стоянок. Доминировали открытые лесостепные и степные ландшафты с разнотравно-маревыми ценозами на водоразделах и сосново-мелколиственными лесами с участием широколиственных пород по долинам рек [Додонов и др., 2008; Simakova, 2009; Shchelinsky et al., 2010]. В функциональном отношении стоянки неодинаковы. В частности, стоянки Родники-1 и Родники-2, сохранившиеся *in situ*, характеризуются как пляжевые кратковременные и многократно посещаемые места обитания. Стоянку Богатыри/Синяя Балка, напротив, можно интерпретировать как место забоя и разделки крупных млекопитающих в основном слонов и эласмотериев [Щелинский, 2014]. Каменные индустрии стоянок, базировавшиеся на местном сырье (использовался прочный окварцованный доломит миоценового возраста в виде неокатанных обломков плитчатых отдельностей, происходящий из широко развитых в округе грязевулканических отложений), по основным технологическим признакам и типологическим категориям орудий сходны между собой и образуют одну раннепалеолитическую индустрию, названную *таманской*. В этой индустрии, наряду с простыми нуклеусами, отщепами и нуклевидными изделиями, служившими орудиями, много разнообразных намеренно оформленных и стандартизованных мелких и крупных орудий с хорошо выраженными типологическими особенностями. При этом среди них представлены типичные, хотя и довольно грубые рубила, пики и кливеры, образующие триаду крупных режущих/рубящих орудий (LCTs), являющихся маркерами ашельской технологии. Наличие этих форм орудий в таманской индустрии ясно указывает на принадлежность ее к раннему ашелю [Щелинский, 2016]. Весьма показательным, что эта индустрия относится тому же хронологическому интервалу, что и наиболее древняя из известных на сегодняшний день в Восточном Средиземноморье раннеашельская стоянка Убейдия в Израиле (1,2–1,6 млн л.н.) [Bar-Yosef and Goren-Inbar, 1993; Bar-Yosef, Belmaker, 2011].

Стоянка Кермек древнее всех других стоянок таманской группы и отличается более архаичной каменной индустрией. Она связана с хорошо изученной толщей прибрежно-морских и пляжевых отложений (разрез Тиздар), традиционно относимых к позднему куяльнику, верхняя граница которого совпадает с палеомагнитным эпизодом Олдувей (около 1,8 млн л.н.), причем верхи куяльника отвечают низам апшерона. Эти отложения имеют обратную намагниченность и характеризуются пресноводными и солоноватоводными моллюсками (с *Dreissena theodori*) и фауной мелких млекопитающих (с *Allophaiomys deucalion*), что позволяет датировать стоянку поздним палеоплейстоценом – ранним эоплейстоценом и интервалом от 1,8 до 2,1 млн л.н. Остатки крупных млекопитающих из культуросодержащего слоя принадлежат *Archidiskodon meridionalis* cf. *meridionalis*, *Stephanorhinus* aff. *etruscus*, *Elasmotherium* sp., *Equus* sp., *Cervidae* gen. indet., *Trogontherium* sp. и *Delphinidae* gen. indet. Эта ассоциация животных характерна для первой половины раннего плейстоцена (гелазия) юга Восточной Европы, в том числе и для псекупского фаунистического комплекса. Она свидетельствует о том, что стоянка располагалась в зоне саванноподобных ландшафтов, граничащих с морским водоемом. В функциональном отношении стоянка относится к типу пляжевых кратковременных и неоднократно посещаемых стоянок [Щелинский и др., 2015; Shchelinsky et al., 2016]. Каменная индустрия стоянки преашельская и имеет много общего с древнейшими индустриями, определяемыми как индустрии нуклеусов и отщепов (core-and-flake lithic industries) или моуд 1 (Mode 1).

Библиографический список

Додонов А.Е., Тесаков А.С., Симакова А.Н. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биостратиграфии // С.А. Васильев, А.П. Деревянко, Г.Г. Матишов (ред.). Ранний палеолит Евразии: новые открытия : материалы Международной конференции (Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). – Ростов н/Д, 2008.

Щелинский В.Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники-1 в Западном Предкавказье. – СПб., 2014.

Щелинский В.Е. Раннепалеолитическое местонахождение Родники-3 на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки ИИМК РАН. – 2016. – №13.

Щелинский В.Е., Тесаков А.С., Титов В.В., Симакова А.Н., Фролов П.Д., Куршаков С.В. Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований) // КСИА. – Вып. 239. – 2015.

Щелинский В.Е., Тесаков А.С., Титов В.В., Измайлов Я.А., Байгушева В.С., Симакова А.Н., Фролов П.Д. Возраст раннепалеолитических стоянок Южного Приазовья: современное состояние проблемы // Пути эволюционной географии : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). – М., 2016.

Bar-Yosef O., Belmaker M. Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia // Quaternary Science Reviews. – 2011. – Vol. 30.

Bar-Yosef O., Goren-Inbar A. The lithic assemblages of 'Ubeidiya: A Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. – Jerusalem, 1993.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. – 2010. – Vol. 223–224.

Shchelinsky V.E., Gurova M., Tesakov A.S., Titov V.V., Frolov P.D., Simakova A.N. The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (Southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // Quaternary International. – 2016. – Vol. 393.

Simakova A. Palynological study of the early Pleistocene Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of Southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine Domain. Abstract Annual Meeting SEQS. – Orce and Lucena, 2009.

Н.Б. Щербаков¹, И.А. Шутелева¹, А.А. Гольева², Т.А. Леонова¹

¹Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы, Уфа;

²Институт географии РАН, Москва

МОДЕЛИ СТЕПНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №16-11-02003 «Хронология и палеогенетика позднего бронзового века
Южного Приуралья на основе междисциплинарных
методов исследования Казбуруновского археологического микрорайона»)

Поздний бронзовый век Башкирского Приуралья является одним из самых сложных и многомерных периодов в истории региона. Этот период характеризуется мощными миграционными потоками, а также движением идей и технологий. Хронологические рамки позднего бронзового века на территории Башкирского Приуралья определяются периодом XX–XVIII вв. до н.э. (1890–1750 BC Beta Analytic) [Щербаков, Шутелева, Гольева, Луньков, Лунькова, 2016, с. 394]. В ходе исследования были выявлены направления для определения технологической и миграционной мобильности позднего бронзового века Башкирского Приуралья. Основной стала проблема создания собственных технологий производства бронзы и керамики на территории Приуралья. Это связано с определением источников ресурсов для производства в регионе, а также проблемой удаленности ресурсов для производственной деятельности обществ позднего бронзового века. Географическое положение исследуемой территории между европейской частью Евразии и Средней Азией позволяет проследить динамику движения людей и технологий.

Объектом исследования стал Казбуруновский археологический микрорайон Башкирского Приуралья, ограниченный реками Уршак и Белый Ключ, занимающий площадь 23,4 кв. км. Здесь находится группа из 7 поселений и 4 курганных могильников. На примере Казбуруновского археологического микрорайона можно проследить общие тенденции Позднего Бронзового века региона.

В период позднего бронзового века на территорию Башкирского Приуралья проникает множество новых технологий. Одной из них явилась технология изготовления бронзы. Крупнейшими рудниками региона являются Каргалы – горно-металлургический центр [Chernykh, 2007]. В 2016 г. Э. Перница и М. Радивоевич [Щербаков, Радивоевич, Шутелева, 2016, с. 232] провели первичный анализ меднорудных источников региона, небольшой северной части Каргалинских рудников. Проведенные предварительные изотопные анализы металла с поселений Казбуруновского археологического микрорайона позволили предположить наличие изотопов свинца, не характерных для каргалинского месторождения. Данный факт поставил задачу выявления ранее слабо изученных медных рудников на соседних с микрорайоном территориях.

Исследование технологий производства керамики ставит вопрос выявления источников глины и примесей Казбуруновского археологического микрорайона. Применение петрографического анализа керамики позволило не только выделить технологические группы посуды, но и выявить древние глинища или иные источники сырья. Результаты анализов керамики и глинищ показали зауральские источники сырья, примененного на памятниках Казбуруновского археологического микрорайона [Quinn, 2016, p. 6].

Погребальный обряд Казбуруновского археологического микрорайона является синкретичным – срубно-алакульским. С помощью палеогенетических методов было установлено, что все женщины имеют гаплогруппы, характерные для западно-европейских европеоидов (Гаплогруппа U4b1a1a1, с вариациями. Западноевропейский архаичный европеоид. Определение М. Krzewinska. Стокгольм), в то время как мужчины имеют гаплогруппы восточно-европейских европеоидов (Гаплогруппа J1c3a, с вариациями.

Восточноевропейский европеоид, родственный современной популяции русских, литовцев и финнов. Определение М. Krzewinska. Стокгольм). Все погребенные подростки также оказались девочками в возрасте 12–14 лет [Щербаков, Шутелева, Гольева, Луньков, Лунькова, 2016, с. 394–395].

Проведение палеоантропологических исследований показало наличие устойчивых системных заболеваний древнего населения Казбуруновского археологического микрорайона. Данные заболевания приводили к обездвиживанию людей вследствие значительного отложения солей в костном скелете. Вполне вероятно, что данные системные заболевания могли быть следствием палеоландшафта, на который достаточно активно влияло само древнее население региона. Эти исследования, как поселений, так и курганов позднего бронзового века, принадлежащие одной культурной традиции (Казбуруновские I курганы, Усмановское II поселение (Усманово – 2, поселение), Усмановское III поселение (Усманово – 3, поселение), расположенные на берегу р. Уршак, а также Мурадымово – 7, поселение, Мурадымово – 8, поселение, также расположенные на притоке р. Уршак показали, что, предположительно, представители этой культуры пришли на Урал с юга, из сухих степей, практически полупустынь, и принесли с собой традиции домостроительства из гипса. Гипс – замечательный строительный (связующий) материал, но он растворяется водами. В полупустыне это не являлось преградой для строительных работ, а вот на Урале, где существенно влажнее, гипс оказался ненадежным материалом [Golyeva, Khohlova, Shcherbakov, Shuteleva, 2016, p. 176–177].

Проведенные исследования показали, что миграционные потоки не совпадали с движением технологий и материалов. На территории Казбуруновского археологического микрорайона произошло пересечение двух миграционных потоков – из Центральной и Восточной Европы с одной стороны, и полупустынных областей Средней Азии – с другой, также фиксируется импорт источников с территории Северного Китая и Зауралья. Очаги производства находились достаточно удаленно от мест проживания населения позднего бронзового века. Небольшие группы населения на каждом поселении, в рамках одной хронологической группы в Казбуруновском археологическом микрорайоне, формировали свои технологические приемы и пользовались своими источниками сырья.

Библиографический список

Щербаков Н.Б., Радивоевич М., Шутелева И.А. Проблемы исследования древних рудников Башкирского Приуралья в контексте производства бронз позднего бронзового века // Актуальные проблемы археологии Евразии : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (18–19 октября, 2016 г.). – Алматы, 2016.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В. Интердисциплинарные методы в исследовании погребальных и поселенческих традиций эпохи бронзы Южного Приуралья на примере Казбуруновского археологического микрорайона (обзор результатов 2009–2015 гг.) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию. XX Уральское археологическое совещание. – Ижевск, 2016.

Quinn P.S. Petrographic Analysis of Prehistoric Ceramics from the Usmanovo 3 Burial Ground, Kazburun Region, Southern Transurals, Russia. Unpublished scientific report. – 2016. – 108. – URL: www.ceramicpetrology.co.uk.

Golyeva A., Khohlova O., Shcherbakov N., Shuteleva I. Negative effects of Late Bronze Age human activity on modern soils and landscapes, a case-study on the Muradymovo Settlement, Urals, Russia // *Interdisciplinaria archaeologica: natural sciences in archaeology*. – 2016. – Vol. VII, Issue 2.

А.В. Энговатова
Институт археологии РАН, Москва
ЯРОСЛАВЛЬ НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ БАТУ-ХАНА:
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В течение более 10 лет (2004–2014 гг.) в связи с масштабной реконструкцией в исторической части г. Ярославля экспедицией Института археологии Российской академии наук проводились спасательные археологические раскопки. Эти работы стали первыми крупными раскопками на территории древнейшего городского кремля со времен исследований Н.Н. Воронина в 1940 г. Общая площадь раскопов составила около 9 тыс. кв. м. Именно эти работы стали источником новых научных знаний об истории одного из древнейших исторических городов Центральной России, начиная со времени его основания в XI в.

Спасательный характер археологических работ позволил сделать исследования по-настоящему комплексными – привлечь к участию в проектах антропологов, археозоологов, археоботаников, палинологов, почвоведов, дендрохронологов, энтомологов и многих других специалистов, что дало возможность получить новые дополнительные сведения о жизни города в период средневековья [Археология древнего Ярославля, 2012].

Результаты археологических раскопок ИА РАН на территории исторического центра Ярославля (Рубленый город) подтвердили, что первые оборонительные укрепления были построены здесь уже в начале XI в. Значит, тогда же возник и сам город. Таким образом, подтвердились летописные сведения о времени возникновения Ярославля. В ходе археологических работ было исследовано устройство первоначальных валов, рвы; определены периоды возведения фортификационных сооружений [Энговатова, 2015]. Все конструкции были исследованы с помощью естественно-научных методов, датированы по радиоуглероду. Геоморфологические и палеомагнитные исследования позволили получить данные о рельефе мыса на период основания города.

При раскопках ИА РАН впервые на территории Ярославля были выявлены культурные слои XI в., датировка которых подтверждена разными археологическими и естественно-научными методами. В этих слоях, а также в заполнении ям, заглубленных в материк, найдены многочисленные фрагменты лепных сосудов и другие артефакты, датируемые XI в. Из остатков выявленных деревянных конструкций были взяты образцы для радиоуглеродного датирования, результаты которого также подтверждают существование поселения на территории Рубленого города в XI в. [Engovatova et al., 2012].

Археологические исследования показали, что уже в начале XIII в. первые городские укрепления перестали функционировать и их площадь была использована для обычной городской застройки. Город расширил свои границы, фортификационные сооружения были перенесены на другое место. Анализ количества и ареала распространения керамических и других вещевых материалов, плотности застройки, мощности культурных отложений показал, что с конца XII в. в городе происходит экономический подъем, активизация хозяйственной деятельности.

К домонгольскому периоду жизни города (до 1238 г.) относится большая часть всех исследованных археологических объектов. В ходе изучения культурных отложений XII – нач. XIII в. были собраны многочисленные вещевые материалы, свидетельствующие о расцвете Ярославля в этот период. Из слоев этого периода происходит множество находок: в том числе металлических украшений, бытовых предметов, вооружения, четыре вислые свинцовые печати [Энговатова, Гайдуков, 2016]; многочисленные стеклянные бусы, фрагменты стеклянных браслетов, перстней, и даже импортных стеклянных сосудов. Установлено, что границы города в XIII в. были значительно шире, чем описывалось ранее в литературе.

Выявлены фрагменты первого каменного здания Ярославля – Успенского собора, заложенного князем Константином Всеволодовичем. Среди находок – крупные блоки

плинфяной кладки, поливные плитки пола, куски белокаменной резьбы начала XIII в. Таким образом, было локализовано место расположения первого каменного ярославского собора – Успенского, поиски которого велись разными исследователями в течение нескольких десятилетий [Энговатова, Яганов, 2011].

Неожиданное подтверждение получили летописные данные о взятии Ярославля во время татаро-монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь в 1238 г. В раскопах в пределах Рубленого города выявлены девять коллективных захоронений его погибших жителей и защитников, а также слой мощного пожара, уничтожившего город.

Материалы, полученные при разборке коллективных захоронений, были подвергнуты тщательному комплексному исследованию, включающему в себя анализ антропологических материалов, дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование [Энговатова и др., 2013]. С помощью специальных программ были реконструированы портреты жителей города начала XIII в. Антропологи определили половозрастной состав захороненных, возможные причины их смерти. Практически на всех останках зафиксированы не совместимые с жизнью травмы без следов заживления (рубленные и колотые ранения; дырчатые переломы, возникшие как от удара колющим оружием с острым краем, так и от удара тяжелым неострым предметом). Вещевые находки, собранные во всех погребениях – украшения, детали одежды, орудия и фрагменты керамики – относились к периоду не позднее середины XIII в. Совокупность археологических, антропологических и летописных данных, а также радиоуглеродные и дендрохронологические датировки доказывают, что в результате археологических исследований найдены следы разорения города зимой 1238 г.

Полученный уникальный единовременный материал позволил хорошо изучить срез городской жизни первой половины XIII в., в том числе не только его бытовые аспекты. Благодаря наличию большого числа антропологических и остеологических материалов мы смогли создать базу данных по изотопному составу костей животных и человека ($\delta^{13}\text{C}/\delta^{15}\text{N}$ и $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$). Проведенный анализ позволил реконструировать систему питания средневекового городского населения, выявить некоторые особенности содержания домашних животных, определить наличие пришлого населения в городе на момент трагедии. Одним из неожиданных результатов проведенной реконструкции стал вывод о достаточно высокой доле белкового компонента (за счет потребления мяса) в обыденном рационе питания ярославцев начала XIII в. Это еще раз подтверждает тезис о подъеме города во 2-й половине XII – XIII вв., прерванном катастрофой 1238 г.

Подобного расцвета Ярославль смог достичь вновь только к XVII в.

Библиографический список

Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН) (коллектив авторов). Издание второе, дополненное и переработанное / авт.-сост. А.В. Энговатова. – М., 2012.

Энговатова А.В. Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленый город II – 2008 г.») // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – М. ; Вологда, 2015.

Энговатова А.В., Гайдуков П.Г. Вислые акты печати из раскопок в Ярославле // РА. – 2016. – №1.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Антипина Е.Е., Зайцева Г.И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. – №228. – 2013.

Энговатова А.В., Яганов А.В. Новые данные об Успенском соборе в XIII–XVI вв. В Рубленом городе Ярославля // РА. – 2011. – №3.

Engovatova A.V., Dobrovolskaya M.V., Zaitseva G.I., Burova N.D. Potential of the radiocarbon method for dating known historical events: the case of Yaroslavl, Russia // Radiocarbon. – 2012. – Т. 54. – №3–4.

М.И. Эпов¹, В.И. Молодин², А.П. Фирсов¹, И.Н. Злыгостев¹, А.В. Савлук¹, О.А. Позднякова²

¹Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимчука СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПРИМЕНЕНИЕ ВЫСОКОЧАСТОТНОГО АЭРОМАГНИТНОГО КОМПЛЕКСА НА БАЗЕ БПЛА ДЛЯ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИЙ НА ПОИСКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Археология стоит перед необходимостью изучения огромных территорий, представляющих интерес для науки, и все уменьшающегося лимита времени из-за бурной деятельности человека, уничтожающей артефакты или делающей невозможным проведение исследований. При этом ключевой задачей становится ранжирование территорий для последующих раскопок. Требуется найти способ широкомасштабного исследования территорий с минимально возможными финансовыми затратами. Очевидно, что основой такого ранжирования должно быть опережающее геофизическое изучение территории. Геофизическое изучение территории позволяет найти объекты, которые практически не выражены в рельефе, и сделать предположение о внутреннем строении объекта. Объем таких работ, как георадарная съемка, гравиразведка, электроразведка и магниторазведка, постоянно растет, а полученные данные позволяют существенно уменьшить объем раскопок. Важно и то, что все эти методы – неразрушающие.

Магниторазведка – самый производительный и один из наиболее информативных способов геофизического изучения территорий в археологии. Небольшой размер объектов поиска, неопределенность геометрического строения, невысокая намагниченность, сложность строения территорий проживания людей даже в одном культурном слое, существование нескольких культурных слоев на одном и том же месте требует проведения детального картирования. Крупномасштабная наземная магнитометрическая съемка с большим количеством точек наблюдения и предварительными топографическими работами – дело не быстрое и дорогое. Используемая в геологии аэро-магниторазведка, как один из основных экспрессных методов оценки территорий, не стал таковым в археологии. Гораздо более производительная аэрогеофизическая съемка не дает требуемой для археологических работ детальности. Существует потребность создания технологии, способной совместить производительность аэросъемки с детальностью наземной съемки и при этом получить существенно лучшие экономические характеристики. Такая технология позволила бы ранжировать существенные территории по возможности нахождения археологических объектов, выделить небольшие территории для детальных, существенно более дорогих, наземных геофизических работ и далее определить площади для самых дорогих и ответственных работ: раскопок.

В 2014 г. в ИНГГ СО РАН был разработан опытный образец аэрогеофизического комплекса с высокочастотным магнитометрическим каналом (ВМК), размещенным на борту беспилотного летательного аппарата (БПЛА) сверхлегкого класса. Уровень магнитных шумов измерительной части, измеренный в условиях естественного магнитного поля Земли вдали от промышленных объектов и линий электропередачи, не превышает 0,2 нТл. Частота измерений созданного магнитометрического канала – 1,5 кГц. Таким образом, при скорости полета до 10 м/с дискретизации в измерении магнитного поля составляет 10 мм, что является недостижимым для всех других аналогичных разработок в мире. С появлением новой техники появилось и возможность создания новой технологии аэромагнитной съемки, которая может сочетать в себе большую ее скорость, детальность и, кроме того, возможность проведения работ на труднодоступных территориях: болота, кустарниковые заросли, водные преграды (озера, болота, реки).

Археологические артефакты имеют, как правило, небольшие размеры и маленькую глубину залегания. Это определяет и размер магнитных аномалий. Проведение наземной съемки от точки к точке по профилю с накоплением сигнала на каждой точке дает возможность получать точные значения магнитного поля, но очевидна практически нулевая вероятность попадания в ходе наземной съемки в точку экстремума магнитного поля. Максимальная частота стандартного магнитометра – 10 Гц, поэтому даже при непрерывной

съемке отсчеты по значению поля можно получать не плотнее, чем через 10–15 см. Аэромагнитный высокочастотный комплекс имеет разрешение на два порядка выше и дает возможность выявления максимального значения поля по исследуемому профилю.

С другой стороны, пешеходная съемка предполагает измерение вектора индукции магнитного поля на высоте около метра над поверхностью Земли. Измерение магнитного поля с помощью БПЛА не предполагает измерения поля на высоте менее 2 м. Это к существенному ослаблению сигнала. При глубине залегания артефакта от 1 до 3 м измеренное поле от объекта на высоте съемки БПЛА ослабевает от 3 до 1,8 раза по сравнению с наземной. Это с лихвой может компенсироваться высокой частотой дискретизации измерения поля, при которой измеренные значения поля обязательно пройдут через экстремальное значение на изучаемом профиле.

При проведении измерений с помощью БПЛА на профиле фиксируются величина измеренного модуля вектора индукции магнитного поля, координаты каждой точки измерения, мировое время. Во время проведения работ производится запись значений модуля естественного магнитного поля Земли магнитовариационной станцией, располагаемой вне зоны аномалии, с привязкой к мировому времени. Местоположение летательного аппарата фиксировалось с помощью стандартной станции GPS/ GLONAS. Положение датчика относительно БПЛА не измерялось, и отклонение местоположения датчика магнитного поля относительно определяемого местоположения БПЛА нами оценивается не более чем в 0,5 м. Скорость полета держалась в рамках 4–6 м/с. Высота полета фиксировалась по данным GPS/ GLONAS и уточнялась по показаниям бортовой аппаратуры.

Для решения возникших вопросов по использованию высокочастотного магнитометрического комплекса для возможностей картирования археологических объектов были осуществлены полевые работы на памятниках, где ранее уже были проведены детальные наземные магнитометрические исследования: Белая Грива; Пичуги-2; Аул Кошкуль-1, Погорелка-2, Преображенка-2, Сергино, Тартас-1 (Новосибирская обл.) и Барун-Хал (Иркутская обл.). Выполнено более 400 погонных километров профилей с шагом от 1 до 3 м. На объекте Пичуги-2 проведены измерения на четырех высотах. Сравнение данных показало, что полученные карты магнитного поля с помощью БПЛА имеют очень хорошую сходимость с данными, полученными в ходе наземной съемки, а иногда и были более детальными. Проведение разноуровневой аэромагнитной съемки позволяет замечать объекты, которые могли быть пропущены на минимальных высотах. С другой стороны, самые мелкие и малоконтрастные объекты не всегда могли быть замечены с помощью беспилотника. Разноуровневая съемка позволяет сделать предположение и о глубине расположения объекта.

Таким образом, аэромагнитная съемка с высокочастотным магнитометром позволяет эффективно проводить работу масштаба до 1 : 200, способную заменить наземную съемку аналогичного масштаба. Съемка более крупного масштаба может проводиться при применении других технологических решений: дифференциального GPS и отслеживания положения датчика магнитного поля относительно летательного аппарата. Применение БПЛА с разработанным инновационным оборудованием позволяет резко сократить время для проведения магнитной съемки и расходы на исследование изучаемой территории. На выделенных в результате таких работ площадях можно ставить наземные работы большей плотности, более дорогие для выделения участков для проведения раскопок.

Библиографический список

Эпов М.И., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Савлук А.В. Магниторазведчик: нам сверху видно все // Наука из первых рук: Грани НАУКИ будущего. – 2016. – Т. 71/72, №5/6.

Эпов М.И., Молодин В.И. и др. Опыт магнитометрического картирования археологических памятников с использованием беспилотных летательных аппаратов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXII. – Новосибирск, 2016.

А.И. Юдин¹, А.А. Выборнов², А.В. Барацков²

¹АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», Саратов;

²Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АЛГАЙ В СТЕПНОМ ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Работа выполнена в рамках реализации проекта 33.1907. 2017/ ПЧ
государственного задания Министерства образования и науки РФ

Одним из первых исследователей неолита Нижнего Поволжья, который проводил целенаправленные изыскания, был А.Н. Мелентьев, которому в этом году исполняется 90 лет. Стоянка Алгай расположена на правом берегу р. Б. Узень, в Александрово-Гайском районе Саратовской области. За три полевых сезона (2014–2016 гг.) исследована площадь 60 кв. м при максимальной толщине культурного слоя до 1,7 м [Выборнов, Юдин, 2015; Выборнов и др., 2015]. Культурный слой стоянки стратиграфически делится на два уровня [Юдин и др., 2016]. Полученные в этих двух пластах материалы несколько различаются. Это относится как к керамике, так и к каменным орудиям. Данная разница подтвердилась и радиоуглеродными определениями. В раскопах Алгай-1 и Алгай-2 частично вскрыты котлованы полуземлянок, а неолитический слой в раскопе Алгай-2 перекрыт слоями прикаспийской и хвалынской энеолитических культур.

Керамика стоянки Алгай, обнаруженная в 2014–2016 гг., обладает рядом характерных черт. Сосуды изготовлены из трех видов сырья: преобладают илестые глины и глины с добавлением раковины, в меньшей степени использовались илы. По технико-технологическим параметрам она соответствует материалам Варфоломеевской стоянки [Васильева, 2012]. Толщина черепков варьирует от 6 до 10 мм. Все сосуды плоскодонные. Они прямостенные или слабопрофилированные. Керамика орнаментирована с помощью техник накальвания, преимущественно в отступающей манере, и прочерчивания. Композиции представлены горизонтальными рядами отступающих наколов или прочерков, дополненными зигзагами, наклонными линиями и отдельными наколами; шевронами; композициями из редко поставленных треугольных наколов и насечек. Данная посуда очень близка керамике Варфоломеевской стоянки, относящейся к орловской культуре. В то же время коллекция содержит некоторое количество неорнаментированных сосудов с рядом ямок под срезом венчика, изготовленных из ила с примесью раковин моллюсков. Морфологические особенности сосудов этой группы обнаруживают значительную близость с керамикой елшанской керамической традиции. Однако технология изготовления и представления о пластичном сырье указывают на североприкаспийское происхождение. Наличие такой керамики на стоянке Алгай свидетельствует о существовании определенных контактов между населением Среднего и Нижнего Поволжья.

В 2014–2016 гг. на стоянке было обнаружено более 700 каменных артефактов. Материалом служил кремень серого (матового) цвета, реже (около 9%) – кварцит. Нуклеусы, отходы производства и заготовки для орудий – небольших размеров, что указывает на специфику сырья. Орудия изготавливались на пластинчатых отщепах и пластинах (около 70%) и отщепах. Среди них преобладают скребки концевой формы. По форме рабочего края они делятся на округлые, прямые и со скошенным лезвием. Небольшую группу составляют скребки с высокой спинкой или округлые. Особых различий между скребками нижнего и верхнего уровня не прослеживается. Пластины и пластины с ретушью (шириной от 8 до 15 мм) составляют вторую по численности группу. Геометрические микролиты представлены 23 экземплярами. Из них трапеций со струганой спинкой 12, сегментов с односторонней ретушировкой дуги – 3, с гелуанской ретушью – 8 экз. Аналогичные сегменты из такого же сырья представлены в материалах каиршакского типа Северного Прикаспия. Если в раскопе 2014 г. трапеции со струганой спинкой (2 экз.) залежали в верхних слоях памятника – 40–60 см, а сегмент – на глубине 100–110 см, то в 2015 г. все трапеции (9 экз.) были обнаружены и на глубине 80–110 см, вместе с сегментами (3 экз.), которые залежали на глубине 70–90 см. Это позволяет предполагать сосуществование этих двух

традиций, как и в слое 2Б Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004]. Раскопки 2016 г. свидетельствуют о том, что с 16 по 8 горизонт были обнаружены лишь сегменты, а в 8 слое появляется трапеция со струганой спинкой. Это доказывает, что трапеции со струганной спинкой появились позже сегментов и сменяют их. Результаты раскопок 2015 г. могут объясняться тем, что в раскоп попала большая хозяйственная яма, в результате чего артефакты могут быть перемешаны. На стоянке Алгай было найдено крупное шлифованное тесло из серого кремня, обломок утюжка, выпрямитель стрел. Кроме того, обнаружены проколки на отщепках и пластинах, а также украшения из пресноводных и ископаемых морских раковин, имеющие аналогии в материалах Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004].

Определение остеологических останков, проведенное П.А. Косинцевым, свидетельствует о наличии тура, тарпана, кулана, сайги, благородного оленя, кабана и зайца. Представлены позвонки рыб. Следует отметить наличие костей домашней собаки.

Находки из нижнего слоя наиболее близки комплексу слоя 2Б Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004]. Данные, полученные при датировании различных материалов стоянки Алгай, дают возможность проследить хронологическое развитие памятника на всем протяжении его бытования [Барацков и др., 2016]. Получены даты: с уровня жилища – 7284 ± 80 лет ВР (SPb-2144), с уровня 140 см по нагару – 6800 ± 40 (Poz-65198) и по кости – 6820 ± 80 (SPb-1510); с 140–130 см по кости – 6654 ± 80 (SPb-1509); с 130–120 см по кости – 6577 ± 80 (SPb-1478); с 120–110 см по углю – 6605 ± 32 (AAR-21893) и 6360 ± 250 (SPb-1411); со 110 см по кости – 6479 ± 70 (SPb-1477); со 100 см по углю – 6490 ± 40 (Poz-76004) и костям – 6318 ± 33 (AAR-21892), с 90 см – 6284 ± 100 (SPb-2038) лет ВР. Находки в верхнем слое имеют более поздний возраст и соотносятся с 2А и верхними слоями Варфоломеевской стоянки. Это подтверждается датами по костям животных с уровня 50–60 см – 5720 ± 120 ВР (SPb-1475), с 60–70 см – 5680 ± 80 ВР (SPb-1476), с 70–80 см – 5875 ± 60 ВР (SPb-196). Иначе говоря, хронологические рамки развития стоянки орловской культуры Алгай фиксируются от 7200 до 5700 лет ВР (6200–4700 ВС). Судя по последним данным, можно предположить, что комплекс не единый, а делится на две разновременные группы: развитый неолит и поздний неолит. Эту версию подтверждает тот факт, что между верхним и средним слоем фиксируется прослойка, в которой количество находок крайне незначительно, а в хронологической таблице датировок существует лагуна (6100–6000 лет ВР). На находящейся неподалеку Варфоломеевской стоянке фиксируется схожая ситуация. Исходя из стратиграфии и хронологии стоянки Алгай, нельзя исключать, что в период – 6100–6000 лет ВР стоянка не посещалась из-за аридизации климата.

Таким образом, стоянка Алгай является еще одним важным источником для изучения неолита степного Поволжья.

Библиографический список

Барацков А.В., Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Косинцев П.А., Гослар Т., Филиппсен Б. Новая стоянка степного неолита Алгай // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. – СПб., 2016.

Васильева И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи. – Вып. 9. – Саратов, 2012.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов, 2015.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – №3.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов, 2004.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. – 2016. – №3(16).

Т.К. Ютина
Удмуртский государственный университет, Ижевск
КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ УДМУРТИИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Территория Южной Удмуртии находится в междуречье двух рек: правобережья среднего течения р. Камы и левобережья среднего течения р. Вятки с их крупными притоками – реками Иж, Тойма, Вала, Кырыкмас и др. С востока, юга и запада территория Южной Удмуртии ограничена водными артериями, которые играли особую роль в миграционных процессах средневековья.

На средневековых поселениях пермского населения Южной Удмуртии 2-й половины I тыс. н.э. – начала II тыс. н.э. фиксируется иноэтнический компонент, выделенный, в первую очередь, на основе изучения керамики, вещевого комплекса, украшений костюма, находок монет. Появление данного компонента имеет две причины: первая – результат миграций, вторая – импорт. Для 2-й половины I тыс. н.э. характерна определенная подвижность населения Приуралья, вызванная различными причинами. Прикамье также не осталось в стороне от этого процесса. В этот период происходит развитие культурных, этнических, экономических контактов между представителями различных по этническому происхождению народов. Во 2-й половине I тыс. н.э. формирование контактов пермского населения Южной Удмуртии с другими этносами были обусловлены начавшимися миграциями соседних народов [Ютина, 2002, с. 157–170].

Характеристика контактов пермского населения Южной Удмуртии включает как восточный, так и западный аспект ориентации. Отмечены миграции на данную территорию иноэтнических групп, не имеющих большой людской численности, но оказавших, несомненно, влияние на историческую картину формирования пермского населения данного района [Ютина, 1977, с. 79–80]. На археологических памятниках, кроме местной традиционной керамики (постпьяноборско-мазунинской), зафиксирована керамика бахмутинского, именинковского и романовского, кушнаренокского и караякуповского типов и др. [Казанцева, Ютина, 1986, с. 110–129; Ютина, 1994, с. 9–10]. Два последних отмеченных типа керамики вызывают острые дискуссии по вопросу их этнической принадлежности и территории восточных истоков формирования. Проникновение носителей кушнаренокской керамики на территорию Южной Удмуртии происходило из бассейна р. Белой, где фиксируются археологические объекты кушнаренокской культуры. Появление керамики кушнаренокского типа в другом районе Прикамья, Сылвенско-Иренском поречье, было обусловлено, вероятно, также проникновением ее с территории бассейна р. Белой.

Интерес представляют и находки артефактов, появление которых во 2-й половине I тыс. н.э. на археологических памятниках Южной Удмуртии (как части Прикамской территории) указывает на опосредованную связь данной территории с государствами Средней Азии. Хорезмийская монета была обнаружена на Благодатском I городище (Ютина, Отчет 1981). В 2004 г. был выявлен Кузубаевский клад, поступивший в Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда. В составе клада имеются находки восточных монет. Т.И. Останина датирует клад 3-й четвертью VII в. н.э. [Останина, 2011, с. 92].

По результатам исследований Р.Д. Голдиной, восточный «дальний импорт» (VI–VIII вв. н.э.) поступал в Приуралье, и в частности Прикамье, двумя путями: первый – по северному ответвлению Великого Шелкового пути, второй – через Хорезм. В Приуралье оба пути включали продвижение по рекам Уралу и Белой, далее на север, в Сылвенское поречье и верховья Ирени и Иргины [Голдина, 2012, с. 117]. На территорию Южной Удмуртии (правобережье р. Камы) восточный импорт проникал, вероятнее всего, также через территорию нижнего течения р. Белой (впадающей непосредственно в р. Каму, левый берег). Исследование роли этого пути в историческом процессе 2-й пол. I тыс. н.э. Южной Удмуртии требует дополнительного внимания.

Славянский этнос, появившийся во второй половине I тыс. н.э. на территории Южной Удмуртии в результате миграции групп именьковского населения, характеризует западные контакты средневековых жителей – пермян данного района. Продвижение именьковского населения по правому берегу, вверх по течению р. Камы, а затем в бассейн рек Тойма и Иж, фиксируется на основании многочисленных артефактов, найденных на поселениях, расположенных непосредственно как на самом коренном правом берегу р. Камы, так и ее притоках. Камский водный путь, несомненно, был включен в орбиту миграций населения, определяя ориентиры направления передвижений. Два миграционных потока – восточный (кушнаренковский) и западный (именьковский) пересеклись в Южной Удмуртии, практически в одной территориальной точке. Судя по материалам Благодатского I и других городищ, контакты местного пермского населения с немногочисленным пришлым населением и контакты их между собой были мирными. Тем не менее проблема выявления следов и последствий миграций в Южной Удмуртии второй половины I тыс. н.э. еще далека от полного завершения исследований.

Отметим тот факт, что чем выше вверх по течению р. Камы (вдоль правого берега), от устья впадения р. Белой в нее, расположены поселения, тем значительно меньше находок на них указанных выше типов керамики. Очевидно, что направление движения (вверх по правобережью р. Камы) иноэтничными (не пермскими) группами населения не было освоено, либо существовали какие-то препятствия для продвижения. Вопрос «почему?» требует дополнительного внимания исследователя. Отметим и другой интересный факт – имеются укрепленные поселения на правом берегу р. Камы в Среднем Прикамье, возведенные пермским населением, вероятно, в середине I тыс. н.э., но так и не обжитые. Какова их роль в исторической картине края второй половины I тыс. н.э.? Местное пермское население резко отошло от побережья р. Камы, предпочитая осваивать глубинные районы территории, водоразделы небольших рек.

Таким образом, направление контактов населения Южной Удмуртии 2-й половины I тыс. н.э. включает и восточный, и западный аспекты развития данного процесса. Изучаемая территория оказалась центром, к которому с двух сторон устремились два миграционных потока из соседних районов.

Основным направлением освоения территории Южной Удмуртии местным и пришлым иноэтничным населением во 2-й половине I тыс. н.э. явилось продвижение в глубь территории бассейнов р. Тоймы и Иж, их мелких притоков. Происходило культурное сближение, несмотря на различие этнической и языковой основы, которое закончилось растворением пришлых групп в среде пермского населения.

Библиографический список

Голдина Р.Д. Истоки «Дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2012. – Вып. 2 (10).

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. – Устинов, 1986.

Останина Т.И. Кузубаевское городище. IV–V, VII вв. : каталог археологической коллекции. – Ижевск, 2002.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник : монография / науч. ред., авт. введ. и закл. Т.И. Останина. – Ижевск, 2011.

Ютина Т.К. История населения Южной Удмуртии в VI–XIV вв. // Социально-исторические и методологические проблемы истории Прикамья. – Ижевск, 2002.

Ютина Т.К. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1994.

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Благодатских I, II городищ в Алнашском районе УАССР в 1981 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 135.

Л.В. Яворская
Институт археологии РАН, Москва
АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Экономической основой Золотой Орды или Улуса Джучи традиционно считается кочевое скотоводство. Реконструкция основных компонентов экономической системы Золотой Орды, как считалось, могла быть предпринята на двух типах исторических источников – письменных и археологических. Выяснение учеными места и роли скотоводства в государственной экономике развивалось по нескольким направлениям, но преимущественно основываясь на изучении коллекций костей животных, полученных при раскопках археологических памятников Золотой Орды.

Долгое время считалось, что определение костей животных из раскопок поселенческих памятников позволяет установить те направления хозяйственной деятельности древнего населения, которые связаны с животными – выявляют специфику животноводства и/или характер охоты. Решающую роль в данном случае играл видовой состав остеологических выборок и предполагалось, что взаимные соотношения остатков тех видов, чьи кости многочисленны в материалах данного памятника, дают возможность установления состава древнего стада и напрямую отражают особенности хозяйствования на конкретном поселении. Отметим, что такая постановка задач распространялась и на памятники городского типа, включая золотоордынские [Петренко, 1988]. Однако при всей массовости коллекций костных остатков животных из раскопок городов, их анализ скорее ответит на вопросы о потреблении мясных продуктов, чем позволит реконструировать их производство. Прямые экстраполяции видовой набору костных остатков на состав древнего стада особенно неудачны для реконструкции экономики Золотой Орды, поскольку неясно, какое стадо будет реконструировано на их основе: стадо кочевников или сельских поселений, которые снабжали город скотоводческой продукцией.

Традиционно и закономерно основную часть костей животных, содержащихся в культурном слое древнего города, относят к одной категории – «кухонных остатков» [Цалкин, 1967], которая является основой для изучения мясной диеты жителей. Главными критериями для ее выделения считаются специфическая раздробленность костей и следы от разделки туш. Для пересчета остеологических спектров в соотношения относительных объемов потребления мясной пищи нами применяется многократно опубликованная схема такой процедуры с учетом размеров и возраста копытных животных из конкретных изучаемых поселений [Антипина, 2005; Яворская, 2015а]. Для городов золотоордынского Поволжья такие подсчеты неоднократно опубликованы [Яворская, 2015а; Яворская, Антипина, 2016]. Анализ данных, полученных в синхронных напластованиях отдельных районов одного города в координации с археологическим контекстом, позволяет выстроить продуктивные гипотезы о социальных, экономических или этно-религиозных причинах различий в мясном потреблении.

С того момента, как мясо домашних животных съедено, их кости становятся частью бытового мусора и начинается сложный путь их перемещений внутри городского пространства или вовне. Костные остатки могут быть равномерно распределены в культурном слое, а могут оказаться в скоплениях и даже использоваться человеком в иных целях: в качестве подсыпки топких мест, выравнивания территории, обустройства дорог. В скоплениях, как правило, обеднен видовой и анатомический набор костей, однако анализ таких накоплений позволяет выстроить предположения о путях получения огромного количества однообразных костных остатков, которые, чаще всего, являются свидетельством наличия средневековых производств по обработке шкур животных или изготовления изделий из кости и рога. В скоплениях оказываются как исключительно

мясные части туш животных, так и остатки от снятия шкур – черепа и метаподии. В центральной части Болгарского городища в позднеордынский период наблюдается явное превышение накопления мясных частей бараньих тушек [Яворская, 2015б], а в синхронных слоях Азака обнаруживаются громадные скопления черепов и метаподиев, которыми мостили улицы [Бочаров, Масловский, 2015]. Но оба варианта скоплений маркируют средневековые производственные остатки. Случается, что среди бытового мусора ведется целенаправленное накопление конкретной кости животного для утилитарных целей. Например, бараньи лопатки в ремесленном квартале Болгара накапливались с целью получения из них плоских табличек для письма [Антипина, Яворская, Ситдигов, 2015].

Бытовой контекст накопления костей животных в городском пространстве освещает и такую сторону жизни, как интенсивность жизнедеятельности человека. На огромной археозоологической коллекции из центральной части Болгара удалось показать, что изменение назначения участка городской территории с окраинного производственного на жилой резко увеличило накопление в культурных напластованиях костных остатков. Еще более высокую интенсивность накопления костей животных продемонстрировали слои, которые образовались после ликвидации на этом участке жилой застройки и постройки монументального сооружения городского базара, его функционирования и последующей руинизации [Яворская, 2015б].

Анализ коллекций костных остатков из раскопок городов Золотой Орды не позволяет получить сведения о скотоводстве, лишь о мясном потреблении горожан. Категория «кухонных» остатков оказывается многокомпонентной. Тщательное изучение коллекций костей животных из городских культурных напластований, а также исторического и археологического контекста в ряде случаев позволяет увидеть разные стороны жизни горожан: специфику мясного потребления, благоустройство городского пространства, ремесленные производства, оценить интенсивность эксплуатации и жизнедеятельности на различных участках города, то есть осветить не только жизнь человека в городе, но и приблизиться к реконструкции систем жизнеобеспечения и экономической модели данного государства. Таким образом, кости животных как массовый археологический материал вполне могут быть источником археологической и исторической информации.

Библиографический список

Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. – М., 2005.

Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдигов А.Г. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА. – №241. – 2015.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 3.

Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. – М., 1967. – Т. LXXII (1).

Яворская Л.В. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев ; Казань ; Симферополь, 2015а.

Яворская Л.В. Динамика заполнения костями животных культурных напластований центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. – №237. – 2015б.

Н.С. Яранцева
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА
(по археологическим материалам г. Йошкар-Ола в 2015 г.)

Царевококшайск был основан как крепость в 1584 г. Город-крепость был окружен с четырех сторон земляными валами с деревянными стенами. Со временем город претерпел изменения от военной крепости, форпоста Русского государства на присоединенных марийских землях, до уездного города, административного и экономического центра Царевококшайского уезда Казанской губернии [Воробьева, 2014, с. 3]. Границы города вышли за прежние пределы. При нем возникли посады и слободы. Здесь начали селиться ремесленники, торговцы, крестьяне. Ныне город, претерпевший ряд переименований, носит название Йошкар-Ола.

В 2015 г. Поволжской археологической экспедицией (ПАЭ) в г. Йошкар-Ола на современной территории пересечения улиц Вознесенской и Красноармейской в связи с предстоящей застройкой территории, попадающей в историко-охранную зону, проводились охранные археологические изыскания. Исследованный участок входит в историческое ядро Царевококшайска и принадлежит к городскому посаду, который активно осваивался с начала XVII в. Согласно историческим планам города 1789 и 1835 гг., эта территория входила в острог Царевококшайска и примыкала с юга к оборонительному рву и крепостной стене. Данные оборонительные сооружения представляли собой вторую линию укреплений города, воздвигнутую между 1609 и 1628 гг. [Данилов, 2016, с. 259].

Культурный слой, исследованный на территории раскопа, относится к периоду от XVII до начала XX в. В результате раскопок выявлены многочисленные остатки деревянных сооружений, представляющие собой основания срубов жилых и хозяйственных построек, дощатые настилы, основания деревянных столбов, располагавшихся под остатками кирпичного жилого дома начала XX в.

В ходе исследований на изучаемой территории был получен огромный фонд керамического материала (более 25 тыс. экз.): фрагменты сосудов, изразцы, пряслица, заготовки под пряслица, грузила, игрушки, курительные трубки, ядра и т.д. [Кутузова, 2017, с. 175].

Объектом данной статьи выбрана такая категория изделий, как керамические ядра. Это весьма часто встречающиеся находки при проведении исследований на территории г. Царевококшайска. Первоначально ядра были обнаружены в яме у линии укреплений, исследованной в 2008 г. В дальнейшем фрагменты керамических ядер и их целые экземпляры обнаруживались практически в каждом раскопе на территории Царевококшайска 2008–2013 гг. [Воробьева, 2014, с. 128–129]. В 2015 г. был среди массы керамических находок были также найдены керамические ядра. Основная масса ядер была сконцентрирована в северо-западной части раскопа к северу от жилой постройки.

По результатам исследований обнаружено всего 74 ядра. Из них 34 – полной формы, а 40 – сильно фрагментированные. Все изделия условно можно разделить на четыре группы. Критерием в данной ситуации выступает диаметр ядер. Классификации подверглись только полные формы:

- 1 группа – от 1,5 до 4 см;
- 2 группа – от 4 до 5,5 см;
- 3 группа – от 5,5 до 7 см;
- 4 группа – >7 см.

Ядра первой группы немногочисленны и составляют всего 4 экземпляра, вторая группа также немногочисленна – 5 экз., третья – 5 экз. Самой многочисленной группой является четвертая – 20 экз.

Все шары круглой формы, из ожелезненной глины с большими примесями в тесте. Добавки в тесте как естественного, так и искусственного происхождения. К искусственным

примесям относится шамот (керамический бой, высушенная измельченная глина), а к естественным – крупно- и мелкозернистый песок. Шамот в тесте достаточно крупной и средней фракции. Формовка изделия грубая, ручная, о чем свидетельствуют следы, оставшиеся на поверхности. Кое-где прослеживаются и отпечатки ткани, по текстуре можно предположить, что это либо льняная, либо мешковина. По форме они приближены к шару, однако они не четко симметричны. При рассмотрении ядер складывается такое впечатление, что изготовлявший их мастер не стремился к приданию идеальных форм. Обжиг производился низкотемпературный, что дает нам возможность предположить о костровом, потому что на изломе поверхность комковато-обломочная, а на поверхности сохранились следы нагара. При осмотре ядер на изломе также можно отметить, что структура сильнопористая, так как при формовке не происходило уплотнение сырья, что также доказывает небрежность в изготовлении.

При изучении специальной литературы предназначение подобного рода керамических ядер выяснить не удалось. Можно только предположить, что они могли использоваться в качестве пушечных ядер. На первоначальных этапах пушечного дела использовали ядра, сделанные из камня, но географическое положение Царевококшайска, а именно удаленность от основных торговых путей и от центров снабжения, усложняет доставку камня, возможно, это вынуждало использовать снаряды из более доступного материала, такого как обожженная глина [Воробьева, 2014, с. 128–129]. В письменных источниках есть информация о том, что при военных сооружениях города были железные ядра. Также отдельным текстом говорится о других ядрах, возможно керамических [Иванов, 2011, с. 345–346].

Данные керамические ядра можно интерпретировать и как грузила. Большинство грузил для рыболовных сетей имели отверстия для крепления, однако в этнографическом материале можно найти другую технику крепления. Грузило оплетали прутком и берестой. В кольцо из прутка вставлялся крупный камень, известняк или наскоро слепленный и обожженный кусок глины круглой формы, который удерживался в этом круге несколькими лентами или плетенкой из бересты или лыка. Такая более сложная и оригинальная конструкция грузил применялась для огрузки крупноячеистых стационарных сетей рыльево-маточной конструкции типа невода.

Таким образом, данные керамические ядра, на основании проведенных исследований, являются предметом не ремесленного производства, а домашнего кустарного изготовления. Они имели большую функциональную распространенность, связанную больше с хозяйственным применением, чем с военным делом. Однако вопрос об их предназначении остается дискуссионным, это вызвано тем, что представленная категория находок на данный момент не обнаруживалась еще в закрытых археологических комплексах, что также усложняет их датировку. Хотелось бы отметить, что керамические ядра подобного типа не находились на синхронных исторических памятниках, что усложняет их интерпретацию, и затруднительно ответить на вопрос, являются ли они местной традицией, либо они были обнаружены, но исследователями не было уделено должное внимание данной категории находок.

Библиографический список

Воробьева Е.Е., Данилов П.С., Зеленева Ал.Ю. Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). – Йошкар-Ола, 2014.

Данилов П.С., Калыгина Ж.С., Огородников А.Д. Археологические исследования УНАЭЦ МарГУ на территории Республики Марий Эл в 2015 г.: предварительные итоги // Музейный вестник. – №10. – Йошкар-Ола, 2016.

Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. Очерки по истории уездного города. – Йошкар-Ола, 2011.

Кутузова Д.О., Калыгина Ж.С., Яранцева Н.С. Косметические сосуды (помадницы) г. Царевококшайска (по материалам раскопок 2015 г.) // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории. – Чебоксары, 2017.

В.И. Ярмолович
Центр египтологических исследований РАН, Москва
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ
ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГА БЭСА
(по материалам археологических раскопок ЦЕИ РАН в Мемфисе)

Древнеегипетский бог Бэс – карлик с крупными чертами лица, головным убором из перьев, одетый в львиную шкуру с хвостом. У него есть различные атрибуты, к примеру, музыкальные инструменты, меч или кинжал со щитом [Ходжаш, 2004, с. 5–10]. Его относят к божествам народной религии, т.е. сфера его деятельности во многом была связана с жизнью простых людей [Lexikonder Ägyptologie, I, 1975, s. 720–721; Ходжаш, 2004, с. 7]. Так, одна из его основных функций заключалась в покровительстве роженицам, матерям и их новорожденным детям. Начиная с эпохи Нового царства, он являлся богом музыки, танцев и вина [Dasen, 1993, p. 77–80]. Вероятно, под его защитой также находились воины [Dasen, 1993, p. 76–77].

В древнеегипетском гончарстве сосуды, на которых изображали бога Бэса, появляются в эпоху Нового царства (XVIII–XX династии, 1550–1070/69 гг. до н.э.) [Kaiser, 2003, p. 189–190]. Известно, что их производство просуществовало до греко-римского периода [Kaiser, 2003, p. 2], а использование продолжалось вплоть до X в. н.э. [Charvát, 1980, p. 51].

За 16 лет работы экспедиции ЦЕИ РАН в Мемфисе (Ком Туман, Ком Дафбаби, Телль Азизия) [Белова, 2009], [Крол, 2009], [Ivanov, 2007], [Ivanov, 2015], [Yarmolovich, 2015] было найдено 43 фрагмента сосудов с изображением Бэса, а также один целый кувшин. В данном докладе будут представлены результаты изучения этих сосудов с точки зрения их глиняного теста, форм (в т.ч. реконструкции некоторых из них), контекста и датировок на основе керамического материала ЦЕИ РАН из Мемфиса. Сорок два объекта датированы эпохой Позднего периода (664–332 гг. до н.э.). Однако датировка двух других сосудов является дискуссионной. С одной стороны, они имеют признаки сосудов эпохи Нового царства, но в то же время их контекст обнаружения указывает на более позднюю датировку.

Библиографический список

- Белова Г.А. Ком Туман (Мемфис) // Культура Египта и стран средиземноморья в древности и средневековье : сборник статей памяти Т.Н. Савельевой. – М., 2009.
- Крол А.А. Базы колонн из Мемфиса // Культура Египта и стран средиземноморья в древности и средневековье : сборник статей памяти Т.Н. Савельевой. – М., 2009.
- Ходжаш С.И. Изображения древнеегипетского бога Бэса : каталог. – М., 2004.
- Dasen V. Dwarfs in Ancient Egypt and Greece. – Oxford, 1993.
- Ivanov S.V. Anthropomorphic figurines found at Kom Tuman (Memphis) // Abusir and Saqqara in the Year 2005. – Prague, 2007.
- Ivanov S.V. Offerings and Crocodiles at Pottery Offering Trays from Memphis // And the Earth is joyous... Essays in Honour of Galina A. Belova = И земля в ликовании... : сборник статей в честь Г.А. Беловой. – М., 2015.
- Kaiser K.R. Water, Milk, Beer and Wine for the Living and the Dead: Egyptian and Syro-Palestinian Bes-vessels from the New Kingdom through the Graeco-Roman Period. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Near Eastern Studies in the Graduate division of the University of California, Berkeley. 2003 (unpublished). – Berkeley, 2003.
- Lexikon der Ägyptologie. Band I. – Wiesbaden, 1975.
- Von Beckerath J. Chronologie des pharaonischen Ägypten: die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. – Mainz am Rhein, 1997.
- Yarmolovich V.I. Dating the Bes vessels from the CES RAS excavations at Kom Tuman // And the Earth is joyous... Essays in Honour of Galina A. Belova = И земля в ликовании... : сборник статей в честь Г.А. Беловой. – М., 2015.